КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ТОМЪ XXXII.

1891 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 15-го января 1891 г.

Лубенскій полковникъ Максимъ Илляшенко.

ИЗЪ ИСТОРІИ СЕЛЪ и СЕЛЯНЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ МАЛОРОССІИ.

Послѣ освобожденія Малороссіи отъ польской зависимости, народъ рѣшилъ, что прежнія крѣпости на земельныя имѣнія „козацкою шаблею скасованы“ и что засимъ земля можетъ принадлежать только народу, прогнавшему поляковъ и завоевавшему себѣ свободу. Дѣйствительно, всѣ крѣпости, по которымъ поляки владѣли имѣніями въ Малороссіи, были „скасованы“, потому что сами владѣльцы частью были прогнаны, частью убиты, а принадлежавшія имъ земли перешли въ неограниченное владѣніе сидѣвшаго на нихъ крестьянства. Но кромѣ поляковъ были въ Малороссіи и другіе владѣльцы: монастыри и отчасти—православная шляхта. Монастырское землевладѣніе Хмельницкій началъ подтверждать чуть не въ первый годъ начатой съ поляками войны. Православная шляхта выждала нѣкоторое время, пока прошло первое возбужденіе народа, и тоже обратилась къ Хмельницкому за подтвердительными универсалами. Но маетностей, подтвержденныхъ монастырямъ и православной шляхтѣ, было сравнительно немного. Огромное большинство селъ оставалось послѣ изгнанія поляковъ все таки свободнымъ отъ владѣльцевъ и народъ мнилъ себя нѣкоторое время единственнымъ владѣльцемъ земельныхъ богатствъ... Но такое положеніе вещей долго продолжаться не могло. Козацкая старшина, освоившись съ тою властью, которая начала сосредоточиваться въ ея рукахъ, стала эту власть расширать и съ помощью ея стала захватывать и свободныя земли, и сидѣвшихъ на нихъ крестьянъ. Послѣдніе уступали не безъ со-

противленія. Старшинскіе захваты стали узаконяться гетманскими универсалами и къ концу XVII в. старшинѣ было роздано столько маетностей, что Мазепа, въ виду „прореканія посполъства“, началъ было отбирать ихъ отъ лицъ безвліятельныхъ назадъ. По этому поводу гетманъ писалъ въ Москву, въ 1692 г.,—„о отданныхъ маетностяхъ разнымъ особамъ такъ у себя мы, гетманъ, съ старшиною и съ полковниками разсудили: которые особы (изъ старшины) еще въ войску и въ народѣ мнятся быть къ службѣ негодны, а за нашими универсалами къ маетностямъ приобщилися, тѣхъ угодно бы отъ того владѣнія отставити... И какъ уже нѣкоторыхъ такихъ въ полтавскомъ полку отъ маетностей оставили есмы... и тѣ маетности въ общую городовую власть привратили, *угождая тому, дабы посполъство прореканія не чинило...*“ Но такія распоряженія ограничивались единичными случаями. Видно, что Мазепа вынужденъ былъ такъ дѣйствовать подъ давленіемъ угрозъ, которыя слало ему Запорожье... [1]). Между тѣмъ старшина, не ограничиваясь землями, на которыхъ сидѣли крестьяне, стала простирать руки и къ землямъ козачьимъ... Протестъ козаковъ вызвалъ интересный универсалъ Мазепы, написанный въ ноябрѣ 1691 г., въ которомъ гетманъ пояснялъ старшинѣ, далѣе какихъ предѣловъ не должны простираться ея вожделѣнія. Донесено намъ, писалъ Мазепа, что нѣкоторыя какъ духовныя, такъ и свѣтскія особы, получивъ, по милости Божьей и монаршей и нашему изволенію, маетности, не обращаютъ вниманія ни на здѣшнія малороссійскія обыкновенія, ни на войсковые порядки и неугодливо поступаютъ съ жителями тѣхъ маетностей: тяглыхъ крестьянъ безъ мѣры отягчаютъ повинностями, а козаковъ приневоливаютъ въ крестьянство... И если который козакъ силится остаться въ войсковыхъ спискахъ, такого владѣлецъ маетности начинаетъ разными способами тѣснить, стараясь или приневолить его къ переходу въ „мужицство“ или совсѣмъ вытѣснить изъ своей маетности. А кромѣ того, слышимъ мы, что нѣкоторые владѣльцы маетностей, развѣдавъ—какія изъ козачьихъ земель въ ихъ селахъ принадлежали за польской дер-

---

[1]) Подробности см. у Костомарова, Мазепа и Мазепинцы, стр. 93 и слѣд.

жавы „панамъ“, стали отбирать эти земли подъ свою власть. Эти дѣйствія владѣльцевъ маетностей противны и праву войсковому, и волѣ нашей гетманской, потому что тѣ земли, которыя отвагою „рыцарства войска запорожскаго“ отняты въ войну Хмельницкаго у польскихъ пановъ и немалое время уже находятся въ козацкомъ владѣніи, не могутъ быть у козаковъ отнимаемы. Всѣмъ извѣстно, что война Хмельницкаго и начата была какъ за вѣру святую и церкви православныя, обращенныя въ „римскую“ унію, такъ и за войсковыя вольности, которыя ярмомъ тяжкимъ были придавлены. По этому одному нельзя отнять права у нашихъ „отважниковъ“ на владѣніе всѣмъ тѣмъ, что̀ ими тогда было завоевано саблей и кровью... Въ силу этого симъ нашимъ универсаломъ приказываемъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина людямъ, чтобы они власть свою при владѣніи маетностями выражали „мѣрно“, какъ слѣдуетъ по „малороссійскому обыкновенію“, не чиня подданнымъ разныхъ вымысловъ и тяжестей, особливо дабы козаковъ, изстари въ тѣхъ маетностяхъ живущихъ, не притѣсняли и земель, издавна ими владѣемыхъ, не отнимали, хоть бы и доказано было, что тѣ земли при полякахъ были „панскія“ [1]).

Гетманъ публично признавалъ безспорность права половины народа (козаковъ) на находившуюся въ его владѣніи землю, но тѣмъ не менѣе это признаніе обращалось въ мертвую букву, потому что всѣ гетманскія распоряженія въ защиту народа должны были оставаться безъ результата, такъ какъ за исполненіемъ этихъ распоряженій должна была наблюдать та самая старшина, противъ которой направлялись подобные приведенному универсалы.

Процессъ порабощенія народа старшиною продолжался безостановочно, несмотря на всѣ распоряженія власти какъ мѣстной, такъ и центральной. Съ одной стороны захватъ маетностей съ жившими въ нихъ крестьянами, а съ другой—„скупля“ козачьихъ

---

[1]) Универсалъ Мазепы, изъ котораго взятъ приведенный отрывокъ, записанъ въ бориспольскихъ „мѣскихъ“ книгахъ XVII в., рукописью которыхъ, находящеюся въ собраніи барона Шодуара (м. Ивница, житомирскаго уѣзда), мы пользовались при обязательномъ посредствѣ Н. И. Петрова. См. Извѣстія Цер. арх. общ. за 1888 годъ, стр. 21.

земель и обращеніе ихъ владѣльцевъ въ „подсосѣдковъ“, составляютъ едва не главное содержаніе той части исторіи Малороссіи въ періодъ гетманщины, которая остается еще не написанною... Какъ извѣстно, процессъ подчиненія народа старшинѣ закончился указомъ 3 мая 1783 года.

Какъ производился старшиною захватъ маетностей, въ какое отношеніе становилась она къ народу и какое сопротивленіе оказывалъ при этомъ народъ—объ этомъ и говорятъ приводимые здѣсь эпизодическіе очерки изъ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи.

---

1. Село Грицовка [1]).

Село Грицовка, расположенное по берегу незначительной рѣчки Лисогора, возникло въ первой половинѣ XVII в. и первое время, при гетманахъ, находилось въ „послушаніи“ ратуши сотеннаго мѣстечка Срѣбнаго, т. е. грицовскіе крестьяне помогали своему сотенному мѣстечку въ исполненіи разнаго рода „общенародныхъ повинностей“. Затѣмъ, при Мазепѣ, село это попало во владѣніе какого-то Аѳанасія Мокіевскаго, вѣроятно родственника Мазепы, котораго мать была изъ рода Мокіевскихъ [2]). Но послѣ измѣны Мазепы, всѣ родичи его были устранены отъ владѣнія маетностями и Грицовку сейчасъ же послѣ этого (въ 1709 г.) выпросилъ у новопоставленнаго гетмана Скоропадскаго прилуцкій полковой писарь Андрей Себастіановичъ; а послѣ его смерти (въ 1718 г.) Грицовка, вмѣстѣ съ другими маетностями, перешла къ сыновьямъ Андрея—Ивану, Василію и Матвѣю. По малолѣтству послѣднихъ двухъ, старшій братъ Иванъ захватилъ большую часть отцовскихъ имѣній, въ томъ числѣ и Грицовку, и владѣлъ ими, не дѣлясь съ братьями, лѣтъ двадцать. Вотъ въ это время и случились тѣ „препреканія“ гри-

---

[1]) Прилуцкаго уѣзда, полтавской губерніи.

[2]) Можетъ быть Аѳанасій Мокіевскій былъ сынъ кіевскаго полковника Константина Мокіевскаго, сыну котораго Мазепа могъ дать маетность по родству, „за службы отца“, какъ тогда говорилось.

цовскихъ жителей съ владѣльцемъ ихъ села, о которыхъ мы здѣсь разскажемъ.

Учрежденіе Петромъ В., въ 1722 г., малороссійской коллегіи возбудило въ народѣ большія надежды на улучшеніе его соотношеній съ старшиною. Въ данной царемъ президенту коллегіи инструкціи, между прочимъ, говорилось: „ежели усмотрѣно будетъ, что генеральная старшина и полковники козаковъ и посполитыхъ людей впредь отягощать станутъ работами и прочими трудностями, и хотя отъ нихъ козаковъ и челобитья не будетъ, и оное коллегіи, съ совѣту г. гетмана, пристойнымъ образомъ отвращать, а поспольству въ томъ помогать по истинѣ“. Этотъ и другіе пункты той же инструкціи возбудили во многихъ мѣстахъ Малороссіи крестьянскія волненія. Болѣе замѣтныя волненія возникли въ тѣхъ селахъ, державцы которыхъ отличались суровостью своихъ отношеній къ крестьянамъ. Иванъ Себастіановичъ былъ однимъ изъ самыхъ суровыхъ державцевъ; сама мать его писала, что онъ „бивалъ своихъ подданныхъ кіями, безъ всякой пощады“. Въ Грицовкѣ было нѣсколько крестьянъ, происходившихъ изъ козаковъ. Они первые попробовали—нельзя ли, при помощи коллегіи, вернуться въ козачество и тѣмъ избавиться отъ насилій Себастіановича. Между ними былъ и Степанъ Быховецъ, который подалъ въ апрѣлѣ 1727 г. въ генеральную канцелярію такое прошеніе: „будетъ тому нѣсколько годъ, якъ я въ с. Грицовкѣ, маетности бунчуковаго товарища Ивана Себастіановича, сталъ жить и всякія подданническія повинности отбывать даже до сихъ поръ. А нынѣ, когда я пожелалъ себѣ козацкую отбывать повинность съ грунта козацкаго, для того, что дѣдъ мой и отецъ козаковали и въ компутахъ (спискахъ) полковыхъ прилуцкихъ вписаны, то владѣлица с. Грицовки, Ивана Себастіановича жена, о томъ извѣстившись (самъ Себастіановичъ былъ въ это время въ гилянскомъ походѣ), приказала людямъ своимъ—меня и сыновъ моихъ бить, которые въ томъ бою мене съ сынами окровавили, а женѣ моей голову розбили. Да сверхъ того бою, взяла она, Себастіановичка, у меня изъ скота товару рогатаго—9, овецъ 24 и коня одного“. Въ заключеніе, Быховецъ просилъ „принять его въ козацкій ком-

путь". По этому прошенію генеральная канцелярія навела справку—какъ записанъ Быховецъ по ревизіи 1723 г., и когда оказалось, что онъ записанъ „между посполитыми подданными бунчуковаго товарища Ивана Себастіановича", то въ просьбѣ Быховцу отказала. Тогда Быховецъ обратился въ коллегію, жалуясь, что генеральная канцелярія неправильно отказала ему въ козачествѣ, не справившись съ старыми компутами и руководствуясь одною лишь ревизіею 1723 г. Коллегія навела лучшія справки и въ іюнѣ 1727 г. выдала Быховцу копію своего указа на имя прилуцкаго полковника, что „по справкѣ съ козацкими компутами прошлыхъ 1695 и 1715 гг., въ полковой прилуцкой сотнѣ, куреня мульковскаго (с. Молекъ) написанъ отецъ Степана Быховца, Иванъ Быховецъ—атаманомъ, а братъ родной Петръ—козакомъ. А по именному указу 1722 г., велѣно таковыхъ, по справкѣ съ прежними давними и нынѣшними козацкими реестрами, по ихъ челобитью, писать въ козаки по прежнему; и того ради о написаніи Степана Быховца въ козацкіе компуты и о выключеніи изъ подданства, и чтобъ владѣлецъ впредь до него въ подданническихъ повинностяхъ не интересовался, послать къ тебѣ, полковнику прилуцкому, указъ..." Кромѣ того, въ указѣ значилось, чтобы Галаганъ распорядился о возвращеніи Быховцу отнятаго у него Себастіановичкою скота. Получивъ этотъ указъ, Быховецъ отказался отъ „послушенства" Себастіановичамъ. По этому случаю младшій братъ Ивана Себастіановича, Матвѣй (служившій въ это время канцеляристомъ въ генеральной канцеляріи), въ концѣ 1727 г., жаловался Апостолу: „изъ посполитыхъ селянъ сельца Грицовки, Леско Цигуренко, Юско Мирошникъ и Давидъ Романченко, наполнясь какимъ то легкомысліемъ и стремясь выбиться изъ крестьянства въ козачество, отказались отъ послушанія, а между тѣмъ продолжаютъ жить на мужицкихъ грунтахъ. До сего-жъ году, того жъ сельца Грицовки житель Степанъ Быховецъ, смотря на реченныхъ самовластниковъ, изстари мужикомъ будучи, билъ челомъ передъ симъ въ генеральную канцелярію, также желая попасть въ козаки; а потомъ, повинившись, тутъ же въ генеральную канцелярію подалъ мировое челобитье, выразивши

именно, что останется по прежнему, какъ и былъ, мужикомъ. Когда жъ повернулся тотъ Быховецъ отсюда (изъ Глухова) въ домъ свой и тамъ хотѣли его „скарать“ (наказать) за тое, что не хотѣлъ послушенствовать, то онъ, заупрямившись, снова пріѣхалъ въ Глуховъ, и мимо генеральной канцеляріи, билъ челомъ о своемъ козачествѣ въ бывшую коллегію, гдѣ безъ всякаго розыску и допросу моего, написано того Быховца въ козаки...“ Затѣмъ Себастіановичъ проситъ гетмана произвести слѣдствіе какъ о козачествѣ Цигуренка и другихъ, такъ и о побояхъ, нанесенныхъ Быховцомъ людямъ Себастіановичей. По этой просьбѣ высланы были въ Грицовку, полковой есаулъ Панкевичъ и бунчуковый товарищъ Прокоповичъ, изъ произведеннаго которыми слѣдствія—приводимъ здѣсь лишь то, что оказалось по дѣлу Быховца. Когда слѣдователи спросили послѣдняго—почему онъ считаетъ себя козакомъ, то онъ отвѣчалъ, что отецъ его козаковалъ въ сосѣднемъ селѣ Молькахъ, да и братъ меньшій, Петръ, записанъ въ компутѣ полковомъ полковника Дмитрія Горленка; а онъ Степанъ Быховецъ, передъ дорогимъ годомъ [1]), отъ отца въ с. Харитоновкѣ женился и „прислушалъ до ратуши срѣбрянской, потому что Харитоновка принадлежитъ той ратушѣ. А оттуда перезвалъ его въ Грицовку, Аѳанасій Мокіевскій, бывшій владѣлецъ грицовскій, и поставилъ его надъ своею маетностію „господаремъ“, и господаровалъ онъ, Быховецъ, у Мокіевскаго шесть лѣтъ. А живя въ Грицовкѣ, купилъ онъ себѣ тамъ грунтъ, у грицовскихъ посполитыхъ Дробковъ...“ Спрошены были Дробки—чей грунтъ продали они Быховцу?—Тотъ грунтъ, гдѣ живетъ теперь Быховецъ, отвѣчали Дробки, называется Походнящина и былъ тотъ грунтъ козацкій, какъ говорилъ имъ отецъ, купившій тотъ грунтъ около ста лѣтъ назадъ. Распросили затѣмъ слѣдователи и о тѣхъ побояхъ, которые нанесены были Быховцемъ людямъ Себастіановича. Ѳедоръ Василенко, войтъ грицовскій, объ этомъ разсказалъ такъ: какъ приказала мнѣ „панѣ“, чтобъ я изготовилъ на панщину шесть подводъ,

---

[1]) Часто упоминаемый въ актахъ первой половины XVIII в. „дорогой годъ“ былъ, кажется, 1690-й.

пошелъ я и до Быховца, чтобы и онъ ѣхалъ; но Быховецъ мнѣ отвѣтилъ: „не пойду я на панщину, бо я теперь босый, чоботъ нема!“ А когда я донесъ панеи объ отказѣ Быховца, такъ она велѣла взять за то у Быховца двое коней; а какъ привели тѣхъ коней въ дворъ, такъ пани приказала еще для коней взять у Быховца и сѣна. За сѣномъ былъ посланъ староста верхомъ на быховцовомъ конѣ, и—какъ пріѣхалъ онъ къ Быховцу, тотъ коня сейчасъ отнялъ, а старосту, взявъ за волосы, ударилъ ó-земь и билъ его кулаками, сколько захотѣлъ... Вернувшись во дворъ, староста крикнулъ панеи: „ты посылаешь насъ грабить людей, а насъ за то бьютъ!“ Тогда пани приказала старостѣ идти къ Быховцу уже съ людьми, чтобъ позвать его самаго во дворъ, а если не пойдетъ, то привести силою. Пошли къ Быховцу снова. Но тотъ, вмѣстѣ съ сыновьями, встрѣтилъ людей цѣпами... И избили Быховцы людей тѣхъ сильно: старостѣ и еще одному разбили головы, другому посланному — перебили руку, да и остальнымъ досталось... Спросили слѣдователи и Быховца, чтобы тотъ самъ разсказалъ кàкъ было дѣло; но тотъ не захотѣлъ отвѣчать, а только сказалъ: „не слушаю я васъ! мы еще обождемъ счастливаго вѣтру!“ На другой день снова былъ позванъ Быховецъ, которому предложили указать хотя свидѣтелей драки. „Нѣтъ у меня свидѣтелей“, отвѣчалъ Быховецъ, „а дѣло было такъ: какъ пришли панскіе люди ко мнѣ во дворъ, чтобы пограбить [1]), то я грабежа не далъ и оттого случилась драка съ моими дѣтьми. А когда Михайло Хуторненко ударилъ мою жену палкою по головѣ и я увидѣлъ, что она упала, облитая кровью, такъ я крикнулъ дѣтямъ—гнать панскихъ людей изъ двора! При этомъ мы и били людей, выгоняя йхъ на улицу“. Къ этому Быховецъ добавилъ, что въ то время, когда происхо-

---

[1]) Слово „грабить“ употреблено здѣсь въ смыслѣ—насильно взять въ подлежащемъ „грабежу“ дворѣ что-нибудь изъ домашней рухляди, въ залогъ исполненія того или другаго требованія властей. Сельскіе урядники въ Малороссіи и теперь, посылая „гонителей“ (нѣчто въ родѣ помощниковъ сборщиковъ податей) взыскивать съ крестьянъ подати, приказываютъ имъ, въ случаѣ неплатежа, „пограбить“ недоимщиковъ, т. е. взять у нихъ какую нибудь одежду или что другое, чтобы тѣмъ заставить скорѣе заплатить подати.

дила эта драка, у него еще не было указа коллегіи объ исключеніи изъ крестьянства. А потомъ была еще и другая драка, когда, выхлопотавши указъ о козачествѣ, онъ, Быховецъ, вернулся изъ Глухова, такъ снова присылалъ за нимъ самъ Иванъ Себастіановичъ, вернувшійся изъ гилянскаго похода, чтобъ шелъ во дворъ и показалъ указъ, по которому онъ отказывался „отдавать послушаніе“. Присланному за нимъ войту Быховецъ отвѣчалъ: „не пойду я къ твоему пану! есть у меня панъ полковникъ, а твоего пана я не слушаю!“ За такой отвѣтъ Себастіановичъ послалъ старосту съ войтомъ въ „череду“ (стадо) „пограбить“ пару воловъ Быховца. Услыхавъ объ этомъ, Быховецъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ сосѣдей, побѣжалъ къ стаду и, заставъ тамъ войта, билъ его цѣпомъ по плечамъ, но билъ немного, потому что отпросила войта дочь Быховца, говоря: „не бей, тату! человѣкъ этотъ передъ нами ничѣмъ не виненъ!“

Въ такомъ видѣ слѣдствіе представлено было гетману съ заключеніемъ, что всѣмъ просителямъ, кромѣ Быховца, слѣдуетъ отказать въ козачествѣ, Быховца же, признавъ козакомъ, наказать за то, что пересталъ слушать своихъ пановъ прежде полученія указа коллегіи. Заключеніе слѣдователей было утверждено Апостоломъ.

Только что кончили Себастіановичи дѣло съ крестьянами, искавшими козачества, какъ началось у нихъ въ Грицовкѣ, другое дѣло, уже со всѣми остальными крестьянами. Грицовское поспольство, не дождавшись отъ коллегіи никакихъ облегченій въ „работизнахъ“, рѣшило просить этихъ облегченій у новаго гетмана, Апостола. Въ октябрѣ 1728 г., всею „громадою“ Грицовки подано было гетману слѣдующее прошеніе: „мы, грицовскіе подданные пана Ивана Себастіановича, доносимъ вашей ясневельможности, о причиняемыхъ намъ отъ него обидахъ: въ сѣнокосное время держитъ онъ насъ на своихъ сѣнокосахъ недѣль по семь и притомъ на нашихъ харчахъ, а какъ не станетъ у насъ харчей, то выпрашиваемъ хлѣбъ по сосѣднимъ хатамъ, потому что панскіе дозорцы—домой за хлѣбомъ не пускаютъ ходить. Въ „жнива“ накидаетъ на каждую семью—сжать копъ по 10, 15 и по 20, одной ржи, кромѣ яроваго хлѣба. А

когда попросимъ панскихъ дозорцовъ, чтобы и намъ дано было немного времени—накосить сѣна и нажать хлѣба на своемъ полѣ, такъ дозорцы отвѣчаютъ: „намъ дѣла нѣтъ до вашего хлѣба, пусть онъ хоть погніетъ, лишь бы панское было собрано!“ А староста панскій грозитъ намъ: „велитъ мнѣ панъ, чтобъ я выгонялъ изъ хаты каждый день по работнику; и—если хоть годъ проживу я у пана, то всѣхъ васъ поровняю, богатыхъ съ бѣдными!“ Каждый годъ сгоняютъ насъ орать панскія поля своими плугами; весною—на недѣлю и въ петровку—на недѣлю. А какъ настанетъ зима, то отдаетъ панъ для прокорму на дворъ—по коню или по двое рогатаго скота. А случится, что волкъ съѣстъ эту скотину или воръ украдетъ, то панъ беретъ за такую скотину вдвое. Такъ Василь Сущенко за кобылку-двухгодовалку, которую задавилъ волкъ въ хлѣву, заплатилъ шесть копъ, Ѳедоръ Рудь за украденнаго бычка, заплатилъ четыре съ половиною копы... Пригнаны были разъ изъ другаго села въ Грицовку панскіе волы; на другой день будто не досчитались одного вола, такъ панъ взялъ за того вола съ войта Кузьменка восемь копъ, а войтъ въ то время и въ дворѣ не былъ и совсѣмъ не зналъ былъ ли тотъ волъ и пригнанъ, за котораго панъ взялъ деньги. Да съ тѣмъ же Кузьменкомъ помѣнялся панъ на коней и договорился дать въ придачу два талера (1 р. 20 к.), но и копѣйки не далъ. У многихъ крестьянъ порубилъ панъ лѣса. У Прохоренка срубилъ лѣсокъ за то, что поповъ гусь ходилъ на панское гумно и что того гуся Прохоренко позволилъ попу взять съ гумна; а срубленный лѣсъ стоилъ золотыхъ сорокъ. Сторожей ежедневно трехъ высылаемъ: двухъ въ панскіе дворы, а третьяго—въ шинокъ къ жиду. А какъ жидъ сбѣжалъ изъ шинка, такъ за недоставшую водку заплатили мы, селяне, и при этомъ платили и тѣ, которые и въ шинкѣ никогда не бывали... А въ этомъ году въ февралѣ, когда выгнали насъ на панщину, сѣно возить, такъ староста приказалъ, чтобы днемъ возили панское сѣно, а ночью—чужое. И набрали мы ночью у срѣбрянской жительки Калинки сѣна на всѣ подводы и привезли то сѣно въ панскій дворъ... А Калинка нашла свое сѣно по слѣду и пожаловалась нашему пану,

который, будто ничего не зная, созвалъ насъ всѣхъ и приказалъ присягать, что именно привезли то сѣно на его дворъ. И не присягали потому только, что одинъ хлопецъ видѣлъ, какъ везли мы Калинкино сѣно на панскій дворъ и разсказалъ объ этомъ. А за то сѣно Калинка взяла одного коня у Жаданенка, а другаго—у Шибѣки, и работала она тѣми лошадьми семь недѣль, пока за то сѣно мы не заплатили ей.

Спрошенный по этой жалобѣ Себастіановичъ большею частію отрицалъ обвиненія крестьянъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ объяснялъ, что такъ дѣлается „по давнему обыкновенію". О сѣнѣ, взятомъ у Калинки, онъ отвѣтилъ: „я не зналъ о сѣнѣ, взятомъ у Калинки; а когда срѣбрянская ратуша выслала своего войта, чтобы разслѣдовать дѣло, такъ войтъ обвинилъ моего „господаря", которому я назначилъ заплатить за сѣно, 80 золотыхъ; а когда деньги заплатили Калинкѣ, такъ и лошади были возвращены крестьянамъ..." Изъ этого отвѣта видно, что за украденное для Себастіановича сѣно заплатили деньги крестьяне; а что украдено было сѣно у Калинки съ вѣдома Себастіановича, видно изъ жалобы одного козака Яненка, который былъ избитъ Себастіановичемъ за то, что будто онъ разсказалъ Калинкѣ—что украденное у нея сѣно свезено къ Себастіановичу, въ дворъ. Никакой вины въ дѣйствіяхъ Себастіановича гетманъ не усмотрѣлъ, почему и распорядился, чтобы прилуцкій полковникъ, вызвавъ изъ Грицовки въ Прилуку „возмутителей", сначала бы ихъ „по приличію", наказалъ, а потомъ—приказалъ бы имъ во всемъ слушать Себастіановичей. За „возмутителями" полковникъ послалъ въ Грицовку сотеннаго хоружаго; но грицовцы отвѣчали, что не поѣдутъ и—не поѣхали. Полковникъ послалъ въ другой разъ значковаго товарища Донца, уже съ козаками, приказавъ Донцу только прочесть передъ грицовцами гетманскій приказъ. Но и это порученіе не могло быть исполнено. Ставъ квартирою у Себастіановичей, Донецъ послалъ за крестьянами, чтобъ тѣ шли въ панскій дворъ для выслушанія гетманскаго приказа; но крестьяне не только не пошли, а собравшись „громадою", вооружились цѣпами и стали ждать чтó дальше будетъ Донецъ дѣлать... Тотъ пошелъ самъ къ гро-

мадѣ и прочелъ ей гетманское рѣшеніе на ихъ жалобу.—„Не будемъ слушать Себастіановича", отвѣчали крестьяне, „пока не услышимъ о томъ приказа отъ самаго гетмана!" Вернувшись на квартиру, Донецъ приказалъ позвать войта, чтобы тотъ распорядился—дать козакамъ его харчей и сѣна. Войтъ не послушалъ. Тогда Донецъ послалъ своего козака взять сѣна изъ ближайшаго двора, но тамъ хозяинъ встрѣтилъ посланнаго вилами. Донецъ приказалъ взять этого крестьянина и „забить въ колодки". Услыхавъ объ этомъ, громада подошла къ панскому двору и стала требовать освобожденія забитаго въ колодки; а когда Донецъ отказалъ, то громада направилась къ священнику попросить благословенія бить набатъ, („благословитись гвалтъ въ дзвони бити"). Разбуженный священникъ (дѣло было уже ночью) попробовалъ было успокоить народъ, но онъ, ничего не слушая, пошелъ къ церкви и началъ „гвалтъ бити"... Грицовскій козачій атаманъ, услыхавъ, что бьютъ набатъ, прибѣжалъ къ церкви и встрѣтилъ тамъ „громаду мужиковъ съ цѣпами и вилами", часть которой побѣжала къ панскому двору. Увидавъ атамана, крестьяне послали его къ Донцу, чтобъ тотъ немедленно освободилъ взятаго крестьянина. Донецъ отказалъ и атаману. Тогда толпа сама подошла къ панскому двору и требуя забитаго въ колодки, кричала, что хоть цѣлую сотню пришлютъ изъ Прилуки, то они не позволятъ взять его изъ села. Видя расходившуюся толпу, Донецъ отпустилъ взятаго крестьянина, а самъ поспѣшилъ уѣхать изъ Грицовки. Чѣмъ кончился протестъ грицовскихъ крестьянъ, подробностей изъ архивныхъ бумагъ не видно, но, конечно, гетманскій приказъ бытъ исполненъ и грицовцы стали отдавать Себастіановичамъ надлежащее послушаніе...

---

2. Село Озеряне [1]).

Озеряне возникли, повидимому, во второй половинѣ XVII в., такъ какъ только въ 1703 г. строилась здѣсь первая церковь. Будучи незначительнымъ сельцомъ, Озеряне до начала XVIII в.

---

[1]) Лохвицкаго уѣзда, полтавск. губ.

оставались свободными. Намѣтилъ ихъ только Игнатій Галаганъ, ставъ прилуцкимъ полковникомъ, и въ продолженіе десяти лѣтъ окончательно завладѣлъ Озерянами при слѣдующихъ обстоятельствахъ, какъ разсказали сами озерянцы въ 1724 г.

„Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда Андрей Себастіановичъ [1]) не имѣлъ еще никакого старшинскаго чина, а держалъ въ Озерянахъ только „оранду“ (корчму или шинокъ), пріѣхалъ онъ разъ въ наше село и созвавши всѣхъ селянъ „до оранды“ своей (т. е. въ корчму), сталъ просить, чтобъ позволили ему—„занять леваду“ надъ Мамотовымъ ставомъ, на вольной сельской землѣ, и хуторокъ тамъ построить. При этомъ, Себастіановичъ обѣщалъ дать зато на нашу церковь, „золотыхъ десятокъ денегъ“, а церковь въ Озерянахъ тогда была еще не достроена. Озерянцы и позволили ему занять ту леваду. Занявши леваду, Себастіановичъ денегъ на церковь не давалъ да и леваду недолго продержалъ, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ „въ чинъ старшинства случай его позвалъ“ и онъ въ это же время, по сосѣдству, въ Брагинцахъ, сталъ „хуторомъ осѣдать“. И запустѣла та левада, пока не насталъ полковникомъ панъ Игнатій Галаганъ. А какъ сталъ Галаганъ полковникомъ и случилось ему разъ съѣхаться у насъ въ Озерянахъ (это было въ 1718 г.) съ Себастіановичемъ, бывшимъ тогда уже полковымъ судьею. И какъ пошли мы, селяне, до пріѣхавшихъ пановъ на поклонъ, то и слыхали, какъ панъ полковникъ просилъ пана судью—подарить ему ту леваду, которую занялъ онъ у насъ, въ Озерянахъ. Судья исполнилъ просьбу полковника, говоря, что хоть озерянцы и позволили ему занять ту леваду, но она ему не нужна и при насъ же сказалъ: за вѣдомомъ сихъ же поселянъ, я „вашецѣ добродію, дарую!“ И тогда же панъ полковникъ, получивши отъ судьи тотъ „дарунокъ“, о томъ оповѣстилъ намъ, озерянскимъ обывателямъ. Эта левада и послужила для Галагана основою для завладѣнія всѣмъ селомъ. Какъ видно, стоило только вліятельному старшинѣ пріобрѣсть въ селѣ одинъ участокъ и посадить на немъ подсосѣдка, чтобы начать потомъ, съ помощью по-

---

[1]) См. выше, село Грицовку.

саженнаго своего человѣка, „скуплю“ козачьихъ и крестьянскихъ дворовъ и обращеніе бывшихъ хозяевъ ихъ въ подсосѣдковъ. Съ одной стороны льготы отъ „общенародныхъ“ повинностей, которыя вліятельный старшина обѣщалъ козаку или крестьянину, если тотъ продастъ ему свой дворъ и изъ свободнаго хозяина обратится въ „панскаго“ подсосѣдка, а съ другой стороны—незаконное пользованіе правомъ суда, когда тотъ или другой селянинъ „впадалъ въ проступство“ (большею частію—воровство и прелюбодѣяніе) и долженъ былъ судиться у своей старшины, были главными средствами, съ помощью которыхъ старшина производила „скуплю“ преимущественно козачьихъ дворовъ и заселеніе ихъ подсосѣдками—будущими „подданными“. Для избѣжанія нареканій за „скуплю“ со стороны гетмана или замѣнявшихъ его правителей, старшина старалась селить подсосѣдковъ на новыхъ мѣстахъ, а не въ старыхъ дворахъ. Купивъ въ селѣ участки, еще не бывшіе подъ поселеніемъ, новый пріобрѣтатель строилъ тутъ хаты, селилъ въ нихъ подсосѣдковъ, а потомъ—утверждалъ передъ властями, что онъ никакихъ дворовъ не скупалъ, а „посадилъ новую слободку“. Такъ старался дѣлать и Галаганъ, такъ сдѣлалъ онъ и въ Озерянахъ. Получивъ отъ Себастіановича въ этомъ селѣ леваду, Галаганъ года въ три-четыре, поселилъ въ Озерянахъ нѣсколько подсосѣдковъ и сдѣлалъ первую попытку подчинить себѣ и все остальное крестьянское населеніе Озерянъ. Подавъ, въ февралѣ 1722 г., челобитную въ коллегію иностранныхъ дѣлъ о выдачѣ царской грамоты на маетности которыми Галаганъ уже владѣлъ передъ тѣмъ, по универсаламъ гетмана, онъ включилъ въ число ихъ и Озеряне. А когда коллегія спросила Скоропадскаго—принадлежатъ ли Галагану перечисленныя въ его челобитной маетности, то гетманъ объ Озерянахъ отвѣчалъ: „Озерянами селомъ не вѣдаю коимъ образомъ онъ, полковникъ, завладѣлъ и тщится упросить на оное грамоту, ибо на тое село моего универсалу не имѣетъ“. По этому отвѣту гетмана, грамоты на Озеряне выдано не было. Между тѣмъ умеръ Андрей Себастіановичъ, вдова его вспомнила о подаренной въ Озерянахъ мужу левадѣ и стала заявлять претензію на поселенныхъ тамъ Гала-

ланомъ подсосѣдковъ. Въ февралѣ 1724 г., она жаловалась правителямъ генеральной канцеляріи: „въ прошломъ 1719 г., полковникъ Галаганъ, завладѣвшій самовольно селомъ Озерянами, осадилъ слободку на купленномъ при томъ селѣ мужемъ моимъ грунтѣ, а тою слободкою покойный гетманъ Скоропадскій владѣть мнѣ приказалъ, на что и выдалъ полковнику Галагану три указа; но онъ, полковникъ, по тѣмъ указамъ слободки мнѣ не уступилъ и владѣетъ ею съ того времени самъ..." Спрошенный по этой жалобѣ, Галаганъ отвѣчалъ: „леваду въ Озерянахъ, а не слободку, покойный судья Себастіановичъ, мужъ жалобщицы, подарилъ мнѣ при многихъ людяхъ озерянскихъ, которыхъ свидѣтельство, для доказательства, при семъ же прилагаю (изъ него и взятъ приведенный разсказъ озерянцевъ), а я на той левадкѣ позволилъ тамошнимъ же жителямъ озерянскимъ, *не для своего, а ради ихъ пожитковъ, огороды позанимать*". Въ этомъ объясненіи и состоялъ весь отвѣтъ Галагана, которому, повидимому, неудобно было въ данномъ случаѣ распространяться. Галаганъ здѣсь какъ будто отказывается даже отъ права своего и на леваду, несмотря на то, что за два года передъ тѣмъ онъ же просилъ грамоту на все крестьянское населеніе Озерянъ.

Приведеннымъ отвѣтомъ безсильные правители генеральной канцеляріи должно быть удовлетворились, потому что просьба вдовы Себастіановича не получила дальнѣйшаго движенія. А когда въ 1727 года. Галаганъ сталъ просить у новопоставленнаго гетмана Апостола дать ему одно изъ прилуцкихъ селъ, то гетманъ, отвѣчая отказомъ, замѣтилъ, что во владѣніи Галагана и безъ того уже имѣется болѣе 800 крестьянскихъ дворовъ и въ томъ числѣ 154 двора въ Озерянахъ. Отсюда и видно, что въ десять лѣтъ Галаганъ подчинилъ было себѣ въ Озерянахъ 150 дворовъ, безъ всякаго гетманскаго универсала. Не получилъ Галаганъ этого универсала и отъ Апостола, хотя послѣдній, какъ видно, признавалъ фактъ принадлежности ему Озерянъ. Поэтому Галаганъ снова попробовалъ обратиться непосредственно въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ просьбою о выдачѣ царской грамоты на пріобрѣтенныя безъ гетманскихъ универсаловъ владѣнія. Узнавъ объ этой просьбѣ Галагана, Апостолъ поручилъ находя-

щемуся въ Петербургѣ срѣбрянскому сотнику Троцинѣ узнать—на какія именно маетности Галаганъ проситъ грамоту?—Троцина отвѣчалъ, что ему удалось прочитать челобитную Галагана и онъ нашелъ нужнымъ подать туда же „спорную челобитную", въ которой, какъ прилуцкій полчанинъ, заявилъ, что названный Галаганомъ *хуторъ* Озерянскій есть старинное село Озеряне, въ которомъ болѣе 150 хатъ, которыми онъ, полковникъ, самовластно завладѣлъ... Такимъ образомъ Галагану снова помѣшали укрѣпить за собою Озеряне. Удалось ему укрѣпить за собою это село только въ 1737 г., когда Галаганъ выпросилъ себѣ на Озеряне не грамоту, а универсалъ отъ тогдашняго правителя Малороссіи А. И. Румянцева... Получивъ этотъ универсалъ, Галаганъ успокоился, зная, что актъ, выданный такимъ сильнымъ человѣкомъ, укрѣпляетъ за нимъ Озеряне безповоротно.

---

3. Село Дегтяри [1]).

Въ ревизіи 1729 г., о крестьянскомъ поселеніи села Дегтярей сказано: „посполитыхъ до ратуши належныхъ—5 дворовъ" и „*въ томъ же селѣ—слободка* п. полковника Игнатія Галагана—48 дворовъ". Видно, что ревизію 1729 г. писали люди умѣлые, умѣвшіе защитить интересы старшины. Ревизоры написали, что Галаганъ *поселилъ слободку въ селѣ.* Такъ нужно было написать, чтобы узаконить захватъ полковникомъ цѣлаго села. Хотя „слободъ" и нельзя уже было садить въ XVIII в., безъ гетманскаго разрѣшенія, но разъ слобода была посажена—некуда было ее дѣвать и она оставалась за тѣмъ, на чьей землѣ садилась; но захватить село въ свое владѣніе безъ гетманскаго универсала—было дѣло хлопотливое, какъ это мы видѣли на селѣ Озерянахъ. Ревизія 1729 г. произведена была исключительно съ цѣлью разслѣдовать правильность старшинскаго владѣнія маетностями (поэтому въ

---

[1]) Прилуцкаго уѣзда, полтавской губерніи.

ревизіи 1729 г. козаки и не показаны); отсюда и понятно—почему для Галагана важно было, чтобы Дехтяри показаны были его слободою. Разумѣется, что старое село нельзя было все назвать слободою,—подлогъ былъ бы очевиденъ; поэтому умѣлые ревизоры и показали нѣсколько крестьянскихъ дворовъ въ Дехтяряхъ за сотенною ратушею. Въ дѣйствительности, никакой Галагановской „слободки“ въ Дехтяряхъ не было, а были скупленные крестьянскіе и козачьи дворы, съ поселенными на нихъ подсосѣдками. „Скуплю грунтовъ“ въ Дехтяряхъ Галаганъ началъ уже съ 1716 г. [1]), и скупалъ здѣсь какъ козачьи, такъ и крестьянскіе дворы,—безразлично. Для образца проводимъ двѣ такихъ купчихъ. „Я, Агафья Коваленкова, чиню вѣдомо симъ моимъ писанемъ, что продала гай (лѣсъ) въ с. Дехтяряхъ п. полковнику прилуцкому за гроши, за полчварта золотыхъ ($3^1/_2$ з.=70 к. ас.), а тотъ гай она, Ковалиха, имѣетъ съ того еще времени какъ были вольные гаи; и дала она мировѣ за той гай: сало и десять квартъ горѣлки; и вольно обладать его мил. п. полковнику тѣмъ гаемъ, какъ своимъ собственнымъ“ (1733 г.). Другая купчая показываетъ, какъ скупались козачьи дворы: „мы, нижей именованные, чинимъ вѣдомо симъ нашимъ писанемъ, что хотя покойные отцы наши, а по нихъ и мы, козацко, а не посполито служачи, воинскую повинность до сихъ временъ отбывали, однакожъ теперъ, до крайняго убожества и скудости пришедши и не будучи въ силахъ впредъ службы козачей отбывать, продали мы его м. п. Игнатію Галагану, полковнику прилуцкому, дворовую землю нашу, на которой хаты наши построены, гдѣ мы продолжая жить, обязываемся служить п. полковнику *посполито, а не козацко,* и всякія повинности отбывать и на будущее время не повинны уже будемъ ссылаться на нашъ козацкій чинъ, чего ради и сіе наше писаніе до рукъ его мил. п. полковника прилуцкаго выдаемъ. Степанъ Манджуренко, Кирикъ Гриценко, жители дехтяревскіе“.—По ревизіи 1740 г., крестьянское населеніе въ Дехтяряхъ показано такъ: 1, посполитые свободные, скупленные полковникомъ прилуцкимъ Игнатіемъ Галаганомъ, въ 1736 г.,—1 двора и 2, „сло-

[1]) Прилуцкимъ полковникомъ Галаганъ сталъ въ 1715 г

бодка Дехтяровка полковника прилуцкаго Галагана, на купленной его землѣ осаженная",—39 дворовъ.—Здѣсь мы видимъ, что ревизоры крестьянское населеніе Дехтярей уже поголовно записали за Галаганомъ, но все таки обозначая несуществовавшую „слободку", на всякій случай, такъ какъ, вѣроятно, въ это время Галаганъ еще не имѣлъ крѣпости на это село...

Ал. Лазаревскій.

ОЧЕРКИ СТАРИННАГО БЫТА ВОЛЫНИ И УКРАИНЫ.

3. Превелебный сватъ [1]).

I.

Верстахъ въ 17-ти отъ Луцка, на рѣчкѣ Полонкѣ, среди холмистой мѣстности, лежитъ убогое село Несвичъ. Окруженное со всѣхъ сторонъ лѣсами, оно стыдливо прячется въ глубокой впадинѣ, словно сознавая, что его нынѣшній захолустный видъ нимало не соотвѣтствуетъ его историческому прошлому. Вѣдь было же время, когда это убогое село было родовымъ гнѣздомъ знаменитыхъ въ лѣтописяхъ Волыни князей Несвицкихъ, несомнѣнныхъ потомковъ одного изъ древнихъ удѣльныхъ княжескихъ родовъ! Въ XV ст. князья Несвицкіе настолько разбогатѣли и родъ ихъ такъ разросся, что изъ него выдѣлились четыре новыхъ княжескихъ фамиліи: Збаражскіе, Вишневецкіе, Порыцкіе и Воронецкіе. Тогда съ ними случилось то, что нерѣдко приходится наблюдать въ мірѣ растительномъ: молодые побѣги со временемъ росли и крѣпли, а старый стволъ сталъ хирѣть

1) Настоящій очеркъ представляетъ точный пересказъ судебнаго дѣла, отысканнаго нами въ луцкихъ актовыхъ книгахъ 1648 и послѣдующихъ годовъ (№ 2490, лл. 222, 291, 436; № 2492, л. 104 и др.). Сверхъ того мы пользовались очеркомъ А. Пршездѣцкаго „Nieświcz. Omelanik“, помѣщеннымъ въ 1 № „Atheneum“ 1844 г. и составленнымъ на основаніи копій тѣхъ же самыхъ документовъ, найденныхъ имъ въ коростышевскомъ фамильномъ архивѣ. Полубеллетристическая форма изложенія, отчасти заимствованная нами у Пршездѣцкаго, наиболѣе соотвѣтствуетъ обилію бытовыхъ подробностей, заключающихся въ самихъ матеріалахъ,—О. Л.

и чахнуть, и къ концу XVI ст. Несвицкіе окончательно выродились въ мелкихъ шляхтичей и утратили свой княжескій титулъ. Имъ не удалось удержать даже въ своихъ рукахъ древнее родовое свое гнѣздо: въ половинѣ XVII ст. Несвичъ принадлежалъ уже брацлавскому каштеляну Гавріилу Стемпковскому—человѣку пришлому, представителю той стаи польскихъ выходцевъ, которые такъ быстро умѣли богатѣть на южнорусской почвѣ.

Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ (6 февраля, 1648 г.), панъ каштелянъ хоронилъ свою мать. По этому случаю въ Несвичъ съѣхалась огромная масса и крупной, и въ особенности мелкой шляхты со всего волынскаго воеводства. Ждали самого воеводу, князя Адама Сангушка-Коширскаго, но его удержалъ въ Локачахъ злой приступъ подагры; за то прибылъ изъ Луцка его племянникъ ясне-превелебный ксендзъ - бискупъ аргивенскій, суффраганъ (викарій) луцкій, инфулатъ олыцкій, Николай Красицкій, который лично, въ сослуженіи нѣсколькихъ канонниковъ, правилъ похоронную службу въ несвицкомъ костелѣ, построенномъ уже новымъ владѣльцемъ.

Окончился печальный обрядъ, тѣло предали землѣ, и шляхта толпой повалила въ замокъ на поминальный обѣдъ.

Въ обширной столовой, на самомъ почетномъ мѣстѣ возсѣдаетъ ксендзъ бискупъ, человѣкъ еще не старый, высокаго роста и умѣренной полноты. Орлиный носъ, плотно сжатыя губы, густыя сросшіяся брови, поминутно вспыхивающіе стальнымъ блескомъ черные глаза—свидѣтельствуютъ о присутствіи въ этомъ человѣкѣ желѣзной воли или, лучше сказать, несокрушимаго упорства, невѣдающаго препятствій, и вмѣстѣ съ тѣмъ производятъ непріятное, отталкивающее впечатлѣніе, еще болѣе усиливающееся благодаря рѣзкому голосу и быстрымъ, порывистымъ движеніямъ бискупа, такъ мало соотвѣтствующимъ его сану. За тѣмъ же столомъ размѣстились канонники и болѣе почетныя лица изъ гостей: вельможный панъ Генрихъ Кашовскій, каштелянъ венденскій; князь Владиславъ-Доминикъ Заславскій, староста луцкій; князь Григорій Четвертинскій, подкоморій луцкій; панъ Андрей Линевскій, судья земскій луц-

кій; п. Филонъ Еловицкій, войскій владимірскій; Юрій Гораинъ, писарь земскій владимірскій, и другіе primores. Самъ хозяинъ не садился за столъ и поминутно переходилъ отъ одного стола къ другому.

Среди застольной бесѣды панъ Линевскій выразилъ удивленіе, что въ числѣ присутствовавшихъ не видно никого изъ пановъ Станишевскихъ, шляхтичей довольно богатыхъ и близкихъ сосѣдей хозяина. При одномъ упоминаніи этого имени въ глазахъ бискупа зажглись искры, и онъ такъ порывисто откинулся на спинку кресла, что дубовая мебель слабо заскрипѣла.

— Я хорошо знаю, почему нѣтъ здѣсь ихъ-мостей Станишевскихъ! Нечистая совѣсть не позволяетъ имъ являться туда, гдѣ они могутъ встрѣтиться со мной.

Всѣмъ присутствовавшимъ хорошо было извѣстно, на что намекалъ ксендзъ-бискупъ. Когда то онъ жилъ въ дружбѣ съ покойнымъ Яномъ Станишевскимъ, ключникомъ луцкимъ и секретаремъ королевскимъ, и послѣдній, умирая, назначилъ его, совмѣстно съ литовскимъ канцлеромъ княземъ Альбрехтомъ-Станиславомъ Радзивилломъ, опекуномъ своей малолѣтней дочери, удаливъ отъ права опеки родныхъ братьевъ, въ виду ихъ молодости. Бискупъ помѣстилъ малолѣтнюю сироту въ кляшторъ луцкихъ бригитокъ, а самъ принялся хозяйничать въ ея наслѣдственныхъ имѣніяхъ. Такъ прошло лѣтъ пять-шесть. Но вотъ братья Станишевскаго возмужали и поженились: Петръ взялъ Гальшку Гулевичевну [1]), а Войтехъ панну Подгороденскую. Они заявили свои законныя права на опеку надъ племянницей, и Петръ, какъ старшій, взялъ ее изъ кляштора и отобралъ въ свое распоряженіе ея имѣнія. Ганнуся (такъ звали сироту) какъ нельзя болѣе была довольна совершившейся перемѣной въ ея положеніи. Она успѣла выросги въ молодую дѣвушку, и къ ней стали навѣдываться уже и женихи. И теперь было два искателя ея руки: панъ Константинъ Гулевичъ и п. Янъ Линевскій, сынъ луцкаго судьи. Ходили слухи, будто первый пользовался преи-

---

[1]) Родственницу одноименной съ нею извѣстной благотворительницы кіевскаго Братскаго монастыря.

мущественнымъ расположеніемъ невѣсты и ея опекуна и что въ скоромъ времени, до наступленія великаго поста, должна состояться его свадьба. Слухи эти чрезвычайно волновали пановъ Линевскихъ и не столько самого жениха, сколько его отца, луцкаго земскаго судью. Упрямый и тщеславный старикъ не хотѣлъ ни-за-что примириться съ мыслью, что его сыну предпочтенъ какой-то мелкій шляхтичъ. Онъ самъ намѣтилъ панну Станишевскую въ невѣсты для своего сына, заранѣе оцѣнилъ всѣ выгоды, какія должны произойти, если присоединить ея наслѣдственныя имѣнія къ его собственнымъ маетностямъ (благо, ихъ земли были смежными) и заранѣе былъ увѣренъ, что Станишевскіе сочтутъ за особую честь породниться съ нимъ. И вдругъ, всѣ его разсчеты грозили разсѣяться дымомъ! Онъ рѣшился добиться своего не тѣмъ, такъ другимъ путемъ—и вошелъ въ сдѣлку съ бискупомъ. Какъ юристъ, Линевскій понималъ, конечно, что опекунскія права Красицкаго весьма шатки: литовскій статутъ категорически устранялъ отъ опеки лицъ духовныхъ, въ особенности же такихъ, которыя не имѣли недвижимой собственности въ томъ повѣтѣ, гдѣ жили опекаемые[1]); но онъ болѣе всего разсчитывалъ на рѣшительный характеръ бискупа, ибо зналъ по опыту, что отвага и рѣшительность иной разъ больше значили, чѣмъ отвлеченное право, и что законъ сплошь и рядомъ пасовалъ передъ принципомъ beati possidentes. Сегодняшняя встрѣча его съ бискупомъ въ домѣ Стемпковскаго, который, въ качествѣ двоюроднаго брата Линевскаго, заранѣе былъ посвященъ въ его планы и обѣщалъ ему полное содѣйствіе, представляла весьма удобный случай подбить, наконецъ, Красицкаго на что-нибудь болѣе рѣшительное, чѣмъ одни обѣщанія, и условиться относительно плана дѣйствія. Въ этихъ видахъ онъ и завелъ рѣчь о Станишевскихъ, и надо было видѣть, какимъ лукавствомъ свѣтились его глаза на заплывшемъ жиромъ лицѣ по мѣрѣ того, какъ горячился бискупъ.

— Мнѣ, а не братьямъ, небожчикъ панъ ключникъ довѣрилъ въ опеку свою дочь, гремѣлъ, между тѣмъ, суффраганъ

---

[1]) Лит. Статутъ 3-й ред., разд. VI, арт. 3.

луцкій,—и только потому, что мой духовный санъ не позволяетъ мнѣ держать при себѣ въ домѣ женщинъ, я равнодушно отнесся къ тому, что панъ Петръ Станишевскій насильно похитилъ ее изъ кляштора. Къ тому же, въ то время она была ребенкомъ. Но теперь, когда панна уже невѣста, я одинъ имѣю право распорядиться ея судьбой, и горе тому, кто захочетъ стать мнѣ поперекъ дороги! Панъ судья луцкій! при всемъ честномъ собраніи я торжественно повторяю свое прежнее обѣщаніе: рука панны Станишевской будетъ принадлежать вашему сыну и никому болѣе!

— Кланяюсь въ ноги ксендзу-бискупу и до гроба не позабуду его милостиваго ко мнѣ и къ моему дому расположенія,— умильнымъ тономъ и съ низкимъ поклономъ отвѣтилъ старикъ Линевскій. Но, ваша превелебность, позвольте напомнить, что до наступленія великаго поста остается всего лишь нѣсколько дней, между тѣмъ до меня доходятъ слухи, будто панъ Станишевскій выбралъ для племянницы другого жениха, схизматика, который не постыдился пообѣщать ему за то двадцать тысячъ злотыхъ, и что на дняхъ панна насильно будетъ съ нимъ обвѣнчана.

— О, на счетъ этого можете быть совершенно спокойны, любезнѣйшій. Я такъ же, какъ и вы, не спускаю глазъ съ того, что дѣлается въ Омеляникѣ, и съ своей стороны принялъ нѣкоторыя мѣры противъ всевозможныхъ случайностей. Почтеннѣйшій ксендзъ-кустошъ и канонникъ Гоголинскій, здѣсь присутствующій, можетъ удостовѣрить вашу милость, что на дняхъ, по моему настоянію, луцкая консисторія выдала тайную ингибицію (запрещеніе), дабы никто изъ ксендзовъ, подъ угрозою низверженія, не смѣлъ вѣнчать панны Станишевской, такъ какъ она сдѣлала тайное признаніе своему духовнику, что имѣетъ склонность посвятить свою жизнь на служеніе Богу въ одномъ изъ монастырей, а въ такихъ случаяхъ св. Тридентскій соборъ повелѣваетъ, чтобы подобныя „девотки“ не были вѣнчаемы до окончательнаго испытанія ихъ намѣреній со стороны мѣстнаго бискупа. Не пугайтесь, однако, почтеннѣйшій панъ судья, прибавилъ со смѣхомъ Красицкій, замѣтивъ, что при послѣднихъ

его словахъ на лицѣ Линевскаго выразилось что-то въ родѣ пугливаго недоумѣнія: моя pupilla [1]), сколько мнѣ извѣстно, не отличается, къ моему прискорбію, особенною набожностію, и отъ вашего сына будетъ зависѣть отклонить ее отъ благочестивыхъ намѣреній, если еще правда, что подобныя намѣренія могли зародиться въ ея легкомысленной головкѣ. Вспомните, что говоритъ поэтъ о женщинѣ:

Nec cras, nec heri
Non credas mulieri.

— Ваша превелебность рѣшаетесь давать слишкомъ смѣлыя обѣщанія,—вмѣшался подошедшій хозяинъ,—пока панна Станишевская не въ вашихъ рукахъ, ея дядя-опекунъ можетъ завтра же распорядиться ея рукой, какъ захочетъ. Какую же цѣну для пана Линевскаго можетъ имѣть ваше торжественнѣйшее обѣщаніе?

— Какъ какую?! вскричалъ бискупъ. Развѣ въ нашемъ королевствѣ право потеряло уже всякую силу? Да вы слышали, что говорилъ я сейчасъ объ ингибиціи?

— Слышалъ, слышалъ; но вѣдь ваша ингибиція можетъ имѣть силу только для ксендзовъ (и то, если плохо съ ними торговаться), а вы слышали, что нареченный вашей pupillae—схизматикъ. Вотъ ихъ русскій попъ и окрутитъ задешево хоть въ страстную пятницу. Правду ли я говорю, князь-подкоморій? обратился онъ со смѣхомъ къ благообразному, довольно плотному старику въ аксамитной зеленой ферезіи съ рубиновыми пуговицами, который до сихъ поръ не вмѣшивался въ общій разговоръ и тихо бесѣдовалъ со своимъ сосѣдомъ паномъ Кашовскимъ.

Старикъ (то былъ князь Григорій Святополкъ-Четвертинскій, дѣятельнѣйшій членъ православнаго луцкаго братства и человѣкъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ за свой умъ, безупречную честность и мягкій, мирный характеръ) съ улыбкой посмотрѣлъ на хозяина и на гостей, видимо ждавшихъ, какъ онъ найдется отпарировать колкую шутку Стемпковскаго, и добродушно отвѣтилъ:

---

[1]) Pupilla (лат.)—сиротка.

— Не знаю, рѣшится ли нашъ попъ на такое дѣло; развѣ перейдетъ сначала въ вашъ законъ и предварительно купитъ индульгенцію на предположенный еще къ совершенію смертный грѣхъ,—тогда, пожалуй, можетъ отважиться и не на такое дѣло.

— Браво, князь! Вы никогда не останетесь въ долгу,—съ любезной улыбкой похвалилъ хозяинъ. Но revertamur ad propositum. Какое ручательство имѣетъ представить reverendissimus ксендзъ-бискупъ въ томъ, что панъ Линевскій можетъ положиться на торжественное обѣщаніе его превелебности?

— Если панъ каштелянъ осмѣливается сомнѣваться въ моемъ епископскомъ словѣ,—вскричалъ разъяренный Красицкій, то я докажу на дѣлѣ, что не привыкъ, подобно ему, бросать слова на вѣтеръ. Объявляю всѣмъ присутствующимъ, что завтра же панна Станишевская будетъ возвращена къ законному ея опекуну, а послѣ завтра ее будутъ величать паніей Линевской.

— Optime! но позвольте узнать, какимъ способомъ вамъ удастся достигнуть этого? допытывался неугомонный хозяинъ.

— Это уже мое дѣло! зарычалъ красный, какъ кармазинъ, бискупъ.

— А вотъ какимъ способомъ—вмѣшался Юрій Гораинъ: слѣдуетъ позвать пана Станишевскаго въ земскій судъ съ требованіемъ, чтобы онъ, впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла, возвратилъ племянницу въ кляшторъ, подъ власть ея опекуна; а въ такомъ случаѣ ужъ отъ пана судьи (приэтомъ онъ улыбнулся въ сторону пана Линевскаго) будетъ зависѣть дать то или другое направленіе дѣлу.

— Пустой совѣтъ! безцеремонно рѣшилъ Стемпковскій.— Пока будутъ разнесены позвы, Станишевскій успѣетъ десять разъ выдать племянницу замужъ. Нѣтъ, что касается меня, я никого не позываю: мой нѣмецъ Ганнусъ за align="" вознаго мнѣ служитъ и всегда—съ полнымъ успѣхомъ! многозначительно прибавилъ каштелянъ, и его румяное, выхоленное лицо засвѣтилось недоброй улыбкой.

— Не всякій имѣетъ такого исправнаго вознаго, хихикнулъ панъ Линевскій. Вашъ слуга—вамъ вѣрно и служитъ.

— О нѣтъ, не одному мнѣ! Мой Ганнусъ съ такимъ же усердіемъ служитъ иногда и моимъ друзьямъ, процѣдилъ сквозь зубы Стемпковскій.

Бискупъ вскинулъ на него свои глаза, въ которыхъ свѣтилось недоброе. Казалось, онъ что то обдумывалъ.

— Панъ господарь! вдругъ обратился онъ къ хозяину дѣловымъ тономъ, значительно понизивъ голосъ, имѣю нужду сказать вамъ наединѣ два слова.

— Къ вашимъ услугамъ! съ ловкимъ поклономъ отвѣтилъ хозяинъ, и оба они скрылись во внутреннихъ покояхъ замка.

Гости многозначительно переглянулись. Линевскій сидѣлъ какъ на иголкахъ и черезъ нѣсколько минутъ, подъ говоръ возобновившейся застольной бесѣды, незамѣтно ускользнулъ изъ столовой.

А въ сосѣднихъ комнатахъ стоялъ дымъ коромысломъ: тамъ угощалась мелкая шляхта, густыми рядами обсѣвъ „лавы“ подъ стѣнами и „ослоны“ передъ столами. Служатъ ей драгуны и гайдуки пана каштеляна, а распоряжается ими высокій, сухощавый мужчина, съ блѣднымъ лицемъ, рыжими усами и глазами на выкатѣ: это и есть нѣмецъ Ганнусъ, капитанъ надворной милиціи пана каштеляна.

Ужъ шляхта изрядно выпила и начала заводить обычныя въ такихъ случаяхъ свары. Шумъ стоялъ невообразимый. Въ одномъ углу замѣтно было особенное оживленіе.

— Нечего сказать, надсаживался какой-то пьяный ораторъ. панъ каштелянъ—панъ на всю губу! Въ его погребахъ неистощимые запасы меду и вина, въ амбарахъ много провизіи, и каждаго шляхтича онъ угощаетъ, какъ равнаго. Vivat панъ каштелянъ брацлавскій!

— Vivat et pereat, кто не желаетъ ему добра! поддержалъ панъ Янъ Вальда, слуга князя воеводы Сангушка.—Однакожъ, счастье ваше, панове, что панъ каштелянъ состоитъ обывателемъ волынскаго воеводства и, значитъ, нуждается въ вашихъ голосахъ на сеймикахъ; будь иначе—не одинъ изъ васъ гулялъ бы ужъ безъ ушей, какъ то и случилось со многими изъ нашей братьи въ Полѣсьи.

— Ужъ это вѣрно: панъ каштелянъ никому не позволитъ наступить себѣ на ногу! подтвердилъ нѣкто панъ Витвинскій.— Кто на сеймикахъ идетъ противъ него, пусть не взыщетъ, если такъ плохо кончитъ, какъ панъ Остафій Облапскій или панъ Филиппъ Левковичъ Гуляницкій.

— А чтоже съ ними было?—спросили разомъ нѣсколько любопытныхъ.

— Давнее это дѣло, панове! равнодушнымъ тономъ началъ Витвинскій.—Лѣтъ семь тому назадъ возвращались они однажды съ Козина въ Гуляники и повстрѣчалъ ихъ на пути панъ Балтазаръ Раецкій, что былъ у пана каштеляна капитаномъ, пока не выискался этотъ нынѣшній нѣмецъ. Слово за слово и дошло у нихъ дѣло до драки, да какъ-то такъ случилось, что обоихъ ихъ мостей и посѣкли въ куски.

— И чѣмъ же дѣло окончилось? спросилъ какой-то молодой шляхтичъ.

— Чѣмъ окончилось? продолжаетъ Витвинскій. А чѣмъ же обыкновенно оканчиваются подобныя дѣла? Родственники убитыхъ позвали пана каштеляна на судъ, но его слуги присягли, что на нихъ напали, а они только лишь защищались.

— Худое дѣло,—заключилъ панъ Вальда, наливая меду въ кружки собесѣдниковъ,—когда въ шляхетскія „справы“ вмѣшивается всякая дрянь. Пусть подерется шляхтичъ съ шляхтичемъ— это въ порядкѣ вещей; но связываться съ такимъ вотъ молодцомъ (Вальда кивнулъ въ сторону Ганнуса)—совсѣмъ неблагородное дѣло. Поглядите-ка, панове, какъ принарядился этотъ верзило: ферезія полъ-гранатовая, доломанъ атласный, шапка подбита соболями! Сказалъ-бы—настоящій шляхтичъ, а на дѣлѣ— нѣмецкій бѣсъ! А узнаете, панове, чье на немъ убранье? Нѣтъ? То я вамъ напомню: покойника пана Войны!

Слушатели оживленно переглянулись, какъ-бы припоминая что-то полузабытое.

— Да, небожчика пана Войны! подтвердилъ Вальда заплетающимся отъ хмеля языкомъ. Не нравилось пану каштеляну, что панъ Война проживалъ, какъ близкій пріятель, въ домѣ его сестры пани Вылежинской, подчашиной волынской, въ с. Вербнѣ.

Ну, проживалъ, такъ проживалъ—что за бѣда такая! Должно быть, однако, панъ каштелянъ заподозрилъ тутъ что-нибудь неладное. Ну, и радоваться бы ему, что панъ Война выѣхалъ наконецъ, изъ Вербны въ белзское воеводство, къ своему дядѣ, чашнику белзскому! Не тутъ то было! На дорогѣ, у Перемильской корчмы, нападаютъ на него каштелянскіе драгуны. Былъ тамъ и Ганнусъ, но главное предводительство надъ ними имѣлъ панъ Станиславъ Стемпковскій, родственникъ каштеляна! Схватили пана Войну, бросили въ сани и связаннаго привезли сюда, въ Несвичъ. И что же вы думаете, панове? Панъ каштелянъ приказалъ нѣмцу-собакѣ утопить Войну, и Ганнусъ преспокойно пустилъ его подъ ледъ! За то и досталось ему въ награду „убранье“ небожчика, а въ доломанѣ, навѣрное, нашелъ онъ сверхъ того сотню—другую червонцевъ. Чтобъ онъ, собака, подавился ими! А негдѣ правды дѣть и панъ каштелянъ крѣпко нечистъ въ этомъ дѣлѣ!

— Что онъ тамъ мелетъ о панѣ каштелянѣ? разомъ закричало нѣсколько совершенно пьяныхъ шляхтичей, хватаясь за сабли. Ужъ не думаетъ ли водить насъ за носъ этотъ Сангушковецъ? Подайте его сюда! вскричали болѣе горячіе сторонники Стемпковскаго.

Нашлись и такіе, что вступились за пана Вальду, и во мгновеніе ока столы были опрокинуты, засверкали сабли и столовая превратилась въ адъ.

Прибѣжалъ сюда встревоженный хозяинъ съ бискупомъ, канониками и со всѣми почетными гостями, и немалаго труда стоило всѣмъ имъ усмирить эту безсмысленную „бурду“.

II.

Кто изъ жителей Луцка не знаетъ дер. Омеляника—любимѣйшаго мѣста ихъ загородныхъ прогулокъ! Это дѣйствительно одно изъ самыхъ прелестныхъ мѣстъ между окрестностями Луцка. На довольно возвышенномъ холмѣ, отлого спускающемся къ долинѣ р. Стыра, растетъ старинный липовый паркъ, съ тѣнистыми аллеями и съ развалинами какихъ-то причудливыхъ

построекъ. Съ его опушки открывается чудный видъ на городъ, на широкій просторъ рѣчной долины, на разсѣянныя вдоль нея села и деревни. Къ парку примыкаетъ опустѣвшая панская усадьба съ полуразвалившимися строеніями. Старинный барскій домъ съ облупившейся штукатуркою и забитыми окнами мрачно выглядитъ среди обступившей его зелени кустарниковъ, будто хранитъ въ своихъ стѣнахъ какую-то страшную тайну; широкій подъѣздъ весь заросъ сиренью и шиповникомъ, а съ покосившихся перилъ балкона ниспадаютъ ярко-зеленыя гирлянды хмеля. Чѣмъ-то романтичнымъ вѣетъ отъ этого, словно заколдованнаго, дома и тихо шумящаго, вѣковаго парка. Сохранилось преданіе, что здѣсь когда-то гостилъ Петръ Великій съ княземъ Меншиковымъ и даже вырѣзалъ будто-бы свое имя на одномъ изъ деревьевъ парка[1]). Но вѣковыя липы омеляницкаго парка бывали свидѣтелями не однихъ торжественныхъ зрѣлищъ: чаще на ихъ глазахъ совершались страшныя, кровавыя исторіи. Еще въ 1599 г. здѣсь произошло возмутительное по своей жестокости убійство паномъ Мартиномъ Сѣмашкомъ пана Демьяна Гулевича и съ нимъ 30-ти человѣкъ его родственниковъ, пріятелей и слугъ. Не менѣе возмутительное дѣло совершилось въ Омеляникѣ и 8-го февраля 1648 года, т. е. на третій день послѣ описаннаго въ предыдущей главѣ несвичскаго поминальнаго обѣда.

Какъ и теперь, въ Омеляникѣ въ то время стояла панская усадьба, примыкавшая къ парку, только паркъ этотъ именовался тогда по-просту „гаемъ“. Быть можетъ, на мѣстѣ нынѣшняго заколдованнаго дома стоялъ въ то время панскій „будынокъ“ среди широкаго двора, кругомъ обстроеннаго службами. Невазистъ былъ наружный видъ этого „будынка“: низкія стѣны, высокая „гонтовая“ кровля, узкія окна и обширное, съ точеными

---

1) По предположенію Ал. Пршездѣцкаго, это посѣщеніе могло произойти въ 1698 г. во время возвращенія Петра съ Равы-Русской (въ Галичинѣ), гдѣ онъ имѣлъ свиданіе съ польскимъ королемъ Августомъ II; Стецкій-же („Łuck“, стр. 114) категорически утверждаетъ, что это было въ 1707 г., когда Петръ возвращался изъ Варшавы и, не найдя въ Луцкѣ приличнаго помѣщенія (по случаю недавняго пожара), принялъ приглашеніе тогдашняго владѣльца Омеляника графа Олизара и гостилъ у него три дня.

„балясами“ крыльцо, или „кганокъ“—все это свидѣтельствовало о томъ, что домъ выстроенъ былъ кѣмъ-либо изъ предковъ нынѣшняго владѣльца, въ „старосвѣтскомъ“ вкусѣ, когда строители заботились болѣе о теплѣ и прочности жилья, нежели объ архитектурной красотѣ. Внутреннее убранство дома также мало отступало отъ старинной простоты, но было богаче предковскаго: по стѣнамъ развѣшаны персидскіе ковры яркихъ цвѣтовъ; „лавы“ покрыты турецкими „килимами“, вмѣсто старинныхъ „полавниковъ“ изъ краснаго сукна. Въ спальномъ „покоѣ“, гдѣ мы застаемъ теперь хозяевъ, стояла массивная дубовая кровать съ пурпуровымъ полóгомъ, а на ней постель, вышитая шелками и золотомъ.

Хозяинъ, человѣкъ еще молодой, въ зеленомъ жупанѣ, подбитомъ рысьимъ мѣхомъ, сидитъ у стола и держитъ на колѣняхъ трехъ-лѣтнюю дѣвочку, которая играетъ эфесомъ его сабли. На его мужественномъ лицѣ лежитъ печать задумчивости, и онъ, видимо, плохо слышитъ, что болтаетъ его любимица, и не впопадъ отвѣчаетъ на ея вопросы. По другую сторону стола, въ покойномъ креслѣ сидитъ молодая женщина лѣтъ 25-ти. Круглая бархатная шапка, отороченная темнымъ мѣхомъ, красиво оттѣняетъ бѣлизну ея блѣднаго лица и ласковый блескъ карихъ глазъ, въ которыхъ свѣтится какая-то скорбная мысль. Простое домашнее платье красивыми складками маскируетъ довольно полный станъ молодой дамы, а ея ножки, обутыя въ красныя сафьяновыя туфли съ золотымъ шитьемъ, кокетливо прячутся въ густомъ медвѣжьемъ мѣху, разостланномъ на полу. Возлѣ нея стоятъ пяльцы съ неоконченнымъ „гаптованьемъ“, но ей трудно склоняться надъ работой, и она съ видомъ крайней усталости отдыхаетъ, довольная тѣмъ, что шалунья-дочка, съ приходомъ отца, перекочевала къ нему на колѣни, а ее оставила въ покоѣ.

Въ глубинѣ комнаты молодая дѣвушка качаетъ въ люлькѣ годовалаго ребенка, тихо напѣвая колыбельную пѣсню. На ней голубой бархатный „саянъ“ съ большимъ вырѣзомъ на груди, изъ подъ котораго видна „кошулька“—родъ шемизетки изъ батиста, съ красными шелковыми прошвами, расшитая жемчугомъ;

густые каштановые волосы заплетены въ одну косу и перевиты цвѣтными лентами. Чѣмъ-то крайне юнымъ и свѣжимъ дышетъ стройная фигура молодой особы съ узкими плечиками, тонкой шейкой и чисто дѣтскою миловидностью свѣжаго лица; и только въ голубыхъ глазахъ ея, красиво оттѣненныхъ бархатными бровями и густыми, темными рѣсницами, свѣтится отблескъ какой-то недѣтской думы, дающей понять, что эта пятнадцатилѣтняя дѣвочка-подростокъ уже пережила пору беззаботнаго дѣтства, и въ ея красивой головкѣ давно совершается трудная работа. Да, въ тѣ времена дѣвушкамъ нельзя было долго оставаться дѣтьми, если въ 12 лѣтъ ихъ отдавали замужъ. Вотъ и Ганнусѣ Станишевской есть о чемъ задумываться: она вѣдь тоже невѣста, и не сегодня-завтра ей предстоитъ стать подъ вѣнецъ съ человѣкомъ, въ выборѣ котораго участвовало и ея сердце, а не одна воля дяди-опекуна. Сейчасъ, до прихода дяди, она много говорила съ теткой о женихѣ. Тетка одобряетъ ея выборъ: она вѣдь сама Гулевичевна, и панъ Константинъ Гулевичъ приходится ей двоюроднымъ братомъ. Смущаетъ Ганнусю лишь то, что ея женихъ православный, а въ кляшторѣ бригитокъ ей внушали: если католичка выйдетъ за „схизматика“, то по смерти душа ея навѣки застрянетъ въ чистилищѣ. Тетка увѣряетъ, что монахини нарочно говорили ей такъ, по наущенію бискупа-суффрагана, чтобъ легче было склонить ее выйти за этого толстаго и рыжаго Линевскаго, котораго ксендзъ-бискупъ выбралъ ей въ женихи, а что отцы іезуиты совѣтуютъ даже католичкамъ выбирать мужей между знатными схизматиками, чтобы впослѣдствіи и ихъ склонить къ св. вѣрѣ.

Можетъ быть, тетка и права: она вѣдь сама добрая католичка, хотя родомъ русинка, изъ схизматицкой семьи. Вотъ и п. Константинъ—тоже русинъ; но это ни мало не смущаетъ Ганнусю: она лучше говоритъ по-русски, нежели по-польски, и любитъ все русское; не даромъ говорятъ, что ея мать была русинка (сама она очень мало помнитъ ее). И теперь, убаюкивая маленькаго Михайлика, она напѣваетъ пѣсню, которую пѣли и надъ ея колыбелью:

Ой ты, котко, не ходы,
Спыть дытына, не збуды...

и думаетъ: былъ ли бы доволенъ ея женихъ, когда бы слышалъ, что она поетъ поетъ русскую пѣсню? Еще подумалъ бы, пожалуй, что это дѣлается нарочно ему въ угоду; а она право же не знаетъ другихъ пѣсенъ, кромѣ русскихъ (дядя называетъ ихъ „хлопскими"). Не пѣть же ей надъ ребенкомъ костельныя пѣсни, которымъ научили ее у бригитокъ!

Ганнуся такъ углубилась въ свои думы, что и не слышала, о чемъ говорили дядя съ теткой. Ее вдругъ поразилъ необыкновенно скорбный тонъ, какимъ послѣдняя произнесла:

— Ты хорошо сдѣлалъ, милый, что отложилъ поѣздку къ князю-воеводѣ. О побудь со мною! Мнѣ такъ страшно безъ тебя!

— Да хранитъ тебя Езусъ и Марія!—воскликнулъ встревоженный п. Станишевскій, схватывая руку жены.—Что же пугаетъ тебя, моя ласточка?

— Не знаю. Я видѣла дурной сонъ. Мнѣ снилось, будто мы выдавали замужъ Ганнусю, и въ домѣ у насъ было много гостей. Ты вышелъ въ свѣтлицу, чтобъ поблагословить молодыхъ. Я иду за тобой... И вдругъ, откуда ни возьмись, огромный черный медвѣдь съ разинутой пастью бросается на тебя... Я хочу крикнуть—и не могу. Хватаю тебя за руки... но вдругъ свѣтлицу заливаетъ море крови, и я чувствую, что захлебываюсь въ ней и тону вмѣстѣ съ тобой... О милый! я и теперь дрожу, будто все еще вижу страшную пасть звѣря...—и молодая женщина съ рыданіемъ припала къ плечу мужа.

Петръ Станишевскій замѣтно поблѣднѣлъ: его также съ самаго утра терзали мрачныя предчувствія, подъ впечатлѣніемъ которыхъ онъ рѣшился даже отложить условленную раньше поѣздку къ князю Сангушку. Зловѣщій сонъ жены показался ему недобрымъ предзнаменованіемъ, и ощущеніе ужаса закралось въ его сердце. Призвавъ на помощь всю силу самообладанія, онъ разсмѣялся какъ то ненатурально и по возможности спокойнымъ тономъ отвѣтилъ женѣ:

— Успокойся, милая! Въ твоемъ снѣ я вижу для себя не болѣе, какъ доброе предостереженіе, которымъ постараюсь воспользоваться. Видишь ли, я хотѣлъ сегодня поразвлечься немного охотой: мнѣ доложили, что въ нашемъ лѣсу отыскали берлогу

медвѣдя. Очень вѣроятно, что тамъ ждетъ меня большая опасность, отъ которой Богу угодно предостеречь меня твоимъ сномъ. Не бойся, милая, я приму мѣры, чтобы онъ не исполнился, и останусь дома. Надѣюсь, что съ тобой я внѣ всякой опасности.

— Да, да! останься здѣсь со мною. И знаешь ли, я возьму тебя вотъ такъ за руку и весь день не отпущу отъ себя ни на шагъ,—смѣясь сквозь слезы, сказала нѣсколько успокоенная пани Станишевская.

— Дѣлай со мною, что хочешь, подъ защитою твоей любви я чувствую себя болѣе безопаснымъ, чѣмъ за стѣнами королевскаго замка—со смѣхомъ заключилъ разговоръ п. Станишевскій, цѣлуя жену.

— Знаешь ли, милая, что я думаю?—продолжалъ онъ далѣе, видимо стараясь перевести бесѣду на другую, болѣе радостную тему.—Когда Господь осчастливитъ насъ третьимъ ребенкомъ, то, если это будетъ дочка, я хочу назвать ее *Гальшкой*. Ты согласна на это, мое сердце?

— Согласна, мой коханый! Но я больше желала бы, чтобъ это былъ мальчикъ и чтобъ его звали *Петрусь*...

Интимная бесѣда супруговъ была прервана появленіемъ „пахолка", доложившаго, что на дворъ въѣхалъ какой то ксендзъ верхомъ, въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ слугъ.

— Вотъ ужъ именно: не въ пору гость хуже татарина!— сказалъ съ досадой Петръ Станишевскій.—Не тревожься, мой другъ!—прибавилъ онъ съ улыбкой, замѣтивъ на лицѣ жены выраженіе испуга: надѣюсь, что между медвѣдемъ и служителемъ алтаря Божія нѣтъ ничего общаго...

Вышелъ хозяинъ на „ганокъ" и не могъ удержаться отъ улыбки, при видѣ того, какъ тучная фигура гостя безпомощно барахталась на конѣ, не будучи въ силахъ высвободить ноги изъ стременъ, а слуги и не думали спѣшить на помощь господину, видимо забавляясь потѣшнымъ зрѣлищемъ.

— Чтожъ вы стоите, лайдаки!... — гаркнулъ пріѣзжій и поднялъ красное отъ гнѣва и потугъ лицо. Тутъ только Станишевскій узналъ, что ему предстоитъ принять у себя старшаго каноника и кустоша луцкаго, ксендза Францишка Гоголинскаго.

Онъ учтиво привѣтствовалъ его и съ поклономъ пригласилъ въ свѣтлицу.

Ксендзъ оказался очень милымъ гостемъ; едва переводя духъ отъ усталости, онъ такъ и сыпалъ любезностями по адресу хозяина: похвалилъ домъ, усадьбу, упомянулъ о необыкновенной будто бы древности и знатности шляхетскаго рода Станишевскихъ, похвалилъ ихъ исконную приверженность къ св. католической вѣрѣ и почтительность къ ея пастырямъ и въ заключеніе прибавилъ:

— А сегодня утромъ заѣзжалъ ко мнѣ п. Вальда, служебникъ князя воеводы, и хвалился, что князь съ нетерпѣніемъ ожидаетъ видѣть вашу милость у себя въ Локачахъ. Признаюсь, я и не надѣялся уже застать дома шановнаго господаря.

— Да, я точно обѣщалъ князю быть сегодня у него, но моя жена не совсѣмъ здорова, и я вынужденъ былъ отложить это посѣщеніе на другое время.

— О, ваша милость будете всегда желаннымъ гостемъ въ Локачахъ: князь такъ любитъ и почитаетъ васъ! Сколько разъ онъ высказывалъ это своему родственнику ксендзу-суффрагану!... Кстати, разъ ужъ о немъ зашла рѣчь: ксендзъ-бискупъ поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать его глубокое къ вашей милости уваженіе и сообщить вамъ нѣкоторые пункты...

— Не трудитесь, велебный отче; ксендзъ-бискупъ, вѣроятно, сейчасъ лично сообщитъ ихъ: вотъ онъ и самъ жалуетъ ко мнѣ,—перебилъ хозяинъ, подходя къ окну. Красное лицо Гоголинскаго сдѣлалось багровымъ, а хозяинъ замѣтно поблѣднѣлъ и поспѣшилъ выйти на встрѣчу неожиданному гостю.

Въ дворъ въѣзжала цѣлая кавалькада и остановилась у „ганка". Два „машталѣра" поспѣшно бросились къ сидѣвшему верхомъ бискупу и почтительно помогли ему сойти съ лошади. Бискупъ молодцовато соскочилъ съ сѣдла и, оборотившись, увидѣлъ низко кланяющагося ему хозяина.

— Какъ! вы дома?—тономъ недовольнаго изумленія привѣтствовалъ его бискупъ. А мнѣ сказали, что вы приглашены въ Локачи, къ моему дядюшкѣ.

Станишевскій объяснилъ, почему остался дома.

— Напрасно не поѣхали—наставительно замѣтилъ бискупъ. Коли знатные люди оказываютъ вамъ высокую честь своимъ приглашеніемъ, надо пользоваться ею, а не сидѣть пришитымъ къ юбкѣ жены... Ну, какъ поживаетъ моя pupilla, панна ключниковна?

Блѣдный Станишевскій едва владѣлъ собой. Съ его устъ готова была сорваться рѣзкая отповѣдь дерзкому гостю; но въ это время изъ-за опушки лѣса выѣхала карета бискупа, окруженная драгунами каштеляна брацлавскаго, во главѣ которыхъ ѣхалъ страшный Ганнусъ, держа въ рукѣ обнаженную саблю. Закусивъ губу, хозяинъ сдержанно отвѣтилъ.

— Племянница моя, хвала Богу, здорова. Не угодно ли вашей превелебности пожаловать въ домъ? Можетъ быть, съ дороги соблаговолите откушать водочки или закусить, чѣмъ Богъ пошлетъ.

— Послѣ объ этомъ. Идемъ въ покои, я хочу видѣть панну,—и бискупъ скорыми шагами направился въ домъ.

— А, и ксендзъ кустошъ здѣсь!—притворно удивился онъ при видѣ Гоголинскаго.—Привѣтствую вашу милость! Чтожъ это, однако! Свѣтлица пуста? Гдѣ жъ Ганнуся?—и бискупъ рѣшительно направился къ дверямъ, ведущимъ во внутреннія комнаты.

— Прошу прощенія!—не вытерпѣлъ хозяинъ, загораживая дорогу.—Жена моя больна, при ней малыя дѣти. Племянницу я сейчасъ вышлю.

— Ну, что скажешь, ксендзъ-кустошъ?—со смѣхомъ обратился бискупъ къ Гоголинскому по уходѣ хозяина.—Не такъ трудно справиться съ паномъ Станишевскимъ, какъ тебѣ раньше казалось? Готова ли, однако, карета?

— Вотъ она въѣзжаетъ во дворъ—отвѣтилъ кустошъ. Нехорошо лишь одно, что панъ Станишевскій оказался дома: это можетъ осложнить дѣло.

— Да, лукавый надоумилъ его остаться сегодня дома! Впрочемъ, это пустяки—справимся и съ нимъ! А это что?—прибавилъ онъ, подходя къ окну.—Въѣзжаетъ панъ Ганнусъ съ своими драгунами. Да, панъ каштелянъ умно выразился: лучше

Ганнусь съ драгунами, нежели возный съ позвами. А вотъ и панна!

Въ дверяхъ показался Петръ Станишевскій, ведя за руку дрожавшую отъ страха дѣвушку.

— Здравствуй, дитя мое! Какъ твое здоровье? Ты такъ блѣдна! Что же ты смутилась? Или не узнаешь меня? Я—твой опекунъ и къ тому бискупъ; перестань же пугаться меня, Ганнусю... А, я догадываюсь, кто здѣсь причина смущенія бѣдной моей дѣвочки—дядя! Панъ господарь, прошу васъ оставить насъ на минуту: мнѣ нужно поговорить съ нею наединѣ; а безъ васъ навѣрное уже скучаетъ ваша больная супруга. До свиданія!— и движеніемъ руки бискупъ указалъ Станишевскому дверь.

Тотъ блеснулъ глазами и безсознательно схватился за эфесъ сабли; но, взглянувъ случайно въ окно, онъ увидѣлъ драгунъ, окружившихъ домъ, и благоразуміе одержало въ немъ верхъ надъ природной горячностью. Послѣ минутнаго колебанія онъ молча вышелъ изъ комнаты, чтобы успокоить жену и собрать своихъ людей.

Между тѣмъ ксендзы усадили между собою едва помнившую себя отъ страха дѣвушку и принялись убѣждать ее довѣриться во всемъ бискупу, какъ ея законному опекуну.

— Помни, дитя мое — наставлялъ послѣдній — что твой отецъ, умирая, со слезами просилъ и даже заклиналъ меня вѣчнымъ спасеніемъ взять тебя на свое попеченіе. Я исполнилъ свой долгъ, но не до конца. Я помѣстилъ тебя въ монастырь бригитокъ, гдѣ ты имѣла возможность получить приличное твоему званію, истинно-христіанское воспитаніе, и не моя въ томъ вина, что твой дядюшка, изъ своекорыстныхъ видовъ, вырвалъ тебя оттуда прежде времени. Теперь ты невѣста, и мой долгъ до конца исполнить священную волю твоего родителя, т. е. пріискать для тебя приличную партію.

— Ахъ, я еще не хочу замужъ!—перебила его Ганнуся, вспомнивъ со страхомъ рыжеусаго п. Линевскаго.—Мнѣ и такъ хорошо у дяди и тети...

— Какъ это „не хочу замужъ?“—разомъ набросились на нее ксендзы.—Бракъ -это первая обязанность и вмѣстѣ съ тѣмъ

истинное счастіе женщины-христіанки. Такъ повелѣваетъ мыслить слово Божіе.

— Слушай же, глупенькая!—продолжалъ ксендзъ-бискупъ, видимо начинавшій терять терпѣніе: я уже позаботился о твоей судьбѣ и пріискалъ тебѣ въ мужья человѣка знатнаго, родовитаго и богатаго; съ нимъ ты будешь счастлива. Это — сынъ луцкаго судьи п. Линéвскій. Нравится ли тебѣ мой выборъ?

— Не хочу, не хочу за него! Не лежитъ къ нему мое сердце!—вскричала дѣвушка, дрожа отъ ужаса.

— Не лежитъ твое сердце?—сурово протянулъ бискупъ. При чемъ же здѣсь сердце? Развѣ такъ должна отвѣчать честная дѣвушка-христіанка? Твое сердце всецѣло должно принадлежать Богу и Его святому закону, а не прилѣпляться къ людямъ. Такъ вотъ зачѣмъ вырвалъ тебя милый дядюшка изъ кляштора—чтобы вскормить еретическими бреднями? Не о сердцѣ идетъ рѣчь, а о послушаніи. Кайся, несчастная заблудшая овца, и съ покорностью внимай рѣшенію твоей судьбы: карета моя наготовѣ; я отвезу тебя сейчасъ въ кляшторъ бригитокъ—и ты не выйдешь оттуда иначе, какъ женой п. Линевскаго!

Какъ ужаленная, вскочила Ганнуся съ мѣста и хотѣла убѣжать во внутреннія комнаты. Ее, однако, успѣлъ схватить за руку ксендзъ Гоголинскій, а за другую бискупъ, и потащили къ выходнымъ дверямъ. На крикъ дѣвушки прибѣжалъ взволнованный п. Станишевскій.

— Что вы дѣлаете, святые отцы? Опомнитесь! Вѣдь это насиліе! Я не позволю позорить мой шляхетскій домъ!—и онъ изо всей силы оттолкнулъ въ сторону тучнаго ксендза-кустоша и вырвалъ у него руку дѣвушки.

Какъ разъяренный тигръ подскочилъ къ Станишевскому бискупъ и съ крикомъ: „Бей, кто цнотливы!“ нанесъ ему ударъ по лицу. Въ ту же минуту ксендзъ-кустошъ сильнымъ ударомъ въ затылокъ свалилъ его съ ногъ. На крикъ бискупа вбѣжало нѣсколько человѣкъ его слугъ и козаковъ п. Стемпковскаго и принялись бить Станишевскаго чеканами. Обливаясь кровью, онъ судорожно вцѣпился въ племянницу и, какъ ни били его по рукамъ, не хотѣлъ выпустить ее. Тутъ вбѣжала челядь хозяй-

ская—кто съ кіемъ, кто съ рогатиной, а поваръ съ ножемъ. Завязалась свалка—и рогатина едва не угодила бискупу въ животъ. Эта опасность окончательно лишила его разсудка: быстро разстегнувъ на себѣ сутану, онъ выхватилъ изъ-за пояса кинжалъ и съ крикомъ: „такъ пусть же льется кровь, коли нáчала!"—разсѣкъ имъ черепъ п. Станишевскому. „Бый—забый, хто цнотливый!" неистово оралъ онъ, потрясая окровавленнымъ клинкомъ. Вбѣжалъ, наконецъ, страшный Ганнусъ съ драгунами и, не замѣчая, что его содѣйствіе не нужно болѣе, ткнулъ рапиромъ въ високъ Станишевскаго и раскроилъ ему голову до затылка. Несчастный не издалъ даже звука, такъ какъ еще послѣ перваго удара у него отнялся языкъ. Бискупъ, какъ будто понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко. „Кто цнотливый, перерѣжь горло паннѣ!"—вдругъ скомандовалъ онъ въ умоизступленіи... Но въ эту минуту на порогъ показалась жена Станишевскаго съ годовымъ ребенкомъ на рукахъ и трехлѣтнею дѣвочкою, вцѣпившеюся въ подолъ ея платья. Съ нечеловѣческимъ воплемъ упала она на окровавленнаго мужа, какъ бы желая укрыть его отъ сыпавшихся со всѣхъ сторонъ ударовъ. Эта потрясающая сцена на минуту ошеломила самихъ палачей. „Уберите ее отсюда!" командовалъ бискупъ; но никто не спѣшилъ исполнить его приказаніе. Тогда онъ самъ подбѣжалъ къ несчастной, ударилъ ее ногою по головѣ, сбилъ съ нея шапку и, схвативъ за волосы, старался оттащить въ сторону, а челядь била ее чеканами и рвала на ней платье. Въ это время изъ сосѣдней комнаты кто-то выстрѣлилъ и ранилъ слугу бискупа. Драгуны отвѣтили ружейнымъ залпомъ. Заслыша выстрѣлы, стоявшіе вокругъ дома козаки и гайдуки Стемпковскаго начали стрѣлять въ окна. Зазвенѣли стекла, пули градомъ сыпались въ кафельную печь, комната наполнилась дымомъ и противники перестали различать другъ-друга.

— „Довольно! выходи на дворъ!"—скомандовалъ Ганнусъ своему отряду.

— „А гдѣ же панна? Ищите панну!"—метался бискупъ.

Но панны и слѣдъ простылъ; пользуясь суматохой, она незамѣтно проскользнула въ сосѣднюю комнату и словно канула

въ воду. Ксендзы метались, какъ угорѣлые. Перерыли весь домъ и дворъ, разграбили при этомъ не мало добра—но панны не нашли.

Между тѣмъ начинало смеркаться. Ганнусъ нашелъ, что ему здѣсь нечего больше дѣлать и, собравъ свою команду, выступилъ въ сосѣднее село Гнидаву, гдѣ находился въ то время его принципалъ Стемпковскій въ ожиданіи привоза невѣсты, чтобы везти ее тотчасъ въ Несвичъ и на другой день обвѣнчать съ Линевскимъ. Туда же уѣхали и бискупъ съ кустошемъ въ той самой каретѣ, которая предназначалась для Ганнуси. Панъ судья Линевскій, находившійся неподалеку въ с. Заборолѣ, какъ ближайшемъ наблюдательномъ пунктѣ, узнавъ о томъ, что произошло въ Омеляникѣ, поспѣшилъ уѣхать домой, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность отречься отъ всякаго, хотя бы косвеннаго, участія въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ.

Сошлись изъ деревни крестьяне на панскій дворъ—и ахнули при видѣ того, что оставили послѣ себя превелебные гости! Среди свѣтлицы, въ лужѣ крови, лежалъ ихъ панъ съ едва примѣтными признаками жизни, а на немъ избитая, „ошарпанная“, полумертвая пани; возлѣ нихъ пищали полузатоптанныя дѣти, а по угламъ комнаты и въ сѣняхъ стонали раненые слуги. Съ плачемъ и громкими причитаніями женщины принялись оказывать всѣмъ пострадавшимъ первую помощь. Тотчасъ послали въ городъ за „церуликомъ“ (фельдшеромъ) и дали знать о случившемся панской роднѣ. Вспомнили и о Ганнусѣ. Одинъ изъ раненыхъ челядинцевъ видѣлъ, какъ она убѣгала черезъ пекарню въ огородъ. Долго искали ее тамъ и наконецъ нашли—въ „пашеной“ ямѣ, куда прятали хлѣбъ на зиму. Несчастная дѣвушка впослѣдствіи и сама не могла припомнить, какъ она попала въ это опасное мѣсто, откуда нельзя вылѣзть безъ посторонней помощи. Ее вынули совершенно окоченѣвшею отъ холода, и едва къ утру удалось привести ее въ чувство.

О. Левицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).

Авторъ печатаемыхъ ниже воспоминаній лучшую пору своей жизни провелъ внѣ Россіи. Послѣ неудачнаго исхода польскаго движенія 1831 года, Чайковскій состоялъ въ роли политическаго агента при извѣстномъ дѣятелѣ эмиграціи кн. Адамѣ Чарторыйскомъ, но всѣ усилія его оказывались безплодными; перспектива вѣчнаго скитанія, безъ всякой опоры среди окружающихъ, была печальна неизмѣримо, и возможность встрѣтить въ Турціи почву для сколько нибудь опредѣленной дѣятельности казалась заманчивою для нѣкоторыхъ эмигрантовъ. Турецкое правительство не прочь было воспользоваться этой силой для своихъ политическихъ цѣлей, но не больше. О какомъ либо прямомъ содѣйствіи цѣлямъ эмигрантовъ турецкіе государственные люди, конечно, и не думали, и разсчеты, основанные на такомъ хрупкомъ фундаментѣ, оказались въ дѣйствительности только наивными. Проходя сперва различныя ступени службы въ качествѣ турецкаго гражданскаго чиновника и оффиціально принявъ мусульманство, М. Чайковскій или Мехмедъ-Садыкъ-паша былъ поставленъ во главѣ такъ наз. козацкаго полка, навербованнаго изъ представителей самыхъ разнообразныхъ славянскихъ и полуславянскихъ національностей. Вообще говоря, отряды, находившіеся подъ командой Садыкъ-паши, отправляли обыкновенную гарнизонную службу, и лишь при извѣстной путаницѣ понятій можно было считать такую дѣятельность полез-

ной общеславянскому дѣлу. Какъ бы ни былъ расшатанъ турецкій государственный строй, но онъ былъ достаточно проченъ, чтобы переработать въ своихъ цѣляхъ организованные такимъ образомъ чужеродные элементы—или выбросить ихъ за бортъ, какъ и случилось въ дѣйствительности. Что переработка сдѣлала большіе успѣхи—въ значительной степени подтверждается личнымъ примѣромъ Садыкъ-паши. Весьма нерѣдко и самымъ недвусмысленнымъ образомъ заявлялъ покойный печатно, что онъ былъ вѣрнымъ и аккуратнымъ исполнителемъ предначертаній, исходившихъ изъ Стамбула. Въ этомъ отношеніи турецкая служба Садыкъ-паши ничѣмъ, въ сущности, не отличалась отъ службы прочихъ турецкихъ генераловъ изъ иностранцевъ, принявшихъ мусульманство или даже независимо отъ послѣдняго условія, которому турецкое правительство никогда не придавало особеннаго значенія. Нѣкоторый подъемъ уровня военной дисциплины, объясняемый привходившими этимъ путемъ культурными вліяніями, безъ сомнѣнія могъ имѣть благопріятное значеніе, но только въ пользу того самаго порядка, при которомъ интересы славянскихъ національностей не находили правильнаго удовлетворенія.

Не лишеннымъ интереса отзвукомъ такого запутаннаго положенія дѣлъ служитъ изданная въ 1857 г. въ Парижѣ на польскомъ языкѣ книжка подъ заглавіемъ: „Козаччина въ Турціи“ (Kozaczyzna w Turcyi, przez X. K. O. W druk. L. Martinet). Здѣсь приводятся оффиціальные документы объ организаціи козацкихъ ополченій, нѣкоторыя историческія справки о связяхъ организованныхъ въ турецкихъ предѣлахъ козацкихъ поселеній съ запорожскими козаками, странныя выдержки изъ памятниковъ мѣстнаго пѣсеннаго и музыкальнаго творчества. Отбрасывая спеціально-политическую сторону этого труда, авторъ котораго задался цѣлью возвеличить Садыкъ-пашу, нельзя не признать однако, что книга производитъ крайне смутное и тягостное впечатлѣніе. Стремленіе нѣкоторыхъ остатковъ стараго козачества въ турецкіе предѣлы имѣетъ свое естественное историческое объясненіе; обрисовать тѣ новыя условія, въ которыхъ оказалось пришлое населеніе въ Турціи, разъяснить особенности его быта и обста-

новки—задача, нерѣдко привлекавшая къ себѣ вниманіе ученыхъ изслѣдователей; съ этой стороны, ничего нельзя возразить противъ попытокъ въ этомъ направленіи, съ какой бы стороны онѣ ни исходили. Но издатели помянутой книги взглянули на дѣло нѣсколько иначе — съ узко-политической точки зрѣнія. Историческій обзоръ малорусской колонизаціи въ турецкихъ предѣлахъ занимаетъ въ книгѣ второстепенное мѣсто. Стремленіе народныхъ группъ отыскать свойственныя имъ условія существованія не находитъ правильной оцѣнки въ книгѣ, которая такимъ образомъ имѣетъ цѣну обыкновеннаго политическаго памфлета, т. е. цѣну весьма относительнаго достоинства.

Такъ какъ связанные съ указаннымъ явленіемъ вопросы далеко еще не выяснены надлежаще, то казалось, что всякій новый матеріалъ въ этомъ отношеніи представляетъ самостоятельный интересъ, независимо отъ спеціальнаго освѣщенія его съ точки зрѣнія опредѣленной политической партіи. Соображеніе это побуждаетъ редакцію дать мѣсто на страницахъ „Кіев. Старины" воспоминаніямъ заслуженнаго турецкаго дѣятеля, принимавшаго близкое и непосредственное участіе въ дѣлахъ сопредѣленныхъ съ нашимъ отечествомъ славянскихъ областей Турціи. Факты личной дѣятельности покойнаго Садыкъ-паши представляютъ сами по себѣ интересъ второстепенный, но по ходу разсказа выясняются обстоятельства, которыя заслуживаютъ вниманія любителей историческаго чтенія, облегчая знакомство съ событіями и лицами малоизвѣстными или и вовсе неизвѣстными.

Квартируя съ своими отрядами главнымъ образомъ въ предѣлахъ нынѣшней Болгаріи, Садыкъ-паша, естественно, становился иногда въ самыя непримиримыя коллизіи съ своимъ славянскимъ призваніемъ, на которомъ онъ настаиваетъ неизмѣнно. Самая теорія его о роли козачества, какъ основной формирующей и организующей силы славянскаго племени, имѣетъ значеніе развѣ въ смыслѣ оправданія личной непослѣдовательности поведенія автора и неясности конечныхъ цѣлей дѣятельности. Какъ одно изъ своеобразныхъ теченій мысли, выбитой изъ логической колеи, теорія эта тѣмъ не менѣе представляетъ свой интересъ въ смыслѣ историческаго изученія. Небезъизвѣстно, что

факты суровой дѣйствительности возникаютъ не въ силу теорій, а, наоборотъ, послѣднія обыкновенно примыкаютъ къ фактамъ, почерпая изъ нихъ матеріалъ для спекулятивныхъ построеній. Быть можетъ, никогда еще не возникало построеній столь произвольныхъ и смутныхъ, какъ теорія, которую развивалъ покойный турецкій военачальникъ. Между тѣмъ, теорія имѣла притязаніе опереться на историческихъ посылкахъ. Здѣсь будетъ у мѣста обратить вниманіе на то обстоятельство, что для правильной постановки этихъ посылокъ требовалось бы подробное историческое изученіе, а такого изученія именно не доставало покойному Садыкъ-пашѣ. Его экскурсіи въ область польско-русской исторіи до такой степени элементарно-неумѣлы и произвольны въ самыхъ основаніяхъ своихъ, что представляется излишнимъ каждый разъ возстановлять истинной смыслъ и характеръ историческаго явленія, на которое ссылается авторъ. Посвятивъ свои силы, въ качествѣ литератора, главнымъ образомъ беллетристикѣ, Садыкъ-паша считалъ себя не слишкомъ связаннымъ требованіями историческаго безпристрастія, и беллетристическую манеру свою перенесъ на обсужденіе вопросовъ чисто-историческихъ и культурныхъ. Здѣсь не мѣсто входить въ ближайшую оцѣнку беллетристическихъ работъ покойнаго. Принадлежность ихъ къ т. наз. украинской школѣ въ польской литературѣ, т. е. къ циклу работъ, связанныхъ съ именами Мальчевскаго, Іосифа Залѣсскаго, Северина Гощинскаго и др. польскихъ литераторовъ, не можетъ быть установлена на сколько-нибудь прочныхъ основаніяхъ. По выраженію одного изъ историковъ литературы, Чайковскій въ своихъ украинско-польскихъ повѣстяхъ „опошлилъ“ козачество Украины и ея преданія, и такой суровый приговоръ едва ли можно оспаривать безусловно. Лишь незначительная часть повѣстей и разсказовъ покойнаго переведена на русскій языкъ, а что переведено, то забыто навѣки. Поэтому, быть можетъ, будетъ умѣстнѣе не возвращаться къ этому вопросу. Въ посмертныхъ запискахъ покойнаго имѣется богатый матеріалъ для объясненія характера его литературныхъ работъ.

Къ концу 1870 г. служебныя обстоятельства Садыкъ-паши сложились самымъ неблагопріятнымъ образомъ, онъ долженъ

былъ выйти въ отставку, а въ декабрѣ 1872 года возвратился, съ разрѣшенія властей, въ Россію. Быть можетъ, многимъ еще памятна его политическая исповѣдь (напеч. въ газ. „Кіевлянинъ“ за 1873 г., № 4), имѣвшая цѣлью объяснить поворотъ во взглядахъ, который казался нѣсколько неожиданнымъ для многихъ его соратниковъ и друзей. Полемика, завязавшаяся у Чайковскаго съ заграничной прессой въ связи съ тѣмъ же вопросомъ, кромѣ общей принципіальной основы своей, имѣла цѣлью выяснить также и нѣкоторые факты личной дѣятельности его въ Турціи въ качествѣ генерала и человѣка, близкаго къ эмигрантамъ по своимъ стремленіямъ. Нѣкоторыя выдержки изъ этой полемической переписки были напечатаны въ газ. „Кіевлянинъ“ 1873 г. (№№ 134—136). Въ той же газетѣ Чайковскій помѣстилъ небольшую повѣсть „Съ устьевъ Дуная“ („Кіевл.“ 1873 г. №№ 9—27). Кромѣ того, въ „Рус. Вѣстникѣ“ за 1873 г. была напечатана большая повѣсть его „Болгарія“ (№№ 6—11). Повидимому, покойный намѣренъ былъ остаться на жительствѣ въ Кіевѣ и продолжать литературную дѣятельность въ духѣ своей политической исповѣди, но обстоятельства сложились неблагопріятно для литературной работы сколько нибудь замѣтной и вліятельной. Въ уединеніи черниговской деревни покойный собралъ свои воспоминанія съ самаго ранняго дѣтства и вплоть до окончанія служебной карьеры въ Турціи, постарался разсказать свою жизнь въ связной формѣ и вмѣстѣ съ этимъ выяснить обстоятельства и характеризовать лицъ, среди которыхъ ему приходилось вращаться. Въ извѣстной степени, автобіографія Чайковскаго есть вмѣстѣ съ тѣмъ и его profession de foi, и его самооправданіе. Огромный рукописный трудъ покойнаго нерѣдко затрогиваетъ лица и событія, характеристика которыхъ не входитъ въ задачи журнала. Поэтому, извлеченъ былъ главнымъ образомъ матеріалъ, имѣющій значеніе для историческаго изданія. Воспоминанія изъ дней юности, повидимому, утратили въ умѣ покойнаго свою первоначальную свѣжесть, и пробѣлы памяти иногда пополняются поэтому нѣсколько поспѣшно, но самыя ошибки эти представляютъ нѣкоторый интересъ для характеристики настроенія

писателя, жизнь котораго сложилась столь необычнымъ образомъ.

Отдѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ существенное отъ случайнаго, навѣяннаго настроеніемъ и предвзятой доктриной, весьма нетрудно; поэтому записки печатаются въ неизмѣненномъ видѣ, за исключеніемъ необходимыхъ выпусковъ.

Вопросу о такъ называемомъ козакофильствѣ и роли М. Чайковскаго въ этомъ движеніи была посвящена особая статья въ „Кіевской Старинѣ", выходившей въ то время подъ редакціей покойнаго Ѳ. Г. Лебединцева („Кіевская Старина" 1886 г. № 4, стр. 763—777—изложеніе статьи Фр. Равиты въ №№ 7 и 8 польскаго журнала „Нед. Обозрѣніе" за 1886 г.).

I.

Мое рожденіе и воспитаніе.—Отецъ моей матери.—Хроника Брюховецкаго.—Моя мать.—Учебное заведеніе Вольсея.—Учителя; ихъ политическій сеймъ.

Я родился въ селѣ Гальчинцѣ, волынской губ. житомирскаго уѣзда, въ кодненскомъ приходѣ, въ 13 верстахъ отъ Бердичева, этого торговаго Іерусалима израиля, въ приднѣпровской Руси, въ 9 верстахъ отъ „святой" Кодни, гдѣ карали гайдамаковъ Гонты и Желѣзняка мечемъ, коломъ и висѣлицей во славу короля польскаго и Рѣчи Посполитой. Такой страхъ былъ наведенъ тогда на украинскій людъ, что до сего дня этотъ людъ, произнося угрозу или проклятіе, повторяетъ: „щобъ тебе свята Кодня не мынула!".

Отецъ мой, Станиславъ Чайковскій, былъ почетнымъ городничимъ кіевскимъ, старостой даничевскимъ, подкоморіемъ житомирскимъ и посломъ на сеймъ 3 мая отъ воеводства кіевскаго. Мать моя была дочь Михаила Гленбоцкаго, войскаго овручскаго и маршалка того же повѣта, и Елены, урожденной Брюховецкой, отъ ея второго брака. Она была внучкой извѣстнаго запорожскаго атамана Ивана Брюховецкаго, который послѣ сорока четырехъ походовъ на Крымъ, Молдавію, московское государство и Польшу, всегда побѣдоносныхъ и ознаменованныхъ убійствами

и пожарами, умеръ отъ горя и гнѣва, что долженъ былъ вернуться отъ Перекопа, сжегши только три города и десятка три селъ и взявши въ ясыръ лишь около трехъ тысячъ татаръ. Онъ не дошелъ до Сѣчи, сердце его разорвалось отъ боли и онъ скончался въ пустынной степи. Козаки насыпали надъ его тѣломъ высокую могилу.

Послѣ него моей матери досталось въ наслѣдство семь огромныхъ книгъ, переплетенныхъ въ пергаментъ, исписанныхъ имъ собственноручно прозой и стихами по польски, по русски и по латыни. То была странная мозаика разсказовъ, сентенцій, сужденій, рецептовъ, правилъ, исполненныхъ остроумія и мудрости, очень любопытныхъ. Когда я научился азбукѣ и читалъ уже по печатному, я любилъ разбирать по складамъ, а потомъ и читать въ такихъ родовыхъ хроникахъ эти драгоцѣнныя писанья. Это было вторымъ Евангеліемъ моихъ дѣтскихъ лѣтъ.

Отецъ моей матери, Михаилъ Гленбоцкій, былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей на Волыни и Украинѣ шляхты, занятой озорничествомъ и наѣздами. Онъ былъ грознымъ шляхтичемъ для козаковъ, гордымъ козакомъ для ляховъ и завзятымъ полякомъ для русскихъ и нѣмцевъ. Хоть человѣкъ стариннаго покроя, онъ былъ не дуракъ, умѣлъ и скопить, и пожить.

Назначенный вмѣстѣ съ региментаремъ Стемпковскимъ судить и карать гайдамаковъ Гонты и Желѣзняка, имѣя въ своихъ рукахъ jus gladii (право жизни и смерти), онъ разсудилъ такъ: „если убьешь или повѣсишь человѣка, онъ не будетъ уже отрабатывать ни „панщины“, ни „даровизны“. Онъ поилъ токайскимъ и портвейномъ региментаря Стемпковскаго, а гайдамаковъ по десятку и по два выпускалъ на свѣтъ Божій, и отправлялъ на слободы, чтобы они каялись въ грѣхахъ, отбывая панщину во славу Божію и на пользу пана войскаго овруцкаго. Такимъ образомъ онъ населилъ шесть селъ: Солотвинъ, Гальчинецъ, Зарбинцы, Сѣмаки, Агатовку и Раскопаную Могилу.

Кодня и три села принадлежали стольнику Гленбоцкому, племяннику войскаго. Послѣ смерти первой жены, отъ которой онъ имѣлъ троихъ дѣтей: мою мать, Михаила и Фелиціана Гленбоцкихъ, войскій женился на вдовѣ племянника, имѣвшей

отъ перваго мужа двухъ дочерей: Станиславу и Анну, и прижилъ съ этой второй женой двухъ сыновей: Яна-Канта и Іосифа Гленбоцкихъ. Тогда то онъ завладѣлъ Коднещиной, а послѣ первой жены получилъ Пархимовщину въ дальней Украинѣ, Зороковщину въ житомирскомъ повѣтѣ; отъ предковъ же онъ унаслѣдовалъ Голубовщину въ лѣсахъ овруцкихъ, и Видыборъ и Жадки въ радомысльскомъ повѣтѣ, словомъ онъ былъ, какъ говорится, *панъ на всю губу*. И вездѣ хозяйство его шло наилучшимъ образомъ.

Когда я сталъ уже одѣваться по козацки, Гленбоцкій, хотя войска Наполеона уже ушли изъ Россіи, безпрестанно собирался на войну, на помощь великому Наполеону, но самъ то онъ едва могъ двигать ногами. Русское правительство, принимая во вниманіе возрастъ, значеніе среди мѣстныхъ помѣщиковъ и состоятельность моего дѣда, а также въ виду заслугъ одного изъ моихъ дядей въ русскомъ императорскомъ войскѣ, смотрѣло сквозь пальцы на несбыточныя фантазіи стараго войскаго.

На его дворѣ было 300 вооруженныхъ конныхъ козаковъ подъ предводительствомъ усатаго атамана, по прозванію Пшеничнаго. Было у дѣда много „резидентовъ“ или личныхъ адъютантовъ, а именно: ротмистръ драгунскаго полка королевы Ядвиги панъ Дрозджевскій, панъ Игнатій Стржемецкій, придворный поэтъ панъ Кожуховскій, который писалъ стихи безъ риѳмы и безъ соблюденія размѣра, нѣсколько длинные для уразумѣнія содержанія, и русскій статскій совѣтникъ панъ Шилькнехтъ, лѣкарь-курляндецъ, который лѣчилъ пана войскаго и редактировалъ для него газетныя извѣстія о побѣдахъ Наполеона и воззваніяхъ этого богатыря къ пану войсковому овруцкому, и за это получилъ въ подарокъ хорошенькое сельцо изъ ключа, тянувшаго къ Зорокову, гдѣ проживалъ мой дѣдушка.

Людно было у пана войскаго, и все онъ собирался на войну: трубы трубили подъ окнами, козаки Пшеничнаго на украинскихъ скакунахъ гарцовали по двору, вороной конь пана войскаго, на котораго онъ никогда не садился, богато осѣдланный, ржалъ у крыльца, а самъ панъ войскій поглаживалъ пистолеты и саблю, хотѣлъ подняться, не поднялся, упалъ въ

кресло и закричалъ: „Ну, бѣда не велика. Василько! дай ромашки, завтра поѣдемъ, пускай Пшеничный велитъ завтра готовиться въ походъ, а пана совѣтника Шилькнехта попроси написать великому Наполеону отъ меня, что я мигомъ поспѣшу!“

И эти сборы, и это откладыванье похода на завтра повторялись ежедневно.

Когда мой отецъ прислалъ къ дѣдушкѣ гонца съ увѣдомленіемъ, что у него родился внукъ, панъ войскій обрадовался и воскликнулъ: „пускай его назовутъ Михаиломъ и не прибавляютъ больше ни одного имени, пускай Архангелъ будетъ его хранителемъ и никто другой, такъ будетъ хорошо!“.

Удивительный человѣкъ былъ панъ Михаилъ Гленбоцкій. Гордый шляхтичъ, оригиналъ въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ имѣлъ и хозяйственный умъ, и сердце, любилъ Польшу, но по своему, и когда гордость овладѣвала имъ, все отходило на второй планъ; какъ настоящій лѣсной вепрь, онъ фыркалъ и разилъ клыкомъ направо и налѣво, куда попало, и безпрестанно повторялъ:

„Я шляхтичъ, но не нынѣшній; еще при Ягеллонахъ славны были Доливы (гербъ Гленбоцкихъ); когда имъ не хватило мѣста, они пошли козаковать на Днѣпръ и за пороги. Гленбоцкій заложилъ Глубокое, и полкъ глубоцкій былъ такъ же славенъ, какъ полтавскій, нѣжинскій. Когда Мазепа наварилъ пива, Гленбоцкіе пили его до дна вмѣстѣ съ Войнаровскими, Киселевскими, Городинскими. То были Гленбоцкіе, а не кто другой!

Такъ онъ настраивалъ себя, ворча подъ носъ, а потомъ кричалъ по своему обыкновенію.

Генералъ Корженевскій, въ то время бригадиръ литовской народной кавалеріи, владѣлецъ трехъ городовъ и нѣсколькихъ десятковъ селъ, добивался руки моей тетки Станиславы Гленбоцкой. Такъ какъ войскій слышалъ, что бригадиръ былъ противникомъ барской конфедераціи и имѣлъ сношенія съ гетманомъ Браницкимъ, то не хотѣлъ согласиться на этотъ бракъ. Дѣвушка, съ согласія и вѣдома матери и братьевъ, убѣжала; послѣ вѣнца молодые пріѣхали и пали въ ноги войскому. Войскій схватилъ

палку и до тѣхъ поръ билъ лежавшаго бригадира, пока палка не сломалась. Тотчасъ однако далъ за дочерью Кодню, сдѣлалъ пышное приданое, не жалѣлъ денегъ, но до смерти не хотѣлъ видѣть этихъ супруговъ.

Таковъ то былъ мой дѣдушка, любимцемъ котораго я сталъ съ самаго рожденія. Умирая, отецъ оставилъ меня почти груднымъ ребенкомъ, а мать, молодая, одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ на Украинѣ, умная, богатая, не хотѣла вступить въ новый бракъ, хотя ея руки искали многіе. Она хотѣла вырастить изъ единственнаго сына настоящаго козака. По волѣ дѣда, меня одѣли по козацки, на голову надѣли козацкую шапку, къ которой было прикрѣплено перо цапли, какъ у давнихъ гетмановъ украинскихъ и запорожскихъ.

Разъ дѣдъ пригласилъ мѣстнаго старосту, и двухъ почтенныхъ помѣщиковъ сосѣдей, въ качествѣ свидѣтелей, и сдѣлалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ записалъ мнѣ все свое значительное имѣніе, выдѣливъ своимъ четыремъ сыновьямъ части, которыми они владѣли, а дочерямъ то, что было уже отдано имъ въ приданое. Взявъ меня за подбородокъ, онъ сказалъ:

„По мнѣ козакъ—это и есть шляхтичъ!“ и, показывая гербовую печать отца, прочиталъ на ней девизъ: „Богъ и я со мною!“

„Видишь, ваша милость, ни на кого не надѣйся, какъ только на Бога и на себя, а Богъ тебя не оставитъ!“

Все это врѣзалось мнѣ въ память.

Это завѣщаніе мать моя, по смерти дѣда, возвратила роднымъ и на мою долю не досталось ничего, кромѣ настроенія на высокій тонъ, да козацко-шляхетскаго воспитанія, какое было мнѣ дано.

Мать моя, помимо любви и привязанности, которыя она питала къ своему единственному сыну, всѣми силами старалась сдѣлать изъ меня козака и по духу, и по плоти. Гончихъ, лошадей, соколовъ — всего было у меня въ избыткѣ. Первымъ моимъ учителемъ былъ панъ А., страстный украинецъ — козакъ, и большую часть своихъ уроковъ я бралъ, сидя на конѣ. Кромѣ этого учителя, у меня былъ старикъ дядька, по имени Левко, который разсказывалъ мнѣ сказки о знахаряхъ и чаро-

дѣяхъ, передавалъ казацкія преданія, показывалъ въ окрестностяхъ урочища, гдѣ происходили различныя битвы, и пѣлъ козацкія думки. Мать мнѣ всегда повторяла: „Не трогай чужого имущества и не вмѣшивайся въ чужія дѣла, но и не позволяй мѣшаться въ твои; совѣта слушай, но имѣй свое мнѣніе, а если что началъ дѣлать, то дѣлай, не позволяй себѣ бросать начатаго дѣла ни изъ-за трудности его, ни изъ страха; никому на навязывайся со своимъ мнѣніемъ, но никому не позволяй пренебрегать имъ; въ своей жизни будь не тростью, а дубомъ; въ сто разъ лучше позволить сломить себя, разбить въ дребезги, чѣмъ гнуться то въ ту, то въ другую сторону; предъ низшими не задирай головы, а предъ высшими не гнись въ дугу; на людскія дѣянія не смотри, а за свои отвѣчай предъ Богомъ и самимъ собою. Живи по божески.

Кромѣ меня у моихъ родителей было пять дочерей. Старшая, Маріанна, вышла замужъ за Карла Ружицкаго; Анна умерла на седьмомъ году; Пелагея, умершая на 18-мъ, была чрезвычайно красива; Катерина вышла за Іосифа Сосницкаго, надворнаго совѣтника; и Алоиза, которая, по неосторожности мамки, осталась калѣкой. Въ семьѣ мы очень любили другъ друга. Я былъ любимцемъ не только моихъ сестръ, но и всей фамиліи Чайковскихъ, а особенно Ѳеодосіи Чайковской, впослѣдствіи жены маршалка Третьяка, женщины съ горячимъ сердцемъ и пылкимъ воображеніемъ, рожденной быть женщиной — богатыремъ прежнихъ временъ; родъ Ястрембцевъ былъ для нея святыней; слава и значеніе этого рода были для нея навѣрное дороже ея личнаго счастья. Она и моя сестра Ружицкая дали мнѣ наиболѣе доказательствъ своей привязанности; моя сестра любила меня, какъ брата, а Ѳеодосія Третьякова, какъ Чайковскаго-Ястрембца.

На девятомъ году меня отдали въ школу.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ войны 1812 г. нѣкто Вольсей, изъ знатной англійской фамиліи, въ награду за преподаваніе великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, братьямъ императора Александра I, былъ назначенъ директоромъ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ. Наплывъ учениковъ былъ большой и лицей пользовался отличной репутаціей, вполнѣ заслуженной. Ве-

ликороссы, поляки и украинцы различныхъ фамилій присылали своихъ дѣтей въ это заведеніе. По ничтожному поводу возникло разногласіе между княземъ Воронцовымъ, намѣстникомъ Новороссіи, и Вольсемъ; гордый англичанъ подалъ въ отставку и переселился въ Бердичевъ, гдѣ князь Матвѣй Радзивиллъ далъ ему обширный домъ съ прекраснымъ паркомъ и 300,000 злотыхъ польскихъ на устройство лицея.

Три четверти учениковъ и почти всѣ учителя перешли изъ Одессы въ Бердичевъ.

Вольсей очень любилъ разсказывать о причинѣ своего перехода и проводить параллель между кн. Воронцовымъ и кн. М. Радзивилломъ.

Обыкновенно въ Одессѣ при Вольсеѣ каждое воскресенье десять учениковъ по очереди бывали на обѣдѣ и на вечерѣ у новороссійскаго намѣстника. Однажды, по случаю прибытія гетманши Браницкой, кн. Воронцовъ прислалъ къ Вольсею адъютанта, скорѣе, вѣроятно, съ просьбой, чѣмъ съ приказаніемъ, чтобы въ числѣ 10 учениковъ находился и молодой Воронцовъ. Вольсей отвѣтилъ, что за лѣность молодой Воронцовъ не пойдетъ на вечеръ. Адъютантъ явился вторично, но уже съ прика-казаніемъ, чтобы молодой Воронцовъ былъ на вечерѣ. Тогда Вольсей велѣлъ ему вывернуть мундиръ подкладкой наружу и такъ одѣтаго привезъ самъ во дворецъ и сдалъ на руки отцу, вручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ прошеніе объ отставкѣ. Ничто не могло отклонить его отъ этого шага, даже настоянія кн. Воронцова и другихъ лицъ.

Въ Бердичевѣ въ школѣ Вольсея былъ родной племянникъ князя Матвѣя, князь Францискъ Радзивиллъ. Онъ питалъ величайшее отвращеніе ко всякой наукѣ. Послѣ всевозможныхъ попытокъ и наказаній, Вольсей отослалъ его къ дядѣ съ письмомъ, гдѣ говорилъ, что было бы безсовѣстно брать деньги за такого олуха, котораго нельзя ничему научить. Князь Матвѣй оставилъ племянника у себя, а Вольсею послалъ новую запись на 50,000 злотыхъ польскихъ, долженствовавшихъ служить вѣчнымъ фундушемъ для воспитанія двухъ Ржевускихъ, разысканіе которыхъ между бѣдными Ржевускими возлагалъ на Вольсея, говоря, что

старая польская пословица гласитъ: „никто еще не видѣлъ умнаго Радзивилла такъ же, какъ никому не случалось встрѣтить глупаго Ржевускаго“, поэтому, если Радзивиллы не хотятъ учиться, а имѣютъ деньги, то пусть платятъ, а Ржевускіе пусть учатся, потому что Польшѣ нужны умные люди.

Заведеніе Вольсея было совершенно отлично отъ всѣхъ другихъ, какія существовали въ краѣ и какія мнѣ приходилось встрѣчать въ моихъ путешествіяхъ по чужимъ странамъ.

Въ основаніи его лежали военные порядки въ полномъ смыслѣ этого слова. Приходящихъ не было, были только одни интерны. Въ училищѣ было шесть классовъ; каждый классъ отличался отъ другихъ выпушками различныхъ цвѣтовъ на гранатовомъ мундирѣ уланскаго покроя. Въ первомъ классѣ воротникъ, обшлага, лампасы и выпушки были ярко зеленые, во 2-мъ — свѣтло-голубые, въ 3-мъ — желтые, въ 4-мъ — бѣлые, въ 5-мъ—пунсовые, въ 6-мъ—малиновые. У всѣхъ были пики со значками и деревянные палаши. Воспитанники по очереди исполняли обязанности унтеръ-офицеровъ, а въ каждомъ классѣ былъ инспекторъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ обязанности офицера.

Ночью, по очереди, отбывали караулы въ разныхъ мѣстахъ у воротъ. Обходы и патрули ходили по огромному дубовому парку, чтобы воспитанники привыкали къ службѣ и отвагѣ.

Обязательно учили обращаться съ оружіемъ и ѣздить на конѣ. Кто хотѣлъ, могъ держать своего коня, а у кого коня не было, тотъ ѣздилъ на лошадяхъ заведенія.

Въ каждой комнатѣ жило по десяти учениковъ, и къ нимъ былъ приставленъ особый инспекторъ; по очереди каждый ученикъ въ комнатѣ былъ служителемъ; на немъ лежала обязанность заботиться о чистотѣ комнаты и самихъ учениковъ; каждый ученикъ долженъ былъ самъ стлать постель и держать въ порядкѣ свои вещи; служителя должны были только чистить сапоги и одежду и приготовлять воду для умыванья.

Одѣвшись, всѣ выходили въ большую залу, а въ хорошіе и теплые дни на крыльцо въ садъ, гдѣ за столами съ приборами для кофе и чаю сидѣла г-жа Вольсей и другія по-

чтенныя дамы, которыхъ въ заведенiи было нѣсколько, и наливали кто чего хотѣлъ, кофе или чаю. Съ учениками обходились какъ со взрослыми людьми. Если кто чѣмъ нибудь злоупотреблялъ или велъ себя неприлично, то его не наказывали тотчасъ, а инспектора зорко слѣдили за нимъ и все, что замѣчали, тотчасъ записывали въ книжечки и вносили въ рапорты.

Послѣ чаю шли учиться.

Въ десятомъ часу утра былъ завтракъ изъ двухъ или трехъ блюдъ, отлично приготовленныхъ. Было шесть большихъ столовъ. За однимъ предсѣдательствовалъ самъ Вольсей, за другимъ—г-жа Вольсей, за прочими—наиболѣе уважаемые профессора. Передъ завтракомъ всѣ служащiе подавали Вольсею письменные рапорты. Онъ ихъ читалъ, часто вызывалъ какого нибудь ученика изъ-за стола, осматривалъ его одежу, смотрѣлъ, вымыты ли у него уши и руки. Приходили съ рапортами учителя и инспектора. Передъ обѣдомъ читалось о назначенныхъ наказанiяхъ и замѣчанiяхъ или похвалахъ, кто чего заслужилъ. Послѣ обѣда—прогулка въ паркѣ или за городомъ, а послѣ прогулки — въ комнатахъ — чай, разговоры и разныя забавы.

По воскресеньямъ и праздникамъ чаще всего приходилъ пансiонъ пани Вигилиновой, состоявшiй изъ нѣсколькихъ десятковъ дѣвицъ; приходили и разные гости; была музыка, танцы. Каждый ученикъ долженъ былъ учиться танцовать и играть на какомъ нибудь инструментѣ, который самъ себѣ выбиралъ. Иногда ходили на вечера къ пани Вигилиновой и въ частные дома, нѣсколько человѣкъ по очереди. На этихъ собранiяхъ Вольсей больше всего остерегался наказывать учениковъ, но старался обходиться съ ними какъ съ людьми взрослыми, свѣтскими, а ихъ прегрѣшенiя заносились въ рапорты, куда записывались успѣхи въ наукахъ, выговоры, наказанiя, какiя кто заслужилъ.

Тѣлесныхъ наказанiй не было, но были разныя другiя; о нѣкоторыхъ изъ нихъ упомяну. На малую порцiю, въ больницу—велятъ хворать въ видѣ наказанiя; кормили тамъ овсянымъ супомъ, въ учебные часы одѣвали въ мундиръ и отправляли въ

классы, по окончаніи уроковъ опять надѣвали халатъ и колпакъ, и маршъ въ больницу! И такъ иногда держали по цѣлымъ недѣлямъ. Военные аресты, двойная служба, устраненіе отъ забавъ и прогулокъ.

По понедѣльникамъ и вторникамъ мы говорили обязательно по французски, по средамъ по русски, по четвергамъ по польски, по пятницамъ по нѣмецки, по субботамъ по латыни, въ воскресенье кто на какомъ языкѣ хотѣлъ; за нарушеніе правилъ о языкахъ полагались денежные штрафы въ пользу бѣдныхъ.

Науки проходились по программамъ, предписаннымъ коммиссіей, въ которой предсѣдательствовалъ кн. Адамъ Чарторыйскій, а однимъ изъ членовъ былъ Ѳаддей Чацкій.

Преподаватели были выборные. Между ними были: Артымовскій, впослѣдствіе профессоръ польской литературы въ петербургскомъ университетѣ и ректоръ этого университета (?), два Антоновича, одинъ математикъ, другой физикъ, Максимовичъ, которому Украина обязана сборникомъ народныхъ пѣсенъ (?), Падура, пѣвецъ козачества, Кисловскій, издатель бердичевскаго календаря босыхъ кармелитовъ, астрономъ бердичевской обсерваторіи, генералъ графъ де-Линьи, французскій эмигрантъ, Курцъ, знаменитый танцоръ изъ балета короля Станислава, и Черни, извѣстный въ музыкальномъ мірѣ музыкантъ и композиторъ. Полковникъ Ободынскій давалъ уроки верховой ѣзды, какъ знатокъ искусства.

Науки преподавались такъ хорошо, что послѣ посѣщеній графа Плятера и фельдмаршала Гудовича, попечителя учебныхъ въ юго-западной Россіи Украинѣ, заведеніе Вольсея было сдѣлано губернской гимназіей и получило всѣ права съ этимъ связанныя. Я долженъ сказать, что когда я по смерти Вольсея оставилъ Бердичевъ и отправился въ межирицкій лицей ксендзовъ піаровъ, то все, что я проходилъ въ 3-мъ классѣ въ Бердичевѣ, проходилось на курсахъ въ Межиричѣ и даже въ варшавскомъ университетѣ.

Учениковъ было 180. Поляки и козаки разныхъ фамилій составляли большинство учениковъ, но было много и русскихъ, какъ напр. Козловъ, впослѣдствіе извѣстный поэтъ (?), Лавровъ,

беллетристъ, три брата Игнатьевы, Александръ, Константинъ и Сергѣй, нѣсколько братьевъ Игельстромовъ; изъ поляковъ Баневскій, Проскура, Краевскіе и мн. др.; изъ козаковъ—Иловайскіе, Дмитріевъ, Чернозубовъ, нѣсколько Орловыхъ и Денисовыхъ, Платовъ и два брата Гиреи изъ Крыма. Это была славянская мозаика, но козацкій духъ бралъ верхъ и первенствовалъ потому, что преподаватели были горячими украинцами, и потому, что въ этомъ бердичевскомъ кружкѣ приготовлялись: запорожская старина, дума объ украинскихъ гетманахъ, пѣсни козацкія и малорусскія и столько иныхъ произведеній, которыя позднѣе вышли въ свѣтъ въ Харьковѣ, такъ какъ всѣ эти знаменитые люди, по смерти Вольсея, перешли въ харьковскій университетъ и были его профессорами. Они были творцами украинской школы, которая потомъ перешла за Днѣпръ и дала извѣстныхъ литераторовъ, поляковъ-украинофиловъ, и достойно вниманія, что почти всѣ эти господа были родомъ изъ окрестностей Махновки Мурованой (?) въ нынѣшнемъ бердичевскомъ уѣздѣ.

Какъ въ Бердичевѣ, такъ и въ Гальчинцѣ, куда въ каникулярное время съѣзжались эти профессора посѣтить мою мать, какъ дочь шляхтича-козака, я не разъ былъ свидѣтелемъ ихъ разговоровъ. По своимъ мнѣніямъ они дѣлились на два лагеря.

Одни были за возстановленіе козачества, какъ рыцарскаго сословія, которое въ славянщинѣ должно быть тѣмъ, чѣмъ крестоносцы и меченосцы были въ Германіи, тампліеры и мальтійскіе рыцари въ странахъ латинскихъ; доказывали, что при посредствѣ козацкаго сословія можно снова облагородить польское и русское дворянство, которое уже начало забывать о воинственности, которое пересаживается съ коня въ экипажи и готовитъ себѣ плохую будущность, упадокъ; доказывали, что въ козачествѣ сила, потому что, когда послѣ пораженія подъ Берестечкомъ Богданъ Хмельницкій, этотъ обновитель Руси, не могъ найти въ ней ни жизненности, ни силы и отчаявался въ Путивлѣ, тогда Иванъ Выговскій написалъ универсалъ: „отъ Донца и низовыхъ степей по Случь и за Случь каждому быть козакомъ!“ Черезъ нѣсколько дней Богданъ имѣлъ 100,000 ко-

заковъ, готовыхъ къ бою, и шелъ подъ Бѣлую Церковь вознаграждать злую случайность Берестечка; потому что козакъ—шляхтичъ, рыцарь, а посполитство—хлопство, община, громада, чернь, сволочь!

Противники отвѣчали, что предъ Богомъ всѣ люди равны, что такъ должно быть и по человѣческому праву, припоминали какіе то порядки великаго Новгорода, древнія учрежденія стараго Кіева. Прочь со шляхетствомъ и съ козачествомъ! говорили они, мы хотимъ свободы общины и основанной на ней свободы народности! Хотимъ Руси!

Первые возражали: безъ козачества, безъ дворянства у васъ будетъ демократія Гонты и Желѣзняка, убійства, пожары и опустошенія. Вотъ ваша Русь!

Тѣ опять отвѣчали: ваше козачество—бичъ на людъ Божій.

Вынимались старыя книги: лѣтописи Нестора, новгородскія, обращались даже къ хроникѣ моего прапрадѣда Брюховецкаго. Спорили, даже ссорились, расходились и снова сходились и остановились на томъ, что сынъ вдовы Остафій, сынъ Дашка Вишневецкаго, Богданъ Ружинскій, Петръ Конашевичъ-Сагайдачный и Иванъ Выговскій были дѣйствительно великіе вожди козацкаго сословія, славные мужи, аристократы рыцарства не только козацкаго, но и всеславянскаго, что Богданъ Хмельницкій, въ пьяномъ видѣ (?), изъ-за личныхъ счетовъ, изъ-за вынесенныхъ обидъ, оживилъ древнюю Русь, которая, разъ добровольно пристала къ Россіи и Литвѣ, не можетъ существовать иначе, какъ подъ скипетромъ царя русскаго или короля польскаго. Тотъ надъ ней господствуетъ, кто сильнѣе и разумнѣе. Русь Хмельницкаго была накипью, которая приводила къ накипи, къ демократіи, которая перевернула столько властей, истребила столько народа въ старое время, что Мазепа нечистыми способами, потому что они были іезуитскими, хотя самъ онъ и былъ православнымъ, хотѣлъ вернуться къ аристократіи, но ему это не удалось и онъ *нашелъ выходъ*, который былъ пагубнымъ для всякой народности; что Гонта былъ явнымъ вождемъ демократіи убійствъ, пожаровъ и истребленія, стремившейся къ уравненію всего.

Наконецъ согласились, что все зло не можетъ быть исправлено ничѣмъ инымъ, какъ всеславянствомъ, столицей котораго долженъ быть старый Кіевъ; что кто будетъ владѣтъ этимъ городомъ, чьей столицей онъ станетъ, тотъ будетъ господиномъ и владыкой стомилліоннаго славянства.

Все это я усердно слушалъ и запомнилъ, какъ Отче нашъ, какъ десять заповѣдей. Съ того дня, я безпрестанно думалъ объ этомъ козацко-славянскомъ союзѣ, ночью видѣлъ его во снѣ. Вся номенклатура: козачество, аристократія, демократія, всеславянство—гвоздемъ засѣла въ моей головѣ; съ этими понятіями я росъ, не отступалъ отъ нихъ въ моей политической жизни, и на мнѣ оправдалась пословица: каковъ съ молоду, таковъ и на старость.

II.

Закрытіе лицея Вольсея.—Фельдмаршалъ Гудовичъ.—Русскіе гусары и польскіе офицеры.—Тампліеры.—Императоръ Александръ.—Графъ Ururгъ.—Староста Бахтинскій.—Піары и базиліане.

Учебное заведеніе Вольсея существовало только три года. Этотъ знаменитый человѣкъ умеръ, и его заведеніе, несмотря на правительственное признаніе его гимназіей кіевской губерніи, распалось. Среди людей науки, которыми тогда изобиловала русская земля, можно было найти директора на мѣсто Вольсея, но возникли недоразумѣнія, учебнаго и политическаго характера, между графомъ Плятеромъ, визитаторомъ трехъ губерній отъ имени виленскаго университета, и фельдмаршаломъ Гудовичемъ, главнымъ попечителемъ учебныхъ заведеній въ этихъ губерніяхъ.

Графъ Плятеръ, человѣкъ просвѣщенный и ученый, но воспитанный іезуитами, приверженецъ ихъ доктрины, которая прежде всего имѣла въ виду римско-католическую церковь, единую и всеобщую, укрѣпленіе связи польской народности съ западомъ и отторженіе ея отъ востока, съ опасеніемъ смотрѣлъ на лицей, который въ полномъ смыслѣ слова 'тянулъ къ востоку и который, вслѣдствіе военныхъ основъ своихъ, прихо-

дился по сердцу польской шляхтѣ, бывшей въ ту пору очень воинственной и нерасположенной къ іезуитскимъ доктринамъ. Первѣйшія семейства посылали своихъ дѣтей въ лицей Вольсея. Кременецъ,—этотъ истинный свѣточъ на Волыни, дѣло князя Адама Чарторыйскаго и Ѳаддея Чацкаго,—который выпустилъ столько людей, славныхъ въ различныхъ отросляхъ наукъ и искусствъ, который вводилъ въ польскіе салоны французскіе обычаи и языкъ, который былъ исключительно польскимъ по своимъ стремленіямъ, безъ всякаго братанья съ прочими славянами россійской имперіи,—сталъ неспокойнымъ окомъ поглядывать на новое заведеніе, на его политическое направленіе и внутренній строй, и вліялъ на усиленіе опасеній графа Плятера, которому училище кременецкое было милѣе бердичевскаго.

Графъ Плятеръ былъ весьма ревностный католикъ, но все же его не такъ тревожило кременецкое вольтерьянство, къ которому онъ такъ привыкъ, какъ бердичевское козачество, напоминавшее ему злые часы Польши и Литвы и вѣшанье іезуитовъ, которыхъ братали съ жидами на висѣлицахъ. По смерти Вольсея онъ хотѣлъ, чтобы директоромъ былъ назначенъ католическій ксендзъ. Кн. Матвѣй Радзивиллъ отказывался отъ записи на лицей подъ управленіемъ ксендза; онъ имѣлъ большія неудовольствія съ католическимъ духовенствомъ, которое вытянуло у него большія суммы за разводъ его племянницы Юліи Радзивиллъ съ маршалкомъ Юдицкимъ и за разрѣшеніе вступить съ нею въ бракъ. Фельдмаршалъ Гудовичъ не утвердилъ ксендза и присоединилъ свой любимый лицей къ харьковскому университету.

Благодаря ревностному католицизму была сдѣлана великая ошибка. Не съумѣли воспользоваться расположеніемъ Гудовича, какъ умѣлъ пользоваться Чацкій.

Фельдмаршалъ Гудовичъ былъ истиннымъ украинскимъ козакомъ, гордый своимъ польскимъ шляхетствомъ, пожалованный за взятіе Анапы, крѣпости на чистомъ пескѣ, фельдмаршаломъ, онъ считалъ себя лучшимъ воиномъ на свѣтѣ. Онъ былъ человѣкъ мало образованный, но почтенный и очень любилъ козачество.

По удаленіи кн. Адама Чарторыйскаго отъ должности попечителя учебныхъ заведеній, на это мѣсто былъ назначенъ

фельдмаршалъ Гудовичъ, а Ѳаддей Чацкій попалъ подъ его начальство.

Разсказывали что когда то въ случайномъ разговорѣ, фельдмаршалъ спросилъ Чацкаго, кого онъ считаетъ первымъ изъ живущихъ теперь полководцевъ.

— Покорителя Анапы.

Фельдмаршалъ вскочилъ съ кресла и обнялъ Чацкаго.

— Вижу, справедливо, что ты первый мудрецъ въ теперешнее время.

Съ этого времени Чацкій что хотѣлъ, то и дѣлалъ, а фельдмаршалъ на все соглашался, все утверждалъ.

Одинъ изъ сыновей фельдмаршала былъ женатъ на Залѣсской, сестрѣ маршалка Северина Залѣсскаго, нашего сосѣда. Фельдмаршалъ, который давалъ банкетъ профессорамъ, уѣзжавшимъ въ Харьковъ, пригласилъ на этотъ пиръ маршалка Залѣсскаго, моего дядю Яна-Канта Гленбоцкаго, бывшаго товарищемъ по полку сыновей Гудовича, и велѣлъ, чтобы и меня привезли съ собою. Въ теченіе нѣсколькихъ дней шли великіе пиры, охоты, рыбныя ловли, танцы, пѣніе, музыка. Вся окрестная шляхта была приглашена. Была большая охота и облава съ гончими и сѣтями на волковъ. Я видѣлъ тогда, какъ старый фельдмаршалъ подходилъ къ мужикамъ, называлъ ихъ по именамъ, припоминалъ прежнія охоты, у одного выпилъ водки, у другого взялъ кусокъ запеченной солонины на пробу, хороша ли. Мальчишкамъ давалъ лакомства, садился у костра, и мужики пѣли ему украинскія думы, а мальчишки плясали передъ нимъ трепака и въ присядку, а онъ приговаривалъ: „туды-сюды", и въ этомъ былъ секретъ привязанности мужиковъ къ фельдмаршалу Гудовичу, которая доходила до обожанія. Фельдмаршальское величіе онъ оставлялъ во дворцѣ къ Чечельникѣ, а на охотѣ Гудовичъ, козакъ-шляхтичъ, братался съ народомъ.

Цѣлые три мѣсяца я оставался у матери и родственниковъ по закрытіи заведенія Вольсея, гдѣ провелъ лучшіе часы моей жизни. Пользовавшійся расположеніемъ директора, оцѣненный моими учителями, любимый товарищами, особенно козаками и русскими, которые впослѣдствіи дали мнѣ доказатель-

ства своей пріязни, горячей и постоянной, сознаюсь, что если я чему нибудь научился и что нибудь теперь знаю, то всѣмъ я обязанъ славнымъ учителямъ этой школы.

Падура, упрошенный дядей Кантомъ Гленбоцкимъ, оставался при мнѣ въ качествѣ учителя. Съ нимъ проводили мы цѣлые часы за перечитываніемъ хроники атамана Брюховецкаго. Остальное время мы охотились и ѣздили къ сосѣдямъ. Въ домѣ моей матери всегда было полно гостей и между ними очень много военныхъ, поляковъ и русскихъ. Это было въ послѣдніе годы царствованія Александра I, когда замѣтно было стремленіе правительства къ сближенію поляковъ и русскихъ, особенно военныхъ. Въ Бердичевѣ была главная квартира гусарской дивизіи, состоявшей изъ 4 полковъ: александрійскаго, ахтырскаго, маріампольскаго и принца Оранскаго. Это были полки, кутившіе, можетъ быть, слишкомъ по гусарски, но состоявшіе изъ офицеровъ, прекрасно воспитанныхъ и принадлежавшихъ къ лучшимъ фамиліямъ Россіи, Польши и Курляндіи.

Въ Ковлѣ былъ штабъ отряда польской пѣхоты, пяти конныхъ стрѣлковыхъ полковъ и четырехъ уланскихъ. Тамъ также былъ очень старательный подборъ офицеровъ, это все были люди, отличившіеся въ наполеоновскихъ войнахъ, изъ почтенныхъ семействъ и хорошаго воспитанія.

Въ Житомирѣ была главная квартира корпуснаго командира, генерала Рота, родомъ эльзасца, бывшаго до французской революціи капитаномъ королевскаго нормандскаго полка, впослѣдствіи эмигрировавшаго и вступившаго въ русскую службу. Онъ былъ хорошій генералъ, отлично воспитанный человѣкъ, но суровый и требовательный по службѣ. Поэтому къ нему была прислана третья дивизія гусаръ для исправленія и вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было ознакомить другъ съ другомъ и сблизить поляковъ и русскихъ.

Скажу нѣсколько словъ, каковы были эти гусары. Не видано было ничего красивѣе, ничего воинственнѣе, какъ гусары на коняхъ на учебномъ плацу: кивера на бекрень, ментики развѣваются вѣтромъ, кони рвутся подъ всадниками, сабли свистятъ въ воздухѣ, а земля трескалась съ шумомъ и стономъ,

когда кони ударяли по ней копытами, а гусары кричали „ура! ура!“ Первый полкъ былъ маріампольскій, темносиній съ золотомъ, на гнѣдыхъ коняхъ; командовалъ имъ полковникъ Снарскій, литвинъ, зять фельдмаршала Витгенштейна. Другой, ахтырскій, табачнаго цвѣта съ золотомъ, на караковыхъ коняхъ; имъ командовалъ богачъ полковникъ Пашковъ, который покупалъ на свои деньги лошадей для полка. Третій, александрійскій, черный съ серебромъ, на вороныхъ коняхъ, подъ командой полковника Катарджи, бессарабца, дѣятельнаго командира. Четвертый, принца Оранскаго, темносиній, доломаны красные съ серебромъ и красные кивера, на сѣрыхъ коняхъ, подъ командой барона... курляндца, потомка рыцарей-меченосцевъ; полкъ этотъ назывался полкомъ Георгіевъ на коняхъ.

Въ салонахъ гусары, вопреки стихамъ Давидова, танцовали на паркетѣ, разговаривали о Жомини, и конечно ни въ одной странѣ не было болѣе образованныхъ и свѣтскихъ офицеровъ и быть не могло.

Ихъ гусарскія штуки, при всей своей жесткости, заключали въ себѣ много забавнаго, много остроумнаго, много оригинальнаго. Душею этихъ проказъ былъ графъ Штакельбергъ, ротмистръ александрійскаго полка. Разскажу о нѣкоторыхъ.

Феликсъ Залѣсскій, маршалокъ кіевскаго повѣта, имѣлъ обыкновеніе обращать вниманіе на количество лошадей, запряженныхъ въ экипажи пріѣзжавшихъ къ нему гостей и сообразно этому количеству назначалъ гостямъ высшее или низшее мѣсто за своимъ столомъ. Графъ Штакельбергъ зналъ объ этомъ обыкновеніи. Въ день имянинъ, на которыя съѣхались важные сановники—фельдмаршалъ баронъ Сакенъ, генералъ Ротъ, губернаторъ, генералы,—когда всѣ уже были въ гостиныхъ, вдругъ услышали звонъ колокольчиковъ, а на длинной плотинѣ, ведшей ко двору маршалка, увидѣли рядъ троекъ. Впереди десять троекъ, одна за другой и на каждой только ямщикъ, за десятой тройкой ѣхалъ экипажъ, въ которомъ возсѣдалъ, развалившись, ротмистръ Штакельбергъ въ парадной формѣ. Подъѣхавши къ крыльцу, онъ выскочилъ изъ экипажа, вбѣжалъ въ въ столовую и стремительно сѣлъ на первое мѣсто за накрытымъ столомъ, крича:

— Неуступлю своего мѣста, я добился перваго мѣста по праву и обычаю; прошу провѣрить.

Этому много смѣялись и Штакельбергъ остался на первомъ мѣстѣ.

Однажды въ нашемъ домѣ этотъ ужасный ротмистръ съѣхался съ докторомъ Шлемеромъ, чехомъ по происхожденію, извѣстнымъ въ окрестности не столько своимъ врачебнымъ искусствомъ, сколько остроуміемъ и веселымъ нравомъ. Они сидѣли за однимъ столомъ, но не были знакомы. Шлемеръ началъ разсказывать о бердичевской ярмаркѣ и о гусарскихъ проказахъ.

— Нужно вамъ знать, господа, что все творитъ этотъ бездѣльникъ Штакельбергъ; знаете его?

Штакельбергъ поправилъ усъ:

— Честь имѣю представиться, я и есть тотъ самый бездѣльникъ.

Шлемеръ спокойно сказалъ:

— Дайте стараго вина; выпьемъ за здоровье этого бездѣльника.

Выпили за его здоровье, и съ тѣхъ поръ завязалась сердечная дружба между ротмистромъ и докторомъ.

На ученьи генералъ Ротъ сказалъ Штакельбергу:

— Ротмистръ! ваша лошадь дурна.

Тотъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ лошадь хорошая, а только ротъ дурной.

Ротъ ничего не отвѣтилъ, но замѣтилъ это себѣ на память. Расхрабрившіеся гусары въ тотъ же самый день устроили печальный кортежъ, неся гробъ, подъ погребальнымъ покровомъ; подполковникъ Милорадовичъ предводительствовалъ процессіей; всѣ были въ полной парадной формѣ съ крепомъ на рукавахъ. Ротъ выслалъ своего адъютанта, Стенбока, узнать, чьи это похороны. Отвѣчали: „хоронимъ генерала Рота". Ротъ велѣлъ внести гробъ въ домъ. Открываютъ, а тамъ живая свинья. Безъ выраженій гнѣва, безъ крика посадилъ онъ гусаръ подъ арестъ. Состоялся формальный судъ. Восемь офицеровъ, съ подполковникомъ Милорадовичемъ во главѣ, были присуждены къ разжалованію въ солдаты. Штакельбергъ изъ гусарскихъ ротмистровъ

былъ сдѣланъ драгунскимъ капитаномъ. Представившись генералу въ каррикатурной драгунской формѣ, онъ подалъ въ отставку и гусары успокоились, а Ротъ добился своего, сдѣлалъ изъ своевольныхъ баричей дѣльныхъ офицеровъ, потому что эта третья дивизія стала одной изъ лучшихъ кавалерійскихъ дивизій.

Говорили, что своеволіе этого рода проникло во всѣ гусарскіе полки изъ сумскаго полка, у котораго за подобныя своеволія еще въ началѣ царствованія Императора Александра I были отняты темносиніе мундиры и даны сѣрые. Но во время наполеоновскихъ войнъ этотъ полкъ такъ отличился, что получилъ всѣ награды, какія только могли быть даны, и ему опять были возвращены темносиніе мундиры.

Боуеръ, Вѣжалинъ, Нѣстоенскій, Урургъ, Игельстромъ, Штакельбергъ, Крыжановскіе, Порадовскій, Моргулецъ—были истинными патріархами гусарства. И родъ оружія, и названіе вошли въ моду, а генералъ Давидовъ своими возвышенными и истинно народными стихотвореніями высоко поднялъ славу гусарства. Какъ же было шляхтичамъ, сынамъ высокой фантазіи, не стремиться въ гусары? И стремились. Гусары въ салонахъ волочились за барышнями такъ, что любо было, а мазурку отплясывали такъ, что душа радовалась и сердце замирало. На охотѣ они истребляли звѣриный родъ, на войнѣ были головорѣзами; къ тому же еще хорошо пили и водку и вино, но и о Жомини, и объ Окуневѣ и Броневскомъ говорили; кутили, чтобы не утратить традицій старыхъ гусаръ; читали и учились, чтобы идти въ уровень съ вѣкомъ и усовершенствовать новаго гусара.

Иная была физіономія у офицеровъ войска польскаго. Ихъ выборъ былъ сдѣланъ цесаревичемъ Константиномъ. Блендовскій, истинный Баярдъ польскаго рыцарства, Крыжановскій, мужъ непоколебимой доблести, самый щепетильный рабъ военной чести, Маевскій, который мечталъ о Польшѣ и только ту минуту своей жизни считалъ не потерянной, которую посвящалъ работѣ на пользу Польшѣ. Въ числѣ этихъ офицеровъ былъ и Карлъ Ружицкій, который женился на моей старшей сестрѣ.

Всѣ эти польскіе офицеры участвовали въ наполеоновскихъ войнахъ и каждый изъ нихъ, принимая участіе въ трудахъ, пріобрѣлъ часть вполнѣ заслуженной боевой славы. Всѣ почти были люди много читавшіе, много видѣвшіе и не могли не заслужить себѣ уваженія русскихъ офицеровъ. Они сразу вступили тогда въ самыя лучшія отношенія между собой. Я не слыхалъ ни объ одномъ поединкѣ, ни объ одномъ недоразумѣніи между офицерами двухъ славянскихъ народовъ.

Когда въ эту гусарскую дивизію вступили два Муравьева, Артамонъ командиромъ ахтырскаго, а Александръ—александрійскаго полка, Пашковъ былъ назначенъ бригаднымъ командиромъ, а Лашкаревъ дивизіоннымъ, нѣмцы стали выходить изъ дивизіи, а на ихъ мѣста стали поступать русскіе. Тотчасъ же завязались болѣе тѣсныя отношенія между офицерами русскаго и польскаго войскъ и начались разсужденія о славянскомъ вопросѣ, который русскіе офицеры уже хорошо понимали и о которомъ польскіе офицеры услышали, какъ о вещи для нихъ совершенно новой, чего имъ нельзя ставить въ вину, потому что поляки, отдѣлившись добровольно отъ славянъ въ религіи и политикѣ и отдавшись, такъ сказать, въ услуженіе нѣмцамъ и латинянамъ, утвердились въ своемъ заблужденіи, а въ литературѣ или не говорили о славянахъ, или извращали истину, чтобы не выказать своего заблужеенія, и погрязали все глубже и глубже въ нѣмецкую ложь.

Собранія и разговоры чаще всего происходили у двухъ полковниковъ Муравьевыхъ, къ которымъ съѣзжались офицеры всѣхъ родовъ оружія. За польскими офицерами и помѣщики стали посѣщать и принимать въ своихъ домахъ русскихъ офицеровъ. Началось настоящее братанье, и тогда то Маевскій, капитанъ польскихъ уланъ, одинъ изъ товарищей Козетульскаго, предсѣдатель Корвицкій и два брата Муравьевы, основали общество рыцарей-тампліеровъ, которые, какъ я слышалъ тогда отъ Карла Ружицкаго, имѣли цѣлью, по словамъ русскихъ, привести славянъ къ единству, а по словамъ поляковъ—къ установленію республикъ русской и польской отдѣльно. Хотя, повидимому, они не столковались другъ съ другомъ, но приняли посвя-

щеніе въ рыцари и остались тампліерами. Тогда то въ первый разъ сказалось открыто общее отвращеніе русскихъ и поляковъ къ австрійскимъ и прусскимъ нѣмцамъ. Говорилось о вѣроломствѣ, неблагодарности и злыхъ замыслахъ нѣмцевъ. Позднѣе тампліерство привело къ обществу зеленой книги, увы! не славянской, а американской. Кто знаетъ, быть можетъ, злой духъ ввелъ туда нѣмцевъ, чтобы извратить славянскую мысль? Нѣмцы готовы на все!

Принятіе въ тампліеры и разговоры о тампліерствѣ были такъ явны, что генералъ Гижицкій, волынскій губернаторъ, былъ нѣкоторымъ образомъ того мнѣнія, что цесаревичъ Константинъ видѣлъ въ этомъ тампліерствѣ, средства чтобы сблизить русскихъ съ поляками, такъ что, когда Северинъ Залѣсскій, маршалокъ житомирскій, самъ уже тампліеръ, предлагалъ даже самому Гижицкому вступить въ общество.

Падура и младшій А., который собирался уже выѣзжать въ Харьковъ, сильно противились этому названію тампліеры. Не разъ они спорили объ этомъ съ Карломъ Ружицкимъ и капитаномъ Маевскимъ. Зачѣмъ было не называться козаками, потому что это были единственные славянскіе рыцари. Мнѣ они безпрестанно повторяли: „когда выростешь, не становись тампліеромъ, а стань козакомъ, это истинные славянскіе рыцари!“

Въ тотъ годъ императоръ Александръ I проѣзжалъ чрезъ Житомиръ и соизволилъ принять приглашеніе на балъ, даваемый мѣстными помѣщиками. Губернаторомъ былъ тогда генералъ Гижицкій, зять мѣстнаго сенатора Ильинскаго, любимца императора Павла, маршалкомъ губернскимъ былъ Винцентій Ледоховскій, мужъ моей тетки, предсѣдателемъ перваго департамента генералъ Корженевскій, мужъ моей другой тетки. Мать привезла меня на это великое торжество. Меня одѣли въ мальтійскій мундиръ, потому что, когда я былъ еще въ колыбели, для меня было куплено за 6,000 рублей ассигнаціями мальтійское кавалерство, и я былъ представленъ императору.

До 14 лѣтъ я былъ очень малъ ростомъ и худъ, и выглядѣлъ какъ настоящій вдовинъ сынъ.

Императоръ велѣлъ мнѣ влѣзть на столъ, чтобы ему можно было разговаривать съ такимъ рослымъ помѣщикомъ.

Въ это время вблизи императора, возлѣ гетманши Ржевуской, стояли три прекраснѣйшія дамы на балу: Анеля Прушинская, жена президента Прушинскяго, истинная русалка чародѣйка съ Украйны, панна Пилявская, племянница президента Домбровскаго, и пани Орловская, урожденная Ярошинская.

Императоръ велѣлъ мнѣ пригласить одну изъ этихъ дамъ на мазурку; я, не колеблясь, выбралъ пани Орловскую, признаюсь, ради ея брилліантоваго мѣсяца.

Императоръ улыбнулся и сказалъ по французски Артуру Потоцкому:

— Rien d'étonnant, les chevaliers de Malte ont un culte pour Sainte Madelaine.

Самъ государь пригласилъ пани Прушинскую, Артуръ Потоцкій панну Пилявскую. Мазурка мнѣ удалась прекрасно. За ужиномъ я сидѣлъ возлѣ пани Орловской, пилъ шампанское и чувствовалъ себѣ очень хорошо.

Я не въ силахъ описать того энтузіазма, съ какимъ принимали императора Александра. Каждый полякъ готовъ былъ пожертвовать жизнью, имуществомъ, всѣмъ по одному его мановенію, а польки сходили съ ума отъ любезности государя.

Генералъ Урургъ, о которомъ я уже упоминалъ, былъ храбрый воинъ. Въ 1810 г. онъ командовалъ волынскими уланами. Когда подъ Рущукомъ, послѣ купанья въ Дунаѣ, на обозъ напали турецкіе спаги, то онъ и его уланы вскочили въ однѣхъ рубашкахъ на неосѣдланныхъ коней и, схвативъ пики, отразили нападеніе и нанесли страшное пораженіе спагамъ. Мой дядя, Янъ-Кантъ, служилъ въ то время подъ начальствомъ Ururга. Увлеченный необузданной лошадью, которая была изъ табуна моей матери, онъ нечаянно попалъ въ толпу турецкихъ спаговъ. Перепуганные спаги кричали: „аманъ, аманъ!" а мой дядя, знавшій нѣсколько словъ по турецки, повернулъ коня къ обозу и крикнулъ:—«бераберъ гиль»! (идите за мной), и отпустилъ повода лошади, которая привезла его къ обозу, а спаги слѣдовали за нимъ, и такъ они вступили въ обозъ. Турокъ было 36, но въ

рапортѣ гр. Ururgъ велѣлъ написать 360, а когда дядя исправилъ цифру, сказалъ: „не жалѣй бусурмановъ, пиши!“ И дядя за этотъ подвигъ былъ произведенъ въ ротмистры и получилъ саблю за храбрость.

Этотъ годъ былъ у насъ очень удаченъ для бѣлыхъ польскихъ уланъ. Трое ихъ пріѣхало региментарами и всѣ трое поженились. Одинъ изъ нихъ, Карлъ Ружицкій, женился на моей старшей сестрѣ, Маріаннѣ. На свадьбу сестры съѣхались всѣ родственники отца и матери. Среди всѣхъ ихъ выдѣлялся Каетанъ Чайковскій, староста бехтынскій, богачъ и скупецъ, который превосходилъ мольеровскаго скупца. Изъ за скупости онъ не женился; изъ за той же скупости въ своихъ имѣніяхъ въ роскошныхъ домахъ устроилъ на верхнихъ этажахъ амбары, а въ нижнихъ хлѣвы для телятъ; самъ онъ жилъ въ плохой хатѣ, въ такомъ лѣсистомъ и болотистомъ мѣстѣ, что туда трудно было добраться на повозкѣ. На весь домъ у него былъ одинъ слуга, Данило, который въ одно и то же время исполнялъ обязанности повара, камердинера, кучера и сторожа.

Староста бехтынскій былъ человѣкъ ученый, на древнихъ и новыхъ языкахъ говорилъ какъ по польски, много читалъ, особенно онъ любилъ предаваться историческимъ розысканіямъ и со своимъ намѣстникомъ паномъ Микульскимъ, скарбникомъ нурскимъ, постоянно диспутировалъ о происхожденіи ятвяговъ. Послѣ десятилѣтнихъ изысканій, они пришли къ тому выводу, что ятвяги были народъ кроткій, добрый, какъ всѣ славяне, потомъ въ ихъ край вторглись ляхи,—татарское племя съ Кавказа,—и съ помощью кнута стали заставлять работать и служить имъ. Грозя кнутомъ, они приговаривали: „Гей, двигайся, лѣнтяй, тунеядецъ!“ Какъ завоеватели записали на шкурѣ покоренныхъ, такъ эти послѣдніе записали себѣ въ память, а впослѣдствіи „Гей двигайся“ (Ha dzwigaj się) было передѣлано въ ятвяговъ (Hadzwingów или Iadzwingów) и такъ и осталось.

Староста бехтынскій нашелъ въ Гальчинцѣ огромную псарню, принадлежавшую мнѣ. Онъ сталъ говорить моей матери, что эта саранча много съѣдаетъ, а пользы приноситъ мало, потому что онъ часто слыхалъ отъ пана маршалка Завиши изъ Черни-

хова, что если бы охота была прибыльнымъ дѣломъ, то евреи давно бы его захватили, а ему еще не случалось видѣть еврея охотника.

Моя мать утверждала, что страсть къ охотѣ развиваетъ рыцарскій духъ—единственную истинно шляхетскую доблесть, что эта страсть можетъ отвлечь отъ другихъ страстей. Всѣ эти поэтическіе и козацкіе аргументы не очень то подѣйствовали на дядю. Въ это время я вошелъ въ комнату съ платкомъ, въ которомъ было 300 рублевиковъ, полученныхъ отъ бердичевскаго еврея Іоселя за шкурки заячьи, лисьи и волчьи, добытыя зимою на охотѣ. Звонкій аргументъ оказался дѣйствительнѣе. Староста сталъ меня распрашивать, а я ему обстоятельно разсказалъ, сколько каждая борзая затравитъ за зиму зайцевъ, лисицъ и волковъ. Я совсѣмъ ошеломилъ разсчетливаго дядюшку. Онъ уже не смѣялся, а серьезно и внимательно смотрѣлъ на меня. Наконецъ, онъ обратился къ матери: „Поздравляю, вѣдь знаешь, невѣстка, изъ твоего сына выйдетъ великій экономистъ: онъ разрѣшилъ еще незатронутый до сихъ поръ вопросъ—наложилъ панщину на собакъ“.

Послѣ свадьбы моей сестры, меня отвезли въ Межиричъ Корецкій, въ волынскій лицей, которымъ завѣдывали оо. піары. Когда я пріѣхалъ, ректоромъ тамъ былъ ксендзъ Грабовскій, истинный монахъ, человѣкъ добрый и хорошо воспитанный; вице-ректоромъ былъ ксендзъ Бартошевичъ, большой охотникъ до лисицъ. Кс. Кмита былъ префектомъ лицея; сухой, увядшій, онъ скорѣе походилъ на пергаментнаго іезуита, чѣмъ на піара. Былъ тамъ также кс. Младановичъ, сынъ уманскаго губернатора (управителя) во время рѣзни; онъ былъ крестнымъ сыномъ Гонты и былъ имъ спасенъ. Теперь онъ былъ инвалидомъ монастыря и не несъ никакихъ обязанностей, а все только разсказывалъ объ уманской рѣзнѣ, объ Украинѣ, гайдамакахъ, Запорожьѣ. Онъ все помнилъ и все рисовалъ въ своихъ разсказахъ живыми красками.

Удивительная вещь—онъ не выражалъ ни ненависти, ни раздраженія противъ Гонты. Всю вину преступленія онъ приписывалъ Феликсу Потоцкому и польской шляхтѣ. Вотъ слова, которыя я часто слышалъ отъ него: „выучили его читать, писать

и понемножку всякимъ наукамъ, а потомъ хотѣли его бить, сажать въ „гусакъ“; сдѣлали его полковникомъ,—а полковникъ онъ былъ дѣльный, потому что онъ лучше зналъ военное дѣло, чѣмъ региментари, бригадиры и ротмистры,—а потомъ хотѣли его ошельмовать, какъ хама, мужика; и муравей кусаетъ, если ему досаждаютъ, а что же человѣкъ, да еще такой какъ Гонта? Паны наварили этого пива, а людъ Божій долженъ былъ его пить—и пьетъ, да никакъ не выпьетъ до дна“.

Въ лицеѣ было до 900, а порой и до 1000 человѣкъ молодежи. Я жилъ вмѣстѣ съ Александромъ Подгороденскимъ, двумя Залѣсскими, съ Дмитріемъ Четвертинскимъ у кс. Заржецкаго, чуть ли не лучшаго изъ всѣхъ, потому что онъ не употреблялъ канчука и другихъ мѣръ строгости.

Кормили насъ недурно, но давали кушанья порціями, отсюда подкупы служителей, даже поваровъ, надувательство другъ друга. Какова же была эта перемѣна для насъ, вышедшихъ изъ школы Вольсея!

Свѣтскіе профессора, присланные изъ Вильны, были люди способные, свѣдущіе въ предметахъ, которые они излагали; но мнѣ не приходилось слышать ни объ одной изъ школъ губернскихъ или уѣздныхъ, бывшихъ подъ управленіемъ свѣтскихъ профессоровъ, которая снискала бы себѣ славу или выпустила знаменитыхъ учениковъ. Всѣ ученики, выходившіе изъ нихъ, оказывались посредственностями и не выдавались ни по способностямъ, ни по образованію; эти школы не дали выдающихся людей ни въ литературѣ, ни въ военномъ дѣлѣ, ни въ дѣятельности на пользу родины. Эти профессора не умѣли стоять на высотѣ своего званія, являлись скорѣе правительственными чиновниками, чѣмъ наставниками молодежи. Причиной этого кажется, были порядки правительствен. учебн. заведеній того времени и недостаточно тѣсныя отношенія между профессорами и помѣщиками.

Кромѣ Кременца, который сталъ во главѣ научнаго образованія въ юго-западныхъ земляхъ русскихъ, забота о воспитаніи въ этихъ земляхъ была въ рукахъ трехъ товариществъ или обществъ.

Одни ограничивались тѣмъ, что исполняли свои служебныя обязанности, но не шли далѣе, и потому не могли сами стать на болѣе широкую точку зрѣнія. Ни одинъ зажиточный помѣщикъ не отдавалъ своихъ дѣтей въ школы, находившіяся въ завѣдываніи свѣтскихъ учителей. Эти школы наполнялись по большей части мѣщанами, и число учениковъ въ нихъ было очень ограничено.

Двѣ другія категоріи школъ—школы, находившіяся подъ управленіемъ оо. базиліанъ и оо. піаровъ—имѣли совершенно иныя отличительныя черты; совершенно свободныя отъ давленія и даже отъ надзора правительственныхъ чиновниковъ, тѣсно связанныя съ помѣщиками, въ средѣ которыхъ онѣ находили и матеріальную помощь и нравственную поддержку, школы эти группировали въ себѣ всю лучшую молодежь и имѣли возможность довести до широкихъ размѣровъ систему школьнаго образованія.

Общество оо. базиліанъ, исключительно состоявшее изъ гербовной шляхты, во главѣ котораго почти всегда стояли представители знатнѣйшихъ мѣстныхъ семействъ, уніатское, болѣе славянское, не льнуло къ западной цивилизаціи и западнымъ модамъ. Внѣшней политикѣ, которая, несмотря на всѣ толки доктринеровъ и предпринимаемыя мѣры должна налагать свою печать на воспитаніе, какъ и на всякую иную отрасль умственнаго развитія и прогресса, они слѣдовали анти-нѣмецкой, анти-латинской, чисто польской[1], постепенно и легко приближавшейся къ славянской идеѣ. На всей системѣ воспитанія у оо. базиліанъ лежала печать консерватизма, монархизма и даже аристократизма. Исторія Польши была основной наукой въ этихъ школахъ. Учили ей не по книжкѣ кс. Ваги, не по педантическому труду бискупа Нарушевича, а по рукописямъ кс. Стройновскаго, Михальскаго и иныхъ писателей, принадлежавшихъ къ славянскому монашескому ордену св. Василія, по хроникамъ, по запискамъ, учили философски, научно и поэтически, чтобы воспитать добрыхъ и разумныхъ поляковъ. Оо. базиліане не позволяли своимъ ученикамъ увлекаться космополитическими идеями и забывать о польской, но напротивъ наталкивали ихъ на эту послѣднюю, повторяя всегда козацкую поговорку, что

сорочка ближе къ тѣлу, чѣмъ свита. Въ базиліанскихъ школахъ въ Умани, Любарѣ, Овручѣ и др. считалось по 1,000 и болѣе учениковъ, принадлежавшихъ притомъ къ самымъ знатнымъ семействамъ. Школы этого ордена могутъ похвалиться Мальчевскимъ, Гощинскимъ, Богданомъ Залѣсскимъ, Ржевускимъ, Михаиломъ Грабовскимъ и даже фельдмаршаломъ Паскевичемъ, который изъ этихъ школъ вступилъ въ русское войско.

Оо. піары были, если можно такъ выразиться, орденъ демократическій, универсальный, а не чисто польскій. Науки ихъ отличались тѣмъ же духомъ; польская исторія у нихъ представляла часть исторіи всеобщей; о славянахъ знали столько же, какъ и объ афганцахъ, за то новѣйшую исторію великой Франціи, Италіи, Испаніи и друг. выдающихъ государствъ знали какъ десять заповѣдей. Вмѣсто базиліанской строгости и послушанія тамъ всегда были въ ходу протесты и прокламаціи, памфлеты въ стихахъ и въ прозѣ. Правда, кс. Жебровскій разбивалъ памфлеты на спинахъ авторовъ, протестовавшихъ и возмущавшихся сажали подъ арестъ на хлѣбъ и воду, но этимъ не искореняли подобныхъ выходокъ, а напротивъ нѣкоторымъ образомъ поощряли къ нимъ, чтобы развить самостоятельность въ жизни и независимость воли. Ученики межирической школы не уступали въ салонахъ ученикамъ школы кременецкой, и превосходили въ этомъ отношеніи учениковъ школъ базиліанскихъ. Ученики оо. піаровъ изъ надменныхъ поляковъ становились полированными французами, настоящими сѣверными французами. Въ нихъ не вселяли племенной ненависти ко всякому другому племени, что не мѣшало, однако, чуткости къ польской идеѣ. При каждомъ слухѣ о войнѣ ксендзы піары и учителя бросали реверенды и облекались въ артиллерійскіе и уланскіе мундиры. Такъ же поступали и ученики. Во всѣ возстанія, во всѣ войны больше всего волонтеровъ доставляли піарскія школы.

Среди помѣщиковъ большинство мужчинъ стояло за школы базиліанскія, большинство женщинъ за піарскія; правительство покровительствовало послѣднимъ, къ первымъ же относилось нѣсколько недовѣрчиво.

Попечителемъ межирической гимназіи, а впослѣдствіи лицея былъ Іосифъ Стецкій, владѣлецъ Межирича и многихъ помѣстій на Волыни и Украинѣ, маршалокъ ровенскаго повѣта. Онъ происходилъ изъ козацкой старшины и, подобно фельдмаршалу Гудовичу, былъ человѣкъ необразованный. Онъ всегда говорилъ, что Стецкій по самой природѣ, по духу и крови, не можетъ пойти дальше второго класса, но что всѣ Стецкіе имѣютъ инстинктивныя симпатіи къ наукѣ и учащимся, и далъ доказательства этихъ симпатій, записавъ въ неприкосновенный фундушъ піарамъ большое село Гаручу и 300,000 злотыхъ польскихъ, и сверхъ того пожертвовавъ 100,000 зл. пол. на приборы для физическаго кабинета и химической лабораторіи, и 100,000 на библіотеку и географическія карты. По праздникамъ и воскресеньямъ его гостинныя были открыты для учениковъ, а самъ онъ, если не охотился, то цѣлые дни просиживалъ въ монастырѣ. Дай Богъ всѣмъ научнымъ учрежденіямъ имѣть такихъ попечителей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ. [1]

ГЛАВА IV.

Мѣщане.

Для ознакомленія съ нуждами, желаніями и стремленіями малороссійскихъ мѣщанъ екатерининскаго времени въ нашемъ распоряженіи находятся шесть наказовъ отъ городовъ--Глухова, Чернигова, Погара, Стародуба, Полтавы и Лубенъ, т. е., исключая Погаръ, отъ лучшихъ городовъ Малороссіи. Изъ нихъ Черниговъ, Стародубъ, Полтава и Лубны были полковыми, т. е. по сравненію съ настоящимъ дѣленіемъ городовъ — губернскими, Глуховъ же былъ резиденціей главнаго малороссійскаго правленія, но такой случайный подборъ наказовъ по существу нисколько не измѣняетъ дѣла, такъ какъ нужды и желанія городовъ были общи всѣмъ безъ различія. Чтобы при изложеніи содержанія наказовъ не отвлекаться въ сторону, мы прежде всего должны сказать, что въ Малороссіи существовали города двоякаго типа: одни изъ нихъ наиболѣе старые и развитые, какъ напримѣръ, Кіевъ, Переяславъ, Черниговъ, Стародубъ, Нѣжинъ, пользовались, такъ называемымъ, магдебургскимъ правомъ, на основаніи котораго жители ихъ сами управлялись и судились, другіе же города, какъ напр. Глуховъ, Лубны, Полтава и пр., не пользовались упомянутымъ правомъ и жители ихъ въ отношеніи управленія и суда находились въ вѣдомствѣ общаго вой-

[1] „Кіевская Старина“, 1890, 12.

сковаго правленія, т. е. полковыхъ канцелярій или сотенныхъ правленій, смотря по мѣсту, занимаемому городомъ въ административномъ дѣленіи Малороссіи. Магдебургское право было пожаловано малорусскимъ городамъ еще польскими королями; основная черта его и самый смыслъ дарованія его городамъ заключались въ томъ, чтобы предоставить городскимъ общинамъ самоуправленіе и самосудъ и спасти ихъ отъ подавленія военнымъ сословіемъ и отъ произвола намѣстниковъ и воеводъ. Согласно этому, города, получившіе привилегіи на устройство по магдебургскому праву, ни отъ кого не зависѣли и сами себя вѣдали. Во главѣ ихъ стояло правящее учрежденіе, составлявшееся изъ выборныхъ урядниковъ—магистратъ; онъ распадался на двѣ коллегіи—административную и судебную, первая завѣдывала городскимъ имуществомъ, полиціей, торговлей и судомъ по гражданскимъ искамъ, вторая судила уголовныя преступленія. Члены коллегій были выборные, во главѣ ихъ стоялъ войтъ, избиравшійся изъ природныхъ мѣщанъ даннаго города. Магистратъ вообще составлялся изъ природныхъ мѣщанъ, но, какъ административное и судебное учрежденіе, онъ вѣдалъ всѣхъ жителей даннаго города, безъ различія сословій, лишь бы только лица изъ другихъ сословій сидѣли на мѣщанскихъ земляхъ, имѣли домъ, торгъ или ремесло. Не завися ни въ чемъ отъ другаго правленія, кромѣ магистрата, мѣщане въ привилегированныхъ городахъ должны были бы пользоваться, кажется, совокупностію всѣхъ условій, чтобы играть въ городахъ видную роль и значеніе, но наказы показываютъ, что въ дѣйствительности этого не было и мѣщане въ магистратскихъ городахъ одинаково жаловались на свое положеніе, какъ и въ не магистратскихъ. Что касается городовъ послѣдняго типа, т. е. непривилегированныхъ, то о нихъ слѣдуетъ сказать, что они ни въ судѣ, ни въ управленіи не пользовались никакой самостоятельностью; мѣщане въ нихъ не выдѣлялись въ особую группу ни въ порядкѣ суда, ни въ порядкѣ управленія, которые были слиты въ такихъ городахъ обще съ козацкими, воинскими, почему положеніе мѣщанъ въ нихъ было значительно хуже, чѣмъ въ городахъ магистратскихъ. Предпославъ эти нѣсколько строкъ, мы пере-

ходимъ къ обозрѣнію состоянія малороссійскихъ городовъ, къ ихъ нуждамъ и соотвѣтственно этому къ желаніямъ мѣщанства исправить существовавшіе у нихъ недостатки.

Напрасно бы читатель, знакомый съ прекраснымъ состояніемъ западныхъ городовъ, развившихся на основѣ магдебургскаго права, искалъ бы въ городскихъ наказахъ хотя тѣни чего либо подобнаго для городовъ Малороссіи. Не по винѣ, конечно, магдебургскаго права, а по общимъ экономическимъ невзгодамъ, тяготѣвшимъ надъ жизнію Украйны, всѣ вообще города, и привилегированные и непривилегированные, выглядятъ въ наказахъ въ самомъ мрачномъ и неприглядномъ свѣтѣ. Городскіе наказы—это неполная, но правдивая и яркая картина упадка и разложенія городовъ Малороссіи. Бѣдные по количеству населенія города [1]), по свидѣтельству наказовъ, были еще бѣднѣе въ матеріальномъ отношеніи; жалкіе по своей политической ничтожности они были еще болѣе жалки по господствовавшимъ внутри нихъ безпорядкамъ и хаосу въ сферахъ суда, городскаго хозяйства и управленія; ничтожные по своей политической роли въ общемъ государственномъ тѣлѣ Россіи, малороссійскіе города поражаютъ при разсмотрѣніи наказовъ, ничтожностію своего главнаго сословія—мѣщанства. Торговыя дѣла, промышленность, цехи, ремесла, все это, поражаетъ изслѣдователя наказовъ, своимъ крайнимъ убожествомъ или даже полнѣйшимъ отсутствіемъ.... Мѣщане, эта основа городовъ екатерининскаго времени, составляли въ малороссійскихъ городахъ чуть ли не самую бѣдную часть населенія; ихъ наказы—это безконечный рядъ жалобъ на свое нищенское существованіе, на свое безнарядье, на свою задавленность другими сословіями. Соотвѣтственно такому положенію главнаго городскаго сословія, самый внѣшній видъ малороссійскихъ городовъ былъ крайне невзрачный и болѣе чѣмъ безпорядочный. Города, по имѣющимся у насъ наказамъ, нисколько не изображали изъ себя центровъ экономическихъ богатствъ, сосредоточія торговой, промышленной и ум-

[1]) Въ Черниговѣ, напримѣръ, было немногимъ болѣе 400 домовъ, считая и пустыя избы (Нак. 8), въ Лубнахъ считалось всего 363 двора, включая туда и водры духовенства.

ственной дѣятельности. О послѣдней въ наказахъ даже не было и рѣчи... Развѣ только присутствіе полковыхъ или сотенныхъ правленій да изобиліе квартировавшихъ великорусскихъ войскъ и начальства выдѣляли городскую жизнь отъ жизни остальныхъ захолустій земледѣльческой Украйны.

Въ такомъ мрачномъ видѣ представляются намъ малорусскіе города половины 18-го вѣка по извѣстнымъ наказамъ; въ такомъ же видѣ представлены они и въ наказѣ, данномъ малорос. коллегіей своему депутату Натальину [1]). Коллегія писала, что строеніе въ городахъ „вездѣ деревянное, безпорядочное, видъ безобразный имѣющее и для огня крайне опасное“ и что законы, какъ-то: „Статутъ“ и „Порядокъ правъ гражданскихъ“, хотя и достаточно содержатъ въ себѣ полицейскихъ постановленій, относящихся къ чистотѣ и украшенію городовъ, но все, что ни дѣлается подъ видомъ полиціи, къ сожалѣнію, служитъ только къ народному отягощенію. Художества, цехи, ремесла, торговля, по словамъ наказа той же коллегіи, также въ городахъ пали или находились въ эмбріологическомъ состояніи. Сами мѣщане сознавались въ наказахъ въ своемъ плачевномъ матеріальномъ и соціальномъ положеніи и указывали этому различныя причины. Мы не будемъ касаться покамѣстъ этихъ причинъ, а укажемъ только, какъ рисовали наказы положеніе представляемыхъ ими городовъ. Глуховцы, напримѣръ, жаловались, что ихъ городъ находится въ состояніи крайняго разоренія; что его въ періодъ отъ 1724—48 г. трижды разоряли пожары, истребившіе дома, лавки, церкви и пр. имущество; что, кромѣ всего этого, они, глуховцы, терпятъ нѣсколько лѣтъ къ ряду недородъ хлѣба, истребленіе его саранчею; что цехи въ Глуховѣ упали, мастеровые изъ нихъ разбѣгаются, уходятъ подъ владѣльцевъ и пр. [2]).

Въ такомъ же родѣ описывали положеніе своего города и черниговцы: сначала польская и турецкая войны, затѣмъ моро-

---

[1]) 43 т. Сб. И. Р. И. Об 224 стр. Наказъ м. коллегіи, при сравненіи его съ запиской Румянцева о непорядкахъ въ Малороссіи, представляетъ только болѣе распространенную ея редакцію и написанъ тѣмъ же языкомъ и въ тѣхъ же выраженіяхъ.

[2]) Нак. 72.

вая язва и „преужасній пожаръ“ довели горожанъ до такой бѣдности, что, когда отъ многочисленныхъ дворовъ Чернигова послѣ пожара осталось незначительное количество, то сгорѣвшіе дома такъ и остались въ теченіи 50 лѣтъ незастроенными [1]) и городъ представлялъ пепелище. О Погарѣ составители наказа чистосердечно сознавались, что онъ находится въ такой бѣдности, что не имѣетъ средствъ для починки своего магистрата и для уплаты присутствующимъ въ немъ урядникамъ, писарямъ и канцелярскимъ служителямъ жалованья [2]).

Не лучше было и положеніе Стародуба, жители котораго въ первомъ же пунктѣ своего наказа представляли императрицѣ, что городъ ихъ рѣшительно обнищалъ, что мѣщанъ осталось подъ вѣдѣніемъ магистрата самое незначительное число, а остальные, избѣгая многочисленныхъ тягостей, отошли вмѣстѣ о своими дворами, пашенными и сѣнокосными землями подъ различныхъ владѣльцевъ, старшинъ и поповъ. Городскіе доходы Стародуба были до того ничтожны, что на нихъ едва содержался (городской) магистратскій писарь, подписки и служители, да покупались дрова, бумага, сургучъ и свѣчи, содержаніе же городскихъ часовъ и полкового лѣкаря съ жалованьемъ въ 140 руб. было положительно уже свыше силъ стародубскаго самоуправленія и никто не удивится этому, если добавить, что источникомъ доходовъ Стародуба была одна мельница на р. Бабинцѣ [3]).

Полтава и Лубны, не пользовавшіеся привилегированнымъ положеніемъ, а находившіеся: первая въ вѣдомствѣ полковой канцеляріи, а вторые—въ вѣдомствѣ войскового скарба терпѣли въ матеріальномъ отношеніи тѣ же недостатки, что и города перечисленные выше съ той разницей, что мѣщанамъ, не защищаемымъ никакими привилегіями, жилось въ нихъ еще хуже.

Полтавцы жаловались, что, благодаря полковому управленію, городъ ихъ пришелъ въ совершенное запустѣніе и разстройство: нѣтъ ни крѣпости, какая была устроена послѣ шведской войны, ни хорошихъ общественныхъ строеній, ни приличныхъ городу

---

[1]) Ibid. 81.
[2]) Ibid. 92.
[3]) Ibid. 108

украшеній; городскія земли расхищены полковникомъ и старшиной, мѣщане или записались въ козаки, или вышли въ чины, или записались за частныхъ владѣльцевъ, а въ результатѣ городскія повинности упали на оставшихся мѣщанъ, а такъ какъ эти повинности были крайне тяжелы, то и „послѣднее гражданство"—писали полтавцы—ежечасно вмаляется[1]). Лубны, по свидѣтельству ихъ наказа, находились также въ безусловномъ „изнеможеніи", о которомъ—говорилось въ наказѣ—можетъ свидѣтельствовать и обветшалость городскихъ зданій и опустѣніе города, состоявшаго всего изъ 363 дворовъ! Словомъ, всѣ малороссійскіе города находились въ самомъ возмутительномъ состояніи: разоренные, безъ населенія и безъ доходовъ они не могли даже содержать, какъ слѣдуетъ, органовъ своего управленія, равно какъ были далеки отъ благоустройства и необходимаго для ихъ процвѣтанія порядка и спокойствія. Въ городахъ не было даже полиціи. Такъ, Глуховъ[2]), бывшій много лѣтъ резиденціей главнаго малороссійскаго правленія, не имѣлъ ни полиціи, ни надзора за чистотой города, ни наблюденія за предупрежденіемъ и тушеніемъ пожаровъ, составлявшихъ самый ужасный бичъ Малороссіи. О Переяславѣ намъ извѣстно[3]), что тамъ, хотя и существовала полиція, но съ переходомъ магистрата въ вѣдѣніе полковой канцеляріи она была отдана въ распоряженіе послѣдней и „невѣдомо почему—писали члены переяславскаго магистрата въ 1765 г.—была переведена за городъ, за браму илтицкую" и поручена сотнику терехтемировскому, который могъ собрать служащихъ въ нее только насильственнымъ образомъ. Самъ магистратъ объявлялъ, что содержать ему особую полицію „не изъ чего".

Бѣдность городовъ отражалась и на торговлѣ, и на промышленности: недостатокъ въ капиталахъ не дозволялъ мѣщанамъ развить ни того, ни другого. Глуховцы о себѣ говорили[4]), что у нихъ нѣтъ ни пенечныхъ, ни табачныхъ, ни другихъ заводовъ,

---

[1]) Ibid. 116.

[2]) Ibid. 76.

[3]) К. С. 82 г. Авг. 381 стр.

[4]) Ibid. 74.

что они только тѣмъ и питаютъ себя, что перепродаютъ въ лавкахъ разный товаръ, также соль, рыбу и другія дробязки (т. е. мелочь) врознь „въ локтѣ и фунты". Черниговцы въ свою очередь подтверждали, что у нихъ также не имѣется ни заводовъ, ни промысловъ табачныхъ и пенечныхъ, ни занятія скотоводствомъ, ничего другого, кромѣ винокуренія, шинкованія и продажи съѣстныхъ припасовъ. Полтавскіе мѣщане писали, что главное занятіе ихъ состоитъ въ торговлѣ скотомъ[1]). Другіе наказы только жаловались на бѣдность, на слабые торговые обороты, но не объясняли, что составляло предметъ ихъ торговли. Впрочемъ, стародубцы въ одномъ мѣстѣ наказа обмолвились, что предметомъ ихъ торговли служатъ: пенька, воскъ, олей (масло) медъ, звѣри и пр., т. е. вообще сырыя произведенія сельскаго хозяйства.

Откуда-же возникло описанное неблагоустройство и безобразное экономическое состояніе городовъ Малороссіи? Отвѣтъ на это содержатъ наказы. Главныя причины упадка городскаго быта, по объясненію ихъ, заключались въ общихъ государственныхъ бѣдствіяхъ, въ тяжелыхъ налогахъ и повинностяхъ, въ подрывѣ малорусской торговли великорусскими купцами, въ подавленіи городскаго сословія военнымъ элементомъ, въ упадкѣ въ городахъ силы магдебургскаго права подъ преобладающимъ вліяніемъ пристрастной козацкой администраціи и, наконецъ, въ расхищеніи городскихъ земель, угодій и оброчныхъ статей, составлявшихъ источникъ городскихъ доходовъ. Оставляя покамѣстъ въ сторонѣ всѣ другія изъясненія причинъ дурной экономической обстановки городовъ, мы послушаемъ сначала, что говорятъ наказы по поводу расхищенія городскихъ земель и доходовъ и по поводу нарушеній въ городахъ магдебургскаго права, нарушеній, положительно колебавшихъ всякій порядокъ городскаго управленія.

Мы уже говорили, что малорусскіе города со стороны устройства и управленія раздѣлялись на привилегированные и непривилегированные; какъ тѣ такъ и другіе для содержанія сво-

---

[1]) Ibid. 122.

его хозяйства и органовъ управленія еще отъ королей польскихъ, а затѣмъ царей московскихъ и малорусскихъ гетмановъ были пожалованы землями, деревнями, селами и различными угодьями. При малочисленности, непостоянствѣ и бѣдности городскаго населенія недвижимыя имѣнія были самымъ вѣрнымъ источникомъ городскихъ доходовъ, почему всѣ города особенно заботились о томъ, чтобы ихъ имѣнія были по возможности обширнѣе и доходнѣе. Однако, къ разсматриваемому нами времени, кажется, ни одинъ малорусскій городъ не могъ похвалиться цѣлостью своихъ имѣній: и привилегированные, и непривилегированные города одинаково жаловались на расхищеніе городскихъ имуществъ, на упадокъ черезъ это матеріальнаго благосостоянія городовъ и просили о возвращеніи имъ пожалованныхъ имѣній для содержанія магистрата, войта, бургомистровъ и писаря. Такихъ указаній цѣлая масса: черниговскіе мѣщане писали, что многія ихъ владѣнія, земли и угодья „по разности временъ“ вышли изъ магистратскаго вѣдѣнія въ постороннія руки; погарскіе мѣщане заявляли, что „на погарское войтовство, бургомистерство, райчество, лавничество, которіе засѣдаютъ, и на писарей мѣскихъ, на фольварокъ ратушній и до скринки мѣской (городской казны)“ были пожалованы двѣ деревни Чаусы и Яковлевичи съ мельницей, но онѣ отошли изъ подъ магистрата потому, что Чаусами завладѣлъ генеральный хорунжій Ник. Ханенко, а Яковлевичами погарскій сотникъ Соболевскій“ [1]). Завладѣніе въ описанномъ духѣ было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, имъ не смущались и сами городскіе урядники: въ Стародубѣ, напр., однимъ изъ пожалованныхъ на войтовство селъ завладѣлъ еще при гетманѣ Скоропадскомъ войтъ Ермолаичевъ и его преемникамъ приходилось ужъ пользоваться только половиной села Озаровки [2]). Полтавскіе мѣщане прямо указывали, что издревле, по пожалованію отъ Петра I и гетмана Скоропадскаго, ихъ городу принадлежали села: Ивашки, Ивочинцы, Грабиновка, Осьмачки, Мачухи и еще нѣсколько и что въ это

---

[1]) Нак. 90 стр.

[2]) Нак. 104.

время въ вѣдомствѣ полтавскаго магистрата было много мѣщанъ, отбывавшихъ городскія повинности безъ изъятія, такъ какъ универсаломъ Мазепы отъ 1703 г. было запрещено всѣмъ чинамъ укрывать кого-бы то ни было отъ повинностей, но съ тѣхъ поръ, какъ полтавскій магистратъ былъ взятъ подъ команду полковой канцеляріи и уступилъ свою власть полковнику и старшинѣ, городскія дѣла пошатнулись: полковникъ и старшина не только сами завладѣли мѣщанскими дворами и землями, но допустили къ тому и другихъ, такъ что большая часть земель и людей вышли изъ-подъ магистратскаго вѣдѣнія. Кромѣ того, старшина нѣкоторыхъ людей незаконно записала въ козаки, а другихъ даже произвела въ чины, чѣмъ также умалила мѣщанское сословіе [1]). Въ Лубнахъ [2]), кромѣ захвата городскихъ земель владѣльцами и старшиной, захваты производились и великорусскими войсками: тамъ городской выгонъ и общественный лугъ за рѣкой Сулой были самовластно заняты ряжскимъ пѣхотнымъ полкомъ и горожане жаловались, что они терпятъ нужду въ сѣнѣ и лишены возможности выпускать на выгонъ свой рабочій скотъ и птицу. Здѣсь нѣтъ нужды приводить всѣхъ указаній паказовъ, но нѣтъ сомнѣнія, что городскія и спеціально магистратскія земли подверглись расхищенію. Это признавала и малороссійская коллегія въ наказѣ своему депутату [3]), говоря, что многіе города и мѣстечки розданы владѣльцамъ, что жители ихъ, опасаясь раздачъ, принуждены писаться въ козаки, что гражданское начальство ни за чѣмъ не наблюдаетъ, но подъ разными видами присваиваетъ городскія имѣнія и доходы въ свою пользу, что города остаются пустыми, публичныя строенія „исходятъ сами собою“ и т. д.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что расхищеніе городскихъ земель оказало на доходы малороссійскихъ городовъ, не блиставшихъ ни торговыми оборотами, ни промышленностью, и большею частью съ земледѣльческимъ населеніемъ, дурное вліяніе.

---

[1]) Ibid. 116.
[2]) Ibid. 127.
[3]) 43 т. Сб. Рос. Имп. ист. об.

Нѣтъ основаній, напримѣръ, не вѣрить стародубцамъ, что городскіе доходы ихъ были настолько плохи, что бурмистру доводилось получать всего 36 р., райцѣ 24 р., а лавнику 12 р.[1]), между тѣмъ, эти люди отрывались отъ своихъ занятій и должны были имѣть постоянное присутствіе въ магистратѣ. Какъ ни велико было расхищеніе городскихъ доходовъ, однако нельзя не признать, что не оно было главной бѣдой и причиной экономической несостоятельности городовъ: оно поражало города только, такъ сказать, съ внѣшней стороны, главный же недугъ и причина городской неурядицы заключался въ антагонизмѣ и въ столкновеніи въ городахъ двухъ элементовъ—воинскаго съ гражданскимъ, въ экономической и общественной розни, существовавшей между ними, и въ подавленіи городскаго сословія и органовъ его управленія общей козацкоії администраціей, т. е. полковыми канцеляріями, сотенными правленіями и пр. Подавленіе это обозначилось тѣмъ болѣе печальными послѣдствіями, что бороться съ нимъ городамъ пришлось какъ разъ въ ту пору, когда они еще не успѣли развиться и окрѣпнуть и когда городское сословіе еще не отлилось въ устойчивую форму. О городахъ, пользовавшихся магдебургіей, въ особенности нужно сказать, что они имѣли всѣ шансы къ созданію у себя сильнаго, развитаго и промышленнаго сословія; имъ завидовали города, не пользовавшіеся магдебургіей, и стремились копировать ихъ учрежденія, но ни тѣмъ, ни другимъ не пришлось еще развить свой бытъ, какъ на нихъ хлынула козацкая волна и дала имъ новое направленіе. Южнорусскимъ городамъ противъ ихъ воли пришлось слиться съ козачествомъ. Городское управленіе потеряло черты самостоятельности и пошло на помочахъ за козацкой администраціей. Въ городахъ установилось два начальства: военное и гражданское, но послѣднее, какъ слабѣйшее, не могло съ должной силой поддерживать городскіе интересы, противоположные козацкимъ. Фактъ поглощенія въ Малороссіи городскаго, такъ сказать, начала козацкимъ, военнымъ—извѣстенъ изъ исторіи и засвидѣтельствованъ наказами: черниговцы, напри-

---

[1]) Нак. 104.

мѣръ, утверждали, что ихъ городъ „до тѣхъ временъ во множествѣ граждапъ въ лутчемъ довольствіи пребывалъ, поколь жалованіе оному Высочайшіе грамоты и привилегіи оставались безъ нарушенія", а погарскіе мѣщане жаловались, что съ 1757 года въ малороссійскіе города, въ томъ числѣ и въ Погаръ, стали насылаться войты съ войсковаго званія, которые состоятъ въ должностяхъ „не для должнаго правосудія и гражданскаго благопорядочія, но для собственнаго ихъ обогащенія и корыстей, а мѣщанамъ въ немалое изобижденіе" [1]). Неудовольствіе по поводу замѣны выборнаго войта назначаемымъ „отъ малороссійской команды" заявляли и стародубскіе жители, у которыхъ войтомъ состоялъ войсковой товарищъ Грозинскій „не по выбору гражданскому, не изъ мѣщанъ тамошнихъ прироженныхъ". Полтавцы, въ свою очередь, находили, что городскіе интересы страдаютъ оттого, что полковникъ и старшина, „не сохраняя установленій въ правахъ магдебургскихъ узаконенныхъ", стѣсняютъ полтавскій магистратъ въ его дѣятельности и „чинятъ ему помѣшательство и обиды". Кромѣ наказовъ, у насъ есть еще и другія данныя, напр. относительно Переяслава [2]), свидѣтельствующія, что подчиненіе магистратовъ вѣдомству полковыхъ канцелярій, только увеличивало городскіе безпорядки и вызывало неудовольствіе мѣщанъ, лишавшихся своихъ вольностей. Глуховцы жаловались, что уменьшеніе числа мѣщанъ происходитъ по неимѣнію надъ ними настоящихъ урядниковъ, войта съ потребными товарищами и вслѣдствіе управленія городомъ чуждымъ ему сотеннымъ правленіемъ. Въ Полтавѣ, гдѣ не было магистрата, а городъ управлялся одною полковою старшиною, мѣщане жаловались, что чрезъ это владѣльческіе дома исключены изъ общаго обложенія и просили, чтобы впредь они исключаемы не были. Такого рода жалобы были общи и намъ неизвѣстно ни одного наказа, который не содержалъ бы въ себѣ просьбъ объ учрежденіи въ представляемомъ имъ городѣ магистрата „во всемъ на основаніи правъ магдебургскихъ", т. е. и въ отношеніи суда и

---

[1]) Нак. 92.

[2]) Кіев. Ст. 1882 г., авг., 381.

управленія. Въ засѣданіи коммиссіи депутатъ отъ г. Кіева также защищалъ благія начала магдебургскаго права, утверждалъ, что имъ довольны всѣ кіевляне и просилъ утвердить его Кіеву и на будущее время [2]). Города же, не имѣвшіе у себя привилегій на магдебургію, какъ напр. Полтава или Глуховъ, усердно просили пожаловать имъ таковыя, ибо это было, по убѣжденію мѣщанъ, единственнымъ средствомъ для возрожденія городовъ и городскаго сословія. Полтавцы писали [3]): „просимъ всемилостивѣйше пожаловать на магистратъ высочайшую привилегію, въ которой особливо... указать: *присутствіе въ ономъ магистратѣ имѣть и онымъ управлять такъ, какъ до сего съ давнихъ годовъ въ насъ бывало и нынѣ есть, войту, яко первому, и съ нимъ бурмистрамъ, писару, райцамъ и лавникамъ, предъ которыми въ магистратѣ судъ и расправу имѣть... по тѣмъ магдебургскимъ правамъ и на убылыя оныхъ войта и урядниковъ мѣста избирать намъ другихъ вольными голосами зъ между себя*". Полтавскіе мѣщане яснѣе другихъ формулировали свои желанія имѣть независимое городское управленіе; глуховцы же изобразили свои желанія нѣсколько конкретнѣе: они просили учредить у нихъ магистратъ на такомъ основаніи, какъ въ г. Нѣжинѣ. Отсутствіе въ г. Глуховѣ магистрата „по примѣру тому, какъ въ другихъ знатныхъ городахъ имѣются" было, по мнѣнію просителей, главной причиной существовавшаго въ Глуховѣ безпорядка и дурнаго состоянія мѣщанства. Глуховскіе мѣщане притомъ выражали въ своемъ наказѣ мысль, что жители привилегированныхъ мѣстъ находятся „*въ лутшемъ и примѣрномъ состояніи*", можно же себѣ представить, каково было положеніе Глухова, если привилегированные города, сами себя изобразившіе въ наимрачнѣйшихъ краскахъ, были для него вожделѣннымъ идеаломъ!

Итакъ, если отсутствіе магистратскаго управленія и подавленіе его воинскимъ составляли больную сторону городовъ, то остается спросить, въ чемъ же наказы усматривали гнетъ и проявленіе старшинскаго самовластія?

---

[2]) Сб. Рус. И. И. Об. VIII т. 338 стр.

[3]) Нак. 114.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что по идеѣ магдебургскаго права магистрату въ составѣ его выборныхъ урядниковъ должна была принадлежать полная власть надъ городомъ и въ судебномъ, и въ административномъ отношеніяхъ, причемъ эта власть распространялась не на одно мѣщанское, но и на другія сословія, если только они проживали въ городѣ и промышляли ремесломъ или торгомъ. Магистратъ, несмотря на свой сословный, мѣщанскій характеръ, какъ правящее учрежденіе, вѣдалъ всесословный городъ—т. е., кромѣ мѣщанъ, и шляхетства, и козаковъ, и вольныхъ людей, если они занимали мѣщанскіе дома или грунты. На эту черту магдебургскаго права обратили вниманіе многіе наказы, полтавскій же въ подкрѣпленіе описаннаго характера магистрата поставилъ на видъ еще и законоположеніе Л. Статута, въ 25-мъ арт. III раздѣла котораго говорилось, что если шляхтичъ, „занехаевши именя и обистя своего шляхетскаго", станетъ вести торговлю, или заниматься ремеслами, или будетъ имѣть въ своемъ домѣ шинокъ—то уже вольностями своими шляхетскими „веселитись не маетъ" [1]). Этимъ закономъ справедливо поддерживалась цѣлостность городскаго общества, но послѣдняя совершенно исчезла, когда въ городахъ восторжествовало воинское управленіе. Оно внесло въ города элементъ сословной розни, раскололо среду горожанъ на нѣсколько враждебныхъ группъ и дало однѣмъ группамъ—шляхетству и козакамъ—предпочтеніе предъ мѣщанствомъ.

Первымъ послѣдствіемъ примирующаго положенія въ городахъ козацкой, а не мѣщанской администраціи было то, что многіе городскіе жители вышли изъ мѣщанскаго званія и записались въ козаки или же за владѣльцами; и тому, и другому явленію козацкая администрація нисколько не препятствовала, а напротивъ, какъ видно изъ наказовъ, мирволила и благопріятствовала. Положимъ, что бѣгству мѣщанъ изъ своего сословія въ козаки или подданные способствовалъ еще и факторъ экономическій—несостоятельность мѣщанства предъ бременемъ государственныхъ повинностей, но тѣмъ не менѣе на малороссій-

---

[1]) Нак. 115.

скомъ правленіи лежитъ грѣхъ обращенія подобнаго бѣгства въ систематическое явленіе. Полтавскіе мѣщане по этому поводу высказали, что они съ горестью замѣчаютъ [1]), какъ переходъ мѣщанъ въ козаки сталъ обычнымъ, ежедневнымъ явленіемъ и что онъ болѣе всего обиденъ потому, что имъ пользуются ихъ собратья мѣщане съ цѣлью освобожденія себя отъ гражданскихъ повинностей, отъ постоевъ, выстаченія подводъ и прочаго. Само собою разумѣется, что если бы козацкая старшина не поддерживала перехода мѣщанъ въ козаки, то его бы не существовало и „гражданство не вмалялося бы“.

Смыслъ перехода мѣщанъ въ козаки заключался, какъ мы видимъ, въ стремленіи избѣжать тяжелыхъ городскихъ повинностей и сбросить ихъ на чужія плечи; потворствуя этому, козацкая старшина сознательно обезсиливала городъ въ числѣ мѣщанъ, которые тѣмъ болѣе бѣднѣли, что на оставшуюся часть ихъ перелагалось бремя повинностей „испедшихъ“ товарищей. Пагубныя послѣдствія такого явленія сами собой очевидны, чтобы комментировать ихъ далѣе. Слѣдуетъ только добавить, что, способствуя уменьшенію мѣщанскаго населенія, воинское правленіе въ то же время не принимало никакихъ мѣръ къ его увеличенію и даже, можно сказать, своимъ нерадѣніемъ заглушало естественный ростъ городскаго населенія. Дѣло въ томъ, что въ Малороссіи существовалъ классъ посполитыхъ людей, пользовавшихся правомъ свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто; эти люди по большей части жили на владѣльческихъ земляхъ, но, какъ свободные въ переходѣ, они иногда покупали себѣ мѣщанскіе грунты или на другихъ условіяхъ селились въ мѣщанскихъ дворахъ, бросивъ своихъ владѣльцевъ и ихъ земли. Между тѣмъ, владѣльцы старались, конечно, не упускать изъ своихъ рукъ посполитыхъ и при помощи своихъ союзниковъ—старшинъ, составлявшихъ городскую администрацію, отыскивали сошедшихъ въ города посполитыхъ, какъ бы своихъ крѣпостныхъ, отданныхъ въ вѣчность и даже взыскивали „пожилыя деньги“ [2]). Та-

---

[1]) Нак. 119 стр.

[2]) Нак. 100.

кимъ образомъ, владѣльцы не давали посполитымъ осѣсться въ городахъ, и послѣдніе лишались трудящагося населенія, способнаго раздѣлить бремя городскихъ повинностей. Въ виду этого погарскіе мѣщане выразили просьбу, чтобы всякому свободному человѣку, который самъ или съ семьей перейдетъ на жительство въ Погаръ, дозволено бы жить подъ вѣдомствомъ магистрата и чтобы владѣльцы не имѣли права отыскивать такихъ лицъ и водворять въ прежнее мѣстожительство.

Вторымъ крупнымъ недостаткомъ въ жизни городовъ, обязаннымъ воинской администраціи, необходимо признать устраненіе проживавшихъ и промышлявшихъ въ городахъ владѣльцевъ, старшинъ, козаковъ и разночинцевъ отъ участія въ городскихъ повинностяхъ. Несправедливость такой льготы для упомянутыхъ лицъ станетъ еще болѣе очевидной, если вспомнить, что эти лица не только пользовались удобствами городской жизни, но и успѣшно конкуррировали въ торговыхъ дѣлахъ и „художествахъ" съ мѣщанами, для которыхъ торгъ и ремесло были средствами оплаты городскихъ повинностей. Погарскіе мѣщане по поводу этой аномаліи замѣчали[1]), что „всѣ владѣльцы, старшины всѣхъ приказовъ воинскихъ, разночинцы и козаки, какъ въ городѣ Погарѣ, такъ и въ сотнѣ погарской жіючіе и тѣхъ подданніе *зъ допущенія командующихъ не мѣщанскаго званія, но воинскаго, войтовъ и другихъ старшинъ поустроили лавки и постоялые домы и шинки, понаселили въ городѣ на мѣщанской землѣ и не отбуваютъ зъ оныхъ къ магистрату никакой общенародной повинности.....*, а отнявши промыслы торговіе въ мѣщанъ, сами владѣльци старшины и разночинцы и подданніе ихъ, не записавшись въ мѣщанство и цехи, торгуютъ и всякое ремесло дѣлаютъ, а и съ того мѣщанству погарскому во всякихъ повинностяхъ жадного воспомоществованія не чинятъ и цехмистрамъ по ихъ цеховымъ порядкамъ послушенства.... не дѣлаютъ". Стародубцы писали, что нѣкоторые владѣльцы и козаки выстроили на базарной площади дома, лавки и амбары и отдаютъ ихъ въ наемъ, но магистрату „никакова платежа не чинятъ"; что нѣ-

[1]) Ibid. 75.

которые изъ нихъ купили мѣщанскіе дворы, ведутъ торговлю, имѣютъ винокуреніе и шинки, но повинностей не отбываютъ, а *„щитять себя иные шляхетствомъ, а другіе козачествомъ"*, въ силу каковой несправедливости остальные мѣщане приходятъ въ оскудѣніе и принуждены продавать свои грунты лицамъ другого сословія [1]). Обнищаніе и разложеніе мѣщанской среды вслѣдствіе исключительнаго обложенія ея городскими повинностями несомнѣнно, равно какъ несомнѣнно и то, что эту исключительность поддерживала воинская администрація. Упомянувши о жалобахъ мѣщанъ на подрывъ торговли и промысловъ отъ владѣльцевъ, ихъ подданныхъ, старшинъ, козаковъ и разночинцевъ, необходимо еще прибавить, что довольно большую роль въ этомъ мѣщане приписывали еще великорусскимъ и иногороднимъ купцамъ и даже раскольникамъ, т. е. вообще лицамъ, торговавшимъ въ чужомъ городѣ и не платившимъ въ его пользу повинностей.

Туземные мѣщане и купцы утверждали, что благодаря торговлѣ великорусскихъ и иногороднихъ купцовъ, а также раскольниковъ, которые ничто иное какъ великорусскіе выходцы, *мѣстная торговля упала*, а они, мѣстные купцы, „прежняго промыслу своего вовсе лишились и въ такомъ предъ оными иностранными заѣзжими иногородцами упослѣженіи остались, что ни мѣста, ни свободы—какой къ продажѣ по своей волѣ не имѣютъ" [2]). Отсюда прямой выводъ: туземные купцы просили запретить иногородцамъ торговлю, дозволивъ имъ вести только оптовый торгъ изъ складовъ или на ярмаркахъ, какъ это было установлено таможеннымъ уставомъ 1755 г. Но уставъ этотъ въ торговой практикѣ не соблюдался. Такъ, въ Стародубѣ и его уѣздѣ великороссійскіе купцы и ихъ прикащики, помимо мѣстныхъ горожанъ, скупали у владѣльцевъ пеньку, воскъ, медъ, олей (масло), звѣрей и отпускали ихъ къ портамъ; въ городахъ же они, вмѣсто склада своихъ товаровъ въ гостинныхъ дворахъ и торговли оптомъ, купили себѣ мѣщанскіе дворы, выстроили лавки и вели оптовую и розничную торговлю, не встрѣчая со

---

[1]) Ibid. 103, 106 стр.

[2]) Ibid. 74, 97, 107, 115, 130 стр.

стороны парализованнаго городскаго управленія надлежащаго запрещенія.

Что касается права торговли владѣльцевъ, козаковъ и разночинцевъ, то мѣщане также находили необходимымъ запретить всѣмъ означеннымъ классамъ торговлю, какъ профессію, и разрѣшить только сбытъ въ города собственныхъ сырыхъ произведеній, продуктовъ сельскаго хозяйства. Въ общемъ, большинство наказовъ высказалась въ томъ смыслѣ, что торгъ и ремесло должны быть исключительной принадлежностью мѣщанина, а погарскій и стародубскій наказы даже находили для развитія городовъ цѣлесообразнымъ запретить торги и ярмарки въ селахъ, допустивши торговлю только въ однихъ городахъ, причемъ стародубцы ссылались въ этомъ случаѣ на 4 п. 10-ой гл. тамож. устава, разрѣшавшаго крестьянамъ въ селахъ только торговлю „мелочнымъ ядломъ", по извѣстному реестру. Одни только лубенцы, къ нашему удивленію, согласились, чтобы всѣмъ гражданамъ „разного войскового званія людемъ промыслы, торгъ и ремесло были и напредки по прежнему здешнему обыкновенію свободны"; но эта уступка естественна, такъ какъ ихъ наказъ подписанъ громаднымъ большинствомъ козаковъ, а не мѣщанъ [1]). Такимъ образомъ безсильное и бѣдное малороссійское мѣщанство льстило себя надеждой удержать въ своихъ рукахъ торговлю путемъ монополіи, но оно ошибалось, такъ какъ у него не было для этой цѣли капиталовъ; города же отъ запрещенія торговли иногороднимъ купцамъ также не выиграли-бы, ибо ихъ казна не обогатилась-бы никакими доходами. Для развитія городовъ и торговли необходимы были иныя мѣры.

Слѣдующимъ важнымъ послѣдствіемъ вторженія воинскаго элемента въ городское управленіе нужно признать пагубное вліяніе его на состояніе въ городахъ правосудія. Вмѣсто одной судебной власти въ городахъ ихъ стало нѣсколько, вслѣдствіе раздробленія городскаго класса на сословія; горожане, связанные общностью интересовъ, тѣмъ не менѣе вѣдались не однимъ судомъ, какъ это начертало магдебургское право, но различными,

---

[1]) Ibid. 134 стр.

смотря по своему сословному положенію, а въ концѣ концовъ мѣщане жаловались, что они остаются „въ изобижденіи", такъ какъ старшины, козаки, разночинцы и даже всякаго званія пріѣзжіе люди, „щитясь своими званіями и чинами" отклоняются отъ магистратскаго суда и обращаются къ своимъ командамъ, гдѣ мѣщанамъ тягаться съ ними было не подъ силу. Уклоненіе отъ магистратскаго суда было для мѣщанъ равносильно отсутствію правосудія и ставило личное достоинство, честь и безопасность мѣщанина положительно внѣ охраны законовъ. Погарцы, напримѣръ, приносили жалобу [1]), что всѣ чиновники, шляхетство, козаки и даже недавніе мѣщане, вышедшіе въ козаки или шляхетство, сравниваютъ мѣщанъ съ подданными, порицаютъ ихъ мужиками и причиняютъ „разніе гвалты, нападенія, бои и въ здоровьи увѣтча". Особенно же много и часто приходилось мѣщанамъ сносить возмутительное съ собою обхожденіе и униженіе своего сословія отъ квартировавшихъ въ городахъ великорусскихъ войскъ и ихъ начальниковъ, такъ какъ на нихъ не было ни суда, ни расправы. Полтавцы заявляли, что они всѣ „отъ большаго до меньшаго", отъ простаго мѣщанина до урядника, третируются великороссійскими чинами *и даже солдатами* безусловно, какъ мужики и выносятъ отъ всѣхъ безконечныя руганія, утѣсненія и обиды, за которыя имъ въ законѣ положенъ крайне незначительный штрафъ. Полтавцы сознавались, что при такомъ положеніи дѣлъ у нихъ теряется „куражъ къ купеческой жизни", а отъ унынія они теряютъ все, „въ чемъ могли бы сыскать себѣ авантажъ, а царской казнѣ доходъ" [2]).

Едва ли нужно добавлять, что въ словахъ полтавцевъ не было преувеличенія дѣйствительности, такъ какъ обиды великорусскихъ войскъ составляли несомнѣннѣйшій фактъ и жалобами на нихъ можно было завалить нѣсколько коммиссій. Недовольные состояніемъ правосудія мѣщане стояли въ наказахъ на той точкѣ зрѣнія, чтобы всякій, „*кто только обнялъ домъ или огородъ и промыслъ или ремесломъ пользовался, былъ подсуденъ уряду*

---

[1]) Нак. 86 стр.

[2]) Ibid. 117 стр.

мѣскому", т. е. магистрату, безъ различія гражданъ мѣстныхъ отъ пріѣзжихъ, и только черниговскіе мѣщане просили по дѣламъ мѣщанъ съ воинскаго званія людьми допустить судъ магистрата при участіи въ немъ депутата [1]).

Мѣщане хлопотали, чтобы судебная компетенція магистрата одинаково простиралась на всѣхъ горожанъ какъ по дѣламъ уголовнымъ, такъ и *гражданскимъ* и просили, чтобы пріѣзжіе торговцы ни въ какомъ случаѣ не отбивались отъ магистратскаго суда, а судились по мѣстнымъ малороссійскимъ правамъ и обычаямъ, такъ какъ уклоненіе отъ магистратскаго суда, говорили черниговцы, ведетъ къ тому, что великорусскіе купцы „лакомятся чужимъ имѣніемъ" и объявляютъ себя банкротами [2]).

Глуховскіе мѣщане также жаловались, что великорусскіе и пріѣзжіе на ярмарки купцы вѣдаются въ отношеніи суда комендантской канцеляріей, а не „гражданскимъ правомъ", и просили, чтобы на будущее время всѣ мѣщане и подгородніе люди были изъяты изъ вѣдомства коменд. канцеляріи при разрѣшеніи ихъ дѣлъ съ великороссійскими купцами [3]).

Здѣсь же умѣстно сказать, что мѣщане выразили нѣкоторую заботливость и о приведеніи въ порядокъ своего матеріальнаго права, а именно погарцы и стародубцы просили о переводѣ на русскій языкъ магдебургскаго права, употреблявшагося въ магистратскихъ судахъ Малороссіи. Мы не ошибемся, если скажемъ, что упадокъ магистратскихъ судовъ въ значительной степени зависѣлъ отъ крайне дурнаго состоянія практиковавшагося въ нихъ гражданскаго права, такъ какъ истинное магдебургское право было извѣстно въ XVIII вѣкѣ въ Малороссіи только по имени изъ жалованныхъ королевскихъ грамотъ.

Самъ сводъ, какъ саксонскихъ законовъ (Speculum Saxonicum) вообще, такъ и городскаго магдебургскаго уложенія въ частности—говоритъ проф. Антоновичъ [4])—положительно не были извѣстны и даже никогда не доходили до южно-русскихъ горожанъ.

---

[1]) Ibid. 86 стр.

[2]) Ibid. 87.

[3]) Ibid. 76.

[4]) Антоновичъ. Изслѣд. о городахъ юго-зап. Россіи, стр. 59.

Употреблявшіеся же въ судахъ „Саксонъ“ или Саксонское Зерцало и Порядокъ правъ гражданскихъ (Porządek sądow y praw mieyskich prawa maydeburskiego) представляли не кодексы права, но лишь компилятивныя работы частныхъ юристовъ и, странно сказать, но въ южно-русскихъ городахъ они употреблялись въ польскихъ редакціяхъ къ тому же мало распространенныхъ. Относительно юго-западныхъ городовъ проф. Антоновичъ утверждаетъ, что мѣщане не изучали даже и этихъ редакцій своего права и очень рѣдко ссылались на него въ своихъ рѣшеніяхъ; что касается лѣвобережныхъ городовъ, то, несмотря на утвержденіе погарскихъ мѣщанъ, что ихъ предки и они судились и судятся на основаніи правъ, изображенныхъ въ „Порядкѣ“ и дополняющемъ его Саксонѣ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что и лѣвобережнымъ мѣщанамъ ихъ права были очень мало извѣстны, иначе трудно себѣ представить, почему эти права не были переведены на русскій языкъ и употреблялись въ польскихъ редакціяхъ. При переводѣ магдебургскихъ правъ на русскій языкъ погарцы просили дополнить ихъ новыми положеніями, касающимися и матеріальнаго, и процессуальнаго права. Изъ наиболѣе интересныхъ можно отмѣтить: установленіе новыхъ сроковъ для вызова сторонъ въ судъ, запрещеніе мѣщанамъ отчуждать свои земли лицамъ не мѣщанскаго званія, установленіе при отчужденіи мѣщанской недвижимости формъ, практиковавшихся у шляхетства, возвышеніе штрафа за обиды, наносимыя мѣщанамъ и пр. [1]). Какъ курьезную съ нынѣшней точки зрѣнія претензію слѣдуетъ также отмѣтить просьбу погарцевъ о дозволеніи имъ ходить *„при шабляхъ“* въ знакъ высочайшей къ нимъ милости. Изъ другихъ наказовъ только черниговскій высказалъ еще просьбу, чтобы въ новомъ уложеніи были постановлены строгіе законы для банкротовъ, остальные же наказы обошли вопросъ исправленія права совершеннымъ молчаніемъ, а лубенцы, составившіе свой наказъ подъ сильнымъ вліяніемъ козаковъ, просили, чтобы въ случаѣ сочиненія въ коммиссіи одного на все государство

---

[1]) Ibid. 93.

уложенія, для нихъ были оставлены права Л. Статута и положены въ особую главу въ уложеніи [1]).

Мы изложили, насколько позволяютъ наказы, спеціальныя, такъ сказать, причины дурнаго состоянія городовъ и мѣщанства, остается еще сказать о причинахъ болѣе общаго свойства, которыя были способны и самые цвѣтущіе города привести въ состояніе дезорганизаціи и упадка. Мы подразумѣваемъ здѣсь тяжелыя государственныя повинности и налоги. Извѣстно, что XVIII вѣкъ былъ временемъ самаго сильнаго напряженія податныхъ силъ страны: для содержанія громадныхъ армій, для безконечныхъ завоевательныхъ войнъ были необходимы массы людей и огромныя средства, ихъ между прочимъ поставляла Малороссія и въ частности мѣщане. Въ другихъ главахъ нами уже описано, какое экономическое давленіе и разстройство податныхъ силъ страны оказывало это бремя во имя государственной славы; здѣсь остается только сказать о немъ въ примѣненіи къ мѣщанамъ. Вопервыхъ, не нужно забывать, что отъ эпохи козацкихъ войнъ до описываемаго времени прошло всего столѣтіе, во время котораго Малороссія, не оправившись послѣ собственныхъ потрясеній, вынесла еще нѣсколько разорительныхъ войнъ. Въ военное время отъ горожанъ требовали высылки людей въ погонщики, для полоненья льду, для перевозки провіанта, ремесленниковъ требовали для соотвѣтствующихъ занятій въ арміи, которой нужно было поставлять къ тому же и воловъ, и возы, и сѣно, и провіантъ и пр., и все это въ такомъ количествѣ, что даже описать въ наказѣ черниговцы не находили удобнымъ. Жалобамъ на отягощеніе мѣщанъ всякими „выстачѣніями" въ пользу войска въ наказахъ нѣтъ числа: лубенскіе мѣщане, напримѣръ, писали, что во время войны съ турками у нихъ брались волы, возы и погонщики, а сами они въ зимнія стужи высылались на Днѣпръ для полоненья льду въ предупрежденіе непріятельскаго нашествія; что во время прусской войны имъ пришлось безмездно содержать на квартирахъ мобилизованныя войска, довольствовать ихъ провіантомъ, давать подводы подъ больныхъ и т. д.

---

[1]) Ibid. 140.

Но и въ мирное время мѣщанъ не оставляли въ спокойствіи: въ Черниговѣ гетманъ Разумовскій бралъ мѣщанъ и мастеровыхъ людей на свои деревенскіе салотопенные и поташенные заводы, требовалъ ихъ для рубки и клейменья мачтоваго лѣса, высылалъ на разныя работы въ Козелецъ и Батуринъ и т. д. Въ Глуховѣ мѣщанамъ приходилось испытывать тоже самое по распоряженіямъ сотеннаго правленія; но кромѣ этихъ тягостей, обязанныхъ произволу мѣстнаго управленія, мѣщане больше всего разорялись въ мирное время постойной повинностію. Города въ Малороссіи были маленькіе, между тѣмъ войскъ въ нихъ стояло великое множество и такъ какъ козаки, старшины и владѣльцы „щитились" отъ постоевъ своими привилегіями, то они всей тяжестью ложились на мѣщанство. Отсюда безконечный рядъ жалобъ и враждебное отношеніе мѣщанъ къ козацкой старшинѣ, завѣдывавшей размѣщеніемъ войскъ. Черниговцы писали—„всегдашній офицерскій постой гражданамъ тѣмъ, въ коихъ они квартируютъ весма есть тяжестній", ибо хозяева квартиръ, не пользуются ими, но принуждены платить и налогъ съ домовъ, и на свой счетъ отапливать ихъ. Погарцы указывали [1]), что сотенная старшина при размѣщеніи войскъ допускала большія злоупотребленія: она миновала села уѣздныхъ владѣльцевъ и пристрастно выбирала для постоевъ самые лучшіе мѣщанскіе дворы, конюшни и амбары, не соблюдая приэтомъ даже очереди. Стародубцы жаловались [2]), что чрезъ отводъ квартиръ и мобилизацію войскъ во время прусской войны гражданству стародубскому причинено было много стѣсненій, а въ торгахъ и промыслахъ помѣшательство и остановки; они же просили о выводѣ псковскаго полка и о болѣе правильномъ размѣщеніи ростовскаго. Полтавскіе мѣщане также жаловались [3]), что полковникъ, вопреки закону, не велѣлъ ставить войскъ ни у войсковыхъ, ни у бунчуковыхъ и значковыхъ товарищей, ни въ загородныхъ старшинскихъ, козачьихъ и владѣльческихъ до-

---

[1]) Нак. 99 стр.
[2]) Ibid. 107.
[3]) Нак. 119.

махъ, между тѣмъ какъ многіе изъ упомянутыхъ чиновниковъ жили на мѣщанскихъ дворахъ и занимались купеческимъ промысломъ. Для предотвращенія на будущее время злоупотребленій, полтавцы просили узаконить, чтобы размѣщеніе войскъ въ городахъ происходило по указанію магистрата. Постойная повинность была особенно тяжела для мѣщанъ, по свидѣтельству наказовъ, еще и потому, что имъ приходилось не только давать квартиры, но и отапливать ихъ, и освѣщать на свой счетъ, между тѣмъ въ городахъ была масса мѣщанъ, которые едва себѣ могли сыскивать пропитаніе. Естественно, что наказы хлопотали объ освобожденіи мѣщанъ отъ этихъ незаконныхъ поборовъ и о болѣе равномѣрномъ и справедливомъ распредѣленіи квартирной повинности. Сами по себѣ великорусскія войска составляли также извѣстнаго рода тягость для городовъ Малороссіи: нами уже говорилось, какъ они третировали мѣщанство, но нужно добавить, что они, опираясь на свою силу, имущественно положительно объѣдали и разоряли населеніе. Жалобъ на дѣйствія великорусскихъ войскъ накопилась такая масса, что черниговцы просили [1]) для разбора ихъ учредить въ Глуховѣ *при резиденціи* губернаторской военную коммиссію съ равнымъ числомъ великороссійскихъ и малороссійскихъ членовъ.

Изъ числа другихъ тягостей, лежавшихъ на мѣщанахъ, слѣдуетъ еще отмѣтить уплату недоимокъ за старые годы. Всѣ наказы единогласно указывали, что недоимщики, съ которыхъ слѣдовало-бы производить взысканіе, или давно посходили съ своихъ мѣстъ, или поумирали, что послѣ нихъ остались однѣ хаты и настоящимъ ихъ владѣльцамъ приходится уплачивать чужія недоимки, въ виду чего они просили сложить ихъ съ мѣщанъ и не взыскивать на будущее время [2]) Кстати по вопросу о налогахъ сказать, что погарскіе и полтавскіе мѣщане привѣтствовали замѣну консистентскихъ дачъ рублевымъ окладомъ и просили объ удержаніи такого порядка на будущее время, но съ освобожденіемъ мѣщанъ отъ всѣхъ натуральныхъ повинностей.

---

[1]) Ibid. 86.

[2]) Ibid. 99, 123 стр.

О лубенцахъ можно прибавить, что они въ числѣ другихъ тягостей просили отмѣнить генеральную опись Малороссіи, какъ несходственную ихъ обыкновеніямъ.

Мы разсмотрѣли теперь въ главныхъ чертахъ все содержаніе городскихъ наказовъ, придерживаясь ихъ же точки зрѣнія, т. е. со стороны объясненія причинъ дурнаго состоянія городовъ и разложенія среды мѣщанства, но мы полагаемъ не будетъ лишнимъ остановиться и суммировать мѣры, рекомендованныя наказами для исправленія нуждъ и недостатковъ мѣщанства. Мѣры эти, соотвѣтственно нуждамъ и недостаткамъ городовъ и мѣщанства, были двоякаго рода: однѣ можно назвать финансовыми, податными, онѣ были крайне просты, имѣли въ виду податное облегченіе мѣщанъ и состояли частью въ отмѣнѣ, частью въ болѣе справедливомъ распредѣленіи податныхъ тягостей денежнаго и натуральнаго вида. Недопущеніе злоупотребленій при взысканіи и равенство всѣхъ горожанъ безъ различія сословій предъ обложеніемъ—вотъ идеалы мѣщанства, противъ которыхъ нельзя ничего возразить и въ наше время. Другія мѣры можно назвать мѣрами административно-судебнаго характера. Онѣ состояли въ томъ, чтобы уничтожить вмѣшательство въ городскія дѣла воинскаго элемента и возстановить, а частью и вновь учредить, въ городахъ самоуправленіе на основаніи магдебургскаго права. Не вникая въ глубину этого права, городскіе наказы просили о возстановленіи его въ томъ видѣ, какъ оно уже дѣйствовало въ городахъ Малороссіи, а именно хлопотали объ учрежденіи независимыхъ магистратовъ съ административной и судебной властью. Составъ ихъ долженъ быть чисто мѣщанскій („изъ выборныхъ мѣщанъ прироженныхъ"), но они должны вѣдать всесословный городъ. Въ управленіи ихъ вѣдѣнію подлежали: городское хозяйство, полиція, чистота города, предупрежденіе пожаровъ, надзоръ за рынками, завѣдываніе городскими доходами, землями, различными сборами, распредѣленіе постойной повинности и проч.; въ судѣ—судъ гражданскій и уголовный по всѣмъ искамъ и преступленіямъ. Какъ на отдѣльныя мѣры, слѣдуетъ указать: въ дѣлѣ правосудія—на исправленіе и переводъ магдебургскаго права; въ торговлѣ—на

монополизацію ея въ рукахъ мѣщанъ; въ ремеслахъ—на запрещеніе заниматься ими внѣ принадлежности къ цехамъ. Монополіями и стѣсненіемъ ремесленной дѣятельности исключительнымъ кругомъ цеховыхъ обществъ мѣщане думали поднять свою торговлю и промыслы, но изъ болѣе серьезныхъ мѣръ только одни полтавцы просили объ учрежденіи при малороссійской коллегіи банка, а лубенцы хлопотали объ уменьшеніи таможеннаго тарифа на соль, вино и бакалейные товары, привозимые изъ Крыма. По вопросу о заграничной торговлѣ городскимъ депутатамъ пришлось выслушать въ засѣданіяхъ коммиссіи крайне стѣснительный для малорусской ввозной торговли проектъ депутата отъ коммерцъ-коллегіи, Меженинова. Названный депутатъ предложилъ запретить ввозъ заграничныхъ товаровъ изъ Гданска (Данцига), Кенигсберга, Бреславля и проч. чрезъ Польшу и установить для удобства взиманія тарифа исключительный ввозъ чрезъ С.-Петербургъ. Меженинову возражалъ депутатъ отъ г. Нѣжина—Костевичъ. Онъ доказывалъ, что запрещеніе вести торговлю чрезъ пограничныя малороссійскія таможни противно привилегіямъ, и что исключительный ввозъ и вывозъ товаровъ чрезъ петербургскую таможню поведетъ къ тому, что малороссійскіе купцы будутъ покупать заграничные товары изъ вторыхъ рукъ—отъ петербургскихъ купцовъ, и отъ нихъ же стоять въ зависимости въ сбытѣ своихъ произведеній—мѣра совершенно безполезная и даже вредная для развитія торговли тѣмъ болѣе, что ввозныя пошлины чрезъ Польшу очень невелики. Съ возраженіемъ Костевича согласились всѣ малороссіяне.

Вотъ краткое резюме всѣхъ мѣръ, рекомендованныхъ мѣщанствомъ. Другихъ желаній внѣ круга узкихъ сословныхъ интересовъ, у мѣщанъ намъ не извѣстно; ихъ не интересовалъ ни политическій кризисъ, переживавшійся Малороссіей въ послѣдніе годы, ни общія задачи родины, ни ея просвѣщеніе... и въ этомъ отношеніи мѣщанскіе наказы стоятъ значительно ниже шляхетскихъ и наказовъ духовенства.

И. В. Теличенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

III.

Кіевъ.

Путешествіе въ южныя губерніи окончательно было рѣшено въ 1784 году и тогда же, въ іюнѣ, фельдмаршалу Румянцеву поручено было заняться приготовленіями къ пріѣзду императрицы въ Кіевъ. „Графъ Петръ Александровичь[2]) (писала императрица въ іюнѣ 1784 года). Дворецъ кіевскій прикажите только починить въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ нынѣ находится, не дѣлая новыхъ пристроекъ комнатъ, ибо я видѣла по плану, что для меня на время пребыванія моего въ Кіевѣ весьма достаточно будетъ тѣхъ, кои теперь есть; въ потребномъ же случаѣ, для помѣщенія свиты моей, какъ то будетъ въ лѣтнее время, могутъ служить и находящіяся въ саду разныя бесѣдки, естьли они починены быть могутъ.—На уборы, кои также должны быть простые и только самые нужные, приказано отъ меня отпустить къ вамъ 8000 руб. Я сожалѣю, что вы нездоровы и, желая вамъ искренно совершеннаго возстановленія въ здоровьѣ вашемъ, пребуду всегда вамъ благосклонная" [3]). Такъ писала императрица, судя только по плану и не зная въ какомъ состояніи самое зданіе дворца, а на самомъ дѣлѣ много нужно было строить, пристраивать и чинить: кіевскій дворецъ

---

[1]) См. „Кіевская Старина" 1890 г., № 12.

[2]) Графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій, род. 1725 г. ум. 8 дек. 1796 г.

[3]) Въ архивѣ мин. имп. двора кн. Высоч. повелѣній № 497.

былъ тогда въ жалкомъ положеніи, почти въ развалинахъ; приходилось исправлять стѣны, пристраивать флигеля, конюшни, огораживать сады и пр. На все нужно было денегъ.

Румянцевъ хлопоталъ, писалъ въ Петербургъ, обращался даже съ требованіемъ къ сенату, и получилъ разрѣшеніе только въ мартѣ 1786 г., а къ маю 1786 г. все было исправлено, оставалось только докончить внутреннія украшенія дворца и меблировать его. Безбородко[1]) повторялъ Румянцеву желаніе императрицы, чтобы мебель во дворцѣ была не роскошная, но только необходимая. Румянцевъ однако же выписалъ мебель изъ Москвы и отдѣлалъ 6 комнатъ императрицы шелковыми обоями. Все это сдѣлано очень экономно, на 8,000 рубл. Приготовили также и помѣщеніе для австрійскаго императора, въ ожиданіи его пріѣзда.

26 октября 1786 года Безбородко прислалъ Румянцеву списокъ лицъ, назначенныхъ въ свиту императрицы, и увѣдомилъ, что римскій императоръ[2]) „вновь подтвердилъ намѣреніе свое быть для свиданія съ ея величествомъ, естьли непредвидѣнныя обстоятельства тому не помѣшаютъ“.

15 ноября Безбородко сообщилъ Румянцеву списокъ лицъ свиты великихъ князей Александра и Константина Павловичей, присовокупляя, что препятствіемъ къ путешествію ихъ можетъ послужить одна лишь суровость зимы. Мы видѣли въ предъидущей главѣ, что великіе князья не поѣхали по другой причинѣ.

3 декабря 1786 года Безбородко сообщилъ Румянцеву, что въ кіевскомъ дворцѣ, кромѣ великихъ князей, надобны комнаты для помѣщенія камеръ-фрейлины Анны Степановны Протасовой, первой камеръ-юнгферы Марьи Савишны Перекусихиной съ двумя камеръ-медхенами, и для Александра Матвѣевича Мамонова[3]). „Если императоръ Іосифъ II не пріѣдетъ,

---

[1]) Безбородко, гр. Александръ Андреев. род. 8 марта 1747 г. ум. 6 апр. 1796 года, пожалованъ въ графы 1789 г.

[2]) Іосифъ II, сынъ императора Франциска I-го и Маріи Терезіи, род. $^{2}/_{13}$ марта 1741 г., ум. $^{9}/_{20}$ февр. 1790 г.

[3]) Дмитріевъ-Мамоновъ, графъ Александръ Матвѣевичъ род. 19 сент. 1758 г. ум. 29 сент. 1803 г.

„писалъ Безбородко, то можно помѣстить дежурнаго генералъ-адъютанта графа Ангальта[1]) или еще кого изъ такихъ, коимъ немногіе надобны покои и обязаны быть ближе ко дворцу". Не забылъ при этомъ Безбородко о себѣ. Что касается до меня, то я совершенно полагаюсь на милостивое расположеніе вашего сіятельства, осмѣливаюсь донести, что по качеству министра иностранныхъ дѣлъ, нельзя мнѣ обойтиться безъ нѣкотораго рода репрезентаціи, слѣдственно я предпочту хотя и не ближній домъ, но который немного пообширнѣе и выгоднѣе, тѣмъ болѣе, что однажды или дважды пріѣхать во дворецъ, въ извѣстное и обыкновенное время, не будетъ мнѣ въ тягость". Затѣмъ Безбородко высказалъ желаніе императрицы, чтобы вся свита вмѣстилась въ верхней части города, не касаясь стараго и нижняго городовъ.

Безбородку легко было изъ Петербурга сообщить Румянцеву такія условія для размѣщенія свиты. Румянцевъ зналъ, что и всѣ лица изъ свиты, подобно Безбородку, пожелаютъ имѣть помѣщеніе пообширнѣе и выгоднѣе. Но было ли это тогда возможно въ Кіевѣ? Богачи—поляки: графъ Потоцкій, Браницкій и др., а также богатые кіевскіе помѣщики къ пріѣзду императрицы спѣшили нанимать квартиры, а между тѣмъ въ это время въ Кіевѣ было всего 127 домовъ, въ которыхъ можно было найти порядочныя комнаты и въ рѣдкихъ домахъ было болѣе пяти комнатъ.

Любопытно описаніе тогдашняго Кіева, оставленное намъ однимъ изъ спутниковъ Екатерины во время ея путешествія.

„Городъ этотъ представляетъ собою ландшафтъ рѣдкой красоты; особенную прелесть производятъ находящіяся на высокихъ горахъ церкви съ зелеными или вполнѣ вызолоченными куполами, но совсѣмъ другое, когда вы вступите внутрь этого города. Кіевъ состоитъ собственно изъ трехъ городовъ: Печерскъ съ новою крѣпостью и Старый городъ на значительной возвышенности. Подолъ расположенъ на 40 саженъ ниже этой воз-

---

[1]) Графъ Ѳедоръ Астафьевичъ, род. 10 мая 1732 г., ум. 2 мая 1794 г. Въ русской службѣ съ 1783 г.

вышенности, на берегу Днѣпра. Всё, что доставляется водою: лѣса и товары, необходимо перевозить съ Подола въ верхнія части города, въ которыхъ иногда недостаетъ воды для питья. Подолъ очень близко примкнутъ къ горѣ, а Днѣпръ ежегодно, въ половодье, смываетъ отъ 20 до 30 избъ (Hütten), которыя опять вновь строятъ. На Подолѣ, по случаю глубокой грязи, улицы вымощены сплоченными брусьями, а если во время сухой погоды случается пожаръ, то весьма легко обхватываетъ огонь и дома, и улицу. На Печерскѣ я видѣлъ какъ экипажъ (Wagen), запряженный въ двѣ лошади, а другой въ шесть лошадей, не могли выбраться изъ грязи. Въ верхнемъ городѣ есть одинъ только каменный красивый домъ, который построенъ монахами, а теперь принадлежитъ казнѣ. Дворецъ въ Кіевѣ выстроенъ изъ дерева и не близко отъ всѣхъ трехъ городовъ, при дворцѣ разведенъ большой садъ, красотѣ коего способствуетъ мѣстоположеніе, но не хорошо содержится. Для императрицы устроена была въ одной комнатѣ ванна... Зимою простыя женщины въ Кіевѣ носятъ сапоги, а лѣтомъ ходятъ босыя. При малѣйшемъ дождѣ или оттепели дѣлается непроходимая грязь, а пыль лѣтомъ нестерпима. Въ Кіевѣ, по прибытіи императрицы, три дня продолжались праздники, все это время лавки были заперты и мы не имѣли возможности достать что намъ нужно"...

„Въ Кіевѣ обыковенные жизненные припасы чрезвычайно дешевы. Прежде стоилъ фунтъ говядины много если одинъ су; несмотря на прошлогодній неурожай и всеобщую отъ него дороговизну, фунтъ говядины стоитъ только два су".

„Здѣсь рыба, дичина и пр. очень дешевы; но рыба далеко не такъ вкусна, какъ въ Петербургѣ. Волошскія вина тоже дешевы; но привозные товары изъ чужихъ далекихъ странъ вдвое дороже; жители однакоже успѣли воспользоваться присутствіемъ двора и продавали все необыкновенно дорого. За наемъ квартиры на шесть недѣль требовали столько же, иногда даже больше, сколько стоилъ самъ домъ; въ такой же пропорціи брали и извощики [1])".

---

[1]) См. Taurische Reise der Kaiserin von Russland Katharina II, aus dem Englischen übersetzt. Koblenz 1799.

Несмотря на неблагопріятныя мѣстныя обстоятельства, Румянцевъ, распоряжаясь съ энергіею, успѣлъ приготовить помѣщенія для главныхъ лицъ свиты императрицы: статсъ-дамамъ графинѣ Браницкой [1]) и Скавронской [2]), Льву Александровичу Нарышкину [3]) и др. О князѣ Потемкинѣ, не любя его, Румянцевъ съ радостію не хлопоталъ, потому что князь самъ назначилъ себѣ квартиру въ Кіево-Печерской лаврѣ. Но сверхъ недостатка въ помѣщеніяхъ, Румянцевъ боялся и зимней погоды. „Къ нашему прискорбію (писалъ Румянцевъ къ Безбородку 20 ноября 1786 г.), зима очень рано здѣсь настала, она мѣшаетъ намъ и строить, и убирать, но боюсь, что дома будутъ вездѣ или студены, или сыры, и чтобы дорога сама при жестокой стужѣ и буряхъ, кои обыкновенно въ сіе время здѣсь бываютъ, и худобѣ саннаго пути, не навела многихъ и большихъ безпокойствъ, а чтобы Малороссія и самый Кіевъ, кои лѣтомъ, подъ пріятностію зелени и своихъ видовъ, кажутся всѣмъ веселы, тогда не показались бы и грустны, и скучны“.

Сверхъ помѣщеній для свиты, Румянцеву удалось, хотя и съ большимъ затрудненіемъ, заготовить еще квартиры для начальствующихъ военныхъ лицъ,—такъ какъ къ пріѣзду императрицы собрались въ Кіевъ полки: лейбъ-кирасирскій, днѣпровскій пѣхотный, артиллерійскіе: первый канонирскій, второй фузелерскій и понтонныя роты [4]).

19-го января 1787 г. все было готово и Румянцевъ поспѣшилъ на встрѣчу императрицѣ въ мѣстечко Чечерскъ, откуда провожалъ императрицу до самаго Кіева.

29-го января, послѣ обѣденнаго стола, изъ Броваровъ,—20 верстъ отъ Кіева,—Высочайшій поѣздъ двинулся къ Кіеву. Въ

---

[1]) Браницкая, графиня Александра Васильевна урожд. Энгельгардтъ, племянница Потемкина, жена графа Ксаверія Петровича Браницкаго, польскаго коронного гетмана. Она род. въ 1754 г., ум. 15 августа 1838 г.

[2]) Скавронская, графиня Екатерина Васильевна, урожд. Энгельгардтъ, племянница кн. Потемкина; жена графа Павла Мартыновича Скавронскаго.

[3]) Нарышкинъ Левъ Александровичъ, оберъ-шталмейстеръ, род. 23 февраля 1733 г., умеръ 9 ноября 1799 г.

[4]) Госуд. архивъ. Донесенія изъ Кіева. XVI. 742.

шестимѣстной каретѣ сидѣли Протасова, Ив. Ив. Шуваловъ [1]), Дмитріевъ-Мамоновъ, графъ Сегюръ [2]), Фицъ-Гербертъ; за каретою слѣдовали верхами кіевскій уѣздный предводитель, дворяне и поселяне.

Не доѣзжая трехъ верстъ до Днѣпра, императрица пересѣла въ двухмѣстную карету, заложенную императорской собственной конюшни десятью лошадьми; за каретою послѣдовали верхами шталмейстеръ генералъ-поручикъ Ребиндеръ, унтеръ-шталмейстеръ Ремезовъ и два камеръ-пажа. Вскорѣ выѣхали на встрѣчу генералъ-маіоръ Энгельгардтъ съ штабъ и оберъ-офицерами и съ эскадрономъ лейбъ-кирасирскаго полка. Отдавъ честь съ музыкою и преклоненіемъ штандарта, эскадронъ конвоировалъ карету ея величества. Также слѣдовали за каретою начальствующіе артиллеріею и инженерною частью съ ихъ командами. Съ приближеніемъ поѣзда къ Днѣпру, пущена ракета, и по этому сигналу съ Печерской крѣпости началась пальба (71 выстрѣлъ), а въ соборахъ и церквахъ колокольный звонъ..

Мостъ чрезъ Днѣпръ былъ сдѣланъ по льду изъ брусьевъ, а для перилъ служили зеленыя сосновыя вѣтви, весь мостъ уставленъ былъ матросами съ ихъ офицерами, въ зеленой одеждѣ, съ красными воротниками и бѣлыми эполетами [3]), передъ въѣздомъ на мостъ встрѣтилъ вице-адмиралъ Петръ Ивановичъ Пущинъ.

„Я думала найти въ сихъ полуденныхъ мѣстахъ и подъ 49 градусомъ, воздухъ теплый, писала императрица на другой день къ Еропкину [4]), опасалась, что черезъ Днѣпръ переѣздъ по льду будетъ почти невозможный, а напротивъ того, мы въѣхали въ сей городъ съ двадцати градуснымъ морозомъ, который

---

[1]) Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ, оберъ-камергеръ, основатель московскаго университета, род. 1727 г., умеръ 1797 г.

[2]) Сегюръ, графъ Людвигъ Филентинъ, извѣстный писатель—въ это время посланникъ французскій при нашемъ дворѣ, род. въ 1753 г., умеръ 15—27 августа 1830 года.

[3]) См. книгу: Taurische Reise der Kaiserin von Russland Katharina II. Koblenz 1799. Стр. 65.

[4]) См. сочин. Екатерины II, изд. Смирдина, т. I, стр. 338.

и въ Петербургѣ рѣдкость. Однако все воздухъ здѣсь имѣетъ менѣе суровости, понеже при величайшемъ людствѣ и встрѣчѣ непримѣтно было, чтобъ кто отморозилъ уши или носъ, чтобы конечно, на сѣверѣ воспослѣдовало".

У первыхъ тріумфальныхъ воротъ (на городской сторонѣ), названныхъ *Зелеными*, вышли на встрѣчу городничій и магистратъ; городской голова съ купечествомъ поднесли императрицѣ хлѣбъ и соль, волошское бѣлое и красное вино; городничій, мѣщане и рыцарство бывшихъ малороссійскихъ козаковъ и дворянъ, съ предводителями ѣхали передъ каретою императрицы.

На крѣпостномъ гласисѣ, у вторыхъ тріумфальныхъ воротъ, ведущихъ въ Печерскую крѣпость, на горѣ, встрѣчали губернаторъ, предсѣдатели и члены судебныхъ мѣстъ, дворянство и поселяне. Тутъ же кіевскій оберъ-комендантъ Кохіусъ поднесъ императрицѣ ключи отъ крѣпости, съ которой въ это время сдѣлали 101 выстрѣлъ. При проѣздѣ черезъ тріумфальныя ворота встрѣчали женщины и дѣвушки изъ простаго народа въ малороссійскихъ кафтанахъ. У первыхъ на головахъ были кораблики, у дѣвушекъ въ косахъ были вплетены цвѣты, и сверхъ того изъ корзинъ онѣ бросали цвѣты подъ карету императрицы. Женщинъ и дѣвушекъ было до трехсотъ [1]).

По обѣимъ сторонамъ дороги, отъ тріумфальныхъ воротъ до святыхъ вратъ Печерской лавры, стоялъ днѣпровскій пѣхотный полкъ, подъ командою князя Дашкова [2]). Передъ Кіево-Печерскою лаврою у Свято-Троицкихъ воротъ императрица вышла изъ кареты и встрѣчена была преосвященнымъ Викторомъ, епископомъ переяславскимъ и коадъюторомъ кіевской митрополіи. Самуилъ, митрополитъ кіевскій, по болѣзни не могъ участвовать въ этой торжественной встрѣчѣ. Императрица приложилась ко кресту и, выслушавъ краткую привѣтственную рѣчь епископа, вступила въ монастырь: передъ нею шли сорокъ канархистовъ

---

[1]) См. Памятная книжка кіевской губерніи. Кіевъ, 1858. Стр. 33.

[2]) Дашковъ, князь Михаилъ Михаиловичъ, сынъ знаменитой кн. Дашковой. Род. 1761 г., умеръ 1807 г.

въ стихаряхъ, 16 іеродіаконовъ по два въ рядъ, 16 іеромонаховъ, хоръ монастырскихъ пѣвчихъ, шесть архимандритовъ, митрополиты: грузинскій Антоній и лакедемонскій Серафимъ и послѣднимъ шелъ епископъ Викторъ съ крестомъ.

Въ Успенскомъ соборѣ, послѣ молебна и возглашенія многолѣтія, императрица прикладывалась къ чудотворной иконѣ Успенія Богородицы и къ мощамъ; императрицу водилъ подъ руку графъ Румянцевъ. Церковь наполнена была дамами[1]).

Дамы собрались въ церковь еще до прибытія императрицы и за холодами (было 20° мороза) стояли въ шубахъ; но при входѣ государыни, шедшей черезъ весь монастырь пѣшкомъ, онѣ съ поспѣшностію сбросили шубы долой и удостоились довольно хорошо видѣть царицу; потомъ разъѣхались по домамъ[2]).

Въ половинѣ шестого императрица прибыла изъ лавры во дворецъ, передъ которымъ кіевское дворянство построило отъ себя третьи тріумфальныя ворота. Здѣсь поставленъ былъ почетный караулъ отъ полковъ лейбъ-кирасирскаго и днѣпровскаго пѣхотнаго; во время переѣзда императрицы изъ лавры во дворецъ изъ Старокіевской крѣпости сдѣлали 33 выстрѣла.

На нижней площадкѣ дворцоваго крыльца ожидали императрицу: графиня Александра Васильевна Браницкая, графиня Екатерина Васильевна Скавронская, фельдмаршалъ графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій, губернаторъ Семенъ Ермолаевичъ Ширковъ, гофмаршалъ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій; а также пріѣхавшіе изъ Польши: графъ Браницкій, графъ Потоцкій, князь Сапѣга; мѣстный дивизіонный генералитетъ, дворянство и чиновники. Пройдя въ покои,—императрица принимала и жаловала къ рукѣ только племянницъ князя Потемкина: графиню Браницкую и графиню Скавронскую; вечеромъ, позабавившись въ карты, императрица въ 8 часовъ удалилась въ свои покои.

Старикъ Румянцевъ былъ совершенно счастливъ, принимая дорогую гостью, а императрица съ своей стороны, несмотря на

---

[1]) Памятная книжка кіевской губерніи 1858 года.

[2]) Дневникъ, веденный во время пребыванія императрицы Екатерины II въ Кіевѣ въ 1787 г. Андреемъ Полетикою. Напеч. въ Сынѣ Отечества 1843 г. Мартъ. Стран. 3.

интриги Потемкина противъ Румянцева, любила старика. При каждомъ случаѣ она доказывала ему свое искреннее расположеніе. Такъ, въ апрѣлѣ 1786 г., Румянцевъ понесъ большую потерю—умерла родная его сестра, бывшая за Брюсомъ, любимая императрицею, и съ которою Румянцевъ жилъ душа въ душу;—императрица утѣшила старика сочувственнымъ письмомъ. „Графъ Петръ Александровичъ, на сихъ дняхъ я получила извѣстіе о кончинѣ сестры вашей графини Прасковьи Александровны. Въ приключеніи семъ сугубое принимаю участіе, какъ по моимъ собственнымъ расположеніямъ къ покойной, такъ и зная коликую печаль принесетъ вамъ сія потеря. Искренно желаю, чтобъ она, не имѣла дѣйствія надъ здоровьемъ вашимъ для меня и государства драгоцѣннымъ".—Передъ отѣздомъ въ путешествіе, 1-го января, дочь Румянцева была пожалована во фрейлины.

Во дворцѣ, во внутреннихъ комнатахъ, у дверей стояли часовые отъ лейбъ-кирасирскаго полка, а у третьей комнаты, со входу изъ тронной залы два сержанта того-же полка съ обнаженными саблями. Изъ лицъ свиты во дворцѣ помѣщены были только: камеръ-фрейлина А. С. Протасова, генералъ-адъютантъ Ангальтъ, генералъ-адъютантъ и дѣйствительный камергеръ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, Марья Савишна Перекусихина, камеръ-юнгферы, камеръ-медхены и камердинеръ Зотовъ. Остальныя лица свиты размѣщены на квартирахъ въ разныхъ домахъ города [1]).

На слѣдующій день, съ 11 часовъ утра, начался съѣздъ во дворецъ. Императрица вышла изъ внутреннихъ покоевъ въ 12 часу и принимала поздравленія отъ знатнаго духовенства и всѣхъ мѣстныхъ начальниковъ. Всѣ они были допущены къ рукѣ, сперва архіерей слуцкій Викторъ съ печерскими монахами, принесшими пять хлѣбовъ и двѣ иконы, а потомъ всѣ прочіе.

Императрица жаловала каждому руку съ веселымъ видомъ и была благосклонна. Въ комнатѣ во время представленія по правую сторону возлѣ императрицы стояли придворные, генералы и посланники, а по лѣвую двѣ статсъ-дамы, графини Бра-

---

[1]) Камеръ-Фурьерскій журналъ 1787 года.

ницкая и Скавронская. При представленіи дворянъ, губернскій предводитель гвардіи подпоручикъ Капнистъ сказалъ рѣчь:

„Всемилостивѣйшая государыня! Ваше императорское величество вожделѣннымъ въ сей край пришествіемъ дополняете всѣ несчетныя милости, коими вы осчастливили его. Мы, падая къ стопамъ вашего величества, приносимъ за то нашу всеподданнѣйшую благодарность и просимъ быть удостовѣренною о неизрѣченной радости, съ которою мы видѣли васъ, нашу благотворительницу, въ отечествѣ нашемъ" [1]). Затѣмъ купечество и мѣщане поднесли хлѣбъ и соль на большомъ кругломъ серебряномъ блюдѣ, разные фрукты въ плетеныхъ подъ зеленою тафтою корзинахъ и волошскія вина въ стеклянныхъ сосудахъ [2]). Потомъ графъ Александръ Андреевичъ Безбородко представлялъ пріѣхавшихъ изъ Польши: графа Браницкаго, великаго гетмана короннаго, литовскаго маршала графа Потоцкаго, графа Мнишка, князя Сапѣгу, графа Вьельгорскаго и камергера польскаго Суходольскаго.

Обѣдъ въ тронномъ залѣ былъ приготовленъ на 81 персону; столъ сервированъ былъ парижскимъ серебрянымъ сервизомъ. Къ столу приглашены были между прочими: статсъ-дамы графини Браницкая и Скавронская, также прибывшія изъ Польши: графы Браницкій и Потоцкій и князь Сапѣга (К. Ф. ж. 1787 г.). Съ правой стороны императрицы сидѣлъ преосвященный Викторъ, а съ лѣвой австрійскій посланникъ графъ Кобенцель [3]). (Памятная книжка кіевской губерніи 1858 г.).

31-го января въ воскресенье, по утру, народъ толпился передъ Софійскимъ соборомъ. Появилась карета императрицы, раздались восторженные крики, народъ, кидая въ воздухѣ шапки, бросился къ монастырскимъ воротамъ посмотрѣть на государыню. Здѣсь ожидалъ епископъ Викторъ. При пѣніи хора митрополичьихъ пѣвчихъ и колокольномъ звонѣ, предшествуемая епи-

---

[1]) Рѣчь Капниста выписана изъ рукописи, хранящейся въ архивѣ министерства императорскаго двора, подъ заглавіемъ „*Журналъ путешествій*" 1787 года.

[2]) Камеръ-Фурьерскій журналъ 1787 года.

[3]) *Кобенцель,* графъ, австрійскій посланникъ при россійск. дворѣ съ 1779 по 1797 годъ, род. въ 1753 г. ум. въ 1809 г.

скопомъ императрица, войдя въ Софійскій соборъ, прикладывалась къ образамъ и мощамъ св. митрополита кіевскаго Макарія и потомъ перешла въ келлію митрополита Самуила[1]), къ которому наканунѣ посылала придворнаго доктора, по случаю его болѣзни.

Въ это время въ домовой митрополичьей церкви Воскресенія Христова совершалъ литургію епископъ Викторъ. Митрополитъ былъ еще такъ слабъ, что не могъ самъ служить, а находился въ алтарѣ, но по окончаніи служенія, онъ въ церкви привѣтствовалъ императрицу рѣчью:

„Всемилостивѣйшая государыня! Коль горячимъ усердіемъ, коль ревностными и алчными желаніями воспламеняемы были сердца и души наши зрѣти твое матернее и монаршее лице въ сихъ благословенныхъ предѣлахъ, въ семъ древнѣйшемъ и высокихъ твоихъ родоначальниковъ престольномъ градѣ, не находимъ къ изъявленію нашихъ чувствованій ни словъ, ни выраженій, ни доказательствъ довольныхъ“.

„Когда Небесный Учитель вліялъ въ сердца любезныхъ своихъ учениковъ живое ощущеніе блаженства, проистекающаго отъ лицезрѣнія Превѣчнаго Отца, тогда одинъ изъ нихъ въ радостномъ восторгѣ воскликнулъ: Господи! покажи намъ Отца и довлѣетъ“.

„Единое возвѣщеніе всевождѣлѣннаго твоего путешествія къ намъ, толикія произвело въ сердцахъ нашихъ движенія, что мы, возведъ очи и воздѣвъ руки къ небесамъ, непрерывно взывали: Господи! Покажи намъ благоутробнѣйшую нашу матерь и довлѣетъ! Покажи намъ кроткую и милосердную нашу самодержицу и довлѣетъ! Покажи намъ человѣколюбивую и премудрую нашу законодательницу и довлѣетъ!“

„Се нынѣ исполнися во благихъ желаніе наше! Се знаменанася на насъ свѣтъ лица твоего! Зримъ очи, сіяющія человѣколюбіемъ, лобызаемъ десницу, подписующую наше сча-

---

[1]) Самуилъ въ 1768 году назначенъ епископомъ въ Бѣлгородъ, въ 1772 г. крутицкимъ, въ 1776 г. архіепископомъ въ Ростовъ, въ 1783 году митрополитомъ въ Кіевъ.

стіе, слышимъ уста, испускающія сладость, веселіе и премудрость".

„Но чѣмъ откроемъ чувства сердецъ нашихъ, неизрѣченною благодарностію и радостію кипящихъ?"

„Ликаонскіе народы, увидѣвъ божественныхъ мужей, возвѣщающихъ имъ миръ и спасеніе, и плѣнясь сладостію глаголовъ ихъ, толикою пронзены были благодарностію, что, признавъ въ нихъ нѣкое божество, устремились на принесеніе имъ жертвъ, единому Богу свойственныхъ".

„Мы во власти твоей монаршей со благоговѣніемъ почитаемъ и исповѣдуемъ власть, силу и могущество небеснаго Божества; мы во благодѣяніяхъ тобою прещедро на насъ изливаемыхъ благословимъ десницу, исполняющую всяческая благости; мы въ матернемъ твоемъ лицѣ признаемъ и созерцаемъ лице Превѣчнаго Отца".

„Какіе убо воздвигнемъ тебѣ алтари? Какіе поставимъ жертвенники? Какой на нихъ воскуримъ ѳиміамъ?

„Сердца, искренностію и вѣрностію возженныя, да будутъ алтарями. Чистѣйшія желанія и горячія молитвы, Всевышнему возсылаемыя, да будутъ жертвами".

„Сію воню благоуханія, изъ глубины сердецъ и нѣдръ душъ нашихъ восходящаго, да обоняетъ самъ Царь царей, а ваше величество, яко всеавгустѣйшая помазанница, сего чистосердечнаго жертвоприношенія не презри, но милостиво и благоутробно приняти благоволи" [1]).

Изъ Софійскаго собора, императрица возвратилась во дворецъ при пушечной пальбѣ съ Печерской и Старокіевской крѣпостей.

Передъ обѣдомъ императрица играла въ шахматы съ Мамоновымъ, Кобенцелемъ и Сегюромъ.

Въ вечеру, передъ баломъ были представлены и жалованы къ рукѣ дамы какъ иностранныя и изъ Петербурга пріѣхавшія, такъ и кіевскія; сверхъ того императрицѣ представлены были

[1]) Изъ рукописи, хранящейся въ придв. архивѣ, подъ заглавіемъ: Журналъ путешествія въ 1787 году.

три армянки,—семейство одного вступившаго въ подданство и пожалованнаго статскимъ совѣтникомъ,—въ платьяхъ ихъ покроя и обычая. На балу было до 500 гостей [1]). Императрица одѣта была въ зеленое русское платье, волосы причесаны низко; на лѣвой сторонѣ приколоты бриллiантовыя тросавки. (Дневникъ Полетики. Сынъ Отечества, 1843 г., мартъ. Стр. 4).

Балъ открылъ оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ польскимъ танцемъ, потомъ послѣдовали три менуэта, контрдансы и наконецъ козачекъ [2]) Во время бала императрица играла въ карты съ Мамоновымъ, Кобенцелемъ и Сегюромъ [3]).

1-го февраля наступила масляница и принесла теплую погоду. „Послѣ сильныхъ морозовъ писала императрица 3-го февраля къ Еропкину, вчерашнiй день стало таять, и сегодня почти уже весь снѣгъ пропалъ“ [4]).

Весь первый день масляницы императрица провела не выѣзжая изъ дворца,—но на обѣдъ приглашено было 25 персонъ; до обѣда и послѣ обѣда и вечеромъ императрица играла то въ шахматы, то въ карты, но, по обыкновенiю, удалялась въ свои комнаты въ 9 часовъ вечера.

2-го февраля въ праздникъ Срѣтенiя Господня императрица выѣзжала къ литургiи въ Кiево-Печерскую лавру; у Святыхъ воротъ ее встрѣтилъ намѣстникъ iеромонахъ Каллистъ съ братiею; литургiю императрица слушала въ церкви св. Николая Чудотворца, служилъ грузинскiй митрополитъ преосвященный Антонiй, пѣли придворные пѣвчiе. По возвращенiи изъ лавры во дворецъ, императрица до обѣда играла въ шахматы съ графомъ Андреемъ Петровичемъ Шуваловымъ, Степаномъ Ѳедоровичемъ Стрекаловымъ и англiйскимъ посланникомъ Фицъ-Гербертомъ. Къ обѣду были приглашены графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ, и сверхъ кiевскихъ начальствующихъ лицъ, прiѣхавшiе въ Кiевъ знатные поляки: графъ Браницкiй, графъ

---

[1]) См. Соч. Екатер. II изд. Смирдина, т. III, стр. 336 и Дневникъ Полетики.

[2]) Памятная книжка кiевской губернiи 1858 г.

[3]) Камеръ-Фурьерскiй жур. 1787.

[4]) Сочиненiя императрицы Екатерины II, т. III. Изданiе Смирдина. Спб. 1850. Стр. 336.

Потоцкій, князь Сапѣга, графъ Мнишекъ, графъ Вьельгорскій и камергеръ Суходольскій.

3-го февраля опять большой обѣдъ на 45 персонъ, но выѣзду не было, по случаю оттепели и грязи. Вечеромъ пріѣхалъ въ Кіевъ князь Потемкинъ [1]), остановился въ лаврѣ, и до послѣдняго дня масляницы не являлся къ императрицѣ.

Въ четвергъ 4-го февраля, въ день рожденія великой княжны Маріи Павловны, императрица снова посѣщаетъ лавру при пушечной пальбѣ и съ большою свитою, потомъ, во дворцѣ, пріемъ придворныхъ и пріѣзжихъ съ поздравленіями, и тутъ же оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ представилъ присланныхъ отъ дворянства харьковской губерніи депутатовъ.— Шидловскій, губернскій предводитель, сказалъ императрицѣ рѣчь:

„Всемилостивѣйшая государыня! Харьковское дворянское общество, торжествовавъ нынѣ въ третій разъ свое блаженство возобновленіемъ выборовъ по мудрымъ, благотворительнымъ и святочтимымъ монаршимъ твоимъ узаконеніямъ, избрало насъ повергнуться къ освященнѣйшимъ стопамъ твоимъ со всеглубочайшею благодарностію, коею преисполнены сердца наши! Тщетно бъ дерзнули мы изобразить коль велико сіе чувствіе! Оно выше словъ и единыя благодѣянія твои его превыше. Но да исполнится сладчайшая наша надежда! Да увидимъ мы въ странѣ своей, ожиданіемъ уже восхищенной, великую свою обладательницу и несравненную мать отечества! Тогда всеобщій восторгъ цѣлаго нашего общества, радостныя лица и восклицанія щастливыхъ обитателей обильныхъ полей нашихъ внушатъ болѣе чувствительной душѣ твоей и содѣланное тобою благополучіе твоихъ вѣрноподданныхъ, и признаніе ихъ къ непрестанно изливаемымъ твоимъ щедротамъ“.

Передъ обѣдомъ императрица забавлялась въ шахматы вчетверомъ: съ оберъ-камергеромъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ, графомъ Андреемъ Петровичемъ Шуваловымъ и англійскимъ посланникомъ. На великолѣпный обѣдъ, между прочимъ, приглашены были польскіе магнаты: графъ Браницкій,

---

[1]) Дневникъ Полетики. Стр. 5.

графъ Потоцкій, князь Сапѣга, графъ Мнишекъ и графъ Вьельгорскій. Первый тостъ за здоровье великой княжны Маріи Павловны провозглашенъ былъ самою императрицею, при пушечной пальбѣ съ Печерской крѣпости. Кубокъ императрицѣ подавалъ гофмаршалъ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинской. Вечеромъ во дворцѣ балъ и когда стемнѣло, въ 8 часу, зажженъ былъ фейерверкъ.—Императрица смотрѣла въ окна изъ билліардной комнаты.

На другой день, 5-го февраля, опять балъ и маскарадъ у генералъ-губернатора графа П. А. Румянцева. Сверхъ придворныхъ, особо было приглашено по билетамъ 120 человѣкъ, начиная съ бригадирскаго ранга. Вотъ описаніе этого бала очевидцемъ:

„Императрица пріѣхала въ 8-мъ часу, ее встрѣтили на парадномъ крыльцѣ придворные и генералитетъ въ черныхъ, розовыхъ и орѣховыхъ епанчахъ (домино), безъ мазокъ и всѣ провожали ее въ залъ.

Пройдя съ графомъ въ другіе покои, осматривала ихъ и, возвратясь въ послѣднюю комнату, назначенную для ея пребыванія, разговаривала съ графомъ Безбородко, а по окончаніи разговоровъ вышла въ другую комнату, гдѣ для ея величества приготовлено было мѣсто.

Посмотрѣвъ пристально съ улыбкою на портретъ свой, висѣвшій на этомъ мѣстѣ, ея величество сѣла на свое мѣсто и начала съ тремя мужчинами играть въ карты, а на другихъ столахъ играли другіе господа. Послѣ начали съѣзжаться дамы въ маскарадныхъ платьяхъ, которыя при входѣ являлись къ государынѣ, и по отданіи поклона, отходили обратно въ покои на другую половину черезъ сѣни.

Государыня была не въ маскарадномъ платьѣ, но въ женскомъ кирасирскомъ мундирѣ. Городъ весь былъ иллюминованъ и передъ дворомъ графскимъ иллюминація съ разными рисунками, а особенно стоялъ одинъ большой кругъ, освѣщенный огнями, съ вензелемъ ея величества, а вокругъ него вензели всей царской фамиліи. По сторонамъ этого круга поставлены были два небольшіе круга съ вырѣзкою деревъ еловыхъ, кото-

рые въ 9-мъ часу были зажжены и горѣли голубымъ огнемъ, представляя изъ себя и другіе огни“ [1]).

На другой день, по приглашенію графа Румянцева, вся свита и придворные были на маскарадѣ, въ зданіи магистрата на Подолѣ; угощеніе было на счетъ графа Румянцева. Но императрица не изволила быть [2]).

Послѣдній день масляницы (7 февраля) начался богомольемъ въ Фроловскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. У св. воротъ встрѣтила игуменья Августина, изъ фамиліи Апраксиныхъ, съ иконою, а монахини поднесли хлѣбъ и соль на фаянсовомъ блюдѣ *безъ солонки*. Посѣтивъ игуменью въ ея келліи, императрица возвратилась во дворецъ, гдѣ ей были представлены прибывшіе въ Кіевъ: принцъ Нассау [3]) и воевода русскій, польскій графъ Потоцкій. Въ этотъ день въ первый разъ записано въ К.-ф. журналѣ появленіе ко двору князя Потемкина,—онъ былъ приглашенъ къ обѣду. Вечеромъ, въ 9 часу, окончивъ партію въ вистъ съ посланниками, императрица, по случаю наступающаго великаго поста, „откланялась“ собравшимся знатнымъ особамъ и удалилась во внутренніе свои аппартаменты [4]). Такимъ образомъ, съ перваго дня пріѣзда императрицы все время проходило въ пріемахъ оффиціальныхъ, въ празднествахъ, балахъ и маскарадахъ. Французскій посланникъ графъ Сегюръ, неимѣвшій достаточно времени, чтобъ осматривать подробно все любопытное, проговорился кому то изъ придворныхъ, что ему очень досадно проѣхать такъ далеко для того только, чтобы видѣть дворъ, слушать греческія обѣдни и присутствовать на балахъ. Кто то пересказалъ объ этомъ императрицѣ; при первомъ же удобномъ случаѣ она сказала Сегюру: „меня увѣряютъ, вы будто осуждаете меня, что я путешествую по

---

[1]) Изъ Дневника Полетики. Сынъ Отеч. 1843. Мартъ. Стр. 6.—Въ Камеръ-фурьер. жур. 1787 г. записано, что императрица была въ обыкновенномъ русскомъ платьѣ. К.-ф. ж., 1787, 5 февр.—Въ Херс. Губ. Вѣд. 1871 г., № 33 напечатано тоже въ кирасирскомъ мундирѣ.

[2]) Дневникъ Полетики. Стр. 6.

[3]) Нассау-Зигенъ, принцъ, род. 1745 г. ум. 10 апрѣля 1808, вступилъ въ русскую службу въ 1788 году.

[4]) К.-ф. журналъ. 1787.

моей имперіи для того только, чтобъ давать во всѣхъ городахъ аудіенціи и праздники—вы очень ошибаетесь: я путешествую не для осмотра мѣстностей, а чтобъ высмотрѣть людей; по планамъ и описаніямъ я знаю все то, чего при быстрой ѣздѣ я не могу увидѣть. Для меня же необходимо, чтобъ народъ могъ приближаться ко мнѣ, чтобъ я могла дать доступъ ко мнѣ его жалобамъ и чтобы могла заставить бояться тѣхъ, которые могутъ злоупотреблять предоставленною имъ отъ меня властью, и надѣюсь, что я открою ихъ ошибки, ихъ небрежность или ихъ несправедливость—вотъ польза, которую я ожидаю отъ моихъ путешествій; одно разглашеніе объ нихъ уже приноситъ пользу. Я держусь пословицы „отъ глаза хозяина толстѣетъ и здоровѣетъ лошадь“.

Всѣ эти празднества, балы и оффиціальные пріемы утомили императрицу. Съ наступленіемъ великаго поста она усердно принялась за богомолье и за переписку съ друзьями.

Одинъ изъ нихъ особенно пользовался ея довѣріемъ —это былъ баронъ Гриммъ, жившій въ Парижѣ. Въ письмахъ къ нему она повѣряла самыя сокровенныя тайны о близкихъ ей людяхъ и дѣлахъ: о Бобринскомъ и о своихъ любимцахъ, особенно объ умершемъ Ланскомъ, о Потемкинѣ и даже о несчастной герцогинѣ виртембергской, которая, наканунѣ отъѣзда императрицы изъ Петербурга, бѣжала отъ побоевъ своего мужа во дворецъ [1]). Первое письмо къ Гримму изъ Кіева отъ 8 февраля: „Я пріѣхала сюда 29 января въ добромъ здоровьѣ при морозѣ въ 20 градусовъ, несмотря на этотъ холодъ не было отмороженныхъ ни ушей, ни носовъ. Мы проводили всѣ дни въ балахъ, въ празднествахъ, маскарадахъ, и сегодня, въ понедѣльникъ, слава Богу, начался постъ и прекратился весь этотъ шумъ (bruit). Половина Польши здѣсь, принцъ нассаусскій, испанскій грандъ, пріѣхалъ сюда и одинъ испанецъ по имени Мирондо. Когда они всѣ уѣдутъ отсюда, они скажутъ, что не стоило пріѣзжать. Странный этотъ городъ Кіевъ, здѣсь только крѣпости и пред-

[1]) Смотри письма Екатерины къ Гримму, напечатанныя въ 23 томѣ Сборника, изд. Императорскимъ Историческимъ Обществомъ.

мѣстье, и мнѣ наскучило отыскивать городъ, который, по всѣмъ признакамъ, въ старину былъ такъ же великъ, какъ Москва". „Отыскивая городъ", императрица однако же интересовалась узнать, какое впечатлѣніе произвелъ Кіевъ на ея спутниковъ посланниковъ. „Какъ вы находите Кіевъ?" спросила она австрійскаго посланника. „Государыня, я не видѣлъ города прекраснѣе, величественнѣе, великолѣпнѣе Кіева", отвѣчалъ Кобенцель. Сегюръ отвѣчалъ какъ поэтъ: „Государыня! Кіевъ представляетъ собою прошедшее и будущее великаго города". На Фицъ-Герберта, вѣроятно, нашелъ въ это время отечественный сплинъ и онъ отвѣчалъ: „Это очень грустное мѣсто, видны только развалины и избушки" [1]).

Въ продолженіе первой недѣли великаго поста императрица никуда не выѣзжала. Посланники не приглашались болѣе къ обѣду по случаю поста и веселились въ отведенныхъ имъ квартирахъ.—Вотъ какъ описываетъ ихъ житье—бытье французскій посланникъ графъ Сегюръ:

„Домъ, гдѣ жили Кобенцель, Фитцъ-Гербертъ и я, и гдѣ мы принимали и русскихъ, и иностранцевъ, принялъ видъ какой—нибудь европейской кофейни, которая была всегда полна, и въ которой сходились разноплеменные люди; здѣсь раздавалась рѣчь на различныхъ языкахъ и употреблялись блюда, фрукты и вина разныхъ странъ. Время проходило въ общей бесѣдѣ или въ частныхъ толкахъ о разныхъ предметахъ отъ важнѣйшихъ до самыхъ обыкновенныхъ". (Записки гр. Сегюра 1785—1789 г. изд. 1865 г. стр. 164).

„Такъ какъ мы всѣ, Кобенцель, Фитцъ-Гербертъ и я, предвидѣли, что, можетъ, принуждены будемъ прожить въ Кіевѣ мѣсяцъ или два, то приказали нашимъ людямъ пріѣхать къ намъ, чтобы намъ можно было устроиться порядочно и принимать знатныхъ особъ здѣшнихъ и пріѣзжихъ. Но всѣ наши приготовленія и сборы были напрасны, и мы должны были отослать нашу прислугу. Императрица непремѣнно хотѣла, чтобы въ продол-

---

[1]) Записки графа Сегюра о пребываніи его въ Россіи въ царствованіе Екатерины II. Переводъ съ франц. Спб. 1865 г., стр. 159.

женіе всей дороги мы жили на ея счетъ. Я остановился въ прекрасномъ домѣ, назначенномъ для меня и снабженномъ всѣмъ, что мнѣ было нужно. Императрица прислала мнѣ дворецкаго, камердинеровъ, поваровъ, оффиціантовъ, гайдуковъ, кучеровъ, форейторовъ, чудесное серебро, бѣлье и фарфоровый сервизъ, прекрасныя вина, такъ что у меня было все, чтобы жить роскошно. Она запретила принимать отъ насъ какую либо плату, такъ что впродолженіе всего путешествія единственно дозволенною для насъ издержкою были подарки, какіе бы намъ заблагоразсудилось дѣлать хозяевамъ домовъ, въ которыхъ насъ помѣщали. Мы сообразжались съ волею императрицы, и какъ нѣкогда въ Польшѣ я прожилъ нѣсколько дней настоящимъ польскимъ паномъ, такъ и въ Кіевѣ жилъ своимъ дворомъ, какъ любой русскій бояринъ или какой нибудь потомокъ Рюрика или Владиміра. Когда императрица не приглашала насъ къ своему столу, что случалось раза два въ недѣлю, мы давали обѣды у себя. Но скоро намъ надоѣло жить раздѣльно, и мы согласились сходиться у графа Кобенцеля, потому что домъ его былъ просторнѣе и покойнѣе и могъ свободно вмѣщать большее число гостей, что для насъ было пріятнѣе. Сообща намъ было легче нести тягостную обязанность принимать множество иностранцевъ, прибывшихъ въ Кіевъ. По этому распорядку, мнѣ приходилось обѣдать дома только тогда, когда я былъ нездоровъ или хотѣлъ принять у себя только своихъ пріятелей. (Зап. гр. Сегюра 1785—1789 гг. изд. 1865 г. стр. 155).

Сегюръ, въ своихъ запискахъ, оставилъ намъ любопытный разсказъ о Суворовѣ.—Въ числѣ иностранцевъ, пріѣхавшихъ въ Кіевъ посмотрѣть на императрицу, былъ знаменитый французскій полковникъ Ламетъ, посѣщавшій часто Сегюра. Одинъ разъ онъ встрѣтился тутъ и съ Суворовымъ.—„Ваше отечество?“ спросилъ Суворовъ отрывисто.—„Франція“. „Ваше званіе?“—„Солдатъ“.—„Вашъ чинъ?“.—„Полковникъ“.—„Имя?“—„Александръ Ламетъ“.—„Хорошо“. Ламетъ, не совсѣмъ довольный этимъ небольшимъ допросомъ, въ свою очередь обратился къ генералу, смотря на него пристально: „Какой вы націи?“—„Должно быть русскій.—„Ваше званіе?.“—„Солдатъ.“—„Вашъ

чинъ?"—„Генералъ".—„Имя?"—„Александръ Суворовъ".—„Хорошо". Оба расхохотались и съ тѣхъ поръ были очень хороши между собою. (Запис. гр. Сегюра 1785—1789 г., изд. 1865 г. стр. 161).

Между тѣмъ во дворцѣ первая недѣля великаго поста проходила, сравнительно съ обыкновенными днями, безъ всякихъ особенныхъ увеселеній. Игры въ шахматы, билліардъ и карты прекратились. Поутру, въ 10 часу, духовникъ Иванъ Ивановичъ Панфиловъ отправлялъ церковныя службы. Къ обѣду приглашались только лица свиты, изъ постороннихъ же только графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ и одинъ разъ англійскій посланникъ.

Обѣденный столъ и дессертъ изготовлялись постные.—Въ 5 часу отправлялись ефимоны. До 8 ч. вечера императрица проводила съ приближенными въ разговорахъ.

Въ среду передъ аудіенцъ-камерою въ кавалерской столовой комнатѣ поставлена была пѣхотнаго днѣпровскаго полка походная церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла, въ тотъ же день она освящена и въ ней отслужена духовникомъ утреня, часы и преждеосвященная литургія. Въ пятницу вечеромъ, послѣ исповѣди у духовника своего, императрица изъ своихъ комнатъ въ собраніе не выходила. Духовнику за исповѣдь пожалована тысяча рублей. Въ субботу государыня во внутреннихъ своихъ покояхъ слушала правило къ св. Причащенію, а между тѣмъ съѣхалась вся свита. Сопровождаемая ею императрица, въ 9 часу утра, выѣхала въ Кіево-Печерскій монастырь къ литургіи. По начатіи каноника государыня прикладывалась къ св. иконамъ, за нею прикладывались: камеръ-фрейлина Протасова, фрейлина графиня Е. И. Чернышева и прочія изъ свиты, въ это время постившіеся. По окончаніи каноника и молитвъ къ св. Причащенію, для пріобщенія св. Христовыхъ Таинъ, императрица взошла въ царскія врата и близь оныхъ, противъ престола въ алтарѣ, приняла св. Дары, потомъ, по выходѣ въ царскіе же врата, духовникъ ея поднесъ антидоръ, гофмаршалъ князь Барятинскій теплоту и камергеры Чертковъ

и Нелединскій воду и утиральникъ (К.-ф. ж. 1787). Послѣ императрицы пріобщались лица свиты. Къ обѣду были приглашены не много лицъ изъ свиты и сверхъ того Румянцевъ и Потемкинъ, который во всю недѣлю не являлся во дворецъ. Вечеромъ, послѣ церковнаго служенія, походная церковь была вынесена изъ дворца (К.-ф. ж. 1787 г.).

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Семенъ Вакуленко, сотникъ пирятинскій.

(1696 — 1720 г.).

Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка сотникомъ пирятинскимъ былъ, впродолженіе четверти столѣтія, Семенъ Вакуленко, принявшій сотничій урядъ въ началѣ 1696 г. отъ Андрея Гладкого и уступившій его въ 1720 г. Григорію Корнѣевичу.

I.

Семенъ Вакуленко не выдавался изъ рядовъ малороссійской старшины ни своимъ оразованіемъ, ни какими-либо военными или гражданскими доблестями и, по всей вѣроятности, не заслуживалъ бы особеннаго вниманія историка и могъ бы быть причисленъ съ перваго взгляда къ сонму ему подобныхъ представителей старшины, если-бы прошлое лѣвобережной Украины было разработано и изучено въ деталяхъ. Въ настоящее время, когда еще такъ мало изслѣдованій по исторіи гетманщины и, въ частности, совсѣмъ нѣтъ ихъ по исторіи лубенскаго полка, заключавшаго въ себѣ и пирятинскую сотню и занимавшаго обширную территорію по бассейну р. Сулы отъ истоковъ ея до устья, весьма важно ознакомиться съ личностью сотника, пановавшаго столь долгое время въ благодатныхъ пирятинскихъ степяхъ и доставившаго своимъ потомкамъ крупицы отъ обильной трапезы знаменитаго въ лѣтописяхъ малороссійскаго землевладѣнія лубенскаго полковника, Леонтія Назаровича Свѣчки, чуть не сравнявшагося по своимъ, правымъ и не правымъ путемъ

нажитымъ, земельнымъ богатствомъ со своимъ предшественникомъ въ Лубенщинѣ блестящимъ княземъ „na Lubniach“ Іереміей Вишневецкимъ.

Семенъ Вакуленко является типичнымъ представителемъ сотенной старшины, подбиравшей къ своимъ рукамъ, благодаря своему общественному положенію, неинтересные для „великихъ пановъ“, генеральныхъ и полковыхъ урядниковъ, „гайки, нивки, млинки“, методически собиравшей эти крохи, формировавшей такимъ образомъ среднее землевладѣніе и положившей этимъ путемъ прочныя основы благосостоянію позднѣйшихъ потомковъ своихъ, нынѣшняго малороссійскаго дворянства. Изучая дѣятельность Семена Вакуленка и его ближайшаго потомства, мы можемъ выяснить съ достаточной подробностью вопросъ объ образованіи малороссійской старшины, позднѣйшаго шляхетства, объ ея постепенномъ выдѣленіи изъ состава рядоваго козачества и усиленіи, при помощи эксплуатаціи своихъ же собратовъ козаковъ и безправныхъ посполитыхъ.

Разнообразны были виды эксплуатаціи, средства къ обогащенію.

Наиболѣе выгодною и всякому доступною отраслью сельскаго хозяйства въ старой Малороссіи были мельницы: водяная сила—даровая, лѣсъ, по малочисленности населенія, тоже ничего не стоилъ, нужно было лишь приложить личный трудъ и въ рукахъ было дѣло, доставлявшее живецъ для дальнѣйшаго развитія благосостоянія; поэтому не было рѣки или рѣченки въ лѣвобережной Украинѣ, которая не была бы запружена въ разныхъ мѣстахъ по своему теченію гатями съ большими и малыми „млинами“.

И въ дѣлѣ устройства плотинъ съ мельницами болѣе сильные имѣли преимущества—они выбирали лучшія мѣста, пользовались въ большемъ размѣрѣ даровымъ трудомъ „черни“, эксплуатируя ее на разные лады.

Для иллюстраціи этого, мы прослѣдимъ устройство трехъ плотинъ съ мельницами по теченію р. Удая въ предѣлахъ пирятинской сотни—при с. Новой Греблѣ, с. Великой Kручѣ и с. Кейбаловкѣ. Первыя двѣ существуютъ и по-нынѣ, будучи выгачены по волѣ представителей высшей старшины въ наилуч-

шихъ, конечно, мѣстахъ р. Удая, отъ третьей не осталось и слѣда.

Ново-гребельская плотина была устроена по желанію знаменитой гетманши Настасьи Марковны Скоропадской. Въ бытность лубенскаго полковника Василія Савича весной 1712 г. въ Глуховѣ, гетманша сообщила ему, что на р. Удаѣ около с. Гурбинецъ одинъ козакъ устроилъ запруду и поставилъ небольшую мельницу, которая и куплена ею у него „для потреби двору рейментарского“, но что запруда устроена плохо, а потому она просила полковника сдѣлать распоряженіе жителямъ окрестныхъ селъ о надлежащей насыпкѣ плотины въ указанномъ мѣстѣ. Вернувшись въ Лубны, Савичъ разослалъ ордеръ пирятинскому сотнику, городовому атаману и войту, а также сельскимъ атаманамъ с. Дащенокъ, с. Яцынъ, с. Бѣлоцерковецъ, с. Кейбаловки, с. Харьковецъ, с. Усовки, с. Мокляковъ, с. Кротовъ, с. Гурбинецъ, с. Леляковъ, с. Митченокъ, с. Сосиновки, с. Давидовки, с. Гробаровки, с. Вечурокъ, товариству и войтамъ тамошнимъ съ посполитыми людьми, о томъ, чтобы они выгатили, какъ слѣдуетъ быть, новую плотину (греблю) и впредь, „по давнему обикновенію“ исправляли, когда нужно. Пирятинской же сотенной старшинѣ приказывалось особенно, чтобы она „в виганяню тих селян в час потребний неоспалое ложила старання, а вишеупомянутих сюл жители якъ козаки, такъ и посполитие без жадной очурности предреченую новую греблю гатити повинни, а найбарзѣй в час сей, в которий, за нераденіемъ тамошних мелниковъ, подлуг належитости оная не зостает уфундована“, кромѣ того пирятинскому сотнику приказывалось, „вичитавши сей ордеръ, одослати до рукъ его милости пана сотника прилуцкого полкового, а соби такийже список зоставивши, подлуг указу, в нем виражeного, справу тею мѣти“. Конечно, воля властолюбивой гетманши была въ точности исполнена и „новая гребля“ существуетъ и по-нынѣ около одноимяннаго села и съ трудомъ поддерживается, безъ содѣйствія, само собою разумѣется, обывателей болѣе чѣмъ тридцативерстной окружности.

Ясновельможной гетманшѣ можно было, конечно, въ широкой степени пользоваться даровымъ трудомъ „черни"; полковая старшина, при всемъ своемъ значеніи, не всегда могла прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ, для приведенія въ исполненіе своихъ корыстолюбивыхъ желаній, и измышляла другіе способы, оформливая ихъ въ видѣ договоровъ, внесенныхъ въ „мѣскія книги", договоровъ, напоминающихъ игру кота съ мышью.

Въ 1675 г. къ лубенскому полковнику Ивану Ѳедоровичу (Сербину) обратился одинъ изъ мельниковъ пирятинскихъ, Семенъ Пацъ, съ просьбой разрѣшить устроить мельницу ниже пирятинской гребли на р. Удаѣ въ урочищѣ „Круча", слѣдствіемъ чего былъ слѣдующій ордеръ:

„Иванъ Ѳедоровичъ, полковникъ в. е. ц. п. в. з. лубенскій. Пану сотникови в. е. ц. п. в. з. пирятинскому, атамановѣ городовому, войтови и всему в той сотнѣ товариству, такъ же мелникамъ тамошнимъ и посполитымъ людемъ подаю вѣдати, ижъ хотячи ми аби скарбъ войсковий з млиновъ в полку моемъ множился; а людемъ посполитымъ в молотю збожа слушная подъ часъ засухи лѣтней была выгода, теди позволилемъ пану Семену Паценковѣ, мелниковѣ пирятинскому, ниже млиновъ пирятинскихъ в Кручи, подле лѣса Турчининого, яко повѣдѣлъ той-же Семенъ, же жадному не будетъ перешкоди, на волномъ фундуши новий млинъ фундовати з еднимъ коломъ, которому то Семеновѣ Паценковѣ мелниковѣ, аби такъ от старшины и черни пирятинское, яко и от мелников пирятинских наименшое уфундованню и диспунованню млина не было перешкоди, пилно жадаю и приказую. Данъ з Лубенъ, августа 15 дня 1675 року. Звишменований полковникъ лубенскій". (М. п. полковника Сербина).

Несмотря на полковничій приказъ, чтобы никто „от старшины" не мѣшалъ Пацу въ его предпріятіи, новоустраиваемой греблей заинтересовался лубенскій полковой асаулъ, Леонтій Назаровичъ Свѣчка. Онъ послалъ въ с. Повстинъ, находящееся въ полуторѣ верстѣ отъ кручанской гребли, своего довѣреннаго человѣка Демьяна Малахвіенка распросить „старожитнихъ" людей, на какомъ основаніи Семенъ Пацъ считаетъ себя владѣль-

цемъ того мѣста на р. Удаѣ, гдѣ онъ задумалъ, съ разрѣшенія полковника, устраивать мельницы, тогда какъ извѣстно, что еще прежде устроенная на этомъ мѣстѣ небольшая гребля называется „Селѣтрениковою", по имени своего фундатора. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ повстинскій священникъ, отецъ Михайло, сказалъ:

„Панъ Селѣтреникъ былъ господаремъ до тоей греблѣ, а Пацъ мѣрочникомъ, такъ якъ тепер у пана асаула полкового лубенского Дмитро Зарудненко млини строитъ".

Повстинскій атаманъ Ярушъ, Демьянъ Смаглій и Клѣщарь и „многіе люде старинніе" стали говорить: „мы того часу, якъ греблю Семенъ Селѣтреникъ займавъ, своимъ власнимъ коштомъ и скарбомъ гачовали, и намъ былъ такій могоричъ, кто привезе десятокъ албо и два десятки палей, то каждую паль по чеху платив, а хворосту хто привезе килко вузъ, то за каждій по осмаку платив, бо того часу не трудно было на хворостъ, на Слепородѣ лузѣ было безъ числа, хто хотѣвъ заробити, то возами двома и трома той хворостъ возили, а гды тую греблю зробили якъ потреба и скринѣ построили, мѣли южъ млинъ будовати, такъ Хмелниччина устала и не сталося скуткомъ слушнимъ". Малафіенко дѣлалъ распросы эти въ 1679 г. Дѣлалось это не спроста. Корыстолюбивому асаулу хотѣлось, опираясь на свидѣтельства „старожитнихъ" людей, что де Пацъ незаконно захватилъ чужую греблю, заставить послѣдняго отказаться отъ своихъ правъ и перейти на положеніе наймита, мирошника, работающаго въ пользу Свѣчки. Въ 1682 г. Свѣчка выпросилъ у новаго полковника Максима Ильяшенка ордеръ, разрѣшающій устроить гать и поставить мельницу объ одномъ колесѣ въ Кручѣ, такъ какъ будто бы до этого времени тамъ ничего еще не было устроено. Заручившись этимъ ордеромъ, Свѣчка является 20 августа 1684 г. къ пирятинскому сотенному уряду, въ лицѣ сотника Власа Семашка, атамана городоваго Андрея Гладкого, войта Семена Ковелскаго и бурмистра Гаврила Кириловича и заявляетъ:

„Пане вряде городовий перятинскій! Добродѣй мой, его милость панъ Максимъ Иляшенко, полковникъ в. е. ц. п. в. з.

лубенский з ласки своее панское на прозбу мою позволилъ млинокъ на рецѣ Удаѣ, низче греблѣ мѣское пѣрятинское в Кручи, под селомъ Повстиномъ реставровати, который млинокъ за ласкою Божиею моглемъ бы зо всѣмъ своимъ коштомъ, якъ пристоитъ пофундовати, еднакъ до того с приязнѣ моей принялемъ Семена Пацепка, мелника и обывателя перятинского, под такою кондициею: мое толко мѣстце, где зоставатеметъ млинъ, з ласки добродѣя моего его милости пана полковника, а Семенъ Пацъ повиненъ старатись деревнею, камѣнемъ, залѣзомъ и своею працею, албо рачей маетностію, той млинъ фундовати, а моя повинность толко додати ему помощи, еслибы трафилося бити палѣ на другий камѣнь, албо ступы ставити и гребельки гатити. З якого млина, кгди пофундованъ будетъ за помочию Божиею и ступы поставлены, также, если дастъ Богъ здорове, еще к томуж млинкови поставити другий камѣнь, зо всѣхъ тѣхъ млинковихъ пожитковъ и з ступъ маемо и повинни будемо з Семеномъ Пацомъ, мелникомъ и обывателемъ перятинскимъ, користовати и пожитковати сами, жоны и потомство наше на вѣчние часы по половици. Еслибы въ томъ моемъ млину мѣла быти часть войсковая, з ласки добродѣя нашего ясневелможного его милости пана гетмана, приходовъ борошенних оддалена, то еднакъ другою частю, албо рачей половицею вшелякого приходу млинового с тимже Семеномъ Пацомъ будемъ делитися по половици".

Попавшемуся въ лапы хищнаго асаула, Семену Пацу ничего не оставалось, конечно, сдѣлать, какъ, „дякуючи велце пану асаулови за таковую доброту, поднятись тие всѣ потреби млиновие своимъ коштомъ вистарчати и мастерствомъ своимъ млинъ въ томъ мѣстцю и чого толко до млина того потреба указоватиметъ дѣлностю своею старатись".

Грабежъ этотъ, или, по взглядамъ того времени, „добровольний способъ", былъ узаконенъ занесеніемъ въ „мѣскую книгу" и упроченъ залогомъ въ 100 таляровъ, внесенныхъ въ войсковую казну.

Но, видно, Пацъ не вполнѣ примирился съ совершившимся фактомъ и хлопоталъ о возстановленіи своего права на владѣніе

кручинскою греблею, такъ какъ въ 1696 г. уже Свѣчка снова обратился къ содѣйствію памяти „старожитнихъ людей“, на этотъ разъ изъ с. Деймановки—Грицко Кривецъ, Тишко Рудко, Семенъ Хурса и Грицко Сичь заявили слѣдующее:

„За пана Вишневецкого, державци сихъ повѣтовъ, бувъ нѣякій панъ, именно Семенъ Селѣтренникъ, и займавъ овую греблю своимъ власнимъ коштомъ такимъ способомъ, хто привюзъ дубувъ на палѣ, то каждую паль плативъ по чеху, а за вузъ хворосту плативъ по осмаку, а тие палѣ деймановци и повстинци вожували, которому фундованню греблѣ Пацъ старий майстромъ найдовався, и гды южъ угатили греблю и скринѣ построили, теди ми в своихъ потребахъ через греблю ежджовали в степь косити сѣновъ и жати пашень, а построивши греблю и скринѣ, мѣли млини будовати, токмож Хмелниччина стала и не пришла в совершение, що мы, вѣдаючи певне, сознаемъ“.

Попытки Паца возвратить себѣ захваченное Свѣчкой владѣніе не увѣнчались, очевидно, успѣхомъ, такъ какъ изъ духовнаго завѣщанія Леонтія Свѣчки видно, что кручанская гребля досталась сыну послѣдняго, Ивану. Злосчастный мельникъ польстился на черезчуръ лакомый кусочекъ, пришедшійся тоже по вкусу болѣе сильному, за что и поплатился, попавши въ кабалу къ послѣднему. Мѣстами удобными для устройства большихъ плотинъ съ нѣсколькими мельницами интересовались „великіе паны“, мелкая же сошка должна была довольствоваться худшими угодьями, гдѣ можно было скромными средствами устроить запруду, „гать езовимъ способомъ“, т. е. забивши колья одинъ около другого и переплетши ихъ лозою, если не хотѣла подвергнуться участи Семена Паца.

Такого рода гать устроилъ на р. Удаѣ около с. Кейбаловки козакъ и мельникъ пирятинскій, Семенъ Вакуленко. Въ томъ же году, что и Семенъ Пацъ, онъ обратился къ лубенскому полковнику Ивану Өедоровичу Сербину съ просьбой дозволить ему загатить Удай противъ с. Кейбаловки, верстахъ въ трехъ выше Пирятина, и поставить мельницу. Получивши разрѣшеніе, онъ устроилъ „греблю, албо рачей гать езовимъ способомъ“, и построилъ мельницу объ одномъ камнѣ, заготовивши, впрочемъ,

заставку и для другого колеса. Такъ какъ предпріятіе Семена Вакуленка по условіямъ мѣстности было очень скромное, то оно не только не возбудило аппетита Леонтія Свѣчки, но даже упрочилось и расширилось, при содѣйствіи послѣдняго. Когда въ 1685 г. Семенъ Вакуленко задумалъ воспользоваться другой заставкой и устроить другое колесо, то ему пришлось просить разрѣшенія у лубенскаго полковника Максима Ильяшенка. Опасаясь, чтобы это не повредило пирятинскимъ мельницамъ, послѣдній обратился съ соотвѣтствующимъ запросомъ къ своему асаулу, какъ пирятинскому обывателю, и получилъ отъ него, вѣроятно, „подкупленнаго" Вакуленкомъ, самый благопріятный отзывъ, вслѣдствіе чего и далъ разрѣшеніе Вакуленку на устройство другаго колеса, хотя и сомнѣвался, очевидно, въ правильности мнѣнія Свѣчки объ этомъ дѣлѣ, такъ какъ въ ордерѣ пирятинской сотенной старшинѣ полковникъ приказываетъ, чтобы ни старшина, ни „*особливе*" *мельники пирятинскіе*, „не важилися жаднои и наименшои в том млинѣ чинити перешкоди".

Какъ видимъ, Семенъ Вакуленко былъ первоначально простымъ козакомъ и мирошникомъ на пирятинскихъ мельницахъ. Въ 1675 г. онъ сдѣлалъ первую попытку превратиться изъ наймита въ самостоятельнаго хозяина и, соорудивши собственными руками мельницу около с. Кейбаловки, сталъ на ноги и дѣлался постепенно все болѣе зажиточнымъ. Покровительство вліятельнаго Леонтія Свѣчки очень поспособствовало его обогащенію и возвышенію.

Хронологическій перечень сдѣланныхъ Семеномъ Вакуленкомъ земельныхъ пріобрѣтеній былъ бы крайне утомителенъ въ виду ихъ многочисленности и дробности, а потому мы упомянемъ здѣсь лишь о наиболѣе своеобразныхъ и типичныхъ способахъ пріобрѣтенія недвижимой собственности, которые онъ практиковалъ. Мы можемъ ознакомиться съ ними въ подробностяхъ, благодаря примѣрной предусмотрительности и аккуратности нашего сотника, который въ срединѣ своей службы, въ 1705 г., послѣ того какъ скупилъ немало пахатной земли и угодій, завелъ, для памяти и удостовѣренія права владѣнія, „книгу господарскую", въ которую внесъ и затѣмъ продолжалъ

вносить копіи съ жалованныхъ гетманскихъ универсаловъ, разрѣшительныхъ и подтвердительныхъ полковничьихъ ордеровъ, съ уступочныхъ записей и купчихъ крѣпостей; въ эту же книгу вносились записи мелкихъ покупокъ, въ формѣ реестра, или, какъ тамъ называется, „мамрама“ (memorandum?), которыя потомъ обыкновенно всѣ вмѣстѣ представлялись на утвержденіе сотеннаго уряда. Книга эта, равно какъ и нѣкоторые другіе подлинные документы, относящіеся къ роду Вакуленковъ, сохранялись у наслѣдницы Вакуленковскихъ маетностей графини Екатерины Петровны О'Рурвъ, урожденной Селецкой, бабушка которой по отцу, Марья Даниловна († 1844 г.), была послѣдней представительницей рода Вакуленковъ, или Вакуловичей, какъ стали называть себя для большаго эффекта потомки Семена Вакуленка, въ усадьбѣ ея „Отрада“, около с. Малютинецъ пирятинскаго уѣзда. Въ приложеніи къ настоящей статьѣ мы помѣстимъ нѣкоторые документы, какъ прямо относящіеся къ роду Вакуловичей, такъ и посторонніе, представляющіе значительный научный интересъ и сохранившіеся вмѣстѣ съ книгой господарской Семена Вакуленка.

II.

Когда Семенъ Вакуленко утвердился въ с. Кейбаловкѣ, еще въ качествѣ скромнаго мельника, онъ началъ хлопотать объ увеличеніи своей недвижимой собственности. Первоначально онъ сталъ подбирать мелкія крупицы; такъ, напримѣръ, въ 1686 г. онъ купилъ у пирятинскаго козака Григорія Додоки небольшой земельный участокъ, поросшій лозой, за стогъ сѣна. Когда же у него завелись деньги, онъ сталъ давать ихъ подъ залогъ недвижимости, а то и прямо, конечно за безцѣнокъ, покупать „нивки, гайки, ставища“.

Въ концѣ декабря 1687 г. къ пирятинскому сотенному уряду, въ лицѣ сотника Леонтія Кичкаровскаго, атамана городоваго Тимоѳея Куриленка, войта Стефана Левченка, бурмистровъ Марка Стефановича и Ивана Стефановича, явился козакъ изъ с. Митченокъ, Иванъ Карпенко, и заявилъ слѣдующее:

„Пане вряде, чиню вѣдомо милостемъ вашимъ, иж будучи я виноватъ за напой в аренду в селѣ своем шинкару сто золотихъ, немѣючи чимъ оддати, в томъ року 1686 визичилемъ золотихъ сто у пана Семена Вакуленка и далемъ ему свой лѣсъ в заставѣ под такою кондициею: если бымъ того лѣса не викупилъ в року 1687 о пятюнкахъ за копъ пятдесятъ, то южъ ся его вѣчне немаю упоминати; що тежъ, немаючи готовой сумы, чимъ оддати, хотя и поддеръ Семенъ Вакуленко виждалъ од пятюнокъ всюю Пилиповку, я варую и записую увесь той лѣсъ, вилко его есть, пану Семену Вакуленку за тую суму за пятдесят копъ даю“.

Въ 1694 г. козакъ изъ с. Леляковъ, Василій Погорѣлко продалъ Вакуленку „безъ жадного примусу“ лѣсъ свой подъ с. Кейбаловкой.

Пока Вакуленко былъ частнымъ человѣкомъ, округленіе имущества шло медленно, такъ какъ приходилось довольствоваться лишь тѣми кусочками, что давались въ руки сами, послѣ предварительнаго займа, надобность въ которомъ могла случаться лишь у бѣдняковъ, не имѣвшихъ возможности выпутаться и уплатить долгъ и „записавшихъ“ Вакуленку свои микроскопическіе участки. Съ 1696 г. дѣло пошло иначе. Въ началѣ этого года Семенъ Вакуленко попалъ въ ряды старшины—благодаря вліянію Леонтія Назаровича Свѣчки, бывшаго уже лубенскимъ полковникомъ, онъ сдѣлался пирятинскимъ сотникомъ прямо, минуя, противъ обыкновенія, низшій урядъ городоваго атамана. Внезапное возвышеніе сразу отразилось на характерѣ покупокъ—онѣ становятся крупнѣе и, кромѣ того, замѣтно насиліе, обусловливаемое высшимъ общественнымъ положеніемъ и авторитетомъ власти покупщика, хотя впрочемъ на первыхъ порахъ Вакуленко не рѣшался еще дѣйствовать самъ на свой страхъ и дѣлилъ добытое со своими сослуживцами, дабы не возбуждать ихъ зависти, а, слѣдовательно, и наговоровъ.

Въ 1696 году 24 мая житель г. Переяслава Никита Жеребило заявилъ пирятинскому сотенному писарю Демьяну Даниловичу, въ присутствіи Стефана, довбыша лубенскаго полка, слѣдующее:

„Чиню вѣдомо тепер и в потомние часы, ижъ з доброи волѣ моей, щомъ одстоялъ лѣсъ, гребелку, ставище, стѣнку, сѣножати, дядкувщину свою над Оржицею од Андрея Филоненка, що перво отецъ его у посессии мѣлъ и продалъ Дмитру Коноваленку, тепер я, дойшовши всего того кгрунту, з наказу суду енеральногo войскового в Батуринѣ, продалемъ у вѣчность до спокойного вживання двомъ персонамъ, паномъ Семену Вакуленку, сотникови пирятинскому, и Тимоѳею Куриловичу, отаманови городовому тожъ пирятинскому за певную и готовую суму сто золотихъ".

Дальнѣйшей скупкѣ разнаго рода недвижимаго имущества помѣшалъ предпринятый Петромъ Великимъ, весною 1696 года, второй азовскій походъ, въ которомъ приняли участіе и малороссійскіе козаки, подъ предводительствомъ наказнаго гетмана Якова Лизогуба, въ томъ числѣ и лубенскій полкъ, а въ частности и Вакуленко со своей пирятинской сотней. Впрочемъ нашего сотника, какъ увидимъ дальше, и среди воинскихъ подвиговъ и невзгодъ войны не покидали хозяйственныя соображенія, не мѣшавшія ему, вѣроятно, наравнѣ съ прочими козаками, показывать воинскія доблести, о которыхъ съ такой похвалой отзывается Петръ въ своей грамотѣ патріарху послѣ взятія Азова:

„Сего же настоящаго іюля мѣсяца 17 числа, въ пятокъ, малороссійскія нашія войска, по жребію своему въ тѣхъ трудѣхъ пребывающія, при которѣхъ неотступно пребывая мужъ въ добродѣтели и въ военныхъ трудѣхъ искусный гетманъ наказный Яковъ Лизогубъ, обще донскаго нашего войска съ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ и съ донскими козаками предварили непріятельской роскатъ подкопать, и на него мужественно взойтить, и съ непріятели бившись довольно, и тѣмъ роскатомъ овладѣли, и дождався ночи, съ того роската четыре пушки стащили; а въ 18 числѣ, въ субботу, о полудни, непріятели, азовскіе сидѣльцы, видя войскъ нашихъ крѣпкое на градъ наступленіе и промыслъ радѣтельной, а свою конечную погибель, замахали шапками и знамена приклонили и выслали для договора отъ себя двухъ человѣкъ знатныхъ людей, и били челомъ, чтобъ даровать животомъ и отпустить бы ихъ съ женами и съ дѣтьми, а на знакъ

увѣренія въ твердости и въ правѣ оставили двухъ человѣкъ аманатовъ и отдали Нѣмчина Якушку, который, измѣня, изъ войскъ нашихъ ушелъ къ нимъ въ Азовъ и обусурманился прошлаго году. А въ 19 числѣ азовскіе сидѣльцы городъ Азовъ со всѣмъ что въ немъ было отдали [1])".

И въ то время, когда рѣшалась судьба грозной турецкой твердыни, когда Петръ Великій становился твердою ногой на берегу южныхъ морей, 16-го іюля, наканунѣ успѣшнаго штурма, которымъ хвалится царь патріарху, хозяйстливый сотникъ, взвѣсивъ выгодность дѣла и забывая про то, что, быть можетъ, черезъ нѣсколько часовъ онъ ни въ чемъ земномъ не будетъ нуждаться, заставляетъ козака изъ с. Кейбаловки, Романа Матвѣенка, одного изъ своихъ подчиненныхъ, держать въ „таборѣ", въ присутствіи своего полковника Леонтія Свѣчки, полкового судьи Андрея Яковича, асаула Григорія Таволги и многочисленнаго „товариства", слѣдующую рѣчь:

„Я, Романъ Матвѣенко, з села Кейбаловки повѣту пирятинскаго, зайшлий на Дунъ до города Черкаскаго, а зостаючий тепер на службѣ монаршой его царскаго пресвѣтлаго величества подъ городомъ Азовомъ, и вѣдаючий певне, же брати мои, еденъ попалъ в неволю бѣсурманскую, а о другомъ гдѣ подѣлся жаднои не мѣю вѣсти, прето кгрунтъ отцевский стоячий и лежачий, яко то лѣси, поля пахатние и инии кгрунта, а особливое дворище лежачое, продалемъ пану Семену Вакулѣ, сотникови пиратинскому, за суму певную копъ двадцять у вѣчность. Поневажъ отецъ нашъ зийшов нагле изъ сего свѣта, не распорадившись (в лѣтехъ недорослихъ) жаднимъ тестаментомъ, теди еслибы хто из кревнихъ моихъ тими кгрунтами владѣлъ, или куплею набувши держалъ, то повиненъ зо всего прерeченому пану сотникови уступити, а у кого куповавъ в того вложеной суми своей доправлятися и доходити маетъ. А я, яко тихъ добръ отцевскихъ поссессоръ, овие кгрунта всѣ сполне ему пану сотникови пускаю до спокойного уживання, варуючи, аби нѣхто оного нѣв-

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XIV, стр. 214.

чомъ турбовати не важився, хочби и братъ мой, который появився, то зо мною мѣтиметъ росправу".

Вакуленко поспѣшилъ, конечно, занести на бумагу эти „доброволние слова" Романа Матвѣенка, но при этомъ спохватился, что Матвѣенко забылъ оговорить, что онъ продаетъ также свое право на рыбную ловлю на рѣчкѣ Перевозѣ, а потому, чтобы придать болѣе значенія этой дополнительной продажѣ, нашъ сотникъ обратился съ просьбой къ донскому атаману Фролу Минаеву, чтобы онъ взялъ у Матвѣенка дополнительную уступочную запись на рыбную ловлю, что тотъ и исполнилъ, передавши Вакуленку слѣдующее „письмо":

„Я, Романъ Матвѣенко, продалъ кгрунтъ, лесы, поле и ези на воде в Перевозе пану Семену Вакулѣ, сотникови пературинскому, за десять рублей, а той кгрунтъ продалъ я в вѣчние часи, ни братя, ни родичи не мають уступатись, а если хто схочеть уступатись, нехай на Дону мене шукае, Романа Матвѣева.

„А сее писмо, по челобиттю Романа, приказалъ дать. Атаманъ Фролъ Минаевъ". (М. п. Фрола Минаева).

Вернувшись изъ подъ Азова въ родную Кейбаловку, Вакуленко сейчасъ же сталъ разыскивать купленные имъ у Матвѣенка участки около Кейбаловки и „оддалеце села" и разспрашивать старожилыхъ людей, кто и на какомъ правѣ владѣетъ ими. Тогда нѣкоторые старики—кейбаловскій сельскій атаманъ Яцько Ващенко, Овдѣй Старый, Семенъ *Кейбало* и Лукьянъ Пляшечникъ стали вспоминать старину, и Кейбало разсказалъ слѣдующее:

„По смерти Матвѣя и его жони осталися три сини в молодихъ лѣтехъ, под часъ той же хлѣбъ бувъ доругъ и тии дѣти розийшлися, едно о другомъ незнаючи, а кгрунта пустовали. Приехавши з Прилуки чоловѣкъ повѣдавъ ся бути дядко тихъ дѣтей Матвѣевихъ, по рожаю матчиному, и продавъ самий еденъ лѣсъ Грицкови Ситниченкови за три таляри..."—„Я—прибавилъ Лукьянъ Пляшечникъ—и позичивъ Грицкови, шуринови свому, бо и мене мѣвъ прийняти до половици".—„Знаючи Грицко Ситниченко,—продолжалъ Кейбало—же еденъ синъ Матвѣевъ, Гаврило, пасъ бидлята не подалецѣ в селѣ Каплинцяхъ, вишукавши

того хлопця, гроши ему дававъ, а онъ мовивъ, плачучи: „на що мени гроши, де ихъ подимъ“, и, узявши, дядькови давъ. Другий синъ Матвѣевъ бувъ въ селѣ в килко лѣтехъ, того лѣса не достоевавъ. И незнати де ся они подѣли тии дѣти Матвѣеви. До того лѣса принято дарма гай и всѣ кгрунта Матвѣевскии. По смерти зась Грицка Ситниченка, жона его продала той лѣсъ самий Андрѣю Кушнеру за пять копъ, говоря такъ: стоитъ той лѣсъ и десяти копъ, тилко онъ пененый, у пяти копахъ пускаю тобѣ, якъ хто одзовется, жеби менше ворочати, а не будетъ нѣкого до него, вѣчний твой будеть; а гаю и нѣякого кгрунта нѣхто не продававъ, тилко самий лѣсъ у продажи ходить“.

Видя изъ этихъ разсказовъ, что настоящаго хозяина не оказывается, Вакуленко, ссылаясь на эти свидѣтельства старожилыхъ людей, обратился съ просьбой къ лубенскому полковому уряду, чтобы было утверждено за нимъ проданное ему Романомъ Матвѣйкомъ недвижимое имущество. Полковникъ Леонтій Свѣчка, въ бытность свою 14 сентября 1696 года въ Пирятинѣ, вызвалъ кейбаловскихъ стариковъ и, выслушавъ ихъ показанія, постановилъ, совмѣстно съ городовымъ пирятинскимъ урядомъ, слѣдующее:

„Чуючи мы признання людское, що дарма держано гай и поля, привертаемо до вживання пану сотникови, а ведлугъ лѣса купленого казали книги читати правние, где у статутѣ великого князства литовского в роздѣлѣ шестомъ въ артикулѣ дванацатомъ написано: уставуемъ, еслибы килко братовъ дорослихъ рожонихъ и недорослихъ зостало, а мали имѣния сполнии отчистии и материстии, который би з нихъ продавъ якую часть доросши, могутъ ся упомянути з кого будетъ, и той, хто держитъ, повиненъ удѣлъ пустити, що купивъ, и на томъ дѣлу зостати, якъ и всѣ; теди, ведлугъ того артикулу, тилко третую часть лѣса маетъ держати Андрѣй Кушнѣръ, а двѣ части панъ сотникъ маетъ користовати. Такъ сей декретъ кончачи, пану сотникови казали видати при печати нашой полковой“.

Это курьезное рѣшеніе утвердило навсегда за Семеномъ Вакуленкомъ его выгодную покупку.

Мирно осѣвшись на мѣстѣ, послѣ военныхъ передрягъ, Вакуленко расширилъ районъ своей пріобрѣтательской дѣятельности, не ограничиваясь уже Кейбаловкой. Осенью 1696 года козакъ изъ с. Сосиновки Грицко Даниленко продалъ ему свой лѣсъ подъ Сосиновкой за 10 таляровъ; вскорѣ онъ купилъ у Лукьяна Леонтьевича Свѣчки гать съ мельницей о трехъ колесахъ на р. Удаѣ, верстахъ въ 10 выше Пирятина, подъ с. Каплинцами и выхлопоталъ затѣмъ у гетмана Мазепы разрѣшеніе не давать „войсковой части". Особенно обиленъ покупками былъ 1699 годъ, втеченіе котораго Вакуленко скупилъ лѣсныхъ участковъ около Пирятина, с. Каплинецъ, с. Гурбинецъ и с. Харьковецъ на сумму до 200 золотыхъ, т. е. около 40 р. ассигн., кромѣ того, пріобрѣлъ „дворище" въ Пирятинѣ у Агрипины Мураювны Михайлихи Черевченковой за 6 копъ.

Въ этомъ же году, какъ разъ въ разгаръ столь успѣшнаго округленія недвижимаго имущества, постигло нашего сотника большое горе—умеръ, столь долго покровительствовавшій ему лубенскій полковникъ Леонтій Назаровичъ Свѣчка.

Еще 1-го августа Вакуленко получилъ отъ него ордеръ, разрѣшающій устроить въ кейбаловской мельницѣ колесо, а 4-го августа его уже не было въ живыхъ.

Изъ трехъ сыновей Леонтія Назаровича,—Василья, Лукьяна и Ивана,—Вакуленко былъ болѣе всего близокъ съ Лукьяномъ, что и отразилось на сдѣланномъ Леонтіемъ Назаровичемъ раздѣлѣ маетностей между сыновьями. Согласно нижеслѣдующему „писму", вошедшему въ духовное завѣщаніе Леонтія Назаровича, отъ 4 августа 1699 г., и составленному подъ вліяніемъ Вакуленка 25 февраля 1699 г., Лукьяну досталось с. Малютинцы и с. Давидовка, и, кромѣ того, онъ получилъ еще различныя угодія:

„Въ потомніе часы, я, Леонтій Свѣчка, полковникъ лубенскій, кому колвекъ вѣдати будетъ потреба, вѣдомо чиню, якъ з доброе своее волѣ милихъ синовъ своихъ, Василія, Лукьяна и Ивана, кгрунтами стоячими и лежачими розделилемъ за живота своего и в поссессию имъ подалемъ, такъ завѣдомо пирятинского сотника Семена Вакулы, а также атамана Ѳедора Губки,

войта Василія Орадиненка, на тотъ часъ будучихъ, з претомностю Леонтія Кичкарувского, Уласа Семашка, виражаю на семъ писмѣ, в року 1699 февраля 25 дня въ Пирятинѣ волю свою.

Синови нашому Лукьянови в вѣчистое владѣніе полецаю тое все:

На греблѣ Гурбинское млины, знову на Новой Гребли два камени, и на греблѣ Каплинское камень и ступи подданихъ нашихъ, монаршею грамотою стверженныхъ, з ласки ясневелможного добродѣя, его милости пана гетмана и войсковой, наданіе на рецѣ Удаѣ. Къ тѣмъ тежъ млинамъ лѣсы: купленний лѣсъ у Ничипора Ющенка, лѣсъ у Грицка Хижняка виминяний, а стоячий в концѣ греблѣ Борисовой, лѣсъ у Боженка куплений, подъ Гурбинцами, у Юска Ткача лѣсъ Хавкувский з садомъ, у Кислого лѣсъ изъ садомъ, у Олексы Сенченка лѣсъ, гай подъ Кейбаловкою у Удаи стоячій (у одномъ окопе, гдѣ и Василю зъ Иваномъ) по дорогу. Лѣсовъ межи Енковцами и Гурбинцами у многихъ людей покуплениxъ часть третюю Лукяну (где Василеви и Иванови тежъ по части). Емужъ Лукянови лѣсовъ въ Бзову, од многихъ людей покуплениxъ половина, и гаевъ, и лѣсовъ подъ Короваями селомъ стоячихъ, надъ Оржицею, половина, а другая половина в Бзовѣ и подъ Короваями Иванови, садъ Киселювский на вижшомъ Булатцѣ Лукянови. В селѣ Малютинцахъ люде черезъ насъ осаженіе, особливе село Давидовка, стверженое монаршою грамотою (однакъ до волѣ и ласки ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана) полецаю в державу и поссессию и все тое вишеналоженое записью вѣчисто Лукянови сынови нашому. Также Лукянови подъ Харкувцями у трехъ человѣка купление лѣса у Миска Рябчука, Матвѣя Кисленка, Степана Шульги, лекгуемъ. А ще болшъ не попускаю в роздѣлъ млины, лѣсы, сады и инии кгрунты, мененимъ синамъ нашимъ, тое все еще для себѣ зъ жоною на далший часъ оставляемъ. Якое мое распоряжение в далние часы, для всякое певности, при подпису руки писарское, печатю нашою полковою и звиклею городовою пирятинскою ствердити велѣлемъ, року и дня вишеменованого. Максимъ Троцкий, писаръ полку Лубенского, к сей лекгаціи рукою".

Дружба Семена Вакуленка съ Лукьяномъ Свѣчкою не помѣшала однако послѣднему отказать Вакуленку въ его настоятельной просьбѣ. Однажды, по смерти Леонтія Назаровича, сотникъ пришелъ, въ сопрожденіи пирятинскаго протопопа Якова Филиповича и Наталки Курилихи, жены городоваго атамана, ко вдовѣ покойнаго Свѣчки, Домникіи Мартыновнѣ, и стали говорить, что они просили бы возвратить уступленную ими покойному мужу ея стѣнку подъ Каплинцами, такъ какъ имъ не откуда брать хворостъ для исправленія каплинской гребли, находящейся въ ихъ общемъ владѣніи. Свѣчиха позвала своего сына Лукьяна, который получилъ во владѣніе эту стѣнку и передала ему ихъ просьбу; но Лукьянъ „сталъ при упорѣ, жеби оной стѣнки не попустить онимъ, якую даровали, и упоминался в матки своей, же ежели бы мѣла оддать оную дарованную стѣнку, то жеби инший лѣсъ дано было ему, Лукянови". Тогда Домникія Мартыновна, не имѣя возможности исполнить требованія сына, чтобы хотя нѣсколько удовлетворить просьбу Вакуленка, дала ему и его совладѣльцамъ за стѣнку 20 таляровъ, „абы не отнимать ее у Лукьяна".

Такого рода столкновенія не помѣшали однако Вакуленку остаться въ наилучшихъ отношеніяхъ со Свѣчками.

III.

Въ новомъ столѣтіи и при новомъ полковникѣ Дмитріи Зеленскомъ, получившемъ урядъ послѣ смерти Свѣчки, Вакуленку жилось не хуже, чѣмъ прежде. Въ 1700-мъ же году ему удалось дешево купить два лѣска надъ р. Оржицею и подъ Пирятиномъ—за 90 золотыхъ (18 р. асс.) и „ставище" за три копы и настолько заручиться благорасположеніемъ новаго полковника, что 16 января 1701 года послѣдній далъ ему на урядъ сотничій село Грабаровку, приказавъ тамошнему войту со всѣми посполитыми „по замислу его пана сотника оддавати послушенство"; въ этомъ же ордерѣ с. Леляки было отдано на пирятинскую ратушу. Въ 1703-мъ году Вакуленко купилъ у козака с.

Малютинецъ Грицька Геродовича большой лѣсной участокъ подъ с. Митченками за 150 злотыхъ.

Освоившись съ новымъ начальствомъ, Вакуленко все болѣе и болѣе округлялъ свое состояніе, не брезгая никакими средствами, причемъ его эксплуататорскій талантъ проявлялся въ самой разнообразной и часто комичной формѣ. Въ 1704 г. пирятинскій козакъ Иванъ Лобасенко продалъ Вакуленку свой лѣсъ „Мураювщину“ подъ Пирятиномъ за десять таляровъ да въ придачу „панъ сотникъ подаровавъ (Лобасенку) изъ ласки своей *за для огрѣваня вѣчне кущъ гаю Хуржинский*, стоячий неподалецѣ одъ дороги, идучой одъ Пирятина до Прилуки“. Въ 1707 г. козакъ Назаръ Старый съ сыновьями, Максимомъ и Иваномъ, продалъ х. Липовый около с. Сурмачевки за 60 таляровъ. Въ 1712 г. нѣкій Матвѣй Чиркуненко продалъ Вакуленку за 8 копъ „дворище свое з стѣнкою“ въ с. Смотрикахъ. Когда „добровольная“ продажа была записана въ копіи въ книгу *господарскую,* то нашъ сотникъ безъ всякаго стѣсненія замѣтилъ себѣ для памяти:

„Сее дворище з стѣнкою такимъ способомъ мнѣ, Семену Вакулѣ, сотникови пирятинскому, досталося. Же з посвѣдченя ткача Левка довелося на Матвѣя Чиркуненка, що онъ, Чиркуненко, у Андрея Степанцевого брата выкравши з пасѣки бджоли поднесъ на подступъ до Ивана Сидоренка, аже якъ доткнулася тая справа до пана полковника лубенского Дмитрія Зеленского, теди зъ показанія суду полкового лубенского осуженно было Ивану Сидоренку од тоей невинности одприсягтися, а Матвѣя Чиркуненка, яко подступцу на честь людскую чигаючого шибеницею карати. Однакже за злеценнемъ мнѣ Семену Вакуленковѣ, сотнику пирятинскому, до конченя тоей ихъ справы, укончилемъ уважаючи на обѣ сторони, яко на сторону жалуючой стороны, такъ и на сторону Матвѣя Чиркуненка. З тоей причины мнѣ досталося дворище зъ стѣнкою“.

Чтобы не было какихъ либо недоразумѣній и чтобы дѣлаемыя пріобрѣтенія лучше закрѣплялись въ его рукахъ, Вакуленко заставлялъ обыкновенно обираемыхъ имъ лицъ являться передъ городовымъ пирятинскимъ урядомъ и „очевисте“ заяв-

лять о своей „добровольной“ продажѣ, что и вписывалось въ „мѣскую“ книгу. Но иногда случалось, что владѣльцы заинтересовывавшихъ Вакуленка земельныхъ участковъ отсутствовали, тогда онъ прибѣгалъ къ содѣйствію урядовъ по мѣстожительству отсутствующаго и даже къ удостовѣренію какого либо извѣстнаго лица, въ истинности письменнаго свидѣтельства котораго никто не усумнится; такъ, напримѣръ, въ 1706 г. экономъ Кіево-Печерской лавры, іеромонахъ Илія, переслалъ Вакуленку „листъ“, удостовѣряющій пріобрѣтеніе имъ у бывшаго яготинскаго обывателя Микиты Сахарячоза лѣса, ставища и стѣнки, надъ рѣкою Оржицею, за 100 золотыхъ и 10 таляровъ.

Скупая лѣса, поля и грунты, Вакуленко не брезгалъ и мелкими „доброхотними“ подношеніями, своеобразно награждая за это дарящихъ. 25 мая 1707 г. козакъ с. Гурбинецъ, Ярема Снигирь, заявилъ пирятинскому городовому уряду слѣдующее:... „одменилемъ дзвонокъ с...побожности моей в село Грабаровку до храма святого Христова Михайла за отпущенье грѣховъ своихъ тотъ дзвонокъ при томъ реченомъ храмѣ неотъемлемо мѣетъ вѣчными часы зоставати, за якое мое старане его милость панъ сотникъ пирятинский Семенъ Вакуленко зволилъ опустити мени двѣ дорозѣ войсковыи, уволняючи мене од походу войскового теперешнего дороги и послѣ сеей другую дорогу; аще ли дасть Господь Богъ бути живымъ и здоровымъ и мѣты вряд сотницкий тими пришлыми часы, когда сыи двѣ дороги будутъ одправоватися, а ежели мѣло бы судьбами Божими тое иначе статися, то и сее уволнене можетъ отмѣнено бути“.

Въ концѣ концовъ Семенъ Вакуленко настолько разбогатѣлъ, что занялъ прочное положеніе среди старшины и даже имѣлъ возможность породниться съ богачами Свѣчками: сынъ его Иванъ, значный товарищъ войсковый, женился на одной изъ двухъ дочерей Лукьяна Леонтьевича Свѣчки, на другой дочери котораго былъ женатъ бунчуковый товарищъ Александръ Гамалѣя.

Свадьба молодого Вакуленка была сыграна настолько пышно, что у Свѣчки не хватило даже наличныхъ денегъ и ему пришлось заложить нѣсколько грунтовъ. Вакуленко получилъ

за женой изрядное приданое, состоящее изъ лѣсовъ, садовъ, мельницъ и грунтовъ въ Пирятинѣ, Деймановкѣ и Оробьяхъ; было дано также богатое вношеніе: дорогіе пистолеты, ронды, сѣдла, сабли, ложки, кубки, роструханы, пояса, перстни, роскошные кунтуши, плахты, запаски, шубы, бѣлье и много лошадей и скота. Кромѣ того, Вакуленко получилъ отъ своего тестя за полъ-цѣны хуторъ Сурмачевку. Изъ платежной росписки, данной Лукьяномъ Свѣчкой 29 іюня 1719 г., въ присутствіи священника Преображенской глуховской церкви Власія Полотковскаго, значнаго товарища глуховской сотни Якима Ѳедоровича, посланныхъ въ Пирятинъ по разнымъ дѣламъ, видно, что Лукьянъ Леонтьевичъ получилъ отъ Вакуленка 1500 золотыхъ, да, кромѣ того, занялъ у него 500 золотыхъ на годъ, но такъ какъ эти деньги не были отданы, то слѣдовательно, Вакуленко уплатилъ Свѣчкѣ за Сурмачевку 2000 золотыхъ, т. е. около 400 р. асс. Цѣна эта была болѣе чѣмъ сходною, такъ какъ Сурмачевка представляла изъ себя очень лакомый кусочекъ: степи было верстъ на десять, большой лѣсъ, прекрасный садъ съ двумя обильными рыбой ставками, дворъ хорошо обстроенный—три рубленныя свѣтлицы со многими хорошо написанными образами, съ двумя дорогими печами (по 24 рубля каждая печь) и со всѣми необходимыми принадлежностями, рубленная комора и всѣ другія нужныя хозяйственныя постройки.

Обзаведшись значительной недвижимой собственностью, Вакуленко нуждался, конечно, и въ толковыхъ слугахъ. Этимъ объясняется ордеръ лубенскаго полковника Андрея Марковича къ пирятинской сотенной старшинѣ, отъ 8 мая 1719 г., согласно которому было опредѣлено „для послуги“ Вакуленка въ Пирятинѣ и въ с. Грабаровкѣ нѣсколько грабаровскихъ козаковъ-ремесленниковъ: по одному портному, сапожнику и кузнецу и двое рыбалокъ, которые были освобождены отъ всякихъ повинностей, кромѣ „ралцевой и дорочной“.

Женивши сына на Свѣчковнѣ, Вакуленко еще болѣе усилился и, будучи уже въ преклонномъ возрастѣ, выхлопоталъ у гетмана Скоропадскаго подтвержденіе на право владѣнія с. Грабаровкой, с. Смотриками и другими земельными участками и,

сверхъ того, выпросилъ еще себѣ с. Сосиновку, по универсалу отъ 7 ноября 1720 г. Вскорѣ послѣ этого, Вакуленко уступилъ сотничій урядъ, по преклонности лѣтъ, Григорію Корнѣевичу и въ непродолжительномъ времени умеръ, оставивши двухъ сыновей: извѣстнаго уже намъ Ивана и Петра, тоже значковаго товарища. Не занимая никакого уряда, они очутились послѣ смерти отца въ весьма затруднительномъ положеніи, подвергшись различнымъ обидамъ.

Желая получить подтвердительный универсалъ на доставшуюся имъ отъ отца недвижимую собственность, они передали своему однополчанину Мойсѣю Худолѣю выданные ихъ отцу жалованные универсалы, съ просьбой похлопотать объ ихъ подтвержденіи въ малороссійской коллегіи. Но Худолѣй долженъ былъ участвовать въ походѣ на Низъ и оставилъ документы Вакуленковъ дома. Когда Вакуленки потребовали у жены Худолѣя, Маріи, урожденной Войцеховичъ, возвращенія документовъ, то та отказала имъ; тогда они обратились съ жалобой къ новому гетману Даніилу Апостолу, вслѣдствіе чего былъ посланъ къ Худолѣйшѣ козакъ глуховской сотни Ярема Ѳедоровъ съ тѣмъ, что если онъ не получитъ документовъ, то чтобы бралъ Худолѣйшу съ собой въ Глуховъ для объясненій. Но видно, послѣднюю не легко было въ чемъ либо убѣдить, по крайней мѣрѣ, она не отдала документовъ гетманскому посланцу и не захотѣла ѣхать съ нимъ. Тогда гетманъ послалъ „листъ“ къ полковому лубенскому обозному и наказному полковнику, Павлу Мартосу, и лубенской старшинѣ, чтобы они, „зискавши означенную жену Худолѣеву въ судъ полковий лубенский за преслушаніе посиланого къ ней указу нашего пострафовали и за тое ей зганили, а унѣверсалъ на села суплѣкуючихъ Вакуленковъ, отъ еи отобравши, оддалибъ імъ же Вакуленкамъ и въ показанніе села Грабаровку и Смотрикъ отъ полкового правленія справного якого чоловѣка вислалибъ зъ приказомъ, чтобъ тихъ селъ жители помянутимъ Вакуленкамъ надлежащую повинность и послушенство оддавали по прежнему до далшого нашего указу и подтвержденія имъ онымъ унѣверсаломъ нашимъ приказуемъ“.

Черезъ два года послѣ этой передряги, у Ивана Семеновича опять возникъ споръ за право владѣнія земельнымъ участкомъ съ козакомъ с. Митченокъ Өеськомъ Ильяшенкомъ. Еще въ 1698 г. Семенъ Вакуленко купилъ у Өеська, его братьевъ Андрея и Степана и у жены ихъ дяди Агафіи Юрчихи ставища и кусокъ обложной (непаханной) земли, около с. Лемешовки, между тѣмъ Ильяшенко, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Вакуленка и болѣе чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ совершенія купчей крѣпости, запродалъ одно ставище и часть сѣнокоса дубогаевскому старостѣ Богдану Загоровскому; тогда Вакуленко обратился съ жалобой на Ильяшенка къ лубенскому полковнику Петру Апостолу. Посланные для производства слѣдствія лохвицкій сотникъ Василій Стефановичъ и бунчуковый товарищъ Петръ Троцкій удостовѣрили „неслушность и явное праволомство" со стороны Ильяшенка и „приговорили проданный грунтъ въ прежнее пана Вакуленка владѣніе".

Но все это были небольшія непріятности сравнительно съ семейной распрей, которая возникла въ 1731 г.

У тестя Вакуленка, Лукьяна Свѣчки, былъ еще и другой зять, какъ было уже выше сказано, бунчуковый товарищъ Александръ Гамалѣя, который вошелъ въ довѣріе къ тестю и ссорилъ его съ Вакуленкомъ. Наконецъ, въ 1731 г. Лукьянъ Леонтьевичъ, помимо Вакуленка, взялъ да и продалъ часть земель около х. Сурмачевки, подъ названіемъ яръ Кононовскій, уступленныхъ въ 1719 г. зятю по заручной купчей, генеральному обозному Якову Лизогубу. Узнавши про это, Вакуленко жаловался на тестя сначала лубенскому полковнику, съ просьбой заставить Свѣчку дать ему что либо взамѣнъ самовольно проданнаго имущества. Получивъ полковничій ордеръ, Свѣчка увидѣлъ, что шутить не приходится и рѣшилъ уступить обиженному с. Малютинцы, но на требованіе полковника явиться къ нему для объясненія онъ самъ не поѣхалъ, а послалъ своего зятя Гамалѣя, со слѣдующей запиской на имя пирятинскаго атамана:

„Пане велможный атамане куринный пѣрятинскій, мой зичливый пріятелю.

Самъ не могучи ехати до велможного его милости пана полковника нашего за важкостью здоровія, крѣпости на село Малютинцѣ и унѣверсалы гетманскіе посылаю черезъ Александра Гамалѣя, зятя своего, до его велможности, сіе вмти прикладаю. Вашъ зичливий пріятель Лукьянъ Свѣчка. З Малютинецъ, ноября 22 року 1732".

Вакуленко не удовлетворился этимъ и жаловался на тестя въ генеральный судъ, вслѣдствіе чего Свѣчка былъ вызванъ въ Глуховъ и допрошенъ: сознавшись въ своей виновности, онъ помирился съ зятемъ и взамѣнъ проданныхъ Лизогубу угодій уступилъ Вакуленку пахатныя и сѣнокосныя земли около с. Малютинецъ, Ахремовскій ставокъ и леваду. Передача эта была оформлена составленной въ Глуховѣ же 11 декабря 1732 г. уступочной записью, скрѣпленной подписью генеральнаго подскарбія Андрея Марковича и двухъ свидѣтелей: Клима Хукала, значнаго товарища чорнушской сотни, и Ивана Шабелника, жителя глуховскаго.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1733 г. былъ полученъ пирятинскимъ сотеннымъ урядомъ ордеръ лубенскаго полковника Петра Апостола, которымъ, во исполненіе приговора генеральнаго суда, подтверждалось право владѣнія Ивана Вакуленка уступленными ему Свѣчкой землями и угодіями.

Такимъ образомъ семейная распря окончилась въ пользу Вакуленка, такъ какъ онъ получилъ больше, чѣмъ у него отняли.

Такъ какъ Вакуленки не занимали никакого служебнаго положенія, то о нихъ не сохранилось болѣе никакихъ данныхъ. Петръ умеръ, повидимому, бездѣтнымъ, а у Ивана былъ сынъ Андрей, у этого же послѣдняго былъ сынъ Даніилъ, отецъ послѣдней представительницы рода Вакуленковъ или Вакуловичей, Марьи Даниловны, по мужу Селецкой, о которой мы упоминали выше. Очевидно, потомки Семена Вакуленка не продолжали его пріобрѣтательской дѣятельности, но за то, не развѣтвляясь, сохранили до момента прекращенія рода все пріобрѣтенное родоначальникомъ, кромѣ мелкихъ земельныхъ участковъ. Послѣдніе представители рода Вакуленковъ принадлежали, очевидно, къ обычному типу зажиточныхъ малороссійскихъ пановъ, пользо-

вавшихся плодами дѣятельности своего родоначальника, выдвинувшагося, благодаря уму и пронырливости, изъ рядового козачества и доставившаго своему потомству возможность попасть въ ряды привилегированнаго шляхетскаго сословія.

Н. В. Стороженко.

Приложенія.

1. Охранный универсалъ гетмана Юрія Хмельницкаго, данный жителямъ с. Яблоновки пирятинскаго уѣзда. 1660 г.

Юрыи Хмелницький гетманъ з войскомъ его королевской милости запорозкимъ.

Всѣмъ вобецъ и кождому з особъна кому о том вѣдати належит, меновите ихъ милостем паном, так кварцяным войска коронного, яко и затягового чужоземского оффѣциромъ и всей старшини и черни воиска его королевскои милости запорозкого в Украине на Заднѣпрю будучим вшелякое кондиціи людем ознаймуемъ симъ писанемъ нашимъ, ижъ видячи мы щирую прихилност до его к. м. и статечную зычливост противко войску запорозкому всѣхъ обывателей яблуновскихъ, которые освѣдчаючи приязни под нашу утѣкаются оборону, варуемъ ихъ симъ нашимъ универсаломъ пилно их мл. пановъ кварцяных жадаючи, абы оным обывателем яблуновским, приохочаючи до далшого его к. м. поданства наименшого не чинили утяженя и не исправовали нѣяких станцыи. О чомъ и вся старшина и чернь войска его к. м. запорозкого вѣдаючи помененным обывателем жадного абы не важилися чинити опустошеня и шарпанини во всѣх их добрахъ ани до мѣстечка Яблунова над нашу виражену волю не впиралися. Бо хто колвекъ з своеволников, так татаръ, яко и козаковъ, поважится учинити наименшую им крывду, позволяем теды прерочоным мешканцом яблуновским таковых, яко противниковъ волѣ нашои, бити, имати, вязати и до нас отсылати, где и мы назначаем срокгое би и на горле каранне войсковое. З Чигрина дня 24 декабря 1660. Юрыи Хмелницький рукою власною. (М. П.).

---

2. Письмо генеральнаго судьи Саввы Прокоповича къ лубенскому полковнику Леонтію Свѣчкѣ по дѣлу о правѣ владѣнія дубровою надъ р. Оржицею. 1695 г.

Листъ од суду генералного.

Мосьцѣ пане полковнику лубенский, мнѣ вельце ласкавий приятелю.

При одданю писання од вм. мл. пана за Дмитром Коноваленком, товаришем сотнѣ пѣрятинской, полчаниномъ лубенскимъ, до суду войскового енералного писаного, роспиралися межи собою судовне речоний Дмитро Коноваленко з Никитою Радионовичем, жителем киевопечерским, о дуброву, над Оржицею рѣчкою положенеюся помеж скокового займища дубровного знайдуючую, речоному Никитѣ Родионовичу тестаментом од небожчика Опанаса Захарияшенка, дядька его, лекгованую и записанную, а чрезъ помененого Дмитра Коноваленка и Филона Бородича за двадцять талярей купленую, котрий Филонъ Бородичъ любо также тую дуброву в поссесии своей купним правом мѣл, еднакъже од неналежной продавцѣ тоеж од жони небожчиковское Захарияшенковое, бо кгдижъ оная до той дуброви права южъ немѣла, поневажъ мужъ оное небожчикъ речоний Захарияшенко тестаментом помененому Никитѣ Радионовичу записал, о чом и оная жона небожчикова свѣдома была и любо у килка десятолѣтнюю давность тая дуброва завелася, еднакъ помененний Никита тоею давностью тоей дуброви не утерял з розних причин, едно же мимо давнихъ прошлихъ роковъ тутъ в Малороссіи не бывъ, але на той сторонѣ Днепра за границею знаидовался, другое в неволю бѣсурманскую попавши, десять лѣтъ зоставался, потом при Хмелниченку служил, одслуговуючи закуп, чрез котрий з неволѣ свободился, а третое же почавши тутъ мешкати отнюд давности земское не премолчал, але частокротне упоминался о тую дуброву. Теди судъ войсковий енералний, по вислуханю обосторонихъ споровъ, уважаючи всѣ тии вишпомененые причини, речонему Никитѣ Родионовичу, право до тоей дуброви незотворенное маючому, оную дуброву в спокойное держанне и у вѣчистое владѣние присужаетъ и подаетъ, а що ся дотичетъ двадцять талярей суми чрез помененого Дмитра Коноваленка за тую дуброву небожчику Филону Бородичу данное на той сумѣ то есть на двадцяти золотихъ повинен Дмитро шкодовати, взглядом того, же южъ тоею дубровою пожитковал, а сорок золотих нехай синъ Филоновъ Андрушко, в Пиратинѣ мешкаючий, сему Дмитру вернетъ, бо кгдиж небожчик отецъ его Андрушковъ веспол з нимже Андрушком болше тоею дубровою пожитковали и много онои випустошили нѣжли сей Дмитро, нехайже болше и на

сумѣ шкодуетъ, о томъ вм. мсцѣ пану доносячи, вѣдати доброи приятелской оддаюся зичливости. З Батурина мая 10 дня 1696 г.

Вмсти м. пану всего добра зичливий приятель Сава Прокоповичъ, судия в. е. ц. п. в. з. генералний.

(М. П. С.).

Надпись: Е. ц. п. в. в. з. п. л. его млсти Леонтию Свѣтцѣ мнѣ велце ласкавому приятелеви до оданя.

---

3. Духовное завѣщаніе лубенскаго полковника Леонтія Назаровича Свѣчки, отъ 4 августа 1699 г.

Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Его ц. п. в. в. з. п. л. азъ Леонтій Назаревичъ Свѣчка, по милости Божіей будучи хоробою обдаренный и видячи себе ближнимъ до смерти, нежели ко животу сего временного бытіа, яко ліекгаціи на грунта мои власніи и купленніе, стоячіе и лежачие, синомъ моимъ далемъ для спокойнѣйшаго уживання и владѣнія в поссессію доживотную и вѣчную, такъ се теперъ осталной доброй волѣ моей тестаментомъ ствержаючи, роспоряжаю, лекгую и записую, что кому з добръ моихъ власнихъ оддати будетъ належало. Во первихъ, иже водхну, Богу всещедрому и человѣколюбивому вручаю душу, тѣло земли, по писаніемъ: земля еси и в землю пойдеши; за душу, о сорокоусту и молитви просячи, на монастирѣ, в реестрѣ мененніе, одписую грошей сумми готовой тисячей пять, на якіи что дати приналежит, реестровне вѣсть синъ мой Василій, ему же вручилъ. Священникомъ мѣскимъ перятинскимъ, в мѣскихъ цирквахъ служащимъ, парохіалнимъ настоятелемъ з дяками, з паламарями, за все про все на сорокоусти по десять талярей одписую; вѣкарим пирятинскимъ, в мѣскихъ цирквахъ служащимъ, особно на сорокоусти по десять золотихъ, бы священници одправляли сорокоусти. Священникомъ сѣлскимъ парохіалнимъ всѣмъ уезду пирятинского з дяками, з паламарями за все про все на сорокоусти по десять копъ. Особно на дробніе расходы десять золотихъ. Отцемъ протопопомъ лохвицкому и лубенскому по десять талярей, отцу протопопу пирятинскому Якову Филиповичу, зятевѣ нашему, особно сто золотих дати; духовному отцу Іліи и отцу Григорію лубенскому по десять талярей; іерею Өеодору Соколовскому, презвитеру свято-спасскому также сто золотихъ. Настѣ Яцисѣ, братовой моей, з сими дѣтми двома малими при ней будучими дати пятдесять талярій. Дмитровѣ Котляревѣ талярій пятдесять и хату, в якой мешкаетъ, и лѣсъ у Високомъ Ковелского

зовемій. Садокъ на Приходкахъ з лѣсомъ и мазкою и огород на озерцѣ. Тимофѣевихи бывшой атаманихи дѣтемъ при ней зостаючимъ сто золотихъ. Зѣнцѣ Омеляновой дщерѣ Захарчисѣ талярій десять и Марчисѣ Омеляновой дщерѣ талярій десять. Омеляновѣ з малими дѣтми пятдесять золотихъ. Івановѣ Протопопенку внуковѣ нашему грошей готовой сумми тисячу золотихъ одписую и сребра в рожнихъ штукахъ десять гривенъ одписую; то хтож якъ гроши, такъ и сребро в той час оддати ему внуку, когда в совершенный возрастъ и разумъ прійдетъ. Василевѣ и Хвилоновѣ хлопцямъ при мнѣ бывшимъ служащимъ обомъ по сто золотихъ дати и поболшъ, и по коневѣ, и по ручницѣ, одежда вся, якая имъ посправована, а оны повинни служити при двору нашомъ, аж покій станъ малженства по изволенію Божомъ себѣ обберутъ. Сія убо доброхотнои волѣ моеи осталной изобразивши начертаніемъ, что за душу и кревнимъ нашимъ приналежить дати, до роспоряжения вручаю сыновѣ нашому Василію и неотмѣнно хотячи мѣти отцевско приказую. Сымъ же осталной волѣ моей тестаментомъ домъ мой правяще ко всемирному и безмятежному мешканню любой малжонце моей Домникіи вручаю и приказую, бы матки своей слухали во всемъ и повиновалися, якъ наилучше и между собою любовь должную братерскую мѣли. однакъ отцевско в потомніе часи сыновъ и дщерей моихъ роспоряжаю. Во первихъ Василіевѣ сыновѣ нашому старшому дворъ сей, в якомъ теперъ мешкаемъ, з Иваномъ синомъ нашимъ наименшимъ увесь по половинѣ одписую, повинни будуть два ихъ обополне радѣти и жити братерско. Емуж Василіевѣ, синовѣ нашому старшому, в вѣчистое владѣние полецаю и одписую греблю воробювскую власнимъ коштомъ нашимъ занятую на рецѣ Удай и млини власніе, нашимъ коштомъ на той же греблѣ построенние. и всѣ пожитки з млиновъ тоя греблѣ належніе од монаршой и рейментарской ласки наданни, ему ж до заживання леgую. До той же греблѣ лѣсъ, купленній у отца игумена лубенского, тамъ же подъ селомъ Воробями. Лѣсъ од козака Карниловскаго из садомъ от Маріи Евфимихи купленныи. Лѣсъ от Кондрата Якубенка. Лѣсъ, от Воробіевой дочки Василихи купленный. Лѣсъ от Саливона з Яковомъ и Кондратомъ братаничами купленній. Лѣсъ от Ивана Дроценка. Лѣсъ от Өедора Хвененка купленній. Лѣсъ от Гафтаря Матвѣя Довбышового зятя такъ же купленній. Лѣсъ от Ивана Воробіенка; от Стефана Радченка Біевскаго грунта купленніе. Хата з садомъ и лѣсъ особливе под Пирятиномъ. Лѣсъ в Турчишиномъ стоячій. Гаю половина емуж Василію, а другая половина Ивановѣ синовѣ нашему меншому гаю от перевода стоячого, где и Лукіяновѣ синовѣ нашему середулшому гай от Удая стоячий з тимже в едномъ окопѣ под Кейбаловкою по дорогу. Лѣсовъ межи

Енковцями и Губскимъ у многихъ людей покупленнихъ часть третую и на Вишшомъ Булатцѣ саду Дрохвинского по половинѣ, а другую половину Ивановѣ меншому синовѣ нашему. Емуж Василію хуторъ над рекою Оржицею, прозиваемій Городище, со всѣми лѣсами, гаями, стѣнками и лозами, тамже аж вниз Корнѣевки покупленними. Сіе всѣ мененніе грунта Василію старшому синовѣ нашому вѣчисте легую и записую. Тутеж Стефану Василіеву сину, внуковѣ нашому, лѣсъ з садомъ въ Біевцахъ и из хатою, у Игната Москаля купленній, легую и записую. Людей в Корнѣевцѣ и Городищи з нашихъ грунтовъ и лѣсовъ през насъ новоосаженнихъ, особливе село Антоновку з ласки реиментарской, по унѣверсалу виданномъ, еднакже монаршою грамотою его царскаго пресвѣтлаго величества стверженное (еднакже до волѣ и ласки велможного добродѣя его милости пана гетмана) емуж Василіевѣ синовѣ нашому в заживання полецаю и в поссессию подаю. Лукіановѣ синовѣ нашому середулшому дворъ новопофундованный стоячій ведле Чиркавского одписую до спокойного мешкання вѣчисте. Емуж Лукіану сыновѣ нашому в вѣчистое владѣніе полѣцаю и одписую на греблѣ Гурбинской млини власнимъ нашимъ коштомъ построенные. Знову на Новой Греблѣ два каменѣ и на греблѣ Каплинской камень и ступи подданихъ нашихъ, з ласки ясневелможного добродѣя монаршою грамотою стверженніе, часть войсковую одбирання (еднакже до волѣ и ласки реиментарской) одписую тіи кола на рецѣ Удаи рабочіе. К тимъ же млинамъ лѣсъ купленій у Ничипора Ющенка. Лѣсъ од Грицка Хижняка вимѣняній, а стоячій в концѣ греблѣ Борисовской. Лѣсъ у Боженка купленній под Гурбинцами, лѣсъ од Юска ткача харкувского з садомъ. Лѣсъ з садомъ от Кислого. Лѣсъ од Алекси Сенченка. Гай под Кейбаловскую од Удая стоячій в едномъ окопѣ, где и Василію з Иваномъ по дорогу лѣсовъ межи Енковцями и Губскимъ, у многихъ людей покупленнихъ, часть третую одписую емуж Лукіану. Где Василію и Ивановѣ по части тойже. Емуж Лукіановѣ лѣсовъ у Бзовѣ од многихъ людей покупленнихъ половина. Лѣсовъ и гаювъ под селомъ Короваями стоячихъ над Оржицею половина, а другая половина в Бзовѣ и под Короваями Ивановѣ синовѣ нашому. Садъ Киселювский на вишшомъ Булатцѣ Лукіановѣ. Лѣси под Харковцями у трох чоловѣковъ, у Миска Рабчука, Матвѣя Кисленка и Степана Шулги купленніе. Сіе всѣ мененніе грунта Лукіановѣ середулшому сыновѣ нашому вѣчисте легую и записую. Люде в селѣ Малютинцахъ черезъ насъ осаженніе, особливе село Давидовку з ласки реиментарскои по унѣверсалѣ виданномъ монаршою его царского пресвѣтлого величества грамотою стверженніе (еднакъ до волѣ и ласки ясневелможного добродѣя его милости пана гетмана) емуж Лукіановѣ

синовѣ нашому в заживання полѣцаю и в поссессію подаю. Ивановѣ синовѣ нашому меншому дворъ сей в якомъ теперъ мешкаемъ з Василіемъ старшимъ синомъ нашимъ увесь по половинѣ одписую, повинни будуть два ихъ обополно радѣти и жити братерско. Емуж Ивановѣ сыновѣ нашому меншому гребля и млини власнимъ нашимъ коштомъ занята и построенна в кручи под Повстиномъ будучіе со всѣми пожитками одписую. К тим же млиномъ лѣсъ по семъ и потомъ боку стоячій. Луку з березникомъ Трохимовскую тамже лежачую. Лѣса прозиваемою Довгенкого половину емуж Ивановѣ. Лѣсовъ межи Енковцями и Губскимъ у многихъ людей покупленнихъ третую часть емуж Ивановѣ. Тамже Василію и Лукіану по части. Садъ Неборявковскихъ Ивановѣ на вишшомъ Булатцѣ под Лубнями, половину сада Дрохвинского, а другая половина Василію тамже. В Бзовѣ од многихъ людей лѣсовъ покупленнихъ половина и под Короваями также лѣсовъ и гаювъ половина Ивановѣ (где другая Лукіановѣ половина), под Кейбаловкою гаю половина (где Василію другая) од Переводу стоячого по дорогу вздовжъ лежачую. Садъ у Ивана Мацюченка Енковского купленній къ Неборавковскому саду емуж Ивановѣ. Лѣсъ од Любки Лавринихи бывшой сотнички чорнуской купленій Ивановѣ. Сіи всѣ мененніе грунта Ивановѣ меншому синовѣ нашому вѣчисте леgую и записую. Хуторъ в селѣ Короваяхъ ему ж Ивановѣ и въ селѣ Короваяхъ люде при хуторѣ нашомъ чрезъ насъ и з нашихъ лѣсовъ и грунтовъ осаженніе. А видячи Ивана сина нашого слабого здоровя, то ежелибъ мѣлъ змерти хуторъ Короваювский и з людми при немъ поселенними повиненъ бути Лукіану синовѣ нашому вѣчисте леgую. Для того же ему хуторъ еще нѣгде не опредѣленъ. Особливе село Деймановку з ласки рейментарской по унѣверсалу виданномъ монаршою его царского пресвѣтлого величества грамотою стверженное (еднакъ до волѣ и ласки велможного добродѣя его милости пана гетмана) емуж Ивановѣ сыновѣ нашому меншому полецаю в заживания и поссессию подаю. Дворъ вновъ з садомъ Давидовъ Шинкарувъ емуж Ивановѣ—сыновѣ нашому во вѣчное владѣніе подаю. А що болшъ млиновъ и грунтовъ в роздѣлъ синомъ моимъ не попускаю и не записую, тимъ всѣмъ жена моя доживотне повинна владѣти, яко то млини два на греблѣ Зарѣцкой, нашимъ коштомъ занятой построенніе, и на мѣской греблѣ млинъ купленній близко башти, и сади, лѣси, подворки и всѣми грунтами впред не описанними повинна владѣти доживотне, а впредніе часи и сіе млини три, сади, и лѣси, и всѣ грунта, якіе еще ненаписанніе в роздѣлъ такимъ же способомъ в ровній дѣлъ на три части повинни быти роздѣленніе синомъ нашимъ Василію, Лукіановѣ и Ивановѣ. Млини

на греблѣ Оржицкой Короваювской нашимъ коштомъ занятой, якіе позволилисмо пану Хведору хоружому полковому и Василію Лутаю построити цѣле имъ мененнимъ господарямъ со всѣми пожитками до часу слушного быти повинни. А уховай Боже якой пригоди, или нужди, или убожества, теди тіе млини сыномъ нашимъ Василію, Лукіану и Ивану повинни быти со всѣми пожитками непремѣнно, яко власніе наши. Пуздерка три подокладавши сребромъ, абы всѣ три важили по сорокъ гривенъ в ровной ценѣ, жеби были синомъ нашимъ Василію, Лукіану и Ивану одписую во вѣчистое заживанія. А что сребра останется рухомого, то в ровній дѣлъ на шисть частій повинно бути роздѣленно. Якъ малжонцѣ моей Домникіи, такъ сыномъ нашимъ Василію, Лукіану и Ивану и дщерямъ нашимъ дѣвчатамъ, Любцѣ и Ганнусѣ. Оружжа все и ронди в ровній подѣлъ синомъ нашимъ тромъ Василію, Лукіану и Ивановѣ на три части бути повинно противъ поясовъ дѣвчатамъ леgованнихъ. Пояси сребрніе всѣ дѣвчатамъ двомъ Любцѣ и Ганнусѣ дщеремъ нашимъ в ровній дѣлъ на двѣ части повинно бути противъ рондовъ синамъ леgованнихъ. Грошей якъ много винайдется в набытку нашомъ, то всѣ в ровній дѣлъ на шисть частій повинни роздѣленны бути, якъ малжонцѣ моей Домникіи, такъ синомъ нашимъ Василію, Лукіану и Ивану, и дщерямъ нашимъ Любцѣ и Ганнусѣ. Сукмани, якіе юж посправовани Василію, Лукіану и Ивану такіе жъ повинни дати, или справленни быти противъ тихъ, а инніе в ровній дѣлъ на три части синамъ нашимъ повинни бути роздѣленни. Цѣнь и мѣдь вся синомъ нашимъ Василію, Лукіану и Ивану на три части в ровній дѣлъ бути повинна. Стадо и бидло все повинно бути в купѣ и до заживання якъ малжонка моя Домникія въ господарствѣ, такъ и сини наши, Василій, Лукіанъ и Иванъ повинни имъ владѣти, аще потребно которому до войска или на домовое господарство, якъ слушно повинни заживати в ровномъ владѣніи. А дѣвчата кгди видани будуть замуж, Любка и Ганнуся, теди з того жъ гуртового единокупне повинни имъ дати, якъ звичай несетъ при виправѣ чого ради. Пчоли в купѣ тожъ, якъ и стадо, повинни бути до заживання ровно. А в потомніе часи стадо, и бидло, и пчоли, все од мала и до велика, в набитку нашомъ что иле винайдется, то сини наши, Василій, Лукіанъ и Иванъ, на три части в равній дѣлъ повинни будуть себѣ роздѣлити. Довжка другая половина Василіевѣ синовѣ нашому, где и Ивановѣ синовѣ нашому меншому записалемъ лѣса Довжка половину, над Чумгакомъ стѣнка од небожчика суддѣ Андрея дарованна емуж Василію синовѣ нашому. Лѣси дѣдовскіе Мартина Лещенка под Антоновкою селомъ будучіе двѣ паи, что Василію синовѣ нашому була пай, а другая Лукіановѣ, обидвѣ тіи

наи лѣса Лукіановѣ синовѣ нашому одписую. В Медвежомъ яру лѣси всѣ и сади з ставомъ купленны емуж Лукіановѣ синовѣ нашому одписую вѣчисте в заживання. Шелехувская дуброва з двома стѣнками над Чумгакомъ тамже стоячіе до всѣхъ млиновъ и до хуторовъ, любъ до двора для вшелякихъ надубковъ повинна заживанна бути. Хощу и записую, року 1699, мѣсяца августа 4 дня.

При семъ будучій Яковъ Филиповичъ протопопъ пирятинскій рукою.

Его царского пресвѣтлого величества войска запорожского полковихъ особъ на той часъ будучихъ на подписѣ: Григорій Таволга, есавулъ полковій лубенскій, Максимъ Троцкій, писарь полковій лубенскій, Өеодоръ Ярмоленко, хоружій полковій лубенскій, Семенъ Вакуленко, сотникъ пирятинскій, Өеодоръ Губка, атаманъ пирятинскій, Василь Ородиненко, войтъ пирятинскій, Леонтій Ивановичъ Кичкаровъ синъ, знатний товаришъ сотнѣ пирятинской, Михайло Якимовичъ, писарь мѣскій пирятинскій, тутъ же іерей Өеодоръ Соколовский презвитеръ церкви Спаской пирятинской исписавши тестаментъ сей подписуюся.

---

4. Купчая крѣпость на половину гребли на р. Переводѣ подъ с. Гурбинцами, купленную г. Пирятиномъ 1716 г.

Року тисяча семсотъ шестогонадцеть мѣсяца марта первого дня.

Ми урядъ городовий ператинский Семенъ Вакуленко сотникъ, Павелъ Тимофѣевичъ атаманъ городовий, Михайло Өомовичъ войтъ, Герасимъ Евхименко и Василь Опанасенко бурмистри з притомностю товариства сотни нашои ператинскои Якова Кичкаровского, Павла Бусла, Ивана Пасютенка, Ивана Григориевича, чинимъ вѣдомо кому того потреба укажеть теперъ и в потомние часи, иж купилем у вѣчности половину гребли на Переводѣ лежачои у мосту Гурбинского з частю лози и з березничкомъ здавна до тое гребли прилеглимъ у Леска Яценка обывателя нашего ператинского ценою за сто купъ ровно, никому иншому якъ з насъ старшини товариства и посполитихъ горожанъ нашихъ притомнихъ, но тилко на самий городъ нашъ Ператинъ и вѣчними часи отнюдъ на тое меденое части гребли нихто немѣеть фундовати млина, але такъ в потомніе часи даби без всякого фундованя лежала, на чомъ сие наше врядовое писаніе ему Леску Яценку видаемо под таким виражениемъ, аще би я сотникъ или атаманъ или по насъ дѣти наши мѣли тамъ коштъ уложивши млинъ построити ку своему пожиткованю, то волно ему Леску Яценку без всякого затрудненя в готовий коштъ увой-

шедши владѣти, а тотъ хто будетъ строити свои коштъ, яко неналежне построилъ мѣетъ тратити такъ и з товариства, яко и з посполства тамъ не повиненъ строити, в чомъ теди ми вряд звшименований пературинский з мененимъ товариствомъ розказалемъ записати при звиклое печати нашое мѣское пературинское з подписанием руки писарское року мѣсяца и дне спицѣфѣкованого.

Сава Ивановичъ на той часъ писарь мѣский (М. П.).

---

5. Рядная запись имущества полученнаго значковымъ товарищемъ Иваномъ Семеновичемъ Вакуловичемъ за женой, дочерью бунчуковаго товарища Лукъяна Свѣчки.

Реестръ добръ Лукяна Свѣчки за Иваномъ Вакуловичемъ ставшимъ его зятемъ сколько якого добра за нимъ знайдуется, а именно ниже сего явствуетъ.

Лѣсъ подъ Пирятиномъ, зовемий Злодяжинъ, которому цена 40 рублей.

Лѣсъ подъ тимъ же Пирятиномъ, зовемий Довжокъ, которому цена сѣмъдесятъ рублей.

Лѣсъ также подъ Пирятиномъ, зовемий Митченский, которому цѣна двѣстѣ рублей.

Лѣсъ подъ селомъ Деймановкою, которому цена сто шестьдесятъ рублей.

Лѣсъ также подъ тоею Деймановкою, которому цена шестьдесятъ рублей.

Садъ в томъ же селѣ Деймановцѣ, при которомъ саду двор з свѣтлицею рубленою и з прочіимъ дворовимъ строениемъ, за якій то садъ и двор рублей сорокъ.

Млинъ о двохъ колахъ подъ самимъ Пирятиномъ на рецѣ Удаи цена чотириста рублей.

Млинъ такожъ на рецѣ Удаи, зовемий Гатчиний о двохъ колахъ, цена такожъ чтириста рублей.

Лѣсъ под Оробями зовемий Скрикувский, якій онъ самъ Вакуловичъ кревному своему Павлу, асаулу полку лубенского, продалъ невѣдомо за что и исказалъ, что толко взялъ за него сто рублей, а оному цена лѣсу триста рублей.

Садъ также в Подворкахъ Пирятинскихъ, зовемий Пасютинский, албо Сулженский, якому цена сѣмъдесятъ рублей.

Лѣсъ под Пирятиномъ у Великомъ Островѣ и оному цена сто рублей.

Лѣсъ, прозиваемий Кругликъ, якій ценою двадцять рублей.

Лѣсъ, зовемий Момотовщина якій ценою восемь рублей.

Лѣсъ Мартосовщина, якій ценою двѣнадцать рублей.

Лѣсъ Черкасовщина, якій ценою десять рублей.

Лѣсъ Кротовщина, якій ценою восемь рублей.

Лѣсъ Коленковщина, цена оному пятдесятъ рублей.

Садъ на гаткахъ пирятинскихъ з двором цена тридцать руб.

Футоръ Сурмачовский тожъ з великимъ лѣсомъ и садомъ, якій садъ то вже вигноенъ оного Вакуловича статкомъ и з двома рибними ставками и з доволнимъ степомъ, где самого поля на десять верстей и болѣе знайдуется, за якій то футоръ давано тисяча чтири ста рублей, при коемъ то ономъ же футорѣ досталъ оному Ивану Вакуловичу совсѣмъ належнимъ былъ встроеній двор с кошарами и с повѣтами, с погребами и з рублеными трома свѣтлицами и з единою комнатою из коморою рубленою и з протчими тожъ хатами, в якихъ и люде били жиющіе, да и у оних же свѣтлицахъ било двѣ печи покацованнихъ, якимъ цѣна двадцать четыри рубли и коштовно пятдесятма малеованними образами да и з многими доволними в томъ дворѣ посудами ему Ивану Вакуловичу достало, якій то дворъ безъ самого того футора триста рублей и з онимъ же футоромъ цена двѣ тисячи рублей.

Да и когда оному веселя на дочери своей чинилъ тесть, тежъ то немалий коштъ из добръ онихъ на оное веселя ронилъ, где не толко з доволнихъ взятихъ невистачено користей, но еще и в людей денгами заратовувался на оное, за якое то его веселя и нинѣча грунта у арештѣ у людей остаютъ.

Лѣсъ Печорскій, якому цена восѣмдесятъ рублей.

Лѣсъ Качановскій, цена сорокъ рублей.

Лѣсъ у Великомъ Островѣ цена тожъ сорокъ рублей.

Дворъ на подъворку и з двома добрими огородами и з свѣтлицами двома рубленними, з единою коморою рубленною, з олѣйницею, тожъ за его веселя одойшол, якому то двору из огородами и з хатами цена тридцять рублей.

Комора на мѣстѣ за егож веселя тожъ в арештѣ в людей, цена двадцять рублей.

Движимие пожитки.

Пистолетовъ пара, которимъ цена шесть рублей.

Рондъ добрій сребраній, на якомъ штучакъ было за восемъдесятъ рублей.

Кульбаку добрую на сукнѣ тонкомъ золотомъ гафтованомъ, якой цена шестьдесятъ рублей.

Шаблю добрую подъ срѣбромъ, которой цена восѣмнадцать руб.

Коня доброго верховового, якому цена сорокъ рублей.

Пару коней цуговыхъ, якимъ цена тожъ сорокъ рублей.

Пять кобилъ з лошатами каждой цена шестнадцать рублей, итого за пять кобилъ восѣмдесятъ рублей.

Коров пять чабаних с телятами, которимъ цена всякой по пяти рублей итого двадцать пять рублей.

Посуду сребраною.

Ложокъ сребранихъ два тузнѣ, еден позлоцаніи, а другіе саміе срѣбніе, цена пятдесятъ рублей.

Кубокъ великій Срѣбній, цена оному шесть рублей.

Рострухановъ два позлоцанихъ, онимъ цѣна сорокъ рублей.

Кубков три срѣбнихъ позлоцанихъ, онимъ цена десять рублей.

Поясовъ срѣбнихъ позлоцанихъ три, якимъ цена сто рублей.

Перстень щирозлотній з діамантомъ добримъ каменемъ, якому цена сто двадцать рублей.

Перелъ уріанскихъ великихъ шнуровъ десять, якимъ цена чтириста рублей.

Сукманы.

Кунтушъ едомашковий, венецкой едомашки, зеленой, сѣбѣрками добрими подшитий, цена оному сорокъ рублей.

Кунтушъ аксамитній, сѣбѣрками добрими подъшитий, огонами соболѣми обложений, цена оному семдесятъ три рубля.

Кунтушъ блакитний, злотогловній, добрими сѣбѣрками тожъ подшитий, с карунами золотими добрими, якому цена восѣмъдесятъ руб.

Кунтушъ чирвоній, сутозлотогловній, луданомъ великой руки подшитий, с карунами золотими добрими, якому цена сто шестьдесятъ рублей.

Кунтушъ чорній, злотогловній, сѣбѣрками подшитій, с карунами золотими, якому цена шестьдесятъ восемь рублей.

На два кунтушѣ сукна тонкого цвѣтовъ едно маковое, а другое рудое одинадцять локоть, якого сукна локоть по два рублѣ, итого двадцать два рублѣ.

Сподницъ двѣ, една штофовая добрая, другая яштаметовая, якихъ цена двадцать рублей.

Плахотъ шесть добрихъ шолковихъ, якихъ цена тридцать руб.

Запасокъ три, една злотоглавная шестнадцать рублей, другая табиновая три рублѣ, третяя штаметовая рубль без двох гривенъ, якимъ запаскамъ цена без двох двадцать рублей.

Лисицъ десять на футро дано, цена дванадцять рублей.

Лисее футро доброе и зайковое двадцать два рублѣ.

Постѣлъ добрая, цена оной двадцать рублей.

Другая постѣлъ пятнадцать рублей.

Двѣ постелѣ заполочанихъ, кромѣ тихъ, якимъ цена десять руб.

Кошулъ шитихъ золотомъ и прочихъ шистдесятъ, якимъ цена шистдесятъ рублей.

Баволницъ пять, якимъ цена двадцать рублей.

Опрочъ скринѣ с хустками, якихъ било то, золотомъ шитихъ, к тому ручниковъ, скатертей и полотенъ скриня, якимъ цены уже не покладалося.

Кромѣ же того за онимъ Вакуловичемъ, село Малютинцѣ с полями и з грунтами покойного тестя нашего Свѣчки во владѣніи содержится, цена оному три тысячи рублей.

Реестръ вторичний, сколко чего по умертвіи тестя его оставшихъ пожитков онимъ Вакуловичемъ з дому от жени его тестя насилно забрано.

Коней шестеро, воловъ семнадцать, коров шистнадцать, овецъ восемдесятъ, свиней двадцать една, дробини разнои на сотню, да и рухоміе нѣкоторие вещи, мотковъ, клубковъ, вовни на восѣмдесятъ рублей и прочее в господарствѣ знайдуючееся позабиралъ, пашню, будучую в ямахъ и в полѣ, сколко било, всю тожъ позабиралъ. А сколько оной пашнѣ именно за его насилномъ и нечаянномъ заборѣ не упомнимъ и того всего движимого и недвижимого имѣнія ценою девять тисячъ сорокъ девять рублей, кромѣ скринѣ з рухомостями и что забралъ по умертвию по сему реестру.

Подлѣнний реестръ по листамъ закрепленъ тако: къ сему реестру бунчуковий товаришъ Александръ Гамалѣя за себе и мѣсто бунчукового товариша Лукяна Свѣчки жени его Ирини Свѣчихи руку приложилъ.

Памятникъ украинской литературы конца XVIII вѣка.

Въ библіотекѣ А. М. Лазаревскаго есть любопытная рукопись, заключающая въ себѣ стихотворную исторію козаковъ. Она носитъ такое заглавіе: „Героични стихи о славнихъ военнихъ дѣйствіяхъ войскъ запорожскихъ, вкратцѣ зъ разнихъ гисторій просторѣчно сочиненны. Писанни же года ҂аѱпд (1784).

Кто былъ авторомъ этихъ „Героичныхъ стиховъ“, мы не могли догадаться. Свое имя онъ скрылъ подъ такой загадкой:

„Кто сочинителя хочетъ имя знати,
Сто осмдесятъ одно изволь въ немъ счисляти;
Имя благодатно во священствѣ носитъ.
За благодѣтелей и всѣхъ Бога проситъ.

Другимъ указаніемъ, могущимъ содѣйствовать открытію имени автора, служитъ помѣта, что рукопись писана „года 1784, мѣсяца августа дня 21 *въ ключу уманскомъ*“.

Несомнѣнно, что авторомъ было лицо духовное и къ тому же, кажется, монахъ. По крайней мѣрѣ онъ относится съ большимъ уваженіемъ къ „безженству“ запорожцевъ. Съ исторіей онъ хорошо знакомъ, ссылается на „Лѣтопись древній“, Баронія, Кронѣку польскую, Лѣтопись украинскую.

Съ фактической стороны изложеніе отличается односторонностью. Авторъ изображаетъ только удачи запорожцевъ, совершенно опуская тѣ обстоятельства, которыя такъ или иначе могли бы бросить тѣнь на „козацкую славу“. Это объясняется самой цѣлью произведенія. Вотъ что говоритъ авторъ въ „дедикацѣи“, помѣщенной въ концѣ „Героичныхъ стиховъ“: „Ревнителемъ

сущимъ по славѣ народа своего дорогше всякаго дара и пріятнѣе бываетъ вѣрное описаніе о знатнихъ дѣйствіяхъ предковъ, которое не только къ собственной ихъ чести и похвалѣ касается, но и къ подобнымъ дѣламъ поощряетъ. Немало въ семъ примѣровъ можно снискать; вси древніе храбріи народы, греки, римляне и прочіи гисторіи о тѣхъ яко зерцало себѣ представляли послѣдніи и симъ ревностно къ дѣламъ предковъ своихъ зъ немалою похвалою приподоблялися; въ чемъ и тебѣ славенороссійскій войскъ запорожских народе надобно подражать; и не треба съ чуждихъ народовъ о храбрости, мужествѣ взискивать образцовъ. Посмотри прилѣжно на предковъ своихъ, которихъ я по едной ревности зъ разнихъ гисторій самократчайшимъ описаніемъ безъ опущенія главныхъ дѣйствій, не только о началѣ рода ихъ, но и яже зъ тѣхъ были своего времени славніи и храбріи воини и доселѣ суть, для понятія всѣмъ просторѣчно изобразилъ на сей картинѣ и оную яко зерцало живое любителемъ козацкой слави не только честь и похвалу ихъ, но и ради ревностнаго подражанія представляю вначалѣ содержащему правленіе запорозскаго коша, главному командеру, по немъ войсковымъ и куреннымъ старшинамъ, потомъ и всему войску запорозскому желаніемъ всѣхъ благъ временныхъ и вѣчныхъ, ежели къ принятію благопріятно будетъ, въ даръ усердно посвящаю“.

Конечно, посвящая свое произведеніе кошу запорожскому, авторъ счелъ умѣстнымъ опустить все болѣе или менѣе неблагопріятное. Такъ напр., описывая борьбу козаковъ съ поляками, авторъ совсѣмъ не говоритъ объ измѣнѣ крымскаго хана и о послѣдствіяхъ ея, преувеличиваетъ военныя дѣйствія „прехрабраго Алексѣя“, которыя, какъ извѣстно, были только въ началѣ удачны, а затѣмъ свелись къ нулю; говоритъ, что взятіе козаками Азова принудило Турцію заключить миръ, тогда какъ извѣстно, что произошло совершенно обратное явленіе: миръ былъ разорванъ и т. д.

Понятно, разсматриваемый памятникъ не можетъ служить историческимъ источникомъ; новыхъ свѣдѣній не почерпнешь здѣсь. Онъ любопытенъ только, какъ памятникъ литературы.

Явился онъ, несомнѣнно, подъ польскимъ вліяніемъ. Русская литература не знала такихъ стихотворныхъ „гисторій". Въ Польшѣ же онѣ существовали давно, и выдающимися изъ нихъ были соч. Самуэля Твардовскаго „Wojna domowa z kozaki, tatary, szwedami i węgry" и „Wojna kozacka poźniejsza", посвященныя какъ разъ тому же предмету, которымъ занимаются и наши „Героични стихи".

Ниже мы съ достаточной подробностью излагаемъ этотъ литературный памятникъ. Стихи его не всегда гладки, но въ общемъ отличаются выдержанностью, читаются довольно легко и должны быть, по нашему мнѣнію, отнесены къ лучшимъ силлабическимъ стихамъ на русскомъ языкѣ,—главное, они не „высижены": авторъ, несомнѣнно, обладалъ стихотворнымъ и литературнымъ талантомъ.

По примѣру лѣтописей, авторъ начинаетъ свой разсказъ отъ временъ Ноя. Отъ сына Іафетова Гомера „изійде народъ словѣнскій".

Сперва отъ Гомера всѣ звались гомеры,
Отъ рымлянъ цымбри, отъ грековъ кумери;
Когдажъ обладали разними странами,
Разними по дѣйству звались именами:
Козары отъ козъ (мнятъ) прозваніемъ слилы,
За скорость воинску ту почесть имѣли;
Приличнѣе жъ пишутъ, отъ вождя названны
Козака—козары поименованны [1]).

Такимъ образомъ, козаки и козары являются однимъ народомъ. Часть ихъ „съ готѳами связалась" и прошла побѣдоносно чрезъ Европу, Азію, Африку; другіе остались на прежнихъ мѣстахъ, вели счастливыя и удачныя войны,

Околичній народъ себѣ покорили
И Кѵевъ во своей области имѣли,
Такъ же ляховъ, угровъ, сербовъ и болгаровъ
И грековъ въ Азіи стращалъ мечъ козаровъ,
А за Владимера въ вѣрѣ просвѣщенны,
Той же духъ храбрости имѣли военній
Всегда княземъ рымскимъ (?) соблюдали вѣру,

[1]) Мы удерживаемъ правописаніе автора.

Были страшни врагомъ отчества чрезъ мѣру.
Когда жъ Тавріею турковъ возобладалъ,
А Кѵевъ з удѣломъ полякомъ голдовалъ,
Тогда и козари храбріи и славны
По всей Украинѣ стали разъсѣянны.
З сихъ рода козаки начали, безженны,
Селитись близъ Днѣпра, чтобъ были военны.
Забава ихъ въ степѣ, ловъ звѣрей, татаровъ
И другихъ плѣняти безбожнихъ варваровъ;
Во всемъ своихъ предковъ дѣламъ ревновали,
Землею и моремъ вездѣ ратовали,
Нестрашно имъ было, легкими суднами
Перепливши море, брань имѣть з врагами.

Въ Азіи они взяли Синопъ, Трапезонтъ, „побрали корысти“ подъ Цареградомъ и тѣмъ заслужили себѣ такую славу,

Что королѣ слали бунчуки, булави
И, стражами своей признавши границѣ,
Дали имъ пороги за крѣпки фортеци;
Оттоль запорозци зватись заобикли,
А сѣчовіе, что не разъ враговъ сѣкли;
Отъ того времени стали и гетманы
Отъ королей польскихъ, по ихъ волѣ даны.
Жигмунтъ, Баторій въ чести ихъ имѣли
И козацку вольность на вѣкъ утвердили,
Яку честь гетманску войско сѣчовое
Принявши, чинили вѣрно пользу вдвое.

Они защищали отъ враговъ Польшу и все христіанство,

Ганяли якъ зайцовъ татаръ боязливихъ.
Губили якъ волковъ драпѣжнихъ и льстивихъ,

часто вели войны съ Крымомъ, съ турками и тѣмъ сильно раздражали этихъ своихъ сосѣдей:

На се смотря яро очима, кримскій ханъ
А турецкій зубами воскрежеталъ султанъ,

учинили совѣтъ и порѣшили уничтожить кошъ запорожскій. Но эта попытка ихъ кончилась неудачей. Запорожцы,

Принявъ оружіе, храбрствовали в многѣ,
Татаръ, янчаръ жаждныхъ кровью напоили,
Трупъ ихъ птицамъ, звѣремъ на снѣдь порубили.

Крымскій ханъ убѣжалъ, прославляя храбрость козацкую.— Скоро затѣмъ послѣдовало нашествіе турецкаго султана на По-

долію. Подъ Хотиномъ поляки терпѣли нужду, были „гладомъ изморены“ и призвали на помощь запорожцевъ,

Смотря запорозци окомъ жалосливимъ
На ту бѣду ляховъ, съ духомъ запальчивымъ,

бросились ночью на турецкій обозъ,

Якъ туча съ громомъ преужасним,
Обливши весь обозъ крвавимъ дождемъ страшнимъ.

Турецкій султанъ принужденъ былъ заключить съ Польшей договоръ.

Въ награду за всѣ эти подвиги, за то, что

Козаки бѣдни кровъ свою за нихъ проливали
Панство ихъ своими грудми защищали,
Ляхи жъ, злобни, горди, за то мужиками
Защитниковъ своихъ з всѣми ихъ племями
Починили, иго на нихъ наложивши
Неволниче; еще жъ и вѣру зломивши
Гречеcку, унію ввели въ Украину.

Но Богъ не оставилъ запорожцевъ безъ призрѣнія, онъ отомстилъ ляхамъ за все, что претерпѣли отъ нихъ козаки.

Вдхнулъ Богъ, якъ Моисею, по вѣрѣ и роду
Ревность Хмельницкому, чтобъ отдалъ свободу
Подъ игомъ поляковъ стенячой родинѣ
И православну вѣру Украинѣ.
Богданъ ревностью бѣжитъ роспаленный
Въ Сѣчъ запорожскую, и такъ угашенній
Огонь храбрости давно началъ разжигати
Въ козакахъ, промовляя: „Украина мати
Проситъ о ратунокъ, часъ на конь всѣдати,
Вѣру, родъ и вольность мечемъ защищати!“
Козаки, якъ орлы, въ юность обновленни,
Мщеніемъ паляще, якъ стрѣли огненни,
Призвавъ себѣ въ помощь Бога Правосуда,
Да исполнитъ лица обидящихъ студа,
Зъ Богданомъ на враговъ быстро полетѣли
И многія войны зъ ляхами имѣли.

Далѣе идетъ мастерское описаніе богатаго вооруженія польскаго войска, какъ противоположность бѣдности запорожцевъ, которые

Не въ зелѣзни зброи, но въ храбрость убрани,
Силою крѣпкою свишъ препоясани,
Зъ чего вси до бою просто сердце мѣли,

Къ отмщенію враговъ, якъ пламень, горѣли,
Страшни, якъ львы противъ звѣрей боязливихъ,
Всякъ з нихъ смѣли гонитъ ляховъ полохливихъ.

Чтобъ въ войскѣ не было безпорядка,

Запорожци зъ чорню избрали Богдана
Мужа мудра, храбра себѣ за гетмана.

Съ нимъ вступилъ въ союзъ и крымскій ханъ, древній врагъ запорожцевъ.

Послѣдовавшая затѣмъ война между Польшей и козаками описана въ „Героичныхъ стихахъ", какъ мы выше сказали, односторонне. Козаки одержали побѣду у Желтыхъ водъ, подъ Корсунемъ. Здѣсь битва была особенно удачна:

Всѣхъ ляховъ избито, гетмановъ забрано
Въ неволю зъ панами и хану ихъ дано,
Гетманскіе знаки, бунчуки, булавы
Взялъ Богданъ Хмельницкій для козацкой славы,
Войско жъ разграбивши, обозъ пребогатій,
Измѣняли свои лати на шкарлати,
Агумѣ на кунѣ, бурки на мармурки
И другіи военны, дорогіи раштунки
Въ ронди, конѣ, деньги и сребну посуду,
Такъ всѣмъ збогатились козаки отсюду,
Что прежде ихъ ляхи звали харпаками,
Тогда починили знатними панами.

Затѣмъ слѣдовали битвы подъ Пилявою, Збаражемъ, Зборовымъ, наконецъ зборовскій договоръ, который, впрочемъ, имѣлъ силу только очень недолго. Скоро ляхи

Вщали людемъ чинить незносны обиды,
И се имъ нанесло остатніе бѣды.

Война кончилась полнѣйшимъ пораженіемъ поляковъ:

И где были войска польскіе собраны,
Козаками сбиты, албо розегнаны,
Крѣпки городы, фортецы добиты,
Паны, шляхты, жиды, жолнѣры побиты.
Якъ ляховъ не стало по всей Украинѣ,
Мало на Полѣсю, Подолю, Волинѣ,
Якъ зайци за Вислу гуртомъ утѣкали,
Много жъ ихъ въ неволю татары забрали;
З чего пуста Польща, бывши всѣмъ обфита;
Въ укоризнѣ стала у цѣлого свѣта;
Якъ Богъ отомстилъ ляхамъ гордимъ за обиды,

Смиреннимъ козакамъ далъ славни побѣды,
Тогда запорожскій Марсъ мечъ успокоилъ
И границу по Случъ отъ Польщи устроилъ,
Гдѣ во знакъ поставилъ трофей тріумфальной
Ляхамъ на страхъ, своимъ для памяти славной.

Козацкая слава быстро облетѣла весь свѣтъ. Къ Хмельницкому начали приходить послы и отъ султана турецкаго, и отъ королей шведскаго и венгерскаго. Но Хмельницкій, „учинивши совѣтъ", отдался со всѣмъ войскомъ „подъ высокую царей россійскихъ державу", обѣщаясь служить имъ вѣрно:

Украина жъ іго лядзке извергнула,
Подъ россійскимъ кровомъ мирно отдохнула,
Церкви отъ Уніи стали очищенны
И россійской свято присовокупленны.

Ляхи и турки еще разъ сдѣлали попытку завоевать Украину, но „Алексѣй прехрабрый" не допустилъ ихъ до этого:

„Литва и Русь бѣла устрашилась,
До самихъ Курляндовъ совсѣмъ (?) покорилась,
Смоленскъ з всѣмъ удѣломъ взятъ и побѣжденній
И оттолѣ ляхамъ сталъ невозвращѐнній.

На Украинѣ всѣ враги были усмирены:

Татаре, якъ щурѣ, въ свои мѣста скрылись,

ляхи заключили миръ; къ этому же были принуждены и турки, послѣ того, какъ козаки овладѣли Азовомъ (?)

Вездѣ жъ запорозци вѣрность оказали,
Въ приступахъ и бою храбро поступали,
Между тимъ бывали облудны гетманы
Въ Украйнѣ, горды и непостоянны,
Якъ Выговскій, Юрась и други подобны,
Вѣроломны, хитры, зловѣрны и злобны,
Войскомъ запорожскимъ чрезъ зрады мутили
И вѣчну погибель себѣ заслужили.
Однакъ запорозци, на се обозрѣвшись,
Въ своемъ постоянствѣ напередъ утвердившись,
Стали служить вѣрно россійской державѣ,
Ревнуючи предкомъ храбрости и славѣ.

Это они доказали и въ турецкую войну „за Августы Анны", когда турки были побѣждены и Порта должна была просить мира.

Въ заключеніе авторъ касается устройства запорожскаго коша:

Кромѣ сего, кто знать хочетъ ихъ порядки,
И яки въ безженствѣ спасенны обрядки:
Едному почести зъ совѣтомъ ввѣряютъ,
Правленіе; когда жъ хотятъ, отмѣтаютъ;
Судъ у нихъ скоръ, но правъ по дѣламъ бываетъ,
Тимъ зло скореняютъ, страхъ же насаждаютъ;
Разнимъ сокровище трудомъ набиваютъ,
На странныхъ и бѣдныхъ онимъ снабдѣваютъ,
Любовъ, милостиня якъ бы въ нихъ врожденна,
Въ многихъ церквахъ Богу в жертву освященна.
За все жъ слава громка такъ своему люду
Вѣватъ запорожскій кошъ гласитъ повсюду.

Н. В.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо Петра I о полтавской побѣдѣ. Kopia listu naiasnieyszego Cara jego mości do jasniewelmożnego jego mości pana woiewody Bełzkiego, hetmana wielkiego koronnego, z pod Pułtawy, die 27 junij (8 julij) anno 1709 pisanego.

Obiawiamy wmci o bardzo wielkiey y niespodziewaney wiktoryey, ktorą Pan Bog nam przez nieopisane męstwo sołdatow naszych darować raczył z małym woysk naszych krwie rozlaniem, takim sposobem: Dnia dzisieyszego, narozświtaniu, hardy y gorący nieprzyiaciel attakował kawaleryą naszę ze wszyskim woyskiem konnym y pieszym, ktora choc według należytości trzymała się, iednak musiała była ustąpić, ale z wielką utratą nieprzyiacielską. Potym nieprzyiaciel stanął frontem przeciwko naszemu obozowi, przeciwko ktoremu zaraz wszytkie piechoty nasze z transzamentu wyprowadziliśmy y przed oczyma nieprzyiacielskiemi postawiliśmy, a kawalerya na obodwoch flankach stała. Co widząc nieprzyiaciel zaraz ruszył się y stanął przy lesie; przeciwko ktorego nasi spotykaiąc poszli y tak spotkali, iż go zaraz z pola zbili; chorągwi y dział wiele wzięli, przy tym generała feltmarszała Renszelda wespoł z czterema generałami, to iest: Szlipenbachem, Sztakelberkem, Hamiltonem i Rosenem. Wzięty także pierwszy minister graff Piper z dwoma sekretarzami Helmelinem y Cyderhelmem, przy ktorych kilka tysięcy officyerow y prostych żołnierzy dostało się. O tem fusius wkrotce pisać będziemy, a teraz dla prętkości nie można; y iednym słowem mowiąc: całe nieprzyiacielskie woysko Faetonow koniec otrzymało.

O krolu ieszcze nie możemy wiedzieć, ieżeli tu z nami, albo oycami naszemi znayduie się.

Za rozpłoszonym y rosproszonym nieprzyiacielem posłani z kawaleryą: xiąże iego mość general leytenant Galiczyn i iego mość pan Baur. I tą u nas niesłychaną nowiną w-mci pozdrawiamy. Piotr.

P. S. Przyprowadzono ieszcze x-cia Wittemberskiego, krewnego krola Szwedzkiego.

Переводъ: Копія письма пресвѣтлѣйшаго царя его милости къ ясневельможному его милости пану воеводѣ белзскому, гетману великому коронному, изъ-подъ Полтавы, 27 іюня (8 іюля) 1709 года.

Извѣщаемъ вашу милость о весьма значительной и неожиданной побѣдѣ, которую Господь Богъ благоволилъ даровать намъ, благодаря неописанному мужеству нашихъ солдатъ, и притомъ безъ большого пролитія крови войскъ нашихъ. Дѣло происходило такъ:

Сегодня, на разсвѣтѣ, гордый и пылкій непріятель со всѣмъ войскомъ коннымъ и пѣшимъ атаковалъ нашу кавалерію, которая хотя съ надлежащею стойкостью выдерживала натискъ, но должна была отступить, причинивъ однако въ непріятельскомъ войскѣ большія потери. Послѣ того непріятель обернулся фронтомъ къ нашему лагерю, а мы тотчасъ вывели противъ него изъ ретраншементовъ всю нашу пѣхоту и поставили ее предъ лицемъ непріятеля, кавалерія же расположилась на обоихъ флангахъ. Увидѣвъ это, непріятель тотчасъ двинулся и сталъ у лѣса. Наши вступили съ нимъ въ бой и нанесли такое пораженіе, что онъ былъ прогнанъ съ поля битвы. Взяли много знаменъ и пушекъ, плѣнили генерала-фельдмаршала Реншильда вмѣстѣ съ четырьмя генералами: Шлиппенбахомъ, Штакельбергомъ, Гамильтономъ и Розеномъ (Роосомъ?); взятъ также первый министръ графъ Пиперъ съ двумя секретарями: Гельмелиномъ и Цыдергельмомъ—и съ ними нѣсколько тысячъ офицеровъ и простыхъ солдатъ. Въ скоромъ времени напишемъ объ этомъ пространнѣе, теперь же не можемъ по причинѣ спѣшности. Словомъ сказать—все непріятельское войско постигла судьба Фаетона [1]).

О королѣ еще не имѣемъ свѣдѣній—живъ ли онъ, или переселился къ праотцамъ.

Въ погоню за разгромленнымъ и разсѣяннымъ непріятелемъ посланы съ кавалеріей генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ и Бауръ (Боуеръ).

Поздравляемъ вашу милость съ этой неслыханной новостью.

Петръ.

PS. Привели еще князя виртембергскаго, родственника шведскаго короля.

---

[1]) Намекъ на извѣстный миѳологическій разсказъ о Фаетонѣ, сынѣ Геліоса погибшемъ вслѣдствіе неумѣнія управлять солнечной колесницей.

Письмо это было адресовано польскому коронному гетману Адаму-Николаю Сенявскому, воеводѣ белзскому, который былъ однимъ изъ главныхъ сторонниковъ короля Августа и противникомъ покровительствуемаго шведами Станислава Лещинскаго. Петръ лично зналъ его и неоднократно приказывалъ гетману Мазепѣ посылать ему въ помощь козацкіе отряды противъ шведскихъ партизановъ. Въ его интересахъ было какъ можно скорѣе увѣдомить Сенявскаго объ одержанной имъ блестящей побѣдѣ надъ Карломъ XII, такъ какъ онъ зналъ, что это извѣстіе должно было рѣшительно подорвать въ Польшѣ шансы партіи Лещинскаго и укрѣпить положеніе дружественной Россіи партіи Августа.

Что письмо писано въ самый день полтавской побѣды—это явствуетъ изъ самаго его содержанія, не говоря уже объ его датѣ. Петръ еще ничего не знаетъ о судьбѣ Карла, даже не увѣренъ въ томъ, остался ли онъ въ живыхъ, или убитъ. Судя по упоминанію о посылкѣ князя Голицына и Боуера въ погоню за остатками шведской арміи, можно съ точностью сказать, что письмо было написано вечеромъ или ночью 27 іюня: извѣстно, что Петръ въ такой степени увлекся торжествомъ по случаю одержанной побѣды, что не прежде какъ уже вечеромъ спохватился отправить въ погоню за отступившимъ съ поля непріятелемъ.

Съ фактической стороны письмо не прибавляетъ почти ничего новаго къ тѣмъ подробностямъ о полтавской битвѣ, какія уже извѣстны изъ другихъ источниковъ; но оно драгоцѣнно въ томъ отношеніи, что отражаетъ въ себѣ довольно явственно душевное настроеніе Петра въ одинъ изъ радостнѣйшихъ дней его жизни. Въ каждой фразѣ сквозитъ радостное чувство счастливаго побѣдителя, но нѣтъ ни обычной въ подобныхъ случаяхъ похвальбы, ни кичливости, ни презрительнаго отношенія къ противникамъ. Несмотря на краткость реляціи, Петръ съ замѣчательною правдивостью не забываетъ упомянуть и о томъ, что начало битвы не было особенно благопріятно русскимъ—наша кавалерія должна была отступить, да и самую побѣду онъ откровенно называетъ «неожиданной», какою она и была на самомъ дѣлѣ. Подобныхъ сдержанныхъ по тону и замѣчательно правдивыхъ реляцій не много найдется въ исторіи.

Настоящее письмо, сколько намъ извѣстно, не было еще издано. Современная копія его отыскана въ бумагахъ Н. Д. Иванишева и, какъ кажется, была получена имъ изъ архива К. Свидзинскаго.

Ор. Левицкій.

Малоизвѣстныя историческія лица и событія конца XVIII в.

XVIII-й вѣкъ, особенно въ началѣ и концѣ, былъ для Россіи и временемъ быстраго внутренняго развитія вслѣдствіе реформъ петровскаго и екатерининскаго царствованія, и временемъ ея наибольшаго территоріальнаго распространенія; само собою разумѣется, что быстрое развитіе государственной жизни вызывало много недовольныхъ среди тѣхъ лицъ, сословій и національностей, которымъ приходилось примѣняться къ новымъ условіямъ жизни; разъ зародившееся чувство неудовольствія стремилось перейти въ открытое противодѣйствіе власти, принимая нерѣдко широкіе размѣры. Забота послѣдней о предупрежденіи такого перехода была причиною того, что многіе факты общественной жизни не допускались до всеобщаго свѣдѣнія, а участвовавшія въ нихъ лица ставились въ такое положеніе, при которомъ они не могли оказать воздѣйствія на общественное мнѣніе. Въ наше время нѣкоторые изъ этихъ фактовъ могутъ казаться имѣющими весьма слабое значеніе, но тогда, въ тревожный XVIII вѣкъ, въ моментъ своего совершенія, они были въ глазахъ современниковъ весьма серьезны, важны и опасны для общественнаго спокойствія. Возникавшія по поводу такихъ фактовъ дѣла восходили обыкновенно на высочайшее разсмотрѣніе и служили предметомъ болѣе или менѣе обширной переписки, быстраго обмѣна всякаго рода указовъ, ордеровъ, репортовъ, доношеній, слѣдствій, приговоровъ и проч. до тѣхъ поръ, пока обнаружившееся неудовольствіе не подавлялось вполнѣ. Будучи въ свое время предметами первостепенной государственной важности, эти малоизвѣстные факты, хотя и вызывали переписку въ провинціи, но главнѣйшая ея часть, въ которой разъяснялась самая сущность дѣла, должна была оставаться въ архивахъ высшихъ правительственныхъ учрежденій сообразно своему содержанію; въ архивахъ же учрежденій провинціальныхъ, даже такихъ, какимъ была существовавшая нѣкогда въ Кіевѣ губернская канцелярія, этотъ главный центръ управленія южной Россіей въ XVIII вѣкѣ, сохранялась лишь часть дѣлъ, поэтому при разборѣ провинціальныхъ архивовъ мы встрѣчаемъ или начало дѣла и не имѣемъ конца, или конецъ дѣла, дающій поводъ къ разнаго рода предположеніямъ о его происхожденіи и сущности. А между тѣмъ эти отрывки указываютъ, какъ мы уже сказали, на важныя событія своего времени. Изъ такихъ отрывочныхъ дѣлъ я изложу четыре, расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, такъ какъ никакой внутренней связи между ними

нѣтъ и они отдѣляются одно отъ другаго значительнымъ промежуткомъ времени.

Въ 1749 году въ кіевской губернской и въ малороссійской генеральной войсковой канцеляріяхъ былъ полученъ высочайшій указъ имп. Елисаветы; въ немъ, между прочимъ, говорится, что «обрѣтается въ Казани нѣкоторая женщина польской націи Авдотья Устрицкая, которая, по той причинѣ, что въ ея отечество отпущена быть не можетъ, имѣетъ остаться въ здѣшней имперіи вѣчно; и велено нынѣ съ Казани отпустить ее въ Москву или на Украину, а для пропитанія ей по смерть или по замужество, буде похочетъ, всемилостивѣйше определено ея императорскимъ величествомъ по сту по петьдесятъ рублевъ на годъ». Дальше въ указѣ сообщаются менѣе важныя подробности о томъ, что деньги (150 руб.) за 1749 г. уже выданы ей въ Казани, а въ слѣдующіе годы должны выдаваться по мѣсту жительства Устрицкой или въ Москвѣ изъ штатъ-конторы или въ Кіевѣ изъ губернской канцеляріи. Послѣдняя, получивъ указъ, немедленно объявила его всѣмъ форпостнымъ командирамъ по западно-русской границѣ, обязавъ ихъ особой подпиской ни подъ какимъ видомъ не пропускать Авдотьи Устрицкой въ Польшу. Мы не находимъ въ дѣлѣ ни малѣйшаго указанія на вину Устрицкой и можемъ лишь догадываться, что она была жертвой тогдашнихъ дипломатическихъ отношеній Россіи и Польши, и притомъ жертвой, дорого цѣнившейся, если судить по тому, сколько назначено было ей «для пропитанія», а назначено ей было немного меньше, чѣмъ на содержаніе всей кіевской академіи, которая по грамотѣ 1742 г. должна была довольствоваться всего лишь 200 руб. Мало разъясняетъ судьбу Устрицкой и разсмотрѣніе отношеній русскаго двора къ польскому въ 1749—1750 гг. Русское правительство въ то время старалось поддержать добрыя отношенія къ Польшѣ, нарушавшіяся часто жалобами православнаго русскаго населенія на гоненія отъ католиковъ. Поэтому русское правительство могло лицъ, особенно громко и настойчиво жаловавшихся на польскіе порядки забирать къ себѣ, давать имъ средства къ безбѣдному существованію, но не выпускать въ Польшу. Хотя Устрицкая, судя по имени и фамиліи, и могла быть польской подданной православнаго исповѣданія, но, принявъ во вниманіе ея полъ и молодой возрастъ (въ указѣ предусматривается возможность выхода ея замужъ), трудно допустить ея причастность къ религіознымъ распрямъ двухъ народностей.

Но если люди «польской націи» порождали въ русскомъ правительствѣ опасенія за свои интересы въ дѣлахъ сосѣдняго государства, то не меньше хлопотъ ему дѣлали и запорожцы, среди которыхъ «шаткость и измѣны» не прекращались и изрѣдка обнаруживались; чаще всего вся измѣна сводилась къ желанію запорожцевъ остаться при старыхъ правахъ и вольностяхъ, и обвиненіе оказывалось извѣтомъ; кажется таковымъ же оказалось и громкое дѣло 1750 г. объ измѣнѣ бывшаго кошевымъ атаманомъ Василія Григорьева Сыча; мы не имѣемъ конца этого дѣла, но сущность его заключается въ слѣдующемъ: харьковскаго полка козакъ Власъ Титаренко еще въ 1748 году отправился на заработки въ Калміусъ, а оттуда прошелъ въ Сѣчь и сталъ работать въ нижне-стебловскомъ куренѣ у куреннаго атамана Грицка Лобура; атаманъ отправилъ Титаренка работать въ своемъ зимовникѣ на уроч. Бузулукѣ.

Въ началѣ октября того же года въ зимовникъ пріѣхали навѣстить атамана запорожцы Василій Бочмакъ, Иванъ Донъ, Яцко Голодный и два неизвѣстные Титаренку по имени; собравшіеся козаки стали спрашивать Бочмака, возвратившагося незадолго передъ тѣмъ изъ какой-то поѣздки, что новаго слышалъ онъ. Бочмакъ, отвѣтствуя, сказывалъ: «слава де Богу, же гараздъ!», только слышалъ, что бывшій войска запорожскаго атаманъ Сычь измѣнилъ и они-де то знаютъ четверо, то есть онъ, Сычь, да брюховецкаго куреня куренной атаманъ Передери, а кто два другіе ихъ «согласники» того Бочмакъ «не выговорилъ и не сказывалъ». Предполагая въ слышанномъ разговорѣ предметъ великой важности, Титаренко немедленно отправился къ стоявшему въ м. Богородичномъ форпостному командиру и объявилъ за собою «слово и дѣло»; тутъ же онъ, кромѣ того слышалъ отъ козака пашковскаго куреня, «что ихъ куренной атаманъ приказываетъ чтобы козаки его куреня ружемъ и протчимъ были во всякой исправности и гдѣ будутъ оные обрѣтаться, чтобъ де только онъ, атаманъ, зналъ»; кромѣ того Титаренко примѣтилъ, что будучи еще лѣтомъ у моря, въ Калміусѣ, слышалъ отъ пріѣхавшихъ туда многихъ запорожцевъ-козаковъ, что бывшій кошевой атаманъ Василій Сычь «далъ позволеніе, дабы запорожцы, а особливо бѣдные, шли подъ поляковъ для воровства и будто за то стоящій подъ Чернымъ лѣсомъ москаль, а кто таковъ и подлинно ль такъ не знаетъ, даетъ жалованья, а бывшій же де брюховецкій куренный атаманъ Передери съ полковникомъ Капнистомъ уже за одно гуляютъ и съ нимъ цукомъ ѣздятъ; и онъ де, Капнистъ, наставлялъ

его Передерія наказнымъ полковникомъ, гдѣ и надъ какою командою, не знаетъ; что услыша многіе изъ запорожцевъ, хотя бы кто имѣлъ заработки и на комъ деньги, но оставя оное, туда шли». Въ этихъ немногихъ словахъ, слышанныхъ Титаренкомъ въ разное время и отъ разныхъ лицъ, заключается сущность объявленнаго имъ за собою «слова и дѣла» государева. Несомнѣнно, что изъ этихъ отрывочныхъ разговоровъ въ живомъ воображеніи Титаренка создалось представленіе о какихъ-то тайныхъ намѣреніяхъ кошеваго о какомъ-то броженіи среди козачества и приготовленіи къ чему-то важному. Къ сожалѣнію въ имѣющемся у меня дѣлѣ нѣтъ показаній оговоренныхъ Титаренкомъ лицъ, особенно же Сыча и Передерія. Вся длинная переписка въ этомъ дѣлѣ состоитъ изъ репортовъ форпостнаго командира начальнику украинской линіи генералъ-маіору Лукину, которому подчинялся Титаренко, какъ харьковскій козакъ; доношенія объ этомъ Лукина въ сенатъ, указъ императрицы Елисаветы за подписью канцлера гр. Алексѣя Бестужева-Рюмина кіевскому генералъ-губернатору Леонтьеву, которому поручалось произвести разслѣдованіе самому, не посылая свидѣтелей «въ извѣстную коммиссію»; указъ государыни былъ полученъ въ Кіевѣ 29 ноября 1750 г.; съ этого времени изъ канцеляріи посылаются ордеры о доставкѣ обвиняемыхъ и свидѣтелей въ Кіевъ, заклепавъ ихъ въ ручныя и ножныя желѣза за строгимъ карауломъ, чтобы въ пути «дурна какого надъ собою не учинили». Весьма вѣроятно, что арестованные запорожцы были переданы для допроса и слѣдствія въ ту коммиссію, которая разсматривала дѣло миргородскаго полковника Капниста; передача являлась сама собой необходимой, потому что въ показаніи Титаренка Капнистъ упоминается какъ близко стоявшій къ атаману Передерію. По сообщенію Соловьева и Бантыша-Каменскаго, Капнистъ обвинялся въ намѣреніи отравить только что назначеннаго тогда на гетманство Разумовскаго и въ претензіяхъ на гетманское достоинство, котораго онъ надѣялся достигнуть при содѣйствіи татаръ; доносъ оказался ложнымъ, но слухъ о немъ, дойдя до Запорожья, какъ видно изъ показанія Титаренка, вызвалъ если не броженіе, то разговоры. Дѣло о судѣ надъ Капнистомъ хранится въ москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ и состоитъ изъ трехъ огромныхъ томовъ; оно было произведено въ особой секретной коммиссіи, назначенной кіев. губернаторомъ Леонтьевымъ; тамъ, намъ кажется, должно искать и результатовъ слѣдствія надъ кошевымъ Сычемъ и атаманомъ Передеріемъ, которые, если и могли быть въ чемъ либо виновны, то лишь въ рас-

пространеніи нелѣпыхъ толковъ о Капнистѣ, да въ большемъ или меньшемъ довѣріи этимъ толкамъ. Руское правительство, всегда недовѣрчиво относившееся къ козацкой вѣрности, считало опасными подобные толки и, вѣроятно, примѣрно наказало всѣхъ оговоренныхъ Титаренкомъ лицъ, хотя самъ Капнистъ былъ оправданъ.

Но если правительство строго наказывало за всякое возбужденіе козацкой вольницы или даже за попытку къ этому, то мы имѣемъ примѣръ, что оно не оставляло безъ награды всякое проявленіе вѣрности къ себѣ и молчаніе о такихъ фактахъ, которые могли подать поводъ къ смутѣ среди козацкой черни.

Такимъ было секретное дѣло о подговорѣ крымскимъ ханомъ запорожцевъ къ соединенію съ нимъ и отпаденію отъ Россіи. Оно возникло по слѣдующему поводу: въ началѣ августа 1762 года кошевой атаманъ Калнишевскій посылалъ въ Каушаны къ крымскому хану Крымъ-Гирею съ письмами, по поводу какихъ-то столкновеній запорожцевъ съ татарами, одного изъ козацкихъ старшинъ Самуила Недзельскаго. Послѣдній, вручивъ письма ханскому переводчику Якубу-агѣ [1]), жилъ на опредѣленной ему квартирѣ три дня въ ожиданіи отвѣта. При свиданіяхъ съ нимъ Якубъ-ага подъ клятвой заявлялъ: «счастливо де ваше войско и все сегобочное поселеніе, что въ Россіи извѣстная перемѣна сдѣлана, а какъ бы де такъ не перемѣнилось, то бъ де государь бывшій запорожскія и всѣ сегобочныя земли хану крымскому жаловалъ, а запорожцы де за Кубань переведены бъ были и уже де обѣщалъ». Въ другой разъ, указывая Недзельскому на приготовленія татаръ къ войнѣ, прибавлялъ: «ханъ въ нинешнюю осень въ холодное время хочетъ погулять и проходитца съ войсками, показать себе». На распросы Недзельскаго, куда ханъ хочетъ идти погулять, Якубъ-ага увѣрялъ только «увидите де вскорѣ». При этомъ переводчикъ прибавлялъ: «щастливо де ваше мѣсто и Божее есть знать тамъ особое призрѣніе, а именно, много де-намъ воспрепятствовала нынѣшняя въ Россіи перемѣна (т. е. вступленіе на престолъ Екатерины) тѣмъ, что земля вся, которою запорожцы владѣютъ уже обѣщана была чрезъ прусскаго короля хану крымскому къ присовокупленію до Крыму и бывшій государь непремѣнно бъ согласился, а ханъ бы за то заслужилъ». Подготовивъ такимъ образомъ слушателя своего, Якубъ-ага сталъ выражаться прямо и откровенно;

---

[1]) Матеріалы для исторіи южно-русскаго края въ XVIII стол. (1715—1774 г.), изд. Импер. одес. общ. ист. и древн. Одесса. 1886 г., стр. 392.

«открылъ такови перемѣни»: «его де свѣтлость ханъ примѣтилъ тебе, что ты грамотенъ и въ дѣлахъ довѣренъ, приказалъ, чтобъ ты господину кошевому атаману нинешнему, старшинамъ, атаманамъ и старикамъ запорожскимъ отъ его свѣтлости секретной поклонъ представилъ и объявилъ имъ, что его свѣтлость ханъ желаетъ и совѣтуетъ, дабы запорожское войско по прежнему вступило съ нимъ въ дружбу и присовокупилось до Крыму, а онъ, ханъ, по нинешнимъ своимъ силамъ и обстоятельствамъ съ запорожцами, зная ихъ издревле храбрость, много бъ де здѣлать могъ слави и запорожскому войску великое добро сискать». Недзельскій, понявъ всю опасность и безполезность предложенія, отговаривался тѣмъ, что онъ въ кошѣ новый человѣкъ, и притомъ «небольшой», не рѣшался вести переговоры такой важности и просилъ, чтобы ханъ изволилъ написать въ кошъ письмо; переводчикъ тотчасъ же пошелъ къ хану; болѣе двухъ часовъ совѣтовались они, какъ поступить. Наконецъ, переводчикъ, возвратясь, сказалъ, что «ханъ предразсудилъ о семъ дѣлѣ послать въ кошъ Запорожскій особо нарочныхъ и черезъ нихъ писать вскорѣ». Послѣ этого Недзельскій былъ отпущенъ «учтиво и ласково» домой. Прибывъ въ кошъ 24 августа, онъ сообщилъ объ этомъ предложеніи хана Кальнишевскому. Кальнишевскій передалъ все отъ слова до слова пограничному съ Турціей коммиссару маіору Чугуевцу; Чугуевецъ сообщилъ кіевскому губернатору Глѣбову; послѣдній тотчасъ же донесъ о такомъ чрезвычайномъ случаѣ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ для сообщенія государынѣ, а самъ распорядился, чтобы послы хана, поставленные въ невозможность сговариваться съ простыми козаками, были приняты, письмо отъ нихъ взято кошевымъ и коммиссаромъ вмѣстѣ и тотчасъ словесно было бы отвѣчено, что «оное ево ханское покушеніе, простирающееся въ противность вѣчно заключеннымъ между Россійской Имперіей и Портой Оттоманской трактатамъ и вѣрноподданнической ихъ къ ея императорскому величеству рабской должности тщетнымъ и презрительнымъ на всегдашнее время имѣетъ оставаться». Затѣмъ губернаторъ предписалъ выслать пословъ съ надлежащимъ конвоемъ заграницу и строго смотрѣть, чтобы на будущее время «подсылокъ» отъ хана происходить не могло, а въ самомъ войскѣ запорожскомъ содержались бы «добрые порядки». Недзельскаго губернаторъ требовалъ къ себѣ для объясненій въ крѣпость св. Елисаветы. Вообще же приказывалъ все это дѣло хранить въ великой тайнѣ; «найвышшемъ секретѣ» отъ товариства.

Изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ полученъ былъ между тѣмъ указъ, которымъ одобрялись и утверждались распоряженія губернатора, Недзельскому посылалась отъ государыни въ награду сабля съ надписью «за усердіе», а Кальнишевскому предписывалось отписать съ похвалою за его благородное поведеніе; но все это должно было сдѣлать секретно и не разглашать среди черни. Исполняя этотъ указъ, губернаторъ въ своемъ ордерѣ Кальнишевскому отъ 31 іюля 1763 г. выражается такъ: «понеже сей вашъ поступокъ дѣйствительно доказалъ благоразумное ваше поведеніе и ревностное къ службѣ ея имп. вел. усердіе и справедливо заслуживаетъ апробацію и особливую вамъ похвалу, то въ разсужденіи того рекомендуется вамъ и впредь въ таковыхъ и сему подобныхъ случаяхъ поступать съ равномѣрнымъ усердіемъ и всегда стараться за поступками войска запорожскаго примѣчать и отъ худыхъ предпріятій воздерживать, что не инако, какъ пріобрѣсть можетъ высочайшее ея имп. вел. благоволѣніе; но однакожь сего ордера въ войскѣ запорожскомъ не показывать и не разглашать, чтобы совсѣмъ объ извѣстномъ обстоятельствѣ козаки не знали». Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ Глѣбовъ приказываетъ кошевому выслать въ Кіевъ Недзельскаго для врученія сабли, но подъ какимъ-нибудь «приличнымъ претекстомъ» «для неизвѣстности козакамъ»; придумать «приличный претекстъ» предоставлялось «на разсужденіе» кошеваго. Но простыя похвалы не удовлетворили Кальнишевскаго. Конечно по его просьбѣ въ сентябрѣ того же 1763 года, когда кошевымъ атаманомъ былъ уже вмѣсто него Григорій Ѳедоровъ, послѣдній ходатайствовалъ предъ губернаторомъ о назначеніи какой-либо болѣе существенной награды своему предшественнику; но ходатайство не имѣло успѣха. Недзельскій же былъ отправленъ новымъ кошевымъ Филиппомъ Ѳедоровымъ въ Кіевъ за полученіемъ сабли только 29 января 1764 г., а въ мартѣ губернаторъ донесъ коллегіи иностр. дѣлъ, что сабля Недзельскому вручена и о храненіи тайны подтверждено. Судьба другихъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ очень скоро измѣнилась: Крымъ-Гирей ханъ былъ лишенъ Портой сана за свои широкія стремленія къ самостоятельности въ сентябрѣ того же 1764 года; бывшій при немъ переводчикомъ Якубъ-ханъ возвысился до званія дубоссарскаго гетмана; его расположеніемъ дорожило русское правительтство и въ 1766 году платило ему жалованья по 900 руб. въ годъ; конечно онъ такъ же усердно хлопоталъ теперь о присоединеніи Крыма къ Россіи, какъ прежде старался отторгнуть отъ нея Запорожье.

Къ концу XVIII в. количество лицъ, оказавшихся виновными или подозрѣвавшихся въ какихъ либо тайныхъ замыслахъ, могущихъ нарушить общественное спокойствіе, увеличилось; о нихъ не всегда даже производилось судебное дознаніе, нерѣдко по секретнымъ распоряженіямъ ихъ постригали въ монастыри, отправляли въ темницы и больницы или ссылали въ Сибирь, гдѣ они и оканчивали свою жизнь. Такихъ лицъ, несомнѣнно опасныхъ или только предполагавшихся таковыми, вѣроятно было довольно много потому, что въ началѣ царствованія Александра I явилась необходимость назначить коммиссію для пересмотра уголовныхъ дѣлъ прежнихъ царствованій съ цѣлью отдѣленія виновныхъ отъ мнимо-преступныхъ. 4 октября 1802 г. эта коммиссія представила на высочайшее усмотрѣніе списокъ дѣлъ, по которымъ многимъ осужденнымъ давалось облегченіе или даже свобода; надо думать, что коммиссія 1802 г. не могла почему-либо собрать свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ, томившихся въ заключеніи, особенно вѣроятно о такихъ, ссылка или заключеніе которыхъ не сопровождалось производствомъ дѣла на бумагѣ; только вслѣдствіе этого обстоятельства я думаю указомъ отъ 13 января 1807 г. учрежденъ былъ новый комитетъ, который, между прочимъ, отъ всѣхъ губернскихъ административныхъ учрежденій потребовалъ сообщеній «о содержащихся въ монастыряхъ или другихъ тому подобныхъ мѣстахъ, независящихъ отъ гражданскаго вѣдомства разнаго званія люцяхъ, присланныхъ въ оные по дѣламъ особенной важности или по секретнымъ повелѣніямъ, даже въ видѣ безумныхъ или помѣшавшихся въ разсудкѣ». Комитетъ 1807 г. или поздно открылъ свои дѣйствія, или былъ обременъ дѣлами, или дѣйствовалъ медленно, но только свѣдѣнія о такихъ лицахъ потребованы были комитетомъ и отъ кіевскаго гражданскаго губернатора П. С. Черепанова лишь во второй половинѣ 1816 г.; губернаторъ тотчасъ же отнесся съ запросомъ объ этомъ къ кіевскому коменданту и кіевскому митрополиту Серапіону. Изъ отвѣта коменданта видно, что въ подвѣдомственныхъ ему мѣстахъ заключеній секретныхъ арестованныхъ нѣтъ; митрополитъ же въ своемъ сообщеніи заявилъ, что такія свѣдѣнія уже потребованы отъ него непосредственно оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода кн. А. Н. Голицынымъ для удовлетворенія предъявленнаго къ послѣднему требованія генералъ-фельдмаршала кн. Н. И. Салтыкова еще въ началѣ 1816 г.; тѣмъ не менѣе, пославъ уже отвѣтъ кн. Голицыну, митрополитъ Серапіонъ сообщаетъ имѣющіяся у него свѣдѣнія и губернатору Черепанову; изъ нихъ мы узнаемъ, что ка-

кая-то дѣвица или женщина, въ силу высочайшаго повелѣнія имп. Екатерины, была пострижена въ монастырь (когда и какой не сказано) подъ именемъ монахини Піоры; впослѣдствіи этой карательной мѣры оказалось недостаточно и по именному повелѣнію государыни монахиня Піора была разстрижена, переименована въ Анну Яковлеву и сослана въ г. Туруханскъ тобольской губ.; тамъ она оставалась до 1802 г., когда коммиссія, пересматривавшая уголовныя дѣла, нашла возможнымъ облегчить и положеніе Анны Яковлевой; она была переведена на жительство, въ качествѣ послушницы, въ Кіево-Фроловскій монастырь и освобождена отъ всякаго надзора. 11 декабря 1803 г. Яковлева доставлена была въ Кіевъ. Излагаемая нами переписка застала ее еще въ живыхъ; отъ роду ей было въ это время (т. е. въ 1816 г.) 65 лѣтъ, слѣдовательно она родилась въ 1751 году; по донесеніямъ игуменьи монастыря Смарагды, Яковлева вела жизнь самую строгую; вслѣдствіе болѣзни и слабости она по большей части находилась въ монастырской больницѣ.

Кто была въ дѣйствительности монахиня Піора, а потомъ Анна Яковлева, за что постигла ее жестокая кара, въ сохранившейся перепискѣ не говорится; мы знаемъ только, что все случилось по именному повелѣнію и по секретному дѣлу; что и не даетъ возможности сдѣлать какихъ либо опредѣленныхъ предположеній. Анна Яковлева, по всей вѣроятности, вскорѣ и умерла во Флоровскомъ монастырѣ, но мнѣ не удалось собрать о ней никакихъ ни воспоминаній, ни преданій.

Указаніемъ на имена этихъ загадочныхъ женщинъ, съ печальной судьбою которыхъ соединяются болѣе или менѣе интересныя, неизвѣстныя намъ событія, и приведеніемъ фактовъ изъ жизни Запорожья я хотѣлъ бы обратить на нихъ вниманіе болѣе счастливаго изслѣдователя и дать ему руководящую нить для отысканія документовъ, могущихъ пролить свѣтъ на эти темные факты, а также указать на необходимость подбора другихъ однородныхъ дѣлъ для болѣе точной обрисовки и характеристики той или другой эпохи XVIII в.

И. Каманинъ.

Содержаніе одного изъ Чепинскихъ сборниковъ историческихъ бумагъ о Малороссіи. Раньше мы напечатали («Кіев. Стар.» 1890 г., май, 364—369) два письма извѣстнаго собирателя письменныхъ памятниковъ по исторіи Малороссіи А. И. Чепы. Въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ говоритъ о своихъ сборникахъ матеріаловъ для исторіи Малороссіи, которые были имъ отданы рано умершему Як. Мих. Марковичу, имѣвшему будто бы намѣреніе писать исторію Малороссіи, и которые погибли послѣ смерти Марковича въ Петербургѣ. Два тома изъ этихъ сборниковъ Чепѣ удалось впослѣдствіи получить и содержаніе одного изъ нихъ онъ сообщилъ пріятелю своему В. Гр. Полетикѣ, въ бумагахъ котораго и найдено оно нами. Приводимъ здѣсь полностью это содержаніе для знакомства съ Чепинскими сборниками, которые, вѣроятно, навсегда погибли для насъ. Слышно, что послѣ смерти Чепы осталось еще собраніе какихъ то старинныхъ бумагъ, хранившихся въ его усадьбѣ, въ с. Чепурковкѣ, пирятинскаго уѣзда, которые будто бы въ недавнее время проданы на вѣсъ мѣстному еврею... **А. Л.**

Реестръ моей книгѣ, возвратившейся изъ пропажи, послѣ покойнаго Я. М. Марковича.

Оглавленіе или сто 11 выписокъ (sic).

А) Экстрактъ изъ польской исторіи Стриковскаго и изъ россійской Эмина, для доказательства о рыцарствѣ и жолнерахъ малороссійскихъ—1 стр.

Б) Сокращенное увѣдомленіе о Малороссіи, почти сходное съ находящимся въ книгѣ, изданной и напечатанной въ Санктпетербургѣ 1773 года, Василіемъ Вербовскимъ; даже и расположеніе одинаково, яко то: 1) Географическое описаніе—18 стр.; 2) Рѣки; 3) Раздѣленіе; 4) Примѣчательные города; 5) О воздухѣ, болѣзняхъ и плодоносіи, 22 стр.; 6) О воинскомъ и гражданскомъ правительствѣ, 24 стр.; 7) О чинахъ военныхъ, 26 стр.; 8) Объ артилеріи, 27 стр.; 9) О гражданскомъ управленіи, 29 стр. и 10) О приключеніи народа малороссійскаго, 32 стр. [1]). Экстрактъ изъ конституцій, собранныхъ Станиславомъ Кожуховскимъ, чесникомъ земли волынской, 1732 года.

---

[1]) Никакой книги Вербовскаго о Малороссіи, до сихъ поръ мы не знаемъ. Ни Сопиковъ, ни Смирдинъ даже не упоминаютъ имени этого автора..

В) О отборѣ добръ коронныхъ, что сіе до Малороссіи не касается, такъ же о правахъ, волностяхъ и прерогативахъ малороссійскаго народа 1504, 1562, 1563, 1569, 1588, 1590, 1601, 1607, 1611, 1633, 1635, 1638, 1641 годовъ, итого изъ 13-ти конституцій,—38 стр.

Г) О судахъ городскихъ и земскихъ и о трибуналѣ въ Малой Россіи—1569, 1601, 1607, 1616, 1607, 1601, 1607, 1635, 1633, 1590 годовъ итого изъ десяти,—43 стр.

Д) О дессидентахъ 1573, 1587, 1632, 1674, 1717 годовъ итого изъ пяти, 44 стр.

Е) О отнятіи отъ войска малороссійскаго правъ, свободъ и волностей 1635, 1638 годовъ, 45 стр.

Ж) Изъ конституцій, учиненныхъ въ пользу народа малороссійскаго, уже по присоединеніи онаго къ Россіи, 46 стр.

З) Копія привилегіи короля Сигизмунда-Августа, о уравненіи литовскаго и русскаго шляхетства, и рыцарства съ шляхетствомъ польскимъ 1563 года, іюня 7,—48 стр.

И) Копія привилегіи короля Сигизмунда-Августа, въ подтвержденіе вышепоказанной 1563 г. июня 7, съ дополненіями 1568 г. іюля 1,—53 стр.

І) Выписка изъ Статута великаго княженія литовскаго роздѣла 3 артикулъ 19 о доказательствѣ шляхетства, когда кто упрекнетъ, 62 стр.

К) Конституція 1654 г. сентября 15, о безопасности честей и имѣній воеводствъ кіевскаго, браславскаго и черниговскаго, и примѣчаніе на оную, 65 стр.

Л) Гетманскіе статьи о шляхтѣ:

— Хмельницкаго	7162	года	3—66	стр.
— Игнатовича	7177	»	6—	стр.
— Самойловича	7180	»	6—67	стр.
— Мазепы	7195	»	4—	стр.

М) Примѣчаніе на оные статьи о дворянствѣ и войсковыхъ чинахъ, 68 стр.

Н) Копія привилегіи короля Жигмунта-Августа 1569 года, о присоединеніи княженія кіевскаго до короны польской съ подтвержденіемъ преимуществъ, 70 стр.

О) Универсалъ гетмана Хмельницкаго, побуждающій малороссіянъ къ сверженію ига поляковъ 1648 года, маія 18, списокъ, кажется, исправнѣе другихъ, 81 стр.

П) Универсалъ гетмана Хмельницкаго 1655 года, генваря 15, съ утвержденіемъ запорожскому кошевому и войску, земель, городовъ,

селъ и прочихъ угодій, пожалованныхъ имъ отъ короля Стефана Баторія грамотою 1577 года, августа 20, 92 стр.

Р) Одинадцать вопросовъ, о прежнемъ политическомъ состояніи Малой Россіи, 94 стр.

С) Разсужденіе, по случаю послѣдовавшаго изъ правительствующаго сената въ малороссійскіе казенные палаты указовъ, о отборѣ въ казенное вѣдомство подсусѣдковъ отъ купцовъ, мѣщанъ и другихъ званій людей, неимѣющихъ шляхетскаго права, о правахъ шляхетства, рыцарства, духовенства и козаковъ малороссійскихъ и запорожскихъ, 98 стр.

Письмо графа П. А. Румянцева-Задунайскаго къ генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому, о награжденіи малороссіянъ чинами. (Изъ яготинскаго архива князя Н. В. Репнина).

Милостивій государь мой, князь Александръ Алексѣевичъ.

На сихъ дняхъ получилъ я изъ Правительствующаго Сената указъ о присилки обьясненія о каждомъ особо изъ удостоенныхъ от меня малороссійскихъ чиновникахъ, какіе имъ поручаеми были комисіи и в чемъ состояли заслуги ихъ. Симъ новимъ запросомъ я приведенъ былъ во удивленіе! тѣмъ болѣе что во всѣхъ моихъ представленіяхъ, о сихъ чиновникахъ здѣланнихъ, не проминулъ я изобразить каждого службу и производство, развѣ не сказанно было о томъ при докладѣ оныхъ, и не могдъ ожидать, чтобъ в дѣлѣ семъ могли вьстрѣтится какіе либо трудности и препятствія. Ваше сіятельство извѣстны, что чиновники малороссійскіе в прежніе времена пользовались награжденіями в полной мѣри вь службы ихъ, раздаваемыми от гетмановъ, недвижимими имѣніями, приносящими великіе доходи, и чинами в сей землѣ довольно почитаемими, а пребывали большою частію в домовствахъ ихъ, между собою не имѣя они надобности искать сравненія себѣ с россійскими, но теперь по совмѣстной службѣ и обращенію возимѣли ревнованіе о равенствѣ своемъ из соземцами, и я, вступивши по всевысочайшей ея императорскаго величества волѣ в правленіе краю малороссійского, не полагалъ, чтобы причтенно было мнѣ в какую либо неосмотрительность, когда, по исканіямъ некоторыхъ о награжденіи ихъ россійскими чинами, посредствовалъ моимъ свидѣтельствомъ о служби ихъ и ходатайствомъ, но напротивъ того въ долгъ себѣ поставлялъ возъжечь в нихъ вящую охоту къ службы государевой на пользу той, в чемъ

и успѣлъ тѣмъ, что великое множество с крайнею охотою вступають в регулярніе войска и въ оних отличаются усердіемъ и способностми, съ другой стороны, и остаючіесь въ тамошнихъ чинахъ, хотя уже и не существують тѣ большіе воздаянія, способомъ коихъ предки ихъ основали фортуны всего потомства своего, усердствують, однакожъ въ службѣ, поставляя цель всѣхъ приобрѣтеній своихъ равенство въ преимуществахъ съ единородцами великороссіянами. Не мню я, чтобъ за полезно признанно было приводить во ослабленіе в сихъ людяхъ любочестіе лутчую и надежнѣйшую подпору службы, ниже противополагаю затрудненія въ награжденіи мною удостоенныхъ отнять у меня способы ко ободренію и поощренію моихъ подчиненныхъ. Ежели въ протчемъ поданъ к сему поводъ из сторони представленія моего о бунчуковомъ товарищѣ Голюнкѣ, то в дружеской откровенности скажу вамъ, милостивій мой князь, что служба сего человѣка без сомненія есть менше заслугъ другихъ от мене удостоенних, но за внесеніе въ его пользу ходатайства я убѣжденъ былъ прозьбою Алексѣя Михайловнча Обьрескова, которой обявилъ мнѣ надобность свою употребить его, по знанію чужестранныхъ языковъ и обьстоятельствъ краю турецкого, в дела министерскіе. Увѣренъ я, милостивій государь, что вы, зная образъ мислей мнѣ свойственныхъ, всѣ сія израженія примѣте за дѣйствіе моего к вамъ чистосердечія и надѣянія по склонность вашу, что вы, в семъ видѣ ихъ пріемля, не отречетесь милостиво пособствовать всѣмъ от меня удостоеннымъ къ полученію принадлежащого имъ воздаянія; ожидая въ протчемъ дружеской вашей отповиди, з безпределнимъ высокопочитаніемъ остаюсь навсегда графъ Румянцевъ.

1774 года мая 2.

Сообщ. **Н. В. Стороженко.**

Четыре письма жены полковаго обозного Евдокіи Сахновской къ мужу. 1743—44 гг. Частная переписка нашихъ предковъ представляетъ одинъ изъ лучшихъ источниковъ для знакомства съ тѣмъ ихъ внутреннимъ міромъ, который въ другихъ, оставленныхъ ими, письменныхъ памятникахъ остается закрытымъ. Переписка близкихъ людей между собою наиболѣе должна представлять интереса, а переписка супруговъ и того больше. Къ сожалѣнію, письма женъ малороссійской старшины до половины XVIII в. большею частью писаны не ими самими, а домашними писарями, потому что сами «матроны», за весьма

немногими исключеніями, кое какъ читать иногда еще умѣли, а писать—совсѣмъ не умѣли. Изъ достаточнаго количества пересмотрѣнныхъ нами частныхъ писемъ прошлаго вѣка, въ письмахъ женщинъ *собственноручныя подписи* ихъ начинаютъ встрѣчаться лишь со второй половины XVIII в., а собственноручно писанныя письма женщинъ видимъ лишь въ концѣ того вѣка, да и то рѣдко. Тѣмъ не менѣе письма женщинъ, хотя писанныя и не лично ими, имѣютъ не малый для насъ интересъ, рисуя то положеніе, которое они занимали какъ въ обществѣ, такъ и въ семьѣ. Въ этомъ смыслѣ интересны и печатаемыя здѣсь четыре письма жены черниговскаго полковаго обознаго Евдокіи Михайловны Сахновской, которая, выпроводивъ мужа по его личнымъ дѣламъ въ Петербургъ и оставшись распорядительницею дома и хозяйства, отдаетъ ему въ этихъ письмахъ отчетъ «о домашнемъ поведеніи» и о ходѣ «господарства».

Иванъ Сахновскій среди современной ему старшины, былъ homo novus, который вышелъ въ люди благодаря тому, что женившись на дочери генер. судьи Михайла Забѣлы, сталъ свояткомъ такого сильнаго человѣка, какимъ былъ при «правителяхъ» Малороссіи генер. писарь Безбородко. Яготинскій сотникъ Купчинскій въ извѣстномъ своемъ доносѣ на Безбородка, говоритъ, что послѣдній, раздавая полковые и сотенные уряды за деньги и подарки, кромѣ того, сажалъ на эти уряды родичей своихъ, безъ всякой ихъ заслуги, причемъ указываетъ, что Безбородко далъ мѣста: свояку Ивану Сахновскому—черниговскаго обознаго, а сыновей его, Григорія и Якима, поставилъ сотниками, перваго въ Ст. Санжары, а втораго въ м. Мену, гдѣ Сахновскіе и жили. По доносу Купчинскаго Безбородко въ ноябрѣ 1742 г. былъ отрѣшенъ отъ писарства и такимъ образомъ потерялъ все то вліяніе, которое давало значеніе и родичамъ его. Померкло значеніе въ Черниговщинѣ и Сахновскихъ, особенно когда въ декабрѣ того же 1742 г., въ Мену назначенъ былъ, по именному указу, сотникомъ Григорій Кузминскій, который, какъ видно изъ этихъ писемъ, сильно сталъ тѣснить Сахновскихъ. Кажется, что эти притѣсненія и были одною изъ причинъ поѣздки стараго Сахновскаго въ Петербургъ. Была надежда, что оттуда поможетъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, мать котораго удостоивала Сахновскихъ своими посѣщеніями и не отказывалась предстательствовать за нихъ предъ старшимъ сыномъ [1]).

А. Л.

---

[1]) См. конецъ четвертаго письма.

1) Любезнѣйшій мой сожителю, мосцѣ пане Іване Сахновскій. Писма ваши съ Питербурха и изъ дороги, числомъ шѣсть, въ цѣлости за печатю вашею, получени, въ которихъ изволите писать о здоровіи своемъ и о поведеніи тамошнемъ, въ чемъ я Создателя своего благодару и желаю вамъ здоровимъ намѣреніе свое исполнить. О домашнемъ поведеніи обявляю вамъ, что какъ я, такъ и дѣтки наши въ добромъ здоровю находятся, а меншіи дѣти наши на ученіе пилнуютъ. Въ домѣ же, въ господарствѣ, за Божескимъ изволеніемъ, состоитъ все благополучно; толко тѣмъ прешкода, что васъ въ домѣ нѣтъ; а въ хуторѣ Нагорновскомъ родилося телятъ 29, между тѣми чорнихъ толко 2, а то болшъ сивихъ и половихъ; лошатъ родилось 11, между которими родилось въ ga͡laga͡новского жеребця 2 коники, а въ петрового жеребця 2 лошачки и 2 кобилки; а тѣ разніе масти имѣютъ и росліе лошатка; егнятъ родилось 100, кромѣ тѣхъ, которіе порѣзали и пали. Бондарця въ дорогу кримскую отправила, при которомъ возовъ 14, воловъ старихъ 56, а молодихъ доморослихъ 4, и надежно, что будутъ воли не худіе; другіе же волики, которіе остались въ дому, тѣ работаютъ въ плузѣ и очень къ роботѣ понялись, денегъ Бондарцю дала 100 рублей ровно, тако жъ доволно число провянта на дорогу дано.

Минцю опредѣлили возъ конскій, подъ которимъ лошадей 2, а именно строкатая кобила и зѣкратій [1]) кунь, денегъ 15 рублей, горѣлки куфу, и велѣла ему домовіе дробязки покупить. Солѣ еще осталось непроданой 4 вози, а и тѣ вози, которіе попродани, очень мало заважило; продажа еи нинѣ по 10 алтинъ. Пашнѣ коло хутора Наґурновского и около другихъ селъ, благодареніе Богу, очень хорошѣ и всякіе господарства нашего заводи за милостю всемогущаго Бога состоитъ понинѣ все благополучно и дѣлается такъ, какъ надобно. Скорбѣть вамъ о домовцѣ не надобно, ибо я сама къ тому неусипнихъ своихъ трудовъ прилагаю и стараюсь, чтобъ нѣчего впущено не било. Впротчемъ желаю васъ въ добромъ здоровю и во всякомъ благополучіи вскоростѣ въ домѣ видѣть.

---

[1]) По Миклошичу, *зекръ, зерхъ, зѣрхъ*—caesios oculos habens, т. е. имѣющій синіе или голубые глаза; отсюда можно думать, что зѣкратый конь означаетъ коня съ бѣльмомъ.

Вамъ, любезнѣйшому другу моему, доброжелателная жена Ев. З. Івановая Сахновская об. полк.

1743 году, юля [1]) 3 д. Мена.

2) Любезнѣйшій сожителю мой, мосцѣ пане Іванъ Сахновскій.

Обявляю вамъ о неприятелѣ нашемъ Кузминскомъ, что великіе и незносніе обѣди дому нашему дѣлаетъ и всячески тщится и видираетъ, щобъ на домъ нашъ всякіе злоумишленія (sic). Величковскіе подданіе наши Вакула Горенко и Трофимъ Орелъ въ козаки сотникомъ, злопріятелемъ нашимъ, вписани безъ всякого иску где надлежитъ; тако же и подсусѣдка менского Шрамка отобравъ сотникъ; и всѣ тѣ якъ въ податяхъ на консистентовъ, такъ панщини нѣ вчемъ не дѣлаютъ; при томъ и коваль еще нѣ въ сюмъ, нѣ въ тумъ; да и тѣ панщини не дѣлаютъ и въ податяхъ не пособляютъ. Сини наши, Якимъ и Петро, въ войсковой генералной канцеляріи сходатайствовали указъ, чтобъ тѣ всѣ подданіе наши до окончанія о нихъ слѣдствія общенародніе повиности отбували и панщину по приказу нашому дѣлали, по которому указу посилала я Есипа, чтобъ ихъ къ панщинѣ вигналъ и пограбилъ ихъ билъ; токмо тамошній атаманъ величковскій Чуйко, собравъ зъ собою нѣсколко человѣкъ козаковъ, пришолъ въ шинкъ нашъ, и комору отбилъ; и тѣ грабежѣ поотдавалъ плутамъ Гогамъ съ товарищи и Есипа, буде би не втекъ, тоби убили, похваляючися, что сотникъ приказавъ де наше где поиметъ въ полусмерть прибить, а забивши въ колодки, въ городъ отправить. Огородъ въ величковской нашей поданой Ювги Процихи козакъ Кузма Бунякъ, по приказу сотничомъ, отобравъ и засѣявъ нашнею; въ чомъ и протестъ отъ мене поданъ въ сотеную сосницкую канцелярію. Хату тую, которая осталась по умершомъ подданомъ нашимъ Поддубню, оную жена его безъ всякого права козаку Потапченку продала, а грунтомъ сама завладѣла, въ чомъ протестъ въ сотеную сосницкую и менскую канцелярію отъ меня подани. На сина нашего Якима собравъ билъ команду и хотѣлъ ночу напасть, толко знать его пріятелѣ перебили; атамана бившого Василя въ турмѣ мучивъ, а величковского плетми билъ. Въ протчемъ желаю васъ въ добромъ здоровю видѣть.

---

[1]) Кажется, вмѣсто іюля, нужно читать іюня. По упоминанію о полученіи писемъ, писанныхъ „съ дороги“, можно думать, что это есть первое письмо, писанное къ Сахновскому, по отъѣздѣ его изъ дому въ Спб.

Вамъ, любезнѣйшому моему сожителю, доброжелателная жена Ев. З. Івановая Сахновская об(озная) пол(ковая).

1743 году, юля 3 д. Мена.

PS. Писмо инстанцѣялное отъ ея високопревосходителства госпожѣ Разумовской въ семъ ковпертѣ (т. е. конвертѣ) сообщено въ цѣлости.

PS. Сего пожалуйте нѣкому не обявляй, что команду собравъ на сина нашего, ибо совершено еще не довѣдались.

Сего іюля 7 числа матушка его високопревосходителства Алексѣя Григориевича (Разумовскаго) била въ домѣ нашомъ и изволила ночовать. Синъ же нашъ Якимъ отехалъ конвоемъ зъ матушкою его високопревосходителства до Ропска.

3) Вселюбезнѣйшій мой сожителю Іванъ Сахновскій.

Обявляю вамъ, серденко, что я, по милости Божеской, зъ дѣтками нашими въ добромъ здравіи нахожусь, и вамъ, серденко, желаю всякыхъ благополучій и при благополучіи щасливаго въ домъ прибитія. А при томъ извѣствую, яко я сего жъ марта первихъ чиселъ, чрезъ сина полковника нашего Николая Владимеровича, писмо къ вамъ отправила и въ ономъ такъ о домашномъ поведеніи, яко и о своемъ здравіи предъвпомянуть не минула, и содержу заподленно оное писмо вашыхъ рукъ доити можетъ. Противу нинѣшныхъ писемъ вашихъ, отпущенныхъ февраля 18, рада зъ души моей требуемое послать, понеже оніе писма Минця не застали, которій отправился въ неделю, на сами заговѣни, однакъ и чрезъ его толикое число водки и сивухи на трохъ возахъ зъ дачею ему на проходъ шестидесяти рублей денегъ, отпущенъ, точію непомалу скорблю дойшлось оное до вашыхъ рукъ заподлинно или нѣтъ, извѣстія по ся пори не имѣю; и егда оной Минець къ вамъ въ Москву прибилъ и что отъ него приняли, ко мнѣ отписать чрезъ окказѣю прошу. Синъ нашъ Петро зъ Чернѣгова прибилъ, которій ездилъ по дѣлу атамана величковского Савки Чуйка просить апробацѣи зъ дѣла, учиненного сотникомъ березинскимъ Лисенкомъ, якое опорочилъ и апелляцѣю занеслъ билъ атаманъ Чуйко (хотя и не отъ себе, но зъ нащенія сотника Кузмѣнского); однакъ, благодарить Бога, не намъ, но себѣ спортилъ: велено ему платится 24 рубля, по приговору первому и сему въ полковой канцеляріи учиненному, въ которомъ и сіе упомянуто: егда атаманъ Чуйко толикого числа денегъ уплатить не можетъ, а хотя и можетъ, а оскудѣетъ и не изъ чего служби ему козачой отбувать

оскудно будетъ, то даби и другіе такова самоволства дѣлать не дерзали, тамъ же въ селѣ Величковцѣ, по малороссійскомъ обичаю, висѣчь киями, дать ему 60 киевихъ ударовъ; и что онъ впредь того дѣлать не будетъ, взять отъ него подписку, претори и убитки допросить о томъ особливимъ указомъ, а сотнику березинскому Лисенку предложено затѣмъ послѣдней неделѣ съехать и оное окончить твердое обещаніе положилъ. Что Гоженко Есипа господара побилъ, одежу и сѣдла поотбиралъ, велено его вислать въ полковую канцелярію, а забранное имъ все отобрать и намъ отдать, другія наши дела бондарцовъ Дудки, Примака и другихъ, кои бютъ челомъ о козачествѣ, до приезду вашего комисия отсрочила, а якіи имѣются повшехніи тіи помалу очищать начали, и надежда въ Бозѣ, якъ ми прави, такъ дѣла наши могутъ насъ во всюмъ очищать. Впротчемъ желаю вамъ, серденко, душеспасителна окончанія дней великаго поста препроводить и Свѣтлаго Воскресенія Христова дочекать.

Вамъ, серденко, доброжелателная жена Евдокія Сахновская.

1744 году, марта 18 д. Мена.

4) Любезній мой сожителю.

Обявляю вамъ серденко, что по милости всемогущаго Бога въ добромъ зъ дѣтками и внучками и со всѣмъ домомъ нахожусь здоровю, за что создателю моему воздаю благодареніе. При семъ же въ господарствѣ нашемъ вамъ серденко, извѣствую, что все благополучно и радително поводится; толко въ насъ уездѣ жита подлѣйшіе нинѣ прошлоголѣтнихъ; что же изволили ви, серденко, писать, даби я отца своего паки просила прошлоголѣтной трави, то я того жъ времени посилала просить и онъ по милости своей отческой, изволилъ дать толко три частѣ прошлоголѣтной, а отецъ ігуменъ по милости своей Максаковскій далъ мнѣ трави скиртъ на пять. Сѣно наше уже инное пороблено, а инное еще робится, и надѣюсь на милость Божеску, що сѣна станетъ на зиму. Скотъ нашъ въ добромъ смотреніи нинѣ находится. Бондарця въ дорогу выпровадила денегъ ему дала 100 рублей; возовъ зъ нимъ пошло 14, а воловъ 50, а Менцю возъ одинъ да денегъ 15 рублей и куфу горѣлки. Солѣ въ насъ, серденко, воловъ еще чотири стоять, темъ что очень дешева, по полкопи пудъ. Впротчемъ желаю вамъ серденко, зъ дѣтками и внуками, благополучно въ домѣ здоровихъ оглядить.

Вамъ щирозичливая супруга Евдокія З. С.

1743 года, юля. Зъ Мени.

PS. Рада бъ вседушне, даби атестати къ вамъ прислани били, толко сина нашего Якима нетъ въ дому: въ конвояхъ при матушки его високопревосходителства Алексѣя Григориевича Разумовского нинѣ обрѣтается; а скоро прииде, то какъ того старатся будетъ, чтобъ къ вамъ прислать. Матушка его високопревосходителства Алексѣя Григориевича изволили бить въ домѣ нашемъ зъ милими своими дщерями, едучи въ Ропскъ, а ежели возвратится, то я намѣрена просить писма о неоставки насъ, къ Алексѣю Григориевичу [1]).

Надпись на письмѣ: «Любезному моему сожителю его милости обозному полковому чернѣговскому, пожаловать въ Пѣтербурхи».

Расхищеніе церковныхъ древностей на Волыни. Въ одномъ изъ ноябрьскихъ номеровъ (№ 250) «Кіевлянина» за 1890 г., напечатано слѣдующее извѣстіе: «Многіе археологи, посѣщавшіе Волынь, забрали съ собою изъ церквей и монастырей очень цѣнные какъ по времени, такъ и по матеріалу предметы, съ обѣщаніемъ возвратить ихъ обратно въ непродолжительномъ времени, но такъ какъ до сего времени не возвращаютъ, то мѣстная консисторія, по предложенію епархіальнаго преосвященнаго, предписала благочиннымъ доставить свѣдѣнія, какія вещи не возвращены, по какимъ причинамъ, требовали ли настоятели возвращенія вещей и какіе получили отвѣты. Впредь же на будущее время, по сообщенію столичныхъ газетъ, воспрещено давать, безъ особаго на то для каждаго отдѣльнаго случая разрѣшенія, какія бы то ни было вещи».

Объ этихъ расхищеніяхъ давно уже ходятъ слухи, причемъ молва называетъ даже и имена нѣкоторыхъ «любителей», «посѣщавшихъ Волынь и забравшихъ очень цѣнные предметы», какъ въ болѣе раннее время (лѣтъ до десяти, назадъ), такъ и въ позднѣйшее (года три-четыре назадъ). Говорятъ, что даже и Почаевская лавра потерпѣла нѣкоторые ущербы... Повидимому, лучшимъ средствомъ для возвращенія хотя части расхищенныхъ вещей, было бы опубликованіе списковъ забранныхъ вещей, по донесеніямъ благочинныхъ съ названіемъ лицъ, взявшихъ эти вещи...

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1890 г., ноябрь, стр. 333.

Г. П. Данилевскій. (Некрологъ). 6 декабря 1890 г. скончался въ Петербургѣ извѣстный писатель Григорій Петровичъ Данилевскій. Покойный родился въ 1829 г. въ изюмскомъ уѣздѣ харьковской губ., учился въ московскомъ дворянскомъ институтѣ и петербургскомъ университетѣ. По окончаніи курса Г. П. до 1857 г. служилъ по министерству народн. просвѣщенія. Въ это время онъ не разъ былъ командируемъ министерствомъ въ южную Россію для археологическихъ и археографическихъ изслѣдованій. Сверхъ того покойный, по порученію морского министерства, совершилъ поѣздку на берега Дона и Азовскаго моря для описанія быта и промысловъ тамошнихъ жителей. Выйдя въ 1857 г. въ отставку, Г. П. поселился на родинѣ и втеченіе 12 лѣтъ занималъ различныя общественныя должности. Въ 1869 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ съ прикомандированіемъ къ редакціи «Правительственнаго Вѣстника». Вскорѣ онъ былъ назначенъ помощникомъ редактора, а въ 1881 г. редакторомъ этой газеты и занималъ эту должность до самой смерти.

Литературная дѣятельность покойнаго началась, когда онъ былъ еще на школьной скамьѣ. Первыми его произведеніями были стихотворенія. Съ начала 50-хъ годовъ стали появляться въ журналахъ разсказы его изъ украинскаго быта, собранные впослѣдствіи вмѣстѣ подъ заглавіемъ «Слобожане». Къ тому же времени относятся и его переводы съ малорусскаго «Украинскія сказки». Въ началѣ 60-хъ годовъ были напечатаны и два романа Д—го изъ южно-русской жизни «Бѣглые въ Новороссіи» и «Бѣглые воротились». Украинской исторіи покойнымъ было посвящено много разсказовъ и повѣстей. Крупные его романы: «Девятый валъ», «Мировичъ», «Княжна Тараканова», «Сожженная Москва», «Черный годъ» хорошо извѣстны читающей публикѣ. Сверхъ того Г. П. не мало потрудился и надъ разработкой исторіи просвѣщенія своей родины—Слободской Украины; работы послѣдняго рода собраны въ его сборникѣ «Украинская Старина».

Премія имени Г. Ѳ. Карпова. Въ «Правительственомъ Вѣстн.» напечатано, что вдова извѣстнаго историка Г. Ѳ. Карпова, А. Т. Карпова заявила московскому обществу исторіи и древностей россійскихъ о готовности пожертвовать обществу капиталъ въ 11,500 руб. для основанія въ память Г. Ѳ. Карпова премія въ 500 р. за лучшія ра-

боты по русской исторіи. Жертвовательница желаетъ, чтобы эта премія выдавалась ежегодно 24 апрѣля, въ день кончины ея супруга, за работы, основанныя на изученіи первоисточниковъ русской исторіи, а въ случаѣ представленія двухъ или нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства, предпочтеніе отдавалось бы тому, которое относилось бы къ малороссійской исторіи, одному изъ главныхъ предметовъ занятій покойнаго Г. Ѳ. Карпова. Общество выразило А. Т. Карповой признательность за пожертвованіе и избрало ее въ почетные члены.

МАКСИМЪ ИЛЛЯШЕНКО

ПОЛКОВНИКЪ ЛУБЕНСКІЙ.

1677 — 1687.

(Къ портрету).

Максимъ Илляшенко въ гетманство Многогрѣшнаго былъ роменскимъ сотникомъ (1669—1672 г.), а затѣмъ, при Самойловичѣ, изъ сотниковъ онъ становится лубенскимъ полковникомъ и занимаетъ этотъ урядъ десять лѣтъ, до 1687 г. Поставленіе Илляшенка полковникомъ прямо изъ сотниковъ можетъ быть объяснено свойствомъ его съ гетманомъ Самойловичемъ, родной племянникъ, котораго гадяцкій полковникъ Михайло Самойловичъ, былъ женатъ на одной изъ дочерей Илляшенка. При низложеніи Самойловича на Коломакѣ, низложенъ былъ и Илляшенко, замѣненный Григоріемъ Гамалѣею. Илляшенко, по рожденію, былъ рядовой козакъ изъ с. Коровинецъ, роменскаго уѣзда, и послѣ своего полковничества, сталъ по обычаю XVII в., въ ряды войсковыхъ товарищей. И тѣмъ не менѣе Мазепа даетъ этому войсковому товарищу въ 1689 г. с. Коровинцы, говоря въ универсалѣ, что даетъ эту маетность бывшему лубенскому полковнику за его службы въ чигиринскія войны... Эта гетманская милость, такъ непохожая на манеру дѣйствій Мазепы, можетъ быть объяснена лишь тѣмъ, что по проискамъ его же, Мазепы, бывшій гадяцкій полковникъ Михайло Самойловичъ былъ взятъ сначала въ Москву и затѣмъ сосланъ оттуда въ Сибирь, а жена его, дочь Илляшенка, поѣхавшая вмѣстѣ съ мужемъ въ Москву,

умерла тамъ, въ августѣ 1688 г. [1])... Очень вѣроятно, что старый лубенскій полковникъ пользовался въ „войскѣ" популярностью и Мазепа нашелъ нужнымъ утѣшить этого популярнаго человѣка въ его потерѣ, которой былъ главнымъ виновникомъ, давъ ему въ „послушаніе" то самое село, изъ котораго Илляшенко былъ и родомъ... Иначе трудно объяснить себѣ такой необычный для Мазепы поступокъ, какъ надѣленіе маетностью человѣка, въ которомъ онъ уже не могъ нуждаться.—Получивъ отъ гетмана универсалъ на Коровинцы, Илляшенко выхлопоталъ въ 1690 г. на это село и царскую грамоту. Вскорѣ затѣмъ Илляшенко умеръ, оставивъ одного сына Осипа и нѣсколькихъ дочерей [2]). Сынъ Илляшенка скоро тоже умеръ, оставивъ одну дочь, у которой потомства не было. Изъ пяти дочерей Илляшенка, двѣ хотя и оставили потомство (Ефросинья, бывшая замужемъ за какимъ то Остапомъ Ласченкомъ и Варвара—жена лубенскаго обознаго Ивана Сохацкаго), но это потомство представлялось людьми настолько незначительными, что Мазепа не затруднился утвержденное за Илляшенкомъ и потомками его, царскою грамотою с. Коровинцы отобрать у этихъ потомковъ и отдать своему племяннику Обидовскому. Во владѣніи наслѣдниковъ лубенскаго полковника остались только тѣ коровинскія земли, которыя принадлежали Максиму Илляшенку по наслѣдству и по куплѣ. Послѣ измѣны Мазепы Коровинцы успѣлъ выпросить себѣ, въ числѣ другихъ „измѣнничьихъ" маетностей, Павелъ Полуботокъ, которому тоже дана была при этомъ на Коровинцы царская грамота. Спустя лѣтъ двадцать послѣ этого одинъ изъ внуковъ Максима Илляшенка, сынъ Остапа Ласченка—Семенъ Ласченко [3]), добившись роменскаго сотничества, рѣшился

---

[1]) Истор. Опис. Моск. Новодѣвичьяго монастыря (М. 1885) стр. 82. Умершая въ Москвѣ Марья Максимовна Самойловичъ похоронена въ этомъ монастырѣ.

[2]) Въ дѣлѣ о родѣ переяславскихъ Илляшенковъ, въ арх. полтавск. двор. собранія, говорится, что ихъ родоначальникъ—переяславскій сотникъ Иванъ Илляшенко († 1727 г.) былъ тоже сыномъ Максима Илляшенка, но это не вѣрно: изъ подробнаго современнаго свѣдѣнія о дѣтяхъ Максима Илляшенка видно, что у послѣдняго былъ только одинъ сынъ Осипъ.

[3]) Родоначальникъ теперешнихъ роменскихъ Ласкевичей.

начать съ Полуботкомъ за Коровинцы судебный споръ, опираясь на царскую грамоту 1690 г., которою это село утверждалось за Илляшенкомъ и потомками его. Начатый Ласченкомъ споръ кончился однакожъ для него неудачно: по рѣшенію 1734 г. сенатъ Ласченку въ этомъ искѣ отказалъ, за пропускомъ давности со времени отобранія Коровинецъ Мазепою для Обидовскаго. Но кромѣ Семена Ласченка были еще наслѣдники Максима Илляшенка—двѣ дочери младшаго брата того же Семена Ласченка—Ивана Ласченка; на старшей изъ нихъ женился переселившійся въ Роменъ полтавскій козакъ Андрей Полетика, который потомъ былъ роменскимъ войтомъ. Послѣднее обстоятельство показываетъ, что это былъ незаурядный человѣкъ: получить войтовтво въ богатомъ Ромнѣ чужому человѣку было не легко. Вотъ этотъ Полетика, несмотря на неудачу Семена Ласченка, рѣшился еще разъ поспорить на судѣ съ Полуботками за Коровинцы. Началъ онъ это дѣло отъ имени своей жены и ея родственниковъ въ 1742 г., причемъ, въ доказательство правъ своихъ довѣрителей, сослался на ту же самую грамоту 1690 г., которая была главнымъ доказательствомъ и въ искѣ Семена Ласченка; но это обстоятельство не помѣшало тому же сенату рѣшить на этотъ разъ дѣло о Коровинцахъ (въ 1749 г.) въ пользу наслѣдниковъ Илляшенка, причемъ по вопросу о давности въ рѣшеніи было сказано, что „давность противъ грамотъ великихъ государей причесться не можетъ". Къ этому можно добавить, что, по словамъ Андрея Полетики, на этотъ процессъ имъ было издержано 1750 рублей... Несомнѣнно, что процессъ былъ выигранъ благодаря ловкости Полетики, который прежде рѣшенія дѣла успѣлъ уже захватить около Коровинецъ обширную степь и настолько „утѣснилъ" это село, что часть жителей его принуждена была уйти на слободы...[1]) Затѣмъ Полетика, скупивъ нѣсколько выигранныхъ частей процесса у родственниковъ жены, сталъ почти единственнымъ владѣльцемъ Коровинецъ. И теперь значительною еще частью Коровинецъ владѣютъ потомки Максима Илляшенка въ лицѣ тѣхъ же Полетикъ, въ родѣ кото-

[1]) См. у Марковича, Дневн. Записки, II, 148.

рыхъ и сохранился прилагаемый здѣсь портретъ этого ихъ предка[1]).

Этотъ портретъ, изображая малозамѣтнаго малороссійскаго полковника к. XVII в., имѣетъ значеніе главнымъ образомъ археологическое. Очень интересна на этомъ портретѣ стрижка волосъ; такой стрижки на другихъ портретахъ того же времени, мы не встрѣчали. Мы видимъ здѣсь, что всѣ волосы на головѣ острижены очень коротко (или быть можетъ выбриты), а надъ лбомъ оставленъ клокъ вершка въ два длиною. Клокъ этотъ ни по своему мѣсту, ни по величинѣ не похожъ на тотъ историческій „оселедецъ", который дольше всего сохранялся у запорожцевъ. „Чубъ" Максима Илляшенка напоминаетъ ту стрижку волосъ, которая существовала въ лѣвобережной Малороссіи еще лѣтъ тридцать - сорокъ назадъ (а можетъ и теперь существуетъ въ захолустьяхъ) у мальчиковъ: имъ коротко выстригали волоса на всей головѣ, оставляя надо лбомъ такой же клокъ, какой видимъ и на портретѣ Илляшенка, носившій непонятное для насъ названіе *леверджета*... Конечно, этотъ чубъ или леверджетъ представляетъ лишь видоизмѣненіе того же запорожскаго оселедца... Интересна на портретѣ Илляшенка и борода. Мы видимъ эту бороду на лицѣ человѣка еще не стараго, имѣвшаго можетъ быть лѣтъ около пятидесяти; значитъ—борода была принадлежностью не только старцевъ, какъ говоритъ Максимовичъ (II, 483) но и людей только зрѣлаго возраста. И теперь мы видимъ въ народѣ—относительно бритья бороды—такой обычай: крестьянинъ зрѣлаго возраста, лѣтъ 40—50, съ осени перестаетъ брить бороду и затѣмъ сбриваетъ ее въ іюнѣ, передъ началомъ сѣнокоса... Послѣ этого, бритье снова продолжается до осени.

А. Л.

---

[1]) Портретъ Максима Илляшенка, писанный на полотнѣ масляными красками, нынѣ пріобрѣтенъ, вмѣстѣ съ остатками Полетикинскаго семейнаго архива, В. В. Тарновскимъ. Имъ же пріобрѣтенъ и портретъ Андрея Полетики (р. 1692 † 1773).

БИБЛІОГРАФІЯ.

С. Т. Аксаковъ: Исторія моего знакомства съ Гоголемъ со включеніемъ всей переписки съ 1832 по 1852 г. М. 1890 (206 стр.).

Вотъ книга, отъ которой невозможно оторваться: такъ полна она занимательности и вмѣстѣ съ тѣмъ значительности содержанія. Въ полномъ видѣ она является теперь, какъ всѣмъ безъ сомнѣнія извѣстно, впервые; доселѣ было извѣстно лишь начало этихъ замѣчательныхъ воспоминаній, да и то съ сокращеніями, напечатанное покойнымъ И. С. Аксаковымъ въ его «Руси» за 1880 г.; кромѣ того разсѣянныя тамъ и сямъ въ нихъ письма Гоголя были напечатаны въ изданіи г. Кулиша; прочее все является теперь въ свѣтъ, повторяемъ, впервые. Нечего и говорить о важности отмѣчаемой нами книги для историка русской литературы: въ ней ярко и чрезвычайно наглядно и полно отразились два прекрасные литературные образа: самого Гоголя и его глубокаго почитателя и въ то же время довольно значительнаго писателя С. Т. Аксакова, извѣстнаго автора «Семейной Хроники», которую зналъ и Гоголь и «Дѣтскихъ годовъ Багрова внука». Достаточно сказать, что теперь, послѣ появленія книги С. Аксакова, Гоголь, какъ писатель, и еще болѣе какъ человѣкъ, становится несравненно болѣе понятнымъ и яснымъ для насъ, чѣмъ это было прежде, многое, что казалось непонятнымъ въ его характерѣ, что объяснялось нерѣдко вкривь и вкось какъ почитателями великаго писателя, такъ и еще болѣе его врагами, теперь получило совершенно иное, новое освѣщеніе... Правда, и послѣ появленія означенной книги кое что какъ въ характерѣ Гоголя, такъ и изъ особенностей его личной, внутренней жизни, остается все еще безъ достаточнаго объясненія, да, вѣроятно, и останется таковымъ навсегда, чему виною служитъ отчасти необычайная недовѣрчивость

и скрытность Гоголя, которую онъ обнаруживалъ даже по отношенію къ своимъ друзьямъ, даже къ приснымъ...; но, повторяемъ, книга Аксакова много пролила свѣта на особенности какъ міросозерцанія великаго писателя, такъ и свойствъ его личнаго характера, поступковъ по отношенію къ ближнимъ и пр.

Невозможно, разумѣется, передать въ краткомъ отзывѣ всю полноту содержанія такой книги, какъ книга С. Аксакова, заключающая въ себѣ послѣдовательныя, въ строгомъ порядкѣ времени, воспоминанія, полныя какъ чрезвычайно-крупныхъ обстоятельствъ жизни и дѣятельности Гоголя, такъ и мельчайшихъ, часто совершенно незначительныхъ случаевъ, разговоровъ и пр. Добросовѣстный авторъ чрезвычайно любовно и заботливо занесъ въ свою записную книгу все, что только сохранилось въ его памяти или уцѣлѣло въ житейской обстановкѣ касательно подробностей жизни и дѣятельности великаго его друга, огромное, необычное значеніе котораго онъ сознавалъ такъ, какъ рѣдко кто другой изъ его современниковъ. Нужно прочесть всю книгу, чтобы видѣть, сколько трогательной, нѣжной любви къ Гоголю, сколько искренности и чистоты душевной вложилъ авторъ въ свои воспоминанія о великомъ писателѣ. Да, въ этихъ запискахъ все—правда, все—свѣтъ, все заслуживаетъ самаго глубокаго, самаго непререкаемаго довѣрія, и мы еще разъ повторяемъ, что сколько нибудь дѣльное, толковое и обстоятельное жизнеописаніе Гоголя стало возможнымъ лишь теперь, послѣ появленіи этой книги, составляющей сущій кладъ для біографа великаго писателя, такъ какъ она написана его ближайшимъ другомъ, посвященнымъ, какъ только это было возможно по особенностямъ личнаго характера Гоголя, въ самые тайники его непонятнаго духа. (Извѣстно, что первый біографъ Гоголя Кулишъ, издавшій въ 1856 г., т. е. всего лишь чрезъ четыре года послѣ смерти творца «Мертвыхъ душъ» свои «Записки о жизни Гоголя» лично даже не зналъ его). Это тѣмъ важнѣе, что Аксаковъ вообще чрезвычайно трезво смотрѣлъ на вещи, никогда не позволялъ себѣ увлекаться мистицизмомъ своего друга и, при всемъ своемъ благоговѣйномъ отношеніи къ нему, съумѣлъ, въ противоположность нѣкоторымъ другимъ друзьямъ его, сохранить въ себѣ независимость взглядовъ и критическое, тонкое отношеніе ко всей дѣятельности и міросозерцанію его [1]). Не имѣя возможности по-

---

[1]) Такъ, напр., общеизвѣстно, что С. Т. Аксаковъ рѣшительно не одобрялъ той страсти къ назиданію и поученію другихъ, которая такъ развилась въ Гоголѣ

дробнѣе останавливаться на содержаніи книги Аксакова и отсылая читателя къ ней самой, мы не можемъ однакоже воздержаться отъ желанія указать нашему читающему обществу, въ виду истеченія въ текущемъ году пятидесятилѣтія со дня смерти Лермонтова, что Гоголь довольно высоко цѣнилъ огромное дарованіе этого поэта, хотя и понималъ его нѣсколько по своему. На знакомствѣ двухъ великихъ современниковъ въ запискахъ Аксакова есть два указанія: на стр. 35, гдѣ разсказано объ именинномъ обѣдѣ, который устроилъ Гоголь для своихъ друзей 9 мая 1840 г. и на которомъ былъ между прочими и Лермонтовъ, прекрасно читавшій наизусть Николаю Васильевичу и другимъ, кто тамъ случился, отрывокъ изъ своей новой тогда поэмы «Мцыри»; и на стр. 40, гдѣ авторъ, по поводу только что прочитаннаго имъ въ связи «Героя нашего времени», передаетъ слова Гоголя, которыя онъ «живо помнитъ», что «Лермонтовъ—прозаикъ будетъ выше Лермонтова—стихотворца».

Не можемъ также не отмѣтить слѣдующее любопытное мѣсто изъ записокъ, по поводу смерти Пушкина, впрочемъ уже извѣстное, (13 стр.), раскрывающее кажется, преувеличенный взглядъ Аксакова на основную причину страшнаго перелома, образовавшагося въ жизни и міросозерцаніи Гоголя, какъ извѣстно, именно послѣ этого роковаго событія: «Изъ писемъ Гоголя извѣстно, какимъ громовымъ ударомъ была эта потеря (гибель Пушкина). Я прибавлю, что, по моему мнѣнію, онъ уже никогда не выздоравливалъ совершенно, и что *смерть Пушкина была единственной причиной всѣхъ болѣзненныхъ явленій его духа*, вслѣдствіе которыхъ онъ задавалъ себѣ неразрѣшимые вопросы, на которые великій талантъ его, изнеможенный борьбою съ направленіемъ отшельника, не могъ дать сколько нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ».

Въ концѣ книги, желая указать особенности чрезвычайно сложнаго и непонятнаго духовнаго склада Гоголя, обращавшагося къ разнымъ лицамъ и разными, соотвѣтственными имъ, сторонами своего характера, такъ что онъ «съ разными людьми казался разнымъ человѣкомъ», авторъ прямо заявляетъ, что Гоголь можетъ быть узнанъ только тогда, когда въ распоряженіи русской литературы окажется возможно болѣе записокъ о Гоголѣ, составленныхъ его друзьями, пріятелями и вообще лицами бывшими съ нимъ въ какихъ либо

во 2-ю половину его жизни и зачатки которой онъ замѣтилъ еще въ 1843 г. (См. 113 и 115 стр. „Исторіи“).

отношеніяхъ. Такія записки, «будучи объяснены обстоятельствами и побудительными причинами, освѣтили бы многія, до сихъ поръ неясныя для иныхъ стороны жизни Гоголя», потому, конечно, что хотя иные изъ друзей и пріятелей и хорошо знали Гоголя, но, какъ справедливо говоритъ авторъ, знали его, такъ сказать, по частямъ. Къ сожалѣнію, сколько намъ извѣстно, эта мысль благороднаго друга Гоголя доселѣ еще не можетъ считаться исполненною, и количество явившихся воспоминаній о Гоголѣ и другихъ матеріаловъ о немъ далеко еще не соотвѣтствуетъ всей полнотѣ ея, хотя въ самое последнее время замѣтки А. Данилевскаго, О. Смирновой, статьи Шенрока и пр. и подаютъ надежду на исполненіе симпатичной идеи Аксакова по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ. Въ заключеніе не можемъ не сказать, что во всей міровой литературѣ немного найдется примѣровъ такой безкорыстной, чистой и идеальной дружбы, соединенной, можно сказать, съ благоговѣніемъ, хотя и независимымъ, какъ дружба С. Т. Аксакова къ Гоголю, нагляднымъ выраженіемъ которой и является отмѣченная нами книга. Вотъ напримѣръ, какъ тепло написаны заключительныя строки книги, въ которыхъ указывается великое общественное значеніе хорошей внутренней біографіи Гоголя, которая была бы основана какъ на записяхъ о немъ друзей и вообще лицъ, болѣе или менѣе близко знавшихъ его, такъ и въ особенности на всей огромной перепискѣ (нужно сказать, что Аксаковъ приблизительно полагалъ число писемъ Гоголя къ разнымъ лицамъ въ нѣсколько сотъ): «Какое наслажденіе для мыслящихъ читателей прослѣдить, разсмотрѣть въ подробности духовную жизнь великаго писателя и высоконравственнаго человѣка! Сколько борьбы въ примиреніи художника съ христіаниномъ, сколько подвиговъ послушанія и сколько ошибокъ, увлеченій зыбкаго человѣческаго ума, никогда однако же не помрачавшихъ чистоты душевной, открыла бы такая біографія! Сколько умилительнаго и поучительнаго нашли бы въ ней даже такіе читатели, которые чужды литературнаго направленія! Да исполнится когда нибудь это желаніе, безъ сомнѣнія раздѣляемое многими, и да будетъ оправданъ и оцѣненъ Гоголь по достоинству, какъ художникъ и какъ человѣкъ!»

А. Степовичъ.

Опытъ указателя книгъ и статей, относящихся къ херсонской губ. Состав. А. П. Леонтьевъ. Херсонъ. 1890 г.

Составитель, носящій званіе дѣйствительнаго члена Импер. русск. геогр. общества, подъ чертою повторяетъ приведенное заглавіе въ переводѣ на французскій языкъ, что для насъ кажется немного странно и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ претенціозно. Другую, еще большую странность нашли мы въ предисловіи къ настоящему труду, гдѣ г. Леонтьевъ заявляетъ: «.... я *глубоко убѣжденъ*, что въ выпускаемомъ «указателѣ» найдется *много* недостатковъ, *ошибокъ* и *пропусковъ*; за указаніе ихъ впередъ приношу благодарность» и т. д. Рѣшительно не понимаемъ, какъ рѣшился г. Леонтьевъ обращаться къ читателямъ съ подобной просьбою, не потрудившись самолично освободить свой трудъ отъ недостатковъ, и не приводя для того никакихъ оправданій.

Переходимъ къ разсмотрѣнію самаго указателя. Перелистывая его, мы находимъ въ немъ слѣдующіе отдѣлы: 1) богословіе; 2) правовѣдѣніе; 3) законы, сборники (?), уставы, правила, проекты, отчеты и проч. разныхъ правительственныхъ мѣстъ и частныхъ учрежденій; 4) исторія, археологія и нумизматика; 5) политическая экономія, статистика, торговля; 6) географія, этнографія, путешествія, картографія; 7) естествознаніе: общая часть, антропологія, біологія, ботаника, зоологія, минералогія, геологія, геогнозія, палеонтологія, химія, физика, метеорологія, математика, механика, астрономія, медицина, ветеринарія, гигіена; 8) военныя и морскія науки; 9) сельское хозяйство: общая часть, обработка, посѣвъ и уборка, удобреніе, орошеніе и водоснабженіе, сельско-хозяйственныя машины и орудія, растеньеводство, луговодство, травосѣяніе и сорныя травы, садоводство, огородничество, виноградарство, лѣсоводство, животноводство, шелководство, пчеловодство, сельско-хозяйственныя общества, съѣзды, выставки, опытныя поля и станціи; 10) строительное искусство, технологія, промышленность; 11) педагогика. Въ концѣ находимъ алфавитный указатель съ двумя удивительными примѣчаніями, а именно: 1) что *многіе* номера алфавитнаго указателя авторовъ идутъ на одинъ номеръ выше или (!) ниже соотвѣтствующихъ номеровъ текста и 2) что въ текстѣ встрѣчаются ошибки въ именахъ авторовъ, которыя рекомендуется исправлять (o sancta simplicitas!) при помощи указателя (не вѣрнаго!). Самый планъ книги также привелъ насъ въ изумленіе. Въ самомъ дѣлѣ, неудивительно ли, что по классификаціи

дѣйствительнаго члена импер. русск. геогр. общ. А. Н. Леонтьева, математика, механика, астрономія, медицина, ветеринарія, гигіена очутились въ ближайшемъ сосѣдствѣ, въ качествѣ естественныхъ наукъ? Не удивителенъ ли принятый имъ порядокъ отдѣловъ, по которому между естественными науками и сельскимъ хозяйствомъ втиснуты военныя и морскія науки, а педагогика поставлена въ концѣ, вслѣдъ за строительнымъ искусствомъ, технологіей и промышленностью. Не удивительно ли, наконецъ, что всѣ перечисленные отдѣлы имѣютъ отношеніе къ херсонской губерніи, и что есть на свѣтѣ какое то херсонское богословіе и какая то херсонская политическая экономія? Въ крайнемъ случаѣ, можно бы подумать, что г. Леонтьевъ желалъ дать каталогъ книгъ, напечатанныхъ въ херсонской губ., но этому противорѣчатъ указанія на книги, изданныя въ Петербургѣ, Парижѣ, Аѳинахъ, Кіевѣ и пр. городахъ (см. №№ 4, 23, 24, 36 и 32 перваго отд.). Если бы даже предположеніе это было вѣрно, то почему же нѣтъ отдѣловъ философіи, всеобщей исторіи, психологіи, логики, изящной словесности, по которымъ также печаталось кое что въ херсонской губерніи? Намъ думается, что авторъ недостаточно обдуманно отнесся къ вопросу о томъ, что именно «относится къ херсонской губ.»? Какое, напр., отношеніе къ херсонской губ. имѣетъ Сборникъ мѣстныхъ въ Бессарабіи узаконеній по предметамъ гражданскаго права (№ 165)?

Переходя затѣмъ къ отдѣламъ IV и VI (исторіи и географіи), наиболѣе близкимъ къ задачамъ «Кіевской Старины», мы замѣтимъ, во первыхъ, что, къ сожалѣнію, мы не нашли въ нихъ никакихъ указаній на статьи въ мѣстныхъ газетахъ и въ нѣкоторыхъ журналахъ, какова, въ частности, и «Кіевская Старина», и довольно мало указаній на матеріалы и статьи въ Зап. одесск. общ. ист. и древн. Пересмотръ мѣстныхъ газетъ за все время ихъ существованія—трудъ нелегкій, но крайне необходимый для указателя, подобнаго разбираемому нами.

Далѣе, встрѣчаемъ довольно много сочиненій безъ указанія года и мѣста изданія, а иногда и автора, хотя послѣдній извѣстенъ (см. №№ 498, 528, 536, 553, 671, 688, 689, 1041, 1069, 1070, 629—весьма извѣстное изслѣдованіе проф. Латышева); находимъ указанія неполныя и небрежныя; кому можетъ быть, напр. полезно такое указаніе: «Исторія Россіи. Соловьева. Москва»?... (№ 550) или какъ вамъ понравится № 617, подъ которымъ стоитъ: «Записки одесскаго общ. ист. и древн., т. 1—5 съ VI литогр. лист. Одесса. 1843—1865»,

какъ будто послѣ 1865 года не было издано еще 10 томовъ Записокъ, о которыхъ въ «Указателѣ» нѣтъ извѣстій. Точно такой же неполнотой, могущей повести къ недоразумѣніямъ, отличаются №№ 619, 621, 703 (оттискъ изъ XIV т. Зап. од. общ. ист. и др.). Небрежностью же слѣдуетъ объяснить и то, что сочиненіе Клауса «Наши колоніи» (опыты и матеріалы по исторіи и статистикѣ иностранной колонизаціи въ Россіи) очутилось въ VI отдѣлѣ «Указателя». Отмѣтимъ затѣмъ ошибки и неправильности: № 497 напечатанъ въ «Сборн. херсонск. земства» и отдѣльно не выходилъ, №№ 554 и 555—одно и тоже сочиненіе и изданіе (Ист. о козак. запорож. князя Мышецкаго), № 599 и 602—два изданія одного и того же труда. Одно и тоже сочиненіе указывается иногда два раза; такъ случилось съ соч. гр. Уварова «Изслѣдов. о древн. южн. Россіи», повтореннымъ въ одномъ и томъ же отдѣлѣ (№№ 541 и 697) и съ соч. Руссова «Русскіе тракты», названнымъ въ IV и въ VI отд. (№№ 536 и 1030) съ неправильнымъ указаніемъ разныхъ годовъ изданія. Въ то же время находимъ въ «Указателѣ» много лишняго. Таковы въ IV отдѣлѣ (исторія, археологія и нумизматика) №№ 494 (С. Глинки «Опис. пересел. армянъ), 570 (В. Б. Антоновича Ист. литовск. Руси), 642 (Пирогова Собр. литератури. статей), 657 (О выборѣ городоваго раввина въ Одессѣ), 660 (Некрасовъ, Отзывъ о комедіи «Свищи»), 667 (Леонарда «Соціальная боль»), 674 (Чествованіе памяти Тургенева въ «Новой Школѣ»), 700 (Дашкевича «Болоховская земля»); особенное же пристрастіе г. Леонтьевъ имѣетъ къ Бессарабіи, которой посвящены №№ 508—513 въ IV отд.; и №№ 1062—1065 въ VI отдѣлѣ; никакого отношенія къ херсонск. губ. не имѣютъ и №№ 1119, 1120, 1121, 1122, 1137: всѣ эти указанія, конечно, получены изъ вторыхъ рукъ. Излишними же признаемъ и указанія на рукописныя карты и атласы въ VI отд., иногда лишенныя даже свѣдѣній, гдѣ эти карты и атласы искать.

Общее впечатлѣніе Указателя г. Леонтьева неблагопріятное: работа мало обдуманная и неряшливая; правда, найдутся свѣдѣнія, которыя могли бы пригодиться, но какъ имъ довѣриться, въ виду общей неудовлетворительности «Указателя»? Самъ г. Леонтьевъ налагаетъ руку на свой трудъ, на первыхъ же страницахъ изрекая надъ нимъ справедливый, хотя и наивно-строгій судъ свой. И за такую книгу онъ хочетъ еще получить 2 р.! (Стр. IV+208+9+1 нен.). Это ужъ какъ будто дороговато... **В. Я.**

Списки черниговскихъ дворянъ 1783 года. Матеріалы для исторіи мѣстнаго дворянства. Черниговъ 1890. 186 стр.

Малороссійское шляхетство образовалось главнымъ образомъ изъ войсковой старшины, вышедшей изъ среды рядоваго козачества, съумѣвшей всякими правдами и неправдами собрать въ своихъ рукахъ поземельныя владѣнія, богатства, и тѣмъ занять привилегированное положеніе. Юридическихъ основаній для такого положенія не было. Даровать ихъ могла только русская государственная власть. Русское же правительство даже не признавало малороссійскую старшину за шляхетство. Мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, указъ сената изъ временъ Елизаветы, которымъ запрещалось принимать малороссіянъ въ шляхетскій кадетскій корпусъ на томъ основаніи, что въ Малой Россіи нѣтъ дворянъ [1]).

Естественно было, поэтому, стремленіе шляхетства слиться съ великорусскимъ дворянствомъ, чтобы удержать за собою всѣ привилегіи и то имущественное положеніе, которое выработалось уродливой малороссійской жизнью конца XVII и начала XVIII вв. Особенно сильно это стремленіе выразилось въ эпоху екатерининской коммиссіи; и это тѣмъ болѣе понятно, что не задолго предъ тѣмъ шляхетству грозила бѣда, и оно, если не сознавалось, то должно было чувствовать, что не имѣетъ никакихъ юридическихъ основаній для своего существованія.

Въ приложеніи къ «Спискамъ» (стр. 176—186) напечатанъ любопытный, до сихъ поръ, кажется, неизвѣстный указъ Петра III гетману Разумовскому, которымъ предписывалось «всему малороссійскому шляхетству прислать въ герольдію списки съ точными доказательствами о ихъ шляхетствѣ и показаніемъ полученныхъ тѣмъ шляхетствомъ отъ польскихъ королей и отъ россійскихъ государей грамотъ».

Большинство малороссійскихъ дворянъ было новѣйшей формаціи, послѣ Хмельницкаго, и не могло, конечно, представить ни привилегій польскихъ королей, ни грамотъ русскаго правительства. Въ то время изъ малороссовъ только очень немногіе поступали на русскую службу и дослуживались до чиновъ, дававшихъ право на дворянство.

Чрезвычайно любопытнымъ, поэтому, является отвѣтъ шляхетства на указъ Петра III.

---

[1]) Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи стр. 104.

Шляхетство указываетъ на договорные «пункты» Хмельницкаго, много разъ подтверждавшіеся русскимъ правительствомъ и въ последній разъ, даже очень недавно, при назначеніи Разумовскаго въ гетманы. «Пункты» утверждали за малороссами всѣ права и привилегіи, данные королями польскими, великими князьями литовскими—право избирать «старшихъ на уряды судовые, земскіе и гродскіе», владѣть маетностями, судиться и быть подъ царскою рукою «по своимъ прежнимъ правамъ и привилегіямъ *въ вольностяхъ шляхетскихъ*». Въ доказательство такихъ привилегій приводится грамота Яна Казимира, выданная запорожскому полковнику Кириллу Андреевичу на мѣстечко Кременчугъ, «въ которой оного полковника и прочихъ малороссіянъ написано шляхетными и утверждено имъ и обывателямъ кременчуцкимъ права, вольности и слобода отъ всѣхъ поборовъ». Судится малороссійскій народъ «шляхетскимъ правомъ статутомъ, каковымъ и въ Польщѣ шляхта судится»; «за бой, безчестіе и гвалтъ» малороссамъ какъ въ полковыхъ и генеральномъ судѣ, такъ и въ сенатѣ присуждается «навяжка шляхетская».—Это одно доказательство шляхетскихъ правъ.

Другое заключается въ заслугахъ малорусскаго народа. Въ 26 артикулѣ Статута «напечатано пріобрѣтеніе шляхетства за явніе и знатніе рицерскіе службы мужествомъ оказанніе противу непріятелей». Малороссійскій же народъ всегда вѣрно служилъ русскому правительству и въ черкасскіе походы, въ шведскую и въ турецкую войну. Это доказываютъ грамоты Ѳедора Алексѣевича, Петра I, наконецъ Елизаветы. «По которимъ службамъ, говорится въ отвѣтѣ, видимъ малороссійской старшины и козаковъ рыцерство въ правѣ статутѣ напечатанное, а потому и по предъизображеннимъ утвержденнимъ Малой Россіи правамъ, свободамъ и вольностямъ доказательно и шляхетство малороссійскаго воинскаго званія народу, ибо какъ кромѣ шляхетства и дворянства никто особыхъ правъ, свободы и вольности имѣть не можетъ, такъ и народу, находячемусь при своихъ правахъ, свободахъ, вольностяхъ и привилегіяхъ не имѣть шляхетства, а именоваться и быть простородними, ни съ которыми обыкновеніями не согласно».

Малороссы, наконецъ, могутъ пріобрѣтать въ Великороссіи деревни, а тамъ «покупать деревень, кромѣ дворянъ никто не можетъ».

Изложивъ предварительно эти шаткія юридическія основанія своихъ правъ, шляхетство заявляетъ, что требуемыхъ указомъ грамотъ и привилегій оно представить не можетъ. «Хотя, говоритъ оно,

въ Малой Россіи фамиліи разніе отъ польскихъ королей привилегіи на шляхетства имѣли, а паче множественнымъ числомъ и едва не всѣ старшины малороссійскіе изъ роду той шляхты, которые въ Малой Россіи православнаго исповѣданія обрѣтались, такожъ и выходцовъ съ Польши шляхти жъ поселившейся жительствомъ въ Малой Россіи, но понеже объ оной обрѣтающейся въ Малой Россіи и после вышедшей съ Польщи шляхтѣ — кто она именно по фамиліямъ была, списка нѣтъ, и оная чрезъ все мимошедшее время съ начала присоединенія Малой Россіи подъ Великороссійскую державу съ 1662 (?) году, чему уже болѣе ста лѣтъ, служили подъ рейментомъ гетманскимъ обще зъ малороссіянами при едныхъ правахъ и вольностяхъ рядовыми козаками и чиновниками во всемъ... какъ малороссіяне, а между тѣмъ были войны и разоренія Малой Россіи, какъ то шведская и турецкая, то въ тогдашнее время и привилегіи, въ кого зъ фамилій а на городы и мѣстечка малороссійскіе такъ какъ и на Кременчукъ на урядахъ имѣлись и списки о шляхетствѣ, ежели были, могло пропасть да и имѣть оныхъ списковъ по вышеписанной малороссіянъ и шляхты едности и общемъ ползованіи высокомонаршею милостію при однихъ правахъ и вольностяхъ, нужды не было, зачѣмъ теперь и повѣленныхъ привилегіи на шляхетство по фамиліямъ развѣ самаго малого числа, представить не можно, а доказуютъ все малороссійское воинскаго званія шляхетство вышеизображенніи обстоятельства и привилегія короля польскаго Яна Казимира».

Скоро затѣмъ послѣдовавшая перемѣна на русскомъ престолѣ отсрочила на нѣсколько десятилѣтій разборъ малорусскаго шляхетства.

Въ 1785 году была издана Жалованная грамота дворянству, распространенная и на малорусское шляхетство и такимъ образомъ слившая его съ великорусскимъ дворянствомъ.

По грамотѣ этой въ каждой губерніи требовалось составленіе дворянской родословной книги. Предварительные списки дворянъ, владѣвшихъ въ уѣздѣ недвижимой собственностью, были поручены уѣзднымъ предводителямъ дворянства. Такимъ образомъ явились и «Списки черниговскихъ дворянъ». Обнимаютъ они не всю губернію, а только уѣзды конотопскій, коропскій, кролевецкій, глуховской, погарскій, мглинскій, суражскій, новомѣстскій и сосницкій. Эти только списки издатель имѣлъ въ своемъ распоряженіи.

Составлены они по одной формѣ: «1) имя и прозваніе дворянина, въ томъ уѣздѣ имѣніемъ недвижимымъ владѣющаго и его лѣта; 2) холостъ или женатъ и на комъ или вдовъ; 3) много ли дѣтей

мужскаго или женскаго пола и ихъ имена и лѣта; 4) сколько за нимъ по послѣдней ревизіи наслѣдственныхъ или купленныхъ или вновь пожалованныхъ или въ приданное полученныхъ обоего пола душъ крестьянъ нынѣ состоитъ и во сколькихъ селахъ или деревняхъ; 5) въ уѣздѣ ли живетъ тотъ дворянинъ или въ отлучкѣ; 6) какого онъ чина и 7) въ какой именно службѣ или отставкѣ». Въ коропскомъ уѣздѣ показаны сверхъ этихъ свѣдѣній происхожденіе предковъ, а также, кто изъ дворянъ имѣетъ дипломъ на чинъ.

Къ нѣкоторымъ изъ фамилій издатель присоединилъ небольшія примѣчанія, касающіяся ихъ происхожденія или содержащія въ себѣ біографическія свѣдѣнія о выдающихся ихъ членахъ. **Н. В.**

Лѣтопись историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ Университетѣ. I. (Посвящается 25 лѣтію Им. новороссійскаго университета). Одесса 1890 г.

Въ 1889 г. при И. новороссійскомъ университетѣ открылось историческо-филологическое общество, въ составъ котораго вошли всѣ преподаватели истор.-филол. факультета этого университета и еще нѣкоторые профессора, а также и многіе одесскіе ученые и любители. Первымъ предсѣдателемъ общества избранъ былъ извѣстный ученый Ѳ. И. Успенскій. Судя по отчету, находящемуся въ книжкѣ, заглавіе которой приведено нами выше, общество въ первомъ же году проявило оживленную дѣятельность, читанные рефераты касались самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, причемъ общество не оставило безъ вниманія и исторію Южной Руси; наконецъ общество, несмотря на свои болѣе чѣмъ скромныя средства (какой либо субсидіи оно не получаетъ), въ прошломъ году издало I выпускъ своей Лѣтописи. Совершенно естественно, что общество этотъ свой трудъ посвятило 25-лѣтію И. новороссійскаго университета, которое исполнилось именно въ 1890 году; не менѣе понятно и то, что въ I вып. Лѣтописи, кромѣ устава общества и отчета за первый годъ дѣятельности, напечатаны труды, посвященные знаменитому славису В. И. Григоровичу, бывшему долго профессоромъ новороссійскаго университета и безъ сомнѣнія самому крупному ученому ист.-филол. факультета въ этомъ университетѣ, причемъ позднѣйшая дѣятельность этого ученаго была, какъ извѣстно, цѣликомъ посвящена изученію Новороссіи.

Проф. Успенскій напечаталъ въ Лѣтописи воспоминанія о Григоровичѣ—свою актовую университетскую рѣчь 1 мая 1890 года,—къ которой приложены хорошій портретъ Григоровича и списокъ его трудовъ въ хронологическомъ порядкѣ, составленный тоже однимъ изъ профессоровъ. Проф. Успенскій сдѣлалъ весьма многое для разъясненія личности В. И. Григоровича, его идей, и убѣжденій, причемъ ему посчастливилось найти дневникъ Григоровича съ чрезвычайно интересными воспоминаніями о пребываніи его въ Римѣ въ $18^{40}/_{41}$ году.

Какъ ни важны новооткрытые проф. Успенскимъ факты для біографіи Григоровича, но нельзя умолчать и о томъ, что извѣстный славистъ А. А. Кочубинскій, хотя и мимоходомъ, въ примѣчаніи къ статьѣ «Наука не политика», напечатанной въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (№ 239 и слѣд.) и посвященной разбору Русско-Славянскаго календаря, заподозрилъ достовѣрность пребыванія Григоровича въ Римѣ въ $18^{40}/_{41}$ г., сопоставивъ другіе извѣстные факты изъ его біографіи, съ этимъ пребываніемъ совершенно несогласные. Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ такъ и остался не выясненнымъ, вѣроятно потому, что былъ затронутъ лишь въ газетѣ.

Вторая статья лѣтописи—В. Н. Мочульскаго: «Описаніе рукописей, пожертвованныхъ В. И. Григоровичемъ новороссійскому университету». Рукописей этихъ 64, причемъ 54 на разныхъ славянскихъ языкахъ; онѣ, вмѣстѣ съ пожертвованными имъ же книгами, составляютъ особый—Григоровичевскій отдѣлъ университетской библіотеки. Между Григоровичевскими рукописями есть нѣкоторыя величайшей важности, поэтому описаніе В. Н. Мочульскаго, сдѣланное согласно общепринятымъ правиламъ, является весьма кстати. Хотя нѣкоторыя рукописи уже описаны были раньше, и дѣло описанія другихъ подготовилъ самъ Григоровичъ, сдѣлавъ на своихъ рукописяхъ обильныя замѣтки, но и при всемъ этомъ трудъ В. Н. Мочульскаго весьма почтенный и, благодаря ему, можно познакомиться наконецъ съ тѣмъ, что находится въ драгоцѣнномъ Григоровичевскомъ собраніи. Не останавливаемся подробно на этомъ описаніи, такъ какъ рукописей, которыя касались бы исторіи или литературы Южной Руси, мы здѣсь почти не находимъ.

А. М.

Случайная библіографія. [1])

Księga smierci albo krzyż Chrystusow. Przez Lazarza Baranowicza, archiepiskopa Czernihowskiego. Новгородъ-Сѣверскій. 1676. 4° min. 66 лист.

Сочиненіе Л. Барановича, заглавіе котораго мы выписали, совершенно неизвѣстно библіографамъ. Проф. Сумцовъ въ своемъ изслѣдованіи объ І. Галятовскомъ только лишь называетъ его [2]) рядомъ съ другимъ, ненайденнымъ еще, произведеніемъ Барановича «Księg'ою rodzaju», поставивъ при нихъ знакъ вопроса [3]). Въ своей же монографіи объ Л. Барановичѣ онъ ничего не говоритъ объ этихъ книгахъ, совершенно какъ бы исключая ихъ изъ числа произведеній нашего писателя. Названное нами сочиненіе Барановича подарено въ библіотеку кіевской духовной академіи гр. Гр. Ал. Милорадовичемъ [4]), и первое извѣстіе о немъ далъ проф. Петровъ [5]). «Księga smierci» написана [6]) и издана Л. Барановичемъ въ 1676 г. in 4° (малое) въ его новгородъ-сѣверской типографіи на польскомъ языкѣ и заключаетъ въ себѣ 66 листиковъ. На первой страницѣ находится ея пол-

---

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ открываемъ особый отдѣлъ библіографіи, въ которомъ будемъ говорить о книгахъ русскихъ и нерусскихъ, преимущественно старыхъ и болѣе или менѣе малоизвѣстныхъ, но разумѣется имѣющихъ предметомъ своимъ южнорусскую исторію во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ. *Ред.*

[2]) Іоанникій Галятовскій. Кіевъ. 1884 г., стр. 63.

[3]) Первое указаніе на эти два произведенія Барановича мы находимъ въ посвященіи ему Галятовскимъ „Фига“.

[4]) Эту книжку и нѣсколько другихъ сочиненій Лазаря Барановича и Галятовскаго гр. Милорадовичъ пріобрѣлъ въ Черниговѣ, у еврея-букиниста, купившаго эти книги въ 1884 г., въ числѣ другихъ, *на вѣсъ*, въ тамошней духовной семинаріи. Тутъ, между прочимъ, было нѣсколько экземпляровъ книги Лазаря Барановича—Żywoty swiętych, (Кіевъ, 1670), Лексиконъ Памвы Берынды... Тутъ же была и извѣстная книга *Legenda Aurea* (I. de Voragine), въ венеціанскомъ изданіи 1485 г. Очень вѣроятно, что эту послѣднюю книгу внесъ въ библіотеку старинныхъ „черниговскихъ латинскихъ школъ“ еще Лазарь Барановичъ, для котораго она могла служить однимъ изъ источниковъ для его книги—Żywoty swiętych.—*Ред.*

[5]) Извѣстія церковно-археолог. общества при кіевск. духовн. акад. 1889 г. стр. 17.

[6]) Szostá książeczká | siedmdziesiat szostego |
Ze na świát wyszlá | wielbie wszechmocnego.
Jego to sprawá.... Ks. sm. 95 стр.

Въ Кіевск. Дух. Акад. Księga smerci означена № 286.

ное заглавіе: «*Księga smierci, albo krzyż Chrystusow ná ktorey żywot nasz umarł, ale śmierć samą życ nauczył, przez jaśnie w Bogu przeoświeconego jego mości oyca Łazarza Baranowicza z Bożey łaski archiepiskopa czernihowskiego, nowgorodzkiego y wszytkiego Siewierza smiertelnego smiertelnym podana. Z typographiey archiepiskopskiey w Nowogrodku Siewierskim zostającey. R. P. 1676*».

На второй страницѣ приведены два псалма: «Strach smierci przypadł na mię» и «Poslusznym był aż do smierci». Первый изъ этихъ псалмовъ ясно обнаруживаетъ поводъ и цѣль произведенія. Вступивъ уже въ послѣдній періодъ жизни, когда человѣкъ начинаетъ помышлять о смерти, Л. Барановичъ естественно пришелъ къ мысли написать «Księgą smierci». [1]), чтобы воспѣть крестныя страданія Спасителя и избавленіе отъ смерти чрезъ нихъ рода человѣческаго.

Подобный сюжетъ, говоритъ Л. Барановичъ [2]), воспѣтъ имъ и въ «Lutnie», написанной имъ въ концѣ 60-хъ годовъ. Но то было другое время: Барановичъ былъ еще бодръ, въ немъ сильнѣе бился пульсъ общественной жизни, и онъ въ своемъ произведеніи отозвался на всѣ тѣ вопросы, какіе поднимались въ южно-русскомъ обществѣ. Теперь же онъ исключительно занятъ своей темой, лишь изрѣдка бросая замѣчанія относительно насущныхъ вопросовъ минуты: у него за спиною смерть, и ему некогда слѣдить за волненіями жизни. Всѣ его мысли сосредоточены на прославленіи благости Спасителя, который своею временною смертью спасъ людей отъ вѣчной погибели. Интересно посмотрѣть на тѣ пріемы, которыми пользуется для этого авторъ: тутъ мы имѣемъ дѣло съ риѳмоплетствомъ, съ схоластикой. Перемѣшивая прозу со стихами, авторъ на пространствѣ 66 листиковъ кружится около одной мысли, что чрезъ крестную смерть Спасителя мы избавились отъ вѣчной смерти. При этомъ онъ пользуется всякимъ поводомъ, всякимъ случаемъ изъ исторіи крестныхъ страданій, чтобы написать или вирши, или разсужденіе. Такъ, буквы таблицы, прибитой ко кресту Спасителя, псалмы, относящіеся къ событію крестныхъ страданій, всевозможныя поговорки, подходящія къ данному положенію—все это даетъ обильный матеріалъ для виршъ и прозы. Затѣмъ на 26 листикахъ тянутся вирши, которыя можно

---

[1]) Nim śmierć nadeszlá, jużem smierći księgą
Wydáł od smierći bym już y wźiał ćięgę ibid.

[2]) Jesli tu mało Krzyżow | pátrz w mey Lutnie |
U tam Krzyżyki Pana pieją smutnie. Ks. sm. 7 стр.

назвать алфавитными: на буквы въ алфавитномъ порядкѣ подобраны большею частью латинскія слова, смыслъ которыхъ подходитъ къ событію крестныхъ страданій, и на нихъ написаны вирши. Пишутся эти вирши, раздѣленныя по срединѣ стиха крестомъ, окруженнымъ латинскимъ словомъ, напр.

Acre Dość ostro Nawylot rany	A c—┼—R e	Krzys mi się postawił | w rękach | nogach sprawił [1]).

Остальная часть книги написана таже на какіе нибудь псалмы или поговорки, или самимъ авторомъ придуманныя заглавія, напр.

Pan wzdrawia ucho,
Nie puczcza glucho [2]),

гдѣ разсказывается о томъ, какъ Іисусъ Христосъ исцѣлилъ ухо Малху.

Послѣднія вирши могутъ служить также наглядным примѣромъ того схоластическаго пустословія, до какого доходили южно русскіе виршеплеты въ XVII в. Барановичъ говоритъ, что мы имѣемъ обыкновеніе закладывать за ухо перо. Малхъ же, лишившись уха, не могъ бы уже этого дѣлать и, только благодаря исцѣленію, получилъ возможность опять пользоваться такимъ удобнымъ помѣщеніемъ пера [3]).

Но рядомъ съ этимъ проскальзываютъ въ «Księg'ѣ smierci» и нѣкоторыя интересныя черты. Прежде всего мы точно можемъ опредѣлить время, когда Л. Барановичъ получилъ санъ епископа: девятнадцать лѣтъ тому назадъ, говоритъ онъ [4]), получилъ я санъ пастырскій, а еще до сихъ поръ ничего хорошаго не сдѣлалъ. Дата эта подтверждается и посвятительной грамотой, приведенной прот. Страдомскимъ въ Жур. мин. нар. пр. 1852 г. LXXV. Обязанности своего пастырскаго сана Барановичъ ставитъ очень высоко и требуетъ, чтобы пастырь душу свою полагалъ за овцы свои [5]). Фраза эта въ устахъ Барановича имѣетъ дѣйствительный, реальный смыслъ, такъ какъ вся его жизнь прошла въ борьбѣ за живые интересы народа, изъ котораго онъ вышелъ. И даже въ этомъ старческомъ произведеніи

---

[1]) Księga smierći стр. 13.

[2]) Ibid. 76.

[3]) Ibid 76. Издана „Księga smerći“ безъ особыхъ картинъ, если не считать образа Купятицкой Богоматери и 2-хъ крестовъ, на одномъ изъ нихъ находится глава Спасителя, на другомъ сердце.

[4]) Lat temu dźiewiętnáśćie ják krzyż noszę z łoty
Pasterski | a pasterskiey nie wypełniam cnoty. стр. 7.

[5]) Стр. 41.

мы видимъ, какъ дороги были Барановичу его овцы. Онъ и въ этомъ произведеніи не забываетъ тѣхъ золъ, какія причинили евреи его родному краю и, вспоминая, какъ жиды мучили Христа, говоритъ, что отъ нихъ была хорошая школа и для русиновъ [1]). Вспоминаетъ онъ и вѣчныхъ, непримиримыхъ своихъ враговъ—турокъ и, подобно тому какъ въ «Lutnie», посылаетъ на нихъ «громы небесные», называетъ ихъ проклятыми (93), говоритъ, что отецъ ихъ діаволъ (94) и умоляетъ славянскіе народы дружно воевать съ заклятымъ врагомъ христіанства.

Разсказавъ о томъ, какъ птицы, перелетая черезъ моря, помогаютъ другъ другу, онъ прибавляетъ: «Tak orła polskiego orzeł moskiewski przeciwko turkow ratuie» [2]). Его завѣтный идеалъ состоитъ въ томъ, чтобы отнять Палестину у турокъ, освободить патріарха изъ турецкой неволи [3]) и вообще изгнать турокъ изъ Европы [4]). Дважды, говоритъ Барановичъ [5]), въ землѣ турецкой родятъ и плоды, и хлѣбъ, а вы не хотите достать себѣ такой плодородной земли, которою, кромѣ того, лѣнивый мусульманинъ пренебрегаетъ! И его рѣчь звучитъ здѣсь очень сильно! Онъ побуждаетъ къ войнѣ не только свѣтскихъ, но и духовныхъ лицъ [6]), давая тѣмъ подтвержденіе той любопытной черты южно-русской жизни XVII в., что и духовныя лица принимали участіе въ войнахъ, смѣняя нѣсколько разъ рясу на боевые доспѣхи [7]).

---

[1]) Chrześćanom inna od żydowskich szkoła 43.

[2]) Księga smierci 92.

[3]) 127.

[4]) 93. Такимъ образомъ, тотъ „восточный вопросъ", который волновалъ русское правительство въ теченіи XVIII в. и занималъ умы передовыхъ русскихъ дѣятелей, какъ напр. Потемкина, достался въ наслѣдство отъ XVII в. изъ южной Руси.

[5]) Dwakroć płodne winnice w rok owoc davają |
Dwakroć się na swych drzewach jabłka dostawają
Dwakroć oracz stokratne z roley żniwo zbiera |
Pásterz owiec swych źimie w chlewy nie zawieza.
Na tak żyzną czemu się nie kwapisz Polàku
Ziemię? y nie pomagasz czemu mu Rusaku?
Wszak y patryarchowie w Turca w niewoli |
Pasterze są to twoi | czy cię nie boli?
Chrześcianie nadzìę mieycie w swoim Bogu |
Cynthia Othomańska na doł spusći rogu.

[6]) 94.

[7]) См. „Кіевск. Стар." 1888 г., VII и Лѣтопись Грабянки 18[2].

Къ своимъ сосѣдямъ полякамъ Барановичъ относится безъ задорной вражды. Играя словами и придавая латинскому слову «praelum» значеніе литературной борьбы, а «praelium»—войны вооруженной, онъ бросаетъ глубокій взглядъ на тѣ событія, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть, и говоритъ, что «praelum»—т. е. литературная борьба между поляками и русскими повела къ кровавой вооруженной войнѣ, что во время литературной борьбы много было написано книгъ во славу и честь Христа и его Матери, но что въ послѣднее время только лишь и слышно о борьбѣ вооруженной. Такая борьба «dokuczyła» уже и русинамъ, и полякамъ, и писатель молитъ о томъ, чтобы наступилъ наконецъ покой [1]).

Краеваго южно-русскаго элемента въ Księg'ѣ smerći почти нѣтъ, если не считать одной поговорки: Obiecał kożych Pan y slowo grzieie [2]) (III) и намека на то, что Л. Барановичу былъ извѣстенъ апокрифъ «О древѣ крестномъ» въ южно-русской редакціи. Составляя свои алфавитныя вирши, Л. Барановичъ по поводу Адама пишетъ слѣд.:

Za drzewo ná tym Być drzewie | wtorym	A D—|—A M	Adamowi było Adamem złożyło (13).

или

Cave. Strzeż grzechá | grzech mię na Krzyż ostry wsadził |
Drzewem Adam źwiedziony | jam drzewem poradźił (22).

Въ заключеніе считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить благодарность проф. П. В. Владимірову, который доставилъ мнѣ возможность пользоваться книгой Л. Барановича.

М. М.

---

[1]) Praelum, Prasá papierowá |
Praelium bitwa Mársowá
. . . .
Nasze Praelum Praelio wstępować musi |
Praelium dokuczyło Polakam y Rusi.
Praelo by się woleli Chrzescianie báwić |
Od Chrześcian Praelium rácz Panno odstawić
To bysmy kśięgi rożne na twą cześć y spore
Pisali | a wielbili cię przedwieczną Corę.
Wczyń pokoy.... стр. 130.

[2]) Казавъ панъ кожухъ дамъ, та слово его тепле.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы, № 12.—Русская Мысль, № 12.—Русская Старина, № 12.—Историческій Вѣстникъ, № 12.—Сѣверный Вѣстникъ, № 12.

Вѣстникъ Европы XII. 1890. А. Н. Пыпина: «Послѣдніе труды Н. И. Костомарова». Краткое изложеніе автобіографіи Костомарова, напечатанной въ послѣдней книжкѣ его трудовъ: «Литературное наслѣдіе», вышедшей въ текущемъ году (стр. 788—82).

В. Шенрока: «Н. В. Гоголь и его письмо къ В. А. Жуковскому»—разборъ письма Гоголя къ Жуковскому въ связи съ его «Авторской исповѣдью» (594—613).

Русская Мысль XII. 1890. Въ отдѣлѣ библіографіи: краткое содержаніе посмертнаго сборника трудовъ Н. И. Костомарова: «Литературное наслѣдіе» (стр. 563), рецензія на книгу: «Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова», гдѣ помѣщена біографія Н. В. Гоголя (стр. 563—564); Отзывъ о книгѣ Н. В. Воскресенскаго: «Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (Историческій очеркъ). Томъ первый (стр. 564—565); содержаніе писемъ Н. В. Гоголя къ Плетневу, помѣщенныхъ г. Шенрокомъ въ ноябрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника (стр. 591--593).

Русская Старина XII. 1890. В. И. Шенрока. «Николай Васильевичъ Гоголь» (окончаніе). Приведено еще 7 писемъ къ Гоголю А. О. Смирновой (стр. 655—664).

Историческій Вѣстникъ XII. 1890. *М. Городецкій.* «Поѣздка въ Холмъ, Подолію и Бессарабію». Путевыя впечатлѣнія и наброски изъ путешествія автора въ Каменецъ-Подольскъ, Кишиневъ и Одессу (стр. 763—793).

Д. Эварницкій. «Музей А. Н. Поля». Краткая біографія извѣстнаго дѣятеля А. Н. Поля, скончавшагося 26 іюля 1890 г. и оставившаго богатѣйшую коллекцію древностей (стр. 794—7981).

Въ отдѣлѣ библіографіи—краткая замѣтка о книгѣ «Листочки до вінка на могилу Шевченка. Львів. 1890» (стр. 822—824).

Въ отдѣлѣ смѣси: Краткій некрологъ Ивана Петровича Новицкаго извѣстнаго знатока исторіи и этнографіи юго-западнаго края, талантливаго публициста «Кіевлянина» и дѣятельнаго сотрудника «Кіев. Стар.» (стр. 853—854).

Редакція „Кіевской Старины“ покорнѣйше проситъ лицо, у котораго находятся Воспоминанія Пашкова о харьковскомъ университетѣ доставить ихъ въ редакцію.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ФЕВРАЛЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXII. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

Церковь Архистратига Михаила въ Переяславѣ.

Свѣтопечать С. В. Кульженко.

ДВА ПИСЬМА Т. Г. ШЕВЧЕНКА

(1840 и 1847 гг.).

Давно стоящее на очереди изданіе сборника писемъ Шевченка напоминаетъ о себѣ время отъ времени открытіемъ новыхъ матеріаловъ. Въ тридцатую годовщину смерти поэта, печатаемъ два письма его, относящіяся къ двумъ разнымъ эпохамъ его жизни: первое къ годамъ пребыванія въ академіи художествъ и первому времени его творчества; второе—къ первоначальнымъ днямъ десятилѣтней его ссылки. Письмо къ брату Никитѣ найдено въ с. Кириловкѣ, звенигородскаго уѣзда, кіевской губерніи, у племянника поэта Петра Шевченка г Талько-Гринцевичемъ, сообщившимъ любопытныя свѣдѣнія о семьѣ Шевченковъ на страницахъ „Кіевской Старины“ (1889 г № 9). Второе письмо 1847 г. писано къ земляку его, недавно умершему Вас. Матв. Лазаревскому († 1890 г.), съ которымъ Шевченко въ это время былъ знакомъ только заочно. Петербургское письмо Шевченка писано на третьемъ году пребыванія его въ академіи художествъ и въ годъ изданія перваго, маленькаго „Кобзаря“, заключавшаго въ себѣ только нѣсколько лирическихъ піесъ и „Катерину“. Со времени разлуки его съ родными въ то время прошло одиннадцать лѣтъ (онъ взятъ былъ въ услуженіе къ помѣщику Энгельгардту пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ 1829 году). Этотъ промежутокъ времени, какъ свидѣтельствуетъ письмо, не ослабилъ любви его къ роднымъ и духовной связи съ ними. Онъ пишетъ старшему брату, оставшемуся послѣ смерти отца какъ бы главою семьи, но вспоми-

наетъ отдѣльно каждаго члена семейства, отъ братьевъ и сестеръ, судьба которыхъ особенно озабочиваетъ его, до стараго дѣда Ивана, вѣроятно, разсказчика преданій о гайдамакахъ. Письмо это сопровождается посылкою пятидесяти рублей ассигнаціями, деньгами безотносительно небольшими, но въ тогдашнемъ положеніи Шевченка очень и очень не малыми. Вспомнимъ, что посылавшій эти деньги былъ только два года назадъ крѣпостнымъ подмастерьемъ у маляра Ширяева, что самъ онъ, былъ проданъ еще недавно помѣщикомъ добрымъ людямъ, давшимъ этимъ способомъ ему свободу, и что для жизни своей въ Петербургѣ онъ имѣлъ, какъ кажется, лишь небольшую стипендію общества поощренія художниковъ [1]).

Заработки отъ небольшихъ заказовъ, иллюстрацій книгъ и т. п. могли у него быть лишь незначительные. Никита, какъ видно, просилъ у него денегъ въ займы, но Т. Г. энергично отвергаетъ даже мысль о займѣ между родными братьями. Дымовскій, упоминаемый въ припискѣ, по разсказу родныхъ Шевченка, переданному г. Талько-Грынцевичемъ, былъ управляющимъ въ имѣніи Энгельгардта, оставившимъ по себѣ хорошую память. Въ книгѣ г. Чалаго управляющій этотъ называется Дмитренкомъ, но не знаемъ, произошло ли тутъ смѣшеніе лицъ или дѣло идетъ о лицахъ различныхъ.

Письмо изъ Орской крѣпости не требуетъ комментаріевъ. Оно писано на шестой мѣсяцъ послѣ ссылки, въ то время, когда изъ частной квартиры Шевченка перевели въ казармы, съ строгимъ запрещеніемъ писать и рисовать. При посредствѣ земляка своего, поэтъ обращается къ Брюллову, Далю, Плетневу, ко всѣмъ въ комъ можетъ предположить участіе къ своему ужасному положенію, заклиная ихъ выхлопотать ему хотя право рисовать, какъ единственное еще, за что онъ можетъ ухватиться среди окружающаго его безпросвѣтнаго мрака. Плетневу онъ

---

[1]) Біографы Шевченка не говорятъ почти ничего о матеріальномъ положеніи его во время пребыванія въ академіи. Изъ повѣсти „Художникъ", на половину автобіографической, можно заключить почти достовѣрно, что по освобожденіи своемъ, Шевченко сдѣлался пансіонеромъ общества поощренія художниковъ (Поэмы, повѣсти и разсказы Шевченка, стр. 293).

желаетъ напомнить о себѣ, вспомнивъ П. Бориспольца. Это былъ вѣроятно академическій товарищъ Шевченка. Въ кіевской церкви св. Андрея находится большая картина этого художника, изображающая водруженіе св. Андреемъ креста на кіевскихъ горахъ. Упоминаемыя въ этомъ письмѣ лица объяснены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Петербургскаго письма прилагается къ настоящей книжкѣ фототипія, сдѣланная въ заведеніи Кульженка.

Санктпетербургъ. Марта 2. 1840 г.

Брате Микито, треба бъ тебе полаять, та я не сырдытый. Нехай буде такъ, якъ робыця, бачъ за що я тебе хочу лаять, чомъ ты, якъ тилько получивъ мое письмо, до мене на написавъ, бо я тутъ турбувався. Трапляеця, що письма зъ . . . . . . (слово стерлось) пропадають,—а вдруге за те, що я твого письма не второпаю, чортъ зна по якому ты ёго скомпанувавъ, ни по нашому, ни по московскому—ни се, ни те, а я ще тебе просывъ, шобъ ты писавъ по своему, шобъ я хочъ съ твоимъ пись(мо)мъ побалакавъ на чужій сторони языкомъ людскимъ. Ну та й за те спасыби, а теперъ ще ось що. Просышъ грошей . . . . . . (нѣсколько словъ стерто) чи бигато тоби ихъ треба. Ну та гроши така ричъ, шо хочъ и сто рубливъ, то не пошкодятъ, а покы ихъ у мене не трапылось, то возьмы поки що *50 руб. асигнація*, а колы треба буде ще, то напиши. Та знай, шо мыни грихъ позычать братамъ гроши,—колы трапляця, то такъ дамъ, а колы ни, то выбачайте. Шо то якъ маляръ, то вже скризь понамалевуе всякои всячини, ты выбачай, забувъ, шо письмо до тебе, та й ну малювать—задумую иноди, не тоби кажучи. Поцилуй старого дида Ивана за мене и поклоныся всій ридни нашій яка есть. Доглядай сестру Марусю, та колы можно, помагай и бидный Ярыни—а малярови поганому скажи, колы винъ не схаменеця, то опыныця тамъ де ёму и ны снылось. Кланяйся сестри Катерини и Антонови, братови Ёсыпови и всимъ, хто мене не забувъ. Може я литомъ прииду побачиця, колы матыму часъ, та наврядъ, треба першъ добре вывчиця малю(ва)ть.

1*

Скажи Иванови Федёрци нехай винъ до мене напише письмо окроме та тилько . . . . (не разобрано), а и читаты не буду. Кланяйся ему.

Оставайся здоровъ

Твій братъ Тарасъ Шевченко.

Якъ тилько получишъ мое письмо, заразъ пиши до мене та поклоныся Ивану Станиславичу Дымовскому.

---

20 декабря 1847 г. К: О: (крѣпость Орская).

Зъ новимъ годомъ будьте здорови, любій и щирый мій земляче, де васъ Богъ носыть, чи вы вже во Питери, чи ще й доси во Одесси? Нехай де хоче носыть, та тилько шляхи таланомъ стеле, ... Тяжко, брате мій добрый, караться и самому не знаты за що. Отже такъ зо мною трапилося, спершу я смилыво заглянувъ лыхови въ очи и думавъ, шо то була сила воли надъ собою, ажъ ни, то була гордость слипая. Я не розглядивъ дна тіи бездны, въ котору впавъ. А теперъ якъ розглядивъ, то душа моя убогая разсыпалась мовъ пилына передъ лицемъ витра. Не по христіанскій, брате мій, знаю, а що жъ діяты? Оприче того шо нема съ кимъ щыре слово промовиты, опричъ нудьги, шо въ серце впилася, мовъ люта гадина, оприче всихъ лыхъ, шо душу катують,—Богъ покаравъ мене ще й тилеснымъ недугомъ, занедужавъ я спершу рематизмомъ, тяжкій недугъ, та я все таки потроху боровся зъ нымъ, и ликаръ, спасыби ёму, трохи помагавъ, и те шо я прозябавъ соби хочъ у поганій, та все таки вольніи хатыни, такъ бачите, шобъ я не зрисувавъ (бо мени рисуваты заказано) свого недуга (углемъ у комени), то и положили за благо перевесты мене въ казарми, до люлекъ, смороду и зыку. Ставъ я потрохи привыкать, а тутъ спиткала мене *цынга* лютая, и я теперъ мовъ Іовъ на гноищи, тилько мене нихто не провидае. Такъ мени теперъ тяжко, такъ тяжко, шо якбы не надія, хочъ колы небудь побачить свою безталанную краину, то благавъ бы Господа о смерти.

Такъ Днипро крутоберегій
И надія, брате,

Не дають мени въ неволи
О смерти благаты.

Иноди такъ мене нудьга за серце здавыть, шо (безъ сорома казка) ажъ заплачу.

Якбы все те росказувать, що я терплю теперъ . . . . то и за тыждень не росказавъ бы. Цуръ же йому. Нехай воно сныця тому, хто людямъ добра не хоче.

Поклонитесь гарненько одъ мене Дзюбину, якъ побачете. Добряга чоловикъ (зачеркнуто: колы вы знакомы). Нагадайте йому про *Излера* и *ростягаи*, про Адольфинку, и прочіи дывà. Скажить, що я його частенько згадую, N. N. Плетеневъ повиненъ мене знать, тилько нагадайте йому *П Бориспольца*. Та будьте ласкави побачтесь зъ Чернышовымъ [1]), винъ теперъ уже въ Петербурги (спытайте въ а. художествъ де винъ живе), а якъ побачитесь, то роспитайте його, чи винъ поотдававъ мои письма, шо я посылавъ черезъ його, и що йому сказано на ти письма, та попросить його одъ мене, шобъ винъ докучавъ моею прозьбою надто *Карлу Павловичу*, а зъ *Дубельтомъ* шобъ притьмомъ побачився. Якъ побачитеся зъ В. И. Далемъ, то поклонывшеся йому одъ мене, попросить його, шобъ винъ ублагавъ В. Перовского, шобъ той визволывъ мене хочъ изъ *казармъ* (сиричъ випросывъ мени позволеніе рисовать). Даль чоловикъ добрый, розумный и могущій, винъ добре знае, якъ тутъ мы пропадаемо, то тяжкій грихъ йому буде (слово зачеркнуто), якъ не схоче промовить за мене хочъ одно слово.

Докучаю я вамъ, добрый мій земляче! Та що жъ я маю робить? Якбы мени тилько рисувать було можна, то я и не журився бъ, ходивъ бы соби въ сирій шенели, поки дійшовъ бы до домовины, та все бъ таки хвалывъ Бога, а теперъ!... (зачеркнуто: цуръ) ой лышенько! и вимовить не хочиця!

Напишить до мене, колы матымете часъ, хочъ малесенькій лысточокъ, нехай хочъ тропки я зап(л)ачу добрими слиозами.

Бутьте ласкави роспитайте гарненько, де теперъ живе *Василій Андреевичъ Жуковскій*, винъ перше живъ у *Досель-*

---

[1]) Художникъ, посѣщавшій около этого времени Оренбургскій край.

дорфи на Рейни, а теперъ не знаю, та й прышлить мени його адресъ, а колы надрюкована його *Одисея*, то и іи пришлить, прочитавши, я отдамъ вамъ, або Ѳ. Матвѣевичу [1]). Бо, ей Богу, окроме Библіи, нема въ мене ни однисинькои кныжички.

(*1-я приписка сбоку*). Та вже чи разъ батька по лобу вдарить, чи двичи однаково, хочъ воно трохи и не до речи просыть, мовъ той старець, та що жъ робить колы нигде взять, пришлить ради поэзіи святои *Лермонтова* хочъ одинъ томъ, велыку привелыку радисть пришлете зънымъ вашому удачному и безталанному землякови Т. Ш.

(*2-я приписка на полѣ сверху*). Здаеця, вы знакоми зъ Василемъ Езучевскимъ [2]), колы винъ вернувся зъ дому, то якъ побачитесь, гарненько вылайте його за мене, за й(о)го щирость и добри(с)ть, и *Гилузу* свояка його, добри и щыри люде, шобъ ты знавъ, земляче.

(*3-я приписка сбоку на 1-й стр.*). Не здывуйте, Бога рады, шо на такому клаптыкови пишу до васъ, бо въ цёму Божому краи папиръ почтовый на вдывовижу.

---

[1]) Одинъ изъ пріятелей поэта—Ѳедоръ Матвѣевичъ Лазаревскій († 1890 г.), служившій въ это время въ Оренбургѣ.

[2]) Василій Осиповичъ Езучевскій и своякъ его Галузевскій—черниговцы, служившіе въ Спб.

С. Петербург. марта 2. 1840.

Брате Микито[?] передаю тобі поклон, та й не сердься[?]. Не знаю[?] [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] Ну та [illegible] а тепер ще ось що [illegible]

[illegible]

[illegible] Ну та прощай[?] [illegible] що хоч [illegible]

[illegible] то не [illegible] а [illegible] у мене не [illegible]

[illegible] то возьми [illegible] 50 руб. асигнацiями [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Поцілуй старого Діда [illegible] за мене, [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] Братови [illegible]
[illegible]
[illegible]
треба перше [illegible]
[illegible]
письмо [illegible]
[illegible]

Оставайся здоров —

Твій щирий товариш

Шевченко

Як тілько получиш моє письмо зараз пиши до мене — та поклонися Івану [illegible] Дмитровичу.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

Со второй недѣли Великаго поста, т. е. съ 14 февраля, до Страстной недѣли (22 марта) по воскреснымъ днямъ начались во дворцѣ *куртаги*. Въ прочіе дни утромъ, послѣ выслушанія докладовъ и поѣздки къ литургіи въ какой нибудь монастырь или церковь и послѣ представленій вновь пріѣхавшихъ, передъ обѣдомъ, императрица обыкновенно играла въ билліардъ съ Мамоновымъ или въ алагеръ —въ этой игрѣ всегда участвовали и другіе приглашенные, число которыхъ доходило иногда до 12 человѣкъ. Къ обѣду приглашались по очереди одинъ изъ посланниковъ, Мамоновъ всегда, очень часто Потемкинъ, графъ Штакельбергъ [1]), нашъ посланникъ въ Варшавѣ, и другіе ближайшіе люди изъ свиты, и знатные поляки, но не всѣ, а преимущественно Потоцкій, Браницкій, Сапѣга, Мнишекъ и Вьельгорскій; во время обѣда и по вечерамъ очень часто играла музыка и пѣлъ хоръ придворныхъ пѣвчихъ. Къ великому посту вытребованъ былъ музыкантъ Дицъ съ тремя его товарищами. Безбородко писалъ 7 февраля къ Соймонову, управлявшему придворнымъ театромъ, „не худо если велите имъ взять ораторію Паизіелло или другую духовную музыку для составленія духовнаго концерта, ибо здѣсь есть большой оркестръ графа П. А. Румянцева, къ которому не достаетъ только нѣсколько лучшихъ талантовъ. Пѣвчіе же придворные и его могутъ пѣть

[1]) См. „Кіев. Старина", 1891 г. № 1.

[2]) Штакельбергъ, графъ Отто Магнусъ, посланникъ нашъ въ Варшавѣ, род. 7 февраля 1736, ум. въ 1799 г.

всякіе роли въ священныхъ таковыхъ концертахъ, гдѣ лишняго жара и искусства не требуется [1]). Вечеромъ императрица забавлялась въ шахматы, а чаще въ карты, и къ карточной игрѣ приглашались большею частію посланники, Мамоновъ и Потемкинъ.—Мамоновъ очень хорошо рисовалъ и часто во время игры въ карты, набрасывалъ мѣломъ на столѣ каррикатуры. Императрицу это такъ забавляло, что она въ это время съ картами въ рукахъ дожидалась, когда онъ кончитъ свой рисунокъ,—конечно, игра пріостанавливалась, а потомъ всѣ посмѣются и опять за карты [2]). Въ 9 часовъ обыкновенно императрица удалялясь въ свои покои, гдѣ занималась перепискою съ великою княжною, внучкою, съ Н. И. Салтыковымъ, Брюсомъ, Еропкинымъ, Гриммомъ и др.

14 февраля, въ воскресенье, утромъ, императрица была у обѣдни въ Михайловскомъ монастырѣ [3]). Послѣ большого обѣденнаго стола въ 54 куверта, по повѣсткамъ съѣхались въ 5 часовъ во дворецъ званныя лица и посланники. Императрица, поговоривъ немного съ приглашенною во дворецъ на этотъ вечеръ графинею Потоцкою, сѣла играть въ карты съ Потемкинымъ, Мамоновымъ и англійскимъ посланникомъ; къ дверямъ у входа сѣли придворныя дамы съ кавалерами на два стола, на другомъ мѣстѣ также играли въ карты на два стола, а прочіе стояли и сидѣли, оставаясь зрителями; музыки не было; въ 10 часовъ разъѣхались [4]).

Въ придворной музыкѣ, какъ мы видѣли былъ недостатокъ, но 18 февраля прибыли изъ Петербурга вытребованные музыканты Дицъ, Раббе, Реми и Бееръ, послѣдній былъ въ числѣ солистовъ и необходимъ для Паизіелловой ораторіи, а 2-го

---

[1]) Изъ дѣлъ Трощинскаго въ Придвор. Архивѣ, св. 449.

[2]) Vie de Catherina II par Castera. Paris 1797.

[3]) По приказанію императрицы изготовлена была въ С.-Петербургѣ на суммы кабинета золотая лампада къ мощамъ святыя великомученицы Варвары, покоящимся въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ; лампада привезена въ Кіевъ въ мартѣ 1788 года. При изготовленіи ее употреблено: золота 12 фун. 9 золотн. на 3,889 р. 35 к., бриллiантовъ вставлено на 7,185 р., жемчугу на 1950 р., за работу заплочено 4,500 р. (выписано изъ приходорасходной книги каб. ея величества).

[4]) Дневникъ Полетики, стр. 8.

апрѣля отправили изъ Петербурга въ Кіевъ еще 12 человѣкъ „духовыхъ“ музыкантовъ; всѣ были нѣмцы, кромѣ флейтреверсиста, Осипова [1]).

До сихъ поръ, императрица нѣсколько разъ была въ лаврѣ, но не въ пещерахъ. Духовникъ ея Іоаннъ Іоанновичъ Панфиловъ, уговорилъ ее поклониться угодникамъ Божіимъ и 15 февраля въ началѣ 12 часа, императрица, съ камеръ-фрейлиною Анною Степановною Протасовою, въ каретѣ выѣхала въ лавру; приложившись въ Успенскомъ соборѣ къ чудотворной иконѣ Успенія и къ мощамъ св. угодниковъ, въ предслѣдованіи Кіево-Печерскаго монастыря намѣстника іеромонаха Калликста и сопровождаемая духовникомъ своимъ Панфиловымъ, камеръ-фрейлиною и другими пріѣхавшими съ нею въ монастырь лицами своей свиты, императрица спустилась сперва въ верхнія пещеры; намѣстникъ называлъ святыхъ и разсказывалъ объ ихъ жизни; отсюда императрица пошла въ дальнія пещеры, гдѣ встрѣтилъ начальникъ тѣхъ пещеръ іеромонахъ Виталій; здѣсь она приняла помазаніе мѵромъ изъ *мѵроточивыя главы* и окончила богомолье въ пещерахъ въ половинѣ 2-го часа. Послѣдствіемъ посѣщенія императрицею пещеръ было пожалованіе ею денегъ въ распоряженіе духовника для изготовленія на нѣкоторыя мощи новыхъ парчевыхъ пеленъ съ позументомъ, бахрамою и кистями [2]).

На другой день, 16 февраля, императрица писала къ Брюсу:

„Я вижу, что морозы и оттепели у васъ и здѣсь въ одно время, но градусовъ восемь или десять разница; вчерась опять было градусовъ до двѣнадцати, а когда я возвращалась во второмъ часу изъ пещеръ, тогда солнце пекло такъ сильно, что въ каретѣ нестерпимо было жарко... Сіе письмо есть сего дня девятое, которое я пишу, и сама сему дивлюсь, ибо здѣсь я и всѣ чувствуютъ лѣнь и отличную охоту спать, mais aussi quand je suis sur pied, je suis leste, comme un oiseau, temoin la terrible promenade que nous avons fait hier par les catacombes et a duré au moins deux heures, car nous avons été tout partout et

[1]) Изъ дѣлъ Государственнаго архива. XIV, 47.

[2]) См. К.-Ф. ж. 1787 г. и Записки и письма Екатерины къ Храповицкому, № 22.

dans les plus hautes et les plus basses, et les tout à pied, aussi mon confrere l'ignorant [1]) n'en pouvait plus. A propos de cela faites mes compliments à Анна Никитична и скажи ей, что я скоро къ ней пришлю гостинцу, да такого, на который она долго будетъ радоваться. Прощайте, Богъ съ вами, мы всѣ здоровы" [2]).

О посѣщеніи пещеръ императрица писала и къ Еропкину: „Въ верхнихъ пещерахъ мы всѣ были безъ шубъ, а въ нижнія сошедъ, было такъ жарко, что, изъ оныхъ вышедъ, не было ни единаго человѣка, который бы не вспотѣлъ такъ, какъ въ жарчайшія дни" [3]).

18 февраля императрица провела вечеръ у графа Браницкаго. Жена его, графиня Александра Васильевна, урожденная Энгельгардтъ, была очень дружна съ императрицею; въ Кіевъ пріѣхала она съ двумя своими сыновьями. Одинъ изъ нихъ, Владиславъ, пятилѣтній мальчикъ, очень понравился императрицѣ. „Мать, насмотрясь какъ содержали великихъ князей, точно наблюдаетъ съ своимъ сыномъ мои правила, (пишетъ императрица къ Н. И. Салтыкову 20 февр.) и то столь удачно, что сей мальчикъ не только прекрасенъ собою, но притомъ таковъ, какъ только по его лѣтамъ желать можно: здоровъ, проворенъ, не упрямъ и такаго свободнаго обращенія, какъ будто съ нами вѣкъ жилъ, отнюдь не дикъ, не боязливъ, но уменъ и веселъ, такъ что кто его увидитъ, всякій къ нему привяжется. Константину Павловичу чаю бы по рукѣ пришелъ" [4]). Молодому мальчику привили, по совѣту императрицы, оспу. „По выздоровленіи еще сталъ веселѣе и забавнѣе, и ежедневно отцу и матери покою не даетъ, чтобъ его повезли ко мнѣ (письмо къ Салтыкову апр. 18), и онъ всякій вечеръ часа по четыре и болѣе въ моей комнатѣ рѣзвится со мною, и наконецъ приступилъ ко мнѣ рѣшительно съ просьбою ѣхать со мною, и я беру съ со-

---

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь о Львѣ Александровичѣ Нарышкинѣ.

[2]) Письма къ Брюсу, напечатанные въ приложеніи къ Камеръ-Фурьерскому журналу 1787 г. подъ № 18.

[3]) См. Сочин. Екатерины II. Изд. Смирдина, стр. 337.

[4]) Р. Архивъ, 1864, стр. 954.

бою до Кременчуга, а тамъ какъ растанемся не вѣдаю: это дѣло его родителей. Надобно смотрѣть, какъ онъ дерется на шпагахъ съ prince de Ligne и тотъ съ превеликою шпагою, а маленькой Браницкой съ палкою парируетъ и съ такой замашкою, что удивительно! Этотъ мальчикъ сокровище и всѣхъ насъ очень забавляетъ“ [1]).

20 февраля были имянины любимца императрицы Льва Александровича Нарышкина. Онъ жилъ въ домѣ совѣтника Вишневскаго. Поутру всѣ придворные, и кіевляне, и иностранцы, познакомившіеся съ нимъ, пріѣхали поздравить его. Онъ пригласилъ всѣхъ на балъ, назначенный въ тотъ же день.

Вся улица была освѣщена плошками на собственный счетъ Льва Александровича, а передъ домомъ играла духовая музыка. Императрица пріѣхала въ 7 часовъ, играла въ карты съ кн. Потемкинымъ, Мамоновымъ и Кобенцелемъ и послѣ ужина возвратилась въ 11 часу во дворецъ [2]).

Духовникъ императрицы руководилъ ее въ предпринимаемомъ ею посѣщеніи монастырей и церквей. 21 февраля, въ воскресенье, онъ служилъ литургію въ церкви св. апостола Андрея Первозваннаго. Церковь эта, расположенная на крутомъ холмѣ, составляющемъ сѣверную оконечность Старо-Кіевской возвышенности, считается однимъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ зодчества въ Россіи. Съ паперти открывается одинъ изъ лучшихъ въ Кіевѣ видовъ на Днѣпръ, сливающіяся съ горизонтомъ луговые пространства, древній Вышгородъ и низменныя части города: Подолъ и предмѣстья. Первый камень въ основаніе этой церкви положенъ императрицею Елисаветою Петровною, посѣтившій Кіевъ въ 1744 г. [3])

Императрица пріѣхала слушать литургію, въ сопровожденіи свиты, и послѣ обѣдни обошла кругомъ церкви и любовалась прелестнѣйшимъ видомъ; потомъ, какъ записано въ К.-Ф. жур-

---

[1]) Русскій Архивъ, 1864 г. стр. 964.

[2]) См. Херсон. Губ. Вѣд. 1871 г. № 33. Камеръ-Ф. журналъ 1787 г. и Дневникъ Политики, стр. 9.

[3]) См. Путеводитель по Кіеву В. Д. Бублика, 1890 г. Стр. 89.

налъ, „сшедъ пѣша съ имѣющейся горы и сѣвъ въ карету, шествовать изволила ко дворцу, но недоѣзжая до онаго, благоволила остановиться у церкви, именующей *Десятинной*, гдѣ прикладывалась къ иконамъ". Возвратясь во дворецъ, она поздравила Мамонова съ подаркомъ отъ короля польскаго, который прислалъ ему въ этотъ день орденъ Бѣлаго Орла. Маіору, который привезъ этотъ орденъ, пожалована была табакерка въ 1000 руб. [1]).

22 февраля балъ у австрійскаго посланника Кобенцеля. Мѣсто хозяйки заступила племянница Потемкина статсъ-дама графиня Екатерина Васильевна Скавронская.

25 февраля генералъ-адъютантъ графъ Ангальтъ осматривалъ на Подолѣ всѣ училища и экзаменовалъ учителей и многихъ учениковъ, которые говорили рѣчи на латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, греческомъ и еврейскомъ языкахъ [2]).

26 февраля императрица писала къ Брюсу: „Мы всѣ здоровы и ожидаемъ вскрытія Днѣпра, котораго на прошедшей недѣлѣ проходили не инако какъ пѣшкомъ, но со вторника навернулъ чухонской зефиръ градусовъ въ десять; сей продолжаетъ до днесь, однако, когда солнце часа на два просіяетъ, тогда не видать ни снѣга, ни льду, земля голая".

Наконецъ явились положительные признаки наступающей весенней погоды.

„Солнечные лучи въ два, три часа, разкрываютъ намъ землю безъ снѣга и льда" писала императрица 26 февраля къ великой княгинѣ въ Петербургъ. „Въ прошедшее воскресенье мы видѣли травки, росшія пучками. Къ тому же такъ было тепло, что вездѣ окна были открыты съ 12 часовъ до пяти; птицы пѣли, какъ весною".—Погода ободряла къ прогулкамъ.

4-го марта, народъ толпился около дворца, въ ожиданіи увидѣть императрицу. У подъѣзда стояла шестимѣстная карета, запряженная цугомъ, сзади нея тянулась вереница придворныхъ каретъ и колясокъ. Императрица сѣла въ карету, пригласивъ

---

[1]) См. Дневникъ Полетики, стр. 10.

[2]) Дневникъ Полетики, стр. 10.

съ собою Анну Степановну Протасову, Льва Александровича Нарышкина, Александра Матвѣевича Мамонова, посланниковъ: графа Кобенцеля и графа Сегюра. Всѣ лица свиты послѣдовали за императорскою каретою въ придворныхъ экипажахъ. Прогулка продолжалась около двухъ часовъ, на Подолъ и по другимъ улицамъ.

Во время этого осмотра города и прежде, при поѣздкахъ въ монастыри и церкви, императрица замѣтила много шатающихся нищихъ, иногда же нѣкоторые просители подбѣгали къ каретѣ, или у крыльца, или при входѣ въ церковь старались подать лично императрицѣ прошеніе и почти всегда становились на колѣни, а духовникъ, Иванъ Ивановичъ Панфиловъ, постоянно жаловался государынѣ, что нищіе не даютъ ему покоя, осаждая его въ квартирѣ съ утра до ночи съ воплями и стенаніями. Императрица нѣсколько разъ говорила объ этомъ Румянцеву, который очень огорчался, подозрѣвая въ этихъ замѣчаніяхъ императрицы навѣты на него Потемкина. Желая объяснить императрицѣ причину большого количества нищихъ, онъ донесъ императрицѣ, что „въ трехъ кіевскихъ богадѣльняхъ помѣщено только 136 мужчинъ и женщинъ и всѣ они по міру шатаются, а другіе и не нищіе, увидѣвъ теперь щедрое, милостивое подаяніе, притворяясь старостью и калѣчествомъ, надѣваютъ на себя рубище и, несмотря на строгое наблюденіе полиціи, собираются толпами около церквей, а особливо Печерской лавры и у пещеръ, а особливо безпокоятъ вашего духовника“...

Императрица отвѣчала Румянцеву въ рескриптѣ отъ 4-го марта: „принять мѣры и сдѣлать соображенія объ уменьшеніи числа шатающихся по городу Кіеву нищихъ, оставленныхъ безъ призрѣнія, отъ чего кромѣ безпокойствъ для людей могутъ происходить и другіе безпорядки“ [1]).

Кромѣ нищихъ, императрицу безпокоили *просители* разныхъ сословій, пользовавшіеся всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы подать просьбу лично императрицѣ, большею частью падая къ ногамъ или становясь на колѣни... „Во время нашего

---

[1]) Изъ дѣлъ архива К. Е. В., св. 442.

здѣсь пребыванія—писала императрица 4-го марта Румянцеву: поданы намъ самолично отъ многихъ просителей жалобы и просьбы; всѣ почти оныя найдены неосновательными и по существу дѣлъ къ подачѣ намъ не надлежащія“; вслѣдствіе чего велѣно объявить во всеобщее свѣдѣніе, чтобъ никто не смѣлъ подавать просьбы прямо императрицѣ подъ опасеніемъ строгаго взысканія [1]).

Наконецъ и Потемкинъ [2]) дождался посѣщенія его императрицею. Онъ жилъ, по собственному его желанію и выбору, въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ домѣ архимадрита лавры.

Выборъ Потемкинымъ помѣщенія для себя въ монастырѣ, а не во дворцѣ, на время пребыванія императрицы въ Кіевѣ, удивлялъ многихъ и подалъ поводъ къ слухамъ, что князь въ немилости и что графъ Румянцевъ и графъ Ангальтъ, личные его враги, успѣли очернить его въ глазахъ императрицы. Но это были только слухи ни на чемъ не основанные и Потемкинъ, въ предвидѣніи, что довѣріе къ нему императрицы не пошатнется, а увеличится, послѣ того, что онъ покажетъ ей въ южныхъ губерніяхъ и въ Крыму, велъ въ монастырѣ жизнь своеобразную, странную, повидимому, желая доказать, что онъ не потерялъ своего могущества при дворѣ и что онъ относится съ презрѣніемъ ко всѣмъ придворнымъ противъ него интригамъ.

Несмотря, однако, на неблагопріятные для него слухи, всѣ старались побывать почаще у сильнаго вельможи. Онъ принималъ пріѣзжающихъ къ нему очень разнообразно: иной разъ въ богатомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, въ орденахъ, въ кружевахъ, напудренный въ букляхъ, а иногда, лежа на широкомъ диванѣ, закутанный въ шубу, безъ галстуха, ноги полунагія въ широкихъ туфляхъ, непричесанный, немытый; рѣдко приглашалъ гостя садиться, и, будто не замѣчая его присутствія, занимался шахматною игрою. Но внѣ оффиціальныхъ пріемовъ, онъ проводилъ время въ кругу приближенныхъ и съ своими красавицами племянницами, графинями Скавронскою и

---

[1]) Архивъ каб., св. 442, д. 2.

[2]) Онъ пріѣхалъ въ Кіевъ 3 февраля. Херсон. Губ. Вѣд. 1871 г. № 33.

Браницкою. Въ этихъ бесѣдахъ онъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ: въ высшей степени оригинальный съ блестящимъ умомъ и способностями[1].

7 марта, послѣ аудіенціи, на которой графъ Безбородко представилъ императрицѣ новыхъ пріѣзжихъ въ Кіевъ: великаго подскарбія литовскаго князя Станислава Понятовскаго, сициліанца и испанскаго гранда князя де-Бельмонти де-Вентиманео и англійскаго посланника при польскомъ дворѣ, г. Витфортна, императрица съ большою свитою была въ лаврѣ у обѣдни, послѣ которой прошла въ кельи архимандрита къ Потемкину.

Пріѣздъ къ нему императрицы въ монастырь не былъ для него неожиданностью. Онъ, наконецъ, пригласилъ ее къ себѣ на обѣдъ. Князь и племянница его, статсъ-дама графиня Скавронская, встрѣтили императрицу у подъѣзда. Передъ обѣдомъ съ императрицею играли въ шахматы: графъ А. П. Шуваловъ, графъ Кобенцель и графъ Сегюръ. Къ обѣду приглашено было 36 персонъ. Послѣ обѣда, императрица, отъѣзжая, пригласила къ себѣ пріѣхать въ тотъ же день на *куртагъ* всѣхъ гостей Потемкина и самого хозяина.

Имянины императора Іосифа, будущаго спутника императрицы во время путешествія ея въ Крыму, были великолѣпно отпразднованы въ Кіевѣ 8 марта посланникомъ его графомъ Кобенцелемъ. Вся придворная свита, всѣ знатные поляки и пріѣзжіе иностранцы были приглашены на балъ. Хозяйкою праздника графъ Кобенцель упросилъ быть статсъ-даму графиню Александру Васильевну Браницкую; этимъ выборомъ Кобенцель сдѣлалъ удовольствіе и императрицѣ, которая очень любила Браницкую, и Потемкину, какъ дядѣ графини. Императрица со всею свитою пріѣхала въ 7 часовъ, посланникъ, вмѣстѣ съ графинею Браницкою, встрѣтили ее на подъѣздѣ, при выходѣ изъ кареты. При вступленіи императрицы въ залѣ загремѣла музыка и, когда императрица сѣла играть въ карты, тотчасъ начался балъ, на которомъ жены польскихъ магнатовъ щеголяли одна передъ другою нарядами, брилліантами и жем-

---

[1]) См. Записки Сегюра.

чугами; въ 10 часовъ всѣ были приглашены къ ужину,—для императрицы на особенномъ столѣ съ 16-ю персонами; во время ужина императрица, поднявшись со стула, стоя, провозгласила тостъ за здоровье имянинника. На другой день изъ кабинета послано, по приказанію императрицы, прислугѣ графа Кобенцеля тысячу червонныхъ, что въ то время составляло 2,900 р.[1]). Между тѣмъ пріѣзды въ Кіевъ и представленія знатныхъ поляковъ и иностранцевъ не прекращались. 11 марта графъ Безбородко представлялъ сперва въ билліардной комнатѣ, а потомъ въ аудіенцъ-камерѣ: племянника короля польскаго гетмана Тышкевича, польскаго камергера Пулавскаго, состоявшаго въ австрійской службѣ полковника князя Іосифа Понятовскаго, графа Моравскаго и шевалье де-Ламета.

О наплывѣ пріѣзжихъ въ Кіевъ императрица писала къ Н. Н. Салтыкову: „у насъ здѣсь четыре графа, грандъ д'Еспань, князья имперіи безъ счета, поляковъ тьма, англичане, американцы, французы, нѣмцы, швейцарцы, на многихъ страницахъ именъ всѣхъ не перепишешь; съ роду столько иноязычныхъ и не видала, даже и киргизы и тѣ здѣсь очутились, и все сіе по кіевскимъ хижинамъ живетъ и непонятно какъ умѣщаются“ [2]).

Послѣ представленій императрица поѣхала въ Софійскій монастырь и тамъ, въ соборной церкви Рождества Богородицы, слушала литургію, совершенную протоіереемъ собора Іоанномъ Левандою. По окончаніи службы, митрополитъ Самуилъ вышелъ изъ алтаря и сказалъ императрицѣ привѣтственное слово: „Всемилостивѣйшая государыня! Сей Божественный храмъ, на которой угодно было твоему величеству обратить свой монаршій взоръ, есть одинъ изъ достопамятнѣйшихъ древностей, въ семъ градѣ созерцаемыхъ.

Онъ есть доказательство теплоты вѣры и усердія къ Богу, великаго князя Ярослава и знакъ его благодарности за одержанную на семъ мѣстѣ преславную побѣду.

---

[1]) Изъ приходо-расходной книги кабинета.

[2]) Рус. Архивъ, 1864 г., стр. 958.

Онъ во внутренности своей открываетъ нѣкоторое начертаніе храма святыя Софіи, великимъ Константиномъ воздвигнутаго въ Византіи.

Въ немъ великій князь Владиміръ Мономахъ возложилъ первый на себя всѣ украшенія царскаго сана, со всѣмъ великолѣпіемъ христіанскимъ, обладателямъ свойственнымъ.

Въ немъ безсмертный Петръ, увѣнчанный лаврами побѣды подъ Полтавою, приносилъ торжественное благодареніе Всевышнему.

Все сіе сдѣлало его привлекательнымъ и знаменитымъ. Но отнынѣ воспріемлетъ онъ новое сіяніе славы и преимуществъ, бывъ озаренный лучами присутствія въ немъ такой монархини, которая и горячностію любви своей къ Богу, и сооруженіемъ многочисленныхъ, великолѣпнѣйшихъ храмовъ Господнихъ несравненно превзошла высокихъ своихъ предковъ, которая, держа въ десницѣ своей скипетръ, возвысила Россію паче всѣхъ царствій земныхъ и славою побѣдъ своихъ возгремѣла въ концахъ вселенныя.

Благость только Божія да соблюдетъ дражайшее твое здравіе невредимо для совершенія великихъ и богоугодныхъ твоихъ намѣреній.

Премудрость Превѣчная, Ей же сей храмъ посвященъ, да откроетъ тебѣ путь къ возстановленію того храма, котораго сей представляетъ нѣкоторое изображеніе, а насъ подъ благословенною твоею державою, да сподобитъ намъ воспѣти сію побѣдную пѣснь: „Тебѣ Бога хвалимъ!“

Императрица была очень довольна рѣчью митрополита и службою протоіерея Леванды, на котораго тутъ же, въ церкви, когда онъ подходилъ къ рукѣ ея, возложила крестъ, бриллiантами украшенный, на красной лентѣ.

12 марта утромъ до 12 часа, въ столовой комнатѣ, императрица, какъ записано въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ: „была воспріемницею младенца урожденнаго отъ кіевскаго губернскаго предводителя дворянства Капниста“ [1]). А потомъ въ билліард-

[1]) Автора комедіи Ябеда. Онъ получилъ въ этотъ день на крестины табакерку съ бриллiантами въ 900 руб. изъ кабинета.

ной комнатѣ графъ Безбородко представилъ принца де-Линь, который въ тотъ же день былъ приглашенъ къ обѣду.

Принцъ де-Линь, пріѣхавшій въ Кіевъ, старый знакомый императрицы, былъ въ Петербургѣ въ 1786 году и, за мѣсяцъ до отъѣзда императрицы въ Крымъ, уѣхалъ въ Вѣну съ письмомъ отъ нея къ императору Іосифу II; въ письмѣ этомъ былъ маршрутъ ея путешествія. Вотъ какъ описываетъ въ это время принца де-Линя графъ Сегюръ: „онъ снова явился, какъ былъ всегда—непринужденно веселый и остроумный, полный благородства и естественности въ обращеніи, всегда въ одинаковомъ расположеніи духа, какъ человѣкъ умный и благонамѣренный, съ тѣмъ творческимъ разнообразнымъ воображеніемъ, которое всегда находитъ пищу для разговора и, несмотря на придворный этикетъ, разгоняетъ скуку“ [1]).

Принцъ де-Линь пользовался особеннымъ снисхожденіемъ императрицы на этихъ вечеринкахъ: разсказывалъ все, что только приходило ему въ голову, сочинялъ мадригалы, пѣсни, разныя смѣшныя исторіи, не оскорбляя никого, заставляя отъ души смѣяться. Въ это время императрицѣ захотѣлось выучиться писать стихи и она пригласила Сегюра быть ея учителемъ. Сегюръ старался изъ всѣхъ силъ, но безуспѣшно. Императрица оказалась неспособною къ стихотворству и сама сознала неудачу своего опыта. Англійскій посланникъ, несмотря на эти усилія и Сегюра, и императрицы, сказалъ ей: нельзя же стремиться во всемъ къ славѣ, надобно удовольствоваться стихами, которые вы сочинили для вашей собачки и для вашего медика:

Ci git la Duchesse Anderson [2])
Qui mordit monsieur Rogerson [3]).

Между тѣмъ изъ Кіева переговоры шли съ королемъ польскимъ о свиданіи съ нимъ во время путешествія.

13 марта пріѣхалъ въ Кіевъ коронный маршалъ графъ Мнишекъ, женатый на племянницѣ польскаго короля Стани-

---

[1]) Записки графа Сегюра 1785—1789 гг. Изд. 1865 г., стр. 135.

[2]) Любимая собачка Екатерины II.

[3]) Докторъ императрицы.

слава-Августа Понятовскаго [1]). Онъ привезъ письмо отъ короля, который увѣдомлялъ императрицу, что будетъ ожидать ее въ Каневѣ. Мнишекъ въ тотъ же день явился во дворецъ, и, представленный императрицѣ графомъ Безбородко, подалъ ей письмо короля. Императрица съ большимъ участіемъ распрашивала графа Мнишека о польскомъ королѣ, объ его здоровьѣ, о его путешествіи и о послѣднемъ пребываніи въ Висніовицѣ [2]). Послѣ разговоровъ съ Мнишкомъ императрица вышла въ билліардную палату, гдѣ и были представлены графъ Мошинскій и князь Любомирскій, но это еще не былъ конецъ представленіямъ,— рядомъ съ билліардною комнатою ее ожидали графъ Потоцкій, графъ Диланъ и два сына принца де-Линя. По возвращеніи отъ обѣдни изъ лавры, опять представленіе, но только женское: статсъ-дама графиня Александра Васильевна Браницкая представила ей графиню Мнишекъ, которую императрица приняла необыкновенно ласково и также распрашивала о королѣ Станиславѣ. Графъ и графиня Мнишекъ были приглашены къ обѣду, за которымъ находились только самые ближніе, въ томъ числѣ и Потемкинъ [3]). Въ этотъ день графъ Мнишекъ получилъ въ подарокъ табакерку съ портретомъ императрицы въ 6,500 р.

Депутаты киргизской меньшой орды пріѣхали еще 4 марта [4]), но чтобы великолѣпнѣе было ихъ представленіе императрицѣ, по совѣту Потемкина, имъ сшили платья и убранства. Они пріѣхали, по обыкновенію, съ приставомъ и своею прислугою. На одежду, на кормленіе и на жалованье приставу и прислугѣ, во время пребыванія ихъ въ Кіевѣ, употреблено изъ суммъ кабинета 3,600 руб. [5]).

---

[1]) Станиславъ-Августъ Понятовскій, послѣдній король польскій, род. 7 января 1732 г. Избранъ королемъ въ сентябрѣ 1764 года, отрекся отъ престола въ Гроднѣ въ ноябрѣ 1795 г., ум. въ Петербургѣ 31 января 1798 г.

[2]) Дневникъ, веденный во время пребыванія императрицы Екатерины II въ Кіевѣ и въ Каневѣ „одною изъ придворныхъ дамъ короля Станислава-Августа". „Сынъ Отечества". 1843 г. Мартъ, стр. 25.

[3]) К.-ф. ж. 1787 г.

[4]) Дневникъ Полетики, стр. 12.

[5]) Книга приходо-расходная кабинета е. в.

14 марта султанъ Джіангиръ, и при немъ шесть старшинъ, двое первостатейныхъ киргизовъ и изъ россійскихъ татаръ, одинъ мулла и приставъ, иркутскаго драгунскаго полка капитанъ Суворовъ, привезены были во дворецъ въ придворныхъ экипажахъ и ожидали императрицу въ аудіенцъ-залѣ, гдѣ постъ сержантовъ. Императрица отправляясь къ литургіи въ лавру и проходя черезъ аудіенцъ-камеру, пожаловала всѣхъ киргизовъ и бывшихъ съ ними къ рукѣ, послѣ рѣчи, которую сказалъ государынѣ султанъ на своемъ языкѣ [1]).

Несмотря на частыя празднества, почти ежедневные оффиціальные пріемы, балы и поѣздки въ монастыри и церкви, императрица не утомлялась благодаря правильному распредѣленію часовъ своего дня. Удаляясь въ 9 час. вечера въ свой кабинетъ, она занималась перепискою съ великою княгинею, съ внучатами, съ Н. И. Салтыковымъ, съ Брюсомъ, Еропкинымъ и съ иностранцами-друзьями. Ближнимъ своимъ посылала подарки.

15 марта она писала къ Брюсу: „письмо ваше отъ 7 марта я получила и съ приложеніями, здѣсь слѣдуютъ мои отвѣты. Прилагаю три золотыя кольца великомученицы Варвары, прошу оныхъ разослать къ графинѣ Марьѣ Андреевнѣ Румянцевой, къ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Матюшкиной [2]) да къ кн. Дарьѣ Алексѣевнѣ Голицыной [3]). Еще приказала къ вамъ отправить превеликаго тюка съ турецкими парчами здѣшней ярмарки, прошу оныхъ отдать такъ, какъ на каждой связкѣ на обѣ стороны надписано, а именно: графинѣ Марьѣ Андреевнѣ Румянцевой, графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Матюшкиной, кн. Дарьѣ Алексѣевнѣ Голицыной, Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной (сей вы скажите, что парча есть другой гостинецъ, а третій вскорѣ послѣдуетъ [4]); еще генеральшѣ Ливеной; буде онѣ моими пар-

---

[1]) К.-ф. журналъ 1787 г.

[2]) Оберъ-гофмейстерина, супруга дѣйствительнаго камергера графа Дмитрія Михайловича Матюшкина, урожденная княжна Гагарина.

[3]) Статсъ-дама, супруга генералъ-фельдмаршала князя Алекс. Михайловича Голицына, урожденная княжна Гагарина, родная сестра графини А. А. Матюшкиной.

[4]) Третій подарокъ, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ императрицы, былъ орденъ св. Екатерины, пожалованный Нарышкиной черезъ нѣсколько дней (21 марта) и посланный ей въ Петербургъ съ нарочнымъ.

чами недовольны будутъ или имъ покажется мало на платье, то выпросите у нихъ оныхъ себѣ на покрытье тулупа. Я здорова. Погода паки поправляется, а Днѣпръ пребываетъ недвижимъ, такъ какъ я пребываю къ вамъ доброжелательна".

17 марта, послѣ обѣда, въ 3 часу, императрица со всею свитою, въ экипажахъ сдѣлала большую прогулку къ Китаеву монастырю, на р. Днѣпръ, гдѣ стояли приготовленныя для воднаго путешествія галеры и суда. Императрица осмотрѣла галеру „Днѣпръ", для нея предназначенную. Показывалъ императрицѣ адмиралъ Петръ Ивановичъ Пущинъ; она благодарила его и всѣхъ тутъ бывшихъ флотскихъ офицеровъ [1]).

Приближалась Страстная недѣля, для церковной службы во дворцѣ, по неимѣнію тутъ постоянной церкви, 19 марта, въ пятницу Вербной недѣли, въ столовой комнатѣ, передъ заломъ, поставлена была походная церковь лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка во имя Святителя Николая и въ тотъ же день освящена духовникомъ императрицы.

Прибытіе въ Кіевъ польской знати не прекращалось. Въ Вербное Воскресеніе особенно многолюдно было представленіе, такъ что графу Александру Андреевичу Безбородко одному уже не подъ силу было и въ помощь ему для представленія императрицѣ пріѣзжихъ явился камергеръ Валуевъ. До отъѣзда императрицы въ лавру къ обѣднѣ ей были представлены: нашъ посланникъ въ Неаполѣ, графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій, бискупъ смоленскій и коадъюторъ Адамъ Нарушевичъ, польскіе графы Плятеръ, Сангушко, Северинъ Потоцкій, шамбеланъ Сватовскій, депутаты отъ дворянства бѣлорусской губерніи. По возвращеніи изъ лавры, передъ обѣдомъ, къ которому приглашены, между прочими, съ женами графъ Мнишекъ и графъ Браницкій, императрица пригласила къ себѣ въ спальню графиню Мнишекъ и графиню Браницкую. Всѣ съѣхавшіеся по приглашенію къ обѣду ожидали выхода императрицы и загадывали, отчего такъ долго. Вдругъ императрица вышла въ залу и обратясь къ гр. Мнишеку, спросила его: „не безпокоитесь ли

[1]) К.-ф. журналъ. 1787 г.

вы о женѣ вашей? Она скоро выйдетъ, а теперь занята туалетомъ". Вслѣдъ за этими словами взошли въ залу графиня Мнишекъ и графиня Браницкая въ орденскихъ знакахъ св. Екатерины. Мужья пожалованныхъ приносили благодаренія императрицѣ, а также Потемкинъ за свою племянницу (Сынъ Отечества. 1843 г. Мартъ, стр. 25 и К.-ф. журналъ 1787 г.). Пожалованныя екатерининскіе кавалеры разсказали о милости къ нимъ императрицы, которая сама надѣвала на нихъ этотъ орденъ.

Придворный кружокъ въ это время ожидалъ въ билліардной и шептались между собою, особенно дамы, дѣлая разныя предположенія, для чего Браницкая и Мнишекъ были приглашены къ императрицѣ. Недолго пришлось имъ ожидать развязки. Императрица сама привела къ придворному кружку новыхъ *„екатерининскихъ" кавалеровъ.*

Можно представить себѣ удовольствіе графа Мнишека за жену свою, потому что въ это время всѣ пріѣзжія польскія дамы добивались и хлопотали черезъ Мамонова и Потемкина о пожалованіи имъ этого ордена (Смоленск. Губ. Вѣд., 1871 г. и К.-ф. ж. 1787 г.).

Въ этотъ же день императрица послала съ нарочнымъ орденъ св. Екатерины и Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной. „Надѣюсь, писала 23 марта императрица къ гр. Брюсу, что третій гостинецъ до Анны Никитичны доѣхалъ. Увѣдомьте меня, какое дѣйствіе учинилъ?" Дѣйствіе было слѣдующее: Анна Никитична получила *гостинецъ* 29 марта вечеромъ и тотчасъ разослала всѣхъ оффиціантовъ въ разныя церкви для принесенія благодарственныхъ Богу моленій (см. Записки Гарновскаго. Рус. Старина. 1876 г.).

По поводу этихъ пожалованій графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, находившійся въ Кіевѣ съ дочерью своею въ свитѣ императрицы, писалъ 21 марта въ Москву къ другу своему бывшему оберъ-камергеру князю Александру Михайловичу Голицыну: „севодня, въ Вербное Воскресеніе, ея величество пожаловала кавалерскимъ орденомъ св. Екатерины графиню Мнишекъ, жену короннаго оберъ-маршала, короля польскаго пле-

мянницу, графиню Браницкую и Анну Никитичну Нарышкину. *Я чай никогда еще не бывало, чтобъ три вдругъ сдѣланы были*".

Вмѣстѣ съ этимъ Чернышевъ, зная какъ любитъ Москва всякія придворныя извѣстія, сообщилъ о Румянцевѣ: „Фельдмаршалъ графъ Румянцевъ дѣйствительно былъ нездоровъ, выкидалось на головѣ и на лицѣ, однако теперь легче, но со всѣмъ тѣмъ говоритъ, будто онъ думаетъ отъ всѣхъ дѣлъ увольненія просить, считая себя совершенно слабымъ и не въ состояніи продолжать болѣе никакой службы, а особливо военной".

Голицынъ отвѣчалъ Чернышеву: „что скажутъ наши древнія статсъ-дамы о пожалованныхъ орденахъ? Хотя, впрочемъ, сія отличность и не слѣдуетъ старшинству, а милости". О намѣреніи же Румянцева выйти въ отставку Голицынъ отвѣчалъ: „графъ Задунайскій давно говоритъ о своей отставкѣ, но говорить и дѣлать двѣ вещи весьма разныя, а какъ онъ и до сихъ поръ онаго не исполнилъ, то можетъ быть, по примѣру себѣ подобныхъ знатныхъ мужей, умретъ безъ отставки. Кажется, что люди, пріобыкшіе къ знатности и командовать и любя оныя почести, рѣдко сами съ ними разстаются" [1]).

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Бумаги князей Голицыныхъ въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

СОСЛОВНЫЯ НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ МАЛОРОССІЯНЪ ВЪ ЭПОХУ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КОММИССІИ. [1])

(ОКОНЧАНІЕ).

ГЛАВА V.

Козаки.

Въ этой главѣ намъ предстоитъ закончить нашъ очеркъ изложеніемъ наказовъ малороссійскихъ козаковъ и Запорожья—такихъ общественныхъ группъ, которыя вскорѣ послѣ созыва екатерининской коммиссіи сошли со сцены и сдѣлались нынѣ достояніемъ исторіи. Что касается малороссійскихъ козаковъ, отъ которыхъ у насъ имѣется всего 4 наказа, то о нихъ необходимо сказать, что въ эпоху призыва ихъ въ коммиссію они не составляли уже того могущественнаго съ политическимъ вѣсомъ и силою сословія, какъ во время Б. Хмельницкаго и „возсоединенія". Въ екатерининскіе дни козачество переживало уже состояніе полнѣйшаго разложенія полу-военнаго—полу-гражданскаго быта и устройства; оно выжило изъ традиціонныхъ формъ, созданныхъ предъидущимъ столѣтіемъ и исторической обстановкой, но не вступило на новый соціальный путь и кое-какъ сохраняло свой историческій обликъ, хотя подъ нимъ ужъ таилось новое содержаніе и завязывались новые ростки жизни.

Козаки формально еще основывали свое устройство и управленіе на пунктахъ Б. Хмельницкаго, но политическія условія

---

[1]) „Кіевская Старина", 1891, 1.

Малороссіи, быта и организаціи козаковъ уже измѣнились: козачество, войдя въ составъ новаго политическаго тѣла, потеряло свои историческія функціи. Втеченіе болѣе полувѣка его основы были расшатаны, а наступившіе порядки не давали ему никакой опоры, и оно, такъ сказать, претворяясь въ другую массу, медленно сбрасывало съ себя свои соціальныя оболочки. Во время призыва въ коммиссію, хотя договорные пункты не были отмѣнены, отъ нихъ въ сущности ничего не осталось: у козаковъ не было гетмана, генер. старшина не была выбираема, не было обычая созыва „радъ“ по дѣламъ первой важности, не существовало на дѣлѣ и вольнаго избранія полковниковъ, сотниковъ и пр. Малороссія давно потеряла характеръ автономной области, заполнилась великорусскими войсками и чиновниками, и Румянцевъ распоряжался въ ней, какъ губернаторъ въ любомъ русскомъ городѣ... Но это преобразованіе гетманщины пока двигалось сверху, снимались, такъ сказать, верхніе слои, выдѣлявшіе Украйну отъ остальныхъ частей россійской имперіи, наиболѣе же глубокимъ слоямъ предоставлялось разлагаться самимъ собою, хотя въ то же время необходимость радикальной реформы Малороссіи сверху до низу и, главное, козацкихъ порядковъ была сознана и стояла на очереди.

Дѣйствительно, нельзя не признать, что во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка военный строй Малороссіи съ его архаическими, крайне несложными, не дифференцированными, но произвольными порядками, представлялъ рѣшительный контрастъ своему времени и даже тѣмъ слабымъ требованіямъ цивилизованнаго государства, которыя были тогда доступны пониманію русскихъ политиковъ.

Обособленность козаковъ и ихъ порядковъ съ теченіемъ времени стала анахронизмомъ едва ли полезнымъ для самаго козачества. Это отчасти поняли уже его верхніе слои—старшины и шляхетство, хлопотавшіе въ своихъ наказахъ не столько о козацкихъ, сколько о своихъ панскихъ, землевладѣльческихъ интересахъ.

Какъ военная сила, козаки также утратили свое нѣкогда весьма внушительное значеніе. Въ XVII вѣкѣ они составляли

главное населеніе Украйны, съ которымъ приходилось считаться; они были сильны не только, какъ войско, но и нравственно—единствомъ и ясностью своихъ идеаловъ и сознаніемъ своего политическаго значенія. Тогда русское правительство вынуждено было ласкать козаковъ и ладить съ ними даже цѣною сохраненія ихъ привилегій, такъ какъ этимъ, во-первыхъ, закрѣплялся за нимъ присоединившійся край, а во-вторыхъ, въ его распоряженіи являлась всегда готовая военная сила противъ общихъ враговъ—турокъ, поляковъ, татаръ. Самъ Петръ Великій, безпощадно ломавшій все, что противорѣчило его идеѣ государства, не отказывалъ въ нѣкоторыхъ уступкахъ козакамъ. Но со временемъ эта необходимость исчезла: край былъ закрѣпленъ, а военное значеніе козаковъ пало. Что могла значить при Екатеринѣ II, въ дни развитія военнаго искусства и огромныхъ регулярныхъ армій, двадцатитысячная армія плохо дисциплинированныхъ и вооруженныхъ козаковъ? Естественно, что эта сторона дѣла не могла уже оправдывать существованія особой гетманщины и не могла остановить сліянія съ Россіей.

Сколько можно судить по наказамъ, козаки сами не были довольны своими порядками, своимъ экономическимъ и соціальнымъ положеніемъ и желали реформъ, но въ томъ ли духѣ какъ и правительство или въ иномъ,—это читатель увидитъ изъ нашего бѣглаго обзора содержанія ихъ наказовъ. Посмотримъ сначала, каково было сословное положеніе козаковъ.

Какъ мы сказали, козаки сохраняли еще свою историческую, соціальную форму: они составляли свободное сословіе людей, пользовавшихся извѣстными правами и обязанныхъ исключительно военною службой. Права ихъ, какъ сословія, по закону, ничѣмъ не отличались отъ шляхетскихъ, такъ какъ само шляхетство представляло изъ себя ничто иное, какъ верхній, чиновный слой того же козачества. Если и было между такъ называемымъ шляхетствомъ и козачествомъ какое-либо соціальное отличіе, то не въ правахъ, а въ экономическомъ положеніи, съ чѣмъ связывалось и извѣстное предпочтеніе одному сословію передъ другимъ, то предпочтеніе, которое оказываютъ богатству передъ бѣдностью. Шляхетство владѣло населенными деревнями

и селами, козаки владѣли только грунтами, за которые и отбывали военную службу. Въ этомъ ихъ отличіе; но и простому козаку, какъ мы говорили въ предшествовавшихъ главахъ, не былъ закрытъ доступъ въ ряды шляхетства: достаточно было быть избраннымъ въ старшинскія должности, получить извѣстный урядъ, чтобы выйти изъ рядовъ простолюдиновъ и попасть въ „значные“ козаки, а затѣмъ и въ шляхетство. Такъ и было въ старину: среда козаковъ, какъ волна, колыхалась, одни лица подымались вверхъ по ступенямъ общественной службы и вытягивали за собой своихъ родственниковъ, другія опускались и въ своемъ паденіи увлекали и своихъ приближенныхъ, такъ что пока было избраніе старшинъ вольными голосами, пока не было рѣзкой экономической розни, подняться и опуститься въ козацкой средѣ было очень легко. Но когда вольное избраніе стало пустой формальностью, когда правящая старшина обзавелась по пожалованіямъ отъ гетмановъ и царей, а часто и по праву сильнаго, деревнями и различными маетностями, то колебаніе козацкой среды стало утихать и возникло сначала слабое, а затѣмъ проведенное съ рѣзкостью, указывающей на оформленіе сословій—различіе простыхъ козаковъ отъ старшинскихъ родовъ—шляхетства. Въ екатерининское время козаки составляли уже сѣрую безгласную массу, не только не воздерживавшую старшинъ своимъ правомъ вольнаго избранія, но безусловно ставшую отъ нихъ въ зависимость и въ жизни экономической, и въ управленіи. Шляхетское право козаковъ, о которомъ упоминаютъ наказы, не имѣло въ жизни почти никакого примѣненія. Въ соціальномъ отношеніи козаки представляли классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, стоявшій среди двухъ общественныхъ группъ: шляхетства и посполитыхъ.

Къ первымъ они примыкали по историческому, такъ сказать, родству, по общности своей воинской службы и связаннымъ съ ней послѣдствіямъ—козацкому управленію и суду; со вторыми они были связаны экономическимъ положеніемъ, яснѣе говоря матеріальной бѣдностью. Затѣмъ соціальная связь этихъ сословій поддерживалась тѣмъ, что среда козаковъ не отличалась замкнутостью: продавшій свой грунтъ козакъ записывался

за владѣльца, а купившій его посполитый крестьянинъ могъ записаться въ ряды козаковъ или подпомощниковъ, такъ какъ пріобрѣтеніе козацкаго грунта, по свидѣтельству наказа малороссійской коллегіи, было первымъ къ тому средствомъ. Впослѣдствіи вышедшій изъ козаковъ могъ снова отыскивать свое право на козачье званіе и такіе случаи были настолько часты, что по свидѣтельству того же наказа, „смѣшеніе козаковъ съ посполитымъ народомъ свойствомъ и грунтами было безконечное и безпрерывное", и малороссійская коллегія, находя его вреднымъ, просила запретить „писаніе въ козачество", повелѣвъ, чтобы „кто при нынѣшней въ Малой Россіи генеральной описи гдѣ состоитъ, тому ужъ такъ быть и о козачествѣ молчать" [1]). Съ посполитыми козаковъ связывала также и общность исполняемыхъ работъ и государственныхъ повинностей.

Такимъ образомъ положеніе козаковъ, какъ сословія, съ одной стороны имѣвшихъ право на пользованіе „шляхетской "честью и правами, а съ другой, нерѣдко добровольно, а иногда и вынужденно записывавшихся за владѣльцевъ и обремененныхъ мужичьими повинностями, было довольно неопредѣленное и скорѣе приближало ихъ къ посполъству, чѣмъ къ шляхетству. Однако, несмотря на совершавшійся въ этомъ духѣ процессъ, у козаковъ не утратились живыя понятія о своей чести и о своей связи съ малороссійскимъ шляхетствомъ и объ обѣщаніи русскаго правительства содержать козачество при его правахъ и вольностяхъ. Поэтому въ козацкихъ наказахъ мы постоянно встрѣчаемся со ссылками на привилегіи о томъ, что *„козакъ долженъ пользоваться козацкою вольностью и честью дворянской"* [2]), что *„козаки издревле состояли на тѣхъ же которыя для шляхетства узаконены правахъ и... тѣми же, что и шляхетство преимуществами пользовались"* [3]) и т. д. Нечего и говорить, что при такихъ идеализированныхъ взглядахъ на положеніе козаковъ въ старину и при крайне незавидномъ совре-

[1]) Сб. Р. Им. Ист. Об. т. 43, стр. 233.
[2]) Нак. 142.
[3]) Ibid. 153.

менномъ положеніи козаки тянулись къ прошлому, въ такомъ розовомъ видѣ имъ представлявшемуся. Во всѣхъ наказахъ они просили, „чтобы имъ было подтверждено дворянское достоинство и честь, чтобъ они въ томъ въ вольности козацкой пользовались и пребывали ненарушно“ [1]) или, какъ выражались стародубскіе козаки, „чтобы въ правахъ и выгодахъ содержаны были противъ шляхетства“ [2]). Козаки, стоя на исторической почвѣ, не различали себя отъ шляхетства и, закрывая глаза на дѣйствительность, не желали видѣть, что время уже положило рѣзкую грань между ними и заправскимъ шляхетствомъ и что главный факторъ въ этомъ процессѣ былъ экономическій. Установивъ фактъ, нельзя не остановиться на вопросѣ, что же собственно представляли собой стремленія козаковъ и хлопоты ихъ о шляхетскомъ правѣ, чести и достоинствѣ? Понималось-ли ими шляхетское достоинство въ томъ смыслѣ, какъ его понимало само шляхетство, т. е. добивались ли козаки нобилитаціи и заботились объ укрѣпленіи на „потомніе часы“ своего благородства, или здѣсь шло дѣло не о такихъ недоступныхъ сѣрой массѣ желаніяхъ, а о болѣе насущныхъ потребностяхъ? Не нужно много доказывать, что генеалогическіе предразсудки не могли занимать козаковъ и что ихъ просьбы о шляхетскомъ правѣ имѣли въ наказахъ совершенно экономическую подкладку. Нужно замѣтить, выраженіе „шляхетскія права“ въ наказахъ очень часто фигурируетъ вмѣстѣ съ выраженіемъ „козацкія вольности“; они другъ друга дополняютъ и замѣняютъ, и хлопоты козаковъ о шляхетскихъ правахъ были въ сущности хлопотами о козацкихъ вольностяхъ, состоявшихъ, по исчисленію черниговскаго наказа, въ вольномъ избраніи старшинъ для суда и управленія, въ свободѣ въ своихъ „добрахъ“, въ винномъ промыслѣ, продажѣ вина, пива, меду и др. напитковъ въ своихъ домахъ, по городамъ и селамъ, въ исключительной обязанности отбыванія военной службы и въ свободѣ отъ податей и прочихъ тягостей. Это былъ составъ обычныхъ козацкихъ вольностей, а по

---

[1]) Нак. 159.
[2]) Ibid. 153.

позднѣйшему выраженію, шляхетскихъ правъ, такъ какъ въ последнее время козаки уже не пользовались всѣми своими вольностями и онѣ только до нѣкоторой степени сохранялись еще въ шляхетской средѣ, составляя ея „права“. Главная часть ихъ, какъ мы видимъ, состояла въ экономическихъ льготахъ—свободѣ промысловъ и въ особенности свободѣ отъ податей и другихъ повинностей, кромѣ военной службы; потому-то этихъ шляхетскихъ „правъ“ и добивались козаки, сравненные въ послѣднее время по отбыванію многихъ повинностей съ посполитыми крестьянами, а не съ шляхетствомъ. Переходя къ экономическому состоянію козаковъ, мы должны сказать, что и въ этомъ отношеніи козаки занимали средину между шляхетствомъ и посполъствомъ. Не обладая такими достатками, какъ первое, они не были въ то же время и вполнѣ безземельными, какъ большинство посполитыхъ, хотя и среди нихъ была масса „малогрунтовыхъ“, предпочитавшихъ иногда, во избѣжаніе тягостей службы, переходить въ посполитые. Козаки представляли классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, переходную ступень отъ шляхетства къ посполитымъ и въ общемъ ихъ экономическое положеніе было довольно плохое. Въ наказахъ находится не мало жалобъ козаковъ на свое нищенство, разореніе, оплошность и несостоятельность къ козачьей службѣ. Причинъ этого явленія, по указанію самихъ козаковъ, двѣ: одна внутренняя—разложеніе недифференцированной козацкой среды на старшинскую аристократію или шляхетство и простое козачество, а вторая внѣшняя—нарушеніе козацкихъ вольностей тяжестью государственныхъ работъ, повинностей и налоговъ. Обращаясь къ первой, мы замѣтимъ, что по мѣрѣ обособленія въ Малороссіи крупнаго старшинскаго землевладѣнія и шляхетства съ одной стороны и обезземеленнаго посполъства съ другой, положеніе мелкихъ землевладѣльцевъ-козаковъ становилось крайне не безопаснымъ въ смыслѣ ихъ гражданской свободы и устойчивости земельной собственности отъ натиска болѣе крупныхъ и вліятельныхъ старшинъ-землевладѣльцевъ; на Малороссіи подтвердился еще разъ общій законъ, что крупные и сильные поземельные собственники всегда имѣютъ склонность порабощать болѣе мелкихъ,—

козацкіе грунты сплошь и рядомъ стали переходить въ старшинскія и владѣльческія руки и козаки обезземеливались. Этому много способствовали и побочныя явленія козацкой жизни, какъ то: тягость военной службы, обременительные налоги, далекіе походы, высылка на изнурительныя работы и пр., такъ что выгоднѣе и спокойнѣе было иногда продать свой грунтъ и записаться за богатаго владѣльца. Чтобы воспрепятствовать умаленію числа козаковъ, вызываемому продажей грунтовъ, русское правительство стремилось ограничить эти продажи и въ этомъ смыслѣ были изданы указы, запрещавшіе скуплю козачьихъ грунтовъ, такъ какъ козаковъ желательно было сохранить для военныхъ надобностей. Появленіе этихъ указовъ, направленныхъ къ поддержанію козачества, мы полагаемъ, не только констатируетъ экономическое разореніе козаковъ, но и доказываетъ, что оно шло извнутри отъ своихъ же собратьевъ-старшинъ, утратившихъ истый козацкій духъ и превратившихся въ пановъ-землевладѣльцевъ. Чѣмъ выше поднимались по соціальной лѣстницѣ украинскіе „державцы", тѣмъ сильнѣе они забывали дѣйствительные интересы козачества и тѣмъ дальше оттѣсняли его къ посполитымъ крестьянамъ. Къ разсматриваемому времени масса козаковъ состояла уже въ подданствѣ частныхъ владѣльцевъ, выйти изъ-подъ власти которыхъ было очень мало шансовъ; даже при счастливомъ исходѣ отысканіе козачества не всегда было полезно, такъ какъ козакъ выходилъ отъ владѣльца безъ грунта и становился пролетаріемъ. Уменьшеніе въ числѣ козаковъ, однако, пополнялось вступленіемъ въ этотъ классъ лицъ изъ мѣщанъ и посполитыхъ крестьянъ, такъ что въ Малороссіи постоянно происходила перетасовка сословій и мѣстъ жительства—козачество поступало въ посподьство, а посполъство по старинному обычаю рвалось въ козачество или хотя бы въ козацкіе подсусѣдки. Такимъ образомъ между козачествомъ и посполъствомъ установилась близкая связь, но за то, благодаря именно этой близости, козаки отдалялись отъ шляхетства, правами котораго они стремились пользоваться. Благодаря перетасовкѣ сословій, число козаковъ не уменьшилось, ихъ было по

послѣдней ревизіи 71,604 хаты [1]), но экономическое положеніе ихъ настолько разстроилось, что рѣдко какой козакъ былъ въ состояніи въ полной исправности нести свою службу. При Аннѣ Іоанновнѣ въ 1736 году въ Малороссіи едва могло сыскаться 20 т. годныхъ къ службѣ козаковъ, ихъ принуждены были разбирать по статьямъ и убогихъ отдавать въ подмогу зажиточнѣйшимъ, т. е. въ такъ называемые подпомощники, но въ 1764 г. старшина и шляхетство писали [2]) въ своемъ прошеніи о возстановленіи правъ, что изъ 20 т. едва-ли половина найдется исправныхъ къ службѣ. Мы не можемъ рѣшить, насколько тяжесть службъ и повинностей, а насколько обезземеленіе державцами и старшинами привели козаковъ къ такой маломощности, но фактъ остается фактомъ и козаки въ эпоху призыва въ коммиссію представляли совершенно безсильное и въ экономическомъ и въ соціальномъ отношеніи сословіе.

Черниговскій наказъ даетъ несомнѣнныя свидѣтельства, что многимъ въ своей неприглядной жизни козаки были обязаны именно владѣльцамъ и старшинамъ. Въ старое время—говорится въ немъ [3]),—козаки отправляли военную службу успѣшно потому, что имѣли у себя достаточно пахатныхъ полей, сѣнокосовъ, лѣсовъ, мельницъ и др. угодій, но въ описываемые дни, за утѣсненіемъ владѣльцевъ и всякаго званія старшинъ, эта служба стала имъ въ тягость, такъ какъ означенныя лица лишаютъ всякими способами ихъ владѣній. Происходитъ это, по описанію наказа, обыкновенно такимъ образомъ, что, какъ только неосѣдлые сотникъ и сотенная старшина вступятъ въ свою должность, то сейчасъ же начинаютъ искать козачьяго грунта для устройства двора и постройки на немъ жилой избы, затѣмъ къ дворамъ прикупаютъ у козаковъ черезъ „угроженія и ласкательства“ пахатныя поля, лѣса, сѣнные покосы и всѣ лучшіе грунта, причемъ даже не столько покупаютъ, какъ „завлаживаютъ“, а самихъ козаковъ „хитрыми способами утискиваютъ“. Вытѣснивъ козаковъ со дворовъ, старшина ихъ же къ

---

[1]) Малороссія въ 1767 г. Авсѣенко. 149 стр.

[2]) „Кіев. Стар.“ 1883 г. № 7.

[3]) Нак. 144.

себѣ „привлащиваетъ", т. е. обращаетъ въ владѣльческихъ крестьянъ, кромѣ того иныхъ козаковъ старшина употребляетъ въ партикулярныя работы, а другихъ укрываетъ отъ законныхъ повинностей, отчего козаки, не пользующіеся покровительствомъ, несутъ двойную службу. Но самоуправство старшины на этомъ не останавливалось: „отъ великихъ тяжебъ, боевъ и страховъ", причиняемыхъ ею, иные козаки даже бросали своихъ женъ, дѣтей и имущество и уходили въ подсусѣдки, за рубежъ и вообще въ безвѣстныя мѣста, лишь бы освободиться отъ старшинскаго своевольства и беззаконія. Причины „отпаденія" козаковъ отъ военной службы, черниговскій наказъ видѣлъ именно въ томъ, что „многіе духовные и мірскіе владѣльцы и старшины не только имѣнія козачьи поотнимали насильно по куплѣ и всякимъ сдѣлкамъ, но и самихъ козаковъ во владѣніе къ себѣ поподвергали въ подданство и несутъ общія съ мужиками тяжбы... (тягости). Почему въ умаленіи козачьихъ грунтовъ немалое изъ вольностей козачьихъ отошло и козаковъ отъ службы военной отпало; а которые нынѣ еще въ службѣ на лицо имѣются, то тѣ за таковыхъ несучи излишную службу, приходятъ въ крайнее разореніе и оплошность". Процессъ „завлаживанія" земель и „привлащенія" козаковъ, по словамъ того же наказа, продолжался и въ самые послѣдніе дни, такъ какъ владѣльцы и старшины не обращали никакого вниманія на запретительные по этому предмету указы. Чтобы учинить козакамъ облегченіе и охранить ихъ службу на будущее время, черниговскій наказъ просилъ, чтобы вольныя козацкія земли и люди были отобраны отъ владѣльцевъ и чтобы послѣднимъ и старшинамъ было запрещено „завлаживать куплей и всякими способами козацкими землями", а для того, чтобы козаки могли оказывать давленіе на свою старшину, они просили подтвердить привилегію избранія старшинъ вольными голосами. Съ этимъ разумнымъ желаніемъ черниговцевъ ограничить переходъ козачьихъ земель новымъ узаконеніемъ соглашались, однако, не всѣ наказы. Прилуцкіе и миргородскіе козаки, въ явный ущербъ себѣ, просили, чтобъ имъ было подтверждено [1]) имѣть куплю и продажу своихъ имѣній, чтобы

[1]) Нак. 159, 164.

„всякъ бы свободенъ свое имѣніе кому хотя продавать и даровать“, но мы сомнѣваемся, не было ли это желаніе внушено козакамъ ихъ старшинами, такъ какъ намъ уже извѣстно, что иногда сами сотенные повѣренные не хотѣли вносить въ наказы вопроса о скуплѣ козачьихъ грунтовъ, чтобы не выносить изъ избы сору. Кромѣ черниговскаго ни одинъ наказъ не далъ намъ такой картины старшинскихъ злоупотребленій въ козацкомъ землевладѣніи. Козацкая земельная собственность занимала ихъ съ другой стороны—козаки просили, чтобы „всѣ ихъ добра якъ-то: грунта, мельницы, отчины и всякія угодья, наслѣдныя, наданныя, купленныя и занятыя, по крѣпостямъ и по природному праву владѣемыя, въ безпрепятственномъ владѣніи и употребленіи намъ (т. е. козакамъ) всегда тверды были“ [1])—та же просьба, съ которой мы уже встрѣчались въ шляхетскихъ наказахъ.

Владѣніе козаковъ перечисленными „добрами“ составляло, какъ извѣстно, одну изъ вольностей, съ которыхъ они отбывали свою службу и отправляли повинности; обыкновенно русскіе государи при вступленіи на царство подтверждали эти вольности жалованными грамотами, такъ что козацкія земли были уже подтверждены козакамъ нѣсколько разъ, но въ виду того, что на большинство козацкихъ земель не имѣлось никакихъ актовъ укрѣпленія, козаки и теперь не забыли попросить императрицу, чтобы ихъ земли были имъ „тверды“ даже въ тѣхъ случаяхъ, если на нихъ нѣтъ крѣпостей. Вмѣстѣ съ этимъ козаки просили, чтобы ихъ землевладѣніе, подобно шляхетскому, свободно было отъ обложенія налогами.

Возвращаясь къ другимъ причинамъ экономическаго обнищанія козаковъ, мы должны сказать, что онѣ были тѣ же, съ которыми мы познакомились при разсмотрѣніи экономическаго упадка другихъ сословій. Поэтому о нихъ мы скажемъ съ возможной краткостью. Во-первыхъ, козаки много жаловались на постойную повинность, которою по грамотамъ они вовсе не были обязаны. Козаки писали, что ихъ дома въ отношеніи этой по-

---

[1]) Ibid, 152.

винности сравниваются съ мужичьими и занимаются подъ постой квартирующихъ и проходящихъ полковъ и командъ, а сами они посылаются съ лошадьми въ „подводы“ и проводники „къ чувствительному ихъ отягощенію“. Распоряженіе русскаго правительства о назначеніи козаковъ на различныя черныя работы, какъ извѣстно, началась очень рано. Прежде всего козаками не какъ войскомъ, а какъ рабочей силой, началъ пользоваться Петръ I, сначала для возведенія во время шведской войны крѣпостей, а затѣмъ и для земельныхъ работъ, ничего не имѣвшихъ общаго ни съ войнами, ни съ Малороссіей. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше въ этомъ отношеніи церемонились съ козаками: послѣ полтавской битвы козаки рѣдко видѣли поле сраженія, имъ большею частью приходилось исполнять тяжелую работу рытья каналовъ, насыпей, валовъ, устройства ретраншементовъ, шанцевъ, засѣкъ и т. п. на отдаленномъ сѣверѣ, югѣ и востокѣ. Извѣстно, сколькихъ тысячъ жизней стоили какъ козакамъ, такъ и великоруссамъ работы на берегахъ Ладоги, Онеги, Невы, производившіяся ими въ началѣ XVIII вѣка, но онѣ продолжались, хотя и въ другихъ мѣстахъ, до самаго послѣдняго времени. Въ наказѣ [1]) козаки жалуются, что ихъ болѣе 10 лѣтъ подрядъ посылаютъ дѣлать на границѣ съ Польшей засѣки, строить редуты, расчищать въ лѣсныхъ мѣстахъ дороги, мостить болотистыя мѣста, а въ послѣднія нѣсколько лѣтъ еще посылаютъ и на Донъ для устройства въ Ростовѣ крѣпости, причемъ имъ приходится брать съ собой подводы, возить колоды, мачты, и исполнять всѣ „мужицкія“ работы, отчего ихъ служба „въ противность ихъ правъ уже не вмѣняется въ военную, а сами они часъ отъ часу приходятъ въ оскудѣніе и оплошность“ [2]).

Причина незаконной высылки козаковъ на упомянутыя работы, по утвержденію черниговскаго наказа, происходитъ оттого, что въ Малороссіи, благодаря политикѣ гетмановъ, раздававшихъ свободныхъ людей частнымъ владѣльцамъ, остались только два сословія—козаки да владѣльческіе подданные, свободные же

[1]) Нак. 147, 155.
[2]) Нак. 147.

люди, бывшіе ранѣе въ весьма многочисленномъ количествѣ и отправлявшіе многія работы, совершенно исчезли. Но такъ какъ владѣльцы не допускаютъ своихъ людей къ государственнымъ работамъ и укрываютъ ихъ отъ исполненія повинностей, то все бремя послѣднихъ падаетъ на козаковъ. Далѣе, тотъ же наказъ развивалъ мысль, что козацкая служба до того времени отличалась исправностью, пока ихъ не одолѣли неустройства „отъ многихъ команду надъ Малороссіей имѣющихъ и вольности нарушившихъ отъ вѣка заключенные, непорядки устроившихъ и всѣхъ ихъ отяготившихъ“, для того же, чтобы козацкая служба снова пришла въ цвѣтущее состояніе, черниговскіе козаки просили пожаловать ихъ прежними милостями и освободить отъ несвойственныхъ военному сословію мужицкихъ работъ и повинностей. Въ этомъ отношеніи съ черниговскимъ были солидарны и другіе наказы и, глядя теперь со стороны, нельзя не согласиться, что описанныя обязанности, возлагавшіяся на козаковъ, не только не соотвѣтствовали имъ, какъ сословію, обязанному уже исключительной военной службой, но рѣшительно имъ противорѣчили, ибо разстраивали и понижали ихъ военную среду, обращая воиновъ въ какихъ-то землекоповъ. При такихъ условіяхъ естественно, что козацкій духъ воинственности, героизмъ, жажда славы и идеала утрачивались въ малорусскихъ козакахъ сами собой, и они превращались въ простыхъ земледѣльцевъ, а историческія традиціи, понятія о козакѣ, какъ о народномъ героѣ, само право козаковъ на шляхетскую честь оттѣснялись въ глубь и постепенно сглаживались, оставляя въ душѣ развѣ только смутный осадокъ горечи да сожалѣніе о славныхъ прошлыхъ временахъ. Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ наказовъ, наклонность къ традиціоннымъ функціямъ у козаковъ, несмотря на всѣ невзгоды еще не была окончательно вытравлена и желаніе служить „какъ предки служили“ было заявлено всѣми наказами. Изъ другихъ повинностей, кромѣ постоевъ и государственныхъ работъ, козаки больше всего жаловались на извѣстное обложеніе рублевыми окладами. По своимъ привилегіямъ, неоднократно подтвержденнымъ русскими государями, козаки долженствовали быть свободными отъ всякаго рода обложенія или,

какъ они выражались, „пребывали въ вольностяхъ“, но и въ этомъ отношеніи такой порядокъ уже давно поколебался, и козаки по обложенію повинностями были сравнены съ крестьянами, что въ свою очередь не могло иначе, какъ дурно, отражаться на козачьей службѣ. Поэтому, во всѣхъ наказахъ [1]) находятся жалобы, что съ тѣхъ поръ какъ козаковъ-подпомощниковъ сравняли съ мужиками и обязали ихъ и подсосѣдковъ ихъ выстачать порціоны и раціоны на квартирующіе въ Малороссіи полки, они стали приходить въ нищенство и ослабленіе, усилившіяся съ 1765 года тѣмъ болѣе, что ранѣе козаки выстачали порціоны и раціоны только *въ половину* противъ мужиковъ, а съ 1765 г., т. е. съ замѣной дачъ рублевымъ окладомъ, послѣдній стали взимать *въ полномъ размѣрѣ* и съ козаковъ, и съ ихъ подсосѣдковъ. Рублевый окладъ, положенный на хаты, возмущалъ козаковъ, равно какъ и другія сословія, потому что имъ были „отягощены и великія, и малыя жилища, и бѣдные, и можнѣйшіе подсусѣдки, въ козачьихъ домахъ живущіе не различены, въ иного же козака почти и худобы нема болѣе рубля, но и на того такъ положено по рублю съ хаты грошей, а они и всякую государеву службу сверхъ окладу отбуваютъ, за чѣмъ уже часъ отъ часу и военной службы отправлять не въ состояніе приходятъ“ [2]). Естественно, что для облегченія службы козаки просили о сложеніи съ нихъ этого налога, а стародубцы въ крайнемъ случаѣ просили объ уменьшеніи его до половины. Вмѣстѣ съ этимъ, стародубскимъ наказомъ было высказано желаніе, чтобы „вдовы козачіи, остаючіяся послѣ смерти мужей съ малолѣтними вольности предковъ ихъ имѣли и до возрасту таковыхъ дѣтей отъ козачьихъ повинностей были увольнены“ [3]).

Помимо разсмотрѣнныхъ прошеній, въ экономической области козаки еще хлопотали о свободѣ торговли и промысловъ, которыми они занимались искони и конкуррировали съ мѣщанами. Свои просьбы козаки какъ бы противопоставляли просьбамъ мѣщанъ, хлопотавшихъ о запрещеніи торговли всѣмъ со-

---

[1]) Нак. 144, 154, 158, 164.

[2]) Нак. 159.

[3]) Ibid. 153.

словіямъ, исключая ихъ. Стародубцы писали [1]): „подтвердить, чтобъ свободный былъ намъ промыселъ, особливо винокуреніе, продажа разныхъ напитковъ въ своихъ домахъ, а сверхъ того родячимись здѣсь продуктами, т. е. пенькою, олеемъ, медомъ, воскомъ и тому подобными, найпаче же тѣмъ козакамъ, кои достаточно грунта не имѣютъ, а живутъ въ городѣ и вышеозначенными продуктами промышляютъ, снабдѣвая тѣмъ себя къ службѣ в. и. в—ства". По данному вопросу съ стародубскимъ наказомъ были въ принципѣ согласны и остальные [2]), но нѣкоторые изъ нихъ, какъ черниговскій и прилуцкій, понимали свободу торговли еще обширнѣе: они просили о дозволеніи торговать „безъ всякого отъ кого-либо запрещенія и пошлинъ", чтобы и „промыслы бъ имъ имѣть всякіе было свободно и безпошлинно внутрь М. Россіи, съ чего бъ они могли себе снабдѣть въ войсковой козачей службѣ".

Изъ сказаннаго о соціально-экономическомъ положеніи козаковъ достаточно ясно видно, что козаки не были удовлетворены, что они смотрѣли на него какъ на упадокъ, выйти изъ котораго можно только путемъ возрожденія старинныхъ вольностей; эта точка зрѣнія господствуетъ и въ прошеніяхъ козаковъ, касавшихся судебнаго, административнаго и военнаго устройства и управленія, которыя также измѣнились не въ пользу козаковъ, сравнительно съ имѣвшимися у нихъ жалованными грамотами. Козаки были недовольны, но мы не можемъ сказать, чтобы они высказали какіе-нибудь опредѣленные взгляды на свое устройство и управленіе, чему мѣшало, конечно, неразвитіе общественной мысли и сама сложность даннаго предмета. Въ общемъ же духъ наказовъ таковъ, чтобы козачество на будущее время „содержалось" при всѣхъ его вольностяхъ, какъ обозначено въ пунктахъ Б. Хмельницкаго и жалованныхъ грамотахъ. Въ выраженіи своихъ желаній козаки подчеркнули только главные желательные порядки козацкой организаціи, безъ которыхъ было немыслимо само существованіе козачества въ его старомъ,

---

[1]) Нак. 152.

[2]) Ibid. 160.

украинскомъ духѣ. Это были просьбы о подтвержденіи вольностей, „чтобы по прежнему въ М. Россіи выборъ былъ всѣхъ старшинъ вольными отъ общества голосами“ [1]). Какіе это старшины, каковы ихъ функціи, какимъ образомъ выборъ ихъ долженъ происходить „вольными голосами“ и гдѣ тѣ законы, на основаніи которыхъ они должны управлять и судить, большинство наказовъ не упоминало, но глухо ссылалось на старинные обычаи. Такъ, даже наиболѣе подробный въ этомъ случаѣ переяславскій наказъ, упомянувъ, что въ М. Россіи первый недостатокъ въ томъ, что не имѣется „гетмана“, ограничивался одной просьбой о выборѣ гетмана, полковниковъ, полковой старшины, сотниковъ и сотенной старшины вольными голосами изъ осѣдлыхъ лицъ „по постановленнымъ гетманскимъ статьямъ“ [2]), но насколько эти статьи соотвѣтствуютъ времени и какъ онѣ опредѣляютъ дѣятельность старшинъ—наказы не разбирали. Въ этомъ случаѣ въ политическихъ представленіяхъ козаковъ незамѣтно никакого прогресса сравнительно съ предъидущимъ вѣкомъ, и мы думаемъ, что онѣ были такъ слабы, что козаки не имѣли отвлеченнаго понятія о правительственныхъ учрежденіяхъ и ихъ функціяхъ, а понимали правительство не иначе, какъ въ лицахъ, почему и заботы ихъ касались не учрежденій, а только лицъ и порядка ихъ избранія.

Переходя къ суду и праву, мы можемъ замѣтить, что этимъ предметамъ козацкіе наказы посвятили нѣсколько болѣе мѣста, чѣмъ вопросу о козацкомъ управленіи. Козаки, придерживаясь историческихъ правъ, выразили желаніе [3]), „чтобы въ силу прежнихъ узаконеній и волностей ни воеводы, ни бояринъ, ни стольникъ въ суды войсковые не вступалися, но отъ старшинъ своихъ товариства сужены были; гдѣ три козаковъ, то два третего судили кроме криминалу; и чего по статьямъ не доставатиметь для судовъ, тѣ недостатки дополнено съ права малороссійскаго книги Статута“. Въ стародубскомъ наказѣ [4]) эта же мысль была

[1]) Нак. 165.
[2]) Ibid. 157.
[3]) Ibid. 164.
[4]) Ibid. 153.

высказана такимъ образомъ: „что же принадлежитъ до права, то какъ малороссійскіе козаки состояли издревле на тѣхъ же, которые для шляхетства узаконены правахъ и какъ особливыми по своимъ правамъ и привилегіямъ вольностями, такъ тѣми же, что шляхетство преимуществами по правамъ пользовались, исключая что по статьямъ гетмана Б. Хмельницкаго козаки никакому другому, точію отъ старшинъ своихъ подвержены". Привязанность къ своему краевому суду и праву составляетъ въ наказахъ характеристичнѣйшую черту малороссіянъ, такъ что, несмотря на явные недостатки въ правосудіи, противъ него не раздавалось враждебныхъ голосовъ, и даже столь недовольные дѣйствіями старшины черниговцы все же ревниво хлопотали, „чтобы козакамъ всѣмъ обще быть судимымъ по войсковымъ правамъ постановленнымъ пунктами".

О судебныхъ реформахъ для улучшенія средствъ „къ скорѣйшему достиженію прямаго правосудія" и о необходимости исправленія матеріальнаго малороссійскаго права изъ всѣхъ козаковъ проронили нѣсколько словъ только одни стародубцы, но и они не предложили никакихъ мѣръ, а ссылаясь на свою неопытность, „яко военно-служащихъ и въ судныхъ порядкахъ и процессахъ рѣдко упражняющихся и больше не имущественныхъ", предоставили совершить судебныя реформы самой императрицѣ, крѣпко надѣясь, что она „по данной отъ Бога прозорливости... доставитъ совершенное и съ обычаями нашими сродное правило къ благоденствію всего народа малороссійскаго" [1]).

Мы закончили нашъ бѣглый обзоръ желаній и нуждъ малороссійскаго козачества. Подводя имъ итогъ и оцѣнивая ихъ содержаніе, мы должны сказать, что главное вниманіе козаковъ было поглощено заботами экономическаго свойства, вопросы же политическіе и соціальные заняли въ наказахъ второстепенное мѣсто и слабо развиты ими, но мы не можемъ окончательно судить о высотѣ и цѣлесообразности содержанія козачьихъ наказовъ, такъ какъ изъ десяти ихъ пока напечатано всего лишь

---

[1]) Нак. 153.

четыре. Извѣстное же содержаніе даетъ намъ основаніе думать, что козаки правильно, хотя и неполно, указали причины своего экономическаго обнищанія, но въ вопросахъ внутренней политики и во взглядахъ на свое благоустройство они стояли внѣ своего вѣка, хотя и были субъективно правы, такъ какъ въ силу сложившихся условій жизни этотъ вѣкъ не принесъ имъ ничего, кромѣ обнищанія и политическаго упадка.

Едва ли слѣдуетъ добавлять, что желанія козаковъ не получили никакого удовлетворенія.

Въ началѣ 1785 года Румянцевымъ-Задунайскимъ козацкіе полки были обращены въ 10 регулярныхъ карабинерныхъ и причислены къ его дивизіи, козацкіе же старшины были переименованы въ великорусскіе чины и оставлены при войскѣ или увольнены. Такимъ образомъ заявленія, сдѣланныя въ коммиссіи, были послѣдними словами козачества передъ его политической смертью.

Такимъ же предсмертнымъ словомъ былъ и наказъ отъ Запорожья.

Извѣстно, что Запорожье, обладавшее отдѣльной „войсковой“ территоріей, имѣвшее свое независимое устройство, свои порядки и вольности, долгое время оставалось только механически связаннымъ съ русскимъ государствомъ, а въ сущности представляло самостоятельную политическую общину—status in statu. Было время, когда правительство должно было терпѣть это непокорное и буйное Запорожье и щадить его вольности, но чѣмъ дальше русское государство раздвигало свои границы, чѣмъ быстрѣе росло его единство, тѣмъ меньше оставалось шансовъ на самостоятельное значеніе и роль Запорожья и въ моментъ призыва его въ коммиссію уже не было сомнѣнія, что русское государство поглотитъ маленькую запорожскую общину, какъ оно поглотило ранѣе нѣсколько гораздо большихъ самостоятельныхъ государствъ. Дѣйствительно, Запорожью въ послѣдніе годы приходилось терпѣть много стѣсненій: на запорожскихъ земляхъ въ видѣ надзора были раскинуты великорусскія команды, вокругъ него образовались новыя провинціи и укрѣпленія, запорожская территорія отдавалась иностраннымъ

пришельцамъ и т. д. Видя паденіе своихъ вольностей и отнятіе земель, Запорожье неоднократно, но безуспѣшно хлопотало передъ правительствомъ, екатерининская же коммиссія открыла этимъ хлопотамъ самый удобный случай. Запорожье высказало въ своемъ наказѣ самыя завѣтныя нужды и желанія. Запорожье просило:

a) Прежде всего, конечно, подтвердить ему договорныя статьи Б. Хмельницкаго, на которыхъ оно поступило подъ державу всероссійскую;

b) возвратить ему безвинно отнятыя земли, отошедшія къ донскому войску (по берегу Азовскаго моря) и подъ елисаветградскую и екатерининскую провинціи;

c) вывести великорусскія войска изъ запорожскихъ ретраншаментовъ и редутовъ, такъ какъ отъ нихъ чинятся одни разоренія;

d) вывести великорусскія команды, расположенныя на границѣ Запорожья, такъ какъ войско запорожское по долгу своей службы само оберегаетъ свои границы;

e) освободить Запорожье изъ подъ вѣдомства малороссійскаго правительства, третирующаго его „нибы подчиненную команду" и повелѣть запорожскому войску быть подъ вѣдомствомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ;

f) освободить по старому ввозную и вывозную торговлю Запорожья отъ всякихъ пошлинъ;

g) остановить предполагаемое переселеніе раскольниковъ на запорожскія земли и т. д. Словомъ, оно просило сохранить его въ прежнемъ видѣ и строѣ.

Въ засѣданіи коммиссіи запорожскій депутатъ М. Скапа [1]) ревностно поддерживалъ интересы избравшаго его войска; онъ доказывалъ „почтеннѣйшему собранію", что обыкновенія запорожскаго войска самыя древнія и потому самыя основательныя и выражалъ надежду, что императрица по справедливому милосердію своему и во вниманіе предъидущихъ заслугъ не оставитъ запорожское войско безъ своихъ милостей.

Однако Скапа ошибся—его надежда не осуществилась: въ 1775 году Запорожья не стало; обширныя его земли были рас-

---

[1]) „Кіев. Стар." 1883 г. 3.

предѣлены между колонистами, вельможами и чиновниками, а представители Запорожья окончили свои дни въ ссылкѣ.

Каковъ же общій смыслъ нуждъ, желаній и стремленій, волновавшихъ въ 1767 г. Малороссію? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо припомнить, что такъ какъ Малороссія составляли въ русскомъ государствѣ особый „благоприсоединившійся“ край, отличный отъ великорусскаго по своимъ этнографическимъ особенностямъ, по культурно-историческому развитію, по политическимъ формамъ общежитія, то нужды и желанія малороссіянъ были окрашены совершенно особымъ оттѣнкомъ. Малороссія и заявляла себя не только какъ совокупность отдѣльныхъ сословій, но и какъ особый край, какъ особая часть россійской имперіи. Нужды и желанія малороссіянъ были, помимо сословныхъ, еще и краевыя, съ политическимъ оттѣнкомъ. Такъ, въ наказахъ всѣхъ сословій—шляхетства, духовенства, горожанъ и козаковъ—мы встрѣчаемъ несомнѣнныя политическія тенденціи, чтобы Малороссія содержалась на основаніи договорныхъ статей 1654 года, чтобы была сохранена „историческая“, такъ сказать, Малороссія и законы къ ней относящіеся были, положены въ особую главу въ проектируемомъ Уложеніи. Какой смыслъ имѣли эти стремленія? Желаніе ли это только административныхъ, судебныхъ и финансовыхъ льготъ, или нѣчто большее? Мы не отрицаемъ, что сословія Малороссіи не обладали политическимъ безпристрастіемъ и развитіемъ настолько, чтобы не увлекаться своими сословными интересами болѣе общегосударственныхъ и чтобы не стремиться къ тѣмъ или инымъ политическимъ формамъ жизни ради извѣстныхъ льготъ административнаго или экономическаго характера, но мы думаемъ, что въ стремленіяхъ малороссіянъ сохранить себя на особомъ положеніи дѣйствовали не только эти мотивы, но и культурныя, и историческія отличія края отъ другихъ частей россійской имперіи. Что эти отличія были,—никто спорить не будетъ, а что они ясно сознавались—на это указываютъ прежде всего заботы малороссіянъ о сохраненіи имъ ихъ частныхъ и публичныхъ правъ и обыкновеній, а гдѣ же какъ не въ правахъ и обычаяхъ болѣе всего

отливаются особенности и юридическаго, и нравственнаго міровоззрѣнія народа? Во вторыхъ, на это указываютъ и хлопоты малороссіянъ, чтобы управленіе краемъ было поручено *„прирожденнымъ“* украинцамъ, знакомымъ, слѣдовательно, съ духомъ и строемъ народной жизни; тѣмъ же объясняются и просьбы, чтобы въ пастыри, въ духовные воспитатели народа, были избираемы лица только малороссійскаго происхожденія, знакомыя не только съ обрядами богослуженія, но и съ нравственными требованіями своего народа. Какъ ни плохи были свои порядки, но малороссіяне и привыкли къ нимъ, и были связаны съ ними соотвѣтствіемъ коренныхъ началъ ихъ народному духу; они не помышляли отрекаться отъ этихъ порядковъ, и эта привязанность объясняется столько же экономическими выгодами, какъ и вытекаетъ изъ особенностей историческаго существованія Малороссіи. Мы согласны, что низшія сословія въ своихъ стремленіяхъ преслѣдовали болѣе экономическія, чѣмъ политическія задачи, но нельзя сказать, чтобы и шляхетство было проникнуто только жаждой экономическихъ выгодъ и нѣкоторыхъ административныхъ льготъ: оно желало большаго—областной обособленности и самоуправленія Украйны, иначе къ чему были-бы просьбы о подтвержденіи привилегій, о вольномъ избраніи старшинъ, объ особыхъ правахъ малороссійскаго шляхетства? Еслибы взгляды шляхетства были направлены только на экономическія выгоды, то ихъ всего легче можно было бы достигнуть, отрекшись отъ всякихъ договорныхъ статей и особенностей малороссійскаго края, но шляхетство этого не желало, потому что у него были другія политическія желанія, въ чемъ мы особенно убѣждаемся изъ поданнаго всѣми депутатами Бибикову прошенія, а также изъ прошенія 1764 г. о возстановленіи старинныхъ правъ въ Малороссіи. Въ этомъ случаѣ кіевскій митрополитъ Арсеній своими просьбами въ „пунктахъ“ о независимомъ положеніи и самоуправленіи малороссійскаго духовенства оказалъ поддержку общему направленію малороссійскаго общества. При такомъ настроеніи малороссіянъ, естественно, мысль Румянцева, проведенная имъ въ циркулярахъ, что „въ основаніе всѣхъ государственныхъ законовъ принято быть должно по страхѣ Бо-

жіемъ честь и слава государская и... благосостояніе государственное *во всѣхъ обширныхъ оного частяхъ*", не была принята малороссіянами во вниманіе. Румянцевъ былъ ярый государственникъ; предъ его идеей государства, ради чести и славы послѣдняго, должны были пасть не только права отдѣльнаго человѣка, но и права цѣлаго племени, его индивидуальныя особенности. Малороссіяне, которымъ приходилось подвергнуться тяжелымъ для нихъ соціальнымъ реформамъ, не были, конечно, поборниками государственнаго централизма и остались въ наказахъ при особомъ мнѣніи. Почему малороссіяне, проживъ болѣе вѣка въ составѣ русскаго государства, тѣмъ не менѣе въ 1767 г. стремились не къ сліянію съ принявшимъ ихъ государствомъ, а къ подтвержденію договорныхъ статей—мы полагаемъ, достаточно объясняется дѣйствіями правительственной политики, которая, по мнѣнію покойнаго Костомарова [1]), присоединеніе Украйны къ московскому государству понимала не иначе, какъ въ смыслѣ обращенія вольныхъ козаковъ въ такихъ же вѣрноподданныхъ какъ и великоруссы и желала притомъ чтобъ народъ южно-русскій сроднился съ народомъ сѣверно-русскимъ и слился съ государствомъ такъ, чтобы не представлялось разницы ни въ администраціи, ни въ задачахъ внутренней общественной жизни, чтобы всякія этнографическія особенности изгладились. Это направленіе въ екатерининскую эпоху и удерживало малороссіянъ отъ стремленія къ окончательному „сліянію". Мы не жалѣемъ, конечно, что Екатерина не возстановила договорныхъ статей 1654 года, что она упразднила отжившіе порядки и положила конецъ саморазложенію Малороссіи. Но возникаетъ вопросъ, ввела ли Екатерина II своими реформами благія начала на пользу малороссійскаго народа; освободила ли она его, какъ обѣщала, отъ „маленькихъ тирановъ" (старшинъ) и возвела ли „на высшую степень счастья?"

Обратимся снова къ только что цитованному историку,—который по вопросу, были ли сдѣланы такія измѣненія въ пользу народа, выражаетъ такое мнѣніе: если и были, то мало,—и

---

[1]) Мазепа, Н. Костомарова. 1885. Стр. 598.

едва ли не приходилось изъ видовъ политики держаться извѣстнаго правила: divide et impera. Опасались, чтобы уничтоженіе порядка, къ которому страна привыкла уже вѣками, не возбудило въ ней смутъ, и вотъ, создали небывалое въ Малороссіи дворянство, которое, какъ показываетъ исторія, приноситъ вредъ тамъ, гдѣ не вырабатывается само собою изъ исторической жизни, а навязывается по теоріи. Посполиство закрѣпощается во власть этого новоизмышленнаго дворянства и, такимъ образомъ, народъ разбивается на два сословія, противоположныя по своимъ интересамъ. Правда, зародыши такого строя существовали уже прежде въ отношеніяхъ между богатыми землевладѣльцами и селившимися у нихъ бѣдняками. Но то бывали злоупотребленія, всегда сознаваемыя, какъ таковыя, а съ новаго порядка вещей онѣ узаконились и Малороссія, наравнѣ со всей остальной Россіей, подверглась надолго всей тяжести крѣпостничества, отъ котораго освободилась только въ недавнее время [1]).

Такимъ образомъ Екатерина лишь замѣнила однихъ „маленькихъ тирановъ", другими, пожалуй, еще большими, но наказы малороссіянъ въ этомъ ничуть не повинны. Они прошли безслѣдно для внутренней екатерининской политики и остались потомству для изученія міросозерцанія этой эпохи.

Ив. Теличенко.

[1]) Мазепа, Ник. Костомарова 1885. Стр. 590.

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1])

III.

Іосифъ Стецкій.—Нѣкоторыя приключенія въ монастырѣ.—Окончаніе ученья и возвращеніе домой.—Картежная игра.—Общество Зеленой книги.

Домъ пана Стецкаго былъ типичнымъ домомъ зажиточнаго польскаго шляхтича, куда еще не проникли иностранные обычаи и который не былъ замкнутъ, какъ дома польскихъ магнатовъ. Домъ этотъ былъ открытъ для всѣхъ. Всякаго, кто бы ни пріѣхалъ въ гости, радушно принимали и хорошо угощали. Палацъ былъ старый, но обширный; многочисленная прислуга, одѣтая, за исключеніемъ камердинеровъ, по козацки; лошадей, собакъ, экипажей—всего было довольно; домашній оркестръ состоялъ изъ 24 музыкантовъ-нѣмцевъ; пѣли козаки. Гостепріимство здѣсь было самое широкое и круглый годъ всѣ комнаты были полны народа. Насколько п. Стецкій не былъ охотникомъ до писанья и чтенія, настолько пани Стецкая любила и читать, и писать. У нихъ былъ единственный сынъ, Людвикъ, очень достойный и добрый полякъ, но, несмотря на всѣ усилія ксендза Жебровскаго, не могшій добраться до третьяго класса. Онъ остался вѣренъ фамильнымъ традиціямъ, но это нисколько не помѣшало ему сдѣлаться председателемъ главнаго волынскаго суда въ Житомирѣ и исправлять эту должность къ великому удовольствію мѣстныхъ помѣщиковъ.

[1]) „Кіевская Старина“ 1891 г., № 1.

На охотахъ пана Стецкаго, которыя были навѣрно самыя великолѣпныя изъ всѣхъ, какія только устраивались когда нибудь и кѣмъ нибудь въ Польшѣ и Литвѣ, быть можетъ даже великолѣпнѣе охотъ пана-коханка, наиболѣе отличался Николай Ворцель; на жмудскомъ конькѣ, напоминавшемъ скакуновъ Кейстутовой конницы, настигалъ онъ самаго страшнаго кабана. Какъ скоро Ривка со Срулемъ или Хайка съ Мошкомъ (всѣ собаки носили израильскія имена) атаковали кабана, Ворцель перескакивалъ со своей лошадки на звѣря и закалывалъ его подъ лѣвую лопатку. Чаще всего кабанъ падалъ мертвымъ на мѣстѣ, но бывали случаи, что онъ вырывался отъ собакъ и уносилъ своего всадника въ пущу. И никогда въ такихъ случаяхъ отвага, присутствіе духа и хладнокровіе не покидали Николая Ворцеля; всегда кабанъ бывалъ убитъ.

Въ этихъ охотахъ принимали участіе и дамы; очень рѣдко кто нибудь изъ нихъ былъ верхомъ; для дамъ обыкновенно выбирались лучшія мѣста въ просѣкахъ, въ тѣни деревьевъ и вблизи воды. Тамъ былъ сборный пунктъ и тамъ же устраивалась закуска для охотниковъ. Здѣсь же на кольяхъ развѣшивалась дичь, музыка играла, собаки визжали и выли, охотники шумѣли, пили, ѣли, разговаривали. Таковы были забавы пана Стецкаго.

Не могу не сказать, что послѣ Вольсеевской школы школа межиричская производила на меня впечатлѣніе какого то шарлатанскаго и грубаго балагана, но человѣкъ ко всему привыкаетъ; привыкъ и я. На лѣтнія вакаціи, которыя начинались 4 іюля и оканчивались 4 сентября, на рождественныя и пасхальныя, продолжавшіяся двѣ недѣли, я ѣздилъ за 200 верстъ въ Гальчинецъ. На зеленые святки и на масляницу я уѣзжалъ въ Березное, имѣніе генерала Корженевскаго, куда пріѣзжали моя мать и тетка. Для меня, уроженца Украины, это Полѣсье вдоль Случи было совершенно новымъ міромъ.

Сосѣди охотно съѣзжались къ генералу, потому что онъ былъ важной особой въ пинскихъ болотахъ и полѣсскихъ лѣсахъ. Этотъ Михаилъ Корнѣевичъ Корженевскій былъ хорошо извѣстенъ въ Петербургѣ, и при дворѣ, и въ сенатѣ, притомъ

же онъ былъ владѣльцемъ березнянскаго и мельницкаго ключей, Кодни и Жеребокъ. Да еще къ тому же „панъ на всю губу“ и такой остроумецъ, что Третьякъ, капитанъ гусаръ Тулинскаго, овручскій помѣщикъ, владѣлецъ Залѣсья, привязался къ нему и служилъ ему вѣрно единственно за его остроуміе. Случилось это по слѣдующему поводу.

Въ Березномъ жилъ очень богатый мужикъ, считавшій свое имущество тысячами рублей. Сыну своему онъ далъ образованіе въ дубровицкой школѣ, посылалъ его заграницу, въ Германію, Данію и Швецію, и хотѣлъ добыть ему свободу отъ крѣпостной зависимости. Онъ отправился къ генералу, какъ къ своему господину. Генералъ согласился дать вольную за шесть тысячъ рублей серебромъ. Сумма эта была выплачена и вольная выдана на бумагѣ съ соблюденіемъ законныхъ формальностей. Въ Россіи въ то время нельзя было остаться внѣ всякаго сословія, безъ званія, а такъ какъ освобожденный не могъ стать дворяниномъ, то отецъ приписалъ его въ мѣщане. Едва формальности были исполнены, какъ мѣщане,—злые языки утверждали, по наущенію генерала,—схватили юношу, чтобы отдать его въ рекруты. Отецъ къ генералу. Послѣ долгихъ просьбъ и хлопотъ, уплативши снова шесть тысячъ, успѣлъ онъ выписать сына изъ мѣщанскихъ списковъ и записать опять въ крѣпостные генерала Корженевскаго, а потомъ, года черезъ два, когда молодой человѣкъ, проникшійся революціонными идеями въ Дубровицѣ, сталъ проповѣдывать мужикамъ о правахъ человѣка, его отдали на исправленіе въ рекруты. Отецъ гордился деньгами, сынъ ученостью,—у отца генералъ вытянулъ 12,000 рублей, ученаго сына отдалъ въ солдаты. Третьяку, человѣку почтенному, но все таки польскому шляхтичу стараго закала, такъ понравилась генеральская продѣлка съ хамомъ, что онъ безъ всякой платы, бросивъ свое имѣніе, сталъ повѣреннымъ и управителемъ ген. Корженевскаго и исполнялъ эти обязанности вплоть до 1831 года Третьякъ былъ хорошій солдатъ и честный человѣкъ, но къ мужикамъ былъ очень суровъ. Если бы онъ могъ, то, кажется, истребилъ бы ихъ всѣхъ безъ милосердія.

Три года пробылъ я въ межиричской школѣ и не скажу, чтобы это время оставило во мнѣ какое нибудь непріятное впечатлѣніе. Я полюбилъ своихъ учителей, которые въ сущности были людьми свѣдущими въ своихъ предметахъ, разумными, преданными наукѣ и горячими патріотами.

Монастырь былъ очень обширенъ, и хотя большая часть его была обитаема, все таки въ немъ были развалины для разнообразія, чтобы напоминать руины Пальмиры и Бэльбека, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Вольнея, который былъ въ большой чести у оо. піаровъ,—его всегда противопоставляли Вольтеру и Жанъ-Жаку Руссо. Въ этихъ развалинахъ были щели и разсѣлины, чрезъ которыя можно было выходить изъ монастыря и входить въ него. Привратникъ, человѣкъ отличавшійся чистой совѣстью и суровымъ нравомъ, не зналъ ни о чемъ и смѣло могъ присягнуть, что послѣ восьми часовъ изъ монастыря никто не выходитъ, и если почти всѣхъ учителей и большей части учениковъ не оказывалось въ пансіонѣ, то это были штуки дворецкаго Сущинскаго, умершаго еще во времена Августа II; трупъ его былъ похороненъ въ склепѣ подъ костеломъ, и такъ какъ существовало убѣжденіе, что онъ былъ упыремъ, то кости его рукъ и ногъ были связаны конопляной веревкой и прибиты къ землѣ большимъ осиновымъ коломъ. Привратникъ-слесарь, Личинскій, отецъ очень хорошенькой дочки, разсказывалъ, что былъ свидѣтелемъ заклинанія колдуна и поэтому просилъ учениковъ, чтобы они не дѣлали пакостей, ибо онъ можетъ поплатиться жизнью, какъ единственный живой свидѣтель этого обряда.

Александръ Омецинскій, изъ ровенскаго повѣта, одинъ изъ самыхъ падкихъ до всякихъ шалостей учиениковъ, который былъ тогда въ 3-мъ классѣ, хотя и имѣлъ уже хорошенькіе усики, чувствовалъ большую склонность къ слесарству, какъ рыцарскому ремеслу, и обучался ему у панны Личинской; это не понравилось нашему физику ксендзу Паевскому, у котораго жилъ Омецинскій. Онъ всегда заставалъ тамъ лишняго работника, а такъ какъ физикъ былъ очень практиченъ въ житейскихъ дѣлахъ, то тотчасъ шепнулъ на ухо старику Личинскому: „поколоти этого трутня, чтобы онъ не съѣлъ меду, который пригo-

дится и для лучшихъ ртовъ". Профессоръ былъ панъ, а привратникъ слуга. Старый слесарь порядкомъ разрисовалъ спину непрошеннаго подмастерья. Побитый Олесь, пригласивши съ собой Дмитрія Четвертинскаго и Чарнецкаго, отправился въ склепъ; тамъ они вытащили осиновый колъ и разорвали конопляныя веревки; никто объ этомъ не зналъ, но ксендзъ-физикъ, который проводилъ безсонную ночь въ мастерской слесаря, слышалъ хрипѣніе и стоны стараго привратника. Проснувшись, тотъ разсказалъ, что его душилъ покойникъ Сущинскій и едва не задушилъ. Ксендзъ былъ очень предупредителенъ по отношенію къ слесарю, такъ какъ рука руку моетъ, сейчасъ отправился въ склепъ, увидѣлъ безпорядокъ, покропилъ святой водой, связалъ кости новой веревкой, вбилъ новый колъ и все успокоилось. У Личинскаго къ должностямъ слесаря и привратника прибавилась еще третья: звонаря. Все шло хорошо въ мастерской, только Александра Омецинскаго совсѣмъ удалили отъ обученія слесарному ремеслу. Но такъ какъ у него были сношенія съ крѣпостью, то онъ зналъ, что тамъ дѣлается, и рѣшилъ заставить плясать подъ свою дудку. Ксендзъ-физикъ спалъ въ своей келліи, а Олесь съ двумя старыми пріятелями освободилъ отъ узъ покойника Сущинскаго. И вотъ въ огромной кафельной печкѣ, обогрѣвавшей двѣ келліи, одну, въ которой спалъ самъ ксендзъ съ избранными учениками, и другую, гдѣ спали остальные его ученики, начался какой то шумъ, а потомъ смѣхъ,—сущая чертовщина. Ксендзъ вскочилъ съ постели, накинулъ на себя реверенду и поднялъ тревогу; въ корридорѣ произошла суматоха. Профессора и ученики, какіе только были въ монастырѣ, поднялись на ноги. Ксендзъ Бартошевичъ явился со святой водой; дьяволъ фыркаетъ и хрюкаетъ; по корридорамъ бѣгаютъ и распѣваютъ молитвы. Такъ прогоняли дьявола даже изъ самыхъ укромныхъ закоулковъ. Бѣготня продолжалась до утра, а разсказы о случившемся разошлись по всему мѣстечку. Почти всѣ побывали въ монастырѣ, рѣдко кого не было. Толпа любопытныхъ стояла передъ монастыремъ, а къ заутрени все не звонятъ. Бѣгутъ къ Личинскому; двери заперты; стучатъ; никто не отвѣчаетъ; вы-

ламываютъ дверь; посинѣвшій трупъ стараго слесаря одинъ лежитъ въ избѣ. Въ склепѣ кости покойника Сущинскаго найдены развязанными, а въ кафельной печи, при содѣйствіи трубочиста, нашли—кого бы вы думали? Молодую Личинскую и Олеся! Вытащили обоихъ, какъ волковъ изъ ямы, покорныхъ, тихихъ.

Тотчасъ произведено было слѣдствіе; результаты его были представлены кс. Жебровскому, и рѣшено все случившееся хранить въ глубочайшей тайнѣ.

Олесь, какъ взрослый, былъ отосланъ домой съ волчьимъ аттестатомъ. Дмитрій Четвертинскій помутился въ умѣ и на всю жизнь остался придурковатымъ, а Чарнецкій совсѣмъ сошелъ съ ума и умеръ помѣшаннымъ.

Хотя насъ, бывшихъ воспитанниковъ училища Вольсея, было и немного, но мы давали тонъ всей школѣ. Мы вселили въ товарищей такую ненависть къ нѣмцамъ, что на уроки нѣмецкаго языка, которые можно было посѣщать или не посѣщать, изъ 900 учениковъ ходило только трое, да и тѣмъ попадали отъ молодыхъ сорванцовъ тумаки, щелчки, а подчасъ и камни въ голову. За то уроки русскаго языка, который тогда тоже не былъ обязательнымъ предметомъ, посѣщались почти всѣми, какъ уроки языка славянскаго, за исключеніемъ трехъ нѣмцевъ, которыхъ и звали „niemowami" (т. е. нѣмыми).

Все славянское вошло въ такую моду, а все латинское попало въ такое презрѣніе, что по воскресеньямъ на уніатскихъ богослуженіяхъ кс. Лихачевскаго, базиліана, который былъ прикомандированъ къ межиричскому монастырю для отправленія богослуженія по славянски, бывали всѣ, хотя никто къ тому не принуждалъ. Оо. піары по меньшей мѣрѣ не препятствовали этимъ стремленіямъ, и это подало поводъ подозрѣвать ихъ въ желаніи основать народную польскую церковь, въ которой богослуженіе отправлялось бы по польски. Первенство въ проведеніи этой мысли приписывали кс. Заржецкому и кс. Бенчковскому: первый изъ нихъ, уже по выходѣ моемъ изъ школы, перешелъ въ унію, а когда его стали преслѣдовать, сдѣлался православнымъ священникомъ. Онъ былъ добрый полякъ, готовый на всякое самопожертвованіе и очень способный. Не под-

говоры, не честолюбіе, не корыстолюбивые разсчеты, но глубокое убѣжденіе привело его къ этому шагу. Онъ былъ префектомъ гимназіи, а сталъ сельскимъ священникомъ и въ тиши отдался наукамъ и добрымъ дѣламъ. Кс. Бенчковскій всегда говорилъ о необходимости введенія въ богослуженіе польскаго языка, а еще лучше славянскаго, языка свв. Кирилла и Меѳодія. Но онъ до конца жизни оставался префектомъ.

По поводу употребленія латинскаго языка при богослуженіи случилась печальная исторія. Однажды кс. Лихачевскій захворалъ. Кс. Бартошевичъ, въ его часъ и на его мѣстѣ, служилъ обѣдню. Ничего не зная, ученики, по обыкновенію, пришли къ этой обѣднѣ, но услышавъ латынь, когда ксендзъ возгласилъ: „Oremus!“, стали кричать: „Не позволяемъ! Пусть ксендзъ перестанетъ!“ А когда возгласилъ: „Ite, missa est!“ закричали: „И миссы этой не хотимъ, потому что она никуда негодна!“, а какой то негодяй бросилъ камнемъ, да такъ несчастливо, что вышибъ глазъ о. Бартошевичу.

Профанація была страшная, неслыханная! Кс. бискупъ Цецишевскій прислалъ для разслѣдованія дѣла кс. суффрагана Пивницкаго. Бѣдный попечитель былъ какъ на иголкахъ, не зналъ, что дѣлать, такъ какъ и правительствомъ былъ присланъ артиллерійскій полковникъ Ловцовъ, бригада котораго квартировала въ ровенскомъ повѣтѣ и въ Межиричѣ.

Почтенный человѣкъ былъ этотъ полковникъ. Тотчасъ по прибытіи онъ держалъ рѣчь ко всѣмъ ученикамъ, собраннымъ на площади передъ школой. Помню его слова. „Видите ли въ чемъ дѣло, мои молодые друзья, если виновникъ будетъ отысканъ, то его накажутъ, и строго, потому что пострадалъ ксендзъ, а съ религіей шутить нельзя. Когда я васъ по одиночкѣ буду спрашивать: „Ты вышибъ глазъ ксендзу?“ и каждый отвѣтитъ: „нѣтъ, не я!“, тогда я спрошу: „Однако, кто нибудь долженъ былъ бросить камень и вышибить глазъ, само собой это не сдѣлалось?“ Вы отвѣчайте: „мы всѣ!“ Тогда вѣдь не будутъ наказывать 900 человѣкъ за одинъ глазъ и дѣло кончится ничѣмъ“.

Почти всѣ профессора были очень довольны рѣчью полковника, потому что кс. Бартошевичъ былъ вице-ректоромъ,

начальникомъ монастыря и частенько допекалъ ихъ; вообще старый брюзга всегда путался въ чужія дѣла.

Попечитель шепнулъ на ухо полковнику, чтобы онъ велѣлъ артиллеристамъ забрать стоги сѣна, стоявшіе надъ гаруцкимъ ставомъ. Слѣдствіе было произведено и дѣло окончилось такъ, какъ предполагалъ полковникъ Ловцовъ.

Я разсказалъ эти два случая потому, что они лучше всего рисуютъ настроеніе учителей и учениковъ знаменитой межиричской школы, которая послѣ кременецкой, наравнѣ съ уманской, наиболѣе способствовала распространенію славы школъ такъ называемыхъ „русскихъ“ земель.

До какой высокой степени была развита въ этой школѣ религіозная и политическая терпимость, насколько старались развить въ ученикахъ самостоятельность и какъ за нее награждали, свидѣтельствуетъ слѣдующій случай, гдѣ я былъ дѣйствующимъ лицомъ.

Когда я былъ на второмъ курсѣ, у насъ были произведены чрезвычайные экзамены Малецкимъ, ректоромъ виленскаго университета, и Яномъ Вылежинскимъ, маршалкомъ новградъволынскаго повѣта и визитаторомъ школъ въ „земляхъ русскихъ“. Экзаменовали насъ по польской исторіи, которая проходилась очень хорошо. Мнѣ предложили перечислить тѣхъ изъ польскихъ королей, которые наиболѣе оказали услугъ Польшѣ, и тѣхъ, которые наиболѣе принесли ей вреда, но прибавили, чтобы въ этой оцѣнкѣ я руководствовался своимъ собственнымъ мнѣніемъ, не принимая во вниманіе взглядовъ историковъ, которыхъ я изучалъ.

Я отвѣчалъ, что наиболѣе услугъ оказали: Болеславъ Храбрый, который хотѣлъ пріобщить Польшу къ славянству и царствовать, какъ король польскій милостью Божіею, а не нѣмецкою, надъ всѣми славянами; Болеславъ Смѣлый, который, видя, что политикѣ его предшественника наиболѣе повредилъ католицизмъ, нанесъ ударъ католической церкви въ Польшѣ, съ цѣлью оторвать Польшу отъ западной церкви и вліяній, возвратить ее на лоно восточной церкви и поставить во главѣ славянскихъ народовъ. Мысль великая, мощная! Владиславъ IV Ваза, кото-

рый, видя, какъ іезуиты опутываютъ шляхту католицизмомъ и привилегіями, съ цѣлью истребить единственную серьезную вооруженную силу—козачество, удерживать поляковъ въ повиновеніи нѣмцамъ и латинской церкви и уничтожить разъ навсегда мечты о самобытности и славянствѣ, давалъ привилегіи козакамъ, подговаривалъ даже ихъ утереть носъ шляхтѣ и снести головы іезуитамъ. Онъ сознавалъ, что козаки были войско постоянное, а шляхетскія и кварцяныя хоругви были ополченіе,—сегодня гроза, а завтра мыльный пузырь. Этимъ шагомъ онъ воздалъ должное Стефану Баторію, который создалъ козацкое войско, и потому столь же великъ, какъ и Владиславъ. Наиболѣе вреда принесли Польшѣ: Янъ Собѣсскій защитой нѣмцевъ, которыхъ слѣдовало предоставить ихъ участи и самому помочь бить ихъ, чтобы и на сѣмена не осталось, и два саксонца, которые развратили въ конецъ польскую шляхту, одѣли ее во фраки и парики, ссадили съ коня и посадили въ экипажи.

Я разсказалъ все это, какъ по писанному. Это мнѣніе вызвало сильное удивленіе, но мнѣ ничего не сказали. Всю ночь я не могъ спать отъ безпокойства. Утромъ меня, по обыкновенію, встрѣтили ласково. Мнѣ дали четыре чрезвычайныя награды и право носить шпагу, которое принадлежало свѣтскимъ профессорамъ.

Я сталъ важнымъ человѣкомъ въ школѣ и съ такой репутаціей оставилъ, по окончаніе третьяго курса, гимназію, удостоившись самаго похвальнаго аттестата зрѣлости.

На 16-мъ году я былъ уже баккалавромъ наукъ точныхъ и наукъ гуманныхъ,—съ помѣщичьей точки зрѣнія, человѣкомъ, окончившимъ полный курсъ наукъ. Мать моя очень этому радовалась, а еще больше, какъ сама она говорила, тому, что всѣ эти успѣхи вовсе не вскружили мнѣ головы. Я былъ любимъ слугами и крестьянами и имѣлъ истинныхъ друзей.

Въ Кіевѣ въ это время шла большая игра. Два зятя, Витославскій, Денбовскій, владѣлецъ Старо-Константинова, генералъ Завадовскій, атаманъ черноморскихъ козаковъ, генералъ Исленьевъ и князь Голицынъ играли въ фараонъ и діабелку истинно по дьявольски. Державшій банкъ не переставалъ играть,

пока кучи ассигнацій, плотно сложенныхъ, не достигали ему до носа. По 100,000 рублей ставилось на карту, а ревизскія души переходили изъ рукъ въ руки, точно рублевики.

Менѣе крупная игра шла у генерала Гацкевича и у полковника Млокосѣвича. Тамъ офицеры, мелкіе помѣщики и адвокаты приносили послѣдніе гроши въ жертву фараону.

Если въ то время можно было сказать, что въ Варшавѣ танцовали, въ Краковѣ молились, во Львовѣ влюблялись, въ Вильнѣ охотились, то въ древнемъ Кіевѣ играли въ карты, и до возникновенія университета св. Владиміра Кіевъ, казалось, забылъ, что онъ и Богомъ, и людьми предназначенъ быть столицей всего славянства.

Тотчасъ по возвращеніи изъ школы, я былъ поставленъ матерью въ положеніе почти независимаго человѣка. У меня былъ экипажъ, лошади, особая прислуга и я располагалъ доходами съ агатовскаго имѣнія. Мать отпустила меня одного, безъ всякаго ментора или спутника, въ приличномъ экипажѣ, посѣтить родственниковъ, начиная съ дядюшки, старосты бахтынскаго, и дала мнѣ 300 дукатовъ на путевые расходы. Признаться, я не безъ тревоги пустился въ путь одинъ; слава Богу еще, что за мною неотступно слѣдовалъ Игнатъ, мой камердинеръ и дядька съ самой колыбели.

Прежде всего я поѣхалъ въ Радомысль, гдѣ былъ повѣтовымъ хорунжимъ мой двоюродный братъ Симфоріанъ Чайковскій,—великій гуляка. Гарнизономъ въ Радомыслѣ стоялъ алексопольскій пѣхотный полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Повало-Швейковскій, родомъ изъ полтавской губерніи, одинъ изъ главныхъ представителей общества зеленой книги, бывшій при самой катастрофѣ.

Въ день моего пріѣзда у полковника былъ большой обѣдъ и балъ, по поводу происшедшаго наканунѣ обрученія его съ дѣвицей Юліей Вонсовичъ, которая ранѣе была обручена съ княземъ Александромъ Ипсиланти, умершимъ въ Ольмюцѣ, въ австрійской темницѣ, и которая, по мнѣнію старыхъ богомолокъ, должна была приносить несчастье своимъ женихамъ, потому что она, будучи католичкой, обручилась съ православнымъ. Я былъ

представленъ полковнику и любезно имъ принятъ, словомъ, я сталъ играть роль взрослаго человѣка. На этомъ пиршествѣ я встрѣтилъ подполковника Муравьева-Апостола, которому я былъ представленъ Повало-Швейковскимъ, какъ шляхтичъ козацкаго рода, Бестужева-Рюмина и многихъ другихъ заговорщиковъ. На меня, человѣка новаго, это собраніе произвело какое то странное впечатлѣніе. Таинственныя перешептыванія, любопытные взоры и безпокойство. На лицахъ однихъ лежала печать задумчивости, разогнать которую они не могли, несмотря на всѣ усилія. Другіе были притворно веселы, а всѣ прислушивались, не раздастся ли на улицѣ звонъ колокольчика. Чего то ждали и къ чему то готовились. И неудивительно, потому что большая часть присутствовавшихъ должна была на разсвѣтѣ ѣхать въ несчастные Трилѣсы, хозяинъ же завтра готовился идти подъ вѣнецъ, а потомъ, можетъ быть, и на смерть. Несмотря на все это, играли въ карты, и игра была крупная. Всѣ, и задумчивые, и веселые, подходили понтировать. Извѣстный Обревскій держалъ банкъ. Я тоже началъ понтировать и во мгновеніе ока спустилъ свои 300 дукатовъ. Мнѣ стало очень не по себѣ. Я всталъ изъ-за картъ и чистосердечно разсказалъ двоюродному брату о своемъ положеніи. Онъ предложилъ мнѣ взаймы, но я имѣлъ достаточно твердости, чтобы поблагодарить и отказаться. Потихоньку ушелъ я на постоялый дворъ, гдѣ были мои лошади, и повѣдалъ обо всемъ случившемся Игнату. Тотъ почесалъ затылокъ и сказалъ: „У меня есть еще деньги, чтобы расплатиться и сейчасъ же вернуться домой; тутъ оставаться нельзя, вѣдь кто его знаетъ, пожалуй дьяволъ и соблазнитъ панича, если станутъ уговаривать". Слова его поразили меня въ самое сердце. Тотчасъ лошади были запряжены, и прежде чѣмъ меня хватились на вечерѣ, мой пятерикъ дружно мчался по дорогѣ въ Ловковъ. На другой день къ вечеру я былъ уже въ Гальчинцѣ. Я разсказалъ матери обо всемъ откровенно. Ни слова наставленія, ни слова укоризны не услышалъ я отъ нея, только на губахъ ея мелькнула чуть замѣтная усмѣшка, которая показалась мнѣ очень грустной. Это было для меня тяжелѣе, чѣмъ если бы меня встрѣтили заслуженными

упреками. Я былъ самъ не свой. Пошелъ въ садъ, въ конюшни, на псарню, самъ не зная зачѣмъ. Когда я возвратился къ себѣ, то увидѣлъ на своемъ столѣ 300 дукатовъ, а мать, позвавши меня въ свою комнату, сказала, что мнѣ нужно ѣхать въ гости, такъ какъ я долженъ это сдѣлать. Мы долго разговаривали, но ни слова не было сказано о радомысльскомъ приключеніи.

Поѣздку я совершилъ, но съ этого времени потерялъ всякую склонность къ картамъ, которую, признаюсь, я имѣлъ въ значительной степени. Умная мать заставила меня устыдиться предъ самимъ собой, а не передъ людьми.

Я не буду писать объ обществѣ зеленой книги, потому что о немъ столько писано оффиціально и неоффиціально, что желая разсказать о немъ что нибудь, нужно было бы выписывать или, лучше сказать, переписывать уже напечатанное. Наконецъ, едва соскочивши со школьной скамейки, я былъ слишкомъ молодъ, чтобы знать тогда о немъ что нибудь важное, а тѣмъ болѣе судить о немъ. Однако, насколько я помню разсказы людей посвященныхъ и здравомыслящихъ, мнѣ кажется, что идея славянская или панславистская была извращена нѣмцами, которые вошли въ общество, или, можетъ быть, это извращеніе было слѣдствіемъ англійскихъ вліяній на полковника Пестеля, который былъ главнымъ зачинщикомъ въ дѣлѣ уничтоженія славянской окраски общества и направленія его дѣятельности противъ правительства. Панславизмъ является грозою для нѣмцевъ и англичанъ, которые принадлежатъ къ германскому племени и слѣдуютъ нѣмецкой политикѣ. Пропаганда, имѣвшая цѣлью соглашеніе русскихъ съ поляками, дарованіе политической свободы всѣмъ славянскимъ народамъ и призываніе ихъ къ совмѣстной дѣятельности, хотя бы и не предопредѣляя формы правленія, превратилась въ простой бунтъ съ нелѣпыми выдумками о царѣ Константинѣ и его супругѣ Конституціи, какія выдумки распускались между солдатами и даже между простымъ людомъ.

Два гусарскихъ полка, александрійскій изъ Троянова, подъ командой полковника Александра Муравьева, и ахтырскій изъ Любара, подъ командой Артамона Муравьева, выступили, съ

генераломъ Гейсмаромъ во главѣ, для усмиренія бунта московскаго пѣхотнаго полка, командованіе которымъ захватилъ подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ, устранившій полковаго командира. Взбунтовавшіяся войска находились въ Трилѣсахъ на Украинѣ, кажется, въ бѣлоцерковскихъ помѣстьяхъ гр. Браницкой. При генералѣ Гейсмарѣ былъ адъютантомъ Флоріанъ Ржевускій, сынъ Северина Ржевускаго, бывшаго эскадроннымъ командиромъ въ наполеоновской арміи. Это былъ человѣкъ очень способный и энергичный, какъ и всѣ Ржевускіе. Онъ находился съ нами въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и то, что я здѣсь разсказываю, есть повтореніе словъ этого офицера.

Братья Муравьевы, Александръ и Артамонъ, которые принадлежали къ самымъ ревностнымъ тампліерамъ и наиболѣе вліяли на сближеніе русскихъ съ поляками, по развитіи общества зеленой книги, совершенно охладѣли къ своей прежней дѣятельности, но изъ чувства военной чести и товарищества, не имѣли достаточно мужества, чтобы выйти изъ общества; они оставались его членами, но играли пассивную роль. Генералъ Гейсмаръ зналъ объ этомъ, какъ говорилъ Ржевускій, и хотя не особенно былъ расположенъ къ этимъ почтеннымъ и хорошимъ офицерамъ, но взялъ ихъ въ эту экспедицію, по приказанію генерала Рота, чтобы, въ случаѣ какого нибудь доноса или открытія въ бумагахъ именъ этихъ полковниковъ, имѣть возможность объяснить ихъ поведеніе передъ правительствомъ и избавить ихъ отъ отвѣтственности. Въ этихъ полкахъ было еще нѣсколько офицеровъ, принадлежавшихъ къ обществу, а солдаты болтали о цесаревичѣ Константинѣ и его супругѣ Конституціи.

Муравьевъ-Апостолъ разсчитывалъ навѣрное, что высланные гусарскіе полки соединятся съ нимъ и потому не велѣлъ зарядить ружей, развернулъ фронтъ для принятія вновь прибывшихъ и самъ выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. Гусарскіе полки шли рысью, колоннами, поэскадронно; полковники находились передъ фронтомъ, а генералъ Гейсмаръ между двумя колоннами. Когда войска приблизились къ мятежникамъ, наступавшія колонны, безъ всякой команды, пошли шагомъ. Генералъ Гейсмаръ поворотилъ

коня назадъ и понялъ это какъ дурный признакъ. Въ этотъ моментъ Флоріанъ Ржевускій, съ крикомъ „ура!“ и съ обнаженнымъ палашомъ въ рукѣ, пустилъ коня въ галопъ прямо на Муравьева-Апостола. Какъ разсказывалъ самъ Ржевускій, онъ ни рукою, ни палашомъ не тронулъ Муравьева-Апостола, но его лошадь, очень горячая и норовистая, ударила грудью коня Муравьева-Апостола и всадникъ свалился на землю.

Гусары, увидѣвъ, что полковникъ лежитъ на землѣ, тотчасъ, по приказанію своихъ командировъ, тронулись курцъ-галопомъ, а пѣхотные солдаты московскаго полка побросали свои ружья въ знакъ того, что они сдаются, и все было кончено. Тогда оба полковника, вмѣстѣ съ Флоріаномъ Ржевускимъ, выѣхали на встрѣчу къ генералу Геймару и отрапортовали объ исходѣ дѣла.

Гейсмаръ, который, несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе, былъ храбрымъ солдатомъ и честнымъ человѣкомъ, донесъ генералу Роту обо всемъ такъ, какъ дѣло было въ дѣйствительности, и всецѣло приписалъ счастливый исходъ отвагѣ и присутствію духа Флоріана Ржевускаго.

Несмотря на самый благопріятный рапортъ ген. Гейсмара и ген. Рота относительно обоихъ Муравьевыхъ, былъ полученъ прямо изъ Петербурга приказъ объ арестѣ и препровожденіи ихъ подъ конвоемъ жандармовъ въ столицу. Это приписали тогда проискамъ нѣмцевъ, которые были воодушевлены величайшей ненавистью ко всему роду Муравьевыхъ, извѣстному своими славянскими симпатіями.

Тогда же былъ арестованъ полковникъ Повало-Швейковскій и много другихъ русскихъ офицеровъ. Изъ помѣщиковъ были арестованы: Петръ Мощинскій, волынскій губернскій предводитель дворянства, Карвицкій, предсѣдатель главнаго волынскаго суда и еще нѣсколько помѣщиковъ изъ Волыни, Подоліи и Украины, между ними и Людвигъ Собанскій. Изъ польскихъ офицеровъ были арестованы полковникъ Крыжановскій и маіоръ Маевскій, но судъ надъ ними происходилъ въ Варшавѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ СТАРИННАГО БЫТА ВОЛЫНИ И УКРАИНЫ.[1]

3. Превелебный сватъ.

(ОКОНЧАНІЕ).

III.

Вѣсть объ Омеляницкой „трагедіи“ съ быстротою молніи облетѣла окрестности и глубоко взволновала все населеніе. Какъ ни было привычно тогдашнее общество къ подобнымъ кровавымъ исторіямъ, но данное происшествіе слишкомъ выходило изъ ряда обыкновенныхъ насилій какъ по своему отчаянному звѣрству, такъ въ особенности потому, что его виновниками оказывались высокопоставленныя духовныя лица. При существовавшихъ въ то время на Волыни острыхъ религіозныхъ несогласіяхъ и раздорахъ, кровавое насиліе, среди бѣла дня совершенное католическимъ епископомъ и каноникомъ, порождало величайшій скандалъ, усердно эксплоатируемый православными и протестантами съ цѣлью опозорить всю католическую іерархію. Бывшій въ то время луцкимъ бискупомъ Андрей Гембицкій, человѣкъ умный и вліятельный, понималъ это лучше другихъ, поэтому онъ съ рѣзкимъ порицаніемъ отнесся къ поступку своего викарія и далъ понять, что не намѣренъ оказывать ему никакой защиты и поддержки въ этомъ позорномъ дѣлѣ. Красицкій и самъ сознавалъ, что зашелъ слишкомъ далеко, да ужъ прошлаго

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1891 г. № 1.

не воротишь! Къ тому же онъ видѣлъ, что его малодушно оставляютъ недавніе союзники: кустошъ Гоголинскій открыто сваливалъ на него всю вину, выгораживая себя, а судья Линевскій, теперь совершенно потерявшій надежду женить сына на паннѣ Станишевской, и подавно умывалъ руки въ этомъ дѣлѣ. Оставалась одна надежда—на брацлавскаго каштеляна Стемпковскаго. Къ нему и обратился бискупъ Красицкій за совѣтомъ, что предпринять.

— Эхъ, reverendissime! погорячились вы ужъ очень! Надо было предоставить все дѣло моему Ганнусу—повѣрьте, онъ много опытнѣе вашей милости въ подобныхъ „справахъ!"—издѣвался каштелянъ надъ присмирѣвшимъ бискупомъ.

— А что слышно о Станишевскомъ? останется ли онъ въ живыхъ?—спросилъ послѣдній.

— Плоха надежда! Рука то у васъ тяженелька: шутка-ли однимъ ударомъ раскроить черепъ! Даже мой Ганнусъ удивляется—а ужъ онъ ли не мастеръ въ этомъ искусствѣ!... Да и пани Станишевская, слышно, очень плоха. Смотрите, какъ-бы вашей милости не пришлось быть у нея кумомъ прежде времени...

— Оставьте неумѣстныя шутки!—перебилъ бискупъ, не привыкшій сносить чьи-либо издѣвательства.—Лучше посовѣтуйте, если можете: что намъ предпринять?

— Что *намъ* предпринять?—лукаво переспросилъ Стемпковскій.—Ваше превелебіе изволите забывать, что мое и ваше положеніе въ данномъ дѣлѣ весьма различны: я вѣдь не былъ въ Омеляникѣ, и меня, надѣюсь, не станутъ обвинять въ намѣреніи похитить панну Станишевскую... Но, такъ и быть, не отказываюсь служить вашей милости и въ этомъ случаѣ. Я самъ, какъ вы знаете, плохой законникъ, но у меня есть вѣрный человѣкъ—отличный юристъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умная, изворотливая и изобрѣтательная голова. Гдѣ не справится Ганнусъ, туда я посылаю пана Тетерю. Я сейчасъ велю прислать его къ вамъ для консультаціи, но предупреждаю—жаденъ бестія! и вашей милости придется подѣлиться съ нимъ тѣми двумястами червонцевъ, которые вручилъ вамъ мой родственникъ Линевскій въ видѣ „контентаціи" за неудавшееся сватовство...

Съ этими словами Стемпковскій вышелъ изъ комнаты, а черезъ нѣсколько минутъ сюда вошелъ высокій, худощавый человѣкъ, съ лицомъ простонароднаго украинскаго типа, и низко поклонившись, почтительно остановился у порога. На видъ ему было лѣтъ подъ пятьдесятъ; въ его невзрачной фигурѣ не было ничего замѣчательнаго, и только выпуклый лобъ и пронизывающій взглядъ сѣрыхъ глазъ свидѣтельствовали объ его умѣ. Это былъ никто иной, какъ Павелъ Ивановичъ Тетеря—будущій малороссійскій гетманъ. Не задолго предъ тѣмъ онъ состоялъ „реентомъ" (правителемъ) канцеляріи гродскаго суда во Владимірѣ-Волынскомъ, но Стемпковскій, оцѣнивъ его способности, сманилъ его къ себѣ на службу и сдѣлалъ главнымъ своимъ „агентомъ", т. е. повѣреннымъ.

Началась консультація.

— Вашей милости слѣдовало бы первому выступить на судѣ въ роли потерпѣвшаго—поучалъ Тетеря. Къ сожалѣнію, вы уже опоздали: не далѣе какъ сегодня утромъ родственникъ Станишевскихъ п. Маркъ Гулевичъ занесъ на васъ жалобу и истребовалъ возныхъ для освидѣтельствованія слѣдовъ наѣзда. Вамъ не остается ничего, какъ возбудить встрѣчный искъ. Повѣрьте, что на судѣ, какъ и на войнѣ, наступательная тактика чаще приводитъ къ успѣху, нежели оборонительная. Еслибы вамъ и не удалось выиграть процессъ, по крайней мѣрѣ вы этимъ значительно затормозите ходъ дѣла для противной стороны.

— Ну, хорошо, мнѣ самому больше по душѣ наступательная роль,—согласился бискупъ. Но съ какимъ оружіемъ мы выступимъ, т. е. какія представимъ доказательства?

— О, за этимъ не будетъ остановки. Вѣроятно, между вашими слугами, что были съ вами въ Омеляникѣ, найдутся раненые; если же нѣтъ, то любой цырюльникъ въ полчаса сфабрикуетъ какія угодно раны изъ категоріи тѣхъ, что предусмотрѣны въ Статутѣ: и „синія", и „спухлыя", и „кровью набѣглыя"... А господа возные плохіе вѣдь эксперты по медицинской части!—съ улыбкой закончилъ Тетеря.

Бискупъ Красицкій послушался опытнаго юриста и въ тотъ же день явился въ судъ съ жалобой. Тамъ въ это время

происходилъ разборъ какого-то дѣла, но, въ виду прибытія столь важной особы, судьи прервали на время свои занятія и объявили бискупу, что готовы выслушать его. Довольно многочисленная публика, всегда наполнявшая залы и канцелярію во время судебныхъ засѣданій, густою толпою придвинулась къ судьямъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, что послѣдуетъ далѣе. Всѣ присутствовавшіе хорошо знали обстоятельства дѣла, по которому прибылъ сюда Красицкій, и успѣли уже составить объ немъ довольно опредѣленное мнѣніе, мало благопріятное для обвиняемаго, поэтому каждому хотѣлось услышать, что скажетъ онъ въ свое оправданіе. Каково же было ихъ удивленіе, когда изъ устъ бискупа полилась громовая обвинительная рѣчь! Присутствіе многочисленныхъ слушателей нимало его не смущало, напротивъ увеличивало его воодушевленіе. Его голосъ дрожалъ отъ негодованія, глаза метали искры. Онъ не находилъ словъ для порицанія преступнаго поведенія п. Станишевскаго, осмѣлившагося нанести ему, „князю церкви“, неслыханное оскорбленіе и святотатственно дерзнувшаго поднять на него руку. Какъ христіанинъ, онъ умѣетъ прощать личныя обиды, но въ его лицѣ оскорбленъ высшій представитель церковной іерархіи, преемникъ апостольской власти—и потому виновный долженъ понести заслуженное наказаніе. Онъ отправился въ Омеляникъ съ самыми благими намѣреніями, (optimo ductus affectu), чтобы пріятельски переговорить съ Станишевскимъ объ устройствѣ судьбы его племянницы, которую послѣдній безъ вѣдома ея опекуновъ порѣшилъ выдать замужъ cum summo ejus detrimento. Въ то время, когда жалобщикъ бесѣдовалъ съ своей питомицей, Станишевскій „поразсажалъ по коморахъ челядь свою съ шефелинами, ощепами[1]) и иншимъ оружьемъ и на село по хлоповъ послалъ“. Бискупъ хотѣлъ уже проститься и сталъ упрашивать Станишевскаго возвратить дѣвушку въ кляшторъ, такъ какъ она, extra mentem in libertate будучи, не въ состояніи обдуманно рѣшить вопросъ о своей будущности. Въ эту минуту вошелъ слуга бискупа съ сообщеніемъ о засадѣ. Станишевскій

---

[1]) *Шефелинъ*—копье; *ощепъ*—дротикъ.

началъ его бить. На крикъ сбѣжалась вооруженная челядь хозяина. Прибѣжали и слуги бискупа „ратовать“ его, но ихъ начали бить и ранить. Какой-то impius satelles намѣревался заколоть жалобщика рогатиной, но Богъ чудеснымъ образомъ violentem satellitem ослѣпилъ, а его, бискупа, безоружнаго и неповиннаго, защитилъ вышнею десницею. Жалобщикъ слезно упрашивалъ всѣхъ, „абы угамовались“, но Станишевскій и его челядь, „вызувши зъ себе врожденную людскость и огнемъ hostilitatis палаючи“, хотѣли напиться его невинной крови. Опасаясь, какъ бы не вышло изъ того большей бѣды, бискупъ „зъ невымовнымъ жалемъ“ по поводу неслыханныхъ оскорбленій, какимъ онъ подвергался, поспѣшно созвалъ свою „челядку“ и уѣхалъ „in summa patientia, зоставивши зомсту Пану Богу“. Что же касается обвиненія противной стороны, будто онъ имѣлъ намѣреніе violenter похитить панну Станишевскую, то это дерзкая и гнусная клевета: „будучи ad vota spiritualia alligatus“, можетъ ли онъ послѣ того „ad secularia (а тѣмъ паче ad raptum virginum) transire!“ Какъ и подобало духовной особѣ, Красицкій закончилъ свою жалобу слѣдующимъ молитвеннымъ обращеніемъ (по латыни): „Призываю во свидѣтели Того (какъ выразился въ подобномъ же случаѣ папа Иннокентій III), Кто, взирая съ неба, истинно можетъ посвидѣтельствовать, что я вступилъ въ домъ опекаемой съ чистымъ сердцемъ и добрымъ намѣреніемъ. Ты, Владыко неба и земли, вѣдаешь тайное, испытуешь сердца и проникаешь сокровенное; передъ Твоимъ небеснымъ судомъ открыта жизнь всякой твари, и Ты имѣешь власть и содѣянный грѣхъ очистить, и дать соизволеніе на то, что должно еще совершиться. Сего ради предъ Твоимъ божественнымъ величествомъ склоняю колѣни и проливаю слезы, смиренно моля: яви волю Твою святую среди одержащихъ мя тяжкихъ обидъ и поношеній и благоволи открыть невинность мою!“

Не успѣлъ бискупъ окончить эту патетическую тираду, какъ въ залу стремительно вошелъ молодой п. Гулевичъ и съ волненіемъ произнесъ:

— Милостивый пане подстаросто! Доношу вашей милости, что п. Петръ Станишевскій сію минуту отдалъ Богу душу, а

пани Станишевская родила преждевременно и Богъ вѣдаетъ, останется ли въ живыхъ. Прошу отрядить вознаго для освидѣтельствованія ранъ на тѣлѣ умершаго, послужившихъ причиною его смерти...

IV.

Въ теченіе одной недѣли въ Омеляникѣ произошло нѣсколько важныхъ событій. Послѣ трехъ-дневной агоніи Петръ Станишевскій скончался, ни на одну минуту не прійдя въ чувство. Маленькій Михайликъ, котораго во время побоища затоптали чуть не до смерти, еще хирѣлъ нѣкоторое время и черезъ недѣлю послѣдовалъ за отцемъ. Гальшка Станишевская раньше срока родила дочь, которую назвали *Петрусей* (Петронелей) въ память несчастнаго отца. Одна Ганнуся довольно благополучно перенесла снѣжную ванну въ „пашенной“ ямѣ, поплатившись за нее лихорадкой. Съѣхались многочисленные родичи и не знали, о чемъ раньше хлопотать—о крестинахъ или о похоронахъ. Но сперва надо было совершить обрядъ „обволанья“, или „проклямаціи“ надъ тѣломъ убитаго, какъ того требовалъ законъ.

Утромъ 15-го февраля гробъ съ покойникомъ положили на сани и въ сопровожденіи родныхъ, пріятелей и толпы народа отправили въ Луцкъ. Лишь только печальный кортежъ вступилъ въ черту города, какъ во многихъ костелахъ и даже церквахъ начался похоронный перезвонъ, и толпы горожанъ присоединились къ шествію. Торговцы спѣшили запереть свои „крамницы“, ремесленники бросали работу, даже ученики братской школы толпой высыпали изъ училищнаго дома—всѣ спѣшили посмотрѣть на интересное зрѣлище, случайно принявшее характеръ манифестаціи, направленной противъ высшаго католическаго духовенства. Одни студенты іезуитскаго коллегіума, вопреки всегдашней своей склонности ко всякаго рода публичнымъ зрѣлищамъ, теперь совершенно отсутствовали, но и то потому лишь, что, по особому распоряженію бискупа, они на цѣлый день были заперты въ коллегіумѣ и не смѣли показать

и носа на улицу. За гробомъ шелъ братъ покойнаго п. Войтехъ Станишевскій и другіе близкіе родственники. Въ глубокомъ безмолвіи, лишь изрѣдка нарушаемомъ женскимъ плачемъ и возгласами негодованія въ толпѣ, кортежъ вступилъ въ замокъ и остановился у дома, гдѣ помѣщалась канцелярія гродскаго суда. Оттуда вышли урядники: подстароста, судья, подсудокъ и писарь, а за ними толпа шляхтичей, прибывшихъ изъ разныхъ мѣстъ по случаю открытія въ Луцкѣ судебной сессіи. Войтехъ Станишевскій, согласно обычаю, сталъ излагать жалобу. Въ пространной рѣчи онъ съ мелчайшими подробностями передалъ исторію совершившагося преступленія и съ особенною яркостью изобразилъ возмутительную сцену убійства, когда бискупъ, подобно изступленному звѣрю, почуявшему запахъ крови, однимъ ударомъ раскроилъ черепъ несчастному „не якъ чоловѣкови, але якъ быдляти", билъ каблуками обезумѣвшую отъ горя беременную женщину, топталъ невинныхъ дѣтей и съ окровавленнымъ кинжаломъ бѣгалъ по всему дому, чтобъ перерѣзать горло сиротѣ-дѣвушкѣ. Въ заключеніе Станишевскій просилъ урядъ лично освидѣтельствовать слѣды побоевъ и ранъ на тѣлѣ покойника, отъ которыхъ онъ „тотъ свѣтъ дочасный пожегналъ, а малжонку жалостную и дѣтки осиротѣлые позоставилъ". Тотчасъ сняли крышку съ гроба; трупъ, прикрытый лишь однимъ саваномъ, былъ осмотрѣнъ, и подстароста велѣлъ записать писарю, что въ головѣ оказались двѣ раны „вельми шкодливые, смертельные, до мозку перетятые", лѣвая рука „обухами зкгрухотанная", а все тѣло покрыто „знаками синими, побитыми".

Послѣ того, по просьбѣ родныхъ, судъ поручилъ возному произвести обрядъ „проклямаціи" надъ тѣломъ убитаго и „позоланья" виновниковъ его смерти. Любопытно, что объ этомъ обрядѣ нѣтъ даже упоминанія въ литовскомъ Статутѣ, тѣмъ не менѣе онъ неизмѣнно соблюдался на Волыни въ XVI—XVII ст., можетъ быть, какъ остатокъ обычнаго права иной, отдаленной эпохи, когда публичное провозглашеніе имени убійцы надъ трупомъ убитаго имѣло значеніе общественнаго приговора, обрекающаго виновнаго на жертву родовой мести. Со времени введенія Статута, узаконившаго процессуальный порядокъ для

уголовныхъ дѣлъ, обычай преждевременной диффамаціи обвиняемыхъ въ убійствѣ, задолго до произнесенія надъ ними судебнаго приговора, представлялся, конечно, странной аномаліей; тѣмъ не менѣе, повторяемъ, онъ строго соблюдался какъ „правный" (законный) обрядъ, и противъ него не возражали даже тѣ, кому онъ причинялъ величайшій позоръ—сами обвиняемые. И въ данномъ случаѣ обрядъ этотъ былъ выполненъ со всею точностью. Гробъ съ покойникомъ вывезенъ былъ на средину замковой площади; окружающая толпа притихла. Возный, сидя верхомъ на лошади, громогласно объявилъ, что „небожчикъ панъ Петръ Станишевскій есть окрутне (тирански) забитый и замордованый (замученъ) за гвалтовнымъ наѣздомъ на его домъ чрезъ его милость ксендза Миколая Красицкаго, бискупа-суффрагана луцкаго, и его милость ксендза Францишка Гоголинскаго, кустоша луцкаго, и чрезъ людъ его милости п. Стемпковскаго, каштеляна брацлавскаго, на то умыслне посланный, съ причины и оказыи его милости п. Линевскаго, судьи земскаго луцкаго, за спольною всихъ радою, помочью и намовою есть забитый и замордованый".

Послѣ этого шествіе направилось обратно въ прежнемъ порядкѣ. Среди „окольнаго" замка, между каѳедральнымъ костеломъ и іезуитскимъ коллегіумомъ, почти подъ окнами квартиръ Красицкаго и Гоголинскаго, кортежъ остановился, и возный вторично провозгласилъ имена обвиняемыхъ. Въ третій разъ „обволанье" было совершено среди рынка и въ четвертый—„надъ право" (т. е. сверхъ предписанія закона)—при выѣздѣ изъ города. Затѣмъ гробъ съ покойникомъ былъ отправленъ въ кляшторъ бернардиновъ, находившійся въ предмѣстьи Луцка, и оставленъ тамъ до похоронъ.

Не трудно представить, какое впечатлѣніе на окружающую толпу должны были производить эти многократныя возглашенія именъ католическихъ сановниковъ надъ гробомъ ихъ жертвы. То были капли, переполнявшія чашу народнаго долготерпѣнія, краснорѣчивыя внушенія для безправной массы, чего ей ждать отъ правящихъ классовъ, гдѣ рѣдкій изъ вельможныхъ пановъ не запятнанъ тяжкимъ преступленіемъ, гдѣ даже высокопоставленныя духовныя лица не брезгаютъ упражняться въ раз-

боѣ и убійствахъ; наконецъ, то были опасныя искры, падавшія на почву религіозныхъ и національныхъ страстей, достаточно уже приготовленную для взрыва. Бискупъ Гембицкій зналъ, что дѣлалъ, отдавая приказъ запереть іезуитскихъ студентовъ: надо было слышать, какіе возгласы раздавались изъ толпы мѣщанъ по адресу „ляховъ“ и ксендзовъ, съ какимъ задоромъ братскіе школьники дразнили своихъ постоянныхъ противниковъ—студентовъ, и не будь послѣдніе подъ замкомъ—кровавыя событія, совершившіяся въ Луцкѣ въ августѣ 1648 года, могли бы произойти полугодомъ раньше.

Черезъ нѣсколько дней происходили похороны Петра Станишевскаго, причемъ, согласно установившемуся обычаю, предъ опущеніемъ гроба въ могилу снова былъ совершенъ вознымъ обрядъ „обволанья“ виновниковъ его смерти.

V.

Начался уголовный процессъ одновременно въ свѣтскомъ и духовномъ судѣ. Но прежде нежели состоялось рѣшеніе въ судѣ человѣческомъ, судъ Божій произнесъ свой грозный приговоръ надъ самыми основами польско-шляхетскаго общественнаго строя, въ которомъ такимъ пышнымъ цвѣтомъ процвѣтали самоуправство, насиліе и всевозможныя преступленія и земля наполнилась злодѣяніями. Не задолго до происшествія въ Омелянникѣ, въ отдаленномъ Суботовѣ совершилось подобное же кровавое насиліе: шляхтичъ Чаплинскій учинилъ „гвалтовный“ наѣздъ на хуторъ козака Хмельницкаго, отнялъ у него жену и засѣкъ до смерти малолѣтняго сына. За это насиліе Польша поплатилась Желтыми-Водами, Корсунемъ, Пилявцами, Збаражемъ и цѣлыми потоками крови. Пламя возстанія охватило и Волынь. Въ августѣ 1648 года луцкіе мѣщане безъ сопротивленія сдали козакамъ городъ съ замкомъ и вмѣстѣ съ ними занялись истребленіемъ „ляховъ“, ксендзовъ и евреевъ. Бернардинскій кляшторъ былъ сожженъ до тла, каѳедральный, іезуитскій, доминиканскій и другіе костелы и монастыри были разграблены и осквернены; захваченные ксендзы (въ томъ числѣ пріоръ домини-

канскаго кляштора) подверглись позорной смерти. Бурмистры и райцы, предводительствуя толпами мѣщанъ, въ неистовствѣ бѣгали по улицамъ съ криками: „Быйте ляховъ, поганскихъ сыновъ,—теперъ часъ маете!“ [1]). Такъ продолжалось всю осень и зиму 1648—49 гг. и затѣмъ подобныя сцены повторялись на Волыни и въ послѣдующіе годы, послѣ каждаго пораженія Хмельницкимъ польскихъ ополченій.

Ни одинъ изъ героевъ нашего разсказа не былъ, однако, свидѣтелемъ этихъ ужасовъ: и правые, и виноватые—всѣ заблаговременно бѣжали предъ лицомъ народнаго гнѣва и спѣшили найти убѣжище въ отдаленныхъ мѣстахъ коренной Польши и Литвы. Одинъ лишь панъ Тетеря не послѣдовалъ за своимъ патрономъ Стемпковскимъ, но присоединился къ козакамъ и вмѣстѣ съ ними грабилъ и разорялъ панскія имѣнія на Волыни.

Послѣ зборовскаго перемирія наступило временное затишье, и волынскіе изгнанники получили возможность возвратиться изъ „забѣговъ“ на родину, въ свои разоренныя гнѣзда. Вдова Станишевская, вмѣстѣ съ своимъ деверемъ, немедленно возобновила прерванный процессъ съ убійцами ея мужа. Въ февралѣ 1650 года папа Иннокентій X, на рѣшеніе котораго восходило дѣло о Красицкомъ и Гоголинскомъ, назначилъ луцкаго бискупа Андрея Гембицкаго коммиссаромъ апостольскаго престола и поручилъ ему произвести судъ надъ своимъ викаріемъ и каноникомъ. Гембицкій безъ лицепріятія исполнилъ это важное порученіе: онъ приговорилъ обоихъ обвиняемыхъ къ изверженію изъ духовнаго сана и предалъ ихъ церковному отлученію. Но бискупъ Красицкій не даромъ служилъ когда-то протонотаріемъ при дворѣ римскаго первосвященника; онъ лично отправился въ Римъ съ апелляціей на постигшій его суровый приговоръ и добился того, что папа въ томъ же году отмѣнилъ декретъ Гембицкаго, какъ несогласный будто бы съ церковными канонами, и поручилъ польскому примасу Мацѣю Лубенскому заново разсмотрѣть дѣло.

Въ свѣтскихъ судахъ дѣло тянулось еще медленнѣе. Едва луцкій гродскій судъ приступилъ къ его разсмотрѣнію, какъ

---

[1]) Актовая книга луцкаго гродскаго суда, № 2491.

обвиняемые потребовали перенесенія дѣла въ люблинскій трибуналъ, гдѣ оно откладывалось отъ одной сессіи до другой. Тѣмъ временемъ для Польши наступили, казалось, послѣднія времена. Царь Алексѣй Михайловичъ овладѣлъ Литвой и Бѣлоруссіей; шведскій король Карлъ X взялъ Познань, Варшаву и Краковъ; Хмельницкій вступилъ въ Червоную Русь, разбилъ польское войско подъ Гродскомъ и осадилъ Львовъ. Польша была на краю гибели, и король Янъ-Казимиръ бѣжалъ въ Силезію. Въ эти бѣдственные годы какая же была возможность для правосудія совершать свои отправленія!

Время шло и приносило все новыя перемѣны. Умеръ бискупъ Красицкій вдали отъ родины; за нимъ одинъ за другимъ сошли со сцены и остальные обвиняемые: Стемпковскій, Гоголинскій и Линевскій. Въ семьѣ Станишевскихъ также не все осталось по-прежнему: Ганнуся вышла наконецъ замужъ за своего прежняго жениха Константина Гулевича; даже сама безутѣшная вдова Гальшка Станишевская пришла къ заключенію, что не вѣчно же ей оплакивать погибшаго мужа, и вступила во вторичный бракъ съ холмскимъ каштеляномъ Яномъ Песочинскимъ.

Казалось, со смертью обвиняемыхъ долженъ былъ бы прекратиться и самый процессъ объ убійствѣ Станишевскаго; однако же, онъ не былъ прекращенъ, а только измѣнилъ свой характеръ. Теперь дѣло шло уже не о карѣ виновныхъ, ушедшихъ отъ суда человѣческаго, а о взысканіи *„головщины“*—денежнаго вознагражденія за голову убитаго, и искъ былъ предъявленъ къ наслѣдникамъ виновниковъ его смерти. Лишь только въ Польшѣ вновь наступили спокойныя времена, бывшая пани Станишевская, поддерживаемая теперь вліятельнымъ опекуномъ-мужемъ, съ новой энергіей возобновила полузабытый процессъ и хотя поздно, но добилась своего. Въ 1663 году послѣдовалъ наконецъ трибунальскій декретъ, которымъ п. Даніилъ Стемпковскій, каштелянъ брацлавскій и староста владимірскій, въ качествѣ наслѣдника отцовскихъ имѣній, былъ приговоренъ къ уплатѣ 240 гривенъ за голову Петра Станишевскаго, а черезъ два года такому же взысканію (въ суммѣ 1800 злотыхъ) под-

верглись племянники, двоюродные братья и другіе родственники и наслѣдники бискупа Красицкаго. У п. Стемпковскаго въ ту пору не случилось наличныхъ денегъ, и онъ уплатилъ свою часть цѣнными „клейнотами": перстнями, серьгами, „манеллями" (браслетами), брошками и другими золотыми украшеніями съ рубинами и „діаментами". Для бывшей паніи Станишевской были какъ нельзя болѣе кстати эти драгоцѣнности: въ то время она готовилась разомъ къ двумъ свадьбамъ—свою старшую дочь Маріанну выдавала она за кіевскаго подсудка Яна-Александра Олизара-Волчкевича, а младшая Петруся, никогда не видѣвшая своего отца, выходила за п. Песочинскаго—пасынка своей матери.

Ор. Левицкій.

ГАЛИЦКО-РУССКІЙ „SAVOIR VIVRE“.

Въ извѣстномъ „Дополненіи къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго“, составленномъ Я. Ѳ. Головацкимъ (Приложеніе къ XXIV тому Записокъ императорской академіи наукъ, № 3. С.-Петербургъ. 1874) обозначено на странице 40 подъ № 203 довольно загадочное сочиненіе подъ заглавіемъ „Полѣтика свѣтска“, въ 12 долю (безъ обозначенія мѣста и года печати, вѣроятно, въ Почаевѣ, около 1800 года). Покойный галицко-русскій ученый не отмѣтилъ одного довольно важнаго обстоятельства: что экземпляръ сочиненія, который по всей вѣроятности былъ у него подъ рукой, есть только отрывокъ, а не самостоятельное сочиненіе. Быть можетъ, это былъ тотъ самый отрывокъ, который составлялъ собственность русинскаго депутата о. Ивана Озаркевича, когда то хорошо знакосъ покойнымъ Головацкимъ; отрывокъ этотъ въ настоящее время находится у П. И. Житецкаго.

На библіографическо-археологической выставкѣ Ставропигійскаго института во Львовѣ 1888 года, въ числѣ прочихъ рѣдкихъ изданій и рукописей, находилась также книжечка, часть которой составляла названная выше „Полѣтика свѣцкая“. Книжечка эта въ настоящее время составляетъ большую библіографическую рѣдкость; единственный извѣстный намъ экземпляръ хранится въ библіотекѣ епископскаго собора въ Перемышлѣ. Вотъ почему, чтобъ исправить библіографическую неточность, допущенную Я. Ѳ. Головацкимъ, а также въ виду несомнѣннаго культурнаго интереса, который представляетъ эта кни-

жечка, мы предлагаемъ ея точное описаніе и изложеніе содержанія и перепечатываемъ вполнѣ ея послѣднія страницы.

Заглавіе книжечки, о которой идетъ рѣчь, слѣдующее: „Букварь, ꙗзыка славенскагѡ, чтенїѧ и писанїѧ оучащимсѧ, въ полезное руковожденїе тѵпомъ изданъ, при храмѣ Оуспенїѧ прчтыѧ Бцы въ Бгоспасаемомъ Градѣ Львовѣ. Року Бжїѧ аѱч. Мца октоврїа а дня“. Форматъ—малое 8°, страницъ ненумерованныхъ 52. Какъ видимъ, почти всѣ обозначенія и предположенія Головацкаго оказываются невѣрными. Изданіе вышло не въ Почаевѣ, но во Львовѣ, не около 1800, а въ 1790 году, не въ 12, но въ 8 долю листа. О какомъ нибудь особенномъ, второмъ изданіи „Свѣцкой полѣтики“ безъ „Букваря“, которое могъ бы имѣть подъ рукой Головацкій, не можетъ быть и рѣчи, уже по тому одному, что и онъ не имѣлъ цѣлой книжки, но только отрывокъ безъ заглавнаго листа, да и отрывка того не описалъ такъ, какъ бы слѣдовало.

Вотъ содержаніе книжечки:

Листъ 1 (заглавный) verso: Пи́смена; л. 2 verso—3 recto: Слоги изъ двохъ писменъ; л. 4 v. Рече́нія изъ еди́наго триписменнаго слога; л. 5 r. Реченія изъ двохъ четыреписменныхъ слоговъ; 5 v. Реченія изъ разнаго числа слоговъ; л. 6 v. Реченія единаго слога, составленнаго изъ разнаго числа писменъ; л. 7 r. Рѣчъ изъ реченій составленная; л. 8 r. Слоги подъ титлами; 10 v. Просодія строчная (знаки препинанія) и просодія верхняя; л. 11 r. *Примѣчаніе*: Знай яко ко доброму и искусному чтенію не токмо писмена и сло́ги, но и просодію разумѣти потребно есть. Тѣмже по слогахъ прими́ абіе начертаній просодійскихъ истолкованіе, и отрокомъ оучащимся предлагай сицево́ изъясненіе, и проч.

Л. 12 r. О Бозѣ, что и каковъ и коликій есть Богъ нашъ.

Л. 13 v. О Божіемъ промыслѣ, како́вый имѣетъ Богъ и обще ко всѣмъ тваремъ своимъ, и особливо къ человѣку о вѣчномъ его спасеніи.

Л. 17 r. Тайны Но́ваго Завѣта.

Л. 17 v. Заповѣди церковнаго правителства.

Л. 17 v. О законѣ Божій, которымъ всякъ человѣкъ долженъ оуправляти житіе свое, дабы живота вѣчнаго не лишился.

Л. 24 r. и v. Число (церковное, гражданское, латинское и словами, до 10.000).

Л. 25 r. Молитвы оутренныя, яже должно есть отроча, воставъ отъ сна, Богу благочестно воздати, первѣе оубо да знаменается крестомъ кланяяся и глаголя, и проч.

Л. 25 v. *Примѣчаніе:* Когда отрокъ послѣдующимъ молитвамъ читати оучится, подобаетъ оучителю кождія молитвы содержаніе и силу показовати ему, дабы читая ихъ предъ Богомъ зналъ, чего отъ Бога проситъ. Долженъ такожде и сія славенскія реченія *простимъ рускимъ языкомъ* ему истолковати. А дабы онъ сказуемое и изясняемое лучше оуразумѣлъ и въ памяти затвердити моглъ, потреба по всякомъ изясненіи вопрошати его о томъ, что ему просто показовано.

Л. 29 r. Сvмволъ православныя вѣры (конечно, съ уніатскимъ „отъ Отца и Сына исходящаго“).

Л. 30 v. Исповѣдь повседневная.

Л. 33 v. Молитвы предъ обѣдомъ. Благодареніе по обѣдѣ.

Л. 34 r. Молитвы предъ вечерею. Благодареніе по вечери.

Л. 35 r. Молитвы на сонъ грядущымъ.

Л. 37 v. Служенія до службы Божія. Дѣтемъ младымъ благопотребное.

Л. 44 v. до конца: *Полѣтика свѣцкая, отъ иностранныхъ авторовъ вкратцѣ собранная. Младымъ примична, всѣмъ же обще благопотребная.*

Букварь этотъ, какъ видитъ читатель изъ представленнаго тутъ перечня его содержанія—это въ нѣкоторомъ родѣ цѣлая энциклопедія того, чему въ то время учили въ галицко-русскихъ народныхъ школахъ. Есть здѣсь и элементы чтенія, счеты, молитвы повседневныя, „служеніе до службы Божьей“, нужное особенно въ городахъ, гдѣ и въ уніатскихъ церквахъ, по латинскому обычаю, заведены „тихія“, читанныя службы, при которыхъ священнику прислуживали обыкновенно школьные мальчики, и въ концѣ „Свѣцкая полѣтика“, т. е. правила благоприличія. Изданіе этого букваря съ его примѣчаніями и матеріаломъ

было однимъ изъ проявленій духа западно-европейскаго просвѣщенія въ галицко-русской народной школѣ. Послѣ „Псалтири“ и „Часослова“, служившихъ до сихъ поръ единственными кромѣ азбуки пособіями при элементарномъ обученіи, это былъ значительный шагъ впередъ. И хотя вообще „Букварь“ имѣетъ характеръ церковный, такъ какъ и школа народная въ то время находилась исключительно въ вѣдѣніи церкви и духовенства или причта церковнаго, и писанъ языкомъ церковнымъ, но интересно то, что когда дѣло доходитъ до чисто мірского сюжета, которому авторъ желалъ болѣе широкаго распространенія среди народа, то и языкъ его въ значительной степени приближается къ простонародной рѣчи, или же къ той южнорусской литературной рѣчи, которая выработалась въ XVII стол. подъ перомъ Вишенскаго, Галятовскаго и др. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы австрійское правительство серьезно захотѣло помочь развитію русскаго элемента въ Галиціи или, по крайней мѣрѣ, не задерживать это развитіе, то уже съ концомъ XVIII столѣтія мы имѣли бы здѣсь начатки возрожденія литературы и образованности. Какъ извѣстно, австрійское правительство сначала какъ будто размахнулось сдѣлать нѣчто подобное. Въ 1783 году оно устроило во Львовѣ русскую духовную семинарію, въ которой нѣкоторые предметы преподавались на русскомъ (славено-русскомъ, конечно) языкѣ. Въ 1785 году семинарія эта превращена изъ діецезіальной въ генеральную, въ которую поступали слушатели-уніаты изъ угорской Руси, Хорватіи, Семиградіи. Въ 1786 году приказано настоятелямъ этой семинаріи при повторительныхъ обученіяхъ, было особенно въ богословіи пастырскомъ, нравственномъ и догматическомъ употреблять для русиновъ языкъ русскій; на томъ же языкѣ должны были слушатели сочинять проповѣди, катихизическія науки и другіе уроки, которые ежегодно предлагались правительству для разсмотрѣнія. Съ 1787 г. были учреждены особыя студіи на русскомъ языкѣ въ самомъ университетѣ львовскомъ, гдѣ всѣ обязательные предметы на факультетахъ богословскомъ и философскомъ преподавались для русиновъ по русски. И хотя языкъ этихъ лекцій былъ

мертвый церковно-славянскій и самое содержаніе ихъ не отличалось ни живостью, ни оригинальностью, ни научностью, все таки русины съ неимовѣрной жадностью бросились и на эти крохи европейскаго знанія, какія имъ достались, и въ теченіе одного десятилѣтія не только выдѣлили довольно значительную массу духовенства, несравненно болѣе образованнаго, чѣмъ тѣ полуграмотные дьячки, какіе въ польскія времена поставляемы были въ пресвитеры, но, сверхъ того, произвели значительное число людей съ высшимъ, по тогдашнему европейскимъ образованіемъ [1]).

Заботясь о высшемъ образованіи русиновъ, австрійское правительство въ то же время думало и о первоначальномъ обученіи массъ народныхъ. Для существовавшихъ кое гдѣ церковно-приходскихъ школъ (ихъ въ моментъ перехода Галиціи подъ австрійскую власть не было, кажется, и сотни) изданы: Азбука, Катихизисъ (1786), Букварь (1790), Часословъ (1790). Въ слѣдующемъ году правительство приказало, чтобы по всѣмъ мѣстностямъ восточной Галиціи, гдѣ не было нѣмецкой или польской „тривіальной" школы, учреждены были русскія тривіальныя школы. Такимъ образомъ „Букварь" нашъ, изданный Братствомъ Ставропигійскимъ первоначально, можетъ быть, для немногихъ „братскихъ" и церковно-приходскихъ училищъ, долженъ былъ удовлетворять современемъ нуждамъ значительно большаго числа школъ.

Какъ велико было число русскихъ школъ народныхъ, которыя возникли вслѣдствіе правительственнаго распоряженія 1791 г., мы не знаемъ. Правда, въ 1816 году, во время совѣщаній въ львовской губерніи по дѣлу народныхъ школъ лат. арцибискупъ Анквичъ говорилъ, „что въ продолженіи 44 годовъ ни подъ владѣніемъ Маріи Тересіи, ни во время цѣсаря Іосифа II, ни позже о русскихъ школахъ въ Галиціи ничего не было слышно", но арцибискупъ этотъ отличался тѣмъ, что не слышалъ многихъ вещей слышныхъ всему міру, и хотѣлъ даже залить свинцомъ сердце большого колокола на Успенской церкви, чтобъ не слы-

[1]) Я. Ѳ. Головацкій. Первое движеніе русиновъ въ Галиціи. Науковый сборникъ Матицы, II, 1865. Стр. 76, 77 и 79.

шать еженедѣльнаго звона этого „русскаго Кирилла“. Что о русскихъ школахъ Анквичъ не слыхалъ ничего потому только, что не хотѣлъ, это мы видимъ изъ письма импер. Франца I. отъ 14 ноября 1817 года, въ которомъ онъ съ большою признательностью высказывался о дѣятельности галицко-русскаго духовенства въ дѣлѣ основанія народныхъ школъ, которыхъ по даннымъ консисторій въ одной перемышльской епархіи въ томъ году было 227. Сколько ихъ было въ епархіи львовской, въ два раза слишкомъ большей, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ можемъ полагать, что въ 1817 году было въ Галиціи, по крайней 500 народныхъ училищъ и школъ грамотности. Мы имѣемъ мѣрѣ, правительственныя показанія, подтверждающія, что русское духовенство въ дѣлѣ народнаго образованія опередило польское, среди котораго только съ половины 30-хъ годовъ началось болѣе замѣтное движеніе въ пользу основанія народныхъ училищъ.

Что эти первоначальныя училища для своего времени совсѣмъ не были плохи, это доказываютъ старанія перемышльскихъ русиновъ объ основаніи въ этомъ городѣ русской (базиліанской) гимназіи, въ которой можно бы было продолжать образованіе, начатое въ народныхъ училищахъ (Головацкій, Первое движеніе, 93). Но дѣло это не выгорѣло, такъ какъ еще во время Леопольда II, а главнымъ образомъ при императорѣ Францѣ I началась въ Австріи бюрократически-шляхетская реакція, которая заставила правительство относиться подозрительно и даже враждебно къ развитію образованія всякихъ демократическихъ элементовъ, въ томъ числѣ, очевидно, и русиновъ. Но преподаваніе русскаго языка въ университетѣ львовскомъ признано излишнимъ уже въ 1800 году, а въ 1806 году и весь этотъ университетъ признанъ былъ тоже излишнимъ и перенесенъ въ Краковъ; львовскій университетъ низведенъ на степень лицея, гдѣ нѣкоторые богословскіе предметы читались еще по русски, но не долго, въ 1808 году русское слово совсѣмъ устранено изъ высшаго образованія вплоть до 1848 года. Не миновала „чаша сія“ и народныхъ школъ. Въ 1805 г. русскія народныя школы отданы были въ управленіе латинской консисторіи, и это распоряженіе оставалось въ полномъ дѣйствіи

до 1815 года. Мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о томъ, какое вліяніе имѣло это управленіе на ходъ и развитіе школьнаго дѣла. Кажется, что навязываніе русскимъ дѣтямъ польскаго языка, въ ущербъ всякимъ педагогическимъ резонамъ, началось уже въ ту пору, потому что въ 1817 году митрополитъ Мих. Левицкій, во время совѣщаній въ губерніи, касавшихся реформы школьнаго дѣла, какъ первое требованіе русиновъ, предложилъ, чтобы во всѣхъ русскихъ сельскихъ училищахъ заведено было обученіе русскому языку,—значитъ, до того времени языкъ этотъ въ сельскихъ училищахъ былъ въ пренебреженіи или даже въ загонѣ. Но 1817 и 1818 годы принесли русинамъ еще худшее. Пресловутая „реформа", о которой велись въ львовской губерніи совѣщанія спеціальной коммиссіи, была проведена по плану самаго худшаго врага русиновъ, львовскаго лат. арцибискупа Анквича. Несмотря на протесты русиновъ: митрополита Левицкаго и каноника Могильницкаго, коммиссія рѣшила, а императоръ въ 1818 г. подтвердилъ, что „считая употребленіе русскаго языка необходимо нужнымъ при катихизаціяхъ, *не воспрещается* священникамъ самимъ или посредствомъ своихъ помощниковъ обучать школьное юношество чтенію и писанію русскому, но *русскій языкъ не можетъ быть предметомъ публичнаго обученія*, ибо языкъ этотъ, въ письмѣ мало употребительный, не имѣетъ никакого общественнаго употребленія ни въ промышленности, ни въ военной службѣ,—и чтобы во всѣхъ школахъ народныхъ и для русиновъ языкъ польскій остался учебнымъ языкомъ, какъ единственный во всей Галиціи „языкъ краевой" (Landessprache). Впрочемъ, громадамъ русскимъ не воспрещается заводить и русскія школы, которыя однакожъ будутъ считаться частными заведеніями и не имѣютъ права на пособіе изъ школьнаго фонда" (Головацкій, Первое движеніе, 96).

Эти нелѣпыя и постыдныя постановленія польскихъ шовинистовъ, подтвержденныя реакціонной бюрократіей, оставались въ полной силѣ вплоть до 1848 г., тормозя развитіе народнаго образованія и отбивая у народа охоту къ школѣ. Впрочемъ, гдѣ всего этого было мало, гдѣ „панщизняные" мужики въ упоръ стремились къ образованію, тамъ паны пускали въ

ходъ и другіе способы, особенно же давно излюбленное средство—отдавать учителей и дьяковъ въ рекруты. На это жаловались мужики села Гошева митрополичьему визитатору Ник. Шадурскому еще въ 1762 году; на то же самое жалуются и въ 1840 г. крестьяне села Стецевы митрополичьей консисторіи.

Эта печальная страница изъ исторіи школьнаго дѣла въ галицкой Руси пусть будетъ вмѣсто комментарія къ библіографической замѣткѣ о „Букварѣ" 1790 года, равно какъ и къ слѣдующей извлеченной изъ него статейкѣ. Статейка эта, первая и единственная въ этомъ родѣ работа въ галицко-русской литературѣ, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія не только по своему языку, но и какъ образчикъ нравовъ тогдашней нѣсколько образованной части галицко-русскаго населенія. Безъименный авторъ „Полѣтики свѣцкой" въ самомъ заглавіи заявляетъ, что статья его—„отъ иностранныхъ авторовъ вкратцѣ собранная", но все таки кажется, что онъ главнымъ образомъ слѣдовалъ образцамъ польскимъ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ придется признать извѣстную долю оригинальности.

Полѣтика свѣцкая [1]) отъ иностранныхъ авторовъ вкратцѣ собра́нная. Мла́дымъ прилична, всѣмъ же о́бще благопотре́бная.

ГЛАВА А҃.

О присто́йномъ уложеню тѣла.

а. Трима́йся про́сто, чи то стои́шъ, чи сѣди́шъ, чи клячишъ, го́лову тро́хи наклоне́ну маючи на пере́дъ, еднакже не скривля́й а́нѣ въ пра́ву а́нѣ въ лѣву сто́рону. Не оберта́й головы легкомыслне и пло́хо [2]), а́ле если треба, оберни́ зво́лна.

б. Не морщъ челѝ, а ти́мъ ба́рзѣй носа; если́ молчи́шъ, не ма́й устъ отво́реныхъ, анѣ стиска́й губъ ба́рзо. Нехъ не буде

---

[1]) Въ транскрипціи подлинника я пропускаю надстрочные знаки кромѣ ударевій, а также измѣняю буквы оу на у, ѡ на о, ѧ на я, и разставляю болѣе правильно знаки препинанія.

[2]) Плохо—здѣсь въ польскомъ значеніи—безалаберно, безстыже.

тваръ [1]) твоя надъ потрéбу смýтна, гнѣвна, удивляющаяся, албо збитъ [2]) весéла, но старайся, абы зъ повагою весéлость, зъ смѣлостію спокóйность злýчена былá.

г. Не стрѣляй очима тамъ и самъ, але пóдлугъ звичаю низпущéни май. Нѣ на кóго не поглядай окомъ кривымъ, погоржаючимъ и пишнымъ. Коли зъ кимъ говóришъ, не дивися на лицѐ его, але нижше пéрсей, особливе если зъ такимъ, котрогось шановати повиненъ, албо зъ особою иншого пóлу розмовляешъ.

д. Руки, если порóжнѣи, тримай спокойне перéдъ (sic!) собою, а не позадъ себѐ, анѣ въ кѣшéняхъ, и вистерѣгайся пилно рухати раменáми, лопаткáми, и розправляти безъ потребы руками.

е. Безъ слушной потребы не стирай рукъ, не мáцайся [3]) по бородѣ, головѣ, по лицѣ безъ потребы, анѣ руками тихъ чáстей тѣла дотикайся, котрымъ завше покрытымъ быти принадлежитъ.

ѕ. Пазногти необрѣзаніи и неумитіи носити гнусно есть, а потомъ огризати албо обрѣзовати при лю́дяхъ честныхъ барзо непристойно.

з. Сидячи, тримай ноги просто, крѣпко, ногу на ногу не закладай, анѣ розставляй, анѣ далеко отъ себѐ протѣгай (sic!), а коли стоишъ, ноги предъ нóгу не виставляй.

и. Не чини великого шуму витираючи носъ; до того заживай хустки завше, а вичистивши носъ, не зазирай въ хустку.

ѳ. Вистерѣгайся, якъ можешъ, кѣханя, кáшляня гóлосного барзо, и отдихáня такого, щобы могли иншіи чути.

і. Не крути головою, коли говóришъ, и не чини примѣтовъ, то есть знаковъ, якобы присвѣдчáючи за кóждымъ словомъ вимовленымъ, албо що чуешъ.

аі. Не тикайся безъ потрéбы шіи, пóяса, рукавицъ и иншихъ вéщей. Не залáмляй палцовъ, анѣ витягай зъ составовъ,

---

[1]) Лицо.

[2]) Слишкомъ.

[3]) Мацати—щупать.

анѣ ихъ заживай на́кшталтъ палца́товъ, що до бубна заживаютъ. Наконецъ, стоячи́ тримайся на ногахъ крѣпко.

ві. Заховай пристойную хендо́гость [1]) су́конь, еднакъ же безъ жадного пристра́стія, котрое по себѣ покажешъ, если́ часто поглядаючи на нихъ, безъ потребы що разъ будешъ поправляти на собѣ.

ГЛАВА є҃.

О спо́собѣ захова́ня ся при столѣ.

а. Сѣдячи́ у сто́лу, есть рѣчъ барзо непристойная спирати локтѣ на нѣмъ, албо локтями труча́ти други́хъ.

в. И то не полѣти́ка (sic!), розваля́тися и ростягати на столцѣ, дра́патися, кива́ти ногами, на ту и на ту сто́рону що разъ поглядати.

г. Есть рѣчъ барзо не милая и другимъ не пріемная—ка́шляти, плюва́ти и носъ витирати при столѣ. Если една́къ безъ того̀ не можна ся обыйти́, заслонися серве́тою [2]) любъ [3]) хусткою, особливе витераючи носъ, и въ томъ всѣмъ вистерѣгайся, абы не го́лосно.

д. Есть проти́въ полѣтики, розвивати серве́ту пе́рше, не́жели розвинѐ той, хто есть старшый у сто́лу.

е. Есть знакъ лако́мого и не добре ви́хованого, стрѣляти очима на всѣ стороны, албо приглядатися особамъ албо потравамъ [4]) передъ собою поста́вленымъ.

ѕ. При стола́хъ, при котрыхъ зви́чай есть бе́сѣдовати, вистерѣгайся говорити, ма́ючи уста̀ полніи.

з. Мовъ мало и ростропне, а найбарзѣй стережися показатися гнѣвнымъ на кого̀ при го́стяхъ.

и. При чужомъ столѣ не виривайся кра̀яти мяса, албо частовати инших, если въ томъ дому́ не маешъ поваги особ-

[1]) Опрятность.

[2]) Салфетка.

[3]) Или.

[4]) Кушаньямъ.

лившой, албо если тя господа́ръ о тое не про́ситъ, хиба если зъ такими сѣдишъ, зъ котрыми маешъ поуфа́лость [1]).

ѳ. Ѣжъ по малу, не клади́ въ губу друга́го ку́са, першаго не полкнувши, анѣ такъ вели́каго, котримъ бысь наполнивъ уста̀.

і. Не схиляйся надъ потраву, але ено тро́хи наклонися, если що рѣдкого ѣси́, и заразъ знову ви́простуйся. Вистерѣгайся также чого на обрусъ албо на себе прольляти.

аі. Есть то вла́сность [2]) лако́маго зъ тимъ ся освѣдчати, же маешъ склонность до потравъ делѣкатныхъ, албо и сами́мъ дѣломъ тое показовати, избираючи лучшыи, албо потяга́ти руку до полу́мисковъ дале́кихъ отъ себѐ, албо мовити о томъ безъ потребы, албо показовати по собѣ, жесь не ко́нтентъ зъ ѣдла и напо́ю.

ві. Не пій россо́лу зъ ча́ры любъ талѣрки (sic!), бо то естъ грубіански.

гі. Не висисай шпѣгу зъ костей, анѣ огло́дуй ко́сти.

ді. Не мляцкай, жуючи́ албо пючи́. Не пій отдыхаючи. Не лупа́й косте́й ноже́мъ любъ зуба́ми.

еі. Есть непристойна руками брати мясо, если на тое маешъ ви́лки, албо хлѣбъ тлустими руками. Обтерти перше треба руки, до хлѣба беручи ся.

ѕі. Не мача́й анѣ мяса, анѣ хлѣба въ полу́миску. Не мѣшай ки́лки потравъ вкупу. Не частуй друго́го тимъ, чогось уже самъ скоштова́лъ.

зі. Кости и ости зъ рыбы и скорки фру́ктовъ на краю̀ талѣрки складай, а не на обрусѣ, и подъ столъ не ки́дай, абыся отъ нихъ пси не покусали. Косто́къ зъ фруктовъ любъ щоколвекъ не випліо́вуй на тарѣлку (sic!), але зъ устъ въ руку тихо ви́пусти, и пото́мъ на тарѣлку.

иі. Не край хлѣба, спершися на тарѣлку албо обрусъ, бо то рѣчъ непристойная.

ѳі. Шпе́тна есть зливати россолъ зъ полумиска въ ложку, а витирати хлѣбомъ есть знакъ лакомства.

---

[1]) Фамильярность.

[2]) Свойство.

к. Коли подають трýнокъ [1]) до напою, бери зъ стороны подлѣйшей, если бýдешъ зъ особами не рѣвними себѣ въ достóинствѣ.

ка. Не пій нѣгды маючи що въ устахъ; утри устà предъ питіемъ и напившися.

кв. Перестань ѣсти, если другіи перестали; овшемъ, упереди въ томъ иншихъ, если суть надъ тебѐ годнѣйшіи.

кг. Не утирай серветою поту зъ лицà, анѣ носа, анѣ тарѣлки.

кд. Не витерѣбляй зубовъ, анѣ вимивай устъ при столѣ и при другихъ.

ГЛАВА г҃.

О хожденіи.

а. Не ходи́ збитъ спѣшно, анѣ збитъ помалу, анѣ величаво, анѣ плохо, але мѣрне и зъ повагою себѣ належи́тою.

в. Идучи́ не горбся, не кивáй собою, не звѣшáй рукъ, не стукай велми́ ногами о землю, не волочи́ ногъ за собою. Идучи́ на сходи, по еднóму ступай.

г. Не смѣйся и не говори самъ до себѐ. Мимо идучи́ не зривай фруктовъ, цвѣтовъ албо ли́стовъ въ улицѣ огорода тогò, въ котрóмъ прохожаешся.

д. Если ходишъ зъ такою осóбою, котрýюсь шановати повúненъ, не зостановляйся [2]), тилко тогдà, когда она станетъ, не випережай ей, не обертайся перше нѣмъ она, и то такъ, абысь ся ти́ломъ не обернувъ.

е. Зъ особою висóкаго сана неприли́чно есть ити рѣвно, але потреба зоставатися на полъ-крока за нею, такъ еднакъ, абы могла чути мову твою́.

ѕ. Зъ рѣвнею себѣ ходи́ рѣвно, и не обертайся завше перше, и не застановляйся часто, хиба би того потреба былà.

---

[1]) Напитокъ.

[2]) Останавливайся.

з. Если килкохъ рѣвня себѣ въ купѣ прохожаются, полѣтика потребуе, абы тіи, котріи въ серединѣ были, цофнулися на стороны, доходячи́ конца улицы или будинку, а середины уступили тымъ, котріи при бокахъ были,—що и тіи повинни учинити, отправивши свою колѣй.

и. Если ся прохожаешъ зъ двома рѣвними себѣ въ годности, надъ котрыхъ ты годнѣйшый, обертайся разъ до едного, другій разъ до другого; если зась не рѣвня они, частѣй до годнѣйшаго. Тіи, що по бокахъ, до того, що въ серединѣ, и зъ нимъ разомъ маютъ обертатися.

ѳ. Если особа годнѣйшая, зъ котрою забавляешся, зъ кимъ иншимъ особно розмовляетъ, отступи ты, абысь не чувъ, що говорятъ; ежели каже приступити, приступи зъ уйшанованіемъ; если тя проситъ, абысь о рѣчи, о котрой мовятъ, откривъ свое разумѣніе, мовъ осторожне и мало, не сопротивляйся упорчиве напротивъ разумѣнія того, зъ котрымъ еси въ компанѣи.

і. Полѣтика каже годнѣйшому старшого уступати мѣсця.

аі. Если прохожаешся зъ кимъ далеко отъ тебе достойнѣйшымъ, а той сяде, стояти потреба, ажъ поки каже сѣсти,—того еднакъ за першимъ роскАзомъ не чинити, хиба за другимъ, и то на подлѣйшомъ мѣсцѣ.

ГЛАВА д҃.

Якъ принадлежитъ зъ людми обходитися.

а. Кланяйся особамъ надъ тебе достойнѣйшимъ приходячи къ нимъ и отходячи. Той же уклонъ тимъ нижшій быти повиненъ, имъ тіи особы, котрымъ кланяешъся, суть отъ тебе вышшіи.

в. Виходи противъ особамъ годнимъ, хотя бы рѣвнымъ тебѣ, если въ гостину до тебе приходятъ, заразъ якъ тилко довѣдаешся о ихъ приходѣ. Тое учинивши и до будинку запросивши, проси сѣсти на честнѣйшомъ мѣсцѣ, и потомъ отходящихъ вивести ажъ за браму. И если не пѣшо, чекай, поки всяде на коня чили возъ,—такъ поклонъ учинивши назадъ повертай.

г. Не всѣдай на коня анѣ на возъ при особѣ надъ тебѐ годнѣйшой, у котрой гостѝвесь, але належитъ почекати, поки не отиде.

д. Встань, если до тебѐ хто приближается, хотячи зъ тобою бесѣдовати, хотя бы бувъ рѣвня тобѣ.

е. Не входи нѣгди зъ накритою головою до дому годнаго кого, але за порогомъ открый.

ѕ. Не проси нѣгди старшого отъ тебѐ, абы накрывъ голову, и своей не накрывай, ажъ онъ накрые и тебѣ роскаже; анѣ збороняйся упорчиве накрыти, если разъ и дру́гій каже. Зъ рѣвнею своймъ привитавшися и попросившися взаемне, во́лно ра́зомъ накри́ти.

з. Грѣшитъ проти́въ обы́чаемъ добримъ, хто не проше́ный першое засѣдае мѣсце, албо упорчиве не хоче тамъ сѣсти, где просятъ. Въ дому свое́мъ першого хотя рѣвнѣ себѣ належитъ уступати мѣсця.

и. Если значне надъ якую особу не естесь годнѣйшый, не повинесь допускати, абы мала пере́дъ тобою стояти зъ откри́тою головою, не просивши, абы ю накрила. Ростропность также потребуе не примушати особы далеко отъ тебе подлѣйшой, абы накрывала голову, бо того̀ (знаючи ся до своей повинности) не може учинити.

ѳ. Полѣтика того̀ потребу́етъ, абы уступати зъ дверей и иншихъ тѣсныхъ мѣстъ, если туди особа якая годная проходитъ. На сходахъ выгоднѣйшаго уступай мѣсця.

і. Если особа зацнѣйшая хощетъ мовити зъ тимъ, зъ кимъ ты забавляешъся, забиратися уступити, если не роскаже зостати.

аі. Если особа годнѣйшая прійдѐ на тое мѣсце, где ты знайдуешся, встань и стой, поки она не усяде и тебѣ сѣсти каже. При нѣй потреба перестати отъ дѣла и розмовы, котрую зачавесь.

ві. Не отвора́й нагло двере́й, входячи до будинку, особливе, если въ томъ дому суть особы, которыи шановати приналежитъ; того же вистерѣгай и виходячи зъ дому.

гі. Если кто знакоми́тый при себѣ каже сѣсти, избирай нижшее отъ него мѣсце, еднакъ же не хотѣти упорчиве и бли́ско его, коли каже, сѣсти, есть рѣчь непристойна.

ді. Розмовляючи зъ особами учтивими, не спирайся, анѣ збитъ близко приближайся, але на крокъ отъ нихъ быти приналежитъ.

еі. Не питай особы надъ тебѐ годнѣйшой, якъ ся мае? хиба бы хора была̀.

ѕі. Если не умѣешъ лѣкарской штуки, не одважъся радити лѣкарства того̀ и того̀ хорому, котро́го не вѣдаешъ, анѣ пулсовъ мацай, если не маешъ надъ нимъ власти, а особливе иншого полу осо́бъ нѣгди не тикайся.

зі. Не тягни за сукню албо за плащъ того̀, зъ кимъ хо́чешъ розмовляти, анѣ здале́ка не кличъ чи то словами, чи мѣгами [1]), если есть особа чести годная, але иди до ней. Нѣгди не сказуй рукою на того̀, о комъ мовишъ.

иі. Не переглядай анѣ ся тикай паперу, книжокъ и иншихъ подобныхъ ве́щей чужихъ безъ позволе́ня его, анѣ зазирай въ то, що кто особно читае.

ѳі. Вистерѣгайся, абысь нѣгди не дрѣмавъ тогдѣ, коли дру́гіи розмовляютъ; абысь не сѣвъ, если другіи стоятъ; абысь не ходивъ, если иншіи стоятъ; абысь не поступавъ, если другіи застановятся. Не души́ блохи́ албо иншого робака̀ при другихъ.

к. Полѣтика не позволяе роззуватися при другихъ, чести годнихъ, и грѣти ноги.

кв. Не ки́хай анѣ плюй предъ другихъ, але на сторону отвернутися; не викидати слины далеко отъ себѐ, албо на стѣну, анѣ чрезъ окно на улицу, а тое, що сплюнешъ, затри́ ногою.

кг. Вистерѣгайся позѣвати, коли зъ другими розмовляешъ, и если отъ того не можешъ удержатися, то тихо, и не говори на той часъ, и закрыйся рукою албо хусткою, обернися на сторону.

кд. Хотячи́ що подати албо одобрати отъ дру́гого, зъ дале́ка не витягай руки попере́дъ старшою особою, але по за тую. Проходячи́ также зъ едного мѣсця на друго́е, не преходи́ попере́дъ особами честными, хиба би потреба примусила, и то проси о позволеніе.

---

[1]) Жестами.

ке. Не бався до́вго у тихъ, котрихъ навѣжаешъ, особливе у хорыхъ, албо у тихъ, котріи собѣ часъ много шацуютъ, якіи суть особы побожніи, пилнующіи науки, и забавніи. Изъ такими мовити, що потреба, коро́тко, вира́знѣ, безъ церемо́нѣи.

кѕ. Вистерѣгайся церемонѣй змислёныхъ и збытёчныхъ. Вистерѣгайся подхлѣбства. Въ церемонѣяхъ зась потребныхъ стосуйся до зви́чаю мѣсца, ча́су и особы.

ГЛАВА ҃і.

О мовѣ и размовахъ.

а. Говорити не збитъ скваппливе, анѣ збитъ помалу, голосомъ мѣрнымъ, не высокимъ, анѣ такъ тихимъ, якъ бы тіи, зъ котрыми розмовляешъ, не могли чути.

в. Старайся, бы не мовити по простацки; выстерѣгайся словъ плохи́хъ и такихъ, що двояко могутся розумѣти, а до рѣчей непристойныхъ стосоватися.

г. Заховай завше пристойность и помѣркованіе въ словахъ жартовливыхъ, (котрыи ча́сомъ могут ся мовити для розвеселеня умыслу), абысь не впавъ въ непомѣркова́ніе тихъ, котріи за зви́чай въ размова́хъ свои́хъ не маютъ статку, але все въ смѣхъ обертаютъ, якіи суть блазно́ве надворніи, фѣглями и мовою непристойною, учинками годными смѣху, а що горше, же ча́сомъ смѣючи́ся, и святыя рѣчи албо уломность лю́дскую осмѣваютъ.

д. Не смѣйся безъ причины; и зъ причины если смѣешъся, не смѣйся голосно; не вищирай [1]) зубо́въ.

е. Въ розмовахъ поточныхъ не розширай надъ потребу мовы, анѣ желай того̀, абысь ся показавъ мудрымъ въ словѣ.

ѕ. Не примовляй нѣко́му ущипливими словами горделивыми албо кого понижаючими, овшемъ, завше показуй способомъ мовы твое́й покорнымъ и ростропнымъ, же шануешъ тихъ, зъ котрыми размовляешъ, особливе исли́ (sic!) суть особы поважніи

[1]) Оскаливай.

и надъ тебѐ годнѣйшіи. При нихъ наветъ потреба стримати себе отъ знáку гнѣва и лаяня подрýчныхъ своúхъ.

з. Пристало, абысь самъ о себѣ рѣдко що мóвивъ, и о томъ, зъ чого бы похвáла тебѣ могла быти. А еслú прóшеный будешъ, абысь що о себѣ сказавъ, учинишъ тое въ кúлку словáхъ, покорне и скромне, не понижаючи иншихъ, и себе надъ иныхъ не вивышшай.

и. Велмú не пристало мовити о рѣчахъ нестосующихъся до чáсу и особъ, якъ то о рѣчахъ смýтныхъ подъ часъ охоты [1]), о подлыхъ и плохихъ въ компанѣ и особъ розумныхъ и учóныхъ, о субтелныхъ и высокихъ между простими и неуками.

ѳ. Хотячú мовити о интересахъ якихъ, не заживай дóвгои розмовы, и тогдѣ зачни мовити, коли вúдишъ способность. Вистерѣгайся еднò повторати.

і. Не мовъ о рѣчахъ твоúхъ приватныхъ и домóвыхъ, хиба бы зъ пріятелемъ щирымъ, албо просячú о пораду.

аі. Въ кóждомъ дискурсѣ, чи то о интересахъ, чи о иншихъ рѣчахъ, вистерѣгайся розширати мовы надъ потребу, особливе если матеріа мовы не есть знáчная, албо домышляешся, же небарзо подобается другúмъ.

ві. Мовячú о якой рѣчи, не домогайся, абы присвѣдчали тобѣ, мовячи: албожъ я не правду мовлю? и не важся торкáти локтемъ того, котрóго о що питати хочешъ.

гі. Не выявляй тогò, отъ кого чувесь то, що кажешъ, хибабысь бувъ певный, же той, хто тобѣ сказавъ, не будетъ о тое жалковати.

ді. Наветъ зъ рѣвными себѣ мовъ скромне и до матеріи, о котрой мовится. Не говори збитъ много, не будь подóбенъ тимъ, котрымъ языкъ якъ на коловрóтѣ.

еі. Не перерывай мовы тымъ, котріи зачалú говорити, але слухай и не забавляйся чимъ иншимъ, хибабы того потреба была, и то просити о позволеніе компанѣи, еслись не старшій надъ нею.

ѕі. Межи килкóма бýдучи, не вирывайся першій зъ своúмъ зданіемъ въ той матеріи, котрая до розмовы подáна есть, хибà

---

[1]) Веселье.

ажъ попросятъ о тое, если надъ иншихъ не старшимъ еси албо потребы не видишъ; а коли даешъ свое зданіе, не замовляй зъ дале́ка, але просто мовъ до пункту пита́ня.

зі. Не сопротивляйся зданю другúхъ, анѣ упирайся при своéмъ, и въ тыхъ рѣчахъ, въ котóрыхъ волно розне розумѣти, не гань тихъ, котріи противне тобѣ розумѣютъ.

иі. Не мовъ нѣчого такóго, о чомъ бысь перше не помысливъ; не отповѣдай другóму перше, нѣжъ скончúтъ мову. Не поддавай словъ тому́, котрый тяжкую маетъ мову, хибабы того̀ самъ онъ хотѣлъ, албо зъ нимъ не самъ говóришъ, и то если зъ нимъ маешъ поуфалость.

ѳі. Пріймовши до компа́нѣи, не питай, о чомъ розмовляли, если надъ ними власти не маешъ, и если прервали дúскурсъ зъ твоей причины, проси полѣтичне, абы кончúли. Тогдѣ той, котóрый почавъ мовити, повиненъ повторити корóтко то, що уже мовивъ, если особа, що пришла, годна пошанова́ня особлившаго.

к. Не довѣдуйся о чужихъ справахъ, котріи до тебе не належа́тъ, анѣ росповѣдай легкомыслне того̀, що межи людми чувесь.

к. Не мовъ о рѣчахъ прúшлыхъ албо непевныхъ, анѣ о тúхъ, котріи въ секре́тѣ мѣти принадле́житъ.

кв. Не показуй по себѣ, же немúліи суть тебѣ недоскона́лости дру́гихъ, анѣ уважай, анѣ мовъ о томъ безъ потребы нѣгды, и не указуй жартуючи, анѣ на очи не викида́й.

кг. Мúле пріймай и дякуй, если кто въ чомъ перестерѣгаетъ, и хочай протúвъ поваги твоей другій согрѣшитъ, покривай то ростропне.

кд. Не одва́жайся лаяти албо напоминати тихъ, котріи до тебе не нале́жатъ, хиба бы тя до того̀ примушала христіанская милость,—и то учинишъ дискре́тне.

ке. Не ославляй того̀, котрый чинивъ що моглъ въ справѣ себѣ поруче́нной, хотяй ему не удалося, якъ желавъ.

кѕ. Не напоминай нѣгди нѣкого зъ гнѣвомъ албо зе злости, але зъ помѣркова́ніемъ, скромне и дискретне.

кз. Въ компанѣи бу́дучи, не говорú ни з кимъ секретне, а если треба того будетъ, отступú ма́ло на сторону, взявши на тое позволе́ніе.

Увѣщанія общая.

а. Не хвали́ себѐ, анѣ уничижай, анѣ срамоти́, ниже дѣло своѐ албо имя албо родъ возвышай, бо такъ чинятъ тилко тіи, котріи неда́вно просла́вилися.

в. Кождого шануй, нѣко́го не понижай, себе смирай (sic!) предъ ко́ждимъ,—за тое Богъ и люде любятъ.

г. Въ припадкахъ долегли́выхъ, въ напастехъ, въ скорбехъ, въ нуждахъ если хо́щешъ бути терпели́вымъ и не велми́ смущатися, памятай, же то бываетъ зъ волѣ Божой, безъ котрой и власъ зъ главы́ не спадае.

д. Не смѣйся велми́, абысь не показався легкомыслнымъ; не удивляйся, бо то знакъ есть, жесь нѣгди нѣчо́го не ви́дѣвъ.

е. Не доноси́, щось чувъ о комъ дочого, и не люби того̀, хто тебѣ доноситъ слово злое. Такому принадлежитъ отповѣсти въ той способъ: ко́ждый о дру́гихъ такъ судитъ, якъ ся ему здае, а не такъ, якъ есть въ самой рѣчи.

Конецъ

ДѢЛА ПО ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНСТВА ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ МАЛОРОССІИ ВЪ XVIII В. ВЪ КІЕВСКОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ АРХИВѢ.

Источники для исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи за XVII и XVIII вв. и по сію пору еще не всѣ приведены въ извѣстность. Въ значительной степени мѣшаетъ этому уже одна разбросанность ихъ, такъ какъ они находятся и въ Кіевѣ, и въ Черниговѣ, и въ Харьковѣ, и въ Полтавѣ, и въ Москвѣ и, можетъ быть, еще и въ другихъ, менѣе значительныхъ, центрахъ, не говоря уже объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ. Но и архивы названныхъ городовъ сравнительно мало еще изучены по данному вопросу и въ литературѣ мало можно встрѣтить указаній на хранящіеся въ нихъ матеріалы. Въ виду этого, я думаю, не лишена будетъ нѣкотораго интереса для лицъ, занимающихся исторіей мѣстнаго крестьянства, замѣтка о дѣлахъ, относящихся непосредственно къ ней и хранящихся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ.

Дѣла эти составляютъ часть переданнаго въ 1886 году въ центр. архивъ, бывшаго архива старыхъ дѣлъ губернскаго правленія. Бо́льшая часть дѣлъ послѣдняго, въ томъ числѣ и касающихся крестьянъ, относится къ правобережной Малороссіи, но по нѣкоторымъ отдѣламъ имѣется значительное число документовъ и лѣваго берега. По передачѣ въ центр. архивъ, всѣ эти бумаги и дѣла разнесены были по рубрикамъ и въ настоящее время документы, имѣющіе отношеніе къ исторіи крестьянъ лѣвобережной Малороссіи за XVIII вѣкъ, сосредоточиваются главнымъ образомъ въ трехъ отдѣлахъ подъ рубриками: „дѣлъ о закрѣпощеніи и отысканіи вольности“, „поземельныхъ спо-

ровъ общихъ и частныхъ лицъ" и „земельныхъ споровъ монастырей". Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что значительная часть этихъ дѣлъ и именно двухъ послѣднихъ рубрикъ подвергнута уже была ученой обработкѣ въ статьѣ профессора И. В. Лучицкаго „Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи. (Юрид. Вѣстн., 1890, № 4). Но пр. Лучицкій воспользовался для своей работы лишь данными этого матеріала относительно общиннаго землевладѣнія, а въ немъ заключается также немалое количество данныхъ, относящихся къ другимъ сторонамъ исторіи крестьянства въ XVIII в. и представляющихъ собою яркія и характерныя страницы изъ его жизни. Указаніе на характеръ и размѣръ этихъ данныхъ и составляетъ задачу настоящей замѣтки. Не передавая здѣсь результатовъ и выводовъ изысканій, веденныхъ мною надъ этимъ матеріаломъ, что составитъ предметъ особой работы, я постараюсь только характеризовать самый матеріалъ и указать, какіе вопросы могутъ быть поставлены на основаніи его и насколько онъ ихъ разрѣшаетъ.

Начать съ того, что по времени большинство этихъ дѣлъ относится ко второй половинѣ XVIII вѣка; лишь значительно меньшая часть спускается до 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, а изъ болѣе ранняго періода дѣла встрѣчаются уже крайне рѣдко, и то по большей части въ видѣ одного, двухъ, рѣдко трехъ документовъ вмѣстѣ. Среди дѣлъ о поземельныхъ спорахъ въ общемъ можно найти болѣе сравнительно раннихъ документовъ изъ первой половины столѣтія, чѣмъ подъ рубрикой дѣлъ о закрѣпощеніи. Оно понятно уже потому, что въ это время закрѣпощеніе въ большинствѣ случаевъ связывалось съ посягательствомъ на земельныя права. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что вообще эти рубрики трудно поддаются разграниченію, такъ какъ въ нихъ находится множество дѣлъ совершенно однородныхъ: споръ о козачествѣ велъ за собою обыкновенно споръ о землѣ и наоборотъ чисто поземельныя дѣла вызывались иногда покушеніями владѣльца на закрѣпощеніе. Что касается мѣстности, районъ которой охватывается этими дѣлами, то она можетъ быть опредѣлена границами переяславскаго полка и при-

легавшихъ къ нему южныхъ сотенъ кіевскаго полка (нынѣ входящихъ въ составъ черниговской губ.) и западныхъ сотенъ полковъ прилуцкаго, лубенскаго и миргородскаго. Главная масса дѣлъ относится именно къ этому району; документы сѣверныхъ полковъ: нѣжинскаго, черниговскаго и стародубскаго встрѣчаются сравнительно уже гораздо рѣже, что-же касается юго-восточной части гетманщины, какъ полки гадяцкій и полтавскій, то изъ перваго мнѣ встрѣтилось крайне мало документовъ, изъ послѣдняго же—ни одного.

Прежде, чѣмъ перейти къ содержанію этихъ документовъ, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ объ ихъ формѣ и внѣшности. За рѣдкими исключеніями они представляютъ изъ себя судебныя дѣла, въ которыхъ въ видѣ приложеній встрѣчаются и различныя частныя бумаги, купчія, договоры, сдѣлки и т. п. (напр. рядъ купчихъ Скоруппъ), и лишь немногіе относятся собственно къ дѣлопроизводству генеральной канцеляріи и малороссійской коллегіи. Но рѣдкія изъ этихъ дѣлъ въ свою очередь дошли до насъ вполнѣ цѣлыми и сохранными. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ настолько попортились отъ сырости за время пребыванія въ подвалахъ губернскаго правленія, что чернила на нихъ слились и они разсыпаются при первомъ неосторожномъ прикосновеніи, что у многихъ другихъ листы на половину совершенно сгнили и вслѣдствіе этого ими нельзя пользоваться, не мало затрудненій встрѣчается и при пользованіи сравнительно болѣе счастливыми, уцѣлѣвшими бумагами. Лишь въ меньшинствѣ дѣлъ сохранились всѣ, относящіеся къ нимъ, документы, въ большинствѣ же мы имѣемъ дѣла неполныя, очень часто безъ конца, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда споръ восходилъ до высшихъ инстанцій, малороссійской коллегіи или же Сената. Нерѣдки также случаи, когда недостаетъ самой интересной части дѣла — слѣдственной. Наконецъ, многія дѣла разбиты на отдѣльныя части, которыя послѣдовательно находятся въ трехъ, иногда пяти и даже шести связкахъ, причемъ, конечно, не легко возстановить общую картину дѣла. Укажу, для примѣра, на громадное дѣло о золотоношскомъ степѣ, разбросанное въ пяти связкахъ, или

дѣло обознаго Кулябки съ новаковскими козаками, находящееся въ двухъ связкахъ. Вообще, можно сказать, эти дѣла представляютъ прекрасный примѣръ того, какъ гибнутъ у насъ, благодаря нерадѣнію, памятники прошлаго. И если даже теперь, при такомъ состояніи ихъ, они даютъ цѣнный и поучительный матеріалъ, то невольно приходитъ на мысль, что было бы при иныхъ условіяхъ.

Такое положеніе этихъ документовъ, лишь разнесенныхъ къ тому же по рубрикамъ, но еще не описанныхъ, не позволяетъ дать точныхъ указаній относительно ихъ количества и придется ограничиться лишь приблизительнымъ его опредѣленіемъ. Въ рубрикѣ дѣлъ о закрѣпощеніи и отысканіи вольности имѣется до 50-ти связокъ, но большинство ихъ относится къ правобережной Малороссіи или же къ XIX вѣку. Приблизительно такое же количество связокъ имѣется и въ каждомъ изъ двухъ отдѣловъ поземельныхъ споровъ, но здѣсь, наоборотъ, мы имѣемъ дѣло преимущественно съ лѣвобережной Украиной XVIII вѣка. Въ каждой же отдѣльной связкѣ заключается отъ 30—40 до 70 и болѣе дѣлъ.

Обращаясь теперь къ самому содержанію дѣлъ, надобно будетъ прежде всего сказать, что даваемый ими матеріалъ относится далеко не ко всѣмъ, главнѣйшимъ даже, вопросамъ, входящимъ въ исторію крестьянства. Для исторіи собственно посполитыхъ, для опредѣленія ихъ юридическаго положенія, размѣра повинностей и т. п. здѣсь встрѣчаются лишь отрывочныя и случайныя указанія. Главнымъ же объектомъ дѣлъ служитъ козачество въ его разнообразныхъ отношеніяхъ и столкновеніяхъ съ другими классами населенія. Въ виду этого изъ ряда послѣдовательныхъ моментовъ исторіи крестьянства съ особенною полнотою и яркостью обрисовывается въ документахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, одинъ начальный, именно моментъ закрѣпощенія. Они доставляютъ богатый матеріалъ для уясненія причинъ этого процесса, поскольку послѣднія крылись въ условіяхъ жизни самихъ козаковъ и во внѣшнемъ давленіи на нихъ со стороны владѣльцевъ и старшины. Но и въ этомъ вопросѣ не всѣ его стороны одинаково ярко освѣщаются данными дошед-

шихъ до насъ дѣлъ. Изъ трехъ вопросовъ, входящихъ въ составъ исторіи закрѣпощенія, отношеній экономическихъ, создавшихъ имущественное положеніе старшины, затѣмъ собственно поземельныхъ отношеній и наконецъ административной роли старшины, дававшей ей возможность оказывать сильное давленіе на народную жизнь, первый менѣе всего находитъ для себя матеріаловъ. Сложный процессъ экономической исторіи, имѣвшій своимъ результатомъ созданіе класса крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, какимъ является передъ нами малороссійская старшина XVIII вѣка, лишь изрѣдка, и то случайно и не полно, отражался въ судебныхъ дѣлахъ. Съ бóльшимъ успѣхомъ можно прослѣдить его въ частныхъ документахъ, договорахъ, купчихъ, завѣщаніяхъ и т. п., но такихъ документовъ въ дѣлахъ архива слишкомъ мало, для того, чтобы можно было сдѣлать по нимъ какія-нибудь прочныя заключенія. Значительно богаче уже матеріалъ для обрисовки причинъ и условій закрѣпощенія, поскольку они связывались съ поземельными отношеніями. Дѣла, возбуждавшіяся по жалобамъ козаковъ на скуплю ихъ земли или на насильственный ея захватъ владѣльцами, съ цѣлью обращенія ихъ въ посполитые, довольно нерѣдки. Имѣются въ дѣлахъ архива и слѣдствія, производившіяся особыми коммиссіями по жалобамъ на захватъ земель въ мѣстностяхъ довольно большаго района, какъ напр. во всей яготинской сотнѣ, переяславскаго полка. Послѣднія, къ сожалѣнію, неполны и сильно попорчены. Такимъ образомъ на основаніи этихъ дѣлъ могутъ быть опредѣлены по крайней мѣрѣ главнѣйшія условія, благодаря которымъ земля ускользала изъ рукъ крестьянства. Особенно часты и многочисленны приэтомъ дѣла о захватѣ владѣльцами и старшиной земель общинныхъ или „свободныхъ войсковыхъ“. Помимо вопроса о сокращеніи матеріальнаго обезпеченія крестьянъ съ переходомъ значительной части этихъ земель въ руки владѣльцевъ [1]), они даютъ крайне интересный

---

[1]) Какіе размѣры принималъ иногда этотъ переходъ, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго факта: въ 1763 году гетманъ Разумовскій пожаловалъ полковому переяславскому судьѣ Якиму Каневскому на 2 версты свободнаго войсковаго золотоношскаго степа, поручивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ остальной степъ „въ цѣлостное наблю-

матеріалъ для обрисовки формъ общиннаго землевладѣнія. Бо́льшая часть матеріала, заключающаяся въ нихъ по этому предмету, обработана уже пр. Лучицкимъ въ указанной статьѣ его и я позволю себѣ прибавить только, что въ этихъ же дѣлахъ находятся любопытныя свидѣтельства относительно распаденія этихъ порядковъ и причинъ его. Но мало того—здѣсь мы находимъ не только отношенія между крестьянствомъ въ двухъ главныхъ его группахъ—посполитыхъ и козаковъ—и владѣльцами, но и отношенія между этими двумя группами крестьянскаго населенія, такъ какъ случаи возникновенія между ними поземельныхъ споровъ были также нерѣдки при существованіи общаго владѣнія землей. Не малое количество дѣлъ посвящено также закрѣпощенію отдѣльныхъ лицъ путемъ продажи земли. Если такимъ образомъ въ этихъ бумагахъ архива не имѣется достаточнаго матеріала для выясненія условій первоначальнаго роста экономической силы старшины, то воздѣйствіе этой силы послѣ ея образованія на жизнь населенія можетъ быть прослѣжено по нимъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ сторонъ, и является возможнымъ намѣтить главнѣйшія его формы, ведшія къ закрѣпощенію. О важности этого излишне и говорить, въ виду наблюдаемаго по всѣмъ источникамъ массоваго перехода козаковъ въ посполитые во второй половинѣ XVIII вѣка. Но наиболѣе полный и характерный матеріалъ даютъ дѣла архива для иныхъ отношеній козаковъ къ старшинѣ, составлявшихъ также одну изъ существенныхъ причинъ закрѣпощенія, отношеній, опредѣлявшихся тою властью, какую имѣла старшина въ качествѣ администраціи края и какая особенно усилилась со времени ослабленія, а затѣмъ и исчезновенія изъ жизни выборнаго принципа. Пользуясь этою властью въ свою пользу, отдѣльные представители старшины, не стѣсняемые никакимъ общественнымъ контролемъ, не церемонились эксплуатировать управляемое ими населеніе. Въ числѣ дѣлъ архива хра-

---

деніе". Каневскій вслѣдъ за тѣмъ послалъ гетману доношеніе, въ которомъ заявлялъ, что изъ степа, простиравшагося на 100 верстъ въ окружность, въ общемъ владѣніи козаковъ и посполитыхъ осталась только площадь на 12 верстъ въ окружности; все остальное расхищено владѣльцами.

нится множество дѣлъ о различныхъ притѣсненіяхъ козаковъ, взяткахъ, вымогательствахъ, насильственномъ отнятіи земель, побояхъ, доходившихъ иногда до убійства, принужденіи къ различнаго рода работамъ, наконецъ прямомъ обращеніи въ посполитые. Крайне цѣннымъ является приэтомъ то обстоятельство, что большинство имѣющихся дѣлъ касается не верховъ администраціи, вродѣ генеральной старшины или полковниковъ, а сравнительно мелкихъ дѣятелей.

Масса дѣлъ возбуждена противъ сотниковъ, иногда сотенныхъ атамановъ, и такимъ образомъ получается возможность установить средній типъ жизни и прослѣдить на яркихъ примѣрахъ тѣ пути, какими проникало вліяніе администраціи въ народную жизнь. Грубое насиліе, обусловленное возможностью безнаказанности, является здѣсь однимъ изъ наиболѣе постоянныхъ факторовъ. О формахъ, которыя оно принимало, можетъ дать понятіе хотя бы слѣдующій примѣръ. Въ 1743 году сотенное яготинское правленіе доносило полковой канцеляріи, что хотя послѣдняя и предписала обращенныхъ бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Думитрашкомъ козаковъ возвратить снова въ козачье званіе, но сотенное правленіе не можетъ исполнить этого предписанія, такъ какъ Думитрашко угрожаетъ ему, „сказуючи то, что ежели де онихъ з сотенного правления будетъ между козаки привлекать то кого колвекъ з старшини прибію до полусмерти". Что подобная угроза была не совсѣмъ пустыми словами, показываетъ доношеніе ничипоровскаго атамана, передающее такіе факты. Пріѣхавъ въ с. Ничипоровку, Думитрашко потребовалъ къ себѣ атамана, но послѣдній, опасаясь его, отказался пойти. Тогда, пишетъ атаманъ, „оной Думитрашко з великой своей ярости призвалъ к себѣ в свой шинокъ Петра Сороку старого, которому отъ роду имѣется лѣтъ болѣе какъ осмъдесятъ и, призвавши его, началъ допрашивать, какъ ти желаешь жить и въ какомъ званіи, чили в моемъ подданствѣ или в козачомъ; то оной Сорока отказалъ, я де до окончания жития своего из своими дѣтми готовъ служить государинѣ, понеже и отецъ мой билъ козакъ, тако-жъ и я долженъ, здавну то в козачомъ звании билъ, такожъ и нинѣ желаю бить коза-

комъ. То оной Думитрашко приказалъ оного Сороку взять и положить, да на головѣ и на ногахъ казалъ сѣсти и держать его, а самъ собою плетю билъ нещадно, потимъ велѣлъ его поднять и почалъ повторе питать, где хощешь жить, и оной Сорока отказалъ, воля твоя, что хощешь надо мною дѣлай, токмо-жъ я здавна козакъ и нинѣча козакъ. То оной Думитрашко повторе его Сороку велѣлъ положить, да двома плетми бить, отъ которого побою живъ ли чи будетъ". Оба эти доношенія были отправлены 4 марта, а 7 іюня всѣ козаки с. Ничипоровки подали жалобу уже въ генеральный судъ, заявляя, что „оный Думитрашка, наехавши въ оное село, з своимы служителмы, где которого козака ни попадетъ, начавши бить и прибыватъ до полусмерты и находячи слуги его-жъ Думитрашка ночной добы гвалтовне разбойнычески виволоча с хатъ, забивають же плѣтми и киями полусмертно", и что на всѣ свои доношенія объ этомъ въ полковую канцелярію они „жадной резолюціи не получили". Конечно, большинство практиковало не такой уже примитивный способъ убѣжденія козаковъ въ неудобствахъ ихъ званія, но нельзя сказать, чтобы и такіе случаи исключительнаго насилія были особенно рѣдки.

Помимо чисто фактической стороны, мы имѣемъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и довольно ясное отраженіе взглядовъ малороссійской старшины на характеръ своихъ отношеній къ козакамъ и можемъ прослѣдить столкновеніе этихъ взглядовъ, образовавшихся подъ вліяніемъ все большей привычки къ бюрократизму и къ независимости отъ управляемыхъ, вслѣдствіе занятія общественныхъ должностей поназначенію, а не по выбору, съ неумиравшими среди народа совершенно иными воззрѣніями на роль и значеніе своихъ властей. Какъ примѣнялись понятія, можно видѣть изъ того, что въ глазахъ сотенной и полковой старшины самовольный выборъ козаками сотеннаго или даже сельскаго атамана представлялся тяжелымъ преступленіемъ, „свирѣпствомъ" и бунтомъ.

Совокупность этихъ, бѣгло очерченныхъ здѣсь фактовъ и массы другихъ, подобныхъ имъ, несмотря на мелочность отдѣльныхъ изъ нихъ, а отчасти даже благодаря ей, позволяетъ,

думается намъ, сдѣлать заключеніе, что разработка даннаго архива можетъ ярче освѣтить, какъ нѣкоторыя изъ коренныхъ причинъ закрѣпощенія, такъ и тѣ условія, ту духовную атмосферу, если позволено будетъ такъ выразиться, среди которой оно совершалось. Для дальнѣйшей исторіи закрѣпощеннаго крестьянства архивъ этотъ, повторяю, даетъ хотя и очень цѣнныя иногда, но случайныя указанія и значеніе его сводится главнымъ образомъ къ двумъ пунктамъ: исторіи закрѣпощенія и изображенію порядковъ землевладѣнія.

Чтобы дать болѣе ясное понятіе о характерѣ дѣлъ, возникавшихъ между козаками и старшиной не на почвѣ непосредственнаго закрѣпощенія, я позволю себѣ разсказать здѣсь два такихъ дѣла, довольно характерныя по своему содержанію.

Первое изъ нихъ относится къ ирклѣевскому сотнику Павлу Завойкѣ. Въ „Мотыжинскомъ архивѣ" подъ № 86 напечатанъ приказъ Разумовскаго, увольняющій этого сотника отъ должности и назначающаго на его мѣсто Семена Красовскаго. Среди старыхъ дѣлъ центр. архива мнѣ удалось розыскать и дѣло, вызвавшее этотъ приказъ.

Въ маѣ 1761 года нѣсколько козаковъ ирклѣевской сотни подали жалобу на сотника Завойку за скуплю и захватъ земель, въ томъ числѣ свободнаго войсковаго степа на нѣсколько верстъ, за взятки, вымогательства, употребленіе козаковъ въ домашнія и полевыя работы, растрату козачьихъ денегъ и другія обиды. Завойка, по ихъ словамъ, „чрезъ такови здирства козаковъ чрезъ недолгое битіе сотникомъ такъ обогатился, что во время занятія господиномъ брегадиромъ Грамомъ в дому его квартири написалъ на него бригадира отнятіе имѣнія до десяти тисячъ рублей..., а при опредѣленіи его сотникомъ крайне нищій былъ, о якой его нищетѣ всему народу извѣстно". Всѣ козаки-ремесленники въ сотнѣ безденежно ему сотнику и сотенной старшинѣ работаютъ; за что ихъ освобождаютъ отъ службы, другіе же козаки выгоняются атаманами работать на него въ сѣнокосъ и при устройствѣ мельницы или даромъ, или же за ничтожную плату въ 4 и въ 2 копѣйки за день. Прося защиты отъ всѣхъ этихъ притѣсненій, жалобщики предупреж-

дали, что до сихъ поръ „хто ни заносилъ в полковую переяеловскую канцелярію жалобу, то онъ техъ козаковъ билъ нещадно, чего другіе козаки устрашась, в разніе места с причини починеннихъ онымъ обидъ и розоишлись, а бить челомъ уже не смѣлы". Они просили поэтому на время слѣдствія отрѣшить отъ должности сотника и сотенныхъ атамана и писаря, тѣмъ болѣе, что „оніе сотникъ и атаманъ весма охотни бить и безъ и малѣйшей вынности козаковъ". Гетманъ Разумовскій, на имя котораго была подана эта жалоба, 15 іюня назначилъ для разбора дѣла трехъ слѣдователей; они должны были отправиться въ ирклѣевскую сотню и тамъ на мѣстѣ разслѣдовать жалобу. Но просьба козаковъ объ отрѣшеніи сотника отъ должности не была исполнена, а только предписано было слѣдователямъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы Завойка и сотенная старшина „козакамъ обидъ приключать не могли и за послѣдовавшій на нихъ искъ не мстились". Послѣдствія такого оставленія истцовъ подъ командою отвѣтчика не замедлили обнаружиться. Уже 20 августа отправленъ былъ новый ордеръ Разумовскаго къ слѣдователямъ. Напоминая о своемъ приказаніи не давать козаковъ-истцовъ въ обиду, гетманъ указываетъ на поступившее къ нему доношеніе Завойки, въ которомъ послѣдній сообщалъ о побѣгѣ изъ команды одного изъ жалобщиковъ, козака Доброштана, и ослушаніи другихъ и прибавлялъ, „что оного Доброштана за то подъ карауломъ содержитъ и просилъ, чтобъ и другихъ таковихъ же козаковъ дозволено ему содержать под карауломъ, чтобъ никакихъ отъ нихъ в народѣ возмущеній не чинено". Излишняя откровенность этой просьбы побудила только гетмана еще разъ повторить слѣдователямъ приказаніе не давать козаковъ въ обиду. Но это мало помогло послѣднимъ. Въ сентябрѣ того же года они подали новое доношеніе Разумовскому, сообщая, что главный слѣдователь, бунчуковый товарищъ Иванъ Александровичъ, уѣхалъ по другому дѣлу и слѣдствіе по ихъ жалобѣ все еще не начинается, а между тѣмъ сотникъ не прекращаетъ своихъ притѣсненій. Съ цѣлью обѣлить себя на судѣ онъ, по словамъ жалобы, ѣздитъ по селамъ и беретъ отъ всѣхъ обиженныхъ имъ козаковъ подписки въ томъ, что

они никакихъ обидъ отъ него не терпѣли и вполнѣ имъ довольны, не дающихъ же такихъ росписокъ бьетъ и грабитъ. Въ виду этого истцы, потерявши, очевидно, надежду на отрѣшеніе Завойки, просятъ, по крайней мѣрѣ, передать ихъ на время слѣдствія подъ команду каневскаго сотника. Эта новая просьба возымѣла лишь то дѣйствіе, что на мѣсто Александровича назначенъ былъ въ октябрѣ слѣдователемъ бунчуковый товарищъ Иванъ Берло. Прошло однако менѣе двухъ мѣсяцевъ и въ декабрѣ тѣ же козаки снова жаловались, что Завойка и не думаетъ прекращать своихъ насилій; такъ, еще „октября послѣднихъ чиселъ куреня мѣского удови козачие жени... какъ пред симъ, такъ и нинѣ в оного сотника во дворѣ хати его мили и мазали за панщину". Не оставлялъ равнымъ образомъ Завойка и попытокъ силой принудить козаковъ къ прекращенію иска. „И когда еще, говорятъ они, следствия в показанниххъ нашихъ обидахъ не будеть учиненно, то онъ сотникъ из старшиною могуть насъ к такимъ разорениямъ привесть, что принуждени будемъ, оставя жиллие наши двори... розойтись в подданство ради единого защищения себе в здоровьи отъ оного сотника". Судьба къ тому же рѣшительно преслѣдовала козаковъ: бунчуковый товарищъ Берло умеръ и слѣдствіе опять остановилось. Въ свою очередь Завойка, видя упорство козаковъ, придумалъ новый выходъ изъ затруднительнаго положенія. Собравъ 8-го декабря по пяти человѣкъ козаковъ отъ куреня, онъ объявилъ, что по слабости здоровья не можетъ долѣе быть сотникомъ, но затѣмъ призывалъ ихъ по одному въ свой домъ и, угощая водкой, требовалъ, чтобы они подписали выборъ въ сотники сына его Данила, и „козаки и атамани, вѣдая довольно, что оной Завойка по своей необыкновеной завзятости многихъ козаковъ разорилъ немилосердно, билъ и другіе тягчайшіе обиды приключилъ, и чтобъ и надъ ними, пока что будеть, не помстился, принуждени на тѣхъ виборахъ подписатся". Но вслѣдъ затѣмъ часть ихъ подала жалобу на такой поступокъ сотника, ссылаясь и на то, что „сынъ его какъ лѣтамы, такъ и службою еще весма младъ и сего чина отець ищеть рады того одного, чтобъ имъ покористоватся степомъ и лугомъ общимы козачимы и грун-

тами насильно отнятимы отъ козаковъ и в конецъ козаковъ сотнѣ ирклѣевской разорить". Жалобщики указывали, что въ сотнѣ имѣется болѣе достойный претендентъ на мѣсто сотника „з прадѣда, дѣда и отца честного состоянія человѣкъ", войсковой канцеляристъ Семенъ Красовскій, который уже разъ, во время отсутствія сотника, съ успѣхомъ замѣщалъ его, не дѣлая никакихъ обидъ козакамъ. Возгорѣлось новое дѣло, но Завойка и теперь не былъ отрѣшенъ отъ должности и по прежнему продолжалъ пользоваться преимуществами своего оффиціальнаго положенія. Всѣ возможныя средства были пущены имъ въ ходъ: тутъ было и вымогательство свидѣтельствъ отъ другихъ козаковъ съ оправданіемъ его сотника и жалобами на слѣдователей, яко бы притѣснявшихъ ихъ, свидѣтельствъ, отъ которыхъ они затѣмъ отказывались, и опороченіе слѣдователей съ цѣлью добиться смѣны ихъ, и отводъ свидѣтелей. Сотникъ припомнилъ даже, что одна козачка, выступившая противъ него съ обвиненіемъ, лѣтъ двадцать назадъ судилась за волшебство, а относительно другого свидѣтеля заявлялъ, что онъ цыганъ и уже по тому одному „подозрительный человѣкъ". Сотенная канцелярія, къ которой обращались слѣдователи за справками, давала ихъ, конечно, въ смыслѣ показаній Завойки и дѣло запутывалось все болѣе и болѣе, хотя преступленія сотника уже и не подлежали сомнѣнію. Послѣднія бумаги слѣдствія по дѣлу о выборѣ сына Завойки въ сотники, бывшія у насъ въ рукахъ, относятся къ веснѣ 1763 года. Въ этомъ же году гетманъ Разумовскій рѣшился наконецъ исполнить просьбу козаковъ и 28 августа назначилъ Семена Красовскаго ирклѣевскимъ сотникомъ. Но въ 1774 году велось еще дѣло о захваченныхъ Завойкой земляхъ; отъ этого послѣдняго сохранилась только опись, въ которой поименована 381 бумага.

Изъ дѣла этого можно видѣть, какъ легко было добиться козакамъ справедливости судебнымъ порядкомъ даже въ томъ случаѣ, когда дѣло велось съ такимъ не особенно виднымъ представителемъ старшины, какимъ былъ сотникъ. Слѣдующій примѣръ можетъ показать, въ какое положеніе попадали они, когда, не надѣясь на судъ, пытались возстановить свои права сами. Въ

1762 г. лубенскій полковой обозный, Василій Кулябка, захвативъ часть общественной земли, принадлежавшей козакамъ селъ Новаковъ, Тарандинцевъ и Высшаго Булатца, сталъ строить на ней шинокъ и клуню. Въ тѣхъ случаяхъ, когда подобные захваты производились рядовымъ козакомъ, козаки не задумывались расправляться съ нимъ сами [1]), но подобная расправа съ полковымъ обознымъ была не такъ удобна и они рѣшились сперва испросить разрѣшеніе на нее. Съ этою цѣлью подали они просьбу полковнику Ивану Кулябкѣ, и указывая на чинимое имъ притѣсненіе, такъ какъ обозный шинка „еще не достроилъ, а началъ немаліе грабителства дѣлать“, просили позволенія „шинокъ роскидать, закопъ засипать, клуню разбросать“. Полковникъ не далъ имъ, однако, этого позволенія, а велѣлъ обратиться къ суду полковой канцеляріи; въ свою очередь и послѣдняя приказала козакамъ не прибѣгать къ самоуправству, а ожидать судебнаго рѣшенія. Но, очевидно, эта перспектива не особенно прельщала козаковъ. Они отправили своихъ сельскихъ атамановъ заявить обозному, что если онъ добровольно не отступится отъ захваченной земли, возведенныя на ней строенія будутъ разрушены ими. Обозный ограничился тѣмъ, что сообщилъ это къ свѣдѣнію полковой канцеляріи и просилъ у нея защиты. Та приказала мѣстному сотенному правленію воспретить козакамъ прибѣгать къ насилію, но приказъ этотъ не подѣйствовалъ на раздраженные умы. „Нарочито собравшися, по словамъ обозного, в многолюдствѣ коихъ всѣхъ было до тисячи человѣкъ з женами и дѣтми купно и с предводителемъ ихъ, давнимъ чигателемъ на здорове мое и домъ, находячимся в запрещеніи попомъ, подозрителнимъ в многихъ немаловажнихъ винахъ, какъ то в зажигателствѣ, смертноубійствѣ, волшебствѣ и в протчемъ, Андреемъ Бабичемъ, учиня немалое смущеніе, з разними орудіями разбойнически“, козаки трехъ названныхъ селъ напали на его шинокъ и затѣмъ клуню и разорили ихъ, причемъ будто бы угрожали убить самого обознаго, если онъ по-

---

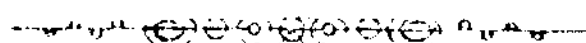
[1]) Ср. дѣло атамана с. Ничипоровки въ Рум. Описи, цитированное пр. Лучицкимъ въ указанной статьѣ его, стр. 410.

падется въ ихъ руки. По жалобѣ обознаго полковая канцелярія приступила къ разбору дѣла, арестовала многихъ козаковъ и, такъ какъ они не отрицали своего поступка и не соглашались даже дать обязательства впредь не нападать на обознаго, присудила ихъ къ наказанію. Но жестокость послѣдняго вызвала новую жалобу со стороны козаковъ, на этотъ разъ на всю полковую старшину, въ войсковую генеральную канцелярію. Послѣдняя затребовала объясненій отъ полковника и въ его доношеніи звучатъ любопытныя струнки. Разсказавъ самое дѣло, причемъ онъ особенно напираетъ на „мнимость“ жалобъ козаковъ и на упрямство ихъ въ отказѣ дать подписку впредь не повторять подобныхъ дѣйствій, онъ прибавляетъ, что особенно опасны угрозы козаковъ убить обознаго: послѣдній „оставя свой жилой в селѣ Новакахъ домъ, совсѣмъ вибрался и нинѣ живетъ с немалимъ утѣснениемъ своимъ в Лубняхъ, а между тѣмъ по часто упоминаемимъ похвалкамъ в той маетности его Новакахъ мелниця его зажжена сгорѣла совсѣмъ. А такова зла, продолжаетъ полковникъ, ежели срогостию указовъ и правъ не запущая в продолженпе заблаговременно не отвратить, то всякому владѣлци в маетностяхъ и в домахъ своихъ и побувать будеть за таковими самоволствами весма опасно, а подлой народъ еще горше развратится“. Въ виду этихъ соображеній и самое наказаніе, понесенное козаками, не болѣе 60 ударовъ „ординарними плѣтми“, представлялось полковнику ни мало не переходящимъ границъ и онъ испрашивалъ у войсковой канцеляріи разрѣшенія наказать и тѣхъ виновныхъ, которые еще не подвергались взысканію. Насколько справедливо было это послѣднее утвержденіе полковника относительно размѣровъ наказанія, мы узнаемъ изъ жалобы козаковъ, сообщающихъ, что били ихъ не плетьми, а кіями, и что „никому менше ста ударовъ не доставалось, от коего бою инпихъ, а паче престарѣлихъ почти неживихъ и обливших ся кровю с места, на коемъ бито, на сторону отволикано, а инніе от того-жъ бою и приключившихся чрезъ оной несноснихъ ранъ... после того въ недолгомъ времени и померли“. Войсковая канцелярія предписала выслать дѣло въ генеральный судъ, не приводя въ исполненіе рѣшенія

полковой канцеляріи, но козаковъ держать подъ карауломъ, пока они не дадутъ подписки въ томъ, что „впредь такихъ самоволствъ чинить“ не будутъ. Но послѣ разбора дѣла въ генеральномъ судѣ полковая канцелярія была признана виновною въ истязаніи козаковъ и послѣднимъ присуждена была навязка съ провинившихся старшинъ въ размѣрѣ 14864 рублей на 135 арестованныхъ и битыхъ козаковъ. Рѣшеніе это, постановленное въ маѣ 1764 года, не было однако еще приведено въ исполненіе годъ спустя, несмотря на то, что недовольная имъ старшина не обжаловала его судебнымъ порядкомъ.

Приведенные примѣры могутъ до нѣкоторой степени иллюстрировать высказанныя выше соображенія о характерѣ хранящихся въ кіевскомъ центр. архивѣ дѣлъ по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи. Конечно, въ предѣлахъ настоящей замѣтки намѣчены далеко не всѣ вопросы, въ нихъ затрогиваемые, но это было бы и излишне. Съ помощью этого бѣглаго наброска я хотѣлъ только очертить общій характеръ этихъ данныхъ по исторіи крестьянства, и вмѣстѣ показать до нѣкоторой степени на этомъ частномъ примѣрѣ, насколько цѣнный матеріалъ для внутренней исторіи края можетъ заключаться въ мало еще извѣстныхъ старыхъ дѣлахъ здѣшняго архива.

В. Мякотинъ.



Документы, извѣстія и замѣтки.

Метрическая выпись о рожденіи и крещеніи Т. Г. Шевченка. Доселѣ еще твердо не установлено мѣсто рожденія нашего роднаго поэта Т. Г. Шевченка. Одни считаютъ этимъ мѣстомъ село *Моринцы* (звенигородскаго у., кіевской г.), а другіе—сосѣднее село *Кириловку*. Чрезъ посредство священника села *Сегединецъ*, звенигородскаго же уѣзда, о. *Петра Андріевскаго*, живущаго въ сосѣдствѣ съ Моринцами и Кириловкой, мы получили выпись изъ *подлинной* метрической книги о рожденіи и крещеніи Т. Г. Шевченка, удостовѣренную мѣстнымъ священникомъ и благочиннымъ о. *Іоанномъ Березницкимъ*. Изъ этой выписи видно, что Т. Г. Шевченко родился (25 февр. 1814 г.) и крещенъ въ с. Моринцахъ.

Вотъ эта *выпись* въ томъ видѣ, въ какомъ сообщилъ ее намъ многоуважаемый о. Петръ Андріевскій, коему приносимъ нашу глубокую благодарность:

Метрическая выпись.

Въ метрической валовой книгѣ, хранящейся при Богословской церкви села Моринецъ, кіевской губерніи, звенигородскаго уѣзда, въ части первой: *о родившихся*, за тысяча восемьсотъ четырнадцатый годъ, статья о рожденіи и крещеніи поэта Тараса Григорьевича Шевченка записана подъ № 10-мъ мужеска пола слѣдующими словами: «мѣсяца февраля 25 числа день рожденія и 28 числа того же мѣсяца день крещенія. У жителя села Моринецъ Григорія Шевченка и жены его Екатерины родился сынъ Тарасъ. Молитвовалъ и крестилъ іерей Алексій Базаринскій. Воспріемникомъ при крещеніи былъ Григорій Ивановъ Дяденко, житель моринскій».

Что настоящая статья о рожденіи поэта Тараса Шевченка изъ метрической книги села Моринецъ выписана вѣрно, въ томъ удостовѣряю. 5 октября 1889 г.

Приходскій с. Моринецъ священникъ, благочинный 3-го округа Іоаннъ Березницкій.

Сообщ. **Левъ Мацѣевичъ.**

О затерянной рукописи Н. И. Костомарова. Въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» 1889 г. была напечатана замѣтка г. L. о пропавшихъ рукописяхъ Н. И. Костомарова, именно, о тѣхъ сочиненіяхъ и матеріалахъ, которые были отобраны у Костомарова въ Кіевѣ въ 1847 г. Считаю не лишнимъ указать еще на одну важную потерю послѣдняго времени. Въ началѣ 80 годовъ въ «Русской Мысли» было напечатано обширное и цѣнное изслѣдованіе Костомарова: «Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» (218 страницъ). Въ первой главѣ говорится о морскихъ походахъ козаковъ, во второй—объ ихъ сухопутныхъ походахъ, въ третьей—о вторженіи татаръ и турокъ, въ четвертой—о борьбѣ южно-русскаго народа съ Польшею послѣ Хмельницкаго и въ пятой о внутреннихъ общественныхъ явленіяхъ, возникшихъ въ Малороссіи вслѣдствіе борьбы съ Польшею, насколько они отразились въ пѣсняхъ. Цѣнность изслѣдованія обусловлена широкой эрудиціей автора, ясностью изложенія и приведенными въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ неизданными пѣснями. При этихъ крупныхъ достоинствахъ тѣмъ болѣе бросается въ глаза читателя пропускъ всей эпохи Хмельницкаго. Костомаровъ не виновенъ въ существованіи этого пробѣла. Приславъ мнѣ «Исторію козачества въ пѣсняхъ», Н. И. Костомаровъ въ письмѣ отъ 28 августа 1882 г., между прочимъ, писалъ: «въ моемъ сочиненіи вы, конечно, замѣтите странный пробѣлъ. Говоря о народной жизни, отразившейся въ историческихъ пѣсняхъ, я не говорю о Хмельнищинѣ, о самой славной и богатой событіями эпохѣ, которая притомъ полнѣе другихъ отразилась въ народной поэзіи. Вина тому непостижимая и непростительная разсѣянность редакціи «Русской Мысли». Цѣлая глава моего сочиненія у нихъ гдѣ то затерялась, и хотя я писалъ уже два раза объ этомъ, но никакого удовлетворительнаго отвѣта не получилъ. Мнѣ это обстоятельство тѣмъ прискорбнѣе, что редакторъ Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходнѣйшая личность, какой подобной едва

ли съ діогеновскимъ фонаремъ отыскать у насъ можно; но удивительно разсѣянъ и забывчивъ. Придется мнѣ, кажется, идти по слѣдамъ незабвеннаго Василія Кириловича и снова написать пропавшее для отдѣльнаго изданія всего сочиненія объ историческомъ значеніи южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества». Это намѣреніе Костомарова не получило осуществленія, и въ вышедшемъ въ 1890 г. сборникѣ неизданныхъ сочиненій Костомарова «Литературномъ наслѣдствѣ» нѣтъ статьи о малорусскихъ пѣсняхъ временъ Хмельницкаго.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Указъ кіевскаго митрополитанскаго коллегіума о кулачныхъ бояхъ и вечерницахъ. Въ церковномъ архивѣ с. Есмани, глуховскаго уѣзда, черниговъ. губ. хранится рядъ указовъ высочайшихъ, Сената, Синода, кіевскаго митрополита, обнимающихъ періодъ съ 1710 г. и приблизительно по царствованіе Павла I. Благодаря просвѣщенной заботливости о памятникахъ старины теперешняго настоятеля церкви протоіерея П. О. Красовскаго указы эти собраны, переплетены вмѣстѣ, распредѣлены по царствованіямъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Располагая короткимъ временемъ, мы имѣли возможность ознакомиться только съ указами 1710—1725 г. Здѣсь мы встрѣтили и указы о рудахъ, о моровомъ повѣтріи, о формѣ суда и пр., которые уже напечатаны отчасти въ Пол. Соб. Зак.

Въ прежнее время, когда не было газетъ, публикація новыхъ законовъ въ Малороссіи, производилась слѣдующимъ образомъ. Сенатъ или Синодъ отправлялъ часть печатныхъ указовъ къ кіевскому митрополиту, тамъ они переписывались и разсылались по протопопіямъ и монастырямъ, гдѣ ихъ должны были читать въ церквахъ; болѣе важные указы прибивались кромѣ того и къ церковнымъ дверямъ. Этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить существованіе такого разнообразнаго собранія указовъ въ архивѣ простой деревенской церкви. Указы препровождались къ протопопамъ и въ монастыри при особыхъ предписаніяхъ митрополіи. Всѣ эти предписанія составлены на одинъ образецъ; послѣ перечисленія указовъ съ ихъ краткимъ содержаніемъ, говорится: «якъ ви, отци протопопи, намѣстники и правители, такожъ отци игумены, строители монастирей мужескихъ и женскихъ, сие премощнѣйшихъ его величества государя императора указовъ, коими при нашомъ архіерейскомъ писаніи полу-

чите, и ви бъ всякъ отецъ протопопъ или намѣстникъ, такожъ отецъ игуменъ и строитель при всенародномъ собраніи оній в церквахъ своихъ опромулдовали и заразъ списки себѣ списавши, велѣли всѣмъ священникамъ своимъ (нѣкоторые) укази вездѣ до церковныхъ дверей для всенароднаго извѣстия поприбивать, а оніе вишепомянутіе укази въ другіе здѣ означеніе мѣста отсилали бъ, по обыкновенію, немедленно, чтобъ всѣ духовнаго и мирскаго чина люди подленно о томъ вѣдали и непремѣнно по онимъ исправляли бъ, а о дѣйствительномъ исправленіи репортовали бъ честности ваши зо всѣхъ мѣстъ въ катедру, пастирско деклеруемъ и упоминаемъ».

Въ собраніи, о которомъ мы говоримъ, есть нѣсколько циркуляровъ кіевской митрополіи, не лишенныхъ интереса для исторіи старой Малороссіи. Одинъ изъ такихъ указовъ «о кулачныхъ бояхъ и вечерницахъ» мы печатаемъ ниже. Но при этомъ считаемъ долгомъ замѣтить, что, по нашему мнѣнію, полагаться на этотъ документъ и дѣлать на основаніи его какія-либо заключенія о народной жизни нельзя. *Вечерницы* явленіе обычное по всей Малороссіи. Такъ наз. интеллигенція и теперь еще приписываетъ имъ развращающее дѣйствіе въ народной жизни, хотя такое мнѣніе не имѣетъ за собой реальныхъ основаній. Г. Рыльскій, близко знающій народную жизнь и самъ многое переживтій, замѣчаетъ, что «для того кто знаетъ нашихъ сельскихъ женщинъ (а всѣ онѣ бывали въ свое время на *досвиткахъ*) мысль о повальной ихъ разнузданности представлялась бы крайне обидною, если бы она не была такъ смѣшна»[1]). Мы пропровѣрили это мнѣніе и свѣдѣнія, собранныя нами, подтвердили слова г. Рыльскаго. Трудно, конечно, поручиться, что на вечерницахъ не случаются и «грѣхи блудныя», «дѣвства растлѣнія»; но до «беззаконнаго прижитія дѣтей», а затѣмъ и до «дѣтогубства» дѣло доходитъ чрезвычайно рѣдко, и почти никогда. Такія пары женятся обыкновенно. Не нужно забывать, что духовенство, да и гражданская власть, часто видѣли нежелательныя явленія тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не существовало, и простымъ обрядамъ, обычаямъ приписывалось часто такое значеніе, какого они не имѣли. Вѣдь и теперь еще ведется борьба съ т. наз. «языческими обрядами», отъ которыхъ языческаго-то и осталось одно названіе, а обрядъ обратился въ такой же обычай, какъ гаданье на праздникахъ или въ такую *безсмысленную* игру, какъ «хванты»

---

[1]) *Ѳ. Р. Рыльскій.* Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. „Кіев. Стар." 1890 г., сентябрь, стр. 353.

и «сусиды», въ которые играютъ наши поповны на праздникахъ; и теперь еще духовенство приписываетъ *простымъ*, напр., *купальскимъ играмъ* какое-то религіозное значеніе, и ихъ запрещаютъ подъ тѣмъ предлогомъ, что играющіе *«бѣса веселятъ»* (?!) [1]).

Н. В.

Катедры киевской указъ ѡ кулачнихъ бояхъ и вечерницахъ.

Вамъ пречестнимъ отцемъ протопопамъ остерскому, козелецкому, борзенскому, воронижскому, конотопскому, глуховскому, ивановскому, честнимъ намѣстникомъ презвитеромъ і всему духовному освященному причту, кому гдѣ о семъ вѣдати надлежитъ, Божія благословенія, мирнаго здравія і благополучнаго поведенія отъ превысочайшаго архиерея прошедшаго небеса Господа Бога Спаса нашего Іисуса Христа узичивши извѣстно творитъ, ижъ зайшолъ всего духовнаго митрополитанского консисторіумъ премоцній ясневелможного его милости пана гетмана по указу его священнѣйшого царского пресвѣтлаго величества унѣверсалъ, повелѣвающій, даби везде по городамъ и мѣстечкамъ и селамъ в Малой Россіи попрестали богомерзкие молодихъ своеволнихъ людей зборища навкулачки і словомъ ненавистия гуляня, прозиваемая вечерницѣ, на котория многие людие, непостягливие отъ родителей своихъ мужеска полу и женска дѣти, по ночамъ купами собирающияся, неисповѣдимая безчинства и мерзкая беззаконія творятъ, справляющи себѣ ппй и танцѣ . . . . . [2]), откуду походятъ галаси, зачѣпки і до соровъ і звидокъ, до чого послѣдуютъ и забойства, а найбардзѣй подчасъ таковихъ нечестивихъ зборовъ ночнихъ розние дѣлаются екцеси, яко-то грѣхи блудния, дѣвства растлѣния, беззаконія прижития дѣтей, для чего чрез тихъ безчиніковъ, утаевающихъ своя беззаконія, скверная дѣла стаются, дѣтогубства. За якіе беззаконія, умножившияся явствено, праведнаго гнѣва Божия на всѣхъ насъ чаша изливается, яко уже не теперь колколѣтніе неурожаи хлѣбние многие, падежи скотовъ, тяжкие болѣзни у людехъ, а що болшъ моровие губителніе язви, страшное повѣтреное время понесла Малая Россія и прочия поносила злоключения. Сего ради ми таковому богомерзкому чинячомуся безаконию весь освященъ духовний соборъ заповѣдаючи і по должности нашей богомолческой премощному ясневельможного добродѣя нашего регементарскому согласуючи унѣверсалу, якие по всѣхъ малороссійскихъ

[1]) „Кіев. Стар." 1890 г. Ноябрь, стр. 327.

[2]) Два слова не разобраны, но, *кажется*, говорится о *пьянствѣ*.

полкахъ уже суть розисланн вилно упоминаемъ пречестностей вашихъ всѣхъ отцевъ протопоповъ со всѣмъ духовенствомъ і повагою всего консисторіумъ нашего митрополитанского кіевского приказуемъ, же бисте пречестностъ ваша всему духовному чину власти своей подсудствующому приказовали і накрѣпко пригрозили і того всеконечне престеригали мененимъ нечестивимъ зходищамъ, зборищамъ вечерничнимъ не биватъ отъ сего часу і непотребнимъ кулачнимъ боемъ і нечинитися и нѣхто нѣгде на оние сходитися не важился бъ, з чого многие не тилко здравия, лечъ и жития лишаются и злѣ извергають душѣ своя. Аще же би кто поважился бити противнимъ заповѣди Божой, премощънѣйшому монаршому указу рейментарскому ясневельможного пана унѣверсалу і сему отъ всего духовенства нашего виданному патенту, таковаго за первимъ, другимъ и третимъ духовнимъ наказаниемъ повелѣваемъ пречестностемъ вашимъ властію всего консисторіумъ митрополитанского отлучити отъ церкви і отъ сообщения вѣрнихъ, грядетъ бо гнѣвъ на сини противления, не закоснитъ пагуба ихъ, отъ которой всѣхъ православнихъ христианъ, церкви святой покаряющихся и хранящихъ заповѣди Божия, да сохрани Господь, усердствуемъ. Совершеннѣйшаго достовѣрия пречестностямъ вашимъ повелѣваемъ сие духовние наши укази списовать и списки вездѣ по городамъ, мистечкамъ і селамъ, вичитавши, до дверей церковнихъ прибивать. Данъ з катедри митрополитанской кіевской. Року 1719, януарія 27 дня.

Іеромонахъ Варлаамъ Лѣсницкій, игуменъ монастира Свято-Михайловского Золотоверхого кіевскаго, іеромонахъ Григорій Ѳошкевичъ, намѣстникъ катедралний свято-софійскій м. к., іеромонахъ Іоаникій Ѳедоровичъ, консисториста м. к., іеромонахъ Христофоръ Чарнуцкій, игуменъ Свято-Николской-Пустинной к., іеромонахъ Лаврентій Ѳорка, игуменъ Свято-Михайловскій Видубицкій, кіевскій.

(Изъ архива есманской церкви глуховскаго уѣзда, чернигов. губ.).

Отрывки изъ фамильныхъ преданій и архивовъ. *I. Премьеръ-маіоръ Александръ Андреевичъ Новицкій* (1748 † 1823 гг.). Однимъ изъ потомковъ охочекомоннаго полковника Ильи Ѳедоровича Новицкаго, краткая характеристика котораго помѣщена нами въ іюльской книгѣ «Кіевской Старины» за 1885 г., во второй половинѣ XVIII в., былъ, между прочимъ, премьеръ-маіоръ Александръ Андреевичъ Новицкій (род. 1748 † 1823 г.), герой турецкихъ войнъ въ царствованіе

императрицы Екатерины II и въ теченіе долгаго времени предводитель дворянства разныхъ уѣздовъ воронежской губерніи.

Отецъ его, Андрей Ивановичъ, долго служилъ въ военной службѣ и вышелъ въ отставку бригадиромъ; мать его, Марья Семеновна († 1798 г.), была изъ рода Сулимъ, что видно изъ изданнаго въ прошломъ году «Мотыжинскаго архива»—жили они въ родовомъ гнѣздѣ Новицкихъ, наслѣдіи полковника Ильяша, селѣ Исачкахъ лубенскаго уѣзда, извѣстномъ теперь своими каменоломнями.

Родившись въ 1748 г., Александръ Андреевичъ провелъ все свое дѣтство и отрочество въ Исачкахъ. 1 февраля 1763 г. его отдали въ сухопутный шляхетскій кадетскій корпусъ, гдѣ онъ весьма успѣшно учился, такъ что 1 іюня 1764 г. былъ сдѣланъ за отличіе капраломъ; 19 іюня 1766 г. онъ окончилъ корпусъ, будучи произведенъ въ поручики ямбургскаго карабинернаго полка.

Вскорѣ судьба поблагопріятствовала ему выказать себя храбрымъ офицеромъ на боевомъ поприщѣ.

Весной 1769 г. началась, такъ называемая, первая турецкая война. Такъ какъ ямбургскій карабинерный полкъ вошелъ въ составъ 2-й арміи, названной украинской или оборонительной, находившейся сначала подъ начальствомъ графа П. А. Румянцева, а потомъ графа П. И. Панина, и оперировавшей главнымъ образомъ противъ татаръ въ Новороссіи, то Новицкому пришлось участвовать въ отраженіи татаръ отъ Бахмута и въ осадѣ Бендеръ. Въ 1770 г. Новицкій участвовалъ 21 августа въ штурмѣ крѣпости Киліи отрядомъ, подъ начальствомъ кн. Н. В. Репнина, паденіе которой передало въ руки русскихъ устье Дуная и доставило большой запасъ военныхъ принадлежностей; 16 сентября онъ участвовалъ въ штурмѣ Бендеръ, окончившемся взятіемъ этой крѣпости послѣ продолжительной осады отрядомъ, подъ предводительствомъ графа П. И. Панина, въ 12,000 человѣкъ, изъ которыхъ большая половина выбыла изъ строя; и, наконецъ, 28 сентября онъ участвовалъ въ штурмѣ Аккермана соединеннымъ отрядомъ 1-й и 2-й арміи, подъ начальствомъ генераловъ Игельстрома и Каменскаго, окончившемся сдачей крѣпости и большаго отряда татаръ. Въ 1771 г. Новицкому пришлось принять участіе въ осадѣ Перекопа и Кафы главнымъ отрядомъ 2-й арміи подъ предводительствомъ князя В. М. Долгорукова (срв. А. Петровъ. Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами, съ 1769—1774 г. Т. I—V. Спб. 1866—74).

Особенно отличился Новицкій въ дѣлѣ подъ Перекопомъ, что видно изъ аттестата, выданнаго ему генералъ-квартирмейстеромъ Михаиломъ Каховскимъ:

«Въ приближеніи арміи къ Перекопу, по должности моей рекогносцировалъ я какъ линію и городъ, такъ и предлежащую ситуацію, употребивъ къ сему важному примѣчанію дивизіонъ квартирмейстера капитанскаго чина Александра Новицкаго, которому и приказалъ подъѣзжать, какъ можно ближе, къ находящимся на оной линіи батареямъ и примѣчать акуратнѣе, что и исполнено было наплучшимъ способомъ. При овладѣніи жъ штурмомъ Перекопской линіи сего 1771 года въ 14 день іюня, когда ввѣренъ былъ мнѣ лѣвой флангъ атаки, то я, раздѣля на двѣ колонны, препоручилъ изъ оныхъ одну въ команду его, какъ довольно уже свѣдущаго положеніе мѣста и оборону линіи, и, положась на его твердо, приказалъ производить атаку. Первоначатой имъ огонь и производимая по линіи безпрерывная стрѣльба мало по малу стекающагося непріятеля понудила наконецъ собраться на сей флангъ великими толпами, но не устрашило нимало сего храбраго офицера, о которомъ по справедливости могу сказать, что онъ отмѣннымъ своимъ раченіемъ и оказанною при семъ случаѣ особливою храбростію заслуживаетъ себѣ отмѣнного и достоинства, и чести. 20 іюня 1771 г.» *(Подпись)*.

Не менѣе храбрымъ и распорядительнымъ выказалъ себя Новицкій при взятіи Кафы и въ другихъ дѣлахъ на Крымскомъ полуостровѣ во время турецкой войны, и также при усмиреніи пугачевскаго бунта, что и было удостовѣрено княземъ В. М. Долгоруковымъ въ аттестатѣ, выданномъ Новицкому въ 1774 году:

«Ямбургскаго карабинернаго полка господинъ секундъ-маіоръ, Александръ Андреевъ сынъ Новицкій, по бытности своей въ генеральномъ штабѣ арміи моего предводительства дивизіонъ-квартирмейстеромъ капитанскаго чина, сверхъ отправляемой имъ со всякимъ раченіемъ службы, той должности соотвѣтствующей, опредѣленъ былъ отъ меня, при взятіи штурмомъ Перекопской линіи съ 13 на 14 іюня прошлаго 1771 года, надъ колонною, производившею къ батареямъ на лѣвомъ флангѣ линіи фосъ-атаку, командиромъ и, не страшась непріятельскаго безпрерывно производящагося огня, до взятія всей линіи мѣсто свое защищалъ храбро. По вступленіи жъ побѣдоноснаго второй ея императорскаго величества арміи оружія во внутрь Крыма, при взятіи города Кафы того жъ года іюня въ 29 день употребляемъ былъ не только къ рекогносцированью города, но и къ препровож-

денію артиллеріи къ самому почти непріятельскому ретраншаменту, во многихъ партіяхъ былъ и, гдѣ только имѣлъ случай, показывалъ усердіе и ревность ко службѣ ея императорскаго величества. По выключеніи изъ онаго штаба и по производствѣ в сей чинъ, препорученные отъ меня по особливой экстрѣ съ четырехъ-сотною командою, для отвращенія партій въ воронежской и другихъ губерніяхъ, чинимыхъ государственнымъ злодѣемъ и измѣнникомъ Пугачевымъ, гдѣ порученные ему къ защищенію отъ злодѣйского навѣта крѣпости и другія мѣста до совершеннаго разбитія варварскаго сонмища и поимки главного злодѣя, предохранялъ порядочно, и даже, до окончанія войны, былъ всегда при особливо поручаемыхъ должностяхъ безотлучно, для чего по справедливости заслуживаетъ по хорошему своему поведенію къ повышенію чина. Сей мой аттестатъ данъ въ главной квартирѣ въ благополучномъ городѣ Полтавѣ, ноября 30 дня 1774 г. Князь Долгоруковъ, ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни моей, генералъ-аншефъ, второй арміи войскъ предводитель и всѣхъ трехъ россійскихъ орденовъ кавалеръ» (М. П.).

17 ноября 1780 г. Новицкій вышелъ въ отставку въ чинѣ премьеръ-маіора, взявши предварительно у Румянцева продолжительный отпускъ, что видно изъ слѣдующаго ордера Румянцева:

«По рапорту вашему въ разсужденіи, что вы за болѣзнію продолжать полевой службы далѣе не можете, увольняетесь отъ меня до полученія точной отставки въ домъ вашъ; но прежде отбытія своего въ оный, имѣете вы находящуюся при васъ для покупки въ полкъ лошадей команду, ремонтныя и фуражныя деньги съ книгами и прочія, данныя вамъ на сей случай отъ полку, наставленія, здать старшему по васъ съ роспискою и кому имянно и въ коликомъ числѣ людей и лошадей команду свою вы поручите, въ оный полкъ отрапортовать, а о увольненіи васъ пашпортъ при семъ прилагается. Румянцевъ-Задунайскій. Января 23 дня 1780 г.» № 101.

Продолжительное пребываніе Новицкаго, во время усмиренія пугачевскаго бунта въ воронежской губерніи, оказало вліяніе на его дальнѣйшую судьбу и обусловило главнымъ образомъ выходъ его въ отставку: въ слободѣ Семейкахъ калитвянскаго уѣзда острогожской провинціи, воронежскаго намѣстничества, проживала богатая молодая вдовушка Маѳа Ивановна Ершевская, урожденная Сатина, владѣвшая въ Семейкахъ и х. Карабутѣ 1037 душами крестьянъ-черкасовъ (малороссіянъ), составившая свое состояніе путемъ передачи ей по завѣщанію части Семеекъ отъ перваго мужа поручика Алексѣя Лукья-

новича Ершевскаго и пріобрѣтенія остальныхъ частей по купчимъ крѣпостямъ отъ деверя, войсковаго жителя, т. е. донскаго козака, Степана Лукьяновича Ершевскаго и отъ своего брата отставного секундъ-маіора Николая Ивановича Сатина; оберегая молодую вдовушку отъ Пугачева, Новицкій полюбилъ ее, женился и затѣмъ вышелъ въ отставку, чтобы заняться приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ по имѣніямъ жены, задолженнымъ во время Пугачевщины.—Маѳѣ Ивановнѣ пришлось занять въ ноябрѣ 1773 г. двадцать тысячъ рублей подъ залогъ Семеекъ у воронежскаго помѣщика, отставного капитана Семена Ѳедоровича Зыбина.

Поселившись въ Семейкахъ, Новицкій прожилъ частнымъ человѣкомъ до 1783 г., когда былъ выбранъ предводителемъ дворянства сначала калитвянскаго, а потомъ бѣловодскаго уѣзда воронежскаго намѣстничества, въ каковой должности и прослужилъ три трехлѣтія съ перерывомъ: съ 1783 г. по 1789 г. и съ 1794 г. по 1-е іюня 1797 г., т. е. по день упраздненія калитвянскаго и бѣловодскаго уѣздовъ и замѣны ихъ старобѣльскимъ. Съ 1797 г. Новицкій прослужилъ нѣсколько трехлѣтій старобѣльскимъ предводителемъ дворянства.

Въ 1796 г. Александръ Андреевичъ овдовѣлъ, оставшись съ двумя дочерьми—Катериной (род. 1783 г.) и Елисаветой (род. 1785 г.), вышедшими впослѣдствіи замужъ, первая—за секретаря русскаго посольства при одномъ изъ итальянскихъ дворовъ Михаила Григорьевича Корсуна, вторая—за генерала Лазарева-Станищева.

Кромѣ Семеекъ и Карабутъ, Александръ Андреевичъ владѣлъ, получивши въ наслѣдство отъ отца, половиной с. Снѣтина лубенскаго уѣзда. Другая половина с. Снѣтина принадлежала его брату—Ивану, умершему безпотомно, а послѣ смерти послѣдняго перешла по завѣщанію къ третьему брату, Акиму Андреевичу, владѣвшему с. Исачками, что и было причиной непріязненныхъ отношеній между Акимомъ и Александромъ Андреевичемъ, а затѣмъ перешла по наслѣдству къ единственной дочери Акима, Марьѣ Акимовнѣ, вышедшей замужъ за Андреева, въ родѣ которыхъ состоитъ и по-нынѣ.

Выдавши дочерей замужъ, Александръ Андреевичъ передалъ имъ во владѣніе воронежскія имѣнія, какъ материнскія, а самъ поселился въ Снѣтинѣ, гдѣ имъ былъ выстроенъ еще въ первые годы настоящаго столѣтія громадный домъ о двухъ этажахъ съ погребами и башенкой посрединѣ крыши, съ нишами и лѣпными украшеніями съ фронта, разобранный въ недавнее время правнукомъ Александра

Андреевича А. К. Вульфертомъ. Акварельный рисунокъ этого дома работы его внука, Александра Михайловича Корсуна сохранился у насъ.

Въ этомъ домѣ и умеръ Александръ Андреевичъ въ 1823 г., 76-ти лѣтъ.

II. Семейство Корсуновъ. Михаилъ Григорьевичъ Корсунъ, женившійся на Екатеринѣ Александровнѣ Новицкой, былъ владѣльцемъ с. Корсуновой слободы миргородскаго уѣзда, полтавской губерніи. У насъ нѣтъ подъ рукою данныхъ для опредѣленія времени основанія Корсуновой слободы, но родъ Корсуновъ—стародавній лубенскій. Родоначальникомъ ихъ былъ, сколько знаемъ, хорунжій лубенскаго полка Степанъ Корсунъ, которому гетманъ Скоропадскій далъ въ 1720 г., с. Гапоновку. Передъ хорунжествомъ Корсунъ «двукратно нѣстовалъ сотництво Сенецкое». Однимъ изъ потомковъ этого Корсуна былъ Александръ Алексѣевичъ Корсунъ, отецъ котораго сдѣлался таганрогскимъ помѣщикомъ, извѣстный издатель малорусскаго альманаха «Сніпъ», вышедшаго въ Харьковѣ въ 1841 г., къ участію въ которомъ онъ привлекъ бывшихъ воспитанниковъ харьковскаго коллегіума—Порфирія Кореницкаго и братьевъ Писаревскихъ, и харьковскаго университета—Іеремію Галку (Н. И. Костомарова) и Михаила Петренка, такъ какъ и самъ Александръ Алексѣевичъ, вмѣстѣ съ другими представителями рода Корсуновъ, что видно дальше, сохраняли постоянно живую связь съ харьковскимъ университетомъ и мѣстными культурными кружками.

Родившись и выросши въ томъ счастливомъ уголкѣ Полтавщины, который прославленъ Гоголемъ, и будучи товарищемъ дѣтства извѣстнаго впослѣдствіи министра юстиціи Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, вслѣдствіе родства и сосѣдства, Михаилъ Григорьевичъ Корсунъ былъ вполнѣ культурнымъ человѣкомъ, а когда же онъ выбралъ дипломатическую карьеру и получилъ мѣсто секретаря при одномъ изъ итальянскихъ дворовъ, то онъ вполнѣ усвоилъ себѣ западно-европейское образованіе и въ особенности развилъ эстетическій вкусъ, что выразилось, между прочимъ, даже такимъ мелкимъ фактомъ, какъ пріобрѣтеніе привезенныхъ изъ Италіи въ Одессу однимъ проживавшимся помѣщикомъ четырехъ статуй изъ бѣлаго мрамора, для украшенія корсуновскаго сада. Сохранился его акварельный портретъ, работы его сына Александра, изображающій благообразнаго старика съ безукоризненнымъ жабо на тонкомъ бѣльѣ, въ коричневомъ фракѣ и зеленыхъ перчаткахъ, украшеннаго иностранными орденами.

Вышедши въ отставку и женившись на Екатеринѣ Александровнѣ Новицкой, онъ поселился въ Корсуновой слободѣ въ своемъ обширномъ домѣ, окруженномъ прекраснымъ садомъ, и зажилъ богатымъ паномъ, гостепріимно принимая у себя родныхъ и знакомыхъ.

Изъ ближайшихъ родныхъ у него было двѣ замужнихъ сестры: Агаѳія Григорьевна Огроновичъ, бывшая замужемъ за Григоріемъ Огроновичемъ, владѣвшимъ с. Филипповичи лубенскаго уѣзда, и Ульяна Григорьевна Балясная, жена кременчугскаго уѣзднаго предводителя дворянства. Была у Михаила Григорьевича и еще одна сестра, умершая дѣвицей, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: послѣ смерти отца Михаила Григорьевича, мать его, оставшись молодой вдовой, продолжала жить со своими четырьмя дѣтьми въ Корсуновой слободѣ; однажды зимой напалъ на ихъ усадьбу знаменитый разбойникъ Гаркуша и навелъ, конечно, на всѣхъ ужасъ.—Ульяна Григорьевна побѣжала къ колокольнѣ звонить набатъ, а Прасковья, обезумѣвши отъ страха, побѣжала босая въ сосѣднее м. Сѣнчу, схватила горячку и умерла.

Изъ сосѣдей ближайшимъ былъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, проживавшій послѣдніе годы своей жизни преимущественно въ своемъ имѣніи с. Кибенцахъ и дружившій по прежнему съ Корсуномъ; кромѣ того, Корсуны частенько видались со стариками Гоголями-Яновскими.

Цѣлью жизни Михаила Григорьевича было воспитаніе дѣтей—сыновей Николая, Александра, Григорія, Степана и Михайла, и дочерей Екатерины, Марьи, Варвары и Марѳы. Въ помощь себѣ онъ бралъ на нѣкоторое время бывшаго воспитанника полтавской семинаріи М. М. Макаровскаго, что подтверждается данной изъ біографіи Макаровскаго, помѣщенной у Метлинскаго въ «Южно-русскомъ сборникѣ» (X. 1848 г.), о томъ, что онъ былъ въ 1818 году нѣкоторое время домашнимъ учителемъ у помѣщика Корсуна (срв. Н. И. Петровъ. Очерки исторіи украинской литературы XIX ст. К. 1884 г. Стр. 135). Помимо общаго образованія, онъ старался развить въ дѣтяхъ вкусъ къ живописи: наиболѣе способными вообще къ наукамъ и искусствамъ, и въ частности къ живописи, оказались два старшіе сына—сохранилось не мало акварельныхъ рисунковъ Николая и и Александра Корсуновъ, помѣченныхъ разными годами. Александру особенно удавались акварельные жанровые этюды и портреты, такъ что впослѣдствіи онъ достигъ значительной степени совершенства въ этомъ родѣ живописи: у насъ сохранились портреты его отца и

матери, четы Лазаревыхъ—Станищевыхъ, невѣстки—жены брата Николая, урожденной Подколзиной, красавицы—сестры Марьи Михайловны Безсоновой, свой собственный, знаменитаго адмирала Шишкова, предсѣдателя морского ученаго комитета Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова, портретъ сепіей Трощинскаго и проч.

Подготовивши дома, Михаилъ Григорьевичъ провелъ всѣхъ своихъ сыновей черезъ харьковскій университетъ. Всѣ они окончили университетъ, но особенно успѣшно занимались Николай и Александръ, такъ что, получивши кандидатство, они магистрировались и получили ученыя степени, первый за «разсужденіе о сущности исторіи» (X. 1823 г.), второй за «разсужденіе о предметѣ права» (X. 1823 г.). У насъ сохранилось по экземпляру этихъ двухъ брошюрокъ, въ изящныхъ переплетахъ, съ характерными посвященіями: «милостивому государю глубокоуважаемому батюшкѣ отъ сына-сочинителя».

Николай Михайловичъ, при посредствѣ Трощинскаго и его друга, Логина Ивановича Голенищева-Кутузова, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо отъ Трощинскаго и Гоголь при пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1829 г. (Шенрокъ. Указатель къ письмамъ Гоголя. М. 1886 г. Стр. 43 сл.), получилъ мѣсто въ Петербургѣ при министрѣ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, извѣстномъ любимцѣ императора Александра I, князѣ Александрѣ Николаевичѣ Голицынѣ.

Вышедши въ концѣ 30-хъ годовъ въ отставку, Николай Михайловичъ поселился въ Семейкахъ и женился на одной изъ дочерей богатѣйшаго помѣщика-откупщика Подколзина, Екатеринѣ Максимовнѣ, другая дочь котораго Анна (?) Максимовна была замужемъ за Сухановымъ въ Харьковѣ, присоединившимъ впослѣдствіи къ своей фамиліи фамилію тестя.

Проживая то въ Семейкахъ, то въ Воронежѣ, Николай Михайловичъ сдѣлался попечителемъ воронежской гимназіи, на которую пожертвовалъ однажды 25,000 р. Онъ умеръ, будучи дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и камергеромъ, въ 50-хъ годахъ.

Александръ Михайловичъ также служилъ нѣкоторое время при Голицынѣ, а въ концѣ 20-хъ годовъ перешелъ въ Харьковъ совѣтникомъ правленія харьковскаго университета, попечителемъ котораго, равно какъ и всего громаднаго тогда харьковскаго учебнаго округа, былъ Филатьевъ, о которомъ Н. И. Костомаровъ въ своей «автобіографіи» (стр. 20 сл.) вспоминаетъ, что въ первыхъ мѣсяцахъ 1834 г.

онъ былъ переведенъ на какую-то должность и уѣхалъ, не подписавши утвержденія въ званіи студентовъ болѣе ста лицъ, выдержавшихъ вступительный экзаменъ въ текущемъ академическомъ году, въ числѣ которыхъ былъ и Костомаровъ, чѣмъ поставилъ ихъ въ большое затрудненіе.

Вышедши въ 1836 г. въ отставку, Александръ Михайловичъ вскорѣ женился на молодой вдовѣ, Марьѣ Давидовнѣ Александровичъ, урожденной Горленко, моей бабкѣ по матери, и поселился въ ея имѣніи с. Великой Кручѣ пирятинскаго уѣзда. Здѣсь онъ занялся постройкой прекрасной каменной церкви во имя св. Іоанна Богослова и благоустройствомъ имѣнія. Онъ выписывалъ много книгъ, преимущественно юридическихъ, русскихъ и иностранныхъ, а также журналовъ, въ особенности по зодчеству и живописи. Въ с. Великой Кручѣ и по нынѣ сохранилась его довольно значительная библіотека. Какъ помѣщикъ, онъ отличался большой гуманностью, вслѣдствіе чего и по нынѣ сохранилась добрая о немъ память среди мѣстныхъ крестьянъ.

Въ 1856 г. онъ умеръ, въ чинѣ статскаго совѣтника, сдѣлавшись жертвой тифозной эпидеміи, свирѣпствовавшей тогда, вслѣдствіе провоза съ театра военныхъ дѣйствій массы раненыхъ и больныхъ, и погребенъ въ особомъ склепѣ подъ поломъ выстроенной имъ церкви, по правую сторону царскихъ вратъ, съ другой стороны которыхъ погребена въ 1886 г. его жена, Марья Давидовна.

Степанъ Михайловичъ умеръ въ молодыхъ годахъ, Григорій же и Михайло умерли всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проживая въ Корсуновой слободѣ.

Изо всѣхъ пяти братьевъ только одинъ Григорій оставилъ потомство, и то одного сына.

Изъ дочерей—Варвара умерла 18-ти лѣтъ, а Марья, вышедшая замужъ въ воронежской губерніи за Безсонова, умерла недавно безпотомно. Оставили потомство Мареа Михайловна Вульфертъ и Екатерина Михайловна Рикгофъ, къ которому и перешла большая часть наслѣдія Новицкаго и Корсуновъ.

III. Поѣздка харьковскаго попечителя Филатьева по округу въ 1831 г. Въ 1831 г. Филатьевъ предпринялъ поѣздку по округу, взявши съ собою и Александра Михайловича Корсуна.

Во время поѣздки Корсунъ велъ краткія путевыя замѣтки, не представляющія какого-либо особеннаго значенія въ литературно-научномъ отношеніи, но интересныя по самому факту ихъ существо-

ванія и по нѣкоторымъ даннымъ, которыя мы и приведемъ здѣсь въ выдержкахъ и пересказѣ.

Выѣхали они изъ Харькова 22 сентября, а 23 пріѣхали въ Полтаву. Тогдашній малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Н. Г. Репнинъ приказалъ приготовить квартиру въ домѣ дворянскаго собранія, но Филатьевъ предпочелъ остановиться у директора гимназіи, князя Цертелева. Пробывши сутки въ Полтавѣ, они поѣхали на Хоролъ, Лубны, Пирятинъ, Яготинъ и Бровары въ Кіевъ.

«27 сентября въ 9 часовъ по утру, пишетъ Корсунъ, мы прибыли въ Кіевъ и, не доѣзжая за нѣсколько верстъ, видѣли печерскую колокольню и множество церквей. Со мною была подзорная труба, въ которую я и попечитель смотрѣли на красивые кіевскіе виды. Въ Кіевѣ, по приказанію митрополита Евгенія, показывали намъ пещеры и лавру, церковь Андрея Первозваннаго, новозаложенную церковь во имя Рождества Богородицы, на мѣстѣ древней «Десятинной», Софійскій соборъ, Михайловскій и Братскій монастыри. Въ Софійскомъ соборѣ и Михайловскомъ монастырѣ особенно примѣчательны мозаическія работы древнихъ, такъ что я взялъ себѣ на память нѣсколько кусочковъ мозаики».

Изъ Кіева выѣхали только 5 октября по направленію къ Житомиру, куда и пріѣхали 6. «Я осмотрѣлъ, —читаемъ далѣе въ замѣткахъ,—вмѣстѣ съ попечителемъ, старую соборную церковь и два католическихъ костела, изъ коихъ одинъ въ древне-готическомъ стилѣ. За городомъ находится женскій монастырь, или, какъ здѣсь называютъ, шпиталь, содержимый сестрами милосердія: здѣсь бѣдныя дѣвушки принимаются на полное иждивеніе, учатся и работаютъ. Всѣхъ живущихъ дѣвушекъ 160, приходятъ и постороннія. Я осмотрѣлъ сіе заведеніе въ сопровожденіи старухи-настоятельницы. Видѣлъ работы бисеромъ, шелкомъ и другія; ихъ церковь. Мы пробыли 6 и 7 въ Житомирѣ, 8 рано поутру отправляемся далѣе». Поѣхали на Корецъ и Острогъ, гдѣ пришлось пробыть день, по недостатку лошадей, вслѣдствіе проѣзда фельдмаршала графа Сакена, и затѣмъ на Дубно въ Кременецъ.

«Кременецъ, пишетъ далѣе Корсунъ, есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ владимірскаго древле-удѣльнаго княжества. Имя свое онъ получилъ, кажется, отъ свойства земли, его окружающей, которой поверхность, особливо съ сѣверной стороны, усѣяна повсюду кремнями. Ни основатель, ни точное время его основанія точно неизвѣстны; извѣстно лишь, что въ 1240 г. Кременецъ противосталъ

стремительному нападенію Батыя и выдержалъ осаду (Ист. госуд рос. Карамзина. Т. IV, р. 14). Возобновитель Кременца былъ, можетъ статься, Іоаннъ-Владиміръ Васильковичъ, Даніиловъ племянникъ (Кременецъ наз. Даніиловъ городъ), или наслѣдникъ его Мстиславъ Даніиловичъ, при коихъ въ концѣ XIII стол. Галиція и Волынь отдохнули (Ист. Карамзина, р. 140—141). Потомъ Кременецъ переходитъ въ польское владѣніе.

Въ XVI в., при Сигизмундѣ I и при королевѣ Бонѣ (которая впрочемъ никогда не бывала въ Кременцѣ), Кременецъ устроенъ и вооруженъ.

Два деревянныхъ моста составляли единственную въ замокъ дорогу и оканчивались предвъѣздною башнею, въ которой помѣщалась стража и капличка. Самый въѣздъ состоялъ изъ подъемнаго моста и воротъ подъ другою большою башнею, внизу коей находились погреба, а на верху свѣтлицы или комнаты со сводами, на подобіе колпака сдѣланными. Третья башня, называемая червленою, стояла съ лѣвой стороны отъ новаго въѣзда и показывала слѣдъ въѣзда стараго, въ то время уже уничтоженнаго. Внутрь обводной стѣны каменной, покрытой деревяннымъ покладомъ, стояли два дома, построенные изъ дерева, изъ коихъ одинъ, для жилья предназначенный, посредствомъ сходовъ имѣлъ сообщеніе съ большою подъѣздною башнею, а другой домъ, отдѣльно стоявшій, мѣстилъ въ трехъ каменныхъ погребахъ своихъ селитру и порохъ, надъ ними жилые покои, а на самомъ верху бойницу, съ которой можно было оборонять съ трехъ сторонъ замокъ и городъ. Далѣе находилось девять амбаровъ или спижарень на съѣстные припасы, съ девятью отдѣльными кровлями, коихъ рынвы сбирали дождевую воду и посредствомъ трубъ переливали оную въ водоемъ, нарочно для того устроенный. Водоемъ сей, коего каменныя стѣны были обложены деревомъ и облиты смолою, необходимо нуженъ былъ въ замкѣ, совершенно безводномъ, ибо всѣ покушенія выбить колодезь остались безуспѣшными и работа сія оставлена тогда, когда колодезь имѣлъ 40 локтей глубины, что составитъ около 10 саженей. За ссыпными амбарами была кухня, а на самой серединѣ горы и обвода пороховая толчея съ шестью пестами, устроенная на коловоротѣ, по нѣмецкому способу, такъ что одинъ человѣкъ могъ легко приводить ее въ движеніе и производить успѣшно работу.

На всѣхъ сихъ зданіяхъ и на обводной стѣнѣ были разставлены пушки, числомъ 29, а именно: 4 сокола, 2 мортиры, 22 фаль-

конета и одинъ пищикъ. Сверхъ того было въ складѣ ручного оружія: 10 гаковницъ и 33 ручницы, съ надлежащимъ приборомъ. Запасъ пороху, пуль, свинцу, сѣры и уголья столь былъ великъ, что въ семъ отношеніи не только Луцкъ и Владиміръ, но и 10, 20, другихъ такихъ замковъ не могли съ нимъ равняться.

Такъ описалъ Кременецъ Левъ Патей-Тышкевичъ, дьякъ или секретарь Сигизмунда I, посланный въ 1542 г. на ревизію волынскихъ замковъ, передавъ потомству имена епископа луцкаго, князя Павла Альгимуниса Ольшанскаго и кременецкаго старосты, Станислава Фальчевскаго, благоразумно и ревностно занимавшихся устройствомъ и цѣлостью замка. Однакожъ укрѣпленіе и вооруженіе замка, описанное Патеемъ, не было уже соотвѣтственнымъ тогдашнему времени. Въ 1648 г. 7000 козаковъ, подъ предводительствомъ Максима Кривоноса, завладѣли Кременцомъ безъ всякаго сопротивленія, разорили всѣ строенія, произвели убійства и земскіе акты, залогъ безопасности лицъ и огражденіе собственности, хранимые въ погребахъ замка, нашли, изорвали и истребили. Съ того времени древній Кременецъ не возставалъ уже изъ своего запустѣнія, и стѣны замка, около 2-хъ столѣтій, разрушаются рукою времени.

Нынѣшній Кременецъ лежитъ при подошвѣ горы, на которой развалины замка; со всѣхъ сторонъ окружаютъ его амфитеатромъ другія горы, изъ коихъ однѣ увѣнчаны лѣсомъ, другія покрыты кустарниками, иныя изъ-подъ муравы выставляютъ свои каменистыя части. Склоны ихъ и промежутки между ними образуютъ неправильную долину, на которой расположенъ городъ. По косогорамъ разбросаны домики, окруженные почти всѣ садами и огородами. Въ срединѣ возвышается зданіе, прочный и великолѣпный памятникъ падшаго іезуитскаго ордена, воздвигнутый въ 1726 г. князьями Янушемъ и Михаиломъ Вишневецкими.

1 октября 1805 г. открыта волынская гимназія. При семъ случаѣ, по окончаніи богослуженія, прочитаны были: высочайшая грамота и письмо министра народнаго просвѣщенія къ основателю гимназіи, графу Ѳаддею Чацкому, который воскликнулъ: «рѣдко бываетъ торжество, подобное нынѣшнему—народъ и государь воздвигаютъ высшее училище для общія пользы въ безпрерывный рядъ поколѣній!»

Министръ графъ Завадовскій, увѣдомленный о семъ праздникѣ, написалъ къ Чацкому слѣдующее письмо:

«Читая слово Ваше, произнесенное при семъ обрядѣ, я упоялся подобною сладостью, какова дѣйствовала на душу грековъ, рукоплес-

кавшихъ Геродоту, когда сей предлагалъ имъ свою исторію, оглавленную по именамъ Музъ. Состязующимся въ томъ, якобы въ нашемъ вѣкѣ отдыхаетъ Природа въ произведеніи великихъ дарованій, я укажу на Геній Чацкаго, который на польскомъ Парнасѣ воскрешаетъ Музъ, умершихъ въ Аттикѣ, ибо какой даръ знаменуется превосходнѣе таковаго, что просвѣщаетъ настоящее колѣно своихъ согражданъ и ихъ будущіе роды? Тако взираю я съ моей точки на Ваши подвиги, незабвеніемъ и общею благодарностью печатлѣемые. Теките по своему поприщу, посѣвая науки благотворительныя человѣческому роду. Дѣлателю уже близокъ моментъ, дабы сказать: iam opus exegi... и услышитъ къ себѣ общій отголосокъ, который повторитъ и позднее потомство».

По прибытіи въ Кременецъ, какъ обыкновенно, нужно было заняться дѣлами. По первой почтѣ написалъ министру, потомъ, вмѣстѣ съ попечителемъ, осматривали здѣшнюю библіотеку и кабинеты, содержимые въ отмѣнномъ порядкѣ.

Здѣшніе чиновники, обласканные пріемомъ попечителя, наперерывъ начали приглашать насъ на обѣды—всякой день мы прекрасно угощены, пьемъ венгерское и шампанское, и мѣшаемъ дѣло съ бездѣліемъ. Я уже упомянулъ о живописномъ мѣстоположеніи Кременца: особенно примѣчательна «Замкова гора». Какой чудесный видъ съ вершины сей горы! Я два раза былъ на ней, самъ и съ попечителемъ. Мы брали у здѣшняго берейтора верховыхъ лошадей—дорога идетъ вокругъ горы, взъѣзжая по ней, мы видѣли мѣста, гдѣ ломаютъ камни для построекъ. Камень, по увѣренію здѣшнихъ жителей, не проченъ, мягокъ, что доказываютъ и городскія улицы, кои столь неровны, что съ трудомъ можно пройти, не только проѣхать. Главнѣйшія улицы здѣсь: Широкая, Казалани, Mon promenade avec le juif Schimon. Жителей въ Кременцѣ до 15000, изъ коихъ $^{2}/_{3}$ жидовъ.

23 октября въ 3 часа по полудни я поѣхалъ верхомъ осмотрѣть развалины замка, 20 лѣтъ тому назадъ сгорѣвшаго, принадлежавшаго нѣкогда князьямъ Вишневецкимъ и Збаражскимъ. Мѣсто, гдѣ построенъ былъ замокъ, называется Бѣлая Криница. Замокъ стоитъ на нѣкоторомъ возвышеніи, состоящемъ изъ землянаго вала, теперь почти разрушенъ, остались однѣ стѣны и башня при самомъ входѣ, обращенная къ лѣсу. Замокъ представляетъ собою треугольникъ. При входѣ высокая узкая дверь, на стѣнахъ видна краснователая краска, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще остались слѣды старинной

живописи—небольшіе корабли и китайскія бесѣдки съ фигурами, оконныя лутки сѣраго камня, почти квадратныя, стеколъ нѣтъ и вѣтви деревьевъ, близь стѣнъ растущихъ, проходятъ сквозь окна и закрываютъ стѣны, внутри замка растутъ кустарники; въ углу на западъ нѣкоторое углубленіе, двѣ колонны, а на стѣнѣ остатокъ живописи—Спаситель въ облакахъ, вѣроятно, здѣсь была домашняя каплица; внизу—погребъ или какой-то темный ходъ и большой корридоръ, отчасти уже заваленный обломками стѣнъ. Неподалеку отъ замка находится деревушка, принадлежащая теперешнему владѣльцу разрушеннаго замка, Часноцкому.

27 октября, наканунѣ отъѣзда, я былъ вмѣстѣ съ попечителемъ въ Почаевѣ. Тамошній базиліанскій монастырь обращенъ теперь въ православный. Главная церковь построена Потоцкимъ, называемымъ обыкновенно паномъ Каневскимъ, въ 1771 г. Въ церковномъ погребѣ хранятся бальзамированное тѣло основателя монастыря Потоцкаго, не совсѣмъ сбереженное, и мощи Іова Зализо, знаменитаго игумена. Гробъ Іова стоитъ на каменныхъ ножкахъ, крышка гроба стеклянная;—угодникъ лежитъ въ схимнической одеждѣ, руки и ноги открыты; на право пещера весьма узкая, въ которой онъ молился—это скала, въ которой сама природа сдѣлала отверстіе. Сія скала находится внизу церкви въ углѣ, такъ что фундаментъ оной возвышается наравнѣ со скалою такимъ образомъ, что скалы не видно и надобно стать внизъ, чтобы поклониться мощамъ угодника. Выходя изъ церкви, я любовался съ галлереи, устланной камнемъ, чуднымъ видомъ—отсюда до австрійской границы верстъ 6, такъ что видѣнъ австрійскій монастырь Подкамень. Осмотрѣвши все здѣсь любопытное, мы обѣдали у архіерея житомирскаго, проживающаго теперь здѣсь.

28 мы выѣхали изъ Кременца на Ямполь, принадлежащій гр. Хоткевичу и Теофилполь—княгинѣ Сапѣга».

29 они поѣхали на Старо-Константиновъ, Меджибожъ, Каменецъ-Подольскъ и Винницу.

Въ Меджибожѣ они останавливались въ замкѣ, гдѣ помѣщалось высшее повѣтовое училище. «Смотритель училища отвелъ намъ—пишетъ Корсунъ—свои комнаты. Семейство его, Скимборовича, весьма любезное, дочь его, Целина, забавляла насъ своей игрой на фортепіано и увѣряла меня, что жизнь въ замкѣ весьма скучна. Замокъ здѣшній и мѣстечко принадлежало князю Чарторыйскому. Замокъ уступленъ для училища въ 1808 г., но когда основанъ, неизвѣстно полагаютъ, что стоитъ уже нѣсколько столѣтій.

Въ замкѣ большія залы, въ которыхъ помѣщалось училище, ланкастерская школа взаимнаго обученія, небольшая библіотека и кабинеты. Зданіе выстроено треугольникомъ, дворъ большой, посрединѣ костелъ, а по сторонамъ въ одинъ этажъ кругомъ жилые покои, съ готическими окнами и высокими трубами».

Изъ Винницы поѣхали на Умань и Каневъ въ Кіевъ. Дорогой имъ пришлось довольно долго оставаться въ д. Вороновицы гр. Грохольскаго, по причинѣ поломки коляски. «Усадьба Грохольскаго—пишетъ Корсунъ—прекрасная, въ старинномъ вкусѣ, выстроенная полукружіемъ. Комнаты богато убраны и съ отличнымъ вкусомъ—статуи, бюсты и картины доказываютъ образованность владѣльца, который теперь въ Каменецъ-Подольскѣ; подъ окнами садъ съ каштановыми аллеями и оранжереей».

24 ноября пріѣхали въ Кіевъ. «Въ Кіевѣ я не скучалъ,—читаемъ въ замѣткахъ Корсуна—занимаясь дѣлами, я пользовался свободнымъ временемъ, чтобы повидаться со своими знакомыми, которыхъ впрочемъ у меня въ Кіевѣ немного—домъ Трощинскаго и Семенюты. Въ первомъ меня принимали, какъ своего, со вторымъ я знакомъ по Харькову, гдѣ знавалъ хозяйку дома еще дѣвушкой. 29 ноября былъ въ здѣшнемъ клубѣ вмѣстѣ съ попечителемъ. Мы пріѣхали почти въ 9 часовъ вечера въ домъ генерала Корта, гдѣ бываетъ собраніе. Танцы начались полонезомъ. Я прошелъ два раза въ полонезѣ и затѣмъ уѣхалъ вмѣстѣ съ попечителемъ. Между танцующими я замѣтилъ г-жу Путенкову, генеральшу Купреянову, княженъ Манвеловыхъ, m-lle Маркевичъ, изъ коихъ»...

На этомъ прерываются замѣтки Корсуна. Конецъ, къ сожалѣнію утерянъ.

Н. В. Стороженко.

Новое свѣдѣніе о пребываніи Т. Г. Шевченка въ Раимскомъ укрѣпленіи. По порученію сыръ-дарьинскаго статистическаго комитета г. секретарь этого комитета сообщилъ намъ копію съ архивнаго документа, относящагося къ Тарасу Григорьевичу Шевченку. Хотя документъ этотъ ничего особеннаго въ себѣ не заключаетъ, но для полноты картины жизни, проведенной покойнымъ въ Раимскомъ укрѣпленіи (нынѣ г. Казалинскъ сыръ-дарьинской области) фактъ, изображаемый въ документѣ, можетъ служить нѣкотораго рода иллюстраціей отношеній къ Тарасу Григорьевичу его бывшихъ

сослуживцевъ. Дѣло, изъ котораго извлеченъ этотъ документъ, озаглавлено такъ: Дѣло канцеляріи начальника Раимскаго укрѣпленія по претензіи рядоваго Шевченко, о взысканіи съ подпоручика Бархвица денегъ 68 р. 30 к. серебромъ. Начато 8 апрѣля 1849 г. кончено 10 апрѣля 1849 г.

За сообщеніе этого документа приносимъ искреннюю благодарность сыръ-дарьинскому статистическому комитету.

Копія.

Списокъ съ рапорта и. д. начальника Раимскаго укрѣпленія, г. начальнику 23 пѣхотной дивизіи, отъ 10 апрѣля за № 901.

Состоящій на службѣ въ Раимскомъ укрѣпленіи, а нынѣ въ числѣ экипажа описной экспедиціи Аральскаго моря линейнаго оренбургскаго № 4 батальона рядовой Тарасъ Шевченко объявилъ мнѣ, что батальона № 5 подпоручикъ Бархвицъ состоитъ ему долженъ шестьдесятъ восемь руб. тридцать копѣекъ серебромъ, и просилъ ходатайства моего о взысканіи съ подпоручика Бархвица слѣдующихъ ему денегъ, присовокупляя въ числѣ доказательствъ, что о займѣ этомъ зимою 1848 г. во время служенія Шевченка въ батальонѣ № 5-го извѣстно ротному его командиру штабсъ-капитану Степанову, который засвидѣтельствовалъ о томъ, и г. командиру бригады;— Шевченко росписки отъ Бархвица не имѣетъ, но говоритъ, что давалъ въ заемъ по случаю отъѣзда подпоручика Бархвица въ гор. Оренбургъ, между тѣмъ по отзыву командующаго батальономъ № 4, отъ перваго минувшаго февраля за № 946, Бархвицъ отъ этого займа отказался и просилъ поступить съ рядовымъ Шевченкою по всей строгости законовъ, будто бы за ложное предъявленіе претензіи, и командующій батальономъ № 5-го, которому обстоятельство дѣла было сообщено подпоручикомъ Бархвицъ, не спросивъ даже удостовѣренія штабсъ-капитана Степанова, сообщаетъ командующему батальономъ № 4-го только объ отзывѣ Бархвица и его требованіи.

Обстоятельство это представляя на милостивое благоуваженіе вашего превосходительства, честь имѣю почтительнѣйше испрашивать зависящаго распоряженія о законномъ удовлетвореніи рядоваго Шевченко и огражденіи его отъ подобнаго вышеизложенному притязанія. Подписалъ подполковникъ Матвѣевъ. Скрѣпилъ подпоручикъ Богдановичъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: И. д. секретаря *И. Гейеръ.*

Невѣрное свѣдѣніе о Шевченкѣ. Г. Эварницкій, перепечатывая въ прошломъ году въ газетѣ „Новости“ (№ 56), давно извѣстныя свѣдѣнія о послѣднемъ днѣ жизни Т. Г. Шевченка, между прочимъ, говоритъ, что будто бы „есть разсказъ, что Шевченко желалъ быть погребеннымъ въ роскошной своими красотами природы Каченовкѣ, принадлежащей В. В. Тарновскому, черниг. губ., борзенскаго уѣзда...“ — Считаемъ нужнымъ замѣтить, что если такой разсказъ и есть, то онъ не вѣренъ, такъ какъ Шевченко никогда такого желанія не имѣлъ да и имѣть не могъ по своему міросозерцанію. Ссылаемся, между прочимъ, на недавно напечатанную автобіографію Костомарова, который, будучи однимъ изъ ближайшихъ друзей Шевченка, конечно зналъ бы объ этомъ, а между тѣмъ онъ разсказываетъ о положительномъ желаніи поэта быть похороненнымъ на берегу Днѣпра .. Да и мы должны были бы что нибудь услыхать объ этомъ желаніи Т. Г., когда тѣло его перевозилось на берега Днѣпра, если бы такое желаніе дѣйствительно существовало.

А. Л.

МИХАЙЛОВСКАЯ и ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКВИ

въ г. Переяславѣ Полтавской губерніи.

(КЪ РИСУНКАМЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА).

Предлагаемые вниманію читателей „Кіевской Старины" рисунки Т. Гр. Шевченка переносятъ насъ на лѣвый берегъ Днѣпра, въ Полтавщину, въ тотъ уголокъ ея, гдѣ

„Соборъ Мазепынъ сяе-билie,
Батька Богдана могыла мрie;
Кыивськымъ шляхомъ вербы похыли
Требратни давни могылы вкрылы;
Зъ Трубайломъ Альта мижъ осокою
Зійшлысь, зъеднались мовъ братъ съ сестрою" [1]).

Они еще разъ напоминаютъ намъ о томъ, что въ лицѣ Т. Гр. Шевченка Малороссія имѣла не только великаго поэта, но и одушевленнаго изслѣдователя ея природы и всей художественной и бытовой обстановки ея населенія. Въ эпоху самаго полнаго разцвѣта своего поэтическаго дарованія (1843—1847 гг.) незабвенный кобзарь творилъ дивные образы изъ прошлаго и настоящаго Украины и въ то же время прилежно изучалъ дорогую родину, постоянно пользуясь перомъ и карандашомъ какъ для записи слышаннаго и видѣннаго, такъ и для того, чтобы закрѣпить въ рисункѣ внѣшность заинтересовавшихъ его сценъ и предметовъ; особенно—вниманіе его привлекали мало-

[1]) См. Кобзарь, 1883 г., стр. 272.

русскіе храмы, какъ наиболѣе величественные памятники народнаго творчества. Выраженіемъ этой именно струи въ дѣятельности Шевченка являются и воспроизводимые нынѣ наброски Михайловской и Покровской церквей въ г. Переяславѣ.

О Покровской церкви, въ дополненіе къ изображенію ея, Шевченко записываетъ слѣдующее: „Церковь во имя Покрова—неуклюжей и безхарактерной архитектуры, воздвигнута въ знаменіе взятія Азова полковникомъ переяславскимъ Мировичемъ, другомъ и соучастникомъ проклинаемаго Ивана Мазепы. Въ этой церкви хранится замѣчательная историческая картина, кисти, можно думать, Матвѣева, если не иностранца какого. Картина раздѣлена на двѣ части: вверху Покровъ Пресвятыя Богородицы, а внизу Петръ I съ Екатериной I, а вокругъ ихъ всѣ знаменитые сподвижники его, въ томъ числѣ и Мазепа, и ктиторъ храма во всѣхъ своихъ регаліяхъ“ [1]); Михайловскую церковь онъ только изображаетъ, не услышавши, очевидно, ничего любопытнаго, чтобы записать о ней.

Объ историческомъ прошломъ этихъ церквей мы имѣемъ слѣдующія данныя.

Первоначальное основаніе Михайловской церкви относится къ концу XI столѣтія нашей эры. Подъ 1090 г. въ Ипатской лѣтописи повѣствуется: „Въ этомъ году освящена была въ Переяславѣ церковь во имя святаго Михаила—Ефремомъ, митрополитомъ той церкви; онъ далъ ей обширные размѣры, и поднялъ ее высоко надъ землею, и украсилъ ее различными художественными произведеніями и церковными сосудами. Въ эти же годы Ефремъ воздвигнулъ многія постройки при церкви святаго Михаила, окружилъ ее каменной оградой и надъ воротами этой ограды основалъ церковь во имя святыхъ Ѳедора и Андрея; надъ церковью устроилъ онъ каменный куполъ, чего не дѣлалось на Руси; онъ украсилъ переяславскій кремль церковными и иными зданіями“ [2]). Съ этого времени церковь святаго Михаила сдѣлалась какъ бы домовою церковью переяслав-

---

[1]) Поэмы, повѣсти и разсказы Т. Гр. Шевченка. Кіевъ. 1888 г., стр. 152.

[2]) Ипатская лѣтопись, 1871 г., стр. 146.

скихъ князей изъ рода Всеволода Ярославича. Хотя въ 1098 г. Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ и заложилъ на княжьемъ дворѣ особую церковь во имя Пресвятой Богородицы, но очевидно, что эта церковь никогда не имѣла въ глазахъ князей, его потомковъ, того значенія, какое они придавали церкви св. Михаила, при которой проживали и переяславскіе епископы. Сыновья Владиміра Мономаха Святославъ, Ярополкъ, Андрей и Юрій Владиміровичи, внуки его Ростиславъ, Андрей и Глѣбъ Юрьевичи и правнукъ Владиміръ Глѣбовичъ у святаго Михаила молились о своихъ нуждахъ и печаляхъ и тамъ находили мѣсто послѣдняго успокоенія, если имъ приходилось умирать въ Переяславѣ. Ипатская лѣтопись отмѣчаетъ, что именно въ церкви св. Михаила были погребены въ 1114 г. Святославъ Владиміровичъ, въ 1141 г. Андрей Владиміровичъ и въ 1187 г. Владиміръ Глѣбовичъ [1]). Живая изобразительность послѣдняго извѣстія увлекаетъ насъ привести его здѣсь цѣликомъ: „Половцы, услышавши, что на нихъ идутъ русскіе князья, бѣжали за Днѣпръ. Князьямъ же русскимъ нельзя было преслѣдовать ихъ, такъ какъ ледъ тронулся уже на Днѣпрѣ вслѣдствіе наступленія весны и возвратились они восвояси. Во время этого похода получилъ Владиміръ Глѣбовичъ тяжкую болѣзнь, отъ которой и умеръ; и принесли его въ родной ему Переяславъ на носилкахъ и тутъ онъ скончался 18 апрѣля и погребенъ былъ въ церкви святаго Михаила. И плакали о немъ всѣ переяславцы, ибо онъ любилъ дружину; денегъ не собиралъ, имущества своего не сберегалъ, но все раздавалъ дружинѣ; онъ былъ князь добрый, но упорный въ бою; онъ отличался желѣзнымъ мужествомъ и былъ преисполненъ всякихъ добродѣтелей; Украина пролила о немъ много слезъ“.

Изъ XII столѣтія Ипатская лѣтопись сохранила для насъ имена четырехъ переяславскихъ епископовъ, жившихъ при церкви св. Михаила: Лазаря († 1117 г.), Сильвестра († 1123 г.), Марка († 1134 г.) и Евфимія, участвовавшаго на съѣздѣ русскихъ епископовъ въ Кіевѣ въ 1147 году при поставленіи кіев-

---

[1]) Ипат. лѣтопись, 1871 г., стр. 199, 221, 439.

скимъ митрополитомъ схимника Клима Смолятича. Кромѣ того изъ старинныхъ синодиковъ намъ извѣстны епископы Іоаннъ, Макарій (1134—1141 гг.), Антоній (съ 1168 г.) и Павелъ (съ 1198 г.) [1]). Вѣроятно, епископы также въ случаѣ смерти погребались въ церкви св. Михаила, при которой жили, хотя лѣтопись не даетъ на это прямыхъ указаній. Привязанность князей къ родной святынѣ охраняла ее отъ разрушительнаго вліянія времени, а переяславскій кремль былъ достаточно крѣпокъ, чтобы выдерживать нападенія тогдашнихъ главныхъ враговъ русской земли—половцевъ и защищать отъ ихъ алчности помѣщавшійся внутри кремля храмъ. За все XII столѣтіе одно только бѣдствіе постигло церковь св. Михаила и то чисто стихійнаго характера: 10 мая 1124 года ее повредило землетрясеніе, но, вѣроятно, это поврежденіе скоро было исправлено Ярополкомъ Владиміровичемъ, который былъ, кажется, въ то время княземъ переяславскимъ [2]).

Но вотъ приближалось другое великое бѣдствіе, отъ котораго не суждено было оправиться старинной переяславской святынѣ: въ 1237 году нагрянули на южную Русь полчища Батыя. Ипатская лѣтопись такимъ образомъ рисуетъ гибель Переяслава подъ ударами татаръ: „Батый началъ посылать свои полчища на русскіе города; взяли они приступомъ городъ Переяславъ, избили всѣхъ, церковь архангела Михаила разрушили, безчисленные церковные сосуды, золотые и украшенные драгоцѣнными камнями, заграбили, епископа, преподобнаго Симеона, убили“ [3]).

Если запустѣніе южной Руси вслѣдъ за нашествіемъ Батыя является послѣ изслѣдованій М. А. Максимовича [4]) и В. Б. Антоновича [5]) скорѣе вымысломъ лѣтописцевъ и историковъ, чѣмъ фактомъ дѣйствительности, то разрушеніе собственно церкви св. Михаила въ г. Переяславѣ можно, кажется, признать

---

[1]) Максимовичъ, Собр. соч., т. I, стр. 115—116.

[2]) Ипат. лѣт., 1871 г., стр. 207.

[3]) Ипат. лѣт., 1871 г., стр. 520.

[4]) Собр. соч., т. I, стр. 131—145.

[5]) Монографіи, т. I, стр. 221—261.

несомнѣннымъ и окончательнымъ. Съ тѣхъ поръ мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобы утверждать, что церковь эта была реставрирована, а напротивъ преданіе, идущее съ начала XVIII вѣка, увѣряетъ, что отъ временъ Батыя она лежала въ развалинахъ вплоть до 1711 года. Въ этомъ году переяславскій епископъ Захарій Корниловичъ, коадъюторъ кіевской митрополіи, задумалъ возстановить древнюю переяславскую святыню и приступилъ къ устройству церкви и монастыря при ней на тѣхъ развалинахъ, которыя считались по преданію развалинами церкви святаго Михаила. Черезъ два года монастырь былъ устроенъ и въ 1713 году въ него перенесены были изъ переяславской Воскресенской церкви мощи св. Макарія Токаревскаго, архимандрита овручскаго, а потомъ каневскаго, которыя и были поставлены въ деревянной трапезной Благовѣщенской церкви. Между тѣмъ на монастырскомъ дворѣ воздвигалась новая каменная церковь во имя архангела Михаила. Дѣло шло медленно и эта церковь была окончательно достроена только въ 1749 году. Въ 1750 году указомъ Святѣйшаго Синода преосвященному Никодиму повелѣно было перенести мощи св. Макарія изъ Благовѣщенской трапезной церкви во вновь устроенную Михайловскую. Когда въ 1786 году Михайловскій монастырь былъ упраздненъ при введеніи штатовъ, то мощи св. Макарія были перенесены въ переяславскій Вознесенскій монастырь (Мазепинъ соборъ), гдѣ онѣ и нынѣ почиваютъ. Кромѣ церквей трапезной (Благовѣщенской) и соборной (Михайловской), монастырь успѣлъ построить у себя на погостѣ каменную колокольню въ связи съ двухэтажнымъ каменнымъ домомъ для братіи, въ которомъ основана была и третья еще въ монастырѣ, домовая церковь во имя св. Макарія, упраздненная одновременно съ монастыремъ [1]).

Въ лучшее время Михайловскаго монастыря братія его была довольно многочисленна. Въ 1722 году она состояла изъ слѣдующихъ 19-ти лицъ: 1) игуменъ Аполлоній; 2) намѣстникъ Манассія; 3) казначей Ѳеофилъ; 4) уставщикъ Іерофей; 5) Паи-

---

[1]) Свѣдѣнія заимствованы изъ рукописныхъ дѣлъ Михайловской церкви.

сій Дашковичъ, козакъ г. Лубенъ, псаломщикъ (перешелъ изъ нѣжинскаго монастыря); 6) Іоаннъ Юхневичъ, купецъ изъ г. Зенькова, клирошанинъ; 7) Афанасій Калѣховичъ, купецъ изъ г. Люблина, псаломщикъ; 8) Іоаннъ Величко, козакъ изъ м. Бѣлой Церкви, клирошанинъ; 9) Зосима Рыбаковъ, мѣщанинъ изъ с. Колковичей, палатный; 10) Авксентій Пухтевичъ, мѣщанинъ г. Тисминціи (?), послушникъ; 11) Гермогенъ Голованъ, козакъ г. Богодухова, клирошанинъ (перешелъ изъ ахтырскаго монастыря); 12) Савва Борисовъ, мѣщанинъ г. Переяслава, екклесіархъ; 13) Рафаилъ Романовъ, купецъ изъ г. Козельца, уставщикъ; 14) Іосифъ Богдановъ, козакъ г. Переяслава, экономъ; 15) Вавила Булавскій, мѣщанинъ г. Владиміра, клирошанинъ (перешелъ изъ полтавскаго монастыря); 17) Герасимъ Романовъ, мѣщанинъ изъ г. Минска, палатный (перешелъ изъ Кіево-Кирилловскаго монастыря); 18) Мисаилъ Блажевскій, мѣщанинъ г. Козельца, клирошанинъ; 19) Исаія Ложка (?), посполитый изъ с. Войтовецъ, поваръ.

За время своего непродолжительнаго существованія (1711—1786 гг.) переяславскій Михайловскій монастырь успѣлъ пріобрѣсти довольно значительныя земельныя владѣнія въ видѣ степковъ, нивъ, сѣножатей, гаевъ, млиновъ, а также пляцовъ и грунтовъ съ строеніями и живущими на нихъ посполитыми людьми, обязанными „чинить послушенство“ монастырю. Владѣнія монастыря находились въ селахъ: Помокляхъ, Выползкахъ, Цыбляхъ, Городищѣ, Тамани и Пристромахъ переяславскаго уѣзда и въ селахъ: Нечипоровкѣ и Жоравкѣ пирятинскаго уѣзда. Имѣніе при с. Жоравкѣ составляло „фундушъ“ монастырю отъ основателя его Захарія Корниловича, опредѣленный актомъ отъ 28 ноября 1714 года. Остальныя имѣнія перешли къ монастырю частью въ видѣ приношеній отъ разныхъ благочестивыхъ лицъ, частью путемъ покупки ихъ на средства монастыря“[1]).

Въ 1786 году Михайловскій монастырь былъ упраздненъ и всѣ имущества его поступили въ казну. Въ замѣнъ ихъ Ми-

[1]) За сообщеніе нѣкоторыхъ рукописныхъ данныхъ для исторіи Михайловскаго монастыря приношу искреннюю благодарность П. А. Левицкому.

хайловская церковь, по распоряженію кіевской казенной палаты 1795 года, получила отъ казны ругу вблизи г. Переяслава въ количествѣ 33 десятинъ. Домъ при колокольнѣ сталъ служить для разныхъ казенныхъ потребностей и одно время въ немъ помѣщалось переяславское уѣздное казначейство. Церкви Благовѣщенская и Макарьевская были вовсе упразднены, а Михайловская обращена въ приходскую съ наименованіемъ „Городскимъ соборомъ“. Въ 1815 г. по дозволенію преосвященнаго Анатолія стѣны ея и потолокъ были расписаны иконами, а въ 1823 г. съ дозволенія преосвященнаго Меѳодія обветшавшій деревянный куполъ замѣненъ новымъ. Въ такомъ видѣ церковь существуетъ по настоящее время [1]). Съ 1864 года отъ нея перешелъ къ Успенской церкви и титулъ „Городскаго собора“ [2]).

По нынѣшней терминологіи переяславскихъ жителей Михайловская церковь находится въ „крѣпости“, такъ какъ она стоитъ внутри крѣпостнаго вала, насыпаннаго козаками и плѣнными шведами въ 1709 году. Теперь времена измѣнились: ничего напоминающаго о войнѣ не найдется въ нынѣшнемъ Переяславѣ; по крѣпостнымъ валамъ мирно блуждаютъ жидовскія козы; и только обломокъ пушки, валяющійся на „цвинтари“ Михайловской церкви, напоминаетъ посѣтителю о давно минувшихъ грозныхъ временахъ.

Послѣ упраздненія Михайловскаго монастыря при соборной Михайловской церкви священствовали слѣдующія лица: 1) Ѳеодоръ Вельготскій, 2) Артемій Ивановъ, 3) Александръ Лавренко, 4) Яковъ Насвѣтовъ, 5) Григорій Стефановскій, 6) Ѳедоръ Максимовичъ Дзюблевскій (1810—1830 гг.), 7) Михаилъ Фесенко (1830—1835 гг.), 8) Самсонъ Груновичъ (1836—1848 гг.), 9) Павелъ Діомидовъ (1848—1864 гг.), 10) Николай Клепачевскій (1864 г.), 11) Ѳедоръ Акимовичъ (1864—1866 гг.), 12) Даніилъ Навроцкій (1866—1888 гг.) [3]). Въ настоящее время настоятелемъ церкви состоитъ о. Макарій Соховичъ.

---

[1]) См. ссылку на стр. 341.

[2]) См. указъ Святѣйшаго Синода отъ 2 ноября 1864 г.

[3]) См. ссылку на стр. 341.

Въ церковной библіотекѣ нѣтъ ничего интереснаго; въ церковномъ архивѣ метрическія книги и исповѣдныя росписи сохранились съ 1810 года. Говорятъ, что недавно еще въ церковномъ архивѣ хранились любопытные старинные синодики, но они взяты извѣстнымъ безцеремоннымъ собирателемъ старины г. Кибальчичемъ.

Исторія переяславской Покровской церкви гораздо менѣе интересна, чѣмъ исторія церкви Михайловской.

До 1704 года существовала въ г. Переяславѣ старая церковь во имя Покрова Божіей Матери, которая къ этому времени, очевидно, обветшала и требовала перестройки. Когда и кѣмъ основана была эта старая Покровская церковь, мы не знаемъ. Посвященіе ея имени св. Покрова какъ будто указываетъ на связь ея съ Запорожьемъ, гдѣ особенно почитался этотъ праздникъ, и можно указать много Покровскихъ церквей въ Малороссіи, основанныхъ бывшими запорожцами. Можетъ быть, какой-нибудь запорожецъ былъ „фундаторомъ" и старой переяславской Покровской церкви.

О постройкѣ новой Покровской церкви мы имѣемъ извѣстія хранящейся при церкви рукописной церковной лѣтописи. Болѣе любопытныя мѣста ея мы приводимъ здѣсь въ подлинникѣ.

1) „Року тысяча сѣмъ сотъ четвертого, мѣсецця февруарія 12 дня. По расказаню славетне урожоного его милости пана Іоана Мировича, полковника войска его царскаго пресвѣтлого Величества запорожского переяславского, изволеніемъ Божіимъ новоизбраннаго патрона и фундатора церкве Божественнной, храму Честнаго Покрова Пресвятой Богородицы Переяславской, якая въ року теперешнемъ тысяча семь сотъ четвертомъ коштомъ и сумою его милости пана полковника мѣеться почати муровати, на розсмотреніе порядковъ церковныхъ за ктиторства Антона Котляра и измершого недавно товариша его Грицка Пушкара, которіе черезъ пять лѣтъ ктиторовали, оразъ и на порахунокъ реестровъ ихъ пяторочныхъ, поневажъ рахуби не чинювали, первимъ разомъ его милость панъ Леонтій Панкевичъ, судія полковый переяславскій, и панъ Димитрій Сивѣцкій, войтъ переяславскій, въ дому церковномъ з парафѣянами засѣдали,

и того времени для непорядныхъ реестровъ ктиторскыхъ рахуби не укончили, бо Антунъ Котляръ жадныхъ прибильныхъ реестровъ, а нѣ куплѣ меду канунного не мѣлъ. Повторе и трете на ратуши засѣдали раховати его милость панъ Леонтій Потаповичъ, обозный полковый, его милость панъ Леонтій Панкевичъ, судія полковый, панъ Петро Максимовичъ, товаришъ значній войсковый, панъ Димитрій Сивѣцкій, войтъ переяславскій, зъ урядовыми своими и довелося на немъ долгу отъ товариша своего церковнихъ грошей позиченнимъ способомъ взятихъ тридцять копъ, якій долгъ и самъ Антунъ признал. А особливе з реестровъ канунныхъ на немъ-же Антону довелося долгу копъ 18, до которого долгу не признавалъся. Прето наказано ему было тіе осмънадцять копъ отприсягнуть, яко не пожитковалъ ними и не знаетъ о нихъ, на що южъ Антунъ изволилъся былъ. Потомъ уважилъ судъ обополный осмъ копъ опустити ему, не трусячи его сумленьемъ, а десять копъ до позиченихъ тридцяти копъ на виполненіе ста золотихъ казали положити, на що доброволне Антунъ позволившися, далъ на себе священнику Покрувскому отцу Васелію Ржепѣцкому и ктиторамъ новообранимъ Михайлу Камѣннику и Ивану Семивовку урядовій облѣкъ, ассекуруючися безъ жадной сперски, змаги и отмови въ семъ же року тысяча сѣмъ сотъ четвертомъ о десятусѣ пятьдесятъ золотихъ отдати, а другіе пятьдесятъ золотихъ о Покровѣ святой. А особливе здалъ долгу прибили канунной у Левка и Карпа канунниковъ золотихъ вусмъдесятъ без полталяра, у Юрчихи за медъ золотихъ сѣмъ, у Снѣжового золотихъ десять, у Семена Мокійченка золотихъ пять, готовими грошми полсеманадцять золотого, червоныхъ давнихъ три, сигнѣтъ щирозлотній, которому цѣна талярей два; якіе долги церковніе отъ Антуна принявши поданые суть новимъ ктиторамъ Михайлу Каменнику и Ивану Семивовку, которіе повинни будуть тые долги посправляти и за тіе гроши прибиль церкви Божой чинити. Що про память въ потомные часы и записати велѣлисмо".

2) „За вѣдомомъ ея милости пани Мировичевой Пелагіи Голубовны, полковниковой переяславской, фундаторки Покрова Пресвятой Богородицы, по принесеніи образовъ и всякихъ ве-

щей и украшеній церковныхъ зъ церкви старой въ новую въ року 1709 мѣсеця септеврія 30 передъ праздникомъ Покрова Пресвятой Богородицы, якъ мали церковь посвящовати, у первое расмотряли и зличовали оные ктитори и парафѣяне покровскіе много чого естъ въ року теперешнемъ 1711 мѣсеця марта 1 дня".

Изъ этихъ двухъ записей ясно, что теперешняя каменная Покровская церковь въ г. Переяславѣ выстроена въ промежутокъ времени съ 1704 по 1709 годъ на средства переяславскаго полковника Ивана Ивановича Мировича и жены его Пелагіи Захарьевны Мировичевой изъ дома Голубовъ. Пока Мировичъ былъ дома, онъ самъ наблюдалъ за постройкой церкви, но когда въ 1706 г. обстоятельства великой сѣверной войны увлекли его изъ роднаго Переяслава сначала на поля Бѣлоруссіи, а затѣмъ въ Швецію, то жена его одна оканчивала начатую постройку и заботилась о снабженіи вновь выстроенной церкви всѣмъ необходимымъ. Въ описяхъ церковнаго имущества 1711 и 1719 гг. при многихъ вещахъ упомянуто, что онѣ „наданы зъ двору панѣ Мировичовой".

Такъ какъ вслѣдствіе указа Петра Великаго отъ 8 апрѣля 1712 года на имя гетмана Скоропадскаго вся семья Мировичей за приверженность къ Мазепѣ одного изъ сыновей Ивана Ивановича и Пелагіи Захарьевны Мировичей генеральнаго бунчучнаго Θедора Ивановича Мировича была выслана сначала въ Москву, а затѣмъ въ Тобольскъ, откуда Пелагія Захарьевна возвратилась на родину только въ 1745 г. по силѣ всемилостивѣйшаго манифеста императрицы Елисаветы Петровны отъ 15 декабря 1741 года [1]), то заботы о созданной родителями церкви приняла на себя въ это время дочь ихъ Θеодора Ивановна, вышедшая замужъ за генеральнаго бунчучнаго Якова Лизогуба. Подъ 1726 годомъ въ церковной лѣтописи, между прочимъ, записано: „1726 года октоврія 9 ей милость панѣ Θеодора Мировичовна бунчучна енеральная Іаковина Лизогубиная надала до

---

[1]) Подробности о ссылкѣ Мировичей см. у Костомарова. Мазепа и Мазепинцы. Изд. 2-е 1885 г., стр. 647, 649—51 и особенно 689—700.

церкви нашой Покрова Пресвятыя Богородицы Переяславской аперата червоніе аксамитніе зъ зеленою злотоглавною каміею и епитрахелъ аксамѣтни, воздухъ зелений злотоглавний великій еденъ".

Кромѣ самой Өеодоры Ивановны, нужды Покровской церкви близко принимали къ сердцу мужъ ея Яковъ и сынъ ея Григорій Яковлевичъ Лизогубы.

Подъ 1739 г. въ лѣтописи записано слѣдующее: „По представленію отъ настоятеля церкви Покровской переяславской Александра Бахчевскаго и отъ прихожанъ тоя церкви къ господину обозному генеральному Якову Лизогубу въ Сѣдневъ, что церковній прихожій бабинець розвалился изъ верху до низу и обѣ въ немъ склепенія обвалилися, да и прихожій церкви придѣлъ началъ колотися и цегла падати съ правой сторони отъ окна, онъ господинъ обозній по свойству, что тесть его панъ полковникъ бывшій переяславскій покойній Иванъ Мировичъ церковь коштомъ своимъ сооружилъ, на прошеніе священника и прихожанъ склонясь, для подчинки церковной приславъ сто рублей, которіе деньги по смерти настоятеля Александра Бахчевскаго порученни въ содержаніе тогдашнему ктитору Тихонію Крамару. А понеже безъ настоятеля подчинять церкви не начинано, то когда онъ господинъ обозній Яковъ Лизогубъ по указу всѣ малороссійскіи полки осматривалъ и тогда будучи самъ въ Переяславлѣ усмотрелъ персонално не малую порчъ и обветшалость церковную, 1741 года подрядилъ майстра муровщика Мойсея Кондратовича, тогда въ Переяславлѣ жіючого, подчинить прописанную оную порчъ церковную бабынецъ и придѣлъ и всю церковь изъ середины выбѣлить по уговору за сорокъ рублей, и особливо харчъ, на что ему муровщику отъ себе за подписомъ своей руки и при печати далъ контрактъ и приказалъ ктитору Тихонію, приспособившись, на другой годъ начати подчинять церковь и тѣ сто рублей прежде присланные употребить на церковную подчинку, обѣщаясь и напредки чинить вспомоществованіе. Яко онъ господинъ обозній Лизогубъ по смерти въ плѣнѣ тестя своего полковника Миро-

вича [1]) и иконостасъ новій въ церковь Покровскую спорядилъ коштомъ своимъ и отъ дому своего зи Седнева байдакомъ до Переяславля припроводилъ. А книгу отъ его господина обозного данную, на что тѣ деньги сто рублей 1742 года при подчинкѣ церковной издержани, онъ ктиторъ Тихоній по приказу его обозного для показанія и для щоту самъ отвезъ въ Сѣдневъ“.

Запись 1743 г. гласитъ: „Когда былъ зимою въ Переяславлѣ господина обозного енерального Якова Лизогуба сынъ Григорій и осмотрѣлъ церковную подчинку, а чего еще недокончено и надобно было подчинять, тогда другое сто рублей егожъ господина обозного денегъ на церковное строеніе далъ и емужъ ктитору Тихонію Крамару вручилъ, которіе сто рублей по смерти уже ктитора Тихонія (ибо онъ умеръ 1743 года іюля 1 числа) здержани“.

Кромѣ Лизогубовъ, которые поддерживали Покровскую церковь по родству съ фундаторами ея Мировичами, еще очень многіе благочестивые люди находили удовлетвореніе своему религіозному чувству, дѣлая всевозможныя приношенія въ Покровскую церковь. Въ ея лѣтописи мы находимъ длинные списки церковныхъ вещей, какъ то: кіотовъ, иконъ и шатъ на нихъ съ разными привѣсками, коронками, табличками, ожерельями, монистами, ягнусками и ланцужками; оправъ на книги, ризъ, покрововъ, воздуховъ, поясовъ, хустокъ, стихарей, крестовъ, келиховъ, килимовъ, лихтарей, кадильницъ и пр., пожертвованныхъ въ церковь въ разное время разными лицами. Многія изъ этихъ вещей сохранились до настоящаго времени, но онѣ ни по рисункамъ, ни по отдѣлкѣ не представляютъ особаго интереса для церковной археологіи.

Единственное исключеніе представляла престольная икона Покрова Пр. Богородицы, о которой упоминаетъ и Шевченко

---

[1]) Переяславскій полковникъ Иванъ Ивановичъ Мировичъ былъ взятъ въ плѣнъ шведами въ 1706 г. въ м. Ляховичахъ въ Бѣлоруссіи (теперь слуцкаго уѣзда минской губерніи) и отправленъ вмѣстѣ съ другими военноплѣнными сначала въ Штеттинъ, а затѣмъ въ Стокгольмъ, гдѣ онъ и умеръ. См. Костомаровъ, Мазепа и Мазепинцы, 2-е изд. 1885, стр. 290—91.

въ приведенной выше замѣткѣ о Покровской церкви. Изъ описи церковнаго имущества 1711 года видно, что въ то время она находилась уже въ церкви. Объ этой иконѣ писалъ ненаучный, но извѣстный въ 40-хъ годахъ авторъ „Быта русскаго народа" А. В. Терещенко. Замѣтка его объ иконѣ помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ" за 1865 годъ на стр. 318—322. Заимствуемъ изъ нея описаніе иконы: „Посвящая созидаемую церковь Покрову Божіей Матери, Мировичъ въ то же время поручилъ нарисовать запрестольный образъ Покрова, величиною около двухъ аршинъ, и на немъ представлены, по его желанію, государь Петръ I и государыня Екатерина I въ царской одеждѣ. Государь со скипетромъ и державою; подлѣ—гетманъ Мазепа въ своей гетманской одеждѣ; близь государыни—придворныя дамы въ придворномъ нарядѣ; въ сторонѣ козаки въ ихъ народной одеждѣ; напротивъ императора славный Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своемъ полномъ архіерейскомъ облаченіи; около него—священство. Надъ всѣми ими на облакахъ Покровъ Божіей Матери, явившійся въ Греціи въ X вѣкѣ. Образъ Покрова замѣчателенъ изображеніями лицъ и художественною кистью; государь и государыня довольно похожи (сравнительно, конечно, съ признаваемыми наиболѣе близкими къ натурѣ экземплярами ихъ иконографіи), только государь сдѣланъ моложавымъ; Мазепа и Ѳеофанъ Прокоповичъ болѣе всего похожи. Другія особы, какъ то: дамы, козаки и духовенство, неизвѣстны, кто они именно. Строитель храма также нарисованъ здѣсь и, какъ должно думать, онъ тотъ самый, который стоитъ подлѣ гетмана. Живопись вездѣ прекрасная и надобно удивляться, что по тогдашнему состоянію изящнаго искусства въ Малороссіи соблюдена отчетливая отдѣлка въ современныхъ нарядахъ, въ правильной разстановкѣ всей группы, а главное достоинство—превосходныя изображенія лицъ, переданныя вѣрно и живо" [1]).

Икона весьма сходная съ иконою Покровской церкви и даже, можетъ быть, представляющая только копію съ нея,—находится въ Покровской церкви с. Сулимовки переяславскаго уѣзда. Сю-

---

[1]) См. Рус. Архивъ, 1865 г., стр. 320—21.

жетъ этой иконы не можетъ удивлять насъ. Изображеніе не только святыхъ, но и современныхъ лицъ въ церковной живописи было очень распространено въ старой Малороссіи и портреты епископовъ, фундаторовъ храма и другихъ почетныхъ лицъ часто украшали собою церковныя стѣны. Въ той же переяславской Покровской церкви былъ нарисованъ на стѣнѣ замазанный теперь портретъ преосвященнаго Арсенія Берла.

Съ 1704 по 1837 годъ при Покровской церкви священствовали слѣдующія лица: 1) Василій Ржепѣцкій, 2) Александръ Бахчевскій († 1740 г.), 3) Павелъ Скрипчинскій (1741—1772 гг.), 4) Іоаннъ Савинскій (1772—1808 гг.), 5) Василій Павловскій (1809—1826 гг.), 6) Скакуновъ, 7) Снисаровскій, 8) Рекало, 9) Кадьяновъ, 10) Козачковскій, 11) Горуновичъ, 12) Базилевскій, 13) Михайловскій, 14) Романовскій (всѣ эти священники оставались при Покровской церкви короткое время), 15) Даніилъ Бутовскій (съ 11 ноября 1837 г.). О священникахъ позднѣйшаго времени мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній.

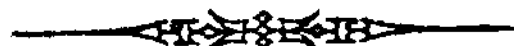
Внѣшній видъ церкви со временъ Мировича измѣнился мало, такъ какъ она не подвергалась капитальнымъ перестройкамъ: передѣлывались только куполы, обвалившіеся послѣ пожара 27 апрѣля 1809 года, да разобрана въ 1837 г. старая каменная колокольня, замѣненная деревянной, пристроенной къ западному притвору церкви. Въ настоящее время деревянная колокольня не существуетъ, а новая каменная выстроена уже отдѣльно отъ церкви и отличается поразительно тяжелой и безвкусной архитектурой. Входы въ тайники, устроенные въ стѣнахъ надъ сѣверными и южными дверьми для спрята церковнаго имущества въ случаѣ нападенія непріятеля, завалены теперь обрушившимися кирпичами и въ нихъ трудно проникнуть.

Въ библіотекѣ и въ архивѣ нѣтъ ничего любопытнаго, кромѣ церковной лѣтописи, начатой въ 1704 и прерванной въ 1849 году и изъ которой взяты приведенныя выше выписки.

Съ Покровской церковью связаны нѣкоторыя преданія, а именно: будто куполы на церкви оттого такъ миніатюрны по сравненію съ ея корпусомъ, что Мазепа запретилъ Мировичу

оканчивать церковь по первоначально задуманному плану, боясь, какъ бы она не перещеголяла красотой его Вознесенскаго собора; будто конь Мазепы упалъ передъ Покровской церковью, когда Мазепа уѣзжалъ изъ Переяслава въ послѣдній разъ передъ полтавскою битвою, и это было истолковано народомъ, какъ дурное предзнаменованіе; будто изъ очей чудотворной иконы Божіей Матери капнула слеза, когда Мазепа молился передъ нею, испугавшись случая съ конемъ; но эти преданія относятся къ области поэтическаго народнаго творчества и поэтому разсмотрѣніе ихъ не входитъ въ нашу задачу.

А. Стороженко.



БИБЛІОГРАФІЯ.

Д. И. Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ. Историко-топографическій очеркъ. Спб. 1890 г.

Новая книга г. Эварницкаго представляетъ собою до нельзя кропотливый сводъ свѣдѣній по топографіи земель, прежде входившихъ въ составъ запорожскихъ вольностей: о границахъ послѣднихъ, о рѣкахъ, начиная Днѣпромъ и кончая мельчайшими ручьями, о порогахъ и заборахъ на Днѣпрѣ и Бугѣ, о камняхъ, островахъ, плавняхъ и холуяхъ на Днѣпрѣ, объ озерахъ, гирлахъ, лиманахъ, прогнояхъ и болотахъ, о балкахъ, оврагахъ и байракахъ, о старинныхъ шляхахъ, рѣчныхъ переправахъ и бродахъ, о лѣсахъ, наконецъ, о производительности земли, климатѣ, растительномъ и животномъ царствѣ. Въ приложеніи находимъ замѣтку екатеринославскаго землевладѣльца И. Д. Яковлева о томъ, гдѣ искать Желтыя Воды, сверхъ того: матеріалы для исторіи запорожскихъ козаковъ, извлеченные изъ частныхъ архивовъ, наконецъ, двѣ карты: Риччи Заннони и Ивана Исленьева и планъ Екатеринослава. И если подумать себѣ, что каждый притокъ Днѣпра, каждая забора или скала, находящаяся на немъ, выслѣживаются по всѣмъ извѣстнымъ автору источникамъ, показанія которыхъ сопоставляются между собою, то трудолюбіе автора останется внѣ всякаго сомнѣнія. Но окупится ли такой египетскій трудъ пользою, какую можетъ оказать настоящая книга, это—другой вопросъ. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что предпріятіе задумано г. Эварницкимъ через-чуръ широко; въ частности, напр., слѣдовало бы выпустить извѣстія Геродота о Скиѳіи, которыя выходятъ далеко за рамки запорожскихъ вольностей. Настоящій трудъ г. Эварницкаго не новъ, такъ какъ авторъ раньше посвящалъ топографіи Запорожья статьи въ «Кіевской Старинѣ» и въ мѣстныхъ газетахъ, а въ недав-

нее время двухтомное сочиненіе «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа». Лежащій нынѣ передъ нами новый его трудъ представляетъ собою болѣе систематическую переработку «Запорожья»; уступая послѣднему въ полнотѣ, легкости и разнообразіи изложенія, онъ превосходитъ его въ степени обработки, хотя, къ сожалѣнію, также не свободенъ отъ недосмотровъ, промаховъ и неточностей.

Во первыхъ, мы замѣтили нѣкоторыя уклоненія отъ плана. Такъ, въ перечисленіи острововъ на Днѣпрѣ, дойдя до Хортицы и упомянувъ о бывшей на ней сѣчи, авторъ не удержался и началъ перечислять и другія сѣчи, хотя онѣ и не имѣли отношенія къ островамъ, т. е. находились на берегахъ рѣки. При обозрѣніи рѣкъ преждевременно было указывать, въ какихъ рѣкахъ какая ловилась рыба, такъ какъ фаунѣ посвящена особая глава, послѣдняя въ книгѣ. Не поставимъ въ вину автору, что онъ спасовалъ передъ исчисленіемъ степныхъ безчисленныхъ балокъ, хотя и нашелъ возможнымъ перечислить рѣчки, камни на Днѣпрѣ и пр., но въ этомъ тоже сказалась невыдержанность плана.

Далѣе методъ автора не вполнѣ удовлетворителенъ: онъ сопоставляетъ показанія источниковъ разновременныхъ и трудно совмѣстимыхъ, начиная Геродотомъ и кончая источниками XVIII в., нерѣдко игнорируя и перепутывая эпохи и свойственныя каждой изъ нихъ географическія названія. Такъ, при Константинѣ Великомъ на Днѣпрѣ оказывается крѣпость Александровская (стр. 41); въ настоящее время, согласно г. Эварницкому, Бугъ течетъ близъ Екатерининскаго шанца (названіе прошлаго столѣтія) (стр. 131), Журавка впадаетъ въ Синюху противъ польскаго города Семлека, Тарговица противъ польскаго города Тарговицы, Мертвоводъ—подъ Соколами (стр. 137), Ингулъ течетъ чрезъ елисаветградскую провинцію, мимо крѣпости св. Елисаветы, гдѣ «въ лѣтнее время онъ почти не виденъ» и гдѣ для пѣшеходовъ кладутъ черезъ него доску (стр. 139); въ Черномъ лѣсѣ и Чутѣ *водятся* волки, лисицы, зайцы, дикіе кабаны, дикія козы (стр. 250).

Въ связи съ этимъ, слѣдуетъ пожелать, чтобы авторъ освободился отъ излишняго пристрастія къ чужимъ словамъ и къ библіографіи. Онъ безъ нужды держится обыкновенія перечислять послѣдовательно мнѣнія, высказанныя когда либо и гдѣ либо по каждому затрогиваемому въ книгѣ вопросу, хотя бы между ними не было никакой взаимной связи и хотя бы дѣло нисколько отъ этого не выигрывало. Напр., нужно г. Эварницкому сказать, сколько есть острововъ

на Днѣпрѣ, и г. Эварницкій, вмѣсто того, чтобы отвѣтить кратко на этотъ вопросъ, начинаетъ съ Адама: Лассота считаетъ столько то, Бопланъ столько то и пр., и пр. Приэтомъ, обыкновенно, мнѣнія писателей сами по себѣ, а заключеніе автора—само по себѣ, т. е. мнѣнія эти онъ анализу не подвергаетъ. Иногда чужіе отзывы выписываются цѣлыми страницами, какъ напр. въ главѣ о климатѣ и произведеніяхъ, хотя всѣ они между собою схожи. Не лучше ли было бы сдѣлать изъ нихъ свой собственный очеркъ, вмѣсто того, чтобы чужими руками жаръ загребать?

Въ частности, посовѣтуемъ автору осторожнѣе довѣряться картѣ Риччи Заннони, для того, чтобы избѣжать повторенія его ошибокъ; такъ, на стр. 230 г. Эварницкій, слѣдуя Риччи Заннони, неправильно называетъ правыми притоками Ингула рр. Костоватую и Бобринецъ.

На ряду съ недостаткомъ критическаго отношенія къ источникамъ, авторъ нашъ обнаруживаетъ необъяснимую торопливость и необдуманность, которыя также очень часто вредятъ достоинству книги. Чѣмъ инымъ можно объяснить такія заявленія автора, что, напр. крѣпость св. Елисаветы получила названіе *отъ имени императрицы* Елисаветы (стр. 14); что вслѣдъ за сербами, выведенными въ Россію Хорватомъ, пришли *задунайскіе славяне* съ Ив. Шевичемъ и Р. де Прерадовичемъ во главѣ (стр. 14), тогда какъ на дѣлѣ и они, подобно Хорвату, пришли изъ Австро-Венгріи;—что р. Ингулъ начинается выше м. Цыбулева, *теперь* деревни Өедоровки или Бровковой (стр. 139), между тѣмъ какъ это два особыя поселенія; что на степи, вдоль склоновъ Княжихъ Байраковъ въ курганахъ *безъ сомнѣнія* тлѣютъ кости сраженныхъ въ бою противниковъ (214)? Чѣмъ, кромѣ поспѣшности, объясняются неточныя цитаты, вродѣ ссылки на Лассоту въ подкрѣпленіе невѣрнаго заявленія, что «Дикимъ полемъ» называлась степь отъ середины р. Суры до середины р. Домоткани (248), или ссылки на карту елисаветградской провинціи на стр. 123, или, наконецъ, примѣчаніе 3-е на стр. 250 о томъ, что архимандритъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій святилъ гайдамацкіе ножи, что давно уже отвергнуто въ наукѣ?—или подтвержденіе показанія Боплана ссылкой на г. Русова (стр. 287?).

Слабымъ мѣстомъ въ настоящемъ трудѣ мы считаемъ и постоянныя экскурсіи въ сомнительную область словопроизводства. Г. Эварницкій считаетъ «болѣе основательнымъ и болѣе вѣроятнымъ» мнѣніе, что слово Борисөенъ происходитъ отъ корня *берестъ* (стр. 25),

говоритъ о широкой распространенности слова Самара, не забывая даже палестинской Самаріи (стр. 146) и пр., и пр.

Наконецъ, укажемъ нѣкоторые промахи и недочеты по части формы изложенія. Слѣдовало бы избѣжать употребленія различныхъ мѣръ разстоянія (мили и версты) на двухъ послѣдовательныхъ строчкахъ (стр. 34) и такихъ—приблизительныхъ до курьеза—опредѣленій мѣста, какое находимъ на стр. 115 («близь Мексики въ Америкѣ»); такихъ неясныхъ выраженій какъ на стр. 117: « ... большинство рѣкъ, имѣющихъ рыхлые берега, покрыт*ыхъ* лѣсною растительностію *и оттого* ежегодно размываемыхъ водою», или на стр. 270: «въ XVII в., по словамъ Боплана, въ рѣкахъ и озерахъ запорожскаго края водилось множество рыбы и раковъ, каковы: Пселскій и Ворскальскій Омельники, Орель, Самоткань» и пр.; неловкихъ выраженій, какъ «трава, замурованная снѣгомъ» (стр. 244) и небрежныхъ цитатъ, какъ на стр. 297: «Мемуары бар. де Тотта о туркахъ и татарахъ, *въ описаніи* Украины Боплана, 159», которая невѣдущаго можетъ ввести въ курьезное заблужденіе, что мемуары бар. Тотта *помѣщены* въ «Описаніи» Боплана.

Документы, напечатанные въ приложеніи къ книгѣ, не имѣютъ къ ней прямаго отношенія, ибо топографіи запорожскихъ вольностей почти не касаются вовсе. Значительная доля ихъ имѣетъ отношеніе къ предсмертной борьбѣ Запорожья съ сосѣдями на сѣверо-восточной окраинѣ, и эта часть не лишена интереса; но много и такихъ, которые должны быть причислены къ категоріи бумажнаго хлама и издаются совсѣмъ понапрасну, каковъ, напр., № 1: «Жалоба пана Кущинскаго пану Василію Тимоѳѣевичу, писаревѣ городовому полтавскому, на портнаго Булавку за дурно сдѣланный кафтанъ», не имѣющая ни малѣйшаго отношенія къ Запорожью, или № IV: «Росписка тульскаго мастера Ананьева о полученіи имъ денегъ (7 рублей) съ запорожскаго атамана Петра Корсунскаго», или № XVIII: «Извѣщеніе о полученныхъ въ Сичи рогатомъ скотѣ», какъ слишкомъ мелочнаго и частнаго характера. Къ такимъ же слѣдуетъ причислить и слѣдующіе №№: II, III, VI, VII, VIII, IX, XIX, XXIII, XXIV, XXVIII, XXIX, XXX, XXXII, XXXIII, XXXV, XXXVI, XXXVII, XXXVIII, XXXIX, XL, XLI, XLII, XLIV, XLV, XLVI, XLVII, XLVIII, XLIX, L, LI, LII, LIV, LV, LVII, LVIII.

За алфавитный указатель главнѣйшихъ (почему только главнѣйшихъ?) собственныхъ именъ и за карты Риччи Заннони и Исленьева,

прекрасно изданные, можно поблагодарить г. Эварницкаго. Планъ Екатеринослава къ настоящему труду не имѣетъ отношенія и могъ бы быть изданъ въ своемъ мѣстѣ, болѣе подходящемъ.

В. Ястребовъ.

Мѣстечко Дмитровка. Опытъ историко-статистическаго и этнографическаго описанія. Свящ. Г. И. Сорокина. Изданіе херсонской губернской земской управы. Стр. II+65.

Въ 1889 году «Сборникъ херсон. земства» обратился къ читателямъ съ просьбой содѣйствовать изученію народной жизни и напечаталъ программу для этнографическаго описанія херсонской губ. Откликомъ на такой призывъ явилась брошюра, заглавіе которой мы только что выписали.

Прочли мы ее съ большимъ удовольствіемъ и пользой. Авторъ, священникъ, слѣдовательно, человѣкъ постоянно живущій въ народной средѣ, располагающій и временемъ, и возможностью ближе ознакомиться съ деталями народной жизни,—даетъ любопытную картину ея въ одномъ изъ населеннѣйшихъ центровъ херсонской губ.

Въ рецензіи трудно исчерпать то богатство свѣдѣній, которое сообщаетъ брошюра. Читатель найдетъ здѣсь топографическія, историческія и этнографическія свѣдѣнія, свѣдѣнія о грамотности, народонаселеніи, сельскомъ хозяйствѣ, платежахъ, промыслахъ, о тяжеломъ кредитѣ для бѣднаго люда и пр., и все это разработано болѣе или менѣе детально, на основаніи данныхъ, собранныхъ на мѣстѣ, которымъ можно довѣриться. Авторъ въ этомъ отношеніи остороженъ (стр. 59).

Мѣстечко Дмитровка представляетъ большой интересъ для наблюдателя. Время основанія ея неизвѣстно, хотя есть указанія, что въ началѣ XVIII в. она уже существовала. Новая жизнь для нея наступила только въ концѣ XVIII в., когда на югѣ насаждалъ культуру Потемкинъ-Таврическій; затѣмъ пришлось пережить времена печальной памяти аракчеевскихъ военныхъ поселеній, этого, по остроумному замѣчанію нашего автора, великаго переселенія, когда цѣлыя вполнѣ устроенныя деревни безъ какой либо видимой надобности перегонялись съ мѣста на мѣсто.

Населеніе Дмитровки, возникшей въ степи, пришлое. Въ настоящее время главный контингентъ его составляютъ двѣ большія группы—великороссы и малороссы. Поселились они давно здѣсь,

лѣтъ 150, но живутъ совершенно отдѣльно, не смѣшиваясь и чуждаясь другъ друга. Они говоритъ о. Сорокинъ, разнятся въ языкѣ, нравахъ, обычаяхъ и костюмахъ. Принадлежа къ одному обществу и бывая въ одной церкви, малороссы и великороссы не имѣютъ другъ на друга почти никакого вліянія и не стараются даже по хозяйственной части перенимать одни у другихъ. Если случается, что сельскій староста и волостной старшина выбраны изъ малороссовъ, то послѣдніе пользуются защитой и покровительствомъ, а преслѣдуются великороссы, и наоборотъ, когда же одинъ изъ нихъ малороссъ, а другой великороссъ, то и они враждуютъ между собой и каждый защищаетъ своихъ. Малороссы и великороссы несближаются: они не женятся между собой, даже не идутъ въ кумовья одинъ къ другому (стр. 5—6).

Взаимное отчужденіе между ними до того велико, что замѣчается стремленіе порвать связи тамъ, гдѣ онѣ установлены и поддерживаются оффиціальнымъ путемъ. «Въ 1888 г. малороссы составили приговоръ о необходимости раздѣла земли на двѣ части малороссійскую и великороссійскую, подали этотъ приговоръ въ крестьянское присутствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ просили, чтобы образовать для малороссовъ и великороссовъ отдѣльныя сельскія правленія, но присутствіе отказало, такъ какъ подписали приговоръ одни малороссы. Великороссы такого раздѣленія не желаютъ, и если назначается сходъ для рѣшенія этого вопроса, то ни одинъ великороссъ не является. Въ 1888 году малороссамъ удалось отдѣлиться *толо́кой*, на которую не имѣетъ права гнать лошадей на пастьбу ни одинъ великороссъ» (стр. 35).

Большую стойкость въ сохраненіи своей самобытности авторъ подмѣтилъ у малороссовъ. «Книжный языкъ въ школѣ, а тѣмъ болѣе внѣ ея плохо усваивается. Несмотря на то, что ужь нѣсколько поколѣній родилось, выросло и умерло, каждый держится своего. Замѣтно вообще, что великороссы болѣе усваиваютъ малороссійскія слова въ разговорѣ, чѣмъ наоборотъ... Малороссы ни одного слова великороссійскаго не употребляютъ, развѣ когда въ ссорѣ возлѣ расправы дразнятъ ихъ» (стр. 22).

При такой обособленности и стремленіи къ ней и великороссовъ и малороссовъ естественно, кажется, было произвести наблюденія надъ ними порознь. Такое сопоставленіе было бы въ высшей степени любопытнымъ: мы ясно видѣли бы, въ чемъ разнится ихъ міровоззрѣніе, образъ и складъ жизни и т. д.

Какъ скоро двѣ общественныя группы, болѣе 150 лѣтъ живущія рядомъ, слѣдовательно, успѣвшія воспитать нѣсколько поколѣній при одинаковыхъ *физическихъ* условіяхъ, сохраняютъ свои національныя особенности, не поддаются вліянію другъ друга,—значитъ, слишкомъ велика пропасть между ихъ умственнымъ складомъ, ихъ міровоззрѣніями, складомъ всей ихъ жизни, происхожденіе которыхъ коренится въ далекомъ прошломъ того и другаго народа.

Къ сожалѣнію, авторъ разбираемой нами брошюры не всегда имѣлъ это въ виду. Сдѣлавъ наблюденія порознь въ сферѣ семейныхъ отношеній обѣихъ группъ, онъ въ другихъ случаяхъ сваливаетъ ихъ въ кучу. Трудно бываетъ разобрать, о комъ онъ говоритъ; возможны только догадки, благодаря случайно названнымъ именамъ, но всегда ли онѣ будутъ справедливы? Говоря, напр., о постройкахъ, авторъ приводитъ, какъ намъ кажется, планъ великороссійскаго двора; сравнивая богатаго, зажиточнаго, недостаточнаго и бѣднаго крестьянина, авторъ беретъ малоросса (Тихонъ Чепуръ?) и трехъ великороссовъ и т. д. Вообще нужно сказать, въ статистической части своего труда о. Сорокинъ почему то на первый планъ выдвинулъ великоросса, заслонивъ имъ совершенно малоросса. Мы искренно сожалѣемъ о такой несправедливости.

Сравненіе семейныхъ отношеній дмитровскихъ жителей дало возможность автору подмѣтить любопытную черту, характеризующую великороссійское и малорусское племя. Малороссы не знаютъ большой семьи; стремленіе къ самостоятельной, независимой жизни у нихъ до того сильно развито, что женатый малороссъ, при первой же возможности, покидаетъ семью и становится на свое собственное хозяйство. Два женатыхъ сына не уживаются въ семьѣ; главной виною являются невѣстки. Конечно, не отъ сварливости малорусскаго прекраснаго пола зависитъ это, а отъ того, кажется намъ, болѣе или менѣе самостоятельнаго положенія, которое занимаетъ женщина въ малорусской семьѣ. Здѣсь она не «вѣковѣчная работница», а полная, независимая хозяйка, имѣющая право самостоятельно распоряжаться своимъ добромъ. «Женинаго хозяйства, говоритъ о. Сорокинъ, мужъ не касается; мать на свои средства покупаетъ дочерямъ къ праздникамъ обновки и готовитъ приданое»: она имѣетъ «свои неприкосновенныя деньги отъ продажи яицъ, куръ, молока, масла, полотна, огородныхъ овощей и другихъ предметовъ женскаго хозяйства» (стр. 10). Понятно, трудно ужиться тамъ, гдѣ на одномъ хозяйствѣ сидятъ нѣсколько самостоятельныхъ хозяекъ...

Характеръ великорусской семьи совсѣмъ иной; основанъ онъ на подчиненіи, на сведеніи къ нулю личности въ общемъ организмѣ семейнаго хозяйства. «Мужъ вполнѣ глава жены, она ему покоряется раболѣпно, а самъ онъ покоряется отцу, матери и безъ ихъ разрѣшенія ничего не можетъ сдѣлать,—хотя бы такому сыну было около 40 лѣтъ, онъ всегда въ глазахъ отца *«малый»*. Здѣсь бываютъ семьи и душъ по 20 (стр. 10).

Мы не станемъ останавливаться на обычаяхъ дмитровскихъ жителей. Интересующійся найдетъ въ трудѣ о. Сорокина много любопытнаго въ этомъ отношеніи для характеристики народной жизни: описаніе свадьбы, крестинъ, воскреснаго дня у дмитровцевъ. Отмѣтимъ только печальный фактъ—проникновеніе въ среду дмитровскихъ крестьянъ картежной игры на деньги. «Трудно сказать, говоритъ о. Сорокинъ, кто азартнѣе и чаще играетъ, малороссы или великороссы. Кажется, одинаково. Но какъ тѣ, такъ и другіе играютъ только *въ своихъ компаніяхъ*; правда, что между великороссами парней играетъ больше, чѣмъ у малороссовъ. Послѣдніе предпочитаютъ гулять съ *«дивчатами»*; великороссы же съ дѣвками на улицѣ мало гуляютъ» (стр. 18).

Въ заключеніе нельзя не указать на интересный и славный обычай, практикуемый какъ дмитровскими малороссами, такъ и великороссами—обычай *побратимства и посестримства*. Побратимство бываетъ преимущественно между такими лицами, которыя не имѣютъ родныхъ братьевъ и сестеръ и заключается, главнымъ образомъ, на второй день Пасхи. Послѣ извѣстныхъ религіозныхъ и житейскихъ церемоній, въ присутствіи ближайшихъ родственниковъ и сосѣдей, «между побратавшимися устанавливаются самыя близкія отношенія: во всѣхъ семейныхъ случаяхъ—печальныхъ и радостныхъ—мужья и жены побратавшихся или посестрившихся принимаютъ самое горячее участіе; если заболѣетъ изъ нихъ кто-нибудь, то заботятся одинъ о другомъ; при случаяхъ сватовства сына или дочери, побратавшіеся безъ совмѣстнаго совѣта и согласія сами не рѣшаются женить сына или выдать дочь. Въ матеріальныхъ затрудненіяхъ побратимы взаимно помогаютъ и притомъ безъ всякихъ счетовъ; но болѣе нуждающійся старается, чтобы не вышло съ его стороны въ этомъ отношеніи злоупотребленія». Побратавшіеся считаютъ себя такими близкими родственниками, что не допускаютъ браковъ между собою и своими дѣтьми (стр. 19).

Мы обратили вниманіе на одну сторону труда о. Сорокина, на этнографическія свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, и, конечно, ихъ далеко

не исчерпали. Живой интересъ, который представляетъ брошюра, заставляетъ искренно желать, чтобы она вызвала подражанія и не въ одной только херсонской губ. Дѣло изученія народа будетъ тогда идти успѣшно, если люди, по своему положенію, имѣющіе возможность близко наблюдать народную жизнь, будутъ оказывать посильное содѣйствіе этому изученію. Какъ велико и какъ полезно можетъ быть это содѣйствіе, показываетъ разобранная нами брошюра о. Сорокина. Позволимъ отмѣтить еще одну особенность ея—объективность и трезвое отношеніе къ фактамъ. Читая брошюру, не замѣтишь, что она написана лицомъ духовнымъ. Явленіе, какъ извѣстно, рѣдкое, хотя и въ высшей степени желательное: только при такомъ отношеніи къ дѣлу можно оказывать содѣйствіе наукѣ...

Н. В.

Полницкій А. Историческая записка объ открытіи елисаветградскихъ духовныхъ училищъ. 124 стр. Одесса. 1890 г.

Содержаніе этой записки довольно однообразно и скучно, какъ скучна, лѣнива и неподвижна была сама тогдашняя жизнь уѣзднаго общества, давшая матеріалъ для названной книжки. Рѣчь идетъ объ открытіи въ 1820 г. 1 сентября въ г. Елисаветградѣ 2 духовныхъ училищъ: уѣзднаго и приходскаго послѣ трехлѣтней нескончаемой переписки и канцелярской волокиты. Дѣло въ томъ, что еще въ 1817 году былъ поднятъ архіепископомъ екатеринославскимъ Іовомъ вопросъ о подысканіи въ г. Елисаветградѣ подходящаго для училищъ дома и о пріисканіи въ этомъ городѣ лицъ, способныхъ занять должности ректора въ будущемъ уѣздномъ училищѣ и учителей въ семъ и приходскомъ училищахъ; но только благодаря тому, что вопросъ попалъ въ руки весьма достойнаго и энергичнаго любителя просвѣщенія въ лицѣ соборнаго елисаветградскаго протоіерея и первоприсутствующаго въ духовномъ правленіи о. Карпа Павловскаго, дѣло пошло на ладъ и благополучно было доведено до конца въ такой сравнительно непродолжительный, по тому времени, срокъ, какъ три года. Добрая половина книжки занята довольно незанимательнымъ разсказомъ, снабженнымъ весьма подробными числовыми данными, о тѣхъ злоключеніяхъ, какими сопровождался вопросъ объ открытіи училищъ съ матеріальной его стороны, и въ частности о томъ, какъ туго и неисправно, не взирая на всевозможныя давленія и даже угрозы со стороны высшей епархіальной власти, собирались пожертвованія,

«добровольно» обѣщанныя духовенствомъ 3 уѣздовъ: елисаветградскаго, ольгопольскаго и александрійскаго на пріобрѣтеніе для училищъ собственныхъ помѣщеній. Вторая половина книги занята разсказомъ о подборѣ учителей для училищъ новоназначеннымъ ректоромъ, или смотрителемъ ихъ протоіереемъ Павловскимъ, о самомъ открытіи училищъ ректоромъ екатеринославской семинаріи архимандритомъ и «богословіи учителемъ» Никифоромъ и наконецъ о привлеченіи въ училища священно-и-церковно служительскихъ дѣтей, что оказалось дѣломъ въ высшей степени хлопотливымъ и тяжелымъ, вслѣдствіе недостатка сочувствія въ самихъ родителяхъ. Достаточно сказать, что только *въ ноябрѣ* мѣсяцѣ кое какъ опредѣлился составъ учащихся—именно въ количествѣ 121, вмѣсто ожидавшихся 226—обстоятельство крайне характеристичное. Составъ преподавателей, насколько можно судить изъ представленныхъ въ книжкѣ скудныхъ данныхъ, былъ довольно удовлетворителенъ.

Изложена «записка» дѣльно и во всякомъ случаѣ составляетъ небезполезный вкладъ въ нашу учебно-историческую литературу.

А. Степовичъ.

Пинчуки, этнографическій сборникъ. Собралъ Д. Г. Булгаковскій. Спб. 1890 г. 200 стр. in 8⁰.

Это очень обстоятельно и старательно составленный сборникъ. Кромѣ значительнаго количества пѣсенъ (болѣе 250), пословицъ, загадокъ, повѣрій и пр., въ книгѣ есть и объяснительныя замѣчанія, касающіяся какъ содержанія пѣсенъ, такъ и ихъ языка въ звукословномъ и морфологическомъ отношеніяхъ и, хотя довольно безпритязательныя и краткія, но зачастую не лишенныя какъ общаго интереса, такъ даже и извѣстнаго научнаго значенія. Но болѣе всего, конечно, важенъ собранный матеріалъ, принадлежащій столь любопытной въ этнографическомъ отношеніи мѣстности, каково пинское полѣсье, это исконное мѣстопребываніе славянскаго племени, сохранившагося тамъ почти въ первобытной своей чистотѣ. Общеизвѣстно, что населеніе этого полѣсья, въ силу особенности своей природы, недоступности и проч., являлось, до самаго послѣдняго времени, какой то этнографическою, если можно такъ выразиться, окаменѣлостью, анахронизмомъ, обломкомъ XII—XIII вѣка, по какому то чуду уцѣлѣвшимъ въ XIX вѣкѣ.

Съ проведеніемъ полѣсской желѣзной дороги условія жизни пинскаго полѣсья начинаютъ быстро измѣняться, оно теряетъ свою неприступность; вотъ почему весьма важно заняться собраніемъ этнографическаго матеріала у пинчуковъ именно теперь, т. е. въ то время, когда жизнь и обстановка полѣсскаго населенія еще не успѣли потерять своихъ прастарыхъ особенностей. Съ этой точки зрѣнія заслуга г. Булгаковскаго является особенно осязательной...

Въ языкѣ пинчуковъ, кромѣ множества звукословныхъ и морфологическихъ чертъ, дѣлающихъ изъ него какое то промежуточное нарѣчіе между малорусскимъ и бѣлорусскимъ, есть и свои особенности, развитыя въ немъ, какъ ни въ одномъ изъ русскихъ нарѣчій и поднарѣчій. Таково, напр., господство звука *у* (рудный, т. е. родный, свуй, зулье т. е. зелье, вуѣхавъ т. е. выѣхалъ, черномурецъ; это слово встрѣчается напр. на стр. 82 въ пѣснѣ 34 любовн. «Три нидѣлюшки лежала, а четверту я не хочу...) и *ю* (принюсь, дрюбный, юмирати, ютко и пр.; таково опущеніе звуковъ: твэю вм. твоею, еробей, ладыко, озьми вм. воробей, владыко, возьми и пр.

Вслѣдствіе промежуточнаго положенія пинчуковъ между малоруссами и бѣлоруссами, въ употребленіи у нихъ имѣется, кромѣ самобытныхъ полѣсскихъ пѣсенъ, множество пѣсенъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ, только подвергшихся нѣкоторому измѣненію въ языковомъ отношеніи и, вслѣдствіе этого, представляющихъ собою во всякомъ случаѣ любопытные изводы уже извѣстныхъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ.

Такимъ образомъ пинчуку извѣстны, напр., и «Грицъ» («Ой не ходи Грыцю») и «Тыхо тыхо Дунай воду несе», и «Туманъ по долини, широкій лыстъ на калыни» и мног. другія пѣсни, столь распространенныя въ Малороссіи. Въ языковомъ отношеніи особенно любопытны пѣсни № 13 (61 стр.), № 8 (56 стр.), № 17 (73 стр.) и еще нѣкоторыя другія, представляющія замѣчательное смѣшеніе малорусскихъ и великорусско-бѣлорусскихъ элементовъ (напр. дѣвчинушка и дзѣвчинушка, дубровушка и хмары, шумити и покидаци, подыте, позовыте и нехай и пр.).

Должно очень пожалѣть, что къ сборнику не приложены *напѣвы*, что произошло, вѣроятно, отъ незнакомства или недостаточнаго знакомства собирателя съ музыкою. Вотъ почему важно, чтобы на Полѣсье проникъ и кто-нибудь изъ нашихъ музыкантовъ: жатва была бы обильная. Мы уже не говоримъ о томъ, что наши музыкальныя училища могли бы здѣсь очень пособить дѣлу, если бы не

сторонились жизни и не чуждались народности, односторонне увлекаясь лишь классическою или по крайней мѣрѣ композиторскою музыкою...

Просматривая приложенный къ книгѣ словарчикъ, мы замѣтили нѣсколько любопытныхъ особенностей, какъ кажется, принадлежащихъ исключительно Полѣсью и не встрѣчающихся въ другихъ русскихъ краяхъ. Таково, напр., слово «зчинальникъ» [собиратель неправильно пишетъ это слово: щинальникъ. Такимъ правописаніемъ окончательно затемняется словопроизводство въ этомъ словѣ, гдѣ з+$\sqrt{\text{чин}}$+ал—ьн—ик—ъ=буквально *начинатель*, начальникъ]. Этимъ выраженіемъ обозначается то понятіе, для котораго у великоруссовъ существуетъ названіе: запѣвало. Вотъ еще нѣсколько подобныхъ словъ: Оболонечка (=форточка, дверца), нэлося=досталось, случилось, нанайдлѣпшій=наилучшій, посагъ=приданое, повужичокъ=возница и мн. др. Въ концѣ концовъ мы должны признать, что изданіемъ разсмотрѣннаго нами труда русское географическое общество оказало не малую услугу русской наукѣ.

А. Степовичъ.

Памятная книжка конотопскаго земства 1865—1890 г. Кіевъ. 1890 г. 8 д. Стр. 144.

Въ 1890 году исполнилось 25 лѣтъ со времени введенія земскихъ учрежденій. Годъ этотъ не является однимъ только формальнымъ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ, но и заканчиваетъ собою особый періодъ дѣятельности земства, такъ какъ въ этомъ году изданъ законъ о коренномъ его преобразованіи.

Подведеніе итоговъ дѣятельности земства за этотъ періодъ является, поэтому, вполнѣ своевременнымъ. Это имѣло въ виду, кажется, и конотопское земство, издавая свою «Памятную книжку».

Благодаря простой и чрезвычайно удобной системѣ, принятой редакціей, читателю не трудно ознакомиться съ главными сторонами дѣятельности конотопскаго земства. Во второй, напр., главѣ «Земскіе доходы и расходы 1867—1889 г.» читатель имѣетъ предъ собой двѣ таблицы, и къ нимъ объяснительный текстъ, гдѣ дается объясненіе той или другой статьи дохода или расхода. Такая же система принята и въ «Историческомъ очеркѣ земской медицинѣ въ конотопскомъ уѣздѣ, 1864—1889 гг.» (3-я глава); въ 3-хъ таблицахъ заключаются свѣдѣнія о развитіи медицинской организаціи, о дѣятельности

больницъ и медиц. персонала, о затратахъ земства на медицину; подробности опять въ объяснительномъ текстѣ. По организаціи медицины конотопское земство занимаетъ, какъ извѣстно, одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи. Получивъ довольно скудное медицинское наслѣдство (стр. 48), земство съумѣло организовать такимъ образомъ медицинскую помощь, что въ настоящее время къ услугамъ населенія имѣются 6 врачей, 3 больницы и въ каждомъ селѣ фельдшеръ.

Для народнаго образованія земство сдѣлало также очень много. Къ сожалѣнію только въ конотоп. уѣздѣ не нашлось человѣка, который бы написалъ историческій очеркъ школьнаго дѣла въ уѣздѣ. Изъ приложенной таблицы, заключающей въ себѣ свѣдѣнія за одинъ только 1889 г., мы видимъ, что до введенія земства существовало одно только училище въ м. Батуринѣ; теперь же только въ пяти, незначительныхъ по населенію, селахъ нѣтъ земскихъ или министерскихъ школъ. На народное образованіе большая часть расходовъ падаетъ на земство, часть платятъ сельскія общества; казна участвуетъ только въ содержаніи т. н. министерскихъ училищъ, которыхъ въ конот. уѣздѣ 7.

Кромѣ этихъ свѣдѣній интересующійся найдетъ въ «Памятной книжкѣ» свѣдѣнія о распредѣленіи землевладѣнія (гл. 5), о лицахъ, владѣющихъ въ конот. уѣздѣ свыше 200 дес. (гл. 6); списокъ гласныхъ за истекшее двадцатипятилѣтіе (гл. 1). Разсматривая послѣдній, мы замѣтили, что крестьяне и козаки рѣдко бываютъ гласными нѣсколько трехлѣтій. Мы не знаемъ, чѣмъ объяснить это: не вліяетъ ли здѣсь общественное положеніе лица, не выбираются ли старшины, писаря и пр.? Если—да, то можно пожалѣть, что въ «спискѣ гласныхъ» не указано ихъ общественное положеніе въ моментъ избранія.

7-я глава «Памятной книжки» заключаетъ въ себѣ «Историко-статистическія свѣдѣнія о населенныхъ мѣстностяхъ конот. уѣзда». Свѣдѣнія о количествѣ населенія собраны управой (какимъ способомъ?) лѣтомъ 1890 г. Большинство поселеній конот. уѣзда относится къ 1-й половинѣ XVII в. (мы насчитали 27). 4 поселенія—ко 2-й половинѣ XVII в.; 8—къ XVIII в.; 3 поселенія встрѣчаются раньше XVII в. (Крапивная, Бахмачъ и д. Старая).

Въ концѣ «Памятной книжки» помѣщено духовное завѣщаніе М. О. Парпуры, завѣщавшаго по 16 т. на конотоп. повѣтов. училище, на черниговъ. или новгородсѣвер. гимназіи и на харьковскій университетъ; кромѣ того 40 тыс. на конотопскую богадѣльню.

М. О. Парпура (1756—1828 гг.) былъ проф. харьков. университета. Онъ напечаталъ на свой счетъ въ 1798 г. «Энеиду» Котляревскаго, безъ согласія послѣдняго. Отвѣтомъ на это явилась извѣстная строфа въ «Энеидѣ»: «якусь особу *мацапуру*» и пр.

Н. В.

Новороссійскій календарь на 1891 годъ. Одесса 1890.

Областные и губернскіе календари съ научно-литературными прибавленіями — явленіе довольно распространенное въ настоящее время. До нынѣшняго года гор. Одесса не имѣлъ такого календаря въ теченіе 16 лѣтъ. Но первый опытъ изданія мѣстнаго календаря (на французскомъ и русскомъ языкахъ) сдѣланъ тамъ еще въ 1821 году. Съ 1835 г. онъ началъ издаваться на одномъ русскомъ языкѣ и усвоилъ себѣ настоящее свое названіе. До 1838 года онъ издавался при канцеляріи генералъ-губернатора, а затѣмъ при Ришельевскомъ лицеѣ, вплоть до 1865 г.; когда лицей былъ преобразованъ въ университетъ, а календарь сталъ издаваться снова при генералъ-губернаторской канцеляріи, что продолжалось до 1874 г., когда изданіе его прекратилось вплоть до настоящаго года; нынѣ оно возобновляется при городской публичной библіотекѣ, на средства городскаго управленія.

Согласно прежней программѣ, которая удержана безъ измѣненія настоящей редакціей календаря, послѣдній раздѣляется на 4 отдѣла. Первый заключаетъ въ себѣ собственно календарныя свѣдѣнія (стр. 1—68), второй—справочныя общія и мѣстныя (69—166), третій—новороссійскій адресъ-календарь, обнимающій губерніи херсонскую, таврическую, бессарабскую и екатеринославскую (стр. 168—320); четвертый отдѣлъ, съ особой пагинаціей (стр. 1—169) занятъ научно-литературными статьями по мѣстнымъ вопросамъ. Въ концѣ находимъ алфавитный указатель собственныхъ именъ, дополненія и поправки; дополненія эти занимаютъ 9 страницъ (I—IX). Несмотря на «дополненія» въ концѣ книги, адресъ-календарь далеко не полонъ. Такъ, въ немъ очень мало свѣдѣній по духовному и духовно-учебному вѣдомству, по мѣстнымъ обществамъ, благотворительнымъ и другимъ, по мѣстнымъ библіотекамъ и пр. Единственное пріятное исключеніе по полнотѣ свѣдѣній представляетъ гор. Одесса. Далѣе, попадаются свѣдѣнія устарѣлыя болѣе чѣмъ на полгода, между прочимъ въ «дополненіяхъ» мы нашли «ростовскій уѣздъ», давно при-

соединенный къ области донскаго войска; встрѣчаются важные пропуски, напр. елисаветградское реальное училище отсутствуетъ; бросается въ глаза довольно много опечатокъ въ фамиліяхъ, опечатокъ, не только не исправленныхъ, но повторяемыхъ и въ алфавитномъ указателѣ.

Литературный отдѣлъ состоитъ изъ слѣдующихъ статей: 1) Библіографическая справка о Новороссійскомъ календарѣ, 2) Аббатъ Николь и первые годы Ришельевскаго лицея—ст. П. Юрченка и В. Яковлева. 3) Опытъ программы-вопросника для собиранія географическо-историческихъ свѣдѣній по Новороссійскому краю, А. Матвѣева, и 4) Артезіанскіе колодцы въ Крыму, Н. Головкинскаго.

Въ первой статейкѣ, кромѣ свѣдѣній о календарѣ, извлеченныхъ нами въ началѣ нашего отзыва, находимъ и перечень научно-литературныхъ статей, напечатанныхъ въ немъ за прежніе годы.

Статья объ аббатѣ Николѣ отличается большою обстоятельностью. Она составлена г. Яковлевымъ на основаніи матеріала, оставшагося послѣ смерти мѣстнахо ученаго Юрченка и отчасти обработаннаго послѣднимъ,—на основаніи данныхъ, извлеченныхъ самимъ г. Яковлевымъ изъ архива Ришельевскаго лицея, хранящагося въ новороссійскомъ университетѣ, изъ устныхъ разсказовъ старожиловъ и печатныхъ статей. Изложеніе г. Яковлева довольно тяжелое и обременяется массою документальныхъ выписокъ; самыя интересныя страницы (61—84) представляютъ дословную перепечатку статей бывшаго воспитанника лицея Сумарокова.

Г. Матвѣевъ, авторъ напечатаннаго въ календарѣ «вопросника», извѣстенъ уже программами по географіи, этнографіи и археологіи, изданными имъ къ VI археологическому съѣзду въ Одессѣ. Нынѣ онъ проступаетъ къ переизданію своихъ программъ въ переработанномъ видѣ и для начала помѣщаетъ «вопросникъ» по физической географіи новороссійскаго края. Признаемся, мысль этого «вопросника» остается для насъ неясною и потому не знаемъ, какую практическую пользу можетъ онъ принести. Самъ авторъ упоминаетъ о существующихъ въ печати капитальныхъ трудахъ по физической географіи новороссійскаго края, таковы многотомные «Матеріалы для статистики и географіи Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба», «Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губ.» изд. статистич. отдѣл. херсонск. губернск. земск. управы и пр. Чего желаетъ достигнуть своимъ «вопросникомъ» г. Матвѣевъ—не знаемъ. Правда, онъ говоритъ, будто первое изъ названныхъ изданій устарѣло, но въ чемъ

же? -конечно, не въ области физическаго землеописанія; второе новое (земское) изданіе, по справедливому замѣчанію г. Матвѣева, направлено къ спеціальной—оцѣночной цѣли, но къ сожалѣнію, онъ не указываетъ, какія стороны этого труда желательно пополнить. Словомъ, г. Матвѣевъ игнорируетъ прежніе труды и начинаетъ съ азовъ, будто Новороссійскій край—совсѣмъ невѣдомая страна,—адресуясь къ провинціаламъ—«не патентованнымъ ученымъ», въ ожиданіи отъ нихъ свѣдѣній о горныхъ лавинахъ, глетчерахъ и моренахъ (стр. 106), фіордахъ, польдерахъ (стр. 108), гейзерахъ (стр. 111) и проч. чудесахъ. Можно бы подумать, что г. Матвѣевъ не пробѣлы намѣренъ пополнять въ прежнихъ трудахъ, а собрать вообще болѣе точныя, болѣе детальныя свѣдѣнія о новороссійскомъ краѣ (если бы была указана и доказана неполнота или неточность прежнихъ трудовъ). Но въ такомъ случаѣ непонятно предпочтніе, оказываемое имъ «не патентованнымъ ученымъ», тѣмъ менѣе это понятно, что и самъ онъ признаетъ, напр., что при настоящемъ состояніи метеорологіи только спеціалисты могутъ дать цѣнные матеріалы о климатѣ страны и что его программа по климатологіи не удовлетворительна по своей элементарности и краткости. Тоже слѣдуетъ сказать (въ большей или меньшей мѣрѣ) и о всей программѣ-вопросникѣ вообще.

Статья г. Головкинскаго ничего оригинальнаго въ себѣ не заключаетъ. И такъ, привѣтствуя возрожденіе Новороссійскаго календаря, пожелаемъ ему совершенствованія и успѣха.

В. Ястребовъ.

Историческій очеркъ Петровскаго полтавскаго кадетскаго корпуса (1840—1890). По оффиціальнымъ даннымъ составилъ И. Ф. Павловскій. Полтава. 1890. Стр. 183+113+VIII.

50 лѣтъ жизни русскаго учебнаго заведенія—періодъ большой: стоитъ оглянуться назадъ. Нельзя, по этому, не сочувствовать мысли къ этому времени составлять «Историческія очерки» учебныхъ заведеній. При этомъ, конечно, желательно, чтобы «очерки» эти не носили характера оффиціальныхъ записокъ, не касались одной только внѣшней исторіи учебнаго заведенія и оффиціальнаго проявленія его дѣятельности, а затрогивали бы внутреннюю жизнь заведенія, учащихся, такъ какъ училища существуютъ для нихъ только, и ихъ жизнь за время пребыванія въ заведеніи составляетъ жизнь, исторію самого заведенія.

6 декабря 1890 г. праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своего существованія полтавскій корпусъ. Въ связи съ этимъ событіемъ находится и появленіе книги г. Павловскаго, заглавіе которой выписано выше.

Корпусъ въ Полтавѣ открытъ въ 1840 г. на деньги пожертвованныя дворянами. Цѣлью его учрежденія было — «дать возможность молодымъ дворянамъ воспитываться для военной службы вблизи ихъ семействъ» (стр. 10). За 50 лѣтъ корпусъ пережилъ три періода: сначала въ видѣ кадет. корпуса (1840—1865), затѣмъ военной гимназіи (1865—1882), а въ 1882 г. опять воротились къ старому. Сообразно съ этимъ и трудъ г. Павловскаго распадается на три части; состоитъ же онъ вообще изъ II главъ; въ концѣ приложенъ списокъ окончившимъ полтавскій корпусъ.

Мы затрудняемся сказать, какая изъ частей труда г. Павловскаго заслуживаетъ большаго вниманія и интереса. Трудъ его совершенно противорѣчитъ желанію, высказанному нами раньше. Онъ является, въ сущности, очеркомъ внѣшней исторіи корпуса, при чемъ авторъ иногда вдается въ ненужныя и ни для кого неинтересныя подробности. Мы не понимаемъ, напр., къ чему автору потребовалось описаніе церемоніала открытія корпуса съ приведеніемъ цѣликомъ очень блѣдной рѣчи преосвящ. Гедеона, разъ уже напечатанной. Еще больше насъ поражаютъ неумѣстныя изысканія объ авторахъ портретовъ Петра (стр. 20—24). Жаль потеряннаго авторомъ времени.... А между тѣмъ внутренняя исторія корпуса, исторія кадетъ отсутствуетъ.

Сознаемся, такую исторію корпуса написать труднѣе. Но намъ кажется, что въ этомъ отношеніи г. павловскій врядъ ли можетъ пожаловаться на безпорядочность полтавскаго корпуснаго архива. Сомнѣваемся, чтобы въ архивѣ не находилось, хоть съ 60-хъ годовъ, свѣдѣній о поступившихъ выпущенныхъ, оставшихся, исключенныхъ штрафованныхъ и пр. Общіе же итоги г. Павловскій нашелъ возможность подвести! (Прил. стр. 93). Такія свѣдѣнія—факты гораздо болѣе освѣщаютъ дѣло, чѣмъ слова «приказовъ». Въ книгѣ г. Павловскаго мы не нашли, напр., подробныхъ указаній даже о библіотекѣ. На стр. 132 говорится о какихъ то возрастныхъ библіотекахъ, въ 1875 г. (почему не въ 1890?) достигшихъ до 1666 том., но неужели забота о чтеніе кадетъ проявилась только въ 1866 г., неужели раньше не существовало библіотекъ? Отчего мы ни слова не встрѣчаемъ объ учебныхъ пособіяхъ, кабинетахъ и пр., неужели ихъ въ корпусѣ

не существуетъ? Изъ книги г. Павловскаго мы вообще вынесли самое смутное представленіе, что такое есть и былъ полтавскій корпусъ, какъ *учебное* заведеніе.

Воспитательная сторона остается также неясной. «Приказы» даютъ въ этомъ отношеніи мало, особенно въ томъ видѣ, какъ приводитъ большинство ихъ г. Павловскій, называя только заглавія. Мы знаемъ, напр., и безъ г. Павловскаго, что въ 50-хъ годахъ въ корпусахъ существовали тѣлесныя наказанія, но за какія проступки, какъ часто—это важно, а между тѣмъ авторъ объ этомъ то намъ ничего и не говоритъ. Даже такіе факты, какъ корпусныя недоразумѣнія конца 50 и начала 60-хъ годовъ (стр. 85 и слѣд.) изложены до того темно, что нѣтъ никакой возможности составить о нихъ понятіе. Авторъ говоритъ между прочимъ о «новыхъ вѣяніяхъ» бывшихъ въ обществѣ и проникшихъ въ среду молодежи. Мы съ любопытствомъ искали въ его книгѣ фактовъ въ подтвержденіе этого, но не нашли ни одного. Приводить же фактъ отказа идти на урокъ географіи въ 1859 году въ связь съ великими вѣяніями того времени, какъ дѣлаетъ г. Павловскій, врядъ ли справедливо...

Въ разбираемомъ нами трудѣ вообще очень много недомолвокъ, и непослѣдовательностей. Поэтому даже тѣ личности, которыхъ г. Павловскій хотѣлъ бы выдвинуть, являются у него тускло или неправильно образованными. Нашъ авторъ говоритъ напр., что «авторитетъ протоіерея Катранова былъ великъ среди учащихся» (стр. 133) и въ доказательство этого приводитъ слова оффиціальнаго отчета. Г. Павловскому, какъ учителю, меньше всего можно было въ данномъ случаѣ полагаться на «отчеты», а слѣдовало поискать фактовъ проявленія силы авторитета Катранова. Очень часто лица, имѣющіе дѣйствитльный авторитетъ среди учащихся, совсемъ не попадаютъ въ оффиціальные отчеты, и наоборотъ, потому у читателя невольно зарождается сомнѣніе. Тоже и относительно директора г. Симашки. Мы не думаемъ отрицать его полезной дѣятельности для полтавскаго корпуса; но отчего же его дѣятельность очерчена только на основаніи «приказовъ» 1866 — 1872 гг., тогда какъ дѣятельность г. Симашки въ Полтавѣ продолжалась до 1883 г.? При такой недосказанности дѣятельность этого педагога дѣлается неясной, и у безпристрастнаго даже человѣка можетъ явиться предположеніе, о замалчиваніи фактовъ.

Въ первое время дѣятельность г. Симашка чрезвычайно симпатична. Г. Симашко ревностно относился къ своей обязанности:

видна забота его о развитіи мальчиковъ, поднятіи личности забитаго кадета. Къ этому же времени относится и интересный фактъ— устройство однимъ изъ воспитателей самосуда между кадетами-товарищами. Г. Павловскій не симпатизируетъ этому факту и, къ сожалѣнію, не сообщаетъ никакихъ подробностей, называя его увлеченіемъ со стороны воспитателя (стр. 130).

Вообще мнѣнія г. Павловскаго отличаются иногда большой наивностью. Какъ доказательство, напр., довѣрія семьи къ школѣ при директорѣ Симашкѣ нашъ авторъ приводитъ, по его мнѣнію *курьезъ*, а по нашему печальный фактъ, какъ одна «бѣдная женщина, обремененная большой семьей, при скудной пенсіи» (стр. 118) просила не исключать ея сына, а высѣчь, причемъ представляла подписку, засвидѣтельствованную городничимъ, что претензіи она и больной ея мужъ имѣть не будутъ. Мы съ грустью прочли этотъ фактъ, намъ извѣстны такіе факты и въ классическихъ гимназіяхъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ. Они вовсе не свидѣтельствуютъ о довѣріи семьи къ школѣ, а являются тѣмъ печальнымъ компромиссомъ, въ который часто приходится становиться семьѣ съ нашей школой, которая ко всѣмъ примѣняетъ одинаковыя правила, мало сообразуясь съ умомъ, развитіемъ, пониманіемъ ребенка.

«Историческій очеркъ полтавскаго корпуса» можетъ быть интересенъ какъ памятная книжка для бывшихъ воспитанниковъ его. Мы же разсматривали книгу, какъ «матеріалъ для исторіи военно-учебнаго дѣла въ Россіи» (стр. 6) и съ этой точки зрѣнія она мало удовлетворила насъ. Историку полтавскаго корпуса трудъ г. Павловскаго дастъ мало.

Н. В.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 1.— Русская Мысль № 1.— Русская Старина № 1.— Историческій Вѣстникъ № 1. — Сѣверный Вѣстникъ № 1. — Наблюдатель № 1. — Русское Обозрѣніе № 1.—Русскій Архивъ № 1.

Вѣстникъ Европы I. 1891 г. Во внутреннемъ обозрѣніи--замѣтка по поводу циркуляра г. черниговскаго губернатора въ волостныя правленія о своевременной выдачѣ паспортовъ (стр. 388—389).

Краткій некрологъ Г. П. Данилевскаго— автора многихъ произведеній изъ жизни и быта юга Россіи (стр. 481—482).

Русская Мысль I. 1891. Въ отдѣлѣ библіографіи: рецензія книги: «Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. 3-я и 4-я» съ указаніемъ на многія доклады, касающіяся южно-русской исторіи гг. Антоновича, Завитневича, Лучицкаго, Владимірскаго-Буданова, Ясинскаго и др. (стр. 13—14).

Краткій разборъ брошюры: «Что даютъ и что могутъ дать подворныя описи. Черниговъ. 1890 г.» Шликевича, извѣстнаго дѣятеля по земской статистикѣ (стр. 41).

Русскій Вѣстникъ I. 1891. Ялагинъ. «Литературно-критическіе очерки». Нѣсколько замѣчаній по поводу «Переписки» и «Авторской исповѣди» Гоголя (стр. 323—326).

Русская Старина I. 1891. «Дневникъ Александра Васильевича Никитенко»—упоминается о встрѣчахъ съ Н. И. Костомаровымъ (стр. 41, 53, 83), вкратцѣ говорится о безпорядкахъ въ петербургскомъ университетѣ и объ отмѣнѣ актовой рѣчи Костомарова (стр. 44—45); дѣлаются неясныя указанія на какія то непріятности со стороны студентовъ кіевскаго университета по адресу Пирогова (стр. 79). Замѣтка И. М. Третьякова и редакціи о 3-хъ существующихъ портретахъ Н. В. Гоголя (стр. 225—226).

Историческій Вѣстникъ I. 1891. Некрологъ Григорія Петровича Данилевскаго, уроженца харьковской губерніи, извѣстнаго беллетриста, бравшаго сюжетомъ многихъ изъ своихъ произведеній исторію и жизнь Украины (стр. 261—304).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1891 годъ. БИБЛІОГРАФЪ годъ VII.

ИЗДАНІЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ (12 №№ ВЪ ГОДЪ).

Ученымъ Комит. М-ства Народн. Просв. рекомендованъ для основн. библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ одобренъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Ученаго Комитета помѣщенъ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; теорія и практика библіографіи; прикладныя библіографич. знанія; библіотечное, издательское и книжно-торговое дѣло прежде и теперь.

Отд. 2-й. (справочный). Лѣтопись русскаго книгопечатанія: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) Rossica; 4) правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 5) библіографическія извѣстія (хроника) и объявленія.

Съ основанія „Библіографа" въ немъ принимали участіе: В. А. Алексѣевъ, И. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Ѳ. Боцяновскій, С. Н. Браиловскій, С. К. Буличъ, П. В. Быковъ, А. Е. Бѣловъ, Н. Н. Вакуловскій, А. Васильевъ, К. П. Галлеръ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, І. І. Змигродзкій, К. А. Ивановъ, Е. П. Кавелина, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Козеко, М. А. Куплетскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. Ф. Леонтьевъ, И. А. Линниченко, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, Л. Н. Майковъ, А. І. Малеинъ, В. И. Межовъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, А. Е. Молчановъ, И. Я. Морошкинъ, Н. Н. Оглоблинъ, С. Ѳ. Платоновъ, Н. И. Позняковъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, Э. Л. Радловъ, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, А. Ѳ. Селивановъ, С. М. Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, А. А. Титовъ, И. Ѳ. Токмаковъ, П. М. Устимовичъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ.

слѣдить за всѣми выдающимися явленіями общественной и государственной жизни нашей страны и за политической дѣятельностью нашихъ сосѣдей, стараясь своевременно дать читателю матерьялъ, могущій, какъ мы полагаемъ, интересовать всякого просвѣщеннаго человѣка.

Считаемъ необходимымъ повторить свое обѣщаніе: служить только обществу, его нуждамъ и интересамъ и не давать мѣста ни узконаціональнымъ, ни сословнымъ, ни партійнымъ предубѣжденіямъ.

Такъ же какъ и въ истекшемъ году особымъ вниманіемъ газеты нашей будутъ пользоваться вопросы, касающіеся нашего земства, общественнаго самоуправленія Елисаветграда, окрестныхъ городовъ и крестьянскихъ общинъ. Свѣдѣнія по сельскому хозяйству и отчеты о состояніи и результатахъ урожаевъ будутъ у насъ помѣщаться спеціалистами по сельскому хозяйству. Кромѣ того въ газетѣ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будутъ помѣщаться фельетоны, разсказы, переводныя повѣсти, новости науки, литературы и искусства и проч

Телеграфныя извѣстія даются подписчикамъ г. Елисаветграда и его окрестностей на два дня или, во всякомъ случаѣ, на одинъ день раньше, чѣмъ другими газетами.

Будутъ приняты всѣ мѣры, чтобы своевременно давались читателю торговыя свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ на крупныхъ рынкахъ и о курсахъ. Въ газетѣ печатаются списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ мѣстномъ окружномъ судѣ и мировомъ съѣздѣ и проч.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На годъ (12 мѣсяцевъ)	6 р. — к.	На годъ (12 мѣсяцевъ)	7 р. 20 к.
На 6 мѣсяцовъ	3 „ 50 „	На 6 мѣсяцевъ	4 „ 20 „
На 3 мѣсяца	2 „ — „	На 3 мѣсяца	2 „ 40 „
На 1 мѣсяцъ	— „ 70 „	На 1 мѣсяцъ	— „ 85 „

Контора газеты по углу Большой Перспективной и Петровской ул. д. Пржигодскаго, открыта ежедневно съ 9-ти до 2-хъ час. пополудни и съ 5-ти до 8-ми час. вечера, а въ праздники съ 10-ти до 2-хъ час. пополудни.

Редакція газеты открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 6-ти до 8-ми час. пополудни.

2—3 Редакторъ-издатель *М. К. Хороманскій.*

Открыта подписка на **1891 годъ** на иллюстрированную, литературную, общественную и политическую газету

ЗАРЯ,

которая будетъ выходить съ 1-го января 1891 г., вмѣсто „Газеты А. Гатцука“, еженедѣльно, въ случаѣ же надобности по два раза въ недѣлю, въ объемѣ 2—3 л. въ каждомъ №, съ рисунками, портретами и картинами.

Съ ежемѣсячными книжками приложеній,

которыя представятъ собою какъ бы отдѣльный ежемѣсячный журналъ. Въ книжкахъ „Зари“ будутъ помѣщаемы не только беллетристическія произведенія, но также и научныя, публицистическія и критическія статьи по общей программѣ всѣхъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

Съ 1890 года изданіе „Газеты А. Гатцука“, какъ извѣстно, перешло въ другія руки, и направленіе этой газеты въ теченіи истекшаго года выяснилось съ

надлежащею полнотою. Тому же направленію будетъ слѣдовать и газета „Заря", которая не будетъ служить, какъ другія иллюстрированныя изданія, ни украшеніемъ гостиныхъ, ни матеріаломъ для развлеченія въ часы празднаго досуга. „Заря" имѣетъ совсѣмъ иныя задачи. Во всѣхъ своихъ отдѣлахъ она будетъ стремиться внести въ жизнь русской семьи общечеловѣческія идеи правды, добра и красоты и ясное, сознательное, справедливое отношеніе ко всѣмъ выдвигаемымъ текущею жизнью вопросамъ, ко всему, что день за днемъ совершается какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и во всемъ мірѣ. Редакція „Зари" обратитъ особенное вниманіе на отдѣлы внутренній и политическій, составъ и направленіе которыхъ извѣстны русской читающей публикѣ по изданію „Газеты А. Гатцука" за 1890 годъ. Говорить одну только правду, снимать маску со всякой лжи, ратовать противъ всякаго угнетенія, произвола и насилія, радоваться каждому проявленію свѣтлой мысли, свѣтлаго и честнаго чувства—такова должна быть, по мнѣнію редакціи, программа русскаго органа печати, желающаго сослужить свою службу русскому государству, русскому обществу и русскому народу. При сравнительно низкомъ уровнѣ общественнаго самосознанія, при малочисленности интеллигентныхъ силъ и при другихъ условіяхъ нашей современной общественной жизни, печать въ Россіи поставлена въ совершенно исключительныя условія: она является единственной почти каѳедрой живаго слова, единственной выразительницей общественныхъ и народныхъ нуждъ. Русская печать еще должна учить, должна идти впереди общественныхъ теченій, должна проливать лучи свѣта въ вѣковую тьму, пробивая ими толстую кору невѣжества и предразсудковъ.

По мѣрѣ силъ и возможности, „Заря" будетъ служить тому, чтобы приблизился часъ разсвѣта,—часъ, въ который дѣйствительная заря просвѣщенія освѣтитъ русскую землю.

Въ каждомъ № „Зари", кромѣ текущаго матеріала, будутъ печататься два-три беллетристическія произведенія (романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія драматическія произведенія), статьи по отдѣльнымъ вопросамъ, фельетонъ, научная хроника (новыя открытія и изобрѣтенія) и пр.

Въ числѣ двѣнадцати книгъ приложеній редакціей будутъ изданы (послѣ 15-го іюля 1891 г., т. е. по истеченіи срока на право литературной собственности)

сочиненія М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ четырехъ томахъ съ роскошными иллюстраціями.

По установившемуся для иллюстрированныхъ изданій обычаю, годовымъ подписчикамъ на „Зарю" будетъ выдана

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ,

причемъ редакція дѣлаетъ первый опытъ—давать въ премію не олеографію, т. е. не печатную картину, а картину, писанную на полотнѣ масляными красками, на выборъ изъ слѣдующихъ четырехъ картинъ: 1) **ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ** (пейзажъ), 2) **ЗИМА** (пейзажъ), 3) **ЛУННАЯ НОЧЬ** и 4) **НА РѢКѢ** (пейзажъ).

Подписная цѣна на газету „ЗАРЯ" съ ежемѣсячными книгами и со всѣми приложеніями, съ пересылкой и доставкой:

на годъ 6 р., на полгода 3 р., на три мѣсяца 1 р. 50 к. За границу на годъ 10 р., на полгода 5 р.

Художественная премія высылается только годовымъ подписчикамъ, причемъ какъ городскіе, такъ и иногородные подписчики желающіе получить эту премію,

прилагаютъ къ подписной цѣнѣ 2 р. Желающіе получить двѣ, три и болѣе масляныхъ картинъ доплачиваютъ за первую картину 2 р., за слѣдующія по 3 руб.

Годовые подписчики могутъ получить, въ качествѣ художественной преміи, вмѣсто писанной картины, большую олеографію на выборъ изъ слѣдующихъ семи картинъ: 1) **СѢНОКОСЪ**, худ. Сергѣева, 2) **НА ПАСТБИЩѢ**, худ. Сергѣева, 3) **ОБИЛЬНЫЙ УРОЖАЙ** (крестный ходъ), худ. Мещерскаго, 4) **ТРОЙКА**, худ. Сверчкова, 5) **ДУБОВАЯ АЛЛЕЯ**, худ. бар. Клодта, 6) **ВЕЧЕРЪ НА ХУТОРѢ**, худ. Сергѣева и 7) **ПОѢЗДЪ СТОИТЪ 3 МИНУТЫ**, худ. Сергѣева. За картину-олеографію доплачивается къ подписной цѣнѣ 1 р.; лица, желающія получить нѣсколько такихъ картинъ, доплачиваютъ за первую 1 рубль, за слѣдующія по 2 рубля.

Всѣ требованія адресуются: въ главную контору газеты „Заря“,— Москва, Петровка, д. Кред. Общ., при типографіи И. И. Родзевича.
2—3

Открыта подписка на самую дешевую и распространенную изъ большихъ южныхъ газетъ

„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“

Газета политическая, литературная, общественная и коммерческая.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Выпавшій на долю нашей газеты успѣхъ, непрерывно возроставшій со времени перехода изданія въ наши руки, даетъ намъ основаніе надѣяться, что и въ будущемъ году избранное нами направленіе и твердая рѣшимость избѣгать всего того, что носитъ характеръ личной полемики, найдетъ сочувствіе среди читателей.

Поставивъ себѣ главною цѣлью—служеніе общимъ краевымъ интересамъ, мы открыли цѣлый рядъ отдѣленій, съ помощью которыхъ мы вступили въ непосредственныя сношенія съ различными пунктами Юга. Распространенію, достигнутое нашимъ изданіемъ въ краѣ, свидѣтельствуетъ о сочувствіи общества къ нашей дѣятельности, что придаетъ намъ еще большую энергію къ выполненію поставленныхъ нами задачъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, распространенность нашей газеты въ самой Одессѣ также доказываетъ, что она въ должной мѣрѣ удовлетворяетъ и мѣстнымъ интерессамъ.

Что же касается до внѣшняго вида газеты, то мы улучшили бумагу, обновили типографію, и пріобрѣли новый шрифтъ.

Подписная цѣна на 1891 годъ:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На 1 годъ	7 р. 20 к.	На одинъ годъ	8 р. — к.
„ 6 мѣсяц.	4 р. 50 к.	„ 6 мѣсяц.	5 р. — к.
„ 3 „	2 р. 50 к.	„ 3 „	2 р. 75 к.
„ 1 „	— р. 90 к.	„ 1 „	1 р. — к.

За-границу доплачивается по 60 коп. въ мѣсяцъ.

Разсрочка допускается только для подписавшихся чрезъ главную контору.

Дозволено ценз. Кіевъ, 13-го февраля 1891 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАРТЪ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXII. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Покровская церковь въ г. Переяславѣ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Храмъ Покровы Богоматери въ Переяславѣ.

Свѣтопечать С. В. Кульженко.

ТУРБАЕВСКАЯ КАТАСТРОФА.

I.

Еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ углу, образуемомъ впаденіемъ Хорола въ Псель (теперешній хорольскій уѣздъ, полтавской губ.) было большое село Турбаи. Теперь вы не отыщете такого названія ни на какой картѣ, какъ не найдете и самаго села. Налетѣвшій общественный шквалъ снесъ его съ лица земли. Весь этотъ любопытный эпизодъ составляетъ содержаніе огромнаго дѣла, на тысячѣ съ лишкомъ листовъ, „О турбаевскихъ жителяхъ, учинившихъ смертное убивство помѣщикамъ своимъ надворнымъ совѣтникамъ Степану и Ивану и сестрѣ ихъ дѣвицѣ Марьи Базилевскимъ", хранящемся въ харьковскомъ историческомъ архивѣ. Но, конечно, самое любопытное въ этомъ дѣлѣ не убійство со всѣми обстоятельствами, его сопровождавшими, бунтомъ, полнымъ разграбленіемъ помѣщичьяго имущества и т. п., а то, что турбаевскіе жители почти четыре года существовали, не признавая властей, пока не выселили ихъ, при содѣйствіи военной силы, „въ степныя мѣста". Сохранились ли у потомковъ турбаевцевъ воспоминанія о ихъ старой малорусской родинѣ, о хуторахъ, тонувшихъ въ зелени садковъ, о свѣтломъ Пслѣ съ его живописными берегами?

Смыслъ случившагося лежитъ, какъ это всегда бываетъ, позади разыгравшихся событій. Втеченіе всего предшествующаго столѣтія въ малорусскомъ обществѣ происходило усиленное броженіе общественныхъ элементовъ. Броженіе это обусловливалось разложеніемъ первоначальнаго демократическаго равен-

ства, водворившагося было на одинъ моментъ послѣ Хмельницкаго. Разложеніе выразилось, прежде всего, выдѣленіемъ привилегированнаго класса. Козацкая старшина, сначала исключительно выборная, затѣмъ назначаемая, съ страстной энергіей устремилась на то, чтобъ упрочить за собой положеніе шляхетства, найти себѣ мѣсто въ рядахъ благороднаго россійскаго дворянства. Конечно, все это зависѣло въ концѣ-концовъ отъ санкціи верховной власти, но можно было подготовить положеніе такъ, что санкція это дѣлалась не только возможной, но и необходимой. Для этого надо было обезпечить за собой возможно больше земли и обязательнаго труда. Этой цѣли служили отчасти ранговыя маетности, т. е. населенныя земли, которыя давались козацкому уряду „на рангъ", вмѣсто жалованья, но этого, конечно, было мало, да къ тому же ранговыя маетности не имѣли характера собственности, хотя и обращались часто въ собственность. Помимо ранговыхъ маетностей, козацкая старшина начала пріобрѣтать землю всѣми правдами и неправдами: покупкой, свободной и насильственной, всякими видами захвата земли, какъ общественной (войсковой), такъ и принадлежавшей людямъ, которые по своему общественному положенію были слишкомъ слабы, чтобъ тягаться со старшиной, державшей въ своихъ рукахъ и военную, и административную, и судебную власть. Одновременно, войсковая старшина, пользуясь своимъ положеніемъ, затягивала узы обязательнаго труда—сначала крайне легкія—которыя связывали ее съ населеніемъ, сидѣвшимъ на ея земляхъ. Во всемъ этомъ козацкая старшина проявляла удивительную энергію, которая производила результаты прямо чудесные. Въ какіе-нибудь полстолѣтія съ небольшимъ, безъ всякаго законодательнаго вмѣшательства, старшина проглотила всю войсковую землю, затѣмъ всю посполитскую землю и обратила такъ-называемое свободное посполитство цѣликомъ въ такое состояніе, что знаменитый манифестъ Екатерины II, юридически прикрѣпившій крестьянъ къ землѣ, собственно не внесъ въ ихъ положеніе ничего новаго.

Но, кромѣ посполитыхъ, была и еще группа свободныхъ земледѣльцевъ, по общественному положенію своему вполнѣ зави-

симыхъ отъ старшины—козаки. Однако проглотить козаковъ значило бы для старшины проглотить въ концѣ-концовъ и самое себя; къ тому же и Петербургъ усиленно слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ козаки оставались козаками. А между тѣмъ, съ другой стороны, разыгравшимся аппетитамъ крайне трудно было удержаться отъ того, чтобъ не протянуть въ томъ или другомъ случаѣ руку къ козацкой собственности и личности, такъ соблазнительно предоставленной à discretion пана урядника. Болѣе сильныя лица, гетманъ, вліятельный полковникъ, могли, конечно, и безъ всякихъ церемоній прямо брать свое, гдѣ оно имъ полюбится; но менѣе сильныя прибѣгали къ хитростямъ и подходамъ, какъ-нибудь выводили козака изъ козацкаго компута, а затѣмъ уже обращали въ подданные; чаще же всего, прежде обезземеливали козака, т. е. покупали или отбирали за долгъ его землю, несмотря на прямые запретительные указы изъ Петербурга, а безземельнаго козака уже ничего не стоило обратить въ подданнаго, посадивъ его на свою, часто отъ него-же отобранную, землю въ видѣ такъ наз. подсусѣдка. У всякаго пана были подобныя незаконныя „козачьи скупли“, за которыя панство постоянно дрожало. Но и козаки, чувствуя за собой нѣкоторую юридическую опору, далеко не всегда оставались пассивными передъ натискомъ панства. Въ массѣ случаевъ, они, при первой возможности, старались возвратить себѣ утраченную свободу. Южнорусскіе архивы запружены дѣлами „объ ищущихъ козачества“. Часто ищущіе козачества подданные находили поддержку даже и въ мѣстной власти, если она не видѣла необходимости или интереса, въ томъ или другомъ случаѣ, укрывать беззаконіе.

Въ исторіи Турбаевъ, „какъ солнце въ малой каплѣ воды“, отразилось то, что совершалось по всей Малороссіи.

Еще въ началѣ XVIII стол. „до прутской акціи“, по выраженію документовъ, Турбаи было свободнымъ войсковымъ селомъ, въ которомъ на-ряду съ свободными посполитыми жило и много козаковъ. Но село это имѣло несчастіе лежать на территоріи миргородскаго полка, полковникомъ котораго былъ Даніилъ Апостолъ. Апостолъ былъ хищникъ и пріобрѣтатель, къ тому же

вліятельный полковникъ изъ породы тѣхъ ловкихъ людей, которые умѣютъ всегда выйти сухими изъ воды: втеченіе 44 лѣтъ своего полковничества онъ успѣлъ таки пустить корни въ своемъ полку. Къ Турбаямъ онъ подобрался такъ. При селѣ, на рѣкѣ Хоролѣ, была загачена для переѣзда гребля; у гребли этой одинъ козакъ поставилъ мельницу. Апостолъ купилъ въ 1711 г. эту мельницу и плотину, и такимъ образомъ запустилъ въ село руку. Во многихъ случаяхъ для сильнаго человѣка бывало достаточно такого ничтожнаго обстоятельства, чтобъ овладѣть совершенно территоріей и ея населеніемъ. Въ томъ же году турбаевскіе козаки двинулись въ прутскій походъ. Но Апостолъ, силой своей полковничьей власти, вернулъ ихъ съ дороги назадъ и приказалъ гатить греблю. Съ той поры турбаевскіе козаки исчезаютъ изъ козацкихъ компутовъ, а нѣсколько позже Турбаи уже и прямо появляются въ спискахъ маетностей полковника Апостола. Какъ ни очевидно и грубо было насиліе, сдѣланное Апостоломъ надъ турбаевскими козаками, но „о ихъ приверненіи во власть Апостола просить имъ было", по выраженію документа, „опасно": еще бы не опасно, когда Апостолъ былъ и военный начальникъ, и полномочный администраторъ, и судья въ своомъ полку. Конечно, не менѣе опаснымъ стало это и тогда, когда миргородскій полковникъ сдѣлался въ 1727 г. гетманомъ. Только смерть Апостола въ 1733 г. развязала руки турбаевцамъ. Правда, вдова гетмана тотчасъ же послѣ смерти мужа выхлопотала царскую грамоту, утверждавшую за нею и дѣтьми всѣ пріобрѣтенія Апостола, въ числѣ которыхъ упоминаются и Турбаи. Но тѣмъ не менѣе со смертью Апостола начинаются попытки турбаевцевъ возвратить себѣ отнятую свободу. Имъ пришло на помощь такое обстоятельство. Новый миргородскій полковникъ Капнистъ былъ старинный недоброжелатель роду Апостоловъ. Поэтому онъ ничуть не затруднился, опять таки силою своей же полковничьей власти, снова внести въ 1738 г. турбаевцевъ въ козацкіе компуты. Отсюда и потянулась новая вереница путаницы, которой были полны всѣ тогдашнія общественныя отношенія. Права Даніила Апостола на Турбаи перешли къ его внуку Павлу, а отъ него къ дочери, Кате-

ринѣ Павловнѣ Битяговской. Это была слабая линія Апостолова дома. Павелъ Апостолъ умеръ молодымъ и оставилъ дочь всего шести недѣль. Когда она достигла полнаго возраста, ей, вѣроятно, было совсѣмъ не подъ силу „доходить“ своихъ сомнительныхъ правъ, противъ которыхъ были уже и давно истекшіе сроки земской давности. Оставалось одно средство, къ какому постоянно прибѣгали въ подобныхъ случаяхъ,—передать свои шаткія права такому лицу, которое бы было въ состояніи своимъ личнымъ вліяніемъ сдѣлать шаткое твердымъ, сомнительное—несомнѣннымъ. Битяговская передала свои права на Турбаи, путемъ купчей, одному изъ Базилевскихъ.

Генеалогическое древо рода Базилевскихъ, какъ и огромнаго большинства южнорусскихъ дворянскихъ фамилій, не имѣло ни глубокихъ корней, ни величественнаго вида. Базилевскіе происходили изъ рядоваго козачества. За родоначальника ихъ надо признать Василія Онисимовича, который въ началѣ прошлаго столѣтія имѣлъ маленькій чинъ обознаго миргородскаго полка, и былъ бѣденъ, безграмотенъ, и такъ мало значителенъ, что не имѣлъ даже за собой ни одной населенной маетности. Сынъ его былъ сотникомъ, и въ видахъ окруженія себя шляхетскимъ престижемъ, измѣнилъ свое народное прозвище, слѣдовавшее ему по отцу, Василенка въ Базилевскаго. Два его сына, уже съ полонизированнымъ родовымъ прозвищемъ, были сотниками въ миргородскомъ полку, одинъ сотни остаповской (въ районъ которой входили Турбаи), другой—бѣлоцерковской, по сосѣдству. Они-то, повидимому, и положили основаніе тѣмъ большимъ богатствамъ, какими отличался родъ Базилевскихъ въ рядахъ войсковой старшины. Сотничій урядъ не былъ, конечно, важнымъ урядомъ въ тогдашней общественной іерархіи, но тѣмъ не менѣе онъ былъ урядомъ выгоднымъ. Для своей сотни сотникъ былъ тѣмъ же, что полковникъ для полка, и потому при беззастѣнчивости могъ многое выжимать изъ своей большой и сложной власти. Сотники нерѣдко наживали большія состоянія, конечно, главнымъ образомъ земельныя, скупая и иными способами пріобрѣтая земли и обязательный трудъ. Дѣти этихъ Базилевскихъ, хотя и были уже очень обезпеченные люди, про-

должали тѣмъ не менѣе держаться мало замѣтныхъ, но выгодныхъ мѣстныхъ урядовъ, главн. образомъ сотничьяго. Съ наступленіемъ Екатерининскихъ реформъ, Базилевскіе устремились на государственную службу, и благодаря своимъ богатствамъ легко выходили въ чины. Надо сказать, впрочемъ, что они, какъ и вообще малорусское панство, не пренебрегали образованіемъ: между прочимъ, и тѣ два Базилевскіе, которые сдѣлались жертвами катастрофы, учились въ геттингенскомъ университетѣ [1]).

Какъ энергично пріобрѣтали Базилевскіе землю, видно изъ того, что при одной турбаевской экономіи хранилось до пятидесяти купчихъ на однѣ только мѣстныя земли. Все это было скуплено еще до передачи Битяговской въ 1767 г. своихъ правъ Базилевскимъ. Скупали, главн. образомъ, отъ турбаевскихъ козаковъ (самое существованіе которыхъ Базилевскіе позже отвергали совершенно) сотникъ остаповскій Өедоръ Базилевскій, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, и его вдова, родители пострадавшихъ братьевъ Базилевскихъ. Скупленныя земли заселялись переселенцами изъ другихъ мѣстностей, которые всѣ оказались послѣ Екатерининскаго манифеста крѣпостными Базилевскихъ. Но и кромѣ Турбаевъ у Базилевскихъ была масса земель. Къ моменту катастрофы, т. е. къ 1789 г., Базилевскимъ принадлежала въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь, территорія, захватывавшая нѣсколько теперешнихъ волостей; да еще были земли и въ другихъ мѣстностяхъ, дававшія имъ право числиться помѣщиками трехъ намѣстничествъ: кіевскаго, екатеринославскаго и харьковскаго.

Къ описываемому времени большія маетности Базилевскихъ были подѣлены между шестью братьями. Турбаи, вмѣстѣ съ Кринками, Зубанихой, Очеретоватымъ, достались на долю двухъ— Степана и Ивана Базилевскихъ. Эти Базилевскіе, относительно которыхъ выше было упомянуто, что они оба учились въ Геттингенѣ, сдѣлали Турбаи центромъ своихъ владѣній, центромъ хозяйственной единицы, очень сильной и очень благоустроенной,

[1]) Свѣдѣнія о родѣ Базилевскихъ заимствованы нами изъ ст. г. Лазаревскаго: Очерки малороссійскихъ фамилій (Русск. Архивъ, 1875 г. кн. 1-я).

сколько можно судить по сохранившейся описи экономическихъ книгъ и другихъ хозяйственныхъ документовъ турбаевской экономіи. Многія современныя владѣльческія хозяйства могли бы позавидовать той строгой отчетности, какая заведена была Базилевскими. Надо сказать, что хозяйство ихъ было такъ обширно и сложно, что оно и не могло процвѣтать безъ правильнаго хозяйничанья. Это было большое владѣльческое хозяйство патріархальнаго типа. Наряду съ земледѣліемъ, которое велось въ очень большихъ размѣрахъ благодаря обязательному труду, имѣло мѣсто и обширное скотоводство. Оно сосредоточивалось главнымъ образомъ въ очеретоватской экономіи: здѣсь были заводы—конскій, товарячій и овечій. Но кромѣ того, черезъ крестьянъ скупались волы на выпасъ, какъ это дѣлается и теперь на югѣ всюду, гдѣ есть свободныя пастбища. Массу получаемаго сырья старались обрабатывать внутри хозяйства. Зерно обращалось въ вино, солодъ, муку, крупу, льняное и конопляное сѣмя—въ масло; волокно—въ прядиво и холстъ. Шерсть перерабатывалась въ сукно; выдѣлывались кожи, въ большихъ размѣрахъ заготовлялись сыръ и масло, въ собственныхъ, а частью и покупаемыхъ, лѣсахъ, гнался деготь. Винокурня, солодовня, олѣйница, мельницы, фалюши—все это, по преимуществу, сосредоточивалось въ главной экономіи, турбаевской. Но Базилевскіе не пренебрегали и торговыми операціями: продавали и раздавали „на боргъ“ своимъ подданнымъ хлѣбъ и иные продукты своего хозяйства; покупали въ Крыму соль, а въ Кіевѣ желѣзо и перепродавали имъ же. На всей территоріи во владѣльческихъ шинкахъ шинкари, большею частью евреи, продавали, вмѣстѣ съ владѣльческой горѣлкой, вишневкой, пивомъ и т. п. напитками, также владѣльческій деготь, соль, табакъ. Не брезгали владѣльцы даже и раздачей своимъ подданнымъ денегъ въ ростъ. Подданные, кромѣ обработки панской земли и уборки сѣна, обязывались еще ко многимъ другимъ работамъ: имъ раздавалась конопля для мочки, ленъ и конопля для прядива, холстъ для бѣленья, зерно для сушки, мука для печенья сухарей; они должны были дѣлать для экономіи кирпичъ и т. п. На основѣ такого хозяйничанья, защищеннаго отъ риска, кри-

зисовъ, колебаній рынка, легко и свободно росло владѣльческое благосостояніе. Господская усадьба въ Турбаяхъ была переполнена всяческимъ добромъ: комнаты—украшены изысканными „меблями“; въ кладовыхъ заперто множество сундуковъ, ломившихся подъ тяжестью серебра, дорогихъ тканей, разныхъ принадлежностей комфорта и роскоши; сараи были наполнены всевозможными экипажами, между которыми были и англійскіе, очень цѣнные; въ погребахъ хранились дорогія иностранныя вина. По чрезвычайному обилію всяческихъ запасовъ, господская усадьба была то, что называется полною чашей. Мало того: у Базилевскихъ былъ большой запасъ наличныхъ денегъ, которыя они щедрою рукой раздавали подъ векселя, уже не подданнымъ, а лицамъ своего общества. Втеченіе только одного года, предшествовавшаго катастрофѣ, было роздано ими больше 50,000 руб.,—огромная сумма на тогдашнія деньги—подъ шестьдесятъ векселей. Такимъ образомъ, они представляли для своей мѣстности какъ-бы нѣкоторое подобіе кредитнаго учрежденія. Нечего распространяться о томъ, какъ велико было вліяніе, создаваемое и поддерживаемое ими такимъ образомъ. Конечно, должниками ихъ часто оказывались очень нужныя лица. Вѣроятно, въ этомъ надо искать главное объясненіе той полнѣйшей и единодушной готовности оказывать Базилевскимъ содѣйствіе, какое всегда обнаруживали мѣстныя учрежденія.

Но подъ это цвѣтущее благосостояніе была подведена мина. Миной этой были турбаевскіе козаки или „турбаевскіе жители, присваивающіе себѣ мечтательно званіе козачее, а присужденные всѣми правительствами быть мужиками“, по выраженію одного оффиціальнаго документа. Но что турбаевскіе жители лишь мечтательно присваиваютъ себѣ козачье званіе, такъ смотрѣли на дѣло только низшія, мѣстныя „правительства“; высшія же, петербургскія, наоборотъ, склонны были видѣть правоту въ притязаніяхъ турбаевцевъ. Получивъ отъ Битяговской ея сомнительныя права, Базилевскіе съумѣли ихъ осуществить. У нихъ хватило силы на то, чтобъ отобрать у козаковъ документы съ доказательствами ихъ козачьихъ правъ и заставить ихъ отбывать подданническія повинности. До поры до времени

козаки протестовали только побѣгами, но не считали все таки себя побѣжденными окончательно. Они успѣли какъ то найти себѣ повѣренныхъ и ходатаевъ, которые вели отъ ихъ имени искъ въ Сенатѣ. Дѣло шло медленно, но принимало оборотъ благопріятный. Въ іюнѣ 1788 г., ровно за годъ до катастрофы, состоялось рѣшеніе Сената, которымъ признавались козачьи права за всѣми тѣми изъ турбаевскихъ жителей съ ихъ родомъ, кто былъ внесенъ полковникомъ Капнистомъ въ козачьи компуты. Отъ рѣшенія до его осуществленія, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, на какой надѣялись и какого ожидали турбаевцы, было еще очень далеко. Но какъ бы то ни было рѣшеніе состоялось, и объ немъ скоро прослышали какъ Базилевскіе, такъ и турбаевцы. Однако оффиціально объявлено было мѣстными властями о состоявшемся рѣшеніи только въ январѣ: приэтомъ власти увѣщевали турбаевцевъ оставаться въ полномъ повиновеніи у своихъ помѣщиковъ, пока не явится судъ привести указъ въ исполненіе. Но турбаевцы не хотѣли видѣть въ этихъ увѣщаніяхъ ничего, кромѣ угодничества властей передъ Базилевскими; Базилевскіе же своими дѣйствіями подливали масла въ огонь. Они встали прямо на военное положеніе: отнимали скотъ у своихъ враговъ, принуждали къ самымъ тяжелымъ работамъ, запирая ихъ, какъ рабовъ, на ночь въ амбары—въ холодные амбары, зимой, что уже имѣло видъ истязательства и т. п.

Только въ іюнѣ появился въ Турбаяхъ, подъ прикрытіемъ воинской команды, нижній голтвянскій земскій судъ съ совѣтникомъ кіевскаго намѣстническаго правленія Корбе, чтобъ привесть въ исполненіе рѣшеніе Сената.

II.

Роковымъ днемъ для Базилевскихъ было 8 іюня 1789 г. Это былъ день, назначенный судомъ для объявленія указа турбаевской громадѣ и для начала дѣла о приведеніи его въ исполненіе.

Настроеніе турбаевцевъ было самое тревожное. Ничего не было похожаго на то, что они ожидаютъ радостнаго для себя

событія. Наоборотъ, чувствовалось, что наступаетъ самый важный моментъ, когда требуется напряженіе всѣхъ силъ, чтобъ отстоять свои права. Еще наканунѣ, какъ только разослана была повѣстка на счетъ явки въ судъ, всѣ турбаевцы собрались въ домѣ атамана Цапка. Настроеніе выразилось въ общемъ единодушномъ рѣшеніи: не поддаваться до самой послѣдней крайности.

Положеніе дѣлъ объясняло и оправдывало такое настроеніе турбаевскихъ жителей.

Законныя власти съ первыхъ же своихъ шаговъ на турбаевской территоріи заявили себя рѣшительными сторонниками Базилевскихъ. Совѣтникъ Корбе, представлявшій собою лицо губернатора, который не явился самъ, хотя и долженъ былъ явиться въ силу предписанія изъ Петербурга, поселился въ домѣ Базилевскихъ: турбаевцы могли знать то, что знаемъ мы теперь изъ описи векселей, т. е. что онъ былъ у Базилевскихъ въ числѣ крупныхъ должниковъ. Съ нимъ поселился стряпчій и нѣкоторыя другія изъ должностныхъ лицъ. Члены земскаго суда были помѣщены въ домахъ безспорныхъ подданныхъ Базилевскихъ и пользовались содержаніемъ отъ владѣльцевъ. За то воинская команда расквартирована была исключительно въ домахъ ищущихъ козачества. Подъ двойнымъ прикрытіемъ, могучихъ Базилевскихъ и воинской команды, представители власти и правосудія не стѣснялись высказываться громко, въ очень враждебномъ для турбаевцевъ смыслѣ. Они подсмѣивались открыто надъ смятеніемъ, царствовавшимъ въ Турбаяхъ. Исправникъ Клименко даже прямо сказалъ турбаевцамъ, что если кого нибудь изъ нихъ и отберутъ, въ силу указа, отъ Базилевскихъ, то и это будетъ лишь на самое короткое время. Разумѣется, такое поведеніе властей, граничившее съ беззастѣнчивой наглостью, не могло способствовать успокоенію умовъ.

Къ несчастью, самый сенатскій указъ былъ составленъ такъ, что давалъ большой просторъ произволу мѣстныхъ властей. Сенатъ признавалъ козачьи права за 76 родами, внесенными Капнистомъ въ компуты. Но дѣло это было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Чѣмъ могли теперешніе турбаевцы доказать

связь съ этими родами? Письменные документы, у кого они случились, были отобраны Базилевскими, и судъ не предпринялъ ничего, чтобъ ихъ возвратить, а во многихъ случаяхъ ихъ, конечно, и вовсе не было. Родовыя прозвища? Но вѣдь извѣстно, что въ народѣ они никогда не бываютъ постоянными, мѣняются почти съ каждымъ поколѣніемъ. Одно и тоже лицо, даже и теперь, часто называется Григоренкомъ по отцу, Савченкомъ по дѣду, Золотаренкомъ—по оффиціальному, Постригано̀мъ—по уличному. Конечно, пятьдесятъ лѣтъ не такой срокъ, чтобъ нельзя было возстановить истины по показаніямъ старожиловъ, церковнымъ записямъ и т. п. Но вѣдь это въ томъ лишь случаѣ, еслибъ власти были заинтересованы въ раскрытіи истины; а если онѣ были заинтересованы какъ разъ въ обратномъ?

Безъ сомнѣнія, турбаевцы отлично понимали, что они находятся вполнѣ въ рукахъ мѣстныхъ властей! Судъ могъ признать, для отвода глазъ, козачьи права за отдѣльными единицами, которымъ посчастливилось удержать какія-нибудь несомнѣнныя юридическія доказательства своего козачества, а на счетъ массы остальныхъ ограничиться отпиской: никакихъ, молъ, больше потомковъ старыхъ козацкихъ родовъ въ Турбаяхъ не оказывается. Поди тогда доказывай каждый въ отдѣльности—безъ документовъ, сидя въ подданствѣ у Базилевскихъ—свои права въ сенатѣ: какъ ихъ доказывать тогда, когда ужъ и теперь власти не даютъ билетовъ на выѣздъ изъ Турбаевъ?

Не трудно себѣ представить, съ какими чувствами шли турбаевцы въ судейскую избу 8 іюня. До отхода они еще разъ дали другъ другу обѣщаніе „не поддаваться". Шло ихъ пятьдесятъ человѣкъ; но триста слѣдовало сзади на всякій случай. Другая часть громады оставалась на дворѣ у атамана. Лишь только судъ приступилъ къ разбору правъ, какъ турбаевцы единодушно отказались отвѣчать на какіе-либо относящіеся сюда вопросы, заявляя, что они всѣ козаки. Очевидно, они боялись дать какими-либо своими отвѣтами новое орудіе въ руки враждебной имъ власти. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось,

еслибъ не случилось обстоятельство, которымъ разрѣшилась безвыходная напряженность положенія. Внезапно по селу пробѣжали роковыя слова: „занимаютъ череду“ и тотчасъ же достигли какъ до судейской избы, такъ и до двора атамана. „Занимаютъ череду“, т. е. забираютъ стадо. Никто, ни тогда, ни послѣ, не могъ дать отчета, откуда взялись эти роковыя слова и какое для нихъ было основаніе. Объясняли при позднѣйшемъ судебномъ разбирательствѣ, что видѣли около череды, одни—какихъ-то незнакомыхъ людей, другіе—козаковъ, третьи—неизвѣстную повозку и т. д. Но, очевидно, дѣло было просто въ томъ, что въ крайне возбужденной турбаевской атмосферѣ было такое рѣзкое единодушное ощущеніе грозящаго насилія, что крики „занимаютъ череду“ явились воплощеніемъ того, что жило въ каждой турбаевской душѣ.

Въ одинъ моментъ волненіе охватило село. Воинская команда, зашевелившаяся было при видѣ поднимающейся бури, была тотчасъ же разбросана и обезоружена; впрочемъ, сдѣлать это было нетрудно, такъ какъ оружіе ея самымъ мирнымъ образомъ было сложено въ клунѣ. Всякій захватывалъ въ качествѣ орудія, что попадалось подъ руку. Для чего? Опять таки никто не давалъ себѣ въ этомъ отчета. Вѣроятно, и тотъ кто крикнулъ первый: „въ господскій домъ!“ не сознавалъ, что онъ сдѣлалъ. Но слово было выговорено, и страшно возбужденная толпа, вооруженная пиками, дрюками, косами, кольями, дубинами, съ дикими криками кинулась къ усадьбѣ. Часть турбаевцевъ задержалась около судейской избы.

Вѣроятно, вѣсть о происходящемъ—какъ ни быстро все это дѣлалось—достигла до усадьбы раньше, чѣмъ прибѣжалъ народъ; по крайней мѣрѣ, двери были уже заперты. А можетъ быть, Базилевскіе, живя по пански, еще спали, такъ какъ былъ всего только десятый часъ утра. Но что могло задержать этотъ страшный людской потокъ, весь насыщенный мстительной злобой? Онъ ворвался черезъ окна, черезъ выбитыя двери, и въ одинъ моментъ затопилъ, раздавилъ, разнесъ это уютное богатое гнѣздо... Несчастные владѣльцы и ихъ сестра, всѣ трое были—мало сказать—убиты, а заколочены до смерти. Ни

о защитѣ, ни о сопротивленіи не могло быть и рѣчи. Марья умоляла о пощадѣ; но что могла слышать эта обезумѣвшая толпа? Кто-то ударилъ ее по головѣ и схвативши за волосы, бросилъ на землю. Кровавое дѣло было начато. Вслѣдъ за тѣмъ ее видѣли уже всю облитую кровью, съ выступившими на лобъ глазами... Съ ней было кончено быстро. Братья Базилевскіе спрятались подъ кровать; ихъ открыли, и вытащили. Били ихъ долго, съ страшнымъ ожесточеніемъ, били ногами, кольями, дубинами, били, когда они лежали уже безъ признаковъ жизни. Нѣсколько времени спустя, когда комнаты уже опустѣли, Степанъ Базилевскій приподнялся. Одинъ изъ караульныхъ, приставленныхъ атаманомъ къ дому, увидалъ это черезъ окно, и, войдя, еще разъ ударилъ его бичемъ, но, кажется, только лишь для очистки совѣсти. Всѣ счеты съ міромъ были уже порѣшены Базилевскими. Три истерзанныхъ трупа въ лужахъ запекшейся крови лежало въ опустошенныхъ комнатахъ.

Въ господскомъ домѣ находился въ это время совѣтникъ Корбе съ стряпчимъ, земскимъ исправникомъ и другими должностными лицами. Корбе вышелъ къ толпѣ и умолялъ пощадить его жизнь, обѣщая сдѣлать все, что отъ него потребуютъ. И его и другихъ осыпали бранью, угрозами, не обошлось и безъ побоевъ: на Корбе видѣли окровавленный халатъ, у кого-то была перебита рука. Но ни убійствъ, ни истязаній не было больше, хотя побили еще и нѣкоторыхъ слугъ Базилевскихъ; все озлобленіе излилось на пановъ.

Судейской избы смятеніе достигло еще прежде, чѣмъ барской усадьбы. Но здѣсь оно также не разрѣшилось ничѣмъ кровавымъ. Кажется, никто изъ „судейскихъ чиновъ“ не ушелъ безъ хорошаго „памятнаго“; но этимъ и удовлетворилось народное чувство.

Конечно, не могли не знать турбаевцы, что ихъ поступки не останутся безъ тяжелыхъ для нихъ послѣдствій. Но однако въ ихъ средѣ не воцарился хаосъ или прострація, по теперешнему выраженію, а наоборотъ обнаружился духъ организаціи и порядка. Вещи, разбросанныя и разнесенныя изъ господской усадьбы, турбаевская громада собрала и къ вещамъ этимъ, какъ

и вообще къ имуществу, приставила караулъ. Изъ судейской избы турбаевцы также взяли зерцало и судейскія бумаги. На основаніи правила, что утро вечера мудренѣе, всѣхъ должностныхъ лицъ взяли подъ арестъ. Къ утру же былъ готовъ для властей такой ультиматумъ. Они должны были выдать турбаевской громадѣ такіе документы: судебное постановленіе о признаніи ихъ всѣхъ, за небольшимъ исключеніемъ несомнѣнныхъ подданыхъ Базилевскихъ, козаками; бланкъ пропускнаго билета въ Кіевъ, чтобъ ѣхать туда выборнымъ хлопотать по своимъ дѣламъ; удостовѣреніе въ томъ, что все это выдается добровольно. Наивная вѣра въ силу оффиціальной бумаги... Конечно, въ такихъ обстоятельствахъ судъ съ величайшей готовностью подписалъ бы постановленіе о собственной своей ссылкѣ въ вѣчную каторгу. Затѣмъ турбаевцы потребовали, чтобъ судъ приложилъ свои печати ко всему богатому имуществу, оставшемуся послѣ Базилевскихъ. Какъ только все было написано, подписано, припечатано, предоставили властямъ ѣхать на всѣ четыре стороны.

Въ тотъ же день тѣла убитыхъ переданы были дворовымъ людямъ, чтобъ тѣ отвезли ихъ въ Остапье, гдѣ, по всей вѣроятности, находилось фамильное кладбище.

?

III.

Помѣщики были убиты, начальство выпровожено; турбаевцы остались сами по себѣ. Теперь первою ихъ заботою было предупредить высшія власти о событіяхъ, чтобъ склонить ихъ, по мѣрѣ силъ и возможности, на свою сторону. Тотчасъ же были выбраны и отправлены къ Потемкину ходоки, которые, кстати сказать, несмотря на вынужденный у суда „бланкетъ“, никуда не дошли, потому что были схвачены и арестованы на дорогѣ.

Потемкину, тогдашнему новороссійскому генералъ-губернатору, принадлежитъ значительная роль въ турбаевской исторіи. Не позже какъ черезъ мѣсяцъ Екатерина узнала объ этомъ выдающемся событіи и передала руководительство дѣломъ По-

темкину. Тотъ, со свойственной ему быстротой, рѣшилъ устроить выкупъ подданныхъ у Базилевскихъ-наслѣдниковъ, братьевъ убитыхъ, и выкупленныхъ крестьянъ, также и козаковъ, переселить на свои заднѣпровскія земли. Въ этомъ смыслѣ уже и состоялось его распоряженіе Коховскому, правителю екатеринославскаго намѣстничества. Но прежде чѣмъ могла быть приведена въ исполненіе какая нибудь мѣра въ этомъ родѣ, необходимо было удовлетворить правосудіе. Надо было разыскать и наказать „убійцовъ, разбойниковъ, пролившихъ кровь, которая вопіетъ къ небу о мщеніи", какъ краснорѣчиво писали въ многочисленныхъ прошеніяхъ и жалобахъ оставшіеся въ живыхъ четыре брата Базилевскіе.

Казалось бы, какія могли быть особенныя затрудненія разыскать преступниковъ, когда преступленіе было совершено среди бѣла дня, на глазахъ сотенъ людей и суда. А между тѣмъ затрудненія оказывались непреодолимыми. Обусловливались эти затрудненія прежде всего тѣмъ, что масса присутствовавшаго народа была не только свидѣтелемъ, но и вольнымъ или невольнымъ соумышленникомъ преступленія, а затѣмъ и другими обстоятельствами, о которыхъ сейчасъ пойдетъ рѣчь.

Дѣло въ томъ, что турбаевская громада твердо установилась на своей своеобразной политикѣ, которую можно назвать политикой пассивнаго сопротивленія. Она не причиняла никакого зла то и дѣло наѣзжавшимъ въ Турбаи властямъ, но рѣшительно не исполняла никакихъ ихъ требованій и предписаній. Притомъ турбаевцы имѣли видъ настолько подозрительный, что власти, повидимому, съ крайнею неохотой появлялись въ Турбаи, и при первой же возможности спѣшили оттуда выбраться. Чего хотѣли добиться турбаевцы своимъ образомъ дѣйствій—трудно сказать: очевидно одно, они были твердо убѣждены, что „высшія правительства", до которыхъ надо добраться, окажутъ имъ снисхожденіе и правосудіе, а всѣ низшія, которыя къ нимъ наѣзжаютъ, ихъ злые враги, сплошь подкупленные, и готовые утопить ихъ въ ложкѣ воды.

А между тѣмъ, происходили измѣненія и внутри турбаевской громады, перемѣщеніе силъ и настроеній. Болѣе умѣренный эле-

ментъ, желавшій придерживаться, елико возможно, духа легальности и порядка, уступилъ мѣсто крайнему. Усиленію буйства и крайностей способствовало то обстоятельство, что въ Турбаяхъ появился, пользуясь смутой, какой то Красноглазовъ, казенный откупщикъ, и несмотря на то, что юридически село все таки было помѣщичьимъ, завелъ три шинковыхъ дома и спаивалъ народъ. „Триста освирѣпѣвшихъ турбаевцевъ", по свидѣтельству властей, наѣзжавшихъ въ Турбаи, „провожаютъ все время въ непрестанномъ пьянствѣ и чрезъ то не имѣя никакого здраваго разсудка, каковъ долженъ имѣть трезвой человѣкъ, готовы всегда поступить и на самоважнѣйшія неистовства, и въ селѣ Турбаяхъ не видно даже ночью нигдѣ ни самомалѣйшаго благочинія и тишины, но во всякое время жители тамошніе мужчины и женщины со взрослыми дѣтьми, собравшись партіями, ходятъ по тремъ шинковымъ домамъ, и обращаясь въ пьянствѣ, производятъ междуусобную брань и драку".

Все это было преувеличено, но въ основаніи вѣрно. „Триста освирѣпѣвшихъ" изъ двухтысячнаго населенія Турбаевъ управляли теперь теченіемъ турбаевскихъ дѣлъ, и это не замедлило отразиться такими послѣдствіями. Богатое имущество Базилевскихъ послѣ катастрофы было, по требованію самой турбаевской громады, запечатано судомъ и турбаевцы приставили къ нему караулъ. А между тѣмъ триста освирѣпѣвшихъ турбаевцевъ, взявши преобладаніе, начали высказывать такія мнѣнія: Чье же это добро? развѣ оно не наше? развѣ не нашими трудами нажили себѣ все это Базилевскіе? Вѣдь девять лѣтъ мы работали на нихъ неправильно, терпѣли всяческое угнетеніе и порабощеніе... Живо припоминался забранный Базилевскими при обращеніи ихъ, козаковъ, въ подданные скотъ, порубленный лѣсъ, покошенное сѣно, ихъ общественныя церковныя деньги, взятыя Базилевскими у ктитора и т. д. и т. д. При данныхъ обстоятельствахъ немного надо было, чтобъ придти отъ мнѣнія къ дѣйствію. Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ. А деньги нужны были прежде всего, чтобъ подмазывать себѣ пути къ власть имущимъ, отъ которыхъ зависѣло дать такой или иной оборотъ всему дѣлу.

Началось расхищеніе имущества, прежде всего съ погреба, гдѣ хранились напитки, и съ винокуреннаго амбара. Затѣмъ атаманъ съ громадой, еще втеченіе 1790 г., раза два доставалъ изъ кладовыхъ деньги. Но легче было встать на эту наклонную плоскость, чѣмъ на ней удержаться. Стали и отдѣльныя лица доставать себѣ потихоньку, подкапываясь подъ стѣнки, ломая замки, то одно, то другое, кто кусокъ сала, кто штуку сукна, кто денегъ. Въ августѣ 1791 г., т. е. черезъ два года послѣ убійства, атаманъ забралъ остальныя деньги и документы, а затѣмъ имущество предоставлено было громадѣ „на потокъ и разграбленіе". Цѣлыхъ шесть дней тянулось это разграбленіе. Нѣкій корнетъ (Шкурка, случайно проѣзжавшій черезъ Турбаи въ это время, такъ описываетъ то, что онъ тамъ видѣлъ: „Ѣдучи дорогою, лежащею мимо дома убіенныхъ господъ надворныхъ совѣтниковъ Базилевскихъ, видѣлъ въ ономъ дворѣ и около двора толпу народа, скопившуюся во множественномъ числѣ людей, тамошнихъ турбаевскихъ жителей, во образѣ бунта кричащихъ и грабящихъ тотъ домъ, несущихъ съ онаго за дворъ въ домы ихъ или куда то въ другое мѣсто разное движимое имѣніе, какъ-то шубы, платье, полотна, разную посуду, деньги и пр.". Его увидали и повели въ одинъ дворъ, „гдѣ также было множество турбаевскихъ жителей пьяныхъ и пившихъ горячее вино, начали онымъ его потчивать и принуждать пить, угрожая, если воли ихъ исполнять не будетъ, боемъ, почему онъ, бывъ въ великомъ страхѣ, принужденъ былъ выпить поднесенные ему три румки, далѣе же когда пить отказался, то вдарили его большою палкою", а затѣмъ отпустили. На самомъ концѣ селенія онъ нагналъ двухъ мальчиковъ, несущихъ двѣ книги во французскомъ переплетѣ, и на его спросъ они согласились ихъ продать за двѣ копѣйки. Хлопотало надъ разнесеніемъ панскаго имущества все село, мужчины, женщины и болѣе взрослыя дѣти. Разбили всѣ кладовыя, каморы, каретные, хлѣбные и иные амбары. Все, что оставалось еще „изъ денегъ, платья, столовой каменной, серебряной и золотой посуды, хлѣба, напитковъ, припасовъ и иныхъ вещей", все было разнесено „до послѣдка"; забрали всѣ, какіе оставались, документы. Обор-

вали со строеній полы, потолки, ставни, двери, желѣзныя оковки. Чего не разсудили брать, изъ колясокъ, каретъ и др. повозокъ, оборвавши желѣза и обойки, плисовыя, суконныя и другія, кареты и коляски перебили, словомъ все разорили и истребили. Даже самыя самыя стѣны нѣкоторыхъ строеній были пробиты насквозь. Библіотека расхищена, а многія книги порваны въ куски. Разломали ограду около сада, „заведеннаго на аглицкій манеръ", и пустили туда свой скотъ. Однимъ словомъ, какъ Базилевскіе-наслѣдники старались о томъ, чтобъ „снести съ лица земли самое имя Турбаевъ", съ такимъ же усердіемъ турбаевцы стремились уничтожить всѣ слѣды пребыванія Базилевскихъ на турбаевской землѣ.

Теперь турбаевцы почувствовали себя уже вполнѣ господами. Они начали распоряжаться всякими хозяйственными матеріалами и запасами, которые были скоплены въ экономіи Базилевскихъ; хозяйничали въ ихъ лѣсахъ и т. п. Мало того. Земли Турбаевъ находились въ черезполосномъ владѣніи съ землями Кринокъ и Остапья: слобода Кринки принадлежала убитымъ, мѣстечко Остапье — другимъ братьямъ Базилевскимъ. Турбаевцы, пользуясь близостью, „разсѣяли возмущеніе" и въ тѣхъ мѣстахъ, такъ что населеніе и здѣсь начало „производить разныя буянства и управителей угрожаетъ убивать". Въ особенно тѣсныхъ сношеніяхъ съ Турбаями находилось населеніе Кринокъ: оно частью было склонено турбаевцами на свою сторону и собиралось съ ними „во единое скопище", частью терроризировано турбаевской дерзостью. Турбаевцы ловили рыбу въ тамошнемъ владѣльческомъ ставу, выводили, по приговору своей громады, нѣкоторыхъ кринковскихъ подданныхъ въ Турбаи, какъ своихъ козаковъ, и вообще распоряжались тамъ безпрепятственно. Въ то же время турбаевцы всюду открыто заявляли, даже и передъ судомъ, что они намѣрены истребить всѣхъ Базилевскихъ. Базилевскіе не смѣли показаться не только въ Турбаяхъ, но и въ другихъ своихъ ближайшихъ владѣніяхъ. „Оставивъ домы свои, скитаемся мы по чуждымъ, а нынѣ убѣжища и мѣста не находимъ, гдѣ бы могли себя обезопасить и не безпокоиться и принуждены въ отдаленнѣйшія мѣста уда-

литься", пишутъ Базилевскіе. Но и туда доходили до нихъ слухи, что турбаевскіе жители хотятъ, „раздѣлившись на части идти и предать ихъ насильственной смерти". Серьезны или нѣтъ были угрозы турбаевцевъ, но напуганы то ими Базилевскіе были серьезно.

Какъ видно изъ сказаннаго выше, турбаевская исторія все усложнялась. Къ уголовному дѣлу присоединился гражданскій искъ Базилевскихъ. Такимъ образомъ надо было привести къ концу три сложныхъ дѣла. Разыскать преступниковъ, чтобъ удовлетворить правосудіе; разыскать и возвратить разграбленное имущество Базилевскихъ; переселить турбаевцевъ, согласно предположенію Потемкина, утвержденному Екатериной.

А между тѣмъ и внѣшнія обстоятельства тормозили движеніе. Потемкинъ тѣмъ временемъ умеръ. Произошло новое разграниченіе, и Турбаи отошли отъ кіевскаго намѣстничества къ екатеринославскому. Такимъ образомъ это сложное дѣло должно было перейти въ совсѣмъ новыя руки. Именнымъ указомъ руководительство турбаевской исторіей передано было Коховскому, правителю екатеринославскаго намѣстничества; первой же инстанціей былъ теперь градижскій нижній земскій судъ.

Но что было дѣлать новому начальству съ этими людьми, которые „во мѣсто раскаянія приходятъ все въ большое неистовство отъ праздности, въ коей они пребываютъ, отъ безначалія, къ которому они съ начала бунта, ими предпринятаго, обыкли, не повинуясь ни закону, ни мѣстамъ, ни особамъ, отъ разврата, отъ пьянства и всѣхъ онаго послѣдствій?"

Все это были, правда, выраженія Базилевскихъ, очень преувеличенныя; но тѣмъ не менѣе положеніе начальства было не изъ легкихъ.

По поводу выдачи преступниковъ—убійцъ и зачинщиковъ бунта, турбаевцы твердили одно и суду, и спеціально командировавшимся чинамъ, и Коховскому, который рѣшился лично съѣздить въ Турбаи, „что въ содѣланномъ преступленіи никакого они намѣренія не имѣли, слѣдовательно, и нѣтъ между ними ни одного начинщика, но всѣ они начинщики и всѣ равно виновны": все это они подтверждали „иные клятвою, а

иные плачемъ, отдаваясь всѣ равнодушно сужденію строгости законовъ“.

Масса разграбленнаго имущества находилась по рукамъ и расходилась на стороны. Но все таки значительная его часть, въ видѣ денегъ и векселей, хранилась въ турбаевской съѣзжей избѣ. Однако турбаевцы рѣшительно отказывались не только разыскивать разграбленныя вещи, но и выдать то, что находилось на лицо. „Съ дерзостью“ говорили суду, что „ничего не отдадутъ, покуда помѣщики Базилевскіе не удовольствуютъ ихъ за девятилѣтнее отправленіе имъ подданнической повинности и за какіе то грабежи ихъ имѣній“.

О переселеніи пока начальство и не заикалось.

IV.

Если бы администраторы разсматриваемаго нами времени сплошь представляли собою прототипы героевъ „Исторіи одного города“, турбаевское дѣло должно было бы имѣть самый трагическій конецъ. Но, благодаря Коховскому, оно распуталось такъ благополучно, какъ только можно было пожелать при этихъ въ высшей степени трудныхъ и сложныхъ обстоятельствахъ. Невольное удивленіе и уваженіе возбуждаетъ гуманность, долготерпѣніе и осторожность, съ какою онъ относился къ турбаевцамъ, наряду съ энергіей, которую обнаруживалъ, направляя дѣйствія „мѣстъ и особъ“, ведшихъ турбаевское дѣло. И все это имѣя, съ одной стороны, „дерзкую закоснѣлость“, съ какой турбаевцы отталкивали даже то, что дѣлалось въ ихъ прямыхъ интересахъ, съ другой, сутяжничество наслѣдниковъ Базилевскихъ, осаждавшихъ всѣ „правительства“ до наивысшихъ просьбами и жалобами на свои бѣдствія и на бездѣйствіе властей, потворствующихъ турбаевскимъ злодѣямъ. Видимо большія усилія приложилъ Коховскій къ тому, чтобъ устранить все, что могло сдѣлать „окончаніе дѣла сего какъ затруднительнымъ и нескорымъ, такъ сомнительнымъ и опаснымъ“, какъ выражается онъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ.

Коховскій самъ ѣздилъ въ Турбаи, посылалъ туда лицъ, видимо хорошо ему извѣстныхъ, какъ напр. ассессора Гладкаго; добился того, чтобъ турбаевская громада выслала къ нему выборныхъ, хотя и не въ томъ количествѣ, какого онъ желалъ— очевидно, съ цѣлью повліять на ихъ настроеніе. Старанія его привели къ тому, что въ Турбаяхъ опять начали усиливаться люди, желавшіе найти какой-нибудь выходъ изъ своего положенія на пути законности и порядка. Появились отдѣльныя единицы изъ участвовавшихъ въ убійствѣ, которыя соглашались сознаться въ своей винѣ передъ закономъ, какъ ни отговаривали ихъ болѣе крайніе: „зачѣмъ, де, ты самъ лѣзешь въ огонь?“ Девять человѣкъ преступниковъ сами пришли къ Коховскому „безъ всякой стражи въ пути и при двухъ только турбаевскихъ жителяхъ“. Вѣроятно, турбаевская громада думала очиститься въ убійствѣ при посредствѣ этихъ искупительныхъ жертвъ; къ нимъ въ дополненіе преподносились еще Ѳемидѣ тѣ изъ участниковъ, которые, опасаясь послѣдствій, успѣли выбраться изъ Турбаевъ въ разныя отдаленныя заднѣпровскія, черноморскія и иныя мѣста: такихъ было не мало, тоже человѣкъ около десяти. Конечно, этимъ десяти „убійцамъ и зачинщикамъ“, которые такъ спокойно препровождали себя въ руки правосудія, громада дала на прощанье обстоятельныя наставленія, какъ имъ вести себя, главное же „никого ни въ чемъ не оговаривать“. Но тѣмъ не менѣе дѣло приняло такой оборотъ, какого турбаевцы, конечно, не ожидали, хотя оно и не могло быть иначе. Если даже въ числѣ этихъ девяти и не было малодушныхъ, готовыхъ, при малѣйшемъ затрудненіи, поступиться своимъ ближнимъ, то трудно предположить, чтобъ не проговорился наивный турбаевецъ, выступившій изъ-за плечъ своей громады и поставленный лицемъ къ лицу съ судьей, болѣе или менѣе опытнымъ въ судейскихъ подходахъ. Какъ бы то ни было, въ результатѣ судебнаго слѣдствія было пятьдесятъ девять оговоренныхъ, „въ числѣ которыхъ оказываются многіе изъ почетнѣйшихъ турбаевскихъ жителей“, а въ дальнѣйшемъ открывалась не совсѣмъ-то и для начальства пріятная перспектива, что эти „оговоренные нынѣ 59 человѣкъ могутъ оговорить еще столько же и

болѣе", какъ опасливо выражается гуманный и осторожный Коховскій.

Но тутъ очнулись и сами турбаевцы, и устроили такое, чего трудно было ожидать и отъ турбаевской „отчаянности". Подсудимые турбаевцы сидѣли въ тюрьмѣ въ Градижскѣ. Правда, тюрьма была не важная „и вовсе къ содержанію въ оной преступниковъ опасная", такъ какъ „будучи крайне обветшалою въ стѣнахъ, совсѣмъ начала разваливаться, и стѣны удержаны однѣми только подпорами". Но тюрьма есть тюрьма. Турбаевская же громада, ничто же сумняшася, рѣшилась освободить изъ нея своихъ. Градижскъ находился верстахъ въ пятидесяти отъ Турбаевъ. Турбаевцы какъ-то устроили тайныя сношенія съ градижской тюрьмой и уговаривали заключенныхъ бѣжать, обѣщая доставить изъ Турбаевъ отважныхъ людей, которые нападутъ ночью на караулъ и освободятъ ихъ изъ тюрьмы. Въ ночь на 2 февраля 1793 г. заключенные турбаевцы, подговоривъ и прочихъ арестантовъ, потушили огонь въ тюрьмѣ, напали на часовыхъ, прибили тяжело унтеръ-офицера, разломали двери и окна, и, отбивши у часовыхъ пики, бѣжали.

Но тутъ уже и Коховскій увидалъ, что безъ содѣйствія военной силы ему не обойтись. Онъ обратился за разрѣшеніемъ къ Екатеринѣ. Отъ 16 апрѣля 1793 г. состоялся высочайшій указъ о введеніи въ Турбаи воинской команды.

Однако ни Коховскій, ни герой Праги и Измаила, который командировалъ въ Турбаи баталіонъ бугскаго егерскаго полка и 200 донскихъ козаковъ, видимо совсѣмъ не имѣли въ виду штурмовать Турбаи. Напротивъ, со всѣхъ сторонъ видны усиленнѣйшія старанія о томъ, чтобъ все обошлось самымъ мирнымъ образомъ. Все дѣлалось въ глубокой тайнѣ. Войска должны были расположиться въ Турбаяхъ, подъ предлогомъ слѣдованія въ Гадячъ, будто-бы мимоходомъ для печенія хлѣбовъ и починки обоза. Войскамъ было строжайше предписано обращаться съ турбаевцами „съ пристойною обывателямъ ласкою". У Коховскаго была одна опредѣленная ближайшая цѣль: извлечь изъ Турбаевъ, по возможности незамѣтно, вожаковъ „огорченнѣйшихъ и строптивѣйшихъ невѣждъ, коихъ мнѣнію и совѣ-

тамъ большая часть жителей слѣпо слѣдуетъ". Нѣкоторые изъ этихъ вожаковъ были настроены въ высшей степени враждебно по отношенію ко всѣмъ примирительнымъ мѣрамъ и компромиссамъ, или, по выраженію одного донесенія, находились „въ крайнѣйшемъ чувствованіи претерпѣннаго ими огорченія, отъ коего вкоренившаяся въ нихъ отчаянность, и довѣренность къ нимъ жителей могла бы многихъ вовлечь въ несчастіе".

Нелегко все было сдѣлать такъ, какъ хотѣлъ Коховскій, но секундъ-майоръ Карповъ, которому это было поручено, оказался на высотѣ своей задачи. Прежде всего надо было захватить атамана Тарасенка. Карповъ „потребовалъ его съ ласковостью" въ лагерь будто бы по поводу дровъ, подводъ и пастбищъ; затѣмъ приказалъ съ квартиръ самимъ жителямъ носить въ лагерь печеный хлѣбъ, а нѣкоторыхъ призвалъ къ себѣ для покупки скота. Этими „и разными подобными симъ предлогами" онъ привлекъ въ лагерь и задержалъ десять человѣкъ, на которыхъ ему было указано Коховскимъ. Сдѣлано все это было такъ просто, незамѣтно, быстро, что турбаевскіе жители не успѣли опомниться; такимъ образомъ секундъ-майоръ Карповъ „своими благоразумными и кроткими поступками удалилъ то происшествіе, о коемъ всѣ здѣсь говорили", т. е. новый взрывъ турбаевской отчаянности. Революціонная турбаевская гидра была обезглавлена безъ всякаго внѣшняго акта насилія, который могъ бы послужить для новой бури. Турбаи смирились. Жители стали „приходить въ раскаяніе въ оказанномъ ими невѣжествѣ, въ неповиновеніи судамъ". 11 іюля 1793 г. въ Турбаяхъ появились уѣздный и нижній земскій судъ и нижняя расправа градижскаго уѣзда и безпрепятственно „вступила въ производство дѣла". „Благодарю Всевышняго, что благословилъ приступить къ начальному производству дѣла въ тишинѣ и кротости", пишетъ одинъ изъ руководителей турбаевскаго дѣла: „молю нынѣ Его да спасетъ мя и дѣтокъ моихъ отъ напасти по случаю иска помѣщиковъ Базилевскихъ на жителяхъ турбаевскихъ. Страшусь сего, испытывая, какъ безъ вины можно быть виновату". Да, всю жизнь вѣрно помнили и разсказывали дѣтямъ и внукамъ участвовавшіе въ разборѣ турбаевскаго дѣла

о той опасности, изъ какой имъ удалось вынести себя цѣлыми и невредимыми.

Теперь уже главнымъ затрудненіемъ для начальства было не дѣло объ убійствѣ, для котораго такъ или иначе, хорошо или худо, да уже были собраны кое-какіе необходимые для правосудія „зачинщики и убійцы“. Затрудненіе было въ гражданскомъ искѣ Базилевскихъ, въ возвращеніи разграбленнаго имущества. То, что хранилось въ турбаевской съѣзжей избѣ, возвратить было не трудно: тамъ были документы въ числѣ 731 №№, векселя на 58,000 р., наличными деньгами больше 6,000 р. (впрочемъ, часть этихъ денегъ, 1,000 руб., была истрачена турбаевцами на ходоковъ въ Петербургъ) и двѣнадцать сундуковъ съ разными цѣнными вещами, серебромъ, разной иной посудой, платьемъ, мѣхами, бѣльемъ, дорогой бакалеей и пр. Но какъ было отбирать, а главное разыскивать вещи, находившіяся по рукамъ? Не значило ли это опять идти на явную опасность поголовно раздражить населеніе? Власти, сидя въ Турбаяхъ, конечно, понимали это отлично, и очень охотно замяли бы все это. Но у нихъ на шеѣ сидѣли Базилевскіе, которые не желали поступиться ничѣмъ. Они жаловались на то, что турбаевцы продаютъ принадлежащія имъ вещи на сторону, обвиняли разныхъ лицъ въ передержательствѣ вещей и требовали привлеченія ихъ къ отвѣтственности, просили о томъ, чтобъ былъ наложенъ секвестръ на имущество турбаевцевъ въ цѣляхъ обезпеченія иска и т. п. Все это усложняло и тормозило дѣло, и безъ того очень сложное, а главное требовало такихъ дѣйствій со стороны властей, которыя могли снова сдѣлать окончаніе дѣла „сомнительнымъ и опаснымъ.“ Коховскій, видимо, былъ крайне раздраженъ безтактнымъ поведеніемъ Базилевскихъ, и раздраженіе проглядываетъ даже въ оффиціальномъ тонѣ его дѣловыхъ бумагъ. Когда Базилевскіе прислали ему, при пріѣздѣ его въ Турбаи, вина и столовые припасы, онъ отвѣтилъ на этотъ простой актъ вѣжливости, который считался въ тѣ времена обязательнымъ даже и по отношенію къ незнакомому проѣзжему своего общества, что „онъ получаетъ на свое содержаніе жалованье“.

Однако не могъ же судъ отказать въ признаніи юридической правоты за требованіями Базилевскихъ и долженъ былъ что-нибудь дѣлать для ихъ удовлетворенія. Начали турбаевцы возвращать кое-что, какъ пишутъ Базилевскіе: „изъ каретъ аглицкихъ, колясокъ и др. экипажей доставлена ось желѣзная, два рессора да ступица съ колеса обрубленная; мѣсто серебра, въ нѣсколькихъ пудахъ расхищеннаго, возвращено ничего не значящее количество; мѣсто брильянтовъ и другихъ дорогихъ вещей ни одного камушка не явилося". По дальнѣйшимъ розыскамъ и настояніямъ властей, снесено было довольно много вещей, такъ что составился порядочный ихъ списокъ; но содержаніе этого списка все было сплошь такое: „канапе совсѣмъ оборванное, двери горничныя разламанныя, столикъ побитой, кровать ломанная, съ кареты кусокъ кожи сгнилой, кафтанъ нѣмецкій бархату рытого совсѣмъ сгнилой, полотна голландскаго измоченнаго, вымараннаго и сгнилого кусокъ, сабля подъ серебряною оправою съ позолотою спорченная, кожъ овчинныхъ старыхъ, молью поѣденныхъ" и т. д., и т. д. Еслибъ мы не знали, что турбаевцамъ, и начальству было въ это время не до шутокъ, то могли-бъ подумать, что все это простая насмѣшка надъ претензіями Базилевскихъ. Коховскій сдѣлалъ для удовлетворенія Базилевскихъ все, что онъ считалъ возможнымъ: отдалъ строгій приказъ и распубликовалъ его по всему уѣзду, чтобъ никто, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности, не смѣлъ покупать у турбаевцевъ никакого имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго; но терроризировать населеніе, а безъ того нельзя было добиться полнаго удовлетворенія всѣхъ претензій Базилевскихъ, онъ не хотѣлъ. Но такъ какъ эти претензіи угрожали затянуть турбаевское дѣло въ безконечность, то онъ испросилъ у Екатерины разрѣшеніе не задерживать его движенія искомъ Базилевскихъ. Такимъ образомъ, искъ этотъ, съ переселеніемъ турбаевцевъ, прекратился самъ собою.

31 января 1794 г. общее присутствіе градижскаго уѣзднаго суда и нижней расправы изрекло приговоръ надъ жителями турбаевскими, обвинявшимися въ убійствѣ помѣщиковъ

Базилевскихъ и въ прочемъ: приговорено къ смертной казни—7, къ наказанію кнутомъ—42, плетьми—134, освобождено отъ суда—228 душъ. Смертные приговоры всѣ были отмѣнены; наказанія смягчены. Но турбаевцевъ ждало еще общее наказаніе, которому подверглись наравнѣ съ виновными и совсѣмъ невинные. Кровь Базилевскихъ не была, конечно, кровью невинныхъ, но она тѣмъ не менѣе упала не только „на васъ“, но „и на чада ваша“.

V.

Проектъ Потемкина на счетъ переселенія турбаевцевъ въ Заднѣпровье былъ утвержденъ Екатериной. Тогда же, т. е. еще въ самомъ началѣ турбаевскаго дѣла, въ 1790 г., были выяснены основанія, на коихъ должно было совершиться это переселеніе. Базилевскіе, съ большой и понятной готовностью, отдавали на выкупъ казнѣ всѣхъ своихъ турбаевскихъ крестьянъ: просили за мужескую душу 50 руб., но соглашались и на низшую оцѣнку, согласны были и разсчетъ отъ казны получить не деньгами, а солью таврической, лишь бы „не имѣть сихъ людей передъ своими глазами и не опасаться отъ нихъ злыхъ послѣдствій“. Оставался еще вопросъ на счетъ „спорныхъ мужиковъ“, т. е. ищущихъ козачества. Дѣйствія суда по разбору козацкихъ правъ турбаевскихъ жителей были прерваны катастрофой. Но тѣмъ не менѣе какъ то состоялось постановленіе, чуть ли не заднимъ числомъ помѣченное (по крайней мѣрѣ такъ утверждали турбаевцы въ одномъ своемъ прошеніи), такъ какъ на немъ стояла дата роковаго дня 8 іюня 1789 г. Вникать во все это теперь уже было некому и не для чего, такъ какъ послѣдующія событія совсѣмъ заслонили эту сторону. Упомянутымъ постановленіемъ признаны были козачьи права за 259 турбаевскими жителями. Земли этихъ спорныхъ мужиковъ Базилевскіе соглашались принять по сдѣланной казною оцѣнкѣ, съ вычетомъ стоимости этихъ земель изъ того, что имъ будетъ причитаться за выкупленныхъ казною крестьянъ.

Такимъ образомъ, все было улажено. Потемкинъ разсчитывалъ, что весной 1791 г. состоится и переселеніе. Но все это разсчитывалось безъ турбаевцевъ, а въ нихъ-то и было дѣло. Когда духъ крайней оппозиціи завладѣлъ Турбаями, начальство не рѣшалось не только предпринимать что-нибудь въ видахъ ихъ переселенія, но даже и заговаривать съ ними объ этомъ предметѣ. И немудрено. „Видя самъ село Турбаи и нѣсколько хуторовъ, принадлежащихъ турбаевцамъ, сужу, что тяжко имъ будетъ разставаться съ ихъ домами, садами, рощами, словомъ со всѣмъ, въ совершенствѣ устроеннымъ, домоводствомъ, и съ мѣстами предковъ ихъ и ихъ рожденія", пишетъ Коховскій. „Объявилъ я нынѣ турбаевцамъ, что они въ казну покупаются, но о переселеніи ихъ извѣщать воздержуся", продолжаетъ онъ. Это письмо относится къ времени его личнаго посѣщенія Турбаевъ въ мартѣ 1792 г. Онъ поручилъ другому лицу „предложить турбаевцамъ съ кротостью о переселеніи". Но тѣ отвѣчали просьбой о разрѣшеніи послать ходоковъ къ государынѣ, заявляя, что до полученія отвѣта они никуда выселяться изъ Турбаевъ не намѣрены, и „готовы хоть бы и смертью пострадать въ Турбаяхъ". Послѣ того власти уже не заводили больше и рѣчей о переселеніи до самыхъ тѣхъ поръ, пока Турбаи не были окончательно усмирены.

Но теперь выступаетъ вопросъ: куда же переселиться? Потемкинъ проектировалъ поселить турбаевцевъ на своихъ собственныхъ заднѣпровскихъ земляхъ; но онъ умеръ, а наслѣдники его были для казны простые частные владѣльцы, на земляхъ которыхъ не было смысла селить казенныхъ крестьянъ, какими были теперь турбаевцы. Началась переписка на счетъ отысканія подходящихъ казенныхъ мѣстъ. Рѣшено было при выселеніи совсѣмъ отдѣлить козаковъ отъ крестьянъ. Къ веснѣ 1794 г. мѣста были отысканы. Крестьяне должны были переселиться въ таврическую область, гдѣ имъ было отведено для поселенія четыре мѣста по сю сторону Перекопа: на двухъ большихъ дорогахъ, бериславской—въ Черной Долинѣ и Чаплынкѣ и херсонской—при урочищѣ Буркутъ и въ Каланчакѣ. Козаковъ переселяли за Бугъ, „къ рѣкѣ Днѣстру въ пріобрѣ-

тенную отъ порты оттоманской область", въ селенія Яски и Бѣляевку.

Переселеніе должно было состояться весной 1794 г., лишь тридцати семьямъ разрѣшено было остаться для уборки засѣяннаго хлѣба. Подъ Турбаями былъ расположенъ лагерь воинской команды, подъ наблюденіемъ и конвоемъ которой должно было совершиться переселеніе.

Духъ сопротивленія былъ сломленъ. Но легко-ли было все таки турбаевцамъ покинуть „свои дома, сады и рощи" для того, чтобъ идти въ неизвѣстныя „степныя" мѣста? И вотъ они, какъ утопающій за соломинку, хватаются за всякіе предлоги и отговорки, чтобъ хоть отодвинуть тяжелую минуту. То они представляютъ начальству, что пятьдесятъ подсудимыхъ турбаевцевъ находятся въ Екатеринославѣ до конца дѣла, и что неизвѣстно какъ быть съ ихъ женами и дѣтьми, „которыя могутъ претерпѣть въ семъ переселеніи крайнюю нужду"; то указываютъ на разныя незаконченныя ими дѣла между собой и съ сосѣдями, на необходимость распорядиться имуществомъ; то оказывается, что до 30 человѣкъ турбаевцевъ нѣтъ на мѣстахъ, разошлись въ наймы по разнымъ селеніямъ, а то и вовсе пропали безвѣстно. Но власти не отступали ни на шагъ ни передъ какими доводами, и настоятельно внушали турбаевцамъ, „что ежели они будутъ упорствовать, то наведутъ на себя по всей строгости законовъ жесточайшее наказаніе, а сверхъ того и переселеніе имъ учинено будетъ непремѣнно. Характеренъ одинъ эпизодъ. Начальство, какъ уже сказано было, согласилось оставить на мѣстѣ до осени для уборки хлѣба, тридцать семей по выбору громады, пятнадцать козацкихъ, пятнадцать крестьянскихъ. Но никто не соглашался добровольно оставаться, воображая, что оставляютъ въ подданство Базилевскимъ: даже всѣ ужасы переселенія не могли примирить съ мыслью снова попасть подъ панскую власть. Едва едва удалось суду разсѣять недоразумѣніе.

Назначаемъ былъ срокъ за срокомъ для выступленія; а турбаевцы все не были готовы. Прошелъ и послѣдній срокъ— 17 мая 1794 г., турбаевцы не двигались. Тогда въ село вступило войско. Солдаты разведены были по домамъ, чтобъ пону-

ждать жителей къ выступленію. Такимъ образомъ турбаевцы выведены были съ имуществомъ, женами и дѣтьми на дорогу. Здѣсь сдѣлана была имъ повѣрка, и турбаевцы попрощались на вѣки съ родиной и другъ съ другомъ: одна часть двинулась въ таврическую губ. на Александровскъ, другая къ Днѣстру—каждая подъ прикрытіемъ роты егерскаго баталіона и донскихъ козаковъ.

Легко представить себѣ, что дорога нашимъ переселенцамъ не лежала скатертью. Вѣдь ихъ было въ одномъ отрядѣ мужескихъ душъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, 560, въ другомъ 468; сверхъ того, солдаты. По нашимъ извѣстнымъ, русскимъ обыкновеніямъ, никто нигдѣ не былъ ни къ чему готовъ, несмотря на строгіе приказы отъ начальства. Напр. въ Александровскѣ не оказалось ротмистра, который былъ командированъ, чтобъ принять переселенцевъ; не оказалось солдатъ для конвоя на смѣну старому конвою и т. д. Разумѣется отъ всего происходила для переселенцевъ „остановка, а въ пропитаніи, равно и въ кормѣ скота отягощеніе и крайнее разореніе“. Не лучше было и на мѣстѣ, по крайней мѣрѣ первое время. На счетъ козаковъ, выселенныхъ къ Днѣстру, мѣстное начальство доноситъ: „по нынѣшнему неурожаю въ здѣшнихъ мѣстахъ хлѣба заработать на первый случай не могутъ, и тѣмъ претерпѣваютъ крайнѣйшую нужду, такъ что иные питаются испрошеніемъ милостыни по народу“. И это только что разставшись съ своимъ турбаевскимъ „въ совершенствѣ устроеннымъ домоводствомъ...“ Наконецъ таки искупили турбаевцы свои многоразличныя вины.

„Селенія Турбаи даже и названіе истребить и не быть болѣе тамъ никакому жилищу по извѣстной причинѣ обагренія онаго кровію“, такъ просили Базилевскіе, и просьба ихъ была исполнена.

А. Ефименко.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1])

25 марта, въ Великій четвергъ, по утру въ 10-мъ часу съѣхались во дворецъ знатный россійскій генералитетъ, вся свита и чужестранные министры.

Въ 11 часовъ утра императрица со свитою выѣхала въ Кіево-Печерскій монастырь; здѣсь при колокольномъ звонѣ ее встрѣтилъ предъ дверьми Соборной Успенія Пресвятыя Богородицы церкви со крестомъ Викторъ, архимандритъ слуцкій и бориспольскій, съ знатнымъ духовенствомъ, всѣ въ облаченіи.

Императрица присутствовала при совершеніи *омовенія ногъ.* При этомъ находились духовные: на амвонѣ, съ правой стороны: 1) императорскій духовникъ, членъ Синода, протоіерей Іоаннъ Іоанновичъ Панфиловъ, 2) греческаго монастыря архимандритъ Іаковъ, 3) лубенскаго монастыря архимандритъ Дамаскинъ, 4) Кіево-Печерской лавры игуменъ іеромонахъ Өеофилактъ, 5) Печерскаго монастыря соборный іеромонахъ Павлинъ, 6) уставщикъ того же монастыря іеромонахъ Кассіанъ. Съ лѣвой стороны: 7) Никольскаго монастыря архимандритъ Амфилохій, 8) Кирилловскаго монастыря архимандритъ, Кіево-Печерской лавры намѣстникъ Каликстъ, 9) сербскій архимардритъ Спиридоній, 10) Кіевопечерской лавры типографъ іеромонахъ Өеофанъ, 11 и 12) Печерскаго монастыря іеромонахи Іафетъ и Балабуха.

При архіереѣ въ послуженіи находились: Кіево-Печерскаго монастыря архидіаконъ Порфирій и находящійся при духовникѣ императрицы діаконъ Петръ Ивановъ, который во

---

[1]) См. „Кіевская Старина", 1891 г. № 2.

время службы начальствовалъ. Церковная служба кончилась по полудни въ 12 часовъ.

Императрица, пожаловавъ въ церкви къ рукѣ всѣхъ духовныхъ, возвратилась во дворецъ. Къ обѣду былъ приглашенъ Потемкинъ.

Въ вечеру, въ 6 часовъ, передъ внутренними покоями, духовникомъ начата Божія служба и отправлялась оная при чтеніи страстей Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.

Въ этотъ день по утру, передъ выѣздомъ къ литургіи, графъ Безбородко представилъ императрицѣ прибывшаго въ Кіевъ графа Соллогуба. 26 марта, въ Великую пятницу, по полудни въ половинѣ 2 часа, съѣхались ко двору въ траурномъ платьѣ статсъ-дамы, и всѣ находящіяся въ свитѣ и другія знатныя особы и собрались въ парадныхъ покояхъ.

Императрица вышла изъ внутреннихъ своихъ покоевъ въ собраніе, одѣтая въ камеръ-траурѣ, и выѣхала въ Кіево-Печерскій монастырь, въ сопровожденіи всей свиты. У Свято-Троицкихъ воротъ встрѣтили императрицу Кіево-Печерской лавры намѣстникъ архимандритъ Калликстъ и монашествующіе въ мантіяхъ; они сопровождали императрицу до церкви во имя святаго Чудотворца Николая, предъ дверьми которой встрѣтилъ съ крестомъ, въ облаченіи, преосвященный Викторъ, архіепископъ слуцкій и бориспольскій, съ знатнымъ духовенствомъ.

Во время Божіей службы изъ церкви святаго Чудотворца Николая въ соборную Успенія Пресвятыя Богородицы церковь учиненъ былъ выносъ плащаницы, чрезъ монастырь, при колокольномъ звонѣ, слѣдующимъ порядкомъ:

1) Отъ церковныхъ дверей святаго Чудотворца Николая, на нѣкоторое разстояніе по сторонамъ пути, стояли по 16 монашествующихъ въ мантіяхъ, безъ облаченія.

2) Отъ тѣхъ монашествующихъ по обѣ стороны стояли разныхъ семинарій семинаристы.

3) До западныхъ дверей соборной Успенія Пресвятыя Богородицы церкви, по сторонамъ же пути, стояли по 12 монашествующихъ въ мантіяхъ, какъ и первые, а между стояв-

шими, по сдѣланному во весь путь деревянному мосту, обитому зеленымъ сукномъ слѣдовала духовная процессія.

4) 18 человѣкъ канархистовъ въ стихаряхъ, по два въ рядъ.

5) Два іеродіакона съ хоругвями.

6) 8 іеродіаконовъ съ фонарями, по два въ рядъ.

7) 1 іеродіаконъ несъ Животворящій Крестъ.

8) 12 іеромонаховъ, по шести на каждой сторонѣ, съ зажженными большими свѣчами, а между ними хоръ придворныхъ пѣвчихъ.

9) Несена плащаница и находились при несеніи оной: архимандриты, впереди съ правой: лубенскаго монастыря Дамаскинъ, съ лѣвой стороны: сербскій Спиридоній, за оными съ правой: греческаго монастыря Іаковъ, съ лѣвой стороны: Кирилловскаго монастыря Калликстъ, за сими съ правой духовникъ императрицы, съ лѣвой стороны: Никольскаго монастыря архимандритъ Амфилохій, средину плащаницы поддерживалъ преосвященный архіепископъ Викторъ.

10) За ними шествовала императрица, сопровождаемая знатными обоего пола придворными и прочими особами, и во время высочайшаго шествія, за плащаницею, отъ стоящаго въ монастырѣ армейскаго караула отдана фронтомъ честь съ барабаннымъ боемъ.

По внесеніи плащаницы въ соборную церковь и по прибытіи въ оную императрицы, говорилъ проповѣдь кіевской академіи префектъ Богоявленскаго братскаго монастыря іеромонахъ Димитрій Устимовичъ; по окончаніи проповѣди императрица прикладывалась къ плащаницѣ и къ имѣющимся въ соборной церкви святымъ мощамъ Божіихъ угодниковъ.

По совершеніи всей Божіей службы, которая кончилась по полудни въ половинѣ 4-го часа, въ церкви императрица жаловала къ рукѣ преосвященнаго и прочихъ духовныхъ, потомъ при колокольномъ звонѣ возвратилась во дворецъ и по прибытіи благоволила проходить во внутренніе покои. Обѣденнаго стола не было и въ вечеру при дворѣ особливаго ничего не происходило.

27 марта, въ страстную субботу, въ 10 часовъ утра Днѣпръ очистился отъ льда противъ Кіева и послѣ трехъ сигнальныхъ выстрѣловъ съ Печерской крѣпости выѣхалъ на шлюбкѣ подъ флагомъ и вымпеломъ флота капитанъ-лейтенантъ Пущинъ, и проѣзжая противъ дворца, салютовалъ 21 выстрѣломъ, а матросы кричали ура! Противъ Кіево-Печерской крѣпости дано семь выстрѣловъ. „Днѣпръ открылся (писала 30 марта императрица къ Брюсу), только холодно, чаю нарочно для того, чтобы вы имѣли чѣмъ хвастаться вашею петербургскою погодою". (Изъ писемъ къ Брюсу).

Въ этотъ день по утру, въ 7 часовъ, передъ внутренними покоями духовникомъ отправлялась утреня. Передъ полуднемъ, въ 12-мъ часу, тотъ же духовникъ, въ придворной церкви совершалъ литургію, которую императрица слушала съ придворными обоего пола и прочими знатными особами изъ зала. По окончаніи Божіей службы поднесены духовникомъ присланные изъ монастыря Кіево-Печерской лавры канонники святой пасхи.

Въ этотъ день къ столу императрицы приглашены: Анна Степановна Протасова, Марина Осиповна, супруга господина оберъ-шталмейстера Нарышкина, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, Левъ Александроричъ Нарышкинъ, графъ Ангальтъ, князь Өедоръ Сергѣевичъ Барятинскій, Степанъ Өедоровичъ Стрекаловъ, Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, Василій Ивановичъ Левашевъ.

28 марта, въ день праздника святыя Пасхи, по полудни, въ часъ, по второму съ Кіево-Печерской крѣпости пушечному сигналу имѣли пріѣздъ ко двору всѣ находящіеся въ свитѣ и чужестранные министры, дамы въ русскомъ, а кавалеры въ обыкновенномъ платьѣ; по тому жъ сигналу, по повѣсткамъ, собрались пребывающія въ Кіевѣ знатнѣйшія обоего пола особы и знатное дворянство въ Кіево-Печерскій монастырь, въ соборную Успенія Пресвятыя Богородицы церковь.

Въ началѣ 3-го часа императрица, въ сопровожденіи свиты, въ экипажахъ выѣхала въ Печерскій монастырь, въ соборную церковь, къ слушанію Божіей службы; здѣсь ее встрѣтилъ предъ дверьми той церкви, преосвященный Викторъ, съ прочимъ знат-

нымъ духовенствомъ въ церковномъ облаченіи; потомъ, императрица слушала начатую при обыкновенныхъ въ сей день обрядахъ Божію службу, которую отправлялъ соборомъ преосвященный Викторъ, и по возглашеніи воскреснаго тропаря съ Печерской крѣпости была пушечная пальба.

По окончаніи всенощной, императрица въ церкви же, у своего императорскаго мѣста, принимала поздравленіе отъ знатнаго генералитета, отъ всей свиты и прочихъ знатныхъ особъ и жаловала всѣхъ къ рукѣ.

Во время литургіи, при чтеніи св. Евангелія произведена была пушечная пальба съ Кіево-Печерской крѣпости.

По окончаніи же литургіи произведена пушечная пальба съ крѣпостей Печерской и Старо-Кіевской и учиненъ 101 выстрѣлъ.

Литургія кончилась въ половинѣ 5-го часа утра, императрица, пожаловавъ къ рукѣ преосвященнаго и прочихъ духовныхъ, возвратилась во дворецъ. Здѣсь по утру, въ 6-мъ часу, былъ обѣденный столъ, къ которому приглашены: Анна Степановна Протасова, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, графъ Ангальтъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій, Степанъ Ѳедоровичъ Стрекаловъ, Александръ Матвѣевичъ Мамоновъ, Александръ Юрьевичъ Нелединской.

Въ столовой кавалерскаго стола не было. По полудни, во 2-мъ часу, съѣхались ко двору находящіяся въ свитѣ знатныя придворныя обоего пола особы и чужестранные министры и собрались въ парадныхъ покояхъ; въ то же время, по учиненной предъ тѣмъ отъ губерніи повѣсткѣ, собраніе имѣли россійскія знатныя обоего пола персоны въ соборную святыя Софіи Премудрости Божіей церковь, что въ Старомъ Кіевѣ.

Въ 3-мъ часу императрица, въ сопровожденіи знатныхъ придворныхъ особъ, въ экипажахъ, прибыла въ Софійскій соборъ; предъ дверьми встрѣчена была того собора духовенствомъ со крестомъ при колокольномъ звонѣ; послѣ вечерни, которую отправлялъ помянутаго собора протоіерей Іоаннъ Леванда съ

прочимъ духовенствомъ, преосвященный Самуилъ митрополитъ кіевскій и галицкій, также означенный протоіерей Леванда, съ бывшими въ служеніи духовными приносили ея императорскому величеству поздравленіе и жалованы къ рукѣ, причемъ говорена поздравительная рѣчь преосвященнымъ Самуиломъ.

„Всемилостивѣйшая государыня! Наслаждаяся радостію, какову воскресшій Христосъ, Спаситель нашъ, вливаетъ въ сердца вѣрующихъ въ Него, не можемъ не представить и тѣхъ человѣколюбія Его знаковъ, каковыми сопровождаемо было возстаніе Его изъ мертвыхъ".

„Онъ разслабленный безпокойствіемъ духъ и трепещущее отъ страха сердце любезныхъ Своихъ учениковъ ободрилъ и укрѣпилъ сими словами: Миръ вамъ!"

„Онъ объятыя ихъ мысли тмою печалей осіялъ немерцающимъ вѣчнаго веселія свѣтомъ, сказавъ имъ: Радуйтеся!"

„Онъ, бесѣдуя съ ними, отверзе имъ умъ разумѣти Писаніе".

„Всѣ сіи, и прочіе столь горячей Его къ намъ любви знаки, чѣмъ живѣе внемлемъ нашимъ воображеніемъ, тѣмъ совершеннѣе удостовѣряемся о чувствіи радости, разливающейся въ сердцѣ и душѣ твоей, вѣрою и благоговѣніемъ къ воскресшему Христу воспаленной".

„Милость мира, какову мы вкушаемъ подъ благословенною твоею державою; обиліе радости, какову мы въ кротости твоего духа, какъ въ неисчерпаемомъ милосердія источникѣ, почерпаемъ; снисхожденіе и матернія твои бесѣды, коими ободряеши и утѣшаеши чадъ твоихъ; неусыпное твое попеченіе о просвѣщеніи ввѣренныхъ тебѣ народовъ, суть совершенныя доказательства твоего воскресшему Христу сообразованія, твоего истиннаго о возстаніи Его изъ мертвыхъ радованія".

„Усердіе сыновнее и долгъ вѣрныхъ подданныхъ обязываетъ насъ молить воскресшаго Христа, да симъ воскресенія своего низпошлетъ тебѣ силы совершить все то, къ чему матернія и монаршія твои намѣренія для блаженства нашего простираются, и по величію щедротъ, тобою всегда обильно на насъ изливаемыхъ, а паче нынѣ безпримѣрно изливаемыхъ, да даруетъ тебѣ къ нашимъ благодарнымъ чувствіямъ и искрен-

нѣйшимъ желаніямъ соотвѣтствующей". (Изъ журнала Зеркало Свѣта № 70, 1787 г.).

Въ вечеру императрица малое время играла въ карты, приглася къ тому князя Григорія Александровича Потемкина, Мамонова и графа Браницкаго.

29 марта, на другой день Свѣтлаго Праздника, императрица была у литургіи въ Софійскомъ соборѣ и снова посѣтила митрополита Самуила; онъ въ это время былъ совершенно счастливъ, получивъ разрѣшеніе на всѣ свои представленія. Во время пребыванія императрицы въ Кіевѣ, онъ всѣ ходатайства и доклады по духовнымъ дѣламъ представлялъ черезъ графа Безбородка и по болѣзни, не будучи въ силахъ объясняться лично, безпрестанно обращался къ Безбородку съ письменными просьбами. Старика часто огорчали недоразумѣнія и неудачи, по причинѣ вмѣшательствъ въ эти дѣла духовника императрицы Ивана Ивановича Панфилова, пользовавшагося большимъ довѣріемъ императрицы и дружбою Безбородка. Иногда страдало самолюбіе митрополита, но Самуилъ сносилъ все съ кротостію. Такъ, при посвященіи въ архимандриты въ Нѣжинъ начальника кіево-печерской типографіи іеромонаха Өеофана Самуилъ письменно спрашивалъ Безбородка, кто долженъ послать рапортъ въ Синодъ о произведеніи Өеофана въ архимандриты, онъ или духовникъ? „Мнѣ слѣдуетъ потому, писалъ Самуилъ, что онъ былъ въ лаврѣ Печерской подъ моимъ начальствомъ, а его высокопреподобіе отецъ духовникъ можетъ репортовать потому, что ему высочайшее повелѣніе о произведеніи объявлено". Важнѣйшія представленія митрополита Самуила, высочайше утвержденныя и одобренныя, заключались въ слѣдующемъ:

1) Объ оставленіи академіи навсегда на томъ же мѣстѣ и о мѣрахъ къ ея устройству.

2) Посылать студентовъ академіи въ иностранные университеты для науки.—Любопытенъ докладъ Самуила по этому предмету,—вотъ онъ: „Академія кіевская имѣетъ недостатокъ въ учителяхъ, знающихъ основательно науки, для оной академіи нужныя, такожъ нѣмецкій и французскій языки, хотя же изъ иностранцовъ можно отыскать къ сему способныхъ людей, но

оные требуютъ за труды свои большаго награжденія и не могутъ на россійскомъ языкѣ изъяснять учащимся ни наукъ, ни языковъ оныхъ, безъ чего и хорошихъ успѣховъ въ ученіи ожидать не можно. Посему нужно, выбравъ четырехъ человѣкъ изъ студентовъ академіи, пріобрѣтшихъ довольное понятіе о таковыхъ наукахъ и языкахъ, отличившихъ себя честнымъ поведеніемъ и подающихъ хорошую надежду къ достиженію предполагаемаго намѣренія, послать на академическомъ иждивеніи въ иностранные университеты, гдѣ такія науки процвѣтаютъ и правила оныхъ языковъ изъясняются основательно, дабы симъ образомъ академія могла воспользоваться собственными своими учителями". Самуилъ испрашивалъ и впредь „по прошествіи нѣсколькихъ годовъ, когда надобность востребуетъ" отправлять на такомъ же основаніи.

3) Самуилъ хлопоталъ о пенсіи и пособіи архимандриту кіевскаго Николаевскаго монастыря *Епифанію*, которой по престарѣлости и болѣзни не могъ продолжать эту должность. Епифаній былъ человѣкъ ученый, былъ въ разныхъ семинаріяхъ учителемъ, при высочайшемъ дворѣ проповѣдникомъ, потомъ полтавскимъ протоіереемъ и наконецъ архимандритомъ.

4) Хлопоталъ о пенсіи престарѣлому архимандриту переяславскаго второкласснаго Вознесенскаго монастыря.

5) О переводѣ греческаго Кіево-Подольскаго монастыря, по случаю тѣсноты мѣста ветхости и бѣдности строеній,—въ Кіево-Подольскій Петропавловскій монастырь, который въ то время по высочайшему повелѣнію оставленъ для помѣщенія заштатныхъ монаховъ.

6) О прибавкѣ пенсіи сербскому архимандриту Спиридону Витковскому.

7) О прибавкѣ жалованья греческимъ архіереямъ: Серафиму, митрополиту лакедемонскому, проживающему въ лаврѣ, и Никодиму, живущему въ Николаевскомъ монастырѣ. Всѣ эти доклады и представленія были разрѣшены 15 марта 1787 г. (Госуд. архивъ от. XVIII, с. 47).

Въ этотъ же день при дворѣ былъ большой обѣдъ, къ которому были, сверхъ свиты и другихъ лицъ, приглашены

пріѣхавшіе въ Кіевъ иностранцы и поляки: принцъ де Линь, принцъ Нассау, графъ Браницкій, графъ Мнишекъ съ супругою, князь Сапѣга, графъ Северинъ Потоцкій, князь Сангушко, графъ Машинскій, князь Любомирскій, графъ Миро, графъ Потоцкій, староста гузовскій, англійскій министръ г. Витфортъ, господинъ Тишкевичъ, г. Войковичъ и г. Дубской, камергеры польскіе, г. Тарновскій и г. Гласко, генералъ-маіоры польскіе, староста Рациборскій.

Во вторникъ, на третій день праздника Святыя Пасхи, въ 12-мъ часу утра, въ сопровожденіи свиты, императрица прибыла въ экипажѣ въ дѣвичій Богословскій монастырь, что на Подолѣ; здѣсь у Святыхъ воротъ, по выходѣ изъ кареты, встрѣтили той обители игуменья Ксанфія съ монашествующими и поднесли святую икону Іоанна Богослова, потомъ, при колокольномъ звонѣ, черезъ монастырь императрица прошла въ церковь слушать литургію, которую соборомъ совершалъ духовникъ императрицы Панфиловъ.

По возвращеніи изъ монастыря во дворецъ, во 2-мъ часу, въ аудіенцъ-залѣ представлены княземъ Григорьемъ Александровичемъ Потемкинымъ присланные отъ дворянства таврической области пятеро депутатовъ, изъ коихъ коллежскій совѣтникъ Темиръ-ага Симферопольскій говорилъ на татарскомъ языкѣ привѣтственную краткую рѣчь, послѣ которой онъ и прочіе, дворянскій предводитель Абивелій-ага, коллежскій ассессоръ Мехъ-Мечети, мурза Агринской и Іосифъ Ибрагимъ и дворянской секретарь Гуссейнъ-Хаза, мурза Ширинской пожалованы были къ рукѣ. Обѣдъ былъ въ присутствіи императрицы, къ которому, сверхъ свиты, были приглашены: баронъ Елмптъ, Петръ Ивановичъ Пущинъ, Семенъ Ермолаевичъ Ширковъ, графъ Михаилъ Петровичъ Румянцевъ, Иванъ Степановичъ Кохіусъ, графъ Штакельбергъ, Василій Ильичъ Бибиковъ, графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій, генералъ-маіоръ Петръ Лукичъ Волковъ, Василій Васильевичъ Энгельгардтъ, Сергѣй Николаевичъ Салтыковъ, бѣлорусской губерніи предводитель Голынскій съ депутатами, таврической области совѣтникъ Темиръ-ага съ депутатами, господа иностранные послы и прочіе иноземцы: принцъ

де-Линь, родственники онаго, принцы же де-Линь, принцъ Нассау, графъ Браницкій, графъ Мнишекъ, князь Сапѣга, князь Сангушко, графъ Машинскій, графъ Миро, графъ Потоцкій, графъ Диланъ, г. Витфортъ, шевалье де-Ламетъ.

Столъ сервированъ былъ серебрянымъ парижскимъ сервизомъ, кончился по полудни въ 2 часа. Потомъ, въ 5 часовъ, по повѣсткамъ, съѣхались ко двору вся кіевская знать, иностранцы, посланники и дворянство.

Въ 6 часовъ императрица вышла изъ внутреннихъ своихъ покоевъ, въ сопровожденіи статсъ-дамъ, камеръ-фрейлины и прочихъ придворныхъ, въ аудіенцъ-залу, гдѣ тогда же при обыкновенной музыкѣ открытъ балъ, во время котораго императрица играла въ карты, приглася въ свою партію князя Григорья Александровича Потемкина, Александра Матвѣевича Мамонова и австрійскаго посла графа Кобенцеля. Балъ кончился въ 9-мъ часу вечера.

Въ этотъ день вечерни не было, поставленная же во дворцѣ, въ столовой комнатѣ, по случаю Страстной недѣли, полковая церковь собрана и вынесена въ принадлежащее ей мѣсто еще заранѣе въ день св. Пасхи послѣ литургіи.

Во время бала, въ этотъ день при дворѣ музыка была употреблена домашняя фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго и часть полковой пѣхотнаго днѣпровскаго полка. (Изъ Камеръ-Фурьерскаго журнала 1787 г.).

Всю свѣтлую недѣлю императрица ѣздила по монастырямъ и церквамъ, а по утрамъ гуляла въ дворцовомъ саду. Передъ обѣдомъ играла въ билліардъ, алагеръ или въ карты, вечеромъ въ карты и любовалась изъ оконъ на народное гульбище, устроенное передъ дворцомъ съ безплатными качелями.

„Днѣпръ вскрылся на Страстной недѣлѣ и я по очищеніи отъ льду Печерской крѣпости велѣла выполнить невскій обрядъ весь и теперь на крѣпости вѣетъ флагъ, и утреннюю и вечернюю зорю стрѣляютъ, какъ у васъ. Однако еще холодновато, а въ Свѣтлый праздникъ была погода мокрая и съ такимъ туманомъ, что плошки на колокольнѣ, стоя у церкви, не видно было. Съ прошедшими праздниками васъ поздравляю и прошу

поздравить отъ меня великихъ князей. Изъ Кіева, марта 30' 1787“ [1]).

„Я здорова, но буде сѣверные вѣтры не перестанутъ такъ сильно дуть, то отъѣздъ мой отселѣ замѣшкается: способа нѣтъ быть на водѣ въ таковой стужѣ. Трава нѣсколько разъ зачала показаться, но паки стужею поостановилась, и такъ мы здѣсь, какъ раки на мѣли. Въ другомъ письмѣ, мною подписанномъ, получите для господъ Протасова, Сакена и Бека знаки моего благоволенія. Надѣюсь, что великіе князья прилежаніемъ наградятъ потерянное ученіе въ время сыпи и кори. Разноязычные отселѣ помаленьку разъѣзжаются, но думаю, что городъ Кіевъ не одну сто тысячу выигралъ, ибо платили по восьмидесяти червонныхъ за дурную квартиру на недѣлю, и думаю, что воевода русскій одинъ здѣсь прожилъ тысячъ болѣе тридцати; у него всякій день былъ столъ для всѣхъ находящихся, у Браницкаго почти тоже, не упоминая о Мнишкѣ и прочихъ, кои столами и экипажами здѣсь щеголяли. Изъ Кіева, апрѣля 9, 1787“ [2]).

Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, когда Днѣпръ очистится ото льда, всѣхъ занимало желаніе поскорѣе начать оригинальное путешествіе водою. Наконецъ, 10 апрѣля флотилія, назначенная для высочайшаго плаванія по Днѣпру, вышла изъ Михайловскаго залива противъ Выдубецкаго монастыря. Вице-адмиралъ Пущинъ поднялъ свой флагъ при 9 пушечныхъ выстрѣлахъ съ каждаго судна. Поровнявшись съ Кіево-Печерскою крѣпостью обмѣнялся съ нею салютными 9 же выстрѣлами. Флотилія, продолжая плаваніе при противномъ вѣтрѣ и противъ теченія, остановилась близъ Подола (К.-Ф. ж.). На другой день, 11 апрѣля, императрица слушала въ большой церкви Братскаго монастыря, что на Подолѣ, обѣдню, куда отъ дворца провожали молодые мѣщане, особливо на таковой случай назначенные, въ богатомъ уборѣ и на хорошихъ лошадяхъ, а пѣшіе со всѣми цехами и знаками стояли отъ подольскихъ тріумфальныхъ во-

---

[1]) Русск. Архивъ 1864 г., стр. 961.

[2]) Русск. Архивъ, 1864 г., стр. 962.

ротъ до монастыря по обѣ стороны. Студенты же, въ четыре ряда, по обѣ стороны отъ монастырской братьи, до самой церкви, стоя со знаками, пѣли во время проѣзда государыни концертъ; на службѣ, совершенной преосвященнымъ слуцкимъ Викторомъ съ духовникомъ и тремя архимандритами и двумя монахами, посвященъ архимандритомъ въ Нѣжинъ отецъ Ѳеофанъ, бывшій въ Печерской лаврѣ типографщикомъ. Послѣ службы онъ говорилъ императрицѣ, по постриженіи, краткую, благодарственную на русскомъ языкѣ рѣчь, а за нимъ всѣ учители также говорили рѣчи императрицѣ на разныхъ языкахъ. По окончаніи допущены были къ рукѣ служащіе и говорившіе рѣчи; а послѣ, выйдя изъ церкви, ѣхали со всѣми кавалерами и придворными къ магистрату, гдѣ общество купцовъ и мѣщанъ города Кіева угощали императрицу. У кареты ее встрѣтили городской голова, магистратскіе члены съ купечествомъ обоего пола съ хлѣбомъ и солью, а въ залѣ оберъ-камергеръ Шуваловъ представилъ старшину Ефима Митюка, который сказалъ императрицѣ рѣчь отъ купечества. За обѣденнымъ столомъ было 65 приглашенныхъ. У графа Петра Александровича на сей случай взятъ былъ серебряный съ позолотою цѣлый сервизъ съ разными приборами, къ тому принадлежащими. Во время стола палили изъ шести пушекъ, нарочно туда привезенныхъ; а по окончаніи всего, императрица отъѣхала во дворецъ съ бывшими тамъ при столѣ кавалерами. Императрица возвращалась во дворецъ изъ магистрата, предшествуемая мѣщанами верхомъ, а въ магистратѣ для всѣхъ хорошо одѣтыхъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, открытъ былъ вольный балъ при духовой музыкѣ, съ разными танцами, продолжавшійся до десятаго часа. Въ этотъ же день императрица отослала къ королю польскому въ подарокъ верховую хорошую лошадь; вечеромъ былъ во дворцѣ куртагъ, какъ и прежніе (Сынъ Отечест. 1873, мартъ).

12 апрѣля, послѣ обѣда, въ 5 часовъ, собрались ко двору магистратскіе члены, кіевское именитое гражданство, ихъ жены и дочери, для принесенія всеподданнѣйшаго благодаренія за высочайшее посѣщеніе вчерашняго дня магистрата, и въ большомъ залѣ ожидали выхода императрицы изъ внутреннихъ покоевъ.

Въ началѣ 7-го часа императрица прибыла въ залъ и ей представлены: во первыхъ, статсъ-дамою графинею Александрою Васильевною Браницкою кіевскаго именитаго гражданства жены и ихъ дочери, а потомъ оберъ-камергеромъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ представлены магистратскіе чины и именитые граждане и всѣ жалованы къ рукѣ.

„Вы пишете,—писала императрица къ Брюсу,—что Свѣтлый праздникъ у васъ расшевелилъ людей, а здѣсь и того нѣтъ. Фельдмаршалъ Румянцевъ поставилъ качели и всякія игры, но здѣшній народъ и при веселіяхъ съ такой же nonchalance, какъ всегда; de ma vie je n'ai vu une province, ou les gens soye plus laid et plus bete, à peine cela se remue-t-il. Виватъ Русь! C'est bien autre chose! morgue! Чужестранныхъ было и есть много, живутъ по здѣшнимъ мерзскимъ шалашамъ и платятъ неслыханныя цѣны. Mais toutes les dames Polonaises sont bien singulières aussi; не знаю, что то въ нихъ есть много замоскворецкаго" (Письмо отъ 14 апрѣля).

Хотя императрица и давала полькамъ эпитетъ замоскворѣцкихъ, но въ числѣ ихъ были такія, которыя ее интересовали,—такъ, напримѣръ, графиня Потоцкая, жена воеводы русскаго, у котораго въ Кіевѣ было болѣе двухсотъ человѣкъ челяди шляхетскаго происхожденія. (Костомаровъ, Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Вѣстн. Евр. 1869, IV). Потоцкая пріѣзжала на балы, украшенная брилліантами на нѣсколько сотъ тысячъ.

„Прикажите, пожалуй,—пишетъ императрица къ Брюсу,—спросить на петергофской алмазной мельницѣ у Роде, нѣтъ ли у нихъ стекляной или хрустальной модели того большаго алмаза, который у меня въ скипетрѣ и, если найдете, пришлите оный ко мнѣ, здѣшнія дамы любопытствуютъ оный видѣть, а имянно графиня Потоцкая, воеводина русская, на которой на самой запросто алмазы по крайней мѣрѣ на полъ-милліона, наипаче жемчуги отличной величины...!"

Во вторникъ 20 апрѣля, предъ полуднемъ, въ 12-мъ часу, по собраніи ко двору свиты и чужестранныхъ министровъ, въ сопровожденіи оныхъ, императрица въ экипажахъ выѣхала для обозрѣнія Печерской крѣпости; у Васильковскаго бастіона встрѣ-

тили артиллеріи генералъ-аншефъ, Иванъ Ивановичъ Меллеръ, оберъ-комендантъ Кохіусъ съ штабъ и оберъ-офицерами кіевскихъ баталіоновъ. По выходѣ изъ экипажей, императрица взошла на земляной валъ, гдѣ поднесенъ былъ отъ генерала-аншефа Меллера Печерской крѣпости планъ, потомъ, начавъ съ Васильковскаго бастіона, императрица проходила вокругъ всей крѣпости, сопровождаемая свитою. Въ началѣ 2-го часа она возвратилась во дворецъ.

Въ 6 часовъ, съѣхались ко двору находящіяся въ свитѣ придворныя обоего пола персоны, знатный россійскій генералитетъ и чужестранные министры, и собрались передъ внутренними покоями; въ началѣ 7-го часа императрица изволила выйдти въ камеру собранія и, по случаю наступающаго дня торжества рожденія великой княжны Александры Павловны, принимала поздравленіе во первыхъ отъ статсъ-дамъ, камеръ-фрейлины и фрейлины, потомъ отъ кавалеровъ и всѣхъ жаловала къ рукѣ.

Въ среду, 21 апрѣля, въ день рожденія императрицы и тезоименитства великой княжны Александры Павловны, предъ полуднемъ, въ 12-мъ часу, императрица, въ сопровожденіи свиты, была у божественной литургіи въ соборной святыя Софіи церкви. При входѣ, встрѣтилъ ее въ облаченіи, со крестомъ, преосвященный Викторъ, архіепископъ переяславскій и бориспольскій съ прочимъ знатнымъ духовенствомъ. По окончаніи литургіи, съ крѣпостей Печерской и Старо-Кіевской производилась пушечная пальба и тогда же, въ церкви, императрицѣ приносили поздравленія преосвященные Самуилъ, митрополитъ кіевскій и галицкій, Викторъ, архіепископъ переяславскій и бориспольскій, Антоній, митрополитъ нинасминскій, царевичъ грузинскій, Серафимъ, митрополитъ лакедемонскій и прочее знатное духовенство, причемъ митрополитъ Самуилъ говорилъ краткую поздравительную рѣчь.

„Всемилостивѣйшая государыня! При возсіяніи всевожделѣннаго дня рожденія твоего, возхищенные неописанною радостію, получаемъ новыя побужденія, чувствуемъ новую обязанность ко изліянію благодарныхъ сердецъ предъ престоломъ Божіимъ и твоимъ монаршимъ“.

„Все протекшее время дражайшія твоея жизни было единъ подвигъ, едино вниманіе нашимъ пользамъ“.

„Каждый день умножалъ число твоихъ благодѣяній. Возходящее и заходящее солнце возобновляло благость твою къ намъ“.

„Все сіе содѣлало и тебя Великою, и насъ блаженными. Нынѣ, достигнувъ новаго счастливаго времени къ воспріятію новыхъ отъ тебя благотвореній, въ какомъ должны мы быть радостномъ восторгѣ?“

„Если, по апостолу, никто же себѣ живетъ, то мы не можемъ не признаться торжественно, что твоя жизнь, есть для нашихъ жизней“.

„Твоему величеству угодно было, для увѣренія о семъ, сказать, что ты сотворена для насъ, что желаешь увидѣть Россію, больше всѣхъ процвѣтающею, что сіе цѣнишь равно, какъ свою жизнь“.

„Безсмертныя твои дѣла доказали и утвердили истину таковаго изреченія“.

„Коликаго оно прославленія и благодаренія достойно! Но мы не можемъ ничѣмъ возблагодарить“.

„Молимъ только отъ всего сердца безпредѣльную благость Божію, да мы, чада твои, радуемся въ должайшія лѣта о тебѣ, какъ радуются дѣти о матери своей, какъ радуются твари о Создателѣ и Вседержителѣ своемъ, и какъ онѣ, повѣдая славу Его, воздаютъ Ему хвалу, тако мы, воспоминая благословенный день рожденія твоего, да возвеселимся о Тебѣ во вѣки“. (Журналъ Зерцало свѣта, 1787 г., № 74).

21 апрѣля, въ день своего рожденія, императрица подписала знаменитый манифестъ о дуеляхъ; Храповицкій въ своемъ дневникѣ оставилъ намъ замѣтки, доказывающія, какъ императрица занималась этимъ дѣломъ съ первыхъ дней своего пріѣзда въ Кіевъ.

„1-го февраля, записалъ Храповицкій въ своемъ дневникѣ, въ 8 томахъ „Энциклопедіи“ пріискалъ слова, къ дуелямъ относящіяся, и подалъ, обще съ воинскимъ артикуломъ и морскимъ уставомъ, заложа статьи о поединкахъ. 18. Читано начало манифеста о дуеляхъ, состоящее въ випискѣ приличныхъ статей

изъ грамоты, дворянству данной. 23. Показывалъ манифестъ о д(уеляхъ), гдѣ, послѣ статей, сдѣланъ оборотъ къ неистовству молодыхъ людей. 28. Читано продолженіе манифеста, гдѣ включенъ сильный примѣръ о оскорбленіи величества, различаемаго словомъ или дѣломъ. Марта 5. Переписывалъ два листа манифеста; тутъ сказано: мы сами вынули изъ важнѣйшаго закона о оскорбленіи величества неразличіе слова со преступленіемъ, 482-я статья Наказа. 7. Сдѣлана въ манифестѣ прибавка: переписывалъ листъ. 17. Читаны мнѣ заготовленныя запрещенія въ извѣстный манифестъ. 26. Переписывалъ манифестъ о дуэляхъ; тутъ положенъ примиритель, обязанный прекращать ссору. 27. Прежде пріѣзда спрашивали, когда вошелъ, сдѣлали вопросъ о переписыванномъ мною манифестѣ, и будетъ ли имѣть полезное дѣйствіе? Отвѣчалъ, что превращеніе присутствующаго въ примирителя подаетъ великую надежду, говоря примѣрами. Апрѣля 2. Вопросъ о манифестѣ о дуэляхъ, который я для графа классировалъ и переписывалъ. 21. Подписанъ манифестъ о дуеляхъ".

Объ этомъ манифестѣ бывшій оберъ-камергеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ писалъ изъ своего села Пехорки, 20 мая 1787 года, къ графу Брюсу: „Хотя я и живу въ деревнѣ, но получаю изъ города разнаго рода вѣсти. Сказываютъ, между прочимъ, что манифестъ о дуелѣ, котораго я еще не читалъ и ожидаю, дѣлаетъ въ публикѣ великую сансацію. Въ клобахъ, ваксалѣхъ, гуляньяхъ, ничего другова не говорятъ, какъ объ ономъ, всякой толкуя оной по своимъ мыслямъ". (Изъ главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, изъ бумагъ кн. Голицына).

22 апрѣля, въ 8 ч. утра, всѣ военные и гражданскіе чины, имѣющіе пріѣздъ ко двору съѣхались во дворецъ. Въ 9 ч. къ дворцовому крыльцу подъѣхала императорская двухмѣстная карета, передъ которою ожидали верхами городничій съ губернскою штатною командою и дворянство съ предводителемъ. Въ четверть 10-го часа императрица выѣхала изъ дворца въ Кіево-Печерскую лавру, при колокольномъ звонѣ со всѣхъ монастырскихъ и городскихъ церквей. Впереди кареты верхами ѣхало дворянство, позади генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры. Передъ

церковными дверьми Успенскаго собора государыню встрѣтилъ въ полномъ облаченіи съ прочимъ духовенствомъ архіепископъ Викторъ. Во время молебна митрополитъ Самуилъ читалъ молитву о путешествующихъ.

„Всемилостивѣйшая государыня! Протекли нечувствительно тѣ пріятнѣйшія, тѣ восхитительнѣйшія часы и минуты, въ которыя мы наслаждались свѣтомъ матерняго и монаршаго твоего лицезрѣнія“.

„Нынѣ великое свѣтило, для счастія нашего вѣка и грядущихъ времянъ вожженное, обращаетъ свои благотворныя лучи на другія благословенныя своего владычества предѣлы“.

„Коль сіе для насъ горестно и поразительно! Чувствуемъ совершенно, но изобразить ничѣмъ не можемъ“.

„Апостолъ Павелъ желалъ закрыть очи свои отъ дневнаго свѣта, какъ только облисталъ его невечерній свѣтъ, отъ явленія Христа Спасителя нашего возсіявшій“.

„Мы, толикое время лучами августѣйшія помазанницы Вышняго озаряемые, нынѣ лишась сего счастія, восхощемъ ли съ пріятностію взирать на солнечное сіяніе?“

„Едино то услаждаетъ нашу горесть, что Божественный твой зракъ, живо въ сердцахъ и душахъ нашихъ начертанный, пребудетъ съ нами неотъемлемо; что лучи твоего монаршаго вниманія проницаютъ во всѣ внутренности и самихъ отдаленнѣйшихъ твоея державы концовъ; что матернее твое человѣколюбіе не ограничивается никакими предѣлами“.

„Праведный Симеонъ, узрѣвъ во храмѣ Господнемъ Творца своего, съ миромъ окончалъ жизнь свою“.

„Мы, сподобившіеся созерцать въ сихъ предѣлахъ священнѣйшее лице виновницы всѣхъ нашихъ благъ, будемъ провождать остальные дни наши въ спокойствіи и тишинѣ; воспоемъ милости твоя во вѣкъ; возвѣстимъ щедроты твоя, преизобильно на насъ изліянныя, всему роду грядущему; проліемъ горячія молитвы ко Всевышнему, да сопровождая благословеніемъ Своимъ священныя твои стопы, въ путехъ Ему угодныхъ, хотя многотрудныхъ, ведущихъ къ отверзенію вратъ благополучія

нашего, сохранитъ тебя въ вожделѣннѣйшемъ здравіи, всесильною Своею десницею".

„Токмо со всеглубочайшимъ смиреніемъ молимъ тебя благоутробнѣйшая матерь отечества! ублажившая благоволеніемъ своимъ градъ сей, „да будутъ очи твои на него отверзты, и сердце твое въ немъ во вся дни живота твоего". (Зерцало Свѣта, 1787 г., № 74).

Приложившись къ св. иконамъ и мощамъ, императрица жаловала къ рукѣ преосвященнаго и прочихъ духовныхъ. Архіепископъ Викторъ сказалъ краткую напутственную рѣчь, и затѣмъ императрица выѣхала изъ монастыря при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ съ крѣпости. Эскадронъ лейбъ-кирасирскаго полка подъ командою генералъ-маіора Василія Васильевича Энгельгардта конвоировалъ экипажъ императрицы. У Николаевскаго монастыря вышелъ на встрѣчу съ крестомъ архимандритъ Амфилохій. Отсюда императрица проѣхала въ Старо-Кіевскій Софійскій соборъ, гдѣ ее встрѣтилъ митрополитъ Самуилъ. Посѣтивъ Михайловскій монастырь, государыня проѣхала черезъ Подолъ къ Днѣпру, гдѣ стояла на якорѣ галерная флотилія. По всему протяженію шествія императрицы стояли купцы, мѣщане, ремесленники и прочіе городскіе жители; въ разныхъ мѣстахъ устроены были тріумфальныя ворота, на которыхъ размѣстились музыканты, встрѣчавшіе императрицу игрою на трубахъ и литаврахъ.

Императрица сѣла въ шлюпку и переѣхала на галеру „Десна". Въ шлюпку приглашены были: статсъ-дама графиня Александра Васильевна Браницкая, графиня Катерина Васильевна Скавронская, камеръ-фрейлина Анна Степановна Протасова, князь Потемкинъ, А. М. Мамоновъ и австрійскій посланникъ графъ Кобенцель. За шлюпкою императрицы, въ шлюпкахъ и баркахъ, переѣхали на галеры остальныя лица свиты, посланники, а также принцы де-Линь, Нассаускій и графъ Браницкій.

Во время переѣзда императрицы съ берега, музыканты военныхъ командъ, бывшихъ на галерахъ, играли на трубахъ и литаврахъ, а солдаты „отдавали фронтомъ честь".

Всѣ лица, назначенныя къ слѣдованію въ путешествіи водяномъ, обѣдали на „Деснѣ“ съ императрицею. Съ галеры „Десна“, послѣ обѣда, императрица перешла на свою галеру „Днѣпръ“. Раздался пушечный выстрѣлъ съ галеры „Днѣпръ“ и передовыя галеры снялись съ якоря. Съ берега началась пушечная пальба, въ церквахъ колокольный звонъ, мѣщане и ремесленники на плотахъ около галеръ стрѣляли изъ ружей, а народъ, толпившійся по обѣ стороны Днѣпра, кричалъ „ура!“ За галерами послѣдовали въ лодкахъ: кіевскій губернаторъ, дворяне, купцы и мѣщане съ музыкою и пѣснями. На галерѣ „Днѣпръ“ былъ поднятъ вице-адмиральскій флагъ. Проходя мимо Печерской крѣпости, обмѣнялись салютами, а въ 6 часовъ вечера пушечный выстрѣлъ съ галеры „Днѣпръ“ далъ сигналъ всѣмъ судамъ стать на якорь. Вся флотилія остановилась противъ Китаевской пустыни, проѣхавъ 10 верстъ. Съ галеры „Днѣпръ“ данъ сигналъ флагомъ, чтобы лица, состоявшія въ свитѣ, явились на галеру „Днѣпръ“. Всѣ собрались въ залу, гдѣ бесѣдовала императрица съ ними до 8 часовъ вечера. Въ 10 часу свита ужинала на столовой галерѣ „Десна“, а въ 10 часовъ на всѣхъ галерахъ военные музыканты играли *зарю* и потомъ, послѣ всеобщей вечерней молитвы матросовъ и военной команды, раздался выстрѣлъ съ галеры „Днѣпръ“ и всѣ новые жители галеры улеглись спать.

Отъѣзжая изъ Кіева, императрица писала къ Брюсу: „Сегодня поѣду обѣдать на свои галеры, а послѣ обѣда съ Божьею помощью пустимся въ путь. Въ пятницу или въ субботу остановимся на весь день предъ Каневомъ, гдѣ находится король польскій, съ которымъ тотъ день и проводимъ, а на завтра, аще Богъ изволитъ, пустимся далѣе. На галерѣ „Днѣпръ“, апрѣля 23, 1787 года“. Вмѣстѣ съ императрицею поѣхалъ маленькій Браницкій, о которомъ она писала гр. Н. И. Салтыкову:

„Вѣкъ не отгадать, кто съ нами на галеры поѣдетъ! Маленькой Браницкой, которому, по моему совѣту, привили оспу. По выздоровленіи еще сталъ веселѣе и забавнѣе, и ежедневно отцу и матери покою не даетъ, чтобъ его повезли ко мнѣ, и онъ всякій вечеръ часа по четыре и болѣе въ моей комнатѣ

рѣзвится со мною, и наконецъ приступилъ ко мнѣ рѣшительно съ просьбою ѣхать со мною, и я беру съ собою до Кременчуга, а тамъ какъ растанемся, не вѣдаю: это дѣло его родителей. Надобно смотрѣть, какъ онъ дерется на шпагѣ съ prince de Ligne, и тотъ съ превеликою шпагою, а маленькой Браницкой съ палкою парируетъ и съ такой замашкой, что удивительно! Этотъ мальчикъ сокровище и всѣхъ насъ очень забавляетъ“ [1]).

Г. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Русск. Архивъ, 1864 г., стр. 964,

„ОНЪ ПРИСЯГАЛЪ.“

— И щожъ то за невирна людына! Якъ просывъ, якъ молывъ, а винъ хочъ бы тоби два карбованця давъ! Сказано звирюка!—Хова гроши, якъ собака на сини: сама не исть и другому не дае...

„Та, вы, Гаврыловичу звидки знаете, що въ его е гроши? Може воны на людяхъ теперъ?“

— Эхъ, и не кажить мени! уси, чисто уси говорять, що въ его грошей, якъ у жида. Хиба жъ вы не чулы, що винъ зъ батюшкою розмовлявъ и зъ того часу кладе ихъ у банку.

„А хто це бачивъ?“

— Якъ хто?

„Эге, хто жъ, кажу, бачивъ?“ какъ будто поддразнивая, спрашивалъ Герасименко.

— Хто бачывъ, то бачывъ, абы бачывъ... А я жъ его молывъ, а я жъ его, проклятого, просывъ... Риздво не забаромъ, у хати ничого нема, й того, й того треба, такъ винъ: не дамъ та й годи... Ну, оддячу я ему колысь!.. Долго еще слышно было, какъ, идя по улицѣ позднею порою, Иванъ Петренко сердито ворчалъ, а Герасименко поддразнивалъ его.

Вотъ они завернули въ уличку, и ихъ голосовъ не стало слышно.

Рѣчь шла о старомъ дѣдѣ Трофимѣ Мусіенкѣ. Чужой былъ онъ въ селѣ, пришелъ какъ то давно въ Петровку, поселился на краю села у одной вдовы; вдова умерла, а хата осталась какимъ то образомъ за Мусіенкомъ. Съ той поры Мусіенко

никуда не ходилъ, жилъ въ Петровкѣ и занимался понемногу сапожнымъ ремесломъ. Хорошій онъ былъ сапожникъ: такіе бывало сапоги сошьетъ, что и въ городѣ не найдешь.

Но жилъ онъ какъ то странно; самъ суровый на видъ, и жизнь его была какая то деревянная, сухая, не такая, какъ у другихъ людей. Водки никогда не пилъ, компаніи ни съ кѣмъ не водилъ. Бывало самъ и печь вытопитъ, самъ и обѣдать сваритъ. Самъ и бѣлье постираетъ на рѣкѣ; ни онъ никого, ни его никто не трогаетъ.

Баба Зубачиха (извѣстно языкатая баба на все село, никого не пропуститъ) такъ та говоритъ про Мусіенка „живе (выбачайте) якъ собака".

Когда разжился немного старикъ, сталъ онъ людямъ на проценты деньги взаймы давать. Дастъ нѣсколько рублей, а въ слѣдующемъ году надо ему возвратить капиталъ и съ процентомъ, вотъ и выйдетъ, что за два рубли надо отдать семь рублей. Люди и рады: Гершко хоть и беретъ за два рубли полтора, а черезъ два или три года выйдетъ, что долженъ ему ужъ пятнадцать рублей. Странно какъ то это у Гершка выходитъ. Конечно, грамотный человѣкъ быть можетъ и пойметъ, а простые люди видятъ только, что платятъ, платятъ и конца нѣтъ. Оттого то и идутъ къ Мусіенку. Гершко не притѣсняетъ: есть деньги—беретъ, а нѣтъ, онъ подождетъ, только процентъ большой положитъ. А Мусіенко ни за какія деньги не отсрочитъ, а придетъ и сдеретъ свое, не выйдетъ изъ хаты до тѣхъ поръ, пока своего не возьметъ. Слезы, горе людское, все ему ни почемъ; онъ не посмотритъ, что можетъ быть человѣку ѣсть нечего, свое возьметъ. Бранили его, хотѣли бить, а ему все равно, беретъ деньги и кладетъ въ карманъ.

Такъ жилъ онъ десять лѣтъ, а въ этомъ году что то странное съ нимъ сдѣлалось: ни гроша никому не даетъ. Ходятъ къ нему, просятъ, молятъ его, не даетъ. „Нема", говоритъ.

— Дежъ ваши гроши? спрашиваютъ его люди.

„Яки гроши? Хиба ты личывъ ихъ? Геть зъ хаты!"—и конецъ разговорамъ. Не знали что и думать. Стали ему предлагать бо́льшій процентъ,—не беретъ, и денегъ не даетъ. Думали,

гадали, отчего бы это такъ. Наконецъ попова наймичка всё сразу и „выявила". Она разсказывала бабѣ Зубачихѣ, что Мусіенко сталъ очень часто батюшку навѣщать; все разспрашивалъ о банкѣ, куда прячутъ деньги; съ батюшкой и въ Одессу ѣздилъ. А Зубачиха уже отъ себя добавила: „хочъ и живе якъ собака, а гроши сбира на щось добре, бо зъ батюшкой розмовля; а грошы держыть у скляной банци и вси бумажки посолывъ, конечне, щобъ не погнылы". Такую чепуху наплела, что и ума не приложишь. Конечно, этому не повѣрили, а въ селѣ всѣ думали, что старикъ прячетъ деньги у себя въ хатѣ. Что Мусіенко былъ человѣкъ твердый и умѣлъ „дѣла дѣлать" (какъ говоритъ Гершко), со всякимъ обойтись—это всѣ знали. Ужъ на что Петръ Савродымъ, и съ тѣмъ Мусіенко умѣлъ обойтись, несмотря на то, что отъ Петра люди убѣгаютъ, а Гершко, такъ тотъ его такъ боится, что, хотя Петръ ему и много долженъ, никогда его и не спроситъ про деньги. Савродымъ, еще когда былъ хозяиномъ, бралъ деньги взаймы, а какъ посидѣлъ въ тюрьмѣ и вышелъ оттуда, то прямо и сказалъ: „не дамъ никому, бо ничого не маю". Лошадей, возъ, волы всё продали за судебныя издержки, а коровъ самъ продалъ и деньги пропилъ, прогулялъ. Послѣ того частенько пропадалъ на недѣлю, другую, а пріѣдетъ домой на хорошихъ лошадяхъ, на нихъ красивая сбруя, самъ хорошо одѣтый. Извѣстно воръ на всё село.

„Я, говоритъ, у васъ не краду, такъ я и не злодій. Не маете силы та воли зослать мене на Сибырь, на вичне поселеніе. Бувъ дурный, въ своему сели кравъ—посадылы у острогъ, а теперъ годи! Не піймали, то й не злодій!"

Вотъ что говорилъ Савродымъ громадѣ, когда къ нему приставали съ разспросами, гдѣ онъ лошадей достаетъ.

Одинъ таки изъ нашихъ селянъ, „одинъ чоловичокъ" подслушалъ разговоръ Мусіенка съ Савродымомъ. Какъ то вечеромъ этотъ селянинъ, стоя за скирдою на гарманѣ, видитъ, что Мусіенко стоитъ около загаты, а Савродымъ въ огородѣ.

— Ты грошы мени отдасы черезъ тры дни,—какъ будто топоромъ рубнулъ Мусіенко.

„Не дававъ, тай не даватыму“, отвѣчаетъ, усмѣхаясь, Савродымъ.

— Нисля завтра—се буде понедилокъ; у понедилокъ оддасы уси чысто зъ процентами — двисти карбованцивъ, — будто не слыша, говоритъ Мусіенко.

„Дежъ я визьму ихъ? Ждали бильше, пидождете ще трохы, а то й зовсимъ не дамъ, та ще“...

— Ну: ще, яке твое ще?

„Та ще буде те, що и другимъ було—бытыму“...

— Бытымешъ?! то й гараздъ. А въ понедилокъ ты мени виддасы уси грошы до копійки. А ты, Петре, чувавъ колы про те, що за пидпалену хату на Сибырь йдуть?

„Чувавъ, такъ що зъ того?“

— А чы не чувавъ ты, що у сели Турбаяхъ була пожежа и коней зъ десятеро пропало на той часъ? Мовчышъ, не чувъ? Кажуть люде, що старій Мусіенко бачывъ того злодія...

„Що вы мене лякаете? Не боюсь я васъ“.

— Кажуть люде, та то може брехни, що Мусіенко ще бачывъ когось зъ сывыми киньми, нимецькими...

„Ты кони куповани“, перебилъ его Савродымъ.

— А! а й ты про ихъ знаешъ? Годи, хлопче, шутковать. Памьятай про Сибырь, понедилокъ и мои грошы—снова отрубилъ Мусіенко и пошелъ къ себѣ.

А что Савродымъ въ воскресенье продалъ и лошадей и сбрую и въ понедѣльникъ отдалъ Мусіенку деньги 200 рублей, такъ это на людяхъ было.

„Невирна людына“ старый Мусіенко, какъ его назвалъ сердитый Иванъ Петренко, странно какъ то обходился съ людьми. Есть въ селѣ баба Горпына. На всё село козакъ. Какъ только открытъ былъ новый судъ, она первая судилась и съ того времени все судится. Каждый годъ сидитъ она подъ арестомъ; отсидитъ свое и опять принимается за прежнее. А „невирна лю-

дына“ Мусіенко далъ ей взаймы денегъ и къ Покрову получилъ ихъ обратно. Всѣ сосѣди видѣли, какъ онъ пошелъ къ ней, а Марта Нетуды-витеръ смотрѣла въ окошко и своими собственными глазами видѣла, какъ Мусіенко долго говорилъ съ Горпиною. Черезъ окно не слышно было о чемъ шла рѣчь, а только Горпина махала руками, кричала, бралась за качалку и показывала на дверь, а послѣ успокоилась, сѣла и начала прясть. Тогда заговорилъ что то Мусіенко медленно, тихо; долго говорилъ, всталъ съ лавки и сталъ креститься, показывалъ рукою на образъ св. Николая, грозно смотрѣлъ на Горпину и опять на образъ. Горпина встала, что то сказала, и Марта видѣла, какъ Горпина открыла сундукъ, вынула нѣсколько бумажекъ и отдала ихъ Мусіенку.

Давалъ онъ этимъ и получалъ отъ нихъ безъ слезъ: давали отъ достатка, или краденое, да и Горпина не бѣдная. А были и такіе, что горько плакали...

Вдова Анисья въ позапрошломъ году, какъ ни старалась, но ни хлѣба, ни сѣна не уродило; взяла она у Мусіенка 50 рублей. За три года наросло процентовъ 45 р. За эти деньги Мусіенко всё какъ есть продалъ: и корову, и хлѣбъ, и лошадокъ. Когда уводили съ ея двора скотъ, она плакала, какъ по мертвому. Четверо дѣтей остались безъ куска хлѣба на зиму. А Мусіенку всё равно: „нехай, каже, мруть, колы нема хлиба. То брехни; не мерли и не вмруть. А якъ берешъ, то треба виддаваты“...

Какъ разъ въ Филипповку морозу еще не было, густой туманъ стоялъ стѣною, только изрѣдка онъ разсыпался мелкимъ дождемъ. Темень ночью такая была, что въ двухъ шагахъ человѣка не увидишь.

Петровка спала.

Третьи пѣтухи уже пропѣли. Только на самомъ краю села мерцалъ въ оконцѣ огонекъ: это свѣтилось у Мусіенка. Старый Трофимъ сидѣлъ на печи; подлѣ него горѣла восковая

свѣчка; онъ громко читалъ Священное Писаніе. Мѣрно, ровно раздавался его старческій голосъ: „Іисусъ же рече ученикомъ своимъ: аминь, глаголю вамъ, яко неудобь богатый внидетъ въ царствіе небесное, паки же глаголю вамъ, удобѣе есть верблюду сквозѣ иглины уши проити, неже богатому въ царствіе Божіе внити“...

И онъ перекрестился. „Охъ, охъ грѣхи мои тяжкіе“...

Подъ окномъ кто то быстро прошелъ; одинъ, два, три человѣка пробѣжали. Петли у двери сорваны, и она съ шумомъ повалилась.

Четыре человѣка быстро вошли въ хату. Мусіенко онѣмѣлъ.....

„Грошы! стара собако!“ прошипѣлъ Петръ Савродымъ и кинулся къ старику. „Бый его!“ сказалъ другой, и одинъ изъ нихъ ударилъ Мусіенка. Мусіенко упалъ съ печи на полъ. „Грошы давай! Умивъ грабувать, та людей обдырать? Одвитъ держы. Годи тоби знущатьця надъ биднотою, та голотою!“

— Гроши! ударилъ его ногою третій разбойникъ.

„Немае, немае, ей же Богу немае“...

— А! Такъ ты такый? Мукы ему проклятому! сказалъ Савродымъ.

Всѣ кинулись къ Мусіенку, связали его и желѣзомъ били по головѣ. Ударятъ и ждутъ, что онъ скажетъ.

Мусіенко молчитъ.

„Ломай ему руки!“ изступленно закричалъ Савродымъ...

Что то хрустнуло, разъ — другой... Мусіенко тяжко застоналъ.

— Дай, дай ще!... и старикъ замеръ и умолкъ.

Разбойники бросились къ сундуку, сняли полъ, развалили печь, лазили на чердакъ и нашли только десять рублей.

— Де грошы, стара собако?

„Ой, нема... вси... вси... отдавъ... Пустить христыянскою смертью вмерты... едва простоналъ Мусіенко.

— Колы такъ,—бый его на смерть, а то выявить! Бый, бый его! сказали трое и подскочили къ нему.

— Геть! Нетреба! Одлый его водою. Отлили, подняли старика и посадили.

Савродымъ снялъ икону, поставилъ на столъ, положилъ и святое Евангеліе, снялъ съ шеи Мусіенка крестъ.

— Присягайся, що не выявишъ насъ, або убьемо якъ собаку, здохнешъ безъ покаянія. Клянысь!

„Присягаюся... Богомъ... клянуся, що не выявлю моихъ ворогивъ... Нехай душа моя горитыме на тому свити... у пекли, якъ выявлю... клянуся! едва, едва промолвилъ Мусіенко, окровавленными губами поцѣловалъ икону, крестъ и Евангеліе и замертво повалился на полъ.

Разбойники быстро выбѣжали изъ хаты... Свѣчка тускло горѣла, вспыхнула разъ, два и потухла. Въ хатѣ стояла мертвая тишина. Старикъ замученный, избитый, весь въ крови, раскинулся и тяжко хрипѣлъ...

Рано утромъ бабы, идя по воду, увидали открытыя двери въ хатѣ Мусіенка. Онѣ подошли ближе и замѣтили, что оттуда выбѣжала собака. Заглянули въ хату и увидѣли Мусіенка: онъ лежалъ весь въ крови безъ чувствъ. Испуганныя бабы побѣжали въ правленіе.

Сбѣжались староста, соцкій, понятые; старикъ Мусіенко едва дышалъ; вскорѣ прибѣжалъ урядникъ и становой. Побитаго Мусіенка положили на возъ и полумертваго повезли въ „земскій пріемный покой", а начальство стало дознавать, какъ и кто бы могъ совершить такое злодѣяніе. Пошли людей разспрашивать, а вѣдь извѣстно, гдѣ ихъ искать—въ шинкѣ. Позвали Гершка, спрашиваютъ не слышалъ ли чего нибудь. Гершко божится, клянется, что ничего не слышалъ, не видѣлъ; у него никого съ вечера не было, только заходили хозяева—Гера-

сименко, Петренко, Удовинъ, да Петръ Незабудько; а больше никого не было. А это все хозяева—люди честные.

Не слышалъ ли рѣчей какихъ?

Рѣчей не было, а былъ разговоръ, только онъ, Гершко, не знаетъ о комъ.

Говорилъ Петренко, что просилъ у кого то денегъ, а онъ, и тутъ Петренко сказалъ: „старая собака“, денегъ не даетъ. А больше ничего не было, потому что у него только хозяева бываютъ, а „шарлатануфъ“ онъ къ себѣ не пускаетъ. И еще Петренко сказалъ: „ну оддячу я ему, „пашкидстве“. А больше ровно ничего; онъ и десять разъ готовъ присягать; пусть его Богъ сохранитъ, чтобъ у него бывали разбойники и убiйцы; у него вѣдь дѣтки и Гершуню, и Лейбуню, и Ривкэ, и Хайкэ...

Призвали Петренка, Герасименка, Ивана Удовина, Незабудька, и дѣйствительно оказалось, что Петренко говорилъ о томъ, какъ былъ съ вечера у Мусiенка, просилъ денегъ, а тотъ не далъ, и Петренко былъ этимъ раздосадованъ. Послѣ этого нечего уже и разговаривать; виновный нашелся. Петренка забрали, связали и посадили въ „холодную“.

Только на селѣ этому не повѣрили. Старые молчали, потому что хорошо знали въ какую бѣду попадешь съ разговорами, а молодые, тѣ поубѣгали изъ села, бѣжали отъ бѣды. Только Герасименко, сильно хвативши водочки, такъ и лѣзъ всѣмъ на глаза, его уводятъ люди, а онъ все свое:

— Брехня! Брехня! Петренко лаявъ Мусiенка и я его лаю... Такъ щожъ зъ того?

— Та цыть же ты, скаженный! Хиба й мы не знаемо, що Петренко не такiй, але мовчымо.

— А мени що? Лаявъ винъ, и я лаю: собаци—собача смерть...

— Ахъ ты Боже жъ мiй! Та собака винъ и е, а ты мовчы, говорилъ соцкiй и тащилъ Герасименка прочь отъ волости.

— Що правда, то не грихъ... тихо говорили старики на улицѣ. „Богато винъ грабувавъ“.

— За грихы быто, добавилъ дѣдъ Опанасъ; на то Божа воля.

— Гооосподы! й що вы тутъ говорыте диду?" заговорилъ, подбѣгая соцкій. Разходытесь геть! И якы грихы тамъ?! прибавилъ онъ и побѣжалъ дальше, почесывая затылокъ.

— Яки грихы? Процентъ—оце й грихъ, велыкій грихъ, проговорилъ дѣдъ и поплелся домой. Люди разошлись, а въ волостномъ правленіи становой приставъ что то скоро, скоро писалъ.

Цѣлыхъ три дня возился докторъ около Мусіенка, пока онъ очнулся и могъ заговорить. Тогда пришелъ судебный слѣдователь и сталъ разспрашивать, какъ было дѣло, какъ мучили и грабили Мусіенка.

Старикъ тихо, слово за словомъ разсказалъ, какъ они вошли, какъ его били, руки ломали, какъ деньги забрали десять рублей, и какъ онъ присягалъ не выдавать своихъ враговъ—мучителей.

Слѣдователь все записалъ и прочелъ Мусіенку написанное:

— Ну что, диду, такъ я записалъ?

— Такъ... по правди.

— Добре, а теперь скажите, кто же это они? Вы же узнали ихъ?

— Пизнавъ и знаю двохъ.

— Кто же они? Какъ ихъ имя и прозвище? Первый, конечно, былъ Петренко?

— Хто такый?

— Петренко, говорю, былъ?

— Ни, Петренка не було...

— Какъ не было? сгоряча спросилъ слѣдователь, а послѣ прибавилъ спокойнѣе,—ну, не было, такъ и не было. А ктожъ былъ?

Старикъ молчалъ.

— Ктожъ, диду, былъ, кто васъ мучилъ?

Дѣдъ смотрѣлъ на слѣдователя, широко открывъ глаза.

— Кто, говорю, диду, билъ васъ?

— Цего... хто бувъ... хто бывъ мене—не скажу.

— Какъ? не скажете имя своихъ вороговъ?

— Не скажу... Я присягавъ, я крестъ цилувавъ.... Я клявся и божывся не сказать...

Долго, долго разспрашивалъ слѣдователь дѣда, говорилъ ему, что это не только его враги, но враги и другихъ людей, что сегодня они его били, а завтра другихъ убьютъ; долго говорилъ онъ со старикомъ, но Мусіенко больше ничего не отвѣчалъ, молчалъ.

Черезъ недѣлю докторъ ужъ и не пошелъ въ покой, сказалъ, что Мусіенко не доживетъ до вечера.

Эта вѣсть облетѣла все село, всѣ ждали, что вотъ-вотъ зазвонятъ по его душѣ. Но никто не пожалѣлъ его—не любили его...

Поздно вечеромъ фельдшеръ пошелъ ужинать, сторожъ тоже ушелъ изъ покоя. Мусіенко тяжело дышалъ.

Среди этой тишины кто то тихонько открылъ двери, вошелъ въ комнату и сталъ около постели умирающаго.

То былъ Петръ Савродымъ. Лицо его было блѣдно, онъ тяжело дышалъ.

Мусіенко открылъ очи и взглядъ его упалъ на Савродыма.

Какъ блескъ молніи, мелькнула на лицѣ старика тихая, ясная, ласковая улыбка, губы его раскрылись...

Сивродымъ бросился, крѣпко припалъ къ старику и что то говорилъ ему, быстро говорилъ...

— Богъ простыть! прошепталъ дѣдъ...

Рано утромъ зазвонили по душѣ Трофима Мусіенка.

Люди крестились и простили ему. Тогда же и виновные были обнаружены. Петръ Савродымъ принесъ повинную и назвалъ своихъ товарищей.

Димитрій Марковичъ.

Нѣсколько новыхъ стоянокъ каменнаго вѣка по Днѣпру и его притокамъ.

Въ моей статьѣ — „Первобытный человѣкъ на берегахъ рѣки Днѣпра вблизи г. Кіева“ [1]) приведено описаніе стоянокъ, расположенныхъ на песчаныхъ буграхъ по обоимъ берегамъ Днѣпра, начиная отъ Кіева, внизъ верстъ на 50.

Лѣтомъ 1890 г. мной были произведены изысканія какъ на томъ же протяженіи, такъ иниже. Спустившись до Кременчуга, я сдѣлалъ по дорогѣ развѣдки въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ для этого представлялся удобный случай. Такимъ образомъ, настоящая замѣтка, въ которой сообщаются результаты поѣздки, служитъ дополненіемъ и отчасти продолженіемъ вышеназванной статьи.

Характеръ мѣстностей, на которыхъ находятся новыя стоянки, совершенно такой же, какъ и прежнихъ. Именно, песчаные бугры, лежащіе или внизу на луговой террасѣ Днѣпра, или же на средней песчаной. Бугры иногда покрыты лѣсомъ,— въ этомъ случаѣ можно было догадываться о присутствіи здѣсь первобытнаго человѣка, изслѣдуя лишь небольшія котловины или откосы, гдѣ песокъ обнажился; иногда же бугры имѣютъ видъ открытыхъ песчаныхъ розсыпей. Во время настоящихъ изысканій большинство бугровъ было неудобно для наблюденій, т. к. культурный слой почти вездѣ занесенъ пескомъ. Оставались открытыми только небольшія площадки.

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1890 г., апрѣль.

На этотъ разъ мы поднимемся немного выше Кіева и начнемъ съ бугровъ, лежащихъ на лѣвой сторонѣ, между сс. Староссельемъ и Сваромьемъ черниг. губ. остерск. у.

1) Если взойти на гору у Межигорскаго монастыря, то напротивъ, на другой сторонѣ Днѣпра, видна гряда бугровъ, идущая параллельно теченію рѣки. Отъ Днѣпра и отъ виднѣющагося вдали лѣса она отдѣляется довольно широкимъ лугомъ; у подошвы бугровъ въ сторонѣ Днѣпра течетъ небольшая рѣчка Косарь. Почти посреди гряда эта раздѣлена болотцемъ, такъ что получается двѣ группы—одна сѣверная, идущая почти до изгиба, который дѣлаетъ Днѣпръ у с. Сваромья, другая же лежитъ ближе къ с. Староселью; на этой то послѣдней главнымъ образомъ и сосредоточивались находки. Но и здѣсь онѣ встрѣчались только въ самой возвышенной части бугровъ, которая прилегаетъ къ болотцу; также и въ другой, сваромской группѣ, кое что попалось лишь на площадкѣ сейчасъ у болота; въ другихъ же мѣстахъ бугровъ почти ничего не найдено. Культурный слой былъ обнаженъ лишь въ тѣхъ мѣстахъ, которыя наиболѣе подвергались дѣйствію вѣтра, въ остальныхъ же вездѣ занесенъ чистымъ пескомъ. Осколки кремня, кремневыя орудія и черепки указывали, что здѣсь была стоянка. Цѣлыхъ кремневыхъ орудій найдено очень немного: два-три подправленныя острія, скребокъ, да нѣсколько ножичковъ, вотъ и все. Всѣ орудія небольшія и приготовлены на мѣстѣ, такъ какъ тутъ же найдено много осколковъ, оставшихся отъ выдѣлки. Глина почти во всѣхъ, найденныхъ здѣсь, черепкахъ хорошо выдѣлана безъ примѣси кварца; обжигъ также хорошъ—не смотря на то, что стѣнки сосудовъ были иногда довольно толсты, обжигъ прошелъ насквозь и черепковъ съ плохо выжженными прослойками встрѣтилось немного. О формѣ и размѣрахъ сосудовъ трудно судить, т. к. найдены только небольшіе куски; что касается днищъ, то большинство найденныхъ были плоскія; нашлось только одно конусообразное и притомъ орнаментированное. Въ орнаментикѣ сосудовъ первоначальная грубая дырочка встрѣчается рѣдко, преобладаютъ орнаменты изъ неглубокихъ и продолговатыхъ углубленій, расположенныхъ рядами;

былъ также орнаментъ въ видѣ шишекъ и кромѣ того изъ сочетаній прямыхъ линій; орнаментомъ покрыты и края сосудовъ. Чере ки и кремневыя орудія совершенно аналогичны съ таковыми другихъ стоянокъ по Днѣпру.

2) На другой сторонѣ, немного ниже древняго Вышгорода, между опушкой городского лѣса и Днѣпромъ находится группа бугровъ; бугры эти составляютъ конечный сѣверный пунктъ той возвышенности, которая окружаетъ Оболонь.

Одни изъ бугровъ покрыты дерномъ, вершины другихъ развѣяны и состоятъ изъ сыпучаго песка. При осмотрѣ этой группы только на одномъ бугрѣ, стоящемъ крайнимъ къ с. Вышгороду, найдена куча черепковъ; подобравши черепки въ томъ мѣстѣ, при помощи щупа была найдена и отрыта на глубинѣ нѣсколькихъ вершковъ верхняя часть большого сосуда, лежавшаго отверстіемъ внизъ; подобранные на поверхности черепки составляли уже разрушившуюся остальную часть сосуда и но; поперечникъ отверстія 19 снт.; глина приготовлена и выжжена хорошо, ободокъ украшенъ простымъ орнаментомъ, произведеннымъ вдавливаніемъ пальца. Кромѣ этого сосуда бугры подъ Вышгородомъ не дали ничего.

Изъ предметовъ, найденныхъ въ этомъ году на прежнихъ стоянкахъ, интересенъ кремневый ножъ изъ с. Никольской Слободки черниг. губ. остерск. у.; онъ 13 снт. длины и 2—3 снт. ширины, края подправлены мелкими ударами; къ сожалѣнію ножъ найденъ разбитымъ на три части. На стоянкѣ между с. Пироговымъ и д. Литовской Витой кіевск. у. собраны черепки, изъ которыхъ удалось сложить часть сосуда, орнаментированнаго возлѣ ободка продолговатыми углубленіями съ перегородками, какъ извнутри, такъ и снаружи сосудъ густо покрытъ дендритами. Прослѣжено, что бугры этой стоянки тянутся дальше за д. Литовскую Виту, хотя здѣсь они покрыты дерномъ и молодымъ соснякомъ; замѣчено также, что кремневыя орудія и осколки сосредоточиваются въ одномъ мѣстѣ, а черепки въ другомъ.

3) Выше с. Пирогова, у подошвы Китаевской горы, находится дубовый лѣсъ, называемый „Бычки“; лѣсъ этотъ болоти-

стый, но между низменными мѣстами возвышаются песчаные бугры; они покрыты дерномъ и деревьями. Въ одномъ мѣстѣ дернъ разрушился и тамъ поднято нѣсколько грубыхъ черепковъ, на одномъ орнаментъ въ видѣ дырочекъ; сдѣлавши здѣсь пробную яму, я на разной глубинѣ нашелъ нѣсколько такихъ же черепковъ; черепки одинаковой конструкціи съ пироговскими. Противъ этого лѣса въ оврагѣ Китаевской горы находится около десяти выкопанныхъ въ лесѣ пещеръ.

Такіе же незначительные результаты дали и слѣдующія ниже три мѣстности. Онѣ имѣютъ значеніе, какъ указанія на будущее время.

4) Верстъ восемь ниже с. Пирогова, на болотѣ у с. Ходосовки, расположенъ небольшой выселокъ; крестьянскія усадьбы размѣстились на песчаныхъ буграхъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ по бокамъ улицы изъ песка вываливаются грубые черепки.

5) На горѣ за Ходосовкой, по дорогѣ въ с. Креничи, между послѣдними хатами и мельницами, на песчаной поверхности подобрано днище и нѣсколько черепковъ отъ сосудовъ, сдѣланныхъ безъ гончарнаго круга, въ глину примѣшано много крупнаго кварца; эта песчаная возвышенность составляетъ лѣвый берегъ безымяннаго ручья, текущаго изъ става с. Креничей и впадающаго въ р. Король.

6) Ниже Ходосовки версты четыре, противъ с. Подгорецъ, среди болота находится сосновый лѣсъ, а подлѣ него выселокъ, носящіе названіе „Обирокъ“. Лѣсъ растетъ на идущихъ рядами песчаныхъ буграхъ. Въ сѣверо-восточной части лѣса одинъ изъ бугровъ осунулся; вмѣстѣ съ пескомъ обнажилось много черепковъ, на одномъ орнаментъ веревочкой.

Мѣстность села Подгорецъ представляетъ большой интересъ въ виду сдѣланныхъ тамъ находокъ. Въ 1889 году крестьянинъ, вспахивая на горѣ одинъ бугоръ, по мѣстному „шпыль“, носящій названіе „Шовковый садъ“, плугомъ поднялъ изъ земли горшокъ, въ которомъ находился свернутый широкій бронзовый поясъ, покрытый богатымъ звѣринымъ орнаментомъ. Вмѣстѣ съ поясомъ въ горшкѣ находилось что то въ родѣ круглой пряжки и кусочки съѣденнаго ржавчиной желѣза.

Горшокъ, въ которомъ былъ спрятанъ поясъ, разбитъ плугомъ и отъ него сохранилось только нижняя часть; онъ сдѣланъ безъ гончарнаго круга, не совсѣмъ обожженъ, носитъ характеръ совершенно одинаковый съ черепками близъ лежащихъ стоянокъ. Поясъ этотъ переданъ священникомъ с. Подгорецъ о. А. Каменскимъ въ кіевскій церковно-археологическій музей. Въ окрестностяхъ села встрѣчаются также и каменныя орудія; въ моемъ собраніи есть оттуда кремневый наконечникъ съ подправленными краями $9^1/_2$ сант. длины; о другомъ кремневомъ орудіи, по всей вѣроятности, ножѣ крестьянинъ с. Подгорецъ мнѣ разсказывалъ, что находчикъ употреблялъ кремень для выкрешиванія огня, предварительно разбивъ орудіе на куски. Въ Подгорцахъ есть и пещера, она находится въ урочищѣ „Чернечки“ и еще не изслѣдована.

7) Стоянка у д. Зарубинецъ каневскаго у. О существованіи этой стоянки было извѣстно раньше по сообщенію проф. П. Я. Армашевскаго, который представилъ въ музей древностей университета св. Владиміра нѣсколько черепковъ. Возлѣ д. Зарубинецъ нагорный берегъ входитъ въ долину Днѣпра высокимъ мысомъ, который называется „Зарубына Гора“, плотовщики-бѣлоруссы зовутъ его „Батурова Гора“; на немъ есть курганы и стоятъ каменные кресты. Съ правой стороны Зарубыной Горы находится мысъ, гораздо меньшій, — это „Мала Гирка“; поверхность этой послѣдней состоитъ изъ сыпучаго песка, перемѣшаннаго съ крупнымъ гравіемъ. Вершина горы разрыта и попорчена при добываніи жерноновъ, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва не тронута, на поверхности лежитъ и торчитъ изъ песка множество черепковъ. Черепки такіе же, какъ и въ другихъ стоянкахъ [1]); преобладаетъ орнаментъ изъ налѣпленныхъ полосокъ; особенно оригиналенъ одинъ—широкія налѣпленныя полоски, повидимому, составляли прямоугольныя фигуры, на полоскахъ сдѣланы частыя углубленія пальцемъ; черепокъ, орна-

---

[1]) Скажемъ кстати, для избѣжанія частыхъ повтореній, что и на другихъ песчаныхъ стоянкахъ, которыя ниже слѣдуютъ, всѣ черепки носятъ одинъ и тотъ же характеръ, какъ въ составѣ глины и обжигѣ, такъ и орнаментѣ.

ментированный дырочкой, попался только одинъ; кромѣ того есть орнаменты шишками, насѣчками, веревочкой. Днища были или плоскія, или на кольцеобразной ножкѣ—какъ у м. Триполья. Кремневыхъ орудій и даже осколковъ кремня здѣсь совсѣмъ не встрѣтилось. Найдено нѣсколько кусочковъ бронзы, трехгранная стрѣла и бронзовая полоска, свернутая въ трубочку.

Изъ предметовъ, найденныхъ вблизи Зарубинецъ, отмѣтимъ большой каменный молотъ изъ окрестностей м. Трактомирова, находящійся у А. В. Гудимъ-Левковича; затѣмъ, по словамъ крестьянина Василія Македони изъ лежащей поблизости д. Луковицы, имъ было найдено какое то кремневое орудіе, къ сожалѣнію утраченное.

8) За Каневомъ, ниже Тарасовой Горы, по берегу тянется рядъ урочищъ: „Велыке Городыще", „Мале Городыще", „Марьина Гора", и наконецъ, „Княжа Гора", выдавшаяся мысомъ въ долины Днѣпра и впадающей въ послѣдній въ этомъ мѣстѣ рѣки Роси. Княжа Гора, по всей вѣроятности, составляла часть лѣтописнаго города Родни, находившагося при устьѣ Роси; предметы, отрываемые на горѣ, подтверждаютъ это. Изслѣдователями въ этомъ случаѣ являются крестьяне близъ-лежащаго села Пекарей, которые въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ изрыли почти всю гору. Рыли они не попусту. Не говоря о мелкихъ и не имѣющихъ цѣнности металла вещахъ, каковы желѣзные и мѣдные наконечники стрѣлъ, желѣзные топоры, кирки, косы, серпы, замки, бронзовыя кольца, пряжки, браслеты, различныя бусы, стеклянные браслеты, наконецъ, кресты каменные и бронзовые, тѣльные и складные, кладоискателей привлекаютъ главнымъ образомъ нерѣдко находимыя серебряныя и золотыя вещи, по большей части украшенія: шейныя гривны, головныя повязки, застежки, серьги, браслеты, перстни и кольца. Въ послѣднее время, кромѣ этихъ предметовъ, стали попадаться вещи и другого рода. Между различными предметами велико-княжеской эпохи, найденными на Княжей Горѣ и пріобрѣтенными мною у крестьянъ с. Пекарей, были также: а) обломокъ каменнаго молотка съ остатками дыры, поверхность молотка сильно разрушена, такъ что сохранились только самые незначительные

слѣды шлифовки; два діоритовые конусообразные стержня, оставшіеся отъ сверленія отверстій; каменное шлифованное орудіе, служившее, можетъ быть, для растиранія зеренъ, верхняя часть его отбита; б) глиняная пряслица, сдѣланная изъ черепка, глиняныя грузила въ видѣ плоскаго цилиндра, конуса и въ видѣ двухъ конусовъ, сложенныхъ основаніями; на нихъ орнаментъ параллельными вертикальными полосками; черепки отъ сосудовъ; выдѣлка глины ихъ другого характера чѣмъ на черепкахъ изъ песчаныхъ стоянокъ—они гораздо плотнѣе и лучше обожжены, хотя все-таки сдѣланы не на гончарномъ кругѣ; орнаментъ на нихъ изъ налѣпленныхъ полосокъ; въ одномъ изъ черепковъ продѣлана сквозная дыра, такъ что онъ могъ служить грузиломъ; в) остріе изъ обломка кости 4-хъ снт. длины, костяное остріе отточенное съ 4-хъ сторонъ, такой же длины; костяной наконечникъ стрѣлы въ видѣ лопатки; г) кусокъ песчаника съ продольными бороздами, получившимися отъ оттачиванія орудій. Эти предметы указываютъ на то, что Княжа Гора была обитаема гораздо раньше великокняжеской эпохи; кромѣ того, нахожденіе конусовъ, полученныхъ при сверленіи, даетъ право считать Княжу Гору мѣстомъ, гдѣ приготовлялись шлифованныя каменныя орудія; на присутствіе здѣсь фабрики указываетъ также поступившій отсюда въ собраніе I. Хойновскаго каменный молотокъ, не вполнѣ еще отшлифованный и безъ дыры. Наканунѣ моего пріѣзда въ с. Пекари евреемъ торговцемъ древностями былъ купленъ, происходящій съ той же Княжей Горы, цѣлый каменный молотокъ, повидимому боевой, какъ можно было судить по разсказамъ крестьянъ; куда онъ поступилъ, не знаю. Кромѣ того, есть указанія на то, что на Горѣ попадаются типичныя вещи бронзоваго вѣка, и что тамъ даже существовало производство таковыхъ. Относительно того, въ какомъ положеніи находились каменныя и костяныя орудія по отношенію къ предметамъ великокняжеской эпохи, крестьяне „копачи“ мнѣ говорили, что нѣтъ различія: какъ тѣ, такъ и другія вещи попадаются вмѣстѣ, на одинаковой глубинѣ; во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ можетъ быть выясненъ только систематическими раскопками.

9) Противъ Княжей Горы, на противоположномъ полтавскомъ берегу (золотоношск. у.), обширной площадью раскинулись песчаные бугры. Начиная отъ с. Келеберды бугры поднимаются все выше, подходятъ къ м. Прохоровкѣ, огибаютъ ее и, уже достигши значительной высоты, оканчиваются Михайловой Горой (усадьбы Максимовича и Науменка). Бугры въ дурномъ состояніи; культурнаго слоя почти не видно; обслѣдовавъ часть песковъ на Михайловой Горѣ, я подобралъ нѣсколько кремней, черепковъ и кремневую стрѣлу, имѣющую форму небольшаго долотца въ 2 снт. длины. Раньше, на этихъ же пескахъ сынъ мѣстнаго владѣльца В. П. Науменка нашелъ кремневую треугольную стрѣлу съ подправленными краями. М. А. Максимовичъ, основавшійся на этой мѣстности, собралъ здѣсь цѣлую коллекцію бронзовыхъ стрѣлъ, послужившихъ матеріаломъ для его „велографіи". Между бронзовыми, встрѣтилась ему также и одна кремневая. Относительно кремневыхъ стрѣлъ онъ говоритъ: „Въ прежніе годы находили ихъ въ здѣшнихъ пескахъ часто, и онѣ шли вмѣсто обыкновенныхъ кремней, для *кресанія* огню[1]); черезъ это онѣ мало по малу утратились, избитыя огнивами, и теперь составляютъ здѣсь большую рѣдкость. Всѣ онѣ были, кажется, одного вида—треугольныя... Въ моемъ собраніи находится здѣшняя стрѣла изъ темно-бураго кремня, *треугольная*, вѣсомъ 38 гранъ. На нижнемъ, вогнутомъ ея краю, нѣтъ и не было шейки, и она прямо этимъ краемъ ущемлялась въ древко". (Соб. соч. т. II, стр. 413). Изображеніе этой стрѣлы помѣщено подъ № 1 на первой таблицѣ, приложенной ко II тому сочиненій Максимовича.

10) Г. Черкассы. По дорогѣ въ с. Дахновку, между послѣдними городскими постройками и лѣсомъ, находится открытая песчаная площадь на крутомъ берегу Днѣпра; здѣсь найдено

---

[1]) Въ здѣшней народной пѣснѣ кремни идутъ въ подобіе къ ворогамъ.

Ой выйду я, подивлюся,
Якъ на горѣ кремени крешуть;
Ой выйду-жъ я, послухаю,
Якъ про мене вороги брешуть.

Прим. Максимовича.

довольно много черепковъ, а также ушки отъ сосудовъ. Сейчасъ за избами въ одномъ мѣстѣ виденъ большой кругъ пережженной земли, въ немъ попалось много толстыхъ черепковъ, имѣющихъ черный, маркій цвѣтъ. Между прочимъ, и на этихъ пескахъ найдена трехгранная бронзовая стрѣла.

11) Слѣдующей мѣстностью, которую я посѣтилъ, былъ Бужинъ, село чигиринск. у. кіевск. г.; здѣсь по самому берегу Днѣпра тянется широкая полоса бугровъ, по мѣстному „кучугуровъ". Находки состояли только изъ черепковъ и то въ небольшомъ числѣ. Крестьяне-сторожа, живущіе на буграхъ, мнѣ передавали, что иногда тамъ, гдѣ проявляется черная земля, попадается множество черепковъ; говорили также, что въ одной „балочкѣ" есть много кремней.

12) Дальше отъ Днѣпра, подъ нагорнымъ берегомъ, рядомъ съ Бужиномъ лежитъ с. Шабельники. Обширная площадь „кучугуровъ" окружаетъ это село и подходитъ къ Днѣпру. На пескахъ было найдено нѣсколько черепковъ, два или три кремневые ножичка и небольшое число кремневыхъ осколковъ; эти предметы попадались на обнаженныхъ подошвахъ бугровъ. На горѣ у этого села есть небольшое городище, образованное полукруглымъ валомъ, примыкающимъ съ двухъ сторонъ къ крутому обрыву; часть городища занята подъ кладбище; при копаніи могилъ находятъ много черепковъ, но относящихся къ болѣе поздней эпохѣ, хотя на скатѣ горы, при моемъ осмотрѣ городища, священникомъ с. Шабельниковъ о. І. Ковалевскимъ было поднято ядрище изъ чернаго кремня со слѣдами отколотыхъ ножиковъ. Въ музеѣ древностей университета св. Владиміра хранится собраніе древнихъ предметовъ, найденныхъ на пескахъ с. Шабельниковъ; между болѣе поздними предметами, въ этомъ собраніи есть также діоритовый боевой молотокъ и половина большаго бронзоваго копья, верхняя часть котораго отломана.

13) Совершенно однородные бугры, также не давшіе почти никакихъ находокъ, идутъ, послѣ небольшаго перерыва, выше с. Шабельниковъ, подлѣ с. Боровицы.

При обслѣдованіи трехъ послѣднихъ стоянокъ моимъ спутникомъ былъ Г. Н. Грушевскій, хорошо знающій окрестныя мѣста; считаю долгомъ выразить здѣсь мою искреннюю благодарность за его любезность.

Перебравшись въ долину р. Тясмина черезъ водораздѣльную возвышенность, имѣющую здѣсь, т. е. между с. Шабельниками и с. Мордвой, не болѣе десяти верстъ, мы находимъ на лѣвомъ берегу рѣки непрерывно идущую гряду песчаныхъ открытыхъ бугровъ. Возлѣ г. Чигирина на пескахъ найдено лишь нѣсколько черепковъ; бугры заканчиваются здѣсь у Троицкаго женскаго монастыря. Выше Чигирина бугры по Тясмину прослѣжены до с. Разсошинецъ, но они тянутся вверхъ еще очень далеко. Не знаю, продолжаются ли бугры ниже Чигирина, но у Крылова (Новогеоргіевскъ), при устьѣ Тясмина, я видѣлъ большую площадь бугровъ. Отъ Крылова они идутъ съ перерывами по берегу Днѣпра до Бужина. Пески эти я не обслѣдовалъ, но упоминаю объ нихъ, потому что до сихъ поръ, гдѣ только ни встрѣчались бугры, образованные старымъ теченіемъ Днѣпра, тамъ вездѣ были найдены слѣды первобытной жизни.

14) Въ г. Кременчугѣ, за каменоломнями, на буграхъ, составляющихъ лѣвый берегъ рѣчки, огибающей городъ, найдены грубые черепки; нѣкоторые изъ нихъ орнаментированы полосками.

Кременчугъ былъ послѣдней остановкой.

Такимъ образомъ, обслѣдованіе береговъ Днѣпра на этомъ пространствѣ имѣло характеръ вполнѣ случайный, мѣстность не была изслѣдована систематически, шагъ за шагомъ, но, во всякомъ случаѣ, опредѣленіе пунктовъ, на которыхъ замѣчены слѣды стоянокъ, можетъ, хотя немного, облегчить будущія, болѣе подробныя, изысканія.

Затѣмъ, вышеописанныя стоянки не дали ничего новаго, чтобы характеризовало какую нибудь еще неизвѣстную черту исчезнувшаго быта, но онѣ заслуживаютъ вниманія вслѣдствіе того, что дали возможность продолжить линію днѣпровскихъ

поселеній первобытнаго человѣка и прибавить къ старымъ еще нѣсколько новыхъ; что, вмѣстѣ взятое, близко соприкасается съ вопросами о густотѣ и количествѣ населенія.

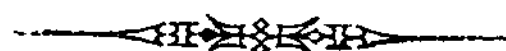
Въ заключеніе укажу еще на двѣ стоянки, обслѣдованныя мною раньше—осенью 1889 г. Онѣ расположены на притокахъ Днѣпра, Деснѣ и Сожѣ.

15) Противъ г. Остра черниг. г. на правой сторонѣ рѣки Десны находится с. Выползово. Немного выше села незначительная рѣчка Крымка обмываетъ большой песчаный бугоръ—„ку́рганъ", какъ его называютъ крестьяне. На обнаженной вершинѣ ку́ргана между новыми черепками, кусками кирпича и костями, встрѣтилось также немного черепковъ древнихъ, орнаментированныхъ насѣчками, полосками, веревочкой; преобладаютъ черепки безъ кварца. Ниже Выползова, на песчаной холмистой площади найдены такіе же черепки, нѣсколько кремней и измельченныя окаменѣвшія кости. На этихъ пескахъ находили, кромѣ того, старинныя монеты, каменныя бусы, кости человѣка и т. п. (корресп. въ „Кіевскомъ Словѣ" 1889 г. № 734).

16) Въ могилевской губ. на берегу р. Ипути, притокѣ Сожа, противъ г. Гомля, находится стоянка, состоящая изъ большаго песчанаго бугра и нѣсколькихъ выдувныхъ котловинъ. Культурный слой показывался во многихъ мѣстахъ и поэтому на поверхности удалось собрать большое число отбивныхъ кремневыхъ орудій. Кремень употреблялся исключительно темносѣрый, тогда какъ на прежнихъ стоянкахъ онъ былъ разноцвѣтный. Между массой кремневыхъ осколковъ найдено много ножей, испорченныхъ при выдѣлкѣ, до 20 цѣлыхъ ножиковъ, иногда довольно длинныхъ, два ядрища, нѣсколько остріевъ съ подправленными краями, скребки средней величины и одинъ, прекрасно подправленный наконечникъ дротика въ $6^1/_2$ снт. длины; тутъ же лежалъ и кремневый круглый отбойникъ. Черепковъ найдено немного, по выдѣлкѣ глина была съ кварцемъ, совсѣмъ безъ него, и еще особый родъ—съ примѣсью крупнаго песку. На стоянкѣ изъ песка обнажилось нѣсколько кострищъ,

одно вываливается изъ подъ бугра, угли въ немъ сосновые. Заслуживаетъ вниманія небольшой шлифовальный камень, найденный среди кремней, съ одной шлифованной стороной; онъ очень удобенъ для руки. Изъ бронзовыхъ предметовъ попался лишь отломокъ лезвія какого то орудія и кусочекъ заостренной проволоки.

Ник. Бѣляшевскій.



О ПРЕВРАЩЕНІЯХЪ ВЪ МАЛОРУССКИХЪ СКАЗКАХЪ.

Вѣра народа въ превращенія относится къ тому отдаленному первобытному времени, когда онъ видѣлъ въ камнѣ, деревѣ, животномъ превращеннаго человѣка. На этой ступени развитія самосознанія человѣкъ еще не отдѣлялъ себя отъ неодушевленныхъ предметовъ и полагалъ, что если дерево грозно шумитъ, то это значитъ, что оно ведетъ грозную рѣчь, что вихрь кружится и даже рѣчь говоритъ, что камень, имѣющій человѣкообразную форму, скрываетъ въ себѣ человѣка и можетъ опять превратиться въ живое существо, и т. п.

Если неодушевленную природу человѣкъ на первыхъ ступеняхъ своей сознательной жизни воспринималъ, какъ живую. одухотворенную, то тѣмъ естественнѣе ему было видѣть въ медвѣдѣ, волкѣ, собакѣ, орлѣ, сорокѣ и др. превращенныхъ людей. Въ эпоху зарожденія религіозныхъ понятій, когда человѣкъ дѣлалъ только первые шаги на пути къ составленію міровоззрѣнія, вся природа представлялась ему живою, олицетворенною въ буквальномъ смыслѣ, т. е. каждый даже неодушевленный предметъ, въ его воображеніи, жилъ и чувствовалъ, какъ человѣкъ, потому что представлялъ собою превращеннаго человѣка. Довольно живые слѣды такого воззрѣнія можно наблюдать въ сказкахъ, которыя свидѣтельствуютъ, что вѣра въ превращенія не утратилась въ народѣ и доселѣ, и въ настоящее время передаются разсказы о превращеніяхъ черта, вѣдьмы въ различные образы.

Превращенія, какъ остатокъ миѳическаго міровоззрѣнія, существуютъ въ нашей сказочной поэзіи, если можно такъ вы-

разиться, въ формѣ статики и динамики. Нѣкоторые виды деревьевъ, камней и звѣрей понимаются, какъ превращенные навсегда люди, другія же существа, по большей части миѳическія, способны по желанію принимать различные образы, а равно и снова получать свой первоначальный видъ.

Обладаютъ силою производить превращенія прежде всего миѳическія существа, какимъ является въ одной сказкѣ *водяной дѣдъ*, превращающій двухъ царевичей въ камни. Сказка передаетъ, что царевичъ пошелъ искать чудесный *палацъ* вдовы-царицы. „Иде та й иде, иде та й иде, ажъ прыходыть до мора.

— Ну, думае соби, тутъ трохи седу та спочину и пополудную.—Розложивъ винъ надъ берегомъ свои торбы, накраявъ попаньській хлиба, намазавъ зверху досыть масломъ, сивъ и исть. Колы тута заразъ выходыть изъ мора дидъ старый-старый, ажъ мохомъ порисъ, та такый билый-билый, якъ молоко; а борода ажъ блещить, якъ снигъ на морози. Подходыть той дидъ до царевича да й каже: „Давъ бы ты, сыночку, и мини каналокъ хлиба“.

— Е, каже, де-жъ я тоби возьму? Ты-жъ бачишъ, що я й самъ не багато маю.

Той дидъ посваривсе на того царевича пальцемъ, такъ винъ заразъ и ставъ каменемъ и лежить надъ моремъ“ [1]).

Такимъ же образомъ водяной дѣдъ и второго брата превращаетъ въ камень и только по просьбѣ третьяго брата—дурня возвращаетъ имъ снова человѣческій образъ.

Нѣчто подобное, но уже составленное подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій, видимъ въ другомъ разсказѣ. Идетъ человѣкъ *позывать витра*. „Иде та й иде, та й иде, ажъ дывытця: стоить дидъ на дорози, да такый старый да сывый, якъ молоко (а то бувъ Богъ въ чоловичому образи“). Далѣе говорится, что этого же человѣка снова встрѣтилъ „дидъ да такый же то сывый и такый сывый, якъ молоко, да вже не той, що тоди винъ стривъ (а й це бувъ Богъ, тылько другый образъ прынявъ“) [2]). — *Дидъ* даетъ человѣку матузо-

---

[1]) Труды этн. эксп. II, 77—78.

[2]) Тр. этн. эксп. II, 345—7, 355—7.

чокъ и говоритъ: „бижы въ корчи. Тамъ лежить два попы; накинь на нихъ цей матузочокъ и скажи: „тпру!“ Онъ такъ и сдѣлалъ. „Тоди зъ тихъ попивъ таки здоровы волы поставалы“ [1]).

Подъ тѣмъ же вліяніемъ христіанскихъ понятій образовались всѣ представленія о превращеніяхъ, приписываемыхъ Господу, или Господу Іисусу Христу, такъ напр. Господь превратилъ мельника въ медвѣдя. Господь проходилъ мимо мельницы, мельникъ одѣлся въ вывороченный кожухъ, влѣзъ подъ мостъ „и закричалъ, словно медвѣдь, а Господь и сказалъ: „щобъ ты ревивъ такъ, покы свита сонця“. Съ тѣхъ поръ начали водиться медвѣди“ [2]).

Господу приписывается превращеніе женщины въ зозулю (кукушку). Женщина убила своего мужа „и была осуждена Богомъ не имѣть пары и скитаться по лѣсамъ“ [3]).

Аистъ—также превращенный Богомъ человѣкъ. Объ этомъ превращеніи народное преданіе говоритъ слѣдующее: „Бусолъ (чорногузъ) съ чоловика. Богъ весь гадъ у мишокъ зибравъ и дае чоловикови: „на цей мишокъ, каже Богъ до чоловика, однесешъ на море и вкинь ёго въ воду. Оно якъ нестымешъ, то не розвязуй и не дывысь у мишокъ; неси соби, шобъ и не знавъ ты, шо тамъ е“. Иде той чоловикъ зъ михомъ до мора,—кортыть: тра подывытысь. „Якъ то можна, буду несты на соби и шобъ я не знавъ, шо я несу. Чого тамъ боятысь? Загляну!“ Роспустывъ того миха, гадъ и полизъ, и полизъ зъ нёго. А Богъ и каже тому чоловикови: „не хтивъ мене слухаты, пустывъ ты гадъ по всихъ усюдахъ,—йды жъ та збирай“... Оттоди и ставъ той чоловикъ бусломъ“ [4]) По другому, болѣе новому, преданію аистъ произошелъ изъ служанки Пресвятой Дѣвы. Служанка должна была отнести рубаху Св. Дѣвы къ морю и не смотрѣть въ нее; служанка посмотрѣла и увидѣла тамъ гадовъ. „Тогда Пресвятая Дѣва сказала: „когда ты такая, то будь черногузомъ

---

[1]) Ibid. 336.

[2]) Тр. этн. эксп. I, 50—51. Драгомановъ, Малр. нар. преданія, 5—6.

[3]) Драгом. Малр. н. пр. 8.

[4]) Драгомановъ, Млр. н. пр. 8.

и ѣшь этихъ гадовъ". Съ тѣхъ поръ и по это время, черногузы ходятъ и собираютъ всевозможныхъ гадовъ" [1]).

Спасителю приписываются слѣдующія превращенія: *кукушка и чайка.* Эти птицы произошли отъ дѣвушекъ. „Эти дѣвушки вздумали попугать Спасителя, но Спаситель сказалъ, чтобы одна кукала, а другая кишкала, „покы свита сонця" [2]). Тѣмъ же мотивомъ вызвано и превращеніе *собаки.* „Собака есть оборотень дитяти. Когда Спаситель ходилъ по землѣ, то въ одной деревнѣ мальчикъ особенно преслѣдовалъ Его, бѣгая за нимъ и лая подобно собакѣ. Спаситель проклялъ его за это и обратилъ въ собаку" [3]).

За неуваженіе къ Свѣтлому Христову Воскресенію, богатый человѣкъ, одѣвшійся пышно и не пошедшій въ церковь по просьбѣ жены, лежавшей въ постели, превращенъ вмѣстѣ съ женою въ *павлину и паву* [4]).

Подъ сильнымъ вліяніемъ христіанскихъ преданій сложился и разсказъ о превращеніи *свиньи.* Народъ говоритъ, что „во время земной жизни Спасителя, однажды жиды накрыли жидовку „ночвами" и спросили Его: „если ты Богъ, то отгадай, что спрятано подъ ночвами?" Спаситель, какъ Богъ, зналъ, что подъ ночвами жидовка, но въ наказаніе испытующимъ Его отвѣтилъ: „подъ ночвами свинья". И изъ жидовки дѣйствительно сдѣлалась свинья. Теперь свинью называютъ жидовской теткой, и жиды не ѣдятъ свиного мяса, какъ своего тѣла" [5]). Подобный же мотивъ лежитъ въ основѣ превращенія *крота,* но къ этому мотиву присоединилось еще воздѣйствіе на народную фантазію, такъ называемой, народной этимологіи. Названіе крота, по малорусски „критъ", послужило къ созданію цѣлой легенды о превращеніи. Эта легенда слѣдующая: „Богачъ вздумалъ сдѣлаться мудрѣе самого Бога; для этого онъ покрылъ сына своего и спросилъ Бога: „Угадай, что тутъ покрыто?" Господь

---

[1]) Тр. эти. эксп. I, 62.

[2]) Тр. эти. эксп. I, 60—61.

[3]) Ibid. 52—53.

[4]) Ibid 52.

[5]) Труды эгн. эксп., 49—50. Драгом., Малор. нр. пр., 4.

отвѣчалъ ему: „Накрытъ кротъ“. Богачъ открылъ и увидѣлъ, что его сынъ дѣйствительно сдѣлался кротомъ“ [1]).

Темная сила, или чертъ, также способенъ производить превращенія. Несомнѣнно, что чертъ, въ христіанскую эпоху, замѣнилъ собою какое нибудь миѳическое существо. На основаніи сказокъ можно предполагать, что подъ нимъ скрывается подземный духъ. Онъ появляется изъ могилы, какъ бы изъ подземнаго царства, и сказка не называетъ его чертомъ, а даетъ ему названіе „Оха“. Обстоятельства, при которыхъ появляется „Охъ або чортъ“ таковы, что роднятъ его съ Плутономъ. Обстоятельства эти слѣдующія. Старикъ ведетъ сына въ наймы; они увидѣли при дорогѣ могилу, подошли. „Старый сидае и здыхнувъ: „Охъ!“ Колы изъ могылы выскакуе нечыста сыла въ образи чоловичому и пытае:

— На що ты, чоловиче, мене требувавъ?

— Ни, каже той, мыни тебе зовсимъ не треба.

— Якъ жежъ не треба, колы ты клыкавъ мене, „Охъ!“ казавъ, а я Охомъ звуся“ [2]). Этому Оху старикъ отдаетъ въ услуженіе сына, а тотъ превращаетъ его въ *пивныка*, *селешка*, голубя. Далѣе изъ сказки видно, что сынъ самъ научается искусству превращеній и оборачивается вихремъ и конемъ [3]). По другимъ варіантамъ той же сказки, Охъ превращаетъ своего слугу въ ястреба, жеребца (=огера), орла. Слуга самъ получаетъ возможность превращаться зайцемъ, ястребомъ, шулякомъ, плотвою, окунемъ, перстнемъ, горошиною, макомъ. Равно и Охъ въ различныхъ превращенныхъ видахъ (дѣдомъ, шпакомъ, пивныкомъ, щукою) преслѣдуетъ своего слугу [4]). Чертъ, вообще, по народному повѣрію, можетъ превращаться въ различныя животныя. Подтвержденіе этого взгляда видимъ въ разсказѣ о превращеніи лошади. „Лошадь — это превращенный дьяволъ. Такъ какъ дьяволъ можетъ превращаться во всякое животное, то и превратился когда то въ лошадь, но Господь такъ его

[1]) Труды этн. эксп., I, 56.

[2]) Труды этн. эксп., II, 368.

[3]) Труды этн. эксп., II, 368—370.

[4]) Труды этн. эксп., II, 372—379. Драгомановъ. Малр. нр. пр., 326—328.

благословилъ, что онъ уже навѣки остался лошадью" [1]). Павлины—оборотни чертей, которые въ ночь подъ Благовѣщеніе стали наряжаться въ различные цвѣты, но пропѣли пѣтухи, и они остались въ нарядѣ павлиновъ [2]). Черту въ особенности приписываются самые разнообразные виды превращеній; такъ что масса превращеній, которыя, въ миѳическую эпоху, составляли аттрибутъ различныхъ божествъ, теперь сочетаются съ образомъ черта. Вотъ болѣе частые образы его превращеній: въ баранчика, овечку, козленочка, красивую женщину, богача, „паныча" и, наконецъ въ существо съ козлиной бородой и рогами—образъ, напоминающій нѣсколько Пана [3]).

Наравнѣ съ существами миѳическими и вообще высшею силою, превращенія могутъ совершать волшебники, чернокнижники, вѣдьмы, которые въ древнюю эпоху были не что иное, какъ кудесники, служители различныхъ божествъ, надѣленные отъ нихъ волшебною силою. Такъ, волшебнику приписывается превращеніе цѣлаго царства въ камень: „А це каменне мисто—було колысь царство; але царъ его зазнався зъ волшебникомъ, и винъ такъ поробывъ, що мисто стало каменемъ, а дочка гадюкою, и вказавъ: „якъ найдеться яка праведна душа, що тебе спокутуе, то ты знову будешъ людыною, а царство — царствомъ" [4]). Чернокнижникъ самъ превращается въ птицу огненную, и его дочери тоже надѣлены способностью превращеній [5]). Названіе *чернокнижникъ* указываетъ на такого человѣка, который читаетъ черную книгу, такъ называемую *черную магію*. Есть сказка, въ которой и самой этой книгѣ приписывается способность производить превращенія. „У мене есть така кныга, говоритъ царевна, що якъ прочитаешъ іи, то заразъ зробысься, чимъ захочешъ: чы звиромъ, то й звиромъ, чы птыцею, то й птыцею" [6]). Волшебницѣ также приписывается способность про-

---

[1]) Труды эсн. эксп., I, 49.
[2] Ibid., 58.
[3]) Ibid., 183—189.
[4]) Ibid., II, 438.
[5]) Ibid., 195—203.
[6]) Ibid., 135.

изводить превращенія. Она превращаетъ царевну Оленку въ утку: „Отъ та робитныця-волшебныця (у змѣя) поробыла Оленци такъ, що та перекынулась вуткою, полетила у зміевъ садокъ и сила на озирце, та й плава по нему—золота пиръинка, срибна пиръинка на ній, сама золотоголова" [1]). — Тоже свойство приписывается *паніи* съ аттрибутами каннибализма: она ѣстъ мертвыхъ. Эта *пани* превратила своего мужа въ пса. Другая *пани* умилосердилась надъ нимъ, ударила его *прутикомъ* и снова сдѣлала его человѣкомъ; потомъ дала ему этотъ прутикъ и сказала: „Иды до дому и спытай слугъ, чы паня спыть; якъ спыть, то ударъ іи прутыкомъ, вона зробытся кобылою [2]).

Вѣдьмы играютъ большую роль въ превращеніяхъ; онѣ могутъ принимать самые разнообразные виды. Въ одной сказкѣ вѣдьма является въ видѣ кобылы: „Отъ разъ пасе дурень у поли свого коня, колы бачыть ходыть кобыла и зъ нею десять коней. А то була видьма — вона хотила стратыть розумныхъ братывъ" [3]). По народнымъ разсказамъ вѣдьма принимаетъ преимущественно слѣдующіе образы: кошки, *котыка*, собаки, сучки, коня, волка, свиньи, лягушки [4]). — Въ слѣдующемъ разсказѣ знахарка для превращеній даетъ палочку, нѣчто въ родѣ чудодѣйственнаго жезла, способнаго производить превращенія. Любовница царевича, желая извести его жену, получаетъ отъ знахарки эту чудодѣйственную палочку, которою стала бить царевну: „Перекынулась вона мышою, котомъ, собакою, вовкомъ, всякою—всякою звириною перекыдалась, а та все бье... Поты была, поты была, ажъ покы не перекынулась гускою и не полетила" [5]). Мы уже встрѣчались съ подобнымъ явленіемъ, что ударомъ *прутика* производились превращенія [6]); вѣроятно, въ нѣкоторомъ родствѣ съ этимъ стоятъ превращенія, производимыя ударами прутьевъ. Сказка передаетъ о женѣ пана превра-

---

[1]) Труды этн. эксп., 470.
[2]) Ibid., II, 410—411.
[3]) Ibid., 410.
[4]) Ibid., I, 199—205.
[5]) Ibid., II, 458.
[6]) Ibid, 467.

щенной мачихою въ щуку. Панъ узналъ объ этомъ, велѣлъ забросить сѣть, поймалъ щуку. Потомъ „веливъ наризаты ризокъ и давай іи сикты. Вже вона сердешна перекыдалась, перекыдалась, и жабою, й гадюкою, й зозулею, винъ усе сиче; дали вже взяла й перекынулась жинкою“ [1]). Въ другомъ варіантѣ этотъ пріемъ объясняется болѣе естественно. Царь узнаетъ, что его дочь превращена бабой въ *уточку*. Царь велѣлъ ее поймать. Она крикнула: „Охъ, *тату*, *тату*, *пусты мене на воду*“... „Стали радыты царськи совитныкы що треба іи быты дубцямы, щобъ спало пиръя; былы іи поты, покы пиръя спало, и покы вона стала така, якъ и спершу була“ [2]). Болѣе новый пріемъ видимъ въ сказкѣ, гдѣ за превращеніе баба беретъ *десять карбованцивъ*. „Баба пошептала, почепыла іи на шыю чирвону стенжку, стала вона кишкою, собакою, навпосли жинкою стала“ [3]).

Лѣкарство служитъ также средствомъ производить превращенія. Царевна говоритъ козаку: „я тоби дамъ такого ликарства, що ты его якъ напьешся, то чимъ захочешъ, тымъ и станешъ: чы птыцею, чы конемъ, чы деревомъ, чимъ захочешъ“ [4]). Вслѣдствіе этого лѣкарства козакъ получилъ возможность превратиться въ коня, въ яворъ, въ *качура* и опять въ человѣка [5]).

Клятва, которой въ миѳическую эпоху придавалось чрезвычайно важное значеніе, также имѣетъ силу производить превращенія. Въ одномъ преданіи говорится, что мать зашла къ скупой дочери, которая ѣла курицу. На вопросъ матери, что она ѣстъ, та отвѣчала: черепаху. „Тоди маты іи и закляла, щобъ вона сама черепахою стала; до такъ вона й доси“ [6]). Проклятіе отца превращаетъ дочь въ кукушку. Дочь „проговорила къ своему любовнику: ахъ ты, моя зозулька (кукушка)“.

---

1) Труды эти. эксп., II, 465.
2) Ibid., 472—3.
3) Ibid., 456.
4) Ibid., 441.
5) Ibid., 442—3.
6) Ibid., I, 66,

Отецъ княжны услышалъ это и, въ гнѣвѣ на нее, проговорилъ: „будь же ты и сама кукушка". Княжна тотчасъ же и превратилась въ кукушку" [1]).

Весьма поэтиченъ разсказъ о превращеніи *тополи*, которому содержаніе дала народная этимологія. Названіе *тополя* сочеталось со смысломъ фразы: *то поле*, т. е. вотъ пóлетъ. Въ тополю обращена матерью дочь по слѣдующему поводу. Мать послала свою дочь полоть ленъ. Потомъ мать, желая видѣть ея работу, пошла къ ней и, увидѣвши ее праздною, сказала: „ото поле! (вотъ какъ полетъ) бодайже ты, доню, полола въ чуди та въ дыви". Испугавшись этихъ роковыхъ словъ, дѣвушка сказала: „Я то полю, то стою", какъ бы такъ говоря: я тополею стаю (дѣлаюсь), и вдругъ при этихъ словахъ, на глазахъ матери, „къ чуду и дыву", ея дочь-дѣвушка стала выростать въ стройный красивый тополь. Такъ и не выполола дочь льну, и не пришла домой на-вѣки. Мать стала плакать по ней, приговаривая: „дочко жъ моя, тополя моя!" [2]).

Вообще слову, какъ и заклятію, въ первобытное время приписывалась возможность осуществляться въ дѣйствительности, чему подтвержденіемъ служитъ сказочный мотивъ о превращеніи голубя. Мужъ въ радости бѣжитъ къ женѣ и говоритъ: „Голубко моя!".—А вона порхъ и вылетила голубкою въ викно". [3]).

Слово во времена миѳическія имѣло болѣе вещественное значеніе, чѣмъ въ настоящее время; первобытный человѣкъ не отдѣлялъ названія предмета отъ самаго предмета; поэтому за названіемъ предмета слѣдовалъ самый предметъ съ обязательной силой. Такая вѣра въ матеріализацію слова не утеряна и до настоящаго времени. На этомъ основана вѣра въ заговоры, вѣра въ то, что всякое благожеланіе и всякое проклятіе сбывается. Полагаютъ, что если мать произнесетъ такое проклятіе: „а щобъ ты дубомъ ставъ, а щобъ ты каминемъ ставъ, а щобъ тебе

---

[1]) Ibid. 61.

[2]) Ibid., 224.

[3]) Труды этн. эксп., II, 94.

лыхе взяло!“ то такое проклятіе непремѣнно исполняется. Этимъ и объясняютъ происхожденіе различныхъ камней, имѣющихъ человѣкообразную форму; такъ, подлѣ села Березной (литинск. у.) есть два камня, о происхожденіи которыхъ существуетъ слѣдующая легенда. Однажды мать вышла съ сыномъ и дочерью въ поле рожь жать. Во время работы дѣти лѣнились и очень часто стояли праздно, о чемъ то между собою разговаривая. Мать до того на нихъ разсердилась, что начала ихъ проклинать и между прочимъ сказала: „а щобъ вы каменямы поставалы“. Проклятіе ея сейчасъ же исполнилось: дѣти ея дѣйствительно окаменѣли [1]).

Происхожденіе цвѣтка, извѣстнаго подъ названіемъ „братки“ (viola tricolor) также приписывается высказанному желанію и немедленному исполненію. Братъ и сестра долго странствовали и когда сошлись, то не узнали другъ-друга. „Между тѣмъ, сестра понравилась брату, и они обвѣнчались. Послѣ узнали, что они—братъ и сестра. Имъ стало стыдно, и братъ сказалъ сестрѣ: „Ну, сестра, пойдемъ въ поле, посѣемся: ты будешь цвѣсть лиловымъ цвѣтомъ, а я желтымъ“ [2]). Мотивъ подобнаго превращенія, очевидно, позднѣйшій, и основаніемъ для него послужила форма цвѣтка.

Превращенія въ русской сказочной поэзіи существуютъ такія, въ которыхъ несомнѣнны самыя древнія, первобытныя черты, съ другой стороны, встрѣчается и полное забвеніе миѳическаго мотива, и въ схему превращеній вставляется любое явленіе, въ особенности желательное по условіямъ нашего современнаго быта, какъ напр. превращеніе старика, баранчика въ „гроши“ и др.

Обожаніе и почитаніе змѣй, а равно и формы ихъ превращеній относятся къ глубокой древности. Сказки опредѣленно и ясно говорятъ о превращеніи змѣи въ дѣвицу или змѣя въ царевича; затѣмъ есть большой отдѣлъ сказокъ, гдѣ говорится о змѣяхъ трехглавыхъ, шестиглавыхъ и двѣнадцати-

---

[1]) Чуб., Тр. этн. эксп., т. I, 89.

[2]) Тр. этн. эксп., I, 82.

главыхъ; но въ послѣднихъ сказкахъ смыслъ превращеній только въ рѣдкихъ случаяхъ выступаетъ. Въ большинствѣ случаевъ здѣсь змѣй есть выраженіе темной миѳической силы.

Превращеніе змѣи въ дѣвицу обставлено нѣкоторыми миѳическими подробностями; такъ хлопецъ-сирота работаетъ у хозяина за то, чтобъ ему посѣяли „мирку жита"; но лишь сжали и сложили жито въ копы, какъ громъ сжегъ все жито. Хлопецъ служитъ второй годъ на тѣхъ же условіяхъ. Во время жатвы ему снится, что громъ снова ударитъ въ копы, но онъ пусть возьметъ вилы и разбрасываетъ снопы. Онъ такъ и сдѣлалъ. „Колы це изъ поломья якъ вылизе гадюка, та така здорова, якъ той рубель, що снопы утягують, та й учепылась ёму черезъ плечи, якъ москаль чипляе муныцю" [1]). Хлопецъ въ тревогѣ хочетъ оторвать ее, но ничего не можетъ сдѣлать. Хозяинъ даетъ ему слѣдующій совѣтъ: „Ну, подержъ, сыну, Богъ насъ держить на свити, держы ты и еи" [2]). Теперь хозяину приснился вѣщій сонъ, чтобъ повѣнчать ихъ. Какъ только хлопецъ въ церкви сталъ на *рушныкъ*, „вона такъ и впала на землю, перекынулась дивкою и держыть рушныкъ въ рукахъ, щобъ то уже, бачыте, рукы звязать. Отъ, пипъ повинчавъ ихъ якъ слидъ" [3]). Разъ мужъ пожелалъ отправиться *въ дорогу;* жена ему наказываетъ, чтобъ онъ не ругалъ *гадючину матиръ*. Мужъ при возвращеніи увидѣлъ, что жито стоитъ на корню и въ сердцахъ произнесъ: „Отъ, гадюча еи матиръ, дидько бъ еи взявъ зъ еи гадюкою,—ще й доси не выжала жыта" [4]). Какъ услыхала это жена, разсердилась и оставила мужа навсегда. По другому варіанту той же сказки жена снова превращается въ *гадину* [5]). Съ огнемъ, или *багаттямъ* имѣетъ связь превращеніе ужа въ царевича. Иванъ, сынъ бѣдныхъ дѣда и бабы, пошелъ просить хлѣба; разложилъ онъ въ лѣсу огонь, какъ вдругъ слышитъ, что то кричитъ подъ огнемъ: „Не печы мене,

---

1) Тр. этн. эксп., II, 11.
2) Ibid. стр. 12.
3) Ibidem.
4) Ibid., II, 12.
5) Драгомановъ, Мал. нар. пр. 312.

не печы мене!“ Онъ взялъ палочку, разгребъ огонь и нашелъ большого ужа.—„Несы мене до царя, каже ужъ:—тоби буде велыка плата за те, що ты мене занесешъ до царя“ [1]). Когда ужа внесли въ покой царскій, онъ сталъ *паничемъ*. Сказка о превращеніи змія въ царевича передаетъ, какъ одинъ панъ имѣлъ трехъ дочерей; когда онъ отправляется *у дорогу*, старшія дочери просятъ дорогихъ гостинцевъ, а младшая *квитку хорошу*. Отецъ принужденъ былъ снять со столба *квитку*, но за нее змій потребовалъ къ себѣ меньшую дочь. Она отправляется въ чудесный *палацъ* змія, въ которомъ находитъ все, чего ни пожелаетъ. Она два раза отпрашивается у змія къ родителямъ и оба раза позамѣшкалась. Возвращается—змѣя нѣтъ. „Пошла вона до сажалки, да такъ плаче, такъ плаче. Ажъ тамъ змія качаетьця.—„Рижъ мни, каже, на мни шкуру“.—Вона довго не хотила, а потимъ проризала. Вышовъ зъ теи шкуры царевичъ хорошы, прехорошы. Поциловався заразъ зъ нею, оженывся“ [2]). Эта сказка очень близко напоминаетъ великорусскую сказку „Аленькій цвѣточекъ“, переработанную С. Аксаковымъ. Въ одной сказкѣ, гдѣ спутано нѣсколько мотивовъ, змій превращается въ птаха, а потомъ въ человѣка: „зновъ стрепенувсь и ставъ зміемъ, паномъ ставъ у чоловичому стани, у польскому“ [3]). Подобное же превращеніе замѣчается и въ сказкѣ: „Оленка, Ивашечко та змій“, гдѣ змій оборачивается молодцемъ, или же сначала дѣлается птицей: „бувъ горобцемъ, ставъ молодцемъ“ [4]). Жены змѣя о 12-ти головахъ также обладаютъ способностью превращаться; онѣ прилетаютъ сороками и говорятъ, что одна обратится въ криницу, отъ которой поразрываетъ богатырей, другая сдѣлается садомъ, третья рукавицами, четвертая *хмарою* [5]).

Нѣкоторую аналогію съ превращеніемъ змѣи имѣетъ превращеніе жабы. Идетъ парубокъ черезъ мостъ, на которомъ,

---

1) Тр. этн. эксп., II, 59.
2) Ibid, II, 444—5.
3) Ibid II, 180.
4) Ibid. II, 468—9.
5) Ibid. II, 254

говорятъ, что его лихо возьметъ; на мосту къ нему вскочила жаба, и когда онъ прошелъ мостъ, то она превратилась въ царевну [1]). Другой распространенный сказочный мотивъ о превращеніи жабы въ панну основанъ на выборѣ тремя братьями или тремя царевичами себѣ невѣстъ. Первый бросилъ свою *рушныцю*, и ее нашла королевна, вторую *рушныцю* нашла дочь купца, а третій—дурень бросилъ рушныцю въ болото, и ее нашла жаба, которая потомъ „скынула зъ себе жабъячу шкуру и стала такою гарною панною, що не здумать, не згадать, тилько доброму молодцу въ казци сказаты" [2]). По другому варіанту той же сказки она превращается въ панну *у злотомъ волоссю* [3]). Жаба нѣсколько разъ повторяетъ свои превращенія, пока мужъ не подстерегъ и не бросилъ въ огонь жабью шкуру. Жена заплакала и сказала, что ей оставалось еще шесть дней просидѣть въ жабьей шкурѣ, а теперь она отъ него уйдетъ навсегда и уходитъ въ монастырь, а затѣмъ въ *Золотыя горы*, гдѣ мужъ ее впослѣдствіи находитъ. Сказки о превращеніяхъ царевны-лягушки и царевны-змѣи очень распространены и въ великорусской народной поэзіи [4]). Существуютъ малорусскія сказки о превращеніяхъ жабы, гдѣ она является темной силой. Однажды баба-повитуха пошла въ лѣсъ за дровами, видитъ— „повзе жаба да така-жъ то товста, та здоровенна—недужна була". Баба помогла ей перелѣзть черезъ палочку, а вечеромъ пріѣзжаетъ за бабой карета и привозитъ ее въ богатый домъ, оказывается, что жаба—это *чортица*, у которой надо было принять ребенка [5]).

Цѣлый особый отдѣлъ превращеній въ сказочной поэзіи представляютъ птицы, каковы напр. три орлицы, три утки, 12 утокъ, 12 голубокъ, которыя превращаются въ дѣвицъ. Три орлицы—это три сестрицы; *стрилець—красный молодець* хочетъ застрѣлить старшую, но она отпрашивается у него, обѣ-

---

[1]) Ibid II, 52, примѣчаніе.

[2]) Ibid., II, 446.

[3]) Драгомановъ, Малр. н. пр. 314.

[4]) Аѳанасьевъ, II, 523—540.

[5]) Тр. этн. эксп., II, 360—2. Драгом. Малр. н. пр. 49.

щая стать ему *въ пригоди*; то же обѣщаетъ и средняя, а младшая обѣщаетъ стать его женой. Дѣйствительно, *она стрепенулась* и „стала така панна, шо ни въ казци сказать, ни перомъ напысать“ [1]). Обѣ другія орлицы также превращаются въ дѣвицъ [2]).

Очень распространенный мотивъ о превращеніи двѣнадцати утокъ въ дѣвицъ состоитъ въ слѣдующемъ. Идетъ добрый молодецъ и приходитъ къ морю; сюда прилетаютъ 12 утокъ; пораздѣвались, сдѣлались всѣ красными дѣвицами и пошли купаться. Молодецъ схватилъ платье двѣнадцатой и спрятался за кустъ. Она вышла изъ воды и спрашиваетъ: кто здѣсь есть? Если старъ человѣкъ, то будетъ мой отецъ, если среднiй, то будетъ братъ, если „младъ чоловикъ—будь мини вирна дружына!—А винъ заразъ выйшовъ зъ-пидъ куща та й виддае одежу. А вона зрадила,—такъ зрадила, що й не сказаты, бо передъ нею ставъ такій козакъ, що крашчого и въ свити не знайты“ [3]).

Оказывается, что утки — это служанки *морского дидуся*, который три раза заставляетъ молодца выбирать свою суженую изъ 12 одинаковыхъ дѣвицъ, и каждый разъ по предварительному уговору съ суженою онъ ее выбираетъ. Тогда наконецъ „заручылы ихъ и отгулялы весилле. Дидусь навалывъ ёму золота та срибла цилыхъ дванадцять карабливъ, и поплыла молода пара до батька та до неньки“ [4]). Сходныя черты имѣетъ сказка „Про персыцького царевича“, въ которой говорится о семи дочеряхъ *чернокнижныка* (чародѣя), которыя прилетали къ озеру купаться,—царевичъ спряталъ платье младшей дочери и потомъ на ней женился послѣ исполненія разныхъ миѳическихъ задачъ [5]). Въ этой сказкѣ способъ превращеній нѣсколько затемненъ: здѣсь только говорится, что дочери чародѣя летали, но какой образъ птицъ принимали, объ этомъ не сказано;

---

[1]) Тр. этн. эксп., II, 281.
[2]) Ibid. II, 283.
[3]) Ibid., II, 19—20.
[4]) Ibidem, стр. 24.
[5]) Ibid. 195—203.

о немъ можно судить по аналогіи съ другими сказками.— Три *качечки* прилетаютъ купаться. „Ажъ то не качечки, а тры царевны“. Хлопецъ беретъ вѣночекъ старшей, и та безъ *вѣночка не можетъ летѣть*, и дѣлается его женой [1]). Типъ превращеній 12 утокъ почти тождественно выдержанъ и въ сказкѣ о превращеніи 12 голубокъ. Царевичъ получаетъ въ лѣсу указаніе отъ бабы, что къ ставку „прылитае дванадцять голубокъ купатыся: одынадцять виддаваныхъ, а идна ни; котора невиддавана, та буде зъ самого заду скидаты крыла, а ты визьмы та й сховай“ [2]). Голубка обращается въ дѣвицу и послѣ исполненія царевичемъ задачъ, указанныхъ отцемъ чародѣемъ, задачъ въ родѣ того, чтобы въ одну ночь была посѣяна пшеница и испечена изъ нея булка, или чтобы въ одну ночь выстроенъ былъ *палацъ*, дѣлается его женою [3]). О превращеніи жены въ голубку по одному слову мужа, произнесшаго въ радости: „голубко моя!“ было уже сказано. Подобный же, очевидно, позднѣйшій смыслъ придается и превращенію ласточки. По народному сказанію, это мужъ и жена. „Чоловикъ шось ризавъ та покалявъ рукы у кровъ, а вона до ёго и прыйшла та такъ биля ёго и вьеться. Отъ винъ взявъ іи пидъ бороду: „ластивко, кае, моя“, тай поцилувавъ, та въ двохъ и полетилы ластивкамы; отъ-то у неи и знать пидъ горломъ красненьке“ [4]).—Новѣйшій фактъ— изображеніе орла на государственномъ гербѣ также вставленъ въ схему превращенія. Народъ говоритъ, что „орлы изъ царей, и потому даже теперь орлы вырѣзаны на царскихъ печатяхъ“ [5]).

Существуетъ довольно распространенный отдѣлъ сказокъ, гдѣ волшебница или мачиха дѣлаетъ такъ, что жена царя превращается въ утку, въ птицу, въ щуку.—Царевна Оленка превращена въ уточку. Оленка была женой змія; работница-волшебница, чтобы занять ея мѣсто, превратила ее въ утку—*золота пиръинка, срибна пиръинка на ній, сама золотоголова.*

---

[1]) Ibid. II, 358.

[2]) Ibid , II, 391.

[3]) Ibidem, стр. 392.

[4]) Драгом., Малр. н. пр. 7.

[5]) Гр. этн. эксп., I, 64.

Братъ ея сдѣланъ былъ баранчикомъ; онъ прибѣгаетъ къ озеру и поетъ: „Сестрычко Оленко, прыплынь, прыплынь до бережечка, братикъ плаче, исты хоче“ [1]). Когда она прилетаетъ плакать къ своимъ умершимъ дѣткамъ, царь-отецъ велѣлъ схватить ее; потомъ „былы іи поты, покы пиръя спало, и покы вона стала така, якъ и спершу була“ [2]). Дочь бабы превращаетъ свою сводную сестру въ птицу, и та прилетаетъ кормить свое дитя. Мужъ ее схватилъ, „вдарывъ по ній тречы прутыкомъ, и вона стала жинкою“ [3]). Даже умершая мать превращается въ кукушку. У одного человѣка умерла жена, и онъ женился на молодой; было у него пятеро дѣтей, и мачиха такъ возненавидѣла ихъ, что порѣзала ихъ и спрятала *въ комору* подъ по мостъ. „Перва жинка прылетыть зузулею да сяде на покути на колочку дай куе: „Куку, диты, куку, лебедята, горегореваты, де чужая маты поризала, порубала, пидъ мистъ поховала... Охъ мои диточкы!“ [4])—Мачиха превращаетъ свою падчерицу въ щуку. Лакей изъ жалостиноситъ къ ней дитя кормить. Панъ, ея мужъ, увидѣлъ это, велѣлъ забросить сѣть и поймать ее. „Панъ веливъ наризаты ризокъ и давай іи сикты. Вже вона сердешна перекыдалась, перекыдалась, и жабою, й гадюкою, й зозулею, винъ усе сиче; дали вже взяла й перекынулась жинкою“ [5]). Эта сказка вводитъ насъ въ ту область миѳическаго воззрѣнія, по которому одинъ и тотъ же предметъ могъ принимать многоразличные образы. Сила, которая даетъ возможность принимать различные образы, сохраняется, по народному повѣрью, еще и въ настоящее время; ею теперь обладаютъ темныя, существа—вѣдьма и чертъ.

Такія многоразличныя превращенія одного и того же существа выступаютъ въ сказкѣ „Про царевича жинку, що зроблено гускою“. Любовница царевича получаетъ отъ бабы ленту и палочку, которой бьетъ царевну, и та „перекынулась мышою, котомъ,

---

[1]) Труды этн. эксп., II, 470.

[2]) Ibidem, стр. 473.

[3]) Ibid., стр. 467.

[4]) Ibid., 475.

[5]) Ibid., II, 464—5.

собакою, вовкомъ, всякою-всякою звириною перекыдалась, а та все бье... Поты была, поты была, ажъ покы не перекынулась гускою и не полетила" [1]).—Въ другой сказкѣ богатырь Сучченко добываетъ царевну, но она оборачивается щукой и бросается въ воду,—богатырь Вернывода уничтожаетъ воду и схватываетъ ее, тогда она оборачивается бѣлкой и бросается на дубъ,—богатырь Вернудубъ выворотилъ всѣ дубы и поймалъ ее,—она оборачивается мышью и прячется въ нору (на горѣ),—богатырь Вернygора переворотилъ гору и наконецъ добылъ ее [2]). — Тромъ-сынъ (пріемышъ трехъ: Бога, свв. Петра и Павла) получаетъ способность превращеній. Пошелъ онъ добывать царевну, „черезъ биле поле скынувся голубкомъ та перелетивъ; черезъ густый лисъ скынувся медведемъ та перешовъ; черезъ сыне море скынувся окунцемъ та переплывъ; у домъ влетивъ мушкою; а до царевны пидошовъ комашкою, перекынувся чоловикомъ и ставъ и стоить" [3]). Тромъ-сынъ на вопросъ царевны, какъ онъ къ ней пришелъ, снова принимаетъ всѣ тѣ образы, въ которые онъ превращался.—О томъ, какимъ образомъ *Охъ, або чортъ* принимаетъ различные образы и какъ онъ превращаетъ своихъ слугъ, было уже сказано.

Къ такимъ же многоразличнымъ превращеніямъ относится циклъ сказокъ, гдѣ герои принимаютъ даже сложные образы, такъ, напр., героиня дѣлается стадомъ овецъ, а герой пастухомъ, или же пасѣкой и пасѣчникомъ. Сказки этого рода построены по слѣдующей схемѣ: царевичъ спасаетъ отъ змія царевну,—змій бросается въ погоню; тогда они превращаются въ различные предметы до тѣхъ поръ, пока змій не лопнетъ. Болѣе типичною сказкою для объясненія подобнаго рода превращеній служитъ сказка „Царъ-змій" [4]). Купецъ посылаетъ своего приказчика къ царю-змію достать отъ него три пера; приказчикъ находитъ у змія похищенную имъ царевну, и вмѣстѣ съ нею они рѣшаютъ спастись. Царевна говоритъ, что у нея есть

---

1) Ibid., 458.

2) Ibid., II. 268—9.

3) Ibid., 338.

4) Ibid. 133—138.

такая книга, „що якъ прочитаешъ іи то заразъ зробысься чимъ захочешъ: чы звиромъ, то й звиромъ, чы птыцею, то й птыцею“ [1]). Подѣлались они птицами и полетѣли, а змѣй за ними въ погоню. Царевна говоритъ: сдѣлаюсь я человѣкомъ и послушаю, не гудетъ ли земля; она слышитъ—гудетъ земля отъ погони, и говоритъ: „зроблюсь же я пасикою, а ты старымъ пасичныкомъ; а якъ винъ спытае, чы не бачывъ ты такой то й такои,—то кажы, що бачывъ тоди, якъ бувъ ще молодымъ“. Змѣй возвратился *до палацу*, а они подѣлались птицами и снова полетѣли,—снова погоня. Они сдѣлались *дидомъ и бабою*. Змѣй снова былъ обманутъ и опять пустился въ погоню. Царевна говоритъ: „робысь ты скорійшъ моремъ, а я зроблюсь качкою. А ось и змій прылитае, да такій же злый, що ажъ пина зъ рота котытся. Якъ побачивъ винъ ту качку, такъ заразъ и пизнавъ, що то не качка, а царивна, тай хтивъ винъ еи зловыты. Що кинеться на ню, то вона и пурне; не може ніякъ еи змій зловыты. Винъ тоди почавъ воду пыты, щобъ выпыты все море; пывъ-пывъ, поты пывъ, покы ажъ не лусьнувъ“ [2]). Они дѣлаются людьми и снова еще принимаютъ образъ птицъ. Сказка „про персыцького царевича“ представляетъ варіантъ предыдущей. Здѣсь царевичъ спасается отъ чародѣя, у котораго похищаетъ себѣ въ жены его младшую дочь, при помощи такихъ же сложныхъ образовъ. Они дѣлаются голубемъ и голубкою, *каплыцею и дидомъ*, стадомъ овецъ и пастухомъ, она стала моремъ, а онъ рыбкой. Чародѣй распалился и разгнѣвался до того, что захотѣлъ море выпить; онъ пилъ до тѣхъ поръ, пока не сгинулъ; а они снова сдѣлались голубемъ и голубкой и улетѣли [3]).

Хр. Ящуржинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Ibid. 135.

[2]) Ibidem, 136.

[3]) Ibid., 195—203.

ЗАПИСКИ

МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

IV.

Охотничье настроеніе. — Женщины. — Охоты. — Оригиналы. — Бердичевъ. — Ярмарки.

Я совсѣмъ не имѣю намѣренія, говорить ни о политическихъ обществахъ, ни о политическихъ заговорахъ, ни о бунтахъ; я отмѣчаю ихъ лишь постолько, посколько эти обстоятельства вторгались въ жизнь, которою я жилъ. Заговоры были подавлены, бунтъ усмиренъ, а о политическихъ обществахъ остались только преданія, какъ объ обломкахъ потерпѣвшаго крушеніе корабля. Правительство выказало мощный умъ, силу и энергію. Населеніе не дало увлечь себя стремленіямъ, которыхъ оно не понимало и которыя не находили отклика ни въ его умѣ, ни въ его сердцѣ. Наказанія были суровы, но заслужены.

Всѣ эти обстоятельства произвели, однако, сильное возбужденіе на Волыни, Подоліи и Украинѣ. Это возбужденіе наиболѣе отразилось на молодежи и женщинахъ. Люди средняго возраста и состоянія, хотя не принадлежали ни къ какимъ обществамъ и знали о заговорахъ столько же, сколько и о желѣзномъ волкѣ, были выбиты изъ колеи, сидѣли по домамъ, не выѣзжали ни въ города, ни въ мѣстечки, собирались маленькими обществами, и то въ ближайшемъ со-

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1891 г., № 2.

сѣдствѣ, играть въ вистъ и въ марьяжъ, чему былъ несказанно радъ извѣстный игрокъ, п. Струмилло, потому что онъ не только обучалъ ихъ игрѣ, но и сообщалъ имъ новости, о которыхъ они боялись даже услышать. Да и какъ было имъ не бояться, когда въ Житомирѣ сидѣли подъ стражей п. Северинъ Залѣсскій, бывшій маршалъ житомирскій, и п. Адамъ Пулавскій, потомокъ основателя барской конфедераціи, состоявшій въ родствѣ съ знатнѣйшими мѣстными шляхетскими семействами. Если не посмотрѣли на такихъ тузовъ, то что же могутъ сдѣлать съ мелкой шляхтой?

Молодежь начала охотиться, разъѣзжать по ярмаркамъ, вести, точно на масляницѣ, разгульную, кочевую жизнь, и какъ прежде пересѣла съ коней въ экипажи, такъ теперь опять садилась на коней. За нѣсколько лѣтъ предъ этимъ на двадцать миль кругомъ едва можно было найти пару борзыхъ и то большею частью плохихъ, а теперь всѣ наперерывъ хлопотали о борзыхъ и верховыхъ лошадяхъ. Экипажи—фи! они нужны только для стариковъ и больныхъ! Юношѣ-шляхтичу нуженъ осѣдланный конь. Измѣнился свѣтъ, измѣнились люди!

Графъ Туркутъ, предсѣдатель кіевскій, промѣнялъ село съ нѣсколькими десятками душъ крестьянъ на пару борзыхъ, и и въ память такого дѣянія село было прозвано „Два пса“, и осталось съ такимъ названіемъ на послѣдующее время.

Генералъ Корженевскій, мой дядя, который въ продолженіе своей долговременной военной службы командовалъ эскадрономъ и бригадой, не садясь ни разу на коня, добылъ себѣ откуда то изъ Литвы борзыхъ и бѣлую верховую лошадь, доставшуюся впослѣдствіи мнѣ, когда генералъ-лейтенантъ свалился съ нея въ присутствіи государя Николая Павловича.

Такъ какъ борзыя вошли въ моду, то начались и спекуляціи. Какой то старый шляхтичъ, еще изъ барскихъ конфедератовъ, по фамиліи Яголковскій, который проживалъ со времени раздѣла Польши въ Молдавіи и Валахіи и терпѣлъ большую нужду, такъ какъ не хотѣлъ ни работать, ни добывать хлѣбъ при помощи аршина или кварты, чтобы не опозорить шляхетскаго достоинства, но по шляхетскому обычаю—„коли бѣда,

такъ до жида"—жилъ на счетъ евреевъ, узнавъ отъ нихъ, что творится на святой Руси, прибылъ въ окрестности Бердичева съ молдавскими и волошскими борзыми. Сбывши одинъ транспортъ безъ помощи евреевъ,—теперь онъ сталъ даже бить ихъ, потому что нужда уже миновала, — Яголковскій отправился за другимъ, затѣмъ за третьимъ, четвертымъ и т. д., такъ какъ спросъ на этотъ товаръ былъ большой. Черезъ два года купилъ онъ себѣ деревеньку за 40,000 злотыхъ польскихъ, да хозяйственныхъ принадлежностей пріобрѣлъ на 5,000.

Капитанъ Лаговскій, прозванный Капціо, изъ наполеоновской арміи, братъ почтеннаго полковника Петра Лаговскаго, тотъ самый Капціо, который, не умѣя командовать ни по польски, ни по французски, ни на какомъ другомъ языкѣ, имѣлъ привычку отдѣлываться ничего незначущими возгласами: туфъ-тафъ! и наконецъ „маршъ!", такъ вотъ этотъ то Капціо, услышавъ объ Яголковскомъ, взялся самъ за спекуляцію, гдѣ, не имѣя дѣла ни съ аршиномъ, ни съ квартой, онъ не опозорилъ бы шляхетскаго званія, которое, какъ ни какъ, а, ради памяти предковъ, доброй гербовой шляхты, надо сохранять незапятнаннымъ. Купилъ себѣ бродскую бричку, огромную, крытую бѣлымъ полотномъ, точно передвижной шатеръ, запрегъ въ нее четверку лошадей. Въ эту бричку посадилъ нѣсколько борзыхъ для охотниковъ, нѣсколько комнатныхъ собакъ для любителей, нѣсколько обезьянъ для модничающихъ паней, нѣсколько попугаевъ для старыхъ ханжей, сошедшихъ со сцены, и такъ разъѣзжалъ изъ дома въ домъ, какъ бернардинъ за милостыней. И этотъ черезъ два года сталъ помѣщикомъ.

И Крымъ не остался глухимъ къ слухамъ объ этомъ: татары привезли въ Бердичевъ крымскихъ гончихъ, раскрашенныхъ въ красный, зеленый и голубой цвѣта. Моя сестра Ружицкая купила въ подарокъ мнѣ двухъ такихъ гончихъ. Она уже говорила о томъ, какіе будутъ щенки отъ такихъ цвѣтныхъ родителей, когда ея мужъ велѣлъ вымыть собакъ мыломъ и тереть ихъ щеткой, пока они не сдѣлались бѣлыми, какъ снѣгъ. Это подало поводъ ихъ маленькому сынку, Стасю, велѣть раз-

ложить зашедшаго во дворъ цыганенка и мылить его и тереть щеткой, пока не побѣлѣетъ. Цыганенокъ визжалъ, какъ будто съ него сдирали кожу. Его отняли, но ничего нельзя было сказать Стасю: онъ дѣйствовалъ по примѣру отца.

Вся округа была одержима бѣсомъ охоты; у меня было болѣе тридцати борзыхъ.

То, что прежде бывало только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, теперь получило широкое распространеніе во всѣхъ трехъ губерніяхъ: начались собранія охотничьи, танцовальныя, научныя и даже музыкальныя и театральныя. Край раздѣлился на округа и въ каждомъ округѣ сосѣди собирались и ѣхали въ одинъ изъ болѣе зажиточныхъ домовъ, гдѣ проводили нѣсколько дней и снова цѣлымъ поѣздомъ ѣхали въ другой домъ; поѣздъ увеличивался отъ десятковъ до сотенъ. Изъ городовъ, въ назначенные дни, пріѣзжали на эти пиршества чиновники, военные и всякіе вообще люди шляхетскаго званія. Съ утра ѣхали на охоту; въ полдень дамы, одѣтыя по утреннему, привозили завтракъ; послѣ завтрака охотились еще, болѣе изъ угожденія прекраснымъ панямъ, чѣмъ ради дичи; возвращались домой къ обѣду, а послѣ обѣда начиналась музыка, танцы, часто театральныя представленія, пѣніе, ученыя бесѣды, чтеніе литературныхъ произведеній.

Съ 4-го іюля, дня св. Іосифа Каласантскаго, начиналась охота на птицъ: утки, гуси, дупеля, куропатки, тетерева, глухари, ястребы—все это падало подъ выстрѣлами охотниковъ. Старые въ экипажахъ и на смирныхъ лошадяхъ, паничи съ буфетчиками, съ повѣшенными черезъ плечо коробками, приставали къ этимъ охотамъ. Буфетчикъ съ шестомъ въ рукѣ командовалъ, а паны-поваренки и мужики-прислужники маневрировали съ сѣтями и шнурами; лягавыя вертѣли хвостами, загоняли стада и дѣлали стойку; верховые натягивали сѣти, а что ушло отъ верховыхъ, погибало подъ когтями соколовъ и кречетовъ, которыхъ буфетчики пускали съ шеста на бѣдныхъ перепелокъ. Въ это самое время были жнива, сгребанье, вязка и складыванье сноповъ въ копы, и пани и панны украшали себя вѣнками изъ васильковъ, маку, колокольчиковъ, одѣвались

въ батистовыя рубашки, вышитыя бѣлымъ, и, какъ простыя крестьянки, разыгрывали роль жницъ.

Со дня св. Варѳоломея, 15 августа, начиналась охота на волковъ. Молодыхъ звѣрей приманивали, подражая вою старыхъ, а поутру приманивали старыхъ подражаньемъ вою молодыхъ, и обманутыхъ такимъ образомъ отдавали въ жертву выстрѣламъ охотниковъ и зубамъ гончихъ.

Со дня св. Михаила начиналась охота съ борзыми въ степи, съ гончими въ лѣсу, облавы въ тростникахъ на большого и малаго звѣря, въ пущахъ на кабановъ, на лосей, оленей, нерѣдко на рысей, подчасъ на медвѣдей, съ борзыми, облавой, на дрофъ и куропатокъ съ подъѣздомъ, на утокъ и гусей на озерахъ, на тетеревовъ съ чучелами въ будкахъ.

Съ поминальнаго дня, когда сойдетъ снѣгъ, начинали охотиться съ борзыми, съ гончими, съ ружьемъ; начинались ночныя охоты на волковъ съ поросенкомъ и изъ засады. И такъ продолжалось до 15 февраля, когда кончалась охота.

Старшіе мало по малу примкнули къ молодежи. Знакомились другъ съ другомъ; гербовые сходились съ негербовыми. Пріучались къ трудамъ, отвагѣ, сметливости, предусмотрительности, чтобы быть всегда наготовѣ. Младшіе разсказывали, старшіе давали совѣтъ. Женщины поощряли къ охотничьимъ подвигамъ, а въ награду забавлялись и никто не помышлялъ объ усталости, объ отдыхѣ. Гуляли до поздней ночи, а съ разсвѣтомъ были уже на охотѣ. Рыцарство закалялось, знакомилось съ охотой, привыкало умываться дождемъ, обсушиваться на вѣтрѣ, отдыхать на голой землѣ, мало спать и всегда быть на ногахъ.

Учились обращаться съ оружіемъ и убивать; то была рыцарская школа для охотниковъ. А панны-чародѣйки были душею, красою, поэзіей этой школы, такъ какъ, пусть что хотятъ говорятъ, а общество мужчинъ, изъ какихъ бы людей оно ни состояло, какъ только въ немъ нѣтъ женщинъ, должно въ концѣ концовъ или огрубѣть, или демократизироваться,—у насъ были женщины и наше общество осталось рыцарскимъ, польской шляхтой.

Послѣ Іосифа Стецкаго, объ охотахъ котораго я уже говорилъ, самыя извѣстныя охоты были у Чечеля, на Волыни, и у генерала Козловскаго, въ Лозовѣ, на Украинѣ, да еще у гусарскаго маіора Эмме, подъ Любаромъ; эти три охоты различались по своей организаціи и заслуживаютъ упоминанія.

У Чечеля псарня была и немногочисленная, и не отборная, но отличалась нѣмецкой систематичностью, прусскимъ порядкомъ, собаки были отмѣчены клеймомъ съ гербомъ Чечеля и номеромъ; мѣшки съ сѣтями, запасами, съ аммуниціей, съ оружіемъ и самое оружіе—все было заклеймено и занумеровано. Ловчіе, доѣзжачіе, псари, кучера—всѣ были въ зеленыхъ ливреяхъ, съ гербовыми пуговицами и со знаками, показывавшими функціи и должность каждаго. Все было взвѣшено и измѣрено. Каждый день составлялись рапорты, велись формулярные списки охотниковъ и собакъ съ отмѣтками смотрителя, который два раза въ мѣсяцъ дѣлалъ смотръ. Эта охота напоминала, однако, большую тучу, которая разражается маленькимъ дождикомъ. На этихъ охотахъ все было слишкомъ уже по нѣмецки, и крѣпкоголовые русины не могли къ этому привыкнуть.

У генерала Козловскаго было иначе. Онъ былъ козакъ изъ Украины, сынъ генерала и адъютанта Суворова, прозваннаго имъ „знайкой“ по слѣдующему поводу. Суворовъ имѣлъ обыкновеніе въ дорогѣ имѣть подлѣ себя адъютанта и спрашивать его: чья это деревня? чей это домъ? чьи лошади? И если только адъютантъ отвѣчалъ ему: „не знаю“, кричалъ: „прочь, незнайка!“ и тотчасъ высаживалъ изъ повозки и увольнялъ отъ адъютанства. Во время итальянской кампаніи не достало у него адъютантовъ—всѣ были „незнайки“; онъ взялъ перваго уланскаго офицера, попавшагося ему на глаза. Выборъ палъ на поручика Козловскаго, который слышалъ объ этихъ увольненіяхъ и, такъ какъ козачья голова умна, тотчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло. Спрашиваетъ Суворовъ: „чей это дворецъ?“ Козловскій безъ запинки отвѣчаетъ: „маркиза Альдобранди“.—„Чьи лошади?“—„Аббата Сталинелли“. И такъ отвѣчалъ на всѣ вопросы. Суворовъ говорилъ: „знайка“ и постепенно подвигалъ его по

службѣ, пока онъ не дослужился до генеральскаго чина. Только смерть Суворова разлучила ихъ другъ съ другомъ.

Какъ отецъ не вѣдалъ слова: „не знаю", такъ сынъ не понималъ слова: „нельзя".

Подъ Эриванью съ 3,000 конницы разбилъ онъ стотысячное войско Аббасъ-Мирзы и Эривань досталась Россіи. Чрезъ горы, по которымъ могутъ ходить только армянскія и курдистанскія козы, перешелъ онъ съ кавалеріей до Эрзерума, и отъ Эрзерума до Требизонта — купать коней въ Черномъ морѣ. Возвратившись въ Лозовъ, онъ занимался охотой съ убѣжденіемъ, что если офицеры хороши, то всякое войско должно быть хорошо, а чтобы офицеры были хороши, надо поднять въ нихъ духъ по старинному. Онъ муштровалъ козаковъ, офицеровъ охоты, отъ нихъ требовалъ много, а отъ собакъ только того, чтобы они шли туда, куда идутъ козаки.

Майоръ Эмме училъ своихъ собакъ палкою и плетью. А что можетъ сдѣлать въ хорошихъ рукахъ добрый арапникъ нетолько со звѣрями, но и съ людьми! И въ этомъ отношеніи и люди не отличаются отъ звѣрей, какъ утверждаютъ нѣкоторые.

Четвертымъ, самымъ необыкновеннымъ охотникомъ, безъ собакъ и безъ ловчихъ, какъ король Іоаннъ безъ земли, какъ первый вождь эмигрантовъ безъ войска или диктаторъ безъ страны, былъ камергеръ Вонсовичъ. Онъ охотился языкомъ. Такъ, въ какой то литовской пущѣ, продираясь черезъ кусты, онъ потерялъ ружье, и когда ему встрѣтился медвѣдь, огромное чудовище, камергеръ угостилъ его албанскимъ табакомъ, и пока медвѣдь чихалъ, взялъ его на арканъ и доставилъ королю Станиславу-Августу, чтобы онъ тамъ протанцовалъ менуэтъ съ пани Косовской. Разсказывалъ онъ также, нисколько не смущаясь, какъ въ лѣсу онъ напоилъ водочной брагой стадо кабановъ, и пьяныхъ пригналъ ихъ на господскій дворъ въ Ставки,

гдѣ свирѣпствовалъ такой голодъ, что рѣшили уже бросать жребій, кого изъ крестьянъ и крестьянокъ ѣсть по очереди.

Сенаторъ Илинскій устроилъ даже охоту на лосей въ своемъ Новомъ Римѣ. Сенаторъ Илинскій былъ особой исторической, камергеръ и любимецъ императора Павла, гражданско-военный кардиналъ in partibus, директоръ инквизиціи, управляемой о.о. іезуитами, водворенной на романовскихъ болотахъ, на которыхъ стояла Roma Nuova.

Въ Новомъ Римѣ былъ большой дворецъ съ огромными окнами въ одно стекло, съ колоссальными зеркалами. Панъ сенаторъ сидѣлъ въ кардинальской пурпуровой мантіи, украшенный звѣздами и орденами, возлѣ него пани сенаторша, по одной сторонѣ нѣсколько іезуитовъ, а по другой нѣсколько гусаровъ. Пріемъ былъ панскій; охота, которою распоряжались два сына сенатора, удалась прекрасно. Но что больше всего врѣзалось мнѣ въ память, это итальянская опера „Донъ-Жуанъ", исполненная крѣпостными артистами пана сенатора.

Панъ сенаторъ, пользуясь своимъ значеніемъ въ Римѣ, съ дозволенія св. отца, послалъ нѣсколько десятковъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ его столицу учиться пѣнію и музыкѣ. Такъ какъ это были подданные, записанные въ ревизскія сказки, и представлявшіе собственность пана сенатора, то чтобы имъ не захотѣлось вольности, сенаторъ помѣстилъ ихъ въ іезуитскую коллегію, подъ опеку и начальство о.о. іезуитовъ. Предпріятіе удалось; возвратились артисты,—ни одинъ не остался въ Римѣ,—и въ общемъ очень недурные. Панъ сенаторъ отдавалъ ихъ въ наемъ театрамъ житомирскому, бердичевскому, каменецъ-подольскому, а на время контрактовъ кіевскому, за это получалъ денежки звонкой монетой и дѣло шло хорошо.

Удивительная была въ то время бердичевская округа: полно жизни въ людяхъ, полно высокой фантазіи въ шляхтѣ, а оригиналовъ столько, что можно было подумать, будто разсыпался мѣшокъ съ ними на бердичевской ярмаркѣ. Въ прежнихъ моихъ произведеніяхъ я писалъ о нихъ и мнѣ не хотѣлось бы повто-

ряться, но, мнѣ кажется, нельзя не сказать о нихъ нѣсколько словъ, если, при каждомъ воспоминанiи о прошедшихъ годахъ, сами собой возникаютъ передъ моими очами ихъ образы.

Такимъ оригиналомъ былъ литовскiй донъ Кихотъ, польскiй шляхтичъ, татаринъ Липка Ахметовичъ, называвшiй себя пашей, не сыномъ солнца, ибо этотъ титулъ принадлежитъ султану, но внукомъ князя, частный приставъ сенатора-кардинала Илинскаго, имѣвшiй свой престолъ на развалинахъ ратуши Новаго Рима, товарищъ по мысли и перу графа Генриха Ржевускаго, поклонникъ и панегиристъ этого разумнаго человѣка, каратель и бичъ Божiй на этого человѣка безъ сердца.

Отсылаю читателя къ написаннымъ мною прежде книжкамъ подъ заглавiемъ „*Gawędy*", гдѣ я много писалъ объ этомъ литовскомъ донъ Кихотѣ, который, кромѣ рыцарскихъ вкусовъ героя Сервантеса, обладалъ еще даромъ второго вѣдѣнiя и предвѣщанiя. Онъ былъ лучшимъ предсказателемъ, чѣмъ Вернигора, потому что ни на Гончаровской долинѣ, ни на Перепетихѣ, ни на Янчинѣ не заиграли военныя трубы, англичанинъ поступилъ на службу къ нѣмцамъ, француза нѣмцы обобрали до рубашки, а турку и не снится поить коней въ Вислѣ,—хорошо, что нѣмцы и мадьяры не запрещаютъ ему поить коня дунайской водой.

Помню, какъ Ахметовичъ ѣздилъ изъ дома въ домъ и ворчалъ, какъ бы въ бреду:

— Внутри земли огонь горитъ и тлѣетъ, образуется кратеръ, выльется много лавы, но все кончится ничѣмъ, и такъ будетъ повторяться нѣсколько разъ, пока едино-язычные не соединятся въ единой вѣрѣ и въ единомъ дѣлѣ, тогда воспоютъ: „алиллуйа, алиллуйа" и люди...

Каждый понималъ это какъ хотѣлъ, а Ахметовичъ прослылъ за предвѣщателя.

Два брата Каменскихъ: подканцлеръ изъ Рачекъ и камергеръ изъ Ружекъ. Подканцлеръ былъ страстный охотникъ и,

женившись, хотѣлъ, какъ говорилъ камергеръ, изъ своихъ дѣтей сдѣлать собакъ. У него было четыре сына: „Шумъ", „Галасъ", „Тартасъ" (крикъ) и „Клопотъ", и дочь „Бѣда". Камергеръ первую дочь назвалъ Януаріей, желая имѣть живой календарь, но, какъ говорилъ подканцлеръ, дальше не поѣхалъ.

Оба эти сановника королей-саксонцевъ не вѣрили ни раздѣлу Польши, ни водворенію новой власти; присутствіе русскихъ чиновниковъ и войскъ они объясняли себѣ бунтомъ козаковъ, которые шатались гдѣ то тамъ подлѣ нихъ, на Украинѣ. Въ своихъ домахъ они не насиживали мѣста, были рѣдкими гостями; вся ихъ болѣе цѣнная утварь была сложена въ монастырѣ оо. кармелитовъ подъ охраной Божіей Матери бердичевской; скота они не имѣли, потому что онъ можетъ подохнуть, да и гайдамаки могутъ его угнать; полей не засѣвали, потому что гайдамаки могли бы потоптать хлѣбъ конскими копытами; крестьянъ отпустили на оброкъ; этотъ оброкъ и продажа лѣсовъ давали имъ достаточно дохода. Дочерей оставляли на сохраненіе сосѣдямъ по очереди; „Шумъ" сдѣлался уланскимъ капитаномъ; „Галасъ"—ксендзомъ; „Тартасъ" и „Клопотъ"—поручиками; а два старика продолжали ѣздить изъ дома въ домъ.

Пани Грабовская, владѣлица Ягорлыка, Слободищъ и многихъ другихъ деревень, была когда то влюблена въ Казиміра Пулавскаго, когда тотъ былъ еще простымъ „товарищемъ" народной кавалеріи и лихо танцовалъ мазурку и обертаса; ей было лѣтъ за 70, у нея были уже внуки и правнуки, а она, въ память предмета своей давней любви, наряжалась въ уланскую куртку и подъ звуки цыганской музыки плясала до изнеможенія, а потомъ горько плакала. Она была бѣдовая баба. Въ гусарскомъ ротмистрѣ Гернгроссѣ, хоть и нѣмцѣ, она увидѣла какое-то сходство съ Казиміромъ Пулавскимъ. Это былъ бѣдный нѣмчикъ, одинъ изъ тѣхъ, что ежегодно тянутся изъ Вестфаліи и Гессена въ подкрѣпленіе нѣмцамъ, усѣвшимся въ Россіи. Нѣмчикъ, съ вѣдома полковника, тоже нѣмца, позволилъ полькѣ похитить себя. Нѣмчикъ былъ скромный, понятливый, извѣстно,

какъ нѣмчикъ, высланный на заработокъ въ славянскій край, готовый на все, чтобы только на старость не быть оборваннымъ нѣмцемъ, выучился говорить по польски, какъ Казиміръ Пулавскій, и танцовалъ, какъ и онъ, мазурку и обертаса, носилъ конфедератку. Черезъ годъ, худой какъ копченка, но съ набитыми золотомъ карманами, онъ перевелся въ гвардію и поступилъ въ адъютанты къ княгинѣ Б.

Воздухъ этой бердичевской округи былъ наполненъ духомъ высокой фантазіи, вслѣдствіе плодородной почвы или, можетъ быть, вслѣдствіе еврейскихъ штукъ, такъ какъ въ одномъ Бердичевѣ считалось по переписи 40,000 евреевъ.

Въ Бердичевѣ было ежегодно четыре ярмарки и каждая продолжалась почти 4 недѣли. На ярмаркахъ бывало по 40,000 лошадей въ табунахъ и по 20,000 въ конюшняхъ, по 100,000 головъ скота разнаго рода, а смолы и дегтю столько, что, кажется, хватило бы на всю Россію, а что касается до товаровъ, женскихъ уборовъ и украшеній, золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, то голова шла кругомъ при взглядѣ на все это. Были гастрономическія учрежденія, которыя сдѣлали бы честь Парижу, Лондону, Вѣнѣ и о которыхъ Стамбулу и не снилось; были кондитерскія, былъ театръ, гдѣ давались комедіи, трагедіи, мелодрамы, былъ циркъ. Бердичевъ съ Гнилопятомъ былъ все равно, что Стамбулъ съ Босфоромъ: кто въ немъ побылъ, тотъ никогда о немъ не забывалъ, а кто бывалъ тамъ на ярмаркѣ, тотъ непремѣнно хочетъ вернуться туда.

Шляхта и хлопы гуляли въ Бердичевѣ каждый по своему, но всегда по козацки.

Когда парубокъ хотѣлъ погулять во всю ивановскую, то покупалъ себѣ орѣховое сѣдло, сыромятную уздечку, ногайку и дикаго коня изъ табуна. Въ пятницу подъ вечеръ, когда евреи прекращаютъ торговлю и, готовясь къ шабашу, снуютъ по улицамъ, какъ муравьи, молодецъ сѣдлалъ своего коня передъ махновской, бѣлопольской или житомирской рогаткой, и вскочивши на него, мчался по улицѣ, поворачивалъ на право и на

лѣво, останавливался и, подбадривая нагайкой коня, колотилъ евреевъ; поднималась суматоха, крикъ, визгъ, но ни одинъ еврей не смѣлъ подступить ни къ коню, ни къ козаку, потому что ни отъ ногайки, ни отъ конскихъ копытъ не было защиты; всѣ толпятся, падаютъ другъ на друга, сбиваются въ кучу, какъ саранча, которая еще не можетъ летать. Когда парубокъ проѣдетъ такимъ образомъ до бродскихъ рогатокъ, за Гнилопятъ, то считается удальцемъ.

Шляхта копировала хлоповъ. Три брата Боровецкіе, получивъ огромное наслѣдство послѣ дяди, пропускали его слѣдующимъ образомъ. Въ огромной дядиной коляскѣ, запряженной восемью лошадьми, возсѣдали три брата, а передъ ними и возлѣ нихъ лежали мѣшки съ серебряными рублями; конные козаки ѣхали впереди и позади. Такъ они торжественно въѣзжали чрезъ махновскую рогатку передъ самымъ шабашемъ, когда вездѣ полно евреевъ. Экипажъ ѣхалъ шагомъ, а братья разбрасывали на право и на лѣво рубли. Евреи бросали ради шабаша торговлю, но не поднять рубля—это былъ бы непростительный грѣхъ; рубли падали подъ колеса, подъ лошадей, евреи дрались между собою, и пока братья доѣзжали до бродской рогатки, то была уже цѣлая куча избитыхъ евреевъ.

На жалобы евреевъ полиція отвѣчала:

— Чертъ его знаетъ, что за козакъ это былъ, откуда пріѣхалъ и куда уѣхалъ, ищи теперь вѣтра въ полѣ!

Сажали ихъ же въ холодную и евреи за все сами же платились.

Бердичевскіе пески были, какъ Gieta въ Римѣ, еврейскимъ кварталомъ. Онъ находился въ углу между Житомирской и Бродской улицей и былъ заслоненъ отъ людскихъ очей каменными домами израильскихъ богачей. Это были кучи деревянныхъ домиковъ, тѣснившихся другъ возлѣ друга, перерѣзанныя неправильными уличками въ разныхъ направленіяхъ. За мельницами пески соприкасались съ болотистой частью Гнилопята. На улицахъ въ дождливое время была такая грязь, что до-

ходила коню до брюха. Смрадъ тамъ былъ такой, что, пройдя нѣсколько шаговъ по этимъ пескамъ особаго рода, всякій чувствовалъ головокруженіе. На пескахъ нельзя было найти ни одного христіанина. Квартиры тамъ не отдавались; тамъ жили одни евреи, съ блѣдными, желтыми лицами, подслѣповатыми, гноящимися глазами, а подъ домами были подземныя помѣщенія, гдѣ находилось множество лошадей и несчетное количество различныхъ контрабандныхъ товаровъ. Если полицейскіе бывали вынуждены предпринять экскурсію въ эту часть города, то вымазывались дегтемъ, какъ во время чумы, быстро появлялись и не долго оставались. На этихъ израильскихъ пескахъ жило отъ 10 до 15 тысячъ человѣкъ; тамъ были сосредоточены наибольшія богатства. Были такіе завзятые раввины, что тамъ раждались, тамъ же и умирали, не подышавъ ни разу въ жизни инымъ воздухомъ.

При самомъ въѣздѣ въ Бердичевъ, у махновской рогатки была конная площадь; на небольшомъ отлогомъ возвышеніи обширное пространство, все заставленное клѣтками изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ. Туда во время ярмарокъ загоняли стада лошадей табунныхъ, заводскихъ, татарскихъ, киргизскихъ и всякихъ породъ азіатскихъ. Во всѣхъ конюшняхъ, во всѣхъ дворахъ были лошади. Въ то время лучшіе цуги выходили изъ стадъ президента Ивановскаго. Кромѣ лошадей въ станкахъ на ярмарочной площади, продавали лошадей въ табунахъ за городомъ, на бердичевскихъ лугахъ, и тамъ то выказывалась вся ловкость табунщиковъ и коней, бывшихъ подъ ними. Каждую ярмарку бывали конскіе бѣга на почтовой дорогѣ. Извѣстнѣйшими спортсменами были Запольскіе, Абрамовичи и Мирза-Али. Бывали огромные пари.

Говоря объ ярмаркахъ и о Бердичевѣ, нельзя пройти молчаніемъ Абрамовичей. Это было зажиточное семейство, владѣвшее почти всей округой Мурованой Махновки. Родъ Абрамовичей былъ татарскій, получившій шляхетское достоинство въ очень давнія времена. Абрамовичи были смѣлы, остроумны, расторопны, какъ истые татары; торговали лошадьми,

любили мѣнять товары и по этому поводу вошли въ сношенія съ бердичевскими евреями и спекулировали вмѣстѣ; они были настоящіе представители ярмарочной шляхты; надуть хоть родного отца на лошадяхъ—это былъ подвигъ, которымъ можно было похвастаться. Но между ними были весьма достойные люди.

Въ Бердичевѣ была главная таможня для всего приднѣпровья, но не мнѣ не приходилось слышать объ открытіи когда нибудь контрабанды, а ее постоянно искали. Усердны были чиновники; но, должно быть, бердичевскіе евреи были добросовѣстными исполнителями уставовъ и законовъ.

Бердичевъ приносилъ огромные доходы и владѣльцу, и казнѣ. Достаточно сказать, что за одно право продавать дрожжи платилось ежегодно 40,000 злотыхъ польскихъ. Польскій народный банкъ устроилъ два отдѣленія: въ Бердичевѣ и въ Одессѣ.

Я такъ много написалъ объ еврейскомъ Бердичевѣ, какъ будто писалъ о старомъ Кіевѣ, потому что, по моему мнѣнію, только эти два города во всей юго-западной Россіи носятъ особый отпечатокъ, чуждый иноземнаго вліянія, оба не подтянуты подъ западные образцы и формы. Здѣсь еще вѣетъ славянствомъ, шляхетствомъ, козачествомъ... Старый Кіевъ это всеславянская столица славянскаго духа. Послѣ поляковъ-козаковъ явились поляки-русины и должны еще явиться поляки-славяне, потому что это колыбель вѣры славянской, вѣры народной. Въ Кіевѣ пало славянское рыцарство, въ немъ оно ростетъ и выростетъ во всеславянскаго великана.

Бердичевъ былъ скиніей шляхетской гордости; и евреи, и ярмарки были такъ же необходимы для питанія этой гордости, какъ душа для тѣла. Шляхтичъ въ Бердичевѣ не танцовалъ, не развлекался, не набирался ума, а только ярмарковалъ. Вскочилъ на коня, проѣхалъ на немъ галопомъ, рысью, показалъ его, ударилъ по рукамъ, спрыснулъ продажу

венгерскимъ или водкой, на полученныя деньги сыгралъ съ гусарами въ билліардъ или проплясалъ трепака съ дивчиной и снова на коня, продавать или покупать. Когда нѣтъ денегъ,— *настала бѣда—такъ до жида*: „займи Мошко, займи Сруль!“. А *послѣ бѣды—берегитесь, жиды!* „гнилоглазый Берка! пархатый Гершко!“. Ничего этого не встрѣтишь ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ, ни въ Германіи. Это было нѣчто чисто польское, шляхетское, гулящее, надменное, рыцарское и изъ этихъ ярмаркующихъ пановъ и балагулъ выйдутъ добрые славяне; они какъ были, такъ и останутся гордой шляхтой.

Въ этой округѣ процвѣтали не только ярмарки, но процвѣтали также и науки. Карлъ Сѣнкевичъ, изъ Калиновки; Янъ Сѣнкевичъ, трудолюбивый историкъ; Алексѣй Фелинскій, авторъ „Барбары“; Симонъ Конопацкій, чувствительный пѣвецъ идиллій; Піотровскій, талантливый изслѣдователь польскаго права и правъ иноземныхъ, имѣвшихъ примѣненіе въ Польшѣ; Словацкій, профессоръ литературы, отецъ Юлія Словацкаго; мои товарищи молодости, товарищи-саратники: Карлъ Ружицкій, Янъ Омецинскій, Михаилъ и Викентій Будзинскіе и др.—всѣ они были шляхтичи изъ бердичевскій округи, и всѣ показали, что умѣли владѣть и саблей, и перомъ.

Во всей Польшѣ, Литвѣ и юго-западной Россіи не было того, что было въ Бердичевѣ и въ его округѣ; тамъ гуляли пышно, шумно, по шляхетски, а не по французски и не по нѣмецки. Слово не говорилось на вѣтеръ, а дѣло было серьезнымъ дѣломъ.

Невозможно не помнить объ этомъ еврейскомъ Бердичевѣ; я уже состарѣлся, а все еще мечтаю о немъ, онъ такъ живо встаетъ передъ моими духовными очами, какъ будто я былъ въ немъ еще вчера, и я такъ люблю его, какъ будто бы долженъ былъ въ немъ жить и умереть.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Реформы въ Малороссіи при гр. Румянцевѣ.

Время Богдана Хмельницкаго, и въ частности 1654 годъ, можно назвать эпохой лишь внѣшняго политическаго соединенія Малороссіи съ русскимъ государствомъ, такъ какъ она сохраняла по прежнему свои національныя отличія, особенности внутренняго быта, самостоятельность административнаго и военнаго устройства, несмотря на частыя сношенія съ центральнымъ правительствомъ и присутствіе въ краѣ великорусскихъ чиновниковъ. Были времена, когда обособленность гетманщины нѣсколько уменьшалась, но наступали новыя, какъ, напримѣръ, въ царствованія императора Петра II и императрицы Елисаветы Петровны, когда ея автономія крѣпла, во всякомъ случаѣ полнаго сліянія Малороссіи съ прочими частями Россіи не было со времени Богдана Хмельницкаго болѣе столѣтія, т. е. съ 1654 года по 1764 годъ, въ которомъ было упразднено гетманское правленіе и который началъ собою новую эпоху въ исторіи Малороссіи, эпоху полнаго внутренняго сліянія Малороссіи съ другими областями обширной россійской имперіи, эпоху, главными дѣятелями которой были Екатерина Великая и графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій.

Послѣ того какъ было упразднено въ 1764 году гетманское правленіе и вмѣсто него учреждена малороссійская коллегія, президентомъ которой былъ назначенъ Румянцевъ, ассимиляція Малороссіи съ другими частями Россіи пошла быстрыми шагами, и наконецъ, указомъ 16 сентября 1780 г. повелѣвалось обсудить на мѣстѣ, какъ удобнѣе всего раздѣлить Малороссію на

три губерніи и каждую губернію на округи или уѣзды, указать губернскіе и уѣздные города и представить обо всемъ этомъ государынѣ для того, чтобы въ слѣдующемъ 1781 г. можно было ввести въ Малороссіи положеніе отъ 7 ноября 1775 г. о губерніяхъ [1]). Вслѣдствіе этого указа, Румянцевъ раздѣлилъ гетманщину на три губерніи: кіевскую, черниговскую и новгородъ-сѣверскую, что и было утверждено указами отъ 16 сентября 1781 г. [2]); одновременно онъ подалъ всеподданнѣйшую записку [3]), въ которой просилъ разрѣшить различные вопросы, возникшіе при новой организаціи управленія Малороссіей, и съ своей стороны предлагалъ различныя мѣропріятія. Записка эта представляетъ собою въ высшей степени важный историческій документъ, живо характеризующій личность Румянцева и его управленіе.

Близко и обстоятельно изучивши Малороссію, Румянцевъ затронулъ въ своей запискѣ столько вопросовъ, что трудно было разрѣшить ихъ, не ознакомившись съ ними предварительно въ подробностяхъ, а потому 26 октября 1781 г. послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя Румянцева, разрѣшавшій лишь нѣкоторые вопросы [4]).

Реформа малороссійскихъ полковъ и сотенъ въ военномъ отношеніи, почтоваго и таможеннаго дѣла и генеральное межеваніе отлагались до будущаго времени.

Съ большею частью проведенныхъ въ запискѣ взглядовъ Румянцева императрица Екатерина II не согласилась.

Румянцевъ находилъ затруднительнымъ создавать на первыхъ же порахъ малороссійское шляхетство или дворянство, хотя бы только и изъ козачьей старшины, такъ какъ далеко не всѣ, нобилитованные польскимъ правительствомъ или получившіе еще при гетманахъ права русскаго дворянства, могли

---

[1]) Шафонскій. Топографическое описаніе etc. Кіевъ. 1851 г. Стр. 128.

[2]) П. С. З. №№ 15,227, 15,228, 15,229.

[3]) Рукописные матеріалы, на основаніи которыхъ составлена настоящая статья, заимствованы нами изъ яготинскаго архива князя Николая Васильевича Репнина.

[4]) Шафонскій, о. с. pp. 130 sq. Срв. П. С. З. № 15,265.

документально доказать свое „прирожденное“ шляхетское происхожденіе, между тѣмъ какъ многіе „козаки, служа въ войскѣ и по земству, дослужились знатныхъ чиновъ и получили права шляхетства“. Кромѣ того, Румянцевъ находилъ такое оффиціальное выдѣленіе старшины, державшей себя и безъ того, благодаря своимъ земельнымъ богатствамъ, отдѣльно отъ остальной массы козачества, въ особое сословіе пока что и несправедливымъ, такъ какъ съ таковымъ выдѣленіемъ была связана и значительная разница въ правахъ: только утвержденные въ правахъ дворянства имѣли право выбора въ дворянскіе засѣдатели совѣстныхъ и верхнихъ земскихъ судовъ, въ предводители, въ уѣздные судьи и дворянскіе засѣдатели уѣздныхъ и нижнихъ земскихъ судовъ, а также право подсудности всѣмъ этимъ судебнымъ учрежденіямъ, тогда какъ, по мнѣнію Румянцева, и козаки, наравнѣ со шляхетствомъ, должны бы пользоваться уѣздными судами, а не нижними расправами, и что вообще эти послѣднія должны быть учреждены лишь кое-гдѣ, такъ какъ за исключеніемъ монастырскихъ и ранговыхъ крестьянъ, а также мѣщанъ, имѣющихъ свои управленія, коронныхъ или казенныхъ, или, такъ называемыхъ, свободныхъ войсковыхъ, подлежащихъ вѣдѣнію нижнихъ расправъ, оставалось очень мало.

Въ отвѣтъ на всѣ эти возраженія Румянцева, высшее правительство прислало, „для руководства и для наставленія дворянскихъ предводителей съ обществомъ, проектъ главы о дворянствѣ, въ которомъ *ясно и подробно* описаны всѣ тѣ качества и доказательства, которыя къ учрежденію благородства служатъ“. Императрица, желая выдѣлить въ Малороссіи дворянство, на подобіе великорусскаго, находила необходимымъ устроить расправы именно для козаковъ, предоставляя впрочемъ право рѣшать въ нихъ дѣла по старымъ правамъ, „до изданія лучшихъ и достаточнѣйшихъ“, почему и послѣдовало 22 сентября 1784 г. [1]) разъясненіе сената о подсудности козаковъ именно нижнимъ расправамъ, а 7 октября 1785 г. вышелъ

---

[1]) П. С. З. № 16,082.

высочайшій указъ на имя Румянцева объ увеличеніи числа нижнихъ расправъ въ Малороссіи [1]).

Выдѣляя шляхетство, императрица въ тоже время предоставляла козакамъ полную свободу записываться въ мѣщане и купцы, въ каковые были записаны также, по высочайшему повелѣнію, слободскіе раскольники, съ учрежденіемъ въ населенныхъ ими мѣстечкахъ черниговскаго и стародубскаго полковъ ратушъ. Съ увеличеніемъ такимъ образомъ числа мѣщанъ и купцовъ въ Малороссіи и со введеніемъ для нихъ общихъ положеній, не было надобности, конечно, держать особый словесный судъ для великорусскаго купечества въ г. Нѣжинѣ, а потому онъ и былъ уничтоженъ, согласно мнѣнію Румянцева.

Общая нивеллировка коснулась и нѣмецкихъ колоній, поселенныхъ Румянцевымъ въ 1766 г. въ нынѣшнемъ борзенскомъ уѣздѣ черниговской губерніи, подчиненныхъ, было, вѣдѣнію особаго коммиссара по административнымъ и судебнымъ дѣламъ,—нѣмцы приравнивались по своимъ правамъ къ казеннымъ крестьянамъ.

Ходатайство Румянцева объ устройствѣ въ г. Глуховѣ, въ домѣ, выстроенномъ для помѣщенія высшихъ присутственныхъ мѣстъ края, высшаго учебнаго заведенія, подъ названіемъ „Екатерининской коллегіи“, также не было уважено императрицей, а самое зданіе было пожаловано приказу общественнаго призрѣнія новгородъ-сѣверской губерніи, для обращенія его „на дѣла полезныя“. Отказано было также во временномъ оставленіи „на прежнемъ основаніи“, учрежденныхъ за гетмановъ, „фузилерной роты и надворной конной команды“ „въ сокращеніе излишнихъ расходовъ“.

Какъ видимъ, Екатерина II и Румянцевъ не сходились въ основныхъ взглядахъ по отношенію къ управленію Малороссіей: Румянцевъ находилъ, что полная ломка старыхъ порядковъ еще не своевременна и что ассимиляція края съ остальными частями государства должно произойти постепенно, императрица же стремилась къ скорѣйшему уничтоженію мѣстныхъ особенностей

[1]) П. С. З. № 16,274.

и полному слiянію, что рѣзко выразилось въ ея рескриптѣ Румянцеву тамъ—были разрѣшены въ благопріятномъ смыслѣ лишь частные вопросы, во всемъ же, что противорѣчило ея принципіальнымъ взглядамъ было отказано.

Первымъ по важности вопросомъ изъ возбужденныхъ Румянцевымъ въ его запискѣ, но отложенныхъ до болѣе подробнаго и внимательнаго обсужденія, былъ вопросъ о реформѣ малороссійскихъ войскъ, къ разрѣшенію котораго вскорѣ и было приступлено.

I.

Учрежденіе въ Малороссіи карабинерныхъ полковъ.

Румянцевъ писалъ въ своей запискѣ, что съ раздѣленіемъ Малороссіи на губерніи и уѣзды, новыя границы этихъ административныхъ дѣленій большею частью не совпадаютъ со старыми границами полковъ и сотенъ и что, слѣдовательно, введенная реформа гражданскаго управленія неизбѣжно ведетъ къ коренной реорганизаціи военнаго дѣла. Румянцевъ былъ того мнѣнія, что всего правильнѣе замѣнить прежніе девять малороссійскихъ полковъ въ военномъ отношеніи десятью регулярными полками, составивши ихъ изъ „настоящихъ выборныхъ козаковъ“, т. е. козаковъ по выбору, реестровыхъ, предназначенныхъ исключительно для военнаго дѣла, и раздѣливши ихъ на равные по числу людей эскадроны и роты, не стѣсняясь, конечно, при распредѣленіи козаковъ по полкамъ ихъ принадлежностью по мѣстожительству къ тому или иному уѣзду, и уравнять ихъ старшину въ соотвѣтственныхъ чинахъ съ военнымъ начальствомъ великорусскаго регулярнаго войска. Румянцевъ полагалъ, что такимъ способомъ малороссійскіе козаки могли бы въ непродолжительномъ времени постепенно безо всякой ломки превратиться въ регулярное войско, могущее быть всегда готовымъ на случай войны.

Находя это предложеніе Румянцева не вполнѣ еще всесторонне обдуманнымъ и нѣсколько несоотвѣтствующимъ ея

видамъ, императрица поручила ему подробно обсудить вопросъ о реформѣ малороссійскихъ войскъ по введеніи въ Малороссіи учрежденія о губерніяхъ, и представить ей свое мнѣніе.

Императрицѣ хотѣлось возможно скорѣе замѣнить вооруженныхъ поселянъ-козаковъ спеціально-организованнымъ регулярнымъ войскомъ, составивши его изъ мѣстнаго же населенія, но по общепринятому въ Россіи порядку.

Первымъ шагомъ болѣе ранняго времени въ этомъ направленіи былъ высочайше утвержденный 24 октября 1775 г. докладъ военной коллегіи о преобразованіи трехъ, находившихся въ Малороссіи, вольновербованныхъ компанейскихъ или иначе охочекомонныхъ (вольная конница) полковъ въ регулярные [1])—по своему составу и организаціи эти полки наиболѣе походили на регулярное вейско, а потому реформировать ихъ не представляло особеннаго труда.

Въ 1783 г. послѣдовалъ высочайшій указъ военной коллегіи о реформѣ девяти малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ военномъ отношеніи, въ основу котораго легло мнѣніе Румянцева по этому вопросу.

Повелѣвалось набрать изъ малороссійскихъ козаковъ десять регулярныхъ кавалерійскихъ полковъ, считая въ этомъ числѣ и три вышеупомянутые „легкоконные“ полка. Въ каждомъ полку должно было быть по шести эскадроновъ, по 138 человѣкъ въ эскадронѣ, или 828 человѣкъ въ полку, изъ коихъ 48 человѣкъ наиболѣе рослыхъ, нѣсколько обучившись, должны были ежегодно поступать на укомплектованіе одного кирасирскаго полка, а 120 человѣкъ, т. е. по 20 изъ каждаго эскадрона, должны были выбывать ежегодно изъ полковъ домой въ отставку, „на реверсъ въ ихъ домы“, такъ что срокъ службы былъ шестилѣтній и каждый седьмой годъ составъ полка долженъ былъ обновляться. Что касается офицерства, то оно должно было пополниться изъ представителей малороссійской старшины, по желанію и съ утвержденія высшаго военнаго начальства. Полки эти должны были содержаться изъ подуш-

---

[1]) П. С. З. № 14,385.

наго сбора, согласно указу отъ 3 мая 1783 г. [1]), съ козаковъ, по 1 р. 20 к. съ души. Уплата жалованья и пользованіе служебными правами должны были производиться соотвѣтственно учрежденію 1765 г. о преобразованіи слободскихъ козачьихъ полковъ въ гусарскіе [2]), а также согласно положенію о кирасирскихъ полкахъ, мундиръ которыхъ и вся аммуниція по новымъ образцамъ присваивалась и вновь учреждаемымъ малороссійскимъ полкамъ. Полки эти должны были квартировать въ селахъ по мѣстожительству козаковъ, входившихъ въ составъ каждаго даннаго полка.

Сверхъ всего этого указомъ отъ 28 іюля 1783 г. повелѣвалось:

1) „На всѣ конные полки вообще по арміи, кромѣ кирасирскихъ, отпускать ремонтныхъ лошадей по 30 р. за лошадь, при основаніи же первомъ каждой полкъ вступаетъ на тѣхъ лошадяхъ, кои у него имѣются; 2) изъ полку ингерманладскаго карабинернаго, которой слѣдуетъ къ упраздненію, укомплектовать прочіе карабинерные полки; 3) ново-троицкому кирасирскому полку вступить въ число полковъ, комплектуемыхъ изъ екатеринославскаго намѣстничества“.

Хотя приведенный указъ императрицы былъ данъ на имя военной коллегіи, которая и не замедлила, конечно, отдать приказанія главному кригсъ-коммиссаріату и провіантской канцеляріи о снабженіи вновь учрежденныхъ полковъ всѣми необходимыми вещами, продовольствіемъ и жалованьемъ, а также озаботилась о наименованіи этихъ полковъ карабинерными, согласно высочайшему указу отъ 9 февраля 1784 г. [3]), и объ утвержденіи въ офицерскихъ чинахъ избранныхъ представителей малороссійской козачьей старшины, но для скорѣйшаго введенія во вновь учрежденныхъ полкахъ полнаго порядка, Румянцевъ счелъ нужнымъ сдѣлать со своей стороны нѣкоторыя распоряженія, посланныя въ копіяхъ двумъ главнымъ началь-

---

[1]) П. С. З. № 15,724.

[2]) П. С. З. №№ 12,293 и 12,344.

[3]) П. С. З. № 15,928.

никамъ малороссійскихъ войскъ, генералъ-поручику Нащокину и генералъ-маіору Каульбарсу, 6 февраля 1785 г. за №№ 224 и 225, и губернаторамъ—кіевскому, генералъ-поручику Ширкову, подъ № 226, и черниговскому, генералъ-поручику Милорадовичу, за № 227.

Румянцевъ предлагалъ раздѣлить три прежнихъ легкоконныхъ полка и девять козачьихъ на десять карабинерныхъ, равныхъ по числу людей въ нихъ, и указать квартиры для полковыхъ штабовъ и для размѣщенія эскадроновъ; распредѣлить людей изъ трехъ расформированныхъ легкоконныхъ полковъ по вновь учрежденнымъ полкамъ, приказавъ имъ немедленно явиться къ своимъ новымъ командирамъ, при распредѣленіи же стараться „не разбивать ихъ артелей съ надлежащимъ числомъ оберъ-и унтеръ-офицеровъ"; выбрать, для пополненія новыхъ десяти полковъ до полнаго комплекта, лучшихъ козаковъ изъ прежнихъ сотенъ, „изъ наличныхъ и по одобренію и изъ отлучныхъ", давъ льготу одинокимъ хозяевамъ и единственнымъ сыновьямъ и свойственникамъ при дряхомъ отцѣ или родственникѣ-хозяинѣ; стараться произвесть наборъ изъ козаковъ тѣхъ бывшихъ сотенныхъ городовъ и мѣстечекъ, въ которыхъ будутъ находиться штабы вновь формируемыхъ полковъ и эскадроновъ, чтобы они могли сами себя содержать, пополняя лишь въ шестой долѣ до полнаго комплекта козаками изъ окрестныхъ селеній; уволить всѣхъ оставшихся за штатомъ при расформированіи сотенъ козаковъ по домамъ; представлять къ утвержденію въ офицерскихъ чинахъ бунчуковыхъ, войсковыхъ и значковыхъ товарищей, а также полковыхъ и сотенныхъ урядниковъ, преимущественно изъ участвовавшихъ въ первой турецкой войнѣ; приказать командирамъ карабинерныхъ полковъ списаться съ коммиссаріатской и провіантской коммиссіями о выдачѣ имъ необходимой обмундировки и продовольствія и назначить особыя команды для пріема всего этого; приказать пользоваться пока что своими лошадьми и прежнимъ оружіемъ, а послѣ полнаго снабженія отъ казны всѣмъ необходимымъ возвратить лошадей домой или ихъ владѣльцамъ, а „пушки и знамена и инія военныя снаряды, кои полки и сотнѣ по прежней ихъ службѣ

имѣли", сдать комендантамъ городовъ и городничимъ; поручить ближайше вѣдать формированье карабинерныхъ полковъ вновь назначеннымъ бригаднымъ командирамъ, которые и должны были доносить обо всемъ подробно самому Румянцеву по мѣрѣ хода дѣла.

Вновь учрежденные карабинерные полки получили слѣдующія названія: лубенскій, переяславскій, сѣверскій, черниговскій, глуховскій, стародубскій, нѣжинскій, кіевскій, софійскій и тверской.

Для выполненія распоряженія Румянцева объ укомплектованіи карабинерныхъ полковъ по мѣсту стоянокъ въ февралѣ же 1785 г. были собраны предварительныя свѣдѣнія о количествѣ дворовъ по сотнямъ выборныхъ козаковъ, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ, и о числѣ душъ въ нихъ мужескаго пола.

Карабинерные полки были набраны изъ козаковъ по сотнямъ слѣдующимъ образомъ:

1. Лубенскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ лубенскаго и отчасти прилуцкаго полка, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ выборныхъ козаковъ, которые несли воинскую повинность, и число душъ въ нихъ мужескаго пола [1]) въ сотняхъ лубенскаго полка—въ перволубенской 13 дворовъ, 319 душъ, во второлубенской 129 дворовъ, 628 душъ, въ снѣтинской 55 дворовъ, 134 души, въ чернушской 59 дворовъ, 179 душъ, городищенской 47 дворовъ, 226 душъ, первосѣнчанской 85 дворовъ, 318 душъ, второсѣнчанской 106 дворовъ, 445 душъ, перволохвицкой 110 дворовъ, 431 душа, въ части второлохвицкой, сосѣдней съ селеніями перволохвицкой, 82 двора, 266 душъ, въ части янишпольской, сосѣдней съ селеніями второлохвицкой, 30 дворовъ, 130 душъ; въ сотняхъ прилуцкаго полка—въ жоравской 96 дворовъ, 586 душъ, въ первоварвинской 116 дворовъ, 1082 души, во второварвинской 122 двора, 938 душъ, въ сребрянской 147 дворовъ, 1109 душъ, въ части красноколядинской сотни, сосѣдней съ селеніями

---

[1]) Шафонскій, о. с. pp. 73—85. Число душъ по ревизіи 1764 г.

сребрянской сотни 78 дворовъ, 486 душъ, а всего набору въ лубенскій карабинерный полкъ подлежали 1275 дворовъ, 7277 душъ мужскаго пола.

2. Сѣверскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ миргородскаго и гадяцкаго полка, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ сотняхъ миргородскаго полка—въ первомиргородской 155 дворовъ, 692 души, во второмиргородской 100 дворовъ, 326 душъ, въ хорольской 138 дворовъ, 477 душъ, въ городищенской 132 двора, 411 душъ, въ голтвянской 118 дворовъ, 1135 душъ, въ бѣлоцерковской 65 дворовъ, 479 душъ, въ остаповской 68 дворовъ, 106 душъ, въ богацкой 76 дворовъ, 587 душъ, въ устивицкой 56 дворовъ, 676 душъ, въ хресковской 43 двора, 43 души, въ сорочинской 81 дворъ, 213 душъ, въ шишацкой 82 двора, 403 души; въ сотняхъ гадяцкаго полка—въ первоковалювской 73 двора, 120 душъ, во второковалювской 70 дворовъ, 124 души, въ первоопошанской 127 дворовъ, 189 душъ, во второопошанской 90 дворовъ, 146 душъ, въ третьеопошанской 120 дворовъ, 220 душъ, въ куземинской 104 двора, 173 души, въ груньской 162 двора, 218 душъ, въ лютенской 220 дворовъ, 324 души, въ третьезенковской 146 дворовъ, 197 душъ, а всего набору въ сѣверскій карабинерный полкъ подлежало 2226 дворовъ, 7259 душъ.

3. Софійскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ прилуцкаго и нѣжинскаго полка, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ сотняхъ прилуцкаго полка—въ полковой-прилуцкой 123 двора, 1142 души, въ переволочанской 116 дворовъ, 972 души, въ части красноколядинской сотни, сосѣдней съ селеніями иваницкой сотни; 51 дворъ, 442 души, въ иченской 160 дворовъ, 1194 души; въ сотняхъ нѣжинскаго полка—въ конотопской 65 дворовъ, 460 душъ, въ ивангородской 115 дворовъ, 1217 душъ, въ части бахмачской сотни, сосѣдней съ селеніями ивангородской сотни, 30 дворовъ, 135 душъ, а всего набору въ софійскій карабинерный полкъ подлежали 495 дворовъ, 7357 душъ.

4. Тверской карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ кіевскаго, переяславскаго, прилуцкаго, нѣжинскаго и чер-

ниговскаго полковъ, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ сотняхъ кіевскаго полка,—въ козелецкой 7 дворовъ, 257 душъ, въ носовской 4 двора, 131 душа, въ кобыжской 5 дворовъ, 178 душъ, въ кіевской 11 душъ бездомныхъ, въ гоголевской 185 душъ бездомныхъ, въ остерской 3 двора, 236 душъ, въ бобровицкой 15 дворовъ, 219 душъ, въ мринской 4 двора, 151 душа, въ бориспольской 69 дворовъ, 181 душа, въ моравской 12 душъ бездомныхъ, въ олишевской 53 двора, 308 душъ; въ сотняхъ переяславскаго полка—въ третьеполковой переяславской 129 дворовъ, 433 души, въ вороньковской 110 дворовъ, 329 душъ, въ барышевской 55 дворовъ, 140 душъ, въ березанской 203 двора, 502 души, въ басанской 141 дворъ, 341 душа, въ яготинской 130 дворовъ, 473 души; въ монастырищенской сотнѣ прилуцкаго полка 60 дворовъ, 544 души; въ сотняхъ нѣжинскаго полка—въ веркіевской 82 двора, 703 души и въ дѣвицкой 87 дворовъ, 651 душа; въ сотняхъ черниговскаго полка—въ вибельской 106 дворовъ, 517 душъ и въ слабинской 62 двора, 341 душа, а всего набору подлежали въ тверской карабинерный полкъ 1325 дворовъ, 6844 души.

5. Стародубскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ стародубскаго, черниговскаго и нѣжинскаго полковъ, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ сотняхъ стародубскаго полка—въ первополковой 66 дворовъ, 386 душъ, во второполковой 64 двора, 443 души, въ новомѣстской 74 двора, 471 душа, въ первопочепской 114 дворовъ, 556 душъ, во второпочепской 103 двора, 563 души, въ мглинской 73 двора, 437 душъ, въ топальской 64 двора, 414 душъ, въ новгородской 67 дворовъ, 820 душъ, въ шептаковской 52 двора, 586 душъ, въ погарской 134 двора, 707 душъ, въ бакланской 84 двора, 693 души; въ части понорницкой сотни черниговскаго полка, сосѣдней съ селеніями новгородской сотни, 70 дворовъ, 287 душъ, и въ ямпольской сотнѣ нѣжинскаго полка 129 дворовъ, 854 души, а всего набору въ стародубскій карабинерный полкъ подлежали 1094 двора, 7217 душъ.

6. Глуховскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ нѣжинскаго полка, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ воронежской 121 дворъ, 911 душъ, въ глуховской 441 дворъ, 3842 души, въ кролевецкой 102 двора, 1296 душъ, въ коропской 112 дворовъ, 548 душъ, въ батуринской 195 дворовъ, 778 душъ, а всего набору въ глуховскій карабинерный полкъ подлежали 971 дворъ, 7375 душъ.

7. Кіевскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ гадяцкаго и лубенскаго полковъ, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ сотняхъ гадяцкаго полка—въ первогадяцкой 107 дворовъ, 186 душъ, во второгадяцкой 148 дворовъ, 254 души, въ третьегадяцкой 108 дворовъ, 167 душъ, въ рашевской 149 дворовъ, 225 душъ, въ первокамышанской 147 дворовъ, 283 души, во второкамышанской 103 двора, 132 души, въ веприцкой 125 дворовъ, 207 душъ, въ первозеньковской 173 двора, 305 душъ, во второзеньковской 161 дворъ, 264 души; въ сотняхъ лубенскаго полка—въ части янишпольской сотни, сосѣдней съ селеніями глинской сотни, 108 дворовъ, 497 душъ, въ глинской 232 двора, 1039 душъ, въ роменской 198 дворовъ, 665 душъ, въ хмеловской 233 двора, 1184 души, въ смѣлянской 125 дворовъ, 1065 душъ, въ константиновской 101 дворъ, 787 душъ, въ части второлохвицкой сотни, сосѣдней съ селеніями глинской сотни, 25 дворовъ, 103 души, а всего набору въ кіевскій карабинерный полкъ подлежали 2243 двора, 7363 души.

8. Переяславскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ переяславскаго и лубенскаго полковъ, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ сотняхъ переяславскаго полка—въ первополковой 140 дворовъ, 495 душъ; во второполковой 128 дворовъ, 476 душъ, въ трехтемировской 45 дворовъ, 122 души, въ глемязовской 150 дворовъ, 360 душъ, въ золотоношской 101 дворъ, 311 душъ, въ кропивянской 178 дворовъ, 414 душъ, въ ирклѣевской 197 дворовъ, 1061 душа, въ каневской 108 дворовъ, 306 душъ, въ пещанской 62 двора, 159 душъ, въ домонтовской 26 дворовъ, 65 душъ, въ бубновской 9 дворовъ, 114 душъ, въ лѣплявской 26 дворовъ,

40 душъ; въ сотняхъ лубенскаго полка—въ чигриндубровской 121 дворъ, 324 души, въ жовнинской 95 дворовъ, 754 души, въ горошинской 17 дворовъ, 179 душъ, въ лукомской 110 дворовъ, 334 души, въ яблуновской 115 дворовъ, 332 души, въ первопирятинской 114 дворовъ, 782 души, во второпирятинской 44 двора, 285 душъ, въ курѣньской 61 дворъ, 221 душа, а всего набору въ переяславскій карабинерный полкъ подлежали 1847 дворовъ, 7134 души.

9. Черниговскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ черниговскаго полка, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ черниговской 62 двора, 347 душъ, въ бѣлоусской 68 дворовъ, 599 душъ, въ роѣцкой 89 дворовъ, 707 душъ, въ любецкой 62 двора, 599 душъ, въ сѣдневской 97 дворовъ, 588 душъ, въ городнянской 118 дворовъ, 843 души, въ березинской 91 дворъ, 241 душа, въ менской 175 дворовъ, 1005 душъ, въ столинской 64 двора, 188 душъ, въ сосницкой 155 дворовъ, 876 душъ, въ синявской 82 двора, 329 душъ, въ киселевской 92 двора, 505 душъ, въ волынской 69 дворовъ, 256 душъ, въ части понорницкой сотни, сосѣдней съ селеніями волынской и сосницкой сотенъ, 29 дворовъ, 174 души, а всего набору въ черниговскій карабинерный полкъ подлежали 1253 двора, 7257 душъ.

10. Нѣжинскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ нѣжинскаго полка, въ которыхъ оказалось слѣдующее число дворовъ и душъ: въ первополковой 83 двора, 835 душъ, во второполковой 81 дворъ, 794 души, въ третьеполковой 95 дворовъ, 751 душа, въ четвертополковой 100 дворовъ, 983 души, въ заньковской 57 дворовъ, 615 душъ, въ прохорской 100 дворовъ, 1156 душъ, въ части бахмачской сотни, сосѣдней съ селеніями второборзенской сотни, 108 дворовъ, 948 душъ, въ поповской 90 дворовъ, 867 душъ, въ первоборзенской 126 дворовъ, 177 душъ, во второборзенской 100 дворовъ, 843 души, въ шаповаловской 125 дворовъ, 101 душа, въ новомлинской 66 дворовъ, 423 души, а всего 1131 дворъ, 8493 души.

Всего выборныхъ или реестровыхъ козаковъ, подлежавшихъ набору въ карабинерные полки, въ бывшей гетман-

щинѣ оказалось: 14,320 дворовъ и 73,576 душъ мужескаго пола. Въ приведенныхъ выше цифровыхъ данныхъ относительно числа козачьихъ дворовъ и числа душъ замѣчается несоотвѣтствіе первыхъ чиселъ со вторыми, такъ, напримѣръ, въ перволубенской сотнѣ показано 13 дворовъ и 319 душъ, что объясняется тѣмъ, что среди выборныхъ или реестровыхъ козаковъ были даже не имѣвшіе грунтовъ.

Штабы эскадроновъ десяти карабинерныхъ полковъ находились въ слѣдующихъ городахъ и мѣстечкахъ:

1. Лубенскаго полка—въ Лубнахъ, Варвѣ, Снѣтинѣ, Чернухахъ, Городищѣ и Сенчѣ.

2. Сѣверскаго—въ Миргородѣ, Зуевцахъ, Устивицѣ, Ярескахъ, Бѣлоцерковкѣ и Голтвѣ.

3. Софійскаго—въ Ичнѣ, Переволочнѣ, Иваницѣ, Прилукѣ, Ивангородѣ и Красноколядинѣ.

4. Тверскаго—въ Козельцѣ, Носовкѣ, Выбляхъ, Олишевкѣ, Острѣ и Бориснолѣ.

5. Стародубскаго—въ Стародубѣ, Мглинѣ, Погарѣ, Ямполѣ, Почепѣ и Шептакахъ.

6. Глуховскаго—въ Кролевцѣ, Воронежѣ, Глуховѣ, Коропѣ и Батуринѣ.

7. Кіевскаго—въ Гадячѣ, Веприкѣ, Рашевкѣ, Смѣломъ, Камишнѣ и Ромнѣ.

8. Переяславскаго—въ Переяславѣ, Лукомьи, Глемязовѣ, Золотоношѣ и Чигринодубровѣ.

9. Черниговскаго—въ Березнѣ, Менѣ, Сосницѣ, Синявкѣ, Любечѣ и Сѣдневѣ.

10. Нѣжинскаго—въ Борзнѣ, Шаповаловкѣ, Поповкѣ, Новыхъ Млынахъ, Занькахъ и Бахмачѣ.

Карабинерные полки были переходной стадіей, приведшей малороссійскія войска къ полному сліянію и претворенію въ общей массѣ россійскихъ войскъ въ 1789 и 1791 гг. [1]), когда карабинерные полки были раскассированы между кирасирскими, конно-егерскими, гусарскими и драгунскими полками, комплек-

---

[1]) П. С. З. №№ 16,784, 16,785.

тованіе которыхъ происходило посредствомъ обычныхъ наборовъ.

Еще одной пріуговительной мѣрой къ полному сліянію малороссійскихъ войскъ съ великорусскими былъ высочайшій указъ военной коллегіи, отъ 10 апрѣля 1786 года, согласно которому долженъ былъ быть составленъ посредствомъ набора изъ малороссійскихъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ одинъ гренадерскій полкъ въ 3,974 человѣка, въ число которыхъ, по указу военной коллегіи, было включено 1,000 человѣкъ изъ козаковъ-карабинеровъ, по сту человѣкъ отъ каждаго карабинернаго полка, въ возмѣщеніе которыхъ должно было поступить въ карабинерные полки по столько же человѣкъ монастырскихъ крестьянъ. Этимъ способомъ устранялась та сословная обособленность малороссійскихъ козаковъ, которая поддерживалась еще при исключительномъ комплектованіи ими карабинерныхъ полковъ.

Въ моментъ введенія этой мѣры, согласно ордеру Румянцева черниговскому намѣстническому правленію, отъ 22 февраля 1787 г., помѣченному Кіевомъ, монастырскихъ крестьянъ по послѣднимъ вѣдомостямъ оказалось: въ кіевской губерніи 41,911 душъ мужескаго пола, въ черниговской 18,961 д. м. п., въ новгородъ-сѣверской 36,525 д. м. п., всего 97,397 д. м. п. Но такъ какъ дополнительное укомплектованіе гренадерскаго полка изъ однихъ монастырскихъ крестьянъ въ количествѣ 2,974 человѣкъ, при ихъ малочисленности, было бы для нихъ крайне обременительнымъ, то Румянцевъ предписывалъ въ своемъ ордерѣ, включивши извѣстную долю монастырскихъ крестьянъ въ составъ формируемаго полка, пополнить до положеннаго комплекта путемъ набора изъ козаковъ вообще, какъ выборныхъ, такъ и подмощниковъ [1]), которыхъ оказалось по послѣднимъ вѣдомостямъ—въ кіевской губерніи 147,564 души муж. пола, въ черниговской 174,069 д. м. п., въ новгородъ-сѣверской 106,809 д. м. п., всего 428,442 д. м. п. По сдѣланному Румянцевымъ расчисленію, нужно было брать одного рекрута изъ

[1]) Шафонскій, l. c. § 32.

каждыхъ 132 человѣкъ, что составляло въ кіевской губерніи 1,117 рекрутъ изъ козаковъ и 316 изъ монастырскихъ крестьянъ, въ черниговской 1,318 изъ козаковъ, 143 изъ монастырскихъ крестьянъ, въ новгородъ-сѣверской 804 изъ козаковъ, 276 изъ монастырскихъ крестьянъ. Такимъ образомъ вновь учрежденный малороссійскій карабинерный полкъ составился изъ 1,000 человѣкъ выборныхъ козаковъ, взятыхъ изъ состава карабинерныхъ полковъ и замѣщенныхъ такимъ же количествомъ монастырскихъ крестьянъ, изъ 2,239 козаковъ-подпомощниковъ и изъ 735 монастырскихъ крестьянъ, что и составило полный комплектъ въ 3,974 человѣка; тысяча душъ изъ монастырскихъ крестьянъ, для пополненія карабинерныхъ полковъ, была набрана сверхъ 735 рекрутъ-гренадеровъ.

При наборѣ предписывалось имѣть въ виду выбирать, въ присутствіи главнаго гражданскаго начальника бывшихъ монастырскихъ крестьянъ, экономіи директора [1]), людей здоровыхъ и годныхъ къ военной службѣ, передать выбранныхъ офицерамъ, командированнымъ для принятія рекрутъ отъ карабинерныхъ полковъ, а затѣмъ, чтобы штабъ-офицеръ гренадерскаго полка распредѣлилъ ихъ въ гренадерскій и карабинерные полки, куда ихъ и должны были препроводить карабинерные оберъ-офицеры.

Въ слѣдующей главѣ мы ознакомимся съ устройствомъ почтъ и таможенъ въ Малороссіи при Румянцевѣ, реформа которыхъ была также отложена на нѣкоторое время Екатериной II въ ея рескриптѣ Румянцеву, отъ 26 октября 1781 года.

Н. В. Стороженко.

[1]) П. С. З. № 16,374. Указъ синоду отъ 10 апрѣля 1786 г.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Коллекція рукописей покойнаго проф. А. Ѳ. Кистяковскаго. Никогда еще интересъ къ архивнымъ документамъ по русской исторіи не былъ столь значителенъ, какъ въ настоящее время; и это потому, что центромъ изученія сдѣлались теперь средній и новый періоды нашей исторіи — XVI — XVIII вѣка. Современные изслѣдователи не ограничиваются внѣшнею, политическою исторіею, а сосредоточиваютъ свое вниманіе на внутренней культурной—на бытѣ экономическомъ, юридическомъ и т. д. Вмѣстѣ съ такимъ стремленіемъ существуетъ желаніе расширить границу изслѣдованія въ отношеніи географическомъ и этнографическомъ—изучать не только исторію государственныхъ центровъ, но и областей со всѣми особенностями ихъ быта, ибо только при такомъ изученіи мы сможемъ себѣ составить правильное понятіе о судьбахъ *всей* русской земли и *всего* русскаго народа. При такой постановкѣ дѣла особенный интересъ пріобрѣтаютъ мѣстныя собранія рукописныхъ историческихъ матеріаловъ.

О важномъ значеніи мѣстныхъ областныхъ и губернскихъ архивовъ распространяться нечего: объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ основанные на нихъ труды. Частныя коллекціи рукописей также подчасъ представляютъ большой интересъ для изслѣдователя. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, достаточно вспомнить о богатомъ архивѣ извѣстнаго изслѣдователя южнорусской старины А. М. Лазаревскаго (въ Кіевѣ). Его послѣдняя большая работа (Описаніе Старой Малороссіи. Стародубовскій полкъ) почти цѣликомъ основана на данныхъ этого хранилища.

Что покойный проф. А. Ѳ. Кистяковскій собиралъ историко юридическіе матеріалы, касающіеся южной Россіи, это было извѣстно многимъ; печатныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ этихъ рукописей

сообщены имъ въ его изданіи «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ». Занимаясь въ послѣднее время вопросомъ о магдебургскомъ правѣ въ городахъ лѣвобережной Малороссіи, я сильно заинтересовался рукописными матеріалами А. Ѳ. Кистяковскаго, относящимися къ предмету моего изслѣдованія. Тамъ, между прочимъ, должны были оказаться переводы и передѣлки магдебургскихъ «правныхъ» книгъ, ходившіе по рукамъ у мѣстныхъ юристовъ. Въ январѣ текущаго года я и совершилъ *археографическую* экскурсію въ Кіевъ, гдѣ сдѣлалъ себѣ нѣкоторыя извлеченія изъ архивныхъ документовъ, хранящихся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, въ университетской библіотекѣ, у А. М. Лазаревскаго и супруги покойнаго профессора А. И. Кистяковской. Въ настоящей краткой замѣткѣ я остановлюсь только на послѣднихъ.

Въ самомъ началѣ я долженъ впрочемъ оговориться, что мнѣ удалось пересмотрѣть только то собраніе рукописей, которое въ настоящее время приведено въ извѣстность. Что же касается матеріаловъ по обычному праву, еще не разобранныхъ, то я ихъ вовсе не касался.

Число номеровъ рукописей не велико; но большая часть ихъ состоитъ изъ обширныхъ книгъ, или картоновъ, заключающихъ въ себѣ по нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ документовъ.

Видное мѣсто въ коллекціи А. Ѳ. Кистяковскаго должны занять рукописные экземпляры *Литовскаго Статута*, бывшаго, какъ извѣстно, дѣйствующимъ законодательнымъ сборникомъ въ судахъ лѣвобережной Малороссіи. Хотя рукописи эти очень обстоятельно были описаны самимъ Кистяковскимъ, тѣмъ не менѣе они могутъ послужить еще предметомъ изслѣдованія въ виду того, что вопросъ о редакціяхъ Лит. Статута, бывшихъ въ употребленіи въ малорос. судахъ рѣшается далеко не одинаково изслѣдователями (проф. Кистяковскимъ, В. И. Баршевскимъ и И. В. Теличенкомъ); важное значеніе при рѣшеніи этого вопроса имѣетъ языкъ этихъ списковъ, а онъ въ достаточной степени не изученъ. Въ тѣсной связи съ статутами стоятъ *извлеченія и отрывки переводовъ изъ книгъ Магдебургскаго права*—Саксонскаго зерцала и Порядка, помѣщающіеся въ сборникахъ вмѣстѣ съ другими документами. Для рѣшенія вопроса объ измѣненіяхъ, которыя претерпѣло магдебургское нѣмецкое право въ Малороссіи, они представляютъ весьма важный матеріалъ, въ значительной степени впрочемъ исчерпанный самимъ А. Ѳ. Кистяковскимъ. Цехи, какъ извѣстно, составляли органическую часть магистратскаго

самоуправленія. А. Ѳ. Кистяковскій, очевидно, систематически подбиралъ матеріалы для исторіи цеховъ въ Малороссіи: по крайней мѣрѣ *цеховыя книги* составляютъ самую значительную часть его коллекціи. Почти всѣ онѣ, за исключеніемъ двухъ, относятся къ кіевскимъ ремесленнымъ корпораціямъ и обнимаютъ XVIII й и нач. XIX в. Вотъ перечень этихъ книгъ: 1) грамоты *крамарскаго* цеха, 2) книги *гончарскаго* цеха—одна съ 1788—1831 г., 3) другая съ 1776 г. 4) третья ученическая и подмастерская съ 1786 г. 5) четвертая съ 1792 г., 6) пятая ученическая съ 1786 г., 7) приходо-расходная ковальскаго цеха съ 1753 г., 8) книга цехмистра ковальскаго Ст. Козыря съ 1777 г., 9) протокольная книга *ковальскаго* цеха съ 1803 г., 10) записная книга кузнечнаго цеха съ 1816 г., 11) приходо-расходная молодецкая и книга *кравецкаго* цеха (1800 г.), 12) дѣла кушнирскаго цеха 1816 г., 13) расходная книга кушнирскаго цеха съ 1825 г., 14) другая съ 1814 г., 15) книга цеха *мелочныхъ торговцевъ* съ 1815 г., 16) книга цеха *перепечайскаго*, 17) записная книга *рѣзницкаго* цеха съ 1746 г., 18) реестръ рѣзницкаго цеха съ 1772 г., 19) такая же книга съ 1760 г., 20) третья съ 1779 г., 21) расходная книга *ткацкаго* цеха съ 1786 г., 22) записная книга ткацкаго цеха съ 1764 г, 23) такая же съ 1790 г., 24) третья съ 1786 г., 25) журналы *плотницкаго* цеха, съ 1813 г. Двѣ остальныя книги относятся къ *полтавскимъ* цехамъ—26) *рѣзницкому* съ 1765 г. и 27) *бондарскому* съ 1753 г.

Уже изъ этого простаго перечня видно, какой богатый матеріалъ для исторіи цеховъ въ Малороссіи вообще и въ Кіевѣ въ частности заключаетъ въ себѣ библіотека А. Ѳ. Кистяковскаго. Судьба кіевскаго магистратскаго самоуправленія извѣстна намъ очень мало; въ отдѣльныхъ статьяхъ (И. М. Каманина, Ѳ. Г. Лебединцева, Н. В. Молчановскаго, А. А. Андріевскаго) затронуты только отдѣльные эпизоды ея; что же касается собственно цеховыхъ порядковъ, то они намъ извѣстны еще меньше. Печатныхъ матеріаловъ о внутренней организаціи и жизни южнорусскихъ цеховыхъ корпораціи XVIII в. также почти нѣтъ. Такимъ образомъ, цеховыя книги коллекціи А. Ѳ. Кистяковскаго пріобрѣтаютъ особенный интересъ для того лица, которое вздумало бы заняться исторіей южнорусскихъ цеховъ вообще и кіевскихъ въ особенности.

Для исторіи кіевской городской общины въ б-кѣ А. Ѳ. Кистяковскаго есть еще 2 очень цѣнныя рукописныя книги—1) громадный фоліантъ, заключающій въ себѣ всѣ *привилегіи г. Кіеву* (въ до-

вольно древнихъ спискахъ, очевидно, оффиціальнаго происхожденія) и 2) *сборникъ жалованныхъ грамотъ кіевскому магистрату* на его права и вольности. Едва ли кто будетъ спорить, что историческая жизнь «матери городовъ русскихъ»—Кіева изучена далеко не достаточно. Между тѣмъ для исторіи его въ XVII—XVIII ст. имѣются новые и весьма важные документы, проливающіе яркій свѣтъ на мало извѣстныя доселѣ стороны его жизни. Они должны быть извлечены изъ архивовъ—и это можетъ сдѣлать кіевская археографическая коммиссія. Серіи актовъ о городахъ, издаваемыхъ коммиссіей, вышелъ всего одинъ томъ (подъ ред. В. Б. Антоновича), а слѣдующій томъ могъ бы быть посвященъ спеціально г. Кіеву. Намъ извѣстно даже что, одно лицо, не мало потрудившееся надъ собираніемъ архивныхъ матеріаловъ для исторіи г. Кіева, намѣрено заняться такой работой. Остается пожелать, чтобы у кіевской коммиссіи нашлись средства для такого полезнаго предпріятія. А если оно осуществится, то указанные мною сборники А. Ѳ. Кистяковскаго должны будутъ доставить для этого изданія обильную жатву.

Книга судебныхъ рѣшеній полтавской ратуши (съ 1691 г.) представляетъ значительный интересъ для исторіи нашего процесса и суда и съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ полнаго вниманія историка и юриста, тѣмъ болѣе что приговоровъ магистратскихъ судовъ издано немного (протокулы стародубовскаго магистрата и отрывки изъ нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ).

Для исторіи полтавскаго полка имѣется еще п.много другихъ матеріаловъ; таковы *компуты полт. полка 1723 и 1731 гг.* и цѣлый рядъ отдѣльныхъ документовъ *историко-статистическаго содержанія* (перечень ульевъ на пасѣкахъ, мельницъ и т. п.).

Кромѣ этихъ матеріаловъ, слѣдуетъ отмѣтить еще нѣсколько серій актовъ, относящихся къ различнымъ мѣстностямъ лѣвобережной Малороссіи; таковы документы, доставленные г. Небольсинымъ, собраніе купчихъ и другихъ аналогичныхъ бумагъ, сборникъ автографовъ и другихъ отдѣльныхъ документовъ XVII—XVIII в. (въ количествѣ 100 штукъ) и, собраніе высокомонаршихъ грамотъ, архіерейскихъ указовъ, универсаловъ и т. п. съ 1733 г. (Здѣсь интересенъ Указъ о самозванцѣ Ив. Миницкомъ).

Закончимъ свое обозрѣніе указаніемъ на «Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учрежденій съ раздѣленіемъ по матеріямъ на 19 частей. Собрано въ правительствующемъ сенатѣ по малороссійской экспедиціи. 1786 годъ». Вотъ оглавленіе этихъ 19 частей: 1) о

преждебывшемъ въ Малой Россіи и нынѣшнемъ главномъ правленіи; 2) о среднихъ и нижнихъ малороссійскихъ прежнихъ и нынѣ существующихъ судахъ и ихъ должностяхъ, 3) о апелляціяхъ, 4) о правахъ малороссійскаго народа, 5) о доходахъ малороссійскихъ, 6) о бывшихъ въ Малой Россіи ревизіяхъ, 7) о добрахъ, принадлежащихъ государю, 8) о содержаніи въ Малороссіи полковъ, 9) о преимуществахъ прежде данныхъ малороссійскимъ городамъ и о нынѣшнемъ постановленіи, 10) объ имѣніяхъ и преимуществахъ шляхетскихъ, 11) о козацкихъ вольностяхъ и ихъ имѣніяхъ, 12) о охочекомонныхъ компанейскихъ полкахъ, 13) о чинѣ, преимуществахъ и имѣніяхъ духовныхъ, 14) о малороссійскихъ чиновникахъ, 15) о арматѣ или артиллеріи малороссійской и о бывшихъ тамъ пороховыхъ заводахъ, 16) о простомъ народѣ, 17) о грекахъ, 18) о присоединеніи нѣкоторыхъ мѣстечекъ отъ Малороссіи къ екатеринославскому намѣстничеству, 19) о раскольникахъ, поселившихся въ Малороссіи изъ великороссійскихъ и разныхъ людей.

Этотъ «Экстрактъ» оффиціальнаго происхожденія и напоминаетъ намъ «Экстрактъ о слободскихъ полкахъ» (изданный мною во 2-мъ томѣ «Матеріаловъ для исторіи колонизаціи и быта харьк. и сосѣднихъ курской и воронежской губ.»). Онъ весь состоитъ изъ выписокъ, систематически извлеченныхъ изъ оффиціальныхъ документовъ. Значительная часть этихъ документовъ намъ извѣстна, но есть и неизвѣстные. Отдѣльныя части «Экстракта» могутъ явиться полезными конспектами при составленіи монографій по затронутымъ въ нихъ вопросамъ, а въ совокупности своей даютъ хотя краткое, но довольно ясное понятіе о внутреннемъ устройствѣ Малороссіи съ пол. XVII до к. XVIII ст.

Въ заключеніе своей краткой замѣтки приведу два подлинные документы, касающіеся *кіевскаго магистрата* и *ковальскаго цеха.*

1) Въ концѣ сборника, заключающаго въ себѣ привилегіи кіевскаго магистрата, находится слѣдующее извѣстіе о магистратскихъ распорядкахъ: «По давнему обыкновенію, которое оному городу привилегіею отъ короля польскаго Яна Казимира 1649 года апрѣля 3 дня и по жалованнимъ на рангъ войтовскій какъ протчіимъ здѣшнимъ войтамъ, такъ и нынѣшнему войту грамотамъ, а особливо и по праву книги Порядокъ, въ придаткахъ до порядку и артикуловъ

права майдебургскаго, на стр. 30 напечатанному, утверждено ежегодно въ день середопостный въ магистратѣ кіевскомъ публѣчно бываетъ элекція, на которой вольными голосами избираются оного магистрата чиновники, яко то бурмистръ, райца, медовій шафарь, лавникъ, пивній шафарь, инстигаторъ и урядники и по избраніи, въ силѣ означеннаго майдебурскаго права книги Порядка части 1-й, на стр. 14, 23 и 25-й напечатаннаго, всѣ оніе чиновники и урядники въ соборной церквѣ приводятся къ присягѣ и по учиненіи той присяги, бурмистръ и райца чрезъ тотъ годъ содержатъ и управляютъ магистратскую экономію и присутствуютъ у дѣлъ; по окончаніи же того года временемъ бываютъ въ разсмотрѣніи по магистрату кіевскомъ колодничьихъ, челобитческихъ и гражданскихъ дѣлъ, а въ семій паки мѣсто свое засѣдаютъ, а писарь при должности своей безпремѣнно ежегодъ бываетъ, прочіе же вышеписанніе чиновники и урядники ежегодно перемѣняются, должность же ихъ черезъ тотъ годъ состоитъ такова: медовій и пивній шафарь содержатъ мѣсніе бровари и зъ онихъ въ магистратскіе шинки для продажи производятъ медъ и пиво; лавникъ и инстигаторъ присутствуютъ у судѣ и въ другіе случаючіеся по магистрату кіевскому определяются дѣла; урядники определяются въ кварталъ для произвожденія мелкихъ по магистратской экономіи расходовъ и къ смотрѣнію магистратской ваги, въ шпѣхнѣръ для продажи напитковъ, къ смотрѣнію почты, къ содержанію хлѣбныхъ магистратскихъ мѣръ, къ отводу пріѣзжаючимъ въ Кіевъ армейскихъ полковъ штапъ и оберъ и ундеръ офицерамъ и рядовымъ драгунамъ и солдатамъ квартиръ и покупкѣ для необходимыхъ магистратскихъ потребностей лѣсу, къ заготовленію на почтовыя лошади сѣна, къ сбору куничныхъ денегъ и въ другіе случаючіеся по магистратской экономіи дѣла».

(Экстрактъ привил. кіев. магист. и мѣщанамъ 1769 г., № $\frac{XIII}{84}$).

---

2) *Реестръ записки цеху ковальскаго съ 1753 г. отъ марта мѣсяца числа 15 по мартъ же мѣсяцъ 1754 г., въ которомъ значитъ записка приходовъ и расходовъ разнихъ за цехмистровства пана Прокопа Даниловича чрезъ весь годъ.*

Въ началѣ принялъ отъ цехмистра Прокопа Иванова въ цеховой скринцѣ готовыхъ денегъ 4 р. 10 к.; Степанъ Стельмахъ за молодчество далъ 1 р.; Сава Сидоровъ за ключницство—2 р.; Иванъ

Стельмахъ столповаго—50 к.; Иванъ Нѣжинскій за молодечество—50 к.; Прокопъ Желѣзнякъ столповаго—1 р.; Никита Усъ—1 р.; да еще онъ же Никита далъ 25 к.; Романъ Филиповъ за молодечество—50 к.; отъ пана Луки Лятошевича проценту—2 р.; Наумъ Николаевъ столповаго и ключництва—1 р. 10 к.; отъ Андрея Винаря за ліохъ принято—10 р.; отъ Ивана Острого Шкляра столповаго—1 р.; Степанъ Стельмахъ столповаго и молодечества—1 р.; Якимъ Андреевъ конвисаръ до скринки далъ 10 р. 50 к.; Степанъ Думницкій молодечества—1 р.; Романъ Коваль за ключництво—1 р.; Андрей Гребенникъ столповаго—50 к.; Иванъ Нѣжинскій за ключництво—1 р.; Кондратъ Кобецъ далъ 1 р. 20 к.; Григорій Дзвонникъ за ключництво—2 р.; Федоръ Касьяновичъ за вызволокъ хлопця далъ 40 к.; онъ же Касьяновичъ аксамитнаго далъ 50 к.; Никита Носко за ключництво—2 р.; Романъ Филиповъ за ключництво—1 р.; Стефанъ Думнѣцкій за молодечество—50 к., Даніилъ шафарь за вызволокъ хлопця—40 к.; Стефанъ Думнѣцкій за кануництво—1 р.; Гордѣй Сидоровъ за вызволокъ хлопця—40 к.; Никита Усъ за молодечество—50 к.; Романъ Филиповъ коваль за канунництво—1 р.; онъ же Романъ еще за канунництво—1 р.; Прокопъ Желѣзнякъ далъ 50 к.; Никифоръ Желѣзнякъ далъ 50 к.; Максимъ Гребенникъ за канунництво 2 р.; Лазарь Гребенникъ за молодечество—1 р; Грыцько Гребенникъ за молодечество—1 р.; Желѣзнякъ, що вновь едналъ цехъ—1 р.; священникъ отецъ Алексѣй далъ—8 р.; Василь Желѣзнякъ—50 к.; Сава Сидоровъ коваль за вызволокъ хлопця—40 к.; Лазарь Гребенникъ столповыхъ—50 к.; Степанъ Думнѣцкій за ключництво—1 р.; Афанасій Шкляръ столповыхъ—1 р.; Стефанъ Григорьевъ коваль за вызволокъ хлопця—40 к.; Семенъ Стефановъ такожъ за вызволокъ хлопця—40 к.; Стефанъ Думнѣцкій ключництва—50 к.; Захарко Рымарь далъ 50 к.; Андрей Винарь за ліохъ далъ 10 р.; въ прибелѣ за канунъ на реестрѣ 6 р. 3 к.; Василь Тесля далъ 50 к.; сторожевыхъ денегъ съ братіи—3 р. 25 к.; итого всего 94 р. 83 коп.

Расходъ разный: подъ часъ элекціи на вино и на закуску здержано денегъ 4 р., сторожу бочковому Фомѣ Пальчику задатку дано—1 р.; ему жъ Пальчику еще дано 1 р.; къ страстемъ Христовымъ на расходнія свѣчки и на ставникъ, такожъ маляру за работу и свѣчарницѣ сойшло денегъ—6 р. 50 к.; бондару за набивку бочки подъ ратушъ—4 к., Ивану Волошину за писарство дано 1 р., якъ ходили по элекціи спервоначала до пановъ, на хлѣбъ и на вино сойшло—46 к., подъ часъ праздника Воскресенія Христова на ралець до па-

новъ сойшло денегъ 3 р. 60 к.; къ тому жъ празднику до церкви Воведенія сдѣлали прилѣпку, дано денегъ — 72 к.; якъ было въ цеху для осмотру правъ сѣножатнихъ панъ лавникъ Кувѣчинскій и панъ Лукьяновичъ, взято вина квартъ двѣ — 20 к.; якъ ходили до пана писаря, хлѣба за 2 к.; пану Лукьяновичу, что написали въ Глуховъ вѣрующую, дано 50 к.; до пана Кувичинскаго, якъ ходили въ домъ, на вино и на хлѣбъ сдержано — 58 к.; куплено до бочки ведеръ 2, дано 4 к.; отесъ 2 до бочки жъ дано 2 к., якъ былъ панъ лавникъ Кувѣчинскій въ цеху за дѣломъ цеховымъ при сходцѣ, куплено вина квартъ три — 30 к., якъ ездили до полковника Де Боскета съ доношеніемъ, куплено вина, хлѣба и барана всего на 83 к., пану Кувѣчинскому на дорогу въ Глуховъ дано 10 р.; тогда жъ ему куплено въ домъ вина квартъ 8 — 80 коп.; хлѣба за 5 к.; канцеляристѣ Слюсарскому за переписку сѣножатныхъ правъ и за доношеніе писанное до Де Боскета и за протчіе въ томъ его труда дано 1 р., куплено барыло до цеху для потребы дано 7 к., къ празднику Сошествія Св. Духа куплено клечанья и травы за 9 к., за справкою якъ ходили до попадѣ Царяконстантиновской сторони правъ сѣножатнихъ куплено хлѣба за 2 коп.; молодшого якъ нанято до цеху дано задатку — 10 к.; да рубашку жъ ему куплено — дано 10 к.; якъ ходили дозволятись до пановъ собирать штиховое на Коренювщинѣ здержано денегъ 70 к., якъ подавали въ губернскую челобитную за римарскую сѣножать на извозчики и на прочее здержано денегъ 50 к., вина взято квартъ семь — 70 к., пану писарю за выданье правъ сѣножатныхъ дано 2 р., до его жъ хлѣба за $5^1/_2$ к., къ празднику верховныхъ апостолъ Петра и Павла на братерскій обѣдъ куплено поросятъ 4, дано 30 к.; мяса яловичаго за 36 к., свинаго мяса и колбасъ за 66 к., меду прѣснаго квартъ 2 — 28 к., ладану и перцю за 6 к., соли за 1 к., цибули за 1 к., булокъ и ситницъ за 28 к., вина квартъ 4 — 40 к., пива гарцей 4 — 12 коп., круповъ на начинку до поросятъ — $1^1/_2$ коп., сала за 2 к., на молебенъ копѣекъ — 26, звозчику за привозку стравы зъ дому въ цехъ — 2 к., на другій день на снѣданье куплено колбасъ за 6 к., мяса свинаго за 6 к., булокъ за 2 к., вина квартъ три — 30 к., куховарцѣ за труда дано которая готовила кушать — 30 к., звозчику за отвозъ посуды зъ цеху въ домъ дано 2 к., за поправку коляски пана Кувѣчинскаго — 35 к., якъ ѣздили на сѣножать съ братіею на хлѣбъ и на мясо здержано денегъ — 88 к., пива взято гарнца четыре — 12 к., меду гарцей два — 20 к., водки квартъ двѣ — 20 к., вина квартъ три — 30 к., черницъ до вареной горѣлки за 3 к., цибули за 1 к., тудажъ

на сѣножать взято горѣлки ведеръ три по 30 коп. ведро, итого—90 к., якъ отдавали права сѣножатніе въ Глуховъ, на вино сдержано—30 к., потижнику Никитѣ Кошубѣ на дорогу—10 к., якъ пріѣхалъ панъ Кувѣчинскій зъ Глухова, взято на поклонъ вина квартъ пять—50 коп., хлѣба за $2^1/_2$ к., куплено колесъ пару до бочки подъ ратушъ—14 коп., якъ ѣздили на сѣножать римарскую для осмотру граней зъ братіею на звозчики здержано—40 к., на хлѣбъ—4 к., меду гарцей 2—20 к., къ Успенію пресв. Богородицы воску на ставникъ куплено фунтовъ 8 по 22 к. фунтъ да свѣчарницѣ за работу дано 30 к., итого 2 р. 6 к., якъ ездили въ августѣ мѣсяцѣ съ паномъ Кувѣчинскимъ да съ цехмистрами на сѣножать для осмотру границы на звозчики здержано денегъ—23 к., вина квартъ 4—40 к., меду гарнецъ—10 к., водки квартъ 2 по 10 коп. 20 к., хлѣба за 4 к., до пана писаря якъ ездили въ хуторъ сторони сѣножати куплено вина за 66 к., хлѣба за 6 к., звозчику дано 12 к., якъ ходили до пановъ о дозволеніи медъ ситити, сойшло—1 р. 28 к.; къ празднику Козьмы и Демьяна на обѣдъ, на масо, на хлѣбъ и на протчое здержано денегъ—1 р. 70 к., да на другій день къ снѣданью на масо, на колбасы и на хлѣбъ всего—20 к., на панахиду сошло денегъ 85 к., на молебенъ—42 к., до церкви Воведенія на свѣчку куплено воску фунтовъ 14, цѣною фунтъ по 22 к., итого 3 р. 8 к., свѣчарницѣ за работу большой свѣчки—16 к., да за суканье ставника той же свѣчарницѣ—10 к., маляру за малюванье большой свѣчи—25 к., панамарю дано—2 к., до пана Кувѣчинскаго вина куплено квартъ семь—70 к., хлѣба за 3 к., до соборной церкви къ Рождеству Христову на свѣчку куплено воску фунтовъ семь по 18 к. фунтъ, итого 1 р. 26 к., свѣчарницѣ за работу дано 30 к., паламаревѣ—2 к., якъ ходили зъ ральцемъ до пановъ на праздникъ Рождества Христова здержано денегъ 3 р. 60 к., дровъ куплено до грубы въ цехъ за 9 к., священникамъ и черницямъ Петропавловскимъ и дьякамъ, которые были съ кропиломъ роздано денегъ 35 коп., вина для цехмистровъ взято квартъ 5—50 коп., канцеляристѣ Киселевскому, якъ ехалъ въ Глуховъ, за дѣло цеховое дано 1 р. 95 к., отъ водосвятія якъ пришли на закуску куплено булокъ за 3 к., цехмистру шевскому за оплатку священникамъ, за молебенъ о Козьмѣ Демьяну отдано 10 к., на прощальную сходку взято вина квартъ 5 по 10 коп., итого 50 к., якъ молебенъ былъ о пану войту, взято вина кварту 10 к., Николаю Москаленку за писанье дано 1 р. 50 к., якъ сходка была на Матвѣйчука за своронанье деньги, взято вина квартъ 6 за 60 к., бумаги

куплено за $1^1/_2$ к., звозчику, что привезъ въ цехъ отъ дзвонника дзвонъ, дано 1 к., за бумагу и за оправку книги дано 10 к., сторожу Пальчику еще остальныхъ денегъ дано 3 р., за составленіе книги Москаленку дано 50 к., якъ били бурмистры и цехмистры въ Марка, вина взято квартъ 4 по 14 коп., итого 56 к., да еще квартъ 2 такожъ до высланнихъ якъ ходили—28 к., взято до пана Каневскаго вина квартъ 6—60 к., да булокъ за 3 к., такожъ до пана сотника будучого съ нимъ квартъ 6 вина—60 к., хлѣба за 3 коп., за обмазыванье хаты и за привозъ глины—80 к., за прорубку окна и замощенье лавокъ плотнику дано 20 к., чрезъ справу Матвѣйчика за воровство его 10 р., въ Мини взято будучи зъ цехмистрами и посторонними людьми квартъ вина 9 по 8 к., итого 72 к., въ Тулѣнского въ кушнерскомъ взято, якъ били панове райци Василій Жукъ и Григорій Богдановичъ и протчіе, вина квартъ 11 по 10 к., итого 1 р. 10 к., якъ порахунокъ былъ за рочное правленіе на закуску, на хлѣбъ, на икру да на оселедци здержано денегъ 20 к., да вина квартъ 2—20 к, въ расходѣ всѣхъ денегъ 88 р. $85^1/_2$ коп.; въ недочотѣ остается 5 р. 97 к.

При порахунку сего реестра били ихъ милость панъ шафарь Даніилъ Стефановичъ, панове цехмистры, Федоръ Селивестровичъ, Іоаннъ Бижимъ, Григорій Думницкій, Лука Лятошевичъ, Прокопъ Ивановичъ, въ присутствіи рочного цехмистра пана Андрея Медведя и при бытности его жъ пана Прокопа Даниловича и протчей братіи при сходкѣ въ цеху, якій реестръ зраховавши приходовъ и расходовъ чрезъ ввесь годъ правленія пана Прокопа Даниловича цехмистра признали заслушнимъ и въ несумѣнную твердость для предслѣдуючого времени вышеписанніе персоны подписали. При семъ порахунку былъ шафарь Даніилъ Стефановъ и по его велѣнію сынъ его Демьянъ Даниловъ подписался; къ сему порахунку вмѣсто цехмистровъ Өеодора Селивестровича, Іоанна Бижима, Григорія Думницкаго неписьменныхъ по ихъ прошенію Николай Москаленко подписался; зась бы и за Прокопа Иванова, такожъ и Гордѣя Сидорова цехмистровъ Лука Матошевичъ цехмистръ подписался.

Сообщилъ **Д. И. Багалѣй.**

Къ исторіи попытокъ сокращенія числа праздниковъ. Въ галицко-русскомъ альманахѣ «Зоря Галицкая», изданномъ въ 1860 г. въ честь митрополита Яхимовича, у насъ въ Россіи весьма мало из-

вѣстномъ, находится, между прочимъ, статья Малиновскаго «О лѣтосчисленіи вообще христіанскомъ и русскомъ въ частности», трактующая о возникновеніи юліанскаго и григоріанскаго календарей—и положеніи ихъ въ Галиціи. Въ статьѣ Малиновскаго нѣтъ указаній на тѣ гоненія, которымъ подвергался въ старину въ южной Россіи юліанскій календарь со стороны польско-латинскаго духовенства. Объ этихъ гоненіяхъ подробно говорилъ потомъ Я. Ѳ. Головацкій въ Журн. Минист. Нар. Просвѣщ., и еще подробнѣе Н. Ѳ. Сумцовъ въ статьѣ, напечатанной въ «Кіевской Старинѣ». Любопытной частью статьи Малиновскаго представляются послѣднія шесть страницъ, заключающія въ себѣ хронологическій перечень мѣропріятій галицко-русскихъ властей по сокращенію числа народныхъ праздниковъ. Ни Головацкій, ни г. Сумцовъ не останавливались въ своихъ изслѣдованіяхъ на этихъ мѣропріятіяхъ. Въ виду большаго ихъ значенія въ жизни галицко-русскаго народа и косвеннаго отношенія къ неоднократно возникавшему на страницахъ нашихъ журналовъ вопросу о сокращеніи праздниковъ, краткое извлеченіе ихъ изъ упомянутой выше статьи Малиновскаго представляется не лишеннымъ историческаго и бытоваго интереса.

Въ 1720 г Замойскій соборъ подтвердилъ древнія церковныя постановленія относительно соблюденія постовъ великаго, рождественскаго, спасовскаго и петро-павловскаго; духовенству предоставлено было право освобождать отъ послѣдняго поста вполнѣ или отчасти, «понеже тогда настае жниво»; далѣе, требовалось соблюденіе поста въ день Воздвиженія Честнаго Креста (14 сентября), въ день Усѣкновенія главы св. Іоанна Крестителя (29 августа) и въ среды и пятницы. По постановленію того же собора праздничными днями считались (для краткости буду обозначать ихъ только числами) въ январѣ: 1, 6 и 30; въ февралѣ 2; въ мартѣ 25; въ апрѣлѣ 23; въ маѣ 8 и 9; въ іюнѣ 24 и 29; въ іюлѣ 20 и 25; въ августѣ 6, 15 и 29; въ сентябрѣ 8, 14, 16 (Іосафата) и 26; въ октябрѣ 1; въ ноябрѣ 8 и 21 п въ декабрѣ 6, 9 (пренепорочн. зачатія пресв. Богородицы), 25, 26 и 27. Къ этимъ праздникамъ присоединялись еще подвижные: Воскресеніе Христово, Вознесеніе, Сошествіе Св. Духа, св. Троицы; тѣла Христова (въ четвергъ на первой недѣлѣ всѣхъ святыхъ по Сошествіи Св. Духа) и Сostраданія (?) пресв. Богородицы (въ пятницу 2 седмицы по нед. всѣхъ святыхъ). Кромѣ того постановлено праздновать на Волыни день св. муч. Пантелеймона 27-го іюля и въ Литвѣ день св. Романа 2 мая и св. Давида 24 іюля—

уступка мѣстнымъ обычаямъ. Соборъ постановилъ въ «сіи празднич-ные дни оставляты роботы, пiятыку, плясы, торги и ины мірски дѣ-ла». Постановленія Замойскаго собора были утверждены папой Бенедиктомъ XIII въ 1724 г.

Въ 1773 г. галицкій губернаторъ Пергенъ потребовалъ сокращенія числа праздниковъ; но епископъ львовскій Левъ Шептицкій отвѣтилъ ему категорическимъ отказомъ, сославшись на то, что «престолъ римскій и правительство польское (ранѣе) ихъ оставило русинамъ».

Въ 1781 г. послѣдовало снова отъ губернатора такое же предложеніе, для устраненія «праздности народа», чтобы «вѣрныи могли свои (?) маетки помножаты», и также безуспѣшно.

Въ 1784 и въ 1786 годахъ губернаторъ предлагалъ перенести празднованіе нѣкоторыхъ праздниковъ на ближайшія къ нимъ воскресенія.

Съ конца 80 годовъ прошлаго столѣтія галицко-русское духовенство въ лицѣ львовскаго епископа Петра Бѣлянскаго начало поддаваться давленію областныхъ властей, и послѣдовали «курренды» о сокращеніи числа народныхъ праздниковъ. Въ росписаніи тѣхъ дней, которые надлежитъ праздновать, изданномъ львовскимъ уніатскимъ епископомъ въ 1787 г., мы уже не находимъ праздниковъ св. апостола и евангелиста Іоанна 8 мая, перенесенія мощей св. Николая 9 мая, Успенія св. Анны 25 іюля, Іосафата 16 сентября (уніат. празд.), преставленія св. евангелиста Іоанна 26 сентября, Покрова пр. Богородицы 1 октября и непорочн. зачатія пресв. Богородицы 9 декабря; въ замѣнъ этихъ исключенныхъ праздниковъ вставленъ праздникъ вм. Димитрія 25 октября. Праздники Зачатія пр. Дѣвы Маріи и Тѣла Христова перенесены на ближайшія воскресенія.

Въ 1785 году губернаторъ предложилъ уменьшить «острыи и здоровью вредныи численныи посты греческаго каѳолическаго обряда», на основаніи донесенія «циркулярнаго физика», т. е. областнаго врача Петеры, что отъ постовъ увеличиваются болѣзни. Епископъ Бѣлянскій издалъ разрѣшеніе отъ 40 дневнаго поста, кромѣ середы и пятницы, съ добавленіемъ, что мясо разрѣшается ѣсть въ день не болѣе одного раза. Вскорѣ затѣмъ рождественскій постъ былъ сокращенъ на 9 дней, а петровскій и спасовскій совсѣмъ отмѣнены (30-го мая 1788 г.).

Въ 1792 г. тотъ же епископъ Бѣлянскій, по требованію свѣтской власти, предписалъ перенести празднованіе памяти в. мч. Геор-

гія, пр. Иліи и Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи на ближайшія воскресенія, чтобы «народъ въ оныи дни навыкалъ къ работамъ своимъ».

Въ 1816 г. вышло росписаніе праздничныхъ дней, повторяющее росписаніе 1787 г. съ измѣненіями, учиненными въ 1792 г.

Въ 1857 году католическій праздникъ пренепорочнаго зачатія пр. Богородицы выдвинутъ на свое прежнее мѣсто, т. е. на 9 дек.

Вотъ все, что намъ дала статья Малиновскаго; но и то немногое, что здѣсь отмѣчено, характерно для обрисовки галицко-русскаго религіознаго состоянія. Вторженія въ интимную жизнь народа, въ кругъ его вѣрованій, преданій и привычекъ повторяются часто и безцеремонно. Мотивы сокращенія числа праздниковъ рѣдко выставляются на видъ, да и то, что выставлено по этой части, можетъ быть заподозрѣно въ заднихъ мысляхъ. Трудно повѣрить намѣстнику Галиціи графу Пергену, что галицко-русскіе крестьяне небрегутъ о собственныхъ интересахъ, что онъ, Перrенъ, заботится о сокращеніи числа праздничныхъ дней въ году ради помноженія крестьянскихъ маетковъ. Можно подозрѣвать другіе основные мотивы, какъ то: желаніе католическаго духовенства перестроить галицко-русскіе праздники по латинскому образцу и желаніе пановъ впречь крестьянина въ рабочее ярмо.

Предписанія свѣтскихъ и духовныхъ галицко-русскихъ властей, касающіяся праздниковъ, очень туго проникали въ неуступчивую, консервативную галицко-русскую народную среду. Такой авторитетный знатокъ галицко-русскаго края, какъ скончавшійся недавно С. Качала, года три назадъ писалъ въ «Дѣлѣ», что галицкіе русины справляютъ праздники по стародавнимъ привычкамъ, не справляясь утверждены они или не утверждены высшими властями. **Н. С.**

Къ исторіи козачества въ началѣ XVIII в. Печатаемый ниже документъ найденъ мною въ числѣ разнаго рода росписокъ и долговыхъ обязательствъ (облѣковъ), выданныхъ въ разное время (съ 1763 по 1788 г.) извѣстнымъ Шираямъ (Михаилу Стефановичу Шираю, подкоморому полка стародубовскаго). Написанный на сложенной въ длину четвертушкѣ желтоватой бумаги, онъ не имѣетъ даты, но качество бумаги и характеръ письма съ несомнѣнною ясностью показываютъ, что реестръ писанъ въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII в. и былъ составленъ, по всей вѣроятности, или знаменитымъ старо-

дубскимъ войтомъ Спиридономъ Шираемъ (1681—1708) или его сыномъ Степаномъ. Тѣ движимыя богатства, которыя успѣлъ собрать войтъ Ширай благодаря дѣятельному участію въ торговлѣ пенькою, хлѣбомъ и т. п., дали ему возможность широко пользоваться своими денежными средствами для вліянія, пріобрѣтенія земель и т. д. путемъ отдачи ихъ подъ залогъ недвижимости и за проценты. Длинный рядъ «облѣковъ» Михаила Ширая съ 1763 по 1785 г., «облѣковъ», выданныхъ то старшиною, то козаками, то, наконецъ, посполитыми, и за которые старшина платила около 4%, козаки около 5, а посполитые—до 6% съ обязательствомъ отслуживать и т. п., показываютъ, что родъ Шираевъ былъ банкирскимъ стародубскимъ родомъ, ихъ казна—ссудной кассой для всякаго рода лицъ.

Документъ или реестръ, очевидно, одна изъ страницъ въ дѣятельности ссудной кассы начала XVIII в. Онъ характеренъ для обѣихъ сторонъ, но особенно для обрисовки положенія козаковъ, вѣчно нуждавшихся въ движимомъ имуществѣ, вѣчно обращавшихся за деньгами, выдававшихъ закладныя на свое имущество, терявшихъ его и пополнявшихъ силу и вліяніе старшины. Въ документѣ предъ нами одинъ изъ такихъ нерѣдкихъ типовъ козака XVIII в. Онъ вѣчно въ долгу. «Позичка» —его средство существованія. Онъ беретъ то по 6 таляровъ, то по пяти и болѣе копѣекъ, но не можетъ уплатить долга и отдаетъ всю свою отчину за долгъ. Его зовутъ въ очередь на такъ называвшуюся «канальскую службу». Возвратившись, онъ попадаетъ въ прежнее, даже худшее положеніе и опять обращается къ Шираю. «Позичка» идетъ за «позичкою», она такъ часта, что аккуратный Ширай даже однажды «не упоминаетъ», сколько далъ онъ ему. Чѣмъ и какъ уплатилъ свой новый долгъ козакъ Ворона, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ. Но выходъ былъ одинъ—подданство.

Сопоставленный съ подобными же документами, выдаваемыми козаками въ XVIII в., настоящій курьезный «реестръ» можетъ послужить новымъ матеріаломъ для характеристики и экономическаго положенія козачества, и той почвы, на которой постепенно выросло крупное землевладѣніе старшины. Съ другой стороны, онъ не лишенъ значенія и интереса съ точки зрѣнія разговорнаго языка начала XVIII в.

Реистръ јакъ много поzичалъ Ворона, коzакъ, Хромъца Тишка zят, подъ Киевомъ.

Ја двама раzамѣ поzичил бѣтих таляровъ 6.

Еще поzичилъ копѣекъ таляровъ два на кожухъ.

Z Москви прихавши Ворони поzичил бѣтий талярь.

Еще поzичил копѣекъ зол. 5.

Еще Ворони поzичилъ изъ своимъ тестемъ бѣтих таляровъ два: еденъ вернули, а другий zосталѣ виновати.

Јакъ Ворона z Оленою хотѣлъ поzиватися, поzичилъ бѣтого таляра, да после сего Ворона позичил едного чирвоного. На якую воронѣну потребу уzявши я у п-на свата копъ подобно двадцать, дал был Воронѣ, которій почекавши наzадъ оддалѣ, тилко z тихъ грошей zолотихъ четири на свою потребу обернули, и четири zолотихъ zосталѣ виновати. Усѣхъ давнихъ, Вороною поzиченихъ, было грошей бѣтихъ таляровъ 9, чирвоний одинъ, копѣекъ zолотихъ 15. Zа сей више пѣсаний поzиченый долгъ добороволне Ворона, ѣдучи на каналную службу, усю отчину мнѣ продал. Чинитъ копъ 28.

Z каналу пришедши роzнимѣ часи Ворона, Хромъцовъ зять, поzичалъ денегъ: скоро повернувши z каналу, поzичилъ копѣекъ zоло 6. Послѣ того поzичил Ворона еще копѣекъ zол. 5.

Еще Ворона поzичил денегъ копу, іакъ ја вижчалемъ на Коломакъ.

Јакъ с кимсь поzивался, щось поzичил, да не упомню.

Недавнимѣ часи на zапусти поzичил zолотий. После того пол zолотого. И еще zолотий. І того копа. При Радку бѣтих рублей два поzичил. И еще рубля третяго онъ же поzичил бѣтого. И еще при Радку викуплялъ кунтушъ, поzичил копѣекъ талярь.

Тоже Ворона изъ своею женою поzичил гривну.

Сообщилъ **И. Лучицкій.**

Новые альбомы д-ра де-ля-Флиза. Два альбома д-ра де-ля-Флиза, принадлежащіе одинъ—А. М. Лазаревскому, другой—кіевскому церковно-археологическому музею, были описаны раньше [1]). Въ настоящее время въ библіотеку В. В. Тарновскаго поступили еще два. Первый изъ нихъ, въ большую четвертку, озаглавленъ такъ: «Медико-топографическое описаніе или физическо-медицинская географія государственныхъ имуществъ сквирскаго округа кіевской губерніи... изданное докторомъ де-ля-Флизе... Мала Чернявка сквирск. у. 1849 г.» Это описаніе составлено по программѣ общаго циркуляра по министерству государственныхъ имуществъ 1842 г. Въ первомъ отдѣлѣ

[1]) „Кіевская Старина“ 1889 г., іюль.

его опредѣлено пространство сквирскаго округа, число крестьянъ, мѣстоположеніе, климатъ, естественныя произведенія. Во второмъ, описаны господствующія въ округѣ болѣзни, какъ эндемическія, такъ и эпидемическія, тутъ же находятся небольшія статьи о жилищахъ, одѣяніи и обуви, пищѣ и питьѣ, занятіяхъ крестьянъ, вліяніи обычаевъ и привычекъ на болѣзни, степень смертности, способы народнаго лѣченія, далѣе указываются средства, которыя слѣдуетъ употреблять при лѣченіи болѣзней на мѣстѣ, предлагаются также полицейскія и медицинскія мѣры для предупрежденія и устраненія болѣзней.

Третій отдѣлъ заключаетъ болѣзни эпизоотическія. Самую интересную часть этой рукописи представляетъ, слѣдующая далѣе, «Подробная статистика каждой деревни сквирскаго округа съ приложеніемъ видовъ всякой деревни, снятыхъ съ натуры, съ изображеніемъ крестьянскихъ костюмовъ всякаго общества». Села, входящія въ сквирскій округъ, распредѣляются по четыремъ уѣздамъ. Именно, въ сквирскомъ—часть с. Малыхъ Ерчиковъ, д. Ксендзовка, часть с. Новоселицы; въ бердичевскомъ—м. Бѣлиловка, с. Дерганька, слобода Юзвинъ, с. Сестреновка, д. Прилипки, х. Котелянецъ, х. Ксендзовка, х. Козловка, часть с. Кикишевки, ч. с. Глуховцы, ч. с. Пиковцы, ч. с. Сахновъ, ч. с. Лосневки, с. Скраглевка; въ липовецкомъ—ч. с. Поповки, д. Плакіевка, с. Должикъ; въ таращанскомъ у.—с Телѣжинцы и с. Клюки. Кромѣ довольно неудачныхъ видовъ каждаго поселка, здѣсь находятся заслуживающія полнаго вниманія иллюминованные рисунки костюмовъ крестьянъ ерчиковскаго, бѣлиловскаго, поповскаго и таращанскаго обществъ.

Другая рукопись представляетъ черновую «Медико-топографическаго описанія кіевскаго округа», принадлежащаго А. М. Лазаревскому. Составъ ея однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разнится отъ чистовой. Такъ напр., въ чистовой гораздо больше рисунковъ растеній, находятся тамъ также изображенія животныхъ, каковыхъ въ черновой совсѣмъ нѣтъ. Въ свою очередь въ черновой помѣщены вѣдомости: о числѣ государственныхъ крестьянъ, занимающихся ремеслами, о количествѣ болѣвшихъ въ сентябрѣ 1846 г., о числѣ павшаго скота съ 1840 по 1846 гг., не вошедшія въ чистовую.

Что касается «Подробной статистики каждой деревни кіевскаго округа», то здѣсь находятся также историческія и, главнымъ образомъ, археологическія замѣтки и рисунки древнихъ предметовъ, отчасти вошедшія впослѣдствіи въ «Этнографическія описанія» (цер-

ковно-арх. музея),—въ чистовой ихъ нѣтъ. Не попали туда и нѣкоторыя мелкія указанія, большей частью археологическаго характера. Здѣсь мы приводимъ все, что не достаетъ въ чистовой «Медико-топограф. описанія» и въ «Этнографич. описаніи» и что, поэтому, не вошло въ вышеуказанную замѣтку о работахъ д-ра де-ля-Флиза. Придерживаемся порядка подлинниковъ.

Кіевскій уѣздъ.

С. Стрѣтовка. Въ 1806 г. близъ села около Днѣпра нашли кости мамонта. Въ 1827 г. въ Закрытой горѣ найдено 202 золотыхъ червонныхъ съ изображеніемъ короля Сигизмунда; они были отданы въ церковь, но впослѣдствіи отобраны въ казну.

С. Щучинка. Когда ксендзы владѣли симъ селеніемъ, копали могилу, гдѣ нашли желѣзный гробъ съ попеломъ (sic).

Д. Новоселица. Около деревни находится пять могилъ, изъ нихъ одна называется Довга, а другая Роскопаная.

М. Триполье. Приложенъ рисунокъ найденнаго здѣсь сломаннаго мѣднаго копья или стрѣлы и рисунокъ древней урны (въ «Этн. опис.» урна эта значится найденной въ с. Цесарской Слободѣ черкасск. у.).

Д. Софійская Борщаговка. Возлѣ деревни есть двѣ могилы, изъ которыхъ одна называется Роскопана.

С. Бѣличи. Приложено факсимиле предисловія евангелія кіевской печати 1695 г., принадлежащаго мѣстной церкви.

С. Желяне. Въ 1843 г. крестьянинъ нашелъ въ землѣ 13 фунтовъ серебряныхъ гривниковъ (sic) съ изображеніемъ царя (sic) Ярослава, которые отдалъ въ церковь [1]).

Д. Жорновка. На полѣ, около деревни, находятся двѣ могилы, называемыя Хмеленко.

С. Лютежъ. Приложены надписи со старинныхъ иконъ мѣстной церкви (вошли въ «Этн. опис.»).

С. Великая Бугаевка. Приложенъ планъ находящагося возлѣ села старинняго укрѣпленія, называемаго Городокъ. Средина его вымощена кирпичемъ на 3 (?) аршина глубины.

Васильковскій уѣздъ.

М. Фастовъ. Около мѣстечка находятся 4 древнія большія могилы.

---

[1]) Это были шестиугольныя гривны кіевскаго типа безъ всякихъ изображеній, найдено ихъ 20 штукъ.—Н. Б.

С. Котлубица. Приложенъ снимокъ древняго креста, найденнаго въ селѣ, въ 1846 г. (вошелъ въ «Этн. опис.»).

Д. Сосновка. Въ 1820 г. нашли около деревни кости мамонта.

Д. Дмитровка. Приложенъ рисунокъ древняго мѣднаго образка, найденнаго тамъ въ 1845 г. (вошелъ въ «Этн. опис.») и рисунокъ маленькаго крестика изъ цвѣтнаго камня (рисунка въ «Этн. опис.» нѣтъ).

С. Дорошнка. Въ лѣсу находятся 3 большія древнія могилы.

Радомыслскій уѣздъ.

Д. Старые Шепеличи. Приложенъ планъ находящагося въ 4-хъ верстахъ отъ села стариннаго городища, почти квадратной формы.

За описаніемъ шепелическаго общества помѣщенъ рисунокъ, изображающій колтунъ у крестьянъ шепелическаго, варовическаго и максимовическаго обществъ.

Въ концѣ этого альбома находится таблица снимковъ разныхъ монетъ, по большей части польскихъ, найденныхъ въ районѣ кіевскаго округа. Изъ нихъ заслуживаетъ вниманія серебряная римская монета съ надписью DIVA FAVSTINA, найденная въ м. Трипольѣ.

Эти двѣ рукописи являются новымъ свидѣтельствомъ громаднаго трудолюбія д-ра де-ля-Флиза.

Н. Б.

Изображеніе галернаго раба XVI вѣка. Въ тяжелые дни южно-русскаго народа XIV—XVII вѣка многіе уведены были татарами и проданы въ рабство. Во всѣхъ странахъ, прилегающихъ къ Черному и Средиземному морямъ, разсѣяны были южно-руссы—рабы. Особенно тягостно было положеніе невольниковъ гребцовъ на галерахъ. Гребцы сидѣли прикованные. Галерный приставъ ударами кнута заставлялъ ихъ приводить въ движеніе тяжелыя весла. Волны хлестали ихъ во всякую погоду. Спали и ѣли они по смѣнамъ, не оставляя своихъ скамей и не останавливая хода галеры. Они не знали отдыха, даже въ праздники, не могли протянуться, перемѣнить мѣсто. Когда корабль входилъ въ гавань для поправокъ или для того, чтобы запастись съѣстными припасами, тогда позволялось нѣсколькимъ каторжникамъ изъ родовитыхъ и знатныхъ козаковъ работать въ гавани надъ земляными и очистительными работами. Въ невольницкихъ плачахъ «кайданы руки-ноги позъидали; сирая сириця

до жовтои кости тило козацькое, проидала». Невольники проклинають «землю турецкую, виру басурманскую», и просять Бога «вызволить ихъ на святорусскій берегъ, на край веселый, межъ народъ хрещеный».

Всякая подробность, рисующая положеніе невольниковъ изъ южноруссовъ, представляется, несомнѣнно, весьма цѣнной, и потому мы считаемъ нелишнимъ указать на два любопытныхъ рисунка въ превосходномъ сочиненіи Lacroix, Vie militaire et religieuse du Moyen âge et á l'époque de la Renaissance» 1873 г. на стр. 93. На одномъ рисункѣ изображенъ солдатъ съ галеры XVI в., на другомъ рабъ-гребецъ (rameur) XVI в. Рисунки взяты изъ книги Cesare Vecelios, «Degli habiti antichi» 1590 г., Они отвѣчаютъ по времени возникновенію лучшихъ малорусскихъ историческихъ думъ. Въ фигурѣ раба мы видимъ типичнаго малоросса. Мужественное и добродушное лицо съ выразительными глазами, прямымъ носомъ, безъ бороды и бакенбардъ, съ густыми закрученными къ щекамъ усами. На головѣ раба небольшая шапка, слегка съуживающаяся къ верху, какія и теперь малороссы носятъ зимой (въ родѣ еломка). Свита или кобенякъ съ рукавами средней ширины спускается ниже колѣнъ, съ двумя тесемочными застежками на груди и съ башлыкомъ, или видлогой, спускающимся въ видѣ мѣшка на спину. На ногахъ своеобразная обувь, въ родѣ башмаковъ, съ открытыми пальцами. Отъ щиколотокъ ногъ къ поясу идутъ двѣ длинныя цѣпи, служившія, вѣроятно, для прикрѣпленія раба къ галерѣ, но не мѣшавшія полному шагу по землѣ. Подъ правой рукой рабъ держитъ большой боченокъ съ чопикомъ. Фигура галернаго стражника (какимъ былъ ляхъ Бутурлакъ украинской думы) не имѣетъ опредѣленнаго національнаго обличья: шапка на головѣ съ перомъ; короткій кафтанъ, плотно охватывающій грудь и руки; широкіе штаны съ подвязками на колѣняхъ, на ногахъ башмаки съ завязками спереди, причемъ вся ступня закрыта; на правомъ боку короткій кинжалъ; на лѣвомъ длинный прямой мечъ.

Н. С.

Наборъ въ Кіевѣ пѣвчихъ для придворной капеллы въ 1758 году. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1758 г. командированъ былъ придворный пѣвчій Степанъ Андріевскій «въ Кіевъ и въ Малороссію для сыскиванія и набору какъ при монастыряхъ, такъ при домѣхъ

архіерейскихъ, архимандричьихъ, въ малороссійскихъ полкахъ и въ протчихъ мѣстахъ, и привозу ко двору е. и. в. малыхъ пѣвчихъ, гдѣ и какихъ онъ по способности голосовъ провѣдать и выбрать можетъ». При немъ состоялъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка гренадеръ Морозовъ. Указами изъ кабинета, е. и. в. въ кіевскую генеральную губернскую и въ генеральную войсковую канцеляріи предписывалось оказывать Андріевскому всяческое вспоможеніе и производить, по требованіямъ его, на счетъ кабинета изъ суммъ названныхъ канцелярій необходимые расходы. Набранныхъ пѣвчихъ Андріевскій долженъ былъ представлять въ эти канцеляріи, которыя, «осмотря, ежели изъ нихъ нѣкоторые, по неимуществу своему, явятся недостаточными въ платьѣ, тѣмъ сдѣлавъ потребную одежду», должны были отправлять всѣхъ вмѣстѣ или по нѣсколько человѣкъ ко двору съ надежными провожатыми.

Андріевскій былъ въ Кіевѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, какъ это видно изъ доношеній его въ кіев. губ. канц. отъ 14, 16, 18 и 30 апрѣля. Прежде всего онъ нашелъ и представилъ двухъ человѣкъ пѣвчихъ Ивана Середу и Ивана Новомлинскаго, которымъ и просилъ сдѣлать «платье малороссійское т. е. верхнихъ зеленыхъ два и споднихъ красныхъ два, кушаковъ два, штановъ двое, сапоговъ двое и шапокъ двое». Они были отправлены съ нарочнымъ рейтаромъ 29 апрѣля въ Петербургъ, гдѣ и сданы 12-го іюня полковнику и «уставщику пѣвческой капелы» Марку Өедоровичу Полторацкому. Затѣмъ для набираемыхъ мальчиковъ отведена была магистратомъ на Подолѣ особая квартира и назначенъ надзиратель. Когда набралось ихъ 13 человѣкъ, они были отправлены въ Глуховъ, «во опредѣленную тамо для обученія оныхъ пѣвчихъ квартиру», для чего было куплено 7 кибитокъ, а для препровожденія ихъ командированы были два рейтара. Въ заключеніе былъ еще отысканъ и отправленъ отдѣльно въ Глуховъ одинъ «тенористой».

Изъ Кіева для сопровожденія Андріевскаго по Малороссіи данъ былъ особый капралъ. Всего изъ суммъ кіев. губ. канц., по требованіямъ Андріевскаго, израсходовано 342 р. 8 к., въ томъ числѣ на собственные его разъѣзды по Малороссіи на руки ему выдано 200 р., да на прогоны капралу 30 р.

А. А.

БИБЛІОГРАФІЯ.

И. Каманинъ. Переписи еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ 1765—1791 г. (Архивъ юго-западной Россіи, часть пятая, томъ II. Два выпуска. Кіевъ, 1890) Стр. 240 + 1045 + IV. Ц. 4 руб.

Собственно переписи или т. наз. тарифы, составленные между 1765 и 1791 г. для взиманія «поголовной» подати съ евреевъ русскихъ воеводствъ Польши, занимаютъ въ настоящемъ томѣ «Архива» 729 стр., указатель личныхъ и географическихъ именъ—болѣе 300 стр.; предисловіе редактора всего тома, И. М. Каманина—234 стр. Если взять въ разсчетъ, что самыя переписи были вызваны обстоятельствомъ второстепенной важности—желаніемъ поднять доходность еврейскаго «поголовнаго»—и обнимаютъ всего четверть столѣтія, то нельзя не порадоваться извѣстной роскоши, которою обставлено дѣло изученія прошлаго нашего края даже по вопросамъ второстепеннымъ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Недостатокъ ученыхъ силъ, но особенно матеріальныхъ средствъ тормозитъ изученіе даже важнѣйшихъ сторонъ нашего историческаго бытія, и груды матеріаловъ высокаго интереса лежатъ нетронутыми въ архивахъ, ожидая любознательныхъ изслѣдователей. Экономическая исторія края не только не изучена всесторонне по документамъ, но ея нѣтъ даже въ связномъ наброскѣ.

Г. Каманинъ сдѣлалъ попытку открыть уголокъ завѣсы этой таинственной экономики прошлаго. Въ старой Польшѣ нерѣдко слышались жалобы на эксплуатацію евреями народной массы. Для провѣрки справедливости этихъ жалобъ авторъ собралъ статистическія данныя о евреяхъ и постарался сдѣлать изъ нихъ посильные выводы по интересующему его вопросу. По мнѣнію автора, опубликованныя имъ данныя «важны, какъ выраженіе результата отношенія польскаго общества къ еврейскому вопросу въ теченіи всего времени политическаго существованія Польши» (пред., стр. 230).

Нисколько не отрицая всей важности сводки цифровыхъ данныхъ, способныхъ болѣе или менѣе точно установить размѣръ и характеръ общественныхъ явленій, мы думаемъ, что авторъ приписываетъ опубликованнымъ нынѣ матеріаламъ значеніе имъ несвойственное, такое, какого они отнюдь не могутъ имѣть уже по самымъ условіямъ своего возникновенія.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое представляютъ собою, въ статистическомъ смыслѣ, переписи еврейскаго населенія, занесенныя въ гродскія книги послѣдней трети XVIII в.? Перечисленіе еврейскихъ «головъ» для взиманія «поголовнаго». Каждая «голова», занесенная въ тарифъ поименно или въ видѣ голой цифры, представляетъ тѣ два или три «злотыхъ польскихъ», которые имѣли поступить въ государственную казну. Такъ какъ число этихъ злотыхъ извѣстно съ точностью для всей территоріи Польши въ эпоху кор. Станислава-Августа (см. книгу Т. Корзона, Wewnętr. dzieje Polski za Stan. Aug., т. III, стр. 111, 119 сл., 146, 158 сл.; т. IV, стр. 119. Данныя съ 1 сент. 1786 г. также въ «Relacyi z examinu kom. skarbu koron.» каменецъ-подольскаго каштеляна Морскаго, напеч. въ тип. Дюфура въ 1791 г.), то казалось-бы, что вопросъ о количествѣ еврейскаго населенія не встрѣчается съ какими либо особыми затрудненіями. Тѣмъ не менѣе, историкъ Корзонъ, съ поразительнымъ трудолюбіемъ изучившій внутреннюю жизнь Польши 1764—1794 г., призналъ невозможнымъ опредѣлить число евреевъ по суммѣ «поголовнаго». Еще на сеймѣ 1784 г. воевода познанскій Сулковскій заявилъ, что основанныя на тарифахъ «поголовнаго» статистическія исчисленія очевидно ошибочны, что̀ слѣдуетъ приписать «лукавству этого народа (евреевъ) и неаккуратности, чтобъ не сказать болѣе, люстраторовъ» (Korzon, т. I, стр. 164). Неточность еврейскихъ люстрацій была въ свое время фактомъ общеизвѣстнымъ. Чтобы исправить дѣло, сеймъ увеличилъ вознагражденіе люстраторамъ за каждую «открытую» еврейскую «голову», но пользы было мало отъ такой мѣры. Укрывательство евреевъ отъ «поголовнаго» было очевидно, но ничто не помогало. Въ 1790 году подскарбій Коссовскій предлагалъ даже объявить евреямъ, что люстрація не будетъ повторяться въ теченіи 20 лѣтъ (вмѣсто прежнихъ трехъ), чтобы заохотить евреевъ не уклоняться отъ регистраціи (сессія 252,—23 апр. 1790 г.),—своего рода крикъ отчаянія въ виду безуспѣшности всѣхъ усилій. Въ помянутомъ отчетѣ посла Морскаго (стр. 7 и 8) прямо заявляется, что хотя «поголовное» за 1787 годъ поднялось нѣсколько, но люстрація евреевъ произведена неудовлетво-

рительно и должна быть лучше организована, «дабы люстраторы изъ личныхъ выгодъ не утаивали еврейскихъ головъ и за подкупность подвергались строгому наказанію». Въ этомъ смыслѣ предполагалось представить сейму особый проектъ. Хотя люстраторамъ, по закону 1775 г., выплачено по 3 гр. съ каждой головы, но, поясняетъ Морскій далѣе, необходимо упорядоченіе люстрацій, «aby lustratorowie wierniejsi byli». (Ib., стр. 20).

Если припомнить то анархическое состояніе финансовой техники, которымъ хронически страдала историческая Польша, не исключая періода, обнимаемаго книгою г. Каманина, то невольно думается, что люстраціи евреевъ 1764—1791 г.г. не имѣютъ ровно никакого значенія въ статистическомъ смыслѣ. До такой степени въ свое время никто не вѣрилъ этимъ люстраціямъ, что пинскій посолъ Бутримовичъ, авторъ проекта еврейской реформы и членъ депутаціи, назначенной сеймомъ для разработки этого вопроса, считалъ, что евреевъ въ Польшѣ должно быть не менѣе милліона, а посолъ Езерскій, каштелянъ луковскій и ближайшій сотрудникъ Бутримовича по еврейскому вопросу—не менѣе трехъ милліоновъ. (См. Dziennik czynności Seymu Glównego Ordynaryinego Warsz. etc., 402 сессія, 18 марта 1791). Между тѣмъ, и Бутримовичу, и Езерскому люстраціи были извѣстны, очевидно, ближе, нежели позднѣйшимъ изслѣдователямъ, имѣющимъ дѣло съ голыми актами. Г. Каманинъ, повидимому, склоненъ приписывать значеніе извѣстнымъ таблицамъ Мошинскаго (стр. 215). По нашему мнѣнію, это простое недоразумѣніе: Мошинскій въ своихъ статистическихъ выкладкахъ руководствовался податными списками и потому число евреевъ въ коронныхъ земляхъ показалъ въ 220,000, примѣнительно къ суммѣ поголовнаго въ 1717 году (Korzon, т. I, стр. 164). Что Мошинскій основывался на тарифахъ, видно изъ преній сейма 19 апрѣля 1790 г. (сессія 249). Слѣдуетъ припомнить по этому поводу, что при обсужденіи проекта всеобщей люстраціи въ засѣданіи 15 апрѣля 1790 года сеймовый маршалъ откровенно заявилъ, что, по общему мнѣнію, «государство обманываютъ» (сессія 247).

Поэтому нельзя не пожалѣть, что г. Каманинъ, оперируя надъ цифрами люстрацій 1765—1791 г., отнесся къ нимъ съ чрезмѣрнымъ довѣріемъ, котораго онѣ, въ дѣйствительности, не заслуживаютъ. Авторъ полагаетъ, что учрежденіе скарбовой экономической коммиссіи 1764 года имѣло въ этомъ случаѣ благодѣтельное значеніе, упорядочивъ дѣло собиранія статистическихъ данныхъ, отчего и еврейскія

переписи имѣютъ отнынѣ «всѣ признаки большей или меньшей достовѣрности» (стр. 7 и 9).

Намъ кажется, что если этимъ переписямъ не вѣрили даже современники, то и нынѣ не подобаетъ имъ вѣрить. Дѣятельность скарбовой коммиссіи безспорно имѣла свои хорошія стороры, но «дѣло собиранія статистическихъ данныхъ» и «всесторонняго изученія страны въ экономическомъ отношеніи» находилось въ самомъ жалкомъ положеніи вплоть до окончательнаго раздѣла Польши. Всѣ усилія въ этомъ направленіи привели лишь къ сознанію существовавшихъ неустройствъ и финансовой безурядицы, не больше. Припомнимъ, какихъ усилій стоило историку Корзону установить самыя основныя статистическія данныя относительно населенности Польши конца прошлаго вѣка. Если-бы г. Каманинъ ознакомился съ классическимъ трудомъ Корзона, то, безъ сомнѣнія, отнесся-бы нѣсколько болѣе скептически къ цѣнности опубликованныхъ нынѣ матеріаловъ. Довѣріе автора къ люстраціямъ доходитъ иногда до явныхъ увлеченій. По люстраціи 1789 г., напр., выяснилось, что у житомирскихъ евреевъ оказался большій % женскаго населенія сравнительно съ христіанами. Г. Каманинъ по этому поводу задается вопросомъ: не подтверждаетъ-ли это явленіе замѣчанія нѣкоторыхъ путешественниковъ о большемъ числѣ рожденій дѣтей женскаго пола у восточныхъ народовъ? (стр. 220 пред.).

Если вѣрить даннымъ люстрацій хотя бы 1790 года для брацлавскаго староства или 1791 г. для житомирскаго повѣта (акты, стр. 665- 697), то пришлось-бы установить особые законы рождаемости чуть-ли не для каждаго кагала. Указанное г. Каманинымъ явленіе объясняется, на нашъ взглядъ, гораздо проще, а именно, полною негодностью люстрацій, какъ статистическаго документа. Для иллюстраціи можно указать хотя бы на такой фактъ. Въ 1860 г. минская казенная палата, по распоряженію министерства финансовъ, составила таблицу населенія губерніи по возрастамъ и сословіямъ, по даннымъ 10-й ревизіи; мѣщанъ—христіанъ оказалось 15,999, евреевъ 32,458; у первыхъ оказалось мальчиковъ до 5 лѣтняго возраста 1961, у вторыхъ 645, т. е. у христіанъ было мальчиковъ болѣе 12%, у евреевъ—менѣе 2%. Нѣсколько ранѣе, по гродненской губ. еврейскихъ мальчиковъ былъ исчислено также 2%, вмѣсто обычныхъ 10—13%. Надо думать, что статистическіе законы рождаемости не играли и здѣсь особой роли.

Опубликованные подъ редакціей г. Каманина тарифы крайне неполны и составлены по самымъ разнообразнымъ системамъ: въ

нѣкоторыхъ, еврейскія «головы» приведены огуломъ въ общихъ цифрахъ, въ другихъ—перечислены поименно, съ указаніемъ занятій; возрастный составъ населенія нигдѣ не указанъ съ точностью: изрѣдка выдѣлены малолѣтніе, съ указаніемъ пола. При этихъ условіяхъ, сравненіе тарифовъ различныхъ годовъ уполномочивало бы развѣ на самые элементарные выводы, главнымъ образомъ въ смыслѣ доказательства негодности люстрацій. Но такъ какъ негодность эта уже современниками была откровенно сознана, то излишне было-бы долѣе останавливаться на этомъ второстепенномъ вопросѣ. Намъ кажется, что публикованіе тарифовъ по способу, усвоенному г. Каманинымъ, представляетъ большія неудобства. Въ самомъ дѣлѣ, для чего перепечатывать тарифы цѣликомъ, съ безконечнымъ повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же обычныхъ формулъ? Для характеристики внѣшней формы актовъ, достаточно было бы привести, въ видѣ образца, одинъ-два изъ нихъ; затѣмъ, небезполезно было бы оставить тѣ тарифы, гдѣ «головы» приведены съ указаніемъ занятій, хотя и въ этомъ случаѣ можно-бы ограничиться сводными табличками; всѣ остальные акты могли бы быть, безъ всякаго ущерба для дѣла, сведены въ таблицы весьма элементарныя по конструкціи, и читателю гораздо легче было бы оріентироваться въ такой сводкѣ, незагроможденной безполезнымъ балластомъ. Попытка въ этомъ родѣ и сдѣлана г. Каманинымъ на стр. 235—239 предисловія. Если бы приведенныя въ таблицахъ цифры заслуживали довѣрія, то слѣдовало бы поблагодарить автора за эту короткую сводку данныхъ. Но мы вправѣ сомнѣваться въ значеніи этихъ цифръ. Сомнѣнія наши какъ нельзя болѣе подтверждаются содержаніемъ опубликованныхъ данныхъ. Въ переписи 1784 г., между прочимъ, указано число «открытыхъ» вновь евреевъ, уклонявшихся отъ регистраціи. По одному летичевскому повѣту оказалось укрывающихся болѣе 11% общаго еврейскаго населенія округа, въ луцкомъ—болѣе 6%, во владимірскомъ—болѣе 5%. Г. Каманинъ заключаетъ отсюда, что «регистраторы строго относились къ своей обязанности и что составленныя ими переписки евреевъ имѣютъ большую точность, а для статистики это главнѣйшее условіе, и вполнѣ заслуживаютъ довѣріе» (стр. 143 пред.). Трудно согласиться съ такимъ заключеніемъ, въ виду печатныхъ протоколовъ засѣданій 4-лѣтняго сейма и заявленій посла Морскаго. Но согласимся на сей разъ съ выводомъ автора: что-же остается намъ думать о всѣхъ прочихъ люстраціяхъ? Къ сожалѣнію, г. Каманинъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, хотя от-

вѣтъ такой, на нашъ взглядъ, совершенно необходимъ по самому существу статистическаго изслѣдованія, предпринятаго авторомъ. Если другія люстраціи, какъ должно полагать, довѣрія не заслуживаютъ, чѣмъ нарушается главнѣйшее условіе статистики, то трудно понять, почему авторъ оперируетъ въ предисловіи надъ цифрами люстрацій и дѣлаетъ на основаніи ихъ самые разнообразные выводы о разселеніи евреевъ по округамъ, о передвиженіяхъ евреевъ, о движеніи населенія во времени и т. д. Г. Каманинъ, принимая данныя люстрацій на вѣру, стремится лишь подыскать причины устанавливаемыхъ цифрами перемѣнъ, для чего, какъ онъ выражается, сопоставляетъ эти цифры «съ данными о состояніи культуры въ государствѣ въ избранный періодъ времени» или съ «политико-экономическимъ положеніемъ края» (стр. 2 и 45 пред.). Эта часть труда г. Каманина была бы весьма поучительна, если бы можно было вѣрить даннымъ тарифовъ. Разъ что вѣры такой не можетъ быть, всѣ объясненія автора являются лишь иллюстраціей фактовъ, самое существованіе которыхъ ничѣмъ, въ сущности, не установлено. Ученый изслѣдователь, при такихъ условіяхъ, ставитъ себя въ положеніе крайне невыгодное, такъ какъ находится въ зависимости отъ люстратора, аккуратность, умѣніе и добросовѣстность котораго болѣе чѣмъ сомнительны. Вниманіе г. Каманина было привлечено рѣзкими колебаніями въ цифрахъ переписей за различные годы. Авторъ подыскиваетъ для этихъ цифровыхъ, т. е. бумажныхъ, колебаній самыя разнообразныя объясненія. На первомъ планѣ стоитъ тяжесть крестьянскихъ повинностей. Гдѣ эта тяжесть значительнѣе, туда и стремятся евреи. Если они туда почему-либо не стремятся, авторъ отыскиваетъ другія причины: развитіе торговли, политическія обстоятельства, реформа городовъ, торговые трактаты съ иностранными государствами, закрытіе границы, передвиженія войскъ, политическія обстоятельства и даже свиданіе монарховъ въ Каневѣ предполагаются могущими имѣть вліяніе на передвиженія евреевъ. Никто и никогда не сомнѣвался, что всѣ элементы общественной жизни находятся въ непрестанномъ взаимодѣйствіи и что никакое явленіе ея не можетъ быть объяснено удовлетворительно въ его чистомъ, изолированномъ видѣ; но кажется трудно допустить, чтобы частныя реформы, въ родѣ реформы городской, тотчасъ же сказывались на распредѣленіи населенія, хотя бы и подвижнаго, и торговаго, какимъ были польскіе евреи по преимуществу. Между тѣмъ, если вѣрить нашему автору, оказывается напр., что «надежды (польскаго) прави-

тельства на благодѣтельность мѣропріятій относительно городовъ и королевскихъ имѣній возбуждаютъ, надо думать, и надежды евреевъ на усиленіе тяжести крестьянскихъ повинностей, на возвышеніе благосостоянія городовъ и способствуютъ увеличенію количества евреевъ то въ селахъ, то въ городахъ» (Стр. 207 сл.). При всемъ тамъ, «количество евреевъ всегда прямо пропорціонально плотности христіанскаго населенія» (стр. 233). Если къ этому прибавить, что плотность христіанскаго населенія остается неизвѣстною, то получится порочный кругъ, изъ котораго не можетъ быть выхода, такъ какъ ключъ унесенъ въ могилу польскими люстраторами, утверждавшими за присягою присяжныя-же показанія представителей еврейскихъ кагаловъ и обманывавшими государство, если вѣрить сеймовому маршалу.

Считая ошибочнымъ исходный пунктъ работы г. Каманина, полагаемъ излишнимъ приводить здѣсь основныя положенія автора и слѣдить за пріемами, путемъ которыхъ положенія эти добыты. По нашему мнѣнію, всѣ тѣ сложныя причины, которыя указаны въ объясненіи цифръ люстрацій, ничего не поясняютъ, такъ какъ пояснять нечего, да и причины эти избираются автором по каждому случаю безъ достаточныхъ основаній. Не можетъ однако-же не указать здѣсь на то, что нѣкоторые тезисы автора прямо противорѣчатъ содержанію люстрацій. Такъ, тезисъ 10 й гласитъ: «Исключительной профессіей евреевъ въ селахъ было шинкарство и арендаторство» (стр. 233 пред.). Это невѣрно. Прежде всего, профессіи евреевъ указаны лишь въ немногихъ люстраціяхъ, а гдѣ профессіи указаны, тамъ находимъ «винниковъ», «портныхъ», «фурмановъ», «кухарокъ», вообще прислуги «рѣзниковъ», «мытниковъ», «инспекторовъ», стекольщиковъ, пекарей, учителей, мирошниковъ, выдойниковъ, кушнировъ, торговцевъ и т. п. Особенно часто встрѣчаются винники, слѣд. чернорабочіе на винокурняхъ (ср. акты, стр. 14—21, 26 сл., 29—53, 116—173). Не можемъ понять вывода автора, что разселеніе евреевъ было прямо пропорціонально состоянію промышленности и торговли въ краѣ и тяжести крестьянскихъ повинностей (стр. 131 пред.), такъ какъ промышленность и торговля сосредоточивались преимущественно въ рукахъ евреевъ, арендныя же отношенія зависѣли не отъ евреевъ, а отъ помѣщиковъ: вмѣсто одного арендатора не могло явиться двухъ, какъ бы ни усиливались крестьянскія повинности; послѣднія усиливались постепенно, а населеніе еврейское колеблется въ люстраціяхъ постоянно въ ту и дру-

тую сторону. Не можемъ согласиться съ тѣмъ пріемомъ автора, въ силу котораго данныя люстраціи Житомира оказались исходнымъ пунктомъ для характеристики всего вообще городскаго населенія края (стр. 219 — 224): по нашему мнѣнію, такой пріемъ невозможенъ. Если для другихъ городовъ не имѣется такихъ подробныхъ данныхъ, какъ для Житомира, то отсюда еще не слѣдуетъ, что Житомиръ представлялъ собою средній типъ города въ краѣ. Отчего авторъ не избралъ Овручъ?

Г. Каманинъ, какъ сказано, задался цѣлью провѣрить, путемъ статистическихъ данныхъ, справедливость постоянныхъ жалобъ на евреевъ, которые, по его мнѣнію, «были одною изъ главныхъ, хотя и не единственною, причиною внутренняго разложенія польскаго государства“ (стр. 45). Если послѣднее положеніе вѣрно, то, кажется, и не стоило задаваться провѣркою того, что очевидно. Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ, въ чемъ собственно заключались эти жалобы и чѣмъ онѣ вызывались, хотя богатыя данныя по этому вопросу сведены въ трудѣ В. Смоленскаго „Stan i Sprawa żydów polskich въ XVIII w ». (Warsz., 1876), не поясняетъ, какимъ образомъ данныя люстрацій, весьма лаконическія, скудныя и очевидно ничтожныя въ статистическомъ смыслѣ, могутъ служить предположенной цѣли. Г. Каманинымъ вскользь упомянуты четыре проекта еврейской реформы, клонившіеся къ ограниченію правъ евреевъ. По нашему мнѣнію, въ этомъ случаѣ было бы весьма умѣстно разсказать судьбу проекта пинскаго посла Бутримовича, одного изъ самыхъ энергичныхъ и толковыхъ дѣятелей четырехлѣтняго сейма. Бутримовичъ стремился слить христіанъ и евреевъ въ одинъ народъ путемъ взаимныхъ уступокъ, включить евреевъ въ общегосударственное тѣло путемъ реформы кагаловъ, путемъ общихъ судебныхъ учрежденій и помощью образованія. 8 дек. 1789 года отпечатанный проектъ былъ розданъ посламъ и врученъ королю, съ просьбою оказать свое содѣйствіе. Немалыхъ усилій стоило Бутримовичу и его друзьямъ добиться учрежденія коммиссіи для разработки вопроса: даже для этого пришлось выдержать глухую оппозицію въ сеймѣ, такъ какъ ораторы противной партіи находили это дѣло второстепеннымъ. Брацлавскій посолъ Холоневскій 16 авг. 1790 г. прямо объявилъ, что не допуститъ до обсужденія проекта въ сеймѣ, такъ какъ онъ составленъ безъ участія брацлавскаго воеводства: пока всѣ не обсудятъ и не подпишутъ проекта, нельзя его читать въ сеймѣ. Споръ возобновляется въ слѣдующемъ засѣданіи. По словамъ Холоневскаго, въ

проектѣ нашли отраженіе лишь желанія литовскихъ провинцій, которыя не соотвѣтствуютъ стремленіямъ провинцій коронныхъ. Въ засѣданіи 1 марта 1791 г, при обсужденіи городской реформы, опять было обращено вниманіе на то, что объ евреяхъ какъ бы забыли, ссылаясь на какой то проектъ, который лежитъ подъ спудомъ. Вавжецкій, посолъ брацлавскій, потребовалъ, чтобы проектъ коммиссіи былъ напечатанъ и предварительно обсужденъ при участіи всѣхъ. Езерскій объяснилъ, что коммиссія уже окончила работу, но «воеводства русскія противятся этому проекту, заявляя, что не могутъ обойтись безъ евреевъ (mówiąc iż bez żydow obeyść się nie mogą)». Езерскій добавилъ, что благодаря еврейской реформѣ Польша станетъ вдвое богаче: если 500 тыс. земледѣльцевъ кормятъ столькихъ дармоѣдовъ (próżniaków), то что же будетъ, если и эти будутъ вынуждены взяться за работу? (См. Dziennik Czynności etc., сессія 396). Извѣстно, однако, что реформа не состоялась.

Такимъ образомъ, въ свое время вопросъ былъ поставленъ ясно, и именно русскія воеводства, т. е. конечно сеймовые послы отъ этихъ воеводствъ, всячески старались затормозить дѣло реформы. Такъ какъ книга г. Каманина посвящена евреямъ русскихъ воеводствъ старой Польши, то естественнѣе всего было бы поискать въ ней отвѣта на немаловажный вопросъ, отчего именно шляхетство этихъ воеводствъ горой стояло за сохраненіе statu quo относительно евреевъ. Къ сожалѣнію, г. Каманинъ не даетъ никакихъ указаній по этому поводу, и такимъ образомъ опытъ примѣненія статистическихъ данныхъ къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ оказывается недостаточнымъ и въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ, едва ли можно сомнѣваться, что именно здѣсь ist der Hund begraben и потому, въ методологическомъ отношеніи, было бы всего цѣлесообразнѣе начать изслѣдованіе болѣзни именно отсюда. Будемъ надѣяться, что трудолюбивому автору удастся въ будущемъ разъяснить путемъ архивныхъ изысканій (отчасти обѣщанныхъ имъ—стр. 214) это темное и поистинѣ прискорбное дѣло.

Приведенная выше справка изъ протоколовъ четырехлѣтняго сейма тѣмъ болѣе представляетъ интереса, что евреи никогда не пользовались сочувствіемъ польской шляхты, а наоборотъ всегда служили для послѣдней предметомъ насмѣшки, презрѣнія или фискальной эксплуатаціи. Лишь только заходила на сеймикахъ рѣчь о пожертвованіяхъ на защиту отечества, тотчасъ указывали на евреевъ, какъ на первый и обильнѣйшій источникъ. «Поголовное» казалось

недостаточнымъ, такъ какъ жиды, по словамъ правившей шляхты, извлекаютъ огромные доходы изъ страны, а пользы отъ нихъ государству никакой. Въ инструкціяхъ посламъ встрѣчаются требованія новыхъ платежей отъ евреевъ, подъ угрозой изгнанія и конфискаціи имущества. Евреи считались причиною всѣхъ несчастій Рѣчи Посполитой. Послѣ каждаго возвышенія налога, наступали новыя требованія. Возвышеніе «поголовнаго» — обычный лозунгъ, съ которымъ являлись послы на сеймъ. Но и евреи не дремали: они умѣли находить себѣ «патроцинію на сеймѣ», вельможныхъ покровителей, которые брали подъ свои крылья «невѣрный народъ», очевидно, не безвозмездно. Постоянно толковала шляхта о воспрещеніи евреямъ брать на откупъ таможенные сборы, занимать должности скарбовыя и т. п. Были проекты выселенія евреевъ изъ деревень въ города, для лучшаго контроля за ними въ дѣлѣ податей; не прочь была шляхта и отъ конечнаго exilium евреевъ, такъ какъ они оскорбляютъ «majestat boski» и позволяютъ себѣ святотатство, выкрадывая евхаристію (A. Pawinski, Rządy seymikowe w Polsce 1572—1795. Warsz., 1888. Стр. 99 сл.). Въ то время, какъ татары мирно уживались въ Польшѣ, евреи возбуждали противъ себя безконечныя жалобы и злобу, которая и прорывалась въ удобную минуту. Евреямъ шляхта приписывала и козацкія войны, и колiивщину, уходъ денегъ заграницу, подделку векселей, фальсификацію гербовой бумаги, порчу монеты, утѣсненіе крестьянъ посредствомъ шинкарства, бездѣльничество и т. д. Мѣщане вѣчно жалуются на конкурренцію евреевъ, на разореніе цеховъ. Скарбовая коммиссія воспрещаетъ чиновникамъ пользоваться услугами евреевъ, кредитовать ихъ. Великопольскія воеводства даже воспретили у себя отдачу евреямъ шинковъ въ аренду (Korzon., op. c., т. I, стр. 230 сл.). При такихъ условіяхъ, и евреи чувствовали себя въ Польшѣ чужими людьми, пришельцами. Судьба Рѣчи Посполитой мало интересовала ихъ, и даже болѣе проницательные изъ евреевъ относились къ никнувшему государству съ глубокимъ равнодушіемъ. Масса еврейская, вообще говоря, находилась въ Польшѣ въ самомъ бѣдственномъ матеріальномъ состояніи (Korzon, т. I, стр. 234). Если арендаторы имѣній и шинкари пользовались сравнительнымъ достаткомъ, то лишь въ качествѣ панскихъ слугъ и приспѣшниковъ. Трудъ страны поглощался привилегированнымъ классомъ непроизводительно, и трудящееся населеніе не получало взамѣнъ никакихъ осязательныхъ, матеріальныхъ или духовныхъ благъ. Въ средѣ сосѣднихъ государствъ Польша не устояла благодаря

такой внутренней экономикѣ, а для реформы не хватило уже времени и силъ.

Такъ представляется намъ это дѣло, и потому мы не можемъ согласиться съ г. Каманинымъ, что евреи были одною изъ главныхъ причинъ внутренняго разложенія польскаго государства. Намъ кажется, что и опубликованные нынѣ тарифы нисколько не служатъ опорою такой догадки.

Хотя мы не можемъ присоединиться ни къ одному изъ положеній, высказанныхъ г. Каманинымъ въ предисловіи къ актамъ, тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить здѣсь добросовѣстныхъ усилій автора разъяснить темный вопросъ. Ошибки въ дѣлѣ новомъ и сложномъ неизбѣжны, особенно на первыхъ порахъ, но не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Заслуга г. Каманина уже въ томъ, что онъ рѣшился приступить къ разборкѣ матеріаловъ сухихъ, черствыхъ и не поддающихся правильному сравненію. Легко понять нѣкоторое увлеченіе автора своимъ матеріаломъ. Если когда-либо въ будущемъ понадобится новое изданіе труда г. Каманина, то, по нашему мнѣнію, придется сдѣлать въ немъ множество передѣлокъ и сокращеній — не станемъ указывать ихъ здѣсь подробно,—а указатель именъ можно будетъ выбросить безъ всякаго ущерба для дѣла.

Замѣтимъ въ заключеніе, что у многихъ авторовъ, публикующихъ архивные матеріалы, встрѣчается крупный недостатокъ: они забываютъ или не знаютъ всего что̀ сдѣлано по тому же вопросу ранѣе. Такое положеніе дѣла не можетъ приносить пользы наукѣ, которая нерѣдко загромождается книгами, основанными на чистомъ недоразумѣніи. Лишь всестороннее изученіе исторіи каждаго вопроса можетъ внушить изслѣдователю необходимую осторожность въ выборѣ матеріаловъ для опубликованія и въ оцѣнкѣ ихъ относительнаго значенія. Въ особенности это должно сказать о матеріалахъ статистическаго характера, изученіе которыхъ требуетъ иногда весьма сложныхъ пріемовъ.

Н. М.

В. Мякотинъ. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ. С.-Петербургъ. 1889 г.

Вопросъ о реформахъ, задумывавшихся въ Польшѣ въ XVIII в., представляетъ большой научный интересъ въ историческомъ отношеніи. Отъ изученія причинъ неуспѣха ихъ зависитъ въ значитель-

ной степени выясненіе факта паденія Рѣчи Посполитой. Знакомясь съ попытками Польши реформировать въ прошломъ столѣтіи внутренній строй своего государства, невольно припоминаешь подобныя же попытки съ ея стороны въ другую, болѣе блестящую эпоху ея существованія, а именно въ XVI в. Но какъ и въ моментъ процвѣтанія Польши, такъ и ея полнаго упадка, поражаешься неспособностью этого государства произвести у себя необходимыя реформы. Причины указаннаго явленія въ общемъ понятны: онѣ коренились въ безсиліи королевской власти и въ шляхетскомъ строѣ Польши. Но во всѣхъ своихъ деталяхъ причины политической слабости и неустойчивости бывшей Рѣчи Посполитой будутъ выяснены лишь тогда, когда будутъ изслѣдованы всѣ стороны ея внутренней организаціи и жизни, а также будутъ изучены попытки произвести реформы въ государственномъ и общественномъ строѣ.

Въ виду вышесказаннаго нельзя не порадоваться появленію труда г. Мякотина. Не нужно однако ждать отъ его сочиненія какихъ-либо особенно новыхъ данныхъ и выводовъ, а также изслѣдованія крестьянскаго вопроса въ Польшѣ наканунѣ ея паденія на основаніи архивныхъ источниковъ; напротивъ, авторъ не всегда даже имѣлъ возможность непосредственно ознакомиться и со всѣмъ печатнымъ матеріаломъ (впрочемъ, пробѣлы въ этомъ отношеніи не особенно значительны и восполнены при помощи другихъ достойныхъ довѣрія трудовъ). Но важность и полезность труда г. Мякотина основывается главнымъ образомъ на чрезвычайно добросовѣстномъ изученіи источниковъ и литературы предмета, на умѣломъ и критическомъ обращеніи съ послѣдними, а также на лишенномъ всякой тенденціи стремленіи рѣшить вопросъ, «могла ли польская Рѣчь Посполитая сама распутать завязанный вѣками узелъ крестьянскаго вопроса и только чисто внѣшнія враждебныя обстоятельства помѣшали ей въ этомъ, или же нельзя было разсчитывать на благопріятное рѣшеніе этой задачи силами самой Польши». Ознакомившись съ книгою г. Мякотина, нельзя не признать вполнѣ справедливыми тѣхъ словъ его предисловія, гдѣ онъ говоритъ, что «приступалъ къ этому труду съ искреннимъ желаніемъ узнать и передать одну истину»...

Трудъ г. Мякотина распадается на три главныя части, которымъ соотвѣтствуетъ такое же количество главъ. Въ первой главѣ онъ рисуетъ положеніе польскихъ крестьянъ въ XVIII в., въ моментъ раздѣловъ Польши, и предпосылаетъ этому очеркъ ихъ исторіи съ древнѣйшихъ временъ. Вторая глава посвящена публицистикѣ по

крестьянскому вопросу въ эпоху раздѣловъ, а третья и послѣдняя трактуетъ о «мѣрахъ частныхъ лицъ, законодательства и правительственныхъ органовъ по крестьянскому вопросу». Сверхъ того авторъ даетъ въ началѣ своего труда тщательно составленную библіографію крестьянскаго вопроса въ эпоху раздѣловъ Польши.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ автора, что закрѣпощеніе крестьянъ въ Польшѣ пошло быстрыми шагами въ концѣ XV в. Аналогичное явленіе мы замѣчаемъ въ это время почти во всей Европѣ. Положеніе крестьянъ въ Рѣчи Посполитой въ XVI в. было уже очень тяжелое. Правда, на протестантскихъ синодахъ въ разгаръ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ поднимался иногда вопросъ объ облегченіи положенія крестьянъ, но это не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Шляхта, которая въ XVI в. теряетъ все болѣе и болѣе охоту къ занятіямъ военнымъ дѣломъ, обращается теперь къ земледѣлію, а потому заинтересована въ закрѣпощеніи крестьянина и увеличеніи панщины.

Къ сожалѣнію, авторъ не воспользовался для своего очерка положенія крестьянъ въ Польшѣ до XVIII в. превосходнымъ трудомъ А. И. Павинскаго «Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym opisana» (Zródła Dziejowe, t. XII, XIII, XIV, XV). Тутъ онъ могъ бы найти богатый матеріалъ для себя. Относительно же положенія крестьянъ въ духовныхъ имѣніяхъ автору доставило бы много чрезвычайно цѣнныхъ свѣдѣній и данныхъ четырехтомное сочиненіе Korytkowsk'аго «Prałaci i kanonicy katedry gnieźnieńskiej». Напрасно думаетъ г. Мякотинъ, что барщина въ этихъ имѣніяхъ была болѣе легкою, нежели въ шляхетскихъ. Притомъ вообще при изученіи крестьянскаго вопроса въ Польшѣ должно обращать серьезное вниманіе на крѣпостныхъ духовенства, такъ какъ ему принадлежало громадное количество земли. Есть свидѣтельства, что во второй половинѣ XVII в. въ рукахъ духовенства находилось 308,550 деревень, въ то время какъ у короля и у шляхты было въ то же время будто всего 90,000. Если это вѣрно, то судьба громадной массы крестьянъ зависѣла отъ духовенства. Для положенія крѣпостнаго населенія Польши въ XVI и XVII вв., кромѣ вышеуказанныхъ нами сочиненій, авторъ нашелъ бы также не одно цѣнное указаніе въ «Materyały do dziejów rołnictwa w Polsce въ XVI i XVII wieku». Warszawa. 1876 (Biblioteka Ordynacyi Krasińskich).

О литовскихъ крестьянахъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи не имѣетъ возможности почти ничего сказать, такъ какъ этотъ вопросъ

совершенно не разработанъ. «Въ Литвѣ», пишетъ г. Мякотинъ, «гдѣ массу населенія составляло бѣлорусское племя, угнетеніе крестьянъ было нисколько не менѣе, если даже не болѣе, чѣмъ въ собственной Польшѣ, чему содѣйствовалъ въ значительной степени и утвердившійся здѣсь феодальный строй». Относительно термина *феодальный строй* мы не можемъ не обратить вниманія автора на то, что строй Литвы не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ строемъ, который въ исторической наукѣ обозначается словомъ феодальный. О южно-русскихъ крестьянахъ въ указанную эпоху авторъ говоритъ лишь въ общихъ выраженіяхъ.

Очеркъ положенія крестьянъ въ Польшѣ наканунѣ ея раздѣловъ сдѣланъ авторомъ довольно обстоятельно. Онъ исчерпалъ почти всѣ имѣющіеся по этому вопросу печатные источники и литературу. Интересно приведенное имъ свидѣтельство одного русскаго путешественника (Мертваго), проѣзжавшаго въ 1789 году по бывшимъ владѣніямъ Рѣчи Посполитой, относительно крестьянъ, такъ какъ оно вполнѣ подтверждаетъ ту картину ихъ быта и положенія, которую рисовали польскіе публицисты въ своихъ сочиненіяхъ. Что же касается того, будто вслѣдствіе панскаго гнета эмиграція крестьянъ въ сосѣднія государства, а въ особенности въ Пруссію, приняла чрезвычайно большіе размѣры, то въ этомъ отношеніи нельзя вполнѣ согласиться съ авторомъ. Въ нѣмецкой литературѣ чрезвычайно обстоятельно разработана исторія колонизаціи Пруссіи. Въ сочиненіи, напр., Beheim-Schwarzbach'a Hohenzollernsche Colonisationen находятся подробныя свѣдѣнія объ эмиграціи изъ Польши и даже есть не мало статистическихъ данныхъ. Упомянутое изслѣдованіе указываетъ, что значительная часть переселенцевъ изъ Польши была нѣмецкой народности, а слѣдовательно не крестьяне. Такимъ образомъ эмиграція послѣднихъ, по крайней мѣрѣ въ Пруссію, была не особенно значительна.

На волненіяхъ южно-русскихъ крестьянъ въ XVIII в., вызванныхъ гнетомъ польской шляхты, авторъ не останавливается. Онъ говоритъ лишь о движеніи ихъ въ 1768 году; но довольно богатый матеріалъ по этому вопросу, повидимому, ему почти неизвѣстенъ, а вслѣдствіе этого и очеркъ «коліивщины» страдаетъ многими неточностями.

Вторая глава разбираемаго нами сочиненія, какъ мы уже упоминали выше, посвящена публицистикѣ по крестьянскому вопросу. Нельзя не отдать справедливости автору, что она написана живо и

хорошо. Понятно, что такъ какъ г. Мякотинъ не могъ имѣть подъ руками всей публицистической литературы, какъ онъ самъ на это указалъ на стр. 12 своей книги, то онъ не всегда свободенъ отъ неточностей и нѣкоторыхъ промаховъ. Въ одномъ только, главнымъ образомъ, можно упрекнуть автора, а именно, въ томъ, что, говоря о нарожденіи крестьянскаго вопроса въ публицистической литературѣ, имъ упущенъ изъ виду вышедшій въ 1733 году «Свободный голосъ» Станислава Лещинскаго, въ которомъ послѣдній ратовалъ, между прочимъ, за свободный переходъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое или, говоря иначе, за уничтоженіе прикрѣпленія къ землѣ.

Послѣдняя глава посвящена очерку попытокъ отдѣльныхъ лицъ облегчить поселеніе сельскаго населенія въ своихъ имѣніяхъ, а также подробному разсмотрѣнію обсужденія вопроса о крестьянской реформѣ на сеймахъ. Переходя такимъ образомъ отъ публицистики къ дѣйствительной жизни, г. Мякотинъ убѣждается совершенно справедливо въ томъ, что Польша едва ли была бы способна сама произвести крестьянскую реформу. Онъ говоритъ, заканчивая свой трудъ, что «причина неуспѣха этой попытки (освободить крестьянъ), неуспѣха, погубившаго Польшу, лежитъ, однако, не во внѣшнихъ обстоятельствахъ, а въ противодѣйствіи шляхты, длившемся все послѣднее время существованія Рѣчи Посполитой, и хотя ослабѣвавшемъ, но слишкомъ медленно, для того, чтобы эта шляхта добровольно могла рѣшиться на коренную реформу крестьянскихъ отношеній. Шляхта не съумѣла сама разрѣшить крестьянскаго вопроса и, какъ предсказывали ей ея собственные публицисты, разрѣшеніе его перешло въ чужія руки».

Н. Любовичъ.

Сочиненія Гоголя, изданныя подъ редакціей Тихонравова, V т. Москва. 1889—90 г.

Это изданіе Гоголя—десятое по счету и первое строго критическое. Изъ прежнихъ изданій тщательныхъ существуетъ два: одно, начатое самимъ Гоголемъ, долго лежавшее подъ спудомъ, вслѣдствіе опалы, постигшей его сочиненія, и оконченное племянникомъ его Трушковскимъ, другое—извѣстное изданіе Кулиша, самое изящное до сихъ поръ и единственное, заключающее въ себѣ письма Гоголя. Всѣ другія переполнены опечатками, искаженіями текста и пропусками и совершенно чужды всякихъ попытокъ къ обработкѣ и полнотѣ. По

приглашенію книжной фирмы Салаевыхъ, нынѣшняго собственника сочиненій Гоголя, проф. Тихонравовъ предпринялъ теперь пересмотръ его сочиненій, по авторскимъ изданіямъ и подлиннымъ рукописямъ, чтобы установить основной ихъ текстъ и соединить въ возможной полнотѣ.

Установленный такимъ образомъ несомнѣнный основной текстъ снабженъ ссылками на варіанты, которые приводятся въ примѣчаніяхъ, причемъ цитуются разночтенія, какъ происшедшія отъ разновременныхъ передѣлокъ самого Гоголя, такъ и отъ «поправокъ» редакторовъ разныхъ изданій, до цензурныхъ измѣненій включительно. Предшествующія разночтеніямъ примѣчанія служатъ объяснительнымъ введеніемъ къ этому матеріалу. Главная цѣль ихъ «опредѣлить хронологическую дату каждаго произведенія Гоголя и указать, гдѣ возможно, первоначальную выработку отдѣльныхъ печатныхъ сочиненій поэта и тѣ позднѣйшія переработки, которымъ подвергались нѣкоторыя изъ нихъ и выяснить въ какое время и при какихъ условіяхъ совершались эти переработки». Насколько кропотлива и тщательна эта египетская работа, видно ужъ изъ того, что въ первомъ и третьемъ томахъ примѣчанія эти обнимаютъ третью часть книгъ, въ другихъ томахъ ихъ меньше, но въ общемъ занимаютъ они 876 страницъ мелкаго шрифта.

Новостями десятаго изданія, кромѣ провѣрки текста, являются вновь отысканные отрывки и сочиненія, не печатавшіяся въ прежнихъ собраніяхъ. Таковы во второмъ томѣ: отрывки изъ первоначальной редакціи повѣсти «Шинель» и переводъ итальянской комедіи Жиро «Дядько въ затруднительномъ положеніи»[1]), въ третьемъ—варіанты перваго тома «Мертвыхъ Душъ», съ «Повѣстью о капитанѣ Копѣйкинѣ» въ двухъ редакціяхъ, въ томъ числѣ одной, зачеркнутой цензурой, въ четвертомъ—недавно отысканное, большое письмо къ Жуковскому объ искусствѣ, «Размышленія о божественной литургіи», прежде въ сочиненіяхъ не печатавшіеся, и одна, почти заново написанная, глава второй части «Мертвыхъ Душъ», въ пятомъ—мелкіе отрывки и наброски завѣдомо принадлежащіе Гоголю, но опускавшіеся также прежними издателями. Включены таже въ текстъ всѣ измѣненныя или исключенныя старинною цензурою мѣста. Въ шестомъ томѣ, еще не вышедшемъ, г. Тихонравовъ обѣщаетъ помѣстить

[1]) Изданный раньше С. И. Пономаревымъ въ „Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Филологическаго Института“.

матеріалъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ варіантовъ, совершенно новый, именно: выдержки изъ записныхъ книжекъ Гоголя, всѣ тѣ цѣльныя произведенія, которыя до сихъ поръ оставались въ рукописяхъ, (напр. «Учебная книга словесности»), первоначальныя редакціи «Женитьбы», «Ревизора» и первой части «Мертвыхъ Душъ», со всѣми данными, объясняющими исторію выработки этихъ произведеній, программы университетскихъ лекцій и наброски неоконченныхъ сочиненій. Многое изъ этого имѣетъ, конечно, только біографическій интересъ, но онъ важенъ, когда дѣло идетъ о писателѣ такого значенія, какъ Гоголь. Въ виду педантической кропотливости редактора, отмѣтимъ пропускъ, правда совершенно маловажный, двухъ печатныхъ работъ самой ранней поры писательства Гоголя: перевода статьи «О торговлѣ русскихъ въ XVII в.» изъ «Сѣвернаго Архива» и статейки «Полтава», изъ «Отечественныхъ Записокъ», подправленной Свиньинымъ, но приписываемой Гоголю.

Значительная доля интереса этого изданія лежитъ въ примѣчаніяхъ редактора, которыя даютъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаютъ. Въ нихъ не только исторія гоголевскаго текста, но и библіологическая и литературная исторія каждаго сборника сочиненій поэта и многихъ произведеній отдѣльно. Этюды эти такъ тщательны, что, послѣ цѣлой литературы, уже существующей о Гоголѣ, вносятъ немало новыхъ данныхъ въ изученіе его творчества. Отмѣтимъ то главнѣйшее, что открыто и доказано г. Тихонравовымъ въ этихъ этюдахъ.

Въ примѣчаніяхъ къ «Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки» самый обширный очеркъ посвященъ маленькому разсказу «Вечеръ накануне Ивана Купала». Вслѣдъ за Надеждинымъ, г Тихонравовъ отмѣчаетъ сходство этого разсказа въ фабулѣ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ съ повѣстью Людвига Тика «Liebeszauber», появившейся въ русскомъ переводѣ въ журналѣ «Галатея». Что касается мотива разсказа, то и у Тика, и у Гоголя онъ взятъ изъ народныхъ повѣрій и очевидно принадлежитъ къ разряду бродячихъ новеллъ, судьбами которыхъ усердно занимается теперь новая школа фольклора. Первоначальный текстъ Гоголя появился до напечатанія повѣсти Тика въ «Галатеѣ», а ознакомиться въ подлинникѣ съ нею Гоголь едва ли могъ по слабому знанію тогда нѣмецкаго языка. Доказательствомъ этому можетъ служить и то, что онъ ввелъ въ свой разсказъ нѣкоторыя подробности изъ повѣсти Тика только *послѣ* появленія ея перевода въ русскомъ журналѣ. Подробности эти, впрочемъ, незначительны. Обстоятельно анализировавъ это почти случайное совпаденіе, г. Ти-

хонравовъ не разсмотрѣлъ нѣкоторыхъ точекъ соприкосновенія, между двумя повѣстями «Миргорода»: «Віемъ» и «Ссорой Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ» и произведеніями Нарѣжнаго. Конечно сходство это не болѣе сходства ученическаго рисунка съ произведеньемъ мастера, но картины бурсацкой жизни въ «Віѣ» несомнѣнно навѣяны изображеніемъ переяславской бурсы у Нарѣжнаго, а мотивъ «Ссоры» тотъ же, что въ «Двухъ Иванахъ или страсти къ тяжбамъ» (1825 г.). Касательно этихъ двухъ-трехъ случаевъ «заимствованія», скажемъ, что въ художественномъ творчествѣ несомнѣнно слѣдуетъ признать «право сильнаго», хотя и въ особомъ значеніи. Тотъ художникъ является собственникомъ и творцомъ извѣстнаго мотива, характера или положенія, кто сильнѣе всѣхъ его выразитъ и запечатлѣетъ въ словѣ. И литературная исторія давно освятила это право. Она помнитъ геніальныхъ силачей, создавшихъ яркіе образы и только въ качествѣ исторической справки вспоминаетъ о писателяхъ, давшихъ тотъ или другой мотивъ и остановившихся на однихъ добрыхъ намѣреніяхъ. Въ области этнографической малороссійской литературы не отмѣчены г. Тихонравовымъ народныя преданія, имѣющія аналогію съ сюжетомъ «Вія».

Чрезвычайно любопытенъ обширный этюдъ, относящійся къ «Тарасу Бульбѣ». Эта повѣсть, первоначально появившаяся въ «Миргородѣ» въ 1835 году, была радикально передѣлана къ первому изданію сочиненій Гоголя, вышедшему въ 1842 г. Послѣдняя передѣлка ея, урывками, конечно, параллельно съ передѣлками другихъ сочиненій, производилась въ теченіи трехъ лѣтъ. Она началась въ 1839 году, когда съ особой силой вдохновенье охватило Гоголя. «Занимаюсь и тщусь, сколько возможно, надышаться стариною», пишетъ Гоголь въ одномъ изъ писемъ того времени»; передо мной выясниваются и проходятъ поэтическимъ строемъ времена козачества и если я ничего не сдѣлаю изъ этого, то я буду большой дуракъ. Малороссійскія ли пѣсни, которыя теперь у меня подъ рукою, навѣяли ихъ, или на душу мою нашло само собою ясновидѣніе прошедшаго, только я чую много того, что нынѣ рѣдко случается». Результатомъ этого душевнаго подъема была не одна передѣлка «Тараса Бульбы». Въ то время Гоголемъ написана была запорожская трагедія «Выбритый Усъ», уничтоженная впослѣдствіи кажется подъ вліяніемъ неблагопріятнаго отзыва Жуковскаго. Начало этой трагедіи слышалъ въ чтеніи Гоголя одинъ изъ пріятелей его, Пановъ, сообщившій о ней въ письмѣ слѣдующее: «Дѣйствіе въ Малороссіи. Въ нѣсколькихъ сценахъ, которыя

онъ уже написалъ и прочелъ мнѣ, есть одно лицо комическое, которое, выражаясь не столько въ дѣйствіи, сколько въ словахъ, теперь уже совершенство». Трагедія не появилась, а передѣлка «Бульбы» внесла существенную разницу не только въ подробности, но и въ тонъ повѣсти, послѣднія главы ея отличаются уже тѣмъ дидактическимъ настроеніемъ, которое съ тѣхъ поръ появилось въ произведеніяхъ и письмахъ Гоголя.

Историческими источниками «Тараса Бульбы», какъ видно изъ анализа этой стороны повѣсти, были: «Описаніе Украины» Боплана, «Лѣтописецъ малой Россіи», изданный Туманскимъ [1]), «Исторія Руссовъ», обращавшаяся тогда еще въ рукописи, пѣсни и думы въ сборникахъ Максимовича, Лукашевича и собственномъ рукописномъ, Стрыйковскій, «Исторія о козакахъ запорожскихъ» кн. Мышецкаго, изданная только въ 1847 г., но рукопись которой была у Гоголя и «Annales de la Petite Russie» Шерера, куда рукопись кн. Мышецкаго вошла цѣликомъ съ перестановкою лишь отдѣльныхъ ея главъ [2]). Эти произведенія настолько лишь могутъ быть названы источниками «Бульбы», насколько всякій научный трудъ можетъ быть источникомъ для труда художественнаго. Это источники свѣдѣній Гоголя. Самыми важными источниками онъ считалъ народныя пѣсни, къ которымъ обращался особенно охотно.

Судьба повѣсти «Носъ», довольно своеобразна. Оригинальность ея темы вызвала необходимость множества передѣлокъ и перемѣнъ. Въ первоначальной рукописи, напримѣръ, носъ маіора Ковалева заходилъ въ Казанскій соборъ. По цензурнымъ соображеніямъ Гоголь перевелъ его потомъ въ католическую церковь и, наконецъ, такъ какъ ему непремѣнно надо было показаться въ толпѣ, носъ появился въ гостинномъ дворѣ. Московскіе педанты, изъ друзей Гоголя, забраковали «Носъ» за тривіальность и только Пушкинъ, съ его чистымъ вкусомъ, оцѣнилъ эту шутку и далъ ей мѣсто въ «Современникѣ».

---

[1]) „Россійскій магазинъ" 1793 г. № 2.

[2]) Параллель этой перестановки указана у Тихонравова. Отмѣтимъ, въ свою очередь, мало извѣстную и крайне рѣдкую нѣмецкую передѣлку самого Шерера, сдѣланную нѣкіимъ Карломъ Гамерсдёрферомъ и изданную въ Лейпцигѣ въ 1789 году подъ заглавіемъ „Gechichte der Ukrainichen und Saporogichen Kasaken, nebst einigen nachrichten von der Verfassung und den Sitten derselben". Гамерсдёрферъ измѣнилъ планъ Шереровой книги, дополнилъ ее географическими и топографическими примѣчаніями, но сохранилъ основный текстъ, признавъ его болѣе содержательнымъ, чѣмъ краткія свѣдѣнія о запорожцахъ, извѣстныя до тѣхъ поръ въ Германіи изъ поверхностныхъ сочиненій Мюллера и Бюшинга.

Изъ записокъ С. Аксакова извѣстно уже, что отрывокъ «Римъ» есть часть начатой Гоголемъ повѣсти «Анунціата» въ измѣненномъ видѣ. Взгляды героя повѣсти, римскаго князя, вызвали замѣчанія Бѣлинскаго, на которыя, въ одномъ изъ писемъ, Гоголь даетъ чрезвычайно поучительный отвѣтъ: «Бѣлинскій смѣшенъ. И я могу столкнуться въ художественномъ чутьѣ, но вообще не могу быть одного мнѣнія съ моимъ героемъ. Идея романа состояла въ томъ, чтобы показать значеніе націи отжившей, и отжившей прекрасно, относительно живущихъ націй. И по началу можно видѣть, что дѣло въ томъ, какого рода впечатлѣнія производитъ строющійся вихорь новаго общества на того, для котораго уже́ почти не существуетъ современность». «Ревизору» г. Тихонравовъ удѣлилъ много страницъ «примѣчаній». Еще раньше имъ изданъ былъ отдѣльною книгою тотъ текстъ знаменитой комедіи, по какому она выполняется на сценѣ. Кромѣ окончательнаго текста печатныхъ изданій имъ же добытъ первоначальный текстъ, который будетъ помѣщенъ въ шестомъ томѣ. «Развязка Ревизора», написанная Гоголемъ въ 1846 г. и напечатанная въ первый разъ только въ 1856, печатается теперь по послѣднему, окончательному списку, сохранившемуся въ бумагахъ Плетнева. Но особенно интересны матеріалы, относящіеся къ «Драматическимъ отрывкамъ». Уцѣлѣвшими страницами цѣлаго, связнаго текста и письмами друзей Гоголя, выясняется несомнѣнно, что пьесы «Утро дѣловаго человѣка», «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывокъ» суть переработанные эпизоды одного и того же произведенія, комедіи «Владиміръ третьей степени», которую Гоголь писалъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Несоотвѣтствіе ея темы съ условіями цензуры и обширность плана, которымъ задался авторъ были, кажется, причиною того, что въ печати изъ пьесы появились только отрывки, послужившіе впослѣдствіи многимъ писателямъ образцами бытовыхъ картинокъ и сценъ. Комментаріи къ «Мертвымъ душамъ», содержащіе хронологію текста и исторію его выработки слишкомъ обширны, чтобъ можно было касаться ихъ въ маленькой замѣткѣ. Въ «Перепискѣ съ друзьями» разъясняются мотивы и обстоятельства, вызвавшіе то или другое письмо. Послѣдній изъ вышедшихъ томовъ—пятый содержитъ въ себѣ «Юношескіе опыты», «Арабески», а также варіантъ «Тараса Бульбы», журнальныя рецензіи и отрывки изъ рукописей.

Редактированное г. Тихонравовымъ изданіе послужитъ безспорно цѣннымъ подспорьемъ для изученія творчества Гоголя и вполнѣ отвѣ-

чаетъ требованьямъ историческаго изданія. Но параллельно съ нимъ необходимо общедоступное изданіе очищеннаго отъ разныхъ наслоеній несомнѣннаго текста Гоголя. Цифры, испещряющія текстъ всегда нѣсколько досадны, въ особенности въ произведеніяхъ художественныхъ. Хотя цѣна новаго изданія сравнительно не особенно высока (8 р. 50 к.), но для новыхъ слоевъ читающей публики, образовавшихся въ Россіи, необходимо собранье дешевое. Теперь такія изданія великихъ писателей появляются только съ окончаніемъ авторскихъ правъ, когда на арену жадно бросается спекуляція, доказывающая своей сатурналіей, что дешевыя книги возможны и у насъ. Къ десятому изданію Гоголя приложено два портрета (по Венеціанову и Мамонову), снимки съ рукописей разныхъ годовъ, копія обложки «Мертвыхъ Душъ», рисованной Гоголемъ и рисунки водяныхъ знаковъ на бумагахъ его рукописей. Портреты гравированы на стали у Брокгауза, съ тою аккуратностью, но съ тою и шаблонностью, которыя характеризуютъ работы анонимныхъ граверовъ его мастерской. Мы предпочитаемъ старинныя литографіи, съ которыхъ они сдѣланы, болѣе индивидуальныя и, вѣроятно, болѣе и схожія. Переходу права собственности на сочиненія Гоголя въ руки предпріимчивой московской фирмы нельзя не порадоваться: изданія наслѣдниковъ были страшно небрежны, а въ послѣдніе годы дѣло дошло до такого невѣроятнаго факта, что даже и эти изданія стали библіографическою рѣдкостью.

Г.

Повѣсти и разсказы Грицька Основьяненка. Т. IV. Харьковъ. 1890 г. Стр. 515.

Настоящимъ томомъ продолжается изданіе полнаго собранія сочиненій Квитки, перваго со времени появленія ихъ въ печати (затѣянное при жизни автора не состоялось). Четвертый томъ содержитъ въ себѣ бытовыя русскія повѣсти и историческія замѣтки. Въ свое время все это печаталось въ журналахъ то петербургскихъ, то московскихъ, въ альманахахъ и газетахъ, и, какъ разбросанное повсюду, пропускалось даже критикой. Для современной публики огромное большинство Квиткиныхъ повѣстей является совершенной новостью. Писательскій обликъ его, по мѣрѣ продолженія этого изданія, становится болѣе доступнымъ общему суду.

Послѣ мелкихъ «пробъ пера», Квитка началъ свое писательское поприще украинскими повѣстями, въ началѣ тридцатыхъ годовъ.

Онъ былъ первымъ авторомъ, выступившимъ въ повѣствовательномъ родѣ на малороссійскомъ языкѣ, не имѣя предшественниковъ. Выступивъ такимъ образомъ по свободному почину и создавъ малороссійскую народную повѣсть, онъ слушался лучшихъ и сильнѣйшихъ сторонъ своей творческой натуры и въ этихъ произведеніяхъ, то наивныхъ, то трогательныхъ, то шутливыхъ, гдѣ его духовный складъ находилъ такія вѣрныя краски въ красотахъ простонароднаго языка, онъ запечатлѣлъ лучшія черты своего таланта. Разсматривая его историческія повѣсти («Кіев. Стар.» 1889 г., № 10), мы видѣли какъ много хорошихъ авторскихъ свойствъ удерживалось еще и въ этихъ изображеніяхъ фигуръ и типовъ прошлаго, несмотря на перемѣну языка и отчасти манеры. Такія произведенія какъ «Панна Сотниковна», «Преданія о Гаркушѣ», «Головатый» еще вполнѣ достойны подписи украинскаго новеллиста. Съ конца тридцатыхъ годовъ Квитка берется за романъ и повѣсть изъ жизни культурныхъ классовъ и становится однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ поставщиковъ столичныхъ изданій. Подстрекаемый журналистами и легкими успѣхами на поприщѣ торопливой работы и неприхотливаго юмора, онъ даетъ, одно за другимъ, цѣлый рядъ произведеній, гдѣ прежній талантъ его блещетъ только мѣстами, сбивается болѣе и болѣе на каррикатуру. Принадлежа къ авторамъ пишущимъ легко и много, онъ не вынашиваетъ своихъ произведеній, не силится дать своимъ образамъ самую сжатую, законченную и совершенную форму, а пишетъ какъ пишется, разсчитывая, что то, что должно бы быть ярко и сильно сказано въ немногихъ сосредоточенныхъ произведеніяхъ, скажется постепенно и по частямъ въ цѣломъ рядѣ ихъ. Отсюда—эта вереница повѣстей и романовъ растянутыхъ, неровныхъ, гдѣ, на ряду съ страницами превосходными, встрѣчается масса ненужнаго, скучныхъ подробностей и невыносимаго шаржа. И несмотря на это Квитка остается авторомъ поучительнымъ, интереснымъ, талантливымъ. И досадно становится, что онъ такъ не щадилъ своего дарованья, такъ разбрасывался и такъ угождалъ духу времени и тому, что Пушкинъ называетъ въ обществѣ «чернью». На поприще романиста Квитка выступилъ поздно и печатался, правда непрерывно, съ небольшимъ всего лишь десять лѣтъ. Собранныя теперь его повѣсти и разсказы относятся къ самому разгару его участія въ журналахъ: «Современникѣ» Плетнева, «Москвитянинѣ», «Литературной Газетѣ» и другихъ.

Повѣсть «Ганнуся» первоначально была, кажется, писана по малороссійски. Погодинъ перевелъ ее и напечаталъ въ «Москвитя-

нинѣ» безъ имени автора, послѣ чего она издана была въ передѣлкѣ. Это романическая исторія дѣвочки, покинутой матерью вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ, выросшей въ Харьковѣ въ бѣдной, рабочей средѣ. Мать разыскиваетъ ее потомъ и находитъ насилу. Бытовыя картины, которыя нашли бы себѣ мѣсто въ повѣсти, будь она разсказана по малороссійски, отсутствуютъ, вслѣдствіе того, что авторъ видимо принаровляется къ шаблонному типу журнальныхъ разсказовъ, съ завлекательнымъ заглавіемъ главъ, съ обращеніями къ «прекраснымъ читательницамъ» и т. п. Реальною осталась лишь картинка посѣщенія деревенской колдуньи, «вѣдьмы». «Ложныя понятія» —очень странная, дидактическая повѣсть, начинающаяся каррикатурой и кончающаяся трагедіей. Пантелеймонъ Стовбырь изъ зажиточныхъ крестьянъ перечисляется въ мѣщане, а потомъ въ купцы, поставивъ себѣ задачею жизни отстать отъ всего «низкаго», что напоминало бы его прежнюю жизнь. Знакомство съ купцами и подъячими, вѣчныя угощенія ихъ, праздность и жизнь не по средствамъ приводятъ его къ нищетѣ. Это—первая жертва ложныхъ понятій. Племянникъ его, Емельянъ, переименовавшій себя въ Эмиля, сынъ богатой сестры, попадаетъ въ Харьковъ и становится какимъ то ходульнымъ романтикомъ въ духѣ Марлинскаго. Онъ влюбляется въ дочь Стовбыря и когда та не соглашается отдаться ему, убиваетъ себя, принявъ яду. Лица повѣсти крайне вычурны. Эмиль—какая то странная смѣсь романтика съ нигилистомъ, Настуся—обыкновенная простушка,—въ концѣ повѣсти становится экзальтированной подвижницей. Она идетъ въ монастырь, что даетъ поводъ изобразить съ большими подробностями картину постриженья въ монахини. Возможно, что повѣсть внушена какимъ нибудь дѣйствительнымъ событіемъ этого рода. О романическихъ самоубійствахъ въ Харьковѣ тридцатыхъ годовъ говорилось когда то и въ нашемъ журналѣ, въ статейкѣ «Харьковскій Вертеръ» («Кіевск. Стар.», 1883 г. № 5). «Добрый панъ», тоже нравоучительный разсказецъ. Молодой помѣщикъ, весельчакъ, вслѣдствіе неудачной любви, дѣлается монахомъ, но потомъ оставляетъ монастырь и живетъ въ мірѣ, дѣлая добро ближнимъ, чѣмъ снискиваетъ названіе «добраго пана». «Ты былъ бы монахъ полезный для себя только, разсуждаетъ онъ. Въ вертоградѣ Христовомъ, въ мірѣ семъ, нужно работать для всѣхъ. Не думай лишь только о себѣ, будь полезенъ ближнимъ.» Эти прекрасныя мысли были бы гораздо убѣдительнѣе, если бы разсказъ былъ написанъ живѣе и не такъ блѣдно. Самъ Квитка въ молодости по-

ступилъ было въ Куряжскій монастырь, но вышелъ оттуда, такъ что въ своемъ разсказѣ онъ несомнѣнно выразилъ субъективныя воззрѣнія.

«Украинскіе дипломаты» воспроизводятъ въ повѣсти сюжетъ «Деньщика-Шельменка», написаннаго въ одинъ и тотъ же 1840 годъ. Помѣщики, забавляющіеся рѣшеніемъ политическихъ вопросовъ по газетамъ, которыя читаютъ за цѣлый годъ разомъ, или сидя за «своимъ бюро»,—это и есть дипломаты. Изъ подъ носа ихъ лукавый деньщикъ Шельменко, дипломатъ другой школы, выкрадываетъ дочку-невѣсту и устраиваетъ бракъ ея съ своимъ бариномъ-офицеромъ. Въ повѣсти всѣ эти лица каррикатурны до неправдоподобія, комедія «Шельменко-деньщикъ» неизмѣримо выше. Это живая и веселая вещь, только мѣстами сбивающаяся на шаржъ, но свободная отъ длиннотъ, какими изобилуетъ повѣсть. Шельменко въ «Дипломатахъ» лицо второстепенное. Въ комедіи онъ выдвинутъ на первый планъ и говоритъ типичнымъ малороссійскимъ языкомъ, а не ломаннымъ русскимъ, какъ въ повѣсти. «Дипломаты» комедіи наскучаютъ менѣе повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же фразъ, въ обрисовкѣ ихъ сохранены лучшіе комическіе штрихи. Дѣйствіе идетъ живо и естественно. У Квитки былъ несомнѣнный сценическій нервъ и лучшая изъ пьесъ его «Сватанне на Гончаривци», по живости и искусному развитію интриги, можетъ быть названа произведеніемъ образцовымъ. Часто въ повѣстяхъ и романахъ своихъ Квитка прерываетъ разсказъ и даетъ сцены въ лицахъ, что говоритъ о сродности его таланту драматической формы. Въ комедіи этого названія, Шельменко, этотъ украинскій Фигаро, возвышается до типа. Пьеса эта всегда пользовалась успѣхомъ и дала прекрасный сценическій матеріалъ такимъ артистамъ, какъ Соленикъ, Щепкинъ и Кропивницкій. Повѣсть же «Дипломаты», въ ряду другихъ произведеній Квитки, слѣдуетъ считать одною изъ самыхъ слабыхъ.

Очеркъ «Ярмарка»—едва ли не лучшая вещь въ книгѣ. Тамъ, гдѣ Квитка оставляетъ желанье смѣшить во что бы то ни стало и остается простымъ и естественнымъ,—у него являются прекрасныя реалистическія картинки, вродѣ описанья этой шерстяной ярмарки, съ ея продавцами-помѣщиками, сборищами въ лавкахъ, въ театрѣ, въ собраніи, вывозимыми на показъ дочками-невѣстами и офицерами-женихами. Картина этой убогой «общественности» былаго времени, нарисованная такимъ тонкимъ наблюдателемъ, является теперь поистинѣ исторической. «Основанье Харькова» — семейное преданіе. Предокъ Квитокъ былъ, будто бы, сыномъ московскаго боярина, бѣ-

жавшаго отъ Іоанна Грознаго въ Литву или къ нѣмцамъ. Послѣ какой то трагедіи, случившейся на чужбинѣ, старый слуга привозитъ мальчика въ Кіевъ, гдѣ онъ попадаетъ сначала къ одному изъ горожанъ, а потомъ къ воеводѣ поляку. Выросши, онъ бѣжитъ съ дочерью воеводы въ степи и поселяется близъ нынѣшняго Харькова. По его вызову въ тотъ край явились колонисты изъ Украины и положили начало и Харькову, гдѣ первый храмъ освященъ былъ въ 1646 г. «Укажу боярамъ на здѣшній край, передамъ имъ мысли мои, что благого можно устроить здѣсь и стану покойно доживать вѣкъ въ этомъ уголкѣ, куда Господь привелъ меня». Эти слова, которыя Квитка вкладываетъ въ уста своему предку, необыкновенно шли бы какъ надпись на памятникѣ ему самому, если бъ таковой поставленъ былъ когда либо благодарнымъ Харьковомъ, которому онъ послужилъ въ своей жизни такъ много.

Покуда Харьковъ едва собрался на изданіе его сочиненій, да и то, хотя хорошо редактируемое, выходитъ съ убійственною медленностью. Издателемъ является уѣздное земство, имѣющее, безъ сомнѣнія, и безъ того много расходовъ и дѣлъ. Въ городѣ, ворочающемъ милліонами, какъ Харьковъ, не находится ни одного богатаго и просвѣщеннаго издателя, чтобъ поддержать и ускорить это дѣло, хотя бы изъ того соображенія, что культурный интересъ и ореолъ даютъ извѣстному мѣсту именно только такія, связанныя съ почвой явленія творческаго порядка, какъ напр. Квитка.

Къ повѣстямъ въ этомъ томѣ присоединены историческія замѣтки: «О слободскихъ полкахъ», «Украинцы», «Городъ Харьковъ» и «Исторія театра въ Харьковѣ».

Н. Леопардовъ и Н Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. II. Кіевъ, 1891. VIII табл.+17 стр. текста.

Второй выпускъ по содержанію гораздо разнообразнѣе перваго. Здѣсь, кромѣ снимковъ съ крестовъ и образковъ, которыми исключительно былъ наполненъ первый выпускъ, находится также таблица монетъ и таблица съ изображеніемъ стариннаго ларца. Изъ восьми таблицъ первыя шесть заняты крестами и образками. На *первой* пять энколпіоновъ, два серебряные болѣе новые и два (№ 5 и № 9), которые можно отнесть къ типу переходному отъ энколпіоновъ къ позднѣйшимъ двусторонним крестамъ и намъ кажется, что ихъ

нельзя отнесть къ XII—XIII в., какъ это сдѣлано въ объясненіи къ таблицамъ. *Вторая* таблица, оборотныя изображенія предметовъ, помѣщенныхъ на первой. *Третья* заключаетъ три энколпіона и три образка. Одиннадцать крестовъ, принадлежащихъ г. Бѣляшевскому, составляютъ *четвертую* таблицу. Выдѣляется между крестами по своей величинѣ энколпіонъ № 6, помѣщенный по срединѣ. И въ этомъ случаѣ нельзя согласиться съ опредѣленіемъ времени нѣкоторыхъ крестовъ; такъ напр. № 4 по формѣ и работѣ не можетъ относиться къ IX—X в., а относится ко времени гораздо позднѣйшему, тоже самое въ особенности нужно сказать и по отношенію къ кресту № 11, пріуроченному въ объясненіи къ IV—V вѣку. Преувеличена также, по нашему мнѣнію, и древность кипариснаго рѣзнаго креста, помѣщеннаго на таб. *5-ой* и относимаго къ XII — XIII в. На этой же таблицѣ находимъ и другой кипарисный крестъ въ металлической оправѣ, названный уніатскимъ (?), а также два небольшихъ крестика и свинцовый крестъ, служившій для помазанія муромъ. *Таблица* шестая—обороты крестовъ. На 7-ой табл. даны изображенія пяти серебряныхъ и шести мѣдныхъ монетъ, или до сихъ поръ еще не изданныхъ или отличающихся большой рѣдкостью. Очень рельефно вышли въ фототипіи серебряныя монеты. Между ними отмѣтимъ алтынъ 1710 г. и рубль имп. Елизаветы 1758 г. съ буквами подъ орломъ С--ю. Есть также интересныя и между мѣдными, какъ напр. двухфранковикъ и пятифранковикъ, битые въ Парижѣ въ 1814 г. съ вензелемъ Александра I, и интересные тѣмъ, что они чеканены не на серебрѣ, а на мѣди. На послѣдней *восьмой* табл. снятъ сверху и сбоку небольшой ларецъ, украшенный эмалью на мѣди; хотя въ верхнемъ медальонѣ и значится титулъ Алексѣя Михайловича, но все таки трудно предположить, чтобы этотъ ларецъ служилъ объектомъ царскаго подарка, какъ это высказано въ объясненіи.

Текстъ, принадлежащій Н. Леонардову, состоитъ изъ двухъ частей. Первая—это объясненіе таблицъ, вторая—«О сходствѣ изображеній на нѣкоторыхъ херсонскихъ монетахъ съ изображеніями на Дрогичинскихъ свинцовыхъ знакахъ (пломбахъ)»,—въ статьѣ находится сравнительная таблица монетъ и знаковъ, гдѣ дѣйствительно сходство въ нѣкоторыхъ случаяхъ очевидно, жаль только что таблица сдѣлана небрежно. Въ видѣ приложенія помѣщена въ концѣ статья «О значеніи для Россіи константинопольскаго патріарха Фотія». Мотивомъ помѣщенія въ Сборникѣ этой статьи послужило то, что выходъ этого

выпуска Сборника совпалъ съ временемъ празднованія у насъ тысячелѣтія со дня смерти этого патріарха.

Нужно признать, что и второй выпускъ внесъ свою долю въ дѣло разработки русской археологіи.

Третій выпускъ обѣщаетъ быть также интереснымъ, такъ какъ тамъ предполагается помѣстить снимки съ неизданныхъ еще древнѣйшихъ русскихъ монетъ, найденныхъ въ этомъ краѣ.

Н. Б.

В. Щегловъ. Историческая справка о полѣ полтавскомъ и его настоящихъ памятникахъ. Полтава. 1890 г. 46 стр.

Въ настоящее время на полѣ полтавской битвы существуютъ три «памятника»: могильный холмъ, возлѣ холма церковь и здѣсь же церковно-приходская школа, основанная въ 1889 году. Объ этихъ то памятникахъ и дѣлаетъ «справку» г. Щегловъ.

Самымъ древнимъ и реальнымъ изъ нихъ является, несомнѣнно, могила, насыпанная на другой день послѣ битвы. Долгое время она оставалась въ первобытномъ состояніи [1]) и только въ 1856 году приведена въ настоящій искусственный видъ (стр. 15), который, по нашему мнѣнію, не является улучшеніемъ памятника, такъ какъ послѣдній въ значительной степени перестаетъ быть современнымъ событію.

Въ 1857 г. возлѣ могилы построена церковь на деньги, пожертвованныя въ началѣ текущаго столѣтія О. С. Судьенкомъ. Сначала думали устроить монастырь, желая такимъ образомъ осуществить волю Петра [2]); но позже ограничились церковью (стр. 26). Часть денегъ изъ капитала Судьенка, оставшаяся за удовлетвореніемъ расходовъ по постройкѣ церкви и по другимъ затратамъ

---

[1]) Видъ шведской могилы въ началѣ текущаго столѣтія помѣщенъ у *Брикнера* Ист. Петра Великаго, т. 2, стр. 450.

[2]) Указъ Петра о постройкѣ Петропавловскаго монастыря на мѣстѣ полтавской битвы былъ изданъ въ іюлѣ 1709 года, но приведенъ въ исполненіе не былъ. Причину этого скорѣй, по нашему мнѣнію, нужно искать въ нерасположеніи Петра къ монахамъ во вторую половину его царствованія (П. С. З. № 4151 и 4183, *Соловьевъ*. Исторія Россіи, т. XVIII (1-е изданіе) стр. 200—

(стр. 28 — 30), хранилась до послѣдняго времени въ казначействѣ, а 27 января 1890 года передана въ распоряженіе Св. Синода. Капитала этого добивались разныя учрежденія, между прочимъ и полтавское земство, желавшее обратить его «на устройство богадѣльни для престарѣлыхъ и увѣчныхъ воиновъ» (стр. 34). Но капиталъ остался за духовнымъ вѣдомствомъ, которое распорядилось одну часть капитала употребить на расширеніе и ремонтировку церкви и на содержаніе при ней причта, а другую — на устройство церковно-приходской школы.

Шведская могила лежитъ верстахъ въ 5 отъ Полтавы, вдали отъ всякаго жилья, среди равнины, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, по словамъ г. Щеглова, въ зимнее время «въ теченіи цѣлыхъ недѣль, а иногда и мѣсяцевъ не встрѣчалось здѣсь ни одной посторонней живой души; только жалобный стонъ пустыннаго вѣтра да сердитыя завыванія зимней вьюги слетались сюда, какъ бы для того, чтобы вмѣстѣ спѣть скорбную пѣснь нѣкогда носившейся здѣсь страшной смерти» (стр. 32). Потому-то намъ и кажется страннымъ существованіе тамъ школы, до которой зимой не всегда, вѣроятно, и добраться можно. Несерьезными кажутся намъ разсужденія г. Щеглова, увѣряющаго, что «болѣе подходящаго мѣста для школы истинно-православнаго патріотическаго духа трудно и отыскать» (стр. 38—39).

Вообще, нужно сказать, чтеніе брошюры г. Щеглова оставляетъ нелестное для автора впечатлѣніе. Если бы авторъ ограничился одной только исторической частью, отбросилъ всѣ свои разсужденія, написалъ бы не 46, а страницъ 10—15, да написалъ бы притомъ обыкновеннымъ русскимъ языкомъ, а не какимъ то особымъ, къ которому читатель совсѣмъ не привыкъ—его оставалось бы только поблагодарить.

Мы считаемъ здѣсь неумѣстнымъ касаться разсужденій г. Щеглова, тѣмъ болѣе, что они состоятъ преимущественно изъ общихъ мѣстъ (стр. 38—39, 42—43). Отмѣтимъ только слѣдующую фразу автора при оцѣнкѣ значенія полтавской битвы: «здѣсь додѣлывалось,

---

204), чѣмъ въ разныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, будто бы помѣшавшихъ Петру привесть въ исполненіе свое намѣреніе (Щегловъ, стр. 17). Въ 1723 г. Петръ хотѣлъ ограничиться постройкой одной только каменной пирамиды.

говоритъ онъ, историческое окно въ Европу, съ которою Россія послѣ этого вступаетъ въ болѣе живыя и тѣсныя сношенія, пріобщаясь постепенно тѣхъ плодовъ цивилизаціи, *надъ которыми уже столько вѣковъ работало въ ней много сильныхъ и искреннихъ умовъ»* (?!) (стр. 7). Къ сожалѣнію г. Щегловъ не называетъ ни одного изъ этихъ именъ...

Н. В.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 2.—Русская Мысль № 2.—Русскій Вѣстникъ № 2.—Сѣверный Вѣстникъ № 2.—Русское Обозрѣніе № 2.—Наблюдатель № 2.—Русская Старина № 2.—Русскій Архивъ № 2.—Историческій Вѣстникъ № 2.

Вѣстникъ Европы. II. 1891 г. Въ отдѣлѣ: литературное обозрѣніе—подробная рецензія о «Лѣтописи историко-филологическаго общества при Импер. новороссійскомъ университетѣ. I», гдѣ помѣщены: Успенскаго «Воспоминанія о Григоровичѣ» и Мочульскаго: «Описаніе рукописей Григоровича»—бывшаго профессора новороссійскаго университета, слависта, извѣстнаго своими работами по изученію южно-славянской и русской письменности (стр. 896—902). *Н. В. С—жевъ.* «Исторіографія и Компиляція». Подробный разборъ третьяго тома «Исторіи Россіи» Иловайскаго, обнимающей XVI стол. (стр. 914—929).

Русскій Вѣстникъ. I. 1891 г. Въ отдѣлѣ: «Новости литературы» похвальный отзывъ объ «Исторіи Россіи» Иловайскаго, т. III (стр. 342—346).

Сѣверный Вѣстникъ. I. 1891 г. Въ отдѣлѣ: «Литературныя замѣтки» Волынскаго—краткая замѣтка по поводу напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статьи г. Розанова, въ которой Гоголь подвергнутъ жестокому бичеванію (стр. 160—162).

Русское Обозрѣніе. II. 1891 г. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи статья П. В. Безобразова: «Еще объ «Исторіи» Д. И. Иловайскаго», пред-

ставляющая продолженіе спора этихъ двухъ историковъ, въ которомъ г. Безобразовъ доказываетъ, что исторія г. Иловайскаго (томъ III) не есть самостоятельное изслѣдованіе, а только компиляція (стр. 932—940).

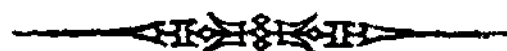
Русская Старина. II. 1891 г. *Ремезовъ. «Ник. Ив. Костомаровъ».* Приведенъ автобіографическій очеркъ жизни и трудовъ Костомарова, написанный имъ для редакціи «Русскаго художественнаго листка» въ 1860 г. и переданный редакціей въ Императ. публич. библ. (стр. 483—490). Въ замѣткахъ—приведено письмо И. С. Тургенева къ издателю журнала «Народное Чтеніе» Оболонскому (1859—1860 гг.), извѣщающее о томъ, что комитетъ литературнаго фонда озабоченъ улучшеніемъ положенія родственниковъ Т. Г. Шевченко (стр. 406).

Историческій Вѣстникъ. II. 1891 г. *П. Н. Полевой. Историкъ-идеалистъ.* Авторъ на основаніи разбора біографіи Н. И. Костомарова и своего личнаго съ нимъ знакомства старается доказать, что какъ общественный дѣятель, а еще больше какъ ученый Костомаровъ былъ большимъ мечтателемъ и фантазеромъ, неспособнымъ къ критическому и зрѣлому изученію и обсужденію историческихъ фактовъ (стр. 501—520).

О затерянной рукописи Н. И. Костомарова. (Отвѣтъ на замѣтку г. Сумцова, напечатанную въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1891 г., стр. 316—317). Затерянная въ 1880 году редакціей «Русской Мысли» рукопись Н. И. Костомарова, заключавшая въ себѣ начало второй главы изслѣдованія «Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» — *«А) Хмельнищина»*, отыскана въ бумагахъ той же редакціи и напечатана въ «Русской Мысли» въ 1883 году (кн. VII, 269—307 и кн. VIII, стр. 107—143) подъ общимъ главнымъ названіемъ изслѣдованія и со вторымъ, произвольно редакціей измѣненнымъ: «Борьба козаковъ съ поляками» вмѣсто: «Борьба южно-русскаго народа съ Польшею».

Подробныя указанія по этому предмету находятся въ «Библіографическомъ указателѣ сочиненій Н. И. Костомарова», помѣщенномъ въ сборникѣ его неизданныхъ произведеній «Литературное Наслѣдіе». 1890 г. (См. страницы сборника 515—516, № 241 указателя и стр. 519, въ замѣткѣ, слѣдующей за № 290 указателя).

Издат. Литературнаго Наслѣдія".



ОБЪЯВЛЕНІЯ

1891 годъ. БИБЛІОГРАФЪ годъ VII.

ИЗДАНІЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ (12 №№ ВЪ ГОДЪ).

Ученымъ Комит. М-ства Народн. Просв. рекомендованъ для основн. библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ одобренъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Ученаго Комитета помѣщенъ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; теорія и практика библіографіи; прикладныя библіографич. знанія; библіотечное, издательское и книжно-торговое дѣло прежде и теперь.

Отд. 2-й. (справочный). Лѣтопись русскаго книгопечатанія: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) Rossica; 4) правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 5) библіографическія извѣстія (хроника) и объявленія.

Съ основанія „Библіографа" въ немъ принимали участіе: В. А. Алексѣевъ, Н. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Ѳ. Боцяновскій, С. Н. Брайловскій, С. К. Буличъ, П. В. Быковъ, А. Е. Бѣловъ, Н. Н. Вакуловскій, А. Васильевъ, К. П. Галлеръ, Н. В. Губерти, Н. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, І. І. Змигродзкій, К. А. Ивановъ, Е. П. Кавелина, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Козеко, М. А. Куплетскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. Ф. Леонтьевъ, И. А. Линниченко, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, Л. Н. Майковъ, А. І. Малеинъ, В. И. Межовъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, А. Е. Молчановъ, И. Я. Морошкинъ, Н. Н. Оглоблинъ, С. Ѳ. Платоновъ, Н. И. Позняковъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, Э. Л. Ралловъ, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, А. Ѳ. Селивановъ, С. М. Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, А. А. Титовъ, И. Ѳ. Токмаковъ, П. М. Устимовичъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ.

3. Передовыя статьи по внутрен. и иностран. политикѣ.
4. Газетное обозрѣніе.
5. Маленькая хроника (фельетон. замѣтки на злобы дня).
6. Внутреннія извѣстія.
7. Иностранныя извѣстія.
8. Мѣстная хроника (Одесская и Южно-русск. края).
9. Корреспонденціи (русскія и заграничныя).
10. Искусство и Литература.
11. Судебная хроника (общихъ и военн. судовъ).
12. Отголоски (летучія замѣтки по разн. предметамъ).
13. Смѣсь и Разныя извѣстія.
14. Фельетонъ (литературн., научный, беллетристическій и др.).
15. Торговыя свѣдѣнія.
16. Справочный отдѣлъ.

Для иллюстраціи статей объ особо выдающихся лицахъ или фактахъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" печатаются *портреты* и *рисунки*, относящіеся къ событіямъ дня.

Составъ сотрудниковъ въ предстоящемъ году будетъ значительно пополненъ, въ особенности по части беллетристики и вообще фельетоннаго отдѣла.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для иногороднихъ съ пересылкой и въ Одессѣ съ доставкой:		Въ Одессѣ безъ доставки:	
на 12 мѣсяцевъ	12 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.
„ 6 „	7 „ — „	„ 6 „	6 „ — „
„ 3 „	3 „ 75 „	„ 3 „	3 „ 30 „

Всѣ новые подписчики „Одесскаго Вѣстника" на 1891 г., подписавшіеся на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ, получатъ и всѣ нумера за 1890 г., со дня ихъ подписки.

Разсрочка подписной платы допускается для годовыхъ подписчиковъ по третямъ года, со взносомъ по 4 руб. не позже 1-го января, 1-го апрѣля и 1-го сентября.

Кредитъ допускается: для частныхъ лицъ по соглашенію съ редакціею, а для лицъ, служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, за поручительствомъ ихъ казначеевъ.

Иногородніе благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію: Одесса, Ремесленная ул., д. № 5.

Редакторъ *М. Арнольдъ*. Издатель *В. Кирхнеръ*.

3—3

Подписка на 1891 годъ на

ЕЛИСАВЕТГРАДСКІЙ ВѢСТНИКЪ

XVI-й годъ изданія

выходитъ ежедневно, за исключеніемъ послѣпраздничныхъ дней.

Имѣя въ виду главнымъ образомъ интересы областные и, занимаясь по мѣрѣ силъ и возможности разработкой вопросовъ мѣстныхъ, газета тѣмъ не менѣе

слѣдить за всѣми выдающимися явленіями общественной и государственной жизни нашей страны и за политической дѣятельностью нашихъ сосѣдей, стараясь своевременно дать читателю матерьялъ, могущій, какъ мы полагаемъ, интересовать всякого просвѣщеннаго человѣка.

Считаемъ необходимымъ повторить свое обѣщаніе: служить только обществу, его нуждамъ и интересамъ и не давать мѣста ни узконаціональнымъ, ни сословнымъ, ни партійнымъ предубѣжденіямъ.

Такъ же какъ и въ истекшемъ году особымъ вниманіемъ газеты нашей будутъ пользоваться вопросы, касающіеся нашего земства, общественнаго самоуправленія Елисаветграда, окрестныхъ городовъ и крестьянскихъ общинъ. Свѣдѣнія по сельскому хозяйству и отчеты о состояніи и результатахъ урожаевъ будутъ у насъ помѣщаться специалистами по сельскому хозяйству. Кромѣ того въ газетѣ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будутъ помѣщаться фельетоны, разсказы, переводныя повѣсти, новости науки, литературы и искусства и проч.

Телеграфныя извѣстія даются подписчикамъ г. Елисаветграда и его окрестностей на два дня или, во всякомъ случаѣ, на одинъ день раньше, чѣмъ другими газетами.

Будутъ приняты всѣ мѣры, чтобы своевременно давались читателю торговыя свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ на крупныхъ рынкахъ и о курсахъ. Въ газетѣ печатаются списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ мѣстномъ окружномъ судѣ и мировомъ съѣздѣ и проч.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На годъ (12 мѣсяцевъ)	6 р. — к.	На годъ (12 мѣсяцевъ)	7 р. 20 к.
На 6 мѣсяцевъ	3 „ 50 „	На 6 мѣсяцевъ	4 „ 20 „
На 3 мѣсяца	2 „ — „	На 3 мѣсяца	2 „ 40 „
На 1 мѣсяцъ	— „ 70 „	На 1 мѣсяцъ	— „ 85 „

Контора газеты по углу Большой Перспективной и Петровской ул. д. Пржигодскаго, открыта ежедневно съ 9-ти до 2-хъ час. пополудни и съ 5-ти до 8-ми час. вечера, а въ праздники съ 10-ти до 2-хъ час. пополудни.

Редакція газеты открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 6-ти до 8-ми час. пополудни.

3—3 Редакторъ-издатель *М. К. Хороманскій.*

Открыта подписка на **1891 годъ** на иллюстрированную, литературную, общественную и политическую газету

ЗАРЯ,

которая будетъ выходить съ 1-го января 1891 г., вмѣсто „Газеты А. Гатцука“, еженедѣльно, въ случаѣ же надобности по два раза въ недѣлю, въ объемѣ 2—3 л. въ каждомъ №, съ рисунками, портретами и картинами.

Съ ежемѣсячными книжками приложеній,

которыя представятъ собою какъ бы отдѣльный ежемѣсячный журналъ. Въ книжкахъ „Зари“ будутъ помѣщаемы не только беллетристическія произведенія, но также и научныя, публицистическія и критическія статьи по общей программѣ всѣхъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

Съ 1890 года изданіе „Газеты А. Гатцука“, какъ извѣстно, перешло въ другія руки, и направленіе этой газеты въ теченіи истекшаго года выяснилось съ

надлежащею полнотою. Тому же направленію будетъ слѣдовать и газета „Заря“, которая не будетъ служить, какъ другія иллюстрированныя изданія, ни украшеніемъ гостинныхъ, ни матеріаломъ для развлеченія въ часы празднаго досуга. „Заря“ имѣетъ совсѣмъ иныя задачи. Во всѣхъ своихъ отдѣлахъ она будетъ стремиться внести въ жизнь русской семьи общечеловѣческія идеи правды, добра и красоты и ясное, сознательное, справедливое отношеніе ко всѣмъ выдвигаемымъ текущею жизнью вопросамъ, ко всему, что день за днемъ совершается какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и во всемъ мірѣ. Редакція „Зари“ обратитъ особенное вниманіе на отдѣлы внутренній и политическій, составъ и направленіе которыхъ извѣстны русской читающей публикѣ по изданію „Газеты А. Гатцука“ за 1890 годъ. Говорить одну только правду, снимать маску со всякой лжи, ратовать противъ всякаго угнетенія, произвола и насилія, радоваться каждому проявленію свѣтлой мысли, свѣтлаго и честнаго чувства—такова должна быть, по мнѣнію редакціи, программа русскаго органа печати, желающаго сослужить свою службу русскому государству, русскому обществу и русскому народу. При сравнительно низкомъ уровнѣ общественнаго самосознанія, при малочисленности интеллигентныхъ силъ и при другихъ условіяхъ нашей современной общественной жизни, печать въ Россіи поставлена въ совершенно исключительныя условія: она является единственной почти каѳедрой живаго слова, единственной выразительницей общественныхъ и народныхъ нуждъ. Русская печать еще должна учить, должна идти впереди общественныхъ теченій, должна проливать лучи свѣта въ вѣковую тьму, пробивая ими толстую кору невѣжества и предразсудковъ.

По мѣрѣ силъ и возможности, „Заря“ будетъ служить тому, чтобы приблизился часъ разсвѣта,—часъ, въ который дѣйствительная заря просвѣщенія освѣтитъ русскую землю.

Въ каждомъ № „Зари“, кромѣ текущаго матеріала, будутъ печататься два-три беллетристическія произведенія (романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія драматическія произведенія), статьи по отдѣльнымъ вопросамъ, фельетонъ, научная хроника (новыя открытія и изобрѣтенія) и пр.

Въ числѣ двѣнадцати книгъ приложеній редакціей будутъ изданы (послѣ 15-го іюля 1891 г., т. е. по истеченіи срока на право литературной собственности)

сочиненія М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ четырехъ томахъ съ роскошными иллюстраціями.

По установившемуся для иллюстрированныхъ изданій обычаю, годовымъ подписчикамъ на „Зарю“ будетъ выдана

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ,

причемъ редакція дѣлаетъ первый опытъ—давать въ премію не олеографію, т. е. не печатную картину, а картину, писанную на полотнѣ масляными красками, на выборъ изъ слѣдующихъ четырехъ картинъ: 1) **ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ**, (пейзажъ), 2) **ЗИМА** (пейзажъ), 3) **ЛУННАЯ НОЧЬ** и 4) **НА РѢКѢ** (пейзажъ).

Подписная цѣна на газету „ЗАРЯ“ съ ежемѣсячными книгами и со всѣми приложеніями, съ пересылкой и доставкой:

на годъ 6 р., на полгода 3 р., на три мѣсяца 1 р. 50 к. За границу на годъ 10 р., на полгода 5 р.

Художественная премія высылается только годовымъ подписчикамъ, причемъ какъ городскіе, такъ и иногородные подписчики желающіе получить эту премію,

Дозволено ценз. Кіевъ, 14-го марта 1891 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXII, 1891 г. Январь, Февраль и Мартъ.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Социніанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

Списки черниговскихъ дворянъ 1783 года. Матеріалъ для исторіи мѣстнаго дворянства. Изд. А. Лазаревскаго. Черниговъ 1890 г. 8° 186 стр. Цѣна 50 коп. съ перес.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 к.

Я. Шульгинъ. Очеркъ колiивщины. К. 1890. 8° 209 стр. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Ценсур. Кіевъ, 14-го марта 1891 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АПРѢЛЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXIII. **1891 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса Главныи Инспекторъ вмѣсто себя и жены своей Елены Ивановой дочери Гамалѣевны по повѣренно-сти ея Григорей Полѣтика руку и печать приложилъ.

ВОЙТОВСТВО ИВАНА СЫЧЕВСКАГО ВЪ КІЕВѢ.

(1754 — 1766 г.).

I.

По смерти войта Павла Войнича, послѣдовавшей въ октябрѣ мѣсяцѣ 1751 г.[1]), магистратъ кіевскій долго не приступалъ къ обычнымъ выборамъ новаго войта. Какія къ тому были препятствія—неизвѣстно. Надо думать, что возбужденное въ это же время гетманомъ Разумовскимъ ходатайство о томъ, чтобы кіевскій магистратъ былъ подчиненъ исключительно его власти, „такъ чтобы и тамошній губернаторъ до него не интересовался", побуждало кіевлянъ считаться, такъ сказать, со вкусами гетмана при выборѣ четырехъ кандидатовъ на должность войта, что, по всей вѣроятности, и задерживало выборы.

Только въ февралѣ 1754 года полученъ былъ въ Кіевѣ указъ госуд. коллегіи иностранныхъ дѣлъ[2]), вѣдѣнію которой

[1]) См. „Истор. мат. изъ архива кіев. губ. пр." вып. 8-й стр. 9.

[2]) У меня въ рукахъ былъ указъ коллегіи въ кіев. губ. канцелярію отъ 31 января 1754 года такого содержанія. „По учиненному въ кіев. магистратѣ (по посланному во оный изъ коллегіи ин. д. указу) на мѣсто умершаго кіев. войта Павла Войнича, по силѣ имѣющихся у того магистрата привиллегій, по старому обычаю, вольными голосами, и присланному изъ того магистрата къ г. малороссійскому гетману и кав. гр. К. Г. Разумовскому, а отъ него въ коллегію ин. д., выбору въ войты кіевскіе четыремъ кандидатамъ, изъ которыхъ одного, а именно находящагося въ лейбъ-компаніи Е. И. В. гранадира поручика Ивана Сычевскаго, *родимца тогожъ города Кіева*, онъ г. гетманъ и кав., за надежнѣйшаго признавая, къ высочайшей Е. И. В. конфирмаціи представилъ; Ея Имп. Вел. всемилостивѣйше соизволила ука-

подчиненъ былъ тогда кіевскій магистратъ, о состоявшемся высочайшемъ назначеніи на должность кіевскаго войта изъ лейбъ-компаніи гренадера секундъ-маіора Ивана Сычевскаго. Но этотъ „опредѣленный“, какъ онъ всегда подписывался (прежніе войты писались—„упривиліованний“), войтъ прибылъ въ Кіевъ лишь въ 1756 году, и такимъ образомъ Кіевъ больше четырехъ лѣтъ оставался безъ войта.

Почему при этомъ назначеніи остановились на Сычевскомъ и какое значеніе имѣла при самомъ выборѣ кандидатовъ рекомендація графа Разумовскаго,—мнѣ узнать не удалось. Принято было, однако, во вниманіе и то обстоятельство, что Сычевскій былъ уроженецъ г. Кіева, сынъ протопопа Стефана Сыча [1]), имѣвшій въ Кіевѣ родственныя связи съ мѣстными обывателями.

Фамилія Сычевскихъ встрѣчается въ это время въ средѣ кіевскаго духовенства. На Подолѣ въ Преображенской церкви былъ „намѣстникъ“ священникъ Яковъ Сычевскій, умершій въ

зать оного Сычевскаго войтомъ опредѣлить, о чемъ кіев. губ. канц. знать дается, а о томъ же къ г. малорос. гетману и кав. грамота для вѣдома и въ кіев. магистратъ указъ для надлежащаго исполненія изъ кол. и. д. отъ сего жъ числа посланы“.

Въ статьѣ моей „Кіевскія смуты прошлаго столѣтія“ (Кіев. Стар. 1886 г. декабрь) вкралась ошибка относительно времени назначенія Сычевскаго: назначеніе это приписано имп. Екатеринѣ В., тогда какъ оно принадлежало Елизаветѣ Петровнѣ.

[1]) См. „Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр.“ вып. 3-й, стр. 80. Въ описаніи хуторовъ, составленномъ въ маѣ 1782 г., значится подъ н. 83 „хуторъ кіев. мѣщ. Н. Маркевича заведенъ, по дозволенію кіевскаго магистрата, будетъ тому годовъ назадъ 70, кіевскимъ протопопомъ *Стефаномъ Сычемъ*, а по немъ владѣлъ онымъ сынъ его поручикъ и Е. И. В. лейбъ-компаніи гренадеръ Иванъ Сычевскій, и по немъ, по просьбѣ его, Сычевского, оной хуторъ проданъ съ публичного торгу въ 1746 году войту магистрата кіевского Павлу Войничу, а отъ оного“... и т. д.

Въ „Лѣтописи Самоила Величко“ т. III, стр. 548, въ протоколѣ избранія войта Д. Полоцкаго 1699 г. упоминаются, какъ участвовавшіе въ этомъ избраніи, старшій райца Мартинъ Сычъ и старшій лавникъ Стефанъ Сычевичъ (вѣроятно, сынъ перваго). Не есть ли этотъ послѣдній и протопопъ Стефанъ Сычъ—одно и то же лице? Что нѣкоторые изъ мѣстнаго духовенства, раньше своего посвященія въ іерейскій санъ, служили при магистратѣ, это видно и изъ настоящаго дѣла, въ которомъ находимъ, что бывшій въ 1766 году священникомъ Успенской соборной церкви Леванда служилъ раньше въ канцеляріи магистрата.

1763 г., и сынъ его священникъ же Мартынъ, впослѣдствіи намѣстникъ той же церкви,—люди весьма зажиточные, имѣвшіе и земельную собственность въ лубенскомъ полку [1]).

Для поздравленія Сычевскаго съ „полученною отъ Е. И. В. милостію и войтовства кіевского достоинствомъ" магистратъ, какъ только стало ему извѣстно объ этомъ назначеніи, отправилъ въ Москву двухъ райцевъ, Семена Козельскаго и Василія Жука, и лавника Ивана Равича, которымъ отпустили изъ магистрата „по небольшой части напитковъ" и вручили изъ магистратскихъ суммъ тысячу рублей „на разныя общепотребныя нужды". Въ письмѣ къ войту магистратъ просилъ его „гдѣ надлежитъ о исходатайствованіи милости и граду пользы старательство приложить". А старательства приходилось тогда затрачивать не мало въ „хожденіяхъ" по дѣламъ магистрата. И въ этотъ разъ магистратскіе депутаты повезли съ собой обширное „доношеніе" въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, ходатайствуя въ немъ: во 1-хъ, объ освобожденіи города отъ тѣхъ тягостей, какія приходилось ему нести тогда, продовольствуя квартирами, сѣномъ и дровами зимовавшую въ Кіевѣ сербскую команду; во 2-хъ, о защитѣ мѣщанъ отъ разнаго рода обидъ со стороны мѣстныхъ козаковъ и главнымъ образомъ сотника ихъ Павла Гудима; въ 3-хъ, о защитѣ мѣщанъ пограничною коммиссіей отъ разныхъ обидъ со стороны польскихъ жителей; въ 4-хъ, объ уплатѣ городу 14,055 р. 60 к. за „габу, шубы и сапоги и во время военное наемъ подводъ и лоцмановъ" и въ 5-хъ, объ отмѣнѣ „индукты и эвекты",—сборовъ съ привоза и вывоза.

---

[1]) См. „Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр." вып. 8-й стр. 62—70. Кромѣ того въ одномъ дѣлѣ 1788 г. мнѣ попалось свѣдѣніе, что этотъ Мартинъ Сычевскій владѣлъ въ городѣ обширнымъ участкомъ, на которомъ съ уплатою „куницы" жило особыми дворами пять хозяевъ изъ мѣщанъ и который городская дума въ 1788 г. признала было городскою землею, такъ какъ Сычевскій не представилъ на нее никакихъ крѣпостей, а только сослался на свидѣтелей, знающихъ, что земля эта куплена отцомъ его у мѣщ. Евстафія Назаревича въ 1754 г. за 250 рублей. Въ жалобѣ своей на городскую думу, свящ. Мартинъ Сычевскій, между прочимъ, говоритъ, что суду городской думы „я нипочему и не подлежу *въ разсужденіи моего дворянства*".

Прибывъ въ Москву въ концѣ марта мѣсяца 1754 г., депутаты очень скоро издержали въ своихъ хожденіяхъ по дѣламъ магистрата привезенную ими тысячу рублей и сдѣлали на счетъ города заемъ у нѣкоего Михаила Каневскаго (пасынокъ кіевскаго бурмистра Тихоновича) въ 100 иностранныхъ червонцевъ, изъ которыхъ „презентовали" надвор. совѣтнику ин. коллегіи Михаилу Новоторжцеву 50, да протоколисту 15 червонцевъ „за произвожденіе дѣлъ" магистрата, остальные 35 отдали войту.

Уѣзжая въ маѣ мѣсяцѣ въ Кіевъ, депутаты оставили въ распоряженіе войта канцеляриста Витневича и слугу Бегуненка и обѣщали при этомъ немедленно по пріѣздѣ своемъ въ Кіевъ предложить магистрату, чтобы были отъ него присланы новые депутаты, а съ ними и необходимыя для содержанія войта и для хожденій его по дѣламъ деньги.

Но Сычевскій уже 12 іюня отправилъ отъ себя и магистратскаго слугу, и канцеляриста, который ему по иностранной коллегіи помогать не могъ, а въ ожиданіи новой присылки денегъ занялъ на счетъ магистрата у архимандрита Миткевича 82 р., у купца Кузнецова 100 руб. и у придворнаго пѣвчаго Степана Андріевскаго 310 р.[1]), которые и были впослѣдствіи уплочены магистратомъ безъ всякаго спору.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ коллегія иностранныхъ дѣлъ была переведена изъ Москвы въ С.-Петербургъ, а за нею переѣхалъ и Сычевскій, не спѣшившій, какъ видно, своимъ прибытіемъ въ Кіевъ, но письмами своими частенько напоминавшій магистрату о присылкѣ денегъ на расходы. Магистратъ же, сообщая войту объ отправленныхъ отъ города прошеніяхъ, жаловался на недостатокъ средствъ для расходовъ по этимъ ходатайствамъ. „Что же изволите писать, что не съ чего расходу дѣлать,— отвѣчалъ Сычевскій магистрату,—то вы знаете довольно петер-

[1]) Этотъ Степанъ Андріевскій былъ родомъ изъ Кіева, сынъ мѣщанина, бывшаго въ 30-тыхъ годахъ бурмистромъ (см. Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр." вып. 3, стр. 43). Въ 1758 г. Степанъ Андріевскій пріѣзжалъ въ Кіевъ и ѣздилъ по Малороссіи для набора пѣвчихъ въ придворную капеллу, причемъ изъ Кіева вывезъ 11 мальчиковъ и трехъ взрослыхъ пѣвчихъ. (См. „Кіев. Стар.", 1891, мартъ, стр. 512).

бургское житье и содержаніе, и тако какъ возможное для расходовъ имѣть стараніе совѣтую". Въ октябрѣ мѣсяцѣ Сычевскій напоминаетъ магистрату объ уплатѣ занятыхъ имъ въ Москвѣ денегъ и говоритъ, между прочимъ, что, благодаря такой неаккуратности въ уплатѣ занятыхъ на счетъ магистрата денегъ, ему уже и „вѣрить усумнѣваются". „Мое же нынѣ въ Петербургъ прожитіе вамъ самимъ не безъизвѣстно, что я не для своихъ какихъ приватъ живу, но для подтвержденія мѣской грамоты и другихъ дѣлъ, какъ то и за прежнихъ моихъ антецессоровъ происходило, которые, живучи съ немалою ассистенціею многое время для подтвержденія грамоты, съ мѣской суммы расходы имѣли; такожъ и другіе урядовіе, присылаемые для исправленія нуждъ гродскихъ, коштъ мѣской употребляли". Но магистратъ уклонялся отъ присылки къ войту какъ ассистентовъ, т. е. депутатовъ, такъ и денегъ, выражая лишь въ своихъ письмахъ желаніе поскорѣе видѣть своего войта въ Кіевѣ „не лѣтерально уже, но персонально".

Въ письмѣ отъ 25 августа магистратскіе урядники, не упоминая ничего о деньгахъ, писали, между прочимъ, войту: „сотникъ козачій кіевскій Павелъ Гудимъ, искони пакостникъ, отъ вступленія своего въ козачество въ дому своемъ жиломъ и въ другихъ стороннихъ домахъ шинкъ горѣлчаній явно и беззазору, на подступъ мѣскимъ, производитъ и, недовольствуясь тѣмъ, вящшаго ради магистрату кіевскому въ шинкахъ помѣшательства и препятствія, изъ слугъ мѣскихъ и изъ жителей кіевскихъ, праву майдебурскому будучихъ подсудственнихъ, попринимавъ въ козаки, дозволяетъ и отъ своего дому снабдѣваетъ горѣлкою на шинкъ, и многіе отъ нихъ пакости, обиды, бои мѣщанству дѣлаются, о чемъ кіево-губернской и генеральной войсковой канцеляріи жалобы взнесены [1]) и по нимъ отъ

---

[1]) Кромѣ жалобъ о незаконномъ шинкованіи, магистратъ въ это время настойчиво жаловался на уклоненіе „новоуписавшихся" козаковъ отъ исполненія постойной повинности. Несмотря на послѣдовавшій изъ в. ген. суда отъ 4 мая указъ о томъ, чтобы для прибывшихъ въ Кіевъ сербовъ отведены были квартиры и въ домахъ этихъ „новоуписавшихся", сотенная старшина не допускала исполнить это. Въ одномъ изъ своихъ доношеній въ кіев. губ. канц. отъ 13 мая этого 1754 г.

ген. войск. суда з начала лѣта любо и зачалась комисія и произвожденіе пристойное начато, токмо за хитростнимъ его сотника вимисломъ, дабы въ познаніе ихъ дѣйствія прійти не могли, опорочена, и вмѣсто той другіе отъ полковъ малороссійскихъ ассигнованы персоны, да надежно, что и сія окончать, за упрямствомъ козаковъ, не можетъ, *а кошты чрезвычайные отъ кіев. магистрата на снабдѣніе онихъ комисій происходятъ*".

Жалуясь такимъ образомъ на „пакости" сотника Павла Гудима, магистратскіе урядники знали, конечно, что этотъ „искони пакостникъ" доводился близкимъ родственникомъ ихъ новому войту.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1755 года Сычевскій вновь пишетъ магистрату о присылкѣ депутатовъ къ нему „для нуждъ ежечастно приключаемихъ гродскихъ, токмо не съ многолюдствомъ, безъ далнихъ и чрезвычайнихъ проторовъ и убытковъ мѣсту, ибо въ Петербургѣ противъ прочіихъ мѣстъ все подорожe и убыточнѣе". Приэтомъ онъ укоряетъ за неисправность присланныхъ дѣловыхъ бумагъ „не по порядкамъ канцелярскимъ, съ надписаніемъ литеръ латинскихъ P.S., которіе токмо въ пріятельскихъ письмахъ надписываются, а не въ дѣлахъ общепародниxъ гродскихъ, присылаемихъ по командѣ".

Но магистратъ не торопился исполнить желаніе войта, который въ іюлѣ мѣсяцѣ уже съ укоромъ обращается по этому поводу къ магистрату и самъ назначаетъ, кого должны прислать къ нему въ Петербургъ: „ибо мнѣ самому живучи въ Петербургѣ, какъ ходить за дѣлами, такъ и ни единаго изъ подкомандниxъ своихъ не имѣя при себѣ въ дѣлахъ и порядкахъ мѣскихъ знающаго человѣка, весьма неприлично, да и вамъ самимъ надлежало бы уже нынѣ быть то совѣстно, не присылая ко мнѣ чрезъ толь долгое время никакого депутата; да при томъ же для подъему моего въ Кіевъ, по обычаямъ прежде бывшихъ антецессоровъ моихъ, съ надлежащимъ къ пути

магистратъ писалъ, что 11-го мая атаманъ козачій Семенъ Костовскій, явившись съ козакомъ Носкомъ въ магистратѣ, „именемъ сотничьимъ объявили, дабы на козачьихъ дворахъ новоуписныхъ постоевъ не ставили", а ежели де ставить учнутъ, то они бить будутъ.

расходомъ съ оними жъ нарочними зъ магистрата прислать надлежитъ, что и предлагается".

Родственникъ войта бурмистръ Василій Гудимъ, правившій въ этомъ году (1755) магистратской экономіей, прислалъ ему въ Петербургъ чрезъ мѣщанина Александра Оришкевича 300 рублей, по всей вѣроятности, въ счетъ войтовскихъ доходовъ; но магистратъ упорно отмалчивался отъ „предложеній" войта, который видимо уже раздражался такимъ отношеніемъ къ нему его „подкомандниxъ". 17 октября 1755 г. онъ написалъ въ магистратъ такое краткое посланіе:

„На посланныя къ вамъ прошлого сентября 14-го, 25-го и сего октября 2-го чиселъ предложенія никакова отвѣта не получилъ, о чемъ и нынѣ подтверждается о немедленной высылкѣ нарочныхъ, а именно старшаго канцеляриста Величковскаго, да лавника пана Равича или пана Федора Ризенка, съ обстоятельнымъ доношеніемъ въ госуд. коллегію для резолюціи, выписавъ о всѣхъ сборахъ мѣскихъ и о другихъ нуждахъ гродскихъ, такожъ и на проѣздъ для подъему моего въ Кіевъ, по обычаю антецессоровъ моихъ, съ надлежащимъ къ пути расходомъ, съ оными жъ прислать, впрочіемъ же какъ о обращеніи дѣлъ мѣскихъ и о правленіи гродскомъ, не упуская почты, письменно репортовать предлагается".

Названный выше бурмистръ Василій Гудимъ находилъ эти „предложенія" Сычевскаго слишкомъ „мягкими и ласковыми" и рекомендовалъ ему писать „повелительнѣе" [1]).

---

[1]) Письмо этого бурмистра отъ 19-го мая 1755 г. знакомитъ нѣсколько съ существовавшими въ средѣ магистратскихъ урядниковъ отношеніями и съ денежными затрудненіями, а потому привожу его цѣликомъ.

„Высокоблагородній господинъ маіоръ и кіевскаго магистрата господинъ войтъ милостивый осударъ и братъ.

Чрезъ сію оказію имѣю донесть вамъ нѣчто мало о обращеніяхъ и порядкахъ магистратовихъ: яко в нинѣшнемъ моемъ правленіи, поневажъ я началъ уже воспящать, дабы ранговіе доходи ваши кому неналежно не доставались, но собиралисі бы въ едино мѣсто, панъ Ященко всячески усилуясь, чтобъ тѣмъ всѣмъ, какъ и прошлого году, владѣть и користиться, сего мая 12 д. подалъ на мене въ магистратъ кіевскій протестъ, якобы я на крайнее его безчестіе не допускаю ему правленія, желая самъ распространяться на самоволіи, а онъ де старѣйшій и заслуженнѣйшій и всегда бивалъ субделегатомъ. И того ради покорнѣйше прошу и

Неизвѣстно, что собственно удерживало Сычевскаго такъ долго въ Петербургѣ, а между тѣмъ магистратъ видимо былъ недоволенъ этимъ пребываніемъ его въ столицѣ безъ всякой пользы для города и, какъ видно, со всѣмъ уже не разсчитывалъ на его личное „хожденіе“ по городскимъ дѣламъ.

Послѣднее изъ имѣвшихся у меня писемъ Сычевскаго въ магистратъ изъ Петербурга писано 23 ноября 1755 г. „Неоднократніе къ вамъ,—писалъ въ немъ войтъ,—посланніе отъ меня предложенія о высылкѣ за дѣлами гродскими въ Питербурхъ нарочнихъ, о чемъ и нынѣ въ несумнѣнности предлагается, не упущая времени, съ надлежащимъ ихъ наставленіемъ и къ пути и прожитію на всякіе нужные въ Питербурхи расходы, слѣдуючіе къ пользѣ гродской, тако жъ и для подъему моего съ Питербурха на проѣздъ до Кіева, по обычаю стародавнему, онихъ нарочнихъ снабдить“.

Когда впослѣдствіи магистратскіе чины упрекали Сычевскаго въ томъ, что онъ, проживая такъ долго въ Петербургѣ, ничего полезнаго не исходатайствовалъ для города, то онъ оправдывался тѣмъ, что такъ какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ по-

---

братерски совѣтую написать въ магистратъ властію своею и приказу, по примѣру другихъ командъ, кому именно до пріѣзду вашего на вашемъ мѣсцѣ правленіе имѣть, такожъ и о прочіихъ дѣлахъ повелителнѣе писать, ибо хотя и пишете въ магистратъ о какомъ дѣлѣ, то оніе ваши писанія или ордери, понеже изволите весьма мягко и ласково писать, недоброхоты ваши пренебрегая очень за мало вмѣняютъ и тимъ самимъ болше въ намѣреніи своемъ храбрять и во всемъ самоволить хотятъ, а по ордерамъ вашимъ ничего исполненія не дѣлаютъ.

При семъ еще доношу вамъ, что въ магистратѣ весьма мало въ зборѣ денегъ и Богъ вѣсть, откуду ихъ собиратъ, яко уже нынѣ, по милостиво жалованному на Малую Россію указу, всякіе збори умаляются, а впсилать о томъ просить, какъ ви изволили писать, наши ниже думаютъ. Сего же м-ця отставной полковникъ сербскій, въ коего заняли тысячу рублей на поѣздку московскую, просилъ на магистратовихъ и въ господина генерала, что ему долгу не платятъ, а срокъ уже давно миновалъ, почему и приказано заплатить или упросить, и потому ми обще ходили къ реченному полковнику и заледво заледво умолили, что еще отсрочилъ на три м-цѣ, но на томъ принуждени подписаться, кой полковникъ сего же мая 14 го и преставися, а магистратской облѣкъ достался подобно греческимъ ченцамъ, и то по виходѣ упрошенного срока ченцамъ или кому доведется неотмѣнно должно будетъ заплатить, хоть у кого занявши. И исъ тѣхъ мѣръ и повторе васъ прошу писать приказно и обстоятелно, какъ кому въ званіи своемъ быть и поступать, ибо

лучилъ на чинъ свой грамоту, „а отъ магистрата депутатовъ и на расходъ денегъ не прислано, то по тому резону войтъ безъ полученія резолюціи отправился въ Кіевъ къ командѣ“.

А между тѣмъ магистратъ и отъ посылки депутатовъ въ Петербургъ уклонялся, можно думать, именно потому, что тамъ находился Сычевскій, который, очевидно, не только не могъ помогать, а скорѣе препятствовалъ бы въ самомъ существенномъ и интересномъ для магистрата вопросѣ—въ огражденіи магистрата отъ „касательствъ малороссійской команды“. Для „хожденій“ по этому дѣлу, да и по другимъ городскимъ дѣламъ, въ пр. сенатѣ и коллегіи ин. дѣлъ магистратъ ежегодно посылалъ въ столицу своихъ депутатовъ, которые и „стряпали“ тамъ постоянно и настойчиво, и только во время пребыванія Сычевскаго въ Петербургѣ эти „стряпчіе“ тамъ отсутствовали. Конечно, не экономничаніе городскими средствами удерживало магистратъ отъ посылки ихъ.

Сычевскій, занявъ передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга въ походной канцеляріи гетмана 200 рублей на счетъ магистрата на дорогу, прибылъ въ Кіевъ „къ командѣ“ въ концѣ февраля 1756 г. т. е. два года спустя послѣ своего назначенія.

II.

Прибывъ въ Кіевъ, Сычевскій прежде всего обратилъ вниманіе на магистратскую „экономію“, на городскіе доходы и расходы и на способъ управленія ими. Онъ сталъ употреблять „ежечастые годовымъ бурмистру и райцѣ притвержденія“, установилъ съ 1756 г. шнуровыя книги и потребовалъ произвести ревизію отчетности за прошлые годы, начиная съ 1730-го г.

я подъ нинѣшной случай и правленію своему не радъ, яко на мене всѣ враждуютъ и злобствуютъ и ненавидятъ, и для того паче всего щасливѣйшого и скорѣйшого вашего пріѣзду нестерпимо желаю, а хотя письменнимъ увѣдомленіемъ, въ кое время васъ надѣяться, не оставить и тѣмъ обрадовать прошу. Симъ прекратя и на предписанное резолюціи ожидая, зъ должнимъ моимъ упокореніемъ пребиваю вамъ осудару моему доброжелателной слуга и братъ Василій Гудимъ бурмистръ м. кіевского“.

Основываясь главнымъ образомъ на грамотахъ Петра В., въ которыхъ было выражено, что „войтъ съ урядовыми магистратъ и судъ майдебурской управляютъ и нижній городъ строятъ“, Сычевскій считалъ себя въ правѣ участвовать въ управленіи „экономіей“ и даже имѣть въ этомъ случаѣ первый голосъ. И всѣ другіе привилегіи и указы онъ толковалъ въ томъ смыслѣ, что вообще „управленіе экономіи магистратской и строеніе города *въ первенствѣ зависитъ на должности войта*, а по немъ на должности годовыхъ бурмистра и райцы“. Магистратскіе же чиновники полагали, что войтъ долженъ вѣдать лишь судебную часть и въ этомъ смыслѣ толковали какъ прежнія всѣ грамоты и привилегіи, такъ и грамоту данную собственно Сычевскому 31-го декабря 1755 г., въ которой говорилось: „а ему войту судъ между мѣщанами и посполитствомъ правдиво по ихъ правамъ и обыкновеніямъ производить и въ протчемъ во всемъ указы исполнять и по онымъ прилежно поступать“. На этомъ основаніи урядники и устраняли войта отъ хозяйственной части и смотрѣли на заводимые имъ порядки, какъ на незаконное вмѣшательство въ управленіе ею. Годовые бурмистръ Рагуцкій и райца Александренко „по упрямству своему“ отказались принять заведенныя Сычевскимъ шнуровыя книги и продолжали вести свое дѣло по старому, записывая городскіе доходы и расходы въ свои партикулярныя книги, „не для чего иного,—полагалъ войтъ—какъ только для собственнаго пользованія своего изъ магистратской экономіи“; но затѣмъ другіе уже очередные бурмистры и райцы, „ощутя оныхъ шнуровыхъ книгъ порядокъ, отъ 1757 г. начали оныя содержать“.

Что касается до ревизіи годовой отчетности, то магистратъ и отъ нея устранилъ войта. Вообще вопросъ о ревизіи счетовъ, на которую претендовала и „высшая команда“, — была ли она въ рукахъ генералъ-губернатора или гетмана,—весьма заботилъ магистратскихъ урядниковъ, почему они и искали при всякомъ удобномъ случаѣ оффиціальнаго признанія независимости этой стороны своей дѣятельности отъ контроля какой бы то ни было власти. Недостаточная опредѣленность выраженій въ

оффиціальныхъ актахъ, правительственныхъ указахъ, вела къ различнымъ толкованіямъ. Такъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1759 г. послѣдовалъ указъ пр. Сената, въ которомъ, между прочимъ, повелѣно магистрату „о всѣхъ приходахъ и расходахъ имѣть порядочныя книги и *между собою* счеты производить *передъ старшими съ посполъства*“. Ссылаясь на эти выраженія, магистратскіе чины считали себя въ правѣ устранять войта отъ ревизіи счетовъ; Сычевскій же полагалъ, что это выраженіе „предъ старшими съ посполъства“ употреблено въ томъ именно смыслѣ, „чтобъ войтъ, яко перво-градоначальникъ, съ годовыми бурмистрами и райцами оные счеты производили для подлинного вѣроятія при бытности первѣйшихъ мѣщанъ“. Потребованная же войтомъ повѣрка счетовъ съ 1730-го года такъ и не была произведена, а Сычевскій, какъ видно, полагалъ, что при ней обнаружились бы злоупотребленія правившихъ въ тѣ годы бурмистровъ и райцевъ. Жалуясь на то, что этой повѣрки магистратскіе урядники „и сами между собою не произвели“, а между тѣмъ многіе изъ правившихъ въ тѣ годы бурмистры и райцы уже померли, такъ что и взыскивать на нихъ возможные начеты теперь трудно, войтъ заявлялъ, что, благодаря именно такой безпорядочности въ управленіи городскими финансами, и произошло то, что „городъ въ доброе состояніе не приведенъ и не устроенъ и отъ бывшаго наводненія обывательскія строенія разоряются; къ тому жъ бывшія магистратскія три мельницы на каналѣ, продолжающемся съ Кудрявца въ Днѣпръ, чрезъ непочинку и неустроеніе до основанія разорились, а съ оныхъ мельницъ прежде не малая прибыль въ магистратъ происходила“.

По прибытіи своемъ въ Кіевъ Сычевскій письменными „ордерами“ потребовалъ, чтобы „кварталовый урядникъ“, завѣдывавшій магистратскими шинками, представлялъ ему еженедѣльно репорты о наличности магистратской горѣлки въ погребахъ и объ отпускѣ ея въ шинки, а урядникъ почтовый представлялъ бы такіе же репорты о состояніи почтоваго двора и вѣдомости о проѣзжающихъ и о прогонныхъ деньгахъ, чтобы можно было контролировать дѣятельность этихъ урядниковъ. Такое вмѣ-

шательство войта въ эти дѣла, требованіе репортовъ, при томъ репортовъ лично войту, а не магистрату, очевидно, крайне не нравилось урядникамъ, которые, вѣроятно были не безгрѣшны и своихъ личныхъ выгодъ не забывали.

Обычный въ тѣ времена порядокъ управленія экономіей въ объясненіяхъ магистратскихъ урядниковъ изображается такъ: „по избраніи на публичной элекціи бурмистра и райца, такожъ шафарей медового и пивного и урядниковъ, приводятся оные всѣ къ присягѣ, по которой обовязуются, какъ найлучше, къ пожитку мѣскому радѣть и стараться, и по учиненіи той присяги вручаются имъ отъ магистрата для записки приходовъ и расходовъ книги; а при томъ подъ ихъ же, бурмистра и райцы, вѣдѣніемъ и управленіемъ состоитъ магистратскій кварталъ и почта; и тѣ книги правящій бурмистръ и райца къ счету предъ старшими и знатнѣйшими изъ посполства представляютъ въ магистратъ; а чтобъ о тѣхъ доходахъ и расходахъ кому какіе доклады подавать и безъ тѣхъ докладовъ и опредѣленій не дѣйствовать, того ничего не показано“. По словамъ же Сычевскаго, публичная элекція хотя и бываетъ ежегодно, но на ней выбираются „точію низшіе отъ бурмистровъ и райцовъ магистратскіе урядники, развѣ по умертвіи коего бурмистра и райцы другіе на ихъ мѣсто на той же элекціи выбираются; оные жъ бурмистры и райцы, находящіеся въ наличности, *по очередямъ, а не выбору на элекціи* въ годовое правленіе магистратской экономіи вступаютъ и чрезъ очередь одинъ другому въ оное правленіе вступить сами между собою никогда не допускаютъ; и по вступленіи съ оной магистратской экономіи единственно содержаніе свое имѣютъ не только въ томъ году, когда годовыми бываютъ, но и на послѣдующіе года снабдѣваются, и, оставя свои купеческіе промыслы и въ содержаніи себя надѣясь на одну магистратскую экономію, продолжаютъ винное куреніе на завладѣнныхъ магистратскихъ угодьяхъ и оную горѣлку во время своего правленія экономіи въ магистратъ какою хотятъ цѣною вмѣщаютъ и пользуются, и особливо всѣ бурмистры и райцы во оной экономіи поступаютъ противъ совѣсти своей съ превеликимъ ущербомъ“. Не подавая

по истеченіи года своего управленія къ своевременной ревизіи своихъ книгъ, бурмистръ и райцы, по словамъ Сычевскаго, представляли ихъ обыкновенно лишь нѣсколько лѣтъ спустя, „уровня расходъ съ приходомъ“.

Признавая незаконнымъ вмѣшательство войта въ экономію, какъ распорядителя, а тѣмъ болѣе „командира“, магистратскіе урядники признавали однако за нимъ и въ этой области право на совѣщательный голосъ и по отношенію къ Сычевскому выражали неудовольствіе лишь противъ тѣхъ мѣръ, какія онъ принималъ единолично, безъ общаго согласія; а стремленію его упорядочить хозяйственную часть на первыхъ порахъ даже сочувствовали. Такъ по отношенію къ главнѣйшему источнику городскихъ доходовъ, допускавшему притомъ наибольше злоупотребленій, а именно—къ продажѣ питій, составлявшей монополію города, состоялось въ магистратѣ общее опредѣленіе, подписанное всѣми бурмистрами и райцами, „дабы годовые бурмистръ и райца *по докладу* горѣлку покупали, чтобъ въ покупкѣ оной къ партикулярной прибыли какова подлогу не учинилось“. Но, видно, опредѣленіе это не особенно строго исполнялось и нарушали его не только „правящіе“ бурмистры и райцы, но и самъ Сычевскій. Такъ въ томъ же 1757 г. правящій бурмистръ Семенъ Козельскій купилъ безъ всякаго „докладу“ и общаго опредѣленія у свата своего Огіевскаго, сотника кролевецкаго, нѣсколько десятковъ бочекъ горѣлки для магистратскихъ шинковъ; въ 1759 году правящіе годовые бурмистръ Богдановичъ и райца Іосифъ Гудимъ купили такимъ же образомъ горѣлку безъ общаго согласія, взявши при этомъ „за подвышеніе цѣны“ взятку—по ведру отъ бочки; да и самъ Сычевскій, какъ впослѣдствіи заявляли магистратскіе, „съ прибытія своего изъ Москвы и горѣлку на магистратъ, чего ему крайне не слѣдовало, куповать началъ“ безъ общаго о томъ опредѣленія. Статья эта была, какъ видно, наиболѣе лакомая. Устроивши собственную винокурню, каждый „урядовый“ желалъ выгоднѣе сбыть выкуренную имъ горѣлку, а наиболѣе выгоднымъ сбытомъ являлась продажа оптомъ въ магистратъ. Не чужды были такія же желанія и Сычевскому, который тоже

очень скоро обзавелся собственною винокурнею и нерѣдко „усиловался“, какъ заявляли урядники, сбывать свою горѣлку въ магистратъ, Самъ то онъ заявлялъ, что продавалъ свою горѣлку „по добровольному договору и по учиненіи о добротѣ пробы“, при чемъ де „добровольно ихъ годовыхъ просилъ, чтобъ въ покупкѣ оной имѣли респектъ, а чтобъ высшую цѣну противъ продавцовъ дали, къ тому не принуждалъ, точію добровольно о томъ говорилъ за труда его при магистратѣ, и оные годовые въ покупкѣ войтовой горѣлки какову цѣну по согласію своему положатъ было безъ обиды его, войта, на той цѣнѣ онъ ту свою горѣлку и уступалъ“.

Отбываніе постойной повинности, на которую вообще жаловались въ это время кіевляне, тоже возбуждало несогласія между Сычевскимъ и магистратомъ.

По грамотѣ Петра В. отъ постоевъ были освобождены домы тѣхъ магистратскихъ чиновъ, которые въ данное время несли дѣйствительную службу и которыхъ ежегодно состояло 24 человѣка: войтъ, писарь, очередные бурмистръ и райца, два шафаря, лавникъ, инстигаторъ, городничій и 15 урядниковъ, отправлявшихъ различныя магистратскія должности. Только дома этихъ лицъ и должны быть, по мнѣнію Сычевскаго, свободны отъ постою. По заведенному же издавна въ кіевскомъ магистратѣ „партикулярному установленію“ было на лицо 7 бурмистровъ и 7 райцевъ, изъ которыхъ по очереди ежегодно вступали въ должность по одному, а неочередные призывались въ магистратъ для общихъ совѣтовъ по дѣламъ, касающимся ихъ управленія. Всѣ же эти лица, по словамъ Сычевскаго, „до третей части города Кіева домами своими занимаютъ“, а потому, по его мнѣнію, „понеже оные неочередные бурмистры и райцы, тако жъ лавники, урядники, шафари, инстигаторы и городничіе не управляютъ магистрата и суда майдебурскаго и и города не строятъ, для того и домы ихъ отъ постоевъ уволнены быть не должны“.

Но, несмотря на разногласія и возникавшія недоразумѣнія между войтомъ и магистратомъ, соръ изъ избы не выно-

сился и первые пять лѣтъ войтовства Сычевскаго прошли довольно мирно.

Сычевскій пріѣхалъ въ Кіевъ холостякомъ. Въ 1758 г. онъ два раза ѣздилъ свататься въ Черниговъ, но неудачно, и только осенью 1759 г. женился въ Хоролѣ на дочери полкового обознаго Еремѣя Родзянки Софіи. По всей вѣроятности, съ этого времени онъ и началъ расширять свое собственное хозяйство, пользуясь довольно значительными ранговыми угодьями. Эта хозяйственная его дѣятельность не обходилась безъ злоупотребленій, которыя и вызывали враждебное къ нему отношеніе. Такъ уже въ іюнѣ м-цѣ 1759 г. присутствовавшій въ магистратѣ бурмистръ С. Козельскій „неоднократно выговаривалъ“ войту за то, что онъ такъ широко пользуется работою жителей с. Преорки, гдѣ былъ его ранговой хуторъ, и требуетъ отъ нихъ панщины, какъ отъ своихъ подданныхъ. Вообще подгородніе жители сс. Преорки, Сырца и Кореневщины въ прежнее время оказывали извѣстное „вспоможеніе“ предшественникамъ Сычевскаго въ ихъ хуторскомъ хозяйствѣ; но, какъ свидѣтельствовали впослѣдствіи магистратскіе урядники, „таковыхъ отяготительныхъ съ принужденіемъ, грабленіемъ и побоями панщинъ, каковыми войтъ Сычевскій тѣхъ подгороднихъ жителей отягощалъ, никогда не бывало“. Тѣмъ не менѣе въ томъ же 1759 году магистратъ не отказалъ войту въ перестройкѣ на его хуторѣ имѣвшихся винокурни и мельницы на счетъ магистрата. Въ нарушеніе интересовъ магистрата, который пользовался исключительнымъ правомъ шинковать горѣлкой, Сычевскій на Осетскомъ хуторѣ завелъ собственный шинокъ и не допускалъ тамъ продажи магистратской водки, которой, какъ значится по книгамъ 1752—1754 годовъ, продавалось тамъ до 150 ведеръ въ годъ. Но обо всѣхъ этихъ „пользованіяхъ“ Сычевскаго скажемъ ниже. Въ сущности не эта сторона дѣла,— по отношенію къ ней у всѣхъ магистратскихъ урядниковъ было „рыльце въ пушку“,—и не „вмѣшательство въ правленіе экономіи“ привело магистратъ къ рѣшительному разрыву съ войтомъ.

Существенный интересъ для кіевскаго магистрата и всего мѣщанства въ годы войтовства Сычевскаго представлялъ вопросъ

объ отношеніяхъ города къ „малороссійской командѣ" т. е. къ гетману. Я имѣлъ уже случай указать[1]) на нѣкоторыя причины, побуждавшія кіевскій магистратъ предпочитать „вышнюю команду" кіевскаго генералъ-губернатора и всячески хлопотать объ освобожденіи отъ какого бы то ни было касательства „малороссійской команды", начальства полковаго, войсковой генеральной канцеляріи и в. генеральнаго суда. Но кромѣ указанныхъ уже причинъ были, какъ видно, и многія другія. Такъ крайне тягостнымъ для всего мѣщанства было вмѣшательство войск. генер. суда въ судебную дѣятельность магистрата, и объ избавленіи отъ этого вмѣшательства, вносившаго разорительную волокиту, магистратъ хлопоталъ настойчиво: каждый разъ, посылая своихъ депутатовъ въ столицу съ прошеніями по разнымъ городскимъ дѣламъ, магистратъ включалъ и это ходатайство, но удовлетворено оно было окончательно только лишь указомъ пр. Сената 6 ноября 1760 г. [2]).

И вотъ въ этомъ то всегдашнемъ стремленіи освободиться отъ касательства къ нему „малороссійской команды" магистратъ

---

[1]) Кіев. Стар. 1886 г. декабрь „Кіевскія смуты средины прошлаго столѣтія".

[2]) Указъ этотъ окончательно устанавливавшій независимость магистрата отъ власти гетмана, данъ былъ по поводу послѣдней жалобы магистрата на войск. ген. судъ. Ссылаясь на жалованныя грамоты, которыя предоставляютъ „магистрату и мѣщанамъ судиться по майдебурскимъ правамъ, и только они мѣщане предъ своимъ войтомъ, а войтъ съ урядовыми предъ маэстатомъ королевскимъ отвѣтствовать имѣютъ", магистратъ жаловался, что „ген. войск. канцелярія и судъ войск. генер. присылаемыми въ магистратъ кіевской указами по челобитческимъ и другимъ дѣламъ велятъ разсмотреніе чинить по малороссійскимъ правамъ, и по которымъ дѣламъ показано будетъ на магистратское рѣшеніе недовольство, тѣ къ разсмотрѣнію во онія мѣста присылать, а до разсмотрѣнія и рѣшенія тѣхъ дѣлъ въ оныхъ мѣстахъ, по учиненнымъ въ магистратѣ рѣшеніямъ исполненія не чинить, а взятыя изъ магистрата дѣла, перевершивая по малороссійскимъ правамъ, велятъ по тѣмъ своимъ рѣшеніямъ исполненіе чинить, понуждая магистратъ чрезъ нарочно присланныхъ по инструкціямъ, которые присланные во ономъ магистратѣ присутствующимъ чиновникамъ не малые обиды чинятъ, а по нѣкоторымъ челобитческимъ дѣламъ отъ магистрата отвѣты берутъ и штрафы налагаютъ и нѣкоторыхъ чиновниковъ магистратскихъ туда къ отвѣтамъ сыскиваютъ, и, хотя по какимъ неправильнымъ представленіямъ на магистратъ кіевской, слѣдовать опредѣляютъ"; потому и просилъ магистратъ „о бытіи ему и всѣмъ мѣщанамъ подъ апелляціею пр. Сената, а г. войск. канцеляріи и суду ген. никакова дѣла до оного магистрата не имѣть".

кіевскій и не находилъ себѣ сочувствія, а тѣмъ менѣе содѣйствія, въ своемъ войтѣ, который, какъ видно, предпочиталъ для себя лично именно названную выше команду. Зависимость въ своей судебной и административной дѣятельности отъ тутъ же въ Кіевѣ находившейся кіево-губернской канцеляріи и отъ кіевскаго губернатора была для Сычевскаго невыгодна и онъ предпочиталъ въ этомъ случаѣ зависимость отъ далекаго Глухова, въ чемъ и расходился съ желаніями магистрата и всего кіевскаго мѣщанства. Заботясь о подтвержденіи прежнихъ своихъ грамотъ и привилегій, магистратъ кіевскій много разъ обращался къ правительству съ прошеніями о подтвержденіи независимости его отъ власти гетмана. Но вотъ въ 1733 году послѣдовало опредѣленіе пр. Сената: „быть имъ, кіевскимъ мѣщанамъ, подъ вѣдѣніемъ гетмана и кіевскихъ губернаторовъ“. Эта двойственность „высшей команды“ повела лишь къ различнымъ безпорядкамъ, о которыхъ и представлялъ пр. Сенату въ 1737 г. князь Барятинскій, бывшій въ „правленіи гетманскаго уряду“. Признавъ, что „тѣ непорядки произошли чрезъ выданные отъ гетмана Апостола, въ противность данныхъ кіевскому магистрату правъ, привилегій и жалованныхъ грамотъ, универсалы“, пр. Сенатъ опредѣлилъ: „для лучшаго порядку и непоколебимаго содержанія впредь, по силѣ жалованныхъ грамотъ, при ихъ правахъ и привилегіяхъ, тому магистрату быть въ вѣдомствѣ губернаторскомъ, а другимъ до нихъ ничѣмъ не касаться“. Это опредѣленіе 1737 г. было затѣмъ вновь подтверждено пр. Сенатомъ и въ указѣ 1743 г. октября 24.

Но въ 1751 году графъ Разумовскій сталъ просить, чтобы кіевскій магистратъ былъ подчиненъ ему, „такъ чтобъ и тамошній губернаторъ до него не интересовался“. Коллегія ин. дѣлъ по этому поводу въ докладѣ своемъ, хотя и сообщила обстоятельную справку о независимости кіевскаго магистрата отъ власти гетмана, тѣмъ не менѣе представляла „на высочайшее благоизобрѣтеніе: не будетъ ли Е. И. В. угодно, изъ высочайшей своей къ нынѣшему гетману милости и для особливой къ его персонѣ довѣренности, тотъ кіевскій магистратъ и мѣщанъ тамошнихъ въ вѣдомство ему отдать повелѣть“. Но импе-

ратрица, прочитавъ этотъ докладъ, приказала еще разъ „подлинно выправиться съ прежними дѣлами, и ежели у гетмана Скоропадскаго былъ въ вѣдомствѣ кіевскій магистратъ, то и у нынѣшняго гетмана въ вѣдомствѣ оному быть, а ежели у Скоропадскаго въ вѣдомствѣ не былъ, то и у нынѣшняго не быть“. Коллегія сдѣлала благопріятную для кіевлянъ „выправку“ и вновь представила по этому дѣлу докладъ, въ которомъ и прописала, что „хотя единожды опредѣлено было въ Сенатѣ въ 1733 г., чтобъ имъ, кіевскимъ мѣщанамъ, подъ вѣдѣніемъ тогда бывшаго гетмана Апостола и кіевскихъ губернаторовъ быть, но потомъ и сіе въ 1737 году отмѣнено и велѣно тому магистрату быть въ вѣдомствѣ губернаторскомъ по прежнему“ [1]).

На докладъ этотъ послѣдовала высочайшая резолюція: „быть кіевскому магистрату при своихъ привилегіяхъ по прежнему, а гетману въ вѣдомство не отдавать“. Это было 22 марта 1754 года, т. е. уже послѣ назначенія Сычевскаго на войтовство; но тогда же представленный „къ высочайшей апробаціи“ согласный съ послѣдовавшею резолюціей „концептъ грамоты“ къ гр. Разумовскому очень долго оставался безъ такой „апробаціи“. Только лишь 26 октября 1760 г. послѣдовалъ указъ пр. Сената „о вѣданіи кіевскихъ мѣщанъ судомъ и управленіемъ по магдебургскимъ правамъ въ магистратѣ, о бытіи оному маги-

---

[1]) Этотъ докладъ, надо думать, составленъ былъ не безъ участія кіевскихъ магистратскихъ дѣльцевъ, „стряпавшихъ“ въ столицѣ по этому дѣлу. Въ представленной отъ коллегіи „выправкѣ“ на поставленный вопросъ объ отношеніяхъ къ гетману Скоропадскому читаемъ такой отвѣтъ, составленный, думается мнѣ, подъ вліяніемъ даваемыхъ магистратскими дѣльцами „справокъ“: „чтобъ у гетмана Скоропадскаго, также и другихъ прежде бывшихъ до него гетмановъ въ вѣдомствѣ кіевскій магистратъ былъ, того по дѣламъ извѣстія не нашлося. Хотя же гетманъ Скоропадскій и предъ нимъ бывшій Мазепа, при случавшихся кіевскимъ войтомъ отъѣздахъ въ Москву для челобытья о магистратскихъ нуждахъ, рекомендаціи свои къ е. и. в. государю Петру Великому о милостивомъ на челобитье ихъ призрѣніи давали, такожъ къ выбору на мѣсто умершихъ войтовъ отъ себя нарочныхъ персонъ посылали, но сіе они, гетманы, чинили *по единой только просьбѣ кіевскихъ мѣщанъ*, изъ имѣвшагося ихъ къ нимъ, гетманамъ, своего партикулярнаго респекта, а по привилегіямъ ихъ мѣщанскимъ они чинить того были не должны, ибо по тѣмъ привилегіямъ они, мѣщане, нигдѣ кромѣ своего магистрата не судимы, а на оной магистратъ апелляція у е. и. в. въ коллегіи ин. дѣлъ, а до того была въ Сенатѣ“.

страту подъ апелляціями пр. Сената и объ охраненіи отъ обидъ, какъ магистрата, такъ и мѣщанъ кіевскому губернатору".

Такимъ образомъ это въ высшей степени интересное для кіевлянъ дѣло, возбужденное притязаніями гр. Разумовскаго, тянулось девять лѣтъ, вызывая необходимость производить по немъ „хожденія", требовавшія, конечно, и умѣлыхъ дѣльцевъ и немалыхъ расходовъ. Мнѣ кажется, что это продолжительное ожиданіе опредѣленнаго рѣшенія по такому существенному вопросу не мало вліяло на отношенія между магистратомъ и войтомъ Сычевскимъ. Послѣдній, разсчитывая на возможность иного рѣшенія, до полученія указа магистрату отъ 6 ноября 1760 г., не переставалъ при удобномъ случаѣ показывать свою личную склонность къ „малороссійской командѣ", тѣмъ болѣе, что у него завязались и родственныя отношенія съ малороссійскою старшиною. А между тѣмъ онъ хорошо зналъ настроеніе магистрата и вообще кіевскаго мѣщанства по отношенію къ этой „командѣ", зналъ постоянныя жалобы на нее. Не раздѣляя въ этомъ случаѣ стремленій магистрата и мѣщанства, Сычевскій, конечно, возбуждалъ къ себѣ неудовольствіе, которое такъ рѣзко и выразилось въ первой поѣздкѣ его съ депутатами въ столицу въ 1762 г., когда явилась необходимость, при наступленіи новаго царствованія, хлопотать о „подтвержденіи" недавно полученнаго освобожденія отъ гетманской власти.

III.

По вступленіи на престолъ императора Петра III кіевскій магистратъ въ январѣ мѣсяцѣ 1762 г. постановилъ отправить въ столицу депутацію для обычнаго отъ города всеподданнѣйшаго поздравленія и для испрошенія при этомъ обычнаго же подтвержденія жалованныхъ городу грамотъ. Кромѣ самого войта, депутатами отправились писарь Давидовскій, райца Кулешъ, лавникъ Александровичъ и урядникъ Прилуцкій. На поѣздку эту ассигновано было магистратомъ и выдано на руки райцѣ Кулешу 1700 рублей, да взято было, кромѣ всякаго рода „харчевыхъ припасовъ", 10 анталовъ венгерскаго вина на

600 р. и волосскаго вина 274 кварты на 38 р. 36 к. Для депутатовъ, ѣхавшихъ съ прислугой и собственною кладью, куплены были на счетъ магистрата особыя кибитки, а писарю Давидовскому коляска. Обозъ вышелъ не маленькій.

Тронулись въ путь въ концѣ февраля мѣсяца. Уже передъ отъѣздомъ обнаружилось враждебное отношеніе урядниковъ къ своему войту, который, какъ видно, ожидалъ отъ предстоящей поѣздки не чего иного, какъ отмѣны недавно лишь подтвержденной независимости магистрата кіевскаго отъ власти гетмана. По всей вѣроятности, всѣ депутаты знали, что гетманъ Разумовскій попалъ въ милость при новомъ дворѣ, а потому и могъ теперь разсчитывать на удовлетвореніе давняго своего ходатайства о подчиненіи ему кіевскаго магистрата.

Первымъ выѣхалъ изъ Кіева Сычевскій съ женою и ожидалъ въ Глуховѣ депутатовъ больше недѣли. Прибыли они въ Глуховъ не одновременно: сначала Кулешъ и Прилуцкій съ обозомъ, а затѣмъ черезъ 4 дня Александровичъ и Давидовскій. Послѣдніе, оставаясь въ Кіевѣ „по своей партикулярной прихоти и ослушности", пріѣхали въ Глуховъ на почтовыхъ лошадяхъ, за что войтъ и сдѣлалъ имъ выговоръ, за напрасную трату магистратскихъ денегъ на почтовыхъ лошадей. Начались постоянныя дорожныя ссоры депутатовъ съ войтомъ. По словамъ послѣдняго, Александровичъ, „а паче Давидовскій во всей дорогѣ, какія возмогли, противности и непочтеніе войту являли, къ чему и райцу Кулеша и урядника Прилуцкого склоняли", и всѣ они „по единому своему недоброхотству и непочтенію во всей дорогѣ и въ Петербургѣ нарочито его, войта, озлобляли, а какъ онъ войтъ за какую винность либо упрямость ихъ репремандовалъ, они ему въ отвѣтъ сурово съ укореніемъ чести отговаривали".

Выѣхавши изъ Глухова, Сычевскій остановился на ночлегъ въ слободѣ Полковничей въ домѣ родственника своего бунчуковаго товарища Степана Кулябки; урядники же не захотѣли воспользоваться этимъ гостепріимствомъ войтовскаго родича и остановились со своимъ обозомъ въ шинку того же Кулябки въ четырехъ верстахъ отъ слободы. На другой день урядники,

„для единой пакости войту“, не ожидая его, двинулись сами въ дальнѣйшій путь, заставивъ его догонять ихъ, за что „какими словами онымъ урядникамъ онъ войтъ выговаривалъ, таковыми взаимно словами и они войту съ неучтивостію же выговаривали, а брани никакой не было“... При этомъ писарь Давидовскій, по словамъ войта, самъ похвалялся, что вернется обратно въ Кіевъ; по словамъ же урядниковъ, войтъ приказывалъ писарю вернуться.

Подъ г. Мценскомъ произошло столкновеніе обозныхъ служителей съ мѣстными крестьянами. Кто то изъ извощиковъ Прилуцкаго разобралъ на дрова чужой овинъ. Собравшіеся крестьяне хотѣли было уже тащить нашихъ кіевлянъ въ городъ къ воеводѣ. По словамъ Сычевскаго, „до такого худа“ привелъ дѣло это Давидовскій по своей горячности, войтъ же „тотчасъ оной шумъ и смятеніе уговорилъ и успокоилъ“, но при этомъ назвалъ Давидовскаго предъ крестьянами своимъ писаремъ, „а не командиромъ того обозу“, чѣмъ и обидѣлъ писаря, который „укорительно войту выговаривалъ: я здѣсь съ тобою равенъ, а признаю тебя только въ магистратѣ за войта; а что ты штабъ-офицеръ—мнѣ въ томъ нужды нѣтъ“.

Подъѣзжая къ Москвѣ, лавникъ Александровичъ предложилъ всей компаніи кіевлянъ заѣхать въ Даниловъ монастырь къ игумену, съ которымъ онъ былъ знакомъ и имѣлъ къ нему письмо. Разсчитывая найти въ монастырѣ удобный ночлегъ для всего обоза, депутаты отправили Александровича впередъ, и онъ дѣйствительно приготовилъ имъ квартиру; но войту она показалась крайне неудобною и онъ самъ себѣ нашелъ другую—въ слободѣ у діакона и остановился тамъ отдѣльно отъ прочихъ. Это подало поводъ ко взаимной перебранкѣ. Въ г. Торжкѣ Давидовскій, Кулешъ и Александровичъ заѣзжали къ архимандриту въ монастырь, гдѣ и ночевали; войтъ же съ обозомъ, не ожидая ихъ, поѣхалъ дальше, за что они послѣ бранили Прилуцкаго—зачѣмъ де онъ послушался войта и безъ нихъ тронулся въ путь.

Словомъ, вся дорога прошла не спокойно. Брань была взаимная: войтъ, изображая изъ себя командира, постоянно сер-

дился и бранилъ своихъ спутниковъ, а тѣ въ долгу не оставались.

Прибывъ въ Москву, войтъ прежде всего запечаталъ своею печатью ящикъ съ деньгами, хранившійся у Кулеша, и, вопреки постановленію магистрата, уполномочившаго производить надлежащіе расходы лавника Александровича и урядника Прилуцкаго, приказалъ „безъ вѣдома и приказу его, войта, тѣхъ денегъ никуда не употреблять". Находя же, что имѣвшихся у нихъ денегъ недостаточно для предстоящаго жительства въ Петербургѣ и возвращенія въ Кіевъ, войтъ, съ общаго согласія, занялъ на счетъ магистрата 500 рублей у архимандрита Новоспасскаго монастыря Мисаила, который, по словамъ Сычевскаго, „по подпису однихъ урядниковъ на ономъ обликѣ не утвердился" и выдалъ деньги только тогда, когда обликъ былъ подписанъ войтомъ. Подобнаго рода обстоятельства Сычевскій подчеркивалъ, какъ доказательство того, что всѣ молъ люди естественно признавали его первенствующее значеніе, какъ „командира".

Въ г. Твери Сычевскій оставилъ своихъ спутниковъ съ обозомъ и, взявши съ собой одного Прилуцкаго, поѣхалъ впередъ, чтобы, какъ онъ объяснялъ,—прибывъ раньше въ Петербургъ, пріискать тамъ удобную для всей депутаціи квартиру съ хорошимъ погребомъ „къ постановленію проваженного на презентъ отъ магистрата къ высочайшему двору и кому надлежало венгерскаго вина, дабы до отдачи выстояться и послѣ пути исправиться могло". Такую квартиру съ каменнымъ погребомъ и нашелъ онъ въ домѣ грузинскаго царевича Александра Бакаровича, на Милліонной улицѣ вблизи высочайшаго двора.

Когда же прибыли въ Петербургъ и урядники съ обозомъ, то, по словамъ войта, „по одному лишь своему упрямству стали особливо сами собою въ самой негодной квартирѣ и вино поставили тамъ же въ ледникѣ, которое чрезъ то и совсѣмъ испортиться могло бы, ежели бы долговременно продержалось". Козьма Кулешъ, явившись къ войту, упрекалъ его „неучтиво" за наемъ особой квартиры, а войтъ его за это „взаимно репремандовалъ".

Затѣмъ войтъ нанялъ новую квартиру для себя и для урядниковъ у придворнаго коммиссара Василія Вельяминова, но и туда урядники пересслиться не захотѣли. Такъ войтъ и оставался съ женою на особой квартирѣ, отдѣльно отъ депутатовъ.

Хожденія свои начали депутаты съ генералъ-прокурора Александра Ивановича Глѣбова, которому и заявили, что они желаютъ быть представленными государю и при поднесеніи отъ города „презента“ подать прошеніе о подтвержденіи жалованныхъ городу грамотъ и привилегій. Глѣбовъ назначилъ имъ время, когда они должны явиться во дворецъ, но относительно прошенія совѣтовалъ подать его не лично государю, а въ прав. сенатъ.

Начался выборъ презента по магазинамъ, при чемъ между войтомъ и урядниками происходили несогласія и ссоры. Руководителемъ въ этомъ выборѣ явился придворный камердинеръ Степанъ Андріевскій, старый знакомый и землякъ кіевлянъ. Остановились, наконецъ, на фарфоровомъ сервизѣ, который и былъ купленъ 3-го мая у купца Погонполя. При этой покупкѣ произошла крупная перебранка Сычевскаго съ Давидовскимъ. Войтъ, желая и здѣсь показать себя „командиромъ“, приказалъ писарю составить записку о покупкѣ, а писарь „по всегдашней завзятости сурово кричалъ на войта, сказывая: мнѣ де не должно по такимъ дѣламъ записокъ чинить“. По словамъ Сычевскаго, онъ при этомъ писаря не бранилъ, а только „сказывалъ ему: я по прошенію твоему хлѣбъ тебѣ писарской далъ и за таковое благодѣяніе не точію долженъ ты во всѣхъ повелѣніяхъ, яко командира, слушаться, но по примѣру честныхъ людей за оное благодѣяніе портретъ мой имѣть“. Видно, эти послѣднія слова были особенно обидны Давидовскому, такъ какъ впослѣдствіи, при перечисленіи разныхъ обидъ, нанесенныхъ войтомъ всѣмъ урядникамъ, особою статьею упомянулъ, что де войтъ „ему, писарю, выговаривалъ, что онъ долженъ его войта имѣть у себя портретъ“.

Наконецъ, депутація была представлена государю, „презентъ“ принятъ ко двору, а имѣвшееся въ рукахъ писаря магистратское прошеніе такъ и осталось не поданнымъ. Урядники

винили въ этомъ войта, который сдѣлалъ это по своему „недоброхотству“, а войтъ, ссылаясь на совѣтъ Глѣбова, утверждалъ, что и сами урядники не имѣли въ виду подавать это прошеніе на аудіенціи лично государю. Опять поѣхали къ Глѣбову совѣтоваться о томъ, какъ бы имъ все таки подать привезенное прошеніе государю. Глѣбовъ, прочитавши прошеніе, по словамъ войта, отказался посредничать въ подачѣ его и совѣтовалъ имъ искать другаго посредника. Урядники видѣли, что войтъ, уклоняясь всячески отъ подачи этого прошенія, терялъ только время въ разъѣздахъ по разнымъ вліятельнымъ лицамъ. Обращались они всѣ вмѣстѣ и къ кабинетному секретарю Волкову, прося его подать ихъ прошеніе государю, презентовали ему при этомъ и анталъ венгерскаго вина, но успѣха не имѣли. Урядники и здѣсь усматривали происки войта, который отдалъ Волкову прошеніе „подъ видомъ усмотренія, а самимъ дѣломъ для удержанія онаго“. Нѣсколько разъ затѣмъ они ходили безъ войта къ Волкову, но ни резолюціи по прошенію, ни самаго прошенія обратно не получили.

Между тѣмъ 20-го мая послѣдовалъ именной высочайшій указъ о бытіи городу Кіеву „въ точной и полной командѣ гетмана“ [1])...

---

[1]) Высочайшій указъ Императора Петра III-го гетману Разумовскому о бытіи кіевскому магистрату въ его командѣ данъ 5-го іюля 1762 г.:

„Въ имянномъ Нашемъ за подписаніемъ собственныя нашея руки указѣ, мая 20-го дня сего 1762 года Сенату данномъ, написано: всеподданнѣйше представлено намъ отъ гетмана малороссійскаго графа Разумовскаго, что магистратъ кіевскій, такъ какъ и всѣ протчихъ малороссійскихъ городовъ магистраты были до сего у всѣхъ его антецессоровъ, гетмановъ малороссійскихъ, въ точномъ гетманскомъ вѣденіи и командѣ, а въ небытность гетмановъ во всѣхъ тѣхъ малороссійскихъ мѣстахъ, гдѣ протчіе магистраты вѣдоми были, а въ прошломъ году Сенатъ исключилъ помянутой мигистратъ совсѣмъ отъ гетманской команды, сверхъ же того магистратъ кіевскій исходатайствовалъ себѣ въ Сенатѣ, имѣя немалые доходы и деревни, въ которыхъ о..ъ отчету никуда не отдаетъ, увольненіе отъ всѣхъ общенародныхъ малороссійскихъ податей, защищаяся привилегіями королей польскихъ такими, каковыя и протчіе малороссійскіе города имѣютъ, а напослѣдокъ для собственнаго своего прибытка и козаковъ, которые поселеніе въ Кіевѣ издревле имѣютъ . . . . . своими Сенатскимъ же указомъ повеля . . . . . . домы, земли и всѣ свои старинныя жилища, выслать изъ города Кіева въ совершенное разореніе, что видя теперь протчіе жители по вольности своего перехода. дабы избѣжать имъ податей, бѣгутъ

Сычевскій, принесшій 23 мая копію этого указа къ своимъ товарищамъ, по словамъ ихъ „похвалялся и палочьемъ бить ихъ, сказуя: что я желалъ, то и получилъ".

Не отрицая этихъ послѣднихъ словъ, войтъ впослѣдствіи объяснялъ лишь, что сказалъ ихъ „въ томъ разумѣніи, что въ ономъ указѣ между прочимъ повелѣно о магистратскихъ доходахъ и расходахъ рощеты учинить".

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что насколько были огорчены послѣдовавшимъ указомъ кіевляне депутаты, настолько обрадовался ему войтъ, уже не одинъ разъ успѣвшій представиться новой своей „высшей командѣ", т. е. гетману.

Но какъ ни были обезкуражены магистратскіе урядники такимъ оборотомъ дѣла, они, какъ видно, питали еще нѣкоторую надежду на возможность отмѣны огорчившаго ихъ указа, послѣдовавшаго не по докладу пр. Сената, а прямо изъ кабинета, и потому настойчиво просили войта продолжать съ ними „хожденіе" по этому дѣлу. Но войтъ, не сочувствуя урядникамъ вообще въ ихъ стремленіяхъ, рѣшительно заявилъ, что „опасенъ

на поселеніе въ мѣщанство кіевское и въ мѣста, сему магистрату принадлежащія, и тѣмъ не токмо . . . . . въ правленіи гетманскомъ нарушенъ . . . . . малороссійскому народу слѣдуетъ отягощеніе. Того ради симъ нашимъ указомъ всемилостивѣйше повелѣли мы: 1-е магистрату кіевскому быть въ точной и полной гетманской командѣ такъ, какъ протчихъ малороссійскихъ городовъ магистраты состоятъ, 2-е ему же гетману препоручается вѣдать всѣ ихъ магистратскія учрежденія и доходы, дабы войтъ со всѣмъ магистратомъ и мѣщанами поступали по его гетманскимъ повелѣніямъ и отдавали во всемъ отчетъ кому отъ гетмана малороссійскаго приказано будетъ, 3-е отъ общенародныхъ повинностей таковыхъ, каковыя имянно въ магистратскихъ привилегіяхъ не изображены, и располагаются на весь народъ малороссійской безъ исключенія, магистратъ кіевскій не исключать и въ ревизію такъ какъ и протчихъ обывателей малороссійскихъ писать, не обходя никого изъ магистратскихъ, и предается все вышепомянутое на доброе учрежденіе гетмана, а кіевской губернской канцеляріи ничѣмъ до магистрата не касаться, 4-е сотника и козаковъ кіевскихъ изъ города Кіева не выводить и остаться имъ въ Кіевѣ на прежнихъ ихъ старинныхъ жилищахъ при всѣхъ козацкихъ тамо дозволенныхъ имъ вольностяхъ; и во исполненіе онаго нашего всемилостивѣйшаго указа въ нашемъ Сенатѣ опредѣлено: о бытіи кіевскому магистрату въ точной и полной гетманской командѣ и о чиненіи впротчемъ во всѣмъ непремѣнного исполненія по оному имянному нашему высочайшему указу изъ нашего Сената послать къ вамъ, нашему гетману, грамоту, а въ кіевскую губернскую канцелярію и въ кіевскій же магистратъ указы".

тое учинить", чтобы подать самому государю прошеніе объ отмѣнѣ только что даннаго имъ указа. Ходили они совѣтоваться и къ старому знакомому кіевлянъ сенатору Костюрину, который, прослуживъ въ Кіевѣ съ 1753 по 1758-й годъ и въ званіи вице-губернатора управляя губерніей, хорошо зналъ кіевскія городскія дѣла и отношенія. Костюринъ сказалъ имъ, что де „опасно надъ оной имянной указъ просить", при чемъ, по словамъ Сычевскаго, говорилъ, между прочимъ, обращаясь къ урядникамъ: „а вы, бурмистры и райцы, о расходахъ магистратскихъ, о коихъ я знаю довольно, не можете ничѣмъ оправдаться, только возьмите сумку на плечи, и, положа каменья, въ Кіевѣ изъ мосту въ Днѣпръ бросайтесь". По словамъ же урядниковъ, Костюринъ, когда они были у него въ другой разъ одни безъ войта, совѣтовалъ имъ прибѣгнуть для подачи прошенія государю къ посредничеству генерала Мельгунова и оберъ-маршала Нарышкина, „а отъ Сената де докладомъ взнесено будетъ". Но войтъ рѣшительно отказался отъ подачи прошенія, какъ лично государю, такъ и въ пр. Сенатъ. Между тѣмъ, послѣ объявленнаго высочайшаго указа 20-го мая, необходимо было и всей депутаціи явиться къ гетману Разумовскому, какъ къ своей „вышней командѣ". При этомъ представленіи, по словамъ войта, гетманъ, принимая его отдѣльно отъ другихъ въ своей спальнѣ, говорилъ ему съ укоромъ: „я не надѣялся по твоему штабъ-офицерскому чину, чтобы ты, увѣряясь на одни мнимыя на удачу кіянъ прошенія, отважился представить въ Сенатъ о небытіи подъ командою моею городу Кіеву, какъ то учинилъ ты въ 1760-мъ году". Когда же войтъ сталъ просить у гетмана себѣ „впредь милости и респекту", то гетманъ „сказывалъ командирскимъ повеленіемъ, чтобъ онъ, войтъ, поосторожнѣе и рачительнѣе поступалъ, какъ штабъ-офицеру надлежитъ". Вышедши же изъ спальни въ пріемную, гдѣ находились депутаты, гетманъ выразилъ имъ свое неудовольствіе и грозилъ: „слушайте вы, кіяне,—ежели впредь будете шалить, то я съ вами не такъ уже буду поступать".

Этотъ „репримандъ" былъ, надо полагать, для магистратскихъ урядниковъ тѣмъ чувствительнѣе, что здѣсь же находился

тогда и давній врагъ магистрата кіевскаго, бывшій сотникъ кіевскій, теперь эсаулъ Павелъ Гудимъ, который могъ торжествовать, видя униженіе магистратскихъ депутатовъ. Въ заключеніе аудіенціи гетманъ приказалъ кіевлянамъ, не мѣшкая въ столицѣ, отправляться во свояси немедленно. Такое же приказаніе „съ угроженіемъ" повторилъ онъ и войту, когда тотъ вновь явился къ нему по должности. Тогда же гетманъ приказалъ генеральному писарю Туманскому изготовить на имя магистрата ордеръ о присылкѣ къ гетману копій со всѣхъ жалованныхъ городу Кіеву грамотъ и привилегій, каковой ордеръ и данъ былъ 12-го іюня.

Когда магистратскіе урядники шли представляться гетману, то войтъ настаивалъ, чтобъ они не надѣвали своихъ сабель, съ которыми имѣли обыкновеніе являться въ парадныхъ случаяхъ. Это ношеніе урядниками сабель порицала находившаяся при гетманѣ старшина, а подскарбій Гудовичъ ставилъ это даже въ вину самому Сычевскому, который де долженъ запретить урядникамъ ношеніе сабель; урядники же, видя въ этомъ нарушеніе правъ своихъ и проявленіе лишь „недоброхотства" войтовскаго, говорили, что еслибъ даже кто изъ войсковой старшины и упоминалъ объ этомъ, то войтъ „не токмо такова указу имъ, чиновникамъ, чинить не долженъ, но еще, яко градоначальникъ, за нихъ въ томъ и обстаивать долженъ". Не смотря на запрещеніе войта, урядники продолжали носить въ столицѣ сабли свои, по мнѣнію войта, „не для чего иного, какъ точно для честолюбія своего отъ незнающихъ людей простой ихъ, урядниковъ, породы и достоинства".

12-го іюня писарь Давидовскій получилъ изъ походной канцеляріи гетмана вмѣстѣ съ упомянутымъ выше указомъ о присылкѣ копій и паспортъ для всѣхъ депутатовъ на обратный путь. Депутаты вынуждены были подчиниться и, прекративъ всякія попытки подать прошеніе объ освобожденіи города отъ гетманской команды, оставили столицу.

Возвращаясь домой съ такимъ гостинцемъ, съ такою горькою пилюлею магистрату кіевскому, какъ указъ 20-го мая, озлобленные депутаты и въ этомъ обратномъ пути то и дѣло

ссорились съ войтомъ. Прибыла депутація въ Кіевъ въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Не дешево обошлась городу эта печальная поѣздка депутатовъ. Наличными деньгами поглотила она 2200 р., да издержали на венгерское и волоское вино 661 р. 31 к., а на какую сумму взято было „харчевыхъ припасовъ"—неизвѣстно [1]).

Въ расходованіи этихъ денегъ, надо думать, всѣ были одинаково грѣшны, хотя въ злоупотребленіяхъ винили войтъ урядниковъ, а урядники войта, когда имъ пришлось впослѣдствіи давать показанія объ этихъ расходахъ въ качествѣ „сторонъ". Урядники заявляли, что войтъ, выѣхавши раньше другихъ въ Глуховъ, сдѣлалъ въ Нѣжинѣ для себя нѣкоторыя покупки на 14 р. и велѣлъ этотъ расходъ внести въ реестръ на счетъ магистрата, а затѣмъ въ Москвѣ и Петербургѣ магистратскія деньги расходовались де только по приказу войта, при чемъ „сверхъ вымышляемыхъ имъ по прихотямъ своимъ для собственнаго своего употребленія покупокъ, яко то французскаго хлѣба, барабантской оливы, живой рыбы и ренскаго уксусу, на самой ему въ Москвѣ и Петербургѣ наемъ лошадей, на починку коляски и на мазь оной тѣхъ магистратскихъ денегъ издержано не мало; а при томъ войтъ, стоя въ С.-Петербургѣ съ женою своею, до отъѣзду ея оттоль, особливою квартирою, велѣлъ покупать и въ ту квартиру особливые харчи; да и въ возвратномъ пути по прибытіи въ Москву не сталъ купно въ одной съ чиновниками квартирѣ, какая довольно для всѣхъ вмѣстительна была, сыскавъ себѣ особливую, велѣлъ также и въ ту особливые жъ покупать харчи; съ припасовъ же, отъ магистрата данныхъ, войтъ приватнымъ персонамъ пораздавалъ и какъ хотя надъ тѣми припасами сбытковалъ;—бывшему въ С.-Петербургѣ дядѣ своему бунч. тов. Ивану Миклашевскому ежечасто какъ горѣлку, такъ и сало давалъ; къ тому жъ приватныхъ своихъ гостей какъ пищею, изъ магистратскихъ денегъ купленною, такъ и волоскимъ магистратскимъ виномъ довольствовалъ,

---

[1]) Въ числѣ ихъ были, между прочимъ, грибы, которые покупались тогда, въ Кіевѣ по 3 р. 30 коп. за тысячу. Грибы эти, „презентовались" разнымъ лицамъ очевидно, какъ лакомый кіевскій гостинецъ.

а при томъ нѣсколько разъ, будучи въ гостяхъ, и оттоль къ ур. Прилуцкому за тѣмъ волоскимъ виномъ присылалъ". Этого злополучнаго Прилуцкаго, завѣдывавшаго „харчевыми припасами", войтъ въ Петербургѣ „почти всякой день бранилъ и безчестилъ, называя плутомъ и прочими неудобосносными словами".

Сычевскій же въ свою очередь заявлялъ, что онъ, желая именно воздержать урядниковъ отъ излишнихъ расходовъ, дѣйствительно въ Петербургѣ „многократно напоминалъ" Прилуцкому за то, что „урядникамъ еженедѣльно всякому по погребцу водки наливаетъ и сахаръ выдаетъ со излишествомъ, да на харчи и на покупку полпива ежедневно издерживаетъ много излишнихъ денегъ, и что они урядники на себя партикулярно издержатъ, то въ расходъ магистратскій ставятъ, и онъ Прилуцкій принимаетъ и вноситъ въ реестръ безъ вѣдома войтова; но какъ Прилуцкій всегда отговаривался, что то все дѣлать повелѣваютъ съ угроженіемъ урядники, то войтъ нѣсколько кратъ его перво репремандовалъ, а потомъ, видя его упрямство и въ повелѣніи неисполненіе, называлъ плутомъ и бранилъ временно, а не ежеденно".

Противъ обвиненій урядниковъ войтъ заявлялъ, что вообще на свое содержаніе онъ пользовался магистратскими деньгами и припасами только „съ вѣдома и согласія" урядниковъ, которые „со излишествомъ противъ него" на себя расходовали. Относительно же раздачи грибовъ разнымъ лицамъ, въ чемъ упрекали его урядники, Сычевскій обстоятельно показалъ, что роздалъ онъ ихъ все болѣе или менѣе нужнымъ, вліятельнымъ лицамъ [1]). Войтъ не отрицалъ, что посылалъ водку и сало родичу своему Миклашевскому, но послалъ то за всю бытность свою въ Петербургѣ не болѣе 4 штофовъ водки и до 20 кусковъ сала и дѣлалъ это „не безъ резону и не во излишность

---

[1]) Такъ дано было 500 грибовъ полковницѣ Чичериной потому, что дядя ея генералъ-маіоръ Ник. Ив. Чичеринъ, состоявшій тогда въ Кіевѣ оберъ комендантомъ, „находился въ правленіи кіевск. губ. канцеляріи и въ случающихся требованіяхъ магистратскихъ благопріятствовалъ"; 500 шт. дано архим. Мисаилу „за одолженіе имъ въ заемъ на счетъ магистрата 500 рублей", надворному совѣтнику Ладыгину

магистратскаго расходу", а имѣлъ на это право, такъ какъ лично для себя не бралъ магистратской водки, которою пользовались другіе депутаты, а употреблялъ всегда собственную водку и вишневку, которыми и урядниковъ „ежечасто почтовалъ и никакого отъ нихъ зачету не требовалъ"; если же для гостей своихъ иногда и требовалъ чего либо изъ „харчей" магистратскихъ, то и урядники угощали всегда своихъ гостей тѣми же харчами. Сычевскій указалъ и на то, что онъ самъ часто бывалъ и обѣдалъ въ гостяхъ, и уже по этому де одному на содержаніе его расходъ былъ незначителенъ. Такъ, почти ежедневно онъ бывалъ на обѣдѣ у грузинскаго царевича Леона Бакаровича и вотъ сюда то однажды онъ и потребовалъ, по просьбѣ царевича, волоскаго вина изъ магистратскаго запаса, „яко въ Петербургѣ волоскаго вина не имѣлось", да и выдалъ его Прилуцкій всего бутылокъ шесть.

Урядники обвиняли войта въ томъ, что онъ, взявши съ собой жену съ женской прислугой, тѣмъ самымъ увеличилъ дорожные расходы на лошадей, а затѣмъ отправилъ изъ Петербурга жену отдѣльно, раньше чѣмъ выѣхалъ самъ, тоже на магистратскій счетъ. Войтъ же утверждалъ, что для жены своей нанималъ подводы въ оба пути на собственныя свои деньги, на свой счетъ и продовольствовалъ: „точію когда урядники хотя и малую какую склонность являютъ было къ войту, то онъ, войтъ съ женою и со оными урядниками вмѣстѣ по согласію изъ магистратскихъ припасовъ харчи обще употребляли, и въ такомъ случаѣ люди, въ томъ числѣ и женска полу три души, около войта кормились вмѣстѣ съ партикулярными оныхъ урядниковъ служительми; когда же не согласны были, то войтъ съ женою своею больше своими харчами кормились, но и въ таковыхъ случаяхъ они, урядники, а паче расходчикъ Прилуцкій, приходя къ войту, не единожды объявлялъ, чтобъ онъ войтъ

дано 500 „по прошенію у войта и у оныхъ урядниковъ"; дворецкому кн. Долгорукой (а не самой княгинѣ, какъ говорили урядники) Мелетію Витвицкому дало 500 „за угощеніе имъ войта и оныхъ урядниковъ по знаемости". Не упомянулъ войтъ лишь о тысячѣ грибовъ, розданной имъ въ Москвѣ „на съѣзжей полицмейстерскимъ офицерамъ, когда просилъ о покорованныхъ у него служанкою егожъ деньгахъ".

бралъ магистратскіе припасы для себя и для людей своихъ безъ сумнѣнія".

Урядники же пользовались магистратскими подводами „съ излишествомъ", взявши съ собой изъ Кіева напр. Александровичъ—кадку масла, да вина волоскаго и водки нѣсколько боченковъ „для собственного своего презенту", а Прилуцкій—для продажи „табакъ папушной".

Вообще, надо думать, обѣ стороны не особенно то щадили „коштъ магистратской" въ этой поѣздкѣ, доставившей городу Кіеву лишь такой печальный сюрпризъ, какъ предоставленіе его „въ точную и полную команду" гетмана.

А. Андріевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВОЛЫНСКІЙ ВОПРОСЪ 1097–1102 Г.[1])

Предметъ настоящей работы составляютъ взаимныя отношенія южнорусскихъ князей конца XI и начала XII в. Предметъ, конечно, очень не новый: любечскій съѣздъ, ослѣпленіе Василька, волынская война 1098—1099 г., увѣтичскій съѣздъ съ его ближайшими послѣдствіями—всѣ эти факты, объединяемые мною подъ общимъ именемъ „волынскаго вопроса", такъ какъ вопросъ о владѣніи Волынью составляетъ тотъ центральный пункъ, къ которому привели и около котораго сгруппировались современныя княжескія отношенія—эти факты хорошо извѣстны, благодаря своему интересу, драматизму, богатству подробностей, и обстоятельно излагаются во всякомъ сколько нибудь подробномъ курсѣ исторіи. Но нельзя сказать, чтобы эти факты, при всей своей общеизвѣстности, были вполнѣ понятны, была ясна ихъ зависимость и связь относительно предшествующаго и послѣдующаго. Взаимныя, напримѣръ, цѣлованія князей въ Любечѣ и послѣдовавшее ослѣпленіе Василька; единодушный взрывъ негодованія при вѣсти объ этомъ преступленіи и затѣмъ—передача Волыни Святополку и намѣреніе „братьи" лишить волости самого пострадавшаго—Василька; первенствующая роль Мономаха въ началѣ этихъ событій и странное,

---

[1]) Первоначально содержаніе этой работы входило, какъ эпизодъ, въ мою „Исторію Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV в.", которая печатается одновременно съ этимъ; но затѣмъ я счелъ за лучшее выдѣлить этотъ эпизодъ и дать ему самостоятельное бытіе, чтобы имѣть возможность подробнѣе обосновать и развить проводимые относительно него взгляды, чего нельзя было сдѣлать въ рамкахъ упомянутой „Исторіи".

пассивное положеніе его въ дальнѣйшемъ теченіи вопроса—эти факты, какъ они передаются въ источникахъ, являются неожиданными, непонятными. Перипетіи событій въ источникахъ часто не мотивированы, или мотивированы недостаточно, фальшиво, большая же часть ученыхъ, излагая эти событія, обыкновенно скользитъ, такъ сказать, по поверхности извѣстій, не подвергая ихъ болѣе глубокому анализу. Если же были высказываемы относительно ихъ справедливыя соображенія, то и они не всегда принимались въ разсчетъ послѣдующими изслѣдователями и не содѣйствовали въ должной мѣрѣ правильному пониманію событій. Между тѣмъ правильная оцѣнка этихъ событій и сама по себѣ представляетъ научный интересъ, и важна въ томъ отношеніи, что отъ нея получаетъ то или иное освѣщеніе вся вообще княжеская политика того періода и личности участниковъ этихъ событій, крупныхъ историческихъ дѣятелей того времени.

Существенный вопросъ въ данномъ случаѣ—вопросъ объ источникахъ. Для изученія волынскаго вопроса существуетъ ихъ нѣсколько. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ сказаніе нѣкоего Василя, включенное въ Начальную лѣтопись [1]). Можно колебаться въ опредѣленіи предѣловъ этого сказанія; наиболѣе вѣроятно, что оно обнимаетъ собою разсказъ о событіяхъ отъ любечскаго съѣзда до конца волынской войны [2]). Написано

---

[1]) О немъ спеціальная работа г. Хрущова: „Сказаніе о Василькѣ Ростиславичѣ“ въ „Чтеніяхъ историческаго общества Нестора“. I, стр. 44 сл., потомъ вошедшая въ его книгу „О древнерусскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ“. 1878 г., стр. 31 сл.

[2]) Кончая словами: „а Володимеръ вда сынови своему Ярославу“ (Лаврент. лѣт., изд. 1872 г., стр. 264). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 22) склоняется къ тому предположенію, что Василю принадлежитъ не весь разсказъ о Василькѣ; но разсказъ собственно о волынской войнѣ носитъ также ясныя черты отдѣльнаго сказанія, а какихъ либо слѣдовъ спайки его со сказаніемъ объ ослѣпленіи Василька не замѣтно. Наоборотъ Погодинъ предполагалъ за сочиненіемъ Василя гораздо большіе размѣры, приписывая ему же нѣкоторыя вставныя извѣстія со смерти Всеволода, въ томъ числѣ и извѣстный разсказъ о борьбѣ Олега съ Мстиславомъ (1096 г.) (см. его Хронологическій указатель древн. русск. исторіи въ Ученыхъ Зап. Академіи, VII, I, стр. 74—80). Г. Хрущовъ описанія любечскаго съѣзда не причисляетъ къ сказанію (Чтенія, стр. 55).

оно, повидимому, въ промежутокъ между 1112 г. (смерть Давыда Игоревича) и 1124 (смерть Василька), слѣдовательно спустя лѣтъ пятнадцать — двадцать послѣ описываемыхъ событій [1]). Авторомъ его было лицо, какъ видно, близкое къ Васильку [2]) и дому Всеволода, но ближе намъ неизвѣстное. Другой источникъ—погодныя записи, вошедшія также въ составъ Начальной лѣтописи; четыре краткія записи относятся къ событіямъ 1098—99 г., описываемымъ въ Сказаніи, но онѣ не зависятъ отъ него: такъ въ записяхъ приведена точная дата смерти Мстислава Святополковича, отсутствующая въ Сказаніи, судя по этой же датѣ и общему характеру записей, надо думать, что онѣ приблизительно современны описываемымъ событіямъ. И сказаніе,

[1]) Говоря о переводѣ Давыда въ Дорогобужь, авторъ Сказанія прибавляетъ: „в немже и умре", а о Василькѣ замѣчаетъ: „и есть та рана на Василкѣ и нынѣ" (Лаврент. лѣт., стр. 251 и 263), см. упомянутую статью г. Хрущова въ Чтеніяхъ, стр. 58. Надо, впрочемъ, замѣтить, что это упоминаніе о смерти Давыда находится въ самомъ концѣ Сказанія, который очень сходенъ съ заключительными словами лѣтописнаго разсказа объ увѣтичскомъ съѣздѣ: „даша ему Дорогобужь, в немже и умре, а Святополкъ перея Володимерь, и посади въ немъ сына своего Ярослава" (Сказаніе), „и посемь вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь, в немже и умре, а Володимеръ вда сынови своему Ярославу" (лѣтопись)—Лавр. л. с. 263 и 264, Ипатск. стр. 179 и 181. Совпаденіе это, конечно, не случайное и должно быть объяснено заимствованіемъ; я думаю, что заимствовалъ составитель лѣтописной записи, потому что слова—„Святополкъ перея" и пр. въ Сказаніи являются необходимымъ заключеніемъ о послѣдующей судьбѣ Волыни (другое обстоятельство въ пользу такого заключенія будетъ приведено ниже). Противоположное мнѣніе было высказано Погодинымъ въ упомянутомъ „Хронологическомъ указателѣ" (стр. 81).

Нѣкоторые ученые обратили вниманіе на то обстоятельство, что Сказаніе говоритъ о характерѣ Мономаха въ прошедшемъ времени: „Володимеръ бо такъ бяше любезнівъ, любовь имѣя к митрополитомъ"..; въ Ипатской лѣт. (изд. 1871 г., стр. 172): „Володимеръ же такъ есть любьзнивъ", но дальше слѣдуютъ прошедшія времена: „и приходящая к нему напиташе и напояше". Это подало поводъ къ предположенію, что этотъ отзывъ сдѣланъ уже послѣ смерти Мономаха (1125 г.)—см. Monumenta Poloniae histor. Бѣлевскаго, I, p. 526 и у К. Н. Бестужева-Рюмина, О сост. р. лѣт., стр. 30. Собственно прошедшее время не можетъ служить рѣшительнымъ аргументомъ, (авторъ могъ говорить о Мономахѣ и при жизни его въ прошедшемъ времени, съ точки зрѣнія описываемыхъ событій), но нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что Сказаніе позже подверглось нѣкоторымъ добавленіямъ и измѣненіямъ.

[2]) Г. Хрущовъ справедливо замѣчаетъ, что многое Василь описалъ со словъ самого Василька (Чтенія, стр. 60).

и записи, кромѣ Начальной лѣтописи, переданы затѣмъ и въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ съ нѣкоторыми варіантами и добавленіями; варіанты и добавленія встрѣчаются также и въ польскихъ сводахъ, основывавшихся на русскихъ лѣтописяхъ, какъ Длугоша, Стрыйковскаго [1]). Нѣсколько краткихъ извѣстій, относящихся къ нашему вопросу, находится въ поученіи Мономаха и, наконецъ, въ Печерскомъ Патерикѣ, въ житіяхъ св. Прохора, Василія и Ѳеодора.

Изучая и сравнивая извѣстія нашихъ источниковъ, я пришелъ къ убѣжденію, что главный источникъ—Сказаніе, которому слѣдуютъ до настоящаго времени ученые въ изложеніи и оцѣнкѣ описываемыхъ въ немъ событій, — это сказаніе, при всѣхъ своихъ литературныхъ достоинствахъ, въ противность господствующему мнѣнію, не безукоризненно, какъ историческій источникъ. Въ общемъ на фактическую сторону его можно положиться—авторъ стоялъ близко къ описываемымъ событіямъ и дѣятелямъ и имѣлъ о нихъ достаточно свѣдѣній, но освѣщеніе, мотивы, которые даетъ онъ по временамъ (въ другихъ случаяхъ изложеніе Сказанія объективно и личность автора мало выступаетъ) — иногда сомнительны. Во первыхъ, авторъ — въ значительной степени моралистъ, онъ съ особенною любовью останавливается на эпизодахъ, которые могутъ дать читателю нравственный урокъ [2]), и въ этихъ видахъ, можетъ быть, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сгущаетъ или смягчаетъ краски; во вторыхъ, онъ переноситъ на описываемое время въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вѣроятно безсознательно, условія позднѣйшія, современныя его авторству. Онъ слишкомъ расположенъ къ Мономаху, рисуетъ въ его лицѣ идеалъ правды, любви, патріотизма, и даетъ ему слишкомъ первенствующую роль въ

---

[1]) Впрочемъ эти добавленія сводовъ, русскихъ и польскихъ, въ большинствѣ— просто домыслы составителей.

[2]) Такой поучительный характеръ имѣютъ, напримѣръ: разсказъ объ ужасѣ князей при вѣсти объ ослѣпленіи Василька, похвала Мономаху, разсказъ о казни Ростиславичами Давыдовыхъ бояръ (се же второе мщенье створи, его же не бяше лѣпо створити и пр.), о битвѣ на Рожни полѣ; подобныхъ примѣровъ или менѣе ясныхъ можно привести и больше.

событіяхъ, потому что смотритъ на него съ точки зрѣнія послѣдующаго времени, когда Мономахъ былъ окруженъ ореоломъ славы и популярности, былъ дѣйствительно первымъ человѣкомъ на Руси. Относительно описываемаго времени такой взглядъ, по моему мнѣнію, въ значительной степени несправедливъ: факты, сообщаемые самимъ Сказаніемъ и другими источниками, совершенно ясно показываютъ, что въ описываемыхъ событіяхъ Мономахъ далеко не игралъ такой исключительной роли. Отношенія Мономаха и Святославичей (которые въ Сказаніи стоятъ на второмъ планѣ, въ роли послушныхъ помощниковъ Мономаха) къ Святополку авторъ выводитъ изъ нравственныхъ и патріотическихъ мотивовъ: послѣдующіе факты стоятъ въ полномъ противорѣчіи съ такими мотивами. Правда, замѣчали по этому поводу, что въ обществѣ мало-культурномъ нравственныя движенія не отличаются устойчивостью, проходятъ быстро, почти безслѣдно, уступая мѣсто личнымъ интересамъ [1]); положимъ, но князья, проливающіе слезы по поводу преступленія Святополка и затѣмъ награждающіе его Волынью, представляютъ все таки такую неожиданную метаморфозу, что невольно приходишь въ сомнѣніе относительно того, дѣйствительно ли нравственные мотивы имѣли такое значеніе, не возникли ли они просто изъ субъективнаго и ретроспективнаго взгляда автора. Опять таки сопоставленіе извѣстныхъ намъ фактовъ должно, по моему мнѣнію, привести къ тому выводу, что дѣйствительные мотивы, руководившіе дѣйствіями князей, были не нравственные, а политическіе, что въ современной политикѣ, въ междукняжескихъ отношеніяхъ можно найти объясненіе многихъ фактовъ этого времени, которые сами по себѣ, при томъ освѣщеніи, какое даютъ имъ источники, являются странными и неожиданными. Чтобы дать возможно справедливое объясненіе и оцѣнку разсматриваемымъ событіямъ, мы устранимъ все то, въ чемъ можетъ быть заподозрено субъективное произведеніе

---

1) Лашнюковъ. Владиміръ Мономахъ и его время, стр. 26 (въ „Пособіи къ изученію русской исторіи критическимъ методомъ. Кіевъ. 1874, раньше въ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1873 г.).

автора Сказанія, удержимъ изъ него лишь голый остовъ фактовъ и сопоставимъ полученныя такимъ образомъ данныя съ извѣстіями, очень скудными впрочемъ, другихъ источниковъ и фактами предшествующаго времени. Это сопоставленіе должно вмѣстѣ послужить и оправданіемъ высказаннаго мною взгляда на Сказаніе.

Причины, создавшія конфликтъ конца XI в., глубоко коренились въ общемъ направленіи политики русскихъ князей второй половины этого столѣтія. Политика эта характеризуется по преимуществу собираніемъ земель: эта традиція, завѣщанная предшествующимъ временемъ, долго еще жила въ періодъ удѣльно—вѣчевой и только постепенно ослабѣла и исчезла, наткнувшись на слишкомъ большія препятствія. Благодаря тому, что старшій и сильнѣйшій изъ сыновей Ярослава—Изяславъ—не годился для роли объединителя, собираніе волостей производится сначала тремя старшими Ярославичами сообща, затѣмъ является дуумвиратъ Святослава и Всеволода, который смѣняется дуумвиратомъ Изяслава и Всеволода, и наконецъ собирательною политикою занялся Всеволодъ единолично. Собравъ въ своихъ рукахъ большую половину волостей (Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Смоленскъ, Ростово-Суздальская волость, подъ конецъ еще Новгородъ) и удовлетворивъ сыновей Изяслава (имъ были предоставлены: Новгородъ, Волынь и Туровская земля, но первыя двѣ волости были потомъ ими утрачены), онъ всѣми мѣрами старается уберечь свои владѣнія отъ притязаній изгоевъ—въ этомъ содержаніе его княженія. Политика его своекорыстна и недальновидна. Одного за другимъ надѣляетъ онъ болѣе сговорчивыхъ претендентовъ: такъ, даетъ Давыду Игоревичу Дорогобужъ, потомъ Владиміръ (волынскій), Ростиславичамъ—Червенскіе города, все это на счетъ Изяславова дома, которому принадлежала Волынь; онъ же, вѣроятно, далъ Смоленскъ Давыду Святославичу; за то во чтобы то ни стало старается онъ сохранить за собою Черниговъ и устранить Олега Святославича, главнаго, энергичнѣйшаго претендента. Но эти частныя соглашенія были только палліативами, и умирая, Всеволодъ оставилъ Мономаху свою тяжбу съ племянниками не

оконченною, нерѣшенною; она возобновилась при первомъ удобномъ случаѣ—именно послѣ пораженія Святополка и Мономаха половцами въ 1093 г. Немедленно явился Олегъ съ половцами и принудилъ Мономаха очистить Черниговъ. Затѣмъ, воспользовавшись этимъ временемъ, половцы предприняли рядъ набѣговъ на пограничныя волости; эти набѣги, весьма частые и интенсивные, совершенно связывали руки Мономаху и его единственному союзнику — Святополку. При такихъ условіяхъ дальнѣйшая борьба съ Олегомъ была немыслима, и Мономахъ очень хорошо понималъ это: онъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы разорвать союзъ Олега съ половцами, установить прочныя отношенія къ нему и такимъ образомъ развязать себѣ руки для борьбы съ половцами. Съ этою цѣлью вмѣстѣ съ Святополкомъ они требуютъ, чтобы Олегъ принялъ участіе въ походѣ на половцевъ, чтобы онъ убилъ сына хана Итлара, жившаго у него; послѣ отказа—пытаются довліять на него при помощи общественнаго мнѣнія, приглашая явиться на общій совѣтъ всего населенія, „да порядъ положимъ о Русьстѣй землѣ, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ“ [1]). Послѣ новаго отказа Олега, его лишили черниговской волости, но это опять таки не устраняло затрудненій и обѣщало лишь новыя претензіи и нападенія со стороны Олега. Потому Мономахъ со Святополкомъ, отпуская Олега, берутъ съ него обѣщаніе, что онъ явится съ братомъ Давыдомъ въ Кіевъ на общій совѣтъ. Олегъ все таки не рѣшался отдаться на волю ихъ и задумалъ еще разъ добиваться силою волостей, къ тому же захватъ Мурома, совершенный въ это время сыномъ Мономаха, Изяславомъ, не могъ внушить особеннаго довѣрія къ миролюбію Мономаха. Борьба Олега съ этимъ Изяславомъ и Мстиславомъ Мономаховичемъ кончилась для него опять совершенно неудачно. Но Мономахъ желалъ только прочнаго мира и въ этомъ отношеніи былъ искрененъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Олегу. Послѣдній, наконецъ, сдался и согласился передать свое дѣло на судъ братіи; для рѣшенія его былъ созванъ съѣздъ въ Любечѣ.

---

[1]) Лаврент. лѣт., стр. 222 (Ипат. лѣт., стр. 160).

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію постановленій этого съѣзда, я еще остановлюсь нѣсколько на отношеніяхъ Мономаха и Святополка. Отъ нашествія половцевъ въ 1093 г. и до любечскаго съѣзда мы видимъ ихъ въ тѣсномъ союзѣ: они помогаютъ другъ другу въ борьбѣ противъ половцевъ, а Святополкъ кромѣ того и въ борьбѣ Мономаха съ Олегомъ, хотя въ вопросѣ объ изгояхъ онъ вовсе, повидимому, не былъ заинтересованъ, такъ какъ не владѣлъ изгойскими волостями; самыя половецкія нашествія 1093—1096 гг., стоявшія, несомнѣнно, въ извѣстной связи съ борьбою Мономаха и Олега, для Святополка въ значительной степени поэтому были на чужомъ пиру похмельемъ. Какимъ образомъ возникъ этотъ союзъ, лѣтописи не объясняютъ; начался онъ помощью Мономаха Святополку въ въ 1093 г. противъ половцевъ; думаю, что Мономахъ, какъ человѣкъ умный, за помощь противъ половцевъ могъ пользоваться помощью Святополка и противъ другихъ своихъ враговъ; можетъ быть и такъ, что Святополкъ за свое содѣйствіе получилъ или имѣлъ получить какое нибудь вознагражденіе. Иное освѣщеніе этимъ отношеніямъ даетъ Татищевскій сводъ; по извѣстіямъ его, Мономахъ былъ приглашаемъ по смерти Всеволода на кіевскій столъ населеніемъ, но отказался отъ него въ пользу Святополка [1]); среди князей Святополкъ не пользовался никакимъ авторитетомъ [2]), „и ежели бы Владиміръ его не охранялъ, то бъ давно Кіева Святославичами лишенъ былъ". Такимъ образомъ, по этому воззрѣнію, Святополкъ былъ обязанъ Мономаху своимъ столомъ, находился подъ его опекою и долженъ былъ, слѣдовательно, помогать ему изъ благодарности. Такой взглядъ на отношенія ихъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, находимъ потомъ у Карамзина, у Н. Полевого (Карамзинъ прямо заявляетъ, что „только сильная рука Мономаха держала его (Святополка) 20 лѣтъ на престолѣ") [3]), и въ на-

[1]) Исторія Россійская, т. II, стр. 146.

[2]) „Наложницу свою поялъ въ жену и тако ее любилъ, что безъ слезъ на малое время разлучиться не могъ, и много ея слушая отъ князей терпѣлъ поношеніе, а часто и вредъ съ сожалѣніемъ." (Ист. Россійск., II, стр. 211).

[3]) Исторія государ. россійск., II, стр. 84 (изд. 1842 г.). Исторія русск. народа, II, стр. 323—324.

стоящее время онъ является, можно сказать, общепринятымъ, хотя у новѣйшихъ историковъ и не высказывается съ полною опредѣленностью [1]). Но второе извѣстіе Татищева—о претензіяхъ Ольговичей, отъ которыхъ оборонялъ Мономаха Святополкъ—совершенно не согласуется съ тѣмъ, что мы достовѣрно знаемъ объ отношеніяхъ ихъ, а что касается до призванія Мономаха на столъ по смерти Всеволода, то это извѣстіе, пользующееся въ наукѣ значительнымъ довѣріемъ, если и не опровергается, то нисколько и не подтверждается разсказомъ Начальной лѣтописи, тамъ сказано просто: „Володимеръ нача размышляти река: аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко (то) есть столъ преже отца его былъ" [2]). Весьма возможно, что извѣстіе Татищевскаго свода есть тоже результатъ ретроспективнаго взгляда на Мономаха, который я выше отмѣтилъ у автора Сказанія: популярность его въ XII в. перенесъ онъ и на XI в., но популярность эта создалась главнымъ образомъ во время половецкихъ походовъ 1103—1111 гг.; для того, чтобы предполагать ее въ болѣе раннее время, мы не имѣемъ достаточныхъ основаній. Во всякомъ случаѣ, если бы даже кіевляне приглашали Мономаха на столъ въ 1093 г., для того, чтобы отклонить это предложеніе, не нужно было особеннаго великодушія, а только немного благоразумія. Святополкъ добровольно не уступилъ бы Кіева, а пріобрѣтать новаго врага, имѣя и безъ того въ тылу такого соперника, какъ Олегъ, Мономаху было вовсе не интересно. Все это я говорю къ тому, что нѣтъ основаній думать, будто Святополкъ былъ въ дѣйствительности обязанъ Мономаху и долженъ былъ помогать ему изъ благодарности. Началомъ союза ихъ было, думаю, не отреченіе Мономаха отъ Кіева, а приходъ его на помощь Святополку въ томъ же 1093 г.; въ это время, при первой встрѣчѣ, они „взяста межи собою распря и которы, и уладившася цѣловаста крестъ межи собою" [3]). Этихъ распрь и которъ никакъ

[1]) См. впрочемъ Русскую исторію К. Н. Бестужева-Рюмина, I, стр. 165.

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 210 (Ипат. лѣт., стр. 152). Подробнѣе объ этомъ въ моей Исторіи Кіевской земли, гл. II.

[3]) Лаврент. лѣт., стр. 211 (Ипат., стр. 153).

нельзя относить къ данному походу, какъ дѣлаютъ нѣкоторые [1]), это видно и изъ контекста [2]); предметомъ ихъ было, вѣроятно, установленіе взаимныхъ отношеній. Спорные вопросы были разрѣшены, князья уладились и цѣловали крестъ другъ другу, и затѣмъ мы видимъ Святополка дѣятельнымъ союзникомъ Мономаха.

Возвращаюсь къ любечскому съѣзду; судя по всему, онъ былъ по преимуществу дѣломъ Мономаха, который былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы установить прочныя отношенія къ прочимъ князьямъ и обезопасить свою волость отъ половцевъ; въ этомъ же направленіи долженъ былъ вліять на своего союзника и Святополкъ, волость котораго также подвергалась страшнымъ опустошеніямъ. Половецкія нападенія были выставлены и на съѣздѣ, какъ побудительный поводъ къ установленію мира (а половци землю нашу несуть розно, и ради суть, еже межю нами рати), а какъ средство, было принято распредѣленіе волостей между князьями сообразно отчинамъ: „кождо да держить отчину свою". Отчинами для князей, правдоподобно, должны были служить надѣлы, назначенные Ярославомъ, но принципъ отчинности былъ проведенъ съ значительными ограниченіями. Только Святославичи получили свои исконныя волости—сѣверскую и муромо-рязанскую земли, Святополкъ получилъ только Кіевъ съ Туровомъ, а Новгородъ по прежнему остался во владѣніи Мономахова сына, Мстислава (послѣдній былъ посланъ туда Всеволодомъ по просьбѣ новгородцевъ, когда Святополкъ перешелъ изъ Новгорода въ Туровъ, и въ началѣ 1095 г. самовольно призванъ снова новгородцами изъ Ростова [3])—онъ имѣлъ такимъ образомъ за собою народный выборъ). Мономахъ, кромѣ Переяславля и ростово-суздальской земли, сохранилъ за собою Смоленскъ и Новгородъ. Что касается Давыда Игоревича и

---

[1]) См. напр. у Н. Полевого, II, стр. 326.

[2]) „И рѣша имъ мужи смысленіи:" „почто вы распря имата межи собою? а погании губятъ землю Руськую; послѣди ся уладита, а нынѣ поидита противу поганымъ любо с миромъ, любо ратью"; въ Никоновской лѣт. (Полн. собр. русск. лѣт. X, стр. 120): „послѣди смиритеся, что есть обида межи собою".

[3]) Лавр. лѣт., стр. 221 и 266 (Ипат. лѣт., стр. 160 и 182).

Ростиславичей, то за ними были оставлены тѣ волости, какія получены ими были при Всеволодѣ—Волынь и Червенскіе города. Такимъ образомъ исходнымъ пунктомъ для утвержденія большинства волостей служило распредѣленіе ихъ при Всеволодѣ; такая постановка вопроса была выгодна только для Мономаха: очевидно, устроивъ съѣздъ, онъ съумѣлъ рѣшительно повліять и на его постановленія.

Но обдѣленные князья не могли быть довольны такимъ оборотомъ дѣла, особенно если принять предположеніе, что это распредѣленіе волостей должно было считаться окончательнымъ и онѣ, по всей вѣроятности, должны были закрѣпиться затѣмъ въ нисходящихъ линіяхъ за отдѣльными семьями [1]). Поэтому слова Сказанія объ искренности и единодушіи князей: „и на томъ цѣловаша кресть: да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будемъ вси и кресть честьный; рекоша вси: да будеть нань хрестъ честный и вся земля русьская; и цѣловавшеся поидоша всвояси. И приде Святополкъ с Давыдомь Кыеву, и ради быша людье вси, но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей“ [2])—эти слова нельзя принять съ полнымъ довѣріемъ; едва ли это не литературный пріемъ, не антитеза, имѣющая цѣлью ярче оттѣнить контрастъ взаимныхъ цѣлованій и послѣдующаго ослѣпленія. Самыя постановленія любечскаго съѣзда заключали въ себѣ поводы для послѣдующаго столкновенія [3]). Особенно имѣли поводы быть недовольными Давыдъ Игоревичъ и Святополкъ; первый долженъ подѣлиться своею отчиною съ Ростиславичами, второй—съ Мономахомъ, отъ котораго, можетъ быть, ожидалъ напротивъ уступокъ за помощь противъ Олега; что потеря Новгорода, исконнаго аннекса Кіева, была ему очень чувствительна, это показываютъ его позднѣйшія попытки возвратить его. И то стремленіе къ возвращенію и закрѣпленію

[1]) Такого мнѣнія о любечскихъ постановленіяхъ держится проф. Сергѣевичъ (Вѣче и князь, стр. 321—2) и оно, мнѣ кажется, подтверждается историческими фактами, особенно позднѣйшими отношеніями Мономаха къ Святославичамъ, съ одной стороны, и Ярославу Святополковичу, съ другой.

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 247—8 (Ипат. лѣт., стр. 167—8).

[3]) Это замѣтилъ уже Полевой въ своей Исторіи русск. нар., II, стр. 344.

отчинъ, которое породило всю предшествующую борьбу изгоевъ и совершенно ясно обозначилось въ постановленіяхъ любечскаго съѣзда, руководитъ и послѣдующими дѣйствіями Давыда и Святополка. На первыхъ порахъ они выступили союзниками, но союзъ этотъ не былъ проченъ: Волынь была отчиною имъ обоимъ, Давыду—по Ярославлю дѣленію, Святополку—какъ владѣніе его отца и затѣмъ брата Ярополка; въ этомъ лежала возможность коллизіи.

Вѣроятно, уже на съѣздѣ выяснились княжескія отношенія, но Мономахъ успѣлъ задержать на время объединеніе недовольныхъ—иначе распредѣленіе волостей вышло бы, вѣрно, значительно иное. Сближеніе недовольныхъ произошло немедленно послѣ съѣзда; Святополкъ возвращался съ него вмѣстѣ съ Давыдомъ, и послѣдній сообщилъ ему свое открытіе: будто Мономахъ вступилъ въ заговоръ съ Василькомъ противъ Святополка и Давыда, съ цѣлью захвата волостей; Мономахъ долженъ былъ получить Кіевъ, а Василько—Волынь, Погорину [1]) и туровскую волость [2]). По словамъ Сказанія, Давыду сообщили объ этомъ „нѣкоторые мужи“ его, которые и поплатились потомъ, а Давыдъ только „ялъ вѣру лживымъ словамъ“. Конечно, мы не можемъ опредѣлить, насколько справедливо это утвержденіе и чтó въ дѣйствительности принадлежало Давыду, а чтó его мужамъ. Весьма вѣроятно, что и раньше существовало недовѣріе, соперничество между Давыдомъ и Ростиславичами, какъ раньше между Ростиславичами и Ярополкомъ: сидя по сосѣдству, да еще въ земляхъ, не такъ давно составлявшихъ одну владимірскую волость, они не могли обойтись безъ этого. Мы знаемъ, что Василько въ это время занимался обширными военными приготовленіями—эти приготовленія должны были очень безпо-

---

[1]) Погорина, область по среднему теченію р. Горыни, весьма долго занимала межеумочное положеніе между кіевскою землею и Волынью; подробнѣе о ней въ Исторіи кіевской земли, стр. 3, 14—15.

[2]) Такъ передаетъ это сообщеніе Святополкъ Мономаху и Святославичамъ въ Сказаніи (Лаврент. лѣт., стр. 253, Ипат., стр. 172); сходныя слова вкладываетъ авторъ и въ уста Давыду относительно Василька (Лаврент., стр. 249, Ипат., стр. 168).

коить Давыда [1]). Поэтому и безъ наговора своихъ мужей Давыдъ имѣлъ поводы искать средствъ къ тому, чтобы обезпечить себя отъ опаснаго сосѣда. Охлажденіе между Святополкомъ и Мономахомъ, которое должно было обнаружиться во время любечскаго съѣзда, дало возможность Давыду пріобрѣсть союзника и приступить къ болѣе энергическимъ мѣрамъ противъ Василька. Его сообщеніе Святополку, какъ оно передается въ Сказаніи (эта передача не возбуждаетъ противъ себя подозрѣній) составлено очень искусно: чтобъ заинтересовать Святополка, претензіи Василька распространены не только на Волынь, но и на Погорину и туровскую волость Святополка, и въ союзники его приданъ Мономахъ, въ качествѣ претендента на Кіевъ. Сказаніе категорически утверждаетъ, что это сообщеніе было клеветою [2]). Что Мономахъ не имѣлъ въ виду отнимать Кіева у Святополка, это болѣе, чѣмъ вѣроятно: подобный образъ дѣйствій былъ не въ его характерѣ. Но что онъ, замѣтивъ неудовольствіе Святополка, могъ сблизиться съ Василькомъ, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, и такое сближеніе (скорѣе оборонительнаго характера, чѣмъ наступательнаго) могло, пожалуй, возбудить толки и подозрѣнія среди присутствовавшихъ на съѣздѣ. Чтобы подѣйствовать на Святополка вѣрнѣе, Давыдъ сталъ еще обвинять Василька, будто онъ убилъ или, вѣроятнѣе, участвовалъ въ убійствѣ брата Святополка—Ярополка [3]), и совѣтовалъ схватить Ва-

---

[1]) Лаврент. лѣт., стр. 256—257 (Ипат. лѣт., стр. 174); ср. у Соловьева, II, стр. 52.

[2]) „А Василко сего не вѣдяше, ни Володимеръ, Лавр. лѣт., стр. 248 (Ип. лѣт., стр. 168).

[3]) Вопросъ объ этомъ убійствѣ (Лавр. лѣт., стр. 199—200, Ипат. лѣт., стр. 144—145)—очень темный. Обыкновенно полагаютъ, что подозрѣвали въ участіи въ этомъ убійствѣ Рюрика Ростиславича, къ которому бѣжалъ убійца; но были въ ученой литературѣ попытки доказать, что истиннымъ виновникомъ убійства Ярополка былъ самъ Давыдъ Игоревичъ, пожавшій плоды его (ему достался владимірскій столъ по смерти Ярополка), и что обвиненіе въ убійствѣ Василька есть выдумка Давыда („Смерть Ярополка Изяславича"—въ Современникѣ, т. XVI, отд. II, стр. 29—32, также Исторія галицко-русск. княжества [Зубрицкаго, II, стр. 27, Владиміръ Мономахъ И. В. Лашнюкова, стр. 8); возраженія, см. у Соловьева (II, стр. 30—31). Наоборотъ, Погодинъ въ своемъ Хронологическомъ указателѣ (стр 67) категорически приписываетъ присылку убійцы Ростиславичамъ. Можетъ быть,

силька [1]). Но Святополкъ не рѣшался; поимка или убійство Василька не представляли для него выгоды и отвлекали его отъ дѣйствительныхъ его интересовъ, отъ истиннаго его соперника—Мономаха; ему опять грозило на чужомъ пиру похмелье; притомъ рискъ былъ слишкомъ великъ: Давыдъ былъ единственсоюзникомъ Святополка, пока отношенія съ Святославичаминымъ не были улажены; однако, какъ человѣкъ слабохарактерный, онъ въ концѣ концовъ подпалъ вліянію Давыда; Василько былъ завлеченъ и схваченъ. Но прежде какихъ либо рѣшительныхъ дѣйствій Святополкъ считалъ необходимымъ заручиться поддержкою кіевскаго населенія; созвавъ вѣче, онъ сообщилъ ему извѣстіе о заговорѣ, но „бояре и людье“ дали отвѣтъ очень уклончивый: если Василько виноватъ, то, конечно, его слѣдуетъ наказать, если Давыдъ лжетъ, пусть его Богъ судитъ, дѣло это ваше, рѣшайте, какъ знаете—такой, въ сущности, смыслъ имѣютъ слова, влагаемыя въ уста вѣчу Сказаніемъ [2]): населеніе не настолько дорожило личностью Святополка, чтобы связывать себя въ его интересахъ какими либо обязательствами. Между тѣмъ духовенство (игумены) рѣшительно стало ходатайствовать за Василька, Святополкъ готовъ былъ уступить, но новыя настоянія Давыда взяли свое: Василько былъ отвезенъ въ Звенигородъ [3]) и ослѣпленъ (7 ноября 1097 г.); затѣмъ его въ без-

---

Давыдъ сообщилъ Святополку какія нибудь подробности, бросавшія тѣнь на Ростиславичей и неизвѣстныя Святополку, такъ какъ послѣдняго въ моментъ смерти брата не было на югѣ—онъ былъ въ Новгородѣ.

1) Татищевъ (II, стр. 172) замѣчаетъ: „и какъ на Владимира силы его ради и любви въ народѣ ничего начать не смѣли, то стали совѣтовать о Василькѣ“. Но затрогивать Мономаха было и не въ интересахъ Давыда.

2) „Тобѣ, княже, достоить блюсти головы своее, да аще есть право молвилъ Давыдъ, да приметь Василько казнь, аще ли не право глагола Давыдъ, да приметь месть отъ Бога и отвѣчаетъ предъ Богомъ“ (Лавр. лѣт., стр. 250, Ипат. лѣт., стр. 169—70).

3) Звенигородъ—въ Ипатск. лѣт. (стр. 170) и у Длугоша (l. IV, p. 326—Zmigrod), въ Лаврент., Никоновск., Воскресенск. (въ послѣдней однако проскользнулъ Звенигородъ вмѣсто Звиждия—П. с. р. л., VII, стр. 13)—Бѣлгородъ. М. А. Максимовичъ справедливо указалъ, что читаемое въ лѣтописи поясненіе: „иже градъ малъ у Киева яко 10 верстъ в дале“ не идетъ къ Бѣлгороду, городу извѣстному, при-

чувственномъ состояніи уложили на телѣгу и повезли по владимірской дорогѣ; на шестой день онъ былъ уже во Владимірѣ.

По словамъ Сказанія вѣсть объ этомъ произвела потрясающее дѣйствіе на князей: Мономахъ „ужасеся и всплакавъ и рече: сего не было есть в Русьскѣй земьли ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ, сякого зла. И ту абье посла к Давыду и к Олгови Святославичема, глаголя: поидѣта къ Городцю, да поправимъ сего зла, еже ся створи се в Русьскѣй земли, оже вверже в ны ножь; да аще сего не правимъ, то большее зло встанеть в насъ и начнеть братъ брата закалати, и погыбнеть земля Русьская и врази наши, Половци, пришедше возмуть землю Русьскую. Се слышавъ Давыдъ и Олегъ, печална быста велми и плакастася, рекуща: яко сего не было в родѣ нашемь. И ту абье собравша воѣ, придоста к Володимеру", и всѣ вмѣстѣ двинулись къ Кіеву[1]). Итакъ въ Сказаніи—порывъ, непосредственное дѣйствіе негодованія; Мономахъ—блюститель интересовъ братьи и Русской земли, хозяинъ Русской земли, которому послушно повинуются Святославичи. Но обращаясь къ погоднымъ записямъ Начальной лѣтописи, находимъ извѣстіе объ этомъ походѣ уже подъ слѣдующимъ 6606 г.[2]), слѣдовательно онъ случился не раньше марта или по крайней мѣрѣ незадолго до марта 1098 г. Если теперь сопоставить съ этимъ нѣкоторыя данныя, сообщаемыя Сказаніемъ, то выходитъ, что походъ этотъ случился именно, надо думать, въ самомъ началѣ февраля или концѣ января: передъ началомъ великаго поста („яко

томъ отстоящему дальше отъ Кіева (Собраніе сочиненій, II, стр. 320). Звенигородъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Сиракова городища у с. Хотова,—см. рефератъ В. Б. Антоновича въ „Чтеніяхъ общества Нестора", кн. I, стр. 37. Василька увезли, какъ видно, ночью, немедленно по ослѣпленіи, и на обѣдъ поспѣли въ Звиждень; отъ Сиракова городища до нынѣшняго села Здвижки по прямой линіи около 80 верстъ.

[1]) Лаврент. лѣт., стр. 252—3, Ипат., стр. 171.

[2]) „Приде Володімеръ, и Давыдъ и Олегъ на Святополка и сташа у Городца, и створиша миръ". Лавр. лѣт., стр. 263, Ипат., стр. 179. Городецъ съ наибольшею вѣроятностью пріурочивается къ замчищу у с. Вигуровщины, за Днѣпромъ у Кіева, см. спеціальную работу г. Гошкевича—Дворецъ кн. Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ. Кіевъ. 1890 г., стр. 20 сл.

приближися постъ великый") 1098 г. [1]) во Владиміръ, гдѣ Давыдъ держалъ въ заключеніи Василька, дошелъ слухъ, что Мономахъ и Святополкъ идутъ на Давыда [2]). Такой слухъ могъ явиться только послѣ похода князей къ Кіеву: раньше, конечно, никому не пришло бы въ голову, что Святополкъ выступитъ въ роли мстителя за Василька, а Мономахъ—въ роли его союзника; слухъ этотъ, очевидно, былъ недоразумѣніемъ и ему естественнѣе всего было явиться немедленно за соглашеніемъ князей, пока условія его не были хорошо извѣстны. Свидѣтельство современной событію записи, притомъ находящей себѣ подтвержденіе въ самомъ Сказаніи, заслуживаетъ, конечно, большаго довѣрія, чѣмъ разсказъ Сказанія; послѣдній имѣетъ цѣлью дать эффектную картину всеобщаго ужаса предъ преступленіемъ и въ жертву эффекту авторъ принесъ историческую точность [3]).

Такимъ образомъ походъ князей на Святополка является отдѣленнымъ отъ ослѣпленія Василька тремя мѣсяцами, хотя извѣстіе объ ослѣпленіи должно было донестись въ Переяславль и Черниговъ уже черезъ нѣсколько дней [4]). Какъ прошли эти

---

[1]) Пасха въ 1096 г. была 28 марта (Арцыбашевъ. Два съѣзда князей, стр. 261), слѣдовательно сыропустъ—7 февраля. Переговоры могли затянуться, поэтому извѣстіе попало подъ 1098 мартовскій годъ.

[2]) Лаврент., стр. 255 (Ипатск., стр. 173).

[3]) Г. Хрущовъ замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: „потребность отдохнуть на Мономахѣ, послѣ разсказа о гнусномъ дѣлѣ, потребность представить Владиміра защитникомъ праваго дѣла—вотъ что заставило автора прямо съ осени перенестись къ событію весеннему и потомъ возвратиться къ продолженію своего разсказа. Такое отступленіе отъ хронологіи ясно говоритъ за то, что сказаніе было вполнѣ независимо отъ лѣтописи". (Чтенія с. 56).

[4]) На это обратилъ вниманіе уже Карамзинъ (II, пр. 186); чтобы объяснить это промедленіе, онъ предполагалъ, что Мономахъ былъ задержанъ набѣгомъ половцевъ, о которомъ говоритъ въ Поученіи (Лавр., стр. 241): „и тогда же Торци придоша ко мнѣ ис Половець Читѣевичи, идохомъ противу имъ на Сулу", но предшествующее: „с Давыдомь смирившеся"... относится, вѣроятно, къ примиренію съ Давыдомъ Святославичемъ въ 1096 г., къ тому же приблизительно времени относится, вѣроятно, и походъ. Во всякомъ случаѣ важно то, что походъ князей на Святополка не былъ такимъ непосредственнымъ движеніемъ, какимъ его представляетъ Сказаніе. Послѣдующіе историки часто не обращали на это вниманія и вслѣдъ за Сказаніемъ говорили о немедленномъ походѣ (наприм. Соловьевъ, II, стр. 55, Ко-

нѣсколько мѣсяцевъ, мы, конечно, не можемъ знать, но можемъ замѣтить, что Мономаху, который вовсе не былъ тогда хозяиномъ въ Русской землѣ, и недавно еще не на животъ, а на смерть боролся со Святославичами, вѣроятно, нужно было время для того, чтобы превратить враждебныя отношенія въ союзныя.

Походъ князей, слѣдовательно, не былъ непосредственнымъ движеніемъ чувства, а результатомъ болѣе хладнокровныхъ соображеній. Какую же цѣль имѣли въ виду князья, идя на Святополка „поправити сего зла"? Позже мы встрѣчаемъ въ устахъ князей, какъ правовую норму, положеніе, что князь за проступокъ лишается волости: „оже ся князь извинить, то въ волость, а мужь у голову" [1]); Давыдъ Игоревичъ въ концѣ концовъ былъ дѣйствительно лишенъ волости; *по виду*, и относительно Святополка князья имѣли такое же намѣреніе. Но выгнать Святополка—это значило вызвать новую борьбу, возобновить съ новой силой всѣ тѣ неурядицы, которыя съ такимъ трудомъ удалось прекратить любечскимъ съѣздомъ. Мономахъ едва ли могъ желать этого. Себѣ взять Кіевъ въ данныхъ обстоятельствахъ онъ не могъ: положеніе его еще не было достаточно авторитетно и прочно; отдать его Олегу Святославичу, старѣйшему послѣ Святополка,—выигрышъ болѣе чѣмъ сомнительный. Мотивъ у Мономаха въ дѣйствительности былъ, вѣроятно, иной. До него должно было дойти извѣстіе о союзѣ Святополка и Давыда, равно какъ и то, что союзъ этотъ былъ направленъ не только противъ Василька, но и противъ него самого [2]); и это извѣстіе должно было его встревожить: Мономаху приходилось опасаться враждебныхъ дѣйствій со стороны союзниковъ, поводы для того существовали, и Мономахъ, вѣроятно, это сознавалъ; между тѣмъ онъ былъ одинокъ; примиреніе со Свято-

---

стомаровъ, Русск. ист. въ жизнеоп., I, стр. 51, изд. 1888 г., Иловайскій. Исторія Россіи, I, стр. 131); у Погодина въ Хронолог. указат. (стр. 54—5) созывъ князей Мономахомъ поставленъ подъ 1097 г., а походъ ихъ къ Кіеву — подъ 1098 (январьскимъ).

[1]) Ипат. лѣт., стр. 409.

[2]) О заговорѣ Мономаха Святополкъ заявлялъ по Сказанію на вѣчѣ; такъ или иначе, Мономахъ навѣрно хорошо зналъ, что дѣлается въ Кіевѣ, у Святополка.

славичами было слишкомъ свѣжо, чтобъ на него можно было разсчитывать, и перспектива борьбы со Святополкомъ ему, вѣроятно, не улыбалась. Разстроить этотъ новый союзъ, смирить Святополка, заставить его отказаться отъ претензій, подчинить его снова своему вліянію—вотъ что, вѣроятно, было истинною цѣлью Мономаха, когда онъ сближался со Святославичами и устраивалъ походъ на Кіевъ. Какими доводами привлекъ онъ къ участью Святославичей, мы не знаемъ; вѣроятно онъ успѣлъ убѣдить ихъ, что новый союзъ и для нихъ опасенъ [1]).

Собравъ войска, Мономахъ и Святославичи сошлись у Городца. Предварительно послали они пословъ къ Святополку, укоряя его, что онъ не передалъ дѣла на общій судъ, а расправился самоправно [2]). Святополкъ сваливалъ вину на Давыда, который наговорилъ ему, оправдывался: „и не язъ его ослепилъ, но Давыдъ, и велъ и к собѣ“. Это было совсѣмъ жалкое оправданіе, и послы отвѣчали, что это пустая отговорка, потому что Василько ослѣпленъ въ городѣ Святополка; можемъ прибавить еще, что, по Сказанію, изъ трехъ исполнителей ослѣпленія двое были служители Святополка. Князья послѣ этого стали готовиться къ переправѣ. Святополкъ оробѣлъ: кіевляне не обнаружили намѣренія поддержать его, Давыдъ, повидимому, тоже не подалъ помощи, и онъ собрался было бѣжать изъ Кіева [3]). Но тутъ вмѣшалось кіевское земство; ставъ въ положеніе верховнаго распорядителя земли, вѣче удержало Свято-

---

[1]) Татищевъ (II, стр. 178), довольно неправдоподобно, замѣчаетъ по этому поводу, что Святославичи, „вѣдая на себя Святополкову тайную злобу, болѣе другихъ зла отъ него, наипаче когда онъ съ Владиміромъ былъ въ согласіи, опасались“.

[2]) По свидѣтельству Татищевскаго свода, „Олегъ, властолюбіемъ разжигаемъ“, настаивалъ на немедленномъ изгнаніи Святополка, „надѣяся себѣ по старѣйшинству, а не по достоинству престолъ достать“, но Давыдъ Святославичъ настоялъ на томъ, чтобы сначала попросить объясненія у Святополка (Ист. Рос., II, стр. 178). Эта подробность очень сомнительна и не согласуется съ общимъ образомъ дѣйствій Олега; можетъ быть, этотъ неудачный домыслъ, или недоразумѣніе, Татищева далъ поводъ къ уже приведенному выше замѣчанію его, что Святославичи хотѣли Святополка лишить стола, но Мономахъ его оберегалъ.

[3]) По Длугошу (l. IV, p. 327)—къ половцамъ.

полка и отрядило митрополита Николу и княгиню Анну[1]), мачеху Мономаха, къ союзникамъ съ просьбою не губить Русской (т. е. кіевской) земли, отложить усобицу и обратить соединенныя силы противъ половцевъ. Каковы бы ни были намѣренія союзниковъ, просьба кіевскаго населенія, выраженная черезъ такихъ авторитетныхъ, умно выбранныхъ представителей, должна была быть уважена: Мономахъ былъ вообще очень чутокъ и внимателенъ къ общественному мнѣнію, а Святославичи сами по себѣ не могли выступить активно. По Сказанію, Мономахъ опять восплакалъ, „рече: по истинѣ отци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую, а мы хочемъ погубити и преклонися на молбу княгинину, чтяшеть ю акы матерь, и митрополита такоже чтяше, санъ святительскый, и не преслуша молбы его“. Князья повели дипломатическую пересылку между собою и окончательно рѣшили такъ: „се Давыдова сколота; то иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими, любо прожени и; Святополкъ же емъся по се, и цѣловаша крестъ межи собою, миръ створше“ [2]).

Образъ дѣйствій князей, какъ онъ представленъ въ Сказаніи, является очень страннымъ, если принять, что союзники, идя на Святополка, руководились негодованіемъ на преступленіе и желаніемъ „поправити сего зла“. Объ участіи Давыда въ ослѣпленіи князья должны были знать заранѣе; ничего особеннаго въ свое оправданіе Святополкъ во время послѣднихъ пересылокъ сказать не могъ: виновность его была очевидна, факты были на лицо. И князья не только не принимаютъ какихъ либо карательныхъ мѣръ относительно Святополка (чему не препятствовало и вмѣшательство кіевскаго вѣча), но, поручая ему схватить или прогнать Давыда, они тѣмъ самымъ отдаютъ въ его власть Волынь, потому что она, сдѣлавшись вакантною, по принципу, выставленному на любечскомъ съѣздѣ, должна была перейти не къ кому иному, какъ къ Святополку, какъ его отчина. О Василькѣ въ описаніи переговоровъ нѣтъ и рѣчи,

---

[1]) Анною называютъ княгиню Всеволожу Никоновск. лѣт. (П. с. р. л. IX, стр. 132) и Татищевъ (II, стр. 180).

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 253—5. Ипат., стр. 171—173.

хотя онъ еще находился въ плѣну у Давыда: князья-мстители вовсе не заботятся о немъ, и только благодаря своему брату Василько былъ потомъ освобожденъ. Между тѣмъ съ точки зрѣнія политическихъ соображеній все это легко объясняется: Мономахъ попугалъ Святополка и разстроилъ угрожавшій ему союзъ: подавъ надежду на Волынь, онъ обратилъ Святополка противъ его недавняго союзника—Давыда. Если принять, что Мономахъ съ самаго начала не имѣлъ намѣренія сгонять Святополка, и походъ къ Кіеву былъ лишь демонстраціей, то посольство кіевлянъ было очень кстати, дало ему благовидный поводъ отъ угрозъ перейти къ уступкамъ. Достигъ ли Мономахъ второй половины предполагаемой цѣли, смирилъ ли онъ и подчинилъ себѣ Святополка? Можетъ быть да, а можетъ быть и нѣтъ; дѣло въ томъ, что вскорѣ мы видимъ Святополка въ союзѣ съ Святославичами—обстоятельство очень важное, ибо оно дало прочное положеніе Святополку; какъ произошло это сближеніе, мы не знаемъ; союзъ Святославичей съ недавнимъ врагомъ Мономахомъ едва ли отличался искренностью, и разстроить его Святополку было, вѣроятно, не трудно. Если этотъ поворотъ въ политикѣ начался еще во время самихъ переговоровъ подъ Кіевомъ, что возможно, то Святополку нечего было особенно робѣть передъ Мономахомъ и добиваться его расположенія. Во всякомъ случаѣ позже Святополкъ держитъ себя относительно Мономаха вполнѣ независимо.

Василько, какъ упомянуто, находился въ то время въ плѣну у Давыда. Когда во Владиміръ дошли слухи, будто Мономахъ со Святополкомъ собираются на Давыда, послѣдній обратился къ посредничеству Василька, прося его повліять на Мономаха, чтобы онъ не предпринималъ этого похода. Василько обѣщалъ, но неизвѣстно, посылалъ ли онъ дѣйствительно посланца, и имѣло ли это какое нибудь вліяніе [1]). Передъ Пасхою

---

[1]) Своды Воскресенскій (П. с. р. л., VII, стр. 15), Софійскій (I, стр. 182, изд. П. М. Строева), Тверской (П. с. р. л. XV, стр. 186), Татищевскій (II, стр. 184) говорятъ, что Василько послалъ пословъ къ Мономаху, и послѣдній вслѣдствіе этого вернулся со Святополкомъ. Это извѣстіе (принятое Арцыбашевымъ—Повѣствов. о Россіи, I, кн. 2, пр. 303 и раньше, въ статьѣ Два съѣзда князей—Вѣ-

1098 г. Давыдъ предпринялъ походъ съ цѣлью захватить волость Василька (теребовльскую), но у Бужска [1]) встрѣтилъ его Володарь; захваченный врасплохъ, Давыдъ выпросилъ себѣ пропускъ, обѣщавъ освободить Василька; это было исполнено, и противники примирились. Такимъ образомъ надежды Давыда—объединить волынскія волости не сбылись. Наоборотъ, сами Ростиславичи предприняли вслѣдъ за тѣмъ походъ уже на волость Давыда—сожгли Всеволожъ [2]) и подступили ко Владиміру; впрочемъ, судя по Сказанію, они не имѣли въ виду, какъ и позже, во время борьбы со Святополкомъ, территоріальныхъ пріобрѣтеній и ограничились мщеніемъ. По требованію ихъ были выданы двое Давыдовыхъ бояръ—Лазарь и Василь, виновники ослѣпленія Василька (ти бо суть намолвили Давыда, и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ се зло) и казнены, а третій—Турякъ—успѣлъ бѣжать въ Кіевъ. Ростиславичи удовольствовались этимъ и ушли [3]).

Святополкъ не вмѣшался въ эту борьбу. Получивъ полномочіе на пріобрѣтеніе Волыни, онъ повелъ дѣло не торопясь, осторожно. Неудача Давыда въ борьбѣ съ Ростиславичами дала ему, вѣроятно, первый толчекъ къ приготовленіямъ [4]). Онъ заручился поддержкою Святославичей, снесся съ Ростиславичами и польскимъ в. кн. Владиславомъ Германомъ, своимъ родственникомъ по матери [5]); Ростиславичамъ Святополкъ, по словамъ Сказанія, объявилъ, что не имѣетъ никакихъ видовъ на ихъ

стникъ Европы 1823, XII, стр. 261), есть, вѣроятно, домыселъ, притомъ неудачный. По Сказанію, Владиміръ вовсе и не собирался итти на Давыда. Вѣроятнѣе всего, что (Василько), размолвившись съ Давыдомъ изъ-за Кулмѣя, котораго Василько хотѣлъ послать къ Мономаху, а Давыдъ не согласился, Василько вовсе не посылалъ никого къ Мономаху. Иначе Давыдъ долженъ былъ бы въ благодарность отпустить Василька и о такомъ нарушеніи этого обѣщанія авторъ Сказанія, вѣроятно, упомянулъ бы.

[1]) Теперь мѣстечко Бускъ въ Галиччинѣ на З. Бугѣ.

[2]) Мѣстонахожденіе его неизвѣстно—см. Ист. волынск. земли г. Андріяшева, стр. 57.

[3]) Лаврент. лѣт., стр. 255—59 (Ипат., стр. 173—6).

[4]) Это прямо утверждаетъ Татищевскій сводъ (II, стр. 187).

[5]) Объ этомъ родствѣ см. у г. Линниченка, Взаимныя отношенія Руси и Польши, I, стр. 52.

волости и цѣловалъ на томъ крестъ [1]). Раннею весною [2]), уже 1099 г.—Святополкъ отправился къ Берестью, на свиданіе съ Владиславомъ. Давыдъ, услышавъ объ этомъ, также отправился „в Ляхы“, искать помощи. Свиданіе произошло на берегу З. Буга [3]); Владиславъ, получивъ отъ обоихъ искателей богатые дары, принялъ сторону Святополка, хотя реальной помощи не оказалъ и ему. „Сотворивши совѣтъ“ съ поляками, Святополкъ пошелъ въ Пинскъ и отсюда послалъ „по воѣ“, затѣмъ отправился въ Дорогобужъ и, дождавшись здѣсь войскъ, двинулся на Давыдa ко Владиміру; очевидно, къ Берестью ходилъ онъ налегкѣ; въ дальнѣйшемъ разсказѣ видимъ у него ополченіе Туровской земли, а къ Дорогобужу ходилъ онъ (что было вовсе не по дорогѣ ко Владиміру), вѣроятно, на встрѣчу войскамъ, шедшимъ къ нему изъ Кіевской области. Давыдъ былъ осажденъ во Владимірѣ и послѣ семинедѣльной осады, не получивъ отъ поляковъ обѣщанной помощи, „почa молитися: пусти мя изъ града“; вѣроятно, онъ отступился отъ своей волости, и на томъ цѣловали крестъ. Выпущенный изъ города Давыдъ отправился въ Червень, а оттуда „в ляхы“ [4]).

Завладѣвъ волостью Давыда, Святополкъ заблагоразсудилъ прихватить и остальную часть своей отчины: „нача думати на

---

[1]) Лавр. лѣт., стр. 260 (Ипат. стр. 177).

[2]) Осада Владиміра Святополкомъ начата была въ половинѣ февраля, такъ какъ продолжалась семь недѣль и окончилась въ великую субботу—9 апрѣля (см. у Карамзина, II, пр. 188). Осадѣ предшествовало путешествіе къ Берестью и сборъ войскъ, такъ что изъ Кіева Святополкъ отправился не позже начала февраля. Въ погодныхъ записяхъ походъ его отнесенъ къ 6607 г. (Лавр. лѣт., стр. 263, Ипат. стр. 179).

[3]) Что этому свиданію еще раньше предшествовали сношенія Святополка съ Владиславомъ, это нужно заключить и изъ обстоятельствъ, а также изъ словъ поляковъ Давыду въ Сказаніи: „поиди съ нами Берестью, яко се вабить ны Святополкъ на снемъ“. Татищевъ сообщаетъ разныя подробности этого свиданія, пиры и пр.; по его словамъ, поляки обѣщали Святополку выдать Давыда, если онъ бѣжитъ къ нимъ; при этомъ же рѣшено было выдать дочь Владислава—Сбыславу за Ярослава Святополковича (Ист. Рос. II. с. 187—8). Объ этихъ сношеніяхъ съ поляками см. у г. Линниченка, Взаимн. отнош. I. с. 132—134.

[4]) Лаврент. лѣт. стр. 259—260 (Ипат. лѣт. стр. 176). По словамъ Татищева (II с. 188), Давыдъ, сдаваясь, выговорилъ себѣ Червень у Святополка; это, вѣроятно, опять таки его догадка.

Володаря и Василька, глаголя: яко се есть волость отца моего и брата". Дѣйствительно, Изяславъ, а послѣ его смерти—Ярополкъ, владѣя Волынью, владѣли и городами Ростиславичей, пока Всеволодъ не выдѣлилъ ихъ въ отдѣльную волость; такимъ образомъ Святополкъ имѣлъ полное основаніе считать ихъ своею отчиною. „Надѣяся на множество вой", Святополкъ двинулся на Ростиславичей, преступивъ крестное цѣлованіе; съ нимъ были его сыновья—Мстиславъ и Ярославъ, двое племянниковъ—сыновья убитаго Ярополка Изяславича, и сынъ Давыда Святославича—Святоша. Но правое дѣло взяло верхъ, Святополкъ былъ разбитъ на Рожнѣ полѣ [1]); оставивъ на Волыни сыновей, онъ отправился въ Кіевъ, желая, можетъ быть, собрать новыя силы [2]), и уже больше не принималъ личнаго участія въ войнѣ [3]). Одинъ изъ сыновей его, Мстиславъ, остался во Владимірѣ, а Ярославъ отправился къ угорскому королю—просить помощи противъ Ростиславичей. Между тѣмъ общій врагъ сблизилъ Ростиславичей съ Давыдомъ, который вернулся изъ Польши. Давыдъ отправился за помощью къ половцамъ и вернулся со знаменитымъ Бонякомъ. У Перемышля произошла битва съ Ярославомъ и его уграми. Угры потерпѣли совершенное пораженіе, и Ярославъ черезъ Польшу бѣжалъ въ Туровскую волость [4]). Давыдъ тогда принялся отвоевывать свои вла-

---

[1]) Мѣстность эта, какъ видно изъ разсказа Лав. л. подъ 1144 г., находилась у верховья р. Серета, но ближе неизвѣстна—см. Барсова Геог. нач. л. с.118 и 290, изд. 1885г.

[2]) Такъ объясняетъ это Длугошъ (p. 329).

[3]) Если разсказъ Печерскаго Патерика о св. Прохорѣ и конфискаціи соли Святополкомъ пріуроченъ вѣрно, то можно сдѣлать предположеніе, что эта афера съ солью и вызванное ею неудовольствіе народа удержали Святополка въ Кіевѣ. По свидѣтельству Патерика, соль вздорожала, „егда же Святополкъ съ Давыдомъ Игоревичемъ рать зачаста про Василькову слѣпоту, его же ослѣпи Святополкъ, послушавъ Давыда Игоревича, с Володаремъ и съ самѣмъ Василкомъ" (Патерикъ въ „Памятникахъ рус. литер. XII и XIII в." изд. г. Яковлевымъ с. 154). Тутъ, вѣроятно, напутано переписчикомъ. Изъ Сказанія неизвѣстно, чтобы Святополкъ въ союзѣ съ Давыдомъ Игоревичемъ велъ войну съ Ростиславичами, да и строй рѣчи странный (рать зачаста про Василкову слѣпоту . . . . съ Василкомъ), выходитъ какая-то иронія, которую трудно допустить въ этомъ памятникѣ.

[4]) По Сказанію, въ битвѣ участвовало на сторонѣ Ростиславичей—400 чел., а угровъ—100 тысячъ, цифра, конечно, преувеличенная; у Длугоша угровъ—восемь тысячъ (p. 329).

дѣнія. Началась упорная осада Владиміра. Мстиславъ былъ убитъ во время одного изъ приступовъ (12 іюня 1099 г.) [1]); гарнизонъ не рѣшился сдаться и, утаивъ смерть Мстислава отъ населенія, далъ знать Святополку [2]). Святоша, сидѣвшій въ Луцкѣ (этотъ городъ былъ, очевидно, отданъ ему Святополкомъ за оказанную помощь [3]), принужденъ былъ подчиниться Давыду и цѣловалъ крестъ къ нему. Помощь присланная Святополкомъ, подъ начальствомъ тысяцкаго Путяты, отбила Давыда отъ Владиміра: воины Путяты захватили его врасплохъ, одновременно напали владимірскій гарнизонъ и Святоша. Давыдъ снова прибѣгнулъ къ помощи Боняка; сначала приступили къ Луцку: Святоша очистилъ городъ и ушелъ въ Черниговъ, затѣмъ напали на Владиміръ. Посадникъ Святополка Василь (Путята еще раньше вернулся въ Кіевъ) покинулъ городъ и бѣжалъ; это было, вѣроятно, въ концѣ лѣта или началѣ осени 1099 г. Такъ попытка Святополка завладѣть Волынью окончилась совершенною неудачею [4]).

М. Грушевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Лавр. с. 263 (Ипат. с. 180).

[2]) Затруднительно рѣшить, кто были „людье", просившіе помощи у Святополка, и „гражане" (ниже, въ разсказѣ о приходѣ Путяты подъ Владиміръ)—Святополковъ гарнизонъ или владимірское населеніе? Вѣроятнѣе, что эти „людье", боявшіеся „да аще ся вдамы, Святополкъ погубитъ ны вся" и противополагающіе себя другимъ „людямъ", собирающимся сдать городъ, и эти „гражане", такъ усердно сѣкущіе „воѣ Давыдовы", были гарнизономъ Святополка (ср. Андріяшева ор. с. с. 114), но г. Хрущовъ, напримѣръ, видитъ здѣсь владимірцевъ (Чтенія с. 57).

[3]) Г. Андріяшевъ (ор. с. с. 36) категорически утверждаетъ, что Святоша только стоялъ съ войскомъ, а не владѣлъ Луцкомъ, но это, по моему, невѣроятно: Святоша занималъ Луцкъ до похода Давыда на Волынь; стѣсненный послѣднимъ онъ заключаетъ съ нимъ договоръ и остается въ Луцкѣ же, только Давыдъ помѣщаетъ у него, очевидно для обезпеченія, своихъ мужей. Перейдя затѣмъ, послѣ прихода Путяты на сторону Святополка, онъ сохраняетъ за собою Луцкъ и теперь, и только послѣ новыхъ успѣховъ Давыда, не надѣясь удержать городъ за собою, ушелъ въ Сѣверщину. Очевидно, дѣло шло о чемъ-то большемъ, чѣмъ о занятіи города гарнизономъ. Что Святославичи, въ частности Святоша, за свою помощь должны были получить вознагражденіе отъ Святополка, это понятно само по себѣ.

[4]) Лавр. с. 260—263 (Ипат. с. 176—179).

Семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка.

Извѣстно, что въ XVI—XVII вѣкахъ въ южнорусскихъ земляхъ Литвы и Польши существовалъ особый взглядъ на бракъ. Тамъ господствовали идеи брака, который называютъ теперь гражданскимъ: нотаріальный договоръ имѣлъ значеніе такое же, какъ и благословеніе церкви, расторженіе браковъ происходило легко и часто; для этого достаточно было взаимнаго согласія супруговъ и подтвержденія ихъ согласія гражданскою властью, которая давала имъ „распустные листы", или же сами супруги давали другъ другу подобныя удостовѣренія, предоставлявшія имъ право вступить въ другой бракъ.

Причину подобныхъ явленій тогдашней жизни, противорѣчащихъ праву церковному, нѣкоторые указываютъ во вліяніи реформатскаго ученія или въ соціальныхъ условіяхъ тогдашней жизни (Ор. Левицкій, О семейныхъ обычаяхъ въ юго-зап. Руси, „Русск. Стар." 1880, ноябрь). Проф. Владимірскій-Будановъ, въ ст. „Черты семейнаго права западной Россіи", (въ 4-й книгѣ „Чтеній истор. общества Нестора Лѣтописца") считаетъ такія анормальныя явленія остаткомъ обычнаго права, существовавшаго на Руси во времена язычества. „Ни въ какой области права, говоритъ профессоръ, обычаи не оказались столь жизненными и живучими, какъ именно въ семейной сферѣ; не только въ прежніе долгіе вѣка по принятіи христіанства дохристіанскіе обычаи не поддавались истребленію, но живутъ и въ наши дни въ формѣ семейныхъ обрядовъ, которые предста-

вляютъ замѣчательно вѣрно сохранившійся памятникъ временъ язычества“ (стр. 42).

Конечно, церковь всегда старалась устранить все, противорѣчащее духу христіанства въ области семейнаго права. Въ представленныхъ проф. В.-Будановымъ фактахъ видна эта борьба церкви и закона съ вѣковымъ обычнымъ правомъ. И уже въ XVI в. въ культурныхъ центрахъ западной Россіи видна регламентація семейнаго права въ духѣ христіанства; но чѣмъ дальше отъ центровъ умственной жизни тогдашняго общества, тѣмъ больше господствуетъ прежнее языческое право. Такъ, въ томъ же XVI в. въ Подоліи, въ украинныхъ повѣтахъ (барскомъ и каменецкомъ), по свидѣтельству описей (люстрацій) государственныхъ имуществъ, существовали такіе государственные доходы: 1) *поемщизна*, что сами чиновники—люстраторы объясняютъ такъ: „когда который человѣкъ обычаемъ пограничнымъ самовольнымъ возметъ себѣ чью дѣвку или вдову или разведенную въ качествѣ жены и съ нею желаетъ жить, тогда даетъ три гривны на зàмокъ“; 2) *разводы*,—„когда кто хочетъ жену отпустить или жена мужа, то тотъ кто причиненъ (т. е. кто требуетъ того) даетъ три гривны“, и наконецъ 3) *куница*,—„когда кто благопристойно (законно—„statecznie“) беретъ дѣвку замужъ въ частно-владѣльческое село (изъ казеннаго), то, по принятому обычаю той краины, даетъ подарокъ въ пользу замка“,—но послѣдній доходъ, по замѣчанію люстраторовъ, наименѣе значительный (тамъ-же стр. 44—45).

Таковы были черты семейнаго права въ XVI в. не только въ Подоліи, но во всей Руси Литовской.

Затѣмъ вышеуказанный взглядъ на бракъ къ началу XVIII вѣка почти изчезъ вездѣ, кромѣ Подоліи.

Въ этой же мѣстности, вслѣдствіе особыхъ историческихъ условій края, обычное семейное право, господствовавшее здѣсь въ XVI вѣкѣ, существовало еще и въ половинѣ XVIII вѣка, хотя отчасти въ измѣненномъ видѣ. Лишенное какой бы то ни было регламентаціи и совершенно отрицаемое церковнымъ и гражданскимъ законодательствомъ, оно порождало настоящее безладье въ семейной жизни народа, и духовнымъ властямъ

пришлось вести упорную борьбу съ ненормальностями въ области семейныхъ отношеній того времени.

Въ нашемъ пользованіи были три тома декретовъ каменецкой уніатской консисторіи, обнимающіе время съ 1737 по 1754 г. Книги эти принадлежатъ архиву Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета. При чтеніи этихъ декретовъ поражаетъ масса дѣлъ о незаконныхъ бракахъ,—изъ 1000 слишкомъ прочитанныхъ нами декретовъ, почти 10-я часть ихъ занята дѣлами подобнаго рода: или священникъ привлекается въ судъ за обвѣнчаніе двое-и трое-женца или двое-и троемужней женщины, или привлекаются въ судъ сами эти лица, вступившія въ такіе незаконные браки, или вторая жена жалуется суду, что мужъ покинулъ ее и живетъ съ первой своей женой, и т. п. дѣла. Настоящая статья и составлена на основаніи матеріаловъ, заимствованныхъ нами изъ указанныхъ консисторскихъ декретовъ.

Причинами подобныхъ явленій въ Подоліи въ первой половинѣ XVIII вѣка были: 1, хаотическое состояніе страны въ предшествовавшій періодъ, въ эпоху козацко-шляхетскихъ войнъ и турецкаго владычества, а также соціально-политическія условія народной жизни въ Подоліи въ первой половинѣ XVIII в. и 2, вліяніе магометанъ, господствовавшихъ въ Подоліи болѣе четверти вѣка (съ 1672 по 1699 гг.) и затѣмъ въ XVIII в. жившихъ по сосѣдству съ Подоліей, въ Бессарабіи.

Извѣстно, что еще съ половины XVII вѣка началось движеніе подольскаго народа на востокъ, за Днѣпръ. Турецкое занятіе края усилило это движеніе: народъ сталъ двигаться не только на востокъ, но и на западъ, и на сѣверъ. Къ концу владычества турокъ, Подолія сильно обезлюдѣла. Многія села и мѣстечки стояли въ развалинахъ. Незначительная только часть населенія пряталась по горамъ, ущельямъ и пещерамъ днѣстровскаго бассейна, по лѣсамъ, болотамъ и камышамъ прибугскихъ равнинъ. Но вотъ, съ выходомъ турокъ изъ Подоліи, сталъ возвращаться народъ на свои родныя пепелища. По брачнымъ дѣламъ въ указанныхъ выше декретахъ консисторіи можно прослѣдить, откуда въ то время двигался народъ въ Подолію:

движется онъ съ востока, изъ Украйны и Брацлавщины, изъ за Кальника и Тульчина, движется съ запада—изъ Угорщины, Покутья и Подгорья, движется, наконецъ, и съ сѣвера—Полѣсья.

Польское правительство, занявъ Подолію, принялось регулировать внутреннюю жизнь страны, но не всегда удачно, и это породило массу внутреннихъ безпорядковъ. Такъ, простой народъ сталъ селиться на слободахъ польскихъ землевладѣльцевъ; послѣдніе, для привлеченія къ себѣ рабочихъ рукъ, предоставляютъ поселенцамъ извѣстныя льготы на извѣстный срокъ. По прошествіи срока паны требуютъ исполненія условій—повиновенія, притѣсняютъ крестьянъ, вслѣдствіе чего происходитъ нарушеніе обязательствъ съ обѣихъ сторонъ. Народъ протестуетъ или массами — посредствомъ возстаній (таковы возстанія 1702, 1734, 1750 и 1768 гг.), или же въ одиночку—посредствомъ побѣговъ отъ одного землевладѣльца къ другому, чему иногда сами землевладѣльцы способствовали, приманивая къ себѣ переселенцевъ. Народъ, привыкши бродяжничать въ эпоху „руины“ продолжаетъ бродяжничать и теперь, въ первой половинѣ XVIII в.

И вотъ крестьянинъ, ушедшій изъ Подоліи въ чужіе края и успѣвшій тамъ жениться, при первой возможности идетъ на свою покинутую родину, не особенно безпокоясь о томъ, идетъ ли съ нимъ его жена, или остается на своей родинѣ. Если только жена не сопровождаетъ его, онъ на новомъ мѣстѣ женится на другой, не особенно заботясь также о томъ, благословила ли его бракъ церковь, или нѣтъ. Затѣмъ, если ему на новомъ мѣстѣ не живется, онъ, увлекаемый жаждой лучшей доли, а иногда и привычкой къ бродяжничеству, переходитъ въ третье мѣсто и тамъ опять женится. Такихъ переходовъ и женитьбъ онъ могъ сдѣлать нѣсколько. Тоже дѣлаютъ и женщины: онѣ переходятъ отъ одного мужа (находящагося въ живыхъ) къ другому, отъ другого къ третьему.

И нужно сказать, что при такомъ положеніи вещей трудно было тогдашнимъ властямъ—духовнымъ и гражданскимъ—контролировать заключеніе браковъ. При вѣчныхъ переходахъ и бродяжничествѣ народа нельзя было знать, гдѣ находится то или другое лицо. Народныя возстанія и ихъ усмиренія, а также

свирѣпствовавшія тогда моровыя повѣтрія (какъ въ зиму 1737—1738 гг.) уничтожали людей безъ счета, много пропадало ихъ безъ вѣсти, и никакими документами и свидѣтельскими показаніями нельзя было доказать смерть того или другого человѣка—супруга. Часто лицо, потерявшее супруга и желавшее вступить въ новое супружество, для доказательства своей правоспособности, должно было посылать довѣренныхъ лицъ за нѣсколько сотъ и даже тысячъ верстъ, чтобы найти какіе нибудь слѣды смерти или гибели супруга, но весьма рѣдко посылаемые находили требуемыя свѣдѣнія.

Нужно прибавить къ этому, что въ началѣ прошлаго вѣка и метрическія книги не всегда велись въ приходахъ; въ ревизіяхъ („визитахъ“) подольскихъ церквей прошлаго вѣка весьма часто находимъ настоятельныя требованія визитаторовъ, чтобы парохи вели метрическія книги; только съ третьяго десятилѣтія прошлаго вѣка метрическія книги являются въ большей части приходовъ (въ то время уніатскихъ).

И по необходимости мужъ или жена, при продолжительной отлучкѣ своего „подружья“, вступаетъ въ новое супружество, но чрезъ нѣсколько времени (иногда чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ) является мнимо умершій и начинается процессъ, обыкновенно оканчивающійся расторженіемъ послѣдняго брака.

Но если были случаи, вытекавшіе изъ необходимости выйти изъ затруднительнаго положенія, то еще больше было такихъ, что совершались въ силу установившагося обычая. Здѣсь могли имѣть мѣсто преданія XVI и XVII вѣка, которыя находили поддержку для своего существованія въ соціальномъ бытѣ народа.

Въ XVIII в. въ Подоліи находимъ то, что было въ XVI вѣкѣ въ другихъ южно-русскихъ земляхъ Литвы и Польши.

Такъ, въ консисторскихъ декретахъ прошлаго вѣка встрѣчаемъ, что иногда супруги расходились по взаимному согласію, и ихъ согласіе оформливалось выдачей другъ другу „разводныхъ листовъ“, и затѣмъ такія лица вступали въ другія супружества. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1744 году было возбуждено дѣло противъ священника (пароха) с. Карповецъ, обвинявшагося въ совершеніи незаконнаго брака. Изъ свидѣтельскихъ показаній обнаружилось: пономарь меджибожской Успенской церкви Иванъ Лось назадъ тому 30 лѣтъ женился на какой-то Ксеніи, но найдя себя физически неспособнымъ къ супружеской жизни, отпустилъ жену, послѣ чего она вышла замужъ за другаго, который чрезъ 16 лѣтъ „во время инкурсіи" убитъ россійскими войсками, а послѣ его смерти Ксенія опять вышла замужъ и жила съ третьимъ мужемъ въ с. Книжповцахъ. Духовный судъ не призналъ послѣдняго брака законнымъ и присудилъ возвратить Ксенію къ первому мужу—меджибожскому пономарю.

Въ 1738 г. инстигаторъ (прокуроръ) духовнаго суда привлекъ къ отвѣтственности уроженаго Василія Корницкаго, жителя с. Дьяковецъ, за то, что онъ въ супружество взялъ Анну, чужую жену и, забывши страхъ Божій, жилъ съ ней незаконно. Корницкій оправдывался на судѣ тѣмъ, что его жена дѣйствительно сначала вышла было замужъ за Попеля, будучи къ этому приневолена,—и хотя считалась его женой пять лѣтъ, но съ нимъ супружески не жила, и въ 1728 г., по взаимному согласію ея и мужа ея Попеля, „была квитована скриптомъ" (kwitowana z przyiazni skriptem), который и представленъ Корницкимъ въ судъ; затѣмъ, изъ дальнѣйшаго разбора оказалось, что Анна вышла замужъ за дьячка Занькевича и, поживши съ нимъ годъ, осталась вдовой и тогда уже, будучи вдовой, сочеталась бракомъ въ третій разъ съ Корницкимъ.—Судъ призналъ послѣдній бракъ незаконнымъ и опредѣлилъ расторгнуть его.

Или еще фактъ. Крестьянка с. Вихровецъ, бывшая замужемъ за Ѳеодоромъ, получила отъ мужа бумагу (kartę), освобождающую ее отъ супружества съ нимъ и дозволяющую ей выйти замужъ за другаго, и дѣйствительно вышла за Петра, жителя также вихровецкаго. При дачѣ Ѳеодоромъ разводнаго листа присутствовалъ и парохъ (священникъ) вихровецкій, который затѣмъ совершалъ и бракосочетаніе этой крестьянки съ Петромъ, за что (въ 1741 г.) былъ наказанъ „трехнедѣльной реколлекціей въ каѳедрѣ съ дисциплиной при двухъ „Miserere

теі" [1]), штрафомъ въ 20 гривенъ и отрѣшеніемъ отъ священнодѣйствій на три четверти года".

Но не всегда разводъ оформливался дачей разводныхъ листовъ, чаще всего просто расходились и вступали въ новый бракъ безъ всякихъ формальностей на бумагѣ.

И народъ такъ сжился съ такими явленіями, что явный двоеженецъ нисколько не стѣснялся своимъ положеніемъ. Такъ, мы находимъ, что крестьянинъ, имѣя жену и дѣтей въ подольскомъ селѣ (въ Балинѣ, камен. у.) ушелъ на Украйну, тамъ женился на другой, привелъ эту вторую жену въ свое родное село, гдѣ была его первая жена, и жилъ тамъ съ этой новой женой (1739 г.) Или такой фактъ: Агафья, дочь Сугака, мѣщанина чернковскаго, обывателька каменецкая, заявляетъ въ 1753 г. въ консисторіи претензію на своего мужа, что онъ оставилъ ее и живетъ съ своей первой женой въ с. Ходоровцахъ, по какой жалобѣ судья позволилъ Агафьѣ вступить въ другой бракъ.

Конечно, въ декреты внесены только тѣ случаи, когда совершенъ былъ незаконно бракъ священникомъ съ записью въ метрики, что подавало поводъ къ процессу. А сколько было случаевъ, когда не было поводовъ привлекать къ суду!

Если подобное безладье въ дѣлѣ совершенія браковъ поддерживалось въ Подоліи, благодаря хаотическому состоянію страны въ гражданскомъ отношеніи, то нужно сказать, что этому безладью не мало способствовали и неурядицы въ церковной жизни. Религіозныя смуты въ Подоліи, вызванныя введеніемъ уніи въ началѣ XVIII в. и стараніемъ польскаго правительства сблизить обрядъ русской церкви съ латинскою, приводили къ тому, что крестьяне украдкой переправлялись чрезъ Днѣстръ въ Волощину и тамъ получали благословеніе браковъ отъ православныхъ молдавскихъ священниковъ. Конечно, этимъ средствомъ часто пользовались тѣ, кто хотѣлъ вступить въ незаконный бракъ. Такихъ незаконныхъ браковъ, совершенныхъ на Волощинѣ, встрѣчается въ декретахъ очень много.

---

[1]) Т. е. въ теченіе двукратнаго чтенія псалма „Помилуй мя Боже".

Кромѣ того, существовало и другое болѣе удобное средство получить благословеніе незаконнаго брака. Въ то время въ Подоліи и Брацлавщинѣ было очень много праздношатающихся священниковъ. Такіе священники были большею частью если не родомъ изъ Волощины, то получали тамъ рукоположеніе; были между ними и мнимые священники — искатели приключеній и наживы, выдававшіе себя за священниковъ и желавшіе въ мутной водѣ ловить рыбу.

Эти праздношатающіеся священники за вознагражденіе охотно благословляли незаконные браки, часто безъ соблюденія какихъ бы то ни было формальностей и церковныхъ требованій — безъ оглашенія, въ простой хатѣ, или даже гдѣ нибудь въ полѣ, безъ свидѣтелей, ночью. Такъ, въ 1742 г. декретомъ консисторіи былъ расторгнутъ совершенный назадъ тому лѣтъ 12 бракъ какого-то крестьянина Стефана съ Ксеніей, такъ какъ оказалось, что Ксенія имѣетъ другого мужа въ живыхъ, а вѣнчалъ ихъ (Стефана и Ксенію) какой-то бродяга (włoczęga) подъ селомъ Балакирами. Урож. Комарницкій, житель с. Тарновы Подлѣской, при жизни своей первой жены женился на другой въ Зиньковѣ и бракъ былъ совершенъ въ хатѣ безъ оглашеній какимъ-то бродягой, о которомъ консисторія сомнѣвалась, былъ ли онъ духовнымъ лицомъ (1746 г.). Въ 1752 г. однимъ декретомъ было расторгнуто четыре брака крестьянъ сс. Сказинецъ, Савинецъ, Франовки и Шидловецъ; эти браки были совершены въ Лисоводахъ праздношатающимся пресвитеромъ, называвшимъ себя Мастыкашею.

Какъ мы сказали раньше, этой всеобщей распущенности нравовъ подольскаго народа способствовала, кромѣ хаотическаго состоянія страны, еще одна, можетъ быть даже главная, причина — это вліяніе магометанства. 27-лѣтнее господство въ странѣ турокъ во второй половинѣ XVII в. должно было оставить свои слѣды; да и въ XVIII в. магометане жили въ смежности съ Подоліей, только Днѣстръ отдѣлялъ ихъ отъ подолянъ: въ Хотинѣ были турецкія войска, во многихъ мѣстахъ за Днѣстромъ землевладѣльцами были турки, у которыхъ подольскіе крестьяне служили работниками, приходили косить сѣно,

жать пшеницу и т. п., какъ это видно изъ декретовъ консисторіи.

Во время господства въ Подоліи турокъ было много случаевъ принятія магометанства христіанами, много было такъ называемыхъ „потурнаковъ" какъ изъ крестьянъ, такъ и изъ среды поляковъ-шляхтичей. И послѣ, въ XVIII в., были случаи совращенія въ магометанство. Такъ, въ 1745 г. жительница с. Нѣгина Маріанна, желающая вступить въ бракъ, представила въ уніатскую консисторію показанія нѣкоего жителя Чернокозинецъ, данныя имъ католической каменецкой консисторіи, слѣдующаго содержанія: „мужъ Маріанны служилъ въ Ботушанахъ, на Волощинѣ, у липка (татарина) Гордзики, будучи уже бусурманиномъ; когда онъ безнадежно заболѣлъ и увидѣлъ близкую свою смерть, то часто говорилъ о своей женѣ Маріаннѣ, оставшейся въ Подольѣ, сожалѣлъ, что сдѣлался бусурманиномъ;—это меня Богъ наказываетъ за то, что я отступилъ отъ св. вѣры—говорилъ онъ".

Въ 1752 г. въ консисторскій судъ были привлечены два крестьянина—одинъ изъ с. Цвикловецъ, другой изъ с. Тутновецъ за то, что „они, забывши страхъ Божій и любовь къ ближнему, способствовали побѣгу дезертира изъ Каменецкой крѣпости, переправили его чрезъ Днѣстръ и отдали въ услуженіе турку въ Хотинѣ, гдѣ онъ отрекся отъ христіанской вѣры, и они тѣмъ самымъ были причиной его отреченія и гибели его души.

Если были факты совращенія жителей Подоліи въ магометанскую религію, то нельзя не допустить, что магометанство вліяло и на семейную жизнь христіанскаго населенія Подоліи. Сейчасъ за Днѣстромъ, въ Хотинѣ, паши и аги держали многолюдные гаремы, наполняемые обыкновенно женщинами с подольскаго берега. Часто подольскія женщины изъ крестьянокъ и мѣщанокъ принимали магометанство, жили съ турками за Днѣстромъ, а потомъ возвращались въ Подолье. Такъ, жена мѣщанина г. Могилева, „по діавольскому навожденію и подущенію" турка Измаила въ с. Кишновѣ, въ предѣлахъ валахійскихъ, измѣнила вѣрѣ, а потомъ возвратилась въ Могилевъ и стала опять жить съ первымъ своимъ мужемъ (1744 г.). Какая-то

обывателька Дзвиняцкая проситъ консисторію разрѣшить ей вступить въ бракъ (1747 г.); изъ свидѣтельскихъ показаній обнаружилось, что она замужемъ не была, а только 5 лѣтъ жила на Волошской сторонѣ съ турчиномъ, за что въ наказаніе было назначено ей: купить 2 двухфунтовыя свѣчи въ приходскую церковь, лежать крестомъ три литургіи, а для тѣлеснаго наказанія отправлена въ панскій дворъ;—тѣмъ не менѣе вступленіе въ бракъ ей позволено. Въ одномъ дѣлѣ 1747 г. указывается, что жены двухъ крестьянъ с. Браги (надъ Днѣстромъ) также жили съ турчинами въ Хотинѣ.

Многіе изъ такихъ женщинъ добровольно дѣлались женами турокъ, поступали въ гаремы; иногда же это дѣлалось противъ ихъ воли: татары, жившіе въ Волощинѣ, такъ называемые липки, часто дѣлали набѣги на приднѣстровскія села и уводили красивыхъ, молодыхъ женщинъ, которыя поступали въ гаремы не только ханскихъ пашей, но даже цареградскихъ визирей и султановъ. Поднѣстровье всегда славилось красивыми женщинами. Вообще, нужно сказать, земли украинскія, еще съ XVI в., пополняли гаремы цареградскіе и крымскіе. Въ XVI—XVII в. „смуглыя худощавыя черкешенки, говоритъ д-ръ Антоній I., вышли изъ моды, славянскіе блондинки имѣли предъ ними преимущество; для ханскихъ гаремовъ искали бранокъ (плѣнницъ) надъ Днѣпромъ, а для султановъ самыми привлекательными были красавицы изъ — надъ Днѣстра. Поразительная была красота тамошнихъ женщинъ, даже принадлежавшихъ къ самому низшему классу народа: высокія, съ правильными чертами лица, тѣло стройное, движенія гармоничныя, волосы бѣлорусые мягкіе, густые и длинные, очи свѣтлыя — и не голубыя, и не зеленныя, что-то среднее между сапфиромъ и изумрудомъ, съ сильнымъ блескомъ; въ нихъ была видна рѣзвость кошки и полное слезъ смущеніе серны". Такъ описываетъ д-ръ Антоній I. поднѣстровскихъ женщинъ, заимствуя краски изъ записокъ какого-то армянина XVII—XVIII в. (Dr. Antoni I., Nowe opowiadania historyczne,—въ разсказѣ подъ заглавіемъ: „Losy kresowego miasteczka", стр. 99—100).

Женщина, взятая въ турецкій гаремъ, если это было не далеко отъ Подоліи, напр. въ Хотинѣ, жила тамъ до тѣхъ поръ, пока ей жилось хорошо; если же ей было плохо, и она тосковала въ неволѣ, то уходила оттуда тайно или старалась освободиться отъ неволи законнымъ порядкомъ. Такъ въ „Архивѣ Ю.-З. Р.“ (ч. V т. 1 стр. 271) находимъ слѣдующій фактъ. Жена какого-то мѣрочника (мельника) изъ Карвасаръ, предмѣстья Каменца, Анна бросила мужа своего и жила преступно, а когда была наказана розгами, ушла въ Хотинъ, приняла магометанство и сдѣлалась женой нѣкоего турка Кольфа, жителя хотинскаго, но жила съ нимъ недолго, чрезъ двѣ недѣли забрала у турка мѣшочекъ съ левами, кунтушъ кармазиновый французскаго сукна, кафтанъ зеленый, два платка, шелковый и бумажный, и ушла въ Исаковцы. Но за такой поступокъ она жестоко поплатилась: судъ, для пресѣченія подобнаго своеволія, присудилъ эту крестьянку къ смертной казни чрезъ усѣченіе головы на рынкѣ, во время ярмарки.

Но бывали случаи, что подобные побѣги сходили благополучно. Иногда же плѣнницы гаремовъ достигали свободы законнымъ путемъ. Плѣнница присылала жалобу къ каменецкому коменданту съ просьбой освободить ее отъ заключенія. Жалобу эту нужно было посылать крайне осторожно, втихомолку и чрезъ вѣрныя руки, потому что такая жалоба, перехваченная на дорогѣ турецкой властью, была смертнымъ приговоромъ для жалобщицы:—зашитая въ мѣшокъ, какъ невѣрная жена правовѣрнаго мусульманина, она шла на дно Днѣстра. Въ декретахъ встрѣчаемъ подобные случаи. Если же просьба доходила до каменецкаго коменданта, онъ оффиціально требовалъ отдачи плѣнницы, и турки отдавали ее.

Такія женщины, возвращавшіяся изъ гаремовъ къ прежнимъ своимъ домашнимъ очагамъ, безъ сомнѣнія не приносили сюда убѣжденій высокой нравственности и скромности, у турокъ этому онѣ не могли научиться (Dr. Antoni. I., Zam. Pod. na kresach multan. I, 242,—изд. 2-ое).

Такова была семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Такою она представляется при чтеніи

вышеуказанныхъ декретовъ каменецкой уніатской консисторіи прошлаго вѣка. И католическій каменецкій епископъ Сѣраковскій (1739—1742 г.), во время своей генеральной ревизіи приходскихъ костеловъ Подоліи, нашелъ семейную жизнь своей паствы весьма неудовлетворительной. „Брачные союзы, говоритъ онъ въ одномъ эдиктѣ, совершенно не уважались: мужья безъ всякой нужды, по одной прихоти, разводились съ тремя женами и женились на четвертой; многоженство было обыкновеннымъ явленіемъ; жены изъ одной прихоти самовольно бросали мужей и мужья женъ и, какъ бы въ ветхомъ завѣтѣ, мужья разводились съ своими женами per libellum repudii, съ взаимнымъ позволеніемъ другъ другу вступить въ другой бракъ; жены съ чужими мужьями жили „на вѣру“, или вѣрнѣе „безъ вѣры и противъ вѣры“, о чемъ мы, замѣчаетъ епископъ, достаточно наслушались съ тяжелой болью въ сердцѣ во время генеральной визиты. (Симашкевичъ, Р. католичество и его іерархія въ Подоліи, Кам.-Под. 1872, стр. 337).

Е. С.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

IV.

По Днѣпру отъ Кіева до Канева.

Для путешествія императрицы по Днѣпру предварительныя распоряженія начались еще въ 1784 году: посланы были морскіе офицеры для промѣра рѣкъ Днѣпра и Сожа, а въ Смоленскѣ начали строить суда для императорской днѣпровской флотиліи; въ 1785 году, когда рѣшено было начать водяное путешествіе изъ Кіева, построенныя галеры перевели изъ Смоленска въ Кіевъ; 20 мая онѣ прибыли туда. 21-го мая, въ день тезоименитства в. к. Константина Павловича, послѣ оффиціальнаго угощенія у правителя кіевскаго намѣстничества, капитанъ-лейтенантъ Пущинъ, завѣдывавшій этими галерами, пригласилъ правителя намѣстничества и всѣхъ бывшихъ у него гостей посмотрѣть приведенныя имъ суда, стоявшія у берега Днѣпра возлѣ Кіева. По вступленіи на первое судно правителя, генералитета и всѣхъ присутствовавшихъ, эскадра, по сдѣланному сигналу, отваливъ отъ берега съ поднятыми флагами и съ музыкою, плыла внизъ по Днѣпру, въ виду нѣсколькихъ тысячъ собравшихся на берегу дворянъ, духовенства и городскихъ жителей; при прохожденіи мимо Кіево-Печерской крѣпости, съ обѣихъ сторонъ производилась обыкновенная пушечная пальба, а потомъ эскадра стала на якорѣ ниже города въ 4-хъ верстахъ, гдѣ впадаетъ въ Днѣпръ рѣка Лыбедь, въ заливѣ Михайловскомъ;

---

[1]) См. „Кіевская Старина", 1891 г. № 3.

здѣсь для эскадры назначено было удобное мѣсто для стоянія (Москов. Вѣд. № 52, 1785 г.). Въ 1786 г. въ іюлѣ отправленъ былъ изъ Петербурга въ Кіевъ вице-адмиралъ Пущинъ съ подробными наставленіями для командованія днѣпровскою флотиліею. Сверхъ того Пущину повелѣно было осмотрѣть днѣпровскіе пороги, чтобъ убѣдиться, можно ли будетъ плыть императрицѣ далѣе Новыхъ Кайдакъ.

9 сентября Пущинъ увѣдомилъ А. А. Безбородка, что, проплывъ Днѣпромъ до пороговъ съ правителемъ намѣстничества Ширковымъ, онъ осмотрѣлъ пороги съ большимъ затрудненіемъ; „имѣя при себѣ сына своего капитана-лейтенанта и штурмана, ходя въ разныхъ мѣстахъ къ утесистымъ большимъ горамъ и каменьямъ, ѣздя съ нуждою верхомъ и въ роспускахъ".

Пущину хотѣлось во что бы то ни стало доплыть до Херсона. Но не только большой лодки, а даже и челнока ниже пороговъ онъ не сыскалъ, а потому возвратился въ Кіевъ 5-го сентября. Пущинъ прислалъ Безбородку экстрактъ изъ журнала своего плаванія, въ которомъ, между прочимъ, было записано, что онъ ѣхалъ отъ Кіева до Новыхъ Кайдакъ, гдѣ начинаются пороги, 12 дней. Лоцмана объявили Пущину, что переводъ галеръ черезъ пороги можно сдѣлать, если поставить знаки, но и при этомъ не безопасно. (Изъ дѣлъ Госуд. Архива).

29 января 1787 г. вице-адмиралъ Пущинъ донесъ о числѣ морскихъ служащихъ при днѣпровской флотиліи; ихъ тогда было: флотскихъ офицеровъ 23, лѣкарь и подлѣкарь 2; прочихъ нижнихъ чиновъ—писарей, боцмановъ, матросовъ 424, трубачей 31 челов., штурмановъ 23. Всего съ артиллерійскою командою и съ разными мастеровыми было 567 челов. Пущинъ просилъ прибавки изъ солдатъ 990 челов. для гребки. 22 апрѣля 1787 г., какъ мы видѣли, для путешествія императрицы по Днѣпру галеры были приведены и стояли у Кіево-Подола за Братскимъ Богоявленскимъ монастыремъ, у берега, и поставлены на якорныя мѣста, съ учрежденіемъ карауловъ и съ назначеніемъ, гдѣ кому помѣститься. Размѣщеніе галеръ было произведено въ слѣдующемъ порядкѣ.

1. *Ильма*, для морской и подрядческой провизіи.

2. *Ингулъ*, для гардероба императрицы.

3. *Донъ*, для кондитера съ его должностью, подъ вино и подъ провизію, для должностей кофешенкской и тафельдекерской.

4. *Самара*, кухня для пріуготовленія на вечерній и на разные расхожіе столы кушанья.

5. *Кубанъ*, кухня для обѣденныхъ столовъ.

6. *Десна*, семибаношная [1]), столовая.

7. *Сожъ*, десятибаношная, для господъ: гофмаршала, тайнаго совѣтника Стрекалова, лейбъ-медикуса Рожерсона, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Храповицкаго и будущихъ при нихъ.

8. *Сновъ*, десятибаношная, для генералъ-адъютанта графа Ангальта, тайнаго совѣтника графа Безбородка, генералъ-маіора Левашева, шталмейстера Ребиндера, или кому приказано будетъ, съ помѣщеніемъ самонужнѣйшихъ людей для генералъ-адъютанта и для канцеляріи графа Безбородка.

9. *Днѣпръ*, двѣнадцатибаношная, для императрицы.

10. *Бугъ*, двѣнадцатибаношная, для князя Григорія Александровича Потемкина и для помѣщенія графинѣ Александрѣ Васильевнѣ Браницкой и графинѣ Катеринѣ Васильевнѣ Скавронской.

11. *Ипуть*, десятибаношная, для господъ: оберъ-шталмейстера Нарышкина, оберъ-камергера Шувалова и тайныхъ совѣтниковъ Черткова и Нелединскаго-Мелецкаго.

12. *Сеймъ*, двѣнадцатибаношная, для римско-императорскаго посла, министровъ: французскаго графа Сегюра, великобританскаго г-на Фицъ-Герберта и принца де-Линій.

13. Трешкоутъ *Орелъ*, для графа Чернышева и графини, его дочери.

14. *Остеръ*, для камергеровъ: Валуева, Салтыкова, камеръ-юнкеровъ: Бибикова и Кочубея и для двухъ или трехъ гвардіи капитановъ.

15. *Трубежъ*, лейбъ и гофъ-хирургамъ: Кельхену, Вейкарту, Мессингу и аптекарю Гревве и двумъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ чинамъ.

---

[1]) Такъ въ подлинникѣ.

16. *Лыбедь*, камеръ-пажамъ и кого помѣстить нужно будетъ.

17. *Тясминъ* и 18. *Стугна*, для конюшенной команды.

19. *Тавель*, для морскихъ припасовъ.

20. *Салгиръ*, морская гошпиталь.

21. Сверхъ вышеписанныхъ, судно кіевскаго губернатора Ширкова къ слѣдованію его съ губернскимъ предводителемъ дворянства, для препровожденія императрицы до границы, раздѣляющей кіевскую губернію съ губерніею другого намѣстничества.

У вышеписанныхъ галеръ, трешкоута и водовиковъ назначены были мелкія гребныя суда.

У галеры *Днѣпра*, для высочайшихъ ея императорскаго величества выѣздовъ, подъ командою флота капитана Ивана Петровича Пущина: шлюпка 12-ти весельная одна, при ней собственныхъ ея и. в—ва судовъ квартирмейстеръ одинъ и надлежащее число гребцовъ; катеръ 16-ти весельный одинъ, при немъ морскаго флота мичманъ одинъ и надлежащее число матросовъ.

Для командующаго флотиліею, вице-адмирала, шлюпка 12-ти весельная одна вѣдомства его съ морскими служителями, да для разныхъ разъѣздовъ баркасъ 8-ми весельной одинъ, съ служителями-же морскаго флота.

У прочихъ галеръ и судовъ у каждаго по одному баркасу и по другому катеру, состоящіе подъ командою капитанъ-лейтенантовъ, находящихся въ помянутой флотиліи, съ употребленіемъ на тѣхъ судахъ морскихъ служителей и воинской команды пѣхотныхъ полковъ: днѣпровскаго и черниговскаго.

22 апрѣля Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ: „Выѣхали изъ Кіева на галерахъ“. (См. Днев. Храпов.).

Передъ отъѣздомъ императрица приказала Храповицкому: „Со дня отъѣзда моего, когда паки начнете журналъ для пересылки въ обѣи столицы, включите имена особъ, кои на суда сядутъ, дабы видѣли во всей Европы, какъ врутъ газеты, когда пишутъ, что тотъ умеръ или другой отдалился. (Р. Арх., 1872, XI. Письма Екат. II къ Храповицкому, стр. 2068).

22 апрѣля предъ полуднемъ, въ исходѣ 12-го часа, императрица прибыла къ берегу рѣки Днѣпра, на приготовленную

пристань, противъ стоявшаго флота, гдѣ, вышедъ со всею высочайшею свитою изъ экипажей, переѣхала въ императорской своей шлюпкѣ на столовую галеру Десну, причемъ въ шлюпку императрицы приглашены были статсъ-дамы: графиня А. В. Браницкая, графиня К. В. Скавронская, камеръ-фрейлина А. С. Протасова, князь Г. А. Потемкинъ, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ и римско-императорскій посолъ графъ Кобенцель. За императрицею, въ шлюбкахъ же и баркасахъ, слѣдовали прочія составляющія свиту персоны: фрейлина графиня Катерина Ивановна Чернышева; адмиралтейской коллегіи вице - президентъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ; оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ; оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ; гофмейстеръ, тайный совѣтникъ графъ А. А. Безбородко; генералъ-адъютантъ графъ Ѳ. А. Ангальтъ; вице-адмиралъ и генералъ-интендантъ Петръ Ивановичъ Пущинъ; тайный совѣтникъ Степанъ Ѳеодоровичъ Стрекаловъ; гофмаршалъ и тайный совѣтникъ князь Ѳ. С. Барятинскій; графъ Штакельбергъ, россійскій полномочный посолъ при королѣ польскомъ; графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій, министръ при дворѣ неаполитанскомъ; шталмейстеръ Василій Михайловичъ Ребиндеръ; генералъ-поручикъ графъ Михаилъ Петровичъ Румянцевъ; генералъ-маіоръ и флигель-адъютантъ Василій Ивановичъ Левашевъ; тайный совѣтникъ Евграфъ Александровичъ Чертковъ; тайный совѣтникъ Александръ Юрьевичъ Нелединской-Мелецкой; камергеръ Петръ Степановичъ Валуевъ; камергеръ Василій Петровичъ Салтыковъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ и лейбъ-медикъ Иванъ Самойловичъ Рожерсонъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Васильевичъ Храповицкій; камеръ-юнкеры: графъ Юрій Александровичъ Головкинъ; Александръ Александровичъ Бибиковъ; Викторъ Павловичъ Кочубей. Иностранные: французскій полномочный министръ графъ Сегюръ; великобританскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ г. Фицъ-Гербертъ; графъ Браницкій, гетманъ, великій коронный польскій; принцъ де-Линій; принцъ де-Нассау. Полковники: флигель-адъютантъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ; Иванъ Степановичъ Рибопьеръ; Дмитрій Ѳеодоровичъ Козловъ;

флота капитанъ полковничьяго ранга Иванъ Петровичъ Пущинъ. Слѣдовавшіе для провожанія императрицы до границы: кіевскій губернаторъ С. Е. Ширковъ; губернскій предводитель дворянства Капнистъ.

Во время высочайшаго шествія отъ пристани до столовой галеры стоящіе на галерахъ и на прочихъ судахъ караулы отдавали фронтомъ честь и играла музыка на трубахъ съ литаврами и били въ барабаны. На галерѣ Деснѣ императрицу встрѣтилъ гофмаршалъ и затѣмъ былъ обѣдъ на 41 кувертъ.

По окончаніи стола императрица перешла съ столовой галеры, въ сопровожденіи статсъ-дамъ, камеръ-фрейлины и прочихъ тѣхъ же особъ, съ коими предъ тѣмъ прибыла, на свою галеру Днѣпръ, слѣдовавшую подъ вице-адмиральскимъ флагомъ; на этой галерѣ назначено было также помѣщеніе камеръ-фрейлинѣ А. С. Протасовой и генералъ-маіору А. М. Дмитріеву-Мамонову. Тотчасъ по прибытіи императрицы, съ галеры Днѣпръ пушечнымъ выстрѣломъ данъ сигналъ, чтобы всѣ суда изготовились къ походу, и въ исходѣ 3-го часа передовыя суда и галеры, поднявши якорь, пошли въ путь; въ это же время изъ поставленныхъ на Подолѣ на берегу Днѣпра пушекъ началась пальба, а въ городѣ во всѣхъ церквахъ начался колокольный звонъ и стоявшіе на берегу Днѣпра и на плотахъ мѣщане и ремесленники стрѣляли изъ ружей бѣглымъ огнемъ съ криками ура!, повторявшимися стоявшимъ на берегу народомъ.

Потомъ, когда императорскія галеры проходили мимо Печерской крѣпости, изъ крѣпости вице-адмиральскому флагу салютовано пушечною пальбою, съ галеры же Днѣпра отвѣтствовано 9-ю выстрѣлами; въ 6 часовъ, по пушечному выстрѣлу съ галеры Днѣпра, всѣ суда легли на якорь противъ Китаевой пустыни, проплывъ отъ якорнаго мѣста, бывшаго при Кіево-Подолѣ, 10 верстъ. Когда всѣ галеры установились въ порядкѣ, на галерѣ Днѣпръ выставленъ былъ сигнальный флагъ, чтобы вся свита собралась на галеру императрицы, что тогда же было исполнено, и всѣ, не исключая и чужестранныхъ министровъ, съѣхались на шлюпкахъ на галеру Днѣпръ. Императрица не замедлила выдти въ залъ, и послѣ бесѣды, въ 8 ч. вечера

удалилась въ свои внутренніе на галерѣ покои. Все общество путешествующихъ, по приглашенію гофмаршала кн. Барятинскаго, опять въ шлюпкахъ переѣхало на галеру Десну, гдѣ нѣкоторые изъ свиты остались ужинать.

Въ 10 часовъ вечера, начиная съ галеры Днѣпръ, во всей флотиліи, заиграла музыка на трубахъ съ литаврами, а къ вечерней зарѣ забили барабаны; послѣ музыки и по совершеніи военными командами надлежащей молитвы, съ первой галеры выпалили изъ пушки „на ночлегъ“.

23 апрѣля, въ пятницу, по утру, въ исходѣ 4-го часа, съ галеры Днѣпра сдѣланъ былъ сигналъ выставленнымъ флагомъ: всей флотиліи сниматься съ якоря и идти въ путь; плаваніе продолжалось до 9-ти часовъ утра, а въ это время съ галеры Днѣпръ поданъ сигналъ прочимъ галерамъ пушечнымъ выстрѣломъ: *лечь на якорь*. Флотилія остановилась противъ рѣчки Березовки, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны по теченію и отстоящей отъ Китаевой пустыни въ 24 верстахъ. По полудни, въ 12 часовъ, на столовой галерѣ Десна, началась суета и бѣготня,—приготовляли обѣдъ. Осмотрѣвъ всѣ приготовленія къ столу, гофмаршалъ приказалъ выкинуть алый флагъ, какъ условленный сигналъ для съѣзда къ обѣденному столу лицъ свиты. Когда всѣ собрались, гофмаршалъ донесъ императрицѣ. которая вскорѣ и прибыла на галеру Десну, въ своей императорской шлюпкѣ, въ которую были приглашены: графиня А. В. Браницкая, графиня К. В. Скавронская, А. С. Протасова, князь Г. А. Потемкинъ, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, римско-императорскій посолъ графъ Кобенцель и принцъ де-Линій; при отъѣздѣ съ галеры Днѣпра и по прибытію на галеру Десну, по всей флотиліи въ честь императрицы гремѣла музыка на трубахъ съ литаврами и барабаннымъ боемъ:

Обѣдъ былъ на 39 кувертовъ, приглашенъ былъ кіевскій губернаторъ Ширковъ и во время стола играла духовая музыка. Послѣ стола, въ четверть 2-го часа, императрица возвратилась на свою галеру Днѣпръ, причемъ въ шлюпку императрицы приглашены были статсъ-дамы, камеръ-фрейлина и др. персоны. Потомъ, въ половинѣ 2-го часа, на галерѣ Днѣпръ сдѣланъ

былъ сигналъ, по которому всѣ суда снялись съ якоря и продолжали путь до 7-ми часовъ вечера, а въ это время, по сигналу же, стали на якорь близъ села Видочева, отстоящаго отъ рѣчки Березовки въ 13 верстахъ.

Вскорѣ, на галерѣ выставленъ былъ сигнальный флагъ къ съѣзду свитѣ на галеру Днѣпръ, а когда всѣ собрались, императрица вышла въ залу и играла въ карты, приглася за свой столъ князя Г. А. Потемкина, А. М. Дмитріева-Мамонова и великобританскаго посланника Фицъ-Герберта. Въ половинѣ 9-го часа императрица удалилась во внутренніе покои. Въ этотъ же день императрица писала къ Брюсу: „Въ тотъ часъ вчерась, какъ я собиралась выѣхать изъ Кіева, получила я ваше письмо отъ 11 апрѣля съ приложеніями и потомъ сѣла я въ карету и поѣхала къ пристани подольской, откуда водою до моей галеры и, отобѣдавъ на галерѣ, пустилась благополучно въ путь, но понеже судовъ много, то галера Днѣпръ, на которой я подняла якорь, не прежде какъ въ исходѣ четвертаго часа; отошедъ же отъ Подола и прошедъ Печерскую крѣпость, противу пустыни паки легли на якоря, гдѣ ночевали и съ свѣтомъ вмѣстѣ пустились паки въ путь, а теперь мы въ виду мѣстечка Триполи паки легли на якоря. Дни теплые и прекрасные и всѣ здоровы. (См. Прилож. къ К. Ф. Ж. 1787.)

24 апрѣля, въ субботу, по утру, въ исходѣ 5-го часа, по данному съ галеры Днѣпръ сигналу, всѣ галеры и суда снялись съ якоря и продолжали путь до 10 часовъ утра-жъ, прошедъ, между тѣмъ, въ 8-мъ часу, мѣсто границы, раздѣляющей Россію съ Польшею, которое находится по теченію Днѣпра съ правой стороны, близъ деревни Кабной, лежащей на россійскомъ берегу, съ лѣвой стороны, и потомъ, по сигналу же, стали на якорь, близъ малороссійскаго села Ячники, отстоящаго отъ села Видочева въ 22 верстахъ.

Императрица обѣдала со свитою на галерѣ Деснѣ.

По возвращеніи императрицы на галеру Днѣпръ, по полудни въ 2 часа, данъ сигналъ, по которому всѣ суда снялись съ якоря и продолжали путь до половины 7-го часа вечера. Между тѣмъ, въ 5 часовъ, приглася камеръ-фрейлину Про-

тасову, камеръ-юнгферу М. С. Перекусихину и генералъ-маіора Дмитріева-Мамонова въ свою шлюпку, императрица придумала оригинальную прогулку по водѣ,—она приказала плыть шлюпкѣ внизъ по Днѣпру, возлѣ и мимо идущихъ галеръ, на которыхъ военные полковые музыканты играли на трубахъ съ литаврами, а солдаты отдавали императрицѣ честь съ барабаннымъ боемъ. По возвращеніи на галеру Днѣпръ, во время плаванія мимо монастырскихъ селъ Гучинки и Трехтемирова[1]), находящихся съ лѣвой стороны по теченію Днѣпра; тутъ на берегу стояли народъ и священники съ крестами, а въ то же время по правую сторону по теченію Днѣпра расположенный тамъ отрядъ польской конницы салютовалъ идущимъ галерамъ музыкою на трубахъ съ литаврами; потомъ съ галеры Днѣпръ данъ сигналъ стать на якорь; это было въ виду города Переяславля; послѣ обѣда флотилія проплыла 21 версту. Когда стали на якорь, по сигналу съ галеры Днѣпръ флагомъ вся свита и иностранные посланники съѣхались на галеру Днѣпръ, гдѣ въ залѣ императрица играла до 9 ч. вечера въ карты, приглася за свой столъ Дмитріева-Мамонова и посланника Фицъ-Герберта. Въ этотъ день императрица писала къ барону Гримму:

„22 апрѣля я выѣхала изъ Кіева и вотъ теперь мы уже третій день плывемъ на веслахъ по Днѣпру; всѣ мы здоровы. Все, что могу вамъ сказать, что изъ всѣхъ моихъ путешествій по водѣ теперешняя очень затруднительна потому что эта рѣка очень извилиста, на ней множество островов, островковъ и подводныхъ камней и поэтому мы все шли на веслахъ, не употребивъ ни разу парусовъ. Днѣпръ гораздо быстрѣе Невы. Теперь мы между двумя берегами: съ одной стороны гористый принадлежитъ Польшѣ, съ другой русской — очень плоской.... Богъ знаетъ откуда отправлю это письмо. Завтра или послѣзавтра надѣюсь видѣть на моей галерѣ короля польскаго“.

---

[1]) Мѣстечко Трехтемировъ извѣстно было тогда по ломкѣ и обдѣлкѣ жерновыхъ камной, развозимыхъ не только по польской Украинѣ, но и по всей почти Малороссіи (см. Путешествіе ея величества въ 1787 г. Печатано при Горномъ училищѣ въ 1786, стр. 44).

На слѣдующій день предстояло свиданіе съ королемъ польскимъ въ мѣстечкѣ Каневѣ.

Сегюръ, французскій посланникъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ слѣдующія любопытныя подробности о плаваніи по Днѣпру до Канева.

„Императрица пустилась въ путь на галерѣ, въ сопровожденіи великолѣпнѣйшей флотиліи, которая когда либо шла по широкой рѣкѣ. Она состояла изъ 80 судовъ съ 3000 человѣкъ матросовъ и солдатъ. Впереди шли семь нарядныхъ галеръ огромной величины, искусно расписанныхъ, съ множествомъ лов кихъ матросовъ въ одинаковой одеждѣ. Комнаты, устроенныя на палубахъ, блистали золотомъ и шелками. Одна изъ тѣхъ галеръ, которыя слѣдовали за царскою, была назначена Кобенцелю и Фицъ-Герберту, другая де-Линю и мнѣ, прочія были отданы князю Потемкину и его племянницамъ, оберъ-камергеру, шталмейстеру, министрамъ и сановникамъ, которые удостоились чести сопровождать императрицу. На остальныхъ судахъ помѣстились разные служители, пожитки, провизія. Г-жа Протасова и каждый изъ насъ имѣлъ комнату и еще нарядный и роскошный кабинетъ съ покойными диванами, съ чудесною кроватью подъ штофною занавѣсью и съ письменнымъ столомъ краснаго дерева. На каждой изъ галеръ была своя музыка. Множество лодокъ и шлюпокъ носилось впереди и вокругъ этой эскадры, которая, казалось, создана была волшебствомъ“.

„Мы подвигались медленно, часто останавливались и, пользуясь остановками, садились на легкія суда и катались вдоль берега, вокругъ зеленѣющихъ островковъ, которыми усѣяна рѣка. Множество народа громкими кликами привѣтствовало императрицу, когда, при громѣ пушекъ, матросы мѣрно ударяли по волнамъ Борисѳена своими блестящими, расписанными веслами. По берегамъ появлялись толпы любопытныхъ, которые безпрестанно мѣнялись и стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы видѣть торжественный поѣздъ и поднести въ даръ императрицѣ произведенія различныхъ мѣстностей. Порою на береговыхъ равнинахъ Днѣпра маневривали легкіе отряды козаковъ. Города, деревни, усадьбы, а иногда простыя хижины такъ были изу-

крашены цвѣтами, расписанными декораціями и тріумфальными воротами, что видъ ихъ обманывалъ взоръ, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебно созданными замками, великолѣпными садами. Снѣгъ стаялъ; земля покрылась яркою зеленью; луга запестрѣли цвѣтами; солнечные лучи оживляли, одушевляли и украшали всѣ предметы. Гармоническіе звуки музыки съ нашихъ галеръ, различные наряды побережныхъ зрителей разнообразили эту роскошную и живую картину".

„Когда мы подъѣзжали къ большимъ городамъ, то передъ нами на опредѣленныхъ мѣстахъ выравнивались строемъ превосходные полки, блиставшіе красивымъ оружіемъ и богатымъ нарядомъ. Противоположность ихъ щегольскаго вида съ наружностью Румянцевскихъ солдатъ уже доказывала намъ, что мы оставляемъ области этого маститаго, знаменитаго воина и вступаемъ въ мѣста, которыя судьба подчинила власти Потемкина. Стихіи, весна, природа и искусство, казалось, соединялись для торжества этого могучаго любимца. Окружая императрицу такими дивами, когда она проѣзжала страны, недавно покоренныя его оружіемъ, онъ надѣялся возбудить ея самолюбіе и внушить ей желаніе и смѣлость рѣшиться на новыя завоеванія".

„Мы были свободны только по утрамъ и пріятно проводили ихъ въ чтеніи, въ разговорахъ, въ переходахъ съ одной галеры на другія и въ прогулкахъ по берегамъ. Въ часъ мы отправлялись на царскую галеру и обѣдали съ императрицей. Столъ ея, какъ всегда, былъ накрытъ на десять приборовъ. Только разъ въ недѣлю она сзывала всю свиту, имѣвшую честь сопровождать ее. Тогда столъ устраивался на огромномъ суднѣ, гдѣ помѣщалось до 60 человѣкъ".

Я никогда не видѣлъ императрицу болѣе любезною, какъ въ первый день нашего плаванія; за обѣдомъ было очень весело: мы всѣ рады были, что выѣхали изъ скучнаго Кіева, гдѣ льды держали насъ цѣлые три мѣсяца. Весна молодила наши умы. Прекрасная погода, великолѣпіе нашего флота, величественная рѣка, движеніе, радость зрителей, толпившихся по берегу, азіятская или воинственная пестрота въ разнообразныхъ нарядахъ тридцати различныхъ народовъ, наконецъ, увѣренность видѣть

каждый день новые, любопытные предметы, все это возбуждало и подстрекало воображеніе, которое въ стремленіи своемъ опережало насъ самихъ. Не останавливаясь долго на одномъ предметѣ, мы въ разговорахъ нашихъ безпрестанно переходили отъ одного къ другому. Мы сравнивали прежнія времена съ новыми, Францію съ Греціей, Англію съ Кареагеномъ, Пруссію съ Македоніею, имперію Екатерины съ Кировою, разсказывали анекдоты старые и новые; императрица сообщила намъ нѣсколько случаевъ изъ жизни Петра Великаго и Елизаветы. Когда мы дивились скорости, съ какою она успѣла смягчить нравы, недавно еще столь грубые и суровые, она сказала намъ: „Правда, наши старики должны находить различіе при сравненіи ихъ времени съ нынѣшнимъ. Я не могу безъ ужаса думать о положеніи народа въ правленіи императрицы Анны, или лучше сказать, ея министра Бирона; этотъ жестокій человѣкъ, которому она довѣрялась, лишилъ жизни и сослалъ болѣе семидесяти тысячъ человѣкъ".

„Мы говорили о дикихъ племенахъ, населявшихъ отдаленные края ея имперіи: „Потокъ времени еще не коснулся до этихъ кочующихъ народовъ, сказала государыня:—они издавна сохраняютъ первоначальную простоту нравовъ; живутъ подъ шатрами, питаются мясомъ и скопами своихъ стадъ, подчинены начальникамъ, которые скорѣе отцы ихъ, нежели владыки. Можно считать ихъ счастливцами, потому что нужды ихъ ограничены и легко удовлетворимы. Если бы по прежнимъ намѣреніямъ моимъ я ихъ образовала, то это, можетъ быть, послужило бы къ ихъ развращенію. Небольшая дань мѣхами ихъ не обременяетъ, потому что они охотятся по привычкѣ и по страсти"

„Въ одномъ только отношеніи эти древнія орды гунновъ, киргизовъ, татаръ, извѣстныя прежде подъ многими названіями, значительно измѣнились. Долго они наводили страхъ своими кочеваньемъ, набѣгами и грабежами; но теперь образованные народы лишили ихъ возможности дѣлать новыя завоеванія, и эти племена потеряли прежній воинственный духъ свой. Когда зашелъ разговоръ объ ихъ вѣрѣ, шаманахъ или волхвахъ и идолахъ императрица сказала намъ, что иныя изъ этихъ пле-

менъ придерживаются какихъ то непонятныхъ вѣрованій, что жрецы ихъ сохранили древнѣйшій сборникъ молитвъ, притчъ и духовныхъ пѣсней, писанныхъ на языкѣ, совершенно неизвѣстномъ, и которыя они читаютъ по преданію, не понимая смысла ихъ".

„Это возбудило мое любопытство, сказала она:—я обратилась съ запросами къ ученымъ, но они объ этомъ предметѣ, какъ и о многихъ иныхъ, оказались ничего незнающими. Наконецъ, недавно уже открыли, впрочемъ еще не навѣрно, что эти молитвы писаны на древнемъ, священномъ языкѣ индусовъ, на санскритскомъ".

„Такъ какъ въ продолженіи этой бесѣды императрица въ бѣгломъ очеркѣ изобразила ученія законодателей Греціи, Азіи, Рима и Аравіи, то я замѣтилъ ей, что она послѣ этого, кажется, потеряла право смѣяться надъ учеными, по старой своей привычкѣ".

„Точно, прибавилъ де-Линь,—послѣ всего, что мы слышали, мы, по совѣсти, принуждены включить васъ въ число тѣхъ ученыхъ, на которыхъ вы такъ нападаете".

„Да, я знаю,—сказала императрица,—я вообще вамъ нравлюсь, и вы хвалите меня „цѣликомъ", но, разбирая меня по подробнѣе, осуждаете во мнѣ многое. Я безпрестанно дѣлаю ошибки противъ языка и правописанія. Сегюръ знаетъ, что у меня иногда претупая голова, потому что ему не удалось заставить меня сочинить шесть стиховъ. Безъ шутокъ, я думаю, несмотря на ваши похвалы, что, если бы я была частною женщиною во Франціи, то ваши милыя парижскія дамы не нашли бы меня довольно любезною для того, чтобы отъужинать съ нами".

„Прошу васъ вспомнить, государыня, возразилъ я, что я здѣсь представитель Франціи и не долженъ допускать клеветъ на ея счетъ".

„Но императрица, бывшая въ духѣ, продолжала въ томъ же тонѣ: „Какъ вы полагаете, чѣмъ бы я была, если бы родилась мужчиною и частнымъ человѣкомъ"?

„Въ отвѣтъ на это Фицъ-Гербертъ сказалъ, что она была бы мудрымъ законовѣдцемъ, Кобенцель полагалъ, что она бы сдѣ-

лалась великимъ министромъ, а я увѣрялъ ее, что она сдѣлалась бы знаменитымъ полководцемъ".

„На этотъ разъ вы ошибаетесь, возразила она:—я знаю свою горячую голову; я бы отважилась на все для славы и въ чинѣ поручика въ первую компанію не снесла бы головы".

„Въ другой разъ мы говорили о предположеніяхъ, которыя тогда дѣлались въ Европѣ по поводу ея путешествія. Мы всѣ были одинаковаго мнѣнія и увѣряли, что вездѣ будутъ думать, будто она съ императоромъ хочетъ завоевать Турцію, Персію даже, можетъ быть, Индію и Японію, наконецъ, что странствующій кабинетъ Екатерины занимаетъ и тревожитъ всѣ прочіе".

„Стало быть этотъ петербургскій кабинетъ, находящійся теперь на волнахъ Днѣпра, кажется весьма значительнымъ, если такъ тревожитъ другіе?"

„Точно такъ, государыня, сказалъ тогда де-Линь,—а между тѣмъ я не знаю ни одного, который былъ бы такъ малъ: онъ и весь то въ нѣсколько дюймовъ, потому что простирается отъ одного виска до другого и отъ переносицы до волосъ".

25 апрѣля флотилія приближалась къ Каневу, гдѣ назначено было свиданіе съ королемъ польскимъ.

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О ПРЕВРАЩЕНІЯХЪ ВЪ МАЛОРУССКИХЪ СКАЗКАХЪ.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

Превращенія приписываются нѣкоторымъ изъ миѳическихъ существъ низшаго разряда, которыя въ представленіи народа сохранились до настоящаго времени, каковы: *вовкулакъ*, *упырь*, *мавки*; а также народная фантазія большею способностью превращеній надѣлила *черта*, который, повидимому, совпалъ съ личностью *дьявола*, заимствованнаго изъ христіанскаго вѣроученія, сохраняя впрочемъ въ себѣ довольно ясные аттрибуты низшихъ языческихъ божествъ, какъ-то: Пана, Сильвана, Сатира.

Вовкулакомъ называется человѣкъ, который надѣленъ способностью превращаться въ волка; такая способность дается за грѣхи тѣхъ родителей, которые предъ праздниками или постами имѣли плотскія сношенія, или же работали въ праздники[2]). Въ *вовкулака* обращаются только на время, но никто изъ волка не можетъ сдѣлаться человѣкомъ, потому что это дается въ наказаніе отъ Бога[3]). О превращеніяхъ *вовкулака* народъ говоритъ: „Вовкулакъ ходыть у лисъ до настоящихъ вовкивъ и тамъ воны бигають, щобъ поймать що небудь и зъисты. Свитомъ вовкулакъ иде до дому и передъ селомъ зновъ перекидается въ чоловика, а жинка ёго вже знае, ничого вже ёму й не

---

[1]) „Кіевская Старина", 1891, 3.

[2]) Труды Этн. Эксп. I, 206.

[3]) Ibidem.

каже"[1]). Вовкулакъ представляется человѣкомъ понурымъ, и если онъ дѣлается волкомъ, то только давитъ, но не ѣстъ овецъ[2]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (кіевск. губ.) *вовкулакъ* и *упырь* въ представленіи народа отождествляются и имъ приписываются тѣ же самыя злобныя свойства.

Мавки, или *лоскотницы*—это превращенные черти. Онѣ принимаютъ видъ молодыхъ красивыхъ дѣвушекъ, завлекаютъ встрѣчныхъ и щекочутъ ихъ до смерти. По другому воззрѣнію, *мавки*—это „украденныя дьяволомъ дѣти"[3]). Почти вездѣ въ Малороссіи *мавки* отождествляются съ русалками, въ которыхъ превращаются дѣвушки-утопленницы и утонувшія дѣти.

Морськи люды—это тѣ воины Фараона, которыхъ потопило море; „съ тѣхъ поръ они и превратились въ морскихъ людей, принявъ форму въ нижней части тѣла — рыбью, а верхняя осталась человѣческою. „Морськи люды" сочиняютъ пѣсни и перекладываютъ ихъ на ноты"[4]).—Интересенъ разсказъ о *морскихъ женщинахъ*. Онѣ „отличаются необыкновенною красотою и увлекательнымъ голосомъ. Имъ-то и приписываютъ произведеніе всѣхъ извѣстныхъ въ народѣ пѣсенъ и сказокъ. Вѣрятъ, что женщины эти подплываютъ къ кораблямъ и начинаютъ пѣть и, если по неопытности плывущихъ на кораблѣ, ихъ не отгонятъ пушечными выстрѣлами, то онѣ до того успѣваютъ увлечь слухъ, что всѣ на кораблѣ засыпаютъ, и тогда „морськи люды" опрокидываютъ корабль"[5]). Очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ заимствованіемъ греческаго преданія о сладкогласномъ пѣніи *сиренъ*.

Чертъ способенъ принимать самые разнообразные виды: то онъ является въ видѣ пана, одѣтаго по нѣмецки, во фракѣ, то въ видѣ чернаго человѣка съ когтями, хвостомъ и рогами, въ видѣ козленка, кота, собаки и др. „Видѣвшій чертей замѣчаетъ у нихъ рога на головѣ, тщательно закрываемые круглою шля-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem, I, 206—7.

[4]) Ibidem, I, 211.

[5]) Ibidem.

пой съ широкими полями, собачью морду, хвостъ крючкомъ, когти на рукахъ и ногахъ. Одежда ихъ: коротенькая курточка, узкіе панталоны. Чертъ любитъ иногда принимать на себя видъ заблудившагося козлёнка; онъ является проѣзжему, и такъ жалобно блеетъ, что путникъ беретъ его къ себѣ въ повозку и лаская говоритъ: „козочка, козочка", а онъ повторяетъ: „козочка, козочка". Путникъ въ испугѣ бросаетъ его на землю, послѣ чего мнимый козленокъ исчезаетъ" [1]).—Чертъ не всегда приноситъ людямъ несчастье; онъ часто даетъ имъ деньги, а слѣдовательно, и благостояніе. Чертъ является человѣку въ видѣ козленка, который разсыпается деньгами. Послѣ того, какъ бѣдный человѣкъ закопалъ „злыдни", онъ вдругъ слышитъ, что-то кричитъ *на горищи*: „изсады, изсады"! Человѣкъ взялъ бичовку, полѣзъ—видитъ *козиня зъ рижкамы* (а то бувъ чортяка, не при хати згадуючи). Только что хотѣлъ онъ *изсадыть, а гроши такъ и посыпались у сини* [2]).—Чертъ является въ видѣ *хорта* (борзой собаки). Полевой сторожъ увидѣлъ бѣлаго *хорта*, далъ ему хлѣба; потомъ этотъ *полёвый* посланъ былъ съ письмомъ; возвращаясь, онъ зашелъ на хуторъ, гдѣ его хозяинъ принялъ гостепріимно, а потомъ спросилъ: помнишь-ли ты меня, какъ ты меня накормилъ хлѣбомъ? Тутъ только *полёвый* догадался, что это былъ чертъ [3]). Чертъ является въ видѣ кота подлѣ креста, на границѣ, гдѣ хоронятъ тѣхъ, которые вѣшаются. Когда хотѣли ударить кота, то онъ сдѣлался, какъ верста [4]). Чертъ является въ видѣ *клубка*, который ночью катится предъ человѣкомъ, и когда тотъ рѣшился ударить его, то *не знать, гдѣ дѣвалось* [5]).

Любимымъ мѣстопребываніемъ черта считается мостъ, который часто вода вырываетъ; народъ говоритъ, что его рветъ *нечыста сыла*. Подъ мостомъ чертъ часто принимаетъ образъ дитяти. Одно такое дитя человѣкъ взялъ изъ подъ моста; кони

---

[1]) Ibidem, I, 188.

[2]) Драгомановъ, Млр. н. ск. и пр. 414.

[3]) Драгомановъ. Млр. н. ск. и пр. 45. Тр. Этн. Эксп. I, 188.

[4]) Драгамановъ, Млр. н. ск. и пр. 47.

[5]) Ibidem, 44.

его рвутся; онъ смотритъ, *а то уже не дитя—чоловикъ*; онъ ударилъ его *на війя*, и только вѣтеръ сорвался... „и каже: ну догадався, що зробыты зо мною!" [1])—Черти въ видѣ дѣтей бѣгаютъ передъ лошадьми; эти дѣти тутъ же превращаются въ *бѣлыхъ хортовъ*. Когда человѣкъ выстрѣлилъ въ нихъ изъ ружья, то они только засмѣялись и спрятались подъ мостъ [2]).— Въ сказкѣ „Про бидного чоловика и чорта" передается, что человѣкъ можетъ обратиться въ *чорта*. Одинъ бѣднякъ, который имѣлъ много дѣтей, а не имѣлъ *на что соли купить, чтобъ посолить борщъ*, пообѣщалъ черту дитя, если тотъ дастъ ему денегъ. Чертъ, услышавъ это, „приносыть ему казанокъ, три—чотыри гарци грошей" и говоритъ, что дитяти ему не надо, а необходимо только выполнить слѣдующее условіе: одинъ разъ въ мѣсяцъ, *що новои субботы*, приносить *несолоный коржъ ярои пшеныци и чорного пивня* (нѣчто въ родѣ жертвы), деньги же можно отдать послѣ съ процентомъ. Когда черезъ пять-шесть лѣтъ вздумалъ этотъ человѣкъ отдать деньги, то оказалось, что добраго черта убилъ бичемъ *фурманъ*, а явился другой чертъ, его товарищъ, который сказалъ ему слѣдующее: „Спасыби тоби, шо таки справны. За коржы и пивни спасыби; а гроши беры соби—воны твои. Якъ бы той бувъ живый, то винъ бы также не отбиравъ бы, и черезъ то не одбиравъ бы, то бувъ твій братъ ридный. Бо твоя мама стеряла дытыну, и отъ зъ той дытыны вырисъ той. Винъ бачывъ, що ты такый бидный шовъ черезъ лисъ и плакавъ. Отъ винъ и пожалувавъ тебе и давъ тоби грошей. Иды ими хозяюй" [3]).—Чертъ превращается въ чернаго пѣтуха. Крестьянинъ съ женой, возвращаясь съ ярмарки, нашелъ чернаго пѣтуха, привезъ его домой и посадилъ на печь, но не слыша пѣнія, посмотрѣлъ туда и увидѣлъ предъ пѣтухомъ кучи золота и серебра. Крестьянинъ догадался, какой это былъ пѣтухъ и бросилъ его съ моста въ воду. Мгновенно взбушевала рѣка и поднялся сильный вѣтеръ.

---

[1]) Ibidem, 46.

[2]) Ibidem.

[3]) Труды Этн. Эксп. II, 379—80.

На печи же вмѣсто денегъ оказалась смола [1]).—Чертъ является въ видѣ *паныча*, въ видѣ *пана*. Въ одномъ народномъ преданіи говорится, что на томъ мѣстѣ, гдѣ было *стерво* (падаль), выходилъ чертъ, *по-панъски вбраный*, ходилъ взадъ и впередъ, курилъ *люльку и ногы були зъ ратыцямы* [1]). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ образъ черта своимъ даже внѣшнимъ видомъ напоминаетъ классическаго пана.—Черти, по народному повѣрью, принимаютъ образъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ мечтаютъ люди. „Молодымъ, распутнымъ людямъ являются въ образѣ красивыхъ, молодыхъ женщинъ; сребролюбцамъ—въ образѣ богача-человѣка, раздающаго свои сокровища всѣмъ желающимъ“ [3]). О многообразныхъ видахъ, какіе принимаетъ „Охъ, або чортъ“, было уже сказано.

Доселѣ мы разсматривали превращенія человѣка или человѣкообразнаго миѳическаго существа въ животное или неодушевленный предметъ, теперь мы перейдемъ къ особаго рода превращеніямъ, такимъ, гдѣ волосъ, палочка, напр. превращаются въ коня, кости быка въ собакъ, въ яблоню,—щетка, гребенка—въ лѣсъ, горы. Во всѣхъ этихъ превращеніяхъ мы видимъ, что названные предметы достаются отъ необыкновенныхъ существъ, отъ чародѣевъ, или наконецъ отъ чудесныхъ животныхъ; такъ что всѣ эти превращенія, очевидно, производятся силою существъ миѳическихъ.

О превращеніи волосъ въ коней сказка передаетъ такимъ образомъ. Отецъ, умирая, завѣщалъ тремъ сынамъ своимъ приходить ночевать на могилу. На первую ночь старшій, разумный сынъ не пошелъ, а пошелъ самый младшій—дурень,—отецъ привязалъ ему волосинку за лѣвое ухо; на вторую и третью ночь повторилась та же исторія, и дурень услышалъ о томъ, что ихъ царевна объявила, что выйдетъ за того за-мужъ, кто достанетъ ее на стеклянной горѣ. Дурень *присмалилъ* волосинку, и явился конь, на которомъ онъ, впрочемъ, не доскакалъ;

---

[1]) Ibidem, I, 184.

[2]) Драгоман. Мпр. н. ск. и пр. 47; Труды Этн. Эксп. I, 184.

[3]) Труды Этн. Эксп. I, 184.

тогда *присмалилъ* волосинку—и явился второй конь, съ которымъ повторилась та же неудача, и только на третьемъ конѣ досталъ онъ царевну. При помощи этого чудеснаго коня онъ повоевалъ враговъ царя и исполнилъ нѣсколько чудесныхъ задачъ: добылъ семь кабановъ морскихъ, семь коровъ морскихъ и семь кобылъ морскихъ [1]).

Въ другой сказкѣ самъ конь даетъ Ивану три волосинки съ наказомъ присмалить ихъ, тогда онъ явится [2]). Появленіе коня здѣсь, очевидно, основывается на необыкновенномъ чутьѣ, которое, по народному представленію, сохраняется между предметомъ и частью, отдѣленною отъ этого предмета. Яснѣе указываетъ на превращеніе палочки въ коня сказка „Про дурня Терешка". Старый дѣдъ завѣщалъ, чтобы три сына его ходили каждую ночь на его могилу и *чыталы молытвы по кныжци.* Старшіе два сына исполнили эту обязанность очень небрежно и только третій—дурень исполнилъ какъ слѣдуетъ. Въ награду даетъ имъ отецъ три палочки, которыя обращаются въ коней; палочки старшихъ братьевъ—были худшіе кони, а съ помощью своего коня дурень добываетъ себѣ *панночку* [3]). Вѣдьма на *Лысой горѣ* даетъ своему мужу коня, который оказался потомъ *дручкомъ;* мужъ вышвырнулъ его, но дручокъ снова превратился въ коня [4]). Отголосокъ этого повѣрья можно отчасти видѣть въ дѣтскихъ играхъ, когда мальчики ѣздятъ на палочкахъ, воображая ихъ конями.

Существуетъ отдѣлъ превращеній, гдѣ брошенная щетка, гребенка, *рушныкъ,* превращаются въ лѣсъ, горы, рѣку. По большей части эти предметы получаются отъ волшебницы или отъ чудесныхъ животныхъ, и потому превращеніе ихъ совершается высшею силою. Вотъ какъ въ сказкѣ „Про стрильця" говорится о подобныхъ превращеніяхъ. Сынъ стрѣльца спасается отъ змѣя при помощи младшей дочери змѣя, которая

---

[1]) Труды Этн. Эксп. II, 274—6; 269—274.
[2]) Ibidem, II, 222.
[3]) Ibidem, II, 276—7.
[4]) Драгомановъ, Малор. нр. ск. и пр, 393—4.

его полюбила; онъ садится на нее, какъ на коня; „вона крыла роспъяла и летыть“. Вотъ змѣй нагоняетъ ихъ, она велитъ бросить щетку, и стала пуща такая, что змѣй еле могъ пробиться; во второй разъ, когда змѣй настигъ, дочь велитъ бросить гребенку, и стали горы; снова змѣй приблизился, тогда бросаютъ иголку и шпильку—и образуются лѣса, горы, скалы [1]). Въ другихъ сказкахъ съ подобными превращеніями, такія вещи, какъ гребенку, хустку даетъ чудесный волъ, бычокъ. Въ сказкѣ „про царевича Ивана и царивну Марусю“ говорится, что царскія дѣти спасались отъ змѣя при помощи вола. Когда змѣй настигъ ихъ, волъ и говоритъ: „е, Иванъ Ивановичъ, руській царевичъ, вже мени трохы прыпика; заглянь мени у праве вухо, та выйми гребиночку маеву та махны навхрестъ, то такъ теренъ и зробытся“. Этимъ они задержали змѣя, а когда добѣжали до моря, то волъ и говоритъ: „заглянь мени у праве вухо та выймы хустку; махны навхрестъ черезъ море, то мы по води перейдемъ“ [2]). Въ варіантѣ этой сказки мы видимъ характерное видоизмѣненіе. Царевича и царевну спасаетъ „бычокъ поганый да кошлатый, що гидко на его й глянуть“. Это сказочный пріемъ, который такому незамѣчательному существу и приписываетъ именно чудесныя свойства. И дѣйствительно, бычокъ „понисъ ихъ, да такъ скоро, такъ скоро, що й витеръ не дожене,—такъ скоро“. Проснулся змѣй, пустился въ погоню и сталъ бросать за ними огнемъ,—бычокъ и спрашиваетъ: „а що диткы чы пече?“—пече, кажуть, та ще й дуже.—„Влизь, каже бычокъ, въ ливе ухо, а въ праве вылизь, выймы збрую на себе й на мене“. Онъ такъ и сдѣлалъ, но и черезъ сбрую стало печь; тогда бычокъ велѣлъ царевичу влѣзть въ лѣвое ухо и вылѣзть въ правое и вынуть оттуда гребенку. Царевичъ „махнувъ тымъ гребенцемъ назадъ, и ставъ лисъ такый густый та здоровый, що не проихать ёго, ни пишки пройты: такъ дерево коло дерева й поросло, да все таке-жъ-то претовсте, що й у чотырохъ не обыймешъ. Летыть

---

[1]) Труды этногр. эксп., II, 192.

[2]) Ibidem, 154,

той змій; долетивъ до лису—палыть, ломыть, трощыть,—таке лихо пиднялось въ тымъ лиси що ажъ земля реве". Когда змѣй опять сталъ жечь огнемъ, царевичъ вынулъ изъ уха „*биленькый платочокъ*, махнувъ назадъ—и стало море, таке велыке, таке велыке, що й коньця ниде не выдно; да такыи хвыли пиднялысь на тому мори престрашенны, да такъ лютують да бьють объ берегъ, що страшно на ихъ и глянуть" [1]). Быку здѣсь приписывается перенесеніе на себѣ и спасеніе дѣтей отъ змѣя; можетъ быть, здѣсь отразилось то значеніе, какое приписывается быку въ арійской, а особенно въ ассирійской и египетской (аписъ) миѳологіи. Эта же сказка содержитъ въ себѣ еще одно оригинальное миѳическое представленіе, по которому какъ бы изъ головы быка вынимаются задуманныя и осуществленныя чудесныя вещи.

Кости, голова, рога, сердце чудеснаго быка, коровы превращаются въ собакъ, въ яблоню, въ яворъ. Въ упомянутой уже сказкѣ: „Иванъ Ивановичъ, руськый царевичъ, его сестра и змій" бычекъ послѣ спасенія отъ змія царевича и царевны говоритъ имъ: „Ну, дитки, чы васъ до батька одвезты, чы, може, вы тутъ останетесь"?—„Да мы вже, кажуть, останемся тамъ, де вы будете; уже будемъ разомъ зъ вамы жыть до коньця вику".—„Я вже, каже бычокъ, не хочу жыть на свити; зарижте мене, мъясо поижте, а косткы въ стриху заткнить, то выросте изъ моихъ костокъ *чуйко й буйко*. Воны вамъ станутъ въ велыкый пригоди".—„Якъ же мы васъ зарижемо? Вы насъ одъ смерты оборонылы, а мы от-це васъ будемъ ризать?!" (Замѣчательна здѣсь та форма вѣжливости, въ которой даже царскія дѣти обращаются къ бычку). Бычка зарѣзали и изъ костей его дѣйствительно выросли двѣ большія и сильныя собаки—*чуйко* и *буйко*, которыя исполняли большую и трудную службу для Ивана—царевича [2]). Въ варіантѣ этой сказки волъ, спасшій царскихъ дѣтей, велитъ имъ себя зарѣзать, рога свои положить подъ стрѣху, тогда „вашои хатки, говоритъ онъ, ни вогонь не

---

[1]) Труды этн. эксп., II, 142—3.

[2]) Ibidem, 143—152.

спале, не гримъ, и буде зъ мене дви собаки: чуйко и бачко—побаче" [1]). Эти собаки точно также оказались чудесными.

Въ другихъ аналогичныхъ сказкахъ голова коровы или быка превращается въ чудесную яблоню. Дочь дѣда, преслѣдуемая мачихой, спасается тѣмъ, что влѣзаетъ коровѣ въ правое ухо и вылѣзаетъ въ лѣвое и вынимаетъ оттуда требуемое полотно. Наконецъ корову подстерегли и зарѣзали. По совѣту коровы дѣдова дочь попросила себѣ голову коровы и закопала ее въ воротахъ. „Прыйшла, гляне—ажъ тамъ росте яблунька, та ще жъ яка! золотый на ній лысточокъ, а лысточокъ срибный. Вона любуетьця на ту яблуньку, а пташкы спивають: соловьи, зозули, райськи птыци—та такъ и вкрылы яблуньку". Яблоки на ней выросли одно золотое, а другое серебряное. Ѣхалъ мимо панъ, увидѣлъ чудесную яблоню и хотѣлъ сорвать яблокъ, но никто не могъ сорвать ихъ, только дѣдова дочь. Панъ сдѣлалъ ей предложеніе, „узявъ іи за руку и посадывъ биля себе въ карети. Воны поихали, *и яблунька пишла за нымы*" [2]). Въ сходной сказкѣ, волъ, во всемъ помогавшій дѣдовой дочкѣ, передъ своей смертью совѣтуетъ ей найти въ его кишкахъ камешекъ и посадить его подлѣ воротъ. Изъ этого камешка выросла чудесная яблонька съ золотыми и серебряными яблоками [3]). По другому варіанту, дѣдова дочь должна найти въ кишкахъ два зерна—одно золотое, а другое серебряное, или два камешка—одинъ золотой, а другой серебряный, изъ которыхъ выростаютъ двѣ яблони [4]). Интересенъ въ этомъ родѣ слѣдующій рядъ превращеній. Козакъ, получивъ способность превращеній, дѣлается бѣлымъ жеребцомъ, поступаетъ на службу къ *чернокнижнику*, чтобы отомстить послѣднему. Жена чародѣя узнала коня и заставила убить его; но конь попросилъ дивчину, чтобы она одинъ его *волосъ* воткнула среди двора, и выросъ изъ него *яворъ*. Но и яворъ узнали и велѣли срубить и сжечь. Дивчина объ этомъ сказала явору. „Яворъ одказуе ій: не

---

[1]) Ibidem, 154—6.

[2]) Ibidem, II, 459—464.

[3]) Ibidem. 450—451.

[4]) Драгоман., Млр. н. ск. и пр. 362; Труды этн. эксп., II, 466—7.

журысь дивчынко, я не пропаду, тилько выломы изъ мене гиллячку и пусты на воду, то я все таки живъ буду!“ Изъ вѣтки потомъ сдѣлался *качуръ*, который и убилъ чародѣя [1]). Эта сказка дѣлаетъ для насъ вполнѣ яснымъ происхожденіе олицетвореній: конь, яворъ обладаетъ способностью говорить, потому что это превращенный человѣкъ.

Сказки знакомятъ насъ еще съ превращеніями такого рода, когда человѣкъ, искупавшійся въ кипящемъ молокѣ или кипящей водѣ, дѣлается моложе, красивѣе. Въ сказкѣ передается, что бѣдный паробокъ, послѣ ряда неудачъ, женится на панѣ, которая оказалась сестрою солнца. Панъ, которому понравилась молодая жена, хочетъ согнать этого человѣка со свѣту и приказываетъ ему съ этою цѣлью исполнить трудныя задачи, которыя тотъ и исполняетъ при помощи своей жены и солнца. Наконецъ, панъ велѣлъ ему искупаться въ кипяткѣ. „Нагрилы котелъ зъ водою, той ускочивъ и выскочивъ ще хорошчимъ. Панъ зъ его дядькомъ и соби ускочылы тай зварылысь“ [2]). Въ другой сказкѣ, по приказу пана, сирота добываетъ морскую дѣвицу, которой любуется солнце. Она „велила подоить коровы, и молоко зварыла въ такимъ велыкимъ котли, що можно плавать чоловикови та й каже Ивану: „Скупайся въ цёму молоци, що кыпыть“. Иванъ скочывъ, унирнувъ тры разы и выскочивъ такый гарный, якъ квиточка. Отъ, вона до свого пана старого и каже: „Ты-бъ, голубчику, покупався ще: дывысь, якъ Иванъ помолодшавъ и ты будешъ такый гарный“. Панъ якъ ускочивъ, такъ и кисткы ёго разсыпались; а Иванъ оженывся съ тею панною, що зъ мора винъ доставъ. Жывуть и хлибъ жують“ [3]). Обыченъ также пріемъ, когда морской конь, помогавшій дураку во всемъ, совѣтуетъ ему не купаться до тѣхъ поръ, пока онъ три раза не прыснетъ. Вотъ подходятъ къ нагрѣтому котлу, „а тутъ уже кинь стоить. Прыхнувъ—той кинь разъ, прыхнувъ другый разъ, якъ третій разъ прыхнувъ, той скынувъ зъ себе сорочку и скочивъ въ котелъ, покупавсь тамъ и вылизъ. Поба-

---

[1]) Труды этн. эксп., II, 441—3.

[2]) Ibidem, 11.

чивъ панъ, що той ще кращчій вылизъ изъ молока, якъ бувъ, да и каже: „Нагрійте, каже, молока; я ще покупаюсь“. Понятно, когда онъ вскочилъ, то только косточки *затороxкотилы* [1]). Можетъ быть, въ основаніи этого воззрѣнія лежитъ миѳическо-юридическій обычай *суда Божія*, или испытанія посредствомъ огня и воды, когда осужденный выскакивалъ изъ воды оправданнымъ, обновленнымъ.

На миѳическомъ воззрѣніи основаны также превращенія старика-дѣда, козленка, горящихъ угольевъ *въ деньги, въ кучу серебра, въ червонцы*. По народному преданію, *„лисовы люды“*—сѣдые засморканные старики, превращаются въ кучу серебра. „Одна дѣвушка, вышедши осенью въ лѣсъ, нашла подъ деревомъ лѣсного старика скорчившагося. Замѣтивъ, что онъ дрожитъ и крѣпко „засмаркался“, она, изъ состраданія, обтерла ему носъ своимъ передникомъ, и старикъ разсыпался передъ нею кучей серебра“ [2]). Золото въ миѳическую эпоху служило символомъ небеснаго огня, поэтому понятно превращеніе огня въ золото. По народному повѣрью, золото горитъ огнемъ въ день Пасхи. Въ сказкѣ, огонь, взятый въ день Пасхи, превращается въ золото. Не имѣя чѣмъ засвѣтить въ день Пасхи, бѣднякъ увидѣлъ на пригоркѣ огонь и пошелъ *позычать огня*. Пришелъ—видитъ дѣда (Бога) и проситъ у него огня. „Держы, сыну, прыпилъ: я тоби насыплю жару“, сказалъ *дидъ*.—Прогорыть пола, дидусю!—„Та ни, сыну, не прогорыть, держы прыпилъ: я тоби насыплю; да гляды несы да не заглядуй въ прыпилъ, ажъ покы не прыйдешъ до господы.—Отъ той чоловикъ загорнувъ той жаръ у полу и пойшовъ до дому. Колы дывытця въ хати ажъ то не огонь, а червоньци“ [3]): Тотъ же самый смыслъ лежитъ и въ превращеніи угольевъ въ червонцы. Дѣдъ *(щастья)* посовѣтовалъ купеческому сыну жениться на жидовской наймычкѣ, обѣщая, что она будетъ счастливая. Когда ей дали денегъ для закупки товару, то она купила „хуру уголля; прывезла, а винъ

---

[1]) Ibidem, III, 114.

[2]) Ibidem, I, 211.

[3]) Ibidem, II, 349.

(мужъ) побачывъ та думае соби: „дурне дурнымъ! брехавъ той дидъ, що вона щаслыва“. Колы пиде на другый день брать на чай уголле—ажъ тамъ сами червинци. Винъ тоди думае соби: правда, що дидъ казавъ“ [1]).—У чертей и въ заколдованныхъ мѣстахъ червонцы всегда обращаются въ уголья и наоборотъ; поэтому козакъ въ *каменномъ царствѣ* не беретъ золота, а уголья, которые обращаются въ *гроши* [2]).—Животныя, въ особенности тѣ, которыя имѣютъ нѣкоторое соотношеніе съ чертомъ, превращаются въ *гроши*. Бѣднякъ, который потерялъ послѣднее *борошно* по причинѣ вѣтра, идетъ *позывать* (жаловаться) вѣтеръ. Встрѣчаетъ его дѣдъ (Богъ), входитъ въ его положеніе, даетъ ему козу и говоритъ: „Якъ треба тоби буде грошей, то тилько скажы: „Коза—коза, розсыпся!“ То зъ неи такъ гроши и посыплятця, да самисеньки чырвонци“ [3]). Въ другомъ варіантѣ *дѣдъ* даетъ баранчика, который разсыпался золотомъ [4]). О томъ, что чертъ, превратившійся въ *козиня*, разсыпался *грошами*, было уже сказано [5]). Превращеніе черта въ *гроши* и особенно обладаніе послѣдними есть излюбленный мотивъ народнаго представленія. Въ одной сказкѣ чертъ желаетъ купить коня; ему сказали цѣну,—„той вынявъ гроши изъ мишка, саме золото, й дае ему и не счытае, *бо звисно, у нечыстои сылы есть до биса грошей*“ [6]). Въ томъ взглядѣ, что преимущественно дьяволъ обладаетъ угольями, обращающимися въ червонцы, которыми искушаетъ бѣднаго человѣка, сказалось несомнѣнно вліяніе позднѣйшаго христіанскаго воззрѣнія.

Слѣды превращеній, хотя и менѣе ясные, можно видѣть въ олицетвореніяхъ, богатѣйшемъ отдѣлѣ народной поэзіи. Мы уже встрѣчали такое явленіе, что *яворъ* говоритъ и представляется, какъ человѣкъ, потому что это дѣйствительно превращенный человѣкъ. Точно также кукушка, голуби, медвѣдь, жаба,

---

1) Ibidem, 423—4.
2) Ibidem, 439.
3) Ibidem, 34?.
4) Ibidem, 351.
5) Драгомановъ, Млр. н. ск. и пр. 414.
6) Труды Этн. Эксп. II, 371.

черешня, яблоня говорятъ, потому что это превращенные люди, или же изъ членовъ тѣла человѣческаго, какъ изъ сѣмени, выросшія существа, которыя сохраняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ свойства человѣческія. Такое свойство имѣетъ черешня, выросшая на могилѣ убитаго брата. Панъ, который ѣхалъ мимо, сдѣлалъ изъ черешины дудочку, „иде соби и грае, а та дудочка говорыть:

„Не грай паноньку не грай,
Мого серденька не торкай,
Мене браты забылы,
Ножа въ серденько вбылы,
Черепочкомъ очи накрылы,
Черешыну за крыжа уткнулы,
И песочкомъ засыпалы“.

Отецъ, мать и братья играли, и дудочка имъ прямо указала виновниковъ преступленія. Свойствомъ говорить обладаетъ и яблоня, выросшая изъ отрубленнаго пальца сына, любуются этимъ деревомъ родители и удивляются: „Хто бъ не вырвавъ яблучко—кровъ бижить зъ дерева, та все щось прыспивуе: „Обмана, обмана, батеньку-змію!“ [1]).—Братъ, обращенный въ баранчика, ходитъ на берегъ къ сестрѣ, обращенной въ утку, и поетъ:

„Сестричко Оленко, приплынь, приплынь,
До бережечка,
Братикъ плаче, исты хоче“ [2]).

О кукушкѣ (превращенной женщинѣ), которая пѣла надъ убитыми дѣтьми пѣсню, было уже сказано [3]). Слѣдующая пѣсня, которую поютъ голуби, очень поэтично приноровлена къ ихъ воркованью. Голуби взяли Марусю, понесли ее черезъ море, „та ще несуть та и спиваютъ:

„Жыла-була въ дида
Дочка Марусенька.
Бурку-ку!
Прилетило къ ній
Два голубоньки.
Бурку-ку!

---

[1]) Труды Этн. Эксп. II, 304 № 79.
[2]) Ibidem, 470.
[3]) Ibidem, 475.

Взяли іи съ кроватію
Бурку-ку!
Несутъ іи съ кроватію
Бурку-ку!" [1]).

Въ сказкахъ весьма часто встрѣчается, что не только животныя, но и неодушевленные предметы говорятъ. Въ сказкѣ „Довгомудъ" мы наглядно видимъ, какъ эти предметы принимаютъ человѣкообразныя формы. У одного хозяина *довгомудъ* выносилъ всю рѣпу. (Интересно, какъ представляетъ себѣ народъ это существо: „Довгомудъ—це колысь таки люде булы: чоловикъ не чоловикъ, вовкъ не вовкъ: рукы у него булы таки, якъ и въ чоловика, а тило усе въ волосси, а на голови шапка—хто іи зна, якои масты). Противъ этого довгомуда идетъ потерпѣвшій человѣкъ. „Иде, иде—лежыть на дорози довбня.—„Здоровъ!" говоритъ *довбня.*—Здоровъ.—„Куды идешъ?"—Довгомуда быты.—„Визьмы й мене!"—Иды. И пишлы. Идуть—идуть—ведмидь зострився". Медвѣдь точно также просится въ товарищи, затѣмъ волкъ, потомъ *лычко задрыпане*, наконецъ желудь попросился, и его приняли. Сказка въ заключеніе о нихъ говоритъ: „Оце вже стало *ихъ шисть чоловика*, и пришлы воны вси до довгомудовои хаты" [1]).—Интересенъ также разговоръ неодушевленныхъ предметовъ, какъ-то: кочерги, *рогача*, топора и долота. Эти предметы какъ бы заставляетъ принять олицетворенную форму злой духъ. Сказка, относящаяся сюда, передаетъ, что царь, возвращаясь со смотра, почувствовалъ жажду и подошелъ къ болоту напиться, гдѣ его и присосало. Онъ получилъ свободу только тогда, когда пообѣщалъ отдать черту то, чего дома онъ еще не знаетъ. Оказалось, что въ его отсутствіе жена родила сына и дочь. Чтобы не отдавать дѣтей, царь и царица рѣшили спрятать ихъ подъ поломъ. Черезъ годъ является *нечыста сыла* и требуетъ обѣщаннаго; ему объявляютъ, что онъ получитъ тогда, когда самъ найдетъ. „Отъ злый пойшовъ до кочерги и пытае: „Кочерга, кочерга, скажы, де мій подарунокъ дився?" Кочерга отвѣчаетъ: „Не знаю я. Я тилько

---

[1]) Ibidem, 92—3.

[2]) Труды Этн. Экси. II, 95—96.

знаю, якъ изъ печы выгребты попелъ, чы тамъ огонь, да якъ добра кухарка, то на ничъ мене пудъ пичъ положыть, а якъ ни, то я оттакъ, якъ бачышъ, стою у кочергахъ по цилыхъ суткахъ". Съ подобнымъ вопросомъ обращается змѣй къ *рогачу* и *сокирѣ*, но тѣ отказались указать мѣсто сохраненія царскихъ дѣтей. Тогда змѣй съ необыкновенной лаской обращается къ долоту: „Долото, долото, скажи мини, де мій подарунокъ. Я тебе буду въ повази держать, озолочу твою голову, николы й обухъ не доторкнется до твоеи головы; а якъ не скажешъ, то день и ничъ будуть тебе по голови быть обухомъ.—Добре, каже долото, скажу тоби, де ты можешъ найты свій подарунокъ; возьмы мене, понесы въ комнаты и кыдай въ кожный хати: де застромлюсь у помистъ, то въ тией и шукай подъ помостомъ" [1]). Долото этимъ способомъ вызвалось сослужить службу змѣю.

Въ такой первобытной свѣжести существуетъ масса олицетвореній въ народной поэзіи, но они, сравнительно съ превращеніями, должны быть отнесены къ другой, болѣе поздней эпохѣ народнаго міровоззрѣнія.

Хр. Ящуржинскій.

[1]) Ibidem, 138—140 152.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА ПОЛЕТИКЪ.

I. Происхожденіе Полетикъ. Свѣдѣнія о жизни Григ. Андр. Полетики.

Въ числѣ авторовъ и переводчиковъ русскихъ книгъ, напечатанныхъ во второй половинѣ прошлаго вѣка встрѣчается немало малороссіянъ: Богаевскій, Галенковскій, Гамалѣя, Дараганъ, Яковъ Козельскій, Иванъ Лашкевичъ, Василій Лобысевичъ, Лукашевичъ, Левъ Максимовичъ, Марковичъ, Огіевскій, Парпура, Григорій Полетика и много другихъ, имена которыхъ, поискавши, можно найти въ каталогѣ Сопикова. Все это имена лицъ болѣе или менѣе причастныхъ къ тогдашней литературѣ, о которыхъ мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній, не зная откуда и при какихъ условіяхъ приходили эти работники на литературную ниву... Въ числѣ этихъ лицъ Григорій Полетика занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ по своей любви къ просвѣщенію и по своей дѣятельности общественной въ качествѣ одного изъ депутатовъ Екатерининской коммиссіи.

Благодаря счастливой случайности, остатки бумагъ Гр. Андр. Полетики недавно пріобрѣтены извѣстнымъ собирателемъ памятниковъ малорусской старины В. В. Тарновскимъ. На основаніи этихъ остатковъ семейнаго архива, какъ видно нѣкогда очень богатаго, мы и можемъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ просвѣщенномъ малороссѣ конца XVIII в.—Родомъ Гр. А. Полетика былъ изъ Ромна, куда отецъ его Андрей перешелъ жить изъ Полтавы. „Родословіе“ Полетикъ, состав-

ленное впрочемъ самимъ Гр. А. П-кою, говоритъ, что они вышли изъ Волыни. Тамъ де жилъ „шляхтичъ“ Иванъ П-ка, который, въ войну поляковъ съ турками, былъ убитъ въ 1673 г., подъ Хотиномъ; послѣ смерти Ивана, вдова его отправила двухъ малолѣтнихъ своихъ сыновей, Павла и Григорія, въ Кіевъ „какъ для того, чтобы они не оставили вѣры своего исповѣданія, такъ и для обученія“; а въ Кіевѣ де жилъ тогда, „бывшій потомъ въ черниговскомъ полку седневскимъ сотникомъ и полковникомъ (?) зять бывшаго прежде гетмана Богдана Хмельницкаго,—малороссійскаго гетмана Семена Перевязки и свойственникъ малороссійскаго гетмана Демьяна Игнатьевича Многогрѣшнаго, а ихъ Павла и Григорія близкій родственникъ Полетикъ“. Разсчетъ вдовы былъ тотъ, продолжаетъ „родословіе“, что седневскій Полетика, „будучи бездѣтный и богатый человѣкъ, ибо онъ имѣлъ въ Малой Россіи, въ черниговскомъ полку, многія деревни, а именно Ивашковъ, Выхвостовъ, Мощонку, Пекуровку, Рудню и друг. (о чемъ, такъ какъ и о свойствѣ его съ вышеписанными гетманами, свидѣтельствуетъ бывшее въ Малой Россіи въ 1729 и 1730 гг. слѣдствіе)[1]), можетъ ихъ и обучить, и наслѣдниками сдѣлать; но они того своего родственника Полетики въ живыхъ не застали, почему они, обучась въ Кіевѣ и познакомясь съ дѣтьми бывшаго полтавскаго полковника Про-

---

[1]) Для поясненія полетикинскаго „родословія“, приводимъ здѣсь отрывки изъ генеральнаго слѣдствія, послужившіе источникомъ для свѣдѣній о седневскомъ Полетикѣ. *Ивашковка* — „старожилы того села, якъ они упомнятъ, сказкою показали, что владѣлъ онымъ *зять гетмана Перевязки нѣкій Полѣтика.*—*Пекуровка*—„владѣлъ послѣ лядского владѣнія, *гетмана Перевязки зять его, нѣкоторый Полѣтика*, будучи сотникомъ седневскимъ“... *Мощонка* — „показали старожилы, что владѣлъ онымъ селомъ перво, *сотникъ седневскій* прозваніемъ *Полетика, свойственный гетмана Многогрѣшнаго*“... *Рудня*—„деревню Рудню поселилъ слободою тотъ же *Политика, зять гетмана Перевязки*“... Генер. слѣдствіе называетъ седневскаго Полетику то зятемъ гетмана Перевязки, то свойственникомъ гетмана Многогрѣшнаго; такъ повторяетъ и Гр. А. П-ка, прибавляя только при названіи Перевязки имя Семона, каковаго имени въ генер. слѣдствіи нѣтъ, да и не могло быть, потому что здѣсь Перевязка отождествляется съ Многогрѣшнымъ, такъ какъ дочь послѣдняго была замужемъ за седневскимъ сотникомъ Полетикою, послѣдній былъ живъ еще въ 1672 г. См. Акты юго-западн. Россіи, IX, 828. Изъ приведенныхъ мѣстъ генер. слѣдствія, между прочимъ, видно, что Многогрѣшный прозывался въ народѣ Перевязкою такъ, какъ Самойловичъ—Поповичемъ.

кофія Левенца, отлучились въ Полтаву и, сыскавъ сходныя для себя супружества, поженились..." Старшій изъ братьевъ поселился въ Решетиловкѣ и жилъ тамъ до 1709 г., когда былъ убитъ „на бывшей подъ Полтавою баталіи". Послѣ Павла остался старшимъ въ семьѣ сынъ его Андрей, который нашелъ лучшимъ, „удаляясь отъ татарскихъ набѣговъ", подвинуться на сѣверъ, гдѣ онъ и оселился съ матерью и младшими братьями,— въ Ромнѣ. Здѣсь Андрей П-ка женился на внучкѣ лубенскаго полковника Илляшенка и скоро сталъ роменскимъ войтомъ. Затѣмъ онъ началъ съ Полуботками процессъ за село Коровинцы,— которое сначала было пожаловано, въ 1690 г., дѣду его жены, а потомъ, въ 1708 г., Павлу Полуботку,—выигралъ этотъ процессъ и сталъ почти единственнымъ владѣльцемъ многоземельнаго села [1]). Оставивъ почему то роменское войтовство, Андрей П-ка „вступилъ значковымъ товарищемъ въ лубенскій полкъ" и отправлялъ козачью службу въ этомъ званіи до 1749 г., когда произведенъ былъ въ чинъ бунчуковаго товарища; затѣмъ еще оставался на службѣ до 1757 г., когда получилъ отставку, имѣя отъ роду 65 л. Умеръ Андрей П-ка въ 1773 г., оставивъ, кромѣ дочерей, пять сыновей, изъ которыхъ Григорій былъ старшимъ.

Гр. Андр. П-ка родился въ 1725 г. и учился въ кіевской академіи. Въ 1746 г. онъ поступилъ въ академію наукъ переводчикомъ, при чемъ предварительно былъ проэкзаменованъ Тредьяковскимъ, который въ своемъ донесеніи объ этомъ экзаменѣ президенту (гр. К. Разумовскому) пишетъ: „имѣвъ случай свидѣтельствовать въ искусствѣ россійскаго и латинскаго языковъ малороссіянина Григорія Полетику, который проситъ объ опредѣленіи себя переводчикомъ при академіи, пріемлю смѣлость симъ объявить мое мнѣніе объ искусствѣ помянутаго малороссіянина: помянутый малороссіянинъ, переводя съ латинскаго языка, показалъ себя, что онъ тотъ языкъ изрядно разумѣетъ, переводить съ него можетъ; однако россійскій его языкъ есть по большей части въ переводѣ—діалектъ малороссійской,

---

[1]) См. „Кіевская Старина" 1891 г., январь, стр. 188.

въ разсужденіи рѣчей и цѣлыхъ изображеній“ [1]). О служебной своей дѣятельности Полетика самъ говоритъ такъ: „будучи воспитанъ и обученъ языкамъ и наукамъ на коштѣ отца моего, въ службу вступилъ я въ 1746 г., въ с.-петербургскую академію наукъ, переводчикомъ, гдѣ и находился по 1748 г., въ ономъ году, по желанію моему, отъ оной академіи уволенъ и опредѣленъ въ св. правительствующій Синодъ переводчикомъ же. Въ Синодѣ Гр. П-ка оставался до 1764 г., когда былъ назначенъ „въ морской шляхетной кадетской корпусъ главнымъ надъ классами инспекторомъ“; на этомъ мѣстѣ П-ка пробылъ девять лѣтъ и въ 1773 г., „за болезньми“, уволенъ.—Будучи инспекторомъ морскаго корпуса, П—ка былъ выбранъ въ 1767 году, отъ шляхетства лубенскаго полка, депутатомъ въ коммиссію сочиненія новаго уложенія [2]).

Получивъ отъ отца, еще при его жизни, часть Коровинскаго имѣнія, Гр. П-ка значительно увеличилъ свое имущество, женившись въ 1762 г., на дочери отставнаго генеральнаго судьи Ивана Андреевича Гамалѣи, при чемъ получилъ, по особой сдѣлкѣ съ тещею, два села около Погара, Юдиновъ и Чеховку съ хуторами. — Кромѣ того, П-ка прикупилъ немало земель къ своему Коровинскому имѣнію и сталъ однимъ изъ богатѣйшихъ малороссійскихъ помѣщиковъ конца XVIII в., такъ какъ въ 1780 г. за нимъ числилось крестьянъ: 1346 мужч. и 1339 женщ. [3]).

О литературныхъ занятіяхъ Гр. П-ки мы знаемъ немного. Будучи на службѣ въ Синодѣ, онъ написалъ для напечатанія въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, статью—„О началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи“. Статью эту Ломоносовъ однакожъ не разрѣшилъ къ печатанію потому,—говоритъ авторъ

---

[1]) Пекарскій. Истор. акад. наукъ, II, 116—117.

[2]) Наказы малороссійскимъ депутатамъ. Изд. „Кіевской Старины“, стр. 277.

[3]) О богатствѣ Гр. А. Полетики можно судить уже и изъ того, что при посмертной описи имущества Гр. П-ки и жены его, въ 1785 г., однихъ женинныхъ бриллiантовъ оказалось на шесть тысячъ рублей, кромѣ разныхъ алмазныхъ и золотыхъ вещей.

Исторіи академіи наукъ,—что Полетика въ древней Россіи нестолько нашелъ училищъ сколько слѣдовало ихъ тамъ быть по мнѣнію Ломоносова. Къ этому Пекарскій добавляетъ, что „произведеніе Полетики для своего времени очень замѣчательно по обстоятельности заключавшихся въ немъ свѣдѣній о Петрѣ Могилѣ“ [1]).

Затѣмъ, въ каталогѣ Сопикова обозначены слѣдующія изданныя Гр. П-кою книги:

1759 г.—Епиктита, стоическаго философа, енхиридіонъ и апоѳегмы и Кевита Ѳивейскаго картина или изображеніе житія человѣческаго. Перевелъ съ греческаго Григорій Полѣтика. Спб.—Тоже изд. 2-е, 1767 г.

1762 г.—Ксенофонта, о достопамятныхъ дѣлахъ и разговорахъ Сократовыхъ и оправданіе Сократово предъ судіями. Перев. съ греч. Григорій Полетика. Спб.

1762 г.—Истинныя основанія и должности христіанскія вѣры или наставленіе язычникамъ, обращающимся въ христіанскую вѣру. Соч. Григорія Полетики. Спб.

1763 г.—Словарь на шести языкахъ: на россійскомъ, греческомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англинскомъ, изд. Григ. Полетикою. Спб.

Изъ обнародованныхъ свѣдѣній о дѣятельности Гр. П-ки какъ депутата отъ лубенскаго шляхетства въ коммиссіи о сочиненіи уложенія, извѣстны: „Возраженіе депутата Гр. П-ки на наставленіе малороссійской коллегіи господину же депутату Дмитрію Наталину“ [2]) и его довольно обширное мнѣніе на читанный въ 1768 г., въ коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія „проектъ правамъ благородныхъ“ [3]). Въ этихъ двухъ запискахъ П-ка является съ одной стороны вообще защитникомъ автономности Малороссіи, а съ другой—ревнивымъ ходатаемъ объ утвержденіи за „малороссійскимъ шляхетствомъ“ тѣхъ „правъ и привилегій“, которыя де во „время бытности Малыя Россіи подъ Польшею подтверждаемы были“. Нѣтъ сомнѣнія, что эти двѣ записки, и въ особенности вторая, и создали Полетикѣ репутацію—человѣка, „славившагося своею ученостью и патріотизмомъ къ краю своему“.

Послѣ выхода П-ки въ 1773 г. въ отставку, онъ до самой смерти занятъ былъ веденіемъ разныхъ процессовъ за

---

[1]) Исторія академіи наукъ, II, 116 и 610.

[2]) Чтен. въ моск. общ. истор. и древ., 1858 г., кн. 3-я.

[3]) Сборн. русск. историч. общ., XXXVI, 346—356.

имѣнія. Особенно важенъ былъ для П-ки процессъ его съ братомъ жены, Мих. Ив. Гамалѣею, который оспаривалъ правильность той сдѣлки, по которой П-ки (мужъ и жена) пріобрѣли стародубскія имѣнія... Поѣхавъ въ Петербургъ, чтобы тамъ личнымъ ходатайствомъ направлять этотъ процессъ въ свою сторону, П-ка тамъ же заболѣлъ и умеръ 27 ноября 1784 года.

II. Шесть писемъ разныхъ лицъ о библіотекѣ Гр. Андр. Полетики.

Самую цѣнную часть сохранившихся остатковъ семейнаго архива Полетикъ составляетъ частная переписка какъ самаго Гр. А. П-ки, такъ и разныхъ членовъ его семьи, начиная отъ его отца и братьевъ и кончая письмами его дѣтей, внуковъ и разныхъ родичей и знакомыхъ. Изъ этихъ остатковъ видно, что значительная часть переписки Гр. А. П-ки растеряна...

На первый разъ приводимъ здѣсь шесть писемъ разныхъ лицъ, говорящихъ объ одномъ и томъ же предметѣ—о библіотекѣ Гр. А. П-ки, которую послѣдній дважды собиралъ въ своей жизни; разъ собранная —„изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ“—она погибла отъ пожара, а въ другой разъ собранная — уже незначительная по количеству книгъ,— она погибла отъ неумѣнія внуковъ оцѣнить значеніе дѣдовскаго собранія, несмотря на совѣты просвѣщенныхъ любителей письменной старины, напр. М. И. Ханенка [1]).

---

[1]) Мих. Ив. Ханенко (р. 1818 † 1853), младшій изъ трехъ братьевъ, — правнуковъ автора изданнаго „Кіевск. Стар.“ въ 1884 г. „Дневника“ Н. Д. Ханенка,— извѣстенъ былъ, какъ и старшіе его братья, здравствующіе Ал. и Ив. Ив—чи, любовью къ письменнымъ памятникамъ мѣстной старины. Мих. Ив. учился въ москов. университетск. пансіонѣ и затѣмъ служилъ: сначала въ гвардіи, въ Финляндскомъ полку, а потомъ - новгородъ-сѣверскимъ предводителемъ дворянства. — Въ Черниг. Губ. Вѣд. 1852 г., имъ напечатаны интересные документы изъ бумагъ его прадѣда, въ томъ числѣ и любопытнѣйшее наставленіе Н. Д. Ханенка сыну Василію, при отправленіи его въ заграничный университетъ въ 1746 г., для окончанія образованія. См. Опис. Стар. Малор., I, 78.

I. 1771 г. Письмо Григорія Андреевича Полетики къ президенту адмиралтейской коллегіи Голенищеву-Кутузову съ просьбою о продолженіи отпуска и съ извѣстіемъ о гибели своей библіотеки.

Милостивый государь.

По милостивому вашего сіятельства и государственной адмиралтейской коллегіи снисхожденію, отпущенъ я въ годовой отпускъ въ домъ мой. Пользуясь симъ случаемъ, желалъ я поправить мое здоровье и состояніе; но по приключившимся мнѣ болѣзнямъ, ни того, ни другаго здѣлать не успѣлъ, а между тѣмъ имѣлъ нещастіе въ бывшій маія 23 дня въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ острову, пожаръ потерять всѣ мои пожитки и нужныя къ содержанію и пропитанію моему вещи, а что всего для меня болшей дороже—и всю мою библіотеку, состоявшую изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ, о которой какъ вручитель сего пріятель мой Василій Александровичъ Шараповъ, такъ и многіе другіе ваше сіятельство увѣрить могутъ, что она была одна изъ лучшихъ въ россійскомъ государствѣ библіотекъ; а особливо что касается до собранія моего россійскихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, то безъ похвальбы могу предъ вашимъ сіятелствомъ выговорить, что таковаго не токмо ни у одного изъ партикулярныхъ людей не было, но и съ государственными россійскими библіотеками моя въ первенствѣ, въ рѣдкости и древности книгъ, препираться могла. Сіе нещастливое приключеніе столько меня поразило, что я еще больше въ здоровьѣ моемъ почувствовалъ ослабѣніе, о чемъ и атестатъ отъ доктора въ команду мою послалъ, и лишенъ будучи всѣхъ средствъ, къ питанію ума и тѣла моего служащихъ, не сыскиваю другаго способа, какъ только прибѣгнуть къ милости и великодушію вашего сіятелства и просить еще на годъ уволненія, чтобъ помощію онаго забыть и не быть принужденнымъ оплакивать не угасшій еще пепелъ лучшаго моего имѣнія, настоящей моей печали, а притомъ поправить хотя немного мое здоровье и домостроительство и привесть себя въ состояніе къ дальнѣйшему продолженію моей службы. Помилуйте, сіятелнѣйшій графъ,

печалнаго, нещастливаго и слабаго человѣка тоею милостію, которая вамъ ничего не стоитъ, и заставте, чтобъ я сіе мое уволненіе почиталъ за полученное отъ васъ награжденіе моихъ убытковъ и разоренія, и прибылъ по жизнь мою съ глубочайшею преданностію, милостивый государь, вашего сіятелства. *(Съ черновика).*

II. 1782 г. 3 іюня. Письмо могилевскаго архіепископа Георгія Конисскаго къ Григорію Андреевичу Полетикѣ, при посылкѣ польскихъ историческихъ книгъ.

2. Высокородный господинъ! коллежскій совѣтникъ!
Милостивый государь и благодѣтель мой!

Сего дни имѣлъ я честь почтеннѣйшое писаніе ваше, и въ любезнѣйшихъ вашихъ сыновяхъ, какъ самого васъ видѣть, радовался. Annales Rudawscy прошу принять въ число книгъ вашыхъ, при коемъ еще посилаются: Piasecy, chronicon и Starowolscy, tractatus tres, по требованію вашему, да сверхъ того: два томы Длугоша, съ коихъ въ послѣднемъ приданы старые полскіи писатели, какъ то—Кадлубко, Sarnicius, Orechovius etc. и еще посилаются жъ: Regenwolscy systema chronologicus, и Pastory, historiae polonae plenior, Kojalowicza и Кобержицкого какъ и Староволского, Eques polonus не находится у мене. Равно жъ къ благоденствію вашему не могутъ (sic) услужить вамъ ни однимъ гербаромъ, понеже самъ не имѣю. Въ слѣдующемъ сентябрѣ нужда будетъ мнѣ посилать нарочного въ Варшаву. Какіе вамъ надобны книгы, изволте прислать мнѣ реестръ. Васъ поздравляю искреннѣйше и усерднѣйше новымъ дворянствомъ: промыслили вы благовременно. Естли не думаете дѣтей послать туди, откуду дворянство, для ученія, то совѣтовалъ бы я напредъ, послать ихъ въ Вилню, тамъ сего году открился новій университетъ и академія новымъ порядкомъ ученій и весма похвалнымъ; жалко, что не имѣю при себѣ печатныхъ о томъ рѣчей и расположенія; послалъ преосв. смоленскому, и получа обратно, пришлю вамъ; а тамъ можно бъ дѣтямъ и въ монастирѣ нашемъ квартеру имѣть. Не пишу болше, не хотя удерживать

птенцовъ любезнѣйшихъ, спѣшащихъ въ гнѣздечко свое. И такъ желаю вамъ со всѣмъ домовствомъ истиннаго благоденствія, остаюсь съ истиннымъ моимъ почитаніемъ и усердіемъ,

высокородія вашего, милостивого государя и благодѣтеля моего, покорнѣйшій слуга Е. Георгій. Іюня 3 д. 1782 года. Могилевъ. *(Съ подлинника).*

III. 1812 г., 17 сентября. Письмо Петра Ивановича Полетики къ Василію Григорьевичу Полетикѣ съ просьбою прислать для графа Н. П. Румянцева списокъ книгъ и рукописей Григорія Андреевича Полетики и съ извѣщеніемъ—о желаніи Румянцева купить эти книги и рукописи.

Милостивый государь мой и любезный братецъ Васильевичъ (sic) (Должно быть—Василій Григорьевичъ).

Государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ поручилъ мнѣ на сихъ дняхъ, испросить у васъ подробную вѣдомость о книгахъ и рукописяхъ, покойнымъ родителемъ вашимъ и вами умноженныхъ. Графъ наиболѣе въ виду имѣетъ книги и рукописи, до отечественной исторіи касающіеся, и по всѣмъ отзывамъ его сіятельства, я полагать долженъ, что вамъ учинено будетъ предложеніе—оные уступить продажею. Въ слѣдствіе чего не признаете ли приличнымъ, любезный братецъ, при доставленіи къ графу желаемой вѣдомости, чрезъ кого либо изъ сдѣшнихъ пріятелей вашихъ, (ибо нѣтъ сомнѣнія, что при полученіи вами сего письма, я находится буду паки въ чужихъ краяхъ), увѣдомить сего послѣдняго о намѣреніи вашемъ касательно продажи вашей библіотеки, а также и полагаемой вами цѣны, симъ способомъ сократится нарочито и время, и переписка.

Я съ поспѣшностію пользуюсь симъ случаемъ, дабы возобновить себя въ памяти вашей и любезнѣйшей сестрицы Настасьѣ Фоминишнѣ, которой прошу васъ засвидѣтельствовать усерднѣйшее мое почтеніе.

Въ протчемъ съ истинною привязанностію честь имѣю быть, любезный братецъ, милостивый государь мой, вашъ покорнѣйшій слуга и братъ Петръ Полѣтика.

IV. 1812 г., 25 ноября. Письмо Василія Григорьевича Полетики къ графу Н. П. Румянцеву.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Братъ мой Петръ Ивановичъ Полетика, въ письмѣ своемъ, отпущенномъ изъ Санктпетерборга отъ 17 сентября, а мною здѣсь полученномъ не прежде какъ 14 сего ноября, по приказанію вашего сіятельства, пишетъ ко мнѣ о доставленіи вашему сіятельству подробной описи книгамъ и рукописямъ, покойнымъ отцемъ моимъ собраннымъ и мною умноженнымъ. Полагая, что ваше сіятельство наиболѣе въ виду имѣть изволите книги и рукописи, до отечественной исторіи относящіяся, упоминаемыя княземъ Щербатовымъ и профессоромъ Шлецеромъ во введеніяхъ ихъ въ оную, я со всегдашнимъ сожалѣніемъ о безцѣнной ихъ для меня и потомства моего потери, доношу вашему сіятельству, что оныя всѣ почти въ бывшій въ Санктпетербургѣ, на Васильевскомъ острову, гдѣ тогда отецъ мой жилъ, въ 1771 году, пожаръ, со всею его библіотекою, состоявшею изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ сгорѣли, о которой многіе еще и теперь ваше сіятельство увѣрить могутъ, что она была одною изъ лучшихъ въ россійскомъ государствѣ библіотекъ; а особливо что касается до собранія сего россійскихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, то смѣло могу предъ вашимъ сіятельствомъ выговорить, что таковаго не токмо ни у кого изъ частныхъ людей не было, но и съ государственными россійскими библіотеками библіотека отца моего о первенствѣ въ рѣдкости и древности книгъ препираться могла. Нѣкоторая только часть, изторгнутыхъ изъ пламени уцѣлѣла. Собранныя жъ съ великимъ трудомъ и стараніемъ отцемъ моимъ въ послѣднихъ дняхъ жизни его и напослѣдокъ мною и присовокупленныя къ первымъ, относятся по большей части до малороссійской исторіи, начертаніе которой было его, а наконецъ сдѣлалось моимъ предмѣтомъ. Въ теченіи сей зимы я имѣю необходимую надобность быть въ нашей сѣверной столицѣ. Тамъ предстану вашему сіятельству. Удостоившись же получить полное отъ васъ разрѣшеніе о содержаніи нужныхъ вамъ сочиненій въ книгахъ и рукописяхъ, и смотря

на оное, буду имѣть честь поднести вашему сіятельству опись находящимся у меня. Но, сіятельнѣйшій графъ, позвольте сказать себѣ предварительно, что я ни одной изъ нихъ не рѣшусь продать ни за какую цѣну, и что одна только переписка можетъ доставить ихъ въ другое мѣсто. Достояніе мое не велико; я имѣю дѣтей, стараясь о найлучшемъ воспитаніи которыхъ, я, вмѣсто сокровищъ свѣта, часто безполезныхъ, хочу оставить имъ сію пищу ума единственнымъ послѣ себя, для вящего ихъ къ пользѣ общей образованія наслѣдіемъ. Честь и долгъ имѣю быть съ глубочайшимъ къ особѣ вашей высокопочитаніемъ, милостивый государь, вашего сіятельства... (Василій Полетика). 25 ноября 1812 г. (*Съ черновика*).

V. Около 1850 г. Письмо Василія Васильевича Полетики къ Михайлу Осиповичу Судьенку, съ предложеніемъ купить рукописи, принадлежавшія его дѣду Гр. Андр. Полетикѣ.

Зная труды ваши и занятія по части русской исторіи, особливо же древней, и съ какимъ стараніемъ вы отыскиваете всѣ древніе источники, до оной относящіеся, я рѣшился обратиться къ вамъ, мил. госуд., и приложить у сего выписку о имѣющихся у меня рукописахъ. Рукописи сіи, вмѣстѣ съ прочими книгами, достались мнѣ по наслѣдству, принадлежали родному дѣду моему Григорію Андреевичу Полетики, въ свое время славившемуся ученостію, патріотизмомъ къ краю своему и трудами по части исторіи Малороссіи. Нѣкоторые изъ означенныхъ въ прилагаемомъ спискѣ труды его писаны собственною его рукою, а права и привилегіи малор. шляхетства, совмѣстно съ двумя мнѣніями его коммиссіи, имъ собственноручно подписаны и другаго экземпляра нигдѣ и ни у кого инаго не находится. Что касается до переписки его, то утвердительно ничего не могу сказать вамъ, ибо я не имѣлъ еще времени пересмотрѣть оную и разсортировать; могу только прибавить, что собственноручныхъ писемъ его находится у меня довольно большое количество, исправно сохранненыхъ со дня его смерти. Естли вы найдете что либо соотвѣтствующее вамъ, какъ для пользы вашей, такъ собственно для науки, то я со всею готовностію могу

уступить вамъ по вашему увѣдомленію, было бы то за деньги или же за книги новѣйшихъ авторовъ, коими я хочу пополнить имѣющуюся у меня небольшую библіотеку, на каковой конецъ, по извѣщеніи вашемъ, пришлю вамъ и каталогъ,—тогда вы можете сообразить и назначить недостающихъ авторовъ въ оной.—Ожидая вашего, милостивый государь, увѣдомленія, прошу васъ въ случаѣ отвѣта въ семъ мѣсяцѣ или въ самомъ началѣ будущаго, адрессовать по прилагаемому адрессу письмо въ г. Погаръ, а съ 10 чиселъ мая въ г. Роменъ, куда я переѣзжаю на нѣсколько мѣсяцевъ и гдѣ находятся всѣ книги мои. *Съ черновика, къ которому приложенъ слѣдующій списокъ:*

Въ большую десть.

1) Рукописное собраніе грамотъ, статей, писемъ и прочихъ сочиненій, касающихся до малороссійской исторіи. 6

2) Договорныя малоросс. гетмановъ статьи, грамоты и прочія сочиненія рукописныя 1

3) Малороссійскій лѣтописецъ, рукописный 1

4) Історія о зачатіи Москвы, рукописная. 1

5) Собраніе разныхъ привилегій польскихъ и рускихъ, рукописное. . . . 1

6 Каталогъ эпископовъ, патріарховъ святыя великія византійскія церкви, такой же каталогъ кіевскихъ митрополитовъ и прочія сочиненія, рукописныя. . 1

7) Малороссійскій лѣтописецъ Самуила Величка, рукописный. 1

8) Дѣйствія презѣлной брани Богдана Хмельницкаго съ поляками, рук. . 1

9) Малороссійскій рукописецъ, рукописный. 1

10) Книга, содержащая въ себѣ описаніе мытарствъ, соборъ бывшій при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и сочиненія Максима Грека, рукописная 1

11) Каталогъ и лѣтописаніе изъ бытности (sic) архіереевъ россійскихъ, рукописные 1

12 Права и привилегіи малорос. шляхетства, тутъ же собраны и двѣ рѣчи предка моего, бывшаго депутатомъ при Екатеринѣ. 1

13 Разсмотрѣніе лѣтъ Р. Х. согласующихъ съ лѣтами бытія міра и каталогъ патріарховъ константинопольскихъ, тако жъ митрополитовъ и архіереевъ россійскихъ, рукописныя 1

14) Малороссійскій лѣтописецъ, рукописный 1

15) Иго законное неудобоносимое, сочиненіе Ѳ. Прокоповича и иго Христово благо, его же, собственною рукою Стефана Яворскаго, писанное, неполное 1

Въ меньшую четверть листа.

16) Начало государей и великихъ князей россійскихъ и родословіе разныхъ знатныхъ фамилій россійскихъ, рукописные 1

17) Лѣтописецъ кн. Курбскаго, томъ 1, рукописный 1

18) Собраніе разныхъ сочиненій Ѳ. Прокоповича, рукописн. 1

19) Сатиры кн. Антіоха Кантемира, рукописн. 1
20) Лѣтописецъ либо кроника о землѣ польской 1
21) Старинная книга Острожской печати, безъ заглавія и конца 1
Календарей 1749 год. 52, 56, 57, 66, 67 по 1811 всего. 49
Календарей историческихъ, географическихъ, економическихъ и календ. съ наставленіями съ 1768 по 1786 всего 63

VI. 1850 г. 14 мая. Письмо Михаила Ивановича Ханенка къ Василію Васильевичу Полетикѣ съ извѣстіемъ о возвращеніи рукописи „права и привиллегіи“ и съ просьбою беречь рукописи, собранныя его дѣдомъ и отцомъ.

Милостивый государь Василій Васильевичъ! Я имѣлъ удовольствіе получить Ваше письмо и готовъ былъ бы немедленно исполнить ваше требованіе о присылкѣ находящейся у меня вашей книги: *права и привиллегій*, еслибы не находилъ къ этому препятствій. Книга ваша такой высокой важности для исторіи, всѣхъ насъ и въ особенности васъ, что я ее не имѣю права пересылать чрезъ какія бы то не было постороннія руки, кромѣ того еслибы вы кому поручили. Какъ и чѣмъ бы я могъ замѣнить ее утрату? Извините меня,—я такъ думаю и такъ свято чту вашу драгоцѣнность. Получивъ ваше письмо, я былъ готовъ самъ ѣхать и вручить ее вамъ лично, какъ нечаянное требованіе въ Черниговъ, на чрезвычайное собраніе, помѣшало мнѣ это исполнить.—Я ее беру съ собой, если васъ тамъ не встрѣчу и возвратившись не застану въ Юдиновѣ, то укажите мнѣ, куда ее переслать по почтѣ, это будетъ вѣрно и я ее отправляю казенной посылкой. Напишите мнѣ, когда вы будете въ Коровинцахъ, я думалъ самъ васъ посѣтить тамъ и порится (sic) въ вашей исторической Калифорніи.

Какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣть васъ, сколько я долженъ передать вамъ вѣстей и просьбъ и предложеній отъ Бодянскаго. Можетъ быть мы не увидимся, вы будете въ Кіевѣ, да и въ другихъ мѣстахъ встрѣтите людей, которые уже знаютъ о вашемъ кладѣ, черезъ меня; они, вѣроятно, будутъ просить васъ о вашихъ рукописяхъ; умоляю васъ всѣмъ святымъ вашей родины, не давать имъ никому и ничего, кромѣ *лѣтописи Величкu* для Кіевскаго Археографическаго общества, которому она нужна и

принесетъ пользу общую. Я, руководясь Вашимъ позволеніемъ, вошелъ въ сношеніе съ Бодянскимъ, обѣщалъ ему и онъ взялся быть разбирателемъ и обнародователемъ этой драгоцѣнной старины нашей. Этотъ ученый выше всѣхъ много и несравненно; онъ трудится, терпитъ, страдаетъ для нашей родины и дѣлаетъ это съ величайшимъ самоотверженіемъ, въ высокой степени безъинтересно. Всѣхъ остальныхъ водятъ не тѣ чувства: самолюбіе или желаніе выработать на чужой щетъ копѣйку, а во главѣ ихъ стоитъ Погодинъ. Вѣрьте мнѣ, что я говорю это, сильно убѣдившись во всемъ и много любя нашу страну и ее исторію. Увѣренъ, что вы не измѣните вашихъ предположеній и тѣмъ достигните благой цѣли.

Свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе Вашей супругѣ и моему старому товарищу, ежели онъ съ вами.

Съ отличнымъ уваженіемъ и глубочайшимъ почтеніемъ, имѣю честь быть, милостивый государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Михаилъ Ханенко. 1850 г., 14 мая. Юхновъ. *(Съ подлинника).*

III. Догадка объ авторѣ „Исторіи Русовъ".

Изъ приведенныхъ писемъ мы видимъ, что за двадцатипятилѣтнее свое пребываніе въ Петербургѣ (1746—771), Гр. П-ка успѣлъ составить библіотеку „изъ нѣсколькихъ тысячъ книгъ" и что „она была одна лучшихъ въ россійскомъ государствѣ библіотекъ, а особливо что касается до собранія россійскихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, то таковаго не токмо ни у одного изъ партикулярныхъ людей не было, но и съ государственными россійскими библіотеками" библіотека Гр. П-ки „въ первенствѣ, въ рѣдкости и древности книгъ препираться могла....". И когда это книжное богатство почти все погибло въ огнѣ, П-ка, какъ видно, началъ снова собирать книги и рукописи... Собираніе это онъ продолжалъ почти до самой смерти, какъ видно изъ письма къ нему архіеп. Георгія Конисскаго. Послѣдній, какъ видимъ, посылаетъ Гр. П-кѣ, по его заказу, классическія старопольскія историческія сочине-

нія (Кадлубка, Длугоша, Пасторія, Сарницкаго, Орѣховскаго, Пясецкаго, Рудавскаго...). Собиралъ эти послѣднія книги П-ка, интересуясь исторіей Малороссіи; такъ можно думать напр. потому, что въ 1781 г. онъ проситъ своего двоюроднаго брата Гр. Ив. Полетику, одного изъ чиновниковъ русскаго посольства въ Вѣнѣ, достать ему книгу—„Marcina Borzymowskiego, Nawigacya do Lubeka“, напечатанную въ Люблинѣ въ 1662 г., объясняя, что въ этой книгѣ ему нужна только статья—o początku kozaczyny [1]). — Съ какою же цѣлью собиралъ Гр. П-ка подобнаго рода книги?—На этотъ вопросъ мы находимъ нѣкоторый отвѣтъ въ письмѣ Вас. Гр. П-ки къ гр. Румянцеву (№ IV),—гдѣ читаемъ: „собранныя съ великимъ трудомъ и стараніемъ отцемъ моимъ въ послѣднихъ дняхъ жизни и напослѣдокъ мною, относятся по большей части до малороссійской исторіи, *начертаніе которой было его, а наконецъ сдѣлалось моимъ предметомъ...*“ Такимъ образомъ старшій сынъ Гр. П-ки, Василій (р. 1765 † 1845), которому отецъ завѣщалъ свою библіотеку [2]), свидѣтельствуетъ, что отецъ его писалъ исторію Малороссіи, которую онъ, сынъ, продолжаетъ. Рождается въ высшей степени любопытный вопросъ: гдѣ же эта оконченная или неоконченная исторія Малороссіи, которую началъ отецъ, умершій 1784 г., и продолжаетъ его сынъ еще и въ 1812 г.?—Никакихъ слѣдовъ этой исторіи въ пріобрѣтенныхъ В. В. Тарновскимъ остаткахъ Полетикинскаго семейнаго архива мы не нашли [3]). Извѣстно, что часть Полетикинскихъ бумагъ прі-

---

[1]) Исполняя это порученіе Гр. А. П-ки Гр. Ив. П-ка пишетъ къ какому то гр. Ржевускому: „au cas, qu'on ne pourra pas trouver ce livre, m-r le comte de Rzevusky est prié d'avoir la bonté de s'informer si le même livre ne se trouve pas à Varsovie dans la biblioteque du feu comte de Zalusky et dans le cas qu'il s'y trouve, d'en faire faire *un extrait du chapitre qui traite: o „początku kozaczyny“*.

[2]) „Какъ старшій сынъ мой Василій Полетика до сего времени оказываетъ къ наукамъ бо́льшую отъ другихъ охоту.... то библіотека моя, вся состоящая изъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, такожъ и всѣ письма и извѣстія подлинныя и копіи, *касающіяся до ученыхъ дѣлъ и исторіи*, отказываются мною ему одному....“. Пунктъ 9-й изъ завѣщанія Гр. А. П-ки, написаннаго за нѣсколько дней до смерти.

[3]) Сохранилась впрочемъ составленная Гр. А. П-кою „опись ученымъ и правнымъ дѣламъ“, въ которой между прочимъ значится: „№ 50. Оглавленія грамо-

обрѣтена была раньше М. О. Судьенкомъ [1]), который, какъ любитель мѣстной письменной старины, конечно пересмотрѣлъ эти бумаги и еслибы бы нашелъ въ нихъ историческія писанія Гр. А. П-ки, то конечно о томъ извѣстилъ бы хотя Бодянскаго, съ которымъ дѣлился своими открытіями въ письменной малорусской старинѣ. Между тѣмъ мы имѣемъ—„Исторію Русовъ", которой авторъ также неизвѣстенъ, какъ и авторъ написаннаго къ ней предисловія. Въ этомъ предисловіи, между прочимъ, упоминается и Гр. А. П-ка:—„извѣстный ученостью и знатностью депутатъ шляхетства малороссійскаго г. Полетика, отправлясь по должности депутатства въ великую имперскую коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія, имѣлъ надобность необходимую отыскать отечественную исторію (т. е. исторію Малороссіи). Онъ относился о семъ къ *первоначальному учителю своему*, архіепископу бѣлорусскому Георгію Конискому... И сей то архіерей сообщилъ г. Полетикѣ лѣтопись или исторію сію (т. е. „Исторію Русовъ")…. Г. Полетика, сличивъ ее со многими другими лѣтописями малороссійскими и нашедъ отъ тѣхъ превосходнѣйшею, всегда ея держался въ справкахъ и сочиненіяхъ по коммиссіи. И такъ исторія сія, прошедшая столько отличныхъ умовъ, кажется, должна быть достовѣрною….". Какъ видимъ, автору этого предисловія извѣстны отношенія Гр. А. П-ки къ Георгію Конисскому; онъ свидѣтельствуетъ, что послѣдній былъ учителемъ П-ки въ кіевской академіи [2]), каковой фактъ могъ знать только человѣкъ близко знавшій Гр. П-ку. Но главное, авторъ предисловія утверждаетъ, что „Исторія Русовъ" была хорошо извѣстна Гр. П-кѣ, была имъ одобрена, послѣ предварительнаго де сличенія съ подобными этой исторіи

тамъ, статьямъ, письмамъ и *прочимъ сочиненіямъ до малороссійской исторіи принадлежащимъ* и № 110. Письма до разныхъ (лицъ?) *къ малороссійской исторіи принадлежащія*".

[1]) М. О. Судьенко купилъ Полетикинскія рукописи у внука Гр. А. П—ки, Василія В—ча, при посредствѣ М. И. Ханенка, и заплатилъ 2000 р. (Сообщено А. И. Ханенкомъ).

[2]) Гр. П—ка окончилъ кіевскую академію въ 1746 г., а Конисскій, по свидѣтельству Аскоченскаго (Кіевъ и проч. II, 119), сталъ тамъ учителемъ піитики съ 1745 г.

сочиненіями, которыя тутъ же называются лѣтописями малороссійскими... Но намъ теперь извѣстны, должно быть, всѣ эти лѣтописи и мы можемъ утвердительно сказать, что никакихъ такихъ лѣтописей, которыя похожи были бы въ литературномъ отношеніи на „Исторію Русовъ" не было, да и не могло быть, почему не могло быть и никакого съ ними сличенія... Авторъ предисловія что то знаетъ о происхожденіи „Исторіи Русовъ", но разсказываетъ небылицу, что будто эта „исторія" „ведена была съ давнихъ лѣтъ въ кафедральномъ могилевскомъ монастырѣ искусными людьми" и проч. Авторъ предисловія настолько, повидимому, былъ знакомъ съ малороссійскимъ лѣтописаніемъ, что, говоря о написаніи „Исторіи Русовъ" въ могилевскомъ монастырѣ, просто кого то морочитъ... Кому же нужно было это мороченье?—Только тому, кто зналъ имя дѣйствительнаго автора „Исторіи Русовъ" и кому почему то нужно было закрыть слѣды къ имени [1].... Не оставили никакихъ слѣдовъ объ имени автора и тѣ обстоятельства, при которыхъ въ первый разъ была найдена рукопись „Исторіи Русовъ" [2]). Приходится догадываться.... Такая догадка заключается и въ вопросѣ, который мы здѣсь ставимъ: почему авторомъ этой анонимной „Исторіи" не могъ быть Гр. А. П-ка и почему предисловія къ ней не могъ написать сынъ его

---

[1]) Ср. у Максимовича. Соч. I, 306.

[2]) По разсказу А. И. Ханенка, слышанному нами отъ него на дняхъ, въ первый разъ рукопись „Исторіи Русовъ" найдена была около 1828 г., въ библіотекѣ м. Гринева (старод. у.) при описи гриневскаго имущества, когда оно переходило отъ кн. Лобанова-Ростовскаго (получившаго Гриневъ въ приданое отъ гр. И. А. Безбородко) къ кн. Голицыну; нашли рукопись описывавшіе гриневскую движимость два члена одного изъ стародубскихъ судовъ (Ст. Лайкевичъ и Ал. Гамалѣя), которые эту рукопись показали стародубскому помѣщику Ст. Мих. Шираю (тогдашнему губ. предводителю); послѣдній, снявъ съ этого списка копію, оригиналъ затѣмъ вернулъ въ гриневскую библіотеку. Съ копіи Ширая снимали для себя копіи и нѣкоторые стародубскіе помѣщики; одну изъ первыхъ копій снялъ *Як. Павл. Полетика (родной внукъ Гр. А. П—ки)*, а съ этой копіи снялъ копію для себя и А. И. Ханенко, отославшій потомъ свой списокъ Бодянскому, когда тотъ задумалъ напечатать „Исторію Русовъ". Какъ извѣстно, Ширай послалъ копію „Исторіи Русовъ" и Бантышъ-Каменскому, но, какъ говоритъ послѣдній, этотъ списокъ оканчивался только 1708-мъ годомъ. По свидѣтельству А. И. Ханенка, у Ширая былъ полный списокъ „Исторіи" и посылка его Бант.-Кам—у въ неполномъ видѣ должна быть объяснена какою нибудь случайностью.

Василій?—Давно извѣстенъ тотъ фактъ, что авторъ „Исторіи Русовъ“ былъ „горячій украинскій патріотъ“ [1]. Такимъ „горячимъ украинскимъ патріотомъ“ былъ и Гр. А. П-ка, по свидѣтельству людей близко къ нему стоявшихъ и хорошо его знавшихъ. Въ этомъ отношеніи очень интересно письмо къ Гр. А. П-кѣ, писанное къ нему въ августѣ 1781 г. генераломъ Андреемъ Милорадовичемъ, однимъ изъ довѣренныхъ лицъ гр. П. А. Румянцева, по представленію котораго Мил—чъ былъ, въ томъ же 1781 г., назначенъ правителемъ вновь открытаго черниговскаго намѣстничества. Письмо Мил—ча настолько интересно, что мы приведемъ его здѣсь полностью: „М. Г. мой Григ. Андр.! Требованіе ваше исполнено. Братца вашего и моего истиннаго пріятеля Григорія Ивановича родственики всѣ какими чинами по запискѣ были означены, такъ и произведены. Если не въ трудъ вамъ, покорно прошу сообщить ко мнѣ—каково положеніе во всемъ собраніемъ въ Глуховѣ знатнѣйшаго шляхетства здѣлано? [2] И по секрету прыложыть перваго изъ нихъ съ вамы прымырывшагося (?) вашего начертанія привѣтствіе. Я злоупотребленія нималаго не учиню, будте увѣрены. Пребывающій съ непреложнымъ усердіемъ и отличнымъ почтеніемъ вашимъ, милостиваго государя моего, вѣрнопокорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ. Ч. 13 августа. 781 Вышенки“.

P. S. Посланъ сего податель г-нъ Хорошкевичъ по нѣкоторому дѣлу въ Глуховъ есть изъ вѣрныхъ для меня, можете съ нимъ писать ко мнѣ откровенно, хотя у насъ никакихъ секретовъ нѣтъ. А вы держитеся однакожъ моихъ совѣтовъ—не подавать безумнымъ меча: *фамилія ваша, имѣніе, немолодые лѣта* [3]) да будутъ смягченіемъ патріотыческой горячности иногда не въ попадъ. Вы не думайте, чтобъ въ Глуховѣ съ вамы равно соображали. Не всему вѣру емлите, чтобъ къ искушенію не

---

[1]) См. живую характеристику автора „Исторіи Русовъ“ въ статьѣ—„Въ защиту неизвѣстнаго покойника“, напечат. въ газ. *Порядокъ* 1881 г. № 128. Статья эта заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ возраженіе противъ отзыва Костомарова объ этомъ „неизвѣстномъ покойникѣ“. Отзывъ Костомарова былъ напечатанъ въ той же газетѣ Порядокъ, № 97.

[2]) Мы не знаемъ—о какомъ „собраніи знатн. шляхетства“ здѣсь говорится.

[3]) Слова эти подчеркнуты Милорадовичемъ.

послужило. Оставимъ дѣла судбою своею влекомые. Раздерыте сіе письмо ничего незначущее".

Это любопытное письмо, въ которомъ многое остается непонятнымъ, представляетъ однакоже несомнѣнное свидѣтельство, что Гр. А. П-ка отличался тою „патріотическою горячностью", слѣды которой можно видѣть и въ „Исторіи Русовъ"....

„Косвенныя улики", по которымъ автора „Исторіи Русовъ" можно подозрѣвать въ Гр. А. П-кѣ, повидимому, есть... Къ числу этого рода уликъ можетъ быть отнесено и то любопытное переиначенье факта, которое видимъ въ „Исторіи Русовъ" относительно конца гетманства Многогрѣшнаго. Какъ записано *во всѣхъ* малороссійскихъ лѣтописяхъ, большихъ и малыхъ, гетманъ Многогрѣшный въ 1672 г., въ великій постъ, былъ арестованъ своею же старшиною, въ Батуринѣ, за измѣну, и отвезенъ въ Москву, откуда былъ сосланъ затѣмъ въ Сибирь... Этотъ арестъ Многогрѣшнаго своими же, въ гетманскомъ домѣ, и особенно участіе въ этомъ арестѣ генер. писаря Карпа Мокріевича—былъ фактомъ до такой степени громкимъ въ исторіи гетманщины XVII в., что никакой ошибки въ разсказѣ объ этомъ событіи въ малороссійскихъ исторіяхъ быть не могло. А между тѣмъ въ „Исторіи Русовъ" мы читаемъ вотъ что: „въ 1672 г., февраля 7-го дня, гетманъ Многогрѣшный *отъ ранъ своихъ умеръ и съ великими почестями, военными и церковными, въ Батуринѣ погребенъ.* Всѣ чины и народъ съ чистосердечнымъ сокрушеніемъ оплакивали сего достойнаго ихъ начальника. Онъ, при всей своей нарочитой кротости, былъ хорошій вождь въ войскѣ, отличный политикъ и справедливый судія въ правленіи. Послѣ Зиновія Хмельницкаго одному ему приписать можно превосходныя качества"... Кому нужно было и ради какого интереса—выдумывать этотъ явно ложный панегирикъ?—Недавно умершій Карповъ, указывая на приведенное мѣсто изъ „Исторіи Русовъ", видитъ въ немъ—„замѣчательнѣйшее незнаніе автора ея событій и наклонность его постоянно разсказывать нелѣпости, но съ извѣстнымъ неприличнымъ оттѣнкомъ"...[1]) Но здѣсь нѣтъ *незна-*

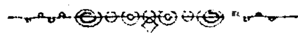
[1]) Карповъ. Критическій обзоръ разработки главн. русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся. (М. 1870), стр. 117.

нія событій, потому что рѣчь идетъ о событіи ужъ очень извѣстномъ... Нѣтъ здѣсь и „наклонности постоянно разсказывать нелѣпости“, какъ думалъ предубѣжденный критикъ. Въ описаніи небывалыхъ похоронъ Многогрѣшнаго въ Батуринѣ мы видимъ намѣренно выдуманный фактъ... Кѣмъ же?—Можетъ быть, позднѣйшимъ родичемъ одного изъ зятей гетмана Многогрѣшнаго[1]), которому та или другая тенденція могла подсказать желаніе обѣлить въ потомствѣ тестя того седневского Полетики, отъ котораго предки Гр. А. П—ки ожидали великихъ и богатыхъ милостей.—Конечно, это предположеніе составляетъ не болѣе какъ одну нашу догадку, могущую тоже быть „косвенною уликою“, что „Исторія Русовъ“ первоначально вышла изъ подъ пера Гр. А. Полетики, а потомъ, можетъ, была дополняема и сыномъ его Василіемъ....

Подтвердятся ли наши „косвенныя улики“—„прямыми“ или будутъ вовсе отвергнуты, Гр. А. П-ка все таки останется однимъ изъ замѣтныхъ общественныхъ дѣятелей к. XVIII в., заслуживающимъ сохраненія его портрета. Послѣдній здѣсь и прилагается, снятый съ писаннаго масляными красками оригинала, который прежде находился въ числѣ семейныхъ портретовъ Полетикъ въ с. Коровинцахъ, а нынѣ принадлежитъ намъ.

29 марта 1891 г.

Ал. Лазаревскій.



---

[1]) Двѣ дочери Многогрѣшнаго были замужемъ: одна за Полетикою, а другая за лубенск. полковникомъ Нестеренкомъ. Акты ю.-з. Россіи, IX, 828.—Хотя Гр. А. П-ка въ своемъ „родословіи“ и называетъ тестемъ седневскаго Полетики—Перевязку, но мы думаемъ, что авторъ „родословія“ только боялся расходиться съ найденными имъ въ генер. слѣдствіи фактами, а въ дѣйствительности зналъ, по обычному семейному преданію, такой крупный въ исторіи рода фактъ, какъ свойство съ Полетиками гетмана Многогрѣшнаго..

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

V.

Житомиръ.—Выборы.—Житомирская округа и ея жители.—Лошади.—Объ умственномъ движеніи и матеріальныхъ улучшеніяхъ въ житомирской округѣ.—О сословіяхъ, входившихъ въ составъ мѣстнаго общества.

Мнѣ было лѣтъ 17, когда подошло время дворянскихъ выборовъ въ волынской губерніи, къ которой тогда принадлежалъ Бердичевъ со своею округой. Я былъ еще несовершеннолѣтнимъ, такъ какъ по закону только 18-лѣтній дворянинъ получалъ право голоса, а 24-лѣтній—право быть избираемымъ и занимать выборныя должности, но мать моя хотѣла, чтобы я познакомился съ дворянами и вошелъ въ ихъ кругъ. Я поѣхалъ на выборы съ моимъ младшимъ дядей Іосифомъ Гленбоцкимъ. Я былъ принятъ какъ дворянинъ, имѣющій право подавать голосъ, можетъ быть, благодаря стараніямъ моихъ дядей или пріятелей моего покойнаго отца. Мы съ дядей заняли половину каменнаго дома, а другую половину занималъ Михаилъ Чацкій, который былъ выбранъ волынскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Прислуги у насъ было много, жили шумно, потому что такъ хотѣла моя мать. Мы держали открытый столъ для всѣхъ помѣщиковъ, множество экипажей, верховыхъ лошадей... Я пріобрѣлъ значеніе и сразу привлекъ къ себѣ сердца помѣщиковъ.

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1891 г., № 3.

Выборы происходили каждые три года. Выборными были слѣдующія должностныя лица: губернскій предводитель дворянства („маршалокъ“), первый сановникъ, глава дворянства; предсѣдатели перваго и второго департаментовъ, въ первомъ разбирались уголовныя дѣла и предсѣдателемъ его выбирали человѣка богатаго, со значеніемъ и вѣсомъ у правительства, чаще всего какого нибудь магната; во второмъ предсѣдателемъ избирался человѣкъ разумный и добросовѣстный, знающій законы и указы, пользующійся уваженіемъ среди дворянства, хотя бы даже и небогатый; затѣмъ шли уѣздные предводители 12 уѣздовъ, составлявшихъ тогда волынскую губернію; далѣе, уѣздные подкоморіи,—должность болѣе почетная, чѣмъ сопряженная съ обязанностями и работой; депутаты двухъ департаментовъ; уѣздные хорунжіе, замѣстители предводителей,—они должны были постоянно быть въ движеніи, въ разъѣздахъ, и потому на эту должность выбирали болѣе молодыхъ и богатыхъ; уѣздные судьи, подсудки, кромѣ того въ каждомъ уѣздѣ выбирался еще писарь изъ людей, владѣющихъ перомъ, дѣльныхъ, не гулякъ и т. д. Всѣ эти должностныя лица жалованья не получали. Движимые дворянскими чувствами, они жертвовали охотно своимъ имуществo на пользу дворянства.

Должности исправниковъ и засѣдателей или ассесоровъ были тогда выборныя и платныя; потомъ ихъ стали замѣщать по назначенію отъ правительства, и исправники и засѣдатели стали такими же коронными чиновниками, какъ и многіе другіе чиновники, назначаемые правительствомъ.

Дворянскій домъ или залъ для выборовъ представлялъ огромное каменное зданіе, находившееся въ полномъ распоряженіи дворянства. Голосованіе происходило иногда въ большомъ порядкѣ, вполнѣ пристойно, а иногда съ шумомъ и крикомъ. Дворянство было похоже на молоко, поставленное на огонь: прекрасно кипятится—любо смотрѣть, вдругъ начинаетъ пѣниться и все выливается изъ кастрюли.

При выборахъ въ губернскія должности важную роль играли овручане; въ этомъ уѣздѣ имѣющихъ право голоса дворянъ было болѣе четырехсотъ. Житомирцы были богаче и очень

горды,—не давали большимъ панамъ командовать собою, но отличались рознью и самолюбіемъ. Овручане были бѣдны, но многочисленны, многіе изъ нихъ не имѣли ни одной ревизской души, но голосовали, какъ имѣющіе 25 душъ, записанныхъ за ними болѣе богатыми, такъ какъ нужно было владѣть 25 душами, чтобы имѣть право голоса. Такіе меценаты брали овручанъ въ свою свиту и распоряжались ихъ голосами на выборахъ.

Однимъ изъ меценатовъ этого рода былъ генералъ Корженевскій; онъ владѣлъ частью Житомира, называвшейся Коденкой. Тамъ были домики, какъ бы нарочно построенные для выборной агитаціи. Жилище было обширное, удобное, съ огородами, садами, огороженное кругомъ, точно островъ. Туда привозили овручанъ въ крытыхъ еврейскихъ бричкахъ, и панъ Корженевскій, бывшій предводитель овручскій, давалъ у себя пріютъ братьямъ-шляхтичамъ овручанамъ. Паны Третьяки, Ружанскій, Барановскій привозили овручскую шляхту, поселялись съ нею въ огороженныхъ дворахъ, жили тамъ и заботились, чтобы шляхта не имѣла никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, пока не окончатся губернскіе выборы.

По избраніи губернскихъ должностныхъ лицъ, выпускали овручанъ на волю и они наполняли кофейни и шляхетскіе кабаки. Тогда нельзя было становиться имъ поперекъ дороги.

Житомирцы дѣлились на двѣ партіи: шляхта, сблизившаяся съ овручанами, сторонники равенства, хоть, можетъ быть, они и не знали, что это демократизмъ; другая партія считалась аристократическою.

Выпущенные на волю овручане, вмѣстѣ съ житомирцами, вносили въ шляхту другихъ уѣздовъ жизнь и разгулъ, потому что тогда этимъ отличались названные уѣзды. Шумѣли, кричали на выборахъ, но дракъ не было.

Удивительно, что хотя Житомиръ былъ только губернскимъ городомъ, а Кіевъ былъ главнымъ городомъ трехъ губерній, имѣлъ университетъ (?), множество памятниковъ, дорогихъ славянскому сердцу, отличался такимъ дивнымъ мѣстоположеніемъ, что во многихъ отношеніяхъ не уступалъ Стамбулу, польской шляхтѣ

тамъ было не по себѣ, тогда какъ въ дрянномъ Бердичевѣ, въ грязи, среди евреевъ, царила свобода и разгулъ, шляхта чувствовала себя какъ дома и предавалась полетамъ высокой фантазіи. По крайней мѣрѣ до 1831 года, только здѣсь братались поляки съ русскими, была какая то взаимная откровенность, безъ заднихъ мыслей, стремленій, предположеній и комбинацій. Политическіе разговоры велись по славянски и о славянствѣ. Большую помощь въ этомъ дѣлѣ оказывало постоянное пребываніе въ Бердичевѣ кавалерійской дивизіи, офицеры которой были людьми хорошо выдержанными, хорошо воспитанными и сходными по своей широкой натурѣ съ польской шляхтой. Польская молодежь поступала въ русскіе полки, браталась съ русскими, и смѣло можно сказать, что, можетъ быть, во всей Польшѣ только одна бердичевская шляхта знала, что такое славянство, и имѣла къ нему тяготѣніе. Бердичевскіе поляки видѣли на ярмаркахъ Александра Карагеоргіевича, сына сербскаго богатыря, а позднѣе князя этого разумнаго славянскаго народа, а вмѣстѣ съ нимъ Янковича, Менадовича и другихъ сербовъ, бѣжавшихъ тогда изъ своего отечества; видѣли они также болгаръ—Априлева и Палаузова—и черногорцевъ. Съ ними знакомились и потомъ дѣлали охотничьи экскурсіи въ Новую Сербію, гдѣ было мѣстопребываніе этихъ выходцевъ; знали, гдѣ они живутъ и какъ они живутъ; знали, что есть выходцы—запорожцы, вооруженные рыцари за Дунаемъ, что есть некрасовцы. Шляхта узнавала изъ этихъ живыхъ книгъ славянства о томъ, что и не снилось ни великополянамъ, ни слѣпымъ мазурамъ, ни краковянамъ, ни даже галичанамъ. Великополяне, мудрые философы, знали и разсуждали о великихъ оботритахъ, объ онѣмечившихся славянахъ и сами по немногу нѣмечились, потому что это былъ западъ и цивилизація: Кантъ, Гегель, Шлегель... Для краковянъ и мазуровъ славяне были схизматиками, погибшими душами. Галичане знали тогда славаковъ, которые продавали порошокъ для истребленія блохъ, слыхали о Ганкѣ и Шафарикѣ, но все повторяли: мадьяры—„братанки и до шабли, и до чарки“—все за насъ знаютъ и сдѣлаютъ. У насъ было иначе: мы читали сочиненія,

выходившія въ Харьковѣ, въ Одессѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ уже занимались основательно славянствомъ. Этого не могло быть подъ властью нѣмецкихъ монарховъ, которые старались убѣдить, что „slavi sunt sclavi“ (славяне—рабы), что римляне пользовались славянами какъ гладіаторами, а германцы какъ конюхами, что разсказы о царяхъ сербскихъ, о короляхъ боснійскихъ, а также о болгарскихъ—все это миѳы. Это незнакомство со славянами, это слабое пониманіе сущности славянства было, есть и еще долго будетъ великимъ зломъ для поляковъ.

Польское общество не завязало никакихъ сношеній съ русскимъ обществомъ главнымъ образомъ потому, что всѣ высшіе чиновники въ то время были или поляки, или курляндцы. Губернаторомъ послѣ генерала Гижицкаго, человѣка вздорнаго и нелюбимаго шляхтой за свое грубое обхожденіе, былъ назначенъ Андржейковичъ, литовецъ, человѣкъ радушный, хорошо воспитанный.

Русскіе чиновники были большею частью изъ малороссовъ, которые предпочитали жизнь въ домашнемъ кругу жизни общественной. Малороссы народъ трудолюбивый, добросовѣстно исполняютъ свои обязанности, не гуляки, не пьяницы, не требуютъ большихъ денегъ и не копятъ ихъ, но стремятся къ домашней жизни, любятъ семью, соловья, цвѣты...

По селамъ помѣщичье житье было шумное, пышное и архи-цивилизованное; почти въ каждомъ зажиточномъ домѣ была библіотека довольно обширная и хорошо подобранная изъ книгъ на различныхъ языкахъ, вездѣ выписывали газеты виленскія, варшавскія, а во многихъ мѣстахъ французскія; умственное движеніе было большое. Въ то время существовало два кружка: литературный и философскій. Что касается литературы, то вся молодежь и женщины были за романтическую литературу. Адамъ Мицкевичъ, Байронъ, Пушкинъ были кумирами этого кружка. Другой кружокъ, состоявшій изъ стариковъ и упрямцевъ, единственной цѣлью которыхъ было показать, что они имѣютъ свое мнѣніе, стоялъ за классицизмъ, и Людвикъ Осинскій былъ ихъ учителемъ. У нихъ на всѣ разсужденія, на всѣ просьбы послушать былъ только одинъ отвѣтъ: брали

книжку Мицкевича, какъ дѣлалъ это Осинскій, раскрывали и громко читали: „Ciemno wszędzie, głucho wszędzie!“, закрывали книжку, говорили: „должно быть будетъ глупо“ (głupie będzie), и клали ее на столъ. Изъ за этого дѣло доходило до бурныхъ споровъ, даже до поединковъ; но, къ счастью, сторонниковъ классицизма было мало и ода къ молодости, повторяемая и превозносимая всѣми, добила классицизмъ.

Въ философіи были сторонники Канта и сторонники Яна Снядецкаго, но послѣдніе, благодаря національному чувству и здравому смыслу, хотя и не всегда присущимъ полякамъ въ точныхъ наукахъ и въ политикѣ, взяли верхъ надъ сторонниками нѣмецкой философіи, которой не понимали даже ея поклонники. Янъ и Андрей Снядецкіе считались величайшими мужами науки въ Польшѣ.

Этотъ бѣглый обзоръ делекаго прошлаго показываетъ всеобщее умственное движеніе въ юго-западной Россіи.

Не встрѣчалось болѣе или менѣе значительной деревни, гдѣ не было бы уютнаго и красиваго помѣщичьяго домика; даже въ маленькихъ деревушкахъ, которыя сдавались въ аренду или гдѣ жили экономы, были опрятные и благоустроенные домики; хозяйственныя постройки соотвѣтствовали домомъ; особеннымъ великолѣпіемъ отличались конюшни. Крестьянскія хаты, особенно въ окрестностяхъ Бердичева, были очень опрятны; тамъ было множество садовъ и обиліе воды. Среди степи эти села казались рощами; народъ былъ зажиточный, бойкій, необыкновенно смышленый, привязанный къ добрымъ и справедливымъ панамъ; козацкій духъ сохранился здѣсь, быть можетъ, болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Украинѣ.

Каковы были люди, таковы и кони. Въ то время какъ Вацлавъ Ржевускій холилъ арабовъ изъ пустыни на паркетахъ савраньской конюшни, въ то время какъ князья Сангушки скрещивали арабскую, англійскую и польскую породы, чтобы имѣть лошадей въ родѣ англійскихъ, президентъ Ивановскій нашелъ, такъ сказать откопалъ породу тѣхъ старинныхъ польскихъ коней, *джаметовъ*, на предкахъ которыхъ гусары и панцырники разносили въ теченіи вѣковъ рыцарскую славу Польши,

потому что эти кони походили на того коня, верхомъ на которомъ изображенъ Янъ III въ Варшавѣ. У Іеронима Сабанскаго были огромные табуны лошадей, которыхъ звали нѣкогда *елонками*, употреблявшихся подъ легкія хоругви копейниковъ—уланъ и козаковъ; небольшія, подвижныя, быстрыя, выносливыя, какъ лошади арабовъ пустыни. По примѣру этихъ двухъ помѣщиковъ, вся бердичевская округа стала разводить лошадей, не для бѣговъ, а для ѣзды, и скорѣе подъ верхъ, чѣмъ для упряжки. Эти лошади очень цѣнились и за нихъ дорого платили. Въ польскомъ войскѣ и въ русской гвардіи въ Петербургѣ лучшія офицерскія и унтеръ-офицерскія лошади были изъ окрестностей Бердичева.

По поводу лошадей разскажу одинъ забавный случай.

У президента Ивановскаго была дочь, очень красивая, хорошо воспитанная и съ большимъ приданымъ. Претенденты на ея руку съѣхались со всѣхъ концовъ Польши. Однажды явилось ихъ двое: графъ К. изъ Познани и графъ Ск. изъ Галичины, оба были люди молодые, свѣтскіе. При видѣ образцоваго украинскаго хозяйства Ивановскаго, они начали говорить объ улучшенномъ нѣмецкомъ. Не замѣтивъ у президента ни одной овцы, ни одного барана, они стали цифрами доказывать, что мериносы обогащаютъ край, а лошади доводятъ его до нищеты, и что слѣдуетъ завести мериносовъ вмѣсто табуновъ лошадей, которыхъ у президента было множество.

Ивановскій, бывшій тогда уже семидесятилѣтнимъ старцемъ, слушалъ пораженный и, наконецъ, вскочилъ.

— Вы, панове, поляки?

И когда тѣ отвѣчали утвердительно, покраснѣлъ такъ, что даже паръ съ лысины пошелъ.

— А на чемъ вы будете выгонять нѣмцевъ изъ польской земли? Можетъ быть на баранахъ? Фи, стыдитесь, панове, вы какіе то пастухи! Поѣзжайте себѣ съ Богомъ, здѣсь для васъ нѣтъ мѣста!

Выпроводилъ изъ дому графовъ и выдалъ дочь за подольскаго шляхтича—домосѣда, но владѣвшаго табунами прекрасныхъ польскихъ лошадей.

Президента Ивановскаго одобряли и брали съ него примѣръ во всей бердичевской округѣ: разводили лошадей, чтобы выгнать нѣмцевъ изъ славянскихъ земель. Можетъ быть, это когда нибудь и случится. Дай Боже!

Я былъ помѣщикомъ, и признаюсь, былъ очень счастливъ. Я любилъ свою мать и былъ любимъ ею; въ семьѣ нашей господствовала сердечность и непринужденное доброжелательство, выражавшееся въ стараніи сдѣлать пріятное другъ другу. Больше всего я любилъ охоту, собакъ и лошадей. Въ Гальчинцѣ, гдѣ я родился и жилъ, собиралась окрестная молодежь; у насъ была библіотека, состоявшая изъ нѣсколькихъ тысячъ томовъ очень цѣнныхъ сочиненій и многихъ рукописей; она была открыта для моихъ пріятелей и товарищей моихъ забавъ.

Охотились, забавлялись, подчасъ танцовали, но болѣе всего читали и разсуждали. Смѣло могу сказать, что, ставши съ Яномъ Омецинскимъ во главѣ этой молодежи,—онъ вслѣдствіе своихъ знаній и уваженія, которое къ нему имѣли, такъ какъ былъ на нѣсколько лѣтъ старше меня, а я вслѣдствіе моего значительнаго состоянія и доброжелательства,—мы внушили этой молодежи интересъ къ знанію, къ мѣстнымъ дѣламъ и преданіямъ, и къ жизни истинно шляхетской, къ саблѣ, перу,—словомъ, ко всему достойному. Въ это время наше общество дѣлилось въ политическомъ и соціальномъ отношеніи слѣдующимъ образомъ:

Богатые паны, владѣвшіе нѣсколькими, а то и нѣсколькими десятками селъ и даже мѣстечекъ, стариннаго шляхетскаго рода, владѣльцы тѣхъ же имѣній, которыя принадлежали ихъ отцамъ и праотцамъ. Это было первое условіе такъ называемаго въ другихъ мѣстахъ магнатства. У насъ ихъ звали своявками (koligatami). Они стояли во главѣ этой привилегированной шляхты по рожденію. Въ нее вступали люди извѣстные въ наукѣ, писатели ученые и уважаемые, люди, занимающіе высокія дворянскія должности, имѣющіе военные чины, особенно въ польскомъ войскѣ. Во время Наполеона I быть солдатомъ подъ командой генерала Домбровскаго, значило быть паномъ, хотя бы у него не было ни денегъ, ни имѣній, колигатомъ, желан-

нымъ въ обществѣ колигатовъ; такой человѣкъ могъ ни о чемъ не заботиться и жить себѣ спокойно.

Только въ бердичевской округѣ генерала Домбровскаго, творца польскихъ легіоновъ, цѣнили далеко выше, чѣмъ кн. Іосифа Понятовскаго, гулящаго всадника изъ его отряда. Мазурка Домбровскаго была въ сердцахъ и на устахъ всѣхъ, кто носилъ польское имя. Славу и заслуги Домбровскаго превозносили натощакъ, а богатырскіе подвиги князя Іосифа на веселѣ или совсѣмъ пьяные. Люди, которые нажили имѣнія предпріятіями, торговлей или ремеслами, всегда считались выскочками.

Титулованные, графы, бароны пріобрѣвшіе эти титулы съ помощью денегъ или интригъ, не пользовались уваженіемъ между шляхтой. Даже если кто нибудь изъ лучшихъ семействъ пріобрѣталъ титулъ, то тотчасъ исключался изъ общества, а чаще всего становился посмѣшищемъ единственно потому, что былъ графомъ или барономъ; послѣднихъ больше всего было изъ евреевъ.

Панки или полупанки, владѣльцы мелкихъ деревень или частей деревень, арендаторы, высшіе оффиціалисты крупныхъ пановъ, казенныхъ и монастырскихъ имѣній, составляли особый классъ, пользовавшійся юридически тѣми же правами и привилегіями, что и первый, но въ обществѣ ихъ скорѣе терпѣли, чѣмъ принимали. Отсюда происходила нелюбовь и предубѣжденіе противъ демократіи. Демократы стремились во что бы то ни стало подорвать благосостояніе пановъ, а крестьянъ прижать еще сильнѣе. Тогда не существовало ни демократическихъ теорій, ни демократическихъ обществъ, но уже были поползновенія, которыя неизбѣжно породили нынѣшнюю польскую демократію. А ничего не было легче, какъ примирить пановъ съ панками и полупанками; требовалось только немного разуму и много сердечности.

Чиншевая шляхта была бѣдна и забита, и потому упала духомъ и утратила шляхетскую гордость. Добрый панъ, который былъ матерью для крестьянъ, несмотря на всѣ свои достоинства, являлся мачихой для шляхты. Квартиры для

солдатъ, подводы для войскъ, казенныя повинности, все это долженъ былъ отбывать чиншевой шляхтичъ.

Въ селахъ, которыя не были собственностью пановъ, а принадлежали чиншевой шляхтѣ, она пользовалась необузданной свободой. Настоящимъ паномъ тамъ былъ шинкарь—еврей, умѣвшій обойтись со всѣми, и шляхтичи—собственники и ихъ жены ходили къ нему по очереди караулить и отбывать разныя повинности, но, когда наступалъ срокъ заключенія условія или расплаты, сейчасъ парха-жида въ ухо и за пейсы... Били, били, а когда пропивали все, снова шли къ нему на работу.

Такая жизнь извращала умъ и дурно вліяла на чувство, а высокая фантазія и сознаніе своего достоинства направлялись на дурное, на процессы, драки... Не дай Богъ было жить въ сосѣдствѣ съ такимъ селомъ. Шляхта этой категоріи, исповѣдывавшая православіе, жила въ братскихъ отношеніяхъ съ крестьянами, вслѣдствіе единства вѣры и языка, но шляхтакатолическая была съ ними въ непріязненныхъ отношеніяхъ, и потому ее употребляли для экзекуцій за недоимки и неисполненіе приказаній. Это были самые тяжелые экзекуціонеры, потому что, помимо всего, угнетали еще православныхъ во имя религіи и римской церкви, видя въ нихъ схизматиковъ. Мѣщанство состояло изъ евреевъ, великороссовъ и украинцевъ. Великоросы и евреи занимались торговлей, съемкой садовъ, извозомъ; они были люди хозяйственные и зажиточные. Мѣщане—украинцы, представлявшіе нѣчто среднее между чиншевиками-шляхтичами и крестьянами. Владѣльцу они платили чиншъ втрое большій нежели шляхта, а сверхъ того казенныя подати и отбывали рекрутскую и другія повинности. Они напоминали коровъ, у которыхъ много хозяевъ. Ихъ доили до крови и выдоили всю высокую фантазію, потому что они не имѣли такой, какъ имѣла шляхта и крестьяне. Даже евреи свирѣпствовали надъ ними. Мѣщанство поставляло евреямъ наймитовъ и наймичекъ.

Вольные крестьяне почти всѣ жили въ лѣсахъ, въ качествѣ бутниковъ, плотниковъ, рудокоповъ, чернорабочихъ при обработкѣ лѣсныхъ матеріаловъ. Поселенія ихъ были очень многочисленны въ Гутахъ, Рудняхъ и пр. Это былъ народъ красивый, крѣп-

кій, трудолюбивый и бойкій, превосходные работники; были такіе, что зарабатывали до ста злотыхъ (sic) въ день шлифованьемъ и рѣзьбой по стеклу, отливкой зеркалъ, обработкой желѣза и другими подобными трудами. Они не были прикрѣплены къ землѣ, не были также крѣпостными того или другого пана или казны, имѣли право переходить съ мѣста на мѣсто, по выполненіи предписанныхъ обязанностей.

Однако паны и правительство стѣснили эти вольности или безначаліе, которое, можетъ быть, могло привести къ хорошимъ результатамъ, но скорѣе къ дурнымъ.

Въ слободахъ паны торговали всѣмъ, начиная съ дерева на постройку хатъ до уборовъ, жизненныхъ припасовъ, женскихъ украшеній, содержали шинки съ разными напитками, торговали даже дѣтскими игрушками. Всѣ эти товары были панскіе, а панъ былъ главнымъ и единственнымъ торговцемъ и отпускалъ все въ кредитъ безъ всякихъ затрудненій, записывая такіе долги въ шнуровыя книги, какъ капиталъ, на который присчитывается законный процентъ; въ тѣ же книги заносились и заработки, но уже безъ процентовъ. Въ концѣ года разсчетъ. Капиталъ росъ долго, но я никогда не слыхалъ, чтобы заработокъ равнялся ему. Черезъ нѣсколько лѣтъ каждый вольный поселенецъ имѣетъ уже нѣсколько тысячъ долгу и утрачиваетъ свою свободу, пока не выплатитъ долга, а такъ какъ выплатить не можетъ, то попадаетъ въ такую же крѣпостную зависимость, какъ и ревизскіе крестьяне. Этотъ способъ лишенія человѣка вольности посредствомъ втягиванія въ долги, хотя кажется на первый взглядъ несправедливымъ, законенъ тамъ, гдѣ собственность является основой общества. Не совсѣмъ безвыгодно это и для самихъ вольныхъ поселенцевъ, потому что принуждаетъ ихъ оставаться на мѣстѣ, а только камень, остающійся долго на мѣстѣ, обростаетъ... Съ другой стороны это устраняетъ коварную конкуренцію спекуляторовъ, которые, основывая новыя фабрики, разсчитывали бы на барышъ вслѣдствіе уничтоженія прежнихъ, приманивая къ себѣ рабочихъ обѣщаніями. Не такъ то удобно это дѣлать, когда нельзя имѣть этихъ рабочихъ иначе, какъ уплативъ готовыя деньги за ихъ

долговой капиталъ. Это средство, несмотря на то, что оно, по видимому, безнравственно, обезпечиваетъ существованіе фабрикъ, ихъ улучшеніе и разростаніе. Можетъ быть, эта система долгового капитала, улучшенная въ смыслѣ добросовѣстности и потребностей мѣста и времени, была бы наиболѣе подходящей при переходѣ изъ крѣпостного состоянія къ полному освобожденію, потому что служила бы преградою безначалію, дабы оно не перешло въ своеволіе, распущенность и, можетъ быть, преступленіе.

Если крѣпостные, ревизскія души, какъ было въ то время, имѣли пана добраго и хорошо понимающаго свои интересы, то положеніе ихъ было такъ хорошо, такъ благопріятно въ матеріальномъ отношеніи, какъ только можно было пожелать. Три дня въ недѣлю панщины, 12 дней въ годъ на починку дорогъ, плотинъ и мостовъ, 12 дней въ годъ *толоки* и *даровызны* въ пользу владѣльца, все это не было очень отяготительно, подати было невелики. Панъ не допускалъ крестьянъ, какъ свою собственность, умирать съ голоду или жить въ нуждѣ, не допускалъ ихъ даже оставаться безъ заработка; всегда были готовы помощь, поощреніе, защита отъ всего худого; во многихъ мѣстахъ допускалось даже просвѣщеніе. Послѣ работы крестьянинъ могъ ложиться спать, не думая о завтрашнемъ днѣ, и въ случаяхъ нужды всегда могъ имѣть увѣренность: „панъ дастъ“.

У худого пана для крѣпостныхъ былъ адъ. Въ описываемое время былъ начатъ процессъ противъ пана Г. въ Кіевѣ и этотъ помѣщикъ былъ посаженъ въ тюрьму за жестокости надъ крестьянами. Онъ подвѣшивалъ женщинъ къ потолку за волосы и понемногу подрѣзывалъ косу бритвой, пока не оставалось такъ мало волосъ, что они не могли удержать тѣла; женщина обрывалась и на крючкѣ оставался кусокъ кожи съ волосами. Другой помѣщикъ, панъ И. А. приказывалъ пахать, запрягши въ плугъ бабъ и дѣвокъ. Бѣдняжки падали, таща плугъ, а панскіе живодеры били батогами этихъ обращенныхъ волею панскою въ рабочій скотъ крестьянокъ. Панъ Б., гусарскій офицеръ, пригласилъ къ себѣ въ гости товарищей гусаровъ и велѣлъ

дворовымъ козакамъ и гусарамъ-вѣстовымъ собрать силой молодицъ и дѣвокъ для участія въ увеселеніяхъ. Они гуляли, пока мужья, братья и отцы этихъ несчастныхъ жертвъ разврата не привезли возовъ сухого сѣна и соломы, обложили ими домъ, какъ валомъ, и зажгли. Дворъ горѣлъ, а крестьяне стали съ ружьями, косами и топорами вокругъ, какъ духи-мстители. Ни одна живая душа не вышла со двора,—всѣ сгорѣли вмѣстѣ. Крестьянъ сослали въ Сибирь, село опустѣло, а пожарище осталось, какъ напоминаніе о суровой карѣ. Видѣли мы и пановъ В. и Д., ставящихъ на карту и проигрывающихъ своихъ крѣпостныхъ,—женъ и дочерей одному, а мужей и отцовъ другому. Видѣли многихъ, продававшихъ ревизскія души, какъ рабочій скотъ, хуже собакъ, потому что дешевле. Высочайшіе указы запрещали продавать крестьянъ безъ земли, но не было запрета покупать землю безъ крестьянъ. Обыкновенно сегодня продавалась земля съ крестьянами, а завтра покупалась та же земля безъ крестьянъ, и крестьяне одни оставались у покупателя. Можно было дѣлать что угодно, но только осторожно, обойти законъ, обмануть законъ, потому что это было не наше. Не знаю, не было ли бы то же самое, если бы было наше.

Были добрые паны, но такихъ было мало; вообще стыдились выказывать доброту и человѣчность, потому что кто не приказывать дать полсотни горячихъ за сорванную грушу, тотъ не былъ хватомъ.

И такіе то люди стали впослѣдствіи самыми ярыми демократами!

Такія отношенія между владѣльцами и крестьянами вселяли взаимную ненависть въ тѣхъ и другихъ. Обвинять въ этомъ правительство и чиновниковъ нельзя, никто не могъ бы указать ни малѣйшаго ихъ дѣйствія, которое способствовало бы этому; напротивъ, отъ этого отечески предостерегали; притомъ и охраняли шляхту отъ оскорбленій и мести. Правительство предоставляло владѣльцамъ полную свободу заниматься улучшеніемъ быта своихъ крѣпостныхъ, даже поощряло это и награждало тѣхъ, которые отечески обхо-

дились съ крестьянами, а чиновникамъ были даны строгія приказанія не вмѣшиваться въ отношенія между помѣщиками и крестьянами и, сказать правду, въ этомъ отношеніи мы не испытывали никакихъ стѣсненій или непріятностей со стороны чиновниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мистерія страстей Христовыхъ.

Въ числѣ рукописей, присланныхъ на археологическую и библіографическую выставку, устроенную въ 1888 году львовскимъ ставропигійскимъ институтомъ къ празднику 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси, была, между прочимъ, одна рукопись, присланная изъ церковной библіотеки небольшаго села Смерекова, львовскаго уѣзда, но недопущенная на выставку завѣдывавшимъ библіографическимъ отдѣломъ крилошаниномъ А. С. Петрушевичемъ потому, что въ ней-де нѣтъ ничего интереснаго. И дѣйствительно, все время выставки рукопись эта пролежала въ подвалѣ института, закупоренная, вмѣстѣ съ прочимъ непригоднымъ хламомъ, въ большой деревянный ящикъ. По окончаніи выставки сеніоръ института, д-ръ Исидоръ Шараневичъ, счелъ нужнымъ еще разъ просмотрѣть весь этотъ хламъ, прежде чѣмъ возвратить всякую вещь по принадлежности. Пользуясь благосклоннымъ позволеніемъ этого почтеннаго ученаго, я имѣлъ возможность тоже взглянуть на этотъ „хламъ" и среди него нашелъ рукопись, описаніе которой здѣсь прилагаю. Это дѣйствительно невзрачная тетрадь въ четверку обыкновенной писчей бумаги, въ древнемъ, рваномъ переплетѣ, состоящемъ изъ склеенныхъ вмѣстѣ нѣсколькихъ листовъ исписанной бумаги, очевидно, какихъ то школьныхъ упражненій въ чистописаніи. На корешкѣ наклеена бумажка съ надписью старымъ почеркомъ, сходнымъ съ тѣмъ, какимъ написана послѣдняя часть рукописи: *„Начало церковнаго пѣснопѣнія, въ веси Смерековѣ, писано Anno*

1670". Кто бы, однако, судя по этой надписи, думалъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ элементарной теоріей или руководствомъ церковнаго пѣнія, тотъ бы совершенно ошибся. Это „Начало церковнаго пѣнія", или, какъ читаемъ на заглавномъ листѣ, „Начало вослѣдовании церковнаго пѣныя и собрания вселѣтьнаго по уставу святыя восточныя иерусалимскыя церквы" есть не болѣе, какъ церковный календарь съ присовокупленіемъ чиновъ богослужебныхъ, относящихся къ каждому празднику года или, такъ называемая, „пасхальная таблица." Въ нашей рукописи мы имѣемъ нѣсколько такихъ таблицъ, писанныхъ неодновременно. И такъ первая таблица, обнимающая весь годъ, начиная съ марта мѣсяца, а кончая февралемъ, а кромѣ того, табличка нарочитыхъ праздниковъ и „кругъ солнцу на 28 лѣтъ", помѣщаются на 16 страницахъ. На заглавной страницѣ внизу мы находимъ замѣтку: „*Нача здатыся року 1607, мѣсяца октоврыя, дня 5, в повѣтѣ львовьскомъ в селѣ Смерековѣ. Захарко*". Слѣдуетъ на 10 страницахъ другимъ, болѣе позднимъ почеркомъ расписаніе круга луны на нѣсколько лѣтъ, послѣ чего на 38 страницахъ слѣдуетъ вторая таблица пасхальная на весь годъ, съ присовокупленіемъ многихъ замысловатыхъ „круговъ", служащихъ для высчитыванія времени праздниковъ и т. п., и объясненіе, какъ пользоваться этими кругами. Таблица эта, въ главномъ совершенно сходная съ первой, имѣетъ тоже особое заглавіе: „Вослѣдованіе церковна пѣнія и собранія вселѣтнаго по уставу святыя восточныя Іерусалимскія церкви". Внизу этой страницы читаемъ: „*Р. Б. 1655 мѣсяцъ Іюнь, д. 20*". Если бы смерековская рукопись не заключала въ себѣ ничего болѣе, кромѣ этихъ таблицъ, то мнѣніе крил. Петрушевича объ ея неинтересности можно бы было назвать справедливымъ. Но остальныя 24 страницы этой рукописи, писанныя скорописью, нѣсколько болѣе позднимъ почеркомъ, дѣлаютъ эту рукопись одной изъ самыхъ интересныхъ, какія только встрѣчались намъ на выставкѣ. На этихъ страницахъ, какъ-то не впопадъ переплетенныхъ, такъ что начальные листы отошли на конецъ, мы находимъ полный и очень исправный списокъ одного изъ самыхъ древнихъ памятниковъ драматическаго искусства въ южной Руси,

мистерію о страстяхъ Христовыхъ, носящую въ рукописи латинское заглавіе „*Dialogus de passione Christi*“.

Я не буду разсказывать здѣсь о томъ, какъ начались въ южной Руси драматическія представленія: это извѣстно русскимъ читателямъ изъ работъ по этому вопросу А. Н. Веселовскаго, Н. И. Петрова, П. О. Морозова и др. Скажу только, что изъ довольно (какъ должно полагать) обширнаго репертуара мистерій и moralitè XVII стол. сохранилась только одна п. з. „Дѣйствіе на страсти Христовы списанная“ въ единственной рукописи кіевской духовной академіи. Н. И. Петровъ полагаетъ, что мистерія эта (скорѣй moralitè, такъ какъ въ ней главнымъ образомъ дѣйствуютъ фигуры аллегорическія, а не лица, взятыя изъ священнаго писанія) написана между 1670 и 1686 годами[1]). Но основанія, на какія ссылается г. Петровъ при установленіи этой даты, не препятствуютъ отнести время написанія „Дѣйствія“ къ болѣе раннему времени, а именно къ эпохѣ войнъ Хмельницкаго 1648—1654. Такъ или иначе, нашъ „Dialogus“, если и не самый древній, то во всякомъ случаѣ, одинъ изъ древнихъ памятниковъ драматической южнорусской литературы чисто церковнаго содержанія (оставляя въ сторонѣ гораздо болѣе раннія интермедіи Гаваттовича), сохранившійся вполнѣ до нашихъ дней.

„Dialogus“ этотъ состоитъ изъ пролога, писаннаго на польскомъ языкѣ и заключающаго въ себѣ сценарій драмы, и пяти сценъ, изъ коихъ три первыя можно считать мистеріей, двѣ же послѣднія переходятъ въ родъ moralitè. Собственно всю драму гораздо лучше было бы назвать драмой „страстей Маріи“, такъ какъ опасенія, тревоги и отчаяніе Матери Іисусовой составляютъ главный сюжетъ драматическаго дѣйствія. Дѣйствіе это, несмотря на всю наивность концепціи, обозначено довольно рельефно, очерчено рядомъ сценъ, постепенно усиливающихъ эффектъ. Вообще, ежели сравнить нашъ „Dialogus“ съ содержаніемъ „Дѣйствія“, изложеннымъ у г. Петрова, нельзя не при-

---

[1]) Н. И. Петровъ, „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка,“ стр. 31.

знать, что „Dialogus“ стоитъ гораздо выше, какъ произведеніе литературное. Нѣкоторыя мѣста его, какъ наприм. „ляментъ Маріи“ (стихи 293—320), поражаютъ даже современнаго читателя поэтической силой. Такой же поэтической силы и апострофа церкви къ Христу (ст. 515—536). Когда и кѣмъ написанъ „Dialogus“, объ этомъ мы не можемъ ничего положительнаго сказать. Прологъ не содержитъ въ этомъ отношеніи никакого намека. Вмѣсто того прологъ обнаруживаетъ одно интересное обстоятельство,—что „Dialogus“ нашъ не есть (какъ бы это могло показаться изъ самаго текста) простой переводъ съ польскаго, но написанъ былъ самостоятельно, болѣе или менѣе оригинально, на томъ языкѣ, на какомъ и до насъ дошелъ. Авторъ пролога говоритъ:

Taką my Tragedią wysławim po Panie,
A to się wszystko *ruskim dialektem* stanie.

Правда, „діалектъ“, на которомъ написанъ „Dialogus“,—очень макароничен и отличается множествомъ полонизмовъ. Кажется, что авторъ или думалъ по польски, или имѣлъ передъ собой образецъ или образцы польскіе, изъ которыхъ мѣстами почти цѣликомъ заимствовалъ цѣлые стихи. Съ другой стороны, однакожъ, нельзя не замѣтить, что мы имѣемъ здѣсь тоже не менѣе значительный процентъ малорусскихъ народныхъ формъ и словъ, а также стиховъ, обнаруживающихъ самостоятельныя риѳмы. О размѣрѣ заимствованія или перевода нашей мистеріи нельзя сказать ничего положительнаго, покуда не будетъ отысканъ образецъ, послужившій для нея моделью.

Изъ пролога можно также догадываться, что „Dialogus“ нашъ написанъ былъ для сцены и дѣйствительно разыгрывался. Гдѣ и кѣмъ, объ этомъ возможны только догадки. Нѣтъ сомнѣнія, что не былъ онъ написанъ и сценированъ въ небольшой, глухой деревенькѣ Смерековѣ. Переписчикъ, который сберегъ его для насъ, вѣроятно, сдѣлалъ копію съ оригинала, находившагося гдѣ-нибудь въ большомъ городѣ или въ монастырѣ, устраивавшемъ набожныя театральныя зрѣлища. Такими центрами, изъ которыхъ переписчикъ могъ принести „Dialogus“, могли быть Львовъ или Жолковъ, вблизи котораго находится

базиліанскій монастырь въ Креховѣ, основанный еще въ 1618 г. [1]). Съ не меньшей вѣроятностію можно предполагать, что „Dialogus“ не вышелъ изъ круговъ львовскаго ставропигійскаго братства, въ которомъ сохранялись строгія традиціи „славяно-русскаго“, т. е. церковнаго языка, а макаронизмъ польскаго съ народнымъ былъ почти немыслимъ. Всего болѣе, кажется мнѣ, имѣетъ за собой то предположеніе, что „Dialogus“ былъ разыгрываемъ, а можетъ быть, и написанъ въ Жолквѣ, при дворѣ могучихъ въ то время пановъ Собѣсскихъ, у которыхъ, какъ извѣстно, стремленіе къ „европеизированію“, собственно же къ офранцуженію, уживалось съ нѣкоторыми остатками русскихъ родовыхъ традицій. Жолковъ былъ въ то время значительнымъ городомъ, славился своими пивоваренными заводами [2]), имѣлъ множество ремесленныхъ цеховъ; Янъ Собѣсскій основалъ въ немъ новый базиліанскій монастырь въ 1682 г., которому въ 1690 г. подарилъ чудотворныя мощи св. Іоанна Сучавскаго. Въ лѣтописи этого города читаемъ подъ 1660 годомъ: „W tym roku zaprowadzono nowy zwyczaj obchodzenia Wielkiejnocy. W wieczor pod czas rezurekcyi, na wałach z dział bito, na drugi zaś dzień rano po ulicach bębniono na jutrznią“ [3]). Можно предположить, что вся „новость“ не состояла въ одной пальбѣ изъ пушекъ, но что или въ доминиканскомъ монастырѣ (основанномъ матерью Яна Собѣсскаго по смерти сына Марка, павшаго въ битвѣ подъ Батогомъ 1652 г.), или въ замкѣ Собѣсскихъ устраивались драматическіе спектакли въ религіозномъ духѣ. Польскій прологъ обращался въ такомъ случаѣ, вѣроятно, къ панамъ шляхтѣ и вообще къ такъ называемымъ honoratiores, самая же мистерія имѣла въ виду массу мѣщанства, кореннаго русскаго, хотя въ значительной степени ополяченнаго.

Прилагаемый здѣсь текстъ мистеріи списанъ мною буквально съ смерековской рукописи. Я позволилъ себѣ только по-

---

[1]) См. Шематизмъ провинціи св. Спасителя чина св. Василія Великаго въ Галиціи. и Короткій поглядъ на монастыри и монашество руске отъ заведеня на Руси вѣры Христовой ажъ по нынѣшное время. Во Львовѣ 1867.

[2]) См. Ks. Sadok Barącz, Pamiątki miasta Żółkwi. Lwów, 1852, стр. 30

[3]) Ibidem стр. 44.

ставить знаки препинанія (въ рукописи послѣ каждаго стиха есть точка), развязать малочисленныя сокращенія и надстрочныя буквы снесть въ строку. Послѣ надстрочныхъ буквъ, оканчивающихъ слово, я не ставилъ твердаго знака, гдѣ таковой въ рукописи не былъ обозначенъ точкой или какимъ-нибудь другимъ знакомъ. Вмѣсто латинскаго *g* въ первой половинѣ рукописи послѣдовательно пишется *кг*, во второй же половинѣ (сцена 4 и 5) пишется латинское *g*, я писалъ повсюду послѣдовательно *кг*. Начертанія отдѣльныхъ словъ писаны иногда латинскими буквами (особенно „okrucieństwo", хотя есть и „окруценство"); я для однообразія употреблялъ повсюду русскія буквы. Вотъ и всѣ отступленія, какія я позволилъ себѣ при списываньи текста. Прилагаю здѣсь для русскихъ читателей, мало знакомыхъ съ польскимъ языкомъ, объясненіе нѣкоторыхъ менѣе понятныхъ польскихъ словъ, встрѣчающихся въ нашей мистеріи: Troskiwy—печальный, rozrzewnić—тронуть, frasowliwy—озабоченный, ogroyec—садъ, odchlań—бездна, віеле—много, нестейтежъ или нестейтыжъ (niestetyż)—увы, литувати, улитуватися—сжалиться, скронѣ—виски, лобъ, розкга—вѣтвь, вшакъ—вѣдь, тыліо—только, препомняти—позабыть, спозреня (spojrzenie)--взоръ, здрой—источникъ, ребелія—бунтъ, скиненье—мановеніе, стескнитися—стосковаться, лепей (lepiej)—лучше, мевати ся (miewać się) frequentativum отъ мати ся, жродло (старопол. żródło) — источникъ, декретъ феровати—произнесть приговоръ, лютость (староп. lutość—litość)—милосердіе, лканье—всхлипыванье, кгротъ—остріе, оружіе, облюбеница—невѣста, облюбенецъ—женихъ, на выліотъ—насквозь, дзѣся—сегодня, упрейме—вѣжливо, усердно, лекгувати тестаментомъ—отказывать по завѣщанію, злецати—ввѣрять, десператъ—отчаянный человѣкъ, разъ—ударъ, звитязство — побѣда, радити (ст. 510) вм. рядити—управлять, любъ (ст. 519)—хотя, позорне—великолѣпно, притомный часъ (ст. 560)—настоящее время.

Миронъ

Dialogus de passione Christi.

PROLOGUS.

Troskliwe wasze serca byśmy rozrzewnili,
Krótką my traiediią sprawie omyślili.
Będzie to na wzruszenie skruchi chrześciańskiey,
Jak tez na wysławienie srogiey męki Pańskiey.
Wydzie Anyoł z kielichem Chrystusa szukaiąc,
Na ludzi y na swoie szczęście narzekaiąc,
Że w takiey iest usłudze, a gdy zchodzić zechce,
Panna mu w drogę zaydzie frasowliwa wielce.
Będzie prosić o kielich śmiertelny Anyoła,
Lecz iey Anyoł odpowie, że nie odda zgoła.
A tak kiedy Anyoła iuże nie uprosi,
Wielki żal swóy szeroce przed wami ogłosi.
Anyoł przydzie, a potym Chrystusa w ogroycu
Obaczycie modląc się Niebieskiemu Oycu.
I po krótkiem spiewaniu s teyże lewey strony,
Pokaże sie z kielichem y Anyoł z zapony,
Będzie kielich podawał z żalem Chrystusowi
A Chrystus mu na wszystko szeroce odmowi.
Iednakże obaczywszy w odchłani zamknionych,
I wołanie nieznośne usłyszawszy onych,
Wezmie kielich z wielkiego swego użalenia—
I takim sie sposobem druga zamknie scena.
Wydzież Chrystus z kielichem, ale tuż znienacka
Pokaże sie w żałośći jego swięta Matka,—
Gdzie go wielce hamując gdy iuż niewhamuie,
Pod tenże krzyż z nim oraz s theatrum zstępuie.
Scena czwarta nastąpi, gdzie Panieńskie serce
Od żalu nieznośnego bronić Boga zechce,
Będzie o miecz upraszać, lecz mu zganią męstwo,
Gdy weń ostry miecz wbiie srogie okrucieństwo.
Serce same tu czyni, potym Cerkiew nowa
Iako oblubienica wydzie Chrystusowa.

Wiara, nadzieia, miłość onę przywitaią,
Tamże też oraz do niey upraszać się maią.
Cerkiew ie miło przymie, y wnet Chrystusowi
Pokłon znaczny uczyni y żal swóy opowi,
Taką my tragedią wysławim po Panie,
A to sie wszystko ruskim dialektem stanie.
Czego raczcie posłuchać choć sercem teskliwym.
Tesknić trzeba po Bogu chrześcianom prawdziwym [1]).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Ангелъ. О мѣзерний чловече, подлое створеніе
Уродилесь ся праве на едно грѣшенье!
В кождыхъ своихъ забавахъ завше согрѣшаешъ,
Якъ віеле працъ, такъ віеле грѣховъ исполняешъ,—
В чомъ и собѣ, мизерный, не помалу шкодишъ,
И Бога до зневаги значнои приводишъ.
Перве бовѣмъ для тебе рачил ся втѣлити,
Тераз юже, нестейтежъ, муситъ и умрѣти.
Юж юбо, юж несу до Ісуса чашу,
Абы выпилъ, о люде, за невдячность вашу.
Несу, мизерный Ангелъ, а и самъ не знаю,
Якъ предъ моимъ Ісусомъ показатся маю,
Якъ предъ Его незмѣрнымъ маестатомъ стану,
Якъ на преначестнѣйше лице Его гляну,

---

[1]) Чтобы растрогать ваши печальныя сердца, мы сочинили краткую трагедію. Она послужитъ къ возбужденію христіанскаго сокрушенія, равно какъ и для прославленія тяжкихъ страданій Господнихъ. Выдетъ ангелъ съ чашей, ищущій Христа и жалующійся на людей и на свою долю, что ему приходится исполнить такую обязанность, и когда онъ вознамѣрится уходить, на встрѣчу ему выдетъ Пресв. Дѣва, очень озабоченная, будетъ просить у ангела смертельную чашу, но ангелъ ей отвѣтитъ, что не отдастъ ни подъ какимъ видомъ. Когда Пр. Дѣва не вымолитъ у ангела чаши, то выразитъ пространно передъ вами свою горесть. Ангелъ придетъ, а потомъ вы увидите въ саду Христа, молящагося Небесному Отцу. И послѣ краткаго пѣнія съ этой же лѣвой стороны изъ за занавѣса покажется ангелъ съ чашей, съ печалью будетъ подносить чашу Христу, а Христосъ будетъ отказываться въ длинной рѣчи. Но, увидѣвъ заключенныхъ въ безднѣ и

Що тамъ буду мовити, которыми словы!
Подамъ тож срокгий напой моему Христови.
Радь, кто можетъ, якъ бымъ моглъ собѣ поступити,
Альбо того келиха якъ бымъ моглъ позбыти.
Самъ бымъ я его выпилъ, лечъ буду караный,
Бо для Христа конечне той напой посланый.
Отмѣнилъ бымъ, лечъ и то, вижъ, Отецъ познаетъ.
Который всѣ скритости на видоку маетъ.
Далбымъ кому иншому, лечъ нѣхто не прийметь,
Бо умерти жаденъ ся чловекъ не подийметъ.
Згола якъ поступити в томъ разѣ не знаю,
Хочай розумъ ангельский быстровидный маю.
Чи единъ же я Ангелъ такъ естъ нещасливый,
Же Ти такъ услугую, Отче мой правдивый!
Коли Ісусъ на землю зишол ся родити,
Иншимъ в той часъ Ангеломъ казалесь служити.
А гды на смерть, на раны Его декретуешъ,
Мнѣ ко нему, нестейтыжъ, ити приказуешъ.
Нехай же южъ щоколвекъ зо мною ся стане,
Я иду, где мнѣ кажешъ, Творче мой и Пане.
Насвентша Панъна. Стуй, Ангеле, где идешъ, кого то шукаешъ?
Гостемъ будучи въ свѣтѣ, за чемъ же пытаешъ?
Ангелъ. Ісуса Назарея, еслись коли знала,
Албо еслись принамнѣ о онымъ слышала,—

услышавъ ихъ невыносимые вопли, вслѣдствіе своего милосердія, возьметъ чашу, и такимъ образомъ окончится вторая сцена.

Христосъ выдетъ съ чашей, но тутъ внезапно предстанетъ въ горести Его святая Мать. Она Его уговариваетъ и, не уговоривши, уходитъ вмѣстѣ съ Нимъ со сцены подъ тоть же крестъ. Начинается четвертое дѣйствіе, гдѣ сердце Богородици, вслѣдствіе невыносимаго сожалѣнія, захочетъ защищать Бога, будетъ просить меча, но ему измѣняетъ мужество, когда въ него вонзаетъ острый мечъ жестокость. Сердце дѣйствуетъ одно, а потомъ выдетъ Новая Церковь, какъ невѣста Христова. Вѣра, Надежда и Любовь будутъ ее привѣтствовать и вмѣстѣ съ тѣмъ просить принять ихъ. Церковь ихъ любовно приметъ и тотчасъ воздастъ поклоненіе Христу и разскажетъ о своей горести. Такую трагедію исполнимъ мы во славу Господа и все это будетъ изложено на русскомъ языкѣ. Благоволите выслушать это, хотя съ тоской въ сердцѣ, ибо истиннымъ христіанамъ подобаетъ сокрушаться о Богѣ.

Того я, нендзный Ангелъ, на земли шукаю,
И ему овый келихъ выпитъ дати маю.

Паньна. Ах, Ангеле, почекай, стуй, стуй, не спѣшися.
Ни в кого, якъ у Мене о Нюмъ довѣсися.
Я естемъ его Мати! Постуйже зо Мною,
Нехъ щоколвекъ, Ангеле, помовлю с тобою.
И на Сына Моего такъ срокгіе муки
Ангелскіе святые несутъ твои руки?
И Его жъ то с келихомъ смертелнымъ шукаешъ?
Отожъ Его внутръ Мене предъ собою маешъ.
Тутъ есть Сынъ Мой, тутъ завше Я Его ховаю,—
Ве внутрностяхъ и в серцу Ісуса Я маю.
Дай же теды, Ангеле, Мнѣ келихъ выпити,
Если хочешъ Ісуса Мого напоити!

Ангелъ. Пречистая Дѣвице, поневажъ Тя знаю,
Матку Бога моего, про то ся кланяю.
Але того келиха, Госпоже и Мати,
Жаднымъ нѣкгды способомъ не могу Ти дати.
Бо гдыб то волно было, з небаб не спустили
Ангелы, алебъ сами той келихъ выпили.
И я бы не отмовилъ за Христа, моего
Створителя, и Сына, о Панно, Твоего.
Лечъ же Ему самому казано подати,
Претож Его самого пойду я шукати.

Панна. Ах, почекай, для Бога! Стуй, стуй, погамуйся!
Надъ утрапленнымъ серцемъ Моимъ улитуйся!
Чи не вѣришъ же Минѣ, же ту Сына маю
И же Его в нутрностяхъ по всякъ часъ ховаю?
Тутъ есть Сынъ мой, тутъ живетъ! Вчиниж милосердне,
Дай Ми келихъ выпити, молю тя усердне!

Ангелъ. Вѣрую, же Ты в серцу милость к Нему маешъ,
Але Его самого в Собѣ не ховаешъ.
Мнѣ зась самому треба тотъ келихъ отдати,
Претож Его самого пойду я шукати.

Панна. Принамнѣйже, Ангеле, то рач учинити,

Щоколвекъ с того кубка рач Мнѣ удѣлити!
Вдаръ копѣю у серце, люб на Мои скронѣ
Терновой той окрутной дай мѣсце коронѣ,
Або в руки гвоздіе Мои рач убити,
Любъ щоколвекъ,—тилко хтѣй и Мнѣ удѣлити.
Нехай не всѣ мордерства Ісусъ Мой поноситъ,—
О то тебе нендзная Матка Его проситъ.

В пеклѣ. Будь милостивъ, Господи, змилуйся надъ нами!
Покажи милосердіе Твое надъ вязнями,
Снийди с небеси, Творче, выбавъ насъ з неволѣ,
Учини, о Господи, дость Отцевской воли!

Ангелъ. Ово, Панно, за тых то Богъ маетъ умерти,
За тыхъ маетъ ганебно укусити смерти.
Нехже теды все тое будетъ Му отдано,
Щоколвекъ есть отъ Отца презъ мене послано.

Панна *(ляменътуетъ)*. Ах, нендзнаяж Я Матка, Матка утраплена,
Нендзне болю, фрасунку и лезъ наполнена.
Радь хто можетъ, куды бымъ могла ся удати,
Якъ бымъ Мого Ісуса могла уховати!
Вступилабымъ на небо до Отца з слезами,
Тамъ бымъ Его просила, павши пред ногами.
Леч тамъ небо не пустит, бо там со слезами
Нѣхто некгды не вступитъ, толко з утѣхами.
Била бым ся з Ангеломъ, келихъ бымъ отняла,
Алемъ не есть Яковомъ, певне бымъ програла,
Ах, згола, якъ фрасунку позбыти, не знаю,
Хто бы Мя моглъ потѣшить, никого не маю.
Гавріиле Ангеле, где ся забавляешъ,
Чемъ Мя теразъ недзнои не поздоровляешъ?
Чемъ ся теразъ до Мене, Ангеле, не спѣшишъ,
Чемъ не мовишъ: радуй ся! чему Мя не тѣшишъ?
Пред тымъ Мя называлесь благословенною
Межи всѣми невѣсты и увелбенною.
Пред тымъ Мя в Назаретѣ з розкгою виталесь

И „радуйся, Маріе!“ щораз повтаралесь.
А теразъ, ахъ, нестийтежъ, якъ бы теж не было,
Такъ ся рихло все тое впреки отменило.
З рожчки твоей крестъ вы땎ослъ на Сына Моего,
Котрогомъ мѣла подлугъ словеси твоего.
З радости зась овои лезъ не погамую,
Лзами ся уставичне нендзная частую.
Гавріиле, принамнѣй в тымъ мнѣ прислужися,
З Ангелами другими Отцу помолися.
Падь у ногъ Его, абы хтѣлъ милостивъ быти
И отъ Моего Сына хтѣлъ смерть отдалити.
О, о, о, Отче Святый, рач ся злитовати!
Со слезами молюся Я, нендзная Мати.
Даруй Мя тымъ, нехай Я за Сына Моего
Полкну смерть и всѣ муки з келиха Твоего.
Вшакъ презъ жону грѣхъ стался на початку в раю,
Нехай же теж Я жона за грѣхъ умираю!
Отче Святый, Ты Отецъ, а Я Его Мати,
Чемуж ся в Немъ такъ якъ Я не рачишъ кохати?
Ямъ Го млекомъ кормила, с перси источивши,
А Ты поишъ, желѣзомъ келихъ наполнивши.
Чи юж то теразъ Твои перси зжелѣзнѣли,
Которыи от вѣку мяткосерди были?
Чи едномусь то тыліо Сыну такъ суровый,
Который есть, былъ завше милости готовый?
Ахъ Отче, Отче Святый, а чи препомнялесь,
Кгды з Сыномъ Ми в Египетъ бѣжати казалесь?
А теразъ Самъ такъ сродзе Его преслѣдуешъ,
Смертоноснымъ келихомъ, якъ лотра, честуешъ.
Не допустилесь Его Іроду згубити,
Чи для тогож, абысь Го Самъ моглъ уморити?
Ах Сыну Мой укоханый, юже теж незнаю,
Якъ Ся теразъ той смерти уховати маю.
Юже тераз не можетъ Насъ яма искрити,
Анѣ жадное мѣстце можетъ утаити,
Кгдыж не Іродъ, лечъ Той Тя самъ на смерть сказуетъ,

Котрый еднымъ спозренямъ весь свѣтъ опатруетъ.
Вступи теды, о Сыну, до Моей утробы,
Нехай оразъ с Тобою буду в едномъ гробѣ!
Вниди, Сыну, до сердца и хтѣй тамъ умрѣти,
Гдесь ся теж на початку рачилъ уродити!

СЦЕНА ДРУГАЯ

Ангелъ до Христа с келихомъ.

Ангелъ. Вырокъ Отца Твоего естъ еще предъ вѣки,
Абысь поднялъ, Христе мой, смерть за человѣки.
З чимъ мя теразъ до Тебе Отецъ присылаетъ,
Абысь келихъ той выпилъ, о то Тя жадаетъ.

Христосъ. А то що есть, Ангеле? Чи южъ то до бою?
Чи южъ то и Ангели воюют зо Мною?
Щом такого провинилъ, же Мя преслѣдуютъ,
Чловеци и Ангели смерть на Мя готуютъ?
Вижу, земля и небо зброю на ся взяло,
Бы якъ неприятеля Мене поконало.
Ей, принамнѣй, Ангеле, вспомни собѣ тое,
Жем Я есть твой створитель, ты створеніе Мое.
Изъ иншого, молю тя, участуй Мя здрою,
Понехай ребелію, отдали преч зброю!

Ангелъ. Милосердный мой Пане и Боже Сіону!
Ям нанизшиий есть слуга у Твоего трону,
И всѣ хоры Ангеловъ Тобѣ ся кланяютъ,
Ребелии жаднои, Господи, не знаютъ.
Всѣ на Твою услугу без жадной вымовы
За намнѣйшимъ скиненемъ завше суть готовы.
А же тераз таким Тя келихомъ частую,
Вѣдаешъ, же Твоему Отцу услугую.
Онъ мя выслалъ до Тебе, и оные муки
Приказалъ ми конечне, абым Ти далъ в руки.
Прийми теды Ісусе той келихъ от мене
И выпий за чловѣка грѣшнаго збавеніе!

Христосъ. О Отче Мой небесный, Отче добротливый!
Спул-судія, Спул-творче, Спул-Боже правдивый!
Чи юже ся то Тобѣ стескнило за Мною,
Же мешкаю от вѣка, Отче Мой, с Тобою?
Чи южесь то умыслилъ Мене, Сына, збыти,
Кгды Ми Ангеломъ кажешъ такъ горце служити?
Ей Отче, Отче Мой, любо Тя ображаютъ
Люде, лепей ся еднакъ у Тебе меваютъ.
Тысь выправилъ Ангеловъ до Лотова дому,
Бы го предъ западненемъ вывели з Содому.
З Твоего розказаня Ангелъ з рыбы жолчи
Товии далъ старому лекарство на очи.
З Твоей воли Даниилъ в яскини зе лвами
Жилъ беспечне, бось го стреглъ з Своими слугами.
А ку Минѣ, Сынови, милости не маешъ,
На Мое затраченя Ангеловъ зсылаешъ,
Нехай же, Отче, нехай, литость Твоя прийдетъ!
Кажи, нехай отъ Мене чаша та отийдетъ!
Чи такіе у Тебе, Отче несмертелный,
На емпири предвѣчномъ походятъ цистерны?
Чи такое ся родитъ вино в Твоей винници?
Чи такіе у Тебе жродла и криници?
Вѣдаю, же и люде з Ангелы посполу
З лѣпшого пют келиха у Твоего столу.
Вѣдаю, же и звѣри, коли наповаешъ,
Прагненя ихъ, о Отче, завше угашаешъ.
А на Мене не хочешъ милосерднымъ быти,
Хочешъ Мя такъ срокгою смертю упоити.
Да мимо идетъ прето, Отче, чаша сия!
Учини для Своея милости святыя!
Ангелъ. Южъ то есть не отъ Мене, Христе мой коханый,—
От Отца предвѣчнаго декретъ ферованый,
Абысь рачилъ той келихъ приняти отъ мене,
И отважне выпити за Свое створене.
Христосъ. О якъ же ся, нестийтежъ, теразъ ошукалемъ,
Же ся отъ васъ помоги з неба сподѣвалемъ!

Хвалилем ся пред всѣми завше ворогами,
Же суть Ангелы в Мого Отца миліонами.
А ты тераз, Ангеле, литости не маешъ,
Же ся ты с тымъ келихомъ моцно наражаешъ.

Ангелъ. Нещасливый я Ангелъ, и самъ юж не знаю,
Якъ в томъ такъ срокгомъ разѣ поступити маю.
Вшакъ вѣдаешъ, Господи, же не моя воля,
Але Отца Твоего, Небеснаго Кроля.
Онъ Тя выслалъ, Онъ Тобѣ рачилъ приказати,
Абы згола той келихъ Тобѣ былъ отдати.
Если теды не приймешъ (що и я жадаю),
Я ся назадъ з келихомъ зараз повертаю.

В пеклѣ. Будь милостивъ, Господи, змилуй ся надъ нами,
Покажи милосердіе Твое надъ вязнями!
Снийди с небеси, Творче, выбавъ насъ з неволѣ,
Учини, о Господи, досгь Отцевской воли!

Христосъ. Стой, Ангеле, почекай, дай Ми чашу в руки!
Юже тыж ся отважу на всѣ тые муки.
Проразило Мя пекло, ляменты и лканя,
Сердце Мое зранили людскіе воланя.
И маетъ же такъ марне от Мене створеный
Чоловѣкъ загинути в пеклѣ зануреный?
И будетъ же такъ много смерть людьми радити,
Албо шатанъ пекелный будетъ ли губити?
Иду на крестъ, на кгроты, и теж на катовнѣ!
Стану предъ судіями, умру неотмовнѣ.

СЦЕНА ТРЕТЯ.

Naswiętsza Panna. А где есь ся запустилъ, Сыну Мой и Боже?
На которое мѣсто идешъ в той дорозе?
Кого тамъ овымъ кубкомъ хочешъ упоити?
Чи теж хочешъ Самъ з его где колвекъ выпити?
Повѣж Ми, о Ісусе, нехай и Я, Мати,
Буду вѣдати, где ся будешъ обертати?

Христосъ. На Голгофу спѣшу ся на смерть и на муки,
Иду, якъ видишъ Матко, в таковые руки.
Иду на крестъ, на кгроты, на всякіе раны,
Поневаж тотъ от Отца декретъ ферованый,
Абымъ смертію Моею смерть могъ поконати,
И страчоную свѣтлость чловѣкови дати,
Тебе теды, о Матко, юже здѣсь жегнаю,
За матерскую милость Тобѣ ся кланяю.
Жесь Мя млекомъ кормила, жесь Ми житя дала,
За то Тебе чекае в небѣ вѣчна хвала.

Панна. Ахъ, ахъ, сладкий Ісусе, ахъ Сину коханый,
Чи и Ты юж, Боже Мой, будешъ крижованый!
Нещасливам Я матка, жем ся дочекала,
Чого некгды жадная матка не дознала.
Тебе, едну утѣху и едно коханя,
Едну мою утѣху и едно стараня,
С паненскоей Моеи утробы сплодивши
И якъ агнца от перси млеком утучивши,
Такъ срокгими муками, в незносной сромотѣ
Маю Тебе видѣти на горѣ Голгоѳѣ!
Ахъ, повѣж Ми, Сину Мой, чи юж неотмѣнный
Декретъ, бысь мѣлъ умрѣти, бывши Богъ безвинный?
Чи юж то тое лице будетъ попліовано?
Чи юж то тое тѣло будетъ бичовано?
Чи юж то тые руки будутъ пригвозджены?
Чи юж то святый Ти бокъ будетъ прободеный?
Глава тая чи юж то тернемъ окруженна?
Ахъ, до мозгу самого будетъ проpаженна?
Ноги тыи святыи чи юж пригвонзятся
И ко Кресту, нестейтыж! ахъ! ахъ, пригвоздятся?
Ахъ, принамнѣ, гвоздіе, вы ся ужалѣте,
Не будте такъ твердыми, але ся змягчѣте!
Вѣдайте, же в Божески уходите кости,
Угнѣтеся покорне, зостанте без злости!
Ахъ, Христе Мой, Сину Мой, пойду Я с Тобою,

Нехай ораз обое умремо з собою.
Албо дай Ми выпити тот келихъ за Себе!
Того прошу з слезами, Сину Мой, у Тебе.

Христосъ. Не дамъ, Матко и Панно, бо кгды Ми давано,
Бым самъ выпилъ конечне, такъ Ми приказано.
Бысь зась ораз зо Мною мѣла умирати,
Сама того не зыч Ми, Пречистая Мати,
Бо мусѣл бым срожшіе муки подносити,
Если бым был с собою на Крестѣ прибитый.
Станем в той часъ з собою, кгды сядемъ на тронѣ,
Тераз нех стоят лотры на обыдвѣ стронѣ.

Въ пеклѣ. Будь милостивъ, Господи, змилуй ся надъ нами,
Покажи милосердіе Твое надъ вязнями!
Снийди с небеси, Творче, выбавъ насъ з неволѣ,
Учини, о Господи, досгь Отцевской воли!

Христосъ. Ово мизерный чловекъ, нендзное створеня,
На якое приходитъ отъ смерти зганбленя,
Же го не тилко завше з живота злупляют,
Але и до отхлани, якъ угль, укидают.
И маетъ милосердіе Мое то терпѣти,
Же бымся за чловѣка не хотѣлъ помстити?
Згола того юж далей не вытерплю, смерти,
Бы Ми пришло ганебне самому умерти!

Панна. Стуй, стуй, Сину! Принамнѣй нех под Крестом стану,
И принамнѣй през слезы на смерть Твою гляну!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТА.

Сердце найсвятѣйшой Богородици. Литуй кождый Ісуса, ктоколвекъ Го знаетъ,
Литуй, если хочъ намнѣ хто литости маетъ!

А то бовѣмъ южъ пошол в катовскіе руки,
Пошол, пошол, нестийтежъ, на срокгіе муки!
Я, серце Матки Его, що чинить, не знаю,
Которое милостю къ Ісусу палаю.
Ратуй, ратуй, кто можетъ! Ангели, ратуйте,
Любъ вы ся, о чловѣци, над Христомъ литуйте!
Возмѣте оружіе, приймѣть на ся зброю,
Противъ смерти всѣ станте з Ісусомъ до бою.
Або мене принамнѣй, сердце, зоружѣте,
Меч острый люб иншую зброю ми дадѣте!
Я юж пойду Ісуса мого боронити,
Я Му не дам такъ смертю срокгою умрѣти.

Окруценство. Ово меч, которого ты, сердце, жадаешъ,
От мене, окруценства, досыть острый маешъ.

Сердце. Стуй, паненскоемъ серце! Если мене знаешъ,
Чему ми тамтымъ краемъ меча не подаешъ?

Окруценство. Я, тиранствоm будучи, такъ давати маю?
Нѣкгды того способу я не заживаю.
Уродивши ся в свѣтѣ отъ давного вѣка,
Завше острым кождого частую чловѣка.
А ты хочеш от мене иначей приняти!
Згола такъ, якъ я хочу, мусиш его взяти.

Сердце. Ахъ, для Бога, ям хтѣло Христа боронити,
А ты мене самое хочешъ поразити.
Молю тебе, подай ми меч той овым краемъ!
Вжды якъ въ свѣтѣ несется, тымъ дай обычаемъ!

Окруценство. И в свѣтѣ я, тиранство, той обычай маю,
Же кождого чловѣка остремъ проражаю.
А то бовѣмъ и тераз тожем учинило,
Колим твого Ісуса гвоздми пригвоздило.

И копѣя, и гвозди, и тросль и корона
Острем аже през кости Его проражона.
И кровъ тая з Него то, котрая потокомъ
Жилами протѣкала и пробитымъ бокомъ.
Тѣло Его от костей аже отпадало,
Не мало ся и костей в ним покгрухотало.
А ранъ не переличишъ на всюмъ Его тѣлѣ,
Которыи для множтва ледво се зместили.
А що еще болшая—на крестѣ прибитый,
Од острои копѣи ажъ мусѣлъ умрѣти.
А ты острем не хочеш того меча взяти,—
Певне, же тя о тое не буду благати.
Тысь Го, сердце, приняло, кгды Онъ зишолъ зъ неба,
Претож и тебе мнѣ вчастовати потреба.
Возмижъ ми той мечъ рихло, юже мя не збудешъ,
Бым тя не проразило! Певне ту не будешъ.
Меча сь потребовало, овожъ его маешъ,
А чогож еще болѣ от мене чекаешъ?

Сердце. Ахъ, ахъ, проразилъ мя меч! Ах, заледве дышу,
Кгды о такъ срокгой смерти Ісусовой слышу.
Всѣ ж, али всѣ фрасунки до мене вступили
И темныи слез хмуры всего мя окрыли!
Згасъ абовѣмъ свѣтилникъ над солнце яснѣйшій,
Умеръ срокгою смертю Ісусъ мой наймильший.
Юж з Ним мои утѣхи всѣ поумирали,
Единъ острый яко меч жаль и лзы зостали.
Ахъ, тиранство, тиранство, чогось доказало,
Гдысь кровлю чистою барана сь змазало!
Забилось Го ганебне, без жадной литости,
Зранилось Му все тѣло, зкгрухотало кости.
И, що еще болшое, на крестѣ сь прибило,
А в том и менесь, сердце, мечем проразило,
Сердце я панянъское Пречистои Матки,
С которой ся народил Ісус мой пресладкий,—
А претож таким острымъ мечем проражено,

Же юж мого Ісуса на крестъ пригвозджено.
Буду в жалю и плачу цалый вѣкъ мой жити,
З острым тым мечем буду по всякъ час ходити.

СЦЕНА ПЯТА.

Любовь. Ахъ витай, монархинѣ, витай церкви нова,
Витай облюбеницо вѣрная Христова!
Литуй над Облюбенца своего ранами,
Литуй оразъ над нами, онаго цнотами.
А то видиш, якіе незносные раны
На пречистое тѣло Его суть заданы!
Видиш, як есть сромотне не крестъ подвыженный,
А на выліот острыми гвоздми прободенный!
Видиш, якъ срокгим кубком есть участованый,
Который Му от Отца был з неба зесланый!
Що все, облюбеницо, рачил Онъ подняти,
Абы тя, нову церковь, моглъ избудовати.
Живот Свой тобѣ отдал, Самъ рачил умрѣти,
Абы тылко ти, церкви, могла вѣчне жити.
Положился на землю, дал ся поконати,
Бысь якъ на фундаментѣ могла на Нѣмъ стати.
Литуй теды, о церкви, над Его ранами,
Литуй ораз над нами, Онаго цнотами!
Ям любовъ, овъ надѣя, овъ засе и вѣра,
Цноты есмо значные, лечъ выгнаны з мира.
Синикгокга абовѣмъ такъ ся роспалала,
Же и Бога забила и нас отогнала.
Претож ся юж до тебе дзѣся утекаемъ,
До тебе переходимъ, тобѣ ся отдаемъ.
Пригорни насъ до себе, почни з нами жити,
Знай, же ти завше будем упрейме служити.
Припомни Авраама и Давида кроля,
Возми собѣ на память Мойсея и Ноя:
Уважъ, якъ они Богу кохаными были,
А в томъ нѣхто, тылко мы имъ, цноты, служили.
И синакгокга поты в ласце зоставала,

Поки вѣру, надѣю и любовъ ховала.
И ты теды, о церкви, хотѣй нас приняти,
Хочеш ли вѣчне з Богомъ в небѣ кролевати.
Самъ Христосъ, коли новый тестаментъ будуетъ,
Тобѣ тым тестаментомъ всѣхъ нас трохъ лекгуетъ.
Любовъ естем, а прето тобѣ мя злецаетъ,
Же ничто по всѣхъ добрахъ, хто любви не маетъ.
Пригорниж мя до себе, дай ми в себе жити,
Вѣрне тобѣ, о церкви, шлюбую служити.

Вѣра. Церкви, рач теж приняти и мене другую,
И я тобѣ служити вѣрне обецую.
Вѣра естем, от Пана той привилей маю,
Же и горы на мѣсце з мѣсца преставляю.
Самъ бовѣмъ Панъ обецал, кгды чого хто прагнетъ,
Нехъ вѣруетъ, по вѣрѣ все ся ему станетъ,
Прийми теды и мене, нех живу с тобою!
З миру естем выгнана—литуй надо мною!

Надѣя. Розумѣю, же мене захочешъ приняти,
Бо ся схочеш кролевства в небѣ сподѣвати.
Кгдыж дармо без надѣи люде неба прагнутъ:
Десперати кролевства нѣкгды не осягнутъ.
Нехай в Бога хто вѣрит, нехай Его любит,
Леч еще без надѣи душу свою згубит.
Тобѣ теды належит, котраясь от Пана
На вѣчное кролевство дзѣся обебрана,
Абысь вѣру, надѣю и любовъ приняла,
И оные статечне по всякъ час ховала.
Прийми, церкви святая, кгдыж есть тая воля
Облюбенца твоего, Небеснаго Кроля,
Котрый умерлъ для тебе, бысь ты вѣчне жила,
Вѣру, надѣю, любовъ завше к нему мѣла.

Церковъ. О нещасливый выдокъ, видокъ оплаканый!
О тяжкий разъ и нѣкгды въ свѣтѣ неслыханый!
Синакгокго, а що то, що то учинилась,
О, тиранъско розуму, якъ вижу, позбылась.

Бога, Который тебе над усѣ народы
Любил и от вшелякой боронил пригоды,
Бога, Который, праве змордовал вшехмоцность,
Выславуючи твою чудами велможность,
Бога, Который рѣкам казал уставати
Або морю для тебе впол ся роздѣляти,
Котрый небу для тебе казал хлѣбъ родити
И каменямъ вас въ пущи водою поити—
Тогось тераз, нестейтыжъ, такъ зесромотила,
Нага, ранна, на крестѣ ганебне забила!
Церквою тя названо, о нендзная цорко,
Синакгокго невдячна, щирая ящорко!
Кгды тя такъ милосердямъ Богъ обогащаетъ,
Же якъ бы ве внутрностяхъ самыхъ тя ховаетъ,—
Ты, нестейтежъ, внутрности Его прогружаешъ
И власного ганебне Отца забиваешъ.
И овые вжды цноты що ти провинили?
Если ж тые не вѣрне по всякъ часъ служили?
Любовъ, вѣра, надѣя такъ тя выславляла,
Же вскорѣ в звитязтвах есь весь свѣтъ превышшала.
А ты тераз, безбожна, литости не маешъ,
Сромотне ихъ от себе ото выганяешъ.
Я теды юж, о цноты, над вами литую,
И якъ мати власная до серца приймую.
З вами живу по всякъ часъ и з вами вмираю
Васъ ажъ до страшнаго дня вцале доховаю.
Любо то васъ выгнано, леч в моемъ мешканю
Не такъ жити будете, яко на выгнаню.
И вам в самыхъ внутрностяхъ мѣсце позваляю,
Серце, розумъ и волю вамъ в моцъ полецаю.
Не я вами, вы мною, о цноты, владѣте,
Всѣми чувствы моими, всѣмъ тѣломъ радѣте!
А ты, Христе, мой Пане, на крестѣ распятый,
Жесь мя смертю своею рачил збудовати,
Претож низко колѣна свои прекланяю
Страсти твои святыи от днесь величаю.

Укрижованый Пане, добрый есь заисте,
Добротливый пред смертю и при смерти, Христе!
Здавна Ты милосердя к человѣку маешъ,
Которое при смерти ему освѣдчаешъ.
Любъ албовѣмъ и руки звязаные маешъ,
Еднакъ спасеніе наше ими содѣваешъ.
Кгды на хрестѣ юж раны у слупа относишъ,
Бремя еднакъ на ономъ грѣховное носишъ.
Кгды юж от слины лица Твоего не знати,
Рачиш ним еднак наша сердца освѣшчати.
Укрижованый Пане, добрый есь заисте,
Щодробливый пред смертю и при смерти, Христе!
Смерть твоя, Христе, моимъ есть повстаніемъ, знаешъ,
Бо мя в той часъ будуешъ, коли умираешъ.
Тебе на крестъ, Христе мой, юж-юж распинаютъ,
А мои ся на той часъ стѣны росшираютъ.
Тебе з креста на землю мертвого здеймуютъ,
А мои ся на той часъ стѣны подеймуютъ.
Тебе плащеницею чистою ввиваютъ,
И каменемъ во гробѣ нага закриваютъ,
А я, церковъ, юж зовсѣмъ бывши збудована,
Отомъ вышла на видокъ, позорне убрана.
Укрижованый Пане, добрый есь заисте,
Щодробливый пред смертю и при смерти, Христе!
За що я Тебе тераз благодару, Пане,
И буду благодарить, поки мене стане.
В пѣснехъ моихъ буду Тя завше выславляти,
Страстемъ Твоимъ пречестнымъ буду ся кланяти.
Слезъ для Твоей смерти нѣкгды не вгамую
І всѣ народы ними годно участую.
Згромаджу всѣ краины ко кресту Твоему,
Поклонимся вси Тебѣ, Господу своему.
Вѣру, надѣю, любовъ Тобѣ доховаю,
Котріи дзѣсь от Тебе повѣрены маю.
Выпилесь за насъ келихъ ганебнои муки,
Претож его от дзѣся взявши, Пане, в руки

Буду завше в покорѣ любезной носити
И онымъ всѣ народы вѣчные поити.
Вспанялыи олтарѣ для Него выставлю,
И докола ереовъ у Него поставлю.
Крестъ Твой в вѣрѣ, надѣи, любви буду мѣти,
Которыи за себе то будутъ носити.
Такъ буду добродѣйства Твои завдячати,
Которыись мнѣ, церквѣ, рачил показати.
А ты, Пане мой, Боже, рач милостивъ быти,
И в притомныи часы рач мя боронити!
Ты естесь Панъ от вѣка щодробливый, гойный,
Отдали ж от нас плакги, повѣтря, глад, войны!
Укрижованый Пане, добрый есь заисте,
Щодробливый пред смертю и по смерти, Христе!

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ „Турбаевской катастрофѣ“. Въ № 3-мъ «Кіевской Старины» помѣщено подъ выписаннымъ выше заглавіемъ описаніе общественной драмы, разыгравшейся въ одномъ селѣ полтавской губ. въ іюлѣ 1789 г., съ ея любопытными послѣдствіями.

Уже послѣ того какъ статья была напечатана, получила я два другихъ судебныхъ дѣла, поясняющихъ то основное дѣло, которымъ я пользовалась.

Первое дѣло, или точнѣе отрывокъ изъ дѣла,—«О противозаконныхъ якобы поступкахъ бывшаго въ мѣстечкѣ Останьѣ начальника, сотеннаго атамана Михна, по жалобамъ на него премьеръ-майора Ивана и полковника Петра Базилевскихъ, 1782 г. іюля 4-го». Слѣдовательно, велось это дѣло за семь лѣтъ до катастрофы, на территоріи Останья, которое принадлежало не убитымъ, а другимъ двумъ ихъ братьямъ. Но, очевидно, положеніе и здѣсь было почти такое же, какъ и въ Турбаяхъ. Противозаконные поступки атамана Михна заключались въ томъ, что онъ укрылъ въ своемъ дворѣ женщину козачьяго званія, деверя которой Базилевскіе захватили въ свой дворъ «и тамо чинили ему батожьемъ распросъ и другіе сверхъ человѣчества утѣсненія и тиранства.» Атаманъ обязанъ былъ вступиться за козаковъ, на которыхъ Базилевскіе не имѣли ни малѣйшихъ правъ. Но тѣмъ не менѣе Базилевскіе подали жалобу на Михна «за учиненное имъ якобы въ мѣстечку Останьи между ихъ подданными возмущеніе, чрезъ которое будто бы ихъ подданные отъ надлежащаго повиновенія и подданническихъ повинностей отложились.» Но даже тогдашній судъ, подкупной и дрожащій передъ могуществомъ Базилевскихъ, нижній голтвянскій земскій судъ, выѣзжая въ мѣстечко для разслѣдованія дѣла, не могъ найти какихъ-либо слѣдовъ возмущенія. А между тѣмъ атаманъ Михно, представляя свои оправданія,

сдѣлалъ Базилевскимъ такую зацѣпку, которую власти не могли оставить безъ вниманія. Онъ указалъ и приложеннымъ документомъ доказывалъ, что Базилевскіе совсѣмъ не имѣли на Останье никакихъ правъ. Документъ этотъ—универсалъ Разумовскаго. Вотъ онъ:

«Господамъ генеральнымъ малороссійскимъ старшинамъ, полковникамъ, бунчуковымъ товарищамъ, полковымъ старшинамъ, сотникамъ съ сотенными урядами, а особливо сотнику остаповскому съ урядомъ же, и всѣмъ прочимъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, симъ нашимъ универсаломъ объявляется: Сего августа 11-го дня полку миргородскаго сотникъ остаповскій Федоръ Базилевскій подалъ намъ доношеніе и онымъ представляя о службахъ предковъ его, дѣда, бывшаго обознаго полковаго миргородскаго, и отца, того-жъ полку сотника бѣлоцерковскаго, тако-жь и самимъ имъ сотникомъ остаповскимъ Базилевскимъ съ 1724 году всероссійскому Ея Имераторскаго Величества престолу во всякой вѣрности продолженныхъ, о чемъ-де состоявшее въ нашу генеральную войсковую канцелярію въ прошломъ 1741 году отъ полковника миргородскаго, всей полковой старшины и сотниковъ того полку доношеніе съ удостоеніемъ его, Базилевскаго, къ полученію за тѣ службы въ награжденіе свободныхъ посполитыхъ дворовъ, въ мѣстечку Останьѣ и деревнѣ Болбасовкѣ имѣющихся свидѣтельствуетъ, просилъ разсмотрѣнія о надачѣ по тому удостоенію ему, Базилевскому, въ награжденіе за показанныя службы вышеписанныхъ въ мѣстечку Останьѣ и деревнѣ Болбасовкѣ имѣючихся свободныхъ посполитыхъ дворовъ въ вѣчное и потомственное владѣніе къ содержанію его и наслѣдниковъ своихъ, еденъ сынъ канцеляристомъ войсковымъ, другой—въ кадетскомъ корпусѣ. А понеже и по справкѣ въ нашей генеральной войсковой канцеляріи явилось, что еще въ 1747 году полковникъ и вся старшина полковая, такъ же и сотники миргородскаго полку въ ту генеральную канцелярію чрезъ доношеніе свидѣтельствовали о вѣрныхъ, безпорочныхъ и ревностныхъ какъ дѣда и отца, такъ и самаго его, сотника Базилевскаго, службахъ—яко же де оные имъ полковнику, старшинѣ и сотникамъ извѣстны и признавали быти достойна къ полученію въ вѣчное владѣніе свободныхъ войсковыхъ мѣстечка Останья и деревни Болбасовки съ принадлежащими грунтами и угодьи. Съ доношенія-жъ оного значится, кромѣ прежнихъ службъ предковъ дѣда и отца ихъ сотника Базилевскаго, особь самого его, что онъ началъ продолжать ту свою службу съ 1724 году, бывалъ по разныхъ походахъ, какъ-то въ днѣпровскомъ, хотѣнскомъ, въ турецкихъ компанѣяхъ, въ предосторож-

ности отъ непріятельскихъ нападеній по Днѣпрѣ, также на линѣи многими годами и въ разныхъ исправленіяхъ, коммиссіяхъ находился, того ради мы, гетманъ, кавалеръ, по данной намъ отъ Ея Императорскаго Величества власти, респектуя на оные многіе отправленные какъ предками его, сотника остаповскаго Базилевскаго, такъ и самимъ имъ съ 1724 году продолженные службы и къ которымъ еще и впредь въ немъ и въ оныхъ сынахъ его надежды предусматриваются, опредѣляемъ ему, сотнику Базилевскому, въ спокойное владѣніе въ мѣстечку Остапьи оставшіеся отъ роздачи грузинамъ находящіеся въ свободности посполитые дворы и хаты съ принадлежащими къ нимъ грунтами и угодьи и симъ нашимъ универсаломъ утверждая, предлагаемъ, дабы никто во владѣніи оными посполитыми съ принадлежащими къ онымъ грунтами и угодіи препятствія не чинилъ. А войтъ и оные оставшіеся отъ раздачи въ свободности посполитые во всемъ ему, сотнику Базилевскому, яко владѣльцу своему, всякое подданническое послушаніе и повинности отбывали бы безпрекословно; козаки-жъ того мѣстечка Остапья должны быть всегда сохраняемы при ихъ владѣніи ненарушно. Во утвержденіе чего и сей нашъ универсалъ за подписомъ нашимъ и національною печатью данъ въ Борзнѣ. Августа дня 1757 году. Гетманъ графъ Кириллъ Разумовскій».

Изъ этого универсала видно, что хотя Базилевскій хлопоталъ о предоставленіи ему посполитыхъ Остапья въ вѣчное и потомственное владѣніе, но даны они ему были лишь «въ спокойное владѣніе», безъ упоминанія о правахъ передачи по наслѣдству, слѣд. въ пожизненное пользованіе. Чѣмъ разрѣшилось это затѣянное дѣло для одной и для другой стороны—неизвѣстно, но Остапье осталось за Базилевскими.

Второй документъ интереснѣе и прямо относится къ турбаевской катастрофѣ. Онъ называется: «Экстрактъ изъ дѣла о арестанту отставному полковому канцеляристу Осипу Коробкѣ за дачу повода къ взбунтованію села Турбаевъ жителямъ въ неповиновеніи надворнымъ совѣтникамъ Степану и Ивану Базилевскимъ къ подданнической повинности и непослушаніи нижняго земскаго голтвянскаго суда, прибывшаго въ то село къ исполненію рѣшенія прав. сената, послѣдовавшаго по дѣлу ихъ съ оными Базилевскими и т. д.»

Вмѣстѣ съ вставочнымъ эпизодомъ о Коробкѣ, дѣло это прямо уясняетъ обстоятельства, непосредственно предшествовавшія взрыву, которыя мало выяснены въ основномъ дѣлѣ о турбаевской катастрофѣ. У турбаевцевъ былъ ходатай по ихъ дѣламъ въ Петербургѣ, атаманъ Кириллъ Золотаревскій. Коробка, отставной полковой канцеляристъ, 38 лѣтъ, изъ лубенскаго уѣзда, также проживалъ въ Петербургѣ по

какимъ-то своимъ дѣламъ, познакомился съ Золотаревскимъ, помогалъ ему въ хожденіи по турбаевскому дѣлу, и когда Золотаревскій умеръ, естественно оказался турбаевскимъ повѣренимъ. Когда состоялось сенатское рѣшеніе объ освобожденіи 76 человѣкъ съ ихъ родомъ, записанныхъ полковникомъ Капнистомъ въ козацкіе компуты 1738 г. изъ подданства Базилевскихъ, Коробка привезъ копію съ этого рѣшенія въ Турбаи. Затѣмъ онъ составилъ какой то документъ, который долженъ былъ служить къ выясненію темнаго вопроса о родахъ, происшедшихъ отъ 76 человѣкъ, записанныхъ въ компуты. Такъ какъ этотъ документъ составлялся на основаніи показаній турбаевцевъ, которые постоянно и упорно твердили, что они, природные турбаевцы, всѣ козаки, то, вѣроятно, и составленъ былъ документъ въ этомъ духѣ: надо думать, что не внесены были только захожіе въ Турбаи или переселенные Базилевскими изъ другихъ мѣстъ, да, можетъ быть, и тѣхъ различали не строго. Какъ бы то ни было, Коробкѣ приходилось нѣсколько разъ пріѣзжать въ Турбаи и проживать здѣсь по недѣлямъ. При этомъ онъ старался не попадаться на глаза Базилевскимъ или властямъ: уже передъ тѣмъ одного ходатая Базилевскіе успѣли упрятать въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Чѣмъ руководствовался Коробка, держась за опасное турбаевское дѣло, трудно сказать: можетъ быть, корыстными побужденіями, такъ какъ турбаевцы, видимо, крайне дорожили своимъ повѣреннымъ и не жалѣли издержекъ на его вознагражденіе, можетъ быть, отчасти и сожалѣніемъ къ положенію турбаевцевъ, которые, «будучи простолюдины, видѣли себя такъ угнетенными, что не только не имѣли ни отъ кого покровительства, но по устрашенію оныхъ Базилевскихъ не могли пріискать себѣ въ близости ихъ селенія къ написанію имъ куда слѣдуетъ письменной жалобы грамотѣ вѣдущаго человѣка». Базилевскіе были, конечно, крайне заинтересованы въ томъ, чтобы убрать Коробку, и доносили на него, какъ на возмутителя. Положеніе дѣлъ какъ-бы оправдывало доносы и жалобы Базилевскихъ—Турбаи дѣйствительно волновались, и еще до перваго пріѣзда суда въ январѣ 1789 г., уже совсѣмъ отказались отъ повиновенія своимъ панамъ. Мало того, турбаевцы «разнесли ложные слухи въ другія владѣнія (Базилевскихъ), будто бы всѣ и прочихъ ихъ селеній подданные отсуждаются въ козаки, и что кто только изъ подданныхъ ихъ останется въ должномъ своимъ владѣльцамъ повиновеніи, тѣмъ грозятъ казнію, каковы зловредныя ихъ къ уловленію невѣждъ вымыслы столько подѣйствовали въ сердцахъ къ разврату склонныхъ людей, что другихъ селеній многіе поддан-

ные ихъ, также экономическіе и дворовые служители у непремѣнныхъ должностей бывшіе, остановя свои работы и должности, винокуренные, скотскіе и др. заводы, бросивъ въ кадяхъ заторы, не сдавъ ни отчету, ни того, что въ чьемъ вѣдѣніи было, и захватя, что кто моглъ, прочее же оставивъ на расхищеніе другимъ, убрались всѣ въ то же мятежниковъ скопище, и не только не упражняются въ нужныхъ работахъ, но паче провождаютъ время въ пьянствѣ и буйствѣ». Очень любопытно, что возмутившіеся турбаевцы, «назвавъ беззаконное свое скопище коммиссіею, разсѣяли слухъ, что въ той ихъ коммиссіи дѣлается всему Базилевскихъ владѣнію какая то перепись, и что всѣ приступившіе въ ихъ скопище изъ за Базилевскихъ въ свою бунтовщичью ревизію переписаны, и таковыми нелѣпыми разглашеніями напитавъ сердца невѣждъ, склонныхъ къ праздной и безначальственной жизни, и притомъ удостовѣрясь, что готовы они всякое блаженство промѣнять на праздность и безначаліе, учредили съ тѣхъ ихъ подданныхъ сборъ на содержаніе начальниковъ бунта, называемаго ими коммиссіею, и взыскиваютъ, смотря по имѣнію человѣка, съ каждаго отъ пяти до шестидесяти рублей, такимъ образомъ приводя тамошнихъ Базилевскихъ подданныхъ до такой нищеты, что многіе, продавши послѣднюю съ плечей шубу, взносятъ требуемую съ нихъ сумму, подушнаго же оклада и другихъ указныхъ выстатченій не платятъ и многіе платить уже не въ состояніи»...

Все это сильно преувеличено; но несомнѣнно ясно одно, что Турбаи еще за полгода до окончательнаго взрыва, разрѣшившагося кровавымъ истребленіемъ Базилевскихъ, находились уже въ состояніи полнаго броженія. При чемъ тутъ былъ Коробка, помимо своей оффиціальной роли ходатая, трудно сказать съ полною увѣренностью: вѣрнѣе, что не при чемъ. Турбаевцы узнали о состоявшемся въ ихъ пользу рѣшеніи, и этимъ вполнѣ объясняется ихъ возбужденное состояніе. Правда, противъ Коробки были нѣкоторыя свидѣтельскія показанія, какъ бы уличающія его въ подстрекательствѣ. Но свидѣтелями были крѣпостные Базилевскихъ изъ другихъ селеній, слѣд. люди, находившіеся подъ давленіемъ своихъ господъ, да и показанія ихъ не отличаются точностью и опредѣленностью. Показываютъ чаще всего, что слышали, будто Коробка говорилъ, что если кто въ козаки писаться не будетъ, всѣхъ тѣхъ катъ будетъ бить кнутомъ; но самая безсмысленность этого утвержденія заставлятъ сомнѣваться въ его справедливости. Опредѣленнѣе всего, и повидимому правдивѣе, показанія на счетъ сборовъ, которые турбаевцы дѣлали въ пользу

Коробки. Сбирали со двора отъ 1 руб. до 15 рублей, такъ что Коробка получилъ, кажется, рублей до 700; да еще собрали для него же болѣе 200 смушковъ, сыра и масла, сукна, справили ему линтваревый кожухъ, юхтовые чоботы, штаны синяго сукна, смушевую шапку; сверхъ того ѣздили къ нему въ домъ на работу. Однако всѣ эти блага Коробка могъ получить отъ турбаевцевъ и просто какъ повѣренный: турбаевцы были люди зажиточные и дѣйствительно доведены до отчаянія невозможностью добиться осуществленія своихъ законныхъ правъ. Однако судъ непремѣнно хотѣлъ принести Базилевскимъ въ жертву Коробку. Турбаевцы помогли суду своею безтактностью. Разъ уѣхавъ ни съ чѣмъ, судъ снова появляется въ Турбаяхъ въ усиленномъ составѣ и съ разсчетомъ на содѣйствіе военной команды, которая оказалась расквартированной въ Турбаяхъ: онъ имѣлъ въ виду не только приведеніе въ исполненіе сенатскаго рѣшенія, но и обвиненіе Коробки. Коробка, какъ уже сказано выше, старался укрываться, какъ отъ Базилевскихъ, такъ и отъ начальства; а разыскивать его среди бунтующихъ турбаевцевъ было дѣло нелегкое. Однако суду удалось какъ-то «ласкательнымъ образомъ» его вытребовать, и онъ явился самъ. Но когда турбаевцы увидали, что изъ представителя ихъ интересовъ Коробка превращается передъ лицемъ суда въ подсудимаго, они начали грозить суду, что пойдутъ на Базилевскихъ и разнесутъ ихъ въ прахъ, а когда угроза не подѣйствовала, кинулись и, насильно выхвативъ Коробку, увели его съ собой. Потомъ онъ снова былъ взятъ судомъ, и уже увезенъ изъ Турбаевъ. Коробкѣ было поставлено въ вину, «что онъ, будучи грамотенъ и, какъ показуетъ, указы и законы знающъ, долженъ былъ вѣрителей своихъ, яко простолюдиновъ, кои, увѣривъ ему, дѣйствительно могли бы его слушать, приводить въ скромность, молчаливость и терпѣніе,—буде-бы въ томъ онъ не успѣвалъ и къ таковому добронравію привернуть не могъ, то, во избѣжаніе законнаго истязанія, и вовсе бы въ ихъ дѣло не мѣшался, чѣмъ бы вездѣ могъ заслужить себѣ похвалу». За эту его, повидимому, единственную доказанную вину Коробка былъ присужденъ къ наказанію плетьми на мѣстѣ преступленія, т. е. въ Турбаяхъ. Но Турбаи въ это время были уже въ такомъ состояніи, что нечего было и думать являться туда съ Коробкой. Турбаевцы съ страшной наглядностью доказали, что они умѣютъ дѣйствовать и безъ уроковъ и подстрекательствъ Коробки.

А. Е.

Полковничьи чиншевики. Восемь лѣтъ назадъ, по приглашенію покойнаго Г. П. Галагана, мы пересмотрѣли его семейный архивъ, (въ прилуцкомъ с. Сокиринцахъ), о которомъ и сообщили въ свое время нѣкоторыя свѣдѣнія («Кіевская Старина» 1883 г., ноябрь). Тогда же списали мы три печатаемые здѣсь документа, подобныхъ которымъ никогда ни прежде, ни послѣ не встрѣчали. Изъ этихъ «универсальныхъ писаній» видно, что прилуцкіе полковники, начиначиная съ Дмитрія Горленка, установили за собою право—освобождать нѣкоторыхъ своихъ полчанъ отъ, «общенародныхъ» повинностей—за извѣстную плату, поступавшую въ личный ихъ доходъ. Освобождаемый отъ повинностей платилъ полковнику ежегодно извѣстный «чиншъ» и затѣмъ получалъ отъ него освободительный листъ, приглашавшій мѣстныя власти—не трогать такого чиншевика... Изъ этихъ листовъ видно, что платежъ чинша производился ежегодно, до тѣхъ поръ вѣроятно, пока ставало средствъ у чиншевика... Ясно не видно къ какому классу принадлежали полковничьи чиншевики, но можно догадываться, что это были прежде всего люди посполитаго званія, такъ какъ козаки не несли тѣхъ повинностей, за рѣдкими исключеніями, о которыхъ говорятъ освободительные листы; затѣмъ можно полагать, что эти чиншевики принадлежали къ достаточному мѣщанству, которому, по его занятіямъ промыслами, могло быть очень выгодно такое освобожденіе отъ повинностей.—Откупались отъ повинностей не единичные люди; какъ видно, явленіе это было довольно распространено: въ архивѣ Гр. П. Галагана мы нашли 28 такихъ освободительныхъ листовъ, данныхъ разнымъ лицамъ... Нахожденіе этихъ листовъ въ сокиринскомъ архивѣ, показываетъ, что они были возвращаемы дававшему ихъ полковнику. Вѣроятно, былъ такой порядокъ, что въ случаѣ невозобновленія чинша, «листъ» долженъ былъ быть возвращенъ, во избѣжаніе злоупотребленій...

Интересно знать—было ли прилуцкое увольненіе посполитыхъ отъ общественныхъ повинностей—общимъ явленіемъ въ старой Малороссіи или этотъ полковничій доходъ практиковался въ одномъ только прилуцкомъ полку, измышленный первоначально такимъ искусникомъ въ накопленіи богатствъ, какимъ былъ Дмитрій Лазаревичъ Горленко [1]).

А. Л.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1889 г., октябрь, стр. 190.

1) Его царского пресвѣтлого величества войска запорожского полковникъ прилуцкій Игнатій Івановичъ Кгалакганъ. Всѣмъ кому о томъ вѣдати належатиметъ, а меновите пану сотникови журавскому зъ товариствомъ, и войтови съ посполитими людьми, симъ писаніемъ нашимъ ознаймуемъ, ижъ Василь Бущанъ, житель журавскій, далъ намъ роковій чиншъ копъ шѣсть зъ братомъ своимъ, за рокъ 1714, котораго мы Василя и брата его уволняемъ отъ всякихъ посполитыхъ дачокъ, такъ поборовихъ, яко воженя подводъ отъ станцій компанѣйцевъ и великороссійскихъ людей и всякихъ тяглостей мирскихъ и сторожовщины, на цѣлій годъ отъ ниже написанного числа, и для того даемо имъ сей нашъ листъ уволненій, жадаючи, абы имъ и найменшой въ томъ заживаню волности, нѣ отъ кого не дѣялось кривды и долегливости жадной, мѣти хочемъ и приказуемъ. Данъ въ Прилуци, декамбря 22, року, 1714. Звишъ менованный полковникъ прилуцкій. За сей рокъ 1715, дали чиншъ Василь копъ 6, зъ братомъ своимъ, волни во всемъ. Декабра 9, и за сей 1716 годъ отдалъ Василь копъ шесть. Воленъ зостаетъ отъ тяглостей посполитихъ.

2) Его царского пресвѣтлого величества в. запор. полк. прил. Ігн. Ив. Кгалакганъ. Всѣмъ кому бы колвѣкъ о томъ вѣдати надлежало, а меновите пану сотникови журавскому, атаманови городовому зъ товариствомъ, и войтови тамошнему зъ посполствомъ, симъ нашимъ унѣверсалнымъ ознаймуемъ писаніемъ, ижъ Степанъ Андрѣенко и Мартинъ Яценко, брати въ первыхъ [1]), жителѣ журавскіе, будучи зъ небожчика блаженной памяти пана Івана Носа, бывшаго полковника прилуцкого, въ зимувчикахъ [2]), просили теперъ насъ о принятю ихъ на чиншъ. Мы прето прошенію ихъ не отмовляючи, взглядомъ того, же оніе когда и въ зимувчикахъ были, мало громадской повинности отбували, принялисмо на чиншъ и одобравши въ нихъ на годъ теперешній якъ нижей въ листѣ положенного числа, начался изнову въ пр .. 1717 року о томъ же часѣ кончити мѣется

---

[1]) Двоюродные.

[2]) Мы не умѣемъ объяснить этого названія. Не были ли это богатые мѣщане, которыхъ полковники брали въ личную услугу, какъ брали козаковъ—въ „курѣнчики“, для освобожденія отъ тѣхъ же общенародныхъ повинностей?—„Зимовчиками“ они могли называться потому, что работали на полковниковъ *зимою*, когда шла молотьба хлѣба, когда требовались лишнія рабочія руки для ухода за скотомъ...

належитый датокъ, а именно въ Мартина Яценка копъ шесть, а въ Степана Андрѣенка золотихъ десять, уволняемъ ихъ на ввесь сей оплаченній годъ отъ воження подводъ, компанѣйскихъ станцій, такъ же поборовихъ датковъ и всякихъ громадскихъ повинностей и варуемъ того пилно, абы нѣхто такъ зъ помянутой старшины журавской, яко и изъ кого колвекъ, жадного и найменшого въ томъ онимъ Яценку и Андрѣенку, неважился чинити налогу, упоминаемъ и властію нашею приказуемъ. Данъ въ Прилуцѣ, декамбр. 5, р. 1716. Звишъ менованный полковникъ прилуцкій.

3) Его царского пресв. величества войска запор. полк. прил. Ігн. Ів. Кгалакганъ. Всѣмъ хто бы того потребовалъ вѣдати, а меновите пану сотникови ичанскому, атаманови городовому зъ товариствомъ, и войтови тамошнему зъ посполствомъ, симъ нашимъ универсалнимъ ознаймуемъ писаннемъ, ижъ Марья Романиха Оковитая, жителка ичанская, презентовала намъ чиншовій листъ на уживанне волности ей отъ бившого антецессора нашего пана Горленка виданній, которій мы теперь стверджаючи, беремо оную подъ свою полковничую оборону и одобравши въ неи (якъ она и за пана Горленка по пять копъ—рокъ седѣла) належного на сей рокъ 1717 мѣючійся, одъ ниже въ листѣ положенного числа почати изнову въ прійдучомъ 1718 року, о томъ же часѣ кончити, чиншу копъ пять, уволняемъ помянутую Романиху Оковитую отъ возкеня подводъ, поборовихъ датковъ, компанѣйскихъ станцій и всякихъ посполитихъ громадскихъ повиностей, въ которомъ то заживанню ей волности, дабы такъ одъ помянутой старшины ичанской, яко и одъ кого колвекъ, жадной и найменшой онуй же Оковитой не чинилося трудности, перепони и долегливости, пилно мѣти хочемъ и властію нашею приказуемъ. Данъ въ Прилуцѣ, іюня 3, р. 1717. Звишъ менованный полковникъ прилуцкій. 1718 року, 19, Марья Романиха Оковитая отдала чиншевого датку копъ пять, свободна есть. И за сей 1719 рокъ, іюля 4, Марья Оковитая отдала належній чиншъ, копъ 5, волна есть отъ всякихъ посполитихъ тяглостей.

Мамаевъ дубъ. Въ недавно пріобрѣтенныхъ нами отдѣльныхъ рисункахъ д-ра Деляфлиза находится изображеніе усохшаго дерева, съ обрубленными вѣтвями, съ слѣдующею подписью: «Мамаевъ дубъ въ рочищѣ васильковскомъ мотронинской дачи (чигиринск. у.), у кото-

раго разбойникъ Мамай часто весьма располагался таборомъ, какъ говоритъ мѣстное изустное преданіе; дубъ сей имѣетъ толщины $3^1/_3$ аршина, въ раздѣленіи вѣтвей (?), и старожилы говорятъ, что около ста лѣтъ какъ дерево это уже безъ листья. Надобно полагать, что разбойникъ Мамай существовалъ назадъ далеко за сто лѣтъ. Во время пре бываніа у сего дерева пиры его обозначались кровавою местью на полякахъ и жидахъ, которыхъ попадавшихся въ его руки, онъ вѣшалъ на гольяхъ сего дерева, на которомъ и самъ будучи пойманъ, по распоряженію польскаго правительства, повѣшенъ».

Легендарный Мамай пользовался у народа большою популярностью, что доказывается распространеніемъ въ Малороссіи и особенно въ Новороссіи его изображеній. Образчикъ этихъ рисунковъ можно видѣть въ приложеніи къ изданной въ 1852 г., въ Одессѣ, Исторіи о козакахъ запорожскихъ [1]) Въ собраніи В. В. Тарновскаго такихъ рисунковъ шесть или семь и все—варіанты. Особенно интересенъ изъ нихъ рисунокъ «Мамая», пріобрѣтенный изъ имущества умершаго П. А. Лукашевича († 1887 г.), несомнѣнно относящійся къ XVII в. (Остальные—позднѣйшіе). «Мамай» послужилъ фабулою и для повѣсти, написанной извѣстнымъ бытописателемъ Запорожья, А. А. Скальковскимъ [2]) Въ заключеніи этой повѣсти г. Скальковскій говоритъ— «о Мамаѣ сохранилось много преданій и памятниковъ; много крестовъ каменныхъ и *бабъ* обломанныхъ называются мамаями; но самый обыкновенный изъ нихъ есть одна оригинальная картина, которой лучшій экземпляръ можно видѣть въ домѣ князя Воронцова, въ Мошнахъ (кіевск. губ.), но тысячи копій вы найдете во всей Украйнѣ»... Тутъ же говорится и о мамаевомъ дубѣ, стволъ котораго, по словамъ г. Скальковскаго, «весь избуравленъ отыскивателями кладовъ». **А. Л.**

Позднѣйшая память о Б. Хмельницкомъ въ с. Суботовѣ.

Въ тѣхъ же отдѣльныхъ рисункахъ доктора Деляфлиза [3]), межуу прочимъ, находится рисунокъ камня съ слѣдующею его подписью: «Ка-

---

[1]) А надписи въ стихахъ, обыкновенно встрѣчающіяся на этихъ картинахъ.— См. въ Записк. о южн. Руси, I, 316 и слѣд.

[2]) Повѣсть „Мамай“ составляетъ 3-й и 4-й выпуски „Порубежниковъ“, Одесса, 1849—50, 4 вып.

[3]) См. „Кіевск. Стар.“ 1891 г., № 3, стр. 508.

мень вышиною десять футовъ, вкопанный въ улицѣ Субботовѣ, возлѣ церкви. Жители (мѣстные) называютъ его бабою; женщины и дѣти боятся проходить возлѣ сего камня ночью. Старики говорятъ, что во время гетмана Хмельницкаго, привязывали къ этому камню преступниковъ для наказанія оныхъ». Судя по надписямъ на другихъ рисункахъ, приведенная замѣтка сдѣлана въ 1851 г. –Интересно бы знать сохраняется ли и теперь этотъ камень?

А. Л.

Рукописное евангеліе будто бы гетмана Сагайдачнаго.

Въ «Кіевлянинѣ» 1890 г. № 276, нѣкто г. В. Г—скій, сообщая описаніе одного стариннаго южнорусскаго евангелія, одну изъ имѣющихся въ послѣднемъ подписей по листамъ приписываетъ гетману Сагайдачному. Въ своемъ описаніи г. Г—скій говоритъ: «въ церковно-историческомъ древлехранилищѣ, учрежденномъ при Александро-Невскомъ братствѣ во Владимірѣ губерн. (на Клязьмѣ), въ числѣ другихъ рукописей, находится рукописное четверо-евангеліе съ вкладной подписью по листамъ гетмана Конашевича-Сагайдачнаго. Евангеліе это писано на бумагѣ красивымъ уставомъ на 402 л., въ переплетѣ, обложенномъ темно-зеленымъ бархатомъ. На верхней крышкѣ переплета, по угламъ четыре евангелиста, въ срединѣ Распятіе—серебряные вызолоченные, южно-русской работы начала XVII в. Застежки утеряны, но четыре «жука» на другой сторонѣ изъ красной мѣди уцѣлѣли. Письмо рукописи тщательное и красивое; украшеній въ видѣ заставокъ, рисунковъ и т. п. въ евангеліи нѣтъ, кромѣ четырехъ крупныхъ иниціальныхъ буквъ, нарисованныхъ киноварью. Хотя выходный листъ и утерянъ, но, судя по почерку и другимъ признакамъ, евангеліе это можно отнести къ концу XV и никакъ не позднѣе начала XVI вѣка. Фабричное клеймо на бумагѣ—вепрь.

Не сообщая о времени и мѣстѣ своего написанія, рукопись взамѣнъ того въ цѣломъ рядѣ подписей по листамъ даетъ возможность прослѣдить дальнѣйшую судьбу этого евангелія, которая довольно замѣчательна. Первая по времени написанія полууставная надпись находится на 13—22 листахъ: «лѣта ЗОД (7074—1566) марта КЕ (25) дн далъ къ прчстой бдце печерской вдом великихъ чудотворцев антона и ѳеѡдоса печерськых свен'с'кого монастыря Михайло Ѳедорович' Сычев' евангел̄ тетро (т. е. четвере-евангеліе) в десть волочено бархатомъ чернымъ а на немъ серебряны позоло-

чены и евангелисты серебряны позолочены защепки и гвозди серебряны, а нам за то его помнпати и родители его». На лист. 1—41 небрежной скорописью 16 вѣка написана другая вкладная запись: «лѣта: ҂з҃ч҃ (7090—1582) году Истома Уколовъ бых у льтовском городе у Пропоиску и купилъ се евангелья у льтовских людей у черкас҃, а взяли се евангелья льтовские люди у прчстые бдцы Свенского монастыря... Истома Уколовъ о девеностомъ году прѣставился и дала се евангелья по Истомѣ по Уколовѣ в домъ Прстыя Бгдцы въ монастырь, что въ Стародубѣ на посаде жена его Анна и се евангелья отъ Прстыя Бдцы изъ монастыря никому не износить, а хто изнесетъ се евангелья и тотъ судитца перед Спасомъ, а имя Истоте Өролъ да дѣти его Иоаннъ да Михаила и все на нихъ написалъ»... Очевидно, что завѣщаніе М. Ө. Сычева, по которому это евангеліе должно было поступить изъ Свѣнскаго монастыря (нынѣ въ орловской губ.) въ Кіево-Печерскій монастырь, не было исполнено; впрочемъ, можетъ быть, оно попало въ Пропойскъ въ руки черкассъ, т. е. козаковъ, уже изъ Печерскаго монастыря. Но недолго оно оставалось и въ Стародубѣ. На лист. 119—121 читаемъ слѣдующую надпись, написанную красивымъ почеркомъ: «Сие евангеліе оправил срѣбромъ булатном (?) коношевичъ козакъ войска запорозкаго за отпущеніе грѣхов своих и за отца своего коноша (коношъ—историческое имя Конона) и за матерь свою полагію до храму прстой Бцы Чигиринской». Упоминаемый въ записи козакъ Коношевъ, безъ сомнѣнія, есть извѣстный гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, получившій образованіе въ знаменитомъ училищѣ Острожскомъ, защитникъ православія и ктиторъ Богоявленскаго монастыря, пожертвовавшій много тысячъ на Богоявленскій храмъ и на содержаніе братской школы, ставшей впослѣдствіи духовною академіею. По словамъ М. Максимовича, незадолго до своей смерти, послѣдовавшей 10 апрѣля 1622 г. отъ ранъ, полученныхъ подъ Хотиномъ, гетманъ Коношевичъ сдѣлалъ богатые вклады въ пользу кіевскаго братства, львовскаго и друг. церквей и монастырей. Вѣроятно, тогда имъ пожертвовано въ чигиринскую церковь и это евангеліе, пріобрѣтенное имъ во время многочисленныхъ походовъ въ числѣ прочей военной добычи. Судя по красивому почерку этой записи, можно думать, что ее сдѣлалъ самъ гетманъ, получившій хорошее образованіе. Изъ Чигирина евангеліе было передано въ XVIII в., какъ значится въ позднѣйшей надписи, «капитаномъ отъ

кавалеріи петербургскаго полку Іваномъ сномъ Борѣтинскимъ въ (неизвѣстно какую) церковь прстой Бцы», а затѣмъ, переходя изъ рукъ въ руки, попало въ церковь с. Карачарова муромскаго у. владим. губ. и отсюда уже въ церковно-историческое древнехранилище Александро-Невскаго братства».

Думается, что въ «Конашевичѣ, козакѣ войска запорожскаго» видѣть гетмана Сагайдачнаго нѣтъ ни малѣйшаго основанія, такъ какъ козаковъ Конашевичей (Конашъ—Кононъ) было, конечно, немало; еслибы упомянутый здѣсь Конашевичъ былъ гетманъ, то, конечно, онъ не упустилъ бы указать на свое общественное положеніе и въ надписи.—Но если приведенная догадка г. Г—скаго не представляетъ вѣроятія, то за то приведенная имъ надпись 1582 г. заключаетъ въ себѣ интересное свѣдѣніе о существованіи въ Стародубѣ, въ к. XVI в. монастыря. До сихъ поръ свѣдѣній о существованіи въ Стародубѣ какого бы то ни было монастыря не было и приведенная надпись вдовы Истомы Уколова заключаетъ въ себѣ совершенно новое свидѣтельство—о существованіи въ Стародубѣ, на посадѣ, въ к. XVI в. монастыря пресв. Богородицы.

А. Л.

Къ свѣдѣніямъ о гибели провинціальныхъ архивовъ. Въ «Елисаветградск. Вѣстн.» 1891 г., № 33 описывается уничтоженіе одного изъ многихъ погибшихъ и гибнущихъ архивовъ. На этотъ разъ идетъ рѣчь объ архивѣ елисаветградскаго собора.—Въ сообщенной замѣткѣ читаемъ: «Въ числѣ архивовъ, имѣющихъ особый интересъ и значеніе, слѣдуетъ отмѣтить церковные архивы; между тѣмъ и они находятся большей частью въ весьма печальномъ положеніи. Нагляднымъ доказательствомъ тому можетъ служить архивъ при нашемъ соборѣ, валяющійся гдѣ-то въ погребѣ; намъ приходилось видѣть много документовъ конца XVIII ст. и начала XIX ст. изъ соборнаго архива, употребленныхъ вмѣсто оберточной бумаги,—въ числѣ документовъ попадались часто листы изъ метрическихъ книгъ начала XIX ст. и даже сороковыхъ годовъ. Наконецъ, изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ намъ извѣстно, что *уже много лѣтъ подъ рядъ сторожа цѣлыми мѣшками носятъ архивныя дѣла для подтопки печей*, а можетъ быть и продаютъ «дѣла»,—намъ приходилось поднимать на улицѣ засаленные листы изъ нихъ. Такіе же засаленные листы, служившіе, должно быть, для заворачиванія

сельдей, намъ приходилось видѣть здѣсь въ городѣ и изъ метрическихъ книгъ с. Капижа, начала этого столѣтія.

Въ числѣ документовъ, данныхъ намъ, говоритъ авторъ замѣтки, вмѣсто оберточной бумаги, между прочимъ, нѣкоторые относились ко времени дѣятельности бывшихъ въ началѣ XIX ст. *ольвіопольскаго и новомиргородскаго духовныхъ правленій* (1797—1805 гг.). Затѣмъ одинъ разъ намъ завернули покупку въ листъ изъ дознанія, произведеннаго новомиргородскимъ духовнымъ правленіемъ 28 февраля 1797 года, на основаніи указа отъ екатеринославской духовной консисторіи отъ 17 января того же года «о праздно проживающемъ священникѣ Игнатіи Бужницкомъ; изъ показанія его видно, что онъ, будучи воспитанъ въ духѣ православной вѣры, въ 1793 г. былъ рукоположенъ во священники уніатскимъ митрополитомъ Ѳеодосіемъ въ г. Радомыслѣ; а въ 1794 г., когда многіе уніатскіе священники начали переходить въ православіе, перешелъ и онъ; оставшись вмѣстѣ съ тѣмъ безъ мѣста, онъ, очевидно, бѣжалъ къ намъ въ Новомиргородъ, гдѣ и проживалъ «праздно». Въ показаніи своемъ онъ заявляетъ желаніе быть священникомъ въ с. Эрделевкѣ (бывшаго) *новомиргородскаго* уѣзда. Затѣмъ, въ другой разъ покупку завернули въ другой листъ, изъ того же дѣла о Бужницкомъ, который оказался указомъ екатеринославской духовной консисторіи отъ 11 іюля 1797 года, на имя новомиргородскаго духовнаго правленія, о назначеніи Игнатія Бужницкаго священникомъ въ помѣщичье село Акимовку новомиргородскаго уѣзда, причемъ въ указѣ этомъ сообщается, что всѣ прихожане изъявили желаніе имѣть у себя священникомъ Бужницкаго, кромѣ помѣщицы Миклоевой; въ виду того его высокопреосвященство *Гавріилъ митрополитъ екатеринославскій и Херсонеса-Таврическаго* повелѣлъ, не взирая на несогласіе Миклоевой, опредѣлить священника Бужницкаго на приходъ въ Акимовку, а «буде же оная помѣщица вдаль священнику мѣшать будетъ, то духовному правленію просить защищенія оному священнику отъ команды свѣтской противъ оной помѣщицы Миклоевой». Однимъ словомъ, повторяется обыденное явленіе... Единственное средство для предотвращенія гибели указаннаго и, разумѣется, многихъ другихъ архивовъ заключается въ учрежденіи мѣстной архивной коммиссіи..

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. В. канцеляріи. Выпускъ 2-й. Изданъ подъ редакціей Н. Дубровина. Спб. 1889 г. XXIV+551

1-й выпускъ этого изданія вышелъ еще въ 1876 году. Теперь оно продолжается подъ редакціей академика Н. Ѳ. Дубровина. Въ 1-мъ отдѣленіи помѣщены Высочайшіе указы и рескрипты, состоявшіеся по собственной Е. И. В. канцеляріи (въ 1812 году), и Высочайшіе указы, объявленные граф. Аракчеевымъ. 2-е отдѣленіе заключаетъ въ себѣ разнообразные матеріалы; нѣкоторые при нихъ относятся къ западной и южной Россіи (нач. XIX в.). Таковы докладныя записки сенатора Алексѣева относительно губерній сѣверозападнаго и югозападнаго края (относительно переселенія евреевъ изъ селъ и деревень въ города и мѣстечки, относительно почтъ, относительно мѣръ для ихъ благоустройства). Къ нимъ приложена записка о необходимости перевести губернскія учрежденія изъ Житомира въ г. Дубно. Мысль эта принадлежала губернатору Комбурлею, но Алексѣевъ съ нимъ былъ вполнѣ согласенъ. О Житомирѣ въ запискѣ говорится такъ: онъ стоитъ на самой границѣ губерніи, не имѣетъ коммерціи, ни особенныхъ какихъ выгодъ и не иное что есть, какъ мѣстечко жидовское, присутственныхъ мѣстъ и другихъ казенныхъ зданій въ немъ также не устроено; а хотя губернскія мѣста находятся въ старомъ іезуитскомъ зданіи, но по ветхости его и по неудобству необходимо должно выстроить вновь. Мѣстечко Дубно есть одно удобнѣйшее для устроенія въ немъ губернскаго хорошаго города. Будучи уже довольно обстроено каменнымъ строеніемъ, имѣетъ купечество богатое, изъ коего иностранные купцы имѣютъ хорошіе магазейны, а многіе изъ евреевъ производятъ довольно порядочный торгъ и живутъ въ хоро-

шихъ домахъ». Въ другомъ приложеніи говорится объ устройствѣ сельскихъ запасныхъ магазиновъ въ волынской губерніи, въ третьемъ—о рекрутскихъ призывныхъ участкахъ, въ четвертомъ — объ усиленіи кордонной стражи на границѣ въ той же губерніи. Къ полтавской губерніи относится всеподданнѣйшій рапортъ малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Репнина (1817 г.) объ иностранныхъ суконщикахъ (стр. 515—519). Иностранные суконщики были вызваны правительствомъ изъ заграницы и поселены въ г. г. Полтавѣ, Кременчугѣ и Константиноградѣ. Но они очутились въ самомъ жалкомъ состояніи и, конечно, возлагавшихся на нихъ надеждъ не оправдали. «Состояніе сихъ иностранцевъ, говоритъ кн. Репнинъ, дѣйствительно бѣдственное; они, получая при переселеніи и обзаведеніи ихъ денежныя пособія, состоятъ доселѣ должными казнѣ данною имъ въ ссуду значительною суммою. Таковое положеніе удерживаетъ ихъ отъ всѣхъ предпріятій и весьма немногіе отъ нихъ, заплатя долги, получили свободу къ вольному по ремесламъ ихъ промыслу; нѣкоторые изъ нихъ бѣжали, а другіе умерли, и претензія на сихъ послѣднихъ содѣлалась невозможною ко взысканію; вообще на состоящихъ нынѣ 115 сем. считается долгу ассигнаціями 102518 руб., талеровъ 1261, рейхсталеровъ 44, флориновъ 146». Всего было израсходовано на нихъ 453348 р. ассигн., 2381 тал., 48 рейхсталеровъ, 146 флор. (на ссуду, на постройку домовъ, амбара, водяной сукновальной мельницы и колодезей, на инструменты для суконной фабрики). И чтоже? Дома и пр. были выстроены такъ непрочно, что понадобилось нарядить цѣлое слѣдствіе о постройкахъ; «иностранные суконщики при домахъ, ими занимаемыхъ, не только не имѣютъ никаковыхъ способовъ къ обзаведенію себя хозяйственнымъ способомъ, но даже и самыхъ огородовъ»; они находились въ постоянныхъ распряхъ другъ съ другомъ, благодаря различію вѣроисповѣданій (одни были католики, другіе лютеране). Репнинъ проектировалъ цѣлый рядъ мѣръ для приведенія ихъ въ лучшее состояніе. Онъ предлагалъ *простить имъ всѣ долги* (по ссудѣ данной правительствомъ), прибавить огородовъ и сѣнокоса и отдать имъ безденежно вмѣстѣ съ усадьбами въ вѣчное и потомственное владѣніе (подъ условіемъ 10-ти лѣтняго пребыванія на одномъ мѣстѣ и занятія своимъ промысломъ), дать заимообразно по 100 руб. на семейство, подарить казенные инструменты, изъять ихъ подъ казеннаго вѣдомства и предоставить автономію. Какова была судьба этого представленія мы не знаемъ. Но во всякомъ случаѣ оно является любопытной темною страничкой изъ исторіи иностранной колонизаціи въ

южной Россіи. Поселеніе каждаго семейства обошлось правительству въ среднемъ болѣе 400 руб., а пользы изъ этого не вышло никакой. «По издѣлію суконному, говорится въ заключеніе записки, съ 1809 года по сіе время въ оборотѣ было капитала до 270000 руб.; выгодъ же отъ оного примѣрно положить можно до 27000 руб., которые выручаются чрезъ продажу состоящаго теперь въ наличности валенаго сукна 4000 и суровья 19000 арш.».

Значительное мѣсто въ Сборникѣ занимаетъ переписка извѣстстнаго Вас. Наз. Каразина по Филотехническому обществу (1814—1818 г., стр. 445—513). Перечень содержащихся здѣсь документовъ сдѣланъ мною въ другомъ мѣстѣ (въ 3-мъ томѣ Сборника харьк. ист. фил. общ.). Здѣсь же замѣчу только, что редакторъ Сборника академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ не свѣрилъ своихъ матеріаловъ съ тѣмъ что было уже извѣстно раньше, и напечаталъ нѣкоторые документы въ другой разъ (напримѣръ отчеты о дѣятельности Филотехн. общ. послѣ Успенскаго съѣзда 1814 г. и др.).

Изданъ Сборникъ, съ внѣшней стороны, прекрасно, даже роскошно и снабженъ алфавитнымъ указателемъ именъ.

Д. И. Багалѣй.

Акты Московскаго государства, изданные импер. академіей наукъ подъ редакціей Н. А. Попова. Томъ I. Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1571—1634. Спб. 1890, XLIV, 766.

Мысль объ этомъ изданіи принадлежитъ еще покойному академику Н. В. Калачову, исполненіе же ея выпало на долю преемнику Н. В. въ должности директора Архива Мин. Юстиціи Н. А. Попова. Послѣдній, по плану академіи, рѣшилъ заняться сестематическимъ извлеченіемъ изъ ввѣреннаго его попеченіямъ архива актовъ московскаго государства, заключающихся въ дѣлахъ двухъ главнѣйшихъ праказовъ — разряднаго и вотчиннаго. Разрядный приказъ, какъ извѣстно, дѣлился на столы (о столахъ этихъ былъ прочитанъ г. Гоздаво-Голомбіевскимъ рефератъ на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ). Московскій столъ заключаетъ въ себѣ древнѣйшіе документы. Часть ихъ и напечатана въ вышедшемъ теперь 1-мъ томѣ «Актовъ московскаго государства». Нѣкоторые изъ нихъ относятся къ южнорусскимъ областямъ—лѣвобережной Малороссіи и слободской Украйнѣ. Отмѣтимъ тѣ, и другіе. Къ 1614 году относится цѣлый рядъ отписокъ воеводъ о воровскихъ черкасахъ, т. е. малороссійскихъ козакахъ, громившихъ

различныя области и украйны (въ особенности сѣверныя). Документъ подъ № 162 говоритъ о выѣздѣ на государево имя въ 1623 г., въ Путивль изъ новгородъ-сѣверскаго уѣзда 16 крестьянскихъ семействъ; актъ подъ № 163 —о намѣреніи воровскихъ козаковъ, явившихся въ Новгородъ-Сѣверскъ, грабить по дорогамъ русскихъ торговыхъ людей. Къ Новгородъ-Сѣверску относится еще № 294 (1630 г.), заключающій въ себѣ челобитье дворянъ и дѣтей боярскихъ объ освобожденіи ихъ отъ платы за перевозъ черезъ р. Сеймъ, №№ 315 и 396), содержащіе отписки сѣвскаго воеводы о вышедшихъ изъ новгородъ-сѣверскаго Спасскаго монастыря черномъ попѣ Іонѣ со старцемъ Авраміемъ и черномъпопѣ Нифонтѣ со старцемъ Селиверстомъ, № 497 съ челобитьемъ новгородъ-сѣверца Люшина о пожалованіи его за службу и № 512 со свѣдѣніями о службѣ новгородъ-сѣверскаго воеводы Болтина. Интересны воеводскія отписки о польскихъ (т. е. полевыхъ, степныхъ) вѣстяхъ, доставленныхъ разными выходцами и языками; таковы вѣсти, сообщенныя запорожскимъ выходцемъ Онуфріемъ Семеновымъ въ 1632 г. (№ 327), русскимъ выходцемъ Иваномъ Даниловымъ (№ 328), торговымъ человѣкомъ Ив. Леховымъ (№ 329), крестьяниномъ Ѳед. Олѳеровымъ (№ 331), литовскимъ выходцемъ Яномъ Заблоцкимъ (№ 332), путивльскими торговыми людьми (№ 333), рыльскими торговыми людьми (№ 336 и 432), «полонянникомъ»—черкашениномъ Алешкою Боровскимъ (№ 346), который потомъ былъ сосланъ въ Казань (№ 403), запорожскимъ козакомъ Максимомъ Михайловымъ (№ 424), казачьимъ сыномъ Гр. Алексѣевымъ и литвиномъ М. Марковымъ (№ 427), сѣвскими торговыми людьми (№ 435), запорожскимъ выходцемъ Иваномъ Павловымъ (№ 436), крестьянами (№ 547), литовскими и польскими языками (№ 637 и 645), малороссійскими языками (№ 649, 673 и 661), нѣмчиномъ (№ 654). Нѣсколько актовъ относится къ г. Стародубу (Сѣверскому). Таковъ наказъ Ляпунову о сборѣ въ стародубскомъ уѣздѣ кормовыхъ дѣтей боярскихъ и козаковъ, убѣжавшихъ изъ подъ Смоленска (1633 г., № 478), государева грамота къ русскимъ служилымъ людямъ, стоявшимъ въ стародубскомъ уѣздѣ, съ запрещеніемъ идти войной на «черкасскіе города» (№ 486), дѣло по челобитью Ив. Варѣева съ товарищами о пожалованіи ихъ за сеунчъ о взятіи г. Стародуба (1633 г., № 500), отписка стародубскаго воеводы о боѣ его близь города съ дѣтьми боярскими и козаками, сбѣжавшими изъ подъ Смоленска (№ 505, о пребываніи ихъ въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ сообщаютъ акты подъ № 509 и 522), челобитье Ив. Ероцкина и Ник. Оладьина о по-

жалованіи ихъ за стародубскую службу (№ 595 и 601). О военныхъ дѣйствіяхъ малороссійскихъ козаковъ противъ русскихъ украинныхъ городовъ сообщаютъ свѣдѣнія документы подъ № 529, (приступъ къ Путивлю въ 1633 г.), 538 и 680 (приступъ къ Бѣлгороду въ томъ же году), 540 (къ Стародубу), 640 и 658 (къ Сѣвску), 663 (къ Курску), № 704 (къ бѣлогородскому Николаевскому мон).

Интересны сказки «о службахъ» русскихъ воеводъ и служилыхъ людей, напр., кн. Вас. Ромодановскаго о его дѣйствіяхъ въ стародубскомъ и новгородъ-сѣверскомъ уѣздахъ (№602), путивльскихъ воеводъ кн. Н. Гагарина и Андрея Усова (№ 646), Ивана Волжина (№ 690) и др.

Изъ этого перечня уже видно, что въ «Актахъ» содержится не мало матеріаловъ, разъясняющихъ намъ исторію Сѣверщины въ 1-й половину XVII в.; большая часть этихъ данныхъ относится ко 2-й польской войнѣ, закончившейся извѣстнымъ Поляновскимъ миромъ (1634 г.). Стародубскій и новгородъ-сѣверскій уѣзды въ это время также служили ареною борьбы воюющихъ сторонъ. Извѣстія сообщаемыя перепиской между Россіей и Польшею, (Чтенія Москов. Общ., 62, кн. 4) значительно пополняются нынѣшнимъ Сборникомъ. Къ сожалѣнію. ни А. М. Лазаревскій (въ своемъ «Описаніи Старой Малороссіи»), ни я (въ своей рецензіи на его трудъ) не могли воспользоваться этими данными.

Къ территоріи слободской Украйны относится также не мало актовъ. Таковые документы о сторожевой и станичной службѣ на «польской», т. е. южной степной полевой украйнѣ. Таковы матеріалы, касающіеся жизни въ степи черкасъ, положенія Святогорскаго и Савинскаго мон. далеко выдвинувшихся тогда (въ 1-й пол. XVII в.) въ степь, и извѣстнаго основателя г. чугуева гетмана Якова Острапицы. (Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ см. въ моемъ Критикобибліографическомъ очеркѣ матеріаловъ по исторіи слоб. Украйны, напечатанномъ въ 3-мъ томѣ Сборника харьк. ист. фил. общ.).

Д. И. Багалѣй.

Памятная книжка волынской губ., изд. волынск. губернск. статистич. комитета. Составлена подъ редакціей члена-секретаря комитета И. Ф. Мацкевича Житоміръ. 1890.

Памятная книжка волынской губ. на 1891 г. состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: общекалендарныхъ свѣдѣній, адресъ-календаря, матеріаловъ по статистикѣ губерніи за 1889 г. и справочныхъ свѣ-

дѣній, т. е. составлена по той же программѣ, что и въ предыдущіе годы. Въ послѣднемъ отдѣлѣ, впрочемъ, находимъ оффиціальныя свѣдѣнія объ ярмарочныхъ оборотахъ въ 1889 г. Изъ находящагося въ томъ же отдѣлѣ списка волостныхъ старшинъ видно, что въ числѣ 207 старшинъ было грамотныхъ всего 41 (т. е. 19,8%), малограмотныхъ—19 (или 9,1%) и неграмотныхъ 147 (71%). Болѣе всего неграмотныхъ въ заславскомъ уѣздѣ (14 неграмотныхъ старшинъ изъ 16, т. е. 87,5%); наибольшій процентъ грамотныхъ старшинъ выпадаетъ на дубенскій (43,2%) и луцкій (35,3%) уѣзды.—Въ приложеніи къ «Памятной книжкѣ» помѣщенъ «Выводъ изъ статистическихъ таблицъ волынской губ. за 1888», въ которомъ статистическія свѣдѣнія приведены въ извѣстную систему, сопоставлены въ различныхъ комбинаціяхъ. За это нужно быть благодарнымъ редактору, такъ какъ матеріалы по статистикѣ губерніи (въ III отд.) предлагаются въ очень неудобномъ видѣ, даже безъ процентныхъ вычисленій въ нѣкоторыхъ нужныхъ случаяхъ, такъ что самому читателю предоставлялось иллюстрировать голыя цифры замѣтками на поляхъ.— Сравнивая Памятную книжку волынской губ. съ другими подобными же изданіями, приходимъ къ невыгодной для первой заключеніямъ. Въ то время, какъ памятныя книжки напримѣръ сѣверо-западнаго края отводятъ мѣсто матеріаламъ по этнографіи, археологіи губерніи, наше изданіе ограничивается однѣми статистическими данными. А между тѣмъ матеріалъ долженъ быть. Мы знаемъ, напримѣръ, что волынскій статистическій комитетъ представилъ на послѣдній археологическій съѣздъ археологическую карту волынск. губ.—Отчего бы не напечатать матеріалы, помогшіе составленію этой карты, въ Памятной книжкѣ?

Арк. Л—нко.

По поводу рецензіи книги «Вольности запорожскихъ козаковъ».

Въ уважаемомъ мной журналѣ «Кіевская Старина», за февраль мѣсяцъ текущаго года, В. Н. Ястребовъ помѣстилъ подробную и съ тѣмъ вмѣстѣ совершенно безпристрастную рецензію на мой новый трудъ «Вольности запорожскихъ козаковъ». Соглашаясь въ общемъ съ г. Ястребовымъ, что вся моя работа носитъ «спѣшный характеръ» и оттого въ ней замѣчаются «нѣкоторые недостатки, промахи и неточности», я въ частности», я въ частности не могу согласиться съ моимъ рецензентомъ въ слѣдующихъ пяти положеніяхъ.

Во первыхъ, г. рецензентъ приписываетъ мнѣ положеніе, будто бы я, «игнорируя и смѣшивая эпохи, нахожу крѣпость Александровскую, теперь городъ Александровскъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ о. Хортицы, еще при Константинѣ Багрянородномъ (стр. 40). Ничего подобнаго у меня нѣтъ и быть не можетъ, потому что Константинъ Багрянородный жилъ въ X вѣкѣ, а крѣпость Александровская основана во второй половинѣ XVIII. Въ моей книгѣ на указанной страницѣ разсказывается лишь о томъ, какъ избѣгали пороговъ наши предки, славяне-язычники, а потомъ впослѣдствіи запорожскіе козаки. Думаю, что поставленіе времени запорожскихъ козаковъ со временемъ славянъ-язычниковъ не есть смѣшеніе и игнорированіе эпохъ, въ противномъ случаѣ смѣшеніемъ эпохъ будетъ и то, если мы скажемъ, что начало міра, по еврейскому счисленію, было за 5508 лѣтъ до Р. Х., а начало русскому государству, по лѣтописному преданію, въ 862 году по Р. Хр.

Во-вторыхъ, г. рецензентъ доказываетъ, будто бы, по-моему, въ *настоящее время* рѣка Бугъ течетъ близь Екатерининскаго шанца, что рѣчка Журавка впадаетъ въ Синюху противъ польскаго города Семлека, что Тарговица приходится устьемъ противъ польскаго города Тарговицы, что рѣка Ингулъ течетъ черезъ Елисаветградскую провинцію, мимо крѣпости св. Елизаветы и что въ Черномъ лѣсѣ водятся дикіе кабаны, дикія козы и т. п. Смѣю увѣрить моего рецензента, что мнѣ не менѣе, какъ и ему извѣстно, что въ настоящее время нѣтъ ни Екатерининскаго шанца, ни Елисаветградской провинціи, ни *польскихъ* городовъ Семлека и Тарговицы, какъ нѣтъ дикихъ кабановъ въ Черномъ лѣсѣ. Если же у меня говорится объ этомъ (131, 139, 250) въ настоящемъ времени — «течетъ», «впадаетъ», «водятся», то это просто значитъ то, что я, по общепринятому азбучному правилу, употребилъ, для такъ называемой живости рѣчи, форму настоящаго времени вмѣсто формы прошедшей. Неужели же мнѣ поставятъ въ вину, если я, повѣствуя о какомъ либо историческомъ событіи, напримѣръ Полтавской битвѣ, скажу: «И вотъ Петръ выѣзжаетъ на ратное поле» вмѣсто «И вотъ Петръ выѣхалъ на ратное поле»? И неужели и тутъ станутъ доказывать мнѣ, что я смѣшиваю эпохи или не знаю, что теперь царя Петра совсѣмъ нѣтъ въ живыхъ?...

Въ-третьихъ, г. рецензентъ совѣтуетъ мнѣ возможно осторожнѣе относиться къ картѣ Риччи Заннони и не слишкомъ ссылаться на нее. Цѣну картѣ Риччи Заннони я знаю также не менѣе самаго

г-на рецензента, какъ вслѣдствіе близкаго моего знакомства съ ней, такъ и вслѣдствіе указанія на нее извѣстнаго историка запорожской Сѣчи, А. А. Скальковскаго. Не вездѣ довѣряя показанію этой карты, я всегда въ моемъ трудѣ старался болѣе всего обосноваться на картѣ Исленьева и употреблялъ такой пріемъ: «Кривой-Ташлыкъ на картѣ Риччи Заннони=Терновка на картѣ Исленьева», «Хольникъ на картѣ Риччи Заннони=Ольшанка на картѣ Исленьева» (137) и др.

Въ-четвертыхъ, г. рецензентъ упрекаетъ меня въ небрежности цитатъ и въ смѣшеніи сочиненія Боплана съ сочиненіемъ Русова и бароиа Тотта. Здѣсь я менѣе, чѣмъ гдѣ-либо виновенъ. Такъ, на страницѣ 287 моей книги, въ выноскахъ 2 и 3, допущена простая типографская опечатка, перемѣщеніе выноски: вмѣсто второй поставлена третья, а вмѣсто третьей вторая, отъ этого и вышло, что, дѣлая выдержку изъ Русова, я ссылаюсь на Боплана, а дѣлая выдержку изъ Боплана, ссылаюсь на Русова. Сочиненіе Русова «Русскіе тракты» (Кіевъ, 1876) и сочиненіе Боплана «Описаніе Украйны» (СПБ., 1832) я всегда твердо различалъ и ни на минуту не смѣшивалъ. Что касается до »Мемуаровъ» барона Тотта, то я ихъ цитировалъ по выдержкамъ, приведеннымъ Устряловымъ, въ приложеніяхъ къ сочиненію Боплана, потому что въ отдѣльномъ изданіи этой, весьма интересной, книги мнѣ не удалось найти, оттого-то я и сослался на Боплана; мой же рецензентъ, упрекая меня въ этомъ, замѣчаетъ, что подобный пріемъ «можетъ ввести невѣдущаго въ курьезное заблужденіе, будто мемуары барона Тотта *помѣщены* въ «Описаніи Боплана». Не знаю, у кого больше на этотъ разъ курьеза—у автора ли «Вольностей» или у рецензента ихъ.... Также точно простая опечатка на страницѣ 117 моего труда возводится моимъ рецензентомъ въ курьезъ моего изложенія. Напечатано: Какъ большинство рѣкъ, имѣющихъ рыхлые берега, покрыт*ыхъ* лѣсною растительностію и *оттого* ежегодно размываем*ыхъ* водой, такъ и Днѣпръ»... Надо было бы: Какъ большинство рѣкъ, имѣющихъ рыхлые берега, покрытые лѣсною растительностію и *весною* ежегодно размываемые водой». На эту опечатку я обращалъ вниманіе еще тогда, когда разсылалъ свою книгу въ редакціи журналовъ для рецензіи, а въ томъ числѣ и въ редакцію «Кіевской Старины» [1]).

---

[1]) Дѣйствительно г. Эварницкій въ письмѣ своемъ въ редакцію указалъ нѣсколько опечатокъ, и этимъ указаніемъ мы воспользовались, выпустивъ соотвѣтствующія мѣста въ рецензіи г. Ястребова. Но въ данномъ случаѣ мы никакъ не можемъ

Наконецъ, *въ пятыхъ*, г. рецензентъ поставляетъ мнѣ на видъ, что между документами, приложенными въ концѣ моей книги, есть и такіе, которые должны быть причислены къ категоріи «бумажнаго хлама» и тутъ же указываетъ на первый документъ «Жалобу пана Кущинскаго пану Василію Тимофѣевичу на портного Булавку за дурно сдѣланный кафтанъ». Хотя г. Ястребовъ и относитъ подобный документъ къ разряду хлама, но я, по моему крайнему разумѣнію, нахожу въ означенномъ документѣ большой интересъ потому, что онъ даетъ полное и даже чисто спеціальное описаніе козацкаго платья, именно верхняго кафтана, покрой котораго для насъ остался почти неизвѣстенъ, потому что ни одного изъ такихъ кафтановъ не сохранилось до нашего времени. Да и вообще, при утерѣ сѣчеваго архива, нужно дорожить даже и «хламомъ» запорожскимъ, если таковой гдѣ-бы то ни было могъ сыскаться, потому что всякій историческій документъ имѣетъ извѣстную цѣну и извѣстный интересъ. Я понимаю восторгъ генерала-лейтенанта В. П. Коховскаго, директора Соляного городка, открывшаго у себя названный документъ о козацкомъ кафтанѣ, упивавшагося имъ въ теченіи нѣсколькихъ дней и теперь совершенно довольнаго тѣмъ, что онъ нашелъ мѣсто въ печати.

Въ изложенныхъ пяти пунктахъ я считаю себя совершенно правымъ и потому принимаю замѣчанія г. Ястребова безъ существеннаго для меня значенія, за остальныя же его указанія выражаю ему искреннюю признательность, хотя не могу не замѣтить, что всѣ они большею частью касаются скорѣе частностей, нежели общей постановки дѣла.

Д. И. Эварницкій.

Отвѣтъ Д. И. Эварницкому.

На пять тезисовъ, выставленныхъ противъ меня г. Эварницкимъ, отвѣчу по порядку:

1) Г. Эварницкій съ большимъ успѣхомъ доказалъ, что онъ знаетъ столѣтіе царствованія Константина Багрянороднаго; да я и не сомнѣвался въ этомъ; въ доказательство неудовлетворительности метода его труда я сказалъ только: «такъ, при Константинѣ Багр. на

согласиться съ г. Эварницкимъ, что имѣемъ здѣсь дѣло съ рядомъ типографскихъ опечатокъ (покрытыхъ, *оттого*, размываемыхъ), а думаемъ, что это недосмотръ автора—Ред.

Днѣпрѣ *оказывается* крѣпость Александровская» (стр. 41); замѣтьте: вовсе не говорю, что г. Эварницкій ее *находитъ*, а говорю: *оказывается*, а почему?—очевидно,—по неудовлетворительности его метода. Напрасно г. Эварницкій настаиваетъ, будто ничего подобнаго у него нѣтъ и быть не можетъ. Развернувъ книгу на указанной мною страницѣ, онъ, вслѣдъ за цитатой изъ Константина Багр. (по Лербергу) о плаваніи руссовъ, прочтетъ свои собственныя слова: «...всѣ суда, шедшія по Днѣпру сверху внизъ въ лѣтнее время, всегда останавливались у пороговъ; тутъ съ нихъ снимали товары и везли 70 верстъ сухимъ путемъ *до крѣпости Александровской, стоявшей* у устья р. Сухой Московки» и пр. Значитъ, *нѣчто подобное* путаницѣ въ географической номенклатурѣ у г. Эварницкаго и есть, и быть можетъ.

2) Во второмъ пунктѣ г. Эварницкій всенародно объявляетъ, что ему извѣстно также существованіе настоящаго повѣствовательнаго въ русской грамматикѣ; охотно допускаю и это, но, признаюсь, не догадался, что всѣ тѣ мѣста, на которыя я указывалъ, представляютъ образчики примѣненія авторомъ этого самаго правила. Да полно и такъ ли? Раскрываемъ стр. 138—139 «Вольностей» и читаемъ: «Ингулъ ...начало беретъ въ степи изъ ручьевъ, близь лѣса Нерубая, выше м. Цыбулева, теперь д. Федоровки или Бровковой (sic) херсонск. губ., елисаветгр. у.; черезъ елисаветградскую провинцію течетъ самымъ малымъ потокомъ, у самой крѣпости св. Елисаветы въ лѣтнее время онъ почти не виденъ: здѣсь его всегда переѣзжаютъ въ бродъ и только для пѣшихъ кладутъ доску» и пр. Или еще лучше на стр. 250: «Черный лѣсъ и Чута состоятъ изъ дуба, клена, береста, осины, орѣшника и др.; въ немъ водятся волки, лисицы, зайцы, дикіе кабаны, дикія козы и множество разнаго рода птицъ». Неужели въ приведенныхъ мѣстахъ настоящее время способствуетъ оживленію рѣчи и не подаетъ повода къ недоразумѣніямъ? И неужели—добавимъ—такъ необходимы были г. Эварницкому для оживленія рѣчи крѣпость св. Елисаветы и елисаветградская провинція, отъ начала которыхъ до конца Запорожья не прошло и полныхъ 25 лѣтъ?

3) На благой совѣтъ мой не довѣряться безъ критики картѣ Риччи Заннони, совѣтъ, поводомъ для котораго послужилъ указанный мною промахъ г. Эварницкаго, сдѣланный именно изъ лишняго довѣрія къ названной картѣ, г. Эварницкій, молчаливо признавая свой промахъ, обидчиво замѣчаетъ, что цѣну этой картѣ знаетъ не хуже

меня. Отвѣчу на это кратко: тѣмъ хуже для него!... Просилъ бы его вообще замѣтить, что съ его познаніями, о которыхъ говоритъ онъ самъ излишне много, я имѣлъ дѣло постольку, поскольку они выразились въ его книгѣ, послужившей предметомъ для разбора.

4) Во первыхъ, что касается опечатокъ, то напрасно г. Эварницкій полагаетъ, будто онѣ совсѣмъ не лежатъ на отвѣтственности автора (который, къ тому же, въ данномъ случаѣ былъ также и издателемъ) и представляютъ нѣчто неприкосновенное; нельзя же отъ читателей требовать такой проницательности, чтобы вмѣсто *оттого* они читали *весною!*—Во вторыхъ, если г. Эварницкій говоритъ, будто ему «Мемуаровъ» бар. Тотта не удалось найти, то это произошло, безъ сомнѣнія, оттого, что онъ и не искалъ ихъ; въ продажѣ оба изданія этого труда, который почему то и г. Эварницкій находитъ интереснымъ, стоютъ всего 1 р. 50 к. (XXVI Каталогъ Киммеля, стр. 45) и потому авторъ нашъ, имѣющій счастливое преимущество работать въ Петербургѣ, свободно могъ пользоваться «Мемуарами» въ оригиналѣ, не прибѣгая къ сомнительному способу цитированія по выдержкамъ въ приложеніяхъ и примѣчаніяхъ къ труду Боплана, называя надерганные имъ клочки — «Мемуарами бар. де-Тотта о туркахъ и татарахъ, въ Описаніи Украйны Боплана». Стало быть, rira bien qui rira le dernier.

5) Я утверждалъ, что № 1 въ приложеніи къ «Вольностямъ» не имѣетъ никакого отношенія къ Запорожью; на это г. Эварницкій, возражаетъ, что документъ этотъ интересенъ описаніемъ козацкаго (?) платья. Но позвольте, г. Эварницкій! Кто же такой былъ этотъ панъ Кущинскій, заказавшій себѣ въ Полтавѣ платье въ 1732 г.: запорожецъ, украинецъ, литвинъ, полякъ или еврей? и подлинно ли запорожскій костюмъ сшилъ ему портной Булавка, или какой иной? что касается меня,—я не знаю, ибо въ документѣ указаній на то не нахожу; не знаете, вѣрно, тоже и вы.—Въ заключеніе, г. Эварницкій выступаетъ ратоборцемъ архивнаго хлама, предпочтительно — запорожскаго, въ подтвержденіе высказывая справедливую, хотя и не блещущую новизною мысль, что всякій историческій документъ имѣетъ извѣстную (вѣрно!) цѣну и извѣстный (вѣрно тоже!) интересъ. Добавимъ отъ себя опущенное нашимъ авторомъ, хотя, конечно, также не новое: но есть документы не историческіе, которые для печати интереса не представляютъ, они принадлежатъ къ категоріи бумажнаго хлама, имѣютъ опредѣленную цѣну съ пуда и успѣшно удовлетворя-

ютъ разнымъ, хозяйственнымъ большею частію, надобностямъ. Отлагая шутки въ сторону, замѣчу, что при печатаніи документовъ не мѣшало бы кратко опредѣлить ихъ значеніе и степень интереса.

В. Ястребовъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 3.—Русская Мысль № 3.—Сѣверный Вѣстникъ № 3.—Русскій Вѣстникъ № 3.—Наблюдатель № 3.—Русское Обозрѣніе № 3.

Вѣстникъ Европы. III. 1891 г. *А. Веселовскаго. «Мертвыя души»*. Излагаются источники и планъ поэмы и тѣ элементы, изъ которыхъ сложилось ея художественное и соціальное значеніе (стр. 61—102).

Въ отдѣлѣ литературное обозрѣніе одобрительный отзывъ А. П. о «Культурныхъ переживаніяхъ» Н. Сумцова, печатавшихся въ нашемъ журналѣ въ 1890 году (стр. 439—441).

Русская Мысль III. 1891 г. *Всев. Миллеръ. «Экскурсы въ область русскаго эпоса»*. Разборъ эпоса о Добрынѣ-змѣеборцѣ (стр. 48—70)

Въ библіографическомъ отдѣлѣ: отзывы о «Сочиненіяхъ А. А. Котляревскаго», бывшаго професс. кіевскаго университета, съ указаніемъ на важное значеніе его извѣстной статьи: «Были ли малоруссы исконными обитателями полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV в.?» (стр. 141—144).

Сѣверный Вѣстникъ III. 1891 г. *А. Кз.* Замѣтка по поводу III т. «Исторіи Россіи» Иловайскаго, въ которой не только отвергается всякое научное значеніе названной книги, какъ историческаго изслѣдованія, но и значеніе ея какъ серьезнаго и полезнаго компилятивнаго труда (96—100).

Въ отдѣлѣ критики сочувственный отзывъ о книгѣ Эварницкаго: «Вольности запорожскихъ козаковъ» (стр. 121).

Наблюдатель. III. 1891 г. Въ отдѣлѣ—«Наши внутреннія дѣла»: замѣтка по поводу примѣненія тѣлеснаго наказанія судомъ земскихъ начальниковъ въ роменскомъ уѣздѣ полтавской губерніи (стр. 37—40).

Опечатка.

Въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины" текущаго года на стр. 353 строка 22 сверху вмѣсто слова *Великомъ* слѣдуетъ читать *Багрянородномъ*.

ДНЕВНИКЪ

ГЕНЕРАЛЬНАГО ПОДСКАРБІЯ

ЯКОВА МАРКОВИЧА

(1717—1767 г.).

Предисловіе.

(первое).

Болѣе тридцати лѣтъ назадъ были изданы „Дневныя Записки“ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (М. 1859. 2 ч., въ 8 д. л.), который, будучи однимъ изъ образованнѣйшихъ малороссіянъ перв. полов. XVIII в. (р. 1696 † 1773), оставилъ намъ въ своемъ дневникѣ очень цѣнное пособіе для изученія внутренней жизни въ Малороссіи XVIII в. Дневникъ веденъ, безъ перерыва, въ теченіе того полувѣка (1717—1767), который былъ временемъ постепеннаго сокращенія автономной жизни старой Малороссіи и перехода ея къ общегражданскимъ формамъ государства. Начавъ свой дневникъ при Скоропадскомъ, Марковичъ пересталъ его писать только при Румянцевѣ... Издателемъ и редакторомъ „Дневныхъ Записокъ“ былъ родной внукъ ихъ автора, Ал. Мих. Марковичъ (р. 1790 † 1865), принадлежавшій также, въ свою очередь, къ образованнѣйшимъ малороссіянамъ первой половины настоящаго вѣка. Оцѣнивъ по достоинству значеніе дневника, какъ историческаго памятника, Ал. Мих—чъ издалъ его однако же такъ, какъ въ его время большею частью издавались подобные памятники,—вспомнимъ напр. ка̀къ первоначально были напечатаны записки Болотова,—редакторъ „Дневныхъ Записокъ“ нашелъ нужнымъ значительно ихъ сократить и подновить языкъ... Отсюда необходимость переизданія этого памятника.

Вновь издается дневникъ Марковича по подлиннику въ полномъ его видѣ, безъ сокращеній и, разумѣется, безъ какихъ

либо измѣненій текста [1]). Поясняя нѣкоторыя мѣста дневника въ примѣчаніяхъ, мы печатаемъ послѣднія, для удобства читателя, подъ строкою.

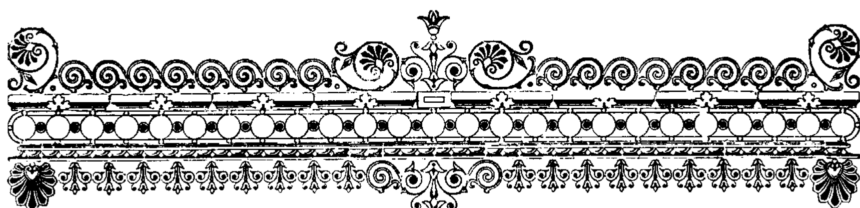
Болѣе подробныя свѣдѣнія объ авторѣ дневника и описаніе рукописи будутъ приведены дальше, во второмъ предисловіи. Здѣсь скажемъ лишь, что Марковичъ началъ писать свой дневникъ по слѣдуюшему случаю: встрѣтивъ въ одной тетради своего тестя, извѣстнаго черниговскаго полковника Павла Полуботка, написанную послѣднимъ коротенькую малороссійскую лѣтопись, Марковичъ эту „кроничку" сначала дополнилъ нѣсколькими фактами, потомъ—продолжилъ нѣсколькими годами, а затѣмъ—войдя во вкусъ—сталъ изо дня въ день вести свой „домашній протоколъ", какъ называетъ онъ этотъ дневникъ. Поэтому мы нашли не лишнимъ внести въ текстъ дневника и лѣтописанье Полуботка, напечатавъ послѣднее мелкимъ шрифтомъ, для отличія его отъ прибавокъ Марковича.

28 февраля 1891 г.

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Подлинникъ дневника принадлежитъ правнуку ихъ автора—Пармену Андреевичу Марковичу и сохраняется въ той же усадьбѣ глуховскаго села Сваркова, которую когда-то съ такою любовью устраивалъ Яковъ Марковичъ.



1452. Турки Константинополь взяли [1].

1497. Ляхи зъ волохами войну точили и волохи ляховъ были, и побравши многихъ въ неволю, въ плугъ запрагали, орали оними и жолуде сѣяли, що и до сего часу лядскою називается дубровою. За Котноромъ на горѣ, до Ясъ едучи.

1577. Земля траслася.

1591. Выдло велми здихало и невидимо по окнахъ были слова написани.

1614. Царъ Феодоръ чернцемъ сталъ.

1617. Война Сагайдачного.

1622. Петръ Конашевичъ Сагайдачний умеръ.

1625. Комисѣя война.

1630. Іовъ Борецкий, митрополитъ кіевскій, умеръ въ 1630.

1633. Первая война Московская Шейнова на Смоленскъ, за цара Михаила Феодоровича.

1634. Тимошъ умеръ. Арендаренка гетманомъ учинено.

1635. Кумейская война.

1647. Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, умеръ.

1648. Хмелницкий у Бороша (sic) листи укравъ и войну первую началъ.

Того жъ року ляхи зъ Украини поутѣкали.

---

[1]) При началѣ лѣтописи въ рукописи рукою Ал. Мих. М—ча написано: „Писано рукою Полуботка. (Книга эта ему принадлежала, а послѣ перешла къ зятю его Якову Марковичу, который продолжалъ вписывать въ нее примѣчательные акты)“.

1649. Обобранъ зосталъ на кролевство Жикгмунтъ Казимеръ третий.

1650. Берестецкая война; въ томъ року Хмелницкий зъ козаками ляховъ былъ, Калиновского, Маховского и иншихъ многихъ у неволю татаромъ отдано, а другихъ побыто.

1651. Хмелницкий цару Алексѣю Михайловичу зо всѣми козацкими войсками поклонился.

1654. Дрижиполская война.

1655. Царъ Алексѣй Михайловичъ Вилню и Брестя Литовское взялъ.

Того жъ року на козацкого гетмана Івана Золотаренка подъ Старимъ Быховомъ простий человѣкъ засѣвши, забылъ зъ мушкета и тѣло его проважено черезъ Нѣжинъ до Корсуна, где, подчасъ похорону его, церковъ святаго Николая зъ людми згорѣла.

1656. Селивестръ Косовъ, метрополитъ кіевский, умеръ.

1657. Хмелницкий померъ. Силвестръ Косовъ, митрополитъ киевский, умеръ.

1658. Іванъ Виговский зосталъ гетманомъ и цару Московскому присягу виконалъ. Пушкара убыто.

1659. Подъ Конотопомъ була бытва. Юрася Хмелницкого гетманомъ учинено по змѣнѣ Выговского.

1660. Хмелницкий змѣнилъ и Василя Шереметева въ неволю взято.

1661. Въ Кіеви, за воеводы Івана Ржевского, татаре много людей порубили и въ неволю побрали. Іорданский монастирь паненский спалили.

Того жъ року, Сомка гетманомъ учинено.

1662. Хмелницкий чернцемъ сталъ, а на его мѣсцу сталъ гетманомъ Павелъ Тетера.

1363. Подъ Нѣжиномъ була великая рада войска московского и козацкого, и тамъ учинено гетманомъ Бруховецкого. Сомка и Васюту страчено въ Борзнѣ.

1664. Була на небѣ метла зъ звѣздъ, и една зходила зъ полночи на заходъ солнца, другая зъ вечера на заходъ солнца, якая комета тривала недель двѣ.

1665. Гетманъ Бруховецкый на Москву ездилъ и, оженившися тамъ, зъ великымъ жалованемъ повернулся.

Того жъ року, монастиръ Межигорскый вигорѣлъ.

1666. Воеводи стали по украинскыхъ городахъ.

1667. На заднѣпру учинено гетманомъ Петра Дорошенка.

Тогда жъ подъ Чигиринъ турки приходили у превеликой силѣ.

1668. Бруховецкого убыто на Говтвахъ, за Зѣнковомъ.

1669. Учинено гетманомъ Демяна Многогрѣшного.

1671. Королемъ обобрано въ Полщѣ Михаила Вишневецкого Коробута.

1672. Многогрѣшного на Москву взято.

Того жъ року, царъ турецкый зъ ханомъ кримскымъ и Дорошенкомъ, Каменецъ Подольскый взялъ, и того жъ року сталъ гетманомъ Іванъ Самойловичъ.

1674. Григорій Ромодановскій зъ гетманомъ Самойловичемъ Дорошенка въ Чигиринѣ взяли. Мурашка Волоскую землю воевалъ, залогу турецкую у волохахъ взялъ.

Того жъ року, Ладижинъ взятъ, Умань; уманцемъ голови луплено, дѣтей забирано и, вибравши дванадцять тисячъ, въ неволю запроважено.

1675. Померъ въ Чигиринѣ метрополитъ Токалскый.

Того жъ року, турки виходили подъ Чигиринъ, и вбачивши войска великіе московскые, поутѣкали.

Того жъ року, царъ Алексѣй Михайловичъ померъ.

1676. Помазанъ на царство царъ Феодоръ Алексѣевичъ.

1678. Чигиринъ взято.

1679. Войска великіе стояли подъ Кіевомъ, ожидаючи бѣсурманского приходу.

1680. Зима була барзо легкая, да суша была великая.

1681. Царъ Феодоръ Алексѣевичъ померъ и, збунтовавшися, стрѣлцѣ многихъ бояръ побыли.

1683. Помазано на царство царя Іоанна и Петра Алексѣевичовъ.

1686. Первый походъ подъ Перекопъ, въ якомъ походѣ гетмана Самойловича взято, вмѣсто его Мазепу гетманомъ учинено.

1689. Саранча була. Того жъ року, другій былъ походъ подъ Перекопъ.

1695. Казикерменъ взято.

Того жъ року, царь Іоаннъ Алексѣевичъ померъ.

1696. Озовъ взято. Тогда Яковъ Марковичъ родился.

1697. Царь Петръ Алексѣевичъ ходилъ въ иноземскіе краи.

1699. Голодный рокъ былъ. Леонтій Свѣчка, полк. луб., умеръ

1700. Святѣйшій патріархъ Андріанъ померъ.

1701. Подъ Ругодевъ ходили.

1702. Зими не было, тилко тиждень снѣгъ лежалъ. Гамаль Гришко умеръ [1]).

1703. Івана Івановича, полковника ахтирского, взято.

1704. Іустинъ Базилевичъ митрополитою сталъ бѣлогородскимъ и Ругодевъ взятъ того жъ року. Яковъ Лизогубъ, полк. чер., умеръ [2]).

1706. Царь Петръ Алексѣевичъ зо всею арміею былъ въ Чернѣговѣ и, когда чинено смотръ въ полкахъ драгунскихъ и пѣхотныхъ, свѣтлого дня перунъ на церковъ Тройцѣ святой ударилъ. Михаилъ Миклашевскій, полк. стар., убитъ отъ шведовъ. Иванъ Мировичъ, полк. переясл., взятъ.

1707. Кіево Печерская фортеца строилася козацкими войсками. Варлаамъ Ясѣнскій умеръ.

1708. Булавинъ былъ появился на Дону, якого розбито. Тогда митрополитою сталъ Іоасафъ Кроковскій.

Того жъ року Кочубеевѣ и Іскрѣ шіи втято, и того жъ року Мазепа змѣнилъ, а гетманомъ сталъ Іванъ Скоропадскій.

1709. Подъ Полтавою була енералная баталія зъ шведомъ, гдѣ шведскіе войска розбити зостали, а король шведскый зъ Мазепою въ малолюдствіи утѣкъ до Бендеру.

1710. Въ Кіевѣ було моровое повѣтре, и того жъ року въ Чернѣговѣ, на подолѣ, отчасти було, толко ускромилося.

1711. Въ Чернѣговѣ, Седневѣ и Сосницѣ було моровее повѣтре и по многихъ селахъ.

Того жъ року, за Прутомъ царъ Петръ Алексѣевичъ боталію зъ турками чинилъ. По сконченю тоей боталіи послани до Порти Отоманской, при великомъ вейзировѣ, посли царского величества Петръ Павловичъ Шафѣровъ (для укончения примиря) зъ Михаиломъ Борисовымъ Шереметовомъ.

Того жъ року войска були подъ Каменымъ Затономъ и вивозивши оттоль борошенные запаси до Орла [3]) и до инших мѣстечокъ полтавского полку, Каменный Затонъ, Самаръ и Кодакъ роскидали. Въ томъ походѣ панъ Михайло Максимовичъ, панъ Тризничъ, судія

---

[1]) Григорій Гамалѣя, бывшій лубенскій полковникъ.

[2]) Должно быть Ефимъ Лизогубъ—сынъ Якова, умершаго въ 1698 г.

[3]) Мѣстечко кобелякцкаго уѣзда.

полку чернѣговского, и панъ Стефанъ Войцеховичъ, реентъ канцеляріи войсковой, померли. Тогди жъ и саранча була.

Того жъ року преосвященного Іоанна Максимовича на Сибѣрскую взято митрополію.

1712. Стояли войска московскіе по надъ берегомъ днѣпровымъ, почавши отъ Лоева ажъ до Навозу[1]), для которихъ мости козаки поробыли були черезъ Днѣпръ, толко жъ не переходили на той бокъ, але пошли ку Смоленску.

1713. Войска козацкіе стояли подъ Кіевомъ и робыли валъ, почавши отъ московского города, поузъ Либедь, до Подолу.

Того жъ року обобранъ зосталъ на архиепископію чернѣговскую архимандритъ новгородскый на Стритеніе Господне Антоній Стаховскый, а посвятившися пріехалъ на престолъ въ катедру мало не въ рукъ (рокъ?) передъ Рождествомъ Христовымъ.

1714. Послы царского величества Петръ Павловичъ Шафѣровъ, Толстой, Безстужій и Михайло Борисовичъ Шереметевъ, отпущены отъ Порти Отоманской, по учиненю мирнихъ договоровъ, одколь поворочаючи, Михайло Борисовичъ Шереметевъ въ дорозѣ померъ, и тѣло его припроважено до Кіева, и поховано въ манастиру Печерскомъ. Король шведскый зъ Орликомъ пошолъ въ свою землю, а Горленко, полковникъ бывшій прилуцкий, зъ товарищи пришолъ на Украину и удержанъ въ Глуховѣ, а потомъ взятъ на Москву, где подъ Дѣвичимъ жилъ, зъ Максимовичомъ Антоновичомъ и Ломиковскимъ.

Василий Савичъ, полк.(овникъ) луб., умеръ.

1715. Отпущены зъ Москви панъ Михайло Гамалѣя, Кандиба и прочіи, на Украину, а въ Новгородку сталъ сталъ сотникомъ бувшій протопопа гадяцкій Федоръ Лисовскый.

Въ томъ же року мѣсяця іюня 10 дня преставился въ Тоболску преосвященный митрополитъ сибѣрскый его милость отецъ Іоаннъ Максимовичъ.

Въ Глуховѣ въ мѣсяцю марту 13 числѣ, упалъ верхъ церкви святой Тройци мурованой, въ день по полудню.

Того жъ року, декабрь. Енералъ Ренъ въ Полщи умеръ.

Того жъ року, уже на зиму, гетманъ Іоаннъ Скоропадскій въ войско вийшолъ и стоялъ у Гадячомъ самъ, а около него полки всѣ.

Сего року, въ лѣтѣ, генералъ маіоръ Бауръ померъ.

---

[1]) Село черниговскаго уѣзда.

1717 годъ.

Януар. 13, въ недѣлю, Стефанъ Бутовичъ, асаулъ енералный, преставился.

Того жъ року, февр. 8, въ пятокъ, на Феодора Стратилата, Евфимія Полуботкова [1]) преставилась.

Того жъ року, государь царь Петръ Алексѣевичъ зъ Парижа и Амстердаму, куда перегринуючи два года замедлѣлъ, въ осени, къ С.-Питербурху возвратилъся.

1718 годъ.

Януаръ. Гетманъ Іоаннъ Скоропадскій въ Москву ездилъ, а при немъ полковниковъ было 4: чернѣговскій Павелъ Полуботокъ, лубенскій Андрей Марковичъ, гадяцкій Михайло Милорадовичъ, полтавскій Іванъ Чернякъ, писарь енералный Семенъ Савичъ, бунчучный Яковъ Лизогубъ и прочіи бунчуковіи, бо и самъ государь царь Петръ Алексѣевичъ зъ Санктпитербурху тогда жъ приехалъ зъ царицею Екатериною Алексѣевною.

Того жъ року, и мѣсяця, повернулъся царевичъ Алексѣй Петровичъ зъ Германѣи отъ цесара, куда былъ ушолъ, а приехалъ къ государю въ Москву, где его отъ наслѣдія царства отдалено, а на томъ же юнѣйшого сина царевича Петра Петровича уставлено, на що першее царевичъ Алексѣй присягу виконалъ, а потомъ и всѣ, тогда жъ и гетманъ въ недѣлю, въ церквѣ соборной, на тое жъ присягалъ. А зъ Москви гетманъ Скоропадскій, по желанію царского величества, о серединѣ поста великого, въ Санктпитербурхъ поехалъ, где при великой милости государевой найдовалъся и по отездѣ на море государевомъ (которій юля 16 имѣлъ) виѣхалъ въ Украину оттуда, того жъ року 1718 іюля 23, а приѣхалъ въ Глуховъ августа 22, въ пятокъ, передъ заходомъ слонца.

Того жъ року, подъ часъ бытности гетманской въ Санктпитербурхе, царевичъ Алексѣй Петровичъ, оддаленій одъ наслѣдія, мѣсяця юня 28 преставился.

---

[1]) Первая жена Павла Полуботка.

Того жъ року, на Москвѣ, въ вел. постъ, за волею и сватанемъ самаго царя и царици, дочерь гетманскую за сина Петра Андреевича Толстого засватано.

Того жъ року, преосвященній митрополитъ кіевскій Іоасафъ Кроковскій въ Санктпитербурхъ по указу государевомъ черезъ умисл-ного посланця, капитана преображенского полку Писарева, за нѣякуюсь вину, взятъ зъ Кіева о праздницѣ сошествія Святаго Духа, а зъ нимъ купно и архимандритъ печерскій Іоаникій Сенютовичъ; але митрополитъ за слабостю и немощію своею до самого С.-Питербурху не допроваженъ и за Москвою, въ Тверѣ, померъ, где архиерей тверскій его погребль.

Того жъ року, по Воскресеніи Христовомъ, мая—Печерскій монастиръ, кромѣ печеръ, весь згорѣлъ зо всѣми скарбамы и церковнимы украшеніямы. Потомъ, на третій день, Подолъ—Кіевъ мало не въвесь, кромѣ коллеgіума да побережныхъ дворовъ, тако жъ погорѣлъ.

Того жъ року по томъ кіевскомъ пожару, Чернѣговъ, старое мѣсто, все вигорѣло, тилко въ мѣстѣ заледво осталася катедра архиепископа чернѣговского, якую уже й занявшуюся заледво угасили.

Той же рокъ на овощи всякіе такъ оскудній былъ, же барзо рѣдко где можно было знайти овощи якойнибудь.

Того жъ року, авгус. 9, зъ субботи на неделю, противъ 10 числа, на святаго апостола Матфія, родился Петръ синъ у пол. луб. [1]).

Того жъ року, септеврія.—Петръ Івановичъ генералъ маіоръ Яковлевъ, стоявшіи въ Лубняхъ, отъ горячки захоровавши, своей хороби 11 дня преставилъся.

Того жъ року, отъ весни козацкіе войска мѣли походъ ажъ до Царичина, къ Волзѣ рѣцѣ, надъ которими былъ гетманомъ наказнымъ Іванъ Сулима, хоружій енералній, а бавилися тамъ долго и повернулись около початку зимы.

Того жъ року, Лукянъ Жораковскій, полковникъ нѣжинскій, передъ Вознесеніемъ, мая мѣсяця преставился.

---

[1]) Т. е у Андрея Марковича, отца автора дневника.

Того жъ року, мѣсяця октоврія 12, въ недѣлю, въ Глуховѣ веселіе було: гетманъ Скоропадскій дочерь свою Уліяну отдалъ за сина Петра Андреевича Толстого, тайного совѣтника, Петра Петровича, зъ которимъ приехали браття его въ сватахъ: братъ родній старшій Іванъ Петровичъ, а другій въ первихъ Борисъ Івановичъ, и нѣсколько при нихъ особъ великороссійскихъ.

Тогда жъ, въ купѣ зъ сими, приехалъ секретарь зъ Москви Михайло Павловичъ Шафѣровъ до гетмана зъ грамотою, обявляющою рожденіе дочери царскому величеству Наталіи Петровни, якая сего жъ году, авгус. 21, родилася.

Того жъ року, еще въ февр., Александеръ Васильевичъ Кикинъ, ближайшій двору царевому, за тое что подмовилъ царевича Алексѣя Петровича уйти зъ С.-Питербурха до цесара, казненъ былъ на Москвѣ: руки и ноги ему ламано и голову оттявши, на паль зложено.

Такъ же и Досифея, епископа ростовского, ростригши, казнено, а тѣло его спалено. Тогди жъ Степана Глѣбова живого на желѣзний колъ зъсажено. А тое чинилося при гетману, въ Москвѣ.

Король шведскій Кароль убытъ въ Норвекгіи, подъ городомъ названнимъ Фридерштатъ, отъ дацкого войска, картечою зъ города вистреленною, октовр.

1719 годъ.

Марта 3. Царское величество царь Петръ ездилъ зъ царицею Екатериною въ Аленецъ, где новіе лѣчителніе води винайшолъ, а повернулъся оттуду въ С.-Питербурхъ.

На королевство шведское избрана сестра убытого короля шведского, а жена князя Гессенъ Кассель и коронована февр. 6.

Баталѣя въ Мекленбургіи була, гановерци зъ рускимы имѣли войну; гановерцовъ було въ Мекленбургіи—8000 нарознь, а рускихъ войскъ 2000, пре то збыти зостали гановерци.

Борисъ Петровичъ Шереметевъ, фелтмаршалъ, въ вовторникъ, въ неделѣ вел. поста, февр., умеръ въ Москвѣ, а для погребенія попроваженъ въ С.-Питербурхъ, въ остатнѣхъ дняхъ того жъ поста.

Князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ, кгубернаторъ сѣбирскій, отъ кгубернѣи отставленъ, за караулъ посаженъ, и всѣ животи его на государя взяти апр., за нѣкоторіе его до кгубернѣи належніе преступленія.

Сего жъ году, проявился въ С.-Питербурсѣ присланній отъ короля прусского къ государу силній человѣкъ, которій пушку у 250 фунтовъ или у 50 каменей, едною рукою поднимаетъ; тако жъ ослонъ у 12 фунтовъ зубамы подиймаетъ, за еденъ конецъ взявши; канатъ, якого три лошади не могутъ разорвать, перериваетъ; лошадей двое его не могутъ зъ мѣста двигнути, когда обопрется; желѣзній гвоздь, у палецъ товстій и довгій у пять, въ сукъ вмѣсто свердла рукамы скрутитъ; ногамы да головою ляжетъ на стулахъ, а все тѣло виситъ, да на томъ тѣлѣ камене, у двохъ человѣка заледво зтащивши, положатъ и розбываютъ etc.

Сего жъ году, въ постъ вел., синъ Петра Андреевича Толстаго, а зять гетманскій, Петръ Петровичъ, отъ самого государя пожалованъ въ полковники нѣжинскіе, у графа Гаврила Івановича Головкина.

Королева шведская королевскую свою власть отдала мужу своему князю Гессенъ Кассель, которій потомъ отъ всѣхъ за цѣлого принятъ зосталъ короля и коронованъ.

Того жъ року, мѣсяця априля, царевичъ Петръ Петровичъ наслѣдственній въ С.-Питербурсѣ преставился.

1720 годъ.

Генв. 7. Вийшолъ новий монаршийуказъ, повелѣваючій всѣмъ въ поготовости бути противъ шведовъ и ихъ союзниковъ.

Синъ полковника лубенского Андрея Марковича, Андрей, поялъ себѣ въ жену дочерь полковника сумского Івана Кондратіева.

Марта — числа. Свѣтлѣйшій князь Александеръ Даниловичъ Меншиковъ, фелтмаршалъ и губернаторъ с.-питербурскій, пріехалъ въ Украину зъ Ст.-Питербурха, которого ясневелм. гетманъ Іоаннъ Скоропадскій поткалъ въ Шептакахъ и принималъ, а сталъ онъ квартерою въ Нѣжинѣ.

Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, мая въ первихъ числехъ, въ Гадячое зъ своей квартерѣ, отъ Нѣжина, ездилъ, куда и его велможность панъ гетманъ Іванъ Скоропадскій зъ Глухова пріехалъ былъ и вся енералная старшина, такожъ и полковники. Ясневелможній самъ, якъ туда въ Гадячъ виехалъ немощнимъ отъ болѣзни подаgричной, такъ и оттуду повернулься весма ослабѣлимъ, и заледво у Глуховѣ по волѣ до первобитного здоровя прійшолъ. Тамъ, въ Гадячомъ, якіе трактата чинилися нижей изображено есть [1]).

Зъ Украини, по указу царского величества Петра Первого, вистатчено муки житной четвертей московскихъ 30,000 и спроважено въ Смоленскъ подрядами; таковій указъ въ листѣ присланъ былъ; ради исполненія указу сего, паны полковники всѣ прiѣздили въ Глуховъ, декабря 8 числ. [2]).

Свѣтлѣйшій князь Менщиковъ выѣхалъ зъ Украины въ лѣтѣ, мѣсяця июля въ первыхъ числехъ.

Панъ асаулъ генералный Василій Жураховскій, обозный прилуцкій Огроновичъ и судя гадяцкій Грабянка, мѣсяця декавр. первыхъ числъ, посланы отъ цѣлой Украины въ Санктъ-Питербургъ зъ прошеніемъ о милость въ нуждахъ малороссійскихъ, куда потомъ въ своемъ дѣлѣ и полковникъ нѣжинскій Петръ Петровичъ Толстой, сего жъ мѣсяця числа 18-го, въ недѣлю, зъ Глухова выехалъ.

Въ семъ году великороссійская армия новымъ образцемъ на зимовой квартери стала въ Украинѣ, такъ же по городкамъ и значнѣйшимъ селамъ, цѣлыми поставлялися ротами, при которыхъ и стайнѣ такъ великіе подѣлано, жебы конѣ цѣлой роти могли въ едной змѣститися.

Панъ писарь енералній Семенъ Савичъ другую себѣ получилъ жену, бувшую сотникову ічанскую Стороженкову, въ октовр. мѣсяцѣ.

---

[1]) Вписанные здѣсь въ дневникѣ — „пункты, князеви свѣтлѣйшему отъ цѣлой Украины поданные“ и отвѣты кн. Меньшикова, напечатаны въ приложеніяхъ къ изданію 1859 г., т. I, стр. 462—492.

[2]) Вписанный при этомъ указъ слѣдующаго содержанія: „Господинъ гетманъ. Увѣдомились мы, что на Украине въ малороссійскихъ городѣхъ, за помощію божіею, хлѣбъ уродился и въ покупке гораздо дешевъ. Того ради прикажѣте купить до 30000 четвертей муки, расположа на всѣ полки по ровному числу, и перевезть въ

1721 годъ.

Въ януар. первыхъ числехъ, принесенъ указъ зъ С.-Питербурху, чрезъ собственоручній весь листъ царскимъ величествомъ писанний, до ясневельможного, жебы 10 тисячей козаковъ до Ладоги ишло на робленне каналу, окроме кашеваровъ и тѣхъ, которіе при обозу будутъ, по якому и февр. 1-хъ числъ вийшло помянутое указное число, где главнѣйшихъ комендѣровъ было 3: полковникъ черне̂говскій Павелъ Полуботокъ, лубенскій Андрей Марковичъ, хоружій енер. въ мѣсто цѣлого полковника переясловского Іванъ Сулима, а зъ инших полковъ наказніе.

Въ февр. мѣс., на всеидной, захоровалемъ на болѣзнь мою скорбутико мелянхолію. По отходѣ родителя моего, полковника лубенского Андрея Марковича, зъ волѣ рейментарской, содержалемъ правленіе полку лубенского до повороту его зъ канала.

1722 годъ.

Гетманъ Скоропадскій ездилъ въ Москву, и съ нимъ писарь генералный Савичъ, бунчучній генер. Яковъ Лизогубъ, полковникъ нѣжинскій Петръ Толстой и сама гетманова Скоропадская. Повернувся въ юнѣ, въ Глуховъ, боленъ и преставился.

Колегія малороссійская устроена, въ которой члени были: 6 штапъ офицеровъ, а президентъ оной брегадиръ Степанъ Веляминовъ.

Архиепископъ, а не митрополитъ, въ Кіевѣ устроенъ Варлаамъ Ванатовичъ, прежде бывшій архимандритъ Печерского монастира.

1723 годъ.

Въ януар., присиланъ былъ зъ Москви отъ самого імператорскаго величества капитанъ лейбъ кгвардіи Александеръ Лукинъ въ Глуховъ и взялъ за караулъ коменданта глуховскаго Писарева и повезлъ въ Москву.

Смоленскъ, по первому зимному пути сего 1720 году, и въ тимъ приложите свой трудъ, чтобъ оное исполнить, а деньги за оной хлѣбъ указали мы послать въ вамъ зъ камеръ колегіи господину президенту князю Голицыну. Зъ С.-Питербурха, ноевр. 4 1720 рок. Петръ".

Правителѣ малороссійскіе, Павелъ Полуботокъ, полковникъ чернѣговскій и наказній гетманъ, зъ старшиною енер., послали къ государю, въ Москву, прошеніе свое о избраніи нового гетмана на мѣсто покойного Скоропадского, черезъ нарочнихъ посланниковъ Грабянку, судю гадяцкого, Войцеховича, седневского, Холодовича, воронѣжского, и Добронѣзкого, переяславского, сотниковъ, и Гамалѣю Стефана, бунчукового товариша.

Въ февр., присланъ зъ Москви въ Глуховъ, отъ тайной канцеляріи, оберъ лейтнантъ князь Волконской отъ лейбъ кгвардіи, и указъ привезлъ, даби асаулъ енер. Жураковскій и протчіе бывшіе на межѣ почеповской [1]), ехали въ Москву для отвѣтствія взглядомъ межованния того.

Сего жъ февр. 20, въ среду сирную, полковникъ лубенскій Андрей Марковичъ, по именному указу імператорского величества, главнимъ опредѣленій комендѣромъ надъ десятотисячнимъ числомъ войска запор., маршъ свой воспринялъ зъ Ромна къ крѣпости Святого Креста, близъ Дербенѣ, у Каспѣйского мора, обрѣтаючойся.

(Здѣсь въ рукописи, кажется, недостаетъ листа).

Отвѣтніе писма отъ п. Петра Апостола и Луки француза, же онъ по воскресеніи будетъ тутъ. Нѣкоторіе справи въ жалобахъ на п. Данила Савуского занесеннихъ, окончили, обвинивши его. Жиди привезли позовъ на Чернѣцкого и перехриста Алексѣя, за арестъ онихъ въ Ромнѣ учиненній.

Перемѣна воздуха стала, ибо у вечору вияснилось небо и морозъ хорошъ былъ черезъ ночь.

Писали глинчане, что принуждаетъ ихъ коммиссаръ ингермоланского полку, по указу самого полковника, до репараціи города и ордеръ полковничій сюда прислали.

У вечеру, поздно, пріехалъ отпущенний зъ обозу слуга род(ителскій) Ігнатъ въ домъ зъ листамы о заводѣ хоролцовъ зъ лукомцами знаймур (?)

---

[1]) См. Опис. Стар. Малор., I, 278 и 285.

8 (марта). Отправлен листъ и унѣверсалъ до Леонтія, вручаючій ему економство, а листъ, жебы осторожность въ хуторѣ Криворудномъ имѣли.

Отписали до Глинска и до Чернухъ, же оправлять теперъ города нелзя, але передомъ виганять въ походъ до Ладокги, о чомъ и до полковника, господина Шереметева, писалемъ.

Отправилемъ въ Глуховъ, до правителей, листъ, питаючись ихъ, що далѣй зъ вязнямы великороссійскимы, тутъ въ Ромнѣ пойманнимы, чинить.

9. Принесенъ листъ отъ сотника сенецкого, что онъ любо и не радъ, однакъ муситъ до канала ити, а требуетъ до себе сотника цѣлого, асаулу полкового наказного и капеляна, тако жъ и объ указѣ господина полковника Шереметева, чтобъ городъ оправлять, ознаймуетъ, о чомъ и городискій сотникъ пишетъ. Тако жъ и тое ознаймуетъ, что гайворонскіе козаки, висланніе въ низовій походъ, знову повернулися до домовъ своихъ.

Зъ Глухова писма принесенны отъ правителей о перестереженню воровскихъ донегъ, указъ сенатскій и ихъ унѣверсалъ, и денги присланн отъ его мил. панъ тестя зъ наставленіемъ, якъ на урадѣ наказництва полкового мнѣ поступать, а цедулою обявляетъ, что въ Москвѣ п. Борзаковскій Андрей 3 февр. померъ[1]) и тамъ погребенъ; а потомъ тамъ же и панъ Войцеховичъ, сотникъ седневскій, хоровавши черезъ 9 день на горячку, преставился, февр. 20-го год. 9 зъ полдня[2]). Тогда жъ и отъ Орановского о доловихъ поведеніяхъ зъ Глухова писано сюда.

10. Неделя. Отправили писма до Глухова черезъ Іваницю, слугу ясневел., до ясневелм., до наказного гетмана и до другихъ; до чернѣговского (полковника) зъ отвѣтствіемъ о преставленіи п. Войцеховича сожалытелнимъ. Тамъ же и тое писалемъ, что коммендѣри русскіе Інгермоландского полку, получивши указъ отъ полковника, остановку чинятъ въ виправѣ на каналъ.

---

[1]) См. Русск. Арх. 1880 г., I, 172.

[2]) См. Сулимовск. Арх., XV.

Виправили въ Кіевъ братьевъ Марка, Луку и Івана, при отцу Василію Савѣцкомъ, где вина купити и зѣлля достати розного полѣцили, которихъ випроважалисмо зъ родителкою за городъ и тамъ до пизна простояли. Архимандритъ обѣдалъ у насъ зъ Афонской гори монастира Ксенохъ (?) прозиваемого св. Георгія.

11. Тотъ же архимандритъ воду святивъ и мощи показовалъ святихъ и о себѣ свѣдителство князя кгубернатора кіевского Івана Юровича Трубецкого презентовалъ. П. писаръ Савѣцкій приѣхалъ зъ обозу, отпущенъ зоставши, и привезлъ писма родителскіе. Писали до п. п. сотниковъ чорнусского и лохвицкого, тако жъ и до Петровского, жебы до Ладоги ишли. До атамана пѣратинского писалемъ, ганячи ему за тое, что виганялъ людей безъ указу на оправку города.

Приехалъ вчорайшого дня зъ Смѣлого атаманъ зъ жалобою, же поручикъ виганяетъ всѣхъ до роботи города. Приехали коммиссаре полковіе въ Роменъ, для ревизіи полку гадяцкого. Емщикъ чили почтарь роменскій, возившій Казѣмира, посиланного за покупкою лѣкарствъ въ Москву, повернулся самъ зъ Руд. (?), а оттоль Казѣмиръ за родителемъ въ низовій поехалъ походъ. Писали до лубенского сотника, чтобъ зъ сотнѣ своей 200 человѣка до канала выготовалъ.

12. Шлафрокъ покроялъ кравецъ. День барзо хорошій бувъ. Отправили атамана смѣловского зъ указомъ откритимъ, жебы поручика не слухать, а передомъ виправлять до Ладоги. Принесенни зъ Глухова 3 листи; 1, о видачѣ по зол. 1 компанѣйцямъ за овесъ, другій, о видачѣ онимъ же возовъ, зъ другимы рѣчами, 3, о присилцѣ грошей на Печерскій монастиръ [1]). Виданъ указъ откритій атаманови смѣловскому, жебы не до города, але до канала козаковъ виганялъ. Принесенъ отвѣтъ отъ п. сотника лубенского о прошлорочной роботѣ у канала.—Охоту излишнюю показали на Монастырищи [2]), где и важились; я зъ одежою легкою, юпкою, кафтаномъ и кунтушемъ легкимъ, суконнимъ, важилемъ 6 каменей [3]) ровно.

---

¹) См. „Кіевск. Старина" 1884 г., январь, стр. 77.

²) Урочище около г. Ромна, на берегу Сулы; здѣсь, по преданію, существовалъ когда то монастырь.

³) Камень=50 фунтовъ.

13. Отправили въ Глуховъ до правителей листи, зъ обявленіемъ о виправѣ до канала другимъ вигономъ до роботи городовой оффѣцерами затѣваемимъ, перешкодоючойся; о компанѣйцяхъ, жебы на 10 человѣка возъ дать для провіянта. Отправили асаулу компанѣйского зъ указамы, жебы по два зол. на два мѣсяця видано зъ сотень. До полковника Шереметева писалемъ, протестуючись, что за трудностями въ вигонѣ людей до городовой роботы, чинячойся одъ офѣцеровъ, остановка въ виправѣ до каналовъ учинится. Послали указъ о перестерѣганню воровскихъ денегъ въ Лохвицю до Юзка, жебы по всѣхъ сотняхъ розвезлъ и деньги обявилъ, и отъ нихъ отвѣти получилъ. Повернулся зъ табору, отъ Красной Яруги, отпущеній п. Василь, сотниченко глинскій[1]), а зъ нимъ и Казѣмиръ, слуга, и листи нѣкоторіе попривозили, особливе родителскіе. Зъ Рѣчицѣ отъ Якова прійшло писмо, же не випускаютъ и треба туда Чернѣцкому и Алексѣю ѣхать. П. Лисенко, асаулъ полк. чернѣговскій, випровадивши полкъ чернѣговскій въ низовій походъ, самъ повороучаючись въ Роменъ, заехалъ и былъ у мене. Была жалоба на Борсукову сотню, полку нѣжинского, отъ атамана бубновского, же, стоявши въ полѣ край скирты и не загасивши огня, отехали, которій вѣтромъ роздутій, покотивши до цѣлой пріишолъ скирти и всю спалилъ, для чего сотнянъ тихъ у Ромнѣ грабежемъ принудили до нагороди шкодуючому. П. сотникъ сенчанскій пріехалъ. До Глухова, къ Орановскому писалемъ о винѣ венкгерскомъ, а до смѣловского атамана о возахъ, зъ Глухова випроваженнихъ, а на дорозѣ за распутіемъ остоявшихся, жебы, извѣстившись, где они, и мене увѣдомилъ.

14. Петру Калениченку до ярмарку борзенского далемъ на на покупки грошей зол. 40. Тузлукъ дарованъ. Отъ п. Петровского листъ принесенъ, въ якимъ виражаетъ, же за слабостю своею въ походъ до Ладоги ити не можетъ; тако жъ и отъ п. сотника чорнуского писано, же атаманъ тамошній въ арештѣ у капитана Караблина за не вигонъ людей до роботи валовой, а самъ пойдетъ до канала, тилко зъ тиждень въ дому позабавитъ. До полковника Ше-

---

[1]) Жуковскій.

реметева писалемъ листъ зъ жалобою за вигонъ людей всѣхъ токаревскихъ и лучанскихъ и за побой, учиненній въ Луцѣ [1]) отъ наехавшаго въ дворъ дракгуна.

15. Виправилемъ Алексѣя Перехриста въ Глуховъ, зъ листами до правителей, прося о писма до трибуналу литовского о заарештованю въ Рѣчицѣ возовъ родителскихъ. Тамъ же и о насиліи отъ оффѣцеровъ, вигономъ людей всѣхъ на валовую роботу чинячомся, писалемъ. Атаманомъ роменскимъ Василя Гиню Савуска устроили. Отправилемъ листъ до Петровского, Максимовича и лохвицкого сотника о виходѣ ихъ до Ладокги непремѣнномъ. Панъ Яснополскій приехалъ зъ обозу, отпущенъ въ Роменъ для болѣзнуючей жени своей, и листъ привезлъ отъ родителя, о скоромъ его знову въ походъ виезду писанній. Получилъ листъ отъ еи милости паней Павловой [2]) о учинившомся оной въ грошахъ крадѣжствѣ, зъ прошеніемъ на розискъ кого о прислане. Поданъ листъ отъ п. сотника чернусского о томъ, что капитанъ Караблинъ за тое, же не вистачилъ до города для роботи 1500 человѣка, прислалъ въ его сотничій домъ для екзекуціи 25 человѣка дракгунъ. Родителка послала въ Андрѣевку. Братъ, панъ Андрѣй, зъ Сумъ приехалъ въ Роменъ. Купилемъ меду вѣдерокъ 7, по 8 зол. и 3 шага; купилемъ мѣди камень за 49 зол. Вози зъ Глухова, для забрання отсюду жита и въ Глуховъ перевезення, прибули сего вечора.

16. Виправили п. Данила Савущенка зъ указами, во всѣ сотнѣ, чтобъ виходили козаки въ ладожскую дорогу зъ поспѣшеніемъ. Отъ полковника Шереметева получилемъ отвѣтъ, что онъ посилалъ по селахъ драгунъ для вигону людей до роботи городовой по требованію старшини, и что онъ виходячимъ козакамъ до Ладокги такого въ вигонѣ насилія не чинилъ и не писалъ до ротнихъ комендѣровъ о томъ. Пана Василя Дяченка послалемъ на розискъ въ Лохвицю о украденнихъ грошахъ п. Павловой. Попъ Симеонъ, бывшій капелянъ вятского полку, привезлъ за собою зъ Харкова листъ, отъ его милости господина енер барона Аларта до родителя писа-

[1]) Сс[illegible] и Лука—лохвицкаго уѣзда.

[2]) Вдова Павла [illegible] родная сестра гетманши Скоропадской.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. І. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Социніанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 к.

Я. Шульгинъ. Очеркъ коліивщины. К. 1890. 8° 209 стр. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1891 г. продолжается:

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Малая-Владимірская ул., д. № 32.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ, 13-го апрѣля 1891 г.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАЙ

1891

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

ПИСАНКИ.

Содержаніе:

Писанки въ старинной и современной этнографіи.— Матеріалы и пособія при составленіи настоящей статьи.—Религіозно-символическое значеніе и обрядовое употребленіе крашеныхъ яицъ въ древнихъ культахъ.—Отраженіе древней символики яица въ сказкахъ.—Преданія и сказанія о происхожденіи писанокъ.— Народныя названія для крашанокъ и писанокъ.—Сфера распространенія писанокъ въ настоящее время.—Время приготовленія писанокъ.—Мистическо-обрядовая обстановка.—Принадлежности писаночнаго дѣла: кисточка и краски.—Способы приготовленія писанокъ.—Употребленіе крашанокъ и писанокъ при поздравленіи съ праздникомъ въ обмѣнъ или подарокъ, для полученія красоты и здоровья, для плодородія почвы и роенія пчелъ, во избѣжаніе громоваго удара и пожара, для излѣченія болѣзней, для прогнанія вѣдьмъ и отъ сглаза, при поминовеніи умершихъ и въ дѣтскихъ играхъ.—Значеніе малорусской игры въ навкотка и чешской игры въ номлазку.

Орнаментація писанокъ: геометрическая, растительная, животная, бытовая и религіозная.—Архаическія черты орнамента: плетенка, трезубецъ, солнечные кружки, пентаграмъ, меандръ, свастика, пѣтушки.—Какія мѣстныя растенія входятъ въ писаночную орнаментику.—О названіяхъ и происхожденіи нѣкоторыхъ писанокъ съ предметнымъ орнаментомъ: бесагъ, калитокъ и др.—Упадокъ обычая приготовленія писанокъ.—Заключеніе.

Научное изученіе писанокъ въ западной Европѣ началось въ концѣ XVII в. Въ 1682 г. вышло въ Гейдельбергѣ сочиненіе Рихтера „Dissertatio de ovis paschalibus, von Oster-Eiern“, въ которомъ высказано мнѣніе о древнегреческомъ происхожденіи писанокъ. Въ описаніи нѣмецкихъ пасхальныхъ яицъ отмѣчено, что крашанки закапывали подъ Пасху въ землю и потомъ показывали ихъ дѣтямъ и говорили, что ихъ снесли

зайцы, причемъ возникло и особое для нихъ названіе Haseneier, Коберъ въ „Dissertatio de ovo paschali“ (Лейпцигъ, 1690) высказывалъ мнѣніе о церковно-христіанскомъ происхожденіи писанокъ. Такое же мнѣніе проводится въ сочиненіи Краскія „Dissertatio de ovo paschali“ (Франкфуртъ на Одерѣ, 1705 г.). Краскій видитъ въ писанкахъ символъ будущаго воскресенія мертвыхъ. Въ книгѣ есть указанія на нѣкоторые народные обряды, напр., катаніе писанокъ. Въ томъ же направленіи писали о пасхальныхъ яйцахъ Эрдманъ въ 1705 г. и Енсенъ въ 1706 г. Послѣдній утверждалъ, что крашанки знаменуютъ пролитую за родъ человѣческій кровь Спасителя. Въ сочиненіяхъ нѣмецкихъ ученыхъ послѣдняго времени, касавшихся писанокъ, Сепа (Das Heidenthum, 1853), Вундерлиха (Das christliche Kirchenjahr, 1884) и Кольбе, (Hessische Volks-Sitten, 1888), проводится то мнѣніе, что писанки происходятъ изъ языческой древности и служили нѣкогда символомъ весенняго солнца (*Zibrt*, Nektere wyklady o puvodu kraslic, 1890).

Въ нѣмецкой наукѣ интересъ къ писанкамъ заглохъ. Въ XVII в. находили нужнымъ посвящать писанкамъ спеціальныя изслѣдованія, а въ XVIII и въ XIX говорятъ о нихъ лишь мимоходомъ, при разсмотрѣніи другихъ обычаевъ, связанныхъ съ народнымъ календаремъ.

Въ Россіи, если не считать иностранныхъ путешественниковъ XVII вѣка Олеарія и Боплана, упоминающихъ о писанкахъ, впервые на писанки обращено вниманіе въ концѣ 70 годовъ. Въ статьѣ Ѳ. К. Волкова „Отличительныя черты южнорусской народной орнаментики“ въ „Трудахъ 3 археологическаго съѣзда (въ Кіевѣ) 1878 г.“ на стр. 318 и 325 находится маленькая замѣтка объ орнаментаціи писанокъ. Въ 1879 году вышли „Украинскіе узоры“ г-жи Косачъ. Въ предисловіи на стр. 13—14 находится замѣтка объ орнаментикѣ писанокъ, а въ атласѣ 23 цвѣтныхъ копіи. Въ 1882 г. Кольбергъ сдѣлалъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о галицко-русскихъ писанкахъ въ „Pokucie“. Въ 1887 г. была небольшая замѣтка Бартельса объ украинскихъ писанкахъ въ Zeitschrift fûr Ethnologie и о польскихъ въ журналѣ Wisła. Въ этомъ году вышло

двѣ монографіи о писанкахъ, на польскомъ языкѣ о польскихъ писанкахъ, — г. Удзѣлы „Piski w miescie Kopczycach i w okolicy“ и болѣе обширная на чешскомъ языкѣ о моравскихъ писанкахъ подъ заглавіемъ „Moravske ornamenty“ со статьями Ванкеля и Странечки. Чешское сочиненіе снабжено большимъ атласомъ съ рисунками писанокъ. Статья Ванкеля, извѣстнаго археолога, представляетъ солидное изслѣдованіе объ археологическомъ значеніи писанокъ.

Въ послѣдніе годы обнаруживается уже большой интересъ къ писанкамъ среди этнографовъ всѣхъ славянскихъ странъ, преимущественно у поляковъ. Въ 76 № „Харьковскихъ Губерн. Вѣдомостей“ 1889 г. я обратился къ публикѣ съ просьбой о доставленіи мнѣ свѣдѣній о писанкахъ по приложенной тогда же мной программѣ изъ 8 §§. Моя статья была перепечатана цѣликомъ или отчасти въ „Елисаветградскомъ Вѣстникѣ“, „Волыни“, „Кіевской Старинѣ“ и „Этнографическомъ Обозрѣніи“. Въ томъ же году, независимо отъ моего обращенія къ публикѣ, въ 328 № польскаго иллюстрированнаго „Tygodnik'a“ а затѣмъ и въ другихъ иллюстрированныхъ польскихъ изданіяхъ появилась просьба къ публикѣ о собираніи и доставленіи писанокъ и свѣдѣній о нихъ, подписанная двумя молодыми польскими учеными, этнографомъ Вольскимъ и археологомъ Довгирдомъ, съ присоединеніемъ небольшой руководящей программки и четырехъ снимковъ съ писанокъ, трехъ польскихъ и одной украинской. Въ концѣ 1889 г. въ новомъ сербскомъ журналѣ „Гласник земальског Музеjа“ (III, 60) г. Свитличъ въ статьѣ „Ускрашня шарена jаjа“ сообщилъ, что Волтровичъ собираетъ въ Сербіи и Босніи писанки для изученія ихъ орнаментики.

Изъ этихъ обращеній къ интеллигентной публикѣ наиболѣе счастливымъ оказалось польское. Въ № 4 „Tygodnik'a“ и немного позднѣе въ IV книгѣ „Wisła“ 1890 г. Вольскій и Довгирдъ сообщили, что они изъ разныхъ мѣстностей Польши и лѣвобережной Малороссіи получили нѣсколько десятковъ описаній писанокъ и 2800 экземпляровъ писанокъ, изъ 220 селъ. Сами собиратели удивлены успѣхомъ своего обращенія къ обществу и замѣчаютъ, что „rezultat wypadł nadspodziewanie

świetnie". Любопытно, что наибольшее число коллекцій дали губерніи съ преобладающимъ или сплошнымъ малорусскимъ населеніемъ: подольская 13, кіевская 5, волынская 4, сѣдлецкая 6, тогда какъ изъ варшавской 3, сувалкской 2, петроковской, калишской и плоцкой по 1 коллекціи.

Во 2 кн. „Wisła" 1890 г. была небольшая замѣтка г-жи Садовской о писанкахъ въ новоминскомъ у. варшавской губ. и въ 4 кн. „Wisła" 1890 г. небольшая статья г. Довгирда о способахъ приготовленія писанокъ въ Польшѣ и главныхъ особенностяхъ въ разрисовкѣ пасхальныхъ яицъ.

Въ № 15 „Tygodnik illustr. dla dzieci" 1889 г. напечатана замѣтка Зѣля о галицко-русскихъ писанкахъ (Покутье), съ приложеніемъ 48 рисунковъ.

Другія библіографическія указанія будутъ сдѣланы нами въ текстѣ статьи въ надлежащихъ мѣстахъ. Указаній этихъ немного, такъ какъ литература предмета крайне незначительна. Главный матеріалъ состоитъ въ письменныхъ сообщеніяхъ и въ коллекціяхъ писанокъ, любезно доставленныхъ мнѣ изъ разныхъ мѣстностей южной Россіи любителями отечественной этнографіи.

Сообщенія о писанкахъ мной получены отъ слѣдующихъ лицъ: 1) свящ. Измаила Дмитріева, 2) Д. Л. Глинскаго, 3) И. И. Манжуры, 4) М. П. Савинова, 5) NN (при посредствѣ П. В. И.), 6) М. Д. Счубака, 7) В. Н. Свѣтъ, 8) Д. Пелихова, 9) А. А. Склобинской, 10) г. Ѳ. В., 11) И. А. Карловича, 12) г. Патеры (изъ Праги), 13) С. Вольскаго, 14) свящ. Ѳедора Родкевича (при посредствѣ М. П. Савинова), 15) г. Степанова, 16) г-жи Проскуры, 17) г. Донцова, 18) г. Товпекина, 19) г. Жукова, 20) г. Дудка, 21) г. Мишнева, 22) г. Лапушняка, 23) г. Андреева, 24) г. Росавскаго, 25) г. П. Щ., 26) г. Прасолова, 27) г. Дружинина, 28) г. Трофимовскаго, 29) Вл. Кобеляцкаго и 30) Е. Барановской. По мѣстностямъ: изъ Подоліи №№ 4, 14; Волыни 2, Екатеринославщины 3, Кіевщины 10, Харьковщины 1, 5, 6, 7, 8. 9, Кубанской области 15—30.

Моя коллекція писанокъ составилась изъ слѣдующихъ:

Изъ харьковской губерніи: харьковскаго у. с. Островерховки—5 (отъ г. Савинова), Коротича 4 (куплены на мѣстѣ), зміевскаго 1 (студ. Бобина), изюмскаго 1 (студ. Бобина), богодуховскаго, г. Краснокутска 4 (студ. Бобина), г. Купянска 6 (П. В. Иванова), ахтырскаго 17 малярскихъ, 20 полу-малярскихъ и 14 простыхъ (куплены на мѣстѣ) и лебединскаго 36 (отъ свящ. Дмитріева).

Екатеринославской губ.—16 (студ. Бобина).

Полтавской г., полтавскаго уѣзда 7 (П. И. Петрушевскаго).

Волынской г., острожскаго у. с. Гульчи 45 (отъ Д. Л. Глинскаго).

Подольской губ. 37 (отъ свящ. Родкевича).

Кубанской обл. 16 (отъ г-жи Е. Барановской).

Курской г., курскаго у. с. Воробьевки 3 (отъ г. Болтенкова); щигровскаго уѣзда 4 (отъ М. Е. Халанскаго).

Вологодской г. 6 деревянныхъ (отъ М. П. Савинова).

Изъ Болгаріи 1 монастырская.

Всѣмъ моимъ сотрудникамъ и корреспондентамъ, поименованнымъ въ этомъ спискѣ, приношу мою глубокую благодарность.

Въ печати были указанія еще на слѣдующія коллекція писанокъ:

1) Г. Вольскаго и Довгирда въ Варшавѣ (весьма обширная и цѣнная; выставлена въ этнографическомъ музеѣ; много малорусскихъ писанокъ),

2) Бартельса въ музеѣ берлинскаго антропологическ. общества (малорусскія),

3) Въ музеѣ краковской академіи наукъ,

4) Въ техническомъ музеѣ Адріана Баранецкаго въ Краковѣ (много малор.),

5) Во Львовѣ въ музеѣ графа Дзѣдушицкаго,

6) Во Львовѣ въ Техническомъ музеѣ,

7) Въ Моравіи въ Брно въ Патріотическомъ музеѣ,

8) Въ Прагѣ въ музеѣ Напрстка,

9) Г-жи Косачевой въ Кіевѣ,

10) Г. Павлина (галицко-русскихъ писанокъ).

11) Въ лубенскомъ музеѣ г-жи Скаржинской (около 300) и

13) Н. А. Янчука въ Москвѣ.

Яицо получило важное религіозно-обрядовое и символическое значеніе задолго до христіанства въ повѣрьяхъ и бытѣ древнихъ культурныхъ народовъ, какъ символъ солнца, которое занимаетъ первое мѣсто въ языческихъ культахъ. Чествованіе яица обусловлено было мыслью о весеннемъ возрожденіи солнца, а вмѣстѣ съ нимъ всей творческой силы природы.

Въ сказкахъ зооморфическій образъ солнца жаръ-птица однимъ своимъ перомъ освѣщаетъ большой садъ. Чародѣй (зимній холодъ) похищаетъ ее; но она до похищенія успѣваетъ снести золотое яицо, которое является затѣмъ новымъ источникомъ жизни, свѣта и тепла. Своими жаркими лучами солнце-яицо согрѣваетъ холодныя зимнія тучи, разгоняетъ туманъ, заставляетъ облака лить дождевые потоки, и на землѣ воцаряется лѣто.

Оттого у народовъ древнихъ и новыхъ, дикихъ и цивилизованныхъ, распространены сказки о яицѣ, какъ источникѣ жизни и вселенной. Яицами одаривали другъ друга въ началѣ новаго года; ихъ величали въ священныхъ пѣснопѣніяхъ. Ме-

таллическія изображенія яицъ клали въ храмахъ. (*Успенскій*, Опытъ повѣств. о древн. рус., 643). Зарывали яицо въ томъ мѣстѣ, которое избиралось для построенія города; существованіемъ этого обычая объясняютъ преданіе, что Неаполь построенъ на яицѣ (*Воеводскій*, Каннибализмъ, 3).

У древнихъ египтянъ яицо было аттрибутомъ Кнефа. Идолъ этого божества изображался гермафродитомъ, съ головой ястреба и съ яицомъ въ устахъ. Изъ того яица произошелъ фтасъ, или огонь (*Успенскій*, Опытъ повѣств., 642). Яицо было также аттрибутомъ солнечнаго бога египтянъ Пта. На одномъ сохранившемся барельефѣ Пта держитъ въ рукѣ яицо, а изъ находящейся внизу пояснительной надписи видно, что это яицо изображаетъ солнце. Другая надпись гласитъ, что Пта катаетъ яицо свое по небу (*Рославскій-Петровскій*, Египетъ, 61).

Индійское преданіе о созданіи міра говоритъ о золотомъ яицѣ, которое плавало въ водахъ, т. е. солнце на воздушномъ океанѣ (*Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. слав., I, 535).

Греческіе и римскіе филисофы, исходя изъ народнаго міровоззрѣнія, происхожденіе вселенной вели отъ яица (ab ovo). По преданію, записанному Геродотомъ, міръ созданъ изъ яица, положеннаго баснословной птицей Фениксомъ въ святилищѣ Геліоса. Эти классическія сказанія отразились въ византійской литературѣ; такъ, въ одной рукописи: „о яицѣ свидѣтельство Іоанна Дамаскина: небо и земля по всему подобны яицу— скорлупа аки небо, плева аки облаци, бѣлокъ аки вода, желтокъ аки земля“ (*Аѳанас.*, I, 536).

Римляне красили яица и употребляли ихъ при различныхъ игрищахъ и обрядахъ, на что есть указанія у Ювенала, Овидія и Плинія (кн. 19 и 24). Плутархъ даетъ объясненіе, что яицо изображаетъ творца, все въ себѣ заключающаго (*Успенскій*, 642).

Корнелій Брюнъ, бывшій въ Персіи въ 1704 г., говоритъ, что персы на новый годъ (20 мая) привѣтствовали другъ друга подаркомъ разноцвѣтно окрашенныхъ яицъ (ib. 641).

Въ миѳологіи полинезійцевъ видимый міръ олицетворенъ въ видѣ курицы, въ которой скрывался создатель міра богъ Тангароа. Онъ вышелъ изъ яица. Изъ обломковъ этого яица

образовались полинезійскіе острова (*Reville,* Les religions des peuples non civilisés, II, 25). Въ варіантѣ (съ о. Самоа) первоначально было только небо, а земля была покрыта водой. Тогда Тонгароа послалъ свою дочь въ образѣ бекаса на землю, и она отыскала остріе скалы, выдающейся надъ моремъ, и посѣяла землю и растенія (*Кристманъ и Оберлендеръ,* Новая Зеландія и ост. острова Южн. океана, 366).

Замѣчательно сходное сказаніе о сотвореніи міра представляетъ финская Калевала. Мать воды Ильматаръ жила сначала въ воздухѣ, потомъ спустилась на океанъ, покрывавшій всю землю. 700 лѣтъ она качалась на его волнахъ. Дикая утка, принявъ колѣно Ильматаръ за землю, устроила на немъ гнѣздо и положила одно желѣзное и 6 золотыхъ яицъ. Ильматаръ вздрогнула и яица разбились и упали въ море. Изъ этихъ яицъ и образовался весь видимый міръ: изъ нижней части—земля; изъ верхней—небесный сводъ; изъ желтка—солнце; изъ бѣлка—мѣсяцъ (*Калевала,* въ пер. Гранстрема, 5).

Въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ славянскихъ народовъ сохранилось много остатковъ этого общечеловѣческаго космогоническаго миѳа. Сказки на тему о происхожденіи міра изъ яица записаны у поляковъ (*Zbiór wiadomości* do antrop. kraj., II, 125), чеховъ (*Stranečka,* Moravske ornamenty, 8), хорутанъ (*Аѳанасьевъ,* Поэт. воззр. слав., I, 531), въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ русскихъ сказкахъ этого мотива и родственныхъ имъ славянскихъ обнаруживается замѣна основныхъ элементовъ другими, какъ слѣдствіе затемнѣнія космогоническаго миѳа: вмѣсто солнца, луны, земли изъ яица выходитъ городъ, ярмарочная площадь и т. п. Въ малорусской сказкѣ о первомъ вѣкѣ творенія мышь и воробей дѣлились просомъ и завели драку. Собрались звѣри противъ птицъ; но птицы звѣрей одолѣли. Человѣкъ помогъ птицѣ. За это онъ получилъ яицо, въ которомъ заключалось цѣлое царство (*Кулишъ,* Записки о южн. Руси, II, 31). Въ бѣлорусскихъ сказкахъ герой получаетъ золотое, серебряное и мѣдное яица (обычное троеніе), которыя бросаетъ на землю, и изъ яицъ являются дворцы золотой, серебряный и мѣдный (*Романовъ,* Бѣлор. сборн., III, 84—85).

Варіантомъ этихъ сказокъ можно признать тѣ многочисленныя сказки, въ которыхъ жизнь или смерть скрыты въ яицѣ. Въ великорусской сказкѣ душа Коша (Кощея) Безсмертнаго скрыта въ яицѣ, которое въ уточкѣ, а утка въ запертомъ сундукѣ. Иванъ царевичъ досталъ и разбилъ яицо, послѣ чего умеръ и Кошъ Безсмертный (*Садовниковъ*, Сказки самарск. края, 201). Въ бѣлорусской сказкѣ смерть Кащея въ яицѣ, а яицо въ птицѣ, а птица въ гнѣздѣ на камнѣ, подъ дубомъ, на одномъ островѣ (*Романовъ*, Бѣлор. сборн., III, 72). Тожественный разсказъ встрѣчается въ сказкахъ индійскихъ (у *Минаева*, 97, 109), во французской (*Cosquin*, Contes popul., № 15), въ сицилійской (у *Gensenbach'a*, Sicil. Märchen, II, 215), зулусской (*Басни и сказки* дикихъ народовъ, № 64). Сходные разсказы въ Калилѣ и Димнѣ (въ пер. *Аттаи*, 154) и въ одной древне-египетской повѣсти (*Maspero*, Contes pop. de l'Egypte ancienne, 182).

Доказательства солнечнаго значенія писанокъ находятся еще въ играхъ молодежи на Свѣтлой недѣлѣ и въ орнаментаціи писанокъ; но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

О началѣ обыкновенія употреблять на Пасху красныя яица въ Греціи сохранилось особое преданіе, въ которомъ основательницей этого обычая является св. Марія Магдалина. По вознесеніи Спасителя на небо, св. Марія Магдалина, пришедъ въ Римъ для проповѣданія Евангелія, предстала предъ императоромъ Тиберіемъ, поднесла ему красное яицо и сказала: „Христосъ воскресе!“ Такимъ образомъ она начала свою проповѣдь. Первые христіане, узнавъ объ этомъ приношеніи св. Магдалины, начали подражать—дарить другъ другу яица. Константинъ Экономидъ (греческій ученый 30-хъ годовъ) въ одной рукописи X вѣка, находящейся въ монастырѣ св. Аѳанасія (вблизи Ѳессалоникъ), нашелъ замѣчаніе, что крашанки существуютъ отъ апостольскихъ временъ, такъ какъ начало обычаю положила св. Магдалина (*Калинскій*, въ Запискахъ геогр. общ. 1877, VII, 461).

Преданіе это извѣстно также въ Малороссіи. Въ с. Тарасовкѣ купянскаго у. харьк. губ. недавно записанъ слѣдующій разсказъ: „Марія Магдалина прійшла до гробу Господьняго и не знайшла Господа. Ангелъ ей провозгласывъ, що Христосъ

воскресъ, вона излякалась и зрадувалась и побигла до дому, прибигла и побачила крашеныи яица и каже „Христосъ воскресъ“ и забрала ти яица и, только выйшла зъ дому, а ій назустричъ Апостоли святи; вона съ радощей стала даваты имъ ти яица и казала „Христосъ воскресъ“ и циловались воны отъ радости. У Бога всякій шагъ человика по назначенью, вона давала яица, шо у неи большь ничего не було, а то къ тому прійшлось, що яице мертве, а съ него живе курча выходе, такъ Христосъ бувъ мертвый и намъ дарувавъ жизнь“ (сообщила В. Н. Свѣтъ).

Въ полтавской губ. Ст. Руданскимъ записанъ слѣдующій прекрасный разсказъ о происхожденіи крашанокъ: „Иденъ убогый нисъ соби до миста яйця продаваты; але на той саме часъ вели жиды роспынаты Бога. И ото Богъ несе хреста тай падае, а вбогому и жалко стало, и кинувъ винъ кошикъ тай помогае Богови хреста нести. Допомигъ, коли вертае до кошика, ажъ тамъ уси его яиця стали крашанками та писанками (*Драгомановъ*, Малор. нар. преданія, 145).

Въ с. Араповкѣ купянскаго у. записано два народныхъ толкованія. По одному писанки пишутъ въ знакъ того, что когда жиды мучили Спасителя, то все тѣло его „попысали“ (т. е. избили бичами). По другому—„якъ воскресъ Іисусъ Христосъ изъ мертвыхъ, то винъ и сказавъ тимъ жидамъ, шо стерегли Его гробъ: „идить и скажить всимъ: Христосъ воскресъ! А щобъ вамъ повирылы, нате вамъ оцей знакъ и давъ всимъ имъ по крашанци, котори винъ взявъ изъ свого гробу“ (сообщ. М. Д. Скубакъ).

Въ кубанской области въ Зеленчукской станицѣ записаны слѣдующія объясненія: въ 1) въ красный цвѣтъ красятъ яица потому, что изъ ребра Іисуса Христа отъ прободенія истекла кровь; 2) яица красятъ въ память усѣченія главы Іоанна Крестителя: когда принесли голову, то Иродъ покраснѣлъ отъ стыда и жалости, и съ тѣхъ поръ даже плоды стали краснѣть (сообщила О. Проскура).

Въ станицѣ Бжедуховской записано слѣдующее толкованіе: однажды на первый день Пасхи нѣкій православный встрѣтился

съ знакомымъ евреемъ, шедшимъ съ базара, на которомъ онъ купилъ нѣсколько свѣжихъ куриныхъ яицъ. Православный предложилъ еврею похристосоваться, но еврей отказался, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что онъ не имѣетъ крашанокъ, дабы помѣняться по православному обычаю съ русскимъ.

— А что же у тебя въ платкѣ? Кажется яйца? спрашиваетъ сей послѣдній.

— Да, отвѣчаетъ еврей, это яйца, но не крашеныя, а свѣжія.

И чтобы увѣрить въ этомъ православнаго, приподнялъ узелокъ, но, заглянувъ въ него, увидѣлъ, что бѣлыя свѣжія яйца превратились въ писанки. Опомнившись отъ изумленія, еврей похристосовался съ русскимъ и пожелалъ принять крещеніе (сообщ. А. Прасоловъ).

Въ Харьковѣ я слышалъ такой разсказъ: еврей не вѣрилъ, когда ему говорили, что Христосъ воскресъ. „Тогда я повѣрю, сказалъ онъ, указывая па яица, когда эти бѣлыя яица покраснѣютъ", и яица моментально обратились въ крашанки. Этотъ мотивъ представляетъ передѣлку весьма распространеннаго мотива объ ожившемъ пѣтухѣ. Во II т. „Объясненій малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ" (колядки и щедривки) А. А. Потебни (с. 765) указана литература этой легенды. Въ сочиненіи Чайльда объ англійскихъ и шотландскихъ пѣсняхъ указаны многочисленные западно-европейскіе варіанты этой легенды. Къ этимъ указаніямъ нужно добавить малорусскую легенду объ однобокой рыбѣ (изъ каневскаго у.) въ „Трудахъ" Чубинскаго, I, 67.

Поляки сѣдлецкой губерніи говорятъ, что въ писанки обратились тѣ камни, которыми былъ убитъ св. Стефанъ первомученикъ; въ память объ этомъ событіи и приготовляютъ теперь писанки (*Ulanowska*, въ Zbiór wiadom. VIII, 294). Въ с. Ропчицахъ записано другое польское преданіе о происхожденіи писанокъ: жиды, желая склонить Пилата къ смертному приговору надъ Іисусомъ, дарили дѣтямъ Пилата крашеныя яица (*Udziela*, Piski, 4).

Преданія о происхожденіи писанокъ встрѣчаются рѣдко. Большею частью крестьяне не даютъ объясненія обычая. „Са-

мые тщательные мои распросы, пишетъ мнѣ одинъ священникъ, у наиболѣе сообразительныхъ изъ простонародія лицъ въ моемъ приходѣ не дали нужныхъ свѣдѣній. Эти лица отвѣчали одно и то же: „такъ издавна ведется“.

Кромѣ приведенныхъ религіозныхъ преданій о происхожденіи писанокъ, другихъ отраженій ихъ въ литературѣ, кажется, не существуетъ, если не считать немногихъ пословицъ, напр. „хвора, хвора, а сама якъ пысанка“ (въ купянск. у.).

Общія названія писанокъ опредѣляются способомъ приготовленія и цвѣтомъ ихъ.

Крашанками у малоруссовъ, поляковъ и великоруссовъ называются яица, выкрашенныя въ одинъ цвѣтъ безъ узоровъ. Къ крашанкамъ относятся также яица, выкрашенныя подъ дерево или подъ мраморъ. Въ Екатеринославщинѣ вообще всякое яицо, даже дикой птицы, называется крашанкой: „горобьяча крашанка, дрохвыняча“ и т. п. Это расширеніе значенія крашанки произошло отъ того, что слово „яицо“ считается у малоруссовъ екатерин. губ. неприличнымъ. Если кто имъ обмолвится въ компаніи, то конфузится, а присутствующіе смотрятъ на него удивленно—будто услыхали что непристойное. Пасхальное красное яицо называется „червона крашанка“.

Писанками у малоруссовъ великоруссовъ и поляковъ называются пасхальныя яица, раскрашенныя въ два, три цвѣта и болѣе.

Piski—мѣстное польское (у Тарнова) названіе писанокъ.

Галунки въ подольской г. крашанки, отъ сл. галунъ—квасцы.

Malowanki—у поляковъ крашанки.

Rysowanki и Byczki—мѣстныя польскія названія для писанокъ и крашанокъ.

Skrobanki—польскія писанки, на которыхъ рисунокъ вырѣзанъ иглой или ножемъ.

Kraslicy у чеховъ и моравовъ крашанки и писанки.

Pyrič и červenati — хорутанскія названія для крашанокъ и писанокъ.

Marguczej—названіе крашеныхъ яицъ въ Литвѣ.

Районъ распространенія писанокъ обширенъ; но съ теченіемъ времени онъ все болѣе суживается и уменьшается. Въ

прошломъ вѣкѣ писанки были извѣстны во всей Европѣ и въ передней Азіи (у грековъ и персовъ шіитовъ). Нынѣ онѣ распространены почти повсемѣстно среди малоруссовъ (отъ Галиціи до Кубани), поляковъ, чеховъ, сербовъ, болгаръ, румынъ, грековъ, литовцевъ, латышей. Въ южныхъ великорусскихъ губерніяхъ въ ходу писанки, въ сѣверныхъ — деревянныя крашанки. Въ восточной Сибири, по недостатку куръ, писанками служатъ пестрыя яица дикихъ птицъ, добываемыя съ большимъ трудомъ на приморскихъ скалахъ (*Mazurewicz*, Wisła, 1889, 713—714). У малоазіатскихъ грековъ въ Чистый четвергъ несутъ въ церковь на Страсти столько писанокъ, сколько въ домѣ членовъ семейства; сохраняютъ эти писанки до Пасхи (*Carnoy et Nicolaides*, Traditions de l'Asie Mineure, 302). Обрядовое употребленіе яицъ на Свѣтлой недѣлѣ весьма обычно въ въ Германіи (*Heineke*, Revue d. trad. popul. 1889, VI, 351); кое-гдѣ въ нѣмецкихъ странахъ сохранились и писанки. Во Франціи сохраняются еще одноцвѣтныя (красныя) крашанки. Онѣ были выставлены на съѣздѣ фольклористовъ въ Парижѣ въ 1889 г. (*Zmigrodzki*, Wisła, 1889, 971).

Время появленія писанокъ у русскихъ славянъ не поддается опредѣленію. Неизвѣстно, употреблялись ли писанки на Руси до принятія христіанства или же онѣ появились здѣсь подъ вліяніемъ христіанства, занесены сюда изъ Византіи и Болгаріи. Отрицать до-христіанское существованіе писанокъ на Руси вполнѣ нельзя, если принять во вниманіе обширное религіозно-обрядовое употребленіе у древнихъ славянъ пѣтуха и куръ. Болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе о византійскомъ происхожденіи русскихъ писанокъ; на это указываютъ связанныя съ ними религіозныя преданія. Можно предположить, что онѣ проникли въ Россію въ глубокой древности, вмѣстѣ съ христіанствомъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ писанки были уже въ сѣверной и южной Руси. Въ московской Руси цари въ Свѣтлый праздникъ раздавали приближеннымъ яица гусиныя, утиныя, куриныя, деревянныя, расписанныя по золоту яркими красками. Приготовленіемъ такихъ яицъ къ празднику Пасхи въ старину въ московской Руси занимались пекари, иконописцы,

травщики оружейной палаты и монахи Троицко-Сергіевской Лавры (*Калинскій*, 461, вз. изъ Домаш. быта русск. царей, Забѣлина). Этотъ обычай привлекъ къ себѣ вниманіе иностранцевъ, посѣщавшихъ московское государство; о немъ упоминаютъ Герберштейнъ, Іовій, Маржеретъ, Петрей, Олеарій и др. (*Терещенко*, Бытъ русск. нар., VI, 93). Въ XVIII ст. писанки и крашанки были въ употребленіи среди высшихъ слоевъ общества. Суворовъ, отслушавъ заутреню и раннюю обѣдню, становился въ рядъ съ священниками и христовался со всѣми безъ разбора. Позади Суворова стояли деньщики съ корзинами крашеныхъ яицъ, и онъ каждому подавалъ яицо, а самъ ни отъ кого не принималъ (ib., 90). Въ помѣщичьихъ семьяхъ недавняго времени еще соблюдали подобный обычай; но затѣмъ обычай христосованія съ одариваніемъ писанками вышелъ изъ употребленія у интеллигентныхъ слоевъ общества, и крашанки удержались на пасхальномъ столѣ какъ украшеніе.

Бопланъ, служившій въ Украинѣ въ половинѣ XVII в., говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ Страстную субботу (?) всѣ идутъ въ церковь, для присутствованія при церемоніи, которая состоитъ въ томъ, что кладутъ во гробъ изображеніе Спасителя и потомъ вынимаютъ оное съ большимъ торжествомъ. Послѣ сего мужчины и женщины, юноши и дѣвицы, преклонивъ колѣни предъ владыкою, т. е. епископомъ, подаютъ ему по яицу, расписанному красною или желтою краской, говоря: „Христосъ воскресъ!“ Епископъ, взявъ яицо, отвѣчаетъ: „Во истину воскресъ“, и цѣлуетъ женщинъ и дѣвицъ... Митрополитъ Могила, глава всѣхъ украинскихъ епископовъ, исполняетъ обрядъ сей въ Кіевѣ такъ же, какъ и самый бѣдный сельскій священникъ, который по малороссійски называется господиномъ (панъ отецъ). Въ продолженіи восьми дней нельзя выйти изъ дома безъ добраго запаса крашеныхъ яицъ, чтобы христосоваться оными со всѣми друзьями“ (*Бопланъ*, Описаніе Украины, 77—79).

Время приготовленія писанокъ, за немногими исключеніями, четвергъ, пятница и суббота Страстной недѣли. Въ Черноморіи въ станицѣ Старокорсунской окрашиваніе яицъ

обязательно начинается въ Чистый четвергъ, когда зазвонятъ къ страстямъ. Въ этотъ день окрашивается не болѣе десяти яицъ, которыя завязываются въ особый узелокъ и такъ остаются до перваго дня Пасхи (сообщ. Мишневъ). Тоже соблюдается во многихъ другихъ мѣстностяхъ Черноморіи. Въ Зеленчукѣ красятъ въ четвергъ, а при надобности и въ остальные два дня Страстной седьмицы, причемъ успѣваютъ за это время въ большей семьѣ окрасить около сотни яицъ (сообщ. Проскура). Тожественный обычай существуетъ у малоазіатскихъ грековъ въ окрестностяхъ Смирны и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши. Въ Малороссіи во многихъ мѣстахъ писанки начинаютъ приготовлять исподоволь съ начала или съ половины поста, а крашанки на послѣднихъ дняхъ Страстной седьмицы. Въ Барсуковской станицѣ кубанской области крашанки приготовляютъ въ Страстную субботу, а писанки съ 5 недѣли Великаго поста (сообщ. К. Донцовъ). Такое же обыкновеніе бытуетъ въ с. Калиновкѣ купянскаго у. (сообщ. г. Пелиховъ), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши (*Wisła*, 1890, IV, 824). Въ сѣверныхъ частяхъ польскихъ этнографическихъ предѣловъ красятъ яица отъ Проводской недѣли до Зеленыхъ святокъ (ib., 824). У Тарнова приготовляютъ писанки съ полудня понедѣльника Свѣтлой недѣли до Зеленыхъ святокъ (*Udziela*, 4). Въ Босніи—отъ Великой пятницы до Вознесенія (*Гласник* зем. Музеjа, 1889, III). Вообще, время приготовленія писанокъ обусловливается случайными соображеніями экономическаго свойства.

Окрашиваніе яицъ въ четвергъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ станицѣ Гурійской, кубанской области, обусловлено тѣмъ повѣрьемъ, что если покраска яицъ произведена въ четвергъ Страстной недѣли, то таковыя писанки и крашанки не протухаютъ въ теченіи двѣнадцати дней и болѣе, въ какомъ бы мѣстѣ онѣ ни хранились, тогда какъ другія крашанки, буде онѣ изготовлены раньше четверга или позже, скоро портятся и дѣлаются негодными къ употребленію (сообщ. Лапушнякъ).

Окраска яицъ производится исключительно женщинами, въ однихъ мѣстахъ дѣвушками, въ другихъ, гдѣ обычай уже

погибаетъ, немногими старухами. Кое-гдѣ съ упадкомъ обычая выступили на сцену маляры. У поляковъ (*Udziela*, 5; *Wisła*, 1890, II, 461) и у малоруссовъ каменецъ-подольской губерніи ямпольскаго у. (сообщ. Савинова) расписываютъ яица дивчата. Онѣ сходятся по 2, по 3 и болѣе въ одной хатѣ и весело принимаются за пріятную работу, иногда въ присутствіи парубковъ. Въ харьковской губерніи работаютъ большею частью старухи, въ одиночку.

Въ опытныхъ рукахъ расписываніе идетъ бойко, и яйцо быстро покрывается изящнымъ рисункомъ. Вотъ какъ описываетъ г. Глинскій работу лучшей мастерицы писаночнаго дѣла въ с. Гульчѣ острожскаго уѣзда Маріи Суходоловой: „Суходолова не только ознакомила меня съ теоріей своего искусства, но и ознакомила меня съ нимъ практически. Она показала всѣ необходимыя принадлежности писаночнаго дѣла и въ моемъ присутствіи расписала въ простую писанку одно яйцо. Суходолова положительно поражаетъ въ этомъ дѣлѣ ловкостью пріемовъ и пріобрѣтеннымъ навыкомъ. Расписываніе писанки въ довольно сложный узоръ у ней шло такъ же скоро и ловко, какъ переписка у любого каллиграфа. Держа яйцо въ указательномъ и большомъ пальцахъ лѣвой руки, она держала кисточку въ правой рукѣ, какъ писчее перо, и слегка касалась яица правымъ мизинцомъ, чтобы фиксировать пишущую руку. Линіи изъ подъ кисточки выходили совершенно ровныя и правильныя“ (*Елисав. Вѣстн.*, 1889, № 103).

Мѣстами приготовленіе писанокъ обставлено нѣкоторой обрядностью. Въ каменецъ-подольской губерніи и въ кубанской области къ приготовленію писанокъ приступаютъ отговѣвшись. Въ слоб. Анниной лебед. у. женщина, приготовляющая писанки, воду для мойки яицъ и составленія красокъ беретъ изъ долины снѣговую, несетъ эту воду рано утромъ, не поворачиваясь назадъ или въ сторону, при встрѣчѣ съ кѣмъ-либо не здоровается и не отвѣчаетъ ни на привѣтствія, ни на вопросы, словомъ, соблюдаетъ строгое безмолвіе (сообщ. Дмитріевъ). Здѣсь къ обычаю раскраски яицъ примкнуло повѣрье о таинственно-цѣлеб-

номъ и могущественномъ значеніи непочатой воды, повѣрье, бытующее въ Россіи, Германіи и Франціи.

Въ с. Гульчѣ острожскаго у. яица держатъ въ краскѣ въ теченіи двухъ или трехъ „Отченашей", т. е. такого времени, сколько требуется, чтобы прочитать два, три раза молитву „Отче нашъ" (*Елисав. Вѣстн.*, 1889, № 103).

Принадлежностей писаночнаго дѣла немного: горшокъ съ воскомъ, черепокъ съ горячими угольями, на которыхъ растапливается воскъ, кисточка домашняго издѣлія и краски. Эти простыя принадлежности, въ особенности краски, заслуживаютъ вниманія.

Краски бываютъ домашняго изготовленія или покупныя. Первыя добываются изъ тѣхъ растеній, которыя входятъ въ мѣстную огородную или лѣсную флору. Такъ:

Желтая краска добывается изъ коры дикорастущихъ яблонь, изъ шелухи лука или, что встрѣчается рѣже, изъ цвѣтковъ бузины. Желтая краска получается такимъ образомъ: въ горшокъ складывается яблоновая кора или шелуха лука, наливается холодной водой и кипятится. Въ станицѣ Барсуковской кубан. обл. цвѣтъ темно-желтый или „гавановый" получается изъ шелухи спѣлаго лука, а свѣтло-желтый изъ мѣстнаго цвѣтка серпія (сообщ. Донцовъ). Въ купянскомъ у. желтую краску добываютъ изъ отвара купавокъ—Pyrethrum cor. (сообщ. П. В. Ив.), у поляковъ — изъ желтыхъ цвѣтковъ Caltha palustris (Udziela).

Синій цвѣтъ добывается въ ст. Удобной кубанской области изъ луковичнаго растенія, называемаго толкачики, по цвѣту—синька. Это растеніе рано показывается изъ земли вмѣстѣ съ подснѣжникомъ; если перекипятить краску, то яица окрашиваются въ темно-синій и черный цвѣта (сообщ. Жуковъ). Въ екатеринославской губ. изъ отвара гречаной половы получается цвѣтъ индиго (сообщ. Манжура), въ харьк. губ. изъ сушеныхъ цвѣтовъ синей мальвы Althea rosea (сообщ. П. В. И.).

Голубая краска для писанокъ въ кубанской области добывается изъ весеннихъ цвѣточковъ кіёчки, иначе называемыхъ барашки (с. Кобеляцкаго).

Зеленая краска добывается изъ ягодъ черники или ягодъ дикорастущей бузины, которыя растираются съ растворомъ желтой краски въ кашицу (въ Подоліи), изъ сережекъ осины или „котиковъ" (тамъ же), изъ листьевъ жита (у поляковъ), изъ цвѣтовъ темно-красной рожи въ соединеніи съ желтой краской (харьк. губ.), изъ пролѣсковъ—scilla (харьк. и екат. губ.), изъ мха (у поляковъ варшавск. губ.).

Черная краска съ сизымъ отливомъ цвѣта воронова крыла добывается изъ коры ольхи (сообщ. Прасолова) и молодыхъ листьевъ черноклена—Acer tataricum (сообщ. П. В. И.).

Красная краска въ Полѣсьѣ изъ мѣстной кошенили или „червеца" (*Левченко*, въ Зап. ю. з. о. географическ. общ., II, 149).

Мраморная краска получается изъ смѣшенія навара сухихъ листьевъ съ сытовымъ медомъ или чаще отъ завертыванія яицъ въ цвѣтную бумагу или лоскутки ситцевой матеріи.

Красный и синій цвѣта въ настоящее время получаются большею частью отъ анилиновыхъ красокъ. Фуксинъ и метеленовая синька, благодаря своей дешевизнѣ и цвѣтовымъ достоинствамъ во многихъ мѣстахъ вытѣснили старинныя краски домашняго приготовленія. Мѣстами слышится еще протестъ противъ фуксина. Такъ, въ с. Кубанскомъ куб. обл. записано народное повѣрье, что грѣшно красить пасхальныя яица въ фуксинъ, но почему грѣшно, никто не можетъ объяснить, и въ самомъ с. Кубанскомъ фуксинъ оказывается наиболѣе употребительной краской при окрашиваніи пасхальныхъ яицъ (сообщ. Дружининъ). Крестьяне считаютъ фуксинъ ядовитой краской и называютъ ее „въѣдливой", такъ какъ скорлупа яица окрашивается не только снаружи, но и внутри, а при скважинѣ окрашивается и бѣлокъ. Красный сандалъ и фуксинъ покупаются въ лавочкахъ или вымѣниваются (въ кубан. обл.) у мелкихъ подъѣзжающихъ къ каждому двору торговцевъ за яица, щетину и свиное сало (сообщ. Проскура).

Кромѣ красокъ для приготовленія писанокъ необходима еще обезцвѣчивающая жидкость. Таковой большею частью бываетъ бураковый квасъ или растворъ квасцовъ (галунъ).

Единственнымъ орудіемъ при раскраскѣ яицъ служитъ тонкая жестяная трубочка около сантиметра длиною, укрѣпленная нитками въ разщеплинѣ одного конца небольшой палочки. Трубочки изготовляются самими мастерицами изъ кусочковъ тонкой жести, которую для образованія трубочки загибаютъ на иголкѣ. Кисточки употребляются разныхъ калибровъ, смотря по тому, какой толщины требуются линіи въ рисункѣ писанки. При расписываніи трубочка обмакивается въ растопленный воскъ и однимъ концомъ трубочки выводится задуманный узоръ. Такъ приготовляютъ кисточку на Волыни въ острож. у. (*Елисав. Вѣст.*, 1889, № 103).

Въ купянскомъ у. харьк. губ. кисточка приготовляется такимъ же образомъ изъ четырехъ-угольнаго кусочка фольги (длиною около дюйма и шириною въ $1^1/_2$ линіи), загнутаго на иголкѣ (сообщ. Скубакъ и Пелиховъ).

Въ д. Кислицкой ямпольскаго у. каменецъ-подольской губ. кисточка приготовляется слѣдующимъ образомъ: Одна изъ дѣвушекъ вынимаетъ изъ уха сережку, отламываетъ отъ нея „дротъ", т. е. то металлическое колѣнце, которое продѣвается въ ухо; этотъ дротъ привязывается къ деревянной палочкѣ, и дѣвушка говоритъ: „треба разводыть писанки!" Это значитъ, что пора приступить къ дѣлу. Дротъ, прикрѣпленный или привязанный къ палочкѣ, называется кисточкой. Кисточка обмакивается въ растопленный воскъ и на яицо кладутся восковые узоры.

Тожественная съ волынской и харьковской польская кисточка—„pisak" (*Wisła* 1890, 820), сходная сербская—„шараликъ" (*Гласник. з. муз.*, 1889, III).

Кисточки, употребляемыя на Волыни, въ Харьковщинѣ и въ Польшѣ, представляютъ то удобство, что воскъ располагается по яицу равномѣрно, ровными линіями. Отъ серьги же и т. п. орудій получаются утолщенные концы линій.

Въ ст. Кубанской куб. обл. поверхность яица поливаютъ воскомъ изъ соломенной трубочки (сообщ. Дружининъ).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., Неберджаевской станицѣ куб. обл., держатъ восковую свѣчу въ наклоненномъ положеніи, чтобы частицы расплавленнаго воска отдѣлялись отъ свѣчи, и

выводятъ на скорлупѣ яица разныя фигуры (сообщ. Щ.). При такой раскраскѣ не можетъ быть и рѣчи о той тонкости, правильности и изящности рисунка, какія свойства имѣютъ писанки, разрисованныя посредствомъ трубочки—кисточки.

Приготовленіе писанокъ обыкновенно идетъ такъ: когда сдѣланъ или написанъ на натуральномъ фонѣ яйца узоръ, яйцо кладутъ обыкновенно прежде всего въ растворъ желтой краски. Вынувъ изъ краски, мы, слѣдовательно, получимъ желтый фонъ и на немъ бѣлый узоръ, такъ какъ краска не могла окрасить только тѣхъ мѣстъ, которыя были покрыты воскомъ. По желтому фону опять пишутъ воскомъ и кладутъ въ зеленую краску; получится, слѣдовательно, зеленый фонъ и на немъ узоръ бѣлаго и желтаго цвѣта. По зеленому фону пишутъ опять и яйцо опускаютъ въ „бураковый квасъ“ для обезцвѣчиванія: получится опять вмѣсто зеленаго фона—фонъ натуральной яичной скорлупы, и затѣмъ яйцо опускаютъ или въ красную, или въ синюю краску, смотря по желанію. Опускать яйцо въ красную или синюю краску безъ предварительнаго обезцвѣчиванія отъ предъидущей краски нельзя, потому что отъ смѣшенія зеленой съ красной не можетъ получиться красный цвѣтъ, а равно также не получится синій цвѣтъ требуемаго тона отъ смѣшенія зеленаго съ синимъ. Красить же яйцо непосредственно послѣ желтой въ зеленой краскѣ напротивъ рекомендуется, какъ лучшее средство сдѣлать зеленую краску болѣе интенсивной и болѣе прочной. Что касается обезцвѣчиванія, то требуется послѣ опусканія яйца въ „бураковый квасъ“ хорошенько вытереть яйцо сначала суконной, а затѣмъ полотняной тряпочкой. Когда яйцо выкрашено въ красной краскѣ, по красному фону опять пишутъ воскомъ и т. д. Такимъ образомъ рисунокъ писанки можетъ состоять изъ нѣсколькихъ цвѣтовъ, смотря по желанію пишущей. Фономъ писанки будетъ тотъ цвѣтъ, въ какую краску было опущено яйцо въ послѣдній разъ. Если желательно имѣть фономъ натуральный цвѣтъ яичной скурлупы, то яйцо въ заключеніе обезцвѣчиваютъ. Когда окраска и расписываніе закончены, яйцо слегка нагрѣваютъ передъ пламенемъ, чтобы обтаялъ воскъ изатѣмъ уже готовыя писанки пекутъ, для чего ставятъ ихъ

въ мискѣ въ не очень горячую печь на 10—15 минутъ. Этимъ и заканчивается вся техническая сторона дѣла. Описанный методъ даетъ писанкамъ не только хорошаго тона краски, но и сообщаетъ послѣднимъ довольно значительную прочность. Что же касается самихъ манипуляцій расписыванія, то онѣ требуютъ не мало времени, терпѣнія и ловкости.

Этотъ способъ разрисовки яицъ встрѣчается въ Малороссіи, Галичинѣ, въ кубанской области, у поляковъ, чеховъ, боснійскихъ сербовъ.

Иногда прибѣгаютъ къ такому способу: окрашиваютъ яйцо и потомъ острой иглой или ножикомъ вырѣзываютъ рисунокъ. У литовцевъ и поляковъ такія писанки называются скробанками. Обычай этотъ бытуетъ у литовцевъ ковенской и ломжинской губ. (*Wisła*, 1890, 822), у чехо-моравовъ, извѣстенъ въ Великороссіи, на что есть указаніе въ „Пошехонской Старинѣ“ Салтыкова (стр. 264 въ изд. 1890 г.), извѣстенъ и въ Малороссіи. (Въ Украинскихъ узорахъ г-жи Косачевой, см. писанку подъ № 6, по окрашенному въ красный цвѣтъ яйцу ножемъ выцарапаны цвѣты).

Въ монастыряхъ и въ семьяхъ интеллигентнаго общества способы приготовленія писанокъ весьма разнообразны и искусственны: обклеиваютъ яйцо разноцвѣтными кусками шелковой матеріи или картинками, обклеиваютъ волошскіе орѣхи воскомъ и на немъ проводятъ разноцвѣтныя нити и проч. Городскихъ и монастырскихъ писанокъ мы не касаемся.

Обрядовое употребленіе крашанокъ и писанокъ пріурочено къ послѣднимъ днямъ Великаго поста, Свѣтлой и Ѳоминой недѣлямъ, преимущественно къ первымъ днямъ Пасхи.

Въ Бжедуховской станицѣ кубанской области, прикладываясь въ Страстную пятницу къ плащаницѣ, кладутъ около нея красныя яйца (сообщ. Прасолова).

Въ купянскомъ у. харьк. губ. одинъ изъ членовъ семейства выстаиваетъ Дѣянія и утреню въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье съ писанкой въ карманѣ, которую затѣмъ сохраняетъ, какъ домашній талисманъ, въ теченіе года (сообщ. Пелихова).

На Волыни писанками украшаютъ корзины съ хлѣбомъ, когда несутъ его въ церковь святить (*Елисавет. Вѣстн.* 1889, № 103).

Обычно употребленіе крашанокъ и писанокъ при разговѣніи и христосованіи. Въ Малороссіи, кубанской области (по сообщ. Мишнева), въ Галиціи („*Зоря Галицкая*" 507) начинаютъ разговляться съ освященнаго краснаго яйца.

На Волыни писанки идутъ на пасхальные подарки почетнымъ и уважаемымъ лицамъ (*Елисав. Вѣст.* 1889, № 103).

Дѣвушки дарятъ писанки своимъ женихамъ; изрѣдка наоборотъ парубки дивчатамъ. Въ повѣсти Квитки „Отъ тоби и скарбъ" мастерица Оришка приготовила „хорошу та гарну нысанку Тымоси, писаревому сыну, то отъ се писля Провидъ подае за нёго рушныкы, а писля Ушéстьтя на Клечáлный, и весилля буде". Въ Подоліи на третій день Свѣтлой недѣли хлопцы нанимаютъ музыку и приглашаютъ дивчатъ танцовать, а дивчата при этомъ одариваютъ парубковъ писанками (сообщ. Савинова). Въ купянскомъ у. (с. Тарасовкѣ) женихъ обязательно даритъ невѣстѣ писанку (сообщ. Свѣтъ).

Въ Старой Сербіи молодки (того года обвѣнчанныя) на другой день Пасхи послѣ крестнаго хода на улицѣ обходятъ вмѣстѣ съ свекровями мужчинъ, даря каждому по два красныхъ яйца (*Ястребовъ*, Об. и пѣс. турец. сербовъ, 121).

По чешскому народному повѣрью обмѣнъ крашанками скрѣпляетъ дружбу (*Straněcka*, 10).

Въ Кіевщинѣ и въ Подоліи на второй день Пасхи дѣти идутъ христосоваться по хатамъ; крашанки и писанки у хозяйки лежатъ на припечкѣ, а пасха на столѣ; если хозяйка довольна, она даетъ дѣтямъ по яйцу; если недовольна—по ломтю пасхи (сообщ. Савинова; *Максимовичъ*, Собр. соч., II, 471).

Въ Кіевщинѣ и въ Галиціи на второй день Пасхи еще на разсвѣтѣ парубки ходятъ по тѣмъ хатамъ, гдѣ есть взрослыя дивчата, и если застаютъ спящей или неодѣтой, то обливаютъ водой. Дѣвушки заблаговременно поджидаютъ ихъ и кладутъ имъ въ ведро пару крашанокъ (*Максимовичъ*, Собр. соч., II, 472). Обычай этотъ существуетъ издавна. Бопланъ въ „Описа-

ніи Украины“ (1650 г.) говоритъ: „утромъ на другой день Пасхи молодые люди толпами разгуливаютъ по улицамъ, ловятъ встрѣчающихся дѣвицъ, ведутъ плѣнницъ къ колодцу и обливаютъ съ головы до ногъ 5 или 6 ведрами воды, такъ что на бѣдненькихъ не остается сухой нитки. Эта забава дозволяется только до полудня. Во вторникъ настаетъ очередь для дѣвицъ, которыя мстятъ шалунамъ съ большой хитростью: притаившись въ какомъ нибудь домѣ и приготовивъ кружки съ водою, онѣ ставятъ на караулъ дѣвочку, которая при появленіи молодаго человѣка подаетъ знакъ; дѣвицы выбѣгаютъ изъ засады и ловятъ его съ ужаснымъ крикомъ, на который сбѣгаются подруги ихъ изъ сосѣднихъ домовъ. Двѣ или три сильныя дѣвушки держатъ молодца за руки, а прочія окачиваютъ его водою изъ кружекъ“ (стр. 79).

Обычай этотъ встрѣчается и за предѣлами Малороссіи. Въ Чехіи онъ называется помлазкой и состоитъ въ томъ, что молодые люди, парни и дѣвицы, сначала бьютъ другъ друга вербовыми вѣтками, а потомъ одариваютъ другъ друга писанками, или краслицами. Въ чешскихъ письменныхъ памятникахъ XIV в. упоминается уже этотъ обычай, съ указаніемъ, что и писанки при этомъ употреблялись. Въ одной церковной проповѣди 1610 г. находится подробное описаніе помлазки въ Прагѣ; на улицахъ продавались разукрашенные прутья; парни покупали ихъ, ходили съ ними по улицамъ и били женщинъ по рукамъ, требуя себѣ писанокъ. Наравнѣ съ пасхальной помлазкой въ Чехіи издавна бытуетъ обычай обливанія водой и одариванія писанками (*Zibrt*, Staročeske vyročni obyčeje, 77—83).

Обычаи пасхальнаго обливанія водой съ одариваніемъ писанками былъ, а мѣстами и нынѣ сохраняется у поляковъ. У витебскихъ латышей обрызгиваютъ водой и одариваютъ яйцами пастуховъ на Юрьевъ день, при выгонѣ въ поле скота. (*Вольтеръ*, Матер. для этногр. латыш. племени, 3). Сходные обычаи нѣмецкіе и славянскіе, см. въ „Поэтич. воззрѣніяхъ“ *Аѳанасьева*, (III, 490—492).

Сопоставляя эти весенніе обычаи, можно прійти къ тому заключенію, что въ основѣ лежитъ символическое изображеніе

весенней природы, причемъ яйцо означаетъ солнце, вода—дождь, и самый обрядъ выражаетъ желаніе плодородія, а въ переносномъ на людей смыслѣ силы, здоровья и радости.

Красное яйцо даетъ здоровье, силу и красоту. Крестьяне, заслышавъ впервые весенній громъ, умываются съ краснаго яйца на красоту, счастье и здоровье. На Юрьевъ день, выгоняя скотъ въ поле, гладятъ лошадей по хребту отъ головы до хвоста пасхальнымъ яйцомъ и приговариваютъ, „какъ яичко гладко и кругло, такъ моя лошадушка будь и гладка, и сыта“ (*Аѳанасьевъ* Поэт. воззр., I, 538). Въ Купянскомъ у. харьк. губ. въ Страстную субботу кладутъ въ воду двѣ крашанки и монету. Собираясь къ заутренѣ въ Свѣтлое Воскресенье, умываются этой водой или всѣ члены семейства, или только молодежь для полученія здоровья и красоты.

Красное яйцо даетъ также плодородіе. Въ Великороссіи на праздникъ Пасхи крестьяне ставятъ на столъ кадку съ зернами пшеницы, зарывая въ ней яйцо, и зерна эти берегутъ для посѣва. Отправляясь сѣять ленъ, кладутъ въ мѣшокъ, наполненный сѣменами, яйца, а при посѣвѣ конопли разбрасываютъ по полю яичную скорлупу. Въ день Вознесенія ходятъ на поля, засѣянныя рожью, и подкидываютъ кверху красныя яйца, чтобы рожь такъ же высоко поднялась, какъ подброшенное яйцо (*Аѳанасьевъ*, I, 537). Въ лебединскомъ у. харьк. губ. изъ пасхальныхъ яицъ оставляютъ пару крашанокъ до Юрьева дня (23 апр.), а въ этотъ день идутъ на жита, качаютъ крашанки по зелени и зарываютъ ихъ въ землю на нивѣ, чтобы хлѣбъ былъ полный и не вылегалъ. Во время сбора хлѣба откапываютъ зарытыя яйца (сообщ. Дмитріева). Въ Чехіи закапываютъ на нивѣ скорлупу пасхальныхъ яицъ (Stranečka, 9).

Еще въ 1856 г. Максимовичъ замѣтилъ въ статьѣ „Дни и мѣсяцы украинскаго селянина“, что пасѣчникъ (въ Кіевщинѣ) идетъ на пасѣку похристосоваться съ своими пчелами и несетъ имъ безконечникъ—писанку, испещренную вокругъ одною непрерывною чертою; онъ кладетъ ее подъ первый или покутній улей, называемый хозяиномъ, на которомъ всегда лежитъ ладанъ, и главный улей, Зо́симъ, стоитъ всегда середь пасѣки

(Собр. соч., II, 472) Точно такое обыкновеніе существуетъ нынѣ въ купянскомъ уѣздѣ (сообщенія изъ двухъ селъ NN и Склобинской). Въ екатериносл. губ. скорлупа отъ освященныхъ яицъ идетъ на весеннюю закормку пчелъ (сообщ. Манжуры).

Въ купянскомъ уѣздѣ крашанчи или только скорлупа отъ нихъ предохраняютъ хлѣбъ отъ мышей: когда привезутъ съ поля снопы новаго хлѣба, то, положивъ накрестъ четыре снопа, кладутъ подъ нихъ скорлупу крашанокъ и кости отъ пасхальнаго поросенка, и затѣмъ накладываютъ стогъ.

Въ лебединскомъ уѣздѣ пару первыхъ крашанокъ откладываютъ отдѣльно и берегутъ въ домѣ, какъ средство, предотвращающее громовой ударъ надъ дворомъ (сообщ. Дмитріева). Въ Чехіи для предохраненія избы отъ громоваго удара бросаютъ черезъ нее яйцо, снесенное въ зеленый четвергъ и освященное на Свѣтлый праздникъ (*Straněcka*, 7; *Аѳанас.*, I, 538).

Въ Великороссіи при пожарахъ обносятъ вокругъ загорѣвшагося зданія яйцо, которымъ христосовались въ первый день Свѣтлаго праздника, и вѣрятъ, что огонь далѣе не распространится. Яйцо это, брошенное въ пламя пожара, тотчасъ погашаетъ его (*Аѳан.*, I, 538). Въ купянскомъ у. сохраняютъ пасхальное яйцо, полученное въ церкви отъ священника, какъ предохранительное средство отъ пожара (сообщ. Свѣтъ). Въ томъ же уѣздѣ записано повѣрье, что въ случаѣ пожара помогаетъ первая пара яицъ, окрашенная во время выноса плащаницы (сообщ. NN). Въ Неберджаевской станицѣ кубанской области предохранительнымъ средствомъ отъ пожара считается писанка, полученная въ первый день Пасхи отъ священника. Въ случаѣ пожара эту писанку бросаютъ въ ту сторону, откуда дуетъ вѣтеръ, чтобы дать ему другое направленіе (сообщ. П. Щ). Точно такой обычай существуетъ у хорватовъ.

Писанкамъ приписывается еще важное лѣчебное значеніе. Въ с. Калиновой купянскаго у., если кто давно страдаетъ лихорадкой и ничто не помогаетъ, то на шею больнаго вѣшаютъ крашанку, которая была въ церкви въ ночь подъ Свѣтлое Воскресенье (сообщ. Пелихова). Тожественное повѣрье записано въ кубанской области. Въ Тенгинской станицѣ больныхъ ли-

хорадкой окуриваютъ скорлупой освященныхъ писанокъ или вѣшаютъ скорлупу на шею (сообщ. Расавскаго). Тоже и въ Старокорсунской станицѣ (сообщ. Мишнева).

Въ лебединскомъ у. и на Кубани крашанками лѣчатъ отъ желтяницъ: засушиваютъ нѣсколько свяченыхъ крашанокъ, растираютъ въ порошокъ желтокъ и даютъ съ водою во время разлитія желчи (сообщ. Мишнева) или подкуриваютъ больнаго желтяницами скорлупами крашанокъ (сообщ. Дмитріева).

Въ с. Араповкѣ купянскаго у. крашанки употребляются какъ лѣкарство отъ рожи или бышихи (сообщ. Скубака).

Писанки имѣютъ важное предохранительное значеніе отъ сглазу и порчи коровъ вѣдьмами, а также и отъ порчи куръ. Въ купянскомъ уѣздѣ и на Кубани распухшее вымя подкуриваютъ писаночной скорлупой (сообщ. Склобинской, Товпекина и Дудка). Особенно характерно употребленіе писаночныхъ скорлупъ и другихъ освященныхъ остатковъ пасхальнаго стола, какъ оберега отъ колдовства, въ станицѣ Зеленчукской кубанской области. Собравъ остатки (скорлупу, хлѣбныя крошки и т. п.), просверливаютъ рогъ у коровы, предварительно окропленной святой водой, и залѣпливаютъ щель. Дѣлаютъ это для охраны коровы отъ чародѣйской порчи (сообщ. О. Проскура).

Въ купянскомъ у. и на Кубани писанки несутъ на кладбище и кладутъ на могилы или зарываютъ въ землю. Въ с. Араповкѣ отмѣченъ такой обычай: „На велыкдень йдутъ на кладовыще и закопують писанки; на другый день одкопують и роздають дитямъ. Якъ вси крашанки цилы, такъ значыть душа покойныка угодна Богу, а якъ собаки або хто другый ихъ поодрыва, такъ душа невгодна Богу и незвисно чимъ помогты тій души“ (с. Скубакъ). Существуетъ повѣрье, что если положить на могилу ту крашанку, которая впервые была получена на Пасху, то покойникъ слышитъ все, что говорятъ ему (сообщ. Донцова, Пелихова, Проскуры). Въ Старокорсунской станицѣ въ первый день Пасхи старшій въ семьѣ несетъ въ церковь писанки, приготовленныя въ четвергъ и раздаетъ ихъ на поминовеніе младенцевъ, умершихъ некрещеными (сообщ. Мишнева). Въ связи съ этимъ повѣрьемъ стоитъ замѣченный въ

купянскомъ у. обычай бросать скорлупу писанокъ въ рѣку для русалокъ и утопленниковъ. По народнымъ преданіямъ въ старину ходили къ рѣкѣ христосоваться съ русалками и раздавали при этомъ крашанки и писанки, покотивъ ихъ предварительно по берегу (сообщ. Скубакъ). Послѣдняя подробность приводитъ къ весьма распространенной игрѣ въ „котка".

Древнѣйшія документальныя свидѣтельства о катаніи яицъ на Пасху относятся къ XIV в., а о битьѣ яицъ къ XVII в.

Въ Россіи монастырскіе наказы XVII в. запрещаютъ пасхальную игру въ битки яицъ (*Аѳанас.*, I, 537). Можно предположить за этими играми глубокую древность, если вѣрно наше мнѣніе, что въ обычаѣ катить яйцо нѣкогда символически выражалось движеніе солнца по тверди небесной. Въ Великороссіи эта дѣтская игра обычна въ настоящее время. Наглядно ее можно видѣть на рисункахъ Каразина и Васнецова въ № 12 „Нивы" 1885 г.

Мѣстные малорусскіе варіанты игры въ пасхальныя яйца незначительны.

Въ купянскомъ у. харьковской губ. различаютъ двѣ игры въ крашанки: 1) навбытка и 2) навкотка. Навбытка играютъ такъ: мальчикъ, постукавъ носкомъ и гузкою яйца о свои зубы, выбираетъ битокъ. Онъ держитъ въ рукѣ яйцо такъ, чтобы былъ виденъ только носокъ его, въ который бьетъ носкомъ своего яйца другой мальчикъ. Затѣмъ бьютъ гузкою о гузку. Выигрываетъ тотъ, у кого яйцо осталось цѣлымъ. Въ навкотка играютъ такимъ образомъ: катаютъ по желобочку изъ лубка яйца, иногда просто съ бугорка и чье яйцо, катясь, ударится или цокнетъ о другое, тотъ выигрываетъ (*Ивановъ*, Игры крест. дѣт., 41). При этомъ дѣло не всегда ведется дѣтьми начисто: иногда дѣти за нѣсколько дней до праздника приготовляютъ крѣпкія битки такимъ образомъ: прокалываютъ шиломъ дырочку въ скорлупѣ, выпускаютъ содержимое яйца и наливаютъ воску, отчего яйцо дѣлается крѣпкимъ. Дѣлаютъ также искусственныя яйца изъ крупичатаго тѣста и окрашиваютъ красной краской (сообщ. Скубакъ).

Въ Полтавщинѣ отмѣчена тожественная игра въ навбитки (*Сементовскій*, въ Маякѣ, 1843. XI).

Въ екатеринославской губ. играютъ „у слипця“ и „у китця“. Первая игра ведется такъ: играющихъ двое. Одинъ ставитъ яйцо на конъ, а другой отходитъ на нѣсколько шаговъ и плотно закрываетъ шапкою глаза. Затѣмъ разъ или нѣсколько оборачивается кругомъ, обыкновенно чѣмъ дальше лежитъ яйцо— тѣмъ оборотовъ меньше, напр. одинъ, а чѣмъ ближе тѣмъ больше (не больше 3-хъ), и затѣмъ идетъ къ яйцу. Если пойдетъ по его направленію и остановится около него, то выигрываетъ. У китця—тоже играютъ двое. Одинъ кладетъ яйцо на конъ, а другой, отошедши на условленное разстояніе, становится въ солдатскую позицію (пятки вмѣстѣ, носки врозь), перегибается и опускаетъ руку съ яйцомъ къ землѣ такъ, чтобы она какъ разъ приходилась между носками сапоговъ и тихо катитъ яйцо. Если попадетъ въ поставленное, то и выигрываетъ. „Навбитки“ встрѣчаются рѣдко, какъ случайность, а не игра. (Сообщ. И. И. Манжура).

Въ кіевской губ. (каневскаго у.) „котючка“, или катаніе писанокъ бываетъ въ первые два дня Пасхи, а „навбитки“ въ первые три дня Пасхи и на проводы. Эти игры почти тожественны съ харьковскими навбитки и навкотки (*Чубинскій*, Труды, IV, 43).

Въ Галиціи существуетъ также игра въ навбитки „проба писанокъ“. Парубки играютъ писанками, полученными отъ дивчатъ (*Лозинскій*, „Зоря Галицкая“, 1860, 509).

Въ кубанской области дѣти также играютъ въ „битки“ и „катанье“ или „навбитки“ и „катки“ (сообщ. Донцева и Дудка).

Игра въ крашанки не ограничивается Свѣтлой и Проводской недѣлями. Во многихъ мѣстахъ Украины дивчата послѣ обѣда въ Юрьевъ день выходятъ катать крашанки въ поле на житахъ и тамъ закапываютъ ихъ въ землю до начатія жатвы (*Максимовичъ*, Собр. соч., II, 485).

У поляковъ плоцкой губ. на Пасху дѣти и взрослые играютъ въ битки и котки, причемъ самыя игры эти тожественны съ малорусскими (*Zbiór Wiadomosci*, II, 17).

Что игра „у китця“ имѣетъ миѳо-символическое значеніе, видно изъ того, что она бываетъ у латышей весной въ честь солнечнаго бога Усеня. Когда пастухи въ первый разъ выгоняютъ коней на ночлегъ, хозяйки даютъ имъ по 4 или по 10 яицъ на лошадь. Пастухи дѣлаютъ углемъ мѣтки на яйцахъ и варятъ ихъ. Иногда бросаютъ яйцо въ густой кустъ вербы, чтобы лошади были хороши, или кладутъ яйцо въ дубъ, чтобы лошади были сильны. Въ польской Лифляндіи этотъ пиръ устраивается обыкновенно наканунѣ Егорова дня. Пастухи бьются яйцами, причемъ тотъ, у кого яйцо крѣпче, приговариваетъ „мой конь сильнѣе“. Въ одной пѣснѣ приглашаютъ принести Усеню въ жертву сто яицъ; въ другой пѣснѣ самъ Усень раздаетъ яйца (*Вольтеръ*, Матер. для этногр. латыш. племени, 26—28).

Катаніе писанокъ, какъ символъ движенія солнца, соотвѣтствуетъ катанію по столу другого солнечнаго символа свадебнаго вѣнка (подроб. см. въ моемъ соч. О свадебныхъ обрядахъ 79—89). Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсняхъ находятся указанія, что дѣвушки, свивши вѣнокъ, катили его по столу *Метлин.*, 143, *Шеинъ*, 361).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ покатить предметъ по землѣ могло означать посвященіе предмета солнцу или точнѣе жертвоприношеніе. Такое значеніе, повидимому, имѣетъ слѣдующій базарный обычай, отмѣченный Г. Ѳ. Квиткой въ „Солдатскомъ портретѣ“. Торговка Явдоха вышла на базаръ съ паляницами (круглый хлѣбъ): „отъ молодыци и кричать Явдоси: а ну, паньматко, выбирай мисце, на щаслыву продажу. Ты въ насъ голова, де ты сядешъ, то и мы биля тебе. Явдоха и узяла зъ чужой коробки паляныцю, стала насходъ сонця, тричи перехрестылась, та и покотыла паляныцю навпаки сонця“. Паляниця упала около солдатскаго портрета. Бабы, принявшія портретъ за живаго солдата не захотѣли садиться около солдата и Явдоха „поворожыла“ другою паляныцею. Эта своеобразная ворожба указываетъ на культъ солнца.

Писанки рѣдко поступаютъ въ продажу. Въ слободѣ Боромлѣ ахтырскаго уѣзда я встрѣчалъ ихъ на базарѣ

въ послѣдніе дни Страстной седьмицы. Малярской работы покупалъ по 5 коп. за писанку, простой „бабской" по 1 коп. Въ повѣсти Квитки „Отъ тоби и скарбъ", написанной въ началѣ 30-хъ годовъ, дѣвушка-мастерица одну изъ писанокъ, лучшую по рисунку, откладываетъ своему жениху, „а уси прочіи понесе вона зъ сестрами завтра у велыкодну суботу на мисто у городъ та попродавшы, накуплять скиндячокъ, стричокъ, шпалеривъ на голубы, шушыхы и усего, чого имъ треба, а чого не попродають, такъ празныкамы пидъ колискамы поминяють на горихы, на мочени кисличкы, на горохвьяныкы и на усяки ласощи". Писанки идутъ на уплату за качели и въ настоящее время въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, въ Харьковщинѣ (сооб. Скубинскій), въ кубанской области (с. Донцова).

На Волыни (с. Глинскаго) и на Кубани (с. Расавскаго и Е. Барановской), изрѣдка въ Харьковщинѣ вѣшаютъ писанки подъ иконами или подъ лампадками. Въ Темрюкѣ въ сырой писанкѣ дѣлаютъ на противоположныхъ концахъ по дырочкѣ, вытягиваютъ ртомъ содержимое яица, затѣмъ продѣваютъ насквозь ленточку или ниточку и привязываютъ къ лампадкѣ (с. Барановской).

На Волыни изъ скорлупы писанокъ, которую стараются сохранить въ возможной цѣлости при помощи воска, выдѣлываютъ такія бездѣлушки какъ кувшинчики, рюмочки, крошечныя вазочки (Елисаветгр. Вѣстн., 1889, № 103).

Писанки или ихъ скорлупа сохраняются въ теченіе года, до слѣдующей Пасхи (с. Пелихова), или до лѣта (Udziela), или до Вознесенія Господня (с. Савинова).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЙТОВСТВО ИВАНА СЫЧЕВСКАГО ВЪ КІЕВѢ.[1]

(1754 — 1766 г.).

IV.

Вѣсть о подчиненіи г. Кіева власти гетмана пришла въ Кіевъ, конечно, раньше пріѣзда депутатовъ и, огорчивъ магистратъ и мѣстное мѣщанство, обрадовала мѣстныхъ козаковъ, а главнымъ образомъ сотника ихъ Михаила Гудима, отецъ котораго, какъ упомянуто выше, присутствовалъ при аудіенціи магистратскихъ урядниковъ у гетмана и слышалъ, какъ последній „командирски репремандовалъ ихъ". Сотникъ, продолжавшій вести такую же войну съ магистратомъ, какую велъ и отецъ его, поднялъ теперь голову. Объ этомъ можно заключить, между прочимъ, по одному дѣлу[2]), возбужденному имъ тотчасъ по полученіи указа о бытіи Кіеву подъ властію гетмана. Изъ дѣла этого видно также, что названному указу давали распространительное толкованіе не только кіевскіе козаки, но и войск. генеральная канцелярія. По ходатайству полковой кіевской старшины, войсковая генеральная канцелярія хотѣла было возложить на магистратскихъ урядниковъ обязанность, до сихъ поръ исполняемую козацкой старшиной, принимать изъ кіев. губ. канцеляріи и препровождать въ Глуховъ въ малороссійскій скарбъ таможенные сборы. Магистратъ не

---

[1]) „Кіевская Старина", 1891, 4.

[2]) См. „Историч. мат. изъ архива кіев. губ. пр." вып. 10, стр. 11—14.

исполнилъ предписанія генеральной канцеляріи, сославшись, между прочимъ, на грамоту, данную гетману Апостолу 16 февраля 1732, которою велѣно „магистрата кіевскаго урядниковъ и мѣщанъ ни въ какіе наряды не употреблять“. Тогда в. генеральная канцелярія, указавъ на недавно послѣдовавшій указъ, предоставлявшій гетману Разумовскому высшую команду надъ кіевскимъ магистратомъ, въ повторительномъ ордерѣ своемъ высказала, что, по этому указу, магистратъ обязанъ „*и во всѣхъ повелѣніяхъ* чинить непремѣнное исполненіе“. Но магистратъ и вторичнаго ордера не послушался, ссылаясь на то, что присланъ онъ „безъ точнаго повелѣнія самого гетмана“. Магистратскіе урядники, очевидно, были весьма искусны въ составленіи такихъ отписокъ съ казуистическими тонкостями: „быть въ точной и полной командѣ гетмана“ для нихъ не значило еще подчиняться ордерамъ его генеральной канцеляріи. Послѣдняя, донося объ этомъ гетману и прося его резолюціи, писала 26-го октября, что де „со всего видно, что магистратъ кіевскій ген. войск. канцеляріи ордеровъ ослушается, да и впредь, чтобъ исполненіе по предложеніямъ ея чинилъ, не надежно, кромѣ ожидаемыхъ излишнихъ переписокъ“. Правда, гетманъ не желая, какъ видно, огорчать магистратъ, далъ по этому дѣлу въ ноябрѣ мѣсяцѣ приказъ, „чтобъ помянутая сумма принимана и отвозима въ Глуховъ чрезъ козаковъ, а урядниковъ и мѣщанъ кіевскихъ къ тому не употреблять“; но въ глазахъ козаковъ это было лишь проявленіе „командирской милости“, а не осуществленіе „права“ магистратскаго. Они ожидали, что съ поступленіемъ магистрата въ „полную и точную команду гетмана“ долженъ наступить и конецъ особымъ „правамъ“ магистрата и привилегіямъ. Такому ожиданію, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ одной изъ существенныхъ привилегій, возбуждавшихъ постоянное неудовольствіе мѣстныхъ козаковъ и породившихъ вѣковую борьбу ихъ съ магистратомъ,—къ монопольной продажѣ питій—подавалъ поводъ тогда же полученный ордеръ гетмана въ отвѣтъ на магистратское прошеніе объ удержаніи козаковъ отъ причиняемыхъ ими обидъ магистрату: „а что касается до чинимаго козаками

шинкованья, писалъ гетманъ, то и оное козакамъ *впредь до имѣючого быть разсмотрѣнія* магистрата кіевского о томъ привилегій и грамотъ, кои всѣ представить намъ отъ того магистрата велѣно, нынѣ накрѣпко запретить". Такое запрещеніе „впредь до разсмотрѣнія", являясь въ глазахъ козаковъ, какъ бы временною лишь мѣрою, оживило ихъ надежду на отмѣну ненавистной имъ магистратской привилегіи.

Между тѣмъ магистратъ не терялъ надежды освободиться отъ гетманской власти. Скоро по возвращеніи депутатовъ пришла вѣсть о совершившемся въ столицѣ переворотѣ, о вступленіи на престолъ императрицы Екатерины Второй. Опять заговорили въ магистратѣ о посылкѣ отъ города депутаціи; но никто уже не довѣрялъ войту, признавая именно его „вредителемъ" привилегій города, а между тѣмъ безъ участія его въ депутаціи нельзя было обойтись. Нѣсколько разъ по пріѣздѣ его изъ Петербурга, приходили къ нему магистратскіе урядники и просили, чтобы „учинилъ обще съ ними въ Пр. Сенатъ представленіе", согласное съ ихъ желаніями, но онъ рѣшительно отъ этого отказался. Тогда магистратъ, составивъ такое представленіе безъ участія и безъ вѣдома войта, отправилъ его съ райцею Өедоромъ Ризенкомъ, Сычевскій же, узнавши объ этомъ, сначала послалъ было въ домъ Ризенка нарочныхъ „съ такимъ умышленіемъ, чтобъ его удержать и къ той поѣздкѣ не допустить, а послѣ вслѣдъ за нимъ, Ризенкомъ, въ Москву писалъ къ его сіятельству о томъ ихъ представленіи". По такому доносу Сычевскаго, генеральный подскарбій Гудовичъ разыскивалъ Ризенка въ Москвѣ, допрашивалъ бывшаго въ то время въ Москвѣ медоваго шафара Андреева о томъ, пріѣхалъ ли Ризенко и съ какимъ именно представленіемъ отъ магистрата; но Ризенко успѣлъ ускользнуть отъ такого сыску и подалъ все таки привезенное имъ магистратское прошеніе въ Пр. Сенатъ и, „употребивъ удобвозможныя къ сокрытію себя мѣры, принужденъ скорѣе оттоль изъ Москвы и безъ полученія резолюціи возвратиться въ Кіевъ" видно, этотъ Өедоръ Ризенко былъ мастеръ въ „хожденіи по дѣламъ" магистратскимъ и недаромъ его особенно не долюбливалъ войтъ Сычевскій и не-

однократно называлъ „ябедникомъ", что иногда въ тѣ времена было синонимомъ хорошаго юриста, „доки",

Вопросъ о посылкѣ отъ города депутаціи ко двору заботилъ однако и Сычевскаго: не раздѣляя стремленій мѣщанства къ освобожденію отъ власти гетмана, не сочувствуя подачѣ въ этомъ смыслѣ прошенія отъ города, Сычевскій тѣмъ не менѣе желалъ представиться ко двору во главѣ городской депутаціи. Самъ ли онъ подписалъ, какъ говорили впослѣдствіи магистратскіе урядники, или съ общаго, хотя бы и вынужденнаго, согласія, но въ концѣ концовъ только лишь 12 декабря 1762 г. состоялось опредѣленіе магистрата о посылкѣ депутаціи, „какъ для отданія всеподданѣйшаго рабскаго Е. И. В. поклона и принесенія вседолжнѣйшаго поздравленія съ всесчастливѣйшимъ Е. И. В. восшествіемъ на престолъ и всеблагополучно совершившейся коронаціей, такъ и для испрошенія на вольности и цѣлости здѣшняго города отъ Е. И. В. подтвердительной грамоты". Составлено было въ магистратѣ и подписано всѣми магистратскими чиновниками и другими гражданами прошеніе объ отмѣнѣ указа отъ 20 мая и о подтвержденіи прежнихъ жалованныхъ грамотъ. Прошеніе это подписалъ вмѣстѣ съ другими и Сычевскій, но при этомъ настаивалъ на томъ, что для представленія его государынѣ необходимо прибѣгнуть къ посредству гетмана, „яко тогда городомъ Кіевомъ, по имянному указу бывшаго государя Петра III, командующаго".

По этому поводу между войтомъ и магистратскими урядниками возникли пререканія, не предвѣщавшія ничего добраго. Одинъ только изъ бурмистровъ Василій Гудимъ, соглашаясь съ войтомъ, говорилъ, что „надобно де о томъ къ его сіятельству писать", но писарь Давидовскій, настойчиво возражая, убѣдилъ всѣхъ другихъ никакого письменнаго прошенія къ гетману не подписывать и къ посредству его при подачѣ городскаго прошенія императрицѣ не прибѣгать. Очевидно, урядники опасались, что войтъ и совсѣмъ не подастъ вручаемаго ему городскаго прошенія, недовѣріе свое выражали ему въ глаза, а потому онъ, видя, что „къ совѣту его въ прошеніи посредства къ его сіятельству не склонились, знаменемъ крестнымъ увѣрялъ

ихъ, урядниковъ, что оное прошеніе конечно имѣетъ подать ея императорскому величеству". Но, видно, и такой клятвѣ войта, крестнымъ знаменемъ сопровождаемой, не вѣрилъ магистратъ, а потому на всякій случай подписалъ и другой экземпляръ такого же прошенія, но безъ подписи войта, и вручилъ депутатамъ. Вмѣстѣ съ войтомъ опредѣлено было ѣхать въ Москву райцамъ Даніилу Величковскому и Іосифу Гудиму, медовому шафару Евфимію Чишиничу, лавнику Василію Ризенку и инстигатору Василію Копыстенскому.

На дорожные расходы и „для поднесенія презентовъ" выдана была на руки райцамъ тысяча рублей съ тѣмъ, чтобы болѣе значительные расходы производили они сами, получая росписки, а мелочные чрезъ другихъ урядниковъ, которымъ и выдана была для записыванія этихъ мелкихъ расходовъ особая шнуровая книга. Пріѣхавши въ Москву, депутаты долго не могли пріискать себѣ общей квартиры,—по войтовой ли переборчивости, какъ говорили урядники, или потому что „по тогдашнему въ Москвѣ великому съѣзду народа крайне невозможно было вскорѣ оной квартиры пріискать", какъ объяснилъ войтъ,—и прожили первыя двѣ недѣли „съ прошенія" въ Новоспасскомъ монастырѣ. Войтъ, все оттягивая представленіе ко двору, самъ ежедневно разъѣзжалъ „по единственной своей привatѣ и партикулярству", а урядникамъ приказалъ пріискивать „вседолжнѣйшаго презенту", причемъ, отвергая пріисканные ими, „нарочно ихъ проводилъ и проволакивалъ съ единымъ тѣмъ умышленіемъ, чтобъ ихъ къ высочайшему Е. И. В. лицу не допустить и вотще ихъ оттоль отправить", а, наконецъ, когда они уже пріискали презентъ, онъ объявилъ имъ, что гетманъ приказалъ ему „никакихъ презентовъ къ поднесенію Е. И. В. не покупать", а онъ безъ позволенія гетмана ничего предпринимать не намѣренъ.

Только послѣ „непрестанныхъ докукъ и напоминаній, что они пріѣхали не всуе жить и магистратскій коштъ иждивать, войтъ склонился къ тому, чтобъ съ ними поѣхать къ высочайшему двору", но все таки заставилъ ихъ ожидать дежурства при дворѣ графа Разумовскаго.

Ежедневныя поѣздки войта къ гетманскому двору не могли, конечно, быть тайною для урядниковъ, которые, имѣя и тамъ своихъ знакомыхъ и благопріятелей, ревниво слѣдили за своимъ войтомъ и знали о его жалобахъ на магистратъ. А съ такихъ жалобъ и началъ Сычевскій свои представленія къ гетману: такъ, тотчасъ по пріѣздѣ онъ подалъ ему (21 февраля) письменное доношеніе о томъ, что де по прошлогоднему ордеру о присылкѣ копій съ жалованныхъ грамотъ и вѣдомостей о доходахъ и расходахъ—„и понынѣ исполненія не учинено“. Но, помимо всякаго рода „ослушностей“, о которыхъ успѣлъ наговорить войтъ, въ глазахъ гетмана немалою „продерзостію“ являлось и привезенное депутатами городское прошеніе къ государынѣ, и еще болѣе желаніе обойти при подачѣ его посредничество гетмана [1]), о чемъ, конечно, сообщилъ ему Сычевскій.

Хотя урядники и считали это посредничество излишнимъ, такъ какъ „прежніе войты никогда при представленіяхъ своихъ къ государю къ посредству гетмановъ не прибѣгали“, но на этотъ разъ должны были подчиниться требованію своего войта, съ которымъ вмѣстѣ и явились, наконецъ, къ графу Разумовскому.

Во время этой аудіенціи гетманъ, принимая войта отдѣльно въ своей спальнѣ, въ присутствіи генеральныхъ обознаго Кочубея и судьи Журмана, взялъ у него магистратское прошеніе и, „увидя, что оное безъ посредства его производится, приказалъ, чтобъ того прошенія за подписомъ руки его, войта, не подавалъ, при томъ сказывая формально: пусть де они сами подаютъ“. Вышедши же въ пріемную, гетманъ, по словамъ

---

[1]) Ревниво оберегая свою власть надъ кіевскимъ магистратомъ, гр. Разумовскій всячески устранялъ непосредственныя сношенія этого послѣдняго съ высшими правительственными учрежденіями и лицами. Предписавъ 13-го января этого же 1763 г. магистрату „отъ отправленія въ Москву въ комиссію новосочиняемаго уложенія депутатовъ изъ кіевскихъ мѣщанъ удержаться“, хотя объ этой отправкѣ былъ полученъ сенатскій указъ, гр. Разумовскій недовольный тѣмъ, что указы изъ Сената адресовались непосредственно въ магистратъ, обратился въ пр. Сенатъ съ просьбой, чтобы „яко оный кіевскій магистратъ, равно какъ и другіе малороссійскіе магистраты, въ точной моей состоитъ командѣ, то въ случаѣ какой къ тому магистрату надобности, ко мнѣ и предложенія чинить повелѣть“. См. „Истор. матер. изъ арх. кіев. губ. пр.“ вып. 8 стр. 172—174.

войта, „публично выговаривалъ: вотъ де сіи люди, которые сами собою хотятъ быть, и оборотясь ближе ко онымъ урядникамъ, съ командирскимъ гнѣвомъ формально жъ сказывалъ имъ: для чего вы упрямитесь и не хотите быть подъ моею командою? у меня подъ командою и лутчіе васъ хотятъ быть; да и какая вамъ отъ меня обида или отягощеніе и нарушеніе вольностей вашихъ?".

Недѣлю спустя послѣ этой аудіенціи, депутаты были представлены гетманомъ и государынѣ, причемъ войтъ, слѣдуя, какъ онъ увѣрялъ, запрещенію гетмана, городскаго прошенія, бывшаго у него въ рукахъ, не подалъ, чѣмъ и возмутилъ до крайности всѣхъ урядниковъ. Вернувшись домой, они стали требовать отъ войта отдачи имъ прошенія, но онъ не отдалъ, говоря, что они могутъ подать такое же прошеніе, но безъ его подписи. Такимъ образомъ и оказалось, что магистратъ не напрасно вручилъ дубликатъ этого прошенія урядникамъ и не напрасно не вѣрилъ даже клятвенному обѣщанію своего войта.

Неизвѣстно, когда и какъ, но настойчивые кіевляне нашли случай, помимо войта, подать свое прошеніе лично императрицѣ. Когда узналъ объ этомъ Сычевскій, тотчасъ „прибѣжавъ въ квартиру съ крайне яростнымъ видомъ, немалые произносилъ похвалки" и, чтобы не допустить ихъ къ дальнѣйшему „хожденію" по тому прошенію, явился въ походную канцелярію гетмана, донесъ о подачѣ урядниками городскаго прошенія и получилъ приказаніе гетмана о немедленномъ отъѣздѣ всей депутаціи въ Кіевъ. Когда же урядники на это объявленное симъ войтомъ приказаніе стали говорить, что они „ко пр. Сенату имѣютъ гродское дѣло и до окончанія оного ѣхать имъ оттоль невозможно, то онъ, войтъ, необычайно разъярясь, не уважая того, что, куда онъ съ чиновниками отъ города пріѣхалъ, есть мѣсто государственной резиденціи и состоитъ въ ономъ всевысочайшее Е. И. В. присутствіе, такъ непристойно и азартно съ магистратскими чиновниками поступилъ, что первѣе въ нихъ зашнурную и мелочного расходу тетрадь и магистратскія деньги насильно захватилъ, и послѣ, за отходомъ ихъ съ квартиры для объявленія о томъ, кому надлежитъ, онъ, Сы-

чевскій, съ бывшимъ при немъ солдатомъ, всѣхъ ихъ отъ сундуковъ замки топоромъ поломавъ и тѣ сундуки поразбивавъ, всѣ деньги себѣ захватилъ; не удоволясь же тѣмъ разореніемъ, еще въ походную е. с. канцелярію подалъ на нихъ неправедное доношеніе, яко бы они ему ослушны являются", почему они и были гетманскими посланцами „сысканы и изъ той походной канцеляріи дотоль не выпущены, доколѣ отъ себе не дали подписки, что они имѣютъ явиться въ Кіевъ къ 30-му числу мая".

Передъ отъѣздомъ своимъ войтъ получилъ 16 апрѣля отъ гетмана повторительный ордеръ кіевскому магистрату, чтобы „все повелѣнное имъ", т. е. затребованныя копіи городскихъ крѣпостей и грамотъ, равно и вѣдомости о доходахъ и расходахъ, было прислано непремѣнно къ 25-му мая. Затѣмъ, войтъ, „совершивъ уже всѣ свои злобныя предпріятія—какъ говорили урядники—не возвративъ съ нихъ, чиновниковъ, ни единому съ тѣхъ захваченныхъ ихъ собственныхъ денегъ, самъ уѣхалъ въ Кіевъ".

V.

Еще до пріѣзда Сычевскаго магистратскіе чиновники, узнавъ о его поведеніи въ столицѣ, собрали всѣхъ выборныхъ и многихъ изъ мѣщанства и рѣшили подать на него жалобу въ пр. Сенатъ. Жалоба была подписана 3-го апрѣля. Она была необычно кратка и обвиняла войта только въ неподачѣ прошенія отъ города. Въ ней кіевляне писали, что они „заподлѣнно извѣстились, что войтъ Сычевскій, по крайнему видимому своему къ здѣшнимъ гражданамъ особливому недоброхотству, зломыслію и ненависти, какъ прежде врученную ему отъ насъ челобитную бывшому императору Петру III персонально не подалъ, чрезъ что и преждеутвержденнымъ вольностямъ и цѣлостямъ градскимъ извѣстное отъ оного императора знатное послѣдовало нарушеніе, такъ и нынѣшнюю челобитную, не подавая оной ея императорскому величеству, утаилъ у себя и затѣмъ точно, чтобъ онъ высочайшему лицу, какъ всегда прежде бывало, представленъ

былъ, о томъ и малѣйше стараться не похотѣлъ. По каковимъ его, войта Сычевскаго, всему здѣшнему обществу великовреднимъ и недоброжелателнимъ поступкамъ, мы нижайшіе впредь за войта его себѣ имѣть всѣ обще отнюдь не желаемъ; для того высоко-правительствующаго Сената съ глубочайшимъ нашимъ упокореніемъ всенижайше просимъ означенного Сычевского, яко явного кіевскому магистрату и гражданству недоброхота и вредителя отъ того кіевского войтовства отрѣшить, а вмѣсто его иного изъ кіевскихъ мѣщанъ достойного, по древнему обикновенію, вольними отъ народа голосами выбрать повелѣть".

Подписали это прошеніе 6 бурмистровъ, 2 райца, 14 шафарей, 4 лавника, 4 инстигатора и старосты 12-ти цеховъ числомъ 40 человѣкъ, и всего подписей 70.

Сычевскій прибылъ въ Кіевъ 26-го апрѣля и началъ открытую войну съ магистратомъ. На другой же день по пріѣздѣ онъ предъявилъ гетманскій ордеръ и потребовалъ, чтобы упоминаемые въ немъ копіи изготовлены были непремѣнно къ 10-му мая, о чемъ далъ и письменный отъ себя ордеръ писарю Давидовскому. Потребовавъ къ себѣ въ домъ правившихъ тогда магистратскою экономіей бурмистра Кузьму Кулеша и райцу Ѳедора Ризенка, вручилъ имъ „партикулярно написанный къ нимъ въ томъ его домѣ ордеръ, чтобы они по экономіи магистратской поступали по тому его ордеру". Затѣмъ, позвавши къ себѣ въ домъ же инстигатора Купріевича, сталъ бранить его за то, что тотъ отвелъ постой въ квартирѣ таможеннаго директора Ланина, при чемъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, бранилъ его матерно и похвалялся бить батожьемъ. Такую же „похвалку" и на бурмистровъ и райцевъ — „положивши ихъ въ шеренгу, бить батожьемъ", произносилъ въ домѣ своемъ войтъ не стѣсняясь при другихъ урядникахъ, которымъ и приказывалъ еще передать его слова въ магистратѣ, такъ сказать, для общаго свѣдѣнія. Очевидно, войтъ чувствовалъ свою силу и не церемонился въ обращеніяхъ своихъ съ урядниками. Когда Коробчевскій принесъ ему первый недѣльный рапортъ о состояніи „квартала", т. е. мелочныхъ расходовъ, Сычевскій напус-

тился на него за то, что тотъ не далъ изъ квартала войтовой женѣ, когда войтъ былъ въ Москвѣ, порожней бочки, бранилъ его матерно, обзывалъ „дуракомъ и прочими поносными словами“. Когда почтовый урядникъ Балуцкій, по приказу же войта, явился съ вопросомъ,—давать ли прибывшему курьеру лошадей, войтъ—„сказывая—доколь я съ вами буду мучиться,—сталъ его бранить матерно и называлъ канальею и похвалялся бить дубьемъ“. Надо думать, что и урядники намѣренно досаждали войту, создавая изъ его же приказовъ разныя для него затрудненія. При первомъ же появленіи войта въ магистратѣ его встрѣтили разговорами не мирнаго характера: 6-го мая произошла ссора въ самомъ присутствіи „въ судовой избѣ при зерцалѣ“. Ризенко сталъ укорять войта и называлъ его „предателемъ города и обидителемъ и нарушителемъ цѣлостей гродскихъ“, а войтъ за это, называя Ризенка ябедникомъ, а отца его банкротомъ, всячески его бранилъ. Сцена окончилась составленіемъ протокола о нарушеніи войтомъ законныхъ установленій, грамотъ и обычаевъ, по которымъ де войтъ долженъ „всѣ дѣла отправлять и по магистратской экономіи разсужденія и учрежденія держать съ общаго всѣхъ магистратскихъ чиновниковъ согласія, а не самимъ собою“; а 13-го мая послали отъ магистрата жалобу на войта къ графу Разумовскому. Указавъ въ этой жалобѣ на необычное „партикулярное ордированіе“ войта, на незаконное назначеніе постоевъ въ домахъ магистратскихъ чиновниковъ, минуя дома своихъ родственниковъ, магистратъ писалъ, что вообще войтъ „нынѣ сталъ сурово и необычайно поступать, что намъ снесть никоимъ образомъ невозможно, ибо иныхъ въ домѣ своемъ, а другихъ въ судовой избѣ при зерцалѣ, безъ и малѣйшей причины и винности, какъ хотя ругаетъ и безчеститъ и притомъ немалые похвалки произноситъ, сказуя: я де всѣхъ васъ переберу; да и по дѣламъ, принимая въ домѣ своемъ доношенія и разныя письма, самъ безъ общого совѣту и разсужденія резолвуетъ и еднимъ словомъ заключитъ—что хотя самъ дѣйствуетъ“, а потому въ заключеніе магистратъ проситъ, чтобы повелѣно было войту „самимъ собою ничего не дѣйствовать и ордеровъ партикулярно зъ дому

своего къ магистратскимъ чиновникамъ не насылать, постоевъ въ домѣхъ урядниковъ не ставить [1]) и отъ таковыхъ суровыхъ поступковъ воздержаться".

По всей вѣроятности, одновременно, такъ какъ одновременно были получены въ Москвѣ, послалъ и войтъ къ гетману съ своей стороны жалобу на магистратскихъ чиновниковъ. Сообщивъ о состоявшемся протоколѣ 6-го мая, войтъ писалъ, что, не повинуясь ему и не допуская его къ „заведенію порядковъ", чиновники „и присутствія моего при дѣлахъ въ магистратѣ не желаютъ, какъ то и челобитныя двѣ, возмутивъ все гражданство, сочинили: одну въ Сенатъ послали объ отрѣшеніи меня отъ войтовства и, по прежнимъ обычаямъ, о дозволеніи выборовъ кандидатовъ на войтовство, а другую челобитную явочную въ губ. кіевскую канцелярію". Копію съ послѣдней Сычевскій и приложилъ къ своему доношенію, въ заключеніи котораго писалъ, что де „чрезъ учинившееся всѣхъ подкомандныхъ недоброхотство и ослушность, а на то особливой ни отколь у себя и не имѣя команды, которою въ исправленіе и послушность подкомандныхъ во всемъ привесть и исправить можно было", онъ и должность свою исполнять „крайне не въ состояніи".

Между тѣмъ наступалъ уже послѣдній срокъ для отправки къ гетману затребованныхъ имъ годъ тому назадъ копій и вѣдомостей. Когда все это было, наконецъ, приготовлено, урядники нѣсколько разъ просили войта подписать въ магистратѣ

---

[1]) Въ описываемое время въ Кіевѣ особенно чувствительна была тягость этой повинности, и исполненіе ея, какъ видно, содѣйствовало лишь обостренію отношеній между магистратомъ и войтомъ. Съ мая мѣсяца въ городъ вступили на постоянныя квартиры молдавскій гусарскій полкъ, полевой артиллеріи первый канонирскій, части нижегородскаго и пермскаго полковъ, а въ то же время прибыли „ревизоры двороваго числа" и ожидалось прибытіе изъ Константинополя рос. посла князя Долгорукова съ большою свитой. Требовалось множество квартиръ, распредѣленіе которыхъ между прибывшими воинскими чинами вызывало массу жалобъ съ обѣихъ сторонъ, хозяевъ домовъ и квартирантовъ. Когда обнаружился совершенный недостатокъ квартиръ въ городѣ, пришлось размѣстить канонирскій полкъ въ подгородьяхъ—Преваркѣ, Сырцѣ и Кореневщинѣ. Въ виду такихъ то затрудненій, Сычевскій,—какъ самъ объяснялъ впослѣдствіи, „принужденъ былъ приказать квартермистрамъ магистратскимъ, по требованію брегадирши Подгоричаниновой, квартиру отвесть на время, а не вовсе, въ домахъ райцовъ Іосифа Вас

приготовленные документы и отправить ихъ съ нарочнымъ однимъ изъ магистратскихъ урядниковъ. Но войтъ потребовалъ, чтобы доставили ихъ для подписи къ нему на домъ, имѣя якобы въ виду собственноручно запечатать и, „не теряя магистратскаго лишняго кошту, по почтѣ ординарной послать". Но такое экономничаніе въ магистратѣ показалось и неприличнымъ для такого случая, и подозрительнымъ. Бурмистры и райцы, „вѣдая, что не токмо таковыхъ, но и никакихъ изъ приказовъ заготовленныхъ дѣлъ въ партикулярныхъ домахъ печатать не должно, предразсуждая жъ и то, чтобъ изъ такова по почтѣ оныхъ крѣпостей отправленія не причтено бъ какова имъ отъ его сіятельства грубости или презрѣнія, а паче чтобъ гдѣ либо по почтѣ оное дѣло не пріостановилось", порѣшили отправить съ этимъ дѣломъ въ Москву нарочнаго. Собравшіеся 20-го мая въ магистратѣ бурмистры и райцы еще разъ посылали къ войту сначала райцу Ризенка, а потомъ и писаря Давидовскаго, но и они не успѣли убѣдить войта явиться въ магистратъ для подписи отправляемыхъ документовъ. Тогда они подписали все сами и отправили чрезъ нарочныхъ лавника Летушевича и канцеляриста Коцюбу, вручивъ имъ и рапортъ о происшедшемъ у нихъ по поводу этой отправки несогласіи съ войтомъ. Наканунѣ этого дня прибыли изъ Москвы Василій Ризенко и В. Копыстенскій и сообщили товарищамъ, что хотя райцы Величковскій и Іосифъ Гудимъ, да шафаръ Чашиничъ остались въ Москвѣ „стряпать" по городскому прошенію, но, стѣсненные данною ими въ походной канцеляріи подпискою, „опасны въ Москвѣ жить". Въ виду этого, конечно, магистрату необходимо было командировать новыхъ повѣренныхъ для „хожденія" по городскому дѣлу. Это хожденіе и было поручено посланнымъ съ крѣпостями лицамъ. Войтъ же, не сочувствуя магистратскимъ

Гудима и Данила Величковскаго для того, что оные райцы въ томъ 1763-мъ году годовыми не были; а у годовыхъ бурмистра Козмы Кулеша и райцы Федора Ризенка насланною экзекуціею отъ брегадира Подгоричанина заняты были домы потому, что о наличности квартиръ оному брегадиру отъ магистрата чрезъ долгое время вѣдомости не подано, и о увольненіи домовъ оныхъ годовыхъ хотя къ нему, брегадиру, отъ войта прошеніе было, однако не уволвено".

домогательствомъ, зная при томъ, что они непріятны и гетману, немедленно донесъ послѣднему, что магистратъ отправилъ нарочныхъ именно съ цѣлію „тамо жить и стряпать подъ видомъ якобы посылки крѣпостей", что эта отправка крѣпостей не по почтѣ, а чрезъ нарочныхъ, сдѣлана именно съ тѣмъ, чтобы „оныхъ нарочно отправленныхъ бывшіе въ Москвѣ и стряпчество прикрыто быть могло". Въ заключеніе же своего доношенія войтъ жаловался, что де „всѣ обществомъ, на единое мнѣ недоброхотство и ослушность; во всемъ поступаютъ и, сами собою собираясь въ магистратѣ, что хотятъ дѣйствуютъ и всѣми мѣрами стараются какъ отъ званія войтовского отрѣшить, такъ и въ гнѣвъ бы ясневельможности вашей привесть".

Одновременно съ этимъ Сычевскій донесъ и въ Глуховъ въ войсковую генеральную канцелярію, что Лятушевичъ и Коцюба отправились въ Москву „стряпчими по поднесенному отъ магистратскихъ урядниковъ безъ дозволенія и вѣдома его сіятельства въ пр. Сенатъ прошенія объ отмѣнѣ бывшаго государя Петра III указу о небытіи г. Кіеву подъ командою его сіятельства и о пр.", причемъ войтъ просилъ генеральную канцелярію „перенять" этихъ нарочныхъ въ Глуховѣ и воротить ихъ въ Кіевъ, „дабы оные безъ вѣдома его сіятельства посторонних представленій взносить не могли."

Вслѣдствіе этого донесенія, въ кіевскомъ магистратѣ былъ полученъ 17 іюня ордеръ генеральной канцеляріи, которымъ предписывалось „впредь, не дѣлая таковыхъ самовольствъ и затрудненій главнымъ командирамъ, мимо вѣдома учрежденнаго командира, оного-жъ войта, никакихъ дѣлъ магистратскимъ урядникамъ самымъ собою не производить и никуда не отправлять и его, войта, командира своего, не пренебрегать, но во всемъ ему быть послушнымъ." Съ этимъ ордеромъ прибылъ въ Кіевъ полковый кіевскій судья Борсукъ, которому и приказано было отъ войск. генер. канцеляріи произвести слѣдствіе по взаимнымъ жалобамъ войта и магистрата. Но магистратскіе урядники даже „вступить въ оное слѣдствіе" отказались, и Борсукъ, потративъ напрасныя къ тому усилія, въ іюлѣ мѣсяцѣ донесъ объ этомъ гетману, заявивъ, что „не точію его, Бор-

сука, полковаго старшины, но хотя бы кто изъ генеральной старшины присланъ былъ, то оные магистратскіе урядники не послушаются."

Между тѣмъ магистратъ 5-го іюня подписалъ вторую обстоятельную жалобу на войта и отправилъ ее въ пр. Сенатъ [1]), прося объ отрѣшеніи Сычевскаго отъ войтовства.

Посланные же отъ магистрата повѣренные Лятушевичъ и Коцюба не застали уже гетмана въ Москвѣ и оставили приве-

---

[1]) Жалоба эта состояла изъ 12-ти пунктовъ:

въ 1-мъ говорится о томъ, что Сычевскій многихъ магистрат. урядниковъ и мѣщанъ „безъ всякой малѣйшей причины, какъ хотя, ругаетъ, безчеститъ и похвалки произноситъ публично—всѣхъ насъ, положивши въ шеренгу, кіями бить";

во 2-мъ—объ утѣсненіи постоями урядниковъ, дома которыхъ должны быть свободны отъ постоя;

въ 3-мъ—о томъ, что С—скій, завладѣвъ подгородними „такою обтяжаетъ панщиною, что оной тѣмъ преорскимъ, кореневскимъ и сирецкимъ жителямъ снесть никоимъ образомъ не возможно;" здѣсь обстоятельно перечислены случаи вымогательства со стороны С—го;

въ 4-мъ—о несправедливомъ завладѣніи о. Осетщинкой и устройствѣ тамъ собственнаго шинка;

въ 5-мъ - о томъ, что С—скій слишкомъ широко пользовался для частныхъ своихъ надобностей мѣщанскими подводами, изъ рыбальскаго цеха рыбою, а также съ 1759 г. самъ на себя собиралъ „десятинной хлѣбъ съ пахатныхъ магистратскихъ земель;"

въ 6-мъ—подробное перечисленіе обидъ, причиненныхъ войтомъ во время поѣздокъ съ депутатами въ столицы;

въ 7-мъ—о тѣхъ „помѣшательствахъ," какія вносилъ войтъ въ маг. экономію своими личными распоряженіями;

въ 8-мъ—о навязываніи магистрату собственной горѣлки, которую принуждены были покупать у войта по возвышенной цѣнѣ;

въ 9-мъ—о сдѣланныхъ С—мъ на счетъ маг—та займахъ и о его вымогательствѣ „презентовъ" изъ городскихъ суммъ;

въ 10-мъ—о самовольномъ завладѣніи городскими сѣнокосами;

въ 11-мъ—о завладѣніи Осетщинскимъ озеромъ;

въ 12-мъ—о томъ, что С—ій все то, что урядники для пользы градской ни придумаютъ, особенно по отношенію къ „послѣдовавшему крѣпостей маг-та кіев. уничтоженію," какое ходатайство въ Пр. Сенатъ ни предложатъ, онъ „все то пренебрегаетъ и не допускаетъ и такъ еще насъ къ е. с. г. гетману описуетъ, что не токмо отъ насъ то, что онъ въ тѣхъ своихъ представленіяхъ пишетъ, могло происходить, но и въ умѣ того не содержано, приводя все, чѣмъ бы насъ къ какову штрафу и крайнему уничтоженію привесть и нами, какъ бы своими подданными, овладѣть."

зенныя ими копіи въ гетманской походной канцеляріи, которая затѣмъ и препроводила эти копіи въ Глуховъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ графъ Разумовскій былъ въ Батуринѣ и къ нему отправился Сычевскій, причемъ предъ отъѣздомъ своимъ требовалъ, чтобы съ нимъ ѣхали, въ качествѣ „ассистентовъ,“ нѣсколько человѣкъ магистратскихъ урядниковъ, и, взявши съ собой подлинныя магистратскія крѣпости (королевскія привилегіи, гетманскія грамоты и императорскіе указы) представили бы ихъ гетману; но урядники рѣшительно отъ этой поѣздки отказались.

По всей вѣроятности, при личномъ свиданіи съ гетманомъ Сычевскій набросилъ тѣнь сомнѣнія на самую вѣрность отправленныхъ магистратомъ копій. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи, объясняя свой отказъ въ подписаніи копій, онъ прямо заявлялъ, что сомнѣвался въ вѣрности ихъ, потому де, что эти копіи съ подлинными латинскими и польскими „чрезъ постороннихъ вѣрныхъ переводчиковъ онъ войтъ не апробовалъ,“ а переводили ихъ „бывшій мѣщанинъ, что нынѣ священникъ Успенской соборной церкви, Леванда и урядникъ Коробчевскій, да канцеляристъ Данило Слюсарскій, кои имъ, урядникамъ, согласны и отъ оныхъ урядниковъ, а не отъ войта опредѣлены были.“

Подъ вліяніемъ такого рода доносовъ Сычевскаго, и графъ Разумовскій могъ усомниться въ вѣрности переводовъ и точности копій, а потому и командировалъ въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Кіевъ старшаго войсковаго канцеляриста Туманскаго провѣрить и сличить эти копіи съ подлинными крѣпостями, причемъ ордеромъ своимъ отрѣшалъ отъ должности магистратскаго писаря Давидовскаго [1]), а на его мѣсто своею властію назначалъ, помимо обычнаго выбора, канцеляриста Кузминскаго.

---

[1]) О писарѣ Давидовскомъ подалъ Сычевскій гетману 13-го октября 1763 г. такое „всенижайшое доношеніе“: „со вступленія моего по пожалованію въ магистратъ кіев. войтомъ, прискалъ было я изъ войсковыхъ канцеляристовъ въ оной маг-тъ писаря Якова Давидовскаго, надѣясь на его справность въ письменныхъ дѣлахъ, уповалъ и о добромъ его поведеніи, и вмѣстилъ его въ ту должность. Съ общаго урядниковъ тамошнихъ согласія, онъ опредѣленъ до дальшого впредь о его добромъ поведеніи усмотрѣнія, дабы потому и испросить было высокую в. яв. о настоя-

VI.

Какую „исторію" подняло въ Кіевѣ это освидѣтельствованіе копій, разсказано уже было мною коротко, согласно донесенію о томъ Сычевскаго, въ статьѣ „Кіевскія смуты прошлаго столѣтія" [1]). Все мѣщанство кіевское было возмущено дѣйствіями войта и „малороссійской команды," доведшей заслуженныхъ магистратскихъ урядниковъ до крайняго униженія. По этому поводу кіевскій магистратъ впослѣдствіи отправилъ въ пр. Сенатъ третью жалобу на войта, въ которой и изложилъ обстоятельно всю эту исторію съ злополучнымъ освидѣтельствованіемъ копій и его послѣдствіями. Подписана она была 10-го февраля 1764 г. [2]) въ отсутствіи войта, который находился въ теченіи всего февраля мѣсяца въ Глуховѣ. Для пополненія вышеупомянутаго разсказа, я передамъ здѣсь существенное содержаніе этой жалобы, придерживаясь текста ея и опуская повторенія, обычныя титулованія и т. п. „Минувшаго 1763 г. декабря 11-го дня войтъ,— писали урядники—первѣе чрезъ потыжниковъ, а потомъ и самоперсонально, будучи въ магистратѣ, отдалъ словесной свой приказъ, чтобъ какъ всѣ чиновники магистратскіе, такъ и мѣщанство декабря на 12-е число собрались въ магистратѣ, а зачѣмъ

щемъ опредѣленіи аппробацію въ тотъ чинъ. Но помянутый войск. канц-тъ, вступя въ должность писарскую въ маг-тѣ кіев., не токмо не старался оказать достойнымъ себя того званія и рекомендаціи у в. яв., но своими худыми съ нѣкоторыми бездѣльниками умышленіями навелъ на меня отъ народа негодованіе и, не радя по должности своей о дѣлахъ, привелъ оныя въ крайній непорядокъ и тѣмъ приводилъ меня къ отвѣту у в. яв. неоднократно. Къ тому-жъ оной Д—скій по чину моему неприличніе грубости и ослушности оказываетъ и, по своей должности, какъ въ представляемыхъ къ слушанію дѣлахъ, такъ и въ присутственномъ мѣстѣ, съ крайнимъ пренебреженіемъ чести и чина моего всегда поступаетъ, къ чему и прочихъ урядниковъ и ему единогласниковъ приводитъ и наущаетъ, чрезъ что крайнѣйшую я себѣ чувствую обиду и поношеніе. Того ради всенижайше прошу в. яв. повелѣть въ оной маг-тъ кіев. опредѣлить изъ войск. канцеляристовъ надежнаго честнаго и исправнаго человѣка въ должность писарскую, дабы я, видя его во всемъ доброе поведеніе, могъ съ проч. урядниками несумнѣнно, учиня на тотъ чину ему выборы, просить у в. яв. высокой о настоящемъ опредѣленіи конфирмаціи."

[1]) См. Кіев. Стар. 1886 г. Декабрь.

[2]) Подписали ее пять бурмистровъ: Василій Балабуха, Василій Гудимъ, Семенъ Козельскій, Аѳанасій Александровичъ и Козьма Кулешъ и одинъ райца Иванъ Силенко-Нечай.

именно—про то ничего не объявилъ; чему всѣ обще повинуясь когда собрались въ магистратъ, то застали въ судовой конторѣ какъ самого войта, такъ еще и присланнаго изъ Глухова старш. войск. канцеляриста Осипа Туманскаго, гдѣ сперва предъ нѣкоторыми изъ насъ, бурмистрами и райцами, объявленъ и вычитанъ его сіятельства ордеръ объ отставкѣ писаря магистратскаго Давидовскаго отъ писарства по причинѣ яко бы его войту непослушанія и въ должности неисправности и объ опредѣленіи на онаго Давидовскаго мѣсто иного писаря изъ войсковыхъ канцеляристовъ Михаила Кузминскаго; потомъ предъ тѣми же бурмистрами и райцами объявя и другой е. с. ордеръ о сводѣ и освидѣтельствованіи имъ прежде отправленныхъ изъ магистрата копій съ крѣпостей (якіе при томъ ордерѣ обратно присланы) съ имѣющимися въ магистратѣ ихъ оригиналами, Сычевскій и Туманскій, такъ еще и аблитованнаго полкового асаула Павла Гудима сынъ Иванъ и войск. канцеляристъ Катериничъ, невѣдомо зачѣмъ тогда въ магистратѣ бывшіе, пошедъ въ скарбовую избу, велѣли бывшіе тамо сундуки съ крѣпостьми внесть въ судовую контору." При этомъ Туманскій писаря Давидовскаго „выслалъ вонъ изъ магистрата, о чемъ собравшееся, по приказу войта, мѣщанство извѣстясь и не вѣдая тому точной причины, когда вошли въ судовую контору для спросу о той перемѣнѣ, то увидѣли тамо, что Туманскій съ асаулинымъ сыномъ Иваномъ отомкнувъ оные сундуки переворачивали и перекидывали не только привилегіи королевскія и гетманскіе универсалы, но и высочайшія государственныя грамоты, какъ бы чего другого между оними доискуясь" [1]). На требованіе по этому

[1]) Что войтъ съ Туманскимъ „доискивались" какихъ то универсаловъ, съ которыхъ яко бы копіи сняты не были и не отправлены къ гетману, это видно и изъ собственныхъ объясненій войта, который самое возмущеніе урядниковъ и цехмистеровъ объяснялъ тѣмъ, что они боялись наказанія за неотсылку этихъ копій, „а большъ предразсуждая, что магистратъ и все мѣщанство по оными *утаенным гетманскимъ универсаламъ* въ точной у прежнихъ гетмановъ командѣ были и *имъ уже невозможно будетъ отъ команды его сіятельства отбитись*", потому де и подняли крикъ. Хотя въ данномъ случаѣ, быть можетъ, и не таковы были мотивы у мѣщанства, но что „отбитись отъ команды" гетмана настойчиво оно желало— это ясно видѣлъ Сычевскій.

поводу со стороны мѣщанства объясненій, войтъ приказалъ Катериничу прочитать гетманскій ордеръ объ отрѣшеніи Давидовскаго отъ должности, „а другого ордера о крѣпостяхъ сперва не только имъ не объявлено, но еще за требованіе ихъ о томъ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ, по войтовскому и Туманскаго приказу, выведено изъ конторы съ нечестію вонъ, послѣ же того, по единогласному всего мѣщанства востребованію, всилу дозволили новому писарю Кузминскому вышеписанный о крѣпостяхъ ордеръ предъ обществомъ вычитать. Однакъ скоро по вычетѣ оного, единственно для народнаго устрашенія и смущенія, сысканъ отъ нихъ, Сычевскаго и Туманскаго, въ магистратъ и сотникъ кіевскій Михайло Гудимъ съ вооруженными своими козаками, съ которыми магистратъ съ давнихъ временъ безпрестанную имѣетъ приказную ссору, и при томъ они жъ, войтъ и Туманскій, запечатавъ своими печатьми сундуки съ крѣпостми и ключи отъ сундуковъ взявши, отдали тѣмъ козакамъ всѣ въ сундукахъ крѣпости подъ караулъ, сами же изъ магистрата отойшли". Видя во всемъ этомъ „явной всему городу и цѣлостямъ нашимъ вредъ, пачежъ еще и опасеніе дабы тѣмижъ козаками крѣпости изъ магистрата не унесены", урядники посылали къ войту и Туманскому, заявляя, что „вчатой ими поступокъ цѣлостямъ градскимъ вредной", и просили перенести непремѣнно сундуки въ скарбовую избу и снять караулъ. Только поздно вечеромъ войтъ прислалъ Ивана Гудиму съ разрѣшеніемъ перенести сундуки, но при этомъ они были Гудимомъ запечатаны печатью Туманскаго, а при скарбовой избѣ оставленъ караулъ, и „козаки поочередно такъ крѣпко караулили, что и урочное правленіе экономіи гродской содержащихъ туда не пустили; словомъ заключить, всѣ цѣлости гродскія, всю сумму доходовъ магистратскихъ и протчое въ той избѣ содержимое самовольно насильственнымъ образомъ заарествовали".

Два дня затѣмъ не появлялись войтъ и Туманскій въ магистратѣ, а 15-го декабря прибыли съ намѣреніемъ приступить къ освидѣтельствованію копій [1]), для чего и приказали пере-

[1]) Событія этого то дня, 15-го декабря, и разсказаны въ упомянутой выше статьѣ „Кіевскія смуты", согласно донесенію Сычевскаго.

нести сундуки изъ скарбовой въ судейскую камеру. Тогда рочный райца Өедоръ Ризенко „со всякою учтивостію сказалъ, что лучше бы пойтить въ скарбовую избу и тамо, чего надобно, съ крѣпостей свидѣтельствовать, нежели дѣлать переноску съ мѣста на мѣсто; Туманскій причтя себѣ тое въ нѣякуюсь противность и не почитая судовой конторы при государственномъ зерцалѣ, ругалъ его, Ризенка, и называлъ плутомъ, да хотѣлъ еще и подъ караулъ кіевскимъ козакамъ его отдать и принуждалъ паки внесть туда сундукъ съ гетманскими универсалами; а по приноскѣ поставлено и при судовой конторѣ у дверей козачій караулъ; съ чего предстоявшій народъ въ немалое упалъ смущеніе, о чемъ и сами они, войтъ и Туманскій, довольно примѣтивъ, изъ магистрата отойшли и ключи отъ сундуковъ отдали правящимъ бурмистру и райцѣ и козачій караулъ сняли; и тогда уже собравшійся народъ, отложа все сумнительство и смущеніе, разошлись отъ магистрата по домамъ и больше къ магистрату не собирались. И такъ они, войтъ и Туманскій, тѣмъ весь городъ въ смущеніе и смятеніе привели, а повелѣнного освидѣтельствованія копій съ оригиналами не учиня, изъ нихъ первѣе Туманскій въ Глуховъ, а потомъ и войтъ въ Хороль къ тестю своему отъѣхали". Магистратскіе чиновники и съ своей стороны послали къ гетману обо всемъ происшедшемъ донесеніе, которое и подписали болѣе полутораста человѣкъ гражданъ.

„Того жъ декабря 31-го дня рано нарочные кіевскіе и другіе козаки нечаяннымъ образомъ, какъ бы по важному какому дѣлу, бурмистра Василія Балабуху, шафарей Осипа Козельскаго и Герасима Кувичинскаго, лавниковъ Илію Скребѣцкаго и Луку Лятушевича, шафара пивного Матвѣя Коробку, инстигатора Гаврила Ядрилу и мѣщанъ Артема Андреева, Романа Чипинича и Семена Балабуху,—иныхъ изъ торговыхъ лавокъ, другихъ на базарѣ и по улицамъ, прочихъ же изъ домовъ подхвативъ, привели въ домъ абшит. полк. асаула Павла Гудима предъ бывшаго тамо на квартирѣ нарочно присланнаго генеральнаго асаула Ивана Скоропадскаго, кой, объявя всѣмъ его сіятельства унѣверсалъ о взятіи какъ ихъ всѣхъ, такъ еще

и рочнихъ празящихъ бурмистра Козьму Кулеша и райцу Өедора Ризенка, такожъ писаря Давидовскаго, лавника Василя Ризенка, инстигатора Василя Копистенскаго и мѣщанъ Григорія Кривобока и Якова Булавинца, и присылкѣ въ Глуховъ подъ найкрѣпчайшимъ карауломъ (изъ коихъ тогда Давидовскій, Василь Ризенко и Копистенскій, Кривобокъ и Булавинецъ въ отлучкахъ изъ Кіева были) отдалъ онихъ всѣхъ подхваченихъ кіевскому козачему сотнику Михайлу Гудиму подъ караулъ, которой потому содержалъ ихъ въ козачей судовой избѣ; а генваря 2-го въ самую глубокую полночь, какъ ихъ, такъ еще и бурмистра Кулеша и райцу Ризенка, да явившихся съ отлучокъ лавника Ризенка жъ и инстигатора Копистенскаго, отправилъ на ихъ собственномъ коштѣ, за многочисленнымъ козачимъ конвоемъ, въ Глуховъ, а послѣ, тогожъ генваря 2-го д., за силу того жъ унѣверсала, всѣ безъ остатка высокомонаршія, всемилостивѣйше магистрату кіевскому и мѣщанству жалованныя, грамоты, королевскія привилегіи, гетманскіе унѣверсалы и протчія крѣпости забравъ съ собою, отъѣхалъ въ Глуховъ для представленія его сіятельству. Войтъ же Сычевскій, хотя за нимъ, какъ объявлялъ Скоропадскій, нарочный изъ генер. войс. канцеляріи посыланъ ни въ Кіевъ, ни въ Глуховъ къ очной ставкѣ, чувствуя свою неправость, не явился".

„По привозѣ же вышеписанныхъ чиновниковъ и мѣщанъ кіевскихъ того жъ генваря 6-го дня рано въ Глуховъ, сперва всѣхъ въ одномъ постояломъ домѣ подъ карауломъ содержано до самой ночи, а ночью противъ 7 числа чрезъ посланнихъ жолдановъ побрато и порознь, инихъ по квартерамъ, другихъ въ жолдачнихъ избахъ, прочихъ же между колодниками розсажено подъ найкрѣпчайшій караулъ, и тожъ порознь въ войск. ген. канцелярію за карауломъ приводя, допрашивано по заготовленнимъ пунктамъ, при чемъ по болшой части дѣйствовалъ самъ Туманскій и, чимъ оные чиновники и мѣщане себя оправдали, того онъ воспящалъ имъ говорить и писать только тое, что слѣдовало къ ихъ обвиненію принуждалъ съ произнесеніемъ притомъ многихъ бранныхъ рѣчей и разныхъ угроженій и похвалокъ; каковое произвожденіе допросовъ продолжалось денно

и ночно того жъ генваря до 8 числа, а оного числа, изготовивъ еще по прихоти своей и повинное его сіятельству отъ ихъ доношеніе, на ономъ и на вышеписанныхъ допросахъ подписатись всѣхъ, хотя нѣкоторыя и не хотѣли, принудилъ, и съ тѣмъ всимъ представлено ихъ его сіятельству, почему сперва последовала была е. с. резолюція—всѣхъ публично плетьми наказать и лишить чиновъ, а послѣ, оного жъ генваря 9-го числа, при самомъ уже его сіятельства выѣздѣ изъ Глухова въ С.-Петербургъ, тое тѣлесное наказаніе, по прошенію генеральной старшины, отставлено, и только самихъ чиновъ лишено, кромѣ бурмистровъ Балабухи и Кулеша, за глубокую онихъ старость, да инстигатора Копистенскаго и Семена Балабуху за неподписаніе ихъ на поднесенномъ нами его с—ву представленіи, на которомъ больше полтораста человѣкъ подписались, которые потому при своихъ чинахъ по той же резолюціи остались. Да при отпускѣ оныхъ чиновниковъ изъ Глухова изъ забратыхъ магистратскихъ крѣпостей едни только высокомонаршія грамоты сполна всѣ отданы, а съ привилегіевъ королевскихъ удержано числомъ двѣнадцать, въ томъ числѣ 5 на латинскомъ, а 7 на польскомъ діалектахъ, да листъ канонѣковъ кіевскихъ о невзиманіи съ мѣщанъ мита 1616 года октября 15 д., и одинъ королевскій привилей въ ген. войск. канцеляріи невѣдомо гдѣ потерянъ, тако жъ гетманскихъ универсаловъ сто дванадцать съ сундукомъ магистратскимъ взято въ С.-Петербургъ въ походную е. с. канцелярію“.

Признавая такое отношеніе къ своимъ чиновникамъ результатомъ несправедливаго доноса Сычевскаго, изобразившаго событія 15-го декабря какъ „явное возмущеніе“ народа яко бы по научченію самихъ чиновниковъ, тогда какъ самъ былъ во всемъ виновенъ, магистратъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что гетманъ этому доносу повѣрилъ и „призналъ за противность высочайшей Е. И. В. власти, ввѣренной же его сіятельству командѣ неповиновеніе“, а представленіе магистрата, тогда же посланное „отъ всего гражданства въ самой точной справедливости“, призналъ за „ябедническія извиненія“. Въ заключеніе магистратъ просилъ „невинно лишеннымъ чиновъ всѣмъ по

прежнему чины ихъ привратить, войта же Сычевскаго отъ войтовства и насланнаго, въ нарушеніе всѣхъ крѣпостей и цѣлостей нашихъ, писаря Кузмѣнского отъ писарской должности отрѣшить, на мѣсто же его вольными голосами иного изъ здѣшнихъ мѣщанъ выбрать дозволить, якожъ никогда ниотколь никакіе чиновники, въ томъ числѣ и писарь, въ магистратъ кіевскій насыланы не были—и какъ съ онымъ войтомъ, такъ и съ Туманскимъ, за вышеписанной ихъ дерзостной самовольной поступокъ и напрасное на чиновниковъ его сіятельству представленіе и послѣдовавшое чрезъ то онимъ озлобленіе, страданіе невинно подъ карауломъ, лишеніе чиновъ, безчестіе, убытокъ и разореніе,—учинить въ силѣ Е. И. В. указовъ; особливо же, кому надлежитъ, повелѣть удержанныя напрасно королевскія привилегіи паки въ магистратъ возвратить".

Но раньше полученія въ пр. Сенатѣ этой третьей жалобы магистрата на своего войта послѣдовало освобожденіе Кіева отъ власти гетмана, а по прежнимъ двумъ жалобамъ состоялся 4-го марта 1764 г. на имя кіевскаго генералъ-губернатора Ивана Ѳед. Глѣбова указъ пр. Сената, въ которомъ было прописано: „какъ уже именнымъ Е. И. В. указомъ, писаннымъ собственною Е. И. В. рукою на докладѣ отъ Сената генваря 3-го дня сего 1764 г., повелѣно г. Кіева магистрату и мѣщанамъ быть въ содержаніи по жалованнымъ грамотамъ государя императора Петра Великаго, съ таковымъ еще прибавленіемъ, чтобы оной магистратъ и мѣщане въ своихъ дѣлахъ имѣли апелляцію у кіевскаго генералъ-губернатора, того ради означенныя кіев. магистрата доношенія, отослать на разсмотрѣніе и рѣшеніе къ вамъ, генералъ-аншефу и кіевскому генералъ-губернатору, при указѣ и велѣть, ежели вамъ по разсмотрѣніи чего собою рѣшить не можно будетъ, то бъ вы представили въ пр. Сенатъ съ приложеніемъ своего мнѣнія".

Теперь магистратъ кіевскій пріободрился и встрѣтилъ своего войта, при появленіи его въ магистратѣ, явно враждебно. Сычевскій, зная уже о послѣдовавшемъ указѣ, обратился теперь и съ своей стороны съ жалобой къ генералъ-губернатору, заявляя, что „за нападеніями и шумами необичними" онъ и дол-

жности своей въ магистратѣ отправлять не можетъ, „и въ худомъ случаѣ крайнюю опасность имѣетъ". Въ доношеніи своемъ онъ сообщалъ, что, когда онъ 2-го апрѣля явился въ магистратъ „для исполненія дѣлъ и окончанія колодничихъ и челобитческихъ исковъ", то рочный бурмистръ Семенъ Козельскій „съ немалою яростію и шумомъ при зерцалѣ выговаривалъ: я де твоихъ ордеровъ и опредѣленіевъ ни въ чемъ не слушаю, понеже ты высокомонаршихъ грамотъ и цѣлостей города Кіева нарушитель, съ пріумноженіемъ досадительныхъ и ругательныхъ словъ, причемъ прискоча мѣщанинъ Василь Ризенко съ таковою жъ яростію и съ укорительствомъ требовалъ отъ меня отдачи яко бы арестованныхъ мною собственныхъ его денегъ и о протчемъ, да мѣщанинъ Гавріилъ Ядеило, по требованію моему, по нѣкоторой градской надобности имѣющихся въ магистратѣ гродскихъ крѣпостей и копій, протестовалъ предъ всѣми урядниками, запрещая оныхъ давать, сказывая съ яростію: мы де имѣемъ съ тобою приказную ссору; и увидя таковыя необычайныя, послѣдовавшія на меня нападенія, дабы съ того не приключился мнѣ каковой худой случай, принужденъ изъ засѣданія моего встать и опротестовать рочному райцѣ и приказнымъ канцеляристамъ, и отъ таковыхъ затѣенъ, оставя всѣ дѣла, изъ магистратской палаты отъишелъ".

Генералъ-губернаторъ Глѣбовъ, присоединивъ и это доношеніе, отправилъ полученныя имъ изъ пр. Сената двѣ магистратскія жалобы къ коменданту кіевскому полковнику Алексѣю Ермолову и поручилъ ему, выбравъ въ помощь себѣ „способнаго къ тому" штабъ-офицера, произвести слѣдствіе по взаимнымъ жалобамъ „всего гражданства" и войта Сычевскаго, о чемъ далъ знать и магистрату. Ермоловъ же представилъ, что „по великости тѣхъ дѣлъ въ произвожденіи оныхъ съ однимъ штабъ-офицеромъ исправиться невозможно", а потому Глѣбовъ разрѣшилъ ему выбрать по своему усмотрѣнію еще одного. Такимъ образомъ слѣдственная комиссія составилась изъ Ермолова, подполковника Петра Синельникова, секундъ-маіора Ефрема Гущина и гарнизоннаго аудитора Ивана Андреева. Дѣло, очевидно, принимало неблагопріятный оборотъ для войта, которому

приходилось являться въ коммиссію въ роли отвѣтчика. Желая въ свою очередь быть обвинителемъ, онъ подалъ въ кіев. губ. канцелярію написанное имъ 19-го апрѣля на высочайшее имя обширное доношеніе въ 25-ти пунктахъ о „непорядкахъ“ въ городскомъ хозяйствѣ.

Доношеніе это являлось уже, очевидно, несвоевременнымъ и, какъ видно изъ слѣдственнаго производства, роли обвинителя Сычевскому не доставило, такъ какъ по немъ и разбирательства не было. Но доношеніе это представляетъ не малый интересъ, характеризуя до извѣстной степени тогдашнее городское хозяйство и способы его управленія, а потому и привожу его цѣликомъ въ приложеніи.

Той же коммиссіи, которой предстояло производить слѣдствіе по жалобамъ магистрата на войта Сычевскаго, поручено было и разслѣдованіе дѣла „о боѣ кіевской сотни козаками кіев. магистрата урядника Киселевскаго и о шинкованіи оной же сотни сотникомъ, сотенною старшиною и козаками хлѣбнымъ виномъ“, при чемъ къ этому слѣдствію былъ опредѣленъ и депутатъ „съ малороссійской стороны“ бунчуковый товарищъ Григорій Иваненко.

VII.

11-го мая 1764 г. состоялось первое засѣданіе слѣдственной коммиссіи для предварительнаго ознакомленія съ порученнымъ ея разбирательству дѣломъ. Главнымъ документомъ, изъ котораго надо было исходить, была вторая жалоба магистрата въ пр. Сенатъ отъ 5-го іюня 1763 г. Всѣ подписавшіе эту жалобу особымъ доношеніемъ въ слѣдственную коммиссію довѣряли вести въ ней дѣло ихъ по этой жалобѣ бывшему писарю магистратскому Якову Давидовскому и бывшему же райцѣ Ѳедору Ризенку. Эти повѣренные, равно и войтъ Сычевскій, вызванные 19-го мая въ коммиссію, письменно въ ней заявили, что назначенными слѣдователями они довольны и „подозрѣнія никакова не имѣютъ“, а 24-го мая дали подписку въ томъ, что будутъ являться въ коммиссію ежедневно въ 8 ч. утра впредь до окон-

чанія дѣла; войтъ же Сычевскій при этомъ выдалъ вѣрющее письмо для хожденія по его дѣлу бывшему писарю хорольской сотни Григорію Иванову, но просилъ, чтобы разрѣшено было и ему самому вмѣстѣ съ повѣреннымъ являться въ коммиссію для „сказанія судныхъ рѣчей". Коммиссія сначала отказала было въ этой просьбѣ, но Сычевскій въ особомъ доношеніи представилъ множество разныхъ статей законовъ, которыя доказывали его право являться самому вмѣстѣ съ повѣреннымъ, а потому коммиссія и должна была согласиться. Только со 2-го іюня началось собственно производство слѣдствія. Въ этотъ день Сычевскій далъ краткій отвѣтъ лишь на одинъ первый пунктъ магистратской жалобы[1]), заявивъ, что де послѣ этого магистратскіе повѣренные должны представить по тому же пункту „доказательства", на которыя онъ уже затѣмъ будетъ давать „оправданія". Коммиссія была, какъ видно, въ затрудненіи и не знала, можно ли допустить такой порядокъ производства слѣдствія. Но магистратскіе повѣренные рѣшительно запротестовали, требуя, чтобы, въ силу правъ магдебургскихъ, войтъ давалъ разомъ по всѣмъ пунктамъ жалобы свои отвѣты, и что только тогда повѣренные магистрата будутъ представлять по всѣмъ же пунктамъ свои доказательства. Потребована была изъ магистрата справка изъ „Книги порядка", согласно съ которой коммиссія и рѣшила потребовать отъ Сычевскаго отвѣта на всю совокупность заключающихся противъ него въ магистратской жалобѣ обвиненій. Сычевскій долженъ былъ подчиниться и давалъ свои отвѣты съ 3-го по 10-ое іюня, разбивъ ихъ на 32 пункта, по которымъ уже магистратскіе повѣренные и представляли свои доказательства съ 15-го іюня по 6-ое іюля. Затѣмъ Сычевскій, когда 21-го іюля былъ приглашенъ въ коммис-

---

[1]) Отвѣтъ этотъ, заключая простое отрицаніе кратко и въ общихъ словахъ выраженнаго въ первомъ пунктѣ магистратской жалобы обвиненія противъ войта, формулированъ былъ Сычевскимъ весьма искусно, именно такъ: „кіевскаго магистрата урядниковъ и мѣщанъ, *честныхъ и въ винностяхъ не явившихся*, ни въ домѣ, ни въ магистратѣ при зерцалѣ напрасно отвѣтчикъ не безчестилъ и не ругалъ и, положивши всѣхъ въ шеренгу, *безвинно* кіями бить не похвалялся и плетьми не билъ".

сію, сталъ просить о назначеніи ему каникулярнаго срока, и хотя магистратскіе повѣренные представляли извѣстныя статьи магдебургскаго права, по которымъ такого срока давать ему не слѣдовало, срокъ этотъ все таки былъ данъ и коммиссія возобновила производство дѣла лишь 25-го августа, пославъ повѣстки обѣимъ сторонамъ. Сычевскій заявилъ, что онъ по болѣзни явиться въ засѣданіе не можетъ, и коммиссія по освидѣтельствованіи признала его дѣйствительно больнымъ. Но, видно, генералъ-губернаторъ не совсѣмъ этому довѣрялъ, а потому 27-го августа предписалъ коммиссіи больше истекшаго Сычевскому сроку уже не давать. Тѣмъ не менѣе только съ 6-го сентября началъ Сычевскій давать на доказательства магистратскихъ повѣренныхъ свои оправданія, что и тянулось почти три мѣсяца—по 2-е декабря.

Этимъ, собственно говоря, и можно было бы закончить слѣдствіе, такъ какъ данными до сихъ поръ показаніями обѣихъ сторонъ исчерпывалась вся сущность дѣла. Оставалось коммиссіи самой произвести провѣрку представленныхъ данныхъ, дать присягу тѣмъ лицамъ, на которыхъ обѣ стороны дѣлали ссылку, и можно было бы рѣшить—въ чемъ кто правъ, кто виноватъ. Но слѣдствіе тянулось еще почти два года и кончилось совсѣмъ безъ такого рѣшенія...

Пользуясь показаніями обѣихъ сторонъ, попытаюсь изложить тѣ свѣдѣнія, какія можно извлечь изъ нихъ, объ обстоятельствахъ, порождавшихъ несогласія между войтомъ и магистратомъ и давшихъ основаніе этому послѣднему просить объ отрѣшеніи войта отъ должности.

Свѣдѣнія эти, вмѣстѣ съ помѣщаемыми въ приложеніи жалобами магистрата и войта Сычевскаго, могутъ дать представленіе о городскомъ хозяйствѣ и управленіи, равно и о нѣкоторыхъ „правахъ и обычаяхъ" кіевлянъ того времени.

а) Обвиняя войта *въ грубомъ обращеніи* его съ урядниками и мѣщанами, магистратскіе повѣренные представили большой перечень случаевъ такого обращенія; но войтъ всѣ эти случаи объяснялъ тѣмъ, что упомянутыя лица заслуживали почему либо выговора и наказанія. Такъ, по его словамъ, почтоваго

урядника Балицкаго бранилъ онъ за то, что тотъ, „какъ и протчіе урядники магистратскіе имѣя себѣ данные отъ войта ордеры во огорченіе и чтобъ войту по онымъ ордерамъ учинить подлогъ", часто медлилъ, въ отпускѣ лошадей, дѣлалъ задержки проѣзжающимъ курьерамъ, ссылаясь на необходимость дѣлать докладъ войту, и являлся къ войту всегда пьянъ, а „многіе рейторы въ потребное время на почтѣ сыскать его не могли", жаловались войту, который, чтобы самому не отвѣчать за „медлительное отправленіе курьеровъ, не утерпѣлъ" изругать его, „сказывая—долго ли де мнѣ съ вами мучиться, при чемъ и дубьемъ бить похвалялся". Не отрицалъ войтъ и того, что бранилъ и похвалялся бить кварталоваго урядника Коробчевскаго, но оправдывалъ себя тѣмъ, что Коробчевскій самъ съ грубою бранью отказалъ войтовой женѣ въ пустой услугѣ, говоря— „не дождетъ де войтъ больше у насъ войтовать". Тотъ же Коробчевскій былъ не исправенъ въ „выдачѣ смотрителю фонтала Донцу волны", не сдѣлавъ своевременно доклада объ этомъ въ магистратѣ, а затѣмъ „когда ни приносилъ къ войту недѣльные репорты о расходѣ съ кварталу, то за одно упрямство ни въ чемъ исправно не показывалъ, а на остатокъ и оныхъ репортовъ по упрямству не сталъ подавать".

Словомъ, войтъ увѣрялъ, что вообще „бранилъ и штрафовать похвалялся" урядниковъ магистратскихъ „не безвинно, но за ихъ ослушности и продерзости". Что же касается до наказанія плетьми мѣщанина Тедрины, котораго, какъ заявляли повѣренные магистратскіе, онъ въ 1756 году, скоро по прибытіи своемъ въ Кіевъ, „безъ всякаго судового разсмотрѣнія и опредѣленія приказалъ бить какъ вора плетьми нещадно", то Сычевскій далъ такое объясненіе: по словесному въ магистратъ представленію медоваго шафара Іосифа Васильева Гудима, мѣщанинъ Иванъ Тедрина за купленный у него шафаремъ для магистрата медъ сырецъ не только упрямился принимать данные ему „двукопѣешники", но и народъ смущалъ, совѣтуя не брать ихъ, тогда какъ объ изъятіи изъ обращенія этой монеты указъ еще публикованъ не былъ; призванный въ магистратъ, Тедрина и здѣсь „показалъ противность и шумѣлъ",

отказываясь брать двукопѣешники, а потому „*по согласію* войта и годовыхъ бурмистра и райцы, наказать плетью приказывалъ“, имѣя при этомъ въ виду и то, что де „въ привилегіи короля польского Жигмунта 1544 г. марта 10, между прочимъ, дана власть войту мѣста Кіева всѣ дѣла креминальныя и поточныя судити и винныхъ наказывать“.

б) Обвиняя войта въ *излишнихъ пользованіяхъ изъ магистратскихъ суммъ*, магистратскіе повѣренные указывали на то, что уже на первыхъ порахъ своего войтовства, еще не являясь къ должности, проживая въ Москвѣ и Петербургѣ, Сычевскій широко пользовался магистратскими средствами. „Что же онъ, войтъ, показалъ, яко прежде его бывшіе кіевскіе войты для полученія на чинъ грамотъ жили на коштѣ магистратскомъ, то и то ему не въ резонъ, потому что тѣ бывшіе войты съ чиновниками магистрата отъѣзжали не для единаго только полученія на чинъ свой грамотъ, но и за другими магистратскими и гражданскими дѣлами, въ разсужденіи коихъ дѣлъ и коштъ имъ отъ магистрата даванъ“; Сычевскій же, проживая въ столицѣ въ ожиданіи грамоты на свой чинъ, не исходатайствовалъ по городскимъ дѣламъ никакой полезной для города резолюціи только лишь „чрезъ свое нестарательство“.

Что же касается до покупокъ для войта изъ квартала, то Сычевсвій утверждалъ, что такія покупки были рѣдки и дѣлались по совѣту правящихъ бурмистра и райцы для пріема въ торжественные дни чиновниковъ магистратскихъ. Повѣренные же магистрата, ссылаясь на расходныя книги, указывали на цѣлый рядъ покупокъ, сдѣланныхъ единственно по требованію войта и для собственнаго его и „приватныхъ его гостей употребленія“, какъ то: въ 1756 г. на 22 р. 41 к., въ 1757-мъ—на 1 р. 32 к., въ 1759 г. на 7 р. 30 к. Кромѣ такихъ покупокъ войтъ изъ магистрата бралъ презенты: „въ 1756-мъ году полотна голендерскаго штуку въ 22 р. и денегъ 80 р., того жъ году марта 30-го на именинны свои 20 р., въ 1757 г. тожъ на именинны свои полотна голендерскаго штуку въ 22 р., въ 1759 и 1761 гг. на именинны по 20 р., да того жъ 1759 г., по пріѣздѣ изъ Чернигова, гдѣ тогда заручилъ было себѣ невѣсту

штуку голанд. полотна въ 20 р., послѣ свадьбы своей, за пріѣздомъ изъ Хороля съ женою въ Кіевъ, штуку полотна въ 20 р., на именинны жены своей въ 1761 г. сентября 17 д. полотна батисту въ 4 р. 50 к. Что же онъ, войтъ, показалъ, яко таковые презенты изъ оного магистрата бралъ безъ всякаго вымогательства, то и то ему ни въ какой резонъ, потому что во 1-хъ онъ изъ такова приказу, гдѣ самъ первое у правленія имѣетъ мѣсто и получаетъ изъ оного какъ годовой юргельтъ, такъ и акциденціи,—брать тѣхъ презентовъ не долженъ былъ, 2) что прошлого 1762 г., по прибытіи своемъ изъ С.-Петербурга, хотя въ день тѣхъ своихъ именинъ здѣсь въ Кіевѣ и не былъ, однако у правящихъ того года бурмистра В. Гудима и райцы Силенка-Нечая въ судейской избѣ при зерцалѣ требовалъ, дабы оные за тѣ его именинны ему дали 20 р., увѣряя ихъ, чтобъ они за то ничего не опасывались, ибо де и прошедшихъ годовъ таковыя деньги въ день именинъ его ему даваны, почему оные бурмистръ и райца принуждены оныя деньги 20 р. ему и дать". Въ оправданіяхъ своихъ войтъ Сычевскій не отрицалъ уже, что расходы изъ квартала для него дѣлались, но говорилъ, что „въ томъ винности за собою не признаетъ по тому резону, что не точію предъ нимъ войтомъ, яко то Полоцкому и Войничу, но и годовымъ бурмистру и райцѣ, тако жъ магистратскому писарю Рогуцкому, отъ магистра изъ кварталу ежеденно исправленіе на столъ ихъ давано, почему и ему, войту, по прежнему обыкновенію, съ совѣту и согласія годовыхъ бурмистра и райцы, *по требованію его, войта*, кварталовые урядники произвожденіе и исправленіе на столъ его учинили; сверхъ же того, ни по какимъ домогательствамъ, но изъ доброй воли, каковы приносили презенты изъ магистрата, оные войтъ принималъ и благодарилъ, для того что они, истцы, и бывшіе предъ ними бурмистры и райцы прежнимъ войтамъ и кому прилично было изъ магистратскаго кошту разными вещами презентовали и презентуютъ; въ 1762 г. у тогдашнихъ годовыхъ бурмистра и райцы о именинныхъ деньгахъ только припоминалъ, а не требовалъ, и по добровольному ихъ согласію тѣ 20 р. они ему выдали, потому что магистратскіе урядники о дачѣ въ именинны войту

штуки полотна или за оную денегъ 20 рублевъ между собою словесно уставили было, которое установленіе онъ, войтъ, отставилъ 1763 году мая 1-го дня". Отдавая все это на присягу урядникамъ или самому себѣ, войтъ прибѣгаетъ къ любопытному оправданію себя, улавливая, такъ сказать, магистратскихъ урядниковъ въ противорѣчіи самимъ себѣ: они вѣдь, говоритъ онъ, утверждаютъ, что войтъ не долженъ вмѣшиваться въ управленіе экономіей, которою сами они должны распоряжаться, слѣдовательно, „и презенты производятъ по своему усмотрѣнію", а онъ тутъ ни при чемъ.

в) Обвиненіе въ *пользованіи почтовыми лошадьми* безъ уплаты прогоновъ и подводами мѣщанъ кіевскихъ и подгородныхъ повѣренные магистратскіе подкрѣпляли при слѣдствіи обстоятельнымъ перечисленіемъ за всѣ годы войтовства тѣхъ случаевъ, когда Сычевскій бралъ для своихъ частныхъ поѣздокъ мѣщанъ иногда человѣкъ по шести съ собственными ихъ лошадьми, равно и лошадей почтовыхъ, причемъ поѣздки эти бывали иногда довольно продолжительны—иногда больше мѣсяца. Особенно часто ѣздилъ войтъ самъ или посылалъ къ тестю своему въ Хоролъ. Такъ напр. въ январѣ 1760 г., ѣдучи съ женой въ Хоролъ, войтъ взялъ трехъ мѣщанъ, которые и пробыли съ нимъ пять недѣль въ поѣздкахъ; а въ 1761 г. въ маѣ мѣсяцѣ четыре недѣли ѣздили съ войтомъ въ Ахтырку, Коплуновку и Никитовку пять человѣкъ мѣщанъ, изъ которыхъ одинъ, „что за купечествомъ своимъ вскорѣ въ ту дорогу прибратѣся не могъ, будучи сысканъ, по приказу войта, держанъ на почтѣ подъ карауломъ"; въ августѣ того же года шесть мѣщанъ проѣздили съ войтомъ и по его посылкамъ три недѣли; поѣздки въ Глуховъ продолжались не меньше четырехъ недѣль; причемъ и такіе случаи бывали, что командируемый войтомъ мѣщанинъ принужденъ бывалъ нанимать за себя другого. Сычевскій же утверждалъ, что всѣ эти люди ѣздили съ нимъ или по приказамъ годовыхъ урядниковъ или „по его прошенію, по доброй своей волѣ" и жалобы на него не заносили; какъ доказательство, между прочимъ, онъ представилъ ордеръ бурмистра Тихоновича и райца Кузьмы Кулеша о поѣздкѣ съ нимъ мѣщанъ

и, хотя повѣренные заявляли, что и этотъ ордеръ данъ по приказу войта, онъ считалъ, что относительно всѣхъ случаевъ, перечисленныхъ повѣренными и отданныхъ ему на присягу, ему „надъ письменной оного ордера доводъ присягать по праву не доводится". По поводу заявленія магистратскихъ повѣренныхъ, что упомянутые мѣщане не жаловались изъ боязни, чтобы онъ „яко командиръ, какова отмщенія надъ ними не учинилъ или къ вящшему какому не подверглъ озлобленію", Сычевскій дѣлаетъ интересную характеристику кіевскаго мѣщанства, его „завзятости".

Признавая такое заявленіе повѣренныхъ несправедливымъ, онъ говоритъ, что „по свирѣпости здѣшнихъ магистратскихъ урядниковъ и мѣщанъ противъ всѣхъ малороссійскихъ жителей, безъ воли и соизволенія оныхъ урядниковъ и мѣщанъ, притомъ же и безъ прошенія оного войта, по одному приказу его, не точію онъ, войтъ, могъ бы ихъ, мѣщанъ и реестровыхъ, тако жъ почтовыя лошади магистратскія для себя употребить самовольно, но и первѣйшій генералитетъ по какой приватной надобности своей склонить ихъ не могъ бы, и они бы, магистратскіе урядники и мѣщане, не утерпѣли за малѣйшую какую обиду свою жалобы, гдѣ надлежитъ, представлять, какъ то въ прошломъ 1763 году за взятыя излишне подводы россійскимъ посланникомъ княземъ Долгоруковымъ, во время проѣзду его въ Константинополь, отъ магистрата въ пр. Сенатъ взнесено доношеніемъ съ прошеніемъ удовольствія; да и прежде того, тако жъ и нынѣ, большею частію за одни лишимыя имъ, истцамъ, обиды не малыя докуки пр. Сенату происходятъ". Указавъ затѣмъ на то, что никто изъ мѣщанъ, ѣздившихъ съ нимъ, не только раньше не протестовалъ, но и на жалобѣ магистратской въ пр. Сенатъ не подписался, Сычевскій утверждалъ, что подписавшіе эту жалобу по одному лишь своему къ нему „недоброхотству, чѣмъ бы могли его, войта, изобидить, въ тотъ искъ свой ихъ, мѣщанъ и реестровыхъ, включили несправедливо, и что раньше дѣйствительно ему „во употребленіи оныхъ мѣщанъ и реестровыхъ, тако жъ и почтовыхъ лошадей, *по тогдашней склонности къ войту*, бывшіе въ тѣхъ годахъ бурми-

стры и райцы, также и почтовые урядники, соглашались и дозволяли, въ томъ во всемъ онъ отдаетъ имъ на присягу".

г) Что войтъ *пользовался безденежно рыбою* изъ рыбальского цеха—это тоже доказывали повѣренные магистрата цѣлымъ рядомъ случаевъ со ссылкою на цеховыя записи рыбальскихъ ключниковъ, причемъ заявили, что въ 1762 г. жена войта, позвавъ къ себѣ ключника Сердюченка, „за то, что удобной ей рыбы не купилъ, хотѣла его бить плетьми, однакожъ едва прошеніемъ у ее отъ того свободился". Войтъ же, оправдываясь тѣмъ, что никто ему никогда объ уплатѣ должныхъ имъ за рыбу денегъ не упоминалъ, иначе онъ бы ихъ уплатилъ, относительно ключника Сердюченка объяснялъ, что бить его хотѣли по приговору въ цеховомъ дворѣ, согласно заявленію рыбальскаго старосты Прилуцкого, которому дѣйствительно жаловалась жена войтова на грубость Сердюченка, не только не купившаго на присланныя ею деньги рыбы, но еще выбранившаго ее при посланномъ „матерно, при томъ сказывая срамными словами: пусть де войтова жена нѣчто скушаетъ"; а затѣмъ его и не били, потому что онъ приходилъ къ войтовой женѣ и, „признавая свое невѣжество, просилъ прощенія".

д) *Что войтъ взималъ дань дегтемъ* съ промышленниковъ истцы доказывали подробнымъ перечисленіемъ случаевъ насильнаго взиманія этой дани, а также сослались на поданную въ апрѣлѣ 1763 г. въ магистратъ жалобу подгородныхъ жителей. На возраженіе же Сычевскаго, видѣвшаго во всемъ этомъ лишь интригу противъ него однихъ магистратскихъ урядниковъ, что де никто изъ указанныхъ ими лицъ не подписалъ поданнаго на него въ пр. Сенатъ доношенія, повѣренные магистрата отвѣчали, что жалоба указанныхъ дегтярниковъ, какъ и вообще жителей подгородій, заключается уже въ общемъ выраженіи магистратскаго доношенія, что де „нѣтъ въ томъ подгородьи такова двора, которой бы обидимъ не былъ".

Войтъ же, находя, что все доказательство ихъ по этому поводу „по праву нерезонное", а потому и присяга по немъ неумѣстна, объяснилъ объ этой дегтевой дани слѣдующее: съ прибытія его, войта, въ Кіевъ, жители Преорки, Сырца и Коре-

нёвщины „безъ всякаго требованія его, сами отъ себя добровольно“ подарили ему одну небольшую бочку дегтю отъ всего общества, а затѣмъ не помнитъ, до женитьбы его давали ли ему ежегодно по такой же бочкѣ; послѣ же женитьбы его тамошніе старосты дѣйствительно собирали для него деготь отъ промышленниковъ дегтевыхъ и „кто что похотѣлъ оного дегтю давали по ковшу или и полное ведро добровольно“, а онъ этого дѣлать старостамъ не приказывалъ, что и даетъ имъ на присягу.

е) *Пользованіе магистратскими средствами для починокъ* разнаго рода строеній въ своемъ хуторѣ Сычевскій оправдывалъ тѣмъ, что этимъ хуторомъ, какъ ранговымъ, онъ владѣлъ временно, и починки въ немъ и постройки производились и при прежнихъ войтахъ на счетъ магистрата по распоряженію рочныхъ бурмистровъ и райцевъ. Истцы же, отрицая это, доказывали, что хуторъ на Преоркѣ дозволено было занять войту Полоцкому въ уваженіе понесенныхъ имъ трудовъ по городскимъ дѣламъ, и Полоцкій на этомъ хуторѣ построилъ на собственный свой счетъ винокурню на 2 или 3 котла и амбаръ для храненія хлѣба и водки, а затѣмъ и Войничъ съ разрѣшенія же магистрата, тоже въ уваженіе трудовъ его на пользу города, владѣя тѣмъ хуторомъ, на собственный же счетъ перестроилъ амбаръ на избу, а другую свою избу перевезъ и поставилъ тамъ, и все, что нужно было „оные войты перестраивали и починяли за свои деньги, напротивъ же того войтъ Сычевскій самовольно, безъ и малѣйшаго какова либо ему дозволенія и отводу магистратскаго, тѣмъ хуторомъ завладѣлъ и съ оного, какъ хотя, единственно самъ користовался“, производя и починки на счетъ магистрата; хотя же Сычевскій сослался на опредѣленіе магистрата 1761 г. о починкѣ въ его хуторѣ „мельничной скрыни и лотоковъ“ и о починкѣ избъ и амбаровъ на счетъ магистрата, то опредѣленіе это подписано имъ самимъ, а еслибы бывшіе тогда рочные бурмистры Александровичъ и райца Іосифъ Гудимъ „къ тому какое согласіе имѣли, конечно бъ и сами на томъ опредѣленіи подписались, а хотя бы, паче чаянія, какое въ томъ и было ихъ согласіе, то ему, Сычевскому, ни въ какое оправданіе, потому что

онъ, вѣдая, что у нихъ сумма не какая либо ихъ партикулярная, но магистратская, для таковой партикулярной своей пользы и согласоваться не долженъ, а долженъ былъ объявить всему магистрату".

Сычевскій же, возражая, что де и въ такомъ случаѣ виноваты сами рочные бурмистръ и райца, не спросившіе согласія всего магистрата, отрицалъ самую „партикулярность" этихъ расходовъ и въ оправданіяхъ своихъ представлялъ, что „какіе ни есть въ окружности города Кіева и внутрь Малой Россіи ранговые чиновничьи угодьи, оные либо жительствующими при тѣхъ угодьяхъ людьми, либо изъ другихъ какихъ доходовъ, а а не коштомъ по рангу содержащихъ тѣ угодья чиновниковъ починяются".

А. Андріевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

V.

Свиданіе съ польскимъ королемъ въ Каневѣ.

24 апрѣля 1787 г. съ галеры „Днѣпръ“ императрица писала къ барону Гримму.

„Я выѣхала изъ Кіева 22 этого мѣсяца, и вотъ уже три дня мы плывемъ по Борисѳену на веслахъ, всѣ здоровехоньки. Новостей для васъ никакихъ не имѣю, кромѣ того только, что изъ всѣхъ моихъ плаваній это едва ли не самое затруднительное, потому что эта рѣка представляетъ столько изгибовъ, такое множество островов и островковъ, что до сихъ поръ намъ не приходилось пускать въ дѣло паруса; она гораздо быстрѣе Невы. Теперь мы находимся между двухъ береговъ, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ Польшѣ: польскій берегъ гористъ, а русскій очень низменный. Богъ вѣсть, откуда пойдетъ это письмо. Надѣюсь завтра или послѣ завтра принимать польскаго короля у себя на галерѣ (Русск. Архивъ, 1878, стр. 170).

Статсъ-секретарь Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ.

„25 апрѣля. Пріятное свиданіе съ королемъ польскимъ на галерахъ, предъ Каневомъ“.

Сохранилось въ старинныхъ рукописяхъ любопытное свѣдѣніе о Каневѣ, составленное въ 1795 г.

---

[1] „Кіевская Старина“, 1891 г., № 4.

„Мѣстечко Каневъ лежитъ на правомъ берегу судоходной рѣки Днѣпра, на возвышенномъ мѣстѣ не болѣе отъ упомянутой рѣки полверсты, отъ востока и полудня закрывается оно горами; а отъ запада и сѣвера къ рѣкѣ Днѣпру открыто, одна изъ тѣхъ горъ, лежащая на востокъ и возвышеннѣйшая протчихъ называется *Московскою горою*, на ней видны еще и теперь слѣды деревяннаго укрѣпленія, и по увѣренію жителей находили тамъ въ нѣдрахъ земли разныя военныя орудія, подъ сею горою протекаетъ небольшая рѣчка, называемая Дунаецъ, она имѣетъ свое начало отъ двухъ ключей: отъ одного выходящаго изъ горы, къ востоку лежащей, а другаго отъ селенія Яблунева, и, протекая чрезъ самое мѣстечко Каневъ, впадаетъ въ другую рѣчку, называемую *Каневку*, которая выходитъ съ сѣверной стороны вразсужденіи Канева и, протекая подъ самыми почти домами каневскихъ жителей, сливается съ упомянутою рѣчкою Дунайцомъ при горѣ Московской, тамъ впадаетъ въ Днѣпръ, гдѣ нѣсколько ниже есть мѣсто выгодное для пристани небольшихъ судовъ.

Мѣстечко Каневъ существовало въ XI столѣтіи, и было не изъ послѣднихъ; въ 1150 году отъ кіевскаго князя Изяслава посланъ былъ сынъ Мстиславъ для приведенія его въ лучшее состояніе, но князь Мстиславъ сынъ Юрія Владиміровича Долгорукова до того его не допустилъ.

Въ 1155 г. по просьбѣ половцовъ учиненъ въ немъ половецкими и россійскими плѣнниками размѣнъ. Въ 1156 и 1157 году былъ въ немъ съѣздъ россійскихъ князей, гдѣ съ великимъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ и половцами заключенъ былъ миръ; а въ 1239 году татарскимъ ханомъ Батіемъ разоренъ до основанія, и съ того времени находился подъ владѣніемъ татарскимъ, имѣя разныя перемѣны отъ учинившихся бѣглецовъ, назвавшихъ себя черкасами, а потомъ козаками (сіе извѣстіе взято изъ записаній путешествія ея императорскаго величества по Днѣпру 1787 г.). Въ 1552 г. отъ польскаго короля Жигизмунта-Августа, то мѣстечко Каневъ получило на волность и право мѣщанское жителей привилегію, которую въ 1792 году подтвердилъ нынѣшній король Станиславъ Августъ.

Въ 1795 году въ томъ мѣстечкѣ церквей: греко-восточныхъ. Древняя, греческой архитектуры, каменная, о трехъ престолахъ, неизвѣстно кѣмъ и въ которомъ году выстроена, а по преданію народному разорена татарскимъ ханомъ Батіемъ съ коего времени и по нынѣ въ пустѣ состоитъ. По описанію имѣющемуся въ переяславскомъ Вознесенскомъ монастырѣ значитъ, что сія церковь была монастырь Успенскій и въ немъ находился архимандритомъ Макарій Каневскій Іоврунцкій, кой измученъ отъ татаръ, мощи его взяты въ переяславскій монастырь и нынѣ почиваютъ въ ономъ. 1

Деревянныхъ 2

Базыліянская деревянная 1

Училище каменное о двухъ этажахъ 1

Гдѣ и базыліянскіе ксіонзы пребываніе имѣютъ. Оное построено въ 1784 году коштомъ князя Станислава Понятовскаго и въ томъ году коммиссія эдукаціонная вызначала изъ кассы на содержаніе учителей тысячу восемьсотъ злотыхъ польскихъ, потомъ прибавлено въ 785 году 3850 злотыхъ, которые и были отпущаемы по ассигнаціи той коммиссіи изъ Житомира состоящему при томъ училищѣ главному архомандриту Физикевичу по 1792 годъ, а въ 1793-мъ та коммиссія опредѣлила получать архимандриту Физикевичу на содержаніе того училища по пять тысячъ злотыхъ въ Варшавѣ изъ кассы генеральной коммиссіи эдукаціонной, которую сумму за вступленіемъ россійскихъ войскъ въ Польшу получилъ уже онъ Физикевичъ и за прошлое время изъ собираемыхъ доходовъ присоединенныхъ къ Россіи губерній отъ вице-губернатора Граховскаго. При томъ училищѣ подъ смотрѣніемъ его архимандрита Физиневича (который пребываніе свое имѣетъ въ отданномъ ему въ арендное содержаніе селѣ Піяхъ) состоитъ учителей изъ законниковъ, которые отъ него Физикевича годовое получаютъ жалованье.

Имъ жалованье:

Вице ректоръ . . . . 16 р.

Префектъ, профессоръ математики, логики, алгебры и садовничества . . . . 22 р.

Профессоръ правописанія, права экономическаго, латины и языка французскаго и казнодей .	30 р.
Профессоръ перваго класса польскаго языка .	14 р.

Учениковъ въ 795 году состояло:

Шляхтичей	61
Поповичей	54
Мѣщанскихъ	14

Обучаются оные латинскаго языка, должностямъ дѣтей къ родителямъ и родителей къ дѣтямъ, господина къ слугѣ, а слуги къ господину, ариѳметикѣ, геометріи, астрономической наукѣ, о добродѣтели и порокахъ, исторіи съ географіею и натуральной, о судахъ, поэзіи, риторыки, экономіи политической, физики, менералогіи, исторіи своего народа и право народовъ и сверхъ того желающіе обучаются по два часа въ недѣлю французскаго языка.

Въ ономъ мѣстечкѣ деревяннаго строенія число домовъ: купеческихъ—9, мѣщанскихъ въ 224 дворахъ—240, шляхетскихъ—12, еврейскихъ (купеческихъ—2, евр. мѣщанскихъ—28, евр. въѣздныхъ—3), магистратской судейской домъ—1, магистской шинковой—1, для полиціи—1, постоялый—1, лавокъ каменныхъ—7, школъ еврейскихъ—2, баня—1, священническихъ—3, русскихъ школъ—2, шпиталь при церквѣ—1, князя Понятовскаго, состоящихъ нынѣ въ казенномъ вѣдѣніи домовъ—5, мельницъ на рѣкѣ Дунайцѣ, протекающемъ чрезъ мѣстечко, состоитъ—14.

Въ семъ мѣстечкѣ купцовъ: христіанъ—43, евреевъ—5, мѣщанъ—852, евреевъ—96.

Купцы и мѣщане упражняются разнымъ торговымъ небольшимъ промысломъ и отправляютъ Днѣпромъ разные съ лѣса подѣлки, до деревенской экономіи надлежащія, хлѣбомъ, желѣзомъ, брусьями, коноплянымъ масломъ, дегтемъ, рыбою, солью, и прочимъ жизненнымъ припасомъ, а притомъ большею частію и въ собственномъ для себя на землѣ имъ принадлежащей хлѣбопашествѣ, дрова и на селитьбу получаютъ изъ своихъ лѣсовъ“ [1]).

[1]) Выписано изъ дѣла № 256 по оп. 390 московскаго отдѣла Общаго Архива.

25 апрѣля, въ воскресенье, въ четверть 10-го часа утра, императорская флотилія приблизилась къ Каневу.

На польскомъ берегу началась пушечная стрѣльба, съ галеры Днѣпръ отвѣчали 9-ю выстрѣлами,—потомъ всѣ галеры и прочія суда легли на якорь, составя противъ мѣстечка Канева полукружіе изъ семи галеръ и одного трешкоута; водовики и другія суда пристали къ русскому берегу (К.-Фур. Ж.).

Въ Каневѣ ожидалъ императрицу король польскій. Станиславъ Понятовскій при свиданіи съ Екатериной имѣлъ въ виду политическую цѣль, которая выяснилась еще 17 марта 1787 г. при свиданіи съ нимъ Безбородка и графа Штакельберга, пріѣзжавшихъ тогда къ нему изъ Канева. Въ этотъ день Штакельбергъ, представляя Безбородка королю, сказалъ: „Рѣдкое событіе—подчиненный представляетъ королю своего начальника, ваше величество!“ Король все еще не зналъ, будетъ ли скоро война у Россіи съ Турціею, и спросилъ объ этомъ у Безбородка. „Не такъ близко къ разрыву, какъ думаютъ“,—сказалъ Безбородко.

„Вамъ—сказалъ король—должны быть извѣстны мои и моего народа желанія приносить пользу Россіи; и теперь заявляю, это искреннее желаніе и ожидаю приглашенія и соглашенія“.

Канцлеръ отвѣчалъ: „Намѣренія вашего величества вполнѣ извѣстны; нужно, однако, болѣе спокойнаго времени, привести ихъ въ исполненіе“.

Этотъ отвѣтъ привелъ короля въ робость, по собственному его признанію.

Въ его запискѣ, представленной императрицѣ, была просьба о дозволеніи собрать конфедерованный сеймъ съ цѣлью провести, посредствомъ большинства голосовъ, такіе законы и постановленія, которыхъ нельзя было провести посредствомъ единогласія ни за что. Король не посмѣлъ тогда распространяться объ этомъ съ Безбородкомъ, а только сказалъ:

„Пока я буду заботиться только о томъ, чтобъ охранить себя противъ туземной злобы, которая особенно показала себя на двухъ послѣднихъ сеймахъ; при всемъ моемъ искреннѣйшемъ желаніи, я не могу сдѣлать ничего“.

Безбородко отвѣчалъ: „Противъ этого уже приняты и впередъ будутъ принимаемы надлежащія мѣры, чтобъ ваше величество не терпѣли подобныхъ непріятностей".

На другой день король разговаривалъ съ Безбородкомъ при Штакельбергѣ. Штакельбергъ сказалъ ему:

„Императрица велѣла передать вашему величеству: до будущаго сейма еще полтора года; будетъ время подумать. Что же касается до союза съ Россіею, то это такая вещь, которая мнѣ особенно нравится. Надобно это устроить, но только вполнѣ устроить".

„Я съ своей стороны—сказалъ Безбородко—буду совѣтовать государынѣ собрать сконфедерованный сеймъ".

Станислава Августа не пустили въ Кіевъ подъ разными предлогами. Въ Кіевѣ, между прочимъ, думали, что онъ подлаживается къ императрицѣ съ цѣлію упрочить преемство престола за своими племянниками. Это также не было въ то время въ видахъ Россіи, по крайней мѣрѣ, безусловно [1]).

Пробывши полтора мѣсяца въ Каневѣ, Станиславъ-Августъ, наконецъ, дождался Екатерины. 25 апрѣля флотилія прибыла къ Каневу.

Оффиціальныя свѣдѣнія о свиданіи въ Каневѣ, записанныя въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ, слѣдующія:

Въ 11-мъ часу утра, въ двѣнадцати-весельной императорской шлюпкѣ отправились въ Каневъ гофмейстеръ А. А. Безбородко и гофмаршалъ князь Ѳ. С. Барятинскій; за ними слѣдовалъ императорскій катеръ и восемь шлюпокъ.

Король сѣлъ въ императорскую шлюпку съ Безбородкомъ и Барятинскимъ и поплылъ къ галерѣ „*Днѣпръ*"; въ это время со всей флотиліи загремѣли пушечные выстрѣлы, стоявшіе на вахтахъ солдаты отдавали честь ружьемъ, а музыканты играли въ трубы и били въ барабаны. На галерѣ „Днѣпръ", при выходѣ короля изъ шлюпки, встрѣтилъ его князь Потемкинъ со всею императорскою свитою и проводилъ во внутренніе покои императрицы. Свита короля осталась въ залѣ съ свитою императорскою.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1869 года, книга 4-я, апрѣль.

Королевская свита состояла изъ слѣдующихъ лицъ: великій маршалъ коронный графъ Мнишекъ и его супруга, великій подскарбій князь Понятовскій, литовскій гетманъ графъ Тышкевичъ, посланникъ польскій при россійскомъ дворѣ Деболи, епископъ и коадъюторъ смоленскій Нарушевичъ, великій писарь коронный Дзедушицкій, непремѣнный членъ совѣта гр. Платеръ, генералъ-поручикъ Комаржевскій и камеръ-юнкеръ Шидловскій.

Обѣдъ былъ на столовой галерѣ „Десна". При столѣ сидѣли слѣдующимъ порядкомъ: ея императорское величество, съ правой ея величества стороны: 1) его величество Станиславъ-Августъ, король польскій, 2) графиня Мнишекъ, 3) графъ Мнишекъ, 4) И. И. Шуваловъ, 5) графъ А. А. Безбородко, 6) графъ Ангальтъ, 7) П. И. Пущинъ, 8) С. Ѳ. Стрекаловъ, 9) В. М. Ребиндеръ, 10) графъ М. П. Румянцевъ, 11) В. И. Левашевъ, 12) А. Ю. Нелединскій-Мелецкій, 13) А. В. Храповицкій, 14) И. С. Рожерсонъ, 15) англійскій министръ г. Фицъ-Гербертъ, 16) французскій графъ Сегюръ, 17) польскій г. Деболи, 18) россійскій при польскомъ дворѣ графъ Штакельбергъ, 19) принцъ де-Линь, 20) князь Понятовскій. Съ лѣвой ея величества стороны: 21) австрійскій посолъ графъ Кобенцель, 22) графиня А. В. Браницкая, 23) князь Г. А. Потемкинъ, 24) графиня К. В. Скавронская, 25) графъ Браницкій, 26) А. С. Протасова, 27) графъ И. Г. Чернышевъ, 28) графиня К. И. Чернышева, 29) Е. А. Чертковъ, 30) князь Ѳ. С. Барятинской, 31) польскій генералъ-поручикъ Комаржевскій, 32) польскій камергеръ Шидловскій, 33) польскій графъ Платеръ, 34) великій писарь коронный Дзедушицкій, 35) епископъ Нарушевичъ, 36) Л. А. Нарышкинъ, 37) А. М. Мамоновъ, 38) камеръ-юнкеръ графъ Ю. А. Головкинъ. За непомѣщеніемъ на столовой галерѣ Деснѣ, кушали на губернаторскомъ суднѣ придворные, въ свитѣ ея величества находящіеся, кавалеры и свиты же его величества короля польскаго знатные чины, въ 24-хъ персонахъ.

Во время стола ея имп. величества играла духовая музыка, и ея величество благоволила пить за здравіе его величества короля польскаго, безъ пушечной пальбы; кубокъ же подавалъ ея величеству мундшенкъ.

Послѣ стола, во 2-мъ часу, императрица переѣхала на своей шлюпкѣ на галеру „Днѣпръ“ съ Протасовою и Мамоновымъ, а король, въ другой шлюпкѣ съ свитою своею, на приготовленную галеру „Бугъ“, куда вскорѣ императрица прислала Станиславу-Августу съ Мамоновымъ [1]) орденъ св. Андрея, украшенный брилліантами.

Орденъ былъ посланъ при слѣдующемъ письмѣ:

„Monsieur mon Frère. S. André, selon la tradition, prêcha sur les bords de Borysthène; nul part il n'est plus convenable de se decorer de son ordre. Je prie votre majésté d'en recevoir les marques, comme celle de la haute considuation et amitié sincere, avec laquelle je suis etc. etc. (Госуд. арх. IV, 171). Король, съ своей стороны, прислалъ императрицѣ орденъ Бѣлаго Орла, который она получила въ Кайдакахъ 7 мая (тамъ же).

Въ 6-мъ часу вечера король пріѣхалъ на галеру „Днѣпръ“, гдѣ, вмѣстѣ съ императрицею, они были воспріемниками при міропомазаніи сына генералъ-маіора графа Тарновскаго, при чемъ младенцу наречено имя: Владиславъ-Станиславъ-Павелъ.

Вечеромъ, въ 8 часу, Понятовскій простился съ императрицею и уѣхалъ на императорской шлюпкѣ въ Каневъ при пушечной пальбѣ съ флотиліи.

Король пригласилъ съ собою въ Каневъ: кн. Потемкина, Ив. Ив. Шувалова, графа Штакельберга, принца де-Линь и иностранныхъ посланниковъ.

Когда стемнѣло, съ флотиліи видна была великолѣпная картина: въ Каневѣ на горѣ видѣнъ былъ обелискъ съ вензелевымъ именемъ императрицы, освѣщенный разными огнями; гора до самаго берега Днѣпра была также иллюминована. Затѣмъ, послѣ пушечной пальбы, зажженъ былъ фейерверкъ.

Послѣ свиданія съ королемъ императрица писала къ Брюсу 26 апрѣля.

„Вчерашней день моя галера была грузна, мы цѣлый день стояли на якорѣ противу Канева, мои шлюпки посланы были въ 11-ть часовъ по короля польскаго и онъ съ своей свитою

[1]) Госуд. арх. XI. III.

чрезъ часъ пріѣхалъ на мою галеру, и мы были вмѣстѣ часовъ девять, потомъ шлюпки мои отвезли паки его величество, а сего утра на разсвѣтѣ мы паки подняли якоря и пошли въ путь".

Оффиціальныя, выписанныя нами весьма краткія свѣдѣнія о свиданіи императрицы съ королемъ польскимъ въ Каневѣ, дополняются очень любопытными подробными описаніями этого свиданія, оставленными намъ очевидцами, а одна дама, бывшая при дворѣ Станислава, писала въ своемъ дневникѣ [1]):

„Наконецъ наступилъ день, такъ долго ожиданный. Послѣ противныхъ вѣтровъ, погода настала прекрасная; сдѣлалось совершенно тихо, и вчера, въ воскресенье, 6 мая, въ 8 часовъ утра, показался первый вымпелъ флотиліи. Принцъ де-Линь и принцъ Нассаусскій прибыли на шлюпкѣ часовъ въ десять. Лишь только завидѣли издали яхту императрицы, начали салютовать ей изъ пушекъ. Графъ Безбородко съ гофмаршаломъ княземъ Барятинскимъ прибыли на императорской шлюпкѣ, чтобы перевезти короля на яхту. Король взялъ съ собою, на шлюпку, принца де-Линя, князя Станислава Понятовскаго, г. Витворта (Whitworth), г. гетмана Тышкевича, господина и госпожу Мнишекъ; прочіе изъ его свиты сѣли на другія лодки. Капитанъ Пущинъ, сынъ адмирала, бывшій при рулѣ, испрашивалъ у короля приказанія отправиться; тотъ отвѣчалъ ему, что графъ Понятовскій не можетъ тутъ приказывать. Пушки флотиліи салютовали ему, и онъ принятъ былъ императрицею и всѣмъ дворомъ какъ король. Вступивъ на яхту императрицы, онъ встрѣтилъ тутъ весь дворъ въ каютъ-компаніи, король вошелъ одинъ въ аппартаментъ ея императорскаго величества; двери оставались незапертыми нѣсколько минутъ. Онъ ввелъ и госпожу Мнишекъ. Императрица сказала ей: „Il est impossible de se défendre du premier moment d'embarras". На что та отвѣчала: „Ce lui que Vous voyez au roi ne peut pas Vous déplaire, madame, car c'et l'embarras du sentiment et de la réconnaissance".

Ея величество, обнявъ госпожу Мнишекъ, прибавила: „Я рада, что слышу отъ васъ увѣренія въ чувствахъ короля; я

---

[1]) См. Сынъ Отечества 1843 г., № 3, мартъ.

охотно имъ вѣрю".—Потомъ императрица представила королю госпожу Браницкую и Скавронскую, какъ своихъ питомицъ; обѣ были одѣты великолѣпно. Передъ обѣдомъ, императрица сѣла съ королемъ на яхту; при нихъ находились: князь Потемкинъ, г. Кобенцель, госпожа Браницкая и госпожа Мнишекъ. Накрапывалъ дождикъ. Король распустилъ зонтикъ, чтобы защитить императрицу; она отблагодарила его, сказавъ: „Je crains que Vous n'ayez le bras fatigué!"—„Qu'il vous serve en attendant de cette manière", отвѣчалъ король. Этотъ отвѣтъ очень понравился императрицѣ. Дорóгой, императрица изъявила королю желаніе провести съ нимъ день его тезоименитства, который для нея тѣмъ дороже, что это тоже день рожденія великаго князя Константина, или отпраздновать его сегодня же, наканунѣ празднованія св. Станислава. Въ самомъ дѣлѣ за столомъ пили за здоровье короля, стóя, при залпахъ изъ пушекъ. Обѣдъ былъ на сорокъ слишкомъ кувертовъ на особой яхтѣ. За нимъ присутствовали вся свита короля, дворъ императрицы, иностранные министры и принцы и придворныя дамы императрицы: Браницкая, Скавронская, Протасова и Чернышева. Веселость, умъ и любезность двухъ вѣнценосныхъ особъ оживляли всѣхъ. Ставъ изъ за стола, король взялъ трость императрицы изъ рукъ ея пажа, чтобы представить самому, а императрица, обратившись къ свитѣ, спросила шляпу короля, чтобы вручить ему лично; при этомъ король сказалъ: „Ваше величество уже пожаловали мнѣ такую, которая получше этой". Слова эти очень понравились императрицѣ, которая создана цѣнить умъ и чувство. Она была столь добра, что замѣтила госпожѣ маршальшѣ, какъ хорошъ и великолѣпенъ ея костюмъ. Пребываніе здѣсь императрицы сокращено было отъѣздомъ императора Леопольда въ Херсонъ; объ этомъ уже здѣсь было извѣстно, и ей не хотѣлось заставить его слишкомъ долго ожидать себя. Король сопровождалъ императрицу на ея яхту, гдѣ оставался нѣкоторое время и имѣлъ случай видѣть портретъ ея императорскаго величества, снятый въ Кіевѣ; онъ будетъ имѣть съ него копію, потому что портретъ хорошо сдѣланъ, похожъ: императрица изображена въ очень миломъ костюмѣ,

мѣховой шапкѣ и дорожномъ платьѣ. Потомъ король обратился на приготовленную для него яхту, бывшую князя Потемкина. Лишь только онъ на нее прибылъ, какъ явился господинъ Мамоновъ съ грамотой императрицы такого содержанія: „Преданіе повѣствуетъ, что св. Андрей проповѣдывалъ на берегахъ Борисѳена. Сіе обстоятельство доставляетъ мнѣ случай просить васъ принять и носить, по установленію, знаки его ордена". Король дѣйствительно тотчасъ надѣлъ брилліантовую звѣзду и ленту съ такимъ же крестомъ, которыя императрица имѣла на себѣ утромъ: украшенія, которыми облекались всѣ государи при императрицѣ, король шведскій и король прусскій. Послѣобѣденное время прошло въ визитахъ графа Понятовскаго разнымъ особамъ.

Между шестымъ и седьмымъ часомъ происходило, на яхтѣ императрицы, крещеніе сына госпожи Тарновской, урожденной Устржицкой (Ustrzicka). Король и императрица воспринимали отъ купели; епископъ Нарушевичъ совершалъ обрядъ. Послѣ того императрица усадила всѣхъ за игру, а сама бесѣдовала у окна съ королемъ; это продолжалось почти до десяти часовъ; въ теченіе этого времени, король одинъ или два раза выходилъ во внутренніе аппартаменты императрицы, бесѣдуя съ нею. Когда наступилъ часъ обыкновеннаго удаленія ея, король раскланялся съ нею, и былъ осыпанъ знаками величайшей благосклонности. Онъ возвратился въ Каневъ на императорской яхтѣ, съ тѣми же лицами, которыя сопровождали его сюда.

Во время одного разговора короля съ императрицею говорено было о пожарахъ, опустошившихъ нѣсколько русскихъ городовъ, которые потомъ выстроены изъ камня. Ея императорское величество соизволила сказать: „Надобно предохранить ихъ на будущее время отъ подобныхъ несчастій", на что король замѣтилъ: „Ваше величество всегда находите прекрасныя причины для прекрасныхъ дѣлъ". Это замѣчаніе доставило удовольствіе императрицѣ. При отъѣздѣ короля съ императорской яхты, ему салютовали пушками съ флотиліи, какъ утромъ. Иллюминація обелиска съ вензелемъ императрицы была весьма удачна: также милы были жирандоль съ букетомъ, въ четыре

тысячи ракетъ, и огненная гора, которая казалась лавою. Вечеромъ иностранные министры, статсъ-дамы и придворные императрицы ужинали въ Каневѣ, исключая князя Потемкина, который отправился въ Кременчугъ. Король во весь этотъ день былъ въ мундирѣ конной гвардіи и, между прочимъ, сказалъ однажды императрицѣ: „Я никогда не употреблялъ такъ долго зрительной трубы, сколько въ это время, имѣя въ виду Каневъ съ его живописными берегами". Флотилія отплыла сегодня утромъ часа въ четыре, и императрица проснулась верстахъ въ тридцати или сорока отсюда".

Другой очевидецъ этого свиданія, графъ Сегюръ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ:

„Екатерина послала на красивой шлюпкѣ нѣсколько генераловъ встрѣтить короля польскаго. Король, чтобы избавиться отъ затруднительнаго этикета, хотѣлъ сохранить инкогнито, несообразное, впрочемъ, съ торжественностію встрѣчи, и сказалъ посланнымъ, которые его сопровождали: „Господа, король польскій поручилъ мнѣ предоставить вамъ графа Понятовскаго".

Когда онъ вступилъ на императорскую галеру, мы окружили его, желая замѣтить первыя впечатлѣнія и слышать первыя слова двухъ державныхъ особъ, которыя находились въ положеніи далеко несходномъ съ тѣмъ, въ какомъ они были нѣкогда. Но мы обманулись въ нашихъ ожиданіяхъ, потому что, послѣ взаимнаго поклона важнаго, гордаго и холоднаго, Екатерина подала руку королю, и они вошли въ кабинетъ, въ которомъ пробыли съ полчаса. Они вышли, и такъ какъ мы не могли слышать ихъ разговоровъ, то старались прочитать въ чертахъ ихъ лицъ помыслы ихъ; но въ нихъ ничего не высказалось ясно. Черты императрицы выражали какое то необыкновенное безпокойство и принужденность, а въ глазахъ короля виднѣлся отпечатокъ грусти, которую не скрыла его принужденная улыбка.

Король обращался къ тѣмъ изъ насъ, которыхъ зналъ; прочихъ представила ему императрица. Со мною онъ былъ очень любезенъ. Все было расчислено, чтобы напомнить день, который съ обѣихъ сторонъ желали провести скорѣе. Всѣ пе-

ресѣли въ красивыя шлюпки, чтобы переправиться на галеру, гдѣ долженъ былъ происходить обѣдъ. Трудно было представить себѣ судно великолѣпнѣе, изящнѣе и роскошнѣе этого. За столомъ по правую руку возлѣ императрицы сидѣлъ король, по лѣвую — Кобенцель; князь Потемкинъ, Фитцъ-Гербертъ и я помѣстились противъ ихъ величествъ.

За обѣдомъ мало ѣли, мало говорили, только смотрѣли другъ на друга, слушали прекрасную музыку и пили за здравіе короля, при грохотѣ пушечнаго залпа [1]). По выходѣ изъ за стола король взялъ изъ рукъ пажа перчатки и вѣеръ императрицы и подалъ ей. Послѣ того онъ сталъ искать и никакъ не могъ найти своей шляпы; императрица, замѣтивъ это, велѣла принести шляпу и подала ее королю. Принимая ее, Станиславъ сказалъ: „Когда то, ваше величество, вы пожаловали мнѣ другую шляпу, которая была гораздо лучше этой".

Мы возвратились на царскую галеру. Король пробылъ еще немного времени и въ восемь часовъ уѣхалъ въ Каневъ.

Когда наступила ночная темнота, каневская гора зардѣлась огнями; по уступамъ ея была прорыта канава, наполненная горючимъ веществомъ; его зажгли, и оно казалось лавою, текущею съ огнедышащей горы; сходство было тѣмъ разительнѣе, что на вершинѣ горы взрывъ болѣе 100,000 ракетъ озарилъ воздухъ и удвоилъ свѣтъ, отразившись въ водахъ Днѣпра. Флотъ нашъ тоже былъ великолѣпно освѣщенъ, такъ что на этотъ разъ для насъ не было ночи. Король пригласилъ насъ къ себѣ, и мы отправились. Онъ далъ великолѣпный балъ, но императрица отказалась участвовать въ немъ. Напрасно Станиславъ упрашивалъ ее остаться еще хоть сутки: пора милостей для него миновала! Екатерина сказала ему, что боится опоздать и заставить ждать императора, который долженъ былъ съѣхаться съ нею въ Херсонѣ. Мы уѣхали на другое утро: такъ минуло это свиданіе, которое, несмотря на пышную торжественность, займетъ скорѣе мѣсто въ исторіи, нежели въ романѣ..." (Изъ *записокъ* Сегюра. Спб. 1865 г.).

---

[1]) Въ Камеръ-Фурьерск журн. сказано, что не было пальбы.

Королю хотѣлось еще остаться при императрицѣ на день или на два; черезъ Мамонова онъ сдѣлалъ даже объ этомъ предложеніе, но получилъ отказъ.—Это видно изъ письма императрицы къ Потемкину 25 апрѣля: „Сказывалъ мнѣ Александръ Матвѣевичъ желаніе гостя, чтобъ осталась здѣсь еще на одинъ или два дня, но ты самъ знаешь, что по причинѣ свиданія съ императоромъ сіе сдѣлать нельзя и такъ пожалуй, дай ему учтивымъ образомъ чувствовать, что перемѣну дѣлать въ моемъ путешествіи возможности нѣту. Да сверхъ того всякая перемѣна намѣренія, ты самъ знаешь, что мнѣ непріятна“.

Вечеръ 25 апрѣля, до 8-ми часовъ императрица проводила съ Станиславомъ въ разговорѣ и наконецъ дала ему почувствовать, что время разставаться. Станиславъ-Августъ шепотомъ сказалъ Потемкину:

„Есть ли надежда, что можно оставаться долѣе?“

Потемкинъ отвѣчалъ: „нѣтъ“.

Вслѣдъ за тѣмъ Потемкинъ ввелъ короля въ особый кабинетъ, и тамъ императрица сказала ему.

„Уже поздно: я знаю, что вы приглашали гостей на ужинъ; плаваніе продолжительно, это вынуждаетъ меня, къ моему сожалѣнію, проститься съ вашимъ величествомъ“.

Король выразилъ сожалѣніе, что такъ мало дозволили ему бесѣдовать съ его покровительницею.

„Не допускайте къ себѣ черныхъ мыслей; разсчитывайте на мою дружбу и мои намѣренія, дружелюбныя къ вамъ и къ вашему государству“ сказала Екатерина.

Этимъ кончилось свиданіе. Король, во время бесѣды съ императрицею, подалъ ей собственноручно еще одну записку о польскихъ дѣлахъ, но не получилъ отъ нея отвѣта, подъ тѣмъ предлогомъ, что она не успѣла ее прочитать.

Станиславъ-Августъ естественно былъ недоволенъ этимъ свиданіемъ, прождавши семь недѣль въ Каневѣ [1]).

Екатерина осталась также не очень довольна свиданіемъ со Станиславомъ.

---

[1]) См. Вѣстникъ Европы. 1869. Апрѣль.

Храповицкій записалъ въ дневникѣ своемъ, 26 апрѣля, по отъѣздѣ изъ Канева: „Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, были довольны, что избавились вчерашняго безпокойства, князь Потемкинъ ни слова не говорилъ: принуждена была говорить безпрестанно; языкъ засохъ; почти осердили, прося остаться. Король торговался на три, на два дня, или хотя для обѣда на другой день“.

На третій день по своемъ отъѣздѣ, Станиславъ-Августъ прислалъ графу Безбородку портретъ свой, богато украшенный бриллiантами.

25 апрѣля, на Днѣпрѣ, противъ Канева, императрица пожаловала чинамъ польскимъ: камергеру Шидловскому перстень въ 2800 р., маіору и унтеръ-шталмейстеру Политальскому перстень въ 850 р., камергеру Моравскому табакерку въ 1.400 р., лейбъ-медику Беклеру табакерку въ 930 р., адъютанту королевскому Бишевскому перстень въ 900 р., адъютанту королевскому Киркову перстень въ 900 р., кабинетъ-секретарю Дембовскому перстень антикомъ въ 950 р., послу при польскомъ дворѣ графу Штакельбергу табакерку овальную, съ портретомъ, голубую, въ 3.350 р., польскому посланнику Деболи табакерку съ вензелемъ въ 2.000 р., великому писарю Дзедушицкому табакерку съ вензелемъ въ 2.800 р., маіору и унтеръ-шталмейстеру Гордону часы золотые съ финифтью и бриллiантами въ 750 р., полковнику Слонинскому табакерку въ 1.100 р., кабинетъ-секретарю Серчинскому табакерку въ 1.000 р. (Изъ приходо-расходныхъ книгъ 1787 г. кабинета Е. В.).

Сверхъ того, когда гр. Штакельбергъ отпущенъ былъ на другой день свиданія съ польскимъ королемъ въ Каневѣ, то между прочими подарками, которые поручено ему было раздать въ свитѣ короля находящимся, послана съ нимъ андреевская лента для г. Тышкевича и двѣ александровскія гг. Платеру и Комаржевскому. (Госуд. арх. XI. 101).

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЛЫНСКІЙ ВОПРОСЪ 1097—1102 Г.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

Съ концомъ волынской компаніи прекращается разсказъ Сказанія; авторъ его прибавляетъ только нѣсколько словъ объ окончательномъ рѣшеніи вопроса. По другимъ источникамъ мы можемъ до нѣкоторой степени возстановить дальнѣйшія его перипетіи. Потерпѣвъ неудачу въ войнѣ, Святополкъ обратился къ дипломатіи. Вѣроятно, ссылаясь на первое постановленіе князей (у Городца) относительно Давыда, онъ приглашалъ ихъ принять мѣры съ своей стороны къ удаленію послѣдняго изъ волости, такъ какъ самому Святополку это не удалось; при этомъ подразумѣвалось, конечно, что Волынь все таки должна перейти къ Святополку. Ему удалось, какъ видно, склонить на свою сторону не только Святославичей, но и Мономаха. Давыда рѣшено было подвергнуть суду княжескаго съѣзда и лишить волости. Вѣроятно, такое рѣшеніе было принято на первомъ съѣздѣ князей въ Вѣтичахъ или Увѣтичахъ (подъ Кіевомъ, за Днѣпромъ, у с. Хотяновки), который происходилъ 10 августа 1100 г.; здѣсь „братья створиша міръ межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ“ [2]). Если это „створиша міръ“ должно быть принимаемо въ собственномъ смыслѣ, а не въ значеніи уладились, пришли къ соглашенію, то придется предположить

---

[1]) См. „Кіевская Старина“. 1891 г., № 4.

[2]) Лавр. с. 263 (Ипат. с. 180). Соловьевъ полагалъ, что 14 августа съѣзжались представители князей, которые уговорились относительно общаго княжескаго съѣзда и назначили его на 30 августа; но для такого предположенія лѣтопись не

какую-нибудь, неизвѣстную намъ, ссору между ними—и вѣроятнѣе всего, между Святополкомъ и Мономахомъ или, быть можетъ, между Мономахомъ и Святославичами. Разсказъ лѣтописи даетъ основаніе предполагать, что еще раньше, вѣроятно, во время войны со Святополкомъ, Давыдъ Игоревичъ обращался къ братіи съ какою-то жалобою. Теперь, повидимому, этою жалобою воспользовались, какъ предлогомъ для составленія общаго съѣзда и приглашенія на него Давыда [1]). 30 августа въ тѣхъ же Увѣтичахъ произошелъ второй съѣздъ, уже съ участіемъ Давыда. Давыдъ явился смѣло: „на что мя есте привабили? осе есмъ, кому до мене обида? И отвѣща ему Володимеръ: ты еси прислалъ к намъ: хочю, братья, прити к вамъ и пожаловатися своея обиды; да се еси пришелъ и сѣдишь с братьею своею на одиномъ коврѣ, то чему не жалуешься, до кого ти насъ жалоба? и не отвѣща Давыдъ ничтоже“. Вѣроятно, по тону отвѣта Давыдъ догадался, что его дѣло было уже рѣшено и всякіе разговоры безполезны. Князья разошлись и совѣщались со своими дружинами, „а Давыдъ Игоревичь сѣдяше кромѣ, и не припустяху его к собѣ“; Святополкъ же, соучастникъ преступленія Давыда, явился теперь его судьею, да одновременно еще и лицомъ заинтересованнымъ въ обвиненіи. По совѣщаніи князья отправили къ Давыду своихъ бояръ-пословъ и объявили рѣшеніе: Давыдъ лишался волости за свое преступленіе и ему предоставлялись во владѣніе только Бужскъ и Острогъ [2]); кромѣ того князья, каждый отъ себя, сдѣлали въ его пользу пожертво-

---

даетъ основаній. Татищевъ говоритъ еще, что на первый съѣздъ явились съ жалобою послы Володаря Ростиславича. Приведенное опредѣленіе мѣстности Увѣтичей принадлежитъ проф. В. Б. Антоновичу, см. о ней еще Ист. Кіев. з. с. 22.

[1]) Въ Сказаніи: „привабиша Давыда Игоревича, и не даша ему Володиміря, но даша ему Дорогобужь“. (Лавр. с. 263). Въ Никоновск. л. (II. с. р. л. IX с. 136): „и начаша посылати по Давыда Игоревичя, любовію водяще его къ себѣ и обѣщевающе ему столъ градъ Володимерь“; прибавленіе очень любопытное и невѣроятное, если это только не распространеніе слова „привабиша“.

[2]) О Бужскомъ и Острогѣ, начиная съ Татищева и по сіе время, идетъ разногласіе. Въ лѣтописи стоитъ: „в Бужьскѣмъ (Божескомъ) въ Острозѣ“; Татищевъ (II, стр. 196), затѣмъ Зубрицкій, Соловьевъ, Костомаровъ, Иловайскій, Андріяшевъ, видятъ здѣсь два отдѣльные города; Карамзинъ (II, пр. 195), Погодинъ,

ванія: Святополкъ далъ Дубенъ и Черторыйскъ [1]), Мономахъ—200 гривенъ, Святославичи тоже 200 гривенъ [2]); краткость лѣтописнаго извѣстія оставляетъ насъ въ неизвѣстности относительно значенія этихъ прибавокъ отъ братіи, были ли онѣ просто подачками „на бѣдность" (это было бы довольно характерно, особенно со стороны Святополка) или имѣли другой смыслъ. Этимъ не ограничились постановленія съѣзда: было рѣшено отобрать волость и у Василька, „послашася слы своя къ Володареви и к Василкови: поими брата своего Василка к собѣ, и буди вама едина власть, Перемышль; да аще вамъ любъ, да сѣдита, аще ли ни, да пусти Василка сѣмо, да его кормимъ сдѣ, а холопы наша выдайта и смерды". Предложеніе это было, вѣроятно, мотивировано тѣмъ, что Василько, какъ слѣпецъ, не можетъ самъ управлять волостью [3]), но то былъ, конечно, лишь благовидный предлогъ, это ясно; спрашивается только, кому

Бѣляевъ, Барсовъ—одинъ, Бужскій острогъ,—дѣйствительно Острогъ нигдѣ больше не упоминается до XIV в., хотя это и не можетъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ. Что касается мѣстоположенія, то Острогъ существуетъ по нынѣ, а вопросъ о Бужскахъ—Божскахъ—одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ въ мѣстной исторической географіи. Съ значительною вѣроятностью можно установить два города этого имени, одинъ въ области западнаго Буга, другой—южнаго (собственно Божскъ); нужно ли всѣ упоминанія относить къ этимъ двумъ городамъ, или слѣдуетъ предположить еще третій, гдѣ нибудь въ Погоринѣ (тогда Божскій 1100 г. можно бы отождествить съ Бужскомъ 1152 г., упоминаемымъ среди городовъ южной Погорины)—слишкомъ трудно рѣшить. См. Барсова, Геогр. нач. лѣт. 1885 г., стр 118, 140, Н. П. Дашкевича, Болоховская земля—въ Трудахъ III археол. съѣзда II. стр. 75—77, 84—5 и др., также Ист. кіевской земли, стр. 45—6.

[1]) Черторыйскъ (мѣстечко луцкаго у. на р. Стыри) принадлежалъ, вѣроятно, къ туровской волости Святополка, Дубенъ, если не былъ выдѣленъ изъ Давыдовыхъ же владѣній, долженъ былъ принадлежать тогда къ Погоринѣ.

[2]) И. В. Лашнюковъ недоумѣваетъ, почему Мономахъ одинъ даетъ 200 гр., а Святославичи—оба вмѣстѣ, и подозрѣваетъ здѣсь тайный умыселъ со стороны Мономаха (ор. с. с. 25); но послѣдній на съѣздѣ былъ представителемъ отдѣльной княжеской линіи (Всеволода), какъ Давыдъ и Олегъ вмѣстѣ—другой линіи (Святослава). Зубрицкій (ор. с. II, стр. 37) и Шараневичъ (ор. с. с. 31), вслѣдъ за Длугошемъ (III, р. 344) и Стрыйковскимъ (I, р. 179), полагаютъ, что князья обѣщали Давыду платить по 200 гривенъ ежегодно; но это было бы, пожалуй, больше чѣмъ сколько назначили князья Давыду сообща, сколько далъ ближайше заинтересованный Святополкъ.

[3]) Ср. Соловьева, Ист. отнош. княз. Рюрик. дома, стр. 121.

должна была поступить Теребовльская волость Василька? Конечно, рѣшить этого окончательно мы не можемъ, но соображая, что она принадлежала также къ отчинѣ Святополка, думаю, что и предложеніе это было сдѣлано въ интересахъ Святополка, равно какъ и требованіе выдать холопей и смердовъ: послѣдніе въ большинствѣ, если не исключительно, были изъ волостей волынскихъ, захвачены во время войны съ Ростиславичами, слѣдовательно возвратить ихъ нужно было преимущественно Святополку" [1]).

Такимъ образомъ увѣтичскій съѣздъ работалъ въ интересахъ Святополка. Святославичи поддерживали его, вѣроятно, подъ условіемъ вознагражденія (вспомнимъ передачу Луцка Святошѣ Давыдовичу); какую же роль игралъ во всемъ этомъ Мономахъ? Большею частью его считаютъ иниціаторомъ и распорядителемъ и этого съѣзда, виновникомъ его постановленій [2]); при этомъ въ его дѣйствіяхъ одни видятъ несправедливую потачку Святополку, своекорыстные виды на Волынь, другіе же не освѣщаютъ этого поступка, или стараются оправдать Мономаха. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что Мономахъ собственно не былъ здѣсь активнымъ лицомъ. Если онъ благопріятствовалъ политикѣ Святополка, то не по своей охотѣ, не изъ ненависти къ Олегу, не потому, что берегъ в. княжество для себя и „сгибался предъ Святополкомъ, чтобы не нарушить внѣшняго почтенія къ званію в. князя", какъ объяснялъ одинъ историкъ [3]), а потому, что оставшись одинокимъ, безъ союзниковъ, не желалъ расходиться съ партіею Святополка, боялся ссориться съ

---

[1]) Ср. Полевого, Ист. рус. народа, II, стр. 357. У Татищева (II, стр. 197): „взятыхъ въ плѣнъ холопей и подлыхъ Володимирскихъ всѣхъ освободить, понеже Володимиръ дали сыну Святополчу Ярославцу".

[2]) Такъ В. Пассекъ въ своей „Княжеской и до княжеской Руси" (въ Чтеніяхъ московскаго общества ист. и древн., 1870, кн., III), сочиненіи, отличающемся въ отношеніи Мономаха особеннымъ панегиризмомъ, признавалъ, что увѣтичскій съѣздъ, былъ произведеніемъ Мономаха, какъ и любечскій, и постановленія его были „не что иное, какъ снисходительное исполненіе требованій Мономаха, при заключеніи имъ мира со Святополкомъ, относительно преслѣдованія Давыда", стр. 93 (187).

[3]) Полевой, Исторія русск. народа, II, стр. 358—359.

послѣднимъ; въ описаніи увѣтичскаго съѣзда Мономахъ, правда, играетъ видную роль и усердно дѣйствуетъ въ пользу Святополка, но это еще не значитъ, чтобы онъ дѣлалъ это по своей охотѣ. Постановленіе увѣтичскаго съѣзда было глубоко несправедливо и такой благоразумный и заботливый въ отношеніи легальности человѣкъ, какъ Мономахъ, не принялъ бы въ немъ участья, если бы не былъ къ тому вынужденъ; что до поддержки авторитета в. князя, то тогда въ этомъ отношеніи не существовало особенной щепетильности. Высказаны были еще предположенія, что Мономахъ дѣйствовалъ изъ корыстныхъ разсчетовъ, что онъ желалъ пріобрѣсть Волынь себѣ и имѣлъ въ виду вымѣнять ее потомъ у Святополка [1]), или, какъ думаетъ другой, новѣйшій изслѣдователь, Мономахъ „зналъ, что послѣ смерти Святополка в. княземъ будетъ онъ и тогда ему легче будетъ прибрать Волынь къ рукамъ“ [2]). Эти объясненія, по моему, несправедливы; о мѣнѣ я буду говорить ниже, что касается второго мнѣнія, то мы, конечно, знаемъ, что Мономахъ наслѣдовалъ Святополку, и въ 1118 г. отобралъ Волынь у его сына Ярослава, но чтобъ Мономахъ въ 1100 г. это настолько ясно предвидѣлъ, что даже волости набиралъ для Святополка, это невѣроятно и психологически, и исторически: Мономахъ вовсе не былъ прямымъ наслѣдникомъ Святополка; если принять, что на любечскомъ съѣздѣ было установлено преемство князей по прямой линіи, законнымъ преемникомъ Святополка былъ его сынъ Ярославъ (и это мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ), если преемство въ родѣ, какъ думаютъ чаще,—то Святославичи; вокняженіе Мономаха въ Кіевѣ въ обоихъ случаяхъ было въ сущности счастливою случайностью, обусловленною народнымъ избраніемъ. Что Мономахъ дѣйствовалъ на увѣтичскомъ съѣздѣ подъ давленіемъ обстоятельствъ, въ угоду господствующей партіи, это довольно убѣдительно показываетъ слѣдующій эпизодъ.

Во вступленіи къ своему Поученію Мономахъ разсказываетъ, что поводомъ къ его составленію былъ такой случай:

---

[1]) Лашнюковъ, Владиміръ Мономахъ, стр. 25.

[2]) Андріяшевъ, Очеркъ ист. волынск. земли, стр. 115.

„усрѣтоша мя слы отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: потъснися к намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимемъ, еже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ; и рѣхъ: аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити“ [1]). Подъ братьею, принимая въ соображеніе извѣстія Сказанія, нельзя разумѣть никого, кромѣ Святополка и Святославичей. Относительно времени, къ которому относится этотъ случай, существуетъ разногласіе. Погодинъ, въ спеціальномъ изслѣдованіи объ этомъ памятникѣ, полагалъ, что здѣсь идетъ рѣчь о походѣ Святополка на Ростиславичей 1099 г. [2]), но мнѣ болѣе справедливымъ кажется мнѣніе, что упомянутый походъ затѣвался уже послѣ увѣтичскаго съѣзда, вслѣдствіе отказа Ростиславичей въ уступкѣ Теребовля [3]): „братья“, лично заин-

[1]) Лаврент. л., стр. 232—233.

[2]) „О Поученіи Мономаха“ — въ Извѣстіяхъ II отд. академіи наукъ, т. X, стр. 237 (ср. также Хронологическій указатель его же, стр. 102 и 106); выводъ Погодина относительно времени составленія Поученія (1099 г.) принятъ и г. Протопоповымъ въ его сочиненіи „Поученіе Владиміра Мономаха, какъ памятникъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній и жизни на Руси“ (Журн. Мин Нар. Просв., 1874, кн. II, стр. 236). Погодинъ указываетъ на то, что, по свидѣтельству Поученія, оно написано черезъ три года послѣ перехода Мономаха изъ Чернигова въ Переяславль (конецъ 1094 или начало 1095 г.): „и сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы“ (Лавр. л, стр. 240), но этотъ доводъ не особенно убѣдителенъ: едва ли здѣсь опредѣляется промежутокъ; въ самомъ Поученіи упоминается о четырехъ зимахъ послѣ похода на Олега и осады Стародуба (1096 г.), а та въ которую къ Мономаху пришли послы отъ братьи, будетъ уже пятою („и потомь паки идохомъ къ Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихомъ Смоленску; и сы нынѣ иду Ростову“, стр. 241). Но самое главное то, что до увѣтичскаго съѣзда упомянутое посольство къ Мономаху могло быть отправлено не позже того времени, когда Давыдъ Игоревичъ сталъ отвоевывать Волынь у Святополка: борьба съ Ростиславичами послѣ этого отошла на задній планъ и Святополкъ просилъ бы помощи противъ Давыда; по этому самому оно не могло быть отправлено и до похода Святополка на Давыда; остается промежутокъ—апрѣль—май 1099 г., а посольство явилось къ Мономаху зимою, во время саннаго пути (с. 232, ср. и с. 241), какъ справедливо признаетъ и Погодинъ; не сходясь съ условіями 1099 г., это обстоятельство вполнѣ подходитъ ко времени послѣ увѣтичскаго съѣзда, бывшаго въ августѣ, (существуетъ и другое толкованіе выраженія: „сѣдя на санехъ“—въ смыслѣ „приближаясь къ смерти“ (сани—принадлежность похоронъ), но если поученіе было писано въ 1099—1100 г., то Мономаху не было еще и полныхъ пятидесяти лѣтъ).

[3]) Такого мнѣнія держатся: Зубрицкій (II с. 37—8), Соловьевъ (II с. 62), Бѣляевъ (Разск. изъ рус. ист. I, с. 144), Костомаровъ (Русск. ист. I, с. 57), Шараневичъ (op. c. c. 51).

тересованная въ этомъ, пригласила въ походъ и Мономаха, какъ участника увѣтичскихъ постановленій. Но будь то до увѣтичскаго съѣзда или послѣ него, для насъ любопытно здѣсь именно отношеніе Мономаха къ братіи: послѣдняя чувствуетъ за собою силу и нисколько не заботится о мнѣніи Мономаха, самое предложеніе, въ передачѣ Мономаха, поставлено очень рѣзко: „если не хочешь, то мы считаемъ себя ничѣмъ не связанными въ отношеніи тебя", и Мономахъ не протестовалъ, а обратился за утѣшеніемъ къ псалтири. Если принять, что это случилось послѣ увѣтичскаго съѣзда, то нужно это понимать такъ, что Мономахъ счелъ невозможнымъ, слишкомъ неловкимъ для себя, выступать открыто для отобранія у Ростиславичей волостей, утвержденныхъ за ними на Любечскомъ съѣздѣ (объ этомъ крестномъ цѣлованіи и говоритъ Мономахъ), хотя и участвовалъ въ увѣтичскихъ постановленіяхъ—это участіе, слѣдовательно, не было искреннимъ поступкомъ Мономаха. Если же это произошло еще въ 1099 г., то, значитъ, Мономахъ, противъ воли и убѣжденія, въ концѣ концовъ подчинился партіи Святополка и принялъ участіе въ постановленіяхъ относительно Ростиславичей и Давыда, благо, нѣкоторая внѣшняя благовидность была для того [1]). Итакъ, въ томъ и другомъ случаѣ несомнѣнно, что Мономахъ не былъ хозяиномъ во всемъ этомъ дѣлѣ, дѣйствовалъ подъ давленіемъ обстоятельствъ, сообразуясь въ своей политикѣ съ желаніями руководящей партіи—Святополка и его союзниковъ—Святославичей.

Ростиславичи отказались подчиниться увѣтичскимъ постановленіямъ и уступить теребовльскую волость. Были ли сдѣланы попытки понудить ихъ силою къ тому, предпринятъ ли былъ на нихъ походъ, источники не говорятъ; во всякомъ случаѣ они сохранили свои владѣнія.

Переходъ Волыни во власть Святополка вызвалъ протестъ со стороны его племянника Ярослава Ярополковича. Ярополкъ владѣлъ Волынью въ то время, какъ Святополкъ княжилъ въ

---

[1]) При такой точкѣ зрѣнія объясняется и вышеприведенное выраженіе лѣтописи о первомъ съѣздѣ въ Увѣтичахъ: „братья створиша міръ межи собою".

Новгородѣ. Двое сыновей Ярополка, какъ упомянуто, помогали Святополку во время волынской войны[1]) и, вѣроятно, разсчитывали на волости, но обманулись. На слѣдующій годъ послѣ увѣтичскаго съѣзда (въ 1101 г.) Ярославъ Ярополковичъ засѣлъ въ Берестьи (неизвѣстно, была ли то волость его, или онъ захватилъ этотъ городъ силою[2]) и началъ борьбу съ дядею. Она оказалась ему не подъ силу; осажденный, онъ вынужденъ былъ сдаться и въ оковахъ приведенъ въ Кіевъ. По ходатайству митрополита и игуменовъ его освободили изъ оковъ, заставивъ предварительно присягнуть на мощахъ Бориса и Глѣба; въ слѣдующемъ году онъ бѣжалъ. Повидимому, Ярославъ пробирался въ Польшу, но Ярославъ Святополчичъ настигъ его и захватилъ какою то хитростью („перьльсти") на р. Нурѣ (правомъ притокѣ З. Буга). Ярославъ Ярополковичъ былъ снова отведенъ въ Кіевъ и посаженъ въ оковы; такъ онъ и скончался въ слѣдующемъ году (1103)[3]).

Давыдъ Игоревичъ, судя по извѣстіямъ источниковъ, покорно подчинился рѣшенію братьевъ; испытанныя передряги, видимо, смирили его. Онъ сидѣлъ сначала въ Бужскѣ, „и по семь вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужь"—его первоначальную волость. Въ какомъ отношеніи стояло это къ первоначальному надѣленію Давыда — прибавилъ ли ему владѣній Святополкъ, или обмѣнилъ на прежнія, мы не знаемъ[4]). Дорогобужъ былъ однимъ изъ центральныхъ городовъ Погорины и съ нимъ часто связывалось владѣнье всею этою областью; изъ прежнихъ городовъ Давыда Черторыйскъ навѣрное находился

---

[1]) Лаврент. л. с. 260 (въ Ипатск.—на стр. 177—это мѣсто пропущено).

[2]) Въ Лавр. с. 265 (также Никоновск. и Воскресенск.) „заратися", въ Ипатск. (с. 181)—„затворися Ярославъ Ярополчичь у Берестьи"; Татищевъ (II, с. 197) прибавляетъ: „князь берестскій".

[3]) Лавр. с. 265—266 (Ипатск. с. 181—182), подъ 1102 г.—ошибочно (см. Карамзинъ, II, пр. 209, Погодинъ, Изслѣдованія, лекціи etc. IV, с. 34 и Хронологическій указатель, с. 58).

[4]) У Татищева (II с. 197) Святополкъ прибавляетъ Давыду Дорогобужъ. По Сказанію, этотъ городъ былъ данъ Давыду совѣтомъ князей; подробный разсказъ лѣтописи заслуживаетъ, конечно, болѣе довѣрія, но это обстоятельство любопытно, ибо показываетъ, что заключеніе Сказанія не заимствовано изъ лѣтописи.

внѣ Погорины, а Острогъ входилъ, несомнѣнно въ составъ ея (о Божскѣ и Дубнѣ нельзя сказать этого съ увѣренностью); можетъ быть Святополкъ округлилъ владѣнія Давыда въ Погоринѣ и взамѣнъ взялъ волости, находившіяся внѣ ея. Что касается времени этого событія (въ источникахъ недатированнаго), то, по справедливому замѣчанію г. Андріяшева, оно произошло очень скоро послѣ увѣтичскаго съѣзда, такъ что авторъ Сказанія даже не упомянулъ о надѣленіи Давыда Дубномъ, Черторыйскомъ и прочими городами[1]). Въ Дорогобужѣ и скончался Давыдъ въ 1112 г.[2]).

Въ сыновья Давыду даютъ обыкновенно т. н. Всеволодка, князя Городна (мѣстечко въ пинскомъ уѣздѣ, между устьями Горыни и Стыра); происхожденіе этого князя въ лѣтописяхъ нигдѣ не указано, предположеніе, что онъ былъ сыномъ Давыда, довольно вѣроятно[3]). Въ такомъ случаѣ по смерти Давыда, дорогобужская волость была отобрана у его сына Святополкомъ или кѣмъ нибудь изъ его преемниковъ и замѣнена Городномъ— изъ туровскихъ волостей[4]).

Пріобрѣтеніе Волыни не удовлетворило Святополка; его, очевидно, гораздо больше интересовалъ Новгородъ, исконный аннексъ Кіева, и онъ не медля обратился къ Мономаху съ

---

[1]) Очеркъ ист. волынск. зем. с. 115.

[2]) Ипатск. л. с. 197, Лавр. с. 275 (подъ 1113 г.).

[3]) Давыдовичемъ Всеволодко названъ у Татищева (II с. 265) и въ старомъ изданіи Радзивилловскаго (Кенигсбергскаго) списка (Библіотека россійская историческая I, 1767, с. 195), но въ подлинникѣ послѣдней Всеволодко Давыдовичемъ не названъ (см Лавр. л. с. 293, въ разночтеніяхъ), это прибавленіе взято, вѣроятно, изъ Татищева, который такимъ образомъ является единственнымъ источникомъ. Карамзинъ принялъ это извѣстіе, или домыслъ, а за нимъ и послѣдующіе ученые (Ист. гос. росс. II., пр, 250, Погодинъ, Изслѣдованія VI, с. 96, родословные таблицы Строева и Соловьева—въ ключѣ къ Ист. гос. Росс., роспись 3 и въ Ист. Россіи, табл. 2).

[4]) Что Городенъ принадлежалъ къ туровской волости, это нужно заключить изъ положенія его—между Пинскомъ и Дубровицею, тоже городомъ турово-пинской волости (сравни Лавр. с. 374 и Ипат. с. 426 и 466), г. Довнаръ-Запольскій въ своемъ „Очеркѣ исторіи кривичской и дреговичской земель“ впрочемъ причисляетъ Городенъ, какъ и Дубровицу, къ древлянскимъ городамъ (с. 58). Во владѣніи Всеволодка и трехъ его сыновей Городенъ оставался почти все XII ст. (Ипат. с. 210 и 426, Погодинъ, Изслѣдов. VI с. 96, 181—2).

предложеніемъ обмѣнять Волынь на Новгородъ [1]) Объ этихъ переговорахъ лѣтопись разсказываетъ подъ 1102 г. такъ: „приде Мстиславъ, сынъ Володимеръ, с. Новгородци, бѣ бо Святополкъ с Володимеромъ рядъ имѣлъ, яко Новугороду быти Святополчю и посадити сынъ свой въ немь, а Володимеру посадити сынъ свой в Володимери, и приде Мстиславъ Кыеву, и сѣдоша въ избѣ, и рѣша мужи Володимери: и се прислалъ Володимеръ сына своего, да се сѣдять новгородци, да поимше сына твоего и идуть Новугороду, а Мьстиславъ да идеть Володимерю“. И рѣша новгородци Святополку: „се мы, княже, прислани к тобѣ, и ркли ны тако: не хочемъ Святополка, ни сына его; аще ли двѣ главѣ имѣеть сынъ твой, то пошли и; а сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь, а ты еси шелъ отъ насъ“. И Святополкъ же многу прю имѣвъ с ними, онѣмъ же не хотѣвшимъ, поимше Мстислава, придоша Новугороду“ [2]). Кто былъ иниціаторомъ, лѣтопись прямо не говоритъ, но само писаніе показываетъ, что имъ былъ Святополкъ: если бы въ мѣнѣ заинтересованъ былъ Мономахъ, ему незачѣмъ было посылать новгородскихъ пословъ предъ лицо Святополка, и послѣдній не сталъ бы препираться съ ними такъ усердно. Мономаху же эта мѣна, повидимому, была прямо не желательна, иначе, какъ справедливо замѣтилъ Соловьевъ [3]), онъ могъ вмѣстѣ съ Святополкомъ преодолѣть сопротивленіе новгородцевъ; можетъ быть, владѣніе Волынью казалось ему непрочнымъ, затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что она была бы для него владѣньемъ черезполоснымъ, охваченнымъ волостями Святополка; но онъ не нашелъ возможнымъ уклониться отъ предложенія Святополка—опять фактъ любопытный для характеристики существовавшихъ между ними отношеній. Отказъ новгородцевъ вывелъ Мономаха изъ затрудненія; а чтобы Святополкъ не

---

[1]) Если среди волостей Давыда были волынскія (можетъ быть Дубенъ, Бужскъ), и Дорогобужъ былъ данъ въ обмѣнъ за нихъ, то передача послѣдняго Святополкомъ стояла, быть можетъ, въ связи съ намѣреніями промѣнять Волынь: для этого онъ счелъ нужнымъ освободить ее отъ прочихъ владѣтелей.

[2]) Лавр. с. 265—266 (Ипат. с. 181—2).

[3]) Ист. Россіи II, с. 64.

заподозрилъ его во лжи или какихъ либо козняхъ, онъ и препроводилъ новгородцевъ къ нему [1]). Святополкъ долженъ былъ отказатьсь отъ своего намѣренія, и Новгородъ навсегда ускользнулъ изъ подъ власти его и его рода.

Этимъ собственно закончился волынскій вопросъ. Оглядываясь на его перипетіи, мы видимъ, что почву для него подготовили политическія отношенія второй половины XI в., результаты которой были закрѣплены любечскимъ съѣздомъ; толчекъ дала размолвка Святополка съ Мономахомъ. Политика послѣдняго дала совсѣмъ неожиданное направленіе вопросу: вмѣсто борьбы Давыда Игоревича съ Ростиславичами за объединеніе Волыни и Святополка съ Мономахомъ—за Новгородъ, вышла борьба Святополка съ Давыдомъ и Ростиславичами—для объединенія опять таки другой своей, волынской отчины. Его поддержали Святославичи, вѣроятно, изъ разсчетовъ корыстныхъ, Мономахъ—чтобы отвлечь его отъ болѣе непріятныхъ для него (Мономаха) претензій. Но Святополкъ успѣлъ осуществить свое намѣреніе только отчасти: Ростиславичи сохранили свои владѣнія. Его столкновеніе съ ними, впрочемъ, имѣло, какъ кажется, важное значеніе для послѣдующаго: оно въ значительной степени опредѣлило послѣдующую политику галицкихъ князей (хотя, какъ было замѣчено уже, соперничество между Ростиславичами и волынскими князьями существовало и раньше): галицкіе князья зорко слѣдятъ за своими волынскими сосѣдями, всячески стараются препятствовать ихъ усиленію и особенно боятся соединенія въ однѣхъ рукахъ Волыни съ Кіевомъ; они помнили, что ихъ владѣнія тянули нѣкогда ко Владиміру и боялись, что волынскіе князья, усилившись, захотятъ возвратить эти волости (что, дѣйствительно, и случилось при Романѣ). Особенно характерный примѣръ этой политики представляетъ поведеніе Володимірка, который дружилъ сначала съ Всеволодомъ Ольговичемъ, пока на Волыни сидѣли Мономаховичи, а

---

[1]) Я остановился на объясненіи этого факта потому собственно, что И. В. Лашнюковъ, какъ упомянуто выше, полагалъ, что Мономахъ хотѣлъ вымѣнять Волынь у Святополка и съ этой цѣлью еще раньше настаивалъ на передачѣ Волыни этому послѣднему (ор. с. с. 25).

потомъ сразу „раскоторася" съ нимъ, „же сѣде сынъ его Володимири" [1]).

Въ общемъ весь разсмотрѣнный эпизодъ производитъ весьма тяжелое впечатлѣніе: въ политикѣ, въ княжескихъ отношеніяхъ господствуютъ корыстные разсчеты, эгоизмъ, который кажется тѣмъ противнѣе, что въ нашихъ источникахъ по временамъ одѣвается въ личину благочестія, патріотизма; выгода заставляетъ примириться со всякими злодѣяніями и дѣлаетъ приспѣшниками насилій даже такихъ благочестивыхъ людей, какъ Давыдъ Святославичъ и Святоша, такого любимца духовенства, какъ Мономахъ. Только духовенство въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей среди этой оргіи эгоизма не спѣшно и не замѣтно совершало свою миссію—распространенія гуманности и нравственнаго подъема [2]).

Изъ дѣятелей этой поры яснѣе другихъ выступаютъ: Мономахъ, Святополкъ, Давыдъ Игоревичъ и Василько; къ установившейся характеристикѣ послѣднихъ я не имѣю прибавить ничего существеннаго. Святополкъ обрисованъ очень полно въ Сказаніи; рѣшившись на преступленіе подъ вліяніемъ Давыда, онъ робѣетъ и теряется въ опасности, но когда оказывается, что обстоятельства за него, тогда онъ дѣйствуетъ смѣло, нагло, увѣренный въ безнаказанности. Благодаря стеченію обстоятельствъ, ему удалось сыграть въ современной политикѣ роль гораздо болѣе значительную, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ и чѣмъ сколько можно было ожидать, судя по его невеликимъ способностямъ. Мнѣніе, что онъ дѣйствовалъ подъ опекою Мономаха, съ его благосклоннаго соизволенія, совершенно несправедливо; напротивъ, Мономахъ, такъ сказать, былъ сбитъ съ позиціи, дѣйствовалъ въ интересахъ Святополка, хотя, видимо, не сочувствовалъ имъ. Что касается до самого Мономаха. то въ разсмотрѣнныхъ событіяхъ онъ является мнѣ не столько братолюбцемъ и добрымъ страдальцемъ за русскую

[1]) Ипат. л. с. 225.

[2]) На пространствѣ немногихъ, разсматриваемыхъ нами, годовъ, имѣемъ два случая заступничества кіевскаго духовенства предъ Святополкомъ: за Василька и Ярослава Ярополчича.

землю, сколько политикомъ, осторожнымъ, благоразумнымъ, лавирующимъ среди современныхъ политическихъ отношеній и уступающимъ тамъ, гдѣ чуялъ серьезныя препятствія, серьезную борьбу. Мнѣ кажется, что и въ событіяхъ послѣдующей политической дѣятельности его отражается тотъ же характеръ, еще болѣе скраденный обстановкою, внѣшностью; въ сущности онъ является продолжателемъ политики своего отца, только болѣе энергичнымъ, талантливымъ, болѣе чуткимъ въ отношеніи благопристойности [1]).

---

[1]) Воззрѣнія на характеръ Мономаха весьма видоизмѣнялись у отдѣльныхъ ученыхъ, не то что характеристика Святополка, которая установилась еще съ Татищева. Къ Мономаху наши источники относятся очень благопріятно, въ своихъ произведеніяхъ онъ выступаетъ тоже въ очень выгодномъ свѣтѣ, и на первыхъ порахъ въ такомъ же ореолѣ онъ явился и въ исторіи: Татищевъ (II, с. 229) повторяетъ о немъ отзывы лѣтописей, у Карамзина Мономахъ былъ однимъ изъ любимыхъ героевъ (характеристику см. въ т. II, с. 98). Въ противоположность последнему, Н. Полевой въ своей „Исторіи русскаго народа", признавая за Мономахомъ превосходство надъ современниками относительно ума, энергіи и пониманія нуждъ современной Руси, о характерѣ и дѣятельности его сдѣлалъ весьма строгій отзывъ, считая его человѣкомъ хитрымъ, вѣроломнымъ, своекорыстнымъ (см. особенно с. 305, 377 второго тома). Этотъ взглядъ, однако, не получилъ права гражданства въ наукѣ и восторженное отношеніе къ Мономаху встрѣчается и позже (напр. у Хлѣбникова „Общество и государство" (373—374). М. П. Погодинъ посвятилъ вопросу спеціальное „Изслѣдованіе о жизни и дѣлахъ Владиміра Мономаха" (въ Хронолог. указателѣ с. 95—124); ругнувъ „какографію" Н. Полевого и его „бездарныхъ подражателей, уродующихъ русскую исторію", покойный академикъ удовольствовался тѣмъ, что привелъ въ хронологическомъ порядкѣ всѣ извѣстія о Мономахѣ, безъ критической оцѣнки, и, подведя имъ итогъ (с. 121—124), заявилъ, что „самая строгая историческая критика должна преклониться предъ личностью Мономаха" (с. 124) Н. И. Костомаровъ относился къ традиціонной характеристикѣ Мономаха съ нѣкоторымъ скептицизмомъ, но признавалъ за нимъ ту заслугу, что въ непросвѣщенной, эгоистичной средѣ тѣхъ временъ „одинъ Мономахъ держалъ знамя общей для всѣхъ правды и собиралъ подъ него силы русской земли (Русск. ист. въ жизнеоп. I, стр. 68). Соловьевъ, отрицая въ Мономахѣ передового человѣка, считая его „лицомъ съ характеромъ чисто охранительнымъ", признавалъ за нимъ тѣ высокія нравственныя достоинства, которыя придаютъ ему источники (Ист. Рос. II, с. 38—40, еще благопріятнѣе характеристика въ Ист. отнош. княз. Рюрик. дома с. 104—6); приблизительно на этой же точкѣ зрѣнія стоятъ г. Иловайскій (Ист. Россіи, I, с. 142—3, 147—8) и Протопоповъ въ изслѣдованіи „Поученіе Мономаха" (Ж. М. Н. П. 1874, II, с. 238—243). Наоборотъ, по мнѣнію И. В. Лашнюкова дѣятельность Мономаха не была чисто консервативною (ор. с. с. 37), съ другой стороны— въ этой дѣятельности онъ усматривалъ эгоизмъ и даже жестокость, хотя въ то же

Этимъ я закончу свои соображенія, навѣянныя изученіемъ источниковъ нашей исторіи. Тревожа покой давно почившихъ дѣятелей, я имѣлъ цѣлью дать болѣе справедливое и безпристрастное объясненіе и оцѣнку ихъ дѣятельности; насколько удалось мнѣ приблизиться къ осуществленію этой цѣли, предоставляю судить людямъ болѣе меня компетентнымъ, повторяя слова стараго списателя: „чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книги ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ“.

М Грушевскій.

время находилъ въ Мономахѣ „гармонію нравственной чистоты и высокаго героизма съ свѣтлымъ умомъ, житейскимъ тактомъ, широтою натуры“ (с. 25, 38, 39). Скептическое отношеніе къ Мономаху и у нѣкоторыхъ новѣйшихъ кіевскихъ историковъ— у П. В. Голубовскаго (Исторія сѣверск. зем. с. 81, 89, 101), Д. И. Багалѣя (Ист. сѣв. з. с. 173), Андріяшева (Ист. волын. з. с. 115).

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

VI.

Путешествіе.—Царство Польское.—Польская уланская дивизія.

Когда польская молодежь бердичевской округи и умомъ, и сердцемъ стремилась сдѣлаться людьми сабли и пера, начали поговаривать о намѣреніяхъ императора Николая объявить войну Турціи за освобожденіе христіанъ и славянъ. Несмотря на національный духъ, пылкій и легко возбуждаемый, который господствовалъ въ этой округѣ и который воспоминаніями о конфедераціяхъ, св. Маркѣ и болѣе всего католицизмомъ раздѣлялъ поляковъ отъ русскихъ и мѣшалъ возрастанію того соглашенія, сѣмена котораго были брошены въ сердца польской молодежи продолжительнымъ общеніемъ и братаньемъ съ русскими офицерами и воспоминаніями объ обществѣ зеленой книги, несмотря на историческое напоминаніе о союзѣ наступательномъ и оборонительномъ между Польшей и Турціей, которое оглашалось и защищалось семействомъ Ржевускихъ по той причинѣ, что ихъ предокъ подписалъ, какъ уполномоченный короля и Рѣчи Посполитой, этотъ трактатъ вѣчнаго мира, и Потоцкимъ, владѣльцемъ Бѣлиловки, бывшимъ посломъ короля Станислава и Рѣчи Посполитой въ Стамбулѣ, общій голосъ, даже голосъ старшаго поколѣнія поляковъ, признавалъ эту войну справед-

[1]) См. „Кіевская Старина", 1891 г., № 4.

ливой, логичной и необходимой, потому что она была за христіанъ и славянъ, которые, будучи оставлены на произволъ судьбы, могли бы утратить и вѣру, и народность.

Камергеръ и подканцлеръ Каменскіе объѣзжали сосѣдей, говоря: „Война нужна и должна быть, чтобы не прошла давность, такъ какъ иначе дверь захлопнется. Потому что въ политикѣ, господа, какъ и въ судѣ, есть давность, не требовать чего нибудь въ теченіе срока, установленнаго закономъ, значитъ утратить даже право домогательства. У государя такіе юристы, какихъ нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ. Нессельроде и кн. Адамъ Чарторыйскій принадлежатъ къ одной школѣ. Нельзя засыпать, чтобы, проснувшись, не увидѣть христіанъ обращенными въ мусульманство, а славянъ потурченными. Грѣхъ былъ бы и предъ Богомъ, и предъ людьми за гибель стольких душъ. Должна быть война не на животъ, а на смерть“.

Подкоморій прибавлялъ, что пошлетъ на войну трехъ своихъ сыновей, а четвертый, ксендзъ, будетъ молиться за нихъ Богу. Камергеръ потиралъ руки и говорилъ: „и я послалъ бы свою Януарію, да вотъ если она попадетъ въ какой нибудь гаремъ! Еще еслибы она попала въ Роксоланы, это бы ничего, но въ одалиски я не согласенъ, пусть лучше охотится на тетеревовъ, учитъ молодежь стрѣлять изъ шалашей, и это на что нибудь пригодится“.

Маршалокъ Пильховскій, встрѣтившись на какомъ то съѣздѣ съ сенаторомъ Ржевускимъ изъ Погребищъ и съ Потоцкимъ изъ Бѣлиловки, началъ разсуждать о трактатахъ и сыпалъ, какъ градомъ, аргументами въ пользу нарушенія послѣдняго союза Польши съ Турціей. Потоцкій сказалъ ему, что онъ не можетъ объ этомъ судить, какъ человѣкъ несвѣдущій въ общественныхъ дѣлахъ, что судить объ этомъ имѣютъ право только такіе люди, какъ онъ, Потоцкій, люди, обладающіе научными свѣдѣніями и политическимъ смысломъ, избранные въ представители Польши королемъ и Рѣчью Посполитою.

Пильховскій возразилъ: „Рѣчь Посполитая знала, какую голову послать къ такимъ головамъ, а его величество король—какихъ пословъ послать“.

Оскорбленіе привело бы къ вызову на поединокъ, еслибы сенаторъ Ржевускій не пришелъ на помощь Потоцкому, въ своей искусной рѣчи немилосердно побивая Пильховскаго историческими аргументами. Пильховскій уже было сложилъ оружіе, когда сенаторъ съ высокомѣріемъ закончилъ: „союзъ долженъ былъ быть спасительнымъ, если мой предокъ подписалъ его, потому что это былъ Ржевускій, а не кто иной!“

Пильховскій вскочилъ.

„Панъ сенаторъ, мы знаемъ, что Ржевускіе—люди умные, не то что другіе, и вотъ вслѣдствіе то этого ума они и готовы служить за деньги тому,—кто больше дастъ“.

Поднялся большой шумъ, но маршалокъ Пильховскій всѣхъ перекричалъ, и когда хотѣли покончить дѣло возліяніями, Пильховскій сталъ на колѣна съ чаркой въ рукѣ, и когда всѣ также стали на колѣна подлѣ него, провозгласилъ тостъ:

„На здоровье намъ, мелкой шляхтѣ, и на горе и стыдъ вамъ, великимъ панамъ!“

И Ржевускій, и Потоцкій выпили этотъ тостъ и, убрались изъ шляхетской компаніи, а шляхта кричала браво и носила на рукахъ запыхавшагося маршалка, а потомъ пили тосты: за Бѣлаго царя, за христіанъ, за погибель невѣрныхъ.

Этотъ случай показываетъ настроеніе умовъ среди помѣщиковъ.

Въ это время появился въ Бердичевѣ молодой капитанъ Милорадовичъ, адъютантъ фельдмаршала Сакена, родомъ сербъ, очень горячій славянскій патріотъ; онъ сошелся съ польской молодежью, говорилъ вездѣ о страданіяхъ славянъ, и поляки, зажиточная шляхта, начали вступать въ русскіе гусарскіе и уланскіе полки. Между этими поляками были: два брата Грузинскихъ, трое Каменскихъ, двое Трипольскихъ, Карлъ Бучинскій, Берчковскій, Антоній Бардецкій, Красовскій — всѣ изъ одной округи; и дивизіи третья гусарская и шестая уланская наполнились волонтерами изъ сыновей зажиточнѣйшихъ помѣщиковъ юго-западнаго края.

Одинъ изъ этой молодежи, Микульскій, сынъ скарбника нурскаго, былъ прикомандированъ къ коммиссаріату въ Бесса-

рабіи, въ Измаилѣ, съ порученіемъ вступить въ соглашеніе съ запорожцами, жившими на правомъ берегу Дуная подъ властью и покровительствомъ турецкаго правительства. Микульскій былъ очень хорошо знакомъ съ исторіей козаковъ; упоминаю объ этомъ потому, что отъ него перваго получили мы обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ вооруженныхъ выходцахъ изъ запорожскаго войска. Онъ такъ добросовѣстно и точно занимался выполненіемъ возложеннаго порученія, что спустя много лѣтъ я нашелъ на мѣстѣ все въ такомъ же видѣ, въ какомъ тогда описывалъ Микульскій, который былъ съ нами въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Я былъ тогда еще слишкомъ молодъ, чтобы вступить въ армію, чего мнѣ очень хотѣлось. Моя мать, которая вовсе не хотѣла видѣть меня военнымъ, рѣшила послать меня въ Варшаву, въ университетъ, чтобы тамъ изученіемъ права и администраціи я закончилъ свое образованіе.

Карлъ Ружицкій, бывшій ремонтеромъ 2-го полка польскихъ уланъ, ради возможности сидѣть дома и дослуживать до пенсіи, какъ разъ въ это время высылалъ 19 сѣрыхъ лошадей, почти все изъ нашего табуна, въ полкъ съ подпоручикомъ Августиномъ Сѣрковскимъ, но теперь онъ рѣшилъ ѣхать самъ, чтобы отвезти меня въ Варшаву и разсчитаться и переговорить съ Дверницкимъ, въ то время полковникомъ и командиромъ 2-го уланскаго полка, расположеннаго тогда въ Красноставѣ.

Іосифъ Дверницкій, родомъ изъ юго-западной Руси, былъ несомнѣнно однимъ изъ лучшихъ кавалерійскихъ офицеровъ въ польскомъ войскѣ, какъ на маневрахъ, такъ и на полѣ битвы. Уставъ, написанный имъ по польски и по русски, былъ утвержденъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ и сдѣланъ обязательнымъ элементарнымъ уставомъ въ обоихъ войскахъ единаго монарха. Но этотъ же Дверницкій, снискавши любезностями, за которыми у него никогда не было остановки, и подарками, которые онъ умѣлъ подносить во время, расположеніе генерала Коруты и генерала Ружницкаго, проматывалъ деньги, свои и казенныя, а полковое хозяйство у него было въ плачевномъ положеніи: жалованье не всегда платилось, ремонт-

ныя лошади не покупались, какъ слѣдовало по закону, по которому восьмая часть лошадей ежегодно продавалась и на ихъ мѣсто покупались новыя.

За привилегію сидѣть дома Ружицкій долженъ былъ доставлять лошадей въ кредитъ, т. е. платить за нихъ до разсчета съ полковникомъ. Офицеры и юнкера, которые хотѣли безъ отпуска пользоваться отпускомъ и считаться прикомандированными къ ремонту, были обложены такой же контрибуціей. Такимъ образомъ собиралось иногда до 30 лошадей, хорошихъ, породистыхъ, но все таки и этого количества было мало. Наибольшая часть контрибуціи бралась изъ нашего табуна, а съ Ружицкимъ разсчитывались деньгами, которыхъ онъ, кажется, никогда не видѣлъ. Но все таки наши лошади пріобрѣли себѣ славу, и это было удовлетвореніемъ для моей матери.

Я разставался съ матерью и съ родственниками съ горькимъ чувствомъ, какъ будто отправлялся на тотъ свѣтъ. Эта Варшава, не знаю почему, казалась мнѣ такой чужой, такой не козацкой, не славянской, не нашей, что я предпочелъ бы поѣхать въ древній Кіевъ или даже въ заднѣпровскій Харьковъ; но дѣлать было нечего: такъ хотѣла моя мать и такъ должно было быть. Все въ Гальчинцѣ казалось мнѣ такимъ прекраснымъ, такимъ очаровательнымъ, что я не могъ досыта насмотрѣться на каждый предметъ, а Долотъ такъ терся возлѣ меня, такъ ласкался, словно хотѣлъ сказать: „не ѣзди, останься съ нами“. Игнатъ, старый слуга моего отца, который няньчилъ меня ребенкомъ, возилъ въ школу и почти ни на шагъ не отходилъ отъ меня, плакалъ, но все твердилъ: „Надо ѣхать, пани велитъ—она знаетъ, что дѣлаетъ“. Старый Янекъ ворчалъ, что меня увозятъ какъ разъ въ то время, когда я сталъ дѣлаться добрымъ охотникомъ, а Топчевскій поклялся мнѣ самымъ торжественнымъ образомъ, что не позволитъ охотиться за зайцами и лисицами на гальчинецкихъ земляхъ, а будутъ охотиться далеко въ чужихъ владѣніяхъ, и что я могу быть увѣренъ, что моя охота будетъ въ такомъ же состояніи, какъ я ее оставляю. Оранскій обѣщалъ также заботиться о

моихъ книгахъ и древностяхъ. Я попрощался съ матерью; она меня благословляла и цѣловала, но не проронила ни одной слезы. Сестры плакали; вся громада прощалась, и мнѣ казалось, что я ѣду за море или по крайней мѣрѣ за горы и рѣки.

Янъ Омецинскій ѣхалъ съ нами до Кременца. Ѣхали мы по польски, по шляхетски. Наши верховыя лошади и нѣсколько борзыхъ для подарковъ пошли съ подпоручикомъ Сѣрковскимъ и съ ремонтомъ прямо на Устилугъ, мы ѣхали въ двухъ экипажахъ съ чемоданами и сундуками; бричка съ кухней, поваромъ и лягавой собакой слѣдовала за нами. Такимъ образомъ мы тронулись въ путь.

Мы проѣхали черезъ Бердичевъ; весь городъ и евреи представлялись моимъ глазамъ въ такомъ прекрасномъ свѣтѣ, что мнѣ не хотѣлось ихъ покидать, и въ тотъ моментъ я былъ убѣжденъ, что не встрѣчу подобнаго города, гдѣ можно достать все кромѣ птичьяго молока, какъ издавна говорили о Бердичевѣ, а нѣкоторые шляхтичи добавляли, что кто знаетъ, можетъ быть жиды нашли бы и птичье молоко, еслибы это принесло имъ хорошій барышъ.

Я не думаю описывать дорогу по лѣсамъ и пескамъ, да и что бы я сказалъ о ней кромѣ того, что за лѣсомъ шелъ песокъ, а за пескомъ опять лѣсъ. Не буду также перечислять городовъ, селъ, рѣкъ, ручьевъ, пригорковъ, болотъ, потому что это можно найти на стратегической картѣ. Разскажу только о томъ, что мнѣ пришлось видѣть болѣе любопытнаго, но разскажу сообразно своимъ взглядамъ на вещи.

Къ обѣду мы пріѣхали въ Жидовцы. Обѣдъ былъ гигіеничный, но удовлетворилъ бы гастронома, были даже жареные дрозды, а вино было такое, какое пили наши отцы еще до саксонцевъ. Достопримѣчательностью здѣсь былъ старый Шлемеръ, родомъ чехъ, допотопный бердичевскій врачъ. Жилъ онъ за полмили отъ города; практиковать началъ еще при саксонцахъ. Каждый день, съ восходомъ солнца, садился онъ въ маленькую коляску, запряженную парой чубарыхъ лошадокъ; кучеръ его одѣтъ въ миндальнаго цвѣта кафтанъ съ блестящими пуговицами, въ круглой лакированной шляпѣ съ павлиньимъ

перомъ; камердинеръ былъ въ желтыхъ брюкахъ до колѣнъ, въ коричневомъ фракѣ, въ ярко-зеленомъ жилетѣ, въ напудренномъ парикѣ, въ складной шляпѣ, красныхъ чулкахъ, башмакахъ съ пряжками, словно римскій монсиньоръ. Самъ баринъ и лѣтомъ, и зимой ходилъ въ свѣтло-зеленомъ фракѣ съ перламутровыми пуговицами, венгерскихъ брюкахъ перловаго цвѣта и венгерскихъ сапогахъ съ отворотами, на головѣ фуражка съ поднятымъ вверхъ козырькомъ, въ дамскихъ перчаткахъ, съ нимъ всегда была палка съ золотой собачьей головкой и довольно большая шкатулка, оправленная въ червонное золото. Коляска, лимонно-желтаго цвѣта, была обита внутри краснымъ сафьяномъ съ желтой тесьмой; за коляской бѣжали двѣ собаки, изъ породы такъ называемыхъ „лампартовъ", такой же масти какъ и лошади. Такимъ образомъ объѣзжалъ онъ всѣ улицы города, не останавливаясь, а подвигаясь медленно, шагъ за шагомъ. Евреи подходили, объясняли свои болѣзни и бросали полтинники въ шкатулку, а докторъ давалъ имъ маленькіе флакончики съ фіалковымъ масломъ. Это было универсальное лѣкарство, такъ же хорошо помогавшее при мигрени, какъ и при вывихѣ ноги, при лихорадкѣ, какъ и при ранѣ. Паціенты употребляли его и должно быть вылечивались, потому что приходили снова и платили деньги. Если самъ Шлемеръ отправлялся съ визитомъ къ какому нибудь богатому паціенту или на съѣздъ помѣщиковъ, такъ какъ онъ принималъ участіе въ выборахъ, то объѣзжалъ Бердичевъ его камердинеръ и результатъ получался тотъ же. Такъ шло дѣло втеченіе 78 лѣтъ до 1831 г. У Шлемера была прекрасная деревня и огромные капиталы въ звонкой монетѣ, находившіеся на храненіи у босыхъ кармелитовъ. У него была сестра, чешка, двумя годами моложе него, оставшаяся въ дѣвицахъ, потому что не хотѣла выходить за нѣмца, а славянина не находилось, и вторая жена, пани Софья, 18-лѣтняя барыня, довольно красивая; мужъ онъ былъ примѣрный на рѣдкость. У него былъ табунъ лошадей прекрасной породы и ежегодно, въ день св. Михаила, онъ дарилъ мнѣ одну изъ нихъ въ знакъ пріязни и въ память того, что, пріѣхавши изъ Чехіи, онъ началъ свою карьеру въ качествѣ врача при архидіаконѣ Ѳаддеѣ

Чайковскомъ, а послѣ его смерти перешелъ къ кіевскому уніатскому митрополиту Росцишевскому и, двигаясь дальше и дальше, сдѣлался наконецъ богачемъ. Когда то Шлемеръ былъ красивымъ мужчиной и пользовался большимъ успѣхомъ у прекраснаго пола; первая его жена, урожденная Звольская, которую онъ развелъ съ ея первымъ мужемъ, была одной изъ красивѣйшихъ женщинъ на Украинѣ. У Шлемера была псарня, и всѣ собаки назывались *Попе*, или *Линда*; какъ только издыхалъ одинъ изъ сопровождавшихъ его псовъ, то тотчасъ замѣнялся новымъ. Кучера и камердинеры смѣнялись, но ихъ костюмъ оставался неизмѣннымъ. Скорѣе могъ измѣниться самъ Шлемеръ, чѣмъ его свѣтло-зеленый фракъ или желтая коляска.

Изъ Жидовцевъ мы поѣхали въ Адамполь къ моей двоюродной сестрѣ Ѳеодосіи Третьяковой, которую я очень любилъ, потому что она была мужчиной по уму и женщиной по сердцу. Добрая мать для своихъ дѣтей, распорядительная хозяйка—она вела все хозяйство,—пани Третьякова была всей душей предана славѣ дома Ястржембцевъ, я былъ Веніаминомъ ея сердца, она надѣялась, что обо мнѣ будутъ упоминать въ исторіи. Въ это время она была сильно разгнѣвана на то, что какой то Чайковскій герба Дубъ изъ Галичины въ послѣднемъ изданіи какого то гербовника помѣстилъ рыцарскій родъ Ястржембцевъ между родами герба Дубъ, родами мирныхъ землевладѣльцевъ. Это ее очень огорчило и она готовилась къ процессу предъ высшимъ судомъ за такое поношеніе. Мужъ моей двоюродной сестры, Михаилъ Третьякъ, очень честный и благовоспитанный помѣщикъ, постоянно трудился надъ разрѣшеніемъ философскихъ вопросовъ; что это были за вопросы, неизвѣстно, потому что изъ его трудовъ ни одинъ не вышелъ въ свѣтъ.

У Игнатія Стемпковскаго, внука извѣстнаго регментаря, въ Жолудкахъ, мы нашли очень любопытную коллекцію шапокъ; въ длинной галлереѣ было ихъ, занумерованныхъ и съ надписаніемъ даты, страны и моды, 1812, начиная съ тѣхъ, которыя носили строители вавилонской башни, когда всѣ гово-

рили еще на одномъ языкѣ, до шапочки въ формѣ дыни, только что привезенной изъ Варшавы, куда она прибыла прямо изъ Лондона изъ жокей-клуба.

У Эдуарда Петриковскаго также была коллекція, но уже не шапокъ, а батоговъ, канчуковъ, ногаекъ, арапниковъ, плетокъ, хлыстовъ и т. п., ихъ было до тысячи, также съ надписями, съ датами и объясненіями относительно каждаго рода; мы насчитали 64, относящихся къ ордену іезуитовъ,—должно быть превелебные отцы хорошо вколачивали разумъ въ головы своихъ питомцевъ.

Посѣтили мы и Волицу надъ Случью, потому что тамъ была достопримѣчательность, о которой я упоминалъ въ прежнихъ моихъ сочиненіяхъ, и о которой разскажу еще разъ, какъ объ очень любопытномъ феноменѣ. Это былъ Алоизій Выжиковскій. Потомокъ богатой и знатной фамиліи на Украинѣ, унаслѣдовавшій отъ отца состояніе въ нѣсколько милліоновъ, онъ на двадцатомъ году былъ капитаномъ гвардейскихъ драгунъ, адъютантомъ фельдмаршала Витгенштейна, чуть не попалъ въ флигель-адъютанты, на 24-мъ году онъ сталъ мужемъ самой красивой женщины, какую только можно вообразить, Людвики Грузинской. Вслѣдствіе своего обжорства и сластолюбія, онъ прожилъ состояніе, испортилъ карьеру, свелъ въ гробъ жену отъ огорченія, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ честнымъ и благовоспитаннымъ человѣкомъ, уважаемымъ помѣщикомъ, котораго нельзя было ни въ чемъ упрекнуть. Обжорство было его страстью, болѣзнью и природнымъ свойствомъ; ни собственный его разумъ, ни совѣты пріятелей, ни просьбы родныхъ, ни запрещенія врачей, ни даже страхъ смерти не могли сдержать его. У него было три повара: одинъ для приготовленія мясныхъ блюдъ, другой—рыбныхъ, третій—печеній и овощей и кондитеръ, и, дѣйствительно, всѣ были мастерами своего дѣла. Ѣлъ панъ Алоизій весь день почти безпрестанно.

Мы застали п. Алоизія уже превратившимся изъ владѣльца Рогинецъ, стоившихъ четыре милліона, въ помѣщика

Волицы, цѣнность которой не превышала 300,000 злотыхъ польскихъ. Жена его была уже больна; тетка Шидловская всячески бранила Алоизія, а онъ ѣлъ, пилъ и думалъ только о забавахъ. По случаю нашего пріѣзда онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ сосѣдей и устроилъ балъ съ танцами.

Наконецъ, мы пріѣхали въ Устилугъ, гдѣ ждалъ насъ поручикъ Сѣрковскій съ 19-ю ремонтными лошадьми. Въ ту же ночь съ другого берега рѣки были переправлены, но не по мосту, а вплавь 81 бѣлая лошадь. Не теряя времени, уланы приготовили краску изъ синьки съ углемъ и принялись раскрашивать приведенныхъ лошадей. На другой день, около полудня, когда лошади обсохли и казались темно-сѣрыми, мы переѣхали черезъ мостъ и остановились у таможни, гдѣ насъ ждали директоръ таможни, отставной маіоръ польскихъ войскъ Вежлуцкій, и маіоръ Быдловскій, адъютантъ генерала Ружницкаго. Они осмотрѣли коней по одиночкѣ, хвалили ихъ породистость и особенно темно-сѣрую масть, которая доказывала ихъ молодость и крѣпость, и затѣмъ каждый отъ себя послалъ рапортъ своему начальству о томъ, что изъ Украины приведено для ремонта 2-го уланскаго полка сто темно-сѣрыхъ молодыхъ лошадей прекрасной породы.

Такъ обдѣлывалъ дѣла Дверницкій: старыхъ полковыхъ клячъ, едва волочившихъ ноги, онъ перекрашивалъ въ горячихъ жеребцовъ и ему вѣрили.

Скоро мы пріѣхали въ Красноставъ, гдѣ былъ расположенъ 2-й уланскій полкъ и гдѣ жили полковникъ Дверницкій и бригадный командиръ герцогъ Адамъ Виртембергскій, мать котораго была урожденная княжна Чарторыйская.

Теперь я былъ уже въ царствѣ польскомъ, въ Красноставѣ, принадлежавшемъ магнату-демократу. Шляхтѣ онъ нашептывалъ: „шляхтичъ на загродѣ равенъ воеводѣ“, такъ какъ зналъ, что ниодинъ изъ участниковъ съѣзда не можетъ претендовать на канцлерство или на гетманство, а бла-

годаря вызванному этимъ „nie pozwalam!“, этому несчастному liberum veto, не дадутъ достигнуть этого званія и другимъ. Во всякомъ случаѣ это былъ великій государственный человѣкъ и великій военачальникъ.

На площади была квартира Двернидкаго. Дворъ былъ наполненъ осѣдланными конями, экипажами, уланами, евреями и собаками разныхъ породъ. Вездѣ было движеніе и жизнь. Въ передней солдаты и унтеръ-офицеры угощались зельтерской водой съ шампанскимъ. Въ комнатахъ было полно офицеровъ и штатскихъ. Одни играли въ карты, другіе въ билліардъ; нѣкоторые пили шампанское или венгерское; иные ѣли, курили трубки, громко разговаривали. Красивая пани Деболина играла на фортепіано какую то арію, а полковникъ, съ огромнымъ брюхомъ, завитой, расфранченный пѣлъ подъ ея аккомпаниментъ. Музыка гремѣла въ залѣ, а уланы кутили. Подполковникъ Гавронскій, также украинецъ, худощавый, тонконогій точно каланча, съ желтымъ какъ пергаментъ лицомъ, прохаживался среди веселой толпы и ворчалъ:

— Офицеръ не получалъ жалованья, не даютъ жалованья и солдатамъ, половины лошадей въ полку нѣтъ, долговъ полно, что это будетъ?

Метельскій, которому подъ Смоленскомъ въ то время, когда онъ велъ свой отрядъ въ атаку, пуля попала въ губу и вышла черезъ щеку, чтó онъ замѣтилъ только на взятой батареѣ, теперь полковой квартирмейстеръ, услышавъ ворчанье Гавронскаго, подошелъ:

— Эхъ, подполковникъ, будемъ пользоваться жизнью, пока позволяютъ годы. Сегодня мы господа, а завтра Богъ знаетъ, что съ нами будетъ. Такъ то.

Въ полкъ пріѣхали двое юношей опредѣляться въ юнкера: Людвигъ Піотровскій и Феликсъ Якубовскій. Дверницкій сталъ ихъ разспрашивать о родственникахъ и объ имуществѣ, потому что они оба были изъ Украины.

Первому, который сказалъ, что дѣла его отца разстроены, онъ посовѣтовалъ ѣхать къ полковнику Томинскому для поступленія въ 1-й полкъ, тамъ-де мундиръ гранатовый съ малиновымъ воротникомъ, или къ полковнику Рутою, въ 4-й полкъ,—тамъ вороные козацкіе кони. Второму же, который сообщилъ, что у его отца много имѣній и что онъ пріѣхалъ на четверкѣ сѣрыхъ лошадей и привелъ еще трехъ верховыхъ, тоже сѣрыхъ, сказалъ: „Къ тебѣ будетъ идти бѣлый воротникъ, оставайся съ нами, черезъ мѣсяцъ мы произведемъ тебя въ подпрапорщики" и затѣмъ обратился къ Олтаржевскому: „Капитанъ! Осмотрите этихъ лошадей, и если окажутся хорошими, возьмите въ эскадронъ. Потомъ разсчитаемся".

Гуляли, шумѣли; ни офицеры, ни солдаты и не вспоминали о жалованьи, и все какимъ то образомъ держалось.

Таковъ то былъ полковникъ Дверницкій, безъ сомнѣнія самый способный и самый образованный изъ кавалерійскихъ офицеровъ польскаго войска, хотя и не начавшій свою службу съ рядового, потому что поступилъ въ 1809 г. въ уланскій полкъ Тржецѣвскаго прямо эскадроннымъ командиромъ. Никто лучше него не зналъ службы обозной, полевой, никто не превосходилъ его на ученіяхъ и маневрахъ, никто не могъ быстрѣе и удачнѣе его приложить теорію къ практикѣ. Въ кампанію 1812 г. онъ, послѣ генерала Квасневскаго, выказалъ наиболѣе достоинствъ кавалерійскаго офицера, а въ 1813 г., командовалъ сборнымъ полкомъ кракусовъ. По возвращеніи въ Польшу, онъ получилъ порученіе организовать и принять въ командованіе 2-й уланскій полкъ. Очень тучный, онъ вскакивалъ на коня безъ стременъ, легко танцовалъ мазурку, любилъ веселиться и принимать гостей. Почти всѣ офицеры въ его полку были родомъ изъ Украины, Подоліи и Волыни, многіе изъ нихъ были сыновья богатыхъ родителей и хорошо воспитаны; чтобы угодить полковнику, они держали танцовальныхъ учителей, а кто не умѣлъ танцовать—учился; у всѣхъ были охотничьи ружья, борзыя, гончія и лягавыя,—охота была модной забавой въ этомъ полку; полковой

оркестръ былъ превосходно составленъ изъ хорошихъ музыкантовъ. Веселились постоянно. Что же касается жалованья, то его не платили даже солдатамъ и никто не жаловался на полковника. Помѣщики доставляли провіантъ для людей, фуражъ для лошадей и едва ли когда нибудь получали за это деньги, но за то веселились и охотились у полковника. Меня увѣряли, что во 2-мъ уланскомъ полку никогда не было болѣе 500 лошадей, а полагалось 800, но и въ Варшавѣ, и въ провинціи на маневры, парады и смотры полкъ выступалъ съ полнымъ комплектомъ лошадей. Дѣло въ томъ, что у всѣхъ офицеровъ упряжныя, верховыя и охотничьи лошади были сѣрыя; кромѣ того помѣщики, купцы, даже извозчики доставляли, въ случаѣ надобности, своихъ лошадей, — такъ всѣ любили полковника. Дверницкій такимъ образомъ объяснялъ эту любовь. Съ полякомъ, говорилъ онъ, нельзя иначе поладить, какъ только прикинувшись глупѣе него, чтобы всякъ думалъ: я этого простака буду водить за носъ, какъ мнѣ вздумается. И тогда ему не придетъ и въ голову никакая оппозиція и имъ можно играть какъ пѣшкой. И онъ былъ вполнѣ правъ; будучи человѣкомъ умнымъ и хорошо воспитаннымъ, даже ученымъ, онъ часто прикидывался простакомъ, и въ теченіе всей жизни распоряжался поляками и былъ любимъ ими. Каждый думалъ про него: „пороху онъ не выдумаетъ, но человѣкъ хорошій, и лучше пусть онъ пляшетъ подъ нашу дудку, чѣмъ имѣть такого, который заставилъ бы насъ плясать подъ свою дудку“.

Дверницкій не былъ демократомъ, скорѣе онъ былъ консерваторомъ, даже монархистомъ и добрымъ шляхтичемъ, но, имѣя зубъ противъ кн. Адама Чарторыйскаго, состоялъ въ оппозиціи противъ аристократіи. Эти отношенія возникли по слѣдующему поводу.

Дверницкій, притѣсняемый генераломъ Ружницкимъ за безпорядки по командованію полкомъ, находился въ очень печальномъ положеніи. Ему нужно было 100,000 злотыхъ, чтобы замять дѣло. Онъ отправился прямо въ Пулавы къ кн. Адаму Чарторыйскому и тотъ велѣлъ выдать ему требуемую сумму, на которую полковникъ выдалъ росписку съ обозначеніемъ срока.

Срокъ прошелъ, а полковникъ изворачивался, какъ лисица, чтобы не встрѣтиться съ княземъ Адамомъ. Послѣдній же, напротивъ, старался увидѣться съ нимъ,—не ради полученія денегъ, а потому, что слышалъ о его выдающихся качествахъ и хотѣлъ завязать съ нимъ болѣе близкія отношенія. Однажды онъ встрѣтилъ Дверницкаго въ Варшавѣ, пригласилъ въ свой экипажъ и привезъ во дворецъ Чарторыйскихъ, гдѣ, наговоривши много комплиментовъ, сказалъ:

— Чтобы не было ничего, что заставляло бы полковника уклоняться отъ встрѣчъ со мною, уничтожимъ этотъ пустякъ.

И бросилъ росписку въ огонь. Дверницкій ничего не отвѣтилъ, распрощался очень вѣжливо, но потомъ обидѣлся за такой поступокъ со шляхетской подписью, хотя и признавался, что никогда не заплатилъ бы этого долга.

Я видѣлъ всѣ четыре уланскіе полка собранными подъ Левартовымъ. Ничего красивѣе, великолѣпнѣе, образцовѣе нельзя было встрѣтить. Старые уланы совершенно пасовали предъ отважной и разгульной молодежью, большею частью изъ юго-западной Россіи, которая стремилась облечься въ уланскія куртки и шапки, чтобы подъ руководствомъ старыхъ и опытныхъ учителей утвердиться въ воинской отвагѣ и патріотизмѣ. Какъ великолѣпно выглядѣлъ 1-й эскадронъ 4-го уланскаго полка, состоявшій изъ сѣдоусыхъ старцевъ съ крестами на груди подъ командой семидесятилѣтняго капитана Филибана, гдѣ младшимъ подпоручикомъ былъ 55-лѣтній Крыжановскій. Какъ красиво выглядѣли они рядомъ съ молодыми уланами, у которыхъ едва пробивались черные усики на верхней губѣ, щеки которыхъ были покрыты румянцемъ, какъ у дѣвушекъ, такими ловкими, что казалось, будто они скачутъ вмѣстѣ съ конемъ. Красиво выглядѣли и Метельскій съ прострѣленнымъ лицомъ, и Кобылинскій съ выбитымъ пулею глазомъ, и Гавронскій, исколотый пиками, рядомъ съ мужественнымъ Ковальскимъ, Олтаржевскимъ и другими. Такой гармоніи нигдѣ и никогда

не видывали у поляковъ, потому что тогда во главѣ ихъ стоялъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, котораго боялись, но котораго любили. Молодые почитали старшихъ; старые не чувствовали нерасположенія и зависти къ молодымъ. Былъ порядокъ, была дисциплина. Была гроза и былъ страхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Переселеніе заштатныхъ церковниковъ въ Новороссію при Екатеринѣ II [1].

Екатерина II, указами отъ 19 апрѣля 1788 г. на имя военной коллегіи, а также генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, предписала „обратить оставшихся сверхъ штата и надобности церковниковъ на службу военную“, при этомъ предоставила малороссійскому генералъ-губернатору гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому употребить по своему усмотрѣнію находившихся въ трехъ малороссійскихъ губерніяхъ сверхштатныхъ церковниковъ. За отсутствіемъ Румянцева, Екатерина не могла получить свѣдѣній, какимъ образомъ исполнено ея приказаніе, а между тѣмъ ей стало извѣстно,—какъ говорится въ указахъ отъ 1 іюня 1789 г., посланныхъ губернаторамъ — кіевскому Ширкову, черниговскому—Милорадовичу и новгородсѣверскому Бибикову,—„что флоту черноморскому настоитъ надобность въ людяхъ къ званіямъ учениковъ корабельнаго строенія, клерковъ, штурмановъ и тому подобныхъ“, а потому она повелѣла—„по учиненіи справки съ преосвященными, митрополитомъ и епископами, объ остающихся сверхъ надобности церковныхъ, священническихъ и дьяконскихъ дѣтяхъ, такожъ церковникахъ и ихъ дѣтяхъ, обратить ихъ, по сношенію съ нашимъ генералъ-фельдмаршаломъ, екатер., тавр. и харьков. генералъ-губернаторомъ кн. Гр. Алекс. Потемкинымъ-Таврическимъ, для опредѣленія по надобности въ адмиралтействѣ и флотѣ черноморскомъ

[1]) Составлено на основаніи дѣлъ, хранящихся въ Николаевскомъ портовомъ архивѣ.

по его разсмотрѣнію, и въ слѣдствіе того отправить оныхъ, куда отъ помянутаго генерала назначено будетъ, впрочемъ, есть ли между ними найдутся и женатые, оные съ семействомъ ихъ по близости мѣстъ посланы и тамъ выгоднымъ образомъ помѣщены быть могутъ".

Исполняя высочайшую волю, черниговскій губернаторъ Милорадовичъ отправилъ въ Херсонъ въ 4-хъ партіяхъ исключенныхъ преосвященнымъ черниговскимъ и нѣжинскимъ Іерофеемъ изъ духовнаго штата церковниковъ. Такихъ оказалось 100 д. м. п. (изъ нихъ безсемейныхъ 24) и женщинъ 75, всего 175 д. Къ заштатнымъ церковникамъ были присоединены и тѣ (изъ заштатныхъ же церковниковъ), „кои (говорится въ отношеніи губерн. Милорадовича черн. адм. правленію, отъ 27 сент. 1789 г.), будучи по желанію своему причислены въ мѣщанство (въ 1784 г.), не удовлетворяли обязанностямъ зъ симъ званіемъ сопряженнымъ и, умножая только число праздныхъ людей, не платили исправно въ казну податей и служили въ тягость обществу". Такихъ набралось м. п. 244 (безсем. 32, сем. 212), женск. 194, а всего 438 д. об. п. Всего же назначено было къ отправленію 613 д. об. п. „По лучшей удобности", церковники „собраны были въ г. „Прилуку и м. Опошное", а отсюда уже 4 партіями съ 4 офицерами отправлены 15, 17 и 18 сентября 1789 г. по главнымъ трактамъ черезъ Кременчугъ въ Херсонъ, куда и прибыли въ октябрѣ того же года въ числѣ 611 д. об. п.[1]). На продовольствіе ихъ и снаряженіе было израсходовано 1366 р. 66 коп., причемъ въ дорогѣ на каждую мужскую душу „во мѣсто мѣсячного провіанта" давалось по $76^3/_4$ коп.

Изъ кіевскаго намѣстничества партія церковниковъ въ 85 д. об. п. была отправлена 7 сентября 1789 г. На эту партію израсходовано было кіевскимъ губернаторомъ (за счетъ черноморскаго адмиралтейскаго правленія) 140 р. $5^1/_2$ к. (церковни-

[1]) Изъ нихъ мужск. п. 344; при этомъ оказалось: способныхъ къ службѣ 87, къ помѣщенію въ школу отъ 7 и выше лѣтъ—92, въ работники—92, въ госпиталь престарѣлыхъ и дряхлыхъ 7, да малолѣтнихъ отъ 1 до 7 л.—66.

камъ было дано изъ кіевскаго провіантскаго магазина 7 четв. и 3 четверика муки, 3 четвер. и $5^1/_2$ гарнца крупъ—все это стоило 26 р. $5^1/_2$ коп., да на „заплату прогоновъ подъ своз провіанта, екипажа на случай больныхъ[1]) за 10 подводъ по числу 570 верстъ выдано 114 р.",—всего 140 р. $5^1/_2$ коп.

Относительно времени отправленія церковниковъ изъ новгородсѣв. губ. свѣдѣній при дѣлахъ я не нашелъ. Изъ одной вѣдомости, относящейся къ 23 января 1793 г., видно, что въ Богоявленскѣ въ это время было 76 сем. церк. (112 м. и 152 ж. п.), присланныхъ сюда изъ вышеназванной губерніи.

Желая поскорѣе исполнить повелѣніе Екатерины, начальство трехъ малороссійскихъ губерній чрезвычайно торопилось со сборомъ заштатныхъ церковниковъ и отправленіемъ ихъ въ новороссійскій край. Вслѣдствіе этого вышло немало недоразумѣній, породившихъ переписку между подлежащими правительственными мѣстами.—Случайно къ церковникамъ сопричислены были нѣкоторыя такія лица, которыя принадлежали не къ духовному сословію, а къ дворянскому, мѣщанскому и козачьему. Затѣмъ, нѣкоторые церковники, имѣвшіе въ Малороссіи довольно благоустроенныя хозяйства, принуждены были оставить ихъ, не успѣвъ даже какъ слѣдуетъ распорядиться на ихъ счетъ. Вмѣстѣ съ здоровыми людьми были препровождены и слабые, совершенно неспособные къ труду, люди, которые ни черноморскому адмиралтейству, ни краю вообще никакой пользы принести не могли... Всѣ подобныя лица, по прибытіи въ Новороссію и по водвореніи на новыхъ мѣстахъ, обращались къ своему начальству съ прошеніями или объ исключеніи изъ списка церковниковъ, или о разрѣшеніи временно возвратиться

---

[1]) Хотя „на случай больныхъ" были и подводы, однако, на больныхъ не обращали особеннаго вниманія. Былъ, напр., одинъ такой случай (послужившій предметомъ переписки между кіев. губ. и черн. адм. пр.): Лукьянъ Рудченко съ женою, отправленный съ церковниками, вдругъ оказался на прежнемъ мѣстожительствѣ. А случилось это вотъ какъ. Съ Рудченкомъ въ дорогѣ приключилась болѣзнь; офицеръ, сопровождавшій ихъ партію, не долго думая, оставилъ его съ женою въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ, среди степи, внѣ поселенія, откуда Рудченко и добрался домой.

на покинутыя мѣста. Изъ прошеній нѣкоторыя довольно характерны. Напр., хоть бы взять прошеніе (отъ 28 ноября 1789 г.) Назара Перебійноса. Предки его, отецъ и онъ самъ—козаки слободскаго ахтырскаго полка. „Лѣтъ 36 тому назадъ",—говорится въ прошеніи,—„Перебійносъ отправился въ запорожскую Сѣчь; жилъ тамъ 20 лѣтъ, отправлялъ козачью службу и бывалъ неоднократно во многихъ походахъ противъ турокъ. Послѣ разрушенія Сѣчи прибылъ онъ (лѣтъ 6 тому назадъ) въ черниговское намѣстничество, въ зеньковскій у., въ с. Белское, гдѣ отправлялъ службу козачью „безъ всякихъ противныхъ законамъ пороковъ". Въ этомъ мѣстѣ жительства онъ оставилъ порядочный домъ „зъ жилымъ грунтомъ и винокурнею, пахотнаго на 57 дней поля, а сѣнокосу на 500 коп., равно лѣсныя и другія угодья". Попалъ же онъ въ заштатные церковники (и какъ таковой отправленъ въ Новороссію), потому что по просьбѣ священника и прихожанъ находился въ должности ктитора 4 года. „Вслѣдствіе занятія этой должности", говоритъ въ прошеніи Перебійносъ, „я записанъ по послѣдней ревизіи въ духовной сказкѣ". Онъ просилъ отпустить его на прежнее мѣстожительство, гдѣ остался его престарѣлый отецъ; если же начальство нашло бы невозможнымъ это исполнить, „то", говорится дальше, „прошу хотя той милости, чтобъ послать меня для жительства въ кошъ запорожской, какъ я природной козакъ и желаю охотно тамъ продолжать службу". За неграмотнаго Перебійноса писалъ это прошеніе Андрей Басовъ, попавшій въ число церковниковъ также по недоразумѣнію. Предки его, отецъ и онъ самъ—были козаки. Въ 1775 г., по просьбѣ жителей с. Талалаевки, роменскаго у., и помѣщиковъ, сталъ онъ исправлять дьячковскую должность (до 1783 г.), затѣмъ записался въ мѣщанство, и хотя платилъ подати всегда аккуратно, попалъ все-таки въ церковники. Басовъ также просилъ разрѣшенія возвратиться въ Малороссію къ престарѣлому отцу, оставшемуся безъ всякой помощи. Нѣкоторые церковники были совершенно обезпечены дома; ихъ, однако, выпроводили съ родины, и имущества ихъ остались безъ призора. Фалѣеву было подано 18 декабря 1789 г. прошеніе двумя братьями Раков-

скими. Они оставили на прежнемъ мѣстожительствѣ—жилой дворъ съ хатами и коморками рубленными и сараями плетеными, поля пахотнаго дней на 100, сѣнокосу копенъ на 100, а лѣсныхъ угодій на 1 т. руб., мельницу вѣтряную, рогатаго скота 20 шт., овецъ 20, свиней 30, хлѣба разнаго рода не малое количество, птицъ, гусей, „утей" и проч. Братья просили отпустить ихъ на 2 мѣсяца для продажи имѣнія. Подобныхъ прошеній при дѣлахъ находится нѣсколько. Нерѣдко въ число церковниковъ попадали люди, родители которыхъ временно занимали дьячковскую должность, принадлежа въ то же время, напр., къ мѣщанскому сословію. Таковъ былъ случай съ дослужившимся уже до коллежскаго канцеляриста и уволеннымъ отъ службы жителемъ гадяцкаго у. Иваномъ Нироновичемъ; отецъ его—мѣщанинъ—временно былъ дьячкомъ.

Получавшіе временный отпускъ возвращались въ новороссійскій край (нѣкоторые съ оставленными въ Малороссіи семьями); при этомъ, иные привозили съ собой документы, доказывавшіе ихъ не духовное происхожденіе и дававшіе имъ возможность уничтожить зависимость свою отъ черноморскаго адмиралтейства. Нѣкоторые, впрочемъ, и не желали послѣдняго. Такъ, доказавшій свое дворянство Яковъ Костырка (изъ дворянъ кіевской губ.) былъ уволенъ изъ числа поселенныхъ въ новороссійскомъ краѣ церковниковъ; но онъ заявилъ, что, не имѣя въ Малороссіи „ни мало земли и никакова жилища, возвращаться туда не намѣренъ, а желаетъ остаться въ с. Покровскомъ съ его дядею поселяниномъ Томашевскимъ" и просилъ позволенія остаться навсегда въ числѣ поселянъ покровскихъ на равномъ съ ними положеніи, „каково опредѣлено будетъ".

Возвращусь назадъ. Вслѣдствіе распоряженія высшаго начальства, церковники нѣсколькими партіями были препровождены въ Херсонъ,—гдѣ долго не оставались. Относительно ихъ Потемкинъ послалъ оберъ-интенданту Аѳанасьеву ордеръ (отъ 13 октября 1789 г.) слѣдующаго содержанія: „Прибывшихъ къ вамъ церковниковъ предписываю отправить въ Николаевъ для поселенія тамо. Господину ст. сов. и кав. Фалѣеву препоручилъ я

поселить ихъ тамо, преподавъ имъ всевозможное способствованіе". Фалѣеву же было приказано, въ виду близкаго наступленія зимняго времени, размѣстить пока церковниковъ на купленныхъ для адмиралтейства Медеровой (Балацково) или Христофоровой дачѣ (по Ингулу, выше Николаева). Фалѣевъ, съ своей стороны, отдавъ приказаніе канцеляріи строенія г. Николаева выстроить къ веснѣ для церковниковъ жилища, распорядился, чтобы управляющій названными выше дачами приготовилъ, сколько возможно, хатъ для помѣщенія въ нихъ на зиму церковниковъ. Понятно, ни въ Христофоровкѣ, ни въ Балацковомъ помѣстить всѣхъ присланныхъ въ Новороссійскій край заштатныхъ церковниковъ нельзя было,—часть изъ нихъ попала и въ слободу Привольную.

Потемкинъ скоро измѣнилъ свое первоначальное распоряженіе о сосредоточеніи всѣхъ церковниковъ въ Николаевѣ, приказавъ Фалѣеву, ордеромъ отъ 25 апр. 1790 г., всѣхъ ихъ поселить въ Богоявленскѣ (въ 12 в. отъ Николаева). Однако, повелѣніе это было исполнено не вполнѣ точно,—церковниковъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ—въ слоб. Покровской (теперь Копани), Знаменкѣ, Богдановкѣ и въ Николаевѣ, гдѣ было оставлено въ распоряженіи канцеляріи строенія г. Николаева 15 душъ [1]); главная же масса, все таки, находилась въ Богоявленскѣ.

Каково же было положеніе поселенцевъ? Въ какія отношенія къ адмиралтейству стали они? Что предполагалъ сдѣлать Потемкинъ съ церковниками, видно изъ имѣющейся въ дѣлахъ Николаевскаго портоваго архива записки „О предположеніяхъ его свѣтлости кн. Гр. Ал. Потемкина-Таврическаго въ разсужденіи флота Черноморскаго". Здѣсь читаемъ: „поселены въ оныхъ (т. е. въ Богоявленскѣ, Воскресенскомъ и Покровскомъ) изъ заштатныхъ церковниковъ, безпашпортныхъ, бродящихъ и

---

[1]) Изъ этого числа 10 было грамотныхъ. Что касается возраста, то самому старшему было 38 л. и 2 самимъ млад. по 16 л. Изъ 15 душъ этихъ 2 доказали свое дворянское происхожденіе, 3—были дѣти священниковъ. 12 изъ нихъ просилось въ Богоявленскъ на поселеніе; тяготясь работами (плотничьими и друг.) въ адмиралтействѣ, они желали заняться землѣдѣліемъ.

не имѣющихъ пристанища нигдѣ, выходцевъ изъ Польши, и рекрутъ женатыхъ; всѣхъ оныхъ приказалъ (Потемкинъ) научить мастерствамъ, потребнымъ адмиралтейству, чтобъ въ случаѣ нужномъ употребить къ онымъ за плату; главнымъ же упражненіемъ ихъ да будетъ земледѣліе, ибо, если гдѣ оное распространить можно съ правильнымъ успѣхомъ къ общей пользѣ, то въ семъ найпаче краю. Чего для и училище въ Богоявленскѣ заведено, гдѣ бы не только сихъ, но и всѣхъ, желающихъ сіе знать, учить опредѣленъ къ сему профессоръ земледѣлія Ливановъ и 3 адъюнкта: Гребницкій, Козловъ и Сапанкевичъ, которые показаніемъ легкаго способа въ пахaніи земли, въ другихъ частяхъ домоводства, охоту къ тому возбудили въ сердцахъ екатеринославскихъ помѣщиковъ".

О положеніи церковниковъ въ Богоявленскѣ (какъ и другихъ здѣсь поселенныхъ) сообщаетъ свѣдѣнія упомянутый выше Гребницкій (въ рапортѣ капитану надъ николаевскимъ портомъ Овцыну, отъ 29 янв. 1793 г.): „положенія имъ нѣтъ никакого болѣе, какъ только что покойный господинъ оберъштеръ кригсъ коммиссаръ и кавалеръ Михайло Леонтьевичъ Фалѣевъ словесно мнѣ приказалъ, дабы они одинъ день въ недѣлю ходили на казенную работу, какъ то: пахать, сѣять, боронить, заготовлять ежегодно сѣно казеннымъ воламъ, пашущимъ землю для вновь заводимыхъ около Богоявленска и города Николаева казенныхъ садовъ, огородовъ и лѣсовъ". Затѣмъ ужъ исключительно о церковникахъ говорится: „прежде сего изъ церьковниковъ въ Богоявленскѣ поселяне получали провіантъ, а нынѣ съ прошедшаго 1792 года іюля съ перваго имъ отказано покойнымъ господ. оберъ-шт. кр. ком. и кавалеромъ Фалѣевымъ, болѣе же они никакого довольствія не получали и не получаютъ, кромѣ только что имъ давались казенный скотъ, земледѣльческія орудія и для посѣва на первой случай сѣмена разные".

Въ 1795 г. была произведена ревизія; изъ церковниковъ въ Богоявленскѣ оказалось—349 м. и 329 ж. п., въ слоб. Покровской—40 м. 32 ж. Всѣ эти церковники никакихъ вообще податей не платили, потому что были поселены здѣсь для

адмиралтейскихъ работъ. Когда же вознесенское намѣстническое правленіе пожелало „положить ихъ въ окладъ къ платежу государственныхъ податей“ и потребовало представленія ревизскихъ сказокъ адмиралтейскихъ селеній, въ томъ числѣ, значитъ, и тѣхъ, въ которыхъ были церковники, то вице-адмиралъ Мордвиновъ сообщилъ Зубову (преемнику Потемкина по управленію Новорос. краемъ), что означенныя селенія принадлежатъ вѣдомству черноморскаго адмиралтейскаго правленія и жители ихъ не должны платить никакихъ податей въ государственную казну. Завязалась переписка. Между прочимъ, по требованію Зубова, Мордвиновъ приказалъ инженеру Князеву сообщить подробныя свѣдѣнія объ адмиралтейскихъ селеніяхъ. — Изъ рапорта Князева отъ 15 апр. 1796 г. видно, что „Богоявленское (прежде Витовка) населено заштатными церковниками, оставшимися отъ помѣщенія въ званіе учениковъ корабельнаго строенія, клерками, штурманами и тому подоб., въ сходство Высоч. ук. отъ 1 іюня 1789 г. и повелѣнія Потемкина отъ 25 апр. 1790 г., даннаго Фалѣеву. Покровское--прежде Копанки, населено церковниками и вольнопоселившимися.—Всѣ были свободны отъ податей и даже на первый случай отъ казны были довольствуемы провіантомъ и снабжаемы для обзаведенія хозяйства скотомъ, сѣменами и другими къ хозяйству потребностями.—Были употребляемы частью въ казенныя работы при заведенномъ покойнымъ княземъ хлѣбопашествѣ на аглицкій способъ, виноградныхъ и фруктовыхъ садахъ, лѣсахъ и огородахъ въ Богоявленскѣ и Николаевѣ для адмиралтейства, а затѣмъ... богоявленскіе и покровскіе съ 1794 г., по общему ихъ желанію, вмѣсто слѣдуемыхъ отъ нихъ работъ платятъ, для найму за нихъ другихъ людей, въ годъ по 4 р. съ души м. п.; за эти деньги и нанимаются вольные люди и мастера въ казенныя работы, они же, оставаясь безотлучно въ селеніяхъ, упражняются въ хозяйствѣ и у произведенія хлѣбопашества, котораго, какъ всѣмъ извѣстно, въ сей новой странѣ весьма еще мало заведено“.

На церковниковъ начальство смотрѣло какъ на крѣпостныхъ и даже по своему соображенію устраивало ихъ браки.

Такъ, офицеръ, присматривавшій за церковниками, временно поселенными въ слоб. Привольной, 2 января 1790 г. спрашивалъ Фалѣева—какъ быть: „отдавать ли дѣвокъ замужъ изъ церковниковъ, которыхъ сватаютъ балацковскіе и привольненскіе жители и 36 изъ нихъ же самихъ, такъ какъ на это раньше Фалѣевымъ не было дано никакихъ указаній. Фалѣевъ разрѣшилъ недоумѣніе офицера, изъявивъ свое согласіе на заключеніе такихъ браковъ. Такъ же поступали и съ поселенными въ Богоявленскѣ. Въ одномъ изъ рапортовъ Гребницкаго читаемъ: „въ замужество вышло по приказанію вашего высокоблагородія (Фалѣева) за адмиралтейскихъ служителей 17“.

Не всѣмъ церковникамъ нравилась жизнь на новыхъ мѣстахъ. Тѣмъ болѣе, что, несмотря на заботы о нихъ начальства, многіе испытывали изрядную нужду и даже, какъ это явствуетъ изъ рапорта Князева Мордвинову, отъ 8 іюня 1793 года, не имѣли порядочныхъ хатъ. Князевъ, на основаніи донесенія Гребницкаго, писалъ: „Богоявленскіе поселяне живутъ стѣсняясь въ одной избѣ по 3 семьи... 29 связей, покрытые землею во время дождя чрезвычайно текутъ и дѣлается въ оныхъ гнилость и худой воздухъ, отъ чего было и есть много больныхъ“.

Многихъ изъ поселенныхъ заштатныхъ церковниковъ потянуло скоро на старыя насиженныя мѣста, въ родную Малороссію. Не успѣли привести церковниковъ въ Николаевъ, какъ городничій послѣдняго вошелъ съ рапортомъ по начальству о бѣгствѣ нѣсколькихъ изъ нихъ. То же явленіе замѣчается и впослѣдствіи, по водвореніи на извѣстныхъ мѣстахъ. Церковники, при этомъ, желая заручиться хотя какимъ нибудь письменнымъ видомъ, который давалъ бы имъ возможность пройти безпрепятственно заставы, прибѣгали даже къ помощи лицъ, фабриковавшихъ для нихъ проходныя свидѣтельства. Тѣ же, которые не хотѣли подвергать себя риску быть пойманными и затѣмъ наказанными за бѣгство, предпочитали иныя средства. Они обращались къ начальству съ просьбами о разрѣшеніи вернуться въ Малороссію, представляя къ тому разные уважительные мотивы. Такъ, Князевъ обратился 20 мая 1793 г. съ

рапортомъ къ вице-адмиралу Мардвинову (тогдашнему главнокомандующему черноморскимъ флотомъ и портами), въ которомъ указалъ на то, что, по увѣдомленію Гребницкаго, въ Богоявленскѣ изъ поселенныхъ тамъ сверхштатныхъ церковниковъ и ихъ женъ „многіе суть престарѣлые, увѣченные и къ работѣ вовсе неспособные, которые сами себя по слабости здоровья не могутъ прокормить". Гребницкій, по просьбѣ этихъ церковниковъ, ходатайствовалъ объ увольненіи на прежнее ихъ мѣстожительство, „гдѣ удобнѣе могутъ они себѣ между своими ближними отыскать пропитаніе". Мордвиновъ согласился удовлетворить просьбу престарѣлыхъ церковниковъ, подъ условіемъ, впрочемъ, что ихъ ближайшіе родственники обяжутся дать имъ пріютъ и не позволятъ „шататься по міру". Этимъ отпускаемымъ на волю церковникамъ захотѣлось взять съ собой подростающихъ и малолѣтнихъ дѣтей; но начальство находило это убыточнымъ для казны.

„Они", писалъ Мордвинову Князевъ, „просятся туда и съ имѣющимися при нихъ дѣтьми подростающими и малолѣтными, на коихъ изъ казны снабденіе, содержаніе и издержки такъ же употреблены были, и кои чрезъ нѣсколько лѣтъ могутъ уже быть для домоводства и супружества годными и здѣшнему казенному вѣдомству полезными. Итакъ когда оныхъ дѣтей съ ними отпустить, то казнѣ будетъ убытокъ, а когда же ихъ здѣсь оставить, то нѣкому будетъ пещися и о нихъ воспитаніи и о содержаніи". Какъ отнесся къ этому Мордвиновъ, изъ дѣлъ не видно.

П. Ивановъ.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Дѣла о Марковичахъ въ Тайной канцеляріи. Составляя свою монографію о Марковичахъ, напечатанную въ «Кіевской Старинѣ» за 1890 годъ, я не зналъ, что въ С. Петербургскомъ Государственномъ Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ находится два дѣла о Марковичахъ нашего рода, которыя нѣкогда производились въ Тайной канцеляріи. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе изъ одной статьи, тоже напечатанной въ «Кіевской Старинѣ» 1890 года, я воспользовался своимъ пребываніемъ въ С.-Петербургѣ въ началѣ 1891 года, чтобъ познакомиться съ дѣлами о Марковичахъ, чего и достигъ, благодаря любезности лицъ, завѣдующихъ Государственнымъ архивомъ, исходатайствовавшихъ мнѣ у г. министра иностранныхъ дѣлъ разрѣшеніе на занятія въ этомъ архивѣ.

Кстати сказать, С.-Петербургскій Государственный Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ заключаетъ въ себѣ массу дѣлъ, почти всегда полныхъ величайшаго историческаго интереса. Исходатайствовать разрѣшеніе работать въ немъ нетрудно для всякаго лица, сколько нибудь извѣстнаго по своимъ работамъ, такъ какъ большинство дѣлъ уже имѣетъ только историческое значеніе. Въ лицахъ, завѣдующихъ архивомъ, занимающійся встрѣтитъ полную готовность помочь указаніемъ и совѣтомъ. Но все это, къ сожалѣнію, парализуется отсутствіемъ въ печати описанія архива, или хотя бы простого указателя хранящихся въ немъ дѣлъ, такъ что приходится разыскивать дѣла на авось. Поэтому появленіе печатнаго описанія архива составляетъ предметъ первой необходимости, особенно потому, что въ настоящее время для этой цѣли можно воспользоваться тѣмъ знаніемъ архива, каковымъ

обладаетъ г. помощникъ директора Н. А. Гюббенетъ. За напечатаніе описанія были бы очень благодарны всѣ тѣ, кому дороги судьбы русской исторической науки.

Послѣ этого невольнаго, но необходимаго, отступленія, обратимся къ разсмотрѣннымъ нами дѣламъ о Марковичахъ.

Какъ извѣстно, возвысившіеся при импер. Елисаветѣ Петровнѣ, Разумовскіе были изъ простого козачьяго рода и вдругъ поднялись до самыхъ аристократическихъ вершинъ, оставивъ далеко за собою многихъ аристократовъ, жившихъ въ той же мѣстности, откуда были и Разумовскіе. Это не могло не внушать зависти малорусскимъ аристократамъ, свысока глядѣвшимъ на Разумовскихъ, что и выражалось иногда въ неосторожныхъ относительно нихъ рѣчахъ, за которыя потомъ приходилось дорого платиться.

Разумовскіе, особенно фаворитъ императрицы графъ Алексѣй Григорьевичъ, были люди добрые и притомъ сохраняли малорусскія симпатіи; но всегда былъ возможенъ случай, что изъ за собственныхъ интересовъ или изъ за интересовъ близкихъ лицъ они могли причинить какую нибудь непріятность своему же брату-малороссу, что того не могло не сердить, и сердце свое онъ срывалъ въ неосторожныхъ рѣчахъ, а тѣ приводили его въ тайную канцелярію.

Именно на такой почвѣ и разыгрались оба дѣла о Марковичахъ, видныхъ людяхъ изъ малороссійской знати въ половинѣ XVIII вѣка, богатыхъ и гордыхъ.

Первое изъ нихъ (Дѣло тайной канцеляріи, 1747 г., № 1170; довольно ветхое, нѣкоторые листы совершенно истлѣли) заключалось въ слѣдующемъ:

Въ 1743 году Маркъ Андреевичъ Марковичъ (въ напечатанной нами родословной № 8), сынъ извѣстнаго полковника лубенскаго, а затѣмъ генеральнаго подскарбія Андрея Марковича и братъ не менѣе извѣстнаго составителя Дневныхъ записокъ Якова Андреевича Марковича, человѣкъ уже въ лѣтахъ, лично хлопоталъ въ Петербургѣ въ Сенатѣ о дачѣ ему слободы Андреевки. Но получить ее ему не удалось, такъ какъ она была пожалована Ал. Гр. Разумовскому. Марковича это ужасно разсердило, скрыть онъ этого не съумѣлъ и, возвращаясь въ 1743 г. домой въ Ромны, вмѣстѣ съ священникомъ роменской соборной Успенской церкви, Петромъ Яновскимъ и переводчикомъ иностранной коллегіи Полетикою, страшно и неприлично

ругалъ Разумовскаго, говорилъ, что онъ недавно вышелъ въ люди и скоро пропадетъ. Наша де фамплія, похвалялся Марко вичъ, всегда славна, и кто на насъ возставалъ, тотъ и пропадалъ, напр. генералы Вейсбахъ и Мининъ.

Яновскій объ этой брани 28 августа 1744 г. разсказалъ роменскому крестовому протоіерею Евстафію Стефановичу, который немедленно подалъ доносъ матери Разумовскаго въ селѣ Адамовкѣ, прописавъ всѣ обстоятельства. Доносъ этотъ попалъ въ руки управителя имѣніями Разумовскихъ Семена Пустоты, который его уничтожилъ, по дальнѣйшему показанію Стефановича, будто бы изъ за подарковъ, полученныхъ отъ Марковича. Стефановичъ послалъ второй доносъ съ Демьяномъ Быстрицкимъ; но братъ Марковича, Иванъ, осторожно прочелъ въ Ромнахъ доносъ и передалъ его Пустотѣ, который и этотъ доносъ уничтожилъ. По словамъ Стефановича, М. А. Марковичъ сталъ тогда очень обижать его, отнялъ у него домъ, жена Марковича ругала Стефановича, грозила батожьемъ и пр. Марковичъ даже возбудилъ противъ него въ кіевской консисторіи обвиненіе въ опорочені и чести его ложнымъ доносомъ, почему консисторія и потребовала отъ Стефановича присылки уполномоченнаго лица для объясненій.

Но третій доносъ Стефановича, посланный изъ Роменъ 25 іюля 1747 г., дошелъ до Тайной канцеляріи. Въ доносѣ этомъ Стефановичъ къ обвиненіямъ противъ Марковича и Пустоты присоединяетъ указаніе, что въ 1728 г. на отца Марковича Андрея подано было 700 челобитныхъ, но кн. Шаховской (министръ при гетманѣ Апостолѣ съ 1730 г.), получивъ отъ Марковича подарки, спряталъ всѣ челобитныя въ долгій ящикъ.

Тайная канцелярія по челобитью Стефановича начала дѣло, но почему то тянула его очень долго; 3 сентября допрошенъ былъ Полетика, который подтвердилъ обвиненіе. Въ началѣ 1749 г. Марковичъ и Пустота взяты были въ Москву и доставлены въ канцелярію, гдѣ Марковичъ, послѣ двукратнаго наказанія плетьми, сознался, что дѣйствительно бранилъ Разумовскаго, но говорилъ, что былъ въ это время пьянъ. Пустота тоже сознался, что покрывалъ Марковича, какъ хорошаго знакомаго, но подарковъ отъ него за то не бралъ; лишь на свадьбу подарилъ ему Марковичъ коня.

Дѣло опять остановилось и на этотъ разъ, кажется, до 1754 г., когда Тайная канцелярія рапортомъ за подписью графа А. Шува-

лова Сенату, изложивъ кратко дѣло о Марковичѣ, предложила вмѣнить ему въ наказаніе долгій арестъ подъ карауломъ въ Тайной канцеляріи и плети, а затѣмъ все же заточить его до конца жизни въ монастырь. Отвѣтъ на этотъ рапортъ не состоялся, такъ какъ 13 іюля 1754 г. оберъ секретарь М. Хрущовъ донесъ Тайной конторѣ, что ночью на 27 мая этого года арестантъ Марковичъ умеръ и тѣло его погребено при церкви Преображенія Господня, что въ Преображенскихъ солдатскихъ слободахъ.

Родные Марковича въ Малороссіи знали уже тогда о его смерти въ Москвѣ, но получили свѣдѣнія неточныя. Братъ его Яковъ Марковичъ въ Дневныхъ запискахъ подъ 10 іюня занесъ слѣдующее: получилъ письмо отъ Ив. Галяховскаго о кончинѣ брата моего Марка въ Москвѣ, бывшаго тамъ подъ арестомъ. Погребенъ онъ въ церкви св. Апостоловъ Петра и Павла. На основаніи этого указанія и мы сообщили въ монографіи о Марковичахъ о мѣстѣ погребенія М. А. Марковича свѣдѣніе невѣрное.

Вещи умершаго Марковича доставлены были изъ Москвы въ Малороссію къ Якову Марковичу въ концѣ іюня И. Галяховскимъ и И. Чупенко, а имъ были, конечно, переданы прямымъ наслѣдникамъ покойнаго.

Второе дѣло о Марковичѣ, производившееся одновременно съ первымъ въ Тайной канцеляріи (дѣло 1748 г. № 1073), было нѣсколько важнѣе. Объектомъ его былъ двоюродный братъ предшествующаго М. А. Марковича, Василій Ѳеодоровичъ Марковичъ (въ нашей родословной № 15). Онъ былъ изъ прилучанъ, служилъ въ Петербургѣ въ Преображенскомъ полку и былъ въ чинѣ капитана-лейтенанта. Ханенко въ 1745—1746 г. постоянно встрѣчалъ его въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ былъ близкимъ къ гр. Ал. Гр. Разумовскому лицомъ; но, какъ видно, Марковичъ Разумовскаго не любилъ, что его и погубило.

Еще въ 1744 г. Василій Марковичъ словесно жаловался лично императрицѣ въ Глуховѣ на какую то обиду и милостивое получилъ слово (Зап. Як. Марковича, подъ 6 августа). Можетъ быть неисполненіе обѣщанія было причиною его неудовольствія, хотя онъ послѣ этого продолжалъ служить въ гвардіи; но только онъ сталъ питать къ Разумовскому враждебныя чувства, которыя и выражалъ при близкомъ человѣкѣ—солдатѣ Преображенскаго полка Мойсеѣ Березинскомъ, который въ маѣ 1748 г. подалъ Разумовскому въ собственныя руки доносъ на В. Ѳ. Марковича въ томъ, что онъ въ теченіи 1747—

1748 г. не разъ бранилъ Разумовскихъ, говоря: Богъ его знаетъ откуда они взялись. Марковичъ предсказывалъ, что Разумовскіе скоро пропадутъ и всѣ, даже родные, отъ нихъ отчураются. Онъ объяснялъ постройку въ новомъ дворцѣ крыльца изъ покоевъ Разумовскаго тѣмъ, чтобы онъ могъ убѣжать, когда на него прійдетъ бѣда, какъ на прежнихъ временщиковъ. Марковичъ говорилъ, что онъ ничего бы такъ не желалъ, какъ бить кнутомъ Кирилла Разумовскаго, и, лежа на постели, закрывъ глаза, въ присутствіи Березинскаго уже фантазировалъ, какъ онъ осуществляетъ это желаніе.

Доносъ былъ немаловажный. Разумовскій вручилъ его самой императрицѣ, которая передала его графу А. Шувалову для производства слѣдствія, приказавъ донести ей о показаніяхъ Марковича.

Когда Марковича взяли подъ арестъ, онъ, не зная, что на него сдѣлалъ доносъ Березинскій и что его тоже возьмутъ въ Тайную канцелярію, поручилъ ему жжечь письма, лежащія у него въ подголовьи. Березинскій и это сообщилъ канцеляріи.

Въ Тайной канцеляріи Марковичъ показалъ, что онъ бываетъ постоянно пьянъ, отчего бываетъ у него даже помѣшательство. Потомъ Марковичъ дополнилъ свое показаніе. Кирилла Разумовскаго онъ, Марковичъ, бранилъ потому, что тотъ, ко всѣмъ показываетъ себя несклоннымъ, не такъ, какъ гр. Ал. Гр—чъ, который со всѣми обращается склонно. Относительно приказанія Березинскому сжечь бумаги, Марковичъ объяснилъ, что самъ не знаетъ, почему онъ это сказалъ; онъ былъ въ безпамятствѣ отъ страха, а въ письмахъ у него ничего нѣтъ.

Березинскій показалъ въ канцеляріи то же, что писалъ въ доносѣ. Какъ ему, такъ и Марковичу было подъ страхомъ смертной казни запрещено говорить кому либо о томъ, что они показали въ Тайной канцеляріи.

На послѣдующихъ допросахъ Марковичъ показывалъ все одно и тоже, а затѣмъ сталъ просить о разрѣшеніи ему постричься въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей: Софійскомъ, или Печерскомъ, чего онъ будто бы давно желалъ, такъ какъ не можетъ жить съ женою; у него моча не держится. Онъ говорилъ, что и жена его тоже давно желаетъ итти въ монастырь.

Какъ водится, дѣло затянулось. Лѣтомъ 1748 г. изъ Тайной канцеляріи было донесено, что арестантъ Марковичъ очень боленъ,

часто приходитъ въ безпамятство. На это доношеніе состоялась 11-го октября того же года резолюція: Марковича приказано, крѣпко допросивъ, за его непристойныя слова, сослать въ Тобольскъ на вѣчное житье, а Березинскаго пожаловать въ сержанты. Допросили Марковича еще разъ — онъ сдѣлалъ прежнія показанія; но 13-го октября съ нимъ случился эпилептическій припадокъ. Стали бить его плетьми—онъ показывалъ все тоже.

Указомъ 2 марта 1749 г. велѣно было отправить Марковича въ Соловецкій монастырь, гдѣ жить ему безвыходно, а, если онъ пожелаетъ, постричь его.

Люди, бывшіе съ Марковичемъ, отправлены были въ г. Прилуки къ женѣ его. Дѣтей у нихъ тогда уже не было; единственный, кажется, ихъ сынъ Евграфъ (у насъ въ родословной № 35) умеръ раньше.

По прибытіи въ Соловецкій монастырь Марковичъ постричься не пожелалъ; наоборотъ онъ велъ себя вообще бурно, ругалъ начальствующихъ лицъ и братію и въ заключеніе, въ 1750 г., отправилъ въ Тайную канцелярію доносъ на многихъ монаховъ, обвиняя ихъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1-мъ пунктомъ.

Повидимому, Марковичъ желалъ быть вызваннымъ въ Тайную канцелярію, но въ виду его прежняго безумія, его туда не вызвали, а предложили написать и прислать подробное обвиненіе, что онъ и сдѣлалъ. Въ дѣлѣ сохранилась эта обширная и мало интересная кляуза на разные монастырскіе непорядки. Изъ за этого доноса у монастыря съ Тайной канцеляріей пошла долгая переписка, неимѣвшая собственно къ Марковичу никакого отношенія.

Скончался В. Ѳ. Марковичъ 9 февраля 1759 года въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ и похороненъ.

Алексѣй Маркевичъ.

Отрывки изъ фамильныхъ преданій и архивовъ [1]. *IV. Изъ переписки Д. П. Трощинскаго съ кн. Н. Г. Репнинымъ.* 1) Милостивый государь мой князь Николай Григорьевичъ! Сколь пріятно мнѣ извѣстить ваше сіятельство, что государь императоръ всемилости-

[1]) „Кіевская Старина", 1891, 2.

вѣйше повелѣть изволилъ отпускъ вашъ продолжить еще на 28 дней, столь прискорбія для меня достойна причина, ради которой вы сей отсрочки желали. Болѣзнь почтеннѣйшаго моего благодѣтеля князя Николая Васильевича [1]), къ коему душевная моя преданность никогда не измѣнялась и котораго не хотѣлъ я особеннымъ письмомъ безпокоить, наводитъ мнѣ чувствительную горесть и я отъ искренняго сердца прошу Бога, чтобъ онъ сохранилъ на должайшее время драгоцѣнные его дни. Имѣю честь впрочемъ быть съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою, Дмитрій Трощинскій. Спб. Марта 15-го 1801 г.

P.S. По желанію вашему посылаю сіе на нарочной стафетѣ,— абшидъ вашъ объявится въ сегодняшнемъ приказѣ.

2) Милостивый государь мой Дмитрій Прокофьевичъ. Гдѣ вы бы и въ какомъ бы положеніи ни были, не можетъ сердце мое васъ инако почитать, какъ искреннимъ себѣ другомъ, а потому свѣдавъ, что вы участіе имѣли во всемилостивѣйшемъ опредѣленіи князя Григорія Семеновича [2]) въ военную службу, нимало не удивился тому, но не менѣе однакожъ душевно вамъ благодаренъ за сей знакъ вашего дружескаго собственно мнѣ одолженія. Сердце и душа моя вамъ коротко извѣстны; они все тѣже, что прежде были и все тѣже навсегда останутся. Съ симъ внутреннимъ расположеніемъ я, васъ дружески обнимая, желаю вамъ искренно всего того, что только полезно вамъ быть можетъ и при томъ поставить васъ въ состояніе съ успѣхомъ служить отечеству и всѣмъ добрымъ людямъ. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга, князь Репнинъ. Москва, 8 апрѣля 1801 года.

3) Милостивый государь мой Дмитрій Прокофьевичъ. Податель сего господинъ Кнауфъ, имѣющій дѣла съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ [3]), который, нечаянно уѣхавъ отсель въ Петербургъ, упросилъ себѣ опекуномъ Гавріила Романовича Державина [4]), просилъ у меня рекомендательнаго письма къ вашему превосходи-

---

[1]) Фельдмаршалъ кн. Н. В. Репнинъ умеръ 12 мая 1801 г.

[2]) Волконскій.

[3]) Род. 1773 † 1844. Извѣстный любимецъ императора Александра I, министръ народн. просв. и духовныхъ дѣлъ.

[4]) Державинъ, при вступленіи на престолъ 12 марта 1801 г. императора Александра I, оставилъ постъ государствен. казначея, оставаясь лишь сенаторомъ.

тельству. Я его предъявленныхъ дѣлъ основательно не знаю и о подкрѣпленіи неправды просить конечно никогда не стану, а потому поручаю его, господина Кнауфа, въ милость и покровительство вашего превосходительства только поколику законная справедливость ему принадлежитъ; отказать же сего письма не могъ потому, что товарищъ его въ торговлѣ, Цаути, коротко со мною знакомый, мнѣ въ переводахъ денежныхъ часто помогалъ и разныя по той части одолженія дѣлалъ, коего просьбы за его товарища мнѣ нельзя было не принять, въ чемъ предъ вами извиняюсь. Съ совершеннымъ почтеніемъ и искренною преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства покорный слуга князь Репнинъ. Москва, 18 апр. 1801 г.

4) Милостивый государь мой князь Нииколай Григорьевичъ! Не могу довольно изъяснить чувствованія признательности и благодарности, коими обязанъ я вашему сіятельству за сообщеніе мнѣ списка съ высочайшей грамоты, пожалованной дворянству полтавской губерніи 18 мая сего года.

Когда его величество государь императоръ лично своею особою подъемлетъ, наравнѣ съ послѣднимъ изъ подвластныхъ своихъ, всѣ труды, пренебрегаетъ всѣми неудобствами климата и полевой жизни, вдается во всѣ опасности, для чести и славы своего отечества и престола, то какія усилія, какія пожертвованія, какіе подвиги могутъ быть невозможны для вѣрноподданныхъ сыновъ его.

Какъ старѣйшему между дворянствомъ полтавской губерніи, мнѣ пріятно было видѣть и еще пріятнѣе свидѣтельствовать о томъ усердіи и соревнованіи, которыми одушевлялись всѣ сословія къ скорѣйшему исполненію высочайшей воли и коихъ многократные опыты, дознанные мною втеченіе долголѣтней жизни моей, составляютъ священное достояніе и отличительную черту добраго и вѣрнаго народа русскаго. Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и искреннѣйшею преданностью имѣю честь пребыть навсегда, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. М. Ярески, іюня 25-го 1828.

5) Милостивый государь мой князь Николай Григорьевичъ! Я не спѣшилъ поздравлять ваше сіятельство съ возвышеніемъ васъ въ чинъ полнаго генерала, считая, что по справедливости вамъ оный давно слѣдовалъ, и въ чемъ я, какъ издавна душевно вамъ преданный, ощущаю теперь сердечное удовольствіе.

Извините меня, ваше сіятельство, что осмѣливаюсь представить при семъ письмо одного несчастнаго. Я не вхожу въ существо дѣла его, не могу ничего сказать ни въ защиту, ни въ обвиненіе его, а только знаю, что законы вездѣ достигнутъ осужденнаго, гдѣ бы сей ни находился. Итакъ единымъ чувствомъ сожалѣнія къ болѣзненному его состоянію убѣждаюсь просить милостиваго вашего снисхожденія и благодѣтельнаго начальническаго покровительства въ томъ, чтобы онъ отпущенъ былъ въ домъ свой до окончательнаго рѣшенія судьбы его.

Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и нелицемѣрною приверженностью имѣю честь пребыть во всю жизнь, милостивый государь мой, вашего сіятельства вѣрный и покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. Яресии, августа 5-го 1828.

V. Письма М. М. Сперанскаго къ кн. Н. Г. Репнину. 1) Спб. 21-го февраля 1826 г. Что сказать мнѣ въ утѣшеніе вашему сіятельству? Представлю въ примѣръ почтеннѣйшую родительницу вашу: въ последнее свиданіе я нашелъ ее спокойнѣе, нежели прежде, она вся въ вѣрѣ и предчнности и увѣрена, что и вы тѣже чувства имѣть будете.

Новости, какія у насъ есть, разскажетъ вамъ лично князь Прозоровскій [1]). Правительство день ото дня болѣе пріобрѣтаетъ къ себѣ довѣрія и любви и слѣдовательно истинной твердости. Дай Богъ, чтобы все сіе болѣе и болѣе преуспѣвало къ счастію Россіи.

По письмамъ ожидаемъ сюда графа В. П. Кочубея [2]) въ маѣ, а можетъ быть и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Говорятъ также и о прибытіи барона Строганова [3]) но нѣтъ еще ничего вѣрнаго; прочее все по старому. Пріймите свидѣтельство совершеннаго почтенія и преданности, М. Сперанскій.

P. S. Всѣ мы, и въ томъ числѣ вашъ двухлѣтній крестникъ, свидѣтельствуемъ свое искреннее почитаніе.

2) Спб. 4 апрѣля 1826. Пользуюсь отъѣздомъ Семена Михайловича Кочубея [4]) чтобъ представить вашему сіятельству свидѣтель-

---

[1]) Князь Дмитрій Александровичъ, дѣйствит. статскій совѣтникъ, † 1869, женатый на княжнѣ Минѣ Ивановнѣ Волконской.

[2]) Графъ, впослѣдствіи князь, Викторъ Павловичъ, род. 1768 † 1834, председатель государственнаго совѣта, комитета министровъ и канцлеръ.

[3]) Баронъ, впослѣдствіи графъ, Сергѣй Григорьевичъ, род. 1794 † 1882, членъ государственнаго совѣта.

[4]) Дѣйств. статскій совѣтникъ, полтавскій предводитель дворянства.

ство моего почитанія. Онъ возвращается во свояси съ тѣмъ же сердцемъ, исполненнымъ преданностью къ Вышнему Промыслу, съ коимъ и сюда пріѣхалъ. Сколь тягостенъ для него былъ крестъ, столь пріятно чувство, что онъ несъ его съ твердостью и безъ ропота.

Тамъ, гдѣ общее добро, общая безопасность требуютъ жертвъ собственнаго спокойствія, всѣ люди благомыслящіе приносятъ ихъ съ готовностью и безъ всякихъ личныхъ разсчетовъ. Ожидаемъ сюда графа Виктора Павловича и не можемъ дождаться. По послѣднимъ письмамъ онъ опять боленъ подагрою, все однакоже есть надежда видѣть его къ коронаціи. Въ сіе время всеобщаго торжества надѣюсь и ваше сіятельство видѣть въ Москвѣ. Всѣ генералъ-губернаторы, по всей вѣроятности, тамъ соберутся. Пріймите свидѣтельство совершеннаго почтенія и преданности, съ которыми честь имѣю быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою, М. Сперанскій.

PS. Крестникъ вашъ свидѣтельствуетъ вамъ свой поклонъ.

3) Спб. 2 ноября 1828 г. Съ искреннею благодарностью принялъ я все, что угодно вамъ было предназначить для Имберга. Увѣренъ, что нельзя ничего придумать для него лучше и онъ долженъ только умѣть заслужить продолженіе вашего о немъ попеченія. Хотя чинъ не удался, но отзывъ вашъ о немъ не будетъ оставленъ безъ уваженія и въ свое время можетъ быть приведенъ въ свое дѣйствіе.

Излишнимъ считаю препоручать вамъ моего Александра Алексѣевича. Вы прежде меня его знали и были къ нему милостивы. Мнѣ остается только быть за него благодарнымъ, а ему руководствоваться въ предстоящихъ ему дѣлахъ вашими совѣтами и наставленіями. Пріймите свидѣтельство совершеннаго почтенія и преданности, съ коими честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою. М. Сперанскій.

М. М. Сперанскій (род. 1772 † 1839), быстро возвысившійся, благодаря геніальнымъ способностямъ, до высшихъ служебныхъ степеней, неожиданно, какъ извѣстно, палъ 17-го марта 1812 г., вслѣдствіе происковъ его враговъ, въ особенности министра полиціи Балашова и барона Армфельда.

Періодъ 1808—1811 годовъ былъ эпохой наивысшаго значенія и вліянія Сперанскаго, о которомъ именно въ это время извѣстный Жозефъ-де-Местръ писалъ, что онъ «первый и даже единственный, министръ» имперіи. За это время Сперанскій, по порученію Але-

ксандра I, составилъ планъ общей политической реформы, которая охватывала весь строй политическихъ и гражданскихъ отношеній. Законодательство, судъ, администрація (отъ волости до высшихъ учрежденій), крѣпостное состояніе,—ничего не было забыто въ этомъ планѣ.

Въ ноябрѣ 1809 года императоръ одобрилъ планъ и рѣшилъ постепенно приводить его въ исполненіе. Реформа государственнаго совѣта (1810 г.), реформа министерствъ (1810—11 г.), реформа сената (1811—12 г.) явились другъ за другомъ изъ подъ пера Сперанскаго, какъ первые шаги этого общаго плана («Русская Мысль». 1890. Ноябрь. Южаковъ. Паденіе Сперанскаго).

И въ самый разгаръ этой реформаторской дѣятельности Сперанскій неожиданно подвергся немилости Александра I, увезенъ въ Нижній Новгородъ, а потомъ въ Пермь. Когда кончились Наполеоновскія войны, Сперанскій былъ назначенъ сначала губернаторомъ въ Пензу, а 1819 г. сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1821 г. онъ былъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта, а съ восшествіемъ на престолъ императора Николая I Сперанскому поручена была кодификація законовъ, такъ блистательно имъ выполненная.

Въ 1831 г. Сперанскій сдѣлался полтавскимъ помѣщикомъ, купивши въ золотоношскомъ уѣздѣ помѣстье Буромку, съ 4,913 ревизскими душами и 19,000 десятинъ, состоящее изъ с. Большой Буромки, д. Малой Буромки и Лещовки, и находящееся въ 45 верстахъ отъ Золотоноши. Первоначально дѣла въ этомъ помѣстьи вели управляющіе но съ 1842 г. въ Буромкѣ поселилась сама владѣлица, единственная дочь Сперанскаго, Елисавета Михайловна, вышедшая за мужъ за д. т. с. Фролова-Багрѣева и приняла всѣ мѣры къ раціональному веденію хозяйства, а также къ улучшенію экономическаго положенія крестьянъ. Въ Буромкѣ были устроены больница, ссудо-сберегательная касса, начальное и рисовальное училища, разныя мастерскія и ясли для крестьянскихъ ребятишекъ, на время отсутствія родителей по работамъ. Усердно помогалъ владѣлицѣ въ ея разнообразной дѣятельности, приглашенный врачемъ буромской больницы, австрійскій докторъ медицины I. Г. Прейсъ. Къ благоустройству буромской больницы косвенное содѣйствіе оказалъ переводъ Сперанскаго творенія Ѳомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу», доходъ со втораго изданія котораго былъ предоставленъ Фроловой-Багрѣевой въ пользу больницы. При этой больницѣ былъ устроенъ «ботаническій» садъ, въ которомъ разводились различныя врачебныя травы и овощи;

недостававшія лѣкарства покупались въ г. Ромнѣ, частью на тамошней ярмаркѣ, а частью въ аптекѣ.

Благодаря хорошо устроенной больницѣ, Прейсу легче было бороться съ предубѣжденіемъ крестьянъ противъ врачебной помощи и напротивъ того съ довѣрчивымъ отношеніемъ къ лѣченію знахарей, вредъ отъ лѣченія которыхъ превосходилъ, по его замѣчанію, всякое вѣроятіе. «Я знаю здѣсь—пишетъ Прейсъ въ своемъ подробномъ, написанномъ по нѣмецки, описаніи буромской больницы—множество людей, которые подверглись параличу, чахоткѣ, ослѣпли, умерли мучительною смертью, оттого только, что слушались совѣтовъ этихъ незаконныхъ дѣтей Эскулапа. Нигдѣ не встрѣчалъ я такихъ выродившихся болѣзненныхъ формъ, какъ здѣсь; и во все теченіе десятилѣтней практики моей въ званіи главнаго врача разныхъ большихъ госпиталей въ Австріи, не попадалось мнѣ столько и такихъ страшныхъ случаевъ болѣзни рака (cancer), какъ приходится мнѣ наблюдать здѣсь ежегодно, а причиной всему—бабье лѣченіе».

Отъ Елисаветы Михайловны Фроловой-Багрѣевой Буромка досталась по наслѣдству ея единственной дочери, вышедшей за князя Родіона Николаевича Кантакузина, а въ настоящее время принадлежитъ ихъ сыну князю Михаилу Родіоновичу Кантакузину, директору департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, которому и разрѣшено высочайшимъ указомъ 19-го мая 1872 г. прибавить къ своей фамиліи, для увѣковѣченія заслугъ М. М. Сперанскаго (возведеннаго въ графское достоинство въ январѣ 1838 г.), слова «графъ Сперанскій».

Н. В. Стороженко.

Указъ 1734 г. о бытіи въ Кіевѣ войтомъ Козьмѣ Кричевцу [1]) и свѣдѣніе объ испр. въ 1739 г. должн. кіевскаго войта Быковскомъ. Въ 1734 г. августа 9 на имя кіевскаго генералъ-губернатора богемскаго графа фонъ-Вейзбаха съ товарищи послѣдо-

[1]) Этого войта не находимъ въ спискѣ, напечатанномъ Н. Закревскимъ въ его „Описаніи Кіева“ (см. изд. 1868 г, т. II, стр. 896). Списокъ этотъ вообще не только не полонъ, но и не отличается точностію въ показаніяхъ времени войтовства помѣщенныхъ въ немъ лицъ: такъ напр. войтовство Павла Войнича показано отъ 1735 по 1743 г., тогда какъ онъ войтовствовалъ до самой смерти своей въ октябрѣ 1751 года. То же самое надо замѣтить и относительно списка генералъ-

валъ изъ пр. Сената такой указъ: «По указу е. и. в. пр. Сенатъ, слушавъ выписки изъ присланной при листѣ гетмана Апостола кіев. магистрата элекціи и поданной на имя е. и. в. челобитной и изъ доношенія генерала Нарышкина, также и изъ доношеній вашихъ, присланныхъ въ кол. ин. дѣлъ, а потомъ и въ кабинетъ е. и. в., и приложенныхъ при томъ кіевск. магистрата доношеній же и аттестаты о кандидатахъ на мѣсто умершаго кіевск. войта Дмитрія Полоцкаго, *приказали*: по силѣ прежнихъ правъ и привелей королей польскихъ, по которымъ велѣно опредѣлять войта изъ мѣщанъ кіевскихъ, и по даннымъ въ подтвержденіе тѣхъ правъ и привелей, по подданствѣ Малороссіи подъ державу россійскую, жалованнымъ грамотамъ въ 7162, 7185, въ 7207, въ 1700 и 1710 годахъ, а особливо по жалованной е. и. в. грамотѣ 1730 г., по которой велѣно прежнимъ правамъ и прочимъ учрежденіямъ и употребленіямъ быть во всемъ противъ прежняго, и по общему кіевск. магистрата выбору и по поданной на имя е. и. в. челобитной,—быть въ Кіевѣ войтомъ изъ кандидатовъ кіевскихъ мѣщанъ бурмистру Козьмѣ Кричевцу и привесть его къ присягѣ, а бунч. тов. Быковскому, по содержанію ихъ правъ и привилегій и жалов. грамотъ, войтомъ быть не надлежитъ, ибо онъ Быковскій въ воинскомъ чину бунчуковымъ товарищемъ. И. г. генералу и кав. и кіевск. губерніи генералъ-губернатору богемскому графу фонъ-Вейзбаху съ товарищи о семъ вѣдать, а къ правленію гетманскаго уряду о приводѣ его Кричевца къ присягѣ и для вѣдома въ кіевск. магистратъ указы изъ Сената посланы».

Упоминаемый въ этомъ указѣ бунч. тов. Быковскій, по всей вѣроятности, есть тотъ самый, о которомъ данъ былъ въ кіевск. губ. канц. изъ пр. Сената указъ отъ 27-го мая 1740 года такого содержанія:

«... по доношенію оной канцеляріи и приложенному при томъ экстракту и мнѣнію г. генералъ-лейт. Леонтьева іюля 18 прошлаго 1739 г., *приказали*: гадяцкаго полку съ судьи Василія Быковскаго (который во время слѣдствія о кіевск. войтѣ съ бурмистры и райцы правилъ въ кіевск. магистратѣ войтовскую должность и взялъ себѣ изъ мѣстной суммы собою своевольно денегъ двѣсти рублей и отвѣтомъ показалъ, якобы оные употребилъ на ратушскіе расходы, а ни-

---

губернаторовъ, въ которомъ, между прочимъ, графъ фонъ-Вейзбахъ названъ Гейсбаромъ, М. И. Леонтьевъ показанъ генералъ-губернаторомъ съ 1738 по 1766 г., тогда какъ онъ въ 1751 г. умеръ.

какова въ томъ подлиннаго свидѣтельства и магистратскаго о употребленіи тѣхъ денегъ въ расходъ приговору и никакихъ записокъ не объявилъ), по мнѣнію его, г. генералъ-лейтенанта, для представленныхъ въ оном резоновъ, взыскать съ него, Быковскаго, немедленно и отдать въ тотъ магистратъ, а за самовольное тѣхъ денегъ взятье штрафовать его, Быковскаго, ген. войск. канцеляріи по своему разсмотрѣнію, о чемъ въ г. в. к. и указъ посланъ».

А. Андріевскій.

Жалоба кіевскаго магистрата на карантинныхъ откупщиковъ (1750 г.). Въ маѣ мѣсяцѣ 1750 г. кіевскій магистратъ подалъ на высочайшее имя въ коллегію иностранныхъ дѣлъ нижеслѣдующее прошеніе:

1.

«За мѣстечкомъ Васильковомъ близъ границы польской устроенъ дворъ карантинной для иностранныхъ купцовъ грековъ, арменъ и другихъ чужоземцовъ, и прошлыхъ годовъ отъ содержателей того двора значала отъ кіевскихъ мѣщанъ купеческихъ промышленниковъ никакихъ нетребовано взятковъ.

2.

А якъ начали греки тотъ дворъ карантинной арендовать, яко и нынѣ содержуючій области турецкой родимецъ Янъ Кацело, не взирая на всевысочайшіе жалованные грамоты, указы, привиліи и другіе крѣпости, коими кіевскому купечеству торговать безпошлинно утверждено, и митрополиту кіевскому въ Пробытомъ валу и на рѣчкѣ Борщовки и въ Бѣлогородкѣ и въ иныхъ мѣстахъ духовнымъ властямъ въ монастырскихъ маетностяхъ мыта и мостовщины съ кіевскихъ мѣщанъ не имать, понеже во всей Малой Россіи мостовое и погребельное и перевозной зборъ отставленъ и збирать имяннымъ блаженныя памяти государини императрицы Анны Іоановны въ 1730 году указомъ не велѣно, своего ради прибытку и отъ кіевскихъ купцовъ въ Волощину за виномъ волоскимъ, за чорносливою, за орѣхами, за бакаліею и за другими товары ѣздячихъ, которіе въ томъ дворѣ карантинномъ не стоювали и не стоятъ, но токмо мимо того двора на инные форпосты по пашпортамъ, зъ канцеляріи кіево-губернской даннымъ, проѣзжаючихъ потоль не пропускаютъ, поколь онимъ грекамъ и ему Яну Кацелѣ довольствіе ими требуемое не воспослѣдуетъ,

и взимаютъ зъ буты вина по два рубли, по рублю и мало низше, а со сливъ, орѣховъ и другихъ отъ воза по пятьдесятъ копіекъ, по 60 и по 70 и по рублю, насильство и остановку дѣлаютъ.

3.

И по таковому ихъ карантиннаго двора содержащихъ откупщикомъ, самовольству по челобитью мѣщанъ кіевскихъ купеческихъ промышленниковъ о происходящихъ обидахъ остановкѣ и въ купечествѣ помѣшательства не единожды куда надлежало любо и было представленіе съ прошеніемъ содержанія кіевскихъ мѣщанъ въ силѣ высоч. всемил. жалованныхъ грамотъ, указовъ и привилієвъ въ цѣлости ненарушимой, токмо успѣху ни малѣйшого получить не могли, но еще съ продаваемого собою волоского вина указного скотного въ магистратъ кіевскій не даютъ и давать не хотятъ и по разнымъ на нихъ, карантинщиковъ, по купеческимъ заводамъ въ магистратъ кіевскій заносимымъ жалобамъ, укрываясь тѣмъ карантиннаго двора откупомъ, къ расправѣ не стаютъ; а таковыхъ всевысоч. гос. импер. Петра Великаго 1710 г. жалов. магистрату кіевск. грамотою всемилостивѣйше повелѣно вѣдать и судить въ торговыхъ дѣлѣхъ на ратуши войту съ урядники.

И дабы высоч. в. и в. указомъ повелѣно было сіе наше челобитье въ кол. ин. д. принявъ записать, о запрещеніи силою всевысочайшихъ крѣпостей, въ кіевскомъ магистратѣ имѣющихся, взиманія зъ кіевскихъ купеческихъ промышленниковъ откупщикомъ карантиннаго двора небывалыхъ прежде сего зборовъ и о платежѣ въ магистратъ кіевскій зъ продажного ими волоского вина указныхъ скотныхъ денегъ и о прислушаніи и отвѣтѣ въ магистратъ кіевскій по жалобамъ на нихъ взнесеннымъ, всемилостивѣйшій выдать указъ».

А. Андріевскій.

Къ турбаевской катастрофѣ. Турбаевская катастрофа очень долго помнилась въ Малороссіи. Еще въ началѣ 50-хъ годовъ я слыхалъ о ней отъ дѣда, который, порицая жестокихъ помѣщиковъ, какихъ не мало было у насъ въ прилуцкомъ уѣздѣ, постоянно прибавлялъ: дождутся они того, что сталось съ турбаевскими Базилевскими. Но разсказать мнѣ, что именно случилось съ этими Базилевскими, онъ не пожелалъ, ограничившись тѣмъ, что ихъ, молъ, крестьяне замучили. Дѣдъ, впрочемъ, упрекалъ въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами еще болѣе мать убитыхъ Базилевскихъ, вдову

Ѳеодора Базилевскаго, которой онъ приписывалъ и образованіе колоссальнаго состоянія Базилевскихъ. Скупа она была до скаредности, сама выѣзжала на возѣ съ яйцами на базаръ для продажи яицъ и пр. Она устроила дѣло такъ, что козаки стали крестьянами, и разорила ихъ. Дѣти же пострадали за грѣхи отцовъ. Такъ ли это было, сказать не могу, и передаю воспоминанія дѣда о Базилевской лишь какъ преданіе.

Старый Прилучанинъ.

Ѳ. И. Каминскій. (Некрологъ). Въ ночь на 20-е марта скончался отъ чахотки въ хуторѣ Кругликъ, близъ Лубенъ, полтавской губ., сотрудникъ нашего журнала Ѳедоръ Ивановичъ Каминскій. Покойный былъ сынъ священника изъ минской губ. Первоначальное образованіе получилъ въ одномъ изъ духовныхъ училищъ той же минской губ., а затѣмъ въ переяславской семинаріи. Въ 60-хъ г.г. онъ поступилъ вольнослушателемъ въ кіевскій университетъ (въ то время окончившихъ семинарію въ студенты не принимали) на физико-математическій факультетъ и усердно занимался изученіемъ естественныхъ наукъ. По выслушаніи университетскаго курса, Ѳ. И. поступилъ учителемъ географіи въ переяславское духовное училище и въ тоже время сталъ давать уроки въ частномъ женскомъ пансіонѣ. Въ Переяславѣ Каминскій прослужилъ, если не ошибаемся, года три. Статьи о злоупотребленіяхъ тогдашнихъ переяславскихъ воротилъ, помѣщенныя покойнымъ въ одной изъ кіевскихъ газетъ, навлекли на него цѣлый рядъ преслѣдованій, заставившихъ его перейти на службу въ хорольское (полтавской г.) уѣздное училище. Въ Хоролѣ К—ій пробылъ не долго и въ 1872 г. перешелъ учителемъ приготовительнаго класса въ открытую тогда лубенскую гимназію и вмѣстѣ занялъ мѣсто библіотекаря при гимназіи. Въ лубенской женской гимназіи онъ преподавалъ естественную исторію. Лѣтъ черезъ 10 Ѳ. И. былъ переведенъ учителемъ приготовительнаго класса въ прилуцкую гимназію, а вскорѣ оказался вынужденнымъ вовсе оставить службу. Послѣ того онъ поступилъ домашнимъ учителемъ въ семейство владѣтельницы х. Круглика лубенск. у. Е. Н. Скаржинской, гдѣ и провелъ остатокъ своей жизни. Каминскій скончался далеко еще не старымъ человѣкомъ: ему было не болѣе 46 лѣтъ отъ роду. Тяжелыя житейскія условія и семейныя несчастья разрушили его крѣпкій организмъ. Живя въ Лубнахъ, Ѳ. И. предпринялъ нѣсколько археологическихъ

раскопокъ, для которыхъ окрестности Лубенъ и весь уѣздъ представляютъ богатый матеіралъ. Особенно значительно изслѣдованіе, произведенное имъ въ с. Гонцахъ лубенск. уѣзда. Здѣсь имъ сдѣлано важное въ области археологіи открытіе—это былъ первый констатированный и научно описанный случай нахожденія въ Россіи остатковъ человѣка палеолитической эпохи, (такихъ фактовъ въ Россіи вообще извѣстно очень мало,—послѣ открытія К-го ихъ обнаружено было только 4). Работа эта («Слѣды древнѣйшей эпохи каменнаго вѣка по р. Сулѣ и ея притокамъ») была помѣщена въ «Трудахъ 3-го археологическаго съѣзда» въ Кіевѣ (т. I. стр. 147—152), на засѣданіяхъ котораго читалась въ качествѣ реферата. Открытіе К-го было описано въ книгѣ гр. А. С. Уварова «Каменный вѣкъ», откуда перешло въ иностранныя археологическія изданія. Другія археологическія работы К-го не были опубликованы. Объ одной изъ нихъ «Раскопкѣ кургановъ (скиѳскаго типа) въ окрестностяхъ Лубенъ» докладывалъ въ одномъ изъ засѣданій Общества Нестора лѣтописца проф. В. Б. Антоновичъ по замѣткамъ, доставленнымъ съ мѣста раскопки. Всѣ археолегическія находки К-го собраны въ частномъ музеѣ Е. Н. Скаржинской, о составѣ котораго говорилось недавно въ «Кіевской Старинѣ». Въ составленіи этого собранія покойный принималъ дѣятельное участіе и судьба его всецѣло занимала Ѳ. И-ча въ послѣдніе годы его далеко нерадостной жизни. Въ нашемъ журналѣ помѣщено было разновременно нѣсколько небольшихъ замѣтокъ покойнаго.

Своимъ толковымъ и увлекательнымъ преподованіемъ и гуманностью Ѳ. И. пріобрѣлъ себѣ любовь и уваженіе не только своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ, но и всѣхъ тѣхъ, кто зналъ его, какъ преподавателя. Въ жизни Ѳ. И. былъ однимъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ высшіе интересы составляютъ весь ея смыслъ и содержаніе, однимъ изъ немногихъ идеалистовъ нашего времени. Въ памяти знавшихъ его останется воспоминаніе о немъ, какъ о человѣкѣ безукоризненной честности и душевнаго благородства.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. И. Костомаровъ. Литературное наслѣдіе. (Автобіографія. Стихотворенія. Сцены. Историческіе отрывки. Малорусская народная поэзія. Послѣдняя работа). Съ портретомъ, факсимиле, тремя рисунками и библіографическимъ указателемъ. Спб. 1890.

Книга, заглавіе которой мы выписали, не могла не занять виднаго мѣста въ нашей текущей литературѣ уже въ виду одного имени Костомарова, и мы обязаны дать о ней отчетъ въ литературной хроникѣ нашего журнала, хотя бы даже и нѣсколько поздно.

Автобіографія Н. И. Костомарова въ ея довольно полномъ видѣ является въ настоящемъ изданіи посмертныхъ работъ покойнаго историка наиболѣе замѣтнымъ литературнымъ фактомъ. Въ данномъ случаѣ впрочемъ играетъ роль не столько новизна всего въ ней сообщаемаго, сколько полнота впечатлѣнія при чтеніи въ ней о такихъ даже событіяхъ въ жизни Костомарова, о которыхъ было извѣстно и раньше. Эту полноту пересказу о уже извѣстномъ даетъ талантливое изложеніе автобіографа, умѣющаго облекать въ плоть и кровь все достойное вниманія. Въ добавокъ въ данной работѣ яркой нитью проходитъ очевидная для всякаго цѣльность личности покойнаго историка, разъ ставшаго въ молодости на опредѣленный жизненный путь и никогда съ него не сворачивавшаго до конца дней своихъ.

Въ смыслѣ установки міросозерцанія и выбора спеціальности наиболѣе существеннымъ моментомъ для Костомарова было время послѣ окончанія имъ университетскаго курса въ Харьковѣ въ 1837 году. До этого года жизнь Костомарова не представляла ничего особеннаго. Все въ ней было заурядно: и пребываніе въ домѣ родительскомъ среди помѣщичьей обстановки, создававшейся у насъ подчасъ, какъ это было въ семьѣ Костомаровыхъ, изъ смѣси всякой европей-

ской культурной завали XVIII вѣка и русскаго крѣпостничества, да и обученіе «чему нибудь» и «какъ-нибудь» сперва въ дворянскихъ пансіонахъ, потомъ въ гимназіи и университетѣ. Конечно личность Костомарова и тогда была отмѣчена особой печатью, такъ что еще въ пансіонахъ его величали enfant miraculeux, но все же его выдающіяся способности не прорывались тогда замѣтно и культивировались шаблонно. Повторяемъ поэтому, только послѣ окончанія университета и послѣ неудачной попытки служить въ военной службѣ начинается для Костомарова иная жизнь.

Идея возрожденія славянскихъ народностей, пробившаяся и въ русскій міръ съ австрійско-турецкаго славянскаго запада, получила въ то время въ Харьковѣ права гражданства среди немногихъ литераторовъ и ученыхъ, и Костомаровъ сталъ однимъ изъ усердныхъ ея адептовъ, а нѣсколько позднѣе съ неменьшею стремительностью усвоилъ онъ себѣ и менѣе реальную идею славянской взаимности, также носившуюся тогда въ воздухѣ и трактовавшуюся на разные лады людьми разныхъ лагерей. Подъ вліяніемъ этихъ идей — Костомаровъ тогда же занялся окружавшимъ его малорусскимъ міромъ и впервые созналъ свою принадлежность къ этому міру по рожденію (острогожскій уѣздъ воронежской губерніи), о чемъ не догадывался, благодаря воспитанію, раньше, живя въ помѣщичьей обстановкѣ, игнорировавшей крестьянскую культуру. Одновременно съ этимъ, подъ вліяніемъ европейски образованнаго профессора всеобщей исторіи въ харьковскомъ университетѣ, Лунина, Н. И. занялся серьезно исторіей и почувствовалъ ясное влеченіе къ этой наукѣ. Страницы автобіографіи, передающія о тогдашнемъ настроеніи будущаго историка, кажутся намъ преисполненными жизни и рельефно выражающими духъ той знаменательной для Костомарова поры.

«Осенью 1837 г. я отправился въ Харьковъ, читаемъ въ автобіографіи. Чувствуя, что въ моемъ образованіи многое было упущено и желая дополнить его, я принялся прилежно слушать лекціи Лунина. Исторія сдѣлалась для меня любимымъ до страсти предметомъ; я читалъ много всякаго рода историческихъ книгъ, вдумывался въ науку и пришелъ къ такому вопросу: отчего это во всѣхъ исторіяхъ толкуютъ о выдающихся государственныхъ дѣятеляхъ, иногда о законахъ и учрежденіяхъ, но какъ будто пренебрегаютъ жизнью народной массы? Бѣдный мужикъ, земледѣлецъ-труженикъ какъ будто

не существуетъ для исторіи; отчего исторія не говоритъ намъ ничего о его бытѣ, о его духовной жизни, о его чувствованіяхъ, способѣ его радостей и печалей? Скоро я пришелъ къ убѣжденію, что исторію нужно изучать не только по мертвымъ лѣтописямъ и запискамъ, а и въ живомъ народѣ. Не можетъ быть, чтобы вѣка прошедшей жизни не отпечатались въ жизни и воспоминаніяхъ потомковъ; нужно только приняться поискать—и вѣрно найдется многое, что до сихъ поръ упущено наукою. Но съ чего начать? Конечно, съ изученія своего русскаго народа; а такъ какъ я жилъ тогда въ Малороссіи, то и начать съ его малорусской вѣтви. Эта мысль обратила меня къ чтенію народныхъ памятниковъ. Первый разъ въ жизни добылъ я малорусскія пѣсни изданія Максимовича 1827 г., великорусскія пѣсни Сахарова и принялся читать ихъ. Меня поразила и увлекла неподдѣльная прелесть малорусской народной поэзіи; я никакъ не подозрѣвалъ, чтобы такое изящество, такая глубина и свѣжесть чувства были въ произведеніяхъ народа, столько близкаго ко мнѣ и о которомъ я, какъ увидѣлъ, ничего не зналъ. Малорусскія пѣсни до того охватили все мое чувство и воображеніе, что въ какой-нибудь мѣсяцъ я уже зналъ наизусть сборникъ Максимовича, потомъ принялся за другой сборникъ его же, познакомился съ историческими думами и еще болѣе пристрастился къ поэзіи этого народа» . . . . . «отъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ перешелъ я къ чтенію малорусскихъ сочиненій, которыхъ, какъ извѣстно, было въ то время очень мало До тѣхъ поръ я не читалъ ни одной малорусской книги, кромѣ Энеиды Котляревскаго, которую еще въ дѣтствѣ, при отцѣ, вздумалъ было читать, но, мало понимая, бросилъ ее. Теперь, вооружившись новыми взглядами, я досталъ повѣсти Квитки, изданныя въ то время подъ псевдонимомъ Грицька Основьяненко. Мое знаніе малорусскаго языка было до того слабо, что я не могъ понять «Солдатскаго портрета» и очень досадовалъ, что не было словаря; за неимѣніемъ послѣдняго служилъ мнѣ мой слуга, уроженецъ нашей слободы по имени Ѳома Голубченко, молодой парень лѣтъ шестнадцати. Кромѣ того, гдѣ только я встрѣчался съ коротко-знакомыми малороссами, то безъ церемоніи осаждалъ ихъ вопросами: что значитъ такое-то слово или такой то оборотъ рѣчи. Въ короткое время я перечиталъ все, что только было печатнаго по малорусски, но этого мнѣ казалось мало; я хотѣлъ поближе познакомиться съ самимъ народомъ не изъ книгъ, но изъ живой рѣчи, изъ живого

обращенія съ нимъ. Съ этою цѣлью я началъ дѣлать этнографическія экскурсіи изъ Харькова по сосѣднимъ селамъ, по шинкамъ, которые въ то время были настоящими народными клубами»... (стр. 28—29). Въ такомъ стремленіи изучить малорусскій народъ ревностно поддерживалъ Костомарова И. И. Срезневскій, бывшій въ то время адъюнктъ-профессоромъ по статистикѣ, но питавшій особенную любовь къ славянскимъ языкамъ и литературамъ, а въ томъ числѣ къ языку и литературѣ малороссовъ.

Подъ вліяніемъ овладѣвшихъ тогда Костомаровымъ идей была написана имъ магистерская диссертація «Объ уніи» и затѣмъ, по уничтоженіи ея, другая — «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». Безъ указанныхъ идей необъяснимо было бы и малорусское писательство Костомарова подъ псевдонимомъ Іереміи Галки, оставленное имъ впослѣдствіи. Наконецъ, все подъ вліяніемъ тѣхъ же идей, главный интересъ для Костомарова сосредоточивался потомъ на эпохѣ Богдана Хмельницкаго, ради изученія которой онъ долженъ былъ долго собирать источники первой руки. Учительство его сперва въ Ровно, потомъ въ Кіевѣ и профессорство въ Кіевѣ, а далѣе многіе годы въ Саратовѣ прошли въ занятіяхъ этой эпохой.

Къ сожалѣнію и на этотъ разъ въ автобіографіи почти ничего не говорится о послѣднемъ времени пребыванія Костомарова въ Кіевѣ.

Пропускъ объ отмѣченной важной порѣ въ жизни Костомарова до извѣстной степени восполняется очеркомъ жизни его въ ссылкѣ въ Саратовѣ. Широкую дорогу профессорской дѣятельности смѣнило поднадзорное житье на обыкновенный обывательскій ладъ. Для людей широкаго размаха съ незаурядными способностями такое состояніе было тяжело, хотя въ глазахъ нѣкоторыхъ и принесло пользу Костомарову, такъ какъ освободило его отъ мечтаній (Полевой. Историкъ-идеалистъ. «Историческій Вѣстникъ». 1891 г., кн. II). Для Костомарова, конечно, легче было выбиться изъ этого положенія, чѣмъ другимъ, но это не значитъ, что онъ не испыталъ всѣхъ тягостей ссылки. Благодаря своимъ талантамъ, онъ вскорѣ и въ Саратовѣ пригодился мѣстной администраціи для нѣкоторыхъ литературныхъ работъ. Сверхъ того, проникшись

симпатіей и къ великороссамъ, Костомаровъ занялся собираніемъ пѣсенъ саратовскаго края, а потомъ статистикой его и изслѣдованіемъ «внутренняго быта древней Россіи»; но больше всего вниманія въ это время удѣлилъ онъ работѣ надъ бунтомъ Стеньки Разина, работѣ, для которой Саратовъ, какъ одинъ изъ центровъ Поволжья, мѣста дѣйствія Разина, былъ вполнѣ удобенъ. Не исчезла въ это время и ранѣе проявленная Костомаровымъ привычка лично обозрѣвать тѣ историческія мѣстности, о которыхъ ему приходилось поминать въ своихъ работахъ, и онъ объѣздилъ южное Поволжье и Крымъ, какъ во время своего пребыванія въ Ровно и въ Кіевѣ, объѣздилъ тѣ мѣста юго-западнаго края, которыя чѣмъ нибудь были отмѣчены въ историческомъ отношеніи. Для историка-художника, какимъ былъ Костомаровъ, это было существенно важно и давало возможность провѣрки источниковъ письменныхъ.

Высочайшій манифестъ, послѣдовавшій послѣ коронаціи Императора Александра II, освободилъ Костомарова изъ подъ надзора, а еще раньше снято было съ него запрещеніе печатать свои труды. Оставалось до поры до времени въ силѣ только воспрещеніе служить Костомарову по ученой части, но въ 1859 г. и это ограниченіе пало. Петербургскій университетъ избралъ тогда Костомарова профессоромъ по каѳедрѣ русской исторіи, и вскорѣ онъ былъ утвержденъ въ этой должности.

Съ этого момента Костомаровъ съ новой силой воодушевился идеей, возбужденной въ немъ вопросомъ о славянской взаимности еще до Саратова, — а именно идеей автономности для различныхъ этнографическихъ группъ, приходящихъ между собой въ соприкосновеніе, другими словами—идеей федерализма, примѣненной къ русской древне-исторической почвѣ (стр. 113—114).

Вникая въ смыслъ всего писаннаго затѣмъ Костомаровымъ, нельзя не видѣть, что онъ никогда не забывалъ этого основнаго взгляда своего на развитіе древне-русской жизни. Но, конечно, наиболѣе ярко и широко его идеи сказались въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Основѣ» 1861 года—«О федеративномъ началѣ древней Руси», «Двѣ русскія народности», «Черты южно-русской исторіи». Статьи эти, по утвержденію Костомарова, были имъ составлены на основаніи того, что онъ читалъ раньше въ университетѣ, а послѣдняя

статья заключала въ себѣ сплошное историческое повѣствованіе событій удѣльно-вѣчеваго періода въ южной Руси до татаръ. Съ неменьшей яркостью тотъ же принципъ автономности и федерализма выступаетъ и въ сравнительно болѣе позднихъ работахъ историка— въ статьѣ «Начало единодержавія въ древней Руси», появившейся въ 1870 г. въ «Вѣстникѣ Европы», и затѣмъ въ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей».

Только широкими воззрѣніями Костомарова можетъ быть объясненъ огромный кругъ темъ, которыхъ онъ касался, работая и по исторіи Малороссіи, и по исторіи Московскаго государства, и по исторіи Польши. Но эти воззрѣнія, хотя и обосновванныя строгимъ документальнымъ изученіемъ прошлыхъ судебъ, были несочувственны многимъ и на Костомарова стали сыпаться укоры въ проведеніи въ современную жизнь идей, не соотвѣтствующихъ ея господствующему строю. Особеннымъ же нападкамъ въ эпоху польскаго возстанія 1863 г. подверглась статья «Двѣ русскія народности», которую «Русскій Вѣстникъ» обозвалъ даже «позорною» (стр. 121). Возбужденная такимъ образомъ реакціонной литературой подозрительность относительно Костомарова пошла даже такъ далеко, что выставленную имъ въ спорѣ съ Погодинымъ «о началѣ Руси» литовскую теорію о происхожденіи Руси подвергли въ литературѣ разсмотрѣнію чуть не съ точки зрѣнія политической благонадежности (стр. 121).

Отъ подобныхъ кривотолковъ, разъ они начались, ничто не спасало Костомарова. Какъ ни тщательно онъ работалъ надъ документами архивовъ и для своихъ непосредственныхъ изданій, и въ качествѣ члена археографической коммиссіи, противники его всегда находили его мнѣнія неосновательными, какъ напр. мнѣніе о Дмитріи Донскомъ и о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ Смутной эпохи. Нѣкоторые, какъ, напр., недавно г. Полевой (статья «Историкъ-идеалистъ» въ Историческій Вѣстникъ, кн. II), рѣшались и рѣшаются утверждать, что затраченнаго Костомаровымъ времени на ознакомленіе съ этой эпохой было недостаточно для того, чтобы составить о ней основательное сужденіе. Они между тѣмъ опускаютъ изъ виду и крайнюю интензивность труда Костомарова, и его изъ ряду вонъ выходящую способность быстраго схватыванія характерныхъ чертъ вѣка. Притомъ же отъ Костомарова, какъ

отъ историка-художника, едва ли всегда можно требовать полной безошибочности въ деталяхъ, особенно въ виду того, что брать ему для изслѣдованій приходилось не отдѣльныя событія, а цѣлыя эпохи.

Оставленіе Костомаровымъ университетской каѳедры въ 1862 г. не было, какъ извѣстно, прекращеніемъ его литературной и ученой дѣятельности. Не произошло отъ этого и измѣненій въ проводимыхъ имъ воззрѣніяхъ (стр. 153).

Предъ нами такимъ образомъ при чтеніи автобіографіи Костомарова проходитъ жизнь вполнѣ цѣльная, ненарушенная въ своемъ нормальномъ развитіи даже грубыми ударами судьбы, жизнь, отданная нелегкому служенію наукѣ и интересамъ родной страны и уже потому самому свободная отъ упрековъ въ эгоизмѣ.

Въ «Литературномъ наслѣдіи» находимъ мы и замѣчательную статью «Семейный быть въ произведеніяхъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества». Статья эта вмѣстѣ со статьею «Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» («Бесѣда» 1872 г.) и со статьею «Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» («Рус. Мысль» 1880 и 1883) составляетъ передѣлку магистерской диссертаціи покойнаго и представляетъ собою образецъ блестящаго изслѣдованія южно-русской народной поэзіи, причемъ выводы автора относительно народнаго міровоззрѣнія не идутъ далѣе предлагаемыхъ фактовъ и не переходятъ въ вѣроятныя гаданія. Названная работа можетъ также служить прекраснымъ доказательствомъ неизмѣнности вкусовъ и воззрѣній нашего историка-этнографа, вернувшагося подъ конецъ жизни къ переработкѣ сюжета, интересовавшаго его сорокъ лѣтъ назадъ.

Я. Ш.

Этнографическое Обозрѣніе. Изданіе этнографическаго отдѣла императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при московскомъ университетѣ подъ ред. секретаря отдѣла Н. А. Янчука. Москва. 1889—1890 г. кн. I—VII.

Живая Старина. Изд. при импер. русск. географическомъ обществѣ подъ ред. предсѣд. этнографич. отд. В. И. Ламанскаго. Спб. 1890. Выпускъ I-й.

Быстро возрастающій повсюду въ Россіи интересъ къ этнографическимъ занятіямъ привелъ, почти одновременно, два спеціальныхъ учрежденія—одно въ Петербургѣ, другое въ Москвѣ—къ сознанію необходимости періодическихъ изданій, посвященныхъ этнографіи. Обычныя рамки дѣятельности ученыхъ обществъ, даже столь дѣятельныхъ и богатыхъ денежными средствами, какъ географическое, не удовлетворяютъ болѣе назрѣвшимъ потребностямъ въ расширеніи и углубленіи этого рода изученій. И вотъ передъ нами сразу два новыя изданія. Оба изданія выходятъ по четыре книжки одинаковаго размѣра въ годъ, и подписная цѣна тому и другому почти одна и та же; оба привѣтствуютъ другъ друга и оба преслѣдуютъ, понятно, только однѣ научныя цѣли. Спрашивается, чѣмъ же обусловливается появленіе сразу двухъ этнографическихъ журналовъ и какія особенности отличаютъ тотъ и другой?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, выкажемъ сожалѣніе, что, живя въ провинціи, мы пользуемся въ настоящій моментъ только первымъ выпускомъ «Живой Старины», ибо 2-й выпускъ, разобранный уже въ нѣкоторыхъ столичныхъ изданіяхъ, и 3-й до насъ не дошли еще. Поэтому мы вынуждены ограничиться впечатлѣніемъ одной только первой книжки «Живой Старины», хотя, впрочемъ, она—то и представляетъ особый интересъ вводной статьей редактора, въ которой задачи этнографіи и самаго изданія выяснены съ совершенной ясностью и полнотой. Въ первой книгѣ «Этнографическаго Обозрѣнія» также находимъ руководящую статью Д. Н. Анучина «О задачахъ русской этнографіи». Въ этихъ-то статьяхъ и раскрывается различіе въ пониманіи обоими изданіями предмета и задачъ этнографическихъ изученій. Полемизируя съ г. Пыпинымъ

(статьи котораго о задачахъ этнографіи, напечатанныя въ «Вѣстникѣ Европы», памятны, конечно, читателямъ), Д. Н. Анучинъ выражаетъ неудовлетворенность тѣмъ предпочтеніемъ собиранію матеріаловъ, которое до сихъ поръ оказывается въ нашихъ этнографическихъ занятіяхъ; по его мнѣнію, матеріаловъ существуетъ уже очень много и одной изъ ближайшихъ задачъ русской этнографіи должно служить сведеніе ихъ воедино путемъ тщательныхъ монографическихъ работъ и потомъ пополненіе оставшихся пробѣловъ въ накопленіи матеріаловъ. Но этимъ, по мнѣнію проф. Анучина, не исчерпываются задачи этнографіи: «этнографія не можетъ быть наукой чисто описательной и ея конечныя задачи должны заключаться въ объясненіи и истолкованіи фактовъ народной жизни и взаимнаго отношенія и распредѣленія племенъ»; такимъ образомъ, онъ указываетъ особый кругъ работъ въ области этнографіи—аналитическихъ работъ по изученію всевозможныхъ сторонъ матеріальнаго и духовнаго міра, отмѣчаетъ далѣе особую категорію изслѣдованій по взаимнымъ отношеніямъ племенъ, ихъ смѣшенію, взаимодѣйствію и т. п., и наконецъ, ставитъ на видъ важность русскихъ этнографическихъ изслѣдованій для исторіи культуры вообще и исторіи первобытной культуры въ особенности; покончивъ собственно съ теоретической стороной дѣла, авторъ, въ заключеніе, упоминаетъ и о прикладномъ значеніи этнографіи въ вопросахъ организаціи и улучшенія народнаго быта. Итакъ, «Этнографическое Обозрѣніе» отдаетъ предпочтеніе фольклору и въ вышедшихъ семи книжкахъ заключаетъ нѣсколько замѣчательныхъ по эрудиціи статей В. Ѳ. Миллера, В. В. Каллаша и Н. Ѳ. Сумцова изъ области сравнительной этнографіи; фольклоръ прокрадывается и въ объясненіе фамильнаго преданія о Дан. Лавр. Ханенко, сбившемъ выстрѣломъ головной уборъ съ козачки, отвоевываетъ себѣ почетное мѣсто въ изслѣдованіи легендъ о Паліѣ и Мазепѣ, не говоря уже о былинныхъ сюжетахъ, раньше подвергавшихся изслѣдованію въ этомъ направленіи. Понятно отсюда, что «Этнографическое Обозрѣніе», преслѣдуя главную цѣль — изученіе народностей Россіи, изрѣдка даетъ мѣсто и статьямъ обще-этнографическимъ, даже переводнымъ, если онѣ имѣютъ руководящее значеніе. Понятно также то вниманіе, которое удѣлено здѣсь библіографіи; въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» читатель находитъ, кромѣ обстоятельныхъ разборовъ отдѣльныхъ изданій по своей спеціальности, и

тщательный обзоръ журналовъ, и обозрѣніе всевозможныхъ газетъ, и, наконецъ, спеціальные труды по библіографіи отдѣльныхъ областей Россіи; все, сколько нибудь важное и интересное въ любой провинціальной газеткѣ передается въ сокращеніи, такъ что каждое такое обозрѣніе представляетъ сводъ всѣхъ новѣйшихъ работъ по этнографіи Россіи. Сыраго матеріала относительно мало, а тотъ, который есть, служитъ дополненіемъ и разъясненіемъ статей, или, въ крайнемъ случаѣ, обставляется богатымъ литературнымъ аппаратомъ.

Обращаемся теперь къ «Живой Старинѣ». В. И. Ламанскій основной задачей этнографическаго изученія Россіи признаетъ коллективный систематическій трудъ, посвященный полному этнографическому описанію ея; въ немъ, въ этомъ трудѣ, «должны найти мѣсто антропологическія, археологическія и историко-этнологическія, лингвистическія, этнографическія изысканія, какъ о нѣкогда обитавшихъ, такъ и о всѣхъ нынѣ обитающихъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи народностяхъ, съ географическимъ описаніемъ ихъ областей, территорій, съ историческимъ обзоромъ ихъ новѣйшихъ судебъ, ихъ отношеній къ прочимъ инородцамъ и къ русскому племени, съ подробнымъ изложеніемъ и характеристикою ихъ внѣшнихъ и внутреннихъ свойствъ и особенностей..., съ приложеніемъ результатовъ антропологическихъ измѣреній, изображеній типовъ, костюмовъ, жилищъ, утвари и пр.». Проф. Ламанскій признаетъ законность сравнительно-этнографическихъ изученій, но, въ то же время не считаетъ ихъ собственно-этнографическими въ тѣсномъ смыслѣ слова и особенно предупреждаетъ отъ неосторожнаго пользованія сравнительнымъ методомъ провинціальныхъ дѣятелей, рекомендуя имъ безхитростное и лукаво не мудрствующее, по его выраженію, проникновеніе въ окружающую ихъ жизнь. На этихъ провинціальныхъ работникахъ покоятся особыя надежды и симпатіи автора. Возникновеніе провинціальныхъ ученыхъ обществъ, работы статистическихъ комитетовъ, появленіе провинціальныхъ, особенно уѣздныхъ, музеевъ признается имъ знаменіемъ времени, свѣтлымъ симптомомъ поворота на путь народнаго самосознанія, уваженія къ народному обычаю, къ свободѣ и разнообразію жизни.

Статей по общей этнографіи въ «Живой Старинѣ», разумѣется, нѣтъ вовсе; за то удѣлено довольно мѣста славяновѣдѣнію, конечно — въ интересахъ изученія русскаго народа; въ ней есть особый отдѣлъ: «изслѣдованія, наблюденія и разсужденія», но онъ не занимаетъ исключительнаго положенія, напротивъ, въ «Живой Старинѣ» отведено видное мѣсто сырымъ матеріаламъ, которымъ посвящена особая рубрика: «Памятники языка и народной словесности», кромѣ «Смѣси», состоящей изъ мелкихъ сообщеній также строго-фактическаго характера.

Охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ оба журнала, укажемъ теперь въ нихъ статьи, касающіяся южной Россіи. Начнемъ снова со старѣйшаго изъ нихъ, съ «Этнографическаго Обозрѣнія». Съ указанной стороны обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія статьи:

В. В. Каллаша, «Палій и Мазепа въ народной поэзіи» (кн. II). Въ приложеніи находимъ 13 легендъ о названныхъ лицахъ (4 записаны вновь) и черногорскую пѣсню о Петрѣ В. и Мазепѣ.

П. И. «Сила родительскаго проклятія по народнымъ разсказамъ купянск. у. харьк. губ.» (кн. III); содержитъ 11 разсказовъ.

М. К. Васильева, «Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ украинскаго народа» (кн. IV); матеріалы: I) Доля (5 разсказовъ), II) Бѣда (одноглазый великанъ), III) Мара, IV) Болѣзни, V) Недѣля и Пятница.

М. Запольскаго, «Чародѣйство въ сѣверо-западномъ краѣ» по даннымъ судебныхъ процессовъ XVII и начала XVIII в. (кн. V).

В. Б. Антоновича, «Заклинанія противъ чаръ» (кн. V), — двѣ формулы заклинаній списаны авторомъ съ документа XVII ст., происходящаго изъ Галиціи.

П. И., «Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ» (кн. V и VII) представляетъ много интереснаго фактическаго матеріала, въ видѣ легендъ, приводимыхъ частію цѣликомъ, частію въ сокращеніи, и повѣствующихъ о Понадилкѣ, о происхожденіи главенства мужа, о богачѣ и бѣднякѣ, о молитвѣ, объ Іисусѣ Христѣ и апостолѣ Петрѣ, о колосѣ, о Маркѣ богатомъ, объ апостолѣ Петрѣ, какъ повелителѣ волковъ, о цыганахъ и солдатахъ, о томъ, «чого на хахлу чортова голова» и «де взялись хахлы и москали?» Мѣсто записи — купянскій уѣздъ. Признавая, что въ созданіи легендъ большое участіе принимали книжные, въ частности апокрифическіе сюжеты и эпизоды, авторъ, однако, полагаетъ, что въ концѣ концовъ послѣдніе настолько подчинились мѣстнымъ вліяніямъ, что въ настоящее время могутъ

служить удобнымъ матеріаломъ для изученія народнаго міросозерцанія; поэтому онъ и располагаетъ ихъ по отдѣльнымъ рубрикамъ этическаго характера. Мы считаемъ это неосторожнымъ шагомъ: по нашему мнѣнію, раньше внимательнаго расчлененія легенды на элементы заносные и туземные нельзя дѣлать никакихъ надежныхъ заключеній въ такомъ родѣ.

М. М. Плохинскаго «Цыгане старой Малороссіи» (кн. VII)— интересная статья, написана по документамъ харьковскаго историческаго архива.

Е. Р. Романова «Очеркъ быта нищихъ могилевской губ. и ихъ условный языкъ (любѐцкій лѐментъ») (кн. VII) съ приложеніемъ словарика этого языка въ 1000 словъ.

В Н. Свѣтъ, «О черничкахъ, по наблюденіямъ въ с. Тарасовкѣ харьк. губ. купянск. у.» (кн. I).

Далѣе, укажемъ изслѣдованія, имѣющія опредѣленный характеръ фольклора, авторы которыхъ пользовались и малорусскимъ матеріаломъ:

В. Ѳ. Миллеръ, «Кавказскія сказанія о циклопахъ» (кн. IV).

Н. Ѳ. Сумцова, «Воронъ въ народной словесности» (ibid.).

Его же «Къ исторіи сказаній объ искусномъ стрѣлкѣ» (кн. V). Фамильное преданіе Ханенковъ даетъ поводъ автору къ сопоставленію преданій и разсказовъ на эту тему германскихъ, норвежскихъ, швейцарскихъ, финнскихъ, венгерскихъ, армянскихъ, румунскихъ, персидскихъ, болгарскихъ и сербскихъ, но, несмотря на широкую начитанность автора, происхожденіе малорусскаго сказанія ему выяснить не удалось.

Отмѣтимъ также мелкія замѣтки и статейки, относящіяся къ югу Россіи:

В. В. Каллаша: 1) О прозваніи Ильи Муромца, 2) Къ малорусскимъ легендамъ объ Ильѣ Муромцѣ, 3) Къ былинамъ о Соловьѣ Разбойникѣ, 4) Малорусскія пѣсни о Дунаѣ богатырѣ, 5) Тугаринъ, 6) О Журилѣ—Чурилѣ—Цюрилѣ, 7) Журъ, 8) Къ бѣлорусскому народному снотолкователю, 9) Превращенія въ растенія и животныхъ, 10) Сонъ-трава, 11) Полозы, 12) Укрощеніе змѣй, 13) Алеша Поповичъ, 14) Кожемяка—Янъ Усмошвецъ, 15) О хожденіи русскихъ богатырей въ Царьградъ, 16) Татуировка и окрашиваніе труповъ, 17) Чоботько или Чоботокъ (кн. III, IV и V).

Н. Ѳ. Сумцова, 1) Объ укрощеніи змѣй, 2) Сонъ-трава, 3) Розмай-зилье, 4) Жемчужная трава, 5) Васильки, 6) Обжинки, 7) Спа-

сова борода, 8) Символика краснаго цвѣта, 9) Татуированіе у католиковъ Босніи и Герцеговины (кн. I и V).

А. Соболевскаго, О происхожденіи былиннаго Ильи (кн. VI).

М. К. Васильева, Пѣсенные мотивы о превращеніяхъ (ibid).

Далѣе, мы находимъ извѣстія объ этнографическихъ музеяхъ, трудахъ ученыхъ обществъ, некрологи этнографовъ (между прочимъ обширную статью о Кольбергѣ). Въ библіографическомъ отдѣлѣ напечатаны отзывы о слѣдующихъ отдѣльныхъ изданіяхъ: «Бѣлоруссія и Литва» изд. П. Н. Батюшкова, Чтенія историческаго общества Нестора лѣтописца, Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества т. II, Сборникъ херсонск. земства (послѣдній надлежало бы отнести въ отдѣлъ періодическихъ изданій), «Матеріалы» Шеина, хронологическая классификація могилъ южной Россіи Самоквасова.

Переходимъ къ «Живой Старинѣ». Въ I выпускѣ ея находимъ начало сравнительнаго изслѣдованія *И. Н. Жданова* «Пѣсни о князѣ Михаилѣ», въ ученый аппаратъ котораго, на ряду съ словенскими, моравскими, сербскими и французскими, вошли и малорусскія пѣсни; статью крестьянина-этнографа кіевской губ. *И. Савченкова* «Старое и новое», трактующую о крестьянскомъ малорусскомъ костюмѣ; 8 пѣсенъ, записанныхъ въ с. Молодовѣ гродненск. губ. кобринск. у. г-жею *Сакович*ъ; *Е. Р. Романова* «Катрушницкій лѣмезенъ»—условный языкъ шерстобитовъ м. Дрибина чаусскаго у. могилевск. г., языкъ, въ которомъ попадаются слова древне-русскія, литовскія, нѣмецкія, татарскія, еврейскія и даже греческія и латинскія; въ приложеніи къ статьѣ—словарикъ, заключающій 372 слова;—некрологи Кольберга и Микуцкаго; отзывы о книгахъ: Чтенія въ обществѣ Нестора лѣтописца, «Матеріалы» Шеина, Двинскіе или Борисовы камни А. Сапунова, Обзоръ фонетич. особ. малорусск. рѣчи В. Науменка, Пѣсни о князѣ Романѣ И. Н. Жданова, Wisła.

Заканчивая этимъ характеристику двухъ этнографическихъ изданій, пожелаемъ успѣха имъ обоимъ. Правда, въ пониманіи предмета и задачъ этнографическихъ занятій, мы склоняемся къ гг. Пыпину и Ламанскому, но полагаемъ, что и фольклоръ можетъ и долженъ принести большую пользу, особенно, когда сравнительный методъ находится въ рукахъ лицъ съ такой неоспоримой эрудиціей, какъ руководители «Этнографическаго Обозрѣнія».

В. Я.

Gustave Schlumberger. Un Empereur bizantin au dixieme siècle, Nicéphore Phocas. Paris, chez Firmin-Didot, 1890.

Говоря объ отношеніяхъ между Болгаріей и Византіей въ царствованіе императора Никифора Фоки, г. Шлюмберже, французскій академикъ, давно уже извѣстный своими многочисленными изслѣдованіями въ области исторіи и нумизматики, не могъ разумѣется пройти молчаніемъ и тѣхъ отношеній, которыя возникли въ то время между Болгаріей и Русью. Сдѣлавши краткій очеркъ положенія дѣлъ въ Болгаріи въ X вѣкѣ и изложивши свой взглядъ на то положеніе, которое долженъ былъ занять воинственный и славолюбивый императоръ по отношенію къ ослабѣвшей уже, раздираемой внутренними несогласіями и управлявшейся въ то время слабымъ царемъ Петромъ—Болгаріи, авторъ приходитъ къ заключенію, что окончательное завоеваніе этой страны не могло не быть государственной необходимостью для Византіи и затѣмъ приступаетъ къ изслѣдованію тѣхъ мотивовъ, которые заставили Никифора обратиться за содѣйствіемъ къ Руси. «Были ли его войска недостаточно подготовлены, говоритъ онъ, желалъ ли онъ щадить кровь «воиновъ Христа», во всякомъ случаѣ Никифоръ рѣшился выполнить свой планъ относительно Болгаріи при помощи чужихъ рукъ. Его дипломатическій геній, тонкій и гибкій, скрывавшійся всегда въ глубинѣ души каждаго изъ государственныхъ людей Византіи, внушилъ ему проектъ диверсіи безконечно гибельной для его противника. Онъ рѣшился нанести ударъ Болгаріи съ сѣвера, руками сосѣднихъ ей съ этой стороны варваровъ и достигнуть такимъ образомъ своей цѣли—окончательнаго уничтоженія Болгаріи—не потерявши ни одного изъ своихъ воиновъ».

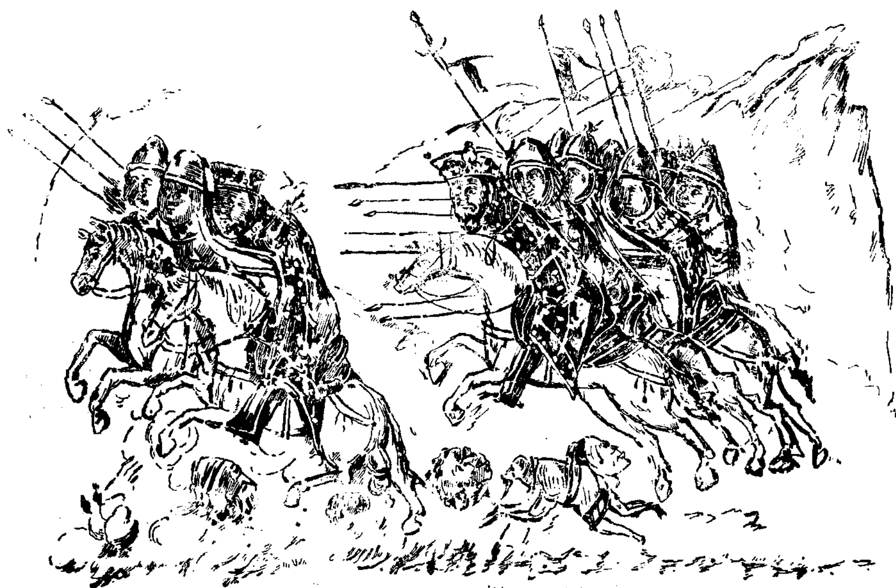
«Дунайская граница Болгаріи, говоритъ г. Шлюмберже далѣе, была очень плохо защищена. Войска царя Петра не были достаточно сильны, чтобы оказать серьезное сопротивленіе многочисленной арміи враговъ, которая бы съумѣла перейти при благопріятныхъ условіяхъ великую рѣку. Надо было найти эту армію и заставить ее двинуться въ желаемомъ направленіи. Никифоръ не счелъ возможнымъ возложить эту важную миссію на мадьяръ, утомленныхъ уже въ то время воиною съ Оттономъ I. Точно также оставилъ онъ въ сторонѣ и печенѣговъ, которыхъ совѣтовалъ направить на Болгарію еще Константинъ Багрянородный въ виду ихъ значительной отдаленности

отъ Византіи [1]), не разсчитывая на продолжительность ихъ содѣйствія. О хозарахъ нельзя было и думать, такъ какъ имъ для этого надо было пройти сквозь страну печенѣговъ. Оставалось обратиться къ идолопоклонникамъ—россамъ—народу воинственному и побѣдоносному по преимуществу, во главѣ котораго стоялъ молодой и смѣлый князь, славолюбивый и постоянно жаждавшій войны. Базилевсъ навѣрно разсчитывалъ, что Болгарія не въ состояніи будетъ сопротивляться такому врагу, съ другой же стороны онъ думалъ, что россы не представятъ никакой серьезной опасности для Византіи, имѣя своимъ центромъ далекій Кіевъ. На этотъ разъ осторожный обыкновенно государственный человѣкъ сдѣлалъ очень важную ошибку: направивши необдуманно русскихъ на Дунай, чтобы раздавить царство Симеона, Никифоръ приготовилъ, не подозрѣвая этого, своему преемнику одну изъ самыхъ ужасныхъ бурь, какимъ когда бы то ни было подвергалась Византія». Далѣе г. Шлюмберже разсказываетъ исторію миссіи Колосира, уроженца Херсонеса и сына начальника управлявшаго этой греческой колоніей. Этотъ полу-скифъ, полу-грекъ, какъ характеризуетъ его авторъ, съ дѣтства обучившійся во дворцѣ своего отца коварной и сложной политикѣ византійцевъ на берегахъ Днѣпра и Дона и изучившій внимательно знаменитыя инструкціи импер. Константина, написанныя для руководства базиликовъ, посылавшихся въ страны хозаръ, печенѣговъ и россовъ, сейчасъ же сообразилъ какую выгоду онъ можетъ извлечь изъ своей миссіи для своихъ личныхъ разсчетовъ. Онъ отправился въ Кіевъ съ многочисленной свитой, состоявшей изъ воиновъ, священниковъ, монаховъ и писцовъ, и большимъ количествомъ золота (ему отпущено 1500 литръ—около 100 тысячъ номизматовъ), показывающимъ какую важность придавалъ Никифоръ успѣху этой миссіи. Первая остановка Колосира по пути была на томъ плоскомъ островѣ св. Георгія, гдѣ русскіе мореходы рѣзали куръ въ честь мѣстнаго божества и клали свои приношенія у подножія громаднаго дуба; затѣмъ посольство миновало пороги, на характерныя названія которыхъ (Ne dors pas, Sa sonnate, L'Insatiable, Des tourbillins, Aux flots boullonantes и проч.) нашъ французскій авторъ обращаетъ особенное вниманіе, проѣхало степи, не

---

[1]) Здѣсь авторъ ссылается на книгу профес. Дринова (Южные славяне и Византія въ X в. М. 1876), которою, какъ и прочими русскими источниками, онъ пользовался при помощи одного изъ нашихъ соотечественниковъ, живущихъ въ Парижѣ, о чемъ и упоминается въ предисловіи.

безъ того чтобы не подѣлиться частью своей казны съ печенѣгами и наконецъ въѣхало черезъ хозарское предмѣстье «въ дикую еще тогда столицу Руси, въ которой однимъ вѣкомъ позже Титмаръ насчитывалъ уже больше 400 церквей».



Успѣху миссіи Колосира, по мнѣнію г. Шлюмберже, много содѣйствовало и то, что кромѣ привезеннаго золота самолюбивый и своекорыстный херсонесецъ не посовѣстился измѣнить своему повелителю и уговаривалъ Святослава идти на Болгарію, указавъ ему на

возможность воспользоваться этимъ и для нападенія на самую Византію и далъ ему для этого нѣкоторыя свѣдѣнія. Далѣе г. Шлюмберже дѣлаетъ большія выписки изъ начальной лѣтописи (по франц. переводу г. Louis Léger), дополняетъ сдѣланныя еще раньше по той же лѣтописи характеристики Святослава и Ольги и переходитъ, наконецъ, къ описанію самого похода. Относительно него онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что русскіе воины отправились въ ладьяхъ, не взявши съ собой лошадей и добыли ихъ себѣ уже высадившись въ Болгаріи, гдѣ сражались часто на коняхъ, какъ это видно на приложенныхъ къ книгѣ рисункахъ, снятыхъ съ знаменитыхъ миніатюръ ватиканской рукописи хроники Манассіи.

Оставляя затѣмъ дальнѣйшее описаніе похода, сдѣланное на основаніи византійскихъ источниковъ, нашей начальной лѣтописи, а также сочиненій Черткова и проф. Дринова, мы должны обратить вниманіе читателей на только что упомянутые приложенные къ книгѣ г. Шлюмберже рисунки, два изъ которыхъ, благодаря любезности автора и вниманію издателя, мы имѣемъ возможность воспроизвесть у себя. Рисунки эти, какъ мы сказали, сдѣланы съ миніатюръ, украшающихъ рукопись перевода стихотворной хроники Манассіи, хранящуюся въ славянскомъ отдѣлѣ Ватиканской библіотеки подъ № 2. Переводъ этой хроники былъ сдѣланъ—еще въ XII в., но сама рукопись относится къ XIV в.; она была описана, между прочимъ, въ статьѣ о славянскихъ рукописяхъ Ватиканск. библіотеки, помѣщенной въ журналѣ Мин. нар. просвѣщ. т. XXII, 2. 1839 и затѣмъ въ Описаніи рукописей Румянцевскаго музея въ Москвѣ. Второе описаніе сдѣлано по копіи Ватик. рукописи исполненной Штрандмономъ и находящейся въ Румянц. музеѣ подъ № 269. На одномъ изъ этихъ рисунковъ одѣтые въ панцыри и вооруженные копьями, щитами и мечами русскіе всадники устремляются на болгаръ, которые бѣгутъ въ страхѣ. Болгары вооружены луками и стрѣлами. Одинъ изъ нихъ, посреди кучи труповъ и отрубленныхъ головъ, старается прикрыться своимъ лукомъ. На другомъ можно видѣть тѣхъ же одѣтыхъ въ панцыри воиновъ, угоняющихъ стада быковъ и овецъ. Замѣчательно хорошо исполнена также приложенная къ книгѣ г. Шлюмберже артистическая хромолитографія, изображающая цѣлое кавалерійское сраженіе между россами и болгарами. Кромѣ того, въ книгѣ г. Шлюмберже находится еще много другихъ рисунковъ, относящихся къ исторіи южной Руси, какъ напр., виды Кіева, гробницы Ярослава, изображенія русскихъ воиновъ и ладьи изъ житія св. Бориса и Глѣба,

а также весьма интересны портреты болгарскихъ царей, снятые съ оргиналовъ принадлежащихъ лорду Zouche. Вообще, благодаря автору и издателю его сочиненія г. Firmin-Didot, не щадившимъ издержекъ, книга эта издана съ роскошью не совсѣмъ обыкновенной даже для французскихъ ученыхъ изданій. В.

Извѣстія таврической ученой архивной коммиссіи. № 11. Годъ пятый. Симферополь 1891 года.

Нашъ журналъ не разъ уже имѣлъ случай выразить сочувствіе къ дѣятельности вообще всѣхъ архивныхъ коммиссій, занявшихся собираніемъ письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ мѣстной старины, и въ частности къ дѣятельности таврической коммиссіи, обнаруживающей большую энергію сравнительно съ другими. Предъ нами уже 11-я книжка «Извѣстій» этой коммиссіи; подобно предъидущимъ, она полна самыхъ интересныхъ статей и матеріаловъ.

Наибольшую важность представляютъ сообщенные г. Ѳ. Лашковымъ «Памятники дипломатическихъ сношеній крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ въ XVI и XVII вв., хранящіеся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ». Въ настоящемъ выпускѣ «Извѣстій», напечатано 12 «шертныхъ» грамотъ (договоровъ о мирѣ) крымскихъ хановъ Богатырь-Гирея, Исламъ-Гирея и Магметъ-Гирея съ московскими государями Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и Алексѣемъ Михайловичемъ за время 1641 по 1656 годъ. Такимъ образомъ грамоты относятся къ важнѣйшему въ южнорусской исторіи періоду—къ періоду войнъ Хмельницкаго, въ которыхъ принимали участіе и татары; тѣмъ не менѣе въ грамотахъ ничего не говорится объ этихъ событіяхъ и, какъ историческій матеріалъ, онѣ мало содержательны; предметомъ договора всегда являются набѣги татаръ и казна (поминки и дары) хану, царямъ и царевичамъ. Казны этой татары требуютъ все большей, «безъ убавки»; однажды казна была прислана съ убавкой и царскимъ посланникамъ «учинилась за то многая тѣснота и безчестье» ханы домогаются этихъ даровъ настойчиво за каждый годъ для себя и для своихъ приближенныхъ, обязываясь лишь на русскіе «украинные городы и уѣзды, по селамъ и по деревнямъ в'весну и в'лѣто и в'осень и во всякое время войною не приходить и царскаго величества городскихъ и уѣздныхъ людей не воевать и по дорогамъ станичниковъ и

проѣзжихъ людей в' полонъ не имать и не грабить и в' Крымъ и в' Азовъ не водить и украиннымъ городамъ и московскому государству лиха и дурна никакова не хотѣть». Къ эпохѣ войнъ Хмельницкаго относятся за 1648 годъ двѣ грамоты, одна за 1654 и одна за 1656 годъ. Въ 1648 году, когда московскій государь держался въ сторонѣ отъ событій въ южной Россіи, упоминаній объ этихъ послѣднихъ, конечно, и не могло быть; но къ удивленію нѣтъ на нихъ ни малѣйшаго намека и въ грамотѣ 1654 года, когда состоялось уже возсоединеніе Малороссіи: повторяются прежнія требованія «большой казны» и обѣщаніе не ходить войной на украинные городы; въ грамотѣ же 1656 г. прибавлено только: «на запорожскихъ черкасъ войною самимъ не ходить» и далѣе: «никакихъ татаръ не посылать царскаго величества к'недругамъ к'полскому Яну-Казимеру королю, и к'венгерскому, и к'волосскому, и к'мутьянскому на помочь крымскихъ и нагайскихъ, и азовскихъ татаръ и никакихъ воинскихъ людей не посылать же». Изданныя г. Лашковымъ «шертныя грамоты» не совсѣмъ удобны для пользованія вслѣдствіе отсутствія при нихъ краткой описи, которая бы знакомила читателя съ содержаніемъ грамоты и не возможны для провѣрки, потому что, ни подъ одной грамотой не сообщается изъ какой связки и изъ какой группы дѣлъ архива она заимствована. Это такое важное неудобство, что даже исправленіе его въ концѣ сборника мало облегчаетъ быстрое ознакомленіе съ грамотой.

Вторая группа матеріаловъ настоящаго выпуска *«Ордера кн. Потемкина правителю таврической области»*,—сообщенная г. *Г. Кирѣенко* имѣетъ тѣже недостатки, какъ и «Памятники дипломатическихъ сношеній» т. е отсутствіе заголовковъ и указаній, откуда документы заимствованы. Эта группа матеріаловъ имѣетъ и еще одно серьезное неудобство—отсутствіе всякой системы; если шертныя грамоты можно издавать, руководствуясь одной хронологической системой, въ виду ихъ важности, однообразія, и отношенія къ одному государству, то этого нельзя допускать при изданіи «ордеровъ», касающихся всѣхъ сторонъ жизни края и потому весьма разнообразныхъ по содержанію. Какой, напр., резонъ помѣщать рядомъ разрѣшеніе Потемкинымъ директору ботаническаго сада Гендерсону и манзелѣ Кертландъ пріѣхать «въ Елисаветъ» (градъ, разумѣется), его же, Потемкина, распоряженіе о высылкѣ въ Кременчугъ всѣхъ муллъ, возбуждавшихъ населеніе противъ Россіи во время войны ея съ Турціей и учредившихъ постъ, молитвы и жертвоприношенія ради успѣховъ турецкаго меча, а рядомъ ордеръ о

высылкѣ ему, Потемкину, уздечекъ и сыромятныхъ ремней? При расположеніи по содержанію получили большее значеніе и такіе ордеры, которые теперь кажутся малозначущими. Напечатанные въ настоящемъ выпускѣ ордеры обнимаютъ время со 2-го марта по 19-е мая 1788 г. «Матеріалы архива канцеляріи таврическаго губернатора, относящіеся къ путешествію императрицы Екатерины II въ Крымъ въ 1787 году» есть собственно не сырые, а прекрасно, по своей точности и обстоятельности обработанные въ видѣ статьи г. Арсеніемъ Маркевичемъ матеріалы. Авторомъ живо представлена картина всѣхъ приготовленій къ пріѣзду и встрѣчѣ государыни; постройки дворцовъ и улицъ, бѣленіе и чистка городовъ, устройство и обсадка деревьями дорогъ, сооруженіе мостовъ на рѣкахъ и соляныхъ складовъ у озеръ, устройство тріумфальныхъ воротъ и наряды людей и лошадей, убранство художниками новыхъ дворцовъ, приготовленіе фейерверковъ и мундировъ для тѣхъ чиновъ, которые должны были отдавать поклонъ и проч.,—все это показываетъ ту массу труда и денежныхъ средствъ, которая потребовалась для достойной встрѣчи государыни. Для большей наглядноси авторъ сообщаетъ въ приложеніи «опись карасубазарскаго дворца, составленную 15 апрѣля 1788 года.

Въ небольшой, но серьезной, строго научной замѣткѣ объ *«Эрѣ г. Херсониса Таврическаго»* г. Полидоръ Вакье думаетъ, что таковую слѣдуетъ считать отъ 29 года до Рожд. Хр.

Г. А. Стивенъ, описывая подробно «раскопку кургана близь Симферополя лѣтомъ 1890 года» и перечисляя всѣ добытые при этомъ предметы, воздерживается отъ научной оцѣнки ихъ, и совѣтуетъ искать ее въ отчетахъ Императорской археологической коммиссіи. Повторить эту оцѣнку, съ необходимыми оговорками пожалуй, было бы весьма кстати и въ «Извѣстіяхъ».

Книжка заканчивается «протоколами засѣданій таврической ученой архивной коммиссіи», изъ которыхъ мы видимъ, что въ осеннемъ полугодіи (съ сентября) прошлаго года коммиссія имѣла три засѣданія, въ которыхъ обсуждались текущія дѣла и читались членами сообщенія, вошедшія въ настоящій II-й выпускъ. Изъ этихъ же протоколовъ мы узнаетъ, что члены коммиссіи дѣятельно занимаются разборомъ старыхъ дѣлъ мѣстныхъ архивовъ; но должны замѣтить, что какъ въ описяхъ печатавшихся въ предыдущихъ номерахъ «Извѣстій», такъ и въ указаніи г. предсѣдателя коммиссіи объ имѣющемъ начаться просмотрѣ дѣлъ таврическаго губернскаго правленія, мы не видимъ, чтобы при раз-

борѣ этомъ гг. члены руководились какой-либо системой, оставляя то или другое дѣло. А между тѣмъ программа выбора дѣлъ для вѣчнаго храненія должна быть строго выработана; архивныя коммиссіи должны сохранить такой матеріалъ, который давалъ бы возможность изученія края во всѣхъ проявленіяхъ его жизни; критеріемъ должны служить и роль учрежденія, архивъ котораго разбирается, и особенности мѣстной жизни. Если такой программы не существуетъ, то всѣ архивныя коммиссіи, пріостановясь съ разрѣшеніемъ уничтожить старыя дѣла, должны выработать ее и, собравшись на ближайшемъ археологическомъ съѣздѣ, обсудить сообща и принять въ общее руководство. Мы не раздѣляемъ мнѣнія коммиссіи относительно способа составленія описей, принятаго коммиссіей въ своихъ прежнихъ выпускахъ, и думаемъ, что дѣла, расположенныя сначала по содержанію, а потомъ географически и хронологически, не имѣютъ въ силу уже такого распредѣленія надобности въ отдѣльныхъ описяхъ, а для нихъ вполнѣ достаточно лишь общихъ обозрѣній.

И. Каманинъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы № 4. — Русская Мысль № 4. —Сѣверный Вѣстникъ № 4. — Русскій Вѣстникъ № 4.—Наблюдатель № 4.—Русское Обозрѣніе № 4.—Русская Старина №№ 3—4.—Русскій Архивъ №№ 3—4.—Историческій Вѣстникъ №№ 3—4.

Вѣстникъ Европы IV. 1891 г. А. В—нъ «Люди сороковыхъ годовъ» — разборъ «воспоминаній» Фета, гдѣ встрѣчается указаніе на близкое знакомство Тургенева съ Шевченкомъ, по поводу котораго авторъ (Фетъ) выражаетъ свое крайнее удивленіе (стр. 690).

Русская Мысль IV. 1891 г. Вс. Миллера «Экскурсы въ область русскаго эпоса (продолженіе). Черты сходства иранскаго и южно-русскаго эпоса въ ихъ богатыряхъ Рустемѣ и Ильѣ-Муромцѣ» (стр. 67—96).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ—разборъ журнала: «Кіевская Старина» за время съ іюня 1890 по мартъ 1891 г. съ указаніемъ на статьи гг. Теличенко, Шульгина, И. Житецкаго, Рыльскаго и др. (стр. 203—206).

Русская Старина IV. 1891 г. Н. М. Колмакова. Очерки и воспоминанія. Воспоминанія, относящіяся ко времени дѣтства и ранняго воспитанія автора

(первая четверть XIX вѣка), прошедшія въ предѣлахъ Малороссіи (стр. 23—43).

Дневникъ академика А. В. Никитенка. Подъ 16-го февраля 1814 года отмѣченъ любительскій спектакль, на которомъ мѣстными малороссами съ успѣхомъ были сыграны двѣ пьесы Основьяненко: «Щыра любовъ» и «Сватанье на Гончаривци» (стр. 151).

Дозволено ценз. Кіевъ, 16-го мая 1891 г.

ній, о учиненю сатисфинцѣи зъ человѣка лохвицкого, завювшого коня его, якій листъ послалемъ туда жъ въ Лохвицю, до п. Василя. Тогда жъ, злецивши правленіе п. Савѣцкому, писареви полковому, поехалемъ въ Андрѣевку, зъ братомъ п. Андрѣемъ, куди пизно уже самъ я приехалемъ, для того же блудили по степу.

17. Неделя. Въ Андрѣевцѣ всенощное и кресту въ неделю крестопоклонную церемонѣю отправляно. Туда жъ отъ сенецкого сотника приѣхалъ козакъ зъ писмомъ, же Петровскій не хочетъ жадною мѣрою въ войско до канала ити, до которого отписалемъ, жебы онъ теперъ виходилъ наказнимъ на время, для порядку, а цѣлимъ наказнимъ лохвицкій албо чорнусскій п.п. сотники имѣютъ бути, а онъ повернется. Ездилисмо зъ братомъ п. Андрѣемъ въ поле, гдѣ зайцовъ нѣсколко гонили, а одного толко затравили. Тогда жъ у вечеру пріѣхали въ Андрѣевку, до родителки, глинскіе—п. суддѣная бувшая, зъ сотниковою глинскою[1]), п. Заруднимъ, п. Зарудною и п. Василь, сотниченко, зъ узваромъ отъ дочки своей новорожденной. Тогда жъ принесени зъ Глухова писма одъ панеи тещи и другихъ, въ которихъ было написанно, что покойного п. Войцеховича тѣло припроважено зъ Москви въ Березу село, близъ Глухова стоячое, куда панъ тесть зъ енералними персонами, пп. писаремъ и бунчучнимъ, ездилъ и, тамъ панихиду совершивши, отпустилъ оное въ Седневъ, до дому небожчиковского. Тамъ же вираження дивная, якоби смерть его, же зъ великою рефлексіею и при зрѣніи лица. Богоматерного, такожъ и радости вѣчной и мукъ геенскихъ, окончилъ жизнь свою, передомъ жекгнателніе до своихъ пописавши листи и своему имѣнію порадокъ учинивши. Того жъ вечора, п. Заруднѣй, зъ намы въ компанѣи бувшій, отъ люлки п. Андрѣемъ тягненной, а зъ порохомъ наложенной, случаемъ зовсѣмъ брови, вѣки и часть усовъ спалилъ.

18. Рано, пожекгнавши родителку, первей отправилемъ листъ до сотника лубенского, писавшого о томъ, что, по опредѣленію моемъ, не можна такое число винайти товариства ку виправѣ до канала, зъ

[1]) Жуковскіе.

таковимъ предложеннемъ, жебы конечне старался тую квоту виелать. А потомъ виѣхалемъ въ Кривую Руду, на Токарѣ, где зачулемъ о винайденню грошей п. Павловой, украденнихъ будто Іваномъ токаровскимъ; а оттоль на Пѣски Великіе, а съ Пѣсокъ—шляхомъ гадяцкимъ на шляхъ Ромодановскій, у футора п. полковника гадяцкого, на рѣчцѣ Бодаквѣ стоячомъ, зъехалемъ, въ якомъ футорѣ и полудновалемъ; а проехавши миль зо 3, ночовалемъ въ полѣ противъ Снѣтина, у футора п. Якова Новѣцкого, тамъ же близъ того шляху обрѣтаючогося. Того жъ дня градъ зъ снѣгомъ и вѣтромъ холоднимъ вирывался.

19. Отъ того мѣстца проехавши миль зо 4, обѣдалемъ на степу, у футорѣ нѣякогось Демченка, козака хоролского, полку миргородского; а оттоль поѣхавши шляхомъ же Ромодановского мил. зо три, зехалемъ потимъ на степъ криворудскій на низъ и на дорогу лубенскую; да приехалемъ еще заранни въ футоръ родителскій на Жостеръ, до Строкачовъ. Туды жъ потимъ и п. Леонтій, економъ, зъ господаремъ Андрѣйцемъ, Ігнатомъ род. и Алексѣйцемъ моимъ слугами, приехали зъ футора моего Криворудского, где до стада моего дрикганта темногнѣдого род.(ителского) опредѣлили.

20. Рано оставивши въ Строкачахъ Леонтія, поехалемъ въ Криворудскій футоръ родителскій и тамъ своихъ трехъ дрикгантовъ осмотрѣлемъ и видѣлемъ кози окочуючіеся; а оттуду на обѣдъ приехалемъ въ мой Криворудскій же футоръ, куда потомъ и п. атаманъ лукомскій Гордѣевичъ приехалъ, где велми малій порадокъ, за недбалствомъ старости, увидѣлемъ. Потомъ, по отездѣ лукомского атамана, приехалъ горошинскій атаманъ Омелянъ, риби и пива привозилъ, и немного бавившись, знову отехалъ. Въ Чигиринъ Дуброву писалемъ до п. Занковского, о присланню сюда риби хорошой.—Ревидовалемъ статокъ згодившійся тутъ, корови дойніе зъ телятами, тѣлніе и яловіе; а такъ дойнихъ коровъ показалось 36, тѣлнихъ 13, яловихъ 18, назимковъ, бичковъ и телицъ 54, овецъ, затимъ же котніе, нелзя било перепускать. У вечору на листъ старости буромского, о вигонѣ всѣхъ людей буромскихъ до Горошина на робленне валу писанній, отписалемъ. Такожъ и до Занковского о томъ, чтобъ

въ Горошинъ зъехавши, учинилъ розискъ о супплѣкантови, жителеви горошинскому жъ, и мене по тому увѣдомилъ. До стар.(осты) буромского жъ писалемъ о присланню двохъ возъ въ футоръ мой воловихъ.

21. Передъ виездомъ моимъ зъ футора Криворудского, дворника за небрежене велѣлемъ скарати, тако жъ и овчара вибити за дѣло, якого не велѣлемъ збырать (?) до святъ. Молодика Алексѣйца оставилемъ въ Кривой Рудѣ, для отлученния на кущѣ (на косяки) кобилъ, а самъ поехалемъ рано на перевозъ висше у милю отъ Горошина, где атаманови приехавшому горошинскому говорилемъ, чтобъ паръ 5 огаровъ (гончихъ собакъ) постарался достать; а до перевозу зъ футора дорожкою поузъ Стовповаху могилу (?), якая была въ лѣвой руцѣ, болшъ одъ милѣ, оттуду миля до Оржицѣ, где обѣдалемъ. Тамъ же, бившій атаманъ лукомлскій, бувши у мене, просилъ позволення, жебы дерево готовое лежачое, обернути до церкви на опасанне въ томъ селѣ, где онъ живетъ, чому соизволилемъ. Тамъ же, на прошеніе попа оржицкого Антонія, писалемъ до лукомлского атамана, чтобъ его, попа, росправилъ зъ соперники его. Оттуду поехалъ до Юсковецъ мил. 4 вел (?), а оттоль заразъ до Пулинецъ и тамъ, взявши въ проводники атамана тамошнего, за неисправность и противность его, пріехалемъ ноччю уже въ Воробѣ, куда зъ Юсковецъ, чили Пулинецъ, миль добрихъ 3 есть.

22. Виехалемъ оттуду рано и пріехалемъ въ Сухоносовку, въ милю легкую отъ Воробіовъ отстоящую, где бувъ отецъ намѣстникъ Красногорскій нинѣшній у мене [1]), зъ отданнемъ визити и просилъ о уволненню отъ походу настоящого ладожского монастирскихъ бояръ, козаковъ, въ чомъ я на отвѣтъ родителскій зсилался, зъ моимъ отреченіемъ. Тамъ же у козака сухоносовского Яковенка купилемъ мѣстце себѣ на дворъ, цѣною у 100 зол., якое недалече отъ церкви понадъ ровомъ, где криниця течетъ, стоитъ и задатку 20 зол. того жъ часу старостѣ казалемъ дати, якіе колоти (?) первей лѣчили, а потимъ самъ Яковенко взялъ. Тамъ же старосту за нед-

---

[1]) Намѣстникъ Красногорскаго монастыря, находившагося около м. Чернухъ.

балство около футора, наказовалемъ словесно и приказалемъ, жебы заразъ ехалъ въ футори зъ Алексѣйцемъ, стадо все переревѣдовать и разлучить на кущи, и весь порадокъ тамъ устроилъ за преслушаніемъ, подъ опасеніемъ 100 ударовъ кіевихъ. Тамъ же врученни мнѣ листи, отъ ихъ милостей пановъ правителей зъ Глухова отпущенніе, подъ еднимъ блянкетомъ, въ которомъ листовъ два: о висилцѣ скорой козаковъ до Ладокги писанныхъ заключено, зъ котрихъ въ едномъ и тое упомянуто, что за нескорую висилку намѣреніе есть правителское, куда надлежитъ мене въ отвѣтъ представити. Да въ томъ же пакетѣ и унѣверсалъ приложенъ, въ якомъ приказуютъ правителѣ ослушнихъ до помянутого походу въ колодки забивать и отсилать въ Глуховъ, для наказанія. Оттуду поехавши, приехалемъ въ Лохвицю передъ заходомъ слонца и сталемъ въ дворѣ п. тіотки Павловой, где поданъ мнѣ пакетъ, отъ п. писара полкового Савѣцкого отправленній, въ которомъ листъ правителскій и унѣверсалъ приложенни были. Въ листѣ вираженно тое, чтобъ на поруки плѣнника бодаквянского, въ Глуховѣ обрѣтаючогося, сродники его въ Глуховъ же поехали, о чомъ прежде именемъ моимъ п. писаръ писалъ до сотника сенецкого; а въ унѣверсалѣ вираженно тое, чтобъ дракгунамъ, на карауля зъ квартиръ маршируючимъ, по 6 зол. давати въ зимніе мѣсяци, за порціи и рацію, а лѣтнихъ мѣсяцевъ, почавши отъ мая, за самую рацію по 3 зол. давать, соломи дать на постѣль, якая мѣетъ зъ изидовъ (остатковъ отъ корма) конскихъ бути, онимъ не вимагать. Тогда жъ явился вахмистръ нижегородского полку зъ листомъ подполковника своего Шхонмана ко мнѣ зъ прошеніемъ писаннимъ, чтобъ въ томъ, же люде его служивіе, збѣгши отъ его дому и забравши лошадѣ, явились въ сотнѣ лохвицкой и оніе лошадѣ продали въ Луцѣ, жителемъ тамошнимъ, учиненна была справедливость. Тогда жъ листъ отъ г. полковника Шереметева черезъ коммиссара полкового Григоріевича врученъ мнѣ, въ якомъ предлагаетъ тое, что надлежитъ розисковать о дракгуну, ездившомъ въ Луку для вигону и войта побившомъ, понеже будто сего дракгунъ не дѣлалъ. Тогда жъ п. сотникови лохвицкому, згодившомуся въ Лохвицѣ, предлагалемъ

упоминатолно, что по сюю пору не виходилъ въ указанную до канала дорогу.

23. Рано отправилемъ во всѣ сотни укази упоминателніе о невиходѣ въ походъ ладожскій, зъ таковимъ предложеніемъ, что они будутъ отвѣтствовать за тое сами и унѣверсалу правителского копѣи во всѣ сотни послалемъ. Писалемъ особливе до п. сотника сенецкого, упоминаючи, же по сей часъ не виходилъ зъ дому, которому для лутшого порадку на время наказнимъ вийти опредѣлилемъ, поколь, злучившись зъ полкомъ, здать п. Гамалѣи, лохвицкому сотникови, урядъ тотъ. О томъ же ознаймуючи и до п. сотника чорнуского писалемъ и же не вийшолъ по сейчасъ зъ дому упоминалемъ. До п. сотника наказн. глинского писалемъ, жебы висилалъ заразъ козаковъ, до Ладокги означенныхъ, якихъ (якъ онъ писалъ) якоби капитанъ не пускаетъ туда, приганяючи до роботи валовой. До пана писара полкового писалемъ, жебы Дейнека вмѣсто Остапенка ишолъ до Ладокги.

(Засимъ вырванъ листъ).

29. Писалемъ до старшини сенецкой о видане медвежовского человѣка въ Медвежое, на розискъ. Повторне писалемъ до Лентовича, старости короваевского, о присланне коровинского Олихвѣра въ Роменъ, на судъ зъ роменскимъ Кириченкомъ. Повторне писалемъ до атамана смѣловского о присланне въ колодкахъ козаковъ тихъ, которіе зъ п. Громичиною заводъ мѣютъ, за ихъ ослушность

30. Получилемъ листи отъ коммиссара полкового Григорія, зъ которихъ въ едномъ отвѣтуетъ, что п. сотникъ лохвицкій, еще позапрошлого року до канала идучи, взявши зъ собою ратушнихъ 600 зол., для вспоможення въ нуждѣ тоей сотнѣ товариства случитись тамъ могучой, всѣ оніе не на общіе, но на приватніе свои интерессы изжилъ, жебы зъ сихъ грошей п. сотникъ часть половинную на товариство опредѣлилъ; а въ другомъ пишетъ, что на листъ мой, до полковника г. Шереметева писанній, о томъ, чтобъ понаравить мало зъ роботою городовою людямъ, жадного подлинного не учинилъ отвѣту, а на форпости коммендеруючимся не по 6 зол., але по пол. 8 велѣлъ брати, вмѣсто провіянта и фуража,

и когда въ томъ обстоялъ чорнусскій коммиссаръ, то за тое капитанъ Караблинъ оного за карауломъ на морозѣ такъ долго держалъ, покамѣстъ далъ пол. 8 зол. Зъ Глухова принесени два листи: одинъ отъ правителей, о висилце въ Медвожое кого зъ старшини роменской, на розискъ, а другій отъ его мил. пана писара енер. отвѣтній, зъ комплиментомъ, где и цѣдула приложенна зъ таковимъ требованіемъ, чтобъ пану писареви пол. Савѣцкому позволить ехать въ Гадячъ, чили въ Лютенку, розискать зъ п. Турковскимъ о заводѣ между п. Бороховичевою и соперники ея вщавшомся [1]).

31. Недѣля. П. Яснопольскій рано виехалъ зъ Ромна въ походъ слѣдовать за его родительскою милостю въ низовій, черезъ которого писалемъ до родителя и брата Семена, о дочерѣ моей и протч. Дочерь моя крещенна отцемъ Василіемъ Савѣцкимъ; восприемникъ отъ купели бувъ п. Федоръ Билимъ, а воспріемницею родителка. Листъ принесенъ отъ правителей о уволненю отъ походу ладожского п. сотника лохвицкого. Тамъ же въ листѣ приписалъ своеручно панъ тесть, же панъ Войцеховичъ покойній погребенъ зосталъ въ Седневѣ мѣстечку, въ церквѣ св. Георгія, марта 22. Отправилемъ листъ до п. сотника лохвицкого отвѣтній, жебы зъ тихъ 600 зол. на ему зависячихъ грошей, 300 зол. опредѣлилъ для товарыства, а если бы вознегодовалъ онъ походомъ нинѣшнимъ и не хотѣлъ бы ити въ оній, то долженъ всѣ тіи грошы отдать.

1. Априль. До п. Петровского писалемъ, жебы албо ишовъ въ походъ, албо далъ мнѣ подлинній отвѣтъ, якое его есть предсявзате. До п. п. сотниковъ сенецкого и чорнусского писалемъ о опредѣленіи Петровского, обявляючи правителскомъ и тое предлагаючи, если онъ не пойдетъ, то п. чорнускому быть наказнимъ, которому и унѣверсалъ родителскій утвержаючи коммецду, послалемъ. Писалемъ листи до всѣхъ п. п. сотниковъ, въ пересторогу предлагаючи, жеби еслибъ зборщики по полученнихъ зъ коллегіи

[1]) Дочь генер. писаря Савича Марья была замужемъ (первымъ бракомъ) за Романомъ Өедоровичемъ Бороховичемъ. Второй ея мужъ былъ майоръ Юрій Өедоровичъ Еропкинъ.

указахъ 24 марта, неразумѣючи сили въ онихъ виражонной, похотѣли надъ указъ у людей домогатись, въ томъ онимъ старшина обстояла. Тежъ до всѣхъ п. п. сотниковъ писалемъ, предлагаючи, чтобъ дали знать, для чего по тихъ сотняхъ, где вигону людей кгвалтовного на роботу валовую не было, остановка стала въ виправѣ до Ладокги. Зъ Полтави отъ комменданта Чечерина приехали въ Роменъ капралъ и 2 солдати зъ листомъ, ко мнѣ писанымъ, въ которомъ требуетъ по указу, зъ коллекгіи къ себѣ будто засланномъ, Коропки нѣякогось къ допросу въ Полтаву зъ запорожцами, а указъ тому капралу видалъ взять колодниковъ русскихъ, зде въ Ромнѣ державшихъ, которіе его людми себе назвали. До которого отвѣтовалемъ, что Коропки жадного въ Ромнѣ не опиталемъ, мещанина (якъ онъ пишетъ) роменского, кромѣ козака значкового, который пошолъ въ походъ низовій, где и тое приложилемъ, что ежели таковіе и впредъ случатимутся потребы о видачѣ людей нѣкоторыхъ, то жебы онъ писалъ до правителей въ Глуховъ и оттуда ко мнѣ требовалъ указу, безъ которого не смѣю я нѣчого дѣлати. А о выдачѣ колодниковъ чили воровъ русскихъ, отписалемъ, что тожъ безъ волѣ правителской видати оныхъ не смѣю, понеже повелѣли они мнѣ толко объ онихъ увѣдомить его комменданта, а не видавать, а до того, что и шкоди, починенніи воровствомъ ихъ, не суть пополненни. Молодикамъ своимъ барму, сукно и грошей по пол. 8 зол. раздалемъ. Того же дня, вѣлчура лямпартовая и шлафрокъ блакитного штофу мнѣ покраяно. До п. сотника чорнуского писалемъ, по прошенію законника Красногорского монастыра, жебы козаковъ пѣщанскихъ, опредѣленнихъ на послугу къ монастыру, не выганялъ въ войско, але якъ можно и слушне, такъ бы и учинилъ. Цедулою упомянулемъ его зъ устрашеніемъ о нескоромъ его порушенню въ походъ. Виехалемъ зъ Ромна въ Глуховъ и пизно приехалемъ въ Смѣлое, где и заночевалемъ.

2. На дорогѣ принесенъ и врученъ листъ засталъ отъ правителей, о забороненню зъборщикамъ заказанныхъ зборовъ збирать. Обѣдъ кушалемъ на Кроснахъ, а передъ вечеромъ приехалемъ до перевозу, где п. Павла Корнѣенка засталемъ, едучого въ Глуховъ.

Перевезшись, ночовалемъ въ Мутинѣ, въ дворѣ ясневельможного, где дубогаевскій староста Давидъ и ченцѣ мутинскіе два были.

3. Рано поехалемъ зъ Мутина черезъВорголъ на Уздицѣ, але въ Ворглѣ споткавшись зъ п. Демяномъ Якубовичомъ, заехалиемо до п. Стефана Миклашевского и тамъ обѣдъ кушалисмо. Тамъ извѣстилемся о п. Федоровой Кочубеевой умершой и п. асаулѣ енер, зъ товарищи зъ Москви повернувшимся. Заехалемъ въ уздицкую пасѣку и тамъ пчолъ поставленныхъ видѣлемъ числомъ 63. Оттуду поехавши, прибылемъ въ Калюжного футоръ, и тамъ немного забавивши, ноччю поехалемъ въ Глуховъ и приехавши, всего осмотрѣлемъ въ дворѣ. Тамъ же поотбиралемъ листи, къ себѣ писанніе отъ п. Орановского, а писанніе отъ многихъ персонъ зъ по дякованнемъ за родинного звару розсилку и зъ поздравленіемъ дочерію; а одъ козака роменскаго одобралемъ листовъ два правительскихъ, еденъ о п. Павловой, жебы тамъ погодилися зъ соперникамы своимы, а другой отъ Троцкой, жебы курѣнскій дозорца покабанщини не вимагалъ съ купленнихъ млиновъ частей тоя жъ Троцкой и третій зъ табели.

4. Поехалемъ зъ Глухова передъ свѣтомъ, въ село Сварковъ, где и обѣдалемъ. Тамъ же атаманови сварковскому, призвавши его передъ себе, казалемъ, жебы въ шинкованню перепони не чинилъ, въ видаванню провіанту солдатамъ указного толко обстоялъ и зъ братчиковъ и титаровавшихъ доводячеенся на церковъ доправилъ. Тамъ же, въ пасѣцѣ бувши, видѣлемъ пчолъ 47 цѣлихъ. Оттуду, поехавши на Калюжного хуторъ и тамъ приказавши дворовіе господареви нѣкоторіе интересса, яко то: поправку скорую возовъ воловихъ и подвишенне греблѣ на ставу, а особливе зъ тютюнникомъ торгъ учинивши ведлугъ тютюну, жебы гроши и борошно всякое давать такою ценою, якъ на мѣстѣ продается, а всего тютюну камень по 9 шаговъ пріймать. Тое все приказавши, приехалемъ ноччю въ Тулиголовы.

5. Въ Тулиголовахъ переночовавши, полдня пробавилемъ, где усмотрѣвши нѣкоторіе непорадки, Остапа скаралемъ; ему жъ и меморіалъ пунктами до чинення далемъ. Горѣлки въ тотъ часъ у імбарѣ было куховъ великихъ 5, а малихъ 4, а 6-я великая насипалася

у винницѣ набѣжкою. Оттуду поехавши, приехалемъ въ Мутинъ, и тамъ старостѣ мутинскому Коржу отдалемъ листъ п. господара ясневел., жебы не потягалъ до мужицтва рибалокъ нашихъ двохъ. Того жъ дня переехавши черезъ Сеймъ, ночовалемъ не доехавши Кросенъ, въ полю.

6. Приехалемъ на обѣдъ въ Смѣлое и извѣстилемся, же подводи воловіе, по жито зъ Глухова приездившіе, взяли зъ Сухоносовки привезенного жита, а лежавшого въ Смѣломъ, четвериковъ 55 роменской мѣри. При заходѣ слонца приехалемъ въ Роменъ, где подавани листи, зъ розних сторонъ ко мнѣ писанніе. Того жъ вечора п. Туранскій Демянъ приехалъ въ Роменъ зъ листомъ, ко мнѣ писаннимъ, правителскимъ, виражаючимъ тое, же онъ посланъ въ Лохвицю викорстать (?) п. обозного до Ладокги наказнимъ, кудѣ онъ и поехалъ. Тамъ же въ листѣ и тое предложено, жебы козаковъ, нехотѣвшихъ въ Ладокгу ити, публѣчно карать для постраху протчимъ.

7. Неделя. Рано врученъ мнѣ отъ полковника Шереметева листъ о покражѣ, прапорщику полку его учинившойся въ Пѣратинѣ, предлагаючій, жебы туда отъ себе послать на розискъ, а и онъ пошлетъ, до которого отписалемъ, злецаючи тотъ розыскъ Григор., коммиссару полковому. Веселой и шумной черезъ день держалисмося компанѣи.

8. Панъ сотникъ чорнусскій Максимовичъ, мимоездомъ зъ Чорнухъ до обозу, заехалъ въ Роменъ и отехалъ. До п. Павловой послалемъ правительскій листъ о заводѣ ея зъ Нещеретомъ, якъ окончити предлагаючій. Орановскому економское правленіе господарства моего вручилемъ и наказъ далемъ.

9. Алексѣя и Чернецкого виправили въ Рѣчицю. Алексѣеви реестрикъ данъ купить книгъ полскихъ да 2 антали вина венкгер., а Чернецкому казалемъ купить локоть атласу рожевого. Послалемъ листи въ Глуховъ до Молчанова, о присланю отъ него подводъ для взяття отсель хлѣба ему; до господара—о присилцѣ нѣкоторыхъ рѣчей при подводахъ, мѣючихъ для жита по святахъ висилатись. П. сотникъ сенчанскій повернулся зъ Пѣщаного Броду, здавши комменду зъ себе п. сотникови чорнусскому.

10. Отправилемъ листъ до п. чорнусского въ обозъ, жебы онъ описался до п. полковника гадяцкого, требуючи себѣ въ семъ походѣ наставленія, а особливо извѣстія—гдѣ мѣетъ получать провіянтъ на козаковъ и фуражъ. Такожъ и о томъ писалемъ, жебы въ себѣ порадное имѣлъ вѣденіе о взиманіи провіянта и фуража на дорозѣ и на мѣстцу, и о работѣ козаковъ у канала, и о протчемъ всемъ. Отъ его жъ принесенъ ко мнѣ листъ зъ вѣденіемъ, же еще не все товариство зъ сотень постягалось до обозу и присланню священника виражаючій. Тогда жъ отъ коммиссара полкового Григорія принесенъ листъ о томъ, что присланъ къ полковнику указъ по 6, а не по 7 зол. брать на форпости отправляючимся и что передъ симъ много лище перебрано.

11. Листъ принесенъ отъ п. сотника городисского, объявляючій о утекшихъ козакахъ отъ обозу рушившого въ низовій походъ, до которого отписано, жебы тихъ утѣкачовъ по святахъ въ колодкахъ сюда, въ Роменъ, присылалъ. Алексѣецъ, посиланный зъ зваромъ до Чернѣгова, приехалъ. Панъ писаръ полков. Савѣцкій поворнулся зъ Лютенки, куда ездилъ на розыскъ въ заводѣ п. Бороховичевой старой и молодой [1]).

12. До п. п. сотниковъ въ копіяхъ правителскіе листы посланы. Тамъ же и о утѣкачахъ зъ ладожского походу написано, жебы, въ колодки забивши, до обозу онихъ отсилать. Алексѣйця отправилемъ знову зъ зваромъ до тещи и швакгровъ въ Орловку, которому полѣцено риби лящовъ живыхъ на плодъ у пана Григорія [2]) випросить. Ему на купленне плити дано грошей зол. 40. П. Кграбянка, судя гадяцкій, повернувшись зъ Москвы, бувъ мимоездомъ въ Ромнѣ.

13. Принесенъ листъ правителскій зъ Глухова тое предлагаючій, жебы при п. обозномъ, висилаючомся до Ладокги наказнимъ, еще другого цѣлого сотника къ чорнусскому виправить; тако жъ и о томъ предложене въ томъ же листѣ, жебы на ваканси,

---

[1]) См. выше, стр. 22.

[2]) Сынъ стародубскаго полковника Лукьяна Жоравки, женатый на родной сестрѣ жены Марковича, т. е. на дочери Полуботка.

избравши, кого въ урядъ по одному кандидату, посилать въ Глуховъ, где поставленни будутъ при виконанню присяги. Писалемъ до лохвицкого п. сотника, жебы по тому правителскому указу виходилъ въ походъ въ Ладокгу. Отъ его жъ получилемъ листъ вимѣраючійся, же послалъ давно и сотника наказного, и все товариство випроводилъ, хочъ не скоро, поневажъ онихъ и туремнимъ вязеннемъ принуждалъ, але за убожествомъ не возможно было скоро ихъ випроводить. Коней зъ Сухоносовки, чили зъ Кривой Руди, иждждалихъ, припровожено въ Роменъ, моихъ 15.

14. Недѣля. Занемогъ былъ на желудокъ.

15. Гостей великороссійскихъ и всѣхъ роменчанъ знатнѣйшихъ трактовали въ дому род. Листи принесени зъ Глухова, отъ Молчанова, о присилкѣ борошна, отъ князя Четвертенского [1]) о купленномъ винѣ и отъ господаря о томъ же винѣ, же оное за 200 зол. куплено de siccis; въ его жъ листѣ и потребы прислани золотіе.

16. Во вторникъ ездили въ пасѣку Засулскую, где пять пчолъ даровала родителка; отецъ Савѣцкій и Нестер.(овичъ) по 1.

17. Отправили въ Глуховъ Павла важничого для покупки вина и зъ листами, вѣншуючими святъ первѣйшимъ персонамъ; до пана тестя приложилемъ о п. сотникови лохвицкомъ, о показанщинѣ не бывалой въ здешнемъ полку и о непорожнихъ мѣстцахъ урядовыхъ, кромѣ судейства.

18. Отъ отца ігумена мгарского присланъ зъ повѣншованнемъ законникъ отецъ Демчинскій. У п. писара полк. обѣдъ кушали. Вахмистръ приходилъ о реванжъ упоминаючись за афронтъ, своему порутчикови Хлопова полку учиненній, зъ того, что кгранадѣра, за нашъ караулъ постерегши его воровство, взято.

19. П. Занковскій, сотникъ наказ. чигиринъ-дубровскій, подалъ доношеніе листомъ о утискахъ козакамъ, форпости отправуючимъ, отъ дракгунъ, на форпостахъ стоячихъ, чинячихся и о инших обыдахъ. До господина генорала лейтнанта де Вейзбаха послали въ Харковъ писма, одно отъ правителей, а другое отъ мене, о пре-

---

[1]) Князь Юрій Четвертинскій—племянникъ митрополита Гедеона Четвертинскаго и зять гетмана Самойловича. См. Историч. Вѣстн. 1881 г., августъ, 719—722.

дерзостехъ андріяшовского прикажчика [1]), а другій листъ до Роппа, въ Полтаву, зъ скаргою на Шереметева полковника и подкомандних его. Отъ п. бунчучного слуга бувъ зъ арештомъ на двори роменского жителя, задолжавшагося ему, якіе двори оному по арешту и отдали. Суплѣку худолѣевского человѣка на атамана за срубъ лѣса далемъ Занковскому, чтобъ онъ розискалъ мимоездомъ. П. Демянъ Туранскій [2]) зъ Лохвицѣ въ Роменъ приехалъ, тогда жъ и отехалъ.

20. Занковскому далемъ грошей зол. 20 на подрядъ уліовъ 200, у Чигиринъ-Дубровѣ. Отецъ Пясецкій, новопоставленний намѣстникъ Красногорскій, бувъ въ Ромнѣ. До пана тестя дичину послалемъ въ Глуховъ.

21. Недѣля. Принимали п.п. сотниковъ и протчіихъ, пріехавшихъ зъ повѣншованнемъ святъ, когда и оберъ фискалъ бувъ, которому о продерзости подпоручтика обявлялемъ.

22. Посилалемъ до подпоручтика п. Григораша зъ требоваленіемъ сатисфакціи на вахмистра, которій нѣчого не здѣлалъ, а тилко зъ спессю отправилъ посланнихъ. Алексѣецъ зъ Глухова зъ писмами повернулся въ Роменъ, особливо отъ п. Григорія зъ Новгородка о томъ, что въ осени обѣщаетъ дать лящовъ на плодъ въ Глуховъ. П. Павлова отехала въ Лохвицю. П. сотникъ наказній глинскій далъ за рукою сказку о учинившомся побиттю надъ греченкомъ перекоповскимъ [3]) батожжемъ въ Глинску, по указу подполковника інгер. полку Реткина. Послали листъ правителскій козакамы стойчиками до п. обозного лубенского.

23. Атаманъ сенецкій приездилъ зъ тимъ, что 40 человѣкъ не стало будто до Ладокги, которого страфовалемъ за таковую остановку. На жито ездили, бо Георгія свято було. Табель спорадивши, далемъ Орановскому сухоносовского и криворудского господарствъ. Отъ п. суддѣиной глинской пчолъ 5 прислано.

24. Ездилемъ въ Коцупѣевщину, где молодикамъ конѣ поопредѣлялемъ: Александру дрикганта гнѣдого, Алексѣйцеви рижого,

---

[1]) С. Андріяшевка, лохвицк. у., принадлежала Вейсбаху.

[2]) Сынъ генер. судьи Алексѣя Туранскаго.

[3]) С. Перекоповка, роменск. у.

Роману шлапака, Демянови кологривого, Гаврилови хлопцямъ (?) Вѣжевскому рижострокатенкого, Козлу давнего (?), Орановского слузѣ мисливого. Также видѣлемъ воли свои 10, отъ возовъ воловихъ оставшіеся. Кувшика, сотни глинской козака, заводъ окончили.

25. Принесени листи зъ Глухова, черезъ Павла важничого, припроводившого вино 2 антали венкгер., на подводахъ воловихъ, приехавшихъ по жито, зъ якихъ писемъ въ єдномъ правителскомъ виражено тое, чтобъ п. сотникъ лохвицкій ехалъ въ Ладокгу.

26. Вѣтеръ такъ великій бувъ, же много шкоди людямъ учинилось: стрѣхи и дахи (крыши) зъ будинковъ зривало. Получилемъ позволенне материнское пасѣку устроить на Плавинищахъ [1]) Листи, обявляючіе объ обыдахъ, починенних отъ ингермонландского полку, подавалемъ пану писареви полков. для обявленія тому, хто мѣлъ бы присланъ быти на розискъ отъ енерала Роппа, до которого о томъ писали. Виехалемъ у вечеру въ Глуховъ. На ночь приехалемъ въ Смѣлое.

27. Оттуду на ночь приехалемъ въ Мутинъ; стрѣтилемся на дорозѣ зъ п. Яснополскимъ, господаремъ.

28. Неделя. Ездилемъ на службу до монастирця Мутинского и оттуду назадъ на обѣдъ зъ Заборовскимъ повернулемся. Отправилемъ рано Леска, сторожа, въ Глуховъ до правителей, о старостахъ коровинскомъ, медвежовскомъ и аксютинскомъ, заборонюючихъ людямъ ити на городовую роботу. Приехалемъ на ночъ въ Тулиголовъ.

29. Въ Тулиголовахъ, на бутурлиновскомъ млину, казалемъ колесо подъ субуйникъ (?) перемѣнить и медведокъ здѣлать. На ночъ приехалемъ въ Глуховъ.

30. Бувъ въ правителей.

Май. 1. У прокурора Хрущова, Михайла Семеновича, былемъ и долго въ него сидѣлемъ.

2. Рано ездилемъ до пана тестя и, тамъ у паней тещи водки випивши, на обѣдъ въ домъ отехалемъ. Увечору у Кошеліова сидѣлемъ и тамъ извѣстилемся о писму отъ комменданта полтавского

---

[1]) Плавинищи—село около Ромна, при р. Сулѣ.

писанномъ, что не видали зъ Ромна колодниковъ людей его, на мене зъ жалобою. Далемъ отцу Стефану сварковскому на 10 четвериковъ жита, у новину, зол. 40.

3. Капитанъ, зъ С.-Питербурху посланій до пана родича о поспѣшеніи ихъ въ Терекъ, обѣдавъ у мене, которому и листи далемъ до его родителской милости. Виехалемъ у вечеру въ Гамалѣевку до ясневел., а ночовалемъ въ Словутѣ [1]) Передъ выездомъ получилемъ зъ канцелляріи унѣверсалъ о поготовости всѣхъ козаковъ до служби воинской и другій о поготовости жъ бунчуковихъ, въ полку лубенскомъ обрѣтаючихся. Тогда жъ у Остапа шинковыхъ взялемъ 30 рублей, зъ якихъ 20 руб. далемъ на расходи господареви.

4. Зъ Словута писалемъ до п. Федора писаревича [2]), прosячи его о инстанцію до пана писара, чтобъ вещи старости короваевского, оставленніе въ куренѣ, отданни были ему невозбранно. Пріехалемъ на службу въ Гамалѣевку, где засталемъ п. судію енер. и панию его, которіе по обѣдѣ и отехали въ Глуховъ.

6. Неделя. День неделній тамъ же въ Гамалѣевцѣ отправилемъ и у столу, зорвавшуюся досткливую паней рѣчь Маріянни, загамовалемъ [3]). Тогда жъ зъ Ромна принесени писма отъ паней родителки о пожару, случившомся близъ греблѣ, и о побиттю сотника наказного отъ подпоручтика, учинившомся на томъ же пожару. Отъ Якова Дуброви о его приездѣ зъ Рѣчицѣ, зъ лѣкарствами. Отъ паней моей о виездѣ Калницкого зъ волами въ С.П.Бурхъ. Листи отъ его мил. п. родит. принесени.

6. Виехалемъ по обѣдѣ зъ Гамалѣевки въ Глуховъ и оттуда жъ отпустилемъ п. сотника наказного глинского въ Роменъ и Глинскъ, черезъ которого и писалемъ на листы тіе отвѣтуючи; ему жъ полѣцилемъ и коня виторговать у обозненка гнѣдого бѣгуна. Черезъ его жъ во всѣ сотнѣ послалемъ унѣверсали о поготовости всѣхъ козаковъ къ службѣ и до п. писара полк.

---

[1]) С. Слоутъ—около Глухова.

[2]) Сына генер. писаря Семена Савича.

[3]) Т. е. рѣчь, обращенную къ панеи, подъ которою здѣсь слѣдуетъ разумѣть гетманшу Скоропадскую.

7. Ездилемъ на Красную-горку [1]), где оглядалемъ свиней, зъ которихъ опоросило по сказкамъ свинара 15, а поросятъ будетъ малихъ зъ 50, кабановъ въ сажу 13. Бувъ у Щепотева и Жданова, посидѣлемъ долго.

8. Принесени зъ Ромна 2 листи, одинъ отъ родителки, зъ Луки писанній, о приездившихъ туда прикажчику андріяшовскомъ, писару генерала Девейзбаха и подпоручику и упоминаючихся о тое, чтобъ андріяшовцѣ, за межу, учиненнную къ Андріевцѣ, поля пахали и сѣножати косили. Отъ моей паней, о меду полкуфѣ, присланного прѣсного отъ Орановского, и дѣжечцѣ патоки, тако жъ и о дворѣ шинковномъ, же оного не хочетъ стар. засулскій оправляти.

9. У полковника Ушакова пили и у прокурора—на Николая.

10. П.п. Василь Дяченко, атаманъ роменскій Гиня и протчіе, отехали зъ Глухова, черезъ которихъ писалемъ до родителки, отвѣтуючи на писмо, же нѣчого того смотрѣть, же генералскій писаръ упоминается неслушне поля за межою оставшогося. До своей паней писалемъ о своемъ виездѣ, до стар. засулского о направкѣ двора шинковного. Въ нуждахъ полку лубенского составивши доношеніе пунктами 19, у войсковую енер. канцеллярію подалемъ правителямъ своимъ, прося рѣшенія. Ездилемъ въ Калюжного хуторъ, гдѣ обихавши цѣлини и облоги, казалемъ лисомъ (?) зорувать все по волѣ. Тамъ же видѣлемъ конѣ робочіе хуторніе 8, зъ которихъ кобилу бѣлую колгачую (?) далемъ тютюнникови, за 8 копъ.

11. Зъ Калюжного хутора отправилемъ въ Роменъ до родителки о томъ, что еще откритого указу нема, шобъ не пропускать въ Кримъ. До атамана роменского—о зробленню колесъ воловихъ паръ 20. До стар. Засулского—о зробленню сохъ цѣлинних, воловихъ 6. Ездилемъ оттуду въ Сварковъ и тамъ погребъ казалемъ зробити, а землею будинокъ висипать. На ночь въ Глуховъ приехалемъ.

12. Недѣля. Обѣдавъ у мене п. Володковскій зъ канцеляристамы Листъ до коровин. стар. объ Гириченку (?) непослушномъ за. . . . . (?).

---

[1]) Предмѣстье г. Глухова.

13. П. Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, обѣдалъ у мене. Тонконогъ [1]) бувъ и упоминался о плату компанѣйскую. У Сергіихи взяли грошей за цукеръ 130 зол., а 10 копъ отвернула за должокъ паней, а еще за 10 головъ канарского неплатила фунт. 40.

14. Пересмотрѣвалъ цукеръ, зъ которого канарскихъ головъ 10, а простого головъ 5, итого 15. Ездилъ въ Калюжного хуторъ и тамъ ночлѣгъ мѣлъ. На свѣтелку тутъ зробить сторговался зъ теслями 12 зол.

15. Уговорился зъ Лаврѣномъ, мѣрочникомъ, на греблю калюжновскую подвисшить оную, отъ руки дать ему сукна на кунтушъ и грошей . . . . (?). Тогда жъ билемъ и въ Сварковѣ, где росказовалемъ майстровѣ двѣ свѣтлички придѣлать и сходи на гору въ селѣ зробить. Пасѣка перевезена зъ Сваркова въ Уздицю. Листъ принесенъ зъ канцеляріи енер. о прибитіи сюда къ . . . . . (?) Александровича. Резолюцію на часть пунктовъ въ доношеніи моемъ виражениихъ, чинили правители. Листи послалемъ въ Роменъ до родителя, до родителки и до Орановского, о зробленню колѣсъ воловихъ 40 и о возахъ.

16. Уляна, дочь п. Андрѣя Полуботка, умерла въ ночѣ, а ховали рано, у Михайла церквѣ; положили близъ гроба п. писаревой енер. Пожекгналемъ п. тестя у вечеру. Ясневелможная приехала у вечеру жъ. Атаманъ отъ Тонконога бувъ зъ листомъ, упоминаючись о плату, на которомъ помѣтивши, отослалемъ въ Роменъ.

17. Пожекгналемъ ясневел(можную) по обѣдѣ. Вина венкгерского 2 антали за баренки (?) виторговалемъ. Грошей господареви на расходи далемъ рублей 30.

18. Виехалемъ зъ Глухова къ Ромну въ Тулиголови, где горѣлки куховъ 8, 1 самой оковитой, 4 перегоняной, а 3 простой, примѣшавши по 2 носатки оковитой, казалемъ виготовати, для чого и Гаврила тамъ зостановилемъ. Лозовского наинформовалемъ въ Стародубъ къ ярмарку....

(Засимъ вырваны листы).

---

[1]) Полковникъ компанейскаго полка.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮНЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXIII. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

ЮСИФЪ ШУМЛЯНСКІЙ,

ПОСЛѢДНІЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЕПИСКОПЪ ЛЬВОВСКІЙ И ЕГО „МЕТРИКА“.

I.

Послѣ Брестскаго собора 1596 г. только двѣ южно-русскія епархіи,—львовская и перемышльская, остались въ православіи. Только со времени реорганизаціи православной митрополіи въ Кіевѣ православіе начало подниматься и въ другихъ епархіяхъ, начало отнимать у уніи захваченныя ею церкви, а съ 1632 г. возвратилась вновь къ православію самая большая епархія—луцкая, съ изъятіемъ архимандріи жидичинской съ шестью монастырями и 100 приходскими церквями[1]). Но римская іерархія зорко слѣдила за каждымъ шагомъ, который дѣлало православіе, стараясь парализовать успѣхи его. Съ разныхъ сторонъ, систематически и неусыпно, велись подкопы подъ православіе; воспитаніе юношества, фанатизирующія толпу іезуитскія проповѣди, теологическія сочиненія и диспуты, печатные и рукописные памфлеты и пасквили и въ концѣ концовъ протекція могущественныхъ пановъ, распоряженія правительства, все пускалось въ дѣло, все должно было служить одной цѣли. Что конечной цѣлью этой дѣятельности было не столько обращеніе православныхъ въ унію, сколько полное окатоличеніе и ополяченіе южноруссовъ, на это мы имѣемъ множество доказательствъ на протяженіи 200 лѣтъ, начиная съ жалобы Велямина Рут-

[1]) Ed. Likowski, Geschichte des allmaeligen Verfalls der unirten ruthenischen Kirche im XVIII und XIX Jahrhundert. Posen. 1885. Bd. I, 1.

скаго, уніатскаго митрополита, котораго папа Урбанъ VIII называлъ „Atlas unionis" и который въ 1624 году писалъ римской конгрегаціи propagandae fidei, между прочимъ, слѣдующее: „Потерявъ дворянство вслѣдствіе его перехода въ латинство, лишенные всѣхъ украшеній, начали мы примѣчать, что мы лишены всякой человѣческой помощи, что корни зла расширяются и растутъ изо дня въ день; какъ будто пробужденные отъ сна, мы чувствуемъ наше глубокое паденіе и, сравнивая прошлое состояніе съ теперешними обстоятельствами, чувствуемъ боль при одномъ воспоминаніи о своихъ бѣдствіяхъ и принуждены стараться, чтобъ зло и впредь не увеличивалось" [1]).

Но даже и для такой persona gratissima, какой былъ Рутскій, и въ Римѣ, и у польскаго короля, оказалось невозможнымъ поставить преграду подпольной работѣ іезуитовъ и возрастающему подъ ихъ вліяніемъ католическому фанатизму и нетерпимости къ „диссидентамъ" всего польскаго общества. Самое главное, на что опирались всѣ антиправославныя дѣйствія, всѣ происки столицы римской, ея легатовъ и агентовъ и въ чемъ польское общество находило обильную пищу для своего неблагожелательства по отношенію къ православію и особенно къ православному и даже уніатскому духовенству, было право патроната, самый глубокій и злой недугъ, который подтачивалъ православіе въ Польшѣ. Право это, которое въ отношеніи къ православнымъ въ Польшѣ еще въ началѣ XVI стол. превратилось въ *обязательную симонію*, было главной причиной глубокаго паденія православной церкви, вызвавшей и сдѣлавшей возможной брестскую унію,—оно представляло главный рычагъ для окончательнаго упраздненія православія и въ тѣхъ епархіяхъ, которыя въ XVII вѣкѣ еще держались православія.

---

[1]) Praecipuis amissis per transitum ad latinos, exspoliati omnibus ornamentis coepimus advertere, omni humano auxilio nos destitui, radices malorum pullulare, incrementum in dies accipere, unde veluti ex somno expergefacti sentimus, unde excidimus et praeteritum statum cum praesenti conditione comparando, recordatione ipsa affligimur, et compellimur obviare, ne malum ulterius serpat". *M. Malinowski*, Kirchen-und Staatssatzungen bezüglich des griechisch-katholischen Ritus der Ruthenen in Galizien. Lemberg, 1861, стр. 33.

Какъ безцеремонно эксплоатировалось это право во вредъ православію въ XVII вѣкѣ, это, какъ нельзя лучше, показываетъ исторія избранія православнымъ епископомъ львовскимъ Іосифа Шумлянскаго въ 1667 году. Это одинъ изъ самыхъ постыдныхъ эпизодовъ въ исторіи южно-русской церкви подъ польскимъ владычествомъ; онъ былъ разсказанъ въ 1888 году обстоятельно молодымъ польскимъ ученымъ Жигмонтомъ Лисевичемъ [1]). Считаемъ необходимымъ познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ почтеннаго труда г. Лисевича.

Въ началѣ 1667 года умеръ епископъ львовскій Аѳанасій Желиборскій. Еще при его жизни выдвинули латиняне и уніаты кандидатомъ на его мѣсто Яна Шумлянскаго, товарища панцырной роты королевской. Молодой, свѣтскій „паничъ“, онъ успѣлъ уже неоднократно отличиться на военномъ поприщѣ: сражался въ битвѣ при Чудновѣ, ходилъ съ королемъ Яномъ Казиміромъ въ разрушительный походъ на лѣвобережную Украину и вообще имѣлъ всѣ качества пригодныя болѣе хорунжему или поручику, но никакъ не святителю православному. Въ это время онъ даже не былъ православнымъ. Происходя изъ православной, русской и довольно зажиточной шляхетской семьи, онъ еще въ юности перешелъ въ унію [2]). Но то, что въ нормальныхъ обстоятельствахъ было бы для него непреодолимою преградой, при польскихъ порядкахъ было самой лучшей рекомендаціей, и заставило большинство ополяченной червоннорусской шляхты, а также латинское духовенство и многихъ польскихъ сановниковъ съ гетманомъ коронным Яномъ Собѣсскимъ во главѣ оказывать Шумлянскому протекцію. Являлась надежда повторить ту же самую исторію, которая продѣлана была съ митрополитомъ Михаиломъ Рагозою, и съ помощью этого кандидата нанести рѣшительный ударъ православію въ его послѣдней, до сихъ поръ непобѣдимой крѣпости. И вотъ, очевидно по указаніямъ свыше, Янъ Шумлянскій отрекается отъ уніи,

[1]) Dr. Żygmunt Lisiewicz, Walka o biskupstwo, episod z dziejów kościoła wschodniego. Lwów, 1888.

[2]) *А. С. Петрушевичъ.* Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 г., подъ годами 1667 стр. 150, 1669 ст. 155 и т. д.

дѣлается вновь православнымъ и разъѣзжаетъ по странѣ, собирая себѣ приверженцевъ на случай смерти Желиборскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ гетманъ Собѣсскій дѣйствовалъ въ пользу Шумлянскаго при королевскомъ дворѣ, такъ что въ моментъ смерти Желиборскаго Шумлянскій могъ разсчитывать на сильную протекцію, которой, повидимому, ничто не могло противустоять.

Нечего и говорить, что православные, узнавъ о кандидатурѣ Шумлянскаго, уніата, еретика и апостата, пришли въ ужасъ. Братство ставропигійское, самое могущественное и вліятельное, и слышать не хотѣло о немъ. У братства былъ, кромѣ того, свой кандидатъ, тоже шляхтичъ, хотя и не столь зажиточный, какъ Шумлянскій, человѣкъ, впрочемъ, ничѣмъ не выдающійся, „homo ineptus“, какъ говорили о немъ, Свистельницкій. Сторону послѣдняго принялъ и Антоній Винницкій, епископъ перемышльскій, назначенный временнымъ администраторомъ львовской епархіи. Когда въ концѣ января 1667 г. приверженцы Шумлянскаго собрались въ церкви св. Юрія во Львовѣ, чтобъ избрать его въ епископы, Винницкій воспротивился его избранію и распустилъ собраніе. Но приверженцы Шумлянскаго этимъ не устрашились; они вышли изъ церкви, пошли въ частный домъ и тамъ совершили актъ избранія и составили протоколъ, съ которымъ Шумлянскій немедленно отправился къ королю. Само собою разумѣется, что въ Варшавѣ не встрѣтилъ онъ никакихъ препятствій, и уже 27 февраля имѣлъ въ рукахъ королевскую привилегію, назначавшую его епископомъ львовскимъ: „Имѣя in consideratione заслуги шляхетнаго Яна Шумлянскаго, какія онъ оказывалъ намъ доброхотно въ военныхъ оказіяхъ, служа подъ панцырной хоругвью, именно при Чудновѣ, гдѣ принялъ много поврежденій на тѣлѣ, и еще болѣе въ заднѣпровской Украинѣ, и желая, чтобъ онѣ не остались безъ достойной ремунераціи и нашей королевской милости, мы рѣшились, согласно съ единодушной элекціей людей духовныхъ и мірскихъ, граждань воеводства русскаго, дать и конферовать ему владычество львовское, галицкое и Каменца Подольскаго“. Эти слова привилегіи, говоритъ польскій исто-

рикъ [1]),—открываютъ намъ всю глубину паденія восточной церкви въ Польшѣ въ то время. Король назначаетъ епископомъ человѣка мірского, и для оправданія не можетъ привести ничего лучшаго, какъ только то, что кандидатъ умѣлъ хорошо драться съ врагомъ".

Но далеко не такъ легко было Шумлянскому управляться въ своей епархіи, которую нужно было завоевывать систематически. И вотъ онъ, названный епископъ, при саблѣ и шпорахъ, разъѣзжаетъ по селамъ и мѣстечкамъ, вербуя приверженцевъ. Апрѣля 12 подтвердили его избраніе духовные и мірскіе люди, собравшіеся въ Гошевскомъ монастырѣ, а 12 мая тоже сдѣлали православные, собравшіеся въ Сварычевскомъ монастырѣ.

Только теперь вспомнилъ Шумлянскій, что онъ еще совсѣмъ мірской человѣкъ. Обратился онъ къ епископу Антонію Винницкому, чтобы тотъ посвятилъ его въ духовное званіе, но получилъ отказъ. Тогда съ толпой своихъ приверженцевъ онъ напалъ на монастырь въ Креховѣ, требуя отъ игумена постриженія въ монахи. Но и сюда Винницкій прислалъ письмо, запрещая игумену слушаться этого еретика и измѣнника. Игуменъ Винницкаго не послушался, постригъ Шумлянскаго и назвалъ его Іосифомъ [2]), послѣ чего луцкій епископъ Гедеонъ Четвертинскій посвятилъ его въ діаконы и въ іереи. Но отсюда до посвященія въ епископы было еще далеко. Митрополитъ Винницкій ни за что не соглашался рукополагать его. Шумлянскій отправился въ Яссы, чтобы тамъ добиться своего. Но приверженцы Свистельницкаго, узнавъ объ этомъ, послали въ Яссы письма, въ которыхъ Шумлянскій представленъ былъ отступникомъ отъ православія и чуть ли не польскимъ шпіономъ. Поэтому не только молдавскіе епископы отказались рукополагать его, но даже господарь хотѣлъ его арестовать и отправить въ Константинополь. Шумлянскому не оставалось ничего, какъ уходить тайкомъ изъ Молдавіи.

Между тѣмъ во Львовѣ приверженцы Свистельницкаго собрались въ церкви св. Юрія, избрали его въ епископы и тоже

---

[1]) Żygm. Lisiewicz, Op. cit., стр. 4.

[2]) *А. С. Петрушевичъ*. Сводная лѣтопись 1600—1700 гг., стр. 150.

отправили въ Варшаву искать королевскаго утвержденія. Но избраніе это было далеко не блестящее и происходило при закрытыхъ дверяхъ, такъ какъ Шумлянскому, еще передъ отъѣздомъ въ Молдавію, посчастливилось перетянуть на свою сторону львовское ставропигійское братство и большинство львовскаго православнаго духовенства. И въ Варшавѣ встрѣтилъ Свистельницкій большія препятствія. Надежду его поддерживало только то обстоятельство, что благосклонный къ нему перемышльскій епископъ Антоній Винницкій съ августа 1667 года сдѣлался кіевскимъ митрополитомъ. Но все-таки Свистельницкому пришлось ждать довольно долго. А между тѣмъ Шумлянскій на обратномъ пути изъ Молдавіи познакомился съ греческими изгнанниками: филиппопольскимъ митрополитомъ Софроніемъ, хіосскимъ Θеофаномъ и іерусалимскимъ архимандритомъ Даніиломъ. Они, конечно за хорошее вознагражденіе, оказались готовыми посвятить его въ епископы, и дѣйствительно, 1 февраля 1668 года, въ деревнѣ Высочкѣ, Шумлянскій получилъ епископскую хиротонію [1]).

Теперь Шумлянскій чувствовалъ себя побѣдителемъ и съ толпою своихъ приверженцевъ отправился во Львовъ, совершая по дорогѣ разныя безчинства, грабежи и насилія надъ приверженцами Винницкаго и Свистельницкаго. Въ началѣ марта онъ былъ уже во Львовѣ и готовился овладѣть епископской каѳедрой, какъ вдругъ пришло изъ Варшавы извѣстіе, что его соперникъ Свистельницкій 5 марта получилъ королевскую номинацію на мѣсто львовскаго епископа.

Какимъ образомъ произошла эта номинація, неизвѣстно. Кажется, не обошлось тутъ безъ обмана, такъ какъ король позже утверждалъ, что привилегію эту подписалъ онъ, не прочитавши и не зная, что подписываетъ. Эта двойная номинація

[1]) Посвященіе это представляетъ, впрочемъ, много сомнительнаго. Въ грамотѣ Софронія, митрополита филиппопольскаго, писанной въ Высочкѣ 1 февраля 1668 года, говорится о хиротоніи Шумлянскаго, совершенной имъ однимъ. (Акты, отн. къ исторіи западной Россіи, т. V, № 7); въ грамотѣ митрополита Тукальскаго, признающей Шумлянскаго епископомъ, говорится, что онъ посвященъ митрополитами Софроніемъ и Θеофаномъ (Акты, т. V, № 72); въ грамотѣ же іерусалимскаго

сдѣлала неизбѣжной упорную и скандальную борьбу между двумя обладателями одной епископіи. Борьба эта длилась цѣлыхъ 6 лѣтъ и кончилась побѣдой Шумлянскаго. Въ апрѣлѣ 1668 г., когда Свистельницкій пріѣхалъ во Львовъ и приготовлялся къ хиротоніи, приверженцы Шумлянскаго сговорились съ комендантомъ львовскаго замка, напали на монастырь св. Юрія, гдѣ находились въ то время митрополитъ Винницкій и Свистельницкій, избили и перевязали ихъ слугъ и хотѣли убить самого Винницкаго, который на копьѣ спустился черезъ окно изъ монастыря, былъ раненъ въ руку и едва успѣлъ спрятаться въ дупло дерева. Приверженцы Шумлянскаго овладѣли монастыремъ и церковью и разграбили до чиста всѣ пожитки митрополита и Свистельницкаго.

Винницкій 2 мая предалъ Шумлянскаго анаѳемѣ и рукоположилъ Свистельницкаго въ епископы въ львовской Успенской церкви. Но Шумлянскій не обращалъ на это никакого вниманія; 12 іюля 1668 года онъ успѣлъ исходатайствовать у короля кассацію назначенія Свистельницкаго. Съ этимъ документомъ въ рукахъ и съ многочисленной вооруженной свитой онъ отправился въ Галичъ, гдѣ жилъ Свистельницкій, считавшій себя единственнымъ настоящимъ епископомъ. Приверженцы Шумлянскаго захватили Свистельницкаго въ расплохъ, связали его, но Шумлянскій велѣлъ его немедленно освободить. Въ Галичѣ народъ и слышать не хотѣлъ о Шумлянскомъ, въ него бросали камнями и однажды бросились даже на него, „чтобъ Іосифа сдѣлать Іосафатомъ“, т. е., чтобъ убить его, какъ злополучнаго Кунцевича. Въ концѣ концовъ Свистельницкій съ толпой своихъ родственниковъ 20 іюля напалъ на домъ Шумлянскаго въ Крылосѣ вблизи Галича. Шумлянскаго стащили съ постели, зять Свистельницкаго выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но не попалъ, потомъ пустилъ въ него стрѣлой и ранилъ въ правую сторону груди. Шумлянскій упалъ въ обмо-

---

патріарха Досифея, писанной въ Яссахъ въ 1670 г., говорится, что Шумлянскій „иной Искаріотъ“ рукоположенъ былъ „отъ двухъ изверженныхъ архіереевъ, иже за своя велика беззаконія изгнаны быша отъ архіерейскаго чина“ (*А. С. Петрушевичъ.* Іосифъ Шумлянскій. „Галичанинъ“, 1862, вып. I, стр. 119—120).

рокъ. Враги били его уже безчувственнаго, ранили его брата и многихъ слугъ, убили на смерть одного слугу, который хотѣлъ его защищать, и, ограбивъ дворецъ, увезли съ собою епископа и его брата, связанныхъ, почти голыхъ. Кажется, что тутъ бы пришлось Шумлянскому и голову сложить, когда бъ одинъ изъ слугъ Свистельницкаго не разрѣзалъ веревки и не выпустилъ плѣнниковъ, которые успѣли спрятаться въ тростникахъ болота.

Шумлянскій не простилъ своему врагу этого насилія. Въ началѣ августа, когда Свистельницкій пришелъ въ церковь и началъ въ епископскомъ облаченіи отправлять богослуженіе, Шумлянскій съ толпой своихъ приверженцевъ ворвался въ церковь, велѣлъ отвести Свистельницкаго отъ алтаря, обругалъ его крайне грубыми словами и, въ виду собравшагося народа, вытолкалъ изъ церкви вонъ. Церковь велѣлъ запереть, запечаталъ и наложилъ на нее интердиктъ. Свистельницкій жаловался въ судъ, но это ни къ чему не повело, и вотъ онъ разослалъ посланіе къ духовенству, представляя Шумлянскаго, какъ еретика, богохульника и жестокаго человѣка. Посланіе это попалось въ руки Шумлянскому, и онъ обжаловалъ Свистельницкаго передъ каптуровымъ судомъ (существовавшимъ во время безкоролевья по случаю отреченія отъ престола Яна Казиміра), какъ бунтовщика, возбуждающаго духовенство противъ законной власти. Свистельницкій на судъ не явился и былъ осужденъ. Конечно, это не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій, такъ какъ Свистельницкій путемъ протестацій и новыхъ жалобъ умѣлъ затянуть дѣло до безконечности.

Шумлянскій, между тѣмъ, объѣзжалъ свою епархію, повсюду посвящалъ новыхъ пресвитеровъ, которые дѣлались его приверженцами, и такимъ образомъ подготовлялъ для себя почву не только въ воеводствѣ русскомъ, но и въ Подоліи. Но вотъ королемъ польскимъ избранъ былъ безсильный и слабоумный Михаилъ Корыбутъ Вишневецкій, и началась новая неурядица. Прежде всего Шумлянскій, съ помощью своего личнаго друга, Яна Собѣсскаго, получилъ подтвержденіе своей привилегіи на львовское епископство отъ 3 октября 1669 г. Кромѣ того, онъ получилъ утвержденіе въ своемъ санѣ отъ патріарха

александрійскаго. Такъ какъ въ это время проѣзжалъ черезъ Молдавію патріархъ іерусалимскій, то Свистельницкій хотѣлъ при помощи драгоцѣнныхъ подарковъ, добиться отъ него признанія единственнымъ легальнымъ епископомъ, но Шумлянскій перехватилъ его слугъ и подарки. Но вотъ Свистельницкій 20 сентября 1670 г. съумѣлъ получить изъ королевской канцеляріи новую королевскую привилегію, которая утверждала его на епископскомъ престолѣ. Осуществленія этой привилегіи Свистельницкій, конечно, не могъ добиться, такъ какъ духовенство стояло на сторонѣ Шумлянскаго, а король письмомъ отъ 4 ноября 1671 г. призналъ за Шумлянскимъ достоинство епископа, и привилегіей отъ 30 октября 1672 года призналъ его единственнымъ легальнымъ епископомъ львовскимъ. Въ отвѣтъ на это Свистельницкій въ половинѣ марта 1673 года добылъ себѣ новую королевскую привилегію, устраняющую Шумлянскаго отъ епископіи, послѣ чего Шумлянскій въ половинѣ апрѣля добылъ привилегію для себя, а Свистельницкій 19 мая опять привилегію для себя. Эта постыдная комедія съ королевскими привилегіями, упраздняющими то одного, то другаго епископа львовскаго, вѣроятно, продолжалась бы до безконечности, еслибы король Михаилъ не умеръ скоропостижно.

Только избраніе Яна Собѣсскаго въ короли положило конецъ этой тяжбѣ. Собѣсскій былъ личный другъ Шумлянскаго; только теперь полная побѣда послѣдняго была прочной и несомнѣнной. Универсаломъ отъ 4 іюля 1673 года новый король утвердилъ Шумлянскаго въ санѣ и правахъ львовскаго епископа, и Свистельницкій теперь даже не помышлялъ о дальнѣйшей борьбѣ. Онъ умеръ въ Галичѣ 1676 года, совершенно забытый.

Еще одного не доставало Шумлянскому для полной побѣды — признанія его со стороны митрополита кіевскаго. Но и этого онъ вскорѣ добился. Привилегіей отъ 10 марта 1675 года король назначилъ его администраторомъ кіевской епархіи, „чтобы вмѣсто больнаго и престарѣлаго отца митрополита управлялъ кіевской епархіей такъ долго, покуда будетъ живъ этотъ о. митрополитъ“. Винницкій понялъ, что Шумлян-

скій, до сихъ поръ не признанный имъ, теперь сила, съ которой задираться опасно. Онъ помирился съ нимъ и призналъ его легальнымъ епископомъ львовскимъ, галицкимъ и каменецкимъ.

Шумлянскій вполнѣ оправдалъ надежды, какія возлагали на него латинники и уніаты. Какъ только онъ почувствовалъ, что позиція его вполнѣ обезпечена, сейчасъ, 7 марта 1677 г., написалъ папѣ Иннокентію XI письмо, въ которомъ отрекается отъ православія и объявляетъ готовность принять унію подъ условіемъ, чтобъ это его заявленіе до поры до времени оставалось тайной, чтобъ уніатскіе епископы были допущены въ сенатъ, чтобъ церковныя братства подчинены были епископской юрисдикціи и проч. [1]). Въ тотъ самый день онъ произнесъ уніатское исповѣданіе вѣры въ Варшавѣ въ присутствіи короля и уніатскаго митрополита Кипріана Жоховскаго.

Но папа, хотя и очень обрадовался обращенію львовскаго православнаго епископа, все таки 11 сентября написалъ ему, что не позволитъ того, „ut sit occultus unitus", и что ежели хочетъ онъ отречься отъ православія, пусть сдѣлаетъ это сейчасъ и совсѣмъ гласно. Шумлянскій не согласился на это предложеніе: онъ зналъ, что его время еще не пришло и рѣшился подождать, оставаясь „occultus unitus" еще цѣлыхъ 12 лѣтъ. Впрочемъ, онъ не переставалъ дѣйствовать въ пользу уніи, и, вѣроятно, его вліянію должно приписать то, что 26 марта 1681 г., епископъ перемышльскій Иннокентій Винницкій также заявилъ въ Варшавѣ негласно, въ присутствіи кіевскаго уніатскаго епископа Станислава Витвицкаго, гетмана литовскаго Станислава Яблоновскаго и еще трехъ сановниковъ, что отрекается отъ православія и готовъ принять унію [2]). И дѣйствительно, онъ началъ въ своей епархіи оживленную агитацію въ пользу уніи посредствомъ увѣщаній на помѣстныхъ соборахъ, и спустя 10 лѣтъ, 1692 г. онъ могъ уже дерзнуть открыто перейти въ унію съ цѣлымъ своимъ капитуломъ. За нимъ послѣдовали мно-

---

[1]) А. С. Петрушевичъ. Op. cit., стр. 185.

[2]) *А. С. Петрушевичъ*. Op. cit. 199.

гіе шляхетскіе роды, а въ 1694 г. также игумены монастырей Лавровскаго, Добромильскаго, Лишнянскаго, Дерижицкаго, Щеплотскаго, Черниловскаго, Углицкаго и др. [1]), такъ что уже 16 марта 1694 г. Винницкій могъ писать папскому нунцію кардиналу Барберини, что болѣе чѣмъ 800 церквей, 3,000 шляхты и нѣсколько сотъ тысячъ душъ его епархіи присоединилось уже къ уніи [2]).

Этотъ крупный фактъ не могъ не остаться безъ вліянія и на львовскую епархію. Шумлянскій работалъ усердно, чтобы обезпечить себѣ возможность безпрепятственной измѣны православію. Для этой цѣли ему казалось необходимымъ расторгнуть и ту небольшую зависимость, которая до сихъ поръ соединяла его съ кіевской митрополіей. Онъ пожелалъ самъ сдѣлаться митрополитомъ, и въ 1689 г. выслалъ своего довѣреннаго, игумена Плесниско-Подгорецкаго монастыря Парфенія Ломиковскаго, въ Москву къ патріарху Іоакиму съ просьбой возобновить древнюю галицкую митрополію и сдѣлать его митрополитомъ, зависимымъ только отъ патріарха, но не отъ митрополита кіевскаго. Онъ хорошо зналъ, что при увеличивающемся соперничествѣ Польши съ Москвой зависимость это будетъ равняться нулю точно такъ же, какъ зависимость русской православной церкви отъ патріарховъ греческихъ была фактически уничтожена конституціей короля Іоанна III, запрещавшей подданнымъ польскаго государства всякія религіозныя сношенія съ Царьградомъ и другими восточными престолами [3]). Но патріархъ московскій, очевидно, понялъ въ чемъ дѣло и отослалъ Ломиковскаго ни съ чѣмъ.

Эта неудача не озадачила Шумлянскаго, тѣмъ болѣе, что и король Іоаннъ III не переставалъ побуждать его, чтобъ онъ скорѣе дѣлалъ то, что обѣщалъ. Въ 1694 году Шумлянскій рѣшился, наконецъ, созвать синодъ духовныхъ и мірскихъ лю-

---

[1]) *Петрушевичъ.* Op. cit., 241.

[2]) Тамъ же, 674 и Likowski, Op. cit., I, 2.

[3]) Науковый Сборникъ Гал. русск. Матицы, 1868, стр. 82—85, гдѣ напечатанъ отвѣтъ патріарха Іоакима Шумлянскому. О посольствѣ Ломиковскаго въ Москву, см. тамъ же стр. 85—87, его-же Сводную лѣтоп. 1600—1700, стр. 222—

дей своей епархіи для совѣщаній по дѣламъ уніи. На этотъ синодъ король прислалъ своего посланника, Христофора Скарбка, который долженъ былъ представить собраннымъ соображенія о пользѣ перехода въ унію. Самымъ вѣскимъ доказательствомъ съ его стороны было то, что „народъ русскій, несмотря на то, что отличается своей вѣрностью, дѣльностью и храбростью, изъ за своей религіи не можетъ быть допущенъ въ городахъ и мѣстечкахъ къ высшимъ должностямъ. Поэтому король, по своей врожденной добротѣ, желая сравнять его cum similibus sibi, заявляетъ, что, принявъ унію, русскіе на основаніи общихъ правъ будутъ имѣть свободный доступъ ко всѣмъ почестямъ и повышеніямъ“ [1]).

Изъ православныхъ явился рьянымъ защитникомъ уніи одинъ только Шумлянскій, а когда большинство собранныхъ объявило свое несогласіе на унію, онъ сказалъ рѣшительно, что „я самъ пойду этимъ путемъ, который указываетъ мнѣ король. Кто хочетъ идти за мной пусть идетъ, а кто не хочетъ— его воля“ [2]). Но хотя одна часть бѣлаго духовенства изъявила свою готовность идти съ Шумлянскимъ, онъ все таки и на этотъ разъ угрозы своей не исполнилъ и рѣшился еще ждать.

Но вотъ въ 1696 году умеръ Янъ Собѣсскій, тотъ король, который при своемъ вступленіи на престолъ польскій писалъ папѣ Иннокентію IX: „Ежели когда нибудь буду въ состояніи соединить многія русскія церкви моего государства съ апостольскимъ престоломъ (т. е. съ Римомъ), то это дѣло буду считать самымъ значительнымъ изъ всего сдѣланнаго мною во славу Христа“ [3]). Шумлянскій, лишенный своего могущественнаго покровителя, струсилъ. Православные считали его уже открытымъ уніатомъ; большинство чернаго духовенства въ его епархіи и братство ставропигійское были противъ уніи; будущій король

---

223 и изданную мною „Лѣтопись Подгорецкаго монастыря“ „Кіевская Старина“, 1690 г., іюль, стр. 127. О запрещеніи православнымъ сношеній съ Царьградомъ, см. Likowski Op. cit. t. II., Annexe, стр. 288.

[1]) Likowski, Op. cit., t. II, Annexa, стр. 286.

[2]) Тамъ же, 289.

[3]) *Theiner*, Monumenta Poloniae historica, т. III, стр. 696.

польскій могъ оказаться приверженцемъ религіозной терпимости. И вотъ Шумлянскій спѣшитъ оправдать себя въ глазахъ православныхъ. Вскорѣ послѣ смерти Собѣсскаго онъ отправляетъ письма кіевскому митрополиту и бѣлгородскому воеводѣ, боярину Борису Петровичу Шереметеву, заявляя въ нихъ, что „умеръ король, умерла и унія; я якомъ былъ неотмѣнно православнымъ церкви святой сыномъ, такъ естемъ, и неотмѣнно въ православіи святомъ зоставатиму“. Что было, то дѣлалось подъ давленіемъ покойнаго короля, который „опуталъ“ будто бы Шумлянскаго и былъ „такъ тяжелъ“ для православныхъ, что „нельзя было и головы поднять“ [1]).

Но тревога была непродолжительна. На польскій престолъ взошелъ саксонскій курфюрстъ Августъ II, который совсѣмъ не думалъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Польши и реформировать ихъ. Онъ предоставилъ все естественному теченію; вліяніе католическаго духовенства во время его правленія скорѣе усилилось, чѣмъ ослабѣло. Унія и латинизація южноруссовъ дѣлали быстрые шаги впередъ. Въ 1698 году приняло унію ставропигійское православное братство въ Замостьѣ [2]). Это придало храбрости и Шумлянскому, и потому 14 апрѣля 1700 г., въ недѣлю Мироносицъ, онъ созвалъ второй мѣстный синодъ своей епархіи во Львовъ въ церковь св. Юрія. Подробности совѣщаній этого синода намъ не извѣстны. Извѣстно только его рѣшеніе, чтобы Шумлянскій самъ ѣхалъ въ Варшаву, гдѣ въ то время происходили совѣщанія сената, и чтобъ тамъ именемъ духовенства принялъ унію и объявилъ это универсалами всему духовенству. Изъ кого состояло большинство собранныхъ, принявшихъ такое рѣшеніе, мы не знаемъ; должно быть, Шумлянскому удалось перетянуть на свою сторону игуменовъ всѣхъ болѣе важныхъ монастырей за изъятіемъ Скитскаго. Изъ мірскихъ людей рѣшенію этому воспротивилось братство ставропигійское львовское, но Шумлянскій, очевидно, чуялъ за собой

---

[1]) *Самоила Величка* Лѣтопись, Кіевъ 1855, т. III, стр. 389, 393; *Петрушевичъ*. Свод. лѣтоп. 1600—1700, стр. 253—255.

[2]) *Петрушевичъ*, Op. cit. 258

силу, когда рѣшился пренебречь этимъ сопротивленіемъ. Не теряя времени, онъ поѣхалъ въ Варшаву, гдѣ, по словамъ современной записки, „sub auspiciis короля Августа II, счастливо привелъ къ концу это дѣло съ помощью Яблоновскаго. Въ сенатѣ о. Шумлянскій получилъ изданный уже дипломъ, гарантирующій духовныя вольности и исповѣданіе вѣры по греческому обряду, и, увѣрившись въ дальнѣйшей благосклонности короля и сената, въ присутствіи того жъ короля, всего сената и собранныхъ въ большомъ количествѣ сановниковъ коронныхъ и литовскихъ и шляхты произнесъ исповѣданіе вѣры 16 мая 1700 г. въ костелѣ оо. капуциновъ, послѣ же, 1 іюля того же года, возобновилъ это исповѣданіе съ своимъ клиромъ и именемъ клира во Львовѣ“ [1]).

Однакоже, во Львовѣ дѣло не пошло такъ гладко, какъ бы могло казаться, судя по словамъ этой реляціи. Напротивъ, Шумлянскій встрѣтилъ здѣсь неожиданное, упорное сопротивленіе преимущественно со стороны братства ставропигійскаго. Въ самый праздникъ свв. Петра и Павла Шумлянскій задумалъ отслужить уніатское богослуженіе въ братской церкви Успенія Богородицы. На это богослуженіе пригласилъ онъ множество высокихъ польскихъ сановниковъ, духовныхъ и мірскихъ. Но когда они собрались, то нашли дверь въ церковь наглухо запертой. Братство наотрѣзъ отказалось ее отпереть. Тогда Шумлянскій топорами приказалъ вырубить дверь, вошелъ такимъ образомъ въ церковь и отслужилъ литургію, несмотря на громкія порицанія со стороны православныхъ. Но братство не отступило, а король Августъ II подтвердилъ его привилегіи. И вотъ началась новая тяжба. Шумлянскій, по своему обыкновенію, не разбиралъ средствъ: гдѣ увѣщанія и угрозы не помогали, пускалъ въ дѣло палки и сабли. Но когда и это вѣрное средство не могло сломить упорныхъ братчиковъ, Шумлянскій письмомъ отъ 10 іюля 1704 года изъявилъ готовность подтвердить всѣ привилегіи братства, только бы оно подчинилось римскому престолу [2]). Нашествіе шведовъ въ томъ же 1704 году и со-

---

[1]) Likowski, Op. cit. т. II, Annexa, стр. 289—290.

[2]) *А. С. Петрушевичъ*. Сводная лѣтопись 1700—1771 г. Львовъ, 1887, стр. 23.

вершенное разграбленіе ими Ставропигіи, которой потери современники оцѣнили въ 120,000 злотыхъ, надломили бодрость и неустрашимость братчиковъ. Они нуждались во всемъ, и борьба съ могущественнымъ епископомъ была имъ не подъ силу, тѣмъ болѣе, что тотъ еще прежде значительно подорвалъ главный источникъ ихъ силы, основавъ у себя въ Свято-Юрьевскомъ монастырѣ типографію. Типографія ставропигійская была самымъ значительнымъ источникомъ доходовъ братства. Оно имѣло на нее королевскія привилегіи и ревниво оберегало свою монополію печатанія книгъ для церковнаго употребленія [1]). Но съ Шумлянскимъ ничего не могло оно подѣлать, тѣмъ болѣе теперь, послѣ перехода въ унію всей львовской епархіи. Книги ставропигійскаго изданія, значитъ православныя, преслѣдовались и истреблялись церковной властью, и намъ кажется, что это было главной причиной, склонившей братство къ переходу въ унію. И дѣйствительно, „сообразивъ непріязненныя отношенія епископа І. Шумлянскаго къ львовской ставропигіи и также запрещеніе подъ страхомъ смертной казни всякихъ сношеній съ царьградскимъ патріархомъ... при совершенномъ ополяченіи русскаго дворянства“, какъ пишется въ ставропигійской лѣтописи, братство въ началѣ 1708 года приняло унію съ тѣмъ условіемъ, чтобы оно подчинено было не львовскому епископу, но непосредственно куріи римской [2]). Это была послѣдняя и самая крупная побѣда Шумлянскаго.

Послѣ перехода львовской ставропигіи въ унію православіе совершенно пало въ его епархіи. Въ православіи остался только единственный Скитскій монастырь въ Карпатскихъ горахъ, который непоколебимо былъ вѣренъ православію даже до австрійскихъ временъ. Послѣ одержанія этой побѣды Шумлянскій умеръ 16 іюля 1708 г. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ записалъ щедрыя дотаціи Свято-Юрьевской каѳедральной церкви и митрополичьему престолу. Страхъ смерти и глубокое раскаяніе—вотъ

---

[1]) *Władysław Loziński*, Lwów starożytny, t. II. Patrycyat i mieszczaństwo lwowskie w XVI i XVII wieku. Lwów 1890 г., стр. 256—260.

[2]) *А. С Петрушевичъ*, Сводная лѣтопись 1700—1771 г. стр. 40.

основныя ноты этого интереснаго документа, составленнаго на польскомъ языкѣ, которымъ Шумлянскій, очевидно, пользовался всегда въ обычной жизни[1]).

II.

Анализируя разсказанные нами факты,—а они далеко не исчерпаны,—мы можемъ составить себѣ довольно отчетливое, хотя далеко не лестное, понятіе о характерѣ послѣдняго православнаго епископа львовскаго. Несокрушимая энергія въ преслѣдованіи своей цѣли, шаткая нравственность, не пренебрегающая никакими средствами, ведущими къ назначенной цѣли, смѣсь рыцарской отваги, варварской жестокости и іезуитскаго лицемѣрія—вотъ самыя выдающіяся черты его характера. Военный по внутреннему влеченію, онъ 24 лѣтъ отъ роду ироніей судьбы поставленъ былъ на одномъ изъ самыхъ высокихъ мѣстъ въ православной іерархіи, поставленъ среди обстоятельствъ, которыя заставляли его продолжать военное ремесло и подъ епископской митрой. И онъ продолжаетъ его съ безалаберностью кондотьера, издѣвается надъ побѣжденными противниками и обогащаетъ на ихъ счетъ своихъ приверженцевъ. Вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ Іоанномъ Собѣсскимъ онъ участвуетъ въ битвѣ съ турками подъ Журавномъ 1676 г., гдѣ направленная въ него пуля убила стоявшаго сзади пѣвца, и подъ Вѣной 1683 г., гдѣ былъ раненъ въ лѣвое плечо[2]). Его переходы изъ православія въ унію, изъ уніи въ православіе, и опять обратно, показываютъ, что религіозные вопросы были для него только частью политики, а политика его была нескончаемымъ рядомъ обмановъ, лицемѣрія, хитростей и предательствъ. Его миролюбивыя клятвы обыкновенно опаснѣе, чѣмъ его наѣзды; даже самыя, повидимому, искреннія свои убѣжденія онъ готовъ былъ въ данный моментъ втоптать въ грязь, лишь бы достигнуть намѣченной цѣли. Ни благодарности къ своимъ благодѣтелямъ, ни вѣрности

---

[1]) Науковый сборникъ гал. р. Матицы, 1868 г., стр. 87—104.

[2]) *А. С. Петрушевичъ*. Свод. лѣтоп. 1600—1771 г., стр. 181, 204.

своему государю у него какъ бы не существовало. Не успѣлъ Іоаннъ III закрыть глаза, какъ онъ первый бросаетъ камнемъ въ его память. Какъ видимъ, полнѣйшій типъ человѣка второй половины XVII в., той грубой эпохи непрестанныхъ жестокихъ войнъ и глубокаго упадка того, что называлось польской культурой, и что въ XVI вѣкѣ дѣйствительно представляло значительную культурную силу.

Но характеристика наша была бы неполна и несправедлива, еслибы мы ограничились этими фактами и не приняли во вниманіе цѣлаго ряда обстоятельствъ и фактовъ, значительно смягчающихъ эту характеристику. Прежде всего нужно обратить вниманіе на труды Шумлянскаго по упроченію матеріальнаго благосостоянія львовскихъ епископовъ. Имѣніе епископское Перегиньско отдано было его предшественникомъ во владѣніе панамъ Малаховскимъ, которые начали считать его своимъ. Шумлянскій отнялъ его у гетмана Малаховскаго въ 1689 г.[1]), и ввелъ тамъ собственную администрацію. Онъ украсилъ каѳедральныя церкви львовскую св. Юра и крылосскую и завѣщалъ имъ богатую церковную утварь; имѣлъ попеченіе о монастыряхъ и даже о бѣломъ духовенствѣ. По его просьбѣ король Михаилъ издалъ привилегію, въ которой духовенство православное поставлено было на равнѣ съ латинскимъ, освобождено отъ юрисдикціи мірскихъ людей и подчинено исключительно власти своего епископа. Въ той же привилегіи рѣшенъ вопросъ о т. наз. *куничномъ*, которое православные священники до сихъ поръ обязывались платить панамъ, а съ тѣхъ поръ должны были въ суммѣ 6 зол. польс. платить епископу[2]). Все это должно было содѣйствовать укрѣпленію русской іерархіи—все равно православной или уніатской. Нельзя забывать, что между условіями, на какихъ Шумлянскій приступилъ къ уніи, были и такія: 4) духовенство должно подлежать юрисдикціи и визитаціи епископа, 11) мѣщане въ городахъ должны, по примѣру Литвы, имѣть дома in circulo civitatis (вопреки польскому обычаю, вы-

---

[1]) *А. С. Петрушевичъ.* Свод. лѣтоп. 1600—1771 г., стр. 221, 226, 227.

[2]) *Ž. Lisiewicz*, Op. cit. 29—30.

тѣснявшему русскихъ православныхъ мѣщанъ изъ рынка въ предмѣстья), 16) въ коронныхъ владѣніяхъ священниковъ долженъ назначать епископъ (ограниченіе права патроната); для нихъ должны быть основаны семинаріи, а мірскіе люди, окончившіе школы, должны быть допускаемы къ студіямъ философскимъ и богословскимъ; 18) король долженъ напомнить папѣ, чтобы тотъ запретилъ переходить изъ одного обряда въ другой (т. е. изъ православія или уніи въ латинство); чтобъ епископы латинскіе не вмѣшивались въ дѣла уніатовъ и не давали защиты отлученнымъ отъ церкви"[1]). Конечно, другіе пункты условій обезпечивали значительныя выгоды для самого Шумлянскаго лично и для русской іерархіи вообще, такъ что договоръ его съ польскимъ правительствомъ на счетъ уніи нельзя назвать свободнымъ отъ эгоистическихъ побужденій. Но все таки нужно признать, что условія поставлены были умно и продиктованы довольно широкимъ, практическимъ взглядомъ на вещи. Самымъ большимъ ихъ недостаткомъ было то, что они не были исполнены; польское правительство было для этого слишкомъ безсильно, а польское общество слишкомъ низко пало, было слишкомъ близоруко, чтобъ сообразить собственную пользу и принять во вниманіе такія настоятельныя потребности русской церкви, какъ духовныя семинаріи и т. д. Конечно, это не уменьшаетъ вины Шумлянскаго, который, зная все это, долженъ бы былъ на собственныя средства помочь бѣдѣ, вмѣсто того чтобъ покупать золотые кресты съ дорогими каменьями и то множество драгоцѣнной утвари, о которой подробно говоритъ его духовная. Но когда мы сообразимъ, что Шумлянскій не былъ Петромъ Могилой, и что онъ былъ едва ли не первымъ православнымъ архіереемъ, который ясно и опредѣленно поставилъ польскому правительству на видъ его обязанности относительно православнаго духовенства, особенно низшаго, то мы все таки должны будемъ признать за нимъ нѣкоторую заслугу.

Самыя интересныя и даже симпатичныя черты характера и дѣятельности Шумлянскаго мы открываемъ въ тѣхъ письмен-

---

[1]) *А. С. Петрушевичъ*, Свод. лѣтоп. 1600—1700 г., стр. 199—300.

ныхъ произведеніяхъ, какія остались послѣ него. Произведеній этихъ, несомнѣнно принадлежащихъ Шумлянскому, мы имѣемъ два: упомянутое выше его духовное завѣщаніе, продиктованное имъ 12 ноября 1707 года секретарю Александру Корендовичу, и изданная имъ въ 1686 году „Метрика", о которой рѣчь впереди. Правда, въ текстѣ „Метрики" Шумлянскій неоднократно упоминаетъ еще объ одномъ своемъ сочиненіи, изданномъ имъ въ типографіи Уневскаго монастыря въ 1680 г., подъ заглавіемъ „Зерцало" или „Зверцадло", въ которомъ, по его словамъ, „описалася наука о седми сакраментахъ святыхъ, о десятеромъ бозскомъ приказаню и о артикулахъ вѣры св. православно-каѳолической". Сочиненіе это, неизвѣстно даже на польскомъ или на русскомъ языкѣ составленное, кажется, не дошло до насъ, по крайней мѣрѣ библіографы о немъ ничего не упоминаютъ [1]).

Духовное завѣщаніе Шумлянскаго, какъ юридическій документъ, конечно, литературной цѣнности не имѣетъ, но оно чрезвычайно важно для характеристики личности львовскаго епископа въ послѣднюю эпоху его жизни. Оно составлено на языкѣ польскомъ, по тогдашнему обычаю щедро пересыпанномъ латинскими фразами. Подлинникъ его на пяти листахъ хранится въ архивѣ львовскаго митрополичьяго капитула при церкви св. Юрія; текстъ изданъ А. С. Петрушевичемъ въ „Науковомъ сборникѣ Гал. русской Матицы" 1868 г., стр. 87—104. Изъ него мы узнаемъ, что Шумлянскій родился въ 1643 году и вступилъ на епископскій престолъ 24 лѣтъ отъ роду.

Въ началѣ своей духовной Шумлянскій разсуждаетъ о скоромъ увяданіи всего земного, упоминаетъ о своей первой духовной, составленной и закрѣпленной въ актахъ гродскихъ въ 1704 году; эту духовную онъ уничтожаетъ. Вслѣдъ за тѣмъ, обращаясь къ Богу, который, его „недостойнаго возвысилъ на это церковное достоинство, въ жизни столько разъ щедро надѣлялъ его благодѣяніями и милостями, всю жизнь охранялъ его въ

[1]) Извѣстны только два уневскія изданія „Зерцала Богословіи" Кирилла Транквиліона Ставровецкаго 1692 и 1696 годовъ. (Максимовичъ. Сочиненія т. III, стр. 686—7). Можетъ быть, то же сочиненіе издано было и въ 1680 г., издержками Шумлянскаго, что и дало ему поводъ упомянуть о книгѣ, какъ о своемъ изданіи.

стольких опасностяхъ и случайностяхъ, и никогда не попустилъ врагамъ его торжествовать надъ нимъ", онъ заявляетъ, что „живетъ и умереть хочетъ въ той вѣрѣ, которая имѣетъ въ себѣ всеобщее согласіе, любовь и единство христіанское древнее св. отцовъ, церкви Восточной и Западной". Онъ кается въ своихъ грѣхахъ, хотя, конечно, въ самихъ общихъ выраженіяхъ, и горячо проситъ Бога, „чтобы при послѣднемъ исходѣ души изъ тѣла, когда уже силы, умъ и всѣ чувства будутъ слабѣть и прекращаться, когда ужасный моментъ приближающейся смерти отниметъ чувства и рѣчь", Онъ бы „не попустилъ ядовитому врагу душъ нашихъ, который особенно въ тотъ моментъ набрасываетъ свои проклятыя сѣти, вредить ему". Онъ проситъ похоронить его въ епископской церкви св. Юрія „absque omni pompa, но при возможно большемъ участіи духовныхъ монаховъ, бѣдныхъ и увѣчныхъ".

Всю богатую церковную утварь онъ отказываетъ епископской церкви св. Юрія, замѣчая притомъ, что, вступая на престолъ, не обрѣлъ при этой церкви ничего подобнаго, но нашелъ церковь и епископію „multis calamitatibus temporum разоренною". Кромѣ того, онъ завѣщаетъ 6000 зол. святоюрьевскимъ монахамъ „ad victum et amictum" (на пропитаніе и одѣяніе), 10000 зол. на епископскую церковь въ Крылосѣ близь Галича, 600 зол. на окончательное обновленіе древней церкви св. Иліи въ Крылосѣ, „qua nihil vetustius videtur" и которая, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, есть памятникъ древне русскаго зодчества еще княжеской эпохи, 3000 зол. монастырю въ Гошевѣ (близь Стрыя), 1000 зол. *православному* монастырю Скитскому въ воспоминаніе его матери, которой бренные останки погребены въ томъ монастырѣ, 1000 зол. монастырю Креховскому, которому онъ уже прежде достойно заплатилъ за оказанную ему въ 1679 году услугу. На свои похороны онъ завѣщалъ 2000 зол., да кромѣ того 1000 зол. для бѣдныхъ, 1000 для монаховъ святоюрскихъ, 800 зол. архидіакону Парѳенію Ломиковскому, 400 зол. о. Паковскому, который много лѣтъ служилъ ему очень усердно и полезно, 300 зол. о. Жуковскому, 100 зол. о. Никодиму. „Малое то возмездіе за ихъ услуги—добавляетъ

Шумлянскій,—но пусть и это примутъ какъ знакъ моей благодарности".

Интересно въ высшей степени отношеніе Шумлянскаго къ прислугѣ и крестьянамъ. „Прислугу разсчитайте, говоритъ онъ исполнителямъ своей духовной,—а ежели который взялъ ливрею, которой еще не заслужилъ, таковому ее оставить. Тоже самое должно относиться и до моихъ „покоевыхъ", которымъ отдаю въ даръ лошадей, на которыхъ мнѣ служатъ". Упоминая о епископскомъ имѣніи Перегинскѣ, которое онъ „съ большимъ трудомъ и затратами отобралъ" изъ рукъ мірскихъ людей, онъ приказываетъ своимъ наслѣдникамъ „чтобъ имѣли неусыпное попеченіе о подданныхъ, удержали ихъ при данныхъ имъ правахъ и ни въ чемъ ихъ не обижали. Въ случаѣ же какого нибудь притѣсненія per succeda neds meos тѣмъ-же подданнымъ или нарушенія правъ мною утвержденныхъ, оставляю имъ свободу жаловаться ubi de jure venerit, даже на епископа, причемъ духовная власть должна принять ихъ сторону". Изъ одного пункта этой духовной мы узнаемъ, что когда панцырная хоругвь брацлавскаго воеводы Конецпольскаго какъ то наѣхала на Перегинскъ и ограбила тамошнихъ крестьянъ, Шумлянскій началъ искъ противъ Конецпольскаго, велѣлъ оцѣнить убытки, понесенные крестьянами, которые составили громадную въ то время сумму 20,000 зол., и выигралъ дѣло въ судѣ гетманскомъ, на который онъ явился самолично и подтвердилъ присягой эту претензію. Мы не знаемъ, когда это было, но за то узнаемъ, что, несмотря на рѣшеніе суда, во время составленія духовной деньги не были еще получены Шумлянскимъ. „Такъ какъ ограбленные крестьяне, говоритъ Шумлянскій,—этой несносной аггравацiей изведены были ни во что и не имѣли даже средствъ пропитанія, потому я долженъ былъ для ихъ поддержанія расходоваться proprio aere и издержать собственныя деньги на ихъ содержаніе, не дожидаясь выигранной въ судѣ суммы". Кажется, что Шумлянскій не много имѣлъ надежды получить эту сумму, и потому онъ завѣщалъ ее на галицкую каѳедральную церковь.

Изъ другаго пункта духовной мы узнаемъ, что Шумлянскій за сумму 2000 зол. выкупилъ изъ львовской замковой тюрьмы нѣкоего Стефана Перевозника Надѣйчицкаго, подданнаго пани Выговской, вмѣстѣ съ его женой. За что они попали въ тюрьму—неизвѣстно; выкупную сумму пани Выговская въ моментъ составленія духовной еще не возвратила Шумлянскому. Въ концѣ Шумлянскій, попрощавшись съ шляхтой своей епархіи, своими родными и всѣмъ клиромъ мірскимъ и монастырскимъ, опять обращается къ Богу, „жалѣя о всѣхъ своихъ грѣхахъ, молясь, чтобъ въ послѣднюю страшную минуту, когда духи смертные будутъ въ немъ состязаться и чувства прекращаться, когда смерть снимать будетъ бренное облаченіе, Богъ помиловалъ его душу и принялъ ее до своей святой хвалы".

Какъ ни думать объ этихъ словахъ, диктованныхъ въ виду близкой смерти, въ приступахъ болѣзни, но, во всякомъ случаѣ, они обнаруживаютъ въ Шумлянскомъ живую вѣру въ загробную жизнь и непрестанный страхъ передъ переходомъ въ эту жизнь. По обычаю богатыхъ пановъ, онъ завѣщаетъ богатыя даянія на церкви и на бѣдныхъ, но все таки совѣсть его не можетъ успокоиться, и ему все мерещатся „враги души", вспоминаются обрывки пѣсни, рисующей въ грандіозныхъ словахъ и картинахъ весь ужасъ суда Божія.

Еще болѣе интереса, и притомъ болѣе широкаго, представляетъ другое сочиненіе Шумлянскаго, написанное на довольно чистомъ южнорусскомъ, или собственно томъ литературномъ малорусскомъ языкѣ, какой выработался было въ южной Руси трудами полемистовъ XVI и начала XVII в., и цѣлой плеяды писателей, стоявшихъ въ связи съ Петромъ Могилой и его коллегіей. Это и есть упомянутая уже нами „Метрика", къ разбору которой мы теперь и обратимся.

Хотя о „Метрикѣ" Шумлянскаго упоминали уже Зубрицкій, Максимовичъ, а за ними прочіе русскіе библіографы, но подробнаго описанія этой въ высшей степени интересной книги до сихъ поръ, кажется, нигдѣ не было. Такъ какъ полные экземпляры ея попадаются довольно рѣдко (напр. на археологической и библіографической выставкѣ Ставропигійскаго института 1888

года, столь богатой старопечатными изданіями, не было ни одного экземпляра этой книги), то предлагаемъ здѣсь ея точное описаніе и обзоръ ея содержанія. Экземпляръ, который имѣется у насъ подъ рукою, есть собственность учителя львовской реальной школы, г. Володиміра Шухевича; прежде онъ принадлежалъ церкви въ селѣ Кричкѣ надворнянскаго уѣзда, въ Карпатскихъ горахъ. Это книга въ старинномъ, кожанномъ переплетѣ, въ четвертую долю листа, напечатанная на толстой сѣрой бумагѣ, нѣкоторые листы имѣютъ какіе то неразборчивые водяные знаки. Ни страницы, ни листы не нумерованы, а только внизу тѣхъ страницъ (да и то не всѣхъ), на которыхъ есть текстъ печатанный, есть типографскія помѣты тетрадямъ. Вся книга состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ первая имѣетъ 13 тетрадей по 4 и 6 листовъ, всего листовъ 62; два листочка при концѣ вырѣзаны. Только первыя 19 страницъ имѣютъ текстъ печатный; на 20-й страницѣ (на оборотѣ 10-го листа) начинаются метрическія записки, которыя идутъ до конца, обнимая періодъ времени отъ 1688 до 1776 года. Типографскія помѣтки находимъ въ этой части: на 3 страницѣ **А҃д** (значитъ, передъ теперешнею первой страницей былъ еще одинъ листокъ, можетъ быть бѣлый), на стр. 7 помѣта **Б**, стр. 9 **н҃к**, стр. 15 **В**. Далѣе никакихъ помѣтокъ нѣтъ.

Вторая часть имѣетъ 8 тетрадей, изъ коихъ 5 первыхъ по четыре листа, а 3 послѣднія по 6; самая послѣдняя имѣла ихъ болѣе, но они вырѣзаны. Текстъ печатный обнимаетъ 9 первыхъ страницъ: на 10-й начинаются записки съ дня 18 января 1689 и кончая годомъ 1776. Типографская помѣта имѣется только одна А на 3 страницѣ. Третья часть имѣетъ 16 тетрадей въ четыре листа. Къ первой тетрадкѣ приклеенъ листъ заглавный, въ нѣкоторыхъ тетрадкахъ, гдѣ была бѣлая бумага, по нѣскольку листовъ вырѣзано. Всѣхъ листовъ 61, изъ коихъ 38 вмѣщаютъ печатный текстъ. Типографскія помѣтки имѣются въ этой части внизу стр.: 3 А, 11, Б 13 ББ, 19 В, 23 Вг, 27 F, 29 ГБ, 31 опять ГБ, 35 f, 37 ДБ, 39 Д҃г, 43 Є҃, 45 **ЄБ**, 47 опять **ЄБ**. 51 **Ж**, 55 **Ж҃г**, 57 **ЖБ** (sic), 59 **Ѕ҃**, 61 **Ѕ҃Ъ**. 63 **Ѕ҃г**. 67 з. 69 **ЗБ**, 71 з҃г, 75 **Н**.

Печатный текстъ во всѣхъ трехъ частяхъ обведенъ черными линейками съ верху и съ одной стороны двойными какъ будто рубриками. Въ верхней рубрикѣ идетъ такъ называемая живая пагинація, въ боковыхъ дѣлаются выноски. Внизу справа есть кустодіи. Текстъ печатанъ четкимъ красивымъ шрифтомъ, похожимъ на древнюю рукопись, и отчасти на шрифтъ изданій острожскихъ. Заглавія и нѣкоторыя слова и строки въ текстѣ всѣхъ трехъ частей напечатаны красными чернилами. Начальныя буквы текста большія въ орнаментахъ и въ каемкѣ, въ третьей части онѣ тоже напечатаны красными чернилами.

Вотъ заглавіе, начала и концы печатнаго текста всѣхъ трехъ частей, причемъ подчеркнутыя слова означаютъ, что они напечатаны краснымъ.

„Метрика.

Котораıа що значитъ, длıа чого, и якъ давно естъ в церкве Божой, тутъ вкоротце описуетсıа.

Іосифъ Шумлıанскій

Милостію Божіею провославный епископъ Лвовскій, Галицкій, и Каменца-Подолскаго. Администраторъ Митрополіей Кіевской. Архімандрыта Печерскій.

Вамъ Пречестнымъ наместникомъ, албо протопопомъ, честным іереомъ, благоговейнымъ діакономъ и всему освященному духовному церковному клиру“. Въ концѣ первой страницы начинается текстъ, который продолжается до страницы 19, гдѣ подъ заставкой читаемъ: „А ıакъ той паперъ запишеш, можешъ собе знову его причинити алько и иннуıю книгу голого паперу увıазати, и тіи Метрики з аппаратами церковными ховати, а потомъ пред насъ епископа на соборахъ поместны порıадне презентовати. В пишуй же тутъ заразъ в Божіи часъ“.

Часть вторая имѣетъ заглавіе, помѣщенное въ широкой архитектонической рамкѣ. Внизу посрединѣ мы видимъ изображеніе брака въ Канѣ Галилейской съ цитатой „Іо(аннъ) Зачало ζ“; съ двухъ сторонъ этого рисунка гербы подъ коронами, одинъ съ изображеніемъ вола, другой, кажется, колокола.

Выше обозначенъ годъ изданія: ҂ ҂, а съ другой стороны ахпз. Все это составляетъ какъ бы нижній этажъ рисунка. Въ среднемъ этажѣ, представляющемъ колонны, окаймляющія заглавіе, изображено Благовѣщеніе, но довольно оригинально, такъ какъ архангелъ изображенъ на колоннѣ съ лѣвой стороны заглавія, а святая Дѣва на другой колоннѣ съ правой стороны. Въ концѣ, въ верхней части рисунка, на архитектоническихъ полулукахъ сидитъ съ каждой стороны по одному ангелу; тотъ, что справа, держитъ въ одной рукѣ епископскій жезлъ, а другой опирается на щитъ подъ епископской митрой съ гербомъ (три поперечныя бревна неодинаковой длины); тотъ, что слѣва, держитъ длинную булаву и тоже опирается на щитъ съ гербомъ подъ короной. Посерединѣ въ сіяніи вензель IXЄ. Слѣдующее заглавіе напечатано безъ употребленія красныхъ чернилъ: „Метрика или вторая книга. Въ супружество вѣнчаны для снадн̃ѣйшой інформаціи духовныхъ свѣцкихъ. З' тоей Tупографіи Єппской львовской, и за того его Мл. Отца Єппа Лво: Блвеніе выдана в лѣто того ҂ахпз“. Оборотъ этой страницы весь занятъ рисункомъ, представляющимъ обрядъ вѣнчанія. На фонѣ церковной архитектуры (колонны, въ глубинѣ на высотѣ перваго этажа галлерея, въ которой помѣщенъ хоръ пѣвчихъ съ нотами въ рукахъ и съ регентомъ, дающимъ тактъ поднятой вверхъ рукой) іерей съ сіяньемъ вокругъ головы вѣнчаетъ молодую пару; за молодой двѣ дѣвушки, за молодымъ два парня съ зажженными свѣчами и два старика. На двухъ церковныхъ плитахъ опять читаемъ ҂ ахпз. Надъ хоромъ пѣвчихъ изображена лента съ надписью: „Таина Σ супружества“, а внизу подъ рисункомъ подписано: „Чтна женитка, и ложе не скверно. Євр: Гла. гг“. На слѣдующей страницѣ заглавіе: „Наука албо способъ іереом мірски ѡ таиннѣ стго супружества“. Такстъ печатный кончается на 9 стр. слѣдующими словами: „Писаніе же отъ пастыря Твоего которое будешъ мѣти іерію или от его намѣстника должен еси все пораду в писати в Метрику сію“.

Заглавіе третьей части вставлено тоже въ архитектоническій рисунокъ, на которомъ внизу изображена, кажется,

проповѣдь св. Іоанна въ пустынѣ съ цитатой вверху Ма҃: з҃а. е҃, и съ подписью внизу Го҃ ахпз҃. На колоннахъ съ обѣихъ сторонъ заглавія изображены св. Георгій и св. Прокопій, надъ ними два ангела держатъ ленту съ надписью: „Иже сотвори и научи сей велій наречется". Въ серединѣ рисунка читаемъ: „Книга третая в которой описуюся урочистіе ста, которіе должни свщенници в нлю по Бж: литур: свои пароxіано заповѣдати и от рокѹ хранити мею. З тоижъ Тv: еппской лвовской, и затогож его мл оца еппа лвовскаго, блвенїемъ выдана. Року ахпз.

На оборотѣ той же страницы изображенъ деисусъ церковный, въ царскихъ дверяхъ стоитъ священникъ въ полномъ облаченіи, справа отъ него въ церкви стоятъ мужчины, слѣва женщины и какой то калѣка. Внизу подписано: „Проповѣдуй слово Бжїе часто благовремене, и безвремене, обличи запрѣти сѹмли, съ всяки долготерпѣнїем и ученїе. К Тїмо: в. гга д. за: стз". Текстъ печатный этой части имѣетъ три статьи. Прежде всего имѣется: „Предмова до свщенниковъ мірскихъ, о стахъ", затѣмъ на страницѣ 9 слѣдуетъ „Ста урочистіе, которіе конечне належит пароxіано от свщенника пароxїалного в неделю по служебѣ Бжой оповѣдати начинше от септеврїа, ажъ до дне остатного авгѹста". Въ концѣ на стр. 21 начинается „Нравоученїе от насъ еппа, вамъ мірскимъ їереом таковое преподается". Текстъ нравоученія вмѣстѣ съ добавленнымъ къ нему „Супплементомъ" кончается на стр. 76 слѣдующимъ postscriptum'омъ, положеннымъ подъ заставкой: „Ажебысте присмотрелися. Свщенъническому образу, и на него взираючи, и сами себе до того аплекскали ото выставляем вамъ образ свщнический.

Миронъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСАНКИ.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

Въ научномъ отношеніи писанки заслуживаютъ вниманія и изученія преимущественно по рисунку. Въ орнаментаціи сказывается все значеніе ихъ археологическое и эстетическое.

Разнообразныя формы писаночныхъ рисунковъ мы раздѣляемъ на слѣдующіе разряды орнаментаціи: геометрическій, солярный, растительный, животный, предметно-бытовой и религіозный. Солярная орнаментація близко подходитъ къ геометрической, почти сливается съ нею.

Въ археологическомъ отношеніи наиболѣе любопытной по обломкамъ древности представляется геометрическая орнаментація, въ художественномъ геометрическая и растительная.

Геометрическая и растительная формы орнаментаціи существуютъ съ незапамятныхъ временъ. Въ памятникахъ, открытыхъ въ Санторинѣ и въ Микенахъ, рядомъ съ геометрической орнаментаціей стоитъ уже растительная, весьма развитая.

Родиной геометрической орнаментаціи считаютъ Элладу. Существуетъ болѣе вѣроятная теорія, что геометрическій стиль принесенъ индоевропейскими народами изъ первоначальной арійской родины. Французскій ученый Дюмонъ допускаетъ вліяніе финикійской или вообще азіатской промышленности на происхожденіе и развитіе геометрическаго стиля орнаментаціи (*Павлуцкій*, Греч. росписн. вазы, 61—64). Первоначальныя,

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1891, 5.

формы геометрической орнаментаціи такъ просты и незатѣйливы, что возникнуть онѣ могли у разныхъ народовъ древности самостоятельно, и нѣтъ надобности доискиваться родины геометрическаго орнамента. Разумѣется, вполнѣ возможно, что съ теченіемъ времени болѣе развитый геометрическій орнаментъ одного народа оказывалъ вліяніе на орнаментацію другихъ народовъ, и здѣсь скорѣе всего можно выдвинуть вліяніе азіатскаго востока, гдѣ искони геометрическая орнаментація отличается изяществомъ и сложностью. Въ пользу мнѣнія о самостоятельномъ зарожденіи, а мѣстами и самостоятельномъ развитіи геометрическаго стиля говоритъ чрезвычайное его распространеніе во всѣхъ странахъ по берегамъ Средиземнаго моря, въ Германіи, Венгріи, Даніи, Швеціи, Россіи, Индіи, Китаѣ. Фрагменты вазъ съ геометрическимъ украшеніемъ найдены также въ Іерусалимѣ и въ Куюнджикѣ въ Ассиріи (*Павлуц.*, 62).

За немногими исключеніями, когда геометрическіе или растительные рисунки разбросаны по всей поверхности яица, обыкновенно поверхность яица раздѣляется продольной или поперечной чертой, иногда двумя продольными или двумя поперечными, иногда многими продольными или четырьмя или даже шестью поперечными. Этими главными линіями опредѣляется форма рисунка. Поперечная линія или полоска въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи (напр. въ лебединскомъ у. харьк. губ.) называется пояскомъ, а самая писанка поясныцей или безпоясныцей. Къ основнымъ и поперечнымъ линіямъ иногда присоединяются косыя и ломаныя линіи, образующія въ пересѣченіи съ прямыми и поперечными треугольники и розетки. Образцомъ рисунка изъ пересѣкающихся продольныхъ и косыхъ линій могутъ служить писанки №№ 1 и 2 въ „Украинскихъ узорахъ“ Косачевой. Въ особенности красивъ бываетъ сложный линейный рисунокъ на писанкахъ подъ названіемъ *„сорокаклынци“*. Здѣсь дѣйствительно бываетъ сорокъ треугольниковъ. Такія писанки встрѣчаются на Волыни, въ Подоліи, въ Харьковщинѣ (сообщенія и коллекціи Глинскаго, Скубака, Савинова), въ Болгаріи. Иногда писанки этого рисунка называются „клынци“; тогда бываетъ только 24 треугольника. При разрисовкѣ

писанки прямыми и косыми линіями треугольники представляются настолько естественно вытекающей формой рисунка, что мы не видимъ надобности выводить ее преемственно изъ того архаическаго троеграна, который встрѣчается на древнихъ бронзахъ, тканяхъ и мозаикахъ съ символическимъ значеніемъ (*Wankel*, 15). Нужно, впрочемъ, оговорить, что троегранъ на моравскихъ писанкахъ иногда имѣетъ самостоятельное значеніе сравнительно съ ближайшими къ нему геометрическими фигурами, напр. на 20, 22 и 24 писанкахъ въ атласѣ Странечки и Ванклевой, и при ограниченности наличнаго матеріала мы не беремъ на себя смѣлости совсѣмъ устранить архаическій троегранъ изъ писаночной орнаментаціи.

Къ простѣйшему линейному орнаменту на писанкахъ относится еще *плетенка*. Это одна изъ древнѣйшихъ орнаментацій, извѣстная уже въ эпоху обитанія въ Европѣ мамонта, отмѣченная на каменныхъ, глиняныхъ и бронзовыхъ издѣліяхъ первобытной эпохи (*Wankel*, 24). На родосскихъ вазахъ (энохое, гидріяхъ, амфорахъ), выражающихъ въ своей орнаментаціи вліяніе азіатскихъ мотивовъ, плетенка часто встрѣчается (*Павлуцкій*, 69). Встрѣчается этотъ орнаментъ и на писанкахъ славянскихъ народовъ, моравскихъ (въ атласѣ *Ванклевой*, 4, 21, 43, 44, 45), великорусскихъ и малорусскихъ. Самый простой, наиболѣе архаическій рисунокъ плетенки мы видѣли на одной малорусской писанкѣ изъ черниговской губерніи. Тожественный рисунокъ на моравской писанкѣ въ атласѣ *Ванклевой* подъ № 21. Въ моей коллекціи есть плетенка на великорусской писанкѣ изъ щигровскаго у. курской губ.

Точечная орнаментика чрезвычайно распространена на древнихъ греческихъ сосудахъ и вещахъ греческихъ съ береговъ Мраморнаго и Чернаго морей, на серебряныхъ и золотыхъ скиѳскихъ вещахъ, въ новое время въ орнаментикѣ всѣхъ славянъ, преимущественно сербовъ и чехо-моравовъ, надъ окнами и дверями, на стѣнахъ, на вышивкахъ, въ Россіи на ярмахъ и дугахъ, у чехо-моравовъ очень часто и въ обиліи на писанкахъ (въ атласѣ *Ванклевой* №№ 12, 13, 15, 17, 18, 20, 21, 24, 26, 29, въ большомъ количествѣ точекъ №№ 31, 32, 34,

35, 36; въ связи съ растеніями 37—42). Сочетанія точекъ весьма разнообразны; точки идутъ въ-рядъ одна за другой, или стоятъ въ видѣ треугольника или по четыре квадратомъ, или прикрѣплены ножками къ линіямъ, или окружаютъ листья и цвѣты. На малорусскихъ писанкахъ точечная орнаментика не имѣетъ опредѣленнаго характера и не имѣетъ важнаго самостоятельнаго значенія. Изрѣдка она встрѣчается въ пояскѣ на крестовыхъ писанкахъ (у *Косачевой* №№ 12 и 19), чаще вокругъ листьевъ и цвѣтовъ, причемъ переходитъ вполнѣ въ растительный орнаментъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ к.-подольской губ. писанки съ точечными украшеніями называются капанками (накапано воскомъ).

Изрѣдка на малорусскихъ писанкахъ (въ нашихъ коллекціяхъ на подольскихъ писанкахъ) и весьма часто на моравскихъ встрѣчается *трезубецъ*, въ огромномъ большинствѣ случаевъ безъ ножки, въ видѣ Мы не расположены придавать этому значку архаич ное значеніе, такъ какъ полагаемъ, что онъ появился на писанкахъ независимо отъ древнихъ письменъ, напр., рунъ, гдѣ трезубецъ обозначалъ при положеніи остріями вверхъ мужа, человѣка, мѣсяцъ, при положеніи внизъ—небо, облако, независимо отъ письменъ финикійскаго и греческаго, гдѣ этотъ знакъ означалъ буквы m, t, psi (*Wankel*, 17). На писанкахъ трезубецъ появляется въ концѣ линій, по нашему предположенію, какъ естественный результатъ разрисовки яица шпилькой, когда остатокъ расплавленнаго воска, удержавшійся на концѣ шпильки, расходуется на оконечности линій.

Самостоятельное положеніе на писанкахъ имѣетъ близкій къ трезубцу знакъ трискелъ или *трикветръ* Этотъ знакъ встрѣчается на малорусскихъ писанкахъ (въ Подоліи), отмѣченныхъ въ моей коллекціи подъ народными названіями рута, орѣховый листъ и пауки, и на моравскихъ въ атласѣ Ванклевой рис. № 26. Этотъ знакъ имѣлъ въ древности мистическое и миѳическое значенія, какъ символъ движенія солнца по тверди небесной и плодородія. У финикіянъ трикветръ былъ символомъ Ваала. Въ позднее время этотъ знакъ въ Сициліи вошелъ въ геральдику. Часто онъ встрѣчается въ Даніи на

древнихъ бронзовыхъ ножахъ, сѣкирахъ, фибулахъ, въ курганныхъ вещахъ въ Силезіи, Венгріи, Малороссіи, Италіи, Малой Азіи, Сиріи (*Wankel*, 19—20). На нѣкоторыхъ писанкахъ трикветръ получилъ значеніе растительнаго орнамента.

Въ геометрической орнаментаціи на малорусскихъ, великорусскихъ и моравскихъ писанкахъ часто встрѣчается солнечный знакъ иногда съ точкой въ серединѣ круга, иногда съ загнутыми въ концѣ лучами, иногда съ точками вокругъ круга, замѣняющими лучи. Въ атласѣ моравскихъ писанокъ Ванклевой см. №№ 31, 33, 26, 47, 25, 26, въ статьѣ Ванкеля рисунки на с. 20. Въ моихъ коллекціяхъ солнечный знакъ имѣетъ одна писанка изъ Боромли ахтырскаго уѣзда, три писанки изъ к.-подольской, 1 изъ Волыни и 1 изъ курской губерніи (великорусская). Волынская писанка вся состоитъ изъ такихъ кружковъ съ лучами; на другихъ писанкахъ они являются дополненіемъ къ другимъ рисункамъ. Вообще, этотъ орнаментъ имѣетъ на писанкахъ вполнѣ самостоятельное положеніе, и, по всей вѣроятности, символизировалъ въ древности солнце. Принимая эту гипотезу, мы естественно должны признать писанки съ солнечнымъ символомъ древнѣйшими по рисунку. По двумъ писанкамъ нашей коллекціи, подольской и курской, можно догадаться, въ какой обстановкѣ солнечный знакъ является на писанкахъ изстари: на обѣихъ писанкахъ, особенно отчетливо на подольской, нарисованы деревья и солнечные знаки по сторонамъ ихъ. Подольская писанка и названіе носитъ „сосенка". Рисунокъ знаменуетъ весеннее возрожденіе природы подъ лучами солнца. Этотъ знакъ съ его варіантами, какъ символъ солнца, встрѣчается на многихъ памятникахъ доисторическихъ временъ, на костяныхъ, бронзовыхъ и глиняныхъ издѣліяхъ, въ древне-египетскихъ храмахъ и пирамидахъ, на старинныхъ славянскихъ вышивкахъ.

Весьма часто на писанкахъ встрѣчается изображеніе *звѣзды*, чаще всего такъ называемой греческой звѣзды Въ атласѣ Ванклевой съ такой звѣздой писанки подъ №№ 1, 2, 7, 8, 25, 44. Въ Украинскихъ узорахъ г-жи Косачевой см. л. 15 №№ 3, 4, 10, 11, 12, 13. Въ Tygodnik illustr. dla dzieci 1889 г.

№ 15 рис. подъ № 25. Въ моихъ коллекціяхъ около 10 писанокъ съ греческой звѣздой, изъ харьковской, полтавской, волынской и к.-подольской губерній. Это самая распространенная и самая изящная форма звѣзды. Встрѣчаются другія формы звѣзды, напр., съ закругленными концами лучей. Эта форма звѣзды при грубомъ исполненіи не отличается отъ растительныхъ формъ орнамента. Самой простой и грубой формы звѣзды можно признать четыреугольную, встрѣчающуюся изрѣдка на малорусскихъ писанкахъ. Писанки со звѣздами часто встрѣчаются на Кубани и въ Польшѣ. Рисуютъ звѣзды чаще на широкихъ продольныхъ сторонахъ яица, иногда на окраинахъ верхней и нижней; лучи расходятся, какъ въ греческой звѣздѣ, или сходятся къ центральной точкѣ.

Весьма любопытнымъ въ археологическомъ отношеніи писаночнымъ орнаментомъ представляется *пентаграмъ* Этотъ мистическій знакъ имѣетъ весьма широкое распространеніе и глубокую древность. На Каролинскихъ островахъ пентаграмъ вырѣзываютъ на кожѣ при татуировкѣ (*Wankel*, 21). У лопарей пятиугольникъ обычное оленье клеймо и въ то же время амулетъ (*Харузинъ*, 252). Въ Марокко женщины навѣшиваютъ своимъ дѣтямъ на шею амулеты съ знакомъ пентаграма. Антіохъ Сотеръ въ походѣ на галатовъ ввелъ этотъ амулетъ въ своихъ войскахъ. Тѣлохранители византійскихъ императоровъ имѣли пентаграмъ на своихъ щитахъ. Его находятъ на доисторическихъ мечахъ, гдѣ онъ, вѣроятно, имѣлъ охранительное значеніе амулета. Его рисовали въ старинное время надъ дверями для охраны дома отъ чародѣевъ и злыхъ духовъ. Пентаграмъ имѣлъ таинственное значеніе у пиѳагорейцевъ и у древнихъ индусовъ (*Wankel* 21). Въ индійской символикѣ Шиву обозначали треугольникомъ остріемъ вверхъ въ видѣ пирамиды, Вишну — треугольникомъ въ обратномъ видѣ остріемъ внизъ, а положенные одинъ на другой треугольники эти составляли особый знакъ, который служилъ символомъ огня и воды, зла и добра, вообще символомъ вселенной (*Nowosielski*, Lud. ukr. I, 185). Пентаграмъ встрѣчается на моравскихъ писанкахъ (см. въ атласѣ Ванклевой № 32).

Къ числу весьма характерныхъ архаичныхъ элементовъ геометрической орнаментаціи принадлежитъ также *меандръ* или Меандръ встрѣчается въ орнаментаціи на край немъ востокѣ на памятникахъ Индіи и Китая, весьма часто и въ разнообразныхъ сочетаніяхъ на древнихъ греческихъ вазахъ, весьма часто на этрусскихъ вазахъ, на многихъ предметахъ древности, найденныхъ въ славянскихъ странахъ, въ новое время у славянъ на вышивкахъ и гончарныхъ издѣліяхъ, у чехо-моравовъ на писанкахъ. Меандръ не встрѣчается на памятникахъ иранскаго и семитическаго племенъ. Одни ученые родиной меандра считаютъ древнюю Грецію, другіе Этрурію. Ванкель полагаетъ, что славянамъ издревле былъ извѣстенъ этотъ орнаментъ. По всей вѣроятности, народы на извѣстной стадіи духовнаго развитія самостоятельно выработали и полюбили эту форму орнаментаціи, оказавшуюся особенно пригодной въ архитектурѣ и мозаикѣ.

Одинъ ученый, занимавшійся въ 70-хъ годахъ изученіемъ малорусской орнаментики и собиравшій съ этой цѣлью, между прочимъ, писанки, недавно сообщилъ мнѣ, что въ его коллекціи было нѣсколько писанокъ съ изображеніемъ свастики. Недавно въ польскомъ этнографическомъ журналѣ „Висла“ (1889, стр. 970) было также указаніе, что *свастика* встрѣчается на малорусскихъ писанкахъ. Въ моихъ коллекціяхъ такихъ писанокъ нѣтъ. Свастика является исконнымъ религіозно-мистическимъ и символическимъ знакомъ. Самое слово svastika древне-индійское (sv—asti) и означаетъ добро есть, на здоровье. Другой научный терминъ этого знака, рѣже встрѣчающійся, „тетраскелъ“ (четыреногъ). Свастика встрѣчается на древнихъ памятникахъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Ее нашли у монгольскихъ народовъ, у финикійцевъ и этрусскловъ, у финновъ, у американцевъ. У галловъ и германцевъ она является въ концѣ бронзоваго вѣка; у римлянъ лишь въ III в. по Р. Хр.; этруски, повидимому, употребляли ее для украшенія. Предполагаютъ, что азіатскіе туранцы заимствовали свастику отъ арійцевъ. Вообще, свастика—любимый религіозный символъ арійцевъ. Относительно происхожденія этого знака су-

ществуетъ въ наукѣ гипотеза, что свастика была первоначально орудіемъ для добыванія огня, употреблялась при священныхъ обрядахъ и впослѣдствіи стала знаменовать высшее божество солнца, Аполлона, Одина. И теперь свѣтъ очаровываетъ дѣтей. Въ глубокой древности онъ очаровывалъ и взрослаго человѣка. Намъ, ослабляющимъ мракъ ночи факелами, лампами и электричествомъ, трудно представить себѣ ужасъ пра-человѣка предъ глубокой тьмой, которую его фантазія населяла страшилищами и радость его при свѣтѣ и всякомъ его символѣ (*Трачевскій*, въ IV т., Труд. одес. арх. съѣзда 14; *Wisła*, 1889, 710, и 970; *Wankel*, 18).

Нѣсколько спиральныхъ линій, колецъ или завитушекъ, обходящихъ вокругъ писанки, составляютъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ въ Малороссіи писаночныхъ рисунковъ, такъ называемый *безконечникъ*. Въ „Украинскихъ узорахъ“ Косачевой, см. подъ № 21. Въ моихъ коллекціяхъ находится 8 безконечниковъ изъ харьковской, волынской, к.-подольской губерній и кубанской области. Изящный безконечникъ изъ г. Краснокутска богодуховскаго у. по рисунку вполнѣ сходенъ съ безконечникомъ изъ с. Гульчи, острожскаго у., волынской губерніи. Въ народѣ писанки этого рисунка имѣютъ обрядо-мистическое значеніе. Пасѣчникъ идетъ на Пасху христосоваться съ пчелами и несетъ имъ безконечникъ, который кладетъ подъ первый или покутній улей, называемый у заднѣпровцевъ хозяиномъ, на которомъ всегда лежитъ ладанъ (*Максимовичъ*, Собр. соч., II, 472). Тожественный обычай существуетъ нынѣ въ купянскомъ у., харьк. губ.: „Писанку безконешникъ пасяшныки кладутъ пидъ вулій и бережутъ іи, щобъ безконечно роились бджолы. И сему суща правда! Безконешною вона зветця потому, шо стики іи ни розглядай, а начала и кинця въ неи не найдешь: одни вылюжки та карлючки“ (сообщ. А. А. Склобинская). Безконечники бываютъ различныхъ формъ: цвѣтныя кольца или спиральныя линіи идутъ поперекъ яйца, или, что рѣдко встрѣчается, вдоль. Писанки послѣдняго рода найдены мной въ одной записи изъ к.-подольской губерніи и въ коллекціи свящ. Дмитріева изъ лебединскаго у., харьк. губ.

Религіозно-христіанскія формы рисунка мало распространены сравнительно съ другими формами писаночной орнаментаціи. То, что слабо въ этомъ отношеніи въ настоящее время, навѣрно можно сказать, было слабо и неразвито и въ старину. Это вовсе не говоритъ противъ народнаго чувства религіозности. Это чувство издавна велико. Не подъ силу было простому неграмотному крестьянину ввести въ писанки христіанскую орнаментацію. Съ появленіемъ въ селѣ грамотныхъ маляровъ и съ распространеніемъ грамотности среди крестьянъ и на писанкахъ появились надписи религіознаго характера, изображенія Спасителя, пресв. Дѣвы Маріи, ангеловъ, чаши.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи, напр., въ к.-подольской губерніи, религіозная тенденція захватила одну изъ самыхъ популярныхъ писанокъ геометрическаго стиля—сорокаклинцы: писанка стала означать или сорокадневный постъ или сорокъ мучениковъ. Мѣстами ее раскрашиваютъ въ день 40 мучениковъ (с. Роткевича). Въ принадлежащей мнѣ коллекціи писанокъ изъ подольской губ. находится писанка подъ названіемъ „плащаница“ въ видѣ равносторонняго четырехконечнаго креста съ какими-то четырьмя своеобразными цвѣтными завитушками по угламъ въ пересѣченіи крестовыхъ линій. Въ с. Островерховкѣ, харьковскаго уѣзда, мастерица Головчиха, между прочимъ, расписываетъ одну писанку подъ названіемъ иконостасъ (с. Савинова). Въ Галиціи встрѣчаются писанки „церковка“, „дзвинъ“ и „поповы ризы“. (Tygodn. ill. dla dzieci, 1889, № 15).

Весьма распространены *крестовыя* писанки. Извѣстно, что крестъ задолго до появленія христіанства занималъ видное мѣсто въ орнаментикѣ и, повидимому, въ символикѣ. На глиняныхъ сосудахъ, найденныхъ на островахъ Эгейскаго моря, относимыхъ археологами къ X в. до Р. Хр., крестъ составляетъ уже обычное орнаментальное украшеніе (*Павлуцкій*, 60). Нѣтъ, однако, никакого основанія писаночные кресты возводить въ дохристіанское время. Несомнѣнно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ христіанской орнаментикой, вполнѣ доступной для народа по простотѣ рисунка. Формы креста на писанкахъ весьма разнообразны. Чаще всего встрѣчается обыкновенный греческій крестъ

четырехконечный и равносторонній, на моравскихъ писанкахъ такой же крестъ съ ручками или утолщеніями въ концахъ въ формѣ, иногда андреевскій крестъ въ видѣ буквы X. Эти формы креста, преимущественно греческій простой и съ ручками встрѣчаются на малорусскихъ и моравскихъ писанкахъ въ связи съ разными элементами геометрическаго стиля (у Ванклевой №№ 11, 12, 20, 23; у Косачевой №№ 14, 20). Всѣ эти формы креста были весьма распространены на византійскомъ Востокѣ. Православныя церкви строились и строятся обыкновенно въ видѣ греческаго креста. Такой крестъ часто рисовали на одѣяніяхъ святыхъ. Греческій крестъ съ ручками вошелъ въ орнаментику константинопольскаго Софійскаго храма. Въ настоящее время сербы католики въ Босніи вырѣзываютъ крестъ съ утолщеніями на концахъ, на рукѣ (*Гликъ* въ Гласник. зем. Музеа 1889, III, 81). Что касается до латинскаго креста, съ удлиненнымъ нижнимъ концомъ, того креста, въ формѣ котораго на католическомъ Западѣ построено большинство церквей романскаго и готическаго стилей, то такой крестъ мы нашли только въ одной коллекціи писанокъ изъ с. Балаклѣи, зміевскаго у., харьковской губерніи. Присутствіе на малорусскихъ и чехо-моравскихъ писанкахъ андреевскаго и греческаго крестовъ говоритъ въ пользу предположенія о византійскомъ происхожденіи писаночной орнаментики у народовъ славянскихъ.

Своеобразными крестовыми писанками можно признать въ атласѣ Косачевой № 14 (восьмиконечный крестъ), 19 (четырехконечный крестъ изъ цвѣтовъ), 20 (два небольшихъ равносторонних четырехконечныхъ креста, причемъ одинъ вставленъ въ другой). Въ моихъ коллекціяхъ есть нѣсколько грубо исполненныхъ крестовъ изъ цвѣтовъ и одинъ довольно изящный рисунокъ креста, положеннаго на звѣзду. Моравскія крестовыя писанки въ атласѣ Ванклевой подъ № 3 (напоминаетъ малорусскую у Косачевой подъ № 19), подъ № 27 (превосходный рисунокъ четырехконечнаго креста краснаго цвѣта изъ четырехугольниковъ на черномъ фонѣ и подъ № 47 (красный крестъ, состоящій изъ многихъ малыхъ крестовъ, на черномъ фонѣ).

Въ Темрюкѣ кубанской области на писанкахъ геометрическаго или растительнаго стиля непремѣнно ставится одинъ маленькій крестикъ. Такой крестикъ находится на писанкахъ: „сорокъ висимъ клинцивъ", „безконечникъ", „повна рожа" и др.

Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, въ харьковской губ. (с. Свѣтъ), въ к.-подольской (с. Руткевича), въ кубанской области (с. Дружинина и Товпекина), встрѣчаются изрѣдка писанки малярской работы съ изображеніемъ Спасителя, Богоматери, ангеловъ, съ надписями „Христосъ воскресъ", съ изображеніемъ чаши или сердца, пронзеннаго стрѣлой.

Растительная орнаментика встрѣчается на многихъ писанкахъ; по распространенности и по художественности она не уступаетъ геометрической орнаментикѣ. Рисуютъ или цѣлое растеніе, или, сообразно съ небольшой поверхностью яйца, отдѣльныя части растенія, листья, цвѣты въ одиночку, цвѣты съ ножками и листьями. Растительной орнаментикой опредѣляется часто названіе писанки: рожевка, хрѣновый листъ, сосна и пр. При сложной растительной орнаментикѣ иногда писанки получаютъ сложную описательную терминологію. Самымъ характернымъ примѣромъ могутъ служить писанки изъ лебединскаго у., харьковской г., любезно доставленныя мнѣ свящ. о. Измаиломъ Дмитріевымъ, при хорошо составленной объяснительной запискѣ. Въ этой коллекціи 19 писанокъ разрисованы въ строгой системѣ по тремъ основаніямъ; вишневому листу, дубовому листу и розѣ, причемъ вся разница рисунка опредѣляется тѣмъ, на широкихъ или узкихъ сторонахъ яйца нарисованы листья, велика ли форма листа или не велика и, наконецъ, имѣется ли поперечная линія—поясокъ или нѣтъ такого, каковой орнаментикой опредѣляется и самая терминологія писанокъ, именно:

Вишневый листъ.

1) Вишневый листъ безпоясныця;
2) Вишневый листъ на 8 листьевъ;
3) Вишневый листъ на 4 листа по желтому полю;
4) Вишневый листъ на 4 листа по бѣлому полю.

Дубовый листъ.

1) Дубовый листъ на 8 листьевъ;
2) Дубовый листъ безпоясныця;
3) Дубовый листъ подпоясныця на 4 листа;
4) Дубовый листъ подпоясныця на 4 листа съ желудями;
5) Дубовый листъ на 2 листа;
6) Дубовый листъ, боковая продольная на 2 листа;
7) Дубовый листъ боковая поперечная на 2 листа.

Рожевка.

1) Рожевка на 6 квитокъ;
2) Рожевка на 4 рожи (пивквитки);
3) Рожевка на 2 рожи (пивквитки);
4) Рожевка на 2 рожи шелудывка (не повна квитка);
5) Рожевка сторчевая, повна на 2 рожи;
6) Рожевка сторчевая, на 2 рожи шелудывка;
7) Рожевка боковая, на 2 рожи шелудывка;
8) Рожевка на 4 листа по жовтому полю.

Въ объясненіе этой терминологіи можно добавить, что терминъ „рожевка сторчевая повна на 2 рожи" означаетъ, что розы нарисованы на верхнемъ и нижнемъ концахъ яйца, спускаются на его середину, на которой нѣтъ пояска, а когда проводится поясокъ, то сторчевыя розы бываютъ меньшаго размѣра, оттого и сама писанка „шелудивка"—неполная, а, когда розы нарисованы на широкихъ сторонахъ писанки, то получается боковая писанка [1]). Писанка „боковая рожа шелудывка" встрѣчается также въ г. Темрюкѣ, кубанской области, (с. Барановской).

Вишневый листъ, дубовый листъ и роза (также рожа—malva) встрѣчаются на писанкахъ въ Галиціи, Екатеринославщинѣ, кубанской области и въ другихъ мѣстностяхъ съ малорусскимъ населеніемъ. Роза встрѣчается чаще другихъ цвѣтовъ.

[1]) Эта сложная терминологія, отмѣчена только въ слободѣ Анниной лебединскаго уѣзда; въ другихъ мѣстностяхъ названія писанокъ состоятъ обыкновенно изъ одного слова (саквы, сосна, крестата и пр.), изрѣдка двухъ (бараньи роги, курячи лапы), смотря по рисунку.

И въ повѣсти Квитки „Отъ тоби и скарбъ" отмѣчена „кохвейна (по цвѣту) рожа на усе яице и не упысалася, такъ вже и лыстьтячко дрибнесенько вже на самому кинци ледве прытулылы". Формы листьевъ часто бываютъ настолько неопредѣленнаго характера, что по нимъ трудно опредѣлить природу растенія. Въ моей коллекціи есть писанка „полева рожа" изъ с. Островерховки харьковскаго уѣзда, которая по рисунку напоминаетъ писанки дубоваго листа изъ лебединскаго уѣзда.

„Рожевкѣ сторчевой на дви рожи шелудывкѣ" лебединскаго у. соотвѣтствуетъ по рисунку галицко-русская „подлужна рожа" (Tygod. illustr. dla dzieci 1889, № 15, подъ № 26). Въ к.-подольской губ. извѣстна писанка „ружа съ гребинцями" (роза на срединѣ яица, а ее накрестъ раздѣляютъ четыре линіи, оканчивающіяся гребешками), въ кубанской области „перевита рожа" съ цвѣтами на продольныхъ линіяхъ.

Изъ другихъ растеній чаще всего на писанкахъ изображается сосна: этотъ орнаментъ можетъ быть очень древнимъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ соединенъ съ солнечными кружками, что въ совокупности должно было выражать возрождающуюся весной природу. Между писанками сосенками встрѣчаются и очень красивыя, какъ можно видѣть въ моей коллекціи на волынской писанкѣ. Писанки сосны извѣстны въ курской губерніи, на Кубани, въ Галиціи. У галичанъ различаютъ писанки—сосну большую (одна вѣточка вдоль всего яица) и сосну малую (четыре вѣточки накрестъ).

Изъ произведеній украинской флоры на писанкахъ мы далѣе встрѣтили: козодрисъ (польск. kosodrzew, kosówka—pinus mughus), гвоздику, фіалку, виноградъ, сливы (плоды), руту, барвинковый листъ, попову мудь (цвѣточки), орѣховый листъ. Эти растительные орнаменты украшаютъ писанки изъ к.-подольской губ. (дост. свящ. Родкевичемъ). Гвоздики встрѣчаются на харьковскихъ и галицко-русскихъ писанкахъ. Въ к.-подольской губ. рисуютъ еще писанку „полунышница" (с. Савинова), отъ сл. полуница—клубника. Въ слободѣ Анниной лебединскаго у. знаютъ писанку „хрѣновый листъ" оригинальнаго рисунка (изъ цвѣтныхъ параллельно расположенныхъ полосъ).

Въ Темрюкѣ одна писанка носитъ названіе „огирки“ (огурцы).

На польскихъ писанкахъ встрѣчаются „пальмы“ или вѣтки въ родѣ сосны (*Udziela*, 9). Изъ соединенія звѣздъ и сосенъ образуются разные писаночные рисунки. Далѣе извѣстны писанки „въ метёлки“, „въ мачки“—очень изящная, по синему фону вырѣзаны мелкіе маковые листочки, бѣлые по цвѣту скорлупы (въ Вислѣ, 1890 г. III).

Въ атласѣ моравскихъ писанокъ встрѣчаются очень изящные рисунки листьевъ, цвѣтовъ и растительныхъ колокольчиковъ (№№ 3, 4, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 26, 28, 30, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 47, 48); къ сожалѣнію, въ атласѣ нѣтъ никакихъ указаній на природу или названіе изображаемыхъ на писанкахъ растеній. Въ художественномъ отношеніи наилучшими представляются №№ 39—42 (листы и колокольчики въ спиральной формѣ обходятъ вокругъ всего яица).

На сербскихъ писанкахъ встрѣчаются изображенія гіацинтовъ (сумбулъ), тюльпановъ, яблокъ (Гласник земальског музеја, 1889, III, 60).

Животный орнаментъ на писанкахъ рѣдко встрѣчается. Древность его не поддается точному опредѣленію. Однѣ формы животнаго орнамента могутъ происходить изъ глубокой древности, напримѣръ, изображеніе пѣтуха, другія (ракъ, курячи лапы и пр.) могутъ быть разсматриваемы какъ случайная игра фантазіи, опирающаяся на обстановкѣ современнаго народнаго быта. Если же остановиться на вопросѣ о древности животной орнаментаціи вообще, то, не вдаваясь въ подробности, достаточно будетъ здѣсь замѣтить, что рисунки и рѣзьба фигуръ животныхъ составляли занятіе древнѣйшихъ пещерныхъ обитателей Европы и выполнялись ими уже настолько художественно, что иные изслѣдователи считали эти рисунки на камнѣ, кости и бронзѣ за современную поддѣлку. Искусство раскрашиванія возникло также въ глубокой древности. Дикари, разрисовывавшіе себѣ тѣло углемъ, красною глиной, красною и желтою охрою, могли раскрашивать тѣми же красками вырѣзанныя фигуры или яица. Путешественники по Австраліи, за

ходя въ пещеры, удивляются искусству, съ какимъ сдѣланы на стѣнахъ фрески, изображающія кенгуру, эму и пляску туземцевъ (*Тайлоръ*, Антропологія, 300).

Въ животной орнаментикѣ писанокъ изрѣдка встрѣчается цѣлое животное, большею частью части его (рога, лапы), въ зависимости отъ малаго объема матеріала.

Самымъ распространеннымъ и, повидимому, самымъ древнимъ животнымъ украшеніемъ писанокъ оказывается птичка, имѣющая большею частью видъ пѣтушка. Въ повѣсти Г. Ѳ. Квитки „Отъ тоби и скарбъ"—„Орышка напысала вышневыхъ пташечокъ, шо цилуются, а кругомъ усёго яица та пидпысала слова, шо дякъ Симейонъ скомпоновавъ и спысавъ на бумазци:

Христосъ воскресе вельце!
Поцилуймося мое серце!

такъ Орышка зъ тіи бумажкы сама спысовала, та тильки, не вміючи пысьма, на лыхо соби почала не зъ тиеи рукы, якъ треба, такъ хто письменный, то ничого и не розбере и не скаже, що воно и е, чи то слова, чи такъ що надряпано". Подобное обыкновеніе бытуетъ и нынѣ въ харьковской губ. Въ купянскомъ у. маляры и живописцы рисуютъ на писанкахъ цѣлующихся голубей (с. Пелихова). Но эта форма животнаго орнамента не имѣетъ характера древности; вмѣсто свойственной древности серьезности замысла здѣсь выступаетъ эротическое сентиментальное начало.

Гораздо болѣе древними представляются намъ пѣтушки на великорусской писанкѣ въ моихъ коллекціяхъ и на трехъ моравскихъ писанкахъ въ атласѣ Ванклевой (№№ 29, 30 и 48). Здѣсь пѣтушки окружены деревьями и цвѣтами, а въ № 48 добавлены еще солнечные символическіе знаки въ видѣ звѣздочекъ.

Пѣтухи и голуби встрѣчаются на сербскихъ писанкахъ (*Гласник* зем. музеја, 1889, III, 62). Изъ Болгаріи доставленъ мнѣ снимокъ съ одной писанки, на одной сторонѣ которой изображена большая птица въ стоящемъ положеніи, на другой—на-лету. Породу, птицы трудно опредѣлить.

Писаночный пѣтухъ представляетъ зооморфическій образъ солнца, что подтверждается несомнѣнно солярнымъ значеніемъ

пѣтуха во многихъ повѣрьяхъ, поговоркахъ, сказкахъ и обрядахъ. Какъ провозвѣстникъ дневнаго разсвѣта, пѣтухъ издревле получилъ значеніе солнечнаго символа. Въ загадкѣ „сидыть пивень на верби, спустывъ косы до земли“ выступаетъ солнце и его лучи. Во всѣхъ странахъ Европы голосу пѣтуха приписывается могучая сила: демоны, мертвецы, упыри исчезаютъ при первомъ крикѣ пѣтуха. Деревянное изображеніе пѣтушка на крышѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи и Россіи служитъ охранительнымъ талисманомъ (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр., I, 518).

Въ моей коллекціи писанокъ изъ к.-подольской губ. (дост. свящ. Родкевичемъ) находится писанка подъ названіемъ пчела. Догадаться по рисунку трудно: туловище дѣйствительно пчелиное, длинное, съ желтыми поперечными полосками; головка въ видѣ перекладины такого же рисунка; но на мѣстѣ крыльевъ и впереди головки большіе треугольники краснаго цвѣта. Свящ. Родкевичъ высказываетъ при этомъ предположеніе, не указываетъ ли писанка пчела на 17 марта, день св. Алексѣя человѣка Божія, который, по мѣстнымъ народнымъ повѣрьямъ, покровительствуетъ пчеловодству.

Въ той же коллекціи находится другая рѣдкая писанка—ракъ. Здѣсь уже никоимъ образомъ нельзя догадаться по рисунку, что мы имѣемъ передъ собою рака. Рисунокъ представляетъ сходство съ безконечникомъ: спиральная линія обходитъ всю широкую половину яица, обращенную къ зрителю, а среди этой линіи находится маленькая крестообразная фигурка.

Въ той же коллекціи находится писанка „пауки“, которую, не зная названія, можно признать писанкой растительнаго орнамента. Никакого подобія пауковъ: поясокъ раздѣляетъ писанку на 2 продольныхъ части; каждую половину писанки крестовый цвѣтокъ раздѣляетъ на 4 части, въ которыя вставлены по 3 загнутыхъ въ кружокъ линіи, сидящихъ на одной ножкѣ.

Въ той же к.-подольской коллекціи находится писанка „шарпаньская муха“, нѣсколько напоминающая большую муху: брюшко съ длинной головкой, 2 крылышка около брюшка и 2 длинныхъ крылышка по бокамъ; мастерица сфальшила, изобра-

зивъ рядомъ съ головкой и такой же величины 2 крыла, такъ что муха выходитъ трехъ-головая.

На галицко-русскихъ писанкахъ встрѣчаются иногда изображенія улитокъ, и сами писанки съ такимъ рисункомъ называются слимаки (*Ziel*, въ Tygodn. illust. dla dzieci, 1889, № 15).

Въ той же галицко-русской мѣстности (Покутье) встрѣчается писанка съ извивающейся линіей по яицу, и называется такая писанка ужемъ (ib.).

Въ коллекціи писанокъ, принадлежавшей бывшему юго-западному отдѣлу Географическаго общества, была, какъ мы слышали, писанка съ изображеніемъ рыбы; нельзя сдѣлать изъ этого единственнаго экземпляра писанки-рыбы какое-либо заключеніе о символическомъ значеніи этой писанки (въ катакомбахъ рыба—символъ Христа); проще предположить о случайномъ появленіи этого рисунка.

Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи, въ Галиціи и въ Польшѣ встрѣчаются писанки „бараньи роги", „курячьи лапы", „качачьи лапы", „гусячьи лапы", „утиныя шейки", „заячьи ушки", съ соотвѣтствующими рисунками, напр., четырьмя накрестъ положенными линіями съ загнутыми концами (рога), съ 3 или 4 линіями расходящимися изъ одной точки (лапки).

Въ печати были высказаны мнѣнія о вліяніи на писаночный орнаментъ рисунковъ ковровъ, ситца, разныхъ узорочій (Глинскій, Довгирдъ); но по извѣстнымъ намъ коллекціямъ и рисункамъ мы не можемъ указать на это вліяніе. Мы считаемъ писаночную орнаментику оригинальной, во многихъ случаяхъ традиціонной, во многихъ—случайной, какъ проявленіе свободнаго эстетическаго творчества, причемъ матеріалъ даетъ мѣстная флора и разные предметы домашняго хозяйства.

Многіе писаночные рисунки имѣютъ *бытовое* содержаніе. Таковы писанки „гребень", „грабли", „сокира", „свитая лента", „зонтикъ" (въ Галиціи), „люлька" (трубка, въ к.-подольской губ.), „вовчи зубы" (принадлежности ткацкаго станка, тамъ же), „човныки", „саквы" (мѣшки), „чоботы", „крутые рукава", „бак-

лажокъ“, „скрыпка“, „боченочекъ“, „мотовыльце“ (въ Темрюкѣ [1]).

Изъ предметныхъ орнаментовъ отмѣтимъ слѣдующіе: Въ к.-подольской губерніи встрѣчается писанка „бесаги“, на которой красной краской по темному фону изображены молдавскіе двойные мѣшки бесаги, которые перевѣшиваютъ черезъ плечо на грудь и спину (с. Родкевича). Подобнаго рисунка писанка встрѣчается въ Барсуковской ст. кубанской области (с. Донцова).

Писанки въ формѣ лѣстницы рисуютъ въ Тенгинской ст. кубан. обл. (с. Росавскаго), въ курской губ. (великорусская писанка въ моей коллекціи); у поляковъ драбинки имѣютъ 9 или 10 ступенекъ (Udziela, 9).

Писанки „калыткы“ (кошельки) встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи въ К.-подольской г. Свящ. Родкевичъ высказываетъ оригинальное предположеніе относительно происхожденія и значенія этого орнамента въ писанкахъ каменецъ-подольской губерніи. Въ числѣ орудій, изображаемыхъ на иконахъ Страстей Христовыхъ, находится также Іудинъ кошелекъ или касса, и возникаетъ вопросъ не означаютъ ли писанки „калытки“ Іудина торга при продажѣ Спасителя. Писанка „калыточка“ встрѣчается также въ купянскомъ у. харьковской губ. (с. Свѣтъ).

Обычай приготовленія писанокъ къ Пасхѣ идетъ къ исчезновенію; мѣстами онъ уже прекратился; мѣстами сильно ослабѣлъ. На мою просьбу о присылкѣ писанокъ и свѣдѣній о нихъ извѣстный этнографъ И. И. Манжура отвѣтилъ мнѣ: „На послѣднихъ дняхъ Страстной, какъ я не искалъ писанокъ на двухъ екатеринославскихъ базарахъ, тамъ ихъ и слѣда не оказалось. Не оказалось ихъ также въ ближайшихъ окрестностяхъ города, хотя тамъ еще ихъ помнятъ; но производство уже умерло“. Другой почтенный изслѣдователь народной жизни П. В. Ивановъ пишетъ мнѣ: „Въ г. Купянскѣ въ послѣдніе годы писанокъ уже не пишутъ, какъ это бывало прежде, не про-

---

[1]) Съ черноморской писанкой „мотовыльце“ вполнѣ сходна одна болгарская писанка изъ Добруджи.

даютъ; лавочная сахарная и фарфоровая писанка вытѣснила изъ употребленія домашнюю, хотя еще живы женщины, писавшія съ своими матерями и распродававшія въ прежніе годы въ теченіе поста сотни писанокъ. Нѣтъ выгоды, не стоитъ писать—вотъ ихъ отвѣтъ на вопросъ, почему онѣ не приготовляютъ теперь писанокъ". Въ Харьковѣ лѣтъ двадцать на окраинахъ еще писали писанки, а теперь здѣсь исчезъ этотъ обычай; ограничиваются простыми крашанками или лавочными сахарными и стеклянными писанками; на базарѣ я нашелъ въ прошломъ году на Страстной недѣлѣ 4 писанки изъ с. Коротича, отстоящаго отъ города верстъ на 15.

Въ другихъ мѣстностяхъ хранителемъ обычая является какая-нибудь одна старуха, со смертью которой умретъ и последній слѣдъ обычая. Такъ, въ слоб. Анниной лебед. у. рисуютъ писанки маляръ и одна старуха, въ слоб. Боромлѣ ахтырскаго у. одинъ старикъ и одна старуха, въ с. Островерховкѣ харьк. у. старуха Арина Головчыха, а въ Темрюкѣ старуха Акулина Фаленко.

Упадокъ обычая рѣзко обнаруживается въ слабости и порчѣ рисунка: линіи неправильны, неровны, орнаментація сдѣлана небрежно, грубо. Единственное орудіе—кисточка—заброшено, и капаютъ на яицо прямо съ горящей восковой свѣчи. Оттого и писанки Харьковщины, Екатеринославщины, Полтавщины значительно грубѣе и однообразнѣе волынскихъ и подольскихъ писанокъ, слабѣе польскихъ и чешскихъ. Недостатки писанокъ лѣвобережной Украины не слѣдуетъ, мы думаемъ, объяснять сравнительно восточнымъ ея положеніемъ, удаленностью отъ западнаго славянства, отъ богатыхъ въ художественномъ отношеніи источниковъ европейской культуры. Дѣло въ томъ, что въ лѣвобережной Малороссіи и среди великорусскаго населенія курской губ. попадаются писанки, весьма изящныя по рисунку и яркія по окраскѣ; но встрѣчаются онѣ рѣдко, въ немногихъ мѣстностяхъ, повидимому, какъ обломокъ лучшаго въ прошломъ состоянія писаночнаго дѣла. Этетическое чувство и любовь къ изящному малорусскому народу свойственны не менѣе, чѣмъ народамъ западно-славянскимъ. Матеріалъ, собранный мною, настолько малъ въ коли-

чественномъ отношеніи, что нѣтъ возможности намѣтить въ писаночномъ дѣлѣ историческія градаціи или мѣстныя вліянія. Легко выдѣляются только малярскія писанки, по замысловатости рисунка (напр. „прободенное сердце"), по присутствію позолоты и по надписямъ. Коллекціи крестьянскихъ писанокъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ экземпляровъ, встрѣчающихся повсемѣстно (напр., безконечники), оказываются весьма разнообразными по силѣ и яркости окраски, по преобладанію того или другаго цвѣта, по выбору растительныхъ орнаментовъ.

Въ заключеніе статьи не могу не высказать двухъ пожеланій: первое, чтобы наше образованное общество и люди науки обратили серьезное вниманіе на угасающій обычай приготовленія писанокъ, собрали, что еще можно собрать, и продолжили мой настоящій трудъ на основаніи новаго матеріала. Второе пожеланіе состоитъ въ томъ, чтобы нашъ народъ путемъ просвѣщенія развилъ тѣ богатыя художественныя дарованія, которыя онъ выразилъ въ писанкахъ, въ изяществѣ рисунка, въ умѣломъ подборѣ красокъ, въ чистотѣ и благородствѣ всей писаночной орнаментики.

Дополненія.

Во время печатанія статьи мы собрали еще слѣдующіе новые матеріалы, восполняющіе свѣдѣнія о писанкахъ:

1) Сообщеніе учителя г. Иваника изъ Кабардинской станицы, майкопскаго отдѣла, кубанской области: писанокъ не приготовляютъ, однѣ крашанки; сказаній, поговорокъ и проч. т. п. не имѣютъ; приготовляютъ крашанки на Страстной къ Пасхѣ и потомъ къ радоницѣ, скорлупы не сохраняютъ; красятъ красной, желтой, голубой и черной красками, которыя берутъ въ мѣстной лавочкѣ.

2) При любезномъ посредствѣ Б. Г. Филонова, я получилъ изъ с. Балаклѣи, зміевскаго у. 20 крестьянскихъ писанокъ. Писанки трехцвѣтныя, по красному фону бѣлые и желтые рисунки, блѣдныя, грубой работы, геометрическаго и растительнаго стилей; нѣсколько крестовыхъ съ 4-конечнымъ латинскимъ

крестомъ; одинъ безконечникъ (14 бѣлыхъ параллельныхъ линій по красному фону).

Въ смоленской губ. существуетъ обычай носить во время Пасхи церковныя иконы. Ношеніемъ этимъ занимаются особыя лица, называемыя „богоносцами“, изъ бойкихъ крестьянъ. Богоносецъ за Святую недѣлю собираетъ иногда до 200 яицъ. Онъ большой охотникъ „биться на битки“, и нерѣдко случается, что однимъ яйцомъ выбиваетъ цѣлый десятокъ яицъ. Часто можно встрѣтить у него яйцо цесарки, которое считается всеразрушающимъ биткомъ. Въ битьѣ яицъ иногда принимаютъ участіе батюшка, дьячекъ, пономарь; игра эта и теперь довольно популярна среди крестьянской молодежи. Строго преслѣдуется каменное яйцо и, по обычному праву, такое яйцо нерѣдко запускается въ голову его владѣльца. („Смол. Вѣстн.“, переп. въ „Днѣ“ 1891 № 1032).

Въ I кн. „Вислы“ за 1891 г., с. 166 г. Глогеръ указываетъ на *древнѣйшее свидѣтельство* о писанкахъ XIII вѣка въ хроникѣ Кадлубка.

Въ той же книгѣ „Вислы“ приведена выдержка изъ соч. Миличевича „Живот срба селяка“ о приготовленіи писанокъ въ Сербіи, сходномъ съ приготовленіемъ ихъ въ Малороссіи.

Названіе писанки „бесачи“ по изображенію двойныхъ переметныхъ сумъ румынское, а у румынъ бесачи сохраняются съ древнихъ временъ: у римлянъ bisaccium встрѣчается у Петронія († 67 г. по Р. X.).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Поправка. На стр. 183, 4 строка снизу должно читать: „правобережкой“, вмѣсто „лѣвобережной“.

ВОЙТОВСТВО ИВАНА СЫЧЕВСКАГО ВЪ КІЕВѢ.[1)]

(1754—1766 г.).

(ОКОНЧАНІЕ).

VIII.

ж) Свое *пользованіе земельными угодьями* и работою жителей Преорки, Сырца и Кореніовщины Сычевскій основывалъ на привилегіяхъ королей Владислава IV 1644 г., мая 20 и Яна Казимира 1659 г., апрѣля 3 д., по которымъ де и предшественникамъ его тѣ угодья на рангъ принадлежали, а подгородніе жители у нихъ же находились „въ послушаніи". По словамъ Сычевскаго, преорскіе, сырецкіе и кореневскіе жители, по тѣмъ привилегіямъ, „дѣйствительно принадлежали къ послушанію прежнимъ войтамъ, какъ до отнятія оныхъ селъ, Преорки, Сырца и Кореневщины, кіевскими козаками, такъ и послѣ привернения оныхъ же селъ по прежнему подъ магистратъ, по силѣ высоч. грамоты императора Петра Первого 7207 г. апрѣля 10 д., по прошенію войта Быковского съ урядниками, оному войту и по немъ наступившимъ войтамъ Полоцкому и Войничу послушны были беспеременно".

Магистратскіе повѣренные доказывали, что Сычевскій неправильно толковалъ самыя грамоты, которыми названныя подгородья даны были вовсе не на рангъ войтовскій, а „въ помощь магистрату". Что же до прежнихъ войтовъ, то, по ихъ увѣ-

1) См. „Кіевская Старина", 1891 г., № 5.

ренію, подгородніе жители войту Быковскому „никакова послушанія не чинили“, а Войничу добровольно „оказывали вспоможеніе толокою“ на заведенномъ имъ, Войничемъ, хуторѣ; сѣнокосы же всегда отдавались войтами жителямъ „съ копици“. Сычевскій въ своемъ оправданіи, настаивая на правильности своего толкованія упомянутыхъ выше грамотъ, не отрицалъ, что прежнимъ войтамъ подгородніе жители разныя работы „исправляли толокою, т. е. обществомъ охочихъ людей,“ но объяснялъ, что это „въ волѣ оныхъ прежнихъ войтовъ состояло: употреблять оныхъ людей вдругъ всѣхъ, т. е. толокою или по очереди“, а что всѣ эти жители и прежнимъ войтомъ „послушны были *по должности* за панщину, яко то въ плетеніи огородовъ, въ паханіи на огородину земли, въ посѣяніи, полотьи и въ снятіи оной огородины или овощей и въ прочихъ по экономіи войтовской разныхъ надобностяхъ“—это Сычевскій отдавалъ на присягу тѣмъ же свидѣтелямъ, на которыхъ ссылались и истцы. При этомъ самъ онъ признавалъ, что количество этой работы подгородныхъ жителей дѣйствительно при немъ значительно увеличилось сравнительно съ прежнимъ временемъ и объяснялъ это такъ: „и яко за прежнихъ войтовъ въ Преоркѣ, Сырцѣ и Кореневщинѣ весьма малое поселеніе людей имѣлось, такъ оные по менщей части прежнимъ войтамъ послушны были, а нынѣ населились уже села и размножились люди далеко болшею частію противъ прежняго, коихъ нынѣ находится до *трехсотъ дворовъ*, для того и послушаніе противъ прежняго, т. е. привозомъ до винокурни колодокъ и въ рубкѣ оныхъ, тако жъ въ паханіи огородной земли и въ дачѣ отъ себя трехъ сторожей“. На наемъ этихъ трехъ сторожей по 11 р. въ годъ каждому, какъ видно изъ дѣла, собирались съ подгородныхъ жителей деньги.

Увѣряя, что отъ него подгороднимъ жителямъ „противъ прежнихъ ни малѣйшей обиды не происходило“, Сычевскій подачу ими въ апрѣлѣ 1763 г. жалобы въ магистратъ объяснялъ однимъ лишь подстрекательствомъ бурмистра Семена Козельскаго и другихъ урядниковъ, которые де хотя и заявляли ему словесно, что онъ подгородними людьми „непалежно владѣетъ“, но письменно никуда не представляли, никогда нигдѣ не протесто-

вали, а только уже послѣ ссоры съ нимъ послали канцеляриста Ивана Виткевича въ подгородья собрать жалобы на войта и составить отъ обывателей доношеніе въ магистратъ. Въ виду же того, что магистратскіе урядники „съ начала принятія оныхъ людей войтомъ въ свое послушаніе чрезъ всѣ прошедшіе года умолчали“, то, по мнѣнію Сычевскаго, и теперь, „по праву о томъ молчать должны уже были“, и вопросъ этотъ долженъ быть изъятъ изъ слѣдственнаго производства. Что же касается перечисленныхъ истцами разнаго рода обидъ и грабежей, произведенныхъ въ подгородьяхъ дворникомъ войта и старостою, то „онъ, войтъ, за дворника своего винности за собою не чувствуетъ“ и готовъ утвердить присягою лишь то, что онъ дворнику своему „ни у кого напрасно забирать скота и никакихъ обидъ никому причинять“ не приказывалъ.

Не такъ легко, какъ относительно „послушанія“ преорскихъ обывателей, можно было Сычевскому доказать законность своего владѣнія Осетщиной и поселившимися въ ней людьми. Какъ указали магистратскіе повѣренные, онъ и самъ хорошо зналъ, что Осетщина жалованными грамотами укрѣплена за кіевскими мѣщанами, а не за войтомъ, почему самъ и доносилъ, когда это нужно было, въ 1761 году въ полковую кіев. канцелярію (и въ кіев.-губернскую тоже), что „оные осетскіе люди не какіе либо его собственные или ранговые, но суть единственно утвержденные кіевскому магистрату“.

Нѣкоторою частью сѣнокоса въ Осетщинѣ, дѣйствительно, владѣли прежніе войты, но съ особаго каждый разъ дозволенія магистрата. Войтъ Полоцкій первый, когда еще въ Осетщинѣ никакого поселенія не было, построилъ тамъ, съ разрѣшенія магистрата, для содержанія скота „хуторецъ“ на собственный свой счетъ. Сычевскій тоже владѣлъ тамъ небольшою частію сѣнокоса, но утверждалъ, что поселившіеся именно на этой части жители „были послушны“ и раньше не магистрату, а войту; „что онъ, Сычевскій, во ономъ островѣ Осетщинѣ имѣющимися людьми владѣетъ и собственную свою горѣлку на продажу производитъ съ прибытія своего въ Кіевъ“—объ этомъ никто изъ магистратскихъ раньше „не искалъ, ниже протесто-

валъ“, и потому теперь „по праву и молчать уже должны“, Сычевскій кромѣ того утверждалъ, что въ Осетщинѣ всегда существовала продажа горѣлки войтовской собственно, а не магистратской; если же это было не такъ въ тѣ годы, на которые ссылаются истцы, въ 1752—1754, то это потому, что тогда совсѣмъ не было въ Кіевѣ войта.

Если Сычевскій пользовался лишь небольшою частью сѣнокосовъ въ Осетщинѣ и работою поселившихся на этой части обывателей по праву, на основаніи грамотъ, какъ онъ ихъ понималъ, и по примѣру прежнихъ войтовъ, то остальною частью завладѣлъ уже самъ безъ всякаго права. Этому завладѣнію онъ далъ такое объясненіе: когда жители Осетщины заявили ему, что они, не имѣя ни пахатной, ни сѣнокосной земли, не въ состояніи будучи „выстатчать указанные порціоны и прочіе общенародные повинности“, вынуждены будутъ разойтись, если имъ не будетъ предоставлена хоть небольшая часть сѣнокоса по другой сторонѣ Осетецкаго озера, тогда онъ дозволилъ имъ пользоваться указанными сѣнокосами съ третьей копны, т. е. одну они получали себѣ, а двѣ доставляли войту.

Между тѣмъ, по словамъ магистратскихъ урядниковъ, прежде изъ этихъ то сѣнокосовъ, между прочимъ, довольствовались и магистратскія почтовыя лошади. Сычевскій же утверждалъ, что раньше этими магистратскими сѣнокосами, по обѣимъ сторонамъ осетщинскаго озера, пользовались магистратскіе урядники, какъ собственными, безъ всякаго опредѣленія и утвержденія, а рочные бурмистръ и райца, по своему усмотрѣнію, отводили ихъ, кому хотѣли, не представляя никакой отъ того прибыли въ магистратъ.

Выгодной статьей ранговыхъ „принадлежностей“ войта былъ сѣнокосъ подъ самымъ городомъ на Оболоньи. Въ первые три года своего войтовства Сычевскій отдавалъ этотъ сѣнокосъ съ половины преорскимъ жителямъ, которые „косили и убирали сѣно на собственныхъ харчахъ, взимая на себя половинную часть“. Но затѣмъ онъ нашелъ, что осетщинскіе и другіе подгородніе жители должны и этотъ сѣнокосъ ему косить и убирать „безъ заплаты и безъ харчей, *за панщину*, по примѣру

другихъ ранговыхъ селъ жителей", и только де по „респекту его, войта, дабы они въ томъ обиды признавать не могли", онъ установилъ такъ, что на Оболоньи сѣнокосъ его косили осетскіе жители „за панщину", а убирали—подгородніе жители „за заплату". Не отрицалъ Сычевскій и того, что при уборкѣ и перевозкѣ сѣна въ городской дворъ его или въ преорскій хуторъ взимались съ работавшихъ по наряду „заклады, дабы безъ окончанія не оставили должности своей", но увѣрялъ, что „въ томъ никакой обиды имъ не послѣдовало, ибо оные заклады въ цѣлости имъ возвращеваны".

Что касается до обвиненій въ „здырствѣ" денегъ за спашъ травы и т. п. ущербы, то Сычевскій, предоставляя требовать отвѣтовъ по всѣмъ подробностямъ этихъ обвиненій отъ его дворника и старостъ, самъ заявилъ, что вообще онъ въ случаяхъ нарушенія его хозяйственныхъ интересовъ „за прямыя обиды скотъ, по правамъ, удерживать и награжденіе, по порядку, безъ обиды обывательской требовать по праву дозволялъ". Видно, что въ этихъ случаяхъ дѣятельное участіе въ управленіи его хозяйствомъ принимала жена, на которую особеннно и жаловались подгородніе жители, указывая примѣры взиманія несоразмѣрнаго съ причиненнымъ убыткомъ денежнаго штрафа [1]). Сычевскій въ своихъ оправданіяхъ по этому пункту, между прочимъ, увѣрялъ, что „во взятіи оныхъ денегъ съ обывателей поступала она, жена войтова, *съ разсмотрѣніемъ*, дабы никакой обиды признавать не могли", при чемъ ссылался на слова самихъ же истцовъ, упомянувшихъ, что у одного изъ обывателей, нѣкоего Забуги, она „взяла было по разсмотрѣнію спаши денегъ два рубля, однако на прошеніе его, Забуги, опослѣ возвратила тридцать копѣекъ"...

---

[1]) Въ первомъ своемъ отвѣтѣ Сычевскій, настаивая на томъ, что такъ какъ объ этомъ раньше никакихъ жалобъ не было, а еслибы ему самому кто либо изъ обывателей жаловался, то, конечно, былъ бы удовлетворенъ,—заявлялъ, что вообще на его ранговомъ сѣнокосѣ на Оболоньи „неточію мѣщанской скотъ причинялъ не малой убытокъ травы, но и сами мѣщане, пріѣзжая на возахъ, выкашиваютъ траву тайно, и какъ оной скотъ или мѣщане на томъ сѣнокосѣ пойманы бываютъ, то по добровольному ихъ уговору, съ разсмотрѣніемъ обиды, учиня награжденіе, отпускались, а по большей части отпущаемы были и безъ всякаго награжденія".

Видно, Сычевскіе достаточно широко пользовались обычными пріемами устраненія обывателей, которые сами или скотомъ своимъ могли по сосѣдству причинять малѣйшій ущербъ войтовскому хозяйству. Любилъ, должно быть, войтъ и „добровольные подарки" отъ обывателей. Такимъ подаркомъ призналъ онъ и того приблудившагося въ его хуторъ вола, вопросъ о которомъ возникъ при слѣдствіи. Однажды мѣщанинъ Хоменко, цехмистеръ рѣзницкій, опозналъ своего вола во дворѣ войта и сталъ требовать его возвращенія. Войтъ же, „сторговавъ оного за шесть рублей, ни денегъ, ни вола Хоменку по сіе время не отдалъ". Сычевскій же на слѣдствіи показалъ, что вола этого Хоменко продалъ ему „по добровольной склонности" за 6 р., тогда же получилъ четыре рубли, а остальные якобы, „доброхотствуя ему, войту, подарилъ" и никогда послѣ не требовалъ.

Владѣлъ еще войтъ на Осетскомъ островѣ „рыбнымъ уходомъ", который повѣренные называли озеромъ. (По словамъ войта, этотъ „уходъ издавна, по простому нарѣчію, званъ *панское озеро*, для того что всегда во владѣніи прежнихъ войтовъ находилось"). Во время весенняго разлива сюда заходила изъ Днѣпра рыба, а при спадѣ водъ она „закочивается, и ежели бы не была закочена, то-бъ обратно въ Днѣпръ ушла; и по изловленіи оной рыбы единожды въ годъ во время осенное болѣе никакой рыбы въ томъ уходѣ не остается". Магистратскіе повѣренные, основываясь на грамотѣ Петра Великаго, по которой предоставлено рыбными ловлями владѣть „мѣщанамъ кіевскимъ", оспаривали исключительное право войта владѣть этимъ озеромъ и утверждали, что прежніе войты „обще съ магистратскими урядниками на всѣхъ рыбу раздѣляли". Сычевскій же, толковалъ упомянутую грамоту по своему и на основаніи ея спорнымъ рыбнымъ уходомъ „самъ пользовался и въ продажу отпускалъ", ничего не удѣляя кіевскимъ мѣщанамъ. Это спорное озеро представляло, какъ видно, не маловажную статью дохода въ общемъ бюджетѣ войта[1]).

---

[1]) По поводу пользованія этимъ озеромъ въ слѣдственныхъ показаніяхъ упоминается одинъ мелкій случай, не лишенный интереса для характеристики хозяйничанья войтовскаго. Когда въ отсутствіи войта въ 1762 году жена его объявила

з) Къ числу излишнихъ и незаконныхъ „пользованій" Сычевскаго магистратскіе урядники относили и то, что онъ, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, навязывалъ свою горѣлку покупать для магистратскихъ шинковъ, о чемъ было упомянуто уже выше (гл. II).

На преорскомъ своемъ хуторѣ Сычевскій имѣлъ винокурню, на которой почти всѣ работы производились „прислушающими" людьми безплатно. Это была несомнѣнно одна изъ выгоднѣйшихъ хозяйственныхъ статей. Продажа хлѣбнаго вина изъ магистратскихъ шинковъ составляла тогда самую крупную статью городскихъ доходовъ. Такъ въ 1761 году въ общей суммѣ этихъ доходовъ 6464 р. 13 коп. значится— съ шинковъ за хлѣбное вино 5059 р. 92 к.[1]). Магистратскими шинками, конечно, не ограничивался сбытъ вина, куреніемъ котораго занимались тогда многіе изъ состоятельныхъ кіевлянъ. Для храненія выкуреннаго вина Сычевскій пользовался обширными магистратскими погребами „съ вѣдома и дозволенія", какъ онъ заявлялъ, годовыхъ бурмистровъ и райцовъ, которые де не только сами дозволяли, но, когда вновь выстроенные погреба стояли пустыми, просили даже яко бы войта, чтобы онъ ставилъ въ нихъ свою горѣлку, „ибо де чрезъ содержаніе го-

кварталовому урядику Николаю Леонтовичу и мѣщанину Чишиничу, что хочетъ отдать уходъ рыбный въ откупъ, тогда они отправились туда и тайно наловили рыбы, учинивъ при этомъ „слѣдъ", о которомъ и донесли войтовой женѣ осетскіе жители. „Имѣется же тамо испрежде подлогъ таковъ, что ежели хотя единожды въ въ уходъ слѣдъ учинится, то всю рыбу городскіе рыбалки и тамошніе жители воровски выловлятъ и оберечь никакимъ образомъ уже невозможно". Узнавъ объ этомъ, жена войта позвала Леонтовича и Чишинича и „пеняла", говоря, что намѣрена „за учиненной ими слѣдъ просить сатисфакціи". Тогда сошлись на томъ, что когда войтова жена отъ себя выловитъ всю рыбу, если окажется убытокъ противъ цѣны прежнихъ годовъ, то они его обязываются пополнить. Изловивши рыбу, Сычевская приказала мелкую распродать на базарѣ, а „большую и средственную извялить". Леонтовичъ и Чишиничъ, „видя что извяленной рыбы явилось добротою хорошею, остава свой прежній договоръ, просили уступить имъ оную извяленную всю рыбу за цѣну и торгуясь отъ 14-ти, за 10 рублей купили и тѣ деньги добровольно уплатили". Повѣренные же заявляли, что названные мѣщане принуждены были уплатить 10 рублей за трухлую и негодную рыбу.

[1]) См. Истор. мат. „Изъ архива кіевск. губ. пр". вып. 8, стр. 167, „Свѣдѣнія о городскихъ доходахъ и расходахъ г. Кіева въ 1761 году".

рѣлки погребъ лучше выстаиваться будетъ". Конечно, еслибы и не было со стороны войта „усилованій" въ сбытѣ своей горѣлки магистрату, то уже самый „респектъ" къ нему и „труды по магистрату", какъ онъ самъ признавалъ, побуждали рочныхъ урядниковъ предпочитать при покупкѣ для магистрата горѣлку войтовскую, при чемъ, вѣроятно, не обходилось и безъ „подвышенія цѣны" сравнительно съ назначенною другими продавцами.

IX.

Однимъ изъ главныхъ своихъ „недоброхотовъ", возбудившихъ противъ него и все мѣщанство, Сычевскій признавалъ магистратскаго писаря Якова Давыдовскаго, о разнаго рода „неисправностяхъ" котораго онъ и включилъ при слѣдствіи въ своихъ показаніяхъ многія „постороннія рѣчи", затягивавшія лишь слѣдствіе.

Яковъ Давыдовскій, сынъ козачій, родомъ изъ м. Ични, служилъ сначала полковымъ канцеляристомъ въ прилуцкой полковой канцеляріи пять лѣтъ, а съ 1747-го года, въ званіи войскового канцеляриста, въ генеральномъ судѣ, отъ котораго и выданъ ему въ январѣ 1757 г. аттестатъ о „безпорочной и трудолюбной" службѣ. Пріѣхавъ въ Кіевъ, Давыдовскій здѣсь женился, пріобрѣлъ домъ и въ мартѣ 1757 года, во время бывшей „публичной элекціи", избранъ магистратскимъ писаремъ, очевидно, съ согласія и даже по рекомендаціи самого войта Сычевскаго.

По всей вѣроятности, Давыдовскій, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ не былъ искусенъ „въ тонкомъ знаніи правъ магдебургскихъ". По словамъ войта, онъ „и читать оныхъ правъ на польскомъ и латинскомъ діалектахъ совершенно не умѣетъ, выписки же, по дѣламъ магистратскимъ, съ правъ магдебургскихъ справляютъ магистратскіе канцеляристы Лукьяновичъ, Виткевичъ и Слюсарскій". Объ этомъ незнаніи Давыдовскимъ правъ еще въ 1761-мъ году подано было въ магистратъ особое

доношеніе [1]), которымъ подписавшіе его шесть урядниковъ просили объ отрѣшеніи Давыдовскаго отъ должности и объ избраніи на его мѣсто кого либо изъ мѣстныхъ мѣщанъ „ученыхъ людей", при чемъ указывали на то, что онъ сынъ козачій и уже по этому одному не долженъ занимать уряда въ магистратѣ.

Большая часть „неисправностей" писаря, заявленныхъ Сычевскимъ при слѣдствіи, заключалась въ неподписаніи имъ магистратскихъ опредѣленій и доношеній, по которымъ, случалось, магистратскіе урядники подвергались отъ в. генер. суда штрафу или выговору. Такъ, уже послѣ злополучной исторіи съ освидѣтельствованіемъ копій, генеральный судъ въ январѣ 1764 года оштрафовалъ войта и урядниковъ, подписавшихъ приговоръ по одному исковому дѣлу: они уплатили по 12 р. 14 к. каждый, а писарь „за неподписаніе приговора отъ взысканія на немъ штрафа обойденъ". По словамъ Давыдовскаго, подписываться писарю на магистратскихъ опредѣленіяхъ „за прежнихъ писарей обыкновенія не было"; Сычевскій же утверждалъ, что Давыдовскій въ упомянутомъ случаѣ не подписывался единственно „для способнѣйшаго извиненія себе въ случаѣ по дѣламъ отвѣта и штрафа удаленія". Но изъ всѣхъ этихъ объясненій можно заключить лишь, что Давыдовскій былъ человѣкъ осторожный и устранялся отъ отвѣтственности, которая при зависимости судебной дѣятельности магистрата отъ войскового генеральнаго суда являлась крайне неопредѣленною и часто неожиданною.

Еще въ 1760-мъ году особыми опредѣленіями магистрата 13-го мая и 21-го декабря постановлено было, чтобы писарь магистратскій подписывался на всѣхъ приговорахъ выше райцовъ и засѣдалъ за однимъ столомъ съ войтомъ и урядниками. Такое опредѣленіе, по словамъ Сычевскаго, состоялось именно потому, что Давыдовскій „по многократнимъ его, войта, словеснимъ приказаніямъ на дѣлахъ и приговорахъ магистратскихъ

---

[1]) Доношеніе это указываетъ, между прочимъ, на то, какъ тяготились кіевляне тою неурядицею въ судѣ, какая происходила отъ примѣненія разныхъ законовъ. Оно же свидѣтельствуетъ и о томъ живомъ интересѣ, какой возбуждалъ во всемъ населеніи вопросъ о совершенномъ выселеніи козаковъ изъ Кіева.

по одному упрямству своему не подписовался, усиловуясь засѣдать за судейскимъ столомъ и вишше райцевъ подписываться". При этомъ Сычевскій отдавалъ на присягу самимъ урядникамъ, что они дѣйствительно сами просили его, чтобы писарю подписываться на всѣхъ приговорахъ магистратскихъ и дѣлахъ, чтобы „какова по дѣламъ отъ него, писаря, подлогу, а онимъ всѣмъ урядникамъ штрафу и отвѣту слѣдовать впредь болѣе не могло".

Что Давыдовскій, по должности своей писарской, подводилъ магистратскихъ урядниковъ, кромѣ штрафа, къ другимъ непріятностямъ, на это въ объясненіяхъ Сычевскаго находимъ два указанія. Въ 1763-мъ году, въ отсутствіи войта изъ Кіева, бригадиръ молд. гус. полка Иванъ Подгоричанинъ жаловался г. Разумовскому на „причиненные отъ магистрата письменными сношеніями неучтивства и на всѣхъ штабъ и оберъ офицеровъ порицанія". Это обидѣвшее гг. офицеровъ сношеніе сочинялъ Давыдовскій; ордеромъ же гетмана приказано было подписавшимъ урядникамъ всѣхъ офицеровъ „публично о прощеніи просить и удовольствовать", что и было ими исполнено. Затѣмъ, когда мѣщанинъ Іосифъ Козельскій подалъ въ магистратъ жалобу на постояльца своего, того же молд. гус. полка майора Якима Бедрягу за причиненныя имъ обиды, то Давыдовскій, въ отсутствіи войта, сочинилъ по поводу этой жалобы особое отъ всего магистрата представленіе въ пр. Сенатъ, за что и послѣдовалъ изъ пр. Сената указъ 12 февраля 1764 г. съ строгимъ выговоромъ всему магистрату, чтобы впредь, „низшей команды по порядку не прося, вышней командѣ представлять не дерзалъ подъ неупустительнымъ штрафомъ".

Изъ приведенныхъ уже раньше свѣдѣній о первой поѣздкѣ войта съ депутаціей въ столицу въ 1762 году видно, въ какихъ явно враждебныхъ отношеніяхъ находились между собой въ это время Сычевскій и Давыдовскій. Естественно поэтому, что Сычевскій, когда представилась къ тому возможность, позаботился объ отрѣшеніи Давыдовскаго отъ писарства, изобразивъ въ своемъ донесеніи гетману въ надлежащемъ свѣтѣ и его „упрямство и непослушаніе" при составленіи и отправкѣ къ гетману копій съ магистратскихъ крѣпостей, а затѣмъ и его подстрекатель-

ство и руководительство народнымъ „смятеніемъ" при злополучномъ ихъ освидѣтельствованіи 12—15 декабря 1763 г. Но при этомъ Сычевскому почему то хотѣлось изобразить отрѣшеніе Давыдовскаго отъ писарства результатомъ не только одного его, войта, донесеній, но также и жалобы нѣкоторыхъ мѣщанъ, тогда же поданной гетману.

Дѣйствительно, мѣщанинъ Өедоръ Доброгорскій [1]),—по наущенію самого войта, какъ утверждали магистратскіе повѣренные,—составилъ къ гетману прошеніе объ отрѣшеніи Давыдовскаго отъ писарства за причиненныя яко бы имъ обиды, при чемъ просилъ и о томъ, чтобы гетманъ ходатайствовалъ объ удержаніи навсегда города Кіева въ своей командѣ. Однако

---

[1]) Этотъ Доброгорскій въ 1758 году былъ асауломъ „реестровой корогвы", какъ это видно изъ даннаго ему 22-го іюля того года ордера, подписаннаго Петромъ Тихоновичемъ и Козьмой Кулешемъ. Этотъ ордеръ представилъ въ коммиссію Сычевскій, какъ доказательство того, что сами магистратскіе урядники добровольно яко бы наряжали для него мѣщанъ въ поѣздки. Вотъ этотъ ордеръ: „По полученіи сего имѣете вы з состоящихъ вѣдомствѣ вашемъ реестровыхъ товарищей, добрихъ и надежныхъ людей, двоихъ человѣкъ, для поѣздки з его высокоблагородіемъ господиномъ войтомъ въ нѣкоторіе малороссійские мѣста снарядивъ, его в—дію представить немедленно, и асаулу Доброгорскому учинить по сему".

Это, вѣроятно, былъ тотъ же Өедоръ Доброгорскій, который въ 1748 году возбудилъ памятное для кіевлянъ дѣло противъ общаго ихъ врага козацкаго сотника Павла Гудима, обвинивъ его въ политическомъ преступленіи, въ оскорбленія величества, за что этотъ злостный корчемникъ и „обидитель" мѣщанства кіевскаго и понесъ тяжкое наказаніе—битъ батогами, по указу Тайн. канц. (см. „Кіевскія смуты прошл. ст.". „Кіевская Старина" 1886 г. Декабрь).

Въ жалобѣ на писаря Давидовскаго, поданной гетману 15-го ноября 1763 г. и подписанной, кромѣ самого Доброгорскаго, еще 13-ю лицами, говорится, что Давидовскій „отъ времени принятія его въ ту должность войтомъ И. Сычевскимъ, надъ волю и согласіе всѣхъ насъ, по входящимъ въ оной магистратъ отъ насъ дѣломъ въ разныхъ претенсіяхъ, поступаетъ въ отмѣну майдебургскихъ правъ, которые напечатаны на латинскомъ діалектѣ; ибо когда каковы приговоры ни пишетъ, всегда зъ своей головы составляетъ, а для того, что онъ ихъ читать не умѣетъ и потому совершеннаго приговора составить не можетъ, съ насъ же единственно затѣмъ многіе пришли до обиды и убытковъ; а хотя кто изъ судящихъ и чинили поводъ о привмѣщеніи тѣхъ правъ какъ должно въ дѣло, то помянутый Давидовскій, чрезъ незнаніе оныхъ правъ, ту ихъ присидящихъ у магистратѣ сентенсію усиловно отводитъ и тѣмъ наши иски неосновательными дѣлаетъ, норовя сторонѣ того, кто больше ему даровъ посулитъ, да и во всемъ нѣбы партикулярную какъ надъ подданными его чинитъ расправы".

очень скоро подписавшіе это прошеніе мѣщане, явившись въ магистратъ, „принесши повинную, показали, что они на томъ прошеніи подписались чрезъ подлогъ его, ибо онъ, Доброгорскій, сказывалъ имъ, что оное доношеніе написано о сводѣ съ мѣщанскихъ квартиръ молдавскаго гусарскаго полка". Другіе же изъ подписавшихся уже въ слѣдственной коммиссіи просили исключить ихъ имена, заявляя, что они никогда ничѣмъ не были обижены Давыдовскимъ, а подписались на сочиненной Доброгорскимъ жалобѣ „по подъустительству и обману, иные пьяные, а другіе по малолѣтству отъ неразумія". Оказалось, что дѣйствительно Доброгорскій собиралъ на своемъ доносѣ подписи самымъ недобросовѣстнымъ образомъ. Между подписавшимися былъ, между прочимъ, одинъ ученикъ академіи „школы богословіи", который письменно въ слѣдственную коммиссію заявлялъ послѣ, что де онъ подписалъ вмѣсто своего отца упомянутый доносъ, увѣренный Доброгорскимъ, что это прошеніе отъ мѣщанства къ гетману именно о выводѣ изъ города гусаръ и вообще объ освобожденіи отъ постоевъ[1]) и что везетъ это прошеніе самъ Добро-

[1]) Что гусары были крайне непріятны не только для мѣщанъ-домовладѣльцевъ, но причиняли разныя непріятности вообще кіевлянамъ, въ томъ числѣ и студентамъ академіи, это можно видѣть, между прочимъ, изъ одного дѣла, напечатаннаго мною въ 10-мъ вып. „Историч. матер. изъ архива кіевск. губ. правл.". (стр. 71) о столкновеніи студентовъ академіи съ гусарами. Не мудрено поэтому, что въ числѣ подписавшихъ такого рода прошеніе, какъ о выводѣ изъ города гусаръ молдавскаго полка, подписалъ вмѣсто отца своего Прохора Лукьянова и студентъ Кириллъ Прохоровичъ. Само начальство академіи жаловалось, что расположившіеся въ 1763 году въ Кіевѣ полки артиллерійскій и гусарскій „студентомъ и ученикомъ той академіи такія начали причинять обиды и утѣсненія, что не только своего ученія производить имъ, студентамъ, нельзя, но и на квартирахъ жить въ Кіевѣ не безопасно". Особенно досаждали гусары, выгоняя зачастую учениковъ изъ квартиръ, издѣваясь надъ ними различными способами; а въ день Рождества Христова они напали было на самую бурсу и избили многихъ бурсаковъ, при чемъ даже „одному богослову руку саблею пробили, поэтѣ правую щеку разрубили" и т. п., а когда по этому поводу начальство послало жалобу къ бригадиру Подгоричани, то онъ, „понося всѣхъ студентовъ бранительными и укорительными словами, таковыя произнеслъ похвални: я де велю этихъ плутовъ, мошенниковъ, пьяницъ, разбойниковъ всѣхъ выколоть и выстрѣлять". Тотъ же Подгоричани 31-го декабря послалъ графу Разумовскому жалобу на студентовъ, яко бы тѣ 25 го декабря сами напали на троихъ гусаръ, ѣхавшихъ мимо бурсы, избили ихъ дубьемъ и, затащивъ во дворъ, посадили на цѣпь.

горскій по порученію магистрата на магистратскій же счетъ. При этомъ студентъ заявлялъ, что Доброгорскій показывалъ ему „подлинный универсалъ его сіятельства о уволненіи дома его отъ постоевъ [1]), притомъ хвалился при дворѣ его сіятельства имѣючимися патронами", а кромѣ того „придополнилъ и сіе, яко бы отъ его сіятельства опредѣленъ уже сюда другой на мѣсто Давидовскаго писарь, только де надобно и отъ мѣщанъ, во угожденіе таковой е. с. воли, письменное о томъ прошеніе, которое де нимъ, Доброгорскимъ, уже изготовлено и многіе изъ мѣщанъ подписались".

Магистратъ, полагая, что съ такимъ человѣкомъ, какъ Доброгорскій, „не только магистрату и мѣщанству здѣшнему, но и ни единому честному человѣку, по книги Порядка части 3-й на стр. 123 напечатанному, судиться не должно", просилъ генералъ-губернатора, чтобы разрѣшилъ и не „вступать въ судной процессъ" съ Доброгорскимъ по жалобѣ его на писаря Давыдовскаго. А между тѣмъ, еще въ августѣ м-цѣ, послѣ отрѣше-

---

Очевидно, отношенія къ этимъ гусарамъ у всѣхъ кіевлянъ были крайне обостренныя, а потому Доброгорскій, собирая подписи среди малограмотнаго мѣщанства на своемъ доносѣ на писаря, придумалъ для обмана самый подходящій для даннаго момента мотивъ прошенія къ гетману.

[1]) Копія такого ордера, даннаго 13-го октября 1763 г., дѣйствительно встрѣтилась мнѣ въ одномъ изъ дѣлъ о Доброгорскомъ. Привожу ее цѣликомъ:

„Маг—та кіев. войту зъ урядниками, сотнику кіевскому зъ сотенною старшиною, проѣзжающимъ чрезъ Кіевъ и состоящимъ тамо великорос. гг. офицерамъ и всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, объявляется: кіевск. маг—та реестровой корогви асаулъ Өедоръ Доброгорскій подалъ намъ доношеніе, представляя, что отецъ его, оставя въ Польшѣ шляхетскіе свои добра, вышелъ съ нимъ Өедоромъ и меньшимъ его братомъ Иваномъ въ Малую Россію и служилъ Е. И. В. по смерть свою, а по немъ де оставшійся онъ Өедоръ и Иванъ Доброгорскіе отправляютъ службу—Иванъ въ венгерскомъ гусарскомъ полку вахмистромъ, а онъ, Өедоръ, въ магистратѣ чрезъ немалое уже время; но недавно де выстроенной его жилой домъ отъ маг—ту кіевск. отводимъ бываетъ во всечастые постои и тѣмъ ему, Доброгорскому, причиняется обида, а оной его домъ отъ того постою приходитъ къ разоренію; для чего просилъ онъ Доброгорскій о уволненіи отъ постоевъ оного дому нашего разсмотрѣнія, чего ради мы, респектомъ службъ, отцемъ его и имъ самимъ, Доброгорскимъ, отправленныхъ, оной его въ Кіевѣ имѣючойся жилой домъ отъ постоевъ увольняемъ впредь до нашего разсмотренія и приказываемъ войту маг—та кіевск. зъ урядомъ, сотнику кіевскому зъ сотенными старшинами оного просителева дому въ постои не отводить никому, а тѣ, кои постои имѣть въ Кіевѣ

нія Кузьминскаго, магистратъ вновь избралъ Давидовскаго писаремъ и просилъ генералъ-губернатора объ утвержденіи его въ этой должности. Глѣбовъ уважилъ ходатайство магистрата и въ сентябрѣ мѣсяцѣ, не дождавшись изъ войск. генер. канцеляріи отвѣта на сдѣланный имъ запросъ о причинѣ лишенія чиновъ вообще магистратскихъ урядниковъ, предписалъ „впредь до имѣющаго быть о вышеписанномъ разсмотрѣнія, бывшему писарю Давидовскому быть въ ономъ кіевскомъ магистратѣ *за писаря* въ исправленіи писарской должности по прежнему“.

Такое возстановленіе энергичнѣйшаго и, очевидно, наиболѣе дѣловитаго изъ войтовскихъ „недоброхотовъ“, который являлся при производившемся слѣдствіи повѣреннымъ магистрата, было крайне непріятно для Сычевскаго, всячески усиливавшагося стать обвинителемъ этого „недоброхота“.

Магистратъ, видя, что слѣдствіе можетъ надолго затянуться, благодаря именно этимъ усиліямъ войта, вносившаго въ свои оправданія „стороннія и дѣлу сему непринадлежащія рѣчи“, главнымъ образомъ обвиненія противъ писаря, просилъ генералъ-губернатора, чтобы онъ приказалъ коммиссіи не принимать этихъ излишнихъ войтовскихъ рѣчей.—Генералъ-губернаторъ предписалъ выдѣлить всѣ такія уже данныя „рѣчи“ въ особую тетрадь, а больше ихъ не принимать и поскорѣе оканчивать слѣдствіе.

Хотя, какъ уже было сказано, въ началѣ декабря всѣ существенныя показанія были даны; но дѣло затянулось потому, что въ это время была препровождена въ коммиссію полученная генералъ-губернаторомъ изъ пр. Сената третья жалоба ма-

---

долженствують, занимать сами оного дому не имѣють; для чего и сей нашъ открытый ордеръ за подписомъ нашимъ и при войсковой печати ему, Доброгорскому, давъ, который онъ, Доброгорскій, долженъ объявить въ кіевскомъ магистратѣ и сот. тамош. правленіи ко исполненію и снятію копіи. Въ Глуховѣ 1763 году октября 13 д.“

Въ прошеніи своемъ объ освобожденіи отъ постоевъ Доброгорскій жаловался на весь кіевскій магистратъ, заявляя, что съ самаго поселенія его въ Кіевѣ урядники магистрата, „возненавидѣвъ его, затвердили ко мнѣ и къ домишку моему злобственныя примѣтки, употребляя меня въ неудобосносныя, случающіяся по магистрату, исправленія и наряды“.

гистрата, заключавшая въ себѣ, исключительно злополучную исторію съ освидѣтельствованіемъ копій и послѣдовавшими затѣмъ злоключеніями магистратскихъ урядниковъ. Въ сущности и по этому вопросу даны уже были Сычевскимъ „отвѣты" и, послѣ „доказательствъ" магистратскихъ повѣренныхъ, „оправданія". Но Сычевскому почему то вновь хотѣлось возвратиться къ этому вопросу и, требуя выдачи себѣ на „правный срокъ" копіи съ поступившей въ коммиссію жалобы, онъ просилъ, чтобы по ней вновь былъ продѣланъ „полный судъ". Когда коммиссія ему въ этомъ отказала и особымъ своимъ опредѣленіемъ предоставила ему просто продолжить свои оправданія по жалобѣ магистрата, не требуя особыхъ „доказательствъ", въ сущности уже данныхъ магистратскими повѣренными, тогда онъ заупрямился и не позволилъ своему повѣренному подписывать опредѣленія коммиссіи. Повѣреннаго задержали подъ карауломъ и продержали недѣли двѣ. Только лишь послѣ энергическаго приказанія генералъ-губернатора, къ которому обратился было Сычевскій съ жалобой на коммиссію, онъ началъ „чинить оправданія" (вторичныя) по тому же пункту, что и продолжалось съ 22 декабря по 14 января слѣдующаго года, причемъ взводилъ новыя обвиненія на писаря Давидовскаго.

X.

Когда въ январѣ 1765 г. возобновилось производство слѣдствія, обѣ стороны стали добиваться пополненія своихъ рѣчей. Генералъ-губернаторъ, потребовавъ къ себѣ все слѣдственное дѣлопроизводство и лично разсмотрѣвъ его, нашелъ, что оно должно быть закончено, и предписалъ коммиссіи, не давая уже ни одной изъ сторонъ новыхъ сроковъ для письменныхъ отвѣтовъ, требовать лишь словесныхъ объясненій по каждому пункту отдѣльно.

Сычевскій, находя это распоряженіе стѣснительнымъ для себя, сталъ уклоняться отъ „хожденій" въ коммиссію. Повѣренный его Ивановъ, испытавши „принужденіе" въ подписаніи опредѣленій, а также и продолжительный арестъ, отказался отъ

дѣла, и Сычевскій вмѣсто него представилъ своимъ повѣреннымъ значковаго товарища Григорія Политанскаго. Недовольный дѣйствіями коммиссіи, находя, что опредѣленія ея, утвержденныя уже генералъ-губернаторомъ, „учинены въ обиду ему“, Сычевскій—явился 2 марта къ Глѣбову и просилъ отпуска къ „вышней командѣ для поднесенія апелляцій“. Такъ какъ ему было въ этомъ отказано, то онъ выѣхалъ изъ Кіева безъ отпуска, и генералъ-губернаторъ, узнавъ объ этомъ изъ донесенія магистрата, далъ знать „о сыску“ сбѣжавшаго войта въ Глуховъ въ в. генеральную канцелярію и въ обѣ столицы въ полицейскія конторы.

Изъ донесенія магистрата видно, что Сычевскій въ тотъ же день, когда являлся къ генералъ-губернатору съ прошеніемъ объ отпускѣ, выѣхалъ вмѣстѣ съ Павломъ Гудимомъ на его саняхъ въ с. Вигуровщину и тамъ уже, попрощавшись со своимъ спутникомъ, пересѣлъ въ свою кибитку, туда заранѣе отправленную, и уѣхалъ „невѣдомо куда“. Магистратъ на другой же день избралъ въ помощь правящимъ годовымъ бурмистру и райцѣ еще одного бурмистра Василія Балабуху, „чтобы въ теченіи дѣлъ магистратскихъ остановки быть не могло“. Тогда же генералъ-губернаторъ, очевидно, благоволя къ тогдашнему составу магистратскихъ чиновъ [1]), ордеромъ отъ 28 того же марта опредѣлилъ Якова Давыдовскаго по прежнему писаремъ, а не „за писаря“.

---

[1]) Вообще, надо замѣтить, Глѣбовъ въ борьбѣ кіевскаго магистрата съ „малороссійской командой“, какъ и съ мѣстными козаками, былъ на сторонѣ магистрата. Въ одной изъ черновыхъ его реляцій къ императрицѣ 1765 г. онъ, упомянувъ о послѣдовавшемъ было въ 1760 г. указѣ о выводѣ кіевскихъ козаковъ изъ Кіева, что подтверждено было затѣмъ и грамотою коллегіи иностранныхъ дѣлъ 1762 г., выражаетъ сожалѣніе, что „и до нынѣ они никуда не выведены“, почему де и происходятъ постоянныя на нихъ жалобы. При этомъ онъ такъ объясняетъ самую исторію поселенія въ Кіевѣ козаковъ: „Сколь же давно и коими случаями помянутые козаки на Подолѣ жить стали? о томъ письменнаго доказательства ни по губ. канц., ниже по магистрату не находится, только старожилы объявляютъ, что по присовокупленіи Малой Россіи къ Россійской имперіи, когда г. Кіевъ отъ разныхъ военныхъ случаевъ, моровaго повѣтрія и пожаровъ великое претерпѣлъ разореніе, то изъ присыланныхъ отъ тогдашнихъ гетмановъ на станціи и для другихъ исправленій въ оной городъ компанейскихъ козаковъ нѣкоторые, поженясь на

Только лишь въ іюнѣ возвратился Сычевскій въ Кіевъ съ паспортомъ, выданнымъ ему изъ пр. Сената, а въ іюлѣ возобновилось слѣдствіе, къ которому онъ представилъ опять новаго отъ себя повѣреннаго войскового канцеляриста Илью Бажанова. Новый повѣренный, однако, не долго „стряпалъ" по дѣлу войта, и уже 17 августа былъ замѣненъ какимъ то хорольскимъ козакомъ Андреемъ Данилевскимъ. Такъ какъ обѣ стороны вновь включали въ свои письменныя и устныя объясненія „стороннія рѣчи", объ исключеніи которыхъ одна у другой затѣмъ настаивали передъ коммиссіей, то генералъ-губернаторъ далъ новое подтвержденіе объ окончаніи слѣдствія „въ самой скорости [1])".

мѣщанскихъ дочеряхъ и вдовахъ, пустыя мѣщанскія земли занявъ, поселились, а потомъ у тѣхъ же гетмановъ испрося себѣ сотника, жительство свое тамъ утвердили, однако изъ всѣхъ сихъ козаковъ никто донынѣ никакихъ пахатныхъ земель или другихъ угодій ни на городской землѣ, ниже въ другихъ мѣстахъ, не имѣлъ и не имѣетъ". Въ виду причиняемыхъ козаками обидъ мѣщанству кіевскому, главнымъ образомъ незаконнымъ шинкованьемъ, Глѣбовъ и находитъ справедливымъ совершенное удаленіе ихъ изъ Кіева съ предоставленіемъ имъ земель и угодій гдѣ либо въ Малороссіи, полагая, что только этою мѣрою „кіево-подольскіе мѣщане отъ излишнихъ хлопотъ и убытковъ избавлены быть могутъ. А буде нѣкоторые изъ тѣхъ козаковъ, или и всѣ они, какъ имѣющіе въ Кіевѣ на мѣщанскихъ земляхъ собственные свои дворы, заведенные по состоянію каждаго, домашнею экономіею, для избѣжанія убытка, по причинѣ высылки приключиться могущаго, пожелаютъ остаться въ Кіевѣ мѣщанами, то имъ въ томъ всемилостивѣйше дозволить, ибо они и безъ того отъ большой части изъ тамошнихъ мѣщанъ своевольно въ козаки записались".

[1]) Генералъ-губернаторъ Глѣбовъ находилъ необходимымъ, чѣмъ бы слѣдствіе ни кончилось, избраніе новаго войта, о чемъ писалъ въ своей реляціи къ императрицѣ такъ (привожу эту выдержку по черновой реляціи, бывшей у меня меня въ рукахъ—безъ обозначенія мѣсяца и числа):

„Но какъ сей войтъ (Сычевскій) съ протчими магистратскими членами въ несогласіе и ссоры вступилъ, по коимъ слѣдствіе по указамъ пр. Сената уже болѣе года производится, а за упорствомъ и нерѣдко съ обоихъ сторонъ предъявляемыми оправданіями и доказательствами оное донынѣ не окончено, то хотя бы по производству войтъ иногда въ чемъ либо и правымъ нащелся, однако къ правленію способнымъ уже не признавается, ибо прочіе сочлены такъ его поступками огорчены, что, кажется, въ одномъ судебномъ мѣстѣ имъ, безъ всегдашнихъ другъ на друга недовѣрокъ и нареканій, быть уже невозможно, а между тѣмъ общество въ потребныхъ росправахъ великое претерпѣть можетъ утѣсненіе. По симъ обстоятельствамъ не соизволите ль В. И. В. указать на мѣсто Ивана Сычевскаго выборъ но-

Коммиссія, обязанная руководиться, какъ при слѣдственномъ процессѣ, такъ и при постановленіи приговора, магдебургскими правами, каждый разъ требовала изъ магистрата присылки выписей тѣхъ статей, на которыя ссылались истцы или отвѣтчикъ, а 7-го сентября потребовала всего сборника этихъ правъ „къ сочиненію по доношеніямъ обоихъ сторонъ надлежащаго опредѣленія". Магистратъ прислалъ „книги Порядокъ и Саксонъ на польскомъ и латинскомъ діалектахъ, тако жъ Саксонъ въ трехъ томахъ состоящій" съ реентомъ Мих. Лукіяновичемъ, которому и просилъ „при выпискѣ изъ тѣхъ книгъ каковихъ нынѣ потребно правъ вѣрить безсумнительно", по минованіи же надобности прислать книги обратно, „ибо и въ магистратѣ единыя токмо тѣ правныя книги состоятъ".

Такъ какъ слѣдственная коммиссія приступила все таки къ производству дѣла и по жалобѣ мѣщанина Доброгорскаго на писаря Давыдовскаго, то въ дѣло вступилъ и новый повѣренный, представленный Доброгорскимъ, кіевскій козакъ Никифоръ Дубовскій, а затѣмъ потребовался вызовъ значительнаго числа лицъ собственно по этому дѣлу и, наконецъ, пришлось допустить и Сычевскаго „къ сказанію оправданія по дѣлу о

вому войту, по общему кіев. мѣщанъ согласію, учинить, при чемъ командующій въ Кіевѣ можетъ пристойно внушить и стараться между тѣми четырмя кандидатами и такого представить, который В. И. В. угоденъ. Мнѣ видится, что не безъ пользы было бъ, когдабъ В. И. В. въ сей чинъ хотя и штабъ-офицера изъ великороссіянъ опредѣлить изволили, ибо знатность чина главнаго члена привела бы сочленовъ къ лучшему оного почитанію и къ наблюденію точной должности, для доставленія обществу спокойной жизни и высоч. интересу надлежащей пользы. В. И. В. такимъ образомъ привилегію ихъ о выборѣ обществомъ четырехъ кандидатовъ подтвердить изволили бъ, а удостоеніе изъ оныхъ одного войтомъ отъ монаршаго Вашего зависитъ благоволенія.

Сей примѣръ служить могъ бы и для будущихъ временъ, паче же полезнымъ былъ бы интересамъ В. И. В., ибо опредѣленной изъ великороссіянъ войтомъ могъ бы исподоволь вникнуть во внутренность всѣхъ ихъ обрядовъ и разобрать всѣ въ противность правъ и съ вредомъ общества производимыя дѣла.

А нынѣшнему войту Ивану Сычевскому не соизволите ль по окончаніи слѣдствія всевысоч. милость показать опредѣленіемъ его въ комисары въ учрежденную съ польскимъ кіевскимъ воеводствомъ пограничную коммиссію, къ которой онъ по знанію польскаго языка и обыкновеній, способнымъ признавается, дабы и онъ, яко заслуженой В. И. В. рабъ, безъ пропитанія остатся не могъ".

неисправностяхъ писаря Давидовскаго", что и тянулъ онъ до 25-го октября. Видно, не легко было работать повѣреннымъ войта при всѣхъ этихъ „сказаніяхъ": такъ, недавно еще взявшійся за это Данилевскій „безвѣстно куда бѣжалъ", и войтъ вновь просилъ коммиссію принять, въ качествѣ его повѣреннаго, подканцеляриста кіев. дух. консисторіи Матвѣя Лысенка, а черезъ два мѣсяца опять представилъ новаго повѣреннаго—миргородскаго козака Алексѣя Дуброву.

Сычевскій былъ крайне обиженъ тѣмъ, что коммиссія обязывала его представить дворника Гунку для допросовъ его въ коммиссіи по магистратскимъ обвиненіямъ: онъ находилъ, что „ежели отъ магистратскихъ чиновниковъ на него, Гунку, какіе имѣютъ прошенія, то бъ о удовольствіи просили его, Сычевскаго", и жаловался на постановленіе коммиссіи генералъ-губернатору, который, однако, приказалъ, чтобы Сычевскій представлялъ своего дворника въ коммиссію „неотмѣнно". Тогда Сычевскій представилъ довѣренность этого Гунки на имя того же своего повѣреннаго Дуброву, который и долженъ былъ давать за него отвѣты. По отвѣтамъ же этимъ пришлось вызывать для доказательствъ массу подгороднихъ жителей. что могло бы до безконечности затянуть дѣло, еслибы не послѣдовалъ ордеръ оберъ-коменданта Ельчаникова, вступившаго тогда въ управленіе губерніей, о томъ, чтобы доказательства отъ подгороднихъ жителей коммиссія получила на мѣстѣ отъ всѣхъ и не вызывала каждаго порознь. Это было уже въ январѣ мѣсяцѣ 1766 г. послѣ отъѣзда генералъ-губернатора Глѣбова, которому, какъ онъ ни торопилъ коммиссію окончаніемъ слѣдствія, такъ и не удалось дождаться этого окончанія. Тѣмъ не менѣе, надо думать, что, благодаря именно мнѣнію Глѣбова обо всемъ этомъ дѣлѣ, магистратъ кіевскій избавленъ былъ отъ войтовства Сычевскаго: еще на имя Глѣбова, данъ былъ именной высоч. указъ о выборѣ новаго войта, „а Сычевскаго, по окончаніи его дѣла, если оправдается, опредѣлить на другое мѣсто *для спокойствія* того же магистрата", почему и предписано было магистрату произвести выборы, причемъ рекомендовано было, согласно тому же указу,

поставить въ число кандидатовъ и прокурора кіев. губ. канцеляріи Григорія Пивоварова[1]).

Уже по отъѣздѣ Глѣбова магистратъ 21-го марта произвелъ выборъ четырехъ кандидатовъ на должность войта, но, несмотря на надлежащія внушенія, Пивоваровъ въ число кандидатовъ включенъ не былъ. Для представленія результатовъ выбора въ Петербургъ командированъ былъ магистратомъ медовый шафарь Илья Скребицкій[2]). Но, видно, магистратъ потерпѣлъ неудачу. Въ іюнѣ прибылъ въ Кіевъ новый генералъ-губернаторъ Ф. М. Воейковъ, при которомъ и произведены были новые выборы кандидатовъ[3]), при чемъ избранъ былъ уже и Пивоваровъ, а 1-го ноября генералъ-губернаторъ сообщилъ магистрату о полу-

---

[1]) См. „Исторія Россіи" С. Соловьева, т. 27, стр. 29. „Извольте магистрату приказать, писала Екатерина, выборъ сдѣлать по ихъ привилегіямъ четырехъ кандидатовъ; а Мы вамъ рекомендуемъ внушить имъ отъ себя, чтобъ четвертымъ кандидатомъ поставили кіевск. губег. канц. прокурора Пивоварова". Ельчаниковъ въ рапортѣ Глѣбову писалъ, что его увѣряли, будто передъ выборами призываны были въ ратушу старшіе и чрезъ писаря Давидовскаго запрещено имъ было подавать голоса за Пивоварова и за кого бы то ни было изъ великороссіянъ, въ противномъ случаѣ чиновникъ будетъ лишенъ чина, а мѣщанинъ выгнанъ изъ города.

[2]) „Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр.", вып. 8, стр. 81. Приведенныя здѣсь свѣдѣнія и заставляютъ думать, что Глѣбова тогда уже не было въ Кіевѣ и что къ нему, какъ своему доброжелателю, могъ посылать кіевскій магистратъ депутата вмѣстѣ съ представленіемъ выборовъ, ходатайствуя объ утвержденіи того, а не другаго изъ кандидатовъ. Во всякомъ случаѣ лично „внушить" магистрату о выборѣ Пивоварова Глѣбовъ не могъ (у Соловьева сказано: „Глѣбовъ внушалъ", надо полагать письменно).

[3]) Объ этомъ выборѣ у Соловьева разсказывается такъ: „Воейковъ началъ тѣмъ, что собралъ привилегированное мѣщанство, избирающее войта, и передъ ними изорвалъ ихъ прежній выборъ, приказавши собраться для новыхъ выборовъ. Въ назначенный день 3 августа генералъ-губернаторъ поѣхалъ самъ на выборы. Послѣ обыкновенныхъ переговоровъ между избирателями, всталъ одинъ магистратскій членъ и объявилъ имена новыхъ четырехъ кандидатовъ для общаго всего собранія разсужденія; едва только онъ успѣлъ назвать имена, какъ со всѣхъ сторонъ послышались голоса, что выборомъ довольны. Эти кандидаты были: Пивоваровъ, секретарь графа Григорія Орлова Григорій Козицкій, находящійся при великомъ князѣ наслѣдникѣ камердинеромъ Андріевскій и кіевскаго магистрата медовый шафарь Дмитровичъ". См. „Исторія Россіи", т. 27, стр. 29.

Пивоваровъ до назначенія своего въ 1764 году іюня 9 прокуроромъ былъ коммиссаромъ пограничной съ брацлавскимъ воеводствомъ коммиссіи (См. „Ист. мат. изъ арх. кіев. губ. пр." вып. 1-й стр. 174).

ченномъ указѣ пр. Сената, утверждавшемъ Пивоварова въ должности кіевскаго войта.

Теперь для магистрата потеряло всякій интересъ продолженіе слѣдствія по жалобамъ его на Сычевскаго. Представленіе требуемыхъ въ коммиссію лицъ, преимущественно подгороднихъ жителей, соединено было съ крайними затрудненіями, причиняло и магистрату не мало безпокойства, вызывая въ этихъ лицахъ невыгодныя для него нареканія. Сычевскому же, какъ ни желательно было обличить „непорядочное" веденіе магистратскими урядниками городскаго хозяйства, теперь уже, потерявши мѣсто, не выгодно было тянуть это дѣло. Надо думать, что это и побудило обѣ стороны, какъ только состоялось назначеніе новаго войта, подать генералъ-губернатору прошеніе о прекращеніи слѣдствія. 11-го ноября и было подписано такое „мировое доношеніе", въ которомъ стороны заявляли: „какъ нынѣ мы всѣ истцы, также и я, отвѣтчикъ Сычевскій, согласясь добровольно, помирились съ тѣмъ, что мы, истцы, всѣ претенсіи, какіе ни были, оставляемъ, равнымъ образомъ и я, отвѣтчикъ, на бурмистровъ, цехмистровъ и протчихъ гражданъ доношеніе, состоящее въ 25 пунктахъ, совсѣмъ уничтожаю и оставляю съ тѣмъ, чтобъ впредь съ обоихъ сторонъ по тѣмъ произшедшимъ другъ на друга доношеніямъ нигдѣ ни подъ какимъ видомъ и претекстомъ отнюдь не искать и не возобновлять: того для вашего высокопревосходительства нижайше просимъ сіе наше мировое доношеніе принять и къ дѣламъ обосторонних претенсій сообщить, и чтобъ по онымъ болѣе производства никакова чинено не было, о томъ куда надлежитъ предложить". Подписали: Сычевскій и 53 человѣка кіевскихъ гражданъ, разнаго рода урядниковъ [1]).

Этимъ документомъ, въ копіи сообщеннымъ въ слѣдственную коммиссію, и заканчивается ея дѣлопроизводство: коммиссія фак-

---

[1]) Бурмистровъ 5, писарь, райцъ 2, шафарей 17, инстигаторовъ 5, лавника 3 и рочные цехмистеры цеховъ: кравецкаго, кушнерскаго, шевскаго, ковальскаго, бондарскаго, рѣзницкаго, ткацкаго, гончарскаго, музицкаго, рыбальскаго, перепечайскаго и собранія малярскаго, сотники, урядникъ преварскихъ реестровыхъ людей и староста преварскій.

тически, такъ сказать, прекратила свое существованіе[1]). Но генералъ-губернаторъ Воейковъ, какъ видно, не считалъ себя въ правѣ прекратить производство слѣдствія, касавшагося не личныхъ какихъ-либо интересовъ, а чисто городскихъ, притомъ же начатаго по указу пр. Сената, а потому и представилъ „мировое доношеніе“ въ пр. Сенатъ. Но прошелъ почти цѣлый годъ, пока получился отвѣтъ по этому поводу. Въ послѣдовавшемъ 25-го октября 1767 года на имя Воейкова указѣ сказано было, что пр. Сенатъ „и по поданному отъ нихъ мировому доношенію разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить по законамъ поручаетъ вамъ, г. генералъ-губернатору, тѣмъ паче что вамъ всѣ произшедшіе по тому дѣлу обстоятельствы найлучше свѣдомы и что кіевское мѣщанство, по именному Е. И. В. высоч. указу, состоитъ подъ единственною вашею аппелляціею, а пр. Сенатъ съ своей стороны предписать вамъ болѣе не находитъ, какъ токмо что если вы по приходнымъ и расходнымъ кіевскаго магистрата тѣхъ годовъ книгамъ усмотрите, что изъ ежегодного ихъ приходу дѣйствительно употреблено куда либо въ непозволенной расходъ или же остатками отъ прошедшого года кто изъ нихъ собственно интересовался, въ такомъ случаѣ имѣете вы то издержанное, взыскавъ съ кого надлежитъ, присовокупить къ магистратской суммѣ, да и впредь наблюдать, чтобъ какъ записка приходу ведена была исправно, такъ и расходъ чинимъ былъ на одни только городовые и другіе позволенные нужные исправленія“.

Получивъ этотъ указъ, Воейковъ потребовалъ отъ магистрата обстоятельнаго репорта о томъ, за какіе именно годы войтовства Сычевскаго книги прихода и расхода не были свидѣтельствованы и если таковыя окажутся, то представить ихъ къ нему. Для свидѣтельствованія же вообще книгъ магистратскихъ онъ назначилъ надворнаго совѣтника Ефремова, причемъ, согласно мнѣнію этого послѣдняго, магистратъ обязывался на

---

[1]) За все время своего существованія коммиссія 8 разъ требовала и получила изъ магистрата разныя канцелярскія принадлежности и свѣчи, на что и израсходовалъ магистратъ за два года 5 руб. 47 коп. Изъ этихъ счетовъ видно, между прочимъ, что бумага стоила тогда бѣлая 7 коп., а сѣрая 4 к. за десть, ¼ ф. сургуча 23 к., кварта чернилъ 2 к., сальныхъ свѣчей двѣ на копѣйку.

будущее время представлять на ревизію вмѣстѣ съ книгами и оправдательныя документы *по всѣмъ расходамъ* за подписью магистратскихъ присутствующихъ. Такое требованіе, очевидно, магистратъ признавалъ несогласнымъ съ своими правами и привилегіями, о чемъ въ обстоятельномъ доношеніи и представилъ на „благоразсмотрѣніе“ генералъ-губернатора. Магистратъ настаивалъ на томъ, что, сосчитавъ своихъ расходчиковъ самъ по ихъ записямъ, въ общемъ, такъ сказать, присутствіи, онъ могъ представлять уже самыя эти записи своихъ урядниковъ, какъ документы, не прилагая никакихъ особыхъ росписокъ по мелочнымъ расходамъ при представленіи своихъ книгъ на ревизію генералъ-губернатора.

Относительно же начетовъ на магистратскихъ урядниковъ за прошлые годы у меня имѣется лишь свѣдѣніе относительно одного 1754 года, за который, по требованію Воейкова, взыскивался начетъ въ 129 р. 9 к. съ правившихъ въ томъ году бурмистра Михаила Іосифовича и райцы Семена Козельскаго. Іосифовича тогда уже не было въ живыхъ, а оставшіяся послѣ него четыре дочери дѣвицы находились въ такой бѣдности, что не только не могли уплатить начетныхъ денегъ, но и „пропитать себя отнюдь не имѣютъ чимъ“. Магистратъ призналъ справедливымъ освободить ихъ отъ взысканія числившагося на отцѣ ихъ начета, о чемъ и представилъ генералъ-губернатору [1]), который уважилъ ходатайство магистрата, „съ тѣмъ однакожъ, что кіев. магистратъ не оставитъ того, чтобъ

---

[1]) „Понеже и самому магистрату довольно извѣстно, что умершій бурмистръ Іосифовичъ въ жизнь свою по разнымъ градскимъ дѣламъ, какъ сдѣсь, такъ и по отправкѣ его отъ магистрата въ Глуховъ, Москву, С.-Петербургъ и въ другія мѣста, много трудился и по онымъ дѣламъ сыскалъ полезные оному магистрату и гражданству указы, при старости жъ своей въ такое пришелъ оскуденіе и долги, что по смерти его онимъ его дочерямъ болѣе ничего не оставилъ, какъ только единого жилого двора, да и тотъ дворъ пришелъ уже въ крайную обветшалость, которой ежели къ возвращенію въ магистратскую сумму вышеписанныхъ начетныхъ денегъ продать, то тѣми онихъ его дочерей къ тому привесть возможно, что оныя, по несостоянію ихъ къ выходу уже замужъ чрезъ прошедшіе ихъ удобные къ тому лѣта, принуждены будутъ дневнаго пропитанія лишиться и по чужимъ домамъ скитаться“.

не найти какова либо средства и способу, чрезъ которой бы тѣ деньги въ магистратскую сумму возвратиться могли *хотя отъ доброхотныхъ дателей?"*... Надо думать, однако, что такихъ доброхотныхъ дателей не нашлось. Новый же войтъ, какъ видно, умѣлъ отписываться отъ генералъ-губернаторскихъ запросовъ, касавшихся городскаго хозяйства и магистратскихъ расходовъ. Относительно ревизіи этихъ послѣднихъ новый войтъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе урядниковъ кіевскаго магистрата, всячески устранявшихъ, на основаніи извѣстныхъ грамотъ, вмѣшательство въ эту область посторонних магистрату лицъ. Въ этомъ отношеніи весьма интересно упомянутое выше представленіе магистрата къ Воейкову отъ 18 января 1768 года: въ немъ цѣлымъ рядомъ ссылокъ на грамоты и указы доказывается, почему магистратъ не обязанъ исполнить повелѣніе генералъ-губернатора о томъ, чтобы „впредь о всѣхъ приходахъ и расходахъ приходчикамъ и расходчикамъ за подписью магистратскихъ присутствующихъ давать документы и оные при книгахъ сообщать" [1]).

---

[1]) (Послѣ изложенія полученнаго отъ Воейкова ордера, слѣдуетъ ссылка на жалованныя грамоты и на книги Порядокъ и Юсъ-Муниципале).

„... Почему оные бурмистръ и райца, вступя въ правленіе той магистратской экономіи, что принадлежитъ до большихъ городовыхъ строеній и другихъ расходовъ, оные зъ общаго согласія и опредѣленія исправляютъ, а что касается до мелочныхъ расходовъ, какъ то: 1) на исправленіе и поправку подземныхъ трубъ, которыми вода въ фантальные и прочіе городовые колодези теченіе свое продолжаетъ, 2) на наемъ какъ подъ проѣзжающихъ чрезъ Кіевъ разныхъ персонъ и курьеровъ подводъ въ случаѣ неимѣнія за расходомъ почтовыхъ лошадей, такъ и къ поѣздкѣ въ разныя приказныя мѣста по магистратскимъ дѣламъ извощиковъ, 3) на подчинку въ самомъ магистратѣ и во всѣхъ питейныхъ и колодничихъ, также караульныхъ и лазаретныхъ избахъ печей, окошокъ, дверей и прочихъ необходимостей, 4) на покупку въ магистратскую канцелярію свѣчей, чернилъ, перъ, нитокъ, сундуковъ къ содержанію дѣлъ и другихъ по той канцеляріи потребностей, 1) на заплату какъ колодникамъ бываемымъ на магистратскихъ работахъ, такъ особливо и наемнымъ людямъ, за упускъ въ погреба съ купленымъ хлѣбнымъ виномъ бочекъ, 6) на исправленіе къ тѣмъ же магистратскимъ и городовымъ работамъ инструментовъ какъ то—заступовъ, лопатъ, свердловъ, топоровъ, да на косовицу вилъ, грабель и прочихъ къ тому потребныхъ припасовъ, 7) на покупку состоящимъ на почтѣ лошадямъ овса и на исправленіе на ту почту какъ вновь, такъ и на подчинку возовъ, саней и упряжи, а особливо и на деготь, 8) на покупку какъ съѣстныхъ, такъ и питейныхъ припасовъ для обсылки, по давнему обыкновенію, въ нарочные Рождества и Воскресенія Христова праздники и въ высокоторжественные дни, такъ и въ

Въ этомъ представленіи находимъ, между прочимъ, довольно обстоятельное перечисленіе тѣхъ расходовъ, которые, въ качествѣ мелочныхъ, производились рочными бурмистромъ и рай-

---

праздники жъ гдѣ храмъ есть, священниковъ и въ монастыри и переѣзжающимъ чрезъ Кіевъ и биваемымъ здѣсь по разнымъ дѣламъ и коммиссіямъ, а особливо и на содержаніе опредѣляемыхъ зъ разныхъ приказныхъ мѣстъ по дѣламъ градскимъ слѣдователей и бывшихъ при нихъ канцелярскихъ служителей,—

то оные всѣ мелочные расходы тѣ годовые бурмистръ и райца, по давнему обыкновенію, ко исправленію поручаютъ опредѣляемымъ ими, по усмотрѣнію ихъ, годовымъ же присяглымъ урядникамъ, выдавая имъ на всѣ тѣ мелочные расходы деньги съ записками и росписками, и притомъ за оными урядниками и сами тѣхъ же мелочныхъ расходовъ наблюдаютъ и по окончаніи года въ оныхъ расходахъ противъ имѣющихся у тѣхъ урядниковъ записокъ самы считаютъ; ибо какъ тѣ мелочные расходы непрестанно, а иные съ нихъ и въ единъ день сколько кратъ бываютъ, ежели объ нихъ подавать письменные доклады и по онымъ ожидать опредѣленій, то 1-е) что зъ того немалое происходить можетъ затрудненіе; 2-е) что для сочиненія тѣхъ докладовъ необходимо потребно будетъ учредить особливую контору и въ оную опредѣлить особливыхъ же канцелярскихъ, зъ чего оному магистрату не малый излишній воспослѣдовать можетъ убытокъ, 3-е) что дожидаясь по тѣмъ докладамъ опредѣленій, можетъ въ тѣхъ мѣлочныхъ, а паче въ экстраординарныхъ расходахъ произойти крайняя остановка, чрезъ что какъ тѣмъ годовымъ бурмистру и райцѣ, такъ и самому магистрату иногда не подпасть бы къ какому отвѣту и взысканію; къ томужъ и учиненная онымъ бурмистру и райцѣ отъ всѣхъ обще гражданъ въ той магистратской экономіи довѣренность и древнія обыкновенія останутся не въ силѣ. По вышеизображеннымъ же утвержденнымъ магистрату кіев. майдебурскимъ правамъ, управленіе городовой экономіи болѣе возложено на годовыхъ бурмистра и райцу, а чтобъ, имъ по той экономіи безъ письменнаго докладу и опредѣленія ничего не дѣйствовать, то по онымъ правамъ не значится.

Въ пополненіе жъ того, въ силу утвержденнаго магистрату майдебурскаго права и указа Пр. Сената 1739 года, оные бурмистры и райцы въ тѣхъ магистратскихъ приходахъ и расходахъ предъ старшими и знатнѣйшими зъ посполства даютъ отчетъ, какъ уже и за бытности Вашего Высокопревосходительства троихъ годовъ—оные бурмистры и райцы дѣйствительно считаны и по свидѣтельству самимъ магистратомъ тѣхъ счетовъ, какъ оные, такъ и подлежащіе по большимъ расходамъ документы, по освидѣтелствованію жъ къ В. Впр—ву взнесены были, которые опредѣленнымъ отъ В. Вп—ва надв. сов. Ефремовымъ и ревидованы, и каковы на комъ по *учиненнымъ въ магистратѣ* кіевскомъ счетамъ и по освидѣтельствованію оного над. сов. Ефремова явились начетныя деньги, оные съ нихъ взысканы и къ магистратской суммѣ причислены".

Подписали это доношеніе: Григорій Пивоваровъ, бурмистры (и степенный) Данило Величковскій, Василій Балабуха, Аѳанасій Александровичъ, Козьма Кулешъ, бурмистръ и депутатъ Іосифъ Гудимъ, писарь Яковъ Давидовскій, райцы: Иванъ Силенко Нечай, Ѳедоръ Гизенко, Іосифъ Козельскій, Герасимъ Кувичинскій.

цею безъ всякаго доклада магистрату и общаго въ немъ опредѣленія. Такъ какъ представленіе это подписано и Пивоваровымъ, то можно думать, что и онъ не раздѣлялъ тѣхъ претензій, какія предъявлялъ войтъ Сычевскій относительно названныхъ мелочныхъ расходовъ, требуя и по нимъ особыхъ докладовъ магистрату или „ордеровъ" войта.

Требованія же ген.-губ. Воейкова, желавшаго установить особый контроль надъ магист. хозяйствомъ, несомнѣнно вытекали изъ имѣвшихся у него объясненій войта Сычевскаго, которыя представляли въ этомъ случаѣ обильный матеріалъ, хотя и не всегда доброкачественный, для знакомства съ положеніемъ этого хозяйства. Хотя „доношеніе" Сычевскаго отъ 19 апрѣля 1764 г. и не было предметомъ слѣдственнаго производства, но несомнѣнно, что въ рукахъ новаго генералъ-губернатора оно своими 25-ю пунктами набрасывало тѣнь на дѣятельность магистратскихъ чиновъ въ сферѣ хозяйственной,—возбуждало подозрѣнія, вызывало особыя мѣры для надзора надъ магистратскою экономіею, часто несогласныя ни съ дѣйствительно утвержденными правами магистрата, ни съ установившимися въ немъ издавна по обычаю порядками. Но подвергнуть разбирательству слѣдственной коммиссіи всѣ указанные Сычевскимъ „непорядки" городскаго хозяйства не пришлось и Воейкову, который не закрывалъ формально коммиссіи до самаго января мѣсяца 1770 года, когда все слѣдственное производство было сдано въ архивъ. Вѣроятно, не безъ напоминанія обѣихъ сторонъ, магистрата и Сычевскаго, 30 іюня 1769 г. послѣдовалъ изъ пр. Сената на имя Воейкова указъ, которымъ повелѣно было „тому ихъ мировому доношенію быть въ своей силѣ, для чего и учрежденную на то слѣдственную коммиссію оставить и производимое дѣло взявъ отдать въ архивъ".

Ал. Андріевскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Доношеніе войта Сычевскаго, поданное на Высочайшее имя въ Кіев. Губ. Канц. 19 апрѣля 1764 года.

„Въ прошломъ 1755-мъ году имяннымъ указомъ святоусопшей великой государини императрицы Елисаветъ Петровны опредѣленъ я, нижайшій, въ городъ Кіевъ войтомъ, и въ томъ моемъ чину каковые дѣйствительно усмотрѣлъ по магистрату кіевскому въ издержаніи напрасно немалой магистратской суммы убытки, опредѣленной отъ вел. государей всероссійскихъ подтвердительными, по привилегіямъ королей польскихъ, высоч. грамотами на содержаніе города Кіева и въ завладеніи къ оному городу общихъ принадлежащихъ земель разными чинами и прочіе непорядки, о томъ, по присяжной моей должности, дерзаю съ рабскою своею должностію Вашему Императорскому Величеству подъ высоч. благоразсмотрѣніе всенижайше поднесть.

1. Кіевскіе магистратовые чиновники и мѣщане въ принадлежащихъ къ магистрату селахъ Преваркѣ, Сырцѣ и Куреневщинѣ искупили отъ нѣсколько лѣтъ самовольно живущихъ многихъ обывателей, кои до того всѣми сборами съ нихъ надлежали въ магистратскую сумму, яко то въ платежѣ поземельщины, въ дачѣ десятиннаго хлѣба, съ промысловъ дегтевыхъ, въ платежѣ денегъ; а они, магистратскіе чиновники и мѣщане, по скуплѣ у тѣхъ обывателей, устроя на земляхъ ихъ довольные хуторы, яко то винокурни, пруды, мельницы, по обязательствамъ въ магистратъ съ мельницъ надлежащихъ сборовъ не даютъ, а съ казановъ показанщины ничего не платятъ, и сверхъ того многими магистратскими завладѣли землями и тамошнихъ жителей въ послушаніе свое поработили, а за отходомъ тѣхъ обывателей съ подъ владѣнія магистратскаго въ прибыляхъ магистрату не малой послѣдовалъ ущербъ.

2. Бурмистръ и райца рочные на островахъ сѣнокосные луга магистратскіе безъ общаго опредѣленія, но самоизвольствомъ своимъ, сами искашиваютъ и заводятъ косить всѣмъ бурмистрамъ и райцамъ не очереднымъ и другимъ постороннимъ чиновникамъ, кои отъ многихъ лѣтъ оными лугами и завладѣли, яко собственными своими, а инымъ урядникамъ, въ нарушеніе интереса магистратскаго, во вѣчное владѣніе ствердить отважились; тѣ же луга разнымъ стороннимъ людямъ косить съ половины отъ себя даютъ и доводящеюся половинною частію сѣномъ сами партикулярно корыстуются, а на почтовыхъ лошадей сѣно на тѣхъ же лугахъ за деньги магистратскіе косятъ, показывая на то расходу до шестидесятъ рублевъ, и

оное за деньги магистратскіе кошенное сѣно рочные бурмистръ и райца при исходѣ своего года въ домы свои забираютъ, а поступающіе по нихъ въ самую распутицу дорогою цѣною, т. е. въ мартѣ мѣсяцѣ, покупаютъ сѣно на почтовыя лошади до травы по своему изволенію безъ общаго опредѣленія, съ чего въ приходѣ магистратскомъ знатной убытокъ происходитъ, какъ оной расходъ по книгамъ ихъ явствуетъ.

3. На магистратской землѣ заведенные грядины охочіе люди съ отдачею въ магистратъ поземельщины сѣютъ разную огородину и оные грядины, по усмотрѣнію своему, кому хотятъ по установленной отъ себя цѣнѣ рочные бурмистры и райци заводятъ; такожъ съ магистратскихъ наемныхъ лавокъ, въ мясномъ, крамномъ и житномъ рядахъ имѣющихся, куницу и сторожевое, съ вина волоскаго отъ продавцовъ шинковое, отъ всякаго двора поворотное и съ бань торговыхъ за откупъ квасковъ ячныхъ и съ разныхъ брагъ, съ преварскихъ, сырецкихъ и куреневскихъ обывателей куницу и съ земли сами собою, безъ докладу и опредѣленія магистратскаго, чрезъ опредѣленнаго отъ себя урядника и магистратового канцеляриста выбираютъ, и что оныхъ сборовъ и съ кого именно получатъ, яснаго показанія ни по третямъ, ни по окончаніи года въ магистратъ не представляютъ для прикрытія получаемыхъ съ того корыстей; оной же суммы въ годъ собирается болѣе тысячи рублевъ.

4. Имѣющимся внѣ города Кіева, разстояніемъ въ шесть верстъ, на рудни Преварки ранговымъ хуторомъ, т. е. мельницею и винокурнею, прежніе войты владѣли чрезъ многіе года и потому, слѣдовательно, и я, нижайшій, съ пожалованія моего въ тотъ чинъ, на рангъ тотъ хуторъ содержалъ и пользовался, и поселенные тамо на Преваркѣ, Сырцѣ и Куреневщинѣ съ разныхъ мѣстъ захожіе люди на магистратской землѣ въ магистратъ поземельщину платятъ, а особливо, яко оные въ числѣ мѣщанъ кіевскихъ не считаются, по старинному установленію отъ магистрата, такъ бывшимъ войтомъ, яко и мнѣ, до прописанного хутора безъизъятно послушны были привозомъ къ оной ранговой винокурни дровъ и прочихъ къ тому надобностей; а нынѣ бурмистры и райцы самовольно вышеписаннымъ людямъ, по недоброхотству ко мнѣ, приказали никакова послушанія не исполнять, безъ всякаго о томъ вышней команды разсмотрѣнія и опредѣленія, отчего тотъ мой ранговой хуторъ впустѣ остался и я чрезъ немалое время съ оного никакой прибыли не получаю.

5. Бурмистръ и райца ежегодно, по перемѣнамъ вступя въ магистратскую экономію, безъ вѣдома войта покупаютъ простое вино у людей разнаго званія и съ оными сами одинолично договоръ

имѣютъ на немалую сумму т. е. отъ двадцати семи и осьми до тридцати тысячъ ратушныхъ десятиквартовыхъ ведръ, и при пріемѣ оного вина у продавцовъ по договору взымаютъ помѣрное, т. е. отъ всякаго ведра по полкварты, и тако бываетъ ежегодно въ приходѣ одного помѣрнаго безденежно отъ двадцати тысячъ тысяча, а отъ тридцати тысячъ—тысяча пятьсотъ ведръ, съ котораго помѣру употребляютъ, по усмотрѣнію своему, на войта, бурмистра и райцу рочныхъ, писаря и другихъ магистратскихъ урядниковъ и канцелярскихъ служителей по нѣкоторой части; а сколько оной горѣлки числомъ ведръ отъ продавцовъ получатъ и что изъ оной кому сколько произведется и что въ остаткѣ бываетъ, о томъ въ книги счетныя не вносятъ и въ магистратъ къ счету не представляютъ; тое же покупное вино они, райца и бурмистръ, принимаютъ отъ продавцовъ на мѣру, именуемую сотникъ, въ коемъ показываютъ якобы десято-квартовыхъ ведръ входитъ по десяти, а по вѣрной справкѣ въ оной мѣрѣ сотнику сверхъ является по три кварты, и таковыя фальшивыя мѣры, сотникъ именуемой, и кварты подѣлавъ, сами отъ себя, въ противность праву магдебурскому, безъ опредѣленія магистратскаго, печатью магистратскою заклеймуютъ и отдачу въ шинки чрезъ кварталовыхъ урядниковъ производятъ; и что съ таковыхъ подступныхъ мѣръ каждаго года прибыли является, никакой наличности не показываютъ, но съ того сами собою они, бурмистръ и райца, при отдачѣ шинкарямъ взымаютъ у нихъ отъ ведра по копѣйкѣ, а кварталовые урядники отъ всякой бочки по 25 и 50 копѣекъ, а на усушку и на расходы разные, ими, бурмистромъ и райцею рочными, употребленные, и въ дачу, кому пожелаютъ, на порцію оной горѣлки, ставятъ расходъ съ налично купленной на магистратъ горѣлки, коей усушки въ годъ, по разсмотрѣнію своему, представляютъ до 350 ведръ, да на порцію до 258 ведръ и съ того числа иногда на усушку натурою показываютъ, а иногда деньгами полагаютъ 200 рублевъ и тое въ годовыхъ книгахъ означаютъ.

6. Оные жъ бурмистръ и райца рочные за магистратскую сумму съ купленной на магистратскую прибыль горѣлки употребляютъ на поклоны сами отъ себя ежегодно расходъ въ праздники Воскресенія и Рождества Христова войту, бурмистрамъ и райцамъ, писарю и прочимъ чиновникамъ магистратскимъ, не только налично служащимъ, но измершихъ жонамъ, да особливо въ тѣ жъ празденства и въ высокоторжественные дни на поклоны съ магистратской суммы покупку вина волоскаго, сахару, хлѣба, мяса, курей, гусей, утокъ и рыбы исправляютъ и съ того обсылки чинятъ разнымъ духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ и о томъ, учиня валовыя вѣдомости, представляютъ въ

расходѣ болѣе тысячи рублевъ, показывая таковое произвожденіе по давнему узаконенію, а отъ кого таковое учрежденіе узаконено, какъ давно и почему,—о томъ никакихъ опредѣленій и на оные подтвержденій при магистратѣ не видится, и подъ показаніемъ волоcваго вѣдомостью расхода по видимому сами они, рочные бурмистръ и райца, съ согласниками не малую прибыль имѣютъ, для чего именныхъ о тѣхъ расходахъ вѣдомостей—сколько, когда и кому произведутъ—не подаютъ.

7. Рочные бурмистръ и райца сами собою, безъ магистратскаго опредѣленія, съ покупкой магистратской горѣлки простой на водку двоятъ и сахаромъ да пряными зельями и медомъ покупнымъ съ суммы магистратской заправляютъ и изъ той водки чрезъ опредѣленного урядника въ продажу и на поклоны разнымъ людямъ и чиновникамъ магистратскимъ производятъ, и оному урядпику годовой платежъ и акциденціи безъ всякаго отъ магистрата разсмотрѣнія и опредѣленія производятъ; а сколько въ годъ на тую водку вина простого сойдетъ и водки въ наличности примутъ и пряпаго зелья и сахару и меду, у кого куплено бываетъ и что въ продажу и по какой цѣнѣ произведется, а особливо на поклоны и по какой надобности, за чьимъ опредѣленіемъ отпустится, о томъ ясныхъ вѣдомостей при окончаніи года для разсчету въ магистратъ не представляютъ, кромѣ показанія издержанной на то всей суммы по прошествіи многаго времени въ книгахъ своихъ годовыхъ вносятъ, почему въ магистратѣ о наличности показанной двойной горѣлки знать не по чему и о ненадлежномъ отпускѣ оной на поклоны учинить точной справки и тѣмъ напрасно производимую магистратскую сумму пресѣчь невозможно.

8. Ежегодно съ собранія общаго, называемаго елекція, поставляются по одному человѣку въ шафари, медовой и пивной, кои, принявъ въ свое вѣдомство магистратскіе бровары, покупаютъ на вареніе ими пива, меду и раздаютъ въ шинки на продажу, а особливо тотъ же медъ и пиво къ праздникамъ Рождества и Воскресенія Христова производятъ на обсылку войту, бурмистрамъ, райцамъ, шафарамъ, лавникамъ, инстигаторамъ, вдовамъ, женамъ бурмистерскимъ и раецкимъ, и всѣмъ канцелярскимъ служителямъ, да особливо годового войту, бурмистру, райцу и писарю меду по двѣ мѣрницы, да пива по четыре мѣрницы; при томъ же въ случающіяся коммиссіи по немалому числу отправляютъ; изъ того за тотъ медъ и пиво весьма малая прибыль въ магистратъ приходитъ, а иногда не только прибыль, но и убыль въ потеряніи магистратовой суммы является, на оныя же безденежныя дачи пива и меду выходитъ на сумму до трехсотъ рублей

9. Оные жъ рочные бурмистръ и райца покупное вино шинкарямъ въ магистратскіе шинки и въ разныхъ мѣщанскихъ домахъ кому хотятъ производятъ и съ оныхъ за таковое произвожденіе въ ту должность взымаютъ деньги по пяти и больше рублевъ; а тѣ шинкари, не имѣя за трудъ свой никакого награжденія, подставляютъ на проданное вино свои обидливыя мѣры и чрезъ то въ продажѣ вина на тѣ мѣры остановка чинится; сколько же шинкарей и домовъ шинковыхъ въ годъ и что произведено, о томъ для прикрытія своего подлогу въ магистратъ ни по мѣсячно, ни по третямъ года не репортуютъ, да и по прошествіи года, спустя много времени, сколько по своему усмотрѣнію пожелаютъ, на толикое число объ оныхъ шинкаряхъ и домахъ шинковыхъ въ книгахъ своихъ вѣдомости представляютъ.

10. Въ большой шинкъ магистратскій, называемый шпыкьнѣръ, бурмистръ и райца рочные отдаютъ магистратскую горѣлку на продажу, наливая оную въ имѣющіяся тамо большія бочки, называемыя буты, въ кои буты входитъ до 540 ведръ, и ту отдачу называютъ они фура; а при продажѣ той горѣлки опредѣленные къ тому урядники и наливайки, принимая отъ покупщиковъ деньги, вметаютъ въ запечатанную отъ оныхъ бурмистра и райцы скрынку въ скважину; по изшествіи же всякой фуры собранныя деньги съ тою запечатанною скрынкою приносятъ къ бурмистру и онъ съ райцею, вычитавъ по отдачи ведръ надлежащія деньги въ сумму магистратскую, а остальныя, называемыя ими скапины, коихъ чрезъ обманную продажу въ остаткѣ является на всякой фурѣ до 20-ти и больше рублей, у себя оставляютъ; а оныхъ фуръ выходитъ въ годъ по 15, либо по 16, и тако чрезъ круговой годъ, на всякой фурѣ смекая по 20 рублевъ, обходится триста рублевъ и болѣе, кои деньги оные рочные бурмистръ и райца на себя раздѣляютъ, какъ то съ оныхъ денегъ бурм. Аѳанасій Александренко и райца Іосифъ Гудимъ принесли мнѣ, войту, въ процентъ однажды двадцать рублевъ.

11. Рочные бурмистръ и райца сами собою, по обычаю прежнему, сытя медъ, называемой бурмистерской, покупая оной и надлежащія къ тому для разсыченія потребности съ магистратской суммы, отдаютъ въ продажу въ магистратскіе шинки шинкарямъ и тотъ же медъ раздаютъ въ праздники Рождества и Воскресенія Христова войту, бурмистрамъ, райцамъ, писарю и кому хотятъ, по своему изволенію; да годового войту, бурмистру, райцу и писарю по двѣ мѣрницы, тако жъ воску войту 12 фунтовъ, а бурмистру, райцѣ и писарю и прочимъ, по сколько кому хотятъ, а къ Рождеству Христову меду патоки войту одно ведро, бурмистрамъ, райцамъ и

писарю и прочимъ по скольку кому хотя, и такова безденежной дачи расхода ежегодно приходитъ болѣе ста рублевъ.

12. Бочки, покупаемыя съ горѣлкою у разныхъ продавцовъ, и по исходѣ горѣлки коихъ бываетъ въ годъ до шестисотъ, они, бурмистръ и райца рочные, спродываютъ охочимъ людямъ всякую бочку отъ 30 до 40 копѣекъ, и съ оныхъ денегъ войту въ презентъ даютъ по 20 рублевъ, а иные бурмистръ и райца въ своемъ году и ничего не даютъ, а прочіе деньги оные бурмистръ и райца на себя употребляютъ и о томъ въ магистратъ не репортуютъ и въ книгахъ своихъ годовыхъ не показываютъ, за оныя же всѣ бочки въ годъ прихода бываетъ до 150-ти рублевъ.

13. На почтовой магистратовой дворъ опредѣляется одинъ урядникъ и къ нему для письменныхъ дѣлъ канцеляристъ, кои и содержатъ съ магистратской суммы семь человѣкъ почтарей, производя всякому въ годъ по 16 р., и по приказу бурмистра и райцы рочныхъ, лошади, овесъ, снасти, упряжь и прочія потребности къ гону лошадей исправляютъ; и оного урядника иногда по четвертямъ года сами собою бурмистръ и райца перемѣняютъ безъ докладу о томъ въ магистратъ, а сколько чрезъ круговой годъ въ остаткѣ бываетъ годныхъ и негодныхъ лошадей, снастей, овса и другихъ всѣхъ потребностей, и такъ о годовомъ расходѣ, яко и объ оставшихся наличностяхъ именной вѣдомости ни по третямъ, ниже по прошествіи года, но спустя не малое время представляютъ весь расходъ въ своихъ книгахъ; а на оной почтовой дворъ отъ пятисотъ до тысячи рублевъ въ расходѣ въ годъ издерживается, какъ они, бурмистръ и райца, въ своихъ книгахъ показываютъ; съ чего видится, что они, бурмистръ и райца рочные, съ того почтоваго двора прибыль себѣ партикулярно имѣютъ.

14. Плоты дубовые, сосновые, строевые и дровяные, съ нагрузомъ, драны, на строеніе вновь и на починку мостовъ, караулень, полисадника, для покрытія ветхихъ магистратскихъ шинковъ, казенныхъ амбаровъ,—рочные бурмистръ и райца сами покупаютъ и сколько на то все и на какую надобность употреблено бываетъ магистратской суммы, никакихъ именныхъ вѣдомостей, ниже рапортовъ, по третямъ либо по прошествіи года не подаютъ; но продолживши не малое время, въ книгахъ своихъ показываютъ; съ оного же лѣсу войту, бурмистру, райцѣ, писарю, урядникамъ и прочимъ канцелярскимъ и другимъ служителямъ дачу производятъ до тысячи колодъ на сумму сто рублевъ и болѣе, да особливо драни войту, бурмистру, райцѣ и писарю 4000 на сумму 24 рубли, а о дачѣ оного лѣсу по крѣпостямъ утвержденія не имѣется.

15. Годовой платежъ чиновникамъ, при магистратѣ служащимъ, до найпослѣднѣйшого слуги, рочные бурмистръ и райца сами собою производятъ съ магистратской суммы безъ всякой на то магистратской ассигнаціи, и кому что произведено и за какую службу— именныхъ вѣдомостей ни по третямъ, ни по окончаніи года не представляютъ, но спустя не малое время въ книгахъ своихъ показываютъ; и сколько чиновниковъ и слугъ при магистратѣ и въ рядахъ должно содержать и на какомъ именно о платежѣ договорѣ, о томъ опредѣленія отъ магистрата не требуютъ, а отъ такого непорядка не что иное, какъ трата магистратской суммы усматривается.

16. Въ г. Кіевѣ при цехахъ кушнерскомъ, кравецкомъ, ковальскомъ, шевскомъ, рѣзницкомъ, рыбальскомъ и прочихъ имѣющіеся цеховые дворы и при оныхъ погреба отдаются въ наемъ по 20 рублевъ и тѣ деньги цехмистры рочные на себя взымаютъ, да въ тѣхъ же дворахъ продаются меды, прозываемые канунные, и какъ оной медъ, и свѣчи восковыя цехмистры на себя взымаютъ и прочимъ по своему усмотрѣнію, сколько кому хотя, въ дачу производятъ и съ того прибыли партикулярныя себѣ получаютъ; а въ продажѣ въ магистратскихъ шинкахъ меду остановка происходитъ; и другіе сборы по древнему узаконенію въ скрынку цеховую отъ ремесленыхъ людей собираются, а сколько оныхъ приходовъ всего въ наличности и съ чего на что въ расходѣ употребляется, въ магистратѣ ничего того неизвѣстно; въ тѣ же цехи цеховые кромѣ себя выбираютъ и перемѣняютъ, безъ дозволенія и опредѣленія магистратскаго, цехмистровъ неграмотныхъ и неуправительныхъ, которые не точію общаго прихода въ цѣлости содержать не могутъ, но и суды и росправы между собою маловажные производя, вмѣсто штрафа виновныхъ принуждаютъ къ покупкѣ вина волоскаго и горѣлки для удовольствія своего, либо налагаютъ на виновныхъ необычайной штрафъ; да иногда цехмистры съ своими ремесленными собираются въ цеховой домъ, вынимая изъ скрыньки общую сумму, покупаютъ вино волоское и горѣлку для своего удовольства, чрезъ что въ пріобрѣтеніи какова либо добра городу не имѣется.

17. Во время бываемой ежегодной елекціи на урядовые магистратовые—рочныхъ бурмистра, райцы, шафарей, лавника, инстигатора и урядниковъ—по окончаніи оной елекціи, рочные бурмистръ и райца даютъ для попою собравшемуся множество народу горѣлку магистратскую и, позвавъ всѣхъ церквей градскихъ священниковъ и ихъ причетниковъ, такожъ магистратовыхъ чиновниковъ въ магистратскую палату, на разныхъ столахъ трактуютъ съ магистратской суммы довольными заѣдками и подношеніемъ при томъ разнымъ довольнымъ же питьемъ, отчего напрасная трата умножилась.

18. По утвержденнымъ отъ святоусопшихъ В. И. В. предковъ высочайшимъ грамотамъ королевскіе привилія пожаловано войту, да бурмистру одному и райцы одному годовой платежъ; магистрата же кіевскаго войтъ съ бурмистрами и райцами съ общаго согласія, по усмотрѣнію своему, положили платежъ ежегодно производить: писарю магистратовому по 60 р., реенту письменныхъ дѣлъ по 40 р., медовому и пивному двумъ шафарамъ по 20 р., лавнику 20 р., городничему—40 р., инстигатору 16 р., урядникамъ 15-ти человѣкамъ каждому по 12 р., всего 180 р.; канцеляристамъ 15-ти человѣкамъ отъ 10 до 20 р. по усмотрѣнію,—всѣмъ 225 р., наливайкамъ тремъ по 8 р. всѣмъ 24 р., потыжникамъ тремъ по 10 р. всѣмъ 30 р., почтарямъ семи человѣкамъ по 16 р. всѣмъ 64 р., слугамъ магистратскимъ—13-ти человѣкамъ по 8 р. всѣмъ 104 р., сторожамъ тюремному и магистратскимъ четыремъ человѣкамъ по 10 р. всѣмъ 40 р., сторожамъ каморнымъ 19-ти человѣкамъ по 8 р. всѣмъ 152 р., часовому мастеру по 15 р., да воловикамъ, кои изъ улицъ въ городѣ навозъ свозятъ, шести человѣкамъ всѣмъ обще 156 р., итого всей суммы тысяча двѣсти шестьдесятъ восемъ рублевъ; а объ ономъ окладѣ и необходимо ль потребно при магистратѣ показанное число чиновъ и слугъ и всѣмъ ли имъ на денежномъ довольствіи, и на какомъ кому именно находиться, либо по усмотрѣнію маловажной должности каковымъ съ нихъ, чиновникамъ и слугамъ, за вольность, по очереди ту опредѣляемую имъ должность нести,—о томъ никакого утвержденія оной магистратъ ни отколь не имѣетъ; магистратская же вышеписанная сумма безъ таковаго утвержденія подъ сумнительнымъ видомъ производится.

19. На канцелярскіе расходы, бумагу, сургучъ, свѣчи сальныя, перья и чернило, оные жъ рочные бурмистръ и райца сами собою покупаютъ и исправляютъ чрезъ цѣлой годъ, а по окончаніи года о томъ вѣдомостей для счету не даютъ, но спустя многое время въ книгахъ своихъ издержанную на то сумму показываютъ, закрывая съ того свое пользованіе.

20. Оные жъ рочные бурмистръ и райца магистратскую сумму содержатъ въ своихъ рукахъ подъ особливымъ своимъ вѣдомствомъ и сколько оной ежегодно въ наличности имѣется и въ расходъ произойдетъ, о томъ по третямъ года, ниже по окончаніи оного, вѣдомостей мнѣ, войту, и въ магистратъ не представляютъ, но по своему изволенію о той суммѣ въ нѣсколько годъ однѣ книги подаютъ, съ чего примѣчается, что оные бурмистръ и райца тою суммою партикулярно пользуются; другіе же бурмистръ и райца, по

очереди вступивъ въ правленіе магистрата, яко бы за неимѣніемъ при магистратѣ наличныхъ денегъ, свою сумму до нѣсколько сотъ рублевъ въ заемъ вносятъ и оныя деньги продолжая нарочито во обращеніи экономіи магистратской берутъ проценты и тѣ проценты въ книгахъ своихъ безъ зазору показываютъ.

21. На каналѣ, продолжающемся съ вершины Кудрявца въ самой Днѣпръ рѣку, испрежде устроены были отъ магистрата три мельницы по ряду, изъ коихъ не точію въ магистратъ знатная прибыль была, но вящше того, Боже сохрани пожарнаго случая, за окруженіемъ онымъ каналомъ третей части города Кіева, всего общества цѣлости состояла; тѣ же мельницы отъ нѣсколько лѣтъ до основанія разорились и каналъ весь въ такую порчь пришелъ, что и обывательскіе домы повредилъ; за неприращеніемъ же, по вышеизображенному несостоянію въ магистратской экономіи, суммы, а паче что изъ той суммы опредѣленные отъ магистрата, безъ согласія войта, иногда и по маловажнымъ дѣламъ, да и по своимъ партикулярнымъ, несъѣздне въ С.-Петербургѣ проживая, не однотысячные расходы денегъ издержуютъ, оныхъ мельницъ и канала и другихъ необходимыхъ надобностей городскихъ поисправить попрежнему не съ чего.

22. Въ праздники Рождества и Воскресенія Христова нѣкоторые рочные бурмистръ и райца съ магистратской суммы приносятъ войту въ презентъ ралцу по пяти рублевъ и себѣ съ той суммы по пяти жъ рублей ралецъ взымаютъ, изъ чего трата магистратской суммы продолжается напрасно, а особливо цехмистры всѣхъ цеховъ, собирая отъ своихъ подсудственныхъ ремесленыхъ людей по немалому числу денегъ, въ тѣ жъ празднества приносятъ войту отъ большихъ четырехъ цеховъ четыре рубли, а изъ инших поменьше, и таковые подобные ралцы производятъ бурмистру, райцѣ и писарю, а сами цеховые изъ той же суммы трактируются; такожъ отъ селъ Преварки, Сырца и Куреневщины староста, собирая съ обывателей тамошнихъ таковые жъ сборы, приносятъ ралцу войту по одному рублю, да бурмистру, райцѣ и писарю по 50 к. и по нѣсколько домовыхъ птицъ. Высокомонаршими же грамотами всемилостивѣйше утверждено съ мѣщанъ кіевскихъ никакихъ сборовъ не собирать; кои грамоты внуша, войтъ поудержался показанные ралцы принимать, а бурмистры, райцы и писарь до днесь взымаютъ.

23. Въ мясницкой скотобойнѣ, чтобъ цехмистры мясницкіе отъ скота разного, приводимого на убой въ бойню, и рыбальскіе старосты отъ рыбалокъ и другихъ пріѣзжающихъ съ рыбою людей никакихъ сборовъ не собирали, о томъ прежними указами въ магистратъ накрѣпко запрещено; однако они, мясницкіе цехмистры и

старосты рыбальскіе, презирая тое запрещеніе, отъ оного скота и рыбы понынѣ сборы собираютъ, да у рыбалокъ городскихъ и пріѣзжихъ людей перекупщики разные, покупая рыбу свѣжую и другую разную дешевою цѣною, продаютъ оную въ народъ двойною либо иногда и тройною цѣною съ самого утра до двѣнадцатого часа и далѣе, отчего здѣшніе жители въ покупкѣ оной рыбы имѣютъ тяжесть; а по указамъ и по праву магдебурскому дозволено перекупщикамъ хлѣба, рыбы и прочихъ съѣстныхъ вещей вольную продажу имѣть по прошествіи двѣнадцатого часа; и въ семъ 1764 году, въ бывшую элекцію, отъ мѣщанина кіевскаго Григорія Бѣлявскаго всему обществу о показанномъ съ скота сборѣ и на перекупщиковъ принесена была жалоба. Прочіе же сборы, каковы урядники магистратовые по самовольству съ разныхъ статей, яко то съ вагового, помѣрного и съ мѣстъ пустыхъ, въ противность высокомонаршихъ грамотъ запретительныхъ указовъ, на себя собираютъ и оными пользуются, объ оныхъ изъяснить подробно невозможно, для того что тѣ сборы собираютъ они тайно безъ вѣдома и согласія войта.

24. Магистратскіе урядники и мѣщане кіевскіе, имѣя винокуренные свои заводы, кои съ нихъ видомъ показываются въ экономіи магистратской первые рачители, а на ихъ смотря и прочіе въ городѣ Кіевѣ и въ селахъ Преваркѣ, Сырцѣ и Куреневщинѣ, гдѣ оные винокурни содержатъ, въ нарушеніе высокомонаршихъ грамотъ, виномъ шинкуютъ на кварты и ведра тайно дешевшею цѣною противъ установленной на продажу того вина магистратской цѣны, отчего въ прибыли магистратской суммы знатный ущербъ продолжается. Но что оные урядники по всей экономіи магистратской войту противны и не послушны, а при магистратѣ въ разныхъ должностяхъ служащіе о томъ подлинно вѣдая, но опасаясь отъ нихъ, урядниковъ, въ случаѣ доказательства, напраснаго разоренія, принуждены за страхъ молчать, для того оной продажи тайной вина пресѣкти не можно крайне. Въ оное же куреніе вина вступили многіе изъ купечества и мастеровыхъ людей, съ коихъ прежде городъ пользовался и процвѣталъ, а нынѣ они, промыслы и мастерства оставивъ, проживаютъ время на винокуреніи напрасно. Оного жъ винного куренія урядникамъ, мастеровымъ и мѣщанамъ по всѣмъ обстоятельствамъ не слѣдуетъ содержать, а пользоваться имъ свободно, по высокомонаршимъ грамотамъ, съ купеческаго промыслу и отъ мастероваго рукодѣлія.

25. Въ высокомонаршихъ В. И. В. предковъ, Государей Всероссійскихъ, грамотахъ и привиліяхъ королей польскихъ изображено: 1-е) въ грамотѣ Вел. Гос. Ц. и В. К. Алексѣя Михайловича

7162 года іюля 16 д., между прочимъ, пожаловано войта Богдана Самковского и бурмистра да райцу съ товарищи прежними правами и привилегіями, каковые даны имъ отъ королей польскихъ, и тѣхъ правъ и прилегіевъ ни въ чемъ нарушать не велѣно; 2 е) въ грамотѣ В. Г. Императора Петра I-го въ 7207 г. апрѣля 10 д., пожаловано войта кіевскаго Ивана Быковскаго и весь магистратъ, по прежнимъ жалованнымъ грамотамъ отца Его Государева, такожъ и Брата Его жъ Государева и по привиліямъ королей польскихъ, и между прочимъ повелѣно войту и урядовымъ управлять магистратъ и судъ магдебурскій и строить нижній городъ; 3-е) въ грамотѣ Г. И. Елисаветъ Петровны 1755 г. декабря 31 д. изъ кол. Ин. Д. всемилостивѣйше повелено секундъ-маіора Ивана Сычевскаго кіевскаго магистрата бурмистрамъ, райцамъ, шафарамъ, лавникамъ и инымъ магистратскимъ урядникамъ такожъ и мѣщанамъ и всему поспольству войтомъ признавать и надлежащимъ образомъ его почитать, и ему войту въ томъ пожалованномъ войтовскомъ урядѣ судъ между мѣщанами и посполитствомъ правдиво по ихъ правамъ и обыкновеніямъ производить и въ прочемъ во всемъ указы исполнять и по онымъ прилежно поступать; 4-е) въ привиліи короля Жигмунта 1544 г. марта 10 д. дозволено кіевскимъ мѣщанамъ пиво, медъ и горѣлку въ продажу свободно производить, а съ того приходы на покупки мѣскія употребляти; 5-е) въ привиліи короля Владислава IV-го 1644 г. мая 20 д. войту суды всякіе, къ войтовскому суду принадлежащіе, по праву магдебурскому, отправлять и урядъ тотъ со всѣми его доходами, пожитками и иными принадлежностьми, какъ антецессоры его держали, держати и спокойно употребляти и притомъ урядѣ войтовскомъ и его привилегіяхъ, такожъ пожиткахъ всякихъ, при повиновеніи отъ мѣщанъ и поспольства и при всякомъ почтеніи совершенно защищено; 6-е) въ привиліи того жъ короля Владислава IV-го 1645 г. марта 30 д. изображено—дабы урядъ войтовскій чрезъ лица на немъ бываемые способнѣе и удобнѣе отправляемъ былъ, опредѣлено войту на вѣчныя времена по пятисотъ золотыхъ польскихъ годоваго платежа съ провіантомъ ратуша кіевскаго, и тое жалованье настоящимъ и будущимъ на томъ уряды войтомъ всякого года сполна отдавать, а что въ счетахъ происходитиметь между иными расходами на потребность мѣста за квитанціею войтовскою принимано имѣетъ быть; 7 е) въ привиліи короля Іоанна Казимира 1650 г. генваря 12 д. пожаловано съ приходовъ мѣскихъ на всякой годъ бурмистру и райцѣ старшему рочнымъ урядникомъ по триста золотыхъ польскихъ и тотъ платежъ на будущее время подтверждено; 8-е) въ привиліи того жъ короля Іоанна Казимира 1659 г. апрѣля 3 д. подтвер-

ждено первую 1644 г. на урядъ войтовскій, другую 1645 г. о доходѣ годовомъ, войтовѣ пожалованномъ во вѣчность.

И какъ по онымъ государственнымъ высоч. грамотамъ и привиліямъ узаконено по квиту войтовскому о магистратскихъ приходахъ и расходахъ урядниковъ считать и ем.жъ, войту, съ урядниками магистратъ и судъ магдебурскій управлять и нижній городъ строить, такъ и по другимъ имѣющимся въ магистратѣ кіевскомъ грамотамъ магистратская экономія обще на должность войта съ урядниками зависитъ; и хотя отъ урядниковъ рочныхъ магистратскихъ ни въ чемъ къ оной экономіи допущенъ я не былъ, получая въ томъ отъ нихъ сухіе отказы, якобы опредѣленъ я только для управленія магистратскихъ судовъ, однако, по присяжной моей должности, дабы мнѣ предъ страшнымъ судомъ Божіимъ и предъ высоч. В. И. В. престоломъ не дать въ томъ отвѣта и, по силѣ вышеизображенной высоч. Вел. Гос. Имп. Петра I-го грамоты, нижній городъ Кіевъ, близъ границы лежащій, съ приращаемыхъ доходовъ магистратскихъ въ доброе и безопасное состояніе привести и укрѣпить и отъ великаго бываемаго наводненія и всегдашняго стремленія Днѣпровой воды обывательскія разоряемыя строенія и въ недалекости стоящія церкви отъ такого разоренія защитить, со вступленія моего въ отправленіе должности моей войтовской, видя въ приходахъ и расходахъ необычное помѣшательство и убытки, во всемъ свѣтѣ неслыханные, имѣлъ должность кому надлежало ордеры и приказы насылать, каковымъ порядкомъ ту экономію безпорочно содержать и книги шнуровыя къ тому учредить, а отъ 1730 чрезъ всѣ прошедшіе года распредѣливъ всѣмъ урядникамъ съ мѣщаны о приходахъ и расходахъ разсчеты учинить; но они урядники всѣ тѣ мои порядки донынѣ въ презрѣніи оставили, кромѣ, по усильному моему въ оныхъ урядниковъ домогательству, рочные бурм. Григорій Богдановичъ и райца Іосифъ Гудимъ считаны, на коихъ начету явилось болѣе тысячи рублевъ, но и за тотъ разсчетъ съ нихъ Іосифъ Гудимъ въ магистратъ письменно протестовалъ, показуя въ томъ протестѣ своемъ недовольство и что подобнымъ ему подозрѣніямъ всѣ магистратовые урядники подвержены; и за таковые мои устрояемые порядки оные маг. урядники, прикрывая свои винности, дабы имъ по счетамъ не остаться и впредь повадно было въ самовольномъ помѣшательствѣ экономіи магистратской партикулярно користоватись, предпріявъ ко мнѣ злобу, возмутили гражданъ кіевскихъ, якобы я всему гражданству недоброхотъ и обидитель, въ пр. Сенатъ взнесли на меня представленіе и просили безъ всякаго слѣдствія и доводу отрѣшенія меня отъ чина и по сердцу своему подобнаго имъ войта избрать, и надѣяся на удачной свой образецъ,

что иныхъ войтовъ бывшихъ, кои ихъ воли не склонялися, насильно позгонили. Оные жъ урядники, пополняя надо мною злобу свою, принадлежащихъ на рангъ мой войтовскій людей и земли поотбирали самовольно, какъ выше по 4-му пункту упомянуто, и положенного въ привиліи годового съ приходовъ ратушныхъ провіанта лишили; да кромѣ того, во всемъ правленіи моемъ магистрата противны и ослушны являясь, въ ономъ магистратѣ въ засѣданіи при зерцалѣ необыкновенные шумы и крики произносятъ и укоряютъ ругательно, о чемъ отъ меня къ г. генералу-аншефу кіевской губерніи генералу-губернатору И. Ф. Глѣбову словесное и письменное прошеніе, дабы подъ такимъ претекстомъ, ежели они урядники, по доносамъ своимъ, въ отрѣшеніи меня отъ чина желаемаго не получатъ, то по насильствамъ ихъ и самъ я того чина лишитися могу, отъ чего всего несносное поношеніе и разореніе претерпѣваю напрасно, а городъ Кіевъ въ неисправномъ строеніи и укрѣпленіи остается и экономія магистратская въ приращеніи суммы своей гибель претерпѣваетъ.

И дабы высоч. В. И. В. указомъ повелѣно было сіе мое доношеніе въ кіев. губ. канц. г. ген.-анш. кіев. губ. ген.-губернатору И. Ф. Глѣбову принять и о всемъ вышеписанномъ въ пр. Сенатъ подъ высокое благоразсмотрѣніе взнесть съ прошеніемъ на то указа, Всемилостивѣйшая Государиня, прошу В. И. В. о семъ моемъ доношеніи рѣшеніе учинить“.

Дѣятели слободской Украины прошлаго вѣка.

По исторіи былой Слобожанщины до сихъ поръ еще не открыто, за весьма немногими исключеніями, неоффиціальныхъ историческихъ источниковъ, въ родѣ лѣтописей, записокъ, мемуаровъ. Недолгій періодъ своеобразной жизни этой области былъ преисполненъ почти постоянныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ треволненій, а малочисленная интеллигенція ея, насколько этотъ терминъ можетъ быть примѣненъ къ бывшей козацкой старшинѣ этаго края, подобно остальной массѣ населенія, была почти поголовно настолько занята обязательной военной службой, что позволить себѣ умственную роскошь лѣтописнаго труда, по всей видимости, было нѣкому и нѣкогда, не говоря уже о томъ, что такая „умственная роскошь", по условіямъ мѣста и времени, была далеко и небезопасна... При такихъ условіяхъ весьма естественно, что главными, если не исключительными, письменными матеріалами для исторіи Слобожанщины являются источники оффиціальные, такъ называемыя „дѣла" и вообще канцелярская письменность различныхъ мѣстныхъ вѣдомствъ. Чуждая по языку массѣ южно-русскаго населенія слободской Украины, она и по содержанію нерѣдко представляла собою массу безполезнаго канцелярскаго мусора; но и въ этомъ мусорѣ попадаются порою весьма цѣнныя данныя, а иногда даже такія характерныя подробности минувшей жизни, которымъ не часто удѣляютъ свое вниманіе самыя лѣтописи и мемуары.

Подготовительная разработка такой канцелярской письменности, какъ историческаго матеріала, представляетъ еще и дру-

гія значительныя неудобства. Обыкновенно, содержаніе каждаго подобнаго „дѣла" бросаетъ на общій темный фонъ прошлой областной жизни лишь рѣдкіе и разрозненные лучи свѣта, причемъ случайно можетъ обнаружиться интересная частица общей картины былого: иногда здѣсь выступаютъ не только отдѣльныя фигуры, но и цѣлыя группы весьма своеобразныхъ дѣятелей и лицъ, невѣдомыхъ намъ, во всей непринужденности ихъ частной, интимной жизни и въ интересной сложности ихъ житейскихъ отношеній. Но остальное темное поле картины сразу поглощаетъ собой ближайшую массу другихъ группъ и жизненныхъ положеній, скрывая такимъ образомъ всю непосредственную обстановку освѣщенныхъ фактовъ и черезъ это затемняя иногда ихъ собственныя болѣе полныя очертанія и внутренній смыслъ. Конечно, дальнѣйшая разработка подобныхъ источниковъ, постепенно увеличивая число освѣщенныхъ пунктовъ общаго темнаго историческаго фона, мало по малу можетъ реставрировать все полотно исторической картины; а пока приходится довольствоваться и этими одинокими свѣтлыми пятнами...

Какъ извѣстно, Бѣлгородъ географически никогда не входилъ въ территорію слободской Украины, но имѣлъ для нея весьма важное значеніе, какъ административный центръ бѣлгородской губерніи, въ составъ которой въ прошломъ вѣкѣ входила и Слобожанщина. Бѣлгородская губернская канцелярія, съ своимъ высшимъ административнымъ персоналомъ во главѣ, была ближайшею властью, которая вліятельно „вѣдала" сферу гражданской жизни всѣхъ слободскихъ полковъ, и представляла собою мѣстный руководящій центръ приказнаго режима. Вотъ почему мы имѣемъ основаніе думать, что интимный характеръ дѣятельности персонала этого центра, нравственные облики его властныхъ дѣятелей имѣютъ интересъ и для исторіи внутренней жизни Слобожанщины.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются извлеченія изъ одного „дѣла", не лишенныя историческаго значенія. Въ этихъ матеріалахъ, при всей ихъ дѣловой сухости, довольно ясно прогля-

дываютъ нравственныя и бытовыя условія южнорусской жизни, не утратившія своей силы и для позднѣйшихъ поколѣній. Тутъ есть и спеціальныя слѣдственныя коммиссіи, съ участіемъ штабъ и оберъ-офицеровъ, и съ застѣнками, имѣвшія своимъ назначеніемъ блюсти и водворять оффиціальную правду, и нормальный аттрибутъ этихъ коммиссій—организованный и добровольческій доносъ, и наконецъ, насколько можно судить по нашимъ отрывочнымъ матеріаламъ, почти полное отсутствіе всякихъ идейныхъ теченій въ жизни, которая, видимо, шла только инертно, по колеѣ унаслѣдованныхъ привычекъ, не обременяя себя ни воспоминаніями, ни заботой о будущемъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1746 года, важный сановникъ—статскій совѣтникъ и бѣлгородскій вице-губернаторъ, Богданъ Ивановичъ Пассекъ пріѣхалъ въ Ахтырку и остановился въ домѣ мѣстнаго купца Самойла Соляника. Пассекъ явился въ патріархальный полковой городъ старой Слобожанщины не безъ помпы; при немъ упоминаются, только какъ разсыльные, какой то вахмистръ и 6 человѣкъ гренадеръ. Въ этотъ пріѣздъ явился къ Пассеку простой писецъ ахтырской полковой канцеляріи Павелъ Яготынецъ (Яготинецъ) и сдѣлалъ пріѣхавшему сановнику *доносъ* на ахтырскаго полковника Лесевицкаго и полковую старшину вообще. Яготинецъ заявилъ, что полковникъ Лесевицкій съ старшиной „похитилъ многое число денежной казны", причемъ обвинялъ его „и въ прочихъ разныхъ непорядочныхъ поступкахъ". Кромѣ того Яготинецъ объявилъ Пассеку „по присяжной должности", что изъ полковой канцеляріи, въ ея сношеніяхъ съ атаманами и командующими въ „описныхъ Перекрестовскихъ селахъ" [1]) посланы двѣ *фальшивыя инструкціи*, составленныя будто бы главнымъ образомъ полковымъ писаремъ Кардашевскимъ, для какихъ-то корыстныхъ цѣлей.—О послѣдствіяхъ этого доноса Яготинецъ уже въ августѣ 1751 года объяснилъ, что вице-губернаторъ Пассекъ, „ради взятковъ съ ахтыр-

[1]) Конфискованныя въ казну у ахтырскаго полковника Перекрестова еще Петромъ I-мъ.

ской старшины", скрылъ этотъ доносъ, а доносчикамъ велѣлъ молчать; только полковаго писаря Кордашевскаго продержалъ нѣсколько дней подъ арестомъ „не изъ чего другаго, токмо изъ одного того, чтобы ахтырскій полковникъ и старшина, зная свою въ томъ винность, имѣли чѣмъ либо одарить, кое по надобности его, Пассека, тою старшиною и исполнено".

Такъ показывалъ доносчикъ Яготинецъ о Пассекѣ въ слѣдственной бѣлгородской коммиссіи, по дѣлу „о губернаторѣ Салтыковѣ съ товарищи и о прочихъ", уже черезъ пять лѣтъ послѣ своего доноса въ Ахтыркѣ.

Жизненная карьера Яготинца, какъ специіалиста-доносчика, хотя, можетъ быть, и по случайному канцелярскому воспитанію и вліянію приказныхъ товарищей, и своеобразная дѣятельность его сановнаго патрона Пассека могутъ послужить связующей нитью нашего разсказа.

Какъ видно изъ нашихъ матеріаловъ, въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка въ полковыхъ городахъ слободской Украины были коммиссары изъ великороссіянъ, которые назначались на эти должности непосредственно отъ бѣлгородской губернской канцеляріи и имѣли въ своемъ завѣдываніи казенные денежные сборы съ войсковаго населенія независимо отъ мѣстной полковой администраціи [1]).

Въ 1745 году такимъ коммиссаромъ въ Ахтыркѣ былъ мценскій дворянинъ Субочевъ, какъ видно, изъ класса такъ называемыхъ приказныхъ людей. Этотъ Субочевъ былъ почему-то скоро замѣненъ другимъ коммиссаромъ (изъ рыльской провинціи) и въ 1747 г. онъ жилъ уже въ Москвѣ, занимаясь „хожденіемъ" по дѣламъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ великорусскихъ городахъ. Въ этомъ же 1747 г. мы видимъ въ Москвѣ и Яготинца, гдѣ онъ теперь является уже старымъ пріятелемъ и постояннымъ гостемъ у Субочева. Въ рапортѣ ахтырской полковой канцеляріи въ слѣдственную бѣлгородскую ком-

---

[1]) Эта „денежная казна" собиралась въ ахтырскомъ полку съ козаковъ-подпомочниковъ, подсусѣдковъ и подданныхъ малороссіянъ, „кои платежемъ числятся въ дистриктъ ахтырскій".

миссію (въ апрѣлѣ 1751 года) сказано, что Яготинецъ, по переписи въ ахтырскомъ полку 1732 года гвардіи маіора Хрущова, состоялъ, вмѣстѣ съ отцомъ и братьями, въ подпомогчикахъ, и по этому званію платилъ окладъ, а съ 1739 года, „по разсмотрѣніи“ полковой канцеляріи находился въ услуженіи для письма въ писцахъ, „а полковымъ и сотенскимъ писаремъ такожъ и никакимъ другимъ чиномъ не былъ“, что въ бытность его канцелярскимъ писцомъ „при дистриктѣ“ онъ принималъ „у пріѣзжихъ въ тотъ дистриктъ отъ разныхъ плательщиковъ самъ собой деньги“, и не внося ихъ въ шнуровую книгу, самъ же отъ себя давалъ имъ въ пріемѣ тѣхъ денегъ росписки, „которые деньги себе и поворовавъ и черезъ то побегъ учинилъ и нѣкоторый лживый доносъ началъ имѣть, о чомъ въ 746 и 747 годѣхъ въ бѣлгородскую губернскую канцелярію з сообщеніемъ съ тѣхъ росписокъ копій представливано“. Отсюда видно, какіе личные счеты возникли у Яготинца съ ахтырской полковой старшиной еще съ 1746 года. Не по своимъ частнымъ дѣламъ и не праздно проводилъ время въ Москвѣ Яготинецъ: онъ досталъ у своего приказнаго пріятеля Субочева какую-то черновую вѣдомость о денежныхъ сборахъ въ ахтырскомъ полку, за бытность Субочева ахтырскимъ коммиссаромъ; а самая эта вѣдомость, какъ видно, казалась Яготинцу важнымъ документомъ въ его обличеніяхъ противъ ахтырской полковой старшины. Самъ Субочевъ переходъ этой вѣдомости въ руки Яготинца объяснялъ нѣсколько иначе: что онъ, Субочевъ, за своимъ отъѣздомъ изъ Москвы въ Муромъ, поручилъ Яготинцу ходатайствовать по какому-то дѣлу въ государственной вотчинной коллегіи и поэтому далъ ему даже „вѣрющее письмо“. По этимъ, якобы дѣловымъ, причинамъ Яготинецъ бывалъ въ его, Субочева, квартирѣ и въ его отсутствіе; и вотъ въ одно изъ такихъ посѣщеній Яготинецъ изъ бумагъ Субочева самъ взялъ копію съ вѣдомости „записной денежной казны“. Далѣе Субочевъ объяснилъ, что такой черновой или партикулярный документъ самъ по себѣ не имѣетъ никакого значенія („и по указамъ чернымъ письмамъ вѣрить не велѣно“), хотя вѣдомость эта по содержанію „не воровская“, а правильная... и что въ бытность его,

Субочева, ахтырскимъ коммиссаромъ дѣйствительно было взято подъ росписки полковникомъ Иваномъ Лесевицкимъ „съ товарищи", а кѣмъ именно и сколько было ими взято „денежной казны", о томъ значится въ вѣдомости, „съ которой отъ него, Яготинца, сообщена копія"..., что дача (денегъ) полковнику и старшинѣ производилась Субочевымъ безъ указной въ шнуровыя книги записки.. за неприсылкою „отъ вышней команды" шнуровой книги, а бывшая записная книга „учинена за печатью ахтырской полковой канцеляріи"... Въ заключеніе Субочевъ объяснилъ, что хотя полковникъ и судья Лесевицкіе, а по приказу полковника и другіе, брали у Субочева небольшими суммами деньги, но подъ росписки; и все взятое своевременно возвратили, исключая небольшой суммы, оставшейся за самимъ Яготинцемъ, „а послѣ его, Яготинца, доносу, тѣ деньги по злобѣ онаго полковника съ старшиною з жены его, Яготинцовой, взысканы-ль и въ казну положены-ль—того онъ, Субочевъ, не знаетъ".

При оставленіи Субочевымъ должности ахтырскаго коммиссара, онъ получилъ квитанцію въ исправной сдачѣ денегъ, причемъ квитанція, писанная „черкасскою рукою", была скрѣплена полковникомъ Ив. Лесевицкимъ, роднымъ его братомъ, судьей Константиномъ Лесевицкимъ, обознымъ Боярскимъ и полковымъ писаремъ. Сверхъ этого Субочевъ объяснилъ, что полковой судья Константинъ Лесевицкій никогда не принималъ отъ него, Субочева, денежной казны... „подъ свое вѣдомство..., что въ вѣдомствѣ его, Лесевицкаго, онъ, Субочевъ, не бывалъ", а принялъ отъ него деньги вакансъ-сотникъ Карповъ. Словомъ, бывшій ахтырскій коммиссаръ со своей стороны ни въ чемъ не обвинялъ ахтырскую полковую старшину. Все это показаніе свое Субочевъ давалъ уже въ іюнѣ 1751 года при допросѣ въ бѣлгородской слѣдственной коммиссіи.

Но кромѣ настойчиваго уличенія въ денежныхъ хищеніяхъ, Яготинецъ взвелъ на ахтырскую полковую старшину и тяжелое политическое обвиненіе: „о небытіи полковника Лесевицкаго и прочей старшины въ 1746 г. апрѣля 25 дня на высокоторжественный воспоминанія коронованія ея императорскаго величества

день у всенощнаго бдѣнія за пьянствомъ". Доносъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, получилъ серьезный ходъ: дѣло дошло до „канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ", откуда уже въ іюнѣ 1751 года, черезъ бѣлгородскую губернскую канцелярію, получился указъ, въ которомъ было сказано: „по опредѣленію въ С.-Петербургѣ тайной канцеляріи велѣно ахтырского полку писарю Павлу Яготинцу за ложное имъ... на полковника Лесевицкаго и на прочихъ старшинъ донесеніе..., чего по слѣдствію не явилось, учинить наказаніе—бить плетьми"..., причемъ добавлено, что если кромѣ этого дѣла въ бѣлгородской губернской канцеляріи нѣтъ другихъ дѣлъ, ни о Яготинцѣ, ни о полковникѣ Лесевицкомъ съ старшиной, то ихъ отъ той канцеляріи „учинить свободныхъ".

Кромѣ коммиссара Субочева, у Яготинца былъ еще пріятель въ самомъ Бѣлгородѣ—однодворецъ Борисъ Панковъ, который одно время, вмѣстѣ съ Яготинцемъ, состоялъ подъ какимъ-то слѣдствіемъ при бѣлгородской слѣдственной коммиссіи.

Яготинецъ и Панковъ составляли только малую часть цѣлой группы темныхъ личностей, служившихъ орудіемъ въ рукахъ главныхъ интригановъ въ темной бюрократической сферѣ бѣлгородской губернской канцеляріи и бывшей при ней слѣдственной коммиссіи.

Послѣ извѣстнаго уже намъ ахтырскаго доноса Пассеку, Яготинецъ является вполнѣ преданнымъ исполнителемъ и агентомъ въ его дѣлахъ, причемъ, судя по позднѣйшимъ, уже болѣе яснымъ и правдоподобнымъ, его объясненіямъ, главная цѣль всей подпольной махинаціи вице-губернатора Пассека заключалась въ подкопахъ противъ тогдашняго бѣлгородскаго губернатора Салтыкова, съ цѣлью самому занять его мѣсто.

По свидѣтельству нашего источника, центромъ и главнымъ организаторомъ вольнаго доноса въ Бѣлгородѣ въ это время былъ именно Пассекъ, какъ по всему видно, человѣкъ выдающейся энергіи и вмѣстѣ съ тѣмъ самаго грубаго и неразборчиваго въ средствахъ приказнаго честолюбія. Какъ организаторъ и руководитель обширнаго доноснаго дѣла, онъ съ этой цѣлью завелъ у себя свою домашнюю „*затѣйную канцелярію*". Такъ

послѣ называлъ эту приватную компанію доносчиковъ самъ Яготинецъ. Тутъ были отставные маіоры, поручики, однодворцы, гренадеры и гвардейскіе солдаты, прогнанные за разные грѣхи писаря и даже простые господскіе люди. „*Затѣйная канцелярія*“ доставляла обильный матеріалъ для бѣлгородской слѣдственной коммиссіи, которая въ своемъ составѣ дѣлилась на какія то партіи, конечно, по личнымъ счетамъ, причемъ на сторонѣ Пассека былъ, между прочимъ, другъ его дома по терминологіи интимной переписки доносчиковъ Яготинца и др.,—„старикъ“,—полковникъ Дуровъ. Этотъ „старикъ“ нерѣдко вмѣстѣ съ Пассекомъ вдохновлялъ Яготинца на доносы, указывалъ ему темы, читалъ приватно у себя на дому черновые проекты этихъ доносовъ, исправлялъ ихъ, и потомъ самъ же оффиціально принималъ въ слѣдственной коммиссіи. Внѣ этой партіи и даже, можетъ быть, противниками ея выступали другіе военные и статскіе чины коммиссіи, между прочимъ полковникъ Огаревъ и какой то Чемезовъ.

О личности самого губернатора Салтыкова—главнаго объекта преслѣдованій Пассека почему то ничего нѣтъ въ нашемъ „дѣлѣ“. Въ немъ нѣтъ ни прямыхъ фактическихъ обвиненій противъ него, ни его собственныхъ объясненій. Это полное отсутствіе данныхъ о самомъ губернаторѣ скорѣе всего можетъ быть объяснено особымъ о немъ производствомъ, которое не вошло въ наше „дѣло“,—или же, можетъ быть, составило неизвѣстный намъ особый его отдѣлъ.

Личность самого Пассека намъ невольно напоминаетъ извѣстнаго героя одной южнорусской сказки,—классическаго „горобця молодця“,—который, какъ извѣстно, пламенно преслѣдовалъ въ своей жизни одну только цѣль, чтобы его, „горобця молодця, былынка поколыхала“. Такой именно былинкой было для Пассека губернаторское кресло въ Бѣлгородѣ, и, какъ увидимъ ниже, онъ заплатилъ своей дальнѣйшей карьерой за эту свою задушевную мечту.

Здѣсь мы сдѣлаемъ небольшую мимоходную оговорку. Всѣ излагаемые нами факты почти исключительно заимствуются изъ показаній вольныхъ и невольныхъ кліентовъ слѣдственной

коммиссіи; а въ такихъ источникахъ, понятно, нельзя ждать полной объективности. Тутъ почти каждый участникъ не столько думаетъ объ „истинѣ“, сколько о самомъ себѣ. Поэтому руководящей нитью при пользованіи подобнымъ матеріаломъ можетъ быть отчасти и взаимное сопоставленіе обыкновенно пестраго его содержанія.

Въ нашемъ „дѣлѣ“ большая часть свѣдѣній взята изъ позднѣйшихъ показаній Яготинца, когда онъ увидѣлъ, что звѣда и такого могучаго человѣка, какимъ онъ долгое время считалъ своего патрона Пассека, быстро закатывается. Едва ли можно допустить, чтобы Яготинецъ въ своихъ показаніяхъ всецѣло изобрѣталъ самые факты, хотя, съ другой стороны, показанія его необходимо, конечно, принимать cum grano salis.

Доносныя махинаціи Пассека вначалѣ были весьма успѣшны: въ самой слѣдственной коммиссіи старшій членъ ея „старикъ“ полковникъ Дуровъ былъ для Пассека почти alter ego. Къ этому-то времени относится и поѣздка Яготинца въ Москву и Петербургъ, также по порученію Пассека; тогда же велась обширная переписка Яготинца съ однодворцемъ Панковымъ, какъ видно, также въ интересахъ ихъ общаго патрона. Послѣ, когда вѣтеръ подулъ въ другую сторону и дѣятельность бѣлгородскаго вице-губернатора попала на какіе-то подводные камни, эта интимная переписка пріятелей очутилась въ рукахъ бѣлгородской слѣдственной коммиссіи, гдѣ, между прочимъ, вызвала рядъ недоразумѣній тѣми „странными именами“ и условными выраженіями, которыя встрѣчались въ ней [1]). Такъ, въ этой перепискѣ, между прочимъ, говорилось: „пожалуй, батюшка-братецъ, стараніемъ вашимъ представляйте обо всемъ; авось не то, то другое попадется въ дѣло, а доказывать станемъ по нихъ всѣ, не одинъ; только бы порознь насъ нынѣ Чемезовъ не получилъ, ибо обѣщався . . . . . до смерти насъ за доносы помучить . . . . . упоминайте братъ, дабы прежде слѣдствія

---

[1]) Изъ этой переписки въ нашемъ дѣлѣ сохранились только немногіе отрывки въ копіяхъ, безъ начала и конца и помѣты времени. Судя по содержанію, большая часть отрывковъ принадлежитъ перу Яготинца.

доносителей не мучили подъ карауломъ, и другимъ страху не давали, ибо и Огаревъ только и зделалъ, что всѣхъ доносителей и просителей порозгонялъ нарочно отъ коммиссіи з Бѣлгорода, а которые подъ караулы нарочно въ желѣзы посаживалъ и не начинаетъ слѣдовать; Сабельникова дѣвку *Сусликъ* при Огареву бралъ изъ коммиссіи къ себѣ во дворъ и сѣкъ батожьемъ сильно . . . . . Правда, что пришло намъ погибать *чрезъ властную нашу надежду*, а не чрезъ себе; вотъ домы наши разорились до конца и мы страждемъ, а Богъ вѣсть, что еще впредь покажетца, пожалуй не молчите представленіями частыми (далѣе идетъ совѣтъ вызвать слѣдствіе надъ вышеозначеннымъ Огаревымъ) . . . . только бы подъячихъ отъ дѣлъ отрѣшено было всѣхъ и секретаря, а то докажемъ во всемъ . . . . . а они—каналіи--на то гнутъ, чтобы намъ и святой Руси не видать всѣмъ безъ слѣдствія; однако жъ Богъ наша надежда, не молчить, братъ, пожалуй; будемъ всѣ доказывать вмѣстѣ . . . . . *и козаки поможутъ во всемъ* . . . . здѣлайте мнѣ хорошенько на имя рекетмейстера одного доношеніе, выбери силу со всѣхъ представленныхъ и съ моихъ цидулокъ, и указъ пропиши 722 г., мая 17-го, какъ ему велѣно таковыхъ содержащихся вездѣ освобождать и *государю представлять* . . . . . съ упоминаніемъ и секретныхъ дѣлъ и всѣхъ безпорядковъ и безстрастнихъ поступокъ, и о бунту Огарева съ товарищи . . . усиди, братъ, пожалуй и аншефа съ нумеромъ, напиши и молебствіе прошлогоднее . . . . ". Видимо, идея доноса была уже настолько привита къ отдѣльнымъ грамотнымъ людямъ темной массы, что въ ихъ глазахъ она представлялась уже на степени какого то нравственнаго культа: въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ интимной переписки доносчиковъ слышится даже тонъ страданій за правду, за убѣжденія...

Уже изъ приведенныхъ нами фактовъ видно, какая мутная каша варилась въ приказной бѣлгородской сферѣ. Съ одной стороны Пассекъ съ своими, какъ видно, иногда весьма наивными клевретами, о которыхъ по всей вѣроятности можно было

бы сказать: не вѣдаютъ бо еже творятъ; съ другой, кромѣ губернатора, какіе то безличные его пріятели или сторонники, почти кнутомъ разгонявшіе доносчиковъ, и въ числѣ этихъ противниковъ добровольческаго доноса мелкая подъяческая братія бѣлгородской канцеляріи, а въ числѣ союзниковъ „затѣйной канцеляріи“ Пассека, какіе то козаки, вѣроятно, бывшей сѣннянской сотни ахтырскаго полка [1]).

Судя по нашимъ матеріаламъ (прерываемымъ большими пробѣлами), Яготинецъ долго и преданно служилъ темнымъ дѣламъ Пассека, и только когда за свою наклонность защищать „правду“ ябедой и заказными доносами, онъ былъ наказанъ плетьми при бѣлгородской канцеляріи, то, по оффиціальному свидѣтельству своего бывшаго пріятеля Панкова, впалъ въ тяжелое раздумье: по наказаніи плетьми Яготинецъ вышелъ изъ прихожей камеры коммиссіи и на лѣстницѣ, ведшей на крышу канцеляріи, будто бы произнесъ такой монологъ: *„ой государь нашъ Богданъ Иванычъ!* самъ ты пропадешъ и насъ своимъ дѣломъ погубишь!“

При такомъ поворотѣ въ судьбѣ дѣятелей „затѣйной канцеляріи“, самъ Панковъ сознавался, что Яготинецъ былъ отправляемъ Пассекомъ въ Москву и Петербургъ, какъ и другіе, „для доносовъ и умноженія прошеніевъ“.

На допросѣ въ бѣлгородской слѣдственной коммиссіи въ іюнѣ 1751 года Яготинецъ весьма уклончиво объяснялъ темныя и условныя выраженія, а также и разныя обвиненія на нѣкоторыхъ чиновниковъ въ своей интимной перепискѣ съ однодворцемъ Панковымъ. Слѣдственная коммиссія письменно допрашивала: „писалъ ты... яко бы васъ мучатъ на смерть и воровскому де представленію Огареву не вѣрить и генералъ-аншефтъ Сусликово воровство явно закрываетъ, того ради показать тебѣ кто имянно и какимъ... образомъ тебя мучатъ и отъ Огарева какое и куды воровское представленіе имѣлось и генералъ-аншефтъ (Ф. Бисмаркъ) какое Сусликово воровство

---

[1]) Нынѣ селеніе Сѣнное богодуховского уѣзда харьковской губерніи.

закрываетъ и кто таковъ имянно Сусликъ и въ какомъ воровствѣ отъ аншефа закрытъ?".

Яготинецъ, какъ на эти, такъ и на послѣдующіе вопросы отвѣчалъ довольно уклончиво, часто ссылаясь на то, что онъ это дѣлалъ „с природной своей черкасской простоты", что его никто не мучилъ, а только, въ бытность его, Яготинца, подъ карауломъ, не давали ему „пропитанія", что отъ полковника Огарева „представленіе въ Правительствующій Сенатъ і въ государственную военную коллегію ..... было о содержаніи его, Яготинца, подъ карауломъ", что это представленіе полковникъ Огаревъ писалъ одинъ отъ себя безъ бывшаго въ слѣдственной коммиссіи присутствующаго полковника Дурова „въ томъ представленіи писалъ, что онъ его задержалъ въ колодке подъ карауломъ і якобы отъ ахтырскаго полку на писаря Перебиносова доносилъ неправнлно... а генералъ-аншефъ и кавалеръ фонъ-Бисмаркъ Сусликово воровство, т. е ахтырскаго слободскаго полку полковника Ивана Лесевицкаго закрываетъ потому, что принявъ оной генералъ-аншефъ отъ него, Лесевицкаго, і протчихъ мимо оной коммиссіи на бывшаго присудствующаго полковника Дурова к подозренію о неприсудствіи ему въ оной комисіи по его Яготинця деламъ неправильные доношеніи, а о чемъ в тѣхъ доношеніяхъ значить именно и чинитъ к ихъ ползѣ всякія способы т. е. *въ конфирмаціи и наказанію сънняпскихъ козаковъ* за присланнимъ ис комисіи в ахтырскую полк. канцелярію о свободе ихъ и с подкараула указомъ и на него, Яготинця, многие отъ него доношеніи принималъ; въ разныя места представлялъ къ ихъ надобности. А сусликомъ называлъ онаго Лесевицкаго в такомъ случае, что онъ всегда безпрестанно бывалъ пьянъ, а по черкасскому наречію кто пьетъ, то и сусликъ".

Далѣе Яготинца спрашивали: „что значитъ его письмо къ Панкову, гдѣ Яготинецъ говоритъ, что ему, Панкову, худо будетъ, „видишь какая нынѣ правда и судъ, не хуже Шемякина, да прибирай всякия способы (приводилось въ вопросѣ письмо Яготинца) батюшки старику, къ доказательству врагу Огареву і причомъ подъячие все і секретарь радуются і раз-

глашають то, что по своимъ представленіямъ во всемъ на нихъ останется і Огаревъ де стоитъ с Чемезовымъ вмѣсте в Жеребцовомъ дворѣ и дрова палють государевы"...

По содержанію этихъ краткихъ извлеченій изъ писемъ слѣдственная коммиссія допрашивала Яготинца:

Какое это худо будетъ Панкову и гдѣ это производится судъ не хуже Шемякина, „і какому врагу Огареву къ доказательству старику способы пріискивать, і кто таковъ старикъ, і Огаревъ какой врагъ, і что подъячіе радуются и разглашаютъ"..., и какіе государевы дрова палились... и „какую ты Ивану Иванову сыну, а чей прозванія не показано, імянно отъ суслика оборону изделалъ, и кто онъ такожъ і сусликъ... и какия враги до вашихъ головъ добираются, въ томъ же твоемъ письмѣ написано Севергина совсемъ де повели было в застенокъ розыскивать, только запѣлъ соловья і к нему де шесть человѣкъ определено?". На все это коммиссія требовала объяснительныхъ отвѣтовъ.

Яготинецъ отвѣчалъ, что про худо для Панкова онъ писалъ потому, что Панковъ находился въ побѣгѣ отъ коммиссіи и чтобы поэтому имѣлъ осторожность, дабы его не поймали, такъ какъ о немъ были публикаціи; а про Шемякинъ судъ писалъ въ томъ смыслѣ, что начатое въ бѣлгородской губ. канцеляріи дѣло „по доносу ево на ахтырскаго полковника и протчихъ производилось в той канцеляріи не в силу о суде формы инымъ образомъ о чемъ отъ его и въ поданомъ въ Правительствующемъ Сенате доношеніи показано, и для того онъ с простоты своей оному Панкову Шемякинъ судъ и написалъ, а что бы онъ, Панковъ, прибиралъ способы батюшки старику, т. е. реченному полковнику Дурову, к доказательству врагу подполковнику Огареву по імѣющейся у нихъ между собою ссоре, а Огаревъ подлинно врагъ, т. е. по кресту сатане(?) і то онъ писалъ к сожалѣнію его полковника Дурова для того, что оный полковникъ, будучи при коммиссіи, чинилъ по имѣющимся ево в коммиссіи дѣламъ всякия к доносу ево способы и о немъ Яготинце сожеленіе, что жъ подъячіе і секретарь радуясь разглашаютъ, что по своимъ представленіямъ

на нихъ во всемъ оной полковникъ останется, слышалъ онъ, будучи в коммиссіи (а отъ кого за давностію не помнитъ)", и о сожиганіи казенныхъ дровъ Огаревымъ онъ, Яготинецъ, слышалъ еще въ прошломъ 1750 году отъ караульныхъ... „Ивану Дощечкину отъ Суслика (Лесевицкаго) оборону зделалъ такимъ случаемъ: какъ оной Дощечкинъ из Бѣлагорода отезжалъ в С.-Петербургъ, то при отездке далъ ему на нихъ, Лесовицкихъ, і прочихъ объявленіе, дабы онъ подалъ где надлежитъ, почему онъ бывшему въ Бѣлѣграде вице-губернатору Б. И. сыну Пасеку, по прiѣзде ево в С.-Петербургъ, і подалъ, а чего для онъ то объявленіе показанному Пассеку подалъ, того онъ не знаетъ, а оной Пассекъ предъявилъ в Прав. Сенате, а із Сената при указе отослано в *тайную канцелярію*, о чемъ іс тайной канцеляріи о изслѣдованіи оныхъ Лесовицкихъ с товарыщи и указъ во оную коммиссію присланъ, а они Лесовицкие імѣли на него вражду, п. ч. онъ с нимъ знаемость імѣетъ, чтожбы означенной Панковъ берегъ старика, т. е. полковника Дурова, от означеннаго Лесовицкаго с товарыщи потому, что они на него подали подозреніе, а до ихъ головъ, т. е. до него Панкова і его Яготинца, враги добираются означенной полковникъ Лесовицкій и протчіе ихъ согласники, на которыхъ отъ него, Яготинца, о інтересе доносъ показалъ, а назвалъ онъ оного Лесовицкаго и другихъ врагами, что по кресту всякъ христіанинъ на сатану врагъ, что жъ Севергина повели в застенокъ разыскивать, (то онъ, Яготинецъ, слышалъ отъ караульныхъ солдатъ), что оной Севергинъ приходя въ ту канцелярію на крыльце кричалъ: імѣетъ де онъ, Севергинъ, доказать по 1 и 2 пунктамъ . . . . " Далѣе Яготинецъ объясняетъ, что „куткомъ" онъ называлъ домъ вице-губернатора Пассека, откуда ему присылали пищу и вообще Пассекъ, самъ участвовавшій въ этой коммиссіи, оказывалъ ему, Яготинцу, всякое вниманіе.

Дальнѣйшіе вопросы и отвѣты подтверждаютъ, какъ уже замѣчено выше, что въ самой слѣдственной коммиссіи было по крайней мѣрѣ двѣ партіи: на одной сторонѣ былъ Пассекъ, чуть ли не душа и творецъ всей этой слѣдственной кутерьмы, полковникъ Дуровъ, ихъ мелкіе клевреты, Панковъ и Яготи-

нецъ съ компаніей другихъ безъименныхъ сотрудниковъ, а на другой—Огаревъ, какой-то подполковникъ Чемезовъ, почему то секретарь и подъячіе, вѣроятно, той же бѣлгородской канцеляріи. Эта послѣдняя партія, равно какъ и генералъ-аншефъ фонъ-Бисмаркъ были, повидимому, на сторонѣ полковника Лесевицкаго и, можно думать, вообще ахтырской полковой старшины. Яготинецъ въ своихъ письмахъ такъ и выражался, что ихъ враги (во главѣ которыхъ онъ, видимо, ставитъ Огарева) „всѣ вмѣстѣ одну думу думаютъ съ Чемезовымъ, секретаремъ и со всѣми подъячими". Судя по содержанію вопросовъ коммиссіи и отвѣтовъ Яготинца, можно полагать, что раскрытіе полной истины не составляло главной заботы ни вопрошавшихъ, ни отвѣчавшихъ. Можетъ быть, даже для самой слѣдственной коммиссіи такіе люди какъ Панковъ и Яготинецъ были въ своемъ родѣ опасные субъекты, ибо они уже знали доносные пути и въ высшія сферы; а въ положеніи Яготинца чистая правда тоже не могла быть удобна, уже въ виду одной близости застѣнка. Вѣроятно, поэтому какъ вопросы, такъ и отвѣты многаго не договаривали и, можетъ быть, даже стороны были довольны лаконизмомъ рѣчей, причемъ въ болѣе трудныхъ случаяхъ Яготинецъ многое сворачивалъ на свою „природную черкасскую простоту".

Только уже въ августѣ 1751 года существовавшая въ Бѣлгородѣ слѣдственная коммиссія „о губернаторѣ Салтыковѣ съ товарищи и о прочихъ" доносила въ прав. Сенатъ, что извѣстный намъ Павло Яготинецъ подалъ въ эту слѣдственную коммиссію „извинительное доношеніе", въ которомъ онъ объяснялъ, что прежніе его доносы въ Прав. Сенатъ, въ государственную юстицъ-коллегію и въ бѣлгородскую слѣдственную коммиссію „на губернатора съ товарищи и на протчихъ въ разныхъ обстоятельствахъ... чинены по наущенію статскаго совѣтника Пассека, по которымъ онъ ни въ чемъ доказать не можетъ"... и просилъ, чтобы „по всемъ поданнымъ отъ него на реченнаго губернатора съ товарищи доношеніямъ слѣдствія не производить"...

На этотъ разъ объясненія Яготинца были, повидимому, уже болѣе искренни, можетъ быть, даже и вполнѣ справедливы. Онъ разсказалъ теперь уже объ извѣстномъ намъ пріѣздѣ Пассека въ Ахтырку зимой 1746 года, и о томъ, какъ во время этого пріѣзда онъ, Яготинецъ, пользуясь содѣйствіемъ какого то козака Прокофія Власова, объяснилъ Пассеку возникшія, по мнѣнію Яготинца, злоупотребленія со стороны служащихъ ахтырской полковой канцеляріи относительно „описныхъ Перекрестовскихъ селъ и деревень“ (какія то двѣ „фальшивыя инструкціи“), что, благодаря даннымъ старшиною Пассеку взяткамъ, онъ, Пассекъ, велѣлъ объ этомъ доносѣ какъ ему, Яготинцу, такъ и полковому писарю Кардашевскому и женѣ вышеназваннаго козака Власова „подъ страстіемъ“ молчать, а Кардашевскаго все таки, ради внушенія спасительнаго страха старшинѣ, чтобы вѣрнѣе вызвать ее на дачу взятки, продержалъ нѣкоторое время подъ карауломъ. Далѣе, Яготинецъ писалъ, что, видя молчаніе и бездѣятельность Пассека, онъ сдѣлалъ тотъ же самый доносъ „обретающемуся“ въ описныхъ Перекрестовскихъ деревняхъ капитану Ребинину, а потомъ въ бѣлгородскую губ. канцелярію „о техъ ихъ полковника Лесевицкаго с старшиною похищеніи денежной казны *и въ разныхъ народныхъ обидахъ и налогахъ*“...

Доносъ этотъ, по свидѣтельству самого Яготинца, не прошелъ даромъ. Ахтырскій полковникъ и старшина „были сысканы“ въ бѣлгородской губернской канцеляріи, гдѣ и слѣдствіе производилось, „и во многихъ ихъ непорядкахъ и интересѣ и приличились“, но слѣдствіе это, объяснялъ Яготинецъ, къ окончанію не приведено. По этому дѣлу Яготинецъ сидѣлъ подъ карауломъ; а по освобожденіи изъ подъ караула въ томъ же 1746 г. статскій совѣтникъ Пассекъ, бывшій еще въ то время „присутствующимъ“, призвалъ Яготинца къ себѣ въ домъ и „только для одной съ г. губернаторомъ ссоры“ началъ говорить ему, что по его, Яготинца, доносу на ахтырскую старшину, вслѣдствіе происковъ губернатора Салтыкова, совѣтника Безобразова, прокурора Каминина „и прочихъ“ никакого слѣдствія не будетъ. При этомъ Пассекъ приказалъ Яготинцу „только для одной

своей надобности для прошенія о нихъ ѣхать въ Москву и С.-Петербургъ", обѣщавши дать на дорогу все потребное. При этомъ Пассекъ говорилъ также, что въ Москвѣ и С.-Петербургѣ „на онаго губернатора Салтыкова с товарищи просителей и доносителей довольно; и какъ де по ихъ, такъ и по моему прошенію ихъ, губернатора и протчихъ, отъ своихъ мѣстъ отрѣшатъ, а будетъ—де онъ... Пассекъ (въ оной губерніи) губернаторомъ".

Затѣмъ Яготинецъ подробно объясняетъ тѣ причины, которыя сдѣлали его послушнымъ орудіемъ Пассека: онъ, Яготинецъ, самъ лично слышалъ „обнадеживанія" своего патрона, что онъ, Пассекъ, будетъ въ Бѣлгородѣ „настоящимъ губернаторомъ" вмѣсто Салтыкова; что Салтыковъ, по словамъ Пассека, „чинитъ происки къ пользѣ ахтырской старшины", а еще болѣе, писалъ Яготинецъ, онъ сталъ ревностнымъ слугой сановнаго патрона потому, что Пассекъ въ то время былъ „командиръ" и поэтому Яготинецъ уже не могъ идти противъ его „повелѣнія" и долженъ былъ отправиться въ Москву „для прошенія на онаго губернатора".

Вся упомянутая выше доносная операція, какъ видно, была точно продѣлана въ Москвѣ Яготинцемъ и еще какимъ то крестьяниномъ Марковымъ, также по порученію Пассека, (согласно съ инструкціей Пассека онъ подалъ свое доношеніе въ контору Сената въ Москвѣ). Сенатъ снесся съ юстицъ-коллегіей, вслѣдствіе чего отъ губернатора Салтыкова „съ товарищи велѣно взять отвѣтъ". Но Москвой не ограничилось доносное радѣніе Яготинца: хорошо вооруженный наставленіями своего патрона, онъ отправился еще въ С.-Петербургъ, гдѣ также подалъ въ Прав. Сенатъ „доношеніе" и такимъ образомъ цѣль патрона была достигнута: изъ Петербурга получилось предписаніе въ бѣлгородскую слѣдственную коммиссію „о губернаторѣ Салтыковѣ съ товарищи" произвести по этому предмету изслѣдованіе.

Изъ своей доносной экспедиціи на сѣверъ Яготинецъ возвратился въ Бѣлгородъ въ концѣ іюля 1748 года, немедленно явился онъ въ домъ Пассека, гдѣ и прожилъ „на его коштѣ" семь дней. По словамъ Яготинца, Пассекъ и въ это время былъ еще

„надъ бѣлгородскою губерніею командиромъ“, т. е. нужно предполагать, что по причинѣ нахожденія подъ слѣдствіемъ губернатора Салтыкова, Пассекъ временно управлялъ губерніею. И вотъ въ это то время „командиръ бѣлгородской губерніи“ снисходилъ порой до крайне фамильярной простоты въ обращеніи съ своимъ вѣрнымъ клевретомъ Яготинцемъ, какъ показываетъ, напримѣръ, такой разсказываемый Яготинцемъ фактъ. Пассекъ былъ въ это время крупнымъ землевладѣльцемъ чугуевскаго уѣзда: ему принадлежали здѣсь села Рогань и Салтово. Въ одномъ изъ этихъ селъ проживалъ у Пассека маляръ Павелъ (фамиліи его Яготинецъ не припомнилъ). И вотъ этотъ маляръ, по заказу и композиціи Пассека, создалъ замѣчательную въ своемъ родѣ картину, которую Пассекъ удостоилъ показать и Яготинцу „къ единой себѣ похвалѣ, добавлялъ каявшійся доносчикъ, а надъ бѣдными (т. е. изображаемыми на картинѣ персонами) къ немалому... сумнительству“. На этой картинѣ были „написаны персоны“ соперниковъ Пассека: губернатора Салтыкова, коллежскаго совѣтника Безобразова, прокурора Коминина „и прочихъ, съ надписаніемъ надъ каждымъ срамныхъ и весьма укорительныхъ словъ, а себя“, откровенно продолжалъ Яготинецъ, „на особомъ мѣстѣ учиня и подписавъ к прописи къ бытію губернаторомъ и называя себе защитителемъ“... По поводу созерцанія картины Яготинецъ наивно сознается, что это обстоятельство „паки зело привело (его) къ содержанію стороны Пассека“. При этомъ случаѣ „командиръ“ губерніи говорилъ Яготинцу: „Видишь! Не токмо я въ дѣлѣ и персонально ихъ на словахъ укоряю, но и персоны ихъ для единаго ругательства и посмеянія пишу! Самъ же ты изо всего видишь, что имъ меня не перемочь, но я де ихъ перемогу и всехъ ихъ изъ Бѣлгорода выживу“.

Желая изобразить себя въ видѣ беззащитной жертвы Пассека, Яготинецъ, не измышляя, конечно, самихъ фактовъ, освѣщалъ и толковалъ ихъ по своему, и при этомъ крайне умалялъ свою собственную добрую волю—быть или не быть доносчикомъ, ссылаясь, между прочимъ, и на то, что онъ долженъ былъ исполнять повелѣнія своего могучаго патрона, „яко черкасскаго

простаго народа человѣкъ". По словамъ Яготинца, Пассекъ направлялъ удары своихъ подпольныхъ махинацій не только на ближайшихъ соперниковъ въ средѣ бѣлгородской бюрократіи, но успѣвалъ рыть ямы и далекимъ противникамъ: такъ, онъ преслѣдовалъ своей доносной интригой даже сенатскаго секретаря, какого то Судакова „и потому знатно не токмо кому въ дѣлахъ составы имѣлъ, но уже и ни къ чему непристойно означенное сочинялъ".

По отрѣшеніи Пассека отъ присутствія въ бѣлгородской губернской канцеляріи и по выѣздѣ его въ Москву, Яготинецъ, „по знаемости и обнадеживанію" почти ежедневно находился въ домѣ Пассека, при его женѣ и семействѣ, вмѣстѣ съ однодворцемъ Панковымъ и гренадеромъ Коневымъ. Все это были исполнительные агенты въ извѣстной уже намъ дѣятельности Пассека, и потому достаточно опытные люди въ этомъ дѣлѣ.

Въ это время уже сама жена Пассека всячески ободряла и обнадеживала „доносителей", чтобы они „не робѣли", по прежнему утверждала, что ея мужъ будетъ губернаторомъ, а Салтыкова отрѣшатъ; „къ тому-жъ обрѣтающійся въ оной коммиссіи бывшій присутствующій полковникъ Дуровъ имелъ зъ женою онаго Пассека неразрывную дружбу, и всегда днемъ и вечеромъ ѣзживалъ къ показанной женѣ его"...

Какъ видно, жена Пассека сама была ревностной сотрудницей мужа въ излюбленной имъ спеціальной дѣятельности приказной интриги. Такъ, Пассекъ уже изъ Москвы прислалъ черновой образецъ доноса на какихъ то князей Трубецкихъ „и протчихъ якобы о винокуреніи въ противность указовъ и въ завладѣніи однодворческихъ земель". Этотъ доносъ Пассекъ поручалъ Яготинцу переписать на бѣло и подать Дурову; но Яготинецъ объяснилъ теперь, что онъ всячески старался уклониться отъ этого доноса, такъ какъ самъ не зналъ ничего противозаконнаго за Трубецкимъ и „къ тому-жъ въ пользу его, Пассека, во многия постороннія доносы ввязался". Въ виду такого колебанія Яготинца, г-жа Пассекъ прислала ему черезъ однодворца Панкова 50 коп. денегъ, а чрезъ гренадера Конева 8 бѣлыхъ овчинъ на шубу, всякихъ харчей и еще нѣсколько денегъ.

Значеніе полковника Дурова усиливалось еще и тѣмъ, что, по словамъ Яготинца, „по указу государственной военной коллегіи (ему, Дурову) поручены были въ ведомство всѣ слободскіе полки“. При такой-то обстановкѣ, говорилъ Яготинецъ, боясь быть обвиненнымъ за свой доносъ и на ахтырскую полковую старшину, „а болѣе отъ вышепоказанной... природной простоты черкасской“... онъ, Яготинецъ, подавалъ полковнику Дурову „многія доношенія... на губернатора Салтыкова съ товарищи и на протчихъ“. Подача этихъ доносовъ была организована весьма старательно: прежде формальнаго поступленія доноса, Дуровъ предварительно у себя въ квартирѣ разсматривалъ, такъ сказать, проектъ доноса и затѣмъ уже „по аппробаціи веливалъ себѣ подавать“. Теперь только Яготинецъ, вспоминая всѣ эти „многія доношенія“, сознавался, что онъ не зналъ за губернаторомъ съ товарищи ничего изъ того, что было сочинено имъ въ доносахъ, и потому подтвердить эти доносы не можетъ ничѣмъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Яготинецъ и его сотрудники по доноснымъ дѣламъ, какъ видно, также возлагали всѣ свои упованія на многократныя обѣщанія супруговъ Пассековъ и ихъ преданнаго друга Дурова, въ томъ, что „дано будетъ наставленіе къ доказательству“, причемъ и Дуровъ „обязывался по коммиссіи по тѣмъ доношеніямъ во всемъ вспомогать и служить“. Такимъ образомъ, когда въ послѣднее время фортуна стала измѣнять Пассеку, Яготинецъ самъ уже во всемъ выдавалъ своего прежняго патрона. Но зато онъ и теперь не отказывался отъ своихъ доносовъ на ахтырскую старшину вообще и полковника Лесевицкаго въ особенности. Положеніе Яготинца, видимо, было весьма затруднительно; такъ какъ неуспѣхъ его доноса оставлялъ его, какъ ахтырскаго обывателя, подъ „командой“ неосновательно оговоренной имъ полковой старшины. Такъ объяснялъ свою доносную дѣятельность Яготинецъ уже въ августѣ 1751 года, когда повернулъ уже спиной къ бывшему патрону. Въ сентябрѣ того же 1751 года бѣлгородская слѣдственная коммиссія (все таки называвшаяся коммиссіей о губернаторѣ Салтыковѣ съ товарищи и прочихъ) доносила въ правительств. Сенатъ, что „состоящій“ при этой коммиссіи писарь

Яготинецъ подалъ „доношеніе“ на жену статскаго совѣтника Пассека Анастасію Яковлеву дочь и на бывшаго бѣлгородскаго магистрата президента Михаила Андреева „въ сочиненіи подписки“ однодворцевъ бѣлгородскаго уѣзда и другихъ городовъ и деревень, „и въ привлеканіи ихъ къ той подпискѣ приложить руки, яко бы они не желаютъ быть дѣйствительному статскому совѣтнику и бѣлгородскому губернатору Салтыкову въ оной губерніи губернаторомъ, а будьто желаютъ быть оному Пассеку“, и кромѣ того, что супруги Пассеки составили еще новый доносъ, будто бы отъ имени уже упомянутаго нами гренадера лейбъ-гвардіи преображенскаго полка Сидора Конева, опять таки на губернатора Салтыкова съ товарищи, причемъ этотъ доносъ назначался къ подачѣ ея императорскому величеству и въ сенатъ.

Въ этомъ послѣднемъ своемъ „доношеніи“ отъ 1751 г. Яготинецъ, между прочимъ, объяснилъ: вице-губернаторъ Пассекъ имѣлъ для своихъ доносныхъ дѣлъ (къ разнымъ въ составахъ доносамъ и челобитнымъ“...) „особливую затѣйную канцелярію“, при которой состояли „для письма многіе разные люди“. Эти „разные люди“ то привлекали своими извѣтами многихъ въ слѣдственную коммиссію, то сами съ перемѣной вѣтра попадали въ передѣлку. Тутъ же Яготинецъ объяснялъ, какъ иногда агенты Пассека якобы сами подводили его на доносы обильными угощеніями и пріятельскимъ обращеніемъ, причемъ опять ссылается на свою „природную черкасскую простоту... *а паче на незнаніе русскаго обходительства*“. Онъ припоминалъ теперь, какъ одинъ доносъ на Салтыкова, будтобы продиктованный ему, Яготинцу, въ пьяномъ видѣ, однимъ изъ дѣятелей „затѣйной канцеляріи“ Пассека, съ вѣдома и тайнаго поощренія самого Дурова, былъ этимъ послѣднимъ почему-то отправленъ на украинскую линію къ генералъ-маіору Лунину (или Лукину), отъ котораго по этому случаю получился ордеръ Дурову, чтобы Яготинца содержать подъ крѣпкимъ карауломъ, чернилъ и бумаги не давать. Самое же письмо, т. е. доносъ Яготинца отосланъ былъ въ государственную коллегію, а затѣмъ въ правит. сенатъ.

На этотъ разъ Яготинецъ уже не щадилъ бывшихъ своихъ товарищей по доносу,—т. е. различныхъ „композиторовъ затѣйной канцеляріи" бѣлгородскаго вице-губернатора, можетъ быть, и потому, что въ сентябрѣ 1751 г. онъ замѣтилъ уже явный перевѣсъ какой-то другой партіи въ слѣдственной коммиссіи. Теперь Яготинецъ утверждалъ, что согласники и агенты Пассека—полковникъ Дуровъ, маіоръ Жилинъ, и прапорщикъ Дощечкинъ, „яко одного... съ Пассекомъ совѣту и нынѣ, къ оному Пассеку великую склонность имѣя, чинятъ частыя сходбища и общія денно и нощные совѣты въ домѣ онаго Пассека и невѣдомо какіе хитростію своею составы составляютъ, знатно ни для чего другаго только для единаго того избывая явной своей вынности..."; при этомъ Яготинецъ добавлялъ, что Дощечкинъ и Жилинъ, „езживая на Болховецъ и въ другія мѣста, подбываютъ и научаютъ простой народъ однодворцевъ, составляя имъ вмѣстѣ съ полковникомъ Дуровымъ на господъ оной коммиссіи присутствующихъ некакое затѣйное высшей апеляціи представленіе..."

Въ заключеніе Яготинецъ объясняетъ, что Пассекъ и его семья склоняла „въ свой фарватеръ или дорогу" разныхъ чернорабочихъ „композиторовъ", въ родѣ гренадера Конева и ему подобныхъ, путемъ лести, а также деньгами и харчевыми припасами... и проситъ выслать въ слѣдственную коммиссію жену и сына Пассека и облегчить ему, Яготинцу, послѣдственное положеніе подъ крѣпкимъ карауломъ, дабы онъ не былъ безгласенъ, а могъ бы имѣть о себѣ свободный голосъ..." и кромѣ того проситъ еще „за болѣзнію ногъ снять (съ него) желѣзы", оставивъ его только подъ обыкновеннымъ присмотромъ слѣдственной коммиссіи.

На этихъ фактахъ обрываются въ нашемъ „дѣлѣ" всѣ свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ бѣлгородскаго „командира" и его темныхъ подручниковъ. Только случайно и еще на одинъ моментъ освѣщается судьба Пассека, можетъ быть, чрезъ 2—3 года послѣ разсказанныхъ нами его дѣяній.

Извѣстно, что епископъ Іосафъ Горленко былъ на бѣлгородской каѳедрѣ съ 1748 по день смерти—въ концѣ 1754 года.

Авторъ „Описанія харьковской епархіи", излагая ревностно-христіанскую дѣятельность этого архипастыря, приводитъ изъ его жизни, между прочимъ, такой случай. „Архипастырь, говоритъ нашъ авторъ, творилъ дѣла званія своего въ отношеніи къ несчастнымъ, не взирая на разсчеты человѣческихъ страстей. Генералъ Богданъ Ивановичъ Пассекъ содержался въ Бѣлгородѣ подъ карауломъ. Святитель, не входя въ его дѣло, посылалъ къ нему кушанье со своего стола. Губернаторъ П. М. Свистуновъ счелъ это за защиту *государственнаго преступника*" и захотѣлъ лично объяснить Іосафу всю неумѣстность его заботъ о важномъ подсудимомъ; но, какъ видно, Іосафъ вполнѣ успокоилъ губернатора, заявивъ ему полную готовность довести объ этихъ своихъ дѣлахъ до свѣдѣнія самой императрицы [1]).

Таковы были описанные нами въ случайныхъ и отрывочныхъ фактахъ дѣла и дѣятели въ Бѣлгородѣ и въ Ахтыркѣ; но въ этой мутной водѣ можно будетъ яснѣе разобраться только при дальнѣйшемъ ознакомленіи съ прошлымъ нашей провинціальной жизни.

А. Ш.

[1]) Историко-статистич. описаніе харьков. епархіи отд. I, стр. 34.

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

VI.[2]).

Смерть моей матери.— Домъ и семейство Северины Залевской.— Болѣзнь и смерть моего дяди, старосты бахтынскаго.

.... Я получилъ эстафету съ извѣстіемъ, что моя дорогая мать заболѣла и что я долженъ какъ можно скорѣе возвратиться домой, такъ какъ хотя болѣзнь ея и не безнадежна, но она хочетъ видѣть меня возлѣ себя. Въ ту же ночь я выѣхалъ на почтовыхъ изъ Варшавы. Я засталъ мать очень слабой. Послѣ трехмѣсячныхъ страданій она скончалась на моихъ рукахъ.

Послѣ смерти матери собрался семейный совѣтъ изъ дяди по отцу и дядей по матери. Исполняя волю покойной, они занялись формальностями по утвержденію ея завѣщанія, и согласно выраженному мною желанію, чтобы сестры получили равныя со мною части въ имѣніи (хотя я имѣлъ по закону право на полученіе трехъ четвертей), члены семейнаго совѣта скрѣпили это рѣшеніе своими подписями, взявъ съ меня обѣщаніе, что я по достиженіи совершеннолѣтія признаю этотъ раздѣлъ предъ судомъ. Имѣніе тотчасъ было оцѣнено; суммы для моихъ сестеръ опредѣлены, а мнѣ досталось три села: Гальчинецъ, Агатовка и Сіомаки со всѣмъ инвентаремъ и домашней утварью. Изъ гар-

[1]) „Кіевская Старина", 1891, 5.

[2]) Опускаемъ подробности пребыванія Ч—го въ Варшавѣ.

дероба моей матери я взялъ, по горячимъ просьбамъ сестеръ, шубу изъ чернобурыхъ лисицъ и брилліантовый перстень, принадлежавшіе моей бабкѣ и впослѣдствіи очень мнѣ пригодившіеся.

Я занялся хозяйствомъ и этотъ трудъ, вмѣстѣ съ охотой, былъ единственнымъ моимъ развлеченіемъ; шумныя забавы я разлюбилъ и избѣгалъ многолюдныхъ собраній, но все таки бывалъ у сосѣдей, даже влюблялся, потому что кто же не влюблялся въ молодости. О женитьбѣ я не могъ и думать, такъ какъ былъ совсѣмъ еще молокососомъ. Я былъ сильно влюбленъ въ панну Северину Залевскую изъ Пилипъ, дочь маршалка Залевскаго, которая была старше меня нѣсколькими годами, обладала всѣми прелестями русалки, много читала и была большой энтузіасткой; мы постоянно разсуждали о Байронѣ, о Шекспирѣ и Вальтеръ-Скоттѣ. Она видѣла во мнѣ будущаго писателя и украинскаго рыцаря и всегда говорила, что я рожденъ для великихъ дѣлъ. Слушая это, я однажды такъ расхрабрился, что сказалъ ей, что люблю ее столько же, а можетъ быть и больше, какъ и моего „Долота". У панны Северины было три тетки, старыя дѣвушки. Услышавъ такое своеобразное объясненіе, онѣ чуть не упали въ обморокъ. Я, однако, все таки стоялъ на своемъ и доказывалъ, что сравненіе съ „Долотомъ" есть доказательство самой горячей и искренней любви, потому что съ „Долотомъ" я никогда бы не разстался и никому бы его не отдалъ. Тетки кричали и называли меня варваромъ, но панна Северина вѣрила въ мою любовь.

У панны Северины, кромѣ упомянутыхъ трехъ тетокъ, было еще двѣ сестры, Юзефа и Роза. Очень часто въ Пилипахъ проживала графиня Гудовичъ съ тремя дочерями и пани Туркулъ, также съ очень красивыми дочерями.

Домъ Залевскихъ былъ очень пріятнымъ домомъ, гдѣ собиралось хорошее общество. Здѣсь много читали,—выписывались польскія и иностранныя періодическія изданія,—забавлялись, и танцовали. Душею общества былъ Игнатій Струмилло, котораго звали мѣшкомъ съ новостями, разсказами и остротами.

Полковникъ Гудовичъ имѣлъ страсть къ игрѣ на віолончели, но игралъ такъ немилосердно, что приходилось затыкать

уши и убѣгать изъ комнаты. Это не мѣшало, впрочемъ, ему въ каждый пріѣздъ свой въ Пилипы давать концертъ на віолончели.

Бывалъ тамъ и Фелиціанъ Мясковскій изъ Бабушекъ, владѣлецъ оазиса среди сыпучаго песка, написавшій о себѣ:

Ja Felician z Babuszek i prozą i wierszem
Jestem poetą pierwszem.

(т. е. Я Фелиціанъ изъ Бабушекъ—первый поэтъ и въ прозѣ, и въ стихахъ), паннѣ Розѣ онъ посвятилъ слѣдующій акростихъ:

Róża ma zakalce,
On ma długie palce,
Żeby wyjąc zakalce,
A nie kłuć palce.

(т. е. У розы есть шипы, а у него длинные пальцы, чтобы вынуть шипы и не уколоть пальцевъ) и былъ доволенъ, что начальныя буквы каждаго стиха составляли слово Roża, а когда Струмилло замѣтилъ ему, что не было значка надъ о и, слѣдовательно, не выходило Róża, то бѣднякъ такъ былъ опечаленъ, что поѣхалъ за совѣтомъ къ Константину Піотровскому, котораго называлъ патріархомъ поэтовъ, и въ Пилипы больше не возвращался.

Изъ другихъ посѣтителей замѣчателенъ былъ Викентій Омецинскій. Прежде онъ отличался такимъ мягкимъ сердцемъ и такою нервностью, что не могъ взять въ руки ружья, а когда однажды увидѣлъ зайца, растерзаннаго борзыми, то удалилъ всѣхъ борзыхъ изъ села; при видѣ убитой курицы у него дѣлалось сердцебіеніе. Однажды нѣкто Тележинскій, бывшій офицеръ польскихъ войскъ, человѣкъ самолюбивый и вспыльчивый, нанесъ тяжкое оскорбленіе его старику-отцу и сестрѣ. Омецинскій принужденъ былъ вызвать его на поединокъ. Секунданты, Янъ Омецинскій и Анастасій Дунинъ, не могли окончить дѣло миромъ. Тележинскій упорно не хотѣлъ извиниться. Викентій Омецинскій, зажмуривъ глаза и отвернувшись, выстрѣлилъ и такъ несчастливо, что положилъ противника на мѣстѣ. Началось слѣдствіе. Омецинскій былъ приговоренъ къ отдачѣ въ солдаты безъ выслуги, но, избѣгая наказанія, онъ уѣхалъ въ Грецію; тамъ онъ вступилъ въ ряды филэллиновъ и сдѣлался храб-

рымъ солдатомъ; потомъ, безъ всякой протекціи, единственно во вниманіе къ его храбрости, онъ былъ принятъ во французскую армію и сдѣлался адъютантомъ генерала Шнейдера. Дослужившись до чина капитана и получивъ орденъ почетнаго легіона, онъ былъ помилованъ, по ходатайству короля Карла X. Анастасій Дунинъ также долженъ былъ эмигрировать за границу, а Янъ Омецинскій представилъ 24 свидѣтеля-шляхтича, которые подъ присягой показали, что видѣли его въ день поединка въ Бердичевѣ, и благодаря этому былъ оправданъ.

Едва окончился у насъ срокъ траура по матери, какъ получено было извѣстіе, что дядя мой Каэтанъ Чайковскій, староста бахтынскій и подкоморій венденскій, сильно захворалъ и лежитъ въ постели въ Ходоровѣ, селѣ радомысльскаго уѣзда.

Староста былъ бездѣтенъ; девяносто съ лишнимъ лѣтъ прожилъ онъ на свѣтѣ и нажилъ милліоны, заключавшіеся въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ и долговыхъ обязательствахъ. Хотя объ его болѣзни не было объявлено ни въ газетахъ, ни черезъ нарочныхъ, но всѣ наслѣдники съѣхались въ одинъ день. Никакая колонна самаго лучшаго войска не выполнила бы такъ блистательно форсированнаго марша, какъ эти наслѣдники—дѣти трехъ его братьевъ и двухъ сестеръ.

Ходоровъ былъ плохенькой полѣсской деревушкой, расположенной среди лѣсовъ и болотъ; колеса ломались, лошади портили себѣ ноги по дорогѣ туда, но мы все таки доѣхали,—кто захочетъ, тотъ и можетъ. Въ домѣ, или вѣрнѣе домикѣ о шести комнатахъ, крытомъ дранью, не было ни одного замка, ни одной желѣзной задвижки, хоть староста былъ владѣльцемъ рудниковъ; вмѣсто стеколъ въ окнахъ была вставлена пропитанная масломъ бумага или пузыри, хотя у старосты былъ обширный и прекрасный стеклянный заводъ. Въ домѣ вовсе не было мебели столярной работы; всѣ столы, стулья и скамейки были сдѣланы самымъ первобытнымъ образомъ, да и ихъ было немного. На стѣнахъ мучнымъ клейстеромъ были приклеены картины, изображающія сцены изъ исторіи блуднаго сына, безъ рамъ, безъ стеколъ. Подъ этими картинами стояла скамья, гдѣ на сѣнникѣ, даже не покрытомъ простынею, лежалъ панъ ста-

роста; подъ головой у него была подушка со стараго козацкаго сѣдла, прикрытъ онъ былъ козацкой буркой, сильно полинявшей. Страдалъ онъ сильно, но каждаго изъ насъ узнавалъ и съ каждымъ здоровался.

Я привезъ съ собою искуснаго врача, доктора Клейна изъ Коростышева, и просилъ дядюшку, чтобы онъ позволилъ осмотрѣть себя. Сначала онъ не соглашался, говоря, что это повлечетъ за собою большія издержки, но послѣ того, какъ я поручился, что никакихъ издержекъ не будетъ и послѣ удостовѣренія доктора, что онъ его осмотритъ какъ пріятель, а не какъ врачъ, и никакого вознагражденія ни отъ него, ни отъ его наслѣдниковъ требовать не будетъ, староста въ припадкѣ жестокихъ мученій заговорилъ: „Охъ, если бы кто меня вылечилъ, далъ бы ему"... и послѣ паузы добавилъ: „два рубля серебромъ!". И только тогда позволилъ себя осмотрѣть. Докторъ Клейнъ сообщилъ намъ, что уже нѣтъ никакой надежды, что гангрена распространилась до живота и никакая операція невозможна. Послѣ осмотра староста позвалъ своего стараго слугу Данила и велѣлъ ему сосчитать сколько насъ всѣхъ. На его отвѣтъ, что тридцать восемь, а докторъ тридцать девятый, староста довольно громкимъ голосомъ сказалъ:

„Возьми ту черную курицу, что нѣсколько дней тому назадъ поймали на потравѣ, зарѣжь ее и свари имъ супъ, да не жалѣй воды! Теперь жарко,—не слѣдуетъ объѣдаться".

Никто изъ насъ не былъ смущенъ этимъ, но противно было видѣть такую скаредность при такомъ богатствѣ.

Пока староста умиралъ, Симфоріанъ Чайковскій, отставной гусарскій ротмистръ, который привезъ съ собою хорошаго повара, отперъ погреба и кладовыя, безъ всякаго протеста со стороны Данила, перешедшаго совершенно на сторону ротмистра, и нашелъ тамъ головы сахару, пряности, старое вино и все, чего только душа пожелаетъ, сваленнымъ въ кучи. Это были залоги и подарки старостѣ отъ евреевъ, которые занимали у него деньги. Нашлось и столовое бѣлье, и серебро, и хрусталь, и фарфоръ. Въ кухнѣ запылалъ огонь, въ хлѣбномъ амбарѣ былъ накрытъ столъ. Въ то время какъ староста мучился и

умиралъ, а ротмистръ, гордый своимъ успѣхомъ, прохаживался и поглядывалъ на приготовленія, одинъ изъ наслѣдниковъ, нарядившись въ шубу и шапку больного, медленнымъ шагомъ направился къ амбару. Увидѣвъ его, ротмистръ страшно перепугался и со словами: „Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!" пустился бѣжать и спрятался въ коноплѣ, будучи въ полной увѣренности, что староста поднялся со смертнаго одра. Едва нашли его послѣ смерти старосты, который скончался къ вечеру въ ужасныхъ мученіяхъ.

Еще передъ ужиномъ, въ присутствіи прибывшихъ судьи, подсудка, писаря и нѣсколькихъ сосѣдей, было вскрыто и прочитано завѣщаніе старосты. Завѣщаніе это было такъ же странно, какъ странна была и вся жизнь моего дядюшки.

Имущество было раздѣлено на четыре части. Первая изъ нихъ была завѣщана потомкамъ полковника Михаила Чайковскаго, т. е. двумъ его сыновьямъ—Проту и Симфоріану, съ оговоркой, что такъ какъ послѣдній ведетъ распутную жизнь и извѣстенъ за неисправимаго расточителя, то онъ не получитъ своей части въ распоряженіе, а будетъ пользоваться только процентами и находиться подъ опекой своего брата Прота. Подъ опекой же будутъ находиться и дѣти, и внуки Симфоріана Чайковскаго, и только правнуки, если семейный совѣтъ признаетъ, что они не унаслѣдовали дурныхъ качествъ своего предка, получатъ слѣдуемую имъ часть въ полное распоряженіе.

Вторую часть староста завѣщалъ потомкамъ Крыштофа Чайковскаго: четыремъ сестрамъ и брату поровну, потому что Эдуардъ Чайковскій занимался игрой на віолончели, а не былъ военнымъ, какъ его отецъ. Для віолончелиста де достаточно и и пятой части.

Третья часть досталась потомству Станислава Чайковскаго, т. е. мнѣ и моимъ тремъ сестрамъ, притомъ мнѣ три четверти, а сестрамъ четвертая—въ награду за то, что я допустилъ сестеръ къ равному участію при раздѣлѣ имѣнія, доставшагося отъ родителей, и за то, что я довелъ хозяйственную экономію до неслыханной до тѣхъ поръ степени совершенства, облагая охотничьихъ собакъ панщиной и тѣмъ опровергнувъ Завишу

Черниховскаго, утверждавшаго, что если бы охота была прибыльнымъ дѣломъ, то евреи давно уже взяли бы ее въ аренду [1])—дядюшка не любилъ Завиши Черниховскаго, какъ соперника въ дѣлѣ накопленія богатства.

Четвертая часть была предназначена потомству двухъ сестеръ старосты—пани Дзвонковской и пани Барановской.

Имущество стоило около восьми милліоновъ и заключалось въ земляхъ и въ обязательствахъ. Были процессы, подчасъ удивительные, какъ напр. съ какимъ то паномъ Михальскимъ, который жаловался, что староста продалъ ему изъ чудновскихъ лѣсовъ три тысячи корцевъ орѣховъ, изъ которыхъ двѣ тысячи корцевъ оказалось свистуновъ (пустыхъ).

Курьезнѣе всѣхъ былъ процессъ съ Несторомъ Барановскимъ, который, будучи долженъ старостѣ 300,000, присужденныхъ ко взысканію съ его имѣнія, захватилъ за какую то претензію въ 12,000, купленную у какого то кредитора старосты, Чудновскую Гуту, дававшую 400,000 годоваго дохода, и владѣлъ ею въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, да еще подсмѣивался надъ старостой, говоря: „Тогда увидишь свою Гуту, когда у меня выростутъ на ладони волосы!“

Части недвижимаго имущества были тотчасъ выдѣлены, а взысканіе долговъ поручено Проту Чайковскому. Я, какъ сынъ самаго младшаго брата, имѣлъ право выбора части. Я выбралъ Чудновскую Гуту, принадлежавшую прежде банкиру Теперу и Проту Потоцкому, съ селами: Чайковкой, Сенявкой, Крутымъ Потокомъ и Быковкой; тамъ было двѣ съ половиной тысячи душъ вольныхъ поселенцевъ, четыреста пятьдесятъ *волокъ* [2]) лѣсу, изъ котораго триста волокъ было мачтоваго, годнаго для бочарнаго дѣла и даже постройки цѣлыхъ кораблей. Лѣсъ этотъ былъ надъ Случью. Стеклянный заводъ (Гута) былъ самый лучшій и самый доходный во всемъ юго-западномъ краѣ, а издѣлія его были образцовыми. Въ Сенявѣ тоже былъ заводъ, въ Чайковкѣ и Крутомъ Потокѣ—желѣзные рудники, а въ Бы-

---

[1]) См. „Кіев. Старина“.—Январь.

[2]) Волока—30 морговъ, т. е. болѣе 20 десятинъ.

ковкѣ производилась обработка мѣсныхъ матеріаловъ, тамъ же было одиннадцать волокъ пущи, гдѣ была столица лосей надслучанскаго полѣсья.

Не теряя времени, я поѣхалъ съ гальчинецкими козаками въ мои новыя владѣнія. Тамъ я засталъ Нестора Барановскаго. Безъ всякихъ разсужденій я велѣлъ козакамъ выбросить его вещи за окно, а его самого и его людей выпроводить за предѣлы моихъ владѣній, возному же велѣлъ завтра принять управленіе имѣніемъ отъ моего имени. Барановскій не оказалъ никакого сопротивленія и только все повторялъ: „Такъ таковъ то ты сынку, настоящій внучекъ стараго Гленбоцкаго!“ Вечеромъ того же дня онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ гости. Я принялъ его радушно, по помѣщичьи. Онъ смѣялся: „Вижу, что ты не бахтынецъ, а забіяка; воронъ ворону глазъ не выклюетъ. Не будемъ тягаться, какъ жиды, а будемъ жить, какъ братья“. И съ тѣхъ поръ мы были въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ и не вели другъ съ другомъ никакихъ процессовъ.

На собраніи наслѣдниковъ старосты бахтынскаго совѣщались, кому поручить управленіе имѣніями до законнаго утвержденія во владѣніи. Были между наслѣдниками и люди солидные, хорошіе хозяева, но былъ и Симфоріанъ Чайковскій, который уже три раза спустилъ до послѣдняго гроша значительныя имѣнія; въ первый разъ его выручило наслѣдство послѣ президента Проскуры, во второй—послѣ генеральши Герличъ. Теперь, когда онъ пріѣхалъ въ Ходоровъ, у него не было ничего кромѣ четверки лошадей, кареты и полтинника денегъ, какъ передавалъ мнѣ онъ самъ, прибавляя, что разсчитывалъ заѣхать въ Гальчинецъ и тамъ ожидать смерти старосты. За нѣсколько дней передъ этимъ, сведя счеты съ братомъ Протомъ, онъ отдалъ ему наслѣдственную деревню Минійки и, за уплатой долговъ, получилъ отъ него еще тысячу голландскихъ дукатовъ. Съ этими деньгами онъ отправился въ Радомысль и тамъ, какъ повѣтовый хорунжій, угощалъ дворянство, пока у него не остался только полтинникъ, съ которымъ онъ и намѣревался отправиться въ Гальчинецъ, когда до него дошла вѣсть о болѣзни дядюшки; тогда онъ поѣхалъ въ Ходоровъ. Здѣсь

онъ устроилъ лукулловскій пиръ на поминкахъ старосты и этимъ снискалъ расположеніе наслѣдниковъ. Первая Ѳеодосія Третьякова предложила, чтобы Симфоріана сдѣлать управляющимъ, такъ какъ у него нѣтъ ничего и онъ доказалъ свое умѣнье хозяйничать. Сестра ея съ жаромъ поддержала это предложеніе. Когда стали пить тосты, наслѣдники одинъ за другимъ стали просить Симфоріана принять на себя управленіе. Одинъ только его братъ Протъ сопротивлялся этому, но среди общихъ криковъ: „просимъ! просимъ!", при звонѣ стакановъ, и онъ махнулъ рукой:

— Пусть и такъ будетъ!

И панъ Симфоріанъ сдѣлался распорядителемъ нераздѣленнаго имѣнія. Ему дали Ходоровъ, чтобы было гдѣ ему жить, и мѣстечко Торчинъ на Волыни, чтобы было откуда добывать на житье денегъ. Въ два мѣсяца онъ растратилъ доходы, распродалъ движимость, надѣлалъ долговъ и, наконецъ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ въ корчмѣ, куда заѣхалъ по дорогѣ.

Этотъ семейный совѣтъ, эта оцѣнка, этотъ выборъ, равно какъ и исходъ всего этого—въ маломъ видѣ былъ изображеніемъ того, что дѣлали поляки въ своихъ дѣлахъ.

VII.

Фабрики и промыслы, учрежденные Протомъ Потоцкимъ.—Вольные поселенцы.—Освященіе воды въ Кіевѣ.—Городская милиція.—Контракты.—Северинъ Польховскій.—Брусиловъ.

Я сдѣлался владѣльцемъ многихъ помѣстій, но требовались издержки, необходимо было серьезно заняться этимъ новымъ родомъ хозяйства. Мой зять Карлъ Ружицкій вышелъ въ отставку и взялъ на себя управленіе фабриками во вновь унаслѣдованныхъ имѣніяхъ, а Гальчинецъ доставлялъ необходимыя деньги и хлѣбъ.

Чудновская Гута была основана въ послѣдніе годы правленія королей саксонской династіи графомъ Протомъ Потоцкимъ, который первый изъ поляковъ началъ фабрично-предпринимательское и торговое хозяйство въ большихъ размѣ-

рахъ, и банкиромъ Теперомъ, который былъ компаньономъ Потоцкаго. Выписаны были изъ Чехіи мастера, рѣзчики и рабочіе, и стеклянный заводъ сразу былъ поставленъ самымъ прекраснымъ образомъ. Это товарищество владѣло почти всѣми лѣсами по Тетереву и по верхней Случи, Чудновымъ и Мурованой Махновкой съ прилегающими селами, что составляло громадную площадь. Кромѣ главнаго стекляннаго завода, были устроены еще меньшіе, возобновлены старинныя желѣзоплавильни и заведены лѣсопильни. Край зажилъ новой жизнью, до тѣхъ поръ ему невѣдомой, мѣстныя природныя богатства открывались одно за другимъ, рабочіе съ ихъ семействами стекались со всѣхъ сторонъ. Пустынныя дотолѣ пущи и болота покрывались новыми поселеніями, уже извлекались громадные доходы, а край казался будущимъ Эльдорадо или Калифорніей, когда наступили религіозныя смуты, царствованіе Станислава-Августа Понятовскаго съ наѣздами, бунтами, возстаніями гайдамаковъ, конфедераціями, кончившееся раздѣломъ Польши. Всѣ эти неурядицы и потрясенія особенно сильно отозвались на юго-западной Руси, присоединенной Ягеллонами къ Польшѣ. Фабричное производство, уже доведенное до высокой степени совершенства, не могло устоять, пало и произошло распаденіе этого огромнаго имѣнія. Большія помѣстья образовались на мѣстѣ этого фабричнаго округа, но промышленность захирѣла. Достаточно было проѣхать по мѣстности, гдѣ были расположены заводы Прота Потоцкаго, и подумать о его дѣятельности, чтобы признать, что онъ былъ первымъ, а можетъ быть и единственнымъ, полякомъ—предпринимателемъ во имя добра, народнаго обогащенія, во имя будущаго. Онъ не пускался въ спекуляціи, которыми онъ или товарищество могли нажить большія деньги, какъ впослѣдствіи вошло въ обыкновеніе между польскими магнатами, бравшими примѣръ съ англичанъ, французовъ и нѣмцевъ, напротивъ, онъ добывалъ богатства изъ земли и давалъ ихъ народу, ради будущаго промышленнаго развитія и обогащенія края, и потому, хотя о немъ ничего не было пи-

сано, но его долго помнили въ народѣ и старики, и дѣти, и часто говорили: „такъ велѣлъ дѣлать панъ Протъ Потоцкій“.

Карлъ Ружицкій, какъ я узналъ впослѣдствіи, былъ хорошимъ воиномъ, но онъ оказался также и незауряднымъ хозяиномъ, что доказалъ управляя новопріобрѣтеннымъ имѣніемъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ привелъ стеклянный заводъ въ его прежнее прекрасное состояніе. Вольные поселенцы получили заработки и положеніе ихъ улучшилось.

Положеніе этихъ вольныхъ поселенцевъ было значительно лучше, чѣмъ положеніе крѣпостныхъ, даже тѣхъ, которые принадлежали добрымъ и справедливымъ помѣщикамъ. Одно сознаніе, что они не принадлежатъ пану, который можетъ торговать ими и распоряжаться ими по произволу, придавало имъ извѣстное достоинство и возбуждало стремленіе къ просвѣщенію. Я не зналъ ни одного изъ мастеровъ, который не умѣлъ бы читать, писать и считать. Эта группа вольныхъ поселенцевъ какъ бы намѣренно была заброшена сюда, чтобы приготовить пановъ и хлоповъ, владѣльцевъ и подданныхъ, къ перемѣнамъ, которыя, какъ слѣдовало предвидѣть, должны были произойти. Однимъ словомъ, это была какъ бы приготовительная школа и наглядное доказательство того, что и безъ крѣпостныхъ, можно было хозяйничать и извлекать доходы.

Русское правительство это хорошо понимало, но помѣщики-поляки не хотѣли уразумѣть этой истины.

Во время жаровъ на стеклянныхъ заводахъ работаютъ большею частью по ночамъ, и тогда заводъ кажется адомъ. Говорятъ, что іезуитъ Ротанъ, который проживалъ нѣкоторое время въ Романовѣ, прежде чѣмъ сдѣлался генераломъ ордена іезуитовъ въ Римѣ, осматривая чудновскій заводъ вмѣстѣ со второй женой сенатора-кардинала Илинскаго, урожденной Кракъ, сказалъ ей:

— Если бы адъ былъ таковъ, то еще полбѣды,—эти дьяволы имѣютъ видъ добрыхъ чертей. Панъ сенаторъ - кардиналъ могъ бы послать графиню сюда, это было бы полное очищеніе и разрѣшеніе отъ грѣховъ.

Графиня усмѣхнулась, но не тому что говорилъ іезуитъ, а вспомнивъ торжество, устроенное въ этихъ же лѣсахъ въ ея честь гусарами 3-й дивизіи.

Былъ морозъ въ 24 градуса. Мѣсяцъ и звѣзды свѣтили ярко. На прогалинѣ, среди сосноваго бору была устроена изъ ледяныхъ плитъ огромная зала съ кабинетами по бокамъ. Вмѣсто потолка былъ небесный сводъ. Полъ и сидѣнья были покрыты драгоцѣнными персидскими и турецкими коврами. Посреди этой огромной залы пылали смолистыя сосновыя колоды; огонь былъ урегулированъ такъ, что было тепло, какъ весной или въ началѣ осени, а освѣщена была зала такъ ярко канделябрами въ видѣ огненныхъ звѣздъ, что можно было видѣть всякую пылинку на коврѣ. Въ углахъ залы было помѣщено 4 гусарскихъ оркестра, игравшихъ одновременно. Генералъ Тыманъ и полковникъ Норвидъ, оба литвины, дѣти пущи, были хозяевами на этомъ пиршествѣ. Всѣ сосѣди были приглашены сюда. Танцовали, забавлялись, а подъ конецъ принесенъ былъ серебряный котелъ и въ немъ приготовленъ пуншъ; онъ былъ выпитъ и гусарскій праздникъ получилъ названіе гусарскаго пунша. Этотъ праздникъ, какъ я сказалъ, былъ устроенъ въ честь графини Илинской.

На этомъ гусарскомъ праздникѣ я познакомился съ Франдискомъ Киркоромъ, въ то время подпоручикомъ 4-го полка польскихъ конныхъ егерей, пріѣхавшимъ на этотъ праздникъ съ подсудкомъ Садовскимъ, своимъ зятемъ, который былъ повѣреннымъ моего дяди, а потомъ моимъ. Мы очень сошлись другъ съ другомъ, хотя онъ былъ старше меня на нѣсколько лѣтъ. Никто изъ насъ и не предчувствовалъ тогда, что судьба снова сведетъ насъ вмѣстѣ уже въ иной странѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГЕТМАНЪ ДАНІИЛЪ АПОСТОЛЪ ВЪ РОЛИ КОЛОНИЗАТОРА.[1]

Съ переворотомъ Хмельницкаго, вызваннымъ главнымъ образомъ экономическими и соціальными причинами, во внутренней жизни Лѣвобережной Малороссіи начинается новая эра; всѣ прежніе порядки были „скасованы" козацкой саблей.

Не послѣднюю роль въ этой новой исторіи Украйны играла и колонизація края со всѣми ея послѣдствіями. При различныхъ условіяхъ она принимала различные виды—свободная „займанщина" уступала мѣсто владѣльческой колонизаціи въ формѣ „осады слободъ" на владѣльческихъ земляхъ. Хотя право на землю (верховное, такъ сказать), съ изгнаніемъ поляковъ, и перешло къ „войску", но никто изъ представителей „войска" не препятствовалъ этой колонизаціи, устремившейся на опустѣлыя земли.—Земли были „свободны" въ понятіи народа, и на этой-то почвѣ, на „заимкѣ" этихъ свободныхъ земель, выросло и первоначальное право поземельной собственности въ Украйнѣ.—Это право надолго сохранилось въ памяти малороссійскаго народа, и въ своихъ спорахъ съ нарождавшейся земельной аристократіей, онъ долго еще обосновывалъ его на первоначальной свободной „заимкѣ".

А земельная аристократія нарождалась довольно интенсивно. Мы уже упоминали, что верховное право на землю принадлежало „войску". Гетманъ, какъ высшій представитель этого

[1]) Въ основу настоящей замѣтки положено „дѣло" харьковскаго историческаго архива подъ № 3383; приняты во вниманіе также и печатные источники и пособія; ссылки на нихъ читатель найдетъ далѣе.

войска и страны, широко пользовался этимъ правомъ и щедрою рукой производилъ раздачу земель, какъ „на рангъ" старшинѣ, такъ и за старыя заслуги. Самъ онъ также получалъ „на рангъ" громадныя земельныя богатства. Такимъ образомъ, масса земель очутилась въ рукахъ старшины и державцевъ, и „займанщина", въ своемъ первоначальномъ видѣ, должна была ослабѣть. Между тѣмъ населеніе было еще рѣдкое. Державцы, обладая земельными богатствами и недостаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, очень хорошо сознавали этотъ недостатокъ. И вотъ на этой почвѣ выросла новая система заселенія страны—„осадою" слободъ на владѣльческихъ земляхъ.

Посмотримъ теперь, откуда набирались поселенцы этихъ слободъ. Уже изъ гетманскихъ универсаловъ конца XVII и первой четверти XVIII вѣка видно, что кромѣ „тяглыхъ" крестьянъ, т. е. обладавшихъ осѣдлостью (пахатной землей, усадьбой, скотомъ и т. д.), были еще и необладавшіе осѣдлостью—„лезные". Откуда могъ взяться въ Малороссіи этотъ безземельный классъ? Съ одной стороны это были „захожіе"—изъ Литвы, Великороссіи и правобережья, а съ другой—и люди мѣстные, предпочитавшіе покидать свои осѣдлости, вслѣдствіе возраставшихъ повинностей державцамъ. Вотъ съ этими то двумя элементами и предпочитали имѣть дѣло державцы.—Державцы привлекали поселенцевъ на слободы разными льготами; эти льготы, или „слобòды" давались имъ на извѣстный срокъ 5—10 лѣтъ. Но по минованіи этого срока, слобожане оказывались въ очень невыгодномъ положеніи: безправные на чужой землѣ и ставшіе сразу въ обязательныя отношенія къ державцѣ, они были, конечно, гораздо слабѣе коренного населенія, и гораздо легче попадали въ трудовую и личную зависимость отъ землевладѣльца (такъ, первыя купли крестьянъ въ Малороссіи были купли слобожанъ [1]).

Вотъ къ какимъ результатамъ приводила въ концѣ концовъ эта „слобода".

Гетманъ въ Малороссіи былъ съ одной стороны высшимъ представителемъ власти, а съ другой крупнымъ поземельнымъ

[1]) См. А. М. Лазаревскаго „Посполитые въ Малороссіи", стр. 97.

собственникомъ, интересы котораго вполнѣ совпадали съ интересами козацкой старшины. Такъ было и въ дѣлѣ заселенія слободъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ дошедшій до насъ документъ харьк. ист. архива, и нѣкоторые другіе источники.

Еще въ бытность свою миргородскимъ полковникомъ, Даніилъ Апостолъ не отставалъ отъ остальной старшины въ увеличеніи своихъ земельныхъ угодій. Онъ скупалъ земли въ Хомутцѣ, Сорочинцахъ и т. д., заселяя ихъ слободами. Такъ онъ поселилъ слободу въ урочищѣ Шарковщинѣ (около Кибинца), село Фидровку и Пустовойтово.—Въ 1689 г. онъ получилъ универсалъ на Хомутецъ, Бакумовку, Фидровку, а въ 1690 г. эти маетности были укрѣплены за нимъ царской грамотой. Въ 1710 г. онъ получилъ еще грамоту на нѣкоторыя маетности въ Полтавщинѣ и Черниговщинѣ [1]).

Сдѣлавшись гетманомъ, Апостолъ продолжалъ увеличивать свои земельныя богатства, а въ 1729 г. опять сталъ осаживать слободы на скупленныхъ земляхъ.

Кромѣ ранговой собственности, гетманъ могъ имѣть и личную, пріобрѣтенную различными путями, между прочимъ и скуплей земель.—Но все же общій характеръ гетманскихъ владѣній былъ ранговый, пожизненный.

Изъ описи имѣній [2]), принадлежавшихъ гетману Даніилу Апостолу на булаву, на кухню и т. д., составленной по указу императрицы кн. Шаховскимъ, видно, что населеніе этихъ имѣній несло тѣ же денежныя и натуральныя повинности, что и во владѣльческихъ имѣніяхъ. Можно только заранѣе сказать, что личная зависимость въ гетманскихъ владѣніяхъ была слабѣе. И дѣйствительно, изъ упомянутой описи видно, что главныя статьи дохода доставляли чиншевые, несшіе денежныя, и тяглые, несшіе смѣшанные повинности (денежно-натуральныя); болѣе бѣдное населеніе (пѣшіе и т. д.) было обложено меньшими денежными и натуральными налогами. Немало было и такихъ, которые не отбывали никакихъ повинностей (напр. подсусѣдки).

---

[1]) См. Русскій Архивъ 1875 г., т. I, стр. 93.

[2]) См. Судіенко. Матеріалы для отеч. исторіи, т. I. ч. III.

Почти весь штатъ служащихъ былъ наемный. Въ личной зависимости были бояре, состоявшіе на посылкахъ, отбывавшіе сторожу при замкахъ и т. п...—Но все же личная зависимость была очень незначительна.

Что же могло заставить гетмана обратиться къ „осадѣ“ слободъ?

Конечно, это былъ тотъ же личный разсчетъ, какимъ руководствовались въ данномъ случаѣ и его современники-державцы: скупивъ въ *личную* собственность грунты и не имѣя достаточнаго количества рабочихъ рукъ для эксплуатаціи этихъ грунтовъ, онъ предпочиталъ имѣть дѣло со слобожанами.

Вотъ почему въ 1729 г. гетманъ Д. Апостолъ поручилъ мглинскому сотнику Алексѣю Есимонтовскому скупать на его имя грунта, намѣреваясь осадить слободы, въ стародубскомъ полку, въ мглинской сотнѣ, за рѣкою Ипутью.

Стародубскій полкъ составлялъ часть Сѣверщины, а этой части лѣвобережной Украйны вообще не посчастливилось. Яблоко раздора между Москвой и Литвой, она по Деулинскому перемирію отошла опять къ Рѣчи Посполитой.—Заведенные здѣсь во время владычества Москвы порядки, поляки не замедлили замѣнить своими. Присланные для разслѣдованія поземельныхъ владѣній польскіе чиновники въ большинствѣ случаевъ подѣлались мѣстными землевладѣльцами, и московскіе „боярскіе дѣти“ были замѣнены польскими панами. (Такъ, напр., Н. Абрамовичу принадлежалъ Мглинъ съ округомъ, Ал. Пясочинскому—Погаръ, Новгородъ-Сѣверскъ, Глуховъ и т. п. См. А. М. Лазаревскій „Описаніе старой Малороссіи, т. I).

Охватившее всю Украину возстаніе 1648 г., хотя нѣсколько позднѣе, коснулось и Сѣверщины. Послѣ пораженія поляковъ подъ Батогомъ, народъ болѣе энергично поднялся на пановъ, не остановился и передъ короннымъ литовскимъ войскомъ, и оно было изгнано изъ Стародуба. Въ 1654 г. Сѣверщина, вмѣстѣ со всей Украиной, была присоединена къ московскому государству.

Державческое землевладѣніе развивалось здѣсь болѣе интенсивно, чѣмъ въ остальной Украинѣ.

Сѣверщина привлекала не земельными богатствами, (такъ какъ почва здѣсь скудная), а различными побочными промыслами. Такъ здѣсь было очень развито бортное пчеловодство, было много лѣса, добывалась селитра и т. п. Кромѣ того, эта страна была неравномѣрно заселена. Особенно рѣдко было населеніе въ Поипутьи, въ предѣлахъ мглинской сотни, такъ какъ эта мѣстность была почти сплошь покрыта лѣсами. Заселеніе Поипутья продолжалось почти весь XVIII вѣкъ [1]).

Вотъ въ этой то мѣстности выступилъ и гетманъ въ роли колонизатора, поручивъ, какъ мы уже упоминали, скупать землю Ал. Есимонтовскому [2]). Въ томъ же 1729 г., Ал. Есимонтовскій извѣщалъ гетмана, что онъ скупилъ уже на его долю часть грунта далисицкаго и дроковскаго, лежащаго за Ипутью. Кромѣ того предлагалъ „для прислуги“ и свой грунтъ въ урочищѣ Ловчомъ, между рѣчками Кременцомъ и Ржачей, въ мѣстности лѣсной, удобной для бортнаго пчеловодства и „сказуютъ угодное будетъ на слободу“. Въ свою очередь, дроковскій козакъ Стефанъ Фирса, предлагалъ и свой грунтъ отчинный „з землею, двома стами бортными деревами.... обширне сягаючій“, желая взамѣнъ его „общаго пашенного кгрунту въ селидбенихъ пляцахъ шисть шостокъ“. Этотъ грунтъ, который хотѣлъ получить Фирса взамѣнъ своего, находился въ селѣ Новомъ Дроковѣ, во владѣніи „захожихъ“ людей изъ маетности Хр. Романовской, по грамотѣ императрицы, но былъ ими проданъ хорунжему Мартину Лишню за 100 золотыхъ, которые Лишень далъ имъ на церковь. По разсмотрѣніи оказалось, что Лишень и такъ скупилъ уже очень много грунтовъ въ разныхъ селахъ „з жилими людми“, а потому гетманъ счелъ себя въ правѣ издать универсалъ, запрещавшій Лишню дальнѣйшую скуплю грунтовъ, запретилъ ему также и „приворочать“ въ подданство людей. Между прочимъ, относительно купленнаго Лишнемъ грунта у новодроковцевъ, рѣшилъ такъ: отдать, въ свою очередь, имъ 100 золо-

[1]) См. Лазаревскій. Опис. ст. Малороссіи, т. I, стр. 324.
[2]) Хар. Ист. Арх. Д. М. К. № 3383.

тыхъ на церковь, а грунтъ этотъ отдать Фирсѣ взамѣнъ его грунта. Вопросъ рѣшался просто.

Изъ приложенныхъ къ дѣлу купчихъ и изъ предыдущаго выясняется, какого рода грунта предназначались гетманомъ подъ слободы. Кромѣ грунта Ал. Есимонтовскаго, Фирсы и еще нѣкоторыхъ крупныхъ владѣльцевъ, это были по большей части грунта жителей села Н. Дрокова и нѣкоторыхъ другихъ окрестныхъ селъ. Н. Дроковъ былъ свободнымъ войсковымъ селомъ и до Апостола находился въ вѣдѣніи мглинской ратуши. Мѣстная старшина скупила постепенно грунты у ново-дроковцевъ [1]), и самъ гетманъ, какъ видимъ, дѣлалъ тоже самое: къ дѣлу приложено 16 купчихъ „урядовыхъ" на грунта мѣстныхъ жителей.

Вслѣдъ затѣмъ для осмотра этихъ скупленныхъ на имя гетмана грунтовъ были посланы особыя лица: бунч. тов. Парф. Пекалецкій, Ст. Уманецъ, городовой глуховскій атаманъ, и еще нѣкоторыя другія. Имъ выдана была гетманомъ особая инструкція, по которой они должны были дѣйствовать. Вотъ что они должны были сдѣлать: осмотрѣть купленные на гетмана грунта (отчинные и сѣнокосные), будутъ ли они удобны подъ слободу, сколько дворовъ тамъ можно осадить, донести какова величина („обширность") этихъ грунтовъ; осмотрѣть и выбрать мѣсто подъ греблю и подъ млинъ, есть-ли тамъ рѣчки и какія („тягучіе или весняніе").—Они же должны были осмотрѣть въ въ томъ же порядкѣ и грунтъ Ал. Есимонтовскаго (въ урочищѣ Ловчомъ), донести гетману стоятъ ли всѣ эти грунта тѣхъ денегъ, какія за нихъ заплачены по купчимъ,—и, наконецъ, разслѣдовать дѣла по всѣмъ челобитнымъ отъ мѣстныхъ жителей гетману (большинство этихъ „супплѣкъ" возникло вслѣдствіе захватовъ земель мѣстною старшиной). Въ своихъ розыскахъ они должны были руководствоваться показаніями мѣстныхъ и окрестныхъ жителей („розискать вправду якъ посилянами тамошними, такоже и покрестными людми").

Изъ послѣдующаго хода дѣла видно, что гетманскіе уполномоченные признали удобными эти грунта подъ слободы.

---

[1]) См. Лазаревскій. Оп. стар. Малороссіи, т. I, стр. 357.

Самое дѣло „осады" слободъ Далисичи и Дрокова и досмотра за ними было поручено особымъ осадчимъ и досмотрщикамъ (Тимофею и Мартыну Лишнямъ). На ихъ обязанности лежалъ досмотръ за этими вновь осаживающимися слободами, они же должны были поселять тамъ и людей.

Кромѣ досмотрщиковъ и осадчихъ, назначены были еще и отченники, въ количествѣ 6 человѣкъ. Въ своемъ универсалѣ гетманъ мотивируетъ это назначеніе тѣмъ, что въ его слободахъ находятся и отчины, а потому назначаетъ туда отченниками жителей села Овчинца (сосѣднее село)—Онисима Галеенка съ товарищами [1]).—За эту службу гетману, какъ тѣ, такъ и другіе освобождались отъ всѣхъ сотенныхъ повинностей, и не могли даже быть привлечены къ суду безъ гетманскаго указа.

Осадчимъ этимъ и отченникамъ дано было приказаніе не принимать на слободу бѣглыхъ великороссійскихъ и смоленской шляхты крестьянъ, также и малороссійскихъ людей всякаго званія; они должны были осаживать эти слободы заграничными свободными литовскими людьми [2]).

---

[1]) Хотя изъ послѣдующаго хода дѣла не выясняется прямо функція этихъ отченниковъ, но можно предполагать, что здѣсь дѣло идетъ о *бортникахъ*,—такъ какъ бортныя деревья обыкновенно называются „*верховою отчиной*".

[2]) Приводимъ отрывки изъ нѣсколькихъ универсаловъ гетмана: „....симъ нашимъ ознаймуемъ унѣверсаломъ, мѣючи мы въ полку стародубскомъ, въ сотнѣ мглинской, въ урочищи Долисичахъ и Наросли купленніе отчинніе и сѣнокосніе кгрунта за рѣкою Ипуттю, между рѣчокъ Кременцомъ и Ржачею... намѣрилисмо на оныхъ нашихъ кгрунтахъ осадити слободу.... тое еднакъ докладаемъ дабы той осадчій, кому занято на скупленнихъ кгрунтахъ слободы полѣцено, жадною мѣрою не важился великороссійскихъ и смоленской шляхты бѣглихъ крестянъ пріймати".... Данъ въ Глуховѣ 2 авг. 1730 р.

Въ другомъ универсалѣ добавлено „.... не тилко великороссійскихъ и смоленской шляхты бѣглихъ крестянъ, но и рейменту нашого малороссійского всякаго званія людей пріймати, лечъ мѣетъ оную слободу заграничними литовскими людми осажовати, отъ которой слободы занятя жебы окрестніе села въ владѣніи ихъ кгрунтовъ жадного не чинилося препятствія, онъ же осадчій накрѣпко остерегать мѣетъ"... Данъ въ г. Глуховѣ, дек. 14 дня 1729 р. (См. Судіенко Мат. для от. ист., т. I, стр. 80).

Вотъ еще отрывки изъ универсала о назначеніи Лишней и Галеенка.... „слободы наши, ново на купленнихъ кгрунтахъ селячіеся, Далисичи и Дроковъ, поручили въ досмотръ Тимофею и Мартину, хоружему сотнѣ мглинской Лишнямъ. Теди яко повинни оніе Лишнѣ слободы имѣть въ своемъ смотреніи и надзираніи и въ онихъ

Вотъ вся процедура „осады“ гетманскихъ слободъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, по просьбѣ бунч. тов. Петра Искрицкаго — роднаго племянника гетмана, эти грунты, вмѣстѣ со слободами, были отданы ему въ собственность („в держанне и владѣнне“), о чемъ извѣщались всѣ особымъ универсаломъ.

Но съ этой передачей не окончилась дѣятельность гетмана, какъ и самая исторія этихъ слободъ, на судьбу которыхъ гетманъ продолжалъ вліять своею властью, а поэтому мы и продолжимъ изложеніе дѣла.

Въ 1732 г. Искрицкій писалъ гетману отъ себя и отъ лица далисицкихъ жителей, жаловавшихся ему, что вслѣдствіе неотграниченія ихъ грунтовъ отъ сосѣдей, эти послѣдніе (В. Гудовичъ и др.), ихъ обижаютъ и пугаютъ, будто бы ихъ скоро изъ слободы „вынудятъ“. „Якими словами устрашенніе будучи, люде тіи (яко простъ народъ) много з нихъ уже поселившихся оборотилося во спять, туди откуда пришли были“, писалъ Искрицкій, и просилъ гетмана прислать людей для отмежеванія этихъ грунтовъ („чтобъ приходячимъ з заграниці людемъ селитися было безпечно“).

Просьба Искрицкаго была исполнена: гетманъ издалъ универсалъ, въ которомъ приказывалъ „искуснымъ людямъ“ ѣхать на мѣсто и обмежевать владѣнія Искрицкаго. Дѣло размежеванія поручено было гетманомъ вмѣстѣ съ полковникомъ Р. Тургеневымъ—Кузьмѣ Злотову, офицеру глуховскаго полка, бунч. тов. Мокріевичу, волынскому сотнику Линевичу и канцеляристу Платковскому. Они должны были ѣхать на мѣсто и установить межу на основаніи переданныхъ гетманомъ Искрицкому купчихъ, показаній самихъ продавцевъ и мѣстныхъ жителей, грунта которыхъ

поселять людей....; такъ ихъ же Лишніовъ принимаемъ въ свою оборону и протекцію и предлагаемъ, абы п. полковникъ стародубскій зъ старшиною полковою и п. сотникъ мглинскій нѣ до якихъ ихъ полковихъ и сотенних повинностей и дѣлъ, такоже и до суду без нашого указу не потягали. Тутъ же докладаемъ, понеже въ тихъ нашихъ населяемихъ слободахъ имѣются и отчини наши купленніе, для якихъ смотрѣння и опредѣлены отчениками села Овчинца жителѣ Онисимъ Галеенокъ з товарищи 6 чел., того ради абы и тихъ отчениковъ нѣ до якихъ сотеннихъ шарварокъ не потягано до долшего нашого указу, рейментарски приказуемъ“... Данъ въ Глуховѣ дек. 23 д. року 1730. (См. ibid. стр. 95—6).

граничили съ дроковскими и далисицкими.—Этимъ лицамъ выдана была особая инструкція; на основаніи этой инструкціи дѣло размежеванія должно было производиться такъ: „.... собравъ тамошнихъ и посторонниxъ селъ стороннихъ и старинниxъ людей сколко пристойно и по отводу тихъ стороннихъ и старинниxъ людей ограничить“.... Кромѣ того, при размежеваніи должны были присутствовать самъ Искрицкій и В. Гудовичъ (земли ихъ были смежны).—Посланные гетмана, обозначивъ межу обычными знаками, должны были еще снять планъ съ этихъ владѣній („чертижъ“).

Въ 1732 г. былъ изданъ гетманомъ новый универсалъ „повторной“. Этимъ универсаломъ подтверждались еще разъ за Искрицкимъ грунта въ Дроковѣ и Далисичахъ; между прочимъ, гетманъ приказывалъ поселившимся тамъ людямъ, и тѣмъ, которые будутъ селиться, отдавать Искрицкому обычныя повинности, быть у него въ подданствѣ и „послушенствѣ“ [1]).

Затѣмъ Искрицкій просилъ опять себѣ въ подданство двухъ свободныхъ посполитыхъ въ томъ же селѣ Дроковѣ. Гетманъ и это желаніе Искрицкаго исполнилъ и предложилъ имъ отбывать Искрицкому, „яко владельце своему, надлежащую подданскую повинность безъ всякаго противленія“.

Итакъ не только слобожане далисицкіе, но и жители бывшаго свободнаго войсковаго села, оказались сразу въ „подданскомъ послушенствѣ“ у своего державцы.

Но этимъ дѣло не окончилось. Въ 1733 г. Искрицкій опять жаловался гетману, что его слободы „притягаютъ къ общенароднымъ и консистентскимъ повинностямъ, между тѣмъ какъ гетманскимъ универсаломъ еще раньше этимъ слободамъ дана была свобода отъ всякихъ повинностей на 10 лѣтъ.—Искриц-

---

[1]) „Поселившіеся въ оной слободѣ Долисичахъ и впредь селитися тамъ имѣючіе, такожъ и въ селѣ Дроковѣ на купленихъ кгрунтахъ, отъ насъ ему П. П. Искрицкому данныхъ, живучіе люде отдавали бъ ему, яко державце своему, обыклое подданское послушенство и повинности мѣти хочемъ и рейментарски приказуемъ“. Данъ въ Глуховѣ 1732 р.

кій жаловался еще, что мѣстная старшина скупила у его людей грунта безъ его вѣдома и разрѣшенія [1]).

Грунта, скупленные старшиной, Искрицкій просилъ гетмана заставить возвратить ему обратно, повинности просилъ снять, такъ какъ срокъ „слободы" еще не истекъ.

Гетманъ издалъ универсалъ, въ которомъ всѣ просьбы Искрицкаго удовлетворялись, но со смертью Апостола дѣло со скупщиками земель перешло въ полковой судъ.

Остается еще невыясненнымъ, какъ велико было населеніе этихъ слободъ.—Вотъ какія разнорѣчивыя данныя имѣемъ мы для этого изъ самаго дѣла. Въ 1734 г., уже при Шаховскомъ, прося еще разъ снять съ его слободы Далисичей повинности на консистентовъ, Искрицкій говоритъ, что тамъ не болѣе 10 человѣкъ „самихъ обогшихъ", а относительно Дрокова, что тамъ живутъ только подсосѣдки. Но мглинская старшина, жалуясь въ свою очередь на Искрицкаго также за скуплю земель у подданныхъ Есимонтовскаго, относительно повинностей его подданныхъ говоритъ „.... а что приказывалъ войтъ еднимъ его подданнимъ.... на лѣнѣйную работу людей висилать.... то того весма не доведется, ибо з его П. Искрицкого сорока человѣкъ и тридцати чвертокъ кгрунту, війшло толко 1½ чел...."

Вотъ еще данныя для статистики и роста населенія.

Въ Н. Дроковѣ, по ревизіи 1723 г. числилось: коз. 19 дв., стр. 2 дв., крестьянъ 5 дв., 5 х.

По ревизіи 1781 г., коз. 15 дв., 17 х., стр. 9 дв. 11 х., посп. 20 дв., 21 х.

Въ Далисичахъ, по ревизіи 1781 г. кр. 57 дв. 60 х. [2]).

Изъ предыдущаго выясняется, въ какомъ положеніи оказались слободы, объ основаніи которыхъ хлопоталъ гетманъ;

---

[1]) .... „Въ власнихъ моихъ подданихъ дроковскихъ ... кгрунта ихъ подданические уже теперь за влaдѣнія моего себѣ покуповали.... къ томужъ и полковая здешняя старшина во мѣсто того, чтобъ респектовать (якъ и на иншіе державскіе и свободніе войсковіе села шляховіе респектовали).... на село Дроковъ, въ коемъ стоять два форпоста.... наложили противъ прошлогодняго вчетверо.... одъ якой нестерпимой тяжести.... всѣ мои люде разволоктися хотятъ".

[2]) См. Лазаревскаго „Описаніе стар. Малороссіи", т. I, стр. 357, 354.

выясняется также, что колонизаторская дѣятельность гетмана Д. Апостола ничѣмъ не отличалась отъ таковой же дѣятельности его современниковъ,—державцевъ-хозяевъ.

Нарождавшаяся земельная аристократія, пользуясь властью и другими средствами, успѣла захватить въ свои руки земельный капиталъ; слѣдующимъ ея шагомъ было—овладѣть и трудомъ.—Контингентъ слобожанъ былъ для этого наиболѣе удобенъ, и колонизаторы не замедлили воспользоваться имъ для своей личной выгоды, которая преуспѣвала въ ущербъ выгодѣ низшихъ слоевъ населенія.

Такъ съ одной стороны заселялся край, а съ другой росла и богатѣла мѣстная старшина—будущее малороссійское дворянство.

Елена Радакова.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо Ходаковскаго къ З. Я. Карнѣеву. Ниже мы печатаемъ письмо извѣстнаго археолога, географа и этнографа Зоріана Доленги Ходаковскаго (собственно Адама Чарноцкаго) къ бывшему попечителю харьковскаго учебнаго округа Зах. Як. Карнѣеву (отъ 18 іюня 1819 г.). Оно было написано Ходаковскимъ по польски, но Карнѣевъ поручилъ перевести его на русскій языкъ лектору польскаго языка при харьковскомъ университетѣ П. Гулаку-Артемовскому (бывшему потомъ ректоромъ университета). Мы нашли и подлинникъ, и переводъ въ архивѣ харьковскаго университета (Дѣло по архиву № 572, картонъ № 29). Получивъ это письмо, попечитель передалъ его на разсмотрѣніе историко-филологическому факультету, который заявилъ, что необходимыя Ходаковскому свѣдѣнія могутъ сообщить директоръ училищъ войска донскаго и смотритель екатеринодарскаго училища; вмѣстѣ въ тѣмъ онъ находилъ полезнымъ напечатать данное письмо въ университетскомъ періодическомъ изданіи. Попечитель согласился съ первымъ предложеніемъ, но отвергъ второе «по нѣкоторымъ довольно важнымъ причинамъ», и потому оно напечатано не было.

Останавливаться на біографіи Ходаковскаго, послѣ спеціальнаго изслѣдованія, посвященнаго ему А. Н. Пыпинымъ (Вѣстникъ Европы, 1886, ноябрь), не приходится. Замѣтимъ только, что, по содержанію своему, настоящее письмо очень близко подходитъ къ статьѣ его «Розысканія касательно русской исторіи» (Вѣстн. Европы, 1819 г., октябрь, № 20, стр. 277—302), представляетъ какъ бы краткую программу ея. Да это и понятно: письмо было написано 18 іюня, а статья 29 іюля. Въ концѣ статьи есть указаніе и на настоящее письмо: «я писалъ, говоритъ здѣсь Ходаковскій, касательно Вот-

ской пятины и Чудской Украины къ преосв. Евгенію во Псковъ, о Болгаріи—къ е. пр—ву Магницкому, о козарской странѣ и семичахъ писалъ по польски къ е. пр—ву Карнѣеву въ Харьковъ. Во имя любви къ святой Руси всѣхъ молю, дабы благоволили способствовать мнѣ своею наукою и мѣстными свѣдѣніями». Лелевель говоритъ: «въ то время Зоріанъ любилъ писать научныя письма, хотя онѣ не доставляли ему никакихъ объясненій. Онъ самъ жалуется, что получилъ только четыре увѣдомленія изъ Россіи и одно изъ Польши». Мы должны замѣтить, что Ходаковскій, по свойству своихъ ученыхъ работъ, *долженъ* былъ обращаться съ запросами къ разнымъ лицамъ о мѣстныхъ древностяхъ и ихъ названіяхъ. Нѣкоторые изъ адресованныхъ къ нему отвѣтовъ, вызванныхъ его обращеніями, были въ свое время напечатаны (Макарова, Бояркина, Глаголева въ Вѣстникѣ Европы, 1820 и 1821 г.). Такъ какъ ни одно изъ тѣхъ ученыхъ писемъ, которыя любилъ писать Ходаковскій, еще не было опубликовано, то я рѣшился напечатать настоящее въ надеждѣ, что оно дастъ понятіе о вопросахъ, съ которыми обращался Ходаковскій къ различнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

Д. И. Багалѣй.

Ваше превосходительство!

До сихъ поръ не было примѣра, чтобы говорящій моимъ языкомъ, безъ побужденія какими нибудь особенными обстоятельствами, добровольно углублялся въ необъятное царство Россіи, влекомый любопытствомъ въ самыхъ нѣдрахъ ея изучать ея исторію. Другія времена,—дуугіе нравы. Уже царь польскій благодѣтельной десницею своею истребилъ въ сердцахъ двухъ народовъ то обоюдное чувство недоброхотства, которое поставляло вѣковыя преграды между дѣтьми матери славянской. Уже юнѣйшіе братья, возвративши права свои, безъ зависти взираютъ на старѣйшихъ, и благодушный мужъ, носившій съ толикою славою въ теченіе многихъ лѣтъ званіе правителя въ Минскѣ, перешедши на новое поприще въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія,—первый совѣтуетъ въ Харьковѣ учиться по польски. Въ столь благодатное время, прообразующее дни златые грядущимъ потомкамъ, предпринялъ я намѣреніе оказать услугу исторіи славянской того періода, который упреждаетъ христіанство въ нашихъ странахъ. Послѣ IX вѣковъ трудъ сего рода есть неслыханно труденъ, а, можетъ быть, и не совсѣмъ занимателенъ въ то время, которое ознаменовано на землѣ нашей безчисленнымъ множе-

ствомъ событій несравненно блистательнѣйшихъ и гораздо удивительнѣйшихъ. А и того болѣе, по появленіи на свѣтъ исторіи г. Карамзина, трудно показаться новымъ и снискать вниманіе. Къ счастью, однакожъ, моему можетъ послужить то, что сей великій писатель самъ признается въ скудости матеріаловъ и многократно обнаруживаетъ свое недоумѣніе. Я не намѣренъ длиннымъ разсужденіемъ утруждать ваше превосходительство, и спѣшу тотъ часъ къ тому предмету, который велитъ мнѣ обратиться къ вашему суду и въ немъ искать моей надежной помощи.

Г. Карамзинъ древнюю Русь со всѣми ея племенами обрѣзалъ до половины. Все пространство полунощи онъ подарилъ финнамъ и Біарміи, югъ уступилъ *козарамъ*. Угровъ же, которые два года сидѣли въ опредѣленномъ для себя мѣстѣ и пошли далѣе, онъ поселилъ на вѣки на забытыхъ *Семичахъ* (Т. II, пр. 146 и 245), гдѣ однакожъ объ нихъ упоминаетъ, несмотря на то, что древніе семичи въ тимскомъ уѣздѣ и Посемьѣ столько разъ упоминаемы (т. II, стр. 203 и пр. 320; т. III, пр. 71) достойны были вниманія исторіографа, тѣмъ болѣе что суличи, тиверіане, дулебы и драгомичи получили въ удѣлъ свой усадьбы, хоть разъ то упомянулъ объ нихъ Несторъ. Но да утѣшатся въ сей обидѣ семичи тѣмъ, что не одни они испытали подобный жребій забвенія, ибо подобной же участи подпали голяди надъ Протвой (т. II стр. 205 и пр. 299), будучи закрыты восточными кривичами. Мужественные ятвяги (jacwież) и жмудь, составляющіе и нынѣ особенную дицезію, лишены мѣста на географической картѣ автора. Литва получила въ подарокъ пространство нынѣшнихъ губерній литовскихъ, гдѣ между Вильною и Гродною было и теперь находится въ простонародіи нарѣчіе русское. Нашъ Плутархъ не зналъ того, что и донынѣ сохраняется старая граница нарѣчій русскаго и литовскаго и что Камера Гумбинская въ Пруссіи есть также Литва. Полочане теряютъ лѣвый берегъ Двины, несмотря на то, что Изяславъ (Заславъ на Свистоши), Минскъ, Борисовъ и Логойскъ во времена Владиміра I стояли на ихъ землѣ (т. II, стр. 165). Еще недавно половина воеводства полоцкаго находилась по сей же сторонѣ Двины. Динебургъ, Люцинъ (который совсѣмъ не былъ Лучиномъ, показаннымъ въ витебской губерніи т. III, пр. 12; ибо таковой находится въ дорогобужскомъ уѣздѣ, какъ сіе явствуетъ изъ государственныхъ грамотъ подъ № 144) и Резица составляли въ новѣйшія времена Ливонію польскую (Inflanty).

Въ нихъ существуетъ нарѣчіе литовское и сихъ трехъ повѣтовыхъ городовъ нельзя включить въ княжество полоцкое. Далѣе: и мнѣ бы казалось, что Мерія сидитъ на своемъ мѣстѣ, но Галичъ-Мерскій (т. III, пр. 364) въ костромской губерніи, такъ же рѣка Мерія, впадающая въ Волгу съ лѣвой стороны, ясно говорятъ объ иномъ или гораздо обширнѣйшемъ владѣніи. Равномѣрно и Весь находилась далѣе къ востоку, ежели *Весьегонскъ*, нынѣшній городъ надъ Мологою, и погостъ Ильинской въ *Веси*, нѣкогда почитаемыя въ Бежицкой пятинѣ, значитъ одно и тоже. Земгола (конецъ земли) долженствуетъ быть въ Семигалліи, гдѣ находятся города: Пильтинъ и Виндава; подвигать ее еще далѣе непростительно, ибо добрый нашъ царь почитается ея княземъ. Болгарія Серебряная или Камская находилась по обѣимъ сторонамъ Камы и Волги. Колыбель г. Карамзина окружаютъ многочисленныя городища въ симбирской и пензинской губ. Таковыя городища разсѣяны по всему пространству владѣній славянскихъ до самой Эльбы, Адріатическаго моря и горъ Байкальскихъ (отъ Ромеліи). Ихъ можно назвать исключительнымъ и древнимъ памятникомъ праотцевъ нашихъ идолопоклоннической эпохи и надъ нимъ конечно не трудились мусульмане въ Болгаріи Серебряной. Городища козарскія подъ Харьковомъ, надъ Донцомъ и подъ Воронежомъ (т. I, пр. 90) принадлежатъ также къ числу нашей собстренности славянской. Не спорю, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ назваться кагановыми городищами, ибо кіевскіе владѣтели и особливо Владимеръ I употребляли иногда титулъ кагана (хана), но изъ того не слѣдуетъ, якобы окопы сего рода суть произведенія казаровъ. Въ 1817 году мнѣ случилось быть за Брестомъ Литовскимъ по лѣвой сторонѣ Буга при деревнѣ Малашевичахъ на одномъ военномъ окопѣ, находящемся надъ Бродомъ, который издревле называется Бродомъ Кагановымъ и я ни мало не удивлялся такому названію, когда привелъ себѣ на мысль то, что симъ путемъ Владимеръ I ходилъ войною противъ ятвяговъ.

Говоря о городищахъ, имѣющихъ значеніе въ нашихъ лѣтописяхъ, совсѣмъ не надобно привязываться къ тому, какъ ихъ до нынѣ называли, т. е. русскими, казарскими, кагановыми, а можетъ быть гдѣ нибудь и татарскими. Позднѣйшія происшествія, случившіяся при таковыхъ окопахъ, могли послужить къ присвоенію имъ придаточныхъ наименованій. Всего же болѣе должно обратить вниманіе на то, какого они вида и какъ далеко простираются на югъ къ Крыму и на востокъ къ Дону, гдѣ находился Саркеллъ? Въ пятилѣтнемъ стран-

ствованіи моемъ, на сей конецъ предпринятомъ, случилось мнѣ видѣть около тысячи городищъ между Днѣпромъ и Силезіею, и я нашелъ во всѣхъ ихъ то главнѣйшее сходство, что онѣ вездѣ насыпаны изъ чернозема, хоть возлѣ нихъ часто находится земля глинистая, или песчаная; я замѣтилъ также, что валы сіи суть округлые, часто неправильные, смотря по виду той горы, на которой ихъ насыпали, что они имѣютъ всегда входъ отъ востока и тѣмъ припоминаютъ нѣкоторой догматъ своего вѣроисповѣданія, что на сей предметъ всегда избирали самыя величественныя и прилегающія къ водѣ или колодцамъ мѣста и т. п. Внутри таковыхъ городищъ часто встрѣчаются столь тѣсныя впадины, что едва въ ней хижинка помѣститься можетъ, и я многократно находилъ въ нихъ ямки, называемыя котлами. Его преосвященство архіепископъ Евгеній въ своихъ разговорахъ о древностяхъ Великаго Новгорода, изданныхъ въ Москвѣ 1808 г. на стр. 6 говоритъ, что тамошнее городище есть также тѣсное. Г. Забловскій упоминаетъ о городищѣ въ пензенской губ. и о Чортовомъ подъ Елабугомъ и подъ островомъ въ псковской губ. и о множествѣ другихъ. На картѣ государства россійскаго, на ландкартахъ Польши, Силезіи, Богеміи (чеховъ), Моравіи, Венгріи славянской, Иллиріи, Сербіи, Босніи, Молдавіи и Черной и Задунайской Болгаріи, я означилъ безчисленное мнножество подобныхъ городищъ. Свадебныя пѣсни простонародныя, коихъ не мало собралъ я между рѣками Днѣпромъ и Саномъ (въ Галиціи), открываютъ существенное предназначеніе сихъ городковъ или городищъ; изъ нихъ видно то, что они служили въ древности нѣкоторыми священными оградами, въ нихъ любовники вѣнчались, въ нихъ отправлялись обряды, игры и хороводы; однимъ словомъ это былъ нѣкоторый родъ приходовъ (parafie). На столь гигантской обширности праотеческаго нашего достоянія мнѣ невозможно уже гоняться за каждымъ городищемъ, ниже останавливаться съ наблюденіемъ при каждомъ, хотя бы то онѣ существовали и въ самой Москвѣ (Кар. Ист. т. V, пр. 402), подъ Кіевомъ съ лѣвой стороны Днѣпра (см. подъ 1026 годомъ) и въ самомъ Кіевѣ, какъ то показываютъ сіе привелегіи королей польскихъ; подъ Казанью (Кар. Ист. т. VIII, стр. 174 и пр. 324). Не стану говорить о городкѣ въ Краковѣ, гдѣ Анна Любомірская въ 1634 году основала монастырь доминикановъ, также о городищѣ въ Прагѣ Чешской около 1234 въ старомъ городѣ (гдѣ прежде былъ костеликъ святаго Ипполита). Для меня желательнѣе всего съ помощью таковыхъ памятниковъ древности открыть истинное и древнѣйшее пространство владѣній

славянъ, или увѣриться въ томъ, гдѣ именно назначить должно ту граничную украину, за которою бы больше ихъ не было.

Г. Орлай, отправляясь къ водамъ кавказскимъ, получилъ отъ меня по сему предмету нѣкоторыя замѣчанія и обѣщалъ собрать въ путешествіи своемъ нужныя для меня свѣдѣнія, но я сомнѣваюсь, позволитъ ли ему поспѣшность его въ пути выполнить данное обѣщаніе? Мнѣ однакожъ кажется, что, проживъ долѣе при Кавказѣ, онъ могъ бы какимъ нибудь образомъ узнать отъ другихъ племенъ, издревлѣ тамъ поселившихся, не называется ли у нихъ Каспійское море въ близкомъ, или подобномъ значеніи названію, Лукоморье, ибо г. Карамзинъ (см. Ист. Кар. т. II, пр. 64, т. III, пр. 2 и 70; лукоморскіе половцы пр. 74 и стр. 436), не согласивши въ одно, рѣшительно сказалъ, что оно значитъ: луговатый берегъ морской; а то, гдѣ онъ именно находился, оставилъ безъ всякаго объясненія. Взявъ однакожъ въ разсужденіе, что здѣсь дѣло идетъ о Лукоморьи въ то время, когда Игорь Святославичъ находился при Донѣ близъ Кагальника, должно разумѣть подъ симъ названіемъ море Каспійское, которое было впереди Игоря, а не Азовское, которое оставалось въ противной сторонѣ и почти позади его.

Округъ императорскаго харьковскаго университета, находящійся подъ мудрымъ начальствомъ вашего превосходительства, занимаетъ все пространство странъ, составляющихъ любимѣйшій предметъ моихъ изслѣдованій и моего любопытства. Польза исторіи отечественной, ревность вашего превосходительства къ народному просвѣщенію и мои усиленнѣйшія просьбы да будутъ поручителями того, что ваше превосходительство соблаговолите великодушно обратить вниманіе ваше на то: Какія и какого рода суть городища въ тамошнихъ странахъ? Какъ далеко простираются на югъ и къ востоку? Имѣетъ ли земля донскихъ козаковъ, подпадавшая владычеству хановъ (kaganov), подобныя насыпи или городища? Также въ предѣлахъ, назначенныхъ г. Карамзинымъ для хвалисовъ по обѣимъ сторонамъ Урала, не встрѣтятся ли подобные же памятники собратніе? И что можно будетъ узнать о Лукоморьи? Наконецъ, какого суть рода славныя развалины на западномъ берегу Урала и близъ устья сей рѣки? Я ничего еще объ этомъ удовлетворительно не знаю, и покорнѣйше прошу ваше превосходительство о милостивомъ снисхожденіи къ моей смѣлости и къ столь пространному письму. Отважившись писать оное, я руководимъ былъ надеждою на благодушіе ваше и оканчиваю изліяніемъ

глубокаго высокопочитанія, съ коимъ на всегда честь имѣю быть вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою Зоріанъ Доленга-Ходаковскій, членъ царскаго варшавскаго общества друзей наукъ.

Въ Гомелѣ
подъ Бѣлицею
18 іюня 1819 года.

Перевелъ съ польскаго лекторъ Петръ Артемовскій-Гулакъ.

Объ учрежденіи въ г. Кіевѣ запаснаго хлѣбнаго магазина (1754—56 гг.). Согласно требованію пр. Сената, кіев. губ. канцелярія въ 1754 г. составила «пункты», которые предполагалось принять во вниманіе при сочиненіи новаго уложенія [1]). Въ числѣ этихъ «пунктовъ» одинъ, именно 6-й, касался устройства въ г. Кіевѣ хлѣбнаго запаснаго магазина. По поводу этого проекта коллегія ин. дѣлъ потребовала отъ к. г. к. мнѣнія: «изъ какой суммы оной магазейнъ построитъ, также когда на безпереривно всегдашнее время запасной хлѣбъ въ томъ магазейнѣ имѣть, то какимъ образомъ его отъ неминуемаго по долгому иногда лежанію вреда и гнилости сохранять». К. г. к. отвѣчала на это 15-го сентября 1755 г. такъ:

1) «Въ Кіевѣ нижнемъ городѣ на Подолѣ, гдѣ вси кіевскіе мѣщане и обиватели изъ малороссійскаго народа жительствуютъ, а хлѣбныхъ пашенъ не имѣютъ и всѣ содержать себе и пропитаніе имѣють отъ единого купеческого торгу и отъѣзжихъ промисловъ и отъ содержанія на магистратскихъ земляхъ хуторовъ и въ ныхъ винницъ, и для того въ нужномъ случаѣ кіевскіе подлого народа обыватели крайные подъемлють нужды; а реченной въ Кіевѣ магазейнъ впредь починкою содержать и хлѣбъ покупать отъ кіевскаго магистрата изъ народной магистратской суммы, для того что оной кіев. маг—тъ имѣетъ многіе въ томъ же ниж. г. на Подолѣ вольные шинки и прочіе доходы и за Кіевомъ Подоломъ предмѣстья, именуемія Сырецъ, Преверку и Кореневщину съ жилими обывателями, съ которыхъ получаютъ в маг—тъ доходы, и кіев. маг—тъ токмо платитъ в казну по 600 рублевъ в годъ и почту содержитъ.

2) Хлѣбъ в тотъ магистратскій магазейнъ надлежитъ покупать изъ той же магистратской суммы завремянно, усматривая урожая и са-

---

[1]) Пункты эти напечатаны при сообщеніи проф. М. Ф. Владимирскаго-Буданова въ „Кіев. Стар." 1888, № 5.

мыхъ дешевыхъ времянъ и довольныхъ на торгѣ привозовъ дешевими цѣнами, какъ то бываетъ въ 25 и въ 30 коп. четверть.

3) Когда на безпереривно всегдашнее время запасной хлѣбъ въ томъ магазейнѣ долговремянно будетъ лежать, то оной, для минованія вреда и гнилости, надлежитъ роздавать кіев. мѣщанамъ на винницы для передѣловъ на вино, ибо имъ мѣщанамъ никакова въ томъ убытка не признавается, но еще лежалой сухой хлѣбъ выходнѣе на вино бываетъ, нежели новой сиромолотной, а винниць у нихъ, мѣщанъ, на хуторахъ великое число, и тѣмъ виномъ торгъ имѣютъ, а отъ оныхъ содержателей винницъ брать новой хлѣбъ въ магистратской магазейнъ.

4) Въ случаѣ нужды раздавать тотъ хлѣбъ бѣднымъ людямъ съ записками и съ поруками, а какъ хлѣбъ уродится и въ настоящую цѣну придетъ, сбирать въ магазейнъ по прежнему безъ излишества».

Представляя такое мнѣніе, к. г. к., очевидно не справлялась съ мнѣніями по этому вопросу кіев. магистрата, который, оказывается, совсѣмъ не сочувствовалъ мнѣнію к. губ. канцеляріи. Когда кол. ин. д. потребовала непосредственно отъ магистрата извѣстія о томъ, можетъ ли онъ употребить изъ своихъ средствъ необходимую для постройки и содержанія запаснаго хлѣбнаго магазина сумму и «не будетъ ли иногда въ магистратскихъ расходахъ помѣшательства и остановки», магистратъ доношеніемъ своемъ въ кол. ин. д. отъ 29-го марта 1756 г. отвѣчалъ, что «на постройку и впредь на починку показаннаго магазейна, тако жъ на покупку къ содержанію въ немъ прописаннаго числа пяти тысячей четвертей хлѣба толикой суммы денегъ выстатчить магистратъ кіевскій возможности не имѣетъ и въ магистратовыхъ указныхъ и другихъ расходахъ помѣшательство и остановка послѣдовать можетъ». Доношеніе это представляетъ особый интересъ потому, что въ немъ магистратъ, ходатайствуя о томъ, чтобы на него не возлагалась постройка и содержаніе проектированнаго запаснаго магазина, указываетъ на тѣ причины, по которымъ почти совсѣмъ прекратились «отъѣзжіе торговые промыслы» кіевскихъ мѣщанъ, явилось общее оскудѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ жалуется на тягость лежащихъ на магистратѣ повинностей.

«Жительствующіе в Кіевѣ ниж. г. на Подолѣ,—писалъ магистратъ,—кіевскіе мѣщане и обыватели, пахатныхъ грунтовъ не имѣя, содержуютъ себе и пропитаніе имѣютъ по бол. части от единого своего рукодѣлія и торгового промислу. А отъѣзжіе промислы прежнихъ временъ хотя отправляли, нѣкоторые за рубежъ в Цесарію, в

Волощину и протчіе турецкого владѣнія города, множайшіе жъ въ близостные от Кіева и от границы россійской польской области города и мѣстечки, инные, взимая на боргъ у купцовъ товары, отъѣзживали и тамо спродуя какъ тѣхъ своихъ вѣрителей купцовъ, такъ и свои нужные необходимости довольствовали, за якіе отъѣзжіе свои промислы, по силѣ высокомонаршихъ, в подтвержденіе древ. привиліевъ, каковы даны отъ королей польскихъ кіев. маг—ту, всем. жал. грамотъ, указовъ и гетм. универсаловъ, платили индукты и эвекты от воза шленскаго и гданскаго по три рубля, а от мѣлкихъ товаровъ от воза по двадцати копѣекъ безъ ревизіи; нинѣ же по учрежденіи указомъ Е. И. В. на всѣхъ границахъ таможенъ, в коихъ отъ проѣзжающихъ за границу и изъ за границы кіевскихъ мѣщанъ взимается внутренная пошлина и тарифъ и ко оплачиванію того кіев. мѣщане и обиватели, найпаче тѣ, которые часто з малимъ от ремества своего здѣланнимъ или у купцовъ на боргъ взимаемимъ товаромъ в близкіе польскіе городы и мѣстечка на торги и ярмонки отъѣзживали, в невозможности остались; а особливо за видерживаніемъ при границѣ карантина, в якомъ времени, умедливаніе и харчевіе издержки большіе, нежели въ дорожномъ проѣздѣ, происходимы бывають; для того упомянутые кіев. мѣщане оные свои отъѣзжіе торговые промыслы принуждены и оставить.

А любо хуторы и в нихъ винницы в подгородьи мѣскомъ на магистратовой землѣ кіев. мѣщане малое число содержатъ, но такъ оные до винницъ, яко и все мѣщанство в прокормленіе и в лавки для продажи, потребное хлѣба довольствіе прежде получали з заграницы, отколъ найвящше всякой хлѣбъ и другіе живности и протчіе домовые надобности въ привозѣ в Кіевѣ бывали, настоящаго же времени, за крайнимъ всего того непривозомъ предъявленного ради карантина, немалое оскудѣніе послѣдовало.

Кіев. же магистратъ, хотя по высокомонаршемъ жал. грамотамъ и содержитъ вольные въ нижнемъ городѣ Кіевѣ на Подолѣ шинки и за Кіевомъ Подоломъ подгородье Преорку, Сирецъ и Кореніовщину, точію въ тѣхъ магистратскихъ шинкахъ, за безперeривнимъ от козаковъ кіев. неуказныхъ шинковъ произвожденіемъ, весьма знатное помѣшательство и остановку имѣетъ; з жилыхъ же в подгородьи кіевскомъ обывателей никоихъ зборовъ въ маг—тъ не емлется; затѣмъ, яко оные, кои з мѣщанъ кіев. тамо жительствуютъ, тѣ, какъ и протчіе, жадныхъ пахатныхъ грунтовъ и иныхъ угодій не имѣя, от одного только ремесленого рукодѣлія и торгового промислу, посполитые же

зажономъ на сторонѣ въ людей хлѣба, притяжаніемъ и поденними по людямъ работизними себе содержують. З доходячою отъ нихъ одною токмо за землю, на коей живутъ, годовою куничною въ ма—тъ кіев. уплатою и съ предъозначенныхъ вольныхъ шинковъ и другихъ пожалованныхъ употребленій кіев. маг—тъ, кромѣ платежа въ казну по шестисотъ рублевъ в годъ и содержанія в разныя мѣста почты, сверхъ того, что въ мимошедшее военное время на лоцманы и подводы многое число денегъ издержалъ и в долгахъ остался, особіе подъ проѣзжаючихъ чрез Кіевъ рос. и иностр. чрезвыч. пословъ до турец. границы и другимъ разнимъ персонамъ, нанимая дорогою цѣною подводы, какъ то и недавно прошлаго 1755 и сего 1756 годовъ подъ посланниковъ турецкаго Тефшердара, а россійского князя Долгорукова с Кіева до турец. городовъ Хотѣна и Бендеръ, на выдачу подводъ и дорожныхъ исправностей поставку издержалъ денегъ до полторы тысячи рублевъ. До того жъ строить около г. Кіева Подола полисадникъ, караульни и по проѣзжимъ улицамъ мосты и прочіе потребности исправляетъ.

Привозимой же в ниж. г. Кіевъ продажной хлѣбъ нинѣшних годовъ в дешевости не бываетъ, и тотъ, яко не сухой, но, по здѣшнему обыкновенію, сыромолотной, к прочному лежанію не способной, и если бы каковій либо хлѣбъ, по прописанному к. губ. канц. мнѣнію, убогимъ людямъ в роздачу былъ употребленъ, то оного, какъ обыкновенно тѣ люде з ежеденного заработыванія, готовой печеной на ринку хлѣбъ покупая, кормятся, ни в кое время собрать у ныхъ нѣ с чего бъ, можнѣйшіе же сами покупной хлѣбъ в запасѣ с потребу свою мѣваютъ». «И за вышеобъявленными всѣми обстоятельствами» магистратъ и находитъ невозможнымъ затрачивать свои средства на учрежденіе запаснаго хлѣбнаго магазина.

Тѣмъ не менѣе магазинъ этотъ былъ устроенъ, хотя о времени постройки его мнѣ не удалось встрѣтить свѣдѣнія, относительно же средствъ для этого имѣется указаніе въ указѣ пр. Сената кіев. губ. канц. въ 1766 году іюля 31 о томъ, чтобы вмѣсто отрѣшенныхъ указами 1754 и 1755 годовъ собираемыхъ кіевскимъ магистратомъ доходовъ на разныя городовыя издержки, *тожъ и на строеніе для граждан запасного магазина*, отпускать изъ таможенной суммы, имѣющейся въ кіев. губ. канц., въ кіев. магистратъ ежегодно по 1209 р. 12 к. Въ рукахъ моихъ имѣлся одинъ рапортъ кіев. магистрата въ к. губ. канц. отъ 22 го мая 1781 г. о состояніи запаснаго магазина и въ немъ сказано, что «съ накупленнаго въ прошломъ 1777 году въ тотъ магазейнъ двухъ

тысячъ четвертей немолотого хлѣба ржи, по опредѣленію магистрата, 779 году февраля 21 числа учиненному, которое бывшимъ кіев. г. оберъ-комендантомъ и кав. Елчаниновымъ апробовано, продано тысячу четвертей, затѣмъ и состоитъ оного провіанта нынѣ на лицо только одна тысяча».

Въ поданной въ томъ же 1781-мъ году въ маѣ мѣсяцѣ сек.-маіоромъ Алексѣемъ Токаревымъ вѣдомости объ осмотрѣ имъ подольскихъ улицъ, мостовъ, караулень и полисадниковъ, въ послѣднемъ пунктѣ ея, значится: «Запасной магазинъ во всякой исправности и въ ономъ въ третьемъ этажѣ въ превеликихъ закромахъ насыпано ржи, ко употребленію годная, а по объявленію того магазина содержателемъ состоитъ ржи въ закромахъ болѣе тысячи четвертей; а въѣздные мосты въ магазейнъ по обѣимъ сторонамъ вновь сдѣлать».

А. Андріевскій.

Проѣздъ турецкаго посла черезъ Кіевъ въ 1775 году [1]).

Къ «размѣнѣ» пословъ, россійскаго и турецкаго, опредѣленъ былъ рескриптомъ 25 апрѣля 1775 г. кіевскій генералъ-губернаторъ Воейковъ. Для руководства ему въ обычныхъ при такомъ случаѣ церемоніяхъ прислана была реляція генерала Кейта, бывшаго при такой «размѣнѣ» въ 1740 году. Выѣхавши изъ Кіева вмѣстѣ съ россійскимъ посломъ кн. Н. В. Репнинымъ, они прибыли 19 іюня въ м. Черчу, въ 40 верстахъ отъ Хотина, и послали нарочнаго къ хотинскому мухафизу съ извѣстіемъ о своемъ приближеніи. Продѣлавъ всѣ установленныя церемоніи, послы переѣхали границу, и Воейковъ, поручивъ препровожденіе турецкаго посла генералъ-маіору барону Игельстрому, самъ 6 іюля поспѣшилъ въ Кіевъ, чтобы приготовить надлежащую встрѣчу, и прибылъ сюда 23 іюля.

Для пріема посла «со всѣми характеру его приличными почестьми, къ томужъ сообразуясь съ пріемомъ, каковъ учиненъ былъ въ Хотинѣ отъ тамошняго паши россійскому послу», Воейковъ прежде всего выслалъ на встрѣчу ему моск. караб. полка подполковника Кастагарова «для встрѣчи у самаго перваго мѣста, что при въѣздѣ въ границы, и для поздравленія съ благополучнымъ прибытіемъ», причемъ, «примѣтя еще при размѣнѣ пословъ, что у г. турец-

---

[1]) Составлена замѣтка по черновымъ реляціямъ генералъ-губернатора.

каго посла нѣтъ такой кареты, въ которой бы онъ съ выгодою путь свой продолжать могъ, послалъ въ подарокъ свою четвероместную карету съ цугомъ лошадей». «По пробытии въ карантинѣ пяти дней, да на половинѣ дороги отъ Василькова одного ночлега, наконецъ 13 сего августа имѣлъ г. посолъ свой церемоніальный въѣздъ въ здѣшній городъ съ слѣдующими почестьми.

Конная мѣщанская рота съ знаменемъ, литаврами и трубами, разстояніемъ болѣе десяти верстъ встрѣтя г. посла, препровождала его до квартеры. Предъ въѣздомъ въ здѣшнее предмѣстіе встрѣченъ былъ г. посолъ и поздравленъ съ благополучнымъ пріѣздомъ кол. сов. Москотиньевымъ и надв. сов. г. Кіева войтомъ Пивоваровымъ съ присутствующими въ кіев. маг—тѣ. Когда жъ г. посолъ поровнялся съ крѣпостію, то, въ честь его пріѣзда, учинено 25 пушечныхъ выстрѣловъ, вслѣдствіе учиненнаго о томъ при размѣнѣ пословъ соглашенія. Предъ посланничею квартирою постановлены были два баталіона гарнизонныхъ солдатъ съ ихъ штабъ и оберъ-офицерами, знаменами и хоромъ музыки, которые составляли улицу, чрезъ которую г. послу ѣхать надлежало, а къ нимъ примкнувъ карабинерной и козачій конвой, отдавали всѣ купно г. послу честь съ барабаннымъ боемъ и играніемъ музыкъ. По прибытіи г. посла въ квартиру для таковаго жъ привѣтствія съ благополучнымъ въ Кіевъ прибытіемъ ѣздилъ г. ген.-м. кіев. оберъ-комендатъ Ельчаниновъ съ штабъ и оберъ-офицерами».

«Сохраняя равновѣсіе» и сообразуясь съ тѣмъ пріемомъ, какой былъ оказанъ нашему послу въ Хотинѣ, генералъ-губернаторъ въ день пріѣзда посла въ Кіевъ «велѣлъ приготовить великолѣпной обѣденной столъ въ его квартирѣ, по примѣру тому, какъ и отъ хотинскаго паши было сдѣлано».

«Все сіе принято было г. посломъ съ особливымъ удовольствіемъ и, въ знакъ благодарности, присланы мнѣ въ тотъ же день взаимные подарки, состоящіе изъ нѣсколькихъ турецкихъ шолковыхъ матерій, табаку съ трубками и прочихъ турецкихъ мелочей».

О пребываніи турецкаго посла въ Кіевѣ Воейковъ сообщалъ въ своей реляціи слѣдующее:

«15-го числа посыланъ былъ отъ меня г. послу подарокъ, состоящій изъ одного сорока соболей, которой принятъ благосклонно, а посыланный съ нимъ капитанъ Суковкинъ, въ знакъ благодарности, подаренъ двумя турецкими платками и десятью рублями, которые онъ тутъ же людямъ и роздалъ. Прочіе дни проходили во вза-

имныхъ пересылкахъ, навѣдываясь о здоровьи, а 22-го числа, какъ въ канунѣ отъѣзда, исполняя всевысоч. В. И. В. соизволеніе о угощеніи г. посла и въ отъѣздъ обѣденнымъ столомъ, приказано было приготовить оной въ посланничей квартирѣ; но коль скоро о семъ послу донесено было, то онъ, призвавъ къ себѣ посыланнаго моего, сказалъ, что онъ и безъ того оказанными отъ меня учтивостями много обязанъ, такъ что остается ему болѣе помышлять, чѣмъ полученныя ласковости и благосклонности заслужить, нежели давать себя вновь обременять оными, и потому принимаетъ предлагаемый отъ меня ему обѣденной столъ съ такою точно благодарностію и признаніемъ, какъ бы онъ имъ дѣйствительно пользовался. Съ симъ отзывомъ посыланныхъ отъ меня для приготовленія стола отпустилъ, и вслѣдъ за ними прислалъ ко мнѣ своего церемонимейстера съ повтореніемъ тѣхъ же словъ и благодарности. Присыланной подаренъ мною мѣхомъ горностаевымъ. Того жъ дня посланы отъ меня въ подарокъ г. послу 21 рысь, которыя приняты весьма благосклонно, и посыланные отпущены съ обыкновенными подарками. Въ тотъ же день приказано отъ меня съѣздить въ посланничью квартиру г. ген.-м. кіев. об.-ком. Елчанинову съ штабъ и оберъ-офицерами для привѣтствія и пожеланія г. послу добраго здоровья и благополучнаго продолженія пути.

23-го числа, какъ въ самой день отъѣзда, приказано отъ меня быть весьма рано въ посланничью квартиру кол. сов. Москотиньеву купно съ войтомъ нижняго города Пивоваровымъ и съ магистратскими присутствующими для привѣтствія и пожеланія г. послу благополучнаго пути, а магистратской конной ротѣ приказано г. посла проводить за Днѣпръ нѣсколько верстъ до мѣста, гдѣ г. посолъ завтракать остановится, откуда, начальнику ихъ учиня г. послу пристойное привѣтствіе, возвратиться. Въ проѣздъ г. посла мимо здѣшнѣй крѣпости учинена ему та же почесть, какъ и въ пріѣздъ его, двадцатью пятью пушечными выстрѣлами; а баталіоны гарнизонныхъ солдатъ въ строй выводимы не были, ибо г. посолъ просилъ меня, чтобъ ихъ отъ сего безпокойствія уволить. Симъ образомъ препровожденъ отсюда г. посолъ, пробывъ здѣсь чрезъ десять дней весьма спокойно и тихо, такъ что ни отъ кого ни малѣйшей жалобы не доходило».

А. Андріевскій.

Мертвая рука. (Къ 116 § «Культурныхъ переживаній»). Въ «Культурныхъ переживаніяхъ», напечатанныхъ въ «Кіевской Старинѣ», я помѣстилъ замѣтку (подъ № 116) о народномъ повѣріи о значеніи мертвой руки и свѣчи изъ человѣческаго жира, какъ вѣрнаго средства для усыпленія людей и безпрепятственнаго воровства. Въ замѣткѣ были приведены повѣрья этого рода малорусскія, великорусскія и латышское. Дополняю здѣсь эту замѣтку новыми фактами. До какой степени повѣрье о мертвой рукѣ сильно въ Малороссіи, даже въ промышленныхъ и торговыхъ пунктахъ, видно изъ слѣдующей корреспонденціи изъ слободы Боромли ахтырскаго уѣзда въ 132 № «Харьк. Вѣдом.» 1891 года. «Въ ночь съ 19 на 20 мая случилось изъ ряда вонъ выдающееся происшествіе. 18 мая былъ похороненъ крестьянинъ Буденный, страдавшій водянкою; его жена, придерживаясь народнаго повѣрья, что съ умершимъ надо класть въ гробъ монету, для того чтобы были деньги на расходы по похоронамъ, и забывъ это выполнить до погребенія, отправилась рано утромъ вложить монету въ могилу своего мужа; когда она явилась, то, къ ужасу своему, увидала, что могила до половины разрыта; она въ испугѣ бросилась въ волостное правленіе и заявила о случившемся. Немедленно было сообщено: становому приставу, врачу и судебному слѣдователю, которые, прибывъ на мѣсто происшествія, обнаружили, что могила совершенно разрыта. По вскрытіи гроба, оказалось, что у покойнаго Буденнаго на рукѣ все тѣло до кости вырѣзано. Подозрѣніе пало на одного крестьянина Борзаго, замѣченнаго въ воровствѣ, онъ содержится въ настоящее время подъ арестомъ. Со стороны судебнаго слѣдователя приняты мѣры къ выясненію этого преступленія. Существуетъ повѣріе, что если изъ человѣческаго жира сдѣлать свѣчу, то при входѣ въ избу ночью спящіе не просыпаются, пока эта свѣча будетъ горѣть; надо полагать, что Борзый съ этою цѣлью и рѣшился на святотатственный поступокъ. Подозрѣніе на него пало потому, что онъ разспрашивалъ, кого хоронили и гдѣ похоронили, и въ ту-же ночь его встрѣчали въ 2 часа на дорогѣ и въ его избѣ до 3 часовъ свѣтился огонекъ».

Нужно замѣтить, что слобода Боромля—одинъ изъ самыхъ бойкихъ торговыхъ центровъ, съ значительнымъ числомъ грамотныхъ крестьянъ. Здѣсь находится образцовое училище министерства народнаго просвѣщенія, женская школа, 5 каменныхъ храмовъ, волостное правленіе, земская больница, общественная библіотека, 19 лавокъ, вблизи крупные сахарные заводы и желѣзная дорога.

Нужно еще замѣтить, что населеніе во многомъ отрѣшилось отъ стараго украинскаго быта. Все женское населеніе усвоило уже мѣщанскій костюмъ; пѣсни искалѣчены по содержанію и напѣву внесеніемъ чуждыхъ элементовъ...

Крѣпче всего держится, очевидно, темное и грубое суевѣріе. Что оно можетъ еще долго сохраняться, даже при условіи значительно большаго распространенія грамотности, можно видѣть изъ слѣдующихъ проявленій его въ западной Европѣ:

Въ португальской сказкѣ разбойникъ подъ видомъ нищаго заходитъ въ домъ купца. Онъ зажигаетъ «мертвую руку», чтобы усыпить его дочерей; но старшая запираетъ его въ кладовой, велитъ отдать мертвую руку подъ двери, и когда разбойникъ протянулъ ее, то она отрубила часть его собственной руки. Въ лотарингской сходной сказкѣ также находится мертвая рука подъ другимъ названіемъ main de gloire. Либрехтъ въ «Zur Volkskunde» указываетъ, что «мертвой рукой» въ германскихъ повѣрьяхъ называется высушенная рука повѣшеннаго вора или свѣча изъ человѣческаго жира, имѣющая свойство наводить глубокій сонъ. Это повѣрье встрѣчалось въ старину во Франціи и въ Англіи и существуетъ еще въ Италіи (*Cosquin*, Contes populaires, I, 184).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Альбомъ офортовъ Шевченка. На дняхъ вышелъ въ Кіевѣ, изданный въ количествѣ ста экземпляровъ и не поступающій въ продажу, альбомъ фототипическихъ снимковъ съ гравюръ Шевченка a l'eau forte, озаглавленный «Офорты Шевченка въ коллекціи В. В. Тарновскаго». Всѣ гравюры, въ силу необходимости, исполнены въ одномъ форматѣ (3×4 в.), причемъ, однако, при каждой, вслѣдъ за подписью, указаны размѣры, какъ доски, такъ и самой гравюры и мѣсто нахожденія доски, если оно извѣстно. Воспроизведены также фототипіей двѣ обложки Шевченковской «Живописной Украины» (1844 г.) и подписи (legendes) художника подъ рисунками этого альбома.

Изданіе альбома принадлежитъ В. В. Тарновскому, собравшему въ своей великолѣпной южнорусской коллекціи массу работъ Шевченка и воспоминаній о немъ и большую часть его гравюръ. Въ настоящемъ альбомѣ не достаетъ лишь, кажется, трехъ или четырехъ (Король Лиръ, одинъ изъ собственныхъ портретовъ, варіантъ гравюры

«Дѣвушки у колодца» и пробныя гравюрки съ Рембрандта), снимки съ которыхъ будутъ добавлены, когда судьба приведетъ ихъ въ руки собирателя. Нельзя не засвидѣтельствовать здѣсь того высокаго уваженія, какое заслуживаютъ давнія, почтенныя и безкорыстнѣйшія усилія В. В. Тарновскаго по спасенію остатковъ памятниковъ южнорусской оригинальной культуры, историческаго быта и искусства. Съ неослабною и горячею любовью, неся огромныя затраты, уважаемый коллекціонеръ не устаетъ въ своей дѣятельности болѣе четверти вѣка, производя розыски какъ въ захолустной глуши, такъ и въ центрахъ, предпринимая съ этою цѣлью далекія поѣздки, разыскивая коммиссіонеровъ въ мѣстахъ съ историческимъ прошлымъ. Въ частности, напримѣръ, по гравюрамъ Шевченка, столь цѣнимымъ любителями и столь рѣдкимъ, г. Тарновскій достигъ собранія, какого нѣтъ ни у одного изъ самыхъ извѣстныхъ собирателей гравюръ въ Россіи, какъ Ровинскій и друг. Только собиратели офортовъ, допускающихъ возможность наименьшаго числа оттисковъ, поймутъ вполнѣ, что значитъ собрать 28 работъ одного мастера, т. е., въ данномъ случаѣ, почти весь трудъ его въ этой области искусства.

Изданный нынѣ альбомъ копій, облегчивъ вообще знакомство съ граверными работами украинскаго поэта, послужитъ драгоцѣннымъ подспорьемъ для собирателей офортовъ, области, въ которой, въ русской школѣ, Шевченко является однимъ изъ первыхъ мастеровъ. Этотъ родъ гравюры цѣнится особенно потому, что онъ наиболѣе индивидуаленъ. Офортъ требуетъ быстраго рисунка и не допускаетъ исправленій. Поэтому особенность руки и глаза художника, его оригинальныя черты и совокупность всѣхъ его усилій, характеризуемая словами «душевное настроеніе», передаются изъ всѣхъ видовъ гравюры, наиболѣе въ офортѣ. Черты Шевченка, какъ живописца, отразились также всего рельефнѣе въ этой излюбленной имъ отрасли гравюры.

По составу своему альбомъ состоитъ изъ снимковъ шести листовъ «Живописной Украины», четырехъ портретовъ лицъ художественнаго міра, шести снимковъ съ картинъ разныхъ художниковъ, трехъ композицій и семи портретовъ самого Шевченка. Если безусловной благодарности заслуживаетъ самая идея изданія, то исполненіе снимковъ мастерской г. Кульженко не всегда стоитъ на высотѣ задачи. Въ нѣкоторыхъ снимкахъ встрѣчаются блѣдныя пятна, въ другихъ не отвѣчаетъ оригиналу общій тонъ. Въ общемъ, однако, какъ одна изъ первыхъ попытокъ строго художественнаго мѣстнаго изданія, работа мастерской г. Кульженка можетъ все же считаться удовлетворительной.

В. Г.

Остатки домика И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Въ Полтавѣ, у соборной церкви, надъ возвышенностью, спускающеюся къ долинѣ Ворсклы есть два дворовыхъ мѣста; одно изъ нихъ принадлежитъ г. Ольховскому, другое—В. В. Сухиновой, которая живетъ на станціи Долинской харьково-николаевской ж. д. Прежде оба эти мѣста составляли одинъ дворъ, гдѣ жилъ родоначальникъ малорусской драматической литературы И. П. Котляревскій. Домъ его, говорятъ, стоялъ тамъ, гдѣ теперь проходитъ заборъ, раздѣляющій усадьбу на двѣ части. Въ кухнѣ флигеля отъ стараго дома сохранился одинъ лишь *трамъ*, или сволокъ, но и то уже не въ цѣломъ видѣ. Очевидно, съ двухъ концовъ онъ урѣзанъ, такъ что изъ надписи, бывшей на немъ, можно прочесть лишь слѣдующія слова: «...сей во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Року ҂а҃ѱе м҃ца ав...» По срединѣ этихъ словъ есть пустое мѣсто, какое оставляется на такихъ же трамахъ и въ настоящее время.

Если домъ, трамъ котораго сохранился до настоящаго времени, построенъ былъ въ 1705 году, то онъ могъ еще стоять въ то время, когда здѣсь жилъ Котляревскій. Узнать, когда именно былъ перестроенъ старый домъ и выстроенъ флигель, сохранившій его трамъ, намъ не удалось. Но, вѣроятно, это можно сдѣлать, если разспросить сосѣднихъ сторожиловъ.

Есть обыкновеніе сохранять вещи, напоминающіе о писателяхъ и художникахъ. Если отъ Котляревскаго осталось и не столько, сколько успѣли собрать почитатели Моцарта, Шекспира и др. художниковъ, то все-таки не мѣшало бы почитателямъ таланта Котляревскаго позаботиться, чтобы сохранить отъ гибели и то немногое, что осталось.

Говорятъ, что въ Полтавѣ явилась когда то мысль привести въ порядокъ его могилу. Было устроено гулянье, сборъ съ котораго долженъ былъ пойти на ея улучшеніе; но мы не знаемъ, чѣмъ это дѣло кончилось.

Теперь есть слухи, что оба мѣста, составляющія бывшій дворъ Котляревскаго будутъ продаваться въ іюнѣ или іюлѣ текущаго года. Кто купитъ это дворище? Цѣну обѣихъ усадебъ опредѣляютъ въ 8—12 тысячъ. Не могли ли бы труппы актеровъ, играющія постоянно «Наталку-Полтавку», воспрепятствовать какимъ нибудь способомъ исчезновенію предметовъ, напоминающихъ объ основателѣ мѣстной драматической литературы?

Театральныхъ школъ на югѣ Россіи нѣтъ; обучаются наши актеры на сценѣ, на глазахъ публики. Нельзя ли было бы мѣсто, гдѣ жилъ Котляревскій, употребить на устройство школы драматическаго искусства, сохранивъ въ ней въ такомъ или иномъ видѣ трамъ, подъ которымъ можетъ быть создавалась безсмертная комедія-оперетта?

Р.

Французскій поэтъ Гриценко. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Парижѣ вышли, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, двѣ небольшихъ книжки французскихъ стихотвореній, подписанныхъ характерною малороссійскою фамиліей. (V. De Gritzenko «Hellas», sonnets antiques. Paris 1886. Librairie des bibliophiles и его-же «Silhoutetes bibliques»). Это литературное явленіе въ своемъ родѣ единственное. Нѣсколько раньше, правда, извѣстная малороссійская писательница г. Марко Вовчокъ принимала участіе въ изданіи Этзéля «Magasin d'education et de recreation», гдѣ помѣстила переведенную съ малороссійскаго, историческую повѣсть «Маруся», оригиналъ которой такъ и не вышелъ въ свѣтъ. Но въ французскую поэзію сонеты г. Гриценка были, конечно, единственнымъ вкладомъ, сдѣланнымъ писателемъ южно-русскаго происхожденія.

Въ книжкѣ сонетовъ, озаглавленной «Эллада», г. Гриценко является восторженнымъ поклонниковъ той лучезарной, дивной Эллады, которая рисуется сквозь дымку историческихъ воспоминаній и воплощается въ поэзіи Гомера и Софокла, въ греческой миѳологіи и въ непревзойденныхъ до сихъ поръ античныхъ статуяхъ, гдѣ идеальная строгость искусства и высшая простота сказали свое послѣднее слово на вѣчное удивленіе вѣковъ. Ряды такихъ поклонниковъ древней Греціи, такъ же какъ Греціи философской и научной, значительно порѣдѣли у насъ подъ вліяніемъ аористовъ и другихъ грамматическихъ формъ, восхищеніе которыми обязательно для нашего юношества. Но на Западѣ этихъ поклонниковъ не мало, да и не переведутся они никогда и вѣчнымъ очарованіемъ останется волшебный миражъ колыбели просвѣщенія Эллады.

По всему складу своему г. Гриценко писатель чисто западный, лучше сказать космополитическій. Онъ принялъ характерный обликъ французскаго поэта группы, такъ называемыхъ, «парнассцевъ» и воспѣваетъ Грецію древнюю и новую. Немногимъ дано воплотить въ словѣ античную красоту. Въ русской поэзіи Пушкинъ, Майковъ въ

небольшихъ вещахъ достигали античной рельефности и ясности впечатлѣнія; у нѣмцевъ—Гете и Шиллеръ и въ современной французской литературѣ, мало извѣстный въ Россіи, но очень замѣчательный поэтъ, Леконтъ де Лиль, по стопамъ котораго очевидно стремится идти г. Гриценко.

Вся книжка его какъ бы навѣяна обращеніемъ вышеназваннаго поэта къ Элладѣ, въ его «Poemes antiques»:

Les Dieux sont en poussiere, et la terre est muette;
Rien ne parlera plus dans ton ciel deserté.
Dors! Mais, vivante en lui, chante au coeur du poète
L'hymne melodieux de la sainte beauté.
Elle seule survit, immuable, eternelle!..

Стихи г. Гриценка свидѣтельствуютъ о прекрасномъ классическомъ образованіи, даже эрудиціи, хотя остаются произведеніями дилетантскими, гдѣ поэзія проглядываетъ только иногда. Лучшая пьеса первой книжки, «Hélène», составляетъ перифразъ одного мѣста третьей пѣсни «Иліады», гдѣ описывается какое впечатлѣніе произвела красота Елены на троянскихъ старцевъ. Приводимъ этотъ сонетъ цѣликомъ, чтобы дать понятіе о манерѣ г. Гриценка:

Hélène aux cheveux blonds. Helene aux pieds d'argent
Quitte d'un pas hatif sa couche nuptiale:
Elle reve au passé: sous son grand peplos blanc,
Elle pleure en songeant à la Sparte natale,
Et vers les hauts remparts s'en va languissamment.
Les viellards d'Ilios sur la crete murale,
Le front chenu, siegent majestueusement:
Ils admirent la reine et sa grace fatale!
Sur leurs fronts, qu'a ridés l'implacable viellesse,
Passe comme une brise, un regain de jeunesse;
Ils se disent entre eux, tout bas: „En verité,
Il est juste qu'ici nous souffrions pour elle
La guerre et tous ses maux, car aucune Immortelle
N'a de plus souveraine et divine beauté!"

Вступительный сонетъ близко напоминаетъ извѣстное начало поэмы «Rolla» Мюссе. Авторъ оплакиваетъ въ немъ отошедшіе въ вѣчность блаженные дни древней Греціи, то пантеистическое баснословіе, которое входило нераздѣльнымъ элементомъ въ жизнь древняго эллина и отъ котораго такъ далеко наше время:

Sur la cime des monts il n'est plus de Déesse,
Ni dans les flots d'azur: la moderne rudesse
Effarouche la Nymphe, et les bois sont deserts!

Въ пьесахъ «Гераклъ и Омфала», «Non licet omnibus adire Corinthum», «Ѳиванскія женщины» «Вакханка» и другихъ, г. Гриценко подражаетъ французскимъ авторамъ въ этомъ родѣ: Ожье, Банвилю, Ришпэну, Бурже, у которыхъ найдется по двѣ—три прекрасныхъ пьесы этого пошиба. Къ сожалѣнью, начитанность и литературное образованіе не достаточны еще тамъ, гдѣ собственныя силы не всегда приходатъ на выручку.

«Библейскіе силуэты» посвящены Леконту де Лиль, котораго авторъ прославляетъ за вѣрность традиціямъ древней поэзіи и называетъ эллинскимъ философомъ и представителемъ библейской правды. Г. Гриценко вдохновляется образами ветхаго завѣта и рисуетъ силуэты преимущественно женщинъ Библіи, какъ Руфь, Эсѳирь, Юдиѳь, Батсеба, мазь Соломона, Иродіада и просто «Израильская дѣва», которую онъ изображаетъ идеальными чертами. Въ этой книжкѣ слѣдуетъ отмѣтить пьесы «Руфь» и сонетъ III, какъ положительно прекрасныя. Послѣдняя пьеса воспѣваетъ Суламиту, послѣднюю любовь Соломона, которою вдохновлена была «Пѣсня пѣсней». Въ похвалу библейскимъ пьесамъ г. Гриценка достаточно сказать, что онѣ напоминаютъ тотъ типъ, образцомъ котораго служатъ «Еврейскія мелодіи» Байрона и не имѣютъ ничего общаго съ произведеніями современныхъ еврейскихъ стихотворцевъ, такъ же далекихъ отъ античной красоты, какъ величавый языкъ Библіи далекъ отъ современнаго еврейскаго жаргона.

Намъ ничего неизвѣстно о житейскомъ положеніи нашего соотечественника, выступившаго въ печати въ качествѣ французскаго поэта. Какъ приставка де, такъ и складъ образованія говорятъ о происхожденіи и школѣ, пройденной г. Гриценкомъ. Направленіе этого образованія носитъ характеръ нѣсколько исключительной крайности, но самая эта крайность предпочтительнѣе того самодовольнаго невѣжества, которое лѣзетъ изъ всѣхъ щелей въ наши дни.

В. Г.

Еврейская торговля антикварными рѣдкостями получила широкое развитіе въ юго-западномъ краѣ. Несмотря на многократныя распоряженія о томъ, чтобы всѣ предметы древности, находимые при раскопкахъ, поступали въ правительственные музеи и древнехранилища, евреи съумѣли повести дѣло такъ, что большинство такихъ предметовъ и нерѣдко самые драгоцѣнные изъ нихъ попадаютъ въ ихъ руки. Евреи, торгующіе антиквар-

ными рѣдкостями, размѣстили своихъ агентовъ не только въ самыхъ захолустныхъ уголкахъ юго-западнаго края, но и вообще на всемъ югѣ Россіи, какъ извѣстно, весьма богатомъ находками археологическихъ драгоцѣнностей. Какъ только еврейскій агентъ узнаетъ о находкѣ подобной драгоцѣнности или успѣетъ провѣдать о случайномъ нахожденіи ея у какого либо частнаго лица, въ большинствѣ случаевъ мало свѣдущаго въ предметахъ древности, онъ спѣшитъ увѣдомить о своемъ открытіи патрона, а послѣдній немедленно появляется на мѣсто нахожденія драгоцѣнности и пускаетъ въ ходъ всѣ средства, чтобы заполучить ее въ свои руки. Для пріобрѣтенія высмотрѣнной интересной вещицы евреи прибѣгаютъ обыкновенно къ тѣмъ пріемамъ, какіе рекомендовалъ нѣкогда одинъ археологъ-любитель, поучавшій другихъ археологовъ такими словами: «Когда ты найдешь интересную для тебя вещь, прежде всего попытайся купить ее; если откажутся продать ее, попытайся вымѣнять на другую вещь, если и въ этомъ тебѣ откажутъ—украдь ее!» Но евреямъ въ такихъ случаяхъ приходится проявлять меньше настойчивости, чѣмъ любителямъ археологамъ, такъ какъ имъ очень рѣдко случается имѣть дѣло съ любителями археологами, а несравненно чаще—съ случайными владѣльцами археологическихъ рѣдкостей, въ большинствѣ случаевъ не имѣющихъ даже приблизительнаго понятія о цѣнности ихъ археологическаго имущества. Поэтому евреямъ очень рѣдко приходится прибѣгать къ третьему способу приведеннаго выше наставленія археолога любителя, чаще—къ двумъ первымъ, но евреи поступаютъ, конечно, не въ ущербъ себѣ и, пріобрѣвъ вещи за безцѣнокъ, стараются сбыть ихъ повыгоднѣе. Для евреевъ, разумѣется, безразлично, кому будетъ продана добытая ими вещь, лишь-бы подороже продать ее. И вотъ, составивъ болѣе или менѣе значительную коллекцію такихъ вещей, среди которыхъ немало попадается христіанскихъ древностей (крестовъ, иконъ и проч.), евреи отправляются съ ними въ Москву, Варшаву и Петербургъ, тамъ распродаютъ ихъ частнымъ лицамъ и заграничнымъ агентамъ, и только незначительная часть русскихъ древностей, очень часто безцѣнныхъ по своему научному и историческому значенію, попадетъ изъ еврейскихъ рукъ въ частныя русскія собранія, большинство же ихъ увозится за границу и дѣлается достояніемъ западно-европейскихъ музеевъ, какъ, напр., краковскихъ и львовскихъ, или же частныхъ коллекцій заграничныхъ польскихъ магнатовъ. Нѣкоторые изъ евреевъ, торгующихъ антикварными рѣдкостями, не ѣздятъ ни въ Москву, ни въ Петербургъ, а сидятъ въ Кіевѣ и здѣсь ждутъ покупателей. Но отъ этого не легче, и русскія древности, все равно, тѣмъ или инымъ путемъ, благодаря предпріимчивости и посредничеству евреевъ, увозятся подальше отъ русскихъ правительственныхъ древнехранилищъ. (Кіевлянинъ, 1891, № 113)

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ имп. русскаго историческаго общества, томъ 68 й. Спб. 1889 г., IX, 741.

Настоящій томъ «Сборника» заключаетъ въ себѣ богатые матеріалы для южно-русской исторіи. Онъ содержитъ въ себѣ дворянскіе депутатскіе наказы лѣвобережной Малороссіи и Слободской Украйны. Редакція «Кіевской Старины» не мало сдѣлала для уясненія роли малороссійскихъ депутатовъ въ знаменитой Екатерининской коммиссіи: она издала цѣлый томъ наказовъ и актовъ о выборахъ, она напечатала обширное изслѣдованіе о нихъ г. И. В. Теличенка и мою статью, посвященную выборамъ и дѣятельности въ коммиссіи слободско-украинскихъ (харьковскихъ) депутатовъ. Теперь умѣстно будетъ посмотрѣть, какія *новыя* данныя по этому вопросу заключаются въ настоящемъ томѣ «Сборника».

Редакторъ «Сборника» проф. В. И. Сергѣевичъ печатаетъ всѣ сохранившіеся наказы и челобитья цѣликомъ, подрядъ и поступаетъ такъ, конечно, потому, что въ его распоряженіи имѣются подлинники. Къ малороссійской губ. относится 10 дворянскихъ наказовъ и 7 челобитій. О своихъ нуждахъ заявило дворянство всѣхъ бывшихъ полковыхъ городовъ (а ихъ, какъ извѣстно, было 10) и кромѣ того, глуховское, батуринское и погарское шляхетство, конечно, потому, что Глуховъ, Батуринъ и Погаръ считались городами. Значительная часть этихъ документовъ была издана уже въ «Кіевской Старинѣ»; только тутъ они были перепечатаны съ копій, а въ «Сборникѣ» съ оригиналовъ. Впрочемъ разногласія между тѣми и другими не замѣчается.

И. В. Теличенко для своей работы воспользовался только наказами, изданными въ «Кіев. Стар.». Теперь новые наказы, напечатанные въ «Сборникѣ» отчасти подтверждаютъ, отчасти дополняютъ

сдѣланную имъ характеристику шляхетскихъ нуждъ и пожеланій. Возьмемъ, напримѣръ, наказъ нѣжинскаго и батуринскаго шляхетства. 1-я статья его трактуетъ о непригодности нѣкоторыхъ параграфовъ Литовскаго Статута; здѣсь, между прочимъ, интересно указаніе на то, что «вслѣдствіе отсутствія законодательства на природномъ языкѣ приходится пользоваться имъ на польскомъ, отъ котораго между тѣмъ въ послѣднее время стали отставать»; во 2-й говорится о спискахъ шляхетства; въ 3-ей о необходимости учрежденія въ Малороссіи дворянскаго корпуса и женскаго воспитательнаго училища, далѣе— объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими, объ утвержденіи за владѣльцами всѣхъ ихъ имѣній, о несправедливости наложеннаго Румянцевымъ подворнаго рублеваго оклада вмѣсто прежнихъ консистентскихъ дачъ, объ отягощеніяхъ посполитыхъ подданныхъ, объ учрежденіи въ Малороссіи государственнаго банка и хлѣбныхъ магазиновъ; все это такія просьбы, какія заявляло и дворянство другихъ повѣтовъ. Любопытно здѣсь указаніе на заимочный способъ возникновенія поземельной собственности. «Многіе изъ помѣщиковъ и старшинъ, говорится здѣсь, въ давнія времена занявъ пустыя въ свободности бывшія земли, поселили на оныхъ къ лучшему государству прибытку деревни, выростили рощи, основали земледѣліе, ввели скотоводство и разные промыслы и запрудили плотины, на которыхъ къ пользѣ жителей построили мельницы и изъ того государственную отправляли и отправляютъ службу. Таковыя владѣнія утверждены были здѣшнему народу, какъ нѣкоторыми статьями, подъ именемъ Займищъ, такъ правами и привилегіею». Конечно, эта страничка изъ исторіи шляхетскаго землевладѣнія смахиваетъ на идиллію—деревни селили для собственной пользы; плотины запруживали иногда ко вреду другихъ;—но она все таки интересна потому что даетъ данныя для характеристики старшинской заимки, какъ юридической нормы. Заслуживаетъ вниманія также проектъ старшинъ о заведеніи особой коммиссіи, которая бы разбирала жалобы мѣстнаго населенія на притѣсненія воинскихъ командъ, и о назначеніи коммиссаровъ, которые бы сопровождали эти команды при ихъ передвиженіяхъ по Малороссіи. Такого же приблизительно содержанія и дворянскіе наказы другихъ повѣтовъ. Наказъ лубенскаго шляхетства, депутатомъ котораго былъ извѣстный Григорій Андреевичъ Полѣтика, проникнутъ консервативнымъ духомъ. Всѣ первые параграфы его заняты фактическими справками о малороссійскихъ правахъ. «И какъ мы, говорится здѣсь, по безпристрастному нашему разумѣнію почитаемъ сіи права во всѣхъ

нашихъ нуждахъ достаточные, не лицепріемные, злымъ строгость обстоятельно и точно, а прямымъ обидимымъ выгоду предписывающими, то полагаемся надеждою на безприкладное Е. И. В. милосердіе, что тѣжъ самые права при насъ и впредь оставлены будутъ». Интересенъ здѣсь 8-й параграфъ, гдѣ всячески доказывается право козаковъ отчуждать свои грунты въ пользу старшинъ. Еще болѣе интересенъ 15-й параграфъ, въ которомъ ярко выражается отрицательное отношеніе старшинъ къ извѣстной генеральной описи Малороссіи, предпринятой Румянцевымъ. «За учрежденіемъ въ Малой Россіи коллегіи, читаемъ мы здѣсь, по предложенію генералъ-аншефа и кавалера Петра Александровича Румянцева въ Малой Россіи введена еще отличная перепись такимъ образомъ: переписуются жилые наши дворы, пахатные и сѣнокосные поля, лѣсы, луги, мельницы и протчія угодья и требуются показанія, сколько хлѣба засѣвается и сколько на какомъ мѣстѣ сѣна укашивается и сколько жъ съ мельницъ приходу въ годъ бываетъ; описывается скотъ нашъ и пчелы и ревидуются получаемые доходы; люди наши мужеска и женска полу и все ихъ имѣніе, не минуя и самихъ дворовыхъ служителей, по душамъ описуются. Таковой переписи съ самаго того времени, когда малороссійскій гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и со всѣмъ народомъ малороссійскимъ подъ всероссійскую державу поддался, въ Малой Россіи не бывало и чтобъ оной быть, на то нѣтъ и не бывало высокомонаршихъ указовъ, а имѣются точные таковые указы, что здѣсь подушевной переписи никогда не бываетъ. Да чтобъ и нынѣ оной быть, на сіе мы именнаго Е. И. В. всевысочайшаго указа не видимъ. По утвержденнымъ же всѣми въ Бозѣ почивающими Е. И. В. предками нашихъ правъ и стародавнихъ обычаевъ быть оной переписи не слѣдуетъ для того, что по праву книги Статутъ, по артикулу 15, раздѣлу 3, установлено: всѣ привилегіи, стародавнія, земскія и вновь отъ насъ данныя вольности и обычаи добрые, старинные сохранять и ни въ чемъ того не нарушать, а новаго ничего не установлять; а была ли бы надобность что новое прибавить къ добру Рѣчи Посполитой, тогда сего не имѣетъ чинить, ниже уставовъ какихъ дѣлать, кромѣ за согласіемъ общимъ. Нашего жъ согласія на обѣ объявленныя переписи не было и къ тому никого съ насъ не сзывано, но безъ всего тое приказано сдѣлать». Здѣсь прямо Генеральная опись выставляется дѣломъ незаконнымъ. Общій смыслъ параграфа тотъ, что такая перепись представляла небывалое, необычноеявленіе въ исторіи Малороссіи. Этотъ взглядъ на ген. опись былъ

усвоенъ и авторомъ «Исторіи Руссовъ», который свое картинное изображеніе описи начинаетъ такъ: «Графъ Румянцевъ въ 1767 г. повелѣлъ учинить всему народу и его имѣнію генеральную опись, которая какъ въ своемъ родѣ, такъ и въ способѣ ея произведенія, *была новость необыкновенная*». Въ наказѣ кіевскаго (т. е. собственно остерскаго и козелецкаго) шляхетства обращаетъ на себя вниманіе пунктъ о просвѣщеніи. «Ничто въ жизни для честнаго шляхетства, говорится тутъ, не можетъ быть столь полезно, а для интересовъ государственныхъ потребно, какъ знаніе наукъ, составляющее въ человѣкѣ цѣлость его собственнаго благоденствія и пользы государственной. Сему основанію послѣдуя, малороссійское шляхетство отдаютъ своихъ дѣтей въ разныя отдаленныя науки, какъ то: университетъ московскій, въ Санктъ-Петербургъ, а другіе посылаютъ въ чужія, далекія государства и, доставая наукъ, лишаются по своимъ недостаткамъ чрезъ великіе убытки имущества и приходятъ къ бѣдности. Мы со многихъ опытовъ несумнѣнно надѣемся, что сія наша ревность къ наукамъ отвѣчаетъ во угодность высочайшей В. И. В. волѣ и любви къ совершенному разума на сію степень возведенія вѣчно подданныхъ своихъ. Ваше И. В., яко премилосердая матерь, имѣя неусыпное попеченіе, всемилостивѣйше соизволили въ разныхъ мѣстахъ своего государства завести училища и утвердить университеты на коштѣ государственномъ для пользы юношества, въ просвѣщеніе ихъ разума и достиженіе разныхъ наукъ, а Малая Россія сего счастія въ полученіи еще не имѣетъ. Того для В. И. В. всеподданнѣйше просимъ, по примѣру другихъ мѣстъ, въ коихъ учреждены университеты, пожаловать и насъ высочайшею милостію во учрежденіи въ Малой Россіи университета въ городѣ Кіевѣ или въ томъ мѣстѣ, гдѣ заблагоусмотрѣно будетъ шефомъ нашимъ е. с. графомъ П. А. Румянцевымъ... На учрежденіе жъ и содержаніе оного университета В. И. В. пожаловать сумму изъ малороссійскихъ таможенныхъ доходовъ, а особо и ту сумму, которая до сего, по высочайшимъ указамъ, обѣщана малороссійскому народу въ заплату за забратіе на счетъ чрезъ бывшее военное съ турками и Пруссіею время волы, лошади, возы, провіантъ, фуражъ и протчее». Стародубское шляхетство по этому поводу замѣтило, что существующія въ Малороссіи латинскія школы (3 гимназіи—въ Кіевѣ, Черниговѣ и Переяславѣ) «къ большему просвѣщенію разума человѣческаго и къ полученію другихъ нужныхъ для службы государственной и къ пользѣ всеобщей наукъ суть недостаточны» и потому ходатайствовало объ учрежденіи внутри Малороссіи университета. Погарское дворян-

ство подняло очень важный для него вопросъ о стародубскихъ раскольникахъ—просило о выводѣ ихъ изъ малороссійскихъ земель или, по крайней мѣрѣ, объ отдачѣ подъ вѣдомство малороссійскихъ судовъ.

Но кромѣ дворянскихъ депутатскихъ наказовъ лѣвобережной Малороссіи (т. е. нынѣшней черниговской и полтавской губ.), въ «Сборникѣ» помѣщена цѣлая серія такихъ же наказовъ слободско-украинской, т. е. нынѣшней харьковской губ. Слободская Украйна въ основной массѣ своего населенія представляла изъ себя такую же южно-русскую область, какъ и лѣвобережная Малороссія. Въ теченіе столѣтняго періода своего историческаго существованія она пользовалась значительною долею автономіи, хотя, конечно, сильно уступавшей автономіи Малороссіи. Тамъ во главѣ управленія стоялъ гетманъ; здѣсь такой мѣстной центральной власти не было. Слободская Украйна дѣлилась на 5 полковъ, во главѣ которыхъ стояли независимые другъ отъ друга полковники. Полковники зависѣли отъ бѣлгородскаго воеводы и разряднаго и великороссійскаго приказа, позже— отъ сената и военной коллегіи. Такое устройство существовало до 1765 года, т. е. до реформъ Щербинина. При немъ козацкіе полки были преобразованы въ гусарскіе, учреждена губернія (слободско-украинская), распадавшаяся на провинціи, которыя въ свою очередь дѣлились на коммиссарства. Реформа Щербинина вызвала нѣкоторое волненіе; иниціаторомъ его среди старшины былъ полк. Краснокутскій, который за это былъ судимъ и сосланъ въ Казань [1]). Произведенный по сему дѣлу розыскъ долженъ былъ естественно устрашить другихъ. Выборы депутатовъ въ Екатер. коммиссію, имѣвшіе мѣсто 2 года спустя, и составленіе наказовъ прошли, вообще говоря, въ противоположность Малороссіи, спокойно [2]). Въ силу всего этого и въ наказахъ слободско-украинскихъ старшинъ очень скромно заявляется о сохраненіи старинныхъ правъ и преимуществъ. Реформа только что была введена; выборами руководилъ виновникъ ея Щербининъ, «правившій губернаторскую должность» въ Харьковѣ. Дворяне стараются въ своихъ наказахъ отмѣтить свои реальныя нужды и потребности, преимущественно экономическаго и отчасти соціальнаго характера; политическій элементъ въ нихъ очень слабъ. Ахтырскіе старшины, напримѣръ, просили отъ отмѣнѣ соляной монополіи,

---

[1]) См. объ этомъ ст. Ив. В. Теличенка „Протестъ слоб. старшины и козаковъ противъ реформъ 1765 г.“ въ „Кіев. Стар.“ 1888 г., т. XX, стр. 244—270.

[2]) См. объ этихъ выборахъ мою статью „Къ исторіи Екатерининской коммиссіи“ въ „Кіев. Стар.“ 1885 г. сентябрь.

объ освобожденіи отъ обязанности участвовать въ починкѣ находящихся въ ахтырской провинціи значительныхъ мостовъ, о льготѣ по части продажи вина и расквартированія воинскихъ командъ, объ утвержденіи за ними земель, которыми они владѣли безъ крѣпостныхъ актовъ въ общихъ округахъ съ войсковыми обывателями. Всѣ эти просьбы имѣютъ въ виду исключительно сословные интересы дворянства. Но не довольствуясь этимъ, слободско-украинскіе дворяне выступили еще съ такимъ ходатайствомъ, какого постѣснялись добиваться малороссійскіе старшины—они просили о запрещеніи крестьянамъ ихъ вольнаго перехода съ одного мѣста на другое. «По высочайшей В. И. В. конфирмаціи здѣшней губерніи войсковымъ казеннымъ обывателямъ, писали ахтырскіе дворяне, переходъ на поселеніе въ другія постороннія мѣста запрещенъ. А какъ за нами имѣются подданные малороссіяне, состоящіе платежомъ положеннаго шестигривеннаго оклада и судомъ въ здѣшней губерніи, которые малороссіяне, по своей прежней заобинности не имѣя о каковой либо прочности содержанія въ хорошемъ порядкѣ домовъ и пашень, отъ одного къ другому владѣльцу, такожъ въ постороннія губерніи и безъизвѣстныя мѣста, что и сыскать ихъ всячески невезможно, переходятъ, оставляя не токмо владѣльческія отъ нихъ должныя работы и другія послуги, но и не заплатя указныхъ податей, кои, яко казенныя, принуждены тѣ владѣльцы отъ себя платить съ немалымъ убыткомъ, а оные чрезъ такой частый переходъ не токмо лишаются своего имѣнія и экономіи, но въ таковую нищету и бѣдность приходятъ, что и дневной пищи, а при томъ, по свободности своей, и работать прилежности не имѣютъ, а когда принуждать и приводить къ законному порядку и земледѣльству, почитаютъ за тягость. Въ разсужденіи тѣхъ ихъ обстоятельствъ, соблаговолено бъ было онымъ подданнымъ черкасомъ учинить въ переходѣ съ мѣста на мѣсто запрещеніе и безъ билетовъ не ходить; напротивъ того, помѣщики и владѣльцы должны подданного дворомъ къ подлежащему строенію, пахотною и сѣнокосною землею и на отапливаніе, гдѣ есть лѣсъ, снабдить, дабы по недостатку не могли переходить. А ежели по своевольству будутъ уходить, таковыхъ безъ письменныхъ владѣльческихъ видовъ не принимать, а когда будутъ приниманы, на таковыхъ положить взыскивать штрафъ». Этотъ параграфъ представляетъ изъ себя теорію крѣпостнаго права; оно, по мнѣнію ахтырскихъ дворянъ, должно было принести одинаковую пользу и помѣщикамъ, и крестьянамъ; пользуясь же свободой, они не могли быть

достаточно усердны къ работѣ. Сумскіе дворяне также включили въ свой наказъ пунктъ о запрещеніи вольнаго перехода безъ билетовъ; приэтомъ они ссылаются на Высочайшій указъ 1763 года, (15 декабря), запретившій помѣщикамъ принимать крестьянъ, являвшихся безъ отпускныхъ билетовъ, и высказываютъ желаніе, чтобы билеты эти были оффиціально свидѣтельствованы, а за принятіе безъ нихъ крестьянъ назначенъ былъ штрафъ; а переходъ въ сосѣднія губ. былъ совершенно воспрещенъ. Остальные пункты челобитья сумчанъ касаются отчасти тѣхъ же вопросовъ, какіе были затронуты ахтырскими дворянами (льготъ по части повинностей съ ихъ подданныхъ, винокуренія, покупки и продажи соли, военныхъ постоевъ), отчасти новыхъ—гражданскаго суда, опеки надъ малолѣтними, (оба эти вопроса поставлены очень симпатично), гербовъ, положеній гг. Суджи, Мирополья и Бѣлополья. Дворянскіе гербы должны были получить всѣ лица, дослужившіеся до штабъ и оберъ офицерскихъ чиновъ. Дворянство харьковской провинціи ходатайствовало объ укрѣпленіи за нимъ грунтовъ, купленныхъ у козаковъ, о возвращеніи земель, отошедшихъ подъ Украинскую линію и въ вѣдѣніе новороссійской губерніи; остальныя пожеланія совпадали съ ходатайствами сумчанъ и ахтырцевъ. Острогожское дворянство, ближе всѣхъ другихъ соприкасавшееся съ великорусскимъ населеніемъ воронежскаго края, должно было отстаивать ту привилегію, которую никто не нарушалъ у жителей остальныхъ четырехъ провинцій, право свободнаго винокуренія. Оно же съ особенною энергіею старалось о переименованіи б. козацкихъ чиновъ въ великороссійскіе и вообще о даровании ему дворянства. Но самыя неумѣренныя желанія оно выразило по части надѣленія его землей. «Находившіеся въ службѣ и отставные здѣшніе уроженцы, говоритъ оно, дворяне и старшины землями, сѣнными покосы и протчими угодьи нынѣ владѣютъ одни по отводамъ и по указамъ канцеляріи, другіе по своимъ стариннымъ заимкамъ, безъ данныхъ на то указовъ, иные же, не имѣя, по указамъ и по заимкамъ, особо никакихъ угодій, довольствуются въ обществѣ съ войсковыми жительми. Между всѣми оными есть такіе, кои по своимъ чинамъ въ землѣ и угодьяхъ имѣютъ крайній недостатокъ». На основаніи инструкціи губернатору велѣно было всѣ вообще земельныя дачи точно измѣрить и положить въ четверти. Острогожскіе же дворяне просили объ отводѣ имъ земель въ окружныхъ межахъ безъ измѣренія ихъ четвертями и десятинами. «Состоящія за дворянами и старшинами по отводамъ и указамъ отъ канцелярій и

по заимкамъ земли и угодья по тому ихъ владѣнію, по урочищамъ же, за ними отказать и отмежевать. Владѣющихъ въ обществѣ съ войсковыми жительми снабдить по ихъ чинамъ особыми дачами по пропорціи, установленной въ екатерининской провинціи; а у коихъ изъ отведенныхъ по указамъ и изъ заимочной положенной пропорціи недоставать будетъ, то и тѣмъ по ихъ чинамъ добавить». Чтобы понять всю серьезность этой просьбы, нужно вспомнить, какіе громадные участки получали помѣщики новороссійскаго края: кусокъ въ 1200 дес. считался минимальнымъ надѣломъ. Но если раздача крупныхъ поземельныхъ дачъ въ Новороссіи не принесла ожидаемыхъ выгодъ, то здѣсь, въ слободской Украйнѣ, она была уже совсѣмъ излишня, безполезна, несправедлива и, наконецъ, невозможна. Изюмское дворянство въ этомъ отношеніи высказало больше скромности: оно ходатайствовало только объ оставленіи за нимъ права на совмѣстное (съ войсковыми обывателями) владѣніе общественными землями. Относящіеся сюда параграфы очень любопытны; они содержатъ въ себѣ важныя данныя о характерѣ землевладѣнія. «Изюмской же провинціи войсковыя слободы по рѣкамъ Осколу и Донцу, состоящія промежъ себя отъ 80 и за 100 в. разстояніемъ, имѣютъ поселеніе, а внутрь, промежъ тѣхъ рѣкъ по разнымъ рѣчкамъ земляныя угодья, яко то: сѣнокосные луга и противъ тѣхъ луговъ пашенная земля, а за пашенною землею степъ...., а прочая за тѣмъ безводная степь какъ въ нашемъ, такъ войсковыхъ обывателей общемъ состоитъ владѣніи и на тѣхъ земляхъ во многихъ имѣются села и деревни по извѣстному владѣнію и урочищамъ, а у другихъ хутора и сѣнные луга съ обывательми черезъ межу и въ сосѣдствѣ на древнемъ сего народа обыкновеніи. Степь же какъ для весняного, лѣтняго, осенняго, такъ и зимняго времени обще блюдется для пастьбы скота, ибо въ здѣшнихъ мѣстахъ лошади, овцы, а иногда и скотъ рогатой и въ зимнее время, въ степи подъ снѣгомъ добывая ногами кормъ, довольствуется и никакихъ излишнихъ и за удовольствіемъ лежащихъ въ пустѣ земель, подлежащихъ къ описи, нѣтъ, но всѣ тѣ земли за вѣрныхъ предковъ нашихъ и наши службы не по уроку, и противъ великороссійскихъ владѣльцевъ и обрядовъ, но по заимкамъ промежъ себя по раздѣлу, по черкасскому обыкновенію, въ вѣчное владѣніе всемилостивѣйше пожалованы».

Если эти общественныя земли будутъ отняты, писали изюмскіе дворяне, то многіе лишатся своего основнаго дохода отъ степнаго скотоводства. Посему пусть все останется по прежнему, т. е. «кто по

рѣчкѣ сѣнными лугами владѣетъ, то противъ тѣхъ луговъ земля и протчее по другія дачи владѣть, за законъ почитая спокойное и по 765-й годъ указное безспорное владѣніе; такожъ имѣющимъ старшинамъ и ихъ чинамъ и ихъ подданнымъ въ войсковыхъ слободахъ скотинными выпуски, пашенными землями и общимъ степомъ со всѣ-войсковыми обыватели пользоватись во обще и тѣхъ общихъ безводныхъ земель за излишнее наше владѣніе не причитать и оныхъ въ казенныя земли не описывать, дабы подъименованіемъ казенными продажею и по другимъ раздачамъ отъ общества отойтить не могли, и оныхъ якобы въ пустѣ лежащихъ, а единственно нашихъ общихъ земель въ роздачу, кои издревле и всегда въ сей провинціи служили, никому иному не употреблять. утвердить то закономъ». Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такими общественными землями, которыя въ Малороссіи носили названіе *вольницъ* и которыя служили общимъ пастбищемъ для скота. Въ обширной изюмской провинціи такихъ вольницъ было, очевидно, еще не мало и благодаря имъ здѣсь и могло широко развиться степное скотоводство. Симпатичною чертою наказовъ слободско-украинскаго дворянства нужно признать ясно выраженное въ нихъ стремленіе къ просвѣщенію. Ахтырскіе дворяне ходатайствовали о пріемѣ ихъ дѣтей въ такъ называемые добавочные классы харьковскаго коллегіума; здѣсь, по инструкціи губернатору, должны были преподаваться французскій и нѣмецкій языки, математика, геометрія, рисованіе, инженерство, артиллерія и геодезія; неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, въ коллегіумъ поступало много дворянскихъ дѣтей, и онъ отличатся всесословнымъ характеромъ. Сумское дворянство пошло дальше и просило объ открытіи въ Сумахъ университета для дворянъ и городскаго училища. «Какъ во многихъ состоящихъ подъ высокою державою Е. И. В. городахъ учреждены воспитываемымъ дворянскимъ и протчаго званія дѣтямъ училища, отъ которыхъ и немалый плодъ отечеству приносится, а невѣжды и развращенные нравы, суевѣріе, расколы и протчее тому подобное, совсѣмъ къ сожитію благонравнаго народа непотребное, истребляется, то, взирая на толь высокоматерніи Е. В. ко всѣмъ вѣрноподданнымъ изливаемыя щедроты и милости, необходимо нужно есть представить и о семъ, чтобъ повелѣно было и въ здѣшнемъ городѣ учредить училища—первое для благороднаго дворянства, второе—для церковническихъ, подъяческихъ, мѣщанскихъ и протчихъ тому подобныхъ дѣтей, и обучать оныхъ такъ, какъ въ учрежденномъ въ Москвѣ имп. университетѣ и въ городскихъ протчихъ училищахъ

предписано, чрезъ что можетъ произойти, что дворянство, а особливо не весьма достаточные, будутъ имѣть способъ не въ отдаленномъ отъ себя мѣстѣ и не съ такими издержками, какъ до сего происходило, но въ близости отъ домовъ и съ хорошимъ надзираніемъ для наученія дѣтей своихъ отдавать. Да и недостатокъ въ церковнослужителяхъ, разумѣющихъ принадлежащія до церковнаго служенія правила, проповѣдывать слово Божіе и научить простолюдиновъ Закона Божія, во многихъ мѣстахъ поправится. Какая жъ отъ наукъ можетъ въ просвѣщеніи разума послѣдовать польза, всему свѣту извѣстно».

Мы нарочно такъ подробно остановились на наказахъ слободско-украинскихъ дворянъ, потому что они всѣ впервые теперь являются въ печати, если не считать краткихъ и случайныхъ отрывковъ изъ нихъ, приведенныхъ въ книгѣ проф. Ласкина «Законодательныя коммиссіи». Съ нетерпѣніемъ ждемъ того тома «Сборника», въ которомъ будутъ помѣщены городскіе наказы вообще и Малороссіи со Слободской Украйной въ частности.

Д. И. Багалѣй.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ Я. В. Абрамова. Спб. 1891 г. 96 стр. Цѣна 25 к.

Извѣстному издателю Ф. Павленкову пришла въ голову прекрасная мысль—познакомить русское общество съ біографіями и дѣятельностью наиболѣе замѣчательныхъ представителей науки, политики и искусства въ Европѣ и у насъ въ Россіи. Эта своеобразная библіотека начала выходитъ осенью 1890 года и закончится въ теченіи 2-хъ лѣтъ, т. е. въ 1893 году. Однимъ изъ выпусковъ ея является та книжечка, заглавіе которой мы выписали выше. Въ ней помѣщена біографія дѣятеля, имя котораго съ признательностью долженъ вспоминать всякій интеллигентный южанинъ—Василія Назарьевича Каразина, виновника основанія университета въ Харьковѣ. «Огромнѣйшему большинству нашего образованнаго общества, говоритъ г. Абрамовъ, Василій Назаровичъ Каразинъ неизвѣстенъ даже по имени. Здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ самыхъ выразительныхъ примѣровъ несправедливости исторіи... Въ любой европейской странѣ такому человѣку давно былъ бы поставленъ памятникъ, его имя стояло бы на надлежащемъ мѣстѣ въ исторіи, его личность, мнѣнія и дѣятельность послужили бы предметомъ многочисленныхъ историческихъ работъ,

его біографія, наконецъ, сдѣлалась бы настольною книгою каждаго гражданина. У насъ же даже имя этого человѣка неизвѣстно». Немаловажную роль въ этомъ случаѣ играло, по нашему мнѣнію, то обстоятельство, что В. Н. Каразинъ былъ *провинціальнымъ* дѣятелемъ, и полной признательности со стороны всѣхъ читателей (столичныхъ и провинціальныхъ) заслуживаютъ какъ издатель, такъ и авторъ настоящаго сочиненія, за то что они воскресили имя этого забытаго дѣятеля и напомнили о немъ широкимъ кругамъ нашей читающей публики. Г. Абрамовъ правъ, когда говоритъ, что присяжные историки игнорировали дѣятельность В. Н. Каразина (это относится даже къ извѣстному автору «Общественнаго движенія при Александрѣ I-мъ» А. Н. Пыпину); но не правъ, утверждая, что «мы доселѣ не имѣемъ мало мальски связнаго біографическаго очерка, хотя бы чисто внѣшняго, посвященнаго этой замѣчательной личности». Самъ же онъ первымъ своимъ пособіемъ выставилъ «Украинскую старину» Г. П. Данилевскаго, конечно, имѣя въ виду помѣщенную въ ней біографію В. Н. Каразина. Біографія эта въ настоящее время уже не удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ специалиста, но для своего времени она, несомнѣнно, давала не мало, да и теперь еще прочтется съ пользою всякимъ, интересующимся личностью В. Н. Каразина. Будущій біографъ В. Н. Каразина возьметъ ее исходнымъ пунктомъ для своей работы. Покойный Гр. Петр. Данилевскій не былъ, правда, присяжнымъ историкомъ, но его «Украинская старина»—не историческій романъ, а сборникъ настоящихъ историческихъ монографій, имѣвшихъ въ свое время *научное* значеніе и съ этой точки зрѣнія оцѣненныхъ даже нашей академіей наукъ (за эту книгу онъ получилъ Уваровскую премію). И самому г. Абрамову,—что, впрочемъ, вполнѣ естественно—книга Г. П. Данилевскаго сослужила не малую службу. Спрашивается, какъ же послѣ этого г. Абрамовъ могъ сказать, что В. Н. Каразинъ «до сихъ поръ не заслужилъ чести имѣть хоть кое какую біографію, ни какъ ученый, ни какъ общественный дѣятель, хотя въ обоихъ отношеніяхъ онъ представляетъ собою выдающееся явленіе». Самъ г. Абрамовъ ставитъ себѣ скромную цѣль. «Приступая къ составленію настоящаго очерка, говоритъ онъ, мы не задавались цѣлью создать, такъ называемый, солидный трудъ. Подобная работа выходила бы за предѣлы нашей задачи и не соотвѣтствовала бы рамкамъ, поставленнымъ для цѣлаго изданія, въ которое нашъ этюдъ входитъ, какъ часть. Мы имѣли въ виду лишь дать популярный біографическій очеркъ человѣка, столь несправедливо забытаго нашимъ

обществомъ и нашею исторической наукою, и тѣмъ привлечь ихъ вниманiе къ этой оригинальной личности и видному дѣятелю нашей прошлой жизни». Такой цѣли авторъ вполнѣ достигаетъ; мало того, онъ даетъ даже нѣсколько больше, чѣмъ обѣщаетъ. Г. Абрамовъ отнесся къ своему дѣлу очень добросовѣстно и главное съ любовью; онъ познакомился со всѣми *важнѣйшими* источниками и пособiями по избранному имъ вопросу и на основанiи ихъ далъ намъ очень живо и тепло написанный очеркъ жизни и дѣятельности В. Н. Каразина. Если принять во вниманiе то обстоятельство, что значительная часть этихъ матерiаловъ была издана уже послѣ выхода въ свѣтъ книги Г. П. Данилевскаго, и что г. Абрамовъ впервые сдѣлалъ краткую сводку ихъ, то его книжечка прiобрѣтаетъ нѣкоторое научное значенiе, а не является простою компиляцiей извѣстныхъ пособiй. Правда, г. Абрамовъ упустилъ изъ виду кое-какiя существенныя печатныя данныя (въ родѣ, напримѣръ, записокъ Ярославскаго, статьи о. Ник. Лащенка о В. Н. Каразинѣ, какъ помѣщикѣ с. Кручина); правда, онъ не входитъ въ разсмотрѣнiе причинъ различiя во взглядахъ на дѣятельность и личность Каразина; но онъ и не обѣщалъ намъ этого. А между тѣмъ, вообще говоря, его взглядъ на дѣятельность Каразина стоитъ, какъ намъ кажется, ближе къ дѣйствительности, чѣмъ отзывъ спецiалиста историка—В. И. Семевскаго. У г. Абрамова тонъ нѣсколько приподнятый. Онъ не останавливается на отрицательныхъ чертахъ характера В. Н. Каразина, которыя были отмѣчены уже прежними изслѣдователями. Но за то у него получается выпуклая характеристика его кипучей энергической дѣятельности, въ которой онъ опередилъ свой вѣкъ. Г. же Семевскiй несправедливо порицаетъ В. Н. Каразина за то, за что онъ заслуживаетъ похвалы—за его стремленiе облегчить по возможности участь своихъ крѣпостныхъ. Допустимъ, что форма этого облегченiя была несовершенна, носила на себѣ печать «прожектерства», столь присущаго Каразину. Тѣмъ не менѣе ставить ему это въ вину, заподозривать искренность его намѣренiй не приходится; для этого нужны доказательства, а ихъ нѣтъ. Суетливость В. Н. Каразина непрiятно дѣйствовала на его современниковъ, а впечатлѣнiя и отзывы этихъ послѣднихъ не остались безъ влiянiя на нынѣшнихъ изслѣдователей; г. же Семевскiй довѣрился имъ вполнѣ.

Книжечка г. Абрамова достаточно полно рисуетъ намъ дѣятельность Каразина и по прочтенiи ея остается впечатлѣнiе, что виновникъ основанiя харьковскаго университета былъ дѣйствительно богато

одаренъ природою, отличался разносторонним (можетъ быть, даже слишкомъ разностороннимъ) умомъ, широкимъ энциклопедическимъ, но не поверхностнымъ знаніемъ и главное неукротимымъ стремленіемъ къ общественной дѣятельности.

Вся книга состоитъ изъ 8 главъ; въ 1-й и 2-й гл. разсказывается біографія Каразина и излагается петербургскій періодъ его дѣятельности, (приближеніе къ Александру I-му, роль въ образованіи министерства народнаго просвѣщенія); въ 3-й говорится о заслугахъ, оказанныхъ имъ харьковскому университету; въ 4-й объ охлажденіи къ нему императора и внѣслужебной дѣятельности; 5-я посвящена уясненію его отношенія къ крестьянскому вопросу (въ теоріи и на практикѣ); въ 6-й изображается Каразинъ, какъ ученый и хозяинъ, и какъ организаторъ филотехническаго общества; въ 7-й приводится содержаніе его писемъ къ имп. Александру I-му и Николаю Павловичу, результатомъ которыхъ была высылка въ имѣніе; въ 8-й заключительной главѣ сообщаются краткія свѣдѣнія о послѣднемъ періодѣ его жизни. Не всѣ главы отличаются одинаковою обстоятельностью; лучшими мы признаемъ тѣ, въ которыхъ говорится о политическихъ идеяхъ В. Н. Каразина, отношеніи къ крестьянскому вопросу и научныхъ открытіяхъ; заслуги его на пользу харьковскаго университета очерчены блѣдно; личной жизни В. Н. Каразина г. Абрамовъ вовсе не касается и предоставляетъ это сдѣлать будущему біографу, «который будетъ располагать болѣе полными свѣдѣніями». Г. Абрамовъ, основываясь на «Украинской старинѣ», указываетъ, что сохранились «многотомныя записки В. Н. Каразина, которыя предполагалось издать еще въ 60-хъ годахъ, но которыя и доселѣ не появились въ свѣтъ». Но это, собственно, не записки, а громадная переписка В. Н. Каразина; къ сожалѣнію, впрочемъ, она, повидимому, погибла во время одного изъ пожаровъ, посѣтившихъ с. Кручинъ. Что же касается матеріаловъ, «хранящихся въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ», то намъ они неизвѣстны.

Въ заключеніе замѣтимъ, что внѣшность изданія вполнѣ соотвѣтствуетъ его внутреннимъ достоинствамъ. *За 25 коп.* читатель получаетъ изящно изданную на прекрасной бумагѣ книжку, украшенную портретомъ В. Н. Каразина, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Гедономъ. Пожелаемъ самаго широкаго распространенія этому сочиненію; по дешевизнѣ, по легкости и интересу изложенія оно доступно всякому образованному человѣку.

Въ дальнѣйшихъ выпускахъ должны появиться біографіи слѣдующихъ лицъ, имѣющихъ отношеніе къ нашему югу—Гоголя, Пирогова, Шевченка и Щепкина. Не сомнѣвается въ успѣхѣ задуманнаго г. Павленковымъ предпріятія.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, напоминаемъ читателямъ «Кіевской Старины», что при харьковскомъ университетѣ сосредоточенъ сборъ пожертвованій на памятникъ В. Н. Каразину. Для этой цѣли Высочайше разрѣшена подписка по всей россійской имперіи. Сборами завѣдуетъ коммиссія, состоящая изъ четырехъ профессоровъ. Подписные листы высылаются желающимъ. Пожертвованія принимаются и въ редакціи «Кіевской Старины». Фамиліи жертвователей будутъ своевременно опубликованы.

Д. И. Багалѣй.

В. И. Василенко. Мѣстечко Опошня, зѣньковскаго уѣзда, полтавской губерніи. Статистико-экономическій очеркъ.—Изданіе полтавскаго губернскаго статистическаго комитета. Полтава 1889. 40 стр.

Брошюра г. Василенка даетъ богатый и цѣнный статистическій матеріалъ для изученія жизни одного изъ крупнѣйшихъ поселковъ полтавской губерніи. Достоинство этого матеріала увеличивается еще тѣмъ, что собранъ онъ на мѣстѣ лично г. Василенкомъ, сначала въ качествѣ земскаго статистика, а затѣмъ въ качествѣ изслѣдователя кустарныхъ промысловъ. Матеріалъ относится главнымъ образомъ къ 1882 году и заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія относительно землевладѣнія, земледѣлія, жизненной обстановки жителей, торговли, промысловъ (гончарнаго, сапожнаго), рабочей платы и т. д. Къ сожалѣнію только, при обработкѣ этого матеріала, авторъ не выработалъ предварительно опредѣленной системы и предлагаетъ его въ поэтическомъ безпорядкѣ, такъ что для читателя требуется нѣкоторыхъ усилій, чтобы представить себѣ картину, какъ живутъ въ Опошнѣ люди: о постройкахъ, напр., говорится немного при общемъ описаніи Опошни на стр. 9, болѣе же подробное описаніе ихъ почему то заняло мѣсто между земледѣльцами и ремесленниками (стр. 25—27); тамъ же помѣстились свѣдѣнія и о просвѣщеніи въ Опошнѣ [1]); о

---

[1]) Любопытны замѣчанія г. Василенка о переходномъ состояніи Опошни, гдѣ „деревенская простота состязается съ городомъ“: украинская „мóва“ замѣняется солдатско-мѣщанскимъ жаргономъ; свитки—„куцынами“, чемарками, сюртуками; плахты—„спидницями“ и т. д. (стр. 24).

садоводствѣ говорится на стр. 10 и на стр. 36—40; цѣны на продукты разбросаны по всей брошюрѣ, и здѣсь ужь нѣтъ возможности составить себѣ хоть какую-нибудь картину и т. д.

Общій выводъ, къ которому пришелъ г. Василенко при изученіи экономическаго состоянія опошнянскихъ жителей, очень неблагопріятенъ: въ большей части царитъ бѣдность ($63,_7$%) и хозяева имѣютъ не болѣе 3 десятинъ полевой земли; имѣвшихъ отъ 3—6 дес. въ 1882 году въ Опошнѣ было $15,_6$%, а имѣвшихъ больше 6 дес.— $20,_7$%. Сравнивая данныя относительно козачьяго землевладѣнія, добытыя земской статистикой въ 1882 году, съ данными переписи козаковъ въ Опошнѣ въ 1835 году, авторъ разбираемой нами брошюры приходитъ къ заключенію, что «въ теченіе можно сказать полувѣка— бѣдность не уменьшилась, а возростаніе земельнаго обезпеченія незначительной части совершается на счетъ сокращенія пропорціи обычнаго уровня благосостоянія болѣе многолюдной группы хозяйствъ». Въ настоящее время около $^2/_3$ козачьей группы находится въ бѣдности и нуждѣ.

Н. В.

Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій.—Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ въ этихъ уѣздахъ и съ подробными картами ихъ. Собралъ Лаврентій Похилевичъ. Кіевъ, 1887. Стр. IX+305. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Книга г. Похилевича является первымъ выпускомъ обширнаго труда, задуманнаго авторомъ и имѣющаго цѣлью историко-статистическое описаніе кіевской губерніи. Еще въ 1864 году г. Похилевичъ издалъ *Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи*—книгу, въ свое время обратившую на себя вниманіе и увѣнчанную Уваровской преміей. Съ той поры авторъ не переставалъ работать въ томъ же направленіи, собиралъ матеріалы, несмотря на всѣ затрудненія, встрѣчавшіяся ему на пути, на недоступность для него, какъ частнаго человѣка, въ общественныя библіотеки и правительственные архивы, «оберегаемые, какъ онъ выражается, угрюмыми архиваріусами» (стр. I). Но и при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ автору удалось собрать довольно цѣнный матеріалъ для исторіи, главнымъ образомъ, землевладѣнія въ кіевской губерніи и воспользоваться важными документами, относящимися преимущественно къ церквамъ и монастырямъ и хранящимся въ разныхъ архивахъ, частныхъ, церковныхъ, монастырскихъ, въ архивѣ дух. акад. и т. д. Съ этой стороны, ко-

нечно «замѣтки» г. Похилевича (какъ онъ самъ скромно называетъ свой трудъ) чрезвычайно полезная книга.

Архитектура книги очень проста. Начиная съ Вышгорода авторъ разсматриваетъ сначала села кіевскаго уѣзда, затѣмъ переходитъ къ радомысльскому. Подъ названіемъ каждаго села онъ излагаетъ его исторію, если ему удалось собрать хоть какія нибудь историческія или археологическія свѣдѣнія, сообщаетъ разстояніе села отъ ближайшихъ поселковъ, число жителей по вѣроисповѣданіямъ, по сословіямъ, количество надѣльной земли, сумму выкупныхъ платежей, городскаго налога, если дѣло идетъ о мѣстечкѣ или городѣ; сообщаетъ также и о крупныхъ владѣльцахъ. Для примѣра приводимъ описаніе первой попавшейся деревни—Креничъ, кіев. уѣзда: «Креничи,—въ 2 вер. отъ Подгорецъ, и въ 1 отъ Гвоздова, между горами со многими ключами, или креницами, образующими слабый ручеекъ; мѣстоположеніе благопріятствуетъ пчеловодству, которымъ нѣкоторые жители и занимаются съ успѣхомъ. Жит. об. п. 432; евр. 5; рев. 121; над. 478 дес.; вык. 581 р. 29 коп. Кромѣ того Иванъ Порембскій выкуп. изъ над. 6 дес. Универсаломъ Богдана Хмельницкаго 18 августа 1652 года, даннымъ кіевскому полковнику и всей старшинѣ, Креничи вмѣстѣ съ Ходосовкою «*наданы монастыреви паненскому Михайловскому* (т. е. Богословскому, что при Михайловскомъ мужскомъ). Села эти, по соединеніи всѣхъ кіевскихъ паненскихъ монастырей въ одинъ Флоровскій, стали принадлежать этому послѣднему (Акты зап. Рос., V, № 31). А въ универсалѣ Самуйловича 10 августа 1682 г. на имя игуменьи Меланіи сказано, что Креничи «*наданья пана Креницкаго*». Слѣдовательно, до монастырскаго владѣнія Креничи составляли частную собственность. Дѣйствительно, въ 1586 году кіевскій гражданинъ Василій Ходыка купилъ «*у шляхтича Гулевича село Креничи о четырехъ миляхъ отъ замку кіевскаго*»; и съ того времени сталъ именоваться «Ходыкою-Креницкимъ». (Кіев. Ст. 1885, часть I).

Нѣкоторые изъ документовъ, главнымъ образомъ, конечно, тѣ, которые еще не были напечатаны, г. Похилевичъ приводитъ цѣликомъ, какъ напр., поземельные документы Миколинской обители (стр. 40—42), ржищевскаго монастыря (стр. 146—151) и т. д.; другіе только въ извлеченіи или въ пересказѣ. Съ своей точки зрѣнія мы можемъ, конечно, иногда и пожалѣть о такой неравномѣрности, хотя считаемъ несправедливымъ упрекать г. Похилевича: у него была своя опредѣленная цѣль, которой онъ достигалъ, приводя документы во всѣхъ трехъ видахъ. Спасибо и за то, что онъ даетъ.

Статистическую часть мы признаемъ гораздо слабѣе исторической; во первыхъ, черезчуръ мало свѣдѣній даетъ г. Похилевичъ, ограничивая ихъ почти только цифрами о населеніи, земельномъ надѣлѣ, платежахъ и не касаясь другихъ сторонъ жизни, а во вторыхъ не указываетъ намъ источника, откуда онъ заимствовалъ эти свѣдѣнія, въ особенности же свѣдѣнія о народонаселеніи, которыя добыть у насъ на Руси, какъ извѣстно, чрезвычайно трудно. Мы боимся, чтобы въ собираніи этихъ свѣдѣній не участвовали волость и полиція, а потому, пока г. Похилевичъ не укажетъ своего источника, будемъ относиться къ нимъ съ недовѣріемъ.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ указать на особенность книги г. Похилевича, которой желательно было бы не видѣть въ послѣдующихъ выпускахъ его труда. Мы разумѣемъ странное въ концѣ XIX в. пристрастіе автора къ архаизмамъ (вящій, весь, градъ, оный и т. д.). Нельзя пройти молчаніемъ идеи г. Похилевича сблизить славянскія нарѣчія введеніемъ *русскаго* алфавита.

Къ книгѣ г. Похилевича приложены подробныя карты кіевскаго и радомысльскаго уѣздовъ, составленныя по Шуберту, а также и указатели именъ географическихъ, личныхъ и «указатель *нѣсколькихъ* предметовъ, выдающихся и наиболѣе интересныхъ для любознательнаго читателя». Изъ обзора одного только этого указателя можно видѣть, какія любопытныя свѣдѣнія заключаются въ трудѣ г. Похилевича, которому мы искренно желаемъ поскорѣй довести до конца начатое дѣло.

Н. В.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы 5.—Русская Мысль 5.—Сѣверный Вѣстникъ 5.—Русскій Вѣстникъ 5.—Наблюдатель 5.—Русское Обозрѣніе 5.—Русская Старина 5.—Русскій Архивъ 5.—Историческій Вѣстникъ 5.

Русская Мысль V. *А. Я. Конисскаго. Просвѣщеніе въ Галицкой Руси.*—Авторъ подробно излагаетъ успѣхи просвѣщенія среди русиновъ за послѣдніе 20 лѣтъ (стр. 20—41).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ краткіе отчеты о книгахъ: «Журналы и отчеты полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества за 1890 г.», «Задачи сельско-хозяйственныхъ обществъ и кіевское сельско-хозяйственное общество. И. Рева» и «Труды перваго кіевскаго областнаго съѣзда. И. Рева» (стр. 241—242).

Русское Обозрѣніе V. Въ отдѣлѣ Критика и библіографія — статья *В. Майкова*: «Н. В. Гоголь и С. Т. Аксаковъ», въ которой авторъ говоритъ не только объ увлеченіи Аксакова Гоголемъ, но и о вліяніи Гоголя на Аксакова въ его литературныхъ произведеніяхъ (стр. 438—455).

Русская Старина V. *Дневникъ А. В. Никитенко*. Нѣсколько словъ о цензурныхъ затрудненіяхъ при печатаніи статьи Костомарова: «Вѣче въ Россіи» (стр. 389, 414 и 415).

«Т. Г. Шевченко». В. Демича. Авторъ, по словамъ своего дяди—землемѣра Д. Демича, приводитъ краткія свѣдѣнія о пребываніи поэта въ с. Бѣгачѣ, черниговъ. губ., у князя Кекуатова, въ 1847 г., гдѣ, по словамъ Д. Демича, Ш-ко и былъ будто бы арестованъ. У Д. Демича сохранился «аттестатъ» отъ кн. Кекуатова, подписанный между прочимъ и художникомъ Т. Шевченко, а также нарисованная имъ икона (стр. 429—431).

«Т. Шевченко въ Закаспійскомъ краѣ». Родзевича. Приводится нѣсколько характерныхъ эпизодовъ изъ жизни поэта въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи на основаніи оффиціальной переписки, имѣющейся въ г. Асхабадѣ, въ архивѣ штаба войскъ закаспійской области. Переписка касается отсутствія болѣе 3-хъ лѣтъ формуляра Ш-ко, подробнаго разслѣдованія по поводу найденныхъ у него писемъ и стиховъ, отказа нарисовать для церкви Ново-Петровскаго укрѣпленія образа, отказа въ выдачѣ аттестата на званіе свободнаго художника, большаго переполоха, произведеннаго даннымъ Ш-ку комендантомъ крѣпости маіоромъ Усковымъ билетомъ на право свободнаго проѣзда въ С.-Петербургъ, минуя Уральскъ и пр.—Тутъ же указывается, что и до сихъ поръ въ укрѣпленіи есть посаженныя поэтомъ фруктовыя деревья и его «домикъ» (стр. 432—446).

Замѣтка Неклюдова о портретѣ Т. Г. Шевченко, написаннаго имъ самимъ въ 1859 г. Портретъ, доставшійся Неклюдову отъ Быковскаго, полученъ этимъ послѣднимъ отъ Дзюбика, которому подаренъ самимъ Шевченкомъ (стр. 447).

«Очерки и воспоминанія» Н. М. Колмакова (продолженіе). Указаніе на неудачное профессорство Н. В. Гоголя въ с.-петерб. у-тетѣ (стр. 460—461).

Бѣлозерская «Вас. Троф. Нарѣжный». Продолженіе біографіи (Р. Стар. № 9, 1890 г.) этого извѣстнаго общественнаго дѣятеля начала XIX вѣка и писателя, бравшаго сюжеты для своихъ произведеній изъ южно-русской жизни и исторіи (стр. 471—487).

Въ замѣткахъ—приведено письмо гетмана Мазепы къ Меньшикову отъ 1704 г. по поводу даннаго ему порученія найти подходящаго священника для Шлиссельбургской церкви (стр. 498).

Историческій Вѣстникъ V. *Воспоминанія С. В. Скалонъ*, рисующія бытъ и образъ жизни помѣщиковъ Малороссіи конца XVIII и начала XIX вѣка, въ частности жизнь и личность извѣстнаго вельможи и сподвижника Александра

1-го Д. П. Трощинскаго и отца г жи Скалонъ В. В. Капниста, бывшаго при Екатеринѣ II-й кіевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а потомъ генеральнымъ судьей въ полтавской губ., очень любившаго свой родной край и заботившагося о благосостояніи его населенія. Тутъ же посвящено нѣсколько строкъ Ник. Вас. Гоголю—въ дни его ранней молодости (338—367).

Въ отдѣлѣ критики—краткій отзывъ о книгахъ: «Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ...» Бублика, изд. 2-ое и «Козаки. Донцы. Уральцы. Кубанцы. Терцы. Очерки изъ исторіи старокозацкаго быта». Абаза (стр. 494—496).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ редакціи журнала „КІЕВСКАЯ СТАРИНА“ поступила въ продажу книга:

ЧТЕНІЯ
въ
Историческомъ Обществѣ Нестора-Лѣтописца.
КНИГА V.

Кіевъ. 1891. Стр. V+3+182+227. Цѣна 2 руб. 50 к. Съ пересылкою 2 руб. 75 коп.

Отъ редакціи газеты „ЗАРЯ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на иллюстрированное описаніе

ФРАНЦУЗСКОЙ ВЫСТАВКИ
въ Москвѣ.

(REVUE ILLUSTRÉE DE L'EXPOSITION FRANÇAISE A MOSCOU).

Комитетъ Французской Выставки предоставилъ редакціи право печатать всѣ касающіяся Выставки свѣдѣнія, описанія, картины, планы, рисунки и проч.

„Иллюстрированное Описаніе Французской Выставки въ Москвѣ“ выходитъ еженедѣльно, особыми приложеніями къ газетѣ „ЗАРЯ“, въ большомъ форматѣ, по образцу лучшихъ парижскихъ изданій, съ роскошными картинами въ краскахъ, съ рисунками и портретами, на веленевой бумагѣ, на русскомъ и французскомъ языкахъ. Вмѣстѣ взятыя, эти приложенія составятъ роскошный альбомъ выставки.

Подписчики на газету „ЗАРЯ“, желающіе получать означенныя особыя приложенія, благоволятъ на упаковку и пересылку ихъ доплачивать особо 3 рубля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Отдѣльно на „Иллюстрированное Описаніе Французской Выставки въ Москвѣ“ безъ газеты „ЗАРЯ“:

	Въ Россіи.	За границу.
На все изданіе	5 р.	7 р.

На газету „ЗАРЯ“ съ книгами и „Иллюстрированнымъ Описаніемъ Французской Выставки въ Москвѣ“:

На годъ съ 1-го января. .	9 р.	15 р.
На 8 мѣсяцевъ съ 1-го мая. .	7 р.	12 р.

На газету „ЗАРЯ“ съ книгами съ доставкой и пересылкой:

На годъ съ 1-го января .	6 р.	10 р.
На 8 мѣсяцевъ съ 1-го мая.	4 р.	8 р.

Требованія адресуются: въ Москву, въ главную контору газеты „ЗАРЯ“—Петровка, домъ Кредитнаго Общества, при типографіи И. И. Родзевича.

Дозволено ценз. Кіевъ, 15-го іюня 1891 г.

(Іюнь) 23. Неделя. На службу Божую приехалемъ въ Смѣлое, где, куповавшого жито Андрѣя призвавши, увѣдомилемся отъ него, что подводи, виправленніе зъ дому по жито, взяли тутъ, въ Смѣломъ, жита четвериковъ 40, а осталось еще купленного у его 2 четверики, а буромского тутъ въ дворѣ 3. Еще жъ грошей у его осталось отъ покупки житной 20 зол. На дорозѣ, едучому мнѣ въ Роменъ, оттуду посланніе ко мнѣ указы колежскіе 3, о поташѣ одинъ, о откупѣ зборовъ другій, а третій о недѣйствіи безъ подпису колежского унѣверсаловъ правителскихъ въ генералнихъ дѣлехъ, врученни мнѣ стали.

24. Отправленъ почтарь въ Глуховъ зъ писмами до ясневел., и до брегадир., о овощахъ къ нимъ посланнихъ, а до паней особливе отъ мене, о виправѣ, висилаючойся до Царичина. До домашнихъ моихъ писалемъ, приказуючи кухву оковитой горѣлки здѣлать и въ барила перелить. Туда жъ отсель послалемъ коробку зъ 100 трубками пѣнковими, барилко вина полинного. Оттоль велѣлемъ прислать отласъ рожевій, булдинокъ паръ 4 и пару карабѣнеровъ. Грошей моихъ, присланнихъ прежде до п. асаула полкового, 40 рублей, а теперъ обискавшихся у п. атамана роменского, отобравши, далемъ Якову Дубровѣ, онъ далъ Плетюнцѣ до тихъ 70 рублей и другихъ отъ его даннихъ.

25. Виправленъ сторожъ поліовій сенецкій Джикгилъ въ Глуховъ, зъ писмами двома до старшини енер., о виправу енералную въ Терекъ упоминаючися. Другое о графскомъ приказчику, возбранившомъ ревѣдовать козаковъ въ Константиновѣ [1]) и о присланню подорожной отъ правителей. Особливе до коллегіи доношеніе послано черезъ его жъ отвѣтное, о полученнихъ 3 указахъ: объ откупѣ зборовъ, о недѣйствіи по указахъ правителскихъ о генералнихъ дѣлахъ, безъ подпису колежского писаннихъ, и о поташу. Писалемъ до паней своей о присилцѣ декокту и до Столповского о вѣдомостяхъ. Писалемъ до п. обозного, чтобъ пріехалъ въ Роменъ для общого совѣту,

---

[1]) М. Константиновъ, роменск. уѣзда, послѣ Мазепиной измѣны, подарено было Петромъ В. графу Головкину.

якъ артиллерію и инші дѣла полковіе споражать. Писалемъ до п.п. сотниковъ о присланню вѣденя о зборахъ ратушнихъ и о расходахъ онихъ, прежде нинѣшного указу шедшихъ на ратуши. До чорнуского п. сотника писалемъ о пѣщанскомъ человѣку, служившомъ при Грикгорашу, подъ часъ коммиссарства полкового, а теперъ атаманомъ тамошнимъ обиженнимъ. Праздновали день государева коронованія. По молебнѣ бувъ въ дому Бакѣева зъ товарищи и, по 2 чарки водки випивши, розийшлись по домахъ.

26. Послалемъ 4 кухви горѣлки при Андрѣю кролевецкомъ, зъ которихъ одну дать въ Лохвицѣ на шинкъ писалемъ до стар. лучанского, а зъ тихъ трехъ: одну въ Сухоносовцѣ, другую въ Лубняхъ, а третюю въ Кривой Рудѣ, для косарей, на шинкъ опредѣлити, о чомъ до Орановского писалемъ. До Занковского о приездѣ его въ Роменъ и о доправленню грошей покуховнихъ отъ шафара, 200 зол. и килкохъ шагъ, и чтобъ увѣдомился о двохъ палубцяхъ, робившихся для потреби моей въ Буромли. Зборщики полку всѣхъ сотенъ, отпущенніе зъ Глухова, являлися всѣ у мене и инструкцѣи, собѣ въ коллекгіи данніе, показовали. Худолѣй мимоездомъ въ Гадячъ бувъ у мене. Полубціовъ на двохъ колесахъ привезено пару, неокованнихъ и необбитихъ, зъ Александровки [1]).

27. П. Андрѣй, швакгеръ, зъ Михайловки [2]) едучи въ Чернѣговъ, мимоездомъ бувъ въ Ромнѣ и въ дому. П. Андрѣй, братъ, приехалъ зъ Сумъ въ Роменъ, зъ братовою. Укази въ всѣ сотнѣ послалемъ зъ обстоятелнимъ виражённемъ, якъ готоватись и якій приборъ повинни мѣти козаки и самимъ п. сотникомъ онихъ аппробовать. Послалемъ въ Глуховъ до паней своей, черезъ почтара нашего роменского, грошей рублей 30, да писалемъ до правителей два листи: еденъ о козакахъ, повернувшихся зъ Дербенѣ, якъ висилать ихъ въ походъ настоящій, а другій о бунчуковихъ, что онихъ тилко есть, сколко въ реестрѣ, оттуду присланнимъ, найдуется виражённо, цедулъ двѣ: 1, о Чигириндубровѣ, где не могутъ на стоячій въ

---

[1]) Село лубенскаго уѣзда.

[2]) Село лебединскаго уѣзда, харьковской губ., принадлежавшее Полуботку.

лакгерѣ полкъ, дровъ настатчити, 2, о вѣденіяхъ дворовъ, шедшихъ до ратуша прежде вновъ принесенного указу. До ясневел. писалемъ и листъ отъ оной, писанній до императрици, включилемъ. П. Петру Калениченку реестръ далемъ купить мнѣ въ Шліонску флинту и пару пистолетовъ гладкихъ, и ладовничку.

28. Родителка послала воловъ 10 своихъ, а я 4, и вручили п. Петру Калениченку продать въ Шліонску, що учинити и обѣщался. Федора Юрченка зъ Демяномъ и Плетюнку зо всѣмъ отправили въ царичанскую дорогу. Федору зъ Демяномъ вручено: возовъ 7 воловихъ, кождій возъ по 4 воли, а въ тихъ возахъ, кромѣ харчи данной имъ, тютюну каменей 100, горѣлки простой 4, а оковитой 4 кухви, зъ якихъ куховъ попересипали въ барила, а барилъ всѣхъ 25, але и въ простіе 4 кухви, повсипали во всякую кухву по 2 носатки горѣлки оковитой; пшона четвериковъ роменской мѣри 9 и золот. сто; и сіе злѣценно Юрченку зъ Демяномъ. Плетюнцѣ зась дано грошей черезъ Якова 110 рублей: 10 рублей на проходъ, а 100 на купленне риби и соли въ Царичинѣ, зъ чимъ мѣетъ онъ назадъ вскорѣ и повернутись. Стар. Засулскій, бувши у мене, обявилъ, что въ пасѣцѣ моей на Плавинищахъ, 15 роювъ уже. Въ Сухоносовку до Орановского послали 6 воловъ. Въ Царичинъ пойшло воловъ: подъ возами 28, а про запасъ два, и того 30, а коней рижихъ двое. Бувъ въ пасѣцѣ и оглядѣлемъ старой пчоли 34, а роевъ 17, у Плавинищахъ. Зъ Чорного Яру, мая 26 отпущенній, Черевко приехалъ въ Роменъ и листи попривозилъ.

29. Праздновали день ангела государевого: въ церквѣ молебенъ отпѣли соборомъ и на ономъ 3 рази зъ пушокъ стрѣляли; по молебнѣ, господинъ Бакѣевъ зъ товарищи въ дому бувъ и, по 3 чарки водки випивши, отишолъ. П. обозній рано явился мнѣ, зъ которимъ, тако жъ и зъ п. писаремъ полк., уговорили написать по сотняхъ, жебы отъ вдовъ, немогучихъ висилать цѣлого козака въ походъ надлежащій, по коню взято подъ артиллерію полковую. Особливе коней купить за гроши полковіе. Принесенъ правителскій листъ, чтобъ юля 5 прислать въ Глуховъ извѣстіе, сколко въ полку лубенскомъ поставлено маяковъ и где и по сколко козаковъ при

онихъ обрѣтается. Зъ Глухова повернулся . . . . (?) зъ листамы, виешенамѣненнимъ правителскимъ и другимы.

30. Неделя. Казѣмиръ, слуга, посланній до родителя зъ лѣкарствами, повернулся назадъ. П. Кочубей и п. Трощинскій пизно приехали въ Роменъ, для ревизѣи всего полку. Писалемъ до п. сотниковъ о коняхъ подъ артиллерію, жебы у вдовъ побрать и прислали бъ до п. обозного.

Юль. 1. Орановскій приехалъ и о мѣдѣ взятой собою, говорилъ, что зъ оной въ Лубняхъ дѣлаютъ глеки и проч., а мѣди камень 1. П. Михайло батуринскій бувъ у мене, которому жита дать казалемъ четвер. 4. Взаимную въ контроверсѣяхъ зъ п.п. Кочубеемъ и Трощинскимъ, листовную въ Ромнѣ, имѣлисмо корресподенцѣю. Бувъ городничій бодаквянскій зъ листомъ отца ігумена Михайловского кіевского просителнимъ о уменшенне стоялцовъ великорос., до которого отписалемъ.

2. Указъ въ потверженне другихъ указовъ, данъ атаманови роменскому, виганять людей до роботи валовой. П. суддѣ покойного синъ Яковъ приехалъ о чолобитчику лукомскомъ претендуючомъ много дечого, прося наставленія, що зъ нимъ чинити. Орановскому вмѣсто коней, данихъ прежде ему, въ перемѣну другихъ казалемъ дать. Попадя короваевская привезла унука своего и листъ отъ старости короваевского, въ якомъ ознаймуетъ о кобилахъ 12, отогнанихъ моихъ въ Кривую Руду, зъ которихъ лоша у дванадцятой здохло.

3. Комисаръ Григорій пріехалъ въ Роменъ, зазванній для ревѣзіи. Дацѣй лукомскій явился. До короваевского старости отписалемъ о виданне коня и харчевихъ рѣчей. Василь, молодикъ великій, виехалъ сего вечора у царичанскую дорогу. У Падка (?) меду купили вѣдерко по 9 зол. до вимѣру.

4. До п. сотника чорнуского писали, отвѣтуючи, чтобъ по прежнему зъ того человѣка папѣръ видаванъ былъ на росходи ратушніе, зъ которого и прежде видавалась, и приказуючи, жебы на жалобу Пѣщанского, служившого за писарчика при Григорашу, присилалъ конечне сюда атамана Пѣщанского. Повернулся сторожъ

зъ Глухова зъ листомъ отъ старшини енер., въ которомъ отвѣтуютъ, что промеморія еще не прислана въ канцелярію зъ коллекгіи—ежели висилать осталнихъ къ Дербенѣ или нѣтъ? И о томъ предложено въ листѣ томъ же, что бимъ готовался до походу. Тогда жъ указъ присланъ зъ енер. канцеляр. ко мнѣ, чтобимъ отобравши у сотниковъ репорти, сколко козаковъ до походу будетъ готовихъ, а сколко за скудостію въ домахъ останется, посилалъ до Глухова въ канцелляр.

5. Зъ пасѣчникомъ своимъ тутейшимъ плавинскимъ, уговоръ учинилемъ при п. писареви полковомъ: за лѣто все, поколь ховаетъ въ имшаникъ пчоли, дать ему грошей копъ 5, да харчъ наша, для чого и задатку далемъ таляра оному теперъ. Видѣлемся зъ Кочубеемъ. Послани укази до всѣхъ п. п. сотниковъ, чтобъ заразъ репортовали мене, сколко готовихъ, а сколко неготовихъ козаковъ до походу указанного. По жалобѣ Терновского, жителя сотнѣ лубенской, писано до старшини тамошней, жеби присилали сюда злодѣя, укравшого у него нѣкоторіе вещи, купно зъ тимъ, которій оніе переховувалъ.

6. Александръ пригналъ коней зъ футора Криворудского 4: сивострокатого, вороностратого, рижострокатого и голого, лошаковъ четвертаковъ. Орановскій отехалъ въ Сухоносовку, черезъ Глинскъ, где мѣлъ отъ паней судіиной отобрать грошей рублей 30, даннихъ зимою на жито.

7. Неделя. Оберъ фискалъ повернулся зъ Кіева, отъ князя Трубецкого, и видѣлся зъ мною въ церквѣ. П. сотникъ наказн. глинскій приехалъ и привезъ .....говъ (?) 5. П. Леонтія Янковского виправилемъ въ Волошиновку, куди зъ Лохвицѣ мѣлъ приехать и Григор. Остапенко, коммиссаръ, розискать про подданнихъ паней суддѣной и п. сотника глинского etc. По жито подводи прійшли зъ Глухова.

8. Виправлени зъ житомъ подводи, на которіе наложено жита четвер. 60, а вола одного въ позику зъ Засулля взяли, для того что не было одного вола, затимъ що при виходѣ ихъ зъ Тулиголовъ захоровалъ. Бондарцеви Остапу данъ указъ, жебы артил-

лерію спорaжалъ до походу. П. п. Івану Остапенку и Петру Верещацѣ данъ указъ ехать до п. п. ревизоровъ, на мѣсто сотника наказного Савуска. Писалемъ до Данила Кулябки и Григорія, писар. лубенского, жеби зехали въ Юсковцѣ и розискали заводъ мѣжи тамошними людми и трембачемъ.

9. Приехалъ человѣкъ господина Чечерина, коммендант полтавского, зъ указомъ отъ коллекгіи малороссійской, жеби жида Лейбу и двохъ воровъ колодниковъ, людей его Чечерина, посилать въ Глуховъ. Повернулся зъ Сорочинецъ слуга п. Скоропадского Павелъ и подалъ мнѣ писмо отъ Луки француза, о его сюда прибытіи.

(Засимъ вырванъ листъ).

19. Ездилемъ до пасѣки своей на Плавинище, где опрочъ старой пчоли 34, показалось роевъ 48. Послали укази во всѣ сотнѣ — о перестереганню полтавцовъ, а барзѣй переволочанцовъ и щобъ безъ указу . . . . (?) не пропускать.

20. Коней двое своихъ продалемъ верховихъ, вороностровкатого за 55 зол. да рижестрокатого за 50 зол. Бандурка зъ Кухтикомъ утекли.

21. Недѣля. Воловики по жито зъ Глухова прійшли. Бандурку и Кухтика зискано. Въ Глуховъ по самую (жену Марковича?) послалемъ конѣ черезъ Леска сторожа; черезъ его жъ послалемъ и доношеніе родителское въ малороссійскую коллекгію, зъ экскузацѣею о умедленіи и оное, жеби далъ въ коллекгію, писалемъ до чорнуского п. сотника, туда жъ поехавшого. Зъ Астраханѣ, отпущеніе роменцѣ отъ родителя, Бувшенко, Томенко и Билимовъ зять, повернулись и прибули въ Роменъ и писма попривозили.

22. Листъ черезъ тихъ же зъ Астраханѣ отпущенних до п. миргородского [1]), писанний зъ Царичина, отъ брегадира Шамардина принесенній, послалемъ въ Сорочинцѣ, черезъ сотника ярековского Коломина, черезъ его жъ и до Луки писалемъ и до самого п. миргородского. П. полковнѣкова сумская у вечеру отехала въ

---

[1]) Полковника миргородского Данила Апостола, будущаго гетмана.

Суми. До Кочубея написалемъ отвѣтъ; и до Обозненка и Криштопенка писалемъ, чтобъ они имъ присутствовали. Зъ Глухова приносени двѣ писма правителскіе о Кочубею и Трощинскомъ, писанное зъ нарѣканнемъ одно, а другое о приборѣ въ походъ. Хлопцямъ и Мартину покрояно суннѣ. Бандурка и Кухтикъ наказаніе за побѣгъ понесли.

23. Коня сивого купилемъ у Гудима старого, ценою за 90 зол., при битности брата п. Андрея и отца Александра Кролевецкого и другихъ слугъ. Жидовъ, на Дяченкову за проданній другимъ тютюнъ скаржившихся, росправилемъ, такожъ и Цися зъ супплѣкантомъ голѣнскимъ. Пожаръ близъ Николая свят. учинился у вечеру, але толко одна згорѣла хата, где дракгуне въ мѣсто того, чтобъ розривать хату, людей били и рабовали. Желѣза купилемъ полъзвязки и 6 фунт. родзѣнокъ. До Константинова зъ листомъ правителскимъ посилалемъ Котлубая.

24. Городничимъ устроилемъ Нестора и наказъ пунктами ему далемъ, якъ и чого смотрѣть. Воловики зъ житомъ въ Тулиголови посланни и черезъ нихъ послано 14 колѣсъ воловихъ и въ кучцѣ (клѣткѣ?) 2 пари огаровъ и о томъ до Остапа писано; а взято жита зъ ями тутъ 39 четвериковъ, пожичили у Василя писара 15 четвериковъ, а мѣли взять въ Смѣломъ 6 четвериковъ. Зъ Глухова писма принесени правителскіе: о дачѣ возовъ компанѣйцамъ, отъ самой и господара о поведеніяхъ домовихъ, и привозѣ лагонского вина въ Глуховъ зъ Березной. Отъ правителей доношеніе зъ поправкою назадъ прислано.

25. П. бунчучній зъ обознимъ прилуцкимъ и Столповскимъ канцеляристою, переехали Роменъ и поехали черезъ Сорочинцѣ чили Гадячъ, въ Ахтирку, до князя Михайла Михайловича Голицина. Греки купци були у мене зъ протестомъ на индуктарей, же у нихъ не по давнемъ обикновенію индукту взимаютъ и для того въ Свѣнскъ на ярмарокъ не поехали, але протестъ учинивши и подписавши своими руками, дали мнѣ. Прикажчикъ константиновскій бувъ у мене и говорилъ, что писано къ нему отъ правителей

нашихъ о зборщикахъ, жеби тамъ устроени били, а то по колежской промеморіи.

26. Г. генералъ маіоръ Роппъ переездомъ зъ Варви до Гадячого бувъ въ Ромнѣ и, часъ одинъ чили другій забавивши, и отехалъ почтою, а за почту прогоннихъ денегъ не платилъ. Малъ бувъ контентъ зъ господи, якая показанна була въ дворѣ п. суддѣной. Родителка до Андріевки виехала. Торгъ зъ жидами на тютюнъ учинили, подлѣйшій по 2, а лутшій по 3 зол.

27. Зборщиковъ два прислано на перемѣну зъ Лукомля и зъ Пѣратина. Раховано гданчанъ [1]) Чернѣцкого, Алексѣя, Якова и Селецкого, а раховали отецъ Савѣцкій, Яковъ дозорца, сотникъ наказ. Савуско и атаманъ Гѣня. Зъ Криму родителскихъ прійшло 5 возовъ зъ товарами. Указы знову послани въ сотнѣ о крайней готовности въ походъ. До Орановского о разныхъ интерессахъ, а до стар. буромского о палубахъ отвѣтъ, и до другихъ, до Леонтія и до Мацковского Василя, о видачѣ харчи на Кривую Руду писано.

(Засимъ вырванъ листъ или два).

Августъ. 24. Всѣ полки князь рано ревѣдовалъ, радемъ поставивши пѣшо и велѣвши стрелять имъ [2]). По ревѣзіи обѣдалъ у миргородского [3]). По обѣдѣ, комменду вручилъ миргородскому. Сотникъ сенецкій князеви супплѣку на мене подалъ, за посаженне его на армату, якую князь вичитать велѣвши, казалъ помиритись. После князь заездилъ до гадяцкого и прилуцкого полковниковъ, где немного посидѣвши, и отехалъ къ Красному Куту, 4 часа зъ полдня, а приехалъ въ Красній Кутъ 10 часа. За нимъ и я поехавши ночовалемъ, не доехавъ Красного Кута, на полѣ.

25. Недѣля. Приехалемъ у Красній Кутъ рано и, бувши у князя, обѣдалемъ зъ нимъ. Тамъ же изъ полковникомъ ахтирскимъ Лесевицкимъ видѣлемся и зъ полковникомъ Ларіоновимъ. По обѣдѣ

---

[1]) Возвратившихся изъ поѣздки въ Гданскъ (Данцигъ).

[2]) Говорится о смотрѣ козачьяго войска княземъ М. М. Голицынымъ на Коломакѣ. См. Русск. Арх. 1880 г., I, 195.

[3]) Т. е. миргородского полковника Апостола.

зъ Краснаго Кута за княземъ поехалемъ и дорогою едучи, о своей нуждѣ ему говорилемъ; и зъ нимъ же передъ вечоромъ приехалемъ въ Каплуновку; а передомъ стрѣлъ насъ полковникъ Загрязкой кіевского полку тамъ стоячого. Булисмо зъ княземъ у вечернѣ, а по вечернѣ бувъ за князя молебенъ, а по молебнѣ чудотворной иконѣ всѣ прикладовалися. Церковъ и иконостасъ хорошіе. Сотникъ балаклієвскій Лѣсаневичъ да писаръ полковій Узюмского полку були передъ княземъ и супплѣку дали на полковника узюмского Гахалстрова (?). Старшина енералная пріехали въ обозъ до Коломаку.

26. Муштровалъ князь полкъ кіевскій и конно и пѣшо, часовъ зъ 6. По муштрѣ, обѣдали у полковника Загрязкого. По обѣдѣ, поехалъ князь въ Ахтирку, за которимъ и я поехалемъ зъ Загрязкимъ и, опровадивши его за верстъ 5, пожекгналисмо и вернулися назадъ. Князь, при отклонѣ моемъ, милостиво мене отпустилъ. Ночовалемъ на той сторонѣ Красного Кута. Старшина енер. пріехавши въ обозъ, а не заставши князя, поехали за нимъ въ Ахтирку.

27. Обѣдъ мѣлемъ переехавши Красній Кутъ, куда пріехали писаръ полк. Савѣцкій и сотникъ сенецкій и сказали, что едутъ зъ супплѣкою, данною отъ ихъ миргородскому по приказанню миргородского жъ, и зъ мною обѣдали. Приехалемъ заранни до Буцкого броду сюда, и заехалемъ первей до прилуцкого полку, къ п. п. суддѣ и сотнику полковимъ, и взялемъ оттуду для свѣдителства сюди, въ лубенскій полкъ, Березинского. Пришли ко мнѣ обозній полковій и всѣ сотники и когда спиталемъ оныхъ про супплѣку, на мене написанную отъ нихъ до миргородского, первей обозній, а потомъ сотникъ чорнусскій, а послѣ и всѣ сказали, что они такой супплѣки не хотѣли писать, жебы мнѣ отставленну быти отъ комменди, тое жъ и не подписовалися бъ, але мусѣли тое учинити зъ принужденія миргородского п. полковника, которій того вечора, якого князь отехалъ, призвавши всѣхъ лубенцовъ до себе, публѣчно лаявъ родителя моего, а посля приказалъ, жебы конечне написали на мене супплѣку, сказавши и тое, же если не напишутъ и не подпишутся, то онъ ихъ въ такіе заженетъ тарапати, що

трудно имъ війти будетъ, о чомъ я того жъ вечора, писалемъ до князя, до аттютанта Шипова и до Бирулева. Вечералемъ у лохвицкаго сотника зо всѣми.

28. Бувъ я рано у миргородского, которій ласкавъ ко мнѣ оказался. Обѣдалемъ у суддѣ миргородского. Холодовичъ отъ п. полковника нѣжинского передомъ пріѣхалъ, зъ которимъ у п. п. суддѣ и сотника полковихъ прилуцкихъ булисмо. Такъ же у Галагана, а оттоль у п. Стефана Миклашевского, где при мнѣ и сотникъ чернускій бувши явне тое говорилъ повторе, что приказовалъ онимъ миргородскій писать на мене супплѣку и же бранилъ родителя. Стаховичъ вечералъ и ночовалъ у мене.

29. Чернѣговскій полкъ прійшолъ. Ездилемъ зъ чернускимъ сотникомъ до п. Миклашевского, где многая о томъ же говорилъ при п. Миклашевскомъ; зъ нимъ же пріехавши въ обозъ, обѣдалемъ. Писма, до правителей отъ мене писанніе, знову зъ Ромна ко мнѣ прислано, и отъ Василя, писаря, грошей зол. 100 на служителей войсковихъ. Передъ вечеромъ полкъ нѣжинскій прійшолъ и я тогда жъ бувъ у нѣжинского п. полковника. Писалемъ до родителки о своей нуждѣ.

30. Писаръ и сенецкій (сотникъ) отъ князя повернулись; тако жъ и Гаврило молодикъ повернулся, зъ отвѣтомъ до мене княжимъ, же онъ не имѣетъ безъ изслѣдованія причины отставлять мене отъ комменди. Обѣдалемъ у нѣжинского зъ гадяцкимъ. Максимовичъ у вечеру передъ нѣжинскимъ говорилъ тое, что миргородскій велѣлъ супплѣку писать и бранилъ отца моего.

31. Отправилемъ 3 человѣка въ Роменъ и чрезъ нихъ писалемъ до коллекгіи о томъ, что обозній не вернулся въ Роменъ для правленія полкового, хочай ѐму и говорилемъ. До прокурора пространно, а до ясневелможной кратко, о своей нуждѣ писалемъ. До Занковского о удержанню ся его тамъ. До писара глух. о ревѣзѣи сенецкой, до господара пунктовъ нѣсколконадцять, о интерессахъ домовихъ. По обѣдѣ у гадяцкого зъ нѣжинскимъ булисмо, а потомъ зъ нѣжинскимъ и у мене були п. п. суддя и сотникъ пол. прилуцкіе.

Септевр. 1. Неделя. У нѣжинского полковника бувъ банкетъ, але толко миргородскій да прилуцкій полковники не були. Листи

зъ Астраханѣ отъ отца, отпущенніе 7 и 12 юля, принесенни ко мнѣ зъ Ромна. Стародубскій полкъ прійшолъ.

2. Писма писалемъ до родителя въ Астрахань и до родителки о своемъ поведеніи. Обозній, бувши у мене рано, говорилъ тое, что оному приказовалъ миргородскій, жебы отпустить отсюду лукомского атамана да жебы тамъ атаманомъ не бувъ, але инного бъ избрано.

3. У нѣжинского пол. обѣдалемъ. Миргородскій листъ отъ старшини енер. и 2 супплѣки присилалъ до нѣжинского, жебы подписался о избраніи гетмана и отставцѣ зборовъ писанніе. Заездилемъ до прилуцкихъ (старшинъ), а оттоль до Миклашевского. Соколничій зъ Ромна пріехалъ зъ писмами, обявляючими тое, что присланъ въ Роменъ зъ коллекгіи указъ зъ солдатомъ взять нѣкоторихъ людей родителскихъ до коллекгіи респектомъ зборовъ.

4. Пѣлули пуркгуючіе, у Алвиза взявши, пріймалемъ. Козакъ полтавского полку, бувши у мене, сказовалъ, что родитель мѣвъ по Преображеніи на море пойти. П. Григор. швакгеръ бувъ у мене.

5. Писма отправлени черезъ Леска сторожа въ Роменъ и грошей зол. 100 до панеи моей зъ писмомъ. До брегадира, прокурора и Кошеліова о взятихъ зъ Ромна людяхъ дворовихъ въ коллекгію взглядомъ зборовъ. Тогда жъ и до родителя въ Астрахань. Присилалъ миргородскій асаулу свого полкового Семена, что бимъ до его ехалъ зо всею старшиною. Тогда жъ бувъ я у его и подписался на супплѣцѣ, але подписавшись, говорилемъ о нѣкоторихъ термѣнахъ, что оніе досадни кажутся, вмѣсто протесту.

6. Писаръ пол. Савѣцкій приносилъ рано ко мнѣ супплѣку другую до п. миргородского писанную и подписанную отъ старшини, на якій я не подписалемся [1]). Почтарь зъ Ромна пріехалъ зъ листомъ Янковского, которимъ змѣнкуетъ, что отобранъ Бекетовимъ у Гадячу провіянтъ, привезенній зъ полку лубенского. Тотъ же почтарь привезлъ вина полинного барилко и барило пива. Зарудній пріехалъ. Грошей по лѣчбѣ Якова показалось 150 зол., якіе въ

---

[1]) Говорится объ извѣстныхъ „Коломацкихъ челобитныхъ", напечатанныхъ въ приложеніи къ Кіевск. Стар. 1890 г., стр. 102—110.

скринку вложилемъ. Трембачамъ роздати гроши казалемъ и для того 100 зол., присланнихъ зъ Ромна, отдалемъ черезъ Городиского и Худолѣя обозного, которій и подавалъ по части, оставивши у себе 60 зол.

7. Соколничого отправилемъ и ему жъ вручилемъ листи до родителя, отъ мене и нѣжинского п. полковника писанніе и отъ его жъ до сотника глуховского. Лубенскій сотникъ пріехалъ въ обозъ. Обѣдалисмо у глинского наказного сотника.

8. Неделя. Служби Божой слухалемъ у нѣжинского; по обѣднѣ зъ прилуцкимъ полковникомъ були въ наметѣ, а потомъ поехалисмо до гадяцкого и тамъ всѣ обѣдалисмо.

9. У миргородского бувъ я рано и, мало посидѣвши, отійшолемъ. Коней 120 нѣжинского полку, короповской сотнѣ, у ночѣ зпужались и разбѣглись, але потомъ обискались. Обѣдалемъ у нѣжинского. По обѣдѣ ездилемъ до швакгра п. Григорія, оттоль до п. п. Миклашевскихъ, где въ карти игралемъ и вечералемъ у п. Стефана. Укази 2 принесенни у вечеру, отъ малороссійской коллегіи зъ Глухова отпущенніе, зъ которихъ въ одномъ предлагается тое, чтобъ хто хотѣлъ покупалъ медъ зборній десятинній [1]), а въ другомъ, якъ пенку (пеньку́) дѣлать и укази въ обоихъ тихъ указахъ для для публѣкацѣи всенародной включенни.

10. Почтара, которій сюда привозилъ пиво да вино, отпустилемъ назадъ зъ писмомъ, а зъ нимъ и Данила татарина захоровавшого. Стрелцовъ человѣка 9 послалемъ для добычи въ степъ. П. Григорій швакгеръ обѣдалъ у мене зъ п. судденкомъ нѣжинскимъ Василемъ и другими.

11. Черезъ слугу п. полковника нѣжинского, писалемъ въ Глуховъ до ясневелможной и до своей жени. Обѣдалемъ у нѣжинского полковника. Игравши въ карти, програлемъ 3 рублѣ.

12. Обѣдалемъ въ дому. Гаврила молодика послалемъ въ Полтаву для покупокъ нѣкоторихъ, которому и грошей на оніе далемъ рублей 10.

(Засимъ вырванъ листъ).

---

[1]) О „медовой десятинѣ“, которая въ это время собиралась въ Малороссіи, по распоряженію Вельяминова, см. Русск. Арх. 1880 г., I, 159.

25. Надъ 200 козаками, оставленними у Буцкого броду, оставилемъ каммендѣромъ лохвицкого сотника Гамалѣю, а самъ передъ обѣдомъ рушилемъ оттуду къ Ахтирцѣ, полкъ отпустивши при обозномъ домой. Обѣдалемъ не доэжжая Красного-Кута, зъ п. Демяномъ Якубовичемъ, Раковичемъ и Левенцемъ. Мимоездомъ п. полковникъ гадяцкій постоялъ и, випивши зъ своею панею по кубку вина, отехалъ до Каплуновки. А ми, по обѣдѣ поехавши, ночовалисмо не доежджая Ахтирки болшъ милѣ.

26. Приехалисмо къ Ахтирцѣ рано и перенявши миргородского, приездившого туда жъ, зъ нимъ сталисмо за городомъ, у левадѣ. Булисмо у князя, кушали и подпили значне. Князь ласкавъ до всѣхъ оказовался. Отпустивши всѣхъ, велѣлъ мнѣ удержатись. У вечеру отойшовши отъ его, булемъ у Бирулева, а оттоль до квартири своей поехалемъ и вечералемъ у п. Демяна Якубовича. Отдалемъ князови бандурку малого своего.

27. Рано булисмо у князя и, кагве (кофе) напившись, пошлисмо зъ нимъ до церкви. По службѣ, миргородскій подалъ князеви супплѣку за подписомъ цѣлихъ полковниковъ о томъ, чтобъ ихъ коллекгія не посилала салдатъ зискуватъ, и князь обѣщался служить по возможности, а до того сказалъ, же онъ не надлежитъ (?). Миргородскій и протчіе отклонились, а мене удержалъ князь на обѣдъ; и обѣдалисмо зъ Милорадовичемъ гадяцкимъ пол. По обѣдѣ я, отехавши, ночовалемъ якъ бы у 3 милѣ, не доежджая Комишевъ села, и вечералемъ тамъ у п. Демяна Якубовича.

28. Обѣдалисмо у Веприку, якъ бы у 2 милѣ отъ ночлега. По обѣдѣ завчасу приехавши въ Гадячъ, булисмо у Турковского, господара гадяцкого, и випивши по 3 кубки меду, отехалемъ и ночовалемъ у села Липового.

29. Неделя. Передъ Ромномъ стрѣтили мене братъ п. Андрѣй, Бутурлимъ и прочіе, и приехалисмо въ Роменъ на службу. Полянскій, Іванъ Макаровичъ, присилалъ офѣцера въ церковъ до мене, зъ поздравленіемъ приезду моего. Бакѣевъ по службѣ бувъ и простился зо мною, бо мѣлъ отехать къ Царицину. Худолѣй, Василь глинскій и проч. отехали домой.

30. Листи получилемъ отъ атамана чигириндубровского о Гордѣевичу, о коню, о которомъ писалъ енер. Роппъ, чтобъ заплатить оного утраченого капитанского. У оберъ-кригсъ-коммиссара Полянского былемъ у вечеру. Отъ Орановского листъ принесенъ зъ требованемъ денегъ на заплатку за пчоли.

1. Октовр. До Орановского писалемъ и грошей 10 рублей послалемъ. До родителя въ Астрахань писалемъ и до атамана отписалемъ чигир.-дубровского. Глинскій Василь и Заруднепко були въ Ромнѣ. Сенецкій сотникъ проехалъ черезъ Роменъ.

2. Листъ правителскій, 24 септ. отправленній зъ Глухова, принесенъ зъ требованіемъ о присилку вѣденія маетностей змѣнничихъ и другого вѣденія о умершихъ въ Терку и Ладозѣ козакахъ.

3. О присилкѣ тихъ вѣденій укази и листи къ сотникамъ порозсилалемъ. Писалемъ въ Глуховъ до ясневел. о своемъ приездѣ. До старшини енер. тожъ о приездѣ, а другой листъ, отвѣтуючи на ихъ писмо, и до господара. Ямщикъ на войта скаржился. Принесени зъ коллекгіи малорос. 2 укази. одинъ о непропуску старцовъ безъ пропускнихъ грамотъ монаршихъ, а другій о предуготовленіи лѣса и дровъ на магазейны. Раховали Семениху, бувшую шинкарку лохвицкую, и показалась она винна по реестру Романовомъ 177, а подлугъ еи сказки, 109 зол. и копѣекъ 5. У Мѣрочника, шинкара роменского, отобралъ Романъ грошей зол. 60.

4. Писалемъ до сотниковъ о приуготовленіи роботниковъ, дерева и дранѣ на магазейны. Особливо писалемъ о пересмотрѣ монаховъ зъ Греціи приежджаючихъ, на форпостахъ, до чигир.-дубр. сотника. Василь Дяченко, бувши у мене, принесъ табаку гишпанского и пуздерко въ ценѣ. У вечеру виехалемъ зъ Ромна въ Андрѣевку, и стрѣвшись зъ Григоріемъ, коммиссаромъ полковимъ, едучимъ въ Глуховъ до правителей зъ реестрами о собраннихъ денгахъ на церковъ Печерскую [1]) розговорувалемъ зъ нимъ долго, а приехалемъ потимъ на ночъ въ Андреевку. Отъ писара Савѣцкого писмо принесено о заводѣ походномъ и о его заочной будто

[1]) См. выше, стр. 14.

конфузіи зъ горливостю виражаючое. П. Василю Дяченку, за пуздерко, далемъ черезъ отца Савѣцкого 27 зол.

5. Бувъ глинскій сотникъ наказ. и прикажчикъ андріяшовскій Грудзѣнскій. Козаки зъ Царицина повернулись сотнѣ глинской, которіе туда посилани були зъ писмами.

6. Желяза послали зъ Андрѣевки въ Глуховъ, зъ доношеніемъ въ коллекгію малороссійс. Черезъ его жъ писалемъ до прокурора о присилцѣ ему и до господара. Зъ Ромна получилемъ листъ отъ Билима о злодѣяхъ, андрѣяшовскимъ прикажчикомъ пойманнихъ, и самихъ двохъ злодѣевъ. Зарудній зъ своею женою и сотничка глинская пріехали.

7. Рано поехалемъ зъ Андрѣевки степомъ ромадановскимъ и на обѣдъ приехалемъ къ Бодаквѣ, у футора гадяцкого полковника. Оттуду поехавши, ночлегъ мѣлъ на озницѣ (?) противъ Сенчи. Проехалъ писаръ Савѣцкій до Сорочнинецъ зъ села своего.

8. Обѣдалисмо не доижджаючи Пѣсочокъ, села монастира мгарского; оттуду поехавши на ночъ, приехали къ Березнякамъ и тамъ вечернѣ вислухали.

9. Тамъ же въ Березнякахъ утренѣ и служби божой вислухали, а поехавши оттоль, на поздній обѣдъ приехали въ Криворудскій футоръ. По обѣдѣ зревѣдовали стадо конское.

10. Асаулу арматного поставилемъ сотникомъ наказнимъ лукомскимъ. Попъ лукомскій бувъ отецъ Петро. Писма зъ Ромна принесенни отъ Билима, о приехавшихъ салдатахъ и порутчику Пенякову въ Роменъ. Отъ сотника лубенского вѣденіе о умершихъ козакахъ въ походахъ ладожскомъ и дербенскомъ прислано. Зъ Луки отъ родителки прислано писмо о приехавшемъ капитану Сеничову для осмотру мѣста на магазени. Леонтій економъ бувъ.

11. При отездѣ зъ футора рубля грошей далемъ дворникови на розніе потреби. Былемъ у Жостѣру и своихъ 3 дрикгантовъ осмотрувалемъ и машталѣрови Іванови далемъ 6 зол., оттоль поехавши къ перевозу и перевезшись, на ночъ пріехалемъ въ Оржицю.

12. Зъ Оржицѣ послалемъ листъ откритій въ Лукомле Кузмѣ асауловѣ на сотництво наказное. Поехавши оттоль, обѣдалемъ въ

Денисовцѣ, гдѣ и Пѣковчиха [1]) видѣлася. Пріехалемъ на ночъ въ Короваи и въ лазнѣ зъ братомъ, п. Андреемъ, мился.

13. Неделя. Листъ приносенъ ко мнѣ отъ правителей о грошахъ печерскихъ писанній [2]) и о присилцѣ запорожця и Худолѣя. Отвѣтъ учинилемъ въ коллекгію на 2 укази, одинъ—о непропуску монаховъ зъ Греціи безъ жалованнихъ грамотъ, а другій—о магазенахъ, чтобъ предуготовленіе било. Родителка коня даровала молодого. Гуляли доволно.

14. Ездилемъ до Ангелювщини и вибралемъ двохъ лошаковъ третяковъ, воронихъ, одного легчаного, а другого дрикганчука. Старосту короваевского перемѣнили. Тіе лошаки послалемъ въ Кривую Руду, черезъ Мартина молодика. Пріехали на ночъ въ Пѣратинъ, где капитанъ Семичовъ бувъ и видѣлся зъ мною взглядомъ магазеновъ. Зборщики тамошніе були. Кватира була у п. Худолѣя.

15. Рано оттоль поехалемъ на обѣдъ въ Сухоносовку. Отецъ Пясецкій бувъ у мене. Писалемъ до Худолѣя въ Пѣратинъ о приездѣ его въ Глуховъ. До Милорадовича василковского отписалемъ и тогда жъ и тотъ листъ послалемъ.

16. Сотникъ чорнускій бувъ у мене. Обѣдали у отца Пясецкого. Зъ Горошина атаманъ прислалъ 2 пари огаровъ и пару журавлювъ. Алексѣйцю конюшество вручилемъ и далемъ ему зол. 10 на потреби. Черезъ его жъ послалемъ въ Горошинъ до атамана зол. 50 на купленне лѣса. Орановскому коня гнѣденкого даровалемъ. Осмотрувалемъ набѣлу, которого тамъ показалось масла 12 и сира 12 дѣжокъ. Чорнускій сотникъ опроважалъ насъ и простился. Ночовали у 10 верст. отъ Лохвицѣ.

17. Пріехали на службу въ Луку. Подгуляли. Писма отъ лукомского сотника и отъ Савѣцкого писара. Отъ прикажчика константиновского. Гуляли доволно.

---

[1]) Вдова лукомскаго сотника Василія Матвѣевича Пиковца, вышедшая потомъ вторично замужъ за серба Славуя Требинскаго. Младшій сынъ „Пѣковчихи“—Степанъ впослѣдствіи сталъ зятемъ автора Дневника.

[2]) См. выше, стр. 14 и 46.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXIII, 1891 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ТОМЪ XXXIV.

1891 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 10-го іюля 1891 г.

ІОСИФЪ ШУМЛЯНСКІЙ,[1]

ПОСЛѢДНІЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЕПИСКОПЪ ЛЬВОВСКІЙ И ЕГО „МЕТРИКА“.

(ОКОНЧАНІЕ).

III.

„Метрика“ Шумлянскаго имѣетъ значительный историческій и литературный интересъ. Это не покажется преувеличеннымъ, когда мы разсмотримъ ея текстъ. Но прежде всего, именно въ виду этого интереса, желательно было бы констатировать, вся ли книга написана Шумлянскимъ, или только нѣкоторыя ея части и какія. Мы знаемъ, что Шумлянскій обыкновенно говорилъ и писалъ по польски, и вотъ является первое затрудненіе, которое можно устранить развѣ допустивъ, что Шумлянскій велѣлъ написанное имъ по польски перевести на русскій языкъ. Что нѣкоторыя части Метрики, какъ формулы крещенія, вѣнчанія и святцы, были взяты Шумлянскимъ изъ книгъ церковныхъ или редактированы кѣмъ нибудь изъ состоявшихъ при немъ священниковъ по его повелѣнію и согласно потребностямъ сельскаго духовенства, это, мнѣ кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ Шумлянскій, въ качествѣ военнаго человѣка, въ богословіи и обрядности смыслилъ очень немного. Но съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что все прочее въ книгѣ, житейскія наставленія, обличенія и историческія воспоминанія принадлежатъ перу Шумлянскаго, которому та-

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1891 г., № 6.

кимъ образомъ нужно отвести нѣкоторое, хотя и скромное, мѣсто въ исторіи южнорусской литературы.

Въ началѣ первой части Шумлянскій говоритъ, что „Метрика“ есть первая книга, выходящая изъ новооснованной типографіи епископской во Львовѣ (стр. 1). Затѣмъ слѣдуетъ пространное поученіе о томъ, что такое метрическія книги и какая отъ нихъ польза для мірской и духовной администраціи. Авторъ опровергаетъ мнѣніе закоснѣлыхъ консерваторовъ, что, „не было въ церквѣ нашой той книги Мéтрики, а по стáрому отправлялися сакрамéнта святыи“ (стр. 7). Онъ доказываетъ противное: „возми́ собѣ Трéбникъ вели́кій Могилянскій, а тáмъ обáчишъ при концу́ книги той, на кàртѣ ѵкі выразную о тымъ наýку... жé не новàя то рéчъ въ церквѣ Божой Мéтрика“. „Прàвда—прибавляетъ авторъ,—же передъ небóжчикомъ блажéнной пàмяти Петромъ Моги́лою якось ся была̀ кни́га тàя затлуми́ла въ Рóссіи нашой, àле не ди́въ, знàті, для вели́кого тàмтыхъ чàсовъ на церковъ Божію преслѣдовàня, бо не тылъко не мѣлъ другій чàсу тогды въ Мéтрику когó впи́совати, àле и церкве не еди́нъ отбѣгàти му́сѣлъ, а затымъ при утрачéню церкве, му́сѣли и Мéтрики ги́нути“. Але въ Богу зéшлый преосвященный архіепископъ и митрополита кіевскій Пéтръ Моги́ла, яко чу́лый церкве Христовы пàстыръ, презрѣвшися дóбре въ порядкахъ духóвныхъ и чи́ну церкóвномъ, дóйзрѣлъ и тогó дóбре, же духовéнству нàшему россійскому яко наýка и інформàція о Сакрамéнтахъ святыхъ, тàкъ и Мéтрика éстъ потрéбная, для чогó въ рóку ахмѕ (1646) мѣсяца декàмврія ѕі (16) дня мѣлъ въ Кіевѣ, въ церквѣ святы́я Сóфіи катедрáльнои метрополитанской собóръ духóвный, на котóромъ... долóжено и тогó, àбы и Мéтрику кни́жку кóждый священникъ мѣлъ въ церквѣ своéй“ (стр. 9—11).

Далѣе авторъ разсказываетъ, что „по Могилянской смерти въ нѣкоторыхъ церквàхъ àлъбо діецéзіахъ и кни́га тàя Мéтрика прàве южъ была умéрла... и якобы въ Моги́лѣ пéрстю недбàлъства пàстырского и пѣскóмъ лѣни́вства осóбъ духóвныхъ тàкъ была загромàжена, и́жъ розумѣли нѣкоторіи, же той книги нѣгды не было нà свѣтѣ“ (стр. 12). Это именно побудило Шумлянскаго издать настоящую книгу. „И я—пишетъ онъ—сми-

ре́нный и недосто́йный церкве Христовы па̀стырь, презъ двадесять лѣтъ наслу́хавшися на помѣстныхъ собо́рахъ мно́го о тымъ самы́хъ честностей вашихъ жа̀лобы и ска̀рги, я́ко обѣца̀лемъ честностямъ вашимъ въ ты́мъ угоди́ти..., та̀къ ско́ро ми да̀лъ Господь Богъ... типогра̀фію а̀лъбо друка̀рню но́вую пра̀цею и ко́штомъ вла̀снымъ спорядивши (sic), заразъ обѣтницы моéи и жада̀ню вашему... до́сыть чиню́" (стр. 12—13).

Въ „Предмовѣ" къ третьей части „Метрики" мы находимъ интересную картину безурядицы, какая произошла въ Польшѣ послѣ введенія григоріанскаго календаря въ церкви латинской. „Привела̀ мя (къ включенію святцевъ въ Метрику) жа̀лость и ча̀стая ска̀рга людій працови́тыхъ посѣлныхъ, и убо́гихъ ремесникóвъ по мѣстахъ и мѣсте́чкахъ живу́чихъ. Наслу́халемся бовѣмъ того́ мно́го, же лю́де працови́тіи по се́лахъ, а реме́сники убо́гіи по мѣстахъ, у́скаржаются не ти́лько на пано́въ и уря́дниковъ по́льскихъ, а̀ле те́жъ и на духовныхъ сво́ихъ ру́скихъ. На пано́въ жа̀луются для́ того́, же и́мъ по се́лахъ ка̀жут въ свой свята по́льскіи па́нщизну отбыва́ти; на духовныхъ засъ, же и́мъ ча̀стыи свята въ ты́ждню заповѣда̀ютъ и не ка̀жутъ роби́ти. Ремесники́ засъ по мѣстахъ и свой свята зъ повинности христіа̀нскои, и по́льскіи зъ росказа̀ня уря́дового му́сятъ святи́ти. А кото́рій для заро́бку собѣ, жонѣ и дѣтемъ на хлѣ́бъ поважится въ по́льское свято що зроби́ти, а̀жъ оскаржо́ный до уря́ду му́сить дава̀ти гри́вны а̀бо вязе́нье сѣдѣти. Не послу́хаетъ же кто́, лю́бъ ремесни́къ въ мѣстѣ, лю́бъ працови́тый чло́векъ на селѣ духовнаго зака̀зуючого свята въ церквѣ,... грѣшитъ смерте́лъне" (ч. III, стр. 3—5). Вотъ почему Шумлянскій издаетъ святцы, въ которыхъ обозначены праздники, въ которые совсѣмъ нельзя работать, а также меньшіе праздники, въ которые съ полдня „могу́тъ про́стіи працови́тіи лю́де, убо́гіи ремесники́ бе́зъ скру́пулу робити, менови́те о́выи, кото́рій не заро́бивши на хлѣ́бъ, не мѣлъ бу́детъ що и́сти, а̀льбо мѣлъ бы кто́, не ро́бячи того́ дня́, въ по́ли а̀льбо въ до́му шко́ду понести́" (стр. 6). Конечно, тому, чтобъ „убогіи ремесники" по городамъ не были принуждаемы праздновать и по русскому, и по латинскому календарю, Шумлянскій своими святцами помочь не могъ.

Самая обширная и самая интересная статья въ Метрикѣ Шумлянскаго, это „Нравоученіе мірскимъ іереомъ“, составленное по показанію самого автора для того, чтобъ указать, „якіе персо́ны и яки́мъ спо́собомъ а̀льбо поря́дкомъ, я́ко до ста̀ну архіере́йскаго, та̀къ іере́йскаго, і діа̀конскаго промова̀тися и всту́повати ма́ютъ, а освящшеся, я́ко въ то́мъ „священномъ чи́ну а̀льбо ста̀ну до́лжни су́тъ жи́ти“ (стр. 22). Программа эта въ самомъ сочиненіи не выполнена настолько, что авторъ ограничился наставленіями однимъ іереямъ, объ архіереяхъ по легко понятнымъ причинамъ умолчалъ. Поученія, данныя Шумлянскимъ мірскому духовенству своей епархіи, составляютъ драгоцѣнный памятникъ, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, мы видимъ незавидное состояніе мірскаго православнаго духовенства южнорусскаго во второй половинѣ XVII в., а также тѣ идеалы, къ какимъ старались направлять его развитіе люди въ родѣ Шу́млянскаго.

Прежде всего авторъ считаетъ нужнымъ указать на то, что поученіе, какое онъ здѣсь преподаетъ, не есть что нибудь новое, но тоже самое, „я́же мы́ са̀ми отъ першаго ро́ку нашего епископства... я́ко на пом́ѣстныхъ, та̀къ и на енера̀льныхъ собо́рахъ все́гда ва̀мъ... предлагахомъ и кро́тцѣ моля́ще учи́хомъ“ (стр. 24). Поэтому „для́ снаднѣ́йшаго ко́ждому выразумѣ́ня не *слове́нскимъ язы́комъ, а́ле на́шимъ прирожо́нымъ Росі́йскимъ діале́ктомъ изволи́хомъ писа́ти*“ (стр. 25).

Рѣшеніе это было весьма кстати, такъ какъ большинство мірскаго духовенства въ то время было едва грамотное; по крайней мѣрѣ Шумлянскій, вычисляя условія, необходимыя для священническаго сана, хотя и пишетъ, что „пови́ненъ таковы́й ко́ждый мѣти въ себѣ́ нау́ку зго́дную, и овше́ки священникомъ потре́бную“ (стр. 27), но какая это наука и гдѣ можно было ее получить, объ этомъ онъ не говоритъ. Съ своей стороны Шумлянскій, какъ мы уже сказали, не сдѣлалъ почти ничего для поднятія уровня этой „науки“. Все, что онъ сдѣлалъ, по его собственнымъ словамъ, состояло въ томъ, что „еѯамѣна̀тора назнача̀емъ и приходя́щихъ на посвященіе до́брѣ еѯамѣнова̀ти ка̀жемъ, подча̀съ (иногда) и самі́ еѯамѣну́емъ“ (стр. 27). При

недостаткѣ какихъ бы то ни было правилъ для этихъ „еѯамѣнаторовъ“ могли, разумѣется, проскальзывать въ іереи люди совсѣмъ неспособные, такъ что еще въ 1722 г. монахи Супрасльской обители, издавшіе „Леѯіконъ сирѣчъ Словесникъ Славенскій имѣющъ въ себѣ словеса первѣе славенскія азбучныя, по семже польскія, благопотребный къ выразумѣнію словесъ Славенскихъ обрѣтающихъся въ книгахъ церковныхъ, (Супрасль, 4°, 32 листа), въ предисловіи къ этому изданію писали: „съ неисчетною болестію сердца, и язвою утробы неудобъ исцѣлимою изобрѣли искусителіе или еѯаминаторове поставляемыхъ въ іерейство людей, яко *сотный іерей едва славенскій языкъ разумѣетъ, невѣдай что четъ въ Божественной службѣ*“ [1]). Правда, ниже Шумлянскій убѣждаетъ священниковъ, чтобы посылали своихъ дѣтей въ школы, но нигдѣ мы не видимъ, чтобы для достиженія іерейскаго сана необходимо было *школьное* образованіе, не говоря уже о спеціальной, богословской подготовкѣ.

Затѣмъ Шумлянскій переходитъ къ праву патроната, которое для мірскаго сельскаго духовенства состояло въ томъ, что желающій вступить въ санъ священническій долженъ былъ постараться, чтобъ его избрала громада и чтобы выборъ его подтвердилъ панъ-землевладѣлецъ. Конечно, Шумлянскій, который только благодаря этому праву сдѣлался епископомъ, далекъ былъ отъ всякой мысли объ его измѣненіи или упраздненіи; онъ настаиваетъ только на его точномъ исполненіи. „А же ту́тъ въ Коро́нѣ и державѣ... короля по́льскаго... панове дѣдичніе, я́котѣжъ зе́мскихъ до́бръ поссессо́рове, а̀льбо пано́ве старо́стове добръ его́ королѐвской милости, где́ кото́рій зъ ни́хъ пану́етъ, та̀мъ на̀дъ подда̀нствомъ ма̀ючи вла̀дзу, ча̀сомъ предъ посвященіемъ, ча̀сомъ по посвященію не ты́лько тыхъ, кото́ріи ся бе́зъ вѣдомости и волѣ и́хъ на священство станови́тъ, а̀ле и грома̀ды и на̀съ епископа частокро́тне турбу́ютъ; прето па̀стырско наказуемъ, а̀бы отъ сего́ ча̀су бе́зъ во́лѣ цѣло́и гро́мады (sic) и бе́зъ кон-

---

[1]) См. Приручный слова́ръ славено-по́льскій, или собра́ніе реченій славенскихъ неудобъ разумѣтелныхъ обрѣтающихся въ книгахъ церковныхъ, на языкъ польскій толкованыхъ. Лвиго́родъ. 1830. Предисловіе, стр. 5—6.

се́нсу а̀льбо писма̀ па̀на вла̀сне належи́того не ва̀жился жа̀денъ къ на̀мъ приходи́ти, подъ утра̀тою конди́ціи а̀льбо парохіи, на кото́рую бы ся мѣлъ посвятити" (стр. 27—28). Наблюденіе за этимъ онъ поручаетъ протопопамъ или намѣстникамъ, которые должны „го́дніе и спосо́бніе осо́бы на священство усмотрѣва̀ти, и до на̀съ епископа, поря́дне вы́писавши о его́ уроже́ню и повоже́ню, и присылати. А же кате́дра наша лвовская—скромно прибавляетъ Шумлянскій—по благода́ти Божіей естъ то едно́ свѣтило все́я Ро́ссіи, пре́то тіи осо́бы, кото́ріе промовуютъ ся на священство, ма̀ючи пи́смо отъ па̀на належи́того и наме́стника своего́, если́ мо́щно дво́хъ чл҃ковъ а̀льбо прина́мнѣй едно́го зъ грома̀ды, а̀льбо те́жъ писа̀нье отъ громады вы́правивши собѣ, въ присто́йнымъ одѣню, вче́сне дво́ма недѣлми до тоей же кате́дры лвовской ма̀ютъ приходи́ти, чого́ всего́ отце́ве протопо́пове а̀льбо наме́стникове пи́лне ма̀ютъ и до́лжни сутъ дойзрѣти и испра̀вити. А еже́ли бы́ кото́рій зъ акколи́товъ бе́зъ тако́вои наместни́чои інформа̀ціи, а̀льбо безъ пи́сма па̀нского, въ гру́бомъ одѣню, въ непристо́йномъ обу́вю мѣлъ прійти́ до кате́дры нашой, тако́вый наместникъ на енера̀льномъ соборѣ сужде́нъ бу́детъ, и если́ за его́ ста̀нетъ ся то́ небреже́ніемъ, публи́чную отнесе́тъ поку́ту" (стр. 29—30).

Упоминаніе о „грубомъ одѣню" и „непристойномъ обувю", которыя ставятся „акколиту" въ столь тяжкую вину, что за него долженъ быть наказанъ даже протопопъ, можетъ показаться здѣсь логическимъ скачкомъ, но оно составляетъ существенную часть философіи Шумлянскаго. Ниже мы увидимъ, что разумѣетъ Шумлянскій подъ „грубымъ одѣньемъ" и „непристойнымъ обувьемъ" и почему они такъ сильно не нравятся ему.

Опредѣливъ такимъ образомъ условія, на какихъ можно было въ то время достигнуть сана православнаго священника, Шумлянскій переходитъ къ перечисленію обязанностей священника, какъ онъ ихъ понималъ. Первая и самая главная обязанность священника, это—*трезвость*. „Любѣте сію добродѣтель па̀че зла̀та и топа̀зія", восклицаетъ Шумлянскій (стр. 36), ибо „тре́звость е́стъ роди́телькою и фунда̀ментомъ вся́кого добра̀.

Трезвéнный священникъ“ кромѣ всякихъ другихъ добродѣтелей, „мóжетъ до чи́таня книгъ и пи́сма святого способнымъ бы́ти, а зъ чита́ня (sic) книгъ чогó нѣгды не вѣдалъ, довѣда́тися, чогó нѣгды не умѣлъ, научи́тися, и другóго научи́ти мóжетъ“. „Трезвéнна священника,—прибавляетъ Шумлянскій,—я́ко всѣ лю́де лю́бятъ, я́ко самі́ панóве хва́лятъ и поважа́ютъ, наслу́халемся тогó вла́снымъ слу́хомъ“ (стр. 35—36). Вообще поучая свое духовенство о трезвости, Шумлянскій употребляетъ самые сильные резоны и впадаетъ въ концѣ даже въ лирическій паѳосъ, подражая стилю акафистовъ не хуже галицкихъ одокропателей XIX в.: „О трезвéніе, ма́ти добродѣтелей! восклицаетъ онъ.—О трезвéніе, а̀нгельская дѣтели! О трезвéніе, души́ и тѣлу украшеніе! О трезвéніе, всѣхъ тебé любя́щихъ непосты́дное къ спасéнію упова́ніе“. (36).

Очевидно, добродѣтель эта должна была среди современнаго ему духовенства быть большой рѣдкостью, когда ее нужно было такъ расхваливать и пропагандировать. Въ этомъ убѣждаетъ насъ слѣдующее поученіе Шумлянскаго о пьянствѣ, самое обширное во всемъ сочиненіи. Въ пьянствѣ Шумлянскій видитъ „кóрень всему́ злу́“ (37); „піяный, посполи́те мóвимо, вѣршовъ не склада́етъ“ (40). Пьяный священникъ дѣлаетъ противъ своей присяги пропуски въ богослуженіи, „бо вечéрни, па̀вечерни не прочита̀етъ, на полу́ночницу не вста̀нетъ, у́трню хóчъ то и́ въ церкви спячи́ отпра̀витъ“, и даже „слу́жбу Божію не ты́лько въ повшéдныи, а́лé и въ недéльніе, и́ въ святочніи дни частокроть опуска̀етъ, а̀льбо тéжъ зъ вели́кою неспосóбностю и піанствомъ поскверéнного тѣла своéго отправу́етъ“(41—42). Іерей пьяница не можетъ исполнять и другихъ своихъ обязанностей. „Прида́сть ся якій зъ парохіи, чіей на когó на̀глій припа̀докъ, же трéба въ ночи́, о пóлночи порва̀тися, вста̀ти и пойти́, а̀льбо дитя́ крестити, а̀льбо рождшую любъ та̀мъ когó и́ншого на̀гле безгóдне умира́ючого диспонова̀ти, а священникѣ на нога̀хъ не встóитъ, о себѣ не памята̀етъ, неха̀йже та̀мъ ктó зъ таковыхъ припа̀дковъ умретъ въ грѣху смертéльномъ бéзъ спóвѣди, безъ раздрѣшéнія, а за твоймъ, о Іерéю піянствóмъ, вѣдайже, вѣдай запéвне, же згинéня егó зъ ру́къ твои́хъ отъ тебé реквѣрова̀ти бу́дутъ“ (42—43). Въ концѣ Шумлянскій ссылается

на то, что „отправуючи помѣстніи соборы въ диецезіей нашой, признаете мнѣ то сами, же если б що, яко о піянство упоминаемъ священниковъ, абы ся его хоронили, въ корчмахъ зъ посполитыми людьми не засѣдали и на оказіяхъ, яко то на крестинахъ, шлюбахъ альбо веселяхъ и поминкахъ абы такъ осторожными были, жебы трезвыми отходили, да не дасться кому претиканіе въ соблазнь". (44).

Тема о пьянствѣ непосредственно вяжется съ другой темой—объ обществѣ, въ какомъ должны держаться священники. „Упоминалемъ и о то-говоритъ дальшеШумлянскій,-абы на ярмарки на торги и на праздники въ купѣ съ подружіи своими на едномъ возѣ не издили, а то для того, же ся невѣрніи жидове зъ того насмѣваютъ и поругаютъ, зъ посполства многіи соблазняются, панове въ легкомъ поваженю маютъ, православная Русь, иле уважный, и поважніи люде за то встыдаются, а намъ пастыревѣ слышачи то сердце болѣзнуетъ. Вымовлялися нѣкоторіи на соборахъ помѣстныхъ, же то насъ до того приводитъ наше убозство, тяжары панскіи и отъ громадъ неушанованье. Але яко заразъ на тыхъ же соборахъ мовилемъ же то неслушніи вымовки, такъ и теперъ симъ писмомъ ганячи то мовлю такъ: Даремная то, честніи отцеве, скарга ваша. Мѣй тылко кождый трезвость, около себе опатрность, пристойное одѣня, въ набоженствѣ пильность, около сакраментовъ святыхъ умѣетность, в наученю людей горливость, въ припадкахъ людцкихъ чуйность и готовость, до того въ домахъ корчемныхъ не засѣдай, зъ людми не своеи кондиціи кромѣ потребы нужнои не переставай, и зъ ровными себѣ при слушной оказіи зостаючи статкуй, словъ праздныхъ иле гнилыхъ зъ устъ не выпущай, а ему же честь, честь и ему же дань, дань воздавай, то естъ Бога бойся, церкве и набоженства пильнуй, болшого тебе, яко то епископа и его наместника послушай, пана належитого яко пана поважай и молися о немъ, ровныхъ себѣ братій братерско, меншихъ же парохіяновъ яко чадъ своихъ духовныхъ духовне люби, домъ свой добрѣ управляй, а вѣру ми йми, же и отъ пана ласку и повагу, отъ громады ушанованье, отъ насъ пастыра любовь, и отъ Господа милость имѣти будеши". (44—47).

Читатель вполнѣ пойметъ значеніе этихъ и слѣдующихъ поученій Шумлянскаго, когда вспомнитъ тотъ крайне низкій уровень просвѣщенія и общественнаго значенія, на какомъ стояло православное мірское духовенство въ южной Руси въ XVI и XVII, и даже еще въ XVIII и началѣ XIX вѣка. Мы не намѣрены здѣсь развертывать полную картину этого состоянія, но укажемъ только на нѣкоторые менѣе извѣстные факты. Такъ, въ „Реестрѣ преступниковъ, которые судились за уголовныя преступленія саноцкимъ гродскимъ судомъ въ 1554—1638 годахъ", мы нашли не менѣе 20 поповъ и поповичей, обвинявшихся въ кражѣ, разбоѣ, укрывательствѣ. Нѣкоторые изъ нихъ были допрашиваемы на пыткѣ и кончили позорной смертью [1]). Вотъ для примѣра разсказъ одного свидѣтеля (№ 11): „Однажды въ русское „середопистье", въ понедѣльникъ, 1606 г. былъ Иванъ Яворницкій (разбойникъ) въ с. Творильномъ съ творильницкимъ попомъ и пьянствовали до вторника. Во вторникъ, къ вечеру пошли оба съ тѣмъ же попомъ и его сыновьями въ Полянки и пьянствовали тамъ до пятницы. Потомъ попъ въ воскресеніе во время богослуженія погрозилъ пальцемъ Сенькѣ Пашковяту и сказалъ такія слова: „Небоже Сеньку, маешь ты пятьдесятъ золотыхъ, але ихъ не уживешъ. Але знай о тимъ, що на три домы буде сичка". Послѣ этого попъ пошелъ въ кабакъ и, пьянствуя тамъ, приступилъ къ Савкѣ (онъ же Сенько), обнялъ его и молвилъ къ нему: „Бидна голова, будешъ въ великій биди". Тотъ отвѣтилъ ему: „Што, попе, жартуешъ?" А попъ ему сказалъ: „Не бійся, небоже, поки я ту живу въ Творильнимъ, поты тоби ничого не буде. А коли я пиду зъ коршмы, то ты иды передо мною". А недѣлю спустя напали на того самого Сенька-Савку, зятя моего, убили его и все побрали, мучили и жгли и проч." [2]). Болѣе чѣмъ полтораста лѣтъ спустя мы читаемъ въ рукописной книгѣ „Acta Revisionis Ecclesiarum intra decanatum Pruchnicensem consistentium", которую деканъ (намѣстникъ) Да-

---

[1]) Regestr złoczyńców grodu sanockiego 1554—1638, wydał Oswald Balzer. Lwów. 1891, №№ 3, 4, 6, 10, 27, 29, 33, 39, 40, 58, 67, 75, 105, 111, 113, 144, 150.

[2]) Regestr, стр. 158.

ніилъ Затварницкій началъ писать въ 1765 г. [1]), слѣдующее: „Въ 1763 году судился судомъ духовнымъ Григорій Терлецкій, приходникъ капицкій за то, что прибѣгалъ къ ворожеямъ, предавался пьянству, въ пьяномъ видѣ обзывалъ другихъ ворами и проч.“ Въ 1748 г. деканъ, осматривая церковь въ Рѣплинѣ, пишетъ: „Священникъ не только ad administranda sacramenta, но даже и къ св. Богослуженію неспособный“. Тоже повторяется въ 1749 году. Въ 1750 деканъ замѣчаетъ: „Въ церкви болото было, какъ на дорогѣ грязь. Никакимъ образомъ нельзя позволить, чтобы въ ней отправлялось богослуженіе“. Въ другомъ селѣ Сѣнновѣ въ 1754 году деканъ заноситъ въ свою книгу слѣдующее: „О. Антоній въ пьяномъ видѣ дѣлаетъ scandala, пренебрегаетъ властями, въ дворѣ играетъ роль шута. Брагу въ дворѣ съ нюхательнымъ табакомъ in ludibrium насыпаннымъ пьетъ. Вмѣсто цыплятъ воронъ и сорокъ жареныхъ ѣстъ, и въ настоящемъ году велѣли ему изжарить ворону, подать на столъ въ присутствіи многихъ достойныхъ господъ, а когда онъ ѣлъ, то гости кричали: кра, кра! Это мнѣ самъ о. Антоній, во время настоящей визитаціи безъ моего разспроса разсказывалъ“. Въ запискахъ декановъ, какія встрѣчаемъ на метрическихъ книгахъ въ XVIII в., почти постоянно встрѣчается роковая фраза: „Parochus ebrius inventus est“. Скорбная исторія о. Маркевича въ Красноставцахъ, коломыйскаго округа въ 1719—1767 годахъ, разсказанная мною по такимъ деканскимъ запискамъ [2]), была, кажется, типическимъ явленіемъ тѣхъ временъ.

Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, когда экономическое положеніе и умственное развитіе русскаго духовенства почти ничѣмъ не отличалось отъ крестьянскаго, кромѣ развѣ того, что священникъ не былъ обязанъ работать на барщинѣ. Еще въ 1786 году писалъ одинъ нѣмецкій путешественникъ о галицко-русскомъ духовенствѣ: „Сельскій священникъ своей наружностью и обычаемъ мало отличается отъ крестья-

[1]) Книга эта, вмѣстѣ съ грамотами деканальными, хранится въ селѣ Розборѣ Округломъ, повѣта ярославскаго. За выписки изъ нея приношу благодарность о. Мих. Зубрицкому.

[2]) „Зоря“, письмо литературно-наукове. Львовъ. 1886, стр. 67—68.

нина. Живетъ онъ въ жалкой лачугѣ, какъ и тотъ, пашетъ землю, пьетъ, терпитъ недостатокъ, какъ и тотъ. Доходы греческихъ приходовъ даютъ часто въ годъ едва 15—20 злотыхъ польскихъ, священнику приходится самому пахать поле, чтобы прокормиться. Нѣтъ ничего необыкновеннаго, видѣть сельскаго священника въ оборванной одеждѣ, съ „обойчикомъ" на шеѣ, съ трубкой во рту, съ хлыстомъ въ рукѣ бредущимъ около своихъ лошадей или воловъ. Большинство пьетъ водку, какъ воду, пьяно почти ежедневно и дѣлаетъ всякія гадости. Я очень хотѣлъ увидѣть священника. Управляющій имѣніемъ R... повелъ меня къ священнику своего села. Было послѣ обѣда. Густой водочный паръ такъ и ударилъ намъ въ носъ, когда мы отперли дверь комнаты. Почтенный пастырь былъ уже довольно на веселѣ, но все таки могъ говорить нѣсколько понятно, принялъ насъ съ какимъ то рабскимъ подобострастіемъ, и хотѣлъ во чтобы ни стало возложить свое пастырское цѣлованіе на наши ноги. Управляющій увѣрялъ меня предварительно, что это одинъ изъ лучшихъ и болѣе ученыхъ священниковъ, или, какъ онъ выразился, епископъ въ сравненіи съ другими,—понимаетъ нѣсколько по латыни и въ пьяномъ видѣ не дѣлаетъ никакихъ безобразій. Онъ поставилъ передъ нами бутылку водки, заткнутую сѣномъ. Устройство его комнаты показывало бѣдность и неряшливость, одежда была грязная и противная, а вся его библіотека состояла изъ букваря, по которому обучались его дѣти, метрическихъ книгъ и евангелія. Я старался завести разговоръ о разныхъ предметахъ, о религіи, нравственности, духовныхъ обязанностяхъ, обученіи, просвѣщеніи, новыхъ распоряженіяхъ,—онъ ничего не понималъ, его отвѣты были глупы и невѣжественны. Я польстилъ ему надеждой, что греческіе приходскіе священники скоро поставлены будутъ въ болѣе сносное положеніе, и онъ понялъ меня сейчасъ" [1]).

Переходя къ причинамъ этихъ прискорбныхъ явленій, Шумлянскій прежде всего указываетъ на невѣжество право-

---

[1]) Briefe über den ietzigen Zustand von Galizien, ein Beitrag zur Staatistik und Menschenkenntniss. Leipzig. 1786, t. II, стр. 1—3.

славнаго духовенства. „Наслу́халемся и того́ ча̀сто — пишетъ онъ,—же на̀мъ пано́ве духове́нство ры́мское, а ча̀сомъ и ля́да кто́ примовля́ютъ простото́ю, называ̀ютъ на́съ неу́ками, а то для того́ само́го, же лати́нского пи́сма а̀льбо по́льского мно́гіе не разумѣ́ютъ, а язы́комъ лати́нскимъ а̀льбо по́льскимъ мо́вити не умѣ́ютъ, хоча̀й дру́гій священникъ въ слове́нскомъ язы́ку и писмѣ́ бу́детъ до́бре учо́ный и умѣ́етный, и бо́льшъ умѣ́ти бы́ непови́ненъ, то́лько ко́ждій сво́его вла̀сного язы́ка до́бре пи́смо, а̀ле же лати́нского язы́ка а̀льбо польскаго не умѣ́етъ, то ю́жъ у па̀на проста̀къ“ (47). Потому, заключаетъ Шумлянскій, что „и сама̀ слу́шность а̀льбо потре́ба духо́вная того́ по насъ вытяга̀етъ, и́лье (особенно) ту́тъ въ краяхъ коро́ны по́льской, а́бы духове́нство наше, россійское правосла̀вное духове́нству ры́мскому язы́комъ прина̀мнѣ́ корреспондова̀ло, же́бы священникъ зъ па̀номъ полѣти́чне мо́глъ ся розмо́вити и на зада̀нье яко́и тру́дности умѣ́етне отповѣди́ти. Пре́то потре́ба овше́ки духовенству на́шему туте́йшому не то́лько слове́нского, а̀ле и по́льскаго пи́сма, а мо́жна и лати́нского, бы́ти умѣ́етному. За̀чимъ зда̀лося на̀мъ па̀стыреви за ре́чъ слу́шную въ то́й книжцѣ́ на̀шей и то ти́помъ изъобрази́ти и па̀стырско ва̀съ пречестніи и че́стніи отце́ве упо́мнѣти“ (48—49). Сообразно съ тѣмъ, Шумлянскій наставляетъ священниковъ, чтобы они заботились о приличномъ обученіи своихъ дѣтей. „А жебы́сте до́мъ свой добре пра̀вячи, особли́ве въ то́мъ закоха̀тися и въ звы́чай собѣ́ взя́ти хотѣ́ли, абы́сте сыно́въ свои́хъ зъ молодыхъ дити́нъскихъ лѣ́тъ заправова̀ли, пе́рвѣ́й своего́ слове́нскаго пи́сма и язы́ка до́бре научи́вши, пото́мъ до шко́лъ по́льскихъ и латинскихъ не заборони́ли, и о́вшемъ отце́вско и́хъ промовова̀ли. Су́тъ зъ ла̀ски Божои шко́ли не то́лько ту́тъ въ Льво́вѣ, въ Яросла̀вю, въ Кра̀ковѣ, а̀ле и въ Кі́евѣ, еще́ за держа̀вы наяснѣ́йшихъ мона̀рховъ кро́льовъ по́льскихъ, а за особли́вымъ стара̀ньемъ блаженнои па̀мяти преосвященнаго митропо́лити кіевскаго и все́я Ро́ссіи г-на отца̀ Петра́ Моги́ли зафундо́ванніе, а тепе́ръ за держа̀ви благочести́выхъ царей и вели́кихъ князе́й россійскихъ повеле́ніемъ и ска̀рбомъ ихъ но́во реставрова̀нніе а̀льбо отновленніе; су́тъ и бли́жши насъ школи въ

Го́йщи [1]), доро́га те́жъ за успокое́ніемъ мона̀рховъ христія̀нскихъ хва̀ла Богу во́льная, та̀къ зъ Кіева до насъ, я́ко и отъ на̀съ до Кіева. Та̀мъ же чест отце́ве сыно́въ свои́хъ для́ нау́ки посылайте, ко́шту не жа̀луйте, а если́ нема̀ешь що да̀ти да̀й же му отце́вское наказа̀ніе, кажи́ ему́ для́ нау́ки где́ хо́четъ вендрова̀ти и мно́го уте́рпѣти, го́рекъ бо ко́рень уче́нія, а̀ле напото́мъ сла̀докъ, и бу́дешъ мѣти зъ не́го утѣ́ху. А если́ того́ сынови заборо́нишъ, то и ему́ форту́ну, щѧ̀стя, доро́гу загоро́дишъ, и са̀мъ Богу даси́ отвѣ́тъ, же борони́лесь сы́нови того́, чи́мъ ся мо́глъ Богу и це́ркве́ его́ свято́й прислужи́ти. А еже́ли кому́ здаѐтся до Кіева дале́ко, посыла̀й те́ды до Го́йщи, мо́жетъ и ту́тъ поучи́тися до́бре та̀къ ру́ского словенскаго, я́ко и по́льскаго и латинскаго пи́сма и язы́ка. Я са̀мъ мѣ́ю и мѣ́ти обѣцу́ю на тако́выхъ мое́ па̀стырское ласка̀вое о́ко" (49—51). Слова эти показываютъ, что Шумлянскій, повидимому, интересовался просвѣщеніемъ низшаго духовенства и желалъ видѣть его на болѣе высокомъ уровнѣ развитія. Но цитированное нами предисловіе супрасльскаго Леѯікона 1722 г., равно какъ и многіе другіе документы XVIII в. указываютъ на то, что и въ этомъ отношеніи владыка львовскій не достигъ ничего, вѣроятно потому, что никогда серьезно не принимался самъ за развитіе школьнаго образованія въ своей епархіи.

Продолжая свои наставленія, Шумлянскій убѣждаетъ духовенство, чтобъ „не вѣрило жа̀днымъ забабо́намъ и ба̀бскимъ ба̀снемъ я́ко дѣ́ломъ неподо́бнымъ: я́ко то о́вымъ на псалты́ри а̀лбо на евангеліи святомъ приключи́ церко́вномъ ворожкамъ, и и́ншимъ ты́мъ подо́бнымъ ба̀снемъ" (52—53). Наставленіе это показываетъ, что и въ отношеніи вѣрованій духовенство православное тѣхъ временъ почти ничѣмъ не отличалось отъ простаго народа. Гаданіе по псалтыри или евангелію до сихъ поръ употребляется среди простого народа въ Галиціи; занимаются имъ преимущественно дьячки старой школы. Гаданіе произво-

[1]) Свято-Михайловскій монастырь въ Гощѣ на Полѣсьѣ, основанный въ XV ст. семействомъ князей Кердеевъ—Гойскихъ; о школѣ, существовавшей въ томъ монастырѣ, ничего ближе неизвѣстно, см. *М. Н. Коссакъ*, Шематизмъ монастырей св. Василія В. Львовъ, 1867, стр. 108.

изводится такимъ образомъ, что особа, желающая узнать будущее или сокровенное, кладетъ руки на книгу, а „ворожбитъ", нашептывая молитву, вводитъ въ книгу ножъ остріемъ, потомъ открываетъ ее этимъ ножемъ; какія попадутся слова на томъ мѣстѣ, гдѣ остановилось остріе, тѣ и толкуетъ кабалистическимъ образомъ, какъ ему нужно. Замѣчу, что народъ считаетъ этотъ родъ „ворожбы" менѣе грѣховнымъ, чѣмъ другіе роды, или даже совсѣмъ дозволеннымъ, вѣроятно потому, что еще до недавнихъ поръ этой ворожбой занимались нѣкоторые священники старой школы.

Не останавливаясь долго на этой интересной темѣ, Шумлянскій переходитъ къ своимъ излюбленнымъ наставленіямъ—о внѣшнемъ видѣ священниковъ: наружность, лоскъ и опрятность для него самая важная сторона цивилизаціи, самое вѣрное мѣрило достоинства человѣка. А такъ какъ духовенство, по понятіямъ Шумлянскаго, должно было быть отлично отъ мужика и стоять гораздо выше его, то естественно, что, между прочимъ, оно должно было отличаться отъ него наружностью. И вотъ въ своей книгѣ онъ дважды возвращается къ этой темѣ, останавливаясь на ней очень подробно. „Опа̀ство тѣла а̀льбо охендо́жность на ты́мъ нале́житъ — пишетъ онъ,—а̀бы священиикъ за̀вше, а особли́ве ґды до церкве божои на служе́ніе иде́тъ, на собѣ мѣлъ сукма̀ну присто́йную, не захля́панную, го́лову и бо́роду уче́саную, ру́ки умы́тіи, па̀зури обрѣ́заніи, да и у́сы если́ въ кото́рого су́тъ вели́кіи навѣ́слыи на уста̀, могу́т бы́ти бе́зъ сумнѣ́нія на пере́дѣ пристри́женіи, и обу́вя на нога̀хъ неха̀й бу́детъ чи́стое, и не дегтя́ное, а̀ нѣ ходаки́ а̀бо постоли́ лыча̀ніи, а̀ле овше́ки бо́ти, а̀льбо принамнѣ́й санда̀лія папу́цѣ (валенки) пови́ненъ священникъ ко́ждый мѣти до служе́нія осо́бніи, и про́чая" (55—56).

Той же темѣ объ опрятности духовенства посвященъ обширный postscriptum подъ заглавіемъ: „Суппleме́нтъ а̀льбо прида́токъ до того́жъ нака̀занія". „Любо ю́жъ намѣни́лося и я́сне описа̀лося— говоритъ тамъ Шумлянскій,—а̀бы духовенство на̀ше россійское ме́жи и́ншими, и́мъ зго́ла потре́бными обы́чаями взяли́ то собѣ въ обы́чай, а̀бы присто́йное ста̀новѣ своему́ духовному

одѣня и обу́вя носи́ли, еднàкъ ещé и ту́тъ о тымъ же здалóся нàмъ за рéчъ слу́шную выразнѣ́й написàти, и якóе влàсне мàютъ одѣ́ня священници и обу́вя носи́ти, наказàти. Понéважъ тéды за недойзрéньемъ и за недбáньемъ єп҃пок҃ прéшлыхъ предъ нàми бу́дучихъ, духовéнство на свóй стàнъ взгля́ду не мàючи, такóго собѣ́ одѣ́ня мнóгіи позволя́ли, въ котóромъ отъ прóстого человѣ́ка, наймнѣ́й ся не рознѝли, бо едни́ въ сермяжискахъ бѣлыхъ, другіи хочай то въ сукмàнахъ, але я́сныхъ éще зъ ґу́зѣками вмѣ́сто срѣ́брныхъ цинóвыми звы́кли ходи́ти, на головѣ́ àльбо ку́чмиско якóе, або ґарлóвую, àбо барàннюю шàпку цàле простàцкую, а на ногàхъ àльбо дегтя́ніи чóботы àльбо шпéтнии ходакѝ носячи́, въ такóмъ одѣ́ню не ты́лко въ дóму́ привàтне, àле и мéжи людьми́ публи́чне не встыдàются ходи́ти. Прéзъ що самó же ся не помàлу трàтитъ и ги́нетъ повàга духовéнству нàшему, такъ у пàновъ, я́ко и у поддàныхъ: прéто отсéлѣ мѣ́ти хóчемо, и пàстырско розскàзуемо, абы́сте чéстніи отцéве таковы́хъ нечéстныхъ и безчéстныхъ стрóевъ понехàли, а я́ко и́менемъ éсте чéстни, такъ и одѣ́ня вàше нехàй бу́детъ чéстно. Найпéрвѣй тéды жадàемо и пàстырьско роскàзуемо, àбы жàденъ зъ духовéнства нàшего не вàжилъся нѣгдé на пу́блику въ еднóй ты́лько сукмàнѣ я́къ снопъ подпасàвшися зъ дóму выходи́ти, àле пови́ненъ кóждый принàмнѣ́й для́ церкве и пу́блѣки двѣ́ сукмàнѣ, спóднюю и вéрхнюю ря́су мѣ́ти пристóйную, а тàя пови́нна бы́ти если́ не фалендишóвая, то тузѣнкóвая àльбо паклякóвая, àле влàсне чóрная, àльбо принàмнѣ́й тéмно лязурóвая, àльбо тéжъ у убóжшого изъ габи́ зрóбленая, а піенкне чóрно уфабóваная, ґузѣковъ срéбрныхъ а нѣ́ цѣнóвыхъ, àнѣ шну́рковъ фàрбы барщóвои, червóнои и я́сной жàдной не мàючая, тылько пóдлугъ чóрного кóльору и потрéбы потрéба прибирàти чóрніе. Шапка если́ не мóжетъ бы́ти у кого собóлемъ, оґóнками, бобрóмъ, то принàмнѣ́й кунóю піенкне шерóко обложенная, а кому́ бы на такóвую не ставàло, нехàй же кàжетъ собѣ́ по старожи́тному обы́чаю зъ вóлны фрéнзлѣ уткàти чи́ли увязàти и уфарбовàти чóрно, до шапки приши́ти; а если́ бы котóрому и на тóмъ сходи́ло, нехай же саму́ю сукенную шнуркóмъ ти́лько обложéнную шàпку на

кшта̀лтъ чернéцкого подка̀пка нóситъ, а̀ле ли́сомъ, бара̀номъ а̀льбо и́ншимъ чи́мъ обши́тои жа̀дною мѣрою ша̀пки не позволя́ю заживàти отсéлѣ жа̀дному. Ходаков́ъ за̀сь а̀льбо постоло́въ если́ бы ктó зъ духовéнства въ диецéзіи на̀шой ва̀жилъ ся отсéлѣ уваживàти, звла̀ща до церкве а̀льбо на пу́блѣку гдé въ ни́хъ вы́йти, за пéршимъ донесéньемъ прéзъ інсти́ґàтора духовнаго обѣцу́емъ такóваго судóвне кара̀ти. А если́ бы ктó зъ ва̀съ хотѣлъ вы́мовитися недоста̀ткомъ, мы́ той вы́мовки не приймуемъ, бо вѣдаю дóбре, и́жъ въ моéй диецезіей по ла̀сцѣ Божой нѣма̀шъ жа̀дного духовнаго та̀къ недоста̀тного, котóрому бы на бóты не ста̀ло. Не для́ моегó то, а̀ле ра̀чей для ва̀шего пожи́тку, тóе ва̀мъ даю́ наказа̀ніе, бо чува̀ете то честность ва̀ша, же лю́де я́ко тя ви́дятъ, та̀къ тéжъ и пи́шутъ, та̀къ тебé су́дятъ, та̀къ и поважа̀ютъ. Ґды тéди и ва̀съ оба̀чатъ чи́нно, честно ходя́чихъ, то тéжъ и ва̀съ не ты́лько парохія́не ва̀шѣ, а̀ле и посторонніи лю́де, и сами́ панóве я́ко честныхъ честно поважа̀ти бу́дутъ. Ва̀мъ тéди то, мóвлю, бу́детъ пожитéчно, а Богу ми́ло, и намъ па̀стыревѣ потѣшно" (68—73).

Въ связи съ этимъ наставленіемъ стоитъ и слѣдующее о благопристойномъ поведеніи духовенства: „Доходятъ насъ пастыря слухи, же духовенство наше зобравшеся где на праздникъ, не празднославятъ, але празднословятъ много, байки собѣ повѣдаютъ, загадки вымышляютъ, а що большая и горшая, попившися альбо еденъ другого зневажаетъ, альбо еденъ зъ другого безъ студно насмѣвается. Що мы, епископъ, чуючи, и встыдатися и поболѣвати мусимо" (61).

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ уже, что преобладающей нотой во всѣхъ этихъ наставленіяхъ является желаніе Шумлянскаго, чтобы духовенство имѣло—„повагу у пановъ". Желаніе это очень понятно: паны, шляхта, это былъ единственный полноправный и всемогущій общественный слой въ Польшѣ, сближеніе съ которыми могло поднять значеніе загнаннаго и пренебрегаемаго православнаго духовенства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожалѣть о томъ, что Шумлянскій ставилъ своему духовенству безъ всякой оговорки, какъ образецъ достойный подражанія или даже какъ предметъ подобострастія, тотъ

общественный классъ, который въ то время быстро клонился къ нравственному и политическому разложенію, доведшему до паденія Польши, и который былъ главнымъ виновникомъ той забитости и того униженія, въ какомъ находилось православное мірское духовенство. Какой поразительный контрастъ представляетъ въ этомъ отношеніи Шумлянскій съ строгимъ аскетомъ Іоанномъ Вишенскимъ, который училъ своихъ соотечественниковъ „не надѣяться на пановъ даже русскаго рода“, пренебрегать внѣшнимъ блескомъ, и самъ своимъ „невытертымъ черевичищемъ“ потопталъ все то, что составляло современную польскую цивилизацію. Ежели считать Іоанна Вишенскаго типическимъ представителемъ южнорусской интеллигенціи конца XVI вѣка, а Шумлянскаго такимъ же представителемъ конца XVII вѣка, то отношеніе ихъ къ польской цивилизаціи указываетъ намъ коренную перемѣну понятій и направленій, какая въ теченіи столѣтія произошла въ средѣ южнорусской интеллигенціи. Аскетическая простота и презрѣніе ко всему мірскому смѣнились желаніемъ во чтобы то ни стало сравняться съ панами и занять мѣсто въ ряду польскихъ привилегированныхъ классовъ. Школа должна теперь давать не одно знаніе догматовъ и ученій, но и свѣтскій лоскъ, умѣніе обращаться и говорить съ панами. Для Вишенскаго православное ученіе, догматы и обряды—все; къ духовенству низшему и высшему онъ относится критически, почти съ пренебреженіемъ. У Шумлянскаго въ головѣ носится образъ духовенства богатаго, организованнаго и пользующагоси всѣми шляхетскими привилегіями.

Нельзя однакоже сказать, чтобы Шумлянскій въ одной только одеждѣ видѣлъ признаки культурности. Мы уже привели то мѣсто, гдѣ онъ уговариваетъ духовенство отдавать своихъ сыновей въ школы, хотя нѣтъ сомнѣнія, что школьное дѣло не было очень близко его сердцу. Въ его „нравоученіи“ есть еще одно мѣсто, которое указываетъ, что онъ нѣсколько шире глядѣлъ на призваніе духовенства, желалъ видѣть его классомъ дѣйствительно интеллигентнымъ, просвѣтителемъ народа. Конечно, какъ человѣкъ практическій, онъ считался съ данными

состояніемъ духовенства, и потому его требованія въ этомъ отношеніи были болѣе чѣмъ скромныя. „По божественной литурґіи, звлаща въ недѣлю або въ свято значное не отпущати людей, ажъ ихъ пéрвѣй чогó дóброго наўчишь; аже нѣмашъ нѣчóго лѣпшого кóждому человѣку христіанскому, яко умѣти въ Бога вѣрити и емў молитися, прéто повúненъ священникъ своимъ пароѳіяномъ напéрвѣй Вѣрую въ единаго Бога: всé порядне зъ книжки выразне прочитати, потомъ Отче нашъ: также и Богородице Дѣво промóвити, и наказати, абы ся того конéчне всѣ малыи и великіи, мущизни и невѣсты учили, звлаща въ дни святые. А если тéжъ маетъ ктó книгу якую учительную, отъ церкве святои принятую, то нехай не лѣнуется слóво якóе душепóлезное, звлаща дню и святу служащее прочитати. А хочай бы парохіане и тескнили, слўхати тя не хотѣли, еднакъ же тебѣ, о іерéю, чести и учити подобаетъ. Пóйдутъ люде, останутъ стѣны церковныя, тымъ повѣдай слóво Божіе, а тіи тéбѣ на страшномъ сўдѣ свѣдительствовати бўдутъ, же былесъ благимъ и нелѣнивымъ рабóмъ Господа своего“ (59—60). Далѣе, онъ рекомендуетъ духовенству книгу, имъ самимъ изданную, какъ самое лучшее и необходимое чтеніе. „Маетежъ вы честніи священницы чимъ иншимъ, а лѣпшимъ, нѣжъ загадками, бавитися такъ въ дому, яко и на праздникахъ, ґдыжъ крóмѣ иныхъ мнóгихъ богодухновенныхъ книгъ маете чести ваша отъ менé вамъ умысльне для духóвнои забавы и наўки выданную зъ ўневскои друкарнѣ книжку, названную Зверцадло, въ котóрой дóсыть потрéбная, любо вкорóтце, еднакъ выразне описалася вамъ наўка о сéдми сакраментамъ святыхъ, о десятéромъ бозскомъ приказаню и о артикўлахъ вѣры святои православно-каѳолической; тўюжъ читайте, зъ той зъ собóю диспутўйте, але не попившися“. (61—62).

Мы исчерпали все содержаніе „Нравоученія“ Шумлянскаго и надѣемся, что по сдѣланнымъ нами выпискамъ читатель и самъ убѣдится въ важности этого сочиненія для исторіи общественнаго развитія южной Руси. Намъ остается только привести еще интересное окончаніе, въ которомъ Шумлянскій говоритъ о своей типографіи, и о „Метрикѣ“, которую онъ рекомендуетъ

духовенству. „Сію же книжку рекомую метрика южъ зъ нашеи катедральнои лвовскои ново-зафундованои типографіи альбо друкарнѣ выдалисмо на свѣтъ для поправи обычаевъ необычайныхъ то естъ священниковъ непристойныхъ, за которыхъ поправою можетъся имъ поправити на томъ, що сами собѣ необычностю своею зопсовали. Не лѣнуйтежъ ся ей собѣ причитати, а узнаешъ и признаешъ, же то все потребно, що ся тутъ написано. Не утыскуй на то, же тую книжку метрику приказуемъ и хочемо цалье у каждого зъ васъ мѣти и часу певного видѣти ей схочемо: бо яко ся зъ нею обезнаешъ, признаешъ, же естъ вельми потребна“.

„А любо треба ей заплатити, и тому не дивуйтеся честніи отцеве, бо вѣдаете добре, же и намъ друкарня не пришла даромъ. Мусѣлисмо ей добре оплатити. А же тую друкарню не на свою якую прывату анѣ примноженье добръ на кревныхъ моихъ постаралемся выставити, тылько найпервѣй для умноженія книгъ ку помноженю хвалы Божой служачихъ, повторе для поправи и оздоби церкве святой великомученика Христова Георгія катедральнои, и для выживленя при той же церквѣ святой зостаючихъ законныковъ священниковъ, діаконовъ, монаховъ, гдыжъ жадноеи иншои до той церкве нѣмашъ маетности. Анѣ на свой теди пожитокъ, анѣ на кревныхъ своихъ, тылько на помененную церковъ и при ней зостаючихъ людей духовныхъ всю интрату обертати хочу, и обѣцую. Аже бы то и по смерти моей непорушно трвало, и отъ катедры нашой лвовской не отходило, тестаментомъ моимъ и актами гродзкими зтвердити того не понехаю, фундаментъ тежъ тоейже друкарнѣ маю: Привѣльей наяснѣйшаго монархи Іоана третего кроля пана, намъ щасливе пануючого, з которого ласки по ласце Божой, маю и безъ друкарнѣ хлѣба досытъ на мою потребу.

„Нехай теды сія книга названная метрика, не будетъ вамъ честніи отцеве тяжесная, вшакъ не великая а много потребная. Не жалуетъ другій на кварту и на гарнецъ順 заразливого трунку, которій можетъ обезумити, а чемужъ маешъ жаловати на книжку, которая тя можетъ умудрити о Господѣ.

„Прошу́ те́ды и па́стырско жа́даю, пріймѣте ю я́ко пе́ршое дѣло пра́цы и стара́ня типографіи на́шой, гды да́сть ли Господь Богъ дочека́ти ча́су помѣстныхъ собо́ровъ, схо́чемо самй ва́съ посѣщати и ко́ждого зъ ва́съ схо́чемо вйдѣти, а́ще пребу́дете въ семъ наказа́ніи въ любвѣ къ на́мъ па́стыреви своему, и въ своемъ священническомъ зва́ніи и послуша́ніи святомъ, кото́рое же въ пи́смѣ Божомъ называется живото́мъ, а преслуша́ніе сме́ртію. Жйчу те́ди ва́мъ, о всечестніи отце́ве и бра́тія о Христѣ, ту́тъ вре́меннаго на землй, а вѣчнаго живота́ въ небѣ. Послуша́нія святого цно́ту, при концу́ сего́ наказанія мое́го па́стырского залѣца́ю. А я́ко нача́лемъ сіе мое архіере́йское и па́стырское къ вамъ наказа́ніе отъ словесъ царству́ющаго пророка Давида, такъ и кончу́ его́ зъ ты́мъ же пророкомъ святы́мъ, его́ святы́ми сло́вы до васъ мовячи: Пріймѣте наказа́ніе, да не ко́гда прогнѣва́етъ ся Господь: Емуже честь и держава вѣчная. Аминь“ (63—68).

Если сравнить это посланіе воина и шляхтича Шумлянскаго съ тѣми безтолковыми и очень часто безграмотными пастырскими посланіями, какія издаютъ уніатскіе галицко-русскіе владыки въ XIX вѣкѣ, то намъ придется признать за сочиненіемъ Шумлянскаго несравненно болѣе жизненности, практичности, теплоты и даже литературныхъ достоинствъ, чѣмъ за всѣми современными изданіями этого рода. И потому намъ кажется, что „Метрикѣ“ Шумлянскаго должно быть отведено свое, хотя бы и скромное, мѣсто въ исторіи южнорусской литературы XVII вѣка.

Что касается языка „Метрики“, то по сдѣланнымъ нами извлеченіямъ изъ этой книги читатель, надѣюсь, будетъ имѣть возможность составить себѣ о немъ достаточное понятіе. Замѣчу только, что, не считая примѣсей польскихъ и церковнославянскихъ, довольно, впрочемъ, незначительныхъ, языкъ этотъ вообще довольно близокъ къ народному нарѣчію червоннорусскому. Ударенія скопированы нами со всей точностью потому, что въ нихъ мы замѣчаемъ особенности, не встрѣчающіяся въ нынѣшнемъ народномъ языкѣ (грѣхъ—грѣха, пи́смо и проч.), или же особенности, свойственныя нарѣчіямъ подольскому и

украинскому (тогó, сегó, выживлéня и проч.). Правописаніе, въ подлинникѣ очень непослѣдовательное, отчасти сглажено въ нашей транскрипціи; конечно, мы удержали все, что можно считать хоть сколько нибудь характернымъ (смѣшеніе ы съ и, напр. оздоби, которіе, вымишляютъ и проч.). Равнымъ образомъ и знаки препинанія разставлены нами болѣе сообразно нынѣшнимъ требованіямъ, такъ какъ въ подлинникѣ они перепутаны до того, что иногда смыслъ текста становится неудобопонятенъ.

Миронъ.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

VI.

Кременчугъ.

На другой день послѣ свиданія съ королемъ польскимъ, 26 апрѣля, въ 4 часа утра, по сигналу съ галеры Днѣпра флотилія снялась съ якоря и до 11 часовъ прошли только 30 вер. Послѣ стола, по случаю противнаго вѣтра, плаваніе было очень затруднительно и, пройдя только 2 версты, принуждены были остановиться на ночлегъ, близъ мѣстечка Домантова.

Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ: „26 апрѣля. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, были довольны, что избавились вчерашняго безпокойства. Кн. Потемкинъ ни слова не говорилъ; принуждена была говорить безпрестанно; языкъ засохъ; почти осердили, прося остаться. Король торговался на 3, на 2 дни или хотя для обѣда на другой день“.

Императрица 26-го же апрѣля писала къ графу Брюсу: „Вчерашней день моя галера была грузна, мы цѣлый день стояли на якорѣ противу Канева, мои шлюбки посланы были въ 11 часовъ по короля польскаго и онъ съ своею свитою чрезъ часъ пріѣхалъ на мою галеру и мы были вмѣстѣ часовъ девять, потомъ шлюбки мои отвезли паки его величество, а сего утра на разсвѣтѣ мы паки подняли якори и пошли въ путь. А сегодня послѣ обѣда я чаю Левъ Александровичъ (Нарышкинъ) отъ трусости занеможетъ, понеже вѣтръ сдѣлался такой крѣпкой,

[1]) „Кіевская Старина“, 1891 г., № 5.

что послѣ обѣда, прошедъ верстъ съ пять, принуждены стать на якори и Днѣпръ сильно волнуется и непріятный аспектъ имѣетъ. Мы всѣ здоровы, нечего дѣлать то пишу къ вамъ. Скажите Аннѣ Никитишнѣ (Нарышкиной), что король польскій у меня спрашивалъ объ ней и я ему сказывала, comme on l'a purgée depuis le premier de janvier jusqu'au dernier de decembre. Только онъ такъ перемѣнился, что его узнать нельзя, я чаю онъ тоже скажетъ. Я нахожу, что Днѣпръ бурлитъ болѣе Невы и Волги. Прощайте, Богъ съ вами. Съ галеры Днѣпръ, на Днѣпрѣ 26 апрѣля 1787 года".

27 апрѣля, въ день рожденія великаго князя Константина Павловича, противный вѣтеръ продолжался; утромъ съ 5 часовъ до 10 проплыли только 21 версту и, миновавъ польскій городъ Черкасы, остановились къ обѣду въ виду острова Корчиватаго.— По желанію императрицы, приглашены были къ обѣду на галеру Днѣпръ: статсъ-дамы Браницкая и Скавронская, Нарышкинъ, гр. Ангальтъ, принцъ де-Линь и посланники; остальная свита обѣдала на галерѣ Десна. Тостъ за здравіе новорожденнаго былъ провозглашенъ императрицею, при чемъ съ галеры Днѣпръ сдѣлано 15 пушечныхъ выстрѣловъ. Весь день былъ сильный противный вѣтеръ, почти буря, которая стихла только къ 6 часамъ; тогда рѣшились пуститься въ путь, но пройдя 9 верстъ, въ 8 часу остановились на ночлегъ противъ польскаго села Измагайловки. Въ 9 часовъ вечера, по сигналу съ галеры Днѣпръ, приглашены были къ императрицѣ на „*партію*" кн. Потемкинъ и гр. Кобенцель.

Въ этотъ день многіе изъ путешествовавшихъ были безъ обѣда. Вотъ что случилось: придворный главный кухмистеръ доложилъ еще въ Кіевѣ, что кухонныя барки такъ дурно построены, что неизбѣжно должны сгорѣть; но его докладъ не повелъ ни къ чему. Когда обѣ барки стояли близъ города Черкасъ на якорѣ, загорѣлось на обѣихъ. Одна, первая, сильно пострадала, вторая менѣе. Слуги пассажировъ съ одного бичеваго судна, отправляясь за кушаніемъ для своихъ господъ, достигли первыми до горѣвшей кухни и увидѣли множество людей, кричавшихъ о помощи и требовавшихъ, чтобы ихъ взяли на служительскую

шлюпку. Но слуги были на столько осторожны, что поскорѣе удалились, боясь, что слишкомъ много народа, спасаясь къ нимъ въ шлюпку, потопитъ ее.

Но тутъ со всѣхъ сторонъ подоспѣли другія шлюпки и грузъ, такимъ образомъ, раздѣлили. Понятно, что по этому случаю вся флотилія должна была довольствоваться обѣдомъ весьма скуднымъ [1]).

28 апрѣля, по утру въ 3 часу снялись съ якоря; въ исходѣ 12 часа, проѣхавъ 28 верстъ, становились къ обѣду противъ острова Желтенки. Послѣ обѣда проѣхали 17 верстъ и на ночлегъ въ 7 ч. вечера стали на якорь противъ села Яленцы. Въ этотъ день императрица писала къ Брюсу: „Вчерашній день мы не болѣе отошли какъ верстъ тритцать и теперь верстъ 90 отъ Кременчуга находимся; тутъ я получила ваше письмо отъ 15 апрѣля. Мы всѣ здоровы. Обходя непрестанно косъ и отмели при крѣпкихъ всякихъ вѣтрахъ, никто смѣшнѣе при сихъ обстоятельствахъ не бываетъ, какъ Левъ Александровичъ; онъ переселился ко мнѣ на галеру и спитъ въ моей передней каютѣ и думаетъ, что тутъ ему лучше, нежели на той, гдѣ былъ съ оберъ-камергеромъ (И. И. Шуваловымъ). Сей еще болѣе трусить, нежели самъ оберъ-штальмейстеръ, впрочемъ всѣ веселы и здоровы, mais nous sommes contrariés et retardés par les vents. Надѣемся со всѣмъ съ тѣмъ быть завтра или послѣ завтра рано въ Кременчугѣ. Причину вѣтровъ урывистыхъ, кажется, съ вѣроятностію приписать можно польскому берегу, который весьма высокъ, а между вышинъ заразы, отъ чего вѣтры аки сквозные дуютъ, когда противу нихъ сравняемся“.

Весь день 28 апрѣля свирѣпствовала буря; а между тѣмъ приходилось плыть между пороговъ; гребцы выбились изъ силъ, чтобы избѣгнуть ихъ; графъ Ангальтъ, Безбородко и другіе принялись помогать гребцамъ и только этимъ избавились отъ опасности. (См. Сбор. р. истор. об. т. 26).

Храповицкій же объ этомъ обстоятельствѣ, подъ 29 апрѣля, отмѣтилъ: „Вычернено изъ Журнала, что вчера по утру при-

---

[1]) Смот. Taurische Reise, стр. 99.

жало къ берегу галеру „Днѣпръ“, на которой находилась императрица, для того дабы не вышло пустыхъ разглашеній и толковъ“.

29 апрѣля, снялись съ якоря въ 4 часа; обѣдъ не доходя польскаго села Липова. На ночлегъ остановились ниже устья рѣки Тясмина, протекающей противъ мѣстечка Крылова и составляющей границу Польши съ намѣстничествомъ екатеринославскимъ. Здѣсь, на легкихъ судахъ, выѣхали на встрѣчу флотиліи екатеринославскій губернаторъ, генералъ-маіоръ Иванъ Максимовичъ Синельниковъ, губернскій предводитель, бригадиръ Лалошъ, уѣздные предводители и дворянство. Народъ съ криками „ура!“ выбѣжалъ толпами на берегъ.

Потемкинъ постарался украсить берега Днѣпра. Иногда появлялись въ виду проходившей флотиліи крестьяне съ пѣснями и музыкою, выходило духовенство и козаки гарцовали на проворныхъ своихъ скакунахъ, или отряды вновь образованной Потемкинымъ кавалеріи въ новой легкой формѣ. Иностранцы писали даже басни о какихъ то декораціяхъ, изображавшихъ постройки, для очарованія днѣпровскихъ путешественниковъ. (См. Смоленскія Губ. Вѣд. 1871 г. № 10—14).

30 апрѣля въ 5 часовъ утра пустились въ путь и въ 9 часовъ стали на якорь противъ города Кременчуга. Пушечная пальба съ городской батареи загремѣла, когда флотилія была еще за двѣ версты отъ города, а когда галера „Днѣпръ“ легла передъ городомъ, то съ нея салютовали городу 9-ю выстрѣлами. Когда императрица сѣла въ шлюпку, то началась снова пальба, а въ церквяхъ колокольный звонъ. На пристани встрѣтили императрицу: Амвросій, архіепископъ екатеринославскій и херсонесотаврическій съ крестомъ и князь Потемкинъ, какъ генералъ-губернаторъ екатеринославскаго намѣстничества, съ „генералитетомъ“.

Приложившись ко кресту, предшествуемая духовенствомъ, императрица шла пѣшкомъ до тріумфальныхъ воротъ, на которыхъ помѣщены были музыканты съ трубами и литаврами; пѣвчіе въ это время пѣли: „*Воспойте людіе боголѣпно въ Сіонѣ*“ и молитву „Воздадите Христу во Іерусалимѣ, Самъ грядетъ во

славѣ со областію". (См. К.-ф. журналъ 1787 г. стр. 353). За императрицею шла вся ея свита, посланники и генералитетъ; у воротъ встрѣтили императрицу магистратъ и купцы съ хлѣбомъ и плодами; здѣсь императрица сѣла въ двухмѣстную карету, въ которой и слѣдовала въ приготовленный для нея домъ генералъ-губернатора. Вновь выстроенный губернаторскій домъ, точно дворецъ, имѣлъ по обѣ стороны двѣ площадки и громадныя тріумфальныя ворота. Входъ съ рѣки передъ домомъ былъ выстроенъ въ видѣ театра, но такъ не прочно, что чрезъ четыре недѣли все провалилось. Собственно до дворца или дома генералъ-губернатора было около трехъ верстъ отъ берега. Тамъ были устроены громадный залъ, большой апартаментъ для императрицы, спальня съ колоннами, за которыми скрывалась кровать, такъ точно какъ въ Царскомъ Селѣ. Все это было воздвигнуто въ шесть недѣль. Такъ, напр., было выписано съ экстренной почтой около 20,000 оконныхъ стеколъ, для того только, чтобъ найти между ними хоть нѣсколько сотенъ цѣлыхъ [1]). По обѣ стороны пути, по которому проѣзжала императрица, стояли *легкоконные* полки: сумской, ахтырскій, изюмскій, харьковскій, павлоградскій и маріупольскій, батальонъ екатеринославскій гренадерскій и четыре батальона бугскаго егерскаго корпуса; къ самому же дому генералъ-губернатора примыкалъ екатеринославскій кирасирскій. Передъ каретою императрицы верхами ѣхали: городничій, городская команда и дворяне; возлѣ кареты—фельдмаршалъ князь Потемкинъ, генералъ-аншефы: кн. Ю. В. Долгоруковъ и Текелли; генералъ-поручики: Гейкинъ, гр. Румянцевъ и Левашевъ; генералъ-маіоры: Дунинъ, Голенищевъ-Кутузовъ, Аршеневскій, баронъ Ферзенъ и Волковъ; затѣмъ штабъ и оберъ-офицеры. Шествіе замыкалъ екатеринославскій кирасирскій полкъ съ штандартомъ и обнаженными палашами. Когда карета императрицы приблизилась ко дворцу, изъ поставленныхъ передъ нимъ пушекъ произведена пальба; на подъѣздѣ встрѣтилъ императрицу гофмаршалъ кн. Барятинскій. Послѣ обѣда, въ 5 часовъ, въ тронной залѣ былъ концертъ,

---

[1]) См. Taurische Reise. Koblenz, 1799, стр. 103.

исполненный 186 пѣвцами и музыкантами кн. Потемкина; они исполняли итальянскую кантату, сочиненную къ пріѣзду императрицы въ Кременчугъ капельмейстеромъ Сартіемъ. Концертъ продолжался часъ времени и потомъ во внутреннихъ покояхъ императрица забавлялась игрою въ карты. Домъ и садъ генералъ-губернатора были иллюминованы.

Въ тотъ же день, 30 апрѣля, императрица писала изъ Кременчуга къ Брюсу:

„Сего утра, часу въ осмомъ, мы кинули якорь предъ здѣшняго города и къ обѣду я поѣхала на берегъ и обѣдала въ здѣшнемъ генералъ-губернаторскомъ домѣ, который при прекрасной дубовой рощѣ и фруктовомъ регулярномъ садѣ; всѣ деревья, даже и дубъ раскинулся и тепло такъ, какъ у насъ въ іюлѣ; вообще съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали въ екатеринославское намѣстничество воздухъ и всѣ вещи и люди перемѣнили видъ и все кажется живѣе. Сегодня я имѣла удовольствіе видѣть на лицо то, про что старушечки всѣ твердили въ обѣихъ столицахъ будто только это находится на одной бумагѣ, то есть легкая конница. Я васъ могу увѣрить, что треть ее находится здѣсь не бумажная, но прекраснѣйшее какое только видѣть можно. Мы всѣ здоровы. Половина Польши и сюда прискакала и Кременчугъ еще люднѣе гораздо и если смѣть сказать лучше Кіева, по крайней мѣрѣ мѣстоположеніе веселѣе".

Въ письмѣ къ Еропкину въ Москву императрица въ тотъ же день писала гораздо подробнѣе:

„Петръ Дмитріевичъ! сего утра я благополучно и здорова пріѣхала на галерѣ сюда, въ Кременчугъ. Здѣсь я нашла треть прекрасной легкой конницы, той, про которую нѣкоторые незнающіе люди твердили до нынѣ, будто она лишь считается на бумагѣ, а въ самомъ дѣлѣ ее нѣтъ, однако же она дѣйствительно на лицо и такова, какъ можетъ быть, еще никогда подобной не бывало, въ чемъ прошу, разсказавъ любопытнымъ, слаться на мое письмо, дабы перестали говорить неправду, а отдавали бы справедливость усердно мнѣ и имперіи въ семъ дѣлѣ служащимъ. Здѣсь всѣ деревья безъ изъятіи раскинулись и тепло какъ у насъ въ іюлѣ. Здѣшній городъ веселѣе Кіева.

Генералъ-губернаторскій домъ, въ которомъ теперь нахожусь, съ пріятной дубовой рощей и фруктовымъ садомъ; домъ великъ и прекрасно расположенъ; зала обширна. Здѣсь людство необычайное и многіе поляки и сюда за нами послѣдовали. Въ здѣшней губерніи трудъ и прилежность вездѣ ощутительны, что мнѣ весьма пріятно. Третьяго числа мая думаю ѣхать отселѣ паки водою до днѣпровскихъ пороговъ. Пребываю къ вамъ доброжелательною. Кременчугъ, апр. 30, 1787 г. [1]).

На другой день, 1 мая, въ 10 часовъ утра, въ тронной залѣ собрались представиться императрицѣ всѣ знатныя особы и духовенство; во главѣ первыхъ былъ князь Потемкинъ, во главѣ духовенства архіепископъ Амвросій. Передъ обѣдомъ Потемкинъ представлялъ императрицѣ трехъ депутатовъ отъ осетинскаго народа; депутаты отъ племенъ туюганскаго, кубаданскаго и карабусинскаго, желавшихъ принять св. крещеніе. Къ столу приглашенъ былъ, между прочими, и знаменитый впослѣдствіи Суворовъ; во время стола была инструментальная и вокальная музыка—и, между прочимъ, исполнена была кантата, сочиненная придворнымъ капельмейстеромъ Сартіемъ на случай прибытія императрицы въ Кременчугъ. Вечеромъ, поигравши въ карты, императрица пѣшкомъ осматривала иллюминацію передъ генералъ-губернаторскимъ домомъ [2]).

Въ этотъ день императрица писала къ Салтыкову:

„Николай Ивановичъ! Вчерашній день по утру я пріѣхала сюда благополучна и здорова и нашла все здѣсь въ самомъ лучшемъ виду, погода самая лѣтняя, всѣ деревья и самые дубы распустились. Здѣсь я нашла три легкоконные полка, т. е. треть тѣхъ, про которыхъ покойный Панинъ и многія иныя старушенки говорили, что они только на бумагѣ, но вчерась я видѣла своими глазами, что тѣ полки не карточные, но въ самомъ дѣлѣ прекрасные. Князь Юрья Владимировичъ здѣсь не одинъ. Я ему говорила, что если онъ къ Натальи Влади-

---

[1]) См. Сочиненія Екатерины II, изд. Смирдина, Спб. 1850.

[2]) Щитъ, представлявшій въ „профиліи [храмъ, съ приношеніемъ жертвы и съ разными по сторонамъ изображеніями“ (К.-ф. журналъ 1787, стр. 368).

мировнѣ или къ вамъ писать хочетъ, что я письмо перешлю, что удетъ, то незнаю, есть ли пришлетъ, то получите съ симъ курьеромъ". (См. Р. Архивъ. 1864, стр. 966).

2 мая утромъ, передъ выѣздомъ императрицы къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ, представлялись ей купечество елисаветградское, крюковское и крыловское и поднесли хлѣбъ-соль, апельсины, лимоны, яблоки, банки съ разными вареньями и фруктами.

Въ Успенскомъ соборѣ передъ литургіею, въ присутствіи императрицы, было совершено посвященіе нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря архимандрита Дорофея въ епископы ѳеодосійскіе и маріупольскіе.

Обѣдъ въ Кременчугѣ въ этотъ день былъ на 62 персоны; къ столу приглашены были: духовенство, высшіе гражданскіе и военные чины, между которыми былъ и Суворовъ. Вечеромъ былъ балъ, передъ началомъ котораго статсъ-дама графиня Браницкая представила императрицѣ „дамъ знатнаго генералитета, чиновниковъ и дворянъ, въ Кременчугѣ находившихся". (К.-Ф. Ж.)

Адмиралъ Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ, посланный въ маѣ 1787 г. гр. Войновичемъ къ Потемкину съ важными депешами, записалъ слѣдующія очень любопытныя подробности о пребываніи императрицы въ Кременчугѣ [1]):

„По пріѣздѣ моемъ въ Кременчугъ, князь приказалъ мнѣ отдохнуть; это было подъ вечеръ и въ тотъ самый день, когда дворянство дѣлало великолѣпный балъ въ галлереѣ, нарочно построенной для сего празднества. Я былъ тогда молодъ, здоровъ и, несмотря на то, что въ два дня проскалалъ 300 верстъ верхомъ, на летучей казачьей почтѣ, и столько жъ верстъ сдѣлалъ на перекладныхъ дрянныхъ повозкахъ, разсудилъ, что высплюсь еще дорогою и на мѣстѣ, а теперь останусь во дворцѣ позѣвать (на балѣ я не могъ быть дѣй-

---

[1]) Сенявинъ, Дмитр. Николаев., адмиралъ, родился 1763 г. въ селѣ Комлевѣ, боровскаго уѣзда калужск. губерн., ум. 5 апр. 1831 г.. Отецъ его Николай Ѳедор. служилъ въ морской службѣ. Родоначальникъ фамиліи Сенявиныхъ польскій дворянинъ Рафаилъ Грановскій. (См. Морской Сборникъ 1855 г. № 4).

ствующимъ, потому что не было со мной изъ платья ничего кромѣ дорожнаго); въ восемь часовъ вечера государыня изволила выйти изъ внутреннихъ своихъ покоевъ въ залу и, лишь только подошла къ среднему открытому окну, какъ въ самый тотъ моментъ упалъ занавѣсъ, закрывающій вдали и прямо предъ нею тріумфальныя ворота, и тріумфъ сей показался ей во всемъ блестящемъ сіяніи. Народъ, во множествѣ окружавшій дворецъ, прокричавъ нѣсколько разъ „ура!", умолкъ. Императрица, любуясь и похваляя какъ будто въ огнѣ сіяющія тріумфальныя ворота, изволила сказать: „все очень хорошо, очень хорошо, но чего то недостаетъ"; князь тотчасъ понялъ, что недостаетъ, приказалъ музыкѣ играть и пѣсни пѣть и въ тоже время отвѣчалъ: „виноватъ, государыня, недоразумѣніе случилось" (все это было приготовлено, но было приказано не начинать прежде, пока приказано будетъ); вдругъ музыка заиграла, пѣсни въ разныхъ мѣстахъ запѣли и народъ заплясалъ. Государыня, услышавъ музыку, пѣсни и увидѣвъ движеніе народа, показала себя, какъ будто тѣмъ была обрадована".

„На другой день князь, апробовавъ распоряженія графа на принятіе государыни по прибытіи ея въ Севастополь, приказалъ мнѣ ѣхать обратно" [1]).

На слѣдующій день (3 мая), въ исходѣ 12 часа утра, императрица въ двумѣстной каретѣ, посадивъ съ собою графиню Браницкую, отправилась къ пристани; передъ каретою ѣхали верхами городничій, дворяне и эскадронъ кирасирскаго полка съ штандартомъ, трубами и литаврами; за каретою слѣдовали верхами кн. Потемкинъ и всѣ генералы; съ батареи стрѣляли изъ пушекъ и въ городѣ въ церквахъ звонили въ колокола.

На пристани ожидало духовенство съ крестомъ и св. водою; у тріумфальныхъ воротъ императрица вышла изъ кареты, приложилась ко кресту и, пожаловавъ духовенство къ рукѣ, на шлюпкѣ переѣхала на галеру „Днѣпръ". Пушечная пальба и колокольный звонъ не прекращались до вступленія императрицы на галеру; къ обѣду всѣ были приглашены на столовую галеру

---

[1]) См. Морской Сборникъ 1855 г., № 4, стр. 139.

„Десна“, въ продолженіи стола игралъ придворный оркестръ. Послѣ обѣда императрица возвратилась на галеру „Днѣпръ“ и въ два часа данъ сигналъ подняться съ якоря. При сильномъ и противномъ юго-западномъ вѣтрѣ галеры едва могли двигаться, но въ 6 часу погода стихла и, проѣхавъ отъ Кременчуга всего 17 верстъ, остановились на ночлегъ противъ слободы Свято-Троицкой.

Выѣхавъ изъ Кременчуга, императрица писала къ Салтыкову: „На галерѣ „Днѣпръ“ на Днѣпрѣ, верстахъ въ осми отъ Кременчуга мая 3 ч. 1787, стоя на якорѣ по причинѣ сильнаго урывистаго вѣтра.

Николай Ивановичъ! Сего дня, передъ тѣмъ, чтобъ ѣхать изъ Кременчуга, я получила ваши письма отъ 22 апрѣля; радуюсь, что вы съ великими князьями здоровы. Съ симъ же курьеромъ получила подтвержденіе отъ вел. княгини, что въ газетахъ ложно напечатано о ея беременности. Въ Кременчугѣ намъ всѣмъ весьма понравилось, наипаче послѣ Кіева, который между нами не единаго не получилъ партизана, и естьли бъ я знала, что Кременчугъ таковъ, какъ я его нашла, я бы давно переѣхала въ немъ жить вмѣсто кіевскаго пребыванія. Домъ генералъ-губернаторской прекрасной, веселой и покойной. Вчерашній день былъ балъ, и я нашла людство превеликое, между прочими княгиня Катерина Александровна Долгорукова, и понеже уже давно, десять лѣтъ прошло, и сей бракъ закономъ покрытъ, то и не усумнилась по сему обстоятельству ее принять, и она крайне казалась признательна, и мы обошлись весьма ласково и пріятно. Князь Юрій же Владиміровичъ таковъ веселъ, какъ я давно его не видала; онъ проводилъ меня на галеры и съ нами обѣдалъ. Чтобъ видѣть, что я не попусту имѣю довѣренность къ способности фельдм. князя Потемкина, надлежитъ пріѣхать въ его губерніи, гдѣ всѣ части устроены какъ возможно лучше и порядочнѣе: войска, которыя здѣсь таковы, что даже чужестранные оныя хвалятъ не ложно; города строятся, недоимокъ нѣтъ. Въ трехъ же малороссійскихъ губерніяхъ, оттого что ничему не дано движенія, недоимки простираются до милліона, города мерзкіе, и ничто не дѣлается. Здѣшній климатъ прекрасный: всѣ деревья въ цвѣтахъ. Я отъ роду не

видала такія грушевыя деревья, охвата въ два, какъ въ моемъ саду въ Кременчугѣ. Посылая подарки къ тѣмъ, кои трудились усердно около великихъ князей, могла ли я забыть горячее ваше объ нихъ попеченіе, и посылая къ другимъ, совѣстно бы было мнѣ не показать онымъ, что вы у меня первой въ спискѣ усердныхъ по сему случаю, а дружескія ваши объясненія пріемлю, какъ знакъ вашей ко мнѣ откровенности. Сіе письмо отправлю не прежде какъ изъ Кайдаковъ. До Кременчуга съ нами ѣхалъ маленькой Браницкой, и онъ тамо будетъ ждать моего возвращенія; у насъ съ нимъ дружба крайняя, и онъ такъ ко мнѣ привыкъ, что гдѣ только можетъ, то покинувъ родителей и хожатыхъ, ко мнѣ прибѣжитъ и безъисходно у меня, и мы съ нимъ по саду въ Кременчугѣ безъ хожатыхъ, безъ людей за просто хаживали, какъ съ большимъ человѣкомъ, и этотъ мальчикъ безцѣнной, уменъ, послушливъ, веселъ и забавенъ до крайности; естьлибъ былъ на улицѣ, а не графъ Браницкой, ябъ его не отпустила. Видно, что сіе письмо на досугѣ писано. Прощайте, Богъ съ вами. Пребываю къ вамъ доброжелательна [1]).

Мы кончимъ о пребываніи императрицы въ Кременчугѣ, свѣдѣніями, отмѣченными посланникомъ графомъ Сегюромъ въ его запискахъ:

„30 апрѣля мы благополучно прибыли въ Кременчугъ.

Скучное пребываніе въ Кіевѣ, зима и въ особенности недовольный видъ Румянцева расположили къ грусти веселую императрицу. По высадкѣ нашей въ Кременчугѣ иная картина представлялась взорамъ ея: весна, ожививъ природу, придала предметамъ праздничный видъ, и свѣтлая, прелестная зелень украшала все, даже болота. Домъ обширный, красивый, построенный и расположенный по вкусу Екатерины, англійскій садъ, въ которомъ волшебнымъ образомъ князь Потемкинъ насадилъ огромнѣйшія деревья; прекрасный видъ, украшенный тѣнистой зеленью, цвѣтами и водою; 12,000 вновь снаряженнаго войска; собраніе всего дворянства губерніи, въ богатыхъ нарядахъ, и

---

[1]) Русскій Архивъ 1864 г., стр. 966.

купцовъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ имперіи; наконецъ повсемѣстное движеніе послѣ трехмѣсячнаго покоя и близость къ цѣли этой необыкновенной поѣздки, занявшей вниманіе Европы, вотъ чѣмъ открылись для меня эти новыя зрѣлища. Удовольствіе Екатерины, при ежедневномъ видѣ новыхъ, занимательныхъ предметовъ, высказалось ясно. Потемкинъ, необыкновенный всегда и во всемъ, явился здѣсь столько же дѣятельнымъ, сколько былъ лѣнивъ въ Петербургѣ. Какъ будто какими то чарами умѣлъ онъ преодолѣвать всевозможныя препятствія, побѣждать природу, сокращать разстоянія, скрывать недостатки, обманывать зрѣніе тамъ, гдѣ были лишь однообразно песчаныя равнины, дать пищу уму на пространствѣ долгаго пути и придать видъ жизни степямъ и пустынямъ. Станціи были размѣщены такимъ образомъ, что путешественники не могли утомиться: флотъ останавливался всегда въ виду селеній и городовъ, расположенныхъ въ живописныхъ мѣстностяхъ. По лугамъ паслись многочисленныя стада; по берегамъ располагались толпы поселянъ; насъ окружало множество шлюпокъ съ парнями и дѣвушками, которыя пѣли простонародныя пѣсни, однимъ словомъ, ничего не было забыто.

Надобно согласиться, что хотя Потемкинъ былъ плохой полководецъ, своенравный дипломатъ и далеко не великій государственный человѣкъ, но за то былъ самый замѣчательный, самый ловкій царедворецъ. Впрочемъ, если бы и снять искусственную оболочку съ его созданій, то осталось бы все-таки много существеннаго. Когда онъ принялъ въ управленіе эти огромныя области, въ нихъ было только 204,000 жителей; а подъ его управленіемъ населеніе въ нѣсколько лѣтъ возрасло до 800,000,— число, впрочемъ, еще незначительное для пространства на 800 верстъ въ длину и 400 въ ширину.

Приращеніе это составляли колонисты греческіе, нѣмецкіе, польскіе, инвалиды, уволенные солдаты и матросы. Одинъ французъ, поселившійся здѣсь за три года до нашего пріѣзда, сказалъ мнѣ, что, проѣзжая ежегодно эту страну, онъ находитъ новопостроенныя, богатыя селенія тамъ, гдѣ за годъ были пустыни.

Въ Кременчугѣ Потемкинъ доставилъ намъ зрѣлище большихъ маневровъ, въ которыхъ участвовали 45 эскадроновъ конницы и многочисленная пѣхота. Я рѣдко видывалъ такое прекрасное и блестящее войско. Движенія ихъ могли дать намъ понятіе объ этой тактикѣ, страшной для турокъ, хотя, можетъ быть, и недостаточной противъ другихъ войскъ. Впослѣдствіи мы дали имъ славные уроки, которыми они прекрасно воспользовались. Вся ихъ тактика въ то время, какъ я ихъ видѣлъ, состояла въ движеніи четырьмя колоннами съ цѣпью стрѣлковъ впереди, предшествуемыхъ козачьимъ отрядомъ. Предположивъ, что непріятель приближается въ значительныхъ силахъ, колонны строились въ четыре большіе трехшеренговые карре; козаки отступали за колонны и, построясь фронтомъ въ одну шеренгу, становились въ ихъ интервалы такимъ образомъ, что весь боевой порядокъ имѣлъ видъ четырехъ бастіоновъ и двухъ куртинъ; артиллерія становилась въ углахъ карре. Въ эту минуту, предполагая, что карре окружены непріятелемъ, какъ обыкновенно бываетъ въ сраженіяхъ съ турками, вдругъ открывался сильный огонь, послѣ котораго, если непріятель приведенъ въ замѣшательство, карре двигалось, стрѣлки высылались впередъ, а козаки, опустивъ пики, съ гикомъ бросались на опрокинутаго непріятеля, чтобы довершить его пораженіе.

Послѣ блистательнаго осмотра войскъ, императрица, чтобы выразить князю свое удовольствіе, въ порывѣ искренней радости сказала ему: „Отъ Петербурга до Кіева мнѣ казалось, что пружины моей имперіи ослабли отъ употребленія: здѣсь онѣ въ полной силѣ и дѣйствіи“.

Слѣдуя непремѣнной привычкѣ своей, императрица и здѣсь принимала духовенство, мѣстное начальство и купцовъ, потомъ пригласила все дворянство на вечеръ, кончившійся баломъ и вслѣдъ за тѣмъ возвратилась на свою галеру“.

Въ Кременчугѣ, къ пріѣзду императрицы, мѣстный поэтъ Завьяловъ написалъ огромную, торжественную *пѣснь*, которая была написана въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ* 1788 г. (іюньская кн., стр. 69 и слѣд.).

VII.

Отъѣздъ изъ Кременчуга. Свиданіе съ императоромъ Іосифомъ II.

3-го мая въ 2 часа по полуночи флотилія начала сниматься съ якоря, но съ большими неудачами по случаю сильнаго противнаго вѣтра. При самомъ отъѣздѣ изъ Кременчуга одно судно сѣло на мель, матросы работали по колѣна въ водѣ и успѣли освободить его. Въ 3 часа принуждены были опять остановиться; одинъ трешкоутъ также попалъ на мель, а въ это время на него налетѣло было судно съ живою съѣстною провизіею: съ курами, утками и др. птицами. Матросы и солдаты опять поработали. Въ 8 часу вечера прибыли на ночлежную станцію противъ слободы Свято-Троицкой [1]), отъ Кременчуга въ 17 верстахъ.

Отъ слободы Свято-Троицкой флотилія, 4 мая, по сигналу съ галеры „Днѣпръ", въ 3 часа ночи снявшись съ якорей, пошла въ путь и въ началѣ 11-го часа стала на якорь въ виду мѣстечка Переволочны, проплывъ 32 версты.

Отъѣзжая изъ Кременчуга, съ галеры императрица писала графу Брюсу: „Здѣшній климатъ почитаю лучшимъ въ имперіи; здѣсь безъ изъятія всѣ фруктовые деревья ростутъ на вольномъ воздухѣ, я съ роду не видала грушевыя деревья величиною и толщиной съ самаго большаго и толстаго дуба; воздухъ самый пріятнѣйшій; cette contrée est en verité un paradis... жаль очень, что несчастные времена и тогдашнее до моего царствованія положеніе границы не дозволяло оными пользоваться съ тѣми выгодами, кои имѣть могли; ici, sans forcer la nature, avec fort peu de soin et moins de depenses on aurait eu tout ce qu'on aurait voulu; quelle différence avec ce Kioff, si triste, si vilain, si sale et où à chaque pas l'on lit les malheurs qu' il a souffert depuis sa fondation.

Сіе письмо отправлено будетъ не преждѣ Кайдаки; я чаю, теперь мы проѣхали мѣстечко Калиберды; мы всѣ здоровы, какъ большіе, такъ и малые, и хотя со мною двѣ тысячи семьсотъ

---

[1]) См. Taurische Reise. Koblenz. 1799, стр. 190.

человѣкъ, но больныхъ только по вчерашній день шесть человѣкъ, слабыхъ же съ десяткой, то есть сегодня голова болитъ, а завтра паки здоровъ, и слѣдовательно и считать нечего, думаю, что и на мѣстѣ живучи не менѣе бываетъ, а весьма часто и болѣе. На галерѣ Днѣпръ. Мая 4 ч. 1787 г.“ [1]).

Послѣ обѣда, плаваніе было чрезвычайно затруднительно; по причинѣ противнаго вѣтра не могли проплыть болѣе 7 верстъ въ теченіе трехъ часовъ, и принуждены были остановиться не тамъ, гдѣ было предположено по маршруту, а легли на якорь близь слободы Чичиринской. На галерѣ Днѣпръ выкинули сигнальный флагъ „къ собранію“ на эту галеру. Императрица вышла въ залу, бесѣдовала и играла въ карты съ Мамоновымъ, Браницкимъ и Фицъ-Гербертомъ.

Сегюръ сообщилъ интересныя подробности о плаваніи отъ Кременчуга: „Несмотря на то, что рѣка становилась все шире и шире, плаваніе наше затруднялось. Часто противные или слишкомъ слабые вѣтры прибивали насъ къ островамъ или останавливали на мели; иногда мы принуждены были стоять на якорѣ цѣлыя сутки. Но видъ незнакомыхъ мѣстъ, любопытство при поѣздкѣ черезъ страну, гдѣ недавно еще жили запорожскіе козаки, разбойники и враги всякаго труда, а теперь поселились люди мирные и трудолюбивые, наконецъ удобства при жизни на нашихъ галерахъ, чтеніе и бесѣды, все это сокращало время такъ, что незначительныя остановки на этомъ дальнемъ пути доставляли намъ развлеченіе. Даже императрица, повидимому, была такъ довольна собою и нами, что съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ ожидала скораго окончанія нашего водянаго путешествія по Днѣпру; но вмѣстѣ съ тѣмъ она принуждена была поспѣшать, чтобы не заставить долго ждать императора, который тогда, по дошедшимъ къ намъ извѣстіямъ, уже прибылъ въ Херсонъ.

Де-Линь, будучи двадцатью годами старше меня, удивлялъ меня живостью своего воображенія и юношескимъ умомъ. Рано утромъ будилъ онъ меня стукомъ въ тонкую перегородку, которая отдѣляла его кровать отъ моей, и читалъ экспромпты въ

[1]) Изъ приложеній къ Камеръ-Фурьер. журн. 1787 г.

стихахъ и пѣсенки, только что имъ сочиненныя. Немного погодя, его лакей приносилъ мнѣ письмо въ 4 и 6 страницъ, гдѣ остроуміе, шутка, политика, любовь, военные анекдоты и эпиграммы были всѣ перемѣшаны очень оригинально. Онъ требовалъ немедленнаго отвѣта. Ничего не могло быть послѣдовательнѣе и точнѣе этой странной, ежедневной переписки, которую вели между собою австрійскій генералъ и французскій посланникъ, лежа стѣна объ стѣну въ галерѣ, недалеко отъ повелительницы сѣвера, на волнахъ Борисѳена, въ землѣ козаковъ и на пути въ страны татарскія! Множество разнообразныхъ забавъ, любопытные и остроумные разсказы Екатерины, дѣльные, хотя нѣсколько грустныя, разсужденія Фитцъ-Герберта, шутки Нарышкина и неутомимая веселость Кобенцеля, который заставлялъ насъ разыгрывать пьески въ спальнѣ государыни, все это пріятно разнообразило наше время.

Между тѣмъ, препятствія и задержки на пути умножились, нетерпѣніе государыни возрастало, какъ вдругъ мы получили извѣстіе, что императоръ, на другой день по пріѣздѣ въ Херсонъ, выѣхалъ оттуда и поспѣшилъ въ Кайдакъ, отъ котораго мы были недалеко. Императоръ намѣревался выѣхать на встрѣчу царской галерѣ“ [1]).

Дѣйствительно, это извѣстіе получено было во флотиліи во время обѣда (К.-Ф. ж.). Тотчасъ послѣ обѣда, по приказанію императрицы, поѣхали на встрѣчу императору генералъ-поручикъ графъ М. П. Румянцевъ, а съ нимъ отправился и посланникъ австрійскій графъ Кобенцель.

Свиданіе съ Іосифомъ II во время крымскаго путешествія было условлено еще въ 1780 году, когда онъ пріѣзжалъ въ Россію, а въ августѣ 1786 г. императрица увѣдомила Іосифа II о путешествіи черезъ Кіевъ. Императоръ въ декабрѣ 1786 года отвѣчалъ императрицѣ, что онъ пріѣдетъ непремѣнно въ Кіевъ [2]).

На слѣдующій день, 5-го мая, опять противный вѣтеръ былъ еще сильнѣе вчерашняго, такъ что, проплывъ 6 верстъ,

[1]) См. Записки графа Сегюра.

[2]) Госуд. арх., IV, 12.

остановились на якорѣ въ виду мѣстечка Орлика, на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Флотилію привѣтствовали съ берега: духовенство съ крестами и хоругвями, народъ бросалъ вверхъ шапки. Послѣ обѣда, въ половинѣ 3-го часа, попробовали подняться и въ теченіе трехъ часовъ прошли всего 10 верстъ и стали на якорь противъ села Глинскаго на правой сторонѣ по теченію Днѣпра.

6 мая еще хуже—прошли съ 4-хъ часовъ ночи до 8 часовъ утра 9 верстъ и здѣсь пробыли весь день и ночевали у слободы Григорьевки.

7 мая, неожиданно для всѣхъ, пріостановилось и затѣмъ прекратилось путешествіе императрицы водою на галерахъ. Въ 4-мъ часу утра, едва тронулась флотилія въ путь отъ слободы Григорьевки, какъ черезъ часъ времени на берегу показался экипажъ; закричали, чтобъ подали къ берегу шлюпку — и на ней пріѣхалъ прямо на галеру „Днѣпръ" графъ М. П. Румянцевъ, посланный, какъ мы видѣли, 4-го мая на встрѣчу императору. Не смѣли долго будить императрицу, но наконецъ при содѣйствіи Мавры Савишны Перекусихиной, доложили о пріѣздѣ Румянцева съ извѣстіемъ, что графъ Фалькенштейнъ еще вчера вечеромъ пріѣхалъ въ Новые Кайдаки и ѣдетъ на встрѣчу императрицѣ. Было уже 11 часовъ утра—надо было спѣшить и началась суматоха: надо было притянуть къ берегу конюшенную галеру, надо было свезти на берегъ экипажи, лошадей; все было исполнено очень удачно и скоро. Императрица сѣла въ свою шлюпку съ графинею Браницкою, Мамоновымъ и принцемъ де-Линемъ, переѣхала на берегъ, и пересѣла съ ними же въ четырехмѣстную карету. Въ шестимѣстной каретѣ поѣхали: камеръ-фрейлина А. С. Протасова, оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ, гр. Безбородко, гр. Ангальтъ и гр. М. П. Румянцевъ.

О свиданіи съ Іосифомъ II императрица разсказала барону Гримму подробно въ письмѣ своемъ изъ Херсона отъ 15 мая (см. Русскій Арх. 1878. Апрѣль).

„Седьмого этого мѣсяца, находясь на своей галерѣ за Кайдаками, я узнала, что графъ Фалкенштейнъ скачетъ ко мнѣ

на встрѣчу во весь карьеръ. Я тотчасъ вышла на берегъ и тоже поскакала ему на встрѣчу, и оба мы такъ поусердствовали, что съѣхались въ чистомъ полѣ носъ съ носомъ. Первое слово его было, что вотъ де въ какой просакъ попались всѣ дипломаты: ни одинъ не увидитъ нашей встрѣчи. При немъ находился его посланникъ, при мнѣ принцъ де-Линь, красный кафтанъ и графиня Браницкая. Ихъ величества, помѣстившись въ одномъ экипажѣ, однимъ духомъ, безъ остановки, проскакали 30 верстъ до Кайдаковъ; но прискакавъ такимъ образомъ одни одинешеньки по полю (при чемъ онъ разсчитывалъ обѣдать у меня, я же разсчитывала найти обѣдъ у фельдмаршала князя Потемкина, а сей послѣдній вздумалъ поститься, чтобы выиграть время и приготовить закладку новаго города), мы нашли князя Потемкина только что возвратившимся изъ своей поѣздки и обѣда не оказалось. Но такъ какъ нужда дѣлаетъ людей изобрѣтательными, то князь Потемкинъ затѣялъ самъ пойти въ повара, принцъ Нассаускій въ поваренки, генералъ Браницкій въ пирожники, и вотъ ихъ величествамъ никогда еще, съ самаго дня ихъ коронаціи, не случалось имѣть такой блистательной прислуги и такого плохого обѣда, не взирая на то кушали, много смѣялись и удовольствовались обѣдомъ, приготовленнымъ пополамъ съ грѣхомъ".

Императоръ Іосифъ II также оставилъ намъ описаніе свиданія его съ императрицею и любопытныя свѣдѣнія о Херсонѣ, гдѣ онъ былъ проѣздомъ передъ этимъ свиданіемъ. Эти свѣдѣнія сохранились въ напечатанныхъ его письмахъ къ фельдмаршалу графу Ласси [1]).

Императоръ Іосифъ II прибылъ въ Херсонъ 3 мая, сухимъ путемъ, подъ именемъ графа Фалькенштейна—до прибытія туда императрицы. Осматривалъ со вниманіемъ всѣ строенія, корабли, дома, казармы; онъ особенно любопытствовалъ объ образѣ жизни солдатъ, употребляемыхъ для работъ и въ тоже время готовыхъ въ строй. Племянникъ Потемкина, А. Н. Самойловъ въ оставленныхъ имъ запискахъ сообщаетъ: „Осмотръ гошпи-

---

[1]) См. книжку Arneth. Joseph II und Katharina von Russland.

тали, съ какимъ приличіемъ они устроены и съ какимъ раченіемъ, императоръ изъявилъ командовавшему въ Херсонѣ корпусомъ генералъ-поручику Самойлову свое удивленіе, отдавая въ полной мѣрѣ справедливость мудрымъ распоряженіямъ и заведеніямъ князя Потемкина-Таврическаго" [1]).

Императоръ хитрилъ съ Потемкинымъ—хвалилъ въ глаза его распоряженія, а писалъ другое къ фельдмаршалу Ласси.

„Койдакъ 19 мая 1787. Любезный маршалъ, пишу это письмо, пользуясь свободнымъ временемъ,—пишу изъ запорожской деревни.

Императрица вчера не могла продолжать свое путешествіе водою по Днѣпру, вслѣдствіе бурной погоды; галера ея сѣла на мель и она рѣшилась ѣхать далѣе сухимъ путемъ.

Я въ это самое время ѣхалъ ей на встрѣчу, и мы съѣхались на разстояніи всего четверти часа отъ ея судовъ; она посадила меня въ свой экипажъ, и мы вмѣстѣ прибыли обратно въ Кайдакъ. Здѣсь оказалось, что вся ея прислуга отстала и потому некому было ни приготовлять кушанья, ни подавать на столъ. Тогда князь Потемкинъ, который обогналъ насъ вмѣстѣ съ принцемъ Нассаускимъ, и польскій генералъ Браницкій затѣяли стряпать сами. Со мною былъ поваренокъ; я послалъ было за нимъ, но они не допустили его ни до чего, и благодаря этому, обѣдъ представлялъ смѣсь блюдъ, очень невкусныхъ.

Вообразите себѣ, что я встрѣчалъ императрицу въ извѣстной каретѣ принца де-Линя, такъ какъ у Кобенцеля другой не имѣется. Это настоящій курятникъ.

Вчера было такъ холодно, что мы всѣ надѣли шубы, а вечеромъ ея в-во приказала затопить каминъ. Я нахожу, что она только похудѣла немного, а впрочемъ пользуется превосходнымъ здоровьемъ. Съ моей стороны было бы слишкомъ большимъ хвастовствомъ повторять все, что она мнѣ наговорила: но все, что она говорила, было искренно и дружелюбно. Составъ ея спутниковъ довольно хорошій; де-Линь въ большомъ

---

[1]) См. Русскій Архивъ, 1867, стр. 1233.

почетѣ и очень любезенъ. Галеры, на которыхъ ѣхала вся свита, красивы, очень удобны, но немножко велики и грузны.

На Днѣпрѣ слишкомъ много отмелей, и потому онъ неудобенъ для плаванія въ большихъ судахъ.

Войско обмундировано заново; мундиръ, какъ у нашихъ уланъ: короткій, безъ камзола, безрукавный жилетъ, суконные шаровары, въ которыхъ на ногахъ извнутри кожанный подбой, вродѣ сапога. Обувь—короткіе полусапожки, которые поддѣваются подъ штаны. Штаны лѣтомъ изъ бѣлой холстины, какъ у кавалеріи, такъ и у пѣхоты. Пѣхота теперь уже не имѣетъ ни кирасъ, ни шпагъ, ни сабель. Сабли у кавалеріи довольно плохи, а также приборъ и замки у ружей. На головахъ у всѣхъ что то вродѣ круглой войлочной шапки съ жесткимъ кожаннымъ козырькомъ для защиты отъ солнца, приблизительно какъ у нашихъ понтонеровъ. Съ этой шапки свѣшивается короткій кусокъ сукна, какъ бывало прежде у гренадерскихъ шапокъ, а поверхъ шапки полукругомъ облегаетъ что то въ родѣ бѣлаго лисьяго хвоста, который безполезенъ и въ холодъ, и въ дождь, а только давитъ спереди на носъ и не защищаетъ отъ сабельнаго удара. Несмотря на стужу, предполагается, что теперь лѣто, и солдаты щеголяютъ въ холстинныхъ шароварахъ и холстинныхъ камзолахъ, а подъ ними одна рубашка; они стучатъ зубами отъ холода, многіе заболѣваютъ лихорадкою, но не жалуются. Всѣ полки гусарскіе и часть козацкихъ переформированы и изъ нихъ составили новые полки и назвали конными егерями; потомъ сформировали батальоны егерей, у которыхъ такое же вооруженіе, кромѣ унтеръ-офицеровъ, имѣющихъ нарѣзные мушкеты; ихъ набираютъ изъ разныхъ полковъ, и князь Потемкинъ хочетъ составить изъ нихъ легкую инфантерію, вродѣ нашихъ кроатовъ. Сверхъ того изъ гренадерскихъ полковъ тоже отдѣлили въ армію, отчего полки въ настоящее время очень слабы, и вмѣсто 100,000 войска, о которыхъ говорили, на самомъ дѣлѣ во всей этой области едва наберется и 40,000. Не знаю, каково то въ другихъ областяхъ, которыхъ я не видѣлъ. Всю легкую кавалерію принуждены продовольствовать однимъ подножнымъ кормомъ; овса нѣтъ вовсе,

и это въ степяхъ, гдѣ почти нечего ѣсть; за то у лошадей подвело порядочно животы.

Князь Потемкинъ дѣлаетъ все, что ему вздумается. Ангальтъ очень остороженъ и никому не высказываетъ своего мнѣнія. Онъ на хорошемъ счету при дворѣ, но его считаютъ мелочнымъ за то, что онъ говоритъ съ рядовыми и бываетъ самъ при смѣнѣ часовыхъ. Херсонская крѣпость, въ большей части совершенно отстроена, вся сооружена изъ земли или, вѣрнѣе, изъ песку, который даже не утрамбовываютъ, а верки при очень незначительномъ скатѣ. Приготовлялись при встрѣчѣ императрицы стрѣлять изъ пушекъ, стоящихъ на валу, но по случаю бывшей на этихъ дняхъ грозы опасались, чтобы при первомъ же выстрѣлѣ, всѣ укрѣпленія вмѣстѣ съ артиллеріей не сползли бы въ свои с бственные рвы, такъ какъ четыре дня тому назадъ отъ одного удара грома крѣпость такъ была потрясена, что цѣлый фасъ съѣхалъ въ ровъ. Въ артиллерійскомъ паркѣ 160 орудій, но почти нѣтъ пороху и зарядовъ; всѣ орудія большаго калибра и при этомъ ни одного заттель-вагена; даже на походѣ 24-фунтовыя орудія перевозятся на лафетахъ; можете судить, въ какомъ положеніи они доѣдутъ до траншеи. Сооружаются три военные корабля, но лѣсъ до такой степени сыръ, мачты до того плохи, что, полагаю, послѣ императорскаго смотра они пойдутъ на сломъ, за негодностію въ какое бы то ни было дѣло. Построенные въ прошедшемъ году въ Севастополѣ корабли отданы на съѣденіе червямъ. Торговля пока совершенно ничтожна, особенно для Россіи; весь Херсонъ и живетъ и обстраивается тѣмъ, что получается изъ Польши, и существуетъ только тѣмъ, что привозятъ изъ-за-границы.

Нагруженныя купеческія суда до города не доходятъ; имъ приходится останавливаться за тридцать верстъ ниже, въ одной мѣстности, называемой Клобокъ, гдѣ бы собственно и слѣдовало построить городъ. При этомъ, если бы туркамъ вздумалось затопить въ днѣпровскомъ устьѣ, которое находится въ ихъ рукахъ, хотя одну изъ своихъ каравеллъ, нагруженную камнемъ, то они могутъ остановить всю навигацію и не пропустить ни одной лодки въ Днѣпръ. Тогда не ладно для Херсона.

Безпорядокъ во время этого путешествія происходитъ невообразимый. Высадка на берегъ, какъ оказывается на дѣлѣ, сопряжена съ большими затрудненіями; вещей и людей на судахъ больше, чѣмъ сколько могутъ вмѣстить приготовленные экипажи и для этихъ экипажей недостаетъ лошадей. Одинъ поскакалъ впередъ, а другіе поспѣвай, какъ знаютъ. Я съ большимъ любопытствомъ ожидаю посмотрѣть, какъ все это наконецъ устроится. Одинъ князь Потемкинъ, помѣшанный на музыкѣ, везетъ съ собою 120 музыкантовъ, а съ этимъ вмѣстѣ одному бѣдному офицеру, который страшно обжегъ себѣ руки порохомъ, четыре дня не подаютъ помощи. Такъ какъ этотъ несчастный живетъ въ одномъ домѣ со мною, то я взялъ на себя обязанности хирурга и посовѣтовалъ, что́ ему дѣлать; я отыскалъ, наконецъ, одного хирурга, состоящаго при императрицѣ, но у этого не оказалось медикаментовъ.

Путешествіе по сухому пути исполняется такъ безпорядочно, что трудно составить себѣ объ этомъ понятіе; часть экипажей еще на водѣ, каждый спѣшитъ захватить кибитку чтобы накидать въ нее, какъ попало, свой багажъ. На этихъ неизмѣримыхъ равнинахъ всѣ скачутъ въ перегонку, шесть, восемь каретъ рядомъ, и хотя въ сутки дѣлаютъ только четыре перегона, два — до и два послѣ обѣда, много экипажей ломается, и посуда, матрацы, багажъ все такъ и остается валяться въ степи, а послѣ во всемъ оказывается недостатокъ. Мой багажъ, весь уложенный въ одной коляскѣ, всегда поспѣваетъ. Столъ обильный, но большею частію скверно приготовленный; все холодное, черствое; наконецъ, не будь императрицы, которая очень любезна, и нѣкоторыхъ спутниковъ, которые могутъ считаться сносными собесѣдниками, особенно иностранцевъ, мое настоящее житье было бы сущимъ наказаніемъ. Что касается Потемкина, то его положеніе при дворѣ лучше, чѣмъ когда нибудь и власть его не имѣетъ границъ. Бѣдный фельдмаршалъ Румянцевъ въ опалѣ.

Новый фаворитъ (Дмитріевъ-Мамоновъ) довольно красивъ, самъ, кажется, не вѣритъ своему счастью, и умомъ недалекъ. Французскій посланникъ, графъ Сегюръ, любезенъ; но и онъ,

кажется, теряетъ терпѣніе. Англичанинъ Фицъ-Гербертъ человѣкъ очень образованный и не скрываетъ испытываемой имъ страшной скуки. Генералъ Ангальтъ, котораго вы видѣли въ нашихъ лагеряхъ, и здѣсь держитъ себя совершенно также. Онъ до свѣта на ногахъ, говоритъ со всякимъ солдатомъ, ласкаетъ ихъ, чтó очень ихъ удивляетъ, такъ какъ они не пріучены къ подобному обращенію. Онъ развѣ тайкомъ только позволяетъ себѣ покритиковать, а въ глаза увивается какъ за императрицею, такъ и за княземъ Потемкинымъ, кредитъ котораго очень великъ. Новый фаворитъ—молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести, безъ образованія, совсѣмъ дитя. Линь пользуется отличнымъ расположеніемъ и держитъ себя очень хорошо въ отношеніи къ моимъ интересамъ".

Въ Россію также дошли скоро слухи о свиданіи императрицы съ Іосифомъ II и о любопытномъ ужинѣ; бывшій канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, жившій въ это время на покоѣ въ своемъ селѣ Пахоркѣ, писалъ къ брату своему, князю Дмитрію Михайловичу, въ Вѣну 31 мая 1787 года:

„Весьма любопытный анекдотъ пишутъ оттуда сюды послѣдовавшій при свиданіи государыни императрицы съ императоромъ. Ея величество, получа отъ кн. Потемкина изъ Кайдака извѣстіе, что императоръ, свѣдавъ о ея путешествіи, поѣхалъ сухимъ путемъ ей на встрѣчу. Государыня, услыша о его приближеніи, оставя свою галеру, поѣхала къ нему въ каретѣ съ малымъ числомъ первыхъ людей своей свиты и, встрѣтясь съ нимъ въ деревнѣ одного купца, не имѣя съ собою ни поварни, ни услуги, ѣхать же туда, гдѣ вся свита императорская находилась, уже было поздно, такъ и расположено было въ оной деревнѣ имѣть вечерній столъ. Но какъ тутъ находился только одинъ хозяйскій поваренный малой, то и представилъ себя способнымъ князь de-Ligne, который, будучи на всякую руку къ стряпанію въ поварнѣ, и сварилъ ужинъ, за которымъ сіи оба великіе государи и присутствовали, будучи услужены первѣйшими особами ея императорскаго величества. Таковое происшествіе и пріятельское и дружеское ихъ императорскихъ величествъ между собою блистательно изображено и представлено

быть можетъ въ журналахъ и періодическихъ листахъ съ прибавленіемъ разныхъ гаданіевъ и заключеніевъ и о причинѣ сихъ государей свиданіевъ и переговоровъ" [1]).

Оффиціальныя свѣдѣнія о свиданіи съ Іосифомъ II, записанныя въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ 1787 года, слѣдующія:

„За три версты, не доѣзжая до Кайдакъ, послѣдовало радостное свиданіе ея императорскаго величества съ графомъ Фалькенштейномъ, которое тѣмъ болѣе ощутительно было видѣть, что когда высокіе путешественники едва издали примѣтили слѣдовавшіе одинъ къ другому на встрѣчу экипажи, не соединяя оныхъ, чрезъ довольное разстояніе остановясь, вышли изъ своихъ экипажей и слѣдовали другъ къ другу пѣша, а соединившись, сдѣлавъ взаимность дружественнаго привѣтствія, обще сѣли въ карету ея императорскаго величества".

Въ карету тогда же былъ приглашенъ графъ Кобенцель, а Мамоновъ и принцъ де-Линь пересѣли въ карету австрійскаго императора.

При приближеніи къ Кайдакамъ, здѣсь началась пушечная пальба и колокольный звонъ; у церкви св. Николая встрѣтилъ архіепископъ Амвросій, а у дворца, на подъѣздѣ, князь Потемкинъ, прискакавшій сюда ранѣе. Тутъ же былъ представленъ императрицѣ австрійскій генералъ, графъ Кинскій, сопутвавшій императору.

За обѣдомъ были слѣдующіе: графъ Фалькенштейнъ, графиня Браницкая, А. С. Протасова, князь Потемкинъ, Л. А. Нарышкинъ, графъ А. А. Безбородко, графъ Ангальтъ, Мамоновъ, графъ М. П. Румянцевъ, принцъ де-Линь, графъ Кобенцель и графъ Кинскій.

Къ вечеру съѣхалась въ Кайдаки вся остальная свита и расположилась на квартирахъ по избамъ.

Вечеромъ передъ дворцомъ и по улицамъ горѣла иллюминація; также были иллюминованы тріумфальныя ворота, построенныя на берегу Днѣпра, на судахъ, въ ожиданіи пріѣзда императрицы.

---

[1]) Изъ писемъ кн. А. М. Голицына, хранящихся въ главномъ арх. мин. и. д.

Слѣдующій день, 8-го мая, императрица оставалась въ Кайдакахъ [1]). По утру собрались въ дворецъ преосвященный архіепископъ Амвросій и екатеринославское именитое гражданство, чиновники екатеринославскаго намѣстничества и военные чины. Именитые граждане поднесли хлѣбъ и соль и разные фрукты на фаянсовыхъ блюдахъ. Всѣ жалованы были къ рукѣ [2]).

8 мая изъ Кайдаковъ императрица писала къ Еропкину: .... „Завтра ѣдемъ сухимъ путемъ въ Хортицу, дорогою же заложимъ новый намѣстническій городъ Екатеринославль и сіе будетъ происходить въ самый Николинъ день. Съ третьягоднешняго вечера здѣсь стало такъ студено, что мы вечеръ вчерашній проводили передъ каминомъ съ огнемъ и всѣ ходимъ почти въ зимней одеждѣ. Я здорова“ [3]).

Отставшіе суда флотиліи къ вечеру пришли къ Кайдаку; императрица очень была довольна видѣть, что они не были повреждены. Но судамъ предстояло еще впереди пройти черезъ знаменитый порогъ *Ненасытецъ*. Это былъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ днѣпровскихъ пороговъ—простирался вдоль рѣки до 700 сажень и на этомъ разстояніи паденіе рѣки было на 6 футовъ... [4]) До этого страшнаго порога надобно было пройти шесть пороговъ: 1) Кайдакскій, 2) Волосскій или Яцкая забора, 3) Сурскій, названный по впаденію близь него въ Днѣпръ рѣчки Суры; 4) Лохань, 5) Стрѣльча, 6) Звонецъ, 7) Княгинецъ,—а за 8) *Ненасытцомъ* до слободы Хортицы оставалось еще пять пороговъ: Воронова забора, Вольный, Будыльскій, Лышній и Вильнянскій. — Императрица поручила Потемкину спросить старыхъ новокайдацкихъ и каменскихъ лоцмановъ, могутъ ли суда флотиліи царской пройти безвредно сквозь пороги. Лоцманы, получивъ дозволеніе освидѣтельствовать каждое судно и осмотрѣвъ ихъ,

---

[1]) Необходимо было дождаться если не всѣхъ судовъ, потому что многіе изъ нихъ сѣли на мель, то по крайней мѣрѣ тѣхъ, на которыхъ находились люди и вещи, необходимыя для дальнѣйшаго путешествія.

[2]) Изъ Камеръ-Фурьерскаго журн. 1787 г. и изъ записокъ Сегюра.

[3]) См. Дѣянія Екатерины II. Колотова. Стр. 122.

[4]) См. Путешествіе ея императорскаго величества въ полуденный край Россіи въ 1787 г. Печат. при Горномъ училищѣ въ 1786 г., стр. 50.

донесли, что суда могутъ пройти сквозь пороги съ тѣмъ только, чтобъ отбросить рули, а вмѣсто ихъ поставить стерны, которые были похожи на широкую, длинную деревянную лопату изъ одного бревна вытесанную. Императрица изъявила согласіе и 9 мая утромъ, безъ рулей со стернами, суда поплыли изъ Кайдака внизъ по Днѣпру, а императрица выѣхала сухимъ путемъ въ 9 часовъ утра въ сельцо Половицу, гдѣ назначено было положить основаніе новому городу.

Императрица выѣхала въ шестимѣстной каретѣ, въ которую были приглашены графъ Фалькенштейнъ, графиня Браницкая, князь Потемкинъ, Мамоновъ и графъ Кобенцель.

„Въ 8-ми верстахъ отъ Кайдакъ, на возвышенномъ берегу Днѣпра, съ котораго видны были излучины онаго съ лѣсистыми островами, на мѣстоположеніи очаровательномъ, зеленью и цвѣтами покрытомъ, гдѣ слѣдовало быть постановленою святынѣ Господней, разбита была императорская палатка съ походною при ней полковою церковью, и преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославскій и херсонисо-таврическій, встрѣтивъ государыню императрицу съ крестомъ и со святою водою, отслужилъ въ церкви Божественную литургію, въ присутствіи императрицы. По литургіи преосв. Амвросій прочиталъ обыкновенныя, на случай основанія храма, молитвы, окропилъ ровъ, вырытый для фундамента, святою водою; императрица сошла туда же по приготовленнымъ для нея ступенькамъ, коврами обложеннымъ. Приложась къ животворящему кресту, поднесенному ей преосвященнымъ, и поклонясь на обѣ стороны народу, какъ самовидцы живые еще свидѣтельствовали, она положила первый камень собственными руками, присовокупя нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ монетъ, начиная съ полуимперіала до гривенника. Спросили, говоритъ живое преданіе: нѣтъ ли пятачка? поданъ, и присоединенъ былъ къ прочимъ драгоцѣнностямъ. Все это покрыто было мѣдною густо вызолоченною доскою съ надписью: „Екатерина императрица всея Россіи въ основаніи храма Преображенія Господа Спасителя нашего первый положила камень 1787 г.“ Плиту съ надписью, для положенія въ основаніе, подалъ императрицѣ князь Потемкинъ, причемъ участвовалъ

и графъ Фалькенштейнъ, положившій въ мѣсто основанія кирпичъ и известь.

Простившись съ преосвященнымъ, при громкихъ крикахъ народа „ура", императрица съ прежними своими спутниками въ шестимѣстной каретѣ продолжала путь къ станціи *Ненасытецкій порогъ*.

Послѣ отъѣзда императрицы, подполковникъ Фалѣевъ, любимецъ Потемкина, угощалъ на чистомъ воздухѣ духовенство, дворянъ, купечество и весь народъ" [1]).

На станцію *Ненасытецкій* порогъ императрица прибыла во 2-мъ часу, въ домъ екатеринославскаго губернатора Синельникова; хозяинъ встрѣтилъ съ хлѣбомъ и солью, а крестьяне его поднесли только что пойманнаго ими въ Днѣпрѣ осетра.

До начатія обѣденнаго стола, для удостовѣренія возможности проходить судами черезъ пороги, въ присутствіи императрицы произведенъ былъ опытъ. Вотъ какъ описываетъ это современникъ этихъ событій маститый старецъ, архіепископъ екатеринославскій Амвросій, въ своемъ предсмертномъ сочиненіи:

„При шумѣ Ненасытинскихъ пороговъ Днѣпра, государыня императрица на мызѣ генералъ-маіора Синельникова, бывшаго тогда правителемъ екатеринославскаго намѣстничества, изволила обѣдать. Между тѣмъ, сколько съ любопытствомъ, столько же и со страхомъ смотрѣла, какъ проходили чрезъ пороги царскія ея императорскаго величества суда. Будто звѣремъ какимъ то, въ одно мгновеніе ока они поглащались бездною клокочущихъ волнъ Днѣпра, и въ то же мгновеніе, будто изъ чрева, извергаемы были на поверхность тихихъ водъ рѣки, чтобы плыть впередъ путемъ, для нихъ назначаемымъ. При семъ случаѣ немало дивилась государыня ловкости, искусству и неустрашимости лоцмановъ, препровождавшихъ чрезъ пороги флотилію, изъ которыхъ старшаго называли Полтарацкій; потребовала ихъ къ себѣ на лицо и, удостоивъ лестнаго личнаго разговора, наградила каждаго весьма щедро, пожаловавъ, говорятъ, упомянутаго старшаго лоцмана чиномъ поручика, а сына его, 13 лѣтъ

---

[1]) См. Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Одесса 1863 г., т. V.

мальчика прапорщикомъ, съ обѣщаніемъ прислать имъ грамоты на чины и потомственное дворянство.

Осчастлививъ же столь неожиданно вѣрноподданныхъ своихъ, осыпавъ ихъ неизреченными милостями, государыня императрица немедленно и быстро отбыла далѣе" [1]).

Графъ Сегюръ, очевидецъ прохожденія судовъ черезъ пороги, описалъ его тоже подробно:

„Мы остановились въ усадьбѣ губернатора Синельникова. Она была расположена по берегу рѣки, въ виду главнѣйшаго порога, который долго считался непреодолимымъ препятствіемъ для прохода торговыхъ судовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Днѣпръ въ этомъ мѣстѣ во всю свою ширину загроможденъ цѣпью скалъ, изъ которыхъ однѣ равны съ водою, а другія высятся надъ ея уровнемъ и мѣстами образуютъ нѣсколько столь шумныхъ водопадовъ, что мы не могли разслышать словъ другъ друга. Потокъ здѣсь съ яростью и пѣною бьется о скалы. Съ перваго взгляда кажется, что невозможно проѣхать между этими скалами на самомъ легкомъ челнѣ, и съ самыми отважными гребцами. Однакожъ невдалекѣ стояло на якорѣ большое судно и лодка, назначенныя для проѣзда черезъ пороги. Князь Потемкинъ, принцъ Нассау и я хотѣли было отважиться на эту поѣздку, но насъ остановило рѣшительное запрещеніе императрицы.

Суда въ виду насъ счастливо прошли опасный проливъ съ быстротою стрѣлы. Но ихъ такъ сильно качало, что, казалось, они ежеминутно могутъ разбиться или исчезнуть въ волнахъ: особенно мелкія лодки безпрестанно исчезали изъ виду. Намъ сказали, что при полной водѣ проѣздъ этотъ удобнѣе, особенно при помощи ловкихъ старыхъ запорожцевъ, привыкшихъ къ такимъ опаснымъ подвигамъ. Князь Потемкинъ такъ полагался на ихъ опытность, что предположилъ спустить до Херсона всѣ суда, на которыхъ мы плыли изъ Кіева до Кайдака..."

9 мая послѣ обѣда, проѣхавъ 51 версту, остановились для ночлега въ слободѣ Хортицѣ, принадлежавшей камергеру Черткову.

---

[1]) См. Записки Одесскаго Общества истор. и древностей, т. V.

Въ понедѣльникъ 10 мая, въ 10 часовъ утра въ 6-мѣстной каретѣ съ прежними лицами переѣхали въ г. Никополь. За 6 верстъ до города, новопоселенные тутъ отставные военные съ семействами встрѣтили съ хлѣбомъ и солью. Послѣ обѣда, передъ отъѣздомъ изъ Никополя, на подъѣздѣ священникъ Знаменской церкви поднесъ хлѣбъ и соль, а князь Потемкинъ представилъ переселенцевъ изъ Польши. Черезъ подставу Базавлукъ, для ночлега пріѣхали въ слободу Грушевку, принадлежавшую генералъ-прокурору кн. А. А. Вяземскому. Крестьяне и деревенскій священникъ встрѣтили императрицу съ хлѣбомъ и солью.

Вечеромъ вся слобода была иллюминована плошками.

11-го мая въ 10 ч. утра императрица выѣхала изъ Грушевки въ 6-ти-мѣстной каретѣ; съ ней сидѣли: гр. Фалкенштейнъ, графиня А. В. Браницкая, А. Д. Мамоновъ, принцъ де-Линь и гр. Кобенцель.

Обѣдъ былъ на станціи въ дер. Насаковкѣ, принадлежавшей карабинернаго нѣжинскаго полка бригадиру Перету.

Хозяинъ дома съ женою встрѣтили императрицу, и были приглашены къ столу. Отсюда на ночлегъ пріѣхали въ городъ Бериславль; за 6 верстъ до города съ хлѣбомъ и солью выѣхалъ на встрѣчу изъ Мокорвенской пустынѣ архимандритъ съ монашествующими. Въ Бериславль императрица прибыла въ половинѣ 7-го часа вечера. Отдохновши во внутреннихъ комнатахъ, императрица пришла въ залу и сѣла у окна. „Графъ же Фалкенштейнъ въ сіе время, прохаживаясь по улицѣ, смотрѣлъ мѣстоположеніе города; также и ея императорское величество изволила смотрѣть въ зрительную трубку на островъ Тавань и протекающія около онаго рѣку Днѣпръ и Конскіе воды и на прочее мѣстоположеніе; въ это время прибылъ гр. Фалкенштейнъ и, сѣвши близь ея величества, продолжалъ разговоръ“. Такъ записано въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ. 1787 года.

Между тѣмъ въ той же комнатѣ знатнѣйшія особы и господа чужестранные министры играли въ шахматы и карты, а въ половинѣ 9 часа вечера императрица удалилась во внут-

ренніе покои; вскорѣ и графъ Фалькенштейнъ отбылъ въ свою квартиру [1]).

Императрица была очень довольна своею поѣздкою. 12 мая она писала въ Москву генералу Еропкину изъ Бериславля: „Хорошо видѣть сіи мѣста своими глазами; намъ сказали, что наѣдемъ на жары, несносные человѣчеству, а мы наѣхали на воздухъ теплый и вѣтръ свѣжій, весьма пріятный и самый весенній; степь, правда, что безлѣсная, но слой земли самый лучшій и такой, что безъ многаго труда все на свѣтѣ произведетъ; почиталась она безводною, а мы видѣли повсюду ручьи и рѣчки, при которыхъ поселеній уже не въ маломъ числѣ. Сравнивая здѣшнюю губернію, которая при мирѣ Кайнарджійскомъ не существовала, исключая уѣзды: елизаветградскій, кременчугскій и полтавскій, съ тѣмъ, что с.-петербургская была по десяти или шестилѣтнемъ заведеніи или заложеніи оной, думаю, что здѣсь все дѣлается и успѣваетъ съ меньшей хотя силой, издержками, отягощеніемъ противу той; польза окажется современемъ, какъ во всѣхъ великихъ предпріятіяхъ, которыя пользы не всегда въ началѣ паче открыты понятію множества. С.-Петербургская губернія составляетъ осьмую часть доходовъ имперіи; она сусуществуетъ 84 года и дворъ тамо имѣетъ свое пребываніе. Посмотримъ, каковы доходны будутъ здѣшніе порты чрезъ короткое время; еще скажу, что здѣшніе жители, всѣ безъ изъятія, имѣютъ видъ свѣжій и здоровѣе, нежели кіевскіе, и кажутся работящѣе и живѣе. Всѣ эти примѣчанія и разсужденія пишу къ вамъ нарочно, дабы вы, знавъ оныя, могли кстати и ко времени употребить сущую истину ко опроверженію предубѣжденій, сильно дѣйствующихъ иногда въ умахъ людскихъ. Все вышеписанное оспаривать можетъ лишь слабость, либо страсть, или невѣдѣніе“ [2]).

Изъ Бериславля выѣхали 12 мая въ 10 ч. утра—въ три четверти втораго часа пріѣхали обѣдать въ село Никольское. Здѣсь встрѣтили генералъ-маіоръ Василій Васильевичъ Энгель-

---

[1]) Камеръ-Фурьерскій журналъ, 1787 г.

[2]) Соч. Екатерины изд. Смирдива, III, 344—345.

гардтъ, генералъ-маіоръ Яковъ Николаевичъ Рѣпнинскій, Давыдъ Гавриловичъ Неранжичъ и бригадиръ Гедеоновъ.

Отъѣхавъ 17 верстъ, въ слободѣ Николаевкѣ, принадлежавшей генералъ-маіору Рѣпнинскому, владѣлецъ просилъ императрицу посѣтить его домъ на берегу р. Ингула. Императрица удостоила его посѣщеніемъ, потомъ переѣхала на катерѣ черезъ рѣку Ингулъ на другую ея сторону, гдѣ ожидали уже экипажи; здѣсь встрѣчали херсонскіе мѣщане и эскадронъ легкоконнаго александрійскаго полка. Императрица пересѣла въ 6-ти-мѣстную карету съ гр. Фалькенштейномъ, Мамоновымъ, принцемъ де-Линь, гр. Кобенцелемъ и графинею Браницкою, и императорскій поѣздъ поскакалъ въ Херсонъ; впереди ѣхали верхами мѣщане и эскадронъ. Оставалось 17 верстъ до Херсона.

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЗОВЦЫ.[1]

I.

Переходъ русскихъ запорожцевъ за Дунай. Жизнь задунайскихъ запорожцевъ въ турецкой имперіи.

1775 годъ былъ роковымъ годомъ для запорожскаго козачьяго войска. Въ этомъ году по высочайшей волѣ государыни императрицы Екатерины II Запорожская Сѣчь была уничтожена, а съ ней вмѣстѣ пало и Запорожье.

Послѣдняя сѣчь войска запорожскаго находилась на р. Подпольной въ мѣстечкѣ Красномъ Кутѣ; она служила укрѣпленной резиденціей кошеваго атамана запорожскаго войска, съ генеральной старшиной войсковаго управленія. Тамъ чинился судъ и расправа надъ козаками, по обычному войсковому праву; тамъ же собиралась козацкая рада, трактовавшая о политическихъ и внутреннихъ дѣлахъ войска. Запорожское войско, хотя и составляло какъ бы провинцію россійскаго государства, но оно пользовалось широкой автономіей, и нерѣдко не только не подчинялось распоряженіямъ русскаго правительства, и не исполняло русскихъ законовъ, но даже само вступало въ политическія сношенія съ иностранными державами. Болѣе всего приходилось

[1]) При составленіи настоящей статьи авторъ пользовался:

1) *Скальковскій*. Исторія запорожской сѣчи.

2) *Эварницкій*. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа.

3) Черты изъ жизни и царствованія императора Николая (Воен. Сборн. 1868, № 7).

4) *Кондратовичъ*. Задунайская сѣчь

драться и мириться съ пограничнымъ ханствомъ крымскимъ, находившимся въ вассальной зависимости отъ турецкаго императора. Сопредѣльныя съ Крымомъ турецкія области постоянно находились предъ глазами запорожцевъ и они, какъ безстрашные моряки, на своихъ *човнахъ* не разъ смѣло пускались по волнамъ Чернаго моря и внезапными стремительными набѣгами опустошали прибрежные турецкіе города.

Такіе набѣги не выражали собою злобы и ненависти запорожцевъ противу турокъ, а скорѣе носили характеръ удальства и отваги козаковъ и турецкое правительство это хорошо понимало. Оба народа скорѣе симпатизировали другъ другу, чѣмъ враждовали. Это доказывается тѣмъ, что турецкій султанъ уважалъ запорожцевъ и въ тяжелое время ихъ жизни въ Россіи не разъ давалъ пріютъ въ своихъ земляхъ запорожскимъ козакамъ.

Такъ было и въ тотъ роковой годъ, когда генералъ Текели, обложивши русскими войсками Запорожскую Сѣчь, въ 1775 году, потребовалъ ея сдачи.

Ой ужежъ наши славни запорожци
Тай не веселы сталы,
Ой облягли ихъ облягли москали
Та всима сторонамы.
Ой кругомъ церкви, церкви сичевои
Ой караулы сталы.
Ой священныку отцу Владымеру
Та служыты не далы.

. . . .
. . . .
Ой у суботу у полудни
Москва наступыла;
А въ недилю до схидъ сонця
Лагери розбыла.
. . . .
. . . .

Такъ описывается въ народной пѣснѣ осада русскими войсками Запорожской Сѣчи. Запорожцы, не ожидавшіе ничего подобнаго, были поражены этимъ событіемъ до крайности. Они хотѣли защищаться оружіемъ противъ русскихъ, пришедшихъ внезапно разорить ихъ родную дорогую Сѣчь,—вполнѣ сознавая,

5) Разныя статьи въ журналѣ „Кіевская Старина" 1889 г. № 1 и 2 и нѣкоторыя мелкія печатныя извѣстія о задунайскихъ запорожцахъ.

6) Матеріалы, добытые изъ дѣлъ, хранящихся въ кубанскомъ войсковомъ архивѣ.

7) Личные разсказы двухъ бывшихъ турецкихъ запорожцевъ и другихъ старыхъ черноморцевъ, знавшихъ какъ запорожскаго кошевого атамана Гладкаго, такъ и жизнь азовскихъ козаковъ.

что если русскія войска восторжествуютъ надъ ними, то съ паденіемъ Сѣчи падетъ и все войско запорожское; а вмѣстѣ съ нимъ улетитъ и вся свобода и вольность козацкая. Поднялась смута въ Сѣчи, большинство козаковъ не желало подчиниться русскому правительству и требовало военной обороны. Но кошевый атаманъ Калнишевскій съ духовенствомъ успѣли уговорить суровыхъ рыцарей не поднимать оружія на своихъ братьевъ русскихъ—христіанъ. До оружія дѣло не дошло, но многіе запорожцы были этимъ недовольны и говорили, какъ передается въ народной пѣснѣ:

Хоть не станемъ съ палашами,
Станемъ съ кулаками,
Нехай наша слава пиде
Промежъ козаками.
. . . .
. . . .

Благоразумное кошевое начальство и рукопашной схватки здоровенныхъ своихъ завзятыхъ сичевиковъ съ русскими войсками не допустило, а напротивъ встрѣтило Текелія съ хлѣбомъ солью, и вмѣстѣ съ этимъ привѣтомъ навсегда схоронило знаменитое въ исторіи Запорожье.

Запорожская Сѣчь была разорена, кошевый атаманъ сосланъ въ заточеніе на Бѣлое море, въ Соловецкій монастырь, войско запорожскихъ козаковъ политически умерло, но не умерли самые запорожцы. Часть изъ нихъ впослѣдствіи, при содѣйствіи свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, составила черноморское козачье войско, а часть буйныхъ, не захотѣвшихъ подчиниться Россіи, при самомъ разореніи Сѣчи, обманувъ бдительность генерала Текели, добралась до войсковыхъ лодокъ и ушла въ Турцію, искать счастія и воли у бусурманскаго государя. Оставляя свой родной край, угрюмые запорожцы сильно тосковали объ участи, постигшей ихъ войско, навсегда уничтоженное однимъ почеркомъ пера монархини. Скорбь ихъ вылилась въ слѣдующей народной пѣснѣ:

Чорна хмара наступае,
Лыбонь дощыкъ буде.
Вжежъ нашого Запорожжа
До вику не буде!

Бо царыця маты наша
Напустъ напустыла,
Славне войско запорожське
Тай запапастыла.....

До 5,000 т. запорожцевъ отправилось изъ Россіи въ турецкіе предѣлы за Дунай и, остановившись тамъ, просило турецкое правительство принять ихъ въ подданство султана и дать имъ подъ поселеніе землю.

Это тяжелое для козаковъ время и послѣдствія просьбы о принятіи ихъ подъ покровительство или подданство Турціи выразились въ слѣдующей пѣснѣ:

Ой прыйшлы до Дунаю
Тай у голосъ гукнулы,
Ой напьялы паруса
Тай за Дунай махнулы.
Прыйшлы до Тураса
Тай вклонылыся нызько:
Ой дай же намъ землю
Тай коло граници блызько.

Якъ будете хлопци
Мини вирно служыты,
То дамъ я вамъ землю
Та по прежнему жыты [1].
Дарую вамъ землю,
Щей обыдва лыманы,
Ловить хлопци рыбу
Та справляйте жупаны.

И дѣйствительно, турецкій султанъ принялъ козаковъ благосклонно, далъ имъ землю при Георгіевскомъ устьи Дуная, а когда у нихъ зашли споры съ некрасовцами, то перевелъ ихъ вверхъ по Дунаю выше крѣпости Гирсова въ урочище Сеймены.

Въ турецкой землѣ, съ позволенія султана, запорожцы основали свой кошъ, по примѣру бывшаго въ Россіи, выбрали общей радою кошеваго атамана и прочихъ старшинъ и завели по управленію войскомъ тѣ же порядки, какіе существовали въ русской землѣ. Турецкій императоръ, надѣясь на полезную государству службу новыхъ своихъ подданныхъ, запорожцевъ, даровалъ имъ отъ себя многія права и вольности, какими они пользовались въ прежнемъ своемъ отечествѣ, и благодарные запорожцы, не измѣняя ни обычаевъ, ни вѣры, ни языка отцовъ своихъ зажили въ новомъ своемъ отечествѣ на долгіе годы.

По разсказамъ турецкихъ запорожцевъ имъ жилось тамъ хорошо и привольно. Турки ихъ не обижали, не обременяли податями и не стѣсняли службою; иногда только запорожцы ходили въ походъ отрядами, вмѣстѣ съ турецкими войсками.

---

[1]) Этотъ стихъ напоминаетъ вольную жизнь запорожскаго войска въ прежнія времена въ Турціи, откуда они обратно возвратились въ Россію и основали новый кшоъ запорожскаго войска.

на египтянъ, грековъ и другіе подвластные султану народы, но большею частью жили мирно и занимались преимущественно рыболовными промыслами.

Мы не станемъ слѣдить за исторической жизнью задунайскихъ запорожцевъ, описанною г. Кондратовичемъ и другими, такъ какъ задача нашей статьи совсѣмъ иная, но не можемъ пройти молчаніемъ тѣхъ случаевъ изъ ихъ судьбы, которые близко соприкасаются съ интересами русскаго государства.

Во время войны Россіи съ Турціей, начавшейся въ 1787 году, когда остатки русскихъ запорожцевъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ были призваны подъ русскія знамена и образовали изъ себя вѣрное войско черноморское, императрица Екатерина II вызывала изъ Турціи невѣрныхъ запорожцевъ въ Россію, даровала имъ полную амнистію, съ правами данными черноморцамъ, если только они возвратятся въ прежнее свое отечество и примутъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, но на этотъ вызовъ задунайскіе запорожцы въ Россію не пошли. Были, правда, случаи, когда они въ одиночку, или по нѣсколько товарищей вмѣстѣ перебѣгали на нашу сторону, поступали къ черноморцамъ, по приведеніи ихъ къ присягѣ на вѣрность, но это были скорѣе убѣгавшіе кары за свои поступки, или почему либо недовольные своимъ начальствомъ, чѣмъ искренно раскаявшіеся измѣнники. Все войско запорожскихъ козаковъ за Дунаемъ вѣрно служило турецкому султану и участвовало въ открывшихся военныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ, вмѣстѣ съ турецкими войсками. Турецкіе запорожцы при встрѣчахъ не щадили даже своихъ братьевъ черноморцевъ, убивали и брали ихъ въ плѣнъ. Они много вредили русскимъ еще и тѣмъ, что подъ видомъ черноморцевъ, отъ которыхъ ничѣмъ не отличались, высматривали расположеніе русскихъ войскъ, узнавали намѣренія нашихъ военачальниковъ и потомъ всѣ свѣдѣнія о нашей арміи передавали туркамъ. Когда это было открыто, то генералъ-поручикъ Голенищевъ-Кутузовъ приказалъ черноморцамъ носить на правой рукѣ перевязи изъ бѣлыхъ платковъ, въ отличіе отъ невѣрныхъ запорожцевъ.

Слѣдующее показаніе турецкаго шпіона, пойманнаго черноморцами въ іюлѣ 1790 года, Леонтія Скика, нѣкоторымъ образомъ обрисовываетъ тогдашнее положеніе задунайскихъ запорожцевъ. Послѣ объясненія своего имени и похожденій на рыбныхъ промыслахъ въ русскихъ и турецкихъ предѣлахъ, Скикъ говоритъ: послѣ послѣдняго годоваго служенія по найму на рыбныхъ заводахъ у бѣлгородскаго неводничего евреина Гершка Крывого „на другій годъ, согласясь съ прочими лямчиками, пошелъ для продолженія службы къ турецкимъ запорожцамъ въ городъ Бѣлгородъ, гдѣ принявши, бывшій тогда у нихъ есаулъ Яковъ Гончарь семь праперей выступилъ по лѣвую сторону Бѣлогородскаго лимана въ селеніе Калаглаи и тамъ дожидали идущихъ къ нимъ съ Барвинковой — стѣнки, состоящей на правой сторонѣ р. Дуная, 200 чел. запорожцевъ же; когда жъ пришли и тѣ къ нимъ, то находящійся при нихъ старшиною Иванъ Иванко началъ приглашать ихъ о дачѣ имъ и туркамъ противу Россіи вспомоществованія и соглася оныхъ шестьдесятъ человѣкъ и испросивши отъ бѣлогородского паши одно судно, называемое піадю, пошли онымъ и 14-ю дубами Чернымъ моремъ къ Березанскому острову, и не доѣзжая до оного, пріостановились въ трехъ верстахъ; тутъ, съ острова пріѣхавши къ нимъ чрезъ семь дней, турковъ и запорожцевъ человѣкъ до 15 начали также приглашать ихъ къ вспомоществованію, говоря при томъ, что они за ихъ службу не будутъ оставлены отъ султана выдѣломъ къ прожитію земли. Послѣ переговору, чрезъ четыре дня, по утру бѣлогородскій паша, услыхавши пальбу, произведенную на Аджидолѣ съ россійскаго флота, велѣлъ имъ туда приближаться, но поколь они достигли, то и пальба уже почти совсѣмъ окончена. Ноября же 6 дня прошедшаго 1788 года также получили певелѣніе о слѣдованіи лодкою подъ Очаковъ, которая съ *войсковыми старшинами: судьею Яковомъ Гончаремъ, писаремъ Иваномъ Иванкомъ, хорунжимъ Григоріемъ Тараномъ* и сороку человѣками тогда состояла. Онъ же, Скикъ, и другіе съ нимъ бывшіе товарищи остановились на прежнемъ ихъ мѣстѣ; когда же судно россійское начало приближаться къ нимъ, то они, снявшись съ яко-

рей, отошедши въ море за пять верстъ, бросили якорь, а на пятый день послѣ сего пошли въ Днѣпровскіе гирла, а оттоль чрезъ скорое время и въ Дунай, гдѣ и нынѣ находится подъ Киліей 18 лодокъ, съ 8 орудій и принадлежащими припасами, дубовъ 20 и на всѣхъ судахъ запорожцевъ состоитъ *тысячь до четырехъ*, кои намѣрены идти къ Смайлову, для защиты турковъ; до сего жъ 790 года апрѣля послѣднихъ числъ избраны онъ, Скикъ, и монахъ Андрей тамошнимъ *кошевымъ* Григоріемъ *Абдулою*, вышереченными войсковыми старшинами, съ согласіемъ общества—первый съ нихъ для развѣдыванія обрядовъ войскъ, состоящихъ въ Аккерманѣ, Бендерахъ и количества ченоморскаго войска козаковъ, а монахъ Андрей въ Молдавію для узнанія тамъ главнокомандующаго и арміи, состоящей подъ начальствомъ его, съ тѣмъ что бы они, свѣдавши обо всемъ томъ обстоятельно, дали имъ знать въ непродолжительномъ времени...“

Задунайскіе запорожцы и въ слѣдующую затѣмъ войну съ Турцій участвовали, вмѣстѣ съ турецкими войсками, въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ въ эту войну перебѣгали на нашу сторону къ черноморцамъ, бывшимъ на Дунаѣ въ составѣ 9 пѣшаго полка войска черноморскаго, куда они по распоряженію генералъ-фельдмаршала князя Прозоровскаго, по приведеніи къ присягѣ на вѣрность службы русскому государю, зачислились подъ надзоръ полковаго командира; а при блокадѣ и взятіи крѣпости Браилова, въ 1808 году, несмотря на свободный пропускъ по капитуляціи защитниковъ крѣпости, цѣлая партія недовольныхъ запорожцевъ, болѣе 50 чел., отдѣлилась отъ турецкаго гарнизона Браилова и передалась русскимъ, заявивъ желаніе вступить въ черноморское войско. Принявшій этихъ выходцевъ генералъ отъ инфантеріи князь Багратіонъ не нашелъ возможнымъ зачислить столь большое число въ названный черноморскій полкъ, а отправилъ чрезъ генерала дюка де-Ришелье на Одессу прямо въ Черноморію,—куда прибыло только 27 чел., а остальные то умерли, то остались въ госпиталяхъ, а быть можетъ, кто и обратно ушелъ въ Турцію; козакъ же Игнатъ Щербина призпанъ черноморцемъ, бѣжавшимъ изъ войска за Дунай, и отданъ подъ

судъ. Невѣрные запорожцы, прибывши въ Черноморію, приведены къ присягѣ на подданство Россіи и причислены къ черноморскому козачьему войску,—съ водвореніемъ на жительство на общихъ войсковыхъ правахъ.

Такъ текла жизнь невѣрныхъ запорожцевъ въ Турціи до турецкой войны 1828 года.

II.

Атаманъ Гладкій.

Въ одной бѣдной малороссійской семьѣ родился Осипъ Гладкій. Народное южнорусское преданіе, какъ передаетъ г. Кулишъ, относитъ рожденіе Гладкаго къ 1792—1795 г. г. Тогда, по сказанію народа, *вся земля стряслась*, иначе сказать, поднялась страшная буря, что, по народному повѣрью, означало: *народился какой нибудь лыцарь*, т. е. необыкновенный человѣкъ. Дѣйствительно, если этотъ случай относился къ рожденію *Осипа Гладкаго*, а не другаго, то народъ былъ правъ. Легендарныя похожденія возмужавшаго Осипа Гладкаго, и историческія о немъ сказанія ставятъ его на ряду со многими героями своего времени. Но мы не станемъ увлекаться фантазіей беллетриста, а скажемъ нѣсколько словъ о Гладкомъ изъ болѣе вѣрныхъ историческихъ источниковъ и разсказовъ людей, видѣвшихъ Гладкаго лично и знавшихъ его жизнь по родственнымъ связямъ.

Осипъ Гладкій родился въ селѣ Мельниковѣ, полтавской губерніи, золотоношскаго уѣзда, отъ малороссійскаго козака Михаила Гладкаго и матери Ѳедосіи, польскаго происхожденія, изъ фамиліи Мазуръ. Рожденіе его относится къ 1787 году. Во время молодости Осипа отецъ его, Михаилъ Гладкій, былъ сельскимъ головой, что указываетъ на его грамотность и болѣе или менѣе выдающееся положеніе среди односельчанъ; если же принять въ соображеніе польское происхожденіе матери, то можно безошибочно заключить, что молодой Осипъ росъ въ далеко незаурядной семьѣ и что обстановка должна была способствовать развитію въ немъ честолюбія. Достигши извѣстнаго возраста,

Осипъ Гладкій женился на казачьей дочери въ селѣ Красно-хижинахъ. Но могла ли тихая и скромная сельская жизнь удовлетворить заронившимся въ душу молодаго козака честолюбивымъ замысламъ, не имѣвшимъ на дѣлѣ никакихъ примѣненій. Осипъ Гладкій не выдержалъ: широкая козацкая натура въ немъ развернулась и онъ загулялъ.... Кончилось тѣмъ, что Осипъ Гладкій, оставивъ въ бѣдности любимую свою жену и четырехъ дѣтей—двухъ сыновей и двухъ дочерей, отправился на чумацкіе промыслы, имѣвшіе въ Малороссіи большое значеніе, свою исторію и свою поэзію.

Не имѣя собственныхъ средствъ, Гладкій нанялся батракомъ у богатаго козака и, при своей смышленности и природномъ умѣ, скоро овладѣлъ довѣріемъ хозяина, который, поручивши ему воловъ и возы, отправилъ въ дорогу чумаковать.

Случилось, что у Гладкаго въ Крыму всѣ волы отъ болѣзни пали и онъ побоялся возвратиться къ хозяину съ однимъ *батогомъ*.

Такъ передавала своей семьѣ тетка Гладкаго г-жа Чис—кова. Она, понятно, не была личной свидѣтельницей чумацкаго приключенія своего племянника, а слышала это отъ другихъ. Могло быть такъ, могло быть и иначе. Трудно предположить, чтобы Гладкій, при твердомъ и честномъ характерѣ своемъ, испугался падежа быковъ и вслѣдствіе этого не воротился къ своему хозяину, продавъ оставшееся на его рукахъ чумацкое имущество, или передавъ оное другимъ чумакамъ; самая чумацкая артель поддержала бы въ несчастномъ случаѣ своего товарища,—какъ это у нихъ всегда водилось. Скорѣе можно думать, что удалому чумаку Гладкому приглянулась какая нибудь шинкарочка съ карыми очима и черными бровями, ради которой онъ загулялъ и спустилъ все съ рукъ. А это бывало съ чумаками не разъ и даже вошло въ чумацкую пѣсню:

Пропывъ волы, пропывъ возы,
Пропывъ ярма и занозы,
Пропывъ все добро!

. . . .
. . . .

Но такъ или иначе, Осипъ Гладкій, какъ передавала г-жа Чис—кова, очутился въ Новороссіи, и уже не чумакомъ, а мастеромъ по плотничьей части. Онъ взялся у одного владѣльца выстроить водяную мельницу. Не зная основательно строительнаго искусства и надѣясь только на свою смѣтливость, онъ чего то не досмотрѣлъ, не разсчиталъ, и незаконченную еще мельницу первымъ весеннимъ половодіемъ разбило и разнесло въ щепки. Боясь чтобы панъ погибшей мельницы не надавалъ въ расплату своему мудрому архитектору батоговъ въ спину, вмѣсто ожидавшихся карбованцевъ, Гладкій, не долго думая, далъ тягу. По разсказу Савича, Осипъ Михайловичъ былъ въ Одессѣ, гдѣ занимался бондарнымъ мастерствомъ, а потомъ, бросивши это занятіе, нанялся къ одному пану въ работники, тамъ сошелся онъ съ панской горничной, хотѣлъ на ней жениться, но священникъ, не приступая къ вѣнчанію, началъ собирать справки съ мѣста родины Гладкаго. Понятно, что при такомъ оборотѣ дѣла нельзя было ожидать на мѣстѣ результата справокъ, надѣлавшихъ переполоху въ семьѣ этого авантюриста. Гладкій бѣжалъ въ Керчь. Какъ видно онъ много шатался по Новороссіи, покуда очутился за Дунаемъ у турецкихъ запорожцевъ.

Красивый, разумный и статный здоровякъ Гладкій не могъ остаться незамѣченнымъ въ запорожской сѣчи. Онъ скоро выдвинулся на почетныя должности между товариствомъ. Участвуя вмѣстѣ съ другими запорожцами въ турецкихъ войскахъ при усмиреніи бунтовавшихъ грековъ, онъ геройскими подвигами обратилъ на себя особенное вниманіе какъ турецкаго начальства, такъ и самихъ запорожцевъ, слѣдствіемъ чего было избраніе его куреннымъ атаманомъ одного изъ козачьихъ куреней. На этомъ посту Гладкій еще болѣе съумѣлъ выказать свои достоинства. Въ январѣ 1827 года Осипъ Михайловичъ Гладкій на общей войсковой радѣ былъ единогласно выбранъ кошевымъ атаманомъ запорожскаго козачьяго войска въ Турціи. Выборъ этотъ турецкій султанъ утвердилъ съ присвоеніемъ Гладкому званія двухъ-бунчужнаго паши турецкой службы. Кромѣ того султанъ подарилъ Гладкому за его отличную службу дорогую

саблю съ рукояткою изъ слоновой кости, ножнами изъ массивнаго серебра и съ арабской, на полоскѣ, надписью изъ корана.

Взявши въ руки судьбу запорожскихъ козаковъ, Гладкій задумалъ осуществить давно назрѣвавшую мысль о возвращеніи на родину, по которой онъ—при всѣхъ удачахъ и почестяхъ—тосковалъ, вспоминая на чужбинѣ любимую свою семью. Но тутъ уже къ нѣжнымъ чувствамъ присоединялись честолюбивые замыслы объ удержаніи за собою власти и славы, которыхъ онъ такъ упорно добивался и наконецъ добился. Теперь уже Гладкій думалъ воротиться въ Россію не простымъ козакомъ—батракомъ, а лицемъ властнымъ, особенно если ему удастся вмѣстѣ съ собою вывести на родину турецкихъ запорожцевъ, и такимъ образомъ извлечь изъ этого отважнаго поступка и свою личную выгоду и пользу русскому правительству. При счастливомъ исходѣ задуманнаго предпріятія Гладкій надѣялся, что русскій царь не отвергнетъ его—бѣглеца изъ отечества, фигурировавшаго въ чужой сторонѣ въ качествѣ не простой *райи*, а виднаго въ турецкомъ государствѣ лица, и проститъ его преступленіе.

Не разъ мечталъ объ этомъ Осипъ Михайловичъ Гладкій, держа крѣпко въ рукахъ атаманскую булаву въ кругу своихъ суровыхъ совѣтниковъ—старшинъ войска запорожскаго. Ему все какъ то не удавалось привести въ исполненіе завѣтное свое желаніе. Онъ долженъ былъ хитрить и весьма искусно вести опасную игру: съ одной стороны онъ не довѣрялъ своихъ мыслей войсковому товариству, вообще не имѣвшему расположенія къ русскимъ, съ другой—боялся, чтобы намѣренія его не дошли до свѣдѣнія турецкаго правительства. Въ первомъ случаѣ онъ могъ только потерять свою власть въ запорожскомъ войскѣ, а въ послѣднемъ могъ лишиться не только власти, но и самой жизни. Турецкій султанъ не любилъ шутить съ подобной игрой своихъ подданныхъ; онъ не преминулъ бы въ возмездіе за измѣну прислать своему двухъ-бунчужному пашѣ Гладкому прекрасный шелковый шнурокъ, или прямо отрубить ему голову. Самъ Гладкій единолично, конечно, могъ найти средства убѣжать въ Россію, но чѣмъ?... простымъ козакомъ, безъ знаковъ достоинства

и безъ подчиненныхъ лицъ. Это значило промѣнять атаманскую булаву въ Турціи на солдатскій штыкъ въ Россіи, или, того еще хуже, познакомиться съ русскимъ военнымъ судомъ.... Нѣтъ!— на это Гладкій не былъ согласенъ. Ему хотѣлось возвратиться въ Россію властнымъ лицомъ, способнымъ обратить на себя вниманіе русскаго царя, для чего требовался съ его стороны великій подвигъ, который не только затмилъ бы всѣ его преступленія предъ отечествомъ, вѣроломно имъ оставленнымъ, но и доставилъ бы еще почесть и извѣстность. Онъ слѣпо вѣрилъ въ блестящую свою звѣзду, которая ему постоянно сопутствовала.

Не разъ Гладкій зондировалъ чувства запорожскихъ козазаковъ на счетъ согласія ихъ воротиться въ Россію и сдаться на милость русскаго царя. Но всякій разъ получались результаты отрицательные. Молодежь выказывала нѣкоторую склонность вернуться на родину своихъ предковъ, гдѣ, по разсказамъ, запорожцы жили когда то какъ въ Божьемъ раю, но старые сѣчевики и слушать о томъ не хотѣли. Они знали, что той жизни, какой жили прежде запорожцы въ Россіи, уже не будетъ и что оставшіеся тамъ братья ихъ черноморцы не пользуются тѣми правами и вольностями, которыя были въ Запорожьи и которыми они сами пользуются у турецкаго султана.

Какъ искусный ловецъ, забросивъ удочку, терпѣливо выжидаетъ рыбу, такъ и Гладкій, пустивши изподтишка между козаками мысль о переходѣ въ Россію, терпѣливо выжидалъ покуда она мало по малу созрѣвала подъ вліяніемъ поэтическихъ думъ мечтательной молодежи и предательскаго хмеля старыхъ запорожцевъ. Истинныя намѣренія Гладкаго знали немногія приближенныя къ нему лица, имѣвшія вліяніе на толпу необузданныхъ сѣчевиковъ.

Какъ ни шатка была почва подъ ногами кошеваго атамана, но медлить было нельзя, нужно было на что нибудь рѣшаться: быть или не быть. И онъ дѣйствительно рѣшился на поступокъ самый смѣлый и отчаянный; въ случаѣ удачи онъ выигрывалъ все о чемъ мечталъ, при неудачѣ же терялъ все—и власть и жизнь.

Наступила война Россіи съ Турціей въ 1828 году. Запорожскому войску предстояло готовиться въ походъ съ турками

противъ русскихъ. Гладкій, все еще не раскрывая своихъ картъ покуда не будутъ на рукахъ козыри, по предложенію турецкаго начальства дѣятельно готовилъ отрядъ козаковъ для дѣйствій противъ Россіи. Снарядивши войсковыя лодки и посадивши на нихъ около 1500 запорожскихъ козаковъ, кошевой атаманъ двинулся въ походъ подъ видомъ непріязненныхъ дѣйствій противъ русскихъ. Вскорѣ онъ былъ уже за Прутомъ, направляясь къ русскимъ берегамъ и, только достигши Измаила, объявилъ всѣмъ своимъ спутникамъ принятое имъ твердое рѣшеніе вступить въ службу единовѣрной христіанской Россіи и стать врагомъ невѣрныхъ бусурманъ турокъ, отдавшись на милость Бога и русскаго царя.

Нечего и говорить, что такой поступокъ кошеваго атамана турецкихъ запорожцевъ какъ громомъ поразилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, не знавшихъ настоящихъ мыслей Гладкаго при выходѣ отряда изъ запорожской сѣчи. Они плыли спокойно по Дунаю, воображая, что подбираются къ нашимъ берегамъ съ враждебной цѣлью, которую таилъ отъ нихъ атаманъ, не любившій дѣлиться своими мыслями въ военныхъ предпріятіяхъ съ подчиненными, но каково же было ихъ удивленіе, когда они вмѣсто враговъ являлись къ русскимъ покорными слугами.

Всѣ запорожскіе козаки и знавшіе рѣшеніе атамана Гладкаго передаться русскимъ, и не знавшіе безпрекословно повиновались своему вождю. Они его любили и уважали, какъ заботившагося объ ихъ благосостояніи *батька* и боялись, какъ строгаго начальника; его воля для козаковъ была закономъ.

Въ Измаилѣ атаманъ Гладкій поступилъ съ своими запорожцами въ карантинъ.

О прибытіи изъ Турціи кошеваго атамана Гладкаго съ отрядомъ войска запорожскаго измаильскій комендантъ генералъ Тучковъ донесъ государю императору. Его величество, получивъ такое извѣстіе на возвратномъ пути изъ подъ Браилова, осажденнаго русскими войсками, проводилъ императрицу изъ Бендеръ въ Одессу и 18 мая былъ уже въ Измаилѣ. Когда государь прибылъ въ карантинъ, то всѣ бывшіе тамъ задунайскіе запорожцы пали ницъ передъ его величествомъ, крестясь

и читая моливы. Николай Павловичъ приказалъ имъ встать и выстроиться въ линію. Тогда атаманъ Гладкій съ 17-ю почетнѣйшими запорожцами приблизился къ монарху съ повинною головою. Сложивъ къ ногамъ государя атаманскую булаву, шашку и шапку, Гладкій съ депутатами палъ на колѣни и просилъ у государя себѣ и всѣмъ вышедшимъ съ нимъ изъ Турціи запорожцамъ прощенія и принятія въ русскую службу. Императоръ, принявъ ласково невѣрныхъ запорожцевъ, простилъ ихъ измѣну отечеству,—сказавши при этомъ, какъ передаетъ г. Эварницкій, знаменательныя слова:—„*Богъ васъ прощаетъ, отчизна прощаетъ и я прощаю*“. Послѣ сказанныхъ государемъ остальнымъ запорожцамъ нѣсколькихъ милостивыхъ словъ козаки обнажили сабли и торжественно клялись служить вѣрою и правдою православному царю.

Въ то время, какъ государь разговаривалъ съ Гладкимъ, одинъ генералъ, изъ свиты его величества, обратился съ вопросомъ къ стоявшему къ нему поближе запорожскому депутату, старому съ сѣдою чуприною угрюмому козаку: „По какой причинѣ и чрезъ кого именно запорожцы оставили Россію и перешли въ Турцію?“ Суровый запорожецъ, не моргнувъ долгимъ усомъ, отвѣтилъ — „черезъ такихъ якъ ты!“

Николай Павловичъ, услыхавъ, что сѣдой запорожецъ буркнулъ что то себѣ подъ носъ спросилъ: „Что онъ говоритъ?...“ Генералъ поспѣшилъ отвѣтить: „Ничего, ваше величество,—такъ себѣ глупость“. Государь не обратилъ вниманія и продолжалъ вести съ Гладкимъ важный и интересный разговоръ о переходѣ его изъ Турціи. Слова эти слышалъ черноморскій офицеръ Завгородній, бывшій въ то время при государѣ, и послѣ разсказывалъ другимъ черноморцамъ, какъ весьма замѣчательный случай, что у старыхъ запорожцевъ при всей любви къ отчизнѣ, родному краю и православному государю, не угасала старая ненависть къ вельможамъ, бывшимъ, по понятіямъ ихъ, главной причиной уничтоженія въ Россіи войска запорожскаго ради того, чтобы воспользоваться даромъ богатыми запорожскими землями, кото-

рыхъ, дѣйствительно, много было подарено разнымъ сановникамъ императрицей Екатериной II.

Императоръ Николай Павловичъ такъ былъ доволенъ поступкомъ запорожскаго кошеваго атамана Гладкаго, что въ знакъ монаршаго къ нему благоволенія тутъ же пожаловалъ ему золотую медаль, на андреевской лентѣ, съ своимъ портретомъ. Изъ вышедшихъ турецкихъ запорожцевъ тогда же былъ сформированъ дунайскій козачій полкъ, командиромъ котораго назначенъ атаманъ Гладкій.

Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ въ лагерѣ при Сатуновѣ 27 мая 1828 года, Осипъ Михайловичъ Гладкій за особенное отличіе, оказанное въ тотъ день при переправѣ русской арміи чрезъ Дунай, на турецкій берегъ, произведенъ въ чинъ полковника.

По окончаніи съ Турціей войны въ 1829 году государь императоръ за усердную и ревностную службу полковника Осипа Гладкаго возвелъ его въ дворянское Россійской имперіи достоинство. При этомъ утвердилъ ему слѣдующій достопримѣчательный гербъ: щитъ раздѣленный на двѣ половины; въ верхней половинѣ на голубомъ полѣ изображенъ орденъ Георгія Побѣдоносца, внизу лодка съ поднятымъ флагомъ и россійскимъ гербомъ; въ нижней половинѣ на красномъ полѣ изображена луна съ крестомъ надъ ней и двумя бунчуками по бокамъ креста; сверху щитъ увѣнчанъ дворянской короной, а на бокахъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ.

Въ этомъ щитѣ нарисована историческая картина перехода кошеваго атамана турецкихъ запорожцевъ двухъ-бунчужнаго паши Гладкаго изъ за Дуная въ Россію и честь, оказанная ему въ отечествѣ за этотъ важный подвигъ.

Война съ Турціей кончилась. Дунайскій козачій полкъ превратился въ азовское козачье войско и Гладкій по волѣ государя назначенъ былъ наказнымъ сего войска атаманомъ; онъ награждается чиномъ генерала и живетъ въ полномъ удовольствіи среди почестей и богатства въ кругу своей семьи, въ которой принималъ участіе самъ благодарный императоръ Николай Павловичъ, высоко цѣнившій заслуги Гладкаго Россіи.

Но запорожцы—азовскіе козаки не взлюбили своего атамана. Причины этому объяснимъ ниже, а теперь скажемъ только, что при такомъ неловкомъ своемъ положеніи среди бывшаго товариства, дѣлившаго нѣкогда съ своимъ любимымъ атаманомъ радости и горе и при старыхъ своихъ лѣтахъ Осипъ Михайловичъ Гладкій вышелъ въ отставку и зажилъ на покоѣ въ своемъ имѣніи—хуторѣ Новопокровскѣ, находившемся въ александровскомъ уѣздѣ екатеринославской губерніи и на 79 году отъ роду скончался отъ холеры.

Осипъ Михайловичъ Гладкій въ жизни своей достигъ всего, чего желалъ—знатности, почестей и богатства; но достигъ ли онъ душевнаго мира, про то вѣдалъ онъ да Богъ.

Въ то время, какъ Гладкій торжествовалъ въ Россіи свою славу, въ Турціи сыпались на его голову проклятія оставленнаго имъ запорожскаго народа. За измѣну Гладкаго турки истребили много *раіи*, разорили Запорожскую Сѣчь, уничтожили кошевое управленіе, раскассировали все войско запорожское и разогнали этотъ несчастный народъ въ разныя мѣста турецкаго государства (въ Добруджѣ). Отъ такого погрома турецкіе запорожцы лишились не только своихъ правъ и вольностей, которыми пользовались до того по милости турецкаго императора, но и самой своей національности не могли уже удерживать во всей чистотѣ и неприкосновенности по козачьимъ традиціямъ. Съ того времени, подъ давленіемъ турецкой ненависти, запорожцы потеряли Сѣчь и общественное свое единство, которымъ они цѣлые вѣка были крѣпки. Не стало Сѣчи, не стало и запорожцевъ, они разбрелись въ разныя стороны, отуречились и затерялись.

Одинъ турецкій запорожецъ, жившій послѣ за Кубанью, изъ азовскихъ переселенцевъ, разсказывалъ мнѣ такъ: Когда турки узнали объ измѣнѣ Гладкаго и переходѣ его съ частью козаковъ въ Россію, то набѣжали изъ разныхъ мѣстъ и начали рѣзать остальныхъ запорожцевъ, гдѣ только они встрѣчались. Убивали съ большимъ ожесточеніемъ всѣхъ, кто попадался подъ руку, никому пощады не было, кровь рѣкою лилась; отчаянные крики, раздирающіе душу вопли и стенанія не унимали разсви-

рѣпѣвшихъ изувѣровъ. Несчастные запорожцы проклинали Гладкаго—виновника ихъ бѣдствій и гибели. Такая ожесточенная бойня продолжалась, среди споровъ турецкихъ чиновниковъ, изъ которыхъ одни удерживали убійцъ, а другіе еще болѣе подстрекали ихъ, пока не прибылъ паша и не прекратилъ кровопролитія. Тамъ же былъ убитъ и отецъ разсказчика, а самъ онъ, бывши съ матерью въ то время по дѣлу въ Тульчѣ, спасся отъ смерти. Тогда же было слышно,—добавилъ онъ, что русскій царь, узнавши, что турки рѣжутъ русскихъ христіанъ, прислалъ бусурманамъ сказать, что если они не прекратятъ этой безбожной рѣзни, то онъ на другой день двинетъ на турокъ всю русскую армію и въ пухъ ихъ разобьетъ. Поэтому турецкій паша, испугавшись угрозы русскаго царя, и поспѣшилъ унять разсвирѣпѣвшихъ османовъ.

Быть можетъ, разсказъ этотъ и преувеличенъ, но во всякомъ случаѣ турки жестоко расправились съ оставшимися послѣ ухода Гладкаго запорожцами за Дунаемъ.

Заканчивая краткій обзоръ жизни Осипа Михайловича Гладкаго, нельзя умолчать и о семейныхъ добродѣтеляхъ этого знаменитаго по романическимъ приключеніямъ человѣка. Извѣстно, что Гладкій, промотавши свое имѣніе, бросилъ жену съ дѣтьми въ самой крайней бѣдности, такой, что дѣти шли служить въ наймы простыми работниками; извѣстно также и то, что онъ, шатаясь по бѣлу свѣту, не чуждъ былъ нѣжныхъ чувствъ къ прекрасному полу и въ Россіи, и въ Турціи, но извѣстно и то, что, какъ только Гладкій возвратился въ Россію и управился съ своими служебными дѣлами, то, несмотря на высокое свое воинское званіе и почетное общественное положеніе, немедленно отправился къ своей убогой семьѣ и поставилъ ее въ положеніе, соотвѣтственное своему званію.

По традиціямъ войска запорожскаго, семейные козаки не имѣли права продолжать службу въ козачьей сѣчи; всякое сообщеніе сѣчевика съ женщинами считалось большимъ преступленіемъ и строго наказывалось. Поэтому и Гладкій, находясь за Дунаемъ въ Запорожской Сѣчи, скрывалъ отъ товариства семейное свое положеніе и даже не сказалъ этого русскому

государю при первомъ представленіи въ Измаилѣ, боясь потерять ту власть надъ своими козаками, какою онъ пользовался въ Турціи, и только впослѣдствіи Николай Павловичъ, узнавъ о семейномъ положеніи Осипа Михайловича, высочайше повелѣлъ принять его дѣтей, годныхъ по возрасту, въ учебныя заведенія для воспитанія на казенный счетъ.

III.

Поселеніе запорожскихъ выходцевъ въ Россіи и образованіе изъ нихъ азовскаго козачьяго войска.

По окончаніи турецкоой войны государь императоръ Николай Павловичъ былъ такъ доволенъ службою вышедшихъ изъ Турціи задунайскихъ запорожцевъ, находившихся въ составѣ дунайскаго полка, что предоставилъ ихъ командиру, бывшему кошевому атаману турецкихъ запорожцевъ Гладкому, выбрать для поселенія ихъ свободную землю въ южныхъ предѣлахъ Россіи, гдѣ окажется удобнымъ.

На войсковой радѣ запорожцы рѣшили: по прежнему своему согласію присоединиться къ черноморскому козачьему войску, происходящему изъ одного съ ними Запорожья. Гладкій не противорѣчилъ козакамъ, но былъ другаго мнѣнія, какъ укажутъ послѣдствія.

Въ 1830 году Гладкій поѣхалъ на Кавказъ для осмотра и выбора мѣста подъ поселеніе задунайскихъ запорожцевъ. Прибывши въ Черноморію, Гладкій представился наказному атаману черноморскаго войска генералу Безкровному, который въ честь дорогаго гостя далъ балъ. На этомъ пиру Гладкій привлекалъ взоры всѣхъ своей статной мужественно-суровой, но красивой атлетической фигурой и еще болѣе исторической своей извѣстностью. На Гладкомъ былъ богатый запорожскій костюмъ и полковничьи эполеты;—такой же здоровенный саженный гайдукъ въ яркомъ кармазиновомъ кафтанѣ, носилъ за своимъ атаманомъ *люльку и кисетъ съ тютюномъ*.

Изъ Екатеринодара Гладкій поѣхалъ далѣе на кавказскую линію, но нигдѣ подходящихъ земель для поселенія своихъ за-

порожцевъ не нашелъ, или не желалъ найти. Возможно думать то и другое. На Кавказѣ вдоль правой стороны Кубани были уже поселенія: въ низовьяхъ этой рѣки черноморское козачье войско, а въ верховьяхъ кавказскіе полки, семейно поселенные на границѣ противъ закубанскихъ горцевъ. Если бы запорожцы перешли въ кавказскій край, то должны были въ первомъ случаѣ войти въ составъ войска черноморскаго, имѣвшаго уже свою организацію, а въ послѣднемъ поселиться отдѣльнымъ полкомъ, по примѣру другихъ полковъ. А чѣмъ же могъ быть Гладкій?—Въ Черноморіи, не получивши научнаго образованія, онъ могъ занять только постъ, не требовавшій личной письменной работы, но какой?... Должность наказнаго атамана—генералъ Безкровный ему уступить не могъ, безъ распоряженія высшей власти, надѣяться же на эту принудительную мѣру было болѣе чѣмъ сомнительно; остаются должности полковыхъ командировъ,—которые въ то время могли быть и малограмотны; поселившись на кавказской линіи полкомъ, онъ могъ оставаться командиромъ своего же дунайскаго полка и только...

Но Гладкій былъ не такой человѣкъ, чтобы однимъ неосторожнымъ поступкомъ утерять первенство власти надъ своимъ войскомъ, хотя и маленькимъ, состоявшимъ изъ одного только полка, а все же войскомъ, по милости Государя, не бывшимъ еще въ зависимости отъ иного начальства, кромѣ его же самаго Гладкаго. Если онъ не задумался ради своей личной славы пожертвовать въ Турціи, быть можетъ, тысячами душъ своихъ братьевъ христіанъ, загубленныхъ турками, то что ему было дорожить мнѣніемъ подчиненной ему горсти казаковъ, на которыхъ, въ силу сложившихся обстоятельствъ и національныхъ ихъ склонностей, онъ имѣлъ такое вліяніе.

Такъ или иначе думалъ Гладкій, но онъ предпочелъ поселиться съ своими запорожцами отдѣльно отъ другихъ областей, на свободной землѣ западной стороны Азовскаго моря, между Бердянскомъ и Маріуполемъ. На эту землю Гладкій привелъ своихъ козаковъ въ концѣ года, и они, ставши здѣсь лагеремъ, зазимовали.

По представленію Гладкаго, государь императоръ высочайше соизволилъ изъ задунайскихъ запорожцевъ образовать азовское козачье войско, съ отведеніемъ оному для поселенія избранной Гладкимъ земли въ сказанномъ мѣстѣ и съ назначеніемъ самаго Гладкаго наказнымъ этого войска атаманомъ.

Тогда только запорожцы увидѣли, что ихъ мечты о соединеніи съ черноморскимъ войскомъ не сбылись. Они были крайне недовольны своимъ атаманомъ, дѣйствовавшимъ самовольно, въ разрѣзъ съ ихъ желаніями. Нѣкоторые изъ козаковъ, чувствуя себя обиженными Гладкимъ, не перенесли такой несправедливости и насилія съ его стороны; *подяковавши батьку атаману за хлибъ, силь и ласку,* такіе упорные и своевольные запорожцы бѣжали обратно въ Турцію; всѣ же остальные козаки основали на указанной землѣ двѣ станицы Никольскую и Покровскую, но прочнаго домашняго устройства не заводили, а большею частію жили въ землянкахъ. Проходили десятки лѣтъ, а нѣкоторые изъ козаковъ все еще имѣли какую то надежду на соединеніе съ черноморцами, не хотѣли производить болѣе прочныхъ построекъ, продолжали жить въ прежнихъ землянкахъ,—въ ожиданіи новыхъ переселеній въ Черноморію. Предчувствіе ихъ отчасти сбылось, какъ увидимъ впослѣдствіи.

Вслѣдствіе малочисленности вновь образованнаго азовскаго козачьяго войска, по распоряженію правительства, были причислены къ нему смежные съ отведенной войску землей: Петровскій мѣщанскій посадъ надъ самимъ морскимъ берегомъ и Новоспасовское селеніе государственныхъ крестьянъ, переименованное въ станицу; затѣмъ по высочайшей волѣ былъ добавленъ къ азовскимъ войсковымъ дачамъ свободный участокъ казенной земли и на немъ поселена изъ переселенцевъ черниговской губ. Стародубовская станица. Такимъ образомъ въ составъ азовскаго войска вошли: двѣ станицы Николаевская и Покровская изъ коренныхъ запорожцевъ, одна станица изъ казенныхъ крестьянъ, одна новая станица изъ малороссійскихъ переселенцевъ и посадъ Петровскій изъ мѣщанъ, всего пять поселеній, изъ которыхъ послѣднее—посадъ служилъ мѣстопребываніемъ наказнаго атамана съ войсковымъ управленіемъ.

Возникавшія въ разныхъ мѣстахъ Россійской имперіи козачьи войска съ древнихъ временъ заселяли окраины государства; задача козачьихъ войскъ состояла въ охраненіи пограничныхъ мѣстъ своего отечества отъ вторженія непріятелей, причинявшихъ своими набѣгами русскому народу великое разореніе. Противъ этихъ то враговъ Россіи козаки всегда составляли надежную стѣну на границахъ и заслоняли своею грудью мирныхъ жителей Россіи. Атаманъ Гладкій почему то уклонился отъ этого вѣками установившагося правила козачьихъ поселеній и поселилъ свое азовское войско не на границахъ Кубани, гдѣ въ то время много было свободныхъ земель и чувствовался крайній недостатокъ въ народонаселеніи, пополнявшемся для увеличенія войска переселенцами изъ малороссійскихъ губерній, а въ мирномъ уголку Россіи, прикрѣпивъ козаковъ къ казенной землѣ, съ податнымъ населеніемъ, которое было обращено въ козачье званіе вопреки его желанію. Большинство гражданскаго населенія поглотило меньшинство военнаго элемента и впослѣдствіи изъ азовскаго войска, составившагося изъ слившихся въ одно цѣлое козаковъ, мѣщанъ и крестьянъ, образовался какой то округъ, похожій болѣе на небольшой уѣздъ внутренней русской губерніи съ гражданскимъ населеніемъ, чѣмъ на самостоятельное козачье войско.

Такъ какъ азовское козачье войско составилось большею частью изъ крестьянскаго сословія, то внутренняя жизнь козаковъ складывалась въ формы быта мирнаго гражданскаго населенія и протекала въ обыкновенныхъ сельскихъ занятіяхъ. Никакихъ пограничныхъ треволненій азовцы не испытывали, жили себѣ въ станицахъ покойно, занимались хлѣбопашествомъ, обрабатывая по 15 дес. на душу; избытокъ отъ своихъ трудовъ сбывали въ ближайшіе портовые города, преимущественно въ Бердянскъ, а о козачьей военной жизни и рѣчи не было; одни только природные козаки запорожцы, доживая свой вѣкъ, вспоминали про свои невозвратные молодецкіе годы, проведенные въ далекомъ задунайскомъ краѣ. Старые запорожцы, будучи несклонными къ семейной жизни, большею частію оставались сиромами, а молодое поколѣніе коренныхъ козаковъ было на

столько малочисленно, что незамѣтнымъ образомъ сливалось съ гражданскимъ населеніемъ и воспринимало характеръ преобладающей мѣщанской и крестьянской среды, совсѣмъ чуждой воинскому духу истыхъ козаковъ и въ концѣ концовъ принимало весь складъ крестьянскаго люда. Одна только государственная служба, передававшаяся отъ отцовъ къ дѣтямъ, поддерживала тотъ замѣчательный духъ козацкой удали и отваги, который запорожцы, какъ настоящіе козаки, всегда умѣли передавать не только природнымъ козакамъ, но даже и пришельцамъ къ нимъ, принимавшимъ козачье званіе.

П. Короленко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. И. КОСТОМАРОВѢ.

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ).

Мнѣ кажется, наступило время отвести страницы „Кіевской Старины“ для помѣщенія на нихъ матеріаловъ по составленію болѣе полной біографіи нашего вѣщаго историка, покойнаго Н. И. Костомарова. Нѣсколько изданныхъ его біографій, а также помѣщенная въ „Литературномъ наслѣдіи“ съ значительными пропусками его автобіографія, не могутъ обрисовать вполнѣ личность великаго нашего историка. Онѣ освѣщаютъ ее тусклымъ свѣтомъ и имѣютъ нѣкоторое сходство съ обычнымъ формулярнымъ о службѣ спискомъ служащаго лица. Въ нихъ почти нѣтъ интимныхъ сторонъ покойнаго, которыя могли быть подмѣченными только близко знакомыми съ нимъ. Пусть эти знакомые его сообщаютъ на страницы вашего почтеннаго журнала письма Н. И. Костомарова, воспоминанія о немъ и т. п.

Признавая подобнаго рода матеріалы имѣющими существенное значеніе, я считаю своимъ долгомъ сообщить вамъ нѣкоторыя воспоминанія о Николаѣ Ивановичѣ и сохранившееся у меня одно его письмо, которое и прилагаю при этомъ.

Знакомство мое съ нимъ началось съ переписки его со мною въ бытность мою еще студентомъ кіевскаго университета. Вотъ то письмо, снятое съ детальною точностью, которое я имѣлъ счастье получить въ Кіевѣ и которое принесло мнѣ столько радостей, что и до сихъ поръ я храню его какъ святыню:

„Одибравъ я, шановный добродію, вашъ листъ. Ариѳметику взявсь написати К—ій и написавъ багато и приславъ, а

кинець шче не дославъ. Теперъ его зослано у Вологду, але винъ мини звидты пысавъ и обицявъ дослаты кинець. Іи отъ дожидаю; тымъ и не выпущаю.

„Вашу изминить коли хочете. Я николы не выкладавъ дитямъ сеи науки, тымъ и не берусь на увагу браты чы добра ваша буде, чы ни́. А отдамъ ій кому звелите, якомусь мистцеви, хочъ, прыкладомъ, Савичеви, профессорови астрономіи и землякови нашому. Якъ хочешь, такъ и робыть.

„Чувъ я у васъ у Кіеви шчось учене для нарида збираються друковаты. Колы сіому правда, то слѣдъ бы вамъ бувъ объ симъ укупи зо мною помирковатысь, шчобъ мы одно у другого не перебывалы и одны другымъ на перешкоди не становылысь. Бо колы мы тутъ, а вы тамъ одне и тежъ выпушчатымемо, то тилки соби сылы збавлятымемо. И колы у васъ тамъ есть якій збиръ, то треба булобъ и вамъ у газетахъ звишчаты людъ хрешченый, шчо тамъ у васъ е и шчо вы робыты думаете, якъ я роблю, бо у мене шчо мисяцъ друкуется и тайного ничого нема.

„Бувайты здорови. Дай Боже вамъ усякого добра. Н. Костомаровъ. Марта 21, 1863, С. П. Б., Васильевск. остр. 18 линія, д. Карманова".

Приписка: „Кланяйтесь усимъ громадянамъ вашымъ. Пошлы имъ, Господи, совитъ и волю крипку".

Если не ошибаюсь, я не получалъ больше ни одного письма до осени 1868 г., когда въ первый разъ воочію узрѣлъ изрѣзанную морщинами, живую, съ искрящими глазами, физіономію историка. У него были уже тогда нервныя подергиванія въ правомъ глазѣ, не укрывавшіяся подъ золотыми очками. По пріѣздѣ въ Питеръ, я счелъ своимъ долгомъ отправиться къ нему съ поклономъ въ домъ Карманова. До этого времени мнѣ пришлось напечатать нѣсколько произведеній, утратившихъ уже всякую цѣну. Съ усиленнымъ біеніемъ сердца я поднялся на 3-й этажъ и позвонилъ, прочитавши на дверяхъ съ лѣвой стороны отъ лѣстницы визитную карточку историка. Слуга его, имя котораго я забылъ, хотя знаю, что онъ давно служилъ у Н. И. Костомарова, пустилъ меня въ переднюю и хотѣлъ было по-

мочь мнѣ снять верхнее платье. Я попросилъ его доложить хозяину о моемъ приходѣ. Не прошло минуты, слышу изъ сосѣдней комнаты хриплый голосъ: „Земляче, любый земляче“. Передо мною на порогѣ появилась старая, изможденная фигура историка съ дѣтскою радостью.—„Отъ колы довелось побачиты васъ“. Двумя фразами и дѣтски-горячимъ поцѣлуемъ онъ сразу понизилъ біеніе моего пульса. Начался разговоръ. — „Ходимо пидъ древеса“. Въ углу на лѣво въ первой комнатѣ стояли тропическія растенія съ громадными вѣтвями, подъ которыми стоялъ диванчикъ съ круглымъ предъ нимъ столикомъ. Хозяинъ потребовалъ два стакана кофе. Онъ не могъ сидѣть долго на одномъ мѣстѣ, постоянно вскакивалъ, ходилъ по комнатѣ, или приносилъ изъ сосѣдней комнаты—своего рабочаго кабинета, то папиросы, то сигары и предлагалъ ихъ мнѣ. Мнѣ крайне приходится сожалѣть теперь, что я не записалъ дня этой встрѣчи, а разговоръ нашъ изгладился изъ моей старой головы. Содержаніе его касалось кіевлянъ и разныхъ мѣстъ въ самомъ городѣ. Костомаровъ старался мнѣ объяснить, гдѣ стоялъ тотъ домъ, въ которомъ онъ жилъ въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Кіевѣ, передъ арестомъ.

Выпивши кофе, Н. И. повелъ меня въ свой кабинетъ, одинъ внѣшній видъ котораго возбудилъ у меня благоговѣніе. Посрединѣ—большой рабочій столъ, заваленный книгами и исписанною бумагою, вокругъ стола лежали толстые фоліанты въ одиночку и кучами. Вдоль всей стѣны передо мною красовались полки съ массою старыхъ и новыхъ книгъ. Между двумя окнами стоялъ высокій на 4-хъ ножкахъ столъ, съ поднимающеюся доскою и съ ящикомъ, гдѣ хранились курительныя принадлежности. На этомъ столикѣ стояло металлическое распятіе. Въ углу справа стояло подъ образами вольтеровское кресло, а между нимъ и дверью шкафчикъ съ книгами, игравшій также роль стола. По другую сторону дверей стояли два шкафа тоже съ книгами. На полкахъ сверху сидѣлъ старый любимый котъ историка—Васька.

— „Сидайте ось тутъ“, показалъ мнѣ Н. И. на кресло въ правомъ углу. „Це для землякивъ мисто“, пояснилъ онъ.

Я боялся утомлять его и нѣсколько разъ порывался уйти, но чувствовалъ будто-бы привинченъ къ креслу. Н. И. все время ходилъ взадъ и впередъ. Онъ позвалъ „Ваську съ высотъ", познакомилъ меня съ нимъ, посадилъ къ себѣ на плечо и ходилъ и все ходилъ по кабинету, разспрашивая меня то о Кіевѣ, то о кіевлянахъ.

Я просидѣлъ долго, хотя время пронеслось для меня мгновеніемъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, о своихъ текущихъ работахъ.

Провожая меня въ переднюю, онъ снова обнялъ меня и сказалъ:—„Дывиться-жъ, якъ хочете до мене йти, то приходьте що вечора по вторкамъ. У мене збираються добри люде и земляки". Я поблагодарилъ его и вышелъ изъ передней сіяющимъ отъ радости.

Выѣзжая съ родины въ столицу, я получилъ отъ сестеръ вышитую и мереженую сорочку, ни разу мною не надѣванную. Мнѣ пришло на мысль отнести ее въ первый же вторникъ историку „видъ землячекъ". Этого вторника я ожидалъ съ тревожнымъ нетерпѣніемъ, но не зналъ въ которомъ часу идти на вечеръ, не зналъ порядковъ въ столицѣ, прибывши въ нее изъ благословенной Малороссіи всего 2—3 дня. Дождавшись вторника, я пошелъ въ домъ Карманова довольно поздно. Я засталъ у Н. И. человѣкъ десять гостей. Войдя въ кабинетъ, я представилъ ему измышленный мною „отъ землячокъ", а не отъ самаго себя подарокъ. Онъ тутъ же развернулъ его и стрѣлою выбѣжалъ въ дверь на лѣво. Я остался среди незнакомой компаніи. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ благообразный батюшка, около рабочаго стола стоялъ маленькій человѣчекъ съ жидкою выцвѣтшею уже бородкою, на диванчикѣ я замѣтилъ развалившагося человѣка среднихъ лѣтъ, который и не думалъ измѣнять своей позы. Кровь прилила мнѣ къ лицу, хотя мнѣ было тогда уже 27 лѣтъ. Но не прошло 2—3 минутъ растворяется дверь и въ кабинетъ входитъ Н. И., надѣвши сверхъ сюртука принесенный мною подарокъ отъ „землячокъ".

— Отъ, дывиться, точно я ксендзъ въ своей рубашкѣ.

Онъ меня подвелъ къ батюшкѣ, сказавъ:

— Мой духовникъ, мой землякъ и мой другъ сердечный отецъ Степанъ Опатовичъ.

За тѣмъ, онъ подвелъ меня къ маленькому человѣчку и сказалъ мнѣ:

— А отце мой другъ и мой издатель Дмитрій Ефимовичъ Кожанчиковъ, а по нашому—кажанъ (летучая мышь).—„А это“, сказалъ онъ другу, показывая на меня... и запѣлъ малороссійскую думу о козакѣ, носившемъ мою фамилію. Послѣ пѣсни онъ сталъ знакомить меня съ остальными своими друзьями— извѣстнымъ профессоромъ Савичемъ, Бѣловымъ, Никитскимъ и нѣсть имъ числа. Сознавая себя мнимою величиною, выраженіемъ, которымъ подписывалъ всегда мои статьи въ кіевской газетѣ Юнга, я не зналъ теперь, за кого меня принимаютъ: за мнимую ли величину, или же за того голову въ малороссійской опереткѣ, который поетъ:

Тутъ въ мене не клочче,
Про се знае всякъ,
Бувъ я головою—се вже не пустякъ!
Пипъ мене шануе,
Кланяетця дякъ,
Жидъ шапку здыймае,
Се вже не пустякъ!

Въ Петербургѣ пришлось мнѣ прожить до самаго марта 1868 г. Кажется, я не пропустилъ ни одного вторника. Кого-кого я не встрѣчалъ у нашего историка, его гости друзья приходили поклониться его великому генію. Всѣ были у него, какъ у себя дома, безъ всякой церемоніи, хотя достаточно было ему произнести одно слово, разговоры смолкали и каждый представлялъ собою подобіе Лотовой жены. Такое отношеніе, видимо, нравилось покойному историку. Кабинетъ его въ это время принималъ характеръ святилища. Нерѣдко онъ пѣлъ, декламировалъ стихи; стихотворенія Шевченка онъ зналъ всѣ на память. Да и чего онъ не зналъ?... Въ моихъ ушахъ и теперь раздается его голосъ и два стихотворенія Шевченка:

И на апостольскомъ престоли
Чернецъ годованый сидыть,
Людскою кровію торгуе (Иванъ Гусъ)

и

Храмы, иконы и каплицы,
И ставники, и мура дымъ,
И передъ образомъ Твоимъ
Неутомленные поклоны и т. д.

Всѣ слушали, благоговѣли и сознавали, что передъ ними стоитъ

Апостолъ правды и науки!

Въ Петербургъ я пріѣхалъ искать должности, имѣя въ карманѣ около трехъ тысячъ, заработанныхъ по окончаніи университета воспитаніемъ Грыцька, сына богатыхъ родителей. По истеченіи двухлѣтней педагогической дѣятельности я рѣшилъ оставить Полтаву. Отецъ и мать моего питомца любили меня всею душою, предлагали мнѣ по двѣ тысячи рублей въ годъ на всемъ готовомъ, начиная отъ кареты до мойки бѣлья, и даже сколько я пожелаю тысячъ, но я не согласился. Я чувствовалъ необходимость въ отдыхѣ, не видѣлъ толку въ своей работѣ, считалъ себя богачемъ. Заѣхалъ въ х. Рогозки, черн. губ., обрадовалъ дорогую мою старуху-матушку и дорогихъ мнѣ сестеръ. Хотѣлъ было погостить 2—3 дня, но сестры взяли лукаво съ меня слово обождать окончанія ими двухъ „вышиваныхъ сорочекъ" для меня, и продержали меня болѣе двухъ недѣль. Два года я не посѣщалъ свой родной очагъ и теперь все мнѣ казалось новымъ или обновленнымъ: и раскоряковатая груша въ громадномъ саду какъ будто бы помолодѣла, и старуха Домна, жена повара, тоже помолодѣла, и бывшіе крѣпостные матери, инвалиды—Степанъ—скотникъ и Кирикъ—телятопасъ, можно сказать, тоже помолодѣли: „Здоровеньки булы, паниченько; отце ще й не надывылысь на ихъ, а воны вже й кидати насъ хочуть". А Яковъ—кучеръ, стоявшій сбоку, почесавши затылокъ, пробормоталъ сквозь зубы: „Куды воны поидуть? возьму, та коней усихъ и позаганяю у болото, нехай попереду отпасуться". Изъ строгаго педагога я превратился въ ребенка. Я всю дворню перецѣловалъ и даже Пегаса, сторожившаго день и ночь красную кладовую съ запасами лѣсныхъ орѣховъ въ бочкахъ, домотканки, сушеныхъ грибовъ и всѣхъ вообще земныхъ произведеній, спустилъ съ желѣзной цѣпи. Громадный песъ узналъ

меня, бросился на грудь и сталъ лизать мнѣ лицо. Сборы въ дорогу начались, нужно заѣхать къ сестрѣ въ Нѣжинъ, а тамъ и гайда въ Питеръ. Матушка призвала Якова и приказала ему приготовлять экипажъ, провожать меня до Нѣжина.

— Якъ це? И до папеньки не поидуть? Хыба це такъ слѣдъ?

А тутъ и мать, и сестры, и баба Ганна, „що тебе нянчила, якъ ще ты тильки молоко ссавъ", и вся многочисленная челядь пристала, чтобы ѣхать на могилу отца „до церкви у Сахнивци" и отслужить у отца Хведора и напутственный молебенъ, и „панихвиду". А меня тянуло на сѣверъ, жаждалось новыхъ ощущеній. Я метался, я не спалъ все время моего пребыванія въ родительскомъ домѣ. Мое воображеніе раскинулось широко. Я не былъ при похоронахъ отца. Говорятъ, всѣ крѣпостные отца, и старъ, и младъ, человѣкъ до 300, несли на плечахъ его гробъ за семь верстъ и плакали. Каждый праздникъ онъ собиралъ народъ въ большую залу и „правивъ службу". Я помню эти службы, помню ужасный запахъ въ залѣ отъ ладана, восковыхъ свѣчей, которыя молельщикамъ выдавались даромъ, по одной на душу. Меня тянула и дорогая могила отца. Я помню, какъ послѣ смерти отца убитая горемъ мать разсылала повсюду циркуляры, предлагая премію за надгробные стихи. Наслали ей ихъ много, но она остановилась на стихахъ учителя какого-то приходскаго училища и выдала ему за нихъ 100 р. Я помню эти стихи и буду помнить до могилы. Вотъ они:

Прими, о милый прахъ,
Въ даръ памяти твоей
Слезу жены, возлюбленныхъ дѣтей,
И тамъ, въ жилищѣ божьемъ, въ небесахъ,
Молись за нихъ и жди семьи своей!

Простите меня, что я началъ объ одномъ, а говорю другое, точно хочу сказать о самомъ себѣ, хотя, въ дѣйствительности, такого желанія мнѣ и не приходило никогда.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, я направился бить челомъ о казенномъ мѣстѣ къ N., занимавшему и въ то время высокое положеніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; я надѣялся на него, какъ на каменную гору. Я зналъ отлично

его родителей, отца, мать, добрѣйшаго и благороднѣйшаго старшаго брата Николая. Помню его матушку и теперь съ „очипкомъ" на головѣ. Вельможа принялъ меня яко подобаетъ джентельмену, но въ предоставленіи мнѣ мѣста, хотя бы своего курьера, отказалъ, несмотря на мой кандидатскій дипломъ. Я вышелъ отъ него и сказалъ себѣ въ умѣ: „хай тоби сто кипъ чортивъ".

Я не заботился о мѣстѣ. Мнѣ нужно было отдохнуть послѣ тяжкаго двухлѣтняго безплоднаго труда съ дорогимъ мнѣ и по нынѣ Грицькомъ. Но фортуна певернула свое колесо иначе: во вторникъ вечеромъ пришелъ къ Н. И. какой то молодой, красивый и симпатичный мужчина высокаго роста съ черными, какъ смоль, волосами. Какъ свой человѣкъ, я бывалъ у нашего историка, когда вздумается. Костомаровъ представилъ меня гостю и я онѣмѣлъ, услышавши, что это—собиратель былинъ П. Н. Рыбниковъ. Мнѣ казалось, что это нашъ братъ „козачого роду", а это—вотъ кто! Какъ человѣкъ „богатый", я обѣдалъ часто въ нѣмецкомъ клубѣ, что былъ въ Демидовскомъ переулкѣ. На другой день послѣ моего посѣщенія историка я пошелъ „къ нѣмцамъ" и тамъ встрѣтился съ милѣйшимъ, умнѣйшимъ образованнѣйшимъ и несчастнѣйшимъ Павломъ Николаевичемъ. Мы сѣли рядомъ за столъ, весь обѣдъ проговорили, а черезъ нѣсколько дней поѣхали вмѣстѣ въ вагонѣ на границу Россіи и Германіи, въ калишскую губернію, гдѣ онъ занималъ должность вице-губернатора. Умеръ этотъ драгоцѣннѣйшій для Россіи человѣкъ молодымъ, и слава Богу. Какъ живетъ родная мнѣ его семья, къ стыду моему, не знаю, такъ какъ переписку прекратилъ годъ спустя послѣ пріѣзда моего въ Тифлисъ въ 1876 г.

Какъ то мнѣ пришлось поѣхать изъ Калиша въ Петербургъ. Я захватилъ у моего добраго друга, грека Шимановскаго, вѣроятно, давно превратившагося въ неорганическія вещества, въ его винномъ погребѣ бутылки 2—3 стараго венгерскаго для Костомарова. Я нашелъ его „недужимъ" въ постели. Возлѣ него сидѣла старушка—матушка. Меня впустили въ спальню. Николай Ивановичъ обрадовался моему

пріѣзду, начались разсказы. „Та йдить соби, вже годи!“ сказала матушка. Я самъ чувствовалъ необходимость уйти отъ слабаго больнаго. Вставши со стула и подавши руку, я рѣшился сказать о винѣ. Николай Ивановичъ началъ метаться и кричать: „Венгржина, венгржина!“ Я выскочилъ стрѣлою изъ комнаты. На другой день я зашелъ рано утромъ освѣдомиться о здоровьи больнаго. Вѣрный слуга его впустилъ меня въ переднюю, молча заперъ дверь, вынулъ ключъ и заявилъ: „Я васъ не пущу, идите къ Николаю Ивановичу“. Я боялся его потревожить, но вѣрный слуга рѣшительно сказалъ мнѣ: „Какъ угодно, сидите здѣсь и день и ночь, а я васъ не выпущу“. Скрѣпя сердце, тихонько я вошелъ къ больному, онъ вскочилъ съ постели и крикнулъ мнѣ: „Ты мнѣ не венгржины принесъ, а лѣкарства, я чувствую отъ рюмочки этого лѣкарства и силу, и бодрость“.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Николая Ивановича въ Тифлисѣ на археологическомъ съѣздѣ. Я его встрѣтилъ на порогѣ приготовленной ему квартиры во дворцѣ великаго князя намѣстника Михаила Николаевича. Можно сказать, все время пребыванія его здѣсь я былъ его тѣнью, я подходилъ къ его двери и ожидалъ, когда онъ проснется, я отходилъ отъ этой двери, когда онъ уже лежалъ раздѣтымъ въ постели.

Помню ужасную сцену. Я повелъ историка къ его соузнику, почтенному Николаю Ивановичу Гулаку, доживающему здѣсь свой старческій вѣкъ. Друзья, не видѣвшіе другъ друга много лѣтъ, встрѣтились молча, молча обнялись и горько зарыдали. Я бросился за водою. Выпивши по глотку воды, Н. И. Костомаровъ спросилъ своего тезку: „Помнишь какъ ты на очной ставкѣ увѣрялъ меня, что предъявленная намъ тетрадка изъ синей почтовой бумаги—твое твореніе?“—„Я не помню, да и что тяжелое прошлое вспоминать“. Всѣ трое замолкли. Пауза и—пошли воспоминанія о прошломъ. Бесѣда шла въ маленькой бѣдной комнатѣ, заваленной книгами чуть ли не на языкахъ всѣхъ народовъ земнаго шара. Я былъ нѣмымъ слушателемъ. Я былъ свидѣтелемъ всѣхъ родовъ сценическихъ произведеній. Бесѣда шла долго, но насталъ таки конецъ ей. Друзья обнялись,

расцѣловались. Гулакъ остановилъ своего соузника: „Обожди, Николай, я тебѣ подарю мою книжку, изданную французскою академіею“. Изъ кучи книгъ онъ нашелъ, наконецъ, свою книжку. Историкъ еще разъ обнялъ автора и крѣпко поцѣловалъ. Посмотрѣвъ затѣмъ заглавіе книги (кажется, геометрія 4-хъ измѣреній), нашъ историкъ торжественно воскликнулъ: „Другъ мой, сія книга мною читаема не будетъ!“ Гулакъ улыбнулся святою улыбкой и отвѣчалъ:—„Я очень радъ!“.

На прощаньи я обнялъ Костомарова и отскочилъ отъ него стрѣлою въ дворцовый садъ—слезы меня совсѣмъ задушили!.

Вѣчная тебѣ память, нашъ возлюбленный „апостолъ правды и науки“.

Д. К. М.

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

Вступленіе во владѣніе новыми имѣніями послужило поводомъ къ поѣздкѣ на контракты, которые происходили ежегодно въ Кіевѣ съ 15 января до 26 февраля. Прежніе дубенскіе контракты тогда совершенно упали, а кіевскіе славились во всѣхъ славянскихъ земляхъ.

Поѣхали мы большой компаніей: я, мой зять Сосницкій, Янъ Омецинскій, Игнатій Струмилло, Северинъ Пильховскій и мой двоюродный братъ Іосифъ Гленбоцкій. Въ нашемъ поѣздѣ было около десятка саней, запряженныхъ четверками; за санями шло нѣсколько верховыхъ лошадей; въ саняхъ были ружья и борзыя; по дорогѣ мы охотились и намъ было очень весело. На отдыхахъ и на ночлегахъ играли въ карты и болтали.

Мы спѣшили пріѣхать къ вечеру 5 января въ Кіевъ, чтобы присутствовать при освященіи воды на Днѣпрѣ — *водохрестьи.* Чтобы побывать на этомъ торжествѣ, стоило пріѣхать за девять дней до открытія контрактовъ. На этомъ торжествѣ парадировала мѣстная конная милиція, существовавшая до 30-хъ годовъ.

Для всей нашей компаніи мы наняли обширный домъ на Подолѣ; хозяйка переселилась съ дочерьми въ маленькій домикъ на томъ же дворѣ, а мы расположились въ огромныхъ покояхъ, убранныхъ по старинному.

---

[1]) См. Кіевская Старина, 1891 г., № 6.

Въ день Крещенья была прекрасная погода. Морозило, солнце свѣтило ярко. Изо всѣхъ кіевскихъ церквей потянулось духовенство съ хоругвями и цеховыми значками; кругомъ проруби расположилось восемь эскадроновъ городской милиціи; лошади были въ стальныхъ панцыряхъ, съ султанами изъ страусовыхъ перьевъ на головахъ; всадники были въ алыхъ атласныхъ жупанахъ и свѣтло-зеленыхъ саетовыхъ кунтушахъ съ отворотами, въ бѣлыхъ шапкахъ съ барашковой опушкой и перомъ цапли, съ золотыми украшеніями; вооружены они были копьями со значками и обоюдоострыми мечами.

Конные музыканты, въ числѣ 72 человѣкъ, играли въ то время, когда митрополитъ съ безчисленнымъ духовенствомъ подошелъ къ проруби. „Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный" разносилось далеко, ко всѣмъ славянскимъ странамъ. Митрополитъ освятилъ воду и окропилъ всѣ славянскія страны. Это было славянское urbi et orbi, ибо Кіевъ всеславянская столица. У меня захватило духъ отъ этого зрѣлища. Съ какой бы радостью я утопилъ въ этой днѣпровской проруби все, что было и могло быть врагомъ славянства.

Это было въ 1830 году. У насъ, подъ Бердичевомъ и въ Житомирѣ, никому и не снилось и не грезилось ни о какомъ заговорѣ, ни о какомъ возстаніи. Вѣсти изъ Варшавы были такъ недостовѣрны и фантастичны, что ихъ однимъ ухомъ слушали, а въ другое выпускали, и никто не придавалъ имъ большого значенія. Дѣйствительно, это были скорѣе анекдоты, чѣмъ политическія извѣстія. Въ Кіевѣ было совершенно иначе; здѣсь допускали возможность возстанія, хлопотали о томъ, чтобы столковаться, прійти къ соглашенію...

Изъ польскихъ фамилій кіевской округи выдѣлялись двѣ— Росцишевскіе и Залѣскіе. Они находились въ близкихъ отношеніяхъ съ кіевскимъ мѣщанствомъ. Другіе поляки, жившіе въ Кіевѣ и пріѣхавшіе туда, сторонились отъ мѣщанства, вслѣдствіе религіозныхъ и національныхъ предразсудковъ. Два представителя этихъ фамилій играли въ то время видную политическую роль—Іосифъ Залѣскій, бывшій уланскій офицеръ, а потомъ капитанъ конныхъ стрѣлковъ польскихъ войскъ, и Эд-

мундъ Росцишевскій, служившій подпоручикомъ въ тѣхъ же конныхъ стрѣлкахъ. На свое несчастье они избрали повѣреннымъ нѣкоего Голеевскаго, бывшаго гусарскаго офицера, сидѣвшаго въ то время въ кіевской крѣпости за жестокое обращеніе со своими крестьянами; это былъ исправный и энергическій офицеръ, но, къ сожалѣнію, онъ не былъ ни хорошимъ человѣкомъ, ни хорошимъ полякомъ, какъ оказалось впослѣдствіи.

На этихъ контрактахъ, которые были очень многолюдны и привлекали большіе капиталы, помѣщики трехъ предднѣпровскихъ губерній (т. е. кіевской, подольской и волынской), старые и молодые, знакомились между собою, сближались тѣснѣе прежняго, но всѣ сторонились какъ отъ помѣщиковъ изъ Заднѣпровья, которыхъ съѣхалось на контракты очень много, такъ и отъ кіевскихъ мѣщанъ. Съ заднѣпровскими помѣщиками играли въ карты, потому что это были самые извѣстные игроки во всей россійской имперіи. Генералъ Завадовскій, впослѣдствіи атаманъ черноморскихъ козаковъ, генералъ Исленьевъ, кавалергардскій ротмистръ Чорба, ротмистръ Черникъ, черноморецъ, артистъ-художникъ, цѣлое семейство Нечаевъ изъ херсонской губерніи, разные предводители дворянства, совѣтники и полковники—все это вело игру на тысячи и десятки тысячъ; съ ними водились поляки, какъ напр. полковникъ Денбовскій, въ то время владѣлецъ Стараго Константинова и Гончарихи, его зять Витославскій, двое Собанскихъ, Александръ и Исидоръ, полковникъ Млокосевичъ и др. Къ нимъ же примыкали курляндцы и великоросы, изъ которыхъ первую роль игралъ кн. Голицынъ, женатый на Ходкевичъ. Золото текло, какъ вода.

Картежная игра вошла въ такую моду, что не было дома, гдѣ бы нельзя было застать играющихъ. Едва только кто нибудь появлялся, едва успѣвалъ поздороваться, какъ его усаживали за карты. Не было никакихъ развлеченій, кромѣ картъ, никакихъ разговоровъ, кромѣ разговоровъ о картахъ.

Выѣхать изъ Кіева было гораздо труднѣе, чѣмъ собраться ѣхать туда, хотя и ѣхали домой. То тамъ еще не успѣлъ побывать, то того не успѣлъ купить, а надо было закупить и чаю, и конфектъ, и маринадовъ и всего на цѣлый годъ. Отъ-

ѣздъ откладывался со дня на день, а тутъ наступала оттепель и санная дорога могла совсѣмъ пропасть. Пріѣхали мы вмѣстѣ, надо было вмѣстѣ и возвращаться, а между тѣмъ проходилъ день за днемъ — нельзя было собраться. Но Омецинскому пришла однажды счастливая мысль:

— Ѣдемъ въ Брусиловъ.

— Превосходно!—закричали всѣ:—и маленькая головка у пана Яна, а разуму въ ней не оберешься! Да здравствуетъ панъ Янъ! Ѣдемъ въ Брусиловъ!

Начали собираться и выѣзжать одинъ за другимъ. Брусиловъ былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ. Мы съ Омецинскимъ остались еще на два дня въ Кіевѣ, а потомъ отправились въ тотъ же Брусиловъ. Добро бы это былъ Чернобыль, столица чернобыльскаго округа, гдѣ гордая шляхта охраняла польскую границу, съ одной ногой, обутой въ сапогъ со шпорой, а другой въ лыковый лапоть, въ знакъ того, что готовы выйти на службу пѣшими и конными на зовъ короля и Рѣчи-Посполитой, я еще понялъ бы, что это было посѣщеніе священнаго шляхетскаго мѣста, такъ сказать, шляхетскій отпустъ, но въ Брусиловѣ такихъ воспоминаній не было. Мы застали нашихъ товарищей и еще втрое болѣе иной доброй шляхты въ корчмахъ за столами, на которыхъ стояли четырехгранные штофы съ гольдвассеромъ, сверкавшимъ золотомъ и серебромъ, гданской, ратафіей, кальмусовкой, тминной и другими славными водками, приготовляемыми въ Брусиловѣ. Закупали ихъ для домашняго обихода на цѣлый годъ, но прежде пробовали по цѣлымъ недѣлямъ, чтобы разобрать вкусъ и привезти домой уже испробованныя.

Таковы то были воспоминанія о Брусиловѣ и потому то такъ пріятно звучало въ ушахъ: „Въ Брусиловъ, въ Брусиловъ!"

VIII.

Русская гвардія.—Положеніе русскихъ земель.—Старинные роды.—Извѣстія изъ-за Дуная.—Выступленіе гвардіи въ Петербургъ.

Въ то время въ нашихъ мѣстахъ зимовала гвардія, возвращавшаяся изъ Надднѣстровья, гдѣ она находилась въ качествѣ

резервнаго корпуса во время войны съ Турціей. Война была уже окончена, адріанопольскій миръ заключенъ. Послѣ смотра вел. князя Михаила Павловича, эти блестящіе полки должны были возвратиться въ Петербургъ, но ради масляницы они остались на зимнихъ квартирахъ и масляница была отпразднована такъ шумно, какъ нигдѣ.

Въ Коднѣ у генерала Корженевскаго были самыя многолюдныя собранія и самые блестящіе балы. Тамъ знакомились и сходились гвардейцы съ помѣщиками, съ молодежью, съ офицерами польскаго войска, которые всегда бывали въ окрестностяхъ Бердичева для ремонта. Моя тетка, Станислава Гленбоцкая, умерла послѣ кратковременной болѣзни, и ген. Корженевскій, по истеченіи половины срока траура, женился на другой моей теткѣ, Аннѣ Гленбоцкой, вдовѣ маршалка Викентія Ледоховскаго. Какъ первая жена Корженевскаго любила домашнюю жизнь, хозяйство, книги и добрыя дѣла и была благочестивой женщиной, такъ вторая любила развлеченія, наряды, движеніе, словомъ, была женщиной свѣтской. Очень веселились тогда въ Коднѣ, и балы слѣдовали за балами.

Мы жили съ гвардейцами очень дружно, въ особенности съ донскими козаками. Отъ нихъ мы узнавали о придворныхъ и политическихъ новостяхъ; они показывали намъ нѣмецкія газеты, въ которыхъ писалось объ этомъ и которыя получались въ большомъ числѣ гвардейскими офицерами, такъ же какъ французскія и англійскія. Офицеры выписывали и русскія изданія, съ которыми такимъ образомъ знакомились и мы. Гвардейцы были очень трудолюбивы и любознательны, охотно читали наши книги, и я зналъ только очень немногихъ, которые не говорили по польски. Мы сближались на почвѣ литературы, науки и политики, но особенно близко не сходились. И смѣло можно сказать, что это пребываніе гвардіи было очень полезно для нашей молодежи, особенно для молодежи бердичевской околицы, потому что эта молодежь наиболѣе сошлась съ русскими офицерами. Насколько я могъ замѣтить въ то время, католическое духовенство наиболѣе старалось воспрепятствовать сближенію между поляками и русскими. Гдѣ только были піары, доминиканцы и

даже базиліане, люди воспитанные, ученые и уважаемые, имѣющіе вліяніе на помѣщиковъ, тамъ помѣщики избѣгали общенія съ русскими. Въ бердичевской округѣ были босые кармелиты, но съ туго набитыми карманами; гречкосѣи и волопасы, они хозяйничали въ Скрыгловкѣ и въ Скоморохахъ, имѣли большія мельницы на Гнилопяти и на Гуйвѣ, погреба подъ костеломъ и лавки возлѣ костела, гдѣ и торговали, а вся ихъ духовная мощь, весь ихъ разумъ заключались въ бердичевскомъ календарѣ и въ астрономическихъ предсказаніяхъ математика Кисловскаго, не кармелита, и не босого.

Мы охотились на лисицъ въ камышахъ оо. кармелитовъ и отдавали имъ лисьи шкурки на шубы, занимали у ксендза Даніэля полновѣсные червонцы и елизаветинскіе рубли на проценты и подъ залоги, пили шампанское съ ксендзомъ-провинціаломъ Романовскимъ, но между нами не было иныхъ отношеній, какъ между добрыми сосѣдями.

Въ Коднѣ были августинцы, которые жили славой прежней своей образованности. Бернардины въ Чудновѣ умѣли великолѣпно приготовлять осетрину и штокфишъ. Капуцины въ Ходорковѣ умѣли варить превосходный медъ и продавали его по рублю серебромъ за бутылку. Все это не могло способствовать имъ пріобрѣсти вліяніе среди помѣщиковъ и они, дѣйствительно, таковымъ не пользовались.

Іезуиты, которыхъ императоръ Александръ I, послѣ изгнанія ихъ изъ всей страны, оставилъ здѣсь какъ бы на забаву старому сенатору Илинскому, пытались было устроить школы, собрали даже нѣсколько молодыхъ людей, но Антонъ Бардецкій и Янушъ Вороничъ убѣжали оттуда съ ранами отъ побоевъ. Вѣсть объ этомъ варварствѣ быстро распространилась; родственники учениковъ взяли ихъ изъ школъ и школы прекратили свое существованіе, а вскорѣ и сами іезуиты, не знаю вслѣдствіе какихъ причинъ, должны были, по распоряженію правительства, покинуть край.

Доминиканецъ Фальковскій былъ присланъ въ юго-западный край для поднятія значенія и вліянія католическаго духовенства, но этотъ проповѣдникъ, не только пламенный, но даже

бѣшеный и необузданный, первые свои громы направилъ на женщинъ: сталъ порицать одну дѣвушку, называя ее язычницей, а не христіанкой, и такъ ее поносилъ, что всѣ вышли изъ костела, а ругающагося проповѣдника должны были свести съ амвона. Обидѣлъ онъ и другую уважаемую женщину за то, что она, будучи въ разводѣ съ первымъ мужемъ и имѣя отъ него трехъ сыновей и дочь, вышла замужъ за другого. Онъ выносилъ домашнія дрязги на амвонъ и разглашалъ ихъ во всеуслышаніе. Его отовсюду гнали, какъ дикаго волка, а въ бердичевской округѣ не позволили ему даже вступить на каѳедру. Такіе апостолы, конечно, не были способны внушить уваженіе къ духовенству и распространить его вліяніе. Ксендзъ Фальковскій обидѣлъ прекрасный и слабый полъ и эта обида вызвала непріязненное отношеніе къ духовенству.

Уже второй разъ въ моей жизни русскіе пробуждали общественную жизнь въ юго-западномъ краѣ. Нужно признаться, что не было накакой связи между различными частями Польши. Цѣпь была порвана и не было никакихъ усилій со стороны поляковъ, чтобы спаять разбитыя звенья. Царство Польское, такъ называемая конгрессовка, замкнулось въ самомъ себѣ, какъ черепаха въ панцырѣ, и не хотѣло даже знать, что дѣлается тамъ внѣ панцыря. Западная Русь и Литва стали для него пріятнымъ воспоминаніемъ. Русь знали по пирогамъ, а Литву по колдунамъ, а такъ какъ и татары претендовали на изобрѣтеніе колдуновъ, то литовцевъ и смѣшивали съ татарами. Русь представлялась въ образѣ гайдамаковъ и козаковъ. Литва, какъ и всегда, была благоустроена, велика, крѣпка духомъ. Двое Снядецкихъ и Адамъ Мицкевичъ поставили ее высоко. Одако произведенія Снядецкихъ были слишкомъ мудры для поляковъ; нѣмцы и французы понимали ихъ, переводили на свои языки, для поляковъ же это была Зендъ-Авеста, которой удивлялись, но которой не могли понять. О такомъ исполинѣ, какъ Адамъ Мицкевичъ, Людвигъ Осинскій продекламировалъ: „Ciemno wszędzie, głucho wszędzie, głupie było, głupie będzie“ и закрылъ книжку, и книжка лежала закрытой въ Польшѣ,—поляки ее не раскрывали. Лишь тогда, когда русскіе стали чтить и

прославлять Мицкевича, когда, вслѣдъ за Пушкинымъ и Гоголемъ, провозгласили, что онъ великій поэтъ и нашъ „славянинъ“, лишь только тогда и у насъ, въ юго-западномъ краѣ, признали это, по примѣру русскихъ, и съ тѣхъ поръ слава Мицкевича стала проникать въ Царство Польское, въ Галичину и даже въ Познань и тамъ съ изумленіемъ стали говорить, что на Литвѣ и въ западной Руси читаютъ и пишутъ по польски.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Познани только гораздо позднѣе было открыто существованіе поляковъ въ восточной и западной Пруссіи и слѣды славянъ по Эльбѣ. Послѣ такого открытія, равнаго открытію Христофора Колумба, надо было отдохнуть, чтобы умъ не раздулся и не лопнулъ, какъ мыльный пузырь. Оставили позднѣйшимъ поколѣніямъ изслѣдовать, есть ли еще поляки гдѣ нибудь въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ (Познани), въ Гнѣзенѣ, надъ озеромъ Гопла, или ихъ съѣли мыши, какъ короля Попеля.

Въ Галичинѣ Габсбурги и Меттернихъ тѣшили шляхту красными мундирами, золотымъ шитьемъ, золотыми шпорами, титулами графовъ, бароновъ и кавалеровъ и сеймомъ, чтобы она не развѣдывала, что дѣлается въ другихъ частяхъ Польши; она объ этомъ и не знала, и знать не хотѣла,

Единственнымъ звеномъ, связывавшимъ насъ съ Польшей, были офицеры польскихъ войскъ, присылаемые въ наши мѣста для ремонта, но намъ казалось, что это войско составляетъ особую часть народа, чуть не отдѣльный народъ цесаревича Константина Павловича, потому что было предано ему тѣломъ и душей; я не преувеличу, если скажу, что оно боготворило своего вождя. Мы были тогда въ близкихъ отношеніяхъ съ польскимъ войскомъ; молодежь отовсюду шла служить въ это войско, и составляли лучшую часть его офицеровъ. И у насъ хотя и боялись царскаго брата, но любили его, и мы думали, что онъ лучшій полководецъ въ свѣтѣ и любитъ поляковъ, какъ своихъ дѣтей. И въ польскомъ войскѣ, и между помѣщиками югозападнаго края, особенно между молодежью, цесаревичъ, а также, могу утверждать это, и императорское правительство пользовались большою популярностью. Помню, какъ

однажды на собраніи въ Коднѣ, на которомъ присутствовали почти всѣ офицеры-ремонтеры, когда Генрихъ Ржевускій порицалъ поляковъ, которые такъ охотно шли воевать съ турками, единственными союзниками древней Польши, маіоръ Гужковскій, признававшій только свою саблю и своего коня, отвѣтилъ, что напрасно цесаревичъ не послалъ всего польскаго войска на бусурманъ, можетъ быть, ему удалось бы снискать царскую милость и оно не лишилось бы лампасовъ, которые были замѣнены тогда выпушками.

Что же дѣлала въ это время польская аристократія?

Незнаю, что дѣлалъ князь Адамъ Чарторыйскій въ царствѣ польскомъ; мы постоянно читали въ газетахъ, что онъ жилъ заграницей и только по временамъ, да и то не надолго, пріѣзжалъ въ Варшаву, но о его дѣятельности мы ничего не знали. Этотъ великій государственный мужъ, казалось, забылъ о юго-западной Руси, которая была колыбелью его рода. Въ Межибожѣ было тихо; владѣльца не было видно и его не надѣялись увидѣть, а между тѣмъ народъ и шляхта любили этого потомка генерала земель подольскихъ, который предсѣдательствовалъ нѣкогда среди нихъ. Сенявщина была распродана и говорили о предстоящей продажѣ Межибожчины; въ Грановщинѣ хозяйничали нѣмцы, а грановскіе козаки, славные своими кунтушами изъ телячьей кожи, перелетавшіе на своихъ добрыхъ коняхъ степи Украины и Буджакъ, слуги короля и Рѣчи Посполитой, теперь мыли испанскихъ мериносовъ, откармливали американскихъ свиней и воздѣлывали картофель. Не было и признака, что князь Адамъ возвратится въ юго-западный край и заживетъ тамъ жизнью своихъ предковъ.

Напрасно Падура пѣлъ князю Евстафію Сангушку:

Ой колы бъ еще война була,
Тобъ побачыла тебе ула.

Сангушки, искренніе и добрые люди, казалось, забыли, что между ними былъ князь Романъ, водившій при свѣтѣ мѣсяца козацкіе полки...

Рюриковичи Четвертинскіе носили придворные мундиры, а не военное платье.

Радзивиллы не имѣли даже высокихъ фантазій Пана-Кохапка. Старшій изъ нихъ, подлужанскій, занимался болѣе швейцарцами и бердичевскими евреями, чѣмъ польскими дѣлами.

Что же дѣлали Ржевускіе—этотъ ходячій разумъ польской шляхты? Одинъ изъ нихъ разыгрывалъ эмира въ Саврани, точно въ аравійской пустынѣ, но являлся эмиромъ—цивилизаторомъ. Жеребцы и кобылы пяти породъ стояли у него на паркетѣ, у мраморныхъ яслей, и передъ каждымъ было зеркало, чтобы они могли любоваться собой, а не скучать какъ одалиски гарема. Самъ онъ возсѣдалъ на тигровой шкурѣ, тянулъ трубку и попивалъ кофе, а вокругъ него козачата, какъ арабы, сидя неподвижно, играли на теорбанахъ и распѣвали козацкія думы. Козачата кричали, люди кричали, а эмиръ сидѣлъ, думалъ и ничего не говорилъ.

Генрихъ Ржевускій говорилъ иногда о Польшѣ, о битвѣ подъ Лейпцигомъ, о рыцаряхъ Іосифа Понятовскаго, но чаще всего только отпускалъ остроты. Такъ напримѣръ, когда Бутурлина, урожденная Понятовская, дочь Понятовскаго изъ Таганчи, богача, державшаго на откупѣ кіевскую губернію, попросила его однажды написать ей въ альбомъ какіе нибудь стихи, прославляющіе имя Понятовскихъ и ихъ стремленіе къ славѣ, Ржевускій написалъ:

O Poniatowscy, jakież wasze łosy głupie—
Iеden siedział na tronie, drugi na otkupie [1])

Въ другой разъ Марія Гленбоцкая показала ему свой альбомъ, въ которомъ были стихотворенія разныхъ знаменитыхъ поляковъ—людей сабли и пера,—написанныя въ ея честь. Эти стихи были не особенно хороши, большею частью въ нихъ фигурировали ангелы и демоны. Ржевускій прочелъ, усмѣхнулся и потомъ написалъ:

Aniеł, diabeł, Maryś, ilez to tu rzeczy
Ale precz Marysi, wszystko nie do rzeczy [2]).

---

[1]) Т. е. „О Понятовскіе, какъ глупа ваша судьба: одинъ сидѣлъ на тронѣ, другой занимается откупами."

[2]) Т. е. „Ангелъ, демонъ, Марыся—сколько здѣсь предметовъ, но кромѣ Марыси всѣ они неумѣстны".

Все онъ обращалъ въ шутку и отъ него ничего нельзя было добиться кромѣ остроумныхъ выходокъ.

Въ это время я познакомился въ Пилипахъ съ генераломъ Витте, начальникомъ военныхъ поселеій на Украинѣ, сыномъ прекрасной Софьи Потоцкой отъ ея перваго брака, и съ его адъютантомъ Адамомъ Ржевускимъ, братомъ Генриха. Генералъ Витте былъ кокетливый старичекъ, веселый и казавшійся добрымъ человѣкомъ. Адамъ же Ржевускій произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, которое не изгладилось и до сихъ поръ.

Возвращаюсь къ стариннымъ и славнымъ родамъ въ юго-западной Руси.

Потоцкіе не раздѣлались еще съ Тарговицей, а Браницкіе съ послѣднимъ гетманствомъ. Сапѣгъ не принимала ни Литва, ни Червонная Русь, и они тоже не шли въ счетъ.

Коммиссаръ Микульскій, который во время войны былъ командированъ на Дунай для переговоровъ съ Гладкимъ, атаманомъ запорожцевъ, жившихъ въ началѣ этой войны надъ Дунайцемъ подъ властью турецкаго султана, и со старшиной другихъ козаковъ, описывалъ намъ этотъ запорожскій кошъ, какъ сборище бурлаковъ и гайдамаковъ со всего свѣта, а Гладкаго какъ простодушнаго человѣка, который будто бы не былъ въ состояніи справиться съ этимъ сбродомъ и для управленія имъ прибѣгалъ къ помощи евреевъ, что будто и онъ, Микульскій, для переговоровъ съ козаками также пользовался преимущественно посредничествомъ евреевъ, будто евреи болѣе, чѣмъ Гладкій, способствовали образованію между запорожцами партіи сторонниковъ перехода на лѣвый берегъ Дуная, будто не болѣе 3000 человѣкъ было выведено оттуда для поселенія надъ Азовскимъ моремъ, а большая часть запорожцевъ разсѣялась по всей Турціи. О другихъ козакахъ онъ разсказывалъ, что некрасовцы остались вѣрными Турціи и пользовались у турокъ прекрасной репутаціей, что добруджскіе старовѣрцы были взяты въ качествѣ заложниковъ турецкимъ правительствомъ и не перешли въ Россію, хотя ихъ старшина и толковала объ этомъ.

Эти разсказы служили поводомъ къ разсужденіямъ о назначеніи козачества, которыя велись у насъ.

Такъ жили мы шумно въ нашей пышной округѣ, и хотя это была жизнь разсѣянная, не направленная по опредѣленной дорогѣ, къ ясно намѣченной цѣли, но все же это была жизнь, которая въ высшей степени способствовала сформированію молодежи, которая приготовляла ее къ дѣятельности, гдѣ она нашла бы путь, указывающій цѣль стремленій, и волю, которая помогла бы ей дойти до этой цѣли.

Время текло весело, летѣло быстро, каждый былъ доволенъ собой, какъ вдругъ пришелъ приказъ о выступленіи гвардіи въ Петербургъ. Мы прощались съ гвардейцами сердечно, какъ съ родными, какъ съ побратимами, членами одной семьи. И дѣйствительно, мы были побратимами, но вскорѣ, по волѣ судьбы, между нами произошелъ разладъ...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Нѣсколько данныхъ о школахъ въ правобережной Украинѣ въ половинѣ XVIII в.

Скудость матеріаловъ по школьному дѣлу въ правобережной Украинѣ въ половинѣ XVIII вѣка даетъ намъ смѣлость привести здѣсь содержаніе нѣсколькихъ документовъ, относящихся къ этому времени и заключающихъ въ себѣ біографіи нѣсколькихъ лицъ, получившихъ образованіе въ ту тяжелую пору. Въ документахъ этихъ мы находимъ свѣдѣнія не столько объ устройствѣ тогдашнихъ школъ, сколько о томъ—какого рода вліяніе оказывали онѣ на своихъ питомцевъ. Въ виду того, что складъ этихъ школъ болѣе или менѣе извѣстенъ по даннымъ XVII вѣка, когда онѣ были такими же, какъ и въ разсматриваемую пору, означенный характеръ нашихъ документовъ не дѣлаетъ ихъ менѣе цѣнными и даетъ возможность судить о степени пригодности тогдашнихъ школъ для жизни. Для уясненія заключающихся въ документахъ фактовъ мы позволимъ себѣ привести рядъ предварительныхъ свѣдѣній.

Пора широкаго распространенія просвѣщенія въ Рѣчи Посполитой, совпадавшая съ господствомъ въ ней полной вѣротерпимости не только по отношенію къ греко-восточному православію, но и къ гонимымъ тогда западно-европейскимъ сектамъ, до социніанства включительно, надолго прервалась съ установленіемъ въ государствѣ строгаго католическаго режима, исключавшаго всякую мысль о проведеніи въ жизнь иныхъ взглядовъ и ученій, кромѣ католическихъ. Замѣчательныя по

своему времени реформатскія и социніанскія школы, возникшія было въ самой Польшѣ, и въ южной Руси въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, одна за другой стали исчезать, лишая тѣмъ возможности получать болѣе или менѣе основательное образованіе не только дѣтей тѣхъ родителей, которые сами держались реформатскихъ ученій, но и дѣтей католиковъ и православныхъ, также пользовавшихся названными школами въ виду ихъ довольно высокаго значенія въ педагогическомъ отношеніи. Только православныя школы, организованныя по западно-европейскому католическому школьному типу, нѣсколько дольше могли продержаться на свѣтѣ въ условіяхъ государственой жизни Рѣчи Посполитой XVII вѣка. При значительной численности православнаго населенія въ государствѣ даже самъ Сигизмундъ III не могъ стереть ихъ съ лица земли. Поднявъ вмѣстѣ съ іезуитами самую ожесточенную борьбу католичества противъ православія, стремясь всѣми средствами къ поддержанію мнимой уніи 1596 года, король-католикъ однако не счелъ удобнымъ преслѣдовать дѣятельность церковныхъ православныхъ братствъ, и послѣднія имѣли въ Вильно, Львовѣ, Минскѣ, Луцкѣ, а съ 1615 года и въ Кіевѣ свои братскія школы, служившія долго серьезнымъ противовѣсомъ іезуитской педагогической дѣятельности, всецѣло проникнутой католической исключительностью. Энергія же такихъ русскихъ дѣятелей, каковы были гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, митрополитъ Іовъ Борецкій и, наконецъ, въ особенности митрополитъ Петръ Могила, оказали самое широкое противодѣйствіе католическому наступленію на православіе и русскую народность. При нихъ братскія школы множились въ числѣ, а кіевская братская школа стараніями Петра Могилы превратилась въ коллегію съ программою не менѣе широкою, чѣмъ программы тогдашнихъ высшихъ іезуитскихъ коллегій. Стараніямъ же Петра Могилы всецѣло должно быть приписано и открытіе винницкой братской школы.

О степени пригодности такихъ православныхъ школъ для противодѣйствія іезуитамъ можно судить хотя бы по слѣдующимъ даннымъ. По уставу первой по времени львовской брат-

ской школы, утвержденному патріархомъ Іоакимомъ въ 1586 году, учитель школы должень былъ не только обучать чтенію и письму, но и грамматикѣ, реторикѣ, діалектикѣ, музыкѣ, св. евангелію, книгамъ апостольскимъ и по всѣмъ этимъ предметамъ выдавать ученикамъ записки; кромѣ того, послѣ обѣда учитель обучалъ воспитанниковъ „пасхаліи, ариѳметикѣ и церковному пѣнію“. По праздникамъ и въ воскресные дни дѣтямъ объяснялось значеніе праздниковъ, а также толковались положенныя на тѣ дни чтенія евангельскія и апостольскія. Изъ устава не видно, чтобы въ львовской школѣ преподавался латинскій языкъ, и называлась она „школой греческаго и славянскаго письма“, а не болѣе обычнымъ впослѣдствіи названіемъ братскихъ школъ „греко-латино-словенской“. Судя по характеру преподаванія учебныхъ предметовъ, такую школу нужно признать среднею. Но въ нѣкоторыхъ изъ братскихъ школъ, „высшихъ“, курсъ преподаванія, повидимому, расширялся даже до полнаго объема такъ называемыхъ „семи свободныхъ наукъ“, т. е. тамъ преподавали trivium (грамматику, реторику, діалектику) и quadrivium (ариѳметику, геометрію, астрологію и музыку). Вообще же главнѣйшее вниманіе въ братскихъ школахъ обращалось на преподаваніе св. писанія, изученіе твореній отцовъ церкви, церковнаго устава, чтенія и пѣнія. Съ XVII вѣка и особенно со временъ Петра Могилы повсюду въ братскія школы проникъ и латинскій языкъ, и ему удѣляли тамъ не меньше времени, чѣмъ въ іезуитскихъ школахъ [1]).

Конечно, въ западной Европѣ въ это время классическое образованіе начало заступать мѣсто схоластическаго, которое поддерживалось іезуитами и по типу котораго слагались программы и нашихъ братскихъ школъ. Стало быть, не лучшее позаимствовали тогда наши школы изъ западной Европы; тѣмъ не менѣе уровень преподаванія въ нихъ для тогдашнихъ полемическихъ и религіозныхъ цѣлей былъ далеко не ничтожнымъ, и братскія школы поэтому имѣли огромное значеніе для края.

[1]) Линчевскій. Педагогія древнихъ братскихъ школъ и преимущественно древне-кіевской академіи. „Труды Кіевск. Дух. Академіи“ 1870. Т, III, стр. 104—154.

Но усилившіяся посягательства поляковъ и противъ православія, и противъ русской народности въ связи съ грубымъ соціальнымъ гнетомъ шляхетства на русское посполъство—все это неминуемо должно было повести къ вооруженному протесту гонимыхъ противъ своихъ гонителей; настал вѣкъ козацкихъ возстаній. Не время теперь было для серьезнаго школьнаго ученія гонимымъ православнымъ, а католическій польскій фанатизмъ и вовсе уничтожилъ въ это время братскія школы православныхъ, и только кіевская коллегія продолжала свѣтить среди наставшаго сумрака, но и то, давая отъ себя въ концѣ XVII в. свѣтъ меньшей силы, такъ какъ высшіе и даже средніе классы ея оставались лишенными питомцевъ, отдававшихъ теперь свои силы на военные подвиги. Впрочемъ возможность сохраненія кіевской коллегіи обусловливалась только тѣмъ, что съ 1667 г. Кіевъ съ ближайшей округою отошелъ отъ Рѣчи Посполитой, а новымъ московскимъ вершителямъ судебъ его, хотя кіевская коллегія съ латинскимъ языкомъ и западно-европейской латинской наукой не вполнѣ была симпатична, сила вещей указала на необходимость согласиться съ желаніемъ мѣстныхъ южно-русскихъ дѣятелей не только возстановить исчезнувшіе въ смутную пору высшіе и даже средніе классы коллегіи, но и вообще мирволить этому благому учрежденію [1]). Равнымъ образомъ та же необходимость вызвала въ это время возникновеніе въ лѣвобережной Украинѣ, въ гетманщинѣ цѣлаго ряда школъ при церквахъ и единственной въ то время въ присоединенной къ московскому государству Малороссіи переяславской семинаріи, не имѣвшей впрочемъ тогда философскаго и богословскаго классовъ [2]) Въ виду существованія названныхъ учрежденій даже въ смутное время Руины могли появиться въ Кіевѣ такіе серьезные литературные дѣятели, какъ Іоанникій Голятовскій, Антоній Радивиловскій, Лазарь Барановичъ, а позднѣе Дмитрій Туптало. Правда, всѣмъ имъ не легко жилось и не легко писалось при

---

[1]) П. И. Житецкій. Очеркъ литер. исторіи малорус. нарѣчія въ XVII и XVIII в. стр. 153—154.

[2]) Кіев. Стар. 1889 г., кн. февральская. Статья г. Н. Левицкаго. Прошлое переяславскаго духовн. училища.

новомъ строгомъ, хотя и православномъ, режимѣ, но все же они высоко держали знамя своей вѣры и народности, причемъ эту послѣднюю не смѣшивали ни съ польской, ни съ родственной великорусской [1]).

Иначе стояло дѣло православія, православной науки и писательства въ разгромленной, истерзанной въ то время правобережной Украинѣ. На смѣну исчезнувшихъ во время козацкихъ войнъ школъ, заведенныхъ православными братствами, новыя православныя школы не могли явиться въ эпоху господства въ религіозной политикѣ Рѣчи Посполитой іезуитской идеи львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго († 1708). Слишкомъ извѣстно, что самъ Шумлянскій, приставъ къ уніи, не обнаруживалъ этого открыто и вообще старался не поднимать и не дебатировать вѣроисповѣдныхъ вопросовъ. Остальнымъ епископамъ указано было то же направленіе для ихъ дѣятельности. Повсюду тогда въ юго-западной Руси въ сельскихъ приходахъ были поставлены уніатскіе пастыри, и имъ обязаны были подчиняться прихожане, независимо отъ вѣроисповѣдной розни, всякое же неповиновеніе со стороны православныхъ уніатскому духовенству разсматривалось, какъ неповиновеніе предержащей власти [2]). Только въ самомъ небольшомъ числѣ приходовъ водворяются въ это время такіе священники, которые прикидывались уніатами, оставаясь въ душѣ и передъ паствой православными. Открыто же православнымъ занятіе приходовъ было обставлено большими трудностями [3]). Немногіе православные священники въ это время дерзали развѣ заводить временныя школки и то кой-гдѣ. Учили въ такихъ школкахъ часто дьячки, и называлось это у нихъ „прыймать до себе школяривъ на выслухы“. Являлись на эти „выслухы“ дѣти мѣстныхъ жителей, и такіе были приходящими, являлись и ученики изъ сосѣднихъ

---

[1]) П. И. Житецкій. Очеркъ литер. исторіи малорус. нар. въ XVII и XVIII в. Глава послѣдняя: Схоластич. наука на южно-рус почвѣ во второй половинѣ XVII в. стр. 149, 161—162.

[2]) В. Б. Антоновичъ. Монографіи по ист. зап. и юго-зап. Россіи. Очеркъ сост. правосл. церкви въ ю.-з. Руси съ половины XVII в. до конца XVIII в. Стр. 294—295.

[3]) Арх. ю.-з. Р. ч. I, т. II. Предисловіе Ѳ. Г. Лебединцева, стр. LXI.

селъ, часто сироты; эти, конечно, помѣщались у дьяковъ въ своеобразныхъ бурсахъ, изъ которыхъ ихъ нерѣдко брали для работъ и у самого дьяка въ его небольшомъ хозяйствѣ, и у батюшки. Такого рода свѣдѣнія даетъ намъ одинъ изъ ниже приводимыхъ нами документовъ.

Но, конечно, „выслухами" у дьяковъ не всѣ довольствовались. Люди средняго достатка, попы, мѣщане, мелкая шляхта, а подчасъ и люди „верхней верствы" поневолѣ поэтому отдавали сыновей своихъ въ коллегіи, разумѣется, схоластическаго типа, имѣвшіяся и въ Умани, и во Владимірѣ, и въ Любарѣ, и въ Шаргородѣ, и въ Львовѣ и въ Барѣ, заведенныя уніатскимъ монашескимъ орденомъ—базиліанами[1]). Этотъ орденъ возникъ въ концѣ XVI или въ началѣ XVII в. отъ преобразованія по католическому образцу православныхъ монастырей, по иниціативѣ втораго уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина Рутскаго или, быть можетъ, самого Ипатія Поцея, перваго уніатскаго митрополита. Въ своей педагогической дѣятельности базиліане соревновали іезуитамъ, тѣмъ болѣе, что сами они воспитывались въ іезуитскихъ заведеніяхъ, напр. въ Вильно въ іезуитской академіи, а также въ греческой коллегіи въ Римѣ или у театиновъ во Львовѣ. При обученіи базиліане, конечно, всячески вытравляли въ православныхъ ученикахъ православныя мнѣнія и все преподаваніе вели въ исключительно уніатскомъ духѣ. Но православные ученики не всегда послѣ окончанія ученія въ такихъ школахъ уходили въ унію или католичество. Приводимыя ниже данныя изъ документовъ указываютъ намъ на одинъ примѣръ такого рода стойкости. Интересно, что цѣлей своихъ католическое духовенство при обращеніи къ своей церкви православныхъ не всегда достигало и при болѣе серьезныхъ усиліяхъ, чѣмъ обнаруживавшіяся въ уніатскихъ и католическихъ коллегіяхъ Рѣчи Посполитой. Извѣстно, что въ Римѣ была учреждена особая коллегія св. Аѳанасія со спеціальною цѣлью распространять католичество между послѣдователями

[1]) Lukaszewicz I. Historya szkòl w koronie i w wielkiem księstwie litewskiem od najdawniejszych czasow aż do roku 1791. T. IV, str. 263—275.

восточнаго православія въ Греціи и славянскихъ земляхъ. Для обученія въ этой коллегіи избирались лучшіе ученики мѣстныхъ католическихъ и уніатскихъ школъ изъ числа православныхъ. Между такими воспитанниками, какъ извѣстно, оказался и знаменитый потомъ Ѳеофанъ Прокоповичъ [1]). Передъ отправленіемъ въ Римъ въ коллегію св. Аѳанасія онъ обучался однако не въ одной только уніатской коллегіи; еще раньше онъ былъ въ коллегіи кіевской. Во время пребыванія его въ польской школѣ его успѣли совратить въ унію и послали его въ Римъ, какъ уже обрѣтеннаго уніата и притомъ такого, который, благодаря своимъ способностямъ, могъ, увлекшись новой вѣрой, стать ревностнымъ ея поборникомъ. Между тѣмъ именно этого то и не случилось. Присмотрѣвшись въ Римѣ къ строго католической церкви и увлекшись тамъ изученіемъ совершенно не входившихъ въ его коллегіатскій курсъ классическихъ древностей, Ѳеофанъ, или тогда еще Елисей—такъ какъ въ монашество онъ постригся позже,—не только не оказался ревностнымъ поборникомъ уніи, какъ этого ждали отцы базиліане, спровадившіе его въ Римъ, но даже вовсе отрекся отъ нея. Заявилъ онъ впрочемъ о своемъ отреченіи, уже вернувшись въ юго-западную Русь, въ Почаевскомъ монастырѣ, гдѣ имъ было принято монашество по православному обряду. Какъ видимъ, и римская коллегія св. Аѳанасія въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывалось безсильной для одолѣнія въ южно-руссахъ православія. Неудивительно поэтому, что болѣе слабыя мѣстныя юго-западныя школы и подавно не всегда достигали окатоличенія своихъ православныхъ питомцевъ.

Ревность между тѣмъ уніатское духовенство обнаруживало большую. Оно стремилось, между прочимъ, къ тому, чтобы питомцы ихъ школъ получали удовлетвореніе на всякій свой спросъ. Въ виду этого, напримѣръ, уніатскіе радомысльскіе митрополиты, величавшіеся кіевскими, такъ сказать in partibus infidelium, позаботились имѣть въ Радомыслѣ школу, въ которой до извѣстной степени пополнялся курсъ коллегій для тѣхъ, кто же-

---

[1]) Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, вып. VI (XVIII столѣтіе), стр. 867.

лалъ посвятить себя священству. Такія школы такъ и назывались школами, приготовляющими на kaplanstwo. Курсъ въ нихъ, конечно, былъ спеціальный, практическій и притомъ вполнѣ въ уніатскомъ духѣ. Въ приводимыхъ ниже документахъ мы опять встрѣтимъ точное указаніе на существованіе въ XVIII в. такой приготовительной уніатской школы на kaplanstwo. Еще въ XVI в. подобныя семинаріи для приготовленія католическаго бѣлаго духовенства были устраиваемы по разнымъ епархіямъ въ силу распоряженія тридентскаго собора. Подражаніемъ католическимъ семинаріямъ такого рода и были уніатскія школы, готовившія на kaplanstwo. Курсъ въ католическихъ ксендзовскихъ семинаріяхъ длился три или четыре года. Учили тамъ богословію пастырскому, догматическому, полемическому, логикѣ, метафизикѣ, костельнымъ порядкамъ, гомилетикѣ, катихетикѣ, церковной исторіи. Но при такой широкой программѣ на дѣлѣ мало чему научались въ этихъ ксендзовскихъ школахъ. Все обученіе держалось на усвоеніи церковнаго ритуала. Уніатскія школы, имъ соотвѣтствующія, стояли еще ниже [1]). Первую уніатскую семинарію такого рода открылъ въ 1594 году въ Вильно Ипатій Поцей [2]).

Могли, наконецъ, попадать многіе изъ православныхъ, стремившихся къ среднему и высшему образованію, и въ собственно католическія коллегіи іезуитовъ, широко раскинувшихъ свою педагогическую дѣятельность [3]), и въ учебныя заведенія ордена піаровъ, которые въ первое время послѣ своего водворенія въ Рѣчи Посполитой (въ 1641 г.) ставили своею цѣлью заботу объ элементарномъ образованіи, а потомъ стали явно конкуррировать на педагогическомъ поприщѣ съ іезуитами и, наконецъ, пріобрѣли большое значеніе, какъ педагоги, послѣ уничтоженія іе-

---

[1]) Lukaszewicz Ios. Historya szkól w Koronie i w wielkiem księstwie Litewskiem. T. I, str. 304—309.

[2]) Ibidem. T. I, str. 353

[3]) Коллегіи іезуитскія въ предѣлахъ южно-русской части тогдашней Рѣчи Посполитой имѣли слѣд. города: Баръ, Каменецъ-Подольскъ, Кіевъ, Кременецъ, Люблинъ, Луцкъ, Львовъ, Станиславовъ; кромѣ того низшія школы іезуитскія были въ Овручѣ, Винницѣ и Житомірѣ (Lukaszewicz. Historya szkól. T. IV, 47—195).

зуитскаго ордена въ 1772 г. [1]) Въ научномъ отношеніи и школы піаровъ не стояли выше іезуитскихъ, какъ и школы базиліанъ. Прежде всего и іезуиты, и піары, и базиліане учили въ классѣ „грамматики“ говорить по латыни, потомъ въ классѣ поэзіи—писать латинскіе стихи и въ классѣ реторики—писать рѣчи. При чтеніи въ коллегіяхъ классическихъ авторовъ больше всего обращали вниманіе на форму произведеній, а не на духъ. Въ классахъ же „философіи“ и „богословія“ научали не нравственной сторонѣ христіанства, а предразсудкамъ и ханжеству [2]).

Но какъ бы ни было практически удобно православнымъ людямъ праваго берега Днѣпра обучать своихъ дѣтей въ католическихъ и уніатскихъ мѣстныхъ коллегіяхъ, все же наиболѣе ревностные изъ нихъ предпочитали возить дѣтей своихъ за границу въ кіевскую коллегію, а еще чаще въ переяславскую семинарію. Подтвержденіе этому мы встрѣтимъ ниже. Случаи такіе были нерѣдки, хотя, напримѣръ, въ шестидесятыхъ годахъ XVIII вѣка, когда православная пропаганда въ правобережной Украинѣ, благодаря тогдашнему переяславскому епископу Гервасію Линцевскому и игумену Матронинскаго монастыря Мельхиседеку Значко-Яворскому, приняла широкіе размѣры, сношенія съ Переяславомъ и даже Кіевомъ были всячески затруднены для православныхъ, и только сильная ревность въ вѣрѣ давала смѣльчакамъ охоту преодолѣвать эти трудности.

Нерѣдко также случалось, что болѣе состоятельные люди, одинаково какъ православные, такъ и католики, брали для обученія дѣтей своихъ домашнихъ учителей. Такими домашними учителями, или, какъ ихъ тогда называли dyrectorami dzieci, были обыкновенно воспитанники названныхъ выше польскихъ коллегій, не получившіе мѣстъ въ школахъ, у болѣе же образованныхъ и разборчивыхъ при выборѣ учителей—студенты кіевской коллегіи. Понятное дѣло, что послѣднихъ брали въ учителя почти исключительно состоятельные священники, не впавшіе въ унію.

---

[1]) Піарскія коллегіи въ южн. Руси были въ Львовѣ и въ Межиричахъ Корецкихъ (Ibidem. T. IV, str. 209, 217).

[2]) Lukaszewicz. T. I, str. 252 и слѣд.

Обращаясь за симъ къ документамъ, давшимъ намъ поводъ затронуть въ предъидущихъ строкахъ вопросъ о школахъ въ правобережной Украинѣ, мы прежде всего извлечемъ изъ этихъ актовъ свѣдѣнія объ учебной карьерѣ священника Ивана Старшевскаго, которому въ періодъ его служенія довелось попасть въ самый водоворотъ разыгравшихся страстей гонимыхъ православныхъ и гонителей уніатовъ и католиковъ [1]).

Родомъ Иванъ Старшевскій былъ изъ села Вакулинцевъ, что близъ Богуслава. Въ селѣ этомъ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ, продолжая такимъ образомъ традицію отца своего, дѣда и прадѣда. Первоначальное образованіе Иванъ получилъ въ мѣстной церковной школѣ въ Вакулинцахъ, оставаясь тамъ до 15 лѣтъ. По всей вѣроятности, это и была одна изъ тѣхъ школокъ, куда священники и дьяки „прійма́лы дитей на выслухы". Когда же ему исполнилось 15 лѣтъ, то отецъ отвезъ его въ переяславскую семинарію. Очевидно, будучи въ душѣ православнымъ, отецъ Ивана Старшевскаго не могъ отказать себѣ въ желаніи воспитать сына въ учебномъ заведеніи православномъ, хотя самаго его житейская нужда и заставляла оставаться уніатскимъ священникомъ, такъ какъ православнымъ, державшимся православія открыто, въ іерархическомъ строѣ первой половины XVIII вѣка, какъ уже сказано, со времени Іосифа Шумлянскаго, почти не было мѣста. Въ переяславской семинаріи Иванъ Старшевскій съ успѣхомъ прошелъ фару, инфиму, грамматику, синтаксиму и поэтику, на что пошло цѣлыхъ пять лѣтъ. Дальнѣйшее же прохожденіе курса (оставался, впрочемъ, при тогдашней организаціи переяславскаго училища, еще одинъ классъ реторики) было, очевидно, затруднительно по недостатку средствъ у отца. Надо было вернуться домой и думать о своемъ кускѣ хлѣба. И тутъ то вновь при тогдашнихъ іерархическихъ порядкахъ радомысльскихъ митрополитовъ пришлось и отцу, и сыну пойти на компромиссы. Обучавшемуся въ переяславской семинаріи священническаго мѣста, очевидно, дать не

[1]) Кодненская книга. Стр. 99—101. Настоящимъ документомъ мы пользовались уже въ нашемъ „Очеркѣ коліивщины" въ главѣ 1-й.

хотѣли. Годъ ждалъ Иванъ Старшевскій возможности попасть на какой-нибудь приходъ, живя все это время при родителяхъ въ Вакулинцахъ. Наконецъ, отецъ его рѣшилъ, что и сыну надо покориться тяжелой судьбѣ и отвезъ его въ Радомысль къ инстигатору русской (уніатской) консисторіи „do Jmc. xiędza Lubinskiego“, который приготовлялъ молодыхъ людей „na kaplanstwo“. Это приготовленіе длилось только одинъ годъ. Затѣмъ Старшевскій женился и, уже какъ уніатъ, былъ въ Радомыслѣ посвященъ въ попы. За неимѣніемъ свободнаго прихода, сперва онъ былъ викаріемъ при отцѣ своемъ въ Вакулинцахъ, а потомъ получилъ и самостоятельный приходъ въ с. Березнякахъ въ ключѣ Мошенскомъ, гдѣ и оставался четыре года. Въ полученіи этого мѣста ему посодѣйствовалъ тогдашній уніатскій оффиціалъ Примовичъ.

Не трудно замѣтить, конечно, что при подобной учебной карьерѣ, при двойственности вліяній, охватывавшихъ душу, молодой Старшевскій не смогъ стать человѣкомъ убѣжденнымъ; во все продолженіе своей дѣятельности, насколько ее касается документъ, которымъ мы руководствуемся, Старшевскій выступаетъ то уніатомъ, то вновь ревностнымъ православнымъ, то опять уніатомъ. Забота о сохраненіи куска хлѣба была для него единственною путеводною нитью—и онъ плылъ всегда по теченію.

Краткій пересмотръ дальнѣйшей судьбы Старшевскаго убѣдитъ насъ въ этомъ. Въ 1767 г., когда громады сельскія порѣшили ревностно отстаивать свою вѣру отъ дальнѣйшихъ притязаній уніатовъ и отовсюду попрогоняли уніатскихъ поповъ, прогнанъ былъ изъ Березняковъ и Старшевскій. Обратился онъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ къ тогдашнему официалу Мокрицкому, заступившему мѣсто Примовича, но Мокрицкій не захотѣлъ даже слушать его и велѣлъ дать ему 700 розогъ, почему-то вообразивъ, что онъ, какъ бывшій священникъ Мошенскаго ключа, состоитъ православнымъ, подобно другимъ священникамъ этой мѣстности, наиболѣе рѣзко заявившей себя противъ уніи. Тогда отвергнутый Мокрицкимъ и уніей Старшевскій рѣшилъ въ силу необходимости отправиться въ Пере-

яславъ, гдѣ, конечно, сталъ православнымъ и въ самомъ дѣлѣ. Но въ лѣвобережной Украинѣ не находилось для него прихода, и онъ за 5 р. въ годъ остался священникомъ при Михайловскомъ монастырѣ близъ Переяслава. Вспомнилъ о немъ архіерей Гервасій однако довольно скоро: когда явились въ Переяславъ посланцы отъ громады села Завадовки (черкас. у.) и стали просить себѣ православнаго попа на мѣсто попа Фалинковскаго, отъ котораго, по ихъ выраженію, смердѣло уніатомъ, несмотря на видимое обращеніе его къ „благочестію“, Гервасій указалъ имъ на Старшевскаго. Послѣдній отправился тогда въ Завадовку, но не сразу удалось ему получить церковь отъ уніатскаго попа. Пришлось ему даже претерпѣть побои и всякія оскорбленія отъ сына Фалинковскаго. Только съ появленіемъ въ ближайшей округѣ гайдамакъ Желѣзняка рѣшились завадовцы силой отобрать у Фалинковскаго церковь и отдать Старшевскому. Впослѣдствіи Старшевскому приходилось даже ѣздить въ Корсунь на поклонъ къ Желѣзняку съ выборными отъ громады и вмѣстѣ съ ними поднести ему хлѣбъ-соль. Когда же потомъ, по поводу убійства Желѣзнякомъ Фалинковскаго, Старшевскій былъ обвиненъ предъ военно-судной кодненской коммиссіей въ содѣйствіи этому убійству, то онъ, этотъ ревностный православный во время гайдамацкихъ удачъ, желая выпутаться изъ бѣды, православіе называлъ предъ судьями схизмой и самое свое обращеніе къ нему объяснялъ только необходимостью какъ-нибудь поддержать свое существованіе.

Какъ видимъ, школа, пройденная Старшевскимъ, человѣкомъ среднихъ силъ, не дала ему стойкихъ убѣжденій и готовности крѣпко стоять за правое дѣло въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни.

Но вотъ передъ нами человѣкъ съ иной учебной карьерой, судившійся, какъ и Старшевскій, въ 1771 г. въ той же Коднѣ [1]). Это новое лицо — Янъ Барковскій-Дунинъ-Градовскій. Отецъ его былъ полякъ и католикъ, мать русская и православная. Дѣдъ Яна со стороны матери настоялъ на томъ, чтобы первый

[1]) Кодней. кн. Стр. 175—177.

внукъ былъ окрещенъ по „русскому" обряду. Потому то Янъ, какъ старшій между братьями, былъ православнымъ, остальные же всѣ католиками. Родители Яна были люди не бѣдные: отецъ состоялъ намѣстникомъ трехъ селъ—Яблоновки, Паланичинецъ и Пилиповъ, находящихся въ бѣлоцерковскомъ ключѣ Въ Яблоновкѣ и родился интересующій насъ Янъ. Желая дать сыну образованіе, родители отдали его въ Бѣлую Церковь въ частную школу, или, вѣрнѣе, пансіонъ директора, т. е. учителя Ичаецкаго. Четыре года учился тамъ Янъ Градовскій и затѣмъ для продолженія курса былъ отвезенъ въ Житомиръ въ тамошнюю коллегію отцовъ іезуитовъ, которую оставилъ послѣ смерти отца, закончивши классъ поэтики [1]). Необходимость въ заработкѣ заставила его отправиться искать себѣ мѣста писаря или домашняго наставника. Въ мѣстечкѣ Кошеватомъ губернаторъ (управитель), панъ Раецкій, предложилъ ему быть у него писаремъ и въ то же время учителемъ его дѣтей—„dyrectorem dzieci". Градовскій согласился и прослужилъ въ Кошеватомъ, живя въ домѣ губернатора, три года. По прошествіи же трехъ лѣтъ, когда губернаторскія дѣти, его питомцы, подросли, панъ Раецкій отправилъ дѣтей, вмѣстѣ съ Градовскимъ, въ Умань въ тамошнюю базиліанскую коллегію, ученики и ректоръ которой (Костецкій) потомъ въ 1768 г., во время уманской рѣзни, были перебиты [2]); на обязанности Градовскаго лежало слѣдить за занятіями маленькихъ Раецкихъ. Самъ Градовскій, сохранивъ стремленіе къ знанію, счелъ необходимымъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и закончить курсъ коллегіи, поступивъ въ классъ реторики, не пройденный имъ раньше по случаю смерти отца. Въ такомъ положеніи ученика и учителя Градовскій оставался въ Умани полтора года. Когда же въ 1766 г. на Рождественскіе праздники онъ привезъ дѣтей Раецкаго въ Кошеватое и узналъ тутъ, что въ Богуславѣ открывается хорошо оплачива-

---

[1]) У Lukaszewicza (T. IV, str. 195) сказано, будто въ Житомирѣ іезуиты имѣли только три класса грамматичныхъ: fara, infima и grammatika. Изъ нашего же документа выходитъ, что тамъ былъ и классъ поэтики.

[2]) Lukaszewicz. T. IV, стр. 265.

емая должность писаря—онъ отправился туда, оставивъ Раецкихъ и педагогическую дѣятельность.

Являясь послѣ ученія въ коллегіяхъ православнымъ даже въ такіе моменты, когда это было не выгодно, какъ напр. во время суда надъ гайдамаками, Градовскій тѣмъ самымъ обнаружилъ значительную религіозную стойкость. Личныя же его способности, знаніе имъ педагогическаго дѣла—все это, очевидно, даже поляковъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, заставляло забывать его иновѣріе. Школа, пройденная имъ, не навязавъ ему католичества, не дала однако никакого критерія и для того, чтобы разобраться—какими путями идти въ жизни въ тогдашнихъ политическихъ условіяхъ, когда дѣйствовали одновременно въ Украинѣ и барскіе конфедераты, и гайдамаки.

Оставленный въ Богуславѣ бѣжавшими панами для охраненія имущества, котораго они не успѣли отправить въ Бѣлостокъ, мѣсто своего убѣжища, Градовскій не успѣлъ угодить имъ—ничего сохранить ему не удалось, когда въ Богуславъ нагрянулъ Желѣзнякъ съ своей ватагой. Ему пришлось быть только молчаливымъ свидѣтелемъ дѣлежа гайдамакъ панскимъ добромъ и оригинальной продажи всего награбленнаго какому-то купцу изъ г. Острога, Тарану, бывшему при Желѣзнякѣ, причемъ всѣмъ вещамъ производилась вполнѣ основательная оцѣнка. По уходѣ же Желѣзняка изъ Богуслава, Градовскій, видя, какое броженіе вызвало появленіе его среди богуславскихъ крестьянъ и какъ много ихъ пошло въ гайдамаки, счелъ за болѣе удобное для себя и семьи своей скрыться за границу, въ предѣлы гетманщины, въ слободу Чумаки, отстоявшую въ двухъ миляхъ отъ Переяслава. По успокоеніи же бури, когда въ Богуславъ вернулись паны, поспѣшилъ туда и Градовскій. Но тутъ его постигла непріятность: его стали судить за слишкомъ подозрительную слабость при охраненіи панскаго добра во время прихода Желѣзняка. Страннымъ и подозрительнымъ казалось и то, что онъ, панскій писарь и какъ будто сторонникъ панскихъ интересовъ, остался въ живыхъ въ ту антипанскую пору. Градовскій тѣмъ не менѣе ловко опровергъ взведенныя на него обвиненія, а въ добавокъ защитилъ и сотника богуславскихъ

надворныхъ козаковъ Шелеста, который успѣлъ нагрѣть руки на панскомъ добрѣ, хотя и выступилъ наружно героемъ при защитѣ панства въ то время, какъ большинство надворныхъ козаковъ, по примѣру Гонты, шло въ гайдамаки.

Такимъ образомъ Янъ Барковскій-Дунинъ-Градовскій съумѣлъ воспользоваться полученнымъ образованіемъ, очевидно, для практическихъ мелкихъ нуждъ, но широкаго идеала, которымъ могла бы быть освѣщена его жизнь, школа ему не дала. Въ то время, когда надо было опредѣленно стать въ періодъ борьбы народностей на ту или другую сторону, онъ предпочелъ эмигрировать и остаться внѣ всякихъ политическихъ связей. Только традиціонное православіе не оставлялъ онъ и притомъ даже во время кодненскаго суда надъ нимъ. Въ этомъ его единственное достоинство, но не школой было оно дано ему.

Не всегда однако выходили изъ тогдашнихъ школъ люди уравновѣшенные, хотя бы въ практической жизни, вродѣ Яна Градовскаго. Подчасъ питомцамъ уніатскихъ и католическихъ коллегій не оказывалось подходящаго мѣста въ кадрахъ Рѣчи Посполитой—и они гибли, какъ бродяги, попадая изъ тюрьмы въ тюрьму. Такимъ неудачникомъ въ документахъ нашихъ предстаетъ шляхтичъ Мартынъ Цыбульскій-Островскій, судившійся въ Коднѣ въ томъ же 1771 году. Отецъ его Францишекъ, владѣлъ небольшимъ имѣніемъ близъ села Демковецъ. Когда сынку его Мартыну исполнилось 8 лѣтъ, онъ отвезъ его въ базиліанскую коллегію въ Любаръ[1]). Мартынъ пробылъ въ ней до класса реторики, и заняло это у него цѣлыхъ 9 лѣтъ. Въ реторикѣ же онъ не пожелалъ оставаться и безъ позволенія отца вернулся домой въ Демковцы. Въ виду категорическаго отказа сына учиться, Францишекъ Островскій рѣшилъ отправить его во Львовъ—чтобы онъ тамъ себѣ пріискалъ работу. Какъ разъ въ это время ѣхалъ на львовскіе контракты знакомый Островскихъ, панъ Куклярскій. Онъ охотно взялся подвезти Мартына во Львовъ и, живя тамъ три недѣли, во все продолженіе конт-

---

[1]) Коллегія эта считалась высшей школой и была при базиліанскомъ монастырѣ (Lukaszewicz. T. IV, стр. 265—266).

рактовъ, держалъ Мартына при себѣ, зная, что денегъ у него отъ отца немного. Мѣсто, между тѣмъ, для Мартына не отыскивалось, чему немалой помѣхой служило отсутствіе у него свидѣтельства изъ любарской базиліанской коллегіи о пройденномъ имъ значительномъ курсѣ ученія. Наконецъ, панъ Куклярскій уѣхалъ и Островскій, все еще надѣясь на полученіе работы во Львовѣ, съ мѣсяцъ жилъ тамъ, благодаря поддержкѣ бывшихъ своихъ товарищей по любарской коллегіи, успѣвшихъ уже размѣститься въ качествѣ dyrectorow dzieci[1]) то въ школахъ, то въ частныхъ богатыхъ домахъ; были между этими товарищами и такіе, которые, неудовольствовавшись любарской наукой, пріѣхали продолжать ученіе въ разныхъ львовскихъ учебныхъ учрежденіяхъ (были тамъ двѣ коллегіи—іезуитская и піарская). Но, конечно, молодые люди не долго могли на свои скудныя средства содержать Мартына—и онъ въ одинъ прекрасный день отправился на дешевый рынокъ (tandyt), продалъ тамъ свою порядочную одежу, замѣнивъ ее худшей (podleyszą), и пріобрѣвъ такимъ образомъ 12 злотыхъ, жилъ на эти деньги и пилъ. Исчезъ однако скоро и этотъ капиталъ. Сталъ тогда Мартынъ поживляться мелкимъ воровствомъ, и когда однажды онъ напился, его арестовали, подозрѣвая въ какомъ то, кажется несовершенномъ имъ, преступленіи. Потомъ его и выпустили бы изъ кордегардіи, куда онъ попалъ и гдѣ тогда держали плѣ-

---

[1]) Dyrectorami dzieci бывали въ коллегіяхъ ученики высшихъ классовъ, юноши бѣдные, отличавшіеся хорошимъ поведеніемъ и прилежаніемъ. Они жили обыкновенно на одной квартирѣ съ учениками, надъ которыми надзирали; они обязаны были репетировать школьные уроки своихъ питомцевъ, сопровождать ихъ въ школу и уводить изъ школы. Получали они за это столъ, квартиру и опредѣленную сумму деньгами. Еще во времена Августа III директора изъ піарскихъ школъ, какъ люди бѣдные, имѣли право присутствовать при свадьбахъ въ качествѣ дружковъ и ораторовъ при брачной церемоніи. За подобную услугу на свадьбѣ такой панъ дружка бралъ отъ невѣсты деньгами талеръ и платокъ—co dla chudego pachołka było niezłą gratką. Послѣ „директорства" пристраивались такіе бѣдные люди, въ качествѣ цеховыхъ писарей, въ большихъ городахъ въ разныхъ цехахъ, особенно рѣзницкомъ, пекарскомъ и шевскомъ (Lukaszewicz Ios. T. I, str. 297—298). Но, какъ видимъ изъ нашихъ документовъ, dyrectorami dzieci назывались и учителя въ частныхъ домахъ и надзиратели и туторы въ школахъ, окончившіе коллегіи или только поэтику.

ненныхъ гайдамакъ, но за нимъ никто въ тюрьму не приходилъ,— безъ этого же условія обыкновенно подозрѣваемыхъ въ бродяжничествѣ изъ тюрьмы не выпускали. Не малую бѣду пришлось ему перенести тогда: его, какъ преступника, заковали въ кандалы, и гоняли вмѣстѣ съ гайдамаками работать на фабрику вельможнаго пана генерала Корытовскаго. И такое положеніе дѣлъ длилось бы и для Островскаго столько же, сколько и для его неожиданныхъ товарищей гайдамакъ. Имѣя послѣднихъ въ своемъ распоряженіи въ количествѣ 60 душъ, промышленный генералъ успѣлъ ихъ силами, во-первыхъ выстроить себѣ во Львовѣ „jedną z najpięknieјszich kamienic“ на львовскомъ рынкѣ, да и на фабрикахъ своихъ ихъ руками передѣлалъ дѣла немало. Доставлялъ онъ имъ за это якобы хорошую пищу и помѣщеніе, вполнѣ предупреждавшее возможность всякихъ съ ихъ стороны попытокъ къ побѣгу. Польскій мемуаристъ конца прошлаго вѣка, Адамъ Мощинскій, съ сердечнымъ умиленіемъ говоритъ объ этой мѣрѣ Корытовскаго, усматривая въ его поведеніи относительно массы подлежавшихъ смерти (и подчасъ вполнѣ невинныхъ) гайдамакъ государственную мудрость, которой должны были бы воспользоваться и другіе жестокіе вершители гайдамацкихъ судебъ того времени[1]). Отъ милостей Корытовскаго или другими словами отъ безконечной каторги избавилъ гайдамакъ только наступившій вскорѣ раздѣлъ Польши, послѣ котораго австрійское правительство нашло возможнымъ въ своей долѣ, въ Галиціи, отпустить заключенныхъ гайдамакъ на волю[2]).

Пришлось бы до этого благого момента ждать воли и мало въ чемъ повинному Островскому, еслибы въ концѣ девятой недѣли его работы на фабрикѣ Корытовскаго не увидѣлъ его тамъ случайно пришедшій „товарищъ“ полковъ королевскихъ, Ивиковскій, подъ „директорствомъ“ котораго онъ ходилъ въ Любарѣ въ школу. Ивиковскій узналъ своего бывшаго ученика и посодѣйствовалъ его освобожденію. Ушелъ тогда Островскій къ отцу въ Демковцы, но у отца не остался: пришлось снова

---

[1]) Adam Moszczynski. Pomiętnik do historyi polskiey, str. 149—150.

[2]) Ibidem.

искать мѣста. На этотъ разъ онъ, послѣ цѣлаго ряда мытарствъ, очутился въ Лабуни, надѣясь тамъ наняться у пана Урбанскаго. Когда же пана въ селѣ не оказалось и возвращенія его пришлось Мартыну долго ждать, надо было заложить снова хорошее платье ради покупки хлѣба. У одного жида онъ за три злота заложилъ кунтушъ „sagalesowy, gryszpanowy“, а у другого за 4 злота штаны „sukiene niebieskie“. Самъ онъ при этомъ остался „bez żadnych spodni“, разсчитывая тотчасъ же пріобрѣсти за два злотыхъ съ половиной самое простое платье. Прежде однако, чѣмъ это случилось, оригинальнымъ костюмомъ своимъ онъ привлекъ къ себѣ вниманіе коменданта стоявшей въ Лабуни хоругви, пана Зборовскаго; послѣдній, узнавъ въ немъ бывшаго львовскаго арестанта, потребовалъ отъ него выпускнаго билета изъ тюрьмы, а когда послѣдняго не оказалось, то арестовалъ его и отправилъ въ Кодню. Военно-судная коммиссія была поставлена въ необходимость не только наводить справки объ Островскомъ во Львовѣ, но ей пришлось въ добавокъ обсуждать, зачѣмъ Островскій какимъ то страннымъ, трудно-разборчивымъ почеркомъ написалъ изъ Лабуни письмо съ извѣщеніемъ о расположенной въ этомъ селѣ хоругви польскаго войска. Письмо это могло казаться тѣмъ болѣе страннымъ, что, по утвержденію самого Островскаго, оно предназначалось будто бы отцу его, притомъ же и отправить это письмо по назначенію онъ вздумалъ чрезъ какую то подозрительную личность, съ которой много пьянствовалъ. Пришлось коммиссіи имѣть въ виду въ добавокъ и случившееся близъ Лабуни ограбленіе купца-грека тремя какими то злоумышленниками; причемъ два изъ грабителей были пойманы, третьимъ подозрѣвали Мартына Островскаго. Но послѣдній кой-какъ освободился отъ подозрѣній въ шпіонствѣ по поводу письма, относительно котораго думали, что написано оно для какой то шайки гультаевъ, разсчитывавшихъ напасть на Лабунь и интересовавшихся поэтому расположенными тамъ военными силами; освободился онъ и отъ подозрѣнія, будто участвовалъ въ грабежѣ грека. Личность, черезъ которую онъ собирался отправить письмо свое и которая казалась какъ-то поспѣшно скрывшеюся, онъ назвалъ: это де былъ

dyrector dzieci Барцинскій, состоявшій въ такой роли у п. Ходоровскаго въ с. Вржеснювкѣ. Какъ человѣкъ не лишенный образованія, Островскій оказался пригоднымъ Барцинскому для совмѣстной пріятной выпивки. Приговоръ надъ Островскимъ въ Коднѣ не отмѣченъ. Дальнѣйшая судьба его также неизвѣстна. Во время суда въ 1771 г. ему было всего 24 года.

Конечно, такихъ неудачниковъ, какъ Мартынъ Островскій, выходитъ много изъ всякихъ школъ, но это однако не выгораживаетъ школъ базиліанскихъ половины XVIII в. отъ упрека въ недостаточной ихъ пригодности для жизни. Воспитывали базиліанскія и иныя коллегіи своихъ питомцевъ для занятія духовныхъ, педагогическихъ и писарскихъ должностей, и разъ питомцамъ этимъ не удавалось стать kapłanami, dyrectorami dzieci и писарями—они вовсе оказывались выбитыми изъ жизненнаго строя; таковъ былъ и являющійся въ дѣлѣ: dyrector dzieci Барцинскій: очутившись педагогомъ, онъ началъ пить, быть можетъ томимый несродностью для него выпавшихъ на его долю занятій, перемѣнить которыя онъ былъ не въ силахъ, благодаря особенностямъ пройденной имъ школы.

Отмѣтимъ теперь еще характеръ начальнаго обученія у православныхъ дьяковъ той поры. Матеріалъ для этого даетъ намъ біографія двухъ юношей Тхоржевскихъ, бывшихъ на судѣ въ Коднѣ по совершенно случайному поводу [1]).

Старшему изъ Тхоржевскихъ, Захару, было во время суда 17 лѣтъ, меньшому, Омельку,—15. Были они дѣти приходскаго священника с. Ольшанки, что въ бѣлоцерковскомъ ключѣ, вблизи самой русской границы. Отецъ и мать ихъ сперва отдали ихъ для ученія въ мѣстную ольшанскую школку, а потомъ въ Любаръ въ коллегію къ отцамъ базиліанамъ. Въ Любарѣ они ходили цѣлые полгода въ инфиму, но когда ихъ родители оба умерли въ теченіи одного года, дядя взялъ ихъ къ себѣ, разсчитывая обучить ихъ дома. Вскорѣ однако и дядя умеръ, и дѣти сами, будучи въ возрастѣ 10—12 лѣтъ, рѣшили отправиться въ село Гусачевку „на выслухи“ къ мѣстному дьяку.

[1]) Кодн. кн. стр. 113—115.

разсчитывая у него чему-нибудь научиться. Въ школѣ этой пробыли они затѣмъ нѣсколько лѣтъ до самаго своего арестованія.

Насколько однако тяжело жилось тамъ мальчикамъ, можно видѣть изъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ ихъ арестовали.

„Состоя у дьяка въ услуженіи — читаемъ въ показаніяхъ старшаго изъ нихъ, Захара,—мы были однажды зазваны имъ къ мѣстному протопопу Зражевскому для работы на винницѣ (винокурнѣ). Работали мы тамъ напролетъ цѣлую ночь. Утромъ только вышли мы оттуда въ плебанію (домъ священника)— чтобы поѣсть. Но тутъ насъ арестовали и увезли изъ Гусачевки“. Причина ареста была, повторяемъ, случайная. Дѣло въ томъ, что Зражевскій былъ ревностный православный, вернувшій, въ качествѣ протопопа, къ благочестію изъ уніи нѣсколько бѣлоцерковскихъ приходовъ. И вотъ въ то время, какъ онъ мирно пребывалъ въ своемъ домѣ въ сообществѣ съ двумя монахами изъ Волощины и dyrector'омъ dzieci своего отца, Стефановичемъ, на его усадьбу напалъ польскій отрядъ, устроивъ при этомъ правильную осаду. Всѣмъ взрослымъ пришлось отстрѣливаться для того, чтобы отразить врага. Нападавшіе, въ виду своей слабой численности, отступили, послѣ чего Зражевскій съ писаремъ своимъ, приглашеннымъ изъ Переяслава, торопливо оставилъ Гусачевку. Но отступившіе, не зная этого послѣдняго обстоятельства, призвали въ Гусачевку свѣжія силы и тогда то, несмотря на значительное сопротивленіе, всѣ бывшіе въ усадьбѣ протопопа были арестованы, а въ томъ числѣ и маленькіе Тхоржевскіе, принятые за сыновей Зражевскаго. Ученіе свое имъ пришлось такимъ образомъ закончивать до суда, наступившаго нескоро, въ кодненской ямѣ (тюрьмѣ).

Тасканье школяровъ изъ дьячковскихъ школъ на работу въ винницахъ въ данномъ случаѣ практиковалось въ приходѣ вполнѣ убѣжденнаго православнаго священника, безстрашно отстаивавшаго свою вѣру и бывшаго даже протопопомъ! Можно же судить, что представляло собою хожденіе къ дьякамъ на „выслухи“ въ приходахъ, гдѣ священники могли менѣе основательно понимать значеніе школьной науки для православныхъ въ моменты суровыхъ наступленій на нихъ католической пропаганды!

А какъ высоко въ средѣ Зражевскаго ставили воспитаніе дѣтей въ православномъ русскомъ духѣ — вполнѣ выясняется хотя бы изъ выбора отцомъ протопопа Василія Зражевскаго— Мойсеемъ Зражевскимъ, который былъ приходскимъ священникомъ въ с. Салтановкѣ бѣлоцерковскаго ключа, въ dyrectory dzieci своихъ, братьевъ отца Василія, не человѣка изъ католическихъ или уніатскихъ коллегій, а студента кіевской коллегіи, да еще изъ послѣдняго ея класса—теологіи. Біографія и личность этого студента, въ виду интересующаго насъ вопроса о школахъ и учителяхъ въ правобережной Украинѣ въ половинѣ XVIII вѣка, не могутъ быть здѣсь опущены.

Студентъ этотъ былъ Петръ Стефановичъ. Родился онъ въ Кіевѣ. Родители его были кіево-подольскіе мѣщане. Исповѣданіе и ихъ, и сына было православное. Дѣтство провелъ онъ при отцѣ и матери и, какъ только сталъ входить въ школьный возрастъ, тотчасъ былъ отданъ въ кіевскую коллегію. „Русскую“ первоначальную науку онъ усвоилъ себѣ до 14 лѣтъ, а латинскими науками занимался цѣлыхъ 12 лѣтъ и достигъ послѣдняго класса коллегіи—класса теологіи—на 27 году своей жизни. Не закончивъ этого послѣдняго класса, Стефановичъ для поправленія своихъ матеріальныхъ средствъ согласился временно принять на себя kądycyą dyrectorską—и попалъ въ домъ названнаго священника Мойсея Зражевскаго, старшій сынъ котораго, Василій, состоялъ, какъ уже сказано, протопопомъ въ Гусачевкѣ и былъ ревностнымъ возстановителемъ благочестія въ краѣ. Учить Стефановичу пришлось двухъ маленькихъ поповичей—Ѳедора и Ивана. При его православныхъ убѣжденіяхъ ему легко было жить въ православной семьѣ Зражевскихъ, и онъ, очевидно, искренно интересовался движеніемъ, въ которомъ ревностное участіе принималъ старшій братъ его учениковъ, протопопъ гусачевскій. Этотъ интересъ его выразился, между прочимъ, въ посѣщеніяхъ протопопа, у котораго онъ всегда могъ и новинки узнать по дѣлу религіозной борьбы, и встрѣчаться съ людьми, живо относившимися и къ политическимъ, и къ религіознымъ вопросамъ того времени, а не то и съ монахами изъ далекой православной Волощины.

Даже быть арестованнымъ пришлось Стефановичу изъ за этихъ его сношеній съ протопопомъ Зражевскимъ. Случилось это тогда же, когда были взяты поляками и братья Тхоржевскіе—во время внезапнаго наѣзда польскаго отряда на усадьбу протопопа съ цѣлью арестовать его. Стефановичъ, спавшій съ бывшими тогда у протопопа двумя волошскими монахами по случаю лѣтней поры въ сараѣ, не слышалъ перваго нападенія, а когда утромъ онъ всталъ и пришелъ въ плебанію и въ этотъ моментъ вновь произошло нападеніе со стороны поляковъ, незнавшихъ, что Василій Зражевскій съ своимъ переяславскимъ писаремъ успѣлъ убѣжать, ему вовсе не было охоты отстрѣливаться, и онъ хотѣлъ было незамѣтно черезъ балконъ уйти отъ нападавшихъ, но не успѣлъ: былъ ими раненъ и затѣмъ арестованъ. На судѣ затѣмъ Стефановичъ держалъ себя, какъ человѣкъ, вполнѣ понимавшій положеніе тогдашнихъ дѣлъ, такъ что, очевидно, Мойсей Зражевскій, выбирая его въ наставники своимъ дѣтямъ, не ошибся въ его достоинствахъ. Онъ не далъ на судѣ никакихъ показаній, компрометировавшихъ Зражевскаго въ глазахъ поляковъ. На вопросъ, въ чемъ заключались секретныя сношенія протопопа съ Кіевомъ и Переяславомъ, онъ прямо отвѣчалъ, что ни въ какія секретныя дѣла оба Зражевскіе его не посвящали, и онъ, Стефановичъ, живя у нихъ, былъ исключительно занятъ дѣломъ обученія поповичей. Изъ показаній Стефановича видно затѣмъ, что, оторвавшись на время изъ коллегіи ради „директорской кондиціи“, онъ все же не бросилъ мысли окончить и послѣдній классъ теологіи. Прямо отъ протопопа Зражевскаго, гдѣ разсчитывалъ прогостить три дня, собирался онъ направиться въ Кіевъ въ коллегію, но злая судьба закинула его вмѣсто кіевской коллегіи въ кодненскую яму, откуда не скоро удалось высвободиться.

Этимъ мы закончимъ изложеніе имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ о школьномъ и домашнемъ обученіи въ правобережной Украинѣ въ половинѣ прошлаго вѣка.

Я. Шульгинъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Дѣятельность кіевскаго совѣстнаго суда въ первый годъ его существованія (1782 г.). Въ январѣ мѣсяцѣ 1782 года, съ учрежденіемъ кіевскаго намѣстничества, открытъ былъ въ Кіевѣ и совѣстный судъ, на который, кажется, составители «Учрежденія о губерніяхъ» возлагали большія надежды, какъ на такой институтъ, который долженъ «доставить спорющимся честную и безтяжебную жизнь, злобы, распри и ссоры прекратить, доставить каждому ему принадлежащее и облегчить судебныя мѣста *примиреніемъ* споровъ».

Въ составъ этого суда входили выборные отъ сословій засѣдатели (дворянскіе, отъ гражданства и сельскіе) и судья, избранный верхнимъ земскимъ судомъ. Въ составъ засѣдателей кіевскаго совѣстнаго суда вошли: Ѳедоръ Корбе, Стефанъ Барановскій, Алексѣй Дмитровичъ, Илія Скрѣбицкій, Михаилъ Александровскій и Григорій Слива.

Верхній земскій судъ въ засѣданіи 14 января, согласно предложенію графа Румянцева объ избраніи въ судьи совѣстнаго суда «къ тому способнаго, совѣстнаго, разсудительнаго и безпорочнаго человѣка», единогласно избралъ таковымъ Демьяна Оболонскаго.

Въ протоколахъ этого новаго учрежденія, которые мнѣ случайно удалось прочитать за весь этотъ первый годъ его существованія, ясно сказалось пониманіе задачи, возложенной на него законодателемъ, и стремленіе «сопрягать милость и судъ во едино», «внимать купно гласу закона и гласу человѣколюбія». Не могъ я не обратить вниманія еще на одну особенность этихъ протоколовъ: сравнительно съ журналами обоихъ департаментовъ верхняго земскаго суда за тотъ же 1782 годъ, равно и съ журналами намѣстническаго правленія за 1787 годъ, какіе мнѣ пришлось перечитать, эти протоколы совѣстнаго суда, всегда подписанные Оболонскимъ и по крайней мѣрѣ четырьмя засѣдателями (большею частію пятью), отличаются необыч-

ною краткостію и складностію изложенія существа дѣла, замѣчательною грамотностью и, такъ сказать, литературностью, а равно присутствіемъ мотивировки, совсѣмъ не похожей на обычную канцелярскую.

Всѣхъ протоколовъ 172, при чемъ къ одному и тому же дѣлу относится два-три и больше, такъ что собственно «дѣлъ», подлежавшихъ разбирательству этого суда и вызвавшихъ его «рѣшительныя опредѣленія», было около 50-ти.

Дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію этого суда, уголовныя и гражданскія, довольно разнообразны, но многія изъ нихъ (по крайней мѣрѣ четвертая часть), попадая въ совѣстный судъ, не вызывали его «рѣшительныхъ опредѣленій», такъ какъ не было согласія обѣихъ тяжущихся сторонъ на разбирательство именно въ этомъ судѣ, каковое согласіе являлось и по закону необходимымъ условіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (по дѣламъ гражданскимъ). Кромѣ того, на первыхъ порахъ дѣятельности новыхъ учрежденій, многія дѣла вступали, такъ сказать, «ненадлежаще» въ совѣстный судъ. По нѣкоторымъ вступавшимъ сюда дѣламъ вся роль суда ограничивалась утвержденіемъ «собственною печатью» приговора, постановленнаго «посредниками», которыхъ избирали спорящія стороны.

Привожу нѣсколько дѣлъ, которыя были въ разсмотрѣніи совѣстнаго суда и, какъ мнѣ кажется, представляютъ нѣкоторый мѣстный интересъ.

На проживавшаго въ Кіевѣ премьеръ-маіора Савича [1]) жаловалась мѣщанка Евдокія Кудрявцева, дочь толмача Василія Юрьева, за «причиненныя ей въ возвращеніи наслѣдства затрудненія и волокиту». Савичъ былъ ея опекуномъ. Съ него же взыскивалъ деньги сначала въ уѣздномъ судѣ, а затѣмъ въ совѣстномъ, послушникъ Кіево-Никольскаго монастыря Иванъ Даниленскій. Оба эти иска совѣстный судъ долженъ былъ отклонить, такъ какъ не послѣдовало обоюднаго согласія обратиться къ его разбирательству. Городовой докторъ Равичъ обратился къ правителю намѣстничества Ширкову съ просьбой взыскать съ находившагося тогда въ Кіевѣ бунч. тов. Ивана Каталѣя 150 р., завѣщанныхъ Равичу и братьямъ его ихъ дѣдомъ Пантелеймономъ Каталѣемъ. Ширковъ препроводилъ это прошеніе въ совѣстный судъ, который и пригласилъ Каталѣя черезъ городничаго въ свое

[1]) Объ этомъ сербскомъ маіорѣ, обывателѣ г. Кіева, приходившемъ въ непріязненныя столкновенія съ магистратомъ и нѣкоторыми обывателями, имѣются свѣдѣнія въ моемъ сборникѣ „Ист. мат., изъ архива Кіев. Губ. Прав.,“ вып. 10-й.

засѣданіе. Каталѣй и явился, но затѣмъ только, чтобы заявить, что онъ, проживая въ нѣжинскомъ уѣздѣ, здѣшнему суду не подчиненъ и отвѣчать по предъявленной къ нему претензіи здѣсь не желаетъ, а потому судъ и постановилъ: «предоставить спорющимся развѣдаться, гдѣ по законамъ надлежитъ».

Мѣщанинъ Ананій Лятушевичъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1778 г. выдалъ райцѣ Николаю Леонтовичу довѣренность на полученіе отъ владѣлицы г. Заславля княгини Сангушко денегъ, которыя были въ разное время пересланы отцемъ Лятушевича и дядею, бывшимъ епископомъ вологодскимъ Серапіономъ, на постройку каменной церкви въ г. Заславлѣ, но остались неизрасходованными. За отысканіе этихъ денегъ, «сколько по вѣрной выправкѣ окажется въ остаткѣ отъ расхода денегъ», Леонтовичъ долженъ былъ изъ нихъ получить въ свою пользу третью часть, покрывъ предварительно изъ полученной суммы расходъ «на судей или кому потребно будетъ».

«По двукратной многотрудной его, Леонтовича, въ Варшаву и въ другія весьма отдаленныя мѣста поѣздкѣ, наконецъ, выискалъ отъ оной Сангушковой, по вѣрной съ кѣмъ возможно было выправкѣ, оставшихся за употребленіемъ въ строеніе той церкви, 18,000 злотыхъ польскихъ, т. е. считая по 18 злотыхъ голанской червонецъ по тамошнему курсу, всѣхъ тысяча червоныхъ и 180 злотыхъ» [1]).

На расходы по взысканію этихъ денегъ Леонтовичъ употребилъ $163^1/_2$ червонца; остальныя деньги, считая червонецъ на русскую монету по 2 р. 70 к., раздѣлили, согласно договору, на три части, и Ля-

---

[1]) При полученіи денегъ отъ кн. Сангушко въ Любартовѣ 16 февраля 1779 г. Леонтовичъ выдалъ квитанцію, въ которой прописано было: „понеже умершій г. Лука Лятушевичъ, обыватель кіевскій, отъ 1757 до 1761 годовъ разними времени на виполненіе своихъ намѣреній къ незабвенной памяти суму 24,830 злотыхъ и грошей 22 польскихъ, за документами трома мѣщанъ заславскихъ и четвертымъ г. Міановскаго, вложилъ, и отъ расходу по намѣренію его, г. Лятушевича, чиненного осталось въ наличности злотыхъ 18180, которая сумма единственно, для одной безопасности въ казнѣ волынской сіятельной княгини г-жи Варвары Сангушковой положена и до селѣ не взятою и не издержанною (для того что намѣреніе его, Луки Лятушевича, отмѣнилось) показалась; сынъ же помянутаго Луки Лятушевича Ананій Л—чъ, кіев. маг—та инстигаторъ, меня повѣреннымъ чинилъ..." а потому де представляя довѣренность и удостовѣреніе маг—та, что Ананій Лятушевичъ есть дѣйствительный наслѣдникъ, всякія „подписки чіи нибудь на отдачу суммы по частямъ или пообще въ казну сіятельной княгини или въ г. Заславль, хотя чрезъ преосв. Сераціона Лятушевича, еп. вологодскаго, или чрезъ г. Луки Лятушевича, кассую и уничтожаю" и т. д. Эту квитанцію затѣмъ формально въ магистратѣ утвердилъ Ананій Лятушевичъ.

тушевичу досталось 557 червонцевъ, а Леонтовичу за труды 279. При этомъ Лятушевичъ выдалъ Леонтовичу формальную квитанцію, что всѣ разсчеты между ними окончены и что никто изъ другихъ наслѣдниковъ «и малѣйшей претенсіи до его Леонтовича имѣть не будутъ».

Но претензія такая явилась отъ родной сестры Лятушевича Елены Прокофьевой, которая и заявила въ магистратѣ по этому поводу жалобу на своего брата. Въ магистратѣ они заключили мировую, причемъ Ананій Лятушевичъ выдалъ сестрѣ 260 рублей, а такъ какъ она откуда то «извѣстилась», что Леонтовичъ получилъ отъ княгини Сангушко не 18, а 20 тысячъ злотыхъ, то братъ «уступилъ ей на немъ Леонтовичу доискивать и что выищетъ она, онъ, Ананія, онихъ интересоваться не будетъ».

Съ этимъ то доискиваніемъ и обратилась Прокофьева въ совѣстный судъ, прося взыскать съ Леонтовича какъ недоданныя имъ якобы брату ея двѣ тысячи червонцевъ, такъ равно и извѣстную часть изъ тѣхъ денегъ, какія получилъ Леонтовичъ за труды, на которые де она его не уполномочивала.

Совѣстный судъ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства этого дѣла, 2-го марта опредѣлилъ «дать Леонтовичу присягу, въ томъ только, что онъ отъ княгини Сангушко не болѣе получилъ 18-ти тысячъ, за виконаніемъ коей истицѣ въ искѣ ея отказать».

Мужъ Елены по этому поводу просилъ внесть въ «роту присяги» и то, что Леонтовичъ «взялъ отъ брата жены его Ананія Лятушевича извѣреніе на доискъ онихъ денегъ подступно, съ согласія только тестя его Кувѣчинскаго, потому что въ то время Лятушевичъ былъ обдержимъ болѣзнію, а не въ полномъ здравіи и чувствіи»; но судъ отказалъ въ этомъ Прокофьеву, возвративъ и самое его доношеніе, «яко неподлежаще поданное».

15-го марта Леонтовичъ заявилъ совѣсти. суду, что хотя онъ уже совсѣмъ было себя «въ присутствіи священника изготовилъ» къ присягѣ, но истица Елена Прокофьева и мужъ ея, «отъ оной присяги его увольняя, не допустили съ объявленіемъ суду, что они и безъ присяги совѣсти его вѣрятъ и дѣло вѣчному забвенію предаютъ». Судъ, по просьбѣ Леонтовича, выдалъ ему выпись изъ своего рѣшенія по этому дѣлу.

14-го марта совѣстный судъ слушалъ жалобу секундъ-маіора Димитрія Бессарабскаго на председателя губернскаго магистрата бунч. тов. Якова Давидовскаго [1]). Бессарабскій заявилъ, что въ мартѣ мѣ-

[1]) Этотъ Давидовскій былъ писаремъ магистрата кіевскаго во время войтовства Сычевскаго (съ 1757 г.).

сяцѣ 1780 года онъ засваталъ дочь Давидовскаго Анастасію, причемъ въ замѣнъ полученныхъ отъ невѣсты платка и шелковаго кошелька поднесъ ей «шесть золотыхъ старинныхъ, именно два царей Константина и Елены, два жъ Александра царя македонскаго, два жъ неизвѣстныхъ древнихъ царей, также серьги золотыя съ жемчугомъ и штучку сребреную визолоченую, сдѣланную полукрежемъ для дамской головы; а нынѣ оной Давидовскій, неизвѣстно ему почему, отъ отдачи за него дочери отказывается и, по требованію его, не возвращаетъ вышеписанныхъ вещей».

Черезъ два дня однако Бессарабскій и Давидовскій подали въ судъ мировое доношеніе, заявляя, что «истецъ за полученіемъ отъ отвѣтчика подлежащихъ ему вещей, не долженъ ни въ какомъ судѣ на него, Давидовскаго, искать». Совѣстный судъ опредѣлилъ утвердить это «примиріе» своею печатью.

Жена полковника кіевскаго Лукашевича Агриппна Евстафьевна предъявила въ совѣстный судъ жалобу на своего мужа «о удаленіи ея отъ записанныхъ отъ него ей имѣній и о протчемъ». На вызовъ суда Лукашевичъ отвѣчалъ, что явиться къ разбирательству онъ не можетъ — «первѣе будучи объятъ должностію воинской его службы, второе по слабости его здоровья и третье—не имѣя согласія здѣсь (т. е. въ совѣстн. судѣ) принять разбирательство».

По этому поводу въ совѣстномъ судѣ 8 декабря состоялось такое постановленіе:

«Предложить козелецкому нижнему земскому суду, чтобы отъ оного полковнику Лукашевичу было объявлено слѣдующее: отзывъ его, изъясняющій невозможность явиться ему въ совѣстномъ судѣ по причинѣ его должности, заключаетъ сущее неуваженіе узаконенной сему мѣсту власти, ибо онъ могъ испросить у команды своей безпрепятственное на то позволеніе; относительно извиненія его слабостію здоровья, оно неосновательно тѣмъ паче, что когда въ состояніи онъ исправлять занимающую его должность, которою также защищается, то конечно уже со стороны здоровья имѣлъ онъ свободу повиноваться призыву сего суда; касательно же объявленнаго имъ несогласія его на разбирательство здѣсь объявленной противу его жалобы, то совѣстный судъ внушаетъ ему, Лукашевичу, высочайшее изображающееся въ учрежденіяхъ намѣреніе, съ коимъ установлено сіе мѣсто, тщащееся по правиламъ своимъ доставить спорющимся честную и безтяжебную жизнь, злобы, распри и ссоры прекратить, доставить каждому ему принадлежащее и облегчить судебныя мѣста примиреніемъ спо-

ровъ». Неизвѣстно, внялъ ли Лукашевичъ этому внушенію совѣстнаго суда.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ засѣдатель губернскаго магистрата Романъ Чишиничъ жаловался на брата своего Ивана, такого же засѣдателя, «за недопущеніе въ обонольной винокурнѣ, въ купленномъ ими хуторѣ состоящей, производить винокуреніе въ подлежащій на его мѣсяцъ и произнесеніе похвалокъ бить его, Романа, съ оной винокурни друкомъ». Романъ Чишиничъ просилъ призвать брата въ совѣстный судъ и «учинить, какъ въ захваченныхъ имъ безъ вѣдома его деньгахъ, такъ и въ сложенной имъ, истцемъ, совмѣстно съ отвѣтчикомъ на покупку хутора съ винокурнею и прочихъ къ ней припасовъ суммѣ, разсчетъ, а по оному повелѣть означенный хуторъ одному изъ нихъ за откладомъ половинной части денегъ отдать». По призыву въ судъ братья избрали для разбирательства своей распри посредниковъ, которые ихъ и примирили, а судъ утвердилъ постановленіе посредниковъ своею печатью (самое постановленіе въ протоколъ не вошло).

Всѣ вышеизложенныя дѣла поступили въ совѣстный судъ по жалобамъ отдѣльныхъ лицъ, причемъ, какъ упомянуто выше, только въ случаѣ согласія обѣихъ сторонъ подвергнуть свою тяжбу разбирательству совѣстнаго суда, послѣдній вступалъ въ это разбирательство. Но нѣкоторыя дѣла поступали изъ другихъ судовъ, нижнихъ земскихъ, изъ магистратовъ и расправъ, и непремѣнно подлежали сужденію совѣстныхъ судовъ. Таковы, сколько мнѣ извѣстно, всѣ дѣла по обвиненіямъ въ «волшебствѣ и колдовствѣ» и по преступленіямъ, совершеннымъ несовершеннолѣтними.

Перваго рода дѣлъ, по обвиненіямъ въ «волшебствахъ», въ протоколахъ совѣстнаго суда за 1782 годъ, я нашелъ четыре. «Рѣшительныя опредѣленія» по этимъ дѣламъ выражаютъ просвѣщенный взглядъ на нихъ и гуманное отношеніе суда къ лицамъ, подвергавшимся со стороны низшихъ учрежденій довольно тяжелой «волокитѣ».

1) Изъ кіевскаго нижняго земскаго суда была доставлена крестьянка с. Стараго Евдокія Дубогрѣенкова, которая показала о себѣ, что, проживая у своего двоюроднаго брата, она «производила морозы, какъ въ прошломъ, такъ и нынѣшнемъ лѣтѣ, повредившіе посѣянной хлѣбъ, и о таковомъ вымороженіи извѣстны всѣ тамошніе жители». Совѣстный судъ предложитъ нижн. земскому собрать на мѣстѣ «обстоятельныя и вѣрныя выправки» отъ мѣстныхъ жителей: въ чемъ именно состояли «волшебства» Дубогрѣенковой, — «а особливо, мо-

жетъ ли кто утвердить, чтобы вымороженію хлѣба, а потому и неурожаю въ ономъ были причиною употребленныя каковы либо отъ нея посредства».

Изъ доставленныхъ свѣдѣній совѣстный судъ усмотрѣлъ, что Дубогрѣенкова, «будучи въ великомъ помѣшательствѣ ума, ходила недѣль съ двѣ въ селѣ Старомъ и въ окружающихъ оное гаяхъ и полѣ, гдѣ ночь постигнетъ ее, и при таковомъ ея состояніи произносила угроженія въ лѣтнее время морозами вредить хлѣбу, произвесть морозъ и голодъ, однако того ничего отъ нея не послѣдовало и волшебствъ за нею никакихъ не примѣчено; показаніе же ея самой о томъ совѣстный судъ видитъ происшедшимъ отъ помѣшательства ея ума, тѣмъ паче что она на увѣщаніе здѣсь священника о признаніи истины точностію въ обстоятельствахъ ея показанія, не могши ничего объяснить, отвѣчала одними увѣщевавшему ее священнику укореніями», а потому судъ и опредѣлилъ препроводить ее въ домъ умалишенныхъ.

2) Въ с. Бобровицѣ, козелецкаго уѣзда шинковалъ подсусѣдокъ Гаврило Кошикъ. Дѣла его шли плохо. Однажды пришла къ нему одна баба и за кварту горѣлки сообщила секретъ для привлеченія въ его шинокъ большаго числа потребителей. Она рекомендовала ему достать земли изъ подъ пчелинаго улья и, растворивши ее въ водѣ, перемыть этою водою всю шинковую посуду, а затѣмъ полить ею же полъ въ избѣ и сѣняхъ: тогда де будутъ въ шинокъ идти люди такъ, какъ пчелы въ улей. Гаврило Кошикъ повѣрилъ бабѣ и поручилъ сыну своему Тарасу, служившему наймитомъ въ г. Козельцѣ у мѣщанина, приготовить означенное полосканіе. Тарасъ взялъ такой земли въ саду своего хозяина, отъ котораго не скрылъ и самой цѣли, и передалъ отцу. Отецъ однако скоро увидѣлъ, что указанное средство не помогло, такъ какъ «въ продажѣ горѣлки не лучшую прежней удачу имѣлъ». Между тѣмъ хозяинъ Тараса бургомистръ Гонтаровскій, видѣвшій въ этомъ «волшебство», обвинилъ обоихъ Кошиковъ, отца и сына, въ томъ, что они, взявши въ его саду изъ подъ улья землю, хотѣли этимъ волшебствомъ причинить ему «безвременную смерть или разореніе въ имѣніи». Въ качествѣ обвиняемыхъ въ волшебствѣ и предстали Кошики въ кіевскомъ совѣстномъ судѣ, который однако призналъ не только ихъ, но и обвинителя легкомысленными и суевѣрными людьми, «весь проступокъ Гаврила Кошика происшедшимъ отъ простоты и невѣжества», а потому и постановилъ: освободивъ обоихъ Кошиковъ изъ заключенія, «предать Гаврила Ко-

щика публичному церковному покаянію, чтобы явное предъ народнымъ собраніемъ признаніе сего его проступка служило предметомъ страха для другихъ во избѣжаніе отъ подобныхъ дѣйствій?»

3) Въ м. Борисполѣ проживала въ качествѣ «подданной» протопопа Яворскаго ворожка Ирина Ошумчиха, «упражняясь заимствованнымъ ею отъ умершей своей матери ворожбитствомъ». Ворожбу эту она производила «по просьбамъ имѣющихъ утрату вещей посредствомъ частей житнаго хлѣба, въ глиняномъ сосудѣ на воду бросаемыхъ, коихъ плаваніе на оной или потопленіе знаменуетъ въ одномъ случаѣ по числу частей число похищеннаго и возвратно ли оно, а притомъ—утвержденіе вины подозрѣваемаго въ такомъ похищеніи, въ другомъ же случаѣ напрасную жалобу подозрѣвающаго и невинность подозрѣваемаго». Къ этому «знанію ворожбитства» Ирины Ошумчихи прибѣгали и самъ владѣлецъ ея протопопъ Яворскій и войсковой товарищъ Афендикъ наравнѣ со многими другими мѣстными жителями. По жалобѣ одной изъ этихъ жительницъ, Ирина Ошумчиха привлечена была къ отвѣтственности въ остерскій нижній земскій судъ, отъ котораго съ однимъ лишь ея собственнымъ показаніемъ и была препровождена въ Кіевъ въ совѣстный судъ. Послѣдній потребовалъ производства на мѣстѣ надлежащаго слѣдствія, при которомъ бы допрошены были обращавшіеся къ ворожкѣ лица: «могутъ ли утвердить, что предсказанія ея покраденныхъ вещей однихъ возвращеніемъ, а другихъ утратою точно сбылись?»

Мѣсяца два сидѣла ворожка Ирина подъ стражею въ Кіевѣ, пока доставленъ былъ суду обычный «обыскъ», учиненный мѣстнымъ жителямъ подъ присягою и засвидѣтельствовавшій, что «при случаяхъ покражи у однихъ лошадей, а у другихъ денегъ и вещей, она ворожбитствовала и что въ томъ о совершившихся ея предсказаніяхъ они извѣстны», причемъ «не показали отъ признаннаго ею ворожбитства злыхъ дѣйствій и одобрили ея состояніе».

Совѣстный судъ нашелъ, что «ворожбитство» Ирины Ошумчихи «заключаетъ единственно легкомысліе, питаемое легковѣріемъ прибѣгающихъ къ помощи таковаго ея знанія, сопряженнаго съ обманомъ, глупостію и невѣжествомъ; преступленія же противу законовъ, вреда общему благу не открывается; слѣдовательно, снисходя слабости человѣчества, на основаніи предписанныхъ для совѣстнаго суда человѣколюбивыхъ правилъ, за неосновательныя ея дѣйствія, могущія однакожъ нарушить иногда доброй порядокъ общежитія утвержденіемъ часто невинности чрезъ подложные способы въ подозрѣніи,—въ

нѣкоторое ей наказаніе вмѣнить содержаніе ея до сего подъ стражею, къ отвращенію же впредь отъ признаваемаго ею въ ворожбитствѣ суевѣрія, а простолюдиновъ отъ прибѣжища искать у нея помощи, означенную Шумчиху предать одиножды церковному публичному покаянію съ признаніемъ предъ народнымъ собраніемъ ея погрѣшности, а затѣмъ отдать ее на поруки съ обязательствомъ, чтобы она отъ ворожбитства впредь навсегда воздержалась».

4) Въ декабрѣ мѣсяцѣ представлена была изъ козелецкой нижней расправы обвиняемая въ колдовствѣ женщина Прасковья Кордашевна-Прусиха, «причинствовавшая обезумленію козака Трофима Плюща дачею зловреднаго зелія». Но совѣстный судъ не нашелъ въ присланномъ дѣлѣ «ни колдовства, ни суевѣрія, ни другихъ относящихся къ рѣшенію совѣстнаго суда преступленій», а потому и возвратилъ это дѣло и обвиняемую обратно въ нижнюю расправу «для надлежащаго тамо въ разсужденіи преступницы на основаніи законовъ поступленія».

Дѣлъ по обвиненію несовершеннолѣтнихъ было два. Одинъ мальчикъ 10-ти лѣтъ нечаянно убилъ служанку изъ ружья, за что совѣстный судъ, обслѣдовавши дѣло, рѣшилъ сдѣлать выговоръ отцу и старшему брату мальчика, оставившему ружье заряженнымъ. Другое дѣло по обвиненію въ святотатствѣ уже 16-лѣтняго юноши, который въ одной церкви отрѣзалъ у иконы серебряную привѣску, а въ другой—двѣ серебряныя кисти, и продалъ мастеру Іогану Доминику. Послѣдній, заподозрѣвъ воровство, представилъ юношу въ магистратъ, который и препроводилъ его въ совѣстный судъ. Здѣсь оказалось, что этотъ юноша, сынъ мѣщанина Петръ Сѣнниченко, уже два года тому назадъ попадался въ подобнаго рода «святотатствѣ», т. е. воровствахъ въ церкви: такъ однажды онъ былъ пойманъ на воровствѣ денегъ въ пещерахъ, за что лаврскіе монахи и наказали его розгами, а въ другой разъ онъ вмѣстѣ съ товарищемъ укралъ въ Софійскомъ монастырѣ серебряной и золотой монеты на 54 р., которые были затѣмъ возвращены, а самъ онъ въ магистратѣ наказанъ розгами.

Въ опредѣленіи совѣстнаго суда по этому дѣлу читаемъ: «хотя оказавшійся неоднократно въ дерзновенныхъ поступкахъ святотатства Петръ Сѣнниченко своими злодѣяніями подвергаетъ себя жестокой казни, положенной Правъ Магд. въ книгѣ практики криминальныхъ дѣлъ ч. 2 въ вопросѣ 89 статьею 17-ю, изъясняющею—«всякаго святотатца, похищающаго изъ церкви вещи, во славу Божію посвященныя, колесовать надлежитъ»; но употребляя человѣколюбивое погрѣшностямъ младолѣтняго снисхожденіе, соотвѣтствующее правиламъ долж-

ности совѣстнаго суда, умѣрить здѣсь строгость закона въ чаяніи, что сіе облегченіе участи виновнаго подѣйствуетъ къ исправленію его поступковъ на предбудущее». Ссылаясь на указъ пр. сената 1765 г. іюня 26 ч., сов. судъ «предалъ» его тѣлесному наказанію плетьми, а затѣмъ отдалъ отцу на поруки съ обязательствомъ удалять его отъ дурной компаніи.

Въ концѣ 1782 года графъ Румянцевъ потребовалъ отъ всѣхъ вновь открытыхъ въ кіевскомъ намѣстничествѣ присутственныхъ мѣстъ свѣдѣнія о томъ, какіе въ теченіи перваго года они «узнать могли нужды и недостатки и въ исполненіи съ совершеннымъ успѣхомъ опредѣленныхъ имъ должностей препятствія». Совѣстный судъ, обсуждая этотъ вопросъ, занесъ въ свой протоколъ 13 декабря для представленія нам. правленію слѣдующіе пункты:

1) «Нерѣдко случалось, что призываемые по роду гражданскихъ дѣлъ къ разбирательству показываемыхъ на нихъ жалобъ, убѣгая примиренія кратчайшимъ здѣсь образомъ споровъ съ намѣреніемъ подвергнуть обидимаго крайности искать справедливости въ другихъ судахъ, а между тѣмъ воспользоваться продолженіемъ времени въ законномъ удовольствіи, являясь предъ совѣстнымъ судомъ, иные же и того не дѣлая, безъ всякой причины отказываются отъ согласія вступить въ разбирательство.

2) Нѣкоторыя нижнія мѣста принадлежащихъ къ сужденію здѣсь преступниковъ присылаютъ съ одними взятыми тамъ у нихъ допросами, не производя открывающихъ основательно содержаніе и доказательства преступленія на мѣстѣ, гдѣ оное учинено, изслѣдованій и по жительству обвиняемыхъ о состояніи ихъ обысковъ; а въ такомъ случаѣ между переписками съ нарочитымъ требованіемъ о выполненіи и между производствомъ того навлекаемая медленность удерживаетъ рѣшеніе уголовнаго дѣла долѣе узаконеннаго срока, сопрягаясь при томъ съ отягощеніемъ, которое обвиняемые, меньше иногда по слѣдствіямъ заслуживая истязаніе, долговременнымъ содержаніемъ подъ стражею претерпѣваютъ.

Совѣстный судъ, сообразуясь начертаннымъ ему въ высоч. учрежд. правиламъ кротости и человѣколюбія, во отвращеніе таковыхъ неудобствъ полагаетъ способы: касательно призываемыхъ для примиренія и неповинующихся; являющихся здѣсь, а не являющихся чрезъ предложенія въ нижнія мѣста, увѣщевать къ согласію на прекращеніе распри; а буде и за таковымъ увѣщаніемъ кто окажется преслушенъ,

то для отличія его въ сообществѣ благомыслящихъ людей, яко человѣка худыхъ свойствъ, предъосужденіе ему изъяснить въ вѣдомостяхъ предъ публикою; такимъ образомъ другіе, если не будутъ подвигнуты справедливостію, то по меньшей мѣрѣ тронуты стыдомъ быть признаны удаляющимися отъ правосудія, поспѣшатъ представить свои оправданія тутъ, гдѣ сопрягается милость и судъ во едино и гдѣ внемлется купно гласъ закона и гласъ человѣколюбія».

Относительно же устраненія затрудненій, указанныхъ во 2-мъ пунктѣ, совѣстн. судъ находилъ необходимымъ, чтобы нижнія мѣста доставляли ему всѣ необходимыя данныя о преступленіи, подлежащемъ суду совѣстн. суда, собирая ихъ на мѣстѣ.

А. Андріевскій.

Кіевскій вооруженный мѣщанскій корпусъ въ 1790-мъ году.

Въ 1790 году 8-го іюня малороссійскій генералъ-губернаторъ М. Н. Кречетниковъ далъ кіевскому губернатору С. Ширкову нижеслѣдующее предложеніе:

«Обстоятельства настоящаго военнаго времени обязываютъ меня, какъ постановленнаго по высоч. волѣ е. и. в. въ губерніяхъ малороссійскихъ начальника, предварительную на всякой неожидаемой случай имѣть предосторожность и особенно въ мѣстахъ наче пограничныхъ, какъ то найболѣе въ семъ губернскомъ городѣ Кіевѣ; по поводу чего и рекомендую в. п. немедленнѣйше приступить къ освидѣтельствованію: сколько есть здѣсь въ городѣ мѣщанъ кіевскихъ такихъ, кои въ случаѣ нужды или необходимости могли бы употреблены быть на защищеніе и охраненіе города будучи вооружены? а сдѣлавъ такимъ образомъ свидѣтельство, сочинить всѣмъ оказавшимся на таковый случай готовыми именной списокъ и потомъ, раздѣливъ ихъ на хорунги, назначить изъ нихъ же командировъ со внушеніемъ, чтобъ каждый имѣлъ у себя въ надлежащей исправности ружье, пистолетъ и пику, заимствуя послѣднія изъ оставшихъ отъ прежнихъ хорунгихъ служебъ, пріучаясь по временамъ и стрѣлять изъ ружьевъ, а въ сохраненіе надлежащаго при семъ порядка назначить для стрѣльбы сей одинъ день въ недѣлю, о чемъ градскому головѣ съ думою и лично отъ меня сдѣлано уже внушеніе. Остается затѣмъ сказать в. п. чтобъ все оное исполнить изволили къ возвращенію моему изъ городовъ сей губерніи, подавъ тогда же мнѣ и вышеизъясненной имен-

ной списокъ съ показаніемъ уже въ немъ подѣленія мѣщанъ сихъ на хорунги и означеніемъ командировъ ихъ».

Немедленно исполнивъ это порученіе, Ширковъ при представленіи требуемой вѣдомости доносилъ, что «сіи граждане по заведенному издревле порядку, вооружились точію пѣшіе саблями и ружьемъ, а конные саблями и пистолетами, пикъ же вовсе не было, почему, какъ городская дума представляетъ, и нынѣ вооружиться не могутъ.

Въ вѣдомость вошло наличныхъ купцовъ и мѣщанъ 1996 пѣшихъ и 140 конныхъ.

Первые раздѣлены по ремесленнымъ управамъ, что даетъ возможность судить о численности каждой управы. Самымъ многолюднымъ было вѣдомство управы сапожниковъ—428 человѣкъ, въ томъ числѣ 367 мастеровъ и 61 подмастерьевъ, управскій старшина—Семенъ Буренокъ, затѣмъ слѣдують:

2) упр. мелочью торгующихъ—225, старшина Романъ Несторовскій.

3) упр. плотниковъ—221, старшина Трофимъ Лобъ.

4) » портныхъ—218 (въ томъ числѣ 38 подмастерьевъ), старшина Александръ Петровскій.

5) упр. хлѣбниковъ—151, старш. Сава Мартиновскій.

6) » кузнецкой—138 (подм. 27), старш. Яковъ Степуренко.

7) » шапочниковъ—124 (подм. 20), старш. Никита Захаріевскій.

8) » рыболововъ—113, старш. Филипъ Сичъ.

9) » иконописной—85 (подм. 20), старш. Павелъ Коробкинъ.

10) » мясниковъ—84, старш. Павелъ Смолякъ.

11) » ткацкой—83 (подм. 4), старш. Іосифъ Вѣшковскій.

12) » гончарской—54, старш. Леонтій Кващенко.

13) » цилюрниковъ—31 (подм. 18), старш. Федоръ Салникъ.

14) » музыкантовъ—27, старш. Степанъ Кузмичъ.

Послѣднимъ въ спискѣ конныхъ «почетнѣйшихъ гражданъ» стоитъ бывшій бургомистръ Яковъ Гудимъ, который, какъ сказано въ заключеніе списка, командуетъ конницею и пѣхотою, а ему въ помощь опредѣлены ремесленной глава Александръ Барскій и купцы Иванъ Прилуцкій, Петръ Барщевскій и Иванъ Иванскій.

Кромѣ вышеписаннаго числа людей, оказалось въ отлучкѣ, въ болѣзняхъ, въ услуженіяхъ и въ престарѣлости состоитъ всего 473 человѣка. Главнымъ «региментаремъ» вооруженнаго мѣщанскаго корпуса избранъ былъ затѣмъ думою 2-го іюля городской голова «именитый гражданинъ» Григорій Радзицкій. Кречетниковъ, донося князю

Потемкину объ этомъ выборѣ, писалъ, что Радзицкій «и въ составленіи сего корпуса трудился и оказалъ себя довольно прилежнымъ, а посему, слѣдуя повелѣнію вашей свѣтлости, и медаль, ко мнѣ присланную, возложилъ на него со внушеніемъ, что при усмотрѣніи больше попеченія его во обученіи корпуса мѣщанъ цѣльной стрѣльбѣ можетъ надѣяться на благоволеніе в. с. и въ дальнѣйшемъ отличеніи его».

Кречетниковъ командировалъ 16-го іюня кіев. маг. ратмана Ѳедора Невадовскаго въ г. Переяславль, чтобы и тамъ онъ съ городскимъ головою и членами магистрата составилъ двѣ хорунги по образцу кіевскихъ. Іюня 21-го это распоряженіе было уже исполнено и составленъ списокъ изъ 200 человѣкъ, вошедшихъ въ составъ двухъ пѣшихъ хорунгъ.

А. Андріевскій.

Судьба кіевскихъ водяныхъ мельницъ. Въ прошломъ столѣтіи существовали еще въ Кіевѣ на берегу Днѣпра такія же пловучія мельницы, устраиваемыя на двухъ «дубахъ» (байдакахъ или баржахъ), какія до настоящаго времени встрѣчаются во многихъ мѣстахъ по нижнему теченію р. Днѣпра преимущественно на правомъ берегу его. Въ 1745 году такихъ мельницъ на кіевскомъ берегу было около тридцати, и всѣ онѣ въ этомъ году были въ одинъ прекрасный день переведены на лѣвый берегъ Днѣпра, согласно состоявшемуся о томъ 10-го мая 1745 г. высоч. указу [1]).

Посѣщеніе Кіева императрицей Елисаветой Петровной въ 1744 году вызвало вообще нѣсколько крупныхъ мѣръ по части городскаго благоустройства. Такъ, между прочимъ, въ ожиданіи этого посѣщенія, когда строились противъ кіевскихъ воротъ к.-печерской крѣпости тріумфальныя ворота, энергическій инженеръ подполковникъ Дебоскетъ, по распоряженію генералъ-губернатора Леонтьева, перенесъ на другое мѣсто находившійся подлѣ крѣпости на Печерскѣ базаръ со всѣми его торговыми лавками, прилавками и шалашами, мѣшавшими главному проѣзду [2]).

---

[1]) Указъ этотъ былъ напечатанъ мною въ 7-мъ вып. „Истор. мат. изъ арх. Кіев. Губ. Пр.," стр. 57; переписка же объ исполненіи его найдена мною недавно въ Центр. Арх.; она и послужила матеріаломъ для настоящей замѣтки.

[2]) См. въ томъ же вып. „Ист. мат. изъ арх. Кіев. Губ. Пр." статьи „О перенесеніи Печерскаго рынка", „О постройкѣ въ 1745 г. новыхъ лавокъ въ Старо-

Послѣ же посѣщенія Кіева императрицей былъ приведенъ въ порядокъ базаръ старокіевскій, построены были на немъ новыя лавки К.-Софійскимъ монастыремъ; тогда же исправленъ былъ основательно и наводной мостъ на Днѣпрѣ.

Сама императрица, во время пребыванія своего въ Кіевѣ (съ 25-го августа по 12-е сентября 1744 г.), обратила вниманіе на то, что «рѣка Днѣпръ теченіе свое взяла подъ самыми кіевскими горами и отъ великаго стремленія тѣ горы, а наче гдѣ угодники Божіи въ нещерахъ преопочиваютъ, вредитъ и осыпаетъ». Полагая, что на такое направленіе въ теченіи Днѣпра вліяютъ находившіяся на кіевскомъ берегу его водяныя мельницы, государыня именнымъ указомъ на имя генералъ-губернатора Леонтьева повелѣла «тотчасъ всѣ тѣ мельницы, которыя по кіевскому берегу поставлены, съ тѣхъ мѣстъ свесть, дабы ни одной на томъ берегу не осталось».

Указъ этотъ полученъ былъ въ Кіевѣ 6-го іюня, и въ тотъ же день Леонтьевъ предписалъ оберъ-коменданту генералъ-маіору Степ. Алексѣевичу Юрьеву «тотчасъ отправить самыхъ добрыхъ одного штабъ, а другаго оберъ-офицеровъ съ пристойною командою и велѣть всѣ помянутыя мельницы, не оставливая ни одной, чьи бы ни были, съ сей на ту сторону рѣки Днѣпра при себѣ каждому владѣльцу своимъ коштомъ перевесть». Командированный для этого подполковникъ Нейманъ того же числа донесъ, что райца кіев. магистрата Лавренъ Гуриновичъ и другіе хозяева мельницъ на объявленное имъ требованіе заявили, что исполнить его немедленно по случаю большаго вѣтра никакъ не возможно, а когда де вѣтеръ утихнетъ, то мельницы тотчасъ переведены будутъ на ту сторону. Самъ же Нейманъ своею командою перевелъ все таки вечеромъ того же дня изъ казенныхъ и частныхъ мельницъ пять на ту сторону Днѣпра, а восемь на Трухановъ островъ, гдѣ и раньше стояли двѣ мельницы. Генералъ-губернаторъ потребовалъ однако, чтобы на островѣ эти мельницы не оставлялись, а всѣ бы переведены были на лѣвый берегъ Днѣпра.

На другой день, 7-го іюня копія высочайшаго указа препровождена и въ магистратъ съ требованіемъ о немедленномъ его исполненіи. Магистратъ въ тотъ же день и отъ себя распорядился перево-

---

кіев. крѣпости". Къ посѣщенію Кіева императрицей Елисаветой Петровной относится также замѣтка въ 5-мъ вып. „Ист. мат.," стр. 162—168 объ удаленіи изъ города больныхъ разнаго рода заразительными болѣзнями.

домъ мельницъ. Вѣдомости о числѣ переведенныхъ мельницъ были представлены 9-го іюня въ губ. канц. и магистратомъ и оберъ-комендантомъ, но въ показаніяхъ своихъ эти вѣдомости нѣсколько расходятся, какъ въ итогѣ, такъ и въ фамиліяхъ владѣльцевъ. Въ вѣдомости оберъ-коменданта всѣхъ мельницъ показано 25, а въ магистратской 28, въ томъ числѣ мѣщанскихъ 18 и принадлежащихъ гарнизоннымъ полкамъ и великороссіянамъ 10 [1]). Всѣ эти мельницы поставлены были, какъ сказано въ магистратской вѣдомости, «въ пробытцу въ островѣ Трухановѣ».

Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ (черновомъ), которымъ Леонтьевъ 10-го іюня увѣдомлялъ объ исполненіи высоч. указа, въ заключеніи читаемъ: «а противъ пещеръ, гдѣ угодники Божіи преопочиваютъ, какъ прежде тѣхъ мельницъ не было, такъ и нынѣ нѣтъ».

Надо думать, что этотъ внезапно послѣдовавшій переводъ водяныхъ мельницъ отозвался весьма чувствительно на хозяйственномъ обиходѣ мѣстныхъ обывателей, не говоря уже объ интересахъ самихъ владѣльцевъ. Пользованіе этими мельницами было теперь крайне затруднено, такъ какъ для доставки къ нимъ хлѣба потребовались новыя приспособленія и лишніе расходы. По всей вѣроятности, съ этого времени и совсѣмъ прекратилъ свое существованіе въ Кіевѣ этотъ типъ мельницъ, столь популярный у приднѣпровскихъ малороссіянъ.

А. Андріевскій.

Переселеніе запорожцевъ на Тамань. Послѣ разгрома Сѣчи въ 1775 г. запорожцы разбрелись въ разныя стороны—кто въ Туреччину, кто куда пришлось. Скоро, однако, тотъ, кого запорожцы считали главнымъ виновникомъ постигшаго ихъ несчастья— «Грыцько Нечоса», Потемкинъ пытается собрать разошедшихся сѣчевиковъ и образовать изъ нихъ новое козачье войско. «Въ томъ же 1787 г. и тѣ-же козацкіе старшины», говоритъ г. Щербина, «Сидоръ Бѣлый, Захарій Чепѣга и Антонъ Головатый окончательно сформировали вольныя козачьи команды. Собранные имъ козаки получили названіе «войска

[1]) Въ числѣ послѣднихъ значатся: голова кабацкій Василій Герасимовъ съ товарищи имѣлъ двѣ мельницы, капитанъ Довбиловъ и полицмейстеръ Якимъ Кононовичъ—тоже по двѣ. Вмѣсто имени послѣдняго въ вѣдомости оберъ-коменданта значится „гарнизонный квартермистръ Якимъ Литвиновъ“: по всей вѣроятности, это одно и то же лицо.

вѣрныхъ козаковъ» и были разбиты на двѣ группы—на конницу, подъ начальствомъ Чепѣги, и на пѣхоту, подъ командою Головатаго; общее же начальствованіе надъ козаками было поручено Потемкинымъ первому кошевому атаману возродившагося войска—Сидору Бѣлому» [1]).

Благодаря цѣлому ряду богатырскихъ подвиговъ во время 2-й турецкой войны, запорожцы покрыли себя громкой славой, и Потемкинъ, какъ бы желая загладить свою вину передъ войскомъ, постарался вознаградить труды его на пользу русскаго государства. Ордеромъ отъ 19 апрѣля 1790 г. Потемкинъ увѣдомляетъ о послѣдовавшей высочайшей милости войску. Ему отводятся для поселенія на Кинбурнской сторонѣ земли, не принадлежащія помѣщикамъ, а отъ Буга по морю до Днѣстра линіею, на картѣ означенною, и къ тому добавляется «округъ Еникольскій съ Таманомъ». Отъ себя князь даритъ войску принадлежащія ему на Тамани «мѣста съ рыбными ловлями, самыми изобильными» [2]). Козаки старались воспользоваться оказанной милостью и стали обзаводиться хозяйствомъ на отведенныхъ имъ между Бугомъ и Днѣстромъ земляхъ. Но не долго пришлось имъ тутъ оставаться. Въ августѣ 1792 г. довольно значительная часть ихъ очутилась уже на новыхъ земляхъ.

Въ письмѣ отъ 11 мая 1792 г. къ вице-адмиралу Мордвинову, главнокомандующему черноморскимъ флотомъ и портами, ген.-аншефъ Каховскій сообщаетъ о послѣдовавшемъ на его имя высоч. указѣ, которымъ повелѣвается отправить черноморскую козачью флотилію до «Тамана», куда, для исправленія тамошняго укрѣпленія и вооруженія его артиллеріею, Каховскій съ своей стороны отправилъ одинъ батальонъ егерей.

Еще до полученія этого письма Каховскаго, Мордвиновъ 28 апрѣля 1792 г. послалъ ордеръ бригадиру, флота капитану Павлу Пустошкину, предписывая «для конвоированія флотиліи козачей черноморской до о—ва Тамана назначить нужное число судовъ, изготовивъ оныя къ походу» [3]). Пустошкинъ принялся за исполненіе порученнаго ему дѣла и благополучно довелъ его до конца—препроводилъ до Тамани черноморскую козачью флотилію съ находившимися на ней и на сопровождавшихъ ее судахъ запорожцами.

Объ этомъ переселеніи моремъ запорожцевъ, насколько мнѣ извѣстно, говорится только вскользь у историковъ черноморскихъ ко-

---

[1]) Кубанское козачье войско. Е. Д. Фелицына, стр. 36—37.

[2]) Куб. козачье войско, стр. 424.

[3]) Николаевскій портовый архивъ. Письма Каховскаго.

заковъ. Мнѣ же пришлось ознакомиться въ николаевскомъ портовомъ архивѣ съ дѣломъ, въ которомъ подробно описанъ этотъ «вояжъ», приложены вѣдомости съ указаніемъ на численный составъ какъ всего черноморскаго войска, такъ и той части его, которая совершила «вояжъ» на судахъ до Тамани, названы нѣкоторые войсковые старшины. Это дѣло и послужило матеріаломъ для настоящей замѣтки. Письма и рапорты Пустошкина Мордвинову, находящіеся въ этомъ дѣлѣ, даютъ нѣкоторую возможность судить о томъ, какъ отнеслись запорожцы къ переселенію ихъ на Тамань. Дѣло это носитъ въ описи не совсѣмъ вѣрное заглавіе: «Рапорты и письма к. адм. Пустошкина по предмету препровожденія отъ Дуная въ Тамань козачьей флотиліи 25 лодокъ» (1792 г., на 87 лист.).

Въ силу повелѣнія Мордвинова отъ 6 іюля 1792 г., бригадиръ Пустошкинъ отправился изъ Николаева въ Слободзѣю (на Днѣстрѣ), мѣстонахожденіе Коша и черноморской козачьей флотиліи, бывшей въ то время подъ управленіемъ полковника Саввы Бѣлого.

Прибывъ въ Слободзѣю, Пустошкинъ нашелъ тамъ 25 лодокъ и 6 баркасовъ; 22 же лодки флотиліи были отправлены съ провіантомъ въ Аджидеръ (при устьѣ Днѣстра), гдѣ, кромѣ того, находились еще 25 новыхъ лодокъ, построенныхъ къ этому времени въ Фальчѣ (на Прутѣ) и предназначавшихся для той же черноморской козачьей флотиліи. Пустошкинъ принялся за снаряженіе въ путь лодокъ и сборъ запорожцевъ. Послѣднее дѣло, однако, оказалось не изъ легкихъ; по крайней мѣрѣ, въ рапортѣ Мордвинову, отъ 12 іюля, Пустошкинъ пишетъ вотъ что: «Касательно людей, то всѣхъ оныхъ в скорости собрать никакъ не можно: поелику находятца въ разныхъ раскомандировкахъ, какъ то: при осадной артиллеріи, на сенокосахъ и въ другихъ тому подобныхъ расходахъ, съ которыхъ и назначилъ я онымъ собратца уже въ Аджидеръ, где не оставлю учинить и лодкамъ разсортированіе, которыя взять съ собою, и которыя тамъ оставить, теперь же желательно мне только тронутца съ места коша, где ежечасно случаютца разныя затрудненія».

Какъ бы то ни было, но флотилія 13 іюля двинулась въ Аджидеръ. Медленно шла она и только черезъ 4 дня прибыла туда и была встрѣчена Пустошкинымъ, раньше ея пріѣхавшимъ въ Аджидеръ на почтовыхъ. Еще до прибытія флотиліи, Пустошкинъ послалъ 15 іюля Мордвинову письмо и рапортъ. Въ первомъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія строки: «Флотилію козачью черноморскую изъ Слободзѣи отъ коша я отправилъ и уповаю въ скорости прибудетъ

къ Аджидеру. Некоторыя изъ черноморцовъ, особливо конныя и те которыя живутъ съ женами домами, въ слободахъ, не очень охотно думаютъ итти на определенную имъ въ Тамане землю; служащіе же на лодкахъ полковники и старшины желаютъ въ Тамань, и всячески стараются уговаривать казаковъ; но что какое въ томъ могло произойти препятствіе и до сего времени ничего не слышно». Къ рапорту приложены составленныя Саввою Бѣлымъ и Захаріемъ Чепѣгою вѣдомости, «сколько въ черноморскомъ войскѣ находится какъ на лодкахъ, такъ равно пешихъ и конныхъ старшинъ и казаковъ». Оказывается, что по списку—въ гребной флотиліи, пѣхотныхъ полкахъ и командахъ числилось козаковъ и старшинъ 7239 ч., конныхъ—2183, всего 9422 чел.; но на лицо, ко времени составленія вѣдомостей, было всего лишь 4143 человѣка.

18 іюля Пустошкинъ доноситъ Мордвинову о прибытіи въ Аджидеръ 17 іюля изъ Слободзѣи запорожской флотиліи и о своемъ намѣреніи разсортировать лодки, а затѣмъ уже слѣдовать изъ Аджидера въ Николаевъ: «Потомъ буду старатца всячески поспешить отправленіемъ отъ сюда.... Бывшую при осадной артиллеріи команду пешихъ казаковъ ожидаю въ скорости въ Аджидеръ и съ прочихъ же мѣстъ збираются, но не все еще прибыли, а хотя малое число и не дойдутъ ожидать не буду».

Пустошкинъ сдѣлалъ сортировку лодкамъ флотиліи:—11 старыхъ запорожскихъ, такъ называемыхъ, кременчугскихъ (построенныхъ, по повелѣнію кн. Потемкина, въ Кременчугѣ) и 9 канонерскихъ (а также 1 чектырму) онъ рѣшилъ оставить въ Аджидерѣ; причемъ даже 10 изъ лодокъ приказалъ разломать на дрова и проч. [1]).

---

[1]) Къ рапорту Пустошкина приложена вѣдомость, „сколько какихъ послѣдуетъ со мною лодокъ и какихъ будетъ состоять старшинъ и казаковъ“.

Учинена іюня дня 1792 г.

На канонѣрскихъ лодкахъ старшины полковые хорунжіе арміи прапорщики: Кисляживской Мойсей Рева старш.—1, козак.—41. Конеливской Кононъ Запорожченко — 1, — 50. Канивской Максимъ Писаной — 1, — 51. Криливской Матвѣй Блоха—1, — 41. Канѣвской же порутчикъ Федоръ Яновскій—1, — 31. Тимошивской Пилипъ Половый—1, — 61. Платуниввской Федоръ Таранъ—1, —72. Дядкивской Василь Малюченко—1, —57. Леушкивской Романъ Шелестъ —1, —49. Величкивской порутчикъ Василь Каменецкій—1, —56. Дядкивской Ефимъ Завалюра —1, —42. Переяславской Пантелимонъ Чухно —1, —46. Деревянкивской Иванъ Холодъ — 1, — 69. Корсунской Олексѣй Гасанъ —1, —61. Полтавской Иванъ Бѣлій —1, —50. Калнироболоцкой Петръ Шило —1, —92. Джерелиевской Антонъ Волошинъ —1, —45. Иркли-

21 іюля Пустошкинъ двинулся въ путь изъ Аджидера, но выйти въ море за противнымъ вѣтромъ не могъ и вынужденъ былъ простоять въ устьѣ Днѣстровскаго лимана до 23 іюля. Отсюда 22 іюля онъ пишетъ Мордвинову:

«Вчерашній день со всеми лодками числомъ фальченскихъ 25 и старыхъ 26, всего 51, на нихъ казаковъ всехъ 2863, съ ватагъ съ неводами до ста, и всехъ же до трехъ тысячъ человекъ, и больше набралось, отправясь отъ Аджидера до устьевъ лимана днестровскаго, где теперь стою, за противнымъ NO ветромъ; скорея сего времени никакъ не могъ сладить, хлопотъ истинно много. Сколько могъ я уверять хорошимъ местомъ Тамана, казаки оказываютъ свое желаніе, но ропчутъ крайне, што не получали жалованья больше нежели за годъ: изъ коша требовано, и посланъ пріемщикъ къ Михайле Васильевичу

евской Улась Красинскій —1, —79. Коренѣвской Илко Малый —1, —46. Поповичевской Иванъ Арестовъ —1, —37. Незамаивской Савва Секретъ —1, —37. Татаривской Яковъ Тригубъ —1, —48. Рогивской Иванъ Чернеда —1, —49. Коренѣвской Николай Плакса —1, —40. Корсунской Василь Чорный —1, —20. Ирклѣевской Улась Красинскій —1, —30. Платнѣривской Иванъ Страдь —1, —31. Брюховецкой Дмитрій Гачжеевъ —1, —34.

На Кременчугскихъ лодкахъ полковіе хорунжіи арміи прапорщики: Мишастивской Федоръ Задирака старш.—1, козак.—43. Ивонивской Семенъ Безкровный —1, —52. Сергѣевской Иванъ Станкевичъ —1, —40. Кущивской Данило Яненко —1, —52. Динской Иванъ Третякъ —1, —31. Батуринской Иванъ Жвачка —1,—68. Пашкивской Иванъ Губа —1, —57. Ведмедивской Гаврила Свѣчкарь —1, —40. Мѣнской Улась Стрижченко —1, —32. Уманской Максимъ Чернишевъ —1, —64. Вышестеблѣевской Иванъ Пихна—1,—43. Нижестеблѣевской Михайло Терновскій—1,—47. Васюринской Данило Бабыченко —1, —53. Шкуренскій Тарасъ Сташевскій —1, —65. Васюринской малой порутчикъ Иванъ Радкевичъ —1, —29. Поповичивской Петръ Кириляковъ—1, —38. Рогивской Григорій Касяненко—1, —45. Низамаивской Петръ Збарахъ (?) —1, —42. Баркасъ Васюринской Яковъ Харченко —1, —20. Джерелиевской Федоръ Зубъ —1, —53. На флагманскомъ суднѣ порутчикъ Семенъ Паливода —1, —60. При немъ полковіе старшины: Яковъ Животивскій—1. Федоръ Даниленко —1. Прапорщики: Семенъ Кудимъ —1 Корнѣй Жаданъ —1, Григорій Лозинскій —1, Михайло Кифа —1. Старшины: Олексѣй Горбъ —1, Данило Пѣсоцкій —1. При ономъ суднѣ выездной катеръ, на немъ старшина Гаврило Зѣнченко—1, козак.—13.

Да на вышеприписанныхъ лодкахъ сверхкомплектныхъ старшинъ: Гордѣй Бублиевскій, Петръ Чорный, Федоръ Подсканскій (?), Григорій Матвѣевъ, Трофимъ Малый, ... Куцюбинскій, Андрей Жигалло, Максимъ Грековъ, Петръ Ляшко, Федоръ Кравчина, Семенъ Бѣлый, Семенъ Нещерецкій, Трофимъ Малый, Яковъ Соломка, Илья Бабенко, Павелъ Высочинъ, Сымонъ Порохня. Итого всѣхъ старшинъ 90, коз. 2463; да сверхъ оныхъ прибывшихъ отъ осадной артиллеріи козаковъ 400, старшинъ 5.

Каховскому, въ Польшу, тому уже мѣсяцъ; многія открыто сказали: когда не пришлютъ въ Николаевъ, то разбегутца. Я же сообщилъ кошевому Чепеге, когда привезутца денги и съ Польши, прислать скорея въ Николаевъ».

Въ 6 час. по полудни 23 іюля флотилія снялась съ якорей и 24 къ 7 час. по полудни была уже на Очаковскомъ рейдѣ, откуда прослѣдовала на Станиславскую косу. Здѣсь 26 старыхъ запорожскихъ лодокъ были вытащены на берегъ, и мастера, прибывшіе къ этому времени изъ Херсона, занялись ихъ исправленіемъ. Тутъ, въ Станиславѣ, запорожцы, служившіе въ артиллеріи, заявили Пустошкину свою жалобу на неполученье слѣдуемаго имъ жалованья, и тотъ вынужденъ былъ по этому поводу писать Мордвинову, прося его объ удовлетвореніи запорожцевъ:

«Бывшія при осадной артиллеріи войска черноморскаго, атаманы и казаки, поданнымъ ко мне прошеніемъ, заявляютъ, что находились оне при оной артиллеріи въ прошломъ 791 году въ пяти стахъ, а въ семъ 792 годехъ въ трехъ стахъ семидесяти девяти человекахъ, не получали противъ бывшихъ въ 790 г. казаковъ же сверхъ жалованья порціонныхъ на каждаго въ мѣсяцъ по одному рублю по 50 копеекъ, а слѣдовало было получить на вышезаявленное число людей 791 года за шесть, 4500, да сего года, за $2^1/_2$ мѣсяца 1705 р. 50 к., какъ и обещался артиллеріи господинъ генералъ поручикъ и кавалеръ Толстовъ, выдать, и прося дабы оне противъ прежнихъ не были обижены, о выдаче тѣхъ денегъ учинить разспоряженіе».

7 августа Пустошкинъ увѣдомилъ Мордвинова, что козачья флотилія изъ 51 лодки и сопровождающія ее суда къ 8 августа будутъ въ готовности выйти въ море.

По приказанію Мордвинова, Пустошкинъ отошелъ 9 августа отъ Станислава; 11—былъ уже въ Севастополѣ, гдѣ пробылъ до 17 авг., занимаясь исправленіемъ незначительныхъ поврежденій на 19 лодкахъ, а 25 того же августа благополучно прибылъ къ Тамани, высадилъ бывшихъ на транспортныхъ судахъ черноморцевъ и готовился приступить къ выгрузкѣ съ тѣхъ судовъ провіанта и пушекъ.

«Коммиссія» была чрезвычайно трудная, и, удачно выполнивъ ее, Пустошкинъ могъ съ облегченнымъ сердцемъ писать Мордвинову:

«Благодареніе Богу! Коммисія вашего в. пр—а исполнена; со всеми лодками и транспортными судами сего 25 числа къ Таману пришли весьма благополучно; во время следованія хотя и были некоторыя поврежденія въ реяхъ и въ прочемъ, но зашедъ 13 числа

въ Севастополь, исправлены и симъ временемъ пережидали крепкія NW вѣтры, по отправленіи же 17 числа изъ Севастополя шли з благополучіемъ, но три дни простояли не доходя еникальскаго пролива верстъ до 30 у горы Капчегира за противнымъ ветромъ, лодки были заведены за гору подъ берегъ и оне стояли спокойно; теперь стоимъ со всеми судами у самаго Тамана, и у козаковъ радость великая, найдя здѣсь хорошую землю, и мѣсто.

Теперь я съ гружаю съ транспортныхъ судовъ провіантъ и артиллерію, по згруске же оставлю для перевоски артиллеріи исъ Керчи два транспортныя судна, да еще пришлю изъ Севастополя для оной же два оката, и одно судно Полоцкъ; и на сихъ пяти судахъ уповаю всю артиллерію исъ Керчи заберутъ...

Сего числа изволилъ пожаловать ко мнѣ на брегантину его прев—ство Семенъ Семеновичъ Жегулинъ (прав. таврич. обл.) и спрашивалъ о числе лодокъ, казаковъ и провіанте и я ему донесъ о благополучіи лодокъ и казаковъ равно и о морскомъ провіанте, што его будетъ и на сентябрь мѣсяцъ; онъ отбылъ и обещался прибыть сюды въ Таманъ чрезъ 5 дней».

Такое трудное дѣло Пустошкину удалось хорошо выполнить, благодаря усердному исполненію своихъ обязанностей и распорядительности подчиненныхъ ему офицеровъ, а также содѣйствію козацкихъ старшинъ. Въ письмѣ своемъ и рапортѣ отъ 26 авг. онъ и выставляетъ на видъ это обстоятельство, въ надеждѣ, что Мордвиновъ достойнымъ образомъ наградитъ всѣхъ этихъ лицъ. Такъ, относительно старшинъ, въ рап. отъ 26 авг., Пустошкинъ пишетъ: «За долгъ мой почитаю в. в. пр-у донести вѣрныхъ черноморскихъ козаковъ о господинѣ полковн. и арм. прем. маіорѣ Саввѣ Бѣломъ, полковникѣ и арміи кап. Іванѣ Куликѣ, полковникѣ и арміи порутчикѣ Иване Чернышевѣ, полков. и арм. прапорщикѣ Петрѣ Киянице, что оныя вслѣдованіе флотиліи изъ Днѣстра и при работахъ на станиславской косѣ и во время слѣдованія отъ Очакова до самаго Тамана имели крайнее усердіе къ службѣ Ея И. В—а, исполняли повеленія и приказанія по сигналамъ с точностью и доволно исправно».

Выгрузивъ провіантъ, пушки и проч., Пустошкинъ, по повелѣнію Мордвинова,--«для обеспечиванія о-ва Тамана со стороны черкесъ и защищенія производимой тамъ казаками рыболовли, исъ числа черноморской флотиліи лодокъ часть, подъ командой полков. арміи господина порутчика Чернышева, состоящая въ 12 лодкахъ, 3 го числа сего сентября мѣсяца въ Кизельтасской лиманъ отправлена, г

оной и для зимняго времени стоять будетъ безъопасно: прочимъ-же всемъ лодкамъ, для зимовки найдено место, при конце сѣверной косы... къ продовольствію черноморскаго войска казаковъ отпущено морскаго провіанта по 27 число сего мѣсяца». Пустошкинъ уже изъ Севастополя писалъ Мордвинову въ письмѣ отъ 8 сентября 1792 г.:

«Коммисія черноморской флотиліи слава Богу кончена; въ Бугасъ и Кизельтасскій лиманъ часть лодокъ въ числе 12 подъ командою полковника Чернышева отряжена, где оне и зимовать будутъ безъопасно: равно и для прочихъ въ еникольскомъ проливе о-ва Тамана у N косы отыскана хорошая бухта, безъопасная ото льду и ветровъ; казаки провіанту себѣ исъ Керчи на зимнее время доставили 3700 четв., и въ половине сего мѣсяца зделаютъ еще такой же транспортъ; Семенъ Семеновичъ господинъ губернаторъ (Жегулинъ) даетъ 1000 бревенъ, на первый случай на достройку; казаки весьма довольны мѣстомъ, только есть еще роптанье о жалованье, поелику оне голы, а настаетъ зимнѣе время; но какъ слышно, что кошевой Чапега и господинъ судья Головатой уже изъ Слободзеи тронулись и идутъ къ соединенію, то уповаю и жалованьемъ по прибытіи удовольствуютъ.... Планъ Таману и со окружающими его местами равно и кубанской линіи по зделаніи буду имѣть честь препроводить» [1]).

Въ томъ же 1792 г., какъ сообщаетъ г. Щербина, въ октябрѣ Чепѣга съ другой частью войска прибылъ къ р. Еѣ и расположился на зимовку при Ейской косѣ, въ Ханскомъ городкѣ, и только лишь съ прибытіемъ въ 1793 г. третьей части козаковъ, бывшей подъ начальствомъ войск. судьи Головатаго, произошло соединеніе козаковъ и занятіе ими Таманскаго края «съ его окрестностями».

Однако, не всѣ черноморскіе козаки перебрались на Тамань, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго рапорта Де-Рибаса Мордвинову, отъ 14 авг. 1794 г. (изъ Гаджибея):

«Е. С. гр. А. В. Суворовъ Рымникскій, по силѣ повелѣнія Е. С. высокоповелительнаго г. генералъ фельдмаршала и разныхъ орденовъ кавалера графа П. А. Румянцова Задунайскаго, предписываетъ войска вѣрныхъ черноморскихъ казаковъ, оставшихся въ здѣшнихъ мѣстахъ отъ переселенія въ Таманъ всего войска, собирать и употре-

[1]) Въ письмѣ, между прочимъ, находимъ такое извѣстіе: „Въ Таганрогъ на транспортномъ судне имею честь послать в. в. пр-у большую мраморную доску съ надписью рукою—*при князе глебе*, которая весьма любопытна, но считаю што не застанетъ оная васъ въ Таганрогѣ; когда же прибудутъ сюды, буду имѣю честь доставить ее къ вамъ въ Николаевъ“.

бить на службу въ гребномъ флотѣ при Гаджибеѣ на лодкахъ, производя провіантъ изъ сухопутныхъ магазейновъ, а жалованье изъ оберъ-штеръ кригсъ-коммисарской коммиссіи на щотъ екстраординарной суммы. Во исполненіе онаго повелѣнія тѣхъ казаковъ уже нѣсколько партій сюда и прибыло; лодки же для нихъ назначены состоящія въ днѣстровской ескадрѣ» [1]).

П. Ивановъ.

Изъ фамильныхъ преданій и архивовъ [1]). *VI. Письмо А. Ф. Шафонскаго къ генералъ-аншефу П. Д. Еропкину.* Генералъ-аншефъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ (род. 1724 г. † 1805 г.) извѣстенъ по своей дѣятельности въ Москвѣ въ тяжкую пору 1771-го года, во время свирѣпствовавшей тамъ чумы. Онъ былъ назначенъ въ концѣ марта 1771 г. въ помощь тогдашнему главнокомандующему Москвы фельдмаршалу графу П. С. Салтыкову и пробылъ до прибытія въ Москву въ сентябрѣ графа Григорія Орлова, не теряя присутствія духа въ страшные моменты распространенія эпидеміи и народнаго бунта, дошедшаго до убіенія архіепископа Амвросія Зертисъ-Каменскаго. Свидѣтель этихъ мрачныхъ событій, А. А. Саблуковъ, говоритъ, что въ Москвѣ «только одинъ изъ господъ находился П. Д. Еропкинъ». По его словамъ, послѣдній сдѣлалъ все, что было возможно при его недостаточныхъ средствахъ (Рус. Арх. 1866, 331—333). Губернаторъ Юшковъ и оберъ-полиц. Бахметевъ заперлись въ своихъ домахъ, никого не пуская къ себѣ и сами не выѣзжая никуда (Арх. истор. свѣдѣній, Калачова, годъ II, кн. 2, стр. 27 и 37—38). Въ награду за свою дѣятельность въ Москвѣ во время чумы Еропкинъ получилъ 20000 р. и орденъ Андрея Первозваннаго. Впослѣдствіи Еропкинъ былъ московскимъ главнокомандующимъ, съ 1786 г. по 1790 г. Сохранилось 114 писемъ императрицы Екатерины II къ нему за это время его служебной дѣятельности (Рус. Арх. 1872, столб. 273—336).

Съ Аѳанасіемъ Филимоновичемъ Шафонскимъ Еропкинъ былъ знакомъ по Москвѣ.

Шафонскій, получивъ въ галльскомъ, лейденскомъ и страсбургскомъ университетахъ дипломы на степень доктора правъ, философіи

---

[1]) Николаев. порт. архивъ.

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1891 г., № 5.

и медицины, по возвращеніи въ Россію, былъ подъ особымъ покровительствомъ графа Петра Ивановича Панина и, по его приглашенію, въ 1763 г. началъ служить по медицинской части въ Сарептѣ. Чрезъ пять лѣтъ Шафонскій былъ опредѣленъ генеральнымъ штабъ-докторомъ во вторую армію, а въ 1769 г. переведенъ въ Москву въ генеральный госпиталь, и тамъ первый убѣдился въ существованіи моровой язвы и первый принялъ противъ нея мѣры предосторожности. Первое время его настоянія оставались безуспѣшными, такъ какъ совѣтъ врачей не пришелъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Манифестъ Екатерины, вышедшій наканунѣ 1771 г., глухо говоритъ объ эпидеміи, хотя и призываетъ общество содѣйствовать правительству въ принятіи охранительныхъ мѣръ. Сенатъ опубликовалъ частныя мѣры предосторожности (Иконниковъ. Время Екатерины Второй, литограф. записки, вып. II, Кіевъ. 1882. Стр. 134). Когда эпидемія распространилась, Шафонскій былъ назначенъ именнымъ указомъ въ члены коммиссіи, учрежденной тогда въ Москвѣ, для предохраненія и врачеванія отъ моровой язвы, и написалъ, по порученію коммиссіи, сочиненіе—«Описаніе о бывшей въ Москвѣ язвѣ и о всѣхъ средствахъ, употребленныхъ для ея прекращенія». Оно было напечатано въ 1774 г. по высочайшему повелѣнію (Топографическое описаніе etc. Стр. VI).

Помѣщаемое нами ниже письмо Шафонскаго сохранилось въ черновой въ яготинскомъ архивѣ князя Николая Васильевича Репнина. Вся рукопись писана рукою Шафонскаго. Сверху написано слѣдующее: «Къ отставному генералъ-аншефу, всѣхъ россійскихъ орденовъ и голштинскаго св. Анны 1-й степени кавалеру, Петру Дмитріевичу Еропкину, въ Москву изъ Чернигова іюня 8 дня 1804 года, на его письма отъ 2 декабря 1802 года, того жъ декабря 15 подъ № 258, и отъ 10 генваря 1803 года, того же генваря 19 подъ № 25, полученные. Послано по почтѣ съ посылкой «Описанія черниговскаго намѣстничества и города Чернигова», 1786 г. мною сочиненнаго»; затѣмъ слѣдуетъ письмо:

«Милостивый государь, Петръ Дмитріевичъ! Выполняя вашего высокопревосходительства волю въ доставленіи вамъ свѣдѣній о происхожденіи болярина Ѳедора Михайловича Бяконта отъ черниговскаго князя Мстислава Владимировича, Владимира Святославича седмаго сына, произшедшаго, который Ѳедоръ Михайловичъ Бяконтъ въ 6800 г. отъ сотворенія міра, или въ 1292 г. отъ Р. Х. изъ Чернигова въ Москву съ супругою своею Маріею выѣхалъ и былъ у

московскаго великаго князя въ почетныхъ болярахъ и отцемъ святителя Алексія, митрополита московскаго и всея Россіи, отъ котораго болярина Ѳедора Михайловича Бяконта происходитъ родъ россійскихъ дворянъ Плещеевыхъ, я вашему высокопревосходительству на высокопочтеннѣйшее ваше отъ 2 декабря 1802 года письмо того же 27 мѣсяца донести честь имѣлъ, что въ Черниговѣ нигдѣ о томъ болеринѣ никакого не находится свѣдѣнія и что я тогда же писалъ къ своимъ знакомымъ въ Кіевѣ, чтобы тамъ по архивамъ о томъ же поискать извѣстія. Долго я не получалъ на то отвѣта, а по сей причинѣ и оставался въ молчаніи съ моимъ вашему высокопревосходительству донесеніемъ. Въ семъ молчаніи было и то причиною, что когда мой пріятель далъ мнѣ знать, что по многимъ его стараніямъ никакого въ Кіевѣ не могъ отыскать о Бяконтѣ свѣдѣнія, то вскорѣ я долженъ былъ изъ Чернигова во мѣсто здѣшняго г. гражданскаго губернатора въ два уѣзда для набора рекрутъ отлучиться и, по окончаніи онаго, въ городѣ Суражѣ открыть вновь возобновившіеся присутственные мѣста, 1797 года уничтоженные, что все не прежде прошлаго генваря мѣсяца кончить могъ. Сіи то причины и вступившіе важные криминалные дѣла, занимающіе меня поутру и послѣ обѣда присутствіемъ, лишили меня исполнить мой долгъ поздравленіемъ вашего высокопревосходительства съ наступленіемъ настоящаго года и дать отчетъ въ возложенномъ на меня препорученіи, за какое упущеніе всепокорнѣйше васъ прошу меня милостиво простить и съ обыкновенною вашею ко мнѣ милостію принять мое достодолжное высокопочитаніе и мою преданность и ту къ особѣ вашей приверженность, съ которою я всегда непрерывно продолженія вашего здоровья и удовольствія искренно желалъ и желаю.

Когда я въ 1779 году, по препорученію мнѣ бывшей государственной медицинской коллегіи, ѣздилъ изъ Москвы въ Кіевъ, то по всѣмъ тамошнимъ монастырямъ старался отыскать записки, изъ которыхъ бы можно получить свѣдѣнія о исторіи Кіева и Малороссіи, во время владѣнія въ нихъ кіевскими великими князьями, о переселеніи многихъ княжескихъ и дворянскихъ россійскихъ фамилій изъ Кіева и Чернигова въ Великую Россію, о разореніи Кіева и всего южнаго края въ 1240 году отъ татарскаго хана Батія, о смертоубійствѣ симъ ханомъ, въ 1243 году, послѣдняго черниговскаго князя Михаила Всеволодовича и болярина его Ѳедора, о завладѣніи въ 1320 году литовскимъ княземъ Гедиминомъ всею южною Россіею, о присоединеніи ея и всей Литвы въ 1471 году къ поль-

ской коронѣ и о пребываніи оной до 1654 года подъ польскимъ владѣніемъ. Изъ всего сего не могъ я ничего отискать, кромѣ описанія козацкого противъ Польши смятенія, ихъ съ поляками войны и отдачи въ 1654 году себя въ россійское подданство. Есть ли до нашествія татаръ и были въ монастыряхъ какія историческія записки, то всѣ оныя опустошеніемъ его и послѣ самыхъ поляковъ и бывшими между тѣмъ многими пожарами истреблены.

Въ Бозѣ поживающая блаженной и вѣчно достойной памяти императрица Екатерина Великая, устроивши, по премудрымъ и кроткимъ своимъ для управленія губерній всероссійской имперіи, 1775 года ноября 7 дня изданнымъ, учрежденіямъ, обширную свою имперію и желая имѣть о всѣхъ намѣстничествахъ или губерніяхъ обстоятельное топографическое или мѣстное описаніе, въ 1784 году всѣмъ своимъ намѣстникамъ или генералъ-губернаторамъ указать изволила, чтобы они по посланнымъ къ нимъ начертаніямъ препоручили способнымъ людямъ сдѣлать для собственнаго ея величества употребленія такое описаніе о губерніи вообще, а объ уѣздахъ и городахъ особо. Для первыхъ предписано 28, для вторыхъ 24, а для послѣднихъ 18 статей, которыми въ сочиненіи того описанія руководствоваться должно.

Его сіятельство россійскій генералъ-фельдмаршалъ, кіевскій, черниговскій и новгородъ-сѣверскій генералъ-губернаторъ и кавалеръ, графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій препоручилъ, чрезъ умершаго черниговскаго губернатора, генералъ-поручика и кавалера Андрея Степановича Милорадовича, такое о черниговскомъ намѣстничествѣ описаніе мнѣ. Въ вышеупомянутыхъ вопросахъ между прочимъ спрашивается о намѣстничествѣ вообще: изъ какихъ прежнихъ уѣздовъ намѣстничество составлено? равномѣрно въ запросахъ объ уѣздѣ во второй статьѣ сказано: изъ какихъ прежнихъ уѣздовъ оный составленъ? а въ десятомъ запросѣ о городѣ, между прочимъ, требуется—подъ чьимъ владѣніемъ былъ, кѣмъ и какъ втеченіе времени управляемъ. Всѣ великороссійскія губерніи были уже до открытія, по высочайшему о губерніяхъ учрежденію, на уѣзды и провинціи или области раздѣлены и имѣли гражданское правленіе и гражданскихъ начальниковъ и судей, слѣдственно и легко было сочинителямъ топографическаго тѣхъ губерній описанія на вышеупомянутые вопросы сдѣлать отвѣты такъ, какъ и о губерніяхъ бѣлорусскихъ, лифляндской, эстляндской и финляндской, которыя гражданское, какъ земское, такъ и городское имѣли правленіе и начальство. Что же принадле-

житъ до трехъ малороссійскихъ губерній, то они до 1764 года и до введенія въ нихъ въ 1782 году высочайшаго о губерніяхъ учрежденія совсѣмъ не похожее съ прочими губерніями имѣли раздѣленіе и земское и городское начальство и судопроизводство.

Во время пребыванія Малой Россіи по обоимъ сторонамъ р. Днѣпра съ 1320 по 1648 г. подъ польскимъ владѣніемъ была она по общему польскому бывшему учрежденію на воеводства, повѣты и староства раздѣлена, имѣла особое отъ военной части, земское и гродское управленіе, и особые уголовные и гражданскіе суды. Когда же въ 1648 году малороссійская чернь подъ предводительствомъ козацкаго гетмана Зиновія Хмельницкаго, сообщась съ козаками по Днѣпру ниже пороговъ, запорожскими называмыми, и съ нѣкоторыми городовыми козаками же, которыхъ тогда только нѣсколько полковъ изъ охотниковъ набираемыхъ было, противъ Польши взбунтовалась, своихъ дворянъ поляковъ истребила, то и весь польскій гражданскій порядокъ уничтожила, и помянутаго чигринскаго сотника Хмельницкаго, подъ именемъ Богдана, всея Малыя Россіи гетманомъ, то есть головою, или генералъ-капитаномъ, надъ собою сдѣлала. Сей гетманъ, имѣя личную противъ чигринскаго старосты Ивана Даниловича Конецпольскаго и его подстаросты Чаплинскаго злобу, возмутя всѣхъ въ Малой Россіи крестьянъ, истребивъ ихъ владѣльцовъ, обратилъ большую часть крестьянъ въ козаки и, раздѣля всю Малую Россію на полки и сотни, учредилъ изъ тѣхъ же козаковъ надъ ними полковниковъ и сотниковъ, а при себѣ изъ оныхъ же опредѣлилъ, подъ названіемъ генеральной старшины, разныхъ чиновниковъ, и, уничтожа польскіе гродскіе и земскіе суды, отдалъ весь судъ и расправу полковникамъ и сотникамъ. Хотя же нѣкоторые въ весьма маломъ количествѣ изъ шляхетства благочестиваго россійскаго исповѣданія не истреблены и остались въ Малой Россіи, то единственно потому, что по недостаточному своему состоянію къ тѣмъ же козакамъ пристали и съ ними сообщниками учинились. Ярость крестьянъ до того возросла, что названіе пана и шляхтича было смертоносно и званіе козака предпочиталось шляхтичу и приносило такія права и преимущества, какихъ само шляхетство не имѣло. Сіи козаки, разобравъ по себѣ своихъ изгнанныхъ владѣльцовъ имѣнія, обогатясь противъ поляковъ войною и оказавъ въ слѣдующія времена уже и россійскимъ государямъ разныя услуги, получили отъ сихъ почести и деревни и сдѣлались такими же дворянами, какими ихъ польскіе были помѣщики.

Вотъ начало теперешняго малороссійскаго благородства и дворянства, котораго однако же число до 1765 года весьма невелико было.

Чтобы ясное дать о семъ козацкомъ военномъ цѣлаго края раздѣленіи и о козацкихъ чиновникахъ, о правленіи ихъ и о ихъ судахъ понятіе и отвѣтъ на предложенные вопросы, то и заставило меня для ясности и связи сдѣлать прежде о Малой Россіи вообще географическое и историческое краткое описаніе, изъяснивъ ея начало, ея владѣніе кіевскими великими князьями, ея состояніе подъ польскимъ владѣніемъ, ея присоединеніе по прежнему къ Россіи и ея военное козацкое по войску и по земству правленіе, ея чиновниковъ, ея обычаи и ея одѣянія. На сей конецъ долженъ былъ я, по дозволенію вышепомянутаго покойнаго генералъ-губернатора, объѣхать всю черниговскую губернію и многія части кіевской и новгородъ-сѣверской и старался лично ея положеніе и особливо состояніе черниговской губерніи узнать, выискивалъ по монастырямъ и по архивамъ присутственныхъ мѣстъ разныя записки и свѣдѣнія, принадлежащія до малороссійской исторіи. По собраніи всѣхъ таковыхъ свѣдѣній и особо до топографическаго о черниговской губерніи описанія относящихся, приступилъ къ дѣйствительному онаго сочиненію, раздѣля его на двѣ части. Первая часть о Малой Россіи вообще, изъ четырехъ частей состоящая, съ пріобщеніемъ географической о Малой Россіи карты на десять полковъ, и генеральной карты на три намѣстничества раздѣленной, и двадцати шести изображеній малороссійскаго одѣянія. Вторая часть особенно о черниговской губерніи, на двѣнадцать главъ раздѣленная, и тѣмъ порядкомъ сочинена, каковъ въ присланныхъ вопросахъ предписанъ, къ которой и особая карта о сей губерніи пріобщена.

Все прописанное описаніе, изъ двухъ книгъ состоящее, и географической всѣхъ черниговской губерніи уѣздовъ атласъ и особую почтовую карту, съ описаніемъ почтовыхъ становъ, по черниговской губерніи тогда учрежденныхъ, я имѣлъ щастіе поднесть ея императорскому величеству 1787 года генваря 23 дня въ губернскомъ городѣ Черниговѣ, во время ея величества высочайшаго шествія изъ Петербурга въ Кіевъ, Херсонъ и Таврію.

Я осмѣливаюсь вашему высокопревосходительству изъ вышепомянутаго топографическаго описанія, при семъ поднести описаніе черниговской губерніи вообще такъ, какъ она съ 1782 г. по 1791 г. состояла, и описаніе города Чернигова, о которомъ я все то помѣстилъ, что только изъ разныхъ записокъ почерпнуть могъ. Съ вели-

чайшимъ удовольствіемъ сообщилъ бы для вашего любопытства и все то моихъ трудовъ описаніе, естьли бы мнѣ время дозволило оное повѣрить и набѣло списать.

Искренно соболѣзную, что ваше высокопревосходительство почтеннаго своего родственника Ивана Васильевича Плещеева лишились, котораго ласки и угощенія я всегда помню и крайне жалѣю, что я не въ силахъ по его запискѣ о происхожденіи его фамиліи отъ болярина Бяконта его желанію удовлетворить. Я слышу, что будто и почтенный его сынъ, адмиралъ Сергѣй Ивановичъ, умеръ.

Да укрѣпитъ и продлитъ Всевышній ваше для меня драгоцѣнное здоровье и жизнь и я бы имѣлъ щастіе ваши повелѣнія выполнять и пользоваться вашими высокими милостями и покровительствомъ, которымъ вручивъ себя, честь имѣю съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и преданнѣйшимъ благоговѣніемъ быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшимъ и всепреданнѣйшимъ слугою Аѳанасій Шафонскій. Черниговъ, іюня 8 дня 1804 года».

Настоящее письмо, помимо свидѣтельства о пріязненныхъ отношеніяхъ между Шафонскимъ и Еропкинымъ, сохранившимся до послѣднихъ лѣтъ ихъ жизни со времени пережитой ими совмѣстно тяжкой поры 1771 года, имѣетъ еще интересъ исторіографическій, дополняя свѣдѣнія по исторіи составленія «Топографическаго описанія черниговскаго намѣстничества», сообщенныя нами въ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1886 г. и опредѣляя тогдашнія знанія по малороссійской исторіи.

Что касается его справокъ о бояринѣ Бяконтѣ, то онѣ еще разъ подтверждаютъ научную добросовѣстность Шафонскаго. Сравнивъ годъ прибытія Бяконта въ Москву (1292 г.) съ мнѣніемъ по этому вопросу Карамзина, высказаннымъ въ прим. 324 и въ прим. 367 къ IV тому его «Исторіи», мы убѣдимся, что Шафонскій опредѣлилъ этотъ годъ правильно. Карамзинъ пишетъ: «Житіе св. Алексія было вкратцѣ описано епископомъ пермскимъ Питиримомъ, въ 1455 г. убитымъ вогуличами; а въ Степ. книгѣ оно предложено гораздо обстоятельнѣе. О родителяхъ Алексіевыхъ сочинитель говоритъ: «Нѣкто отъ славныхъ болярь черниговскихъ, именемъ Ѳеодоръ, съ женою своею Маріею преселишася въ градъ Москву, идѣже тогда скиптродержавствуя в. князь Даніилъ Александровичъ» († 1303 г.).

Н. В. Стороженко.

Къ исторіи церковныхъ и монастырскихъ архивовъ. Заботясь о составленіи русской исторіи, Петръ В. въ декабрѣ 1720 года издалъ указъ, которымъ повелѣвалось: «во всѣхъ монастыряхъ, обрѣтающихся въ россійскомъ государствѣ, осмотрѣть и забрать древнія жалованныя грамоты и другія курьезныя письма оригинальныя. также книги историческія, рукописныя и печатныя, какія гдѣ потребныя къ извѣстію найдутся» [1]. На основаніи этого указа кіевскій губернаторъ отнесся съ предложеніемъ къ катедрѣ кіевской, а эта разослала 30 января 1720 года указъ, помѣщаемый ниже. Такъ какъ книги требовалось собрать какъ можно скорѣй, а обычный путь разсылки указовъ изъ монастыря въ монастырь, къ протопопамъ и священникамъ, о которомъ говорится въ указѣ катедры, могъ затянуть до безконечности дѣло, то 5 февраля съ указомъ былъ посланъ «рейтаръ» Бершовъ. Ему была дана подорожная, которую мы печатаемъ ниже, и въ которой приказывалось монастырямъ и приходамъ не задерживать Бершова, давать ему содержаніе и подводу до ближайшаго пункта. Конечно, это значительно должно было сократить процедуру. Книги отправлялись въ Кіевъ монастырями и протопопами черезъ особыхъ нарочныхъ.

Несомнѣнно, книги и рукописи были собраны и притомъ *подъ рядъ*, безъ осмотра и различія тѣхъ, «какія гдѣ потребныя къ извѣстію найдутся»; какова ихъ дальнѣйшая судьба, гдѣ онѣ дѣвались—мы не знаемъ, хотя трудно думать, чтобы они были возвращены назадъ монастырямъ. При этомъ собраніи книгъ и документовъ для цѣли, которой никогда не суждено было осуществиться, пропало, навѣрно, не мало цѣнныхъ памятниковъ нашей южно-русской старины. Не здѣсь ли нужно искать объясненія того факта, что мы имѣемъ такъ мало свѣдѣній по исторіи лѣваго берега Днѣпра въ XVII и предыдущихъ вѣкахъ, а также и въ первой четверти XVIII вѣка?

Н. В.

Катедри Киевской указъ о собраніи древнихъ жалованныхъ грамотъ и другихъ куриозніхъ оригиналнихъ писемъ и книхъ историчнихъ, рукописныхъ и печатнихъ, какие, гдѣ суть, собравъ прислать в киевогуберскую канцелярію.

Вамъ, превелебнимъ и пречестнымъ отцамъ игуменамъ, честнимъ отцамъ протопопамъ, строителемъ, намѣсникомъ и честнимъ отцамъ

[1] *Соловьевъ.* Исторія Россіи (1-е изд.), т. XVI, стр. 317. П. С. З. № 3693.

презвитеромъ катедри митрополии киевской подсутствующимъ симъ катедралнимъ писаніемъ извѣстно творимъ: сего настоящаго 1721 году генваря 30 дня получили ми, все духовенство консистору митрополіи киевской, его царскаго пресвѣтлаго величества указъ, з' губернской киевской канцеляріи до катедри святософѣйской за подписомъ собственной руки сиятелнѣйшаго превосходителнѣйшаго его милости г-на князя Петра Алексѣевича сенатора и губернатора киевскаго присланний. в которомъ превисокомъ указѣ повелѣвается намъ, дабисмо во всю епархію киевскую по всѣмъ монастырямъ, якъ найскорѣй, немедля и мало, оние розислали, властию катедралною приказуючи, подлугъ монаршаго царского пресвѣтлаго величества указу, осмотрѣть и избрать во всѣхъ монастирахъ и соборѣхъ обрѣтаючіеся древніе жалованіе грамоти и другіе куріозніе оригиналніе писма, такожде книги историческіе рукописніе и печатніе, какіе гдѣ обрѣтаются, и тѣ би всѣ немедленно собравши, чрез нарочного своего законника честнаго и знатного всякъ з своего монастира отецъ игуменъ найбардзо в киево-губерскую канцелярію присилалъ по указу. О чемъ превелебніе отци игумени, строители монастирей заднѣпрскихъ и честніе отци протопопи извѣстившеся, чрезъ сей катедри архиерейской ординансъ изволте, якъ найскорѣй мощно, монаршій премощнѣйшій указъ исполнячи, вѣрно и ненарушимо и повинаходивши, гдѣ обрѣтаются всѣ вышеписание древніе жалованніе грамоти, куриозние писма и книги историчніе, присилайте по вишписаномъ чрезъ своихъ законниковъ въ киевопечерскую канцелярию; при сем же ординансѣ превелебнимъ отцомъ игуменомъ предлагается, даби всякъ, по одебраню сего писма заразъ себѣ списокъ списавши, без всякого и малаго задержанія отсилалъ нарочнимъ своимъ посланнимъ до другого по трактѣ недалече отстоящого монастиря, а списка би своего коммунѣковалъ, гдѣ близкой есть отецъ протопопъ того города, якого именемъ монастиръ именуется. Аще же кто умедлитъ за нетщаніемъ своимъ монастиръ и не исполнитъ вскорѣ монаршого царского пресвѣтлаго величества превисочайшаго указу, таковій, яко противникъ царскому велѣнію, понесетъ штрафъ и непоблажное безотпустно пріиметъ наказаніе. Для лучшаго же извѣстнѣйшаго вирозумѣнія при семъ же писаніи катедралномъ прилагаемъ и присланного до катедри з губернской канцеляріи списокъ указу. Данъ катедри святософѣйской митрополитанской киевской. 1721 г. Гевваря 30 дня.

Списокъ указу, в' катедру Святософѣйскую присланного о вишписанномъ.

Сего 26 генваря в указе великаго государя и канцеляріи правительствующаго сената, печатномъ в Санкпетербурхѣ 26 декабря 1720 году, ко мнѣ написано: Великій государь указалъ, по имянному своему великаго государя указу, во всѣхъ монастирехъ обрѣтающіеся в россійскомъ государствѣ осмотрѣть, изобрать древніе жалованніе грамоти и другие куриозніе писма оригиналніе, такъ же историческіе рукописніе и печатніе книги пересмотрѣть и переписать, къ губернаторамъ и вѣцегубернаторомъ и воеводамъ, и тѣ переписніе книги прислать въ канцелярию правительствующаго сената; и того ради о собраніи онихъ жалованнихъ грамотъ и протчаго для осмотрѣнія и переписки и о присилке отъ себя знатними из монаховъ особи въ киевскую губернскую канцелярію изволте учинить по вишписанному Его Царского Величества указу, немедля. По немъ оніе пошлются, о томъ пришлѣте доношеніе которіе.... къ вамъ з тѣми жъ присланними возвратится въ киево-печерскомъ [1]). 30 генваря 1721 г. Справилъ Семенъ Муратовъ.

Іеромонахъ Христофоръ, игуменъ Свято Николскій Киевскій Пустинного монастыря.

Іеромонахъ Григорій Гошкевичъ, намѣстникъ Святософѣйскій Кіевскій.

Іеромонахъ Иоанникій Феодоровичъ, консисториста М. К.

Іеромонахъ Іосифъ Волчанскій, префектъ Киевского Брацкого могилевского.

Іеромонахъ Берло митрополіи Киевской.

Архидіаконъ Іосафъ Сенятовичъ, метрополіи Киевской ексаменаторъ.

Іеромонахъ Іона Мокрицкій, М. К. консисториста.

Елиферій Ладинскій, виценотарій консисториста М. К.

Указъ катедралній о тихже куриознихъ писмахъ и, у райтара Григория Бершова Государевъ указъ наскоро переписавъ и его самаго вскоръ угостивши, честно отсилать игуменомъ.

Всемъ обще духовнаго чина начальствующимъ и подначальнимъ особамъ катедрѣ киевской митрополіи подсутствующимъ, а именно монастирямъ козелецкому, нѣжинскому, максаковскому, ба-

[1]) Смыслъ, очевидно, извращенъ переписчикомъ.

туринскому и глуховскому монаршій его царского пресвѣтлаго величества указъ и повелѣніе сіятельнѣйшаго превосходительнѣйшаго его милости г-на князя Петра Алексѣевича сенатора и губернатора киевскаго властію и повагою катедри святософѣйской м: к: предлагается: даби всякъ превелебній въ Богу отецъ игуменъ в своемъ монастирѣ, за прибитьемъ посланного з симъ нашимъ писаніемъ отъ канцелярии кгубернской киевской, имѣчого з собою указъ монаршій, при катедралномъ же патентѣ вираженній, райтара Григория Бершова честно принявши и по обыкновенію угостивши, переписованъ присланній черезъ оного указъ безъ всякаго отлагателства и исправлялибъ якъ написано въ указѣ без жадного и малаго замедлѣнія, присилаючи указніе русскіи, латинскии, рукописніи и печатніи кніги и писма куриозніе вканцелярию киевскую черезъ своихъ нарочнихъ, где тилко винайдутся книги, грамоти жалованіе и писма, а посланнаго райтара Григория Бершова ни мало удержаючи в монастирѣ, по переписцѣ указу, заразъ немедленно черезъ свою подводу монастирскую до другого монастира отсилать, яко же по тракту в указѣ положилося. Такожде и пречестнімъ отцемъ протопопомъ и честнимъ иереомъ, до катедри киевской належащимъ, приказуемъ, аби и они для скорости дѣла государственнаго давали посланному райтару подводу и кормъ, понеже сие дѣло есть монаршое. О чомъ всѣмъ превелебнимъ отцемъ началнимъ духовнимъ, властию катедри м: к: предложивши, желаемъ скорого в указѣ монаршомъ управленія. Данъ з' Святой Софіи року 1721 февр: 5 дня. Такожъ и назадъ возвращающося г-ну райтару в Киевъ, такъ по монастирямъ, якъ и по священникомъ на трактѣ, даби давано подводи пилно приказуется, под штрафомъ. Іеромонахъ Григорій Гошкевичъ намѣсникъ Святософѣйскій со всѣмъ консисторомъ. (Мѣсто печати митрополитанской киевской).

(Изъ Архива Есманской церкви, глуховскаго уѣзда, черниგов. губ).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. В. Воскресенскій. Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей (1838—1888). Историческій очеркъ. Томъ первый. Воронежъ. 1888—1890. Стр. IV+623+XXXII. Цѣна 1 р. съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

Слишкомъ узкое заглавіе труда г. Воскресенскаго даетъ мало представленія о содержаніи книги, которая является не только историческимъ очеркомъ Воронеж. Губ. Вѣд., но и составляетъ цѣнный вкладъ въ историческую литературу, какъ матеріалъ для исторіи умственнаго движенія въ провинціи за послѣднія *сто* лѣтъ. Авторъ не ограничивается судьбой Вѣдомостей и перечнемъ статей, помѣщенныхъ въ нихъ, но и старается ввести читателя въ кругъ исторіи русской умственной жизни, отмѣтить, какъ умственное движеніе центровъ отражалось въ провинціи, въ Воронежѣ, что мѣшало здѣсь ея развитію, и съ этой цѣлью, напримѣръ, подробно останавливается на шестидесятыхъ годахъ, дѣлаетъ большія выписки изъ Губерн. Вѣдомостей, характеризующія съ одной стороны требованія, предъявляемыя къ провинціальной газетѣ редакторами, публикой и столичной печатью, а съ другой и тѣ неблагопріятныя цензурныя и житейскія условія, въ которыхъ приходилось дѣйствовать провинціальной прессѣ вообще и оффиціальной въ особенности. Съ этой же цѣлью онъ помѣщаетъ «Краткій обзоръ умственной дѣятельности въ воронежскомъ краѣ за послѣднія 20 лѣтъ». «Обзоръ» этотъ занимаетъ 200 послѣднихъ страницъ труда и даетъ понятіе о томъ, сколько за послѣднее время сдѣлала и дѣлаетъ провинція, даже при неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ «Обзорѣ» можно найти свѣдѣнія о воронежской печати, о типографіяхъ, школьномъ дѣлѣ въ воронежской губерніи, библіотекахъ, разныхъ обществахъ, дѣя-

тельности и изданіяхъ статистическаго комитета, земскаго статистическаго бюро и т. д.

Обозрѣніе Губернскихъ Вѣдомостей г. Воскресенскій дѣлаетъ по редакторамъ и это, конечно, самый правильный способъ. Воронежскія Губернскія Вѣдомости, за исключеніемъ развѣ шестидесятыхъ годовъ, не имѣли какой-либо опредѣленной физіономіи, въ выработкѣ которой мы могли бы отмѣтить извѣстныя эпохи, но физіономія ихъ мѣнялась съ перемѣной редакторовъ. До 60-хъ годовъ Губернскія Вѣдомости мало даже занимались современной имъ жизнью провинціи; и это вполнѣ понятно, такъ какъ о томъ, что составляетъ содержаніе провинціи – о жизни сельскихъ сословій совсѣмъ нельзя было и писать. Въ это время Губернскія Вѣдомости даютъ массу историческаго и этнографическаго матеріала, и для Воронежскихъ Вѣдомостей особенно счастливы въ этомъ отношеніи года 1847—1849, когда редакторомъ былъ А. С. Аѳанасьевъ-Чужбинскій, а также и начало 50-хъ годовъ, когда въ Воронежѣ жили извѣстные издатели «Воронежскихъ актовъ», Второвъ и Александровъ-Дольникъ.

Въ первое время своего существованія (1838—1846 г.) «Воронежскія Вѣдомости» отличаются скудностью содержанія. Это отчасти объясняется, конечно, временемъ, въ которое возникали они, а отчасти и неумѣніемъ взяться за дѣло, чисто-казеннымъ отношеніемъ къ нему какъ со стороны редакторовъ, такъ и администраціи. Большія техническія затрудненія представляло и приведеніе въ болѣе или менѣе сносное положеніе воронежской губернской типографіи. Чрезвычайно поучительна и любопытна судьба этой типографіи. Основаніе ея относится къ концу XVIII вѣка и стоитъ въ связи съ тѣмъ умственнымъ движеніемъ русскаго общества, которое, благодаря вліянію французской энциклопедической литературы и поддержкѣ, оказываемой императрицей Екатериной II, началось сначала въ центрахъ, а затѣмъ проникло и въ провинцію[1]). Въ концѣ XVIII ст. въ Воронежѣ существовалъ уже свой литературный кружокъ, группировавшійся около протоіерея Евфимія Болховитинова, впослѣдствіи знаменитаго митрополита кіевскаго Евгенія; другимъ выдающимся дѣятелемъ этого кружка былъ Г. П. Успенскій, потомъ

[1]) Характеристику воронежской губерніи въ этомъ отношеніи даетъ *Е. Ф. Шмурло* въ своемъ трудѣ объ Евгеніи Болховитиновѣ. Ср. также *Н. И. Костомаровъ*. Литературное наслѣдіе.—Автобіографія стр. 4—6.

профессоръ харьковскаго университета. Подъ вліяніемъ кружка въ 1798 г. была основана типографія и ему главнымъ образомъ она обязана своимъ развитіемъ: за первые 6—7 лѣтъ типографія выпустила до 30 изданій. Въ 1806 г. дѣятельность ея сразу обрывается; кружокъ распался, Евгеній Болховитиновъ и Г. П. Успенскій оставили Воронежъ. Типографія начала приходить въ упадокъ, и уже въ 1811 году улучшеніе ея могло стоить больше, чѣмъ ея первоначальное заведеніе; она стала считаться лишнею, потому что нѣтъ «никакой выгоды печатать здѣсь книги *по неимѣнію цензуры и трудности сбывать напечатанныя книги»*. До тридцатыхъ годовъ, т. е. до изданія положенія о Губернскихъ Вѣдомостяхъ, никто не обращалъ вниманія на типографію, и она пришла въ такой упадокъ, что «не могла производить не только хорошаго, но даже сноснаго печатанія». Большихъ усилій стоило привести ее въ надлежащій видъ, и усилія эти увѣнчались успѣхомъ. Послѣднія воронежскія изданія, а также и изданіе книги г. Воскресенскаго можно назвать образцовыми.

Мы, конечно, только въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтили содержаніе книги г. Воскресенскаго; противъ нѣкоторыхъ мнѣній, напр. относительно «строго выдержанной программы» Губерн. Вѣд. и ихъ преимущества въ этомъ предъ частными изданіями (стр. 15) можно бы и поспорить, но мы считаемъ неумѣстнымъ это въ «Кіевской Старинѣ».—Въ заключеніе не можемъ не пожелать болѣе широкаго распространенія интересному труду г. Воскресенскаго, съ одной стороны потому, что онъ даетъ матеріалы для исторіи умственнаго движенія въ провинціи, а съ другой—является и полезнымъ указателемъ къ неоффиціальной части Воронежскихъ Губ. Вѣд. за послѣднія 50 лѣтъ. Во второй томъ труда нашего автора «должны войти біографіи нѣкоторыхъ редакторовъ и сотрудниковъ, а равно лѣтописныя свѣдѣнія за 50 лѣтъ, составленныя на основаніи оффиціальнаго отдѣла Губернскихъ Вѣдомостей и другихъ данныхъ». Томъ долженъ быть чрезвычайно интересенъ. Остается только желать, чтобы трудъ г. Воскресенскаго не остался безъ подражанія и надѣяться, что мы получимъ когда-нибудь историческіе очерки и другихъ Губернскихъ Вѣдомостей, напр., Черниговскихъ, которыя содержатъ богатый печатный матеріалъ для исторіи и этнографіи края и прошли все-таки не безслѣдно для умственной жизни Черниговщины 50-хъ и 60-хъ годовъ.

Н. В.

Историческій очеркъ столѣтняго существованія города Николаева при устьѣ Ингула (1790—1890).—Составленъ по порученію николаевской городской думы къ празднованію юбилея николаевскимъ городскимъ секретаремъ Г. Н. Ге.—Николаевъ 1890. Стр. V+122.

Во время осады Очакова дѣятельный помощникъ Потемкина, Фалѣевъ, отыскалъ при устьѣ Ингула прекрасное мѣсто для верфи. Князь пришелъ отъ этого мѣста въ восторгъ. Начались подготовительныя сооруженія; затѣмъ верфь была переименована въ городъ Николаевъ, а въ 1790 началось оффиціальное существованіе города.

Прошло сто лѣтъ, и г. Ге разсказываетъ намъ исторію Николаева. Поучительная это исторія и не мало въ ней интересныхъ фактовъ, особенно изъ до-реформеннаго періода.

Такъ г. Ге сообщаетъ намъ, что вплоть до 60-хъ годовъ о Николаевѣ, какъ городѣ, никто не думалъ. Николаевъ—это такъ—придатокъ, слободка при адмиралтействѣ,—таковъ былъ господствующій взглядъ. Съ 1805 г. городъ окончательно становится флотскимъ и подпадаетъ вполнѣ подъ опеку губернатора-адмирала. Дѣло города ограничивалось организаціей раскладки и исполненіемъ повинностей. Заботы о благоустройствѣ взяла на себя администрація. Поступала она при этомъ очень рѣшительно: адм. Грейгъ дѣйствуетъ въ городскихъ дѣлахъ безъ посредства думы, пользуясь лишь иногда городскимъ капиталомъ (24); вице-адмиралъ Лазаревъ устраивалъ, что нужно, а затѣмъ просто приказывалъ думѣ внести деньги (27). При этомъ администрація не находила нужнымъ особенно заботиться объ интересахъ города: установлена была т. сказ. флотская точка зрѣнія на дѣло; и вотъ у города отбирается въ пользу морского вѣдомства земля (болѣе 1000 дес.), строенія, городскимъ капиталомъ распоряжается черноморское казначейство, раздаетъ деньги въ ссуду адмиралтейскимъ подрядчикамъ и проч. (9—11). А между тѣмъ, если нужно было заботиться, такъ кой о чемъ другомъ: внутренняя жизнь до-реформеннаго Николаева представляла мало утѣшительнаго. Такъ, первая школа открывается только въ 1827 г. и то послѣ какихъ усилій со стороны тогдашняго головы Кустова! (12—13). Къ этой школѣ, преобразованной въ 1833 г. въ уѣздное училище, прибавилось въ 1843 г. женское училище, а затѣмъ дѣло образованія остановилось и стояло вплоть до 60-хъ годовъ.—Управлялся городъ тоже довольно своеобразно. Выборы должностныхъ лицъ происходили такъ: дума «обще съ магистратомъ» рѣ-

шала, кого изъ обывателей допустить къ участію въ выборахъ; а затѣмъ приглашались, по благоусмотрѣнію, избиратели (33). Какъ велись дѣла въ думѣ, видно изъ слѣдующаго факта: въ 1872 г. въ Николаевѣ было введено новое городовое положеніе; единственное наслѣдство, которое получила новая дума отъ старой, заключалось въ 425 полулистахъ стараго кровельнаго желѣза, 16 негодныхъ получетвертевыхъ посудинахъ и 61 чугунномъ ядрѣ (70). Ревизія сиротскаго суда (происходившая въ 60-хъ годахъ) обнаружила слѣд. картину: въ прихожей была найдена постель сторожа съ оригинальной подушкой,—огромнымъ дѣломъ нѣкоего Климова, на которомъ сторожъ спалъ уже два года; на полу валялись кучи разорванныхъ дѣлъ; приходо-расходныхъ книгъ не было никакой возможности распутать (57—59). На стр. 14 — 16 г. Ге разсказываетъ намъ исторію городскаго банка, такъ назыв. Городоваго Комитета (учрежденнаго въ 1821 г.). Въ этомъ комитетѣ «система помоганія другъ другу нашла себѣ широкое примѣненіе»; служилъ банкъ главнымъ образомъ «людямъ, которые никакими дѣлами не занимались», а кромѣ того выдавалъ ссуды и «по предложенію начальства, безусловно, безъ всякаго рѣшительно соображенія». 48 лѣтъ тянулось это безцеремонное хозяйство. Счета свои банкъ «до того запуталъ, что назначенная начальствомъ коммиссія... 3 года напрасно старалась уразумѣть, распутать ихъ». Тѣмъ не менѣе, какимъ-то чудомъ кое-что уцѣлѣло.

Началась крымская война. Послѣ ея окончанія адмиралтейство прекратило свое существованіе. Адмиралтейскій придатокъ, Николаевъ, былъ наканунѣ смерти.

Но вотъ хлынула свѣтлая волна 60-хъ годовъ, и городъ оживился. Благодаря энергической дѣятельности адмирала Глазенапа (1860—1871 г.) дѣло реформы пошло быстро впередъ: строится желѣзная дорога, иностранныя суда получаютъ доступъ въ Николаевъ, возникаютъ гимназіи, цѣлый рядъ школъ грамотности, городская больница, появляется мѣстный органъ печати. При адм. Аркасѣ городъ становится постепенно теперешнимъ Николаевомъ.

О «новѣйшей» такъ сказать исторіи г. Ге говоритъ мало. Разсказавши о провалившемся къ счастью проектѣ г. Печковскаго, начальника харьково-николаевской ж. д., по которому вся роль портоваго города должна была перейти къ этой дорогѣ (75—77), а также сообщивши нѣсколько не безъинтересныхъ данныхъ о контрахъ города съ таможней (80—82), г. Ге кончаетъ съ исторіей и

переходитъ къ современному положенію вещей; онъ сообщаетъ, что въ Николаевѣ ок. 80 тыс. жителей, 41 учебное заведеніе, двѣ библіотеки, около 3000 ремесленниковъ и пр. и пр. Книга г. Ге, вообще, очень богата фактами и нельзя не поблагодарить автора за этотъ добросовѣстный трудъ. Г. Ге вѣрно понялъ свою задачу и разсказалъ намъ о городѣ, а не о строеніяхъ да деревьяхъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи,—вотъ хоть-бы другой николаевецъ, помѣстившій въ Морскомъ Сборникѣ (1861 г., № 9) статью подъ заглавіемъ «Николаевъ».

С. Е.

Dr. Antoni I. Opowiadania historyczne, serya siódma. Lwów, 1891, с. 340.

Неутомимый dr. Antoni выпустилъ недавно седьмую серію своихъ «Историческихъ разсказовъ». Авторъ и его манера хорошо извѣстны читателямъ Кіевской Старины, въ которой не разъ помѣщались переводы его разсказовъ; посвященныя преимущественно судьбамъ шляхетскаго сословія, его работы однако представляютъ не мало интересныхъ данныхъ и для нашей исторіи, тѣмъ болѣе, что основываются зачастую на неизданныхъ и малодоступныхъ архивныхъ данныхъ.

Изъ разсказовъ настоящей книги (всего разсказовъ помѣщено въ ней семь) наиболѣе историческаго интереса представляетъ «Каменецкая измѣна» и «Львовскіе заложники»—оба относятся къ знаменитой польско-турецкой кампаніи 1672 г., закончившейся Бучацкимъ миромъ. Въ первомъ разсказѣ читатель найдетъ не мало интересныхъ подробностей о состояніи польской военной границы передъ кампаніею, объ осадѣ и взятіи Каменца и возникшихъ затѣмъ обвиненіяхъ противъ мѣстныхъ сановниковъ и даже самого Собѣскаго въ тайныхъ сношеніяхъ съ турками, подкупѣ и измѣннической сдачѣ Каменца; главнымъ иниціаторомъ этихъ обвиненій авторъ считаетъ Феликса Потоцкаго, впослѣдствіи польнаго гетмана. Между бытовыми подробностями, во множествѣ вплетенными въ разсказъ, отмѣчу напр. описаніе средствъ, какими выкупались въ тѣ времена плѣнники изъ татарской неволи. Второй разсказъ относится къ осадѣ Львова турками (1672 г.); героемъ ея въ разсказѣ является извѣстный исторіографъ Львова, членъ городскаго магистрата Вар-

ѳоломей Зиморовичъ. Какъ извѣстно, осада была прервана, благодаря бучацкимъ переговорамъ, но на городъ была наложена контрибуція въ 80 т. талеровъ. Изъ нихъ Львовъ, истощенный предшествующими контрибуціями, оставленный большинствомъ богачей, могъ выплатить только 5000; въ обезпеченіе остальной суммы было дано десять заложниковъ, судьбѣ которыхъ и посвященъ собственно этотъ разсказъ. Неволя оказалась тяжелою, нѣкоторые умерли, не дождавшись освобожденія; нѣкоторые возвратились на свободу только въ 1679 г. Самопожертвованіе заложниковъ однако не нашло достойной оцѣнки; даже родной городъ обнаружилъ по отношенію къ нимъ очень сомнительную признательность: онъ, правда, просилъ у короля для нихъ наградъ, но когда нѣкоторые изъ нихъ получили право безпошлинной торговли и сдѣлались опасными конкуррентами для своихъ сотоварищей,—городъ сталъ ходатайствовать объ уничтоженіи этой привилегіи. Авторъ приходитъ къ заключенію, что и «drobiazg», остававшійся внѣ привилегированнаго сословія, любилъ свой край и готовъ былъ жизнью жертвовать для его спасенія, но эти жертвы привилегированное шляхетское сословіе плохо цѣнило».

Два другихъ разсказа «Наслѣдство Гумецкихъ» и «Наслѣдство принца Нассаускаго» тоже касаются одного и того же предмета, мѣстами даже повторяютъ другъ друга: принцъ Нассаускій, знаменитый эмигрантъ и авантюристъ конца прошлаго столѣтія, былъ женатъ на одной изъ внучекъ Стефана Гумецкаго, воеводы подольскаго, владѣвшаго большими помѣстьями въ Подоліи, и такимъ образомъ обратился въ концѣ концовъ въ подольскаго помѣщика. Оба разсказа посвящены судьбѣ принца и оставленнаго имъ наслѣдства, перешедшаго, впрочемъ въ весьма уменьшенномъ объемѣ, затѣмъ въ руки пріемыша—гречанки Елизаветы Экомонъ. Въ интересахъ бо́льшей послѣдовательности разсказа автору слѣдовало бы эти два разсказа переставить одинъ на мѣсто другого.

Слѣдуетъ упомянуть еще о разсказѣ «Фатьма», такъ какъ онъ составляетъ дополненіе къ болѣе раннему разсказу автора— «Судьба красавицы» (Софіи Витте, потомъ жены Щенснаго Потоцкаго), помѣщенному въ переводѣ и въ нашемъ журналѣ [1]). Въ настоящемъ разсказѣ авторъ сообщаетъ подробности о прибытіи Софіи Глявоне въ Подолію и жизни въ Каменцѣ и о судьбѣ старшей сестры ея— Фатьмы, впослѣдствіи жены очаковскаго паши. М. Г.

---

[1]) За 1887 г., кн. I.

Dr. L. Finkel. Okopy świętej Trójcy, dwa epizody z dziejów Polski. We Lwowie, 1889. 69 стр.

Это небольшое изслѣдованіе, составляющее оттискъ изъ львовскаго Przewodnika Naukowego i Literackiego, прошло у насъ, кажется, незамѣченнымъ, хотя представляетъ извѣстный интересъ, такъ какъ предметъ его касается нашего края. Окопы св. Троицы— это упраздненная теперь крѣпость между устьями Днѣстра и Збруча, устроенная въ 1692 г. короннымъ гетманомъ Яблоновскимъ съ цѣлью блокады Каменца; исторіи этой крѣпости и посвящена брошюра— поводомъ къ ея составленію послужилъ проектъ реставраціи разрушеннаго костела св. Троицы, находящагося въ бывшей крѣпости.

Авторъ начинаетъ съ очерка отношеній, созданныхъ Бучацкимъ и Журавинскимъ трактатами и послѣдующей борьбы Польши за Подолье; здѣсь интересъ новизны представляютъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ сеймиковыхъ постановленій подольской шляхты, извлеченныя изъ книгъ гродскихъ галицкихъ и львовскихъ (подольскіе сеймики до возвращенія Каменца собирались въ Галичѣ, а потомъ во Львовѣ). Затѣмъ слѣдуетъ исторія самой крѣпости св. Троицы; по мысли Яблоновскаго, она должна была служить опорнымъ базисомъ противъ Каменца, безпокоить партизанскою войною его гарнизонъ, опустошать его окрестности и препятствовать подвозу съѣстныхъ припасовъ, доставлявшихся изъ Турціи. Послѣднее удавалось рѣдко, благодаря сильнымъ конвоямъ, сопровождавшимъ обыкновенно обозы: партизанская же война велась успѣшно, и крѣпость пользовалась въ то время значительною извѣстностью. Эта видная роль окончилась съ возвращеніемъ Каменца по Карловицкому трактату (1699 г.) и водвореніемъ подольской шляхты на своихъ пепелищахъ; послѣ этого крѣпость потеряла значеніе. Только на закатѣ дней Рѣчи Посполитой крѣпость снова явилась на сцену: здѣсь въ послѣдній разъ отбивался отъ русскихъ войскъ Францишекъ Пулавскій, пока въ крайности не былъ вынужденъ уйти въ Буковину, принадлежавшую еще туркамъ. Этимъ и закончилась собственно исторія крѣпости. Впрочемъ помимо историческаго она имѣетъ еще иной интересъ—ее воспѣлъ Красинскій въ своей «Небожественной комедіи»; воздвигнутая въ послѣдніе славные дни Рѣчи Посполитой, послужившая послѣднимъ оплотомъ для послѣдняго представителя теоретическаго шляхетства—эта крѣпость была выбрана поэтомъ сценою, на которой гибнетъ изображенное имъ шляхетство.

Къ изслѣдованію др. Финкля приложено нѣсколько документовъ, между прочимъ донесеніе Яблоновскаго королю объ основаніи крѣпости и реляція о пораженіи Пулавскихъ въ Жванцѣ и Окопахъ св. Троицы. **М. Г.**

Случайная библіографія.

Hammard's. Reise durch Oberschlesien zur russich—kaiserlichen Armee nach der Ukraine und zum Feldmarschall Rumanzow Sadunaiskoy.— Erster Band.— Gotha. 1787.

Книга эта представляетъ описаніе путешествія, которое было предпринято авторомъ въ 1783 г. Hammard такъ опредѣляетъ цѣль этого путешествія: «изучить подъ начальствомъ Румянцева-Задунайскаго войну, мое ремесло, и принять участіе въ дѣяніяхъ народа, который подъ руководствомъ своей великой самодержицы, восходитъ съ вершины славы на вершину блаженства» (предисловіе).

Авторъ книги человѣкъ образованный. Онъ, очевидно, много видѣлъ и много читалъ, знакомъ съ цѣлымъ рядомъ наукъ и имѣетъ опредѣленные взгляды. Нельзя ему отказать въ наблюдательности и стараніи быть безпристрастнымъ. Все это дѣлаетъ небезъинтересными тѣ свѣдѣнія о польской Украинѣ, которыя сообщаетъ Hammard.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно указать и на тѣ обстоятельства, которыя уменьшаютъ цѣнность книги и степень достовѣрности сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній.

Hammard, прежде всего, не знакомъ ни съ польскимъ, ни съ малорусскимъ языкомъ. Русскіе, пьютъ кромѣ кваса, kislitschie (кислыя щи—стр. 212); въ русскихъ рѣкахъ водятся неизвѣстныя въ Германіи рыбы—stierle (стерлядь, судя по описанію автора—стр. 213), малороссы употребляютъ въ пищу Parfchts (борщъ?—стр. 212). Ср. также стр. 102, 138, 256 и др.

Національности путешественникъ различаетъ плохо. Въ книгѣ мы встрѣчаемъ поляковъ (куда причисляются главнымъ образомъ высшіе и средніе классы), людей какой то, по мнѣнію автора, промежуточной національности (населеніе Волыни—стр. 138), гайдамакъ или запорожцевъ, козаковъ польскихъ и малорусскихъ (они же русскіе козаки); при этомъ Пугачевъ и Гонта стоятъ рядомъ (стр. 131, 162), а украинскіе козаки на обращенные къ нимъ вопросы отвѣ-

чаютъ: «kazascho» (стр. 160). Всѣ эти разнообразныя группы лицъ (за исключеніемъ классовъ среднихъ и высшихъ) авторъ склоненъ сваливать въ одну кучу, причисляя всѣхъ къ скиѳамъ, къ сарматамъ, къ родственникамъ татаръ и вообще къ варварамъ. Въ виду этого не всегда можно разобрать, о комъ повѣствуетъ авторъ, когда онъ говоритъ о «населеніи», о «козакахъ», «украинцахъ» и т. п. Далѣе, авторъ склоненъ относиться съ большимъ презрѣніемъ ко всякому міросозерцанію, ко всякимъ взглядамъ и идеямъ, несогласнымъ съ его собственными.

Такъ, въ области религіи Hammard (самъ онъ протестантъ) держится довольно либеральныхъ воззрѣній. Онъ сторонникъ соединенія всѣхъ христіанскихъ религій въ одно цѣлое; исключительная преданность одной изъ нихъ кажется ему суевѣріемъ (стр. 208). Подвластные полякамъ украинцы думали совершенно иначе и вели долгую и упорную борьбу за свою вѣру. Hammard'у такая борьба непонятна и потому онъ возмущается ею, также, какъ и поведеніемъ «служителей религіи», которые принимали, по его мнѣнію, участіе въ возстаніи Гонты (стр. 170—1); гайдамаки для Hammard'а слуги суевѣрія (стр. 208).

Такое же ироническое отношеніе ко всѣмъ несогласно-мыслящимъ проявляетъ Hammard и въ области политическихъ взглядовъ. Онъ сторонникъ т. наз. просвѣщеннаго абсолютизма. Hammard расточаетъ похвалы Екатеринѣ II и ея сподвижникамъ (см. посвященіе, предисловіе, стр. 157, 161, 203, 204 и др.). Грубый деспотизмъ и рабство ему противны (стр. 131, 154, 202 и др.). Но съ неменьшимъ, если не съ большимъ негодованіемъ относится онъ и къ демократическимъ замашкамъ запорожцевъ (стр. 169—170); а малорусскія возстанія вызываютъ у него цѣлые потоки брани; онъ ничего не имѣетъ противъ казни предводителей этой «сволочи» и «каналій»; люди, боровшіеся за Украину, для него только «каннибалы» и «разбойники» (стр. 131, 132, 168—176 и др.).

Укажемъ, наконецъ, и на то снисходительно—пренебрежительное отношеніе, которое проявляетъ авторъ,—человѣкъ европейскій, свѣтски-образованный и вылощенный,—къ этимъ дикимъ «варварамъ» и скиѳамъ» и которое тоже помѣшало ему отнестись съ должнымъ вниманіемъ ко всѣмъ особенностямъ невѣдомой и чуждой ему страны, къ ея обитателямъ, ихъ нравамъ и обычаямъ.

Изложеніе Hammard'а не отличается систематичностью. Это въ общемъ описаніе тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проѣзжалъ авторъ, при-

чемъ онъ говоритъ относительно ихъ или по поводу ихъ все, что кажется ему достойнымъ упоминанія; авторъ допускаетъ отступленія, эпизоды, вставки.

Переходимъ теперь, послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, къ изложенію краткаго содержанія книги.

Въ отдѣлахъ I—V-мъ не находимъ данныхъ относительно Украины и начинаемъ съ VI-го отдѣла («путешествіе отъ Кракова черезъ Люблинъ, Дубно, Тульчинъ, Константиновъ въ Немировъ» стр. 128—150).

Волынь понравилась Hammard'у своей природой. Жителей онъ находитъ возможнымъ отличать отъ животныхъ. Къ какой національности относитъ онъ этихъ «Menschen» сказать трудно: съ одной стороны онъ упоминаетъ о полякахъ, съ другой сообщаетъ на стр. 138 слѣдующее свѣдѣніе: «языкъ измѣняется уже въ Волыніи; онъ представляетъ собою средину между русскимъ и польскимъ; охватываетъ Любомирію, Подолію и Украину». Населеніе Волыни, по словамъ Hammard'a, отличается своимъ здоровьемъ, силою тѣла и духа. Люди относятся здѣсь совершенно хладнокровно, по скиѳски, къ страданіямъ, смерти и мукамъ. Въ этомъ отношеніи они похожи на запорожцевъ. Эти каннибалы христіанъ умирали геройскою смертью во время послѣднихъ казней (авторъ говоритъ о возстаніи Гонты). Волынскихъ и подольскихъ крестьянъ нельзя, правда, смѣшивать съ запорожцами. Но родственнаго у нихъ много: крестьяне эти готовы соединиться съ гайдамаками, чтобы освободиться отъ рабства и, перебивши дворянъ и начальство, проложить себѣ дорогу къ независимости. Объ этой же свободѣ мечтали Пугачевъ, Гонта, Дзюба, Горя,—воображаемые мученики за человѣчество, которые во имя своихъ мечтаній перебили тысячи ближнихъ, отличавшихся отъ нихъ своею религіей и взглядами.

Описываемое Hammard'омъ населеніе отличается своею серьезностью и меланхолическимъ настроеніемъ. Смѣхъ этихъ людей—смѣхъ отчаянія; въ радости они ужасны и похожи на тигровъ. Женщины заражены духомъ возмущенія въ чрезвычайной мѣрѣ; еслибы мужчины здѣсь не господствовали,—сколько кровавыхъ бунтовъ пришлось бы намъ увидѣть! Кромѣ бунтарскихъ наклонностей, женщины обладаютъ и другими примѣчательными свойствами: рождаютъ онѣ почти безъ боли (sic), а затѣмъ, выпивши стаканъ водки, меду или вишневки, принимаются черезъ нѣсколько часовъ за домашнія работы. И ребята здѣсь удивительныя: пяти—шестилѣтнія дѣти умѣютъ укрощать са-

мыхъ дикихъ лошадей (sic); въ умѣніи ѣздить верхомъ эти маленькіе сарматы заткнутъ за поясъ любаго датскаго гусара.

Затѣмъ Hammard останавливается на суевѣріяхъ, предразсудкахъ, на вѣрѣ въ чертей и вѣдьмъ, которой подвержены даже винницкіе судьи. Разсказавши о домовыхъ, которыхъ никакъ нельзя поймать, объ отыскиваніи кладовъ, о вѣчной войнѣ съ чертями, Hammard переходитъ къ описанію плача по умершимъ: бабы, потерявши мужа или дитя, такъ воютъ по цѣлымъ недѣлямъ, что не даютъ спать.

Далѣе Hammard довольно подробно описываетъ городъ Дубно. Его громадная ярмарка съ милліонными оборотами, красивые склады товаровъ и зданія произвели на путешественника благопріятное впечатлѣніе Большинство населенія (котораго въ Дубно 6000)—евреи. Они захватили въ свои руки торговлю и ремесла.—Маленькій городокъ Ямполь вызываетъ у Hammard'а общія размышленія объ отношеніи польскихъ пановъ къ своимъ «подданнымъ». Крестьяне изнываютъ подъ тяжестью работы, подвергаются истязаніямъ, а панъ расточаетъ за границей эти трудовыя деньги на прихоти и причуды, задаетъ пиры голоднымъ ученымъ и аббатамъ, чтобы прослыть меценатомъ, а для своихъ крестьянъ палецъ о палецъ не ударитъ.—Чума 1771—2 года отозвалась въ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя проѣзжалъ Hammard, тяжелыми послѣдствіями. Населеніе сильно уменьшилось. Среди евреевъ это меньше замѣтно,—они мало работаютъ, женятся рано и быстро размножаются,—чѣмъ среди христіанъ, которые изнываютъ подъ гнетомъ труда, питаются сухимъ хлѣбомъ и пьютъ много водки. До глубокой старости христіане не доживаютъ, умирая между 50—64 годами. При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ они подвержены еще всякаго рода болѣзнямъ,—между прочимъ, сифилису; онъ здѣсь свирѣпствуетъ, занесенный, по мнѣнію однихъ, русскими, по мнѣнію Hammard'а,—союзными войсками.

7-й отдѣлъ книги (стр. 153—179) посвященъ общему обзору «Украины, ея жителей, плодородія и торговли».

Что понимаетъ авторъ подъ словомъ Украина? Вотъ что говоритъ онъ самъ: «Подолія и Украина, которыя я соединяю вмѣстѣ въ виду ихъ общей границы, орошаются къ югу (?) Днѣстромъ, съ сѣверовосточной стороны Днѣпромъ, а съ восточной (?) граничатъ съ очаковской Татаріей и Новосербіей или Запорожьемъ» (стр. 277).—Украина, по словамъ путешественника, принадлежитъ къ самымъ плодороднымъ областямъ Польши. Прилежаніе и трудъ сдѣлали-бъ ее Ханананомъ Европы.

Жители Украины—украинцы или козаки—находятся въ близкой степени родства съ гайдамаками, турками и татарами. Тутъ Hammard сообщаетъ всѣ извѣстныя ему свѣдѣнія о козакахъ, причемъ трудно разобрать, о какой національности говоритъ онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Козаки—воинственный и жестокій народъ. Попытка Екатерины II сформировать изъ нихъ регулярное войско показываетъ, какъ много пользы можно извлечь изъ этихъ людей. Козакъ почти не цѣнитъ своей жизни. Онъ безстрашенъ и способенъ совершать чудеса храбрости и удальства. Особенно драгоцѣнны козаки для рекогносцировки. Въ этомъ отношеніи они остаются учителями другихъ. Война—родная стихія этого народа. Козаки даже охотятся на военный манеръ,—на лошадяхъ, съ копьями, по опредѣленному плану. Способности у нихъ замѣчательныя: посмотрѣть на извѣстную вещь, а затѣмъ сдѣлать ее съ большимъ искусствомъ для нихъ легко. Козаки любятъ чистоту, склонны къ бездѣлью и гульнѣ. Наклонность къ возмущеніямъ въ нихъ чрезвычайно сильна. Они отличаются вѣрностью и благодарностью за полученное добро. Малорусскій слуга—слуга идеальный. Игры, музыка, пѣсни и танцы козаковъ достаточно извѣстны. Въ нихъ можно найти характеристику этого народа, одареннаго сильными страстями.—Воинственная гордость мужчинъ проявляется и въ ихъ любовныхъ отношеніяхъ. Предложеніе дѣлаетъ не мужчина, а женщина. Hamard'у очень нравится этотъ обычай, такъ какъ онъ гарантируетъ подчиненіе женъ мужьямъ. Несчастливыхъ браковъ здѣсь очень мало, разводовъ и того меньше. Жена вполнѣ повинуется своему мужу. Но мужчинъ здѣсь нельзя назвать деспотами. Они любятъ женъ и заботятся о нихъ, а на ярмаркахъ уступаютъ имъ верховную власть и кошелекъ: медъ и водка соблазнительны, и нужно, чтобы кто-нибудь умѣрялъ пылъ къ нимъ; кромѣ того по части всякихъ закупокъ и сдѣлокъ женѣ первое мѣсто: она обладаетъ нужной для этого хитростью и звонкимъ голосомъ.

Прекрасный полъ, вообще, очень понравился Hammard'у. Не одобряетъ онъ только костюма дѣвушекъ—ихъ косъ и запасокъ. Матери ревниво охраняютъ цѣломудріе своихъ дочерей. Странствованіе по деревнѣ съ рубахой въ видѣ побѣднаго знамени (въ день послѣ свадебной ночи) вывелось уже, однако, изъ употребленія.

Общее отношеніе Hammard'а къ козакамъ очень одобрительное. Имъ онъ сулитъ возможность блестящаго будущаго,—особенно «народамъ великой Екатерины». (стр. 153—168).

Но за то авторъ не находитъ достаточно словъ, чтобы показать читателю все безобразіе запорожскихъ козаковъ (стр. 168—179). Подонки человѣчества, отброски варваровъ, убійцъ и разбойниковъ, вмѣстилище всѣхъ возможныхъ пороковъ—вотъ какъ онъ честитъ ихъ. Этотъ народъ съ кажущимся демократическимъ строемъ (выборный кошевой атаманъ) отличается своимъ фанатизмомъ и страстью къ грабежамъ. Онъ совершаетъ безчеловѣчныя дѣянія. Намѣреніе русскаго правительства избавиться отъ этой орды достойно полнаго одобренія. Запорожцы размножаются не посредствомъ браковъ, а путемъ кражи дѣтей. Женитьба у нихъ воспрещена. Вступившій въ бракъ теряетъ право жить въ Сѣчи и превращается изъ героя въ мужика.

Затѣмъ Hammard переходитъ къ описанію возстанія 1770 г. Православные священники, проповѣдывавшіе изъ ненависти къ римско-католическому дворянству о притѣсненіи религіи, Гонта, желавшій отомстить за причиненныя ему оскорбленія, запорожцы, готовые на всякое мрачное дѣло,—вотъ главные виновники этого движенія. Украинцы, склонные къ возмущеніямъ, пришли къ нимъ на помощь съ цѣлью сбросить съ себя ярмо пановъ,—и черное дѣло совершилось. Съ ужаснымъ планомъ—истребить дворянъ и жидовъ—ворвались эти банды въ брацлавское воеводство, истребили, безъ различія сословія и возраста, всѣхъ, кто не принадлежалъ къ ихъ вѣрѣ или не былъ на ихъ сторонѣ, а затѣмъ подступили къ Умани. Сдавшійся на капитуляцію комендантъ впустилъ ихъ въ городъ,—и вотъ началась дикая расправа; развѣ во времена Пугачева, на Огіо да у караибовъ совершалось и совершается что-нибудь подобное. Людей душили, разсѣкали, у беременной женщины вырывали изъ живота плодъ, а затѣмъ Гонта собственноручно совершилъ безчеловѣчную гекатомбу: онъ перерѣзывалъ горло согнаннымъ въ толпу дѣтямъ, а его помощники швыряли трупы въ колодезь, 800 человѣкъ зарѣзалъ самъ Гонта, и до 1000 дѣтскихъ труповъ найдено было въ колодцѣ. Но затѣмъ запорожцы были пойманы. Недалеко отъ Умани, въ степи, русскій офицеръ захватилъ хитростью Гонту и его приспѣшниковъ. Всего взято было 8000 человѣкъ. Они были отданы въ руки поляковъ. Гонта и другіе предводители были разрублены на части, остальные—перевѣшаны и передушены. Пойманныхъ мучили, насколько хватало изобрѣтательности. Но безъ криковъ и стоновъ умирали эти люди,—спокойно, съ варварскимъ хладнокровіемъ.

Въ 8 мъ отдѣлѣ (стр. 180—242) авторъ толкуетъ «о культурѣ страны, скотоводствѣ, земледѣліи, растеніяхъ, торговлѣ и мануфактурахъ».

Украина со стороны культуры находится въ первобытномъ состояніи. Вѣчныя войны, рабство, лѣность жителей въ связи съ ихъ военнымъ образомъ жизни и чрезвычайнымъ богатствомъ природы,— вотъ причины этого факта. Лучшимъ доказательствомъ того, какъ дурно можетъ иногда вліять излишняя заботливость природы, служатъ нѣмецкія колоніи въ Россіи и Польшѣ. Цивилизованные люди разлѣнились и превратились въ варваровъ. На колоніи истрачены громадныя суммы, и все таки изъ нихъ ничего не вышло: колонисты распились и разлѣнились, переходятъ въ Польшѣ, подобно номадамъ, съ мѣста на мѣсто, подвигаясь все ближе и ближе къ предѣламъ родины. И вотъ русскимъ и полякамъ приходится думать о томъ, какъ избавиться отъ нищихъ, грубыхъ и безпокойныхъ нѣмцевъ (стр. 180—182).

Попытавшись затѣмъ дать общую картину украинскихъ степей (с. 183—187), Hammard переходитъ къ скотоводству (стр. 187—200), положеніемъ котораго онъ недоволенъ. Рогатый скотъ держатъ зимой въ холодныхъ стойлахъ, кормятъ и поятъ его такъ скудно, что онъ въ концѣ концовъ принимается за собственный пометъ, а вмѣсто воды употребляетъ снѣгъ. Неизбѣжный результатъ—постоянный моръ скота. И только въ теплое время года роскошныя степи Украины поправляютъ дѣло. Лошади пасутся день и ночь въ степяхъ, а зимой ихъ держатъ такъ-же, какъ и рогатый скотъ. Лошади ходятъ всегда табунами, отличаются своею дикостью и ведутъ побѣдоносныя войны съ волками. Поймать ихъ очень трудно даже ловкимъ козакамъ: до послѣдней возможности отстаиваютъ онѣ свою свободу. Съ овцами здѣсь обращаются первобытнымъ образомъ. Шерсть поэтому плохаго качества. Попытки русскаго правительства улучшить породу овецъ и свойство шерсти кончились неудачей: выписанные для ухода за овцами нѣмцы оказались въ общемъ невѣжественными мошенниками. Большія и свирѣпыя свиньи, которыхъ въ Украинѣ очень много, смахиваютъ больше на дикихъ, чѣмъ на домашнихъ животныхъ. Свиней держатъ даже евреи, выгоняя ихъ, впрочемъ, въ субботу вонъ изъ усадьбы.

Пчеловодство (с. 201—202) ведется тоже некультурнымъ образомъ. Искусственные ульи попадаются очень рѣдко. Пчелы сами выбираютъ себѣ въ лѣсахъ деревья, затѣмъ на этихъ деревьяхъ дѣлается замѣтка и въ извѣстное время изъ дупла извлекаютъ медъ. Этимъ дѣло и ограничивается. Земледѣліе стоитъ плохо (с. 202—207). Почва здѣсь—жирный черноземъ. Урожай—самъ 12-ть. Но какъ

тутъ обрабатываютъ землю! Легкимъ плугомъ, слегка захватывающимъ землю, да деревянной бороной,—и только. Въ русской Украинѣ дѣло поставлено лучше: пашутъ здѣсь часто 4-мя лошадьми и и довольно глубоко. Хлѣбъ въ Украинѣ складываютъ подъ открытымъ небомъ. Онъ, конечно, загниваетъ отъ сырости и усердно истребляется воробьями и другими птицами. Въ Украинѣ сѣютъ рожь, пшеницу, овесъ, ячмень, табакъ, горохъ, арбузы и проч. Виноградъ, картофель, хмѣль, шафранъ, крапъ (марена), анисъ, шелковица совершенно неизвѣстны.

Въ лѣсахъ (стр. 208—210) много плодовыхъ деревьевъ, ягодъ, цвѣтовъ. Къ востоку и юго востоку мѣстность становится бѣднѣе деревьями, такъ что жители прибѣгаютъ къ высушенному коровьему помёту.

Фруктами жители не дорожатъ и плодовъ не сушатъ. Яблоки, сливы—все это срывается въ недозрѣломъ видѣ. Изъ вишень и малины приготовляютъ особые напитки—«Wischniak» и «Malignac» (210—211).

Сказавши затѣмъ нѣсколько словъ объ украинскихъ рѣкахъ, богатыхъ рыбой (бѣлуга, осетръ, щука, карпъ, сомъ, стерлядь), и о немногочисленныхъ минералахъ (селитра, известь и мергель), Hammard переходитъ къ мануфактурамъ и фабрикамъ (с. 215—222).

Въ Немировѣ существуетъ набивная фабрика Винцента Потоцкаго. Въ 1784 г. здѣсь работало болѣе 120 человѣкъ и произведено было до 1500 штукъ матеріи. Тому же Потоцкому принадлежитъ и кожевенный заводъ, гдѣ въ 1784 г. работалъ одинъ мастеръ, 4 подмастерья и 8 учениковъ. Въ Чудновѣ (гр. Потоцкаго) есть фаянсовая фабрика и стеклянный заводъ. Въ Тульчинѣ живутъ ремесленники—нѣмцы. Есть еще нѣсколько незначительныхъ промышленныхъ заведеній въ Смѣлѣ у Александра Любомирскаго и въ Бѣлой Церкви у Браницкаго.

Довольно подробно разсказывается въ книгѣ о торговлѣ Украины (с. 222—237). Вслѣдствіе того, что у Турціи и Россіи своего сырья довольно, Украина торгуетъ главнымъ образомъ съ Германіей и другими западными государствами. Выгодами отъ торговли пользуются евреи, греки и армяне. Только оба Потоцкіе, принимающіе дѣятельное участіе въ торговыхъ оборотахъ страны, составляютъ исключеніе. Въ западныя государства вывозятся лошади, скотъ для убоя, зерновой хлѣбъ, водка, медъ, поташъ, воскъ, сало, кожи, мѣха,

шерсть, ленъ, пенька; въ Турцію—бараны, сало, медъ и,—въ случаѣ неурожая,—зерновой хлѣбъ. Ввозятся (тоже преимущественно съ Запада) соль, сукна, тонкое полотно, бѣлье, набивныя бумажныя и шелковыя матеріи, мѣдь, желѣзо, аптекарскіе товары, сахаръ, кофе, англійское пиво, ромъ, сыръ и т. п., изъ Турціи и Греціи привозятъ различные фрукты, чубуки и контрабандный табакъ.

Въ концѣ отдѣла Hammard касается вопроса о монетахъ и векселяхъ (с. 237—243).

Въ Польшѣ, окруженной разнообразными сосѣдями, бѣдной, лишенной рудниковъ и фабрикъ, обращается огромное количество иноземныхъ денегъ. На ряду съ серебряными польскими монетами встрѣчаются деньги русскія, австрійскія, прусскія. Изъ золотыхъ монетъ особенно много дукатовъ,—въ послѣднее время преимущественно голландскихъ.

Благодаря расточительности дворянъ, государство переполнено векселями. Еслибы вексельное право отличалось строгостью, еслибы дворяне не были гарантированы отъ его суровыхъ послѣдствій своими сословными привилегіями,—для должниковъ—и при томъ знатнаго происхожденія—не хватило бы тюремъ.

9 й отдѣлъ книги («мѣстоположеніе Украины; ея границы, свойства почвы, дороги, мосты, деревни и города и проч.»—стр. 243—262) занятъ на половину (с. 243—253) соображеніями о неудобномъ положеніи Польши вообще и Украины въ частности во время войнъ между Турціей, Австріей, Пруссіей и Россіей: Польша лежитъ какъ разъ на военномъ пути, а нейтральное положеніе нисколько не защищаетъ ее отъ прохода и стоянокъ войскъ.

Высказываетъ здѣсь Hammard и цѣлый рядъ стратегическихъ мнѣній на счетъ Днѣстра, Буга, Днѣпра, лежащихъ вблизи городовъ, укрѣпленій и т. д. Сказавши нѣсколько словъ объ украинскихъ рѣкахъ и прудахъ съ ихъ небезопасными плотинами (стр. 253—4) и похваливши сравнительно сносныя дороги (254), Hammard описываетъ живописныя, потонувшія среди зелени деревни (с. 255); онѣ окружены рвами и палисадами, въ видахъ безопасности отъ набѣговъ, какъ думаютъ одни,—чтобы помѣшать скоту разгуливать по полямъ, какъ полагаетъ самъ Hammard. Затѣмъ путешественникъ разсказываетъ объ украинскихъ городахъ (257—260). Выше всѣхъ прочихъ онъ ставитъ Немировъ; тутъ есть фабрика, красивыя лавки, 4 церкв.; домовъ около 400,—въ которыхъ жи-

вутъ преимущественно евреи; дома одноэтажные, двери изъ комнаты ведутъ непосредственно на улицу. Прочіе города построены плохо, нѣтъ въ нихъ ни фабрикъ, ни полиціи. Стоитъ упомянуть Могилевъ на Днѣстрѣ и Бердичевъ съ ихъ знаменитыми ярмарками да еще Чудновъ. Затѣмъ Hammard сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній на счетъ воеводы Потоцкаго и его жены (с. 260—1), высказываетъ порицаніе политическому строю Польши (261—262) и этимъ заканчиваетъ книгу.

С. Е.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы 6.—Русская Мысль 6.—Русская Старина 6.—Русскій Архивъ 6.—Историческій Вѣстникъ 6.—Сѣверный Вѣстникъ 6.—Русское Обозрѣніе 6.—Наблюдатель 6.—Русскій Вѣстникъ 6.

Вѣстникъ Европы 1891 г. VI. *А. Пыпинъ. Новые матеріалы по исторіи литературы.*—Разбирая «Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1891 г.», авторъ указываетъ, между прочимъ, на напечатанные въ этомъ сборникѣ новыя матеріалы для біографіи Гоголя, извлеченные изъ его рукописей г. Тихонравовымъ (стр. 703—705).

Русская Мысль 1891 г. VI. *Вс. Миллера. Экскурсы въ область русскаго эпоса* (продолженіе).—Разборъ былины объ Ильѣ Муромцѣ по сравненію ея съ былинами иранскаго эпоса (стр. 1—32).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ краткая рецензія на «Отчетъ по опытному полю полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества за 1889 г.». Черепахина (стр. 282).

Русская Старина 1891 г. VI. *Бѣлозерская. Вас. Троф. Нарѣжный.* Продолженіе біографіи (стр. 523—545).

Замѣтка Шаталова по поводу напечатаннаго въ майской книгѣ письма Мазепы къ Меншикову о присылкѣ въ Шлиссельбургъ двухъ знающихъ священниковъ (стр. 680).

Въ приложеніи: портретъ Т. Г. Шевченко, написанный имъ самимъ въ 1859 г. (на первой страницѣ).

Русскій Архивъ 1891 г. VI. *В. Горленко. Живописецъ В. Л. Боровиковскій.* Приведена подробная біографія этого извѣстнаго художника конца прошлаго и начала настоящаго вѣка, уроженца полтавской губ. (стр. 257—291).

Въ приложеніи—Записки Ф. Ф. Вигеля. «Воспоминанія о Кіевѣ конца прошлаго вѣка, гдѣ авторъ провелъ свои дѣтскіе годы (стр. 33—48).

Историческій Вѣстникъ 1891 г. VI. *I. Ясинскаго. Анекдотъ о Гоголѣ.* Небольшой разсказъ о посѣщеніи Гоголемъ М. В. Юзефовича въ Кіевѣ, въ 1847 или 1848 г. (стр. 514—598).

18. Принесенъ указъ съ коллегіи о деревняхъ ратушныхъ. Отвѣтъ получилемъ отъ Худолѣя, же не можетъ въ Глуховъ ехать. Отписалемъ до лукомского, до прикажчика и до писара. Обѣдали въ Луцѣ, а ночовали въ Токарахъ.

19. Коней осмотрувалемъ своихъ, которихъ тамъ стоитъ 13. Оттоль поехалемъ до Андрѣевки, на службу приехали. Переездомъ, видѣлемъ у Артополотского хутора своихъ 2 кобилъ, отъ суддѣхи [1]) дарованнѣхъ, обидвѣ темногнѣдіе, у едной лошакъ гнѣдой. Зъ Андрѣевки ездилемъ въ Купуцѣовщину и тамъ своихъ коней осмотрувалемъ 18. На ночъ приехалемъ въ Роменъ.

20 недѣля. Рано бувъ у мене ундеръ-офѣцеръ, зъ коллегіи малороссійской присланний, требуючи вѣдомостей о селахъ ратушнихъ. Розослали укази о присланню вѣдомостей о селахъ ратушнихъ и о взятіи штрафа зъ бородатихъ промишлениковъ. Писалемъ въ Глуховъ до правителей и отвѣтъ послалемъ Худолѣевъ. Ездили до монастирища [2]) и тамъ гуляли всѣ, и подпияхомъ.

21. Господаръ п. Федора Кочубея, пріехавшій сюда, въ Роменъ, по дѣвку служебку нашу, Мотру, а сестру Кочубеевой [3]), отпущенъ зъ нею зосталъ въ домъ. Погоня по его и по дѣвку послана, для обмана его. Листи послалемъ до Леонтія и Кузмѣ асаула о розискахъ. До Орановского о Нѣславскомъ (?). Григор. Остапенко пріехалъ зъ Глухова зъ листомъ правителскимъ о зборахъ на церковъ Кіевопечерскую, которій и вѣсти добріе говорилъ. Василя Дацѣя въ турму посадить казалемъ, за украденную имъ инквизицію. П. братъ Андрѣй поехалъ до Бубновъ. Снѣгъ началъ ити.

22. Житель липовскій бувъ зъ жалобою на Мартинця, за коня, имъ взятого зъ собою его, о чомъ и писалемъ до Орановского. Определилемъ къ п. Билиму до правленія Василя Дяченка и для писання—Петра Верещаку. Виехалемъ зъ Ромна передъ вечоромъ. У Хмѣловѣ послалемъ атамана роменского въ дворецъ монастирскій,

---

[1]) Жуковской.

[2]) См. выше, стр. 14.

[3]) Отсюда можно заключить, что младшій сынъ казненнаго Кочубея—Өедоръ былъ женатъ на крестьянкѣ.... О немъ см. Русск. Арх., 1876 г., III, 366.

где бувъ господаръ Кочубеевъ, для припроважения его ко мнѣ, которій тогдажъ безъ вѣсти уйшолъ, а дѣвку отослали въ Роменъ. Пріехалемъ на ночъ въ Смѣлое, где стрѣлцѣ [1]) явились.

23. Стрѣлцямъ, вмѣсто Степана Романчука, опредѣлилемъ старшимъ атамана смѣловского. Писалемъ до сотника чорнуского и до Орановского о куплѣ греблѣ Пузницкой, зъ сотникомъ пополамъ. Тогда жъ писалемъ до Леонтія Янковского — о учиненню розисковъ нѣкоторихъ въ Лукомлѣ, Наружжю, Горошинѣ и Буромлѣ. Поехалемъ зъ Смѣлого и оглядалемъ степу, продаючогося отъ Романчука Левка. Пріехалемъ на ночъ до футора Корсакового.

24. Отъ футора Корсакового отправилемъ Леска сторожа зъ листами въ Роменъ до сотника, а особливе до атамана роменского о Дацѣеви. Поехавши оттоль, пріѣхалемъ на полудень къ Сейму и, перевюзшись, обѣдалемъ въ Мутинѣ, где Василя Книша засталемъ. У вечеру пріехалъ къ намъ Федко Ганничъ зъ писмомъ и зъ хлопцемъ артюхувскимъ.

25. Писалемъ рано зъ Мутина до Леонтія, о инквированню взятковъ Кочубеевскихъ. Пріехалемъ оттоль о полднѣ въ Тулиголови, где въ имбару було горѣлки 4 кухви. На ночъ приехалемъ въ Глуховъ.

26. Рано бувъ я у ясневелможной и тамъ обѣдъ кушалемъ, зъ п. п. Василемъ Томарою и Федоромъ Марковичомъ, дядкомъ. Потомъ былемъ у Кошелева, а у вечернѣ ст. (свят.) Михайла, а оттоль у пана асаули енер. Человѣкъ хоружовскій пріехалъ на розискъ о заграбленнихъ волахъ у футора Калюжновского, Константиновскихъ... Котлубай приехалъ тутъ, въ Глуховѣ, збирать пчоляную торочную (тогорочную) десятину, зъ Яковомъ дозорцею. Извѣстилемся отъ п. Федора, что прошлими днями, пріехавши въ Глуховъ, отклонился самъ за сотничество полковое прилуцкое.

27. Недѣля. На службѣ божой былемъ у церквѣ Анастасіи и кушалемъ у ясневелможной, где брегадирша, прокурорша и Коше-

---

[1]) Козаки-стрѣльцы занимались добычею всякаго рода дичи для гетмана и для мѣстныхъ полковниковъ. О нихъ см. статью Мих. Плохинскаго въ III-мъ томѣ Сборн. Харьк. Ист.-Филол. Общества.

ліовѣ обѣ були. По обѣдѣ у п. Скоропадского бувши, читалемъ присланніе зъ Петербурху челобитніе с.: либов. (?). Оттоль поехавши, былемъ у п. асаули енер., а оттоль и у брегадира, где до полночи просидѣли. При мнѣ писмо къ нему отъ губернатора кіевского принесенно, что Матюшкинъ генералъ-маіоръ пожалованъ въ генерали порутчики.

28. Бувъ у правителей и доношеніе дано мнѣ Кочубеемъ и Трощинскимъ, поданное на мене онимъ. Такожъ принялемъ у нихъ и листъ ко мнѣ писанній о присланню вѣденій о селахъ и деревняхъ ратушнихъ и о приходахъ зъ онихъ, зъ тимъ докладомъ, якіе села суть именно ратушніе, тіе мѣютъ грамоти или другіе привилеи, другіе зась сливутся толко ратушними, о якихъ обоихъ інтерессахъ писалемъ укази во всѣ сотнѣ и до Билима. До Петрановского — о прибуттю его сюда. До роменской старшини о присланню вѣденія — о козакахъ умершихъ въ походахъ. Обѣдали у мене п. Федоръ дядко и п. Тарнавскій.

29. У ясневелможной именини ея отправляли и гуляли зъ брегадиромъ, прокуроромъ и Кошелевимъ, и подпіяхомъ гаразда, когда изъ куріеромъ въ задіоръ войшолъ въ дому прокурорскомъ. Послалемъ рано Бяловского и Остапа въ Тулиголови переписать все господарство и отобрать отъ Остапа, а вручить войту сварковскому.

30. Войта сварковскаго послалемъ въ Тулиголови для отобраня на свои руки всего тамошнего господарства, когда и человѣка сварковского опредѣлилемъ для скупленния и отобрання осенщины отъ сварковціовъ. Василь, глинскій сотникъ наказ., отехалъ и отецъ Петро лукомлскій. У Василя ключника отобралемъ грошей рублей 30. Присилалъ сотникъ срѣбранскій [1]) своего человѣка Себестіяновича, за доводячимися себѣ отъ мене грошми зол. 80.

31. Обѣдалемъ у ясневелможной. П. Федоръ дядко простился и отехалъ въ Прилуку. У п. асаула енер. читалемъ укази сенатскіе рѣшителніе, въ 5 пунктахъ заключенніе.

1. Ноеврій. Остапови господарство глуховское вручилемъ. Ездилемъ до футора Калюжновского, где воловъ 30, а коровъ 9, козъ 12,

---

[1]) Антонъ Троцина.

коней 6, осмотрѣлемъ и еще два стоги жита незмолочени. Послалемъ укази до сотниковъ роменского, лохвицкого и лубенского о избранню двохъ щетчиковъ и одного комисара. Получилемъ писемъ правителскихъ двѣ; о приняттю 10 компанѣйцевъ и видаванню онимъ провіанту. Еще жъ получилемъ указъ зъ коллегіи—о присланню отвѣту въ томъ, что греки купци о ярмарку Іліиномъ роменскомъ въ Ромнѣ протестовались передъ мною на Шереметева. Войтомъ въ Сварковѣ Павла Лазаренка учинилемъ.

2. Принялемъ грошей еще отъ Василя ключника 10 рублей до первихъ 30, октовр. 30 взятихъ, и роспись учинилемъ ему о 40 рубляхъ забраннихъ. Нѣжинскій полковникъ пріехалъ въ Глуховъ зъ Нѣжина, а зъ С.-Петербурху—князь Волконскій, ундеръ-лейтнантъ отъ гвардіи. Зъ Ромна получилемъ писма отъ старшини и отъ криксъ-комиссара Толкачова, чтобъ дракгунамъ, прійшовшимъ на караулъ до коммиссаріяту, дать провіянтъ и фуражъ. Бувъ у склепу и вина смотрѣлъ: анталовъ 2 повнихъ и 2 неповнихъ, да бочочокъ 2 да бочка 1 и кухва неповна въ дулями налита виномъ. Зъ Ромна зъ дичиною пріехали изъ гостинцемъ цариченскимъ. Доводячіеся гроши 80 зол. п. сотникови срѣбранскому черезъ зятя его послалемъ.

3 неделя. На службѣ у монастирѣ чорничомъ бувъ, а по службѣ у ясновелможной, когда брегадиръ и протчіе були. По обѣдѣ були на вечеринцѣ у брегадира. Бѣловскій зъ Федкомъ ездили въ Калюжинскій футоръ и ревѣдовали.

4. Листъ о требованіи небуваломъ провіянта и фуража караулнимъ въ Ромнѣ, послалемъ до правителей черезъ Клима. У Милютиновича бувъ рано. Дядко зъ Чернѣгова пріехалъ зъ писмами жени моей и швакгра п. Андрѣя Полуботка, о пріездѣ моемъ туда, просителними, въ Кувѣчичи. Плетюнка пріехалъ зъ рибою и кавяромъ, у которого и грошей отобралемъ 106 зол. копѣйками, а полушками 22 зол. Горбикъ бурумскій, бувши у мене, сказалъ, что уже поеднался зъ Федоромъ, бувшимъ старостою бурумскимъ.

5. Далемъ за дворъ солодовникови Степанови грошей рублей 9. Отлѣчовалъ Комаровскихъ (?). Далемъ Бутурлимови грошей рублей 5, на медъ, якій мѣлъ въ Ромнѣ отпустить.

6. Нѣжинскій полковникъ отехалъ въ Нѣжинъ. У брегадира бувши, игралисмо въ карти и виграле́мъ. Гайдаямъ [1]), ходившимъ въ Царичинъ, заплатилемъ 48 зол. додатнихъ.

7. Рано бувъ въ коллекгіи и (у?) старшини енер.; и Семенъ Лизогубъ (былъ?) и розговорували о заводѣ его зъ родителемъ. Зъ Лисенкомъ чернѣговскимъ, пріехавшимъ зъ грамотами на села свои, видѣлемся. У вечеру глинскій бувъ отъ полковника Ковбаси.

8. Писалемъ въ Роменъ о присилцѣ вѣденій и другихъ интерессахъ. Отправилемъ чернѣговского дядка зъ лошадми и писалемъ до чернѣговскихъ и жени своей. Леонтого (?) отпустилемъ въ Овдоколле и 5 рублей грошей далемъ ему на кухви винніе и чтобъ купилъ 100 дощокъ липовихъ. Лукомскій сторожъ приехалъ зъ писмами многими, между которими були и отъ родителя зъ Сулаку и отъ Полянского зъ Астраханѣ, о щастливомъ его прибытіи въ Сулакъ. Лихаровъ, маіоръ, зъ С. П. Бурху пріехалъ.

9. У правителей былемъ и отвѣтствовалемъ на супплѣку Дацѣеву и просилемъ розищиковъ. Въ Ясманъ на розискъ посилалемъ Фѣдка да Остапа. Писаръ Савѣцкій зъ Манджосенкомъ и Билименкомъ були у мене.

10. Неделя. Були у ясневелможной всѣ и гуляли до поздна.

11. Продали рибу 500 сомовъ, сотце по 6 рублей безъ золотого. Тамъ же продали кавяру 36 пуд. зъ двома кухвами, пуд. по 6 зол. Поставилемъ дворника въ Калюжновскій футоръ, огородника сварковского за 7 копъ, и одежу ему и женѣ его. Ясманскихъ войтовъ, настоящого и бувшого, отправилемъ, казавши на бувшомъ доправить 4 четверики жита. Забара взялъ 3 кухви горѣлки минять на жито 3 четверти, а на гроши, гуртомъ, носатками по 2 рублѣ. Пургансъ приймалемъ. Доношеніе зъ копѣею протесту кгрецкого, данного мнѣ въ Ромнѣ на Шереметева, отослалемъ въ коллекгію, черезъ Комаровского. Роману, стар. тулиголов., далемъ 10 копъ на всякіе росходи и новіе реестра. Грома, вороницкого козака, лубенской сотнѣ, отправилемъ зъ листомъ до сотника лубенского.

(Засимъ вырванъ листъ).

---

[1]) Гайдай—погонщикъ воловъ.

23. Василь Дяченко пріехалъ зъ денгами, на церковъ Печерскую определенними, якихъ коллекгія доправляетъ 1060 рублей. Привезлъ зъ собою книгъ латинскихъ, Калениченкомъ Петромъ купленнихъ. У лазнѣ п. суддѣной бувъ.

24. Неделя. Александръ Івановичъ Румянцовъ пріехалъ рано въ Глуховъ и зъ нимъ братъ его Никита и швакгеръ — графа Матвѣева синъ, Федоръ Андреевичъ. Бувъ молебенъ на Екатерину въ Николая св. Обѣдали у ясневел. и гуляли доволно.

25. Былемъ рано у Румянцова, а оттоль у ясневелможной. Никиту Плетюнку войтомъ учинилемъ. Зъ березовскими людми, о сѣножать упоминавшимися, розійшлись и карту они дали и я казалъ Останови дать имъ, уступуючи имъ сѣножати тоей, подъ кондиціею буде купчой нѣтъ.

26. У Румянцова на банкетѣ були, у вечеру, и въ карти іграли и програлъ 5 рублей, пополамъ зъ княземъ Волконскимъ. Гадяцкому полковникови рукавички, купивши, далемъ.

27. У Румянцова бувъ рано. Золотара вибили за плутовство. У ясневел. обѣдалъ. Господара бувшого раховали. Писма зъ Ромна о Шелеховской и яру великомъ (?) крѣпости, прислани.

28. Кокошкинъ пріехалъ зъ Москви. Гуляли у п. асаула енер.

29. Былемъ у коллекгіи; зборщицкіе доношенія зъ Лохвицѣ и Лубенъ видѣлъ, о мнѣ и протчіихъ поданніе. У ассессоровъ былемъ. У правителей бувши, промеморію читалемъ натермѣнованную о грошахъ взятихъ въ походъ п. родичомъ. Тамъ же бувши, Кочубей и Трощинскій читали указъ, зъ коллекгіи данній имъ, о ревизѣи футоровъ въ полку лубенскомъ.

30. У брегадира банкетъ бувъ, понеже брата его Андрея Лукича именини, где и я былъ. Прежде въ дому, потимъ, когда и Карпѣка прійшолъ, ездившій въ полкъ лубенскій—ревѣдовать невисланнихъ козаковъ въ походъ низовій и зъ оного утекшихъ, и указъ, себѣ данній зъ канцелляріи, отдалъ мнѣ. Отъ Василя Кочубея бувъ его человѣкъ Кованка и указъ, зъ коллекгіи данній ему, о ревизѣи футоровъ въ полку лубенскомъ показовалъ, по которомъ писалемъ во

всѣ сотнѣ, чтобъ реестровани були футерѣ и остановка бъ отъ старшини не была ни въ чемъ. Комаровскій довжицкій бувъ у мене.

1. (Декабрь). Недѣля. Писалемъ укази до сотниковъ глинского, лубенского, и чигир.-дубровского о присланню вѣденій о козакахъ, пошовшихъ въ низовій походъ. Обѣдалъ у ясневел. По обѣдѣ булъ у брегадира, где играли въ карти Румянцовъ и проч.

2. У прокурора рано былъ, когда принесено къ ему писмо отъ коменданта стародубовского Пашкова, о полковникахъ великороссійскихъ, будто пріехавшихъ до Стародуба, зъ прошеніемъ о извѣстіе о семъ. У правителей бувъ и о 100 рубляхъ зъ дому родителского на церковъ Кіевопечерскую говорилемъ, жеби онихъ не править. Горѣлки куховъ 3 еще взяли въ Сварковъ на шинкъ: Плетюнцѣ одна, а 2 Забарѣ, замѣнювать на жито. П. п. Скоропадскій и седневскій сотникъ обѣдали у мене и сами исти себѣ варили, за отлучкою въ Ясманъ кухара.

3. Дацѣй лукомскій явился. Румянцовъ, брегадиръ и протчіе були у ясневел. и чарокъ по 10 випивши водки, пойшли на обѣдъ до Кошелева, а ясневел. поехала въ Гамалѣевку. Желязо зъ Ромна пріехалъ и привезлъ унѣверсали на села, данніе родителю моему, а отъ Билима писмо о магазенахъ, зъ прошеніемъ наставленія. Отвѣтъ учинивши на 3 чолобитніе Кодинченка, Петра Кривого, лукомского, и Надсуленка, козака горошинского, послалемъ до ассессоровъ суду енер., а тіе всѣ чолобитчики отехали въ доми своя.

4. Федоръ Івановичъ Протасіевъ пріехалъ въ Глуховъ и сталъ въ дворѣ сотника глух. Онъ же и Румянцовъ зъ брегадиромъ и протчіими, на вечеринцѣ, у мене долго просидѣли.

5. У Протасіева рано былемъ. Лезовскій пріехалъ зъ жидовкою обложковскою, которая за горѣлку отдала грошей 5 рублей Остапови, а болшъ 20 рублей на ней есть. Алексѣецъ за побитте его, Лезовского, наказанъ. У ключника взялемъ грошей рибнихъ 50 рублей.

6. Ключникъ рано наказанъ бувъ. Рано у брегадира былемъ и розговорувалемъ зъ нимъ о Свѣчцѣ Лукяпу и картѣ отъ его теперъ данной, да зъ нимъ же пойшолъ до Румянцова, где чли указъ новій о коронацѣи государинѣ імператрици. Тамъ же брегадирови

говорилемъ о денгахъ печерскихъ 1000 рублей, которіе доправлялъ на дому родителскомъ, о 100 рубляхъ, которихъ старшина енералная доправляетъ. У п. Кондзеровского обѣдалемъ, а оттоль бувъ у брегадира. Комаровскій поехалъ.

7. Листъ зъ Ромна отъ Билима о заплатѣ годовой полковимъ и вѣденіе о числѣ онихъ принесенни. Отъ писара цедула о томъ же, отъ родителки о зборщикахъ лубенскихъ, обнешихъ въ коллекгіи насъ, будто имъ возбраняли зборовъ збырать; отъ Тарновского—о курѣнчикахъ козакахъ, чтобъ по унѣверсалу родителскомъ привернуть и о забраномъ на городъ полю отъ проступника его жъ курѣнчика. Въ Роменъ писалемъ до родителки, до Билима и Савѣцкого писара отвѣтъ о заплатѣ годовой, до самаго Билима о магазенахъ. Доношеній двое, одно о магазенахъ, другое о заплатѣ полковимъ служителямъ, послалемъ через Комаровского въ вой. енер. канцеллярію, якіе онъ Валкевичу и отдалъ. Онъ же принюсъ листъ правителскій о перемѣнѣ всѣхъ зборщиковъ. Дацѣй зъ березняковскими людми помирился. Писаръ кампанѣйскій полку Тонконога бувъ у мене зъ унѣверсаломъ правителскимъ о видаванню провіянта и фуража товариству ихъ, въ полкахъ гадяцкомъ и лубенскомъ. Василь Дацѣй повинную намъ далъ, а я далъ листъ до сотника наказ. лукомского, о защищеніи его отъ безчестячихъ его.

8. Неделя. Послали укази во всѣ сотнѣ о перемѣнѣ всѣхъ зборщиковъ через лукомского сторожа и Крутка. Шинкара жида въ Обложки приняли и меду мѣрницю дали. Зъ п. Федоромъ, писаревичомъ (Савичемъ), видѣлся и въ насъ обѣдъ кушалъ. Матяшу березняковскому писмо до сотника наказ. луком. далъ о раздѣленню 10 копъ и на другихъ, до отплаченя Дацѣеви.

9. Рано бувъ я у Румянцова, а оттоль у церкви Анастасіевской; послѣ оттоль зъ п. Скоропадскимъ прійшли до дому обѣдать, когда п. судѣная и Кондзеровская у насъ обѣдали. Рано задатку садовничому далемъ рубля нѣмцеви. По обѣдѣ пойшлисмо вкупѣ до сотника глуховского, пріймовавшого всѣхъ, гдѣ у карти игравши зъ Румянцовимъ, на мѣстцу Протасіева, програлемся.

10. Юдка Якубовичъ, жидъ, бувши у мене зъ своимъ швакгромъ, жидомъ Иллею обложковскимъ, моимъ шинкаремъ, поручился и карту поручную далъ.

11. Караулъ поставленъ у дворахъ чернѣговского [1]), судѣ и писара енер. Валкевичъ за караулъ посаженъ. Сенецкій сотникъ зисканъ и Галецкій въ Глуховъ, и послани въ С. П. Бурхъ.

12. Молодикамъ далемъ вмѣсто футра 100 зол. и щось (?). Подѣ за давнее вино заплатилемъ 16 зол. Ясневелможная зъ Гамалѣевки пріехала въ Глуховъ.

13. Александеръ Івановичъ Румянцовъ зъ Протасіевимъ поехали зъ Глухова въ Стародубъ. П. Яснополскій, господаръ ясневел., пріехалъ зъ С. П. Бурху въ Глуховъ.

14, Полковникъ нѣжинскій у себе бувъ и ми у его, где сотникъ глуховскій и отаманъ були. Пива полвару̑ зварили. Листи родителскіе зъ крѣпости св. Креста принесенни въ Глуховъ.

15. Неделя. Брегадиръ зъ коллегіи бувъ у ясневел., оттуду въ свою квартиру пошолъ, за которимъ и я ходилъ и просилъ его о уволненне себе отъ правленія сего полкового. Кушалъ у ясневелможной. Въ дому засталемъ п. Добронизкого.

16. Остапу на росходи далемъ зол. 100. Должнихъ казалемъ ему жъ отнесть до сотника глухов. зол. 75, якіе для того и отдалемъ ему. Рублей 10 Степану Солодовнику далемъ же до прежнихъ 9 зол. даръ (?) его Комаровскому 10 зол. за контерфектъ [2]). Взялемъ рибнихъ грошей у Василя ключника зол. 100. Поехалемъ, не обѣдавши, въ Роменъ и пріехалемъ на ночъ въ Камень, куда и Романъ молодикъ зъ будками пріехалъ.

17. Черезъ Романа, молодика, писалемъ до паней о господареви бывшомъ и о Антону кухареви. Поехавши рано, обѣдалемъ на степу, а на ночъ пріехалемъ въ Роменъ позно уже, куда и родителка зъ Луки позно жъ пріехала.

18. Воску 2 кружки отобралемъ тутъ. Писалемъ въ сотню лубенскую о лѣсѣ на магазеинъ, и въ лукомскую—о безчинникахъ све-

---

[1]) Т. е. у черниговскаго полковника Полуботка.

[2]) Т. е. за написаніе портрета.

верниxъ (?) проявившихся. До того воску еще круговъ 2 болшихъ и 2 малихъ осмотрувалемъ своего, и когда весь зважили воскъ, показалось всего 71 фунтъ, у 6 кружкахъ малихъ и великихъ.

19. Видѣлемся на Засуллю зъ Кочубеемъ. Отписалемъ до капитана о магазенахъ, у Веремѣевку, и того жъ дня опредѣлилемъ коммиссара къ тому жъ строенію Івана Остапенка. Писалемъ до лубенского сотника о лѣсѣ. Тако жъ до сотниковъ писалемъ о моемъ скоромъ въ Глуховъ отездѣ, и щобъ посѣтили мене по обикновенію по святахъ заразъ, для отезду моего скорого объявлялемъ.

20. П. Михаило Скоропадскій проехалъ рано черезъ Роменъ, зъ Глухова, до Сорочинецъ. Івана Остапенка вислалемъ зъ Ромна комисаромъ до магазеновъ, въ Веремѣевку. Въ канцеллярію енералную послалемъ вѣденіе о маетностяхъ змѣнничихъ. Въ коллекгію малороссійскую послалемъ доношеніе о магазенѣ—отколь брать дрань и дерево и работникамъ чимъ платить. А послали черезъ мѣского козака. Ісаия Сухаревъ, подполковникъ, проехалъ черезъ Роменъ до Бурокъ [1]) для арешту. Гаврила послалемъ за ланцужкомъ золотимъ у 40 червонихъ, которій взялъ жидъ робити; на заплату далемъ ему грошей рублей 5.

21. Зъ коллекгіи принесенъ указъ о присланню щетчика. Коммунѣковалемся ст. таинамъ. Родителка до Бубнувъ поехала.

22. Неделя. Писалемъ до Орановского, въ отвѣтъ объ інтерессѣ горошинскомъ. Отецъ Захарія, кіевскій ст. Михайловскій, бувъ у мене и кушалъ. Родителка зъ Бубновъ пріехала.

23. Родителка даровала хребтовое лисее футро. Пару юхтъ купилемъ. Михайло Перехристенко бувъ и листъ отъ отца Гавріила зъ П. бурху далъ и книгу системму махометанской вѣри принеслъ отъ его и прошку ревелского.

24. Зборщиковъ новихъ лубенскихъ и щетчика, давши ему доношеніе, объ немъ же до коллекгіи писанное, отправилемъ въ Глуховъ. Павелъ кгрекъ роменскій за матеріи, данніи ему на продажъ, принеслъ грошей зол. 77, а еще якоби, по словахъ его, остался виноватъ зол. 100.

---

[1]) Разумѣется мѣстечко Борки, принадлежавшее генер. судьѣ Чарнышу.

25. Писма отъ зборщиковъ лохвицкихъ 1, а другое отъ Михайла ревѣзора о заплатѣ за кола etc., а третее отъ атамана чигиринъ-дубровского принесении. Оберъ комисаръ Бакіевъ у вечеру бувъ и просидѣлъ долго.

26. Принесенъ указъ зъ войсковой канцел. зъ печатнимъ указомъ о коронацѣи імператрици и тогда жъ оній прочитанъ зосталъ въ церквѣ. Тако жъ другій получилемъ указъ о присилкѣ въ зборщики посполитихъ, а не козаковъ. И отвѣтній листъ зъ канцелляр. получилемъ о принесенномъ туда вѣденіи маетностей измѣнничихъ. Обѣдали у насъ Полянскій, Бакѣевъ и пр. Зъ Кіева Маленикъ пріехалъ.

27. *(Оторвана часть листа).*

28. Родителка рано отехала въ Глуховъ. Тако жъ рано и п. Скоропадскій отехалъ. Сотники чорнускій, пѣратинскій и лукомскій попріезди. Отецъ Пясецкій, красногорскій намѣстникъ, пріехалъ.

29. Неделя. Далемъ рано осподареви Андрееви зол. 40 на купленне солоду, а еще 40 послать въ Харковъ, Хведчуну, а 10 зол. на справленне барилъ 20. Укази два, 1) о публѣкованню печатного о коронацѣи гсд. імператрици, а другій, о присланню въ зборщики посполитихъ, подписалемъ и послалемъ. П. писареви отдалемъ вѣденіе о селахъ ратушнихъ. Пріехалемъ зъ Ромна на обѣдъ въ Смѣлое, а на ночъ въ Камень.

30. Зъ Каменя поехавши, пріехалемъ на обѣдъ въ Тулиголови, где усмотрѣлемъ въ імбарѣ куховъ 2 повнихъ, а въ третой 2 носатки, а въ росходной—зъ двѣ. Жита около 30 четвериковъ привезено зъ Сваркова зсипного. Въ бутурлимовскимъ млинѣ розмѣру два полубочка повнихъ жита. Пріехалемъ на ночъ въ Глуховъ.

31. Взялемъ у Василя ключника рибнихъ грошей рублей 15, а шинковихъ за 2 кухви горѣлки, которіе носатками Забара роздавалъ, 36 рублей. Тіе жъ всѣ денги Остапови на расходи отдалемъ.

Протоколъ домашній, на рокъ 1724 заведенный.

Януар. 1. Купилемъ на мѣстѣ рукавички, за копу, сѣбирками подшитіе. Извѣстилемся, что Лукянъ Свѣчка вчорайшого дня пое-

халѣ до Семена Лизогуба, въ Андрѣевку, и зъ нимъ въ одной былѣ тутъ, у Глуховѣ, господѣ.

2. Въ коллекгіи былемъ, где брегадиръ взглядомъ магазеиновъ предлагалъ мнѣ, что остановка отъ полку лубенского учинилась. Опредѣлилемъ п. Зарудного въ всѣ сотнѣ о магазейнахъ ехать и спросить объ остановцѣ въ онихъ старшину, которому інструкцѣя дана.

3. Бувъ у коллекгіи. Обѣдали у насъ п. п. суддѣная и асаулиная енералніе, зъ родителкою, когда приходила Ткачиха нѣякаясь, упоминаючись о дерево, взятое во время погорѣлого будинку. У Кошелева зъ п. Миклашевскимъ бувъ и торгъ учинилъ ведлугъ крестянина его, за 50 рублей. Полковникъ нѣжинскій пріехалъ въ Глуховъ.

Родителка зъ Глухова отехала рано. Сухаревъ повернулся. У брегадира рано былемъ и тогда жъ его пожекгналемъ. Грошей рублей 40 у ключника было въ тотъ часъ. Поехалемъ зъ Глухова въ Камень, на ночъ; ехалемъ часовъ полъ 5.

5. Неделя. Поехавши оттуду, пріехалемъ на ночъ въ Роменъ.

6. Пріехала родителка, зъ Глухова, рано. Провіянтъ-мейстеръ Голенищевъ привезлъ зъ собою писмо отъ Полянского ко мнѣ, зъ Ахтирки отпущенное, о томъ, чтобъ провіянтъ и фуражъ посилать зъ сеей сотнѣ въ Ахтирку, на коммиссаріатъ.

7. Черезъ сторожа лубенского послалемъ доношеній 2 въ канцеллярію, одно—о безчинникахъ и о вѣденіи сѣлъ ратушнихъ посилаючомся, а другое о требованіи Полянского, оберъ-криксъ комисара, вчорайшого дня принесенномъ въ писмѣ; черезъ его жъ писалемъ до Кошелева, полковника, о крестянину, сторгованномъ за 50 рублей, и до жени моей, о многихъ домашнихъ інтерессахъ. До капитана чорторизского и до Остапенка въ Веремѣевку писалемъ о магазенахъ, отвѣтуючи и Остапенка наказуючи. О присилцѣ туда тертичниковъ писалемъ въ сотнѣ лубенскую и чорнускую. О виданню для посилокъ Остапенку козаковъ, писалемъ въ Чигиринъ-Дуброву. О присланню сюда сторожовъ поліовихъ писалъ въ сотнѣ лукомскую, лубенскую, лохвицкую и пѣратинскую. До городничого смѣлянского

писалемъ, жебы онъ посылалъ зборщиковъ въ Глуховъ, о томъ же и до атамана писалемъ. Отписалемъ до Полянского, въ Ахтирку. на листъ его зъ прошеніемъ объ отставцѣ. Тожъ, чтобъ въ Ахтирку отсоль не везти провіянту, але близше бы определено было для того якое село или место. Сотника Данила виправилемъ на встрѣчъ противъ Румянцова.

8. Купилемъ меду вѣдерокъ 10 и полвѣдерка ценою по 8 зол., у людей санджаровскихъ. Выехалемъ зъ Ромна зъ полночи 1 години, въ Лохвицю, стрѣтить Румянцова.

9. Пріехалемъ свѣтомъ у Лохвицю, где у полковника Шереметева былемъ и у п. Павловой, а оттоль заразъ поехалемъ у Івахники; на дорозѣ стрѣлемся зъ п. Стефаномъ Гамалѣею, ехавшимъ въ полкъ гадяцкій для ревизѣи. Пріехалемъ у Івахники, у обѣднюю годину, отколь у вечеру виехавши къ Жабкамъ, якби у версту, ночною добою, стрѣтилемъ господина Румянцова, и вечѐру кушали, уготованную мною, тамъ же, когда и Протасіевъ пріехалъ. У Лохвицю Зарудного отправилемъ повторе.

10. Рано зъ Івахниковъ поехали, пріехали въ Лохвицю рано жъ, и заехали въ квартеру полковника Шереметева и, тамъ по чарцѣ водки випивши, отехалъ Румянцовъ въ Сенчу, на обѣдъ, а я, отпровадивши его за 3 версти, вернулся назадъ, до п. Павловой, а оттоль поехалемъ въ Луку, а оттуду на ночъ въ Токарѣ.

11. Зъ Токаровъ поехалемъ рано и пріехалемъ на обѣдъ въ Андрѣевку; тамъ получилемъ писмо отъ чорнуской старшини о зборщикахъ и тертичникахъ и отписалемъ къ ней, жебы такъ тертичниковъ 4 у Веремѣевку, яко и зборщиковъ 2 въ Глуховъ, посилани были немедленно. Писалемъ и до Михайла ревизора о податѣ зборщикамъ лохвицкимъ, писавшимъ объ оной до родителки, жебы заплатилъ. Глинскій Василь видѣлъся зо мною тамъ же. Поехалемъ оттуду въ Куцупѣевщину и оглядалемъ своихъ воловъ, которихъ, сказалъ овчаръ тамошній, числомъ 29. На ночъ пизно пріехалемъ въ Роменъ.

12. Неделя. Получилемъ писмо зъ канцелляріи о зборщикахъ, за подписомъ колежскимъ. Зъ Пѣратина писано о зборщикахъ зъ

посполитихъ невинаходячихся. Зъ Веремѣевки отъ капитана писано, что дерева и работниковъ нѣтъ, тако жъ и отъ комисара Остапенка о томъ же и о протчемъ.

13. Черезъ Григорія Манджоса указъ посланъ во всѣ сотнѣ о висилцѣ зборщиковъ зъ посполитихъ въ Глуховъ, и ему жъ дана інструкцѣя и нормъ (?) двухъ доношеній. Черезъ чигиринъ-дубровского сторожа посланъ указъ во всѣ сотнѣ о висилцѣ дерева и тертичниковъ у Веремѣевку. Черезъ его жъ писано до капитана о томъ же и до комисара Остапенка. А объ обсилцѣ до буромского старости капитанови. Черезъ сторожа пѣратинского Божка послано доношеніе въ канцеллярію и вѣденія о маетностяхъ ратушнихъ, а въ доношеніи — и о требованіи писменномъ Полянского взглядомъ привозу провіянта и фуража въ Ахтирку, на коммисаріатъ, зъ сотнѣ роменской, предложено. У шинкара тутейшого роменского Дениса грошей взялемъ рублей 10. Козлинъ краснихъ до шоръ пару купилемъ. Михайло, ревизоръ бывшій, прислалъ ко мнѣ вѣденіе взятихъ зборщиками лохвицкими за прошлій 1722 годъ грошей 261 зол., а другое вѣденіе за 1723 годъ, требуемихъ еще ими жъ зборщиками грошей 189 зол. за добра родителскіе, въ лохвицкой сотнѣ обрѣтаючіеся.

14. Черезъ Петра Чернецкого послалемъ въ Глуховъ доношеніе въ коллекгію и грамоту, тако жъ и унѣверсали для обявленія, на села мнѣ данніе, о чемъ до паней, тако жъ до Кошелева, прокурора и Заплатина писалемъ.

15. Черезъ лубенского сторожа послалъ 3 рубля грошей и рецептъ на декоктъ въ аптеку, о чомъ до лубенского атамана писалемъ; до его жъ и о присилцѣ зборщика, вмѣсто Степана, писалемъ. Въ сотнѣ лубен., луком. и чигир.-дубр. писалемъ о компанѣйцяхъ, жебы зъ виборомъ нового окладу, по копѣ за фуражъ, удержатись до указу, поколь зъ Глухова оній получу. До сотниковъ о ихъ прибуттю сюда для пріезду господина Румянцова, писалемъ, совершенних [1]). Ковалямъ роменскимъ грошей рубля далемъ за роботу и на уголле.

[1]) Т. е. до сотниковъ совершенныхъ (дѣйствительныхъ, а не наказныхъ).

16. П. Федоръ Зарудній повернулся зъ полку въ Роменъ и привезлъ отъ жадной старшини ассекураціи о висилцѣ дерева и протчего въ Веремѣевку, до магазеновъ строячихся. Писмо отъ правителей о присилцѣ зборщиковъ прислано.

17. Писалемъ до прикажчика константиновского, жебы онъ посилалъ зборщиковъ въ коллекгію, въ Глуховъ. О томъ же и до городиского сотника писалемъ. Черезъ Микиту судейского получилемъ письмо правителское о Василю Евраху, лубенскомъ жителеви. Черезъ его жъ получилемъ указъ за подписомъ коллежскимъ и правителскимъ, о иноку Рѣшилову, которій посланъ за капитанами чили расколщиками, жебы ему помоществоване чинить. Василь Дяченко повернулся зъ Кіева и привезлъ зъ собою листъ отъ войта кіевского до правителей, и росписку зъ майстрату тамошнего о принятихъ денгахъ тамъ въ Кіевѣ отъ него 5000 зол., на церковъ печерскую. Федоръ Іванов. Ушаковъ, отъ гвардіи капралъ, зъ С.П.Бурху едучи до господина Румянцова, заехалъ ко мнѣ и, посидѣвъ мало, поехалъ въ Гадячъ. Іоска Шимка коммиссаромъ въ Веремѣевку до магазеновъ послалемъ.

18. Зборщикъ роменскій повернулся зъ Глухова и привезлъ грошей отъ паней моей 150 зол. Черезъ сторожа лохвицкого писалемъ доношеній двѣ въ вой. енер. канцеллярію, одно — о новомъ требованіи компанѣйцевъ по копѣ за фуражъ, а другое—о посланномъ вкупѣ поручномъ доношеніи лубенской сотнѣ о щетчику. Послалемъ въ сотнѣ указъ о вистатченню деревъ еще такого числа, якъ прежде, у Веремѣевку до магазеину. Слюзиха явилась о денги упоминаючись. Подводи зъ Сухоносовки прійшли въ Роменъ 4, на которихъ привезено бочку орѣховъ, да яблукъ возъ, да мяса свинного. Они жъ принесли два глеки мидянихъ. Климъ молодикъ зъ Глухова пріехалъ.

19. Неделя. Панове сотники лохвицкій и городискій цѣліе и наказній пѣратинскій пріехали въ Роменъ. Господинъ подполковникъ Андрей Семен. Кропотовъ до господина Румянцова зъ Борзни поехалъ и, въ Ромнѣ бувши, зайшолъ къ намъ и посидѣлъ. Отъ писара хоружовского получилемъ отвѣтное писмо на листъ мой до

прикажчика о зборщикахъ писанній, же прикажчикъ зъ старими зборщиками самъ поехалъ въ Глуховъ. Отъ Григор. Манджоса получилемъ писмо о зборщикахъ. Поехалъ Ющенко въ Гадячъ.

20. Зборщики городскіе, явившись у мене зъ доношеніемъ о себѣ тамошней старшини, поехали въ Глуховъ. Зъ крѣпости отъ род(ителя) писма принесенни зъ Будокъ тамошнимъ человѣкомъ. Отъ капитана Чарторизкого зъ Веремѣевки и отъ нашого комисара писма принесени о непривозѣ зъ жадной сотнѣ деревъ туда по 14 число генваря.

21. Въ Глуховъ послалемъ писма до правителей о константиновскихъ зборщикахъ и о городискихъ посланнихъ. До прокурора зъ поздравленіемъ въ капитанахъ и до паней. Григор. Манджожъ повернулся и отвѣтъ старшинъ о зборщикахъ привезлъ.

22. Писалемъ до коммисара Шимка въ Веремѣевку и послалемъ къ нему вѣденіе определенного дерева и работниковъ зо всѣхъ сотень до ма(га)зеину. Человѣкъ процювскій, посиланній до Федчуна зъ грошми 40 зол., повернулся назадъ и гроши привезлъ зъ собою, не винайшовши его. До сотниковъ наказ. лукомского, чигир., глинского и смѣловского о прибитіи ихъ сюда, писалемъ, тако жъ и до чорнуского о зборщикахъ чорнускихъ. Черезъ презенти послалемъ зъ листомъ п. писара до юсковского отца Савѣцкого 300 зол. Слюзисѣ.

23. Зъ Веремѣевки пріехалъ козакъ зъ писмами капитанскимъ и комисарскимъ, зъ которихъ въ послѣднемъ пишетъ, что дерево привозить треба туда тросаженное. Отъ господина брегадира Румянцова принесено писмо, чтобъ старшина вся была въ Роменъ собранна, тако жъ и козаковъ, со всякой сотнѣ по 50 человѣкъ, и дожидались его въ Ромнѣ, а листъ его отправленъ зъ Полтави 19 д. генваря. Того жъ дня и отправили указы во всѣ сотнѣ, черезъ сторожа пѣратинского, о прибуттю сюда старшинъ и козаковъ. Черезъ его жъ послани указы и о присилцѣ дерева, якъ и прежде писано, до Веремѣевки, на магазейнъ. Особливо работниковъ, жеби, кромѣ тертичниковъ, было числомъ [illegible]. Особливо кроковъ и латъ, а именно: зъ смѣловской сотнѣ, работниковъ [illegible] зъ ромен. 8, а зъ глинской 4.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1891 г. продолжается:

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Малая-Владимірская ул., д. № 32.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АВГУСТЪ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXIV. **1891 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

АЗОВЦЫ.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

IV.

Государственная служба азовскаго козачьяго войска.— Войсковыя заслуги.

Первая служба запорожцевъ по выходѣ ихъ изъ за Дуная въ Россію въ 1828 году, въ составѣ дунайскаго полка, была въ шедшую тогда войну съ Турціей.

Запорожскіе козаки, знавшіе въ совершенствѣ устья Дуная, много способствовали къ указанію болѣе удобныхъ мѣстъ для переправы русскихъ войскъ за границу въ турецкіе предѣлы.

Мѣстомъ переправы русской арміи чрезъ Дунай избранъ былъ старый земляной валъ на Дунаѣ близъ Исакчи, къ которому построена была съ нашей стороны чрезъ болота плотина версты на четыре въ длину. Работы по устройству плотины замедлялись сильнымъ разлитіемъ рѣки. Турки съ своей стороны укрѣпили берегъ противъ строившейся переправы. Эту позицію непріятеля защищали поставленныя на берегу батареи и прилегавшія непроходимыя болота. Не видя на нашей сторонѣ флотиліи, турки считали переправу нашихъ войскъ по сильно разлившемуся Дунаю невозможною.

Ко времени назначенной Государемъ переправы русской арміи для дѣйствій за границу атаманъ запорожцевъ Гладкій секретно передвинулъ отъ Измаила свои лодки, посадилъ въ

[1]) См. Кіевская Старина, 1891 г., № 7.

нихъ своихъ безстрашныхъ козаковъ; а кромѣ нихъ сѣли еще егеря на нѣсколько собранныхъ въ ближайшихъ притокахъ мелкихъ суденъ и на разсвѣтѣ 27 мая этотъ передовой отрядъ смѣло пустился по быстрымъ и бурнымъ волнамъ Дуная къ турецкому берегу. Смѣлые и удалые запорожцы, пропустивъ впередъ егерей, двинулись за ними, но управляя искусно своими остроносыми *чайками*, обогнали егерей и первыми достигли противоположнаго берега Дуная. Тутъ, врѣзавшись въ топкое болото, они привлекли на себя вниманіе турокъ, направившихъ на нихъ первый свой огонь изъ батарей; тѣмъ временемъ подоспѣли и егеря. Командовавшій этимъ десантомъ генералъ-маіоръ Киселевъ, достигши турецкаго берега, долженъ былъ камышами пробираться по прибрежнымъ болотамъ въ бродъ до твердой земли. Турки съ ожесточеніемъ набросились на запорожцевъ съ егерями, которые принуждены были защищаться отъ непріятеля холоднымъ оружіемъ. Государь императоръ, лично наблюдавшій за ходомъ переправы, направилъ чрезъ Дунай изъ нашихъ батарей пушечные выстрѣлы въ густыя толпы турокъ, препятствовавшихъ высадкѣ нашего передоваго отряда на турецкомъ берегу. Начавшаяся такимъ образомъ переправа нашихъ войскъ лодками чрезъ Дунай на турецкую сторону продолжалась пока былъ наведенъ мостъ на надлежащемъ мѣстѣ для перехода русской арміи и къ 11 часамъ турецкій берегъ былъ уже въ нашихъ рукахъ.

Велика была заслуга запорожцевъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, но не меньше была и милость къ нимъ русскаго Монарха, цѣнившаго высоко доблести и усердіе своихъ новыхъ подданныхъ козаковъ. Въ день переправы войскъ чрезъ Дунай Николай Павловичъ пожаловалъ Гладкому сразу чинъ полковника и георгіевскій крестъ, а десяти особенно отличившимся запорожцамъ, въ числѣ которыхъ были и раненые, знаки отличія военнаго ордена св. Георгія; всему же Дунайскому полку запорожцевъ знамя съ надписью:—„За храбрость и усердіе, оказанное при переправѣ чрезъ Дунай 27 мая 1828 года".

На другой день, 28 мая, Гладкій удостоенъ чести переправить на своей атаманской лодкѣ Государя Императора съ

двумя генералами чрезъ Дунай на турецкій берегъ къ русскимъ войскамъ. Самъ Гладкій, въ полковничьихъ эполетахъ съ георгіевскимъ крестомъ, сталъ у руля, а десять запорожцевъ, украшенныхъ знаками отличія военнаго ордена, взялись за весла. Смѣло и дружно двинули запорожцы атаманскій челнъ по бушевавшимъ волнамъ разлившагося Дуная и понеслись впередъ стрѣлой. Монархъ не побоялся ввѣрить свою особу въ руки людей, бывшихъ нѣсколько дней назадъ врагами Россіи, но за то и запорожцы были въ большомъ восторгѣ отъ такого довѣрія къ нимъ Государя. Они постоянно восклицали:—„Мы и вси нашы товарыши твои.... нашы душы, наша жизнь, наша кровь, все твое!...“ Въ тотъ же день и на той же лодкѣ Государь благополучно возвратился съ Гладкимъ на нашъ берегъ Дуная.

Война съ Турціей окончилась, запорожцы образовали изъ себя азовское козачіе войско и правительство назначило имъ соотвѣтствующую ихъ отвагѣ и безстрашію службу.

Командиръ черноморскаго флота адмиралъ Лазаревъ во время занятія черноморской береговой линіи нашими укрѣпленіями предложилъ проектъ завести въ нашей прибрежной флотиліи малыя суда, болѣе всего пригодныя гоняться за турецкими кочермами, пробиравшимися секретно съ контрабандой къ черкескимъ берегамъ. Турецкіе контрабандисты доставляли въ то время закубанскимъ горцамъ не только предметы необходимые для жизни, но даже и боевые припасы, необходимые для войны съ русскими. На проектированные баркасы Лазаревъ думалъ посадить запорожцевъ, тогдашнихъ азовскихъ уже козаковъ, опытныхъ въ морскомъ дѣлѣ и могущихъ этой службой принести большую пользу правительству.

Такой проектъ Лазарева удостоился одобренія высшей правительственной власти и азовцамъ была назначена морская служба на построенныхъ военныхъ баркасахъ для крейсированія у восточныхъ береговъ Чернаго моря.

Азовскіе баркасы были вооружены фалконетами, ходили на 12 веслахъ съ рулемъ и имѣли парусъ. На этихъ баркасахъ азовцы транспортировали на береговой линіи военные грузы

между укрѣпленіями, возили пассажировъ съ береговъ къ пароходамъ и обратно, а также доставляли служащихъ лицъ въ укрѣпленія вдоль береговой линіи и при всемъ томъ слѣдили за турецкими кочермами, чтобы не допускать контрабандистовъ пробираться къ горцамъ для торговли запрещенными товарами.

Азовцы на гребныхъ судахъ издавна были отличными моряками. Ихъ не пугали ни темныя ночи на волнахъ моря, ни страшные морскіе буруны, бросавшіе утлые баркасы, какъ щепки, по своимъ гребнямъ. При искусной лавировкѣ ужасные морскіе валы не крыли азовцевъ, большая опытность старыхъ запорожцевъ и умѣнье ихъ передавать свою беззавѣтную храбрость и отвагу всѣмъ прочимъ молодымъ козакамъ помогали имъ бороться и съ сердитымъ моремъ, и съ вооруженнымъ врагомъ. Привычнымъ глазомъ козаки издали замѣчали едва замѣтныя точки, изъ которыхъ впослѣдствіи выростали контрабандныя суда, рѣдко уходившія отъ рукъ козаковъ.

Азовская войсковая баркасная команда состояла: изъ начальника, имѣвшаго штабъ-квартиру въ Сухумѣ, 16 офицеровъ, состоявшихъ на службѣ при баркасахъ, и 400 чел. рядовыхъ козаковъ. На каждомъ баркасѣ находилось по 20—30 чел. съ особымъ командиромъ, назначавшимся изъ самыхъ опытныхъ мореходовъ. Между послѣдними особенно отличался отважный и безстрашный Бараховичъ. Есть множество дѣлъ по штабу береговой линіи, свидѣтельствующихъ о его молодецкихъ дѣлахъ въ погонѣ и поимкѣ контрабандистовъ. Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ, разсказанный Филипсономъ.

„Однажды (Бараховичъ), отправившись на своемъ баркасѣ изъ укрѣпленія Навагинскаго въ укрѣпленіе св. Духа провожать проходившій туда другой баркасъ, увидѣлъ противъ устья р. Вардане черкескую галеру, отдалявшуюся отъ берега и шедшую, какъ казалось, на разбой въ Абхазію. Бараховичъ успѣлъ стать между берегомъ и галерою и рѣшился ее атаковать. На галерѣ было человѣкъ 40 горцевъ, а у Бараховича было на двухъ баркасахъ 32 козака, но на носу каждаго баркаса было по одному 3-хъ фунт. фалконету. Во время перестрѣлки козаки замѣтили другую галеру, шедшую отъ берега на помощь атакованной.

Бараховичъ рѣшился идти на абордажъ. Вѣроятно, послѣдніе пушечные выстрѣлы были удачны на близкомъ разстояніи: у горцевъ было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, которые стѣсняли дѣйствіе другихъ. Галера была взята и потоплена, 21 горецъ взятъ въ плѣнъ. Это сдѣлано было такъ быстро, что другая галера не успѣла еще подойти и, видя гибель своихъ товарищей, вернулась къ берегу, козаки ее преслѣдовали, но не догнали".

Баркасная служба азовскихъ козаковъ на Черномъ морѣ продолжалась до упраздненія черноморской береговой линіи въ 1854 году. Крымская война заставила русское правительство снять береговыя укрѣпленія. Вмѣстѣ съ выведенными изъ этихъ укрѣпленій гарнизонами переведены въ Новороссійскъ и азовскіе баркасы. Находившаяся на нихъ команда азовскаго войска причислена была къ новороссійскому гарнизону, присоединенному по упраздненіи Новороссійска къ отряду войскъ, дѣйствовавшихъ противъ непріятеля въ продолженіе крымской войны. Кромѣ этого изъ азовскаго войска былъ еще сформированъ одинъ пѣшій батальонъ, участвовавшій въ военныхъ дѣйствіяхъ въ эту же войну. По окончаніи войны азовскій батальонъ былъ распущенъ и вновь назначена команда на прежнюю баркасную службу у береговъ Чернаго моря. Службу эту азовцы продолжали до 1864 года, а въ этомъ году замѣнены чинами морскаго вѣдомства. Азовская морская команда, уволившись съ баркасовъ, прибыла въ Петровскъ (посадъ), откуда распущена по домамъ по случаю переселенія азовцевъ за Кубань.

При штабѣ азовскаго войска, въ Петровскомъ посадѣ, въ качествѣ мѣстнаго войска, за время его существованія находилась постоянно учебная команда изъ лучшихъ офицеровъ и козаковъ.

Вотъ и всѣ строевыя части азовскаго козачьяго войска; больше формировать было не изъ кого. Войско это было настолько малочисленно, что по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ кавказскомъ окружномъ штабѣ въ 1857 году, въ немъ считалось всего только 4740 душъ мужскаго пола.

За свои боевые подвиги азовское войско неоднократно удостоивалось почетныхъ наградъ. Такъ, мы уже упоминали, что

въ 1828 г. дунайскому козачьему полку было высочайше пожаловано знамя съ надписью: „за храбрость и усердіе, оказанное при переправѣ черезъ р. Дунай 27 мая 1828 года.“ На знамя это дана войску грамота 6 декабря 1831 г.

По окончаніи турецкой войны, когда дунайскіе запорожцы приняли уже названіе азовцевъ, императоръ Николай Павловичъ, будучи доволенъ ихъ службой, всемилостивѣйше пожаловалъ азовскому козачьему войску бѣлое знамя съ надписью: „За храбрость и усердіе при переправѣ чрезъ Дунай россійскихъ войскъ въ 1828 году, постоянную преданность и отличную службу.“

Наконецъ азовское козачье войско за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ во время крымской войны, гдѣ азовцы при каждомъ удобномъ случаѣ старались показать себя истинными героями, достойными сынами отечества и предковъ своихъ знаменитыхъ запорожцевъ,—удостоилось особеннаго монаршаго вниманія, ознаменованнаго всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ этому войску, въ награду за боевые заслуги, георгіевскаго знамени съ надписью: „за храбрость и примѣрную службу азовскихъ козаковъ, въ войну противъ французовъ, англичанъ и турокъ въ 1853, 1854, 1855 и 1856 годахъ.“

Въ азовскомъ войскѣ было еще два пернача, изъ которыхъ одинъ, вѣроятно, служилъ булавою кошевому атаману турецкаго запорожскаго коша Гладкому, во время выхода его съ запорожскими козаками изъ Турціи въ Россію.

V.

Переселеніе азовцевъ въ Закубанскій край.—Упраздненіе азовскаго козачьяго войска.

Азовское козачье войско уже по одной малочисленности своей не соотвѣтствовало прочимъ козачьимъ войскамъ ни по военному строю, ни по внутренней организаціи своей; притомъ будучи расположеннымъ вдали отъ границъ государства, оно не имѣло того значенія, какое имѣли поселенія военнаго сословія прочихъ козачьихъ войскъ. При такихъ условіяхъ азовскому

войску трудно было держаться долгое время самостоятельно. Вѣроятно, запорожцы, заселяя отведенныя имъ мѣста, предвидѣли непрочность своей осѣдлости, если постоянно изъ года въ годъ ожидали переселенія на Кубань,—мечтая соединиться съ своими братьями черноморцами, къ которымъ и прежде немало уходило изъ за Дуная турецкихъ запорожцевъ. Правительство тоже смотрѣло на азовцевъ какъ на временныхъ военныхъ поселенцевъ и для переселенія ихъ избирало только болѣе подходящее мѣсто. Такимъ мѣстомъ представлялся тогда западный Кавказъ, составлявшій границу съ Турціей.

Въ 1837 году государь императоръ, обозрѣвая уступленную Турціей Россіи черноморскую береговую линію на южномъ склонѣ кавказскаго хребта, изъявилъ высочайшую волю водворить на правомъ мысѣ Геленджинской бухты азовскихъ козаковъ. Воля императора была передана начальнику береговой линіи генералу Лазареву, но послѣдній, опасаясь, чтобы азовцы, переселившись на Геленджинъ, въ сосѣдство враждебныхъ горцевъ, не сдѣлались жертвою войны съ непокорными племенами черкескаго народа, находилъ съ своей стороны весьма полезною одну только ихъ службу на гребной флотиліи у восточныхъ береговъ Чернаго моря. Особенно онъ восторгался бывшими уже тогда въ дѣлѣ азовскими баркасами, которые при искусномъ управленіи козаковъ мореходовъ, каковыми считались азовцы и черноморцы, и прочной конструкціи были весьма устойчивы въ водѣ. Лазаревъ полагалъ вмѣсто наемныхъ судовъ завести постоянную свою гребную флотилію изъ мелкихъ судовъ для сообщеній между береговыми укрѣпленіями и на этихъ судахъ назначить службу азовскому войску, которое предполагалось переселить на береговую линію.

Занявшій мѣсто Лазарева генералъ Раевскій, имѣя въ виду съ одной стороны волю государя о водвореніи у Геленджина азовцевъ, а съ другой высказанное Лазаревымъ мнѣніе о полезности ихъ постоянной морской службы и неудобство въ морскомъ дѣлѣ кратковременной ихъ очередной службы на азовскихъ баркасахъ, проектировалъ изъ азовцевъ и другихъ переселенцевъ образовать войско *береговыхъ козаковъ*, поселивъ ихъ

по всему восточному берегу Чернаго моря въ болѣе удобныхъ мѣстахъ при береговыхъ укрѣпленіяхъ, до предѣловъ Абхазіи, съ назначеніемъ этимъ козакамъ одной морской службы во флотѣ при береговой линіи.

Противъ этого проекта возстало тифлисское начальство и онъ въ Петербургѣ окончательно провалился.

Несмотря на это, правительство не оставляло мысли о переселеніи азовскаго войска въ пограничныя мѣстности Кавказа.

Послѣ неудавшагося проекта переселенія азовцевъ на восточный берегъ Чернаго моря, признаннаго несвоевременнымъ въ виду враждебныхъ отношеній къ намъ горцевъ въ приморской полосѣ,—съ чѣмъ согласился и самъ государь, для нихъ назначалось мѣсто на западной оконечности приморскаго плоскогорья кавказскаго хребта, гдѣ еще раньше графъ Паскевичъ полагалъ водворить ихъ послѣ покоренія закубанскихъ горцевъ. Но переселеніе азовцевъ годъ отъ году откладывалось вслѣдствіе непріязненныхъ дѣйствій черкесовъ въ этомъ краѣ.

Въ 1843 году военный министръ князь Чернышевъ вновь возбудилъ вопросъ о переселеніи на Кавказъ азовскаго козачьяго войска, на что была воля и государя императора Николая Павловича. Но такъ какъ по запросу только часть азовскихъ козаковъ соглашалась на переселеніе, то его величество не далъ соизволенія на раздробленіе азовскаго войска. Поэтому дѣло о переселеніи азовцевъ на Кавказъ тогда же было прекращено, но не на долго. Въ слѣдующемъ году начальникъ черноморской береговой линіи генералъ Будбергъ представилъ кавказскому корпусному командиру генералъ-адъютанту Нейдгарту проектъ о водвореніи азовскихъ козаковъ въ окрестностяхъ Анапы въ натухайскихъ земляхъ, образовавъ изъ нихъ закубанское козачье войско. Въ представленныхъ по этому предмету Будбергомъ соображеніяхъ были усмотрѣны важные недостатки, изъ которыхъ главнѣйшими считались: назначеніе для поселенія азовцевъ слишкомъ большаго пространства земли, занятой непріятелемъ, и выборъ для нѣкоторыхъ станицъ мѣстъ неудобныхъ для этой цѣли по недостатку воды.

Такимъ образомъ проектъ Будберга о переселеніи азовцевъ за Кубань опять не удался, и хотя въ началѣ 1845 года послѣдовало распоряженіе отложить это переселеніе, но предположенія на этотъ счетъ правительства не измѣнились.

Прошло еще шесть лѣтъ. Закубанскія дѣла были въ одномъ положеніи. Война съ горцами продолжалась и натухайцы не разъ изъявляли покорность русскому правительству и не разъ измѣняли. Въ это время на Кавказѣ начальствовалъ князь Воронцовъ. Въ 1851 г. онъ представлялся государю въ Елисаветградѣ и его величество въ разговорѣ съ нимъ опять высказалъ прежнее желаніе свое о переселеніи азовцевъ въ окрестности Анапы.

Князь Воронцовъ въ то время заботился о пріисканіи свободныхъ земель подъ поселеніе горцевъ, переходившихъ на нашу сторону съ изъявленіемъ покорности русскому правительству. Услышавши отъ государя положительное желаніе переселить азовское войско на Кавказъ, онъ думалъ воспользоваться тѣми землями, которыя азовцы оставятъ при переселеніи, и устроить на нихъ поселеніе мирныхъ черкесовъ.

Возвратившись въ Тифлисъ, Воронцовъ сообщилъ разговоръ свой съ государемъ объ азовцахъ начальнику черноморской береговой линіи Серебрякову и потребовалъ по этому предмету представленія его соображеній. Серебряковъ, не имѣя въ виду возобновленія заглохшаго уже предположенія Будберга о переселеніи азовцевъ въ окрестности Анапы, велъ въ то время переговоры съ натухайцами объ изъявленіи ими покорности русскому правительству, обѣщая сохраненіе имъ занимаемыхъ земель,—если они согласятся на предложенныя имъ мирныя условія, и только въ противномъ случаѣ угрожалъ изгнаніемъ изъ ихъ земли. Въ виду этого Серебряковъ находилъ необходимымъ до окончанія дѣла съ натухайцами отложить переселеніе на ихъ земли азовцевъ; если же заселеніе намѣченнаго участка натухайской земли требуется безотлагательно, то заселенію этому должно предшествовать изгнаніе оттуда горцевъ. Послѣ чего, переселивъ въ окрестность Анапы азовцевъ, слѣдовало заселять и остальное пространство натухайской земли или переселенцами

изъ Россіи, или самыми же натухайцами, которые послѣ изгнанія не замедлятъ обратиться съ просьбою о дозволеніи вновь занять свои земли и готовы будутъ принять всякія условія, могущія разомъ подвинуть дѣла, измѣняя общественное устройство горцевъ.

Такое мнѣніе генерала Серебрякова признавалось основательнымъ и вопросъ о переселеніи азовцевъ на Кавказъ опять затянулся. А тутъ подоспѣла крымская война, во время которой не только нельзя было и думать о новомъ заселеніи закубанскаго края, но не представилось возможнымъ удержать тамъ и старыхъ анапскихъ поселенцевъ, разбѣжавшихся во всѣ стороны Россіи послѣ разоренія непріятелемъ ихъ жилищъ.

По окончаніи войны, въ 1856 году правительство вновь начало заботиться о переселеніи азовскаго войска на Кавказъ. По этому поводу военный министръ въ маѣ 1857 года сообщилъ главнокомандующему кавказскою арміею положительную волю государя императора и даже послѣдовавшія высочайшія указанія въ какомъ порядкѣ произвести азовское переселеніе. Но князь Барятинскій не спѣшилъ этимъ дѣломъ, выжидая благопріятнаго времени и обстоятельствъ для приведенія въ исполненіе высочайшей воли. Онъ въ томъ же году, представляя на высочайшее усмотрѣніе свои предположенія о мѣропріятіяхъ къ скорѣйшему покоренію горцевъ и заселенію ихъ земель козачьими станицами, упомянулъ и объ азовцахъ, но только о томъ, что *по малочисленности этого войска оно не можетъ получить отдѣльнаго самостоятельнаго положенія*, но принесетъ большую пользу въ связи съ черноморскимъ войскомъ, если образуетъ приморское населеніе, какъ въ самой Черноморіи на берегу Чернаго моря и при кубанскихъ лиманахъ, такъ и за Кубанью до новороссійской бухты. Въ этихъ мѣстахъ козаки могутъ нести преимущественно морскую службу на своихъ баркасахъ и даже на большихъ судахъ; кромѣ того азовцы, поселенные при кубанскихъ лиманахъ и по берегамъ Азовскаго моря, принесутъ несомнѣнную выгоду промышленности рыболовствомъ и судоходствомъ по Кубани. На такое предположеніе отъ правительства не имѣлось возраженій и Барятинскій, сообщая свои на-

мѣренія по военнымъ дѣламъ закубанскаго края въ 1859 году начальнику кубанской области, генералу Филипсону, полагалъ, если обстоятельства позволятъ, приступить тогдаже и къ переселенію азовскаго войска, начиная водвореніе азовцевъ съ предѣловъ Черноморіи. Но Филипсонъ отвѣтилъ, что переселеніе азовцевъ слѣдуетъ отложить до окончательнаго устройства Адагумской линіи, замирявшей натухайское племя горцевъ.

Такое выжидательное положеніе протянулось еще нѣсколько лѣтъ. Въ 1860 году натухайскій народъ безусловно покорился Россіи, но въ то же время явилась мысль въ кавказскомъ намѣстничествѣ о перемѣнѣ системы дѣйствій въ закубанскомъ краѣ; рѣшено вести колонизацію на западномъ Кавказѣ не съ двухъ противоположныхъ оконечностей, какъ прежде имѣлось въ виду, а продолжать заселеніе отъ Лабы, съ востока на западъ. Слѣдовательно, вопросъ о переселеніи азовскаго войска на западную окраину черкескихъ земель опять нужно было отложить до времени, пока до этой мѣстности дойдутъ за Кубанью русскія поселенія. Въ Петербургѣ однако настаивали на скорѣйшемъ переселеніи азовцевъ; военный министръ особенно хлопоталъ объ этомъ и писалъ въ Тифлисъ запросы о времени этого переселенія, но князь Барятинскій не спѣшилъ.

Протянулось еще время. На мѣсто Филипсона командующимъ войсками былъ назначенъ графъ Евдокимовъ, которому было поручено вести дѣла на западномъ Кавказѣ, покореніе горцевъ и заселеніе ихъ земель козачьми станицами. На запросъ князя Барятинскаго, когда можно приступить къ переселенію азовцевъ, Евдокимовъ отвѣчалъ, что переселеніе это не можетъ состояться раньше 1863 года, когда мѣста для новаго водворенія азовскихъ козаковъ, пріобрѣвшихъ характеръ морскаго населенія, будутъ указаны по прибрежью Чернаго моря. Барятинскій согласился съ этимъ и полагалъ съ своей стороны не приступать заразъ къ переселенію азовскаго войска на Кавказъ, а выждать пока дѣло колонизаціи закубанскаго края въ горахъ чрезъ 5—6 лѣтъ подвинется впередъ настолько, что можно будетъ лучше ознакомиться съ приморскою полосою, гдѣ устья многихъ приморскихъ долинъ представятъ самыя

выгодныя условія для водворенія азовскихъ козаковъ и дадутъ полную возможность извлечь наибольшую пользу отъ ихъ спеціальнаго назначенія, о чемъ просилъ военнаго министра доложить государю императору. Его величество, соглашаясь съ мнѣніемъ князя Барятинскаго, выразилъ высочайшую волю, чтобы *предположенное переселеніе азовскаго войска на Кавказъ* приведено было въ исполненіе въ свое время когда по военнымъ обстоятельствамъ кавказскаго края это признано будетъ удобнымъ, но *не всего вдругъ, а съ надлежащей постепенностію въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, вызовомъ охотниковъ и назначеніемъ по жребію.* О такой высочайшей волѣ управлявшій военнымъ министерствомъ сообщилъ командующему кавказскою арміею 28 мая 1861 года.

Изъ всѣхъ этихъ предположеній, запросовъ, отвѣтовъ и многосложной канцелярской переписки военнаго министерства, кавказскаго намѣстничества и другихъ второстепенныхъ управленій видно, что правительство находило неумѣстнымъ поселеніе азовскаго козачьяго войска внутри имперіи и старалось передвинуть его на кавказскую границу, находя при томъ, что оно и по малочисленности своей не можетъ существовать самостоятельно. Переселеніе азовцевъ на Кавказъ было рѣшено и вопросъ заключался только во времени. Это время настало при колонизаціи западнаго Кавказа козачьими станицами. За это долгое время колебанія правительственныхъ взглядовъ на азовское войско участь его вполнѣ обрисовалась. Императоръ Николай Павловичъ желалъ переселить азовское войско на другое болѣе подходящее мѣсто цѣликомъ безъ всякихъ раздробленій и не давалъ соизволенія на переселеніе, когда только часть азовскихъ козаковъ того желала. Напротивъ, императоръ Александръ Николаевичъ далъ высочайшее повелѣніе на переселеніе азовцевъ уже не цѣлымъ войскомъ, а постепенно въ нѣсколько лѣтъ, въ томъ порядкѣ, какъ поступали на переселеніе за Кубань семейства изъ другихъ козачьихъ войскъ.

Новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ графъ Строгановъ, въ вѣдѣніи котораго находилось азовское войско, подалъ правительству мысль, чтобы изъ

него вовсе не производить переселеній, ставя азовскихъ жителей на равнѣ съ народомъ внутреннихъ губерній Россіи. Онъ доказывалъ, что азовское войско совсѣмъ не имѣетъ козачьяго элемента, по его словамъ, безсемейные запорожскіе выходцы изъ Турціи въ этомъ войскѣ вымерли, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ глубокихъ стариковъ, отжившихъ уже свой вѣкъ; самое же незначительное молодое поколѣніе ихъ, сложившееся уже при условіяхъ осѣдлой жизни, чуждой прежнему духу отцовъ ихъ и воспринявшее склонности окрестной среды поселенія, сроднилось съ обычаями и духомъ народа, ни въ чемъ непохожаго на сичевыхъ запорожцевъ. Азовское войско, какъ увѣрялъ Строгановъ, само переселенія не желаетъ; переселеніе для него равносильно разоренію. Минуя Николаевскую и Покровскую станицы, населенныя запорожцами, стародубовскіе жители, бывъ разъ переселены изъ черниговской губерніи, только что хорошо обстроились, обзавелись хозяйствомъ и снова должны всего лишиться; еще болѣе переселеніе, по мнѣнію Строганова, было бы несправедливо для зажиточныхъ жителей Новоспасовки и Петровска, существующихъ цѣлое столѣтіе на однихъ мѣстахъ и насильно причисленныхъ въ козачье вѣдомство. Въ виду всего этого графъ Строгановъ ходатайствовалъ допустить изъ азовскаго войска на переселеніе за Кубань, если окажется возможность, однихъ только охотниковъ, все же прочее войсковое населеніе обратить по прежнему въ гражданское вѣдомство. Въ заключеніе Строгановъ докладывалъ, что давно распространившійся слухъ, поддерживаемый нѣсколько лѣтъ сряду, о будущемъ переселеніи азовскихъ козаковъ приводитъ ихъ въ тревожное состояніе, весьма вредное ихъ хозяйствамъ. Люди упали духомъ и естественно становятся менѣе трудолюбивы и предпріимчивы. А потому, если предположенное переселеніе азовскаго войска въ видахъ государственной въ томъ надобности неизбѣжно, то необходимо, въ отвращеніе еще большаго упадка духа въ народѣ, угрожающаго ему разореніемъ, вопросъ о переселеніи азовцевъ на Кавказъ такъ или иначе наискорѣе рѣшить, не откладывая на 5—6 лѣтъ, какъ писалъ Барятинскій.

Настойчивыя представленія генералъ-адъютанта графа Строганова объ удержаніи азовскаго войска на мѣстѣ жительства и обращеніи его населенія въ гражданское вѣдомство, а также поступившія представленія отъ азовскаго войсковаго начальства о прибавкѣ войску участка земли, оставшейся по выходѣ ногайцевъ свободною, и о разрѣшеніи возводить въ станицахъ новыя каменныя постройки, убѣдили военное министерство не откладывать долѣе переселенія азовцевъ на Кавказъ, а начать таковое съ 1862 года, въ порядкѣ, указанномъ уже государемъ императоромъ. Для этого на первый годъ предположено было вызвать изъ азовскаго войска на переселеніе 400—500 семействъ, но назначено только 210. Для водворенія этихъ переселенцевъ графомъ Евдокимовымъ отводились мѣста на берегахъ Чернаго моря, возлѣ укрѣпленія Константиновскаго (Новороссійскъ), въ долинахъ Озерейки, р. Суко и около Анапы.

Для оповѣщенія азовскому войску сдѣланнаго по высочайшему повелѣнію распоряженія о начатіи переселенія козаковъ изъ этого войска на Кавказъ графъ Строгановъ послалъ туда подполковника Домбровскаго, который донесъ, что всѣ штабъ и оберъ-офицеры азовскаго войска заявили о готовности всѣми силами содѣйствовать къ исполненію священной воли государя; а станичники, изъявляя полную покорность высочайшей волѣ, заявили единогласно, что всѣ указанныя имъ на Кавказѣ подъ поселеніе мѣстности хорошо знаютъ: тамъ одни высокія горы, покрытыя по вершинамъ лѣсами, на каменистомъ грунтѣ тѣхъ мѣстностей вовсе нѣтъ пахатной земли, особливо близъ укрѣпленій Константиновскаго, Кабардинскаго и Геленджикскаго. А какъ хлѣбопашество есть единственный ихъ промыселъ, то правительство вынуждено будетъ отпускать всегда имъ провіантъ.

Недовольствуясь однимъ такимъ заявленіемъ, азовцы послали отъ себя депутатовъ на Кавказъ для осмотра тамъ всѣхъ свободныхъ мѣстъ годныхъ для поселенія. Депутаты, объѣхавъ весь закубанскій край по занятому уже нашими войсками сѣверному склону кавказскаго хребта, объявили своимъ станичникамъ, что они видѣли хорошія земли по р. Бѣлой и частью въ патухайскомъ округѣ.

Послѣ этого наказный атаманъ азовскаго войска генералъ Рѣшетиловъ уговаривалъ козаковъ идти всѣмъ на переселеніе за Кубань. Жители станицъ Никольской, Покровской и Стародубовской, заинтересованные разсказами своихъ депутатовъ объ отличномъ качествѣ и значительномъ пространствѣ земель между рр. Бѣлой и Лабой, всѣ единодушно изъявляли желаніе переселиться цѣлыми станицами, но не иначе какъ только на означенныя земли; козаки же посада Петровска и Новоспасовской станицы, при всѣхъ убѣжденіяхъ Рѣшетилова, переселяться вовсе не желали.

Командовавшій кавказскою арміею князь Орбеліани находилъ возможнымъ допустить водвореніе азовцевъ на р. Бѣлой, но колонизировавшій закубанскій край графъ Евдокимовъ положительно считалъ это невозможнымъ, въ виду того, что облюбованныя азовскими депутатами тамъ мѣста еще раньше предназначены были другимъ переселенцамъ.

По докладу обо всемъ этомъ государь императоръ повелѣлъ обратить полное вниманіе на выборъ мѣстъ *для водворенія азовскихъ козаковъ, на восточномъ берегу Чернаго моря.* При этомъ государь выразился, что крайне будетъ прискорбно, если азовцы будутъ водворены на мѣстностяхъ совершенно невыгодныхъ для козачьяго быта, и если поэтому придется всегда содержать ихъ на казенномъ провіантѣ.

Въ виду такой царской воли на графа Евдокимова возлагалось серьезно обсудить этотъ вопросъ, ибо будущность азовцевъ вполнѣ возлагалась на его попеченіе.

По этому поводу графъ Евдокимовъ докладывалъ военному министру, что при поселеніи новыхъ станицъ въ предгорной полосѣ западнаго Кавказа въ соображеніе принимается не одно хлѣбопашество, но и другіе горные промыслы, какъ то: лѣсной, пчеловодство и пр. Переселенцы въ этомъ краѣ вмѣсто одного хлѣбопашества найдутъ много другихъ промышленностей, въ числѣ которыхъ для азовцевъ представляется еще и богатое рыболовство въ кубанскомъ и кизилтаусскомъ лиманахъ, близъ Анапы, въ окрестности которой, а также около укрѣпленій Кабардинскаго и Геленджика, на прибрежьяхъ Чернаго моря на-

значаются имъ мѣста подъ поселеніе, согласно указаніямъ правительства. Боясь навлечь на себя неудовольствіе государя императора за устройство будущности азовцевъ, могущихъ заявить неудовольствіе при водвореніи, Евдокимовъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ министра дозволить депутатамъ азовскаго войска познакомиться съ общимъ характеромъ страны, гдѣ должно развиться наше новое козачье населеніе и заявить довольны ли они указываемыми имъ мѣстами или нѣтъ. Выборъ же самыхъ мѣстъ для поселенія онъ боялся допустить какъ мѣру, могущую возбудить большія затрудненія въ дѣлѣ колонизаціи непріятельскаго края и нарушить всѣ военныя соображенія.

По этому представленію послѣдовало высочайшее разрѣшеніе на посылку депутаціи для осмотра тѣхъ мѣстъ, гдѣ графъ Евдокимовъ полагалъ водворить азовцевъ. Для содѣйствія депутатамъ къ исполненію возлагавшагося на нихъ порученія и личнаго соглашенія въ этомъ дѣлѣ съ графомъ Евдокимовымъ бессарабскій генералъ-губернаторъ командировалъ наказнаго атамана новороссійскаго козачьяго войска генералъ-маіора Гангардта. Депутатами отъ азовскаго войска были избраны: урядникъ Романъ Добровольскій, приказный Яковъ Михайловъ, козаки: Василій Лиходѣдъ, Николай Прибѣга, Акимъ Картавенко, Деомидъ Полторакъ и Григорій Кочубей. Съ ними былъ командированъ непремѣнный членъ азовской войсковой канцеляріи есаулъ Гонтинъ. Всѣ эти дупутаты въ августѣ 1862 года прибыли въ Константиновское укрѣпленіе, гдѣ ихъ ожидалъ уже генералъ Гангардтъ.

Есаулъ Гонтинъ, осмотрѣвъ съ депутатами указанныя начальникомъ натухайскаго округа генераломъ Бабычемъ мѣста, предположенныя къ заселенію русскими, нашелъ самыя удобныя земли на Аушецѣ, гдѣ, кромѣ приволья для хлѣбопашества въ обширныхъ долинахъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, по низменнымъ мѣстамъ ростетъ камышъ, годный для кровли и топлива, а между нимъ растетъ луговая трава для пастбищъ животныхъ, въ самой же р. Аушецѣ много рыбы; далѣе у самыхъ предгорій на земляхъ, прилегающихъ къ верховьямъ р. Иля растетъ прекрасный строевой лѣсъ. Бывшіе съ Гонтинымъ

депутаты просили ходатайства своего наказнаго атамана объ отводѣ указанныхъ мѣстъ подъ поселеніе азовцевъ.

Общество станицы Покровской послѣ совѣщаній съ возвратившимися изъ за Кубани депутатами 25 сентября 1862 года постановило приговоръ, въ которомъ изъявляло желаніе селиться весною 1863 года на мѣстахъ бывшихъ станицъ (анапскихъ поселянъ) Витязевой и Суворовской, а если правительствомъ не будетъ уважена ихъ просьба объ отводѣ этой земли, то просили дозволить водвориться на выбранной депутатами землѣ между рр. Иля и Хабля на р. Аушецѣ, только съ условіемъ, чтобы не были стѣснены надѣломъ земли для занятія хлѣбопашествомъ. Причемъ также просили правительство, чтобы при выходѣ ихъ на переселеніе дозволено было взять съ собою всѣ церковныя вещи и колокола, находящуюся въ одесской конторѣ государственнаго банка слѣдуемую на нихъ часть общественной станичной суммы для постройки новой церкви и высочайше дарованное азовскому войску знамя. Въ случаѣ же если не разрѣшено будетъ имъ поселиться на означенныхъ земляхъ и взять съ собою все вышеупомянутое, то въ такомъ случаѣ они на переселеніе не изъявляютъ согласія, а желаютъ дать только слѣдуемое отъ ихъ станицы число семействъ по жребію, включая въ тотъ разсчетъ противъ другихъ станицъ и тѣхъ козаковъ ихъ станицы, которые уже весною того года переселились на Кавказъ.

Вскорѣ стало извѣстно, что выбранныя азовскими депутатами земли отдаются туземнымъ поселенцамъ, а азовцамъ назначаются мѣста отъ черты отдѣляющей горскія поселенія отъ козачьихъ между Адагумскою линіей и р. Хаблемъ къ югу. Тогда въ азовскомъ войскѣ поднялся ропотъ на кавказское начальство, обманувшее ихъ обѣщаніемъ селить охотниковъ на тѣхъ земляхъ, какія они сами выберутъ. Охотники объявляли, что если имъ отказываютъ въ положительно обѣщанной ихъ депутатамъ землѣ на Аушецѣ и Илѣ и раздѣляютъ ихъ общество поселеніемъ на морскомъ побережьи, то они не изъявляютъ желанія на добровольное переселеніе. Когда же послѣ того дѣло дошло до требованія переселенческихъ семействъ по жре-

бію, то въ станицахъ произошло уже сильное волненіе. Дѣла въ азовскомъ войскѣ принимали дурной оборотъ. Новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ Жуковскій, узнавъ о броженіи умовъ среди азовскихъ козаковъ, послалъ къ нимъ своего дежурнаго штабъ-офицера, но до прибытія его, благодаря принятымъ мѣстнымъ начальствомъ мѣрамъ, козаки нѣсколько успокоились и исполнили требованія начальства.

Произведеннымъ дознаніемъ выяснилось, что нѣкоторые азовцы, подъ вліяніемъ боязни лишиться давнихъ ихъ богатыхъ осѣдлостей и промѣнять ихъ на неудобныя закубанскія земли, были увлечены къ сопротивленію противъ правительственныхъ распоряженій безумными рѣчами немногихъ строптивыхъ ихъ товарищей. Эти *немногіе* дорого поплатились и одинъ изъ нихъ, какъ передавали азовцы, будто бы былъ казненъ политической смертью.

О происшедшихъ въ азовскомъ войскѣ смятеніяхъ генералъ Гангардтъ довелъ до свѣдѣнія графа Евдокимова; при чемъ докладывалъ, что при такомъ печальномъ настроеніи умовъ азовцевъ высочайшая воля государя императора, заключавшаяся въ томъ, что бы азовцы были переселены безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ и съ полнымъ сознаніемъ, что они не будутъ тосковать и нуждаться на новыхъ осѣдлостяхъ, можетъ быть достигнута при двухъ только условіяхъ: во первыхъ, что бы охотникамъ дозволено было взять съ собою заслуженныя ими знамена, колокола и образа для привлеченія товарищей, ибо по всему войску идетъ только одинъ голосъ „*де наши заслуги, тамъ и мы*“; во вторыхъ,—что бы непремѣнно было дано положительное подтвержденіе того, что выбранныя депутатами, съ разрѣшенія и указанія кавказскаго начальства, земли на Аушецѣ будутъ отданы азовцамъ, а не кому другому. Осушеніе болотъ азовцы примутъ на себя. Если же сверхъ того можно было бы уговорить мѣстное начальство принять по нѣсколько семействъ въ Анапѣ, Суворовой и Витязевкѣ, то въ такомъ случаѣ азовцы считали бы себя совершенно счастливыми.

Первый пунктъ мнѣнія Гангардта осуществился, но на второй крѣпкій боевой генералъ и администраторъ графъ Ев-

докимовъ не сдался. Онъ по разнымъ причинамъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить ходатайства Гангардта объ измѣненіи назначенныхъ мѣстъ для поселенія азовцевъ, какъ равно не допускалъ поселенія ихъ и на мѣстахъ бывшихъ Суворовской и Витязевской станицъ, гдѣ уже былъ полный комплектъ переселенцевъ.

Графу Евдокимову, повидимому, страшно надоѣлъ вопросъ о переселеніи азовцевъ на лучшія мѣста въ закубанскомъ краѣ и онъ готовилъ имъ въ концѣ концовъ такой сюрпризъ, чтобы въ недалекомъ будущемъ и памяти о нихъ не осталось.

Первые азовскіе переселенцы [1]) прибыли на Кавказъ весною 1862 года, моремъ до Константиновскаго укрѣпленія, гдѣ предполагалась строиться Константиновская станица, названная потомъ Новороссійскою. Азовцы, высадившись на берегъ, не хотѣли идти въ тѣ мѣста, куда они распредѣлялись мѣстнымъ начальсвомъ по частямъ, чего они вовсе не ожидали. Когда туда прибылъ генералъ Гангардтъ, то они, явясь къ нему и бросаясь на колѣни, умоляли перевести ихъ всѣхъ въ одно мѣсто, въ Анапу, причемъ жаловались, что въ тѣхъ мѣстахъ, куда ихъ гонятъ на поселеніе, земля каменистая и требуетъ разработки по горамъ и расчистки терновника, сѣна недостаточно, скотина болѣетъ и падаетъ, подвозъ строительныхъ матеріаловъ труденъ, не выдаютъ кормовыхъ денегъ на дѣтей, какъ выдавали въ пути, семейства, раздѣленныя лѣтъ 8 тому назадъ, соединяютъ съ цѣлью уменьшить выдачу пособія на хаты и пр. Особенно они заявляли нежеланіе свое быть разъединенными.

Что могъ сдѣлать Гангардтъ по жалобамъ азовцевъ, находившихся всецѣло въ распоряженіи кавказскаго начальства?... Конечно, ничего. Узнавъ, что азовцы, прибывшіе на поселеніе, не принимались строить хатъ,—для чего дозволялось имъ взять часть камня, изъ развалинъ Новороссійска, а начали пьянствовать, ругаться и подговаривать прибывшихъ туда же черномор-

[1]) Изъ числа назначенныхъ 210 сем. прибыли на мѣсто и разселены за Кубанью, какъ значится по свѣдѣніямъ о колонизаціи западнаго Кавказа, только 206 семействъ.

цевъ противиться волѣ правительства о заселеніи Константиновки, онъ всѣ жалобы ихъ призналъ или несправедливыми, или неосновательными. Упорство азовцевъ военнымъ начальствомъ было сломлено и *они разселены* по частямъ, на прибрежьи Чернаго моря, въ станицахъ: Новороссійской, Анапской, Благовѣщенской и Анапскомъ поселкѣ, вмѣстѣ съ другими переселенцами, назначенными въ тѣ же поселенія.

Въ 1863 году переселеніе азовскихъ козаковъ на Кавказъ состоялось безъ особенныхъ треволненій. Изъ азовскаго войска добровольно отправилось на Кавказъ 5 офицерскихъ и 504 семейства нижнихъ чиновъ, въ числѣ 2530 душъ обоего пола, не считая тѣхъ отставныхъ и вдовыхъ, которыя по связямъ родства приписаны при военнослужащихъ. Изъ числа показанныхъ семействъ 16 въ числѣ 76 душъ обоего пола съ грузомъ до 500 пуд. отправлены на военной шкунѣ „Эльборусъ" моремъ 20 апрѣля, остальныя затѣмъ 488 сем. и при нихъ скотъ: рогатый 1954 шт., лошади 351 шт., овцы 108 шт., возовъ 938, кромѣ офицерскихъ подводъ, раздѣлены на три партіи и отправлены сухимъ путемъ. *Первая* партія выступила 26 апрѣля при есаулѣ Подгурскомъ и хорунжемъ Гладкомъ, въ числѣ 182 сем., въ которыхъ было мужескаго пола 493 души и женскаго 483 д. и два офицерскихъ семейства. При этой партіи отправлены двое войсковыхъ знаменъ, два запорожскихъ пернача и нѣкоторыя церковныя святыни, взятыя изъ войсковаго молитвеннаго дома; *вторая* партія при сотникахъ Кравченкѣ и Сердюковѣ, въ числѣ 152 сем., отправились 29 апрѣля. Въ ней было муж. пола 345 душъ и женскаго 361 д. и два офицерскія семейства. При этой партіи слѣдовалъ священникъ съ церковными принадлежностями и везлись колокола; *третья* партія при сотникѣ Черновѣ, въ числѣ 154 сем., тронулась съ мѣста 2 мая. Въ ней было муж. пола 389 д. и женскаго 360. Кромѣ названныхъ пяти офицеровъ по особому разрѣшенію графа Евдокимова переселился на Кавказъ есаулъ Котляревскій для совмѣстнаго жительства съ дочерью его вдовою умершаго есаула

Донченко, переселившеюся туда въ прошломъ году съ первыми азовскими семействами [1]).

Всѣ эти три партіи азовцевъ, отправляясь на Кавказъ съ войсковыми регаліями, церковною утварью и другими святынями, нужными для священнодѣйствія, колоколами и своимъ священникомъ, конечно, разсчитывали на поселеніе ихъ на какихъ бы то ни было закубанскихъ земляхъ всѣхъ вмѣстѣ, но вышло совсѣмъ иначе и именно то, чего они вовсе не ожидали. По распоряженію графа Евдокимова, этихъ азовскихъ поселенцевъ, по прибытіи ихъ за Кубань, несмотря ни на какіе ихъ протесты, начали дѣлить на партіи, для поселенія въ разныхъ мѣстахъ совокупно съ переселенцами, прибывшими за Кубань изъ другихъ мѣстъ. Азовцы такому распоряженію кавказскаго начальства воспротивились. Ставши лагеремъ возлѣ Анапы, они не хотѣли разбиваться на части въ разныя станицы, какъ требовало начальство, а настаивали на томъ, чтобы ихъ поселили въ одномъ мѣстѣ; безъ этого они идти далѣе не хотѣли. Когда всѣ убѣжденія завѣдывавшихъ поселеніями не дѣйствовали, выстроили противъ азовцевъ часть регулярныхъ войскъ съ оружіемъ, чтобы силою подавить сопротивленіе. Но азовцы, выставивъ впередъ женщинъ и дѣтей, стали сами въ серединѣ табора. Военное начальство однако не рѣшилось употребить въ дѣйствіе оружіе и снова начались переговоры. Кончилось тѣмъ, что нѣсколько человѣкъ главныхъ зачинщиковъ волненія были взяты, а остальные азовцы раздѣлены на четыре части и поселены въ станицахъ: Абинской, Хабльской, Грузинской и Ильской, вмѣстѣ съ другими переселенцами разныхъ націй и сословій.

Такой неблагопріятный результатъ разселенія азовцевъ въ 1863 году за Кубанью не прошелъ даромъ. Одесскій генералъ-губернаторъ Коцебу энергично ходатайствовалъ въ военномъ министерствѣ о прекращеніи переселеній на Кавказъ и объ обращеніи азовскаго войска въ гражданское вѣдомство. Военный

---

[1]) Кромѣ этихъ партій на переселеніе за Кубань отправилось еще 40 азовскихъ козачьихъ семействъ.

министръ, наконецъ, согласился съ мнѣніемъ генерала Коцебу и по рѣшенію, принятому его императорскимъ высочествомъ главнокомандовавшимъ кавказскою арміею великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, сдѣлано распоряженіе объ отмѣнѣ предполагавшагося переселенія азовскаго козачьяго войска на Кавказъ въ полномъ составѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ составленъ проектъ о совершенномъ упраздненіи этого войска.

За недостаткомъ переселенцевъ для водворенія въ закубанскихъ станицахъ, въ 1864 году государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ недостающее число семействъ пополнить въ числѣ другихъ переселенцевъ и изъ азовскаго козачьяго войска до 300 сем. и болѣе, сколько будетъ признано возможнымъ *мѣстнымъ начальствомъ, дозволивъ азовцамъ, если они того снова будутъ просить, переселяться на Кавказъ цѣлыми станицами.*

Наконецъ то жалобы азовцевъ на насильственное раздѣленіе ихъ на части при поселеніи и соединеніе съ чуждыми имъ разнаго рода поселенцами дошли до государя императора и его величество обратилъ милостивое вниманіе на этихъ жалобщиковъ.

Согласно высочайшему повелѣнію, въ 1864 году переселилось изъ азовскаго козачьяго войска за Кубань 339 сем., которыя поселены хотя и небольшими, но цѣлыми станицами, какъ указалъ государь. Въ одной только Сѣверской водворено 165 сем., въ остальныхъ же, Азовской, Дербентской и Папайской, было всего 40—74 сем. Какъ ни малочисленны были эти поселенія, но за то въ нихъ были одни только азовцы.

На 1865 годъ переселенцевъ изъ азовскаго козачьяго войска за Кубань вовсе не назначалось, а дозволялось только принимать охотниковъ, но таковыхъ явилось немного—кажется, одно только козачье семейство.

Въ этомъ же году высочайше утвержденнымъ 11 октября положеніемъ азовское козачье войско упразднено, съ обращеніемъ жителей онаго въ гражданское состояніе. Положеніе это было объявлено азовцамъ командированнымъ отъ правительства полковникомъ княземъ Дадіаномъ.

Послѣ объявленія положенія объ упраздненіи азовскаго козачьяго войска, оставшіяся въ станицѣ Покровской 23 семейства изъ бывшихъ запорожцевъ не пожелали поступить въ податное состояніе и выхлопотали себѣ позволеніе отправиться за Кубань къ своимъ собратамъ, куда съ высочайшаго соизволенія и отправились весной 1866 года. Изъ нихъ 21 семейство поселилось въ азовскихъ станицахъ абинскаго полка, а 2 сем. водворены въ адагумскомъ полку.

Это были послѣдніе азовскіе переселенцы.

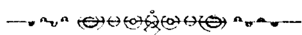
На все переселеніе козачьихъ семействъ изъ азовскаго козачьяго войска за Кубань израсходованы суммы: Въ 1862 году, на кормовое довольствіе переселенцевъ отъ казны 3951 р. въ пособіе отъ войска 26,225 р. 50 к., изъ станичныхъ суммъ 1979 р. 77 к. Въ 1863 году, на кормовое довольствіе отъ казны 9950 р. 75 к., въ пособіе отъ войска 21019 р., изъ станичныхъ суммъ 6235 р. 81 к., въ пособіе офицерамъ отъ войска 900 р. Въ 1864 г. на кормовое довольствіе отъ казны 4926 р. 74 к., въ пособіе отъ войска 11434 р., изъ станичныхъ суммъ 1857 р. 74 к., въ пособіе офицерамъ отъ войска 450 р. Въ 1865 г. на кормовое довольствіе отъ казны 18 р., въ пособіе отъ войска 33 р., изъ станичныхъ суммъ 11 р. 26 к. Въ 1866 г., на кормовое довольствіе отъ казны 391 р. 50 к., въ пособіе отъ войска 886 р., изъ станичныхъ суммъ 286 р. 9½ к. Итого отъ казны *19,237 р. 99 к.*, отъ войска *60,947 р. 50 к.*, отъ станицъ *10,370 р. 67½ к.* Сверхъ этого азовское войско уплатило переселенцамъ своимъ за непроданныя ими усадьбы, оставленныя на прежнихъ мѣстахъ жительства въ пользу войска, въ 1862 г. 514 р. 50 к., въ 1863 г. 253 р. 95 к. и въ 1864 г. 1150 р., итого *1918 р. 45 к.*

По упраздненіи азовскаго войска, войсковыя знамена и капиталъ, въ количествѣ 92,679 р.10¾ к., переданы въ кубанское войско, а письменныя дѣла азовской войсковой канцеляріи поступили въ разныя учрежденія и вѣдомства, куда по роду производства подлежали.

Такъ закончилась судьба послѣднихъ задунайскихъ запорожцевъ. Судьба незавидная, преслѣдовавшая ихъ изъ рода въ родъ и изъ вѣка въ вѣкъ. Съ паденіемъ въ Россіи въ прош-

ломъ столѣтіи запорожскаго войска часть козаковъ, недовольная правительствомъ, бѣжитъ въ Турцію, тамъ за Дунаемъ основываетъ запорожскую сѣчь, но въ настоящемъ столѣтіи кошевой атаманъ Гладкій измѣняетъ Турціи и бѣжитъ въ Россію, уводя съ собою и часть запорожцевъ. Оскорбленный такой измѣною турецкій султанъ уничтожаетъ въ Турціи запорожскую сѣчь, и самое войско запорожское, потерявъ самостоятельное свое значеніе, разсыпается безслѣдно между разнороднымъ населеніемъ въ Добруджѣ. Вышедшіе въ Россію остатки задунайскихъ запорожцевъ сначала составляютъ отдѣльное войско, названное азовскимъ, но ихъ смѣшиваютъ съ русскимъ податнымъ сословіемъ, потомъ частями переселяютъ на западный Кавказъ въ число разнородныхъ переселенцевъ и наконецъ самое азовское войско упраздняется, а съ тѣмъ вмѣстѣ и послѣдніе запорожцы, если оставались въ войскѣ, перечисляются въ податное состояніе.

П. П. Короленко.



ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

IX.

Прибытіе втораго корпуса русскихъ войскъ.—Императоръ Николай Павловичъ.—Обѣдъ.—Смотръ.—Генералъ Корженевскій.—Вѣсти изъ Франціи.—Приготовленія мѣстныхъ помѣщиковъ.

Гвардія ушла, а вмѣсто нея прибылъ въ наши мѣста другой корпусъ русскихъ войскъ, армейскій, состоявшій изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій, артиллеріи и четырехъ гусарскихъ полковъ, подъ командой пѣхотнаго генерала графа Палена 2-го, женатаго на Орловой-Денисовой. Этотъ корпусъ возвращался изъ Турціи и государь Николай Павловичъ предполагалъ сдѣлать ему смотръ въ Коднѣ.

Графъ Паленъ былъ истинный потомокъ рыцарей-меченосцевъ; огромнаго роста, тучный, онъ напоминалъ тѣхъ рыцарей, что воспѣваются въ пѣсняхъ, рыцарей, которые гнутъ людей, какъ былинку, ломаютъ каменныя стѣны, какъ плетень изъ хвороста; онъ любилъ поѣсть и выпить, былъ очень гостепріименъ и любезенъ, любилъ общество. Графиня была олицетворенная доброта, прекрасно воспитана, безъ памяти любила свой родной Донъ и все, что носило имя козака. Я былъ представленъ ей ея племянникомъ и былъ въ ея домѣ, какъ свой. Часто она пріѣзжала въ Гальчинецъ и проводила по нѣсколько дней

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1891 г., № 7.

съ моими сестрами. Графиня, которой было тогда лѣтъ подъ 50, любила слушать чтеніе исторіи козаковъ и пѣніе козацкихъ думъ, которыя козаки пѣли подъ акомпаниментъ цимбалъ. Чаще всего съ ней бывала жена начальника корпуснаго штаба полковника Ренненкампфа, очень красивая блондинка, молодая и сантиментальная.

Въ этомъ корпусѣ почти не было поляковъ, очень мало малороссовъ, даже великороссовъ. Всѣ высшіе офицеры были финляндцы или остзейцы, а низшіе или уроженцы сѣверныхъ губерній, или татары. Полки были образцовыми, отличались исправностью въ строю и пріобрѣли боевую славу, ихъ звали варнскими львами. У насъ тогда говорили, что они во имя короля польскаго Николая отомстили за смерть Владислава III, также короля польскаго. Съ этимъ корпусомъ ни помѣщики, ни простонародье, ни даже евреи не имѣли никакихъ столкновеній, потому что онъ былъ образцовымъ по отношенію къ порядку, субординаціи и аккуратности въ уплатѣ долговъ; но отъ него вѣяло какимъ то холодомъ и мы не имѣли къ нему не говорю уже такого расположенія, какъ къ гвардіи, потому что то была братская привязанность, но даже какъ къ 3-му корпусу—этому собранію безпутныхъ гулякъ. Можетъ быть это произошло оттого, что корпусъ этотъ, придя на мѣсто гвардіи, не могъ ни въ какомъ отношеніи выдержать съ нею сравненіе, и производилъ послѣ нея на помѣщиковъ такое же впечатлѣніе, какъ итальянское вино, хоть и хорошее, послѣ шампанскаго.

Въ это же время Тадеушъ Валевскій и Викентій Тышкевичъ заперлись въ своихъ домахъ и разыгрывали роль хозяевъ и домосѣдовъ, но Карлъ Бурхинскій ѣздилъ по ярмаркамъ и церковнымъ праздникамъ и шепталъ на ухо: „Былъ въ Полонномъ; Тадзіо говоритъ, это что то будетъ, и скоро. А вино то, вино — мышью пахнетъ, точно масло — языкъ прилипаетъ къ нёбу“.

Игнатій Струмилло приглашалъ сыграть въ вистъ, въ бостонъ, въ пикетъ и даже въ марьяжъ:

— Сыграемъ пока есть время, а то былъ я въ Очеретяной и кажется мнѣ, что скоро уже будетъ не до игры, развѣ

перекинемъ въ штоссъ и то на сѣдлѣ, какъ бывало во время конфедераціи или когда я служилъ въ уланахъ.

Игнатій Струмилло служилъ когда то ротмистромъ въ австрійскомъ уланскомъ полку эрцгерцога Карла и отъ этой прежней службы у него остались сабля и шпоры, которыя онъ велѣлъ теперь вычистить.

Говорили во всей округѣ, что призидентъ Елисей Піотровскій, старинный пріятель семействъ Валевскихъ и Корвицкихъ, извѣстный юристъ, приготовляетъ доказательства и всякіе документы для завладѣнія русскими землями, на основаніи литовскаго статута, магдебургскаго права и прусской корректуры, въ прежнихъ границахъ. Вѣдь на то и право, чтобы люди устраивались согласно съ нимъ и не допускали насилія. Такъ утверждали въ Браталовѣ. А поэтъ Констанцій день и ночь сочинялъ длиннѣйшую оду къ Тадеушу, но не Костюшкѣ, а только Валевскому. Это было ему очень легко, потому что онъ нашелъ въ своихъ бумагахъ черновыя одъ и посланій къ Тадеушу Костюшкѣ и Тадеушу Чацкому, все къ Тадеушамъ; перелицовка шла недурно, но было затрудненіе, что поставить на мѣсто Рацлава, Дубенки и Мацѣевицъ. Поэтъ вставилъ: Гончариха, Перепетова могила и Янче надъ Днѣпромъ,—тамъ отличится Тадзіо.

Ахметовичъ-паша, какъ новый Донъ-Кихотъ со своимъ Санчо-Пансо, объѣхалъ помѣщичьи дома и вездѣ распѣвалъ:

— Въ столицѣ Сигизмунда, глубоко подъ памятникомъ этого стараго короля, тлѣетъ подземный огонь, лава расплавляется, кипитъ и скоро вырвется и польется по всѣмъ польскимъ землямъ. Такъ хочетъ Богъ и иначе быть не можетъ! Поднимайтесь, люди Божьи!

Удивительное было лицо у этого старца, все въ морщинахъ, желтое, какъ древній пергаментъ, а между тѣмъ на немъ горѣлъ лихорадочный румянецъ, глаза блестѣли, а нафабренные усы торчали, какъ два рога. Всегда парадно одѣтый, въ узкихъ лосинахъ, ботфортахъ выше колѣнъ, въ вычищенной или новой красной чамаркѣ съ золотыми бандебурами, на головѣ шапка съ перомъ и разноцвѣтными лентами, какъ зна-

ками побѣдъ надъ прекраснымъ поломъ, а за нимъ Санчо-Пансо въ голубой одеждѣ. Нигдѣ онъ не останавливался на долго, а какъ только произносилъ: Люди божьи, поднимайтесь! выходилъ, садился въ экипажъ и ѣхалъ дальше.

Появился и профессоръ Шостаковскій, бѣдный сумасшедшій, и тоже говорилъ аллегерическія рѣчи. Странствовали по краю и другіе люди въ томъ же родѣ, проповѣдывали, пѣли „o nowym Tadeuszu, co w nowym kontuszu potańczy na Ianczy“ [1]), и о томъ, какъ „Pan Wincenty jak ojciec Gaudenti, nie da siebie zrobic gapą, zmaże kreskę i ucznie da capo“ [2]).

Все это пріѣхало къ намъ изъ Новаго Рима, который сенаторъ Илинскій отдалъ послѣ оо. іезуитовъ подъ надзоръ и управленіе своего почетнаго частнаго пристава Ахметовича-паши, а тотъ собралъ тамъ компаньоновъ, подобныхъ себѣ, лишенныхъ разума и сердца, и устроилъ настоящій Бедламъ.

Игнатій Струмилло, который зналъ многое, чего не знали другіе, утверждалъ, что все это были штуки Генриха Ржевускаго съ цѣлью возбудить край и подготовить его къ вспышкѣ; если дѣло не удается—онъ будетъ смѣяться надъ сумасшедшими, если удастся—то провозгласитъ: это моя заслуга. Мѣстныя власти не обращали вниманія на эти странствованія сумасбродовъ; засѣдатели и исправники смѣялись надъ ними и сами побуждали ихъ къ произнесенію проповѣдей. Помню, какъ житомирскій исправникъ, русскій, разсказывалъ намъ, что онъ встрѣтилъ между Сосновкой и Слободищами Ахметовича-пашу съ его Санчо-Пансо, гонящихъ трехъ быковъ и кричащихъ: „прочь, прочь съ нашихъ нивъ, довольно уже принесли вреда“! На вопросъ исправника, какого это врага онъ гонитъ, Ахметовичъ отвѣчалъ:

— Я новый Геркулесъ, выгоняю чудовище изъ трехъ земель—Польши, Литвы и Руси, по приказанію его сіятельства сенатора-кардинала и преподобныхъ отцовъ іезуитовъ, которые

---

[1]) О новомъ Тадеушѣ, что въ новомъ кунтушѣ протанцуетъ на Янчѣ.

[2]) Панъ Викентій, какъ отецъ Гауденій, не дастъ себя одурачить, изгладитъ черту и примется снова.

возвратятся съ первой женой, чтобы насъ окрестить снова, но не въ Іорданѣ, а въ Днѣпрѣ.

И исправникъ смѣялся, и всѣ смѣялись, но были и такіе, что не смѣялись, а край волновался все болѣе и болѣе, неизвѣстно почему: у каждаго было какое то предчувствіе. Какъ говорили малорусскіе крестьяне, „*несамовыти* (сумасшедшіе) напускаютъ какое то безпокойство, что то будетъ“.

Войска второго корпуса уже получили приказъ двинуться въ лагерь подъ Кодню, когда прибыли къ намъ Игнатій Стемпковскій и Якубъ Цихоньскій, оба изъ заславскаго повѣта, въ качествѣ делегатовъ Тедеуша Валевскаго, съ цѣлью возрожденія общества тампліеровъ. Наши помѣщики и молодежь собирались въ трехъ мѣстахъ: въ Браталовѣ у Піотровскихъ, въ Тютюнникахъ у Фалинскаго и въ Гальчинцѣ у меня. Игнатій Стемпковскій принадлежалъ ко всевозможнымъ масонскимъ сектамъ и могъ быть архи-церемоніймейстеромъ не только въ Польшѣ, а и вездѣ. Гробовые покровы, мертвыя головы и бенгальскіе огни для декорацій занимали почтеннаго Стемпковскаго болѣе, чѣмъ самое дѣло, а Якубъ Цихоньскій отпускалъ остроты и писалъ стишки. Однако, несмотря на все это, спроси любого изъ приставшихъ къ нимъ, почему онъ это сдѣлалъ, то онъ навѣрное отвѣтилъ бы: потому, что это уже сдѣлали другіе прежде меня.

Въ Коднѣ дѣлались большія приготовленія къ пріему императора Николая Павловича. Тетка и дядя вызвали меня на это великое торжество; я пріѣхалъ съ Игнатіемъ Стемпковскимъ и Яномъ Омецинскимъ; другіе помѣщики уже ждали въ Коднѣ прибытія императора; всѣхъ ихъ было у дяди 19. Всѣ они были въ дворянскихъ мундирахъ темно-зеленыхъ съ малиновымъ, я же былъ въ мальтійскомъ мундирѣ.

Государь пріѣхалъ въ Кодню ночью. Войска на встрѣчу ему не выходили; онъ прямо проѣхалъ къ палацу, гдѣ все было уже приготовлено. Предъ крыльцомъ государя ожидали: генералъ Корженевскій, хозяинъ дома, графъ Паленъ, командиръ 2-го корпуса, и волынскій губернаторъ Аверинъ. Такова была высочайшая воля.

Съ государемъ прибыли: фельдмаршалъ Сакенъ, командиръ 1-й арміи, фельдмаршалъ Дибичъ-Забалканскій, командиръ 2-й арміи, генералы Бенкендорфъ и Адлербергъ, графъ Станиславъ Потоцкій, генералъ Витте и многочисленная свита императора и двухъ фельдмаршаловъ. Всего было болѣе ста человѣкъ и всѣ очень удобно были размѣщены въ огромномъ кодненскомъ палацѣ, ни для кого не пришлось искать помѣщенія въ мѣстечкѣ. Въ главномъ корпусѣ были помѣщенія императора, фельдмаршаловъ, лицъ изъ свиты и штаба, въ павильонѣ лѣваго крыла размѣстились служители придворные, фельдмаршальскіе и свитскіе, а въ павильонѣ праваго крыла жилъ генералъ Корженевскій съ женой и всѣ пріѣхавшіе помѣщики.

60 экипажей, запряженныхъ шестерками, четверками и парами, и 120 верховыхъ лошадей были на готовѣ. Мебели и ковровъ было такъ много и такого качества, что старый фельдмаршалъ Сакенъ все повторялъ: „только у польскаго пана да еще такъ преданнаго монарху, какъ преданъ Михаилъ Корженевскій государю Николаю Павловичу, можно найти такія вещи“.

Эти слова дошли до государя и очень расположили его въ пользу генерала Корженевскаго, который былъ ему лично извѣстенъ и который, къ тому же, былъ ловкимъ придворнымъ.

Рано утромъ всѣ мы, помѣщики, были собраны въ большой бальной залѣ, выходившей окнами въ садъ, и выстроены въ рядъ не по чинамъ и возрасту, а какъ попало, такъ что я стоялъ въ срединѣ, хотя былъ моложе всѣхъ и не имѣлъ никакого отличія, кромѣ мальтійскаго креста. Впереди насъ стали: губернскій предводитель Граціанъ Левкевичъ, губернаторъ Аверинъ и генералъ Корженевскій.

Вошелъ государь; при немъ были только генералъ Витте и графъ Станиславъ Потоцкій.

Я долженъ сознаться, что ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не произвелъ на меня бóльшаго впечатлѣнія, чѣмъ императоръ Николай; въ то время онъ былъ во всемъ цвѣтѣ красоты и царственнаго величія. По росту, осанкѣ и выраженію лица онъ казался владыкой міра. Лицо загорѣло, только лобъ, прикрытый козырькомъ каски, былъ бѣлъ.

Предводитель Левкевичъ началъ говорить по французски, но государь сразу прервалъ его, сказавъ по русски:

— Господинъ предводитель, я понимаю и по русски, и по польски; французскій языкъ между нами совершенно ненуженъ.

Когда смущенный Левкевичъ сталъ запинаться, государь обратился къ генералу Витте:

— Генералъ, представьте мнѣ дворянъ.

Генералъ взялъ списокъ и началъ его громко читать, а государь прошелъ передъ рядомъ дворянъ и сказалъ каждому по нѣсколько словъ.

Дворяне такъ были смущены неловкостью и ненаходчивостью своего предводителя, что отвѣчали невпопадъ; одинъ только Кантъ Гленбоцкій смѣло отвѣчалъ государю на его вопросы объ орденахъ, полученныхъ Гленбоцкимъ въ Турціи и на Березинѣ.

Когда государь подошелъ ко мнѣ, то смѣрялъ меня глазами съ ногъ до головы и сказалъ очень милостиво:

— Съ такой фамиліей и еще не въ военной службѣ.

Я отвѣтилъ, что я единственный сынъ умершихъ родителей и опекунъ своихъ сестеръ.

Государь усмѣхнулся и сказалъ:

— У насъ и такіе есть.

Затѣмъ обратился къ генералу Корженевскому:

— Отдай мнѣ своего родственника, онъ будетъ служить при мнѣ.

Генералъ Корженевскій поклонился чуть не до земли.

Потомъ подали экипажи и генералъ Адлербергъ сообщилъ мнѣ, чтобы я приготовился ѣхать съ государемъ. Въ огромномъ ландо государь сѣлъ съ лѣвой стороны, а фельдмаршалъ Дибичъ съ правой. На передней скамейкѣ было указано мѣсто ген. Корженевскому, а подлѣ него мнѣ. Я сидѣлъ противъ государя. Мы проѣхали передъ лагеремъ, гдѣ войска встрѣчали императора музыкой и пушечными выстрѣлами. Государь не остановился здѣсь, а велѣлъ ѣхать прямо въ лазареты, которые были верстахъ въ пяти отсюда, въ Солотвинѣ. Лошади мчались во весь опоръ, а государь все время разговаривалъ, разспра-

шивалъ меня, что мы дѣлаемъ, какъ проводимъ время, какія у насъ развлеченія, о гвардейцахъ, со многими ли изъ нихъ я познакомился. На всѣ вопросы я отвѣчалъ, повидимому, удачно, потому что государь былъ со мной очень любезенъ, а дядя казался очень, обрадованнымъ.

Обходя лазареты, государь останавливался возлѣ каждаго больного, а раненыхъ съ отеческой заботливостью распрашивалъ, гдѣ они получили раны; но нѣсколько разъ онъ становился суровымъ, выговаривая смотрителямъ лазарета и даже нѣкоторымъ докторамъ. Выраженіе его лица дѣлалось тогда такимъ грознымъ, что я замѣчалъ, какъ дрожали окружающіе, но въ то же время онъ не произносилъ ни одного рѣзкаго слова, не возвышалъ голоса.

На обратномъ пути государь уже не говорилъ такъ много какъ прежде, а только сказалъ фельдмаршалу Дибичу:

— Неизлечимы, а надо, чтобы вылечились.

Онъ задумался; потомъ снова сталъ говорить о своихъ варнскихъ львахъ, спрашивалъ объ офицерахъ, которыхъ не видѣлъ ни во фронтѣ, ни въ госпиталяхъ. Фельдмаршалъ отвѣчалъ, но съ замѣтнымъ смущеніемъ и неувѣренностью, видно было, что онъ менѣе зналъ своихъ подчиненныхъ, чѣмъ императоръ. Государь, не желая его мучить, началъ говорить о Петербургѣ.

Обѣдъ былъ на 160 кувертовъ, на столахъ, разставленныхъ въ видѣ подковы. Изъ помѣщиковъ только трое были приглашены къ высочайшему столу: генералъ Корженевскій, Янъ-Кантъ Гленбоцкій и я. Графъ Адлербергъ говорилъ, что въ поданномъ спискѣ государь собственноручно вычеркнулъ всѣ фамиліи, кромѣ трехъ. Это приписывали французскому языку предводителя Левкевича, потому что другой причины не было. Въ тотъ же день губернатору Аверину было сообщено, что всѣ дворяне, занимающіе выборныя должности, могутъ разъѣхаться по своимъ мѣстамъ и вступить въ исполненіе своихъ обязанностей.

Государь сидѣлъ посрединѣ за первымъ отъ двери залы

по одной сторонѣ его сидѣлъ фельдмаршалъ Сакенъ, по другой генералъ Корженевскій; противъ Государя фельдмаршалъ Дибичъ, а возлѣ него съ одной стороны графъ Паленъ, съ другой губернаторъ Аверинъ. Я сидѣлъ наискось противъ Государя, между генераломъ Кайсаровымъ и полковникомъ Коцебу.

Генералъ Кайсаровъ былъ человѣкъ свѣтскій, въ полномъ смыслѣ слова, отлично говорилъ по французски и даже по польски, сосѣдство его было очень пріятно. Кайсаровъ, москвичъ изъ зажиточной семьи, былъ въ 1812 г. адъютантомъ при Кутузовѣ, а въ описываемое время начальникомъ штаба 1-й арміи; онъ пользовался репутаціей русскаго Баярда и былъ имъ въ дѣйствительности. Полковникъ Коцебу болѣе молчалъ, чѣмъ говорилъ, какъ и всѣ нѣмцы, достигшіе важныхъ должностей. Держался онъ на вытяжку, и, какъ говорили, былъ очень свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ.

Когда дошла очередь до тоста за фельдмаршала Дибича и побѣдоносныя забалканскія войска, Государь провозгласилъ его самъ, сказавъ при этомъ, что такія здравицы пьютъ не рюмками, а кубками; шампанское было разлито въ большіе стаканы. Я тогда еще не былъ такъ привыченъ къ крѣпкимъ напиткамъ, какъ теперь, но генералъ Кайсаровъ налилъ мнѣ полный стаканъ и я долженъ былъ выпить его однимъ духомъ до дна.

Второй тостъ также поднялъ Государь: за варнскихъ львовъ. Кайсаровъ сказалъ мнѣ, что взятыя подъ Варной пушки отосланы въ Варшаву, какъ трофеи славянскаго мщенія, и изъ его разговора я заключилъ, что онъ принадлежитъ къ какому то славянскому обществу политическому или ученому.

Обѣдъ окончился очень весело. Послѣ обѣда всѣ оставались въ залахъ еще часа два, до чаю. Государь нѣсколько разъ удалялся въ свои покои и снова возвращался съ видимымъ желаніемъ не мѣшать общимъ разговорамъ.

Старый фельдмаршалъ Сакенъ подозвалъ меня и сталъ спрашивать, предпочитаю ли я лавры героя или розы красавицы, на что я отвѣтилъ, что предпочелъ бы второе, но только, къ несчастью, такой красавицы нѣтъ

Фельдмаршалъ Сакенъ, несмотря на суровость и строгость, въ которыхъ его обвиняли, былъ чрезвычайно пріятнымъ человѣкомъ въ обществѣ, любилъ проводить время среди мѣстныхъ помѣщиковъ; въ то время ему было уже лѣтъ подъ девяносто. Его адъютантъ, полковникъ Милорадовичъ, разсказывалъ намъ, что ослабѣвшаго отъ старости фельдмаршала ежедневно утромъ растирали ромомъ съ какими то медикаментами, давали выпить рюмку или двѣ вина и тогда только онъ приходилъ въ себя и, какъ заведенная машина, двигался до вечера. Онъ былъ такъ глубоко убѣжденъ въ необходимости суровыхъ наказаній въ арміи для поддержанія дисциплины, что все только о нихъ и думалъ. Тотъ же Милорадовичъ разсказывалъ анекдотъ, будто бы однажды, когда фельдмаршалу доложили утромъ о томъ, что его верховая лошадь захромала, онъ спросонья проговорилъ:

— Разжаловать его въ солдаты и послать въ сибирскіе батальоны.

Фельдмаршалъ Дибичъ по наружности совершенно отличался отъ Сакена. Довольно тучный, приземистый, съ толстыми руками и ногами, онъ имѣлъ видъ нѣмца-пивовара, въ глазахъ его и улыбкѣ проглядывало добродушіе и, дѣйствительно, говорили, что онъ былъ очень доступенъ и снисходителенъ по отношенію къ подчиненнымъ.—Дибичъ былъ очень честенъ и свѣдущъ въ военномъ искусствѣ, но у него не было священнаго огня полководца.

Въ турецкую войну наиболѣе отличился генералъ Ротъ, а послѣ него Гейсмаръ, какъ люди отважные, даже дерзкіе по своимъ замысламъ и хладнокровные и мужественные въ исполненіи этихъ замысловъ. Подвиги генерала Гейсмара во главѣ драгуновъ на Дунаѣ приводились, какъ примѣры предусмотрительности, осторожности и неустрашимаго мужества. Переходъ генерала Рота черезъ Балканы въ виду многочисленной турецкой арміи подъ Шумлой, занятіе Адріанополя и высылка отрядовъ къ Константинополю и Дарданелламъ были блестящими примѣрами неустрашимой отваги и увѣренности въ себѣ. Какъ на слѣпого и безстрашнаго исполнителя приказаній указывали на графа Палена 2-го. Дибичъ говорилъ о немъ: „Надо

хорошо обдумать, чтобы не дать неудачнаго приказанія Палену, потому что онъ отступать не умѣетъ, нелѣпости въ полученныхъ приказаніяхъ не видитъ, разъ ему приказано—онъ и себя и войско погубитъ, а приказаніе выполнитъ".

На слѣдующій день былъ смотръ войскамъ. По распоряженію ген. Адлерберга, я вмѣстѣ съ Корженевскимъ былъ въ свитѣ Государя. Дядя никогда, правду сказать, не служилъ въ военной службѣ. Какъ человѣкъ богатый, находившійся въ родствѣ съ Поцѣями, Малаховскими, Богушами и почти со всѣми литовскими магнатами, онъ былъ назначенъ при Станиславѣ-Августѣ бригадиромъ пинской бригады „кавалеріи народовой", которой никогда не видѣлъ, и притомъ никогда не садился на коня. Фельдмаршалы Сакенъ и Дибичъ, видя расположеніе Государя къ Корженевскому, доложили ему, что ихъ товарищъ, Михаилъ Корнѣевичъ Корженевскій, очень обиженъ, такъ какъ былъ бригадиромъ при королѣ Станиславѣ-Августѣ, а теперь не числится болѣе въ арміи, хотя и не былъ уволенъ въ отставку, и просили вознаградить его за эту несправедливость. Государь приказалъ зачислить Корженевскаго по кавалеріи съ производствомъ въ генералы. На смотръ дядя явился уже въ генеральскомъ мундирѣ на прекрасномъ бѣломъ конѣ, такомъ смирномъ, что на немъ можно было молоко возить. Я былъ подлѣ него, тоже верхомъ на великолѣпной горячей лошади. Я былъ недурнымъ и смѣлымъ наѣздникомъ; самъ Государь замѣтилъ это. Когда гусарскіе полки начали дефилировать предъ нимъ, онъ подозвалъ меня къ себѣ. Я исполнилъ приказаніе и поскакалъ галопомъ. Примѣръ ли моего коня или музыка и приближеніе кавалерійской колонны произвели то, что лошади фельдмаршаловъ и дяди стали безпокоиться. Сакена поддержалъ адъютантъ, Дибичъ усидѣлъ на конѣ и потомъ слѣзъ съ него, а Корженевскій очутился на землѣ; какъ онъ свалился,— никто не видѣлъ. Къ счастью, онъ отдѣлался однимъ испугомъ, за то смѣху было много. Смотръ прошелъ благополучно; Государь остался очень доволенъ войсками.

На третій день пріѣхала Государыня. По этому случаю былъ большой балъ, на которомъ я имѣлъ счастіе танцовать съ

Императрицей и разговаривать съ ней о старой графинѣ Браницкой. Государыня танцовала превосходно и такъ изящно, что ни одна полька не могла сравниться съ нею. При Государынѣ были: г-жа Баранова, двѣ дѣвицы Медемъ и замѣчательная красавица княжна Урусова. Предъ концомъ бала гр. Станиславъ Потоцкій сообщилъ мнѣ, что Государь Императоръ, въ виду несклонности моей къ военной службѣ, всемилостивѣйше пожаловалъ меня въ камеръ-юнкеры и что, устроивъ свои дѣла, я долженъ явиться въ Петербургъ ко двору. Корженевскій и я благодарили Государя за милость. И Государь и Государыня обошлись съ нами очень ласково, а Государь сказалъ мнѣ:

— Думаю, что въ Петербургѣ почувствуешь склонность къ военной службѣ.

Государь уѣхалъ на слѣдующій день очень рано. Государыня нѣсколько часовъ спустя. При отъѣздѣ гофмейстерина Баранова очень любезно сказала мнѣ:

— До свиданья въ Петербургѣ.

Такъ я сдѣлался камеръ-юнкеромъ. Я присягалъ при вступленіи въ общество тампліеровъ, что не вступлю ни въ какія иныя отношенія и не приму на себя никакихъ иныхъ обязательствъ. Я твердо рѣшилъ остаться вѣрнымъ своей клятвѣ, но, признаюсь, это рѣшеніе стоило мнѣ дорого, такъ какъ Императоръ Николай Павловичъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе и я постоянно думалъ: отчего поляки не группируются вокругъ него и добровольно не снискиваютъ его расположенія, лучше бы для нихъ было. Таковы были мои мысли въ то время; часто и очень часто приходили онѣ мнѣ въ голову впослѣдствіи, возвращаясь какъ голуби подъ старую крышу, и теперь еще живо во мнѣ это убѣжденіе, и все таки я остался вѣрнымъ своей клятвѣ, какова бы она ни была, и исполнилъ свои обязанности добросовѣстно, не щадя не только жизни, что легко для польскаго шляхтича, но даже не щадя своего состоянія, что гораздо труднѣе.

Генералъ Корженевскій пріобрѣлъ огромное значеніе у мѣстныхъ должностныхъ лицъ. Прежде онъ имѣлъ вліяніе, благодаря взяткамъ, которыя раздавалъ не жалѣя, теперь же

милость Государя удвоила и уваженіе къ нему и его значеніе. Надъ нимъ не тяготѣло никакого обвиненія въ непатріотическихъ поступкахъ; онъ отнесся къ раздѣлу Польши такъ же, какъ отнеслась большая часть мѣстныхъ помѣщиковъ: призналъ совершившійся фактъ и примирился съ положеніемъ дѣлъ, котораго не могъ измѣнить. Онъ не старался снискать расположенія правительства позорными путями, во вредъ другимъ помѣщикамъ, и предосудительными съ точки зрѣнія польскаго патріота, и все же онъ не пользовался любовью среди помѣщиковъ, единственно потому, что былъ богаче и вліятельнѣе другихъ. Ему лгали, пользовались его помощью, услугами и въ то же время выдумывали про него невѣроятныя вещи, хотя всѣ клеветы были ложны.

Я самъ не разъ удивлялся, какъ безъ широкаго и основательнаго образованія, безъ заслугъ въ прошломъ, безъ большого богатства, такъ какъ, хотя у него и было 6,000 душъ крестьянъ, нѣсколько мѣстечекъ и много деревень, все же онъ не могъ сравниться съ крупными магнатами, Корженевскій съумѣлъ сблизиться и завести отношенія съ фельдмаршалами и другими вліятельными людьми. Случайно я открылъ этотъ секретъ. Во время пребыванія Государя въ Коднѣ, мы съ Игнатіемъ Стемпковскимъ вошли однажды нечаянно въ кабинетъ Корженевскаго и увидѣли тамъ генерала въ обществѣ камердинеровъ Сакена и Дибича, сидѣвшихъ съ нимъ за панибрата и попивавшихъ шампанское. Мы удалились. По уходѣ гостей генералъ пригласилъ насъ и сказалъ:

— Вы удивились, конечно, заставъ меня, генерала, въ обществѣ камердинеровъ, я понимаю ваше удивленіе—вы еще молоды и не можете уразумѣть такой житейской вещи: хотя я и богатый человѣкъ и генералъ, но еслибы заискивалъ у Сакена или Дибича, то они даже не обратили бы на меня вниманія, или насмѣхались бы и говорили бы, что я унижаюсь, потому что они привыкли смотрѣть на людей такъ, какъ будто тѣ созданы иначе, чѣмъ они, считать насъ за ничтожество. Между тѣмъ ихъ камердинеры почитаютъ за честь и за счастье быть въ обществѣ генерала, потому что и они, хоть и камердинеры, само-

любивы и тщеславны, можетъ быть еще болѣе, чѣмъ ихъ господа. Обласканные мною такимъ образомъ, какъ вы видѣли, они утромъ, одѣвая своихъ господъ, и вечеромъ, раздѣвая ихъ, твердятъ, какъ попугаи: „Михаилъ Корнѣевичъ—хорошій человѣкъ, какъ онъ любитъ ваше сіятельство“. Господа слушаютъ и, когда достаточно наслушаются, начинаютъ вѣрить, что это такъ и на самомъ дѣлѣ, и берутъ своихъ поклонниковъ подъ покровительство. Такимъ образомъ я снискалъ покровительство обоихъ фельдмаршаловъ и другихъ сильныхъ людей. Единственно въ этомъ заключается секретъ моего значенія. Я знаю свое мѣсто, не поднимаю носъ, въ каждомъ вижу человѣка—созданіе Божье, стараюсь пріобрѣсти его расположеніе, и пользуясь маленькими людьми, добираюсь до великихъ. Вотъ мой образъ дѣйствій.

Мы не могли не признать, что сказанное имъ было вѣрно и практично, но не могли также преодолѣть шляхетской гордости и дойти до такихъ поступковъ.

Проѣздъ Государя чрезъ наши области нисколько не измѣнилъ политическихъ чувствъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Усиливалось недовольство, недовѣріе и все яснѣе и яснѣе рисовались мечты о возстаніи. До насъ долетали слухи объ іюльскихъ событіяхъ во Франціи, почерпаемые изъ газетъ и частныхъ сообщеній. Домъ Шафнагеля былъ источникомъ этихъ сообщеній и благодаря этому хозяинъ входилъ нѣкоторымъ образомъ въ кругъ помѣщиковъ, облагораживался. Очаровательная панна Эвелина Хилинская, племянница пани Шафнагель, умѣла прекрасно разсказывать объ этихъ іюльскихъ событіяхъ; молодежь слушала ее и любовалась ею, а панъ Шафнагель повѣствовалъ почтеннымъ помѣщикамъ, за чаркой добраго вина и кускомъ швейцарскаго сыра, о Карлѣ X, Людовикѣ-Филиппѣ, Бурбонахъ, Орлеанахъ и т. п. Помѣщики слушали и чтобы не пользоваться этимъ удовольствіемъ даромъ, чего не позволяла шляхетская гордость, покупали разныя драгоцѣнности для женъ и дочерей, привозили домой и, отдавая ихъ, говорили: „Это отъ Шафнагеля, а какія новости онъ намъ поразсказалъ, да все важныя!“ Жены и дочери слушали, а дня черезъ два—три,

опять посылали за новостями къ Шафнагелю: такая де теперь знаменательная эпоха. Такимъ образомъ Шафнагель сталъ у помѣщиковъ руководителемъ политики и горячимъ патріотомъ, потому что помѣщичьи дукаты съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сыпались въ его шкатулку. Онъ благословлялъ политику, да и было за что!

Событія, совершавшіяся во Франціи, гораздо болѣе волновали сердца поляковъ и помѣщиковъ, чѣмъ турецкая война. Напрасно въ то время Генрихъ Ржевускій разсуждалъ о карловицкомъ трактатѣ, подъ которымъ подписался его предокъ, напрасно убѣждалъ онъ, что турки единственные союзники, которые охраняли до конца существованіе Рѣчи-Посполитой, что рядъ пораженій, понесенныхъ Турціей, есть слѣдствіе защиты Польши, что Высокая Порта доселѣ не подписала ни одного трактата, которымъ признала бы законность раздѣла Польши, что она вѣрна союзному договору и что только сближеніе съ турками можетъ возстановить падшее отечество, что въ Турціи находятся остатки войска Рѣчи-Посполитой, запорожцы, однимъ словомъ, что союзъ съ турками для поляковъ—союзъ традиціонный, историческій и политическій. Поляки слушали, зѣвали и все повторяли: „да вѣдь они бусурманы“.

Когда же Шафнагель разсказывалъ или читалъ объ уличной схваткѣ въ Парижѣ, о Лафайеттѣ, о зонтикѣ Людовика-Филиппа, то не у одного чесался языкъ приказать сѣдлать коней, закладывать экипажи, чтобы летѣть въ Парижъ, на помощь тому братскому народу, съ которымъ соединяетъ поляковъ вѣковая связь крови, пролитой на однихъ и тѣхъ же поляхъ битвъ, пролитой за славу Рѣчи Посполитой, за славу императора Наполеона, но увы! не за Польшу. Но вѣдь поляки носятъ названіе французовъ сѣвера и гордятся этимъ названіемъ, и хотя французы никогда не принимали названія поляковъ юга, но что за дѣло до этого! Надо летѣть на помощь французамъ. Развѣ Генрихъ Валуа не сидѣлъ на польскомъ престолѣ и не бѣжалъ съ него? Развѣ Марія Лещинская не была королевой французской и развѣ Франція не старалась посадить на престолъ Станислава Лещинскаго? Развѣ Домбровскій, Князевичъ,

Малаховскій не проливали своей крови и крови польскихъ легіоновъ въ Италіи, Германіи, Санъ-Доминго и Египтѣ за цѣлость и славу французской республики, а эта республика развѣ не заключала договоры съ Россіей, Пруссіей и Австріей, не упоминая даже имени Польши, освящая молчаніемъ и подписываніемъ трактатовъ раздѣлы королевства или республики польской? Развѣ поляки не были защитниками наполеоновскихъ орловъ въ Испаніи, въ Германіи, подъ Смоленскомъ, подъ Бородинымъ, при переправѣ черезъ Березину? Развѣ кн. Іосифъ Понятовскій не палъ подъ Лейпцигомъ, сражаясь за Наполеона, а Дверницкій развѣ не дрался во главѣ польской молодежи за Францію во время паденія имперіи? И что же за все это получили поляки и Польша? То, что Наполеонъ I гдѣ то тамъ, на островѣ св. Елены, сказалъ: „Плохо, что я не зналъ поляковъ, плохо, что я не помнилъ о Польшѣ!“ Сожалѣнія трупа надъ умирающимъ! Но Франція имѣетъ г-жу де-Жанлисъ, на произведеніяхъ которой учились французскому языку польскія матроны, имѣетъ Жоржъ-Сандъ, писанія которой знаютъ на память польскія дѣвушки, имѣетъ бордосское для польскихъ отцовъ, а шампанское для сыновей, столько модныхъ уборовъ для прекраснаго пола, столько лоретокъ и гризетокъ для пола непрекраснаго! Она имѣетъ своего Лафайетта и національную гвардію. Какъ же не летѣть къ ней на помощь? Кто полякъ, кто носитъ польское имя, у кого бьется польское сердце, тотъ долженъ сражаться и умирать за Францію. Таково было настроеніе польскихъ дворянъ.

Камергеръ и подканцлеръ услыхали объ этомъ и объѣзжали сосѣдей.

— Великій богатырь этотъ Лафайеттъ! Глава народолюбцевъ, какъ и нашъ Косцюшко. Кто знаетъ, не пришлютъ ли его въ Польшу, чтобы онъ устроилъ конфедерацію и призвалъ къ оружію народолюбцевъ? Тогда всѣ пойдемъ, никто изъ насъ не спрячется за печку.

Іосифъ Валевскій, капитанъ 1-го конно-егерскаго полка, крутилъ усъ, потиралъ носъ и говорилъ:

— Войска сохранили выпушки. Цесаревичъ, нашъ любимый вождь, не пошлетъ насъ на французовъ, пойдемъ на другихъ добывать лампасы, и французы будутъ съ нами.

Умы были возбуждены не только среди помѣщиковъ, но и среди другихъсословій. Евреи, видя сколько зарабатывалъ Шафнагель на политикѣ, такъ какъ любопытные евреи уже обо всемъ провѣдали, начали также политиканствовать, разсказывать мужикамъ о томъ, что дѣлается во Франціи, какъ тамъ выгнали короля и теперь тамъ свобода, о Лафайеттѣ, что это народный атаманъ, о національной гвардіи, что это реестровые козаки; и мужики мечтали о возвращеніи козачества, гетманщины, объ атаманѣ и о козацкихъ полкахъ, даже о Запорожьѣ и гайдамачинѣ.

Варнскіе львы выступили изъ нашихъ мѣстъ и вмѣсто нихъ пришелъ 3-й корпусъ, но уже безъ генерала Рота. Гусары 3-й дивизіи снова заняли Бердичевъ, Сквиру, Любаръ и Новую Трою. Среди гусаровъ снова появились поляки: Титъ Пословскій, Константинъ Залѣсскій и многіе другіе, которые всѣ готовы были оставить полки ради отечества.

Столько было возбужденныхъ элементовъ, а не было отступниковъ. О Тадеушѣ Валевскомъ и Викентіѣ Тышкевичѣ не было ни слуху, ни духу, даже тампліерскія представленія прекратились.

При такихъ обстоятельствахъ подоспѣло время новыхъ дворянскихъ выборовъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ: въ волынской въ іюлѣ, въ подольской въ августѣ, а въ кіевской въ сентябрѣ, но теперь выборы были отложены на мѣсяцъ по случаю пріѣзда Государя. Мы ѣхали на эти выборы толпами въ увѣренности, что тамъ застанемъ уже и начальниковъ и всю организацію тампліеровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ ТИМКОВСКІЙ,

ПЕДАГОГЪ ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ.

Предлагаемый очеркъ жизни Ильи Ѳедоровича Тимковскаго, игравшаго нѣкогда очень значительную роль въ харьковскомъ учебномъ округѣ, составленъ по неизвѣстнымъ читающей публикѣ его подлиннымъ бумагамъ, которыя до сего времени сохраняются въ трехъ большихъ сундукахъ, въ с. Турановкѣ, глуховскаго уѣзда [1]), и которыя со времени смерти И. Ѳ. Тимковскаго до сей поры, повидимому, никѣмъ не были тронуты, несмотря на то, что, какъ мы видѣли изъ переписки сына Ильи Ѳедоровича Василія Ильича Тимковскаго съ Михаиломъ Александровичемъ Максимовичемъ, оба они въ теченіе своей жизни были заняты мыслью о томъ, что надо бы было написать біографіи, какъ Ильи Ѳедоровича, такъ и его братьевъ, которые обоимъ имъ приходилось родными дядями: В. И. Тимковскому—по отцу, а М. А. Максимовичу—по матери, урожденной Тимковской [2]). Съ этою цѣлью они сообщали другъ другу разныя свѣдѣнія о своихъ общихъ родственникахъ и дѣлились ихъ автографами, повидимому, не подозрѣвая того, что въ упо-

[1]) Приносимъ нашу искреннюю признательность внучкѣ И. Ѳ. Тимковскаго, теперешней владѣтельницѣ Турановки, О. А. Постельниковой за предоставленіе намъ возможности воспользоваться этими бумагами.

[2]) Такъ напримѣръ, въ письмѣ отъ 11 февраля 1872 г. М. А. Максимовичъ, говоря о необходимости собирать матеріалы для біографій Тимковскихъ, писалъ: „Все это въ свое время будетъ обнародовано, если Богъ пошлетъ вѣку михайлогорскому любителю родной старины. Отцевская, Максимовичевская, уже

мянутыхъ сундукахъ въ Турановкѣ сохраняются цѣлыя сотни писемъ тѣхъ, автографы которыхъ они, какъ рѣдкость, передавали другъ другу, и есть не мало другихъ матеріаловъ для біографій, которыми они интересовались [1]).

Мы не имѣли достаточно времени, чтобъ написать обстоятельную біографію И. Ѳ. Тимковскаго; но, просмотрѣвши его бумаги, нашли нѣкоторыя изъ нихъ настолько интересными, что желали познакомить съ содержаніемъ ихъ и читателей, ради чего главнымъ образомъ и написанъ настоящій очеркъ. Будемъ надѣяться, что въ виду этого читатели не посѣтуютъ на насъ за нѣкоторыя отступленія, которыя мы позволили себѣ въ своей статьѣ для того, чтобъ сдѣлать извѣстными матеріалы, имѣющіе значеніе не только для жизнеописанія И. Ѳ. Тимковскаго, но и для исторіи университета и другихъ учебныхъ заведеній харьковскаго учебнаго округа.

Фамилія Тимковскихъ ведетъ свое начало отъ козака бубновской сотни *Тимка́* (Тимоѳея) Антоновича, вышедшаго изъ заднѣпровской Украины послѣ прутскаго мира. Его сынъ Василій, прозванный по имени отца *Тимченкомъ*, переселился изъ Бубнова въ Переяславъ и, служа тамъ козакомъ терехтемировской сотни, участвовалъ во всѣхъ походахъ турецкой войны, веденной Минихомъ, а послѣ того постригся въ монахи Кіево-Печерской лавры, подъ именемъ Виталія или Вассіана. Сынъ его, Назаръ Васильевичъ *Тимковскій*, служилъ сотеннымъ писаремъ терехтемировской сотни, а затѣмъ, оставивши войсковую службу, принялъ отъ епископа Никодима посвященіе въ па-

обнародована, еще въ сороковыхъ годахъ, въ моей „Бубновской сотнѣ"; материнская, Тимковщина, лежитъ на душѣ,—и грустно мнѣ было бы не выдать ее въ свѣтъ".

[1]) Чтобъ былъ понятенъ этотъ фактъ, надо упомянуть, что послѣ смерти И. Ѳ. Тимковскаго М. А. Максимовичъ уже не бывалъ больше въ Турановкѣ, а В. Н. Тимковскій проживая постоянно въ Петербургѣ, пріѣзжалъ въ Турановку только на короткое время, между тѣмъ какъ разборка всѣхъ бумагъ И. Ѳ., оставшихся въ огромномъ количествѣ и безпорядочно смѣшанныхъ съ хозяйственными счетами и разнаго рода бумажнымъ хламомъ, требовала значительнаго времени.

стоятели Покровской церкви въ с. Войтовцахъ, подъ Переяславомъ.

Назаръ Васильевичъ имѣлъ сыновей Өедора и Ивана. Изъ нихъ старшій, Өедоръ Назарьевичъ (отецъ Ильи Өедоровича), служилъ полковымъ канцеляристомъ въ переяславскомъ полку, потомъ сотеннымъ асауломъ переяславской сотни, затѣмъ переяславскимъ почтмейстеромъ и наконецъ — засѣдателемъ золотоношскаго уѣзднаго суда. Женившись на дочери войсковаго товарища Аннѣ Савишнѣ Терлецкой, онъ на ея деньги пріобрѣлъ хуторъ на рѣчкѣ Згари, верстахъ въ десяти отъ Золотоноши. Этотъ хуторъ (родина Михаила Александровича Максимовича) съ той поры сталъ называться *Тимковщиною,* а въ семьѣ Тимковскихъ его называли, по имени рѣчки, *Згарью.* Поселившись въ этомъ хуторѣ, Өедоръ Назарьевичъ завѣдывалъ дѣлами графа А. А. Безбородка, имѣвшаго имѣніе въ с. Буромкѣ, золотоношскаго уѣзда, и по его дѣламъ бывалъ въ Петербургѣ. Умеръ 29 августа 1790 года.

Другой сынъ Назара Васильевича, Иванъ, служилъ сначала въ полковой канцеляріи въ Переяславѣ, а потомъ въ малороссійской коллегіи въ Глуховѣ; по смерти же Өедора Назарьевича, онъ оставилъ службу и переселился въ хуторъ Тимковскихъ, чтобъ помочь оставшейся съ многочисленнымъ семействомъ вдовѣ въ управленіи хозяйствомъ и въ воспитаніи дѣтей. Всѣ они потомъ считали себя много обязанными Ивану Назарьевичу, а М. А. Максимовичъ въ своей автобіографіи[1]) называетъ его „мужемъ святой жизни". Когда самый младшій изъ сыновей Өедора Назарьевича былъ уже помѣщенъ въ московскій университетъ, а всѣ дочери были выданы замужъ, тогда Иванъ Назарьевичъ простился съ Тимковщиною и поселился въ качествѣ послушника въ Печерской лаврѣ, откуда перешелъ въ Мошногорскій монастырь, гдѣ умеръ въ 1823 г.

У Өедора Назарьевича было пять сыновей: Илья, Иванъ, Василій, Романъ и Егоръ и три дочери: Татьяна, Марія и

[1]) Біографическій словарь профессоровъ московскаго университета, томъ II, стр. 1—22

Гликерія, бывшія въ замужествѣ: первая—за Ив. И. Прохоровичемъ, вторая—за Сав. Ө. Самусемъ и третья—за Ал. Ив. Максимовичемъ. Эта послѣдняя была матерью Михаила Александровича Максимовича.

Всѣ названные сыновья Өедора Назарьевича были люди талантливые, и всѣ воспитывались сначала въ кіевской академіи, потомъ—въ московскомъ университетѣ.

Изъ нихъ Иванъ Өедоровичъ, окончивъ университетъ съ тремя медалями, служилъ въ канцеляріи графа Воронцова, а потомъ—въ коммиссіи сочиненія законовъ; умеръ молодымъ, на 30-мъ году жизни, оставивъ свое имя въ литературѣ на нѣсколькихъ переводахъ съ нѣмецкаго и англійскаго языковъ; между прочимъ ему принадлежатъ переводы: „Полнаго собранія сочиненій Геснера“ (Москва 1803 г.) и романа Лафонтена „Природа и любовь“ (первое изданіе М. 1799 г.).

Василій Өедоровичъ, котораго съ дѣтства родные предназначили къ поступленію въ монашество, но который, получивъ воспитаніе, воспротивился этому, службу свою началъ довольно поздно—на 30-мъ году, въ канцеляріи государственнаго совѣта, гдѣ онъ состоялъ при предсѣдателѣ департамента государственной экономіи Н. С. Мордвиновѣ (въ домѣ котораго и жилъ); потомъ онъ состоялъ при государственномъ секретарѣ А. С. Шишковѣ и сопровождалъ его во всѣхъ путешествіяхъ въ Россіи и заграницею (причемъ на него, между прочимъ, было возлагаемо сочиненіе манифестовъ въ эпоху войны съ Наполеономъ). Затѣмъ онъ послѣдовательно занималъ должности: правителя канцеляріи при полномочномъ намѣстникѣ бессарабской области,—начальника обоихъ отдѣленій азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ и предсѣдателя оренбургской пограничной коммиссіи. Послѣ того, по просьбѣ главнокомандующаго въ Грузіи Ермолова, онъ былъ командированъ къ нему по особымъ порученіямъ, затѣмъ былъ назначенъ на должность бессарабскаго губернатора, которую занималъ не долго; умеръ 40 лѣтъ отъ роду.

Въ книжномъ мірѣ ему принадлежитъ нѣсколько стихотвореній, написанныхъ имъ въ бытность студентомъ кіевской

академіи и напечатанныхъ въ книгѣ: „Радостныя чувствованія музъ“ (Кіевъ, 1796 г., 4⁰), которою академія привѣтствовала новаго митрополита Іероѳея. Кромѣ того, были изданы два его студенческихъ перевода книгъ: „Путешествіе Морица по Англіи“ (Москва, 1804 г.) и „Жизнь графа Миниха“ Галема (М. 1806 г.). Другимъ литературнымъ трудамъ Василія Ѳедоровича не суждено было быть изданными: „*Исторія Бессарабіи*“, написанная имъ въ 1816 г., погибла въ рукописи во время петербургскаго наводненія; по словамъ Мих. Ал. Максимовича, онъ видѣлъ у Василія Ѳед. другое замѣчательное сочиненіе—„*Князь Курбскій*“, въ переписанномъ на бѣло экземплярѣ, но съ многочисленными поправками карандашемъ, свидѣтельствовавшими, что авторъ не былъ вполнѣ доволенъ своимъ произведеніемъ; какая судьба постигла это сочиненіе — неизвѣстно. Наконецъ, онъ велъ путевыя записки во время своихъ путешествій и писалъ записки о Кавказѣ. Сожалѣя, что все это осталось безъ вѣсти, если не пропало, М. А. Максимовичъ прибавляетъ: „сила пера его не рѣдко уравнивалась съ силою его увлекательнаго изустнаго слова, въ которомъ я не зналъ ему равнаго“. Кажется, это былъ самый талантливый изъ сыновей Ѳедора Назарьевича.

Романъ Ѳедоровичъ былъ профессоромъ московскаго университета. Его жизнь и ученые труды описаны И. М. Снегиревымъ въ біографіи его, помѣщенной въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ московскаго университета“ [1]).

Егоръ Ѳедоровичъ извѣстенъ, какъ авторъ изданнаго въ 1824 г., въ трехъ томахъ, сочиненія: „Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ“ (напечатано было по Высочайшему повелѣнію иждивеніемъ казны, Спб. 1824 г. 8⁰). Теперь это сочиненіе устарѣло, но въ свое время оно представляло самое обстоятельное собраніе свѣдѣній о Китаѣ, и было переведено на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Служилъ Егоръ Ѳедоровичъ по министерству иностранныхъ дѣлъ въ разныхъ должностяхъ, и умеръ въ должности непремѣннаго члена совѣта этого министерства.

[1]) Томъ II, стр. 486—498.

Старшій сынъ Ѳедора Назарьевича, Илья Ѳедоровичъ, родился 15 іюля 1772 или 1773 года, въ г. Переяславѣ[1]), гдѣ въ то время отецъ его находился на службѣ и откуда въ 1777 г. онъ переселился въ золотоношскій уѣздъ. Ученье свое Илья Ѳедоровичъ, такъ же какъ и всѣ братья и сестры его, началъ въ золотоношскомъ Благовѣщенскомъ женскомъ монастырѣ, гдѣ въ то время у монахини Варсонофіи было нѣчто въ родѣ маленькаго пансіона. Послѣ того, какъ эту Варсонофію, съ ея помощницею монахинею Ипполитою, смѣнили для Ильи Ѳ. нѣсколько другихъ наставниковъ, онъ былъ отданъ въ переяславскую семинарію, а затѣмъ—въ кіевскую академію, въ которой учился пять лѣтъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ „Москвитянинѣ" подъ заглавіемъ: „Мое опредѣленіе въ службу"[2]), Тимковскій говоритъ, что считаетъ себя много обязаннымъ преподавателямъ кіевской академіи.

Въ то время ежегодно одинъ или нѣсколько человѣкъ изъ окончившихъ курсъ академіи поступали въ московскій университетъ. Переписываясь оттуда съ своими товарищами, оставшимися въ Кіевѣ, уѣхавшіе присылали имъ вѣсти объ университетѣ, профессорахъ и разныхъ подробностяхъ университетской жизни. Эти извѣстія возбудили и въ Тимковскомъ желаніе, по окончаніи курса академіи, отправиться въ московскій университетъ.

Поступивъ въ этотъ университетъ въ началѣ сентября 1789 г., Тимковскій блестящимъ образомъ прошелъ университетскій курсъ, получивъ четыре медали: три серебряныхъ и одну золотую. Изъ нихъ двѣ серебряныхъ медали были даны ему въ 1790 и 1792 г. по философскому факультету, а третья серебряная и золотая медали были даны въ 1793 и 1795 г.

[1]) Въ статьѣ нашей: „Къ столѣтію новгородсѣверской гимназіи", напечатанной, съ подписью *Сѣверянина*, въ сентябрьской книжкѣ „Кіевской Старины" за 1888 г., мы, еще не будучи въ то время знакомы съ бумагами Тимковскихъ, впали въ ошибку, назвавъ Илью Ѳедоровича уроженцемъ с. Турановки, глуховскаго уѣзда. Кстати, исправляемъ здѣсь эту ошибку, а о Турановкѣ еще будемъ говорить ниже

[2]) Москвитянинъ 1852 г. №№ 17—20, перепечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1874 г., № 6.

по юридическому факультету. Позже, когда Тимковскій представлялся основателю и первому куратору московскаго университета И. И. Шувалову, послѣдній, какъ разсказываетъ Тимковскій въ своихъ воспоминаніяхъ, такимъ образомъ подшутилъ надъ нимъ по поводу этихъ четырехъ медалей: когда Тимковскій назвалъ себя, Шуваловъ сказалъ ему: „Я васъ знаю, вы обидѣли мой университетъ". Тимковскій смутился и не зналъ, что сказать, а Шуваловъ, улыбаясь, продолжалъ: „Вы забрали у меня столько медалей".

Будучи студентомъ университета, Тимковскій сталъ печатать свои первые литературные опыты, помѣщая въ журналахъ того времени стихотворенія и разныя журнальныя статьи. Изъ нихъ напечатанное въ 1-мъ номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей" за 1797 г. стихотвореніе, написанное на новый годъ, обратило на себя вниманіе новаго куратора университета кн. Ѳ. Н. Голицына и послужило поводомъ къ сближенію Тимковскаго съ Голицынымъ.

По окончаніи Тимковскимъ въ 1797 г. университетскаго курса, назначенный, кажется, въ томъ же году генералъ-прокуроромъ кн. А. Б. Куракинъ отнесся въ московскій университетъ, прося доставить ему въ канцелярію двухъ окончившихъ курсъ, свѣдущихъ въ правовѣдѣніи. Конференція университета избрала Тимковского и одного товарища его, вслѣдствіе чего они и должны были отправиться въ Петербургъ.

Какъ видно изъ сохранившихся между бумагами Тимковскаго писемъ, кураторъ университета кн. Ѳ. Н. Голицынъ и директоръ университета И. П. Тургеневъ напутствовали этихъ двухъ студентовъ своими добрыми пожеланіями. Голицынъ писалъ Тимковскому: „Вы оба уже имѣете достаточныя начала полезныхъ знаній; не преставайте оныя приводить часъ отъ часу въ совершенство и тѣмъ содѣлаете честь и славу тому мѣсту, гдѣ вы воспитались, а себѣ драгоцѣнное наименованіе достойныхъ людей". Тургеневъ въ своемъ письмѣ говорилъ: „Радуюсь, видя, что вамъ не худо въ Петербургѣ; сердечно желаю, чтобъ и впредь ваше тамъ пребываніе служило вамъ способомъ къ постепенному достиженію всего того, что честный и

умный человѣкъ желать себѣ можетъ; имѣя нѣкоторые опыты въ жизни, еще совѣтую вамъ, яко любящій васъ, никогда и ни въ какомъ случаѣ не терять терпѣнія, благодушествовать и твердо идти къ предположенной цѣли". Кромѣ добрыхъ пожеланій и рекомендательныхъ писемъ, Голицынъ снабдилъ Тимковскаго и своимъ экипажемъ, для путешествія отъ Москвы до Петербурга.

По прибытіи въ Петербургъ, Тимковскій былъ опредѣленъ въ сенатскій юнкерскій институтъ для преподаванія россійскаго правовѣдѣнія. Здѣсь, преподавая правовѣдѣніе, Тимковскій сталъ обрабатывать свой трудъ, который задумалъ, еще будучи студентомъ университета, — „Систематическое расположеніе законовъ россійскихъ". За это сочиненіе, которое, будучи написано задолго до изданія Свода законовъ, было первымъ опытомъ систематизаціи русскихъ законовъ, Тимковскій въ августѣ 1802 г. удостоился получить Высочайшее благоволеніе и брилліантовый перстень, а самое сочиненіе было передано въ коммиссію сочиненія законовъ, предсѣдатель которой графъ П. В. Завадовскій (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія) тогда же предложилъ Тимковскому перейти на службу въ эту коммиссію, отъ чего Тимковскій отказался. Изъ нѣкоторыхъ писемъ видно, что въ то же время Тимковскій сотрудничалъ въ издавшемся съ 1799 г. Голубковымъ журналѣ „Новости", но какія именно статьи были помѣщены въ немъ Тимковскимъ—намъ не извѣстно.

Когда въ томъ же 1802 г. были учреждены министерства, сдѣлавшійся министромъ юстиціи Г. Р. Державинъ, съ которымъ Тимковскій познакомился у И. И. Шувалова, предложилъ Тимковскому должность юрисконсульта въ департаментѣ министерства юстиціи. Здѣсь Тимковскій занимался недолго, всего четыре мѣсяца, составивъ, между прочимъ, по порученію Державина, проектъ третейскаго совѣстнаго суда.

Вслѣдъ затѣмъ Тимковскій почти одновременно получилъ два предложенія. 28 января 1803 г. синдикъ дерптскаго университета баронъ Унгернъ-Штернбергъ писалъ Тимковскому: „За полгода предъ симъ кураторы дерптскаго университета вознамѣрились, вслѣдствіе особеннаго вамъ одобренія со стороны

сенатора Нелединскаго-Мелецкаго и директора московскаго университета И. П. Тургенева, предложить вамъ мѣсто ординарнаго профессора россійскихъ правъ при здѣшнемъ университетѣ, почему и относились къ г. Аленину съ просьбой объявить вамъ такое предложеніе; но въ отвѣтъ получили, что онъ, г. Аленинъ, не можетъ удовлетворить просьбы кураторовъ, потому что трудно найдти достойнаго вамъ преемника въ вашемъ училищѣ". Далѣе, указавъ на то, что по новому уставу дерптскаго университета, утвержденному 12 декабря прошлаго 1802 г., право выбора профессоровъ для сего университета, бывшее доселѣ во власти кураторовъ, предоставлено совѣту университета, Унгернъ-Штернбергъ продолжалъ, что образованный по этому уставу совѣтъ университета, озабочиваясь замѣщеніемъ каѳедры россійскихъ правъ, на основаніи отзывовъ Тургенева, Нелединскаго-Мелецкаго и Аленина, остановилъ свой выборъ также на Тимковскомъ, почему и поручилъ ему, синдику, войти въ личныя сношенія съ Тимковскимъ съ предложеніемъ занять мѣсто ординарнаго профессора въ дерптскомъ университетѣ.

Еще раньше, чѣмъ Тимковскимъ было получено это письмо, имѣвшій получить назначеніе на должность попечителя харьковскаго учебнаго округа членъ главнаго правленія училищъ графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій предложилъ Тимковскому сдѣлаться профессоромъ харьковскаго университета, объ учрежденіи котораго состоялось повелѣніе и который еще предстояло устроить и открыть.

Желая служить ближе къ родинѣ, Тимковскій принялъ предложеніе Потоцкаго.

Учрежденіе харьковскаго университета совпало по времени съ учрежденіемъ министерствъ, раздѣленіемъ имперіи на учебные округа и преобразованіемъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Общій планъ устройства учебной части въ имперіи, выработанный коммиссіею училищъ, былъ утвержденъ 24 января 1803 г. подъ названіемъ „Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія" [1]). Въ правилахъ этихъ всѣ учебныя заведенія

[1]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, томъ I, царствованіе Александра I, № 6.

были раздѣлены на четыре разряда: училища приходскія, уѣздныя, губернскія или гимназіи и университеты; главное управленіе учебною частью было ввѣрено министру народнаго просвѣщенія и коммиссіи училищъ, получившей, со времени утвержденія предварительныхъ правилъ, оффиціальное названіе „главнаго училищъ правленія“.

Мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, какъ видно изъ документовъ, копіи которыхъ сохранились между бумагами Тимковскаго, возникла при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 15 августа 1801 г. послѣдовалъ на имя слободско-украинскаго гражданскаго губернатора Зильбергарниша Высочайшій рескриптъ, въ которомъ было указано, что для доставленія дворянству новыхъ и удобнѣйшихъ способовъ къ воспитанію дѣтей и приготовленію ихъ на службу и въ виду недостаточнаго числа кадетскихъ корпусовъ, могущихъ принимать ограниченное количество воспитанниковъ, несоразмѣрное ни числу желающихъ, ни пространству имперіи, признано нужнымъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, и между прочимъ въ слободско-украинской губерніи, въ городѣ Харьковѣ, учредить дворянское военное училище. Объ этомъ было поручено губернатору объявить дворянству губерніи, чрезъ предводителей, „яко о дѣлѣ столь существенно къ нему принадлежащемъ и съ истинными пользами его столь близко сопряженномъ“. Далѣе въ этомъ рескриптѣ было изложено: „И какъ съ вѣроятностью предполагать можно, что, движимо любовью къ отечеству и зная всю важность лучшаго воспитанія, пожелаетъ оно (т. е. дворянство) раздѣлить со мною честь сего заведенія и пособіями своими принять участіе въ его устроеніи, я поручаю вамъ удостовѣрить его, что подвигъ такой принятъ будетъ мною со всѣмъ уваженіемъ руководствующаго къ нему начала и ознаменуетъ болѣе, нежели всѣ другія доказательства, колико россійское дворянство всегда готово единодушно дѣйствовать на пользу общую. Но при семъ не упустите изъ виду самое существенное правило, чтобъ добрая воля и свободное движеніе чести были единымъ побужденіемъ сего дѣйствія“.

По выслушаніи этого рескрипта, предводители и депутаты дворянства слободско-украинской губерніи 11 ноября 1801 г. положили внесть на учрежденіе въ Харьковѣ дворянскаго кадетскаго корпуса сумму въ сто тысячъ рублей.

Послѣ того, 8 сентября 1802 г. было учреждено министерство народнаго просвѣщенія, и того же числа послѣдовалъ указъ объ обязанностяхъ коммиссіи училищъ, причемъ одною изъ главныхъ задачъ ея поставлено учрежденіе университетовъ [1]. Еще при Екатеринѣ II, въ указѣ ея отъ 29 января 1786 г., наиболѣе удобными пунктами для учрежденія университетовъ были признаны три города: Псковъ, Черниговъ и Пенза [2]. Теперь, когда вопросъ объ учрежденіи университетовъ снова сталъ на очередь, надлежало обсудить, дѣйствительно ли названные пункты представляются наиболѣе удобными, причемъ естественно могла возникнуть мысль, что городу Харькову, вмѣсто кадетскаго корпуса, на учрежденіе котораго дворянство рѣшилось пожертвовать сто тысячъ рублей, гораздо лучше было бы имѣть университетъ, на который можно бы было пожертвовать больше, чѣмъ на кадетскій корпусъ. Мысль эту сталъ дѣятельно пропагандировать между харьковскими дворянами ихъ депутатъ Василій Назарьевичъ Каразинъ, который со дня учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, т. е. съ 8 сентября 1802 г. занялъ должность правителя дѣлъ вышеупомянутой коммиссіи училищъ, переименованной потомъ въ „главное училищъ правленіе“, и который за нѣкоторое время передъ тѣмъ, въ качествѣ депутата отъ дворянъ, доставилъ въ Харьковъ Высочайше пожалованную слободско-украинскому дворянству подтвердительную грамоту о его правахъ и привилегіяхъ. Результатомъ увѣщаній Каразина было то, что, собравшись для изъявленія, по поводу пожалованія означенной грамоты вѣрноподданическихъ чувствъ и молебствія о здравіи Государя, слободско-украинское дворянство 1 сентября 1802 г. рѣшило: внести съ дворянскихъ

[1]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, томъ I стр. 4—5.

[2]) Полное собраніе законовъ, томъ XXII, № 16315.

имѣній губерніи, въ теченіи шести лѣтъ, на учрежденіе въ Харьковѣ университета (въ которомъ по проекту, составленнному Каразинымъ, предполагался и военный факультетъ) 400,000 р., включая въ эту сумму и тѣ 100,000 рублей, которые раньше дворянство выразило готовность пожертвовать на учрежденіе военнаго училища, причемъ въ опредѣленіи дворянскаго собранія по этому предмету было добавлено: „какъ всѣ причины заставляютъ не отлагать начало сего заведенія, а между тѣмъ не можетъ оно вскорѣ имѣть необходимыхъ для своего помѣщенія зданій, то не благоволитъ ли Государь Императоръ позволить занять онымъ недостроенный домъ въ Харьковѣ, назначенный для присутственныхъ мѣстъ“.

Вслѣдъ за дворянствомъ, и харьковское купечество опредѣлило вносить въ пользу университета, въ продолженіе 10-ти лѣтъ, сумму, равную подати, платимой имъ съ капиталовъ, и кромѣ того половину откупной винной суммы, которая слѣдовала въ пользу города по указу 3 мая 1783 г. Въ общей сложности сумма, пожертвованная купечествомъ, должна была составить 100 тысячъ рублей съ лишнимъ.

Означенныя пожертвованія дворянства и купечества были приняты, и въ утвержденныхъ 24 января 1803 г. „предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія“ (статья 14) было сказано, что въ Харьковѣ учреждается университетъ—„во уваженіе патріотическаго приношенія, предложеннаго дворянствомъ и гражданствомъ сей губерніи“. Такимъ образомъ, благодаря изложеннымъ обстоятельствамъ, городъ Харьковъ долженъ былъ получить университетъ гораздо раньше Петербурга, Казани и Кіева.

Того же 24 января 1803 г. имперія была раздѣлена на учебные округа, причемъ въ составъ харьковскаго округа вошли губерніи слободско-украинская (нынѣ харьковская), воронежская, курская, орловская, черниговская, полтавская, николаевская (нынѣ херсонская), екатеринославская, таврическая и земли донскихъ и черноморскихъ козаковъ.

Изъ изложеннаго видно, что въ занимавшемъ тогда огромное пространство харьковскомъ учебномъ округѣ предстояло

одновременно устраивать высшее учебное заведеніе—университетъ и преобразовывать, или устраивать по новому уставу, среднія и низшія учебныя заведенія.

Ранѣе того, образованныя по уставу Императрицы Екатерины II отъ 5 августа 1786 г.[1]) такъ называемыя главныя народныя училища (четырехклассныя, съ 5-ти лѣтнимъ курсомъ) существовали не во всѣхъ губернскихъ городахъ: на весь харьковскій учебный округъ ихъ было девять, въ томъ числѣ восемь въ губернскихъ городахъ и одно въ уѣздномъ городѣ—Новгородсѣверскѣ; въ губерніяхъ николаевской и таврической и въ землѣ черноморскихъ козаковъ названныхъ училищъ не было. Малыя народныя училища (съ двухлѣтнимъ курсомъ) существовали далеко не во всѣхъ уѣздныхъ городахъ: въ слободско-украинской губерніи ихъ было пять (въ Ахтыркѣ, Сумахъ, Изюмѣ, Богодуховѣ и Валкахъ), въ черниговской — четыре (въ Нѣжинѣ, Глуховѣ, Стародубѣ и Погарѣ), въ полтавской—только два училища (въ Прилукахъ и Ромнахъ), въ таврической—одно училище (въ Акмечети); въ губерніяхъ же николаевской и екатеринославской, въ землѣ донскихъ козаковъ и въ землѣ черноморскихъ козаковъ означенныхъ училищъ вовсе не было.

Между тѣмъ утвержденыя 24 января 1803 г. вышеупомянутыя предварительныя правила народнаго просвѣщенія требовали, чтобъ въ каждомъ уѣздномъ городѣ было по крайней мѣрѣ одно уѣздное училище и чтобъ въ каждомъ губернскомъ городѣ, кромѣ уѣзднаго училища, была гимназія. По университетскому уставу, утвержденнному 5 ноября 1804 г., учрежденіе гимназій и уѣздныхъ училищъ должно было составлять одну изъ задачъ университета. Именно, въ 160 статьѣ этого устава говорилось: „университетъ, имѣя надзираніе за ученіемъ и воспитаніемъ во всѣхъ губерніяхъ, округъ его составляющихъ, прилагаетъ особенное и неутомимое попеченіе, дабы гимназіи, уѣздныя и приходскія училища вездѣ, гдѣ онымъ быть положено, учреждены и снабжены были знающими и благонравными учителями и учебными пособіями“. Но такъ какъ университетъ

[1]) Полное собраніе законовъ, томъ XXII, № 16421.

въ Харьковѣ еще не существовалъ, то заботы объ устройствѣ гимназій и уѣздныхъ училищъ совпадали съ заботами объ устройствѣ самого университета.

Чтобъ устроить ихъ какъ слѣдуетъ, прежде всего нужно было привесть въ извѣстность, какой матеріалъ представляютъ существующія учебныя заведенія, т. е. главныя и малыя народныя училища, и что они могутъ дать, какъ относительно помѣщеній и учебныхъ пособій, такъ и относительно состава учителей и учениковъ, для вновь образуемыхъ гимназій и уѣздныхъ училищъ.

Въ виду этого, упомянутый выше графъ С. О. Потоцкій въ представленіи своемъ отъ 31 декабря 1802 г. министерству народнаго просвѣщенія (графу П. В. Завадовскому) писалъ слѣдующее: „Желая, въ сходство съ предварительными правилами народнаго просвѣщенія, образовать училища въ округѣ, ввѣренномъ попеченію моему, привесть ихъ въ лучшее состояніе и дѣйствіе и дать имъ возможную степень благоустройства, не инако могу я приступить къ сему, чтобъ собрать по частямъ и мнѣ доставить вѣрныя, подробныя удовлетворительнѣйшія свѣдѣнія и замѣчанія, не только о зданіяхъ и суммахъ, объ учащихъ и учащихся, но о самомъ состояніи учителей и ихъ качествахъ, о образѣ ученія и успѣхахъ или недостаткахъ, какіе исправить или дополнить надобнымъ окажется, по части учебной и экономической. Равномѣрно нужнымъ и полезнымъ почитаю я, чтобы въ Харьковѣ при заведеніи и устроеніи университета былъ такой человѣкъ, который бы, принадлежа уже къ нему въ качествѣ профессора, имѣлъ надлежащее участіе и наблюденіе въ мѣстныхъ распоряженіяхъ, обще съ особами, какихъ изберетъ отъ себя на тотъ конецъ дворянская дума [1]), увѣдомлялъ бы меня обо всемъ, что потребно будетъ, и соотвѣтствовалъ видамъ главнаго училищъ правленія и моимъ предписаніямъ, — каковое препорученіе исполнить можетъ упомянутый же чиновникъ, избирая время на свои отлучки изъ Харькова для обозрѣнія училищъ округа. Сея довѣренности въ обоихъ

---

[1]) „Дворянскою думою“ Потоцкій называлъ собраніе дворянъ.

случаяхъ нахожу я достойнымъ Тимковскаго, коего знанія, способности и благонадежность мнѣ извѣстны и который въ харьковскомъ университетѣ, по открытіи юридико-политическаго отдѣленія, можетъ занять классъ, яко профессоръ правъ, а до того времени, по исправленіи вышеуказанныхъ порученій, согласенъ давать лекціи въ отдѣленіи общихъ наукъ".

Къ изложеннымъ въ этомъ представленіи соображеніямъ, по которымъ Потоцкому нуженъ былъ такой человѣкъ, о какомъ онъ писалъ, можно бы было прибавить еще одинъ мотивъ, о которомъ Потоцкій умалчиваетъ, но который могъ быть для него самымъ главнымъ. Дѣло въ томъ, что, несмотря на важныя работы, предстоявшія въ харьковскомъ учебномъ округѣ по устроенію университета и среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, самъ Потоцкій не думалъ скоро быть въ Харьковѣ, а собирался отправиться на продолжительное время въ западную Европу, гдѣ не задолго передъ тѣмъ въ Вѣнѣ умеръ его отецъ.

Главное правленіе училищъ, на заключеніе котораго было передано упомянутое представленіе Потоцкаго вмѣстѣ съ обсужденіемъ вопроса о томъ, не нужно ли и къ другимъ учебнымъ округамъ примѣнить мѣру, о которой представлялъ Потоцкій (относительно обозрѣнія училищъ), — въ журналѣ своемъ отъ 7 февраля 1803 г. высказалось, что оно „мысль попечителя харьковскаго университета объ отправленіи визитатора совершенно одобряетъ, признавая мѣру сію самою необходимою для полученія мѣстныхъ познаній объ училищахъ округа и соображенія нравственнаго и физическаго состоянія и нуждъ каждаго края съ средствами, какія впослѣдствіи возможны будутъ, и съ тѣми, къ которымъ въ самомъ началѣ приступить должно; таковое мѣстное личное изслѣдованіе невозможно замѣнить требованіемъ письменныхъ свѣдѣній и вообще никакими другими средствами, въ разсужденіи особливо новости нынѣшняго устройства училищной части въ имперіи". Точно также главное правленіе училищъ одобрило и сдѣланный Потоцкимъ выборъ Тимковскаго для исполненія всѣхъ упомянутыхъ обязанностей.

Такимъ образомъ должность визитатора учебныхъ заведеній, которую Потоцкій проектировалъ собственно для харьков-

скаго учебнаго округа, была признана полезною и для другихъ учебныхъ округовъ.

Согласно съ заключеніемъ главнаго правленія училищъ, состоялось назначеніе Тимковскаго; а пока разрѣшался вопросъ объ этомъ назначеніи и пока Тимковскій могъ выѣхать изъ Петербурга, Потоцкій, желая воспользоваться поѣздкой отправлявшагося въ Харьковъ Каразина, въ представленіи своемъ министру народнаго просвѣщенія отъ 6 февраля 1803 г. писалъ: „На основаніи предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, попечители университетовъ и ихъ округовъ начали заниматься каждый по своей части, такъ что не предвидится, чтобы, въ продолженіи нѣкотораго времени могли въ дѣлахъ главнаго училищъ правленія произойдти чувствительная остановка или затрудненія за отлучкою правителя дѣлъ коллежскаго совѣтника Каразина; пользуясь сею удобностью, полагаю я, что по случаю отправленія его въ Харьковъ полезно будетъ возложить на него первоначальныя распоряженія относительно учреждаемаго тамъ университета. Бывши помѣщикомъ оной губерніи, онъ вѣроятно много споспѣшествовать можетъ Тимковскому, о которомъ я доносилъ особо. Имѣю честь представить сіе вашему сіятельству на разрѣшеніе".

По разрѣшеніи этого представленія въ утвердительномъ смыслѣ, Потоцкій писалъ Каразину: „по случаю отправленія вашего въ Харьковъ, прошу покорно васъ принять съ своей стороны, на время, которое вы тамъ пробудете, возможныя и дѣятельныя мѣры къ первоначальному устроенію университета, совокупно съ профессоромъ Тимковскимъ, котораго я для того особенно туда отправляю. Зная усердіе ваше къ сему новому заведенію, я добрыхъ успѣховъ ожидаю отъ таковаго вамъ препорученія, и чтобы они болѣе дѣйствія имѣть могли, для сего, ежели встрѣтятся какіе либо случаи, требующіе особеннаго начальственнаго разрѣшенія и положенія, прошу относиться ко мнѣ, или, за отлучкою моею, къ его пр—ву Николаю Николаевичу Новосильцеву [1]).

[1]) Попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа и президентъ академіи

О состоявшемся назначеніи Тимковскаго Потоцкій извѣщалъ его письмомъ отъ 4 апрѣля 1803 г.: „Вслѣдствіе представленія моего, главное училищъ правленіе съ одобреніемъ приняло согласіе ваше быть профессоромъ учреждаемаго въ Харьковѣ университета, и на докладъ о семъ Государю Императору отъ министра народнаго просвѣщенія воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе. А какъ минувшаго марта 17 дня конфирмованъ Его Императорскимъ Величествомъ штатъ университетовъ, то и состоите вы уже съ того числа службою по харьковскому университету, въ званіи публичнаго ординарнаго профессора. Теперь слѣдуетъ вамъ отправиться на мѣсто, и по открытіи въ университетѣ юридико-политическаго отдѣленія преподавать въ немъ гражданское и уголовное право, законы и форму судопроизводства россійскія, яко предметъ, вами избранный; а до того, въ остающееся отъ возлагаемыхъ на васъ особою инструкціею препорученій время, займитесь преподаваніемъ какъ всеобщей словесности на правилахъ эстетики, такъ и ученой исторіи въ отдѣленіи филологическихъ и словесныхъ наукъ" [1]).

Затѣмъ, отъ того же 4 апрѣля 1803 г. за № 14, Потоцкій далъ Тимковскому инструкцію, которую считаемъ нужнымъ привесть всю цѣликомъ, такъ какъ въ печати объ ней были только отрывочныя свѣдѣнія [2]), въ полномъ же видѣ она нигдѣ не была напечатана, хотя по содержанію своему представляетъ значительный интересъ.

Инструкція визитатору харьковскаго округа профессору Тимковскому.

1. Возлагается на васъ обозрѣть харьковскій училищный округъ, собрать подробныя и удовлетворительныя объ немъ свѣдѣнія и замѣчанія, не производя однако по училищамъ ни-

---

наукъ, которому, на время отъѣзда Потоцкаго за границу, поручено было исправленіе должности попечителя харьковскаго учебнаго округа.

[1]) Это отдѣленіе должно было открыться въ харьковскомъ университетѣ раньше юридико-политическаго отдѣленія.

[2]) Въ статьѣ М. Сухомлинова: „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I" (Изслѣдованія и статьи Сухомлинова, томъ 1, стр. 131 и 132).

какихъ перемѣнъ либо перемѣщеній, безъ особеннаго предписанія отъ своего начальства.

2. Сверхъ того, имѣете вы обязанностію участвовать въ приготовительныхъ при заведеніи харьковскаго университета распорядкахъ, вмѣстѣ съ особами, которыхъ изберетъ отъ себя на тотъ конецъ тамошняя дворянская дума. Не для чего принимать вамъ на себя экономическія исполнительныя дѣйствія, съ вашимъ званіемъ не совмѣстимыя, но обратите пособія ваши къ выгодамъ учреждаемаго университета, и увѣдомляйте меня обо всѣхъ успѣхахъ по сему заведенію. Такимъ образомъ, имѣете вы расположить и производить вышеупомянутое обозрѣніе, по временамъ и по частямъ, и вслѣдствіе того доставлять ко мнѣ извѣстія, вами собираемыя.

3. Главнымъ для васъ дѣломъ будетъ освѣдомиться о подлинномъ состояніи губернскихъ и уѣздныхъ училищъ, и не только о зданіяхъ, суммахъ и прочемъ по части экономической, но о самомъ образѣ ученія, о качествахъ учителей, ихъ ревности, исправности въ своемъ званіи и о степени довѣренности къ нимъ отъ публики.

4. Притомъ замѣчать надлежитъ, какія поправки и дополненія сдѣлать окажется нужнымъ, полезнымъ и удобнымъ; какъ то, не лучше ли будетъ училища дворянскія и градскія сводить въ одно, по примѣру харьковскихъ.

5. Вникать съ точностію, въ какой мѣрѣ надзоръ за нравами и поведеніемъ юношества, изыскивать способъ къ соединенію воспитанія съ наставленіемъ, и приглашать частныхъ хорошихъ людей къ заведенію добрыхъ и не слишкомъ дорогихъ пансіоновъ, въ которыхъ бы съ выгодою присмотра сопряжено было повтореніе уроковъ, публичнымъ ученіемъ преподаваемыхъ.

6. Поелику осмотръ, вами учиненный, имѣетъ служить какъ бы начальною точкою, съ которой должно будетъ поступить къ дальнѣйшимъ распоряженіямъ, на основаніи Высочайше изданныхъ въ 24 день января сего года предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, то при основательныхъ изслѣдованіяхъ о состояніи училищъ публичныхъ и частныхъ, во всемъ

округѣ, предлежитъ вамъ замѣчать повсюду, въ какой гдѣ степени образованіе жителей всякаго званія, отъ дворянства до крестьянъ. Хотя въ многихъ мѣстахъ оттѣнки не очень могутъ быть значущи, но они разительны будутъ въ наблюденіяхъ, простертыхъ по Дону, къ Кубани, на степи Ногайскія и Очаковскія, населенныя стеченіемъ людей всякихъ племенъ. Замѣчаніе же оныхъ разностей ради того необходимо, что отъ нихъ должна зависѣть разность мѣръ, какія принять, а особливо въ началѣ, главному училищъ правленію нужно будетъ.

7. Внимательно также разсматривать слѣдуетъ народныя въ разныхъ мѣстахъ упражненія и родъ промышленности, дабы къ усовершенствованію ихъ можно было наклонять и принаравливать самое ученье въ тамошнихъ школахъ.

8. Желательно, чтобъ въ губернскихъ и многолюднѣйшихъ уѣздныхъ городахъ обыватели согласились общественными суммами содѣйствовать къ распространенію мѣстнаго ученія, для пользы юношества своего, и чтобы таковыми же суммами положено было основаніе школамъ въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ оныхъ нѣтъ еще доселѣ.

9. Надобно взять на замѣчаніе приходскія школы, какія гдѣ существуютъ, и самые способы какъ скорѣе и удобнѣе можно бы завесть оныя въ селеніяхъ казенныхъ, или и во владѣльческихъ, по крайней мѣрѣ въ уѣздѣ по нѣскольку, которыя служили бы примѣромъ и поощреніемъ въ заведеніи другихъ.

10. Во всякомъ случаѣ не упустите соблюдать уваженіе къ духовному начальству, въ достовѣрность, колико главное училищъ правленіе имѣетъ въ виду распространеніе просвѣщенія подъ благотворнымъ осѣненіемъ вѣры и искреннѣйшей приверженности ко всѣмъ ея велѣніямъ.

11. Обязанностію вашею будетъ снабдить руководственными совѣтами не только тѣхъ семинаристовъ, кои вслѣдствіе Высочайшаго указа января 24 дня сего года [1]) поступятъ въ университетъ, для приготовленія ихъ въ учители, но и тѣхъ,

[1]) Чтобъ добыть для новаго университета, ко времени его открытія, потребное число студентовъ, рѣшено было пригласить къ поступленію въ университетъ

коихъ духовное начальство, предопредѣляя къ духовному званію, заблагоразсудитъ отпустить и отправить на время для дальнѣйшаго образованія въ университетъ.

12. Въ обширномъ краѣ, составляющемъ харьковскій округъ, безъ сомнѣнія есть люди разнаго званія, по чину, имуществу и свѣдѣніямъ своимъ отличные, къ коимъ относиться вамъ полезно будетъ; почему и имѣете вы не только съ признательностью принимать сообщаемое ими мнѣніе, но и убѣждать еще ихъ ко ввѣренію вамъ онаго и на самомъ письмѣ. Способъ сей, пріятный и лестный для каждаго благонамѣреннаго никогда и никому не будучи во вредъ, можетъ внушить любителямъ просвѣщенія желаніе содѣйствовать ревностными совѣтами и патріотическими видами ко благу общему, и доставитъ важныя мѣстныя подробности ко благоусмотрѣнію начальства.

13. Во время вашихъ объѣздовъ, объ оказаніи вамъ нужныхъ какъ путевыхъ, такъ и мѣстныхъ пособій, а особливо что будетъ касаться до приказовъ общественнаго призрѣнія, относитесь къ начальникамъ губерній.

14. А если что по должности будетъ требовать съ вашей стороны начальственнаго какого разрѣшенія, то во всѣхъ случаяхъ имѣете относиться ко мнѣ, или за отсутствіемъ моимъ къ его пр—ву Николаю Николаевичу Новосильцеву.

15. За всѣмъ симъ уповаю я, что въ возлагаемомъ на васъ дѣлѣ вы вѣрно и ревностно поступите, и не выходя изъ предѣловъ, сею инструкціею предписанныхъ, усердіемъ своимъ дополните то, что въ ней не упомянуто".

Въ частности, относительно устройства университета, о которомъ говоритъ 2-й пунктъ приведенной инструкціи, Потоцкій того же 4 апрѣля далъ Тимковскому особую дополнительную инструкцію слѣдующаго содержанія: „Высокоблагородный

оканчивающихъ курсъ наукъ семинаристовъ, вслѣдствіе чего и состоялось Высочайшее повелѣніе объ увольненіи изъ ближайшихъ къ Харькову семинарій сорока студентовъ, „которые бы имѣли склонность и природныя дарованія къ наукамъ и которые бы, по усовершенствованіи себя въ оныхъ, могли со временемъ занять и учительскія мѣста въ учрежденныхъ въ округѣ университета училищахъ".

и почтенный профессоръ Тимковскій! По силѣ данной вамъ отъ меня сего апрѣля 4-го дня инструкціи пункта 2-го, рекомендую вамъ: 1-е, поспѣшить отправленіемъ вашимъ отсюда въ Харьковъ, дабы предписанными вамъ приготовительными распорядками сколько можно болѣе приблизить время открытія университета.—2-е. По прибытіи въ Харьковъ, заняться вмѣстѣ съ особами, какихъ изберетъ отъ себя тамошняя дворянская дума, приготовленіемъ для университета дому, который отведенъ для него будетъ.—3-е. Постараться о приличномъ для университета назначеніи покоевъ въ ономъ домѣ, какъ то гдѣ быть заламъ для публичнаго собранія, для лекцій, библіотеки, кабинетовъ и прочаго.—4-е. Сдѣлать мелочныя починки и поправки въ домѣ, если то на первый случай потребнымъ окажется, также приготовить самонужнѣйшія мебели для классовъ, и нѣсколько шкафовъ самыхъ простыхъ, лишь бы только можно помѣстить въ нихъ на время библіотеку, на что ассигнуется особая сумма.—5-е. Высмотрѣть въ окрестности города мѣста пригодныя подъ новое строеніе университетскихъ зданій и ботаническій садъ, войдти въ предварительныя положенія о пріобрѣтеніи таковыхъ выбранныхъ мѣстъ, или по благоусмотрѣнію и покупку оныхъ учинить, хотя нѣкоторою частію, буде не встрѣтится какой помѣхи.—6-е. Наблюдать во всѣхъ издержкахъ суммъ, ассигнуемыхъ изъ казны, либо изъ составленнаго дворянствомъ и гражданами капитала, всевозможную бережливость и разсчетливость, а въ вещахъ и подѣлкахъ болѣе прочность и настоящую пользу.—7-е. Ни малѣйшихъ издержекъ, на кои сумма не ассигнована, ниже большихъ издержекъ вдругъ изъ суммъ, неопредѣленно ассигнованныхъ, не производить, не отнесясь напередъ въ сихъ случаяхъ ко мнѣ, а во время отлучки моей къ его пр—ву Н. Н. Новосильцову.—8-е. Смотрѣть, чтобы журналы, приходныя и расходныя книги и всякіе счеты были въ чистотѣ и порядкѣ и чтобы разныя суммы, ассигнуемыя на разныя употребленія, не смѣшивались между собою.—9-е. До времени учрежденія полнаго университетскаго правленія, принимать всякія посылки, адресуемыя на имя университета.—10-е. Постараться, чтобы вышеупомянутый домъ и

находящіяся въ немъ вещи были въ самомъ надежномъ охраненіи, и о нужныхъ для сего предписаніяхъ и приказаніяхъ просить г. губернатора".

Давъ Тимковскому всѣ эти порученія, Потоцкій отправился въ Западную Европу, выѣхавъ изъ Петербурга во второй половинѣ апрѣля 1803 г., а Тимковскій сталъ собираться въ Харьковъ, куда его уже звалъ В. Н. Каразинъ, писавшій ему въ письмѣ отъ 24 марта 1803 г.: „Пріѣзжайте, милый мой другъ! мы будемъ радоваться вмѣстѣ о множествѣ добра, которое мы можемъ сдѣлать". Далѣе, разсказывая о Харьковѣ, онъ продолжалъ: „Энтузіазмъ здѣсь всеобщій. Я предвижу, что графъ С. О. [1]) принятъ будетъ, какъ должно принять будущаго благодѣтеля, и въ бытность его польются со всѣхъ сторонъ патріотическія приношенія сверхъ тѣхъ, кои уже извѣстны. Вообразите, что есть купцы, торгующіе перекупнымъ товаромъ безъ собственныхъ капиталовъ, которые сулятъ теперь по тысячѣ рублей. Правда, есть и строптивые граждане, такъ какъ и дворяне. Но мы будемъ стараться ублажить ихъ всѣми образами. До сихъ поръ сборъ университетской суммы мало значитъ и за нерѣшимостью и крамолами совсѣмъ было остановился. Но теперь уповательно въ четыре мѣсяца до пріѣзда графа поступитъ болѣе, нежели поступило бы при другихъ обстоятельствахъ въ пять лѣтъ [2]). Мы съ предводителемъ, который восхищенъ своимъ орденемъ [3]), дѣлаемъ всѣ нужныя распоряженія. Послѣзавтра отправятся въ уѣзды циркулярныя

---

[1]) Северинъ Осиповичъ Потоцкій.

[2]) Эти ожиданія не оправдались: не только не послѣдовало той быстроты въ сборѣ пожертвованій, на которую надѣялся Каразинъ, но впослѣдствіи понадобилось Высочайшее повелѣніе о разсрочкѣ на 12 лѣтъ взноса пожертвованной слободско-украинскимъ дворянствомъ суммы („Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія", т. I, № 95); изъ тѣхъ же купцовъ, которые, по словамъ Каразина, сулили каждый по тысячѣ рублей, кажется никто ничего не далъ.

[3]) Губернскимъ предводителемъ дворянства въ Харьковѣ былъ тогда Вас. Мих. Донецъ-Захоржевскій, получившій упоминаемый здѣсь орденъ (Св. Анны второй степени), при рескриптѣ отъ 31 января 1803 г., какъ было сказано въ немъ, „въ знакъ уваженія къ похвальному подвигу дворянства и въ отличіе содѣйствія въ томъ Д.—З—аго въ качествѣ предводителя".

письма, которыя вамъ (я увѣренъ) покажутся написанными очень кстати. Малое количество денегъ собранныхъ лежитъ по уѣзднымъ казначействомъ, но, чтобы не терять времени, я поспѣшилъ достать здѣсь и отправляю по сей почтѣ на имя Николая Николаевича [1]) четыре тысячи, да на ваше собственное тысячу рублей. Ради Бога уговаривайте Рижскаго, Делавинь и Осиповскаго [2]): недостатокъ жалованья будетъ замѣненъ совершенно. Напримѣръ, доложу Вамъ, что они будутъ имѣть изрядныя квартиры съ мебелью и всѣмъ нужнымъ. Я увѣренъ, что сосѣдственные помѣщики снабдятъ ихъ на первый случай и жизненными припасами. Я пробуду здѣсь до 30-го числа; какъ бы весело было, еслибъ вы не заставили меня ждать и работать одного. До отъѣзда вашего не переставайте однако писать. Прощайте, обнимаю васъ отъ всего сердца. Вашъ другъ и слуга искренній В. Каразинъ.

Въ этомъ же письмѣ Каразинъ разсказываетъ объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ распоряженіе объ его арестѣ, о которомъ довольно неопредѣленныя свѣдѣнія были помѣщены въ статьяхъ о Каразинѣ В. Анастасевича [3]) и Г. П. Данилевскаго [4]). Хотя эта часть письма не имѣетъ отношенія къ Тимковскому, мы не можемъ удержаться, чтобъ не привести и ее, какъ матеріалъ, интересный для біографіи Каразина, дающій въ то же время нѣкоторую черту и къ характеристикѣ Александра I. Разсказавъ въ этомъ письмѣ о неудобствахъ, испытанныхъ въ путешествіи отъ Петербурга до Харькова, Каразинъ продолжаетъ: „Такъ, мой милый Илья Ѳедоровичъ, пожалѣйте о вашемъ сподвижникѣ. Природа меня не жалуетъ, и люди преслѣдуютъ, нѣтъ бишь: не люди то, а звѣри! Я предъ ними совершенно невиненъ, но они гонятъ меня, какъ лютѣйшаго врага

---

[1]) Вышеупомянутый Новосильцевъ.

[2]) Вслѣдъ за Тимковскимъ, они были назначены первыми профессорами харьковскаго университета, и изъ нихъ Рижскій былъ впослѣдствіи избранъ въ ректоры университета.

[3]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, при московскомъ университетѣ, 1861 г., стр. 192—199.

[4]) Украинская старина (Харьковъ, 1866 г.), стр. 115.

своего. Извѣстная молва (какъ вы ее назвали) о увозѣ кадета Кондратьева во всей точности справедлива. Я рѣшился на это въ угодность родителей, имѣющихъ на меня множество правъ, или лучше сказать по сильному убѣжденію нѣжной матери, больной и ослабѣвшей отъ тоски и нетерпѣливости его видѣть, по чувствительному убѣжденію женщины, любезной и рѣдкой и чтобы болѣе сказать—родной тетки моей Алексаши [1]). Я не знаю, кто бы могъ устоять на моемъ мѣстѣ. Но я рѣшился не иначе, какъ въ полномъ удостовѣреніи, что сіе никому не будетъ извѣстно до возвращенія его въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, или еще и въ концѣ марта, какъ я предполагалъ. Директоръ совершенно зналъ, что я беру его, но, не могши дать формальнаго позволенія, дозволилъ однако имѣть его мнѣ у себя сколь долго заблагоразсудится. Таково было наше для обоихъ насъ вразумительное объясненіе. Никому ни малѣйшаго повода не было его отыскивать, и когда привыкли уже въ корпусѣ не видѣть цѣлые мѣсяцы сряду многихъ кадетовъ, то кто мимо директора могъ бы пуститься отыскивать въ числѣ семисотъ его товарищей. Онъ бы возвратился и сей случай остался бы безвѣстнымъ, не подалъ бы соблазнительнаго примѣра, и я не понесъ бы никакого нареканія, доставивъ неизобразимую радость и услугу матери. Таковъ былъ мой вычетъ, но я въ немъ ошибся, ибо не положилъ въ числѣ *извѣстныхъ* ни благодѣтельнаго министра юстиціи [2]), ни госпожи Балабиной. Послѣдняя попала на слѣдъ, хотя впрочемъ до сего случая не заботилась о Кондратьевѣ, смертельно ненавидя мать его и меня вмѣстѣ съ нею; а первый употребилъ свое министерство, чтобъ настроить противъ меня графа [3]). Выставлено все, что могло только меня опорочить, и скрыто, что послужило бы къ моему оправданію. Утаены какъ связь моя съ родителями, такъ и довѣренность ихъ (я вѣдь Кондратьева отдалъ и въ корпусъ). Балабина просила какъ

---

[1]) Кого Каразинъ называетъ „Алексашею"—не знаемъ; извѣстно, что увезенный имъ кадетъ Кондратьевъ былъ родственникъ Надаржинской, на которой Каразинъ хотѣлъ жениться и объ имени которой мы свѣдѣній не имѣемъ.

[2]) Гавр. Ром. Державинъ.

[3]) П. В. Завадовскаго.

ближайшая родственница, раздраженная и введенная въ страхъ лишившаяся своего ребенка, а мой поступокъ представленъ неслыханною наглостію, злонамѣреніемъ и Богъ знаетъ чѣмъ! не прибавили-ль можетъ быть, что я его унесъ какъ Юпитера своего Ганимеда! Добрый нашъ Николай Николаевичъ[1]) употребилъ конечно все, чтобъ исправить мою оплошность, но невозможно было ему ни скрыть, ни уменьшить моей вины. Конецъ вамъ извѣстенъ: я арестованъ, и вмѣстѣ другое повелѣніе: освободить по прошествіи 24-хъ часовъ. Послѣ сего благодѣтельный Государь удостоилъ меня и рескриптомъ, который къ счастію получилъ я съ нарочною эстафетою (о семъ—ради Бога, никому!), а указа о арестѣ еще дожидаюсь. Сіе, только смягченное, показаніе приму я съ сердечнымъ признаніемъ, что я болѣе заслужилъ. Между тѣмъ оно совершенно опредѣляетъ мой жребій, освобождая меня на вѣки отъ неизвѣстности и страховъ, чтобы перемѣнилось ко мнѣ расположеніе Александра, и вмѣстѣ исцѣляя меня отъ легкомыслія. Съ сего времени моя, приверженная къ нему, душа не понесетъ никакой укоризны, но къ добру я стану дѣйствовать надежнѣе, поелику я увѣренъ, что ничьи козни противъ меня поколебать его не могутъ". По окончаніи письма, Каразинъ, ниже подписи, прибавилъ postscriptum: „При отправленіи сего наконецъ я арестованъ".

Приведенный здѣсь собственный разсказъ Каразина совершенно опровергаетъ высказанное въ вышеупомянутой статьѣ В. Анастасевича и повторенное вслѣдъ затѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ предположеніе, что упоминаемый увозъ кадета Кондратьева, вызвавши гнѣвъ Государя на Каразина, могъ быть одною изъ причинъ его увольненія въ отставку, послѣдовавшаго, какъ оказывается изъ сопоставленія чиселъ, черезъ полтора года послѣ описаннаго случая. Очень характернымъ въ этой исторіи представляется то, что, распорядившись подвергнуть Каразина, какъ провинившагося школьника, аресту на 24 часа, Александръ I въ то же время счелъ нужнымъ секретно послать ему милостивѣйшій рескриптъ, и притомъ позаботился о томъ, чтобы этотъ рескриптъ дошелъ до Каразина ранѣе повелѣнія объ арестѣ, пославъ его въ Харьковъ съ нарочной эстафетой.

(Продолженіе будетъ). **Н. Шугуровъ.**

[1]) Новосильцевъ.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году. [1]

VIII.

Херсонъ.

12-го мая въ Бериславѣ, къ 10-ти часамъ утра, вся свита собралась во дворецъ, не замедлилъ прибыть и графъ Фалькенштейнъ. Назначенъ былъ выѣздъ. Въ шестимѣстную карету свою императрица пригласила графа Фалькенштейна, графиню А. В. Браницкую, А. М. Дмитріева-Мамонова, принца де-Линя и графа Кобенцеля. Первая остановка была, проѣхавъ 31 версту, въ селѣ Никольскомъ, гдѣ былъ назначенъ обѣдъ. Здѣсь встрѣтили императрицу: генералъ-маіоръ Василій Васильевичъ Энгельгардтъ [2]), отставной генералъ-маіоръ Я. Н. Рѣпнинскій, Д. Г. Неранжичъ и бригадиръ Гедеоновъ.

Послѣ стола, выѣхали въ 3 часа, и не доѣзжая до переправы черезъ р. Ингулецъ, въ слободѣ Николаевкѣ, генералъ Рѣпнинскій, жившій тутъ своимъ домомъ, просилъ императрицу осчастливить его и семейство его посѣщеніемъ.

„Этотъ генералъ, будучи еще полковникомъ, женился на прекрасной молодой дамѣ отъ живаго мужа, вышелъ потомъ въ отставку и удалился въ южный край. Князь Потемкинъ, покровительствуя Рѣпнинскому, старался всячески утвердить этотъ бракъ, но не имѣлъ успѣха“.

Императрица, принявъ любезно приглашеніе Рѣпнинскаго, пересѣла изъ шестимѣстной своей кареты съ гр. Фалькенштей-

---

[1]) См. Кіевская Старина, 1891 г., № 7.

[2]) Женатый на сестрѣ Потемкина, отецъ графини Браницкой.

номъ и съ нѣкоторыми изъ свиты въ фаэтонъ и отправилась къ дому Рѣпнинскаго. День былъ прекрасный; подъѣзжая къ слободѣ, въ полуверстѣ отъ оной, близъ дороги открылся курганъ, усаженный пахучими и пріятными для глазъ цвѣтами; все это сдѣлано было съ намѣреніемъ. Князь предложилъ государынѣ не угодно ли выйти и пройтись не далеко, гдѣ изволите кушать; фаэтонъ остановился; государыня вышла, долго любовалась цвѣтами и потомъ изволила пойти. У воротъ предмѣстія, хозяинъ Рѣпнинскій съ женою и съ двумя малолѣтними дѣтьми встрѣтили государыню на колѣняхъ съ хлѣбомъ и солью; государыня, посмотрѣвъ на нихъ, сказала пословицу „хлѣбъ и соль не ссорятся", приказала принять, и оборотясь къ князю, сказала: „Куда ты меня привезъ?" Князь содрогнулся отъ неожиданнаго вопроса, отвѣчалъ: „Ваше величество, прежній мужъ хозяйки два года какъ умеръ" — „Знаю, сказала государыня, знаю и то, что хочетъ онъ дѣтей усыновить—этому не быть"; потомъ изволила пойти въ домъ, кушала какъ и всегда и обыкновенно, такъ что нисколько не было примѣтно неудовольствія ея" („Морской Сборникъ" 1855 г., апрѣль, стр. 143, изъ дневника Сенявина). Въ это время Потемкинъ лично хлопоталъ около переправы огромной вереницы экипажей и телѣгъ императорскаго поѣзда черезъ р. Ингулецъ—и когда все было готово, дали знать императрицѣ; она возвратилась къ пристани и на богато убранномъ катерѣ переправилась черезъ рѣку съ гр. Фалькенштейномъ; кормою катера управлялъ служившій тогда въ Херсонѣ капитанъ 1-го ранга Мордвиновъ [1]); за катеромъ императорскимъ слѣдовали въ шлюбкахъ свита и посланники.

Къ переправѣ на Ингульцѣ выѣхали встрѣтить императрицу херсонскіе мѣщане и эскадронъ легкоконнаго александрійскаго полка, и когда императрица пересѣла снова въ свою шестимѣстную карету съ прежними спутниками, тогда передъ каретою поскакали верхами мѣщане, а эскадронъ конвоировалъ всѣ 17 верстъ остававшіяся до Херсона;—дорога была ровная, гладкая.

---

[1]) Извѣстный впослѣдствіи государственный дѣятель Николай Семеновичъ

Въѣздъ императрицы въ городъ былъ торжественный, въ нарочно приготовленной великолѣпной открытой колесницѣ— вмѣстѣ съ гр. Фалькенштейномъ и княземъ Потемкинымъ.

Въ форштадтѣ у тріумфальныхъ воротъ встрѣтили императрицу херсонское купечество и мѣщанство съ хлѣбомъ и солью, а на большемъ разстояніи отъ воротъ тріумфальныхъ до крѣпостныхъ стояли ремесленники съ ихъ значками.

Передъ воротами крѣпости, называемыми московскими, народъ съ криками ура бросился къ каретѣ, выпрягъ лошадей и провезъ на себѣ карету до крѣпости[1]).

Въ крѣпости у воротъ „санктпетербургскихъ“ встрѣтили генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры. Комендантъ поднесъ ключи. При переѣздѣ по городу до дворца, по обѣимъ сторонамъ улицъ стояли въ строю пѣхотные полки: козловскій, ряжскій, тамбовскій, муромскій, курскій, полоцкій, херсонскій и елецкій; войска отдавали честь, преклоняя знамена, при музыкѣ и барабанномъ боѣ.

Передъ Екатерининскимъ соборомъ встрѣтилъ императрицу съ крестомъ и въ сопровожденіи духовенства преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославской и Херсонеса-Таврическаго. Императрица вошла въ церковь, выслушала молебенъ съ многолѣтіемъ, и пожаловавъ къ рукѣ преосвященнаго и бывшее съ нимъ духовенство, продолжала свое шествіе въ своей шестимѣстной каретѣ до дворца, проѣзжая мимо адмиралтейства, гдѣ на элингахъ стояли готовые къ спуску 80-ти и 70-ти пушечные корабли и одинъ 50-ти пушечный фрегатъ.

Было уже семь часовъ вечера, когда императрица прибыла во дворецъ, здѣсь у подъѣзда ожидалъ ее фельдмаршалъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, дворянство и именитое херсонское гражданство съ хлѣбомъ и солью. Въ комнатахъ встрѣтили дамы генералитета и между ними жена генералъ-поручика Самойлова, племянница кн. Потемкина. Потомъ графъ А. А. Безбородко представилъ императрицѣ пріѣхавшихъ въ

[1]) Р. Архивъ 1867, ст. 1233, изъ книги: Жизнь и дѣянія князь Г. А. Потемкина, состав А. Н. Самойловъ (племянникъ Потемкина).

Херсонъ: племянника польскаго короля князя Станислава Понятовскаго и посланника нашего въ Константинополѣ Булгакова.

Вечеромъ, во время собранія, Потемкинъ угостилъ музыкою съ хоромъ пѣвчихъ собственнаго своего оркестра, состоявшаго изъ 186 человѣкъ [1]).

Для графа Фалькенштейна квартира, по его желанію, была въ городѣ, а не во дворцѣ.

На другой день императрица писала объ Херсонѣ къ главнокомандующему въ Москвѣ Еропкину:

„Дитя сіе не существовало восемь лѣтъ назадъ. Сначала проѣхали каменныя казармы шести полковъ, потомъ повернули направо, въѣхали въ крѣпость, которая за себя постоитъ и въ отдѣлкѣ со всѣмъ поспѣетъ въ нынѣшнее лѣто и несравненно лучше кіево-печерской. Внутри крѣпости военныя строенія многія окончены, нѣкоторыя приходятъ въ отдѣлку. Церковь каменная, прекрасная, когда я говорю каменная, не подумайте, чтобъ подъ симъ разумѣю кирпичъ. Здѣсь инова камня не знаютъ, какъ тотъ, который, вынувъ изъ земли, кладутъ въ стѣну. Онъ крѣпче плиты и сырость не притягиваетъ. Выѣхавъ изъ крѣпости, повернули мы въ Адмиралитетъ, въ которомъ всѣ магазины и строенія каменныя, покрыты желѣзомъ. На штапели нашли мы готовый 80-ти пушечный корабль, который въ субботу, Богъ дастъ здоровья, на воду спустимъ; возлѣ сего 66 пушечный готовый, возлѣ сего фрегатъ 55 пушечный. Сіи корабли изъ моего дома и изъ той комнаты, въ которой къ вамъ пишу, видны и садъ сего дома возлѣ адмиралтейства и штапеля.—Купечество города, которое съ другой стороны составляетъ предмѣстіе, я еще не видала. Но сказываютъ не хуже. Народа здѣсь окромѣ военныхъ великое множество и разноязычные съ большой части Европы. Я могу сказать, что мои намѣренія въ семъ краѣ приведены до такой степени, что нельзя оныхъ оставить безъ достодолжной похвалы. Усердое попеченіе вездѣ видно и люди къ тому избраны способные. (См. Письма Екатерины II. Изд. Смирдина, т. III, Спб. 1850).

---

[1]) Изъ Камеръ-фурьер. журн. 1787 года.

Храповицкій, въ своемъ дневникѣ, 13 мая написалъ: „Въ письмѣ къ Еропкину сравненіе шестилѣтняго Петербурга съ Херсономъ. Укрѣпленіе города и зданія похвалены; въ расторопности и успѣхахъ должны отдать справедливость кн. Г. А. Потемкину (См. Дневникъ Храповицкаго. Изд. Н. Барсукова. Спб. 1874 г.).

Спутникъ Екатерины Іосифъ II, т. е. графъ Фалькенштейнъ, отзывался совсѣмъ иначе о херсонской крѣпости, въ секретной перепискѣ съ своимъ фельдмаршаломъ: „Херсонскія укрѣпленія выведены очень дурно, фасы очень длинны, куртины слишкомъ коротки, фланги также, и поэтому всѣ орудія для обстрѣливанія фасовъ вытянуты въ рядъ вдоль этихъ куртинъ, точь въ точь какъ у насъ въ Эгерѣ и въ Прагѣ. Всѣ верки земляные, въ землѣ слишкомъ много песку, обложки нѣтъ никакой, а одинъ дернъ пристаетъ очень плохо. Скаты чрезвычайно круты, и такъ какъ тачки здѣсь очень дороги, то солдаты таскаютъ землю на плечахъ въ маленькихъ мѣшкахъ и высыпаютъ па верки не размельчая и безъ утрамбовки, а только разбрасывая ногою ссыпанную кучку земли“.

„Осадная артиллерія великолѣпна, но у нихъ нѣтъ заттель вагеновъ для перевозки орудій большаго размѣра, а также нѣтъ и десятой части необходимыхъ зарядовъ — и ядеръ и пушекъ“ [1]).

На другой день пріѣзда въ Херсонъ, 13 мая—назначенъ былъ во дворцѣ большой выходъ и съ 11-го часа утра начали съѣзжаться военные и гражданскіе чины и между ними уволенный отъ управленія епархіею греческій архіепископъ Евгеній: не замедлилъ пріѣхать изъ своей квартиры и Іосифъ II. Всѣ ожидали Императрицу, которая передъ выходомъ въ особой комнатѣ принимала на приватной ауденціи присланнаго отъ неаполитанскаго короля маркиза де Галло, который поздравлялъ императрицу *съ благополучнымъ прибытіемъ къ полуденнымъ границамъ имперіи, орошаемымъ водами, простирающимися до королевства неаполитанскаго*“. Такъ выразился маркизъ при

---

1) См. Arneth. Iozeph II und Katherine von Russland.

представленіи его императрицѣ, между тѣмъ, какъ его пріѣздъ имѣлъ цѣлью: осмотря Херсонъ, разузнать о средствахъ, какъ выгоднѣе воспользоваться льготами, предоставленными неаполитанцамъ по торговому съ Россіею договору (см. Записки Сегюра).

Послѣ аіуденціи императрица вошла въ комнату „общаго собранія"—здѣсь прежде всего привѣтствовалъ ее графъ Фалькенштейнъ и представилъ барона Герберта, римско-императорскаго унтеръ-нунція при Оттоманской Портѣ. Графъ Безбородко представлялъ секретаря великаго княжества литовскаго графа Машинскаго, посланника неаполитанскаго въ Константинополѣ графа Модолера, потомъ въ большомъ залѣ архіепископъ Евгеній сказалъ императрицѣ привѣтственную рѣчь на греческомъ языкѣ [1]).

Къ обѣду было приглашено болѣе 80 лицъ; украшеніе обѣденнаго стола было особенно оригинально: на столѣ, вмѣсто филейныхъ дессертныхъ перемѣнъ, поставлены были принесенныя изъ адмиралтейства модели кораблямъ, фрегатамъ и другимъ транспортнымъ судамъ, которые построены были въ херсонскомъ адмиралтействѣ и тогда находились въ Черномъ морѣ. Всѣхъ моделей было 13, кромѣ одного стопушечнаго корабля, который въ это время былъ еще не оснащенъ и стоялъ на камеляхъ [2]).

Во время стола играла музыка инструментальная съ хоромъ пѣвчихъ изъ оркестра князя Потемкина. Обѣдъ кончился въ исходѣ 2-го часа и Императрица удалилась во внутренніе свои покои.

Въ 5 часовъ опять всѣ собрались: назначена была прогулка въ экипажахъ по городу. Императрица пригласила съ собою въ открытый фаэтонъ графа Фалькенштейна, графиню Браницкую, князя Потемкина, Л. А. Нарышкина, Дмитріева-Мамонова, графа Кобенцеля и принца де Линя. Прогулка по городу продолжалась слишкомъ три часа. Императрица осматривала не только городъ, но и предмѣстіе и разводимые сады де-

---

[1]) Изъ Камеръ Фурьерскаго Журнала 1787 г.

[2]) Изъ Камеръ Фурьерскаго Журнала 1787 г.

ревъ плодоносныхъ и насажденія для строеваго и дровянаго лѣса (изъ Камеръ - Фурьерскаго журнала 1787 г.). Въ форштадтѣ императрица съ любопытствомъ осматривала товары у одного богатаго купца—грека, а проѣзжая мимо крѣпости, приказала раздать наградныя деньги работавшимъ во рвахъ воинскимъ командамъ. (Тамъ же).

На другой день (14 мая) императрица писала къ графу Брюсу: „третьяго дня къ вечеру пріѣхали мы съ графомъ Фалькенштейномъ благополучно и въ добромъ здоровьѣ сюда въ Херсонъ и къ немалому нашему удивленію узрѣли прекраснаго города въ такомъ мѣстѣ, гдѣ шесть лѣтъ назадъ не было ничего окромѣ голой степи. Здѣсь не только военныя, но и гражданскія строенія всѣ въ лучшемъ видѣ, однимъ словомъ Херсонъ почитать можно между самыми лучшими городами нашими. Сіе дитя много обѣщаетъ: гдѣ сажаютъ тутъ все ростетъ, гдѣ пашутъ тутъ изобилье, строенія все каменныя; мы жары по сю пору не чувствуемъ, всѣ здоровы; здѣшніе люди больнаго вида не имѣютъ и все копышется людство великое и стеченіе людей со всѣхъ край, наипаче же полуденные. Всего описать время не достаетъ“.

(Напечатано съ подлинника въ приложеніи къ Камеръ Фурьерскому Журналу 1787 г.) Н. И. Салтыкову Императрица писала подробнѣе:

„Мы съ удивленіемъ и съ немалымъ удовольствіемъ увидѣли, что здѣсь сотворено. Мы ѣхали сюда степями, по землѣ; степи обѣщають вездѣ изобилье, и онѣ отнюдь не безводны, а здѣсь и пуще всего видно чево быть могутъ, ибо не говоря о строеніи, кои сплошь каменныя и во множествѣ и во всякомъ родѣ по свойству прочны и хороши, гдѣ пашутъ тутъ изобилье, гдѣ сажаютъ тутъ принимается и ростетъ; однимъ словомъ, есть ли приводить или привозить сюда не любящихъ сего краю, думаю, что предубѣжденіе и страсть кончится обозрѣніемъ Херсона. При томъ прошу вспомнить, что шесть лѣтъ назадъ не было ничево. Мы еще жаркаго дня не видали, но при тепломъ воздухѣ вѣютъ вѣтры прохладные, вишни отцвѣли, сирени въ цвѣтахъ подъ моими окошками, есть ли всево отпи-

сать, что здѣсь есть, то тетради надобны; крѣпость нынѣшнимъ лѣтомъ кончается, она не въ примѣръ лучше кіевской. Я живу противу адмиралтейства, изъ оконъ вижу три корабля военные, кои завтра спустимъ на воду; пять церквей каменныхъ я уже видѣла, архитектуры самой хорошей, одна по середи крѣпости. Дома мѣщанскіе таковы, что и въ Петербургѣ не испортятъ ни которую улицу; казармы гораздо лучше гвардейскихъ, понеже каменныя" (См. Р. Арх. 1864 г. стр. 968).

„Въ Херсонѣ, по меньшой мѣрѣ, (пишетъ Екатерина къ барону Гримму) отъ десяти до двѣнадцати тысячъ жителей всякихъ націй. Въ немъ можно достать все что угодно, не хуже Петербурга..... Однимъ словомъ, благодаря попеченіямъ князя Потемкина, этотъ городъ и этотъ край, въ которомъ при заключеніи мира не было ни одной хижины, теперь сдѣлался цвѣтущимъ городомъ и краемъ, которые будутъ процвѣтать изъ года въ годъ. (Изъ писемъ Екатерины II къ барону Гримму. Р. Арх. 1878 г., стр. 141 и слѣд.).

Сегюръ въ своихъ запискахъ оставилъ намъ довольно подробное описаніе тогдашняго Херсона:

„Послѣ проѣзда четырехсотъ верстъ по степямъ, насъ неожиданно и пріятно обрадовалъ своимъ видомъ Херсонъ. Но и безъ этой случайности, мы не могли не дивиться, видя столько новыхъ величественныхъ зданій. Мы увидѣли почти уже оконченную крѣпость, казармы на двадцать четыре тысячи человѣкъ, адмиралтейство со всѣми магазинами, въ арсеналѣ шестьсотъ пушекъ; два военные корабля и фрегатъ, снаряженные къ спуску, нѣсколько церквей прекрасной архитектуры, наконецъ цѣлый городъ, уже торговый, съ 2000 домовъ и съ лавками, наполненными товарами, привезенными изъ Греціи, изъ Константинополя и изъ Франціи, въ гавани непрестанное оживленіе и движеніе отъ прихода и ухода судовъ коммерческихъ. Если присоединить къ этому дѣятельность 18,000 рабочихъ, блестящее войско, съѣздъ нѣсколькихъ иностранныхъ министровъ, консуловъ и путешественниковъ въ край, пріобрѣтенный Россіею только со времени Кайнарджійскаго міра, только три года предъ тѣмъ освобожденный отъ татарскихъ набѣговъ,

то дѣлается весьма понятнымъ, до какой степени такая картина должна льстить самолюбію Императрицы, и внушать удивленіе ея спутникамъ, которые спѣшили превозносить дарованія и дѣятельность Потемкина.

Правда, что это первоначальное, минутное удивленіе наше нѣсколько охладилось размышленіемъ. Разсмотрѣвъ Херсонъ вблизи и подробно, мы замѣтили, что его мѣстоположеніе дурно выбрано, что корабли вообще не могутъ подыматься по Днѣпру иначе, какъ безъ груза, а военные суда, здѣсь построенныя, не могутъ свободно спускаться по рѣкѣ безъ помощи камелей. Не устроено ни набережной, ни пакгаузовъ для товаровъ; судебныя мѣста отправляютъ дѣла медленно и дурно, наконецъ испаренія болотъ и островковъ, наполненныхъ тростниками, возлѣ города не только вредно дѣйствуютъ на здоровье жителей, но нерѣдко и смертельны.

Замѣчанія эти я слышалъ отъ многихъ купцовъ, и сообщилъ Потемкину, который призналъ ихъ справедливыми. Чтобы поправить дѣло, князь предполагалъ устроить торговую гавань въ 30 верстахъ ниже по Днѣпру, учредить карантинъ, построить набережную и магазины, преобразовать суды и осушить сосѣднія болота. Онъ уже истребовалъ и получилъ деньги, нужныя для нѣкоторыхъ изъ этихъ работъ. Но высушка болотъ мнѣ казалась невозможною; для этого нужно было истребить весь тростникъ, необходимый для топки и покрышки домовъ въ этомъ краю, гдѣ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ не было и лѣсу“ [1]).

14 мая императрица съ графомъ Фалькенштейномъ и всею свитою, водою, на катерахъ, и шлюпкахъ, сдѣлала прогулку за 15 верстъ отъ Херсона въ дер. Бѣлозерку, принадлежавшую графу А. А. Безбородку. Послѣ обѣда, которымъ Безбородко угощалъ свою дорогую посѣтительницу и 37 человѣкъ гостей, Императрица возвратилась въ Херсонъ не водою, а сухимъ путемъ въ фаэтонѣ.

---

[1]) См. Mem. d. Segur. T. III. p. 121—123.

Въ этотъ день Императрица приказала: 48 человѣкъ сосланныхъ за разныя преступленія на работу въ Херсонъ избавить отъ каторжной работы, а ежели кто изъ нихъ наказанъ былъ тѣлесно, тѣхъ покрыть знаменемъ и поселить въ удобномъ мѣстѣ по благоразсмотрѣнію кн. Потемкина [1]).

Въ оффиціальныхъ записяхъ Камеръ-фурьерскаго журнала 1787 года имя французскаго посланника графа Сегюра въ Херсонѣ не упоминается въ числѣ лицъ, приглашаемыхъ императрицею вмѣстѣ съ нею въ карету или на партію въ карты или шахматы. Причиною было неудовольствіе императрицы на графа Сегюра, какъ на посланника того правительства, которое, по ея мнѣнію, подстрекало турокъ къ войнѣ съ Россіею, и потому она считала увѣренія Сегюра о дружбѣ Франціи къ Россіи неискренними и убѣжденіе это усилилось въ умѣ императрицы особенно въ Херсонѣ, когда почти одновременно съ пріѣздомъ ея въ этотъ городъ въ устье Днѣпра, въ лиманъ, близъ Очакова, прибыла турецкая эскадра, состоявшая изъ 4 кораблей, 10 фрегатовъ, а въ Очаковъ въ тоже время пріѣхали нѣсколько французскихъ офицеровъ.

Въ придворномъ кругу появленіе въ эту минуту турецкаго флота было встрѣчено негодованіемъ: „Непонятно, говорили люди придворные и близкіе, непонятно, какъ именно въ то время, когда только что подписанъ былъ дружественный трактатъ съ Франціею и когда французскій посланникъ сопровождаетъ императрицу, удостоившую его особымъ вниманіемъ и довѣріемъ, и въ это то время французскіе инженеры занимаются распоряженіями по устройству турками артиллеріи и военныхъ кораблей и помогаютъ врагамъ Россіи приготовляться къ войнѣ съ нею?“

Потемкинъ тоже объяснялся съ Сегюромъ о подстрекательствѣ Франціею турокъ,—но Сегюръ отвѣчалъ ему: „Наше поведеніе всегда и постоянно было откровенно, мы всегда объявляли, что хотя король старается всѣми средствами объ удовлетвореніи справедливыхъ жалобъ Россіи, однакоже, руковод-

---

[1]) См. Камеръ Фурьер. журналъ 1787 г.

ствуясь высокими цѣлями, рѣшился употребить съ своей стороны всевозможныя средства, чтобъ охранять цѣлость и независимость оттоманской имперіи. Не слѣдуетъ удивляться, что, не смотря на мирныя и конечно искреннія увѣренія Россіи, Порта принимаетъ благоразумныя предосторожности. Поставьте себя на ея мѣстѣ". (Mem. de Segur. T. III. p. 125).

Потемкинъ призналъ справедливость возраженія гр. Сегюра. Холодность Императрицы въ обращеніи съ Сегюромъ начала уменьшаться и продолжалась еще нѣсколько дней...

Въ субботу 15-го мая назначенъ былъ спускъ кораблей. Въ 11-ть часовъ утра собрались въ дворецъ вся свита, посланники и графъ Фалькенштейнъ. Императрица не заставила себя дожидаться и явилась передъ собраніемъ въ „морскомъ флотскомъ мундирѣ", и поздоровавшись со всѣми, въ сопровожденіи ихъ послѣдовала пѣшкомъ при пушечной пальбѣ въ адмиралтейство [1]). Здѣсь приготовлены были къ спуску: 80-ти пушечный корабль „*Іосифъ II-й*"; 60 пушечный „*Владиміръ*" и 50 пушечный фрегатъ „Александръ" [2]). Во время спуска производилась пушечная пальба—а народъ кричалъ „ура".

Спутникъ Екатерины графъ Фалькенштейнъ постоянно отзывался съ нехорошей стороны о томъ, что онъ видѣлъ у насъ; о спущенныхъ въ его присутствіи въ Херсонѣ корабляхъ онъ писалъ къ своему фельдмаршалу:

„Спущенные корабли изъ очень сыраго лѣса, годятся только на показъ. Мачты очень плохи и нѣтъ ни канатовъ, ни парусовъ; все это предполагаютъ привезти сухимъ путемъ изъ Кронштадта въ Херсонъ". (См. Joseph II und Katharine von Russland. Wien 1869. Стр. 359).

Потомъ императрица съ графомъ Фалькенштейномъ на катерѣ проѣхала мимо спущенныхъ кораблей до греческой пристани, гдѣ ожидалъ ее фаэтонъ, въ которомъ она и возвратилась во дворецъ.—Здѣсь во внутреннихъ покояхъ графиня Браницкая представила ей дамъ: генералъ-поручицу Самойлову и

---

[1]) См. К.-Ф. ж. 1787 г.

[2]) См. Морской Сборникъ 1855 г. Апрѣль

генералъ-маіоршу княгиню Вяземскую; государыня пожаловала ихъ къ рукѣ.

Обѣдъ былъ на 63 куверта. „Вмѣсто дессертныхъ филейныхъ штукъ поставлены были на столъ модели кораблей и фрегатовъ“. Обѣдъ кончился въ исходѣ 2-го часа.

Вечеромъ передъ выходомъ въ залу, во внутреннихъ покояхъ императрица принимала отъ купели новорожденную дочь генералъ-поручика А. Н. Самойлова, по матери роднаго племянника кн. Потемкина. Потомъ кн. Потемкинъ представлялъ купцовъ и мѣщанъ, торгующихъ въ Херсонѣ.

На другой день, въ праздникъ св. Троицы, въ 11-мъ часу всѣ съѣхались во дворецъ для привѣтствованія съ праздникомъ, а въ 12 часовъ съ графомъ Фалькенштейномъ и съ нѣкоторыми лицами свиты императрица въ фаэтонѣ выѣхала къ обѣднѣ въ Екатериненскій соборъ.

Вся прочая свита слѣдовала въ каретахъ. Въ соборѣ императрицу встрѣтилъ съ крестомъ архіепископъ Амвросій.

До начатія литургіи, императрица въ церкви крестила бывшихъ до того въ магометанствѣ двухъ депутатовъ осетинскаго народа, которымъ наречены были имена одному Петръ, другому Павелъ; новокрещенные во все время продолженія литургіи стояли въ церкви; передъ причастіемъ императрица сама подводила ихъ прикладываться къ мѣстнымъ иконамъ, а потомъ и къ св. Причащенію; на вечернѣ во время колѣнопреклоненія цвѣты подавалъ Императрицѣ оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

По возвращеніи во дворецъ Императрица возложила орденъ св. Александра Невскаго на командовавшаго днѣпровскою флотиліею вице-адмирала Петра Ивановича Пущина, а всему экипажу, бывшему на судахъ во время путешествія по Днѣпру, приказала выдать, не въ зачетъ, въ награду, полугодовое жалованье.

Въ этотъ день императрица была очень щедра на милости:

Командующему артиллеріею генералъ-аншефу Ив. Иванов. Меллеру и бригадиру и херсонскому оберъ-коменданту Александру Соколову пожаловано по 300 душъ изъ полоцкой экономіи.

Черноморскаго флота капитанъ 1-го ранга Николай Мордвиновъ и графъ Марко Воносовичъ произведены въ контръ-адмиралы, капитаны 1-го ранга: Панагіотти, Алексіано и Θедоръ Ушаковъ въ капитаны бригадирскаго чина; капитаны 2-го ранга: Степанъ Вельяшевъ, Гавріилъ Голенкинъ и Павелъ Пустошкинъ въ капитаны 1-го ранга. Находившійся при строеніи города Херсона подполковникъ Николай Корсаковъ въ инженеръ полковники и пожаловано ему 450 душъ изъ полоцкой экономіи и орденъ св. Владиміра 3 степени. Сынъ контръ-адмирала Пущина, флота-капитанъ-лейтенантъ Иванъ Пущинъ пожалованъ въ капитаны 2-го ранга [1]).

Иностранцы разсказываютъ, что въ этотъ день всѣ просили о наградахъ и всѣмъ давали. Императрица будто бы спросила Суворова не желаетъ ли и онъ чего нибудь?—Онъ отвѣчалъ, что желаетъ, чтобъ заплатили его долгъ за наемъ квартиры 200 руб. [2]).

Въ этотъ день сопутствовавшій Императрицѣ съ самаго начала ея крымскаго путешествія изъ С.-Петербурга, вице-президентъ государственной адмиралтейской коллегіи графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ былъ уволенъ за границу, вмѣстѣ съ его дочерью графинею Екатериною Ивановною.

Причиною удаленія его были придворныя противъ него интриги; онъ высказался объ этомъ откровенно другу своему бывшему оберъ-камергеру князю А. М. Голицину въ письмѣ изъ Херсона отъ 17 мая:

„Я принужденъ былъ удалиться; господа, заправлявшіе путешествіемъ, чтобъ оскорбить меня, хотѣли продѣлывать со мною то, что они дѣлали со многими: они хотѣли заставить меня или скакать впереди Государыни за 24 часа или послѣ нея черезъ сутки, ссылаясь на недостатокъ лошадей, которые давались семейству Потемкина или его свитѣ, какъ напримѣръ принцу Нассау и другимъ. Два дня къ ряду они дѣлали мнѣ эти предложенія и настаивали объ моемъ согласіи. Я отвѣчалъ имъ, что нахожусь при Императрицѣ въ путешествіи не по моей прось-

[1]) См. К.-Ф. жур. 1787 г.

[2]) Taurische Reise. Koblenz. 1799, стр. 121.

бѣ, а по ея приказанію, то отъ нее зависитъ приказывать мнѣ ѣхать ли впередъ или оставаться въ Херсонѣ и я въ точности, безпрекословно исполню ея приказанія". .

„Желая же узнать отъ самой императрицы о разпоряженіяхъ по дальнѣйшему путешествію изъ Херсона, я пошелъ къ ней и сказалъ ей: я слышалъ ваше величество, что мое имя не поставлено въ спискѣ лицъ, имѣющихъ счастье сопровождать ваше величество. Она на это отвѣчала мнѣ: такъ какъ вы постоянно не здоровы, то вы свободны ѣхать куда и когда вамъ угодно. Ясно было, что все уже было устроено, чтобъ я не принадлежалъ болѣе къ свитѣ и потому я отвѣчалъ: „я дѣйствительно боленъ, и разъ мнѣ предоставляется свобода распоряжаться собою, то, не принадлежа болѣе къ свитѣ, я прошу отпустить меня за границу". Императрица очень удивилась. Куда? воскликнула она, за границу? что тамъ дѣлать?—Брать ванны, отвѣчалъ я.—Какія ванны?—Сперва близь Вѣны въ Баденѣ.— Это еще болѣе ее удивило. Въ Вѣну? — Точно такъ, ваше величество, но ежели ванны эти мнѣ не помогутъ, какъ я ожидаю, то поѣду въ Неаполь.—Богъ съ вами! сказала на прощанье Императрица. Въ слѣдующій день, *день отъѣзда* со мною обошлись еще холоднѣе.

Сознаюсь вамъ, мой почтеннѣйшій и уважаемый другъ, что болѣе всего меня огорчило, что молодой человѣкъ Мамоновъ, на дружбу котораго я считалъ въ правѣ надѣяться, оказался за одно съ кн. Потемкинымъ, который не переставалъ меня преслѣдовать, и всегда не явно, также и граф. Безбородко".

Князь А. М. Голицынъ получилъ это письмо, живя въ деревнѣ подъ Москвою, и черезъ брата своего, посланника въ Вѣнѣ, послалъ графу Чернышеву отвѣтъ: „Вамъ слѣдовало бы удалиться отъ дѣлъ поранѣе изъ Петербурга и изъ Кіева потому что не прилично ѣхать въ такія мѣста, гдѣ вы, нося еще на себѣ званіе перваго и главнаго члена Адмиралтейства, прежде командовали, а теперь быть безъ дѣла и уваженія. *Прать противъ рожна трудно;* и такъ, почтеннѣйшій другъ, надобно уже наконецъ принять безъ отлагательства свои мѣры, сходныя съ своимъ положеніемъ, и искать поправленія своему здоровью, которое по

вашему усердію и рьяности въ службѣ пришло въ крайнюю разстройку. Гр. Кириллъ Григорьевичъ, для свиданіе съ которымъ ѣздилъ я нарочно въ городъ, объ васъ съ особливою дружбою со мною разговаривалъ. Онъ, не понимаю я для чего, принялъ намѣренія ѣхать зимовать въ Кіевѣ, будто бы московской климатъ ему не столько здоровъ быть бы могъ; по моему же мнѣнію, нашего рода и лѣтъ люди не могутъ нигдѣ инде съ лучшимъ покоемъ, благопристойности и пользою свое пребываніе основать какъ въ Москвѣ. Князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій поклонъ вамъ сказываетъ. Онъ, кажется, совсѣмъ забылъ дворъ и свои претензіи употреблену при немъ быть. Теперь, единственно упражняясь въ своей экономіи, купилъ домъ, исправляетъ оный, будучи совсѣмъ расположенъ жить здѣсь".

Посылая это письмо въ Вѣну, кн. А. И. Голицынъ просилъ брата вручить вѣрно, ежели Чернышевъ еще въ Вѣнѣ находится или доставить оное къ нему, гдѣ онъ обрѣтается. „Его скорый и неожидаемый отъѣздъ изъ Херсона къ цѣлительнымъ водамъ и банямъ, писалъ князь къ брату, меня много удивилъ. Я сожалѣю, что онъ оной прежде не предпріялъ, не выѣзжая еще изъ Петербурга, а паче изъ Кіева, гдѣ онъ очень нездоровъ былъ. Его слабое и болѣзненное состояніе здоровія, а притомъ и его домашнія обстоятельства давно требовали отъ его дѣлъ и большихъ трудовъ отдыхновенія, вы найдете его весьма дряхла и состарившагося и черезъ то подумаете вы, что здѣсь люди скорѣе старятся, нежели у васъ; дочь его миловидна, пріятна, любезна и разумна. Я всегда находилъ въ дружбѣ графа І. Гр. больше чистосердечности и надежности, нежели въ дружбѣ покойнаго брата его фельдмаршала, который однако же считался мнѣ короткимъ пріятелемъ. Гр. І. Гр., могу я сказать, что онъ всегда искалъ моей дружбы и старался при случаѣ оную мнѣ доказывать. И такъ я прошу васъ, его увѣдомить, что я таковымъ образомъ объ немъ къ вамъ изъяснялъ и рекомендовалъ его, яко добраго моего пріятеля, въ возобновленіе дружбы вашей къ нему" [1]).

---

[1]) Письма гр. Чернышева къ кн. А. М. Голицыну, отвѣтъ послѣдняго и пись-

Императрица, наградивъ щедро флотскихъ и херсонскихъ чиновъ, 16 мая объявила, что завтра отъѣзжаетъ въ Крымъ и въ тотъ-же день написала графу Брюсу въ Петербургъ:

„Мы всѣ здоровы. Здѣсь погода ни холодна, ни жарка, но весьма умѣренная; вчерась здѣсь спущены на воду два корабля военныя, да одинъ фрегатъ. Завтра поѣдемъ отсѣлѣ въ Бериславль, откуда, переправясь черезъ Днѣпръ, поѣдемъ въ Тавриду. Графъ Фалькенштейнъ ѣдетъ съ нами. Здѣшній край черезъ десять лѣтъ будетъ изъ изобильнѣйшихъ, все растетъ, все принимается; онъ отнюдь не безводный и надѣюсь, что съ весьма малымъ раченіемъ будетъ и съ лѣсомъ, я сама взяла тысячу десятинъ, на коихъ по лѣсному регламенту приказала сѣять строительнаго и дровянова лѣсу; черезъ нѣсколько лѣтъ мнѣ скажутъ спасибо, я весьма рада, что видѣла все сіе своими глазами; не тетки, ни бабки, не старушечки мужскаго и женскаго пола басни не наточать, здѣшной край есть рай земной. Графъ Чернышевъ ѣдетъ въ Вѣну къ водамъ, если онъ сіе дѣлаетъ въ опасеніе знаменитыхъ предпріятій, какъ и прежде дѣлывалъ, то сіе опасеніе еще рановременно, et lui qui aime a' mistifier ne manquera pas de l'etre. Mais surtout mistifiet-il sa fille par ce voyage. Херсонъ 16 ч. мая 1787".

Въ концѣ письма императрица приписала: „Я посылаю къ вамъ три куска красной кисеи; одинъ кусокъ для вашей вел. кн. Маріи Павловны, а прочіе для ея сестры но не отдавайте ихъ тѣмъ прежде, нежели окончать оспенный карантинъ" [1]).

При отъѣздѣ изъ Херсона, по приказанію Императрицы, выданы были слѣдующія награды: Маркизу де-Галло 1000 червонныхъ, свитѣ графа Фалькенштейна 2000 червонныхъ, Софроніевской пустыни игумену Ѳеодосію 300 руб. и братіи 300 руб., архіепископу Евгенію 2000 руб., епископу Кириллѣ 1000 руб., вице-адмиралу Пущину для раздачи флотскимъ офицерамъ, быв-

---

мо его кн. Дмитр. Мих. Голицыну въ Вѣну выписаны изъ бумагъ главнаго архива М. И. Дѣлъ въ Москвѣ. Письмо гр. Чернышева писано на французскомъ языкѣ.

[1]) Выписано изъ приложеній въ Камеръ Фурьерскому журналу 1787 года, мы сохранили правописаніе подлиника.

шимъ на галерахъ отъ Кіева до Кайдака 8245 руб., первому секретарю гр. Фалькенштейна перстень цѣною въ 2800 р., второму секретарю въ 2275 руб., лейбъ-хирургу въ 1300 руб., духовнику въ 1100 руб., генералу графу Кинскому въ 4775 руб., Потемкину для раздачи крестившимся депутатамъ осетинскихъ подарковъ 1830 руб.

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ ЖИТОМІРѢ.

(ПО ПОВОДУ ЕЯ 25-ТИ ЛѢТІЯ).

Мысль о губернскихъ публичныхъ библіотекахъ возникла очень рано и принадлежитъ графу Н. С. Мордвинову, который, будучи президентомъ вольно-экономическаго общества, выработалъ проектъ распространенія въ Россіи полезныхъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній посредствомъ публичныхъ библіотекъ. Проектъ этотъ былъ изложенъ въ письмѣ графа къ министру внутреннихъ дѣлъ А. А. Закревскому. Министръ отнесся къ проекту сочувственно и немедленно вошелъ въ сношенія объ этомъ съ губернаторами. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ только получилъ донесенія „о готовности дворянства и купечества содѣйствовать видамъ правительства въ столь полезномъ дѣлѣ“ [1]). Были впрочемъ и такіе, которые отнеслись не такъ оффиціально къ предложенію министра. Такъ напр., смоленскій губернаторъ Н. И. Хмѣльницкій, человѣкъ образованный и писатель, получивши циркуляръ Закревскаго, на собственныя средства и отчасти на частныя пожертвованія устроилъ публичную библіотеку въ Смоленскѣ и для пополненія ея обращался съ просьбой къ писателямъ и издателямъ, между прочимъ къ А. С. Пушкину [2]). Съ такою же просьбой обращался къ нимъ и самъ Закревскій, но получилъ далеко не ото всѣхъ сочувственные отвѣты. Приведемъ два наиболѣе характерныхъ

---

[1]) Энциклопед. лексиконъ, 1836 г., т. V, стр. 514.

[2]) „Къ новоселью одесск. публичн. библіотеки въ Одессѣ“. В. А. Яковлева, 1883 г., стр. 14.

отвѣта, которые заимствуемъ у г. Яковлева[1]). Н. Полевой увидѣлъ въ предложеніи Мордвинова и министра „споспѣшествованіе отеческому просвѣщенію“ и „патріотическое дѣло“, а потому согласился совершенно безплатно пожертвовать въ каждую изъ предполагаемыхъ библіотекъ по пятидесяти экземпляровъ всѣхъ своихъ изданій, въ томъ числѣ и „Московскій Телеграфъ“. Иначе отнесся къ предложенію министра Ѳ. Булгаринъ. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ онъ заговорилъ „о необходимости упрочить сначала бѣдственное положеніе литераторовъ, а потомъ уже обращаться къ нимъ за содѣйствіемъ“, и увѣрялъ, что редакціи потеряютъ отъ пожертвованія болѣе, чѣмъ по 30000 руб., а литераторы, участвующіе въ его журналѣ, даже онъ съ Гречемъ, кусокъ хлѣба. Не ограничиваясь этимъ, онъ напалъ на самого Мордвинова, упрекалъ его „въ пожертвованіи чужаго добра, въ разладѣ его мнѣнія съ дѣломъ и въ заключеніе обозвалъ его даже любимцемъ фортуны“[2]). Такъ отнеслись къ предложенію представители русской прессы, образованной части русскаго общества. Если среди нихъ могли имѣть мѣсто люди, подобные Булгарину, то что же говорить о другой гораздо большей части общества, отъ которой, собственно говоря, главнымъ образомъ, и зависѣло осуществленіе проекта графа Н. С. Мордвинова. Одни, подобно Хмѣльницкому, принялись за дѣло горячо, другіе—нехотя, ex officio, а въ результатѣ оказалось, что „многія изъ открытыхъ въ тридцатыхъ годахъ библіотекъ вскорѣ прекратили свое существованіе, другія же существовали даже—только на бумагѣ“[3]). Что представляли собой существовавшія такимъ образомъ библіотеки, можно судить по слѣдующему извѣстію объ одной изъ такихъ библіотекъ: „Во многихъ городахъ губернскихъ и уѣздныхъ давно положено основаніе

---

[1]) Ibid., стр. 13.

[2]) На этомъ письмѣ А. Закревскій написалъ: „Не ожидалъ отъ него такого отвѣта, а тѣмъ болѣе съ укоризною другихъ; могъ просто отказаться и тѣмъ дѣло кончено, но давать нравоученія не его дѣло. Очень сожалѣю, что къ нему обращался“. В. Иконниковъ. „Графъ Н. С. Мордвиновъ“, Спб. 1873 г., стр. 494. Отъ Булгарина, впрочемъ, этого должно было ожидать.

[3]) „Къ новоселью городск. публичн. библ.“ Яковлева, Одесса, 1883 г., стр. 14.

библіотекамъ, составлявшимся впрочемъ рѣдко съ цѣлью общественной. Сюда складывались частными жертвователями собранія книгъ сомнительнаго достоинства, устарѣвшихъ и вообще книги почему бы то ни было ненужныя тому, кто ихъ складывалъ..... Самыя библіотеки были „публичныя“ только по отчетамъ. Труденъ ли былъ доступъ къ нимъ, или виною тому равнодушіе общества? Намъ кажется и то, и другое. Около 10 или 12 лѣтъ назадъ, въ одномъ изъ старыхъ городовъ, намъ никакъ не удалось проникнуть въ существовавшее тамъ книгохранилище, хотя мы знали, что оно находится при дворянскомъ собраніи и дѣйствовали черезъ лицо, высоко стоявшее въ обществѣ“ [1]). Въ тридцатыхъ годахъ существовала также библіотека въ Житомірѣ, но что она изъ себя представляла, какія въ ней были книги, наконецъ куда исчезли эти книги, мы положительно не знаемъ. Изъ статьи „Куда дѣвалась бывшая въ Житомірѣ публичная библіотека“, мы только узнали, что пользовались книгами безплатно и что ни одна изъ книгъ не вошла въ составъ существующей въ настоящее время библіотеки [2]). Такое печальное положеніе библіотекъ, впрочемъ, вполнѣ понятно: еще въ 50-хъ годахъ такіе народолюбцы, какъ Даль, были даже противъ народной грамотности [3]).

Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ начинаютъ опять раздаваться особенно часто голоса, настаивающіе на необходимости учрежденія библіотекъ не только въ губернскихъ городахъ, но даже селахъ, почти во всѣхъ газетахъ и журналахъ печатаются свѣдѣнія и извѣстія объ открывающихся и уже открытыхъ библіотекахъ [4]), обсуждается степень важности и значенія такихъ учрежденій. Причины, выставляемыя pro и contra, интересны въ томъ отношеніи, что прекрасно рисуютъ среду, представитель которой брался за обсужденіе этого вопроса. Всѣхъ разсужденій такого рода мы приводить не будемъ, ука-

---

[1]) Самарск. Губ. Вѣдом. 1859 г., № 6, стр. 47.

[2]) Волынск. Губ. Вѣдом.

[3]) „Вѣстн. Европы“ 1884 г., т. VIII, стр. 676.

[4]) „Указатель библіотекъ въ Россіи“ г. Геннади, Спб. 1864 г.; „Сѣверн. Почта“ 1864 г., № 119 и стр.

жемъ лишь наиболѣе характерныя, около которыхъ группируются, съ которыми по основной мысли схожи всѣ другія. Одни, напримѣръ, говорили: „Теперь въ провинціальныхъ городахъ общественныхъ развлеченій весьма мало. Въ праздникъ, напримѣръ, при выходѣ изъ церкви, послѣ литургіи вы всегда увидите десятки физіономій съ выраженіемъ недоумѣнія. Оно заключается въ вопросѣ: куда дѣваться съ временемъ до обѣда? Вотъ тутъ то и необходимо общественное мѣсто, гдѣ можно было пріятно и съ пользой провести дообѣденный часъ, *и этимъ мѣстомъ ничто иное можетъ быть, какъ библіотека.* За неимѣніемъ такого убѣжища, провинціальные жители отправляются, одни на рынокъ, гдѣ пересматриваютъ вывезенный для продажи разный хламъ..., другіе отправляются къ знакомымъ и тамъ тотчасъ, послѣ выпивки и закуски, садятся за карты. Тутъ забывается все: семья, напрасно ожидающая къ обѣду, потребности завтрашняго дня, обязанности и часто проигрывается доходъ не только одного мѣсяца, но и цѣлаго года. Чиновникъ, получившій жалованье, не всегда можетъ быть увѣренъ, что онъ принесетъ его домой, потому что, еслибы онъ самъ и не захотѣлъ зайти, то зазовутъ его, да и скука загонитъ поиграть въ карты. И какое его потомъ ожидаетъ положеніе: цѣлый мѣсяцъ безъ денегъ, долженъ занимать, унижаться—и по необходимости, если встрѣтится случай, лихоимствовать. Карточная игра неразлучна съ виномъ: одни пьютъ для храбрости, другіе отъ горя, при несчастьи, третьи отъ радости, при счастьи. При этомъ еще непремѣнно принуждаютъ пить другъ друга: нигдѣ такъ охотно не имѣютъ дѣла съ пьяницами, какъ въ картахъ... При существованіи же въ городѣ библіотеки дѣло шло бы совершенно иначе“ [1]). Другіе же, болѣе далекіе отъ картъ, выпивокъ и тому подобныхъ развлеченій относились къ дѣлу нѣсколько иначе. „Многіе, говорили они, жаждутъ чтенія, но всѣ они, большей частью, или не имѣютъ средствъ выписывать журналы и газеты, или, если и имѣютъ средства, то не имѣютъ охоты платить дорогія цѣны за журналы и другія періодическія изданія, чтобы

---

[1]) С.-Петербургск. Вѣдом., 1859 г., № 263, стр. 1170.

по прочтеніи отложить ихъ въ сторону и оставить навсегда безъ употребленія и потому остаются людьми отсталыми, не идущими въ уровень съ современностью"[1]). Были также люди еще болѣе серьезно смотрѣвшіе на библіотеки, видѣвшіе въ этихъ учрежденіяхъ „пособіе для научныхъ занятій въ пользу края" и „единственный двигатель для развитія моральныхъ силъ въ народной массѣ"[2]). Послѣднихъ, конечно, было очень немного. Дѣло, впрочемъ, не въ томъ. Для насъ важно установить тотъ фактъ, что вопросъ о библіотекахъ разсматривался со всѣхъ сторонъ, былъ признанъ всѣми вопросомъ важнымъ, а учрежденіе библіотекъ—дѣломъ необходимымъ. Казалось бы послѣ такого единодушнаго рѣшенія послѣдуетъ не менѣе единодушное открытіе библіотекъ, но на самомъ дѣлѣ вышло иначе. Библіотеки правда открывались, но далеко не единодушно. Одни, напримѣръ, радовались, что „библіотеки открываются уже мало по малу и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ менѣе всего можно было ожидать ихъ"[3]). Другіе, и такихъ другихъ было, по всей вѣроятности, большинство, признавая значеніе библіотекъ, ихъ важность и пользу, относились къ этому дѣлу слишкомъ индифферентно: „Да не соблазняютъ не коротко знакомыхъ съ провинціальной жизнью пышныя статьи губернскихъ вѣдомостей объ открытіи публичн. библіотекъ и высказанномъ при этомъ горячемъ участіи губернскаго или уѣзднаго общества:—горячее участіе это не продолжается далѣе горячаго обѣда, за которымъ высказывается, и скоро простываетъ, такъ что пожертвованія, предложенныя въ пылу воодушевленія, произведеннаго тостами, потомъ обращаются, вмѣсто библіотеки, на предметы болѣе существенные, напримѣръ улучшеніе буфета (въ примѣчаніи: „фактъ не вымышленный"[4]). Нѣкоторые же относились съ ироніей къ самой мысли открытія библіотекъ: „Намъ случилось, говоритъ одинъ изъ такихъ господъ, бесѣдовать съ однимъ человѣкомъ, власть

---

[1]) Черниговск. Губ. Вѣдом., 1859 г., № 42, стр. 316

[2]) Основа, 1861 г., іюль, стр. 145.

[3]) Дѣло идетъ объ открытіи библіотекъ въ станицахъ: Усть-Медвѣдицкой, Нижне-Чирской и Урюпинской.—Донск. Войсков. Вѣдом., 1861 г., № 20.

[4]) Кіевскій Телеграфъ 1859 г., № 38, стр. 164.

имѣющимъ", о провинціальной жизни вообще и о просвѣщеніи въ уѣздныхъ городахъ въ частности. Онъ говорилъ между прочимъ: „Я убѣжденъ, что доколѣ въ каждомъ городѣ не будетъ публичной библіотеки, дотолѣ просвѣщеніе не двинется впередъ, поэтому и употребляю всѣ усилія, чтобы открывались библіотеки". Съ человѣкомъ власть имѣющимъ спорить намъ не приходилось....... Наилучшимъ образомъ составленныя библіотеки не послужатъ ни къ чему". Для автора этой замѣтки (Арк. Эвальда) кажется страннымъ, какъ это „точно чудомъ, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, окажутся способными наши почтенные граждане читать и понимать „Русскій Вѣстникъ", который и образованному то, но не вполнѣ, дается не совсѣмъ легко" [1]). Положимъ, что это мнѣніе лица, которому даже „Русскій Вѣстникъ" дается „не совсѣмъ легко", но во всякомъ случаѣ это—„писатель", представитель извѣстной партіи, а потому и съ мнѣніемъ его приходится считаться. Причина такого страннаго на первый взглядъ отношенія къ мысли, признанной всѣми чрезвычайно важной, уже въ то время находила себѣ совершенно вѣрное объясненіе. По нашему мнѣнію, справедливо объясняли это явленіе недостаткомъ вниманія къ общественнымъ интересамъ, неумѣніемъ соединиться для общаго дѣла, недостаточностью энергіи частной инициативы. „Каждый изъ насъ, говорили, ждетъ, чтобы само правительство приняло на себя исполненіе всякаго общеполезнаго предпріятія или явился какой нибудь благодѣтель, который одинъ пожертвовалъ бы своимъ капиталомъ для общаго блага" [2]). Правительство, дѣйствительно, оправдало надежды общества и почти цѣликомъ взяло на себя это дѣло. Такимъ образомъ публичныя библіотеки въ нашихъ губернскихъ городахъ пережили два періода: 1) время до 60-хъ годовъ, когда библіотеки возникали по частному почину и 2) послѣ 60-хъ—періодъ административный, въ который была основана большая часть библіотекъ, существующихъ до настоя-

---

[1]) Московск. Вѣдом., 1860 г., № 205, стр. 1624.

[2]) Молва, 1857 г. № 21, стр. 250; Книжн. Вѣстн., 1860 г., № 17—18, стран. 206.

щаго времени. Въ своемъ бѣгломъ очеркѣ, который мы сочли нужнымъ предпослать замѣткѣ о житомірской библіотекѣ для того, чтобы поставить открытіе и вообще исторію библіотеки въ Житомірѣ въ связь съ открытіемъ библіотекъ въ Россіи, со всеобщимъ стремленіемъ къ образованію, мы конечно не могли дать полной исторіи библіотекъ въ Россіи, хотя такая исторія была бы чрезвычайно интересна и поучительна, какъ мѣрило развитія всего русскаго общества. Не могли же мы взяться за такой трудъ, благодаря недостатку подготовительныхъ работъ по этому вопросу и общихъ замѣтокъ по исторіи отдѣльныхъ библіотекъ. Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣрены сообщить нѣсколько данныхъ о житомірской библіотекѣ, наиболѣе намъ извѣстной, оканчивающей 25-лѣтній періодъ своего существованія, надѣясь этимъ подготовить и облегчить работу будущаго изслѣдователя по общей исторіи русскихъ библіотекъ.

Житоміръ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ ничѣмъ не выдавался изъ среды другихъ губернскихъ городовъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ „не выдерживалъ, по выраженію одного путешественника, ни малѣйшаго соперничества съ метрополіями другихъ провинцій“ [1]). Здѣсь не было ни порядочныхъ мостовыхъ [2]), ни сноснаго освѣщенія, ни даже гостинницъ, а пріѣзжающіе останавливались въ частныхъ еврейскихъ домахъ, носившихъ названіе „станцій“ [3]), которое удержалось и до настоящаго времени. Жителей за этотъ періодъ времени въ Житомірѣ было отъ 30 до 40 тысячъ при чемъ и эти 30, 40 тысячъ представляли изъ себя замѣчательную „смѣсь племенъ, народовъ, состояній“. Здѣсь были и поляки, и русскіе, евреи, татары и нѣмцы [4]). Все это—населеніе, имѣвшее между собой слишкомъ мало общаго, почти ничего.

---

[1]) Сынъ Отечества: „Изъ поѣздки въ Житом.“ Ив. Мещерина. 1865 г., № 235.

[2]) „Kilka ulic brucowanych, reszta pozbawiona nawet trotuarów“—Wołyń i jego mieczkańce w r. 1863, przez F. N. Drezno 1870 r., стр. 17.

[3]) Сѣверн. Пчела, 1850, № 193.

[4]) Wołyń, przez F. N, стр. 68; „.... Wołyń zajmując sam środek ziem Ruskich, liczy, pomiędzy swoimi mieszkańcami największy procent Rusinów; po nich idą ze względu na liczbę Żydzi, dalej Rossyanie, Niemcy, Holendrzy i Tatary“.

Поляки, будучи даже въ это время народомъ сравнительно болѣе образованнымъ, съумѣли поставить себя во главѣ общества, такъ что чиновники, пріѣзжавшіе сюда на службу изъ великорусскихъ губерній, въ скоромъ времени усваивали польскій языкъ[1]), считавшійся тогда „паньскимъ“ [2]), старались сблизиться съ польской интеллигенціей. И въ этомъ стремленіи нѣтъ ничего удивительнаго. Среди пріѣзжихъ чиновниковъ, а также и мѣстныхъ жителей, встрѣчались сплошь и рядомъ люди образованные, для которыхъ нужно было подходящее общество, подходящія развлеченія, нѣсколько отличныя отъ тѣхъ, за которыми убивала свои досуги другая часть житомірцевъ. Скорѣе всего они могли найти искомое среди поляковъ, для чего конечно нужно было знать польскій языкъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ кого состояло въ это время житомірское общество? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ одной изъ газетъ: „Житомірское общество, говоритъ газета, состоитъ изъ домовладѣльцевъ преимущественно поляковъ и евреевъ,—изъ евреевъ торговцевъ (безучастныхъ и къ лунѣ и къ солнцу),—изъ такъ называемаго низшаго слоя общества, которому не до общественныхъ дѣлъ и, наконецъ изъ самой образованной части общества—чиновниковъ, учителей и другихъ,—если такъ можно выразиться, служилыхъ людей. Почти всѣ служилые люди—русскіе. Какія побудительныя причины заставили этотъ людъ переселиться сюда—съ точностью опредѣлить трудно. Иные пріѣхали изъ убѣжденія—какъ важно пребываніе въ этомъ краѣ русскихъ образованныхъ людей (единицы); другіе—по странной игрѣ случая (десятки) и, наконецъ третьи—изъ разсчета на 50% добавку къ жалованью (сотни)“ [3]). По своему образованію и развитію выше всѣхъ этихъ группъ стояла польская. У нея былъ

Тѣ же народности только въ меньшемъ количествѣ находимъ и въ Житомірѣ. См „Экономистъ“ 1859 г.. т. II, кн. I, отд. III, стр. 15.

¹) Volyń. przez. F. N., стр. 69.

²) С. Д. Рафаловичъ, жительница Житоміра, хорошо помнящая это время, передавала намъ, что служанка ея, деревенская дѣвушка, удивлялась, „що паны межъ собою говорять по мужыцьки (т. е. по русски), а съ слугамы по паньски“.

³) С. Петербургск. Вѣдом., 1867 г., № 12.

свой театръ, существовавшій очень давно (помѣщался на Бердичевск. ул.). Въ этомъ театрѣ, который уже въ 1850 г. былъ *ветхимъ*, давала свои представленія на польскомъ языкѣ труппа г-жи Зѣлинской[1]). Въ 1858 г. въ Житомірѣ былъ построенъ новый театръ, существующій и до настоящаго времени,—очень красивое и сравнительно обширное зданіе. „Жаль только, говоритъ одинъ изъ людей, знакомыхъ съ житомірской жизнью, что со дня его открытія никогда не было порядочной труппы и г.г. антрепренеры больше заботились о труппѣ польской, нежели русской, которая никогда не была въ блестящемъ состояніи" [2]). Фактъ этотъ какъ нельзя лучше доказываетъ ту невысокую степень развитія русской части житомірскаго общества, благодаря которой русскій театръ находился въ жалкомъ состояніи и „кое какъ слѣпленная труппа, несущая сценическій трудъ съ спеціальной цѣлью быть сытой... не удовлетворяла самымъ умѣреннымъ запросамъ вкуса" [3]). Да какъ ей было и „удовлетворять", если въ этомъ удовлетвореніи никто не нуждался, если „узелъ наслажденія житомірскаго бомонда сложившагося изъ чиновничьихъ семействъ завязывался и развязывался въ гостинныхъ здѣшнихъ корифеевъ, гдѣ тянется копѣечный король за ухо и приносятся жертвы Терпсихорѣ" [4])... Такая характеристика житомірскаго общества подтверждается также состояніемъ книжной торговли въ Житомірѣ. Въ это время здѣсь было „нѣсколько книжныхъ лавочекъ, но только польскихъ и французскихъ"... Русскихъ книгъ въ продажѣ не было и „жители должны пополнять недостатокъ выпиской изъ столицъ. Между тѣмъ въ Житомірѣ могла бы существовать книжная лавка, только для успѣха нужно соединить вмѣстѣ русскія, польскія, нѣмецкія и французскія книги" [5]). Велико-же должно быть число „жителей", желавшихъ пополнять недостатокъ въ русскихъ книгахъ выпиской ихъ изъ столицъ, если русскихъ

[1]) Сѣверн. Пчела 1850 г., № 193.

[2]) Кіевскій Телеграфъ 1863 г., № 69.

[3]) Сынъ Отечества 1865, № 235.

[4]) Ibid.

[5]) Экономистъ, 1859 г., т. II, кн. I, отд. III, стр. 29.

книгъ даже въ „продажѣ не было" и если для существованія русской книжной лавки необходимо было набить ее книгами на всѣхъ языкахъ. Изъ сказаннаго видно, насколько польская часть общества по своему развитію и образованію стояла выше русской. Такимъ образомъ, русское общество должно было разбиться на двѣ части: одна часть, болѣе образованная, не находя себѣ удовлетворенія въ условіяхъ житомірской жизни русскаго человѣка, примыкала къ полякамъ, другая-же отдалялась отъ нихъ и существовала, убивая время за картами, попойками и т. п. занятіями. И вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ, когда „житомірскій бомондъ, сложившійся изъ чиновничьихъ семей" „тянулъ за ухо копѣечнаго короля" и „приносилъ жертвы Терпсихорѣ", представитель этого бомонда, волынскій губернскій предводитель дворянства Микуличъ получилъ слѣдующее письмо отъ графа В. Плятера, перепечатанное потомъ во многихъ газетахъ и журналахъ: „М. Г.! Съ нѣсколько необыкновенной просьбой, писалъ графъ Плятеръ, я обращаюсь къ вамъ; но мысль постоянно меня занимающая, ревностное желаніе сдѣлать добро для своего края, заставляютъ меня вѣрить, что мое настоящее намѣреніе найдетъ у васъ и покровительство, и сочувствіе. Давно уже я намѣревался собрать разныя пособія для научныхъ занятій въ пользу нашего края. Просвѣщеніе въ странѣ есть первый и единственный двигатель для развитія моральныхъ силъ въ цѣлой массѣ; пока оно задержано, пока не вполнѣ развилось, до тѣхъ поръ всѣ усилія нѣсколькихъ человѣкъ не могутъ разбудить остальныхъ отъ бездѣйствія. Понимая эту простую мысль и зная, что только настоящее образованное общество можетъ оставить неизгладимое вліяніе на своей эпохѣ,—*я посылаю вамъ планъ публичной библіотеки.* Надѣюсь, что мысль моя не останется заброшенной, и я встрѣчу къ ней доброе вниманіе ваше. Нашъ императоръ милостиво заботится о распространеніи просвѣщенія; мы постоянно видимъ новыя учрежденія; замѣтки въ русскихъ газетахъ указываютъ на проектированныя библіотеки по всѣмъ городамъ имперіи. Ужели одни мы должны отступать и исчезать въ тѣни? Считая, что тридцатилѣтнее существованіе есть наименьшая проба для убѣж-

денія въ пользѣ извѣстнаго учрежденія (потому что только по прошествіи этихъ лѣтъ можно сказать, что оно годится и должно существовать, или же рука основателей отшатнется отъ него, какъ отъ дѣла пустаго и—чего не дай Богъ, безплоднаго), я желалъ бы, чтобы сдѣлали тридцатилѣтнюю складку на публичную библіотеку въ Житомірѣ. Я полагаю, что 3500 руб. въ годъ (3000 съ губерніи и 500 съ города) достаточны на усовершенствованіе и постоянное ея содержаніе (наемъ дома, отопленіе, библіотекарь и его помощникъ, прислуга), эти 3500 руб.—небольшая сумма на 1300 кв. миль губерніи; если отнимемъ отъ этой цифры казенныя имѣнія, все таки на остальное 3000—не много. Въ случаѣ какихъ нибудь неожиданныхъ перемѣнъ, или распоряженій правительства, складка прекращается теперь-же, или по истеченіи нѣкотораго времени, а пріобрѣтенныя вещи могутъ быть проданы въ пользу общества или съ благотворительною цѣлью. Но, желая поскорѣе видѣть начало этого учрежденія, (котораго будущую судьбу представляю вашему покровительству), я отдаю во временное владѣніе библіотеки, послѣ первой складки, часть моей библіотеки—7000 томовъ. Если состояніе ея упрочится, я охотно увеличу свой вкладъ; но въ случаѣ какихъ нибудь перемѣнъ или по прошествій тридцати лѣтъ, я хочу, чтобы начальники края дали мнѣ ручательство, что книги будутъ мнѣ возвращены въ цѣлости. Я полагаю, что и другіе не отказались бы способствовать основанію библіотеки одолженіемъ книгъ лѣтъ на десять, на пятнадцать, или по желанію вкладчика,—по истеченіи которыхъ они должны быть возвращены къ прежнему владѣльцу, его роднымъ или наслѣдникамъ. Г.г. Левковичи обѣщали даже подарить библіотекѣ собраніе картинъ, а я предлагаю только одолженіе на время. Нѣкоторые менѣе важные вопросы по этому предмету легко можно было бы уяснить потомъ. Теперь прошу васъ покорнѣйше, м. г., чтобы извлеченіе изъ моего письма или цѣлое письмо разослать г.г. уѣзднымъ предводителямъ дворянства и другимъ помѣщикамъ извѣстнымъ по благороднымъ стремленіямъ и благоразумнымъ намѣреніямъ. Ваше сочувствіе и участіе можетъ довольно скоро привести дѣло къ окончанію, а

наше правительство теперь вѣрно препятствовать не будетъ. Свѣтлую и дорогую память оставили бы вы, м. г., въ краѣ, осуществивъ мое скромное намѣреніе, которое чрезъ нѣсколько лѣтъ могло бы принять большіе размѣры; по крайней мѣрѣ прошу васъ дать ходъ этой мысли" [1]).

Симпатичное письмо графа Плятера произвело свое дѣйствіе и гг. Микуличъ и Невмѣржицкій, особенно послѣдній, на первыхъ порахъ горячо взялись за это дѣло, хотя въ концѣ концовъ тотъ-же Невмѣржицкій, бывшій въ это время уѣзднымъ предводителемъ дворянства житомірскаго уѣзда, назвалъ это дѣло пустякомъ [2]). „Библіотека не состоялась, замѣчено по этому поводу въ „Основѣ", и гг. Невмѣржицкій и Микуличъ могутъ утѣшать себя тѣмъ, что имена ихъ долго не забудутся и въ Житомірѣ, и въ литературѣ". Врядъ ли, впрочемъ, виноваты здѣсь Микуличъ и Невмѣржицкій въ той степени, какую имъ приписываетъ авторъ статьи. „Сочувствуя мысли графа Плятера, многіе изъявили готовность, говоритъ тотъ-же авторъ, пожертвовать для общественной пользы свои библіотеки, музеи, картины.... Значитъ и начало было и сочувствіе общества.... и все таки библіотека не состоялась, потому что встрѣтила въ тѣхъ, кому сначала была предложена,—странное непониманіе и даже недоброжелательство". Намъ кажется, что при всемъ своемъ „недоброжелательствѣ" и „непониманіи", хотя этого нельзя сказать о Невмѣржицкомъ, эти два человѣка не могли бы остановить дѣла, къ которому сочувственно отнеслось общество и начало которому было уже положено. Очевидно, что и часть общества и г. Невмѣржицкій, „взявшійся сначала, по словамъ корреспондента, охотно помогать дѣлу", боролись нѣкоторое время съ равнодушіемъ большинства и въ концѣ концовъ оставили это дѣло, назвавши его „пустякомъ". Но пустякомъ здѣсь была названа не идея, а желаніе осуществить ее въ Житомірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, много ли было здѣсь людей образованныхъ, которые могли бы сознательно отнестись къ идеѣ графа Пля-

---

[1]) Основа 1861 г. іюль, стр. 145 и сл.

[2]) Ibid.—Кіевск. Телеграфъ, 1860, № 55.

тера и своимъ сочувствіемъ поддержать это дѣло? Раньше мы уже имѣли случай замѣтить [1]), что самую образованную часть общества составляли поляки и небольшой кружокъ русскихъ, примкнувшихъ къ полякамъ. Польская часть общества не нуждалась въ такомъ учрежденіи, да кромѣ того была занята въ это время своими дѣлами. Это было время польскаго возстанія, подготовительныя работы къ которому начались еще съ 50-хъ годовъ. Главной цѣлью всѣхъ этихъ работъ было—возможно тѣсное сближеніе всѣхъ классовъ польскаго общества между собой. Средоточіемъ работъ на Волыни былъ г. Житоміръ. Здѣсь являются разнаго рода благотворительныя учрежденія, какъ напр. общество благотворительности, учредившее ремесленн'ю школу, общество Качковскаго, имѣвшее свою типографію и выпускавшее дешевыя польскія изданія для распространенія въ народѣ, общество врачей, агрономическое общество, представлявшее собой сколокъ съ такого-же общества, учрежденнаго въ Варшавѣ спустя нѣсколько дней послѣ 19 февр. 1861 г. [2]) и др. Въ это-же время, въ Житоміре строился памятникъ Мицкевичу [3]). Результатомъ такой дѣятельности явились тѣ манифестаціи, о которыхъ еще сохранились у мѣстныхъ старожиловъ живыя воспоминанія и которыя тогда-же были занесены на страницы нѣкоторыхъ изданій [4]). Все это, конечно, не могло не отвлекать поляковъ отъ осуществленія мысли гр. Плятера. Что касается до остальной части общества, то она не обратила даже вниманія на проектъ, къ котому отнеслась такъ же, какъ нѣсколько позже къ правительственной библіотекѣ „Кто у насъ, спрашиваетъ какой то мѣстный житель, читаетъ русскіе книги? Ужъ никакъ не поляки или ополяченные жильцы житомірскіе: они если и читаютъ что, такъ развѣ такія изданія, какъ консервативные листки

[1]) См. ссылку № 26 и 27.

[2]) Situation de la Pologne au 1-er janvier 1865 a., par Alexandre de Moller, Paris 1865 a., p. 239.

[3]) Спб. Вѣдом. 1860 г., № 148, стр. 762. Единственная замѣтка, которую намъ удалось найти объ этомъ памятникѣ.

[4]) „Житоміръ въ 1861 въ 1866 годахъ“, см. „Русск. Вѣстн. 1866 г., т. 61, стр. 585 и сл.

„Вѣсти," какъ разъ приходящіеся по здоровой головѣ пана-поляка. Евреи тоже не особенные любители чтенія: громаднѣйшая часть ихъ дальше своихъ кармановъ ничего не видитъ и не желаетъ видѣть (мы не говоримъ о здѣшнемъ раввинскомъ училищѣ, которое даетъ достаточное количество читателей). Третій, низшій слой въ погонѣ за насущнымъ хлѣбомъ даже не знаетъ, существуютъ ли на свѣтѣ библіотеки и что такое за чудовища эти библіотеки. Остается, значитъ, четвертая часть. Для нея и предназначалась русская библіотека, какъ средство къ удовлетворенію ихъ умственнаго запроса. Но эта часть общества (служилые люди) отнеслась, если не враждебно, то въ высшей степени индифферентно къ библіотекѣ, какъ это показало празднованіе годовщины" [1]). Значитъ гг. Микуличъ и Невмѣржицкій здѣсь не причемъ, а виноваты исключительно: во первыхъ, неразвитость русской части общества, а во вторыхъ страшная рознь между различными элементами, изъ которыхъ состояло въ это время житомірское общество. Какъ бы то ни было, но фактъ тотъ, что библіотека не была открыта и проектъ графа Плятера не осуществленъ.

Польскій мятежъ нѣсколько измѣнилъ дѣла въ юго-западномъ краѣ, заставилъ правительство отнестись нѣсколько иначе къ полякамъ и позаботиться объ увеличеніи въ странѣ русскаго вліянія. Для этого оно воспользовалось тѣми-же средствами, какія употребляли поляки для развитія польскаго. Правительство начало устраивать школы, издавать книги, выдавать субсидіи нѣкоторымъ мѣстнымъ русскимъ органамъ, открывать библіотеки. Единственной цѣлью всѣхъ этихъ мѣръ было „противодѣйствіе полонизму и поддержаніе русскаго дѣла: сколь возможное усиленіе русскаго элемента, расширеніе его вліянія и т. д., словомъ то, что называютъ обрусеніемъ края" [2]) Библіотекамъ юго-западнаго края придавалось такимъ образомъ большое значеніе, на нихъ возлагалась большая миссія, а потому и открывались

[1]) С.-Петербургск. Вѣдом. 1867 г., № 112.

[2]) С.-Петербургск. Вѣд. 1867 г., № 112. Тотъ же взглядъ приводится и въ статьѣ: „О публичн. библіот. въ уѣздн. городахъ:" „... Уѣздныя библіотеки, хорошо устроенныя могутъ быть въ рукахъ правительства сильнымъ политическимъ ору-

онѣ не такъ легко, какъ раньше, слишкомъ осторожно [1]). Въ Житомірѣ была открыта библіотека въ одно время съ кіевской и каменецъ-подольской по мысли ген.-губернатора Анненкова [2]). Предварительно, въ письмѣ отъ 11 апр. 1864 г., начальникъ края высказалъ волынскому губернатору М. И. Черткову свои мысли относительно учрежденія библіотеки въ Житомірѣ „для поддержанія и развитія въ населеніи образованія на началахъ русской народности", просилъ изыскать средства для осуществленія этой мысли. Чертковъ взялся за дѣло горячо и въ скоромъ времени сообщилъ Анненкову свой проектъ. „Помѣстить ее предположено въ лѣвомъ флигелѣ при губернаторскомъ домѣ, и на приспособленіе помѣщенія предполагалось 500 руб.; первоначальное-же обзаведеніе библіотеки, по приложенному разсчету, требовало около 2800 руб. Разсчитывая, что при недостаточности средствъ здѣшняго русскаго просвѣщеннаго общества и при малой его численности" сборъ добровольныхъ пожертвованій не будетъ превышать и 800 руб.,—слѣдовательно недостающую сумму „придется позаимствовать изъ иного источника,"—губернаторъ заключаетъ свои соображенія мнѣніемъ, что учрежденіе библіотеки „настолько полезно, что если правительство будетъ дѣлать на нее нѣкоторую затрату,—сумма на этотъ предметъ окупится пользою, которую принесетъ библіотека" [3]). Генералъ-губернаторъ представилъ эти соображенія въ министерство внут-

---

діемъ для повсемѣстнаго въ городахъ водворенія русскаго образованія и руководства умовъ въ данномъ направленіи..." Виленск. Вѣстн. 1866 г., № 14. Также Кіевлянинъ 1864 г., № 23 и мн. др.

[1]) Любопытна судьба слонимской библіотеки, которой авторъ замѣтки не „осмѣливается" назвать *публичной*. Библіотека эта была устроена кружкомъ православн. священ. по иниціативѣ мироваго посредника (Виленск. Вѣстн. 1866 г., № 66). „На первыхъ порахъ, сказано въ статьѣ, имъ хотѣлось дозволить и другимъ русскимъ участвовать въ этой складчинѣ и сдѣлать библіотеку доступною для всѣхъ; но это не было дозволено администраціей изъ опасенія, чтобы въ эту складчину не втерлись и поляки, которые самое благое и чистое учрежденіе могли постараться обратить въ политическій клубъ и въ орудіе своей пропаганды". Виленск. Вѣстн. 1866 г., № 14.

[2]) Кіевлянинъ, 1864 г., № 8, стр. 3[illegible].

[3]) „Десять лѣтъ Житомірской Публичной Библіотеки." И. Рудченко, Житоміръ, 1876 г., стр. 5 и сл.

ренних дѣлъ, испрашивая на учрежденіе русской публичной библіотеки—единовременнаго фонда и ежегодныхъ субсидій, а губернатору въ видахъ усиленія средствъ библіотеки предложилъ пригласить жителей къ посильнымъ пожертвованіямъ деньгами и книгами [1]). Проектъ встрѣтилъ одобреніе въ Петербургѣ и, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовало уже высочайшее соизволеніе на отпускъ денежныхъ средствъ, необходимыхъ для осуществленія проекта публичныхъ библіотекъ. Средства эти разрѣшено выдать въ тѣхъ размѣрахъ, какіе указаны были, по приблизительнымъ соображеніямъ, генералъ-адъютантомъ Анненковымъ. Для первоначальнаго устройства трехъ библіотекъ (житом., кіевск., подольской) ассигновано 9000 руб., для поддержанія ихъ и дальнѣйшаго укомплектованія въ теченіи трехъ лѣтъ разрѣшено выдавать въ видѣ субсидій отъ 1000 до 2000 р. с. на каждую библіотеку ежегодно [2]). Такимъ образомъ, правительство положило твердое основаніе библіотекѣ въ Житомірѣ. Необходимы однако были еще сочувствіе и помощь самого общества. „Какъ ни щедро назначеніе отъ правительства, говорилъ губернаторъ, справедливость и польза дѣла, требуютъ, чтобы и городское общество приняло въ немъ участіе добровольными пожертвованіями.“ Однако, общество, на которое возлагались такія надежды, и теперь осталось вѣрнымъ самому себѣ и выказало полнѣйшее равнодушіе, какъ къ библіотекѣ, такъ и къ призыву губернатора [3]). Это показало какъ нельзя лучше празднованіе годовщины библіотеки: „Здѣсь предполагался выборъ новыхъ членовъ, но желающихъ оказалось всего 23—25 человѣкъ. Всего было собрано пожертвованій 426 руб.“ [4]). Да кромѣ того, еще большой вопросъ, дѣйствительно ли эти нѣсколько членовъ sua sponte желали быть членами. Съ увѣренностью можно сказать—нѣтъ, и вотъ почему. Губернаторъ, какъ попечитель библіотеки, ежегодно обращался къ служащимъ лицамъ съ приглашеніемъ записаться въ члены

[1]) Кіевлянинъ, 1864 г., № 8, стр. 31.

[2]) Кіевлянинъ, 1864, № 23, стр. 92.

[3]) Волынск. Губернск. Вѣдомости, 1866 г., № 33, стр. 254.

[4]) С.-Петербургск. Вѣдом. 1867 г., № 112.

ея. Съ 1869 года самъ комитетъ библіотеки сталъ разсылать въ присутственныя мѣста такого рода приглашенія. Волей не волей, приходилось значитъ „выражать желаніе“. Мѣра эта, говоритъ г. Рудченко,—скажутъ нѣкоторые, отзывается какимъ-то зазываніемъ, напрашиваніемъ. Быть можетъ это отчасти и справедливо, но, тѣмъ не менѣе, мѣра эта, при нашихъ условіяхъ жизни необходима. Безъ нея, при нашей разрозненности, при отсутствіи сознанія общихъ интересовъ, библіотека, *или вовсе не имѣла бы членовъ, или же имѣла бы такое незначительное число, какимъ неоднократно жаловалась библіотека въ Кіевѣ* [1]). Такимъ образомъ, не смотря на правительственную субсидію, библіотекѣ пришлось бороться съ индифферентизмомъ общества; только теперь это уже было не такъ трудно и мало по малу библіотека одержала верхъ.

Открылась библіотека для публики однако не сейчасъ по утвержденіи проекта, такъ какъ не было еще приготовлено помѣщеніе, недоставало нѣкоторыхъ необходимыхъ книгъ, библіотекаря. Что касается до помѣщенія, то въ пользу библіотеки предоставленъ былъ губернаторомъ одинъ изъ флигелей, принадлежащихъ губернаторскому дому, въ которомъ библіотека помѣщается и въ настоящее время. Это была чрезвычайно важная поддержка, особенно на первыхъ порахъ, когда средствъ библіотеки едва хватало на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ ея нуждъ [2]). Когда все было болѣе или менѣе устроено, получены выписанные журналы и газеты на 1866 г., 10-го апрѣля 1866 г. библіотека была открыта: „въ присутствіи многочисленной публики, говорится въ отчетѣ, состоящей изъ лицъ всѣхъ сословій, со-

[1]) „Десять лѣтъ Жит. Пуб. Библ.“, стр. 14. Въ первый годъ существованія кіевск. библ. имѣла болѣе 60 членовъ, а въ 1871—2 г.,—всего 3, въ 1876—одного (Кіевлянинъ, 1876 г., № 51).

[2]) Волынь, 1889 г., № 47. „Должно сказать правду, говорится въ отчетѣ за 1885 г., что безъ субсидіи правительства и даровой квартиры... существованіе библіотеки было бы крайне шаткое, не обезпеченное и она, истративши накопленныя ею средства, годъ за годомъ приходила бы въ упадокъ и городъ лишился бы одного изъ самыхъ полезныхъ образовательныхъ учрежденій“.

вершено было молебствіе съ водосвятіемъ. Потомъ предсѣдатель распорядительнаго комитета прочелъ рѣчь, въ которой изъяснилъ весь ходъ дѣла по устройству библіотеки, наличныя ея средства и главныя правила для чтенія.“ Правила эти въ первоначальномъ своемъ видѣ были такого рода. Будучи читальней, житомірская библіотека въ тоже время выдаетъ книги на домъ. Она открыта ежедневно (кромѣ трехъ дней страстной, трехъ святой недѣли, трехъ дней Р. Хр. и новаго года) съ 9 ч. утра до наступленія сумерекъ. Входъ въ нее свободенъ каждому безъ различія пола и званія, кромѣ дѣтей моложе 14 лѣтъ. *За чтеніе въ библіотекѣ никакой платы не полагалось.* Подписчики-же желавшіе брать книги на домъ, уплачиваютъ: подписчики 1-й категоріи на годъ—10 р., на полгода—5 р. 50 к. и въ мѣсяцъ по 1 р.; подписчики 2-й категоріи—годовые по 6 руб., полугодовые—по $3^1/_2$ р. и мѣсячные—по 60 к., за журналы и книги, выдаваемые подписчикамъ суточнымъ, взимается по 10 коп. за каждый томъ въ сутки. Члены-учредители [1]) пользуются правами подписчиковъ 1-й категоріи, а остальные члены—правомъ безплатнаго чтенія въ самой библіотекѣ. Первая категорія подписчиковъ читаетъ текущіе журналы въ первый мѣсяцъ ихъ полученія въ библіотекѣ, а вторая—спустя мѣсяцъ по полученіи. Книги выдаются подписчикамъ: 1-й категоріи не болѣе 3 томовъ въ одинъ разъ, 2-й категоріи—2 томовъ, а однодневнымъ—по одному тому. Текущіе журналы отпускаются по одному номеру, а газеты, глобусы, географическія карты и вообще всѣ справочныя книги на домъ вовсе не отпускаются. Книги, выданныя изъ библіотеки, не могутъ задерживаться болѣе 10 дней, а журналы—одной недѣли. За просрочку положенъ штрафъ: за № журнала—30 к., за книгу—10 коп. въ сутки, и до уплаты причитающагося штрафа подписчикъ теряетъ право получать книги изъ библіотеки. Въ обезпеченіе возврата книгъ и бережнаго съ ними обращенія, под-

---

[1]) Членами библіотеки считаются лица, вносящіе ежегодно по 5 руб., а членами учредителями—внесшіе единовременно 100 руб.

писчики обязаны вносить не менѣе 5 р. залога [1]). Исключеніе допущено только для людей „небогатыхъ" имъ могутъ быть выдаваемы книги безъ залога, но не иначе, какъ подъ поручительство одного изъ членовъ распорядительнаго комитета. Въ тѣхъ видахъ, чтобы выдача книгъ на домъ не лишала возможности пользоваться текущими новостями въ самой библіотекѣ, установлено: на столѣ, устроенномъ для читателей, должна находиться въ одномъ экземплярѣ послѣдняя книжка всякаго журнала, послѣдній номеръ еженедѣльной газеты и три послѣднихъ №№ ежедневныхъ газетъ, которыя выписываются библіотекою (И. Рудченко, стр. 9 и сл.). Что касается до управленія библіотекой то для этого былъ учрежденъ распорядительный комитетъ изъ 5-ти лицъ: 2-хъ по назначенію губернатора, трехъ, избираемыхъ ежегодно членами изъ своей среды и одного „непремѣннаго" члена—директора мѣстной гимназіи (съ 1869 г.). Комитету поручены были прежде всего хозяйственныя дѣла, заботы о пополненіи библіотеки, разсмотрѣніе заявленій читателей и наконецъ замѣна или устраненіе нѣкоторыхъ постановленій выработаннаго вначалѣ устава. Непосредственное же завѣдываніе библіотекой возложено было на библіотекаря. Эту должность занялъ И. Шинкевичъ, который въ продолженіи 25-ти лѣтъ безпрерывно занималъ это мѣсто, исполняя массу самыхъ разнообразныхъ дѣлъ: онъ и книги выдавалъ, и велъ счетъ деньгамъ, полученнымъ съ подписчиковъ, дѣлалъ статистическія замѣтки и т. п. Только съ 1885 г. былъ назначенъ ему помощникъ г. Власенко [2]). Дѣятельность комитета за разсматриваемое нами 25-лѣтіе выразилась массой постановленій, изъ которыхъ мы только укажемъ на слѣдующія измѣненія, какъ на болѣе важныя.

1) 8-го іюля 1866 г. постановлено было открывать библіотеку 2 раза: съ 9 до 2-хъ и съ 4-хъ до 8-ми часовъ, а въ празд-

---

[1]) Въ настоящее время подписчики 1-й кат. вносятъ 5 руб., а второй—3.

[2]) Пользуюсь даннымъ случаемъ, чтобы выразить свою благодарность г. Шинкевичу и г. Власенко за ту помощь и участіе, которое они выражали къ моей работѣ, снабжая меня необходимыми матерьялами, не смотря на массу ихъ собственныхъ занятій.

ничные отъ 2-хъ до 8-ми часовъ, для того, „чтобы дать возможность служащимъ лицамъ пользоваться библіотекой послѣ обѣда.“

2) 15-го ноября 1866 г. комитетъ „призналъ полезнымъ“ взимать съ посѣтителей за чтеніе—въ годъ по $1^1/_2$ р., а въ мѣсяцъ по 15 коп.

3) Въ октябрѣ 1868 г. для того, чтобы дать возможность небогатымъ чиновникамъ пользоваться библіотекой, постановлено было вмѣсто залога требовать отъ такихъ лицъ удостовѣреній отъ лицъ, подъ начальствомъ которыхъ они служатъ.

Срокъ, на который выдавались книги, измѣнялся два раза: 26-го апр. 1867 г. разрѣшено было книги „серьезнаго содержанія выдавать вмѣсто 10 на 14 дней; въ маѣ 1871 г., вслѣдствіе часто заявляемыхъ неудовольствій читателей, было постановлено: тѣ книги, что выдавались на 10 дней, отпускать на 14, а выдававшіяся на 14—отпускать на 21 день. Штрафы были также понижены: за просрочку журнала съ 30 к. на 10 к., а книги—съ 10 на 5 к. въ сутки.

Что касается до средствъ, которыми располагала библіотека, то, помимо правительственной субсидіи [1], они составлялись изъ членскихъ взносовъ, подписной платы, штрафовъ за просрочку книгъ и разнаго рода доходовъ, получаемыхъ съ процентныхъ бумагъ, продажи каталога и др. Доходы эти были довольно значительны, что дало возможность библіотекѣ, не смотря на всѣ расходы, составить въ теченіе 25-ти лѣтъ основной капиталъ въ размѣрѣ 12000 рублей.

Деньги свои библіотека расходовала, главнымъ образомъ, на пріобрѣтеніе книгъ. Большинство этихъ книгъ представляютъ собой популярныя сочиненія по разнымъ отраслямъ наукъ и всѣ важнѣйшія произведенія русской литературы. Слишкомъ спеціальныхъ, древнихъ и библіографически-рѣдкихъ изданій

[1]) Правительственная субсидія первые 3 года выдавалась въ размѣрѣ 2000 р., а затѣмъ—800 руб.

здѣсь нѣтъ, но главнѣйшія, капитальныя сочиненія здѣсь можно найти по всѣмъ отраслямъ знаній, особенно по русской исторіи. Здѣсь есть и Карамзинъ, и Соловьевъ, изданія лѣтописей, изданіе актовъ кіевской и с.-петербургской археографической коммиссіи и др. Вообще „библіотека, по словамъ г. Рудченко, можетъ всегда удовлетворить не спеціалиста, а просто образованнаго человѣка, ищущаго въ чтеніи полезныхъ знаній, умственныхъ и эстетическихъ наслажденій [1]).

Книги эти поступали въ библіотеку постепенно: большая часть была куплена, другая меньшая пожертвована учеными обществами и частными лицами.

Значеніе такой библіотеки и степень сочувствія къ ней общества какъ нельзя краснорѣчивѣе доказывается количествомъ подписчиковъ и требованій на книги, выразившимся слѣдующимъ образомъ:

Годы.	Членовъ.	Подписч.	Посѣтител.	Годы.	Членовъ.	Подписч.	Посѣтител.
1866	85	476	59	1878	23	1628	1045
1867	56	673	587	1879	22	1730	780
1868	47	800	592	1880	26	1847	886
1869	95	742	505	1881	29	2050	934
1870	60	843	775	1882	33	1999	750
1871	47	917	514	1883	24	2128	697
1872	32	1213	712	1884	25	1962	869
1873	31	1269	633	1885	23	675	928
1874	21	1436	565	1886	23	837	869
1875	27	1006	375	1887	17	908	804
1876	29	1500	620	1888	18	890	701
1877	25	1586	1157				

При бѣгломъ обзорѣ даже этихъ небольшихъ статистическихъ данныхъ, невольно бросается въ глаза довольно значительное уменьшеніе числа членовъ и, что неожиданнѣе всего, подписчиковъ къ концу 25-ти лѣтняго періода. Что касается

[1]) „Десять лѣтъ"... И. Рудченко, стр. 36. По отдѣламъ книги распредѣляются слѣдующимъ образомъ: I. По богословію и истор. церкви—124. II. По философіи, психологіи и логикѣ—109. III. По педагогикѣ—197. IV. По правовѣдѣнію и политич. наукамъ—278. V. По технологіи и сел. хозяйству—161. VI. По исторіи всеобщей и русской—882. VII. По географіи, этнографіи и статистикѣ—308. VIII. По

до членовъ, то причины такихъ колебаній понятны: записывались люди не совсѣмъ добровольно, какъ мы уже говорили объ этомъ раньше, и потому при первомъ удобномъ случаѣ старались сбросить съ себя непріятныя для нихъ обязательства. Но чѣмъ объяснить убыль подписчиковъ, которые прибываютъ „не ради увѣщаній и симпатій, а съ исключительной цѣлью пользоваться библіотекой?“ Намъ кажется, что это явленіе находится въ тѣсной связи съ открытіемъ нѣсколькихъ библіотекъ частныхъ, при книжномъ магазинѣ, военномъ клубѣ и др. Безъ сомнѣнья эти библіотеки отвлекли часть читателей библіотеки публичной, но, какъ показываетъ статистика требованій, которую мы приводимъ ниже, читатели эти по всей вѣроятности не особенно много читали, такъ какъ, не смотря на ихъ удаленіе, число требованій почти не уменьшилось. А между тѣмъ подписчиковъ ушло болѣе 50%. Количество требованій было слѣдующее:

Годы.	На книги научныя.	На книги беллетристическія.	На періодическія издан.	Всего.	Годы.	На книги научныя.	На книги беллетристическія.	На періодическія издан.	Всего.
1866	2179	6943	1658	10780	1878	3949	9871	5922	11742
1867	1543	6024	2210	9777	1879	4954	9390	5934	19778
1868	1441	7909	2969	12319	1880	2577	9398	5908	17883
1869	777	4410	2728	7915	1881	2208	9465	9137	20810
1870	1012	5319	2787	9118	1882	3270	9018	8757	20850
1871	1296	5488	3263	10547	1883	2372	9488	7116	18976
1872	1496	6389	3175	11060	1884	2807	8113	7260	18180
1873	1833	7586	3478	12897	1885	4217	9913	7480	21600
1874	2064	8016	3407	13487	1886	2974	8524	8281	19779
1875	1933	7793	3168	12894	1887	3116	6717	7969	17802
1876	2424	7880	4740	14870	1888	2156	7884	5810	15850.
1877	3333	9915	5600	18848					

Къ сожалѣнію, неполнота и неточность отчетовъ библіотеки не позволяютъ намъ дать болѣе точныя свѣдѣнія о посѣтителяхъ библіотеки, распредѣлить ихъ по сословіямъ и націо-

естеств. и математич. наукамъ—375. IX. По медицинѣ—69. X. По воен. и морскимъ наукамъ—46. XI. По искусствамъ—83. XII. По словесности русской и переводной—1775. XIII. По справочнымъ книгамъ и словарямъ—55.

нальностямъ. Тѣ данныя которыми мы располагаемъ въ данномъ случаѣ позволяютъ намъ лишь сказать, что болѣе 50% всѣхъ читателей составляли и составляютъ евреи. Что касается до женщинъ, то въ стѣнахъ библіотеки они читаютъ рѣдко и комната, предназначенная для нихъ, почти всегда бываетъ пустой—книги же берутъ читать на домъ; въ послѣдніе годы число читательницъ, впрочемъ, доходитъ до 50%, что представляетъ собой уже большой прогрессъ сравнительно съ прежними годами. Вообще, нужно замѣтить, что посѣтители житомірской библіотеки съ каждымъ годомъ все больше и больше прогрессируетъ въ своемъ развитіи. Это, во первыхъ, доказывается большимъ спросомъ на книги и притомъ сплошь и рядомъ на книги серьезнаго содержанія, а во вторыхъ, отчасти, „книгой заявленій", находящейся при библіотекѣ для записи заявленій читателей, и „установленной съ цѣлью выслушивать замѣчанія о недостаткахъ библіотеки, способахъ ея улучшенія". Въ первые годы своего существованія книга совершенно не соотвѣтствовала своему назначенію. Большинство замѣчаній, вписанныхъ въ нее, по выраженію одного изъ посѣтителей помѣщались „съ легкомысліемъ", съ спеціальной цѣлью „внести и свою строку въ книгу". Понятно, что такого рода заявленія не имѣли, да и не могли имѣть никакого смысла. Другія заявленія отличались полемическимъ характеромъ, указывая главнымъ образомъ на ту рознь среди житомірскаго общества, о которой мы говорили уже раньше. Рознь эта, какъ и вездѣ, особенно обнаруживается въ полемикѣ евреевъ съ русскими. Приведемъ два примѣра такихъ полемическихъ выходокъ, занесенныхъ въ „книгу", которые заимствуемъ у г. Рудченко[1]. Одинъ изъ посѣтителей г. К., въ довольно скромныхъ выраженіяхъ, пожаловался, что нѣкоторые изъ посѣтителей смотрятъ на библіотеку „какъ на мѣсто, если не равное, то похожее на публичныя гулянья", причемъ указалъ на еврея Г., вслѣдствіе чего послѣдній разразился страшной филиппикой, причемъ желая разжалобить читателя, называлъ себя „жидомъ", угнетеннымъ,

[1] „Десять лѣтъ Житом. Публ. Библ." И. Рудченко, стр. 52.

безпомощнымъ. Съ другой стороны и русскіе давали совѣты „въ видахъ приличія, воспретить входъ въ библіотеку въ запрещенныхъ (?) костюмахъ и съ пейсами". . Съ теченіемъ времени, однако, такого рода заявленія встрѣчаются рѣже и рѣже. Со стороны читателей заявляются лишь ихъ нужды, просьбы выписать ту или другую книгу и только изрѣдка встрѣчаются жалобы и заявленія какихъ нибудь личныхъ неудовольствій. Сплошь и рядомъ встрѣчаются требованія, повторенныя нѣсколько разъ и поддержанныя нѣсколькими лицами; это уже показываетъ, что заявленіе было сдѣлано не „съ легкомысліемъ", а вполнѣ сознательно. Изъ числа такихъ заявленій можемъ назвать просьбу выписать журналъ „Восходъ", высказанную конечно еврейской партіей, и почти всеобщее требованіе „обѣщаннаго" каталога. Такое отсутствіе ненужныхъ „легкомысленныхъ" заявленій, личныхъ и партійныхъ споровъ, доказывая большее развитіе читающей публики, подаетъ надежду, что когда нибудь и, быть можетъ, въ самомъ недалекомъ будущемъ, всѣ эти разрозненные и до сихъ поръ враждебные элементы сольются въ одно цѣлое, во имя науки сознаютъ свои общіе интересы. А между тѣмъ многое нужно, да и можно было бы сдѣлать, если бы общество дошло наконецъ до такого сознанія.

Прежде всего необходимо устроить при библіотекѣ общедоступную *безплатную* читальню, такъ какъ такого рода читальни, по мѣткому замѣчанію одного англичанина, также нужны для общественнаго блага, какъ и общественные фонари, доставляющіе всѣмъ безплатное уличное освѣщеніе. При самомъ основаніи нашей библіотеки мысль эта уже прекрасно сознавалась и генералъ-губернаторъ Анненковъ выразился въ томъ смыслѣ, что „безплатное пользованіе книгами—conditio sine qua non всякой публичной библіотеки [1]). Дѣйствительно, сначала библіотека нашла возможнымъ допустить безплатное чтеніе, и хотя, впрочемъ, только въ стѣнахъ библіотеки, за книги же взятыя на домъ нужно было платить. Но, спустя нѣ-

---

[1]) Кіевлянинъ, 1864 г., № 23, стр. 92.

сколько мѣсяцевъ (15-го ноября 1866 г.), пришлось платить и за чтеніе въ стѣнахъ библіотеки, потому что распорядительный комитетъ „призналъ полезнымъ взимать съ посѣтителей за чтеніе въ годъ $1^1/_2$ р., а въ мѣсяцъ по 15 коп.“ [1]), что производится и до настоящаго времени. Плата, положимъ, не особенно большая, но во всякомъ случаѣ могутъ найтись, да и находятся люди, для которыхъ и такая плата представляется довольно значительной. Кромѣ того, по словамъ проф. Янжула, „люди начинаютъ читать, когда могутъ получить книгу даромъ; разъ-же вкусъ къ чтенію развился они охотно платятъ за его удовлетвореніе“ [1]). Вслѣдствіе этого, въ данномъ случаѣ, гораздо было бы лучше предоставить читателямъ дѣлать добровольные взносы въ пользу читальни. Такимъ образомъ достигалась бы и та, и другая цѣль: читальня была бы безплатной для тѣхъ, кому затруднительно платить и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляла бы доходъ библіотекѣ, быть можетъ, только на первыхъ порахъ нѣсколько меньшій того, который доставляетъ теперь. Наконецъ, своимъ 25-ти лѣтнимъ существованіемъ библіотека какъ нельзя лучше доказала, какое значеніе имѣетъ она для города и мѣстнаго населенія, а потому городъ хоть теперь долженъ былъ бы принять участіе въ этомъ дѣлѣ, какъ это давно уже устроено, напримѣръ, въ Англіи, по инициіативѣ Юарта. Сущность англійскаго законодательства о библіотекахъ заключается въ немногихъ словахъ въ слѣдующемъ.

Во всякомъ городѣ королевства, имѣющемъ населеніе болѣе пяти тысячъ душъ, или даже части города и даже приходѣ, если таковой будетъ заключать не менѣе того-же, узаконеннаго количества населенія, достаточно заявленіе десяти совершеннолѣтнихъ плательщиковъ городскихъ налоговъ для того, чтобы потребовать общаго собранія для баллотировки вопроса о принятіи „акта о городскихъ общественныхъ библіотекахъ“ [3]).

---

[1]) „Десять лѣтъ Жит. Публичн. Библ.“ И. Рудченко, стр. 15.

[2]) Слово, 1880 г., январь. „Вопросъ о городскихъ публичн. библіотекахъ“, 15.

[3]) Актъ этотъ былъ изданъ въ 1850 г. и положилъ твердое начало мѣстному существованію библіотекъ въ Англіи, имѣющихъ громадное вліяніе на народное образованіе.

На собраніе это въ Англіи и Ирландіи имѣютъ право являться всѣ плательщики налоговъ, а въ Шотландіи всѣ домовладѣльцы. Это собраніе плательщиковъ налоговъ рѣшаетъ вопросъ баллотировкой, и въ случаѣ, если окажется въ пользу принятія закона двѣ трети голосовъ, то актъ считается принятымъ и обязательнымъ для города со всѣми его послѣдствіями. Первое дѣйствіе принятія акта выражается въ томъ, что съ этого дня устанавливается въ городѣ *специальный „библіотечный налогъ“*, который или составляетъ особый налогъ, или дополненіе къ одному изъ существующихъ городскихъ сборовъ (что у французовъ называется centimes additionnels). Во всякомъ случаѣ размѣръ этого налога не долженъ превосходить одного пенни на каждый фунтъ стерл. налога съ собственности. Для управленія и завѣдыванія будущей библіотекой, въ теченіи мѣсяца, дума обязана выбрать „библіотечный комитетъ“ не менѣе, какъ изъ 20 человѣкъ, на половину изъ членовъ думы или городского совѣта, а на половину изъ постороннихъ лицъ, плательщиковъ налоговъ или домовладѣльцевъ. Чтобы имѣть возможность немедленно приступить къ основанію библіотеки, комитетъ имѣетъ право заключать для нея займы, погашаемые постепенно будущими сборами библіотечнаго налога. Въ виду того, что этотъ библіотечный налогъ постоянный и будетъ существовать, пока существуетъ самъ городъ, недостатка въ капиталистахъ, желающихъ ссудить для этой цѣли деньги, никогда не бываетъ. На полученныя деньги комитетъ, если городъ не можетъ предоставить библіотекѣ для постояннаго пользованія опредѣленнаго помѣщенія, или нанимаетъ его, или, большей частью, покупаетъ землю въ центрѣ города, и строитъ для библіотеки особое зданіе, снабжаетъ ее книгами по всѣмъ отраслямъ знанія и нанимаетъ нѣсколько лицъ для завѣдыванія библіотекой. Далѣе акты устанавливаютъ правила отчетности, контроля и ревизіи библіотекъ, порядокъ ежемѣсячныхъ собраній членовъ комитета, и т. п. Принятіе акта о городскихъ общественныхъ библіотекахъ дѣлаетъ, кромѣ заведенія библіотеки для города, обязательнымъ, если только будетъ найдено возможнымъ тратить на это часть денегъ, собираемыхъ библіотечнымъ нало-

гомъ, основаніе также и музея для распространенія въ городѣ свѣдѣній „по наукамъ и искусствамъ“. Во всѣхъ актахъ, *основнымъ принципомъ поставлено непремѣнное условіе вполнѣ безплатное, даровое пользованіе библіотеками и музеями во всѣхъ случаяхъ* и никакихъ денежныхъ залоговъ—какъ для чтенія книгъ въ помѣщеніи библіотеки, такъ и у себя на дому. Единсвенныя деньги, которыя эти библіотеки имѣютъ право требовать съ публики, это штрафъ не свыше 5 ф. стерлинговъ каждый. Что касается до наказаній, установленныхъ закономъ за злоумышленую порчу книгъ или предметовъ, принадлежащихъ городской библіотекѣ или музею, или воровство ихъ, то законъ устанавливаетъ весьма строгія наказанія, въ томъ числѣ тюремное заключеніе срокомъ до шести мѣсяцевъ, безъ или даже съ тяжелой работой и съ обязательствомъ вознаградить учрежденіе за весь причиненный убытокъ [1]).

Не трудно было бы Житоміру воспользоваться этими правилами и примѣнить ихъ къ своей библіотекѣ. Въ настоящее время въ городѣ насчитываютъ около 70,000 жителей (это чуть-ли не въ 15 разъ больше англійск. 5000, необходимыхъ для устройства библіотеки). Кромѣ того, библіотека уже не только существуетъ, но, можно сказать, даже процвѣтаетъ: обладаетъ довольно порядочнымъ и большимъ составомъ книгъ, а также значительнымъ капиталомъ. Такимъ образомъ, городу въ настоящее время остается только помочь библіотекѣ обзавестись собственнымъ зданіемъ приспособленнымъ спеціально для библіотеки съ читальней и для находящагося при ней мѣстнаго музея, о которомъ скажемъ нѣсколько ниже. Нужда въ такомъ помѣщеніи сказывается съ каждымъ годомъ все больше и больше. Помимо того, что библіотека находится вслѣдствіе этого всегда въ зависимости отъ личнаго произвола и рискуетъ очутиться на улицѣ, само это зданіе уже близится къ разрушенію и, кромѣ того, не вмѣщаетъ всѣхъ книгъ, вслѣдствіе чего нѣсколько разъ уже приходилось продавать газеты и журналы за старые годы для того, чтобы очистить мѣсто для новыхъ.

---

[1]) Слово, 1880 г., № 1, стр. 6. и сл.

Явленіе очень не желательное, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ естественное и даже неизбѣжное при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится библіотека въ настоящее время.

Далѣе, сама библіотека должна позаботиться о томъ, чтобы быть *волынской* не только de nomine и loco, но и de facto, другими словами, ей необходимо устроить мѣстный отдѣлъ, въ которомъ бы находилось все, касающееся Волыни, въ области исторіи, археологіи, этнографіи и др. наукъ. Этотъ отдѣлъ нашей библіотеки въ настоящее время чрезвычайно бѣденъ. Въ немъ нѣтъ всѣхъ трудовъ, вышедшихъ даже на русскомъ языкѣ. Существуетъ довольно обширная польская литература, посвященная Волыни, но въ библіотекѣ вы не найдете ни одного польскаго сочиненія по этому вопросу. И это очень жаль. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, занимающемуся, положимъ, мѣстной исторіей, естественнѣе всего искать матеріаловъ по интересующему его вопросу, какъ не въ мѣстной библіотекѣ. Распорядительному комитету, намъ кажется, слѣдовало бы обратить серьезное вниманіе на этотъ предметъ и съ теченіемъ времени восполнить этотъ пробѣлъ, для чего, конечно, нужно слѣдить за новой литературой и покупать, пока еще можно, старые труды, касающіеся Волыни.

Въ заключеніе—два слова о музеѣ, существующемъ при здѣшней библіотекѣ. Мысль о немъ возникла сравнительно давно и принадлежитъ тому-же графу Броэлю Плятеру, который хлопоталъ объ открытіи библіотеки въ Житомірѣ. Плятеръ предпологалъ устроить въ немъ три отдѣленія—археологическое, зоологическое и изящныхъ искусствъ" [1]). Но проектъ музея постигла та же участь, что и проектъ библіотеки, т. е. онъ не былъ осуществленъ, хотя черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого слышались заявленія, что „польза музеумовъ несомнѣнна." „На первый разъ довольно, говорилъ тотъ же авторъ, если въ музеѣ будутъ, напримѣръ, собранія образцовъ мѣстной природы, модели земледѣльческихъ орудій и др. машинъ" [2]). Осуществлена эта

---

[1]) Библіографическія Записки, 1861 г., т. III, № 16, столб. 504.

[2]) Волынск. Губ. Вѣдом. 1866 г., № 33.

мысль была, однако не скоро—чуть въ 1874—75 году [1]). Основаніе музея положилъ М. И. Чертковъ, попечитель библіотеки, пожертвовавшій 48 экземпляровъ мѣстныхъ горныхъ породъ и минераловъ. „Эта небольшая коллекція хранилась въ библіотекѣ, говоритъ г. Рудченко, какъ рѣдкость и какъ бы наводила на мысль о музеѣ.“ Спустя нѣкоторое время, по иниціативѣ П. А. Грессера, къ этой коллекціи присоединили другую, собранную Г. Оссовскимъ, объѣхавшимъ по порученію статистическаго комитета всю волынскую губернію. Коллекція, собранная г. Оссовскимъ, не смотря на свое богатое внутреннее содержаніе не была открыта ни для публики, ни для спеціалистовъ, такъ какъ хранилась въ закупоренныхъ ящикахъ, не разобранная, не приведенная въ порядокъ. Соединивши эти двѣ коллекціи въ одну, П. А. Грессеръ образовалъ такимъ образомъ довольно полный мѣстный музей, который послѣ старался, насколько это отъ него зависѣло, поддерживать и пополнять. Такъ, въ 1875 г., предпринявши поѣздку по волынскому Полѣсью, П. А. Грессеръ собралъ около 100 экземпляровъ мѣстныхъ породъ и присоединилъ ихъ къ музею. Нашлись лица, сочувственно отнесшіяся къ этому дѣлу и внесшія свою долю. Такимъ образомъ, мало по малу музей обогащался и въ настоящее время заключаетъ въ себѣ 581 экземпляръ, кромѣ 200 образцовъ почвъ и подпочвъ, доставленныхъ изъ житомірскаго уѣзда. Всю эту коллекцію нужно было привести въ порядокъ. Съ этой цѣлью В. Максимовичъ, предсѣдатель распорядит. комитета занялся анализомъ почвъ и подпочвъ, а „одинъ изъ любителей“ мѣстной геологіи А. С. Стасенко при содѣйствіи К. Л. Ромазановича приведеніемъ въ порядокъ остального матеріала. Результатомъ этихъ работъ—было описаніе музея. Къ сожалѣнію, описаніе это не вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію, да и самый шкафъ съ коллекціей стоитъ въ одномъ изъ темныхъ угловъ библіотеки, и потому многіе не обращаютъ на него никакого вниманія и даже удивляются, если имъ сказать, что при библіотекѣ существуетъ музей и притомъ довольно богатый.

---

[1]) Десять лѣтъ Житом. Публ. библ., стр. 25.—Волынск. Епарх. Вѣдом. 1876 г., № 16, стр. 559—560.

Наконецъ, пора бы хоть теперь осуществить мысль гр. Плятера въ ея неизмѣнномъ видѣ, т. е. устроить кабинеты—археологическій, которому кстати сказать положилъ уже нѣкоторое основаніе бывшій губернаторъ фонъ Валь, пожертвовавшій въ 1889 г. нѣсколько древнихъ монетъ, и зоологическій, для чего понадобились бы не Богъ знаетъ, какія средства.

Заканчивая свою замѣтку, мы не теряемъ надежды, что наше общество рано или поздно придетъ наконецъ къ сознанію своихъ общихъ интересовъ, къ сознанію той простой истины, о которой давно уже говорилъ Цицеронъ, именно, что concordia parvkae res crescunt, discordia maximae dilabuntur придетъ наконецъ на помощь библіотекѣ, въ значеніи которой врядъ ли кто нибудь и когда нибудь усумнится.

Вл. Боцяновскій.

Число крестьянскихъ дворовъ, находившихся во владѣніи козацкой старшины въ половинѣ XVIII в.

(ДОКУМЕНТЪ 1743 Г.).

Въ августѣ 1743 г., въ дневникѣ Марковича записано: «присланъ изъ С.-Петербурга въ Глуховъ нарочный съ извѣстіемъ о мирѣ съ шведами, Игнатъ Кир. Полтавцевъ, гофъ-фурьеръ, который послѣ по всѣмъ полкамъ малороссійскимъ ѣздилъ съ публикаціею о мирѣ». (II, 195). За это извѣстіе малороссійская старшина поднесла Полтавцеву «въ презентъ», тысячу рублей, которые взяты были заимообразно изъ войсковаго скарба, причемъ для пополненія этого долга произведено было «расположеніе» взятыхъ денегъ на всю старшину по числу находившихся у послѣдней во владѣніи крестьянскихъ дворовъ и «колъ» водяныхъ мельницъ. По этому случаю и собраны были свѣдѣнія—сколько у кого изъ старшины имѣлось въ это время крестьянскихъ дворовъ и мельничныхъ «колъ». Свѣдѣнія эти представляютъ очень интересный матеріалъ для исторіи малорусскаго крестьянства, показывая какое количество послѣдняго успѣла подчинить себѣ козацкая старшина къ половинѣ XVIII в. Въ этой общей цифрѣ старшинскихъ крестьянъ заключаются какъ старинные крестьяне, жившіе въ полученныхъ старшиною отъ гетмановъ маетностяхъ, так и крестьяне, посаженные ею на «скуплѣ». Какъ извѣстно, старшина, встрѣтивъ сопротивленіе въ подчиненіи со стороны посполства, изстари жившаго въ пожалованныхъ маетностяхъ, измыслила особый путь къ установленію своего господства надъ крестьянами: она стала селить бродившихъ по Малороссіи безземельныхъ крестьянъ на купленныхъ земляхъ («скуплѣ»), разсчитывая, что поставленному въ такую обстановку крестьянину прійдется волей-неволей признать надъ собою полное господство собственника занятой имъ земли... Этихъ крестьянъ

старшина пожелала было закрѣпить себѣ и юридическими актами... Первое ходатайство старшины объ установленіи юридическаго господства надъ этими крестьянами, заявлено было, сколько намъ извѣстно, въ гетманство Апостола. По этому предмету мы имѣемъ въ высшей степени интересное свидѣтельство самого гетмана Апостола. Когда старшина обратилась къ нему съ ходатайствомъ—о выдачѣ универсаловъ на крестьянъ, поселенныхъ на скупленныхъ (преимущественно у козаковъ) земляхъ, то въ генеральной канцеляріи родился вопросъ: «якъ въ универсалахъ докладать о подданныхъ, осѣдлихъ на купленныхъ грунтахъ владѣльческихъ?» Вопросъ былъ настолько важенъ, что Апостолъ собственноручно написалъ на него отвѣтъ (8-го октября, 1728 г.) въ журналѣ (діаріушѣ) генеральной канцеляріи. Отвѣтъ былъ слѣдующій: «*тихъ людей, о которихъ просять п. владѣлцѣ, якие на ихъ купленнихъ осѣдають и осѣли групнтахъ, не мѣють онихъ въ свою привлекать вѣчность, но подлугъ правъ и волностей того народа, поки живуть, могуть отдавати повинность служби своей доброволне, а не неволне, якъ своимъ владелцямъ, такъ и посполитимъ отчизни повинностямъ*»[1]). Эта замѣчательная резолюція, бросающая извѣстный свѣтъ и на личность ея автора, была уничтожена, какъ извѣстно, съ изданіемъ указа 3 мая 1783 г.

Приводимый здѣсь документъ найденъ нами въ архивѣ генеральной канцеляріи, когда онъ находился въ Черниговѣ, и печатается безъ всякихъ сокращеній. Для удобства справокъ объ именахъ владѣльческой старшины, къ документу прибавленъ алфавитный указатель всѣхъ перечисленныхъ въ немъ фамилій; цифры при фамиліяхъ указываютъ номера ихъ по порядку. А. Л.

Расположеніе о взятихъ зъ скарбу войскового взайми тисячи рублей денегъ и даннихъ въ презентъ присланному отъ височайшого ея императорского величества двору оберъ-каморъ-фуриеру Полтавцову. 1744 г., августа 5 дня.

	Дворѣ.	Кола.
Настоящая генералная старшина.		
1. Обозній войсковій енералній г. Лизогубъ . . .	368	35
2. Судія енералній г. Горленко	232	20
3. Судія енералній г. Лисенко	415	18

[1]) „Діаріушъ или щоденная записка всякихъ дѣлъ въ енералной войсковой канцеляріи за бытія правленія имѣючихся, отъ начала 1727 году начавшійся".

		Дворѣ.	Кола.
4.	Подскарбій енералній г. Скоропадскій	405	18
5.	Писаръ енералній г. Безбородко	252	2
6.	Асаулъ енералній г. Якубовичъ	159	2
7.	Асаулъ енералній г. Валкевичъ	239	2
8.	Хоружій енералній г. Ханенко	202	2
9.	Бунчучній енералній г. Оболонскій	65	3

Абшитованная енералная старшина.

10.	Судія г. Забѣла	154	5
11.	Подскарбій г. Марковичъ	250	32
12.	Писаръ суда енералного Пѣковецъ	175	5

Енералной войсковой артилеріи настоящая старшина.

13.	Асаулъ Семенъ Карпѣка зъ братомъ Стефаномъ.	6	5
14.	Хоружній Александеръ Шишкевичъ	4	—
15.	Атаманъ Іосифъ Максимовичъ	—	—
16.	Шафаръ Ефимъ Филоновъ	—	—

Полковники, полковая и сотенная абшитованная старшина.

17.	Полковникъ прилуцкий г. Ґалаґанъ	377	12
18.	Обозный полку чернѣговского Сахновскій	122	3
19.	Обозный полку кіевского Ханенко	95	—
20.	Обозный полку лубенского Мартосъ зъ синомъ.	71	3
21.	Обозный полку гадяцкого Борзаковскій зъ племенникомъ	34	5
22.	Обозний полку нѣжинского Величковскій	25	4
23.	Судія полку гадяцкого Штишевскій	25	3
24.	Судія полку черниговского Холодовичъ	16	2
25.	Асаулъ полковмй лубенский Слюзъ	58	5
26.	Асаулъ полковий прилуцкій Мовчанъ	45	6
27.	Асаулъ полку стародубского Якимовичъ	15	—
28.	Писаръ полку нѣжинского Кушчичъ	13	6

Здѣсь значится: „сего октоврія 8 числа (1728 г) собственною его ясневелможности рукою нижейслѣдующое—якъ въ унѣверсаляхъ докладать о подданнихъ осѣдлихъ на купленнихъ ґрунтахъ владѣльческихъ, написано тако:“ *(слѣдуетъ приведенная резолюція).*

		Дворѣ.	Кола.
29.	Писаръ полку лубенского Савѣцкій	25	4
30.	Писаръ полку миргородского Воловачъ зъ синомъ.	—	9
31.	Хоружий полковий гадяцкий Кушевскій	13	3
32.	Сотникъ сребранский Троцѣна	131	6
33.	Сотникъ ирклѣевский Славуй Требинскій	112	4
34.	Сотникъ ичанский Стороженко зъ синами	99	19
35.	Сотникъ глинскій Жуковский	58	14
36.	Сотникъ Евстратій Гулакъ	15	—
37.	Сотникъ миргородский Павелко	84	3
38.	Сотникъ Василь Юхименко	15	—

Бунчуковіе и войсковіе товарищи.

39.	Стефанъ Лазаревичъ	13	3
40.	Василь Рославецъ	22	3
41.	Михаило Голембовский	5	—
42.	Іванъ Тарнавіотъ	—	—
43.	Григорий Скоруппа зъ синами	59	7
44.	Данило Карпѣка зъ синами	11	2
45.	Василь Лазаревичъ	31	4
46.	Іванъ Себестияновичъ	88	7
47.	Григорій Максимовичъ	6	4
48.	Михайло Домонтовичъ	41	4
49.	Николай Бороздна клюсовскій	35	6
50.	Стефанъ Максимовичъ	9	4
51.	Іванъ Забѣла обтовскій	139	4
52.	Іванъ Новѣцкій	184	9
53.	Федоръ Савичъ	187	13
54.	Афтанасій Покорскій зъ синами	32	4
55.	Демянъ Бутовичъ	57	9
56.	Григорій Плѣшко	19	8
57.	Василь Мовчанъ	—	2

Бунчуковскіе товарищи.

Въ полку нѣжинскомъ жительствуюшіе.

58.	Яковъ Жураховскій	81	12
59.	Іванъ Пѣроцкій	105	17

	Дворѣ.	Кола.
60. Іванъ Троцкій	19	4
61. Іванъ Омеляновичъ	9	3
62. Федоръ Костенецкій	28	1
63. Данило Кандиба	74	12
64. Григорій Александровичъ	4	2
65. Григорій Шрамченко	17	1
66. Данило Забѣла ревутинскій	8	5
67. Яковъ Марковичъ	96	16
68. Яковъ Карпѣка	—	—
69. Федоръ Чуйкевичъ	14	2
70 Стефанъ Миклашевскій	90	13
71. Василь Жураковскій, Андреевъ синъ	66	5
72. Іванъ Миклашевскій	39	—
73. Іванъ Туранскій	15	2
74. Евстафій Тарасевичъ	14	4
75. Стефанъ Бутовичъ	103	9
76. Маіоръ Банѣнъ	22	1
77. Іванъ Савичъ	51	2
78. Іванъ Костенецкій	26	2

Въ полку лубенскомъ жительствующіе.

	Дворѣ.	Кола.
79. Василь Савичъ	20	—
80. Петро Кулябка	116	21
81. Петро Петровичъ Кулябка	19	—
82. Іосифъ Гамалѣя	25	—
83. Федоръ Гамалѣя	40	—
84. Якимъ Троцкій	14	20
85. Семенъ Чуйкевичъ	41	1
86. Стефанъ Милорадовичъ	63	4
87. Иванъ Михайловъ Гамалѣя	21	—
88. Алексѣй Свѣчка	24	11
89. Михайло Андрѣяшевичъ	48	1
90. Александеръ Гамалѣя	17	—
91. Петро Савичъ	30	3
92. Федоръ Кулябка	—	3

	Дворѣ.	Кола.
93. Зъ дому бунчукового товарища Федора Заборовского	58	9
94. Еремѣй Корсунъ	76	9
95. Антонъ Григоровичъ	—	—

Въ полку стародубовскомъ жительствующіе.

96. Зъ дому іллирическихъ графовъ Владиславичовъ.	520	15
97. Петро Искрицкій	47	2
98. Іванъ Чарнолуцкій	9	2
99. Петро Борозна	15	1
100. Николай Бороздна лопазійскій [1])	27	1
101. Григорій Гамалѣя	23	—
102. Григорій Борозна	32	3
103. Михайло Борозна	30	1
104. Павелъ Дублянскій зъ синомъ	17	2
105. Василь Гудовичъ	278	9
106. Михайло и Василь Корсаки	513	15
107. Іванъ Слубановскій	14	—
108. Федоръ Корецкій	30	1
109. Александръ Корецкій	58	1
110. Лаврентій Бороздна	19	2
111. Михайло Пилатовичъ	14	2
112. Іванъ Бороздна медведовскій	83	8
113. Іванъ Гамалѣя юдиновскій	115	2
114. Іванъ и Василь Кутневскіе	39	—
115. Федоръ Ширай	203	11
116. Андрей Миклашевскій	208	10
117. Демянъ Рубецъ	44	—
118. Петро Чорнолуцкій	24	2
119. Владимеръ Романовскій	30	—
120. Максимъ Турковскій	139	4
121. Василь Завадовскій зъ синомъ	53	1
122. Зъ дому Івана Турковского	42	19

[1]) Изъ с. Лопазны, мглинскаго уѣзда.

		Дворѣ.	Кола.
124.	Василь Березовскій	30	—
125.	Зъ дому умершого бунчукового товариша Жу-		
123.	Григорій Силевичъ	37	4
	равки, что нынѣ за капитаномъ Ланкомъ	202	10
126.	Василь Романовичъ	12	—

Въ полку черниговскомъ жительствующіе.

		Дворѣ.	Кола.
127.	Іванъ Скоропадскій	84	4
128.	Тимофѣй Скоропадскій	26	3
129.	Зъ дому Стефана Шуби	23	10
130.	Зъ дому Івана Тополнѣцкого	5	4
131.	Павелъ Ломиковскій	20	6
132.	Василь Дорошенко козляницкой	29	4
133.	Федоръ Лисенко	5	—
134.	Андрей Полуботокъ зъ племянникомъ	1269	36
135.	Зъ дому Андрея Дунѣна-Борковского	382	36
136.	Андрей Стаховичъ	86	17
137.	Владимеръ Полонѣцкій	37	2
138.	Матвѣй Линевичъ	1	2
139.	Іванъ Сандурскій	20	2
140.	Григорій Стаховичъ	35	2
141.	Іванъ и Михайло Долѣнскіи	23	3
142.	Яковъ, Димитрій, Тимофѣй и Романъ Затиркевичи зъ маткою	34	6
143.	Іванъ Лизогубъ	88	6
144.	Григорій Лизогубъ	102	3
145.	Симонъ Лизогубъ	130	4
146.	Василь Лизогубъ	286	15
147.	Костантій Лизогубъ	127	6
148.	Іосифъ Рашевскій зъ братомъ	11	2
149.	Іванъ Рашевскій	2	1
150.	Василь Крачевскій	6	—
151.	Іванъ и Павелъ Мокрѣевичи	21	2

Въ полку прилуцкомъ жительствующіе.

		Дворѣ.	Кола.
152.	Андрей Ласчинскій	14	—
153.	Николай Троцкій	16	6

		Дворѣ.	Кола.
154.	Антонъ Милорадовичъ	15	5
155.	Максимъ Антоновичъ	16	—
156.	Петро Горленко	19	—
157.	Данило Тернавскій зъ братомъ	27	5
158.	Андрей Андреевъ Горленко зъ отцемъ. . . .	186	20
159.	Димитій, Михаило, Василь и Андрей Маркевичи.	41	2
160.	Яковъ Тарнавскій	76	3
161.	Яковъ Огроновичъ.	—	4
162.	Михайло Стороженко.	62	—
163.	Стефанъ Тарновскій	28	—

Въ полку кіевскомъ жительствующіе.

164.	Іванъ Тернавіотъ	—	—
165.	Федоръ Солонина	7	1
166.	Семенъ Солонина	6	—
167.	Іосифъ Солонина	16	—
168.	Григорій Солонина	17	1
169.	Зъ дому Петра Солонини	10	—
170.	Яковъ Шаула	15	—
171.	Семенъ Шаула.	—	1
172.	Яковъ и Антонъ Барсуки	12	3
173.	Іванъ Ханенко	8	—

Въ полку переясловскомъ жительствующіе.

174.	Іванъ Берло.	12	4
175.	Андрей Дмитрашко	38	6
176.	Стефанъ Томара	142	12
177.	Іванъ Іосифовъ.	15	—
178.	Григорій Іваненко.	171	—
179.	Димитрій Прохоровичъ	6	—

Въ полку миргородскомъ жительствующіе.

180.	Зъ дому Павла Івановича Апостола.	518	8
181.	Іванъ Остроградскій	57	—

		Дворѣ.	Кола.
	Въ полку гадяцкомъ жительствующіе.		
182.	Федоръ Потребичъ-Гречаній	72	4
183.	Іванъ Чорнишъ	92	15
184.	Іванъ Яновскій	—	—
185.	Іванъ и Владимеръ Велецкіе	49	—
186.	Зъ дому Романа Бороховича, что нинѣ за Еропкиномъ	185	15
	Въ полку полтавскомъ жительствующіе.		
187.	Зъ дому полковника полтавскаго Кочубея	1193	45
188.	Зъ дому бунчукового товариша Григорія Черняка	222	—
189.	Григорій Чуйкевичъ	13	—
190.	Петръ Павловскій	47	—
	Войсковіе товарищи.		
	Въ полку нѣжинскомъ жительствующіе.		
191.	Андрей Сонзеровскій	27	2
192.	Костантій Островскій	—	2
193.	Василь Трофимовичъ	—	6
194.	Григолій Козловскій	—	1
195.	Романъ Яновъ	19	11
196	Федоръ Козловскій	—	1
197.	Петро Темранскій	2	—
198.	Стефанъ Гацукъ	—	—
199.	Шликевичъ	2	—
200.	Василь Купчинскій	2	—
201.	Симонъ Нарбутъ	—	—
202.	Сава Зенченко	—	—
203.	Іванъ Пуховичъ	—	—
204.	Іванъ Демяновичъ	4	2
205.	Дмитрій Стожко	—	—
	Въ полку лубенскомъ жительствующіе.		
206.	Григорій Ласкевичъ	—	8
207.	Максимъ Жуковскій	—	2
208.	Данило Савойско	—	—

	Дворѣ.	Кола.
209. Дмитро Костирка	—	—
210. Кондрадъ Карнака	—	—
211. Матвѣй Липай	—	—
212. Гаврило Григоріевъ	—	—
213. Василь Звиногородскій	—	—

Въ полку стародубовскомъ жительствующіе.

214. Кирило Лукашевичъ	15	1
215. Іванъ Косовичъ	—	2
216. Павелъ Фѣялковскій	—	2
217. Федоръ Чернецкій	5	—

Въ полку черниговскомъ жительствующіе.

218. Яковъ Оболонскій	50	1
219. Николай Соколовскій	50	3
220. Петро Войцеховичъ	41	3
221. Михайло Полонецкій	35	—
222. Василь Полонецкій	24	—
223. Мойсѣй Лѣневичъ	—	—

Въ полку прилуцкомъ жительствующіе.

224. Семенъ Бѣлявскій.	—	1
225. Райпольскій	—	—
226. Федоръ Македонскій	—	—
227. Василь Шнурко	—	—
228. Стефанъ Прокоповичъ	—	—

Въ полку кіевскомъ жительствующіе.

229. Никита Мандрика	13	—
230. Алексѣй Прутченко	6	—
231. Павелъ Тишкевичъ	—	—

Въ полку переясловскомъ жителствующіе.

232. Андрей Грабовіецкій	13	—
233. Семенъ Концевичъ съ маткой.	21	11
234. Сава Терлецкій	—	—
235. Петро Стефановъ	1	2

		Дворѣ.	Кола.
	Въ полку миргородскомъ жительствующіе.		
236.	Яковъ Зарудній	44	5
237.	Данило и Михайло Лазаревичи	—	—
	Въ полку гадяцкомъ жительсвтующіе.		
238.	Іванъ Грабянка	43	4
239.	Іванъ Кирста	—	—
	Въ полку полтавскомъ жительствующіе.		
240.	Данило Лаврентьевъ	—	—
241.	Димитрій Левенецъ	12	—
242.	Лука Старицкій	5	—

Знатніе вдовы.

	Въ полку нѣжинскомъ жительствующіе.		
243.	Стефанова Забѣлина	19	6
244.	Дарія Діяковская зъ синами	14	2
245.	Сотникова Манковская	5	2
246.	Сотникова Уманцева	21	1
247.	Матвѣева Жураковская	9	3
248.	Дорофіевичева	20	10
249.	Тарасина Забѣла	4	—
	Къ полку лубенскомъ жительствующіе.		
250.	Яковлева Новѣцкая	64	10
251.	Судіина Тетіяна Максимовичова	52	—
252.	Стефанова Гамалѣина съ синами	30	—
253.	Судіина Андреева Жуковская	9	4
254.	Ирина Петровна Жуковская	14	3
255.	Сотникова Ласкевичова зъ синами	41	8
	Въ полку стародубовскомъ жительствующіе.		
256.	Судіина Борозднина зъ синами	61	8
257.	Іванова Миклашевская зъ синомъ	94	7
258.	Семенова Соболевская съ синомъ Василемъ	29	2
259.	Немировичова Данченкова	36	2

		Дворѣ.	Кола.
260.	Михайлова Рубцева	34	—
261.	Обозная Есимонтовская зъ синомъ	47	8
262.	Григоріева Гамалѣина	100	4
263.	Бунчучная енералная далецкая	95	7
264.	Зъ дому Алексѣя Есимонтовского	120	10

Въ полку черніговскомъ жительствующіе.

265.	Тимофѣина Булавкина	53	—
266.	Василіева Каневская	68	1
267.	Петрова Войцеховичова зъ синами	51	—
268.	Петрова Бутовичова зъ синами	18	2
269.	Стефанова Войцеховичова	14	—
270.	Павлова Полуботкова, полковниця	53	2
271.	Зъ дому Савичовъ кудровскихъ	146	—
272.	Судіина Мокріевичовая	20	—
273.	Судіина Марія Яциничовна	34	—
274.	Зъ дому Петра Сахновскаго	56	—

Въ полку прилуцкомъ жительствующіе.

275.	Судіина Іванова Марковичова	54	3
276.	Федорова Маркевичова, что нынѣ за Сакевичомъ	40	16
277.	Сотничка варвинская Себастіяновичева	26	4
278.	Раковичова зъ синомъ	166	6

Въ полку кіевскомъ жительствующіе.

279.	Кирилиха Солонинова	1	1

Въ полку переяславскомъ жительствующіе.

280.	Петрова Дмитрашкина	30	—
281.	Василіева Танска	—	—
282.	Іванова Сулимина	39	2
283.	Зъ дому Стефана Сулими	7	1
284.	Евдокія Генриха (?)	7	—

Въ полку миргородскомъ жительствующіе.

285.	Полковникова Павлова Апостолова	52	22
286.	Татіяна Ломиковская зъ синомъ Петромъ	77	6
287.	Обозная Родзянчина	96	17

		Дворѣ.	Кола.
	Въ полку гадяцкомъ жительствующіе.		
289.	Полковниця Милорадовичова зъ синомъ Николаемъ	56	15
290.	Стефанида Велецкая	97	11
291.	Андреева Трощинская	11	4
292.	Арсеніева Бугаевская	—	—
293.	Анна Рощаковская	27	7
294.	Сотничка опашынская Корицкая	28	—
	Въ полку полтавскомъ жительствующіе.		
295.	Полковниця Чернякова	41	3
296.	Сотникова Левенцова зъ синомъ Федоромъ	48	—
297.	Писарева-полковая Григоріева Богаевская	63	—
298.	Сотникова Тройнѣцкая	45	—
299.	Сотникова Кованчина	33	—
	Полковники охочокомонніе.		
300.	Василь Часникъ	51	4
301.	Ігнатъ Часникъ	19	2
302.	Григорій Павловъ	16	—
	Войсковіе канцеляристи.		
303.	Старшій войсковій канцеляристъ Матвѣй Холодовичъ	24	—
304.	Матвѣй Сулима	55	—
305.	Василь Кулябка	137	2
306.	Федоръ Мануйловичъ	62	3
307.	Яковъ Чернишъ	92	15
308.	Василь Силичъ	13	—
	Сотники вакансовіе.		
309.	Іванъ Жуковскій	3	—
310.	Павелъ Жуковскій	4	14
311.	Александръ Пилатовичъ	10	1
312.	Іванъ Чернякъ	18	—
313.	Андрей Войцеховичъ	23	4
314.	Петро Карповичъ	8	—

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ [1]).

[1]) Цифры указываютъ №№ по порядку.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ разсказамъ о Шелудивомъ Бунякѣ. I. Въ *«Кіевской Старинѣ»* за 1887 г., Августъ—Октябрь, помѣщено изслѣдованіе г. П. Кузьмичевскаго, *«Шелудивый Бунякъ въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ»*. Въ изслѣдованіи этомъ между прочимъ было разбираемо одно сказаніе, напечатанное у *Драгоманова «Малорусскіе народные преданія и разсказы»*, 224,—о томъ, что у Буняки внутренности были наружи и что ему приводили красивыхъ мальчиковъ, которыхъ онъ поѣдалъ. Разъ очередь выпала сыну одной вдовы, и эта ухитрилась спасти сына: спекла ему коржики на своемъ молокѣ. Буняка попробовалъ ихъ и потомъ, узнавъ, что это за коржики, не рѣшился съѣсть юношу, ставшаго его молочнымъ братомъ,—но за то юноша убилъ его. Варіантъ этого разсказа, переданный еще въ XVII ст. однимъ польскимъ хронистомъ, который дѣлаетъ изъ Буняки современнаго ему козацкаго вождя, замѣняетъ людоѣдство Буняки убійствомъ товарища, котораго Буняка бралъ съ собой ежемѣсячно купаться.

Г. Кузьмичевскій старался доказать, посредствомъ сравненія украинскихъ варіантовъ съ разными европейскими и азіатскими,—что вышеизложенный украинскій разсказъ есть отголосокъ повѣсти о царѣ фригійскомъ Мидасѣ, которая разсказана была между прочимъ у Овидія и Гигина и оставила по себѣ устные варіанты въ Греціи, Сербіи и разныхъ кельтическихъ земляхъ, въ которыхъ есть подобные разсказы и въ рукописной старинной литературѣ, и наконецъ проникла въ среднюю Азію, гдѣ варіантъ ея вошелъ въ монгольскую книгу Шидди Куръ (*B. Jülg Mongolische Märchen*, 46—51). По мнѣнію г. П. Кузьмичевскаго, украинскіе варіанты представляютъ переработку именно монгольскаго, въ которомъ хотя и нѣтъ у чудовищнаго царя открытыхъ внутренностей, а только ослиныя уши, какъ у Мидаса,

но есть подробность спасенія юноши посредствомъ коржика, которой нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ варіантѣ, кромѣ украинскаго.

Теперь появилось въ печати нѣсколько новыхъ матеріаловъ по данному вопросу.

Въ IV кн. болгарскаго изданія *«Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина»* напечатано два болгарскіе варіанта сказки *о царѣ Троянѣ* съ ослиными или козьими ушами, сходные съ новогреческимъ и сербскимъ, изложенными въ статьѣ г. Кузьмичевскаго. (*Народни умотворения*, 182—183, 185—186). Въ той же книгѣ, въ статьѣ г. *Ив. Шишманова* о *старыхъ путешествіяхъ по Болгаріи* приведено указаніе, что въ XV в. турки, показывая рыцарю Бертрандту де-ла Брокьеру развалины замка Троянополисъ при устьѣ Марицы, говорили, что Троянъ имѣлъ овечьи уши (*Сборникъ* и пр. IV. Наученъ отдѣлъ, 340; ср. *Периодическо списание на болгарско-то книжовно дружество*, 1882, III, 71).

Послѣднее указаніе интересно потому, что показываетъ, что перенесеніе на Трояна особенностей Мидаса принадлежитъ вовсе не однимъ только славянамъ. Сравненіе же двухъ болгарскихъ варіантовъ сказки о Троянѣ интересно для уясненія процесса изложеній одной и той же поэмы въ устныхъ пересказахъ. Такъ въ первомъ варіантѣ, гдѣ царь Троянъ имѣетъ ослиныя уши, онъ снимаетъ голову каждому брадобрѣю, призываемому во дворецъ, но умилостивляется передъ сыномъ вдовы. Когда мальчикъ болѣетъ отъ тайны, которой не смѣетъ никому разсказать, мать совѣтуетъ ему проговорить эту тайну въ глубокой ямѣ. Изъ нея выростаетъ трехствольная бузина, изъ которой пастухи дѣлаютъ дудки, а эти играютъ: «у царя Трояна ослиныя уши». Говоръ доходитъ до царя, который допрашиваетъ юношу-цирюльника; убѣдившись въ истинѣ его разсказа о дудкахъ, прощаетъ его и покоряется судьбѣ, говоря: «такъ, вѣрно, отъ Бога написано!» Во второмъ варіантѣ Троянъ имѣетъ козьи уши, какъ въ новогреческой сказкѣ:—періодическаго убіенія цирюльниковъ нѣтъ, а царя брѣетъ все одинъ, который и обязывается сохранить тайну. Матери цирюльника тоже нѣтъ, а онъ самъ надумался сказать тайну въ пустой колодезь. Изъ колодца выросло дерево, на каждомъ листѣ котораго оказалось написанным: «у царя Трояна козьи уши». Такимъ образомъ дѣло обходится безъ знаменитой дудки, которая является во всѣхъ другихъ европейскихъ варіантахъ исторіи Мидаса.

Впрочемъ все это варіанты сказаній, распространенныхъ въ Южной и Западной Европѣ и нѣсколько отличныхъ отъ украинскихъ.

Но въ III кн. *«Живой Старины»*, въ отчетѣ о засѣданіяхъ петербургскаго *Нео-филологическаго общества* за 1890, встрѣчаемъ тибетскій разсказъ въ изложеніи г. Потанина и въ немъ подробности, вяжущія этотъ разсказъ съ исторіей Мидаса, вмѣстѣ и съ ея новыми европейскими отголосками, и съ монгольскимъ и украинскимъ ея варіантами. Разсказъ этотъ есть эпизодъ въ исторіи построенія Лабрана, резиденціи верховнаго церковнаго служителя въ Лассѣ. Вотъ этотъ разсказъ, по изложенію *«Живой Старины»*.

«На пиршествѣ, устроенномъ по случаю обновленія новаго зданія, призывается благословеніе на всѣхъ, содѣйствовавшихъ успѣшному сооруженію его, но забытъ былъ быкъ, который обиженъ и мститъ: у одного изъ потомковъ царя родился сынъ Ландарма съ бычачьими рогами на головѣ. Возмужавъ и вступивъ на престолъ, Ландарма становится гонителемъ буддистовъ. Опасаясь обнародованія недостатка, которымъ онъ надѣленъ отъ рожденія, Ландарма казнитъ всѣхъ юношей, которые его брѣютъ. Однако одинъ изъ нихъ спасся, благодаря хитрости: онъ далъ царю отвѣдать лепешки, приготовленныя на молокѣ его матери, и такимъ образомъ оказался молочнымъ братомъ царя; послѣдній даруетъ ему жизнь, подъ строгимъ приказомъ соблюсти тайну о рогахъ царя. Тайна мучитъ юношу и, по совѣту матери, онъ рѣшается ее выдать полевой мыши; послѣдняя передаетъ объ ней другимъ звѣрямъ и вскорѣ стало общеизвѣстнымъ, что у Ландарма на головѣ рога быка. Нѣкто Балъ-Доржи замыслилъ извести царя и, переодѣвшись танцовщикомъ, спряталъ въ рукавъ лукъ и стрѣлы; танцуя передъ царемъ, онъ поразилъ его стрѣлой и обратился въ бѣгство. За Балъ-Доржи послана погоня, но юноша спасается, переплывъ черезъ рѣку, причемъ его конь, окрашенный первоначально въ темный цвѣтъ, побѣлѣлъ послѣ переправы, такъ что всадникъ не признанъ». (*Живая Старина*, вып. III, 258—259).

Если предположить, что Балъ-Доржи въ первоначальномъ варіантѣ тибетскомъ былъ одно лице съ юношей, спасшимся отъ смерти при помощи лепешки, то тибетскій расказъ окажется особенно близкимъ съ украинскимъ. Впрочемъ и безъ того онъ даже ближе къ нему, чѣмъ книжный монгольскій, въ которомъ исторія оканчивается благополучно для царя. Не найдется ли варіантъ, посредничествующій между тибетскимъ и украинскимъ, напр. у калмыковъ?

II. Д-ръ Теоф. Окуневскій посѣтилъ въ 1887 г. мѣстности въ Галиціи, около Завалова, къ которымъ пріурочены устные и письменные разсказы о Бунякѣ, разобранные въ I главѣ работы г. Кузь-

мичевскаго. Онъ записалъ тамъ устные разсказы, а также скопировалъ письменныя замѣтки, которыя показываютъ до чего спутаны были историческія свѣдѣнія галицкихъ книжниковъ въ XVII — XVIII вв. о мѣстныхъ событіяхъ и какъ эти свѣдѣнія, къ которымъ присоединялось еще желаніе возвысить значеніе извѣстныхъ мѣстъ (монастырей и пр.), оказали вліяніе и на устные, народные разсказы.

«Я былъ въ Погони,—пишетъ г. Окуневскій, говорилъ тамъ съ двумя стариками и съ тамошнимъ игуменомъ монастыря Василіевскаго Коржинскимъ о Солодовомъ Бунякѣ и узналъ отъ селянъ слѣдующее:

«Цему уже дуже давно, якъ прыйшовъ зъ татарвою якись ихъ паша, недовирокъ, Буньо. Прыйшовъ винъ у наши краи зъ великими ордами, та пидъ Завиловымъ стявъ му князь Романъ Галицкій голову. Голова упала у одинъ бикъ, а тулубъ у другій. Тоди стала голова котити ся. Брови у тои голови були таки довги, що очи скризь нихъ дивити ся не могли. Та якъ разъ пидняла желизними вилами ти брови на стятій голови, и голова подивилася изъ Могилокъ на Городище, то циле те мисто запало ся. Тогди ще Тисьмениці (миста) не було и ажъ вибудовали, якъ городище запало ся. Голова котила ся усе дальше та дальше. Козаки гнали за невъ. Въ Товмачи товмачили еи 70-ма язиками, зъ видти мисто Товмачъ,—та не могли еи розтовмачити. Голова докотила ся ажъ не далеко до нашого села теперишнѐго; тутъ пасла баба товаръ та пряла куделю. Голова каже до баби: «сховай мене!» Баба сила на голову, а тимъ часомъ козаки перелетили. Лишився лишень одинъ, якійсь пъяничка, за полкомъ позаду, та зигнавъ бабу зъ мисця, а голова покотила ся зъ пидъ бабы. Догонивъ козакъ голову ажъ у лиси, та тутъ ѐи на макъ розсикъ. Поховали потимъ козакъ ѐи у могилу, де стоявъ давнище монастиръ, бо инакше була би лыха багато по свиту творила. Тай тому то и назвали наше село Погоневъ, бо тутъ голову дигнали.

«Ми жъ,—сказалъ подъ конецъ селянинъ,—тому таки бидни, що така сатана до насъ залетила!»

Игуменъ о. Коржинскій показалъ г. Окуневскому нѣсколько старыхъ рукописей и между ними нашлась одна переплетенная тетрадь со слѣдующею запиской:

SERIES

HISTORIARUM.

Monasterii Pohonensis
Ex Mandato Per Jllustris Reverendissimi

Domini Josafpat Steblecki
Ordinis Sancti Basilii Magni Abbatis
Ovrucensis Provinciae tituli Protectionis
Beatissimae virginis Mariae Provincialis
Per Vnblem Ardr. Rudum Patrem
Pancretium Dziubinski. O. S. B. Magni
Superiorem ejuisdem Monasterii
Confecta

Die 15. aji 1766-to anno.

De origine Monasterii Pohone, et unde hic
Locus sortitus est Nomen Pohonia.

Monaster ten Pohonia nazwany, iak dawno, od kogo, dla jakiej przyczyny, świdczy xiążka Ruska in quarto w klasztorze naszym Zawałowskim najduiąca się autore A. R. P. Galatowski [1]) Ejus loci Hegumen circa anni X-ti 1600, który opisuiąc pustoszenie kraiu tuteyszego od xiężęcia czili króla węgierskiego [2]) uzmiankuie o Pohoni w ten sposób: iż ten neprziacel poruynowawsczy wiele miast y zamków na Rusi przystąpił nad miasteczko Zawałów, woysko urzykowal na górze, na którey teraz klasztor nacz stoi, od zachoda słońca, ex opposito zamka Zawałowckiego, który na drugiey górze za miastem od wschodu słońca, przebyciem tego strasznego goscia ,mocno strwożony przy maley liczbie ludziy w zamku zostaiący xiąże Jablonowski [3]) imieniem Roman, gorące do Pana Boga wylewał modły aby go ratował w oczywistym niebezpeczeństwie życią y gdy stroskany mało zasnał, od Mikołaja S o przyszley wygrancy we snie upewniony, y upomniony, aby na mieyscu zwycięstwa honor jego był promowowany. Stało się na zajutrz, że spędził nieprzyjacela z góry xiąże [4]) Roman, za pomocą Boską, woysko iedno pobił, drugie pobrał u niewolą, trzecie w rozsypkę poszło y gdy ócigał Pryncypała lasami uchodzęcego do Dniestru y daley za Dniestrem załedwie go w tych lasach Tyśmieniczkich między górami dopędził y głowę odciał, na tym mieyscu gdzie adpraesens ieszcze grób jego, mogiła okręgła niewielka w sadzie naszym starym (który do terazniey-

[1]) Надъ этими словами приписка другою рукою: *cui* titulo—Novoie nebo czili Cuda Matki W.

[2]) Надъ этими словами надписано другою рукою: króla czyli pana tatarskiego imieniem Batya albo Boniaka.

[3]) Надписано другою рукою: Halickiego.

[4]) Надписано др. р.: Halicki.

szego klasztora za góra na Północ stoi pokarnie. Podle tey mogiły kaplicą małą na honor Matki Bożey wystawić kazał xiąże Roman [1]), którey teraz znaki tylko okopanie zarosłe widziemy, przy którey że mnisi naszi mieszkali ex tradicione nominum constat, drżewa także rodzaie bardzo stare w tym ogrodzie iako y krynica pod górą na południe za sadem niedaleczko dowodzą, że na tamtym mieyscu byl primitive klasztorek nazwany Pohonia od ściganego y dopędzonego tu onego pustoszyciela kraiu Ruskiego, którego pospúlstwo nazywa dotychczas Sołudywym Buyniakiem».

На поляхъ около этой записки приписано слѣдующее:

«Król tatarski Baty czyli Boniak mieczem y ogniem pustoszył Ruskie kraie, któremu się nikt niemógł oprzeyć. Potym ze wszystkiemy ordami wyszedł na Zachonie kraie Polskie y Węgry przeciwko, któremu wyszedł węger król węngerski Władysław, a od Zawałowa był mu wział księże Roman Halicki—dopiero zabity od węgierskiego króla Władysława NB. Czytay Septembra 20 życia Michala księcia Czernihowskiego wyjęte z Synopsy Puczarskiego folio 179 dto, dto, dto te zycia są tu w Pohoni. Tenże Michał księże Czernihowski zabity 1245 anno.

«Którego to xiężęcia Halickiego Romana na swoich kazaniach swiatecznych na sw. Woyciecha wspomina w konkluzyi X Bielecki Soc. Jezu: Jakoby tak mowił: Non possum mella colligi nisi necentur apes, neque principatus teneri nisi pereat nobilitas, te xiężka iest tu w Pohoni.

«Tatarzyn—Tamerlan—albo Boniak pustoszył kraie Ruskie 1096. Patrz v Pateryku Peczerskiem w życiu Błogosłowionego Erazma na krzyżu prybitego: ta księżka jest tu w Pohoni.

Р. Л. Н.

Архивная справка о моровой язвѣ въ г. Кіевѣ въ 1770—71 гг. [2]). Кіевскій генералъ-губернаторъ Воейковъ въ маѣ мѣсяцѣ 1770 г. увѣдомленъ былъ главнокомандующимъ нашей арміей гр. П. А. Румянцевымъ о появленіи въ Молдавіи и Валахіи «опасной бо-

[1]) Надписано: *Halickie.*

[2]) Въ кучѣ старыхъ бумагъ, хранившихся въ архивѣ кіев. губ. прав. и представлявшихъ, очевидно, разбитые остатки дѣлъ, спасенныхъ во время пожаровъ и переносокъ, какимъ когда то подвергался этотъ архивъ, мнѣ пришлось встрѣтить нѣсколько документовъ, главнымъ образомъ черновыхъ донесеній генералъ-губернатора Воейкова, относящихся къ постигшему городъ Кіевъ въ 1770 году бѣдствію—

лѣзни», почему и принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности въ пограничныхъ мѣстахъ, усиливъ бдительность карантиновъ.

Уже въ февралѣ мѣсяцѣ въ ближайшихъ къ г. Кіеву селахъ, принадлежавшихъ К.-Печ. лаврѣ, Пироговѣ и Хотовѣ, обнаружилась усиленная заболѣваемость и смертность обывателей, почему туда и посланъ былъ генералъ-губернаторомъ пограничный докторъ Иванъ Полетика, который въ рапортѣ 5-го февр. сообщалъ, что онъ нашелъ въ этихъ селахъ, «нѣкой родъ наносной горячки отъ проходящихъ командъ и въ квартирахъ многимъ числомъ стѣсняемыхъ, но чтобъ сія болѣзнь имѣла силу или свойство настоящей заповѣтренной (отъ чего Боже сохрани) моровой язвы, того утверждать не могу». Полетика не нашелъ никакихъ признаковъ опасныхъ, нашелъ, что умираютъ не скоропостижно, а послѣ 2-хъ или 3-хъ недѣль болѣзни, да и число умершихъ не велико, для «охраненія же и пользованія отъ оной болѣзни» Полетика рекомендовалъ управителямъ этихъ селъ нѣкоторые способы, «ежели только въ томъ К.-Печ. лавра, по бѣдности обывателей оныхъ селъ, отъ себя вспомоществованія учинить не отречется».

Когда генералъ-губернаторъ получилъ послѣдовавшій отъ 27-го августа на его имя Высочайшій указъ объ охраненіи границъ, уже въ самомъ Кіевѣ обнаружились признаки той же «опасной болѣзни», о чемъ онъ немедленно донесъ и въ пр. сенатъ и самой Императрицѣ.

Несмотря на всѣ свои старанія, Воейковъ не могъ «подлинно дойтить, отчего сія болѣзнь начало свое возъимѣла» и только 27-го сентября, на повторенный о томъ запросъ, онъ сообщалъ въ реляціи своей такое свѣдѣніе: бывшіе въ польскомъ мѣстечкѣ Ладыжинѣ для отвозу артиллерійскихъ припасовъ кіево-подольскіе жители, возвращались, и заѣзжая, какъ видно, въ стороннія мѣста, сообщеніемъ съ зараженными или, по глубокой своей глупости и корыстолюбію, тайнымъ провозомъ купленной въ опасныхъ мѣстахъ рухляди, подвергли себя тому несчастному жребію и были первою сему поражающему злу причиною».

О принятыхъ имъ на первыхъ порахъ въ городѣ мѣрахъ Воейковъ въ рапортѣ пр. сенату отъ 9-го декабря сообщалъ такъ: когда

моровой язвѣ. Изъ нихъ то я и извлекъ настоящую „справку“, пополняющую нѣсколько тѣ свѣдѣнія объ этомъ бѣдствіи, какія находимъ въ дневникѣ доктора Лерхе, напечатанномъ въ книгѣ Закревскаго „Описаніе Кіева“ (изд. 1868 г. т. 1 стр. 86—91).

онъ получилъ отъ находившагося на Подолѣ генералъ поручика Сиверса, а также и отъ войта рапорты, что 2-го сентября въ одномъ мѣщанскомъ домѣ умерло скоропостижно три человѣка и по учиненному чрезъ медицинскихъ чиновъ осмотру найдены въ гнилой заразительной горячкѣ съ пятнами,—я ту же минуту приказалъ всѣхъ въ томъ домѣ оставшихся здоровыхъ за городъ въ отдаленныя мѣста выслать, караулъ къ нимъ опредѣлить, сообщеніе запретить, домъ запереть и найденныя въ немъ вещи сжечь, чего съ домомъ сдѣлать было нельзя, ибо оной находится внутри города и стѣсненной со всѣхъ сторонъ другими строеніями; но сія, хотя весьма благовременно учиненная, осторожность не могла однако жъ совершенно отвратить сего вкравшагося и по видимому во многихъ уже домахъ утаившагося зла; ибо на другой день, т. е. 3-го сентября жъ помянутой г. генералъ-поручикъ рапортовалъ меня, что и въ другомъ домѣ одинъ тамошній житель скоропостижно умре и по осмотру оказался въ опасныхъ заразительныхъ знакахъ, а потомъ и часъ отъ часу зараженные въ домахъ являться начали, чего для, по призывѣ докторовъ пограничнаго Полетики и находящагося при здѣшнемъ госпиталѣ Митрофанова и прочихъ медицинскихъ чиновъ, велѣлъ мертвыя тѣла и случившихся больныхъ прилежнѣйше осмотрѣть, которые и рапортовали, что сверхъ гнилой заразительной горчяки съ пятнами примѣтили они и настоящіе опасные знаки, почему тотъ же часъ и учреждено слѣдующее: 1 е докторъ Митрофановъ съ лѣкаремъ туда опредѣленъ съ наставленіемъ, дабы слѣдовалъ на такіе случаи сочиненному докторомъ Лерхомъ при 2 й арміи описанію, мнѣ жъ отъ главнокомандующаго тою арміею сообщенному; 2-е, какъ сей городъ раздѣленъ на три части, а сія опасность тогда оказалась въ одномъ нижнемъ городѣ, называемомъ Подолъ, разстояніемъ отъ Печерской крѣпости и форштата въ трехъ верстахъ, слѣд. отъ сихъ двухъ и отъ стороны заднѣпрской пресѣчено сообщеніе разставленными въ пристойныхъ мѣстахъ караулами, денными и ночными разъѣздами; 3-е, во всемъ городѣ велѣно опредѣлить десятскихъ, которые должны ежедневно всѣ городскіе домы прилежно осматривать и, буде случатся больные, немедленно доктору давать знать и оказавшихся по осмотру въ опасныхъ болѣзняхъ тотчасъ отсылать въ учрежденной для того внѣ жилья особой лазаретъ, и здоровыхъ въ тѣхъ же домахъ оставшихъ— въ карантинъ.

Всѣ вышеписанныя къ прекращенію такова зла весьма благовременно принятые мѣры не воспрепятствовали однако жъ разпро-

страниться сей пагубѣ и въ протчіи два мѣста сего города, т. е. въ верхній городъ Кіевъ въ печерской форштатъ, и наконецъ и въ самую здѣшнюю крѣпость, чему другой причины найтить нельзя, какъ въ разсужденіи близости вышеписанныхъ мѣръ къ Подолу или тайное, мимо учрежденныхъ карауловъ и бекетовъ, съ подольскими жителями неосторожное сообщеніе и, по глубокой простотѣ и упрямству здѣшняго народа, къ собственной ихъ безопасности служащихъ учрежденій преступленіе. Совершенно сіе доказывается тѣмъ, что и понынѣ большею частію умираютъ все изъ подлости, что происходитъ отъ ненаблюденія какъ въ домахъ, такъ и съ собою никакой, и особливо въ нынѣшнемъ случаѣ нужной, чистоты, хотя и приказано имъ о томъ довольно толковать, а частію къ тому и принуждать. О чемъ отъ меня какъ сначала такъ и отъ времени до времени Высоч. Е. И. В. двору и пр. сенату, въ 1-й деп. почасту доносить не оставлено. Нынѣ жъ, Всевышнему благодаря, болѣзнь во всѣхъ трехъ частяхъ города весьма знатно умаляется, а въ здѣшней крѣпости обстоитъ все благополучно. Почта для проѣзжающихъ изъ арміи курьеровъ и другихъ чиновъ, въ силу Высоч. имен. Е. И. В. указа отъ 19 мин. сентября, переведена внизъ по Днѣпру отъ здѣшняго мѣста въ 25-ти верстахъ въ хуторъ Козинъ и на сей заставѣ опредѣленъ штабъ-офицеръ съ лѣкаремъ для исполненія надлежащей какъ съ курьерами, такъ и съ другими внутрь Россіи чрезъ оную проѣзжающими осторожности».

Въ рапортѣ пр. сенату отъ 29-го декабря Воейковъ писалъ: «Опасная болѣзнь хотя весьма знатно во всѣхъ трехъ частяхъ города утихла, но не совсѣмъ прекратилась, ибо являются еще изрѣдка небольшіе ея слѣды, однакожъ не болѣе какъ по два и три человѣка въ сутки, чему большею частію по примѣчаніямъ приписуется причиною продолжившаяся даже до третьяго дня противу прежнихъ лѣтъ совсѣмъ необыкновенная весьма теплая и съ непрестанными густыми туманами влажная погода».

Въ октябрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Кіевъ докторъ Лерхъ, о чемъ сообщалъ въ своей реляціи къ Императрицѣ генералъ-губернаторъ отъ 14-го октября такъ: «Къ немалому при семъ бѣдственномъ случаѣ порадованію предъ двумя днями прибылъ сюда возвращающійся изъ первой арміи кол. сов. и медицины докторъ Лерхъ, который по своей практикѣ и извѣстному въ такихъ случаяхъ искусству охотно себя представилъ и здѣшнему мѣсту помочь и показать опытъ своей неутомленной ревности и усердія, что при помощи Божіей и пода-

етъ не малую надежду къ истребленію сего ворвавшагося зла; чего для и не оставилъ я предписать всѣмъ здѣсь находящимся какъ медицинскимъ чинамъ, такъ и прочимъ, дабы слѣдовали во всемъ его г. Лерха наставленіямъ».

А въ медицинскихъ «чинахъ» былъ крайній недостатокъ, такъ что Воейковъ вынужденъ былъ, какъ видно это изъ одного документа, задержать лѣкаря Прокофія Романина, котораго военное начальство требовало къ мѣсту его назначенія въ Тенгинскій полкъ. Командировавъ его въ хуторъ Козинъ для осматриванія курьеровъ и другихъ проѣзжающихъ, Воейковъ донесъ въ военную коллегію, что «за неимѣніемъ въ Кіевѣ лекарей смѣнить оного Романина не кѣмъ», а потому и отпустить его не можетъ, «пока въ немъ тамъ нужда обстоять будетъ».

Наличный составъ «медицинскихъ чиновъ» въ борьбѣ съ эпидеміей встрѣчалъ не мало препятствій, между прочимъ, и въ томъ «самоуправствѣ» начальствовавшихъ, но не подчиненныхъ другъ другу лицъ, о которомъ упомянулъ въ своемъ дневникѣ докторъ Лерхъ. Жалуясь на то, что эти лица «не обращая вниманія на общую цѣль, не подчинялись разумной дисциплинѣ», Лерхъ прямо говоритъ, что безтолковыя распоряженія различныхъ начальниковъ были главною помѣхою для медиковъ, при исполненіи ими своихъ обязанностей, и сильно вредили мѣрамъ, предпринимаемымъ для общей пользы». На такое отсутствіе пониманія «общей пользы», между прочимъ, и въ средѣ духовнаго начальства указываетъ переписка, возникшая по поводу устройства карантина въ Кириловскомъ монастырѣ. 20 сентября г. генералъ-губернаторъ сообщилъ кіев. дух. консисторіи, что, согласно мнѣнію медиковъ, необходимо изолировать тѣхъ людей, которые находились въ зараженныхъ домахъ, и что «за неимѣніемъ внѣ города свободныхъ домовъ и за невозможностію для холода высылать на островъ» признано наиболѣе удобнымъ отправлять такихъ людей въ Кириловскій монастырь, выславъ предварительно монаховъ въ другіе монастыри и оставивъ только изъ нихъ нѣсколько человѣкъ «для церковнослуженія и присмотра монастырскихъ припасовъ». Хотя Воейковъ и писалъ, что «тѣмъ однимъ отдаленіемъ отъ незараженныхъ ожидать только можно, при помощи Божіей, совершеннаго той гибели прекращенія», и потому и требовалъ отъ консисторіи, чтобы, «способствуя къ соблюденію всего общества», сдѣлала съ своей стороны распоряженіе о пріемѣ въ Кириловскій монастырь изолируемыхъ обывателей, но консисторія, «не чиня требуемаго исполненія», за-

вела переписку съ архимандритомъ монастыря и, уважив представленные имъ резоны противъ исполненія требованій генералъ-губернатора, обратилась въ св. Синодъ за резолюціей.

Св. Синодъ нашелъ, конечно, что «въ такомъ самонужнѣйшемъ требованіи и переписки чинить и исполненіемъ медлить отнюдь оной консисторія не слѣдовало», и предписалъ ей «учинить непремѣнное исполненіе», а митрополиту кіевскому предписалъ, чтобы онъ, «какъ консисторію, такъ и архимандрита за нескорое по оному г. генералъ-губернатора сообщенію исполненіе и за продоженіе чрезъ непринадлежащіе переписки времени, по своему разсмотрѣнію, безъ оштрафованія не оставилъ» [1]).

Въ реляціи отъ 27-октября Воейковъ сообщалъ о временномъ прекращеніи занятій въ губернской канцеляріи: «въ разсужденіи, что находящіеся при здѣшней губ. канц. служители канцелярскіе, живучи между другими обывателями, нѣкоторые несчастный жребій понесли сами, у другихъ въ собственныхъ ихъ домахъ и квартирахъ такое жъ приключеніе послѣдовало, и иные живутъ между самыми зараженными мѣстами, то я за нужное почелъ присутствіе въ здѣшней губ. канцеляріи для обыкновенныхъ всегдашнихъ дѣлъ на нѣкоторое время отставить; если жъ случится какая либо чрезвычайная надобность, то положилъ въ такомъ случаѣ присутствующимъ по повѣсткамъ въ особливомъ безопасномъ мѣстѣ съѣзжаться и повелѣнное немедленно исполнять». Когда же болѣзнь появилась и въ самой крѣпости, то Воейковъ и самъ, какъ сообщалъ о томъ въ реляціи 11-го ноября, «принужденъ былъ по совѣту доктора Лерха, на нѣкоторое время для перемѣны воздуха переѣхать въ здѣшнюю деревню, которая близостію своею служитъ къ Кіеву убѣжищемъ отъ настоящей опасности, но и не отнимаетъ и малѣйшаго времени въ отправленіи всѣхъ до меня принадлежащихъ дѣлъ». Но пробылъ въ этой деревнѣ генералъ губернаторъ не больше десяти дней и 23-го ноября уже доносилъ о своемъ возвращеніи въ городъ, а затѣмъ отправился въ м. Бровары для свиданія съ маіоромъ Шиповымъ, прибывшимъ по Высочайшему повелѣнію «для воспріятія достаточныхъ мѣръ къ удержанію и совершенному истребленію опасной болѣзни». Туда же при-

[1]) Надо замѣтить, что митрополита въ то время въ Кіевѣ не было: 22-го сентября только лишь былъ назначенъ на кіевскую митрополію архіепископъ петербургскій Гавріилъ Кременецкій, который, въ качествѣ члена св. Синода, вѣроятно, въ Петербургѣ еще узналъ о такомъ отношеніи кіевскихъ духовныхъ властей къ общенародному бѣдствію.

былъ и ген. пор. Сиверсъ, и тамъ «по общему согласію учинено постановленіе» относительно дальнѣйшихъ мѣръ для борьбы съ заразою. Но медики, въ числѣ семи человѣкъ, присланы были изъ Петербурга въ распоряженіе Шипова только въ февралѣ мѣсяцѣ, когда зараза уже въ Кіевѣ прекратилась.

Въ первыхъ числахъ декабря межигорской заставы унтеръ-цольнеръ Сибилевъ рапортовалъ въ васильковскую пограничную таможню, что «по оказавшейся опасности отъ повѣтрія въ той заставѣ четыр объѣздчика съ семействомъ и прочаго званія люди, сколько ни было въ той заставѣ, всѣ померли безъ остатку», а онъ самъ, Сибилевъ, съ канцеляристомъ ушелъ въ лѣсъ и живетъ въ шалашѣ, и что ихъ теперь обратно на заставу не пускаютъ «приставленные кругомъ оной караульные козаки» [1]).

Это усиленіе карауловъ и карантинныхъ строгостей, вообще мѣръ предупредительныхъ, явилось лишь съ пріѣздомъ Шипова, объ энергіи котораго въ этомъ направленіи упоминаетъ и докторъ Лерхъ.

Болѣзнь «по видимому пресѣклась» съ 6-го генваря 1771 г., о чемъ и заявлялъ въ своихъ реляціяхъ Воейковъ, еженедѣльно донося въ нихъ о благополучіи города. Только лишь въ реляціи 24-го февраля сообщалъ онъ, что въ г. Васильковѣ, «хотя и не въ самомъ карантинномъ домѣ, въ разныхъ числахъ одинадцать человѣкъ умерло, на которыхъ знаки заразительной болѣзни найдены».

Въ реляціи 28-го марта читаемъ: «въ прибытіе сюда лейбъ-гвардіи маіора Шипова, взирая на прекратившуюся уже болѣе двухъ мѣсяцевъ опасную болѣзнь, здѣшній городъ, къ великой радости всѣхъ живущихъ, отворенъ и свободной въѣздъ и выѣздъ, съ надлежащими однакожъ предосторожностями, дозволенъ». При этомъ генералъ-губернаторъ сообщалъ, что многіе кіевскіе обыватели, желая избѣжать насильнаго выселенія изъ города или же сожженія имущества, во время эпидеміи не только не объявляли о заболѣвшихъ въ ихъ домахъ, но «напротивъ того, по глубокой и не разсудительной простотѣ, таили и потомъ умершихъ скрытно въ огородахъ и домахъ своихъ хоронили», а потому онъ и распорядился «чрезъ нарочно командированныхъ штабъ офицеровъ всѣ дворы и жилища осмотрѣть и, ежели гдѣ такія могилы найдены будутъ, насыпая высоко землю, крѣпко убивать».

---

[1]) О бѣдствіяхъ этой таможенной заставы въ печальную зиму 1770 г. и о негостепріимномъ отношеніи къ ней Межигорскаго монастыря старцевъ имѣется свѣдѣніе въ моемъ сборникѣ „Ист. мат. изъ архива Кіев. Губ. Пр.“ вып. 9-й стр. 25—31.

Въ маѣ же мѣсяцѣ войтъ кіевскій доносилъ генералъ-губернатору, что въ городъ возвратилось болѣе 500 человѣкъ обывателей, которыхъ магистратъ зачислилъ уже въ число умершихъ, но которые, какъ оказывается, въ разное время, когда болѣзнь царила въ городѣ, пробрались изъ него помимо всякихъ карауловъ.

Но «опасная болѣзнь» не совсѣмъ миновала: она возобновилась лѣтомъ по винѣ, какъ сообщаетъ докторъ Лерхъ, гарнизоннаго начальства [1]).

Въ реляціи своей отъ 10-го августа (послѣдней изъ имѣвшихся у меня черновокъ) Воейковъ писалъ: «противу всякаго чаянія, въ началѣ прошлаго іюля мѣсяца сперва оказались здѣсь гнилыя горячки съ пятнами, а послѣ, хотя и весьма изрѣдка, примѣчены и другіе опасной болѣзни знаки; и такъ во уваженіе, что сіе сперва появилось въ предмѣстьяхъ печерской крѣпости въ жилищахъ солдатъ здѣшняго гарнизона, то и не оставлено вывесть оныхъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ въ лагерь, домы же тѣхъ, гдѣ таковые опасно заболѣвшіе находились, со всѣми вещами тотчасъ сожжены».

Возобновленіе болѣзни крѣпко смутило и обывателей, и начальство, на этотъ разъ уже со всею энергіей принявшее всѣ указанныя опытомъ мѣры предосторожности [2]).

Отъ 3-го августа 1771 г. на имя Воейкова послѣдовалъ такой высочайшій рескриптъ:

«Къ великому сожалѣнію, увѣдомились мы, что небреженіе кіевскихъ гарнизонныхъ о своемъ собственномъ сохраненіи было причиною возобновленія у васъ заразы. Частные начальники ихъ видно не имѣли также о сихъ искавшихъ погибель свою людяхъ должнаго попеченія, а тѣмъ и подвергли было себя и весь городъ равной участи. По сему самому заблагоразсудили мы подтвердить вамъ, чтобъ

---

[1]) Помощникъ коменданта маіоръ Раевскій „нерадиво смотрѣлъ за очищеніемъ и вывѣтриваніемъ зачумленныхъ мѣстъ. Въ то же время было дознано, что этотъ маіоръ тайно собралъ изъ зараженныхъ домовъ изрядное количество ящиковъ и сундуковъ съ имѣніемъ и хранилъ ихъ въ какомъ то погребѣ". (Опис. Кіева Закревскаго т. 1, стр. 91). Докторъ Лерхъ 5-го іюля уже выѣхалъ изъ Кіева. Сообщая о его отпускѣ, генералъ-губернаторъ въ своей іюльской реляціи писалъ, что Лерхъ „въ бытность свою здѣсь во время опасной болѣзни, не взирая на старость лѣтъ и потому слабость корпуса своего, оказывалъ не малые труды и радѣтельную прилежность".

[2]) Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой дѣятельности помѣщены въ моемъ сборникѣ. „Ист. мат. изъ архива Кіев. Губ. Пр." вып. 5-й стр. 169—173.

вы строжайше наказали имъ наблюдать впредь потребную между подчиненными ихъ осторожность и охранять ихъ отъ подобныхъ поползновеній. Мы надѣемся, что вы, содѣйствуя въ томъ обще съ нашимъ гвардіи маіоромъ Шиповымъ, потщитесь, искоренивъ въ конецъ сіе вкравшееся зло, возвратить ввѣренному вамъ городу прежнее его спокойствіе и совершенную безопасность».

Сколько же людей умерло въ Кіевѣ отъ моровой язвы? Едва ли и можно было имѣть точное объ этомъ свѣдѣніе. Докторъ Лерхъ говоритъ, что «число умершихъ, по показанію дневныхъ рапортовъ, простирается почти до четырехъ тысячъ человѣкъ, хотя нѣкоторые число это увеличиваютъ». Упомянутый выше фактъ—появленія болѣе 500 человѣкъ, числившихся уже умершими, достаточно свидѣтельствуетъ о невѣрности этихъ «дневныхъ рапортовъ» и всей вообще оффиціальной статистики смертности.

Послѣ многократныхъ напоминаній со стороны пр. сената о присылкѣ «точнаго численія» умершихъ, послѣ замѣчанія за медленность въ этой присылкѣ, генералъ-губернаторъ только лишь въ іюлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1772 года собралъ всѣ имѣвшіяся свѣдѣнія и составилъ вѣдомость о числѣ умершихъ въ г. Кіевѣ, которую и препроводилъ въ пр. Сенатъ при рапортѣ отъ 19-го іюля. Конечно, и она далеко не можетъ быть признана точною. Тѣмъ не менѣе, какъ оффиціальный документъ, она представляетъ интересъ, хотя бы приблизительно опредѣляя размѣры смертности. Изъ этой то вѣдомости (черновой) видно, что во всѣхъ трехъ частяхъ города въ оба періода болѣзни умерло 1829 мужчинъ 1802 женщины, а всего 3631 человѣкъ. По частямъ города движеніе смертности въ вѣдомости представлено такъ:

А) въ первую заразу:

1) *на Подолѣ:*

	мужч.	женщ.
а) гарниз. баталіона и прочихъ военныхъ артиллерійской и инженерной командъ и полевыхъ полковъ	61	27
б) мѣщанъ, козаковъ и разночинцевъ.	397	675
в) духовныхъ	15	
Итого	473	702

2) *въ верхнемъ городѣ:*

а) таковыхъ же воинскихъ.	60	103

	муж.	женщ.
б) малороссіянъ, посполитыхъ и другихъ разночинцевъ	163	160
в) духовныхъ	35	
Итого	198	263

3) въ к. печерской крѣп. и ея форштатахъ:

а) таковыхъ же воинскихъ	389	252
б) малороссіянъ, посполитыхъ и др. разночинцевъ.	494	400
в) духовныхъ	11	
Итого	894	652

Б) во вторую заразу:

1) *на Подолѣ*:

	мужч.	женщ.
а) полевой команды солдатъ	1	„
б) жителей	13	23
Итого	14	23

2) *въ верхнемъ городѣ*:

а) воинскихъ разн. командъ	26	12
б) малороссіянъ посполитыхъ и др. разночинцевъ	2	5
Итого	28	17

3) *на Печерскѣ*:

а) воинскихъ разн. командъ	162	67
б) малорос. посполитыхъ и др. разночинцевъ	60	78
Итого	222	145

Въ той же вѣдомости о началѣ и концѣ эпидеміи показано такъ: Началась болѣзнь на Подолѣ съ 1-го сентября 1770 г., въ верхнемъ городѣ 12-го сент. и на Печерскѣ 19-го, пресѣклась на Подолѣ 19-го генваря 1771 г., а въ другихъ частяхъ 6-го генваря. «Отрыгнулась опасная болѣзнь» во всѣхъ трехъ частяхъ съ 23-го іюня, а пресѣклась на Подолѣ 6-го декабря, въ верхнемъ городѣ 2-го, а на Печерскѣ 20-го того же декабря.

Въ объясненіе того, почему долго не представлялась эта вѣдомость, Воейковъ въ своемъ репортѣ писалъ: «какъ здѣшняя кіевская губернія состоитъ въ одномъ только городѣ Кіевѣ и приписныхъ нѣскольскихъ, состоящихъ въ Малороссіи, раскольническихъ слободокъ и въ самомъ городѣ Кіевѣ жители суть подъ разными вѣдомствами, яко то малороссіяне посполитые и козаки въ малороссійской коллегіи и у здѣшнихъ монастырей, а вѣдомства моего одни

только нижняго города Подола мѣщане и другіе тамошніе жители, также и принадлежащіе къ канцеляріи и гарнизонныхъ баталіоновъ служители, то и принуждено было о числѣ умершихъ людей заимствовать изъ разныхъ мѣстъ; но что во оныхъ по причинѣ таково злово приключенія, въ предосторожность оного и въ сохраненіе жизни каждаго, и чтобъ удалить всегдашнее сообщеніе, чрезъ довольное время въ присутственныхъ мѣстахъ собранія не было и каждой находился въ растройкѣ и замѣшательствѣ, то потому и не безъ трудности было сообразить и собрать счисленіе умершихъ; чрезъ каковыя всѣ причины во отправленіи той вѣдомости и время продолжиться могло».

Ал. Андріевскій.

Къ объясненію малорусскихъ гаданій. *1) Гаданіе по внутренностямъ животныхъ.* Въ § 127 «Культурныхъ переживаній», говоря (на с. 288) о гаданіяхъ по животнымъ, я замѣтилъ, что «въ Малороссіи гаданій по внутренностямъ животныхъ, кажется, нѣтъ въ настоящее время». Мы не говорили были ли они въ Украинѣ въ старину, за неимѣніемъ данныхъ. О существованіи такого гаданія въ Малороссіи можно было предполагать потому, что гаданіе по внутренностямъ животныхъ встрѣчается у болгаръ, весьма распространено и весьма сложно у монгольскихъ народовъ, бытовало у древнихъ классическихъ народовъ. Въ Сборникѣ малорусскихъ сказокъ и повѣрій И. И. Манжуры 1890 г. находится цѣнное и, если не ошибаемся, единственное указаніе, что гаданіе по внутренностямъ кабана существуетъ и нынѣ у малороссовъ въ екатеринославской губ.: «якъ колютъ къ Риздву кабана замичаютъ косу (селезенку): якъ съ заду товща, ще зима буде товства, а якъ тоньша, то и зима буде мнякша» (156).

2) Гаданіе по камню. Въ томъ же 127 § «Культурныхъ переживаній» я указалъ на загадочное гаданіе въ одной малорусской пѣснѣ въ «Трудахъ этн.-стат. экспед.» Чубинскаго (V, 145), именно:

Брешить, брешить, вориженьки,
Стоитъ камень край дориженьки
Припадайте та й гадайте,
Тильки мене не обсуждайте.

Я высказалъ предложеніе, что гаданіе это состояло въ прислушиваніи къ камню и замѣтилъ, что и въ древней Греціи было гаданіе по камню (лиѳомантія), также прислушивались къ дереву

(*Буше-Леклеркъ*. Колд. въ антич. мірѣ I, 151). Ссылка на аналогичное явленіе древняго времени не даетъ однако объясненія малорусскому гаданію, и остается загадочнымъ, какъ происходило это гаданіе, съ какими цѣлями къ нему приступали и, главное, какая таинственная сила должна была дать отвѣтъ въ камнѣ или деревѣ. Въ данныхъ русскаго этнографическаго матеріала мы не находимъ объясненія. Можетъ быть, здѣсь намъ поможетъ ссылка на западно-европейскій фольклоръ. Въ грубыхъ суевѣріяхъ неаполитанскаго простонародья встрѣчаются такія характерныя черты гаданія по камню, которыя, не разъясняя прямо темнаго мѣста украинской пѣсни, даютъ, однако, возможность уяснить основной смыслъ гаданія по камнямъ вообще, въ частности, подойти близко къ пониманію значенія украинскаго гаданія по камню. Гадали первоначально, вѣроятно, только на могильныхъ камняхъ, а потомъ уже на всякомъ камнѣ. Въ южной Италіи и въ Сициліи существуетъ весьма странный культъ казненныхъ преступниковъ, преимущественно повѣшенныхъ. Въ Палермо на кладбищѣ казненныхъ есть церковь, гдѣ сосредоточивается этотъ культъ. Молиться сюда стекаются многіе, иногда изъ далекихъ мѣстностей. Входятъ въ церковь босые и передъ престоломъ Іоанна Крестителя, который считается въ южной Италіи патрономъ казненныхъ, читаютъ молитвы, обращенныя къ казненнымъ, напр. «Вы, души обезглавленныхъ тѣлъ, рожденныя на землѣ, находящіяся въ чистилищѣ, ожидающія рая, молите Бога о нашихъ нуждахъ и молите святыхъ объ избавленій насъ отъ враговъ». Молитва эта въ стихахъ и въ оригиналѣ весьма своеобразна[1]).

По прочтеніи молитвы-заговора подходятъ къ находящемуся возлѣ церкви камню, прикладываютъ къ нему ухо и, если послышится подъ камнемъ шорохъ, значитъ—молитва услышана. По народному повѣрью подъ камнемъ живетъ много душъ обезглавленныхъ и повѣшенныхъ. Повѣрье это отвѣчаетъ римскому, что divi manes жили въ глубинѣ земли. Душамъ казненныхъ (anime dei decollati) молятся также дома ночью

[1]) Armuzzi di li corpi decullati
Chi'n terra siti nati,
'N purgatoriu vi stati
'N paradisu siti aspittati,
Prigati l'Eternu Patri
Rili mei nicissitati,
Prigati lu Signi
Chi li nimici mi vennu 'n favuri.

передъ образомъ св. мученика. Молящійся говоритъ сначала молитвы Отче нашъ, ave Maria и др. и затѣмъ высказываетъ просьбу повѣшеннымъ громко и отчетливо: «Высокія души казненныхъ, три повѣшенныхъ, три обезглавленныхъ и три утопленныхъ, всѣ девять идите къ вѣчному Отцу и скажите Ему о моей нуждѣ». Въ это время прислушиваются къ звукамъ на улицѣ и по нимъ опредѣляютъ успѣхъ молитвы-заговора. Хорошимъ знакомъ считаютъ крикъ пѣтуха, лай собаки, звукъ гитары, звонъ колокола, пѣніе людей, стукъ въ двери, быстрый проѣздъ экипажа по улицѣ; дурнымъ—мяуканіе кошки, крикъ осла, шумъ воды. Эти примѣты коренятся въ древнемъ язычествѣ, въ культѣ divi manes (*Trede*, Das Heidentum in der römisch. Kirche, III, 346—348).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Преданіе о крестахъ подлѣ с. Брикова (острожскаго у.).

Недалеко отъ города Острога волынской губерніи есть с. Бриковъ, а въ селѣ крутая, высокая гора. На этой горѣ стоятъ рядомъ три деревянныхъ, почернѣвшихъ отъ времени, поросшимъ мохомъ и покосившихся креста; средній крестъ ниже, два боковыхъ выше. Объ этихъ крестахъ въ селѣ и въ окружности ходитъ среди крестьянъ слѣдующее преданіе. Очень давно, никто еще этого не запомнитъ, жила была въ селѣ крестьянская дѣвушка, какъ говорится, писаная красавица; мѣстные парубки за нею ухаживали всѣмъ селомъ, отъ «сватывъ» не было отбою. Особенно же любили дѣвушку два парня, которые—оба въ одинаковой мѣрѣ и степени нравились красавицѣ. Всѣ же прочіе безжалостно получали «гарбузъ».—И вотъ два влюбленныхъ парня, по преданію, оба красавцы и молодцы,—кровь съ молокомъ—одновременно сдѣлали предложеніе дѣвушкѣ. Красавица рѣшила бросить жребій, чьей быть женой. И вотъ что она придумала: она станетъ на горѣ, парни подъ горою и одновременно, по командѣ, оба бросятся бѣжать на гору, кто первымъ добѣжитъ до красавицы, тотъ и будетъ ея мужемъ.

Парни охотно согласились на такое состязаніе. Въ назначенный день они стояли уже внизу подъ горою, а красавица на горѣ. По командѣ парни бросились бѣжать на гору, но лишь взбѣжали и прибѣжали къ красавицѣ, какъ неожиданно ударилъ въ нихъ громъ, и всѣхъ троихъ убилъ. Здѣсь же ихъ всѣхъ и похоронили—дѣвушку по срединѣ, парней по бокамъ. По другому варіанту того же пре-

данія,—парни, взбѣжавъ на гору, упали у ногъ красавицы бездыханными, а на красавицу это такъ повліяло, что она тоже умерла, и ихъ всѣхъ трехъ тутъ и похоронили, вслѣдствіе предсмертной просьбы (по третьему варіанту) красавицы.

Вообще это преданіе ходитъ съ разными варіаціями.

Сообщилъ **И. Ф. Б—скій.**

Распредѣлительная запись имѣній графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго между его сыновьями. Двумя актами 1800 года, графъ К. Г. Разумовскій распредѣлилъ всѣ свои имѣнія между шестью своими сыновьми, Андреемъ, Алексѣемъ, Петромъ, Львомъ, Григоріемъ и Иваномъ, и при этомъ перечислилъ всѣ свои имѣнія. Несмотря на то, что въ этихъ актахъ перечислены одни только малороссійскія имѣнія, мы видимъ—какія огромныя богатства передавалъ своимъ сыновьямъ бывшій гетманъ. Но не прошло и столѣтія, какъ отъ этихъ богатствъ у наслѣдниковъ гетмана не осталось и четвертой доли. А гдѣ тѣ «дипломы, грамоты рескрипты, указы», о которыхъ говорится въ этихъ актахъ?—Повидимому, и они уже не существуютъ... По крайней мѣрѣ, о нихъ ничего не говоритъ авторъ книги о «Семействѣ Разумовскихъ», въ которой подробно разсказана исторія такъ быстро возвеличившейся и такъ быстро исчезнувшей семьи Разумовскихъ... Записанный въ книги «земскаго повѣтоваго конотопскаго суда» юридическій актъ остается единственнымъ памятникомъ былыхъ богатствъ послѣдняго гетмана...

А. Л.

Тысяча восмисотого года, апреля первого дня. Я нижеподписавшійся, симъ моимъ добровольнымъ, вѣчистымъ уступнымъ записомъ, всѣмъ кому о томъ вѣдать подлежитъ, обявляю: что изъ малороссійскихъ моихъ недвижимыхъ имѣній, Ропскую волость, состоящую въ повѣтахъ Стародубскомъ и Новгородско-сѣверскомъ, въ пяты тысячахъ девяти стахъ тринадцаты душахъ крестьянъ мужеска пола, по послѣдней ревизіи за мною показанныхъ, съ ихъ семействами, и со всѣмъ и всякимъ имуществомъ, какъ то: мѣстечко Ропскъ, села: Хоромное, Хотѣевку, Карповичи, Тимоновичи, Бровничи, Соловьевку, Крапивное, Старый Ропскъ, Сачковичи, Могилевцы, Лобановку, Буду, и деревни: Барановку, она жъ и заводъ Могилицкій, Орликовку, слободу Блешню, да хутора: Кириловской, и Хандабоковской, онъ же и

заводъ Прпборской, со всѣми землями, лѣсами, угодіями, къ тѣмъ мѣстечку, селамъ, деревнямъ, хуторамъ и заводамъ принадлѣжащими, водяные мельницы, винокуренные и всякаго другаго рода заводы, и хуторныя всѣ строеніи со всею движимою наличностію, тамъ имѣющеюся, не исключая изъ того и малѣйше чего либо, что къ той Ропской волости принадлежало, принадлежить и чемъ я владѣлъ и владѣю, но все безъ изъятія (кромѣ одного токмо села Рыкова, которое по отдѣленіи, давно уже состоитъ подъ распоряженіемъ Шептановской волости моей) уступаю и записываю во вѣчное и потомственное владѣніе сыну моему дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру графу Андрею Кириловичу Разумовскому, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ доходы съ той Ропской волости собираемыя, получать мнѣ по смерть мою. По смерти жъ моей, оной сынъ мой графъ Андрей, имѣть будетъ право, по сему моему уступному запису, собирая тѣ доходы употреблять на себя, по волѣ и мыслѣ своей, какъ его собственное вѣчно и потомственно ему принадлежащее. Утверждаю сей записъ собственноручнымъ моимъ подписомъ, съ приложеніемъ печати при свидѣтеляхъ: генералъ фелтмаршалъ графъ Кирила Разумовскій. (М. П.)

На семъ вѣчистомъ уступномъ записѣ по самоличному прошенію господина генералъ фельдмаршала и кавалера Графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, во свидѣтельство съ приложеніемъ печатей нашихъ подписалися: вице-канцлеръ дѣйствительной тайной совѣтникъ, дѣйствителній камергеръ и кавалѣръ графъ Викторъ Кочубей (м. п.). Оберъ-шенкъ и кавалѣръ Николай Загряжской (м. п.). Генералъ-маіоръ и кавалѣръ Михайло Гудовичъ (м. п.) 1800 года апреля 13 дня, сей вѣчистій уступній записъ отъ его сіятельства господина генералъ-фелдмаршала и разныхъ орденовъ кавалѣра графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго при прошеніи на всевысочайшее Его Императорскаго Величества имя отъ него написанномъ, представленъ самолично малороссійской губерніи въ нижній земскій конотопскій судъ, съ объявленіемъ предъ урядомъ сего нижнего земского суда какъ о доброволномъ его сіятельства соизволеніи на уступку сыну его господину дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалѣру графу Андрею Кириловичу Разумовскому во вѣчное и потомственное владѣніе прописанной въ ономъ Ропской волости, такъ и о немогуществѣ его за болѣзнію представить оного записа лично въ земскій повѣта конотопскаго судъ, и что повѣряетъ онъ предъявить сей записъ ковписанію въ земскія вѣчистія книги, провинціялному секретарю Мойсею Мар-

кову сыну Ахматову, уполномочивая къ тому его особимъ вѣрующимъ листомъ, нижній земскій конотопскій судъ, будучи въ отправленіи должности своей въ повѣтѣ ему ввѣренномъ въ мѣстечкѣ Батуринѣ, принявъ отъ упомянутаго господина генералъ-фелдмаршала и кавалера вышеозначенное доброволное сознанѣе сего записа, свидѣтельствуетъ какъ въ томъ, такъ и что онъ дѣйствительно находится въ такой болѣзни, что ему невозможно въ путь отправиться ради представленія того записа въ конотопскій повѣтовый судъ и при таковомъ своемъ свидѣтельствѣ возвращаетъ оной обявленному Ахматову для исположенія по данной ему довѣренности. Земскій комисаръ Данило Смѣловскій (м. п.) Въ должности секретаря Федоръ Тарасевичъ. Регистраторъ Лука Швачкинъ. На ономъ записѣ земского повѣтового конотопского суда помѣта такова: вышенаписанный записъ малороссійской губерніи въ земскій повѣтовый конотопскій судъ провинціальный секретарь Мойсей Ахматовъ при вѣрющемъ отъкритомъ листѣ отъ его сіятельства господина генералъ-фелдмаршала, сенатора и разныхъ орденовъ кавалера графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго ему, Ахматову, данномъ представливалъ, съ прошеніемъ вписавъ оной записъ въ земскіе сего повѣта книги, видать съ онаго на имя его сіятельства выписъ. И какъ сочинитель онаго записа его сіятельство господинъ генералъ-фельдмаршалъ и разнихъ орденовъ кавалеръ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій предъ нижнимъ земскимъ конотопскимъ судомъ о доброволномъ его соизволеніи на уступку сыну его господину дѣйствителному тайному совѣтнику и кавалеру графу Андрею Кирилловичу Разумовскому имѣнія, сознавъ какъ о томъ съ положенной на ономъ записѣ выше сего онимъ судомъ помѣты значится, для того съ учиненнаго въ семъ земскомъ повѣтовомъ судѣ опредѣленія, вписанъ оной записъ въ семъ судѣ на настоящій годъ имѣющуюся книгу подъ № 32-мъ на страницахъ 99, 100, 101 и 102 и съ сею помѣтою съ подписомъ оной урядниковъ земскихъ и съ приложеніемъ судьиной и подсудковихъ печатей, просителю Ахматову для доставленія вѣрителю его, его сіятелству господину генералъ-фелдмаршалу и разныхъ орденовъ кавалеру графу Кириллѣ Разумовскому, при вписѣ слѣдуемомъ по праву книги статутъ, раздѣла 4 артикула 13, выданъ въ Конотопѣ 1800 года апреля 24 дня. Оную помѣту подписали: судья земскій Никифоръ Федоровичъ, подсудокъ земскій Степанъ Семеновъ (м. п.), (м. п.), (м. п.). Земскій писарь Семенъ Торанскій, губернскій регистраторъ Тимофей Тарасенковъ. Таковъ подлинный записъ принялъ провинціальный секретарь Мойсей Ахматовъ.

Тысяча восмисотого году, мѣсяца апреля третьего дня. Да будетъ извѣстно всякому кому о семъ вѣдать надлежитъ, что я ниже на семъ подписавшійся, будучи въ полномъ разумѣ и совершенной памяти, симъ моимъ добровольнымъ записомъ, распредѣляю малороссійскія мои недвижимыя имѣніи на части дѣтямъ моимъ по нижеписанному: *на первую часть, сыну моему графу Алексѣю*: въ повѣтахъ мглинскомъ, стародубовскомъ и новгородско-сѣверскомъ состоящія три волости — почеповскую, бакланскую и шептаковскую (за исключеніемъ съ оныхъ на шестую часть селеній поименованныхъ ниже) да въ пирятинскомъ и переясловскомъ повѣтахъ: волость яготинскую, какъ она нынѣ есть со всѣми оныя волости составляющими селами, деревнями и хуторами, со всякими при нихъ заведеніями, фабриками, конными и скотными заводами и со всѣми вотчинными наличностями и въ Москвѣ домъ на Гороховомъ Полѣ Бахартовской. *На вторую часть, сыну моему графу Петру*: въ повѣтахъ козелецкомъ и пирятинскомъ: волость быковскую (за исключеніемъ на шестую часть, мѣстечка Басани, села Смоши и хутора Мочалинскаго) со всякими при оной волости заведеніями и со всѣми тамъ имѣщимися экономическими наличностями. *На третью часть, сыну моему графу Андрею*: отъ батуринской волости отдѣленныя, въ конотопскомъ повѣтѣ селы Великій и Малый Самборы, Сарановку и Карабутовъ, находящіеся подъ вѣдѣніемъ кошарской моей економіи. Въ конотопскомъ же и роменскомъ повѣтахъ, деревни Кошары и Юрьевку, селы Дептовку и Рубанку, хутора Бельмасовскій и Семяничинъ съ коннымъ при Кошарахъ заводомъ и со всякими по оной въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, заведеніями и наличностью, для того столко сему сыну моему, что я предъ симъ записалъ уже ему особливымъ записомъ ропскую мою волость. Да ему же въ Санктпетербургѣ—загородный на Фонтанкѣ дворъ. *На четвертую часть, сыну моему графу Льву*: въ повѣтѣ полтавскомъ, волость карловскую, во всей ея нынѣшней цѣлости, съ пренадлежащими къ ней селами, деревнями и хуторами съ коннымъ при ней заводомъ и всякими другими заведеніями и наличностію. Заднѣпровскіе дачи съ населенными на оныхъ двумя слободами: Кириловою и Розумовою. Отъ продажи гадяцкого замка оставшіеся въ гадяцкомъ и зѣнковскомъ повѣтахъ селы: Комыши, Павловку, Павловочку и деревню Довжикъ съ хуторами Шиловскимъ и Шаповаловскимъ; да въ роменскомъ повѣтѣ.

село Опанасовку съ коннымъ заводомъ и всякою економическою наличностью; въ Москвѣ, на Дѣвичьемъ Полѣ, двороваго мѣста часть отдѣленная и отданная уже мною въ его распоряженіе, въ городѣ Ромнѣ домъ купленной и въ Херсонѣ мѣсто для дому. *На пятую часть сыну моему графу Григорію*: въ повѣтахъ конотопскомъ и сосницкомъ состоящую волость батуринскую (за исключеніемъ изъ оной на третью часть селъ: Великаго и Малого Самбуровъ, Сарановки, и Карабутова да находящихся подъ вѣдѣніемъ кошаровской економіи деревень: Кошаръ и Юрьевки, селъ: Дептовки и Рубанки съ хуторами Бельмасовскимъ и Семяничинымъ и на шестую часть селъ: Дмитровки, Рябухъ, Савинцъ и Воробьевки) со всѣми принадлежностьми, всякого рода фабриками и заводами и со всякою экономическою наличностію, да въ новгородско-сѣверскомъ повѣтѣ состоящее село Рыково. *На шестую часть, сыну моему графу Ивану*: отъ быковской волости отдѣленныя мѣстечко Басань и село Смошъ и хуторъ Мочалицкія, состоящіе нынѣ подъ вѣдѣніемъ коннозаводской економіи, въ роменскомъ и прилуцкомъ повѣтахъ, селы: Андреевку, Андреяшовку, Ягановку и Ярошовку, хутора Герасимовскій, Графщанскій, и Мириновскій, отъ батуринской волости отдѣленныя, въ конотопскомъ и прилуцкомъ повѣтахъ селы: Рябухи, Дмитровку, Савинцы, и Воробьевку; отъ шептаковской волости отдѣленныя, въ новгородъ сѣверскомъ повѣтѣ селы: Старый Жадовъ, Погорѣлцы и Радомку, слободы Жадовошевченкову, Лосевку и Старогутище, да деревни Олшанку и Жадановку; отъ почеповской волости отдѣленныя, въ мглинскомъ и стародубовскомъ повѣтахъ селы: Большое Староселье, Супрягино, Стригово, Третьяки, Сѣнково и Семешково, деревни Высокое Тарутино, Котелки, Полники, Заполье, Курманово, Шійчи, Огородники, Коренево, Завалипутье, Бѣловенъ, Бибики, Долбежи, Ильюшкино, Малишово, Вязовку, Близницы, Рябцы, Позаново, Шолудки, Свинуху, Сибѣни, Карпово, Толбозино, Чернобабки, Вишнюю, и Нижнюю Злобинки, Машково, Жудилово, Телеши, Надинку, Кушкиново, Колодню, Журавку, Полянку, Рожки, Абаринки, Анушино и Шняки; въ Москвѣ на Дѣвичьемъ Полѣ, дворовое мѣсто, со исключеніемъ изъ онаго части земли отдѣленной уже и отданной въ распоряженіе сыну моему графу Льву.

Имѣнія вышепоимянованныя, пожалованы суть мнѣ и покойному брату моему генералъ фелдмаршалу графу Алексѣю Григорьевичу отъ Ихъ Величествъ въ Бозѣ почивающихъ Государынь Императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины Алексѣевны Вторыя и всѣ оныя

имѣніи утверждены мнѣ во вѣчно потомственное владѣніе всевысочайшими грамотами 1782 генваря 7 и 1784 годовъ, мая 13 числа. А между оными есть и таковыя, кои самымъ мною, законнымъ образомъ пріобрѣтены, въ распредѣленіи каковыхъ имѣній по собственному моему произволенію, я имѣю полную власть закономъ мнѣ предоставленную въ правѣ малороссійскомъ Статутовомъ раздѣла 3 въ артикулахъ 40 и 41, да раздѣла 7 въ артикулѣ I, силою котораго права и учинилъ я по волѣ моей вышеизъясненное на части раздѣленіе всего того моего имѣнія къ вѣчнопотомственному сыновьямъ моимъ съ ихъ наслѣдниками владѣнію онымъ и впредь что еще къ тому по правдѣ, по силѣ правъ и по принадлежности присовокуплено и слѣдовать будетъ. Дочерямъ же моимъ никакого участія въ томъ имѣніи не назначаю, ибо онѣ въ полной мѣрѣ отъ меня награждены уже по ряднымъ; а графиня Елисавета и безъ рядной; такъ что должны быть довольными тѣмъ, что имъ до сего отъ меня опредѣлено и отдано. Во всѣхъ моихъ домахъ, какъ въ городахъ, такъ и въ отчинахъ выстроенныхъ, мебели какъ-то: картины, зеркала, люстры, столы, камоды, стѣнныя и столовыя часы, вазы и прочее, что токмо служитъ комнатными уборами, остатся имѣютъ при каждомъ въ своемъ мѣстѣ и принадлежатъ тому изъ сыновей моихъ въ чьей части самыя тѣ домы состоятъ. Такъ какъ покойный братъ мой генералъ-фелдмаршалъ графъ Алексѣй Григорьевичъ равно и я въ жизни нашей осчасливлены были Высокомонаршими милостьми, то въ достойное памяти сохраненіе оныхъ въ родѣ нашемъ на времена будущія, завѣщеваю оставшіеся по смерти моей дипломы, грамоты, рескрипты и указы Высочайшіе принять подъ сохраненіе свое старшему сыну моему графу Алексѣю. Протчія же сыновья мои могутъ получить себѣ съ оныхъ копіи, если то имъ имѣть нужнымъ разсудится; а документы крѣпостныя и другія дѣла, служащія на имѣнія мною распредѣленныя, да разберутъ сыновья мои, каждой ему слѣдуемыя, по наставленію въ правѣ Статутовомъ, раздѣла 9, артикулѣ 26. Исполненіе по сему моему запису воспріято быть имѣетъ не прежде, какъ по смерти моей, ибо, за жизнь мою я неотъемлю у себя полной воли и власти, какъ во владѣніи всѣмъ тѣмъ распредѣленнымъ нынѣ мною имѣніемъ. такъ и въ случаи непредвидимыхъ обстоятельствъ и надобностей моихъ, въ заклады, продажѣ и дарѣ кому либо по моему благоусмотрѣнію, съ каковой бы то ни было части назначенной въ удѣлъ сыновьямъ моимъ, и тотъ съ коего части что либо мною заложено, отдано, продано и подарено будетъ, по смерти моей не можетъ и не

долженъ будетъ требовать пополненія вышедшаго съ частей другихъ братьевъ своихъ, но да пребудетъ доволенъ токмо тѣмъ, что по власти и волѣ моей ему отъ меня симъ записомъ опредѣлено, и что за убылью, по волѣ моей здѣланною, въ части его по кончинѣ моей останется. А буди бы по разсмотрѣнію моему впредь за благо призналъ я сей мой записъ перемѣнить другимъ, то и въ семъ случаи предоставляю себѣ волю, яко полновластній собственныхъ моихъ имѣній владѣтель и диспозиторъ. Дворовыя люди изъ малороссіянъ, во услуженіи при дѣтяхъ моихъ находящіеся, имѣютъ остатся и принадлежатъ навсегда тому изъ сыновей моихъ у кого кто находится, хотябы по ревизіи написанными были въ части деревень и не тому, а другому сыну моему опредѣленной, и служившимъ при мнѣ и при домахъ моихъ людями, на вѣчную свободу отъ меня отпущеннымъ, коимъ за ту ихъ службу опредѣлена отъ меня пенсія, дѣти мои, всякой по своей части, гдѣ тѣ люди жить будуть, производить имъ оную долженствуютъ безъ отмѣны. О движимомъ моемъ имѣніи, состоящемъ въ бриліянтовыхъ и золотыхъ вещахъ, въ серебренной посудѣ съ приборами, въ библіотекахъ, оружейныхъ, столовой и всякой посуды съ приборами, екипажахъ съ конскими уборами и в прочемъ, я предоставляю себѣ впредъ здѣлать особливое распредѣленіе. Утверждаю сей записъ собственноручнымъ моимъ подписомъ съ приложеніемъ печати при свидѣтеляхъ. Оной записъ по листамъ подписалъ: къ сему запису руку приложилъ при печати генералъ фелтмаршалъ графъ Кирило Разумовскій (м. п.) На семъ записѣ по самоличномъ прошенію господина генералъ-фелдмаршала и кавалера графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, во свидѣтельство съ приложеніемъ печатей подписалися: вице-канцлеръ дѣйствительный тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ и кавалеръ графъ Викторъ Кочубей (м. п.) Оберъ-шенкъ и кавалеръ Николай Загряжскій (м. п.) Генералъ-маіоръ и кавалеръ Михаилъ Гудовичъ (м. п.).

1800 года апрѣля дня. Сей вечистый уступный записъ отъ его сіятельства господина генералъ-фелдмаршала и разныхъ орденовъ кавалера графа Кириллы Григорьевича Разумовскаго при прошеніи на всевысочайшее Его Императорскаго Величества имя отъ него написанномъ, представленъ самолично малороссійской губерніи въ нижній земскій конотопскій судъ съ объявленіемъ предъ урядомъ сего нижнего земского суда какъ о доброволномъ его сіятельства соизволеніи въ росписаніи на части всего его малороссійскаго имѣнія недвижимаго, къ вѣчно потомственному по смерти его дѣтямъ его сы-

новьямъ владѣнію, каждымъ опредѣленнымъ ему удѣломъ по тому запису поименованнымъ, такъ и о немогуществѣ его за болѣзнію представить онаго записа лично въ земскій повѣта конотопскаго судъ, и что повѣряетъ онъ предъявить сей записъ ко вписанію въ земскія вечистыя книги, провинціальному секретарю Мойсею Маркову сыну Ахматову, уполномочивая къ тому его особымъ вѣрющимъ листомъ. Нижній земскій конотопскій судъ, будучи въ отправленіи должности своей въ повѣтѣ ему ввѣренномъ въ мѣстечкѣ Батуринѣ, принявъ отъ упомянутого господина генералъ-фелдмаршала и кавалера вышеозначенное добоволное сознанье сего записа, свидѣтельствуетъ, какъ въ томъ, такъ и что онъ дѣйствительно находится въ такой болѣзни, что ему невозможно въ путь отправится ради представленія того записа въ конотопскій повѣтовскій судъ и при таковомъ своемъ свидѣтельствѣ возращаетъ оной объявленному Ахматову для исполненія по данной ему довѣренности. Земскій коммисаръ Данило Смѣловскій (м. п.). Въ должности секретаря Федоръ Тарасевичъ. Регистраторъ Лука Швачкинъ. На ономъ записѣ земскаго повѣтоваго конотопскаго суда помѣта такова: вышенаписанный записъ малороссійской губерніи въ земскій повѣтовый конотопскій судъ провинціальный секретарь Мойсѣй Ахматовъ при вѣрющемъ отъкрытомъ листѣ отъ его сіятельства господина генералъ-фелдмаршала сенатора и разныхъ орденовъ кавалѣра графа Кириллла Григорьевича Разумовскаго ему, Ахматову, данномъ, представливалъ съ прошеніемъ, вписавъ оной записъ въ земскіе сего повѣта книги, выдать съ онаго на имя его сіятельства виписъ и какъ сочинитель онаго записа господинъ генералъ-фелдмаршалъ и разныхъ орденовъ кавалѣръ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій предъ нижнимъ земскимъ конотопскимъ судомъ о доброволномъ его соизволеніи на распредѣленіе сыновьямъ его сіятельства, графамъ Алексѣю, Петру, Андрею, Льву, Григорію и Ивану Кирилловичамъ Разумовскимъ въ сходство изъясненныхъ въ томъ записѣ малороссійскихъ правъ, своего имѣнія сознилъ (какъ о томъ съ положенной на ономъ записѣ выше сего онимъ судомъ помѣти значится) для того съ учиненнаго въ семъ земскомъ повѣтовомъ судѣ опредѣленія, вписанъ оной записъ въ крѣпостную въ семъ судѣ на настоящій годъ имѣющуюся книгу, подъ № 33, на страницахъ 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108 и 109 съ сею помѣтою съ подписомъ оной урядниковъ земскихъ и съ приложеніемъ судьиной и подсудковыхъ печатей, просителю Ахматову для доставленія вѣрителю его, его сіятелству господину генералъ-фелдмаршалу и разныхъ орденовъ кава-

леру графу Кириллѣ Грогорьевичу Разумовскому, при виписѣ слѣдуемомъ по праву книги Статутъ, раздѣла 4, артикула 13, выданъ въ Конотопѣ 1800 года апрѣля 24 дня. Оную помѣту подписали: судья земскій Никифоръ Федоровичъ. Подсудокъ земскій Семенъ Скаловскій. Подсудокъ земскій Степанъ Семеновъ (м. п.) (м. п.) (м. п.). Земскій писарь Семенъ Торанскій. Губернскій регистраторъ Тимофей Тарасенковъ. Таковъ подлинный записъ принялъ провинціальный секретарь Мойсей Ахматовъ.

Къ повѣрьямъ о „богатыряхъ“. *1. Змѣй уходитъ отъ богатыря въ видѣ бури.* Люде зъ Токмачкы розсказувалы — якъ у ихъ буря йшла. Такъ, кажуть, якъ пиднялась та й полудень повывертала. Отто полуднують воны самымъ хлибомъ, ажъ дывлятся йде до ихъ чоловикъ, такъ наче у монашеському одіянію, у наряди (при оружіи) ше й коня веде. Пидійшовъ отто, поздоровкавсь. — А шо, пыта, ничого вы тутъ не бачилы?—Ни, кажуть ему, Богъ мылувавъ, ничого, була тилькы отце страшенна буря.—Знаю, каже, вже *винъ* далеко, та я ёго нажену.—А чи нема у васъ воды напытысь?—Чому нема, онъ, кажуть ёму, боклагъ.—Та цёго мени мало... Та пишовъ до барыла якъ узявъ ёго за уторы та якъ перехылывъ на себе, та замалымъ усёго и не выпывъ. Тоди подякувавъ, попрощавсь и пишовъ соби. Мы, кажуть ти люде, и бачилы якъ винъ и на коня сидавъ, та не углядилы де винъ дився.—Пишлы воны тоди ёго слидомъ, такъ де винъ, або кинь ступавъ—такъ скризь ажъ у пивъ аршина ямы и зосталысь.

2. *Священникъ можетъ узнать богатыря.* Разъ на Велыкдень поздоровлявъ насъ батюшка зъ богатыремъ.—Я, каже, якъ винъ прычащается не можу выдержаты ёго духу, та ше якъ наведу причастя пивъ чаши—такъ стане повна, а якъ трохы не повну—такъ ажъ верхъ выжене и не прольется.—Нипъ и зна хто такый той богатырь, такъ ёму запрещено людямъ казаты. Отто якъ батюшка поздоровывъ, тоди и люде сталы помичать якъ той богатырь шуткувавъ. Разъ у знайшлы такого дубка, шо на млынове крыло на рямыно годывся бъ, а винъ его нагнувъ, прывьязавъ кобылу до верщечку та й пустывъ. А удруге—знайшлы тры дубкы, шо одъ одного корння рослы—такъ ихъ заплетено якъ наче у косу. Та була у насъ за селомъ могыла, а на тій могыли млынъ стоявъ. Такъ винъ було возьме вытягне у ночи млыновый каминь та й коте ёго зъ могылы, а

тамъ настроме на килокъ, пидвьяже якъ торбу на плече та й несе до млына. Такъ хтось пидглядивъ, винъ зъ того часу и пишовъ десь на острова.

3. *Богатырскій конь.* А то разъ у Дурасивскихъ плавняхъ, выше Каховкы (херсонск. губ.), а тамъ Днипръ на шисть верстъ розлывается, пливъ у половодь кинь у наряди. Зибралось на берези тыхъ робочихъ, може чоловикъ на трыста—шобъ того коня пійматы. Такъ винъ тилько доплывъ до берега, та якъ перснувъ—такъ таку хвылю погнавъ на берегъ, шо трохы—трохы усыхъ не потопывъ. Та тилькы отто ёго и бачилы. Це жъ богатырь ёго вызывавъ, а винъ до ёго и добывався.

(Записано въ новомоск. у екатериносл. губ.).

Ив. М—ра.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, т. 3-й Харьковъ 1891 года.

Книги, подобныя настоящей, вызываютъ при своемъ появленіи въ свѣтъ всякій разъ самый живой интересъ въ читателѣ, такъ какъ они служатъ выраженіемъ жизни цѣлаго общества, поставившаго своей цѣлью безкорыстное служеніе наукѣ; на изданіяхъ этого рода всегда необходимо отражаются условія мѣста, дающія направленіе дѣятельности общества и указывающія вопросы, подлежащія его разработкѣ. Стоя вдали отъ территоріи, на которой происходила нѣкогда религіозно-политическая борьба враждующихъ народностей, не будучи центромъ обще государственной жизни, заботясь лишь о совершенствованіи мѣстнаго управленія и хозяйства, харьковскій край ставитъ поэтому задачей своему обществу разработку внутренней, бытовой исторіи во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ; исполненіе этой задачи мы и находимъ какъ въ «отчетѣ о дѣятельности харьковскаго историко филологическаго общества», такъ и въ тѣхъ изслѣдованіяхъ и матеріалахъ, которые составляютъ содержаніе 2-го отдѣла «Сборника».

Обратимся сначала къ *«отчету»*, составленному секретаремъ общества *Н. Ѳ. Сумцовымъ.*

Въ $18^{90}/_{91}$ академическомъ году общество имѣло 13 засѣданій (первое общее, когда былъ выслушанъ лишь отчетъ за предшествующій годъ), въ которыхъ было прочтено 22 реферата; эти рефераты мы распредѣляемъ такъ: по политической исторіи—1, по исторіи церкви—2, по исторіи городовъ—2, по исторіи литературы—2, по исторіи колонизаціи—1, по исторіи козачества—1, по исторіи промышленности—2, по этнографіи—3, по славяновѣдѣнію (государств. право)—2, по археографіи—2, по классической филологіи—1 и, на-

конецъ, некрологовъ прочтено 3. Отсюда мы видимъ, что вопросы бытовые преимущественно были разрабатываемы обществомъ.

Архивъ общества, о которомъ мы уже говорили, разсматривая 2-й томъ «Сборника», въ истекшемъ году обогатился пріобрѣтеніемъ около 21000 старыхъ дѣлъ полтавскаго губернскаго правленія, въ числѣ которыхъ оказалось 18 связокъ знаменитой Румянцевской описи. Если принять во вниманіе, что эти дѣла относятся къ тому періоду, который менѣе всего разработанъ въ наукѣ, то нельзя не признать что это пріобрѣтеніе представляетъ высокую цѣну и важную заслугу общества. Въ истекшемъ году старыми дѣлами архива пользовались шесть лицъ, и не только члены общества, но и посторонніе лица. По предложенію проф. Багалѣя общество приступаетъ къ печатанію *ученой* описи своего архива. Это новое пріятное свѣдѣніе мы почерпаемъ изъ протоколовъ «отчета», пріятное потому, что у насъ вообще появляется мало даже простыхъ описей, а ученыхъ, требующихъ большаго знанія и умѣнья, и еще меньше. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ этихъ ученыхъ описей, которыя, по нашему мнѣнію, сами по себѣ уже являются въ большей или меньшей степени изслѣдованіемъ.

Развивая свою дѣятельность по собиранію и разработкѣ сыраго матеріала, общество въ то же время (по предложенію проф. Сумцова) имѣетъ въ виду ходатайствовать о разрѣшеніи учредить при немъ педагогическое отдѣленіе съ цѣлью развитія и распространенія историко-филологическихъ знаній. Собственно говоря, задачи педагогики такъ важны и такъ широки, что существованіе самостоятельнаго педагогическаго общества былобы вполнѣ разумно и цѣлесообразно. Само собою разумѣется, что историко-филологическое общество ограничиваетъ задачу педагогики лишь предметами, которые оно само разрабатываетъ. Физико-математическое общество также будетъ вполнѣ право, пожелавъ открыть у себя педагогическое отдѣленіе, ибо математическія науки не менѣе историко филологическихъ требуютъ выработки болѣе простыхъ и удобныхъ способовъ преподаванія. Еще важнѣе разработка методы преподаванія различныхъ предметовъ въ низшей школѣ; тогда необходимость самостоятельности общества педагогики явится сама собой. Но такъ какъ въ настоящее время наши педагоги слишкомъ разобщены и едва-ли скоро сплотятся для учрежденія такого общества, то мы вполнѣ сочувственно относимся къ предложенію г. Сумцова, какъ къ первому почину въ такомъ трудномъ и важномъ дѣлѣ, какимъ является у насъ на Руси, гдѣ всѣ «бредутъ врозь», сплоченіе силъ для дѣла народнаго просвѣщенія.

Въ составѣ общества произошли небольшія перемѣны: проф. А. А. Потебня, сложилъ съ себя званіе предсѣдателя, и на его мѣсто избранъ проф. М. С. Дриновъ. Всѣхъ членовъ въ обществѣ—64.

Не останавливаясь на изложеніи содержанія самихъ рефератовъ, изъ которыхъ одни вошли во второй отдѣлъ настоящаго тома, а другіе появятся въ слѣдующемъ, замѣтимъ лишь о внѣшней сторонѣ протоколовъ, которая весьма неудобна для читателя. Сплошной шрифтъ, употребляемый и для указанія времени засѣданій и для заглавія рефератовъ весьма затрудняетъ читателя, когда онъ имѣетъ необходимость справиться, когда и въ какомъ засѣданіи какія дѣлались доклады.

Переходя къ важнѣйшей части книги, мы прежде всего встрѣчаемъ опытъ историко-критическаго разбора мнѣній «*О времени и мѣстѣ крещенія русской великой княгини Ольги*» г. *В. Саввы*. Изъ всего сказаннаго авторомъ получается короткій выводъ: «кн. Ольга крестилась въ Кіевѣ въ 955 г., а въ 957 году ѣздила въ Царьградъ съ цѣлью паломничества»,—мнѣніе не новое, но подкрѣпленное лишь нѣкоторыми новыми соображеніями.

Съ гораздо большимъ интересомъ мы относимся къ статьямъ и матеріаламъ, трактующимъ о болѣе близкихъ намъ, а потому и болѣе живыхъ, вопросахъ, а именно—къ двумъ небольшимъ очеркамъ г. *М. Плохинскаго*: «*Бобровники*» и «*Стрѣльцы въ Малороссіи*». Оба очерка служатъ предисловіемъ къ слѣдующимъ непосредственно за ними «*Матеріаламъ для исторіи внутренней жизни лѣвобережной Украины*». Судя по широтѣ заглавія, мы вправѣ думать, что авторъ имѣетъ въ виду издать матеріалы, касающіяся не только охоты по рѣкамъ и озерамъ «на водного звѣря» (бобровъ и выдръ) и «добытія» въ лѣсахъ «дикой звѣрины и птаства», но и другихъ родовъ промышленности, а потому и привѣтствуемъ это полезное начинаніе; область промышленности мало изслѣдована и потому всякій новый трудъ получаетъ особую цѣну и интересъ; хотя бобровники и стрѣльцы (охотники) служили лишь нуждамъ гетманскаго двора, тѣмъ не менѣе, уравненные въ правахъ съ козаками вообще, они составляли обособленныя самоуправляющіяся общины, владѣвшія и земельными надѣлами, и хотя охота не составляла уже главнаго занятія массы населенія, тѣмъ не менѣе, какъ остатокъ сѣдой старины, удержавшійся лишь въ небольшомъ кругу лицъ, она имѣетъ полное право на вниманіе изслѣдователя. Коснувшись исторіи охоты по грамотамъ и актамъ, восходящимъ еще къ XIV вѣку, авторъ упустилъ изъ виду,

указать на состояніе въ это время охоты, какъ существеннаго и главнаго занятія всего населенія и на постепенный переходъ его къ земледѣльческому промыслу. Это дало бы поводъ автору намѣтить мимоходомъ и главные моменты въ развитіи земледѣлія. Безъ этого условія многія выраженія древнихъ грамотъ и актовъ и причины пожалованія правъ на охоту становятся неясными и въ трудѣ г. Плохинскаго вслѣдствіе этого рѣшительно не имѣютъ своего raison d'être.

«Матеріалы», которые мы считаемъ главной частью въ трудѣ г. Плохинскаго, названы еще «приложеніемъ». Разъ это «матеріалы», снабженные сравнительно короткими предисловіями, они уже не приложеніе, а самая сущность, которая лишь разъяснена въ предисловіи. Зачѣмъ тогда это новое и ненужное опредѣленіе для цѣлой группы однородныхъ актовъ, живо обрисовывающихъ тотъ предметъ, котораго они касаются? Самое изданіе матеріаловъ сдѣлано не особенно тщательно. Описи при каждомъ актѣ слишкомъ кратки и неопредѣленны, даты обозначены не вполнѣ; актъ № 1 опредѣленъ такъ: «Универсалъ гетмана Брюховецкаго 1669 года о ловлѣ бобровъ». Слѣдовало же его опредѣлить: Универсалъ гетмана Ивана Брюховецкаго о дачѣ посылаемому имъ въ нѣжин., черниговск. и стародуб. полки бобровнику Андрею Кузменку харчей и подводъ подъ охотничьи орудія, а также объ оказаніи ему помощи и подчиненіи вольныхъ бобровниковъ,—20 іюня 1669 г. Длинныхъ заглавій нѣтъ необходимости печатать жирнымъ шрифтомъ; ихъ печатаютъ изъ экономіи петитомъ. Далѣе, напр., № 25—прошеніе бобровниковъ, а о чемъ не сказано. Актъ № 35 названъ «желаніемъ», тогда какъ это—часть постановленія малороссійскаго скарба. Въ правописаніи подлинника удержаны особенности, не имѣющія значенія ни для произношенія, ни для тоговременной орѳографіи; во многихъ мѣстахъ текстъ прямо переданъ невѣрно. Напр. на стр. 54: «аби ему без забави тое усе *било, ведлугъ звичаю, даваного давно было,* особливо приказуемъ»; между тѣмъ это мѣсто несомнѣнно читается такъ: «аби ему без забави тое усе, *ведлугъ звичаю давного, давано было,* особливо приказуемъ». Или, на той же страницѣ: «Для лѣпшей вѣри Яцко Скиданъ, полковникъ войска его царскаго величества запорожскій Сосницкій *подполковникъ*»; послѣднее слово несомнѣнно читается: *подписуюся.* Не смотря на эти мелкіе недосмотры, матеріалы подобраны умѣло и все существенное извлечено изъ нихъ и обстоятельно сгруппировано авторомъ въ предисловіи.

«Народные разсказы о вѣдьмахъ и упыряхъ», какъ матеріалъ для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія купянскаго уѣзда, собранные г. *П. Ивановымъ*, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ продолжаетъ изученіе своего уѣзда, выбравъ на сей разъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ этнографіи. Важность этого отдѣла и достоинства труда г. Иванова, указаны обстоятельно г. *Н. Ө. Сумцовымъ* въ его прибавленіи къ труду г. Иванова—небольшой замѣткѣ *«о колдунахъ, вѣдьмахъ и упыряхъ»*. Къ этой замѣткѣ авторъ прибавилъ указатель 408 статей, касающихся вѣдовства и колдовства; указанія состоятъ не изъ однихъ голыхъ заглавій, но даютъ и краткое содержаніе каждой статьи. Авторъ отмѣчаетъ статьи, помѣщенныя и въ «Кiев. Старинѣ», но какъ нигдѣ безъ упущеній не обходится, то и здѣсь упущенъ изъ виду авторомъ живой интересный разсказъ Н. Н. Оглоблина, составленный на основаніи судебнаго дѣла: «Сожженіе вѣдьмы», помѣщенный въ іюньской книжкѣ нашего журнала за 1886 годъ.

Съ легкой руки г. Сумцова началось въ 3-мъ томѣ «Сборника» печатаніе библіографическихъ указателей. Напр. *Д. И. Багалѣй* напечаталъ рядомъ: критико-библіографическій обзоръ: *«Сочиненій, матеріаловъ, статей и замѣтокъ, относящихся къ исторіи Слободской Украины. Вып. 2 й, 1885—1890 годы. Часть 1-я. Обзоръ источниковъ»*. Изъ этого длиннаго заглавія видно, что авторъ предпринимаетъ большое изданіе, раздѣленное на нѣсколько частей, подраздѣляющихся, въ свою очередь, на выпуски; благодаря обстоятельному разбору перечисляемыхъ книгъ, трудъ г. Багалѣя будетъ, конечно, незамѣнимымъ пособіемъ для всякаго занимающагося прошлой судьбой Слободской Украины.

Но если г. Багалѣй дастъ возможность изучить исторію своего края безъ затраты времени на разыскиваніе источниковъ, то г. *В. Бузескулъ*, въ небольшой *«библіографической замѣткѣ о книгахъ, изданныхъ въ Харьковѣ»*, даетъ матеріалъ для опредѣленія степени, качества и количества умственной дѣятельности юго-востока Россіи.

Въ отдѣлѣ «мелкихъ замѣтокъ» сообщены: г. *Багалѣемъ* матеріалы «для біографіи В. Н. Каразина», весьма интересная «челобитная острогожскихъ старшинъ императрицѣ Екатеринѣ II» и о «раскопкѣ кургановъ въ изюмскомъ уѣздѣ харьковской губерніи, произведенной И. М. Бичъ-Лубенскимъ; 2, г. *Плохинскимъ*: «о доставкѣ фруктовъ изъ Малороссіи къ царскому двору», «о гетманскихъ рыболовныхъ озерахъ» и «описаніе графскаго диплома гетмана Разумов-

скаго»; г. *Бакаемъ*: «Замѣтки о консистентахъ въ Малороссіи» и г. *Сумцовымъ*: «Письма студента харьков. университета И. Я. Тросницкаго 1824—1827 года» и «Три письма В. И. Каразина».

Изъ сдѣланнаго обзора содержанія 3 тома «Сборника» видно, что въ немъ матеріалы преобладаютъ надъ изслѣдованіями, и это явленіе надо считать вполнѣ естественнымъ. Въ то время какъ самостоятельныя статьи находятъ себѣ мѣсто во всякаго рода историческихъ и неисторическихъ журналахъ какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, печатаніе матеріаловъ сопряжено съ большими трудностями, а между тѣмъ на юго-востокѣ Россіи до сихъ поръ не было учрежденія (въ родѣ археологической коммиссіи), которое имѣло бы своей задачей изданіе сыраго матеріала, необходимаго не только для самого издателя, но и для другихъ изслѣдователей, ученыхъ, удаленныхъ отъ центра храненія сырья.

Этой потребности, въ силу указаннаго положенія вещей, и удовлетворяетъ «Сборникъ»; ее мы считаемъ насущной и всякій разъ съ благодарностью встрѣчаемъ новый выпускъ.

И. Каманинъ.

К. Елпатьевскій. Учебникъ русской исторіи. Съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. 2-е изданіе исправленное и дополненное. С Петербургъ. 1891 г.

Съ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе въ свѣтъ указанной книги. Собственно говоря, по объему своему, она не можетъ служить учебникомъ, но представляетъ хорошее пособіе при изученіи русской исторіи въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Прежде чѣмъ говорить о достоинствахъ книги г. Елпатьевскаго, мы считаемъ необходимымъ указать на немногія вкравшіяся въ нее погрѣшности, которыя не должны были бы существовать въ такомъ солидномъ, по нашему мнѣнію, трудѣ. Въ изложеніи автора, въ дѣлаемыхъ имъ опредѣленіяхъ, въ фактическихъ указаніяхъ, есть неточности, могущія ввести въ заблужденіе юныхъ читателей. Такъ не точно, по нашему мнѣнію, опредѣленіе, что такое лѣтопись. Яснѣе было бы сказать: «лѣтопись есть письменный памятникъ, заключающій въ себѣ погодную запись событій въ сжатомъ (краткомъ) или подробномъ видѣ». Нельзя также въ настоящее время категорически утверждать, что первоначальныя замѣтки могли дѣлаться только христіанами: есть

данныя, указывающія на существованіе письменности у славянъ вообще и у русскихъ въ частности еще до принятія христіанства. Говоря о сказаніяхъ и повѣстяхъ, авторъ опять употребляетъ, по нашему мнѣнію, неточное выраженіе: «...... о жизни одного лица, прославленнаго своею святостію». Слѣдовало бы добавить: «или вообще о выдающемся дѣятелѣ или отдѣльномъ важномъ событіи». Иначе нельзя подвести сюда сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, Калкской битвѣ и др. Интересно было бы также знать, какія произведенія *русской* литературы XVI в. авторъ называетъ мемуарами? XVII в.—это уже другое дѣло. Касаясь въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги археологическихъ данныхъ, г. Елпатьевскій указываетъ лишь на курганы ю. Россіи, между тѣмъ, какъ эти памятники разсыпаны по всей восточной Европѣ, равно какъ и городища. Благодаря раскопкамъ, мы имѣемъ свѣдѣнія о культурѣ не только скиѳовъ, но и мери, муромы, сѣверянъ, древлянъ и проч. Кстати тутъ сказать, что, по нашему мнѣнію, точнѣе слѣдовало различить памятники монументальные отъ вещественныхъ, вещевыхъ. Перечисляя волости, полученныя сыновьями Ярослава М., Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ, авторъ упустилъ изъ виду, что послѣднему досталось двѣ области переяславская и ростовская. Говоря о видахъ колонизаціи, г. Елпатьевскій пропускаетъ самый важный—докняжескій, благодаря которому племена весь, меря, часть чуди, а отчасти и мурома, въ сильной степени подверглись культурному славянскому вліянію и въ историческое время очень быстро исчезаютъ. При опредѣленіи географическаго положенія волынской земли допущена, по нашему мнѣнію, довольно крупная погрѣшность. Авторъ располагаетъ ее только по р. Припети, совершенно упуская изъ вида основное извѣстіе лѣтописи: «Дулѣбы же живяху по Бугу, где нынѣ волыняне»; «бужане, зань сѣдять по Бугу, послѣ же волыняне». Чтобы не повторяться далѣе, скажемъ здѣсь, что вообще историко-этнографическія сообщенія въ разбираемой книгѣ не отличаются вѣрностью. Такъ мы утверждаемъ, что во время образованія русскаго государства не только половцевъ не было въ восточной Европѣ, но даже печенѣги кочевали еще на ея окраинѣ. Не можемъ также не упрекнуть автора за грубое смѣшеніе тюркскаго племени съ финскимъ. Это двѣ совершенно отдѣльныя вѣтви урало-алтайскаго праплемени, а, можетъ быть, между ними не существуетъ даже никакой этнической связи, если принять во вниманіе факты, выставляемые аріо-финской теоріей. Категорически утверждать, что болгары тюркскаго племени, тоже едвали возможно при современномъ

состоянія науки. Какъ мы увидимъ ниже, авторъ не разъ приводитъ цитаты изъ первоисточниковъ. И для характеристики быта финновъ онъ дѣлаетъ выписку изъ Тацита. Но промежутокъ времени отъ жизни этого римскаго историка и до эпохи образованія русскаго государства очень великъ. Если по даннымъ языка, какъ это находимъ у г. Альквиста, финны при первомъ ихъ столкновеніи съ славянами стояли на весьма низкой ступени развитія, то не нужно забывать, что археологическія и нумизматическія данныя, приводимыя Бэромъ, Крузе, Гревинскомъ и др., доказываютъ, что въ эпоху начала русской исторіи эсты, ливы, стояли на довольно высокой ступени культурнаго развитія. Вслѣдствіе оказаннаго, мы считаемъ невозможнымъ знакомить читателя съ бытомъ финскихъ племенъ лишь на основаніи извѣстій Тацита. Укажемъ также, что свѣдѣнія о языческомъ бытѣ Литвы можно найти не только у ливонскихъ и тевтонскихъ лѣтописцевъ, но и у польскихъ хронистовъ, и въ русскихъ лѣтописяхъ. Мы не замѣтили погрѣшностей въ хронологіи, но должны сказать, что калкская битва произошла не въ 1224 г., а въ 1223 г., что давно уже доказано академикомъ Куникомъ.

Переходя затѣмъ къ другимъ сторонамъ труда г. Елпатьевскаго, остановимся прежде всего на вопросѣ: какія цѣли имѣются въ виду при составленіи пособія? Повторяемъ, книга г. Елпатьевскаго учебникомъ служить не можетъ, по своей обширности. Предвидѣть это, конечно, долженъ былъ и самъ авторъ. Пособія по исторіи могутъ заключать въ себѣ или тексты важнѣйшихъ памятниковъ письменности въ цѣломъ видѣ или въ извлеченіяхъ, или собраніе отрывковъ статей выдающихся ученыхъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Пособія могутъ соединять въ себѣ и то, и другое, какъ напр. «Христоматія по русской исторіи» Аристова или «Исторія среднихъ вѣковъ» Стасюлевича. Но можетъ быть еще одинъ видъ пособій при изученіи исторіи, къ типу которыхъ принадлежитъ и разбираемая нами книга. Ближайшая цѣль тутъ заключается въ томъ, чтобы дать возможность читателю ознакомиться съ бо́льшимъ количествомъ фактовъ, чѣмъ онъ найдетъ ихъ въ учебникѣ. Если подобная книга предназначается для дѣтскаго возраста, то болѣе широкой цѣли тутъ и не требуется: ребенокъ узнаетъ нѣсколько новенькихъ историческихъ фактовъ, которые могутъ его заинтересовать и пріохотить къ дальнѣйшему чтенію по исторіи. Нѣсколько иныя требованія къ пособію подобнаго типа, намъ кажется, должно предъявлять, если оно имѣетъ въ виду старшихъ читателей. Необходимость такихъ пособій не подлежитъ, по нашему мнѣнію, никакому сомнѣнію. Связное, гораздо болѣе обшир-

ное, чѣмъ въ учебникѣ, изложеніе историческихъ фактовъ, переданныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются въ данное время наукой, постоянныя выдержки изъ первоисточниковъ или въ видѣ пересказа, или въ дословномъ извлеченіи,—все это внушитъ читающему уваженіе къ исторіи какъ наукѣ, породитъ въ немъ интересъ къ болѣе широкому ея изученію, стремленіе ознакомиться лично самому со всѣми этими записками и мемуарами Данилова, Порошина, Манштейна, Шаховскаго и т. д. и т. д., самому лично заглянуть и въ «Домострой», и въ «Наказъ» Екатерины и проч. Вотъ достоинства, какихъ мы въ правѣ требовать отъ подобныхъ пособій, и которыми, дѣйствительно, обладаетъ книга г. Елпатьевскаго. Сказавъ это, можно было бы и покончить нашъ отчетъ объ «Учебникѣ русской исторіи», но мы рѣшаемся сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній относительно тѣхъ измѣненій, которыя мы считаемъ необходимыми для того, чтобы пособіе это вполнѣ удовлетворяло своему назначенію. На стр. 4 й авторъ указываетъ литературу русской исторіи. Намъ кажется, что и самъ г. Елпатьевскій признаетъ, что сдѣланныхъ тутъ указаній далеко недостаточно. Пять или шесть работъ общаго содержанія и двѣ—три работы, посвященныя отдѣльнымъ вопросамъ, не могутъ удовлетворить читателя, заинтересовавшагося русской исторіей и стремящагося познакомиться пошире и поглубже съ ея выдающимися эпохами или дѣятелями. Авторъ самъ дѣлаетъ указанія на выдающіеся труды русскихъ ученыхъ, но это бываетъ весьма рѣдко и притомъ носитъ совершенно случайный характеръ. Между тѣмъ для характеристики отдѣльныхъ явленій г. Елпатьевскій приводитъ выдержки изъ сочиненій Соловьева, Знаменскаго, Костомарова, Павлова, Ключевскаго, Щебальскаго и др. Стоило только каждый разъ при имени ученаго назвать его сочиненіе, и цѣль была бы почти достигнута. Но, по нашему мнѣнію, вообще по всякому данному вопросу слѣдовало указать одинъ—два выдающихся труда русскихъ ученыхъ. Я уже упоминалъ, что въ «Учебникѣ» читатель найдетъ или ссылки или обширныя выписки изъ источниковъ первой руки, какъ Флетчеръ, Котошихинъ и др. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ этотъ фактъ. Въ главѣ «Нравы и обычаи» (въ московскій періодъ) даются и нужныя свѣдѣнія о Флетчерѣ, Бопланѣ и др. Но такое распредѣленіе свѣдѣній не совсѣмъ удобно. Читатель раньше наталкивается на эти имена, недоумѣваетъ и потомъ только значительно позже узнаетъ, совершенно для себя неожиданно, въ указанной главѣ, кто такой былъ Флетчеръ, и почему его сообщенія имѣютъ цѣну.

Намъ кажется, что удобнѣе и цѣлесообразнѣе было бы главѣ о внутреннемъ бытѣ предпослать (непремѣнно крупнымъ шрифтомъ) краткій очеркъ источниковъ, т. е., дать въ сжатомъ, цѣльномъ разсказѣ краткія свѣдѣнія о всѣхъ тѣхъ людяхъ—современникахъ, на которыхъ авторъ потомъ указываетъ въ своемъ изложеніи, въ томъ видѣ, напр., какъ это сдѣлано предъ главою «Нравы и обычаи» (реформы Петра В.) на стр. 255—256.

Одну изъ первыхъ главъ своего труда авторъ обозначаетъ такъ: «Лѣтописные разсказы о началѣ русскаго государства и дѣятельности первыхъ князей». Казалось бы, что здѣсь мы должны найти передачу лѣтописнаго повѣствованія со всѣми преданіями и легендами, вошедшими въ лѣтопись изъ устъ народныхъ. Само собою вслѣдъ затѣмъ ожидается изложеніе событій въ томъ видѣ, какъ въ настоящее время смотритъ на нихъ русская историческая наука. Подобный методъ изложенія русской исторіи могъ бы вызвать со стороны рецензента полное сочувствіе. Въ такомъ пособіи, какъ книга г. Елпатьевскаго, мы въ правѣ желать вслѣдъ за передачей лѣтописныхъ разсказовъ ознакомленія читателя, хоть въ краткихъ, общихъ чертахъ, и съ существующими взглядами на эти разсказы и передаваемыя ими событія. Между тѣмъ выходитъ вотъ что. Обозначивъ главу: «Лѣтописные разсказы...» etc. г. Елпатьевскій приводитъ тутъ же взгляды ученыхъ, напр., Соловьева — на борьбу Владиміра съ Ярополкомъ, Аристова—на значеніе христіанства въ русской исторіи. Это смѣшеніе лѣтописныхъ легендъ съ мнѣніями ученыхъ (не съ критикой лѣтописи), конечно, должно приводить читателя къ убѣжденію, что и всѣ лѣтописные разсказы заслуживаютъ полнаго довѣрія. Между заглавіемъ и содержаніемъ нѣтъ полнаго соотвѣтствія. Разъ поставлено заглавіе «Лѣтописные разсказы...», то затѣмъ надо передать то, какъ на нихъ смотрѣть надлежитъ, или просто поставить: «Начало русскаго государства и дѣятельность первыхъ князей». Но, несомнѣнно, первое, для пособія, является вполнѣ обязательнымъ.

Не можемъ не обратить вниманія и на то, что въ характеристикѣ удѣльно-вѣчеваго періода авторъ взялъ только стороны отрицательныя, но, вѣдь, были и положительныя. Не останавливаясь долго, мы укажемъ лишь на тотъ фактъ, что раздѣленіе на княжества способствовало развитію нашего просвѣщенія и русскаго искусства. Каждый князь старался не уступить другому въ дѣлѣ украшенія своего стольнаго города: одинъ передъ другимъ они спѣшатъ воздвигать

прекрасные храмы, строить монастыри, интересуются переводомъ книгъ. Между князьями идетъ соревнованіе въ поддержаніи дружественныхъ отношеній съ выдающимися своею святостію подвижниками, и когда Изяславъ изгоняетъ св. Антонія, Святославъ приглашаетъ его къ себѣ и отводитъ ему мѣсто для монастыря. Что касается самой сути удѣльно-вѣчеваго порядка, его политическаго значенія, то указать лишь на происшедшую будто бы отъ него слабость земли русской— этого очень мало. Авторъ очень мало коснулся (или лучше, совсѣмъ не коснулся) теорій, выясняющихъ значеніе этого періода въ нашей исторіи. Впрочемъ, это значеніе кроется не въ господствѣ родоваго быта, не въ преобладаніи семейственнаго начала въ тогдашнемъ обществѣ, а въ чемъ то иномъ, лежавшемъ болѣе глубоко въ характерѣ всего славянскаго племени.

Изложеніе событій въ книгѣ г. Елпатьевскаго, по нашему мнѣнію, не оставляетъ желать ничего лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ. Мы считали бы только полезнымъ сказать о нѣкоторыхъ фактахъ немного подробнѣе. Напр., авторъ говоритъ, что Василій II получилъ ярлыкъ на великое княженіе посредствомъ хитрости. Эта хитрость весьма интересна для характеристики времени и новыхъ политическихъ взглядовъ, установившихся тогда на Руси. Вообще исторію борьбы Василія съ дядей и двоюродными братьями слѣдовало изложить подробнѣе, безъ чего разсматриваемыя событія являются малопонятными для читателя, который не найдетъ въ нихъ никакого новаго теченія сравнительно съ междоусобіями дотатарскаго періода. Точно также нѣсколько подробнѣе слѣдовало изложить движенія народныя при Алексѣѣ Михайловичѣ, особенно возмущеніе Стеньки Разина, указавъ на связь между этимъ событіемъ, народными бѣдствіями въ этотъ періодъ времени и движеніемъ раскола. Въ этомъ случаѣ необходимо было хронологическое распредѣленіе матеріала.

Очеркъ правленія лже-Дмитрія I и его характеристика сдѣланы, по нашему мнѣнію, вполнѣ вѣрно, но слѣдовало сдѣлать ихъ полнѣе. Авторъ упустилъ нѣкоторые важные факты правленія лже-Дмитрія, которые еще болѣе способствовали бы какъ уясненію самой личности этого самозванца, такъ и оцѣнкѣ его кратковременнаго царствованія. Что касается вопроса о происхожденіи этого загадочнаго человѣка, то авторъ поступаетъ гораздо осторожнѣе другихъ составителей учебниковъ. Онъ выражается: «по разсказамъ нѣкоторыхъ современниковъ, это былъ Григорій Отрепьевъ....». Этотъ весь разсказъ слѣдовало передать мелкимъ шрифтомъ, какъ недостовѣрный. Автору, надѣемся,

небезъизвѣстно, что въ настоящее время русская историческая наука пришла пока къ такому рѣшенію: Дмитрій есть самозванецъ, но не Гришка Отрепьевъ. Поэтому для всякаго составителя учебника *обязательно* вести тутъ разсказъ въ такомъ видѣ: «*Въ настоящее время въ наукѣ господствуетъ мнѣніе, что Дмитрій дѣйствительно самозванецъ, но кто онъ—неизвѣстно. У современниковъ существовали различныя мнѣнія относительно его происхожденія*». Затѣмъ мелкимъ шрифтомъ слѣдуетъ передать (въ сжатомъ видѣ) разсказы русскихъ источниковъ, Бера, Маржерета и др. современниковъ--очевидцевъ, людей безпристрастно смотрѣвшихъ на русскія событія.

Нашъ отчетъ о книгѣ г. Елпатьевскаго вышелъ обширнымъ, а потому мы не можемъ болѣе останавливаться на отдѣльныхъ мѣстахъ и высказывать nostra pia desideria. Еще разъ въ заключеніе скажемъ, что разсмотрѣнное пособіе представляетъ прекрасное, выдающееся явленіе въ нашей учебной литературѣ, и мы отъ души желаемъ ему широкаго распространенія.

П. Г.

Острогорскій. Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ. Съ рисунками, картами, таблицами и вопросами для повторенія. Для III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Спб. 1891 г. Ц. 50 к. I—II, 110.

Съ прошлаго 1890—91-го учебнаго года вводятся, какъ извѣстно, новыя программы преподаванія по многимъ предметамъ, вводятся исподволь, не во всѣхъ классахъ; примѣненіе новыхъ учебныхъ плановъ по исторіи опредѣлено начать лишь съ III класса, въ которомъ вмѣсто прежняго эпизодическаго смѣшаннаго курса исторіи Востока, Греціи, Рима, з. Европы среднихъ вѣковъ и Россіи, будетъ теперь проходиться эпизодическій же курсъ одной русской исторіи. Прежніе учебники въ силу этого оказались теперь непригодными, а преподаватели поставлены въ затруднительное положеніе, какой учебникъ выбрать, который и соотвѣтствовалъ-бы новымъ программамъ, и походилъ-бы къ возрасту учениковъ и т. д., и намъ кажется, что въ большей части случаевъ первыя попытки выбора оказались неудачными. Г. Острогорскій, по нашему мнѣнію, вполнѣ выводитъ преподавателей изъ такого затрудненія своимъ трудомъ, заглавіе котораго мы привели выше. Объемъ разбираемаго учебника не великъ; по своему внѣшнему виду это небольшая изящная книжечка, снабженная историческими картами и рисунками въ текстѣ, напечатанная хорошимъ четкимъ

шрифтомъ. Что касается изложенія, языка, подбора фактовъ, то, можно сказать, она не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ предисловіи къ своему учебнику авторъ говоритъ, что онъ стремился къ удовлетворенію дидактическихъ требованій: «излагать факты, не вдаваясь въ сужденія и голыя обобщенія; ограничиваясь важнѣйшими событіями и лицами, очертить ихъ съ достаточною рельефностью; избѣгая безжизненныхъ перечней, вести разсказъ возможно сжато и сосредоточенно; для того, чтобы дать учащимся болѣе полное представленіе объ историческихъ явленіяхъ, восполнить слово изображеніемъ—картиною и географическою картою; сообщая познанія, будить мысль; вызывая интересъ къ минувшимъ судьбамъ родной земли, укрѣплять любовь къ ней въ настоящемъ». Вполнѣ соглашаясь со всѣми этими требованіями, я думаю, что авторъ удачно выполнилъ ихъ. Въ рецензіи своей на учебникъ г. Полеваго я говорилъ уже о важномъ значеніи картъ и пользѣ, проистекающей отъ приложенія ихъ къ учебнику. Чѣмъ младше возрастъ, тѣмъ, конечно, болѣе требованій приходится предъявлять къ книгѣ, для него предназначаемой. Ребенку мало дать что-нибудь вѣрное, точное; ему надо дать изящное и вмѣстѣ съ тѣмъ простое и ясное. И вотъ историческія карты въ учебникѣ г. Острогорскаго вполнѣ удовлетворяютъ потребности ученика III класса, не поражая его множествомъ топографической номенклатуры и вмѣстѣ съ тѣмъ давая ему всѣ необходимыя географическія указанія; не отличаясь пестротой, карты эти въ то-же время красивы. То-же самое должно сказать и объ изображеніяхъ въ текстѣ. По крайней мѣрѣ онѣ стоятъ по выполненію несравненно выше всѣхъ тѣхъ, какія намъ приходилось находить въ другихъ учебникахъ. Мы не совсѣмъ, однако же, можемъ согласиться съ авторомъ относительно выбора рисунковъ. Несомнѣнно, очень полезно иллюстрировать разсказъ рисунками, особенно бытоваго содержанія, чтобы воображеніе представило ребенку историческіе факты въ ихъ дѣйствительной обстановкѣ, но мы не знаемъ, какое значеніе могутъ имѣть рисунки въ родѣ «1812 годъ. Отступленіе французовъ». Чувство изящнаго у ребенка отъ такихъ картиночекъ не разовьется; нравственное вліяніе тоже не можетъ быть въ данномъ случаѣ велико, а главное, хорошо. Если вы дадите ребенку посмотрѣть картины какого-нибудь великаго художника, изображающія выдающіеся моменты историческихъ событій,—это другое дѣло. Тутъ вы будете вліять положительно на развитіе эстетическаго чувства ребенка и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на развитіе его нравственности, ибо изображенныя могучей кистью художника

страданія или радости людскія найдутъ отзвукъ въ нѣжной душѣ ребенка, но для этого нужно именно художественное изображеніе. Вѣдь не для того-же, конечно, прилагаются эти картинки, чтобы ребенокъ съ удовольствіемъ говорилъ: «ага, французики, мерзнете!» Пожалуй, и это поведетъ къ развитію патріотизма, но только какого? Понятно, что выполнить предъявляемое нами требованіе абсолютно невозможно, а потому никакія картинки, представляющія собою фантазію художника, а не историческую дѣйствительность (куликовская битва—дѣйствительность, а то, какъ она изображается, есть фантазія), не должны имѣть мѣста въ учебникѣ. Напротивъ, дайте какъ можно больше изображеній дѣйствительности: вооруженіе, утварь, памятники монументальные и т. д., для точнаго изображенія которыхъ у насъ есть полная возможность, могутъ и должны иллюстрировать усваиваемые ученикомъ факты. Мы присоединяемъ сюда и портреты выдающихся дѣятелей, но опять подъ однимъ условіемъ, чтобы они были вѣрны дѣйствительности: изображенія Олега, Святослава, Іоанна Калиты и т. п.—это фикція, которая должна быть устранена отъ ученика. Г. Острогорскій приложилъ къ своему учебнику портретовъ очень мало: Петра В., Екатерины II, Александра I, Николая I, Александра II и нынѣ царствующаго Государя. Была возможность увеличить ихъ число и познакомить дѣтей съ чертами другихъ выдающихся дѣятелей нашей исторіи. Монументальныхъ памятниковъ также можно было указать гораздо больше и это было бы весьма полезно. Русскій человѣкъ кончаетъ образованіе и идетъ восхищаться западно-европейскими памятниками, не подозрѣвая, что ими богата и родная страна. Поэтому давайте ребенку какъ можно больше изображеній памятниковъ родной старины: при сопровождающемъ ихъ разсказѣ, при объясненіяхъ, они возбудятъ въ немъ любовь къ родинѣ въ ея прошломъ и настоящемъ. Къ несчастью, у насъ нѣтъ для русскихъ монументальныхъ древностей атласа, подобнаго атласу Ланглуа, а все это у насъ разсыпано по разнымъ ученымъ и неученымъ изданіямъ, обыкновенно весьма дорогимъ и потому не всегда доступнымъ даже для библіотекъ учебныхъ заведеній. Не худо было-бы, если-бы и у насъ кто-нибудь взялся составить и издать такой атласъ и притомъ непремѣнно въ двухъ видахъ: въ большомъ—болѣе дорогой и меньшій—для учениковъ. Такимъ образомъ, очень удовлетворительно исполненные рисунки русскихъ памятниковъ могутъ вызвать лишь одну благодарность со стороны рецензента. Жаль только, что этихъ рисунковъ, повторяемъ, мало, и

притомъ странно, что Софійскій новгородскій соборъ есть, а Софійскаго кіевскаго нѣтъ,—Десятинной церкви нѣтъ. А вѣдь исторія русскаго государства и русскаго христіанства началась именно въ Кіевѣ. Не напоминаетъ-ли это пословицы: «старая хлѣбъ соль забывается?» Много изображеній нашихъ памятниковъ было помѣщено въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, какъ «Нива», «Всемірная Иллюстрація» и др. Извлечь ихъ оттуда не представляло-бы особой трудности.

Обратимся теперь къ тексту. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ отличаемъ то обстоятельство, что вмѣстѣ съ простотой изложенія, необходимой для дѣтей такого возраста, какъ ученики III-го класса, авторъ съумѣлъ вездѣ почти удержаться на уровнѣ современной науки и передаетъ факты въ томъ видѣ, какъ представляются они въ трудахъ ученыхъ. Я считалъ-бы, впрочемъ, необходимымъ сдѣлать кое-гдѣ поправки. Нѣкоторыя изъ нихъ я беру на себя смѣлость указать почтенному автору. Такъ племя кривичей жило не только по верховьямъ рр. з. Двины и Волги, но и Днѣпра. Бытъ и нравы древнихъ славянъ обрисованы хорошо, но представленная авторомъ картина болѣе относится ко времени Прокопія и Маврикія, а не къ IX в. Жизнь русскихъ славянъ ко времени образованія у нихъ государства значительно развилась, и въ культурномъ отношеніи они стояли гораздо выше, чѣмъ показываетъ авторъ, который въ данномъ случаѣ не обратилъ никакого вниманія на археологическія данныя. Лѣтописную легенду о призваніи князей, по нашему мнѣнію, слѣдовало передать полнѣе.—Кочевники нападали на русскія окраины не «цѣлою ордою», а *небольшими загонами,* за разъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чѣмъ, главнымъ образомъ и обусловливался успѣхъ ихъ предпріятій. Исторію перваго столкновенія русскихъ съ татарами нужно было передать точнѣе, а самый фактъ обозначить 1223 г., а не 1224 г.—Къ числу важныхъ промаховъ со стороны автора мы должны причислить наименованіе *гривны* рублемъ, и это сдѣлано не только въ текстѣ, но и въ подписи подъ рисункомъ. Рубль произошелъ изъ гривны, но послѣдняя представляетъ самую древнѣйшую нашу монетную единицу. Тутъ же необходимо замѣтить, что «торговля съ иноземцами началась на Руси давно», но не «при первыхъ князьяхъ», какъ говоритъ почему-то г. Острогорскій, а гораздо ранѣе, на что существуютъ неопровержимыя нумизматическія показанія. Укажемъ еще на неточность выраженія въ подобной фразѣ: «въ нѣсколько лѣтъ онъ (Наполеонъ) *покорилъ* почти всю Зап. Европу, *изгналъ законныхъ государей,* а на мѣсто ихъ *посадилъ своихъ родственниковъ*».

Если авторъ боялся употребить выраженіе «подчинилъ своему вліянію», какъ малопонятное для ребенка, то могъ смѣло сказать: «заставилъ государей подчиниться своимъ желаніямъ, а въ нѣкоторыхъ государствахъ даже посадилъ на престолъ своихъ родственниковъ».—Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ, что забивать голову ученика массой именъ не слѣдуетъ, мы однако же думаемъ, что упоминаніе о такихъ дѣятеляхъ, какъ митрополиты св. Петръ и Алексѣй, Прокопій Ляпуновъ, Михаилъ Скопинъ-Шуйскій—обязательно даже и въ краткомъ учебникѣ русской исторіи. Вообще-же встрѣчающіяся въ разбираемомъ учебникѣ погрѣшности немногочисленны и легко могутъ быть исправлены. Нельзя еще не поблагодарить автора за одну попытку: именно ввести въ разсказъ о событіяхъ отрывки изъ поэтическихъ произведеній русскихъ выдающихся писателей. Мы знаемъ по опыту, какое сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное впечатлѣніе производитъ на дѣтей прочтеніе при изложеніи фактовъ какого-нибудь соотвѣтствующаго стихотворенія. Мы закончимъ нашъ разборъ такимъ-же, какъ и прежде, пожеланіемъ учебнику г. Острогорскаго широкаго распространенія и введенія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

П. Г.

Каталогъ военно-ученаго архива главнаго штаба. Дополненіе къ матеріаламъ о войнахъ, въ которыхъ участвовали русскія войска и матеріалы по исторіи Россіи. Выпускъ III. Спб. 1890. Въ 8 д. л. 81 стр.

Въ военно-ученомъ архивѣ хранится не мало важныхъ и интересныхъ матеріаловъ по исторіи Россіи, въ томъ числѣ и южной. Въ 1871 г. начато было изданіе этихъ матеріаловъ (матеріалы военно-ученаго архива главнаго штаба. Томъ I. Изд. подъ ред. А. Ф. Бычкова. Спб. 1871. Въ 4 д. л., IV+846+28 стр. съ план.), къ сожалѣнію, ограничившееся однимъ томомъ, въ которомъ между прочимъ напечатаны письма къ гетману Скоропадскому: Петра Великаго, императрицы Екатерины Алексѣевны, кн. Меншикова и гр. Головкина.—Изъ 3-го выпуска каталога (первые два выпуска каталога—намъ неизвѣстны) видно, что въ военно-учен. архивѣ главн. штаба хранятся между прочимъ такіе матеріалы для исторіи Малороссіи: 1) Высочайшія грамоты, а также письма разныхъ лицъ на Запорожье, въ царств. Петра I; 2) Высочайшіе указы и письма частныхъ лицъ на имя гетмана Данила Апостола, 1733—34 гг.; 3) указы императрицъ Анны и Ели-

саветы по управленію Малороссіею; 4) Свѣдѣнія объ управленіи Малороссіею гр. Румянцевымъ; 5) дѣло о черноморскомъ козачьемъ войскѣ 1807 г., 2 тома и друг. Въ архивѣ же главн. штаба хранится и подлинный дневникъ извѣстнаго служилаго иноземца Гордона, въ 6-ти томахъ, причемъ въ указаніи обнимающихъ дневникъ годовъ (1635—1659) или вкралась ошибка, или въ главномъ штабѣ хранится не весь дневникъ Гордона, обнимающій, какъ извѣстно, и конецъ XVII вѣка.

А. Л.

«Славянскія извѣстія» 1890 г. о «Заграничной Руси».

«Славянскія извѣстія» (еженедѣльная газета, издаваемая въ Петербургѣ подъ редакціей В. В. Комарова) ведутъ особый отдѣлъ *«Заграничная Русь»*. Подъ этой рубрикой помѣщаются корреспонденціи, замѣтки редакціи и перепечатки изъ австрійскихъ газетъ, главнымъ образомъ по текущимъ вопросамъ жизни южноруссовъ Буковины, Галиціи и Венгріи. Свѣдѣнія 1890 года касаются болѣе системно слѣдующихъ вопросовъ: борьбы политическихъ партій, положенія церкви и школы, голода въ Галиціи и переселенія южноруссовъ въ Америку. Кромѣ того въ «Славянскихъ извѣстіяхъ» за истекшій годъ были помѣщены еще и двѣ отдѣльныя большія статьи, начавшіяся печатаніемъ въ послѣднихъ №№ 1889 года: Ѳ. «Историческій очеркъ угрорусскаго народа и угрорусской церкви» и «Какъ живется червоннноруссамъ» (быль, разсказанная Ценовичемъ). Послѣдняя статья, чрезвычайно общая по своему заглавію, на самомъ дѣлѣ представляетъ разсказъ о частномъ случаѣ перехода въ православіе школьнаго учителя Бѣлецкаго въ галицкомъ городѣ Долинѣ и о борьбѣ, какую выдержалъ Бѣлецкій изъ за этого съ іезуитами, администраціей и пр., закончившейся для него судомъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, раззореніемъ его хозяйства евреемъ ростовщикомъ и эмиграціей въ предѣлы Россіи. Этотъ разсказъ Цѣновича (А. Д. Погодинъ), вышедшій потомъ отдѣльной брошюрой, если и затрогиваетъ жизнь вообще червонноруссовъ, то лишь со стороны религіозной нетерпимости и безправнаго положенія русиновъ не-католиковъ въ Галиціи. Несравненно болѣе интереса представляетъ статья Ѳ, въ которой, кромѣ детально разсказанной исторіи угрорусской церкви, не мало заключается и историко-этнографическаго матеріала, особенно

въ первыхъ главахъ. Такой же матеріалъ разбросанъ и въ отдѣльныхъ замѣткахъ газеты.

Извѣстно, какъ мало въ русской литературѣ появляется свѣдѣній о южноруссахъ западной Европы, а потому и то немногое, что даютъ «Славянскія Извѣстія» по этому предмету, далеко не безъинтересно, какъ историко-этнографическій матеріалъ, который удобнѣе всего передать въ формѣ сжатой компиляціи.

Изъ трехъ вѣтвей южноруссовъ Австріи (буковинцевъ, галичанъ и угроруссовъ) болѣе обстоятельно могутъ быть обрисованы на основаніи матеріаловъ «Славянскихъ Извѣстій» южноруссы Венгріи.

Въ настоящее время по свѣдѣніямъ «Славянскихъ извѣстій», южнорусское населеніе занимаетъ въ Верхней Венгріи пространство въ 937,041 (?) кв. м. въ 13 округахъ или жупаніяхъ (№ 43, стр. 763). При этомъ сплошное русское населеніе занимаетъ сѣверо-восточные Карпаты, а особливо ихъ южные склоны по р. Тисѣ, Бодрогъ и Гернатъ, именно «въ комитатахъ или жупаніяхъ мараморошской русскіе составляютъ 57,81, въ угочанской 38,02, въ бережанской 58,52, въ ужанской 57,19, въ землинской 45,56, въ шарисшкой 48,89, въ спишской 12,05, въ абауйварской 8,68, въ торнянской 5,62 процентовъ всего населенія, но такъ, что они живутъ всѣ одинъ возлѣ другаго и занимаютъ по большей части сѣверныя гористыя части этихъ жупаній» (1889 г. № 50, стр. 1160). Въ другихъ жупаніяхъ южноруссы живутъ разбросанно. Число всѣхъ южноруссовъ можно считать отъ 500,000 (ib.) до 600,000 (1890 г. № 52 стр. 918). Въ церковномъ отношеніи всѣ угроруссы-уніаты и принадлежатъ главной массой къ двумъ особымъ епархіямъ: мукачевской—для восточной части съ населеніемъ въ 317,511 д. и пряшевской для западной части съ населеніемъ въ 146,275 душъ. Кромѣ этихъ двухъ епархій, русскіе живутъ еще въ велико-варадской уніатской епархіи (6000 д.) и въ барчскомъ округѣ, въ городахъ Керештурѣ и Куцурѣ, въ Хорватіи» (№ 43, стр. 763).

Угроруссы, составляя въ общемъ населеніе въ четыре раза меньшее напр. жителей полтавской губерніи, по своимъ этнографическимъ особенностямъ распадаются въ настоящее время на нѣсколько вѣтвей, которыя отличаются такъ рѣзко другъ отъ друга, что «если бы у нихъ былъ не одинъ языкъ, не одна вѣра, не одни обычаи, то легко можно бы считать ихъ чужими другъ другу народцами». (стр. 1161, № 50, 1889 г.). Такихъ вѣтвей три: а) угроруссы, живущіе въ горахъ подъ Бескидомъ, отличаются маленькимъ ростомъ, въ бе-

сѣдѣ употребляютъ *що* вмѣсто *что*, *лемъ* вмѣсто *лишь* и говоритъ на *і*, напр. кінь, вілъ, вівса (овса) нрава они хитраго, въ обращеніи съ панами раболѣпны, не много вниманія обращаютъ на опрятность и крѣпко прилѣпляются къ своимъ прадѣдовскимъ обычаямъ и вѣрованіямъ». б) Угроруссы, живущіе около Мукачева, на бережанской Крайнѣ на р. Бережавѣ, и на р. Турьѣ, высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложеніи, въ бесѣдѣ употребляютъ правильное *что* и *лемъ* вмѣсто *лишь* и говорятъ на *у* и *ӥ* (нѣмецкое), напр. *кунь* или кӥнь, *вулъ* или вӥлъ, *вуса* или вӥса (овса). Они болѣе откровеннаго нрава и не такъ раболѣпны въ обращеніи съ панами... больше вниманія обращаютъ на опрятность, одѣваются съ большимъ вкусомъ, но не такъ настойчиво прилѣпляются къ древнимъ нравамъ и обычаямъ». (стр. 1160, № 50, 1889 г.). Эти двѣ вѣтви угроруссовъ, очевидно, составляютъ однородное населеніе съ *лемками* Галиціи, горцами западнаго конца Карпатскаго хребта (№ 6 стр. 106) и занимающими погорье низкаго Бескида отъ р. Сана до Попрацкой долины въ сяндецкомъ уѣздѣ. (№ 37, 165).

в) Угроруссы, живущіе въ Марамарошѣ, во многомъ походятъ на румынъ. Они крѣпкаго тѣлосложенія, высоки и плечисты; въ бесѣдѣ употребляютъ *что* и *лишь*, говорятъ на *у*; въ нѣкоторыхъ же, съ бережанской и угочанской жупаніяхъ смежныхъ, мѣстностяхъ и на *ӥ* (нѣм.); дикаго нрава, немного вниманія обращаютъ на опрятность, носятъ широкіе чересы, широполыя шляпы, зимою даже цѣлыя бараньи шкуры, вмѣсто шапки; крѣпко прилѣпляются къ своимъ прадѣдовскимъ обычаямъ и много употребляютъ такихъ словъ, которыя не встрѣчаются у прочихъ угроруссовъ, придерживаются литературнаго русскаго языка (?) Вообще, говоръ ихъ всего ближе подходитъ къ письменному русскому языку». (стр. 1161 ib).

Недурной иллюстраціей къ указанному развѣтвленію угроруссовъ по говорамъ можетъ служить сборникъ народныхъ пѣсенъ на различныхъ угрорусскихъ нарѣчіяхъ подъ заглавіемъ «Русскій соловей», въ которомъ помѣщено 215 народныхъ пѣсенъ. Этотъ сборникъ, украшенный рисункомъ, представляющимъ керестурскаго русскаго юношу въ національной одеждѣ, и портретомъ угрорусскаго патріота стихотворца священника о. Александра Духновича, составилъ и издалъ народный учитель въ русскомъ селѣ Керестурѣ, въ южной Венгріи, Михаилъ Врабель. На страницахъ «Славянскихъ Извѣстій» (№ 44, стр. 786) приведены и два образца народныхъ пѣсенъ: одна мароморошскаго, а другая бачскаго округовъ. Интересно,

что первая изъ приведенныхъ пѣсенъ составляетъ близкій варіантъ малор. пѣсни полтавской губ. («Доки я була маленька, колысала мя маменька. Го, го, го гоя, гоя, головонька бѣдна моя!» и т. д.).

Этнографическое дробленіе угроруссовъ, по мнѣнію автора «Историческаго очерка угрорусскаго народа и угрорусской церкви», объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что южнорусское населеніе не одновременно явилось въ Венгрію и не съ одного и того же мѣста.

«Одна часть угроруссовъ во время пришествія угровъ находилась уже въ нынѣшней угорской Руси» — это тѣ славяне, которые, по лѣтописи, въ VIII и IX вв. обитали на южномъ и сѣверномъ склонѣ Карпатъ подъ именемъ «бѣлыхъ хорватъ» (1161 стр. № 50 1889 г.). Но затѣмъ русское населеніе возрастало путемъ переселеній извнѣ, которыхъ было нѣсколько. Прежде всего «многіе русскіе вошли въ Угорщину вмѣстѣ съ уграми» (стр. 1198, № 52, 1889 г.). — «Второе прибытіе русскихъ полагаютъ съ королемъ Андреемъ I, который долгое время проживалъ въ Россіи, и когда возвратился на родину, то привелъ съ собою и значительное число русскихъ» (ib).

Русскіе перваго и втораго прихода, поселившись разбросано, со временемъ омадьярились (ib). Третій приходъ въ Угорщину послѣдовалъ изъ Молдавіи: «Это были тиверцы и угличане, большая часть которыхъ при нашествіи татаръ бѣжала въ карпатскія и трансильванскія горы. Часть потомковъ этой тиверской и угличской Руси и доселѣ существуетъ въ самой гористой части Буковины и станиславскаго округа въ Галиціи, въ мараморошскомъ и угочанскомъ жупанствахъ въ Венгріи, гдѣ они извѣстны подъ именемъ мароморошской Руси, числомъ около 100,000. Эта отрасль въ одѣяніи, въ ухваткахъ, нравахъ отличается отъ всѣхъ прочихъ русскихъ племенъ. Они близки къ румынамъ, и только бесѣда ихъ свидѣтельствуетъ, что они русскіе» (стр. 1199). Четвертый приходъ послѣдовалъ въ царствов. короля Сигизмунда, съ княземъ подольскимъ Коріатовичемъ, въ концѣ XIV и началѣ XV в. (Ib.). Кромѣ помянутыхъ переселеній русскіе изъ Галиціи, отъ самыхъ давнихъ временъ, переходили черезъ Бескиды и поселялись на южныхъ склонахъ Карпатъ въ нынѣшней угорской Руси, что доказывается и составомъ населенія: «угроруссы, живущіе въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ червоноруссами, подъ Бескидомъ, и въ нравахъ, и въ тѣлосложеніи, и въ чертахъ лица, и въ одеждѣ, и въ бесѣдѣ — вполнѣ сходятся со своими закарпатскими братьями, такъ что подбескидская полоса угорской Руси кажется продолженіемъ Червонной Руси». (стр. 1200.).

«Послѣ пришествія угровъ русскіе составляли пограничную стражу», военную границу «Marchia Ruthenorum», какъ она наз. въ описаніи жизни Конрада, архіепископа зальцбургскаго». При арпадскомъ домѣ правители русскихъ происходилили изъ царствующаго дома; потомъ, послѣ паденія арпадскаго дома въ XIV в., правители назначались изъ среды бояръ, но до второй половины XVII вѣка угроруссы не знали еще крѣпостнаго состоянія (стр. 26, № 2).

Эта русская окраина стала дѣлиться на мелкія части, и русскіе стали подпадать подъ власть отдѣльныхъ владѣтелей лишь при Владиславѣ II и Людовикѣ II, пока наконецъ угроруссы постепенно перешли въ положеніе «кметей» (крѣпостныхъ людей), что утвердилось окончательно при Маріи Терезіи, когда и у угроруссовъ заведенъ «урбаріальный законъ». «Бережская Крайна», состоящая изъ десятка селъ всего долѣе отстаивала свои льготы. Область угроруссовъ была закрѣпощена за отдѣльными фамиліями, по большей части мадьярскими. Крѣпостное право потеряло юридическое существованіе въ 1849 г., къ какому времени относится и національное возрожденіе угроруссовъ (стр. 27), постепенно, впрочемъ, ослабѣвавшее, и особенно потерявшее много съ 1867 г., когда послѣдовало австро-венгерское соглашеніе, въ силу котораго въ Австріи господствующимъ племенемъ сдѣлались нѣмцы, а въ Венгріи—мадьяры (стр. 28). Съ этого времени мадьяризація угроруссовъ дѣлаетъ чрезвычайно быстрые шаги, и на страницахъ «Славянскихъ Извѣстій» помѣщена чрезвычайно пессимистическая замѣтка, стоящая въ довольно рѣзкомъ противорѣчіи со свѣдѣніями другихъ страницъ «Извѣстій». «Закарпатская Русь, читаемъ въ 52 № за истекшій годъ, падаетъ жертвой мадьяризаціи. Мадьярскій языкъ введенъ въ народныя школы съ чисто русскимъ населеніемъ и проникаетъ уже подъ соломенную кровлю крестьянъ. Еще два-три десятка лѣтъ,—и едва ли останутся тамъ слѣды русскаго языка и русской національной жизни. Мадьяризація втиснулась уже въ церковь. Апостолъ, евангеліе по многимъ приходамъ читаются уже по-мадьярски, на томъ же языкѣ поются нѣкоторыя пѣснопѣнія. Борьба немногихъ патріотовъ съ такимъ національнымъ насиліемъ, покровительствуемымъ архіереями, тяжелая. Тамъ уже становится вопросъ: быть или не быть закарпатской Руси? (стр. 916).

Въ процитированныхъ строкахъ угорскаго патріота, конечно, можно видѣть преувеличеніе по вопросу о потерѣ національныхъ особенностей угроруссами въ смыслѣ ассимиляціи съ господствующею

мадьярской національностью, но на страницахъ «Славянскихъ Извѣстій» отмѣчено и другое явленіе, болѣе важное по вопросу о бытіи Закарпатской Руси—это выселенія угроруссовъ изъ своей страны. Въ силу высокихъ податей, недостатка заработковъ, падежей скота, малодоходности своей гористой земли, эксплуатаціи евреевъ—угорскіе селяне обѣднѣли, впали въ долги евреямъ и вынуждены искать заработка въ Америкѣ, и фактъ оффиціально засвидѣтельствованный, что выселеніе угроруссовъ въ Америку растетъ постоянно (№ 2, стр. 29) и идетъ съ областей сплошныхъ поселеній угроруссовъ, напр. изъ землинскаго комитата, заселеннаго исключительно лишь угрорусскими лемками» (ib.). Угроруссы въ Америкѣ поселяются, главнымъ образомъ, въ штатѣ Пенсильваніи (№ 4, стр. 67).

Выселеніе, кромѣ южнорусскихъ областей Венгріи, охватило уже и Галицію, и хотя здѣсь началось сравнительно недавно, но съ каждымъ годомъ замѣтно усиливается, и «есть села, особенно въ Лемковщинѣ, изъ которыхъ почти половина населенія выселилась въ Америку (№ 4 стр. 66). Въ незначительной части южнорусскіе выходцы останавливаются въ Нью-Іоркѣ или его окрестностяхъ, получая занятія на желѣзныхъ дорогахъ или въ портѣ, и немногіе принимаются за торговлю, но главная масса поселяется въ штатѣ Пенсильваніи, находя себѣ работу въ многочисленныхъ копяхъ каменнаго угля». (ib.). Какъ велика уже южнорусская колонія въ Америкѣ, и какъ она быстро разростается, можно видѣть изъ того, что въ прошломъ году было уже семь русскихъ церквей въ Америкѣ: въ Шенандорѣ, Кингстонѣ, Дошпанѣ, Олифантѣ, Минеаполисѣ, Шамокинѣ и Джерсей Цитти съ четырьмя священниками (два изъ Галиччины и два изъ Угорщины); восемь «Народныхъ торговель» (одинъ центральный складъ и семь отдѣленій), между тѣмъ какъ первая церковь была построена въ 1885 году въ Шенандорѣ, а первая русская торговля основана въ 1887 году (ib. стр. 67).

Голодъ, постигшій Галиччину въ 1889—90 г. г. и принявшій громадные и серьезные размѣры (№№ 5, 8, 13, 17), можно думать, еще болѣе усилилъ выселеніе южноруссовъ изъ Галиччины, такъ какъ и безъ этихъ бѣдствій въ областяхъ южнорусскихъ поселеній отмѣчено обѣднѣніе населенія, заставлявшее искать заработковъ далеко за предѣлами страны. Такъ въ Коломыйскихъ горахъ, гдѣ живутъ храбрые русскіе горцы гуцулы, такія села какъ Космачъ, Брустуры, Микуличинъ, Ростоки, Долгополе, Рѣчка и Жабье, славившіяся еще недавно зажиточностью своихъ обывателей, теперь до того обнищали,

что половина ихъ населенія бѣгаетъ изъ своего отечества въ Румынію или Россію, чтобы тамъ заработать какъ для пропитанія себя и своего семейства, такъ и для того, чтобы уплатить цесарю всякаго рода «данки». Въ Россію они отправляются обыкновенно въ Бессарабію—на работу въ лѣсахъ, а въ Румынію идутъ съ плотами «дерабами» по рѣкамъ Черемошу и Пруту, и доходятъ иногда почти до береговъ Чернаго моря, откуда съ заработанными деньгами бѣдный гуцулъ спѣшитъ обратно пѣшкомъ въ несчастные, но дорогіе для него Карпаты» (№ 28, стр. 518).

Галицкая, или Червонная Русь занимаетъ почти $^2/_3$ всей территоріи королевства Галиціи и Володиміріи и числитъ не менѣе 3 милліоновъ душъ, живущихъ въ качествѣ туземцевъ этой земли сплошной массой по селамъ и мѣстечкамъ; въ большихъ городахъ они составляютъ вездѣ меньшинство населенія. Галицкое дворянство ополячилось еще при Польшѣ, завладѣвшей Галицкой Русью въ 1340 г., средняго сословія находится мало, оно вытѣснено евреями, овладѣвшими всею торговлею и промыслами» (№ 52 стр. 915).

Въ послѣднее время, по свѣдѣніямъ газеты «Червонная Русь» въ Галичинѣ числится 6,938,460 душъ населенія, въ томъ числѣ 2,551,594 русскихъ и 3,059,222 поляковъ и евреевъ. (№ 34 стр. 617). При этомъ польское населеніе преобладаетъ въ западной, а русское въ восточной Галиціи; среди послѣдняго обитаетъ масса евреевъ не только въ городахъ, но и въ селахъ, гдѣ они послѣдовательно дѣлаются землевладѣльцами. «До 1867 года евреямъ не было дозволено пріобрѣтать земли, и во всемъ краѣ (Галиччинѣ) было только 38 землевладѣльцевъ евреевъ. Декабрьская конституція 1867 г. установила равноправность и къ 1870 году однихъ крупныхъ землевладѣльцевъ-евреевъ было 68...., къ 1876 году число крупныхъ помѣстій въ еврейскихъ рукахъ возрасло до 289. Въ настоящую минуту ихъ уже 543, т. е. каждый седьмой крупный владѣлецъ Галиціи—еврей» (№ 43, стр. 765). Съ мелкой крестьянской собственностью дѣло стоитъ еще печальнѣе, какъ это можно судить по слѣдующей цифрѣ: съ 1873 по 1883 г. 15973 аукціона при крестьянскомъ банкѣ кончились переходомъ крестьянскихъ усадебъ въ еврейскія руки. Съ 1883 года по настоящій годъ 26000 претензій банка къ крестьянамъ-заемщикамъ были переданы евреямъ (ib.) Кромѣ того, по крайней мѣрѣ въ три раза болѣе чѣмъ черезъ банкъ, крестьяне обезземелены путемъ частнаго пріобрѣтенія. Усиленіе еврейскаго землевладѣнія продолжается съ ужасающей быстротой, и въ настоящее время не проходитъ и

одного мѣсяца, чтобы тотъ или другой еврей не пріобрѣлъ нѣсколькихъ участковъ земли отъ крестьянъ, или же болѣе или менѣе крупнаго имѣнія отъ польскаго помѣщика. Въ Галиціи есть уже села, въ которыхъ большинство населенія составляютъ евреи». (№ 50, стр. 878). Поселяясь въ деревняхъ, евреи не занимаются земледѣліемъ сами, а обращаютъ обезземеленныхъ ими крестьянъ въ своихъ батраковъ, положеніе коихъ гораздо хуже прежнихъ крѣпостныхъ (№ 43, стр. 765). Еврей сбиваетъ заработную плату до minimum'a до 20 или даже до 10 крейцеровъ въ день, опутываетъ крестьянъ всевозможными способами эксплуатаціи и отнимаетъ у нихъ послѣдній достатокъ, такъ что крестьяне попадаютъ положительно въ кабалу къ евреямъ, при этомъ гибнутъ не только матерьяльно, но и нравственно» (№ 50, стр. 8781), особенно путемъ пьянства (№ 28, стр. 518).

Послѣднее тѣмъ болѣе дѣлается возможнымъ, что школа, особенно средняя и высшая, въ Галиціи служитъ для другихъ народностей, а не для русскихъ. Такъ въ 1888 году числилось 30 среднихъ школъ (24 высшихъ гимназіи, 2 гимназіи низшихъ, 3 высшихъ реальныхъ училища, 1 низшее реальное училище); число всѣхъ учащихся достигало цифры 12703, которые по народностямъ распадались на такія группы:

а) поляковъ въ гимназіяхъ	8444,	въ реальн.	училищ.	703		
нѣмцевъ »	652	»	»	24		
чеховъ »	11	»	»	3		
мадьяръ «	1	»	»	2		
остальн. народ. »	718	»	»	86		
Итого .	9898	»	»	818	всего	10716
б) русскихъ	1945	»	»	41	»	1986
Итого вмѣстѣ съ русск.	11844	»	»	859	»	12703

Какъ можно видѣть изъ таблицы вѣроисповѣданій, въ № 5 «Слав. Извѣстій», въ числѣ 12703 учащихся лицъ еврейскаго происхожденія 2262, изъ нихъ въ гимназіяхъ 2123, а въ реальныхъ училищахъ 139 (№ 5, стр. 94). Такимъ образомъ оказывается, что въ среднихъ школахъ

русскихъ обучается всего 1986 дѣтей изъ 2500,000 душъ населенія
евреевъ » » 2262 } изъ 3000000
поляковъ » » 7761 }

или иначе—среди поляковъ и евреевъ 1 учащійся въ средней школѣ приходится на 300 душъ населенія, а среди русскихъ—на 1260. По отношенію къ высшему образованію положеніе еще болѣе незавидно.

Въ отношеніи образованія не лучше положеніе русскихъ и въ Буковинѣ, гдѣ мѣстная газета «Буковина», издающаяся въ Черновцахъ на русскомъ языкѣ, указываетъ, что «высшія и среднія заведенія тамъ учреждены для евреевъ, нѣмцевъ и румынъ (№ 35, стр. 634). Такъ, въ гимназіи въ Черновцахъ въ 1889 году числилось 652 ученика, изъ нихъ 370 нѣмцевъ, 109 румынъ, 87 поляковъ, 82 русскихъ, 3 чеха, 1 мадьяръ, или по вѣроисповѣданіямъ: 304 еврея, 147 православныхъ, 128 католиковъ, 48 уніатовъ, 16 евангелистовъ, 9 армянъ (№ 31, стр. 565). Въ Буковинѣ русское населеніе имѣетъ всего только одну 7-ми классную школу въ Коцманѣ и до сихъ поръ не рѣшенъ вопросъ о преподавательскомъ въ ней языкѣ (№ 47, стр. 823). Между тѣмъ здѣсь южноруссы, которыхъ считается отъ 240,000 (№ 30, стр. 547) до 250000,—составляютъ по массѣ преобладающее населеніе (№ 51—52, стр. 915), но только у нихъ интеллигенція и даже духовенство сильно уже германизировано (ib.).

Такимъ образомъ, изъ данныхъ «Славянскихъ Извѣстій» за прошлый 1890 годъ оказывается, что южноруссы въ западной Европѣ составляютъ экономически и интеллектуально подавленное населеніе: въ Венгріи надъ нимъ господствуютъ мадьяры и евреи, въ Галиціи — поляки съ евреями, а въ Буковинѣ—нѣмцы и румыны, и опять таки евреи, результатомъ чего является потеря національности путемъ мадьяризаціи, германизаціи и полонизаціи и выселеніе изъ своей страны.

Заканчивая обозрѣніе жизни южноруссовъ «Заграничной Руси» по даннымъ «Славянскихъ Извѣстій» за истекшій годъ, я нахожу нужнымъ указать еще на одну интересную историческую справку галицкаго профессора Петрушевича о названіи «Малая Россія» и «Украйна». Названіе «Малая Русь», говоритъ г. Петрушевичъ, «еще съ начала XIV вѣка употреблялось послѣдними галицко-владимірскими князьями, и потому также цареградскіе патріархи титуловали галицкихъ митрополитовъ «τῆς μικρά Ῥωσία». И на западѣ Червонная Русь была извѣстна подъ именемъ «Малой Россіи» — «Russia minor». Богданъ Хмельницкій послѣ подчиненія Малороссіи московскому царю именуетъ Сильвестра Коссова митрополитомъ только «всея Малыя Россіи», и это же названіе употребляетъ и царь Алексѣй Михайловичъ въ пунктахъ о присоединеніи Южной Россіи въ 1654 г. (№ 43, стр. 764). Названіе же «Украйна», по мнѣнію г. Петрушевича, дано поляками Южной Руси по обѣимъ сторонамъ южнаго Днѣпра, такъ какъ упомянутая часть Руси находилась на самой крайней, т. е. юго-восточной границѣ прежней Польши» (ib.).

Ир. Ж—ій.

Отвѣтъ моему рецензенту. Выпустилъ я въ свѣтъ книжку «Опытъ указателя книгъ и статей относящихся къ Херсонской губ.», указавъ въ предисловіи цѣль ея: послужить «хотя небольшимъ пособіемъ для мѣстныхъ дѣятелей, при разработкѣ тѣхъ или иныхъ вопросовъ мѣстной жизни». Далѣе, въ томъ же предисловіи, я предупреждаю, что въ книгѣ моей много недостатковъ и неполноты, почему и прошу всѣхъ лицъ, сочувствующихъ моему труду, помочь мнѣ исправить и дополнить мою книгу.

Казалось бы, что мое предисловіе вполнѣ ясно установило точку зрѣнія, съ которой возможенъ судъ надъ моимъ трудомъ. Всѣ откликнувшіеся печатно или письменно на мою работу, судили ее именно съ этой точки зрѣнія и только своеобразно взглянулъ на мою работу авторъ рецензіи помѣщенной въ январской книжкѣ «Кіевской Старины». Объ этой рецензіи я узналъ спустя много времени послѣ ея появленія, прочиталъ же рецензію еще позже, потому что въ Тирасполѣ нельзя было достать ни одного экземпляра «Кіевской Старины» и мнѣ пришлось выписывать нужную книжку отъ пріятеля изъ Херсона. Я останавливаюсь на этой подробности, потому что она прекрасно характеризуетъ условія, при которыхъ мнѣ пришлось составлять мою книгу.

Мой рецензентъ начинаетъ съ внѣшности моей книги и дѣлаетъ мнѣ строгій выговоръ за повтореніе заглавія на французскомъ языкѣ: «слишкомъ претенціозно». Но г. рецензентъ не принялъ во вниманіе весьма существеннаго обстоятельства: значительная часть херсонскаго морскаго побережья составляетъ пунктъ столкновенія всевозможныхъ народностей; если затруднительно для мѣстныхъ дѣятелей, безъ «указателя», знакомиться съ краемъ, то еще затруднительнѣе это знакомство для иностранца; дать заглавіе на интернаціональномъ французскомъ языкѣ книгѣ, которая можетъ быть полезной и иностранцу—только желаніе болѣе широкаго распространенія книги и простительно каждому автору.

Еще большую странность мой рецензентъ находитъ въ томъ, что я обращаюсь съ просьбою объ исправленіи моей книги къ читателямъ, будучи убѣжденъ въ недостаткахъ ея; г. рецензентъ отказывается понять «какъ рѣшился г. Леонтьевъ обращаться къ читателямъ съ подобной просьбою, не потрудившись самолично освободить свой трудъ отъ недостатковъ и не приводя для того никакихъ оправданій». Прежде всего, зачѣмъ бы я сталъ утруждать читателей просьбою объ исправленіи моей книги, еслибы умѣлъ самъ освободить ее отъ недостатковъ? Слѣдовательно, мое обращеніе къ читателямъ само по себѣ служитъ доказательствомъ, что недостатки моей книги обусловлены причинами для меня неустранимыми; излагать эти причины въ предисловіи и тѣмъ растягивать его, я не считалъ нужнымъ, потому что въ общеполезномъ дѣлѣ, каковымъ считаю свою книгу, достаточно и простаго обращенія за помощью ко

всѣмъ сочувствующимъ этому дѣлу; но такъ какъ г. рецензентъ желаетъ знать єти причины, то я постараюсь ихъ изложить въ кратцѣ.

Мѣстные дѣятели всевозможныхъ профессій постоянно нуждаются въ научныхъ и литературныхъ трудахъ по спеціальности каждаго и притомъ относящихся къ району дѣятельности каждаго; разыскиваніе этихъ трудовъ каждымъ дѣятелемъ въ отдѣльности составлять непроизводительную затрату труда и времени: кромѣ того, многіе дѣятели заброшены въ такіе медвѣжьи углы, гдѣ и достать то многаго нельзя. Только тотъ, кто пробовалъ сознательно работать въ захолустьи, знаетъ сколько приходится испытывать мученій при розысканіи литературныхъ источниковъ; испытавъ лично эти мученія, вслѣдствіе отсутствія указателя книгъ и статей, относящихся къ херсонской губерніи, я рѣшился помочь чѣмъ могъ и какъ могъ всѣмъ, кому суждено попасть въ мое положеніе. Рѣшившись приняться за библіографическій трудъ, я зналъ прекрасно всѣ неблагопріятныя условія, при которыхъ мнѣ прійдется работать и предвидѣлъ обусловленные ими недостатки моего труда, но я разсуждалъ такъ: если люди, спеціально посвятившіе себя наукѣ до сихъ поръ не нашли нужнымъ составить указателя книгъ и статей, относящихся въ херсонской губерніи, то нѣтъ основанія надѣяться, чтобы подобный указатель появился въ скоромъ времени; если же я нахожу, что подобный указатель нуженъ, то долженъ попытаться выполнить эту работу; если повелительная идея моей работы вѣрна, то пускай сама работа будетъ и не вполнѣ удовлетворительна, найдутся люди болѣе меня знающіе, располагающіе бо̀льшими средствами, которые довершатъ начатое мною дѣло. Надобно было положить начало работѣ, въ пользѣ которой никто не станетъ сомнѣваться, я это и сдѣлалъ; дальнѣйшая судьба этой работы покажетъ, на сколько я правъ былъ въ своихъ разсужденіяхъ.

Обревизовавъ внѣшность моей книги, г. рецензентъ переходитъ къ ея плану и выражаетъ «изумленіе», восклицая «въ самомъ дѣлѣ, неудивительно ли, что по классификаціи дѣйствит. члена императ. русск. географ. общества А. Н. Леонтьева математика, механика, астрономія, медицина, ветеринарія, гигіена очутились въ ближайшемъ сосѣдствѣ въ качествѣ естественныхъ наукъ?» Въ отвѣтъ на это, мнѣ остается только напомнить г. рецензенту, что на съѣздахъ естоствоиспытателей всѣ дѣятели перечисленныхъ наукъ сидѣли рядомъ, въ чемъ легко можно убѣдиться, познакомившись съ интересной книгой «VIII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ» издано подъ редакц. проф. Менделѣева.

Не менѣе удивляетъ г. рецензента, почему я поставилъ педагогію въ концѣ своей книжки? Отвѣтъ мой простъ: начавъ кругъ наукъ богословіей, считалъ приличнымъ завершить этотъ кругъ педагогіей.

Далѣе г. рецензентъ приписываетъ мнѣ открытіе новыхъ наукъ «какой то херсонской богословіи и какой то херсонской политической экономіи». Нѣтъ г. рецензентъ, это вы говорите, я же ничего подобнаго не открывалъ. Тутъ очевидное недоразумѣніе: особыхъ херсонскихъ наукъ нѣтъ, но есть труды изъ той или иной области человѣческаго знанія спеціально относящіеся къ херсонской губерніи; для того же чтобы удобнѣе было пользоваться указателемъ, эти труды и разсортированы по общепринятымъ научнымъ отдѣламъ.

Не возражаю на подозрѣніе г. рецензента, что я не понимаю различія между выраженіями «книги относящіяся къ херсонской губерніи» и «книги напечатанныя въ херсонской губерніи» такъ какъ онъ оговаривается, что это можно подумать только въ «крайнѣмъ случаѣ», я же такого случая не предвижу. Отказываясь отъ этого подозрѣнія, г. рецензентъ восклицаетъ: «намъ думается, что авторъ недостаточно обдуманно отнесся къ вопросу о томъ, что именно относится къ херсонской губерніи? Какое напр. отношеніе къ херсонской губ. имѣетъ «Сборникъ мѣстныхъ въ Бессарабіи узаконеній по предметамъ гражданскаго права (№ 165)?» и на слѣдующей страницѣ «особенное пристрастіе г. Леонтьевъ имѣетъ къ Бессарабіи, которой посвящены №№ 508—513 и №№ 1062—1065; никакого отношенія къ херсонской губ. не имѣютъ и №№ 1119—1122, 1137». Прежде всего отмѣтимъ, что только часть перечисленныхъ сочиненій относится къ Бессарабіи вообще, №№ же 1063—1065 посвящены спеціально молдаванамъ. Затѣмъ г. рецензенту, вѣроятно, хорошо извѣстны какъ историческій ходъ заселенія херсонской губерн., такъ и ея теперешній этнографическій составъ; извѣстно, вѣроятно, г. рецензенту, что Бессарабія дала значительный контингентъ населенія всѣхъ сословій херсонской губерніи; населеніе это принесло съ собою изъ Бессарабіи свои нравы, обычаи и правовыя воззрѣнія, сохранившіе свою силу и до сихъ поръ, въ особенности въ низшемъ классѣ, такъ что и теперь мѣстнымъ судебнымъ учрежденіямъ, напримѣръ, сплошь и рядомъ приходится считаться съ мѣстными законами Бессарабіи. Что касается молдаванъ, то они населяютъ значительную часть херсонской губерніи (въ елисаветградскомъ уѣздѣ 11,3%, ананьевскомъ 16,5%, тираспольскомъ около 9%,—всего числа жителей этихъ уѣздовъ) и до сихъ поръ не только сохранили свои особенности въ одеждѣ, устройствѣ жилищъ, свои домашніе распорядки и свой языкъ, но въ большинствѣ случаевъ не знаютъ даже русскаго языка и живутъ совершенно изолированно отъ остальнаго населенія. Такимъ образомъ, кто пожелаетъ понять характеръ населенія въ особенности сѣверо-западной части херсонской губерніи, тотъ долженъ будетъ обратиться за справками къ сочиненіямъ о Бессарабіи, а кому прійдется возиться съ цѣлыми волостями молдаванъ, тотъ долженъ будетъ пока удовольствоваться приведенными выше сочиненіями

о молдаванахъ, такъ какъ статей, относящихся къ херсонскимъ молдаванамъ почти нѣтъ въ литературѣ.

Напомню, опять таки, что цѣль моего «указателя» послужить хотя небольшимъ пособіемъ для мѣстныхъ дѣятелей, при разработкѣ тѣхъ или иныхъ вопросовъ мѣстной жизни; поэтому то когда не оказывалось по какому либо вопросу литературныхъ источниковъ спеціально относящихся къ херсонской губерніи, я считалъ нужнымъ указывать соотвѣтственные источники изъ общей литературы.

Г. рецензентъ упрекаетъ меня за отсутствіе «указаній на статьи въ мѣстныхъ газетахъ и въ нѣкоторыхъ журналахъ», забывая, вѣроятно, что такая работа потребовала бы громаднаго труда, возможна была бы только въ большомъ городѣ, гдѣ есть публичныя библіотеки и должна была бы затянуться на нѣсколько лѣтъ. Упрекъ этотъ я только и могу понять какъ желаніе, чтобы работа эта была сдѣлана въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Г. рецензентъ упрекаетъ меня за то, что при многихъ сочиненіяхъ нѣтъ «указанія года и мѣста изданія, а иногда и автора, хотя послѣдній извѣстенъ», находятся «указанія неполныя и небрежныя; кому можетъ быть, напр. полезно такое указаніе «Исторія Россіи» Соловьева (№ 550). Тутъ опять таки очевидное недоразумѣніе; г. рецензентъ, вѣроятно, думаетъ, что всѣ перечисленныя въ указателѣ сочиненія я держалъ въ рукахъ, тогда какъ ихъ въ моихъ рукахъ была весьма незначительная часть; названія же остальныхъ взяты частью изъ разныхъ библіографическихъ трудовъ, а частью указаны по сочиненіяхъ разныхъ авторовъ о херсонской губерніи. Такимъ образомъ становятся понятными «указанія неполныя и небрежныя» и мое обращеніе къ читателямъ съ просьбою помочь мнѣ въ исправленіи моего указателя. Что касается Исторіи Соловьева, то подробностей я не считалъ нужнымъ приводить, потому что при ней существуетъ прекраснѣйшій указатель ея содержанія, что г. рецензентъ упустилъ изъ виду.

Повидимому, г. рецензентъ правъ, упрекая меня за то, что въ моемъ указателѣ приведена только часть періодическихъ изданій разныхъ ученыхъ обществъ а позднѣйшіе ихъ труды не упоминаются. Дѣло же объясняется очень просто: я указывалъ только то, что находилъ въ источникахъ, которыми я пользовался и не считалъ себя въ правѣ дѣлать указанія, не основанныя на документахъ, хотя хорошо знаю, что существованіе обществъ не прерывалось и они періодически выпускали въ свѣтъ свои труды. Считалъ же я себя въ правѣ такъ дѣйствовать, потому что смотрѣлъ на свой трудъ, какъ на «опытъ указателя», который долженъ ежегодно исправляться и пополняться, какъ объяснено въ предисловіи. Такимъ образомъ въ полномъ объемѣ и въ безукоризненномъ видѣ мой трудъ долженъ появиться чрезъ нѣсколько лѣтъ работы и притомъ работы коллективной.

Затѣмъ г. рецензентъ находитъ въ указателѣ «много лишняго» и въ примѣръ приводитъ №№ 494 (соч. Глинки «Описан. пересел. армянъ) 570 (В. Б. Антоновича Ист. литовск. Руси) 642 (Пирогова Собр. литер. статей) 657 (О выборѣ городоваго раввина въ Одессѣ) и пр. и пр. Излишнимъ же признаетъ г. рецензентъ и указанія на рукописныя карты и атласы въ VI отдѣлѣ.

Къ сожалѣнію, и тутъ я не могу согласиться съ почтеннымъ г. рецензентомъ, такъ какъ перечисленныя сочиненія всецѣло принадлежатъ херсонской губерніи. Соч. Глинки трактуетъ о переселеніи армянъ, заселившихъ городъ Григоріополь, тираспольскаго уѣзда, херсонской губ. Н. И. Пироговъ игралъ крупную роль въ исторіи умственной жизни новороссійскаго края, а его рѣчи и статьи въ свое время были событіемъ края; указанная же небольшая брошюрка Н. И. Пирогова и въ особенности помѣщенная въ ней статья «Одесская Талмудъ-Тора» заслуживаютъ быть перепечатанными и въ настоящее время въ назиданіе многимъ общественнымъ дѣятелямъ херсонской губерніи; эта книжка и теперь сохранила всю свою силу и свѣжесть и можетъ заставить сильно задуматься надъ многими явленіями общественной жизни херсонщины, въ особенности если сопоставить слова Пирогова съ характеристикой жителей Херсонщины, помѣщенной въ трудѣ Шмидта «Географія и статистика Херсонской губерніи». Еще могло бы быть сомнѣніе относительно того, помѣщать ли въ указателѣ соч. Антоновича «Исторія литовской Руси», но и тутъ въ пользу этой книги говоритъ тѣсная связь исторіи «Дикаго поля» съ исторіей литовской Руси; а вѣдь «Дикое поле» почти цѣликомъ вошло въ составъ херсонской губ. Не понимаю также, почему не слѣдовало помѣщать книгу «О выборѣ городоваго раввина въ Одессѣ?» Развѣ Одесса не въ херсонской губерніи? Наконецъ я не могу признать лишними указанія на рукописныя карты и атласы въ VI отдѣлѣ; напротивъ, я находилъ нужнымъ напомнить о существованіи этихъ картъ и атласовъ, въ надеждѣ, что рано или поздно найдутъ нужнымъ отпечатать ихъ, и они сдѣлаются доступными мѣстнымъ дѣятелямъ. Кто сколько нибудь знакомъ съ капризами такихъ важныхъ рѣкъ какъ Днѣпръ и Днѣстръ, тотъ согласится со мною, что всякому, на чью долю выпадетъ имѣть дѣло съ этими рѣками, важно ознакомиться съ исторіей всѣхъ причудливыхъ измѣненій ихъ русла, глубины и пр.

Вообще же по поводу упрековъ въ излишествѣ я могу сказать только одно: «сало каши не портитъ» и если я горюю, то исключительно о неполнотѣ моего «указателя».

Резюмирую мой отвѣтъ классическимъ изрѣченіемъ: Quid potui—feci, faciant meliora potentes».

А. Леонтьевъ.

Дозволено ценз. Кіевъ, 17-го августа 1891 г.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., д. № 4.

Зъ лохвицкой роботи. .	7	тертичн.	пар. .	3	кроковъ	пар. .	7	латинъ	20
Зъ сѣнчан.	„	5	„	„	2	„	„	5	„	10
Зъ лубенской	„	8	„	„	4	„	„	15	„	30
Зъ лукомской	„	6	„	„	3	„	„	5	„	20
Зъ чигир.	„	4	„	„	2	„	„	4	„	15
Зъ город.	„	2	„	„	—	„	„	2	„	10
Зъ чорнуской	„	5	„	„	2	„	„	6	„	—
Зъ пѣрат.	„	8	„	„	6	„	„	6	„	20

Швакгеръ п. Михайла проехалъ черезъ Роменъ. Климъ молодикъ отпущенъ въ Глуховъ до панеи зъ конми 10.

24. Важничого синъ поехалъ въ Гадячъ. Зъ Глухова принесенъ указъ и зъ нимъ сенатскій указъ зъ формуляромъ, якъ судить и якъ чолобитніе принимать.

25. Полковникъ Манштейнъ, зъ Полтави едучи, нарочно заехалъ въ Роменъ и тутъ ночовалъ. Человѣкъ, козакъ хоролскій, отъ сотника тамошнего пріехалъ зъ листомъ о злочинцахъ, проявившихся у футорѣ моемъ. Чернѣцкій Петро, посиланный въ Глуховъ, зъ грамотою и унѣверсалами, въ коллекгію, повернулся назадъ зъ тимъ, будто оніе и показовани и скопіовани въ коллекгіи.

26. Неделя. Полковникъ Манштейнъ обѣдалъ у насъ и долго гулялъ, а потимъ и ночовалъ и всѣ подпіяхомъ. Отдавалъ дочь свою Яковъ, дозорца, за Уманца молодого, въ Глуховъ.

27. Пріехалъ салдатъ зъ Глухова отъ коллекгіи зъ указомъ, чтобъ дать вѣдомость въ коллекгію почему продается водка простая кухва, и сколко въ оной вѣдеръ московскихъ etc. Козакъ хоролскій отправленъ зъ отвѣтомъ до сотника тамошнего, о злочинцахъ. Полученъ листъ зъ Веремѣевки, отъ комисара Шимка Іосифа, о работникахъ, дранѣ и протчемъ увѣдомляючій.

28. Зъ писмами отъ Манштейна пріехалъ дракгунъ. Отправилемъ отвѣти до капитана и Шимка, у Веремѣевку. Послалемъ Алексѣйця, конюшого, въ Токарѣ, чтобъ онъ зъ конми 4, воронострокатими, ехалъ въ Ахтирку, до князя Голицина. Повернулся назадъ зъ Гадяча Ющенко.

29. Отправилемъ дракгуна отъ Манштейна присланного, зъ конми гнѣдими, въ даръ ему посланними, и зъ писмомъ къ нему писаннимъ. П. п. Федоръ и Демянъ, дядки, пріехали въ Роменъ.

30. Виехалемъ зъ Ромна на ночъ въ Засулле, а потомъ вернулемся назадъ. Братъ п. Андрѣй пріехалъ.

31. Прапорщикъ, квартермистръ, зъ Гадяча пріехалъ отъ Румянцова, а самъ господинъ Румянцовъ зъ Гадяча поехалъ въ Лютенку для сватби, п. Бороховичевой, Юрю Еропкину приговореной. Куріеръ зъ С. П. Бурху до господина Румянцова пріехалъ. Повернулся зъ Глухова Степанъ лубенскій и привезлъ отъ домашнихъ моихъ писма ко мнѣ: отъ господара и панеи о поведенияхъ господарскихъ.

1. Февраль. Виехали на встрѣчъ къ Липовому, противъ брегадира господина Румянцова, и стрѣтили его на границѣ полку гадяцкого, которій въ нашей каретѣ въехалъ въ Роменъ и поздравили его 7 штуками пушокъ. Того жъ вечора просто въехалъ въ домъ нашъ и вечералъ у насъ.

2. Неделя. Рано бувъ я у Протасіева, которій, же его не потъкано, много зъ гнѣвомъ виговорувалъ. По службѣ божой брегадиръ велѣлъ всѣмъ намъ къ нему на квартеру его бить, где питался о чолобитной, поданной въ С. П. Бурху імпер. величеству, хто извѣстенъ. Потимъ обѣдалъ у насъ и бувъ до ночи, а после опроважали его до квартери и тамъ играли въ карти, и я програлся.

3. Молебенъ бувъ соборній и стрѣляли зъ 9 пушокъ на день Анни, тезоименитой государини цесаревни, а по молебнѣ въ брегадира обѣдъ кушали и въ карти играли. У вечеру у насъ вечерали и долго просидѣли.

4. Брегадиръ самъ на своей обѣдалъ квартерѣ. Отъ Шимка, комисара, зъ Веремѣевки, получилъ писмо о магазену здѣланномъ. Романъ молодикъ зъ Глухова пріехалъ.

5. Брегадиръ рано далъ указъ и чолобитніе для изслѣдованія. Другій указъ собственно къ мнѣ прислалъ о козакахъ, въ Наружжю будто отъ нѣкоторого старости за караулъ бранихъ и битихъ, на что я отвѣтъ учинилъ, что того не свѣдомъ. Знову повторително указъ далъ мнѣ увѣдомитись самому и потомъ о томъ—было ли или нѣтъ, его репортовать. Обѣдалъ у насъ и виехалъ у вечеру, которого опроважали за Процювку, и тамъ долго пивши, розлучились;

онъ поехалъ въ Глуховъ, а я вернулся и долго блудилъ по дорозѣ, покольналучилъ въ Роменъ.

6. Сотники дали вотумъ быть Пріймѣ Семену атаманомъ въ Лубняхъ. Прійму за зборщиками послалемъ зъ чорнуской одного, а зъ городиской двохъ вибрать. Потимъ порозездились старшина.

7. Були первій разъ у судовнѣ и супплѣки многихъ изслѣдовали. Алексѣецъ слуга повернулся зъ листомъ отъ князя Голѣцина, зъ Ахтирки. Адамъ отъ родителя повернулся и подпіяхомъ. Отправили Верещаку въ Медвежое, чтобъ онъ виправилъ козаковъ нововписнихъ и старосту Захарія въ Глуховъ.

8. Были такожъ у судовнѣ и вершили нѣсколко чолобытень. Получилемъ знову писмо отъ Шимка, о здѣланномъ магазейну. Указъ отъ брегадира получили о козаку волошиновскомъ Пилипенку, чтобъ ему попадя тамошная кгрунта привернула, а сама за оніи взяла грошей зол. 60, о чомъ ми такъ и указъ дали. П. Федоръ, дядко, отехалъ въ Прилуку. Василь Бажановичъ (?) пріехалъ зъ виномъ, зъ Кіева. Получилъ я писмо отъ правителей о вистатченню 100 подводъ въ Гадячъ, подъ провіянтъ, для запроваження оного въ Ахтирку, о чомъ симъ сотнямъ, смѣловской, роменской и глинской, указами и предложилемъ. Отписалемъ до Шимка, жебы деревню, якая отъ магазену останется, здалъ атаману веремѣевскому зъ роспискою.

9. Неделя. Принесенъ ко мнѣ отъ правителей листъ о зборщикахъ въ глинскую сотню, зъ Ромна вибраннихъ, что будто они не писменніе. П. Кочубей зъ Засулля поехалъ въ Глуховъ. Обозній и писаръ писали ко мнѣ о челобитчикахъ зъ дотокливостю.

10. Атаманъ хоролскій пріехалъ ко мнѣ зъ листомъ обозного миргородского о злочинцяхъ, у хуторѣ моемъ проявившихся. Неспалемъ ночь для алтерації сонной.

11. Капитанъ Юрій Федор. Яропкинъ пріехалъ въ Роменъ зъ Гадячого. Атамана хоролского отправилемъ зъ отвѣтнимъ до обозного писмомъ. Староста сухоносовскій пріехалъ и явился мнѣ. Знову отъ Шимка получилемъ писмо о магазену додѣланомъ.

12. Рано зъ Яропкинымъ видѣлъся. Писалемъ до Занковского, чтобъ онъ зъ атаманомъ горошинскимъ розискалъ о козакахъ наруж-

скихъ, о которихъ господинъ брегадиръ писалъ ко мнѣ. Тако жъ, чтобъ после о злочинцяхъ тихъ розискалъ, о чомъ и до Орановского писалемъ. Юска, конюшого, зъ конми и зъ писмами отправилемъ въ Глуховъ. Соколничій зъ Глухова зъ каретою, якою туда пріехалъ брегадиръ, повернулся.

13. Кулиничъ бувъ зъ атаманомъ роменскимъ, зъ которимъ розговорували.

14. Попадю миколаевскую мѣрковали, на килко сотъ зол. ей давано и жита. У судовнѣ о Жванченку мнѣнія говорили. Писмо отъ Протасіева о чинахъ получилъ. До смѣловского городничого о зборщикахъ писалемъ. Гаврило зъ Глухова пріехалъ.

16. Недѣля. Обозній обѣдалъ. У вечеру канонъ воскресенскій пѣли.

17. Послали въ Глуховъ доношеніе къ брегадиру Румянцову, въ коллекгію и канцеллярію, о медвежовскихъ. Особливое доношеніе послалемъ о требованіи новомъ компанѣйцовъ.

18. Господаръ зъ Ігнатомъ и Каневскимъ отправленъ въ Токарѣ. Шимко зъ Веремѣевки пріехалъ и донеслъ о магазейну зробленномъ.

19. Старшина здѣшная роменская за арештъ на арматѣ осажена была, за нескорую выправу зборщиковъ въ Глуховъ зъ сотнѣ глинской. Князя Александра Лукича, полковника тверского полку, поворочоючогося отъ князя Голѣцина, зъ Ахтирки, отютантъ билъ у мене. Отъ Манштейна вахмистръ приехалъ зъ писмомъ и зъ денгами 20 рублями въ доплатку за лошадѣ 4, до князя Голѣцина отпроваженніе. Зборщиковъ въ Глуховъ отправили глинскихъ. Полъ 4 кухви меду розсичени въ шинкъ мой.

20. Вахмистръ отправленъ назадъ зъ отвѣтомъ до Манштейна. Отписалъ смѣловскій городничій, же не винаходится единъ зборщикъ. Шишка, атаманъ караулній, вибитъ зоставъ за отпускъ зъ за друка (?) войта. Старшина прощени зостали. Писмо отъ надзирателя противъ донесення зборщиковъ. Романъ въ Лохвицю посланъ. Воску, зъ меду оставшогося, забито камень и 4 фунти, отъ 10 вѣдерокъ. До суддѣ гадяцкого послалемъ о подводахъ, если оніе потребни для отправоження оттоль провіянту въ Ахтирку.... (?).

21. Отъ брегадира Румянцова и зъ канцеляріи войс. писма медвежовскій козакъ попривозилъ. Въ Городище, до сотника тамошнего, писалемъ по жалобѣ козаковъ городискихъ.

22. Причащался. Юско, повернувшись съ Глухова, привезлъ отвѣтніе писма отъ брегадира, Веляминова и отъ графа Матвѣева, отъ панеи 30 рублей. Отъ Манштейна повторне пріехалъ зъ денгами и трубкою. Отъ отца Ѳоми збриского получилемъ письмо. Отъ суддѣ Штишевского отвѣтъ о подводахъ получилемъ, же потреба оніе висилать.

23. Неделя. Укази повторніе о висилцѣ подводъ въ Гадячъ писалемъ. До Манштейна дракгуна отправилемъ, взявши 10 рублей, писалемъ и до капитана Философова. Алексѣй, конюшій, отправленъ въ Кривую Руду. Въ Бубни рано зъ п. Демяномъ поехавши, наспѣлисмо на службу и на крестини дочери отца Свѣта.

24. Зъ Глухова повернулся лубенскій сторожъ Михайло зъ отвѣтнимъ писмомъ брегадира господина Румянцова о принятихъ рѣшеніяхъ нѣкоторимъ чолобитнимъ и о мнѣнію на чолобитте Жванченка. Ячменю посламъ въ Глуховъ 24 четверика сеей роменской мѣри. Прійму Семена атаманомъ въ Лубняхъ городовимъ устроилъ.

25. П. Демянова пріехала. О Рубашного справѣ переговорували. Прійма атаманомъ лубенскимъ отправленъ, которому и чолобитная горошинцювъ дана.

26. Заболѣлемъ на жолудокъ. Проносне лѣкарство принималъ. До полковника Шереметева писалемъ о занятомъ дракгунами въ Лохвицѣ шинку родителскомъ, чтобъ былъ ослобоженъ.

27. У шинкара тутейшого взято грошей 60 зол. Каптенармусъ зъ Глухова въ Сорочинцѣ до Жукова, полковника, поехалъ и визичилъ у мене кулбаку. Писалемъ до суддѣ гадяцкого о подводахъ, посилаючихся для провіянта въ Гадячъ, чтобъ, если возможно, отпущени были назадъ. До надзирателя Нелидова писалемъ противъ доношенія зборщиковъ. Въ Смѣлое до атамана писалемъ, требуючи извѣстія, если подводъ 25 виправлено въ Гадячъ. До Якова писалемъ, жебы онъ ехалъ въ Горошинъ для присутствія розискови, мѣючому по чолобиттю горошинцювъ о шкодахъ ихъ, чинитись.

28. Прапорщикъ гварнизону глуховского Тихонъ Волжинъ пріехалъ въ Роменъ и подалъ мнѣ указъ зъ коллегіи о себѣ, что онъ и бунчуковій товаришъ Іванъ Ломиковскій послани сюда, въ Роменъ, для розиску новописнихъ медвежовскихъ козаковъ. Отъ Занковского получилемъ писмо зъ розискомъ въ Наружжю оправленнимъ. Писалемъ до Григораша и протчіихъ, чтобъ въ Горошинъ для розиску з̓ехали, о чомъ обявляючи и до Орановского писалемъ, а писма послани Михайломъ сторожемъ. Василь Дацѣй пріехалъ зъ писмомъ громаднимъ на атаманство лукомское. Обозную зъ вувковцями росправили. Черезъ козака хмѣловского принесенъ указъ зъ коллегіи о томъ, чтобъ виборъ за щетчикомъ Яковомъ Алифѣровимъ прислать за руками старшини лубенской, о чомъ того жъ часу и писалемъ въ Лубнѣ и листъ отправить Яновскому далемъ.

29. Указъ зъ коллегіи малор. принесенъ о показаніи зборщикамъ імбаровъ на збори.

1. Мартъ. Стесліовскій пріехалъ зъ указомъ монаршимъ зъ вой. енер. канцелляріи, за подписомъ коллежскимъ, чтобъ висилать 350 козаковъ до крѣпости и до Дербенѣ, для строенія, на перемѣну прежнимъ. Волжинъ, прапорщикъ, обѣдалъ у насъ.

2. Указъ отъ правителей листовне о судѣ, чтобъ оній по давнему обикновенію и порадкамъ отправлять. П. Демянова отехала въ Журавку. Перейшолъ въ хату просторную (?).

3. Обозній пол. луб. отехалъ въ домъ, для жени своей болѣзнуючой. Гаврило зъ конми по панюю посланъ. Матвѣецъ, писарчикъ, пріехалъ зъ Глухова, ездившій за п. Кочубеемъ. Компанѣйцѣ, пріехавши, були у судовнѣ и упоминались, особливо асаулъ, зъ доткливою рѣччю о фуражніе денги. Книги, привезенніе Матвѣйцемъ, компута полковіе за Зеленского бившого и настоящого полковниковъ, отослалемъ къ Волжину.

4. Каптенармусъ, ездившій въ Сорочинцѣ, повернулся и у мене кушалъ, черезъ которого папѣръ табаку кърtузного графу Матвѣеву послалемъ въ Глуховъ. Литвишко пріехалъ зъ Глухова зъ указомъ господина Румянцова, жебы по челобитной его, занесенной на родителя, дѣло его было изслѣдовано.

5. Указъ получилемъ зъ коллекгіи о подрадѣ вина. Несторъ зъ Глухова повернулся. Отецъ Кирилъ, іерусалимита, пріехалъ.

6. Черезъ лохвицкого сторожа писалемъ до Румянцова Александра Івановича, доносячи о наружскихъ козакахъ. До коллекгіи послалемъ поручне писмо о щетчику Олихвѣрову, до енер. канцелляр. о заплатѣ полковимъ служителемъ и о нововписнихъ козакахъ до походу.

7. Черезъ сторожа чорнуского до господина Румянцова писмо отъ родителки послано, объ отставцѣ справи зъ Литвишкомъ до повороту, до канцелляр. енер. о Корицкомъ опушнянскомъ—онъ ли устроенъ въ походъ, до п. Скоропадского; до его жъ и писмо, къ ясневел. писанное, послалемъ. Зъ коллекгіи указъ ко мнѣ присланъ, о присилкѣ 20 рублiовъ, взятихъ сотникомъ сенецкимъ, когда въ Пѣтербурхъ ехалъ, зъ добръ его. До атамана чорнуского писалемъ, чтобъ ишолъ въ походъ. До епископа бѣлгород. отца Тихорского, через Кирила, іерусалимиту, писалемъ, тогда отехавшого отъ насъ его, Кирила. Зарудного отправилемъ.

8. Нецѣля. Листи, до Девейзбаха писанніе, послалемъ къ Зарудному. Крестини были у отца намѣстника роменскаго Іоанна, где и я былъ.

9. Повернулся Воротелякъ зъ репортами отъ старшини, что получили они указъ о виправѣ товариства до крѣпости Св. Креста 600 человѣка зъ полку и готови по тому повѣленное вскорѣ исполнить.

10. Леонтій Янковскій, зъ Павломъ, поехали въ Глуховъ, зъ доношеніемъ въ коллекгію о нововписнихъ козакахъ, прося изслѣдованія. Мокіенко, атаманъ чорнускій, пріехалъ отпрошуватись отъ походу. До Корицкого, сотника опошнянского, учрежденного коммендѣромъ до крѣпости, писалемъ повторне, питаючись, где бы полкъ лубенскій моглъ зъ нимъ злучитись. Значковихъ во всѣ сотнѣ для вигону товариства зъ указами нарадилемъ и оніе Яновскому, писареви, далемъ. До Скосира, чигирин. атамана, писалемъ, жебы о жовнинцяхъ, скинувшихъ Пархома зъ атаманства, розискалъ и виннихъ скаралъ. Самойла Заиского, жителя рокгинского, судили въ судовнѣ,

которій, вину свою признавши, и повинную далъ. Воронижскій отецъ Филипъ пріехалъ. Зъ п. Демяномъ о его отездѣ корреспондовалисмо.

11. Виехалемъ зъ Ромна въ Глуховъ и обѣдалемъ въ Смѣломъ; тамъ указъ Стефану, атаманови смѣлянскому, о учрежденіи его коммендѣромъ надъ товариствомъ въ походъ низовій, полковій далемъ, а другій Леонтію Романчуку, о устроеніи его атаманомъ и сотникомъ наказнимъ. До п. п. Федора Билима, писара Савѣцкого и Василя Дяченка о правленіи полковомъ писалемъ. На ночъ пріехалемъ въ Грузкую и тамъ ночовалемъ.

12. Повернулися съ Глухова сторожъ чорнускій и лохвицкій, зъ отвѣтнимъ о справѣ Литвишка писмомъ господина Румянцова, о здѣлкѣ и зъ другимъ листомъ правителскимъ, о непремѣнномъ Корицкого въ походъ за коммендѣра опредѣленіи, о нововписнихъ, чтобъ тихъ не висилать, о якихъ идетъ споръ, о заплатѣ служителемъ пол., что развѣ въ другій разъ промеморію въ коллекгію о томъ пошлютъ. Отправилемъ сторожа лохвицкого въ Роменъ зъ листами до родителки о Литвишку, до писара о вишшеозначенномъ листѣ правителскомъ и о публѣкованіи указовъ, зъ коллекгіи присланнихъ; тако жъ о посилцѣ 3 человѣка въ Перекоповку, для осмотренія заводу ихъ зъ судѣною; до сотника чорнуского зъ отвѣтомъ, что на прошеніе его нельзя уволнить Мокіенка отъ походу. Поехавши оттуду, пріехалемъ къ Сойму и, перевезшись, обѣдалемъ въ Мутинѣ, откуду писалемъ Василю Бажановичу експедицію и послалемъ черезъ римарового зятя Кирика. Янковскій видѣлся. Виехавши оттуду, пріехалемъ позно до Тулиголовъ. Въ Тулиголовахъ, въ имбарѣ, горѣлки оковитой зъ кухви, а простой 8. Присмотрувалемся въ винницѣ и тамъ въ оной ночовалемъ.

13. Перепустъ зъ кадкою вымѣрали, такъ отъ кадки остается еще глекъ, которихъ въ носатцѣ чили кадцѣ 17 есть, а такъ повинни бъ быти набѣжки семанадцять. Пріехалемъ па ночь въ Глуховъ.

14. Рано бувъ въ п. суддѣной енер. и на службѣ тамъ же, въ дворѣ панскомъ. У вечеру былемъ въ дворѣ брегадирскомъ зъ Никитою. Оттоль у маіора Кошелева, где и господину Румянцову кланялся, куда потомъ и брегадиръ Вельяминовъ приехалъ. Лаврѣна,

сотника бывшого бѣлоцерковского, припроважено въ Глуховъ, по сказцѣ Василя запорожця, которій потомъ, отпущенъ зоставши, бувъ зъ нами у брегадирскомъ дому.

15. Недѣля. Рано у господина Румянцова былемъ. По службѣ божой у брегадира Вельяминова; оттоль у сотника глуховского, где просилемъ, чтобъ писара Савѣцкого не брали въ секретарѣ, чили реента, до канцеляріи. П. Андрѣй, швакгеръ, освобожденъ зосталъ зъ подъ арешту. Дома обѣдали всѣ ми, а зъ нами Тарновскій и Доброницкій.

По обѣдѣ, у вечеру, господинъ Румянцовъ, Протасіевъ и протчіе поехали зъ Глухова въ Москву, которихъ всѣ опровожалисмо за городъ. Вернувшись, у брегадира были и, випивши по стакану, домой разехались. Пріехавши до дому, вечералемъ зъ швакгромъ п. Яковомъ Полуботкомъ.

16. Писалемъ въ Роменъ до родителки о поведеніи глуховскомъ, о себѣ, до писара Савѣцкого о полковихъ дѣлехъ, до сотника наказ. глинского, о кущахъ сливахъ 300, чтобъ оніе сюда прислать, о томъ же и до господара Андрѣя. Особливе до его о соли, жебы сюда прислать оную всю. Ездилемъ въ Сварковъ, где Плетюнцѣ погребъ направить верхній и сподній зробить велѣлемъ, и у его за конѣ, по его словахъ, 70 зол. есть, за якіе куповать бруссея казалемъ дубовіе. Оттоль въ Калюжновскимъ футорѣ бувъ, где возовъ осмотрувалемъ направляючихся семи, а целихъ добрихъ возовъ 8 воловихъ. Тютюну осмотрувалемъ. На греблѣ калюжновской былемъ, где оную справить поднялся Грицко Перехристъ. Павелъ Огѣенко пріѣхалъ за Кролевца въ Глуховъ. Порутчикъ Нелединскій інгермоландского полку былъ у мене зъ указомъ колежскимъ, тое въ себе маючимъ, жебимъ далъ вѣдать—дани ли раціони оберъ и ундеръ офѣцерамъ, коммендѣрованнимъ прошлого году на каналную роботу, или не дани и кому именно, о чомъ писалемъ до Савѣцкого писара зъ товарищи, чтобъ они, справившись зъ коммисарами зъ полковими, о томъ вѣдомостъ ко мнѣ прислали, и тотъ листъ зъ указомъ самимъ, въ оній включеннимъ, черезъ того Нелединского и отправилемъ въ Роменъ.

17. Бувъ у Кошелева полковника, а при мнѣ и Леонтій былъ и писмо ему отъ матки дано. Оттоль поехавши, былемъ у п. Андрѣя Миклашевского, где и Іванъ Максимовичъ билъ, которому говорилемъ о водцѣ двойной, за якую пеняетъ мене братъ его, а я оную по его прошенію не въ Москву, але въ Почепъ отослалъ. Оттоль поехавши, съ княземъ Четвертинскимъ и зъ племѣнникомъ его Дзѣневичомъ видѣлемся, а оттоль былъ на огородѣ бѣлополовскомъ и водою до двора пріехалемъ. Обѣдалемъ въ дому, а зо мною швакгрѣ и Тарнавскій и Добронизкій. Рано Остапъ, за пянство и небреженіе о господарствѣ, наказанъ. Отправилемъ 5 подводъ въ Тулиголови, а оттоль оніе, взявши 3 кухви горѣлки оковитой и двѣ простой, поехали въ Роменъ. У склепу билемъ, где у споднемъ вина 2 бочалки, а анталовъ 3 неповнихъ, а еденъ повнѣйшій, четвертій, куда Михайло Скоропадскій привалился зъ Никитою Степановимъ да зъ Сухаревимъ, аттютантами.

18. Рано бувъ у брегадира, где и правителѣ були; оттоль до правителей ходилемъ, где 4 чолобитнихъ на родителя видѣлемъ. Микола лубенскій пріехалъ зъ Лубенъ зъ жалобою на сотника, и письма привезлъ отъ писара Савѣцкого. Садовнику два рублѣ денегъ далемъ. Войту Плетюнцѣ далемъ наказъ пунктами о нѣкоторихъ інтересахъ.... (?) поехалъ.

19. Принесенъ указъ къ брегадиру—ехать ему въ Москву ради обявленія о зборахъ. Въ коллекгіи былемъ и зъ Артелнимъ [1]) видѣлемся. На чолобитную Калюжненковъ о футорѣ калюжновскомъ отвѣтное подалемъ доношеніе. У вечеру у брегадира былемъ, которій о бувшемъ войту Александру, чоломбитствовавшомъ на родителя, говорилъ, что оному до повороту отказано. Тогда жъ его и пожекгналемъ.

20. Петро брегадирскій бувъ у мене, которому на дорогу московскую далемъ тютюну 50 папушъ. П. Андрѣю, швакгру, кортикъ далемъ. Гаврилови указъ далемъ переписать отъ шинкарей

---

[1]) Иванъ Артельный—секретарь малороссійской коллегіи.

реестра. До правителей отписалемъ о своемъ отездѣ, и виехалемъ на ночь въ Тулиголови.

21. Въ Тулиголовахъ Романови далемъ грошей зол. 40, на заплоченне виннику. Мартина, молодика, отправилемъ въ Глуховъ, и черезъ его послалемъ наказъ Остапови во многихъ пунктахъ, другій—ключникови, третій—писмомъ до Гаврила. Горѣлки въ имбарѣ 6 куховъ, а семая сипалась. Бесъ квѣтка ключникового не казалемъ Романови горѣлки нѣкому давать, опричъ тулиголовского шинкара. Казалемъ, жебы винникъ двадцятую набѣжки отселѣ давалъ, а набѣжки давней сѣмъ носатокъ заразомъ далъ. До кролевецкого сотника писалемъ о учиненню сатисфакцѣи зъ Бориса Сикаленка, козака бистрицкого, купившого себѣ гай, которій давно ми еще купили на зрубъ. До Леонтія Янковского писалемъ, чтобъ онъ зъехалъ въ Тулиголови и увидѣлся зъ Михайломъ Турчиномъ и переговорилъ зъ нимъ о пенѣ попа тулиголовского, за футоръ упоминаючогося, такожъ и о чолобиттю его Михайлового сина за коня и погребщину. Виехавши оттоль, пріехалемъ на ночь въ Ворголъ, до п. Стефана Миклашевского.

22. Неделя. Писалемъ въ Тулиголови до Романа, повторяючи о двадесятой набѣжцѣ. Тако жъ, чтобъ розокъ зъ гливы парѣзавши, послалъ въ Глуховъ щепити. На службу божую пріехалемъ въ пустинку Мутинскую, зъ п. Стефаномъ Миклашевскимъ. Надиктовалемъ п. Стефану доношеніе въ канцеллярію и листъ до судящихъ о 30 рубляхъ, доводячихся ему отъ жида, шинкара его, Побѣлѣвичу (?).

23. Черезъ Леска, кухара, пріездившого сюда, послалемъ писемъ три въ Роменъ: 1, до родителки, и подорожная Бажановичу; 2, до писара Савѣцкого, а въ немъ листовъ правителскихъ два для дѣйствія, и унѣверсалъ мой о посилцѣ суппламенту козакамъ, будучимъ у крѣпости, зъ домовихъ; 3, до Селецкого, а въ немъ порахунокъ, рукою отца Савецкого писанній, Чорнѣцкого, Алексѣя Перехриста, и Якова Дуброви и Селецкого; а тіе писма Лескови велѣлемъ зъ Мутина козакамъ песлать заразъ. П. Стефанъ Миклашевскій отехалъ въ Ворголъ, черезъ его писалемъ до

Остапа, что онъ куповалъ въ пятокъ прошлій жито по 10 зол. зъ шостакомъ, а господаръ п. Миклашевского пишетъ, что продавалось тогда жито по 9 зол. Тако жъ и о томъ писалемъ до его жъ, жебы онъ побувавъ у Дорофѣевича Афанасія и торгъ учинилъ о нивахъ его, близъ Калюжновского футора обрѣтаючихся. Жена моя вчорайшого дня виехала зъ Глухова и теперъ въВорглѣ обрѣтается.

24. Въ пустинцѣ Мутинской будучи, 17 каѳиму противъ еврейской библіи перевелъ зъ инших діялектовъ на рускій. Швакгеръ п. Андрей прислалъ своего молодика о томъ, что якоби хлопецъ... (?) мѣлъ виправленъ бить ко мнѣ отъ Леонтія, зъ фалшивимъ доношеніемъ. Писалемъ до Остапа о Забарѣ, въ дорогу его спросить, и о взяттю горѣлки войтомъ и о розданню въ Сварковѣ носатками передъ святками (?) носатка по 10 зол.

24. С. Григорія, Неокесарійского чудотворца, слово на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы зъ латинского на язикъ рускій переведлемъ. Отъ Григорія Остапенка получилемъ листъ зъ инквизиціею о Рубашномъ виведенную, которой суплѣковалъ на родителя до Румянцова, за вирубъ луга. Отъ енерала Девейзбаха отвѣтній листъ, о межованню Андрѣяшовки писанній, что андрѣевскимъ людямъ позволяетъ поля будто андрѣяшовского употреблять до осени, а отъ осени запрѣщаетъ. Отъ пѣратинского сотника наказ. о дворянахъ Андрѣяша, побившихъ дощенского козака велми. Отъ Скосира атамана зъ питаннемся—где грощи взять на заплату ремесникамъ, работавшимъ у магазена.

26. Ігнату Каменскому далемъ кущиковъ 10 орѣховъ волоскихъ, особливе яблунъ, рузокъ на щепленне и черешенъ, да листъ до Якова Вурвихвоста, просячи его о рузки дулевіе, все жеби отсилалъ въ.... човъ казалемъ ему жъ, и писмо до Остапа писалемъ о пересланню того всего въ Сварковъ. До старости мутинского Коржа писалемъ о уволненню рибалки одного. Выѣхалемъ зъ пустинки човномъ до пристанѣ, где обѣдалемъ зъ Троцкимъ меншимъ, повернувшимся зъ Глухова. Поехавши оттоль, ночовалемъ въ Грузкой.

27. Поехавши оттуду, пріехалемъ въ Смѣлое о полудни, где городничій обогналъ и самъ бувъ. Григор. Манджосъ явился тутъ

же и о своемъ послушаніи, то есть вигонѣ въ походъ товариства, донеслъ, что сотникъ наказній зъ тиждень, якъ вийшолъ, а еще до указного числа человѣка 10 козаковъ невийшло, которому и осталнихъ висилать приказалемъ. Писалемъ до Леонтія Янковского, жебы упомянулся объ отвѣтъ у правителей на доношеніе мое, въ канцелярію енер. о заплатѣ полковимъ служителемъ писанное, а если самъ виехалъ зъ Глухова, то жебы Бяловскій тое учинилъ. Писалемъ тако жъ до Остапа господара, чтобъ онъ прислалъ 2000 папушъ тютюну въ Камень [1]) и написалъ би до Ігната, чтобъ тамъ зложенъ былъ въ цѣлости; приложилемъ и тое, чтобъ Плетюнка роздавалъ подданимъ горѣлку, хто . . . . тъ по 10 зол. носатку передъ святами, вмѣсто того, чтобъ куповали въ городѣ. Пріехалемъ на ночъ въ Роменъ, где и Леонтій Янковскій явился. Тогда жъ явился и Орановскій, пріехавшій зъ Сухоносовки.

28. Подводи сварковскіи, припровадившіи сюда горѣлки оковитой 3, а простой 2 кухви, взяли отсюду соли бочокъ 5, а ячменю четвериковъ 10, въ Глуховъ, мѣри роменской. Іванъ Перехристъ, пріехавши зъ ярмарку борзенского, привезлъ купленнихъ рѣчий: аксамиту чорного локоть зъ чверткою, полкаруну штуку-локоть у 27, и 5 киндяковъ зеленихъ. Черезъ брата сторожа лохвицкого послалемъ указъ во всѣ сотнѣ о скоромъ вигонѣ козаковъ въ низовій походъ.

29. Неделя. Обѣдалъ Волжинъ и судіевичъ Василь у насъ. Романъ, молодикъ, привезлъ зъ собою воску 2 пуда и 10 фунтовъ. Указъ зъ коллекгіи присланъ ко мнѣ о гаченню гребель, по прежнему, козаками и посполитими.

30. Зъ трехъ куховъ горѣлки оковитой, насипали барилъ числомъ 11. Толко простой горѣлки продали вѣдерокъ 4, а всѣхъ вѣдеръ будетъ (?), а написалъ оніе Василь, бывшій ключникъ. Сторожъ глинскій отправленъ зъ доношеніемъ въ канцелярію о виходѣ товариства въ низовій походъ. Черезъ его жъ писалемъ до Остапа о господарскихъ інтересахъ. До отца Пахомія мутинского масть и

---

[1]) Село кролевецкаго уѣзда.

листъ (?), до п. Миклашевского Стефана—8 папушъ турецкого тютюну. Писмо получилемъ отъ Корицкого, въ которомъ ознаймуетъ о скоромъ своемъ виходѣ и нечеканню другихъ полковъ.

31. По тому писму писалемъ указъ во всѣ сотнѣ о якъ найскорѣйшемъ виходѣ и порушенню; тако жъ и до сотника наказ. смѣлянского, чтобъ поспѣшался. Барму молодикамъ моимъ далемъ: лутшимъ карунъ и по 5 копъ грошей; середнимъ тожъ карунъ и по 11 зол., другимъ карунъ же и по 10 зол., а подлѣйшимъ полкарунъ и по 9 зол., машталѣрамъ—блакитное товстое сукно и грошей: одному рубль, а другому 3 зол., Кухтикови Петру такое жъ сукно и грошей таляръ; Лисому, новутному машталерови, 3 зол.; Орановскому—сукна французского и лудану бѣлого. У шинкара роменского до перших 60 зол., взяли теперь 40 зол. Кафанъ, зеленій, штофовій, мнѣ покраяно. Масть на голову отъ аптекара. Виправили подводъ три въ Глуховъ зъ борошномъ, именно: шпона кухва, муки пшеничной и крупъ, мяса свинного 50 пат. (?); суконъ двѣ, едно лутшое, а другое карунъ Остапу и его женѣ, а третее полкарунъ Климу, и писалемъ до нихъ, жеби Остапъ зъ грошей росходнихъ себѣ взялъ 20 зол., а Климу 9 зол. далъ. Тогда жъ послалемъ сѣмена садовнику. Отъ сотника наказного глинского привезено сливъ венкгерскихъ кущиковъ 44, а черешень 36, якіе на Манастирищи [1]) волошинъ виноградній посадилъ. Леско сторожъ въ Глинскъ ездилъ виганяти въ походъ противниковъ.

1. Априль. Слово на Страсти Христови началемъ компоновать. До сотниковъ наказнихъ лукомского, сенецкого и пѣрятинского, чтобъ для сторожъ ихъ, обрѣтаючихся въ походѣ, вибравши плату, посилали черезъ ординуючихся козаковъ. Зъ Нѣжина для пана (?) привезено тютюну турецкого 5 окъ. Сторожа новутного сенецкого послалемъ въ Глуховъ зъ двома доношеніями въ коллегію малороссійскую, зъ которихъ въ едномъ резолюціи просимъ: медъ зборній, порученній намъ, якъ би продавать, а въ другомъ—розиски и рѣшенія противъ чолобитнихъ, отъ господина Румянцова даннихъ намъ, включенни.

---

[1]) Въ г. Ромнѣ.

2. Гаврило молодикъ пріехалъ зъ Глухова и привезлъ грошей, отъ шинкарей отобраннихъ, 12 рублей, а 20 р. далъ господару Остапу, на жито куповать. А такъ всѣхъ грошей отобралъ отъ шинкарей 32 р. за напитокъ роздачи Василевой, а еще, по сказкамъ шинкарскимъ, доводится: на Плетюнцѣ за кухву гор. остатку, сколко по вимѣру покажется, бо далъ уже 15; такъ же и отъ Забари за кухву жъ ихъ, до 13 рублей взятихъ, тожъ по вимѣру, а отъ Івана, замѣского шинкара, за мѣрницю меду, недоплаченнихъ 11 зол. Тютюну всего калюжновского, по его лѣчбѣ, показалось 2236 папушъ. Воску, всего въ склепу и на горѣ, показалось грудокъ 28, а въ нихъ ваги каменей 14 и полъ 7 фунта. Замковъ 4 до дверей. Цегли 5000 здѣланой обявилъ Остапови и казалъ оную зпровадить въ Сварковъ. Калнѣцкій зъ Москви пріѣхалъ и за воли мои 14, такожъ грошей 15 р. привезлъ готовихъ грошей рублей 40 (?) да перцю полпуда, да три пари панчушокъ дѣтямъ, да смирни фунтъ, да шкатулку за рубля, а на немъ доводится немалая сума, бо приходитъ 100. Отъ Быдлова листъ и лѣкарства и рецептъ [1]). Пилипъ шоръ шестерню черних принеслъ, зовсѣмъ зробленнихъ. Кунтушъ суконній зеленій покраяли мнѣ. Ездилемъ на Засулле, где у кулики тютюнъ казалемъ класти.

3. Указъ зъ канцелляр. за подписомъ колежескимъ присланъ ко мнѣ, а въ немъ копія именнихъ указовъ імпер. величества нѣсколько о разнихъ інтерессахъ, которіе укази далемъ Яновскому, жеби отнеслъ до Савѣцкого писара, для переписки и посилки, ради публѣкаціи, въ сотнѣ. При томъ же указъ до Новѣцкихъ, о прибуттю ихъ въ Глуховъ.

4. Отъ смѣлянского сотника получилемъ отвѣтъ о его оборотѣ у нѣякихся Бѣркахъ (?). Сторожъ сенецкій, посиланній въ коллекгію, зъ доношеніями двома, однимъ о меду, якъ его продавать, прося резолюціи, а другимъ о рѣшеннихъ чолобитнихъ, якіе подавалъ Румянцовъ намъ судить, вмѣсто отвѣту, карту привезлъ такую, что доношенія тіе приняти у коллекгіи, отъ его жъ сторожа.

---

[1]) Сбоку выписанъ рецептъ.

Вози мои 4 къ Царицину війшли, а Гаврило тютюну 1000 папушъ взялъ, зъ которихъ 800 въ позику я себѣ казалемъ взять, а 200 ему позволилемъ. Подъ тими жъ возами воловъ 16.

5. Неделя. Коваль, сторожъ роменскій, пріехалъ отъ родителя зъ писмами.

6. Пасѣчника наняли до моей пасѣки за 6 коп. и свиту, албо зол.

7. Глинскіе гости поприездили.

8. Нѣчого потребного до записання не случилось.

9. Виправили Юска да Гаврила, и Якова Величка. Юскови врученнихъ родителскихъ возовъ 27, Гаврилови моихъ 4, а Величко поднялся услужить намъ въ томъ, чтобъ на вози тіи накупить рибы вялой, на якую далемъ грошей 20 р., а особливе кухву болшую горѣлки велѣлемъ тамъ продать въ царич., що справити, и картою мнѣ данною поднялся. Прето въ завѣдованню Гаврила горѣлки оковитой 12 барилъ, а въ нихъ вѣдеръ 64 и 1 кварта. Тютюну подлѣйшого 1000 папушъ, а лутшого 800. Ему жъ на дорожніе експенса далемъ грошей рублей 6. Подъ тимъ воловъ 16, а подъ нимъ конь шинкаръ. Леска сторожа послалемъ въ Сорочинцѣ зъ листами до п. Петра Апостола и до обозного Родзянки, упоминаючись о людей и статокъ мой, въ Хоролѣ держиміе. Романъ молодикъ поехалъ въ Лохвицю и Сенчу меду куповать, а грошей въ него было шинковихъ 18 таляр., а я далемъ отъ себѣ 14 рублей, а всѣхъ на зол. 124 зол. Отъ Корицкого, сотника опошнянского, ординованного въ низовій походъ, полученъ листъ о его у Олшаной оборотѣ и о учрежденіи справнѣйго якого бъ комендѣра, вмѣсто Назаріева. Сотникъ наказній роменскій, по взяттю указу еще позавчорайшого дня, сего дня поехалъ у вечеру къ товариству, наряженному въ походъ. Отцу Павлу кафанъ данъ отъ мене. Староста коровинскій присилалъ писмо о побиттю, учинившомся, якоби отъ виправнихъ людей нашихъ, куда на розискъ посланъ отсюду атаманъ роменскій и Калнѣцкій дворанинъ.

10. Указы въ сотнѣ посланни до старшинъ о продажѣ меду казенного, а посланъ оденъ зъ нихъ въ глинскую сотню, а оттоль

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

СЕНТЯБРЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXIV. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, нерологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

ПОЛТАВЩИНА ВЪ XVII ВѢКѢ.

Полтавскій полкъ,—одинъ изъ десяти, на которые была раздѣлена старая Малороссія,—занималъ междурѣчье Орели и Ворсклы, распространяясь частью и на правый берегъ послѣдней, т. е. занималъ нынѣшніе уѣзды: полтавскій, кобеляцкій и частью константиноградскій. Орелью, притокомъ Днѣпра, полкъ отдѣлялся отъ дикихъ степей, по которымъ свободно бродили только татары и запорожцы.—Сосѣдство съ татарами и вслѣдствіе того постоянная опасность отъ ихъ нападеній заставили народъ при заселеніи этой мѣстности кучиться въ многолюдныя поселенія—„городки". Городки эти, первоначально, размѣстились исключительно по берегамъ Ворсклы и Орели; на берегахъ первой возникли: Вел. Будища, Полтава, Ст. Санжары, Нов. Санжары, Бѣлики, Кобелякъ, Соколка и Кишенка, а на берегахъ Орели—Китай-городъ, Царычанка, Маячка и Нехвороща. Кромѣ этихъ двѣнадцати городковъ, были еще четыре: изъ нихъ три на Днѣпрѣ,—Орелъ (теперешній Ст. Орликъ), Переволочна и Келеберда,—а четвертый на Голтвѣ (притокъ Псла)—Решетиловка.

Поселенія эти возникли и устраивались впродолженіи всего XVII в., какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: турецкіе и крымскіе купцы, торгуя съ Москвой въ XVI в., ходили въ послѣднюю двумя путями; одинъ путь шелъ—съ Перекопа на Тавань и на замки—на Черкасы, на Каневъ и Кіевъ; а другой путь велъ, когда „опускали ту звычную дорогу, хотячи пройти полями, а не дорогою",—„съ Перекопа *чрезъ поля яловыя*, на

врочище Санъ-Чарово“ [1]). Послѣднее урочище указываетъ, безъ сомнѣнія, на мѣстность Старыхъ Санжаровъ, гдѣ, слѣдовательно, поселенія въ XVI в. не существовало, какъ не существовало и другихъ поселеній на берегахъ Ворсклы и Орели, берега которыхъ и называются здѣсь *полями яловыми*, т. е. пустыми, незаселенными.—Въ томъ же XVI в., берега Ворсклы считались принадлежностью жителей праваго берега Днѣпра, составляя ихъ „уходы“, т. е. мѣста, гдѣ они промышляли звѣря и заводили пасѣки [2]). Владѣльцы ворсклянскихъ уходовъ и были, конечно, первыми колонизаторами мѣстности, впослѣдствіи составившей Полтавскій полкъ.

Сколько можно судить о характерѣ этой мѣстности по тѣмъ отрывочнымъ описаніямъ, которыя мы находимъ въ юридическихъ актахъ второй половины XVII в., Орель и Ворскла въ XVI—XVII в., были достаточно многоводными рѣчками, берега которыхъ покрыты были густыми дубовыми, липовыми и осокорьими (осокорь=populus nigra) лѣсами; заднѣпряне прорубливали эти лѣса и среди лѣсовъ являлись—„сѣчи“, а на этихъ сѣчахъ устраивались хутора, въ которыхъ селились пришельцы, чтобы промышлять пчеловодствомъ и отчасти—звѣремъ и рыбой. Хутора превращались въ слободы, когда заднѣпровскіе владѣльцы ворсклянскихъ уходовъ двинулись цѣлыми массами на лѣвый берегъ Днѣпра, спасаясь сначала отъ польскихъ насилій, а потомъ—отъ татарскихъ разореній. Въ исторіи заселенія Полтавщины видны три періода: 1, первая половина XVII в., когда заселились берега Ворсклы; 2, вторая половина XVII в.,—время заселенія береговъ Орели и 3, первая половина XVIII в., когда скученное населеніе городковъ и селъ XVII-го в. стало искать новыхъ болѣе привольныхъ угодій и заселило слободами оставившіяся еще незанятыми сѣчи по Ворсклѣ и Орели и пустые до того берега Коломака и Орчика.

Городки и села по Ворсклѣ селились въ первой половинѣ XVII-го в., какъ видно изъ отрывочныхъ свѣдѣній, встрѣчаемыхъ

---

[1]) Книга посольск. Метрики вел. кн. Литовск. I, 30.

[2]) Въ 1545 г. козаки кіевскіе, каневскіе и черкасскіе говорили: „были есьмо в входехъ нашихъ, т. е. на Хороле и на Ворскле“. Тамъ же.

въ юридическихъ актахъ. Имѣется напр. достовѣрное указаніе о времени заселенія Полтавы; указаніе это находимъ въ слѣдующемъ свидѣтельскомъ на судѣ показаніи 1681 г.—„старинный и подейшлый барзо въ лѣтехъ Яценко Барчанинъ,—тенъ старушокъ подъ боязнью Божію повѣдѣвъ (повѣдалъ), якъ мя, панове, видите старого, еще *якъ Полтава засѣдала слободою*, на той (спорной) сѣножати косилемъ... [1])". Въ 1641 году Полтаву видимъ уже городомъ, принадлежавшимъ Александру Конецпольскому, который заселялъ полтавскія окрестности новыми слободами [2]). Въ это время и поселились, должно быть, села по той Ворсклѣ: Патлаевка, Семеновка, Петровка, Гавронцы, Стасовцы; вправо отъ Ворсклы—Диканька, Жуки, Тахтауловъ, Осмачки, Ивончинцы, Рыбцы, Гуджулы, Мартыновка, Шостаки, Супруновка, Пушкаровка, Горбаневка, Мильцы, Куклинцы, Мачохи, Росошинцы... Всѣ эти села, возникшія въ первой половинѣ XVII в., старались не отдаляться отъ Полтавы, въ которой только и можно было укрыться въ случаѣ татарскаго набѣга. Въ Полтавѣ въ это время сидѣлъ намѣстникъ Конецпольскаго, панъ Сокольскій, который защищалъ окрестное населеніе, прогоняя набѣгавшихъ татаръ [3]).—О времени основанія всѣхъ перечисленныхъ селъ, можно судить по разсказу о заселеніи одного изъ старыхъ селъ—Стасовцовъ; этотъ разсказъ заключается въ одномъ свидѣтельскомъ показаніи 1700 г.—„Семенъ и Григоръ Потапенки, рожоные братья, козаки и жители стасовскіе, въ лѣтахъ и въ сѣдинахъ волосовъ южъ дозрѣлые, люде учтивые и вѣры годные, сумненемъ (совѣстью) обовязани, повѣдѣли: еще подъ часъ Кумейщины (1637 г.), будучисмо лѣтъ недорослихъ, зъ отцемъ нашимъ зайшлисмо до села Стасовецъ и осѣли мешканемъ, где отъ пяти еще куреню̂въ (курень=жилье) большъ нѣкого не было; а одъ того вре-

[1]) Протоколы полтавск. полковаго суда XVII в. Рукоп. нашей б—ки.

[2]) Акты Ю. З. Р. III, 54.

[3]) Въ 1648 г. гадяцкій полковникъ Конецпольскаго писалъ бѣлгородскому воеводѣ Бутурлину „и тое твоей милости ознаймую, ижъ у пятницу прошлую панъ Сокольскій билъ татаровъ пять миль отъ Полтавы и зъ ласки Божіей погромилъ ихъ"... Акты Ю. З. Р. III, 115.

мени рокъ по року, стало людей прибувати; а на Ворсклѣ еще нѣ мосту, нѣ млиновъ не бувало. Подъ часъ тежъ берестецкого роздруху (1650 г.) въ первый разъ на рецѣ Ворсклѣ мостъ былъ построенъ, гдѣ теперь гребля найдуется... [1])".

Берега Орели заселились послѣ разоренія турками Умани въ 1673 г.—Величко, самъ полтавецъ, разсказываетъ, что послѣ разоренія правобережной Украины, „народъ многими купами и таборами зо всѣхъ повѣтовъ собирался и—на сюю Днѣпра сторону перебирался и гдѣ улюбя—для житія своего избиралъ и засѣдалъ мѣсца; и особливо въ полку полтавскомъ засѣлъ по рѣцѣ Орели новыми городами, то есть: Китай-городомъ Царычанкою, Маячкою, Нехворощею и Келебердою [2])".

Будучи удаленъ отъ центра тогдашней Малороссіи, полтавскій полкъ не привлекалъ высшей войсковой старшины своими маетностями, которыя чисто степнымъ своимъ характеромъ, не представляли, кромѣ того, особыхъ экономическихъ выгодъ; поэтому козачье сословіе здѣсь не было такъ порабощено, какъ въ остальныхъ, особенно сѣверныхъ, полкахъ и до настоящаго времени еще оставило поселенія, населенныя исключительно козачьимъ сословіемъ. Избавленные отъ старшинскаго гнета, полтавскіе козаки долѣе другихъ сохраняли стародавніе обычаи свои и „вольности", выражавшіеся преимущественно въ свободномъ выборѣ старшины. Въ этомъ отношеніи, полтавскій полкъ представляетъ собою исключеніе изъ остальной Малороссіи, гдѣ не только крестьяне, но и козаки съ конца XVII в. становятся почти въ полную зависимость отъ той старшины, которая, хотя и считалась выборною, но въ сущности представляла собою гетманскихъ чиновниковъ... Въ полтавскомъ полку гетманская власть не находила возможнымъ держаться тѣхъ порядковъ, какіе установились въ другихъ полкахъ, въ особенности остерегаясь сосѣдняго съ Полтавщиной Запорожья, которое, давши Хмельницкому первыя средства для возстанія противъ поляковъ, смотрѣло затѣмъ на гетманщину,

---

[1]) Протоколы полтавск. полков. суда. Ркп.

[2]) Лѣтоп. II, 356.

какъ на свое дѣтище и постоянно, до конца XVII в., стремилось къ подчиненію гетманской власти своему вліянію; съ этой цѣлью Запорожье очень нерѣдко высылало въ Малороссію своихъ агентовъ, въ родѣ Петрика, для возбужденія народа противъ гетмановъ, и послѣдніе не безъ основанія старались, по возможности, не давать Запорожью поводовъ къ протестамъ противъ тѣхъ или другихъ своихъ дѣйствій [1]). *А запорожцы съ полтавцы живутъ совѣтно, что мужъ съ женой*", говорилъ въ 1661 г. одинъ наблюдательный современникъ [2]).

Во всей Малороссіи полчане и въ XVII в. (не говоря уже о послѣдующемъ времени) находились въ совершенной зависимости отъ своихъ полковниковъ, на выборъ которыхъ они не имѣли почти никакого вліянія; въ Полтавщинѣ же выборъ полковниковъ почти до конца XVII в. дѣйствительно зависѣлъ отъ воли „товариства", козаковъ, хотя послѣдними въ такихъ случаяхъ всегда руководилъ небольшой кружокъ богачей, умѣвшихъ подчинить своему вліянію остальныхъ полчанъ. Кружокъ этотъ составляли слѣдующія лица: Мартынъ Пушкарь съ сыновьями, Искра, Ѳедоръ Жученко, Демьянъ Гуджолъ, Прокопъ Левенецъ, Демьянъ Яковенко и Леонтій Чернякъ; впослѣдствіи въ этотъ кружокъ втерся, по свойству съ генеральнымъ обознымъ Забѣлою, и сынъ выкрещеннаго еврея—Павелъ Герцикъ. Все это, кромѣ послѣдняго, были старинные и богатые козаки Полтавщины. Изъ нихъ Пушкарь, Искра, Жученко и Гуджолъ были записаны уже въ старѣйшемъ козачьемъ реестрѣ 1649 г. [3]). Встрѣчая около Полтавы села, названія которыхъ тожественны съ прозваніями нѣкоторыхъ изъ нихъ (Жуки, Гуджулы, Пушкаровка), можно предположить, что названныя лица были первымъ поколѣніемъ основателей этихъ селъ; такимъ образомъ вліяніе и значеніе этого кружка основывалось на старинной

---

[1]) Самъ Мазепа побаивался Запорожья; такъ, въ 1692 г. онъ писалъ въ Москву, что „о маетностяхъ, разнымъ особамъ данныхъ, происходятъ межъ посполитымъ вопль и пререканія, *а особо отъ запорожцовъ произносятся голосы, къ шатости склонные*... Чт. въ Моск. Общ. Ист. 1859 г., I, 5.

[2]) Акты Ю. З Р. VI, 99.

[3]) Реестра Войска Запорожск. 1649 г. Изд. Бодянскаго, стр. 279—283.

извѣстности тѣхъ козачьихъ родовъ, къ которымъ принадлежали члены его. Въ продолженіе всей второй половины XVII в. названные коноводы интриговали другъ противъ друга, стараясь захватить полковничій урядъ въ свои руки; но когда одному изъ нихъ это удавалось, тогда остальные соединялись вмѣстѣ и начинали интриговать противъ своего же избранника, пока не успѣвали въ чемъ нибудь обвинить его передъ „товариствомъ". Тогда урядъ доставался другому и такъ далѣе почти до конца XVII в.

Ближайшее ознакомленіе съ подробностями частой смѣны полтавскихъ полковниковъ можетъ представить интересныя данныя для изученія народной жизни въ южной части старой Малороссіи.

Полковничье властительство въ Полтавщинѣ открывается извѣстною личностью Мартына Пушкаря, одного изъ видныхъ сподвижниковъ Хмельницкаго. Пушкарь былъ ревностнымъ сторонникомъ Переяславскаго договора 1654 г. и по смерти Хмельницкаго цѣлый годъ боролся съ Выговскимъ, защищалъ единеніе съ Москвою, и не будучи поддержанъ московскимъ правительствомъ, погибъ въ 1658 г. Пушкарь правилъ полтавскимъ полкомъ около девяти лѣтъ (1649—58). На мѣсто его выбранъ былъ старшій его сынъ Кирикъ Пушкарь, который продолжалъ противиться планамъ Выговскаго, для чего получилъ и помощь изъ Москвы, но разореніе Полтавы Выговскимъ совсѣмъ измѣнило настроеніе полтавцевъ [1]). Въ ноябрѣ 1658 г. Кирикъ Пушкарь былъ „скинутъ", а на мѣсто его выбранъ старый козакъ полтавскій Филонъ Горкуша, который, какъ кажется, былъ нѣкоторое время полковникомъ и при Хмельницкомъ [2]). Горкуша, будучи сторонникомъ Выговскаго, скоро былъ скинутъ и замѣненъ младшимъ братомъ Кирика Пушкаря, Маркомъ. Послѣдній поѣхалъ было въ Москву хлопотать о поддержкѣ противъ Выговскаго [3]), но въ отсутствіе

---

[1]) Акты Ю. З. Р., IV, 196. Величко, I, 333.
[2]) Акты Ю. З. Р., IV, 202. Величко, I, 300.
[3]) Акты Ю. З. Р., IV, 206.

его (лѣтомъ 1659 г.), полковникомъ былъ выбранъ снова Кирикъ Пушкарь, который, увидѣвъ усиленіе Выговскаго послѣ сраженія подъ Конотопомъ, думалъ уже было смириться и началъ переговоры о томъ съ однимъ изъ старшинъ Выговскаго—Каплонскимъ. Объ этихъ переговорахъ узналъ полтавскій воевода Зиновьевъ и Кирикъ былъ арестованъ, а полковникомъ полтавцы выбрали Өедора Жученка [1]) (въ іюлѣ 1659 г.). Өедоръ Жученко держался Юрія Хмельницкаго, и когда послѣдній передался на сторону поляковъ, не отставалъ отъ него и пошелъ съ нимъ за Днѣпръ. Въ маѣ 1661 г. полтавцы выбрали полковникомъ Демьяна Гуджола, и Жученко „сталъ вины свои добивать [2])"...

Послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго, искателями булавы явились два сподвижника стараго Хмельницкаго—Самко и Золотаренко. У обоихъ права были одинаковыя, оба пользовались равною извѣстностью въ „Войскѣ" и потому выборъ межъ ними былъ труденъ, тѣмъ болѣе, что ни одинъ не хотѣлъ уступить другому. Такимъ положеніемъ дѣла въ Малороссіи воспользовалось Запорожье и выставило своего кандидата—въ лицѣ Брюховецкаго. Послѣдній былъ поддержанъ южными полками—лубенскимъ, миргородскимъ и полтавскимъ, населеніемъ которыхъ Сѣчь преимущественно и пополнялась. Гуджолъ тоже ревностно поддерживалъ Брюховецкаго, сначала не поѣхавъ на раду козелецкую, гдѣ выбранъ былъ Самко, а потомъ громко заявляя, что одна надежда на такого гетмана, который выбранъ будетъ полною, *чорною* радою, т. е. такою радою, которою будетъ заправлять чернь, причемъ послѣднюю должны были составить приведенные Брюховецкимъ запорожцы. Брюховецкаго выбрали, но плохо пришлось отъ этого выбора не только его противникамъ, но и тѣмъ сторонникамъ, которые не принадлежали къ Запорожью [3]). Добившись булавы интригами, Брюховецкій понималъ непрочность своего положенія и рѣшилъ держаться, опираясь ис-

---

[1]) Т. ж., 241.
[2]) Т. ж., V. 65.
[3]) Акты Ю. З. Р. VII, 345—347.

ключительно на Запорожье. Получивъ изъ рукъ Великогагина булаву 19 іюня 1663 г., Брюховецкій въ тотъ же день „во всѣхъ городахъ своихъ полковниковъ поставилъ изъ тѣхъ людей, которые съ нимъ вышли изъ Запорожья“ (Самовид., 41). Смѣненъ при этомъ былъ и Гуджолъ, а на мѣстѣ его явился Савва Өедоровичъ Омельницкій, конечно запорожецъ. О поставленныхъ Брюховецкимъ полковникахъ лѣтопись „о презрѣльной брани“ говоритъ, что всѣ они были „зъ гултяйства запорожского наставленіе, которіе зъ голоты (изъ бѣдняковъ) ставши на началахъ и у крамарей (мелкихъ торговцовъ) себѣ дщери ихъ побравши, до оныхъ и сами присташа и хитро яко самоволци, имѣяху всегда на мысли разграбленіе [1])“...

Изъ числа такихъ полковниковъ, вѣроятно, былъ и Омельницкій, котораго мы встрѣчаемъ всего разъ [2]). Черезъ два года онъ почему то былъ замѣненъ другимъ запорожцемъ—Витязенкомъ, передъ тѣмъ занимавшимъ урядъ генер. бунчучнаго (А. Ю. З. Р. V, 234 и VI, 15,53). Отъ этого Витязенка и даже отъ жены его натерпѣлись полтавцы не мало бѣдъ.

Вообще время Брюховецкаго для Полтавщины было горше Выговщины. Кромѣ полковниковъ „изъ гультяйства запорожского“, Брюховецкій привелъ съ собою еще и воеводъ, которые должны были переписать все населеніе Малороссіи и затѣмъ собирать съ него подати. Такихъ воеводъ Малороссія передъ тѣмъ не видѣла и никакъ не могла съ ними помириться, тѣмъ болѣе, что поведеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ необходимо должно было возбуждать народъ... Воеводою въ Полтаву былъ присланъ Хитрово, который, кромѣ того, что слишкомъ круто началъ установлять новые порядки, велъ себя въ отношеніяхъ съ народомъ грубо, не отличая никакимъ вниманіемъ и заслуженную старшину. Послѣдняя писала Брюховецкому въ 1661 г. слѣдующее: „неизносныя неправды и утѣсненія воевода чинитъ,—коней осталыхъ въ домѣхъ въ подводы велитъ имати москалямъ... не осматриваясь,—

---

[1]) Лѣтоп. Грабянки, изъ непропущеннаго цензурою мѣста, слѣдующаго въ изд. 1854 г., за стр. 194.

[2]) Протоk. полтавск. полк. суда.

въ домахъ не только меншихъ товаришовъ, но и здавна заслуженныхъ бывшихъ полковниками, яко-то Ф. Жученка, Д. Гуджала, К. Пушкаренка, К. Кублицкаго и иныхъ... Занимаетъ наши дома подъ постой, ругая и полковника нашего,— *съ ласки и милости вашей намъ данного, которого какъ отца почитаемъ*... И который товарищъ прійдетъ къ нему, то очи тростью выбиваетъ и плюетъ... И безчестье такое терпимъ отъ него и всѣхъ начальныхъ, что если его, воеводу, перемѣнить не изволишь, то мы, забравъ женъ и дѣтей, по нуждѣ пойдемъ куда очи" [1]). Эту жалобу полтавцы писали едва ли не по наущенію Витязенка (самому ему неловко было говорить противъ воеводы), потому что въ ней нѣтъ упоминанія о насиліяхъ полковника, который не только не былъ „отцомъ" для своихъ полчанъ, но утѣснялъ послѣднихъ не меньше воеводы. Полковой судья Климъ Чернушенко разсказывалъ въ 1667 г. стольнику Кикину, что Витязенко „козаковъ многихъ напрасно зневажаетъ, а иныхъ и бьетъ напрасно; а жена де его полковникова жонъ козацкихъ напрасно жъ бьетъ и безчеститъ. А кто-де, козакъ или мужикъ, упадетъ хотя въ малую вину и онъ-де полковникъ того человѣка животы всѣ, и лошади и животину, емлетъ на себя. Да онъ же со всего полку согналъ мельниковъ и заставилъ на себя роботать, а мужики-де изъ селъ возили ему, полковнику, на дворовое строеніе лѣсъ и устроилъ де онъ себѣ домъ такой, что де у самого гетмана такого дому и строенія нѣтъ... А приводитъ де его, полковника, на всякое злое дѣло, и на корысть, и на грабленіе, жена его полковникова да писарь его полковый Ильяшъ Туранскій; а онъ-де, писарь, и пуще полковника корыстуется и людей невинно грабитъ безъ остатку, а мы-де ему, писарю, и не вѣримъ что-де онъ съ того боку Днѣпра" [2]).

Положеніе дѣлъ въ Полтавѣ было тяжелое: съ одной стороны воевода тѣснилъ, а съ другой—полковникъ грабилъ; на гетмана надѣяться было нечего, потому что онъ же выпросилъ

[1]) Акты Ю. З. Р., VI, 132.
[2]) Т. ж., VI, 195.

воеводъ, да и полковника поставилъ по своему выбору. Полтавцы хотя и терпѣли, но втихомолку раздумывали—какъ избавиться отъ чужепришельцевъ, присланныхъ имъ въ начало. Уже въ 1666 г. Меѳодій, епископъ мстиславскій, говорилъ Шереметеву, что „въ Запорогахъ и въ Полтавѣ учала быть шатость великая; что въ Полтавѣ люди пуще всѣхъ шатки и къ Запорогамъ близки и съ запорожцы въ мыслехъ бываютъ согласны“ [1]). Но прежде чѣмъ полтавцы до чего нибудь додумались, самъ Брюховецкій началъ то, о чемъ думали полтавцы. Слыша общій ропотъ народа, Брюховецкій рѣшилъ, что только одинъ выходъ для него возможенъ: изгнать воеводъ и тѣмъ снова привлечь къ себѣ народъ. На крещенскомъ съѣздѣ 1669 г. старшины въ Гадячѣ, Брюховецкій сообщилъ свой замыселъ полковникамъ, а на первой недѣлѣ поста первый воевода былъ изгнанъ изъ Гадяча самымъ гетманомъ. Вѣсть объ этомъ быстро пронеслась по всей Малороссіи: повсюду воеводъ стали изгонять и бить, гдѣ они сопротивлялись. Но изъ Полтавы воевода былъ выпровоженъ „за порадою и совѣтомъ людей умныхъ, въ цѣлости и безъ кровопролитія [2]).“ Во главѣ полтавскихъ мудрецовъ стояли, конечно, Жученко и Гуджолъ,—сторонники единенія съ Москвою.—Вслѣдъ за изгнаніемъ воеводъ народъ возсталъ и противъ Брюховецкаго и 7 іюня онъ былъ убитъ близъ Диканьки, почти тамъ же, гдѣ убитъ былъ и Пушкарь. Какъ только пришла въ Полтаву вѣсть о смерти гетмана, полтавцы рѣшили положить конецъ и его ставленнику—Витязенку. Полковой судья Чернушенко, особенно злобившійся на своего полковника, поднялъ бунтъ: взяли Витязенка и есаула его Обѣденка, „до арматъ územ поковали и вскорѣ тиранско въ смерть позабивали, а домы ихъ розграбовали. А по кончинѣ Витязенковой, они-жъ полтавцы избрали и постановили себѣ полковникомъ добраго, смиреннаго, побожнаго и простодушнаго человѣка, Демьяна Гуджола“. Такъ записалъ въ своей хроникѣ Величко, самъ полтавецъ и потому, вѣроятно, хорошо знав-

[1]) Т. ж., VI, 98 и 104.
[2]) Велич. II, 161.

шій и Витязенка, и Гуджола. Но ни смерть Брюховецкаго, ни убійство Витязенка не успокоили полтавцевъ. Они желали видѣть преемникомъ Брюховецкаго Дорошенка, самого популярнаго претендента на булаву, за котораго тянуло руку и Запорожье. Между тѣмъ русское правительство выставляло кандидатомъ въ гетманы—черниговскаго полковника Многогрѣшнаго, который ни службою, ни способностями не выдѣлялся изъ рядовъ войсковой старшины. Въ февралѣ 1669 г. пришла въ Полтаву царская грамота, которая звала полтавскую старшину въ Глуховъ, на раду. Полтавцы рѣшили не ѣхать на раду, на которой уже предрѣшено было избраніе „Многогрѣшнаго" [1]). Но Гуджолъ и по своему добродушію, и по опытности, повидимому, не раздѣлялъ настроенія своихъ полчанъ, потому что его въ это время съ полковничества скинули; вмѣсто него выбрали—Костю Кублицкаго, вѣроятно, какъ сторонника Дорошенка. Руку послѣдняго въ это время держали и сосѣдніе съ полтавскимъ полки—миргородскій и лубенскій. Кублицкій поспѣшилъ съ своими сотниками въ Чигиринъ, къ Дорошенку, куда звалъ послѣдній полтавцевъ, вмѣстѣ съ миргородцами и лубенцами, на совѣтъ—какъ избавиться отъ Многогрѣшнаго. Въ Чигиринѣ было рѣшено, что выбранному въ Глуховѣ гетману покоряться не слѣдуетъ, потому что „по милости царской" Дорошенко успѣетъ отнять у него булаву, принадлежащую ему по всѣмъ правамъ.

Многогрѣшный и самъ чувствовалъ, что булава ему досталась только вслѣдствіе удачно сложившихся для него обстоятельствъ; поэтому онъ и не думалъ смирять упорства полтавцевъ. Онъ только жаловался царю, что его не хотятъ признавать гетманомъ три южные полка. Изъ Москвы, въ апрѣлѣ, снова попробовали уговаривать полтавцевъ „вины свои принести, присягу учинить и быть у Многогрѣшнаго въ послушаніи и въ совѣтѣ" [2]). А вслѣдъ за царскою грамотою и Многогрѣшный послалъ свой „листъ" въ Полтаву, совѣтуя Кублицкому отстать отъ Дорошенка; но полтавцы—и „отвѣта никакого не

---

[1]) Акты Ю. З. Р., VIII, 154, 95.

[2]) Т. ж., 155.

дали", доносилъ гетманъ въ Москву, добавляя, что „хотя они повинуются нынѣ Дорошенку, только больше поглядають на Суховѣеву руку и едва посланцовъ своихъ въ Запороги не посылали" [1]). Суховѣя въ это время выставило Запорожье своимъ кандидатомъ на булаву, вѣроятно разсчитывая, что Дорошенко слишкомъ популяренъ, чтобы при немъ Запорожье могло сохранить то значеніе и вліяніе, которыми оно пользовалось при Брюховецкомъ. Но полтавцы неотступно держались Дорошенка и въ іюнѣ послали помощь его отряду, высланному къ Ромну противъ сторонниковъ Многогрѣшнаго [2]). А между тѣмъ изъ Москвы пришла къ Кублицкому третья грамота, угрожавшая присылкою на Полтаву кромѣ ратныхъ людей, еще и „калмыцкихъ тайшей со всѣми ихъ улусными людьми", если только полтавцы будутъ продолжать свое упорство и не явятся къ Многогрѣшному съ повинною [3]). Послѣдняя грамота произвела нѣкоторое дѣйствіе, по крайней мѣрѣ на Кублицкаго: можно догаться, что послѣдній, видя, что Дорошенко никакихъ рѣшительно мѣръ къ искорененію Многогрѣшнаго не принимаетъ, а притомъ и Запорожье уже отстало отъ него, совѣтовалъ своимъ полчанамъ смиряться.—Но тутъ возстали старые вожаки, напомнили, что и Многогрѣшный согласился принять въ нѣкоторые города воеводъ и Кублицкій былъ съ полковничества скинутъ и замѣненъ уже извѣстнымъ намъ Горкушею. Полтавцы надѣялись, что Горкуша, какъ старый товарищъ Дорошенка, не покорится случайному гетману. Сохранилось замѣчательное письмо Горкуши, которое онъ написалъ Многогрѣшному вслѣдъ за выборомъ своимъ въ полковники.—„Изъ царской грамоты уразумѣли мы, что не желаетъ и не позволяетъ царское пресвѣтлое величество никакому православному народу чинить непокой и кровопролитіе; а ты невѣдомо отъ кого,—отъ царя ли православнаго или отъ врага душевнаго, принялъ на себя высокій урядъ гетманства запорожскаго вмѣсто даннаго тебѣ н.

---

[1]) Т. ж., 161.
[2]) Т. ж., 238.
[3]) Т. ж., 247.

гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ сѣверскаго гетманства[1]) и уподобился сатанѣ, потому что тотъ урядъ гетманства запорожскаго взятъ тобою помимо воли и войска и ясневельможнаго п. гетмана нашего; а заслуги твои войску запорожскому, какъ намъ извѣстно, мало знатны. При этомъ ты еще и страшилъ насъ всякими силами войскъ царскихъ; но мы, имѣя защиту Божью и охрану нашего п. гетмана съ его сильными полками, запорожскими, крымскими, бѣлогородскими и турскими, нимало твоихъ угрозъ не боимся и, какъ на врага, изготовили на тебя въ Полтавѣ десять тысячь сабель! Не ждемъ отъ тебя правды и ты не надѣйся, чтобъ мы тебѣ поклонились. А если хочешь,— ищи себѣ милости у п. гетмана Петра Дорошенка; а къ намъ и не пиши, и не шли никакихъ своихъ угрозъ, потому что Богъ намъ помощникъ и—не убоимся! Сего ради изволь писать къ п. гетману нашему, а къ намъ—вотще труждаешься: никогда того не будетъ, чтобъ ты былъ гетманомъ запорожскимъ и нашимъ! Сей нашъ отвѣтъ отъ всего поспольства, товариства и мѣщанъ пославъ, добраго отъ Господа Бога здоровья, мирнаго покоя и милосердія Божія, яко сами себѣ, мирно желаемъ" [2]).

Такой открытый протестъ полковника противъ гетмана, утвержденнаго уже царемъ, во всякомъ случаѣ очень замѣчателенъ для характеристики Полтавщины; видно, что послѣдняя, не боясь, выставляла свою оппозицію, конечно, разсчитывая на поддержку Запорожья.... Однакожъ, видя, что Дорошенко продолжаетъ сидѣть за Днѣпромъ и только одними универсалами грозитъ Многогрѣшному, смирились и полтавцы.... Горкуша, какъ сторонникъ Дорошенка, былъ скинутъ и замѣненъ снова старымъ вождемъ—Жученкомъ, который, благодаря житейской своей опытности, наконецъ покорилъ Полтавщину Многогрѣшному. Но когда послѣдній былъ низложенъ въ 1672 г., то тогда

---

[1]) Убивъ Брюховецкаго, Дорошенко мечталъ немедленно замѣнить его и пошелъ къ Путивлю на соединеніе съ русскими войсками; но на дорогѣ получилъ извѣстіе о невѣрности своей жены и поспѣшилъ домой, за Днѣпръ; на время своего отсутствія, онъ оставилъ наказнымъ гетманомъ Многогрѣшнаго, который воспользовался этимъ случаемъ и добылъ себѣ полное гетманство....

[2]) Т. ж. 259.

же низложенъ былъ и Жученко.... Вмѣсто Жученка былъ поставленъ опять Гуджолъ, который присутствовалъ уже и на радѣ, выбравшей Самойловича [1]). Но старые полковники уже не удовлетворяли полтавцевъ, потому что противъ Гуджола скоро поведена была интрига уже новымъ лицемъ. Интригу противъ Гуджола повелъ новый претендентъ на полковничій урядъ— Прокопъ Левенецъ, который и добился того, что въ 1674 г. его выбрали полковникомъ. Интересно, что послѣ этого Гуджолъ года три (1685—77 г.г.) занималъ одинъ изъ самыхъ незначительныхъ урядовъ, именно—полтавскаго городоваго атамана, который подчиненъ былъ непосредственно сотнику; затѣмъ въ 1678 г. видимъ Гуджола полковымъ судьею, а потомъ встрѣчаемъ его уже безъ всякаго уряда, рядовымъ козакомъ; такъ въ актѣ 1680 г. онъ пишется—„славетный панъ Демьянъ Гуджолъ, козакъ полтавскій". Видно, что демократическій строй козачества въ Полтавщинѣ сохранялся гораздо дольше, чѣмъ въ полкахъ сѣверныхъ, гдѣ въ это время уже невозможенъ былъ фактъ, чтобы бывшій полковникъ ставился на низшій, судейскій урядъ, не говоря уже объ атаманствѣ. Добившись пернача, Левенецъ однакожъ не съумѣлъ его удержать, встрѣтивъ ловкую интригу Герцика, давно уже мечтавшаго о полтавскомъ полковничествѣ. Сынъ выкрещеннаго еврея, Герцикъ выдвинулся изъ темной массы послѣ того, когда въ 1667 г. генеральный судья Петръ Забѣла случайно женился на вдовѣ— матери Герцика. Въ это время, по разсказу Кочубея, Павелъ Герцикъ торговалъ на полтавскомъ базарѣ иголками и шпильками [2])... А черезъ восемь лѣтъ онъ уже явился соперникомъ Левенца и былъ выбранъ вмѣсто послѣдняго—полковникомъ. Кочубей разсказываетъ, что Герцикъ „подольстившися и подмогоричившися козакамъ полтавскимъ, не съ заслуги какой военной, но по лукавому обману, выбранъ полковникомъ; и побувши на томъ урядѣ нѣкоторое время, былъ скинутъ" [3]). А подоль-

[1]) Величко, II, 311.

[2]) Чтенія въ Моск. общ. ист., 1859 г., I, 145.

[3]) Т. ж., 147.

стился Герцикъ такъ: въ октябрѣ 1675 г. Левенецъ, купивъ у одного козака хуторъ у Чорнаго озера, насыпалъ тамъ греблю. чтобы строить тутъ же водяную мельницу; но когда Левенцова плотина подтопила сосѣднія мельницы, Герцикъ подбилъ полчанъ жаловаться на полковника гетману. Полтавцы нашли болѣе удобнымъ прежде „скинуть" Левенца и выбрать на его мѣсто Герцика, а потомъ уже послали жалобу Самойловичу. Въ январѣ 1676 г. былъ полученъ отвѣтъ гетмана: „абы больше не важился Прокопъ Левенецъ, бывшій полковникъ, перешкоды строити (причинять убытки) товариству и мѣщанамъ Полтавскимъ новозанятою греблею его на Чорномъ озерѣ" и гребля его полчанами была уничтожена [1]). Но Герцикъ все таки долго не могъ продержаться на полковничествѣ: старые вожаки Полтавщины не могли спокойно видѣть своимъ полковникомъ человѣка, который самъ стыдился своего еврейскаго прозвища [2]). Осенью 1676 г. Жученко и успѣлъ было замѣнить Герцика, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдній снова захватилъ Полковничій перначъ. Но этотъ разъ Герцикъ продержался впрочемъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ и въ февралѣ 1677 г. на полтавскомъ полковничествѣ является Демко Яковенко, личность совершенно новая, на которой полтавцы, можетъ быть, хотѣли помирить свои страсти; но и Яковенко продержался всего мѣсяцъ: выбранный въ февралѣ, онъ въ мартѣ долженъ былъ уступить мѣсто опять Левенцу, который въ это время понадобился, какъ искусный военачальникъ, для чигиринскаго похода. Левенецъ дѣйствительно отличился въ этихъ походахъ, особенно во второмъ. Величко записалъ въ своей лѣтописи иинтересный эпизодъ изъ чигиринской войны—какъ козаки „сами, безъ воли гетманской, внезапно и мужественно бросились на турецкіе обозы и, знатную въ нихъ сдѣлавши шкоду, счастливо вернулись къ своему обозу", причемъ „добрые ихъ предводители и знаменитые рыцари—Өедоръ Жученко раненъ, а полковникъ Левенецъ, раненный вы-

[1]) Протоколы полтавск. полк. суда XVII в., рукопись.

[2]) Герцикъ нигдѣ въ актахъ не писался своимъ отцовскимъ прозвищемъ, всегда только—„Павломъ Семеновичемъ".

стрѣломъ изъ янычарки, съ коня свалился, но спасенъ былъ панцыремъ“ [1]). За чигиринскіе походы Левенецъ получилъ отъ царя двѣ похвальныя грамоты, одну въ декабрѣ 1677 г., а другую—въ ноябрѣ слѣдующаго.

Не успѣлъ Левенецъ вернуться съ полкомъ домой, какъ противъ него снова поведена была интрига тѣмъ же Герцикомъ, къ которому на этотъ разъ присталъ и Жученко, вѣроятно изъ зависти... На этотъ разъ впрочемъ полтавцы уже не рѣшились смѣнять полковника собственною властью, а пожаловались на Левенца гетману, что онъ „похвалки чинитъ на здоровье знатнѣйшихъ особъ и безчеститъ ихъ“. Гетманъ попробовалъ было защитить храбраго полковника, напомнилъ полтавцамъ о его недавнихъ заслугахъ, которыя онъ показалъ „въ очахъ“ гетманскихъ, но въ іюнѣ 1679 г. Левенецъ долженъ былъ уступить Жученку и на этотъ разъ уже навсегда; послѣ этого Левенецъ служилъ разъ, полковымъ обознымъ, во время коломацкаго похода, когда потребовалась, вѣроятно, опять его военная опытность, но полковничества уже не достигалъ. Пробывъ полковникомъ около года, Жученко встрѣтилъ новаго соперника въ лицѣ Черняка. Леонтій Чернякъ принадлежалъ также къ числу старинныхъ полтавскихъ козаковъ и съ 1673 г. занималъ урядъ генеральнаго есаульства; но этотъ урядъ былъ не важенъ, такъ какъ онъ не давалъ въ руки никакой самостоятельной власти; поэтому Чернякъ, на ряду съ Жученкомъ, Левенцомъ, Герцикомъ, былъ также постояннымъ претендентомъ на полтавское полковничество; но добился онъ его позднѣе другихъ: въ первый разъ Черняка выбрали лѣтомъ 1680 г. и онъ пробылъ полковникомъ около трехъ лѣтъ, пока снова былъ замѣненъ Герцикомъ, кажется, въ 1683 г. На этотъ разъ Герцикъ добился полковничества уже не интригою среди полчанъ, а подарками, поднесенными гетману и его сыновьямъ, при посредствѣ гадяцкаго полковника, Михайла Самойловича, гетманскаго племянника; такъ разсказываетъ Кочубей, добавляя, что Герцикъ, получивъ полковничій урядъ на этотъ разъ изъ рукъ гетмана, „всякими

---

[1]) Вел. II, 464.

обидами описывалъ" послѣднему и Жученка, и зятя его Искру, желая очернить ихъ въ Батуринѣ и тѣмъ преградить на будущее время доступъ къ полковничеству [1]). Однакожъ, когда Самойловичъ былъ отставленъ отъ гетманства, то преемникъ его, замѣняя на Коломакѣ тогдашнихъ полковниковъ новыми, вмѣсто Герцика поставилъ полковникомъ того же Жученка, который „съ молодости лѣтъ своихъ до самой сивизны, во всякихъ оказіяхъ военныхъ значныя оказывалъ праци", какъ говоритъ о немъ актъ 1682 г. На этотъ разъ Жученко оставался полковникомъ до 1691 г., съ небольшимъ перерывомъ, въ 1689 г. когда онъ былъ замѣненъ Чернякомъ, котораго поставили, вѣроятно, сами полтавцы, помимо гетмана... Но Чернякъ былъ удаленъ и перначъ снова возвращенъ Жученку, къ которому Мазепа не могъ не благоволить, какъ къ тестю тогдашняго своего генеральнаго писаря и близкаго человѣка—Кочубея. Жученко пересталъ быть полковникомъ, вѣроятно, вслѣдствіе старости; но жилъ онъ и послѣ отставки еще долго, переживъ обоихъ своихъ зятей, Кочубея и Искру [2])... Жученка замѣнилъ Герцикъ, который, по разсказу Кочубея, и теперь „прелестно зосталъ полковникомъ", т. е. едва ли не купилъ этотъ урядъ у Мазепы... На этотъ разъ Герцикъ пробылъ полковникомъ до 1695 или 96 г. и замѣненъ былъ своякомъ Кочубея—Искрою. Оставлено было Герцикомъ полковничество, вѣроятно, по старости, такъ какъ трудно предположить, чтобы Мазепѣ простодушный Искра былъ желательнѣе „цѣкаваго" Герцика [3])...

---

[1]) Чтенія въ Моск. общ. ист., 1859 г., I, 148.

[2]) См. Русск. Арх. 1875 г., I, 409.

[3]) Оставивъ войсковую службу, Герцикъ сталъ замаливать грѣхи и въ 1700 г. построилъ въ кіевской лаврѣ, у входа въ ближнія пещеры, каменную церковь Воздвиженія Честн. Креста. Въ этой церкви онъ былъ и похороненъ, причемъ на стѣнѣ, около могилы, повѣшенъ былъ его портретъ. (Опис. к. лавры, митр. Евгенія, изд. 2-е, стр. 348). Затѣмъ портретъ этотъ былъ уничтоженъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ, какъ разсказывалъ намъ въ 1883 г. одинъ почтенный лаврскій инокъ: при устройствѣ въ Воздвиженской церкви могилы для умершаго въ 1857 г. митрополита Филарета (Амфитеатрова), открыта была случайно и могила Герцика; въ ней еще были замѣтны слѣды кедроваго гроба, а на остаткахъ скелета видны были черные усы... Тогда же, т. е. въ 1857 г., тутъ же около открытой могилы, еще висѣлъ и

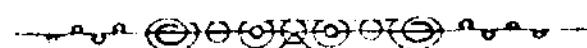
Искрою закончился рядъ полтавскихъ полковниковъ въ XVII в.

Изъ разсказаннаго мы видимъ, что полтавцы самостоятельно выбирали себѣ полковниковъ, пока Самойловичъ не забралъ раздачу важнѣйшихъ старшинскихъ урядовъ въ свои руки. При Мазепѣ свободный выборъ полковниковъ прекратился совсѣмъ, такъ какъ этотъ гетманъ умѣлъ стать самовластителемъ.

Какіе же результаты получались полтавцами при сохраненіи права свободнаго выбора себѣ полковниковъ почти до конца XVII в.? На этотъ вопросъ долженъ слѣдовать такой отвѣтъ: 1) при свободномъ выборѣ полтавскіе полковники мѣняются очень часто, но персоналъ ихъ ограничивается всего пятью-шестью лицами изъ мѣстныхъ богачей и 2) послѣдніе, интригуя изъ за полковничьяго пернача другъ противъ друга, превращаютъ полчанъ—выборщиковъ въ послушное свое орудіе...

Исторія частой мѣны полтавскихъ полковниковъ даетъ нѣкоторый матеріалъ для заключенія, что выборное начало въ Старой Малороссіи при неограниченномъ участіи въ выборахъ „черни“, не могло долго держаться и должно было съ развитіемъ гетманской власти уничтожиться...

Ал. Лазаревскій.



портретъ Герцика; но послѣ погребенія митрополита, какой то монахъ нашелъ неудобнымъ нахожденіе Герциковаго портрета около новой могилы и будто бы тогда же портретъ этотъ брошенъ въ печку... (Ср. Кіево-Печерская лавра въ ея прош. и наст. состоян., стр. 64).

ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ ТИМКОВСКІЙ,

ПЕДАГОГЪ ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ.[1]

В. Н. Каразинъ не дождался въ Харьковѣ пріѣзда Тимковскаго, котораго задерживали въ Петербургѣ разныя обстоятельства, и между прочимъ исполненіе нѣкоторыхъ порученій Потоцкаго. Возвращаясь въ Петербургъ, Каразинъ, въ виду возможности разминуться съ Тимковскимъ въ дорогѣ, оставилъ ему въ Харьковѣ оффиціальное письмо отъ 24 мая, въ которомъ, передавая дальнѣйшее завѣдываніе ввѣренной ему частью, просилъ Тимковскаго вступить во всѣ тѣ отношенія, въ которыхъ онъ былъ, и продолжать начатыя имъ распоряженія. Какъ видно изъ письма Тимковскаго къ Н. Н. Новосильцеву, онъ встрѣтился съ Каразинымъ въ Москвѣ, гдѣ, для переговоровъ съ нимъ, остановился на два дня. Затѣмъ 8 іюня 1803 г. Тимковскій, вмѣстѣ съ профессорами Осиповскимъ, Делавинемъ и Лангомъ, прибыли въ Харьковъ.

О томъ впечатлѣніи, которое произвелъ тогдашній Харьковъ на пріѣхавшихъ, можно судить по слѣдующимъ строкамъ письма Тимковскаго къ Новосильцеву: „Городъ стоитъ частію на горѣ, но большею частію на мѣстахъ низменныхъ, около двухъ стекающихся рѣчекъ. Онъ только лишь выходитъ изъ состоянія дикой необразованности. Если обстроится, будетъ пріятный городъ: окрестности его богаты красотою, почва земли способна для садовъ; близъ него есть глинистыя горы для кирпича, есть довольно и лѣсу, коего нынѣшняя дороговизна про-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1891 г., № 8.

исходитъ отъ множества прилежащихъ винокуренныхъ заводовъ, зло удобоотвратимое. Многіе доселѣ оттого боялись строиться, что городъ часто обременяемъ былъ постоями, и если квартиры дороги, то потому, что всякій строился какъ можно тѣснѣе, единственно для себя; но теперь многіе изъ купечества дожидаются только, чтобъ началось строеніе университета, и подлѣ него воздвигнутся зданія порядочныя. И въ то же время, безъ сомнѣнія, больше будетъ рачительности о вымощеніи улицъ, о чистотѣ воздуха и воды; здѣсь множество развалившихся и гніющихъ лачугъ остаются не снесены; улицы для уменьшенія грязи набивали навозомъ, плотины насыпали изъ навозу; навозъ сваливаютъ зимою и на рѣку. Посему можно судить, каковы должны быть улицы, воздухъ и вода во всякое сырое время, а особливо осенью и весною. Но можно также ясно усмотрѣть, что во всемъ этомъ виною одинъ недостатокъ дѣятельности градской полиціи: по нѣкоторымъ замѣчаніямъ кажется, какъ будто нѣтъ ее здѣсь; естественное же положеніе Харькова довольно счастливо, и увѣреніе, яко бы нѣтъ возможности осушить и вымостить улицы—есть отговорка. Когда выстроятся просторные домы, когда улицы вымостятся лучше, когда въ городѣ не будетъ вовсе, или безъ крайней нужды постоевъ, когда винокуренные заводы около города удалятся по крайней мѣрѣ на 25 верстъ, когда станутъ издалека привозить всякіе припасы въ твердой надеждѣ на сбытъ ихъ,—тогда житье здѣсь будетъ вѣроятно сходнѣе.“

Хотя вышеприведенными инструкціями Потоцкаго отъ 4 апрѣля 1803 г. Тимковскому было поручено „участвовать въ приготовительныхъ при заведеніи харьковскаго университета распорядкахъ, вмѣстѣ съ особами, которыхъ изберетъ отъ себя на тотъ конецъ тамошняя дворянская дума“, однако еще раньше пріѣзда въ Харьковъ Тимковскаго, именно 21 апрѣля 1803 г., собраніе предводителей дворянства слободско-украинской губерніи, по поводу предложенія Потоцкаго, высказало въ своемъ опредѣленіи слѣдующее: „Что касается до распоряженія сею суммою (т. е. тою суммою, которая была пожертвована дворянствомъ на учрежденіе университета), то какъ въ силу 20 и 46

ст. предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, оно ввѣряется начальству сей части правленія государственнаго, собраніе дворянства за излишнее почитаетъ избирать отъ себя особъ, которые бы въ таковомъ распоряженіи участвовали, ограничивъ себя единожды навсегда взносомъ суммы, почему и благосклонное о семъ предложеніе достопочтеннаго попечителя округа его сіятельства графа С. О. Потоцкаго отклоняетъ отъ себя съ совершенною благодарностію за сей знакъ его благородному нашему корпусу уваженія.“

Такимъ образомъ, за отказомъ дворянства отъ всякаго участія въ приготовительныхъ распоряженіяхъ по устройству харьковскаго университета, кромѣ доставленія денегъ, Тимковскій сдѣлался единственнымъ распорядителемъ по принятію всѣхъ мѣстныхъ мѣръ къ открытію университета [1]), при сотрудничествѣ по хозяйственной части колл. совѣтн. Ив. Мих. Шипкина, котораго пригласилъ еще Каразинъ и который, не нося какого либо названія, былъ чѣмъ-то въ родѣ эконома и казначея при приготовленіи помѣщенія для университета: онъ велъ денежные счеты, хранилъ и расходовалъ денежныя суммы и вообще исполнялъ разныя хозяйственныя дѣйствія по указаніямъ и подъ надзоромъ Тимковскаго, который, отлучаясь изъ Харькова, оставлялъ Шипкину письменныя инструкціи о томъ, что

[1]) Н. А. Лавровскій, въ статьѣ своей: „В. Н. Каразинъ и открытіе харьковскаго университета“, говоритъ, что „съ начала 1803 г. до 11 апрѣля 1804 г. Каразинъ былъ главнымъ и, можно сказать, единственнымъ распорядителемъ всѣхъ приготовительныхъ работъ и мѣръ для снабженія университета, на первое время, всѣмъ необходимымъ“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г. № 1, стр. 77). Приведенныя нами документальныя данныя свидѣтельствуютъ, что это сообщеніе г. Лавровскаго оказывается не вѣрнымъ: Каразинъ былъ такимъ распорядителемъ только на время отсутствія Тимковскаго изъ Харькова, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, именно съ конца февраля до 21 мая 1803 г., когда, согласно порученію Потоцкаго, онъ долженъ былъ передать Тимковскому завѣдываніе всѣми приготовительными распоряженіями по устройству университета и отбыть въ Петербургъ, къ отправленію своей должности правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ. Но, не будучи послѣ этого оффиціально уполномоченъ на какія либо распоряженія по устройству университета, Каразинъ, какъ видно изъ приводимыхъ ниже писемъ его къ Тимковскому, продолжалъ принимать участіе въ устройствѣ университетскихъ дѣлъ; напримѣръ, ходатайствовалъ о скорѣйшемъ ассигнованіи суммъ университету, дѣлалъ для университета разныя покупки, нанималъ мастеровъ и проч.

именно надо сдѣлать въ его отсутствіе. Копіи нѣкоторыхъ изъ этихъ инструкцій сохранились въ бумагахъ Тимковскаго.

Положеніе Тимковскаго было тѣмъ труднѣе и отвѣтственнѣе, что попечитель учебнаго округа Потоцкій, какъ было упомянуто выше, возложивъ на Тимковскаго всѣ мѣры по устройству помѣщенія для университета, обозрѣнію всѣхъ училищъ харьковскаго учебнаго округа и приготовленію ихъ къ преобразованію на новыхъ началахъ, самъ предпочелъ въ это время проживать въ Западной Европѣ, а попечитель петербургскаго учебнаго округа, онъ-же президентъ академіи наукъ Н. Н. Новосильцевъ, на котораго, за отъѣздомъ Потоцкаго за границу, было возложено временное исправленіе его должности, былъ слишкомъ занятъ своими постоянными должностями въ Петербургѣ, чтобъ мочь хотя одинъ разъ пріѣхать въ Харьковъ, и управлялъ харьковскимъ учебнымъ округомъ черезъ Тимковскаго.

Первымъ дѣломъ для Тимковскаго, по прибытіи его въ Харьковъ, было озаботиться приготовленіемъ временнаго помѣщенія для университета. Когда состоялось повелѣніе объ учрежденіи харьковскаго университета, главное правленіе училищъ сообщило министру внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубею, что „располагая приступить къ построенію приличнаго университету дома, оно, дабы не медлить открытіемъ университета,“ проситъ „о назначеніи для университета на первый случай временнаго въ Харьковѣ помѣщенія“. Кочубей снесся съ слободско-украинскимъ гражданскимъ губернаторомъ Артаковымъ, который увѣдомилъ, что онъ не находитъ удобнѣйшаго для университета дома, кромѣ бывшаго генералъ-губернаторскаго, и что онъ уже сдѣлалъ распоряженіе объ опорожненіи этого дома. Согласно съ этимъ, по прибытіи въ Харьковъ Каразина, означенный домъ былъ переданъ въ его распоряженіе, а съ пріѣздомъ въ Харьковъ Тимковскаго поступилъ въ распоряженіе послѣдняго. Осмотрѣвъ домъ, Каразинъ нашелъ его недостаточнымъ для помѣщенія университета и призналъ нужнымъ къ этому дому прибавить другой, противолежащій по той же улицѣ домъ—вице-губернаторскій. То же самое нашелъ по пріѣздѣ въ Харьковъ и Тимковскій, о чемъ и представлялъ Новосильцеву 22 іюня и

31 августа 1803 г. Хотя противъ этого возражалъ вице-губернаторъ Наврозовъ, писавшій министру внутреннихъ дѣлъ, что кромѣ занимаемаго имъ дома „никакихъ казенныхъ ниже партикулярныхъ домовъ для помѣщенія его съ семейстомъ даже и по найму въ Харьковѣ нѣтъ“ и что кромѣ того въ означенный домъ онъ предполагалъ перевесть изъ обветшалаго корпуса казенную палату съ ея экспедиціями и кладовыми; однако Наврозовъ долженъ былъ уступить, но вмѣстѣ съ тѣмъ Новосильцевъ, въ качествѣ исправляющаго должность попечителя харьковскаго учебнаго округа, въ отношеніи своемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 7 сентября 1803 г. за № 109, долженъ былъ выразить, что „харьковскій университетъ пріемлетъ на счетъ суммъ, для него назначенныхъ, наемъ приличныхъ помѣщеній, какъ для вице-губернатора, такъ и для присутственныхъ мѣстъ, переведенныхъ изъ генералъ-губернаторскаго дома, до тѣхъ поръ, пока будутъ сооружены вновь предполагаемыя университетскія строенія.“

Такимъ образомъ, въ распоряженіе Тимковскаго поступили оба дома: сначала генералъ-губернаторскій, а потомъ, гораздо позже—и вице-губернаторскій, въ которыхъ надлежало сдѣлать всѣ необходимыя для помѣщенія университета перестройки и приспособленія и изъ которыхъ на первомъ домѣ Тимковскій, какъ только пріѣхалъ въ Харьковъ, уже увидѣлъ нѣсколько преждевременно прикрѣпленную вывѣску: „государственный университетъ.“ Очевидно, этой надписью Каразинъ хотѣлъ доставить харьковцамъ удовольствіе сознанія, что университетъ у нихъ уже существуетъ.

Относительно постройки новаго зданія для университета, какъ помнятъ читатели, инструкціями Потоцкаго Тимковскому было предоставлено по своему усмотрѣнію выбрать мѣсто для будущаго университета и, если окажется возможнымъ, то и пріобрѣсть такое мѣсто (5-й пунктъ второй инструкціи). По этому вопросу Тимковскій писалъ Новосильцеву 22 іюня 1803 г.: „Остается рѣшить выборъ мѣста для новыхъ зданій университета. Требуется, по моему мнѣнію, чтобы оно было за городомъ и довольно пространно, гдѣ воздухъ и вода были бы чистые,

здоровые и гдѣ бы можно было весело раскинуться ученому заведенію; чтобъ оно прилежало къ самой сухой и чистой части города, гдѣ студенты и прочіе могли бы имѣть свои жилища, и чтобъ была на немъ хоть часть чернозему для заведенія садовъ на равнинѣ и скатахъ. Я видѣлъ уже нѣкоторыя мѣста, но не прежде, какъ осмотрѣвши всѣ, осмѣлюсь написать объ нихъ утвердительно. А какъ при столь важномъ выборѣ мудрено совокупить всѣ потребности и всѣ выгоды, избѣжать всѣхъ невыгодъ и весьма легко погрѣшить можно, предпочитая одно другому, то не позволите ли въ такомъ случаѣ обождать симъ выборомъ до пріѣзда сюда графа Северина Осиповича[1]) и до собственнаго его обозрѣнія: время потерпитъ, между тѣмъ у насъ ранѣе сентября и сумма для покупки мѣста едвали будетъ".

Не желая такимъ образомъ взять на себя окончательное рѣшеніе вопроса о выборѣ мѣста для университета, Тимковскій по этому вопросу остался при томъ же мнѣніи, которое высказалъ въ приведенномъ письмѣ своемъ, послѣ чего университету удалось и пріобрѣсть безвозмездно именно такое мѣсто, которое Тимковскій находилъ удобнымъ для постройки университетскихъ зданій—на окраинѣ города, по сумской дорогѣ. 8 апрѣля 1804 г. общество войсковыхъ обывателей города Харькова составило приговоръ, которымъ, выражая желаніе подражать примѣру дворянъ и купечества, учинившихъ приношеніе на учрежденіе университета, постановило: отвесть для построенія университета, не требуя никакого удовлетворенія, изъ дачи, обмежеванной къ городу Харькову въ ихъ владѣніе и жалованной предкамъ ихъ слободскимъ козакамъ, часть земли: шириною—отъ дороги изъ слободы Лозовой въ Харьковъ до межи помѣщика Бондаревскаго и хутора Клочковскаго, и длиною—отъ оврага Глыбокаго до предѣловъ города. За пожертвованіе этого мѣста, въ которомъ по измѣреніи оказалось 125 десятинъ съ саженями, обществу харьковскихъ войсковыхъ обывателей была объявлена Высочайшая благодарность, выраженная въ рескриптѣ на имя

---

[1]) Потоцкаго.

слободско-украинскаго гражданскаго губернатора Бахтина (преемника Артакова) отъ 28 мая 1804 г.

Конечно, еслибъ мысль Тимковскаго осуществилась, городъ Харьковъ имѣлъ бы нѣсколько иной видъ, чѣмъ тотъ, который онъ теперь имѣетъ, такъ какъ съ постройкою университета окружающая его мѣстность несомнѣнно сдѣлалось бы одною изъ лучшихъ частей города, подобно тому, какъ позже это случилось въ Кіевѣ, когда среди незаселеннаго пустыря было возведено зданіе университета св. Владиміра. Но, несмотря на отвѣчавшее предположеніямъ Тимковскаго безвозмездное пріобрѣтеніе вышеуказанной земли и несмотря на то, что для предполагавшейся постройки уже было начато заготовленіе строительныхъ матеріаловъ, харьковскій университетъ, какъ всѣмъ извѣстно, не былъ устроенъ въ упомянутомъ мѣстѣ, а остался до сихъ поръ въ тѣхъ двухъ домахъ, въ которыхъ онъ помѣстился первоначально и которые впослѣдствіи были расширены пристройками. Почему именно это случилось—въ бумагахъ Тимковскаго мы не нашли объясненія; вопросъ этотъ разрѣшался уже въ бытность въ Харьковѣ Потоцкаго (который провелъ за границею около года), а бумаги Тимковскаго заключаютъ въ себѣ матеріалъ для исторіи харьковскаго университета преимущественно за то время, когда Тимковскій долженъ былъ письменно сноситься съ отсутствовавшимъ попечителемъ. Можетъ быть, Потоцкій нашелъ означенное мѣсто неудобнымъ для постройки на немъ зданія университета, а еще вѣроятнѣе, что послѣ тѣхъ затратъ, которыя были сдѣланы на приспособленіе генералъ-губернаторскаго и вице-губернаторскаго домовъ для временнаго помѣщенія университета, нашли болѣе выгоднымъ пріобрѣсть эти дома въ собственность университета и расширить ихъ, чѣмъ строить новыя зданія и переносить въ нихъ университетъ. Такимъ образомъ, неожиданнымъ послѣдствіемъ стремленія открыть университетъ какъ можно скорѣе и во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ можетъ быть построено зданіе университета,—получилось то, что предполагавшееся къ постройкѣ зданіе вовсе не было построено и университетъ навсегда остался въ тѣхъ двухъ домахъ, которые были отведены для временнаго его помѣщенія,

въ видахъ предоставленія возможности скорѣе начать университетское преподаваніе.

Но пока мысль о постройкѣ новаго зданія университета еще не была оставлена, генералъ-губернаторскій и вице-губернаторскій дома нужно было приспособить только для временнаго помѣщенія университета, для чего оказалось необходимымъ сдѣлать въ нихъ разныя перестройки и подѣлки. Работы эти замедлялись вслѣдствіе недостатка денегъ. Вопреки ожиданіямъ Каразина, которыя были высказаны въ вышеприведенномъ письмѣ его, пожертвованныя на университетъ суммы не собирались въ обѣщанные сроки, а въ ожиданіи, пока онѣ могли поступить, казна не распорядилась ассигновать денегъ на всѣ необходимыя приготовительныя работы. Въ письмѣ къ Каразину отъ 29 іюня 1803 г. Тимковскій жаловался, что за отсутствіемъ денегъ пропадаетъ даромъ лѣто и что это затянетъ работы на цѣлый годъ, такъ какъ кирпичныхъ и штукатурныхъ работъ нельзя производить осенью и зимою.

А между тѣмъ пріѣхавшіе въ Харьковъ профессора Делавинь и Лангъ требовали отъ Тимковскаго меблированныхъ квартиръ, обѣщанныхъ имъ въ Петербургѣ. Въ особенности требователенъ былъ Делавинь, заявлявшій, что ему необходима большая квартира, чтобъ размѣстить свой гербарій и разные фоліанты, и что такъ какъ казна обязалась дать ему квартиру, то конечно она же должна заботиться объ истребленіи крысъ, которыя по ночамъ не даютъ ему спать. Давъ Делавиню на первое время два кресла и два стула, Тимковскій въ письмѣ къ Каразину говорилъ, что не намѣренъ тѣшить капризы этихъ господъ, и прибавлялъ: „профессорскія квартиры въ этомъ домѣ—послѣднее дѣло: нужно прежде устроиться въ томъ, что составляетъ публичное заведеніе“. Въ то же время онъ писалъ Н. Н. Новосильцеву: „не изволите ли предупредить графа Северина Осиповича, чтобъ онъ, приглашая профессоровъ, не обѣщалъ имъ квартиръ, ибо иностранцы часто скучны бываютъ невоздержными и мелочными требованіями всякихъ домашнихъ угодьевъ“.

Отвѣчая Тимковскому, Каразинъ въ своемъ письмѣ говоритъ о томъ же, на недостатокъ чего жаловался Тимковскій:

„Я ощутилъ очень ясно", писалъ онъ 2 августа 1803 г., „что въ настоящемъ положеніи вещей, когда счастіе послало намъ людей способныхъ, дѣятельныхъ, благонамѣренныхъ, одно въ въ чемъ мы можемъ имѣть нужду—есть *деньги*; слѣдовательно, первое вниманіе должно быть на то обращено, чтобъ достать ихъ. Я приступилъ къ Николаю Николаевичу, убѣдилъ его наконецъ сдѣлать на счетъ пятисотъ тысячной суммы сильное представленіе, оно ограничилось однако сорока тысячью рублей [1]), изъ коихъ половина должна быть послана графу [2]). Мы по прошествіи трехъ недѣль (въ продолженіе которыхъ я умышленно не писалъ вамъ, собираясь послать не порожнее письмо) получили отвѣтъ столько запутанный, что онъ хуже былъ прямова отказа. Другое представленіе, въ которомъ еще убавили мы сумму до половины, послѣ двухнедѣльной проволочки и открытой ссоры съ министромъ, имѣло только то послѣдствіе, что онъ на предложенные предметы согласился отпустить *штатную* сумму, какъ будто бы ограниченная сумма сія, на подержаніе только назначенная, могла быть достаточна на заведеніе; напримѣръ: великъ ли будетъ физическій кабинетъ изъ 500 рублей? и такъ далѣе. Мы рѣшились не требовать ни копѣйки, между тѣмъ испытать другія средства прекратить это гибельное коснѣніе. Я съ моей стороны заготовилъ Государю формальную жалобу, но Н. Н. [3]) и кн. А. А. [4]) удержали меня помальную жалобу, но Н. Н. [3]) и кн. А. А. [4]) удержали меня подать ее Богъ знаетъ почему. Чуть ли не болѣе бы мы выиграли [5]). Однако этотъ шагъ имѣлъ хотя то дѣйствіе, что они обѣщали возбудить отъ сна и департаментъ просвѣщенія,

[1]) Т. е. рѣчь шла объ ассигнованіи изъ казны 40,000 рублей въ счетъ имѣвшихъ поступить въ казну отъ дворянства и купечества пожертвованныхъ ими 500,000 рублей.

[2]) С. О. Потоцкому.

[3]) Ник. Ник. Новосильцевъ.

[4]) Ад. Ад. Чарторижскій.

[5]) Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ были писаны эти строки, именно 16 августа 1803 г., Каразинъ, вопреки совѣтамъ Новосильцева и Чарторижскаго, все таки отправилъ Александру I письмо, въ которомъ рѣзко осуждалъ министра П. В. Завадовскаго, какъ за невыдачу денегъ на расходы по устройству харьковскаго университета, такъ и за многія другія дѣйствія его. Письмо это напечатано въ „Русской Старинѣ" 1875 г., № 10, стр. 273—278.

и его министра. Скоро представился къ сему самый удобный случай: именно, попечитель московскаго округа, изъ уваженія къ министру, отступилъ отъ принятыхъ формъ совершенно, испрашивая у него позволенія на выписку профессоровъ. Н. Н. вступилъ съ представленіемъ, написаннымъ славно; въ немъ испрашиваетъ онъ у членовъ своихъ разрѣшенія, должно ли и всѣмъ попечителямъ сообразоваться московскому въ подобныхъ случаяхъ, или есть обстоятельства, гдѣ имъ самимъ дѣйствовать позволено; другими словами, то же что требовать опредѣленія границъ власти министерской. При представленіи семъ я искусно приплелъ вопросъ о пятисотъ-тысячной суммѣ. Казалось, что пошло бы дѣло на ладъ, но два засѣданія сряду мы занимаемся другими дѣлами, и именно по дерптскому университету, а г. министръ между тѣмъ разными образами отъигрывается; и между тѣмъ нѣтъ отпуска суммъ на бѣдный нашъ страдальческій университетъ. Однако нѣсколько дней предъ симъ уговорилъ я Н. Н. отпустить хотя изъ присланныхъ мною три тысячи, которыя и присланы будутъ съ первою почтою [1]).

Черезъ два мѣсяца, именно 1 октября 1803 г., Каразинъ писалъ Тимковскому уже въ болѣе радостномъ тонѣ: „Тридцать разъ бывши въ чаяніи пуститься въ путь и по сей причинѣ считавши безполезнымъ письменныя объясненія, наконецъ вижу, что я тщетно потерялъ много времени для нашей дружеской переписки. Спѣшу наградить сію потерю нарочною эстафетою. Но вмѣсто продолжительныхъ объясненій едва могу удержаться, чтобъ не кончить нѣсколько строкъ сихъ однимъ словомъ: *радуйтесь!* Послѣ скуки и неприятностей всякаго рода чуть ли не приходимъ къ самой пріятной развязкѣ. Изустно

[1]) Изъ напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“ (1875 г. № 10, стр. 271—273) письма Потоцкаго къ Каразину извѣстно, что въ виду того же недостатка денегъ, на который жаловались въ своихъ письмахъ Тимковскій и Каразинъ, Потоцкій считалъ лишнимъ торопиться возвращеніемъ въ Россію, находя, что ему нечего было бы дѣлать въ Харьковѣ съ четырьмя только профессорами. Очевидно, ему не приходила въ голову мысль о томъ, что именно онъ могъ бы и долженъ бы былъ постараться, чтобъ скорѣе были отпущены суммы, необходимыя для устройства университета, попечителемъ котораго онъ состоитъ, и что хотя бы ради этого ему нужно было возвратиться въ Россію.

(кажется, навѣрное въ концѣ сего мѣсяца) узнаете вы многое. Теперь донесу вамъ только текстомъ священнаго писанія: не уповайте на князи, въ нихъ же нѣсть спасенія! и я узналъ это самымъ жестокимъ опытомъ, и сей опытъ, опредѣлившій навсегда систему моей жизни, причиною, между прочими своими слѣдствіями, и въ томъ, что донынѣ бѣдный университетъ нашъ оставался въ *забвеніи*: скажемъ просто справедливое сіе слово для выраженія понятія, но еще крайне слабое для чувствъ сердца моего.

„Успокойте почтенныхъ товарищей вашихъ; все пойдетъ наилучшимъ образомъ. Скажите, что число ихъ скоро умножится прибытіемъ Ивана Степановича Рижскаго, принятаго недавно Виллиха, который до открытія медицынскаго факультета, гдѣ онъ будетъ профессоромъ физіологіи и практической медицыны, станетъ преподавать въ отдѣленіи общихъ познаній антропологію и діэтетику. Мы въ немъ получили истинное пріобрѣтеніе, равно какъ въ адъюнктѣ химіи Кригерѣ, который однако еще не подтвержденъ, и въ учителѣ живописи и рисовальнаго искусства Маттеи, молодомъ художникѣ рѣдкихъ способностей. Пожалуста позаботьтесь съ Иваномъ Михайловичемъ [1]) заготовить для нихъ квартиры. Къ вамъ нужно мнѣ писать съ большею подробностію, но я принужденъ сіе отложить до слѣдующей почты. Она будетъ для васъ интересна потому особливо, что представитъ вамъ полный отвѣтъ на письмо ваше ко мнѣ и къ Н. Н.—можетъ быть, т. е. поскольку это отъ меня можетъ зависить.

„Донесу вамъ еще между тѣмъ, что на дняхъ отправлены къ вамъ книги на трехъ возахъ, и вскорѣ отправится еще столько же. Что касается до типографіи, то, благодаря упомянутому выше опыту, къ которому и ея исторія принадлежитъ, понынѣ не сдѣлано и шагу къ ея пріобрѣтенію; но я постараюсь поворотить покруче, такъ же какъ съ исторіею Виллиха, съ исторіею отправленія денегъ графу и пр. и пр. Мы будемъ имѣть собственнаго фактора, съ которымъ я завтра же дѣлаю контрактъ; человѣкъ преизрядный. Получимъ и пунсоннаго ма-

---

[1]) Вышеупомянутый Шишкинъ.

стера, лучшаго какой есть въ Петербургѣ; и съ помощію искуснѣйшихъ художниковъ, которыхъ я вамъ доставлю въ скорости, сдѣлаемъ все на мѣстѣ. Мнѣ не хочется, чтобъ мы были въ чемъ бы то ни было подъ опекою Петербурга и Москвы. Для чего не имѣть всего своего? — съ нашими способами это превозможное дѣло. Вмѣстѣ съ хозяйственнымъ сбереженіемъ издержекъ, соединится и польза городу, который университету будетъ обязанъ необходимыми для себя художниками. Не успѣваю теперь сказать моей мысли во всей ея обширности, но умному довольно намекнуть. Я скажу однако одинъ примѣръ: вмѣсто того, чтобы везти отсюда десять фуръ всякой желѣзной, мѣдной и деревянной, по большей части ни къ чему не годной уже, дряни, составляющей то, что называется *типографія,* развѣ не выгоднѣе будетъ сдѣлать все на мѣстѣ своими людьми? людьми, разумѣю я, которые могутъ устроить двадцать типографій. Вы ихъ увидите: вы полюбуетесь слесаремъ, столяромъ, мѣдникомъ и пр., которые къ вамъ пріѣдутъ [1]). Я забылъ было о переплетчикѣ; ему предоставимъ кончить переплетъ университетской библіотеки, послѣ того, когда за переплетенныя донынѣ книги, всего числомъ съ тысячу, заплатили столько же рублей. Нѣтъ, ваши сіятельства и ваши превосходительства! я думаю иначе: главнымъ (если не единственнымъ) предметомъ учрежденія университета было у меня благосостояніе моей милой страны и полуденнаго края Россіи, а не доставленіе вамъ донесеній, надъ которыми можно бы потолковать часа два, три, и потомъ приказать *пріобщить къ дѣлу.* Будьте покойны, любезнѣйшій Илья Θедоровичъ! не теряйте духа и благородной вашей дѣятельности. Мы сдѣлаемъ несравненно болѣе, нежели предполагаютъ наши недоброжелатели.

---

[1]) Этотъ сдѣланный Каразинымъ и стоившій много денегъ наемъ высланныхъ изъ далека въ Харьковъ для университета разныхъ мастеровъ въ количествѣ, превышавшемъ дѣйствительную потребность (кромѣ названныхъ въ письмѣ Каразина, между ними оказались экипажные мастера, сапожники, шляпники, ткачъ, чулочный фабрикантъ и другіе мастера, которымъ вовсе нечего было дѣлать при устройствѣ университета),— надѣлалъ послѣ много хлопотъ, какъ университету, такъ и самому Каразину, которому воспрещено было дальнѣйшее вмѣшательство въ устройство университетскихъ дѣлъ. См. объ этомъ въ вышеупомянутой статьѣ г. Лавровскаго.

Они измѣрили свои политическія силы, но для измѣренія нашего *упорства въ добромъ намѣреніи* не имѣютъ они масштаба. Прощайте! Обнимаю васъ отъ всего сердца и прошу всеусердно поклониться господамъ вашимъ сотрудникамъ. Вашъ на вѣки преданный слуга и другъ В. Каразинъ".

Вслѣдъ затѣмъ Каразинъ сталъ торопить Тимковскаго къ скорѣйшему открытію университета, и хотя помѣщеніе для него еще не было отдѣлано, хотя не было ни профессоровъ (за исключеніемъ пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ Тимковскимъ Осиповскаго, Делавиня и Ланга и имѣвшихъ пріѣхать Рижскаго, Виллиха и Кригера), ни студентовъ,—настаивалъ на томъ, чтобъ университетъ былъ открытъ 12 декабря 1803 г. Письмо, которое онъ писалъ по этому поводу къ Тимковскому, къ сожалѣнію, не сохранилось, но сохранилась копія очень интереснаго отвѣта Тимковскаго на это письмо, слѣдующаго содержанія:

„Открытіе университета могло бы быть 12-го декабря, ежелибъ 5000 р. были присланы сюда въ іюлѣ и около того же времени отданъ домъ вицегубернаторскій. Теперь я смѣло скажу, что дай Богъ управиться къ іюню. Мы откроемъ въ день поворота солнца на зиму, и это будетъ днемъ годовыхъ публичныхъ собраній, началомъ вакацій до 30 августа, когда опять можетъ быть здѣсь свѣтско-ученое собраніе, богатое по причинѣ съѣздовъ на Успенскую ярмарку. Не вините меня, не браните, выслушайте, что нужно къ открытію университета: 1-е мы разочтемъ и актомъ расположимъ свои суммы утвердительно;—2-е отдѣлаемъ домы какъ нужно и прилично;—3-е къ концу зимы получимъ всѣхъ почти профессоровъ общихъ наукъ;—4-е зимою получимъ и расположимъ начальную свою библіотеку и кабинеты физическій и минералогическій и лабораторію;—5-е въ Крещенскую ярмарку закупимъ все нужное для заведенія казеннаго содержанія студентовъ;—6-е въ новый годъ сдѣлаемъ повѣстку, чтобъ желающіе учиться въ университетѣ явились къ 1-му февраля, къ сему же времени выпишемъ семинаристовъ[1]), и до открытія университета профессоры

---

[1]) Мы уже упоминали выше о Высочайшемъ повелѣніи объ увольненіи изъ ближайшихъ къ Харькову семинарій сорока студентовъ для поступленія въ уни-

займутся гимназическимъ пріуготовленіемъ собравшагося юношества къ ученію университетскому, ибо заниматься симъ по открытіи, значило бы сдѣлать первое впечатлѣніе мелкимъ, и трудно будетъ возвышать понятіе публики. Такимъ образомъ, идея открытія видимо будетъ фундаментальна и величественна. Сдѣлаемъ пышный церемоніалъ. По внушеніямъ моимъ, многіе чиновники изъ Малороссіи пріѣдутъ къ торжеству открытія, имѣющаго послѣдовать вскорѣ за Троицкою ярмаркою; вѣроятно пріѣдутъ многіе изъ курскихъ, воронежскихъ и екатеринославскихъ, и можетъ быть подвигнутся ко взносамъ. Тогда же заложимъ строеніе новаго университета и отпразднуемъ закладины. Повсюду вы увидите энтузіазмъ, враги не посмѣются, и грохочущее эхо повторится въ иностранныхъ журналахъ. Государь, говорятъ, лѣтомъ поѣдетъ въ страны южныя, и можетъ быть, броситъ здѣсь первый камень, его же не брегоша зиждущіе, и той будетъ во главѣ угла.—Разсмотрите, обдумайте вышеписанныя шесть статей; право, какъ ни ломайте, не вверснете ихъ въ срокъ ниже трехмѣсячный. Я готовъ изъ всѣхъ жилъ работать, была бы только работа. Изъ рапорта моего къ Николаю Николаевичу увидите расположеніе присланной суммы, на что оная употребится. Вы встревожены, кажется, мѣшканіемъ содѣйствующихъ. Знаю, дѣятельность ваша есть пламень всепожирающій—ахъ, берегитесь! пожирающій и васъ самихъ,—есть буря, сокрушающая все крушимое и раздирающая тучи ненастныя, за которыми вслѣдъ набѣжитъ сугубое ненастье. Простите мнѣ. Не отдѣляйтесь, по крайней мѣрѣ—не отдѣляйтесь такъ рано; оставьте себя будто въ опекѣ. Мало можетъ человѣкъ, много могутъ люди. Дѣятельность удачнѣе, когда идетъ не скачками, но плавно и постепенно распространяется, увеличивается. Искусный генералъ не оставляетъ позади себя непріятельскихъ крѣпостей. Да, простите мнѣ, въ рѣшимости вашей не узнаю я того политическаго духа, который, подобно

верситетъ; во исполненье этого повелѣнія, Синодъ указомъ отъ 7 іюля 1804 г. предписалъ: „въ пріуготовляемый къ открытію харьковскій университетъ отпустить изъ харьковскаго коллегіума и курской семинаріи студентовъ богословія и философіи по 15-ти, да изъ риторики и поэзіи по 5-ти человѣкъ“.

пчелѣ, изо всего медъ сосетъ. Знаю, что московскому университету не по сердцу учрежденіе нашего, но такъ и быть должно: изъ соперничества родится соревнованіе, общее стремленіе къ преодолѣнію, къ превосходству, къ добру. Неужели ангелъ—хранитель Россіи [1]) не знаетъ этого? Учрежденіе университетовъ подвигнетъ московскій. Что же касается до Петербурга, то я подозрѣвалъ бы, что ему хочется держать la primarie и даже отъ себя наполнять всѣ гимназіи, еслибъ не былъ твердо увѣренъ въ безпристрастной любви къ отечеству и наукамъ и въ благоразуміи Николая Николаевича. Но Боже сохрани васъ дѣйствовать отдѣльно. Всякое царство, раздѣлившееся на ся, погибнетъ, то есть всякій союзъ силъ. Я не притворства требую, не одного терпѣнія, но искренняго старанія къ поддержанію союза силъ своихъ. Сорвите желудь съ вѣковаго дуба, онъ зеленъ, вы его бросите; но дайте желудю созрѣть, легкимъ вѣтромъ оторветъ его, отнесетъ, и буде свинья не съѣстъ, буде року угодно,—выростетъ новый дубъ для будущихъ вѣковъ. Имѣяй уши слышати, да слышитъ".

Отвѣчая на это письмо, Каразинъ 23 ноября 1803 г. писалъ Тимковскому: „вмѣсто всѣхъ доказательствъ въ мое оправданіе, въ оправданіе моихъ искреннихъ и едва-едва пристойностію (sic) облеченныхъ движеній, спрашиваю я: чему они до сихъ поръ повредили? и развѣ холодные люди, дѣйствовавшіе противъ, успѣли въ чемъ нибудь, развѣ не сломилъ я ихъ самихъ съ помощію силъ, невидимо дѣйствующихъ согласно со мною? Я соглашаюсь быть смѣшнымъ, лишь бы успѣлъ быть полезнымъ".

Заботясь о приготовленіи помѣщенія для университета, Тимковскій въ то же время старался, насколько возможно, увеличить сумму пожертвованій на университетъ. Такъ, 18 и 20 сентября 1803 г. онъ послалъ малороссійскому генералъ-губерна-

---

[1]) Выраженіе „ангелъ—хранитель Россіи" очевидно заключаетъ въ себѣ намекъ на какой-то разговоръ, содержаніе котораго не извѣстно, почему и нельзя съ увѣренностью объяснить употребленіе этого выраженія въ настоящемъ случаѣ; можетъ быть, это названіе дано было въ шутку Каразину, по поводу той роли, которую онъ взялъ на себя въ извѣстныхъ всѣмъ письмахъ своихъ къ Александру I.

тору А. Б. Куракину и полтавскому губернскому предводителю дворянства С. М. Кочубею пространныя письменныя сообщенія, въ которыхъ, доказывая, какую пользу принесетъ университетъ, писалъ: „справедливость и честь требуютъ, чтобы каждая губернія, которой училища будутъ подъ попеченіемъ харьковскаго университета, способствовала на свою долю къ постройкѣ и обзаведенію его“. Указавъ затѣмъ, какія суммы жертвуетъ на этотъ предметъ слободско-украинская губернія, Тимковскій говоритъ: „было бы странно, еслибы прочія губерніи харьковскаго округа отличились хладнокровіемъ своимъ къ ускоренію и усугубленію блага, какое правительство предполагаетъ заведеніемъ для нихъ университета, какъ со стороны преподаванія высшихъ знаній, такъ и со стороны попеченія о всей учебной части въ тѣхъ губерніяхъ“.—„Было здѣсь и есть“, продолжаетъ далѣе Тимковскій, „желаніе многихъ, чтобы университетъ, вмѣсто Харькова, учрежденъ былъ въ Полтавѣ, какъ иныхъ—въ Черниговѣ. Безъ сомнѣнія, такое заведеніе сдѣлало бы честь малороссіянамъ, которые издревле честь любили, и, привлекая къ себѣ юношество и цѣлыя фамиліи, принося болѣе 100 тыс. новаго годоваго расходу, послужило бы къ обогащенію и украшенію города своего, къ распространенію отъ него изящнаго вкуса и къ выгодѣ сельскаго хозяйства и промышленности въ мѣстахъ окрестныхъ. Но еслибы Государь Императоръ и не уважилъ перваго патріотическаго приношенія отъ дворянства слободско-украинскаго, если бы можно было университету остаться въ Харьковѣ до того только времени, пока въ Полтавѣ не выстроилось бы для него зданіе, при всемъ томъ дворянство полтавское для сего единственно едва-ли сдѣлаетъ перевѣсъ противъ суммъ слободско-украинскихъ. И къ чему Малороссіи простирать соперничество свое на мѣсто университета? Онъ учреждается близъ нея, въ краѣ, населенномъ ея племенами; несравненно пріятнѣе обратить ей соревнованіе свое на содѣйствіе видамъ Государя Императора къ воспитанію юношества. И когда екатеринославская губернія, какъ слышно, полагаетъ составить для университета сумму до 100,000 р., то какъ помыслитъ о себѣ Малороссія, моя отчизна, отличающаяся любовію къ наукамъ?“

Приведенная выписка показываетъ, что не всѣ сочувственно относились къ мысли объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, и что многіе въ Малороссіи желали, чтобъ университетъ былъ учрежденъ не въ Харьковѣ, а въ Полтавѣ или Черниговѣ. Можетъ быть, вслѣдствіе этого, какъ полтавское, такъ и черниговское дворянство, несмотря на убѣдительные доводы Тимковскаго, не отозвалось на приглашеніе къ пожертвованіямъ въ пользу харьковскаго университета (хотя были сдѣланы нѣкоторыя крупныя пожертвованія на устройство училищъ въ черниговской и полтавской губерніяхъ); дворянство же екатеринославской губерніи, гдѣ, какъ выше было упомянуто, не было ни одного малаго народнаго училища, пожертвовало на харьковскій университетъ 108 тысячъ рублей, обязавшись внести эту сумму въ теченіи десяти лѣтъ; а дворянство херсонское, гдѣ не было ни главнаго, ни малыхъ народныхъ училищъ, обязалось внести въ пользу университета $40^1/_2$ тысячъ рублей и на военное училище такую же сумму.

Въ концѣ марта 1804 г. возвратился изъ своего путешествія Потоцкій, и первымъ дѣломъ его по пріѣздѣ въ Харьковъ было учрежденіе комитета правленія университета, въ который, кромѣ Тимковскаго, вошли профессора: Рижскій, Осиповскій, Делавинь и Де-Балю. Въ бумагахъ Тимковскаго сохранился черновой проектъ учрежденія этого комитета съ поправками, сдѣланными рукою Тимковскаго, изъ чего надо заключить, что составленіе проекта, или же окончательная редакція его принадлежали Тимковскому. По образованіи комитета, члены его такимъ образомъ распредѣлили между собою занятія: Рижскій, избранный въ предсѣдатели комитета, взялъ на себя дальнѣйшій надзоръ за приготовленіемъ временнаго помѣщенія для университета, за Тимковскимъ остались заботы по обозрѣнію и переустройству училищъ въ округѣ, Делавинь долженъ былъ завѣдывать ботаническою частью, а Де-Балю получилъ въ завѣдываніе университетскую библіотеку.

Пробывъ въ Харьковѣ нѣсколько недѣль, Потоцкій къ маю снова уѣхалъ оттуда, и затѣмъ въ письмѣ къ Тимковскому отъ 21 іюля 1804 г. выражалъ желаніе, чтобъ открытіе универ-

ситета послѣдовало въ концѣ слѣдующаго мѣсяца въ день тезоименитства Государя, т. е. 30 августа. За нѣсколько дней до наступленія этого числа, именно 27 августа 1804 г., Каразинъ по обстоятельствамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, долженъ былъ выйдти въ отставку и удалиться отъ дѣлъ; такъ исполнились слова Тимковскаго, который въ вышеприведенномъ письмѣ къ Каразину предсказывалъ, что „набѣжитъ сугубое ненастье". Затѣмъ открытіе университета было еще разъ отсрочено, такъ какъ работы по приготовленію помѣщенія для университета были окончены только въ октябрѣ 1804 г. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, 5 ноября, была дана университету Высочайшая грамота, и тогда же утвержденъ уставъ университета, а самое открытіе его послѣдовало 17 января 1805 г.

Тимковскій составлялъ церемоніалъ этого открытія, какъ надо заключать изъ имѣющагося между его бумагами писаннаго имъ черноваго проекта этого церемоніала съ его же собственноручными исправленіями. Кромѣ того, имъ было сочинено на этотъ случай сохраняющееся въ тѣхъ же бумагахъ довольно длинное стихотвореніе съ аріями, речитативами и хорами для пѣнія при торжествѣ открытія. Написанное витіеватымъ и тяжелымъ слогомъ, стихотвореніе не обличаетъ въ Тимковскомъ таланта поэта. По поводу этого стихотворенія, которое Тимковскій посылалъ на предварительный просмотръ Потоцкаго, послѣдній въ письмѣ отъ 14 ноября 1804 г. просилъ Тимковскаго сдѣлать въ немъ добавленіе, въ которомъ сказать что нибудь въ похвалу дворянства слободско-украинской губерніи, упомянуть о патріотическомъ его приношеніи въ пользу университета. Вслѣдствіе этого, въ тѣхъ строфахъ, которыя были предназначены для хора, Тимковскій прибавилъ слѣдующія четыре строчки:

„Возвѣстите славой подвигъ,
Подвигъ здѣшней стороны;
Какъ въ немъ жертвуютъ наукамъ,
Какъ усердствуютъ для нихъ".

Приводимъ заключительную часть этого стихотворенія:

Речитативъ.

„Вотще коварство предпріемлетъ
Противъ ученья дать совѣтъ;
Народный смыслъ нигдѣ не дремлетъ,
Онъ упадаетъ, иль ростетъ;

Растетъ—тогда его стремленью,
Какъ быстрыя рѣки теченью,
Препоны нѣтъ. Но самъ собой
Онъ въ дебри пойдетъ, заблудится;
Дай наставленье—просвѣтится
И будетъ въ радость и покой.

Арія.

Уже виднѣе справедливость,
Уже невѣжества кичливость,
Какъ въ утро ясное луна,
Блѣднѣетъ, тускнетъ, не видна
Сѣдяй на сѣверѣ во славѣ
Изъ глубины души речетъ:
„Да царствуетъ въ моей Державѣ
Познаній благотворный свѣтъ!“

Хоръ.

Сѣдяй на сѣверѣ во славѣ,
Вышняго волю творяй,
Призри на храмъ сей, его же созда
Нынѣ десница Твоя!
Въ немъ научатся творить
Волю Твою,
Въ немъ раздадутся слова,
Чѣмъ процвѣтаетъ народъ.
Благословенъ
Плодъ Твоихъ дѣлъ;
Возвеселися о немъ,
Добрый Монархъ,
О Александръ,
Избранный Царь!
Сѣдяй на сѣверѣ во славѣ,
Ты просвѣщенье даешь!
Да облекутся весельемъ
Грады, поля,
И на холмахъ ѳиміамъ
Да воскурится!

—

Въ хорахъ похвальную пѣснь
Юноши, дѣвы Тебѣ воспоютъ,
Море восплещетъ
Славѣ Твоей.
Старцы повѣдаютъ внукамъ своимъ,
Сколь Ты великъ въ бытіяхъ.
Благословенъ да пребудетъ Твой вѣкъ,
Добрый Монархъ,
Благословенъ!“

Исполнялись ли эти аріи, речитативы и хоры при торжествѣ открытія университета—мы не нашли указаній.

По открытіи университета, Тимковскій былъ въ немъ деканомъ отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ и кромѣ того членомъ правленія университета, членомъ училищнаго комитета и членомъ цензурнаго комитета.

Отрываясь отъ заботъ по устройству помѣщенія для университета и всѣмъ приготовительнымъ къ открытію его распоряженіямъ, Тимковскій, чрезъ непродолжительное время послѣ своего пріѣзда въ Харьковъ, сталъ обозрѣвать училища харьковскаго учебнаго округа, начавъ съ училищъ слободско-украинской губерніи, и 14 декабря 1803 г. послалъ Новосильцеву свой первый отчетъ, въ которомъ изложилъ сначала свои „общія мнѣнія относительно училищъ,“ потомъ далъ свѣдѣнія „объ училищахъ слободско-украинской губерніи вообще“ и затѣмъ пред-

ставилъ обозрѣніе харьковскаго главнаго народнаго училища и каждаго изъ малыхъ народныхъ училищъ губерніи въ частности. Послѣ того, по мѣрѣ объѣзда и обозрѣнія училищъ другихъ губерній, онъ представлялъ свои отчеты отдѣльно по каждой губерніи.

Въ бумагахъ Тимковскаго сохранились списки только нѣкоторыхъ изъ этихъ отчетовъ и разныя подготовительныя къ нимъ бумаги. Изъ нихъ видно, что Тимковскій въ отчетахъ своихъ представлялъ подробнѣйшія свѣдѣнія о каждомъ изъ осмотрѣнныхъ имъ учебныхъ заведеній, о средствахъ, которыми они располагаютъ,—о зданіяхъ, въ которыхъ помѣщаются,—объ учителяхъ, ученикахъ и состояніи учебной части,—о пансіонахъ, гдѣ таковые имѣются, и вообще о томъ, какими квартирами располагаютъ ученики; наконецъ—разныя статистическія свѣдѣнія о городахъ, въ которыхъ находятся учебныя заведенія.—Въ этихъ отчетахъ, которые, какъ надо заключить изъ вышеупомянутой статьи г. Лавровскаго[1]), сохраняются въ подлинникахъ въ архивѣ харьковскаго университета, интересующіеся этимъ предметомъ могутъ найдти обильный матеріалъ для исторіи учебныхъ заведеній харьковскаго учебнаго округа того времени. Г. Лавровскій по этому поводу говоритъ: „едва ли какой городъ округа ускользнулъ отъ посѣщенія Тимковскаго; изъ отчетовъ его можно видѣть, съ какимъ участіемъ и любознательностью относился онъ къ разнымъ сторонамъ и явленіямъ тогдашней провинціальной жизни, хотя бы и вовсе независимымъ отъ непосредственно порученнаго ему дѣла".

Въ какомъ жалкомъ состояніи находились тогда нѣкоторыя изъ помѣщеній главныхъ народныхъ училищъ, можно видѣть изъ письма отъ 23 сентября 1803 г., которое Тимковскій, послѣ перваго своего пріѣзда въ Полтаву, писалъ малороссійскому генералъ-губернатору Куракину, слѣдующаго содержанія: „Домъ, въ которомъ помѣщается полтавское главное училище, такъ обветшалъ и въ такомъ запустѣніи, что въ наступающее осеннее и зимнее время едва ли можно будетъ учителямъ жить

[1]) „В. Н. Каразинъ и открытіе харьковскаго университета." Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г., №№ 1 и 2.

въ нынѣ занимаемыхъ ими покояхъ и ученію продолжаться въ классныхъ комнатахъ, если тѣ и другія не будутъ сколько ни есть защищены отъ стужи, морозовъ и ненастья починкою дверей, оконъ и печей. Осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше сіятельство не оставить по возможности упомянутаго училища въ такомъ состояніи; а сверхъ того приказать огородить дворъ хотя плетнемъ и починить ворота, не только для пристойнѣйшаго виду, но болѣе для порядочнаго входу въ домъ и для цѣлости дровъ и другихъ находящихся на дворѣ вещей“.

Чтобъ имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ учителяхъ и ихъ познаніяхъ, Тимковскій, обозрѣвая главныя и малыя народныя училища, подвергалъ экзамену не только учениковъ, но и учителей. Представляя затѣмъ въ отчетахъ своихъ подробныя объ нихъ свѣдѣнія, онъ указывалъ, кто изъ нихъ и для какихъ именно занятій можетъ быть полезенъ въ новыхъ учебныхъ заведеніяхъ. А чтобъ тѣ, которые получатъ назначеніе, могли, какъ выражался Тимковскій, „пріобрѣсть лучшій способъ упражненія и преподаванія“, онъ проектировалъ призвать ихъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ университетъ, гдѣ бы они выслушали краткіе педагогическіе и методологическіе курсы своихъ наукъ, которые для нихъ слѣдовало бы прочесть.

Состояніе преподаванія въ главныхъ и малыхъ народныхъ училищахъ Тимковскій находилъ вообще неудовлетворительнымъ, чѣмъ и объяснялъ недостаточную степень сочувствія къ нимъ народонаселенія.— „Дѣти“, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, „затверживая наизусть то, что мало понимаютъ, ничего пересказывать не могутъ связно, чему учатся, что знаютъ полезнаго, и отцы отзываются: Богъ знаетъ чему учатъ въ школахъ“. Далѣе, разсуждая о способѣ преподаванія по вопросамъ и отвѣтамъ, Тимковскій говоритъ, что хотя этотъ способъ и достоинъ похвалы, но ничего нѣтъ легче, какъ спрашивать по выученному изъ книги, и притомъ не трудно усмотрѣть, что— „сіи вопросы и отвѣты, не преслѣдуя матеріи въ подробность, но занимаясь ею отрывочно и нечаянно, весьма сбивчивы для разсудка; напротивъ того, ежели учитель, держась классной книги, разскажетъ матерію, изъясните ее и прибавленіями лю-

бопытными и полезными дополнитъ, заставитъ лучшаго ученика повторить сказанное, и потомъ, когда увидитъ, что поняли изъясненія его, предложитъ ученикамъ вопросы одинъ за другимъ въ связи, и подробно анализируетъ ими матерію, то такой способъ, напрягая силы учителя, будетъ изощрять понятіе ученика, пріучать его къ внимательности и вмѣстѣ образуетъ даръ слова его".

Въ числѣ существовавшихъ тогда неудобныхъ условій для преподаванія Тимковскій указываетъ на то, что ученики поступали въ училища и оставляли ихъ, безъ письменныхъ просьбъ, въ разные мѣсяцы года, и по своему произволу отлучались на весьма продолжительное время.—„Теперь", говоритъ Тимковскій, „часто является въ классѣ новый ученикъ, неизвѣстно—что онъ такое и откуда, бываетъ въ классѣ или не бываетъ—до этого нѣтъ дѣла никому; вдругъ не стало его; чрезъ полгода, чрезъ годъ приходитъ иной опять въ училище, во многомъ отсталъ, или все забылъ, можетъ ли такой ученикъ быть въ классѣ исправенъ, внимать наставленіямъ учителя, научиться чему нибудь" и т. д. Какъ видно изъ отчетовъ Тимковскаго, и учителя пользовались свободой отлучаться по своему произволу, не испрашивая разрѣшенія отпусковъ, вслѣдствіе чего Тимковскій находилъ необходимымъ, „чтобъ учителя почитали должность свою наравнѣ съ обязанностями всякой другой службы, примѣнить къ нимъ общія узаконенія о срокахъ, отпускахъ, отлучкахъ и явкѣ въ учебные дни".

Какъ въ малыхъ, такъ и въ главныхъ народныхъ училищахъ Тимковскій вездѣ находилъ очень мало дворянъ. Кромѣ неудовлетворительнаго состоянія учебныхъ заведеній и отсутствія во многихъ мѣстахъ возможности устроить домашній надзоръ за дѣтьми тѣхъ родителей, которые сами не живутъ въ городахъ, Тимковскій объяснялъ это обстоятельство нежеланіемъ дворянъ, чтобы дѣти ихъ смѣшивались съ дѣтьми мѣщанъ и крестьянъ. „Было время", говоритъ Тимковскій, „въ Украинѣ и Малороссіи, что господа не брезгали учиться по семинаріямъ вмѣстѣ съ разночинцами, но когда правленіе столько утончило разность званій повсюду, то она дѣйствуетъ и на училища".

Вслѣдствіе этого, чтобъ привлечь больше дворянъ въ новыя гимназіи и уѣздныя училища, Тимковскій предполагалъ сдѣлать на первое время нѣкоторыя уступки дворянству, а именно: крестьянъ въ гимназіи не допускать, а дворянамъ, какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ уѣздныхъ училищахъ, вести особые списки и для сидѣнія ихъ устроить особые скамьи и столы, которые ставить впереди прочихъ. Потомъ, продолжалъ Тимковскій, когда лѣтъ черезъ пять или болѣе дворяне получатъ привычку отдавать дѣтей въ училище, можно будетъ „возвратить нынѣшнюю неразборчивость званій".

Затѣмъ, по вопросу о допущеніи крестьянъ въ уѣздныя училища и приходскія школы, Тимковскій, указавъ на высказываемыя нѣкоторыми мнѣнія о томъ, что грамотный крестьянинъ „негоденъ въ своемъ званіи и помѣщику не проченъ" и что будто бы просвѣщеніе неприлично крестьянамъ и можетъ ихъ развратить,—продолжаетъ далѣе, что просвѣщеніе никогда не приводило къ неустройству и что главнымъ предметомъ какъ приходскихъ школъ, такъ и уѣздныхъ училищъ должна быть задача—„вразумить учащихся въ законѣ и нравственности, въ хозяйствѣ и промышленности и открыть имъ глаза на мѣстныя выгоды, требуемыя ихъ же состояніемъ, а другихъ сверхъ того приготовить къ дальнѣйшимъ познаніямъ, предназначенію ихъ соотвѣтственнымъ". Кромѣ того, Тимковскій указываетъ на то, что когда грамотный человѣкъ между крестьянами не будетъ такою рѣдкостью, какъ теперь, когда число грамотныхъ будетъ велико, то уже вслѣдствіе этого грамотный будетъ меньше кичиться своими познаніями и отдѣляться отъ своей братіи и работъ ихъ, нежели теперь, считая себя однимъ изъ ста или двухсотъ.

Въ видахъ доставленія возможности домашняго надзора за учениками, Тимковскій проектировалъ устроить пансіоны на суммы казенныя и общественныя, а также упорядочить жизнь учениковъ на отдѣльныхъ квартирахъ, подъ присмотромъ учителей или старшихъ гимназистовъ.

Относительно взысканій, которымъ могутъ быть подвергаемы ученики, Тимковскій, не одобряя тѣлесныхъ наказаній, нахо-

дилъ также неудобнымъ подвергать учениковъ и слѣдующимъ наказаніямъ: ставить ихъ на колѣни, запирать въ холодное или темное мѣсто, лишать обѣда, приказывать служить товарищу, безчестить нарядомъ: такія наказанія, писалъ Тимковскій, могутъ имѣть дурное дѣйствіе на характеръ. Поэтому онъ полагалъ ограничиться слѣдующими взысканіями: лишать ученика на большее или меньшее время мѣста, которое онъ занимаетъ въ классѣ по успѣхамъ и поведенію, переводить изъ высшаго класса въ низшій на нѣсколько уроковъ или до окончанія годичнаго курса, заставлять обидчика просить прощенія у обиженнаго, оставлять ночевать въ классѣ и, наконецъ,—отсылать къ родителямъ для наказанія.

Указывая на то, что во многихъ мѣстахъ учителя лишены возможности пополнять свои свѣдѣнія за отсутствіемъ хорошихъ библіотекъ, вслѣдствіе чего они праздно и безъ пользы проводятъ свое время, Тимковскій выражалъ желаніе, чтобы „вмѣсто нынѣшняго случайнаго и нестройнаго собранія книгъ, составились скорѣе библіотеки, наполненныя классиками и другими отборными иностранными и россійскими книгами“. — „Сіи библіотеки“, продолжалъ Тимковскій, „могли бы сдѣлаться купно и публичными для постороннихъ любителей чтенія“.

Не мало замѣчаній разсѣяно въ отчетахъ Тимковскаго и о преподаваніи каждаго изъ предметовъ въ отдѣльности.

Подобно визитатору виленскаго учебнаго округа Ѳаддею Чацкому, Тимковскій въ харьковскомъ учебномъ округѣ не остался только въ роли ревизора или обозрѣвателя старыхъ учебныхъ заведеній, а сдѣлался устроителемъ новыхъ.

Для этого прежде всего нужно было изыскать матеріальныя средства, которыхъ во многихъ мѣстахъ не доставало для того, чтобъ могли устроиться и существовать новыя учебныя заведенія; потомъ нужно было пріискать удовлетворительныя помѣщенія для этихъ учебныхъ заведеній, затѣмъ—подготовить для нихъ составъ педагоговъ и проч. Заботы обо всемъ этомъ легли, главнымъ образомъ, на Тимковскаго; чрезъ него произво-

дились и всѣ сношенія по приготовленію къ открытію учебныхъ заведеній.

Еще предъ выѣздомъ изъ Харькова для обозрѣнія старыхъ учебныхъ заведеній, Тимковскій посылалъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства письменныя сообщенія, въ которыхъ говорилъ о пользѣ вновь устраиваемыхъ учебныхъ заведеній и необходимости со стороны общества придти на помощь правительству въ дѣлѣ устройства этихъ заведеній матеріальными приношеніями. Затѣмъ, выѣзжая для обозрѣнія главныхъ и малыхъ народныхъ училищъ, онъ на мѣстѣ всячески старался расположить всѣхъ къ пожертвованіямъ на учебныя заведенія. Повидимому, скорѣе всего онъ успѣлъ въ этомъ въ Екатеринославѣ. Обозрѣвъ тамошнее главное народное училище, Тимковскій въ началѣ іюля 1804 г. писалъ екатеринославскому губернскому предводителю дворянства Шостаку о томъ, что въ домѣ этого училища, по тѣснотѣ его, не возможно помѣстить гимназію и уѣздное училище, и что поэтому необходимо принять мѣры къ тому, чтобъ устроить помѣщеніе достаточное и приличное; а въ концѣ того же мѣсяца Тимковскій уже извѣщалъ Потоцкаго о томъ, что екатеринославское дворянство рѣшило пожертвовать для гимназіи и уѣзднаго училища свой дворянскій въ Екатеринославѣ домъ съ садомъ и рощею и всѣмъ къ нему принадлежащимъ. Точно также и въ Воронежѣ удалось получить домъ съ обстройкою. Затѣмъ въ землѣ донскихъ козаковъ войсковая канцелярія приняла на счетъ войсковыхъ суммъ содержаніе гимназіи и уѣздныхъ училищъ. Болѣе или менѣе значительныя пожертвованія были сдѣланы и въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Изъ пожертвованій частныхъ лицъ самымъ крупнымъ было пожертвованіе тайнымъ совѣтникомъ Судьенкомъ 40000 рублей на устройство училищъ въ Малороссіи.

Какъ надо заключать изъ сохранившейся между бумагами Тимковскаго копіи письма его отъ 10 мая 1804 г. къ Потоцкому, послѣдній торопилъ его съ открытіемъ гимназій и повидимому желалъ, чтобы существующія главныя народныя училища какъ можно скорѣе были переименованы въ гимназіи.

Отвѣчая на это, Тимковскій писалъ: „всемѣрно стараться буду, сколько отъ меня зависитъ, соотвѣтствовать желанію вашего сіятельства, изображенному въ письмѣ ко мнѣ отъ сего апрѣля, чтобы гимназіи въ харьковскомъ учебномъ округѣ какъ можно скорѣе могли быть открыты“. Указавъ затѣмъ на то, что именно для этого еще остается сдѣлать, Тимковскій продолжалъ: „Безъ сего переименовать главныя народныя училища въ гимназіи и дать учителямъ больше жалованья безполезно будетъ притомъ упадетъ даже и то лестное мнѣніе, съ какимъ публика, при своемъ отвращеніи къ народнымъ училищамъ, ожидаетъ открытія гимназій. А поелику не все исполнить можно по вышеупомянутому вдругъ во всѣхъ губерніяхъ, то и гимназіи не инако, какъ постепенно одна за другою, открывать слѣдуетъ. Во первыхъ я займусь планомъ образованія слободско-украинской губерніи, съѣзжу въ Екатеринославъ, составлю планъ на екатеринославскую гимназію, затѣмъ надо приступить къ плану на черниговскую и донскую гимназіи. Между тѣмъ осмѣливаюсь донести вашему сіятельству о томъ, что теперь почитаю я нужнымъ“. Далѣе Тимковскій говоритъ о разныхъ мѣрахъ относительно денежныхъ суммъ и назначенія учителей.—Согласившись съ Тимковскимъ въ томъ, что гимназіи слѣдуетъ открывать постепенно одну за другою, Потоцкій въ письмѣ отъ 5 іюня 1804 г. просилъ Тимковскаго устроить такъ, чтобъ въ теченіи 1804 года могли быть открыты по крайней мѣрѣ три гимназіи: харьковская, черниговская и курская.

Согласно съ изложеннымъ, гимназіи были открываемы постепенно одна за другою. Раньше всѣхъ были открыты харьковская и черниговская гимназіи, въ слѣдующую очередь гимназіи екатеринославская и новочеркасская, потомъ—курская, орловская, воронежская и новгородсѣверская, позже — таганрогская и одесская. Одновременно съ открытіемъ гимназій, происходило въ тѣхъ же губерніяхъ и открытіе уѣздныхъ училищъ.

Назначеніе состава учителей въ гимназіи и уѣздныя училища, какъ видно изъ бумагъ Тимковскаго, зависѣло главнымъ образомъ отъ него, что было вполнѣ естественно, такъ какъ,

обревизовавши всѣ старыя учебныя заведенія харьковскаго округа, онъ одинъ лично зналъ весь учебный персоналъ этихъ заведеній. Въ тѣхъ случаяхъ, когда на мѣстѣ не доставало способныхъ людей для замѣщенія всѣхъ учительскихъ должностей, Тимковскій обращался къ Потоцкому съ просьбами выписать учителей изъ другихъ мѣстъ. Въ отвѣтъ на одно изъ такихъ писемъ, Потоцкій рекомендовалъ Тимковскому выписать учителей изъ Германіи или Польши, прибавляя, что „послѣдніе скорѣе будутъ въ состояніи преподавать наставленія на россійскомъ языкѣ". Однако изъ бумагъ Тимковскаго не видно, чтобъ изъ Польши были выписываемы учителя, и вообще мы не знаемъ, какимъ именно образомъ былъ пополненъ недостатокъ въ учителяхъ; но, кажется, въ то время поляки не получили назначеній, они появились въ харьковскомъ учебномъ округѣ гораздо позже. Къ Тимковскому, какъ свидѣтельствуетъ масса сохранившихся бумагъ, обращались съ ходатайствами всѣ искавшіе мѣстъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ; на его же распоряженіе представляли директоры народныхъ училищъ поступавшія къ нимъ просьбы о назначеніи на должности учителей. Самыя опредѣленія совѣта университета о назначеніи къ должностямъ[1]) были редактированы въ такой формѣ: „*предназначенныхъ профессоромъ Тимковскимъ* учителей въ такую-то гимназію такихъ-то (указывались фамиліи назначаемыхъ и предметы преподаванія) къ ихъ должностямъ опредѣлить" (таково напримѣръ опредѣленіе отъ 16 іюня 1805 г. о назначеніи учителей въ новочеркасскую гимназію).

Насколько правильно дѣлалъ Тимковскій оцѣнку учительскихъ способностей, показываетъ, между прочимъ, слѣдующій случай: обозрѣвая воронежское главное народное училище, Тимковскій обратилъ вниманіе на учителя этого училища Г. П. Успенскаго и, замѣтивъ въ немъ недюжинныя способности, въ отчетѣ своемъ настоялъ на томъ, чтобъ Успенскій былъ назначенъ въ харьковскую гимназію для того, чтобъ получилъ воз-

[1]) Тогда учителя гимназій были опредѣляемы къ должностямъ совѣтомъ университета.

можность продолжать научныя занятія и приготовиться къ профессурѣ,—благодаря чему изъ Успенскаго дѣйствительно вышелъ впослѣдствіи одинъ изъ лучшихъ профессоровъ харьковскаго университета. Интересно, что въ этомъ же отчетѣ Тимковскій упоминаетъ о томъ, что онъ совѣтовалъ Успенскому „написать сочиненіе о россійскихъ древностяхъ". Изъ этого видно, что мысль сочиненія, которое впослѣдствіи Успенскій написалъ и издалъ подъ заглавіемъ: „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ" и которымъ онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность въ литературномъ мірѣ,—была внушена Успенскому Тимковскимъ.

Когда всѣ приготовительныя распоряженія къ открытію гимназій были сдѣланы, Тимковскій выѣзжалъ лично открывать многія изъ гимназій округа, сочинялъ церемоніалы ихъ открытія, говорилъ рѣчи, экзаменовалъ имѣвшихъ быть зачисленными въ ученики гимназій, указывалъ учителямъ, какихъ учебниковъ они должны держаться по каждому предмету, давалъ разныя другія наставленія директорамъ и учителямъ, составлялъ списки книгъ, которыми слѣдуетъ пополнить гимназическія библіотеки и проч.

Въ числѣ разныхъ городовъ, которые посѣтилъ Тимковскій для обозрѣнія и устройства училищъ, былъ г. Новгородъ-Сѣверскъ. Обревизовавши тамошнее главное народное училище въ первый разъ въ началѣ 1804 г., Тимковскій своимъ отзывомъ о немъ и своими представленіями содѣйствовалъ тому, что это училище не было упразднено, какъ предполагалось первоначально, а было преобразовано въ гимназію. Здѣсь, познакомившись съ дочерью директора означеннаго училища, а потомъ гимназіи—Ивана Ивановича Халанскаго Софьею Ивановною, Тимковскій сочетался съ нею бракомъ 5 сентября 1809 года, и вслѣдствіе этого сдѣлался послѣ обитателемъ находящейся въ недалекомъ разстояніи отъ Новгородъ-Сѣверска деревни Турановки, глуховскаго уѣзда, принадлежавшей его женѣ [1]. Здѣсь

[1] Это имѣніе принадлежало прежде Туранскимъ и было подарено женѣ Тимковскаго ея крестнымъ отцемъ Николаемъ Демьян. Туранскимъ.

же впослѣдствіи, по смерти И. И. Халанскаго, Тимковскому самому пришлось сдѣлаться директоромъ гимназіи, устройству которой онъ содѣйствовалъ.

Съ открытіемъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, какъ видно изъ бумагъ Тимковскаго, отношенія его къ нимъ не прекращались: во множествѣ изъ этихъ бумагъ директоры гимназій время отъ времени просятъ у него разрѣшенія разныхъ вопросовъ и сомнѣній (чаще другихъ мы встрѣчали такіе запросы со стороны директоровъ черниговской и екатеринославской гимназій); къ нему же они обращаются съ ходатайствами о наградахъ учителямъ и съ жалобами на плохихъ учителей; въ свою очередь учителя жалуются ему на притѣсненія директоровъ. Въ нѣкоторыхъ сучаяхъ даже и университетъ передавалъ на распоряженіе Тимковскаго поступавшія къ нему жалобы. Такъ, въ 1810 году учителя черниговской гимназіи Кнейперъ (нѣмецкаго языка) и Феттеръ (французскаго языка) подали взаимныя другъ на друга жалобы по поводу происшедшей между ними ссоры. Представляя эти жалобы въ училищный комитетъ университета, директоръ гимназіи Марковъ въ рапортѣ своемъ отъ 3 сентября 1810 г. объяснилъ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ ссоры, происшедшей „между сими двумя горячаго и вспыльчиваго сложенія людьми, и едва возмогъ прекратить ее, не успѣвши впрочемъ уговорить ихъ къ всегдашнему примиренію, которое, кажется, никогда послѣдовать не можетъ по изъявляемой ими открыто отъ одного къ другому мстительной ненависти“. Правленіе университета отъ 24 сентября за № 1168, передало эти жалобы Тимковскому, „съ тѣмъ, чтобы онъ вошелъ на мѣстѣ въ подробное о семъ изслѣдованіе и, ежели можно, принялъ бы мѣры къ прекращенію несогласія помянутыхъ учителей примиреніемъ“.—Нѣсколько позже два другихъ учителя той-же гимназіи Пилянкевичъ (латинскаго языка) и Дубровичъ (естественной исторіи) поспорили изъ за обладанія кухней при отведенныхъ учителямъ квартирахъ и также жаловались другъ на друга. Училищный комитетъ университета 1 октября 1810 г. передалъ эти жалобы Тимковскому—„съ тѣмъ, чтобы онъ разобралъ ихъ на мѣстѣ и предоставилъ каждому принадлежащее“.

Вообще, какъ видно изъ бумагъ Тимковскаго, состоя въ должности профессора, онъ до нѣкоторой степени фактически начальствовалъ надъ всѣми средними и низшими учебными заведеніями харьковскаго учебнаго округа.

Въ то же время онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ попечителя округа Потоцкаго. Между бумагами Тимковскаго сохранилось много писанныхъ его рукою черновыхъ бумагъ, озаглавленныхъ „мнѣніями пепечителя Потоцкаго", изъ чего видно, что эти „мнѣнія попечителя" сочинялись Тимковскимъ и были въ дѣйствительности его мнѣніями. Кромѣ особыхъ мнѣній по разнымъ вопросамъ, и нѣкоторыя другія бумаги отъ имени Потоцкаго также составлялись Тимковскимъ, какъ свидѣтельствуютъ черновые проекты этихъ бумагъ. Повидимому, Потоцкій во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ обращался къ содѣйствію Тимковскаго, пользуясь его знаніями и способностью къ работѣ.

М. И. Сухомлиновъ въ вышеупомянутой статьѣ своей говоритъ о Потоцкомъ: „если бы идеалы были возможны въ дѣйствительной жизни, Потоцкаго слѣдовало бы назвать идеаломъ попечителя" [1]). Еслибъ этотъ отзывъ о Потоцкомъ былъ справедливъ, то нѣкоторую долю славы Потоцкаго нужно бы было удѣлить и Тимковскому, какъ ближайшему сотруднику Потоцкаго, который въ очень многихъ случаяхъ работалъ руками и головою Тимковскаго, какъ это видно изъ бумагъ послѣдняго.

По количеству открытыхъ въ харьковскомъ округѣ новыхъ учебныхъ заведеній, дѣятельность Тимковскаго, можетъ быть, была менѣе успѣшна, чѣмъ дѣятельность Ѳ. Чацкаго въ виленскомъ округѣ, но и положеніе Тимковскаго было совсѣмъ другое. Чацкій былъ богатый мѣстный аристократъ, имѣвшій обширныя связи какъ съ польскими помѣщиками, такъ и съ католическимъ духовенствомъ, вслѣдствіе чего онъ и могъ легко подвигнуть какъ однихъ, такъ и другихъ къ щедрымъ пожертвованіямъ на устройство учебныхъ заведеній, а Тимковскій былъ въ Харьковѣ пришлый чиновникъ, не располагавшій собственными средствами и не имѣвшій никакихъ связей и знакомствъ

---

[1]) Изслѣдованія и статьи М. И. Сухомлинова, томъ I, стр. 25.

въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ дѣйствовать; вмѣсто богатыхъ польскихъ магнатовъ, онъ имѣлъ дѣло съ менѣе состоятельными и менѣе тароватыми людьми, которыхъ предварительно надо было еще убѣждать въ пользѣ вновь устраиваемыхъ учебныхъ заведеній. Притомъ визитаторство и устройство училищъ не было для Тимковскаго единственнымъ дѣломъ, которому онъ могъ бы отдаться всецѣло: онъ могъ заниматься этимъ дѣломъ только по временамъ, отрываясь отъ другихъ возложенныхъ на него занятій, въ числѣ которыхъ первыми для него были поставлены всѣ приготовительныя распоряженія по устройству университета, а съ открытіемъ послѣдняго онъ, въ качествѣ профессора, долженъ былъ читать лекціи, и притомъ, какъ выше было упомянуто, отъ одного предмета чрезъ нѣкоторое время перейти къ другому, причемъ эти предметы были разныхъ факультетовъ и не имѣли между собою никакой связи. Кромѣ того, отсутствіе въ первое время попечителя учебнаго округа ставило Тимковскаго въ необходимость тратить значительное количество времени на то, чтобъ вести пространныя письменныя сношенія съ двумя попечителями, изъ которыхъ одинъ—назначенный попечителемъ харьковскаго округа графъ С. О. Потоцкій странствовалъ по западной Европѣ, а другой, временно исправлявшій его должность Н. Н. Новосильцевъ, находился въ Петербургѣ. За отсутствіемъ ихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Тимковскій долженъ былъ выполнять и тѣ дѣйствія, которыя лежали бы на самомъ попечителѣ, еслибъ онъ находился на мѣстѣ. Можно сказать, что въ теченіе нѣкотораго времени Тимковскій замѣнялъ собою и отсутствовавшаго попечителя учебнаго округа, и цѣлый университетъ, и ревизора всѣхъ старыхъ учебныхъ заведеній въ округѣ, и устроителя всѣхъ новыхъ учебныхъ заведеній; и можно удивляться тому, какъ при такой многосложности лежавшихъ на Тимковскомъ обязанностей онъ успѣвалъ все сдѣлать.

Есть, наконецъ, и еще одна разница между Чацкимъ и Тимковскимъ: о Чацкомъ было очень много писано, а о дѣятельности Тимковскаго въ качествѣ визитатора и устроителя училищъ харьковскаго учебнаго округа въ печати до послѣд-

няго времени не было сказано почти ничего. Но университетъ цѣнилъ эту дѣятельность и, какъ видно изъ опредѣленія университетскаго совѣта отъ 15 іюля 1811 г., главную заслугу со стороны Тимковскаго видѣлъ именно въ заботахъ его объ устройствѣ училищъ; въ этомъ опредѣленіи было сказано: „университетъ всегда съ величайшею признательностью будетъ вспоминать, что устройство весьма многихъ училищъ въ округѣ нашего университета, теперь цвѣтущихъ, обязано благоразумію, усердію и неутомимому труду профессора Тимковскаго“.

Когда, съ открытіемъ многихъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, эти учебныя заведенія стали меньше требовать времени отъ Тимковскаго, онъ принялся за литературные труды. Въ это время имъ были написаны сочиненія: 1) „О примѣненіи знаній къ состоянію и цѣли государства“ (рѣчь, произнесенная въ собраніи университета 17 января 1808 г.),—2) „О помѣстьяхъ“ (рѣчь, произнесенная въ собраніи университета 30 іюня 1810 г.),—3) „Опытный способъ къ философическому познанію россійскаго языка“ (изданіе харьковскаго университета 1811 г.). Кромѣ того, въ бумагахъ Тимковскаго есть указаніе на написанное имъ въ это же время на латинскомъ языкѣ сочиненіе: „Сравненіе Юстиніановыхъ законовъ съ россійскими“, за которое геттингенское ученое общество въ 1809 г. избрало Тимковскаго въ свои члены; когда и гдѣ было издано это сочиненіе—намъ не извѣстно.

Мы забыли своевременно упомянуть, что отъ московскаго университета Тимковскій 30 іюня 1805 г. получилъ степень доктора обоихъ правъ (т. е. гражданскаго и уголовнаго), а отъ харьковскаго университета 18 декабря 1807 г.—степень доктора философіи.

Въ 1811 году Тимковскій, ссылаясь на разстроенное во время служебныхъ разъѣздовъ здоровье, подалъ прошеніе объ увольненіи въ отставку. Въ отвѣтъ на это, ему было предложено для поправленія здоровья воспользоваться годичнымъ отпускомъ, съ сохраненіемъ полнаго оклада жалованья. Тимковскій взялъ отпускъ, но потомъ повторилъ свое ходатайство объ увольненіи въ отставку, которую и получилъ 2 сентября 1813 г.

(Окончаніе слѣдуетъ). **Н. Шугуровъ.**

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1])

VIII.

Изъ Херсона въ Крымъ.

17 мая, въ день отъѣзда изъ Херсона, Императрица въ 12-мъ часу утра принимала прежде всего на приватной отпускной аудіенціи маркиза де Галло, а потомъ жаловала къ рукѣ: кн. Понятовскаго, барона Герберта, гр. Мошинскаго и гр. Мо-дольфа, которые были приглашены къ обѣду. На столѣ, вмѣсто конфектныхъ пирамидъ, для украшенія поставлены были одиннадцать моделей кораблей и другихъ судовъ.

Послѣ обѣда, въ половинѣ 2 часа, Императрица выѣхала изъ Херсона въ своемъ восьмимѣстномъ фаэтонѣ, въ который были приглашены: графъ Фалькенштейнъ, графиня А. В. Браницкая, кн. Потемкинъ, И. И. Шуваловъ, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, принцъ де Линь и графъ Кобенцель. Остальныя лица свиты послѣдовали въ каретахъ. Выѣздъ сопровождался пушечной пальбой и колокольнымъ звономъ. Возлѣ фаэтона верхомъ ѣхалъ генералъ-поручикъ Самойловъ и всѣ военные чины; у собора стояло духовенство въ облаченіи съ крестами; при выѣздѣ изъ города у тріумфальныхъ воротъ привѣтствовали Императрицу херсонскіе купцы, мѣщане и ремесленники. Тутъ Самойловъ и всѣ военные откланялись и возвратились въ городъ.

Для путешествія Императрицы, въ Крыму еще въ октябрѣ 1786 г. приготовлялись дороги, ставились поверстные столбы,

[1]) См. Кіевская Старина, 1891 г., № 8.

въ городахъ строились дворцы, съ Дону ожидались изготовленные тамъ походные войлочные дворцы.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1787 г. въ Карасу-Базарѣ живописцы отдѣлывали дворецъ. Дѣлались распоряженія, чтобы въ Перекопъ и къ Бахчисараю посланы были татары, киргизы, ногайцы и туркмены для поклоненія Императрицѣ; принимались даже мѣры, чтобы въ Бахчисараѣ число жителей увеличилось. Для экипажей и всего поѣзда вытребовано было 2000 донскихъ лошадей, изготовлено было сто кибитокъ и къ нимъ дуги и хомуты и все доставлено заблаговременно въ Бериславль; заготовляли ледъ, кадки, ведра, ушаты и всякую деревянную посуду; на всякой станціи былъ заготовленъ кофей левантскій; коровы для молока назначены были наемныя отъ обывателей окрестныхъ деревень, это было сдѣлано съ цѣлью доставить жителямъ прибыль и показать имъ, что отъ нихъ безъ платы ничего не требуется.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Бахчисараѣ приготовляли даже разныя бревна и доски для устройства фейейрверка. Суровая зима, сѣверные вѣтры и глубокіе снѣга, какихъ не помнили и сторожилы, чрезвычайно мѣшали успѣху работъ.

Первая остановка, хотя кратковременная, была въ 17 верстахъ отъ Херсона на р. Ингульцѣ; здѣсь устроена была переправа для экипажей. На другомъ берегу ожидала шестимѣстная путевая карета Императрицы, въ которой она и продолжала путь, приглася съ собою графа Фалькенштейна, графиню Браницкую, Дмитріева-Мамонова, принца де Линя и графа Кобенцеля.

Въ три четверти 8 часа вечера прибыли въ Бериславль. Свитѣ приготовленъ былъ въ дворцѣ ужинъ, а Императрица, побесѣдовавъ съ графомъ Фалькенштейномъ, удалилась во внутренніе покои наскоро выстроеннаго дворца, а графъ Фалькенштейнъ отправился въ приготовленную для него квартиру.

Передъ дворцомъ горѣла иллюминація изъ плошекъ [1]).

Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ 18 мая: „На сіе число ночевали въ Бериславлѣ, что былъ Кизикерменъ"...

[1]) См. Камеръ-Фурьер. журналъ 1787 г.

Императрица говорила ему: „Хорошо, что, отдыхая теперь, съ свѣжею головою и лучшими свѣдѣніями можно прилежнѣе работать въ Эрмитажѣ. Все вижу и слышу, хотя не какъ императоръ, — (Императрица намекала на Іосифа II). Онъ много читалъ и имѣетъ свѣдѣнія, но, будучи строгъ противъ самаго себя, требуетъ отъ всѣхъ неутомимости и невозможнаго совершенства, не знаетъ русской пословицы—мѣшать дѣло съ бездѣльемъ“.

Отъѣздъ изъ Бериславля назначенъ былъ утромъ и рѣшено обѣдать ранѣе обыкновеннаго. Но въ то время, когда, въ 10 часовъ утра, объявляли объ этомъ съѣхавшимся во дворецъ, кн. Потемкинъ неожиданно для всѣхъ въ особой комнатѣ, за особеннымъ столомъ, наскоро пообѣдалъ, откланялся Императрицѣ и уѣхалъ впередъ въ „Тавриду“, пригласивъ съ собою генералъ-поручика графа М. П. Румянцева, тайн. сов. Е. А. Черткова, графа Браницкаго и принца Нассау.

Ранній обѣдъ Императрицы со свитою кончился въ началѣ 1-го часа; затѣмъ, отправились до пристани, приготовленной у переправы чрезъ Днѣпръ и Конскія Воды, на шлюбкахъ.

Переѣхали на другой берегъ Днѣпра, принадлежавшій уже таврической области; здѣсь екатеринославскій губернаторъ генералъ-маіоръ Синельниковъ откланялся Императрицѣ, и встрѣтили ее таврическій правитель Коховскій, директоръ экономіи Габицъ и Мамутъ-бей съ конными туркменцами, киргизами и ногайцами, обитавшими въ днѣпровскомъ и мелитопольскомъ уѣздахъ.

Вся эта новая свита провожатыхъ поскакала и впереди, и возлѣ, и сзади шестимѣстной кареты Императрицы, въ которой она сидѣла съ графомъ Фалькенштейномъ, графинею Браницкой, Мамоновымъ, принцемъ де-Линь и графомъ Кобенцелемъ. Дорога была ровная, природа безлѣсная и безводная—голая степь съ солончаками. Ночлежная станція назначена была въ урочищѣ у Каменнаго моста на рѣкѣ Калангакѣ за 35 верстъ до Перекопа. Эта рѣчка или точнѣе ручей, протекающій по болотному излогу, впадаетъ въ Черное море. Чрезъ рѣчку въ давнія времена, по преданіямъ, еще генуэзцами былъ построенъ

каменный мостъ[1]), близъ котораго и назначенъ былъ ночлегъ въ путевомъ дворцѣ, въ палаткахъ и ставкахъ, изготовленныхъ еще въ Петербургѣ и возившихся во время крымскаго путешествія въ поѣздѣ Императрицы.

Не доѣзжая Каменнаго моста, явились на встрѣчу императорскому поѣзду донскіе козаки,—слишкомъ 3500 человѣкъ, съ своимъ войсковымъ атаманомъ, генералъ-поручикомъ Иловайскимъ во главѣ.

„Козаки (записано въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ) препровождали карету Ея Величества, представляя съ похвальнымъ проворствомъ козачьи разъѣзды и разныя воинскія движенія, имъ свойственныя".

Гарцованіе донскихъ козаковъ чрезвычайно понравилось австрійскому императору. „Они парадировали, производили разные маневры, пускались въ атаку и стрѣляли изъ пистолетовъ впродолженіи цѣлаго перегона". Ловкость козаковъ и родъ строя, который они умѣли соблюдать, при кажущемся безпорядкѣ и суматохѣ, заинтересовали Іосифа II.

„Если пустить такое войско въ тылъ разстроившейся кавалеріи, она пропала безвозвратно и уже потомъ ни за что не построится". Таково было мнѣніе Іосифа, которое онъ сообщилъ въ письмѣ къ своему фельдмаршалу (см. Arneth. Catharina et Ioseph II).

По мѣрѣ приближенія поѣзда къ Каменному мосту, производилась пальба изъ полковыхъ пушекъ донского войска; а когда въ 7 часу вечера Императрица прибыла на станцію, „въ присутствіи Ея Императорскаго Величества изображенъ былъ всѣми козаками сильный ударъ на непріятеля" (К.-Ф. журналъ 1787).

У путеваго дворца на крыльцѣ встрѣтили Императрицу кн. Потемкинъ и правитель таврическій Каховскій съ дворянствомъ.

Храповицкій въ дневникѣ своемъ подъ 19 мая записалъ:

---

[1]) Путешествіе ея императорскаго величества въ полуденный край Россіи, предпріемленное въ 1787 году. Печатано при Горномъ училищѣ въ 1786 году.

„Пріятенъ ночлегъ при Каменномъ мостѣ и экзерциція донскихъ козаковъ. Cela fait naitre des reflexions“.

Свита помѣщена была въ ставкахъ, стоявшихъ возлѣ путеваго (т. е. временно устроеннаго тоже въ видѣ ставки) дворца, гдѣ былъ сервированъ и ужинъ на 27 человѣкъ, къ которому были приглашены посланники, а также Иловайскій съ его офицерами.

Палатки для путешествія по Крыму были изготовлены еще въ Петербургѣ и заблаговременно доставлены въ Кіевъ. Изготовлено было 80 палатокъ, въ томъ числѣ ставка для Императрицы о трехъ покояхъ; въ ней была столовая палатка, уборный шатрикъ, галлерея для сервиза и кухня (изъ д. Госуд. Архива).

Мы выше упоминали, что въ Херсонѣ Императрица выказала свое неудовольствіе гр. Сегюру, но на станціи Каменный мостъ она помирилась съ французскимъ посланникомъ. Онъ подробно разсказалъ объ этомъ въ своихъ запискахъ:

„Въ Кизикерменѣ (т. е. въ Бериславлѣ) Императрица, садясь въ карету, сказала мнѣ: для чего вы стѣсняете себя, графъ? Если вы боитесь скуки въ степяхъ, то никто не мѣшаетъ вамъ отправиться въ Парижъ, гдѣ васъ ожидаетъ такъ много удовольствія? И затѣмъ она сѣла въ карету, не дождавшись моего отвѣта.

Понятно, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ случая, чтобы объясниться объ этомъ странномъ, неожиданномъ для меня замѣчаніи—и потому, когда она расположилась въ своемъ шатрѣ (на станціи Каменный мостъ) и намъ дозволено было ее видѣть, я просилъ ее объяснить мнѣ смыслъ шутки, которую я не понялъ.

Императрица отвѣчала: „Это вовсе не шутка. Я нѣсколько разъ вамъ говорила о моей увѣренности въ томъ, что ваши парижскія красавицы сожалѣютъ васъ, которому нужно проѣхать пятьсотъ миль въ варварской странѣ, по степямъ, со скучною царицею. А потому, узнавъ, что вы просили объ отпускѣ, я не хотѣла съ своей стороны причинять вамъ затрудненій, хотя бы вашъ отъѣздъ и былъ бы для меня непріятенъ“.

Я съ жаромъ опровергалъ ея странное мнѣніе обо мнѣ и объ моихъ чувствахъ къ ней. „Итакъ, Ваше Величество, отвѣ-

чалъ я,—Вы считаете меня человѣкомъ слѣпымъ, неблагодарнымъ, безразсуднымъ и съ грубымъ вкусомъ. Мнѣ очень прискорбно, что я вижу въ этомъ еще остатокъ Вашего предубѣжденія вообще противъ всѣхъ французовъ, предубѣжденія, ни на чемъ неоснованнаго. Нигдѣ Васъ такъ не уважаютъ и не оцѣниваютъ, какъ во Франціи, и въ этомъ отношеніи я вѣрный представитель моего отечества. Очень буду сожалѣть, если я принужденъ буду, хотя на время, уѣхать по возвращеніи Вашемъ въ Петербургъ, но если Вамъ угодно, чтобы я уѣхалъ ранѣе, то это будетъ для меня равняться ссылкѣ".

„Я этого вовсе не хочу, сказала она смѣясь, я бы желала, чтобы вы всегда оставались при мнѣ, и вы это очень хорошо знаете. Если я немножко и посердилась на васъ по случаю недавняго прибытія сюда вашихъ умныхъ учениковъ, бородатыхъ турокъ, то теперь эта досада прошла совершенно". Послѣ этого она стала говорить о предложеніяхъ, сдѣланныхъ ею Портѣ, и, между прочимъ, сказала: „Король вашъ увидитъ, что я уступчива, искренно желаю мира и вовсе не такъ честолюбива, какъ обыкновенно полагаютъ". Съ этой поры Государыня была со мною снова очень любезна и привѣтлива".

Въ этотъ же вечеръ, когда Императрица откланялась всему собранію и когда всѣ разошлись по своимъ палаткамъ, Іосифъ II, желая воспользоваться прекрасною ночью, взялъ Сегюра подъ руку, они пошли гулять, и довольно долго ходили по этой степи, гдѣ взоръ не находилъ преградъ. При видѣ нѣсколькихъ верблюдовъ и татарскихъ пастуховъ, бродившихъ въ степи, императоръ сказалъ своему спутнику: „Какое странное путешествіе! Кто бы могъ подумать, что я, вмѣстѣ съ Екатериною II, французскимъ и англійскимъ посланниками, буду бродить по татарскимъ степямъ! Это совершенно новая страница въ исторіи".

„Мнѣ скорѣе кажется, отвѣчалъ Сегюръ,—что это страница изъ „Тысячи и одной ночи", что меня зовутъ Джафаромъ, и что я прогуливаюсь съ халифомъ Гаруномъ аль-Рашидомъ, по обыкновенію своему, переодѣтымъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того императоръ вдругъ остановился и, протирая себѣ глаза, сказалъ: „Право я незнаю, на

яву ли это или ваши слова о „Тысячѣ и одной ночи“ подѣйствовали на мое воображеніе: посмотрите въ эту сторону!“

Сегюръ обернулся въ указанную сторону и не могъ отдать себѣ отчета, что такое онъ видитъ: шагахъ въ 200 отъ нихъ огромная палатка сама собою двигалась по землѣ и приближалась къ нимъ. Несмотря на высокую траву, Сегюръ съ императоромъ тотчасъ же побѣжали, чтобы поближе посмотрѣть. Палатка остановилась, и изъ нея вышло до 30 человѣкъ калмыковъ. Императоръ предложилъ Сегюру войти въ нее, а за нимъ вошли въ палатку и калмыки и опустили занавѣсъ, который закрывалъ входъ въ палатку; такимъ образомъ гр. Сегюръ очутился въ плѣну у этихъ калмыковъ. Они продолжали двигаться впередъ, неся палатку, и пройдя нѣсколько шаговъ, открыли занавѣсъ,—у входа стоялъ императоръ и смѣялся отъ всей души надъ удивленнымъ Сегюромъ. Онъ самъ вошелъ въ шатеръ.— Вскорѣ императору и Сегюру объяснили подробно устройство этихъ калмыцкихъ подвижныхъ жилищъ. Изъ планокъ дѣлается рѣшетка, и составляется круглая загородка, около четырехъ футовъ вышиною, сдерживаемая сверху деревяннымъ обручемъ, который образуетъ карнизъ. На этомъ кругѣ утверждаютъ длинные шесты, футовъ въ 30, которые вверху скрѣпляются деревяннымъ кружкомъ. Вся эта рѣшетка затягивается ремнями. Этотъ остовъ накрывается верблюжьею кожею до земли. Покрывало это поднимаютъ съ той стороны, которая защищена отъ вѣтра и солнца. Куски той же кожи служатъ вмѣсто кровати и дивановъ. Наверху оставляютъ отверстіе для дыма. Въ такомъ шатрѣ удобно помѣщается до 30 человѣкъ, а вокругъ нихъ располагается ихъ скотъ. Когда они оставляютъ мѣсто кочевья, то снимаютъ покрывало, разбираютъ подставки, складываютъ рѣшетку въ связки и все это сваливаютъ на телѣгу. Но если колмыки хотятъ перейти на другое мѣсто и только для того, чтобы найти лучшее пастбище скоту, то, не разстраивая своего жилья, становятся внутри палатки и, обратившись всѣ въ одну сторону, приподымаютъ на себѣ рѣшетку и такимъ образомъ переносятъ эти легкіе дома. Такой переносъ и послужилъ причиною удивленія нашихъ путешест-

венниковъ, когда они неожиданно увидѣли движущійся шатеръ, не видя ни людей, ни животныхъ, двигавшихъ его [1]).

На другой день, рано утромъ, начала собираться свита въ ставку Императрицы и всѣ дожидали прихода гр. Фалькенштейна, но онъ не являлся и оказалось, что, вставъ ранѣе всѣхъ онъ поскакалъ осматривать Перекопъ, гдѣ и предположилъ ожидать Императрицу.

При выходѣ Императрицы въ „собраніе", ей были представлены жена Иловайскаго съ дочерью, жена бригадира Денисова и самъ Иловайскій съ его офицерами-козаками.

Въ 9 часовъ утра Императрица выѣхала въ фаэтонѣ въ Перекопъ, гдѣ при пушечной пальбѣ встрѣтили ее гр. Фалькенштейнъ, кн. Потемкинъ, комендантъ и бригадиръ Ѳедоръ Денисовъ съ его отрядомъ донскихъ козаковъ.

Гр. Фалькенштейнъ, какъ мы видѣли, поскакалъ сюда впередъ; онъ проѣхалъ поперегъ весь перешеекъ отъ одного моря до другаго, что составляло около 16 верстъ, осмотрѣлъ все подробно и сообщилъ о томъ, что видѣлъ своему фельдмаршалу: „Профиль вала очень высокъ, ширина и глубина рва очень значительны. У моря стоитъ укрѣпленіе, съ него и начинается валъ, а отсюда тянется прямой линіей до середины, гдѣ есть мостъ и турецкая крѣпость, довольно большая, но въ развалинахъ; отсюда валъ идетъ опять прямой линіей вплоть до Сивашскаго моря, гдѣ тоже имѣются три обложенныя камнемъ батареи или что то похожее на редуты, которыми и заканчивается валъ. Въ прежнее время валъ этотъ былъ сплошь обложенъ камнемъ, съ эскарпами и контръ-эскарпами, но русскіе разобрали камни на постройку домовъ (см. Arneth. Catharina II und Ioseph II). Поѣздъ Императрицы прибылъ прямо къ дому смотрителя перекопскихъ озеръ Свербѣева; здѣсь былъ приготовленъ завтракъ, во время котораго Императрицѣ представлены были образцы тринадцати родовъ мѣстной самосадочной соли.—Послѣ завтрака Императрица, сопровождаемая скакавшими возлѣ кареты донскими козаками и „имянитыми"

---

[1]) См. Записки Сегюра.

крымскими татарами, выѣхала изъ Перекопа и въ 1 часу дня пріѣхала къ станціи Пяти-Колодезей, гдѣ былъ назначенъ обѣдъ въ палаткахъ. Отсюда, перемѣнивъ лошадей въ дер. Дюрменъ, въ 26 верстахъ отъ *Пяти-Колодезей*, въ 6 часовъ вечера поѣздъ императорскій прибылъ въ мѣстечко Айбары, гдѣ все уже было приготовлено и вокругъ ставки Императрицы собраны и установлены всѣ палатки для помѣщенія свиты, прислуги и всего дворцоваго хозяйства. Для графа Фалькенштейна была такъ же отдѣльная палатка, какъ и для посланниковъ. До 9 часовъ вечера Императрица бесѣдовала съ гр. Фалькенштейномъ и лицами свиты въ своей ставкѣ, потомъ откланялась своимъс путникамъ и всѣ статсъ-дамы, посланники и свита, по приглашенію кн. Потемкина, отправились ужинать въ огромную, раскинутую между ставками калмыцкую юрту.—Посланники любовались невиданною ими картиною: въ степи ставки, палатки были освѣщены горѣвшими плошками и не прекращались движеніе и говоръ козаковъ, татаръ и многочисленной придворной прислуги.

Изъ Айбара Императрица писала къ гр. Брюсу:... „Я выѣхала изъ прекраснаго Херсона, ночевала въ Бериславѣ, вчерась, 18 переправилась чрезъ Днѣпръ и ночевала въ редутѣ у Каменнаго Моста, сего утра 19 проѣхали мы Перекопскіе вороты, а сіе пишу изъ Айбары, завтра будетъ ночлегъ въ Бахчисараѣ, мы всѣ, слава Богу, здоровы; дни теплые при вѣтрахъ перемѣнныхъ; со всѣхъ сторонъ неба отселѣ уже видны горы, хотя до нихъ еще болѣе ста верстъ. Дорога какъ по билліарду, ни за что не зацѣпишься“ [1]).

На другой день, послѣ обѣда въ Такилѣ, въ 50 верстахъ отъ Айбара, продолжали путь къ Бахчисараю, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ. Во время этого переѣзда путешественники видѣли уже другую картину: тѣнистую зелень, живописныя поля, красивые домики жителей, дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ. Вездѣ замѣтно было присутствіе движенія и жизни, которыхъ и слѣда не было въ пустынной, безлюдной степи перекопской. (Записки

---

[1]) См. Приложенія къ Камеръ-Фурьер. журналу 1787 года.

Сегюра). Не доѣзжая 11 верстъ до Бахчисарая, въ Алма-Кермени встрѣтили „хоругви изъ 26 лучшихъ мурзъ, и начальствующій ими полковникъ Иванъ большой Горичь съ татарами, вольно вступившими въ службу; ихъ было 1500 человѣкъ". Пропустя фаэтонъ Императрицы и отдавъ честь съ преклоненіемъ знаменъ, они, раздѣлясь на двѣ стороны, съ полковникомъ Горичемъ во главѣ, провожали Императрицу до самаго дворца въ Бахчисараѣ; здѣсь на горѣ, съ правой стороны расположены были лагеремъ полки: екатеринославскій гренадерскій и мушкатерскіе—троицкій и старооскольскій. При въѣздѣ Императрицы загремѣла музыка" и барабанный бой и полки отдавали фронтомъ честь съ преклоненіемъ знаменъ. При съѣздѣ съ горы, передъ самымъ Бахчисараемъ встрѣтили Императрицу мѣстные жители-татары верхами и скакали за фаэтономъ до самаго дворца.

Этотъ новый конвой въ эту минуту оказалъ большую услугу: предъ спускомъ въ городъ съ крутой горы лошади, запряженныя въ тяжелую шестимѣстную карету Государыни, не могли удержаться, рванулись, понесли внизъ и потомъ стали разомъ, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ упали.—Карета наѣхала ни нихъ и опрокинулась бы, если бы татары не поддержали ее. Всѣ перепугались за Государыню, но на лицѣ Ея не видно было ни малѣйшаго слѣда испуга [1]).

По обѣ стороны длинной улицы, ведущей ко дворцу, начиная съ въѣзда, были лавки сперва ремесленниковъ, потомъ мелочныя, а ближе ко дворцу лавки богатыхъ купцовъ; всѣ лавки были открыты и передъ каждою стоялъ ея хозяинъ. Въ срединѣ этой улицы встрѣтилъ Императрицу муфтій бахчисарайской ханской мечети Мусалафъ-Ефендій съ магометанскимъ духовенствомъ. Близъ дворца встрѣтилъ греческій священникъ съ хлѣбомъ и солью.

Императрица прибыла въ 5 часу во дворецъ съ гр. Фалькенштейномъ; здѣсь стоялъ почетный караулъ отъ екатеринославскаго гренадерскаго полка; у подъѣзда встрѣтилъ Ее кн.

[1]) Смолен. Губ. Вѣд. 1891, № 10—14; также Записки Сегюра.

Потемкинъ, генералъ-аншефъ Каховскій, „военный генералитетъ“ и мѣстные бахчисарайскіе чиновники; у подъѣзда же привѣтствовали Императрицу шестнадцать малолѣтнихъ дѣтей благородныхъ грековъ и албанцевъ“ [1]).

Вечеромъ всѣ мечети и дома, расположенные большею частью по косогорамъ, были иллюминованы.

По прибытіи Императрицы въ Бахчисарай, близъ дворца, въ главной мечети, гдѣ до того хоронились ханы и ихъ семейства, муфтій отправлялъ торжественное богослуженіе съ дервишами [2]).

Императрицѣ все болѣе и болѣе нравился южный край, и въ Бахчисараѣ, ложась спать, она описала свои впечатлѣнія въ письмѣ къ П. Д. Еропкину [3]).

„... Весьма мало знаютъ цѣну вещамъ тѣ, кои съ уничиженіемъ безславили пріобрѣтеніе сего края: и Херсонъ и Таврида современемъ не токмо окупятся, но надѣяться можно, что, если Петербургъ приноситъ осьмую часть дохода имперіи, то вышеупомянутыя мѣста превзойдутъ плодами безплодныя мѣста.

Кричали и противъ климата, пугали и отсовѣтовали. Обозрѣвъ самолично, сюда пріѣхавши, ищу причины таковаго предубѣжденія безразсуднаго. Слыхала я, что Петръ I въ разсужденіи Петербурга долговременно находилъ подобныя, и я помню еще, что тотъ край никому не нравился; воистину сей не въ примѣръ лучше, тѣмъ паче, что съ симъ пріобрѣтеніемъ исчезаетъ страхъ отъ татаръ, которыхъ Бахмутъ, Украйна и Елисаветградъ по нынѣ сіе помнятъ; съ сими мыслями и я съ немалымъ утѣшеніемъ, написавъ сіе къ вамъ, ложусь спать сегодня, видя своими глазами, что я не причинила вреда, но величайшую пользу своей имперіи. Изъ Бахчисарая, 20 мая 1787 г.“.

Безъ сомнѣнія Императрица не ожидала видѣть того, что она видѣла, и, конечно, все это сдѣлалъ кн. Потемкинъ, желая уничтожить своихъ враговъ, чернившихъ его въ глазахъ Ека-

---

1) Кам.-Фурьер. журналъ. 1787 г.

2) Тамъ же.

3) См. Сочиненія Екатерины. Изданіе Смирдина. Т. III. Спб. 1850.

терины и особенно обвинявшихъ его въ злоупотребленіяхъ властью и денежныхъ захватахъ по случаю устройства Крыма.

Для показанія Бахчисарая Императрицѣ въ приличномъ видѣ, начались приготовленія еще въ 1784 году; но въ февралѣ 1787 года еще ничего не было готово. Въ мартѣ въ Бахчисараѣ исправляли еще въ домахъ крыши, а во дворцѣ отдѣлывали комнаты, для убранства которыхъ Потемкинъ черезъ посланника нашего въ Константинополѣ Булгакова выписалъ оттуда турецкія матеріи, носившія названія: *ангарскія* шали, *севай* бѣлая и желтая, *алтынъ улунь*, *хіосская* желтая, *белдари* желтая и красная, *ялакъ-кафе бѣлая*; *дамгахане*, *шефаньхане* съ цвѣтами розовая и бѣлая, *агабани* съ желтыми и съ голубыми цвѣтами; выписаны были для бахчисарайскаго дворца не только матеріи, но и стклянки розоваго масла, разные духи: *темсукъ* кусками, *амбари* драхмами... и еще, вѣроятно для подарковъ татарамъ, 26 красныхъ скуфикъ, 12 паръ шитыхъ женскихъ башмаковъ. Въ апрѣлѣ 1787 вся плотничья и деревянная работа была кончена, все оштукатурено и живописцы расписали стѣны, потолки, карнизы, двери и пр.

Потемкинъ, при содѣйствіи довѣренныхъ ему лицъ, старался угодить Императрицѣ до самыхъ малѣйшихъ, ничтожныхъ бездѣлицъ во время проѣзда ея по Крыму. На всѣхъ станціяхъ, гдѣ были остановки или подставы,—татары объѣзжали заблаговременно лошадей, назначенныхъ въ экипажи. Вездѣ заготовлено было въ большомъ количествѣ въ бутылкахъ „таврическое" вино, полпиво, медъ, даже кислые щи.

Устройство крымскихъ дворцовъ и убранство ихъ мебелью, зеркалами и др. мелочными вещами стоило болѣе тридцати семи тысячъ—и все большею частью было выписано изъ Москвы и Курска [1]).

Графъ Сегюръ оставилъ намъ въ своихъ запискахъ очень краткое описаніе бахчисарайскаго дворца въ томъ видѣ, какъ онъ его видѣлъ: Дворецъ каменный, построенъ на берегу рѣчки, вдоль которой татарами устроена была набережная; въѣздъ во

[1]) Въ донесеніяхъ Коховскаго 1787.

дворецъ черезъ небольшой каменный мостъ. На лѣвой сторонѣ большія ханскія мечети, подалѣе конюшни; на правой сторонѣ дворцовыя зданія одноэтажныя, окруженныя садомъ съ четырьмя террасами. Возлѣ мечети кладбище, гдѣ хоронили хановъ, великихъ мурзъ и муфтіевъ. Кладбище очень живописно по красотѣ и разнообразію гробницъ и деревьевъ, ихъ осѣняющихъ.

Императрица съ императоромъ заняли бывшіе покои хановъ, посланникамъ и принцу де Линь отвели помѣщеніе въ комнатахъ Сераля, выходившихъ окнами въ красивый садъ, окруженный каменною высокою стѣною. Единственною мебелью въ этихъ комнатахъ были только широкіе диваны, поставленные вдоль стѣнъ. Средину комнаты занималъ четырехугольный бассейнъ изъ бѣлаго мрамора съ водою, изъ котораго билъ фонтанъ свѣжей и чистой воды. Комната была полуосвѣщена; стекла въ окнахъ были расписаны; когда отворяли окно, то и тогда лучи солнца едва проникали сквозь густыя вѣтви розовыхъ и лавровыхъ деревьевъ, закрывавшихъ окна своею зеленью [1]).

Сегюръ досталъ себѣ провожатаго для осмотра дворца, мечети и вообще Бахчисарая. Этотъ провожатый былъ прежде садовникомъ бывшаго хана Шагинъ-Гирея и говорилъ по итальянски. Онъ провелъ Сегюра и въ ханскую мечеть.

Богослуженіе Сегюру не понравилось.

„Намъ представилось, говоритъ онъ, грустное зрѣлище: 30 или 40 восторженныхъ дервишей, называемыхъ по арабски вертящимися, быстро кружились, какъ спущенные волчки, крича изо всей мочи „Аллахъ-Гу!“, и притомъ съ такимъ изступленіемъ, что, наконецъ, падали на землю, обезсиленные и едва дышащіе“. (Тамъ же).

На Императрицу магометанское богослуженіе также произвело впечатлѣніе:

„Здѣсь мы помѣщаемся среди минаретовъ и мечетей (писала она къ барону Гримму), гдѣ голосятъ, молятся, распѣваютъ и вертятся на одной ногѣ пять разъ въ сутки. Все это слышно намъ изъ нашихъ оконъ“ [2])...

---

[1]) См. Записки Сегюра, т. III, 150.

[2]) См. Письма къ Гримму. Сборникъ р. историч. общества, т. XXIII.

Хотя императоръ Іосифъ II и не любилъ оффиціальныхъ помѣщеній, но ему были отведены комнаты во дворцѣ. Вотъ что сообщаетъ онъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Бахчисараемъ:

„Императрица помѣстилась въ ханскомъ дворцѣ, въ которомъ вся обстановка въ восточномъ вкусѣ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ служилъ для пребыванія бывшаго хана. Князь Потемкинъ и многіе другіе господа изъ свиты поселились въ гаремѣ, который представляетъ въ маломъ видѣ точную копію съ султанскаго гарема въ Константинополѣ. Дворецъ чрезвычайно похожъ на наши монастыри, кармелитскіе и другіе, въ которыхъ соблюдается правило строгаго заключенія. Онъ со всѣхъ сторонъ огражденъ высокими стѣнами, съ нѣсколькими садиками, прекрасными фонтанами обильными водою, но все это скрыто стѣнами.

Я занимаю комнаты, въ которыхъ въ прежнее время жилъ братъ хана; у него жены были всѣ старухи, потому и мои мечты не могутъ имѣть особенно радужной окраски.

Вчера вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ до самыхъ верховъ горъ, что представляло очень красивое зрѣлище. Мы остаемся здѣсь на цѣлыя сутки.

На послѣдней станціи на встрѣчу Императрицѣ выѣхалъ татарскій отрядъ въ тысячу человѣкъ верхами, всѣ были одѣты въ одинаковое платье; эти татары, вмѣстѣ съ тридцатью другими, выбранными изъ дворянства, одѣтые въ зеленые, богато обшитые галунами кафтаны, составили дворянскую гвардію, которая сопровождала Императрицу до города, а двѣнадцать мальчугановъ, также благороднаго происхожденія, состояли при ней пажами. У воротъ православное духовенство встрѣтило ее съ Евангеліемъ, а муфтій—съ Алкораномъ. Эта смѣсь и этотъ парадъ были, дѣйствительно, столько же интересны, сколько и своеобразны. Но среди всего этого стеченія народа не видать было ни одной женщины. Что, впрочемъ, ни дѣлаетъ императрица для здѣшняго населенія, и какія льготы она имъ не предоставляетъ, нѣтъ ни одного особенно изъ стариковъ, кто бы не былъ радъ уйти изъ подъ новой власти.

Я опять обошелъ нѣсколько мечетей, чтобы видѣть обычные молитвенные обряды, совершаемые мусульманами каждую пятницу, такъ какъ у нихъ этотъ день считается праздничнымъ. Надобно отдать имъ справедливость: по внѣшности они показываютъ искреннюю вѣру и благочестіе.

Я побывалъ еще въ одномъ городѣ близъ Бахчисарая; городъ этотъ населенъ исключительно евреями изъ секты караимовъ; изъ нихъ одни довольно богатые купцы, а другіе занимаются земледѣліемъ; своихъ женъ они прячутъ, по примѣру татаръ. По своему закону, они обязаны довольствоваться одною женою, пока она не подурнѣетъ, или пока у ней не попортится зрѣніе; въ этихъ только двухъ случаяхъ имъ разрѣшается жениться на другой. Будь только установленъ такой законъ въ Вѣнѣ, сколько женщинъ оказалось бы въ очкахъ, лишь бы избыть своихъ мужей" [1]).

Самое подробное и единственное описаніе бахчисарайскаго дворца въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ черезъ 12 лѣтъ послѣ путешествія императрицы въ Крымъ, намъ оставилъ путешествовавшій по Крыму П. Сумароковъ:

„Дворецъ, въ которомъ ханы всегда обитали,—огромное зданіе,—стоитъ при концѣ базара, посреди города, на берегу гнилой рѣчки. При вступленіи на пространной дворъ, съ правой стороны находятся палаты, съ лѣвой противъ ихъ придворная съ переходами мечеть, и три бока по оному обнесены разными строеніями, а впереди на противоположной сторонѣ воротамъ видны висячіе одинъ надъ другимъ сады. Дворецъ составленъ изъ многихъ соединенныхъ отдѣленій и теремовъ, коихъ неравныя высоты, неправильные фасады и различныя на нихъ крышки даютъ ему необыкновенные красы. Раззолоченной входъ, родъ подъѣзда съ татарскою на дверяхъ крупною надписью и двумя колоннами, ведетъ въ сѣни, въ которыхъ одинъ изъ навислыхъ теремовъ служитъ имъ въ иныхъ мѣстахъ крышею; тутъ поставлены два большіе мраморные фонтаны съ различными для воды изверженіями. Подлѣ сѣней диванъ, или

[1]) См. Arneth. Catharine II et Joseph. II.

бывшее засѣданіе хана, представляетъ пространную комнату въ два свѣта; въ нижнемъ всѣ стекла разноцвѣтныя, въ верхнемъ же онѣ бѣлыя, цѣльныя, самаго большаго разбора и убраны, на подобіе янтарей, лалловъ и изумрудовъ, многими разноцвѣтными же кусочками стеклышекъ въ узорѣ. Въ другой комнатѣ полъ и водометъ посреди ея облечены чистымъ бѣлымъ мраморомъ, изъ которой выходятъ въ небольшой садикъ. Оной наполненъ розовыми кустами и цвѣтниками; по стѣнамъ, его огражающимъ, переплетаются виноградныя вѣтви, и въ концѣ онаго стоитъ бесѣдка съ преизряднымъ фонтаномъ.

Прочее въ нижнемъ жильѣ есть ничто иное, какъ смѣшеніе переходовъ, погребовъ и кладовыхъ съ нѣсколькими притомъ горницами. Въ верхнемъ ярусѣ великое число комнатъ съ лѣстницами въ нихъ изъ одной въ другую являютъ въ себѣ богатыя украшенія; тамъ на потолкахъ и стѣнахъ, расписанныхъ арабесками, блеститъ золото, повсюду диваны съ парчевыми, бархатными подушками, и полы устланы или дорогими коврами, или египетскими рогожками. Въ чертогахъ женъ вставлены вмѣсто стеколъ плетеныя рогожки, сквозь которыя онѣ, будучи невидимыми, могли на все смотрѣть свободно, и въ семъ отгороженномъ для нихъ отдѣленіи находится особой съ бесѣдками и фонтанами садъ. Всѣхъ комнатъ во дворцѣ и службахъ считается до 150; окружность его въ строеніи простирается на 420 сажень, и онъ стоилъ великаго иждивенія. Внутреннее онаго великолѣпіе, разные при немъ дворики съ цвѣтниками, насыпанные сады, изобилующіе лучшими плодами, и множество фонтановъ представляютъ придуманной восточной вкусъ, и все дышетъ тутъ роскошью, нѣгою и сладострастіемъ" [1]).

Къ барону Гримму Екатерина писала изъ Бахчисарая: „Третьяго дня мы перебрались черезъ перекопскій валъ и вчера, около шести часовъ по полудни, прибыли сюда всѣ въ добромъ здоровьѣ и веселые. Всю дорогу насъ конвоировали татары, а въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда мы нашли все, что только есть

---

[1]) Путешествіе по всему Крыму и Бессарабіи въ 1799 году Павла Сумарокова. М. 1800. Стр. 132.

лучшаго въ Крыму, на конѣ. Картина была великолѣпная: предшествуемые, окруженные и сопровождаемые такимъ образомъ, въ открытой коляскѣ, въ которой сидѣло восемь персонъ, мы въѣхали въ Бахчисарай и остановились прямо во дворцѣ хановъ. Здѣсь мы помѣщаемся среди минаретовъ и мечетей, гдѣ голосятъ, молятся, распѣваютъ и вертятся на одной ногѣ пять разъ въ сутки. Все это слышно намъ изъ нашихъ оконъ, и такъ какъ сегодня день Константина и Елены, то мы слушаемъ обѣдню на одномъ изъ внутреннихъ дворовъ, гдѣ на сей конецъ раскинуты палатки. О, что за необычайное зрѣлище представляетъ пребываніе въ этомъ мѣстѣ! кто? гдѣ? Принцъ де Линь говоритъ, что это не путешествіе, а рядъ празднествъ, непрерывающихся и разнообразныхъ, нигдѣ невиданныхъ, и какихъ никогда болѣе не увидишь. Скажутъ: какой льстецъ этотъ принцъ де-Линь! Но, быть можетъ, онъ и не совсѣмъ неправъ. Завтра мы выѣзжаемъ отсюда въ Севастополь" [1]).

Въ своемъ письмѣ къ Маріи Θеодоровнѣ, отъ 20-го мая, Императрица говоритъ о путешествіи въ Тавриду слѣдующее: „Въ день отъѣзда изъ Херсона я ночевала въ Бериславѣ; на другой день, переправившись черезъ Днѣпръ, мы вступили въ Тавриду и спали въ редутѣ у Каменнаго моста; вчера мы проѣхали извѣстныя линіи Перекопа и провели ночь въ палаткахъ въ Айбарѣ; сегодня послѣ обѣда прибыли сюда въ Бахчисарай, и я пишу вамъ изъ дома хановъ, гдѣ остановилась. Эта часть Тавриды не похожа ни на что изъ того, что я видѣла; здѣсь есть очень красивые ломбардскіе тополи, видѣнные мною только на картинахъ, а городъ похожъ на тѣ китайскіе рисунки, которые изображаютъ жилища тамошнихъ странъ; онъ расположенъ въ ущельѣ, между двумя высокими горами. Противные днѣпровскіе вѣтры замедлили мое путешествіе на нѣсколько дней, но, выбравшись отсюда, я постараюсь ускорить свое возвращеніе, если будетъ возможно. Въ жизни своей я не видала такихъ высокихъ горъ; графъ Фалькенштейнъ сравниваетъ ихъ съ Альпами; вся эта часть Тавриды весьма живописна; погода

---

[1]) Сб. русск. ист. общ. XXIII, 411.

ни жаркая, ни холодная, и всѣ мы здоровы. Прощайте; обнимаю васъ. Бахчисарай, 20 мая 1787 года. Поздравляю васъ съ днемъ ангела Константина и Елены, которые завтра буду здѣсь праздновать“ [1]).

Дѣйствительно, на другой день, 21 мая, Императрица въ Бахчисараѣ праздновала торжественно день тезоименитства великаго князя Константина Павловича и великой княжны Елены Павловны.

Въ 11 часовъ утра собрались во дворецъ вся свита, военные и гражданскіе чины, находившіеся въ Бахчисараѣ, всѣ придворные и иностранные посланники. Въ 12 часовъ Императрица съ гр. Фалькенштейномъ, сопровождаемая всѣми собравшимися во дворецъ, вышла въ поставленную на дворѣ дворца еще наканунѣ походную церковь старооскольскаго пѣхотнаго полка во имя св. Іоанна Воина.

Во время шествія Императрицы отъ дворцоваго крыльца къ церкви на пути стояли сперва изъ благородныхъ малолѣтніе греки и албанцы, потомъ дѣти мурзъ татарскихъ и напослѣдокъ мальчики и дѣвочки вышедшихъ изъ Молдавіи и Валахіи поселенцевъ, живущихъ близь Бахчисарая.

Обѣдню служилъ полковой священникъ, пѣли за пѣвчихъ солдаты; при пѣніи многолѣтія, во время торжественнаго молебна, изъ полковыхъ пушекъ, стоявшихъ на горѣ, производилась пальба. Возвратившись во дворецъ, Императрица жаловала къ рукѣ всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и крымскихъ татаръ.

Когда старшины татарскіе удостоены были поцѣловать руку Ея Величества, Государыня пожаловала многимъ изъ нихъ великія награды.

Князь Потемкинъ при этомъ случаѣ, сказалъ: „Въ этихъ чертогахъ нѣсколько лѣтъ назадъ злѣйшіе враги Вашего Импе-

---

[1]) Сб. русск. ист. общ., XV. 113.

раторскаго Величества, на подданныхъ своихъ налагали цѣпи, а Ты, премилосердая, въ тѣхъ же самыхъ чертогахъ осыпаешь ихъ милостями и наградами; кто изъ смертныхъ можетъ сравниться съ Тобой, единственная въ мірѣ Царица!" (См. Морской Сборникъ. 1855. № 4).

Во время стола около дворца играла полковая музыка, а татары били въ большіе и малые бубны. Къ столу, сверхъ свиты, были приглашены—генералъ-аншефъ Коховскій, генералъ-маіоръ П. Л. Волковъ, генералъ-маіоръ баронъ фонъ-Ферзенъ, правитель таврическій дѣйств. ст. сов. Коховскій, россійскій министръ при Портѣ г. Булгаковъ, бригадиръ Ѳедоръ Денисовъ, инженеръ-полковникъ Корсаковъ, полковники: Василій Тотовичъ, Иванъ большой Горичъ, Иванъ Жигулинъ, князь Иванъ Мещерскій, князь Егоръ Циціановъ, духовные магометанскаго закона: муфтій Мусаловъ-Эфенди, казіаскеръ Сеидъ-Мехмедъ-Эфенди.

Послѣ обѣда, въ 5 часовъ графъ Безбородко представилъ Императрицѣ прибывшаго изъ Іерусалима лишеннаго зрѣнія грузинскаго царевича Давида; онъ пріѣхалъ нарочно, чтобы поклониться Императрицѣ и былъ пожалованъ къ рукѣ. Вечеръ прошелъ въ разговорахъ съ графомъ Фалькенштейномъ, а лица свиты въ той же комнатѣ играли въ шахматы и карты. Съ вечера и во всю ночь мечети и дома были иллюминованы.

На слѣдующій день былъ назначенъ выѣздъ въ Севастополь.

При отъѣздѣ изъ Бахчисарая Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ, что Императрица ему сказала: „Пріобрѣтеніе сіе важно; предки дорого бы заплатили за то; но есть люди мнѣнія противнаго, которые жалѣютъ о бородахъ П. I (Петромъ I) выбритыхъ. А. М. Д. М. (Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ) молодъ и не знаетъ тѣхъ выгодъ, кои чрезъ нѣсколько лѣтъ явны будутъ. Гр. Фальк...(енштейнъ) видитъ другими глазами. Фицгерб...(ертъ) слѣдуетъ англійскимъ

правиламъ, которыя довели Великобританію до нынѣшняго ея худаго состоянія. Гр. Сегюръ понимаетъ, сколь сильна Россія; но министерство, обманутое своими емиссарами, тому не вѣритъ и воображаетъ мнимую силу Порты. Полезнѣе бы для Франціи было не интриговать. Сегюръ кромѣ здѣшняго двора нигдѣ министромъ быть не хочетъ". (Изъ Дневника Храповицкаго).

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ѲЕДОРЪ ЛИСОВСКІЙ.[1]

1709—1722.

(*Очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи въ 1-й пол. XVIII ст.*)

Лисовскій не былъ крупнымъ историческимъ дѣятелемъ и не занималъ никакого выдающагося положенія, которое дѣлало-бы его замѣтнымъ; хотя онъ въ свое время и надѣлалъ много шуму, но этотъ шумъ ничего общаго съ историческими заслугами не имѣетъ. И тѣмъ не менѣе жизнь и дѣятельность Лисовскаго представляютъ значительный интересъ со многихъ точекъ зрѣнія. Ѳедоръ Лисовскій—одинъ изъ тѣхъ обыкновенныхъ, маленькихъ людей, которые не дѣлали исторіи, не стояли во главѣ крупныхъ историческихъ движеній, не вносили ничего новаго въ жизнь своихъ современниковъ, а наоборотъ, сами цѣликомъ являлись продуктомъ помимо нихъ сложившихся жизненныхъ условій, непосредственно отражая ихъ на себѣ, плыли по не ими созданнымъ теченіямъ, отмѣчая своимъ жизненнымъ

[1]) Матеріаломъ для настоящей статьи послужили нѣсколько документовъ хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Документы эти слѣдующіе: *Связка 36, № 48*: „Челобитье новгородъ-сѣверск. гражданъ въ послушаніи по прежнему сотнику ихъ Лисовскому и о усмиреніи бунтовщиковъ". *Связка 38, № 31*: „О сборѣ Афанасію Заруцкому (новг.-сѣверск. протопопу) церковныхъ приходовъ, изъ разныхъ мѣстъ получаемыхъ". *№ 43*: „Челобитье писаря новг.-сѣверск. Ивана Никитовича о неуплатѣ ему заслуженнаго жалованія". *Связка 41, № 51*: „Дѣло по челобитью значковаго товарища Данилы Кутневскаго на сотника новгор. Ѳ. Лисовскаго въ укорительныхъ на его Данилу словахъ"; это дѣло заключаетъ въ себѣ отвѣты Лисовскаго на 9 пунктовъ, въ которыхъ Кутневскій обвиняетъ его въ разныхъ преступленіяхъ по отношенію къ себѣ и другимъ лицамъ. *№ 55*: „Дѣло исковое Ѳ. Лисовскаго по челобитью на Андрея Цикулицкаго и

путемъ направленіе этихъ теченій. Біографіи такихъ людей—внутренняя исторія ихъ времени, и чѣмъ больше такихъ біографій, чѣмъ полнѣе каждая изъ нихъ, чѣмъ больше въ ней живыхъ подробностей, тѣмъ полнѣе и ярче развертывается передъ нами современная имъ жизнь. Лисовскій былъ въ полномъ смыслѣ слова сыномъ своего времени. Постоянная коллизія, въ которой находились, съ одной стороны то, что можно было-бы назвать нормальнымъ политическимъ строемъ Малороссіи, и съ другой—фактическая сила, дѣйствовавшая на каждомъ шагу наперекоръ этому строю и во всякомъ случаѣ преслѣдовавшая цѣли, которыя стояли внѣ тѣснаго круга интересовъ вновь присоединенной страны,—эта постоянная коллизія должна была дѣйствовать деморализующимъ образомъ на политическіе и общественные нравы старшины, создавая чрезвычайно удобную почву для дѣятельности людей, подобныхъ Лисовскому.

Андрея Заруцкаго въ ночномъ на его дворъ нападеніи" (показанія обвиняемыхъ и двѣнадцати свидѣтелей); тутъ же и распоряженіе о невыѣздѣ Лисовскаго изъ Глухова во все время розыска, предпринятаго по челобитнымъ Аѳан. Заруцкаго и Кутневскаго съ товарищи и „поручная запись" Лисовскаго о невыѣздѣ. *№ 56*: Списокъ съ универсаловъ гетмана Скоропадскаго новг.-сѣверск. Успенской соборной церкви на дворы, лавки и пр., коихъ доходами помянутой церкви, а не сотнику Лисовскому корыстоваться. *Связка 42, № 7*: Допросъ новг. сотника Ѳ. Лисовскаго противу челобитія новг. обывателей (черновая этого допроса съ нѣсколькими измѣненіями въ словахъ и съ довольно большой вставкой въ одномъ мѣстѣ приложена также и къ дѣлу связка 41, № 51). *№ 21*: „Челобитіе Лисовскаго на предмѣстника своего Д. Кутневскаго въ напрасномъ его Государю на него доносѣ". *№ 29* „Дѣло по челобитію капитана Ивана Хрипунова на сотника Лисовскаго въ брани и безчестіи". *№ 32*: Письмо къ стольнику Протасьеву отъ новг. сотника Лисовскаго на Зѣневича въ неправедномъ на него прошеніи. *Связка 43, № 38*: „Челобитье Лисовскаго на гетмана Скоропадскаго въ причиненномъ ему по гетманскому указу смертномъ бою" (тутъ же показаніе караульныхъ офицеровъ и осмотръ ранъ и увѣчій, найденныхъ на тѣлѣ Лисовскаго послѣ экзекуціи). *№ 58*: „Розыскъ о наглыхъ поступкахъ новг. сотника Ѳ. Л. по челобитію всѣхъ новг. обывателей, также гадяцкаго полковника Ив. Чарныша и Д Кутневскаго"; документъ этотъ содержитъ въ себѣ 29 дѣлъ по жалобамъ различныхъ лицъ (каждое дѣло состоитъ обыкновенно изъ челобитной истца, отвѣта Лисовскаго, вызванной имъ улики челобитчика и показаній свидѣтелей, если одна изъ сторонъ на нихъ ссылается), пространную челобитную Чарныша, написанную, вѣроятно, въ 1714 г., когда Лисовскій убѣжалъ изъ Гадяча отъ наряженнаго архіереемъ суда и явился вновь уже въ качествѣ истца и доносчика съ цѣлой слѣдственной коммиссіей; тутъ же находятся

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только прослѣдить, хотя-бы въ общихъ чертахъ, біографію самого Л—го, чтобы видѣть, какъ сильно на ней сказалась именно эта ненормальность политическихъ условій: авантюристъ и человѣкъ сомнительнаго происхожденія, онъ, вслѣдствіе, какой-то темной услуги, оказанной правительству Петра Великаго, попадаетъ въ Гадячъ протопопомъ; оттуда, благодаря той-же рукѣ, покровительствовавшей Лисовскому, онъ, вмѣсто того, чтобы окончить свою бурную и уже полную приключеній жизнь гдѣ-нибудь въ тюрьмѣ или въ ссылкѣ, если не на висѣлицѣ, получаетъ вдругъ назначеніе на сотничество въ Новгородъ-Сѣверскъ и тамъ, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, въ силу котораго его не могутъ смѣстить безъ царскаго указа или вообще распоряженія высшаго правительства, онъ, не обращая никакого вниманія на гетмана и его универсалы, даетъ полную волю своимъ разыгравшимся на такомъ раздольи инстинктамъ и аппетитамъ. И такихъ сотниковъ, полковниковъ, и другихъ урядниковъ было

челобитія Кутневскаго, Андрея Зиновьевича Фая, двѣ жалобы первой жены Лисовскаго, Пелагеи, жалоба новг. обывателей о пустомъ листѣ, который Лисовскій заставилъ ихъ насильно подписать, просьба ихъ, чтобы Лисовскому не позволяли присутствовать при розыскѣ, наконецъ, благодарность (подложная) сельскихъ атамановъ новг. сотни за присланнаго имъ въ сотники Лисовскаго. *№ 61*: „Дѣло по челобитью городничего новгородскаго Дмитрія Шенелича на сотника Л. въ награжденіи причиненной ему обиды"; этотъ № заключаетъ въ себѣ кромѣ того еще 8 обвинительныхъ пунктовъ противъ Л., составленныхъ, вѣроятно, Кутневскимъ и содержащихъ въ себѣ, между прочимъ, чрезвычайно интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло Д. Латышенка; тутъ же помѣщены еще: челобитная Кутневскаго, доношеніе его Протасьеву по поводу двухъ дѣлъ, дѣло линковскаго попа Ивана, допросъ Л. противъ челобитныхъ новг. обывателей, представляющій собой дословное повтореніе № 7 въ связкѣ 42, вмѣстѣ съ копіей представленной Лисовскимъ челобитной сельскихъ атамановъ (подлинникъ помѣщенъ въ связкѣ 43, № 58); копія съ челобитной новг. обывателей о запрещеніи Лисовскому присутствовать при розыскѣ; наконецъ, копіи съ гетманскаго универсала и региментарнаго листа относительно отдачи Л—му двора и коморъ для поселенія. *Связка 46, № 74*: „Пункты канцлеру графу Головкину гетманскаго посланца, Пареена Пекалицкаго, предложенные съ прошеніемъ на оные рѣшенія". *№ 81*: „Челобитная Лисовскаго на Кутневскаго въ неправедномъ на него доносѣ (тутъ же просьба Л. разрѣшить ему присутствовать при розыскѣ Хрипунова). *Связка 48, № 19*. „Пашквѣль на Лисовскаго, стихами написанный". *№ 31*: Челобитіе Ѳ. Лисовскаго, Андрея Колбасы, бывшаго компанейскаго полковника и Потапа Пискуненка, сотника бывшаго воронежскаго, о

много въ Малороссіи того времени, да и не могло не быть: ихъ создавала сама жизнь, тѣ своеобразныя и во многихъ отношеніяхъ исключительныя историческія условія, въ которыя Малороссія попала въ первое время послѣ присоединенія ея къ Россіи. Если въ біографіи Лисовскаго и есть что-нибудь исключительное, такъ это ея конецъ. Л. оборвался на трудномъ и опасномъ пути созиданія своего благополучія во чтобы то ни стало, тогда какъ другіе продолжали подыматься по туго натянутому канату, ловко эквилибрируя и справляясь съ встрѣчающимися препятствіями; Л. умеръ подъ судомъ, тогда какъ его собратья, въ большинствѣ случаевъ мирно отходили въ вѣчность съ радостнымъ сознаніемъ, что они положили прочное основаніе благополучію своихъ потомковъ.

Интересъ біографіи Лисовскаго еще болѣе увеличивается тѣмъ временемъ, къ которому она относится: первая четверть XVIII в. представляетъ собой одну изъ самыхъ интересныхъ эпохъ исторіи Малороссіи, когда эта послѣдняя перестала уже входить въ исторію Польши и не успѣла еще слиться съ общей исторіей Россіи, когда періодъ вооруженной борьбы за ту или иную форму политическаго существованія уже закончился Мазепинскимъ эпизодомъ, и въ исторіи Малороссіи уже стали ясно и отчетливо намѣчаться формы своеобразнаго во многихъ отношеніяхъ жизненнаго строя; правда, этому строю не суждено было пройти всѣ стадіи нормальнаго развитія, но тѣмъ больше цѣны пріобрѣтаетъ въ глазахъ историка этотъ краткій періодъ самобытнаго существованія.

Ѳедоръ Лисовскій былъ родомъ изъ Стародуба. О его жизни до назначенія его гадяцкимъ протопопомъ извѣстно очень мало; но и эти немногія свѣдѣнія, собранныя полковникомъ

изслѣдованіи нанесенныхъ имъ обидъ и разореній. *№ 38*: Челобитіе новгородъ-сѣверскаго жителя Василія Красовскаго на сотника Л. въ побояхъ и увѣчіи, отъ него, сотника, понесенномъ.

Кромѣ перечисленныхъ документовъ, мы пользовались еще статьей о Лисовскомъ А. М. Лазаревскаго (въ Русскомъ Архивѣ, 1873 г., кн. 1), перепечатанной имъ впослѣдствіи въ „Описаніи старой Малороссіи“ (т. I, стр. 197—206).

гадяцкимъ Чарнышомъ[1]) и формулированныя имъ въ восьми обвинительныхъ пунктахъ, характеризуютъ будущаго протопопа и сотника съ очень невыгодной для него стороны. Оказывается, что Лисовскій, находясь на службѣ въ качествѣ челядника въ Черниговѣ, у полковаго есаула Красовскаго, укралъ у него шкатулку съ деньгами и за это былъ присужденъ къ висѣлицѣ (въ 1703 г.). Затѣмъ, вернувшись въ Стародубъ, онъ вздумалъ поправить свои обстоятельства женитьбой: увезъ дочь богатаго стародубца Степана Улѣзко и тайно обвѣнчался съ ней[2]); но Улѣзко поднялъ дѣло, и Лисовскій „суженъ былъ архіереемъ черниговскимъ за похищеніе брака, и наказано имъ розыйтися, и ему быть чернцемъ, а ей черницей“[3]). Но вмѣсто того, чтобы сдѣлаться чернцомъ, Лисовскій очутился въ „царствующемъ градѣ Москвѣ“ и тамъ, „будучи межи пѣвчими в нѣякогось дворянина, окладнихъ иконъ многое число укравши и окладъ сребраній и золоченій на иконахъ ободравши, святыя иконы въ гной зарылъ“. Разумѣется, послѣ этого ему нельзя было долго оставаться въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и мы видимъ Лисовскаго снова въ Малороссіи, въ переяславскомъ полку, гдѣ онъ крадетъ воловъ и коней у бзовскаго старосты Кондрата Макаренка; затѣмъ онъ въ городкѣ Лѣплявомъ „отъ власного мужа жену з имѣніемъ подговоривши и въ поле з нею ночью выѣхавши, имѣніе отобралъ, а женѣ той скрозь рукава друкъ крестообразно заложивши, отпустилъ тую жену въ домъ свой до мужа еи“. Побывалъ онъ также и на своей родинѣ въ Стародубѣ, гдѣ снова затѣялъ романтическую исторію съ дочерью какой-то вдовы Василихи, но въ самый рѣшительный моментъ изъ церкви „отъ шлюбу втюкъ и тамъ же въ Стародубѣ, въ дворѣ войсковомъ въ склепъ убѣгъ и въ куфу (бочку) заховался; за якую хитрость суженъ былъ и долгое время

---

[1]) Челобитная Чарныша. Св. 43, № 58.

[2]) Въ 1704 г. См. А. М. Лазаревскій „Описаніе Стар. Малор.“ т. I, стр. 198.

[3]) Это не совсѣмъ вѣрно; самъ Л. разсказывалъ, что бракъ расторгли, а на него наложили эпитимію; позднѣйшія же событія показали, что бракъ былъ признанъ дѣйствительнымъ, и Лисовскаго, женившагося вторично, судили потомъ за двоеженство. См. у Лазаревскаго.

въ темници сидѣлъ, а тая дѣвка за иншого человѣка бракомъ сочеталася". Въ Батуринѣ онъ укралъ у бывшаго архимандрита Одорского двухъ лошадей и 6 рублей денегъ; „въ полку кіевскомъ зъ села Свѣтилнаго нѣякой вдовици сына еи хлопца подмовивши з собою въ дячки [1]) и въ Бѣлагородъ завюзши, мѣсто завоеваннаго чухна продалъ того хлопца, а тая матка на его Л—го била челомъ архіерею кіевскому".

Наконецъ Л—й, уже успѣвшій жениться вторично, получилъ назначеніе въ Гадячъ протопопомъ, вскорѣ послѣ 1708 года. Какъ неизвѣстно; самъ Л—й пишетъ въ одной изъ своихъ челобитныхъ [2]): это случилось, „я, рабъ вашъ, за вѣрность въ измѣну Мазепину пожа лованъ отъ вашего державства на протопопство въ Гадячъ",—но въ чемъ состояла эта „вѣрность", и какъ могла быть замѣчена Государемъ вѣрность темнаго авантюриста, какимъ былъ тогда Л—й, не занимавшій никакого уряда и не имѣвшій даже опредѣленнаго общественнаго положенія,—объ этомъ ничего не говорятъ документы. Какъ бы то ни было, Л—й, ставши протопопомъ, не измѣнилъ своихъ привычекъ; по выраженію Чарныша [3]), онъ „Бога не боячся, человѣкъ не срамляяся, архіерейскую и свѣцкую власть отъ вышнего даже до нижнего чина воничтоживши, что далѣй, то горѣй на злѣйшее преуспѣвая, килко лѣтъ въ Гадячомъ зоставалъ протопопою, во вся тые времена пьянствомъ, забойствомъ и воровствомъ бавился". Больше всего „бавился" протопопъ конокрадствомъ, которое и привело его въ концѣ концовъ къ катастрофѣ. Такъ, Л—й укралъ у сотника гадяцкаго Тимофея Лукашевича коня гнѣдого, котораго промѣнялъ въ Стародубѣ на горѣлку; даже у цыгана ухитрился протопопъ уворовать коня бѣлаго, котораго онъ три дня дер-

[1]) Очевидно, Л. къ этому времени сдѣлался уже священникомъ. По его собственному разсказу, онъ, отбывши эпитимію, пошелъ въ южную Малороссію въ украинскіе города, пробавляясь дьяконствомъ и другими службами; занимая должность сотеннаго писаря въ м. Варвѣ, онъ женился на Ксеніи Аѣсеневичъ и скоро послѣ этого былъ поставленъ въ священники архіереемъ Ясинскимъ. Лазаревск. 198—9.

[2]) Св. 43, № 38.

[3]) Челобитная гадяцкаго полковника Ивана Чарныша (Св. 43, № 58), изъ которой мы заимствуемъ разсказъ о дѣятельности Лисовскаго въ Гадячѣ въ качествѣ протопопа, относится къ 1714 году.

жалъ „въ своемъ будинку, въ комнатѣ“ и промѣнялъ затѣмъ въ Кіевѣ на мѣдные котлы. Вообще, конокрадство было, повидимому, для Л—го однимъ изъ главныхъ средствъ къ существованію, такъ какъ Чарнышъ замѣчаетъ про него въ концѣ своей челобитной: „однакъ онъ весьма голый будучи, бо що вкрадетъ или ограбитъ, тымъ питается и одягается“. Наконецъ, Л—й соблазнился парой буланыхъ отца Кипріана, игумена гадяцкаго; это ужъ переполнило чашу терпѣнія гадяцкихъ обывателей и урядниковъ: кони были „в него з двора вытрушены“, и тогда „на ратушу явилося въ конехъ и волахъ на его Л—го до килка десять коней доводного воровства его“. Изъ Кіева, отъ архимандрита было наряжено слѣдствіе, которое было поручено игумену кирилловскому, іеромонаху Евстратію Самборовичу и префекту школъ кіевскихъ Сильвестру Пѣковскому. Лисовскій предпочелъ суду бѣгство и „плутался“ около Гадяча, въ Ромнѣ, Каменномъ и въ Сумахъ, „провѣдуючи потоль, поколь судіи архіерейскіе пріѣхали въ Гадячъ“; когда же онъ узналъ, что слѣдствіе началось и приняло весьма серьезный оборотъ, и что судьи вслухъ высказывались, что еслибы Л—й не убѣжалъ, то они взяли бы его въ Кіевъ „предъ архіерея“, Л—й „побѣгъ къ Москвѣ и тамъ змышленные плутовства своего пункты“ подалъ въ Правительствующій Сенатъ. Онъ такъ хорошо съумѣлъ устроить свои дѣла въ Москвѣ, что скоро вернулся оттуда съ подъячимъ по имени Борисомъ (вмѣсто фамиліи этого подъячаго въ рукописи пропускъ) и съ царскимъ указомъ „тое его доношеніе по существенной правдѣ розыскать“; розыскъ былъ порученъ гетману Скоропадскому, коменданту глуховскому бригадиру князю Богдану Ивановичу Гагарину, да стольнику Ѳедору Ивановичу Протасьеву, министру-резиденту при Скоропадскомъ. „И взятъ я, полковникъ, разсказываетъ Чарнышъ, з старшиною полковою, з козаками, з мѣщанами, з попами и чернорязцами въ Глуховъ, и противъ его плутовскихъ наносовъ допрашиваны мы были предъ Гагаринымъ, Протасьевымъ и генеральными судьей, писаремъ и асауломъ, и по его ложнымъ доношеніямъ ніякой на насъ не взыскано вынности, а на его протопопа явлени за руками и печатми

майстратовыми и живими свидѣтелми в лице ему о двоеженствѣ, чего и самъ онъ не запираетца, также о воровствѣ, в кого лошади покралъ, в кого воли и коровы, з якими ворами на воровство ѣжувалъ, а зворовавши, гдѣ тые лошади и воли дѣвалъ, кому продавалъ, другимъ за горѣлку мѣнялъ, третьимъ за котли мѣдные промѣневалъ, и тые воры з уликою в лицѣ ему все тое доволне сказали, и кого смертно убилъ, чиись попадѣ окгвалтивъ, кого своими руками скалѣчилъ бьючи, и другія якія плутовства содѣловалъ..... На остатокъ для существеннѣшаго розыску и очного видѣнія посылали полковника салдацкого господина Вестова съ товарищи въ Гадячь, а мене полковника з товарищи потоль держано въ Глуховѣ, поколь во всемъ полку розыскъ чинено по ложнымъ его протопоповымъ наносамъ, который, пріѣхавши въ Гадячъ, собиралъ предъ себе всю старшину, урядниковъ, козаковъ, мѣщанъ и всякого чина свѣцкихъ и духовныхъ людей, поповъ и черноризцевъ, и отъ себе посылалъ во всѣ города и села солдатъ, которые въ колоколы церковніе, по городахъ и селахъ ѣздячи, дзвонили, велегласно говорячи и на письмѣ указомъ Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества по десяти разъ читаючи, приказовали, чтобы на едного полковника приносили челобитія". Но и это не помогло, такъ велико было озлобленіе противъ Л—го: несмотря на запрещеніе, челобитныя противъ него такъ и посыпались. Но Вестовъ не принималъ ихъ, „отвѣтуючи, же нѣтъ мнѣ указу на протопопу челобитя пріймать". Вестовъ пробылъ въ Гадячѣ цѣлую недѣлю, и когда онъ „з Гадяча имѣлъ выѣздити, тогды его-жъ протопопа Л—го баба во время звоненя на набоженство утреннее ночю въ челобитной своей написанніе байки принесла и ему полковнику Вестову тайно отдала; а когда подалъ Богъ свѣтъ, и старшина гадяцкая з жителеми тамошними, извѣстившися о томъ неправедномъ челобитю, просили его, полковника Вестова, дабы онъ тую челобытную велѣлъ вычитать, и мы, мовятъ, на всякое въ ней написанное ложное слово праведній за руками нашими з очисткою учинимо отвѣтъ, на которой старшины гражданъ гадяцкихъ вопросъ онъ полк. Вестовъ таковый учинилъ отвѣтъ: „Въ челобитной, мовитъ, отъ попадѣ

бабы Л—ой поданной, дѣла нѣтъ, читать нечего, и уже оная до возка схована". И старшина ему полк. Вестову повторне отказали: „Если в нюй дѣла нѣтъ, то ненадобно еи и пріймать, а если принята, то надобно еи обявить намъ, и мы противъ всего того готови будемъ учинить очиску". Вестовъ, и паки бабиной челобитной не обявивши, отъѣзжалъ з Гадяча въ Глуховъ". Такимъ образомъ, Вестовъ сдѣлалъ все, что только могъ, для того, чтобы не скомпрометтировать Л—го своимъ розыскомъ и придать дѣлу возможно болѣе благопріятный для Л—го оборотъ. Въ свою очередь и самъ Л—й не дремалъ: онъ повелъ встрѣчный искъ противъ Чарныша, обвинивъ его сначала въ кражѣ коня и разграбленіи его дома, а потомъ въ соучастіи съ однимъ фальшивомонетчикомъ.

„Да онъ-же протопопъ Л—й мене, вѣрнаго Вашего Царского Пресвѣтлаго Величества слугу, безчестилъ тимъ клевещущи всенародно, будто я, полковникъ, герба государева денги дѣлавъ, и якъ въ прочіемъ, такъ и въ томъ его протопопова явная есть неправда, понеже тотъ котелникъ скоро з воровскими копѣйками на ратуши гадяцкой освидѣтельствованъ зосталъ и мнѣ полковнику о томъ з ратуши объявлено; того-жъ часу я велѣлъ котелника крѣпко заковать и до ста ударовъ дубьемъ безъ пощады велѣлъ бить, допрошуючи, якъ давно воровскіе денги почалъ дѣлати, сколь много и с кимъ дѣлалъ, и хто о томъ бы зналъ; который котелникъ подъ немилостивымъ боемъ, якъ тамъ передо мною полковникомъ и передъ прочіею старшиною, такъ и въ Глуховѣ, скованный з денгами воровскими и рецептами отъ мене присланный, на ратуши глуховской и предъ кн. Гагариномъ и столникомъ Протасьевымъ въ килкахъ допросахъ однаково-жъ сказалъ; и сказка его особно есть записана, и его самого котелника послано з Глухова къ Москвѣ въ приказъ посолскій къ крайнему допросу, и тамъ такожде у правду сказати муситъ. А мене Вашего Царского Пресвѣтлаго Величества полковника, вѣрнаго раба и слугу, ему протопопу, явному вору и весьма некчемному ябеднику и плуту, такимъ безчестнымъ клеветаніемъ и другими его плутовскими напрасно-злобными наносами не доводилося-бы безчестить и измишленными клеветами въ

народѣ тривогъ и смятенія затѣвати". Далѣе Чарнышъ перечисляетъ заслуги своего отца передъ Государемъ и свои собственныя и заканчиваетъ свою челобитную слѣдущиюмъ воззваніемъ. „Только и паки стократно пренайпокорнѣй Васъ, Великого Государя, Ваше Царское Пресвѣтлое Величество, со слезами прошу: умилосердися, Великій Государь, при вѣрной многой службѣ моей на мене и на ввесь полкъ мой и повели милостиво вовся оборонити мене з многими тисячами вѣрными рабы своими и богомолцами полчанами моими отъ такого ябедника, явного вора. двоеженца и плута, протопопа гадяцкого Лисовскаго, на котораго бія челомъ, у стопъ ногъ Монаршихъ со слезами упадаю".

Просьба Чарныша и гадяцкихъ обывателей была исполнена: Лисовскаго взяли изъ Гадяча, но вмѣсто того, чтобы отдать подъ судъ, назначили сотникомъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, и притомъ сотникомъ, назначеннымъ непосредственно русскимъ правительствомъ, помимо гетмана и, можетъ быть, противъ его воли, а также безъ всякаго участія выбора сотнянъ, что было почти повсемѣстно распространеннымъ обычаемъ въ то время.

Новгородъ-Сѣверскъ былъ однимъ изъ значительныхъ малорусскихъ городовъ въ XVIII в. Его населеніе, среди котораго было немало богатыхъ промышленниковъ, вело бойкую торговлю на многочисленныхъ мѣстныхъ ярмаркахъ, а также вывозило различные продукты мѣстной промышленности, преимущественно пеньку, лѣсъ и водку, въ Стародубъ, Брянскъ, Трубчевскъ, Ригу, Кіевъ и др. города. Такимъ образомъ, Лисовскій получилъ очень доходное мѣсто, и, какъ увидимъ далѣе, съумѣлъ очень хорошо воспользоваться всѣми выгодами своего новаго положенія. Но къ несчастью, это положеніе имѣло и невыгодныя стороны: Л—му на роду было написано терпѣть отъ козней своихъ враговъ. Въ Гадячѣ его преслѣдовалъ Чарнышъ, въ Новгородъ-Сѣверскѣ оказалась цѣлая партія недоброжелателей Л—го, которые сразу же повели противъ него аттаку и не давали ему покоя до тѣхъ поръ, пока не погубили окончательно: „какъ только я прибылъ на свой урядъ, разсказы-

ваетъ Л—ій въ одной изъ челобитныхъ [1]), того-жъ часу ажъ доселѣ (писано въ половинѣ 1719 г.) велено на мене инстиgовать и гоныть бывшимъ новгородскимъ сотникомъ Кутневскимъ, также и мѣщанами тамошними". Во главѣ враждебной Л—му партіи стояли, кромѣ Данилы Кутневскаго, протопопъ Аѳанасій Заруцкій, Парѳенъ Пикулицкій (или Пекальницкій, какъ его называютъ иногда въ документахъ), бывшій сотеннымъ писаремъ въ 1717 г., а потомъ, во время розыска надъ Л—мъ въ концѣ 1718 г., наказнымъ сотникомъ, Семенъ Юркевичъ, впослѣдствіи наказной войтъ, его братъ Григорій, Ященко, занимавшій одно время урядъ сотеннаго хорунжаго и нѣкоторые другіе значительные граждане Новгородъ-Сѣверска. Лисовскій явился на мѣсто назначенія своего въ мартѣ 1715 г. [2]), и уже въ томъ же году или въ началѣ слѣдующаго, по проискамъ враговъ, ему пришлось оставить на время сотенную хоругвь и отправиться въ Глуховъ для розыска, который былъ порученъ генеральному бунчужному Лизогубу и канцеляристу Максимовичу. На этотъ разъ розыскъ кончился благополучно для Л—го, и, повидимому, только придалъ ему еще больше смѣлости, такъ какъ обнаружилъ полное безсилье гетманской власти. Пробывъ въ Глуховѣ недѣль 5—6, Л—й вернулся по прежнему на сотничество. Тогда, разсказываетъ Л—й, „новгородской сотни атамане, видя мою невинность, пріѣхали въ домъ мой всѣ и по своей добротѣ (или любви, по другому варіанту) написали они на имя Царского Величества челобитную, что въ невинность меня турбовано" [3]). Челобитная эта была составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Державнѣйшій Царь, Государь Всемилостивѣйшій! Мы, нижайшіе рабы Вашего Царского Величества, всѣ едностатне бьемъ человъ, благодарствуючи за присланнаго намъ сотника Ѳедора Лисовскаго, за которымъ вносимъ до Вашего Царскаго Величества нашу рабскую прозбу, что его безвинно супостатъ его, бывшій сотникъ Кутневскій, мстячися на его сотника за

---

[1]) Св. 43, № 38.

[2]) См. Лазаревскаго „Оп. Ст. Мал." 201.

[3]) Показаніе Л—го отъ 16 янв. 1719 г. противъ челобитной новг. обывателей. Св. 41, № 51. Тоже въ св. 42, № 7 и св. 43, № 61.

урядъ той сотничества, согласясь съ протопопою, невинне его, сотника Л—го, турбують; а онъ, протопопъ Заруцкій, з жаднымъ сотникомъ не турбуючися не обошелся, а теперь за согласіемъ Кутневскаго, отъ котораго з его сотницства всѣ бѣду терпѣли, безвинно его сотника нашего турбуетъ, за котораго и мы много страдаемъ, о чомъ просимъ милости, жебы впредь того не было, за что долженствуемъ за васъ Бога молити". Внизу подпись какого то Ивана Миколовича Стегайла з сынами и двадцати восьми атамановъ, вмѣсто имени которыхъ выставлены кресты [1]). Подобный документъ показываетъ, повидимому, что Лисовскій, несмотря на свою скверную репутацію и происки враговъ, успѣлъ, однако, довольно скоро заслужить расположеніе извѣстной части населенія новгородъ-сѣверской сотни, по крайней мѣрѣ, большинства подвѣдомственныхъ ему сельскихъ атамановъ. Но дѣло объясняется гораздо проще: Лисовскій, чтобы имѣть лишній шансъ въ борьбѣ со своими недоброжелателями, не задумался составить подложный актъ: онъ объявилъ сельскимъ атаманамъ, что слѣдуетъ написать челобитную на имя гетмана съ просьбой смѣстить новгородскаго атамана Ивана Андреевича Судіенка, съ которымъ Лисовскій съ самого начала не ладилъ. Атаманы не смѣли ослушаться сотническаго приказа, а можетъ быть и сами ничего не имѣли противъ смѣщенія Судіенка: поэтому они дали свои подписи, не поинтересовавшись даже узнать, подъ чѣмъ они подписываются; когда впослѣдствіи на розыскѣ ихъ допрашивали объ этомъ, они откровенно признались, что не помнятъ, подписывались-ли они „на голомъ паперѣ", или же на немъ было что-нибудь написано, не помнятъ „того ради, что рѣчь давняя"; но при этомъ атаманы рѣшительно и единодушно заявили, что „къ челобитной, просячи о сотникѣ Лисовскомъ, рукъ не прикладывали; также

---

[1]) Челобитная эта, а также предшествовавшая ей поѣздка Лисовскаго въ Глуховъ для розыска, относятся къ первымъ двумъ годамъ сотничества Л—го (по всей вѣроятности къ началу 1716 г.), такъ какъ, по словамъ Кутневскаго (Св. 43, № 58), челобитная составлена писаремъ Иваномъ Никитовичемъ Трусомъ, который, какъ видно изъ его жалобы на неуплату ему заслуженнаго жалованья (Св. 38, № 43), занималъ эту должность въ теченіи 1715 и 1716 годовъ.

и о Данилѣ Кутневскомъ объ обидахъ и раззореніяхъ писать челобитенъ не велѣвали" [1]). Такимъ образомъ, Лисовскій ловко обошелъ простодушныхъ сельскихъ атамановъ, и безъ особеннаго труда заручился документомъ, который, какъ онъ разсчитывалъ, можетъ ему со временемъ пригодиться. При первомъ-же представившемся случаѣ Л—й поспѣшилъ довести до свѣдѣнія высшаго начальства о сочувствіи, которымъ онъ пользуется среди населенія своей сотни: въ бытность свою въ Кіевѣ онъ, по собственному признанію, словесно доложилъ о содержаніи атаманской челобитной губернатору кіевскому кн. Голицыну [2]).

Такой способъ заслужить народное расположеніе и популярность настолько понравился Л—му, что въ скоромъ времени онъ рѣшился прибѣгнуть къ нему вторично, только въ нѣсколько иной формѣ. Послѣ возвращенія Л—го изъ Глухова, гдѣ онъ одержалъ верхъ надъ своими противниками, борьба между нимъ и этими послѣдними возобновилась съ еще большей силой и ожесточеніемъ. Въ этой борьбѣ Лисовскій, надо думать, не оставался безъ союзниковъ. Трудно было-бы найти въ это время человѣка, который, занимая болѣе или менѣе выдающееся общественное положеніе и будучи облеченъ хотя-бы въ малой долѣ правомъ вязать и разрѣшать, не злоупотреблялъ-бы этимъ правомъ и не оставилъ-бы послѣ себя большаго или меньшаго количества людей обиженныхъ, ограбленныхъ или вообще такъ или иначе понесшихъ ущербъ отъ ихъ общественной дѣятельности. Ни Кутневскій, бывшій сотникъ новгородъ-сѣверскій, ни протопопъ Заруцкій не составляли, конечно, исключеній. Этимъ и воспользовался Л—ій: случилось, что новгородскіе мѣщане рѣшили съ общаго согласія подать гетману „суплику" на протопопа Аѳанасія Заруцкаго; Л—ій и подсунулъ имъ „голый листъ паперу" для подписей, говоря, что напишетъ потомъ на этомъ листѣ жалобу на протопопа. На такую уловку, пожалуй, и не поддались-бы видавшіе всякіе виды и уже искушенные новгородскіе мѣщане, которые смутно чувствовали, что пустое

---

[1]) Св. 43, № 61.

[2]) Св. 42, № 7.

мѣсто оставлено Л—мъ „до написанія, знать, нѣякогось своего фортелю“ [1]): имъ слишкомъ хорошо была извѣстна „природная хитрость“ ихъ сотника. Но Л—ій, на этотъ разъ, не ограничился одной хитростью и употребилъ въ дѣло и насилье. „Природу имѣючи не погамованную, пишетъ Кутневскій въ одной изъ своихъ безчисленныхъ челобитныхъ [2]), до злонравной хитрости, якою-бы людемъ возмоглъ зашкодити, онъ же Лисовскій вымыслилъ новое злохитра своего изобрѣтеніе: положивши голый папиръ, понудилъ мѣщанъ, по единому призываючи, руки свои подписовати, якожъ многими оного побоями и необыкновеннымъ страхомъ и уставичнымъ драпижствомъ перестрашенные люди мусили на томъ голомъ папирѣ имена свои подписовати и недопытуючися, страха ради, причины, для чего-бы тотъ сооружалъ бланкветъ“. По ихъ собственному заявленію „многіе, видячи его (Л—го) самовластіе, же во многихъ людскихъ жалобахъ и ясневельможнаго добродѣя (гетмана) не слухаетъ, мусили волю его исполнити“.

Такимъ образомъ, въ рукахъ Л—го очутился листъ съ подписью наиболѣе именитыхъ новгородъ-сѣверскихъ гражданъ; суплика на протопопа была уже написана и подана гетману, и поэтому Л—й рѣшился воспользоваться этимъ листомъ для того, чтобы имѣть еще одно письменное доказательство народной любви и преданности. Вотъ что онъ написалъ на „голомъ паперѣ“: „Державнѣйшій Царь, Государь Всемилостивѣйшій, мы, нижеподписавшіе граждане Новгородка-Сѣверскаго, по всемощной грамотѣ Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества въ 1714 г. [3]) принялисмолю безно себѣ за сотника Өедора Лисовскаго, которому по нашей повинности достойное воздавали послушенство, а онъ къ намъ также взаемную воздавалъ любовь, лечь, *не знаемъ на чію уповаючи надежду*, бувшій сотникъ Данило Кутневскій въ скоромъ времени началъ на Лисовскаго гонити з протопопою новгородскимъ Заруцкимъ, и

[1]) Св. 43, № 58: Челобитная новгородъ-сѣв. мѣщанъ.

[2]) Св. 43, № 61: Пункты Кутневскаго противъ Л—го, пунктъ 7.

[3]) По свѣдѣніямъ А. М. Лазаревскаго (Оп. ст. Мал. 201), которыя вполнѣ подтверждаются многими указаніями бывшихъ у насъ подъ руками документовъ, Л—й явился въ Новг.-Сѣверскъ въ мартѣ 1715 г., такъ что въ данномъ случаѣ

не могучи своимъ неправеднымъ доношеніемъ одолѣти (ясный намекъ на кончившійся ничѣмъ розыскъ, о которомъ говорено было выше), подвигнетъ Кутневскій, высшею властью повелѣваючи, народъ и почнетъ приказовать, абы въ его на Л—го написанныхъ пунктахъ руки подписовали, на що мы всеконечно не соизволяли, лечь онъ Кутневскій, не знаемъ по чіеи власти, иншихъ туремнымъ вязеніемъ, иншихъ страхомъ и битемъ до того притягалъ, же хто ничего и не знаетъ, на томъ руки подписовали, и такъ, чрезъ два годы нами бунтуючи, въ великое ратушъ и гражданъ привелъ изнищеніе, що мы, со слезами терпячи, не могли до кого апелловати, поневажъ если хто гдѣ Лисовского споменетъ, албо до его придетъ, то такого, ово вязеннемъ, ово битемъ каралъ, що всѣ чинити мусили по волѣ Кутневского, и не хотячи. А теперь, когда намъ з него Лисовскаго невинность Богъ и Государь оправдивши по прежнему вручили власть (по возвращеніи Л—го изъ Глухова послѣ розыска), тогда мы, якъ и прежде, повинность нашу готови отдавати ему Лисовскому; а Кутневскій и теперь своего не перестаетъ коварства, хотячи воздвигнути бунты, принялъ къ себѣ прежнихъ союзниковъ (слѣдуютъ имена наиболѣе непріятныхъ Л—му людей); а кромѣ ихъ вси мы, граждане и сѣлскіе, бемъ челомъ Вашему Царскому Величеству и рабско просимъ, да повелитъ Державство Ваше отихъ бунтовщиковъ смирить, жебы народу въ градѣ не смущали и власти повиновалися, а мы, вдержавши такое милосердіе за всемощное державство царское Вашего Пресвѣтлого Величества готови вышняго Царя въ долготу дней престола благати". Затѣмъ слѣдуютъ подписи (числомъ 41), среди которыхъ имена наказнаго войта (Иванъ Доморка), бывшаго войта (Степанъ Андреевичъ Быковскій), сотниковъ отдѣльныхъ частей городскихъ (между прочимъ новобарканской) и цехмейстеровъ восьми ремесленныхъ цеховъ: кравецкаго, шевскаго, ризницкаго, котлярскаго, ткацкаго, шаповальнаго, камницкаго и олейницкаго [1]).

очевидно, имѣется въ виду указъ о назначеніи Л—го сотникомъ, который, вѣроятно, предшествовалъ нѣсколькими мѣсяцами его прибытію на мѣсто.

[1]) Весь эпизодъ съ супликой гетману на Заруцкаго и „голымъ листомъ“,

Судя по всему, дѣла Лисовскаго въ то время, когда онъ прибылъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, были далеко не въ блестящемъ состояніи. Мы уже видѣли, что всѣ его попытки составить себѣ состояніе кончались неудачей и что въ концѣ своей дѣятельности въ Гадячѣ онъ оказывается, по выраженію Чарныша „весьма голымъ“, такъ что отъ него даже и не ждутъ возмѣщенія всѣхъ причиненныхъ имъ убытковъ, а только просятъ убрать поскорѣе изъ Гадяча этого „бодрого до чужихъ коней и воловъ“ протопопа. Поѣздка въ Москву и еще болѣе успѣхъ, которымъ эта поѣздка увѣнчалась, не могли, конечно, увеличить средствъ Л—го, такъ что явившись на сотничество, онъ не могъ даже пріобрѣсть себѣ въ собственность усадьбы, а поселился на общественный счетъ въ одномъ дворѣ, который скоро перешелъ въ другія руки, и новый собственникъ Ольшанскій сталъ выселять сотника изъ своего двора „не допуская ему тамъ больше мѣшкати“. Лисовскій обратился къ гетману, и тотъ, снесясь съ мѣстными властями, отдалъ ему въ мартѣ 1716 г. „въ спокойное и зуполное владѣніе“ дворъ Быстрицкаго, на рынкѣ, съ находящимися на немъ коморами [1]). Но доходы съ этого двора и коморъ припадлежали соборной церкви Успенія, и такимъ образомъ явился еще новый поводъ для столкновенія между Лисовскимъ и протопопомъ Аѳанасіемъ Заруцкимъ, тѣмъ болѣе, что сотникъ не ограничился отведеннымъ ему гетманскимъ универсаломъ дворомъ съ двумя коморами: воспользовавшись сосѣдствомъ съ доходными торговыми помѣщеніями на городскомъ рынкѣ, онъ скоро завладѣлъ и смежными со своимъ дворомъ коморами, а затѣмъ наложилъ руку и на другіе церковные доходы. Заруцкій вовсе не былъ

подписаннымъ мѣщанами, произошелъ въ 1717 г., какъ видно изъ выраженія „и такъ *черезъ два годы* нами бунтуючи“ (припомнимъ, что прибылъ Л—й на сотничество въ началѣ 1715 г.), изъ подписей Ивана Доморки—наказного войта, и Степана Андреевича Быковскаго, *бывшаго* войта (онъ занималъ эту должность въ 1715 и 16 г.г. и затѣмъ вторично съ конца 1717 г. до розыска въ концѣ 1718 г.). Кромѣ того, въ своемъ показаніи Л—й ссылается на бывшаго въ то время писаремъ Кирила, а Кирило Леонтьевъ, какъ видно изъ одного документа, подписаннаго имъ, былъ сотеннымъ писаремъ именно въ 1717 г.

[1]) Св. 43, № 61.

расположенъ отнестись снисходительно ко всѣмъ этимъ покушеніямъ сотника на церковное имущество. Уже въ августѣ 1716 г. онъ выхлопоталъ у гетмана новый универсалъ, которымъ подтверждается, что „вся грошовая прибыль съ мельницы пироговской (на р. Шосткѣ), с перевозу путивльскаго и мѣского, с коморъ, с двора брацкого скотного, торговаго, вагового и помѣрнаго“ должна идти на нужды соборной церкви; универсалъ заявляетъ, что въ настоящее время всѣ перечисленные выше доходы, „въ розные отъ закупщиковъ идутъ руки и невѣдомо куда тратятся; на будущее время для завѣдованія этими доходами протопопу поручается выбирать довѣренное лице, которое должно будетъ вести строгую отчетность, такъ чтобы „сотникъ и никто изъ урядниковъ и гражданъ тѣхъ церковныхъ приходовъ не запродавати и не закупать отнюдь не дерзалъ [1]). Но это было въ концѣ 1716 года, когда Лисовскій на опытѣ уже успѣлъ убѣдиться, что гетманская власть для него нисколько не опасна, и что онъ можетъ, ничѣмъ не рискуя, не обращать никакого вниманія на универсалы и „претительныя письма“ гетмана. Онъ такъ и сдѣлалъ, продолжая забирать въ свою пользу церковные доходы. Два года спустя, гетманъ издалъ новый указъ, которымъ удостовѣряетъ, что „тылко одинъ дворъ и въ немъ двѣ коморы для спряту его (Лисовскаго) домашняго, и то на время надалисмо“, а Л—й самовластно завладѣлъ также и окрестъ лежащими коморами (числомъ 24). „Такъ черезъ сей нашъ открытый листъ знову тые коморы до церкви святой приворочаемъ, поневажъ онъ, Лисовскій, противоборствуя всегда указамъ нашимъ, насилно оныя похитилъ“. Въ это время сооружалось каменное зданіе для собора въ виду чего, по распоряженію гетмана, часть доходовъ съ коморъ должна идти „на потребные для докончення зданія церкви тоей експенса“ (расходы). Все-же самовольно забранное Л—мъ у закупщиковъ (съемщиковъ торговыхъ помѣщеній) мимо указовъ гетманскихъ сначала его сотничества „повиненъ онъ будетъ выплатити, и до шкатулки церковной отдати муситъ“ [2]). Какъ

---

[1]) Св. 38, № 31.

[2]) Св. 41, № 56.

показалъ впослѣдствіи розыскъ, Л—ій получилъ съ этихъ коморъ въ теченіи трехъ лѣтъ около двухсотъ рублей [1]), что составляло въ то время немалую сумму денегъ. Въ своихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Заруцкаго Лисовскій не ограничивался тѣмъ, что захватывалъ церковные доходы, на которые протопопъ, можетъ быть, и самъ разсчитывалъ; онъ наносилъ своему врагу ущербъ, гдѣ только могъ, и не только самъ, но и черезъ посредство другихъ: такъ напр., онъ разрѣшилъ крестьянамъ сотницкаго села Голубовки рубить лѣсъ на сосѣдней землѣ Заруцкаго (между Знобой [2]) и Руднею); крестьяне, разумѣется, широко воспользовались позволеніемъ сотника, такъ что Заруцкій долженъ былъ прибѣгнуть къ защитѣ гетмана, который и далъ ему универсалъ, подтверждающій его владѣніе и разрѣшающій протопопу всѣхъ самовольно въѣзжающихъ въ это владѣніе „грабить и не допускати чинити спустошеніе; до котораго грунту панъ сотникъ новгородскій и никто изъ урядниковъ тамошнихъ никакого не повиненъ имѣти вступленія подъ виною тысячи талярей [3])“.

Другимъ постояннымъ противникомъ и неутомимымъ врагомъ Л—го былъ его предшественникъ, Данило Кутневскій. Кутневскій могъ имѣть, конечно, много поводовъ къ враждѣ къ Л—му, но однимъ изъ главныхъ мотивовъ, безспорно, было его положеніе

---

[1]) Св. 43, № 61. При дѣлѣ приложены два реестра, перечисляющихъ, кто и и на какихъ условіяхъ владѣлъ этими коморами; одинъ реестръ подписанъ Ильей Аѳанасьевымъ войтомъ со всѣми лавочниками, другой Назаромъ Степановымъ, ктиторомъ соборной церкви. Въ Новгородъ-Сѣверскѣ въ то время было много ярмарокъ, во время которыхъ шла бойкая торговля въ рыночныхъ коморахъ. Поэтому при опредѣленіи арендной платы за комору получало рѣшающее значеніе, пріобрѣталъ-ли арендаторъ право торговли во время ярмарокъ, или нѣтъ; если-же пріобрѣталъ, то на какихъ условіяхъ: одна комора безъ ярмарокъ или съ одной ярмаркой стоила въ годъ 3 копы или отъ 4-хъ до 7 золотыхъ, съ правомъ торговать въ теченіи половины каждой ярмарки 4—10 золотыхъ, со всѣми ярмарками 5—8 копъ и 4—40 золотыхъ.

[2]) Село Зноба также принадлежало Заруцкому: оно было пожаловано ему гетманомъ, когда тотъ былъ въ Москвѣ „за труды въ составленіи конклузій въ нескончаемую хвалу и въ безсмертную славу Царскаго Величества“. Жалованная грамота была подтверждена Государемъ въ 1718 г. (Св. 40, № 4).

[3]) Св. 37, № 17.

бывшаго сотника. Не говоря уже о томъ, что К—ій не могъ отнестись дружелюбно къ человѣку, занявшему урядъ, отъ котораго его только что отставили, и что онъ поэтому недоброжелательствовалъ Л—му, по выраженію послѣдняго, „мстячися за тое сотництво", не говоря уже объ этомъ, такъ сказать, нравственномъ мотивѣ, бывшій сотникъ долженъ былъ постоянно сталкиваться со своимъ преемникомъ на почвѣ имущественныхъ отношеній. Обыкновенно сотникъ, кромѣ своего личнаго имущества, владѣлъ селами, поселенными его предшественниками „на корогву" (какъ напр. Голубовка, поселенная Черняемъ) или вообще такъ или иначе присвоенныхъ извѣстному уряду; оставляя сотницкій урядъ, онъ передавалъ и владѣніе этими селами и угодіями своему преемнику; въ большинствѣ случаевъ это, конечно, случалось, когда сотникъ умиралъ или получалъ другое назначеніе. Но иногда, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, гетманъ закрѣплялъ то или иное владѣніе за сотникомъ и его потомствомъ; особенно часто должно было это случаться съ угодіями, въ устройствѣ или упорядоченіи которыхъ сотникъ принималъ личное дѣятельное участіе. Такъ случилось и съ Кутневскимъ: будучи сотникомъ новгородъ-сѣверскимъ онъ сдѣлалъ на Деснѣ езъ [1]) для ловли рыбы, для чего и воспользовался трудомъ козаковъ своей сотни; гетманъ далъ ему универсалъ на владѣніе этимъ езомъ; но Л—ій на томъ основаніи, что езъ сдѣланъ козаками и Кутневскій владѣлъ имъ въ качествѣ сотника, предъявилъ на езъ свои права. Повидимому, сначала противники пытались войти въ сдѣлку: Л—ій предлагалъ, чтобы его взяли въ половину, Кутневскій соглашался, чтобъ Лисовскаго „была-бъ праца, а ево-бъ Даниловы сѣти". Но Л—ій ухитрился овладѣть универсаломъ и, уничтоживши его, не допустилъ Кутневскаго къ какому бы то нибыло участію во владѣніи езомъ [2]).

---

[1]) Езъ (галицкое язъ)—запруда, плотина; приспособленіе для ловли рыбы.

[2]) Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываетъ Кутневскій; Л—ій отрицаетъ фактъ уничтоженія универсала: онъ говоритъ, что никогда не видалъ его и даже не знаетъ, существуетъ ли подобный универсалъ (Св. 41, № 51, пунктъ 2).

Этимъ вражда между бывшимъ и настоящимъ сотникомъ, конечно, не ограничилась. Л--ій, при первомъ представившемся случаѣ насолить Кутневскому, высѣкъ канчуками его челядника, придравшись къ тому, что тотъ рано утромъ („часу въ пятомъ ночи") стрѣлялъ изъ пистоли и выстрѣлами своими будто-бы зажегъ близъ лежавшее сѣно, отъ чего могъ случиться пожаръ. Въ другой разъ Л--ій, сидя въ гостяхъ у хорунжаго сотеннаго Тимоша Смердовскаго, увидѣлъ, что мимо двора ѣдетъ другой челядникъ Кутневскаго, Василій Шишъ, и, вспомнивъ, что онъ провинился когда-то, сдѣлавъ нападеніе во главѣ кривоносовскихъ мужиковъ (с. Кривоносовка принадлежало Кутневскому) на дворъ мѣстнаго атамана,—сотникъ побѣжалъ и собственноручно избилъ Шиша. Все это не могло, конечно, не возстановить Кутневскаго еще болѣе противъ новаго сотника. Дѣло дошло (со стороны Л—го) до угрозъ „забить до смерти" и до покушеній (со стороны К—го). Однажды противники встрѣтились въ домѣ новгородскаго жителя Никиты Ануфріева, который справлялъ „весилля". Л--ій явился, кажется, неприглашенный: по крайней мѣрѣ въ своемъ отвѣтѣ онъ старательно подчеркиваетъ то обстоятельство, что *былъ* приглашенъ, и именно зятемъ хозяина Григоріемъ Шепеличемъ. Началъ онъ съ того, что устроилъ скандалъ женѣ атамана за то, что она не хотѣла уступить мѣста сотничихѣ, и тутъ-же, при случаѣ, сталъ говорить „ругательныя слова и безчестить" жену Кутневскаго. Затѣмъ, сидя въ свѣтлицѣ, Л—ій поносилъ самого Кутневскаго „передъ людьми публикуючи, что онъ изъ Санктъ-Питербурха ушелъ" (вѣроятно, намекъ на какое-нибудь неудачное искательство Кутневскаго). Тутъ, какъ на зло, явилась мѣщанка Ермолиха и стала жаловаться сотнику, что „поставлены къ ней на квартиру нѣсколько человѣкъ великороссійскихъ людей, которые ей учинили утѣсненія". Л—ій „послалъ спросить тѣхъ великороссійскихъ людей: по какому указу они у той мѣщанки стали?" Оказалось, что ихъ поставилъ Кутневскій; это показалось Л—му „запротивно, что мимо него, сотника, онъ, Кутневскій, по квартирамъ великороссійскихъ людей разставляетъ и тѣмъ его, сотника, уничтожаетъ". Кутнев-

скій, такъ разсказываетъ Л—ій, въ это время „сидѣлъ въ комнатѣ и, услыша, что я его за вышеписанное бранилъ“, пошелъ комнатными дверьми и приказалъ людемъ своимъ понабивать пистолета и дождаться на улицѣ меня забить до смерти“. Л—ій въ свою очередь послалъ челядника своего за саблей и, когда она была принесена, то вмѣстѣ съ другими челядниками задержалъ слугу Кутневскаго и сталъ его допрашивать; „и тотъ ничего мнѣ не сказалъ, говоритъ Л—ій, и я изъ свѣтлицы пошелъ въ комнаты“; вслѣдъ за этимъ „жена его Кутневскаго съ протопопицей (женой Заруцкаго) стали утекать“, но почему—Л—ій не объясняетъ, отговариваясь невѣдѣніемъ. „Когда я, продолжаетъ свой разсказъ Л—ій, съ вышеозначеннаго веселля съ женою своею и съ другими многими, которые на томъ веселлѣ были, пошелъ домой и увидѣлъ на улицѣ ночною уже порой стоячего человѣка, котораго спросилъ, что онъ за человѣкъ; и оный человѣкъ отвѣтствовалъ, что пана Кутневскаго сторожъ, а поставилъ его панъ и приказалъ смотрѣть, которою дорогою онъ сотникъ пойдетъ, и велѣлъ о томъ себѣ дать вѣдомость; и я того человѣка взялъ и привелъ въ домъ свой, который при многихъ людехъ вышеозначеныя рѣчи, повторяя, сказывалъ; а того сторожа ни самъ я, ни челядь моя не бивали, и посторонніе люди меня бить его не унимали, а только я, напоя того человѣка горѣлкою и давъ ему два гроши денегъ, изъ двора своего отпустилъ; а на дворъ его Кутневскаго я находить никогда не хотѣлъ [1]“.

Наконецъ, недоброжелатели Лисовскаго добились того, что надъ нимъ было назначено слѣдствіе. Уже и прежде на Л—го поступало множество жалобъ гетману, и не разъ дѣло доходило до розыска; но, какъ мы уже сказали, гетманская власть въ этомъ случаѣ была безсильна: Л-й, въ сущности, не обращалъ никакого вниманія на гетмана и его репрессаліи и всегда благополучно отдѣлывался отъ гетманскихъ розысковъ,—онъ очень хорошо сознавалъ, что опирается на авторитетъ гораздо болѣе высокій, чѣмъ гетманъ, и только старался не упустить изъ подъ

---

[1]) Св. 41, № 51. Отвѣтъ Л—го на пункты Кутневскаго: пунктъ 1, 3, 4, 6, 7 и 8.

своихъ ногъ той почвы, на которой онъ такъ прочно стоялъ; Л—й былъ раза два въ Кіевѣ и не упустилъ случая словесно доложить тамошнему губернатору кн. Голицыну о томъ, какъ сильно привязаны къ нему сельскіе атаманы новгородской сотни; онъ ѣздилъ на встрѣчу кн. Глѣбову, заботился о томъ, чтобы быть на хорошемъ счету у стольника Протасьева — министра резидента при Скоропадскомъ, настойчиво указывалъ въ своихъ челобитныхъ на то, что пожалованъ сначала на протопопію въ Гадячѣ, а потомъ на новгородское сотничество за вѣрность во время измѣны Мазепиной,—однимъ словомъ, пользовался всѣми путями и средствами для того, чтобы укрѣпить за собою репутацію надежнаго и удобнаго человѣка, и продолжалъ себѣ спокойно дѣйствовать въ томъ направленіи, которое усвоилъ задолго до назначенія въ Новгородъ-Сѣверскъ, и которое было, пожалуй, единственно удобнымъ и безопаснымъ въ то время. Но Л—ій уже перешелъ мѣру и дѣйствовалъ слишкомъ беззастѣнчиво, при этомъ онъ не воздержался и отъ такихъ поступковъ, которые сильно роняли его репутацію,—и на этотъ разъ дѣло приняло болѣе серьезный оборотъ, чѣмъ когда-бы то ни было раньше. Протасьевъ получилъ изъ Петербурга приказъ учинить розыскъ и для этой цѣли послалъ въ Новгородъ - Сѣверскъ капитана бывшаго полка Еропкина, Ивана Филипповича Хрипунова. У Лисовскаго, которому указъ запрещалъ присутствовать при розыскѣ, отняли хоругвь—знакъ его сотницкаго достоинства, и его самого отправили въ Глуховъ, гдѣ съ него взяли подписку о невыѣздѣ. Вотъ этотъ любопытный документъ: „1718-го года сентября 27-го по указу Великаго Государя и по присланнымъ Царскаго Величества грамотамъ изъ Санктпитербурха изъ посолской канцеляріи велено по челобитью новгородскаго протопопа Афанасія Заруцкаго и знатнаго товарища Данилы Кутневскаго съ товарищи[1]) на сотника новгородскаго во многихъ его сотницкихъ къ нему протопопу и ко всей сотнѣ обидахъ столнику Ѳедору Ивановичу Протасьеву разыскивать, и нынѣ

[1]) Въ подачѣ челобитныхъ принимали участіе Парѳенъ Пекалицкій (Св. 43. № 61), а также „новгородскіе и сельскіе обыватели“ (Св. 42, № 29).

онъ сотникъ Л—ій въ Глуховѣ явился; того ради собрать по немъ поручную запись, чтобъ ему сотнику до окончанія розыску изъ Глухова не ѣхать". Далѣе слѣдуетъ собственноручная „запись" Л—го: „По сему вышеписанному письму порукъ на мнѣ сотнику Ѳедору Лисовскому никого не будетъ, а я въ томъ подписуюся своею рукой, ежели я до вершенія вышеозначенныхъ дѣлъ, что изображено въ грамотахъ Царскаго Величества, изъ Глухова уѣду, и за то—бъ указалъ Царское Величество учинить мнѣ жестокое наказаніе и, покамѣсть я явлюся по прежнему въ Глуховѣ, указали-бъ держать жену мою за карауломъ. Ѳедоръ Лисовскій, рукою власною"[1]). Вопросъ о томъ, присутствовать-ли ему при розыскѣ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, или нѣтъ, былъ для Л—го очень важенъ; поэтому онъ и попробовалъ-было похлопотать о благопріятномъ для себя рѣшеніи этого вопроса; мотивировалъ онъ свою просьбу тѣмъ, что челобитчики безъ очной ставки съ нимъ, будто-бы „что захотятъ станутъ и неправду на меня говорить и писать"[2]). Но новгородъ-сѣверцы, хорошо зная нравъ своего сотника, не безъ основанія боялись этой очной ставки и поспѣшили подать отвѣтную челобитную, въ которой заявили, что Л—ій „ложно проситъ" и что „то онъ сдѣлалъ по своей природной хитрости, дабы своею бытностью народъ смущать страхомъ, яко уже и началъ не только на словахъ, но и на письменно дѣлать. А что насъ уличаетъ неправостью, и мы въ томъ, когда окончится розыскъ, будемъ просить о свидѣтельствѣ на тотъ розыскъ при немъ, Лисовскомъ, кромѣ капитана (Хрипунова) хочъ другими особами, и нынѣ, припадая къ императорскому престолу, всимъ городомъ со слезами покорне просимъ Вашего Царскаго Величества, да повелитъ Державство Ваше, подлугъ присланной своей премочнѣйшей монаршей грамотѣ, быть ему Л-му во время розыску въ иномъ городѣ. А отъ кого онъ увѣдомился, что будто мы неправду затѣваемъ и ложное свидѣтельство становымъ, о томъ его допросить, чтобы сказалъ онъ именно"[3]).

---

1) Св. 41, № 55.

2) Св. 43 № 61 и св. 46, № 81.

3) Св. 43, № 58 и 61. Челобитная подписана наказнымъ войтомъ Семеномъ

Старанія Л—го, такимъ образомъ, не привели ни къ чему, и онъ долженъ былъ оставаться въ Глуховѣ все время, пока длился розыскъ. Впрочемъ за это время ему пришлось побывать въ Новгородъ-Сѣверскѣ, но не надолго и притомъ при такихъ обстоятельствахъ, которыя не позволяли ему „своей бытностью народъ смущать страхомъ": Л—й былъ вызванъ изъ Глухова для допроса по специальному розыску полковника Ергольскаго. Еще раньше, вскорѣ послѣ шведской войны, полковникъ кіевскаго гарнизона Григорій Ергольскій былъ отправленъ въ стародубскій полкъ по дѣлу о раскольникахъ, которые, явившись сюда въ концѣ прошлаго вѣка (первое ихъ поселеніе относится къ 1669 г.), образовали въ Сѣверщинѣ цѣлыя слободы[1]). Затѣмъ въ 1714 и 15 г.г. Ергольскій былъ посланъ „въ малороссійскіе города для сыску и выводу бѣглыхъ драгунъ и солдатъ и прочихъ великороссійскаго народу людей на прежнія жилища"[2]). Лисовскій, Кутневскій и другіе урядники и державцы новгородской сотни должны были дать подписку, обязывавшую ихъ „великороссійской породы бѣглыхъ людей являть и впредь не принимать подъ жестокимъ штрафомъ и подъ смертною казнью"[3]). Всѣ захваченные бѣглые великороссійскіе люди были высланы и поселены на прежнихъ мѣстахъ жительства. Но вскорѣ многіе изъ нихъ снова вернулись въ Малороссію, и Л—ій не устоялъ противъ искушенія принять ихъ въ свою сотню, взявши, конечно, съ нихъ за это „искупъ денгами, хлѣбомъ, медомъ, горѣлкою". Одному изъ нихъ онъ позволилъ жить въ селѣ Кутневскаго Кривоносовкѣ, взявши за это „денежный скупъ"[4]); Кутневскій, какъ и слѣдовало ожидать, воспользовался этимъ для того, чтобы подставить ногу своему заклятому врагу и представилъ великороссійскаго человѣка въ Новгородъ-Сѣверскъ для допроса. Въ другомъ случаѣ шесть великорусскихъ семей, выселенныя Ер-

---

Юркевичемъ, Василемъ Ивановичемъ, атаманомъ новг., и 26-ю другими значительнѣйшими гражданами.

[1]) Лазаревскій, Опис. Старой Малор., стр. 440—465.

[2]) Лазар., 446 и 458.

[3]) Св. 43, № 61 и св. 41, № 51

[4]) Св. 41, № 51, пунктъ 9.

гольскимъ изъ с. Ромашкова, вернулись туда снова, и когда мѣстный атаманъ, „боячися указу монаршего“, не принялъ ихъ, то бѣглецы отправились въ Новгородъ-Сѣверскъ и тамъ за двѣ куфы (бочки) горѣлки получили отъ Л—го „позволительное писаніе“, которымъ имъ разрѣшалось вольно жить въ с. Ромашковѣ, а атаману и мѣстнымъ властямъ предписывалось не вмѣшиваться въ это дѣло.

Въ указѣ о розыскѣ Протасьеву предписывалось принимать всѣ жалобы, челобитныя и пункты на Лисовскаго отъ новгородскихъ козаковъ и посполитыхъ обывателей [1]). Парѳенъ Пикулицкій, назначенный наказнымъ сотникомъ на время розыска, по словамъ Л—го, „разсылалъ отъ себя по всей сотнѣ письма, упевняя тѣмъ, что уже я (т. е. Л—ій) сотникомъ не буду, чтобъ на меня пріѣзжали всѣ бить челомъ“ [2]). Новгородъ-сѣверцы вздохнули свободно: „аще и многіе неудобьпоносные, пишутъ они въ своей челобитной, черезъ полчварталѣтнюю (отъ марта 1715 г. до сентября 1718 г.) Лисовскаго на сотничествѣ власть побои, забойство, мучительство, грабительство, поруганіе и невинне безчестье видѣли на многихъ насъ дѣйствіемъ бываемая, однакъ до сего времени мусили страха ради его безчеловѣчнаго, терпѣніемъ в(ы)носити, того ради, что иные хочи и держали (дерзали) во своихъ тяжкихъ обидахъ бить челомъ ясневельможному и по своему челобитью привозили до него претителные писма и универсалы, но онъ, чиня себе самовластникомъ, тые гетманскіе указы вси уничтожывалъ, честь гетманскую изпражняючи, и горшую бѣду за тое еще дѣлалъ“ [3]). „А теперь, заявляютъ они въ другой челобитной, по злодышащой той бурѣ тишайшее Вашего Царскаго Величества намъ явилося милосердіе, подающее свободу всѣмъ на его невозбранно бить челомъ“ [4]). И ободренные этимъ милосердіемъ царскимъ, а еще болѣе увѣренностью, что они ужъ навсегда освобождены отъ Л—го, нов-

¹) Св. 43 № 58 и № 61.

²) Св. 41, № 51.

³) Св. 43, № 61. Просьба новгородцевъ не позволять Л—му присутствовать при розыскѣ.

⁴) Св. 43, № 58.

городъ-сѣверцы понесли Хрипунову свои „жалостливыя и плачливыя скарги", обвиняющія сотника во всевозможныхъ преступленіяхъ [1]). „Державнѣйшій Царь, Государь Всемистивѣйшій, такъ начинается большая часть этихъ челобитныхъ, написаныхъ на имя Императора; я нижеподписанный бью челомъ на Ѳедора Лисовскаго, который, ставши у насъ сотникомъ, якъ онымъ многимъ людемъ чинилъ обиды, грабителства, забойства, такъ и на менѣ бѣдномъ тые-жъ свои поступки выказалъ, ибо здоровье мнѣ умаливши немало, убожества моего позабиралъ, въ конецъ меня разоривши"; или: „панъ Лисовскій, сотникъ новгородскій, якъ звыклъ былъ свою жестокость противно всѣхъ оказывати, такъ и на убогомъ дому моемъ тое-жъ свое явилъ немилосердіе". Сотняне жалуются на „великіе свои утески", на „неудобпоносныя тяжести и озлобленія, которыя дѣлалъ Л—ій на убогомъ дворѣ" того или другого изъ нихъ, на „нестерпимую кривду"; обвиняютъ своего сотника въ „прохирствѣ" и „ненасытномъ драпижствѣ", въ томъ, что онъ „своей злохитрой обманой" разорилъ ихъ; объявляютъ, что у нихъ „напередъ сего такова мучительства и пытокъ батогами не бывало и нынѣ во всѣхъ малороссійскихъ городахъ нѣтъ". Содержаніе этихъ челобитныхъ представляетъ собой длинный списокъ проступковъ и преступленій, которыя Л—ій успѣлъ совершить въ $3^1/_2$ года своего сотничества. Всѣмъ классамъ и сословіямъ новгородъ-сѣверской сотни досталось отъ его управленія: попы и державцы—помѣщики, урядники и богатые торговцы, козаки, ремесленники и мѣщане, женщины и даже дѣти—всѣ они одинаково жалуются на своего сотника, безцеремонность котораго въ притѣсненіи своихъ подчиненныхъ казалась невѣроятной даже въ ту эпоху ничѣмъ не сдерживаемаго насилія и своеволья старшины, которая въ погонѣ за наживой не останавливалась даже передъ азартной игрой въ измѣну и вѣрность, ловко пользуясь различными теченіями и тенденціями своего времени. Эта безцеремонность

---

[1]) Эти жалобы и челобитныя составляютъ толстую тетрадь (Св. 43, № 58), озаглавленную: „Розыскъ о наглыхъ поступкахъ новгородскаго сотника Ѳ. Лисовскаго по челобитью всѣхъ новгородскихъ обывателей".

вполнѣ объясняется тѣмъ нѣсколько исключительнымъ положеніемъ, въ которомъ Лисовскій находился въ качествѣ сотника.

Обыкновенно сотникъ, положеніе котораго, въ общемъ, было самостоятельнымъ и независимымъ, все таки находился подъ двойнымъ контролемъ: подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, съ которымъ, между прочимъ, считались и при назначеніи сотника на урядъ, и подъ контролемъ высшей администраціи: непосредственнымъ начальникомъ сотника былъ полковникъ, высшей инстанціей являлся гетманъ и генеральный судъ, съ которымъ урядникамъ часто приходилось имѣть дѣло и съ которымъ они, впрочемъ, умѣли ладить. Лисовскій былъ изъятъ изъ подъ обѣихъ формъ контроля: онъ былъ назначенъ сотникомъ по царскому указу, и не могъ быть смѣщенъ иначе, какъ по такому же указу. Это было, конечно, исключеніемъ, но исключеніемъ характернымъ, вполнѣ въ духѣ того времени. Такимъ образомъ Л—ій могъ не обращать никакого вниманія ни на общественное мнѣніе, которое было уже скандализовано его дѣятельностью въ качествѣ гадяцкаго протопопа и еще болѣе его внезапнымъ превращеніемъ изъ проворовавшагося попа въ сотника и которое имѣло достаточно поводовъ возмущаться его поведеніемъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, ни на гетмана и генеральный судъ, который былъ безсиленъ противъ несмѣняемаго сотника.

Положеніе сотника, какъ мы уже сказали, было довольно самостоятельнымъ и независимымъ. Онъ соединялъ въ своемъ лицѣ власть военную, административную и судебную: какъ козаки въ мирное время превращались въ простыхъ обывателей, занимавшихся земледѣліемъ и промыслами, такъ и ихъ командиръ становился начальникомъ края, въ которомъ они жили. Кромѣ того сотникъ имѣлъ обширную судебную компетенцію, которая распространялась на все населеніе. Фактически сотникъ былъ полнымъ хозяиномъ въ своей сотнѣ, какъ полковникъ въ полку и гетманъ во всей Украйнѣ. Его дѣйствія были нѣсколько стѣснены городскимъ и ремесленнымъ самоуправленіемъ и мѣстными представителями церкви, но городской магистратъ, съ которымъ обыкновенно урядники вели постоянную борьбу, былъ

слишкомъ слабымъ противникомъ для такой крупной силы, какой являлся сотникъ въ сотенномъ городѣ и полковникъ въ полковомъ, и поэтому магистратъ, за очень рѣдкими исключеніями, всегда проигрывалъ въ этой борьбѣ. Во всякомъ случаѣ, Л—ій, который ставилъ ни во что гетмана и генеральную старшину, который „чинилъ себя самовластникомъ", не могъ встрѣтить серьезнаго препятствія въ комъ бы то ни было у себя дома въ Новгородкѣ, и, какъ мы увидимъ сейчасъ, онъ никѣмъ и ничѣмъ не стѣснялся въ своихъ дѣйствіяхъ.

С. Моравскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Реформы въ Малороссіи при гр. Румянцевѣ [1]).

II.

Письменная почта и таможни.

До Румянцева только лишь въ Кіевѣ существовало правильно устроенное почтовое учрежденіе, во главѣ котораго въ началѣ второй полов. XVIII в., въ качествѣ директора, былъ маіоръ Скоропадскій; возилась исключительно казенная корреспонденція въ Москву, Петербургъ, Глуховъ и по направленію къ Царьграду, особыми нарочными, составлявшими при кіевской губернской канцеляріи такъ называемую рейтерскую команду. Для перевозки оффиціальныхъ бумагъ въ предѣлахъ гетманщины, при каждой полковой и сотенной канцеляріи находились всегда нарочные изъ козаковъ по очереди, подъ названіемъ „асаульцовъ“ или „стойчиковъ“ [2]), что составляло довольно тягостную натуральную повинность для осѣдлыхъ козаковъ, „отъдаляя оnихъ отъ домовства“, и въ то же время не вполнѣ обезпечивало своевременную доставку пакетовъ.

Румянцевъ на первыхъ же порахъ, по прибытіи своемъ въ Малороссію, озаботился устройствомъ правильнаго почтоваго сообщенія, безъ котораго немыслимо было бы приводить въ исполненіе предначертанія Императрицы Екатерины II объ ассимиляціи гетманщины съ прочими частями имперіи, по невозможности быстро сноситься со столицей по различнымъ воз-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1891 г., № 3.

[2]) Шафонскій. Топограф. описаніе черниго. намѣстнич., стр. 123, 161.

никавшимъ вопросамъ, при маломъ количествѣ рейтеровъ, и опубликовывать то или иное разрѣшеніе этихъ вопросовъ чрезъ полковыя канцеляріи.

Пользуясь разрѣшеніемъ Императрицы „о всемъ томъ, что можетъ служить къ народному облегченію и внутренней коммерціи, всѣ мѣри полезние изискивая, новими установлениями способствовать“ и находя практиковавшійся способъ пересылки корреспонденціи крайне неудобнымъ, Румянцевъ издалъ 7 іюня 1765 года указъ отъ имени малороссійской коллегіи, которымъ учреждалась во всей Малороссіи письменная почта для частныхъ и казенныхъ надобностей. Копіи съ указа были разосланы во всѣ полковыя канцеляріи, за подписью члена коллегіи, генеральнаго хоружаго Даніила Петровича Апостола, Іосифа Туманскаго и войсковаго канцеляриста Семена Магденка, съ приложеніемъ къ нимъ по одному экземпляру устава вновь учреждаемой почты, въ силу котораго избраніе лицъ на должности почтмейстеровъ и почталіоновъ предоставлялось полковымъ канцеляріямъ.

Чтобы новое дѣло не затормозилось на первыхъ порахъ по недостатку средствъ, Румянцевъ имѣлъ въ виду помѣстить почтовыя конторы въ частныхъ домахъ, принадлежащихъ тѣмъ лицамъ, которыя въ то же время могутъ быть назначены на должности почтмейстеровъ; оттого то онъ и предоставилъ право назначенія почтмейстеровъ и почталіоновъ полковымъ канцеляріямъ, какъ лучше знающимъ мѣстныхъ обывателей.

Во всякой почтовой конторѣ должно было быть по почтмейстеру изъ войсковыхъ или значковыхъ товарищей, по назначенію полковыхъ канцелярій, при чемъ предлагалось послѣднимъ руководствоваться при назначеніи тѣмъ, чтобы это были люди надежные, скромные, вѣжливые, умѣли чисто писать и хорошо считать, а также, чтобы почтовыя конторы могли безопасно помѣщаться въ ихъ домахъ. Почталіоновъ на каждый почтовый перегонъ требовалось по два и чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ по двѣ лошади; въ почталіоны предлагалось выбирать людей трезвыхъ, скромныхъ, поворотливыхъ, изъ подсосѣдковъ, не торгующихъ мѣщанъ и посполитыхъ, преимущественно изъ того же села, гдѣ помѣщается почтовая контора.

Такъ какъ новые почтовые урядники вполнѣ замѣняли прежнихъ нарочныхъ козаковъ, то естественно, что и полковники, и сотники должны были распустить по домамъ „стойчиковъ“, оставивъ лишь самое ограниченное число ихъ при себѣ, на случай чего либо экстреннаго.

Несмотря на назначеніе почтовыхъ служащихъ полковыми канцеляріями, они всецѣло подчинялись въ служебномъ отношеніи почтъ-директору, который имѣлъ право взыскивать съ нихъ и отставлять отъ службы. Чтобы пріохотить къ почтовой службѣ лучшихъ людей, Румянцевъ приказывалъ освобождать почтовыхъ урядниковъ отъ всякихъ податей и повинностей, но, чтобы отъ этого не было ущерба казнѣ, онъ предлагалъ назначать „маломощнихъ, а отънюдь не изъ виборнихъ или первихъ въ окладахъ платежемъ“.

Вознагражденіе почтовыхъ урядниковъ производилось двояко—въ видѣ платы за нанимаемыя подъ почтовыя конторы квартиры и за содержаніе лошадей и, кромѣ того, давалось жалованье. Необходимыя суммы ассигновались изъ почтовыхъ сборовъ, которые поступали въ распоряженіе скарбовой канцеляріи.

Почтовыя пошлины взимались съ вѣса и по числу верстъ. За единицу вѣса брался одинъ золотникъ, а за единицу разстоянія 50 верстъ: за 1 золотникъ на разстояніи менѣе 50 верстъ, и свыше—до 75-ти верстъ, почтовая пошлина взималась въ размѣрѣ 1/4 коп., за каждый слѣдующій золотникъ прибавлялось по 1/4 коп. и за каждыя слѣдующія 50 верстъ прибавлялось тоже по 1/4 коп., такъ что пересылка, напримѣръ, одного пуда на разстояніи 500 верстъ стоила 19 р. 20 к.

Почтой можно было отправлять корреспонденцію и посылки не тяжеле десяти пудовъ.

Лица, замѣченныя въ перевозкѣ писемъ и посылокъ помимо почты, подвергались штрафу въ размѣрѣ десяти рублей.

Въ почтовомъ уставѣ, составленномъ Румянцевымъ, были строго опредѣлены обязанности почтмейстеровъ.

По принесеніи присяги на должность, почтмейстеръ обязанъ былъ неотлучно находиться при конторѣ, не уѣзжая никуда даже на сутки безъ особаго всякій разъ разрѣшенія, дол-

женъ былъ лично самъ вѣдать отправку и пріемъ почты, ни на кого не сдаваясь, подъ штрафомъ въ десять рублей, и взимать съ частныхъ лицъ слѣдуемыя въ казну почтовыя пошлины. Чтобы ему не мѣшали внимательно относиться къ отправкѣ корреспонденціи, онъ долженъ былъ принимать письма лишь до трехъ часовъ дня, а чтобы его не безпокоили при пріемѣ, онъ долженъ былъ „зделать, где видавать и принимать писма, особое окно, для того, чтобъ никто, особливо простой народъ в контору не входилъ и ему в делахъ не дѣлалъ помѣшателства“.

Что касается до почталіоновъ, то они должны были быть готовы за полчаса до прибытія почты, чтобы не задерживать дальнѣйшей отправки, надѣвать почтовые мундиры, имѣть при себѣ рожки, въ которые и трубить, при въѣздѣ въ города и деревни, а также „пред ущелинами, плотинами и мостами, дабы всякой слиша почте не мешалъ в дороги или на мосту, но оставлялъ ей свободной проездъ“. Въ случаѣ, еслибы почта была ограблена, ближайшіе къ мѣсту происшествія обыватели должны были оказать содѣйствіе къ розысканію злодѣевъ, подъ страхомъ строгой отвѣтственности; а еслибы почталіонъ заболѣлъ въ дорогѣ или пала у него лошадь, то первый узнавшій это долженъ былъ озаботиться бережной доставкой почты къ мѣсту назначенія.

Письменную почту въ Малороссіи при Румянцевѣ возили по слѣдующимъ трактамъ туда и обратно: изъ Глухова — въ Кіевъ, Полтаву, Стародубъ, Черниговъ и Переяславъ, изъ Кіева— въ Стародубъ и Полтаву, изъ Полтавы въ Черниговъ, изъ Ромна въ Лубны. При этомъ корреспонденція развозилась и во всѣ попутные и близъ лежащіе города и мѣстечки: въ Кролевецъ, Нѣжинъ, Козелецъ, Конотопъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Борзну, Прилуки, Пирятинъ, Переяславъ, Роменъ, Лубны, Гадячъ, Миргородъ, Опошню и проч. По всѣмъ этимъ трактамъ почта возилась туда и обратно по два раза въ недѣлю.

Всѣхъ почтовыхъ конторъ въ Малороссіи, а слѣдовательно, и почтмейстеровъ, было первоначально пятнадцать: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Глуховѣ, Кролевцѣ, Нѣжинѣ, Конотопѣ, Козельцѣ, Стародубѣ, Переяславѣ, Полтавѣ, Ромнѣ, Лубнахъ, Прилукѣ,

Гадячѣ и Опошнѣ; всѣхъ же почталіоновъ въ Малороссіи было 165 человѣкъ и они имѣли для почтовой гоньбы каждый по двѣ лошади, всего 330 лошадей. Такъ какъ, согласно почтовому уставу 1765 г., почтмейстеры и почталіоны опредѣлялись на службу по выбору полковыхъ канцелярій изъ мѣстныхъ обывателей, то, по своей принадлежности къ тому или другому полку, почтмейстеры распредѣлялись такъ: отъ нѣжинскаго полка было 4 почтмейстера—въ Глуховѣ, Кролевцѣ, Нѣжинѣ и Конотопѣ, отъ кіевскаго, лубенскаго и гадяцкаго полковъ, по два—въ Кіевѣ и Козельцѣ, въ Ромнѣ и Лубнахъ, въ Гадячѣ и Опошнѣ, отъ стародубскаго, черниговскаго, переяславскаго и полтавскаго по одному въ полковыхъ городахъ, и отъ миргородскаго полка одинъ въ Прилукѣ. Что касается почталіоновъ, то они распредѣлялись по полкамъ слѣдующимъ образомъ: отъ нѣжинскаго 38, по 4—въ Глуховѣ, Нѣжинѣ и м. Олишевкѣ, по 3—въ Кролевцѣ и Конотопѣ, и по два—въ м. Батуринѣ, Борзнѣ, Воронежѣ, Мринѣ, сс. Тулиголовѣ, Алтыновкѣ, Комаровкѣ, Ярославкѣ, Мутинѣ и Райгородкѣ; отъ кіевскаго 16, по три—въ Кіевѣ и Козельцѣ, и по два—въ м. Носовкѣ, сс. Козарахъ, Семиполкахъ, Броварахъ и Чемерѣ; отъ стародубскаго 17, по два—въ м. Ропскѣ, Горскѣ, Гринскѣ, сс. Каменкѣ, Корсуновѣ, Кистрѣ, въ Новгородъ-Сѣверскѣ и три въ Стародубѣ; отъ черниговскаго полка 16, четыре въ Черниговѣ и по два—въ м. Городнѣ, Седневѣ, Сосницѣ, Менѣ, Березнѣ и въ с. Брусиловѣ; отъ переяславскаго 13, три въ Переяславѣ и по два—въ м. Яготинѣ, Бариполѣ, сс. Любарцахъ, Капустинцахъ и Княжичахъ; отъ полтавскаго 4, по два—въ Полтавѣ и с. Стасовцѣ; отъ лубенскаго 23, четыре въ Лубнахъ, три въ Ромнѣ и по два—въ м. Яблоновѣ, Куринькѣ, Глинскѣ, Лохвицѣ, сс. Чернухахъ, Бербеницѣ, Брисяхъ и Окопѣ; отъ миргородскаго 18, четыре въ Прилукѣ и по два—въ м. Монастырищѣ, Иваницѣ, Журавкѣ, сс. Голюнкѣ, Ярошовкѣ, Яблуновѣ и Хмѣловѣ; отъ гадяцкаго 14, по три—въ Гадячѣ и Опошнѣ и по два въ м. Зиньковѣ, Боркахъ, Ковалевкѣ и с. Липовой Долинѣ.

Эти свѣдѣнія о распредѣленіи почталіоновъ по полкамъ и по мѣстожительству имѣютъ большое значеніе въ томъ отноше-

ніи, что точнѣе опредѣляютъ направленія почтоваго сообщенія. Въ этомъ распредѣленіи замѣчается нѣкоторая странность—почталіоны въ поселеніяхъ прилуцкаго полка всѣ уроженцы миргородскаго полка, слѣдовательно, Румянцевъ не предоставилъ прилуцкой полковой канцеляріи права выбора и назначенія почтовыхъ урядниковъ, вѣроятно, почему либо ей не довѣряя.

Въ приложеніи къ „Топографическому описанію черниговскаго намѣстничества“ Шафонскаго помѣщена карта намѣстничества, составленная въ 1786 г., съ обозначеніемъ почтовыхъ трактовъ. Въ § 60 текста находимъ „росписаніе почтовыхъ дорогъ, по черниговскому намѣстничеству лежащихъ, съ показаніемъ почтовыхъ становъ, числа отъ стана до стана и до губернскаго города верстъ, и въ которыхъ мѣстахъ находятся почтовыя конторы“; послѣднихъ, сравнительно съ 1765 г. въ 1786 г. было больше.

Для скорѣйшаго приведенія новаго дѣла въ порядокъ, Румянцевъ назначилъ почтъ-директоромъ на всю Малороссію маіора Скоропадскаго. Канцеляріи должны были увѣдомить Скоропадскаго о назначеніи почтмейстеровъ и почталіоновъ, съ приложеніемъ ихъ поименныхъ списковъ, и тогда вновь устроенныя почтовыя конторы могли открыть свои дѣйствія.

Несмотря на строгій порядокъ, введенный Румянцевымъ въ почтовомъ дѣлѣ, на первыхъ же порахъ бывали злоупотребленія, вслѣдствіе чего, по его представленію, указомъ сената отъ 19 сентября 1765 г., было повелѣно „за подступную (умышленную) утайку партикулярныхъ (частныхъ) писемъ взыскивать штрафу за каждый золотникъ по рублю безъ всякаго упущенія“. Но, несмотря на взысканія, злоупотребленія продолжались, при чемъ иногда ихъ причиной бывало простое любопытство по отношенію къ содержанію не только частной, но даже казенной корреспонденціи, и притомъ даже со стороны такихъ лицъ, какъ самъ малороссійскій почтъ-директоръ, которымъ былъ послѣ Скоропадскаго Лаврентій Яковлевичъ Селецкій. Въ 1779 г. Румянцевъ сдѣлалъ Селецкому слѣдующее замѣчаніе:

„Господину надворному совѣтнику и почтъ-директору, Селецкому.

Читалъ я не безъ удивленія рапортъ вашъ, отъ 19-го числа минувшаго февраля подъ № 43, и въ ономъ видѣлъ вашъ и почтмейстера прилуцкаго, Прокоповича, поступки обоихъ званіямъ вашимъ весьма неприличными и паче дѣйствіемъ непозволеного любопитства, нежели наблюденія описаного вами тутъ указа[1]). Тотъ указъ выполнять надлежащимъ образомъ слѣдуетъ при подачѣ на почту писемъ отправляющимъ почтмейстерамъ, чтобы наблюдено было государственное о почтахъ узаконеніе и дабы дѣлающіе злоупотребленія обличены и наказаны были, а почта жъ въ свое извѣстно-положенное время отправляема и всѣ писма, а колми паче указы по надписямъ, кому надлежитъ, безъ задержанія вѣрно доходили и непозволенное, особливо въ государственныхъ дѣлахъ, любопытство было-бъ пресѣчено. Вы имѣете по сему свой, изыскавъ отъ прилуцкаго почтмейстера, отвѣтъ ко мнѣ представить въ томъ, для чего коснулись указъ распечатать и, распечатавъ оной, при надписѣ, а также писмо, ко мнѣ адресованное, не доставили, потому что государственныя дѣла не могутъ быть удержаны. Вамъ неналежно знать, кто что къ людямъ въ отправленіи пишетъ, такъ какъ ко мнѣ могутъ быть письма, не о партикулярныхъ и весьма важныхъ дѣлахъ писанные. А прилуцкій почтмейстеръ съ чего таково сомнѣніе взялъ, и какъ дѣло указное, то для чего не по надписи съ примѣчаніемъ своего сомнѣнія, но къ вамъ отправилъ, и слѣдовательно, въ производствѣ дѣла учинилъ остановку, при отвѣтѣ должномъ вы пояснить должны, а также, въ первое ли таково сомнѣніе на почтахъ вѣдомства вашего найдено и какіе въ томъ взяты были мѣры. За полученіемъ сего моего ордера, имѣете, на основаніи онаго, всѣмъ почтмейстерамъ подтвердить, чтобъ на таковыя сомнѣнія, при отправленіи писемъ, дѣлали они свои примѣчанія и въ тѣ мѣста, откуда таково прислано будетъ, немедленно отзывались, дабы при нихъ таковые пакеты распечатываемы и въ подобныхъ

---

[1]) Указъ Румянцева, 16 октября 1767 г.

злоупотребленіяхъ обличенные, по силѣ указа, штрафованы, а всякіе письма, паче-жъ публичные дѣла, какъ выше сказано, въ свое время отправляемы и безъ задержанія по надписямъ отъдаваемы были. Глуховъ, 15 марта 1779 г. Графъ Румянцевъ".

Составленный Румянцевымъ для малороссійскихъ почтъ уставъ сохранялъ силу до времени учрежденія намѣстничествъ; онъ былъ подтвержденъ Высочайшимъ рескриптомъ на имя Румянцева, отъ 26 октября 1781 г.: „Учрежденная вами въ 1765 году, по благоугодности Нашей, почта, для пересылки всякаго рода писемъ, долженствуетъ остаться на прежнемъ основаніи до будущаго о почтахъ Нашего установленія, распорядя оную по настоящему состоянію дорогъ и устроенію губернскихъ и уѣздныхъ городовъ. Но что принадлежитъ до почтъ и дорогъ для проѣзда между губерніями и уѣздными городами, содержаніе оныхъ есть дѣло общественное; мы токмо желаемъ, чтобъ тутъ со стороны вашей и всѣхъ прочихъ мѣстъ и особъ, вамъ подчиненныхъ, къ коимъ попеченіе о сей части относится, при наблюденіи прямой пользы, нужды и исправности, отвращены всякія злоупотребленія и народная тягость" [1]).

Настоящая резолюція Императрицы послѣдовала въ отвѣтъ на донесеніе Румянцева отъ 24 августа 1781 г., помѣченное с. Черешеньки, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

„Въ Малой Россіи имѣются двѣ почты. Одна, для пересылки всякого рода писемъ въ Малороссіи и комуникаціи съ околичными губерніями, съ опредѣленными почтмейстерами и почталіонами, въ 1765 году мною учрежденная; другая, для возки курьеровъ и иныхъ переѣзжающихъ по введенному за бывшихъ гетмановъ обыкновенію; держатся онѣ отъ малороссійскаго скарба по главному московскому тракту отъ Глухова до Кіева въ 14 стансіяхъ, на каждой по 12 лошадей, на глуховской же по 17, а на батуринской по 15, по контрактамъ

[1]) Шафонскій, l. c. p. 132.

съ рядчиками, но издревле при станціяхъ никогда почтовыхъ домовъ не было и нынѣ нѣтъ, кромѣ для почтарей избъ. А какъ въ ново-учрежденныхъ губерніяхъ при иныхъ благоустроеніяхъ сдѣланы дороги по положенію и установлены почты, почтовые дома, съ опредѣленнымъ отъ обывателей, или инаковымъ образомъ, содержаніемъ, равно и въ Малой Россіи, за учрежденіемъ намѣстничествъ, по положенію оныхъ все то устроено быть должно, то и о семъ буду ожидать Высочайшаго повелѣнія, тѣмъ паче, что всякіе новые сборы и наряды пресѣчены".

По настоящей выдержкѣ изъ донесенія Румянцева мы знакомимся съ устройствомъ при немъ въ Малороссіи почтъ для проѣзжающихъ. Завѣдываніе этими почтами было поручено сотеннымъ правленіямъ.

Въ 1782 г., въ виду полной реорганизаціи административнаго строя Малороссіи, и въ почтовомъ дѣлѣ произошли реформы: былъ учрежденъ малороссійскій почтамтъ, которому и было поручено завѣдыванье почтами и назначеніе почтовыхъ служащихъ и который подлежалъ вѣдѣнію почтоваго департамента [1]). Почтовыя пошлины, собираемыя въ кіевскомъ, черниговскомъ и новгородъ-сѣверскомъ намѣстничествахъ, были причислены къ общимъ почтовымъ доходамъ, изъ которыхъ и производилась уже уплата жалованья почтъ-директорамъ, почтмейстерамъ и почталіонамъ, а также всѣ необходимые расходы по содержанію почтъ [2]).

Указомъ 26 октября 1781 г. были отложены еще до будущаго времени реформа таможеннаго дѣла и генеральное межеваніе; но дальнѣйшій ходъ историческихъ событій сдѣлалъ почти излишней реформу таможеннаго дѣла въ Малороссіи. Въ своей всеподданѣйшей запискѣ Румянцевъ писалъ о таможняхъ слѣдующее:

---

[1]) П. С. З. № 15316.

[2]) П. С. З. №№ 15419, 15420.

„Изъ таможенъ, въ Малой Россіи находящихся, входятъ въ губерніи: кіевскую—васильковская, съ ея заставами—межигорскою, переяславскою, секиринскою и стайковскою, и сорокошицкая, а вѣдѣнія сей послѣдней застава каменская одна, въ черниговскую. А какъ отъ 16 числа минувшаго февраля при всенижайшемъ моемъ представленіи Вашему Императорскому Величеству объясненія о примѣченномъ съ 1770 года въ сборахъ васильковской таможни умаленіи донесено, колико смотръ таможнямъ по предположенію Вашего Иимператорскаго Величества необходимо потребный долженъ быть и весьма полезнымъ для того, что по стеченію многихъ обстоятельствъ и по тому генеральному заключенію, что таможни и пошлинный сборъ должны по уваженіямъ къ своимъ фабрикамъ, торговли и удобности къ вывозу своихъ и ввозу надобныхъ иностранныхъ товаровъ, учреждаемы и въ нихъ служители не по знатности чиновъ, но по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ лучшихъ качествъ, отъ коихъ тутъ все и зависитъ, опредѣляемы быть. Многія изъ настоящихъ таможенъ не въ сходственномъ находятся положеніи, то, я за тѣмъ и за сдѣланнымъ уже отъ статского совѣтника Даля таможнямъ осмотромъ и что и строенія ихъ уже обветшали, буду ожидать всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества рѣшенія“.

Краткія свѣдѣнія о числѣ служащихъ въ малороссійскихъ таможняхъ чиновниковъ, цольнеровъ, мы имѣемъ въ запискѣ А. И. Чепы о таможняхъ, помѣщенной нами въ декабрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1890 годъ.

Съ расширеніемъ границъ Россіи малороссійскія таможни становились все менѣе нужны, и правительству приходилось заботиться объ устройствѣ таможенъ по раздвинувшимся границамъ, что мы и видимъ въ сенатскихъ указахъ [1]) отъ 5 февраля 1776 г. о дѣйствіи новаго тарифа во вновь учрежденныхъ таможняхъ: портовой при Азовскомъ морѣ и двухъ пограничныхъ-никитинской и миргородской, а отъ 26 мая того-же года объ учрежденіи въ новороссійской и азовской губерніяхъ портовыхъ

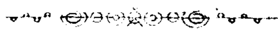
---

[1]) П. С. З, №№ 14431, 14478.

и пограничныхъ таможенъ и заставъ по приложенному къ указу штату; малороссійскія же таможни были прежде всего переданы въ 1780 году въ вѣдѣніе генералъ губернатора, чтобы онъ могъ распорядиться ими по своему усмотрѣнію [1]). Слѣдствіемъ послѣдняго указа было ближайшее ознакомленіе Румянцева съ состояніемъ малороссійскихъ таможенъ чрезъ посредство ревизіи ихъ, произведенной статскимъ совѣтникомъ Далемъ, и въ результатѣ вышеприведенное нами донесеніе Императрицѣ о неудовлетворительности ихъ состоянія. Въ Высочайшемъ рескриптѣ Румянцеву, разрѣшавшемъ нѣкоторые, поставленные Румянцевымъ въ его всеподданнѣйшей запискѣ, вопросы, реформа томоженнаго дѣла въ Малороссіи откладывалась до будущаго времени и это будущее само указало, что таможни въ Малороссіи были излишни съ тѣхъ поръ, какъ она стала вполнѣ внутренней провинціей имперіи, вслѣдствіе чего и послѣдовалъ 26 мая 1782 года высочайшій указъ [2]) сенату объ уничтоженіи таможенъ и заставъ, имѣющихся на границахъ малороссійскихъ губерній съ бѣлорусскими, о свободной торговлѣ между этими губерніями и объ учрежденіи таможенъ и заставъ на границѣ имперіи. Въ слѣдующемъ 1783-мъ году состоялся указъ [3]) Румянцеву объ оставленіи одной лишь васильковской таможни въ кіевскомъ намѣстничествѣ, съ общимъ всѣмъ остальнымъ таможнямъ имперіи тарифомъ.

Что касается генеральнаго межеванія, то, несмотря на то, что Императрица сознавала его настоятельную необходимость, оно не было осуществлено не только въ ея царствованіе, но и ни въ одно изъ послѣдующихъ до знаменательной эпохи реформъ въ царствованіе императора Александра II, согласно Его указу отъ 27 января 1858 года [4]).

Н. В. Стороженко.



---

[1]) П. С. З. № 15042.

[2]) П. С. З. № 15407.

[3]) П. С. З. № 15878.

[4]) Ханенко. Историческій очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи. Черниговъ. 1870. Стр. 114—121.

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

X.

Волынь.—Тадеушъ Валевскій —Викентій Тышкевичъ.—Съѣзды и приготовленія.—Извѣстіе о ноябрьскомъ движеніи.—Контракты въ Кіевѣ.—Генералъ Кайсаровъ.—Братья Тышкевичи.

На выборы въ Житомиръ не пріѣхалъ ни Тадеушъ Валевскій, ни одинъ изъ его явныхъ подначальныхъ; не было даже купца Лаговскаго, который не привыкъ пропускать такія торжества безъ того, что не привезти на нихъ своихъ товаровъ: борзыхъ, обезьянъ и горчицу. Всѣ выѣхали со своимъ начальникомъ въ Галицію, а оттуда въ Карлсбадъ. Члены семейства Піотровскихъ, которое на Волыни покровительствовало Тадеушу Валевскому, подобно тому какъ въ Подоліи Еловицкіе покровительствовали Викентію Тышкевичу, утверждали, что это былъ очень искусный маневръ съ цѣлью укрыться отъ взоровъ властей и вмѣстѣ съ тѣмъ войти въ соглашеніе съ кн. Адамомъ Чарторыйскимъ, котораго можно было найти только заграницей. Піотровскіе, которые по своимъ убѣжденіямъ и симпатіямъ были сторонниками наслѣдственной монархіи, считали роды князей Чарторыйскихъ и Сангушковъ за роды, имѣющіе, по устраненіи саксонской династіи, право на польскую корону. Однако, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, эти Піотровскіе отличались однимъ, такъ сказать спеціально польскимъ, недостат-

---

[1]) См. „Кіевская Старина" 1891 г., № 8.

комъ, который, быть можетъ, принесъ болѣе всего зла польскому дѣлу,—необузданной страстью командовать всѣми, водить всѣхъ за носъ, соединеннымъ съ отсутствіемъ рѣшимости стать самимъ во главѣ дѣла изъ боязни и тѣни отвѣтственности. Благодаря ихъ усиліямъ былъ не выбранъ, а скорѣе намѣченъ Тадеушъ Валевскій, человѣкъ въ высшей степени легкомысленный и безразсудный, лишенный всякаго національнаго чувства, даже не знавшій, что такое была Польша, необразованный, не выдававшійся заслугами среди дворянства, человѣкъ, единственное достоинство котораго заключалось въ томъ, что онъ былъ мужемъ Анны Карвицкой, хорошей патріотки и умной женщины, принесшей ему въ приданое запасъ венгерскаго изъ погреба въ Мизочѣ, подобнаго которому не было ни въ Польшѣ, ни въ Венгріи. Піотровскіе боялись двухъ кандидатовъ на это мѣсто: кн. Романа Сангушка, котораго желали всѣ волынскіе помѣщики, и кн. Михаила Радзивилла, подлужанскаго и бердичевскаго, который принялъ бы на себя начальство, если бы оно было ему предложено. Кн. Романъ Сангушко былъ храбрымъ офицеромъ русской гвардіи, слылъ за человѣка съ твердымъ характеромъ, носилъ имя Романа Сангушка, подвиги котораго воспѣвалъ Падура и другіе поэты украинской школы. Михаилъ Радзивиллъ служилъ при Наполеонѣ полковникомъ въ польскомъ войскѣ, былъ женатъ на Ворцель, семейство которой имѣло большое значеніе среди помѣщиковъ, и считался хорошимъ администраторомъ.

Упомянутый выше недостатокъ польскаго общества—соперничество, доходило до того, что даже близкіе родственники Чайковскихъ и Гленбоцкихъ неохотно видѣли маршалкомъ Яна Канта Гленбоцкаго, а особенно въ описываемое время, потому что онъ былъ человѣкомъ съ сильной волей, выдававшимся благодаря своимъ заслугамъ и въ средѣ помѣщиковъ, и въ русской арміи, гдѣ онъ отличился мужествомъ и способностями, потому что онъ былъ человѣкомъ образованнымъ, получившимъ въ виленскомъ университетѣ дипломъ на степень магистра правъ и администраціи, потому что имѣлъ обыкновеніе входить во все самъ, ни на кого не полагаясь, и втеченіе шестилѣт-

няго предводительства показалъ, что никому не позволитъ вмѣшиваться въ свои распоряженія. За это то и хотѣли смѣстить его съ предводительства.

Житомирскій повѣтъ состоялъ тогда изъ двухъ частей: Полѣсья на лѣвомъ берегу Тетерева, которое издавна, еще съ тѣхъ поръ, когда повѣты житомирскій и овручскій входили въ составъ кіевскаго воеводства, принадлежало къ этому повѣту, и Украины, на правомъ берегу Тетерева, только незадолго предъ тѣмъ присоединенной къ волынской губерніи, а нынѣ опять принадлежащей къ кіевской и составляющей бердичевскій уѣздъ. Полѣшуки и украинцы были постоянно между собой въ распряхъ, носившихъ политическій характеръ. Первые были демократами, потому что между ними было мало крупныхъ землевладѣльцевъ, украинцевъ же называли аристократами, потому что среди нихъ было много людей богатыхъ и образованныхъ. Гленбоцкіе давали тонъ на Полѣсьѣ, такъ какъ были тамъ богаче другихъ, на Украинѣ же первенствовали генералъ Корженевскій и Северинъ Залесскій, а подъ ихъ верховенствомъ Піотровскіе распоряжались этою частью повѣта.

Подъ предлогомъ удовлетворенія желаній обѣихъ частей повѣта, было предложено выставить на должность предводителя трехъ кандидатовъ: Яна Канта Гленбоцкаго, чтобы удовлетворить полѣшуковъ, меня, чтобы сдѣлать пріятное генералу Корженевскому и Северину Залесскому, моему предполагаемому тестю, и наконецъ Барошевскаго, человѣка добраго, но не пользовавшагося значеніемъ въ обществѣ и необразованнаго. Изъ 220 голосовъ мой дядя Кантъ Гленбоцкій получилъ 64 отрицательныхъ, а я всего только пять, и такимъ образомъ я оказался избраннымъ въ предводители. Я не хотѣлъ принимать этой должности, такъ какъ любилъ и уважалъ Канта Гленбоцкаго, и сослался на свое камеръ-юнкерство, противъ чего нельзя было ничего возразить. Гленбоцкій остался предводителемъ, предупредивъ, что черезъ годъ откажется отъ должности, а я, получивъ отпускъ въ Петербургѣ, вступлю, какъ кандидатъ, въ исправленіе его обязанностей. Смущеніе было большое, но дѣло уладилось. Я разсказываю объ этомъ случаѣ

единственно для того, чтобы показать, какъ недостатокъ общественнаго сознанія у поляковъ вредилъ дѣлу и какъ, вслѣдствіе этого, людямъ самостоятельнымъ и достойнымъ преграждали возможность служить обществу и во главѣ управленія ставили людей негодныхъ, а боязнь отвѣтственности умножала число трусовъ и интригановъ, вредившихъ всякому дѣлу, за которое брались.

Во время этихъ выборовъ мы получили извѣстіе о ноябрьскихъ событіяхъ въ Варшавѣ.

Въ то время какъ Тадеушъ Валевскій почти не подавалъ признаковъ своего существованія, его ближайшіе сторонники— Піотровскіе, Карлъ Буржинскій, Михаилъ и Мартынъ Краевскіе и Игнатій Стемпковскій, который на послѣднихъ выборахъ попалъ въ заславскіе предводители дворянства, объѣзжали всю Волынь, болѣе присматриваясь къ средствамъ жителей, возбуждая патріотизмъ и готовность къ возстанію, нежели устраивая политическую организацію. Викентій Тышкевичъ гораздо добросовѣстнѣе и разумнѣе выполнялъ свои обязанности: онъ пригласилъ къ себѣ на съѣздъ въ Очеретяную болѣе выдающихся помѣщиковъ изъ Подоліи и Украины; здѣсь былъ установленъ правильный денежный сборъ, не помню, по дукату или по два съ души, въ каждомъ повѣтѣ назначенъ повѣтовый начальникъ, на обязанности котораго лежало вычисленіе вооруженныхъ силъ, какія каждый повѣтъ долженъ былъ выставить въ поле и т. п.

Предъ этимъ съѣздомъ Іосифъ и Германъ Потоцкіе, которые были съ нами въ очень близкихъ отношеніяхъ и жили въ Бѣлиловкѣ, въ тогдашнемъ махновскомъ уѣздѣ, потребовали посылки делегатовъ отъ насъ, потому что на Волыни никто объ этомъ съѣздѣ и не подозрѣвалъ. Тогда, вмѣстѣ съ Потоцкими, поѣхали Карлъ Ружицкій, Игнатій Струмилло, Северинъ Пильховскій. Возвратясь, они разсказывали, что на этотъ съѣздъ пріѣхалъ генералъ Козловскій-сынъ изъ Зозова, который такъ отличился въ персидскую войну подъ Эриванью, командуя русской кавалеріей, а потомъ въ 1827—28 гг. въ азіатской Турціи. Оставивъ военную службу, онъ служилъ теперь предводителемъ дворянства. Безъ обиняковъ онъ сказалъ, что

примкнетъ къ возстанію, но только съ условіемъ, чтобы ему было поручено командованіе войскомъ съ неограниченною властью; далѣе онъ говорилъ, что для него важно не количество силъ, какое могутъ выставить мѣстные жители, а только полное послушаніе, что, начавши съ отрядомъ даже въ сотню всадниковъ, онъ увѣренъ, что скоро будетъ располагать нѣсколькими тысячами отборнаго войска; догадывались, что онъ разсчитываетъ на военныя поселенія на Украинѣ, гдѣ у него было много старинныхъ товарищей и пріятелей.

Козловскій былъ тогда во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, съ неистощимымъ запасомъ энергіи, закаленный въ трудахъ, благодаря военной службѣ и постоянной охотѣ, онъ считался однимъ изъ лучшихъ генераловъ, какіе только были между поляками. Все говорило за выборъ его въ вожди возстанія. Только политическій смыслъ поляковъ воспротивился этому.

Первый Викентій Тышкевичъ высказался противъ него:

Мнѣніе Викентія Тышкевича одобрили, предложеніе генерала Козловскаго было отвергнуто съ негодованіемъ, котораго не съумѣли даже прикрыть любезностью, и Козловскій уѣхалъ, заявляя, что не желаетъ имѣть никакого отношенія къ возстанію.

На съѣздѣ было постановлено оставить гражданскую и военную власть за Викентіемъ Тышкевичемъ, а старому Еловицкому и тремъ его сыновьямъ поручено разыскиваніе главнокомандующаго, чѣмъ они и занялись.

Сборъ денегъ шелъ въ Подоліи и на Украинѣ очень успѣшно.

На все приготовленія смотрѣли сквозь пальцы, и на Украинѣ, и въ Подоліи готовились серьезно и старательно.

Мы, въ бердичевскомъ повѣтѣ, вручили командованіе Карлу Ружицкому, считавшемуся лучшимъ офицеромъ во 2-мъ уланскомъ полку. Онъ вступилъ въ военную службу въ 1809 г.,

вмѣстѣ съ генераломъ Дверницкимъ; взятый въ плѣнъ подъ Миромъ, онъ провелъ богатые событіями годы на югѣ Россіи въ качествѣ военноплѣннаго; по возвращеніи польскаго войска изъ Франціи, когда оно было вновь организовано, Ружицкій вступилъ въ него въ чинѣ подпоручика; вышелъ онъ въ отставку въ чинѣ капитана, но и находясь въ отставкѣ, онъ поддерживалъ въ себѣ военный духъ и имѣлъ высокое понятіе о военномъ искусствѣ, много читалъ по своей спеціальности и постоянно изучалъ дѣянія великихъ полководцевъ. Онъ былъ прекраснымъ кавалеристомъ, можетъ быть, лучшимъ въ польскомъ войскѣ, потому что, когда въ Варшаву пріѣхалъ какой то англійскій принцъ посмотрѣть знаменитую кавалерію Цесаревича Константина Павловича, то выбранъ былъ взводъ изъ 2-го уланскаго полка и Ружицкій былъ вызванъ для командованія этимъ взводомъ изъ Бердичева, гдѣ проживалъ въ качествѣ ремонтера. На Саксонской площади этотъ взводъ показалъ такія чудеса кавалерійскаго искусства, что англичанинъ былъ совершенно пораженъ; за это Ружицкій получилъ чинъ поручика и коня изъ конюшни Цесаревича. Послѣдствія показали насколько онъ былъ искусенъ въ военномъ дѣлѣ. Кружокъ, который выбралъ его въ начальники, составлялъ какъ бы одну семью; все это были товарищи по школѣ, вмѣстѣ охотившіеся и веселившіеся дома, и смѣло могу сказать, что это была отборная молодежь, какъ по рожденію, такъ и по образованію и по свѣтскому воспитанію.

Такъ мы устроились у себя, но только Тадеушъ Валевскій не хотѣлъ ничего знать о Ружицкомъ, а Ружицкій не заискивалъ у Валевскаго.

Игнатій Стемковскій, глава тампліеровъ, когда его спросили о Валевскомъ, отвѣчалъ:

— Онъ не виноватъ ни душей, ни тѣломъ; политика не про него писана; дѣлайте какъ знаете и какъ можете и, если Богъ поможетъ, то все пойдетъ хорошо.

Это былъ очень характерный взглядъ, который тогда выражался этими государственными людьми.

Были вѣсти изъ Варшавы, но столь извращенныя, что трудно было доискаться въ нихъ истины. Такъ напримѣръ, слухъ, который циркулировалъ тогда у насъ и о которомъ я не находилъ впослѣдствіи въ писаніяхъ эмигрантовъ ничего ясно и опредѣленно сказаннаго, заключался въ томъ, что будто Замойскіе объявили Цесаревича Константина лишеннымъ польской короны, которую предполагалось возложить на его голову, и намѣревались предложить ее одному изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, какъ члену ультра-католической семьи, и что вся эта комбинація была устроена австрійскимъ консуломъ въ Варшавѣ, женатымъ на полькѣ, при помощи графовъ Малаховскаго и Владислава Замойскаго, бывшаго адъютанта Цесаревича. Этотъ слухъ привезъ Верещинскій, директоръ бердичевскаго и одесскаго отдѣленій варшавскаго заемнаго банка. Этотъ Верещинскій, бывшій горячимъ сторонникомъ Адама Чарторыйскаго и Ягеллоновъ, находившійся въ родствѣ почти со всѣми уроженцами юго-западнаго края, окружавшими князя Адама, былъ очень смущенъ этимъ слухомъ и утверждалъ, что польское дѣло погибло въ самомъ зародышѣ. Тогда мы въ первый разъ услышали отъ него эти слова. Что же потомъ было въ Парижѣ? Замойскимъ захотѣлось уподобиться орлеанистамъ: „Если королемъ не будетъ Цесаревичъ Константинъ или князь Адамъ—то горе Польшѣ! Нѣмцы насъ онѣмечатъ, какъ всегда онѣмечивали; лучше бы мы не рвались какъ львы, для того, чтобы погибнуть какъ мухи; лучше бы мы оставались въ мирѣ съ Россіей, можетъ быть, мы и дошли бы до чего нибудь хорошаго“. Такъ говорилъ человѣкъ, который бросилъ все—мѣсто, положеніе и пошелъ драться. Я хорошо запомнилъ эти слова и, признаюсь, былъ тогда того же мнѣнія.

Первымъ неутѣшительнымъ слухомъ, который разносилъ по краю молодой Мошковскій, былъ отвѣтъ, данный диктаторомъ Хлопицкимъ уроженцамъ Литвы и Руси, напомнившимъ ему, что и тамъ есть поляки:

— Для литвиновъ и русиновъ у меня нѣтъ ничего.

Такъ говорилъ кумиръ Варшавы и польскаго войска, такъ говорилъ полякъ, родившійся на Руси, у котораго были тамъ

и родное гнѣздо и могилы предковъ. Послѣ этого извѣстія, которое, какъ всякая дурная вѣсть, съ быстротой молніи разнеслось по краю, многіе, какъ говорится, опустили руки и стали равнодушно относиться къ приготовленіямъ къ возстанію, говоря, что это какая то варшавская драка, а не польское дѣло.

Такъ мы дождались кіевскихъ контрактовъ; Рождество, Новый годъ и Крещеніе прошли очень спокойно, безъ всякихъ арестовъ и преслѣдованій, не было даже замѣтно, чтобы въ Кіевѣ, Бердичевѣ или Житомирѣ стягивались войска. Двигались, правда, войска съ Дуная, изъ Молдавіи и Валахіи, но такими малыми отрядами, что на нихъ трудно было обратить особенное вниманіе.

Между русскими офицерами, особенно низшими, господствовало полное невѣдѣніе о происшествіяхъ въ Варшавѣ. Въ день Рождества проходилъ черезъ Гальчинецъ пѣхотный батальонъ, слѣдовавшій съ Дуная. Въ числѣ прочихъ гостей въ Гальчинцѣ были два брата Гродзинскихъ, Казимиръ и Михаилъ, служившіе въ русской арміи. Мы пригласили обѣдать командовавшаго батальономъ маіора съ его офицерами. Это были очень почтенные, но вовсе не свѣтскіе люди, особенно маіоръ, принадлежавшій къ многочисленному тогда разряду такъ называемыхъ бурбоновъ. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина, онъ началъ намъ разсказывать по секрету, но при всѣхъ и громко, что они идутъ подъ Варшаву, потому что тамъ случились нѣкоторыя происшествія. Въ какомъ то трактирѣ за городомъ польскіе офицеры играли на билліардѣ съ русскими, они стали говорить другъ другу колкости, вышла ссора и наконецъ дѣло дошло до драки, а такъ какъ польскіе офицеры были хорошіе фехтовальщики, то и поколотили русскихъ офицеровъ и выгнали ихъ изъ трактира, и хорошо сдѣлали, добавилъ маіоръ, понижая голосъ и озираясь на всѣ стороны, потому что это были все нѣмцы. Дѣло дошло до Цесаревича и онъ принялъ сторону поляковъ, но въ Петербургѣ нѣмцы заступились за нѣмцевъ. Цесаревичъ, узнавъ объ этомъ, разгнѣвался и уѣхалъ изъ Варшавы, взявъ съ собой и гвардію. Поляки остались одни, не знаютъ что дѣлать, и вотъ де насъ

посылаютъ туда, чтобы они не сдѣлали какой нибудь глупости. Я привожу этотъ разсказъ слово въ слово.

Между крестьянами тоже шли разговоры о варшавскихъ событіяхъ. Однако невѣрны разсказы, исходившіе изъ нѣкоторыхъ католическихъ монастырей, о томъ, что будто бы православные священники и правительственные агенты разжигали ненависть крестьянъ къ панамъ и подготовляли новую коліивщину. Подобной агитаціи среди крестьянъ не было. Отношенія между крестьянами и панами были всегда одинаковы. Большая часть пановъ такъ же грабила и угнетала крестьянъ послѣ варшавскихъ событій, какъ и передъ ними, немного было такихъ, которые стали смотрѣть на крестьянъ не такъ пренебрежительно, и еще меньше такихъ, которые стали сближаться съ ними. Да и всякое сближеніе не было бы принято за чистую монету. Вообще крестьяне, хотя и были нерасположены къ панамъ, но не составляли противъ нихъ заговоровъ, а только мечтали о чемъ то лучшемъ, но откуда должно было прійти это лучшее, о томъ они не могли ничего сказать, а только все повторяли: „Будетъ лучше, потому что теперь очень худо. Милосердый Богъ умилостивится и надъ нами“.

Правительство, безъ сомнѣнія, не хотѣло никакихъ безпорядковъ въ краѣ. Скорѣе можно допустить, что русское правительство не поняло истиннаго значенія варшавскихъ волнененій, чего не было бы, если бы оно обратило вниманіе на то, какіе люди стояли во главѣ движенія.

У насъ приготовленія шли дѣятельно: вездѣ скупали лошадей, приготовляли аммуницію, оружіе, даже обучали дворовыхъ и „засцянковую“ шляхту; крестьяне и священники видѣли это и однако не было доносовъ, такъ какъ не было разслѣдованій. Паны, какъ и всегда, не довѣряли крестьянамъ и думали: пусть только придетъ польское войско, зададимъ мы этимъ проклятымъ хамамъ, а поповъ и на сѣмена не оставимъ. Что касается до крестьянъ, то они думали, можетъ быть, наоборотъ.

Вездѣ у пановъ, которые стыдились дурно обходиться съ людьми, а особенно съ прислугой, не стѣснялись вести при

нихъ разговоры политическаго характера,—доказательство того, что тогда не было ни доносчиковъ, ни шпіоновъ.

Кіевскіе контракты прошли безъ всякихъ демонстрацій со стороны дворянъ; со стороны правительсва не было замѣтно ни мѣръ предосторожности, ни знаковъ недовѣрія къ дворянству. Губернаторъ Катериничъ, состоявшій въ знакомствѣ и пріятельствѣ почти со всѣми помѣщиками, весьма любезно принималъ ихъ у себя, говорилъ о варшавскихъ происшествіяхъ, показывалъ газеты, которыя онъ получалъ, сожалѣлъ о несчастныхъ жертвахъ, которыя должны были быть, но утверждалъ, что волненія эти скоро прекратятся, говоря, что ни войско не показываетъ большой энергіи, ни народъ не хочетъ добровольно принять дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ, и сожалѣлъ поляковъ.

Фельдмаршалъ Сакенъ, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не могъ принимать такого дѣятельнаго участія какъ прежде, ни въ политикѣ, ни въ военныхъ дѣлахъ. По внѣшности власть принадлежала фельдмаршалу, но настоящимъ дѣятелемъ былъ генералъ Кайсаровъ; онъ приводилъ въ движеніе всѣ пружины и заправлялъ всей машиной и такъ какъ онъ былъ человѣкъ замѣчательно образованный и рыцарски благородный, то военная власть не давала себя чувствовать жителямъ и даже оказывала сильное вліяніе на дѣйствія власти гражданской. Впрочемъ, Кайсаровъ не былъ такимъ оптимистомъ, какъ губернаторъ Катериничъ; его безпокоило появленіе на сценѣ диктатора Хлопицкаго,—онъ зналъ всю ограниченность государственныхъ способностей этого генерала, и ея то больше всего и опасался. Генриху Тышкевичу, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, онъ говорилъ, что Хлопицкій—одинъ изъ идоловъ, созданныхъ воображеніемъ поляковъ; разсказы о его воинской доблести, переходя изъ устъ въ уста, отъ Испаніи до Польши, сдѣлали его какимъ то богатыремъ, котораго никто не трогалъ, который никому не былъ помѣхой и слава его не была ни оспариваема, ни умаляема; въ войскѣ разсказываютъ столько чудесъ о его подвигахъ, что одно его имя можетъ возбудить одушевленіе, котораго, какъ говорятъ, теперь

недостаетъ. Онъ не возьметъ, или скорѣе не съумѣетъ крѣпко взять въ свои руки власть, ибо слухи объ его талантахъ или вѣрнѣе твердости далеко происходятъ его дѣйствительныя способности. Его гордость и тщеславіе такъ возбуждены, что онъ теперь будетъ бояться каждаго смѣлаго шага, который могъ бы поколебать хорошее о немъ мнѣніе, на его взглядъ, вполнѣ заслуженное. Онъ будетъ колебаться, сердиться, мучиться, и ни на что не рѣшится, между тѣмъ другіе овладѣютъ кормиломъ правленія, а возбужденное мало по малу войско и даже народъ, помимо заправилъ, доведутъ дѣло до войны, гибельной для обоихъ народовъ. Такъ думалъ о положеніи дѣлъ Кайсаровъ и, надо сознаться, думалъ трезвѣе всѣхъ; эти свои мысли онъ изложилъ брату Викентія Тышкевича, о роли котораго въ готовящемся возстаніи трудно допустить, чтобы онъ не зналъ.

Генрихъ Тышкевичъ, въ то время кіевскій губернскій предводитель дворянства, вполнѣ раздѣлялъ взгляды брата. Онъ, безъ сомнѣнія, отличался большими способностями и политическими и военными, чѣмъ Викентій; онъ служилъ въ военной службѣ, принималъ дѣятельное участіе въ послѣднихъ войнахъ Наполеона I и былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ польскаго войска; онъ зналъ многихъ знаменитыхъ въ политическомъ мірѣ людей, бывалъ при дворѣ въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Дрезденѣ, что должно было повліять на его развитіе. Всего этого не доставало Викентію, имѣвшему несчастье въ молодости убить свою мать, выстрѣливъ изъ пистолета въ призракъ, который явился ему ночью и которымъ, къ несчастью, оказалась его мать, имѣвшая страсть пугать другихъ. Этотъ случай произвелъ такое сильное впечатлѣніе на молодого человѣка, что онъ почти совершенно удалился отъ свѣта, провелъ молодые годы, терзаясь укорами совѣсти и только гораздо позднѣе возвратился къ обществу, гдѣ многаго не могъ понять, такъ какъ годы его были уже не тѣ. Послѣ развода Михаила Маржчинскаго, онъ женился на его женѣ, родной сестрѣ жены его брата Генриха.

Пріятелямъ Викентій Тышкевичъ говорилъ, что принялъ начальствованіе временно и тотчасъ передастъ его въ руки брата Генриха, какъ только возстаніе будетъ провозглашено

открыто, что теперь такое провозглашеніе повредило бы дѣлу, такъ какъ Генрихъ Тышкевичъ, будучи предводителемъ дворянства и имѣя вліяніе у правительства, могъ и прикрывать приготовленія и успокоить подозрѣнія правительства, если бы таковыя возникли, что онъ обошелся такъ не тактично и даже невѣжливо съ генераломъ Козловскимъ только съ цѣлью доставить начальствованіе своему брату. Эти слова разнеслись во время контрактовъ между помѣщиками трехъ губерній.

Іосифъ Залесскій принялъ начальство надъ кіевскимъ уѣздомъ и городомъ Кіевомъ и агитировалъ среди кіевскихъ мѣщанъ, разсчитывая на ихъ поддержку. Онъ завелъ также, съ дозволенія коменданта кіевской крѣпости, сношенія съ Голеевскимъ, отбывавшимъ въ этой крѣпости наказаніе. Послѣ одного изъ разговоровъ съ заключеннымъ, Залесскій пришелъ обрадованный и сообщилъ подъ секретомъ нѣсколькимъ лицамъ, что „крѣпость можетъ быть нашей". Эта тайна тотчасъ стала извѣстной между помѣщиками.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо Н. И. Костомарова. Изъ нѣсколькихъ писемъ, полученныхъ нами отъ Н. И. Костомарова съ вопросами о тѣхъ или другихъ частностяхъ по исторіи Малороссіи, помѣщаемъ здѣсь одно, показывающее, какъ сѣтовалъ историкъ на недостатокъ источниковъ для изученія «семейной и домашней жизни» въ старой Малороссіи.

А. Лазаревскій.

«Многоуважаемый А. М. Сердечно Васъ благодарю за обязательное сообщеніе замѣчаній о Мазепѣ и за доброе обѣщаніе доставить мнѣ письменныя свѣдѣнія. Вотъ уже мѣсяцъ сижу я въ Москвѣ и работаю въ обоихъ архивахъ—министерства иностр. дѣлъ и министерства юстиціи, надъ источниками для исторіи Малороссіи эпохи Самойловича и Мазепы, и всечасно чувствую вообще недостаточность оффиціальныхъ источниковъ тамъ, гдѣ нужно знать не факты и явленія, но причины ихъ, исходящія изъ духовной жизни и ея развитія. Съ какого рода источниками имѣю я дѣло? Съ донесеніями гетмановъ, посланцевъ ихъ, московскихъ чиновныхъ людей, ѣздившихъ по разнымъ дѣламъ въ Малороссію, съ распросными рѣчами выходцевъ и полоненниковъ и письмами..... (?), считались умѣстными по ихъ полученіи откуда бы то ни было доставлять въ приказъ! И только. Откровенности бываетъ тутъ немного, а часто и ложь умышленная либо по малознанію. Семейная и домашняя жизнь ускользаетъ: вотъ почему даже до сихъ поръ я не зналъ кто такая была жена Мазепы и узналъ только отъ Васъ. Сдѣлайте милость исполните Ваше обѣщаніе: пришлите свѣдѣнія о г-жѣ Мазепѣ, да и о тѣхъ продѣлкахъ, которыя онъ дѣлалъ еще до своего гетманства при Самойловичѣ. Не замедлите доставить эти свѣдѣнія и обяжите меня вѣчною признательностію.

Глубоко и проч. Н. Костомаровъ.

Ваши статьи въ Русскомъ Архивѣ о малороссійскихъ фамиліяхъ я читалъ съ жадностію. Безспорно...... и никто не имѣлъ подъ рукою такого богатства матеріаловъ для исторіи и особенно ея прошедшаго внутренняго быта какъ Вы! А именно внутренняя жизнь Малороссіи очень темна: я, напримѣръ, гораздо яснѣе представляю себѣ особенности стараго великорусскаго быта, чѣмъ малороссійскаго. О Великороссіи сохранилось много описаній иностранныхъ путешественниковъ, много и домашняго писанія, а о Малороссіи скудно было и того и другого. Конечно, извѣстно намъ, что бытъ интеллигентнаго общества былъ польскій въ главныхъ чертахъ, но въ подробностяхъ разнился отъ него, а еще болѣе въ духѣ. Спрошу я Васъ, не можете ли на основаніи извѣстныхъ Вамъ свѣдѣній сообразить: 1) Въ одномъ актѣ м. юст. 1675 значится въ числѣ корсунскихъ мѣщанъ, передавшихъ къ царю Степанко, пасынокъ гетмана Богдана Хмельницкаго, посыланный прежде отъ Дорошенка къ польскому королю? Какая изъ трехъ женъ Хмельницкаго была вдова съ дѣтьми отъ ея перваго мужа? 2) Въ Лѣтописи занятій Арх. Коммиссіи есть сообщеніе гр. Владислава Пляттера, что Мазепа родился въ 1629 году. Есть ли основанія вѣрить этому извѣстію? [1]).

Москва. Сентября 23 (1877 г.). Гостин. Лоскутная. № 30.

Червонорусскія вирши XVIII в. Послѣ смерти уніатскаго священника Левицкаго въ Боднаровѣ калушскаго повѣта въ Галиціи, послѣдовавшей въ 1890 году, осталось въ числѣ другихъ бумагъ и рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ нѣсколько тетрадокъ и разрозненныхъ лоскутковъ старыхъ рукописей XVII или XVIII вѣка, писанныхъ разными почерками и, очевидно, въ разное время. Эти рукописные отрывки содержатъ нѣкоторыя популярныя въ то время сочиненія въ стихахъ и прозѣ, духовнаго, обыкновенно апокрифическаго, содер-

---

[1]) На послѣдній вопросъ мы отвѣчали, сколько помнимъ, незнаніемъ, потому что не знали тогда напечатанной въ „Bibliotek'ѣ Warszawsk." (1855 г., I, 331—345) статьи неизвѣстнаго автора—„Mazepa. Noty historyczne", заключающей въ себѣ замѣчательно обстоятельный сводъ едва ли не *всего* печатнаго матеріала о происхожденіи и молодости Мазепы. Въ этихъ замѣткахъ годомъ рожденія Мазепы указанъ 1629-й, на основаніи свидѣтельства іезуита Вирвича (1717—1793) въ его „Uwag'ахъ nad historją odmian zaszłych w państwie Rossyjsskiem, przez Lacomb'a napisaną". Нѣтъ сомнѣнія, что гр. Пляте[р]ъ свое сообщеніе основалъ на указанной статьѣ.—*А. Л.*

жанія. Въ цѣлости сохранилось только одно «Слово о бражнику», напечатанное Костомаровымъ въ «Памятникахъ старинной русской литературы», хотя здѣсь текстъ представляетъ нѣкоторыя любопытныя разночтенія. Менѣе интереса представляютъ другія прозаическія статьи, какъ напр. «Вопросы святыхъ отецъ» (безъ конца). Разрозненные лоскутки, писанные скорописью въ половинѣ XVIII вѣка, какъ свидѣтельствуеть записка на поляхъ, представляютъ фрагменты какого то болѣе обширнаго сборника пѣсенъ и виршей духовнаго и мірскаго содержанія. Нѣкоторыхъ изъ этихъ виршей нельзя прочесть, потому что чернила совершенно выцвѣли, другія сохранились только въ отрывкахъ, иныя же представляютъ интересные варіанты пѣсенъ духовныхъ, вошедшихъ впослѣдствіи (1790 г.) въ изданіе почаевскаго «Богогласника» и могутъ служить матеріаломъ при возстановленіи хронологіи этихъ виршей. Но есть на этихъ лоскуткахъ нѣкоторыя цѣльныя произведенія, не попавшія до сихъ поръ въ печать. Изъ нихъ мы печатаемъ здѣсь три: двѣ небольшія пѣсенки мірскаго содержанія, составленныя, очевидно, въ подражаніе пѣснямъ народнымъ, хотя не народныя, а третью виршу о Саулѣ и Давидѣ, заслуживающую нѣкотораго вниманія не только по языку, почти совершенно народному, но и какъ попытка самостоятельной, хотя и не очень глубоко задуманной обработки библейскаго сюжета. Интересно, что того же сюжета коснулся и Т. Шевченко въ своей поэмѣ «Саулъ», хотя понялъ и обработалъ его несравненно глубже и оригинальнѣе.

Миронъ.

I.

Бѣднажъ моя голова
У лихого мужа,
Тугажъ менѣ готова,
Тай у сердци нужа.
Нѣ мнѣ погуляти,
Нѣ пожартовати,
А нѣ ся втѣшити,
Нѣ поговорити
Мнѣ зъ людьми не даетъ.
Нѣтъ мнѣ утѣхи,
Коли мужъ лихій
Тилко на печи
Лежитъ ворчачи,
А всежъ мене лаетъ:
«Богдась трясцю съѣла!
Тихо бись сидѣла!
Тебѣ ся регоче,
А мнѣ ся не хоче.
Ой кадукъ же твою ма,
Чемъ не маешъ сорома.
Тилко бисти реготала
И з пнчими розмовляла».
Я молода, ти старий,
Диви, яка красна!

Меже нами нема згоди,
Ахъ, доля нещасна.
Лѣпше на пущи бити,
Якъ зъ нелюбомъ жити;
Съ человѣкомъ лихимъ,
Якъ зъ медведемъ дикимъ
Терпѣти.

II.

Щаслива фортуно, гдежес ся подѣла,
Якъ мнѣ во паненствѣ вѣрне ес служила.
А теперъ въ малженствѣ послужи мнѣ мало,
Даби мое сердце больше южъ не вяло.
Да колибже знала свою лиху долю,
Не терпѣла би я тяжкую неволю.
А всеж то справуе не любовъ того пана,
Же я молодая якъ рожа завяла.

III.

Пѣснь о Савлѣ цари (и) Давиду.

Во великом смутку Савелъ зостаетъ,
Жадной потѣхи не маетъ.
Заграй, заграй, Давиде,
Нехай отъ Савла отиде,
Которій го порываетъ,
Супокою му не даетъ,
Мучитель, куситель пекельній,
Окрутній мордерца душевній.
Так ся тамъ Давидъ вымовляетъ,
Же простіи барзо гусла маетъ:
На нихъ грати Савлови,
Велможному королеви,
Простій пастухъ не умѣетъ,
Не знаючи, що ся дѣетъ,
Же му панъ кажетъ грати,
На палацу пред собою стояти.
Встидливій стоитъ передъ паномъ,
Же его честуетъ вина збаномъ,
З рукъ не смѣетъ збана брати,
Анѣ царского вина пити.
Беручи му рука дрижитъ,

А предъ Савломъ сам ся хилитъ,
Же его мѣзерного честуетъ,
Велможній монарха пріймуетъ.
«Самъ тя кроль, Давиде, благаетъ,
Дари ти за тое дати маетъ,
Бись на гуслахъ ему заграл,
Меліодію вдячне видал,
Бо ся онъ смутній радуетъ,
Гди твои гусла учуетъ».
«Якъ же я маю играти
И предъ Савломъ смѣле стояти,
Простій пастухъ неубраній,
Въ граню добре не учоній?
Будут ся зъ мене смѣяти,
З убогого наругати
Савлеве, кролеве богатѣ,
Слуги тамъ въ злотоглавѣ прибранѣ.
У Савла сут розмаитіи
Арфи и гусли злотомъ литіи,
И тимпани миліи,
Всякому барзо вдячніи.
Мои гусла липовіи,
Не такъ лоскливіи.
Крол ними, простими, взгордуетъ,
Гди голосъ ихъ почуетъ
На щожъ ти мнѣ пастухови
Розказуешъ грати Давидови,
Бим грал на гуслах цареви,
Вельможному королеви,
Которому завше граютъ,
Нѣкгди арфи не престаютъ.
И ити тамъ не смѣю,
Бо такъ грати якъ они невмѣю.
Нѣгде мене з дому не давано,
Бим ся на гуслах грати училъ.
Тилко в полю ягнята
Албо въ лѣсѣ козенята
На траву добру игнати
И добре ихъ напасати,

То мнѣ мати, дитяти, казала,
И того мя пилно навчала.
Скоковъ кролевскихъ не умѣю,
Анѣ ихъ грати не смѣю,
Бо то в полю ягнята
Або в лѣсѣ козенята
Пасучи, собѣ спѣваю
И на гуслах виграваю,
Под сосною та липою сидячи,
Во зеленой дубровѣ гудячи.
Научителя не маю,
Тилко що в лѣсѣ чуваю
Спѣваючи вдячніе
По деревахъ соловѣе.
Отъ нихъ ся тилко поучаю,
На ихъ нуту въ гусли граю,
Ихъ тономъ и торомъ[1]) идучи,
Под дубом учуся сидячи».
«Еднакъ его миле всѣ слухаютъ
И гранямъ его утѣшаютъ,
Которій Савлови играетъ
И отъ него отганяетъ
Диявола проклятаго,
Мучителя окрутнаго
Играням, брясканям лоскливим
И тономъ своих гусл меліодийним.
Чему бѣсъ отъ гуслій утѣкаетъ?
Бо в нихъ параклита знати чуетъ.
Добрее Савлю пригадалъ,
Жес Давида з гусьми призвалъ!
Бо би иншій не отгналъ,
Бис все злото роздалъ
И иніе дорогіе клейноти,
Перла. Будешъ долголѣтне мешкати.
Слухавъ Савелъ гусловъ в палацахъ земних,
И ми будемъ въ небесныхъ

[1]) Путемъ.

Зъ Давидом ся утѣшати
И на вѣки веселити.
О що просим Тебе, Боже,
Бо нѣхто того не може
Вчинити, тилко Ти прагнучим.
106. Тебѣ хвалу заносимъ. Аминь.

Одинъ изъ предметовъ стариннаго малороссійскаго щегольства. Въ числѣ предметовъ стариннаго козацкаго быта, попадающихся собирателямъ, очень цѣнятся роскошные шелковые, шалевые и литые пояса, иногда превосходнаго достоинства. Встрѣчаясь изрѣдка въ старинныхъ домахъ вмѣстѣ съ другими предметами одежды, какъ наслѣдіе предковъ, такіе пояса попадаются и въ церквахъ, куда завѣщались или владѣльцами ихъ, или ихъ родственниками и въ былое время шли на священническое облаченіе. Обыкновенно они очень длинны и достоинство ихъ матеріала таково, что успѣшно можетъ бороться съ временемъ. Ихъ цвѣтъ, рисунокъ ткани и т. п. самые разнообразные, какъ разнообразны были мѣста ихъ нахожденія и производства.

Азіатскій востокъ и старая Польша считали поясъ необходимою принадлежностью костюма и въ производствѣ ихъ достигли высокаго совершенства. Наши козацкіе пояса и были большею частью иноземнаго происхожденія, какъ и большинство предметовъ роскоши стариннаго фабричнаго производства, для выдѣлки которыхъ и условія жизни козацкой эпохи и народныя наклонности представляли мало данныхъ. Пояса дешевые и повседневные были несомнѣнно мѣстнаго производства. Но они не сохранились, уцѣлѣли же только такіе, которые были особенно прочны по превосходной выдѣлкѣ и особенно береглись вслѣдствіе большой своей стоимости.

Въ Польшѣ, гдѣ поясъ былъ во всеобщемъ употребленіи, ношеніе его подчинялось всевозможнымъ особеннымъ условіямъ: были пояса зимніе и лѣтніе; на праздники или свадьбы надѣвались свѣтлые, золотистые, щегольскіе пояса, на погребенья и всякія печальныя церемоніи—черные или темные, отвѣчающіе цвѣтамъ одежды. Это разнообразіе появилось впрочемъ только съ конца XV вѣка, съ появленіемъ въ обиходѣ матерчатыхъ поясовъ, замѣнившихъ болѣе старые металлическіе и ременные. Несомнѣнно, что, подобно другимъ

польскимъ модамъ, это разнообразіе поясовъ отразилось и въ козацкомъ обиходѣ старой южной Руси.

Восточные пояса, шерстяные, шелковые и затканные серебромъ и золотомъ, были турецкаго, персидскаго и китайскаго производства. Самыми рѣдкими и цѣнными были шерстяные китайскіе пояса. При всей густотѣ и плотности, они выдѣланы были изъ такой тонкой матеріи, что такой поясъ, хотя почти въ аршинъ шириною, можно было продѣть сквозь перстень. Служилъ онъ для самаго роскошнаго костюма и не украшенъ былъ ничѣмъ, кромѣ прекрасныхъ цвѣтовъ на концахъ. Самъ онъ былъ или бѣлый, или зеленый, или оранжевый, или ярко красный. Турецкіе и персидскіе пояса были самые разнообразные: и длиннѣе, и короче, и двойные, и одинарные, и шелковые, и затканные серебромъ и золотомъ. Одинарный турецкій поясъ стоилъ 4 польскихъ дуката, стамбульскій—12, персидскій 16 дукатовъ и выше, иногда до 60 дукатовъ. Кромѣ этихъ были и несравненно болѣе дорогіе пояса, цѣнностью до 500 дукатовъ, длиною въ 6 и шириною въ 3 локтя, плотные, какъ французское сукно, и прочные, какъ пергаментъ. Были они тканы изъ золотыхъ и серебряныхъ нитокъ и украшены различными шелковыми цвѣтами.

Въ XVIII вѣкѣ возникла въ Польшѣ знаменитая фабрика слуцкихъ поясовъ, пріобрѣтшихъ громадную извѣстность и въ южной Руси. Издѣлія ея, чрезвычайно высоко цѣнимыя, встрѣчаются у собирателей предметовъ южнорусской старины. Эти издѣлія, собственно говоря, чисто польскаго производства и если имѣютъ право фигурировать въ южнорусскихъ коллекціяхъ, то потому лишь, что фигурировали когда то въ гардеробахъ лицъ изъ козацтва и войсковой старшины.

Слуцкая фабрика литыхъ поясовъ (съ отдѣленіемъ производства ковровъ на манеръ персидскихъ) основана была около 1750 года княземъ Іеронимомъ Радзивиломъ. Первые семь лѣтъ управляла фабрикою княжеская администрація. Потомъ директоромъ ея былъ знаменитый Янъ Мажарскій и впослѣдствіи сынъ его Леонъ.

Янъ Мажарскій, служа въ польскомъ войскѣ въ концѣ XVII вѣка при Собѣсскомъ простымъ солдатомъ, во время войны съ турками былъ взятъ въ плѣнъ. Его отправили на дальній востокъ, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ принужденъ былъ работать на персидскихъ ковровыхъ фабрикахъ. По возвращеніи на родину, онъ отправленъ былъ вновь въ Турцію Іеронимомъ Радзивиломъ, любителемъ изящныхъ ремеслъ, для основательнаго изученія дѣла. Потомъ открыта была въ Слуцкѣ

фабрика поясовъ и ковровъ подъ управленіемъ Мажарскаго. Эту фабрику впослѣдствіи Мажарскій и сынъ его взяли въ аренду и просуществовала она до конца XVIII вѣка.

Богатствомъ и красотой слуцкіе пояса ничѣмъ не уступали восточнымъ. Стоили они тогда отъ 5 до 50 дукатовъ, а теперь платятся любителями по 500 и 1000 рублей. На краяхъ ихъ бываетъ выткано: «Me fecit Slnciae» или «Factus est Sluciae» или только F. S., а иногда подписи директоровъ фабрики—Мажарскихъ, Яна и Леона.

Въ старой Польшѣ были и другія, менѣе извѣстныя фабрики роскошныхъ поясовъ: въ Несвижѣ, также Радзивила, Шанявскихъ, княгини Любомирской, Огинскихъ, Сапѣги. Изъ второстепенныхъ болѣе извѣстна фабрика армянина Пасхалиса Якубовича. Марка его—красная хоруговка (гербъ Пасхалиса) или подпись его «Paschalis» или P. J. Существовала еще фабрика нѣкоего Салимонда въ Кобылкѣ, перешедшая впослѣдствіи также къ Пасхалису. На поясахъ сдѣланныхъ тамъ выткано бываетъ «Kobyłka». Работы Пасхалиса высоко цѣнятся теперь. Пояса всѣхъ этихъ фабрикъ могутъ попадаться собирателю предметовъ стараго южнорусскаго обихода, такъ какъ рынкомъ ихъ, во время ихъ производства, была Южная Русь.

Крещенскія скачки въ екатеринославской губ. Не могу сказать положительно—повсемѣстно ли въ Малороссіи, или же только на пепелищѣ бывшихъ запорожскихъ вольностей, въ екатеринославской губ., въ день Крещенія, 6-го января, ведутся и по сей день въ обычаѣ крестьянскія конскія скачки. «На Хрещення кистку зъ кинськои головы знайды, зануздай и та на *Ордань* побижить», говоритъ мѣстная поговорка. И дѣйствительно, въ день Крещенія, особенно по приходскимъ селамъ, гдѣ въ этотъ день совершается крестный ходъ на рѣку, пока не закончится процессія, въ крестьянскихъ загородахъ и станяхъ—не остается ни единаго конскаго живота. Все, что можно запречь, взять подъ верхъ, или просто обротать уздечкой, обязательно должно побывать въ этотъ день на *Ордани*. Что можно запречь, запрягается въ брички, сани и санчата, а то и просто въ повозку, куда усаживается вся наличная дѣтвора хозяина, а если остается мѣсто, то забираются и сосѣдскія ребятишки; чѣмъ полнѣе нагружена подвода подобною кладью, тѣмъ праздникъ считается веселѣй, удач-

нѣе, «бо такъ годытся». Возницею на такую подводу садится кто нибудь изъ подростковъ, а то и взрослый и экипажъ мчится, не обращая вниманія на рытвины и ухабы, во весь духъ прямо на церковную площадь. Здѣсь, заставивъ дѣтей перекреститься на церковь, возница придаетъ своимъ конямъ еще большую прыть и мчится на рѣку, гдѣ уже приготовлена крестообразная ополонь, въ головѣ которой стоитъ ледяной владимірской формы крестъ. Крестъ этотъ окрашенъ въ ярко-малиновый цвѣтъ очень незатѣйливымъ деревенскимъ средствомъ—онъ облитъ бураковымъ квасомъ. Приведя своихъ невзыскательныхъ пассажировъ видомъ ярко-малиноваго креста въ восторгъ, возница выѣзжаетъ на сельскій выгонъ, гдѣ и сосредоточена вся суть праздника. По выгону онъ ѣдетъ уже тихо, оглядывая многочисленныя группы вершниковъ, живописно разсѣянныхъ по всему его протяженію. Здѣсь на лицо вся парубота прихода. Сухопарыя и стройныя степныя лошаденки подъ нею уже потны и отъ нихъ валитъ довольно замѣтный паръ, хотя и не такой грандіозный, какъ поется въ одной колядкѣ:

Чорна хмара
Та коныкы вкрыла,
Ой то жъ не хмара—
То зъ коней пара.

Молодежь, собравшись сюда спозаранку, успѣла уже сдѣлать не одну перегонку, пускаясь «наввыпередкы» съ сосѣдними парнями, а паче съ цыганами. Послѣднихъ здѣсь немало,—это самый безпокойный элементъ сборища. Между ними немало и сѣдыхъ стариковъ, и малолѣтокъ, едва держащихся на лошадяхъ. Все это сборище на выгонѣ гудитъ, какъ ярмарочная толпа, но крику и ругательствъ, присущихъ ярмаркѣ, не слышно; все ведется чинно и истово; участники, видимо, понимаютъ значеніе дня и, за исключеніемъ безолаберныхъ цыганъ, сдерживаютъ себя. Вотъ скачутъ во весь духъ два всадника; это состязаются въ быстротѣ своихъ коней извѣстный табунщикъ и цыганъ. Ихъ примѣромъ увлекается стоявшая доселѣ спокойно кучка молодежи и пускается за состязающимися въ догонку. По пути къ нимъ примыкаютъ отдѣльные и группами всадники, далѣе еще и еще и въ концѣ концевъ вы далеко, уже на концѣ выгона, видите несущуюся во весь опоръ безпорядочную въ нѣсколько десятковъ всадниковъ толпу, живо напоминающую старый козацкій загонъ. Проскакавъ такъ версты двѣ—три и растерявъ по пути въ отсталыхъ добрую часть спутниковъ, отрядъ останавливается и послѣ недолгихъ спо-

ровъ и перекоровъ шагомъ возвращается на старое мѣсто. Не обходится при этомъ и безъ комическихъ случаевъ паденія съ лошади, а нерѣдко и безъ несчастій, особенно въ безснѣжныя зимы, когда снѣгъ не замететъ овражковыхъ норокъ, густо покрывающихъ наши степные сельскіе выгоны. Случается, что лошадь попадаетъ ногою въ такую норку и ломаетъ себѣ ногу; случается, что и слетѣвшій съ лошади всадникъ ударится объ замерзшую землю такъ, что его на рукахъ сносятъ домой, но такое сравнительно рѣдкое приключеніе не мѣшаетъ пострадавшему явиться и на слѣдущій годъ на крещенское ристалище. Особенно красивыми эти скачки выходятъ при церквахъ съ большимъ приходомъ, съ приписанными къ нему деревеньками и хуторами. Нужно сказать, что каждая такая деревенька, или хуторъ придерживаются въ одеждѣ особенной своей моды. Въ одной, напр., всѣ парубки носятъ сивыя шапки и зеленые пояса по чернымъ чумаркамъ или крытымъ кожушанкамъ, въ другой черныя шапки при красныхъ поясахъ по синимъ или сѣрымъ чумаркамъ и т. п. И вотъ, въ слободѣ съ такимъ большимъ приходомъ въ день Крещенья можно любоваться какъ бы форменными небольшими конными отрядами, представляемыми молодежью разныхъ хуторовъ. Все это живо воскрешаетъ въ памяти картину старыхъ козацкихъ отрядовъ.

Но вотъ съ церковной колокольни раздается веселый трезвонъ это двинулся изъ церкви крестный ходъ на *Ордань*. На вагонѣ все затихаетъ, принимаетъ нѣкоторый порядокъ, головы вершниковъ обнажаются и груди осѣняются крестнымъ знаменіемъ. Затѣмъ вершники направляются къ рѣкѣ, гдѣ еще съ ранняго утра, дружными усиліями съѣхавшейся молодежи, вырублена узкая, десятка въ два саженей длиною, ополонь, лежащая какъ разъ противъ крестообразной ополони, гдѣ совершается водоосвященіе. Здѣсь всѣ спѣшиваются и выстраиваются въ нѣсколько рядовъ по линіи ополони, держа лошадей въ поводу. При первомъ погруженіи креста въ воду, стоящіе въ первомъ ряду припускаютъ своихъ лошадей къ водопою и, напоивши, уступаютъ мѣсто слѣдующимъ. При этомъ же, на противоположномъ берегу, гдѣ совершается обрядъ, раздаются частые выстрѣлы, претендующіе на залпъ. Это мѣстные стрѣльцы изъ своихъ разнокалиберныхъ ружей бьютъ чорта, который, выгнанный изъ рѣки силою погруженнаго въ нее креста, ищетъ спасенія въ пространствѣ. Стоящая сзади стрѣльцовъ толпа подростковъ въ это же самое время выпускаетъ массу хранившихся до сей поры у нея за пазухой голубей, преобразующихъ собою Святаго Духа. Голубей выпускается множество,

(все равно привыкшая птица возвратится домой) и исключительно бѣлыхъ. Все это взятое вмѣстѣ: торжественный обрядъ, трескъ выстрѣловъ, храпъ и ржанье поимыхъ у ополони лошадей, густая толпа народа, снѣжно-бѣлые, какъ бы серебряные, уносящіеся въ небо голуби производятъ на неизбалованнаго въ эстетическомъ отношеніи селянина, особенно на его ребятишекъ—неотразимое впечатлѣніе. Долго они будутъ вспоминать веселый крещенскій день.

Ив. Манжура.

Слезно-рыдающее доношеніе малороссійскаго дидаскала.

Въ заштатномъ городѣ Коропѣ, черниг. губ., при Покровской церкви, въ XVIII ст. существовала «школа», служившая въ одно и то же время училищемъ для приходящихъ дѣтей прихожанъ и жилищемъ для церковныхъ клириковъ. Разсказываютъ, что однажды на рождественскихъ «святкахъ», школьники, подъ предводительствомъ клириковъ, ходили колядовать по приходу. Во всѣхъ домахъ они были честно принимаемы и щедро награждаемы, только въ домѣ нѣкоего «злонравнаго» Трыгубія ихъ худо приняли и не дали ни гроша денегъ, ни куска сала или колбасы. Оскорбленные этимъ, колядники побили Трыгубію окна, а Трыгубій въ ту же ночь ворвался въ школу, разогналъ клириковъ и жестоко избилъ самого «дидаскала». Послѣдній будто бы подалъ на обидчика нижеслѣдующую жалобу.

«Въ глуховскую сотенную канцелярію слезно-рыдающее и покорное мое доношеніе. Повнегда убо злокозненный и богоненавистный врагъ и супостатъ нашъ, нарицаемый Трыгубій, пришедшу на западъ солнцу и бывшей глубокой нощи, нападе на домъ Божій—школу, тогда вся наша о Христѣ братія, клирицы, аки овцы отъ волка разъярена, разсыпашася. Единъ отъ нихъ, именемъ Пареентій, иже есть великій богословецъ, уміетъ бо псалтырь и часословецъ, ятся бѣгу, глаголя со слезами: стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладаетъ мною всякая каналія. Другій взлѣзе на превыспренняя своя, сирѣчь на горище [1], якоже св. мученицы Адріанъ и Наталія, егда уходиша отъ мучителя Нерона. Третій влѣзе въ пещь грубную, въ ней же невредимъ пребысть, якоже тріе отроцы Седрахъ, Мисахъ и Авденаго въ пещи огненнѣй. Азъ же, видя таковое храма Божія разореніе и школы посрамленіе, ревнуя поревновахъ и пріяхъ

---

[1]) Чердакъ.

отъ пещи мечъ, иже есть нарицаемый кочерга, и устремихся на него, богопротивнаго Трыгубія, якоже Давидъ на Голіаѳа. Но онъ, треокаянный, не устрашися ничесоже и простре на мя скверніи и нечестивіи свои руцѣ, пріятъ мя за воллобіе, терзающе сѣмо и овамо, дондеже утрудися, и пріятъ отъ рукъ моихъ мечъ, не токмо со дѣла на мнѣ беззаконіе веліе, но и лядвія моя наполнишася поруганія, и поверже мя подъ сѣдалище старицъ, сирѣчь подъ лаву [1]), и исшедъ вонъ, дивяся бывшему. Утру же сущу, стекошася ко мнѣ вси ученицы мои, и видяще мя уничижена и кровію зѣло обагрена, вельми сѣтоваша, и принесше алавастръ мура, продающагося въ корчемницѣ, мало мя тѣмъ исцѣлиша, ядохъ бо и пихъ и укрѣпихся.— Сего ради, о всемилостивѣйшая госпоже сотѣнная глуховская канцелярія, ваше высокоблагородіе! изъ глубины души взываю, молюся и милъ ся дѣю къ вамъ, яко плоть моя измѣнися и кости моя сокрушишася, и азъ аки сѣно изсохъ: оного богопротивнаго Трыгубія покорнѣйше прошу предать въ мои руцѣ, да воспріемлетъ онъ отъ мене воздаяніе по нечестивомъ дѣломъ его.

О семъ проситъ усерднѣйшій богомолецъ и рабъ Божій Бреусъ, школы коропской покровской дидаскалій».

Курьезный этотъ документъ, вмѣстѣ съ легендой, записанъ мною нынѣшнимъ лѣтомъ въ лубенскомъ у. полт. губ., гдѣ онъ еще въ недавніе годы ходилъ по рукамъ во множествѣ списковъ и гдѣ весьма многіе съ дѣтства знаютъ его наизустъ. Меня увѣряли, что подлинникъ его находился въ дѣлахъ лубенской полковой канцеляріи, остатки которыхъ хранились еще въ 1840—50-хъ годахъ въ лубенскомъ нижнемъ земскомъ судѣ, даже называли имя мѣстнаго землевладѣльца, въ томъ судѣ нѣкогда служившаго, у котораго будто бы и теперь долженъ находиться этотъ подлинникъ. Но мнѣ кажется, что такого подлинника никогда не существовало и что самое это прошеніе должно быть признано памятникомъ не юридическимъ, а чисто литературнымъ. Не говоримъ уже о нѣкоторыхъ историческихъ несообразностяхъ (такихъ, наприм., какъ то, что драка произошла въ г. Коропѣ, а жалоба пишется въ сотенную канцелярію другого города, Глухова; не обозначено ни имя, ни званіе отвѣтчика; документъ, поданный въ глуховскую сотенную канцелярію, хранится почему-то въ дѣлахъ лубенской полковой канцеляріи, и т. под.), но самый стиль документа, явно искусственный, намѣренно витіеватый цер-

[1]) Длинная скамья, стоящая вдоль стѣны въ малороссійскихъ избахъ.

ковно-славянскій языкъ и вообще видимо сквозящее намѣреніе автора разсмѣшить, позабавить, а вовсе не разжалобить—не оставляютъ никакого сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ какого-то остроумца, вѣроятно, конца XVIII в., когда въ особенности любили забавляться литературнымъ воспроизведеніемъ отжившаго уже въ то время типа стариннаго малороссійскаго «бакаляра» или «дидаскала». Удивительна, однако, литературная живучесть этого давно исчезнувшаго типа: въ малорусскихъ водевиляхъ появленіе на сценѣ стариннаго «дяка» еще и теперь вызываетъ добродушный смѣхъ въ публикѣ, а «слезно-рыдающее доношеніе» коропскаго дидаскала до нынѣ заучивается наизустъ.

О. Л.

Сѣчевая школа. Въ одномъ изъ дѣлъ кіевской губернской канцеляріи, хранящихся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, намъ встрѣтилось интересное указаніе на существованіе сѣчевой школы. Документъ, заключающій въ себѣ указаніе на этотъ фактъ, не даетъ сколько нибудь подробныхъ свѣдѣній о школѣ и даже не опредѣляетъ, гдѣ именно она находилась, но важенъ тѣмъ, что во 1-хъ, несомнѣннымъ образомъ констатируетъ неизвѣстный до сихъ поръ фактъ существованія школы, а во 2-хъ, до нѣкоторой степени рисуетъ устройство ея, отношеніе къ ней сѣчевой старшины, взаимныя отношенія между школьниками и уставникомъ и, наконецъ, наивную, но симпатичную личность уставника іеромонаха Леонида.

Вотъ самый документъ:

«Высокоблагородному и высокопочтенному господину пограничному доктору Владимеру Івановичу Ломану отъ уставника сечевой школы иеромонаха Леонида

Известие.

По присланному ко мне отъ вашего высокоблагородия требованию объявляю: прошлого октября мѣсяца в школе сечевой школники три человѣка—Никифоръ Друшлякъ, Василь Жолтяй, Вакула Зинратъ—болевъ горячками силными и говорили они, что бешихи, то есть рожи, изъ нихъ дней по пяти, шести и семи разными дни померли и я ихъ исповедовалъ и приобщалъ Таинамъ Святымъ и погребъ школниками, и о томъ донесъ я того жъ октебря 17 дня господину кошевому атаману и старшине; и понеже в школе оной немалолюдно

и собираемые дети с разныхъ местъ в одному дворе все в куче пребываютъ и начали были болеть на лихоратки и поносы, дабы на свежей воздухъ ихъ вывесть, по совету господина кошевого, выехалъ я былъ из своими школниками в лугу на свежую воду и находился до ноебря прошедшаго последнихъ чиселъ, где ис той моей команды пять школниковъ—Романъ Черномазъ, Романъ Клочко, Павло Джереловый, Лукьянъ Логушкинъ, Степанъ Ирклѣевски—не вдругъ, но порознь на горячку жъ, поносъ да и бешиху и лихорадку побалевшие дней по пяти и по семи, померли и погребены мною сысповедью и приобщениемъ Таинъ Святыхъ, прочиежъ от болезни выздоровели и в школу я с ними возвратился и болныхъ никого понинѣ, кроме одного малчика, отъ опуху ноги болящего, которого вашему высокоблагородию и господамъ лекарямъ в осмотръ было представлено, не имѣется и все здаровы, и которые школники тѣхъ мертвыхъ хоронили живы и не болезновали, а что показано судиею войсковымъ, якобы онъ видилъ на двоихъ школникахъ опасные знаки, то я о томъ незнаю и будучи неискуснымъ тому признать не могу, а слыхалъ отъ болевшихъ яко бешихи были, о чемъ я по совѣсти иерейской вашему высокоблагородию сообщаю.

Сечевой школы уставникъ Леонидъ».

Документъ не датированъ, но время его составленія опредѣляется слѣдующею ссылкою въ находящемся въ томъ же дѣлѣ «реестрѣ умершимъ в сече и около оной в розглашеніе сумнителства 1760 году»: «школниковъ сечевыхъ з горячки, поносовъ и бешихи в октебре и ноябре мѣсяцахъ, лежа по 5, 6 и 7 дней, померло 8 человекъ, о которыхъ по имени и о болезняхъ и сообщение дано».

В. Щербина.

Просьба объ установленіи таксы на требы въ пол. XVIII в.

Въ 1751 году отъ 6 ноября миргородскій полковникъ Өедоръ Острорадскій писалъ графу Разумовскому:

«Полку миргородскаго нѣкоторые старшины и многіе обыватели приносятъ жалобу, тако же и отъ сотенныхъ правленій присланными оношеніями въ полк. мирг. канцелярію представляется, о чинимыхъ народу священниками приходскими и прочими духовными чинами немалыхъ здирствахъ взятіемъ отъ нихъ за вѣнечные памяти, за обвѣнчаніе, за погребеніе и сорокоусты по вымогателству денегъ, и

у нѣкоторыхъ имущества; а ежели кто требуемыхъ священниками денегъ по нищетѣ своей уплатить не можетъ, таковые за обвѣнчаніе съ женами своими принуждени остаться въ поповской службѣ чрезъ годъ, отъ чего народъ приходитъ въ раззореніе, иные жъ и законнаго брака лишаются. Хотя жъ предъ симъ отъ полк. мирг. канц. къ е. п. архіеп. митрополиту кіевскому минувшаго 752 году генваря 30 дня писано съ требованіемъ разсмотрѣнія, но по тому ничего въ отвѣтъ не получено. А показанные попы, не видя себѣ въ томъ никакого воспященія, не токмо не унимаются отъ своихъ поступокъ, но еще наивящше здирства чинятъ; а старшина, по жалобамъ къ нимъ отъ народа, хотя и посылаютъ къ попамъ съ прошеніемъ о невзиманіи излишнего, но на тое получаютъ отвѣтъ такой: «старшина де намъ не укажчики, имъ въ наши дѣла и мѣшатись не подлежитъ и мы ихъ въ томъ не послушаемъ». Съ таковыхъ слѣдствъ мы приняли смѣлость о вышеписанномъ вашей ясневельможности представить и нижайше просимъ о прекращеніи вышеписанныхъ поповскихъ непорядковъ и чрезъ то слѣдуемаго народу немалаго отягощенія и о объявленіи въ народное извѣстіе, по коликому числу денегъ за какое именно дѣло священническое давать (кромѣ доброхотнаго подаянія) надлежитъ, чтобы народъ моглъ точно о томъ знать и безспорно надлежащое давать, а священники надто вымогать, къ ихъ народному отягощенію и раззоренію, не смѣли,—куда надлежитъ отъ в. я. писать, и что по сему опредѣлено будетъ, имѣемъ ожидать высокоповелительной в. я. резолюціи».

А. А.

Разсказъ о «турбаевской катастрофѣ». Изъ замѣтки *Стараго Прилучанина* (№ 6 «Кіевск. Ст.») видно, что событіе, описанное г-жею Ефименко по документальнымъ даннымъ, долго помнилось окрестными жителями. Переходя изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, разсказъ о немъ искажался въ подробностяхъ, дополнялся поэтическимъ вымысломъ. Такимъ именно характеромъ отличается разсказъ г-жи Бакуниной *Село Турбаи*, помѣщенный въ *Москвитянинѣ* 1851 г. (№ 2) и описывающій ту же катастрофу, какъ «старинное малороссійское преданіе». Фамиліи помѣщиковъ въ разсказѣ нѣтъ; ихъ два брата: Андрей и Юрій. Жена перваго Маруся, живущая очень счастливо съ мужемъ, сватаетъ Юрію свою «милую подругу, умную, хорошенькую Ганнусю». Но Юрія любитъ крестьянка

Катря. Она то главнымъ образомъ и подстрекаетъ (повидимому изъ ревности) козаковъ противъ помѣщиковъ, увѣряя ихъ, что тѣ ждутъ только «бумаги», чтобы расправиться съ зазнавшимися холопами, «заковать ихъ въ желѣзо и завесть Богъ знаетъ куда». О самой тяжбѣ изъ словъ Андрея мы узнаемъ, что онъ «радъ бы бросить эти гадкія дѣла, да покойный батюшка еще въ послѣднюю болѣзнь просилъ продолжать непремѣнно дѣло съ козаками, которые живутъ у насъ въ селѣ, и не уступать этимъ сорванцамъ. Они съ батюшкой до такой вражды дошли по этой тяжбѣ, что ужъ не земли, а ненависть заставляла ихъ судиться; онъ даже начиналъ ихъ бояться». Узнавши отъ Катри о «бумагѣ», козаки на сходкѣ долго «стояли и толковали, и рѣчи ихъ все становились сердитѣе и грознѣе.... Всю ночь мелькали огни въ панскомъ дворѣ, и было что то страшное, зловѣщее въ этихъ перебѣгающихъ огняхъ. Всю ночь слышался тамъ шумъ, но въ немъ сливались стоны съ какимъ то ужасающимъ враждебнымъ говоромъ». Помѣщики погибли героями, защищались до послѣдней возможности, въ особенности Юрій. Утромъ того же дня пріѣхала въ Турбаи съ отцомъ Ганнуся, и имъ первымъ пришлось увидѣть разоренный домъ и убитыхъ хозяевъ. Катря въ позднемъ раскаяніи и горѣ оканчиваетъ жизнь самоубійствомъ. Дорого стоило козакамъ ихъ самоуправство. «Много и много скованныхъ увели изъ села въ безвозвратный путь. Церковь упразднена, и она и домъ разрушились. Даже самое названіе *село Турбаи* перемѣнено. Теперь тутъ деревня Скорбная».— «Я разсказала, заканчиваетъ г-жа Бакунина, то, что мнѣ показалось яснымъ *изъ несовсѣмъ яснаго для меня малороссійскаго разсказа* стараго козака, въ хатѣ котораго мы останавливались въ этой деревнѣ. Послѣ мнѣ совсѣмъ иначе разсказывали это ужасное событіе». Но другаго разсказа, къ сожалѣнію, авторъ не приводитъ.—Во всемъ разсказѣ полная симпатія къ пострадавшей сторонѣ. Преданіе ввело романическую подробность: любовь и ревность крестьянки, но недостаточно ясно мотивировало подстрекательство ею козаковъ. Фактами, согласными съ документами, являются: продолжительность тяжбы о землѣ, убійство трехъ человѣкъ (по документамъ двухъ братьевъ и сестры), рѣшеніе козаковъ на самосудъ только въ виду крайнихъ обстоятельствъ, сознаніе ими полной правоты своихъ притязаній и безсилія предъ судомъ съ пустыми руками, когда ихъ соперники свою правоту «золотомъ и серебромъ доказали»; наконецъ, и по преданію, событіе совершилось лѣтнею порою.

Арк. Л-нко.

БИБЛІОГРАФІЯ.

1) Акты, издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Т. XVI-й. Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. Вильна. 1889 г. (CXLII+704).

2) Акты, издаваемые виленской археографической коммиссіею. Т. XVII й. Акты гродненскаго земскаго суда. Вильна. 1890. (LXXIII+559).

3) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, издаваемый при управленіи виленскаго учебнаго округа. Томъ XI-й. Вильна. 1890. (XL+372).

Передъ нами три тома матеріаловъ, изданныхъ виленской археографической коммиссіей и управленіемъ виленскаго учебнаго округа. Такъ какъ они соединяются между собой единствомъ мѣста изданія, близостью по времени выхода въ свѣтъ, отчасти однородностью содержанія и общностью редакціонныхъ пріемовъ, то мы и разсмотримъ ихъ вмѣстѣ.

Изъ всѣхъ томовъ актовъ, изданныхъ до сихъ поръ виленской коммиссіей первый изъ разсматриваемыхъ (XVI) едва ли не самый большій по объему, не самый интересный по сюжету и едва ли не самый важный по содержанію входящихъ въ него документовъ, не отличающихся, правда, новизной, но однако весьма необходимыхъ для каждаго и ученаго, и администратора, а между тѣмъ разбросанныхъ въ изданіяхъ, трудно доступныхъ по своей библіографической рѣдкости. Матеріалъ этого тома относится, какъ сказано вообще въ заглавіи книги, «къ исторіи церковной уніи въ Россіи», но, говоря точнѣе, онъ относится къ исторіи возсоединенія уніатовъ съ православной церковью въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія. Настоящій томъ вышелъ подъ редакціей и съ изслѣдованіемъ г. предсѣдателя виленской археографической коммиссіи Ю. Ѳ. Крачков-

скаго. Собранный матеріалъ распредѣленъ изслѣдователемъ по содержанію на слѣдующіе восемь отдѣловъ:

1) Правительственныя распоряженія; сюда вошли Высочайшіе указы, опредѣленія сената и другія постановленія, извлеченные изъ полнаго собранія законовъ и изъ свода постановленій по министерству народнаго просвѣщенія; они обнимаютъ время съ 1772 по 1839 г.; всѣхъ документовъ 113.

2) Папскія буллы, бреве, индульгенціи, декреты и посланія въ 83 документахъ отъ 1595 — 1839 г. Г. редакторъ заимствовалъ для этого отдѣла матеріалъ изъ соч.: «Die neuste Zustande der katolischen Kirche beides ritus» и изъ старопечатной книги, изданной въ Почаевѣ въ 1767 году: «Bulla et braviae summorum pontificum».

3) Распоряженія и разъясненія могилевской римско-католической духовной консисторіи по дѣлу о переходѣ и совращеніи уніатовъ въ латинство въ 1803—1828 г. Двадцать восемь документовъ этого отдѣла взяты изъ собранія актовъ, хранящихся въ отдѣленіи рукописей виленской публичной библіотеки.

4) Переписка между Стефаномъ Левинскимъ, митр. Іасономъ Смогоржевскимъ, Θеодосіемъ Ростоцкимъ и друг. съ 1780 по 1787 годъ (№№ 217—220) перепечатана изъ соч. Die neustu Zustande и проч., изъ Сборника рус. историч. общ. и даже изъ Холмскаго календаря. Кромѣ писемъ въ этотъ отдѣлъ входятъ рескрипты Государыни послу въ Варшавѣ, посланія папы къ Государынѣ. Всѣ письма, адресованныя къ тому или другому лицу, помѣщаются подъ отдѣльнымъ нумеромъ.

5) Жалобы, проекты, объясненія, представленія, записки по дѣлу объ уніи, начиная съ 1747 г. и по 1824 г., обнимаютъ №№ 221—233, которые извлечены изъ соч. Harasewicza: «Annales Ecclesiae Ruthenae» (Львовъ. 1862 г.), изъ брошюры 1779 г., приписываемой луцкому оффиціалу Θеодосію Бродовичу подъ заглавіемъ «Uwagi polityczne», изъ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, изъ отдѣленія рукописей виленской публичной библіотеки и изъ архивовъ уніатскихъ митрополитовъ при святѣйшемъ синодѣ, министерства народн. просвѣщенія и изъ архива бывшаго Борунскаго монастыря.

6) Окружныя посланія и переписка нѣкоторыхъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, орденскихъ властей и другихъ лицъ съ 1775 по 1833 г. въ 38 документахъ (№№ 234 — 272), заимствованныхъ изъ отдѣла рукописей виленской публичной библіотеки, изъ архива бывшаго Борунскаго монастыря, а

также изъ брошюры 1785 г., хранящейся въ вилен. публичной библіотекѣ.

7) Мѣры къ освобожденію уніи отъ преобладанія въ ней базиліанъ и къ очищенію уніатскихъ обрядовъ отъ латинскихъ нововведеній (№ 273 по № 286), начиная съ 1818 по 1834 г.; документы этого отдѣла заимствованы изъ архива бывшаго Борунскаго монастыря, изъ записокъ Іосифа Семашка и архива св. синода.

8) Установленіе празднованія памяти возсоединенія уніатовъ съ православной церковью, начиная съ 1840 по 1889 г., сюда вошло лишь 7 документовъ (№ 287—293).

Наконецъ, въ приложеніи помѣщены три документа, опущенные, видно, при печатаніи актовъ и относящіеся къ 4-му отдѣлу. Изъ приведеннаго обозрѣнія содержанія матеріаловъ легко убѣдиться, что они составляютъ систематическій и строгій выборъ изъ массы документовъ наиболѣе важнѣйшаго матеріала, разъясняющаго исторію возвращенія уніатовъ въ православіе и указывающаго тѣ подготовительныя мѣры, которыя принимались для этой цѣли русскимъ правительствомъ. На основаніи этого богатаго матеріала редакторомъ настоящаго тома г. Крачковскимъ написано прекрасное, обстоятельное изслѣдованіе на ту же тему подъ скромнымъ заглавіемъ «предисловія», въ которомъ подробно изложенъ послѣдній періодъ исторіи уніи, начиная съ 1772 г., и отношеній къ ней Рима и Россіи [1]). Собраніе такого рода матеріала при каждой работѣ по исторіи западной Россіи является необходимымъ подспорьемъ, освобождая изслѣдователя отъ необходимости самому производить разысканія во множествѣ различныхъ изданій. Но распредѣленіе матеріала на отдѣлы намъ кажется не только излишнимъ, но прямо неудобнымъ и затруднительнымъ при разысканіи того или другаго акта, потому что матеріалъ самъ по себѣ уже имѣетъ однородное содержаніе, а дѣленіе его еще по второстепеннымъ признакамъ замедляетъ ознакомленіе съ историческимъ ходомъ дѣла возсоединенія. Изданіе этого тома совпало съ празднованіемъ въ 1889 году 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православіемъ и, такимъ образомъ, дало возможность безъ особеннаго труда изучить событіе по первоисточникамъ, понять важность торжества и

---

[1]) При этомъ наибольшее вниманіе онъ оказываетъ базиліанскому ордену и его послѣдней судьбѣ, тогда какъ труды дѣятелей текущаго столѣтія возсоединенія очерчены слабо и заслуга ихъ не вырѣзывается ярко на темномъ фонѣ рисуемой авторомъ картины борьбы съ происками латинянъ и приверженныхъ къ нимъ базиліанъ.

подвинуть русское общество вообще, а мѣстныхъ дѣятелей въ частности, къ окончанію дѣла, начатаго 50 лѣтъ тому назадъ, но и до сихъ поръ еще не завершеннаго вполнѣ. Въ виду этого, значеніе изданія нисколько не уменьшается съ теченіемъ времени, но пріобрѣтаетъ напротивъ практическое значеніе.

Тому же вопросу (т. е. вопросу о борьбѣ православія съ уніей) посвященъ и томъ XI-й «Археографическаго сборника», издаваемаго на средства управленія виленскаго учебнаго округа, благодаря просвѣщенному сочувствію и поддержкѣ г. попечителя округа Н. А. Сергіевскаго. Настоящій томъ «Сборника» состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первый вошли документы бывшаго Брестскаго Симеоновскаго монастыря. На основаніи этихъ документовъ редакторъ тома О. В. Щербицкій въ предисловіи къ нимъ старается представить судьбу этого монастыря. Первое актовое указаніе на его существованіе относится къ 1546 году, хотя существуетъ мнѣніе о возникновеніи его еще въ началѣ XV вѣка; основателями монастыря были паны Солтаны, фундаторскія и колляторскіе права которыхъ переходятъ наслѣдственно въ другія семьи: Лешнинскихъ, Дорогостайскихъ, Подберезскихъ, Сапѣгъ, Харлинскихъ, Красинскихъ и Выговскихъ. Въ началѣ XVII в. церковь находилась въ рукахъ уніатовъ, а въ 1632 г. возвращена была православнымъ; принадлежавшія ему земли были захвачены частью магистратомъ, частью католическимъ и уніатскимъ духовенствомъ; въ нескончаемыхъ тяжбахъ съ тѣми и другими монастырь и провелъ почти два вѣка.

Второй отдѣлъ матеріаловъ заключаетъ въ себѣ документы и дѣла изъ архива литовской духовной консисторіи по преимуществу второй половины XVIII и первой половины XIX в; они изображаютъ тѣ способы, къ которымъ прибѣгали католики и уніаты, чтобы подавить православіе и ополячить русскую народность, изображаютъ внѣшнее и внутреннее состояніе монастырей въ то время, когда они находились въ вѣдѣніи переяславскихъ и минскихъ епископовъ, указываютъ попытки и мѣры, какія принимало русское правительство по присоединеніи края къ возстановленію православія, характеризуютъ дѣятельность судебныхъ и административныхъ учрежденій, переполненныхъ польскими чиновниками, и ихъ роль, особенно въ дѣлахъ, касающихся православнаго духовенства, и рисуютъ положеніе коренныхъ русскихъ жителей въ г. Якобштадтѣ, тѣснимыхъ горстью пришлыхъ нѣмцевъ; наконецъ, мы находимъ въ этомъ томѣ нѣсколько важныхъ и интересныхъ документовъ, относящихся къ исторіи учрежденнаго на

сеймѣ 1790 г. православнаго западно-русскаго «правительствующаго синода» или такъ называемой «найвысшей консисторіи», съ цѣлью отдѣлить западно-русское православіе отъ восточнаго, а затѣмъ этимъ же путемъ подавить его.

Всѣхъ актовъ въ настоящемъ томѣ 176; каждому изъ нихъ предшествуетъ, кромѣ краткаго заголовка, болѣе подробное изложеніе содержанія.

Но если два разобранные тома даютъ матеріалъ исключительно для церковной исторіи, за то XVII-й томъ «Актовъ виленской коммиссіи» полонъ актовъ самаго разнороднаго содержанія, благодаря тому, что виленская археографическая коммиссія нашла возможнымъ издать цѣликомъ древнѣйшія книги виленскаго центральнаго архива, каковыми оказались книги городенскаго земскаго суда за 1539, 1540 и 1541—42 годы, изъ другихъ же книгъ болѣе поздняго (1555 и слѣд. годы) времени извлечены лишь наиболѣе интересные акты. Мысль издать цѣликомъ древнѣйшія актовыя книги того періода, когда первый писанный законъ не отмѣнялъ еще мѣстнаго обычнаго права, нельзя не признать весьма полезной и разумной. Правда, что при изданіи книгъ цѣликомъ, входитъ много однороднаго, не имѣющаго уже цѣны, матеріала, но это неудобство не получаетъ большаго значенія въ виду трудности дѣлать строго научный выборъ только нужнѣйшихъ актовъ. Издатели совершенно правы, сравнивая акты съ лѣтописью; дѣйствительно, это самая обстоятельная бытовая лѣтопись, въ которой мы можемъ наблюдать послѣдовательное измѣненіе формъ частной и общественной жизни. Здѣсь мы находимъ самое живое выраженіе устройства суда и судопроизводства, можемъ наблюдать близко управленіе общее и мѣстное, можемъ видѣть, какъ измѣняется семейный бытъ, личное и общинное владѣніе и пользованіе землею, взаимныя отношенія сословій и ихъ частныя права и экономическое положеніе, ихъ взгляды политическіе, религіозные и нравственные. Разсмотрѣніе актовъ настоящаго тома во всей ихъ подробности, съ цѣлью опредѣленія важности отдѣльныхъ группъ, требуетъ слишкомъ много времени и мѣста и потому не можетъ быть содержаніемъ рецензіи; мы ограничиваемся лишь указаніемъ на новый высокой цѣны и достоинства матеріалъ, который получаютъ люди науки для своихъ работъ; въ виду этого настоящій томъ мы считаемъ гораздо цѣннѣе двухъ предшествующихъ, разсмотрѣнныхъ выше. По обычаю, актамъ предшествуетъ небольшое предисловіе (авторъ настоящаго г. Снитко), въ которомъ издаваемый матеріалъ

не изслѣдуется, а лишь старательно систематизируется и болѣе или менѣе подробно обозрѣвается, что значительно облегчаетъ ознакомленіе съ издаваемыми актами, но не исключаетъ необходимости ихъ изученія; изучать или, по крайней мѣрѣ, внимательно прочитывать самые акты необходимо также и потому, что прибавленныя къ нимъ описи или слишкомъ общи, — не указываютъ ни одной особенности акта,—или прямо невѣрны (напр. акты № 1, 20, 472 и друг.).

Къ этому тому приложены снимки почерковъ, какими писаны печатаемыя книги; но если эти почерки на пространствѣ всей книги хотя немного измѣняются, то образчики и этихъ варіантовъ было бы весьма желательно видѣть.

Ко всѣмъ разсмотрѣннымъ томамъ въ концѣ приложены обстоятельные личные и географическіе указатели, а къ послѣднему еще и предметный.

Изъ изложеннаго выше мы видимъ, что виленская археографическая коммиссія, при содѣйствіи управленія учебнаго округа, работая, какъ говорится не покладая рукъ, издала въ два послѣдніе года три огромныхъ тома, но въ нихъ большее вниманіе оказываетъ вопросамъ церковнымъ, и лишь изрѣдка печатаетъ томы, подобные XVII-му. Желательно поэтому само собою, чтобы акты, изображающіе и другія стороны жизни сѣверо-западнаго края, также находили себѣ мѣсто въ изданіяхъ коммиссіи и могли быть разрабатываемы наукой.

И. Каманинъ.

Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890). А. М. Скабичевскаго. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1891.

Книга г. Скабичевскаго является довольно цѣннымъ вкладомъ въ русскую критическую литературу. Представляя сжатый очеркъ новѣйшей русской литературы, начиная со «школы беллетристовъ сороковыхъ годовъ» и оканчивая представителями современной русской литературы, книга эта несомнѣнно интересна для всякаго образованнаго человѣка, а для спеціалиста можетъ послужить полезною справочною книгою. Имя автора, пользующагося заслуженною извѣстностью одного изъ наиболѣе выдающихся современныхъ критиковъ, можетъ служить гарантіею добросовѣстнаго исполненія избранной имъ, далеко не легкой, задачи.

Не считая умѣстнымъ въ спеціальномъ изданіи касаться общаго содержанія труда г. Скабичевскаго, его достоинствъ и недостатковъ.

мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями относительно тѣхъ явленій умственной жизни южной Россіи, о которыхъ упоминается въ разсматриваемой книгѣ.

При чтеніи книги Скабичевскаго, естественно читатель наталкивается постоянно на фактъ участія южно-русскихъ писателей въ развитіи общерусской литературы. Почти во всякомъ отдѣлѣ книги [1]) наряду съ писателями великоруссами встрѣчаются и малороссы, и притомъ не только, какъ подражатели уже установившимся направленіямъ, но и въ качествѣ иниціаторовъ новаго, нарождающагося направленія. Таковы, напр., Марко Вовчокъ (о «народныхъ оповиданняхъ» которой г. Скабичевскій далъ, можетъ быть, слишкомъ рѣзкій отзывъ) въ шестидесятыхъ годахъ, Новодворскій (А. Осиповичъ)—въ восьмидесятыхъ. Между новѣйшими беллетристами также встрѣчается немало уроженцевъ южной Россіи, южно-русское происхожденіе которыхъ отражается какъ на содержаніи ихъ произведеній, такъ и на ихъ литературной формѣ. Таковы—В. Г. Короленко, «писатель, котораго, по словамъ г. Скабичевскаго, смѣло можно поставить во главѣ современныхъ беллетристовъ какъ по силѣ таланта, такъ и по богатству художественнаго матеріала, по широтѣ сферы наблюдательности, наконецъ, по самому міросозерцанію, обнаруживающему человѣка, вполнѣ стоящаго на уровнѣ своего вѣка по образованію» (стр. 409); С. Я. Надсонъ и В. М. Гаршинъ, о которыхъ г. Скабичевскій говоритъ: «обѣ эти личности являются двумя существами, совершенно тожественными, словно сливаются въ одинъ и тотъ же лучезарный поэтическій образъ, дѣлая великую честь тому поколѣнію, среди котораго они явились» (стр. 517); сюда же можно причислить И. Н. Потапенка, Г. А. Мачтета и многихъ другихъ писателей 70—90 годовъ. Приведенные факты могутъ служить доказательствомъ того, что южная Россія и въ настоящее время принимаетъ дѣятельное участіе въ умственной жизни русскаго общества и продолжаетъ вносить свои оригинальныя особенности въ развитіе

[1]) За исключеніемъ отд. II (школа беллетристовъ 40 годовъ) и VII (драма и комедія). Но къ предмету перваго изъ названныхъ отдѣловъ имѣетъ близкое отношеніе дѣятельность Гоголя, значеніе котораго г. Скабичевскій, по нашему мнѣнію, напрасно умаляетъ, хотя и вѣрно указываетъ въ ней отсутствіе яснаго міросозерцанія; въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, современной критикѣ, кажется, слѣдовало бы возвратиться къ основнымъ положеніямъ Бѣлинскаго. Что же касается драматической поэзіи, то и въ великорусской поэзіи авторъ указываетъ одного только великаго писателя Островскаго.

общерусской литературы. Г. Скабичевскій впрочемъ мало касается этихъ особенностей, но изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его книги видно, что онѣ не остались для него совершенно незамѣченными.

Такъ, напримѣръ, на стр. 258—260 мы встрѣчаемъ такое сопоставленіе Рѣшетникова съ Левитовымъ (изъ біографическихъ очерковъ видно, что Р. родился въ пермской губерін, а Л. «былъ родомъ тамбовецъ»):

„Рѣшетниковъ является передъ нами типомъ сѣвернаго писателя: холодный, сдержанный, лаконичный, онъ не скупится на внѣшнія детали изображаемой дѣйствительности, порою совершенно тонетъ въ нихъ, забывая о сути дѣла, но въ то же время идеально объективенъ.... Слогъ его сухъ и сжатъ....

Левитовъ, наоборотъ, представляетъ собою типъ южнаго беллетриста по яркости колорита во всѣхъ его изображеніяхъ, по преобладанію живой, пламенной, прихотливой фантазіи, по страстности, лиричности и крайней субъективности. Слогъ его своею музыкальностью, пѣвучестью, принимающею въ лирическихъ и патетическихъ мѣстахъ почти стихотворные размѣры, напоминаетъ слогъ Гоголя.... Подобно тому, какъ Гоголь, пріѣхавши изъ Малороссіи, во время первыхъ лѣтъ своего скитальчества по Петербургу и труднаго пробиванія дороги, въ грусти по родинѣ писалъ свои *Вечера на хуторѣ*, такъ и Левитовъ первыя свои произведенія посвятилъ изображенію жизни родного края, о которомъ вспоминалъ въ шенкурской глуши, и результатомъ этихъ воспоминаній были *Степные очерки*".

О томъ, насколько примѣнима эта характеристика южнаго писателя къ Левитову и насколько вѣрно сопоставленіе его съ Гоголемъ, предоставляемъ судить читателямъ; для насъ-же важно въ данномъ случаѣ то, что г. Скабичевскій нашелъ нужнымъ мимоходомъ сдѣлать характеристику сѣвернаго и южнаго писателей, а между тѣмъ вопросъ о южнорусской литературѣ 19-го вѣка, какъ о явленіи, имѣющемъ свои характерныя черты, почти обойденъ молчаніемъ въ его книгѣ, кромѣ одной главы (XXVI-й), гдѣ г. Скабичевскій касается малорусской литературы въ лицѣ Шевченка, этого «гиганта южно-русской поэзіи», по его выраженію (стр. 475). Изложивъ его біографію, авторъ даетъ слѣдующій отзывъ о его сочиненіяхъ:

„Главное отличіе Ш. не только отъ Некрасова, съ его дворянскою хандрою, но и отъ Кольцова и прочихъ великорусскихъ поэтовъ, вышедшихъ изъ народа, заключается въ томъ, что это единственный русскій писатель въ нынѣшнемъ столѣтіи, сохранившій живую и непосредственную связь съ народомъ, изъ среды котораго вышелъ, связь какъ по своему міросозерцанію, идеаламъ, такъ и по характеру и формамъ своей поэзіи. Въ поэзіи Ш. вы и слѣда не найдете ни той оторванности отъ народа, которая составляетъ печальный удѣлъ всѣхъ русскихъ интеллигентныхъ людей, ни той рефлективной раздвоенности, которою страдали всѣ современники Ш. Изучая поэзію его, вы имѣете возможность съ поразительною наглядностью прослѣдить великій и таинственный актъ перехода народно-собиратель-

наго творчества въ личное. И характеръ лирическаго одушевленія, этой тихой, надрывающей сердце грусти, проникающей всю поэзію Ш., и образы, и мотивы остаются вполнѣ народными, такими же, какіе вы найдете въ любой малороссійской думѣ. Въ то же время сюжеты большинства поэмъ не выдуманы, а взяты всецѣло изъ народныхъ легендъ и преданій. Личность писателя словно какъ-бы исчезаетъ въ этомъ морѣ чисто-народной поэзіи; онъ ничего не создаетъ своего, что составляло-бы рѣзкую индивидуальную особенность его. Но въ тоже время отнюдь не является рабскимъ подражателемъ народной поэзіи: все что онъ черпалъ изъ нея онъ перерабатывалъ, возводя въ перлъ художественнаго созданія безъискусственно-младенческій лепетъ народа и освѣщая зрѣлымъ сознаніемъ передовыхъ идей своего вѣка темные инстинкты народныхъ стремленій, симпатій и антипатій. Самый языкъ его произведеній не даромъ поражаетъ всѣхъ знакомящихся съ его поэзіею своею простотою и общедоступностію не только для кровныхъ малороссовъ, но и для людей совершенно незнакомыхъ съ южно-русскимъ нарѣчіемъ: читать Ш. имъ не въ примѣръ легче, чѣмъ всѣхъ прочихъ малороссійскихъ писателей. Это происходитъ отъ того, что послѣдніе писали и пишутъ на языкѣ искусственномъ, исполненномъ полонизмовъ и всякаго рода новыхъ словъ и выраженій, созданныхъ въ интеллигентныхъ слояхъ малороссійскаго общества. Для простого неученаго хохла этотъ вычурный языкъ такъ же мало понятенъ, какъ и для великоросса. Между тѣмъ Ш. писалъ на томъ живомъ языкѣ, на какомъ говоритъ и поетъ самъ народъ въ Украинѣ; народъ же украинскій говоритъ вовсе не на томъ тарабарскомъ малороссійскомъ нарѣчіи, на какомъ пишутъ его бары; великоруссъ безъ малѣйшаго труда понимаетъ рѣчь хохла слово въ слово, за исключеніемъ развѣ что нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей, которыя вы можете встрѣтить въ любой деревнѣ въ Великороссіи и въ Малороссіи. Такимъ образомъ, поэзія Ш. является общимъ достояніемъ всего русскаго народа; произведенія его нѣтъ надобности переводить на нашъ литературный языкъ: ими могутъ въ равной степени наслаждаться и малороссы, и великороссы, и образованные, и неграмотные люди“ (478—9).

Соглашаясь въ общемъ съ приведенною оцѣнкою поэзіи Ш., мы не можемъ не указать на нѣкоторыя странности во второй половинѣ приведенной нами цитаты. Называя Шевченка гигантомъ южно-русской поэзіи, г. Скабичевскій въ то же время какъ-бы отрицаетъ самое существованіе этой поэзіи—съ одной стороны отрицательнымъ путемъ, не упомянувъ въ своей книгѣ, какъ мы уже сказали, ни объ одномъ южно-русскомъ писателѣ, писавшемъ на малороссійскомъ языкѣ, съ другой—положительнымъ, иронизируя надъ барами, пишущими на тарабарскомъ нарѣчіи. Конечно, въ книгѣ, посвященной общерусской литературѣ, можно было совсѣмъ не упоминать о литературѣ малорусской; но разъ г. Скабичевскій нашелъ нужнымъ заговорить о гигантѣ южно-русской поэзіи, необходимо было коснуться и менѣе значительныхъ ея представителей (какъ сдѣлалъ это онъ относительно писателей общерусскихъ). Если же г. Скабичевскій дѣйствительно не признаетъ существованія южно-русской ли-

тературы, то какое значеніе можетъ имѣть приведенный эпитетъ относительно Шевченка? Не менѣе страннымъ представляется намъ мнѣніе, что языкъ Шевченка можетъ быть вполнѣ понятенъ великоруссу. Лучшимъ опроверженіемъ этого можетъ служить примѣръ самого г. Скабичевскаго, который въ своихъ, очень немногочисленныхъ цитатахъ изъ Шевченка сдѣлалъ двѣ довольно важныя ошибки: «Данта старего» (полонизмъ) и «Якъ-*бо* (вм. якъ-*бы*) то ты, Богдане» (стр. 480), а въ перечисленіи сочиненій Костомарова помѣстилъ драму Савва *Шалый* вм. хорошо извѣстнаго намъ южноруссамъ *Савы Чалого* (стр. 367 и, вторично, въ указателѣ, стр XI).

В. Щербина.

Сборникъ топографическихъ свѣдѣній о курганахъ и городищахъ въ Россіи. Волынская губернія. Спб. 1888. Изданіе Императорской археологической коммиссіи.

Настоящій литографированный выпускъ «Сборника» представляетъ собою сводъ свѣдѣній, доставленныхъ волостными правленіями волынской губ. центральному статистическому комитету, въ отвѣтъ на вопросы, списокъ которыхъ составленъ проф. Д. Я. Самоквасовымъ, сдѣлавшимъ и самый сводъ. Цѣль разбираемаго труда выясняется въ предисловіи слѣдующимъ образомъ: «Такой сборникъ облегчилъ бы дальнѣйшее изслѣдованіе древнихъ земляныхъ насыпей лицамъ, приступающимъ къ ихъ изученію, и сохранилъ бы для исторіи память о городищахъ и курганахъ, существующи ъ нынѣ, но долженствующихъ скоро исчезнуть подъ плугами пахарей и вслѣдствіе раскопокъ при проведеніи дорогъ, при возведеніи построекъ, кладоискателями, добывающими глину, камни и пр.». «Съ другой стороны сказанный сборрикъ могъ бы послужить основнымъ матеріаломъ для географической карты городищъ и кургановъ, сохранившихся въ предѣлахъ Россіи».

Просматривая «Сборникъ», мы убѣдились, что онъ заключаетъ достаточное количество матеріала, весьма полезнаго для руководства археологамъ-практикамъ при выборѣ ими пунктовъ для раскопокъ. Въ немъ зарегистровано 158 городищъ и болѣе 5760 кургановъ, съ указаніемъ ихъ мѣстоположенія, формы, съ описаніемъ поверхности, съ обозначеніемъ размѣровъ и, наконецъ, съ сообщеніемъ преданій о курганѣ и городищѣ, если таковыя имѣются. Хотя на такія преданія археологу можно полагаться далеко не всегда, но и пренебрегать ими вовсе тоже нельзя. Къ слову сказать, не лишнее будетъ

заглянуть въ «Сборникъ» и этнографамъ. Они найдутъ въ немъ и интересныя названія кургановъ, какъ напр. Велетнева могила, курганъ Бонякъ и проч., и любопытныя преданія. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ курганѣ близъ м. Берестечка погребены 500 дѣвицъ, взятыхъ въ плѣнъ татарами и лишившихъ себя жизни. Въ курганѣ при с. Мервѣ, въ урочищѣ Маруха погребена княгиня пронськая Маруха. На большомъ курганѣ, называемомъ «церковищемъ», близъ с. Топорищъ и урочища «Теремцы» стояла нѣкогда церковь, которая будто бы вошла въ землю. Около деревни Городца есть двѣ земляныя насыпи, называемыя «городками»; по преданію, на одномъ изъ нихъ стоялъ городъ, который былъ разрушенъ въ княженіе св. Ольги. Два городища бл. м. Искорости, въ одномъ изъ которыхъ, по преданію, стоялъ древній городъ Коростень, а на мѣстѣ другаго, называемаго «замчищемъ», стоялъ замокъ князя Малка. Любопытно до нѣкоторой степени указаніе объ уніатѣ Трыпольскомъ, фундаторѣ церкви въ с. Милостивѣ, 200 лѣтъ нетлѣнно почивающемъ въ подземельѣ безъ помощи бальзамированія.

Что же касается того, чтобы разсматриваемый «Сборникъ» послужилъ основнымъ матеріаломъ при составленіи карты городищъ и кургановъ, то мы полагаемъ, что онъ можетъ служить полезнымъ пособіемъ въ этомъ настоятельной важности дѣлѣ, хотя составитель карты, конечно, вынужденъ будетъ подвергнуть тщательной провѣркѣ свѣдѣнія, доставленныя волостными правленіями.

Во всякомъ случаѣ, очень желательно, чтобы свѣдѣнія, собранныя статистическимъ комитетомъ по другимъ губерніямъ, дождались поскорѣе сводовъ, подобныхъ настоящему, и чтобы «Сборникъ» получилъ больше распространенія.

В. Я.

Лисовскій А. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Полтава. 1890.

Эта небольшая брошюра состоитъ: во первыхъ, изъ теоретическихъ соображеній объ условіяхъ происхожденія думъ, ихъ основномъ характерѣ, различі съ пѣснями и пр., во 2-хъ, изъ опыта классификаціи ихъ и разбора. Брошюра эта любопытна, какъ выраженіе провинціальной мысли, вмѣсто зеленаго стола обратившейся къ вопросу изъ области теоріи и исторіи словесности; она обнаруживаетъ въ авторѣ способность къ анализу и логическую стройность мысли. Ничего новаго въ этой книжкѣ нѣтъ, и напр. общій теоретическій во-

просъ о различіи между думою и пѣснею и объ условіяхъ образованія и развитія первой обставленъ совершенно ненужными и излишними подробностями и развитъ съ расплывчатостью, иной разъ переходящею въ досадное многословіе и болтливость, которыя, впрочемъ, легко объясняются самимъ свойствомъ разсматриваемаго предмета, дѣйствительно увлекательнаго до-нельзя. Какъ на образецъ такого излишняго многословія о вещахъ всѣмъ извѣстныхъ и вошедшихъ даже въ учебники теоріи словесности, можно указать на 2-ю главу, по преимуществу разсматривающую отличія думы отъ пѣсни. Кромѣ того, въ шестой (послѣдней) главѣ опять таки много повтореній сказаннаго уже выше.

Вторая половина книжки, занятая довольно подробнымъ анализомъ думъ, болѣе полезна, такъ какъ вводитъ читателя, такъ сказать, въ самый процессъ образованія, развитія и роста думы; жаль, что въ ней рядомъ съ нѣсколько излишними, отчасти схоластическаго свойства, подробностями, относящимися къ вопросу о той или иной классификаціи думъ, отсутствуетъ разборъ думъ со стороны языка, его образности и художественности: то, что приведено въ книжкѣ изъ этой области, очень кратко... А между тѣмъ это—далеко не послѣднее дѣло, особенно при разсмотрѣніи такихъ роскошныхъ думъ, какова, напр., дума о Самойлѣ Кошкѣ. Что касается внѣшней стороны изложенія, то должно признать, что оно отличается и стройностью, и довольно хорошимъ, живымъ языкомъ, иногда, впрочемъ, впадающимъ въ излишнюю цвѣтистость. Иной разъ встрѣчаются неправильныя слова и выраженія (напр. исподволь—21 стр., судорга—17 стр.), но они почти не нарушаютъ общаго впечатлѣнія извѣстной правильности и живости языка въ книжкѣ.

А. Степовичъ.

А. И. Маркевичъ. Двадцатипятилѣтіе новороссійскаго университета. Историческая записка и академич. списки. 784 стр.+XC. Одесса 1890 Ц. 1 р. 50 к.

Этотъ обширный и довольно обстоятельный трудъ особенно любопытенъ въ первой своей части (1—148 стр.), гдѣ разсказана поучительная исторія трехлѣтнихъ мытарствъ вопроса о преобразованіи одесскаго лицея въ университетъ и сообщено много выписокъ изъ безконечной переписки по сему предмету (съ 10 іюня 1862, когда это преобразованіе было окончательно рѣшено въ своихъ основаніяхъ,

до 1 мая 1865, когда, наконецъ, произошло давно ожиданное событіе). Для исторіи русскаго просвѣщенія «записка» г. Маркевича представитъ вообще довольно много данныхъ; нѣкоторыя же несовершенства ея достаточно объясняются краткостью времени, послужившаго къ ея составленію. Во всякомъ случаѣ обращаемъ вниманіе любителей отечественнаго просвѣщенія на эту книгу, освѣщающую и разъясняющую тѣ довольно обычныя условія, при которыхъ у насъ въ большинствѣ происходитъ открытіе учебныхъ заведеній, не только высшихъ и среднихъ, но даже и низшихъ (срв., напр. нашу замѣтку, посвященную книжкѣ г. Полницкаго, въ «Кіевской Старинѣ» 1891 г. книга 2). Книга, кстати, стоитъ весьма недорого, какъ и подобаетъ, впрочемъ, такого рода изданіямъ. Она снабжена академическими списками, составляющими необходимое дополненіе къ исторіи каѳедръ и разныхъ учебновспомогательныхъ учрежденій, занимающей срединную и, конечно, самую цѣнную часть книги.

Въ заключеніе не можемъ не пожелать, чтобы гг. составители книгъ, подобныхъ разсматриваемой, больше и глубже останавливались на внутренней жизни учащихся, этого важнѣйшаго элемента всякаго учебнаго заведенія, элемента, для котораго собственно и существуютъ всѣ учебныя заведенія съ ихъ многочисленнымъ и дорого стоющимъ составомъ преподавателей, служащихъ и пр. А то обыкновенно бываетъ такъ, что намъ преподносятъ, какъ и въ данномъ случаѣ, въ очень обширномъ изложеніи внѣшнюю исторію учебнаго заведенія, изъ которой не вынесешь никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ жилось учащимся въ разныя времена существованія заведенія, какія господствующія настроенія замѣчались въ молодежи, что ее волновало, какая судьба постигла болѣе выдающихся ея представителей и т. д. и т. д. Правда, такую исторію заведеній писать труднѣе, чѣмъ внѣшнюю, уже по одной крайней трудности собиранія матеріала, но тѣмъ болѣе была бы заслуга составителей, еслибы они, сколь возможно внимательнѣе, останавливались на указанной нами внутренней жизни заведеній и слѣдили за строемъ, складомъ міровоззрѣнія учащихся, ходомъ ихъ умственнаго развитія, какъ извѣстно совершавшагося въ прежнее время главнымъ образомъ въ разнаго рода кружкахъ, матеріальной стороною ихъ жизни и пр. и пр.

А. С—чъ.

«Епархіальныя Вѣдомости» южно русскихъ губерній въ 1890 г. (Волынскія, Воронежскія, Донскія, Кишиневскія, Курскія, Минскія, Подольскія, Полтавскія, Таврическія, Херсонскія и Черниговскія).

«Епархіальныя Вѣдомости», будучи оффиціальнымъ органомъ мѣстнаго духовенства, помѣщаютъ нерѣдко на своихъ столбцахъ матеріалы и изслѣдованія не узко-сословнаго, а общаго интереса. Среди рѣчей, поученій, описаній юбилейныхъ торжествъ, посѣщеній архипастырей, въ «Епарх. Вѣд.» можно встрѣтить и статистико-географическія описанія поселеній, и археологическія замѣтки, и замѣтки этнографическія, и изслѣдованія по исторіи края. Но только статьи обще-научнаго интереса составляютъ не обязательную черту епарх. изданій, а скорѣе случайности, зависящія отъ многихъ условій: и воззрѣній епархіальной власти, и направленія и энергіи редакціи, и присутствія въ составѣ духовенства отдѣльныхъ лицъ съ литературно-научными стремленіями и т. д. Отсюда—нѣкоторыя «Епархіальныя Вѣдомости» въ теченіи истекшаго года не напечатали ни одной статьи общаго, а не узко-сословнаго интереса (Черниговскія и отчасти Херсонскія Вѣд.), другія одну только половину года имѣли этого типа статьи (Таврическія Вѣд.), въ третьихъ статьи съ обще-научнымъ содержаніемъ принадлежатъ исключительно одному-двумъ лицамъ (Бессарабскія и Таврическія), тогда какъ напротивъ встрѣчаются и такія изданія епархіальныя, которыя за разсматриваемое время помѣстили на своихъ столбцахъ сравнительно много серьезнаго и интереснаго матеріала. Въ этомъ отношеніи выдѣляются «Епархіальныя Вѣдомости» Волынскія, Воронежскія, Курскія, и особенно Подольскія. Объясненіе обилія матеріаловъ на страницахъ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» чрезвычайно интересно. Извѣстно, что въ подольской епархіи болѣе 25 лѣтъ функціонируетъ «Епархіальный историко-статистическій комитетъ», едва ли не единственное въ южной Россіи ученое общество этого типа, или, по крайней мѣрѣ, единственное по своей замѣтной научной дѣятельности. Кромѣ изданія нѣсколькихъ томовъ своихъ трудовъ, подольскій епархіальный статистическій комитетъ за періодъ своего существованія напечаталъ не мало матеріаловъ и статей на страницахъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Благодаря тому же ученому обществу, наплывъ статей, какъ и въ другіе годы, и въ истекшемъ году въ Епарх. Вѣд. былъ сравнительно значителенъ, такъ что Подольскія Вѣд. выходятъ не два раза въ мѣсяцъ, какъ другія епархіальныя изданія, а еженедѣльно. Хотя въ юго-зап. губер-

ніяхъ духовенство, можетъ быть, сравнительно богаче образованными представителями чѣмъ, въ другихъ губерніяхъ, но во всякомъ случаѣ, въ любой епархіи, въ кругу представителей учебнаго міра, и частію городскихъ священниковъ, духовенство имѣетъ настолько постоянный и достаточный контингентъ интеллигентныхъ представителей не только съ среднимъ, но и съ высшимъ академическимъ образованіемъ, что могло бы сгруппировать епархіальный историко-статистическій комитетъ для изученія и разработки мѣстныхъ историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ матеріаловъ, которыми богаты всѣ мѣстности юга Россіи. Всему помѣха, кажется, инертность нашего духовенства.

Благодаря отмѣченной выше особенности «Епарх. Вѣд.», именно, что содержаніе ихъ обусловливается въ большинствѣ случаевъ чисто случайными обстоятельствами, какъ присутствіе среди духовенства въ данный моментъ двухъ-трехъ лицъ съ иниціативой и литературно-научными стремленіями, трудно опредѣлить, такъ сказать, *обще-годовое* направленіе южно-русскихъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей» въ 1890 г. Единственный сюжетъ, который такъ или иначе затрогивался почти всѣми епархіальными изданіями—это расколъ на югѣ Россіи, и главнымъ образомъ штундизмъ: кромѣ рѣчей, замѣтокъ о собесѣдованіяхъ съ религіозными отщепенцами, о фактахъ возврата къ православію и обратно,—этому вопросу въ «Епарх. Вѣд.» посвящены спеціальныя статьи. Расколъ среди южнорусскаго населенія, составляющій заботу дня для духовенства,—явленіе весьма характерное. Какихъ-нибудь 200 лѣтъ назадъ среди южнорусскаго населенія не только не существовало вопроса о сектантствѣ въ православіи, но южнорусскій народъ на свой страхъ велъ самостоятельно борьбу въ видѣ козачества и братствъ со всякими попытками къ отпаденію отъ православія, къ чему имѣлъ тенденціи не только высшій правящій классъ, но и духовенство. Теперь же роли измѣнились; южнорусское населеніе въ самомъ православіи создало секты: штунду, шалопутство и пр., чрезвычайно склонно къ отпаденію отъ православія, а на защиту послѣдняго, на борьбу съ сектантствомъ выступаютъ высшіе классы и духовенство. Очевидно, произошло серьезное видоизмѣненіе въ воззрѣніяхъ южно-русскаго населенія. Къ сожалѣнію, органы мѣстнаго духовенства—«Епархіальныя Вѣдомости» не ставятъ вопроса прямо о причинахъ замѣчаемой въ послѣднее время склонности южноруссовъ къ религіозному отщепенству, а трактуютъ о вліяніи постороннихъ элементовъ на развитіе вѣроотступничества, совершенно игнорируя, что

въ XVI—XVII вѣкахъ южноруссы видѣли и имѣли соблазновъ къ вѣроотступничеству гораздо болѣе, чѣмъ въ наше время, и однако тогда южно-русская масса выступала борцомъ за православіе.

Изъ работъ, посвященныхъ расколу и сектантству, въ 1890 г. въ «Епарх. Вѣд.» помѣщены были слѣдующія: М. Бѣлова «Расколъ въ воронежской епархіи» при епископѣ Тихонѣ I («Ворон. Еп. Вѣд. №№ 3, 46—7), П. Оболенскаго, «Вѣроисповѣданіе русскихъ сектантовъ раціоналистовъ (духоборцевъ, молоканъ и штундистовъ) (ib. №№ 1, 5, 6, 9, 10 и 12); свящ. П. Петрова «Къ вопросу о борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ» - записки сельскаго пастыря» (ib. № 9); «Штундисты балтскаго уѣзда» (Под. Еп. Вѣд. № 13—14); Авксентія Стадницкаго, «Состояніе раскола и сектантства въ Бессарабіи за 1889 г.» (Кишиневск. Еп. Вѣд. № 14—16) и др.

Изъ данныхъ «Епарх. Вѣд.» за 1890 г. очевидно, что ростъ среди южно-русскаго населенія сектантства, и главнымъ образомъ раціоналистическихъ формъ его, отмѣченъ на всѣхъ пунктахъ южно-русской территоріи и по всей странѣ духовенствомъ объявлена ему борьба. Понятно, что и вызванныя этой борьбой статьи о сектантахъ посвящены по преимуществу двумъ темамъ: догматикѣ и обрядностямъ сектъ съ констатированіемъ слабыхъ пунктовъ сектантства (какъ раздоры, дробленія, внутреннія несогласія вожаковъ) и выясненію средствъ борьбы съ сектантствомъ. Между прочимъ въ «Замѣткахъ сельскаго пастыря» (Воронежск. Еп. Вѣд.» № 9) авторъ трактуетъ о непродуктивности борьбы съ расколомъ путемъ посылки миссіонеровъ и о «преимуществахъ постояннаго воздѣйствія на раскольниковъ мѣстнаго духовенства», которое въ видахъ успѣшности борьбы должно быть снабжено старопечатными и полемическими противъ раскола книгами. Гораздо интереснѣе ставятъ вопросъ о средствахъ борьбы съ сектантствомъ «Полт. Епарх. Вѣд.» —путемъ возрожденія среди южно-русскаго населенія церковныхъ братствъ, особенно живо функціонировавшихъ въ южной Россіи въ XVI—XVII вѣкахъ. Братствамъ въ «Полт. Еп. Вѣд.» посвящены двѣ статьи: Дмитревскаго «Русскія православныя братства» (№ 8), и Нарицова «Православныя церковныя братства въ Россіи» (№ 11). Хотя эти работы и ничего не даютъ новаго о братствахъ, что бы уже не трактовалось въ печати, но онѣ оживляютъ и популяризуютъ данныя изъ исторіи южно-русскихъ братствъ, какъ средства борьбы съ вѣроотступничествомъ на почвѣ народной. Остальныя статьи «Епархіальныхъ Вѣдомостей» можно разбить на слѣдующіе отдѣлы: а) біографіи южно-русскихъ историче-

скихъ дѣятелей изъ среды духовенства, б) описаніе поселеній, мѣстъ и церквей, в) изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ исторической и современной жизни южноруссовъ и г) мелкія замѣтки.

Къ первому отдѣлу относятся слѣдующія статьи: «Святой Макарій, митрополитъ кіевскій» Перепечина («Минск. Епарх. Вѣд.» № 6); «Сватый преподобный мученикъ Макарій, архимандритъ овручскій» («Полт. Вѣд». № 7), «Іоасафъ Кроковскій, митрополитъ кіевскій» (ib., № 2, 3, 4), «Іоанникій Голятовскій, богословскій полемистъ XVII ст.» («Волынск. Вѣд.» № 25 и 26), «Лаврентій Зизаній Тустановскій и его сочиненіе большой катехизисъ», Ѳ. Ильинскаго (ib. № 3—5, 15—18), «Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій» («Подольск. Еп. Вѣд.» № 34), «Амфилохій, епископъ хотинскій», Авксентія Стадницкаго («Кишиневск. Еп. Вѣд.» № 21) и того же автора—о дѣятельности митрополита Гавріила по управленію молдаво-валахскимъ экзархатомъ (1808—1812) (ib. № 10 и 12).

Большинство біографій носитъ характеръ сжатыхъ набросковъ, болѣе же обстоятельно разработаны историческія данныя объ Іоасафѣ Кроковскомъ, этомъ послѣднемъ избранномъ, а не назначенномъ митрополитѣ кіевскомъ, видномъ дѣятелѣ кіево-могилянской коллегіи въ качествѣ сначала «профессора, а потомъ и ректора ея, при которомъ построена была теперешняя Богоявленская церковь Братскаго монастыря и зданіе, извѣстное теперь подъ названіемъ стараго академическаго корпуса. При Кроковскомъ же, какъ архимандритѣ Кіево-Печерской лавры устроена была на средства Мазепы теперешняя печерская ограда съ башнями по угламъ. Но особенный интересъ очерку о Кроковскомъ придаютъ живо сгруппированныя авторомъ данныя изъ бытовой жизни XVII—XVIII вѣковъ, объ обычаѣ, существовавшемъ еще въ полной силѣ въ началѣ XVIII ст.—выборѣ себѣ священниковъ и причта изъ числа вольныхъ претендентовъ разныхъ классовъ и образованія (поповичей, дьячковъ, крестьянъ, мѣщанъ, козаковъ) и о заключеніи контрактовъ съ ними, такъ какъ въ это время южнорусское духовенство не было еще замкнутымъ сословіемъ, въ средѣ котораго частое явленіе составляли такъ называемые «дикіе попы» — священники безъ прихода, которые покупали себѣ санъ въ Молдавіи или Турціи «на вакансъ или про запасъ», бѣжавшіе изъ Польши, «иные съ избитымъ тѣломъ, со скудными клочками волосъ на головѣ и далеко неполною бородою».

Не меньшій интересъ представляетъ статья «Волынск. Епарх. Вѣд.» о Лаврентіи Зизаніѣ, напечатанная въ семи №№ и составлен-

ная на основаніи Актовъ зап. и юго-зап. Россіи, археограф. экспедиціи и многихъ другихъ сырыхъ матеріаловъ.

Во второй отдѣлъ, кромѣ замѣтокъ *объ отдѣльныхъ поселеніяхъ* (свѣдѣнія о мѣстечкѣ Бѣликахъ и его предмѣстѣ Бояркѣ кобелякскаго у., полт. губ., свящ. Романовскаго («Полт. Еп. Вѣд.» № 5), село Крапивницы винниц. у., («Под. Еп. Вѣд.» № 44) и село Клебань брацлавскаго у. *С. Л.* («Подольск. Еп. Вѣд.» № 52); о *мѣстностяхъ*: «Замѣтки о залучскихъ пещерахъ» Н. Л. («Под. Еп. Вѣд.» № 38), «Холковскія пещеры» свящ. Тимофѣева («Курск. Еп. Вѣд.» № 48), и *церквахъ* «Свѣдѣнія о бахчисарайской Успенской церкви, устроенной въ каменной скалѣ («Тавр. Еп. Вѣд.» № 2 и 5), «Панагія или Успенскій скитъ» (ib. № 6),—входятъ статьи съ систематическимъ изложеніемъ данныхъ о поселеніяхъ и церквахъ цѣлыхъ епархій, какъ-то: село Кань-Колодезь (историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ, Н. Никитина) («Ворон. Еп. Вѣд.» № 1, 2, 5, 8); «Историческія замѣтки о гор. Суджѣ и его уѣздѣ» («Курск. Еп. Вѣд.» №№ 5, 7, 34); «Древнія православныя церкви въ Подоліи» («Под. Еп. Вѣд.» №№ 11, 17, 37—40 и 42). «Краткое описаніе станицъ области войска донскаго» («Донск. Еп. Вѣд.» №№ 4, 5—9, 16—20) и «Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи («Волынск. Еп. Вѣд.» №№ 3—9, 11—36.

Почти всѣ статьи этой категоріи, какъ говорятъ уже заглавія, не только интересны, но и важны въ смыслѣ обнародованія и систематизаціи матеріаловъ для историко-географическаго изученія южной Россіи, особенно статьи Воронежскихъ, Курскихъ и Донскихъ Вѣдомостей; но положительный вкладъ въ науку составляетъ обширная работа Волынск. Епарх. Вѣд. О капитальности послѣдней работы можно заключить уже изъ того, что хотя «Историко статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи» напечатано почти во всѣхъ 36 годовыхъ номерахъ, но это только сравнительно небольшая часть труда: въ 1890 г. описано только 264 поселенія, тогда какъ въ предшествовавшіе годы было описано уже 779 поселеній, и работа еще далеко не закончена.

Правда, что большинству поселеній въ «Волынск. Вѣд.» даются сжатыя описанія, интересныя указаніемъ годовъ постройки церквей и годовъ, съ которыхъ при церквахъ имѣются метрическія книги, эти единственные источники для исторической статистики, но эти описанія сопровождаются важными подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ приводятся историческія справки изъ подлинныхъ докумен-

товъ и матеріаловъ, почему самыя примѣчанія занимаютъ обыкновенно больше мѣста, чѣмъ текстъ описаній. Но кромѣ того чрезвычайно большой фактическій матеріалъ подобранъ въ волынскихъ описаніяхъ по нѣкоторымъ поселеніямъ, игравшимъ сколько-нибудь важную роль въ исторической судьбѣ края, напримѣръ историческое описаніе г. Кременца занимаетъ восемь номеровъ Вѣдомостей; не менѣе обширно составлено описаніе с. Бѣлокриницы, м. Малый Вишневецъ, при которыхъ въ текстѣ приведены подробныя родословныя владѣльцевъ этихъ поселеній, князей Зборовскихъ и Вишневецкихъ.

По своему содержанію къ группѣ указанныхъ статей должны быть отнесены слѣдующія еще работы: «Матеріалы для исторіи курской епархіи» («Курск. Еп. Вѣд.» №№ 13—15, 17, 20—26, 28, 29, 32—33, 37 и 39), «Матеріалы по исторіи подольской епархіи», св. Якубовича (№ 41), Матерьялы для исторіи кишиневской семинаріи», А. С. (Киш. Еп. Вѣд. № 19) и «Историческія записки объ открытіи елисаветградскаго духовнаго училища» («Херсонск. Вѣд.» № 10, 11, 19—24), «Матеріалы для исторіи воронежской епархіи» (1800—1810) («Ворон. Вѣд.» № 6, 7—9). Но по интересу эти статьи не сравнимы съ первыми: это въ большинствѣ односторонній въ смыслѣ узкосословномъ, подборъ матеріаловъ административно-церковнаго характера, хотя матеріалъ нерѣдко представляется въ большихъ подробностяхъ,—напр. статья «Курск. Вѣд.» въ 17-ти №№ заключаетъ въ себѣ часть матеріала относительно Рыльскаго монастыря, куда входятъ данныя по такимъ рубрикамъ: игумены монастыря, архимандриты, настоятели и благотворительность монастыря, примѣчательныя событія, архивъ и хозяйственные документы, библіотека, утварь и зданія.

Вторая категорія статей «Епархіальныхъ Вѣдом.» является очевидно въ большинствѣ случаевъ извлеченіями изъ церковныхъ лѣтописей, которыя съ нѣкотораго времени ведутся при каждой церкви и потому представляютъ сырой матеріалъ.

Совершенно иного характера статьи, отнесенныя нами къ третьей категоріи—въ рубрику изслѣдованій,—это:

а) Статья *Н. Сенаторскаго* о епархіи въ Бѣлгородѣ («Курск. Еп. Вѣд.» №№ 22, 23, 26, 44, 45—50); б) свящ. И. Л. «Историческія свѣдѣнія о Каменцѣ Подольскомъ и его православныхъ церквахъ въ связи съ гражданскою и церковною жизнью Подоліи» («Подольск. Еп. Вѣд.» №№ 9 и 10); в) *Щеглова* «О монастырскихъ имѣніяхъ въ Бессарабіи, принадлежащихъ заграничнымъ восточнымъ монастырямъ Кишин. Вѣд. №№ 5, 6, 7).

Важность этихъ работъ та, что онѣ, по крайней мѣрѣ до известной степени, представляютъ самостоятельную разработку вопросовъ или по сырымъ матеріаламъ, или хотя по источникамъ второй руки, но съ особеннымъ освѣщеніемъ вопросовъ.

Болѣе другихъ интересна статья Сенаторскго о епархіи въ Бѣлгородѣ, какъ уже видно изъ заглавія отдѣльныхъ частей, на которыя она разбита: 1) обстоятельства, вліявшія на открытіе епархіи въ Бѣлгородѣ; 2) открытіе епархіи въ Бѣлгородѣ; 3) предѣлы бѣлгородско-курской епархіи и 4) перенесеніе архіерейской каѳедры изъ Бѣлгорода въ губ. городъ Курскъ. Кромѣ послѣдней, четвертой, части, которая представляетъ интересъ по исторіи церкви или точнѣе по исторіи церковной администраціи, три первыя части интересны для исторіи колонизаціи края, тѣмъ болѣе, что онѣ скомпанованы на основаніи довольно многочисленныхъ источниковъ, и нерѣдко провинціальныхъ изданій, какъ напр. «Матеріалы для историко-стат. описанія екат. епархіи» («Екат. Еп. Вѣдом.» 1876 г.); «Матеріалы для исторіи курской епархіи и пр., а чаще на основаніи сырыхъ матеріаловъ—«Собранія госуд. грамотъ и договоровъ», «Полн. собр. законовъ», «Указовъ Св. Синода» и т. д.

Живой интересъ представляетъ и статья «Киш. Вѣд.», въ которой, главнымъ образомъ на основаніи свѣдѣній «Сборника бессарабскаго земства» за 1875 г. № 23, обстоятельно и на исторической почвѣ представлена связь молдаво-валахскихъ монастырей съ монастырями греческими восточными, эксплуатація греческимъ духовенствомъ, временно поддерживаемымъ князьями фанаріотами, управлявшими періодически молдаво-валахскимъ княжествомъ въ XVII в.; борьба противъ наплыва греческаго духовенства и его господства въ XVII в.; усиленіе греческаго вліянія въ XVIII ст. и полное владѣніе грековъ монастырскимъ имуществомъ, и наконецъ удаленіе греческаго духовенства въ первой четверти XIX ст.

Къ типу изслѣдованій могутъ быть еще отнесены слѣдующія статьи:

Ив. Шиповича «Рожецкій или Микулинскій монастырь» (Под. Еп. Вѣд. № 26- 28), свящ. Алекс. Некропоса «Скиѳскіе памятники въ таврич. степяхъ» («Таврич. Еп. Вѣд.» №№ 11—12).

Послѣдняя статья напечатана въ «Еп. Вѣд.» по случаю открытія памятника импер. Екатеринѣ II, и состоитъ изъ двухъ частей: въ первой излагаются, главнымъ образомъ по Геродоту, свѣдѣнія о скиѳахъ, во второй, наиболѣе интересной, помѣщается подробное и

обстоятельное описаніе двухъ могилъ, ихъ раскопокъ и найденныхъ въ нихъ археологическихъ предметовъ—это «могила Агусъ и Чертомлыковая большая могила».

Аналогичнаго археолого-этнографическаго характера и статья Шиповича о Микулинскомъ монастырѣ. Составлена она на основаніи достаточнаго количества серьезныхъ русскихъ и польскихъ источнириковъ; эта работа интересна не полнотою матеріала о монастырѣ, а тѣми географическими и историко-этнографическими данными, какія она даетъ объ окружающихъ поселеніяхъ.

Въ обитателяхъ с. Микулинецъ авторъ даетъ прекрасный примѣръ, достаточно полно обрисовывающій южно-русскія поселенія XVI—XVII в.в., когда только болота, лѣса, камыши и острова спасали населеніе, отъ смерти и плѣна. Интересно, что Микулинское поселеніе, исключительно по причинѣ своего положенія среди болотъ и лѣса, въ смутный періодъ южнорусской исторіи никогда не было уничтожаемо, какъ это не разъ случалось съ сосѣдними, менѣе благопріятно обставленными поселеніями.

Не менѣе интереса представляетъ для историко-этнографа и небольшая замѣтка «Подольск. Епарх. Вѣд.» о праздновании въ Каменецъ-Подольскѣ «отпуста 29 іюня». «Замѣчательно,—говоритъ авторъ замѣтки,—что на этотъ отпустъ, именуемый «Иванецъ», собирается весьма много молдаванъ, какъ нигдѣ въ Подоліи, такъ что въ массѣ народа, бывающаго въ тотъ день въ церкви и на базарѣ, преобладаютъ молдаване, и это придаетъ отпусту немаловажное историко-этнографическое значеніе. «Отпустъ» при Предтеченской церкви начался не въ прошломъ столѣтіи, когда въ Каменцѣ господствовала унія (1699 г.), а раньше. Съ увѣренностью можно сказать, что этотъ церковно-народный обычай создался раньше XVIII в., при болѣе близкомъ свободномъ взаимодѣйствіи правой и лѣвой стороны Днѣпра, когда еще все коренное населеніе Подоліи—малороссы, были православными» (893 стр.).

Можно еще указать на слѣдующія статьи Епарх. Вѣд., общеинтересность которыхъ видна изъ самыхъ заглавій: «Къ вопросу о почитаніи дней воскресныхъ и праздничныхъ въ Бессарабіи», историческій очеркъ, свящ. Сазонта Лабатинскаго («Кишиневск. Еп. Вѣд.» № 22), «Ставленныя грамоты уніатскихъ митрополитовъ и епископовъ въ Брацлавщинѣ» («Под. Еп. Вѣд.» № 32), Ст. Длисскаго, «Предѣлы подольск. епархіи въ 1773 г.» (Ib. № 31); «Новыя свѣдѣнія по исторіи Подоліи и новыя данныя о судьбѣ великой княгини литовской

Елены (Ib. № 2)—это собственно библіографическая замѣтка съ извлеченіемъ содержанія, имѣющаго отношеніе, къ исторіи нынѣшней подольской губ., изъ вышедшихъ въ 1888 г. во Львовѣ «Monumenta Poloniae historica. T. V.»

Наконецъ, въ «Подольск. Епарх. Вѣд.» помѣщено не безъинтересное описаніе: «Освященіе памятника надъ костями человѣческими, вынесенными изъ пещеръ залучскихъ» («Под. Еп. Вѣд.» № 78). Извѣстно, что «залучскія пещеры» были обслѣдованы проф. Антоновичемъ и матеріалы по нимъ вошли въ рефератъ его, читанный въ Одессѣ на археологическомъ съѣздѣ «О скальныхъ пещерахъ по берегу Днѣстра въ подольск. губ.» Въ этихъ пещерахъ оказалась масса костей человѣческихъ, и хотя наука не опредѣлила, какому населенію принадлежатъ эти кости, но епархіальное начальство распорядилось предать ихъ христіанскому погребенію, что и было совершено съ большою торжественностью, съ участіемъ епископа.

Иродіонъ Житецкій.

Ал. С. Фаминцынъ: Гусли, русскій народный инструментъ съ многочисленными рисунками и нотными примѣрами. Историческій очеркъ. Спб. 1890 г. ц. 2 р.

Эти книги величайшаго интереса. Въ продажу поступило всего 225 экз. ея, но, намъ кажется, этого количества будетъ недостаточно въ виду несомнѣннаго спроса, который непремѣнно возникнетъ, какъ только читающее общество ближе ознакомится съ содержаніемъ этого прекраснаго очерка. Настоящая наша замѣтка, не имѣющая притязанія на значеніе критической оцѣнки, именно и имѣетъ цѣлью привлечь вниманіе нашихъ читателей къ названной книгѣ. Въ ней собраны положительно всѣ имѣющіяся въ наличности историческія и чрезвычайно многочисленныя этнографическія указанія, какія только можно было добыть изъ печатныхъ и устныхъ источниковъ, особенно народныхъ пѣсенъ разныхъ славянскихъ племенъ (великоруссовъ и малоруссовъ, сербовъ и хорватовъ, чехо-мораванъ и словаковъ и пр.) о занимавшемъ автора музыкальномъ орудіи: его употребленіи, устройствѣ и пр.; приведены снимки со всѣхъ изображеній этого орудія и сродныхъ ему (напр. такъ называем. псалтири), какія только можно было собрать изъ древнихъ рукописей, фресокъ и пр. Наконецъ, въ приложеніи помѣщены чрезвычайно любопытныя нотныя выборки

изъ стариннаго сочиненія «Новѣйшая полная школа или Самоучитель для гуслей Ѳ. Кушенова-Дмитревскаго (1808 г.), гдѣ между разными плясками, аріями (напр. изъ тогдашней оперы «Русалка». «Приди о князь ты мой драгой!») находятся нѣсколько и духовныхъ пьесъ, напр. столь любимая въ сельскомъ духовенствѣ пѣснь: «О всепѣтая мати». Вообще по прочтеніи книги у читателя остается самое полное представленіе о гусляхъ, этомъ подлинно народномъ русскомъ музыкальномъ орудіи, уже почти изчезнувшемъ изъ современной жизни, но въ теченіе многихъ вѣковъ служившимъ превосходнымъ источникомъ духовныхъ наслажденій для нашихъ предковъ, утѣшителемъ въ ихъ скорбяхъ.

Сравнительный методъ, употребленный не однажды авторомъ, и при томъ съ успѣхомъ, прекрасно помогъ выясненію вопроса о сущности гуслей, ихъ первоначальномъ и послѣдующемъ устройствѣ, строѣ и пр.; чудскія и отчасти литовскія племена, издавна подвергавшіяся вліянію русской культуры, особенно привлечены были къ сравненію (чудь даже усвоила себѣ русско-славянское наименованіе «гѫсли», преобразивъ его, согласно звукословнымъ законамъ своего языка, въ *кантеле*, *каннель* и литовское *канклесъ*). Можно только пожалѣть, что составитель книги, повидимому, не особенно хлопоталъ о собраніи свѣдѣній касательно существованія описываемаго имъ орудія, т. е. гуслей, въ южной Руси и даже не знаетъ или не нашелъ никакихъ указаній о томъ, что и здѣсь доселѣ еще встрѣчаются кое гдѣ по глухимъ уголкамъ у стариковъ священниковъ старинныя гусли, которыя, конечно, уже умрутъ со смертію своихъ владѣльцевъ, но для изслѣдователя нашей народной жизни представляютъ и долго еще будутъ представлять величайшій интересъ. Винить, впрочемъ, г. Фаминцына довольно мудрено, такъ какъ, конечно, на мѣстныхъ дѣятеляхъ науки лежала и лежитъ обязанность озаботиться собираніемъ и описаніемъ всѣхъ данныхъ о современныхъ и прежнихъ гусляхъ въ южной Руси и пріобрѣтеніемъ для мѣстныхъ музеевъ уцѣлѣвшихъ доселѣ, вѣроятно, уже въ слишкомъ незначительномъ количествѣ, мѣстныхъ южнорусскихъ экземпляровъ этого музыкальнаго орудія.

Въ заключеніе приведемъ слѣдующій довольно вѣроятный, по нашему мнѣнію, выводъ, къ какому пришелъ изслѣдователь относительно происхожденія и устройства древне-славянскихъ и древне русскихъ гуслей, на которыхъ древне-русскій баянъ вкладывалъ свои вѣщіе персты на живыя струны, а онѣ уже сами князьямъ славу рокотали: «первобытнѣйшая форма гуслей съ относительно малымъ чи-

сломъ струнъ, вѣроятно, заимствована славянами изъ Византіи [1]). У славянъ заимствовали ее финны западные, отъ которыхъ, въ свою очередь, переняли ее литовцы и латыши. Наиболѣе первобытный видъ представляютъ, вѣроятно, пятиструнныя гусли. (Мы думаемъ, впрочемъ, что, судя по «Слову о Полку Игоревѣ, въ древней Руси уже были извѣстны и болѣе сложныя гусли, по крайней мѣрѣ, десятиструнныя: Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше, но своя вѣщія прьсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху).. Нынѣ гусли въ рукахъ русскаго народа представляютъ весьма рѣдкое, исключительное явленіе и, судя по гуслямъ Трофима Ананьева, находящимся теперь въ музейномъ собраніи петербургской консерваторіи, свой болѣе усовершенствованный видъ (напр., многострунность) могли заимствовать въ свою очередь отъ эстовъ.

А. Степовичъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы 7—8.—Русская Мысль 7—8.—Сѣверный Вѣстникъ 7—8.—Русская Старина 7—8.—Русскій Архивъ 7—8.—Историческій Вѣстникъ 7—8.—Русскій Вѣстникъ 7—8. Русское Обозрѣніе 7—8.—Наблюдатель 7—8.

Вѣстникъ Европы VII. А. В—нъ. «Новѣйшая русская литература».—Подробный разборъ вышедшей недавно—«Исторіи новѣйшей русской литературы» Скабичевскаго, въ которой между прочимъ разбираются и произведенія Т. Г. Шевченко (стр. 344—345).

— **VIII.** Александры Ефименко. Малорусское дворянство и его судьба (гл. I—VIII). Историческій очеркъ возникновенія и роста дворянства въ Малороссіи послѣ Хмельницкаго и закрѣпощенія крестьянъ (стр. 515—569).

---

[1]) Въ примѣчаніи г. Фаминцынъ говоритъ, что между сокровищами, выкопанными Шлиманомъ изъ открытыхъ имъ развалинъ Трои, находится два предмета, принимаемые Шлиманомъ за обломки музыкальныхъ инструментовъ, называемыхъ имъ лирами... Еслибы объясненіе Шлимана оправдалось, то мы имѣли бы доказательство тому, что типъ орудій, подобный разсматриваемому нами типу гуслей—кантеле, канклесъ—извѣстенъ былъ уже въ древнія времена въ Малой Азіи, куда онъ проникъ, какъ видно изъ данныхъ, собранныхъ г. Фаминцынымъ, изъ древней Ассиро-Вавилоніи вмѣстѣ съ разными другими предметами образованности, и изъ Малой Азіи уже перешелъ и въ Европу.

Русская Мысль VII. Въ библіографическомъ отдѣлѣ — очень краткая рецензія на «Вольности запорожскихъ козаковъ» Эварницкаго (стр. 314).

— **VIII** Вс. Миллера.—Экскурсы въ область русскаго эпоса (продолженіе). Черты сходства былины объ Ильѣ Муромцѣ съ былинами иранскаго эпоса (стр. 88—122).

Сѣверный Вѣстникъ VIII. Н. Астыревъ. Одинъ изъ вопросовъ дня (начало). Данныя къ выясненію вопроса о поземельныхъ и сервитутныхъ отношеніяхъ между частными владѣльцами и крестьянами въ юго-западномъ краѣ (стр. 225—248).

Русская Старина VII. Н. А. Бѣлозерская.—В. Т. Нарѣжный—продолженіе біографіи (стр. 1—23).

Записки Θ. И. Іордана.—Автобіографія. Очень краткія замѣчанія о Н. В. Гоголѣ, съ которымъ авторъ былъ одновременно въ Римѣ въ 1836 и 1837 г. (стр. 33, 55 и 58).

— **VIII.** Бѣлозерская. Окончаніе біографіи и разбора произведеній В. Т. Нарѣжнаго (стр. 209—238).

Записки Іордана. Разсказъ о чтеніи Гоголемъ «Ревизора» въ Римѣ съ благотворительной цѣлью (стр. 247—249).

Семеновъ, П. Г. Рѣдкинъ. Некрологъ этого извѣстнаго ученаго и общественнаго дѣятеля, малоросса по происхожденію, родившагося и получившаго первоначальное воспитаніе въ г. Ромнахъ, полтав. губ. (стр. 311—326).

Въ замѣткахъ: Письмо Григорія Сковороды къ Черткову (стр. 403).

Русскій Архивъ VII. Въ приложеніи: «Записки Ф. Ф. Вигеля» — авторъ продолжаетъ свои дѣтскія воспоминанія о жизни въ Кіевѣ въ концѣ прошлаго столѣтія и о видныхъ представителяхъ кіевскаго общества того времени (стр. 49—97).

— **VII.** Въ приложеніи: Записки Вигеля (продолженіе). Описаніе жизни и нравовъ богатой дворянской семьи кн. Голицына, въ домѣ котораго (недалеко отъ Кіева) авторъ прожилъ цѣлый 1799 годъ (стр. 115—142).

Историческій Вѣстникъ VII. Воспоминанія С. В. Скалонъ. Продолженіе дѣтскихъ воспоминаній о жизни въ Малороссіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія (стр. 50—64).

Въ отдѣлѣ:—Заграничныя историческія новости—Краткій отзывъ о переведенномъ Гартъ-Девисомъ на англійскій языкъ «Ревизорѣ» съ біографіей Гоголя (стр. 214—215).

Въ отдѣлѣ Смѣси—замѣтка по поводу 25-ти лѣтія каменецъ-подольской публичной библіотеки, исполнившагося 1 января 1891 г. (стр. 234—235).

— **VIII.** И. Любарскій. Воспоминанія о харьковскомъ университетѣ 1850—

1855 гг.—Воспоминанія автора о жизни студентовъ и о профессорахъ университета первой половины шестидесятыхъ годовъ (стр. 373—393).

Въ отдѣлѣ: Критика и библіографія—краткая рецензія на «Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. Часть седьмая, т. II» (стр. 490—491).

Въ отдѣлѣ Смѣси: замѣтка объ археологической находкѣ бронзоваго періода г. Эварницкаго въ екатеринославской губ., александровскаго уѣзда, въ д. Богодарѣ (стр. 522).

Русскій Вѣстникъ VII. Въ отдѣлѣ: «Изъ жизни и печати» — выдержки изъ отчета г. попечителя кіевскаго учебнаго округа за 1890 г. о состояніи церковно-приходскихъ школъ, чешскихъ и нѣмецкихъ училищъ въ юго-западномъ краѣ (стр. 369—375).

Опечатки

въ статьѣ: „И. Ѳ. Тимковскій“ въ августовской книжкѣ:

Стран. 225,	стр. 12	сверху,	напечатано:	„министер*ству*	надо:	„министр*у*“
„ 235	„ 13	снизу	„	„*по*вала“	„	„*на*пала“
„ 236	„ 2	сверху	„	„лиши*вшаяся*	„	„лиши*ться*

Дозволено ценз. Кіевъ, 11-го сентября 1891 г.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXIV, 1891 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

велено сотникови сторожемъ глинскимъ послать везде. Въ роменской сотнѣ указъ данъ Івану Евстафѣевичу да Михаилу Петрову медъ продавать. До зборщиковъ константиновскихъ писалемъ о привозѣ сюда меду. Отецъ Пясецкій, намѣстникъ красногорскій, и отецъ Фома Збриській были и обѣдали. Зъ Глухова подводи повернулись 3, на которихъ припроважено кухви горѣлки, зъ Тулиголовъ взятой, мѣрою у полдесяти посатки, да тютюну папушъ 2000. 1000 папушъ тютюну послалемъ до обозу зъ листомъ, къ Юску и Гаврилу писаннимъ, жебы взяли оній зъ собою. Зъ Глухова писма привезени и отъ господара, и отъ п. Андрѣя. Братъ п. Андрѣй пріехалъ. Подводчикамъ тамъ казалемъ еще по 5 алт. дать. До пѣратинского писалемъ о присилкѣ сюда писара Петрановского. Писаръ полковій Савѣцкій отехалъ до Луговиковъ отсюду, которому и листовъ два, для пересилки въ Лубнѣ, далемъ, еденъ до Ісаи Івановича, о лѣкарствахъ зъ рецептомъ, а другій до Стефана Стефанова, зборщика, въ которомъ и тотъ листъ включенъ, жеби онъ тіе лѣкарства, отобравши и заплативши, прислалъ. Указъ Івану Остапенку и Михаилу Петрову черезъ Яновского данъ, жеби вѣдерко меду, подлого, середного и лутшого, зваживши, дали о томъ знать мнѣ, сколко заважитъ пудъ.

11. Послали въ Глуховъ доношеніе въ коллегію о меду зборномъ, якъ оного продавать, тако жъ и о імбарахъ для хлѣбного збору, а послалъ черезъ козака атаманъ роменскій. До п. Андрѣя отвѣтъ, до господара два листи: еденъ о господарскихъ інтерессахъ, а другій зъ напомненіемъ за......... (?) противъ п. Андрѣя. Братъ п. Андрѣй зъ Сумъ пріехалъ. П. атаманъ роменскій, зъ Калнѣцкимъ ездившій до обозу, розискивать о побитю учинившомся, повернулся и писмо отъ старости коровин. привезлъ благодарное, что сатисфакцѣя учинена и онъ доволенъ.

12. Неделя. Тютюну присланного зъ Глухова возъ послалемъ до обозу, на низъ идучого, которій въ кулики 4 зложили, а показалось папушъ 950, а не 1000. Авдиторъ Зубовъ отъ князя Галѣцина, зъ Ахтирки, пріехалъ осведомится о дракгунахъ болнихъ и умершихъ. Коваля сторожа послали до обозу, а писала панѣ до

Юска, жеби чужихъ возковъ, подъ именемъ родителскимъ, не провадилъ и въ судно не бралъ бы, а я до Гаврила, жебы 2000 тютюну взялъ зъ собою, а 800 безъ 50 отдалъ би В....... (?). Да ему жъ послалемъ еще на дорогу грошей рублей 3. Писалемъ до Юска, жебы хорта, отъ Зарудного дарованного, а взятого зъ собою, завернулъ. П. Павлова лохвицкая пріехала въ Роменъ, и зъ Кролевця госпожа Демянова.

13. Сторожъ чигириндубровскій зъ писмомъ отъ тамошней старшини пріехалъ роспечатаннимъ, которое було въ рукахъ писара Савѣцкого. Да онъ же привезлъ грошей козакамъ, обрѣтаючимся при Сулаке, зъ домовъ ихъ 307 зол., якіе онъ же и повезлъ до табору, о чомъ до наказ. сот. ром. писалемъ. Онъ же отъ атамана чигир. привезлъ моихъ позиченнихъ ему 6 рублей. Справи чолобитчиковъ судились и многіе. Бутурлимови кафанъ стар.. ...(?) далемъ. Коваль сторожъ повернулся и хортовъ двохъ привелъ отъ Юска конюшого, взявшого ониxъ. Орановскій поехалъ, которому и наказъ далемъ въ пунктахъ 10. Сотникъ чорнускій обѣдалъ у насъ etc.

14. Леско сторожъ зъ Хорола и Сорочинецъ повернулся зъ отвѣтнимъ писмомъ обозного миргород., въ которомъ отвѣтуетъ готового себе бити до занесення справи о злодюгахъ въ коллекгію. Железо посланъ въ Глуховъ, въ коллекгію, зъ доношеніемъ, чтобъ велено розискать о козакахъ нововписнихъ въ маетностяхъ родителскихъ и чтобъ велено по прежнему зъ курѣнской греблѣ приходъ брать розмѣровій до двора родителского. Чорнускій сотникъ отехалъ домой и пѣратинскій, которому объ отцу Фомѣ предлагалемъ. Хведчунъ явился знову, что не пропускаютъ товару моего.

15. Въ пасѣку свою на Плавинище ездилемъ, где пчоли было 39, и зъ тоей 2 подлихъ. Отецъ Іоанъ, началникъ пустинки Мутинской, пріехалъ. Петровскій явился по розиску, въ Вовковцяхъ учинившомся. Отцу Збрискому инстанцѣялніе объ немъ, къ архиерею кіевскому, писма послалемъ. Романъ молодикъ пріехалъ и привезлъ купленного собою меду кухву повную, а въ ней, по его сказцѣ, вѣдерокъ мѣри сенецкой 14, и особливо вѣдерко едно патоки. До Луки отправили черезъ засулцовъ кухву горѣлки, въ якую 4 вѣ-

дерки води досипали и полъ кухви соли. У шинку своемъ былемъ, где видѣлемъ новихъ не оббитихъ палубовъ своихъ 3, 1 палубъ старій оббитій, возъ воловий цѣлий, другий цѣлий же, новий, конній, и третего снасть, опрочъ колѣсъ и драбинъ. По отправѣ Гаврила молодика, осталось воловъ моихъ на Куцупѣевщинѣ 14, которіе и мастю въ Ромнѣ переписали.

16. До обозного миргородского знову, черезъ сторожа глинского, писалемъ, склоняя его до злагодного помѣркования. П. Федору Билиму и Василю Дяченку указъ далемъ править дѣла полковіе по моемъ отездѣ, до которихъ въ присидящихъ придани Петро Верещака и писаръ пѣратинскій. Черезъ старостиху Сухоносовскую писалемъ до Орановского о присилцѣ тютюну, 2500 папушъ, въ Роменъ. Сотникъ наказ. ром. Савуско повернулся и привезлъ реестра козаковъ.

17. Роману, молодику, казалемъ отправить въ Глуховъ коней 3, у хуторъ, кухву тую, купленную, меду, въ якой вѣдерокъ 14. по его словамъ, а ваги сороковихъ пудовъ 25 безъ 8 фунтовъ; такъ же 10 барановъ до пана Андрѣя, а на насѣнне 12 четвериковъ пшеницѣ, а жеби сіе запроважено было до Каменя, а зъ Каменя, чтобъ Ігнатъ отослалъ въ Глуховъ, писалемъ къ нему. Виехалемъ въ Ахтирку рано, а по виездѣ моемъ, пожаръ въ Ромнѣ учинившись, спалилъ дворовъ не малое число за мѣстомъ и въ мѣстѣ, где и отца намѣстника дворъ зовсѣмъ згорѣлъ. Перевюзшись черезъ Псіолъ у манастира гадяцкого, ночовалемъ якъ би у полъ-милѣ.

18. Поехавши оттуду, переехалемъ Веприкъ и обѣдалемъ, якъ би отъ него верстъ у 3, куда и Мартинъ молодикъ пріехалъ зъ Ромна зъ бутилми (?) водки, до князя данними. Поехавши оттоль, пріехалемъ до манастира ахтирского и противъ оного, на низу, ночовалемъ. Зъ обѣда черезъ почтара писалемъ до Билима и другихъ, чтобъ зслѣдовали, кого недостаетъ въ походѣ нинѣшнемъ и зъ якой сотнѣ, и о томъ бы заразъ писали до сотниковъ, о висилцѣ.

19. Неделя. Пріехалемъ рано въ Ахтирку и сталемъ за городомъ, въ левадѣ п. Василя, брегадирского зятя. Бувъ въ князя Михайла Михайловича Голѣцина, который мене милостиво принялъ

и, по службѣ Божой, обѣдалемъ у оного и до подпитку трактованъ былемъ; оттоль пошовши, бувъ у суддѣ Матвѣя Боярского. Принесени писма зъ Ромна, еденъ отъ старшини о пожежѣ и зъ Глухова отъ п. Андрея, о господаревихъ поступкахъ. Присилалъ до мене князь, жебы до завтройшого дня позабавилея, а онъ поехалъ поліовать, где и ночовалъ. Марковскій отъ полковника стародубовского присланъ до князя о зведенню мекленбурцовъ, который у мене и ночовалъ.

20. Былемъ у секретаря княжого Василія Григор. Бѣрулева и у сотника Боярского, у которого о Копилу розговорувалемъ. Обѣдали у мене Бѣрулевъ и конюшій княжій. Сторожъ глинскій повернулся зъ листомъ отвѣтнимъ отъ миргородского обозного, въ которомъ обявляетъ о волахъ моихъ и коняхъ, что оніе до розиску и вершенія дѣла, не отданни мнѣ будутъ. Черезъ Марковского писалемъ до п. Андрѣя, въ Глуховъ, и листъ до Левенца включилемъ въ его листъ, писанний о въ турму посаженнихъ моихъ людяхъ. У вечеру бувъ у Полянского, оберъ-криксъ-коммиссара.

21. Рано пріѣхалъ Хведчунъ зъ Копиломъ и явились мнѣ у моего становиска, а Копилови являтись ли до полковника ахтирского, или вернутись, отвѣту жадного не чинилемъ, и поехавши въ городъ, до князя, зъ дороги послалемъ Івана Ющенка, отказуючи ему, жобы онъ у мене не бувалъ, але якъ собѣ хочетъ, такъ бы и чинилъ. У князя по службѣ божой былемъ, где кушалемъ и, по кушанню, отклонилемся. Заехалемъ до полковника ахтирского Алексѣя Лесевицкого, где архидіякона бѣлогородского, архиерея Тихорского засталемъ, и когда съ хати съ полковникомъ, випроважавшимъ мене, вийшлисмо, въ тотъ часъ на дворѣ полковничомъ, и овихъ Хведчуна и Копила увидѣлемъ. Писалемъ до архиерея бѣлогородского и листъ отцу архидіякону, черезъ сторожа пѣратинского, отослалемъ.

22. До себе Хведчуна призвалемъ и, увѣдомившись зъ его словесного донесения, что зъ девяти воловъ моихъ, осталось 7, и то зъ прикупленними отъ его, а тютюну папушъ 2300, якие купилъ, продавши рибу мою вялую и солсную, имъ же въ Черкаскомъ куп-

ленную Далемъ ему еще грошей червонихъ два и такъ его отправилемъ. Атютантъ княжий Петръ Григоріевичъ Василковъ писмо мнѣ княжое далъ о солдатахъ болнихъ, оставленнихъ въ шпиталѣ роменскомъ, жеби о нихъ потимъ, когда чили оздоровѣютъ, чили тожъ умрутъ, увѣдомилъ его сіятелство. Виехалемъ зъ Ахтирки передъ вечеромъ, а ночевалемъ якби миль у двѣ, на той сторонѣ Комишовъ. Едучи, нагналемъ двохъ козаковъ пѣратинской сотнѣ села Перервинецъ, зъ табору домой ворочаючихся, которихъ когда спиталемъ для чого вернени, подали мнѣ отпускное писмо Савви Мокіенка, атамана чер. данное имъ. Атаманъ николаевскій [1]), посланний до табору зъ Ромна отъ Билима и Дяченка, споткалъ мене на дорозѣ и подалъ писмо къ мнѣ писанное отъ ихъ, въ якомъ виражаютъ о томъ, что о недосталномъ числѣ товариства писали они жъ до старшинъ, чтобъ висилали вслѣдъ за таборомъ, а до наказного послали репорти отъ сотниковъ, ко мнѣ присланніе, въ якихъ виражено, сколько товариства и хто по именни випроважени въ походъ; зъ тимъ теди ихъ писмомъ и зъ репортами, велѣлемъ ему атаману ехать, наздоганяючи полкъ лубенскій, обрѣтаючійся около Харкова.

22. Зъ ночлега отправилемъ рано сторожа пѣратинского Божка, въ Ахтирку, до князя зъ писмомъ, питаючись, если безопасно позволить ити въ Кримъ купеческимъ людямъ, и давать ли имъ подорожніе, о чомъ до атютанта и до Бѣрулева писалемъ. Поехавши оттоль, обѣдалемъ переѣхавши Веприкъ къ Гадячу, якби у полъмилѣ, а ночовалемъ въ Андріевцѣ, позно пріехавши туда.

23. Въ Андрѣевцѣ служби божой слухалемъ; поехавши оттуду, пріехалемъ въ Луку на обѣдъ и засталемъ родителку и свою (жену?) и многихъ гостей, въ попа отца Федора, где и подпіяхомъ. Братъ п. Андрѣй до Девейзбаха посиланъ былъ въ Андріяшовку зъ писмомъ объ Андрѣевцѣ и привезлъ склонний отвѣтъ отъ его до родителки. Панъ Григорій (Журавка) швакгеръ преставился.

24. Сказали Адаму въ Кримъ готоватись. Отцу протопопѣ лохвицкому Имшенецкому двѣ писмѣ далемъ, sub volanti sigillo на-

---

[1]) Село Николаевка, роменскаго уѣзда.

писанних до архиерея, едно от родителки, о отцу Филиппу, а другое от мене об отцу ігумену мгарском Роgалском, инстанціялніе. Сотник лохвицкій поехал в Глухов. Бабак лохвицкій був и говорил многая об обозном. Родителка з женою моею отехала на Короваи.

25. Брат п. Андрѣй отехал з Луки в Ромен и оттоль в Суми, я хорта завел Мазана. Алексѣец пріехал и конѣ лошаки чернѣговскіе з собою привел. Подполковник полку Інгермоландского Редкин, идучи в лаgер до Гавронец, був по службѣ у мене и, напившись водки, отехал. Писма привезени ко мнѣ з Ромна родителскіе, з крѣпости писанніе, о Несторовичу, посланном в Москву оттуду.

26. Неделя. Комисари полковіе Вишневскій и Григорій были у мене и по обѣдѣ отехали. Сотник глинскій наказ. Василій пріехал. Гудименко з писмами родителскими до родителки отправлен. Мартин молодик, посиланній отсюду за хортом, повернулся з оним и з вином стоянцем (?) и бутилками двома. Алексѣец отправлен в Кривую Руду, из листами до Милорадовича о степу Коломійченка и до атамана лубенского о найму людей до футора. Он же тих чернѣговских взял лошаков, з которих едного злегчати, а другого оставити на дрикганти казалем. З Чигирин-Дуброви писано ко мнѣ о забитом человѣку от дракгуна.

27. Цис, наказній сотник лохвицкій, пріехал, которому тое, что подбивал людей на нас, виговорувалем, а писар лохвицкій на себе и сказку дал, что он писал суплики з повелѣнія их. Тому Цисеви велѣлем розисковать тут, у Луцѣ, з Михайлом ревизором о натягненном на старосту убійствѣ от мужиков и о злодѣйствѣ Далилоя (?) и других у здешних же селян. Сторож лохвицкій Ничипоренко скаржился на Лукаша, зборщика лохвицкого, что кухву гор. взял у его и нещадно его бил.

28. Железо повернулся з Глухова з нѣщим. Хоружій Бутурлим пріехал. По розиску показался: староста не виноват, а Далилой порочен. Мужики лучанскіе и два з козаков стутники (?)

наказани. Мартинъ молодикъ посланъ въ Роменъ для виправи возковъ въ Кримъ; ему жъ дано грошей рублей 5 и болшъ у шинку велено у взяти. До Волжина посилалемъ листъ о заводѣ хоролскомъ.

29. П. Андріяшъ пріѣхалъ ко мнѣ. Цисъ отправленъ въ Лохвицю. Романъ молодикъ пріѣхалъ и зъ шинку лубен. привезлъ 5 рублей. Получилемъ указъ зъ енер. канцелляріи за подписомъ колежскимъ о даванию подводъ безъ прогоновъ князю Трубецкому и при ему обрѣтаючимся инженѣру и гедиозистамъ, мѣючимъ осмотрувать дороги подле Днѣпра. При томъ же указѣ и листъ правителей зъ требованіемъ вѣдомости отъ мене: жиди и другіе постороннiе купци сукна и матеріи гуртомъ ли или въ раздробъ торгуютъ, по якомъ определѣнiю?

30. Получилемъ листъ отъ п. Павловой о подданихъ ея, не хотячихъ слушать, такъ же и о Андріенку, винномъ ей же, до которой и отвѣтовалемъ, а о подданихъ писалемъ до Бутурлима, жеби, туда зехавши, смирилъ, а о Андріенку до Цися, жеби до отдання долгу его принудилъ. До Билима и Дяченка писалемъ въ Роменъ о продажѣ меду зборного. Укази отъ себе въ полкъ, противъ принесенних указовъ, писалемъ. Черезъ Москалця, жителя роменского, послалемъ грошей рублей 5 Мартину, взявши у Романа для виправи у Кримъ. Отъ Івана Остапенка о меду, якъ его продавать, доношеніе.

1. Май. Укази мои, написанніе противъ указовъ 29 числа принесенних, послалемъ въ сотнѣ козаками лучанскими. Василь Дейнека, бувши тутъ, далъ карту за рукою о поступкахъ Кальнѣцкого, и зъ тимъ отехалъ, что мѣлъ дать грошей рублей 30 мнѣ, якихъ будто 134 зол. виненъ Кальнѣцкому, а не 50 рублей. Андріяшъ отехалъ. Далилою и другому, здешнимъ козакамъ, наказалемъ ехать шукать своихъ синовъ, въ злодѣйствѣ показавшихся, а если не зищутъ, то жебы сами платились за ихъ проступство. До Бутурлима писалемъ, чтобъ онъ осмотрѣлъ степу Федора Коломийченкового и козакомъ лучанскимъ листъ посланъ.

2. Лѣкарство—пявки принималемъ. Листъ зъ канцел. енер. присланъ о уменшенню компанѣйцевъ у селахъ Троцкой. Другій

листъ, оттуду жъ, о присилцѣ сторожовъ двохъ въ Глуховъ на мѣсяцъ, для отвозки, куда потреба укажетъ, зъ оной канцелляріи писемъ. Бутурлимъ и Григорашъ, посиланніе въ Чернухи ради постановлення атамана, писали ко мнѣ, доносячи, что за завзятестію сотника невозможно было Янковского, которого и многіе хотѣли, учредить. Сотникъ чорнускій за тимъ же, жебы ему не быть, пріездилъ сюда.

3. Неделя. Сотникъ чорнускій отехалъ отсюду зъ тимъ, чтобъ одержатись зъ атаманствомъ до повороту род. Заборовскій пріехалъ просить на веселній свой актъ. Романъ молодикъ посланъ въ Роменъ на перемѣну Мартина; черезъ его жъ писалемъ листъ и въ ономъ інформацію о покупкахъ до Адама. Бутурлимъ, хоружій пол., повернулся зъ Чернухъ.

4. Прапорщикъ Волжинъ зъ Романовичемъ, повернувшись зъ Городища, были тутъ у мене въ Луцѣ. Заборовскій отехалъ. Черезъ сторожа лохвицкого Ничипоренка послалемъ въ Глуховъ до правителей отвѣтъ о полученнихъ указахъ и объ отставцѣ сторожовъ. До Кошеліова такъ же писалемъ, просячи себѣ наставленія о продажѣ меду. Такъ же до п. Андрѣя и до Остапа, о господарскихъ поведеніяхъ. Зъ Чигиринъ-Дуброви прислано осятровъ два. По старосту, войта и атамана присланъ указъ ехать имъ въ Глуховъ (лучанскихъ).

5. Указъ данъ Бутурлиму ехать въ Токарѣ, и тамъ атамана Боженка скинуть, а прежнего поставить. Атаманови лучанскому казалемъ ехать едному въ Глуховъ, противъ жалоби Петренка отвѣтствовать, за которимъ и писмо до правителей писалемъ и до роменской старшини писалемъ о томъ же, чтобъ писмо дали. До той же старшины писалемъ о продажѣ меду, отвѣтуючи на доношеніе Остапенка, и о болнихъ дракгунахъ. До чигиринъ-дубровской старшины объ отвозѣ меду въ Лубнѣ писалемъ, а о пріемѣ онаго до лубенской. До пѣратинского наказного писалемъ о присилцѣ въ Луку двохъ злодѣевъ, подездившихъ подъ футоръ п. асаулиной. До Цися о зятеви, что онъ не бивалъ ли въ Сѣчѣ, писалемъ. Виехалемъ зъ Луки передъ вечеромъ, а пріехалемъ позно на ночь въ Сухоносовку.

6. Писалемъ зъ Сухоносовки до старости короваювского, чтобъ онъ до винницѣ моей зъ ярмарку пѣратинского купилъ кадокъ три и протчіе посуди. Сотникъ чорнускій пріехалъ и презентовалъ атамана наказ. чорнуского. Онъ же сотникъ подарилъ пару кадей. У пасѣцѣ былемъ и видѣлемъ пчоли цѣлой 91 улей. Поехавши зъ Сухоносовки по обѣдѣ, пріѣхалемъ на ночь въ Юсковцѣ.

7. Зъ Юсковецъ поехавши, пріехалемъ къ перевозу оржицкому и тамъ обѣдалемъ; оттоль поехавши, приехалемъ ноччю у футоръ свой криворудскій. Коронацѣя императрици била.

8. Четвертака, вороного лошака, родител. дарованного, проучували, и рижострокатого. Чигириндубровскій атаманъ бувъ и двохъ короповъ привезлъ свѣжихъ. Два укази зъ коллегіи получилемъ: 1, о присилцѣ для свѣдителства въ оную коллегію, въ интересныхъ дѣлехъ, Михайла Кривого пѣратинского, а 2, отвѣтній о меду, чтобъ по прежнему указу продавать оной. Чобилу (?) приблуду Кузка лукомскій припроводилъ зъ собою. Мартинъ молодикъ повернулся зъ Ромна и на писмѣ далъ вѣденіе о виправленнихъ возахъ моихъ у Кримъ трохъ, на которихъ тютюну лутшого каменей 20 и 5 фунтовъ, подлѣйшого 51 камень; папушъ зась всѣхъ числомъ 3460, а такъ ваги всего тютюну: каменей 71 и 5 фунтовъ. Горѣлки кухва простой, заправлюваной носаткою оковитой, а въ ней ваги 32 каменѣ, а кухва особливе положена въ трохъ каменяхъ; и масла кухва, а въ ней ваги самого масла 28 каменей, а кухва 3 каменѣ. На тую жъ дорогу Адамови дано грошей 20 таляръ. У Василя Дейнеки Мартинъ, по указу моему, отобравши 30 рублей, зъ тихъ то грошей 20 талеръ далъ Адамови, а 30 талеръ ко мнѣ сюда привезлъ; особливе привезлъ червоних два, отобравши отъ Романа Молодика, а зъ тихъ 10 рублей, даннихъ ему Мартинови, стратилъ на дорогу кримскую, купуючи дещо, особливе задатку двомъ далъ гайдаямъ 10 зол., а третему гривню, и еще для того жъ задатку Романови рубля оставивши; стратилъ всего 32 зол. и 7 шаг., а въ его осталось 17 зол. и 3 шаг. Бѣлого дрикганта позичилемъ Андріяшу, якого молодикъ его и взялъ зъ собою.

9. Слизкоухъ, за безчестіе мое, покаранъ кіемъ. Атаманъ горошинскій подалъ супплѣку на горошинцовъ, именно: Івана Ілляшенка за многіе безчестія ему чинячіеся, по якой оніе зисканни, и Уласа ктитора, ухилившогося отъ походу, за тое положили и вдарили 4 раза, а потомъ отпросили старшина. Указъ посланъ черезъ сторожа лубенского Кабанниченка до Юска Василченка, жебы Михайла Кривого зъ Пѣратина въ Глуховъ, до коллекгіи, запровадилъ. Данъ указъ сотникови наказ. лукомскому о продажѣ меду и о репортѣ, другій—о вспоможенню въ форпостахъ по 50 человѣка, 3, о утвержденіи атамана и войта въ Горошинѣ, чтобъ впредъ не скидано. До роменской старшини писалемъ о писмѣ князя Голѣцина, о пропуску въ Кримъ. Ездилемъ оглядать копцовъ, около футора моего починеннихъ по могилахъ, а отъ футора Григор. Горошка по рудку. Въ криворудскомъ футорѣ показалось, по картѣ Орановского, статку всего: дрикгантовъ 7, семій бѣлій, Андріяшу позиченъ, кобилъ зъ лошатами 24, яловихъ и жеребнихъ 44, коней иждждалихъ 6, неижджалихъ, пятаковъ 5, четвертак. 5, и третяковъ—17, стрижаковъ—17, лошатъ—24, стрижокъ—12, итого 161. Товару: коровъ дойнихъ 44, яловихъ—31, бугаевъ—5, воловъ рабочихъ—20, четвертаковъ—13, третяковъ—21, доблятковъ—12, назимковъ—12, третякъ—22, назимокъ—13, телятъ—бичковъ—18, теличокъ—18, итого 229.

10. Неделя. Поѣхавши рано зъ криворудского футора, обѣдалисмо противъ Мойсѣевки, гдѣ ляхъ, шинкаръ горошинскій, за арештъ взятъ и посланъ въ Лубнѣ. Іляшенку и другимъ козакамъ двомъ простилемъ, а они передомъ карту дали за подписомъ писара лукомского, уступаючи степу до футора моего по концѣ. У футорѣ криворудскомъ взялисмо молодихъ коней четвертаковъ 3, 1 гнѣдій лисой, 2 вороній бѣлоногій, 3 вороній, а оставилисмо тамъ ижджалихъ 3, для отпасу. Еще жъ взялисмо вороного лошака, род. дарованного, молодого и ижджалого вороного, бѣлоногого. Оставленни тамъ конѣ: 1, гнѣдій четверній, 2, рижій шинкар., 3, кобила сухоносовская. Еще жъ браку оставилисмо тамъ коней 7, зъ которихъ 5 велѣлемъ гнать въ Роменъ, зъ овцами. Получилемъ указовъ

2 зъ канцеляріи: 1, объ обученіи людей дѣлать фашини, 2, о даванню свѣдителствъ зъ городовъ посадскимъ, а отъ помѣщиковъ крестьянамъ—взглядомъ подрадовъ. Тамъ же и 3 указъ объ описѣ, коя . . . . (?) зъ коллекгіи въ сенатъ, и отъ правителей о денги на церковъ печерскую. Особливо 2 указа зъ коллекгіи получилемъ: 1, о подрадѣ вина, а 2, о дѣлахъ, которіе тайности подлежатъ. Въ Лубнѣ пріехалемъ при заходѣ слонца, где засталемъ у родителки полковникову миргородскую, которая долго сидѣла въ ночъ и вечерала.

11. По службѣ божой у Ісаии Івановича, аптекара, былисмо, и тамъ кагве напившись, до панеи Івановой, а оттоль до аптеки пошлисмо, оставивши п. Корнѣя болного; въ аптецѣ долго замедлѣли, где водкою почтувано. Потомъ до п. Троцкой зайшлисмо, а оттоль поехали въ Александровку на обѣдъ. Тамъ отецъ Петро лукомскій явился, прося управи зъ своихъ злочинцовъ, покравшихъ у его гроши. Кодинця старого синъ [1]) подалъ суплеку о покраденнихъ волахъ его.

12. Писма получилемъ зъ Глухова отъ швакгра п. Андрѣя и господара о розниxъ поведеніяхъ господарскихъ, особливо о саду и о 9 кухвахъ гор., въ Тулигол. обрѣтаючихся. Между тими писмами, писма отъ п. Несторовича получилемъ, зъ которихъ въ едномъ пишетъ о своемъ въ Москву апр. 4 прибитіи, где надѣется милости монаршой и на пославшихъ, и на себе. Писма послалемъ 2: 1, до сотника наказ. лукомского, о межѣ учиненню зъ горошинцями, 2, до Орановского, о томъ же, и объ осторожности при футорахъ, взглядомъ пожежи отъ хоролцiовъ. Отправилемъ въ Глуховъ сторожа чорнуского до Яснополского, швакгра и господара. Въ монастиръ лубенскій пріехалемъ и тамъ служби божой слухалемъ. Тамъ же получилемъ писмо отъ Еропкина Александра, пріѣхавшого въ Лубнѣ, которій проситъ о колеса задніе, къ которому и отписалемъ. Занковскому—о присилцѣ осятровъ двохъ и упомненюся у п. Івановой о коновцѣ, предлагалемъ. Атамана лубенского, за побитте писара

[1]) Повидимому, говорится о Мартынѣ Кодинцѣ, бывшемъ въ 1728 г. лукомскимъ сотникомъ.

тамошнего, наказовалемъ. Ему жъ говорилемъ о присилцѣ допросу, надъ ляхомъ учинившомся. До Тишокъ пріехалемъ на обѣдъ, где родителка у столу говорила о дарованнихъ отъ себе намъ 50 бранкахъ овцахъ зъ ягнятами тилкомажъ и 5-ма баранами, и объ обѣщанной четвернѣ коней. Зъ Тишковъ писалемъ до Занковского о намѣренной отъ хоролціовъ пожежи хутора и до атамана лубенского черезъ Сухомузкого, о присилцѣ сказки ляха. Сотникъ лубенскій, ворочаючій въ домъ зъ Бубнувъ, бувъ тамъ же и видѣлся зъ нами. Листъ получилемъ отъ Романа молодика зъ Ромна, въ якомъ виражаетъ о виправѣ кримской, что моихъ возовъ війшло 3, на которихъ тютюну каменей 70, масла каменей 27, горѣлки кухва, ваги каменей 30. Поехавши зъ Тишковъ, пріехалисмо въ Луку на ночъ.

13. Конь гнѣдій, циганъ, на которомъ Василь молодикъ ехалъ, здохъ. Черезъ Федка бѣлополовского послалемъ до Романа грошей на покупки въ ярмарку нѣкоторихъ рѣчій, червонихъ 4 московскихъ и рубліовиковъ 5. Отъ лукомской старшини получилемъ писмо о томъ, что меду покупать тамъ нихто зъ тамошнихъ жителей не обыскуется. До лукомской старшини писалемъ, жеби медъ дослали увесь у Лубнѣ, а до лубенской, жеби оній приняли и старались спродать. До лубенского атамана о сказцѣ ляха, жебы была прислана зъ упомненемъ, писалемъ. До овдоколского старости писалемъ о присилцѣ куховъ 20 олѣи, посудку дворового въ Глуховъ и о покупцѣ кошолъ паръ 30 для нарубковъ, у ярмарку стародубовскомъ. Сторожъ лохвицкій повернулся зъ Глухова и привезлъ указъ отъ правителей, въ которомъ предложено, же по доношенію Корицкого показалось въ походѣ настоящомъ самихъ господарей полку лубенского зъ сотень 502, наемнихъ 73, а недосталнихъ 25, и чтобъ недосталнихъ заразъ висилать, а о наемнихъ слѣдованіе будетъ и отвѣтствовать предлагаетъ. Отписали правителѣ ко мнѣ конечне, требуючи присилки товаришей значковихъ.

14. Вознесеніе. Послалемъ лучанскими козаками въ Глинскъ, а въ Лохвицю писаремъ лохвицкимъ Терентіевимъ, укази, во всѣ сотнѣ пописанніе, о висилцѣ недосталного товариства въ походъ, и

объ отвѣтствіи, въ якой сотнѣ наймити вислани и чего ради? До Григорія, комиссара пол., черезъ того жъ писара, писалемъ о присилкѣ ко мнѣ смѣти роздачѣ грошевой на церковъ печерскую, обложенной на полкъ. Указъ зъ коллегіи присланъ о показаніи списку компутовъ Волжину по челобытью нѣкоторихъ вовковчанъ. Тогда жъ принесена інструкцѣя, солдату Баеву данная, чтобъ я и срѣбранскій сотникъ явились въ Глуховъ, въ коллегію, для свѣдителства въ дѣлѣ князя Четвертенского. Передъ вечеромъ поехавши зъ Луки, пріехалемъ на ночъ въ Токарѣ. До старости короваювского писалемъ, жеби кадки куплени, конѣ прислани въ Луку и пострижена би вовна, и зложена до указу моего зъ овецъ дарованнихъ мнѣ 50 зъ ягнятами, тилкомажъ бранками.

15. Семенъ Слюзенко пріехалъ зъ Москви и явился въ Токарахъ и отдалъ писмо отъ Несторовича, зъ Москви писанное, въ которомъ обявляетъ, что милостивый его императорского величества указъ состоялся перемѣнить корпусъ, въ крѣпости ст. Креста обрѣтаючійся, другимъ толикожъ численнимъ, тоесть десятотысящнимъ корпусомъ, къ которому коммендиромъ главнимъ опредѣленъ Михайло Милорадовичъ, полковникъ гадяцкій, и велено имъ стати тамъ въ іюл. мѣсяцѣ, у крѣпости святаго Креста. Въ Токарахъ устроилемъ атаманомъ прежнего Бѣличенка, а Петра Богданенка велѣлемъ взять и припровадить въ Роменъ, за противность. Кобилъ моихъ судейскихъ 2 у артополотского футора, гнѣдихъ, зъ которихъ една зъ лошакомъ гнѣдимъ, по сказцѣ старости токаровского. Пріехалемъ въ Андрѣевку о полудни. До обозного въ Лохвицю писалемъ, чтобъ старался медъ зборній по указу продавать. У Куцупѣевщинѣ былемъ, где оставилемъ коней молод. 4, а старѣйшихъ 16. Ляхъ Матяшевскій зъ Лубенъ присланъ.

16. Солдатъ зъ інструкцѣею явился ехать мнѣ въ Глуховъ, которій после кричалъ. Лубенскій сторожъ въ Глуховъ посланъ зъ листами многими; 1, въ коллегію, что я свѣдителства въ дѣлѣ князя Четвертенского не имѣю и нелзя ехать за дѣлами; 2, до правителей, о ляху Матяшевскомъ; 3, о вѣденіи зборовъ на церковъ печерскую; 4, до Кошелева и 5, до Сухарева, о солдату

кричавшомъ; 6 и 7, до п Андрѣя, о присилцѣ грошей, и до господара, о поведеніяхъ. Зъ нимъ же и хлопецъ Цапъ отправленъ. Получилемъ листъ отвѣтній отъ п. обозного, что онъ боленъ, имѣетъ въ Лубнѣ на розискъ ехать, и потому меду продавать не можетъ, до которого отписалемъ, на першій мой зсилаючись листъ. До Седнева отправилемъ зъ отвѣтомъ, что нелзя бить на веселля. Юско Василченко зъ Михайломъ Кривимъ пѣратинскимъ поехалъ въ Глуховъ. У Волжина былемъ и у лазнѣ.

17. Неделя. Волжинъ и аптекаръ Өейтеръ обѣдали; по обѣдѣ Нелидовъ приходилъ. Чаю фунтъ купилемъ. Вори черкаси убили здешняго жителя за Проціовкою[1]), Павлюка, 2 человѣка, 2 жуник и собака чорній.

18. Родителка вина венкгерского 2 бочки купила за 100 рубл. на воскъ (?) Теперъ сторожъ лубенскій и Цапъ, а не 16 числа, отправлени. Укази імпер. велич. опублѣковалемъ и послалемъ въ сотнѣ: 1, о подрадѣ вина, 2, о несудимихъ подозрителнихъ въ коллекгіяхъ. Были на Монастирищѣ.

19. Укази о меду въ сотнѣ лохвицкую, пѣрат., чернус. и город. Особливо указъ опублѣкованъ о пеписаніи тайнихъ дѣлъ въ писмахъ. Лучанскій староста пріехалъ и привелъ кобылу, приведенную къ нему зъ Пѣратина, а коня, заносатѣвшого, въ Луцѣ оставилъ лѣчити.

20. Глинскій житель Горулювичъ зъ дякомъ николскимъ Малишевичомъ до помѣркованния прійшли и карту мнѣ на себе дали доносителную. Литвинко машталѣръ пригналъ зъ Кривой Руди овецъ 40, 7 коней и 3 корови зъ телятами да вовни рунъ 600. Черезъ его жъ прислалъ Орановскій писмо, отъ горошинціовъ данное мнѣ, въ которомъ уступуютъ степу до футора моего Криворудского на сей сторонѣ рѣчки Кривухи,—по конць, а на той—поки хотя. О меду другіе укази послани въ сотнѣ роменскую, глинскую, смѣловскую и сенецкую.

---

[1]) Село около г. Ромна.

21. Именини сестри и жени моей праздновали. По обѣдѣ, принесена вѣсть зъ Курознова отъ Рубцевой, что Семенъ Рубецъ, новоустроенній судля полку стародубовского, умеръ мая 4. Того жъ числа 9, померъ и п. Демянъ Якубовичъ журавскій.

22. Повернулся Юско Василченко зъ Глухова и далъ вѣдать, что Михайло Кривой отданъ за караулъ въ коллекгіи. До Сухомузкого посланъ указъ—суди ярмарковіе въ Лубняхъ отправляти. Госпожа Михайлова воронѣжская и протчіе гости воронѣжскіе и кролевецкіе поехали зъ Ромна. Въ Глуховъ послано 40 овецъ и 3 корови и 5 кобилъ до футора; зъ тихъ велено вилучить овецъ 5, а корову 1, до пустинки Мутинской. Еще жъ послано вовни ярочой рунъ 200, кухву пшена и муки всякой, опрочъ житной, по кухвѣ; а назадъ кобилокъ молодихъ 2 послано черезъ Литвинка машталѣра въ футоръ Криворудскій. Яковъ позичилъ родителскихъ грошей, на ратушѣ положеннихъ, 100 зол. Якову далемъ облѣкгъ отъ купца гданского, на 70 р. данной, и дзигарикъ, и листъ до Костенецкихъ, и листъ другій до аптекара гданского, о информацій лѣкарствамъ писанной, а все тое Костенецкимъ, жебы отдалъ Яковъ, предложилемъ ему; еще жъ и реестръ на покупки тимъ же Костенецкимъ. И пасѣцѣ своей былемъ, где пчоли показалось 34, а 5 пропало.

23. Указъ зъ войсковой канцеляріи принесенъ о томъ, чтобъ хто похочетъ подрадится поставить муки житной и крупъ у Изюми, где магазейни устроенни, явился. Сотникъ городискій пріехалъ. Отъ обозного писмо получилъ, въ якомъ себе нехотячого принятись до продажи меду признаетъ. Отъ лукомского сотника писмо зъ горошинскимъ писмомъ, о уступленню степу до футора моего, принесенно и писмо хоролского сотника о футорѣ родителскомъ, жебы его знести. Вахмистръ полку Інгермонландского пріехалъ зъ указомъ коллежскимъ о видачѣ раціоновъ штапъ, оберъ и унтеръ офѣцерамъ нѣкоторимъ того жъ полку, за каналъ. Селецкій поехалъ въ Глуховъ зъ чолобитними въ коллекгію и зъ нимъ войтъ лучанскій на отвѣтъ по челобиттю Петренченка.

24. Неделя. Сошествіе ст. Духа. Указъ зъ вой. енер. канц. о висилцѣ 176 подводъ зъ полку въ Гадячъ, для отвозу оттуду провіянту въ Ахтирку, ландъмилицѣи. Указъ о подрадѣ муки въ Узюмъ и проч. опублѣкованъ. Сотникъ лохвицкій пріехалъ зъ Глухова etc. На Засуллю ночовали. Указъ колежскій о доправкѣ 20 рублей на сотничцѣ сенецкой присланъ.

25. Гайдученка и Івана Солодушенка виправили до пана. Поехалисмо на обѣдъ въ Вовковцѣ до обозной, ради веселля, совершившогося синови ея зъ дочерю панѣ Войцеховичевой Седневской. [1]) Кубочокъ срѣбній отъ Іванихи Корнѣе: дарованъ имъ. На ночъ пріехалисмо въ Роменъ и на Засуллю ночовали. Сторожъ повернулся зъ Глухова.

26. Укази о виеланню подводъ зъ полку, по указу, въ Гадячъ послани черезъ Івана Гузенчишиного зятя, въ сотнѣ. Черезъ Котлубая указъ посланъ до сенецкой сотнички о видачѣ 20 руб. Григорій комисаръ пол. пріехалъ и отправленъ знову въ Лохвицю, чтобъ ехалъ въ Гавронцѣ, за раціонами, требуемими отъ інгермоландскихъ офѣцеровъ, и сказки отъ нихъ ему взять. Данило Кириловъ, войтъ бывший, отехалъ, которому жеби бить по прежнему войтомъ писалемъ до сотника лохвицкого. Отецъ Александеръ кролевецкій пріехалъ. Фузѣй 2 зробили слюсари. Брату моему п. Андрѣю Богъ даровалъ сина Іоанна.

27. До пана судіи прилуцкого отписалемъ о требованіяхъ его двохъ и писма: одно, до сотника наказного пѣратинского, о зездѣ его въ Перервинцѣ, за степъ, а другое, до сотниковой пѣратинской о зогнаню статку ея зъ перервинского степу. До Григорія Остапенка, комисара пол., отписалемъ и писма до Шереметева и Редкина, тако жъ и інструкцѣю ему въ 5 пунктахъ послалемъ, въ дѣлехъ до полку стягаючихся. До Андріяша писалемъ о томъ, чтобъ далъ вѣдать, если посилать по вино волосское. Чернѣговскіе чили седневскіе гостѣ поехали зъ Ромна. Жена моя отехала въ

[1]) Говорится о женитьбѣ бунч. тов. Өедора Ивановича Тимченка-Заборовскаго на дочери умерша[illegible]едневскаго сот[illegible] Петра Войцеховича Өедосьѣ. См. Сулимовск. Арх., ХХ[illegible] р. 267.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ОКТЯБРЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXV. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

Дозволено цензур. Кіевъ, 8-го октября 1891 г.

Рис. I.

Рис. II.

ТРЕВОЖНЫЕ ГОДЫ.

Очерки изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 гг.

I. ПОЖАРНЫЯ ТРЕВОГИ.

Кіевскіе пожары. Паника горожанъ. Слухи о поджигателяхъ. Слѣдствіе о причинѣ пожаровъ въ г. Кіевѣ. Открытіе злодѣйскаго замысла. Эртелевская коммиссія. Чрезвычайныя мѣры для поимки поджигателей. Прискорбныя недоразумѣнія. Приключеніе съ с-бернардскими монахами. Самозванный поджигатель. Неунывающій слѣдователь. Розыски въ Кіевѣ. Неожиданное открытіе. Дерзкій мистификаторъ.

Въ іюлѣ текущаго года исполнилось ровно 80 лѣтъ со времени страшнаго бѣдствія, постигшаго мать русскихъ городовъ: разумѣемъ пожаръ 9 іюля 1811 г., уничтожившій почти весь Подолъ. Чтобы представить истинные размѣры этого бѣдствія, надобно знать, что Подолъ въ то время составлялъ лучшую и самую многолюдную часть Кіева, точнѣе сказать—это и былъ въ собственномъ смыслѣ *городъ* Кіевъ: здѣсь именно было сосредоточено все, что давало ему значеніе извѣстнаго центра въ торговомъ, промышленномъ и образовательномъ отношеніяхъ. „Старый-городъ" все еще оставался почти въ томъ же жалкомъ положеніи, въ какомъ онъ изображается въ описаніяхъ путешественниковъ и въ люстраціяхъ XVI—XVII ст. Окруженный древними валами, онъ, кромѣ Софійскаго собора, Михайловскаго монастыря и двухъ-трехъ церквей, представ-

Примѣч. При составленіи настоящихъ очерковъ главнымъ матеріаломъ служили старинныя дѣла изъ архивовъ кіевскаго губ. правленія и канцеляріи военнаго губернатора.

лялъ нестройное сборище хижинъ и лачугъ, между которыми тамъ и сямъ виднѣлись развалины древнихъ храмовъ. Нынѣшней Крещатицкой улицы не было и въ поминѣ, а на мѣстѣ теперешнихъ „Липокъ“ существовала большая липовая роща, отъ которой и получило свое названіе впослѣдствіи образовавшееся здѣсь поселеніе. Отдѣленный огромными пустырями Печерскъ представлялъ въ то время видъ незначительнаго уѣзднаго города, въ которомъ на тысячу съ лишнимъ частныхъ домовъ не было ни одного каменнаго; между тѣмъ какъ на Подолѣ числилось: церквей каменныхъ 15 и деревянныхъ 11, частныхъ домовъ каменныхъ 12, деревянныхъ свыше 2000, церковныхъ зданій каменныхъ 16 и таковыхъ же общественныхъ зданій 12. Въ числѣ послѣднихъ особенно славилось оригинальное зданіе кіевскаго *магистрата*, построенное въ стилѣ рококо въ концѣ XVII в. Оно стояло на площади нынѣшняго толкучаго рынка, близъ Сампсоновскаго фонтана, и было обращено однимъ фасадомъ къ Братскому монастырю, а другимъ, съ главнымъ входомъ, къ Успенскому собору. Надъ главнымъ фасадомъ возвышалась круглая съ балкономъ башня, высотою до 15 саженъ; въ ней были устроены городскіе часы, а надъ ними, вокругъ карниза башни, была надпись славянскими золочеными буквами: „Богомъ хранима града Кіева ҂ахч҃з (1697)“. Ниже, во всю высоту зданія, выходилъ обширный выступъ, въ которомъ помѣщались сѣни и парадная лѣстница. Вверху этого выступа устроена была открытая галлерея, или терраса, украшенная наверху фронтономъ, на которомъ стояла колоссальная мѣдная статуя Ѳемиды, съ мечемъ въ одной рукѣ и съ вѣсами въ другой. Въ лѣтнее время ежедневно, съ половины 11-го часа утра до половины 1-го, на высокомъ балконѣ вокругъ башни играли четыре трубача, а по вечерамъ въ открытой галлереѣ городскіе музыканты играли *зорю*. „Но особенное вниманіе и удивленіе простого народа (говоритъ очевидецъ) привлекалъ, по своему устройству, гербъ кіевскій. Это было мѣдное, въ кругу, до 4-хъ аршинъ въ поперечникѣ, барельефное изображеніе св. архистратига Михаила, который издревле почитается покровителемъ Кіева. Фигура архангела была такъ

устроена при часахъ на башнѣ, что во время ихъ боя она ударяла стальнымъ копьемъ въ кремнистую пасть змѣя, отъ чего сыпались изъ нея искры"[1]). Пожаромъ 1811 г. это прекрасное зданіе было настолько испорчено, что его не признали возможнымъ починить, а велѣли разобрать, кирпичъ же былъ употребленъ на постройку нынѣшняго Контрактоваго дома, который до того времени помѣщался въ другомъ зданіи, близъ Покровской церкви.

Одинъ изъ очевидцевъ подольскаго пожара, впослѣдствіи извѣстный историкъ Кіева Н. Закревскій сохранилъ для насъ превосходное описаніе этой катастрофы, отъ которой такъ много потерпѣла его собственная семья. Правда, автору въ то время едва минуло шесть лѣтъ отъ роду; но кому не извѣстно, какъ рѣзко запечатлѣваются въ дѣтской памяти картины подобныхъ общественныхъ бѣдствій! Притомъ же Закревскій впослѣдствіи имѣлъ возможность провѣрить и восполнить свои дѣтскія воспоминанія письменными свидѣтельствами и устными разсказами старожиловъ. По его словамъ, пожаръ начался въ прекрасное лѣтнее утро (9 іюля), предвѣщавшее тихій, знойный день. Въ 10 или 11 ч.[2]) раздался первый набатъ съ колокольни Воскресенской церкви. „Любопытные устремились къ тому мѣсту, гдѣ впервые вспыхнулъ пожаръ; это было на пространствѣ между Житнымъ торгомъ и упомянутою церковью. Но изумленіе объяло жителей, когда они почти въ одно время услышали со всѣхъ колоколенъ несчастное извѣстіе и тогда же увидѣли страшный огонь въ четырехъ или пяти противоположныхъ концахъ города. Куда бѣжать? Кому помогать? Всякій обратился къ своему жилищу. Это обстоятельство было поводомъ, что многіе послѣ утверждали, будто при началѣ пожара полиціи удалось схватить нѣсколько жидовъ, поляковъ и даже французовъ, поджигавшихъ домы кіевлянъ посредствомъ зажженнаго трута, скоропалительныхъ свѣчей и другихъ удобно возгорающихся веществъ. Я не знаю (прибавляетъ Закревскій),

---

[1]) Закревскій Н., „Описаніе Кіева", т. I, стр. 440—441.

[2]) По другимъ свидѣтельствамъ, пожаръ начался въ 1-мъ ч. по полудни.

справедливо ли это мнѣніе, или нѣтъ. Но и естественные случаи были причиною чрезвычайно скораго распространенія пожара кіевскаго. Тогда было лѣто жаркое и сухое, слѣдовательно деревянныя кровли домовъ легко возгорались отъ падающихъ искръ; усилившійся пламень нарушилъ равновѣсіе атмосферы и произвелъ бурю, которая разносила искры и головни на величайшее пространство и распространяла пожаръ съ такою скоростью, что въ продолженіе трехъ часовъ Кіево-Подолъ представился огненнымъ моремъ. Кто не успѣлъ заблаговременно спастись, бѣгая по тѣснымъ улицамъ, не могъ уже сыскать выхода и сдѣлался жертвою свирѣпой стихіи. Многіе погибли въ погребахъ или въ церквахъ; такъ нѣсколько монахинь, надѣясь найти убѣжище въ большой церкви Флоровскаго монастыря, задохлись отъ дыма [1]). Обгорѣвшія и оставшіяся безъ крышъ церкви густо дымились, потому что были завалены разною домашнею рухлядью, снесенною жителями туда для сохраненія отъ пламени. Старокіевскій валъ отъ Андреевской церкви до угла Михайловскаго монастыря надъ Крещатикомъ былъ усѣянъ нѣсколькими тысячами жителей Стараго-города и Печерска, которые отсюда могли удобно смотрѣть на несчастье своихъ собратій. потому что помощь человѣческая была тогда безсильна. Пламенныя волны, переходящія отъ одной части нижняго города до другой, сильный вѣтеръ, разносящій во всѣ стороны горящія доски, густой дымъ, паденіе домовъ на пространствѣ трехъ квадратныхъ верстъ и отдаленный крикъ спасающихся—все это представляло зрѣлище необыкновенное и ужасное".

[1]) По болѣе точному свидѣтельству другого очевидца, знаменитаго кіевскаго проповѣдника І. Леванды, во Флоровскомъ монастырѣ заживо сгорѣло *болѣе тридцати* монахинь и послушницъ. Считаемъ нелишнимъ привести цѣликомъ это вполнѣ современное свидѣтельство о кіевскомъ пожарѣ: „Вы очень помните — писалъ Леванда къ одной своей почитательницѣ — прекрасный городъ нашъ Кіево-Подолъ, но теперь его нѣтъ; онъ уже не существуетъ. 9 іюля истребилъ его страшный пожаръ, не щадя въ немъ ничего, при засухѣ, вѣтрѣ и пламенномъ вихрѣ. Церкви, монастыри, домы пали въ огнѣ и пеплѣ. Палъ и мой домъ съ нѣкоторою частью имѣнія, но немало и спасено. Въ городѣ (т. е. на Подолѣ) осталась одна Пречистенская базарная церковь, да за канавой... двѣ съ домами приходскими уцѣлѣли. Отъ

Къ ужасамъ разъяренной стихіи вскорѣ присоединились ужасы грабежа и насилій со стороны разнузданныхъ солдатъ и обезумѣвшаго съ отчаянія народа. „Дворъ нашъ (продолжаетъ авторъ), находившійся на улицѣ, называемая „Черная-Грязь", былъ наполненъ множествомъ солдатъ и чернью въ лохмотьяхъ. Эти вандалы казались весьма озабоченными: они отбивали замки у нашихъ чулановъ, выносили въ банкахъ варенье и тутъ же ѣли, вынимая руками, а посуду въ дракѣ разбивали; то же было съ напитками,—словомъ, въ нѣсколько минутъ кладовыя и погребъ совершенно опустѣли. Потомъ принялись за вещи. Услужливость ихъ простиралась до того, что у насъ ничего не осталось бы, еслибы отецъ мой не успѣлъ спасти нѣкоторыхъ вещей".—Нужно было, однако, поскорѣе уходить въ виду приближающагося пламени. „Съ трудомъ могли мы пробираться въ кривыхъ и узкихъ улицахъ, загроможденныхъ мебелью, людьми, экипажами. Со всѣхъ сторонъ огонь и дымъ, шумъ и крикъ приводили меня въ ужасъ. Наконецъ мы достигли до днѣпровскаго берега и на Оболони остановились. Тутъ необъятное множество вещей въ величайшемъ безпорядкѣ было разбросано на пескѣ; люди суетились, нѣкоторые были даже полуодѣты; общая горесть царствовала въ этомъ станѣ разоренія; иные горько плакали, смотря на гибель города и буйство пламени, котораго видъ во время ночи казался еще ужаснѣе".

Пожаръ продолжался около трехъ дней. Окрестныя мѣста Кіева съ восточной стороны на весьма далекія разстоянія (наприм., Козелецъ, даже Нѣжинъ) были покрыты густымъ дымомъ. Отъ цвѣтущаго Кіево-Подола осталась лишь небольшая сѣверная часть за *Канавою*—Царекопстантиновская, Введенская и Волошская улицы; все остальное представляло однѣ смрадныя, дымящіяся развалины. Улицъ нельзя было распознать, а тлѣющія бревна и вещи въ ямахъ и погребахъ, засыпанныхъ землею

стѣнъ каменныхъ что не догорѣло, то осталось въ безобразіи, поражающемъ сердца. Повсюду виды ужаса; но зрѣлище во Флоровскомъ монастырѣ, послѣ сгорѣвшихъ до основанія келій представившее тридцать слишкомъ тѣлъ монахинь и послушницъ, задохшихся и обгорѣвшихъ, превосходило ужасы другіе" („Кіево-Софійскій протоіерей І. В. Леванда", т. I, стр. 50).

и золою, дѣлали опасною всякую попытку ходить по пожарищу. Изъ всѣхъ церквей и публичныхъ зданій не было почти ни одного, которое не пострадало бы отъ этого страшнаго пожара. Церкви—Спасская, стоявшая на нынѣшней Спасской улицѣ, Вознесенская, близъ Флоровскаго монастыря, и Святодуховская, на берегу Днѣпра, были совершенно истреблены огнемъ, отъ нихъ не осталось никакихъ слѣдовъ. Монастыри—Греческій или Петропавловскій, Флоровскій и Братскій съ академіею, 11 каменныхъ и 5 деревянныхъ церквей съ колокольнями, Лаврское подворье и другія церковныя зданія были жертвою пламени. Разсказывали, что обширный дворъ Братскаго монастыря, соборная церковь и даже колокольня, загроможденные пожитками воспитанниковъ и сосѣднихъ обывателей, представляли собою наибольшую пищу для губительнаго пламени. Тогда погибло много книгъ изъ академической библіотеки [1]).

Еще развалины Подола продолжали дымиться, какъ 11-го, 12-го, 14 и 17-го іюля въ разныхъ частяхъ города снова вспыхнуло нѣсколько пожаровъ. Паническій ужасъ объялъ несчастныхъ жителей. Казалось, будто Кіевъ снова переживалъ тѣ давнопрошедшія времена, о которыхъ повѣствуется въ древнихъ лѣтописяхъ, когда „по вся дни загорашеся невѣдаемо, и не смѣяху людіе жити въ домѣхъ, но на поли живяху“. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Въ дневникѣ тогдашняго митрополита Серапіона читаемъ: „14 іюля, въ 11 ч. вечера, паки былъ пожаръ на Печерскѣ, сгорѣлъ домъ войта Рыбальскаго, и сей пожаръ навелъ такой страхъ, что всѣ выбирали все имѣніе свое изъ домовъ и вывозили въ поле. И мы (прибавляетъ ми-

---

[1]) Закревскій, „Описаніе Кіева“, т. I, стр. 116—118. Кстати, для большей полноты свѣдѣній о кіевскомъ пожарѣ 1811 г. приведемъ еще одно современное извѣстіе, сохранившееся въ записной книжкѣ кіевскаго гражданина Мис:авскаго: „1811 г., 9 іюля, случился въ Кіевѣ столь ужасный пожаръ по полудни, въ первомъ часу, и въ 9 или 10 часовъ превращено въ попелъ болѣе 2000 домовъ каменныхъ (sic!) и магистратъ, церквей каменныхъ 8, деревянныхъ 4, монастырей три: Братскій, Петропавловскій и Флоровскій, съ множествомъ имущества какъ церковнаго, такъ и обывательскаго. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ (іюля и августа?) въ Кіевѣ было всѣхъ вообще зажигательствъ около 20-ти“ („Кіевск. Стар.“ 1884 г., апр., стр. 690). Но были „зажигательства“ и раньше іюля: въ дневникѣ тогдашняго

трополитъ) всю ризницу выносили въ выходъ, что подъ полатнымъ амбаромъ, и ночь почти всю не спали, и мои коробы, и вина, и водки въ подвалъ же вынесли". Къ довершенію ужаса, какіе-то негодяи вздумали пугать и безъ того напуганныхъ горожанъ, разбрасывая подметныя письма и расклеивая по улицамъ угрожающіе аннонсы: подъ 4 авг. митроп. Серапіонъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что „сказывалъ-де ему протопопъ Криницкій о *письмѣ*, стихами писанномъ и прибитомъ акибы къ дому часовщика Коробки, что́ на Подолѣ, о сгорѣніи и остальныхъ подольскихъ домовъ" [1]). Это обстоятельство, въ связи съ ходившими въ народѣ преувеличенными разсказами о случившихся въ то лѣто довольно многочисленныхъ пожарахъ въ бо́льшей части городовъ юго-западнаго края, породило въ Кіевѣ всеобщее убѣжденіе въ существованіи шайки, или даже нѣсколькихъ шаекъ поджигателей. Подольскіе погорѣльцы долго не хотѣли возвращаться на свои пепелища, боясь потерять послѣднее, спасенное отъ огня имущество, и продолжали жить въ шалашахъ на Оболони; между ними жилъ и знаменитый въ то время кіевскій проповѣдникъ І. Леванда, потерпѣвшій равную участь съ своими согражданами. Приняты были всѣ мѣры предосторожности: и днемъ и ночью ходили по городу военные патрули; воспрещено было позже извѣстнаго часа ночи имѣть въ домахъ огонь; брали въ полицію всякаго, проходившаго ночью по городу; ежедневно задерживали по нѣскольку человѣкъ мнимыхъ поджигателей. Бывшій въ то время кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, извѣстный впослѣдствіи герой отечественной войны, Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, донося Государю о катастрофѣ 9-го іюля и о неоднократномъ возобновленіи

кіевскаго митрополита Серапіона отмѣчены два пожарныхъ случая на Подолѣ въ маѣ 1811 г.: въ ночь на 10-е число въ притиско-никольскомъ приходѣ сгорѣлъ одинъ домъ „отъ пьяныхъ хозяевъ и въ немъ умершая дѣвица сгорѣла", а 28 мая погорѣло до 15-ти дворовъ близъ Введенской церкви. Вообще то былъ какой-то необычайно несчастливый годъ, когда губительные пожары свирѣпствовали по всему югу Россіи съ весны и до глубокой осени.

[1]) Отрывки изъ дневника митр. Серапіона напечатаны въ іюльской кн. „Кіевск. Старины", 1884 г. Къ сожалѣнію, въ подлинной рукописи утраченъ листокъ съ записями отъ 9 по 14 іюля.

пожаровъ въ слѣдующія за тѣмъ числа, счелъ нужнымъ представить на Высочайшее усмотрѣніе „объ открывшихся при томъ подозрѣніяхъ на злоумышленниковъ и о разныхъ слухахъ, приводящихъ жителей въ большое безпокойство“.

Въ Петербургѣ съ большою тревогою отнеслись къ извѣстіямъ изъ Кіева. Тотчасъ послѣдовало на имя Милорадовича Высочайшее повелѣніе приложить всѣ старанія и попеченія къ успокоенію жителей, къ водворенію безопасности и къ доставленію потерпѣвшимъ несчастье возможнаго пособія, для чего въ распоряженіе губернатора ассигнована была значительная сумма. Вмѣстѣ съ этимъ императоръ Александръ приказалъ командировать въ Кіевъ опытнаго чиновника для производства на мѣстѣ слѣдствія о причинахъ пожаровъ, вмѣнивъ ему въ обязанность „стараться паче всего обнаружить злоумышленниковъ въ поджогѣ и поводы къ таковому злодѣйству“. Съ тою же цѣлью еще раньше учреждена была на мѣстѣ особая слѣдственная коммиссія изъ чиновниковъ кіевскаго губернскаго правленія, подъ предсѣдательствомъ полиційместера. Жители Кіева были приглашены заявлять членамъ этой коммиссіи обо всѣхъ извѣстныхъ имъ фактахъ и даже слухахъ, относящихся къ предполагаемымъ злоумышленникамъ.

Сверхъ ожиданія, мѣра эта привела къ результатамъ, совершенно противоположнымъ видамъ правительства: вмѣсто ожидаемаго „прекращенія слуховъ, наносящихъ жителямъ безпокойство“, дѣятельность коммиссіи скорѣе способствовала ихъ зарожденію и распространенію. Если прежде этимъ слухамъ довѣряли лишь легковѣрные, то теперь, когда сама администрація, видимо, признавала фактъ существованія злодѣевъ-поджигателей, тревога жителей продолжала расти, а не уменьшаться. Небылицы, одна другой безсмысленнѣе, росли какъ грибы послѣ дождя, и не было такой нелѣпости, которая не находила бы себѣ вѣры среди встревоженнаго населенія. Тамъ видѣли поляковъ, якобы покушавшихся на поджогъ; въ другомъ мѣстѣ будто-бы поймали французовъ, въ третьемъ—раскольниковъ, евреевъ, нѣмцевъ, цыганъ и т. под. Даже до митрополита доходили слухи, „акибы отсель (изъ Кіева) отправлено въ

С.-Петербургъ 8 человѣкъ, подозрительныхъ въ зажигательствѣ Кіева, а 6 содержатся здѣсь"—слухи, замѣтимъ, совсѣмъ невѣрные. Сегодня схватывали и приводили въ слѣдственную коммиссію евреевъ, „кои несли по улицѣ вѣникъ", завтра—поляковъ-шляхтичей, „ходившихъ по переулкамъ, чаятельно, для зажигательства домовъ", послѣ-завтра какихъ-то брянскихъ мѣщанъ, „подавшихъ якобы способъ для укрытія нѣкоему еврею, оставившему на Яхонтовой улицѣ зажженную тряпицу", или же нѣмцевъ-мастеровыхъ, навлекшихъ на себя подозрѣніе лишь тѣмъ, что проходили мимо артиллерійскихъ складовъ. Помѣщики тащили въ коммиссію своихъ дворовыхъ, офицеры—деньщиковъ, цеховые мастера—своихъ подмастерьевъ, обвиняя ихъ въ покушеніи на поджоги. Общая суматоха достигла крайнихъ предѣловъ, и сама администрація увидѣла наконецъ необходимость принять мѣры къ обузданію не въ мѣру расходившейся народной фантазіи и начала подвергать взысканіямъ распространителей „ложныхъ разговоровъ", которыхъ сама еще наканунѣ выслушивала съ незаслуженнымъ вниманіемъ. Такъ, наприм., однажды явился къ полиційместеру еврей и донесъ, что въ винопродажномъ погребѣ купца Рябчикова, на Печерскѣ, въ присутствіи многихъ кіевскихъ мѣщанъ, подмастерій межигорской фаянсовой фабрики Давидъ Моленко разсказывалъ слѣдующее: вчерашнею ночью былъ-де онъ наряженъ въ с. Межигорьи въ обходъ и имѣлъ при себѣ два пистоля, ружье и саблю. Въ полночь онъ замѣтилъ вышедшихъ изъ лѣса двухъ человѣкъ, и когда они на его окликъ не отозвались, то онъ выстрѣлилъ изъ ружья и одного изъ нихъ ранилъ, а другого поймали товарищи Моленка, обходчики. Задержанные оказались людьми великороссійской породы, въ карманахъ у нихъ найдены изъ березовой коры трубки, набитыя селитрою и порохомъ. Въ виду такой предосудительной находки, обходчики привязали пойманныхъ къ колесу и начали пытать, что они за люди, и какія у нихъ намѣренія; тѣ откровенно сознались, что они—поджигатели и что въ слѣдъ за ними, надъ Днѣпромъ, идутъ ихъ товарищи, два еврея. Моленко пошелъ въ засаду и скоро привелъ тѣхъ евреевъ связанными; при нихъ

также оказались набитыя селитрою и порохомъ трубки изъ березовой коры. Подвергнутые пыткѣ, всѣ четыре злоумышленника якобы сознались, что они принадлежатъ къ шайкѣ поджигателей, состоящей изъ 5000 человѣкъ, что они разосланы фрнцузами и поляками по всей Россіи для зажигательства въ городахъ и мѣстечкахъ строеній, а въ поляхъ хлѣба, что при нихъ есть старшіе—три полковника, которые бродятъ повсюду, одѣтые въ женскія платья, и платятъ имъ жалованье по 25 р. въ день, и что одинъ изъ этихъ полковниковъ скрывается въ Кіевѣ, подговариваетъ людей къ поджогамъ и платитъ таковымъ охотникамъ по 25 р. въ день.—Моленка разыскали и привлекли къ допросу: съ какимъ умысломъ говорилъ онъ тѣ „ложные разговоры“? Онъ хотѣлъ было отпереться отъ своихъ словъ, но, уличенный свидѣтелями, повинился, что былъ въ то время „довольно пьянъ“ и полагалъ, что слушатели „почтутъ имъ сказанное шуточнымъ, какъ имъ вымышленное и никогда небывалое“. Коммиссія не приняла во вниманіе этой отговорки и постановила: отослать Моленка въ кіевскій земскій повѣтовый судъ для законнаго возмездія „за таковые произносимые имъ ложные слухи“.

12 августа прибылъ въ Кіевъ штата петербургской полиціи слѣдственный приставъ Аничковъ, по Высочайшему повелѣнію присланный для производства слѣдствія о бывшихъ здѣсь пожарахъ. Какъ на то, вслѣдъ за его пріѣздомъ въ Кіевѣ случилось нѣсколько пожаровъ: 14 августа сгорѣлъ домъ Леонтьевой, 16-го домъ поручика Корта и 18-го домъ приказа общественнаго призрѣнія, въ которомъ содержалъ аптеку коллежскій асессоръ Бунге. Снова возобновились толки о поджогахъ, но Аничковъ не придалъ имъ никакого значенія и въ короткое время открылъ, что означенные пожары произошли отъ самыхъ обыкновенныхъ причинъ: въ двухъ случаяхъ такими причинами было неосторожное обращеніе съ огнемъ, а дворъ Корта хотя и сгорѣлъ отъ поджога, но виновникомъ его оказался не кто иной, какъ 12-лѣтній дворовый мальчикъ, который, взявъ съ бывшаго наканунѣ пожара головню съ огнемъ, слѣзъ съ нею на конюшню и бросилъ въ сѣно, любопытствуя знать,

что отъ сего произойдетъ. Столь же просто открыта была Аничковымъ причина большого пожара (9-го іюля), истребившаго Подолъ. Отбросивъ всякія предвзятыя мысли о злодѣяхъ-поджигателяхъ, онъ сдѣлалъ лишь то, съ чего слѣдовало бы начать членамъ кіевской слѣдственной коммиссіи: подвергъ умѣлому и обстоятельному допросу семейство и жильцовъ мѣщанина Авдіевскаго—того самаго, съ двора котораго начался пожаръ, принявшій столь громадные размѣры. При этомъ допросѣ 15-лѣтній сынъ Авдіевскаго, Василій, откровенно повинился въ томъ, что въ то время, когда отецъ и мать его предавались послѣобѣденному сну, онъ начинилъ порохомъ гусиное перо и, выйдя на дворъ, вздумалъ устроить фейерверкъ; когда же ему обожгло руки, онъ бросилъ снарядъ въ лежавшую на дворѣ солому и видя, что она загорѣлась, испугался, убѣжалъ со двора и два дня пропадалъ въ толпѣ погорѣльцевъ, не имѣя возможности отыскать родителей. Столь же обыкновенными оказались, при дальнѣйшемъ слѣдствіи, причины и другихъ пожаровъ, происходившихъ съ 11 по 17 іюля.

Такимъ образомъ миѳъ о шайкѣ поджигателей, казалось, окончательно былъ разсѣянъ. Населеніе успокоилось и понемногу принялось отстраивать свои пепелища. Военный губернаторъ М. А. Милорадовичъ, донося Государю о результатахъ оконченнаго слѣдствія, аттестовалъ съ самой лучшей стороны усердіе и расторопность Аничкова и ходатайствовалъ о его награжденія. Въ отвѣтъ на это представленіе послѣдовалъ 6 сентября Высочайшій приказъ: объявить Аничкову Монаршее благоволеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердить, что бы онъ „приложилъ все стараніе отыскать злоумышленниковъ въ поджогахъ“.

Очевидно, въ Петербургѣ все еще не хотѣли отказаться отъ предвзятой мысли о существованіи злоумышленниковъ-поджигателей и не теряли надежды изловить ихъ. Сколько, однако, Аничковъ ни прилагалъ старанія оправдать возлагаемыя на него надежды, ему не удалось открыть ни малѣйшихъ слѣдовъ страшнаго призрака, столь многихъ тревожившаго и въ хижинахъ и въ чертогахъ, и мѣсяцъ спустя онъ былъ отозванъ къ мѣсту постоянной своей службы.

Слѣды страшнаго призрака скоро открыты были въ другомъ углу юго-западнаго края, и это открытіе послужило сигналомъ къ новымъ тревогамъ, далеко превосходившимъ первыя какъ по степени напряженности, такъ и по мѣсту распространенія. Въ концѣ сентября въ балтскомъ повѣтѣ, подольской губерніи, задержанъ былъ, по неимѣнію письменнаго вида, человѣкъ, назвавшій себя шляхтичемъ Павломъ Тршалковскимъ, уроженцемъ волынской губерніи, острожскаго уѣзда, с. Колесникъ. При допросѣ онъ показалъ, что восемь мѣсяцевъ тому назадъ, находясь въ г. Дубнѣ, былъ онъ договоренъ польскимъ генераломъ Габріелемъ Пашковскимъ въ услуженіе на четыре года. Одновременно съ нимъ наняты были Пашковскимъ еще двѣнадцать человѣкъ: шляхтичъ кременецкаго повѣта Синькевичъ, шесть человѣкъ караимовъ изъ находящихся за Дубномъ корчемъ, называемыхъ Гурбы, да изъ самаго Дубна пять человѣкъ мѣщанъ. При наймѣ Пашковскій увѣрялъ, что имѣетъ повелѣніе набрать четырехъ-тысячный полкъ, и въ то время было уже имъ собрано 12 человѣкъ нѣмцевъ, 15 татаръ, да разнаго званія 8 человѣкъ. По составленіи именного списка охотниковъ, съ описаніемъ личныхъ примѣтъ, приведены они были въ дубенскомъ костелѣ къ присягѣ на вѣрность службы, при чемъ должны были дать клятву въ томъ, что будутъ безпрекословно исполнять всѣ приказанія своего непосредственнаго начальника, генерала Пашковскаго. Послѣ того они выступили изъ Дубна, прошли черезъ Кіевъ и были за г. Глуховомъ. Возвратясь назадъ, Пашковскій собралъ въ одно мѣсто весь свой отрядъ и, показывая какой-то листъ, объявилъ, что имѣетъ повелѣніе зажигать города. По словамъ Тршалковскаго, это приказаніе нѣсколько смутило его самого и многихъ изъ его товарищей; но, будучи связаны учиненною ими присягою, они должны были повиноваться. Послѣ этого Пашковскій раздѣлилъ свой отрядъ на три партіи: первая осталась подъ его собственною командою, вторая состояла исключительно изъ однихъ татаръ, а третья, въ которой находился самъ Тршалковскій, состояла подъ начальствомъ нѣмца, по имени Антона. Разсѣявшись по всему юго-западному краю, они, съ открытіемъ весны,

занялись поджогами и первоначально зажгли г. Острогъ, потомъ м. Тульчинъ, Староконстантиновъ, Базалію и Кіевъ—въ послѣднемъ поджогомъ распоряжался самъ генералъ Пашковскій; послѣ того сожгли Немировъ, Умань, Ольгополь, Радзивиловъ, въ Кременцѣ сожгли еврейскую школу вмѣстѣ съ молившимися тамъ евреями, предварительно заперши двери; еще подожгли м. Катербургъ, Бердичевъ, Бершадъ и другіе города и мѣстечки, названій коихъ Тршалковскій не могъ и припомнить. Наконецъ въ послѣднее время всѣ зажигатели сошлись въ м. Тульчинѣ, гдѣ Пашковскій снова раздѣлилъ ихъ на партіи и далъ приказаніе слѣдовать въ разныя мѣста, а къ 1-му октября собраться всѣмъ партіямъ въ Бѣлой-Церкви. Поджоги совершались по большей части днемъ, при помощи зажженнаго трута съ порохомъ и сѣрою. Награбленное при пожарахъ имущество отправлялось въ м. Владаву и хранилось въ наемномъ амбарѣ у какого-то купца. Одѣваются поджигатели разно, смотря по времени года, иногда носятъ черное ксендзовское платье; но такъ какъ они не всѣ знаютъ въ лице другъ друга, и при томъ отрядъ постоянно пополняется новыми лицами, то, въ видахъ удобнѣйшаго между собою сношенія, всѣ члены отряда имѣютъ на платьи особые знаки, придуманные самимъ Пашковскимъ, именно: кто носитъ круглыя шляпы, тѣ имѣютъ на нихъ по краямъ четыре какъ-бы кисточки изъ темнозеленаго сукна, а у кого обыкновенныя шапки, тѣ пришиваютъ такія же кисточки на верхнемъ платьи подъ мышками, по одной съ каждой стороны Самъ генералъ Пашковскій носитъ разное одѣяніе. Онъ роста средняго, лицемъ мало рябоватъ, смуглъ, черноволосъ, стрижется по-модному, безъ бакенбардъ; говоритъ на разныхъ языкахъ, ѣздитъ русскою повозкою, некрытою и некованною, на парѣ буланыхъ лошадей, изъ коихъ одна на переднія ноги бѣлокопытная, а другая англизированная. Десятникъ нѣмецъ Антонъ также ѣздитъ русскою повозкою, на парѣ лошадей; одна изъ нихъ карая, съ малою на лбу лысиною, а другая пѣгая, съ бѣлою гривою, заднія ноги и копыта бѣлыя, переднія черныя. Изъ партіи зажигателей, по словамъ Тршалковскаго, пойманы уже: изъ десятка Пашков-

скаго—два нѣмца и два татарина—схвачены въ Кіевѣ, изъ татарскаго десятка два въ Ольгополѣ, а изъ третьяго десятка задержанъ пока одинъ—самъ показатель.

Когда въ Петербургѣ узнали о поимкѣ Тршалковскаго, тамъ и безъ того были въ немалой тревогѣ по поводу полученнаго военнымъ министромъ донесенія о покушеніи неизвѣстнаго злоумышленника поджечь провіантскій магазинъ въ м. Вишневцѣ, волынской губерніи. Разославъ всѣмъ военнымъ властямъ въ юго-западномъ краѣ строжайшія предписанія принять крайнія предосторожности къ охранѣ казеннаго имущества въ виду повсемѣстныхъ пожаровъ, военный министръ поставилъ на видъ министру полиціи А. Балашеву, что происшествіе въ Вишневцѣ составляетъ не первый случай покушенія на поджогъ военныхъ запасныхъ складовъ въ югозападныхъ губерніяхъ, и что, благодаря бездѣйствію чиновъ мѣстной полиціи, злоумышленники всякій разъ остаются неразысканными. Балашевъ былъ такъ встревоженъ, что, не справившись съ географіей, послалъ не въ Житомиръ, а въ Кіевъ строгій запросъ: почему онъ не получилъ еще „о помянутомъ чрезвычайномъ происшествіи по установленію донесенія отъ мѣстной полиціи?" и просилъ Милорадовича „взять о томъ съ кого слѣдуетъ объясненіе и его о томъ увѣдомить для положенія надлежащаго взысканія". Понятно, какую тревогу должно было произвести донесеніе подольскаго губернатора Н. Тучкова о поимкѣ Тршалковскаго и полученныхъ отъ него показаніяхъ. Организованная шайка поджигателей, о которой до сихъ поръ имѣлись лишь гадательныя предположенія, оказывалась существующимъ фактомъ; ее безуспѣшно искали въ Кіевѣ, а она безнаказанно бродитъ по цѣлому краю, ознаменовывая свой слѣдъ заревомъ пылающихъ городовъ и мѣстечекъ. Это не шайка обыкновенныхъ грабителей, руководимыхъ лишь жаждой наживы: во главѣ ея находится польскій генералъ, дѣйствующій по какимъ то таинственнымъ „повелѣніямъ" и располагающій значительными средствами для найма многочисленныхъ охотниковъ, которыхъ онъ вербуетъ среди польскихъ шляхтичей и мѣщанъ или же среди инородцевъ—евреевъ, татаръ, нѣмцевъ,

но не среди русскаго населенія; польскіе ксендзы приводятъ этихъ злодѣевъ къ присягѣ и призываютъ Божье благословеніе на ихъ злодѣйскіе подвиги. Ясно, что это—одно изъ проявленій злостной политической интриги, внушенное изъ Варшавскаго герцогства или же, быть можетъ, изъ самой Франціи,—своего рода прелюдія къ наступательнымъ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи, къ которымъ поляки явно готовились тогда въ союзѣ съ французами. Не даромъ вѣдь злодѣи покушаются на поджоги военныхъ провіантскихъ магазиновъ, чего не дѣлаютъ обыкновенные грабители. Для борьбы съ послѣдними были бы достаточны обыкновенныя средства полицейской охраны; но въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ требуются и чрезвычайныя мѣры.—И вотъ въ началѣ октября состоялось Высочайшее повелѣніе о командированіи въ югозападный край генералъ-лейтенанта Ѳ. Ѳ. Эртеля и объ учрежденіи подъ его начальствомъ особой „коммиссіи для изслѣдованія о пожарахъ въ губерніяхъ, отъ Польши пріобрѣтенныхъ“[1]). Въ секретной инструкціи, подписанной самимъ Государемъ, прямо было сказано, что на Эртеля возлагается важное порученіе—„изыскать причину бывшихъ пожаровъ и открыть самихъ зажигателей“. Въ качествѣ лица, облеченнаго личнымъ довѣріемъ Государя, генералъ Эртель снабженъ былъ чрезвычайными полномочіями. Мѣстнымъ губернаторамъ вмѣнялось въ обязанность оказывать ему всевозможное содѣйствіе и дать предписанія городскимъ и земскимъ полиціямъ, дабы его требованія были исполняемы въ самой точности и безъ всякаго промедленія.

Генералъ Эртель, какъ можно заключить по его дѣйствіямъ, былъ человѣкъ весьма смѣлый и рѣшительный, но въ слѣдственныхъ дѣлахъ совершенно неопытный. Возложенное на него порученіе представлялось ему дѣломъ весьма легкимъ, и онъ приступилъ къ нему съ полнымъ убѣжденіемъ въ быстромъ и совершенно успѣшномъ его окончаніи. Планъ его дѣйствій

[1]) Вопреки этому наименованію, районъ дѣятельности коммиссіи ограничивался исключительно предѣлами трехъ губерній: кіевской, подольской и волынской и вовсе не касался губерній бѣлорусскихъ и литовскихъ. Главная квартира Эртеля находилась въ Могилевѣ на Днѣстрѣ.

былъ очень простъ: принявъ за исходный пунктъ показанія Тршалковскаго, коимъ онъ довѣрялъ безусловно, Эртель полагалъ, что, направивъ поиски согласно указаніямъ этого необыкновенно словоохотливаго и откровеннаго преступника, не трудно будетъ въ самое короткое время переловить всю шайку злоумышленниковъ вмѣстѣ съ ея предводителемъ Пашковскимъ. Въ этихъ видахъ составлены были, со словъ Тршалковскаго, полные именные списки поджигателей, съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ примѣтъ, и разосланы по всѣмъ городскимъ и земскимъ полиціямъ въ краѣ съ строгимъ предписаніемъ изловить ихъ въ самоскорѣйшемъ времени и представить въ Могилевъ за крѣпкимъ карауломъ и со всею осторожностью. Когда одни розыски оказывались безуспѣшными, Эртель, ни мало этимъ не смущаясь, снова обращался, точно къ оракулу, къ тому же Тршалковскому; послѣдній нѣсколько варьировалъ прежнія показанія, припоминалъ новыя подробности, называлъ новыя имена, давалъ болѣе обстоятельныя описанія мѣстностей, костюмовъ, личныхъ примѣтъ и т. под. Снова разсылались повсюду новыя инструкціи, а вслѣдъ за ними дополнительныя и разъяснительныя предписанія, полиція цѣлаго края выбивалась изъ силъ, привлекалась къ отвѣтственности огромная масса ни въ чемъ неповинныхъ людей, суматоха достигала крайнихъ предѣловъ,—а дѣло нисколько не подвигалось впередъ, и злодѣи-зажигатели все-таки оставались неразысканными. Конечно, при такой обширной ловлѣ, въ сѣтяхъ правосудія нерѣдко запутывались мелкія рыбы — воры, конокрады, ихъ укрыватели, передержатели и сбытчики воровскихъ вещей, по большей части евреи и цыгане. Такихъ немедленно за крѣпкимъ карауломъ отсылали къ Эртелю, а тотъ сейчасъ же возводилъ ихъ въ званіе „главныхъ участниковъ въ поджогахъ", по ихъ показаніямъ направлялъ свои поиски и еще болѣе отвлекался въ сторону отъ главной цѣли своихъ разысканій.

Въ нашу задачу не входитъ подробное обозрѣніе дѣятельности Эртелевской коммиссіи; мы будемъ упоминать объ ней лишь настолько, насколько дѣйствія ея касались собственно кіевской губерніи, какъ то позволяютъ имѣющіеся у насъ под-

руками матеріалы; но и въ тѣхъ немногихъ фактахъ, о коихъ намъ придется говорить, читатель, надѣемся, найдетъ подтвержденіе сдѣланной выше характеристики этой своеобразной коммиссіи, причинившей правительству и населенію столько заботъ и тревогъ и въ концѣ концовъ потерпѣвшей полное фіаско.

Лишь только Эртель приступилъ къ исполненію возложеннаго на него порученія, онъ прежде всего обратился къ мѣстнымъ губернаторамъ съ требованіемъ принять самыя крайнія мѣры къ поимкѣ поджигателей, а отъ кіевскаго военнаго губернатора сверхъ того требовалось „безъ замедленія и съ довлѣемою секретною осторожностію“ прислать къ нему пойманныхъ-де въ Кіевѣ четырехъ поджигателей изъ партіи Пашковскаго, двухъ татаръ и двухъ нѣмцевъ. Милорадовичъ отвѣчалъ, что „изъ показываемыхъ арестантомъ Тршалковскимъ зажигателей, ни нѣмцевъ, ни татаръ въ Кіевѣ никогда поимано не было, и гдѣ они находятся—не извѣстно, а хотя были браты подъ караулъ, по случаю происходившихъ здѣсь пожаровъ, разные люди, но изъ нихъ по слѣдствіямъ никто въ умышленномъ зажигательствѣ виновнымъ не оказался“; что же касается мѣръ для наблюденія за могущими появиться гдѣ-либо въ губерніи преступниками, то таковыя давно уже приняты.

Дѣйствительно, еще со времени кіево-подольскаго пожара, въ особенности же послѣ происходившихъ въ іюлѣ въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстечкахъ пожаровъ, кіевская губернія поставлена была почти на военное положеніе. Въ то время составъ уѣздной полиціи былъ крайне малочисленъ: въ городахъ находились городничіе, а за благочиніемъ въ уѣздахъ наблюдали земскіе исправники вмѣстѣ съ подвѣдомственными имъ засѣдателями нижняго земскаго суда, исполнявшими въ то же время и судейскія обязанности. Теперь, въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, на помощь чинамъ обыкновенной полиціи были призваны органы сельской полиціи—сотскіе и атаманы. Каждый уѣздъ былъ раздѣленъ на 8 или болѣе участковъ, и въ каждомъ участкѣ поставленъ „сельскій начальникъ“, или главный сотскій, выбираемый изъ людей грамотныхъ, расторопныхъ и исправныхъ

и приводимый при назначеніи на эту должность къ присягѣ; подъ его командой должны были состоять обыкновенные сотскіе по мѣстечкамъ и селамъ и атаманы по деревнямъ. Первоначально сельской полиціи поручены были функціи, такъ сказать, исключительно противупожарнаго характера: сельскимъ начальникамъ вмѣнялось въ обязанность „настоять, а въ случаѣ невыполненія и экзекуціею понудить", чтобы во всякомъ мѣстечкѣ имѣлась при каждомъ домѣ бочка на телѣжкѣ, наполненная водой, помело и желѣзный крюкъ, а въ каждомъ селѣ, при домѣ сотскаго, всегда находились наготовѣ двѣнадцать бочекъ съ водой и столько же помелъ и крючьевъ; чтобы вездѣ заведены были ночные караулы: въ мѣстечкахъ изъ десяти, въ селеніяхъ изъ восьми и въ деревняхъ изъ шести человѣкъ, которые „ходили бы по улицамъ каждой порознь, покликаясь одинъ къ другому, не спали чрезъ цѣлую ночь и имѣли бы строгое смотрѣніе за тѣмъ, дабы никто праздно не шатался, послѣ обыкновеннаго времени въ сумерки не имѣлъ отнюдь въ домѣ огня, а особливо зъ свѣтломъ съ избы не ходилъ"; наконецъ сотскіе обязаны были еще настоять, чтобы „во всякомъ домѣ были сдѣланы трубы, или, по здѣшнему названію, комена, къ верху избы"[1]) и чтобы „никто соломы на потолкахъ не имѣлъ". Но по мѣрѣ того, какъ росли толки о поджигателяхъ, въ особенности же со времени поимки Тршалковскаго, на сельскихъ сотскихъ возложено было столько новыхъ, непривычныхъ для нихъ обязанностей спеціально-полицейскаго характера, что эти простецы не могли, конечно, справиться съ ними. Сообщая городничимъ и исправникамъ списки лицъ, оговоренныхъ Тршалковскимъ, съ подробнымъ описаніемъ примѣтъ генерала Пашковскаго и членовъ его шайки, кіевскій военный губернаторъ, въ циркулярѣ отъ 12 октября, предписывалъ принять всѣ мѣры для поимки означенныхъ преступниковъ, и при этомъ прибавлялъ: „При семъ случаѣ подтверждаю вамъ обратить все ваше вниманіе на проѣзжающихъ и проходящихъ людей и всѣхъ

---

[1]) Очевидно, рѣчь идетъ о курныхъ избахъ, въ которыхъ предписывалось устроить дымопроводныя трубы.

безписьменныхъ или же съ сомнительными паспортами безъ отлагательства доставлять ко мнѣ. Буде откроется при поимкѣ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ подозрительной человѣкъ, который находился или проходилъ во ввѣренномъ вамъ уѣздѣ (или городѣ), то за сіе отвѣтственность падетъ на васъ, и вы подвергнете себя должному и строгому взысканію; при поимкѣ же злоумышленника или праздношатающагося не премину я, отдавая должную справедливость усердному, исходатайствовать достойное награжденіе“. Подобныя строгія предписанія слѣдовали быстро одно за другимъ: сейчасъ требуютъ поймать Пашковскаго и его соучастниковъ, черезъ нѣсколько дней генералъ Эртель сообщаетъ имена новыхъ поджигателей или же тѣхъ самыхъ, но подъ другими прозвищами и по инымъ примѣтамъ, и съ свойственною ему рѣшительностью строжайше предписываетъ „съ полученія сего тотчасъ приступить и непремѣнно въ теченіе трехъ дней исполнить“ его требованіе; а вслѣдъ затѣмъ отъ министра полиціи получается новое предписаніе: изловить посланныхъ въ Россію изъ Варшавы отъ генерала Босницкаго его адъютанта Птащинскаго и майора Дяконскаго или же поляка Валевскаго, „который подозрѣвается по частымъ его разъѣздамъ изъ Парижа въ Россію“. Полицейскіе чиновники совсѣмъ сбивались съ ногъ и въ свою очередь сбивали съ толку агентовъ сельской полиціи, предъявляя къ нимъ совершенно непосильныя требованія. Земскіе исправники, напримѣръ, разсылали сотскимъ такого рода циркуляры: „Къ лучшему сохраненію должнаго порядка, строжайше вамъ предписывается: съ полученія сего, заразъ въ каждомъ мѣстечкѣ и селеніи, не минуя ни одного, учредить на всѣхъ въѣздахъ караулы такимъ образомъ, чтобы на каждомъ въѣздѣ стоялъ днемъ одинъ сторожъ, а ночью по два непремѣнно, и ежелибы кто сторонній ѣхалъ или ишелъ, хотя бы назвался и съ близкихъ мѣстъ, но не имѣлъ письменнаго вида и не былъ никому свѣдущъ (т. е. свѣдомъ), такова взять подъ присмотръ, и естли тотъ человѣкъ будетъ простого званія, то прислать его за карауломъ въ нижній земскій судъ, а ежели будетъ проѣзжать какой человѣкъ состоянія знатнаго и никакого письменнаго вида не будетъ

имѣть и не будетъ никому свидущъ, чили знакомъ, такова пристойно упросить, дабы онъ обождалъ до резолюціи, и заразъ давать о семъ же знать нижнему суду или земскому исправнику; задержанныхъ же простого состоянія людей сумнительныхъ заразъ обревыдовать, и что только при комъ найдено будетъ, запечатанное доставлять вмѣстѣ съ задержаннымъ. Словомъ сказать, сей караулъ долженъ, не пропуская никого сторонняго, ѣдущаго и идущаго, всякаго спросить, и за спросомъ естли будетъ сумнѣніе въ неимѣніи письменнаго вида или въ чемъ другомъ, поступить какъ выше объяснено, то есть незнатнаго представить, а о знатномъ, упросивъ обождать, доносить". Черезъ недѣлю новый циркуляръ: „По случаю что частые случаются пожары, а отъ чего—никогда дойтить не возможно, предписывается вамъ строжайше въ сію минуту оповѣстить, за подписками, всѣ экономіи части вашей, дабы они самовѣрнѣйшій сдѣлали по мѣстечкамъ, селеніямъ и хуторамъ обыскъ черезъ своихъ асауловъ и экономическихъ слугъ, а также черезъ сотскихъ и десятскихъ, и ежели гдѣ у хозяина на жнивахъ, а у жида на услугахъ какой сторонній человѣкъ или такъ праздно, хотя бы отколь за пашпортомъ проживающій оказался, таковыхъ доставляли бы за крѣпкимъ присмотромъ прямо въ нижній земскій судъ, хотя бы онъ былъ и въ видѣ нищаго, но не тамошняго мѣста, гдѣ сыщется, и таковаго присылать въ судъ, не исключая и самихъ калѣкъ темныхъ съ поводатырями, ибо и таковые должны находиться въ томъ селѣ или мѣстечкѣ, отколь они есть; причемъ объявить господамъ помѣщикамъ, а экономамъ и управителямъ ихъ внушить крѣпко, что ежели сіе выполняемо не будетъ и хотя малѣйшее усмотрится въ томъ для всѣхъ благополучіи нерадѣніе, такой каждый економъ, по взятіи подъ стражу, преданъ будетъ неминуемо строжайшему сужденію". Спустя нѣсколько дней снова предписывалось: „подтвердить всѣмъ обывателямъ, чтобы они, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія, никого изъ проѣзжающихъ и проходящихъ пѣшихъ для ночлега въ домы свои безъ вѣдома сельской полиціи не пускали, извѣщая при томъ и о проходящихъ не чрезъ селеніе, а мимо онаго". Еще черезъ два-три дня новый цирку-

ляръ сельскимъ начальникамъ и сотскимъ: „предписывается вамъ строжайше завести у себя записныя тетради, въ которыя записывать каждаго проѣзжающаго или проходящаго по прилагаемой у сего формѣ, а съ тѣхъ тетрадей черезъ каждые три дня присылать ко мнѣ о проѣхавшихъ и прошедшихъ всѣхъ безъ изъятія вѣдомость безъ малѣйшаго упущенія; а дабы о каждомъ заѣхавшемъ или зашедшемъ скоро вы были извѣстны, всѣмъ евреямъ, шляхтичамъ и прочимъ жителямъ строго подтвердить, чтобы они въ одну секунду о заѣхавшемъ или зашедшемъ вамъ доносили". По формѣ требовалось вписывать въ тетрадь не только имя и званіе проѣзжаго или проходящаго, откуда и куда онъ слѣдуетъ, по какому пашпорту, на сколькихъ лошадяхъ, въ какомъ экипажѣ, останавливался ли и у кого именно „попасать", т. е. кормить лошадей, но прописывать также примѣты лица, его костюмъ, масть лошадей и „все, что только у проѣзжающаго и на проѣзжающемъ примѣтить можно". Наконецъ всѣмъ сельскимъ сотскимъ разосланы были именные списки разыскиваемыхъ злоумышленниковъ съ подробнымъ описаніемъ ихъ примѣтъ—на тотъ конецъ, чтобы они, при повѣркѣ паспортовъ у проѣзжающихъ и проходящихъ, „наблюдали секретно, не имѣетъ ли кто изъ нихъ какого сходства съ примѣтами укрывающихся преступниковъ". И всѣ эти грозныя предписанія, сыпавшіяся словно изъ рога изобилія на головы полуграмотныхъ блюстителей сельскаго благочинія, оканчивались угрозами, по большей части въ слѣдующей стереотипной формѣ: „а ежели сіе все черезъ недѣлю не будетъ устроено и по осмотрѣ черезъ отряженныхъ чиновниковъ не окажется выполнено, то сельскіе начальники удалены будутъ заразъ отъ службы и выдержатся въ тюрьмѣ черезъ двѣ недѣли, а сельскіе сотскіе строжайше наказаны будутъ, яко нерадивые къ сохраненію общей пользы и не повинующіеся начальничьей власти".

О. Левицкій.

(Продолженіе будетъ).

ӨЕДОРЪ ЛИСОВСКІЙ.[1]

1709—1722.

(*Очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи въ 1-й пол. XVIII ст.*)

(Окончаніе).

Главной, если не единственной, цѣлью сотнической дѣятельности Лисовскаго была нажива, а ея руководящими мотивами—„драпижство" и „ненасытное лакомство", о которыхъ такъ часто и съ такой нескрываемой горечью говорятъ документы. Трудно представить себѣ болѣе грустную и однообразно-мрачную картину всевозможныхъ правонарушеній, чѣмъ та, которую рисуютъ добытыя розыскомъ Хрипунова данныя [2]): здѣсь представлены, кажется, всѣ виды хищничества, всѣ нечистые способы опустошенія чужого кармана.

Какъ сотникъ, Лисовскій владѣлъ двумя ранговыми селами, Бугриновкой и Голубовкой, данными „на хоругвь". Но этого ему, конечно, было мало; это было слишкомъ непрочное владѣніе, котораго онъ могъ всякую минуту лишиться вмѣстѣ съ сотницкой хоругвью. Необходимо было позаботиться о пріобрѣтеніи собственныхъ маетностей. На гетманскія пожалованія Лисовскій не особенно могъ разсчитывать, такъ какъ постоянно былъ не въ ладахъ съ гетманомъ и генеральной старшиной; впрочемъ, документы не разъ упоминаютъ о какомъ-то хуторѣ

---

[1]) См. „Кіевская Старина" 1891 г., № 9.

[2]) Св. 43, № 58, также № 61.

Изруѣ [1]), къ которому Л—ій относился съ особеннымъ попеченіемъ: онъ тамъ строился (на общественныя деньги, конечно), перевозилъ туда награбленное имъ добро—жито, коровъ и даже амбаръ, принадлежавшій старому писарю Михею. Но Л—ій умѣлъ обходиться и безъ гетманскихъ пожалованій: онъ просто отбиралъ чужіе „грунта". Вотъ нѣсколько обращиковъ его пріобрѣтательской дѣятельности: рыковскій попъ убилъ человѣка во дворѣ бывшаго войта въ присутствіи рыковскихъ жителей Ярченка и Воротниченка и войтовой невѣстки. На судѣ попъ не признался; не стала показывать на него и войтова невѣстка, „бива боячися и застерегаючи своего дому", но Ярченко и Воротниченко показали правду, какъ было дѣло. Тогда Лисовскій, говоритъ челобитчикъ, „увѣдавъ, что у меня грунта есть доволны и не вынашовши иныя причины до отнятья, обвинилъ меня за тое, что свидѣтельствовалъ на попа, и з такой причины дворъ и весь грунтъ мой отнялъ у меня", а жену и дѣтей челобитчика обратилъ въ свое „подданство". Воротниченко жаловался гетману и получилъ отъ него „листъ" съ приказаніемъ сотнику возвратить захваченное имущество, но Л—ій тотъ листъ взялъ, а Воротниченка посадилъ въ тюрьму. Выпущенный потомъ изъ тюрьмы, Воротниченко снова обратился въ Глуховъ и получилъ отъ генеральнаго судьи такой-же листъ; но на пути изъ Глухова челядникъ Лисовскаго, устроившаго цѣлую засаду, вытащилъ въ шинкѣ у пьянаго Воротниченка этотъ листъ изъ-за пазухи и отдалъ своему пану. Самъ челобитчикъ едва ускользнулъ изъ рукъ Лисовскаго, который „искалъ его убить, и доселѣ по разныхъ селахъ и городахъ бѣгаючи отъ него крылся". Такимъ-же способомъ отобралъ Лисовскій у Якова и Ѳедора Бакуненокъ и Герасима Черченка ниву съ засѣвомъ (а также другое имущество), у старика Михея поле съ сѣножатью, которой тотъ владѣлъ „отъ самой лядчины"; „а то поле и сѣножать, разсказываетъ потерпѣвшій, были пана Песочинскаго, якіе намъ товариству войсковому блаженные памяти панъ Ва-

[1]) Вѣроятно, это тотъ же самый Изруй или Узруй въ „гетьманщинѣ", въ шептаковской сотнѣ, о которомъ говоритъ А. М. Лазаревскій (Опис. старой Малор. т. I, стр. 186).

сята, полковникъ на тотъ часъ будучи нѣжински стародубовски, подѣлилъ былъ за услуги наши къ Его Царскому Величеству пресвѣтлаго монарха Алексѣя Михайловича". Не болѣе церемонился Лисовскій и съ державцами, которые имѣли несчастье быть его сосѣдями. „Ускаржаюся на пана Ѳ. Лисовскаго, пишетъ одинъ изъ нихъ, Андрей Зиновіевичъ Фай, сотника новгородскаго, отъ котораго поношу великія трудности и разореніе въ купленныхъ кгрунтахъ моихъ, знайдуючихся въ селѣ Бугриновци, отъ давнихъ часъ покупленныхъ. Наипервѣй, якъ сталъ оній Лисовскій въ Бугриновци дворъ будовати, заразъ того-жъ часу двора моего занялъ подъ свой будинокъ, тамъ-же и огорода занялъ. Овину мою скидалъ, а стайню (конюшню) постановилъ на томъ мѣсцу; постовныкъ (выгонъ) увесь занялъ къ своему двору, поле пахатное поотнималъ и своимъ подданнымъ поотдавалъ; сѣножати отъ новаго млина до самого села Бугриновки мои власныя самоволне коситъ; усе тое кгвалтомъ чинитъ, а не куплею". Не брезгалъ Лисовскій и мелкими угодіями. „Нижеподписанные сироты" (рыковскіе жители) жалуются, что онъ имъ „обнищалымъ людямъ чинитъ многіе побои и разоренія" и въ довершеніе всего отнимаетъ послѣднія средства къ существованію, „ибо волные ступы до ловленія рибы на себѣ поотбиралъ и посудъ также пограбилъ". Л—ій отнялъ у богатаго мѣщанина Ситника дворъ на рынкѣ, смежный со своимъ дворомъ и выгналъ изъ него шинкаря Ситникова, угрожая ему: „ежели ты будешь боле жить в дворѣ Ситниковѣ, и я де тебя велю до смерти бить кіями"; тотъ, разумѣется, не ожидая исполненія угрозы „и видя его страхъ, покинулъ все, медъ и пиво, которое не успѣлъ продать, и дворъ его Ситниковъ оставилъ"; другой дворъ того-же владѣльца сотникъ разорилъ, повыбиралъ изъ свѣтлицы затворы отъ оконъ, столы, лавки, скамьи и двери, и даже воспользовался лѣсомъ для сосѣдней своеи постройки. Торговля горѣлкой была очень развита въ то время въ Новгородъ-Сѣверскѣ; ею занимались очень многіе зажиточные мѣщане и козаки, вывозя горѣлку въ Кіевъ и др. мѣста. Не преминулъ воспользоваться выгодами этого промысла и Лисовскій, но велъ онъ свои дѣла очень оригинально. Куфы (бочки) горѣлки онъ забиралъ

даромъ у своихъ сотнянъ, вымогая ихъ всевозможными способами; если и случалось сотнику курить вино или варить пиво и медъ, то онъ дѣлалъ это на чужихъ броварахъ (безплатно, конечно). Не ограничиваясь своими шинками, которые онъ ставилъ даже на церковномъ мѣстѣ (какъ напр. въ Рыковѣ, гдѣ Л—ій устроилъ свой шинокъ „на церковномъ плецу, ведля самой церкви; и тамъ жида власно на поруганіе храму Божьяго поставилъ шинковать“), не ограничиваясь этимъ, Л—ій насильно навязывалъ свою горѣлку шинковать братскимъ дворамъ различныхъ цеховъ, причемъ десятину, обыкновенно уплачиваемую за это шинкарямъ, онъ заставлялъ платить изъ братской кружки. Наконецъ, если въ какомъ-нибудь изъ шинковъ сотникъ терпѣлъ убытокъ, то онъ всегда умѣлъ найти способъ возмѣстить его: такъ, когда одна изъ шинкарокъ Л—го прошинковала что-то, онъ взыскалъ съ городничаго Шенелича 50 злотыхъ [1]) на томъ основаніи, что Шеneличъ, будто-бы, принялъ эту шинкарку въ отсутствіе сотника и поручился за нее. При такихъ условіяхъ торговля горѣлкой должна была быть, безъ сомнѣнія, чрезвычайно выгодной, но Лисовскому все было мало, и онъ употреблялъ тысячи другихъ способовъ, чтобы нажиться какъ можно скорѣе.

Кромѣ доходовъ съ ранговыхъ селъ и деревень, на содержаніе сотника шли разныя приношенія его подчиненныхъ и сотенныхъ обывателей; приношенія эти были какъ случайныя, такъ и регулярныя, пріуроченныя къ опредѣленнымъ срокамъ. Ни одинъ почти случай сношенія съ сотникомъ не обходился безъ „поклона“, который считался вполнѣ законнымъ и естественнымъ и строго различается въ документахъ отъ взятки и мздоимства: на пріѣздъ Лисовскаго на сотничество зажиточный мѣщанинъ Ситникъ „положилъ поклону червонныхъ два“; козакъ Матвѣй также явился къ нему съ поклономъ и „на новое господарство“ привезъ Л—му „вепра“; впослѣдствіи Матвѣй жаловался на разныя несправедливости и вымогательства

[1]) Въ рублѣ того времени было 5 злотыхъ, въ копѣ $2^{1}/_{2}$ зл., въ талерѣ 3 зл. (битый талеръ равнялся рублю).

Л-го, но въ концѣ своей жалобы прибавляетъ: „а что я давывалъ ему сотнику поклону, того я на немъ не взыскую и въ челобитной не писалъ“. Когда Л—ій ѣздилъ съ атаманомъ и войтомъ встрѣчать гетмана, пироговскіе жители Крушъ и Івановъ принесли ему поклону „курку и утку“; рыковскій житель Шерантай явился по своему дѣлу къ Л—ому и „поклону ему сотнику далъ два рубли, и о тѣхъ двухъ рубляхъ, пишетъ онъ въ своей жалобѣ, я на него сотника не челобитчикъ“. Іеромонахъ Гаврила, обвиняющій Л—аго въ лихоимствѣ, ничего не имѣетъ противъ „поклона“: „и хоча-бъ ему сотнику поклониться малымъ дѣломъ, чѣмъ-бы мы сами знали, того ради, что мы живемъ въ ихъ селѣхъ и просимъ за нихъ Бога“.

Кромѣ поклоновъ по разнымъ поводамъ сотникъ получалъ еще извѣстную свадебную пошлину, такъ называемую „веселные куницы“ [1]); при прежнихъ сотникахъ давали по золотому и

[1]) „Веселные куницы“ представляютъ собой любопытное и, сколько намъ извѣстно, не объясненное до сихъ поръ явленіе въ малорусскомъ общественномъ быту. А. М. Лазаревскій въ своемъ „Опис. старой Малор.“ (т. I, стр. 202 пр. 340) говоритъ: „куницу брали обыкновенно державцы отъ каждой невѣсты, выходившей замужъ въ чужое владѣніе. Требуя куницу, Лисовскій, значитъ, смотрѣлъ на своихъ сотнянъ, какъ на подвластное себѣ посполъство“. Конечно, естественнѣе всего объяснять „куницы“, какъ merchetum, взимавшійся феодальнымъ сеньоромъ, а въ Л—омъ видѣть узурпатора, насильно присвоившаго себѣ права державцы. Но изъ приведеннаго нами случая ясно, что не одинъ Л—ій, но и всѣ его предшественники брали куницу, и что это было не отдѣльнымъ актомъ насилія, а нормальнымъ явленіемъ, вполнѣ признаннымъ и установившимся, Л—ій только самовольно повышалъ куницы и дѣлалъ ихъ разорительными для бѣдныхъ людей. Такимъ образомъ, нельзя смотрѣть на куницу исключительно какъ на выкупъ державцѣ за крѣпостную, ускользающую изъ подъ его власти; это была въ полномъ смыслѣ слова пошлина на бракъ вообще, уплачиваемая сотнику, какъ сотнику, а не какъ державцѣ. Любопытно, что и аналогичное явленіе западно-европейской жизни шире обычнаго объясненія, которое г. Лазаревскій примѣнилъ въ данномъ случаѣ къ малор. куницѣ, что и merchetum платили не одни только вилланы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и свободные люди. Проф. Виноградовъ, разсматривая это явленіе въ Англіи, приходитъ къ заключенію, что „разнообразіе соединеній, въ которыхъ встрѣчается merchetum, внушаетъ мысль, что подъ этимъ именемъ и подъ вліяніемъ юридической теоріи были объединены повинности, въ основѣ своей различныя: выкупъ отъ права первой ночи, вознагражденіе сеньора за потерю крѣпостной, уходившей подъ власть другого господина и *пошлина за бракъ, платившаяся не сеньору, а общинѣ или сотнѣ*“. (Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка, стр. 62).

меньше „хто що зможетъ дати, а Л—ій безъ милости талярей по два беретъ и по пять золотыхъ, чего ради боимось убогіе люди дѣтей женити“. Не меньшія злоупотребленія позволялъ себѣ Лисовскій и по отношенію къ другой повинности, которой онъ пользовался въ качествѣ сотника. Въ Малороссіи того времени былъ обычай ходить два раза въ годъ „о святахъ воскресенскихъ и Рождества Христова“ къ начальству „съ ральцемъ“: ходили цеховые братчики къ цехмистру, къ сотнику и писарю, къ атаману и войту сотеннаго города, ходили сельскіе атаманы къ сотнику, и сотенная старшина къ полковнику и т. д. Лисовскій строго наблюдалъ, чтобы подчиненные не пренебрегали этимъ старымъ обычаемъ: такъ, однажды серединскій атаманъ не могъ по болѣзни явиться съ ральцемъ, „который сбирается съ товариства сотнику“ на Пасху, а пріѣхалъ на Николу вешняго; тогда Л—ій посадилъ его на гармату, сковавши за шею и ноги, и взялъ контрибуцію въ видѣ куфы горѣлки и трехъ или четырехъ талеровъ битыхъ. Обычная такса ральца была также значительно возвышена Лисовскимъ: кравцы и шевцы жалуются, что прежде ходили къ сотнику „съ хлѣбомъ да съ солью“ (шевцы давали и одну пару чоботъ), а сотничкѣ давали по два золотыхъ, Лисовскій же сталъ требовать себѣ цѣлый талеръ да двѣ пары чоботъ сафьяновыхъ, а для жены запаску полутабинковую, цѣной въ 9—10 злотыхъ. Л—ій оправдывался, что такъ и раньше было, что вообще ему нѣтъ никакой прибыли отъ ральца, что приносящіе „болше напитку выпьютъ“, чѣмъ стоитъ ихъ приношеніе; на это „кравецкаго цеху цехмистеръ“ не безъ ироніи отвѣчалъ: „а что онъ сказалъ, когда мы придемъ съ ралцемъ, то будто болши выпьемъ напитку, то его неправда; развѣ онъ слыхалъ, у прежнихъ сотниковъ то было, а у него Л—аго въ домѣ того не было“ [1]).

Лисовскій бралъ не только деньгами и разнымъ имуществомъ, но и трудомъ: онъ заставлялъ цеховыхъ шевцовъ, тка-

---

[1]) Ральцемъ, повидимому, злоупотреблялъ не одинъ только Л., такъ что въ концѣ концовъ это обратилось въ зло, которое замѣтила и считала нужнымъ искоренить высшая администрація. Уже Скоропадскій писалъ изъ Москвы въ 1722 г. наказному гетману, черниг. полковнику Полуботку о запрещеніи ральца.

чей и кравцовъ работать на себя панщину, бралъ ихъ къ себѣ на домъ или давалъ свой матеріалъ для разныхъ подѣлокъ, за что, разумѣется, ничего не платилъ, а отвѣчала за все „скрынка брацкая", которая до того истощалась иногда этими постоянными расходами, что не на что было воску купить на свѣчи. Сотникъ пользовался даровымъ трудомъ рыболововъ: „тяжкою нашею працею, жалуются пироговцы, всегда безпотребно и безвременно ему неводъ тягнемъ", однажды онъ ихъ цѣлую ночь „мордовалъ тягненіемъ нивода"; возилъ на козацкихъ лошадяхъ свою горѣлку и лѣсъ для постройки, отправлялъ сѣно на кролевецкую ярмарку на обывательскихъ подводахъ, которыя тамъ „гинули цѣлый тыждень", забиралъ въ лавкахъ товаръ даромъ (одинъ лавочникъ представилъ реестръ, въ которомъ между прочимъ упомянуты „фарбиты разные до корѣты", рыжъ и розинки (изюмъ), цукеръ канарскій по полъ-талера фунтъ и т. п.). Наконецъ, если ему надобно было что-нибудь строить, онъ бралъ мастеровъ, занятыхъ на какой-нибудь общественной работѣ, иногда даже импровизировалъ таковую безъ видимой надобности, чтобы только имѣть даровыхъ рабочихъ. Новгородсѣверцы обвиняли Лисовскаго между прочимъ въ томъ, что онъ „башту (башню) добрую пораскидалъ напрасно безъ воли командира своего (полковника) и безъ совѣту мѣщанъ, а на тое мѣсто началъ строити иную, непотребне и неуважне минувши иншіе потребнѣйшіе дѣла городовыя и оставивши церковное строеніе, приказалъ строити въ самую пору, когда у людей хлѣба не стало, передъ жнивами, з великою людскою трудностью". Болѣе всего возмутилъ Лисовскій сотнянъ тѣмъ, что устроилъ онъ эту башню „не такъ якъ у фортеціяхъ належитъ для поставленія амуниціи", а построилъ на башнѣ тюрьму „для посаженія мѣщанъ", „а на тюрьмѣ звонницу по своему нраву и по совѣту отца Ѳеодора, своего единомышленника". Лисовскій оправдывался, доказывая, что на башнѣ имъ построена не тюрьма для посаженія мѣщанъ, а комора, а звонница надъ коморой сдѣлана для набату. Но мѣщане упорно стояли на своемъ, уличая сотника, что „коморы у насъ въ рядахъ краморскихъ звыкли дѣлатися, а на верхъ башты у насъ торги нигдѣ не звыкли

бувати; также и коморы краморскіе и складніе не такъ дѣлаютца, поневажъ з дверьми и съ тремя окнами хатою сія тюрма здѣлана; также и звонницѣ у насъ нигдѣ на баштахъ не звыкли строити кромѣ монастырей, и набатъ у насъ не на баштѣ-жъ, але посередъ города у соборной церкви въ великій колоколъ выбиваютъ". Плотниковъ, которые строили башню (теслей), Лисовскій „казалъ мѣщаномъ наймати и кормити, якіе тесли, беручи плату у мѣщанъ, ему кромѣ башты будовали лазню и погребъ", а также на хуторѣ Изруѣ „свѣтлицу съ комнатою и съ сѣнцами"; „а на оное строеніе лѣсъ и тертицы брали отъ новой башни, которой лѣсъ на тое башню воженъ міромъ, также брали и церковной лѣсъ, который лѣсъ воженъ на строеніе церковныхъ коморъ".

Лисовскій пользовался всякимъ мало-мальски удобнымъ случаемъ, чтобы сорвать что-нибудь. Съ погребского козака Матвѣя онъ взялъ „коня добраго копъ въ 30, и вепра золотыхъ въ 10, и 3 тарели битыхъ" за обѣщаніе сдѣлать его атаманомъ и освободить отъ „належитности войсковой": „покуда я буду сотникомъ, увѣрялъ Матвѣя Лисовскій, то ты будешь атаманомъ, и въ войско ходить не будешь". Но обѣщанія своего сотникъ не исполнилъ, а взятое добро все-таки удержалъ; правда, впослѣдствіи онъ возвратилъ коня, но „зопсовавъ и замуча его, который конь по принятію отъ него сотника скоро издохъ". Сына іеромонаха Гаврила выбрали попомъ въ Рыковѣ; Гаврила обратился къ сотнику за „презентомъ" (рекомендательнымъ письмомъ) къ архіерею, „того ради, что безъ письма урядоваго у в попы архіерей не поставитъ". Лисовскій заломилъ слишкомъ большую цѣну за презентъ, Гаврило не давалъ, тогда Лисовскій, разсказываетъ челобитчикъ, „до толь меня многажды лаялъ и безчестилъ, хвалючися мого сына з села кіями вибити, донежели не выдралъ у насъ остатные худобы: мусили отдать ему 20 тарелей битыхъ".

Впрочемъ, Лисовскій умѣлъ обходиться и безъ всякаго повода, чтобы обобрать кого-нибудь. Такъ будучи въ Кіевѣ [1]).

[1]) Л—ій нѣсколько разъ выѣзжалъ со своими козаками „въ войско" (по крайней мѣрѣ два раза, какъ видно изъ „жалобной сказки" шевцовъ, которые каждый

онъ безъ всякаго повода взялъ 100 злотыхъ у челядника Ситникова, находившагося тамъ по торговымъ дѣламъ своего господина. У Леона Тимофѣева сотникъ забралъ въ 1715 г. 24 рубля (посадивши его предварительно въ тюрьму), въ началѣ 1718 г. 104 р., а въ концѣ того же года передъ самымъ розыскомъ „обликъ“ (вексель) кіев. жителя Каленика на 14 р. Нужно было сотнику сѣно, онъ приказалъ городничему пойти къ слесарю и сказать ему „словомъ сотницкимъ“: „поди, отомкни огородъ Никиты Труса“; огородъ отомкнули и взяли 20 возовъ сѣна. Михей имѣлъ неосторожность обѣщать Л--му два воза сѣна, а тотъ безъ вѣдома его забралъ цѣлый стогъ „возовъ 8 якъ коню дерзнуть наклалъ“ („а сѣно тохды я и наши продавали по два золотыхъ и по копѣ ровно“). Не побрезгалъ сотникъ даже оставленной на рынкѣ отлучившимся мужикомъ Кутневскаго лошадью съ санями; хватившійся лошади мужикъ „по обыкновенію малороссійскому спрашивалъ на ратушѣ и во всѣхъ окрестныхъ уѣзду селахъ и деревняхъ“, но безъ успѣха; а потомъ оказалось, что лошадь въ Бугриновкѣ во дворѣ Лисовскаго, но ни онъ, ни его староста въ теченіе пяти недѣль не заявили о томъ въ ратушѣ, „и то у насъ, прибавляетъ Кутневскій, причитается за злодѣйство“; когда-же отъ уряда (въ это время сотней правилъ наказной сотникъ Пекулицкій) прислали въ Бугриновку за лошадью, то Л—ій не только не отдавалъ ее, но даже грозилъ побить посланнаго. „Уподобалась“ сотнику оксамитная шапка Никиты Трусевича; онъ „помѣнялся“ шапками—отдалъ свою барашковую и обѣщалъ додачи соболь въ 20 р., но, само собой разумѣется, это такъ и осталось обѣщаніемъ.

До какой простоты способовъ присвоенія чужого имущества дошелъ Лисовскій, видно изъ дѣла Васи Іосифовны, малолѣтней сироты, которую сотникъ обобралъ совершенно [2]); между про-

---

разъ платились своимъ карманомъ, снаряжая сотника). Между прочимъ въ 1715 г. Л—ій былъ въ Кіевѣ съ отрядомъ въ 120 человѣкъ, которые принимали участіе въ постройкѣ кіево-печерской крѣпости (Лазаревскій. „Опис. старой Мал. 203).

[1]) Онъ взялъ у нея „всѣ имѣнія (т. е. все имущество), позасталыя у ея родичевъ отцу и матце, скрыню съ платьемъ и иные фантины, которые тамъ въ той

чимъ онъ забралъ 50 штукъ „дерева рѣзанаго трехсаженнаго". Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ опекунъ Васи, войтъ Семенъ Юркевичъ: „А какъ дерево привезли къ берегу, тутъ была жена моя, и онъ сотникъ спросилъ: чье дерево? и моя жена сказала: „то дерево наше", и онъ сотникъ женѣ моей сказалъ: „поди-де ты домой, а я сіе дерево возьму себѣ", потомъ и побралъ". Больше всего поводовъ сорвать что-нибудь съ обывателя представляла судебная дѣятельность Лисовскаго, какъ сотника, причемъ ретивый судья взыскивалъ безразлично и съ праваго, и съ виноватаго, и за доказанныя судомъ преступленія, и за простое подозрѣніе и даже за невозбужденіе дѣла.

У Петра Острика произошла кража; онъ высказалъ подозрѣніе на своего бывшаго челядника, который отъ него перешелъ на службу къ дядѣ Петра, Исаю Острику. Лисовскій явился въ домъ послѣдняго и „не употребляючи до разсмотрѣнія жадныхъ свидѣтелей, безо всякого роспросу и безъ лица" велѣлъ бить кіями заподозрѣннаго челядника; тотъ подъ ударами показалъ на сына своего новаго хозяина Игната. Тогда сотникъ обратился къ Игнату, „мордовалъ его и билъ батожьями безъ милости", но признанія вымучить не могъ. Тѣмъ не менѣе Лисовскій отобралъ у Исая Острика ключи и вмѣстѣ съ племянникомъ его пошелъ по всѣмъ клѣтямъ и скрынямъ искать украденныхъ денегъ, но денегъ не нашли; Лисовскій все-таки велѣлъ забить въ колодки обоихъ сыновей Исая и, взявши съ собой въ городъ, посадилъ ихъ въ тюрьму. Исай долженъ былъ, „вызволяючи напраснаго мучительства", выкупить своихъ дѣтей и дать сотнику 20 рублей.

Пироговскій житель Крушъ поймалъ „знатнаго злодѣя", укравшаго гдѣ-то лошадь, и передалъ его Василью Харченко, но тотъ безъ умыслу, „ради простоты своей" выпустилъ вора. Лисовскій билъ ихъ обоихъ за это безъ милости батогами и кромѣ того прислалъ въ домъ Круша слугу своего съ приказаніемъ запечатать домъ и взять у Круша коня и 11 злотыхъ. Крушъ

скрынѣ были, все побралъ и ни во что обернулъ; взялъ жита на гумнѣ 60 копъ и взялъ силою, а не въ позыку и не прозбою (какъ оправдывался Л—ій), бо въ позыку жито никогда копами не даетца" и т. д.

сталъ просить, чтобы ему вернули хоть коня; сотникъ потребовалъ за это рубль, но, взявши рубль, коня все-таки не возвратилъ, „пригоняючи вину, объясняетъ Крушъ, что я въ то число былъ войтою".

Въ домѣ Ситника умеръ его должникъ Хайло. Несмотря на выданное священникомъ свидѣтельство, удостовѣряющее естественную смерть должника и то, что причиной ея не могъ быть Ситникъ, обращавшійся хорошо со своимъ должникомъ,—несмотря на это Лисовскій рѣшилъ не упускать такого удобнаго случая для вымогательства. Онъ отобралъ у Ситника „обликъ на Толстенка". Ситникъ сталъ просить о возвращеніи векселя, заплатилъ за это 2 червонца; Л—ій червонцы взялъ, но векселя не отдалъ и даже посадилъ самого Ситника въ тюрьму, гдѣ и продержалъ два дня. Потомъ прислалъ къ Ситнику есаула съ извѣщеніемъ, что тотъ получитъ свой „обликъ", если дастъ двухъ сивыхъ коней; переговоры тянулись долго и въ концѣ концовъ обѣ стороны сошлись на двухъ бочкахъ горѣлки. Вообще богатому мѣщанину часто приходилось платиться за свое богатство; обращеніе къ властямъ, попытки найти себѣ защиту въ гетманѣ и въ генеральномъ судѣ ни къ чему не приводили и только раздражали сотника, который находилъ тысячи случаевъ досадить строптивому мѣщанину. Между прочимъ онъ поставилъ къ нему двухъ жолнеровъ [1]), несмотря на протестъ Ситника, заявлявшаго, что „во всемъ новгородскомъ уѣздѣ никто двухъ жолнеровъ не годуетъ".

Не менѣе хлопотъ причинялъ корыстолюбивый сотникъ и другому зажиточному мѣщанину, Семену Налегакѣ. Произошла-ли семейная потасовка въ присутствіи Семена, подрались-ли въ его кабакѣ посѣтители, случилось ли его женѣ купить рушникъ,

---

[1]) Вотъ приказъ, съ которымъ Л—ій послалъ одного изъ жолнеровъ: „Микифору Ситнику, мѣщанину нашему новгородскому, посылаемъ на консистенцію жолнера одного, додавъ ему на мѣсяцъ порцію одну сыровую харчъ, муки житной гарцовъ 16, крупъ гаренецъ, соли 2 фунта, денегъ на каждый день по копейце, сѣно и оброкъ, якъ и прежде. Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества новгородскій сотникъ Лисовскій".

Содержаніе двухъ жолнеровъ обошлось Ситнику за три года въ 150 р. 43 алтына 4 деньги.

оказавшійся потомъ краденнымъ,—за все это долженъ былъ платиться несчастный Налегака и платиться дорого.

Рыковскіе жители распахали сосѣднее поле, принадлежавшее къ владѣніямъ гетмана, и кромѣ того „ниву жита выбили“. Явился гетманскій староста Шентаковскій, осмотрѣлъ выбитую „спашу“ и потомъ прислалъ „господаря оную землю розъѣхать и учинить межу новую; и мы его господарю, разсказываютъ рыковцы, были ни въ чемъ не скрежны, того ради, хотя у насъ отъѣхали и излишнее, и намъ противиться не можно, того ради, что то село ясновельможнаго гетмана“. Впрочемъ, гетманскій староста ограничился тѣмъ, что „отъѣхалъ“ кусокъ крестьянской земли, и никакого процесса не затѣвалъ; но отъ Лисовскаго нельзя было такъ легко отдѣлаться: онъ воспользовался виной несчастныхъ рыковцевъ и „взялъ альбо зодралъ“ съ нихъ 60 талеровъ.

Одинъ изъ жителей того-же села Рыкова, принадлежавшаго новг.-сѣв. ратушѣ, Данило Парфеновъ рѣшилъ эмигрировать „за тягостью“. „Позбывши свои грунта, разсказываетъ Данило (своему односельчанину Павлу Шерантаю за 62 копы, изъ которыхъ получилъ наличными только „полтретьядцать“—32½ копы) хотѣлимъ себѣ изаврести лутчую отраду, отишолъ былъ на малое время“; поволочившись мѣсяцевъ пять по слободамъ и „не найдя гдѣ жити“, Данило „паки вернулся на свое жителство“ въ Рыковъ. Онъ обратился къ сотнику и получилъ разрѣшеніе выкупить свою землю; но Шерантай требовалъ надбавки, сдѣлка между ними не устраивалась, и 32 копы, какъ „заводные гроши“, были переданы черезъ бугриновскаго атамана Л—му, который ихъ и присвоилъ. Поле, остававшееся спорнымъ, сотникъ велѣлъ сжать „згономъ“ (Данило вернулся 28 Іюня) и „перемолотя того жита пять осмачекъ напрасно“, увезъ его на свой хуторъ. Кромѣ того, Лисовскій взялъ и у Шерантая 10 копъ за обѣщаніе оставить поле за нимъ и дать ему „съ уряду купчую, чтобы ему тѣмъ полемъ владѣть вѣчно“. Но взятыя у Данилы Парфенова 32 копы (не считая поклона) создавали тоже своего рода нравственное обязательство; поэтому Лисовскій, послѣ того какъ спорное поле было

уже сжато въ его пользу „не устоя въ своемъ словѣ, згодивъ недѣль 20 и болши, велѣлъ Шерантаю отъ того поля отступить, а у него Данилы велѣлъ принять деньги (другія уже) изъ подъ неволи“.

Кривоносовскій житель Ященокъ продалъ женѣ полковаго хорунжаго Юркевичкѣ млинъ съ займищемъ при немъ. На этомъ займищѣ атаманъ с. Кривоносовки [1]) „розробилъ себѣ ниву“; зять Юркевички Кир. Матв. Черняцкій заявилъ претензію атаману, и тотъ „усмотрѣвъ свою неправду“ просилъ только, чтобы ему позволили за работу снять „два хлѣба“, на что и получилъ разрѣшеніе. Но Опонасъ Мартыненокъ (такъ звали атамана) не ограничился этимъ и сталъ копать рвы и въ другихъ займищахъ и „разводить ниву изъ пущи“, принадлежавшей Юркевичкѣ (нива эта не значилась въ „купчей письмѣ“); этими нивами атаманъ нѣсколько лѣтъ владѣлъ „съ позволенья громадскаго“. Черняцкій „скаржился“ сотнику, который и послалъ въ Кривоносовку своего есаула и писаря; Затѣмъ Мартыненокъ съ Черняцкимъ были сужены передъ сотникомъ и передъ всѣмъ новгородскимъ урядомъ; атаманъ былъ „учиненъ виннымъ“ и подписалъ „помиркованіе“ съ Черняцкимъ [2]). Кромѣ того, онъ долженъ былъ заплатить 17 копъ выкладу (изъ которыхъ Черняцкій получилъ только 4 р. 13 алтынъ 2 деньги), еще 18 злотыхъ сотнику, по 5 злотыхъ есаулу и писарю и 4 зл. служкамъ сотницкимъ.

Одной изъ характерныхъ особенностей малорусскаго процесса былъ „выкладъ“—извѣстная сумма денегъ (болѣе или менѣе произвольная), которую истецъ или обвинитель „накладывалъ“ на отвѣтчика; эти деньги вносились при возбужденіи

---

[1]) Кривоносовка населена была крестьянами Кутневскаго (это село было пожаловано ему въ 1708 г.) и козаками; и тѣ и другіе владѣли землей *сообща*, какъ видно изъ показанія атамана: „мы поля съ мужиками дѣлимъ во вся годы: годъ владѣютъ козаки, а на другой годъ мужики“. Отмѣчаю эту подробность, которая, какъ и вообще все это дѣло, можетъ быть интересна для исторіи землевладѣнія въ Малороссіи.

[2]) Вотъ текстъ этого документа: „ижъ неслушне вогнался окопомъ а нивку выробилъ в чистыхъ добрахъ займанныхъ еѣна пани Юркевичкиной до хутора Пилина прилеглыхъ, такъ з оного займища уступилъ; имѣлъ бы впредь чинити под-

дѣла судьѣ, которому онѣ и служили вознагражденіемъ. Если искъ или обвиненіе оказывались неправильными, то истецъ терялъ свой выкладъ; въ противномъ-же случаѣ сумма, равная выкладу, уплачивалась ему отвѣтчикомъ. Лисовскій и здѣсь допускалъ цѣлый рядъ злоупотребленій. Казакъ Иващенко „позывалъ въ свою бою“ Зюзю и Семенова, на которыхъ и наложилъ 8 копъ выкладу; Л—й посадилъ обоихъ на гармату и вымучилъ съ Зюзи 20 копъ, а съ Семенова 5 рублей (которые тотъ занялъ и потомъ за нихъ служилъ два года), но истцу не далъ ничего. Въ принесенной потомъ жалобѣ Зюзя и Семеновъ не признавали себя виновными, но, прибавляетъ Семеновъ, „по нашимъ правамъ, ежели-бъ мы были и винны, то намъ бы надлежало только заплатить одинъ выкладъ (т. е. 8 копъ) пополамъ“. Чтобы получать побольше съ обвиненныхъ по суду, Лисовскій прибѣгалъ къ такой уловкѣ: „будучи ненасытенъ въ своемъ драпижствѣ, онъ же Л—ій, когда придетъ до его кто убогій позыватися, а не мѣетъ чего наложити, такимъ давалъ свои гроши, червонцы и тарели, жебы другихъ людей до его позывали и накладами многими утежали, и то его явное Божьему и гражданскому закону противенство“. Въ виду того, что каждая тяжба приносила ему извѣстный доходъ, Лисовскій, понятное дѣло, строго преслѣдовалъ всѣхъ, уклонявшихся отъ его праведнаго суда. Невѣстку того-же Зюзи покусала сосѣдова собака; избѣгая хорошо извѣстнаго всѣмъ сотническаго правосудія, сосѣдъ уговорилъ Зюзю не возбуждать дѣла и далъ ему за это „чвертку жита, да нанялъ челядку, покамѣстъ у его невески рука загоитца“; но Л—ій, разсказываетъ Зюзя, „о томъ почувши, задралъ у меня 8 копъ за тое, что я его (сосѣда) не позывалъ“.

Лисовскій сплошь и рядомъ нарушалъ обычныя формы процесса, не стѣсняясь никакими формальностями и дѣйствуя скорѣе административной властью, чѣмъ судебною. Сотникъ

ступъ и утискатися в мененныя займища или вщинати за оныя заводъ, таковый (Мартыненокъ) неотмѣнно повиненъ войсковое караніе понести и знатную вину всякого суду и права тарелей сто заплатити мѣетъ„ Подписали Мартыненокъ, сотникъ, атаманъ и войтъ новгородъ-сѣверскіе.

отобралъ у Подольскаго коня, который оказался краденымъ, и отдалъ его прежнему владѣльцу, заявившему о кражѣ; но это было незаконно, по заявленію Подольскаго: „а держать было того коня на ратушѣ, или-бы иному кому отдать съ роспискою, а мнѣ было сказать срокомъ и сказать заводцевъ у кого я того коня купилъ, и нынѣ я тѣхъ заводцевъ сыскалъ и привезъ отъ нихъ оправдательныя письма, которые при семъ розыскѣ въ улику объявляю". У Михея были украдены „казаны винничные", съ которыми воры и были пойманы въ Шатрищахъ квартировавшимъ тамъ капитаномъ; капитанъ „покаралъ злодѣевъ", а казаны отдалъ Михею. Но Лисовскій „почувши, казаны казалъ зарасъ атаману до города привезти, бо мѣлъ заводы съ тымъ-то капитаномъ", и тѣ казаны, „презъ двадцать недѣль ваковали напрасно и барзо звенчали"; нѣкоторые изъ нихъ оказались даже подмѣненными, а произошло это потому, какъ объясняетъ Михей, что Лисовскимъ были нарушены обычныя судебныя формальности: „и ему было сотнику надлежало тѣ казаны осмотрѣть при людехъ и описать и положить на нихъ какіе клейма или печать и отдать на ратушу, а у себя было держать и въ другія мѣста отдавать не надлежитъ".

Изложеныхъ случаевъ, я думаю, совершенно достаточно для характеристики Лисовскаго, какъ судьи; но я позволю себѣ привести еще одно дѣло, въ виду того интереса, который оно представляетъ обиліемъ бытовыхъ подробностей и живымъ изложеніемъ, дѣлающимъ его похожимъ скорѣе на страничку изъ какой-нибудь исторической повѣсти, чѣмъ на судебный документъ. Одна „значная жителка новгородская", Стуколиха подъ старость сдѣлалась черницей подъ именемъ Анфіи. Стуколиха была богата и бездѣтна. Когда пришла пора умирать, она послала „хлопя своей сусетки" къ Леону, также зажиточному новгородскому мѣщанину. „Ходи, бабуся звалась чего-сь"; Леонъ пошелъ. Стуколиха передала ему „мѣхъ великій" съ деньгами; на верху, видно было, лежали талеры битые. Леонъ и спрашиваетъ „кому сіи гроши отдать?" „Тебѣ даю, только не кажи никому". Но тутъ, какъ на грѣхъ, случилась сосѣдка: она стояла въ той же хатѣ, но только въ отдаленіи, такъ что могла ви-

дѣть и при нѣкоторомъ напряженіи слуха (которое она и сдѣлала, какъ показали дальнѣйшія событія) и слышать кое-что. Леонъ замѣтилъ постороннюю женщину и говоритъ старухѣ: „Матуся, вѣдаетъ твоя сусѣтка сокретъ нашъ“.—„Что ей за дѣло! На̀ тебѣ шматокъ полотенъ, отдай отцу моему Филиппу духовному и скажи: позвала меня старуха у утрени и дала мнѣ полотенца шматокъ—отдайте отцу духовному“. Но сосѣдку не такъ-то легко было провести: она обратилась къ внукамъ, ходившимъ за старухой и сказала: „Вы догледайте Олену: мѣшокъ грошей дала оная старуха“, а затѣмъ подошла къ Леону и замѣтила: „Для чего ты такіе гроши берешь безъ людей? Чтобъ на меня въ томъ отъ людей поговор(т)ки не было“.—„Не бойся ты ничего, отвѣчалъ ей Леонъ; поговорки тебѣ отъ людей никакой не будетъ. Будетъ изъ тѣхъ денегъ и тебѣ и мнѣ“. Стуколиха умерла, и Параска Дорошиха, такъ звали сосѣдку, стала требовать отъ Леона обѣщанной ей части денегъ. „Что я тебѣ дамъ?!“ отвѣчалъ ей Леонъ на это—и ничего не далъ. Это показалось ужъ слишкомъ обидно Дорошихѣ, надо было отомстить: „и почела оная сусетка ложные и невинные слова плести“ на Леона. Наслѣдникомъ Стуколихи былъ ея племянникъ, юхновскій житель Григорій Дудка; Параска и обратилась къ нему, наговаривая, будто-бы при передачѣ денегъ Леону старуха говорила: „Не забудь племянника моего Григорія Дутку! будетъ и тебѣ, и племяннику моему“. Дудка и повѣрилъ Дорошихѣ и написалъ „духовницу по ея словесамъ ложную“ и представилъ ее сотнику. Лисовскому это дѣло было, конечно, очень на́ руку, и онъ обѣщалъ Дудкѣ, что когда получитъ съ Леона деньги, то дастъ ему сто золотыхъ. Призвали Леона. „Вычиталъ я тую духовницу, разсказываетъ Леонъ; и отказалъ я на тую духовницу: оная старуха мѣла умъ свой доброй, кому хотѣла, дала своима рукама: дала въ монастырь 22 рубли, осмачекъ жита, и на похоронъ дала себя поховати 16 рублевъ. Еще по смерти ея осталось денегъ рублевъ 50 и скрыня полотенъ, которые деньги и полотна побрали ченцы въ монастырь, а що Дуткѣ дала, потому каялось“. Лисовскій сказываетъ: „И признаютъ на тебя и сусетка, что ты взялъ грошей много“. Принесли образъ, по-

ставили его на столѣ и велѣли Леону присягнуть. „Я на тую присягу замолчалъ", говоритъ Леонъ. Тогда его повели въ компанату и начался допросъ. „Чи бралъ гроши Стуколихины?" спрашиваетъ Л—ій.—„Бралъ, да не толко, колко они написали".—„Колко?"—„Колко было, толко и топеря есть. Бодай меня пагуба душевная не знала, якъ я не знаю: якъ я положилъ, такъ топерѣ есть". Этимъ допросъ пока и кончился. Вскорѣ явились къ Леону на домъ атаманъ и войтъ, а потомъ и самъ сотникъ: Леонъ отдалъ имъ Стуколихины деньги, всѣ „шестаки, злотковцы, ворты и чвертки", которые заключалъ въ себѣ мѣшокъ старухи. „Оные гроши отмѣнны, говоритъ Леонъ: вельми черны; такихъ-же грошей и промежъ моихъ грошей шукали, и не нашли". Л—ій запечаталъ домъ Леона, самого его посадилъ въ тюрьму, а сына за караулъ на ратушу, „окромѣ приносячи сыну моему страхи батоговые". Ихъ продержали въ заключеніи недѣли двѣ. „Потомъ, ночи темны, вельми позда, прислалъ городничего до мене въ тюрьму: „Ходи, панъ звалъ". Пошелъ я до Лисовского. Кажетъ Л—ій: „Отдай гроши Стуколихины: кажутъ люди на церковь отказаны" и ссылается при этомъ на показанія Дорошихи. Леонъ отвѣчалъ: „Кажи ею панью бить, а я, какъ не признается, то я заранѣя буду платить".—„Якъ есть, дай мнѣ своихъ грошей половину". Леонъ, „видя надъ собой такой страхъ и тюремное везеніе" и хорошо зная, что дѣло можетъ принять совсѣмъ скверный оборотъ, отвѣчалъ: „Воля твоя, не токмо надъ грошми, но и надо мной: запечатанные". Л—ій отправилъ его съ карауломъ домой и приказалъ караульному: „Нехай придетъ и жена его до насъ". Пришла жена Леона. „Леониха, обратился къ ней сотникъ, отдай гроши Стуколихины, кажутъ люди на церковь отказаны".—„Добро-де отдать на церковь, отвѣчала та, а нашихъ не руште". Сотникъ сталъ грозить пыткой: „отдай мнѣ своихъ грошей половину", настаивалъ онъ, и, не дожидаясь согласія послалъ ночью атамана и писаря „трусить" домъ Леона. Посланные искали денегъ „по клѣтяхъ и въ другихъ мѣстахъ, по житу и въ другихъ хлѣбахъ", перерыли весь домъ, и нашли наконецъ деньги въ хатѣ подъ изголовьемъ, запечатанными въ скрынѣ. Деньги

были принесены Лисовскому и положены на столъ; онъ пересчиталъ ихъ: оказалось „тарелей битыхъ 50 безъ трехъ червоныхъ, 7 копъ, золотыхъ 600, чеховъ золотыхъ 70“. Сотникъ отобралъ себѣ тарелей битыхъ 50 безъ трехъ, атаману и войту далъ по 20 р., а на церковь и Дудкѣ не далъ ничего. Когда Дудка осмѣлился обратиться къ Лисовскому за обѣщанными 100 золотыхъ, то получилъ въ отвѣтъ: „Развѣ я тебѣ дамъ сто березинъ, а не сто золотыхъ“. Бѣдному Дудкѣ послѣ этого оставалось только „поеднаться“ съ Леономъ относительно Стуколихинаго дѣла и къ его жалобѣ на розыскѣ присоединить и свою.

Допуская полный произволъ въ судебной дѣятельности, въ которой руководствовался исключительно своей непомѣрной алчностью и жаждой наживы, Лисовскій обнаруживалъ тѣ-же качества и въ другихъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ; онъ дѣйствительно „чинилъ себя самовластникомъ“, ни въ комъ и ни въ чемъ не встрѣчая себѣ достаточно сильнаго сопротивленія. Лисовскій, не стѣсняясь, бралъ „заводные гроши“ изъ ратуши, причемъ шафаръ (казначей и городской сборщикъ) и самъ войтъ безропотно исполняли всѣ его требованія, не смѣя прекословить всемогущему сотнику; бралъ церковныя деньги и, когда священникъ поднялъ изъ-за этого дѣло и жаловался протопопу, Лисовскій побилъ его; забиралъ безъ вѣдома священника дорогія вещи и деньги, положенныя въ церковь на храненіе частными лицами. Онъ не задумался присвоить себѣ „покуховные гроши“, которые взялъ съ кравецкаго и швецкаго цеховъ (по 50 зл. съ каждаго) будто-бы для передачи гетману [1]). Если кто-нибудь изъ должностныхъ лицъ обнаруживалъ попытки сопротивленія расходившемуся „самовластнику“, Л—ій всегда находилъ способы справиться съ такимъ смѣльчакомъ и даже со-

---

[1]) „Покуховный“ сборъ въ размѣрѣ 2 р. съ каждой проданной въ раздробь куфы замѣнилъ собой послѣ измѣны Мазепы винную аренду. Этотъ сборъ шелъ на войско. Шинки ремесленныхъ цеховъ бывали, вѣроятно, освобождаемы отъ этого сбора, такъ какъ цехмейстеръ шевскій категорически заявляетъ, что „при прежнихъ сотникахъ у насъ такихъ покуховныхъ грошей с брацкихъ дворовъ не бирали, того ради что тѣ деньги идутъ у насъ на всѣ божественныя церкви“.

всѣмъ устранить его съ своего пути. Иванъ Андреевичъ Судіенко за вѣрную службу во время Мазепиной измѣны былъ назначенъ гетманомъ въ 1710 г. атаманомъ новгородъ-сѣверскимъ. При сотникахъ Березовскомъ и Кутневскомъ атаману жилось покойно „безъ всякого мнѣ отъ нихъ препятія, какъ онъ самъ разсказываетъ въ своей челобитной, бо якъ я имъ честь належитую отдавалъ, такъ и они, слушая повеленья ясневельможнаго, жадные мнѣ обиды не дѣлали, а Лисовскій когда сталъ у насъ сотникомъ, мало что поживши спокойный, заразъ началъ безвинно частократно меня безчестити и отъ уряду отдаляти". Произошло-же это потому, что Судіенко оказался недостаточно покладистымъ для новаго сотника. Лисовскій учинилъ какой-то „непотребный зáводъ" съ офицерами лейбъ-регимента и драгунами; дѣло доходило, повидимому, и до рукопашныхъ схватокъ, но Судіенко не рѣшался бить драгуновъ по сотницкому приказанію, что должно было, конечно, сильно раздражать Лисовскаго. Въ другой разъ этотъ послѣдній „мѣючи злость нѣякую-сь на монастырь" отправился въ монастырское подворье и приказалъ атаману разбивать замки; тотъ не послушался и былъ за это битъ тростиною. Эти и подобные имъ случаи возстановили Лисовскаго противъ Судіенка, и онъ началъ всяческими способами преслѣдовать строптиваго атамана: онъ грозилъ ему, что велитъ выкопать яму, положитъ его въ ту яму брюхомъ, а по спинѣ будетъ бить батогами; жену атамана онъ на одной „учтѣ" такъ безчестилъ, „же и писать стыдно". „Видячи его такое наступленіе, говоритъ Судіенко, просилемъ ясневельможного з его справедливости и обороны, яко-жъ и получилимъ уневерсалъ, жебы онъ болѣе мене ни въ чемъ не обижалъ, и отъ власти не дерзалъ отставляти". Но универсалъ не помогъ; когда атаманъ принесъ его Л—му, тотъ, „вычитавши" гетманское письмо, закричалъ на Судіенку и велѣлъ посадить его на гармату. Кончилось все это тѣмъ, что сотникъ самовольно смѣстилъ Судіенку и на его мѣсто назначилъ болѣе покладистаго человѣка.

Въ преслѣдованіи людей, почему-либо не понравившихся или мѣшавшихъ ему, Лисовскій положительно ни передъ чѣмъ не останавливался. Вотъ что разсказываетъ въ своемъ челобитьи

Фай, сосѣдъ его по Бугриновкѣ: челядь Фая, идущую на мельницу, Л—ій забираетъ въ свой дворъ и безъ всякой причины „бьетъ кіями тиранско"; греблю во владѣніяхъ Фая постоянно (даже тогда, когда Бугриновка принадлежала къ шептаковской волости) гатили всѣмъ селомъ какъ козаки, такъ и посполитые, такъ какъ она была одинаково необходима всѣмъ селянамъ „для переизду и для перегнаня ихъ чередъ". „А теперь, продолжаетъ Фай, за онымъ Лисовскимъ, якъ стало его, не тилко не каже гатити, але гною, соломы и хворосту на злость не велитъ давати тамошнимъ людемъ, наветъ если везу форостъ з моего кгрунту, солому или гной з моихъ дворовъ, то, перенявши на улици, кажетъ зворачувати и скидати з возовъ, не допускаючи до гребли, а тимъ мене бѣднаго хотячи з власного моего доброго вижити. А зверхъ тоей безчеловѣчной пакости у ставу моемъ, якъ у власномъ своемъ добромъ ловлею рибною доволствуютъ его подданніе, безпрестанне денно и нощно з остми, суткáми, волоками, з неретами и зо всякимъ пóсудомъ, до рыбной ловлѣ способнымъ, полощутся и учинили пусто ставъ оній, а посваритися або отогнать нѣма: если мой пойде одинъ, а ихъ збѣгутца десятокъ и другихъ и нападутъ бити, що якъ и теперешняго времени подъ часъ порваня греблѣ напали всякимъ посудомъ рибу ловити всѣ селомъ; видячи люде мои, что они такъ насилно чинятъ, побѣгъ хлопецъ мирочныковъ, гамуючи, абы не чинили кгвалту, которіе-то бугриновци напали хлопца бити, що обачивши челядникъ мой побѣгъ хлопца ратовати, а бугриновци, покинувши хлопца, напали и челядника моего бити остми и бовтати, который челядникъ боронячися тими въ ихъ-же будучими остми, мало обрѣзалъ едного человѣка, и того-жъ часу якъ пріихалъ Лисовскій у село, теды человѣкъ его, в которого ости однято, занесъ скаргу предъ Лисовскимъ, а оной Л—ій заразъ послалъ слугъ своихъ, щобъ побрали людей усѣхъ моихъ, якіе на гребдѣ робили, до его двора. Видячи пре то люде мои... и знаючи его честь, всѣ побѣгли втекы: иншіе болотомъ одтоплялися, а иныхъ половлено и до двора его якъ приведено передъ самого Лисовского, такъ оный Л—ій заразъ безъ всякого розпросу казалъ иншихъ въ колоду позабивати, а иншихъ, лан-

цугомъ за шію побравши, по селу и по полю водили, мене самого шукаючи, абы, гдѣ знайти, тамъ и убити на смерть. „А если не знайдете, то я, мовитъ, самъ, гдѣ его знайду, то въ лобъ стрѣлю, або кіями кажу до смерти убити“. А мирочника бугриновскаго мого того-жъ часу казалъ взяти и бити, положивши, у два кіи, якій мало не до смерти тимъ боемъ зосталъ приправленъ, и говоритъ: „Знайте мене, хто я; бо мнѣ хто що учинитъ, то я никого не боюся. Еще и панови вашему тое будетъ!“ И на томъ еще не угамовавшися, въ самую полночь, посѣдавши на коней, з челядью своей побѣглъ на низшую греблю мою, на которую маю два унѣверсали ясневельможного пана гетмана и декретъ суду войскового енералного блаженной памяти покойнаго Савы Прокоповича судіи енералнаго на тые мои власные кгрунта, что оній Лисовскій, унѣчтожаючи унѣверсали яснев. пана з своей завзятости прибѣгши на оную греблю, мене шукаючи забити, а не знайшовши мене, самъ скочивши въ ступныкъ, казалъ все руйновати, метолнѣ всѣ порубали, лапи также порубали и въ воду повкидали, двери повыломлювали, валници, подстрименки — все тое порубали на скринѣ, водяной мостъ верхній и испудній увесь казалъ на шматки порубати и въ воду повкидати; греблю казалъ всю роскопати, що вода, въ той часъ будучи великая, все тое не знати где позаносила. Еще-жъ того не доситъ, убѣгши у хату, двери выломали, пѣчь побили, оболонки побили, начине побрали, борошно, якое було, порозсипали и въ нѣвецъ обернули, посудъ, якій бувъ, увесь у воду повкидали,—во всемъ въ добрыхъ моихъ власныхъ въ конецъ разореніе учинилъ“.

Еще болѣе пострадали отъ самоуправства сотника Леско шапочникъ и Василій Красовскій, которыхъ онъ подвергъ немилосердному истязанію. Придравшись къ тому, что Леско завелъ какія-то предосудительныя сношенія съ его ключникомъ, котораго сманивалъ вступить съ нимъ въ компанію и получалъ отъ него будто-бы украденныя у Л—аго деньги и разные припасы, сотникъ призвалъ шапочника къ себѣ въ свѣтлицу и сталъ его спрашивать „съ пристрастіемъ“; потомъ посадилъ его въ шелвахъ (тюрьму) и, отобравши ключи, пограбилъ въ домѣ Леска

все, что только можно было взять; наконецъ, велѣлъ привести его къ себѣ въ ратушу и тамъ пыталъ батогами, „покладаючи разъ десять, и бьючи по спинѣ, поливалъ горелкою и посыпалъ солью“.

Красовскій-же, можно сказать, пострадалъ за свою любезность. Въ отсутствіи мужа, сотничка, разсказываетъ онъ, „ходивши по дворахъ и напившись, велѣла мнѣ себя проводить“, потомъ зазвала къ себѣ и „стала меня много поить и сама пить не токмо горелку, но уже отъ изумленія, въ пьянствѣ прибывшаго, и разсоломъ бураковымъ честовалися; въ такомъ пьянствѣ ее видячи“, Красовскій поспѣшилъ уйти по добру-поздорову и „безъ памяти выбравшись со двора а не дошедши до своего дому“, повалился на улицѣ, гдѣ и провелъ ночь. Ихъ „пьянственную волокиту“ съ сотничкой видѣли прохожіе и смѣялись, „и паче великороссійскіе люди“, состоявшіе при генералахъ Ренѣ и Кантакузенѣ. Тѣмъ-бы дѣло и кончилось, если-бы въ домѣ сотника въ то время, когда всѣ, перепившись, спали, не произошла кража: пропали сукни (платья), которые сотничка повынимала передъ тѣмъ изъ скрыни. Пріѣхавшій черезъ нѣсколько дней Лисовскій заподозрилъ въ кражѣ собутыльника своей жены и посадилъ его въ тюрьму. Затѣмъ обратился къ дворецкому ген. Рена съ просьбой дать ему двухъ профосовъ (катовъ, палачей) съ обѣщаніемъ, что если онъ допытается пропавшихъ вещей, то дастъ дворецкому „погребецъ съ хрустолевыми склянками“. (Сотникъ обращался къ гетману за разрѣшеніемъ „мучить катожскими руками“ обвиняемаго и, получивши отказъ, рѣшилъ сдѣлать это самовольно). Красовскаго безъ всякой „инквизиціи (слѣдствія) и доводу“ и „безъ вѣдома всѣхъ мѣщанъ, безъ суду“ привели ночью въ свѣтлицу сотника и тамъ мучили въ присутствіи дворецкаго, а также войта и атамана, за которыми Л—ій нарочно посылалъ (войтъ стоялъ за дверьми во время экзекуціи). Потомъ Красовскаго повели въ „пустой городокъ“ и тамъ, заведя въ кусты, сотникъ велѣлъ взять его „на тряску и много стряскою и колкодесятнимъ кнутовымъ боемъ долго мучилъ“ (на стряскѣ его держали, просунувъ бревно между ногами). Л—ій оправды-

вался тѣмъ, что экзекуція была произведена по приказанію ген. Рена; но свидѣтельскими показаніями было установлено, что Ренъ въ „малороссійскія правы не втручался и малороссійскихъ людей между собою не судилъ", а ген. Говальдеръ, когда узналъ, что профосы безъ его вѣдома пытали Красовскаго, взялъ ихъ подъ караулъ и наказалъ.

Для полноты характеристики Л—го приведу еще два эпизода, не лишенныхъ интереса въ бытовомъ отношеніи. Престарѣлому Михею Антіоху, который служилъ 70 лѣтъ и былъ одно время сотеннымъ писаремъ, „случилось бути въ дому его пана сотника съ поважными особами"; тутъ-же присутствовалъ и хорунжій Тимоѳей, который, чтобы потѣшить компанію и поощряемый сотникомъ (по росказанію сотницкому), сталъ „жартовать" съ Михеемъ; но „жартовалъ онъ необычно" и, по другому выраженію стараго писаря, „гонилъ его прикрыми плюгавыми словами". Михей „отходилъ отъ хоружего многажды и, не стерпя отъ него жарту, сталъ просить у сотника на него хоружего справедливости". Это только подлило масла въ огонь. Л—ій притворился, что хочетъ наказать Тимоѳея, и приказалъ есаулу посадить его на гармату, шепнувъ, чтобы онъ этого не дѣлалъ; хорунжаго выводили въ одну дверь, а онъ входилъ въ другую, продолжая свой жартъ. Обиженный старикъ требовалъ возбужденія дѣла и наложилъ на Тимоѳея червонецъ битый и талеръ, „но такъ и по сѣ число, заключаетъ онъ свою челобитную, на него хоружего справедливости нѣтъ и отбываютъ смѣхомъ; а выкладу моего не ворочаютъ".

Данило Лотышенко сошелся съ одной вдовой по имени Волотчихой; желая вступить въ законный бракъ, они „въ томъ учинили совершенный договоръ и межъ собою побожилися, что ей кромѣ Лотышенка замужъ не идти и ему кромѣ Волотчихи не жениться". Невѣста жила въ хатѣ у отца жениха, и тотъ „хаживалъ къ ней для увѣренья сватанья". Въ виду будущаго брака вдова выпросила у своего жениха для выкупа своихъ грунтовъ 100 злотыхъ, которые Лотышенко и далъ ей „проча себѣ тѣхъ грунтовъ". Но легкомысленная Волотчиха „стала отъ кого-сь непраздною и непріята стала до

браку его Лотышенка“. Женихъ сталъ искать съ нея взятыя деньги и по донесенію городничаго, что „Волотчиха живетъ непостоянно и ходитъ по ночамъ“, ее арестовали (это случилось уже послѣ того, какъ начался розыскъ Хрипунова и должность сотника въ это время исполнялъ Пакулицкій). Но скоро ее отдали на поруки зятю ее Ѳедору Малику; Маликъ не сразу согласился на это; когда его призвали къ сотнику, онъ спрашивалъ: „Въ какомъ дѣлѣ мнѣ за нее ручитца“? и когда ему отвѣчали, что его невѣстка чревата, онъ сказалъ: „Ежели-бъ въ какомъ иномъ дѣлѣ, въ долгахъ (напримѣръ), и я-бъ по ней ручался, а въ такомъ дѣлѣ я по ней ручатца не хочю“. Въ концѣ концовъ онъ все-таки согласился; но на другой-же день вечеромъ Волотчиху похитили слуги Лисовскаго, увезли въ Голубовку и тамъ мѣстный священникъ повѣнчалъ ее „пенную“ и безъ „квиту“ съ однимъ изъ челядниковъ бывшаго сотника Игнатомъ Кирѣевымъ. Казалось-бы, самого Лисовскаго все это нисколько не касается; но слѣдствіе и допросъ свидѣтелей представили все дѣло въ нѣсколько иномъ свѣтѣ. Оказалось, что Волотчиха уже давно приглянулась самому сотнику; по этому случаю онъ два раза сажалъ въ тюрьму Лотышенка и второй разъ призывалъ къ себѣ и допрашивалъ, по какому поводу онъ ходитъ къ Волотчихѣ. Когда-же Лотышенко объяснилъ, что хочетъ на ней жениться, Лисовскій отпустилъ его за 5 рублей: „а ежели-же ты мнѣ денегъ не дашь, то я велю тебя на мосту бить кіями“. Связь сотника съ Волотчихой была совершенно ясно установлена свидѣтельскими показаніями, изъ которыхъ особенно выдѣляется своей эпической простотой показаніе Тимоѳея Спорыша, служившаго сторожемъ у Лисовскаго: „посылалъ меня, разсказываетъ Спорышъ, сотникъ Л—ій поздно ночью къ Волотчихѣ, чтобъ она къ нему пришла на ночь, а жена его сотничка въ тѣ числа была въ селѣ Бугриновцѣ. И какъ я къ ней пришелъ и дома ея Волотчихи не засталъ и, пришедъ, сказалъ ему сотнику, что ея дома нѣтъ, онъ послалъ меня шукати ее по шинкамъ и велѣлъ ее найти, гдѣ ни на есть, а къ себѣ привести, и далъ мнѣ грошей шестакъ. Искалъ я ее по многимъ шинкамъ, и тое-жъ ночи вы-

шелъ изъ кравецкаго шинку коморной сторожъ Андрей, и я его Андрея спросилъ про Волотчиху; Андрей сказалъ, что здѣсь пьетъ въ кравецкомъ дому и я велѣлъ Волотчиху выкликать; и какъ оная В—чиха ко мнѣ вышла и пошла со мною къ сотнику во дворъ, и привелъ къ нему въ свѣтлицу; и какъ привелъ къ нему въ свѣтлицу, сотникъ велѣлъ мнѣ въ сѣняхъ двери и окна позапирати и никого мнѣ пускать не велѣлъ; и съ оною В—чихою легли на постель, которую подъ нихъ я и слалъ, а меня выслалъ въ сѣни. Потомъ, мало згодивъ, кликнулъ меня въ свѣтлицу и поднесъ мнѣ стопу пива, а она В—чиха и онъ сотникъ ходили при мнѣ въ однихъ сорочкахъ и между собой перепивались и цѣловались. Потомъ, гуляючи, лягутъ на одной постелѣ, а меня вышлютъ въ сѣни, и такъ меня высылали изъ свѣтлицы раза со три. Передъ свѣтомъ онъ сотникъ велѣлъ мнѣ оную В—чиху проводить до двора ея и далъ ей семь щукъ рыбы да пукъ лучины сосновой, которую рыбу и лучину я до двора ея В—чихи и отнесъ. И такъ онъ Лисовскій посылалъ меня за В. по ночамъ два раза, какъ сотнички дома не бываетъ. И потомъ онъ Л—ій мнѣ говорилъ: „Ежели де ты про ее кому скажешь, то тебѣ дамъ сто кіевъ".

Розыскъ Хрипунова обнаружилъ всѣ злоупотребленія Лисовскаго. Лишь только онъ начался, на удаленнаго въ Глуховъ сотника такъ и посыпались обвиненія въ самыхъ разнообразныхъ проступкахъ и преступленіяхъ. Новгородъ-Сѣверцамъ ужъ не въ моготу стало сотничество Лисовскаго и чуть не всѣ они просятъ, умоляютъ избавить ихъ отъ такого начальника. Ремесленники шевскаго цеха „просятъ смиренно освободить ихъ отъ его безчеловѣчнаго начальства; а ежели оной будетъ у насъ начальствовать, то мы всѣ, свои домы покинувши, мусимо розыйтись розно"; кравцы заявляютъ, что „домы братерскіе церковные спустѣютъ и мы всѣ изъ города поутекаемъ"; тѣмъже угрожаютъ Леско шапочникъ и В. Красовскій. Ткачи „рабски молятъ, да не впредь имъ таковое разореніе станетца"; погребскій казакъ Матвѣй—„дабы онъ Лисовскій болши надъ

нами не знучался здирствомъ“; Ив. Воротниченко изъ Рыкова— „абы скаранъ былъ и дабы вовся отъ сотничества отставленъ былъ“; Григорій Шепеличъ умоляетъ „весьма его сотника лишить“; даже маленькая Вася Іосифовна и та проситъ въ своемъ челобитьѣ „да не впредь намъ такого разоренія станется, удалити отъ насъ оного Лисовскаго“. Іеромонахъ Гавріилъ въ концѣ своей жалобы восклицаетъ: „Умилосердись, пресвѣтлѣйшій монархъ, повели избавить насъ отъ такого мучителя“. Люди всѣхъ классовъ, половъ и возрастовъ соединялись въ этомъ общемъ желаніи и, обнадеженные указомъ о розыскѣ, несли Хрипунову свои „плачливыя скарги“ на досадившаго всѣмъ сотника.

На каждую изъ челобитныхъ Лисовскій писалъ оправданія, но эти оправданія представляли собой почти исключительно голое, ничѣмъ не доказываемое отрицаніе взводимыхъ на него обвиненій, и вызывало лишь „улику“ челобитчика, въ которой обвиненіе повторялось съ еще большей силой, опираясь на новыя доказательства и раскрывая новыя подробности совершеннаго сотникомъ проступка[1]). Подавляющее большинство свидѣтельскихъ показаній было не въ пользу Лисовскаго за исключеніемъ нѣсколькихъ завѣдомо ложныхъ показаній свидѣтелей, лично зависѣвшихъ отъ него. Но онъ и не обращалъ, повидимому большого вниманія на отдѣльныя обвиненія: онъ хорошо зналъ, что ихъ слишкомъ много для того, чтобы можно было обѣлить себя совершенно. Лисовскій усвоилъ себѣ иной планъ защиты: онъ старался дискредитировать главныхъ зачинщиковъ обвиненія, Кутневскаго и К°, съ другой стороны—подчеркивалъ то обстоятельство, что онъ не составляетъ исключенія и что точно такимъ-же образомъ ведетъ себя вся малороссійская старшина; наконецъ, онъ не забывалъ какъ можно чаще упоминать, гдѣ слѣдуетъ, о своей вѣрности во время измѣны Ма-

[1]) Улика обыкновенно кончалась требованіемъ присяги: „вели ему Л—ому противъ сей моей улики присягнуть, а будетъ онъ присягать не станетъ, я въ томъ самъ присягну“. Или: „то онъ сказалъ неправду“ и въ томъ даю ему сотнику на душу“. Или-же: „А буде въ чемъ по свидѣтельству разобрать не можно и дойдетъ до вѣры, и мы отдаемъ на вѣру ему сотнику, а ежели онъ въ томъ божитца не будетъ, и мы то беремъ себѣ на вѣру“.

зепы и прислуживался Протасьеву, отъ котораго, какъ онъ хорошо понималъ, въ концѣ концовъ зависѣлъ исходъ пред принятаго розыска. Л—ій обращаетъ вниманіе Протасьева на то, что Кутневскій жалуется за другихъ, тогда какъ эти другіе сами-бы могли за себя жаловаться, если считали себя обиженными [1]); что Кутневскій для увеличенія числа челобитчиковъ „атаманью сельскую и прочіихъ людей кіевымъ принуждалъ боемъ“ и вмѣстѣ съ Пекалицкимъ разсылалъ по всей сотнѣ письма съ увѣреніемъ, что Л—ій больше не будетъ сотникомъ, и уговаривалъ въ виду этого всѣхъ бить на него челомъ [2]); даже отдѣльныя жалобы онъ старается объяснить наговорами враговъ; такъ, въ одномъ изъ своихъ оправданій онъ говоритъ: „а челобитчица Вася, шестолѣтная дѣвчина, и тая проситъ, чтобъ сотникомъ не былъ, и потому, знать, что все съ науки непріятелей моихъ то чинитца, и уже такіе младенцы будто изобижены бываютъ отъ меня“. Сами враги ослабляли значеніе своихъ обвиненій доносами вродѣ слѣдующаго: Лисовскій вылилъ колоколъ для линковской церкви, и на этомъ колоколѣ оказалась надпись: „Слитъ звонъ сей въ Новѣ-городку до села Линкова, до храму свѣтаго Архистратига Михаила стараніемъ его милости пана сотника новогородскаго Ѳедора Лисовскаго благомудраго и отъ враговъ непобѣдимаго, року аѱзі марта въ к҃“, а подъ этой надписью таинственныя буквы: „цы, покой, вѣди, вѣди, земля, ѳита, люди, слово, нашъ“. Кутневскій и Заруцкій убѣдили линковскаго попа написать въ своей челобитной [3]) объ этомъ колоколѣ, котораго онъ даже, по собственному признанію, хорошенько и не видѣлъ, такъ какъ колоколъ былъ привезенъ и повѣшенъ въ то время, какъ онъ служилъ обѣдню. Враги Лисовскаго настаивали, чтобы его допросили „подъ какимъ онъ прилогомъ непобѣдимымъ велѣлъ себя писати“ и что значатъ таинственныя литеры,—изображая его чуть не вторымъ Мазепою. Поднялось цѣлое дѣло, допросили и самого Л—аго и свидѣтелей, и въ результатѣ оказалось, что надпись

---

[1]) Св. 43 № 61.

[2]) Св. 41, № 51.

[3]) Св. 43, № 61.

сочинилъ безъ вѣдома сотника выливавшій колоколъ глуховскій звонникъ Александръ Карповъ; сдѣлалъ онъ это „съ простоты, хотя тѣмъ ему Л—ому прислужитца", за что и получилъ сверхъ условленной платы сапоги.

Лисовскій воспользовался также для своей защиты происшедшей во время розыска дракой между Андреемъ Пикулицкимъ (братомъ наказного сотника Парѳена) и сыномъ протопопа Андреемъ Заруцкимъ—съ одной стороны, и челядниками Лисовскаго—съ другой. У А. Заруцкаго собрались гости: Пикулицкій, маляръ Коробаненко и др.; пригласили въ качествѣ пѣвцовъ старшаго дьяка успенской школы Петра Ѳедорова и „молодиковъ" воскресенской школы Ивана Косого и Матвѣя[1]); приглашали также и дьяка этой школы Евстрата Семенова, но онъ не пошелъ, несмотря на двукратный зовъ протоповскаго сына. Гости засидѣлись до поздней ночи; потомъ, Заруцкій, Коробаненко и дьякъ Петръ по приглашенію Пикулицкаго отправились къ нему на хуторъ и, погулявши тамъ часа два, стали возвращаться въ городъ всѣ вмѣстѣ въ коляскѣ и верхомъ. При въѣздѣ въ городъ у подгулявшей компаніи погасла въ фонарѣ свѣчка. Петръ подъѣхалъ къ воскресенской школѣ, сталъ стучаться и просить огня; огня ему не дали. Тогда пришелъ Пикулицкій и сталъ кричать; школьникъ Иванъ Конотопецъ, „видѣвъ то ихъ напрасное нахожденіе въ школу, выбилъ Пикулицкаго изъ школы вонъ". Тотъ вернулся снова уже въ сопровожденіи Заруцкаго, и завязалась общая свалка, въ которой принимали участіе и дьяки, и школьники, и даже „кухаръ" воскресен. школы; Пикулицкій билъ дьяка саблей „плазомъ", но и самъ пострадалъ не мало: у него оказалась голова „испроломлена" и въ крови.

На шумъ изъ находившагося противъ школы двора Лисовскаго выбѣжалъ его слуга Денисецъ и сталъ бранить Заруц-

---

[1]) Школы устраивались при церквахъ и были въ то же время пѣвческими капеллами подъ управленіемъ старшаго дьяка—регента и учителя школы. Школы были очень распространены въ Малороссіи того времени: въ Новг.-Сѣв. ихъ было нѣсколько (въ излагаемомъ дѣлѣ упоминаются 3 школы). есть указаніе на существованіе школы въ селѣ Рыковѣ; среди челобитчиковъ и свидѣтелей попадаются грамотные мастеровые, челядники и простые козаки.

каго съ Пикулицкимъ; тѣ погнались за нимъ, но онъ спрятался во дворъ и оттуда сталъ ихъ „лаять и, стоячи на хворткѣ, сталъ ихъ къ себѣ звать: „подите де къ намъ на дворъ, будете-ли живы?!“ но они ему сказали: „мы де къ вамъ на дворъ не пойдемъ и бросили въ него полѣномъ“. Произошла новая драка, въ которой, разумѣется, досталось обѣимъ сторонамъ. Лисовскій и придрался къ этому случаю, по словамъ Заруцкаго „хотя отбыть иску отца моего и многихъ новгородцкихъ обывателей“; онъ представилъ все дѣло, какъ одинъ изъ моментовъ постояннаго гоненія на него его враговъ, и обвинялъ Заруцкаго и Пикулицкаго въ томъ, что они „въ ночной годинѣ на его дворъ многолюдствомъ три раза находили, ворота его ломали, дворъ въ конецъ разорили и малыхъ его дѣтей великимъ воплемъ пужали“ (самъ Лисовскій былъ все время розыска въ Глуховѣ, его жена съ маленькимъ ребенкомъ и родственницей Л—каго изъ Стародуба „дѣвкой Мариной, прозываемой Гирею“,—на хуторѣ Изруѣ; во дворѣ оставался только старшій сынъ сотника съ своимъ „инспекторомъ“ (гувернеромъ) Рожанскимъ.

Лисовскій не только силился доказать, что его преступленія преувеличены и раздуты его врагами, которые воздвигли на него гоненія, съ самаго перваго дня его появленія въ Новгородъ Сѣверскѣ. Онъ употреблялъ еще и другой, не лишенный своеобразнаго значенія, способъ оправданія. Отданный подъ судъ сотникъ не отрицалъ того, что за нимъ водятся кое-какіе грѣхи; но и другіе дѣлаютъ то-же самое: бывшій войтъ Степанъ Мажуга, еще до назначенія его сотникомъ „великія обиды и разоренія всенароднія чинилъ“, также поступали и бывшіе до него сотники [1]).

Въ другой своей челобитной (отъ 13 Марта 1719 г.) онъ говоритъ: „Ежели я одинъ въ Малороссіи, что въ моемъ розыску явилося, чинилъ, а въ другихъ сотняхъ того не чинятъ, о томъ да повели Ваше Царское Величество розыскать и ежели

---

[1]) Св. 46 №—81.

по розыску явится, что того въ иныхъ полкахъ и сотняхъ не чинятъ, и за то положить на меня штрафъ“ [1]).

Повидимому, оправданія Лисовскаго достигали своей цѣли и положеніе его было вовсе не такимъ критическимъ, какъ можно было-бы думать. По крайней мѣрѣ, онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для того, чтобы затѣять ссору съ производившимъ розыскъ Хрипуновымъ. Онъ не только объявлялъ во всеуслышаніе въ домѣ Протасьева, что Хрипуновъ производитъ розыскъ неправильно, но отважился даже на угрозы самому Хрипунову: передъ отъѣздомъ изъ Новгородъ-Сѣверска по окончаніи (надо думать, вполнѣ благополучномъ) слѣдствія Ергольскаго, Лисовскій послалъ къ капитану Хрипунову своего слугу съ приглашеніемъ явиться и, зазвавши его такимъ образомъ въ свой домъ, „сталъ бранить и безчестить всякою неподобною бранью и грозилъ: увидишь де ты самъ, что я тебѣ при оконъчанію розыску учиню“ [2]).

Въ мартѣ 1719 г. Лисовскій жалуется на то, что уже 6 мѣсяцевъ (съ сентября 1718 г., когда начался розыскъ) „пребываетъ безъ сотницкаго уряду“, и ссылается на царскій указъ гетману, въ которомъ сказано, что его не могутъ смѣстить безъ такого же указа [3]), а 12 мая мы застаемъ его уже въ новгородъ-сѣверской сотнѣ, откуда онъ пишетъ Протасьеву: „самъ того ради до отдання уклону Вашему Превосходительству не ѣду, же на село Голубовку для драни Вашему Превосходительству потребной поѣхали“ [4]).

Гетманъ посылалъ П. Пикулицкаго къ канцлеру гр. Головкину съ различными пунктами, среди которыхъ былъ и слѣдующій: „Дабы окончательный получить указъ на Ѳ. Лисовскаго,

---

[1]) Св. 42 № 21.

[2]) Св 42, № 29.

[3]) Св. 42, № 21.

[4]) Св. 42, № 32. Адресъ этого письма заслуживаетъ того, чтобы его привести цѣликомъ: „Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Великаго Государя нашего Его Царскаго Священнѣйшаго Величества ближайшему столнику Превосходительнѣйшему и Высокопочтеннѣйшему Его милости Господину Ѳедору Ивановичу Протасьеву мнѣ премилостивѣйшему Господину Господину и величайшему добродѣеви покорне“.

бывшаго протопопу Гадяцкого, теперь сотника новгородскаго по челобитью многаго народа отъ его озлобленнаго и разореннаго, которыхъ озлобленій и разореній розыскъ черезъ превосходителнаго столника господина Ѳ. И. Протасьева выведенный и сюда присланный явныя документа свидѣтельствуетъ“ [1]). Но окончательный указъ пришелъ изъ Петербурга не скоро, а можетъ быть его и совсѣмъ не хотѣли давать пока. По крайней мѣрѣ изъ документовъ видно, что послѣ Хрипуновскаго розыска Лисовскому была возвращена хоругвь, и онъ опять водворился въ Новгородъ-Сѣверскѣ и тамъ далъ полную волю своей злобѣ противъ челобитчиковъ. Такъ В. Красовскій жалуется: „а опослѣ того розыску онъ, Л—ій, метячися на меня еще за тое, что я на ево билъ челомъ, приказалъ меня ухватить на ринку въ Новгородку и велѣлъ приволокти у свой дворъ и билъ меня тамъ чуть не до смерти. За тое моя жена била челомъ ясневельможному г. гетману на Лисовскаго, но онъ Л—ій той судъ гетманскій осмѣялъ и уничтожилъ; и въ тѣ поры стало мнѣ убытку рублей на 6, и онъ Лисовскій и паче сталъ на меня гонить, и, чтобъ меня убожества збавилъ, я мусилъ в людей взаймы взять два червонца и тѣ червонцы съ нуждою и нехотя ему Л—ому напастнику и грабителю отдалъ, боячися, чтобъ менѣ крайняго своево здоровя не лишитися [2]).

Если розыскъ Хрипунова и не привелъ ни къ какимъ рѣшительнымъ результатамъ и Лисовскій продолжалъ оставаться сотникомъ, то все-таки положеніе его послѣ этого значительно пошатнулось. Л—ій уже пересталъ быть для своего непосредственнаго начальства неприкосновенной особой, какую онъ представлялъ собой раньше. Уже въ іюнѣ 1719 г. по новымъ жалобамъ новгородъ-сѣверцевъ гетманъ рѣшился самъ назначить слѣдствіе надъ Л—имъ и снова отобралъ у него хоругвь [3]). Но своевольный сотникъ не переставалъ повторять, что онъ не подсуденъ гетману, не можетъ быть отставляемъ отъ уряда по его распо-

---

[1]) Св. 46, № 74.

[2]) Св. 48, № 38.

[3]) Лазар. 204—5.

ряженію безъ царскаго указа и требовалъ себѣ подорожной въ Петербургъ, чувствуя необходимость укрѣпить нѣсколько свое положеніе и удержать подъ собой почву, которая видимо начала колебаться и ускользать изъ-подъ него. Тогда Скоропадскій, очевидно, выведенный изъ себя, рѣшился на крайнія мѣры. Въ караульную избу былъ посланъ гетманскій гайдукъ Ѳедоръ за тремя гренадерами, которые и были отпущены ему бывшими на караулѣ офицерами полка Еропкина, предупрежденными заранѣе своимъ начальникомъ полковникомъ Шарфомъ. Гренадеры, предводительствуемые гайдукомъ, привели Лисовскаго къ гетману; ихъ поставили у крыльца, а Л—аго ввели въ гетманскую свѣтлицу и тамъ избили до полу-смерти: били обухами гетманскіе слуги съ господаромъ Ив. Перехристомъ во главѣ, „а бьючи причитали: отъ тобѣ московская вѣрность, тутъ-же и подорожная будетъ тобѣ на той свѣтъ". Потомъ гренадеры привели его въ караульню съ приказомъ держать его тамъ и никого къ нему не пускать. Избитаго сотника осматривалъ „цылюрикъ" и нашелъ, что голова у него повыше праваго уха разбита до кости (рана шириной съ вершокъ), на правомъ плечѣ пониже сустава рана, въ которую цырульникъ клалъ „кнотъ болши вершка"; правый бокъ отъ шеи до поясницы, рука отъ плеча до локтя, „на грудяхъ противъ серца и подъ грудьми и на брюхѣ", а также „ниже поясницы и стегна—все синя и багрова" [1]).

Несмотря на неудачу своей первой попытки побывать въ Петербургѣ и на то, что гетманъ скорѣе готовъ былъ дать ему

[1]) Св. 43, № 38. А. М. Лазаревскій, упоминая про жалобу Л—аго по поводу гетманской экзекуціи, говоритъ: „Все это, разумѣется, сказка, выдуманная самимъ Л—имъ, разсчитывавшимъ, что слова о „московскві вѣрности" будутъ приняты на вѣру и произведутъ свое дѣйствіе. Скоропадскій до такой степени боялся Лисовскаго, что и „на армату" не смѣлъ-бы его посадить": (Оп. Ст. Мал. стр. 205, прим. 342). Слова о „московской вѣрности", очень можетъ быть, выдуманы самимъ Лисовскимъ, но фактъ экзекуціи тѣмъ не менѣе не можетъ подлежать никакому сомнѣнію: въ этомъ удостовѣряютъ бывшіе у насъ подъ руками документы, среди которыхъ находится не только жалоба Л—аго, но и показанія караульныхъ офицеровъ—поручика Карачанинова и прапорщика Малѣева, а также медицинскій осмотръ съ перечисленіемъ найденныхъ на тѣлѣ Л—аго ранъ и увѣчій. Произошло описываемое событіе въ іюнѣ или іюлѣ 1719 г.

подорожную на тотъ свѣтъ, чѣмъ въ Петербургъ, Л—ій все-таки очутился въ столицѣ въ началѣ 1721 г. 24 іюня этого года онъ уже писалъ Государю челобитную въ компаніи съ не-уступавшими ему въ злоключеніяхъ Потапомъ Пискуненкомъ, бывшимъ воронежскимъ сотникомъ, и Андреемъ Колбасой, бывшимъ полковникомъ компанейскимъ. Вотъ что писала эта достойная тройца въ своемъ челобитьи: „Мы нижеименованные рабы Вашего Царскаго Величества, пожалованные за вѣрность нашу въ измѣну Мазепину, многія и нестерпимыя обиды и разоренія и крайнее гоненіе безвинно претерпѣваемъ; именные указы Вашего Ц. В. испразднившіе, отъ урядовъ нашихъ отдалены и многое время безъ своихъ командъ въ гоненіи, въ розореніи и въ нестерпимой бѣдѣ пребываемъ, чего не могучи стерпѣти и съ нуждою нашею мусили въ Санктъ-Петербурхъ прибывши дерзнули просити милости въ ыностранной коллегіи объ обидахъ нашихъ, какія на пунктахъ при челобитью изображены, понеже въ тѣхъ-де нашихъ обидахъ и разореніяхъ подавали мы челобитныя и пункты свѣтлѣйшему князю (Меншикову), будучему прошлого году въ Украинѣ, въ которомъ въ нашемъ челобитьѣ и разореніи и испражненые урядовъ нашихъ просимъ Вашего Ц. В. премилостивѣйшаго милосердія, Всемилостивѣйшій Государь, да повелитъ Державство Ваше въ тѣхъ нашихъ обидахъ и разореніяхъ послать отъ гвардіи Вашего Ц. В. офицера праведно розыскать“ [1]).

Мы не знаемъ, по доброй-ли волѣ попалъ Лисовскій въ Петербургъ (какъ это можно заключить изъ вышеприведенной челобитной), или-же его вызвали туда вслѣдствіе жалобъ гетмана и новгородцевъ Меньшикову въ 1720 г. [2]) а также дѣла, поднятаго первой женой Лисовскаго, Пелагеей Улѣзковной; во всякомъ случаѣ пребываніе Л—аго въ Петербургѣ было роковымъ для него. Услышавши про розыскъ Хрипунова, Пелагея подала Протасьеву челобитную, въ которой жалуется на Лисовскаго, что онъ „назадъ тому лѣтъ 15 принялъ зо мною шлюбъ

[1]) Св. 48, № 31.

[2]) См. Лазарев. 205.

и, имѣніе, якое мѣламъ отъ родителей своихъ, похитивши, утеклъ отъ мене; а я, скитаючися черезъ тое время, сохраняючи дѣвство свое, ожидаючи его Л—аго ку себѣ возвращенія, которого-же не моглямъ дождатися, а прочувши по долгомъ исканю, что онъ Лисовскій послѣ протопопства гадяцкого сталъ сотникомъ у Новгородку, писаламъ до него, ознаймуючи о своей чеканкѣ, а до того сожалѣючи своего имѣнія, имъ взятого". Лисовскій отвѣчалъ ей на это приглашеніемъ: „абымъ до его на футоръ Узруй пріѣхала для повѣданія къ розговору для нѣякого. Не познавши хитрости, у писмахъ его прелесныхъ виражен#ой, когда пріѣхаламъ до его на футоръ, надѣючись нѣякой отрады себѣ получити, онъ Л—ій не памятаючи на боязню Божую, поцтивости мене, до того времени хранимой, усклонне позбавилъ". Она проситъ „въ томъ приказать и разыскать, а по розыску святую христіанскую подлугъ артикуловъ правнихъ, з его Л—аго учинити справедливость" [1]). Но справедливости Пелагея не скоро добилась. „Съ криваво плачливыми моими слезами, пишетъ она въ другой своей челобитной, бью я челомъ Вашему благородію и прошу суду изъ своего мужа Лисовскаго; отъ его и многихъ укоризнъ претерпѣваю и посмѣянія людского; ижи-бы онъ большей мене не изводилъ и на ...аляцію не откладалъ, што и по сихъ мѣстъ не получиламъ отъ Вашего Високородія ни жадной справи изъ Л—аго своего мужа, и его ни разу не вѣдѣла управи изъ собою предъ вашимъ благородіемъ. Когда-жъ онъ не склоненъ и не слушаетъ благородія вашего на право изо мною стати, то изволте в. б. мнѣ причинный листъ, написанный до Царскаго Величества, нѣмъ тамъ получу отъ Его Ц. В. милость и право на своего мужа Л—аго, поневажъ то я и самому ясневельможному пану гетману являлась и въ суду енералного прохаламъ права на его, не получиламъ тилко. Ваше благородіе, изволте мене отпустити до Санату у Питенбурхъ, про що и я за щасливое ваше благородіе должна зостаю Господа Бога благати до конца живота своего. Вашему бла-

---

[1]) Св. 43, № 58.

городію всенижайшая подножка Пелагія Степановна Лисовская“ [1]).

Наконецъ, несчастной Пелагеѣ удалось пробраться въ Моску, гдѣ по ея жалобѣ и подняли дѣло о двоеженствѣ Лисовскаго. Синодъ рѣшилъ разлучить Л—аго со второй женой, но тотъ не соглашался разстаться съ Ксеніей и принять Пелагею, за что отданъ былъ „тамъ въ Москвѣ въ святѣйшій синодъ подъ крѣпкій караулъ и оттоль отосланъ, въ нѣкоторыхъ важныхъ причинахъ, къ слѣдованію въ преображенскій приказъ, гдѣ вскорѣ и животъ свой окончилъ“ [2]).

Ѳедоръ Лисовскій своей шумной и безпокойной дѣятельностью оставилъ нѣкоторый слѣдъ и въ современной ему литературѣ. Среди документовъ, относящихся къ Лисовскому, намъ попались два „пашквѣля“, которые могли-бы служить превосходной эпитафіей на могилѣ этого многострадальнаго искателя приключеній, всю жизнь свою неустанно трудившагося надъ созиданіемъ своего собственнаго благополучія. Вотъ эти пасквили:

Въ тисячи семъ сотъ пятомнадцеть годѣ
Отпалъ отъ Христа попъ въ украинскомъ родѣ,
Ѳедоръ Лисовскій, новъ заблужденній
Бога чужденній
Сый, живий въ мирѣ Бога не бояся,
Блудилъ безчинно, людій не срамляся;
Три жены имѣвши, коснулся на священство.
Ахъ, безпеченство.
Санъ апостольскій взяти недостойнѣ
О, како дерзнулъ, живый своеволнѣ!
Се, вторый Іюда ниве наречеся
Свѣту прочеся.
Хто, живя въ градѣ, противится власти,
Такій не увойдетъ злой ему напасти;
Тако Лисовскій, надѣяся на языкъ,
Жемати извыкъ,
Ровъ копалъ многимъ, яко пишетъ Давидъ,
Самъ въ яму упалъ и посрамилъ свой видъ.
Гдѣ честь священства дерзнулъ, малоумной,
Зри, о безумной!

---

[1]) Св. 43, № 58.

[2]) Донесеніе въ 1722 г. Жураховскаго, епископа черниговскаго, въ генеральную канцелярію. Лазарев. 206.

Лучше-бы тебѣ утратити гла́ву
Нѣжъ іерейства загладити славу.
Слави искалъ еси и мірскія власти,
А не душу спа́сти.
Воровство въ тебѣ зѣло ся вплодило
Заздрость очію въ погибель водило,
Блуду бо еси и лжи исполнился,
Ахъ, нахопился.
Монархъ хотѣлъ еси, плуте, ошукати;
Побѣгъ въ Пѣтербурхъ пановъ удавати.
Господиномъ попамъ осторогу давъ,
Абы на тое кождый з нихъ не дерзалъ,
Ложныхъ свидѣтелствъ си воздержали
И не глагола́ли.
Горе человѣку, имъ-же кто вдается:
Таковый-бо, вѣмъ, да и не спасется.
Горе безумне таковой твоей славѣ
Безчинной гла́вѣ.

Второй пасквиль состоитъ всего изъ трехъ строкъ, раздѣленныхъ каждая на двѣ риѳмующихъ между собой половины:

Отче Лѣсовскій, плаче кнутъ московскій
По твоей шкурѣ, наветь по бандурѣ.
Возьмешь, небораче, ни попе, ни козаче [1]).

С. Моравскій.

[1]) Св. 48, № 19. Лисовскій представляетъ при челобитной копіи этихъ пасквилей съ заявленіемъ, что оригиналы переданы ему Протасьевымъ; „а отъ кого его благородіе тые пашквѣли получилъ, самъ онъ изволитъ донести“. Въ концѣ стоитъ приписка Л—го: „повторной сей пашквѣлъ выданъ канцеляриѣ войсковой въ поруганіе мнѣ; а писалъ своею рукою канцеляриста войсковой Ханенко; а мнѣ подалъ сей пашквѣлъ Иванъ Суденко, житель и знатной казакъ новгородской при пану Захаріи Гапоненку въ девятую суботу“. Помѣчено 14-мъ февраля 1721 г.

Нѣсколько соображенiй къ вопросу о князѣ Турѣ.

Двѣ строки лѣтописи, что Туръ пришелъ вмѣстѣ съ Рогволодомъ изъ-за моря и отъ него прозвались туровцы[1]), не могутъ, казалось-бы, обращать на себя большаго вниманiя. Князь Туръ ни разу болѣе въ лѣтописи не упоминается,—ясное доказательство, что сколько—нибудь важной роли въ событiяхъ нашей исторiи онъ не игралъ. „Пришелъ изъ-за моря" и больше ничего. Конечно, можно, имѣя одно это извѣстiе, говорить, что онъ былъ призванъ кривичами или дреговичами, или покорилъ ихъ съ своими дружинниками, сталъ въ вассальныя отношенiя къ князю полоцкому,[2]) насаждалъ среди жителей лѣсовъ и болотъ культуру. Все это будетъ не болѣе какъ историческая гипотеза, и при томъ основанная лишь на одномъ глухомъ лѣтописномъ извѣстiи и слабыхъ аналогiяхъ. Говорить о значенiи князя въ политическихъ событiяхъ едвали возможно по неимѣнiю для этого какихъ-либо данныхъ. Одно глухое извѣстiе дать ничего не можетъ. Эта глухость, мимолетность упоминанiя заставляетъ историка видѣть здѣсь отголосокъ народныхъ преданiй, но при этомъ столь отдаленныхъ по времени, что даже въ моментъ составленiя лѣтописи изъ нихъ осталось только одно, что въ Туровѣ былъ Туръ. Но разъ только преданiе было, то историкъ обязанъ съ нимъ считаться, постараться его себѣ уяснить, основываясь на той простой аксiомѣ, что никакое народное преданiе не существуетъ безъ историческаго

---

[1]) Лаврентьев. Лѣтоп. Спб. 1872 г. стр. 74.

[2]) Завитневичъ. „Область Дреговичей, какъ предметъ археологическаго изслѣдованiя". Труды Кiев. Духовн. Академiи. 1886 г., № 8 стр. 587—588.

основанія, затемненнаго временемъ, устной передачей, наслоеніями и народной фантазіей. Отыскать эту историческую основу преданія интересно хотя-бы только потому, что она можетъ уяснить изслѣдователю культурныя отношенія въ тотъ періодъ времени, до котораго не хватаетъ взоръ исторіи. Своими собственными силами историкъ въ данномъ случаѣ справиться, конечно, не можетъ, и необходимо прибѣгнуть къ содѣйствію изслѣдователей въ другихъ родственныхъ исторіи областяхъ знанія.

Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что мы имѣемъ въ извѣстіи о Турѣ дѣло съ народнымъ преданіемъ. Брать преданіе цѣликомъ, въ томъ видѣ, какъ оно доходитъ до насъ изъ устъ народа, какъ оно есть въ лѣтописи, куда занесено лѣтописцемъ также изъ этого источника,—нѣтъ никакого основанія. Попытки оправдать это лѣтописное извѣстіе другими доказательствами едвали могутъ привести къ прочнымъ результатамъ. Отыскивая имя „Туръ", или лучше его созвучіе, въ скандинавской миѳологіи, приравнивая его къ имени „Торъ", имени бога грома [1]), для доказательства заморскаго происхожденія туровскаго князя. Сторонники теоріи славянскаго происхожденія русскихъ князей утверждають, что имя „Туръ" чисто славянское. Въ самомъ дѣлѣ, странно было-бы принимать сближеніе „Туръ" и „Торъ" когда у поляковъ мы находимъ имя Туръ, у чеховъ, у сербовъ точно также, какъ и вообще имена, Туровъ, Турецъ, Туръ и Туры суть древнѣйшія славянскія наименованія мѣстъ и людей [2]). Соблюдая строгую послѣдовательность, послѣдователямъ первой гипотезы необходимо утверждать, что всѣ эти Туры—чехи, сербы и поляки—имѣли своими предками скандинавовъ, и что разсыпанныя на огромномъ пространствѣ славянской земли рѣчки Туровица, Турья, Турова, урочища Турово, Турье и т. д., ведутъ, по имени, свое происхожденіе отъ скандинавскаго Тора. Но это уже абсолютно невозможно. Пожалуй, можно тутъ выйти изъ затрудненія смѣлымъ утвержденіемъ, что всѣ эти Турьи и

---

[1]) Kunik. Die Berufung der schwedischen Rhodsen. II, s. 148—153.

[2]) Гедеоновъ. Варяги и Русь. I, стр. 247.

т. д. сами по себѣ, и прозвались отъ нашего звѣря тура, а туровскій князь носилъ имя скандинавскаго бога Тора, но, конечно, это будетъ только новая смѣлая гипотеза. Отдѣлять Туровъ дреговецкій отъ Турова сѣверянскаго, бывшаго вблизи города Воргола [1]), и считать ихъ имена разнаго происхожденія, по нашему мнѣнію, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Въ той-же приблизительно мѣстности, гдѣ находится Туровъ, существуетъ р. Турья и городъ Турійскъ [2]). Производство тутъ вполнѣ ясное: Турійскъ отъ Турьи, а Турья отъ тура; Туровъ непосредственно отъ тура, очевидно, отъ того-же самаго, отъ котораго происходитъ и Турья, а не отъ скандинавскаго. Наконецъ, около самаго Турова, по преданію, рѣчка называлась нѣкогда Туры [3]). Очевидно, эти топографическія названія такого же происхожденія, какъ Оленья рѣка, Медвѣжья рѣка и т. д., и получили свое прозваніе отъ того самаго звѣря, о которомъ Владиміръ Мономахъ говоритъ: „тура мя два метала на розѣхъ, и с конемъ олень мя одинъ болъ, и два лоси одинъ ногама топталъ, а другый рогама болъ...“ [4]). Это мѣсто поученія Мономаха весьма важно. „А изъ Чернигова вышедъ, и д.... о лѣта по сту уганивалъ и .... *кромѣ Турова*, иже со отцемъ ловилъ всякъ звѣрь“, разсказываетъ онъ раньше, затѣмъ передаетъ о ловлѣ дикихъ въ Черниговской области [5]), послѣ чего слѣдуетъ вышеприведенный отрывокъ объ охотѣ на туровъ, оленей, лосей и т. д. по преимуществу, около Турова. Такимъ образомъ оказывается, что именно въ окрестностяхъ Турова было главное мѣсто княжеской охоты на туровъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что тутъ мы находимъ и Турью рѣку, и городъ Туровъ. Послѣдователи теоріи славянскаго происхожденія русскихъ князей, доказывая славянство имени „Туръ“, не приводятъ однакоже

---

[1]) Барсовъ. Матерьялы для историко-географич. словаря Россіи. Вильно. 1865 г. стр. 202.

[2]) Ibidem, стр. 202; Андріяшевъ. Очеркъ исторіи Волынской земли. Кіевъ. 1887 г. стр. 58.

[3]) „Творенія святого отца нашего Кирилла Туровскаго“. Кіевъ. 1880 г. стр. II, примѣч.

[4]) Лавр. Л. стр. 242.

[5]) Ibidem.

никакихъ подтвержденій извѣстію лѣтописи о князѣ туровскомъ, принимая этотъ фактъ какъ дѣйствительный, а между тѣмъ прежде всего и слѣдовало-бы доказать несомнѣнность этого извѣстія, а потомъ уже объяснять происхожденіе самаго имени.

Едвали можно найти какія-нибудь другія данныя для доказательства существованія князя Тура кромѣ этого единственнаго, крайне глухаго, лѣтописнаго извѣстія. На нашъ взглядъ, названіе Туровъ, какъ я раньше указывалъ, произошло отъ обилія въ данной мѣстности дикаго звѣря тура. Но является вопросъ, какъ могло явиться самое преданіе о князѣ Турѣ? Я позволю себѣ въ настоящей небольшой замѣткѣ представить нѣсколько соображеній по этому вопросу, не придавая имъ никакого рѣшающаго значенія, соображеній, которыя, можетъ быть, вызовутъ другихъ излѣдователей высказать нѣсколько новыхъ мнѣній о разбираемомъ лѣтописномъ извѣстіи и сообщить новыя данныя для его объясненія.

„А Туры (имяше власть) Туровѣ, отъ негоже и Туровци прозвашася". Прежде всего ясно, что туровци прозвашася не отъ тура, а отъ Турова, какъ черниговцы отъ Чернигова, ростовцы отъ Ростова. Имя Туровъ взято отъ Тура, т. е., вѣрнѣе по имени города „Туровъ" могли найти основателя его Тура. Аналогичное явленіе данному мы находимъ въ прозваніи города Кіева отъ Кія, который, по однимъ преданіямъ, былъ тоже мѣстный князекъ, по другимъ, перевозчикъ черезъ Днѣпръ [1]). Историческая критика не можетъ признать этого Кія лицомъ дѣйствительнымъ, а относитъ его къ патронимическимъ [2]) героямъ. Въ этомъ случаѣ заключенію историка помогаютъ подробности разсказа о трехъ братьяхъ, о ихъ сестрѣ Лыбеди. Такихъ подробностей въ разсказѣ о Турѣ нѣтъ; это обстоятельство вполнѣ объясняется: мы имѣемъ лѣтопись полянскую, которая, конечно, знаетъ преданія Полянъ, но могла не знать преданій другихъ племенъ. Она не знаетъ многихъ преданій новгородскихъ и глухо передаетъ преданіе туровское, т. е., дря-

---

[1]) Лаврен. Л. стр. 8—9.

[2]) или эпонимическимъ, какъ считаетъ правильнымъ В. Б. Антоновичъ.

говицкое. Самое преданіе о Рогволодѣ и Рогнѣдѣ, по нашему мнѣнію, несомнѣнно сѣвернаго, а не южнаго, происхожденія, о чемъ мы скажемъ подробнѣе нѣсколько ниже. Что тамъ, въ Дряговицкой или Полоцкой землѣ, какъ на югѣ о Кіѣ, преданія варьировались и о Турѣ, лучшимъ доказательствомъ служитъ извѣстіе архангелогородскаго лѣтописца, который говоритъ: „а братъ его (Роговолода) Тыры имяше Туровъ“ [1]). Существовалъ, значитъ, варіантъ, по которому Туръ являлся братомъ Рогволода. Почему преданіе, связанное съ городомъ Туровомъ, причислявшимся въ историческое время къ Кіевской области, могло сохраниться въ бо́льшихъ подробностяхъ среди преданій полоцкихъ, а не кіевскихъ, объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что дряговичи области туровской съ полнымъ подчиненіемъ Кіеву скорѣе утратили эти преданія, а дряговичи, отошедшіе къ Полоцку и образовавшіе потомъ у себя самостоятельныя княжества, могли съ бо́льшимъ успѣхомъ сохранить свои племенныя традиціи. Этому могло способствовать и еще одно обстоятельство чисто политическаго характера.

Преданіе о Турѣ, какъ извѣстно, является мимолетной вставкой въ преданіи о Рогнѣдѣ [2]). Послѣднее, несомнѣнно, сѣвернаго происхожденія, а не южнаго. Доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что первоначальная лѣтопись совершенно ничего не знаетъ о судьбѣ Рогнѣды послѣ выхода ея замужъ за Владиміра, но про это знаютъ сборники сѣверные, какъ

---

[1]) Лѣтописецъ. Въ Москов. типографіи. 1781 г. стр. 23.

[2]) Преданіе о Рогнѣдѣ ни разу не подвергалось полному разбору. Ни ученые, занимавшіеся разработкой лѣтописей, ни историки, не старались выяснить смыслъ этого преданія. Правда, находили въ немъ черты общія съ нѣкоторыми былинами о Владимірѣ (см. Миллера. „Илья Муромецъ и богатырство кіевское“, Спб. 1869 г., стр. 368, 369, 370), съ поэмами западно-европейскими (см. Кирпичникова: „Поэмы ломбардскаго цикла“, Москва 1873 г., стр. 161 и слѣдующая). Наиболѣе глубокій анализъ преданія о Рогнѣдѣ сдѣланъ Костомаровымъ въ статьѣ „Преданія первоначальной русской лѣтописи“ (Историч. монографіи т. XIII, стр. 172 и слѣд.). Недавно г. Довнаръ-Запольскій въ своемъ „Очеркѣ Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столѣтія (Кіевъ 1891 г.) посмотрѣлъ на это преданіе съ надлежащей точки зрѣнія, хотя и невѣрно, по нашему мнѣнію, объяснилъ его смыслъ, остановившись на одномъ его пунктѣ.

Лаврентьевская лѣтопись, Тверская, въ которые, очевидно, вошли преданія мѣстныя полоцкія [1]). Когда преданіе о Рогнѣдѣ

[1]) Вотъ отрывки повѣсти о Рогнѣдѣ, какъ они сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ. „И посла (Владиміръ) ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: хочю пояти дщеръ твою собѣ женѣ". Онъ же рече дщери своей: „хочеши ли за Володимера?" она же рече: „не хочю разути рабичича, но Ярополка хочю". Бѣ бо Рогъволодъ прішелъ изъ заморья, имяше власть свою въ Полотьскѣ, а Туры Туровѣ, отъ него же и Туровци прозвашася. И придоша отроцы Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дщери Рогъволожѣ, князя Полотьскаго; Володимеръ же собра вои многи, варяги и славѣни, чюдь и кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хотяху Рогнѣдь вити за Ярополка; и приде Володимеръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя женѣ, и поиде на Ярополка". (Первоначальная лѣтопись; Лавр. лѣт., изд. 1872 г., стр. 74) „О сихъ же Виславичахъ ище есть, яко сказаша вѣдущии, преже: яко Роговолоду держащю и владѣющю и княжащю Полотьскую землю, а Володимеру сущю Новѣгородѣ, дѣтьску сущю, еще и погану, и бѣ у него уй его Добрыня воевода, и храборъ и наряденъ мужь; и сь посла к Роговолоду и проси у него дщере его за Володимера. Она же рече: „не хочю разути рабичича; но Ярополка хочю"; бѣ бо Роговолодъ пришелъ изъ заморья, имѣяше волость свою Полтескъ. Слышавъ же Володимеръ, разгнѣвася о той рѣчи, аже рече: „не хочю я за рабичича"; пожалися Добрына и исполнися ярости, и поемъша вои и идоста на Полтескъ и побѣдиста Роговолода. Рогъволодъ же вбѣже в городъ, и приступивъше к городу, и взяша городъ, и самого князя Роговолода яша, и жену его и дщерь его; и Добрына поноси ему и дщери его нарекъ ей рабичица, и повелѣ Володимеру быти с нею предъ отцемь ея и матерью. Потомъ отца ея уби, а саму поя женѣ и нарекоша ей имя Горислава; и роди Изяслава. Поя же паки ины жены многы и нача ей негодовати. Нѣколи же ему пришедшю к ней и уснувшю, хотѣ и зарѣзати ножемь; и ключися ему убудитися, и я ю за руку. Она же рече: „сжалилася бяхъ, зане отца моего уби и землю его полони, мене дѣля, и се нынѣ не любиши мене и съ младенцемъ симь". И повелѣ ей устроитися во всю тваръ цесарьскую, яко же в день посяга ея, и сѣсти на постели свѣтлѣ въ храминѣ, да пришедъ потнеть ю; она же тако створи, и давши мечь сынови своему Изяславу в руку нагъ, и рече: яко внидеть ти отець, рци выступя: „отче еда единъ мнишися ходя?" Володимеръ же рече": а хто тя мнѣлъ здѣсь?" и повергъ мечь свой, и созва боляры, и повѣда имъ. Они же рѣкоша: „уже не убий ея, дѣтяти дѣля сего, но въздвигни отчину ея и дай ей с сыномъ своимъ". Володимеръ же устрои городъ, и да имя, и нарече имя городу тому Изяславль. И оттолѣ мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославлимъ внукамъ". (Сузд. лѣт. по Лавр. списк. Изд. 1872 г., стр. 284—285).

„Владимеръ же просвѣщенъ сый самъ и сынове его святымъ крещеніемъ, посла къ женѣ своей Рогнѣди, глаголя сице: „азъ убо отнынѣ крещенъ есмь, и пріахъ вѣру и законъ христіанскій; подобаше ми едину жену имѣти, еюже пояхъ въ христіанствѣ; избери убо себѣ отъ велможъ моихъ, его же хощеши, да съчетаю тя ему". Она же отвѣщавши, рече ему: „или ты единъ хощеши царствіе земное и небесное въспріати, а мнѣ маловременнымъ симъ и будущаго дати не хощеши;

получило въ Полоцкѣ окончаоельную редакцію? Кажется, на этотъ вопросъ можетъ быть данъ почти категорическій отвѣтъ. Замѣтимъ прежде, что въ Ипатьевской лѣтописи въ цѣломъ видѣ этого преданія нѣтъ. Оно вставлено въ Лаврентьевскомъ сборникѣ подъ 1128 г. В лѣто 6636. Преставился князь Полотьскый Борисъ. В се же лѣто бысть вода велика, потопи люди и жита, и хоромы унесе. Все же лѣто преяша церковь Дмитрия Печеряне и нарекоша ю Петра, съ грѣхомъ великимъ и неправо. В то же лѣто заложи церковь Мьстиславъ князь камену святаго Ѳеодора. О сихъ же Всеславичѣхъ сице есть, яко сказаша вѣдущии, преже: . . . . (слѣдуетъ разсказъ о Рогволодѣ и Рогнѣдѣ).

В лѣто 6637 (1129). Преставися Ярославъ Святославичь Муромѣ. В то же лѣто преставися Михалко Вячеславичь. В то же лѣто поточи Мстиславъ князи Палотьскыѣ Цесарюгороду, с женами и с дѣтьми" [1]). Въ лѣтописи по Ипатскому списку подъ 1129 годомъ читаемъ: „Преставися князь Полотьскый Борисъ. Все же лѣто бысть вода велика, потопи люди и жито и хоромы снесе. Того же лѣта заложи Мстиславъ церковь камену святаго Федора, в Киевѣ, сынъ Володимерь". Другихъ извѣстій никакихъ здѣсь нѣтъ. Подъ 1130 г. говорится о ссылкѣ полоцкихъ князей въ Грецію съ интереснымъ

ты бо отступи отъ идольскыа прелести въ сыновленіе Божіе, азъ же бывъ царицею не хощу раба быти земному цару ни князю, но уневѣститися хощу Христови, и въсприиму аггелскый образъ". Сынъ же еа Ярославь сѣдяше у неа, бѣ бо естествомъ таковь отъ роженіа, и слыша глаголы и отвѣты матери своеа къ Володимеру; и въздхнувь, съ плачемъ глагола матери своей: о мати моа, въ истинну царица еси царицамь и госпожа госпожамь, яко въсхотѣ измѣнити славу нынѣшнего вѣка будущею славою, и не въсхотѣ со высоты на нижняа съступити, тѣмже блаженна еси въ женахъ. И отъ сего словесы Ярославь въста на ногу своею и хождааше, а прежде бо бѣ не ходиль. Рогнѣдь же сіа изрекши, постришеся въ мнишескый образъ, наречено бысть имя ей Анастасіа". (Тверской Сборникъ. П. С. Р. Х., т. XV стр. 112—113).

В лѣто 6508 (1000) . . . . В се же лѣто преставися и Рогънѣдь мати Ярославля" (Лавр. лѣт., стр. 126; Ипатьевск. лѣт., изд. 1871 г., стр. 89; Тверс. Сборникъ, стр. 121; Никоновск. лѣт., изд. 1767 г., ч. I, стр. 111, подъ 1002 г.).

[1]) Лавр. Лѣт., стр. 286—287.

прибавленіемъ: „еже приступиша хрестное целованіе“ [1]). Замѣчательно, что ни въ Лаврентьевской, ни Никоновской, ни Тверской лѣтописи послѣдняго объясненія нѣтъ, и только въ одной Воскресенской, составитель которой пользовался несомнѣнно и южными лѣтописями, сказано не ясно: „за ослушаніе“ [2]). Изъ этого сопоставленія лѣтописныхъ извѣстій прежде всего видно, что 1) на югѣ въ полномъ видѣ преданіе о Рогнѣдѣ не было извѣстно, потому что въ противномъ случаѣ оно вошло бы и въ Ипатьевскій сборникъ; 2) на югѣ всю вину борьбы между кіевскими князьями и полоцкими складываютъ на послѣднихъ, смотря на дѣло съ точки зрѣнія централизаціонной политики; 3) въ Лаврентьевскомъ сборникѣ преданіе является вставкой, безъ связи, не у мѣста, ибо не смерть Бориса полотскаго вызвала воспоминаніе о Рогнѣдѣ, тѣмъ болѣе, что какъ мы видѣли, преданіе это отдѣлено отъ извѣстія о Борисѣ другими посторонними сообщеніями. Далѣе, Лаврентьевская лѣтопись писана до 1156 г. въ Переяславлѣ южномъ, а съ этого года рѣзко переносится на сѣверъ, въ землю суздальскую; окончательная-же редакція этого компилятивнаго сборника сдѣлана, по всей вѣроятности, въ Твери [3]). Если-бы преданіе о Рогнѣдѣ было южнаго происхожденія и если бы оно было занесено въ лѣтопись еще въ Переяславлѣ южномъ, то въ такомъ случаѣ мы нашли бы его и въ южномъ изводѣ, т. е., въ лѣтописи Ипатьевской. Слѣдовательно, преданіе о Рогнѣдѣ внесено въ Лаврентьевскій сборникъ на сѣверѣ изъ какого-нибудь сѣвернаго-же источника. Въ то время какъ между Кіевомъ и Полоцкомъ существуютъ натянутыя отношенія, между Полоцкомъ и другими сѣверными областями особой враждебности мы не видимъ. Мы можемъ даже предполагать, что споры изъ-за границъ между полоцкими и смоленскими князьями, старая традиціонная вражда между Изяславичами и Мстиславичами, устанавливали нѣкоторую дружественную связь между Изяславичами и Юрьевичами. Вотъ почему,

---

[1]) Ипатьев. Л., стр. 211.

[2]) Лавр. Л., стр. стр. 285—6; Никон. Л. ч. I, стр. 64; П. С. Р. Л. т. XV стр. 195; Ibidem, т. VII, стр. 29.

[3]) Указанія на это—въ самой лѣтописи.

когда кіевская лѣтопись объясняетъ разгромъ полоцкихъ князей тѣмъ, что они „приступиша хрестьное целованіе", лѣтопись суздальская стремится сгладить дѣло. Она не упоминаетъ ни о стремленіяхъ кіевскихъ князей, ни о „непослушаніи" князей полоцкихъ, а сваливаетъ все на рокъ, на неизбѣжность вражды между двумя княжескими домами—Изяславичей и Ярославичей. „*Оттоль*, говоритъ она, мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославлимъ внукомъ". Рогнѣда хотѣла зарѣзать Владиміра; Владиміръ хотѣлъ убить Рогнѣду, и вотъ эта-то кровавая черта должна проходить и въ отношеніяхъ Изяславичей и Ярославичей. Составитель Лаврентьевскаго сборника, сборника все-же писаннаго въ предѣлахъ Ярославичей, къ которымъ принадлежали и Юрьевичи, взялъ это преданіе изъ лѣтописей полоцкихъ [1]) и втиснулъ его подъ 1128 годомъ среди другихъ извѣстій, неимѣющихъ съ нимъ никакой связи, придавъ ему приведенный выше конецъ, стараясь оправдать и Изяславичей и Ярославичей. Но очевидно, что въ самой полоцкой землѣ смотрѣли на дѣло иначе. Первая четверть XII в. есть время самаго сильнаго стремленія князей кіевскихъ подчинить своей власти князей полоцкихъ. Идетъ отчаянная борьба, но, къ несчастью, глухо отразившаяся въ лѣтописи, писанной въ предѣлахъ Ярославичей. Насколько она была интензивна, видно изъ ссылки полоцкихъ князей за предѣлы Руси въ 1129 году [2]). Вотъ въ это-то печальное для полоцкой области время и получило окончательную свою редакцію преданіе о Рогнѣдѣ. Владиміръ нарушилъ права своей супруги Рогнѣды; онъ вполнѣ заслуженно подвергался мести этой полоцкой героини; онъ созналъ свою ошибку и выдѣлилъ ей съ сыномъ владѣніе, которое, въ силу этого выдѣленія, имѣетъ полное право на самостоятельное существованіе, независимое отъ кіевскихъ князей. Рогнѣда—это типъ гордой, независимой, сознающей свое достоинство, женщины. Въ полной редакціи преданія, сохраненной въ Тверскомъ сборникѣ, она выдерживаетъ себя до конца. Обратите внима-

---

[1]) Или изъ полоцкихъ лѣтописей, или просто полоцкія преданія были извѣстны и въ землѣ суздальской.

[2]) Лавр. Л., стр. 286.

ніе на ея гордый, полный достоинства отвѣтъ Владиміру, когда онъ хотѣлъ послѣ своего крещенія выдать ее замужъ за кого-нибудь изъ своихъ приближенныхъ. Полоцкое преданіе выдвигаетъ еще рѣзче превосходство своей героини надъ кіевскимъ княземъ, выставляя ее болѣе проникнутой христіанскими идеалами, чѣмъ самъ князь.

Причемъ-же въ этомъ преданіи Туръ?

Споры между полоцкими и кіевскими князьями велись, главнымъ образомъ, по вопросу о границахъ. Область племени Дреговичей, разорванная на двѣ части, была яблокомъ раздора [1]). Природной грани не было. И вотъ въ Полоцкѣ и выдвигается преданіе о давней связи области Дреговичей съ областью полоцкой, связи династической: Рогволодъ и Туръ—друзья-товарищи, а можетъ быть, и братья. Отчего они изъ-за моря? Къ XII в. окончательно сложилось преданіе о призваніи изъ-за моря братьевъ Рюрика, Синеуса и Трувора. Легенда объясняетъ фактъ зависимости Новгорода, Смоленска, Бѣла-озера отъ кіевскихъ князей. Подчиненіе полоцкой области основывали на родствѣ Изяслава съ Владиміромъ. Въ противовѣсъ этому въ Полоцкѣ выставляется преданіе о нѣкогда бывшей самостоятельности его, о своей собственной династіи, которая точно также основана норманскими князьями, равными по достоинству съ Рюрикомъ и его братьями. Ссылка, хотя и на собственную, но туземную династію, на племенныхъ національныхъ князьковъ, не могла имѣть значенія въ глазахъ современнаго общества, такъ какъ кіевскіе князья уничтожали ихъ, ставя ихъ ниже себя.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть, объясняемо преданіе о заморскомъ происхожденіи нашего Тура и, отчасти, о самомъ его существованіи. Это патронимическій герой, которымъ воспользовались въ Полоцкѣ для политическихъ цѣлей. Таково, какъ намъ кажется, происхожденіе преданія о князѣ Турѣ, но и самая патронимичность въ народныхъ преданіяхъ можетъ имѣть какое-нибудь основаніе.

---

[1]) Причиной борьбы кіевскихъ князей съ полоцкими было также и постоянное стремленіе послѣднихъ къ захвату новгородской территоріи. Объясненіе этого стремленія мы дадимъ въ особой работѣ.

Въ преданіи о Рогнѣдѣ и князьяхъ полоцко-туровскихъ заключается два элемента. Послѣдняя редакція его и особенно въ послѣднихъ своихъ частяхъ есть, конечно, позднѣйшій наростъ. Это именно та часть, гдѣ передается поэтически судьба Рогнѣды послѣ принятія Владиміромъ христіанства. Основа-же преданія, несомнѣнно, восходитъ ко временамъ язычества и принадлежитъ къ циклу полоцкихъ преданій о сѣдой старинѣ. Для такихъ преданій, какъ я уже сказалъ, у народа имѣлись какія-нибудь основанія. Преданіе о зміѣ связывается на югѣ съ зміевымъ валомъ; кіевское сказаніе о Никитѣ-Кожемякѣ имѣетъ своей основой древнюю легенду о Янѣ Усмошвецѣ, которая, въ свою очередь, выросла на почвѣ преданій о борьбѣ осѣдлаго славянскаго населенія съ кочевникомъ, который является въ образѣ змія [1]). Чтобы выдвинуть въ преданіи князя Тура, необходимо было имѣть какое-нибудь основаніе въ преданіяхъ мѣстныхъ, которыя, въ свою очередь, произошли изъ туманныхъ воспоминаній о нѣкогда бывшемъ значеніи г. Турова, чисто мѣстномъ значеніи, въ какомъ-нибудь отношеніи.

Въ какомъ-же отношеніи могъ имѣть Туровъ значеніе въ доисторическое время? Раскопками В. Б. Антоновича и г. Завитневича, кажется намъ, выяснено достаточно, что поселенія дреговичей существовали и на южномъ, правомъ, берегу р. Припети [2]). Эти южныя дреговицкія поселенія представляли собою остатки нѣкогда бывшаго поселенія дреговичей по обѣимъ сторонамъ р. Припети. Двигаясь изъ прикарпатской общей славянской родины, дреговичи сначала должны были занять мѣстность къ югу отъ р. Припети, или оба ея берега, а потомъ подъ давленіемъ новаго движенія племени древлянъ, покидали мало по малу южный берегъ этой рѣки и переселялись на сѣверный, распространяясь въ этомъ направленіи все далѣе и далѣе. Вотъ въ тѣ то отдаленныя времена, когда дреговичи занимали оба берега р. Припети, и долженъ былъ возникнуть г. Туровъ, являясь центральнымъ пунктомъ между южными и сѣ-

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе см. нашу работу: „Печенѣги, Торки и Половцы".

[2]) Завитневичъ „Археологическая экскурсія въ Припетское Полѣсье". (Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. IV, стр. 22—23.

верными поселеніями ихъ. Съ занятіемъ южныхъ мѣстностей древлянами, съ отступленіемъ дреговичей на сѣверный берегъ р. Припети, повидимому, долженъ былъ появиться и другой центръ ихъ земли, далѣе къ сѣверу. Такимъ новымъ центромъ могъ быть Минскъ или другой изъ дреговицкихъ городовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи; сравнительно позднее упоминаніе объ этихъ городахъ въ лѣтописи, какъ извѣстно, ничего не доказываетъ. Однако-же и Туровъ не теряетъ своего значенія. Съ подчиненіемъ дреговичей власти кіевскихъ князей, Туровъ дѣлается политическимъ центромъ земли, и кіевскій князь сажаетъ туда одного изъ своихъ сыновей, а для древлянской земли въ Овручѣ особаго князя. Очевидно, была какая-то особая необходимость тѣснѣе привязать Туровъ, была необходимость наблюдать за нимъ, какъ за мѣстомъ, имѣющимъ какое-то особое значеніе въ жизни дреговицкаго племени. Мнѣ кажется, что съ этимъ, вполнѣ несомнѣннымъ фактомъ, можно сопоставить преданіе, сообщенное г. Завитневичемъ, и съ его объясненіемъ этого преданія, по которому жители г. Турова оказали очень сильное сопротивленіе введенію у нихъ христіанства: здѣсь пришлось употребить тѣ-же мѣры, что и въ Новгородѣ В. [1]). Если мы обратимся къ другимъ аналогичнымъ фактамъ въ русской исторіи, то замѣтимъ, что особенно сильное сопротивленіе христіанство встрѣчало въ тѣхъ центрахъ, которые имѣли важное значеніе во времена язычества, какъ центры религіозные. Припомнимъ, напр., исторію христіанства въ Ростовѣ, бывшемъ мѣстомъ поклоненія Велесу, противъ котораго долго боролся св. Авраамій [2]); припомнимъ смутныя преданія о борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Муромѣ, гдѣ было поклоненіе финскому божеству и стояла кереметь, на развалинахъ которой христіане соорудили церковь [3]). У финновъ даже есть богъ Ке-

[1]) Завитневичъ: „Изъ Археологической экскурсіи въ Припетское Полѣсье“ (Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. IV, стр. 21).

[2]) Житіе св. Авраамія ростовскаго (Четьи-Минеи, Макарія. Спб. 1880 г.). Октябрь, стр. 2025.

[3]) Житіе свв. Петра и Февроніи (Памятники старин. рус. литературы в. II, стр. 40).

реметь, которому, можетъ быть, на этомъ мѣстѣ и покланялась древняя Мурома [1]). Вообще, центральные города славянскихъ (и не славянскихъ) племенъ были, конечно, и ихъ религіозными центрами, какъ Кіевъ, Новгородъ В., Черниговъ [2]) и т. д. На основаніи этихъ фактовъ можно по аналогіи утверждать, что и центральный городъ дреговичей былъ центромъ и религіознымъ, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, если туровцы оказали сильное сопротивленіе проповѣдникамъ новой религіи. Какъ въ Ростовѣ главнымъ мѣстнымъ божествомъ являлся Велесъ, такъ точно въ Туровѣ могъ быть какой-нибудь свой богъ, противъ обожанія котораго приходилось, главнымъ образомъ, бороться миссіонерамъ. Какое-же было это божество?

Еще въ своей азіатской прародинѣ, какъ извѣстно, Аріи воздавали божескія почести коровѣ и быку. Съ этимъ культомъ они перешли и въ Европу. Отдѣльныя вѣтви этого великаго племени удержали это поклоненіе быку и далѣе, какъ олицетворенію бога солнца, оплодотворяющаго своими лучами землю. Это религіозное представленіе возникало у первобытныхъ народовъ вполнѣ естественно, и распространяться о происхожденіи этого культа здѣсь я считаю совершенно излишнимъ, какъ о вещи общеизвѣстной [3]). Всѣ индо-европейцы имѣютъ общее слово для обозначенія понятій *быкъ*, *волъ*, *туръ*. Корень tar, tur, по объясненію Микуцкаго,=sonare; отсюда литов. *стаурети*=выть, ревѣть, *tauras*=туръ, славян. *туръ*, др.-нѣмец. *stior*, готск. *stiurs*; санскритскій корень является въ формѣ *sthira*, въ формѣ прилагательнаго означаетъ: *крѣпкій*, *сильный*, какъ объясняетъ

---

[1]) Castrenn: „Über die finische Mythologie", 1853. SPB. s. 107.

[2]) О первыхъ двухъ городахъ мы имѣемъ лѣтописныя извѣстія; относительно-же Чернигова это доказывается находкой двухъ серебряныхъ идоловъ при постройкѣ колокольни собора. (Макарій. „Исторія Церкви", ч. I, стр. 121.

[3]) О происхожденіи и развитіи этого культа см. у Pictet. Les origines indo-europeennes", Bergaigne. La religion indique"; Овсянико-Куликовскій: „Культъ божества Зота" (Записки имп. новоросс. университета, т. 39, Одесса, 1884 г.) его-же: „Къ вопросу о „быкѣ" въ религіозныхъ представленіяхъ съ Востокомъ" (тамъ-же, т. 43, Одесса, 1885 г.).

Пикте[1]). Въ данномъ случаѣ не наше дѣло рѣшать вопросъ о томъ, дѣлали-ли аріи различіе между быкомъ, воломъ и туромъ. Туръ у насъ, славянъ, есть дикій звѣрь, сильный и опасный, охота на котораго была сопряжена съ большими трудностями. Зоологическій періодъ въ развитіи религіозныхъ вѣрованій пережили и мы, славяне, и поклоненіе дикимъ звѣрямъ, сильнымъ и опаснымъ животнымъ существовало, нѣкогда и у насъ. Если Мономахъ въ XI—XII ст. разсказываетъ объ опасностяхъ охоты на тура, то что же должны были испытывать при видѣ этого звѣря обладатели первобытнаго, крайне несовершеннаго оружія, доисторическіе кривичи, дреговичи и т. д.! Очевидно, они преклонялись предъ нимъ, какъ преклоняется и теперь еще житель Африки предъ львомъ, или житель нашего крайняго сѣвера предъ медвѣдемъ. Поклоненіе туру является въ данной мѣстности еще болѣе естественнымъ потому, что тутъ этотъ звѣрь водился въ изобиліи, больше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Туръ могъ быть, такъ сказать, племеннымъ божествомъ дреговицкой земли. Не даромъ-же именно здѣсь, какъ мы видѣли, устраивалась охота княжеская на этого звѣря. Что за звѣрь былъ туръ,—этого, собственно говоря, мы до сихъ поръ не знаемъ точно. Одно несомнѣнно, что онъ былъ изъ породы быковъ, дикій быкъ, bos primogenius, по внѣшнему виду, подходящій, можетъ быть, къ зубру или бизону. Старое обще-арійское поклоненіе быку, какъ силѣ оплодотворяющей, соединилось съ обожаніемъ тура, какъ звѣря, страшнаго по своей силѣ, быстротѣ и другимъ опаснымъ качествамъ.

Ученые, посвящавшіе свои труды разработкѣ славянской миѳологіи, раздѣляются во мнѣніяхъ по вопросу о существованіи у нашихъ предковъ бога Тура. Одни признаютъ его и отождествляютъ съ другимъ славянскимъ божествомъ, Яриломъ, богомъ любви; другіе, признавая поклоненіе Ярилѣ и быку, отрицаютъ бога Тура, что̀ есть уже въ самой основѣ своей противорѣчіе. И тѣ, и другіе основываютъ свое мнѣніе на данныхъ народной

---

[1]) См. Pictet, op. cit. v. I, p. 416—418; Микуцкій: „Наблюденія и выводы по сравнительному арійскому языкознанію". Варшава. 1874 г. стр. 15.

поэзіи, одни—признавая ея показанія вполнѣ ясными, другіе—не считая ихъ достаточно опредѣленными для положительнаго вывода [1]). Но разъ только мы признáемъ у славянъ существованіе поклоненія быку, то не можемъ отрицать поклоненія туру, быку дикому или богу Туру. Всѣ ранѣе приведенныя нами соображенія могутъ найти себѣ подтвержденіе и въ данныхъ археологіи и древней письменности.

Въ новооткрытомъ поученіи XII в. епископа Ильи между прочимъ стоитъ: „и о тоурѣхъ, и о лодыгахъ, и о колядницѣхъ и про беззаконный бой, попове, оуимайте своихъ дѣтей...“ [2]). Какъ-бы ни старались затемнить тутъ смыслъ, для всякаго ясно, что „колядницы“ и „безаконный бой“ суть остатки нѣкогда священныхъ языческихъ обрядовъ въ честь того или другаго бога. Очевидно и „тоуры“ и „лодыги“, поставленные рядомъ съ предыдущими, должны быть таковыми-же. Въ честь божества Тура должны были существовать празднества, игры, противъ которыхъ и приходилось впослѣдствіи бороться русскому духовенству.

Когда производится изслѣдованіе въ области миѳологіи или вообще этнографіи народовъ, населяющихъ или населявшихъ восточно-европейскую низменность, то обращать исключительное вниманіе на бытовыя явленія жизни только одного изъ нихъ нѣтъ никакой возможности. Съ незапамятныхъ временъ на территоріи нынѣшней Россіи сталкивались, жили подолгу совмѣстно, боролись и ассимировались народы двухъ племенъ: урало-алтайскаго и арійскаго. Существуетъ гипотеза объ единствѣ происхожденія финскаго и арійскаго племенемъ, о единомъ праплемени Аріо-финновъ. Если сама по себѣ эта гипотеза требуетъ еще дальнѣйшихъ изысканій, то факты, на которые она опирается, заслуживаютъ полнаго вниманія историка. Отысканное сродство языковъ, которыми говорятъ народы

---

[1]) Касторскій: „Начертаніе славянской миѳологіи“. Спб. 1841 г.; Потебня: „О миѳическомъ значеніе нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“ (Чтеніе моск. общ. ист. и др. Росс. 1865 г. кн. II; Сумцовъ: „Туръ въ народной словесности (Кіев. Ст. 1887 г. № 1).

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1890 г. Октябрь, Павлова: „Неизданный памятникъ русскаго церковнаго права XII в.“ Стр. 298.

финскаго и арійскаго племенъ, сродство глубокое, указываетъ на давнее доисторическое, и при томъ весьма и весьма продолжительное, сожительство этихъ племенъ [1]). Если такъ взаимно повліяли другъ на друга ихъ языки, то тѣмъ болѣе должны были взаимно вліять другъ на друга ихъ культуры. Противъ этого спорить нельзя. Наша лѣтопись въ своей народной легендѣ, передѣланной на книжный ладъ, о призваніи Варяговъ, сохранила намъ драгоцѣнный фактъ близости финно-угрскихъ племенъ съ славянскими. Я разумѣю преданіе о союзѣ сѣверно-славянскихъ племенъ съ финно-угрскими племенами чуди, мери и веси [2]). А фактъ несомнѣнный ассимиляціи и поглощенія этихъ племенъ Славянами [3]), не указываетъ-ли онъ достастаточно сильно на внѣдреніе бытовыхъ чертъ финно-угровъ въ бытъ славянскихъ пленёнъ? Данныя, собранныя Альквистомъ [4]), указываютъ на многочисленныя заимствованія словъ, сдѣланныя финно-уграми изъ литовскаго и славянскаго языковъ. Въ самое послѣднее время Веске указалъ на цѣлый рядъ культурныхъ общихъ заимствованій въ языкахъ финскихъ, славянскомъ и литовскомъ [5]). Заимствованія эти касаются всѣхъ сторонъ быта. Тѣмъ болѣе долженъ былъ существовать взаимный обмѣнъ религіозныхъ вѣрованій. Въ язычествѣ обоихъ племенъ было очень много общихъ чертъ. Языческая религія развивается на лонѣ природы. И у славянъ, и у финно-угровъ одинаковое обожаніе силъ природы и отсюда и у тѣхъ, и у другихъ существованіе божествъ почти съ одинаковыми аттрибутами власти и функціями. Этого было достаточно, чтобы не было религіозной борьбы: догматовъ не было, были только вѣрованія. Это была самая удобная почва для сближенія. Достаточно было общихъ

---

[1]) См. Кеппена: Матерьялы къ вопросу о первоначальной родинѣ и первобытномъ родствѣ индоевропейскаго и финно-угорскаго племени (Ж. М. Н. Пр. 1886 г. №№ 8, 10, 11 и 12).

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр. 11, изд. 1871 г.

[3]) Бѣляевъ. „Какъ образовалось великорусское племя" (Извѣстія Антропологичъ. Отдѣленія Общества любителей естествознанія 1865 г. т. I.

[4]) „О древней культурѣ западныхъ финновъ", (Ж. М. Н. Пр. 1877 г. № 61).

[5]) Веске. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань. 1890 г.

сходныхъ чертъ, чтобы произошло дальнѣйшее заимствованіе подробностей, чертъ второстепенныхъ. Происходила не борьба, а взаимный обмѣнъ религіозныхъ вѣрованій. По даннымъ языка ясно видно, что финское племя нѣкогда жило гораздо далѣе на западъ [1]) и занимало даже часть Германіи [2]). Антропологическія и лингвистическія данныя подтверждаютъ фактъ нѣкогда близкаго и совмѣстнаго сожительства Мордвы и Литвы [3]), Можно указать очень много аналогичныхъ явленій въ бытѣ русско-славянскихъ, литовскихъ и финно-угрскихъ племенъ [4]). При такихъ условіяхъ исторіи русскихъ славянъ, мнѣ кажется, является абсолютно необходимымъ при изслѣдованіяхъ въ области славянской миѳологіи слѣдовать сравнительному методу, не упускать изъ вида данныхъ о бытѣ вообще и миѳологіи въ частности другихъ племенъ, населявшихъ и теперь еще населяющихъ восточную Европу; кромѣ того, данныя этнографическія необходимо сопоставлять съ данными археологическими.

---

[1]) Веске op. c. passim.

[2]) Кеппенъ, op. c.

[3]) Эвропеусъ. „Объ угорецкомъ народѣ". Спб. 1874 г. Винклеръ. Uralaltaische Völker und Sprachen. Berlin. 1884. s. 33.

[4]) Лѣтопись Быховца разсказываетъ. что Литовцы въ могилы „kładywali nohty rysii, abo medweżyi, dla toho iż wiru tuiu mili, iż sudny deń mił byty, y tak znamenali sobi, iżby boh mił pryty y sedity na hory wysokoy, y sudyty żywych y mertwych, na kotoriiz trudno budet wzoyty, bez tych nochtey rysich, abo medweżych... „(Narbut. Pomniki do dżiejów litewskich. 1846. Vilno, p. 10—11). Въ мерянскихъ курганахъ мы видимъ, что меря клала со своими покойниками также и медвѣжьи когти, и даже изображенія звѣриной лапы съ когтями (Уваров. Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ", Труды I Археол. С. т. I, стр. 699 и 701), Финскій богъ Piry или Perkele заимствованъ финнами изъ миѳологіи индо-германскихъ народовъ и соотвѣтствуетъ славянскому Перуну, литовскому Перкуну, летскому Перконсу („Castren, Uber die finnische Mythologie" p. 110, Spb. 1853). У финскихъ племенъ существовалъ религіозный обычай погребать своихъ боговъ. На сѣверѣ существуетъ преданіе, что и Перунъ былъ погребенъ со многимъ плачемъ на берегу р. Волхова съ великою тризною поганскою и могилу ссыпали на немъ высокую. Такихъ совпаденій можно было-бы указать гораздо болѣе, но считаю вполнѣ достаточнымъ и сказаннаго, Эти совпаденія могутъ быть и совершенно случайными, но нѣкоторыя заимствованія въ области религіозныхъ вѣрованій уже ясно константированы, а потому и вообще подобныя аналогіи должны останавливать на себѣ серьезное вниманіе изслѣдователя, ввиду указанныхъ историческихъ условій жизни народовъ восточной Европы.

Припомнимъ, хотя-бы, раскопки Черной могилы, обратимъ вниманіе на массу произведенныхъ и каждый годъ производящихся раскопокъ кургановъ. Каждая изъ нихъ даетъ что-нибудь изслѣдователю для объясненія быта, вѣрованій языческой старины.

Это взаимное вліяніе культуръ различныхъ племенъ на территоріи Россіи должно было начаться съ первыхъ моментовъ ихъ территоріальнаго соприкосновенія. Близкое сожительство, взаимныя мирныя и враждебныя столкновенія начались между финно-угрскими и славянскимъ племенами еще на югѣ восточной Европы. По вопросу о распространеніи финно-угрскаго племени на территоріи Россіи существуютъ несомнѣнныя данныя. Указано въ ихъ языкахъ существованіе иранскихъ элементовъ, которые могли въ нихъ появиться во времена пребыванія финно-угрскаго племени на самомъ югѣ восточной Европы [1]). Данныя лингвистическія и антропологическія вполнѣ совпадаютъ. Слѣды угрскаго племени лингвистическіе, въ видѣ названій мѣстностей [2]), и антропологическіе, въ видѣ длинно-головыхъ череповъ [3]), найдены теперь до Полтавской губерніи *включительно*. Къ несчастію, у новѣйшаго изслѣдователя, Веске, не было данныхъ для правой стороны Днѣпра въ видѣ списковъ населенныхъ мѣстъ, но это случайное обстоятельство не даетъ возможности отрицать распространенія финно-угрскихъ племенъ и на правой сторонѣ Днѣпра, тѣмъ болѣе, что въ древлянскихъ могильникахъ найдены длинноголовые черепа [4]). Въ параллель съ этимъ можно поставить и данныя языка: лѣвые притоки р. Припяти звучатъ не по славянски:

---

[1]) Cruel. Die Sprachen und Völker Europas vor der arischen Einvanderung Detmold 1883. s. 129 u. v. Lipp-von Schroeder. „Uber Ossetisches und Ugro finnisches“ (Sitzüngsberich te der gelehrten estnischen Geselschaft. Dorpat. 1889. Ss. 117—119).

[2]) Веске. ор. с. passim.

[3]) Богдановъ „О могилахъ скиѳо-сарматской эпохи въ Полтавской губ.“. Baer. Beschreib ung der Schädel welche aús dem Grabhügel eines skythischen königs aufge graben ist“.

[4]) Гамченко... Житомірскій могильникъ. Антоновичъ: „О древлянскихъ могильникахъ“ (Чтенія въ Ист. О. Нестора Л. кн. V, отд. I стр. 24).

Цна, Ясіолда, Пина и др... На этотъ фактъ обращалъ вниманіе еще извѣстный Надеждинъ[1]). Если мы находимъ слѣды пребыванія финно-угровъ на югъ отъ р. Припяти, то тѣмъ болѣе, имѣя подобныя гидрографическія названія, мы въ правѣ предполагать, что финно-угры занимали области и къ сѣверу отъ нея, откуда и были вытѣснены движеніемъ славянъ. Мы увѣрены, что находки длинно-головыхъ череповъ при дальнѣйшихъ раскопкахъ вполнѣ совпадутъ съ данными лингвистическими. Словомъ, мы и въ этихъ мѣстностяхъ, въ области между рѣками З. Двиной и Припятью, можемъ предполагать съ незапамятныхъ временъ культурный обмѣнъ между финно-угрскимъ, славянскимъ и литовскими племенами.

Собственно говоря, мы черезчуръ уже стараемся усилить наше положеніе. Намъ нѣтъ даже нужды настаивать на томъ, что именно и тутъ, между рр. Припятью и З. Двиною славяне вліяли на финно-угровъ, и наоборотъ. Это взаимодѣйствіе культуръ могло совершаться гораздо раньше прихода славянъ именно въ эту область, и Дреговичи могли явиться сюда уже съ обожаніемъ Тура, или, если этотъ культъ чисто-славянскій, то славяне могли передать его финно-уграмъ еще до своего разселенія по областямъ, въ которыхъ ихъ застаетъ исторія.

Общепризнаннымъ является существованіе у славянъ божества Ярила, бога любви, сладострастія. Ему, конечно, воздавали поклоненіе и изображали его въ видѣ φαλλοςα. До насъ дошли такія изображенія[2]). Сначала у славянъ существовало лишь поклоненіе быку, какъ силѣ оплодотворяющей, одной изъ функцій бога солнца. Такъ было въ зооморфическій періодъ. Затѣмъ, когда зооморфизмъ сталъ переходить въ высшую стадію религіознаго развитія, стали являться божества для выраженія болѣе отвлеченныхъ идей, какъ любовь, сладострастіе. Тогда былъ или туръ, у насъ въ восточной Европѣ, быкъ par

---

[1]) Библіотека для чтенія. 1837 г. т. XXII. III, 55. Надеждинъ. „Опытъ исторической географіи русскаго міра“.

[2]) Въ Ботаническомъ саду Кіевскаго Университета есть нѣсколько такихъ изображеній. Всѣ они каменныя, и на одномъ изъ нихъ вырѣзанъ даже носъ ротъ и глаза.

excellence, нѣсколько стушевался, явилось pars pro toto, явилось обожаніе φαλλος'а.

Между тѣмъ мы имѣемъ и этнографическія и археологическія данныя, неопровержимо доказывающія, что финно-угры поклонялись быку. Въ могилахъ, въ области р. Медвѣдицы, найдены были отломки каменныхъ изваяній быка и барана [1]). Делиль сообщаетъ, что въ его время вотяки воздавали божескія почести быку [2]). Двѣсти лѣтъ тому назадъ мордва также покланялась быку, котораго, по прошествіи трехъ лѣтъ, рѣзала и съѣдала [3]). Вообще, у финно-угрскихъ народовъ обожаніе животныхъ было сильно развито, чему можно было-бы привести многочисленныя доказательства. Но рядомъ съ данными, приведенными нами, указывающими на поклоненіе быку у финно-угровъ, существуетъ несомнѣнное указаніе, что они покланялись и φάλλος'у. Извѣстно, что башкиры и венгры это одинъ и тотъже народъ, или вѣрнѣе, два народа одного и того-же племени Югры, и Башкирія—это Великая Венгрія средневѣковыхъ писателей [4]), откуда и произошло выселеніе венгровъ (части Югры) въ Европу. Въ настоящее время башкиры утеряли свой угрскій языкъ, подвергнувшись съ древнихъ временъ сильному вліянію тюркскаго племени. Но въ самомъ началѣ они были совершенными уграми, потому что даже въ XIII ст., когда у нихъ былъ извѣстный Рубруквисъ, они говорили языкомъ венгерскимъ, угрскимъ [5]). Въ X ст. былъ въ В. Венгріи (Башкиріи) знаме-

---

[1]) Рус. ист. сборникъ, т. I, 1837 г. Галинко: „О древностяхъ бѣжецкаго уѣзда тверской губерніи", стр. 24, пр. 1.

[2]) Записки имп. ак. н. т. VI, Спб. 1865 г. Пекарскій: „Путешествіе Делиля въ Березовъ". Стр. 8.

[3]) Трироговъ: „Мордовскія общины", (Рус. Мысль 1880 г. т. XXVII, стр. 257).

[4]) Извѣстія средневѣковыхъ писателей о тождествѣ башкиръ и венгровъ указаны въ нашемъ трудѣ: „Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ". См. также мнѣнія ученыхъ: Hunfalvy: „Ethnographie von Ungarn". Budapest. 1877. s. 72 u. v.; Diefenbach: Volkerkunde Osteuropas, Darmstadt. 1880. II Band. s. 287 и v.; Европеусъ: „Объ угорскомъ народѣ". Geza Kuun: „Lec origines hongroises" (Revue internationale, 1884. T. II, IV-e livraison p. 465) и др.

[5]) Voyages dans tous les mondes. Nouvelle bibliothèque historique et litteraire. Deux voyages en Asie au XIII-e siecle par Guill. de Rubruquis et Marco Polo. Paris. 1888, p. 70.

нитый арабскій путешественникъ Ибнъ-Фоцланъ. Онъ видѣлъ, что всѣ башкиры носятъ на шеѣ небольшія деревянныя изображенія φάλλος'а, которому воздаютъ поклоненіе [1]). Такимъ образомъ, мы находимъ полную аналогію съ культомъ быка и φάλλος'а у славянъ и у финно-угрскихъ племенъ.

Въ полномъ соотвѣтствіи со всѣми приведенными фактами изъ славянской и финно-угрской миѳологіи стоитъ показаніе археологіи. Осенью 1835 г. близь г. Галича, въ селѣ *Туровскомъ* сдѣлана была археологическая находка. Въ числѣ открытыхъ вещей находился небольшой языческій идолъ изъ красной мѣди. Онъ мужескаго пола, въ стоячемъ положеніи, обѣими руками ниже живота держится за φάλλος [2]). Въ данной мѣстности жило племя меря, одно изъ угрскихъ. Очевидно, найденъ онъ около того мѣста, гдѣ ему воздавалось поклоненіе. Въ этой области существуетъ до сихъ поръ такъ называемый элтанскій языкъ, употребляемый секретно между торговцами и признаваемый за остатки языка мери. И вотъ на этомъ языкѣ туръ=φάλλος [3]). Нужно замѣтить сверхъ того, что въ костромской губерніи сохранилось много мѣстъ, носящихъ имена: Турово, Туровское, Турольское, Туранъ, Турдіево, Турдіевы врáги, Турабьевъ и

---

[1]) D'Ohsson. „Les peuples du Caucase", p. 130: „Je remarquai, que tous le Baschcourdes portent sur eux la figure en bois du membre viril. Ils la baisent et lui adressent leurs prières: „O seigneur, lui disent-ils, accorde moi telle et telle chose. Je dis à mon interprète de demander à l'un d'eux, pourquoi il adorait l'image de cette partie du cors. „Parce que, repondit—il, je lui dois l'existence, c'est mon seul créateur".

[2]) Объ этой находкѣ въ 1837 г. Павелъ, епископъ черниговскій, сдѣлалъ докладъ, съ представленіемъ вещей, въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при моск. университетѣ (Рус. историч. сборникъ, 1837 г. т. I, стр. 102—103) Вслѣдъ затѣмъ Свиньинъ помѣстилъ въ томъ же томѣ Историч. сборника замѣтку объ этой находкѣ, въ которой дѣлаетъ предположеніе, что вещи принадлежатъ народу мери, что потомъ и подтвердилось изслѣдованіемъ гр. Уварова („Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ"). Изображеніе идола помѣщено въ Рус. историч. сборникѣ, т. I, у гр. Уварова op. cit. и недавно въ превосходномъ изданіи Аспелина: „Antiquités du Nord finno-ougrien, I livraison. Объ этой находкѣ см. также: Пискарева: „Хронологическое обозрѣніе пятидесяти подземныхъ археологическихъ находокъ въ Россіи съ 1820 по 1850 г.".

[3]) Чтенія москов. общ. ист. и древ. Росс., 1865 г., кн. IV, отд. V, Діевъ „Какой народъ населялъ въ старину костромскую губернію". Стр. 171.

т. п. Названія Тур+дій и Тур+дій(евъ, евы) безъ всякой насильственной ломки, съ удержаніемъ яснаго, опредѣленнаго, смысла разлагающіяся на *Туръ* и *дій* стоятъ въ полномъ соотвѣтствіи съ поклоненіемъ Туру въ этихъ мѣстностяхъ. Значеніе славянскаго слова *„дій“*, *„дивъ“* для насъ совершенно понятно. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ Туромъ-діемъ стоитъ находка въ землѣ племени вятичей мѣднаго болвана *съ рожками на головѣ*, которому, конечно, воздавалось поклоненіе [1]). Итакъ угрское племя, меря, воздавало поклоненіе φάλλος'у, подъ именемъ Тура, что стоитъ въ полномъ согласіи съ извѣсіемъ Ибнъ-Фоцлана о башкирахъ (части Югры). Мы уже выше привели археологическое указаніе, что меря покланялась и быку. Весь вопросъ теперь заключается только въ томъ, назывался-ли у финно-угрскихъ племенъ дикій быкъ туромъ? Кажется, и на это можно дать утвердительный отвѣтъ. У финно-угровъ было названіе дикаго звѣря *tarw*, *tarwo*. Объ этомъ имени академикъ Шифнеръ дѣлалъ сообщенія въ Академіи наукъ. Оказывается, что финское *tarw* есть слово заимствованное въ отдаленныя, конечно, времена у индо-германцевъ. Финское tarw = исланд. tarb=др. нѣм. stior=гот. stiurs=литов. tauras=славян. туръ, Изъ многихъ доводовъ Шифнера, ссылающагося на Гримма и Ире, я укажу одинъ: названіе финское *Tarwamcki* передается нѣмецкимъ *Stierberg=бычачья гора* [2]).

Если мы станемъ на почву единства происхожденія финно-угровъ и аріевъ, то тогда должны, конечно, признать, что у аріо-финновъ было слово для обозначенія понятія дикаго звѣря-быка и, можетъ быть, уже существовало его обожаніе. Если мы не признаемъ единства происхожденія аріо-финновъ, то приведенные факты доказываютъ какъ заимствованіе слова, такъ

[1]) Пискарева. Ор. с. Въ тульской гоб., богородицкаго у. с. Малевки Ермилъ Никифоровъ вспахалъ на своей нивѣ мѣдный балванъ съ рожками на головѣ, въ въ которомъ вѣсу оказалось 24 ф.

[2]) Bulletins de la classe historico philologique de l'akademie imperiale des sciences de S.-Petersbourg, t. VI, №№ 16, 17; 23, 24; pp. 285—288; 379—380.

и заимствованіе культа. Кто у кого заимствовалъ,—этотъ вопросъ рѣшать не наше дѣло, но изъ тѣхъ данныхъ, которыя мною приведены, видно, что корень *tr* есть арійскій, и слѣдовательно, заимствованіе должно было произойти у арійцевъ, а не наоборотъ. Но съ другой стороны фактъ несомнѣнный, что болѣе ранними насельниками Европы были финно-угры, которые ранѣе аріевъ должны были знать дикаго быка и имѣть для него въ своемъ языкѣ слово. Отсюда какъ-бы вытекаетъ, что заимствованіе могло быть сдѣлано арійцами у финно-угровъ. Это недоумѣніе можетъ быть устранено тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что финно-угры послѣ многовѣковаго сосѣдства съ аріями-германцами, славянами, литовцами—утеряли много своихъ собственныхъ словъ и усвоили слова своихъ сосѣдей. Такимъ образомъ, слово *tarw* у эстовъ и *туръ* у мери есть заимствованіе, сдѣланное у литовцевъ и славянъ. Что-же касается поклоненія быку и φ'αλλος'у, то оно могло, конечно, развиться у каждаго изъ этихъ племенъ и совершенно самостоятельно, но названіе φ'αλλος'а у мери туромъ, сосѣдство топографическихъ названій, сложенныхъ съ словомъ *дій*, *дивъ*, указываетъ на существованіе поклоненія Туру и у нашихъ предковъ славянъ, прежде всего какъ быку, а потомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и φ'αλλος'у.

Культъ Ярилы и Тура является тождественнымъ. Одному и тому-же божеству могли въ различныхъ мѣстностяхъ покланяться подъ разными именами: Ярила и Тура. Мы нисколько не были-бы поражены, если-бы и нашъ Кій оказался φ'αλλος'омъ.

Съ г. Туровомъ (Туровымъ) могли быть связаны, кромѣ политическихъ традицій, еще и религіозныя преданія. Князя Тура сдѣлали изъ патронимическаго (или эпонимическаго) героя по политической необходихости. Далѣе этотъ эпонизмъ могъ явиться по двумъ причинамъ: а) или просто отъ имени звѣря Тура, отъ котораго городъ получилъ свое названіе, будучи расположенъ въ области, особенно изобиловавшей этими животными, б) или тутъ могло совершаться поклоненіе дикому быку-туру и φ'αλλος'у подъ тѣмъ-же именемъ.

Закончимъ наши соображенія словами г. Кирпичникова: „Многіе герои несомнѣнно божественнаго происхожденія; если высшіе боги были слишкомъ могущественны чтобы спуститься на землю, племенныя божества имѣли много общаго съ героями [1]).

П. Голубовскій.

[1]) Кирпичниковъ. Поэмы Ломбардскаго цикла. М. 1873 г., стр. 152.

ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ ТИМКОВСКІЙ,

ПЕДАГОГЪ ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ.[1]

(Окончаніе).

Уѣхавши изъ Харькова во второй половинѣ 1811 г., Тимковскій поселился на постоянное жительство въ упомянутой нами выше Турановкѣ. Привыкши въ предшествующіе годы къ общественной дѣятельности, онъ не могъ долго оставаться тамъ безъ всякаго дѣла. Прежде всего родъ дѣятельности указала ему наступавшая тогда война: 18 Августа 1812 г. онъ былъ избранъ членомъ дворянскаго комитета, снаряжавшаго ополченіе и состоялъ въ немъ по 2 января 1815 г. Затѣмъ съ 15 марта 1818 г. онъ принялъ по выборамъ должность глуховскаго уѣзднаго судьи. Прослуживъ въ этой должности трехлѣтіе и будучи въ 1821 г. избранъ на новое трехлѣтіе, Тимковскій отказался отъ дальнѣйшей службы и засѣлъ въ своей Турановкѣ безотлучно, пока опять не вступилъ на поприще болѣе соотвѣтствовавшей его характеру педагогической дѣятельности.

5 марта 1825 г. умеръ тесть Тимковскаго, директоръ Новгородсѣверской гимназіи И. И. Халанскій, и вслѣдъ затѣмъ (3 мая того же года) на должность попечителя харьковскаго учебнаго округа, послѣ Е. В. Корнеева, былъ назначенъ А. А. Перовскій, писавшій подъ псевдонимомъ „Погорѣльскаго“, авторъ

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1891 г., № 9.

„Двойника“ и „Монастырки“ [1]). Лично зная Тимковскаго, Перовскій предложилъ ему принять должность директора новгородсѣверской гимназіи, какъ находящейся въ недальнемъ разстояніи отъ имѣнія, въ которомъ Тимковскій проживалъ.

По поводу выраженнаго Тимковскимъ согласія принять эту должность, Перовскій 21 іюня 1825 г. писалъ ему: „пріятнымъ долгомъ поставляю изъявить вамъ искреннюю признательность мою за согласіе ваше принять на себя должность директора; извѣстная уже начальству ревность ваша къ пользѣ отечества подаетъ мнѣ несомнѣнную надежду, что управленіе ваше гимназіею послужитъ къ вящшему оной процвѣтанію, и я прошу васъ, въ замѣну сей надежды, меня успокаивающей, принять отъ меня увѣреніе, что я за особенное удовольствіе всегда поставлять буду доказывать вамъ на самомъ опытѣ уваженіе мое къ заслугамъ вашимъ“. Вскорѣ послѣ этого, по представленію Перовскаго, Тимковскій былъ назначенъ директоромъ новгородсѣверской гимназіи 21 августа 1825 г.

Вступленіе его въ эту должность сопровождалось произнесеніемъ рѣчей, обращенныхъ къ учащимъ и учащимся. Повидимому, къ произнесенію рѣчей Тимковскій питалъ нѣкоторую слабость и любилъ говорить ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Не даромъ его бывшій ученикъ М. К. Чалый, въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ [2]), упоминая о томъ, что рѣчи-импровизаціи удавались Тимковскому гораздо лучше, чѣмъ то, что было предварительно обдумано и написано, говоритъ, что къ нему безъ всякой натяжки можно было примѣнить слова поэта:

„Имѣлъ онъ рѣчи чудный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный“.

Однако въ настоящемъ случаѣ рѣчи не были импровизаціями, ибо изъ письма Перовскаго видно, что ему были сообщены списки обѣихъ рѣчей. Извѣщая Тимковскаго о полученіи ихъ, Перовскій писалъ ему 23 января 1826 г., что прочелъ ихъ съ удовольствіемъ, особенно слово къ ученикамъ, и далѣе продолжалъ: „отдавая полную справедливость вашему усердію

---

[1]) Объ немъ см. статью В. П. Горленка въ Кіевской Старинѣ 1888 г. № 4.
[2]) „Кіевская Старина“ 1889 г. №№ 1—12.

и патріотическимъ чувствованіямъ, я могу только пожелать при семъ, чтобы ваши попеченія о благосостояніи ввѣренной вамъ гимназіи, ваши ожиданія и надежды касательно вѣрныхъ и прочныхъ успѣховъ дѣтей, въ оной обучающихся, были оправданы самымъ счастливымъ послѣдствіемъ".

Характернымъ какъ для Тимковскаго, такъ и для Перовскаго, представляется слѣдующее обстоятельство. Привыкши во время службы своей въ Харьковѣ играть первенствующую роль въ училищномъ комитетѣ университета, а къ директорамъ гимназій относиться почти начальнически, Тимковскій, самъ сдѣлавшись директоромъ, не хотѣлъ сноситься съ училищнымъ комитетомъ въ формѣ рапортовъ и, вступая въ должность, просилъ Перовскаго освободить его отъ такой формы сношеній во вниманіе къ прежней его службѣ. Не смотря на свои хорошія отношенія къ Тимковскому, Перовскій не нашелъ возможнымъ исполнить эту просьбу и въ письмѣ своемъ отъ 25 ноября 1825 г. писалъ Тимковскому, что такъ какъ училищный комитетъ есть присутственное мѣсто, въ которомъ, въ случаѣ надобности, могутъ присутствовать попечитель и самъ министръ, то онъ не видитъ ничего унизительнаго для Тимковскаго въ томъ, что онъ будетъ писать рапорты означенному комитету. „Вы лучше меня знаете," продолжалъ Перовскій, „что нижній земскій судъ посылаетъ указы генералъ-фельдмаршаламъ. Взирая съ сей точки на отношенія ваши къ училищному комитету, я увѣренъ, что вы не найдете оныхъ для себя предосудительными и увидите совершенную невозможность перемѣнить существующій порядокъ, безъ достаточныхъ на то причинъ. Я могу привесть вамъ въ примѣръ почтеннаго тестя вашего [1]), который лѣтами и заслугами, конечно, превосходилъ членовъ училищнаго комитета".— И все таки послѣ этого Тимковскій не сталъ писать рапортовъ училищному комитету, а писалъ „донесенія". Впрочемъ, это разногласіе между Перовскимъ и Тимковскимъ по вопросу о порядкѣ сношеній съ училищнымъ комитетомъ, какъ видно изъ дальнѣйшей переписки, нисколько не испортило ихъ взаимныхъ отношеній.

---

[1]) Т. е. вышеупомянутаго И. И. Халанскаго.

Сдѣлавшись директоромъ гимназіи, Тимковскій не могъ совсѣмъ разстаться съ своей Турановкой, и проводилъ въ ней времени больше, чѣмъ въ Новгородсѣверскѣ. Однако, не смотря на это, изъ всѣхъ данныхъ видно, что учебное дѣло въ гимназіи въ его время шло очень хорошо, потому что, какъ разсказываетъ въ вышеупомянутыхъ воспоминаніяхъ своихъ бывшій воспитанникъ новгородсѣверской гимназіи того времени М. К. Чалый, „рѣдкія посѣщенія Ильею Ѳедоровичемъ гимназіи были глубоко плодотворны для учащихся; его задушевныя, проникнутыя пламенной любовью къ молодому поколѣнію рѣчи-импровизаціи будили вѣру въ достоинство человѣка, вкореняли уваженіе къ наукѣ, къ труду“.—„Не говорю уже объ экзаменахъ“, продолжаетъ М. К. Чалый: „тутъ не одни ученики, но и сами преподаватели должны были отдавать отчетъ въ своихъ познаніяхъ; представляя своихъ питомцевъ къ испытанію, каждый старался пополнить пробѣлы въ собственныхъ знаніяхъ, чтобы удовлетворить высокимъ требованіямъ строгаго цѣнителя и взыскательнаго судіи, вполнѣ компетентнаго въ дѣлѣ науки“. Въ первые годы по вступленіи Тимковскаго въ должность директора, строгости на экзаменахъ, которые всегда происходили въ его присутствіи, даже вызвали уменьшеніе числа учениковъ въ новгородсѣверской гимназіи; но вслѣдъ затѣмъ это число стало быстро возрастать: въ 1833 г. всѣхъ учениковъ въ новгородсѣверской гимназіи было 126, въ 1834 г.г.—288, въ 1835 г.—325, а въ ноябрѣ 1838 г. уже—454. Вслѣдствіе такого возрастанія числа учащихся, въ новгородсѣверской гимназіи раньше, чѣмъ въ большей части губернскихъ гимназій, потребовалось раздѣлить три первыхъ класса на два отдѣленія, о чемъ состоялось высочайшее повелѣніе 27 декабря 1838 г. [1]). Видимо было, что гимназія пріобрѣтаетъ себѣ большее и большее довѣріе въ окружающей мѣстности; слава ея стала такъ растространяться, что въ нее начали привозить воспитанниковъ изъ очень отдаленныхъ мѣстъ. Пользуясь въ это время извѣстностью

---

[1]) Сборникъ постановленій по министерству народн. просвѣщенія, томъ II, отдѣленіе I, стр. 1121.

лучшей гимназіи въ Малороссіи [1]), новгородсѣверская гимназія давала самыхъ лучшихъ латинистовъ для харьковскаго университета, гдѣ репутація ея стояла на столько прочно, что окончившіе въ ней курсъ, по аттестаціямъ Тимковскаго, принимались въ университетъ безъ экзамена. Уже между учениками 5-го класса, по словамъ М. К. Чалаго, были такіе бойкіе латинисты, которые свободно переводили Георгики Виргилія, Элегіи Овидія и нѣкоторыя изъ рѣчей Цицерона. На экзаменахъ, какъ разсказываетъ авторъ вышеупомянутыхъ воспоминаній, „напавши на такого доку, директоръ оживлялся и долго не отпускалъ его отъ стола, наслаждаясь красотами выраженій и успѣхами испытуемаго; но не на однихъ отличныхъ останавливалъ свое вниманіе Тимковскій, и посредственные ученики не скоро отъ него отдѣлывались; съ необыкновеннымъ терпѣніемъ выслушивалъ онъ не вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ и весьма искусными пріемами старался навести ученика на дорогу, помогая дѣлать анализъ и конструкцію словъ и заставляя усиленно работать мозгами, и только тогда оставлялъ его въ покоѣ, когда убѣждался вполнѣ въ его неспособности. Такимъ пріемомъ директоръ желалъ убѣдить преподавателей, что, при извѣстной дозѣ терпѣнія и настойчивости, можно кое-чему научить и самаго плохого ученика“. Свой разсказъ объ экзаменахъ М. К. Чалый оканчиваетъ такимъ замѣчаніемъ: „между теперешними нашими преподавателями едва ли найдется и одинъ изъ сотни, который бы *такъ* понималъ преподаваніе классическихъ языковъ, какъ понималъ его нашъ незабвенный директоръ И. Ѳ. Тимковскій“.

Съ образованіемъ Кіевскаго учебнаго округа (14 декабря 1832 г.), новгородсѣверская гимназія была перечислена изъ харьковскаго учебнаго округа въ кіевскій. Мих. Александровичъ Максимовичъ, сдѣлавшись, по окрытіи университета св. Владиміра, ректоромъ его, 29 Октября 1834 г. писалъ Тимковскому: „До сихъ поръ еще я не имѣлъ случая изъявить Вамъ моего удовольствія, что судьба привела меня на службу

---

[1]) См. объ этомъ въ „Исторіи университета св. Владиміра“ В. Шульгина (Спб., 1860), стр. 30—31.

въ одномъ съ Вами округѣ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ нынѣ имѣю честь извѣстить Васъ, что университетъ св. Владиміра, уже благодарившій Васъ за усердное вниманіе къ нему, лучшими студентами своими обязанъ Вамъ ввѣренной гимназіи, и что если Вы въ наступающій срокъ по благоусмотрѣнію своему представите кого либо изъ подчиненныхъ Вамъ чиновниковъ къ наградѣ, то представленіе Ваше будетъ уважено со стороны совѣта *предпочтительно*, и что онъ не преминетъ ходатайствовать о томъ у начальства". Отвѣчая на это письмо, Тимковскій 27 ноября 1836 г. писалъ Максимовичу: „Я порадовался Вашему перемѣщенію въ Кіевъ, какъ для Васъ, такъ и для университета, и съ удовольствіемъ неизъяснимымъ поздравляю Васъ въ достоинствѣ перваго ректора его. Любезно мнѣ видѣть сходство оживленной напоминаніемъ судьбы моей, за 30 лѣтъ, когда пріятность служить на родинѣ, въ пользу ея, ближе къ солнцу, вызвала меня изъ столицы. Благодарю Васъ, дорогаго вѣстника, за общее благоволеніе о ввѣренномъ мнѣ заведеніи, которымъ, какъ учрежденіемъ своимъ, уже девять лѣтъ утѣшаюсь, и отношу къ счастію его и моему то, что оно имѣетъ въ Васъ судію и посредника моихъ представленій". Дальше въ этомъ письмѣ Тимковскій жалуется на то, что разстроенное здоровье лишаетъ его возможности заниматься такъ, какъ хотѣлось бы.

Съ грустью принялъ потомъ Тимковскій извѣстіе о томъ, что М. А. Максимовичъ отказался отъ ректорства. На выраженное имъ по этому поводу сожалѣніе, Максимовичъ 30 октября 1836 г. писалъ Тимковскому: „Участливое во мнѣ письмо Ваше пришло сюда въ мое отсутствіе; на оное о себѣ могу сказать то, что оставленіе Кіева такъ скоро было бы дѣйствительно несправедливо: еще съ юности мечталъ я докоротать въ немъ вѣкъ моей,—и теперь думаю, если не всю остальную жизнь провести здѣсь, то лечь ту костьми моими. Что-же касается до ректорства, то я сложилъ его преждевременно съ себя по разстройству моего здоровья, котораго не доставало для продолженія сей должности и для занятія ученаго новымъ для меня дѣломъ—словесностью; для перваго, въ начало уни-

верситета, довольно было полутора моихъ года, а для втораго... vita brevis! а взявшись за сей гужъ, не говори—недужъ. Потому я, оставивъ ботанику, когда потерялъ зрѣніе, разсудилъ отдать и посвятить новому предмету остатокъ силъ моихъ, и теперь преданъ ему вполнѣ,—и начатки трудовъ моихъ Вы видите въ Жур. Мин. Нар. Просв., гдѣ началъ я съ пѣсни Игорю въ память дяди Романа [1]), коего пропавшій трудъ chronica scandalosa въ Москвѣ приписываетъ нечистой рукѣ Снегирева" [2]). Къ этому письму сдѣлана приписка: „Среди розысканій объ языкѣ русскомъ и проч., мнѣ открылась наконецъ истина, что Руссы, давшіе имя нашимъ восточнымъ славянамъ и объединившіе ихъ собою, были вовсе не норманы, но чистые славяне, самые сѣверозападные (одерскіе)".

Еще больше, чѣмъ отказъ Максимовича отъ ректорства, смутило Тимковскаго другое обстоятельство. Открытіе кіевскаго университета и нѣсколькихъ гимназій стало угрожать нѣжинскому лицею совершеннымъ упадкомъ, который оказался тѣмъ болѣе неизбѣжнымъ, что въ Нѣжинѣ не было тогда гимназіи, которая могла бы поставлять для лицея студентовъ; вслѣдствіе этого возникло предположеніе перевести въ Нѣжинъ гимназію изъ Новгородсѣверска для поддержанія существованія Нѣжинскаго лицея. Впослѣдствіи, когда И. Ѳ. Тимковскаго уже не стало, М. А. Максимовичъ въ неизданной коротенькой замѣткѣ своей о Тимковскихъ, которая была написана имъ по просьбѣ С. П. Шевырева для приготовлявшагося къ изданію словаря замѣчательнѣйшихъ воспитанниковъ московскаго университета [3])

---

[1]) Братъ Ильи Ѳедоровича, Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій, о которомъ мы упоминали выше, будучи профессоромъ московскаго университета, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ трудился надъ изслѣдованіемъ „Слова о полку Игоревѣ", но послѣ его смерти этотъ трудъ пропалъ неизвѣстно куда и не былъ найденъ. Г. Барсовъ говоритъ, что труды г. Тимковскаго по изъясненію „Слова" погибли во время петербургскаго наводненія въ 1824 г. (Е. Барсовъ „Слово о Пол. Иг." Т. I. стр. 38).

[2]) И. М. Снегиревъ, бывшій ученикъ Романа Ѳ. Тимковскаго, послѣ его смерти, разбиралъ его бумаги, для составленія некролога и біографіи его.

[3]) Словарь этотъ предполагалось издать къ празднованію столѣтняго юбилея московскаго университета, но это предположеніе не осуществилось: дѣло ограничилось только изданіемъ біографическаго словаря профессоровъ московскаго университета.

по этому поводу разсказывалъ слѣдующее: „Новгородсѣверскую гимназію, которой питомцемъ былъ и я (съ 1812 по 1819 г.), мой дядя любилъ, какъ дитя свое, былъ въ ней весь—до изнеможенія силъ, и поставилъ ее на высокую степень совершенства. Помню его живую скорбь, когда пронесся первый слухъ о певеводѣ ея въ Нѣжинъ, для поддержанія лицея.—„Глядя на нее неспокойно“, говорилъ онъ, „думаю: ужели тебя мнѣ не видѣть“! Послѣ того, когда слухъ о томъ же снова пробудился, онъ писалъ ко мнѣ въ Кіевъ: „Покушенія противъ нея такъ пали мнѣ на душу, что, о чемъ ни думаю, приходитъ пожалѣть объ нихъ, и тѣмъ вспадаю на Катонову присловицу каждой рѣчи: ergo Carthago delenda“! Но съ назначеніемъ особой гимназіи при нѣжинскомъ лицеѣ на ларинскую сумму, успокоился незабвенный директоръ новгородсѣверскій“.

Одновременно съ возникновеніемъ первыхъ слуховъ о перемѣщеніи новгородсѣверской гимназіи въ Нѣжинъ, Тимковскій получилъ отъ попечителя кіевскаго учебнаго округа Е. Ѳ. фонъ-Брадке письмо отъ 13 декабря 1834 г. слѣдующаго содержанія: „Директоръ лицея князя Безбородко подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы, а потому, озабочиваясь назначеніемъ сему заведенію достойнаго начальника, я съ полнымъ убѣжденіемъ найти въ Васъ достойнѣшаго для сего чиновника, предлагаю Вамъ сіе мѣсто и увѣренъ, что сей выборъ съ особеннымъ удовольствіемъ будетъ утвержденъ высшимъ начальствомъ. Прошу Васъ въ возможной скорости сообщить мнѣ Вашъ по сему отзывъ“. Отказываясь отъ предложенной должности, Тимковскій 21 декабря 1834 г. писалъ Брадке, что, если по увольненіи отъ профессорства онъ принялъ должность директора новгородсѣверской гимназіи, то имѣлъ на то особыя причины. Прежде всего онъ хотѣлъ этимъ исполнить желаніе тѣхъ лицъ, которыя ему дороги; потомъ для него представляли особенное удобство близость къ семьѣ и дому; дальше, продолжалъ Тимковскій: „влекло меня и мѣстное желаніе напечатлѣть бытіе мое въ сей гимназіи, которой созданію и успѣхамъ усердствовать было для меня достойно,—въ городѣ многихъ историческихъ памятей, о которыхъ въ немъ же бесѣда моя съ

покойнымъ канцлеромъ графомъ Румянцевымъ пріобрѣла ей благотворенія его[1]),—въ городѣ маломъ, нагорномъ, здоровомъ, красивомъ и какъ бы одной гимназіи принадлежащемъ. Сколько сіи свойства благопріятны наукамъ и нѣкогда достойны будутъ, въ судьбахъ временъ, высшаго ихъ состоянія, можетъ быть подобно Іенѣ, Галле и Геттингену. Изъ сего изволите усмотрѣть, сколько я имѣлъ причинъ отказаться, получивъ уже на первомъ году моего вступленія въ сію должность, приглашеніе въ Нѣжинъ[2]), весьма худо избранный основателемъ, гдѣ никакія усилія теплицъ не произведутъ сочныхъ плодовъ, кромѣ какого либо техническаго или спеціальнаго заведенія. Какъ бы то ни было, трудовъ и заботъ моихъ, сколько мнѣ остается изнемогшихъ силъ, я не цѣню никакими окладами; одной дальности Нѣжина отъ дому и семейства для меня было и есть достаточно предпочесть Новгородсѣверскъ. Принося Вашему Превосходительству за толикое вниманіе чувствительнѣйшую благодарность, прошу покорнѣйше принять во благо мое здѣсь пребываніе".

Содержаніе приведеннаго письма показываетъ, что, считая Нѣжинъ неудобнымъ пунктомъ для высшаго учебнаго заведенія, Тимковскій находилъ въ высшей степени удобнымъ для этого Новгородсѣверскъ. Эту мысль раздѣлялъ съ Тимковскимъ и А. А. Перовскій, который въ 1827 г. просилъ Тимковскаго доставить ему планы и чертежи всѣхъ зданій, принадлежащихъ новгородсѣверскому монастырю, съ описаніемъ ихъ, и притомъ исполнить это, не дѣлая огласки. Хотя при этомъ не было упомянуто, зачѣмъ именно понадобились эти чертежи и планы, и хотя Тимковскій, исполнивши при посредствѣ учителя рисованія Кириллова просьбу Перовскаго писалъ ему: „не смѣю

---

[1]) Упоминаемая здѣсь встрѣча Тимковскаго съ графомъ Н. П. Румянцевымъ была должно быть въ 1816 году, когда Румянцевъ въ проѣздъ свой чрезъ Новгородсѣверскъ посѣтилъ гимназію, а Тимковскій вѣроятно пріѣзжалъ туда изъ Турановки. Послѣ того Румянцевъ въ 1816—1818 годахъ пожертвовалъ много цѣнныхъ книгъ въ библіотеку новгородсѣверской гимназіи.

[2]) Упоминаемаго въ настоящемъ письмѣ перваго предложенія занять должность директора нѣжинскаго лицея мы въ бумагахъ Тимковскаго не находили и не знаемъ—было ли оно письменное или словесное.

проникать въ намѣренія Вашего Превосходительства", но изъ разныхъ намековъ въ письмахъ можно заключить, что у Перовскаго, также какъ и у перваго директора новгородсѣверской гимназіи И. И. Халанскаго[1]), была мысль о томъ, нельзя ли воспользоваться обширными зданіями новгородсѣверскаго монастыря для того, чтобъ устроить въ нихъ высшее учебное заведеніе. Можетъ быть, подъ вліяніемъ надеждъ, пробужденныхъ требованіемъ Перовскаго, когда Тимковскій писалъ къ Брадке вышеприведенное письмо, ему нарисовалось свѣтлое будущее, въ которомъ милый ему Новгородсѣверскъ уподобился названнымъ имъ Іенѣ, Галле и Геттингену. Дѣйствительность не оправдала ожиданій Тимковскаго. Нѣкогда резиденція сѣверскихъ князей, послѣ разжалованный изъ губернскихъ городовъ въ уѣздные и впослѣдствіи далеко обойденный желѣзными дорогами, Новгородсѣверскъ, по прежнему здоровый и красивый, и дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ удобный для воспитанія юношества, теперь, маленькій уѣздный городокъ, о которомъ, какъ и во времена Тимковскаго, можно сказать, что онъ весь принадлежитъ гимназіи.

До 1835 года новгородсѣверская гимназія не имѣла своего почетнаго попечителя[2]). Хотя съ перечисленіемъ ея въ кіевскій учебный округъ, она вышла изъ вѣдомства А. А. Перовскаго, какъ попечителя харьковскаго учебнаго округа, но, продолжая съ участіемъ къ ней относиться, Перовскій 3 октября 1835 г. писалъ Тимковскому: „Вы знаете, какое искреннее участіе я всегда принималъ въ благосостояніи ввѣренной вамъ гимназіи, и потому вамъ конечно не покажется удивительнымъ, что я обращаюсь къ вамъ съ слѣдующимъ предложеніемъ. Короткій пріятель мой Василій Николаевичъ Ладомирскій пріѣхалъ въ Малороссію съ тѣмъ, чтобы пожить въ своихъ помѣстьяхъ; а

[1]) Въ Кіевской Старинѣ 1882 г. № 3 нами была помѣщена переписка И. И. Халанскаго съ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ Куракинымъ по вопросу объ учрежденіи университета въ Новгородсѣверскѣ.

[2]) По „предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія" 1803 г. почетныхъ попечителей гимназій не полагалось; должность эта была учреждена съ уставомъ гимназій 1828 г.

такъ какъ онъ новгородсѣверскій помѣщикъ, то мнѣ пришла благая мысль завербовать его для вашей гимназіи. Василій Николаевичъ теперь служитъ предводителемъ дворянства въ Москвѣ, но по убѣжденію моему соглашается оставить занимаемую имъ должность, если назначенъ будетъ почетнымъ попечителемъ вашей гимназіи. Теперь, почтеннѣйшій Илья Ѳедоровичъ, отъ васъ зависѣть будетъ дать этому дѣлу надлежащее направленіе, ибо лучшаго пріобрѣтенія вы сдѣлать не можете". Затѣмъ дѣло устроилось такъ, что В. Н. Ладомирскій былъ избранъ и утвержденъ въ должности почетнаго попечителя новгородсѣверской гимназіи, и втеченіе времени служенія своего въ этой должности сдѣлалъ не мало пожертвованій въ пользу гимназіи.

Не лишеннымъ интереса представляется слѣдующее обстоятельство. Существуютъ въ Новгородсѣверскѣ, въ очень близкомъ разстояніи отъ гимназіи, тріумфальныя ворота, которыя были построены по случаю проѣзда чрезъ новгородсѣверскую губернію Екатерины II и которыя своей легкой, граціозной архитектурою не мало украшаютъ этотъ красивый городокъ. Такъ какъ эти ворота, которыя все мѣстное населеніе называетъ „брамою", требовали ремонтировки, на которую никто не хотѣлъ расходовать денегъ, то возникло предположеніе разрушить ихъ, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ на будущее время. Уже новгородсѣверскому городничему было дано предписаніе продать тріумфальныя ворота на сломъ съ аукціона и были назначены торги на продажу ихъ. Освѣдомившись объ этомъ, Тимковскій счелъ нужнымъ принять „браму" подъ свою защиту. Къ городничему и городскому головѣ онъ отнесся съ просьбою не спѣшить производствомъ торговъ, а черниговскому губернатору 27 марта 1829 г. писалъ слѣдующее: „Тріумфальныя ворота поставлены въ 1787 году, когда Новгородсѣверскъ былъ губернскимъ городомъ, къ знаменитому проѣзду великой Екатерины, попеченіемъ генералъ-губернатора графа Румянцева, отъ приношенія дворянства всей губерніи. Въ сихъ четырехъ отношеніяхъ они составляютъ памятникъ лицъ, мѣста и времени драгоцѣнный и остаются собственностію дворянства

сей стороны, какъ самаго города, который украшаютъ. Въ таковой собственности заключается не одна пріятность имущества, но и любезнѣйшее того понятіе чести. Съ сожалѣніемъ смотримъ на ветхость зданія, съ бо́льшимъ—увидимъ его разрушеніе и на краю самой улицы—грустную пустоту. Много и то мы потеряли памятниковъ, прежде нежели стали знать ихъ достоинство. Не возможно описать всѣхъ чувствованій, какія возбуждаетъ видъ всякой древности, ибо удовольствія въ нихъ сообразны натурѣ человѣческой. Близъ Роны, въ южной Франціи, чтобъ все сказать однимъ примѣромъ, еще стоятъ, и скоро 2000 лѣтъ, ворота Марію, на побѣду Кимвровъ поставленныя. Истина великой силы напечатлѣна въ Высочайшемъ повелѣніи Государя Императора о сохраненіи памятниковъ отечественныхъ. Сіи чувства здѣсь произвели желаніе просить начальство о сохраніи и возобновленіи воротъ, въ память вѣка ихъ, и если на то будетъ позволеніе, сдѣлать опытъ подписки въ городѣ и дворянствѣ на составленіе нужнаго капитала". Въ дополненіе къ этому письму, Тимковскій съ слѣдующей почтой выражалъ готовность принять на себя сборъ пожертвованій въ учебномъ вѣдомствѣ, и при этомъ добавлялъ: „Путешествіе Екатерины въ южныя области, гдѣ она край сей посѣтила, было такъ блистательно въ движеніи, такъ прославлено въ политическомъ мірѣ, что намъ пристойно сохранить память сію. Къ тому нахожу я и въ моемъ вѣдомствѣ непренебрегаемыя вліянія. Положеніе воротъ, составляющихъ группу съ гимназіею, и которыми проходить къ ней должно, сей видъ изящества, сіи историческія воззванія неописанно говорятъ учащимся о пріятности публичнаго вкуса и благоговѣніи къ національной славѣ. Да едвали не наукамъ и слѣдуетъ ближе—любить нравственныя красоты. Лишеніе такого предмета было бы для всѣхъ потерею, соболѣзнованія достойною". — Затѣмъ Тимковскій сталъ собирать пожертвованія; но такъ какъ жертвователи подписывали ничтожныя суммы, между тѣмъ какъ для возобновленія обветшавшихъ воротъ требовались значительныя деньги, то сборъ пожертвованій производился очень медленно и далеко не могъ доставить потребной суммы. Послѣ, когда Ладомирскій

сдѣлался почетнымъ попечителемъ новгородсѣверской гимназіи, то, узнавъ, объ изложенномъ, онъ пожелалъ отъ себя пожертвовать всю ту сумму, какой не доставало для возобновленія воротъ. Тогда ворота были возобновлены и, благодаря этому, сохранились до сихъ дней, на долго ли—не извѣстно. Лѣтъ около 15-ти тому назадъ, какъ намъ разсказывали, граждане города вновь возбуждали вопросъ объ уничтоженіи злосчастной „брамы", (все изъ за того, чтобъ не расходоваться на ремонтировку), но на этотъ разъ ихъ пристыдилъ начальникъ губерніи.

Не мало времени удѣлилъ Тимковскій заботамъ о построеніи новаго каменнаго зданія гимназіи. Старый деревянный домъ, принадлежавшій прежде главному народному училищу, обветшалъ и былъ тѣсенъ. Планъ постройки новаго дома былъ представленъ начальству еще предмѣстникомъ Тимковскаго Халанскимъ въ 1824 году. Послѣдовавшее затѣмъ въ 1828 г. преобразованіе гимназій изъ четырехклассныхъ въ семиклассныя сдѣлало этотъ планъ негоднымъ, а возрастаніе числа учащихся и образованіе параллельныхъ классовъ потребовало еще большаго расширенія предполагавшагося зданія. Между бумагами Тимковскаго сохранились цѣлыя кипы бумагъ, заключающія въ себѣ его планы, предположенія и разную переписку о предполагавшейся постройкѣ. Предварительно разрѣшенія вопроса о постройкѣ, онъ хотѣлъ округлить гимназическую усадьбу, для чего нужно было пріобрѣсть нѣкоторые сосѣдніе участки земли, что и было исполнено. Затѣмъ дальнѣйшее движеніе этого дѣла замедлилось вслѣдствіе возникшаго предположенія о перемѣщеніи новгородсѣверской гимназіи въ Нѣжинъ. Наконецъ, планъ, по которому построено существующее въ настоящее время зданіе гимназіи, былъ утвержденъ, и потребныя на постройку суммы ассигнованы только въ 1839 году, уже послѣ того, какъ Тимковскій, по окончаніи двадцатипятилѣтія службы его по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, вышелъ 21 октября 1838 г. въ отставку.

Покидая любимую гимназію, Тимковскій, какъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ М. К. Чалый, собралъ учениковъ, и сказалъ имъ прощальную рѣчь, слушая которую прежде

всѣхъ зарыдалъ инспекторъ гимназіи Г. И. Ивановскій, а затѣмъ расплакались ученики.

Въ бумагахъ Тимковскаго сохранилось очень много писемъ, изъ которыхъ видно, что бывшіе воспитанники его, точно также какъ и сослуживцы, сохраняли о немъ самыя благодарныя воспоминанія.

Вышедши въ отставку, Тимковскій поселился въ своей Турановкѣ уже безотлучно, посвящая свое время хозяйству и заботамъ о семьѣ. Только чрезъ десять лѣтъ послѣ выхода въ отставку онъ взялся за перо, чтобъ написать свои воспоминанія, къ чему его старался склонить М. А. Максимовичъ, разсказывающій по этому поводу въ вышеупомянутой нами замѣткѣ своей слѣдующее: „Я посѣтилъ его въ сентябрѣ 1849 г., по пути въ Москву. Десятилѣтнее пребываніе послѣ службы, среди сосновыхъ боровъ турановскихъ, возстановило и укрѣпило его силы тѣлесныя, а душа его съ годами яснѣла все болѣе. Заслушиваясь занимательныхъ разсказовъ его о нашей родной старинѣ и о событіяхъ великаго русскаго міра, въ переходѣ прошлаго вѣка въ нынѣшній,—я просилъ его приняться за записки... И еще въ Москвѣ, къ Свѣтлому празднику, я имѣлъ удовольствіе получить отъ него драгоцѣнную *писанку*—цѣлое сказаніе, за зиму написанное, которое потомъ и напечаталъ онъ подъ названіемъ: „*Мое опредѣленіе въ службу*“.

Одновремено съ М. А. Максимовичемъ, М. П. Погодинъ просилъ Тимковскаго написать воспоминанія объ И. И. Шуваловѣ (основателѣ московскаго университета), которыя были написаны и составили третью часть сочиненія, напечатаннаго подъ заглавіемъ: „Мое опредѣленіе въ службу“ и раздѣляющагося на три части или главы: 1, Переяславль,—2, Кіевъ и Москва,—и 3, Шуваловъ.

По поводу выраженнаго Максимовичемъ и Погодинымъ удовольствія, доставленнаго этимъ сочиненіемъ, Тимковскій 4 іюня 1850 г. писалъ Максимовичу: „сколько ты и Погодинъ довольны посланными моими комментаріями изъ моей жизни—вамъ принадлежитъ; я доволенъ буду тѣмъ, что нѣсколько моихъ крылатыхъ идей, какъ фениксъ, возродятся. Какъ пріятны

эти безконечныя возрожденія! Человѣкъ не существуетъ, если не видитъ себя внѣ себя; онъ любитъ себя въ своихъ твореніяхъ, въ дѣтяхъ и внукахъ. Чѣмъ обширнѣе и выше его дѣйствіе, тѣмъ сильнѣе и лучше чувствуетъ онъ свое бытіе. Можетъ быть, это самое составило и вину мою передъ тобою, что послѣ отправки къ тебѣ записокъ, залежавшійся для Василія [1]) экземпляръ я не утерпѣлъ сдѣлать нѣсколько полнѣе, особенно въ концѣ второй части. По тому же судить можешь, какъ бы я угодилъ самому себѣ, еслибъ досталось дать вамъ полнотою свое жизнеописаніе. Pia vota и вмѣстѣ однако pia desideria! Объективная внѣшность настоящаго налегаетъ на дни мои густымъ туманомъ, сквозь который рѣдко что вижу вдали свободно.

Послѣ упомянутыхъ воспоминаній, Тимковскій написалъ еще нѣсколько небольшихъ сочиненій, которыя всѣ были помѣщены въ Москвитянинѣ, а именно: 1) „Пять лѣтъ" (продолженіе воспоминаній, изъ другаго періода времени, напечатано уже послѣ смерти Тимковскаго, въ Москвитянинѣ 1855 г. № 6)—2) „Судья и парадоксы" (Тамъ же, № 8),—3) „О Даждьбогѣ" (не можемъ указать годъ и померъ),—4) „О состояніи пчеловодства въ черниговской губерніи" (Москвитянинъ 1853 г. № 19.

Въ іюлѣ 1852 г. М. А. Максимовичъ въ послѣдній разъ посѣтилъ Турановку, и въ упомянутой выше замѣткѣ своей, разсказавъ о томъ, что въ этотъ пріѣздъ Тимковскій читалъ ему свою статью о пчеловодствѣ, продолжаетъ далѣе: „Потомъ онъ повезъ меня на телѣжкѣ верстъ за семь, на конецъ своего бора, проложенною имъ дорогою, похвалиться своею новозаложенною пасѣкою. Тамъ на крестѣ, какіе ставятся во всѣхъ малороссійскихъ пасѣкахъ, прочелъ я годъ и день основанія—1852 г. 21 мая, а подъ ними начальный стихъ Виргиліевой Георгики о пчеловодствѣ: „ Aërei mellis coelestia dona". Такъ у него во всемъ—проза сельскаго хозяйства принимала видъ классической буколики. Да и въ немъ самомъ нельзя было довольно налюбоваться художественнымъ сочетаніемъ многосто-

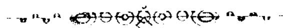
---

[1]) Сынъ И. Ѳ. Тимковскаго Василій Ильичъ, о которомъ мы упоминали выше.

ронняго, основательнаго знанія и строгаго во всемъ систематизма, съ живою, теплою любовью къ поэзіи всѣхъ вѣковъ и народовъ... Его любимецъ Овидій не мѣшалъ ему восхищаться Гоголемъ; Гердера и Шиллера онъ столько же помнилъ, какъ и Виргилія съ Гораціемъ. Водворясь въ Сѣверіи, онъ сорокъ лѣтъ не видалъ родной Украины и не сбирался ее увидѣть. Но въ 1852 году онъ говорилъ со мною объ нашей родинѣ уже съ примѣтною грустію, и въ день отъѣзда моего далъ мнѣ для памяти двѣ записочки. Въ одной изъ нихъ прочелъ я слѣдующія строки: „Неотдѣлимо въ умѣ и сердцѣ у меня, что я родился и возросъ на южной полосѣ Малороссіи, у благодатныхъ береговъ Днѣпра; живу на сѣверномъ краю ея и чувствую гнетущія стужи отъ Сѣвска. Стихійно приходитъ часто на мысль увидѣть Кіевъ, Каневъ, Черкасы и родину, небо и землю моихъ предковъ. Но будетъ ли такъ расположено нынѣшнее владѣніе Згарью, чтобъ я могъ тамъ хоть недѣлю времени подышать свободно. 1852. Авг. 17. Jte meae quondam felix pecus, ite capellae!“ Въ этомъ неожиданномъ вопросѣ 80-лѣтняго старика, и въ самомъ стихѣ Виргиліевой буколики, вызванномъ игрою словъ, послышалось мнѣ грустное предвѣстіе...“

Въ слѣдующую зиму Тимковскаго уже не стало: онъ умеръ 15 февраля 1853 г. и похороненъ въ Турановской церкви, построенной генеральнымъ судьею Алексѣемъ Туранскимъ въ 1714 году.

Н. Шугуровъ.



ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

XI.

Хрусциковскій.—Бѣгство Тадеуша Валевскаго.—Вступленіе на Волынь ген. Дверницкаго и его отступленіе.—Холера.—Возстаніе на Украинѣ.—Подольское возстаніе ген. Колыско.—Крестьяне въ Гальчинцѣ; выходъ изъ дому.—Бердичевское возстаніе.

Послѣ контрактовъ всѣ возвратились домой и по прежнему пребывали въ невѣдѣніи и ожиданіи, какъ вдругъ съ первымъ таяніемъ снѣговъ пронеслась по Волыни вѣсть, что сюда прибылъ маіоръ Хрусциковскій, первый и, можетъ быть, единственный агентъ, присланный изъ царства польскаго и, какъ увѣряли, уполномоченный ржондомъ. О немъ много слышали, говорили, но нельзя было никого найти, кто бы его видѣлъ, разговаривалъ съ нимъ и могъ бы сказать—человѣкъ это или миѳическое существо. Насъ увѣряли, что Тадеушъ Валевскій увезъ его въ Мизочь и будто бы тамъ, въ старинномъ погребѣ покойнаго генерала Карвицкаго, они разсуждаютъ о добрыхъ старыхъ временахъ Польши, когда тамъ водилось еще такое токайское, какого не пили ни Гогенцоллерны, ни Габсбурги, ни саксонцы.

О Хрусциковскомъ все еще говорили, какъ о какомъ то волкодлакѣ, когда пришли вѣсти о сраженіи подъ Гроховомъ, о богатырѣ Скржинецкомъ, а Игнатій Струмилло сталъ вездѣ

---

[1]) См. „Кіевск. „Стар. 1891 г., № 9.

разсказывать, что будетъ царствовать Янъ IV, который будетъ еще разумнѣе Третьяго, потому что четыре это не три, и приводилъ доказательства этому изъ карточной игры. Но лучше всего въ этихъ извѣстіяхъ было то, что Хлопицкій вернулся къ зеленому столику и не будетъ болѣе мѣшаться въ военныя дѣла. Въ юго-западномъ краѣ вполнѣ вѣрили этимъ извѣстіямъ; но въ то время, когда они были получены, Хрусциковскій куда то исчезъ и о немъ не было и слуха, а когда пришла вѣсть о побѣдахъ генерала Дверницкаго подъ Стоцкомъ и когда стали утверждать, что Дверницкій двигается на Волынь, то исчезъ и Тадеушъ Валевскій, и Волынь осталась безъ начальника, даже номинальнаго.

Говорятъ, что, узнавъ изъ достовѣрныхъ источниковъ о движеніи Дверницкаго на Волынь и о томъ, что возстаніе должно вспыхнуть, Валевскій такъ перепугался, что не могъ ни ѣсть, ни спать и на всѣ вопросы окружающихъ отвѣчалъ: „Оставьте меня въ покоѣ! Что я буду дѣлать съ этимъ начальствованіемъ, если я ничего не понимаю, не знаю, что мнѣ слѣдуетъ предпринять. Наконецъ, я не хочу быть начальникомъ и не буду: у меня слабые нервы, такъ меня воспитали, что же мнѣ теперь дѣлать? Я здѣсь нисколько не виноватъ!“

Все это были аргументы очень убѣдительные, даже логичные, но только надо было ихъ взвѣсить и изложить раньше принятія на себя званія начальника. Были и такіе господа, которые хотѣли свалить всю вину на Піотровскихъ, говоря, что они изъ личныхъ разсчетовъ нарядили такого зайца въ львиную кожу, какъ будтобы эта кожа могла вдохнуть львиную отвагу въ заячье сердце. Я очень мало зналъ Тадеуша Валевскаго, встрѣчалъ его нѣсколько разъ въ обществѣ, но отъ него на меня такъ и вѣяло духомъ легкомыслія и фанфаронства въ разговорѣ, обхожденіи и во всякомъ поступкѣ, и я просилъ Яна Омецинскаго не знакомить меня съ нимъ, а когда все таки принужденъ былъ познакомиться, то меня болѣе всего поражало то, что лучшіе представители нашей молодежи окружали его ореоломъ твердости и что такая женщина и патріотка, какъ Анна Карвицкая, выбрала его себѣ въ мужья.

Викентій Тышкевичъ не пошелъ путемъ Валевскаго, а занялся, какъ могъ, организаціей приготовленій. Ни у него, ни у его замѣстителей и помощниковъ не было недостатка въ усердіи и добрыхъ намѣреніяхъ. Не имѣя возможности ни розыскать Хрусциковскаго, ни сговориться съ Валевскимъ, котораго уже не было на Волыни, онъ послалъ Іосифа Томашевскаго прямо къ генералу Дверницкому.

Только теперь русское правительство стало болѣе обращать вниманія на помѣщиковъ; правда, не было ни преслѣдованій, ни притѣсненій, но полиція слѣдила за всѣми движеніями поляковъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были произведены аресты, но столь мало значащіе, что не знали, приписывать ли ихъ политическимъ причинамъ, или нарушеніямъ карантинныхъ правилъ, такъ какъ холера уже появилась и сильно свирѣпствовала.

При такихъ обстоятельствахъ Іосифъ Томашевскій съѣздилъ къ Дверницкому и возвратился отъ него вмѣстѣ съ молодымъ Моржковскимъ, который находился при генералѣ Дверницкомъ со времени его перехода черезъ Бугъ до перехода черезъ галицкую границу.

Дверницкій перешелъ Бугъ во главѣ десяти эскадроновъ конныхъ егерей, восьми эскадроновъ уланъ и двухъ эскадроновъ кракусовъ Костюшки и Понятовскаго, 4 батальоновъ пѣхоты, подъ командой Петра Высоцкаго, того самаго, которому приписывали нападеніе на бельведерскій дворецъ и начало всего возстанія, и 6 артиллерійскихъ орудій. Кавалерія Дверницкаго была лучшей въ свѣтѣ: она состояла изъ отставныхъ солдатъ, вновь призванныхъ на службу, изъ которыхъ были сформированы 5-й и 6-й эскадроны каждаго полка и которымъ были даны отборныя лошади. Офицеры также были избраны самые лучшіе. Эта кавалерія представляла боевую силу въ 3,000 человѣкъ. Съ ней можно было пройти вдоль и поперегъ весь свѣтъ, нужна была только добрая воля, а въ военныхъ талантахъ у Дверницкаго не было недостатка. Едва онъ перешелъ Бугъ, какъ напалъ на каргопольскихъ драгунъ генерала Эмме и разбилъ ихъ; здѣсь то и перешелъ къ полякамъ штабъ-ротмистръ Познякъ, бѣло-

руссъ по происхожденію, сообщившій Дверницкому весьма важныя данныя о передвиженіяхъ и расположеніи русскихъ войскъ.

Тотчасъ послѣ порыцкой побѣды пріѣхалъ въ польскій лагерь молодой Моржковскій съ достовѣрными донесеніями Дверницкому о томъ, что генералъ Рюдигеръ стягиваетъ свои войска къ Дубну, но отдѣльные отряды такъ разсѣяны, что, по мнѣнію знатоковъ военнаго дѣла, требуется по крайней мѣрѣ 8 дней, чтобы ихъ сконцентрировать, что возстаніе Олизара уже подготовлено въ лѣсахъ ковельскихъ и ждутъ только приказа генерала собираться во Владиміръ.

Моржковскій привезъ также Дверницкому проектъ, выработанный Нарцизомъ Олизаромъ и его такъ называемыми „сибаритами", который состоялъ въ томъ, чтобы генералъ двинулся въ ковельскіе лѣса, гдѣ его войско усилится новыми повстанцами и гдѣ онъ найдетъ все нужное для прокормленія и содержанія войска, а, перейдя оттуда черезъ пинскія болота, онъ будетъ имѣть открытый путь для дѣйствій на Украинѣ чрезъ лѣса овручскіе и радомысльскіе и на Подоліи чрезъ лѣса житомірскіе и звягельскіе, что въ такомъ случаѣ въ лѣсахъ организуются серьезныя возстанія, а для Украины и Подоліи будетъ сборный пунктъ; что генералъ будетъ имѣть возможность собрать тамъ стотысячное войско и дѣйствовать оттуда, какъ изъ укрѣпленнаго лагеря. Этотъ проектъ, который по внимательномъ разсмотрѣніи оказывался довольно практичнымъ, былъ выработанъ или самимъ Олизаромъ, или Феликсомъ Тржецякомъ, альфой и омегой стратегическихъ плановъ котораго были дѣйствія надъ Припетью, въ мозырскихъ и овручскихъ пущахъ; онъ утверждалъ, что только тамъ небольшое войско можетъ противостоять сильнѣйшему непріятелю и организоваться само въ многочисленную армію, обучить своихъ солдатъ и запастись всякими припасами, не заботясь о противникахъ. Островки на болотахъ, обильные нивами и сѣнокосами, доступъ къ которымъ можетъ быть прегражденъ вынутіемъ нѣсколькихъ бревенъ изъ плотинъ на этихъ болотахъ представляютъ естественные бастіоны и крѣпости, а весь лѣсъ—укрѣпленный лагерь. Кто бы ни былъ авторомъ этого проекта, но онъ во всякомъ случаѣ

служитъ доказательствомъ, что Нарцизъ Олизаръ со своимъ сибаритствомъ стоилъ въ сто разъ болѣе, чѣмъ Тадеушъ Валевскій со своей солидностью.

Зная военныя дарованія генерала Дверницкаго, нельзя допустить, чтобы онъ не понялъ всей важности и практичности этого проекта. Но, къ несчастью, въ военной кассѣ генерала было, какъ намъ передавали, такъ же пусто, какъ и въ его личной, а генералъ не хотѣлъ сознаться въ этомъ и покаяться, что совершилъ грѣхъ, растративъ общественныя деньги еще прежде, чѣмъ дошелъ до Буга, давно уже возилъ съ собою пустые сундуки, выкрашенные въ зеленый цвѣтъ, цвѣтъ надежды, что они снова наполнятся, и держался надменно, забывая то, что не столько виноватъ тотъ, кто совершилъ проступокъ, чѣмъ тотъ, кто не хочетъ сознаться въ своемъ проступкѣ, потому что впадаетъ въ новый грѣхъ.

Михаилъ Чацкій, назначенный, но не вступившій въ исполеніе своихъ обязанностей, начальникъ двухъ повѣтовъ—дубенскаго и кременецкаго, собралъ нѣсколько десятковъ помѣщиковъ, болѣе привычныхъ къ выпивкѣ, чѣмъ къ военному дѣлу, и пригласилъ Дверницкаго въ Боремль. Генералъ, помня старинную польскую пословицу, что гость, какъ свѣжая рыба, три дня хорошъ, а потомъ протухаетъ, рѣшилъ прогостить три дня въ Боремлѣ, и несмотря на постоянныя донесенія, что русскія войска стягиваются и что, двинувшись впередъ, онъ могъ бы разбить каждый отрядъ отдѣльно одинъ за другимъ, остался на мѣстѣ и вслѣдствіе этого былъ вытѣсненъ изъ Боремля, а потомъ и изъ Волыни. Да и какъ было не остаться, когда тамъ такъ хорошо кормили!

Два дня прошли спокойно, ѣли и пили въ замкѣ, какъ у Бога за пазухой, но на третій день пѣхота Петра Высоцкаго была отброшена съ праваго на лѣвый берегъ Стыри, а русская артиллерія открыла такой огонь, что ядра стали попадать въ замокъ въ то время, когда гости собирались вставать изъ за стола.

Польскіе кавалеристы вскочили на коней; Дверницкій сталъ во главѣ ихъ. Не было уже ни времени, ни мѣста строиться

въ боевой порядокъ или дѣлать маневры въ обходъ непріятеля, потому что русскіе наступали все сильнѣе и сильнѣе. Дверницкій водилъ въ атаку дивизіонъ за дивизіономъ, опрокинулъ драгунъ и гусаръ, но не могъ сломить оранскихъ гусаръ; онъ перемѣнилъ шесть лошадей и до поздней ночи сдерживалъ напоръ русскихъ и разстраивалъ ихъ ряды. Когда наступила ночь и его никто уже не преслѣдовалъ, онъ спокойно отступилъ къ Почаеву.

Быстрыми переходами двинулся Дверницкій со своей храброй конницей въ Галицію, хотя никто, даже донцы генерала Рюдигера, не гнался за нимъ, и измученные польскіе солдаты, заѣзжая во встрѣчавшіеся дворы, чтобы утолить голодъ и отдохнуть, не были никѣмъ безпокоимы, развѣ только какой нибудь шляхтичъ, боясь, чтобы они не уничтожили всѣхъ его напитковъ, шепнетъ имъ на ухо, что ему дали знать о приближеніи донцовъ, а за ними огромнаго войска, вѣроятно имѣющаго цѣлью отрѣзать ихъ отъ границы.

Разъ-два удалось такимъ образомъ выпроводить гостей, но потомъ повстанцы въ отвѣтъ на подобныя сообщенія только покручивали усы и говорили:

— Пускай идутъ! А ну-ка, хозяинъ, давай намъ вина да водки; вотъ увидишь, какъ мы имъ зададимъ!

Шляхтичъ попадалъ въ свою собственную западню и долженъ былъ дѣлать довольный видъ; чтобы не проститься со своей чуприной.

Это отступленіе въ Галицію походило на масляничное катанье и потому не вызывало неудовольствія, и самого генерала, по польскому обыкновенію, ни въ чемъ не обвиняли. Некогда было—такъ уже спѣшили! Не остановились даже въ Почаевѣ поклониться святынѣ, хотя польскій солдатъ и очень набоженъ.

Генералу Дверницкому было очень прискорбно, что армія генерала Рюдигера его не преслѣдовала; онъ боялся, чтобы ему не сказали: „у страха глаза велики, ты бѣжалъ, когда за тобой никто не гнался; такъ вѣдь и заяцъ не дѣлаетъ“. Но, какъ самъ Дверницкій говорилъ, Богъ покровительствовалъ ему и всегда посылалъ то, на что онъ и не надѣялся. Такъ случилось

и теперь. Генералъ Ротъ двигался съ цѣлымъ корпусомъ изъ Подоліи. Уже изъ Сабинецъ, гдѣ генералъ въ послѣдній разъ завтракалъ на волынской землѣ у Эдуарда Петриковскаго, можно было видѣть отряды козаковъ и уланъ генерала Рота, а за ними пѣхоту и артиллерію.

Дверницкій вскочилъ на коня и построилъ свое войско, растянувъ его длинной линіей вдоль границы, а зеленые ящики съ кассой выставилъ, какъ будто артиллерійскій паркъ, на лѣвомъ крылѣ, за мосткомъ и плотиной, на мысѣ между болотами; мостикъ онъ велѣлъ сорвать и плотину испортить, чтобы русскіе не зашли въ тылъ кассѣ.

Дверницкій велѣлъ открыть огонь изъ орудій, чтобы принудить Рота къ отвѣту и наступленію, которое заставило бы поляковъ перейти австрійскую границу. Но ген. Ротъ и не отстрѣливался изъ пушекъ и не двигался впередъ къ австрійской границѣ, а какъ будто нарочно оставался на волынской территоріи. Русское войско отдыхало, а разъѣзды были посланы во всѣ стороны.

Дверницкій былъ не спокоенъ и все разъѣзжалъ предъ фронтомъ войска, вполнѣ готоваго къ сраженію. Іосифъ Томашевскій и молодой Моржковскій были при немъ. Генералъ замѣтилъ, что русскіе слѣпы, ничего не видятъ, что они дѣлаютъ глупости, такъ какъ оставляютъ въ покоѣ кассу, не интересуясь даже узнать, что это такое. Потомъ онъ переговорилъ отдѣльно съ Эдуардомъ Петриковскимъ и тотъ отъѣхалъ съ нѣсколькими слугами. Спустя съ полчаса увидѣли кучку донцовъ, бѣгущихъ къ ящикамъ съ кассой. Дверникцій смотрѣлъ въ ту сторону, не спуская глазъ, и не могъ скрыть своей радости.

— Слава Богу! Честь спасена!

Онъ повернулъ коня, и увидѣвъ русскіе разъѣзды, направлявшіеся къ правому крылу, указалъ на нихъ, посовѣтовался съ окружающими и наконецъ сказалъ:

— Ясно, что насъ обходятъ и хотятъ вступить въ Галицію, а тутъ еще мнѣ доносятъ, что Рюдигеръ двигается на насъ со всей арміей. Но надо рано вставать, чтобы застать насъ врасплохъ!

Затѣмъ онъ приказалъ отступить на австрійскую территорію, а венгерскіе гусары заняли границу и такъ окончилась волынская экспедиція Дверницкаго.

Уже въ Галиціи Іосифъ Томашевскій спросилъ генерала, какія приказанія передастъ онъ чрезъ него на Украину и Подолію, и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

— Пускай возстаютъ, пускай сражаются. Вотъ только бы мнѣ раздѣлаться съ австрійцами, а тамъ я, Богъ дастъ, перейду со всѣмъ своимъ войскомъ въ Подолію, около Каменца. Я не буду терять времени и вы не теряйте!

Съ такимъ отвѣтомъ и уѣхалъ Іосифъ Томашевскій.

Нельзя было сдѣлать больше и важнѣе ошибокъ военныхъ и политическихъ, чѣмъ сдѣлалъ Дверницкій: онъ указалъ путь *бѣгства за границу* и, если такъ можно выразиться, пренебреженія обязанностію защищать отечество. За это онъ долженъ быть сурово осужденъ и какъ человѣкъ, и какъ общественный дѣятель. Что онъ заслужилъ, то и должно быть ему воздано ради примѣра.

Дверницкій безъ сомнѣнія былъ самымъ способнымъ и самымъ счастливымъ изъ польскихъ генераловъ и доказалъ это дѣлами, а не хвастовствомъ, фантастическими проектами или осужденіемъ и порицаніемъ другихъ. Онъ былъ, можетъ быть, однимъ изъ самыхъ выдающихся людей своего времени: хорошо образованный, начитанный, онъ умѣлъ прикидываться передъ простаками и самъ простакомъ, чтобы не задѣть ихъ самолюбія и свойственнаго глупымъ людямъ желанія водить всѣхъ за носъ. Онъ могъ властвовать надъ поляками и направлять ихъ куда хотѣлъ и какъ хотѣлъ. Онъ съумѣлъ шутя достигнуть высшихъ военныхъ чиновъ, но въ концѣ концовъ все прошутилъ: и славу, и знанія и, что важнѣе всего, дѣло своей родины.

Для тѣхъ, которые были при Дверницкомъ, не было тайной, что онъ растратилъ деньги, данныя на волынскую экспедицію, въ Люблинѣ, Красноставѣ и Любартовѣ, прежде чѣмъ дошелъ до Буга, и не найдя у Михаила Чацкаго волынской кассы, которой и не существовало, притомъ зная, что въ

лѣсахъ не будетъ недостатка ни въ людяхъ, ни въ припасахъ для продовольствія и снаряженія, но не найдется денегъ, о сборѣ которыхъ не было и рѣчи, и слыша, что на Украинѣ и въ Подоліи наложена и собирается подать (какъ и всегда, слухи преувеличивали суммы, говорили чуть не о милліардѣ), онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе добраться до этихъ денегъ, чтобы кто нибудь другой не успѣлъ захватить ихъ въ свои руки. Дорога черезъ лѣса была длинной и медленой: надо было сражаться и формировать войско, и кто знаетъ сколько бы времени это заняло, и вотъ Дверницкій избралъ путь чрезъ Почаевъ и Галицію. Можетъ быть, генералъ и разсчитывалъ уладиться съ княземъ Меттернихомъ такъ же, какъ съ генераломъ Курутой и Рожницкимъ. Побуждаемый желаніемъ овладѣть деньгами, онъ сдѣлалъ большую, непростительную военную ошибку, причемъ здѣсь играло роль и желаніе скрыть фактъ растраты общественныхъ денегъ, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ оставленіе непріятелю ящиковъ съ кассой и, въ вѣрности чего насъ торжественно увѣряли, посылка нарочнаго въ Сулинцы съ цѣлью направить донцовъ на покинутые ящики. Лучше открыто сказать правду, чѣмъ скрывать истину, извращеніе которой, вслѣдствіе причинъ политическихъ или софизма „de mortuis aut bene aut nihil“, произвело то, что мы не знаемъ въ истинномъ видѣ ни нашей исторіи, ни нашихъ преданій. Когда приходится дѣйствовать, мы, не зная своего прошлаго, ищемъ его ощупью, играемъ въ жмурки, и или поймаемъ кого нибудь или, что чаще случается, сами съ завязанными глазами, бываемъ выталкиваемы за дверь. Вслѣдствіе нашего невѣжества мы остаемся неисправимыми.

У меня болѣе чѣмъ у кого либо лежитъ сердце къ рыцарскому образу Дверницкаго, который болѣе всѣхъ нашихъ генераловъ напоминалъ Стефана Чарнецкаго и Конашевича-Сагайдачнаго; онъ одинъ изъ всѣхъ генераловъ являлся мужественнымъ вождемъ; онъ превосходно командовалъ тысячами, но и во главѣ сотенъ или даже десятковъ готовъ былъ броситься въ битву. Какъ же не любить такого полководца, но какъ и не оплакивать того зла, которое онъ причинилъ!

Послѣ несчастнаго исхода возстанія, ему простили его грѣхи, окружили его ореоломъ популярности и снова допустили его водить себя за носъ, а онъ все грѣшилъ да грѣшилъ и умеръ, надѣлавъ рядъ политическихъ ошибокъ. А еслибы съ нимъ обошлись иначе, быть можетъ, онъ и опомнился бы и дѣло приняло бы лучшій оборотъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БАКОТСКІЙ СКАЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ.

(Объясненіе къ рисункамъ).

Въ Ушицкомъ уѣздѣ Подольской губерніи, между мѣстечкомъ Студеницею и городомъ Старою Ушицею, на живописномъ берегу Днѣстра расположено небольшое село Бакота.

Населеніе это въ давнее княжеское время было значительнымъ городомъ, составлявшимъ политическій центръ если не всей Подольской земли, то по крайней мѣрѣ той западной ея части, которую лѣтописи называютъ галицкимъ „Понизьемъ". Имя Бакоты упоминается въ Ипатской лѣтописи первый разъ въ 1240 году и, затѣмъ, лѣтописныя и документальныя свѣдѣнія даютъ намъ возможность слѣдить за судьбою этого города до самаго его разоренія въ 1430 или 1431 году.

Первое упоминаніе лѣтописи о Бакотѣ указываетъ уже на этотъ городъ, какъ на центръ Понизія; разсказывая въ 1240 г. о попыткѣ галицкихъ бояръ отторгнуть разныя области галицкаго княжества, лѣтопись передаетъ, что бояринъ Доброславъ „вокняжился бѣ, и грабяше всю землю, и вошелъ въ Бакоту, все Понизье прія безъ княжа повеленія".—Много заботъ стоило Даніилу Романовичу удаленіе этого боярина, но уже въ слѣдующемъ году (1241) спокойствіе Понизья было вновь нарушено: Бакоту осадилъ претендентъ на галицкій столъ кн. Ростиславъ Михайловичъ Черниговскій съ союзниками своими князьями Болоховскими. Только вслѣдствіе энергическаго похода Ро-

мановичей на Болоховскую землю и благодаря „мудрости и крѣпости“ посланнаго Даніиломъ въ Бакоту печатника Кирилла, городъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все Понизіе были удержаны галицкимъ княземъ. Отбивши Ростислава, Даніилъ Романовичъ отправился лично въ Бакоту „хотя уставити землю“.

Но порядокъ, установленный имъ, оказался не прочнымъ; въ 1255 году „пріѣхаше татаре къ Бакотѣ“, и представитель мѣстнаго населенія, нѣкто Милѣй, „приложися къ нимъ“.— Вскорѣ послѣ того Левъ Даниловичъ арестовалъ, по приказанію отца, Милѣя и принятого имъ татарскаго баскака: но Даніилъ, „сдумавъ съ сыномъ“ отпустилъ Милѣя обратно въ Бакоту, взявъ съ него клятву въ вѣрности; клятва эта оказалась не дѣйствительною: Милѣй при вторичномъ приходѣ татаръ „створи лесть и предасть паки татарамъ Бакоту“.

Съ этого времени связь Понизья съ галицкимъ княжествомъ прерывается и область эта находится въ непосредственной зависимости отъ татаръ въ теченіи цѣлаго столѣтія.—О судьбѣ этого края подъ властью татаръ лѣтописи умалчиваютъ; изъ текста древнѣйшей литовско-русской лѣтописи мы знаемъ только, что страна пользовалась значительною долею автономіи въ внутреннемъ своемъ управленіи. Татаре потребовали только, чтобы укрѣпленія городовъ были срыты; въ Подоліи не существовало, вслѣдствіе того, ни одного города „ни деревомъ рубленого, ни каменемъ будованого“, затѣмъ жители обложены были въ пользу татаръ данью, за полученіемъ которой пріѣзжали изъ ордъ баскаки; но сборомъ дани завѣдывали представители мѣстныхъ общинъ „атаманы“, которые и были единственными извѣстными намъ органами управленія края.

Послѣ побѣды, одержанной въ 1362 г. на берегахъ Синей воды В. К. Ольгердомъ надъ тремя татарскими ханами, носившими титулъ „отчичей и дѣдичей подольской земли“, Подоліе вошло въ составъ В. К. Литовскаго и было отдано Ольгердомъ въ ленъ его племянникамъ князьямъ Коріатовичамъ. Послѣдніе занялись устройствомъ и укрѣпленіемъ страны, „вошли въ пріязнь со атаманы, почали боронити Подольскую землю

отъ татаръ“. Съ этою цѣлью они стали вновь строить укрѣпленные замки и возстановлять древніе княжескіе города. Они основали Смотричъ, Каменецъ и возобновили укрѣпленія Бакоты; въ городѣ этомъ они застали въ скалѣ пещерный монастырь, „гдѣ были чернцы въ горѣ“—по словамъ лѣтописи,—„въ томъ мѣстѣ нарядили городъ Бакоту“. Западное Подоліе было раздѣлено Коріатовичами на пять административныхъ округовъ, во главѣ которыхъ стояли возведенные ими замки: Каменецъ, Смотричъ, Скала, Червоноградъ и Бакота; значеніе центральнаго города Подоліи переходитъ теперь къ вновь основанному Каменцу, пользовавшемуся репутаціею неприступной крѣпости, и Бакота отходитъ на второй планъ въ качествѣ столицы одного изъ Подольскихъ повѣтовъ. Повѣтомъ этимъ управляли назначаемые князьями старосты, и имя одного изъ бакотскихъ намѣстниковъ—Немиры,—сохранилось въ двухъ дошедшихъ до насъ документахъ (1388—1392).

Въ 1393 г. В. К. Витовтъ, преслѣдуя свою завѣтную мысль устраненія удѣльныхъ князей, отнялъ Подоліе у Ѳедора Коріатовича, но не имѣлъ возможности удержать его за собою; онъ долженъ былъ вслѣдствіе домогательствъ польскаго короля Владислава Ягайла уступить ему пять западныхъ подольскихъ повѣтовъ, въ томъ числѣ и Бакоту, за сумму 26,000 копъ; король-же, два года спустя, передалъ ихъ въ ленъ одному изъ польскихъ вельможъ, воеводѣ Краковскому Спытку изъ Мельштина, взыскавъ съ него уплаченную Витовту сумму.—Спытко погибъ въ несчастной битвѣ на берегахъ Ворсклы въ 1399 году, и король выкупилъ у его вдовы Подоліе, возвративъ ей уплаченную мужемъ ея сумму, и передалъ область въ ленъ брату своему Свидригайлу; но вскорѣ, вслѣдствіе измѣны Свидригайла, ленъ былъ у него отнятъ, и въ 1410 году Ягайло возвратилъ Подоліе Витовту, уплатившему за то 40,000 копъ грошей. Въ теченіе 20 лѣтъ послѣ того всѣ Подольскіе замки находились во владѣніи Витовта. Только послѣ кончины этого великаго князя поляки вновь предъявили свои притязанія на Подоліе и хитростью завладѣли Каменецкимъ замкомъ. Между Ягайломъ

и преемникомъ Витовта Свидригайломъ вспыхнула война за обладаніе Подоліемъ; четыре западные повѣта области были захвачены и удержаны поляками, Брацлавъ съ восточною половиною Подолія остался во власти литовцевъ; Бакотскій повѣтъ, лежавшій почти на рубежѣ обѣихъ территорій, былъ театромъ самой упорной борьбы; между тѣмъ какъ поселившаяся въ немъ польская шляхта признала надъ собою власть польскаго короля, крестьянское населеніе тянуло къ Литвѣ и старалось избавиться отъ иноземнаго дворянства. Среди борьбы замокъ Бакотскій былъ разрушенъ; вѣроятно въ это время разоренъ былъ и городъ, такъ-какъ съ того времени прекращаются всякія о немъ упоминанія. Послѣдній документъ, въ которомъ упоминается имя Бакоты, какъ города, это актъ перемирія, заключеннаго между королемъ Ягайломъ и Свидригайломъ въ 1431 году. Въ документѣ этомъ сказано между прочимъ, что обѣ стороны обязываются до окончанія срока перемирія не возстановять и не починять разрушеннаго Бакотскаго замка. Вслѣдъ затѣмъ (1434 г.), Бакотскій повѣтъ вошелъ въ составъ той части Подолія, которая была окончательно присоединена къ Польшѣ. Не только городъ и замокъ не были возстановлены, но и повѣтъ Бакотскій, при новомъ административномъ дѣленіи области перестатъ существовать, и територія его вошла въ составъ каменецкаго повѣта. Въ началѣ XVI столѣтія мы уже встрѣчаемъ въ документахъ Бакоту въ качествѣ ничтожнаго сельскаго поселенія: въ 1530 году въ немъ было только 3 дома, а подъ конецъ того же столѣтія, въ 1583 году, въ Бакотѣ люстрація отмѣчаетъ 6 крестьянскихъ домовъ, которыми владѣли 5 помѣщиковъ—шляхтичей.

Немного памятниковъ осталось въ нынѣшней Бакотѣ отъ ея блестящаго, но отдаленнаго прошлаго: лишь лежащее въ двухъ верстахъ отъ нея село Теремцы напоминаетъ названіемъ своимъ древнерусскую старину, да въ самой Бакотѣ крутая гора „Билая“, возвышающаяся на 74 сажени надъ уровнемъ Днѣстра, вмѣстѣ съ прилегающею къ ея подошвѣ небольшою прибрежною полосою, сохранила названіе „*Монастырища*“. Слѣды бывшаго

скальнаго монастыря до недавняго времени замѣтны были только на самой вершинѣ горы, представляющей отвѣсную скалу третичнаго известняка: въ ней сохранился корридоръ, спускающійся въ скалу въ видѣ двухъ оборотовъ громадной улитки. Нижній конецъ корридора выходитъ на поверхность отвѣсной скалы — очевидно продолженіе его не сохранилось, вслѣдствіе того, что скала въ которой оно было выковано, откололась и упала внизъ. Въ стѣнахъ уцѣлѣвшей части корридора сохранились только двѣ небольшія, выкованныя келіи, и въ одной изъ нихъ,— небольшая ниша, служившая лежанкою.

За исключеніемъ верхней, отвѣсной, скалы, остальная часть ея до самаго подножія была покрыта весьма круто спускавшимся къ рѣкѣ слоемъ щебня, перемѣшаннаго съ землею и крупными обломками камней; слой этотъ образовался отъ обваловъ весьма рыхлой, легко вывѣтривающейся и осыпающейся известковой скалы. Въ прошломъ году крестьяне бакотскіе, руководясь частью благочестивымъ желаніемъ открыть древній монастырь, частью увлеченные фантастическими легендами о хранящихся въ горѣ кладахъ, принялись сбрасывать мусоръ и щебень, покрывающій склоны горы. Почти на половинѣ ея высоты они встрѣтили на обнаженной скальной стѣнѣ рядъ выкованныхъ нишъ, затѣмъ расчистили у подножія скалы площадку и нашли входъ въ обширную пещеру. Дальнѣйшія раскопки крестьянъ были пріостановлены и продолжались въ іюлѣ текущаго года уже по иниціативѣ Императорской археологической коммиссіи. Раскопки обнаружили цѣлый нижній этажъ скальнаго монастыря, составлявшій монастырскую усыпальницу; этажъ этотъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: у подножія скалы простирается расчищенная площадка въ нѣсколько саженъ шириною, полъ которой состоитъ изъ той-же известковой скалы. На отвѣсныхъ каменныхъ стѣнахъ видѣнъ сначала цѣлый рядъ углубленныхъ внутрь скалы продолговатыхъ нишъ, въ которыя

вдвигались покойники, затѣмъ у одного изъ такихъ углубленій на скалѣ выкована надпись:

ГН

поз грнгорни оуздаиглъ мѣсто се Ц

блгвн хъ грнгорьга чес

ігумена давъша п

го сниу стмумихалу

кб в во

бм

Далѣе находится входъ въ пещеру, открытую крестьянами; нѣсколько саженъ лѣвѣе—другая пещера, затѣмъ обширная арка, передняя часть которой обрушилась, но по серединѣ ея остался большой камень, съ равною на верхней его поверхности площадкою; еще далѣе—входъ въ третью пещеру. На поверхности самой площадки въ разныхъ мѣстахъ ея выкованы были въ ея скальномъ грунтѣ 5 гробницъ въ видѣ прямоугольныхъ ящиковъ. Всѣ три пещеры состоятъ изъ широкихъ корридоровъ, сажня въ $1^1/_2$ высотою. Въ стѣнахъ корридоровъ выкованы продолговатыя ниши или лежанки, величиною въ человѣческій ростъ, напоминающія совершенно такія-же ниши въ римскихъ катакомбахъ; на полу корридоровъ—прямоугольныя гробницы въ видѣ ящиковъ, подобныя тѣмъ, которыя сохранились и на площадкѣ передъ входомъ въ пещеры. Всѣхъ нишъ въ стѣнахъ трехъ пещеръ находится 17, гробницъ въ полу 19. Вѣроятно во время существованія монастыря, надъ входами въ пещеры спускался выкованный изъ той-же скалы каменный

сводъ; основанія двухъ большихъ устоевъ, поддерживавшихъ этотъ сводъ, сохранились понынѣ.—Впослѣдствіи этотъ сводъ обрушился вслѣдствіе паденія скалъ, отколовшихся отъ верхней части горы, надавившихъ сверху громадною тяжестью, загромоздившихъ всю площадку и закрывшихъ входы въ самыя пещеры. Расчищая площадку, пришлось скатывать внизъ громадныя каменныя глыбы и сбрасывать массу щебня и мусору. Въ нижнихъ слояхъ его, противъ того мѣста, гдѣ уцѣлѣла половина арки, на самомъ днѣ обвала лежали каменныя глыбы, нижняя поверхность которыхъ, тщательно выглаженная и на нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ обломкахъ представлявшая ясные слѣды правильной кривизны (вѣроятно сегменты свода), покрыта была живописью, представлявшею лики святыхъ, дѣланные на поверхности камня, непокрытой штукатуркою, масляными красками. Среди большого количества мелкихъ обломковъ, покрытыхъ остатками живописи, на одномъ найдены были буквы **М. Р.**, на другомъ **В/Д**; на четырехъ болѣе крупныхъ обломкахъ уцѣлѣли лики шести святыхъ **С Н**; на одномъ изъ этихъ обломковъ изображена была мужская фигура, но живопись столь плохо сохранилась, что не было возможности разсмотрѣть ни чертъ лица, ни подробностей одѣянія. На другомъ фрагментѣ уцѣлѣлъ, повидимому, ликъ Богородицы; обломокъ этотъ представлялъ ту особенность, что сіяніе вокругъ головы было не только изображено краскою, но притомъ выковано на скалѣ въ видѣ haut-relief'а. На третьемъ, самомъ крупномъ, обломкѣ, виднѣются изображенія трехъ святыхъ (см. рис. I): по серединѣ мужеская фигура въ корзнѣ и панцырѣ съ сіяніемъ вокругъ головы, по сторонамъ двѣ женскія фигуры. Наконецъ на четвертомъ фрагментѣ (см. рис. II) уцѣлѣла мужеская голова, окруженная сіяніемъ, и женское погрудное изображеніе.

На основаніи, описанныхъ остатковъ Бакотскаго монастыря, позволяемъ себѣ высказать нѣсколько догадокъ о ихъ древности и значеніи.

Скальный Бакотскій монастырь упоминается въ концѣ XIV столѣтія; въ то время онъ представлялъ уже учрежденіе древнее, пережившее счастливо періодъ подчиненія Подолія татарамъ; полагаемъ, что не будетъ рискованнымъ предположить возникновеніе его еще въ то время, когда край находился подъ властью галицкихъ князей, т. е. въ половинѣ XIII или въ концѣ XII столѣтія.

Судя по тексту сохранившейся надписи, монастырь былъ созданъ во имя святаго Михаила. Основателемъ его или устроителемъ былъ игуменъ Григорій. Намъ кажется, что вся надпись была сдѣлана не въ одно и тоже время. Повидимому, первоначальная надпись, выкованная у ниши, въ которой по всему вѣроятію похороненъ былъ уважаемый игуменъ, состояла лишь изъ трехъ послѣднихъ строкъ: „Благослови Христосъ Григорья ігумена, давшаго силу Святому Михайлу“. Затѣмъ впослѣдствіи, когда воспоминаніе объ устроителѣ монастыря стало сглаживаться въ памяти слѣдовавшихъ поколѣній, прибавлена была для поясненія первая строчка: „Григорій оуздвяглъ мѣсто се“ (шрифтъ этой строчки размѣромъ на половину меньше остальныхъ; въ словѣ уздвяглъ встрѣчаемъ начертаніе оу вмѣсто ѹ, которое 4 раза поставлено въ 3-й и 4-й строкахъ).

Монастырь вѣроятно былъ опустошенъ, и братія разсѣяна въ то время, когда разореніе постигло городъ Бакоту (около 1430 года); затѣмъ монастырскія келіи, пещеры и усыпальница вѣроятно долгое время стояли въ-пустѣ, подвергались грабежамъ и расхищенію съ цѣлями корыстными или изъ побужденій празднаго любопытства, пока, вѣроятно, много лѣтъ спустя, обвалъ верхней скалы не скрылъ подъ грудами мусора древнихъ сооруженій. Этимъ обстоятельствомъ, полагаю, можно объяснить отсутствіе въ пещерахъ всякихъ принадлежностей церковнаго служенія, равно какъ и отсутствіе въ нишахъ и гробницахъ скелетовъ или мощей погребенной въ нихъ братіи.

Арка, уцѣлѣвшая между входами во вторую и третью пещеры, представляетъ, вѣроятно, остатокъ небольшой пещерной кладбищенской церкви; на мысль эту наводятъ два обстоятельства: уцѣлѣвшій въ срединѣ арки камень съ гладкою поверхностью, подобный которому сохранился понынѣ, въ качествѣ алтаря, въ пещерной Іоанно-Крестительской церкви села Лядавы (на берегу Днѣстра въ могилевскомъ уѣздѣ); а также многочисленныя изображенія святыхъ, найденныя на томъ мѣстѣ, гдѣ повидимому долженъ былъ находиться входъ въ эту церковь.

По поводу имени игумена Григорія позволимъ себѣ сдѣлать сближенія, нисколько, конечно, на немъ не настаивая: среди крайне скудныхъ лѣтописныхъ свѣдѣній о судьбѣ древней галицко-русской церкви, единственное уцѣлѣвшее имя лица, прославившагося пустынножительствомъ и святостью, это имя Полонинскаго игумена Григорія. Подъ 1262 годомъ Ипатская лѣтопись, разсказывая объ обращеніи въ христіанство литовскаго князя Войшелка Мендовговича, сообщаетъ, что князь этотъ, принявъ крещеніе, вслѣдъ затѣмъ „иде въ Полонину ко Григоріеви въ монастырь и пострижеся во чернцѣ и бысть въ монастыри у Григорія 3 лѣта ..... пріемъ благословеніе отъ Григорія. Григорей-же бяшеть человѣкъ святъ, якого-же не бысть передъ нимъ и ни по немъ не будетъ“.—Вѣроятно совпаденіе именъ двухъ игуменовъ совершенно случайное, но, можетъ быть, оно не исключаетъ возможности предположенія, что знаменитый святостью полонинскій игуменъ могъ также „дати силу“ пещерному монастырю св. Михаила въ Бакотѣ, и преслѣдуя идеалъ аскетической жизни, можетъ быть оуздвиглъ и этотъ монастырь.“

В. А.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Астрономъ Эйлеръ въ Сѣчи Запорожской въ 1770 г.[1] (*Отрывокъ изъ напечатанной статьи моей подъ заглавіемъ «Первыя попытки изученія Новороссіи въ 1760—1774 г.*)» По случаю небеснаго періодическаго явленія, наблюдаемаго въ нынѣшнемъ году астрономами во всемъ образованномъ мірѣ — «прохожденія планеты Меркурія мимо солнца», мы нашли любопытный документъ объ этомъ же событіи за 120 лѣтъ назадъ. И этотъ документъ мы заимствовали не изъ записокъ академій, или библіотекъ высокихъ ученыхъ учрежденій, но изъ бѣдныхъ остатковъ запорожскаго архива! Это событіе произвело не малый переполохъ въ Сѣчи Запорожской, судя по слѣдующей перепискѣ 1770 года.

Въ самомъ разгарѣ кровавой борьбы нашей съ турками, (1769—1774), когда войско запорожское съ кошевымъ своимъ во главѣ подвизалось въ очаковскихъ и ногайскихъ степяхъ, правящій въ Сѣчи, судья войсковой Николай Тимофѣевъ донесъ атаману съ особымъ нарочнымъ о своихъ хлопотахъ слѣдующимъ письмомъ отъ 16 мая 1770 года.

---

[1]) Настоящая замѣтка прислана намъ многоуважаемымъ сотрудникомъ нашимъ, маститымъ историкомъ А. Скальковскимъ при слѣдующемъ письмѣ:

Въ редакцію журнала „Кіевская Старина“.

Приступивъ къ дополненію книги моей подъ заглавіемъ: „*Исторія Новой Сѣчи*“ вновь добытыми документами, я спѣшу представить въ редакцію „Кіевской Старины“ прилагаемую при семъ статейку мою, подъ заглавіемъ:

„Астрономъ Эйлеръ въ Сѣчи Запорожской въ 1770 г. и покорнѣйше просить напечатать ее—если угодно, въ одной изъ книжекъ журнала, для извѣстія Кіева съ новымъ—вѣроятно послѣднимъ въ жизни, историческимъ трудомъ моимъ“.

Императорской академіи наукъ, Московскаго общества и др. членъ, А. Скальковскій.

«Сегодня отъ поручика артиллеріи Эйлера присланъ нарочный, морскаго флота штурманъ Василій Кипріановъ, съ тѣмъ, что оной Эйлеръ теперь находится въ крѣпости св. Елисаветы и въ скорости сюда будетъ въ Сѣчь, для «примѣчанія въ солнцѣ Венеры», подъ здѣшнимъ градусомъ. Тотъ же присланный требуетъ подводъ 20 для поѣздки ему Эйлеру около города, для посмотрѣнія, также расположенія рѣкъ и днѣпровыхъ гирлъ, и всякаго во всемъ удовольствія, а паче чтобы мясиво въ городѣ было безпрестанно, чтобы дозволялось посмотрѣть также, какимъ образомъ казненные вѣшаются и пр.» Г. судья спрашивалъ дважды у кошеваго наставленія, что ему дѣлать?

Отвѣтъ кошеваго, съ похода писанный, весьма подробно свидѣтельствуетъ о безпокойствахъ запорожской старшины, на счетъ пріѣзда такого удивительнаго для нихъ гостя.

«Посланному отъ г. Эйлера, или ему самому, сказать имѣете, что войска запорожскаго всѣ козаки въ походѣ находятся, потому подводъ и провожатыхъ поручику Эйлеру давать не можно. А что требуетъ отводу квартиры такой, на коей помѣстились бы палатокъ 8, то надобно знать, что въ Сѣчи такихъ дворовъ не имѣется. А если пространнаго мѣста надобно, то по теперешнему лѣтнему времени то сталъ бы за городкомъ. Что же требуетъ что бы въ Сѣчи безпрестанно мясиво было и допущенно ему видѣть какимъ образомъ казненные, (вѣроятно осужденные) вѣшаются, то ему поручику и никому стороннему, въ здѣшніе суды и распоряженія мѣшаться не слѣдуетъ, ибо здѣшніе суды и распоряженія дѣлаются по Высочайшимъ привилегіямъ».

Что бы понять причину такого переполоха запорожцевъ, то надобно помнить, что въ эти злополучные для войска годы (1761—1773) войско, кромѣ войны съ турками и татарами, столь обычной для козаковъ, вело тяжкую борьбу съ сосѣдями, донецкимъ и новосербскимъ корпусомъ, и даже съ придворными «благодѣтелями», которые на ихъ землѣ ихъ «Палестину корыстуются безщадно», а потому ученыхъ экспедицій Палласа, Эйлера и другихъ академиковъ считали за посланцевъ размежеванія и захвата новыхъ цѣлыхъ округовъ запорожскихъ земель, какъ это было уже въ 1750 и даже 1760 годахъ [1]).

Но вѣроятно съ ученымъ астрономомъ запорожцы скоро поладили, ибо находимъ въ числѣ «аттестатовъ» о принятіи въ козачество, его самого слѣдующаго содержанія:

---

[1]) Объ этихъ спорахъ „за границы“ т. е. за земли, мы подробно говорили въ нашей *Исторіи Новой Сичи* ч. II стр. 138—201, и ч. III стр. 149.

«Астрономической экспедиціи главный предводитель, артиллеріи, бомбардирскаго полку, господинъ поручикъ *Христофоръ Леонтьевичъ Эйлеръ,* въ пріѣздъ свой въ нынѣшнее время въ Сѣчь Запорожскую, по его прошенію, въ войско запорожское, въ число куреня куцовскаго товарищемъ принятъ 4 августа 1770 года.

И такъ, изъ этой кратковременной борьбы астронома съ кошемъ, г. Эйлеръ въ 2 мѣсяца, вышелъ полнымъ побѣдителемъ.

А. Скальковскій.

Савва Чаленко и Игнатъ Голый. Много писано уже объ этихъ двухъ ватажкахъ, сдѣлавшихся—первый по какому-то недоразумѣнію, второй съ гораздо бóльшимъ основаніемъ—героями народныхъ пѣсенъ, но все-таки жизнь ихъ недостаточно извѣстна, и въ самыхъ подробныхъ разсказахъ о нихъ встрѣчаются нѣкоторые пробѣлы [1]). Въ документахъ кіевскаго центральнаго архива намъ встрѣтилось два извѣстія, которыя могутъ пополнить біографію этихъ лицъ нѣсколькими новыми чертами.

Первое извѣстіе касается Чаленка и относится къ 1735 году. Въ это время Чаленко, какъ извѣстно, находился еще въ отрядѣ Верлана и дѣйствовалъ въ духѣ народнаго возстанія; правда, дѣйствія эти были довольно безцвѣтны и ограничивались грабежомъ, но это не мѣшало ему пользоваться сочувствіемъ и поддержкою со стороны запорожцевъ; только въ концѣ 1736 г. Чаленко открыто измѣнилъ образъ дѣйствій—явился къ региментарю Малиновскому, принесъ присягу на вѣрность Рѣчи [2]) Посполитой и былъ назначенъ полковникомъ. И вотъ, мы узнаемъ, что еще въ 1735 г. случилось слѣдующее происшествіе, констатированное оффиціальнымъ документомъ:

«735 г. куреня Куреневскаго Тимко Птуха ездилъ спашпортомъ въ с. Бужинъ для доправки на должникахъ долговъ, то въ тѣ поры Савка Чалѣнко, лядскій ватагъ повесить приказалъ [3]).

---

[1]) Наиболѣе полный, хотя далеко не безпристрастный очеркъ ихъ дѣятельности сдѣланъ д-ромъ Антоніемъ У. (переводъ помѣщенъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1887 № 11); въ концѣ очерка приложенъ обстоятельный списокъ источниковъ.

[2]) См. архивъ Ю.-З. Россіи ч. III, т. 3, предисловіе В. Б. Антоновича.

[3]) „Ведомость именная, сколко отъ прошедшаго 733 дажѣ по настоящій 746 годъ казаковъ войска запорожскаго низоваго ляхи повешали и что вних поотбирали“ и т. д., представленная кіевскому ген.-губ. Леонтьеву кошевымъ атаманомъ.

«Лядскимъ ватагомъ» Чаленко въ этомъ извѣстіи названъ по ошибкѣ; но самый фактъ ограбленія имъ запорожца въ то время, когда онъ еще пользовался поддержкою запорожья, можетъ служить дополненіемъ къ характеристикѣ этого человѣка, имя котораго такъ незаслуженно опоэтизировано народомъ.

Второе извѣстіе касается Игната Голаго и относится къ 1743—4 г. Оно находится въ перепискѣ кіевскаго ген.-губ. Леонтьева съ кошевымъ атаманомъ Іакимомъ Игнатовичемъ по поводу одного незначительнаго наѣзда. Вотъ обстоятельство этого дѣла.

18 сентября 1743 г. восемь человѣкъ запорожцевъ напали подъ Немировымъ у Ободянской корчмы на ѣхавшихъ изъ Кіева сидѣльцевъ купца Свѣшникова и ограбили ихъ. Свѣшниковъ отправилъ въ Сѣчь для розысковъ сидѣльца Филатова, который и узналъ, что ихъ разбивалъ «Медвѣдовскаго куреня козакъ Игнатка Ватажка». Услыхавъ, что Игнатка находится въ Гардѣ, Филатовъ, взявъ проводника у кошеваго, поѣхалъ туда, но Игнатки не нашелъ: ему сказали, что онъ «будучи въ Гардѣ поѣхалъ наздобічъ». Когда же Филатовъ возвратился въ Сѣчь, то «кошевой Игнатовичъ, призвавъ въ свой курень, билъ нещадными побои и посадилъ подъ караулъ въ пушкарню скованнаго; потомъ отпустилъ, но потомъ опять велѣлъ сковать». Филатовъ обратился съ жалобою въ гарнизонную сѣчевую канцелярію къ подполк. Кондыреву; послѣдній обратился къ кошевому и представилъ ему ордеръ Леонтьева о разысканіи грабителей. Тогда кошевой призвалъ медвѣдовскаго куреннаго атамана и спрашивалъ его объ Игнаткѣ, но тотъ отвѣчалъ: «у насъ де такой Игнатко былъ, а нынѣ ево неимѣетъца, а где делся, не знаемъ». Обо всемъ этомъ Кондыревъ донесъ Леонтьеву 15 декабря 1743. Въ тотъ же день и кошевой Игнатовичъ послалъ Леонтьеву отписку, въ которой объясняетъ, что Филатовъ въ первый пріѣздъ въ сѣчь не показалъ ему ордера Леонтьева и не объявилъ цѣли поѣздки, почему онъ и не могъ оказать ему содѣйствія. Что же касается Игнатка, то медвѣдовскій атаманъ «созналъ, что теперь немае, а впрежъ хотя и былъ, но оный при фелтмаршалу фонъ Миниху служилъ и жену мѣлъ въ Малороссіи, то и теперь чи не съ женою, а промежи войска не имѣется и атаманъ не знаетъ о немъ». Но получивъ ордеръ вашего высокопр—ва, прибавляетъ онъ, «мы проискъ чинитимемъ и аще провѣдино будетъ, то не укрыватимемъ».

На оборотной сторонѣ этой отписки находится слѣдующая резолюція Леонтьева: «записалъ къ отпуску сообщить и справясь спол-

скими дѣлами ответствовать, что за убивство Савки Чаленка онъ Игнатъ содержался у них запорожцев подъ карауломъ, а нынѣ они представляютъ, яко бы уже ево и въ Сѣчи не имѣется, и то видно ево атаманское закрывательство сущихъ воровъ, понеже когда онъ Игнатка по первому дѣлу приличенъ и подъ карауломъ держанъ, то уже ево безъ ордера свобождать и такіе пустые отговорки учинить не подлежало»...

Въ томъ же духѣ составленъ и ордеръ Леонтьева кошевому отъ 15 января 1744. Въ этомъ ордерѣ, за изложеніемъ обстоятельствъ дѣла, сказано: «а понеже предсимъ вприсланной отъ бывшаго кашеваго атамана Еремѣевича отпискѣ показано, что онъ Игнатка по ордеру моему по приличности учиненного имъ полскому полковнику Савкѣ Чаленку смертнаго убивства содержитца завашимъ крепкимъ карауломъ, котораго было по тому первому ево злодейству безуказу освобождать ненадлежало, а видно всвабоду ево слабость и потачки отвасъ последовали»... Въ пресеченіе же далнейшей вашей слабости и потворства наикрепчайше предлагаю помянутаго ведомого злодея (въ черновомъ текстѣ: оного знатнаго плута и вора казака) Игнатку не принося никакихъ кзакрывательству отговорокъ немедленно сыскать. Въ противномъ случаѣ Леонтьевъ грозитъ представить обо всѣхъ «коварствахъ и укрывательствахъ» кошеваго Его И. В.

Кошевой Игнатовичъ въ отпискѣ отъ 11 февраля объясняетъ побои, нанесенныя Филатову («ударилъ разовъ три палкою по шіи») наказаніемъ за «обманство». Объ Игнаткѣ же говоритъ: «А зъ Ігнатка то ми атаманъ кошовій курѣнпаго атамана медведовскаго неоднократно призывая стязовали, чи не слышно где бъ оной обретался, то атаманъ подсовестию христианскою сознавъ, же незнаетъ, где оной Игнатко пошолъ и за прописаннимъ Игнаткою уже для взискания везде вкрузѣ нашемъ войсковомъ постепью и по рѣчкамъ проискъ чинено, но толко внашемъ крузѣ нигде оного немае и неслышно, ибо ащеби оной внашемъ крузѣ где билъ, тоби ми его прибравъ до рукъ и подполковнику нещадѣли отдать, ибо оной Игнатка прошедшаго года якъ ушолъ, то и посію пору незнать вжени у Малороссіи, чили въякихъ другихъ краехъ зобретается ми неизвѣстни».

Леонтьевъ отвѣчалъ на это новымъ ордеромъ отъ 16 марта, составленнымъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и предъидущій, Игнатовичъ отвѣчалъ на него новою отпискою, въ которой говоритъ: «ми атаманъ кошовіи якъ первоистенно и праведно писали, что незнаемъ где Ігнатка зобретается оттого времени якъ ушелъ, то и те-

перъ пишемъ, же жаднимъ видомъ не закрывали бъ его, если бы где былъ онъ слышенъ промежду нашимъ войскомъ, а то нигде не можемъ про него прослишать, и праведно пишемъ, же вкрузѣ нашемъ войсковомъ ево неимѣется а еслибы былъ и мы закривать бы могли, ибо за нимъ потачку чинить, то впредь на насъ вина зобрящеться», Въ заключеніе кошевой извиняется въ томъ, что ударилъ Филатова «за неучтивіе договорки».

Этою отпискою и оканчивается въ нашемъ дѣлѣ эпизодъ съ Игнатомъ, дальнѣйшая участь котораго остается неизвѣстною. Изъ фактовъ, упоминаемыхъ въ дѣлѣ, заслуживаютъ вниманія его женитьба и служба при Минихѣ, знакомящія насъ отчасти съ прошлымъ Игната, до начала его гайдамачества. Но особенный интересъ представляетъ содержаніе его подъ карауломъ въ Сѣчи за убійство Чаленка и загадочное освобожденіе. Мы видѣли, что Леонтьевъ прямо обвинялъ Игнатовича въ содѣйствіи побѣгу Игната. Обвиненіе это, повидимому, было справедливо: по крайней мѣрѣ Игнатовичъ ничего не возражалъ противъ него и не далъ никакого объясненія относительно побѣга Игната, который между тѣмъ открыто разъѣзжалъ по запорожскимъ землямъ и предпринималъ экскурсіи «наздобічъ». Отписка Игнатовича и поведеніе его относительно Филатова еще яснѣе опредѣляютъ отношеніе запорожцевъ къ убійцѣ Саввы Чаленка.

В. Щербина.

Судьба одной знатной козацкой фамиліи. На страницахъ «Кіевской Старины» появлялось не мало матеріаловъ для исторіи козацкой старшины, пріобрѣтавшей разными способами большія земельныя имущества и составившей, послѣ присоединеія края къ русскому государству, новую козацкую аристократію. Конечно, при тѣхъ политическихъ смутахъ, которыя переживала Малороссія въ XVII и XVIII ст. и на почвѣ которыхъ возникала козацкая аристократія, далеко не всѣмъ ея представителямъ удавалось упрочить свое положеніе, и многіе роды, временно возвышавшіеся, теряли по тѣмъ или другимъ причинамъ пріобрѣтенное положеніе. Предметомъ настоящей замѣтки служитъ исторія одного такого рода—*Бурляевъ*, извлеченная изъ двухъ дѣлъ кіевскаго центральнаго архива (изъ числа, такъ называемыхъ, «старыхъ дѣлъ», переданныхъ изъ архива губернскаго правленія). Дѣла эти озаглавлены такъ: «Дѣло объ отыскивающихъ съ подъ владѣнія гр. Браницкаго вольности с. Мисайловки жителяхъ

Бурляяхъ, они жъ Капусты, Капустенки, Гаркавенки и Харковенки». Одно изъ нихъ началось въ 1806, окончилось въ 1829, другое началось въ 1824, окончилось въ 1830; кромѣ того, въ обоихъ дѣлахъ есть указанія еще на два однородныхъ дѣла, окончившихся въ 1830; истцы во всѣхъ дѣлахъ различные, но находящіеся между собою въ близкомъ родствѣ. По самому существу разсматриваемыхъ дѣлъ, въ нихъ нельзя встрѣтить біографическихъ подробностей, которыя могли-бы вполнѣ уяснить судьбу этой фамиліи; но и тѣ немногія данныя, какія сохранены здѣсь, даютъ понятіе о рѣзкихъ переворотахъ въ ея положеніи. Перевороты эти служатъ отраженіемъ крупныхъ историческихъ событій, въ которыхъ нѣкоторые изъ представителей этой фамиліи играли видную роль. Не слѣдя за процессуальными подробностями, мы постараемся извлечь изъ разсматриваемыхъ дѣлъ и нѣкоторыхъ печатныхъ источниковъ возможно полную исторію данной фамиліи.

Фамилія Бурляй встрѣчается впервые въ эпоху Хмельницкаго: Бурлай, или Бурляй, «знаменитый пиратъ на Черномъ морѣ, который завоевалъ Синопъ, задавалъ страхъ самому Цареграду», впослѣдствіи полковникъ гадяцкій или зѣньковскій, былъ убитъ подъ Збаражемъ въ 1649 [1]); не знаемъ, состояла-ли въ какомъ-нибудь родствѣ съ нимъ данная фамилія Бурляевъ, но изъ представленныхъ въ судъ документовъ видно, что представители ея вели свой родъ тоже отъ современника Хмельницкаго Кондрата Бурляя [2]), козака команды придворной е. к. в. Этому Бурляю 20 сентября 1667 въ Варшавѣ дана отъ короля Яна-Казимира привиллегія на мельницу, домъ и грунта «за чинимые отечеству заслуги» (привиллегія эта въ подлинникѣ представлена была въ судъ). Сынъ Кондрата—Гаврило Бурляй пріобрѣлъ еще болѣе видное положеніе и еще большія маетности, но уже не отъ польскаго, а отъ русскаго правительства. Отъ него сохранились слѣдующія привиллегіи, также въ подлинникахъ представленныя въ судъ: 1) 1709 г. іюня 9 отъ гетмана войскъ запорожскихъ Ивана Скоропадскаго, полковнику тѣхъ же войскъ Гаврилѣ Бурляю на имѣніе—селеніе Германовку и слободку; 2) 1710, генваря 16 отъ его сіятельства кіевскаго губернатора кн. Голицына по указу

---

[1]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій, изд. 4-е, т. II, стр. 13 и 107—8; см. также собр. соч. М. А. Максимовича, т. I, стр. 730.

[2]) Не тотъ-ли это Кондратій Бырляй, который вмѣстѣ съ Силуаномъ Мужиловскимъ велъ переговоры съ московскимъ правительствомъ о подданствѣ южной Руси. (Акты ю. и з. Россіи т. III, № 337)?

его императорскаго величества Петра Алексіевича полковнику сердюцкого полку Гаврилѣ Бурляю на домъ въ Кіевѣ, послѣ полковника Зеленскаго оставшійся, 3) 1710, отъ гетмана Скоропадскаго оному жъ полковнику Гаврилѣ Бурляю на дѣдичное имѣніе Ольшану; 1711 отъ его сіятельства кн. Голицына оному жъ запорожскому полковнику Гаврилѣ Бурляю о нечиненіи обидъ со стороны воинскихъ подданнымъ его. Всѣ эти документы, и въ особенности второй, заключаютъ въ себѣ указаніе и на причину милостей, излившихся на Гаврилу Бурляя: всѣ они датированы 1709—11 г., а упомянутый во второмъ документѣ Зеленскій — несомнѣнно лубенскій полковникъ Дмитрій Зеленскій, бѣжавшій вмѣстѣ съ Мазепой [1]). Сынъ Гаврила — Карпо Бурляй — принадлежалъ также къ козацкой старшинѣ; онъ былъ полковымъ судьею переяславскимъ, но повидимому никакихъ новыхъ маетностей не пріобрѣлъ. Еще при жизни его, въ концѣ XVIII в., начинается рядъ неблагопріятныхъ для семьи случайностей, которыя чуть не повели къ закрѣпощенію потомковъ сердюцкаго полковника. Сыновья Карпа (переяславскаго судьи) Иванъ и Михаилъ переселились почему-то въ Польшу. Причина этого переселенія въ дѣлѣ не выяснена: въ одномъ изъ своихъ прошеній истцы выражаются объ этомъ такимъ образомъ: «по умертвіи Карпа судьи переяславскаго и въ разсужденіи разныхъ перемѣнъ въ свѣтѣ всѣ знатности пропали, и сыновья его Иванъ и Михайло переселились въ Польшу»; въ одномъ же изъ показаній говорятъ, что Иванъ «вышелъ изъ-за Днѣпра въ Польшу, получа отъ отца своего документы, служащіе на нѣкоторыя имѣнія въ семъ краѣ состоящія, еще за нѣсколько лѣтъ передъ гайдамащиною, а братъ его Михаилъ послѣ гайдамащины вышелъ въ Польшу послѣ смерти отца и матери». Михаилъ поселился въ с. Карапашахъ, а затѣмъ перешелъ въ Тупики; Иванъ же поселелился въ с. Мисаиловкѣ; они считали себя свободными людьми, никакихъ повинностей не отбывали и только платили чиншъ за свои участки земли. Паденіе Польши и присоединеніе края къ Россіи измѣнили всѣ прежнія отношенія въ краѣ. Села, гдѣ поселились Иванъ и Михайло, составляли старостинскія имѣнія, входившія въ составъ богуславскаго староства, которое въ 1775 г. было подарено совмѣстно съ другими староствами отъ Рѣчи Посполитой королю въ вѣчное владѣніе, почему и жители должны были подпасть «праву дѣдичному»; король пожаловалъ въ свою очередь бо-

[1]) Максимовичъ I, 717.

гуславское староство своему племяннику кн. Понятовскому; по присоединеніи края къ Россіи имѣніе было секвестровано, затѣмъ возвращено Понятовскому, а послѣднимъ продано гр. Браницкому.

Во время всѣхъ этихъ перемѣнъ экономія считала Ивана Бурляя и его многочисленныхъ потомковъ (у него было 6 сыновей) крестьянами, такъ какъ они были записаны въ инвентарь 1765 подъ прозваніемъ Капусты. Иванъ въ то время не заботился о подтвержденіи своихъ шляхетскихъ правъ, потому что, какъ выразился одинъ изъ его потомковъ, «по бывшей въ Польшѣ для всякого народа вольности не для чего было объявлять и доказывать своей вольности». Михаилъ же почему-то не былъ записанъ въ *инвентари* и считался шляхтичемъ. По присоединіи края къ Россіи и составленіи ревизіи въ 1795, «Капусты» [1]) были записаны въ числѣ крестьянъ гр. Браницкаго. Причиною этой записи они выставляли потомъ, во 1-хъ, «незнаніе тогда россійскаго порядка, во 2-хъ, недобросовѣстность производившаго ревизію капита Агибалова, который требовалъ 70 р. (по другимъ показаніямъ сначала 300 р., а потомъ—30) за то, чтобы записать ихъ шляхтичами и, не получивъ ничего, записалъ крестьянами (другого брата Михаила, жившаго въ Тупикахъ, тотъ же Агибаловъ записалъ шляхтичемъ. Послѣ этого экономія гр. Браницкаго начала «употреблять ихъ въ разніе порабощенія». Но Бурляи горячо принялись отстаивать свои права: они обратились въ кіевское дворянское депутатское собраніе, которое, на основаніи извѣстныхъ уже намъ документовъ, дважды, въ 1796 и 1802, признало дворянское происхожденіе Бурляевъ (герба Ясенчакъ), но, такъ какъ они записаны въ подушн. окладѣ на основаніи сенатскаго указа 20 сент. 1802, не выдало имъ грамоты и отослало дѣло въ дерпартаментъ герольдіи. Не смотря на свое крестьянское положеніе, Иванъ Бурляй успѣлъ дать дѣтямъ образованіе: по крайней мѣрѣ, изъ дѣла видно, что два сына его, Кирило и Василій, воспитывались въ кіевской духовной академіи, а послѣдній продолжалъ образованіе въ медицинскоой академіи, получилъ степень штабъ-лекаря и, отправляясь въ турецкую компанію, посѣтилъ своихъ родичей въ Мисайловкѣ; онъ былъ убитъ подъ Очаковымъ. Внуки Ивана, опираясь на свои дворянскіе документы, поступили на службу; одинъ изъ нихъ Семенъ Карповичъ до-

---

[1]) Изъ показаній свидѣтелей-креястьянъ видно, что Бурляевъ дѣйствительно называли Капустами, потому что у нихъ была хорошая капуста, и Гаркавенками— п. ч. отецъ ихъ „имѣлъ рѣчь гаркаву“.

служилъ до чина маіора, другой—Иванъ Мартиновичъ до титулярнаго совѣтника. Эти то чиновники и подняли наконецъ дѣло объ освобожденіи своихъ отцовъ и дядей (Ивана тогда уже не было въ живыхъ), и въ 1829—30 всѣ дѣла о Бурляяхъ закончились освобожденіемъ ихъ отъ крѣпостной зависимости. Къ сожалѣнію, въ находящихся въ нашихъ рукахъ дѣлахъ (собственно остаткахъ дѣлъ, потому что подлинныя дѣла отсылались на храненіе въ тѣ повѣтовые суды, гдѣ они возникали - въ данномъ случаѣ въ богуславскій) не сохранилось ни полныхъ рѣшеній, ни свѣдѣній о дальнѣйшей участи освобожденныхъ, но изъ одного дѣла видно, что они однако не были признаны дворянами, а получивъ право избрать родъ жизни, изъявили желаніе приписаться херсонской губерніи въ ольвіопольскіе мѣщане.

В. Щербина.

Рисунки изъ путешествія имп. Екатерины II въ южную Россію.

Объ этомъ знаменитомъ путешествіи, такъ полно излѣдованномъ г. Есиповымъ на страницахъ «Кіевской Старины», сохранилось художественное свидѣтельство. Въ петербугскомъ императорскомъ эрмитажѣ, въ отдѣлѣ рисунковъ, въ числѣ другихъ, можно видѣть акварели большого формата, сдѣланныя, какъ видно, на мѣстѣ въ разныхъ пунктахъ поѣздки императрицы. На краяхъ листовъ читается надпись: Hadfield J. C. 1787.

Мы видѣли тринадцать изъ этихъ мало кому извѣстныхъ рисунковъ, такого содержанія: 1) Видъ Кіева съ Днѣпра во время торжества встрѣчи. 2) Кіевлянки, бросающія цвѣты на пути императрицы. 3) Женщина кіевской губерніи. 4) Кіево-Печерская Лавра. 5) Другой видъ печерскаго монастыря. 6) Видъ Подола съ террасы императорскаго дворца. 7) Горы возлѣ Лавры. 8) Пушка Мазепы (?) 9) Кременчугъ. 10) Дѣвушка изъ селенія Кодакъ. 11) Херсонъ. 12) Другой видъ Херсона. 13) Θеодосія.

Сопровождалъ ли художникъ, сдѣлавшій эти рисунки, императрицу во время поѣздки, или сдѣлалъ ихъ послѣ по чьему либо указанію—не знаемъ. Въ излѣдованіи г. Есипова, самомъ полномъ, какое существуетъ объ этомъ предметѣ, имя его не упоминается.

Нечего говорить объ историческомъ интересѣ этихъ рисунковъ, гдѣ воспроизведены со всею точностью старинные костюмы, вновь

возникающіе города, какъ Кременчугъ и Херсонъ, Кіево-Подолъ до пожара и проч. Воспроизведеніе ихъ было бы истинной услугой исторіи и археологіи.

Г.

Случай столкновенія кіевскаго магистрата съ военнымъ начальствомъ. (1773 г.). Квартировавшіе въ Кіевѣ во множествѣ военные люди причиняли не мало безпокойствъ мирнымъ обывателямъ города. Посильно защищая свое домашнее спокойствіе, мѣщане прибѣгали иногда къ содѣйствію магистрата, но онъ, какъ видно, не въ силахъ былъ оказывать въ этихъ случаяхъ дѣйствительную защиту. Въ архивныхъ дѣлахъ нерѣдко встрѣчаются жалобы магистрата на причиняемыя военными людьми обиды кіевскимъ мѣщанамъ, въ томъ числѣ и насилія надъ женщинами. Такъ, въ 1772 г. по поводу похищенія капитаномъ Вильде одной замужней женщины и совершеннаго деньщикомъ капитана Кольмана насилія надъ одной мѣщанской дѣвушкой магистратъ обращался къ генералъ-губернатору съ жалобой вообще на распущенность военнослужащихъ. Но и генералъ-губернаторъ не могъ, какъ видно,оказать существенной помощи въ подобнаго рода дѣлахъ. Прямое же вмѣшательство магистрата въ защиту отдѣльныхъ лицъ причиняло ему лишь однѣ непріятности, какъ указываетъ на это, между прочимъ, такой случай.

27-го февраля 1773 года мѣщанинъ Иванъ Яновскій, вернувшись вечеромъ домой изъ своей лавки, увидѣлъ, что жившая у него на хозяйствѣ сестра его, захвативъ съ собой имущества на 600 руб. лей, скрылась изъ дому. «Будучи въ разсужденіи, что оная кимъ ни есть изъ военныхъ чиновъ увезена», Яновскій въ ту же ночь отправился въ погоню за ней въ Васильковъ. Пробывъ тамъ цѣлый день, онъ дѣйствительно дождался, что къ командовавшему на заставѣ маіору Куликову, у котораго онъ находился, пришелъ за пропускомъ рижскаго карабинернаго полка карабинеръ Ямщиковъ, который, оказалось, и везъ вмѣстѣ съ деньщикомъ ротмистра Сиверса сестру Яновскаго и ея служанку. Маіоръ Куликовъ арестовалъ бѣглянокъ и передалъ ихъ на руки Яновскому вмѣстѣ съ карабинерами, и для конвоя отрядилъ трехъ козаковъ. 1-го марта Яновскій представилъ всѣхъ этихъ лицъ въ магистратъ, прося «о поступленіи кто въ семъ происшествіи винными найдутся по законамъ». Оказалось, что сестра Яновскаго отправлялась въ Польшу къ поручику Шупинскому, который

«спознался» съ нею, когда квартировалъ въ Кіевѣ въ домѣ ея брата. По просьбѣ этого поручика, ротмистръ Сиверсъ устроилъ это похищеніе Яновской, пославши за нею своихъ карабинеровъ.

Кіевскій магистратъ, представляя арестованныхъ солдатъ въ кіев. губ. канц., жаловался по этому поводу вообще на причиняемыя мѣстному мѣщанству обиды, прося генералъ-губернатора — «о содержаніи надъ состоящими здѣсь военнослужащими установленной дисциплины и о удержаніи ихъ таковыхъ поступокъ, кому надлежитъ, предложить».

Между тѣмъ того же 2-го марта получено было генералъ-гурбернаторомъ и письмо отъ генералъ-поручика Фонъ-Сиверса, который, оказывается, былъ крайне обиженъ такимъ арестомъ своего карабинера, ѣздившаго съ выданною имъ, Сиверсомъ, подорожною. Обвиняя маіора Куликова, Сиверсъ, главнымъ образомъ, возмущался дѣйствіемъ магистратскихъ властей: «г. войтъ, довольно будучи извѣстенъ, что карабинеръ, яко воинской команды, зависитъ не отъ его рѣшенія, вступилъ совсѣмъ въ безпредѣльное и несвойственное ему совсѣмъ званіе, взялъ подъ свой караулъ: чѣмъ я будучи не мало обиженъ, В. В. П-ву симъ сообща, пок. прошу приказать ему войту того карабинера Ямщикова, да и женщинъ, къ лучшему удостовѣренію обо всемъ томъ, прислать ко мнѣ, и ему войту подтвердить, чтобъ онъ въ касающихся не до его должности, хотя бъ и ему случилось таковыхъ гдѣ нибудь найти, не давая своимъ мыслямъ воли, представлялъ къ той командѣ, куда они принадлежатъ».

Генералъ-губернаторъ препроводилъ Сиверсу копію магистратскаго доношенія вмѣстѣ съ арестованными солдатами, а магистрату все-таки сдѣлалъ выговоръ: «впредь имѣть осторожность и такова нареканія, какъ отъ г. генералъ-порутчика Сиверса представлено, на себя не навлекать, дабы тѣмъ не подать причины войти въ худыя слѣдствія». Маіору Куликову тоже былъ сдѣланъ Воейковымъ выговоръ за «непорядочный и предосудительный поступокъ».

Сиверсъ въ отвѣтномъ письмѣ своемъ отъ 6-го марта заявлялъ Воейкову, что въ донoношеніи магистрата онъ видитъ одну только «ябеду». Карабинеръ Ямщиковъ, на допросѣ въ своей «командѣ» скрылъ, конечно, участіе въ этомъ дѣлѣ своихъ офицеровъ, а показалъ, что де увезъ онъ Устинью Яновскую по ея просьбѣ, такъ какъ она желала выйти замужъ за «человѣка» поручика Шупельскаго, стоявшаго тогда въ с. Трилѣсахъ.

Такимъ образомъ оказанная магистратомъ защита обывателя вмѣнена ему въ преступленіе.

А. А.

Изъ бумагъ сенатора тайн. сов. М. П. Миклашевскаго [1]).

1. Указъ Сената гетману Разумовскому о скупкѣ земель козаковъ и посполитыхъ (*съ копіи*).

Божіею милостію мы, Екатерина II Императрица Всероссійская и проч. и проч. и проч.

По титулѣ гетманской

Генеральная войсковая канцелярія доношеніемъ отъ 17 генваря 1749 и мая 2 чиселъ 1750 годовъ, по доношенію гадяцкой полковой канцеляріи, представляла, что ген.-маіоромъ кн. Кантемиромъ и гусарскихъ полковъ офицерами, такожъ и рядовими гусарами покуплено у обывателей гадяцкаго полку грунтовъ не малое число, а иные и совсѣмъ искуплены; а понеже именнымъ блаженныя памяти государыни и-цы Анны Іоанновны 1739 году февраля 5 дня указомъ повелѣно всѣмъ малороссійскимъ козакамъ до будущаго всемилостивѣйшаго соизволенія грунта продавать и подъ другими видами по тамошнему обыкновенію за другимъ укрѣплять запретить, о которой де непокупкѣ грунтовъ у козаковъ и у посполитыхъ, и послѣ того въ разныхъ годахъ изъ Правительствующаго Сената указами накрѣпко подтверждено. Хотя же именнымъ 1740 году октября 6-го указомъ и повелѣно волохамъ, сербамъ и другимъ иностраннымъ людемъ, кои въ Россійской службѣ вѣчно останутся, въ покупкѣ грунтовъ и земель препятствія не чинить, но того въ ономъ указѣ, допускать ли оныхъ иностранныхъ людей до покупки и козачьихъ грунтовъ, неизображено, и затѣмъ онымъ иностраннымъ людямъ надлежитъ ли тѣ козачіе грунта искупать,—генеральная войсковая канцелярія состоитъ въ сумнителствѣ, ибо тѣмъ козаки за распродажею своихъ грунтовъ службы козачей отправлять уже не въ состояніи и живутъ за ними въ послушаніи подданическомъ, и отъ того въ козачей службѣ происходитъ умаленіе и требуетъ оная канцелярія объ ономъ разсмотрѣнія и указу, тѣмъ волохамъ, сербамъ и другимъ иностраннымъ людемъ, служащимъ въ гусарскихъ полкахъ, и прочимъ, кои уже отъ службы

---

[1]) О Миклашевскомъ см. „Рус. Бесѣда“ 1856 г. кн. I, а также краткую замѣтку въ „Кіевской Старинѣ“ 1890 г. январь. Въ этомъ же году въ нашемъ журналѣ было помѣщено нѣсколько писемъ М. П. Миклашевскаго.

въ отставкѣ, допускать ли впредь по оному 1740 году указу и козачіе грунта и земли покупать и тѣ покупленные ими оставить ли при нихъ во владѣніи, или какъ тѣ покупленные отобрать, такъ и впредь искуплѣ козачихъ грунтовъ по силѣ оныхъ генеральныхъ о непокупкѣ никому козачихъ грунтовъ указовъ, ихъ не допускать, дабы въ козакахъ умаленія произойти не могло; и въ нашемъ Сенатѣ опредѣлено по онымъ доношеніямъ о показанныхъ скупленныхъ въ Малороссіи у козаковъ и посполитыхъ иностранными людьми, равно жъ и тамошними владѣльцами грунтахъ и о живущихъ въ подданствѣ за ними козакахъ и о запрещеніи имъ впредь въ покупкѣ таковыхъ у козаковъ и у посполитыхъ грунтовъ вамъ нашему гетману по нынѣшнимъ обстоятельствамъ разсмотрѣть вновь и обо всемъ, на основаніи нашихъ указовъ и правъ малороссійскихъ, представить въ нашъ Сенатъ со мнѣніемъ; и для того означенное доношеніе отослать къ вамъ нашему гетману (которыя при семъ посылаются). Въ Санктпетербургѣ, Іюля 26 дня 1764 года. По Ея Императорскаго В-ва указу сенаторъ и кавалеръ Федоръ Ушаковъ; сенаторъ и кавалеръ Николай Муравьевъ, сенаторъ князь Петръ Трубецкой, сенаторъ Дмитрій Соболевъ.

Надворный совѣтникъ Самойло Дѣнь.

---

2) Къ исторіи расхищенія земель въ Малой Россіи. Прошеніе бывшаго гетмана К. Г. Разумовскаго о назначеніи новыхъ членовъ въ коммиссію для разсмотрѣнія земельнаго спора его съ другими владѣльцами. (съ копіи).

Всемилостивѣйшая государыня:

Вашему Имп. В-ву извѣстно, что я не имѣлъ за собою никакихъ деревень, а жилъ только однимъ недвижимымъ имѣніемъ жены моей великороссійскимъ, и что въ 759 году Ея Величество въ Бозѣ почивающая тетка Государиня И-ца Елизаветъ Петровна, содержа нашу фамилію въ особенномъ покровительствѣ, въ разсужденіи многочисленной моей фамиліи жаловала мнѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе нѣкорыя небольшія маетности въ Малой Россіи, яко то городки, или, лучше сказать, мѣстечка Батуринъ и Почепъ, съ ихъ малыми уѣздами, Бакланскою и Шептаковскою волостьми.

Сіи двѣ деревни, бывши долговременно между гетманствомъ въ крайнемъ несмотрѣніи, разными чинами и, однимъ словомъ сказать, мужиками (которіе себѣ чины за деньги достали) такъ раскрадены въ

землях и угодіях въ отказанных деревнях при отдачѣ мнѣ нашлись, что я принужденъ былъ того года просить Правительствующаго Сената, чтобъ нарочно знающіе люде изъ великороссійскихъ чиновъ опредѣлены были для разобранія, что кому и по какимъ крѣпостямъ принадлежитъ, и всѣмъ тѣмъ, кто въ сихъ мнѣ пожалованныхъ деревняхъ поселился и съ землями и угодіями старинными, ни къ моимъ деревнямъ принадлежащими, завладѣлъ. Почему и опредѣлены были стацкій совѣтникъ Шишкинъ и подполковникъ Семеновъ, яко знающіе и безпристрастные люде, которые все сіе въ самую истинну разсмотрѣли и наконецъ нашли, что подъ разными вымышленіями и подложными крѣпостьми купчими и здѣлками многіе изъ тѣхъ деревень, до отдачи мнѣ разграблены, а инніе и розданы малороссійскими пристрастниками, по лихоимству обманывая многократно Правительствующій Сенатъ и Коллегію иностранныхъ дѣлъ (которая тогда вѣдала малороссійкія дѣла) укрѣплены въ противность всѣмъ правамъ малороссійскимъ, статьямъ Богдана Хмельницкаго, по которымъ онъ подъ державу великороссійскую приступилъ, и указомъ имяннымъ высочайшимъ предковъ Вашего И-аго В-ва, и когда помянутые отдатчики Шишкинъ и Семеновъ, открывъ все то воровство отобрали въ силу именнаго указа, которымъ мнѣ и потомству моему сіи деревни пожалованы и отданы къ моему владѣнію, то помѣщики неправильно били челомъ о томъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, прописавъ на меня многія изъ согласія многихъ клеветниковъ мужиковъ лжи, якобы я тое силою здѣлалъ и лишилъ ихъ послѣдняго пропитанія, почему сіе дѣло нѣсколько было въ Сенатѣ безъ разслѣдованія; а на послѣдокъ по Высочайшему Вашего И-аго В-ва повелѣнію опредѣлена нарочная коммиссія, въ которой генералъ-порутчикъ Костеринъ да статскій дѣйствительный совѣтникъ Эммей, коллежскій совѣтникъ Курбатовъ дѣло сіе производятъ въ Спбургѣ,

А нынѣ получаю извѣстіе, что и помянутые члены той коммиссіи, несвѣдомы будучи о многихъ обстоятельствахъ ябедническихъ малороссійскихъ, вѣру подаютъ тѣмъ ябедникамъ, которые воспользовавшись моимъ теперь отдаленіемъ и членовъ не знаніемъ многихъ обстоятельствъ, по сему дѣлу надобныхъ, дѣло все умышленно наклоняютъ на крайнюю мнѣ и дому моему обиду, и ежели по ихъ докладу и резолюціи Вашего И-аго В-ва воспослѣдуетъ, то изъ того родится, что во всей Малороссіи таковымъ же образомъ многимъ числомъ земли, государевы деревни и угодія довольные раскраденные всѣмъ грабителямъ мужикамъ примернымъ образомъ надобно будетъ

утвердить тѣ, которые по самой справедливости и по всѣмъ законамъ отобрать у нихъ должно, о чемъ мнѣ, яко знающему малороссійскія дѣла по долговременной моей практикѣ, паче всѣхъ извѣстно.

Всемилостивѣйшая Государиня! Вашему И-ому В-ву уповаю извѣстенъ мой характеръ и безкорыстіе и что я никому не желая и ни-малѣйшей обиды сдѣлать, и тѣмъ менше присвоить, но долженствуя признаться, что чувствительно, и того лишаясь, что мнѣ и роду моему всемилостивѣйше пожаловано, и что малороссійскіе мужики и простые козаки самовольно и безъ вѣдома государственной власти, и наконецъ, тѣмъ же похищеннымъ достаткомъ чины себѣ покупили, и по тѣмъ чинамъ *шляхетское* на себя право наводятъ, безъ заслугъ и безъ всякаго достоинства, по которому ябеднически выклопотали въ отдаленномъ краю такія маетности, которыя, смѣло могу признаться, всемилостивѣйшая государиня, ни по чему имъ не принадлежатъ, но еще и иныхъ надлежало бы по указамъ оштрафовать.

Не распространяю я здѣсь о доказательствѣ, дабы не трудить тѣмъ Ваше И-ое В-во, но всеподданнѣйше только прошу для безпристрастнаго изслѣдованія повелѣть къ той коммиссіи въ Москвѣ другихъ членовъ опредѣлить, между которыми былъ бы хотя одинъ прямо знающій всѣ хитрости и обманы ябедниковъ малороссійскихъ; изъ чего не токмо найдется на мою сторону правосудіе, но и Ваше И-ое В-во усмотрите, сколь много такимъ же непозволительнымъ образомъ деревень и земель Вашего И-аго В-ва въ Малой Россіи раскрадено, по-чему и въ коммиссію надобно такихъ секретарей и служителей опредѣлить, которые бы прежднимъ неправымъ резолюціямъ по малороссійскимъ дѣламъ, яко по прежнимъ, уже не были послѣдовательны. Ожидаю на сіе высочайшей резолюціи Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ графъ К. Разумовскій.

Резолюція.

1762 года. По сему доложить, а въ Сенатъ послать указъ для опредѣленія нарочныхъ членовъ въ коммиссію для расбору вышеписаннаго о раскраденныхъ земляхъ; той же коммиссіи изслѣдовать, и о удовольствіи въ обстоятельствѣ доложить.

Дѣло у Елагина 1763 года февраля 18 дня (помѣта).

3) Письмо Неплюева къ М. П. Миклашевскому съ запрещеніемъ употреблять нѣкоторыя слова въ донесеніяхъ. (Съ подлинника).

Милостивый Государь мой Михаилъ Павловичъ!

Государь императоръ, выслушавъ послѣднѣ полученное донесеніе вашего превосходительства, сего октября отъ 12-го числа вы-

сочайше повелѣть мнѣ изволилъ написать вашему превосходительству, дабы вы, милостивый государь мой, впредь въ донесеніяхъ не употребляли такихъ словъ, кои смыслу въ россійскомъ языкѣ несвойственны, а введены въ употребленіе незнающими онаго и почитающими за похвальное умствованіе то, что никакого смыслу не имѣетъ, какъ напримѣръ, въ донесеніи вашего превосходительства употреблено слово *пособіе*; и сему подобныхъ: *обозрѣть*, *преслѣдовать*, *выполнить*, *протеченіе*, *подъ стражу* и проч.—Исполняя симъ высочайшее повелѣніе, честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ

Милостивый государь мой вашего превосходитольства покорнымъ слугою Д. Неплюевъ.

Г. Гатчина октября 29 дня 1799 года. Его превосходительству М. И. Маклашевскому.

Сообщилъ Н. Василенко.

Памяти И. Ѳ. Тимковскаго, М. А. Максимовича и П. А. Антоновича. Помѣщенная въ «Кіевской Старинѣ» статья Н. Шугурова объ И. Ѳ. Тимковскомъ[1]) навела меня на мысль о небезполезности дѣлиться съ другими печатно иногда самыми ничтожными воспоминаніями, касающимися лицъ нашего недавняго прошлаго, имена которыхъ достойны того, чтобы не быть забытыми въ исторіи. Вѣдь изъ ряда такихъ мелкихъ замѣтокъ искусная рука можетъ со временемъ создать живые облики почтенныхъ дѣятелей прошлаго, весьма поучительные для современниковъ и потомковъ, и иногда очень любопытные для характеристики быта и нравовъ пережитыхъ эпохъ. Въ данномъ случаѣ я не могу сообщить ничего рѣзко бьющаго въ глаза относительно почтенныхъ лицъ, имена которыхъ поставлены въ заголовкѣ моей замѣтки, тѣмъ болѣе, что перваго изъ нихъ я никогда и въ глаза не видалъ; однако-же, мнѣ кажется, и эти мелочи, съ одной стороны, будутъ служить данью благодарности дорогимъ именамъ, съ другой—прибавятъ нѣсколько новыхъ симпатичныхъ фактовъ къ тѣмъ, которые хорошо извѣстны уже изъ многихъ другихъ данныхъ.

Н. Шугуровъ въ своей статьѣ объ И. Ѳ. Тимковскомъ указываетъ на то, съ какой благодарностью вспоминали всегда ученики

---

[1]) 1891 г. № 8—10.

имя этого славнаго своего воспитателя. Я и хочу теперь прибавить еще одинъ такой случай благодарной памяти, тѣмъ болѣе, что онъ проявился въ умилительно скромной, нисколько не расчитанной на эффектъ, формѣ, хотя участниками его были—маститый уже въ тѣ годы старецъ, пользовавшійся всероссійской извѣстностью ученаго, Михаилъ Александровичъ Максимовичъ, и тоже удрученный уже годами человѣкъ, въ большихъ чинахъ, съ крупнымъ положеніемъ въ обществѣ, попечитель кіевскаго учебнаго округа Платонъ Александровичъ Антоновичъ.

Будучи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ хорошо знакомъ съ М. А. Максимовичемъ, я не разъ слыхалъ отъ него разсказы, связывавшіеся съ воспоминаніями о его дядѣ И. Ө. Тимковскомъ, отъ котораго онъ пріобрѣлъ и первыя свои познанія въ наукахъ. Изъ разсказовъ этихъ у меня въ памяти не сохранилось ничего особенно характернаго; но за то я живо помню день 20-го Іюля 1872 года, когда я въ теченіе всего лѣта прожилъ подъ одной кровлей съ Михаиломъ Александровичемъ на знаменитомъ его хуторѣ «Михайловой Горѣ», въ уютномъ, маленькомъ флигелькѣ подъ соломенной крышей, теперь уже не существующемъ. Живо помню я этотъ день вотъ по какимъ обстоятельствамъ.

Случилось такъ, что жена Мих. Алексадр. съ маленькой дочкой уѣхала, на единственной парѣ имѣвшихся у нихъ лошадокъ, къ своимъ роднымъ, въ степи, верстъ за 50 отъ ихняго хутора. Оставались дома только самъ хозяинъ, сынъ его, тогда ученикъ 1-го класса, и я—въ качествѣ репетитора

19-го Іюля вечеромъ получается записка изъ Канева отъ Плат. Алекс. Антоновича, который по дѣламъ службы, какъ онъ сказалъ, былъ въ этомъ городѣ. Въ запискѣ значилось, что такъ-какъ завтра церковь празднуетъ день св. Иліи, то ему хотѣлось-бы, пользуясь случаемъ, провести этотъ день вмѣстѣ съ уважаемымъ Мих. Александр., посвятивъ его памяти покойнаго Ильи Ѳеодоровича Тимковскаго, бывшаго также воспитателемъ и его въ Новг.-Сѣверскѣ; поэтому, 20-го числа рано утромъ онъ пріѣдетъ на лодкѣ изъ Канева въ ближайшее къ Михайловой Горѣ село Прохоровку и непосредственно съ берега отправится въ церковь, чтобы тамъ выслушать обѣдню и потомъ заказать панихиду по Тимковскомъ, а затѣмъ уже ѣхать на Михайлову Гору. Надо было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ прочитана была эта записка Михайломъ Александровичемъ, всегда отъ души любившимъ П. А. Антоновича, теперь-же особенно умилив-

шимся, видя такую сердечную теплоту въ немъ по отношенію къ уважаемому дядѣ. Но умиляться долго не приходилось: надо было подумать о томъ, какъ доставить съ берега въ церковь такого почтеннаго гостя, при томъ въ чинахъ немалыхъ, а затѣмъ—какъ и чѣмъ завтра потчивать его. Ни лошадей, ни повозки, ни кучера дома нѣтъ,—надо гдѣ-то занимать ихъ, а обѣдъ прійдется подать такой, на какой «спроможется» нехитрая въ этихъ случаяхъ деревенская кухарка. Пришлось мнѣ сейчасъ-же идти въ сосѣднее село къ одному знакомому помѣщику и просить на завтра на цѣлый день лошадей, экипажъ и кучера. Добыть-то все это я добылъ, но далеко не въ такомъ видѣ, къ какому въ большинствѣ случаевъ привыкли высокопоставленныя особы: простая бричка на дрогахъ, пара скромныхъ лошадокъ, съ соотвѣтственной упряжью, и возница въ обыкновенномъ деревенскомъ костюмѣ. Рѣшено было, что Михаилу Александровичу самому, по старости лѣтъ и по болѣзненности, не слѣдуетъ ѣхать встрѣчать гостя, т. к. нужно было на берегъ явиться къ 7 часамъ утра, а поѣду съ этой цѣлью я и, встрѣтивъ его, прямо повезу въ церковь, а затѣмъ пошлю лошадей за Мих. Александровичемъ. Въ назначенный часъ я былъ уже на берегу и вскорѣ увидѣлъ такой-же скромный водяной экипажъ, каковой былъ со мной сухопутный: обыкновенная некрашенная лодка, называемая на Днѣпрѣ «гылярой», и на ней три гребца; весь парадъ, очевидно устроенный каневскимъ исправникомъ, состоялъ въ томъ, что тутъ-же на лодкѣ находился нижній полицейскій чинъ, въ качествѣ провожатаго при почетномъ пассажирѣ.

Мало привыкшій къ общенію съ «особами», я все время придумывалъ фразы, которыя благоприличнѣе было бы сказать при первой встрѣчѣ, но всѣ мои планы сразу рушились отъ совершенно неожиданной простоты и задушевности, съ какими гость самъ обратился ко мнѣ, разспрашивая то объ одномъ, то о другомъ, пока мы доѣхали до церкви. Выслушавъ обѣдню и отслуживъ панихиду «по рабѣ Божіемъ Иліи», къ которой успѣлъ подъѣхать и Михаилъ Александровичъ, эти два почтенные старца скромненько усѣлись въ неприхотливый, и довольно таки тряскій, экипажъ и направились на Михайлову Гору, гдѣ въ теченіе всего остального дня лилась задушевная бесѣда, постоянно возвращавшаяся къ основной темѣ дня—къ воспоминаніямъ объ Ильѣ Ѳедоровичѣ Тимковскомъ. Тутъ-то, въ этой простотѣ отношеній ко всѣмъ, включая и прислугу, въ этой сердечности слышанныхъ мною рѣчей ихъ, я еще одинъ разъ убѣ

дился въ дорогихъ чертахъ характера Михаила Александровича и въ первый разъ замѣтилъ ту добрую, простую и исполненную живого огня душу Платона Александровича, ту сердечность его, въ которыхъ потомъ неоднократно мнѣ пришлось убѣдиться совсѣмъ при другихъ обстоятельствахъ и при иной обстановкѣ. Но это уже воспоминанія, навѣянныя иными темами, а потому имъ не время теперь.

В. Науменко.

Къ вопросу о сохраненіи памятниковъ историческихъ лицъ.

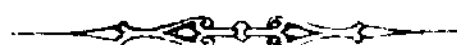
Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (№ 252) читаемъ: «*Херсонъ* (отъ нашего корреспондента). Сегодня на Потемкинскомъ бульварѣ херсонскимъ гражданамъ предоставлено было любоваться прекурьезной картиной реставрированія потемкинскаго памятника. Извѣстно, что наше городское управленіе въ память столѣтія со дня смерти князя Потемкина (5 октября), рѣшило между прочимъ, заняться приведеніемъ въ надлежащій видъ какъ бульвара, такъ и реставрированіемъ самаго памятника, для чего думою въ послѣднемъ засѣданіи была ассигнована извѣстная сумма денегъ. Повторяемъ, постановлено было реставрировать памятникъ (князю Потемкину), на который всесокрушающая сила времени наложила свою печать. И вотъ сегодня мы видѣли, какъ эту миссію выполнялъ какой-то рабочій: сидя на корточкахъ, онъ при помощи долота и молотка усердно скашивалъ, одно за другимъ, ребра гранитнаго пьедестала, на которомъ высится памятникъ, и снялъ такимъ образомъ вершка на 1½ гранита—во всю длину реберъ! На вопросъ возмущенныхъ такимъ безобразіемъ г.г. С. и Р.—кто распорядился такъ обезобразить памятникъ—рабочій наивно отвѣчалъ, что онъ исполняетъ приказъ городской управы, которая велѣла ему именно такъ исправить пьедесталъ на томъ основаніи, что въ одномъ изъ угловъ были отбиты куски гранита, а потому, молъ, для ровности слѣдуетъ стесать всѣ углы и ребра. Такъ вотъ какъ, читатель, городская управа наша реставрируетъ памятникъ князю Потемкину, къ слову сказать, единственный въ городѣ монументъ (если не считать памятника Д. Говарду противъ тюрьмы), находящійся въ самомъ центрѣ его! Ужъ, по истинѣ, усердіе не по разуму, за которое врядъ ли скажутъ спасибо нашей управѣ любители старинныхъ памятниковъ, и вообще люди, дорожащіе сохраненіемъ ихъ первоначальныхъ формъ".

Изъ этого сообщенія не видно, приглашала ли херсонская городская управа для выполненія своего постановленія спеціалиста-художника, обращалась ли она за совѣтомъ къ какому либо компетентному учрежденію по археологіи и техникѣ дѣла, или руководилась соображеніями личнаго вкуса простаго каменщика? Изъ того, что корреспондентъ «Одесскаго Вѣстника» называетъ этотъ фактъ «безобразіемъ», которымъ «возмутились» прохожіе, видно только, что тремъ жителямъ Херсона не нравится способъ обновленія памятника Потемкина ко дню столѣтняго юбилея со дня его смерти.

Конечно, управа и дума херсонскія въ возраженіе на приведенную корреспонденцію могутъ отвѣтить, что de gustibus non est disputandum. Но хотя Новороссіи можетъ быть и свойственно относиться слегка ко всякому «старью», все же и для новыхъ и для старыхъ городовъ должны бы существовать одинаковые обычаи. Вѣдь если думы на свои собственныя средства ставили какіе-либо памятники, то еще не было примѣра, чтобы они обсуждали и утверждали и самую внѣшнюю форму ихъ; опредѣленіе послѣдней съ точки зрѣнія художественнаго выполненія деталей всегда отдается на усмотрѣніе спеціалистовъ. Изъ этого ясно, что и всякое измѣненіе существующаго уже памятника едва-ли можетъ подлежать компетенціи хозяйственнаго учрежденія.

Въ дѣйствующемъ городовомъ положеніи въ числѣ обязанностей городскаго общественнаго управленія указана и обязанность украшать города памятниками. Но разъ они созданы по обычнымъ правиламъ при помощи подписки со всей страны, то едва ли могутъ считаться собственностью того города, гдѣ находятся, и едва ли могутъ быть измѣняемы въ болѣе упрощенномъ порядкѣ, чѣмъ тотъ, какимъ совершается ихъ постройка. По этому нужно думать, что постановленіе херсонской думы о реставрированіи памятника должно бы было пройти до своего осуществленія болѣе долгія перипетіи, чѣмъ мы видимъ въ данномъ случаѣ: только нѣсколько дней назадъ въ послѣднемъ засѣданіи думы, состоялось ея постановленіе, а тутъ уже рабочій тешетъ гранитный пьедесталъ памятника!

Интересно, что скажетъ по поводу этого инцидента Одесское Общество исторіи и древностей, въ кругъ обязанностей котораго входитъ и храненіе памятниковъ древностей въ Новороссійскомъ краѣ?



БИБЛІОГРАФІЯ.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга пятая. Издана подъ редакціей М. Ф. Владимирскаго-Буданова. Кіевъ 1891. Стр. V+3+182+227. Цѣна 2 р. 50 съ пер. 2 р. 75 к.

Пятая книга «Чтеній» не богата отдѣломъ «изслѣдованій». За исключеніемъ двухъ-трехъ статей, и между ними интересной и важной, какъ по богатству фактовъ, такъ и по самой важности затронутаго вопроса, статьи *проф. В. С. Иконникова* объ отмѣнѣ пытки въ Россіи, въ которой авторъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за постепеннымъ измѣненіемъ у правительства взгляда на пользу пытки,—остальныя статьи носятъ какой то extra спеціальный, узко-археологическій характеръ и могутъ представлять интересъ развѣ только для того круга самыхъ узкихъ спеціалистовъ, которымъ нѣтъ дѣла до исторіи, какъ науки общественной, имѣющей своей цѣлью не собраніе раритетовъ, а жизнь общества во всѣхъ ея проявленіяхъ, будь то въ сферѣ политической, экономической, умственной, правовой, нравственной, религіозной. Выдѣляя статью проф. Иконникова изъ «изслѣдованій», помѣщенныхъ въ «Чтеніяхъ», мы, при всемъ нашемъ желаніи процвѣтанія историческому обществу, все-же сожалѣемъ, что статья эта помѣщена въ такомъ, мало распространенномъ сборникѣ, какъ «Чтенія», а не въ какомъ-нибудь другомъ журналѣ, гдѣ бы она, несомнѣнно, пріобрѣла гораздо большій кругъ читателей и не прошла бы безслѣдно, познакомивъ публику съ однимъ изъ интересныхъ вопросовъ нашей, если такъ можно выразиться, правовой культуры.

Важный вопросъ объ еврейской колонизаціи затронулъ и *И. М. Каманинъ* въ своей статьѣ «*Евреи въ лѣвобережной Украйнѣ*»; но въ виду того, что вопросъ этотъ большой и сложный и тѣсно связанъ съ экономическою жизнью Малороссіи съ одной стороны, а съ

другой—и съ экономическимъ положеніемъ тѣхъ мѣстностей, откуда выселялись евреи, авторъ ограничился скромною задачею прослѣдить увеличеніе еврейскаго населенія на лѣвомъ берегу Днѣпра къ концу XVIII вѣка.

Для своей цѣли И. М. Каманинъ пользовался «вѣдомостями», составленными въ 1738 году, по приказанію сената, и въ 1792 году, по распоряженію кіевскаго намѣстника сенатора Кречетникова. Въ обоихъ случаяхъ дѣло шло о высылкѣ евреевъ за границу; но въ 1792 году высылка эта не состоялась; въ 1794 году положеніе евреевъ было облегчено, а въ 1804 году были расширены ихъ права изданіемъ извѣстнаго «Положенія для евреевъ» (стр. 43). Къ сожалѣнію только, авторъ не затронулъ вопроса, на сколько можно довѣрить свѣдѣніямъ, собраннымъ оффиціальнымъ путемъ, да еще при такихъ обстоятельствахъ, когда евреямъ приходилось, поневолѣ, скрываться, въ чемъ имъ, несомнѣнно, могло помогать и малорусское шляхетство, заинтересованное, чтобы евреи остались въ Малороссіи (стр. 41—43). Пользуясь такимъ подозрительнымъ матеріаломъ, И. М. Каманинъ сдѣлалъ при томъ непростительную оплошность, повліявшую на всѣ его выводы и соображенія. Онъ забылъ, что въ «вѣдомостяхъ» 1738 г. онъ имѣетъ свѣдѣнія о количествѣ евреевъ на всемъ лѣвомъ берегу, а въ «вѣдомостяхъ» 1792 года—только въ уѣздахъ кіевскаго намѣстничества и что о плотности еврейскаго населенія въ такихъ, напр., уѣздахъ, какъ коропскій, кролевецкій, глуховскій, нѣжинскій, сѣверная часть Черниговщины, ему ничего неизвѣстно; цифру еврейскаго населенія въ кіевскомъ намѣстничествѣ авторъ принимаетъ за цифру населенія на всемъ лѣвомъ берегу [1]). Конечно, благодаря этому, его соображеніе, будто къ концу XVIII вѣка замѣчается *«передвиженіе* массы евреевъ отъ прежнихъ внутреннихъ торговыхъ центровъ къ Днѣпру» (стр. 52)—падаетъ само собою. «Разселеніе евреевъ, по мнѣнію И. М. Каманина, подчинялось *исключительно* условіямъ, въ которыхъ находилась торговля лѣваго берега Днѣпра» (стр. 53). Мы позволимъ себѣ оспаривать у автора право дѣлать выводы и обобщенія исключительно только на основаніи статистическаго матеріала: статистика даетъ возможность установить фактъ, для объясненія же его нужны другія средства. Судя по настоящему положенію дѣлъ, торговля, дѣйствительно, должна была играть немаловажную роль въ

---

[1]) Чтенія стр. 51. % вычислены, какъ будто бы данныя есть для всего лѣваго берега.

дѣлѣ разселенія евреевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, но была ли она *исключительнымъ* условіемъ? Самъ же И. М. Каманинъ говоритъ: «профессіи евреевъ, какъ бѣлорусскихъ, такъ и польскихъ (выходцевъ) излюбленныя ими: тѣ и другіе, говоритъ вѣдомость, *по договорамъ съ владѣльцами* находятся у продажи горячаго въ шинкахъ вина и другихъ питей, *иные въ винокуренныхъ заводахъ*, а протчіе *упражняются въ рукодѣліи и въ партикулярномъ услуженіи»* (стр. 52). Значитъ, кромѣ торговли и спросъ на еврейскій трудъ игралъ роль въ колонизаціи; къ сожалѣнію только, матеріалы, бывшіе въ рукахъ И. М. Каманина, не даютъ возможности опредѣлить роль различныхъ условій въ дѣлѣ еврейскаго разселенія на лѣвомъ берегу. На вопросъ этотъ, вѣроятно, отвѣтятъ тогда, когда ближе будетъ изслѣдована внутренняя жизнь Малороссіи въ XVIII вѣкѣ [1]).

Несмотря на нѣкоторыя положенія, съ которыми мы согласиться не можемъ, мы должны признать, что статья И. М. Каманина, по намѣченному имъ вопросу, принадлежитъ къ наиболѣе интереснымъ «изслѣдованіямъ», помѣщеннымъ въ «Чтеніяхъ». Первая половина статьи посвящена «отношеніямъ польскаго и русскаго правительства къ евреямъ въ лѣвобережной Украйнѣ. Въ краткомъ очеркѣ, такъ сказать, à vue d'oiseau, авторъ даетъ обзоръ мѣръ, принимавшихся по отношенію къ евреямъ съ XII вѣка. Общій выводъ, къ которому

[1]) Для статистики населенія Малороссіи вообще и еврейскаго въ частности не лишены значенія такъ называемыя „ревизскія сказки", заключающія въ себѣ перепись населенія, положеннаго въ подушный окладъ. „Сказки" эти же могутъ похвалиться своей точностью: ревизіи и обыкновенно сопровождались злоупотребленіями. укрывательствомъ „душъ"; на точность могла вліять также и трудность веденія самаго дѣла—переписи населенія, при отсутствіи хорошо выработанной техники но все же приблизительное понятіе о количествѣ населенія „сказки" могутъ дать Желательно, чтобы лица, имѣющія возможность заняться на мѣстѣ, въ Полтавѣ и Черниговѣ, воспользовались „ревизскими сказками" и составили бы таблицы населенія Малороссіи во второй половинѣ XVIII и въ XIX вв. Просматривая, съ разрѣшенія г-на управляющаго полтавск. казенной палатой А. В. Шидловскаго, весной этого года дѣла въ архивѣ палаты, мы видѣли „ревизскія сказки" 1782, 1795 и послѣдующихъ годовъ, сохранившіяся по всѣмъ уѣздамъ полтавской губерніи; всѣ они находятся въ исправности, и къ нимъ имѣются канцелярскія описи. Такія же „сказки" должны быть и въ черниговской казенной палатѣ. Сказки содержатъ свѣдѣнія о мѣщанахъ, купцахъ, евреяхъ, козакахъ, разночинцахъ, отставныхъ отъ службы, священно—и церковнослужителяхъ, о крестьянахъ, поступившихъ изъ монастырей въ казенное вѣдомство, о помѣщичьихъ крестьянахъ. Свѣдѣнія о послѣднихъ подавались самими помѣщиками. Здѣсь интересны свѣдѣнія о бѣглыхъ, отданныхъ въ приданое, въ солдаты и пр.

пришелъ г. Каманинъ такой: «польское правительство разрѣшало поселеніе евреевъ въ лѣвобережной Украйнѣ; напротивъ, русское правительство всегда относилось неблагопріятно (къ н)имъ и запрещало ихъ поселеніе; малорусское дворянство, напротивъ, поддерживало евреевъ (стр. 53).

Живо написанный рефератъ *О. И. Левицкаго «Луцкая старина»* знакомитъ насъ съ остатками и судьбой луцкихъ древностей, и намъ лишній разъ приходится убѣдиться, какъ мало цѣнятъ у насъ остатки старины и заботятся объ ихъ сохраненіи. Въ Луцкѣ сохраняется, между прочимъ, библіотека бывшаго іезуитскаго коллегіума, заключающая въ себѣ, по словамъ О. И. Левицкаго, не мало цѣнныхъ книгъ и рукописей и какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшая отъ многочисленныхъ пожаровъ, постигавшихъ зданіе, гдѣ она помѣщается; въ ней есть не мало цѣннаго матеріала для исторіи южно-русской драмы и затѣмъ для исторіи армянской общины, когда-то существовавшей въ Луцкѣ. Хотя библіотека находится и въ хорошихъ рукахъ, все же, для удобства пользованія ею, обществу слѣдовало бы позаботиться о передачѣ ея въ университетъ или академію. Библіотека эта оказывается совсѣмъ еще неизвѣстной, каталоговъ нѣтъ,—они только составляются. Неужели общество, выслушавши рефератъ г. Левицкаго, останется равнодушнымъ и не приметъ мѣръ, чтобы подробнѣе съ ней ознакомиться? По нашему мнѣнію, это прямая обязанность общества. Кто же будетъ заботиться о приведеніи въ извѣстность и о сохраненіи памятниковъ и остатковъ старины, если не историческое общество, прямо заинтересованное въ этомъ? вѣдь не еврей же Сорока, на котораго сердиты теперь за то, что онъ сломалъ въ Луцкѣ старинную церковь, *проданную ему властями съ публичныхъ торговъ?* (стр. 76 и слѣд.) [1]).

[1]) Вообще намъ кажется, что *Обществу лѣтописца Нестора* слѣдуетъ серьезно подумать о томъ, чтобы собрать и собирать, по возможности, полныя свѣдѣнія объ *южно-русскихъ* памятникахъ старины. Такую задачу указываетъ ему само географическое положеніе его мѣстопребыванія—Кіевъ.

Судя по отчету (*Чтенія* кн. V отд. I стр. 34), общество располагаетъ кой-какими, хотя, правда, чрезвычайно скудными средствами и оно могло бы въ удобное для себя время командировать нѣсколько членовъ для осмотра архивовъ, хранящихся въ разныхъ учрежденіяхъ и у частныхъ лицъ, и затѣмъ принимать мѣры, если не къ передачѣ ихъ въ вѣдѣніе общества или университета, то, по крайней мѣрѣ, къ должному ихъ охраненію. Историческимъ обществамъ, думается намъ нужно стараться добиться, чтобы вопросъ относительно архивовъ былъ также поставленъ какъ стоитъ вопросъ относительно раскопки кургановъ, т. е, чтобы ни одинъ архивъ не былъ уничтоженъ безъ предварительнаго сношенія съ ка-

кимъ-нибудь ученымъ учрежденіемъ, будь то историческое общество или университетъ; иначе, при отсутствіи въ Малороссіи архивныхъ коммиссій, всѣ мелкіе архивы, содержащіе въ себѣ наиболѣе цѣнные документы для характеристики народной жизни, погибнутъ. Намъ извѣстно, напримѣръ, что не очень давно былъ проданъ на пуды архивъ глуховскаго уѣзднаго суда, причемъ достоинство и важность дѣлъ оцѣнивалъ секретарь полицейскаго управленія г. Л—чъ, человѣкъ не получившій никакого образованія и, сколько намъ извѣстно, никакой склонности къ исторіи не питающій. Одинъ изъ любителей старины показывалъ намъ нѣсколько дѣлъ, найденныхъ имъ уже въ лавкѣ, гдѣ они были обречены на завертываніе въ нихъ покупокъ; судя по этимъ дѣламъ, съ гибелью глуховскаго архива погибло очень много интереснаго для характеристики бытовой стороны народа. Не знаемъ, на сколько вѣрно, но намъ передавали, что такая же участь постигла и архивъ новгородсѣверскаго уѣзднаго суда. Весной этого года на волоскѣ висѣла судьба архива глуховскаго духовнаго правленія: протоіерей соборной церкви, какъ намъ передавали, сдѣлалъ представленіе о продажѣ его на пуды, но, къ счастію, епархіальное начальство не согласилось на это. Этимъ лѣтомъ обстоятельства помѣшали намъ осмотрѣть архивъ, но лица, его видѣвшія, говорятъ, что онъ находится въ ужасномъ безпорядкѣ, часть дѣлъ разбросана по полу; хранится онъ на чердакѣ лавокъ, принадлежащихъ соборной церкви, и прикрытъ толстымъ слоемъ голубинаго помета; о пыли уже и говорить нечего. Дѣла, хранящіяся въ архивѣ, относятся, главнымъ образомъ, къ половинѣ XVIII вѣка. Какія цѣнныя данныя могутъ храниться въ архивахъ духовныхъ правленій, показываетъ напечатанная въ № 1. „Кіевской Старины“ за 1890-й годъ статья проф. Амф. С. Лебедева „Борьба духовенства съ суевѣріями въ бѣлгородской епархіи“.

Кромѣ приведенія въ извѣстность и охраненія (пока въ Малороссіи нѣтъ архивныхъ коммиссій) архивовъ, обществу слѣдовало бы позаботиться о приведеніи въ извѣстность хоть главнѣйшихъ источниковъ по исторіи Малороссіи и объ ознакомленіи публики съ ихъ характеромъ. Изслѣдователь, желающій заняться какимъ-нибудь вопросомъ малорусской исторіи, встрѣчаетъ на первыхъ порахъ два серьезныхъ препятствія—одно изъ нихъ лежитъ въ разбросанности главнѣйшихъ источниковъ, которыхъ нужно искать въ Кіевѣ, Черниговѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Полтавѣ и въ частныхъ рукахъ; второе—въ неизвѣстности источниковъ, ихъ главнѣйшаго характера. Изслѣдователь на первыхъ же порахъ становится въ тупикъ, съ чего начать? Мы знаемъ, напримѣръ, что въ черниговской казенной палатѣ хранятся документы по исторіи монастырскаго землевладѣнія (*Ал. Лазаревскій.* Описаніе Старой Малороссіи т. I стр. XIII), но какого рода они, исключительно ли это дѣла о поземельныхъ спорахъ, или же тамъ есть юридическіе акты укрѣпленія, статистическій матеріалъ—остается неизвѣстнымъ; неизвѣстенъ также и архивъ малороссійской коллегіи при харьковскомъ университетѣ, такъ какъ „опись“ г. Рагозина не даетъ о немъ никакого почти понятія; не извѣстны документы, хранящіеся и въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ, въ университетѣ, академіи. Къ стыду южно-русскихъ любителей старины и ученыхъ нужно сказать, что съ характеромъ такого, напр., источника, какимъ является „Слѣдствіе о маетностяхъ“ публика познакомилась только въ самое послѣднее время, благодаря выходу въ свѣтъ I тома „Описанія Старой Малороссіи“ г. Лазаревскаго и рецензіи на него проф. Лучицкаго (Кіев. Унив. Изв.).

О «старинѣ» говоритъ и *В. И. Василенко* въ своей статьѣ «*Гадяцкая старина*», знакомящей читателя съ судьбой гетманскаго замка въ городѣ Гадячѣ. *Проф. И. И. Малышевскій* выступилъ на этотъ разъ съ рефератомъ «О церкви и иконѣ св. Богородицы подъ названіемъ «Пирогощи», *упоминаемыхъ* въ лѣтописи и въ словѣ о Полку Игоревѣ» и давно *безъ всякаго слѣда* исчезнувшихъ. Рефератъ *Н. В Стороженка* «*Малороссійское ополченіе 1812 года*» состоитъ, главнымъ образомъ изъ матеріаловъ, относящихся къ ополченію 1812 г. и заключающихъ въ себѣ офиціальную, порой интересную, переписку малоросс. генер.—губ. Лобанова-Ростовскаго, Трыцинскаго, Реннина и др.

Проф. В. З. Завитневичу принадлежитъ археологическая замѣтка о «*Замкѣ князя Семена Олельковича и лѣтописный городецъ подъ Кіевомъ*», можетъ быть и имѣющая интересъ для спеціалистовъ. Неважной и малоцѣнной представляется намъ и статья *Н. Н. Оглоблина* «*Къ исторіи открытія золотыхъ воротъ*». Авторъ посвятилъ цѣлыхъ 30 страницъ разсказу объ достаточно извѣстномъ чиновникѣ особыхъ порученій Лохвицкомъ, разыгрывавшемъ изъ себя роль археолога и обрѣвшемъ, между прочимъ, крестъ, водруженный св. Андреемъ на горахъ кіевскихъ. Статья г. Оглоблина была бы, пожалуй, и интересна для характеристики офиціальныхъ «ученыхъ» николаевскаго царствованія и того вообще времени, когда на занятіе «науками» смотрѣли какъ на службу, какъ на путь достигнуть чиновъ и орденовъ—но она безконечно длинна, авторъ дѣлаетъ ее утомительной, заваливая неинтересными, да и ненужными мелочами; выходитъ, дѣйствительно, что у автора была цѣль написать не «къ исторіи времени», а «къ исторіи открытія золотыхъ воротъ», потому-то весь его интересъ и сосредоточивается на томъ, когда «земля была снята», когда известь насыпана, когда дерну навалили, и по этому поводу приводится подробнѣйшая переписка Лохвицкаго.

Чтобы покончить съ отдѣломъ «изслѣдованій», намъ остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу статьи *проф. А. И. Соболевскаго* «*Нѣсколько мѣстъ начальной лѣтописи*». Прочитанная въ засѣданіи Общества, статья эта вызвала замѣчанія профессоровъ Ма-

Для ознакомленія публики съ характеромъ матеріала было бы полезно давать такую характеристику документовъ, какую сдѣлалъ напр., *В. А. Мякотинъ* относительно дѣлъ, хранящихся въ кіев. центр. арх. (Кіев. Ст. 1891 г. февраль „Дѣла по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII в. въ кіев. центр. арх.). Починъ въ этомъ дѣлѣ, думается намъ, должно взять на себя Историческое общество Нестора лѣтописца.

лышевскаго, Антоновича, Владимирскаго-Буданова, Завитневича; къ сожалѣнію только, протоколы засѣданій не сообщаютъ намъ, въ чемъ заключались эти замѣчанія? Проф. А. И. Соболевскій имѣетъ въ виду критику текста. Никто не станетъ отрицать важности такой критики. Когда на помощь историку при чтеніи трудныхъ и запутанныхъ мѣстъ является филологъ во всеоружіи своихъ филологическихъ знаній и ученаго аппарата—дѣйствительно, является иногда возможность распутаться въ темныхъ мѣстахъ лѣтописи и другихъ подобныхъ источниковъ, представляющихъ изъ себя наслоенія и искаженія многихъ вѣковъ. Когда же является филологъ, вооруженный одной лишь филологической формалистикой, когда онъ подводитъ запутанныя мѣста подъ заранѣе опредѣленныя формулы, когда, при толкованіи текста, онъ ограничивается только своими собственными, часто произвольными размышленіями, тогда въ перспективѣ лежитъ еще больше запутать то, что̀ пытаются объяснить. «Критика текста», предложенная г. Соболевскимъ, носитъ именно этотъ послѣдній характеръ. До чего бездоказательна она, основана исключительно на филологической формалистикѣ и какія недоумѣнія она вызываетъ, показываетъ слѣдующій, наиболѣе рельефный, примѣръ. Дѣло идетъ о народѣ, извѣстномъ у насъ обыкновенно подъ именемъ *сѣверянъ*. Въ различныхъ спискахъ лѣтописи народъ этотъ называется различно—*сѣверъ*, *сѣверо*, *сѣвера*, *сѣверы*, *сѣверяне*. Изъ приведенныхъ г. Соболевскимъ примѣровъ видно, что названіе *сѣверъ* встрѣчается 9 разъ, *сѣверо*—тоже 9, сѣвера—8, сѣверы—5; очень рѣдко встрѣчается *сѣверяне*, *сѣверяны*. «Изъ четырехъ первыхъ именъ, какъ совершенно резонно замѣчаетъ проф. Соболевскій, лишь одно могло находиться въ оригиналѣ лѣтописи. Какое? Форма *сѣвера* встрѣчается сравнительно рѣдко (sic), чтобы можно было на ней остановиться, да кромѣ того, изъ нея нельзя объяснить всѣ другія формы (почему?); форма *сѣверы* есть явное (почему?) позднѣйшее осмысленіе другой формы (почему и какой?), форма *сѣверъ* легко могла произойти изъ *сѣверо* (подъ вліяніемъ существительнаго *сѣверъ* и другихъ причинъ (какихъ?). Такимъ образомъ форма *сѣверо*, какъ чтеніе наиболѣе трудное (?! sic) и вмѣстѣ съ тѣмъ очень частое (9 разъ, какъ и *сѣверъ*), заслуживаетъ особеннаго вниманія (sic): изъ нея нетрудно объяснить всѣ другія формы (какимъ образомъ?); она должна была находиться у лѣтописца (почему?) (Стр. 2—3).—По этому образчику, пусть ужь самъ читатель судитъ, на сколько «Замѣтки» г-на Соболевскаго «имѣли право увидѣть свѣтъ» (стр. 1).

Мы переходимъ къ третьему отдѣлу «Чтеній» —къ «матеріаламъ». Отдѣлъ этотъ самый важный и интересный по цѣнности матеріаловъ, звѣсь напечатанныхъ, главнѣйшіе изъ которыхъ касаются Малороссіи и проливаютъ намъ достаточно свѣта на ея прошлую жизнь. Здѣсь помѣщены слѣдующіе «матеріалы»: Описаніе Черноморья, составленное Эмидіемъ д'Асколи въ 1634 г. (на итальянскомъ языкѣ) съ предисловіемъ *проф. Н. П. Дашкевича;* письмо канцлера Олпбрахта Гаштольда къ земскому подскарбію Богушу Боговитиновичу въ началѣ XVI в. о защитѣ Кіева отъ разоренія его татарами, сообщ. *И. М. Каманинымъ;* сообщ. *А. М. Лазаревскимъ* «Акты по исторіи монастырскаго землевладѣнія въ Малороссіи (1636—1730); *М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ* «Акты по управленію Малороссіею за 1767 г.; *О. И. Левицкимъ* «Къ исторіи водворенія въ Кіевѣ уніи» и *С. Т. Голубевымъ* «Матеріалы для исторіи западно-русской церкви».

Мы остановимся, главнымъ образомъ, на актахъ, сообщенныхъ А. М. Лазаревскимъ и М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ: по важности они занимаютъ первое мѣсто.

Не всѣ акты, сообщенные проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, отличаютси новизной: нѣкоторые изъ нихъ давно уже напечатаны и притомъ въ изданіяхъ, до того распространенныхъ, что врядъ ли была настоятельная необходимость перепечатывать ихъ вновь.

«Записка о недостаткахъ, усмотрѣнныхъ въ Малороссіи« напечатана, напр., въ приложеніяхъ къ книжкѣ г. Авсѣенка «Малороссія въ 1767 году; № XXI—въ Чтеніяхъ общества ист. и древн. 1861 г. кн. 1 между сообщенными М. О. Судьенкомъ «бумагами до управленія Малороссіею графа П. А. Румянцева-Задунайскаго относящимися»; тамъ же на стр. 148 помѣщенъ № XVI, а на 149—№ XIII. Другіе документы печатаются впервые, и на основаніи ихъ мы имѣемъ возможность, съ одной стороны, подробнѣе познакомиться со взглядами и дѣятельностью реформатора Малороссіи; съ другой—найти нѣсколько чертъ, характеризующихъ малорусскую общественно-правовую жизнь, какъ она выработалась ко второй половинѣ XVIII вѣка.

14 декабря 1766 года былъ изданъ манифестъ о созывѣ депутатовъ въ коммиссію для составленія Уложенія, и манифестъ этотъ вызвалъ въ Малороссіи самые разнообразные толки [1]). Нашлись люди,

[1]) О толкахъ, вызванныхъ въ Малороссіи манифестомъ 14 ноября см. XXVII т. Исторіи Россіи Соловьева и *И. В. Теличенка* „Сословныя нужды и желанія Мало-

которые отважились «разсуждать и о дѣлахъ государственныхъ, о которыхъ, какъ они сами признаются, ни свѣдѣнія, ни прямого понятія притомъ не имѣютъ, превращая оныхъ силу и разумъ въ различные глупымъ и невѣждамъ свойственные толки»; нашлись люди, позволившіе себѣ критиковать Высочайшій манифестъ и обрядъ о выборѣ депутатовъ, а это въ глазахъ суроваго реформатора Малороссіи, не привыкшаго къ противорѣчіямъ, не знавшаго въ Россіи никакого проявленія въ обществѣ политической мысли, должно было считаться «прямо противнымъ всевысочайшимъ узаконеніямъ». И вотъ онъ «предлагаетъ» малороссійской коллегіи «во всѣ полки и въ суда земскіе послать указы и велѣть тѣхъ полковъ отъ полковыхъ канцелярій во всѣхъ сотняхъ обнародовать, дабы всѣ и всякій о томъ вѣдая, отъ всякихъ таковыхъ до нихъ не принадлежащихъ разсужденій удержались, а старались единственно, прямо исполняя всевысочайшія установленія, прилежать по должности званія своего въ службѣ и дѣлахъ полезныхъ упражняться, а не въ праздности и невѣжествѣ». Съ виновными Румянцевъ грозилъ поступить по всей строгости законовъ, такъ какъ, говорилъ онъ, «мнѣ не подтверждать оные, но въ исполненіе приводить должно» (XVIII). И онъ исполнилъ свою угрозу. Собранное въ Нѣжинъ шляхетство батуринскаго и нѣжинскаго повѣтовъ выбрало въ предводители и депутаты въ коммиссію уѣзднаго судью Селецкаго, но затѣмъ, «не давъ ему никакого полномочія и не сочиня наказа, разъѣхалось на цѣлый мѣсяцъ и, собравшись потомъ выбрало въ депутаты вмѣсто Селецкаго Гр. Долинскаго. Казалось бы, въ этомъ нѣтъ ничего преступнаго; дворяне раздумали, имъ показалось удобнѣе имѣть депутатомъ Долинскаго, но формалисту генералъ-губернатору такой поступокъ показался «въ противность манифесту и обрядамъ», и онъ приписалъ его «одной слабости предводителя, неразумѣнію и непонятію силъ манифеста и приложенія»; я старался, говоритъ онъ, о точномъ исполненіи распоряженій правительства, «но всѣ мои даваемыя къ тому руководства не произвели въ сихъ кривотолкахъ никакого дѣйства, но, напротивъ, они вздумали прямо моимъ ордерамъ упорствовать». Выборъ Долинскаго былъ кассированъ, депутатомъ признанъ былъ Селецкій, и тѣмъ изъ дворянъ, которые стояли за выборъ Селецкаго, приказано было дать ему «полномочіе и наказъ». Съ «ослушниками ордеровъ» Ру-

---

россіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи“. Стр. 4 и слѣд. (также въ Кіевск. Стар. 1890 года).

мянцевъ поступилъ, какъ и хвалился—по всей строгости законовъ: цѣлый рядъ лицъ, списокъ которыхъ приложенъ къ документу, былъ отрѣшенъ отъ занимаемыхъ ими должностей и приказано было не опредѣлять ихъ вновь, «ибо, писалъ генералъ-губернаторъ малороссійской коллегіи, о поступленіи съ ними по законамъ я правительствующему сенату представилъ: къ нимъ никакой довѣренности имѣть не можно» (№IV).

Сенатъ утвердилъ выборъ Селецкаго, «похваля при томъ его и согласныхъ съ нимъ владѣльцовъ усердіе», избраннаго на мѣсто Селецкаго предводителемъ Тарнавіота отрѣшилъ отъ должности, «которую онъ ужь и нарушилъ неисполненіемъ по манифесту»; но суду его не предалъ, такъ какъ Румянцевъ засвидѣтельствовалъ, что «то отъ одной простоты произошло»; ослушниковъ указовъ, отрѣшенныхъ Румянцевымъ отъ должностей, сенатъ распорядился «отослать воинскихъ на воинскій, а гражданскихъ и неслужащихъ на гражданскій судъ, которымъ велѣть надъ виновными, заключа сентенціи, подать въ малороссійскую коллегію, а оной, разсмотря, съ своимъ мнѣніемъ представить сенату. «Въ предупрежденіе подобныхъ происшествій» обо всемъ этомъ были посланы указы въ города, гдѣ еще не было выборовъ, (№ V). Чѣмъ кончился судъ надъ ослушниками указовъ — мы не знаемъ; въ «актахъ» мы находимъ одинъ только документъ, относящійся къ суду надъ ними. 14 августа 1767 года Румянцевъ «къ произвожденію воинскаго суда» надъ ослушниками назначилъ полковника фонъ-Зытмана на мѣсто заболѣвшаго кн. Хованскаго (№ VI) [1].

Седьмой документъ изданныхъ проф. Владимірскимъ-Будановымъ актовъ относится къ извѣстнымъ погарскимъ выборамъ, гдѣ произошло столкновеніе между шляхетствомъ и мѣщанствомъ, между тянувшимъ сторону шляхетства погарскимъ войтомъ Григоріемъ Панасомъ и городскимъ головою Денисомъ Приваловымъ, поддерживавшимъ интересы мѣщанства. На Привалова посыпались доносы въ неисполненіи формъ, обряда, во всевозможныхъ злоупотребленіяхъ, и VII документъ относится къ концу этой общественной драмы [2]).

---

[1]) Недоразумѣнія при выборахъ въ Нѣжинѣ были извѣстны давно, но документы, относящіеся къ нимъ, напечатаны проф. Владимірскимъ-Будановымъ впервые. Ср. *Соловьевъ* т. XXVII стр. 52—54, *Теличенко* стр. 19.

[2]) Наказы малор. депут. стр. 219—226. *Соловьевъ* т. *XXVII* стр. 54—56 *Теличенко* стр. 20, *Авсѣенко* „Малороссія въ 1767 году" стр. 18 и слѣд.

Румянцевъ дѣлаетъ распоряженіе объ удержаніи подъ арестомъ одного только войта Панаса и объ освобожденіи его товарищей, потому что онъ нашелъ, «что всѣ таковые несправедливые доносы послѣдовали единственно отъ непознанія самихъ себя, неразумѣнія прямого общаго блага, однимъ словомъ отъ крайняго ихъ невѣжества, которое открывается наипаче въ отвѣтахъ, гдѣ они поставляютъ себѣ во оправданіе, что всякое прошеніе не есть погрѣшность, не разсуждая, что *прошеніе, затѣянное въ обиду другому или затрудняющее вышнее начальство, есть, конечно, преступленіе, каторое заслуживаетъ наказаніе;* иные же показываютъ, что по причинѣ скораго отправленія не поняли, на чемъ подписались».

Вообще Румянцевъ дѣйствовалъ въ Малороссіи слишкомъ самостоятельно и подъ часъ присвоивалъ себѣ власть настоящаго персидскаго сатрапа. «Онъ, говоритъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, часто выходилъ изъ скромныхъ рамокъ администратора и становился законодателемъ» (стр. 98); такъ онъ, напримѣръ, дѣлаетъ распоряженіе, чтобы жители малолюдныхъ городовъ не избирали депутата въ коммиссію, «чтобъ не обратилось то имъ въ тягость», а со всѣми своими нуждами и желаніями прямо обращались къ нему (№ I); предлагаетъ малороссійской коллегіи рѣшить, нужно ли судей низшихъ инстанцій, при переносѣ рѣшенныхъ ими дѣлъ въ высшія, вызывать туда «на очное омовеніе» или же самыя дѣла могутъ показать, достойны ли судьи оправданія или обвиненія. По закону, конечно, коллегія не могла рѣшить этого, такъ какъ здѣсь дѣло шло объ отмѣнѣ основнаго закона 4 разд. 40 арт. Литовскаго статута, дѣйствовавшаго тогда въ Малороссіи; но Румяцевъ уже à priori рѣшаетъ вопросъ и безъ Высочайшей власти, говоря въ «предложеніи» коллегіи, что многіе артикулы статута писаны для литовскаго княжества и для извѣстнаго времени, а для Малороссіи они не пригодны, въ томъ числѣ и 40 арт. 4 разд. (№ XIX). Румянцевъ, наконецъ, преобразовываетъ цѣлыя учрежденія опять-таки «безъ предварительнаго утвержденія своихъ мѣръ верховною властью» (стр. 98). Въ 1760 году Разумовскимъ, въ бытность его гетманомъ, былъ преобразованъ генеральный судъ, который состоялъ теперь изъ 12 «персонъ» и 10 выборныхъ депутатовъ, по одному отъ каждаго полка (№ XII). Смѣнившій Разумовскаго Румянцевъ не зналъ въ своемъ отечествѣ выборнаго суда, противорѣчившаго идеѣ централизаціи, проводникомъ которой въ Малороссіи являлся онъ, какъ генералъ-губернаторъ Екатерины II. Естественно поэтому, что Румянцевъ, присвоивъ

себѣ громадную власть, отмѣняетъ выборныхъ судей отъ полковъ на томъ основаніи, что «во всѣ годы продолженія сего постановленія (преобразованія Разумовскаго) рѣдко когда было полное собраніе въ судѣ сихъ всѣхъ десяти депутатовъ, а больше могли они въ неприбытіи и отлучкахъ своихъ выговариваться всякими причинами» (№ XIII). Вмѣсто нихъ назначаются «непремѣнными членами» суда надв. сов. Гр. Фридрикевичъ, зем. судья Сергѣй Дергунъ, бунч. тов. Александръ Безбородко и Петръ Симановскій. «Вновь опредѣленные члены, писалъ Румянцевъ въ ордерѣ объ ихъ назначеніи, конечно, должны чувствовать, коль великая къ нимъ довѣренность въ возлагаемой на нихъ важной должности обязуетъ быть ихъ прилежными, рачительными, единодушными въ благоразсужденіяхъ, хранить безпристрастіе и всякую добродѣтель непорочнаго судьи, исполняя праведными успѣхами надежду, которую имѣть могу, что ихъ тщаніе и прилежные труды умалятъ число просителей, прекратятъ волокиту и рачительно поищутъ истребить причины, противящіяся всякаго дѣла скорому окончанію» (№ XIV).

Малороссійскіе суды, дѣйствительно, были далеко не въ завидномъ положеніи. Волокита царила вездѣ, отчасти благодаря злоупотребленіямъ судей, а отчасти и благодаря процессу статута, который доставлялъ много путей тянуть дѣло для той изъ сторонъ, которая была заинтересована въ этомъ. Еще раньше преобразованія генеральнаго суда и наставленія его непремѣннымъ членамъ, Румянцевъ обратилъ вниманіе на волокиту, такъ какъ къ нему стали поступать жалобы. Препровождая ихъ въ коллегію, Румянцевъ напоминаетъ ей, что «всякая тяжба, бѣднымъ особливо людямъ, не меньше чувствительна, какъ и приключенныя обиды, о коихъ просятъ», и предлагаетъ «въ нижніе суды дать повелѣніе, чтобы судьи по справедливости исполняли возложенную на нихъ должность и чтобы всякая небрежность со стороны ихъ не оставалась безъ строжайшаго взысканія» (№ XI). Но несмотря на всѣ эти подтвержденія, дѣла «къ вящему разоренію бѣдныхъ» производились медленно и «безъ всякаго наблюденія порядка предписаннаго въ правахъ» (№ XVIII); указы, изданные для Малороссіи, были забыты, «вышли изъ наблюденія», какъ выражается Румянцевъ, и ими не пользовались даже въ судахъ (№ II). Опредѣленнаго сборника «правъ» не существовало. Для шляхетства былъ, правда, статутъ, для мѣщанства—магдебургское право; козаки выговорили себѣ суды въ статьяхъ; но на это раздѣленіе никто не обращалъ вниманія. Земскіе суды судили по статуту и судили не

однихъ только шляхтичей, но и козаковъ и мѣщанство, а потому часто отсуживали имѣнія въ тѣхъ случаяхъ, «гдѣ бы имъ, по словамъ Румянцева, не только вступать, но и принимать просьбы не слѣдовало». Козаки и мѣщане жаловались, что законовъ не знаютъ: «иной за нестанье по позву на срокъ ему неизвѣстный или отлучку отъ суда, будучи командированъ, лишается своего иску и имѣнія», а противная сторона всегда пользуется этимъ незнаніемъ». Чтобы хоть какъ-нибудь помочь дѣлу, Румянцевъ предлагаетъ коллегіи «выписавъ съ правъ, какія дѣла судамъ земскимъ на разсмотрѣніе опредѣлены, запретить онымъ, чтобъ отнюдь въ гражданскія дѣла не вступали, и мѣщанъ, коимъ судимымъ должно быть въ магистратахъ, къ суду земскому не привлекали»; въ помощь козакамъ опредѣлить адвокатовъ въ судахъ земскомъ и гродскомъ (№ XVII). Но такіе адвокаты раньше были уже учреждены при высшихъ судахъ, генеральномъ и коллегіи, и они не оправдали возложеннаго на нихъ довѣрія; казенная должность не могла доставить имъ той выгоды, какую представляло ходатайство по частнымъ дѣламъ, а потому они начали злоупотреблять своимъ положеніемъ и вмѣсто того, чтобы защищать интересы козаковъ и коронныхъ посполитыхъ, для чего они и были учреждены, адвокаты стали вести противъ нихъ тяжбы частныхъ лицъ, дѣйствуя такимъ образомъ во вредъ короннымъ интересамъ (№ XVI).

Несомнѣнно, Малоросія имѣла въ Румянцевѣ самого энергичнаго реформатора, который старался прислушаться къ нуждамъ народнымъ, во все старался входить, вездѣ старался помочь. Касалось ли дѣло суда, налоговъ, повинностей (№№ XX, XXI), экономическаго и матеріальнаго положенія народа—вездѣ Румянцевъ оставлялъ слѣды своей дѣятельности. Какъ широко понималъ онъ необходимость реформировать строй старой Малороссіи, показываетъ «Записка о усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недостаткахъ, о исправленіи которыхъ въ малороссійской коллегіи трахтовать должно». Въ «Запискѣ» этой сгруппированы главнѣйшіе недостатки малорусскаго строя, бросившіеся въ глаза энергичному реформатору. Картина получается, правда, невеселая; краски, можетъ быть, слишкомъ ужъ сгущены; но въ общихъ чертахъ нарисованная картина вѣрна. Малорусскій общественный строй представлялъ, дѣйствительно, много непригдядныхъ сторонъ и къ тому времени, когда писалась «Записка», показалъ всю свою несостоятельность, всю ложность основы, на которой онъ покоился и развивался и которая, по нашему мнѣнію, играла такую

видную, первенствующую роль въ дѣлѣ крушенія его, этого общественнаго строя,—то было широкое, почти ничѣмъ не сдерживаемое развитіе индивидуализма во всѣхъ сферахъ общественной жизни, какъ политической, такъ и экономической, и въ сферѣ отношеній между членами даннаго общества—въ сферѣ правовой.

Въ своей «Запискѣ» Румянцевъ предлагаетъ малороссійской коллегіи разсудить, какъ можно помочь дѣлу, какой нужно устроить судъ, чтобъ въ немъ не было «смѣшенія воинскихъ, гражданскихъ и земскихъ дѣлъ»; нужно ли учредить особый аппелляціонный судъ или же функціи его можетъ отправлять одинъ изъ департаментовъ коллегіи; какія нужно учредить «помѣстныя правленія» для отправленія дѣлъ «въ разсужденіи доходовъ, экономіи и коммерціи» (§ 1); нужно наново раздѣлить Малороссію (§ 2); въ судахъ нужно учредить адвокатовъ (§ 3), привесть въ порядокъ государственные доходы, которые съ самаго Хмельницкаго «въ надлежащій порядокъ приведены не были» (§ 4); позаботиться объ учрежденіи «плантацій и мануфактуръ» (§ 6), объ охраненіи лѣсовъ (§ 7), о приведеніи въ порядокъ дорогъ и плотинъ и завѣдываніи ими (§ 9), объ упорядоченіи виннаго промысла, нужно ограничить винокуреніе и шинкарство, чтобы «отымался способъ къ чрезмѣрному пьянству, въ коемъ обращаяся, здѣшній простый народъ не токмо теряетъ охоту къ трудолюбію, но часто и жизни безвременно лишаются; умалчивая, что множество пьяныхъ во снѣ и въ бѣшенствѣ по дорогамъ въ городахъ и поселеніяхъ къ омерзенію всегда видѣтъ случается» (§ 8). Города находятся въ жалкомъ положеніи; избывая повинностей, мѣщане бѣгутъ въ козаки, ратушныя имѣнія всѣ расхищены, постройка въ городахъ деревянная (§ 5), училищъ нѣтъ, нѣтъ и больницъ, родильныхъ пріютовъ. «Къ призрѣнію больныхъ и увѣчныхъ, говоритъ Румянцевъ, хотя, *какъ сказывають*, и есть больницы; но всѣ таковые а паче заразительными болѣзнями одержимые, на публичныхъ площадяхъ и большихъ улицахъ, въ доказательство крайняго о нихъ небреженія, лежатъ; въ спасеніи же во грѣхи впадшихъ и избавляющихъ себя отъ стыда и поношенія, и когда, въ первомъ пароксизмѣ, умерщвленіемъ своего плода должность христіанскаго человѣколюбія вовсе упущена, какъ таковыхъ убійствъ по дѣламъ весьма много, къ сожалѣнію, оказывается» (§ 12). Чиновники—лихоимцы, на службѣ только обогащаются (§ 13); въ дворяне пишется кто попало (§ 10); «простой народъ мнимымъ въ свободѣ своевольствомъ доведенъ до крайняго нерадѣнія о своемъ собственномъ, лѣности и распутства (sic),

ибо многіе, оставя свои пахотныя и другія земли, бродятъ съ мѣста на другое и, чтобъ удобнѣе провождать жизнь праздную и распутную (sic), остаются на всегда безъ грунтовъ, подъ именемъ подсусѣдковъ, работая лѣниво за кормъ и напой виномъ» (§ 18).—Военное дѣло находится въ безпорядкѣ (§ 14), артиллерія никуда не годится (§ 15); козаки, на обязанности которыхъ лежала повинность нести военную службу, уходятъ въ подданство, а владѣльцы, не смотря на запретительные указы, ихъ принимаютъ—все это нужно привести въ порядокъ «общественнаго добра ради, единожды на всегда на мѣрѣ поставить и тѣмъ самымъ пресѣчь всѣ и всякія родящіеся неустройства» (§ 14 и 16). Что касается земельныхъ отношеній, то тамъ царилъ тоже полнѣйшій безпорядокъ; почти всѣ села и деревни были розданы въ частное владѣніе подъ именемъ свободно войсковыхъ (§ 19), козачьи грунты, не смотря на неоднократныя запрещенія и подтвержденія этихъ запрещеній, продолжали продаваться и купчія преспокойнѣйшимъ образомъ совершались въ судахъ (§ 20). Большія имѣнія находились въ рукахъ чернаго и бѣлаго духовенства. Въ Великороссіи ихъ ужъ отобрали въ казну; «подлежитъ разсуждать и здѣсь, какимъ образомъ, сдѣлавъ къ пропитанію и снабденію церквей и обителей достаточное опредѣленіе, всѣ монашествующихъ имѣнія къ короннымъ, яко большею частію къ тѣмъ принадлежащія присоединить». Бѣлому духовенству опредѣлить съ приходовъ содержаніе и на основаніи указовъ 1728 и 1734 годовъ запретить владѣть имѣніями тѣмъ изъ нихъ, которые не дворянскаго происхожденія (§ 11).

Монастыри были однимъ изъ крупнѣйшихъ и главныхъ землевладѣльцевъ въ старой Малороссіи. Земельныя богатства ихъ очень ранняго происхожденія; они образовались частью вслѣдствіе пожертвованій частныхъ лицъ и государства, частью вслѣдствіе «скупли», затѣмъ заимокъ и захватовъ—этого обыкновеннѣйшаго способа завладѣнія на первыхъ порахъ всякаго вновь слагающагося общества. Войны Хмельницкаго нарушили земельный строй въ Малороссіи, выработавшійся ко второй половинѣ XVII вѣка, но онѣ не коснулись монастырей: ихъ крѣпости не были «скасованы» козацкою саблею, и типъ этого землевладѣнія продолжалъ существовать до конца XVII, вѣка, вполнѣ приноровившись къ тѣмъ экономическимъ, бытовымъ и политическимъ условіямъ, которыя выработала новая малороссійская жизнь, послѣ Богдана Хмельницкаго. Для характеристики его за это время драгоцѣнный матеріалъ даютъ «Акты по исторіи мона-

стырскаго землевладѣнія въ Малороссіи», напечатанные въ «Чтеніяхъ» А. М. Лазаревскимъ.

Между этими «актами» мы находимъ поземельные документы батуринскаго и новомлинскаго монастырей, состоящіе изъ гетманскихъ универсаловъ, полковничьихъ «листовъ» изъ различныхъ актовъ, которыми частныя лица передавали монастырямъ право на свои имѣнія; затѣмъ отрывки о поземельномъ спорѣ между этими двумя монастырями; слѣдствіе, наряженное гетманомъ Мазепой по жалобамъ жителей г. Сосницы и с. Кирѣевки на незаконное отобраніе у нихъ новгородсѣверскимъ монастыремъ десятины, и отрывокъ изъ дѣла о поземельныхъ спорахъ между Печерскою Лаврою и Братскимъ монастыремъ за Сорокошицкія земли.

Всѣ эти документы проливаютъ значительный свѣтъ на юридическія основанія монастырскаго землевладѣнія съ одной стороны, а съ другой—характеризуютъ и ту бытовую сторону, на которой покоилось и развивалось это землевладѣніе и которая является прямымъ слѣдствіемъ малорусскаго общественнаго строя, выработавшагося послѣ Богдана Хмельницкаго и основаннаго, какъ мы уже выше замѣтили, на широкомъ развитіи индивидуализма во всѣхъ сферахъ общественной жизни.

Монастырское землевладѣніе, сказали мы, давняго происхожденія и осталось совершенно ненарушеннымъ козацкими возстаніями. Послѣ освобожденія Малороссіи изъ польской власти, гетманы, начиная съ Богдана Хмельницкаго, охотно подтверждаютъ монастырямъ всѣ права на маетности и раздаютъ новыя, то «видячи убогій монастырь батуринскій» (стр. 54), то по просьбѣ игуменіи монастыря дѣвича батуринскаго новомлинскаго «яко для помноженія хвалы Божой, такъ и для вспартя недостатковъ ихъ монастырскихъ и уставичныхъ потребъ» (стр. 64), то «для хвалы Божой и для отпущенія грѣховъ нашихъ, яко и всего войска Запорожскаго (стр. 56). Въ 1636 году, напримѣръ, панъ Юрій Оссолинскій подтвердилъ батуринскому монастырю всѣ его грунта, «*здавна* до того належитыя, въ селѣ Обмочевѣ и Веровскіе, зо всѣмъ кгрунтомъ и пожитками, и сѣножатми, и озерами, борокъ красный, зъ бортмы лѣсъ и осѣчъ по Усорочъ озеро, пущу, взявши отъ озера Стучокъ, до того жъ озера Усороцкаго стягается по-надъ рѣкою Сеймомъ зъ обохъ сторонъ, перевозъ на Сейму батуринскій, поля до опаханя и озера, сѣножати.» (стр. 53). Въ 1655 году актъ Оссолинскаго былъ подтвержденъ Богданомъ Хмельницкимъ; въ томъ же году монастырю надано село

Хмѣловъ (54 стр.); въ слѣдующемъ полковникъ черниговскій Гр. Гуляницкій далъ млинъ на р. Мѣтѣевкѣ (55 стр.); тогда же Богданъ Хмельницкій выдалъ универсалъ на Спасское поле, Божокъ, Любитовъ, Заболотовъ и Варичи (стр. 55—56). Выговскій и Юрій Хмельницкій подтвердили универсалы Б. Хмельницкаго, причемъ нѣсколько «кгрунтовъ» было прибавлено (стр. 56—57); прибавилъ Коренецкій хуторъ и гетманъ Брюховецкій, подтверждая въ 1668 году универсалы своихъ предшественниковъ (стр. 58)

Во владѣніи монастырей мы встрѣчаемъ самыя разнообразные угодія; тутъ были цѣлыя села, деревни, хутора, пущи, перевозы, «арандарская часть», озера (слѣд. и рыбныя ловли), бортныя угодья, сѣнокосы, пахатныя поля, млинки и т. д. и т. д. Къ сожалѣнію только, напечатанные г. Лазаревскимъ акты мало еще даютъ намъ возможности опредѣлить полноту правъ монастырей на свои владѣнія. Монастыри зорко слѣдили, чтобъ уважалось ихъ право собственности, и ревностно оберегали свои владѣнія отъ «своеволей пустошеній», прибѣгая подъ защиту высшей власти—гетманской. «Дойшло до насъ вѣдати, говоритъ 16 ноября 1658 года въ своемъ универсалѣ Выговскій, «же своя воля пустошеня чинятъ въ пущахъ и сѣножатяхъ монастыра Батуринскаго; прето мы... стверждаемъ и покрѣпляемъ... сотники и атамани городовіе и сѣлскіе и жаденъ козакъ справи жадной абы не мѣли до того... абы жаденъ и ногою не вступивъ у монастрыскіе кгрунта, не тилко дуба зрубати, але и прута вирубати не позволяемъ подъ зарукою тысечи копъ; а хто бы былъ въ томъ спречнимъ бунти своеволніи подіймати, на церковь Божію (sic) черничиковъ похвалки на забойство, таковаго приказуемъ горломъ карати (sic), иначей не чиначи» (стр. 57). «Сурово» приказывалъ въ 1669 году и гетманъ Демьянъ Игнатьевичъ, чтобы козаки и посполитые люди въ грунтахъ монастырскихъ бобриковскихъ «наймѣньшой шкоды задавати не важилися». Жаловалась ему Евгенія Хлевинская, игуменія батуринская, монастыря бобриковскаго паненскаго, что козаки и люди посполитые «мимо права и универсаловъ, отъ бывшихъ гетмановъ наданныхъ, а звлаща и мимо жалованную его царскаго пресвѣтлаго Величества на тые грунта выданную грамоту, великое укривженіе въ ловленню рыбъ и въ скошуванню сѣножатей шкоды чинятъ и тимъ обители святой не мнѣй задаютъ прикрость»—и гетманъ писалъ въ своемъ универсалѣ: «если бы хто зъ козаковъ, албо зъ посполитыхъ людей якую колвекъ кривду въ помененныхъ озерахъ, отчинахъ, станахъ, поляхъ, сѣножатяхъ мона-

стырскихъ еще хотѣлъ задати, теди таковій зъ кождыхъ за скаргою срокгого отъ насъ не уйдетъ каранния, зъ утраченемъ своихъ маетковъ» (стр. 62).

Требуя уваженія своихъ правъ собственности, монастыри не церемонились съ другими, и въ этомъ отношеніи они были истинными сыновьями своего вѣка, гдѣ принципъ «chacun pour soi et Dieu pour tous» имѣлъ такое широкое примѣненіе. Архивы завалены жалобами на «гвалтовные наѣзды»,—на отнятіе насильно земель сильными у слабыхъ, богатыми у бѣдныхъ, въ дѣлахъ фигурируютъ часто сомнительнаго свойства документы, подученные свидѣтели—и во всемъ этомъ монастыри играютъ первенствующую роль. Въ своемъ предисловіи къ издаваемымъ актамъ А. М. Лазаревскій обращаетъ вниманіе изслѣдователей на то, что при подтвержденіи Выговскимъ правъ на имѣнія батуринскому монастырю и Самойловичемъ новомлинскому не были представлены акты, на основаніи которыхъ маетности утверждались; издатель заподозриваетъ ихъ существованіе, «такъ какъ монастыри ревниво оберегали свои крѣпостные документы и щедро писали съ нихъ копіи» (стр. 51). Какими путями не брезгали иногда монастыри при пріобрѣтеніи своихъ владѣній, показываетъ слѣдствіе, наряженное Мазепой по жалобамъ жителей г. Сосницы и с. Кирѣевки на незаконное требованіе съ нихъ новгородсѣверскимъ монастыремъ десятины (№ IV).

Давно уже, еще до року Зборовскаго и Збаражскаго, слѣдовательно, до присоединенія Малороссіи къ Россіи, осѣли козаки на сосницкихъ и спасскихъ грунтахъ. Пришелъ съ войны небожчикъ Прокопъ, показывали слѣдователямъ жители-старожилы, и «зъ сынами своими чотирма березнякъ и дубину для пахання нивы теребити почалъ»; пришли и другія козаки того жъ року Зборовскаго Збаражскаго и, «единъ на другого глядя», начали «поле теребити и пахати», а теперь и наслѣдники ихъ пашутъ и никакой десятины никогда никому не давали, «но тое поле отци ихъ ны въ кого не упросили, але сами руками своими козацкими давно теребили и пахали и сумешъ держали и уживали и межи собою еденъ у другого, спасчане у сосничанъ, сосничане у спасчанъ куповали и продавали» (стр. 76 и слѣд.). Такъ было всегда, и казалось бы, кто могъ препятствовать имъ во владѣніи, предъявить свои права на ихъ землю? Сосничане пашутъ давно, собираютъ посѣвъ, никому не отдавая отчета, покупаютъ и продаютъ другъ другу землю—словомъ, владѣютъ на правѣ полной личной собственности: никто имъ ни въ

чемъ не препятствуетъ. Но вотъ является съ своими притязаніями монастырь. «На тотъ часъ Збаразского лѣта, говорили сосницкіе жители, еще а но архимандриты, а нѣ инные старшины духовнѣе въ монастырѣ Спасскомъ не было и *безъ жадного упросу* сумѣшъ спасчане и сосничане на тотъ часъ нивя теребили и орали и десятины не знали» (стр. 76). Теперь уже Спасское во владѣніи монастыря новгородсѣверского, подбирается монастырь и къ сосничанамъ. Отъ имени сосничанъ составляется подложный актъ, въ которомъ они будто бы въ 1670 году (слѣдствіе производилось въ 1701 г.) выпрашиваютъ у монастыря грунты, на которыхъ и поселяются, обѣщая платить монастырю десятину; при чемъ никто не имѣлъ права «новыхъ поль розробляти и продати безъ вѣдома и волѣ его милости отца архимандрита» подъ угрозою отобранія посѣва; продавать землю можно было только жителямъ села Спасскаго, подданнымъ его милости отца архимандрита (стр. 73). Этимъ актомъ свободные поселенцы дѣлались «подданными» монастыря, а грунты, ими занятые и воздѣланные, становились монастырскими грунтами.—Впродолженіе 30 лѣтъ со времени яко-бы составленія этого акта (онъ помѣченъ 12 августа 1670 года) козаки владѣли спокойно, никакой десятины съ нихъ не требовали, пока не явился въ Спасское «городничимъ» отецъ Мардарій, одинъ изъ тѣхъ монастырскихъ «городничихъ», которыхъ управительская дѣятельность создала этотъ особый типъ, крайне непривлекательный“ (стр. 52). Начинается требованіе десятины — начинается и дѣло. Наряжается слѣдствіе, спрашиваются жители старожилы. Оказывается, что живы даже двое тѣхъ, подписи которыхъ значатся подъ обязательствомъ; но они отрекаются отъ своихъ подписей, говорятъ, что никогда никакого обязательства не давали, не подписывали; разсказываютъ, какъ происходило дѣло, какъ къ нимъ подъѣзжалъ монахъ, приглашалъ въ Спасское; какъ ѣздили они туда, какъ монахи задобрили сотника, и сотникъ далъ обязательство; но обязательство то подложно; подписи на немъ фальшивы, и писано оно не на ратушѣ. Къ счастью для сосничанъ дѣло было очевидно, подлогъ ясенъ; монахи не могли доказать своихъ правъ, и въ притязаніяхъ на Сосницкія земли имъ было отказано.

Другое подобное же дѣло было въ селѣ Кирѣевкѣ, гдѣ дѣйствовалъ тотъ же отецъ Мардарій. Здѣсь мы знакомимся и съ другою стороною этихъ «городничихъ»—съ ужасною жестокостью, которую проявляли они въ обращеніи съ народомъ и которая какъ-то не подходила къ тому сану, который они носили. Монастырскіе «городни-

чіе» были, въ большинствѣ случаевъ, монахи. Но монастыри того времени не отличались ангельскимъ житіемъ, и монастырскія дѣла даютъ намъ много матеріала для характеристики тѣхъ общежитій, цѣлью которыхъ было проведеніе въ грѣшный міръ сей высокой христіанской любви къ ближнему, самопожертвованія, нестяжанія. Народу тяжело было подъ монастырскимъ «ярмомъ», какъ онъ называлъ свою зависимость, подчиненность, «подданство» монастырямъ. «Хороше нарадилисте всему миру сосницкому, говорилъ одинъ изъ сосницкихъ обывателей сотнику, подписавшему подложное обязательство: зъ лядзского ярма вибилисмося, а теперъ чернецкое ярмо на себе и на насъ зложилисте» (стр. 75). Монастырское «ярмо» приравнивалось «ярму» польскому, и въ этомъ не было преувеличеній. Во второй половинѣ XVIII вѣка суровый реформаторъ Малороссіи такъ характеризовалъ малорусскіе монастыри въ своей «Запискѣ о недостаткахъ», о которой мы говорили выше: «монастырскія имѣнія, говоритъ онъ, управляются безпредѣльно по произволенію властей, *натурально, не съ выгодою для подданныхъ, ниже о нихъ раченіемъ*; особливо чинъ монашескій, для необходимыхъ экономическихъ правленій, удалялся отъ общежительства и правила своего, обращается прямо по такъ называемымъ городничествамъ въ свѣтскихъ упражненіяхъ, паче же по дѣламъ тяжебнымъ въ приказныхъ мѣстахъ стряпая, въ доказательствахъ и изобличеніяхъ, вовсе монашескому чину несвойственно и паче предосудительно другимъ досады причиняютъ, или иногда и сами терпятъ» (стр. 106—107). Какія «досады» причинялъ, напримѣръ, жителямъ села Кирѣевки упомянутый выше отецъ Мардарій, показываетъ ихъ вполнѣ подтвердившаяся жалоба. Кирѣевцы жаловались и просили управы на отца Мардарія относительно «кривдъ, кгрунтовъ, шкоды, грабежовъ, побоевъ, *огнемъ и углями разженными людей Киріевскихъ въ бору печення*, и сѣножати, и нывъ пахотныхъ, и черезъ греблю киріевскую переѣзду забороненя, и въ водѣ до ловлѣ рибное недопускання, еще въ водѣ конопелей мочити, и на водѣ лѣтомъ и зимою бѣлой плоти хустъ прати недопускання, и хустъ въ полонки вкидання, кгвалтовного на киріовцахъ писма на чиншъ вимагання и иншихъ неслыханихъ кривдъ отъ отца Мардарія и отъ людей субъордированыхъ чинени» (стр. 81). О. Мардарій обвинялся далѣе «въ выбѣранню неслушное десятины, а не тылко десятины, але кгвалтовное въ збожахъ половины, албо якъ ему хотѣлося, такъ тайно въ поляхъ ночю, вмѣсто десятины збожа, якъ и въ грабежахъ кгвалтовнихъ, и въ побояхъ, и въ *паленню*

людей огнемъ, людемъ рознимъ меновите: въ побитю сына козацкаго поруччиного кіями, на греблѣ положивши, и въ вымаганню, и въ вибиранню грошей, за грабежъ, и въ иныхъ кривдахъ починенныхъ, въ таковихъ всѣхъ кгвалтовнихъ кривдахъ, шкодахъ, грабежахъ, силкомъ у людей за грабежи грошми викупованню» (стр. 86). Слѣдователи, высланные Мазепой для разбора кирѣевскихъ жалобъ, признали ихъ справедливыми и высказались противъ отца Мардарія, но дѣло кончилось ничѣмъ: о. Мардарій на судъ не явился, не позволилъ ему архимандритъ новгородсѣверскій. Фактъ чрезвычайно характерный для малорусскихъ общественныхъ отношеній.

Укажемъ еще два-три факта для характеристики малорусскихъ монаховъ.

Производится слѣдствіе о косачевскихъ земляхъ; свидѣтель говоритъ не въ пользу монаховъ. Представитель монастыря, чернецъ, волнуется; «на того человѣка цикнувъ, сталъ палцѣ грызти. Громади крикнули: нехай говоритъ той человѣкъ; а чернецъ той *стрѣливъ изъ пистолета*, и зачалась сварка, и крикъ, и розихалися» (стр. 91). Въ другой разъ производилось разграниченіе земель между монастырями новомлинскимъ и батуринскимъ и черпцы послѣдняго хотѣли свидѣтеля, показывавшаго не въ ихъ пользу, «*списомъ прибиты*, когда бъ товариство не воспятили»; тогда же Павелъ Гриба показывалъ, что «игуменъ Гугуревичъ батуринскій крупецкой за своего игуменства не токмо диброву и сѣножати и бортніе дерева до монастыря крупецкаго усилевне отнялъ», но и самого дѣда его Грибы «Исая, о томъ обстоячого, на тихъ же кгрунтахъ *убилъ до смерти*; якого взявши и привезши, погребли проводомъ христіанскимъ». (Стр. 70).

Факты, извлеченные нами изъ «актовъ», изданныхъ г.г. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ и А. М. Лазаревскимъ, въ достаточной степени, думается намъ, характеризуютъ тотъ общественный строй, при которомъ возможно было безнаказанно съ дрекольемъ производить «гвалтовные наѣзды», отнимать чужую собственность, палить людей огнемъ, убивать ихъ до смерти [1]), и гдѣ можно было не являться на судъ, даже въ томъ случаѣ, если судъ этотъ наряженъ по распоряженію высшей власти—гетманской.

---

[1]) Выше мы упоминали, что въ архивахъ хранится много дѣлъ о „гвалтовныхъ наѣздахъ“. Для характеристики этихъ, въ большинствѣ случаевъ остававшихся почти безнаказанными, нашествій можетъ служить слѣдующее показаніе Лисаневича,

Исторія Малороссіи въ высшей степени поучительна. Мы видимъ общество, сложившееся не на первыхъ порахъ человѣческаго развитія, а тогда, когда каждый членъ его имѣлъ ужъ за собой многовѣковую исторію, опытъ, когда онъ долго и упорно боролся противъ другаго строя, ему неподходящаго, связывавшаго его по рукамъ и ногамъ, не дававшаго ему жить, когда онъ порвалъ всѣ связи съ этимъ строемъ и задумалъ создать новый, на новомъ основаніи, положивъ въ основу личную свободу. Казалось бы, на этой основѣ общество должно было выработать иной строй, гдѣ бы каждому легче жилось, гдѣ бы человѣкъ былъ «свободенъ» во всѣхъ отношеніяхъ; но этого не случилось, и мы замѣчаемъ какъ разъ обратное явленіе. Малороссія,

у котораго Скорунка оспаривалъ право на мельницу: „прошлого іюня 21 дня, пишетъ въ судъ Лисаневичъ, на тое мѣсто, гдѣ я мельницу устроеваю на рекѣ Воронусѣ не свѣдоміе люди, числомъ до 100 человѣкъ всякъ съ коцубами і топорами, якъ би на разбой пріуготовленніе или якъ би ная кого непріятеля прямо і штурмомъ будто города непріятелского доставить, напали, били, коихъ многочисленнихъ людей одинъ верхомъ на конѣ попереду, яко бы не якой вождь, а другой позадѣ проводили и еслибъ я не билъ въ осторожности и обороняясь, при помощи Божой, самого вождя не поймалъ, то Богъ вѣсть, щобъ послѣдовало надо мною, ибо единъ мужикъ, еслибъ случившійся тамо тогда бить атаманъ чешуйковскій Артемъ Кабанъ не похватилъ і не отопхнулъ, то бъ мене необычайною коцубою посередъ голови ударилъ, о чемъ безъ сумнѣнія смерть би мнѣ приключилася". (Кіев. Центр. Арх. Дѣла объ имущ. част. лицъ). До чего была не обезпечена личность человѣка въ Малороссіи, показываетъ такой фактъ. Будучи недоволенъ на ковалевскаго сотника (гадяц. полка) Кицета, генеральный судья Чарнышъ отправилъ изъ Глухова асаула Бороховича съ двумя драгунами арестовать Кицета. Тѣ напали на него ночью, избили безъ милосердія, скованнаго провели въ Глуховъ и „на ратушѣ глуховскомъ кіевъ съ триста давъ, и очень учиня, въ турму посадили, гдѣ недѣль десять сидѣлъ и не малые отъ побою раны терпѣлъ, что ажъ былъ боленъ при смерти и въ тѣлѣ его черви были и шматками з костей мясо падало". Свидѣтели все это подтвердили и судъ приговорилъ Чарныша къ денежному штрафу, а Чарнышъ былъ человѣкъ богатый (Докум. о Чарнышѣ въ библіот. А. М. Лазаревскаго).

Для характеристики малорусскихъ отношеній прошлаго вѣка любопытна та масса жалобъ, которая была подана жителями различныхъ мѣстностей на извѣстнаго епископа черниговскаго Иродіона Жураховскаго. Большая часть ихъ относится къ отнятію у козаковъ и посполитыхъ земель монастырями и бѣлымъ духовенствомъ, затѣмъ къ разнымъ незаконнымъ поборамъ; есть жалобы на истязанія жителей монахами, на разныя непригладныя стороны монашеской жизни и т. д. Обращаетъ на себя вниманіе „дѣло попа чернотицкаго Іосифа Лаврентіева и зятя его попа жъ Афанасія Клепца о неучиненіи катедрою черниговскою съ помянутыхъ поповъ справедивости за *убитаго* ими Ѳедора Олейника и за модерство надъ другими исполненное" (П. С. пост. и распор. по вѣд. прав. испов. Росс. имп. т. VII стр. 304—320).

въ сущности, не выработала никакого определеннаго, строго обозначившагося строя, никакихъ ясныхъ общественныхъ принциповъ и вся жизнь ея прошла въ какомъ-то хаотическомъ состояніи и исчезла, не оставивъ нигдѣ замѣтнаго слѣда.

Гдѣ искать причинъ этому? Не въ самыхъ ли условіяхъ возникновенія малорусскаго общества, которое, создавшись изъ разнороднѣйшихъ (въ общественномъ смыслѣ) элементовъ, на первыхъ порахъ не имѣло никакихъ опредѣленныхъ правовыхъ принциповъ, которые имѣли бы принудительную силу, регулировали бы отношенія между членами общества, сдерживали бы ихъ инстинкты, антиобщественныя стремленія и служили бы основою для развитія и реформированія общественныхъ отношеній? Не въ условіяхъ ли самой жизни Малороссіи, не въ тѣхъ ли внѣшнихъ слишкомъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыя было поставлено вновь возникающее общество? Не въ условіяхъ ли экономическихъ, которыя, сами являясь слѣдствіемъ малорусской исторіи и правовыхъ отношеній, играли такую первенствующую роль въ дѣлѣ крушенія главнаго принципа, который долженъ былъ составить фундаментъ малорусской жизни — личной свободы? Не въ тѣхъ ли условіяхъ предыдущей жизни, которыя не создали малорусской интеллигенціи, не создали людей, сознательно относившихся къ нуждамъ общественнымъ, людей, которые, видя всѣ ненормальности строя, старались бы имъ помочь? Кіевская Академія прошла въ этомъ отношеніи почти безслѣдно для Малороссіи и въ видѣ «людей ученыхъ», каковыми были Голятовскій и tutti quanti, она выпускала въ свѣтъ хорошихъ схоластиковъ-проповѣдниковъ, но плохихъ *общественныхъ* дѣятелей—мыслителей. Вотъ вопросы, которые возникаютъ при взглядѣ на судьбу Малороссіи и на которые, конечно, можно отвѣтить только при болѣе близкомъ знакомствѣ съ условіями возникновенія и развитія малорусскаго строя, когда подробнѣе будутъ изучены тѣ матеріалы, крохотную частицу которыхъ составляютъ «акты» г.г. Владимірскаго-Буданова и Лазаревскаго. Только, къ сожалѣнію кажется, не скоро еще наступитъ это желанное время.

Въ заключеніе, нужно еще сказать два-три слова о документахъ, напечатанныхъ проф. С. Т. Голубевымъ. Они интересны для характеристики бытовой и матеріальной стороны западно-русской церкви, хотя даютъ мало новаго къ тому, что до сихъ поръ было извѣстно. Издатель потратилъ много кропотливаго, добросовѣстнаго, но порой, какъ намъ кажется, безполезнаго труда на выясненіе раз-

ныхъ мелкихъ частностей. Намъ остается, напр., непонятнымъ, къ чему составлять каталоги западно-русскихъ епископовъ, отыскивать по актамъ, гдѣ упоминается то или другое имя, когда о дѣятельности самаго лица, о которомъ идетъ дѣло, не сохранилось никакихъ извѣстій? Недостаткомъ въ изданіи г. Голубева является и отсутствіе предисловія, которое бы опредѣлило значеніе издаваемыхъ актовъ и облегчало бы такимъ образомъ трудъ изслѣдователя. Это, пожалуй, было бы полезнѣй разныхъ мелочныхъ изысканій, которыя все равно затеряются въ массѣ матеріала и пропадутъ безслѣдно.

Въ одномъ изъ своихъ примѣчаній на документы г. Голубевъ затрогиваетъ вопросъ, когда унія проникла въ Кіевъ? и рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что уже въ 1596 году кіево-софійскій соборъ былъ въ рукахъ уніатовъ (стр. 198—209). Тотъ же самый вопросъ затрогиваетъ и *О. И. Левицкій* въ своей замѣткѣ *«Къ исторіи водворенія въ Кіевѣ уніи»*.

Н. В.

Харьковскій Сборникъ, литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому Календарю“ на 1891 г., выпускъ V, подъ ред. В. И. Касперова.

Пятый выпускъ «Харьковскаго Сборника» состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) литературно-научнаго (стр. 1—172) и 2) статистико-экономическаго (стр. 1—210). Эти названія неточно опредѣляютъ составъ отдѣловъ; оба отдѣла одинаково научны; первый отдѣлъ состоитъ исключительно изъ историческихъ статей и правильнѣе было бы назвать его историческимъ. Во второй отдѣлъ вошелъ отрывокъ изъ Путешествія Гильденштедта, именно, путешествіе по Слободской Украинѣ въ 1774 г. съ обширнымъ предисловіемъ переводчицы М. Н. Салтыковой и съ пояснительными примѣчаніями проф. Д. И. Багалѣя. Статьѣ этой мѣсто скорѣе въ первомъ отдѣлѣ. Хотя частности въ путешествіи Гильденштедта представляютъ незначительный интересъ, но все его описаніе въ цѣломъ видѣ, по справедливому замѣчанію г-жи Салтыковой, въ настоящее время является уже важнымъ историческимъ матеріаломъ и заключаетъ въ себѣ множество данныхъ для характеристики внутренняго быта Слободской Украины въ концѣ XVIII ст. За исключеніемъ этихъ неправильностей въ распре-

дѣленіи статей и въ терминологіи отдѣловъ, V выпускъ Харьковскаго Сборника свободенъ отъ недостатковъ. Это изданіе представляется отраднымъ явленіемъ провинціальной жизни. Добрый починъ П. С. Ефименка, издавшаго первый выпускъ Харьков. Сборника пять лѣтъ назадъ, не заглохъ, и при новомъ секретарѣ статистическаго комитета изданіе Харьк. Сборника продолжается съ прежнимъ успѣхомъ. Пять выпусковъ Харьков. Сборника въ совокупности составляютъ уже цѣнный вкладъ въ мѣстную исторію и этнографію. Въ V выпускѣ этнографія отсутствуетъ, если не считать приложенныхъ въ концѣ книжки программъ для собиранія этнографическихъ свѣдѣній. Въ историческомъ отдѣлѣ, кромѣ статьи и перевода г-жи Салтыковой, случайно попавшихъ, какъ сказано, во 2-й отдѣлъ, находится извлеченіе изъ автобіографіи Костомарова, о его студенчествѣ и первыхъ шагахъ на служебномъ и научномъ поприщахъ, напечатанное съ разрѣшенія вдовы покойнаго А. Л. Костомаровой. Въ это извлеченіе вошли весьма любопытныя сообщенія о харьковскомъ университетѣ въ 30 годахъ. А. А. Русовъ помѣстилъ статью по поводу извлеченія изъ автобіографіи Костомарова. Въ этой статьѣ находится нѣсколько новыхъ фактовъ изъ воспоминаній автора о Костомаровѣ во время его болѣзни въ 1875 г. Статья г. Русова изложена живымъ языкомъ и проникнута тѣмъ чувствомъ уваженія къ личности человѣка и народа, которое на читателя производитъ всегда пріятное впечатлѣніе и въ новое время все рѣже и рѣже встрѣчается въ литературѣ. Третья статья въ сборникѣ о «церковно судебной практикѣ по дѣламъ брачнымъ въ бѣлгородской епархіи въ 1721—1799 годахъ» составлена г. В. Демидовымъ по архиву харьковской духовной консисторіи. Авторъ подробно останавливается на формальностяхъ, предшествовавшихъ браковѣнчанію, на относящихся сюда церковныхъ законоположеніяхъ и приводитъ нѣкоторые случаи нарушенія ихъ. Спеціалисты найдутъ въ статьѣ г. Демидова много интересныхъ подробностей. Общій интересъ здѣсь имѣютъ лишь нѣкоторыя частности, напр.—о вознагражденіи слободско-украинскаго духовенства второй половины XVIII в. за разныя требы, по попыткѣ правительства въ 1765 г. регламентировать это вознагражденіе.

Лучшей статьей въ V выпускѣ «Харьков. Сборника» нужно признать неоконченную статью протоіерея Н. Лащенкова объ архіеп. харьковскомъ, потомъ черниговскомъ, Филаретѣ Гумилевскомъ, извѣстномъ богословѣ и историкѣ, скончавшемся въ 1866 г. Статья написана на память двадцатипятилѣтія со дня кончины высокопр. Филарета.

Авторъ воспользовался печатнымъ матеріаломъ, широко восполнивъ его воспоминаніями частью собственными, большею частью другихъ лицъ и неизданными письмами недавнихъ дѣятелей изъ мѣстнаго духовенства. Напечатанная часть труда прот. Н. Лащенкова обнимаетъ 5 печатныхъ листовъ (93—172 стр.) Продолженіе обѣщано въ слѣдующемъ году. Изъ мозаики мелкихъ фактовъ, трудолюбиво собранныхъ авторомъ, передъ нами поднимается во весь ростъ личность знаменитаго іерарха русской церкви, великаго ревнителя просвѣщенія, который смотрѣлъ на освобожденіе крестьянъ съ землею, какъ на дѣло святое и справедливое, какъ на начало прогресса и конецъ неустройствамъ въ Россіи, и склонялъ выдающихся мѣстныхъ дворянъ дѣйствовать въ духѣ христіанской любви къ ближнему и къ самопожертвованію. «Мнѣ страшно за васъ, писалъ Филаретъ одному вліятельному дворянину крѣпостнику, особенно тогда, когда возстаете вы противъ надѣла крестьянъ землею. Я въ васъ не узнаю тогда ни христіанина, ни даже человѣка. Вы въ оправданіе указываете на непріятныя для васъ послѣдствія надѣла, напримѣръ, на сосѣдство съ безпечнымъ и неразборчивымъ хохломъ. Это—не оправданіе. Вы смѣшиваете два дѣла: дѣло и его послѣдствія. Предлагайте мѣры противъ неспокойныхъ послѣдствій,—это вамъ предоставлено; но не осуждайте святаго дѣла» (стр. 163—164).

Отдѣлъ статистико-экономическій состоитъ изъ обширной статьи г. Мезенцова о доходности сельскаго хозяйства въ харьковской губерніи, продолженія статьи г. Павловича о растительности харьк. губ. и интересной статьи профес А. Н. Краснова о современномъ состояніи вопроса о происхожденіи слободско-украинской степи.

Въ концѣ сборника находится «извѣщеніе» о томъ, что 12 членовъ Харьк. губ. статистическаго комитета задумали составить «описаніе харьковской губерніи» въ естественно и культурно историческихъ отношеніяхъ. Въ основу этого труда будутъ положены какъ пособія, такъ и источники первой руки. Для пополненія нѣкоторыхъ отдѣловъ (напр., географическаго, геологическаго) организуются ученыя экскурсіи по губерніи. Устройство такихъ экскурсій по другимъ отдѣламъ (напр. этнографическому, историко-географическому) оказывается невозможнымъ по недостатку денежныхъ средствъ. Но здѣсь изслѣдователи возлагаютъ надежды на общество. Къ «извѣщенію» приложены программы для собиранія свѣдѣній по этнографіи вообще, въ частности по быту и языку, затѣмъ по археологіи и исторической

географіи. Кружокъ состоитъ большею частью изъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ харьковскаго университета.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

---

1) Списокъ землевладѣній въ гродненской губерніи. Составилъ П. Диковъ. Изданіе Гродненскаго губернскаго Статистическаго Комитета. Гродно. 1890 г—314 ст. in. 8-о.

2) Памятная книжка гродненской губерніи на 1890 годъ Изданіе Гродн. Статист. Ком. Гродно 1889 г.—24+ХХП+280+38+56+76+30 in. 8.

Первая книжка представляетъ очень важный матеріалъ для поземельной статистики губерніи. Въ ней помѣщено количество земли въ десятинахъ (съ раздѣленіемъ на усадебную, луговую, лѣсную, пахатную и неудобную), принадлежащей какъ крестьянскимъ обществамъ, такъ и частнымъ владѣльцамъ. Рядомъ мѣръ, предпринятыхъ съ цѣлью полученія болѣе вѣрнаго статистическаго матеріала, комитетъ достигъ значительной точности данныхъ въ настоящемъ изданіи. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный списокъ частныхъ владѣльцевъ губерніи.

Въ «Памятной книжкѣ» кромѣ обыкновенныхъ адресныхъ свѣдѣній, помѣщены статистическія свѣдѣнія по губерніи, составленныя, къ сожалѣнію, довольно небрежно, неполно и двѣ статьи: «Очеркъ исторіи города Гродна, составленный на основаніи печатныхъ источниковъ» учителемъ гродненской гимназіи Е. Орловскимъ (76 стр.) и «Топографическія свѣдѣнія о городищахъ и курганахъ въ гродненской губ.», принадлежащія г. Штритеру, секретарю комитета (30 стр.).

Статья г. Орловскаго представляетъ сухой погодный перечень событій, имѣвшихъ мѣсто въ Гроднѣ, не совсѣмъ самостоятельный, такъ какъ авторъ во многихъ мѣстахъ слишкомъ придерживается извѣстнаго описанія гродненской губ. П. О. Бобровскаго (Матерьялы для географіи и статистики Россіи, изданные офиц. генер. штаба), уже устарѣвшаго. Въ ст. г. Орловскаго мы не находимъ ни современнаго топографическаго описанія города, его церквей (даже Коложской); внутренняя исторія совершенно игнорирована авторомъ, хотя изданные акты и представляютъ богатый матеріалъ. Нельзя не выразить также сожалѣнія, что въ числѣ источниковъ и пособій автору были неизвѣстны такія сочиненія, какъ трудъ г. Андріяшева «Ис-

торія волынской земли», г. Лонгинова «Червенскіе города», труды г. Барсова по географіи; онъ не воспользовался даже Соловьевымъ. Знакомство съ этими и др. сочиненіями избавило-бы г. Орловскаго отъ крупныхъ промаховъ, которые онъ сдѣлалъ. Такъ, авторъ считаетъ всѣ извѣстія до XIII в., въ которыхъ упоминается Гродно, относящимися къ теперешнему Гродно и *«въ видѣ курьеза»* (стр. 6.) проводитъ мнѣніе Карамзина, считавшаго Городно 1128 г. и 1183 г. мѣст. Городнымъ пинскаго у.; между тѣмъ всѣ изслѣдователи согласны съ этимъ мнѣніемъ Карамзина (ср. Андріяшева, Истор. Вол., стр. 80, Барсова словарь и др.). Несомнѣнныя же извѣстія о нынѣшнемъ губ. городѣ Гродно начинаются только съ половины XIII ст.

Гораздо лучше небольшая статья г. Штритера о городищахъ и курганахъ. Цѣль ея, какъ объясняетъ предисловіе, облегчить изученіе губерніи въ археологическомъ отношеніи, дать кое какія указанія для тѣхъ, кто пожелалъ бы производить раскопки. Г. Штритеръ воспользовался только исключительно тѣми рукописными матеріалами, которые проходили черезъ комитетъ, собиравшій свѣдѣнія для различныхъ учрежденій. Такъ, онъ воспользовался свѣдѣніями, собранными Центр. статист. комит. въ 1873 г., Имп. Академіи художествъ въ 1886 г. и Имп. Моск. Археолог. Общ. въ 1888 г. и дополнительными свѣдѣніями, собранными самимъ комитетомъ въ 1889 г.

Въ разсматриваемой статьѣ находятся свѣдѣнія о 47 городищахъ, расположенныя поуѣздно. Конечно, г. Штритеромъ указаны далеко не всѣ данныя о городищахъ гродненской губ. Такъ, судя по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи матеріаламъ по археологіи этой губерніи, принадлежащимъ Московскому Археологическому Обществу, можно еще назвать до 30 городищъ, неизвѣстныхъ автору разсмотрѣнной статьи.

М. Довнаръ-Запольскій.

А. Лебедевъ. Духоборцы въ Слободской Украйнѣ. Харьковъ 1890 стр. 31.

Интересная брошюра проф. А. С. Лебедева основана на архивныхъ дѣлахъ Харьков. губ. стат. комитета, Харьков. духов. консисторіи и на мѣстныхъ преданіяхъ о духоборцахъ въ с. Большіе Проходы (харьков. уѣзда), собранныхъ и записанныхъ свящ. Гр. Лобковскимъ. Матеріалы, которыми пользовался авторъ, даютъ возможность «видѣть какъ распространенность въ Слободской Украйнѣ духоборства, такъ

и ученіе его—по показаніямъ о немъ самихъ духоборцевъ, а также положеніе духоборцевъ среди православнаго населенія, отношеніе къ нимъ властей гражданскихъ и духовныхъ, и наконецъ—представляютъ нѣкоторыя данныя для сужденія и о происхожденіи духоборства» (стр. 3). На этотъ счетъ существуютъ, какъ извѣстно, два мнѣнія изслѣдователей. Одни (главнымъ образомъ Новицкій) считаютъ родиной духоборства южную Россію и появленіе его относятъ къ половинѣ XVIII вѣка; другіе (Добротворскій, Ливановъ) производятъ духоборство изъ Великороссіи и связываютъ его «съ древнѣйшими ересями какъ мистическими, такъ и раціоналистическими, а отчасти также и съ проявленіями политическаго вольномыслія, имѣвшими мѣсто въ Великой Россіи» (стр. 26). Амф. С. Лебедевъ склоняется къ послѣднему мнѣнію; въ этомъ его убѣждаютъ, между прочимъ, исключительно великорусскія фамиліи духоборцевъ, встрѣчавшіяся въ актахъ (до 200 именъ) и затѣмъ преданіе, записанное свящ. Лобковскимъ, которое прямо говоритъ, что духоборство занесено въ с. Б. Проходы выходцами изъ Великороссіи (стр. 31).

Н. В.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы—9.—Русская Мысль—9.—Сѣверный Вѣстникъ—9—Русская Старина—9.—Русскій Архивъ—9.—Историческій Вѣстникъ—9.—Русскій Вѣстникъ—9.—Русское Обозрѣніе—9.—Наблюдатель—9.

Русская Мысль IX. 1891 г. Въ библіографическомъ отдѣлѣ—краткая рецензія на книгу: «Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Лисовскаго», за которой не признается никакого научнаго значенія. (Стр. 392). Краткій отзывъ о «Сборникѣ по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи. Томъ X. Переяславскій уѣздъ» (стр. 397); а также о трехъ изданныхъ херсонскимъ губернскимъ земствомъ книгахъ: «Историческій очеркъ развитія херсонской земской сельско-хозяйственной статистики.—Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губ. Т. VI. Херсонскій уѣздъ.—Хозяйственно-статистическій обзоръ херсонской губ. за 1889 г.» (стр. 398—401).

Въ обозрѣніи жуналовъ: подробное изложеніе статьи г-жи Ефименко «Малорусское дворянство и его судьба», напечатанной въ августовской книжкѣ «Вѣстника Европы» за текущій годъ (стр. 415—420).

Сѣверный Вѣстникъ IX. 1891 г. *Н. Астыревъ.* «Одинъ изъ вопросовъ дня». Окончаніе статьи о поземельныхъ и сервитутныхъ отношеніяхъ между частными владѣльцами и крестьянами въ юго-западномъ краѣ. (Стр. 247—271).

Русскій Архивъ IX. Воспоминанія А. М. Фадѣва. 1846. Характеристика тогдашняго начальника гражд. управленія въ Закавказіи, состоявшаго вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ Совѣта главн. управл. закавказскаго края—Ладинскаго. Авторъ мемуара наз. его между прочимъ хитрымъ хохломъ. (Стр. 105—106, 111, 162).

Въ приложеніи: «Записки Ф. Ф. Вигеля». Кіевская жизнь въ 1801 и 1802 г. Характеристика Г. К. Веселицкой, жившей тогда въ Кіевѣ; ея роль въ кіевскомъ обществѣ. Видные чиновные люди Кіева; военный губернаторъ, англичанинъ Феньшъ (какъ онъ попалъ на высокій постъ), губернаторъ Коробьинъ, вице-губернаторъ Четвериковъ. Польское общество въ Кіевѣ (196—201).

Наблюдатель. IX. 1891 г. Въ отдѣлѣ: Новыя книги—похвальный отзывъ о новомъ изданіи Слова о Полку Игоря Чудинова, предназначенномъ для среднихъ учебныхъ заведеній (стр. 25—27).

Глуховъ, а зъ нею пошло коней 18 всѣхъ. До Григораша потрете писалемъ о прибиттю его сюда. Золотореви дано робить мосенджѣ 5 фунтовъ, бляхи и пряжки. Статутъ и мѣди фунт. 88 прислано зъ Глухова.

28. Фузѣю, взятую у склепу, слюсаръ вихондожилъ належите. Ездилемъ до пасѣки своей, где 3 пчоли весма худихъ видѣлемъ. Сторожѣ роменскіе въ Луку послани для взяття мужиковъ. Сакганенко скаранъ городискій за противность суду полковому. Отъ Дракгановского, о винайденнихъ его худобу (?) розбившихъ ворахъ, писмо. До ясневелможной писма, писанніе въ .... (?) послалемъ въ Глуховъ, зъ сторожемъ лохвицкимъ. До Ігната тогда жъ, о присилцѣ дробини, въ Глуховъ писано. До лукомского и чигириндубровского старшинъ отписано въ ихъ интерессахъ. Уманцева була и обѣдала и о презенту, дарма будто турбуючую, говорила. Старшина роменская дала доношеніе, что меду зборного нѣхто покупать не хочетъ.

29. Судились Громѣки зъ маткою и обвиненни стали, и на арматѣ осаженни.[1]) Укази 2: до Костантія Лисевича, да Григораша, принесени о походѣ въ крѣпость ст. Креста, черезъ постулникового человѣка, зъ Глухова, зъ вой. енер. канцеляр. Яновскій писаръ строфованъ за тое, что обвинулъ Левченка въ висилцѣ подводъ до Гадяча, для отвозу оттуду въ Ахтирку провіанта. Отписалемъ самъ до лубенского атамана о меду, жебы якъ можна продавать. До старости коровинского писалемъ о шкодѣ человѣка вовковского отъ стадника ихъ. До городиского сотника отписалемъ о Тимошенку, у которого онъ правитъ зол. сто. До Сухомозского о присилцѣ сюда коня. Войтъ принеслъ сунки (?) 2 золотарскіе, и кунтишовъ 3 зъ ярмолукомъ [1]) Мартинъ молодикъ ездилъ въ Куцупѣевщину и тамъ показалось коней 17, а одинъ гдесь забѣгъ, кромѣ сихъ чотирохъ, итого всѣхъ 22, опрочъ дрикгантовъ трохъ

---

[1]) Сыновья Василія Громѣки, бывшаго въ 1695 г. сотникомъ въ м. Смѣломъ, лубенскаго полка. Василій Громѣка былъ родственникъ Мазепы; едва ли не племянникъ его.

на Засуллю стоящихъ, и опрочъ 18 коней зъ панею въ Глуховъ пошовшихъ; итого всѣхъ 43, опрочъ криворудскихъ чтирохъ, да въ Хоролѣ двохъ, а всѣхъ 49, опрочъ двохъ бѣлихъ Орановского. Отпущенъ менший Громѣка въ Смѣлое для зискання сюди срѣбра, у матки своей ими заграбленного, а старший на поруку Івана Остапенка отпущенъ зъ армати тутъ, толко незездить.

30. Мужиковъ лучанскихъ за противность припроважено въ Роменъ. Голубъ, посланний зъ указомъ о висилцѣ козаковъ въ крѣпость ст. Креста, въ полкъ Полтавскій, бувъ у насъ. Слуга отъ п. Бурковской, зъ Сорочинецъ, пріехалъ зъ листомъ и чепчикомъ до моей панеи. Листъ отъ обозного получилемъ и цедули полковника своего миргородского о спаленню футора Криворудского родителскаго. Ездилемъ съ п. Василемъ Романовичемъ, на Засулле, зайцовъ травить. Зъ Хмѣлова Бондарусь писалъ листъ, же козаки сгурились и не попускаютъ нововписнихъ знову въ мужики по указу канцел. енер. Рано посланъ сторожъ лубенскій въ Лубнѣ зъ указами до Костантія и Григораша зъ войск. енер. канцеляр.

31. Неделя. Хоружій полковій нѣжинскій Левицкій, идучи зъ осталними козаками въ походъ низовій, бувъ у насъ, черезъ которого писалисмо до пана род. Отъ брата Андрѣя пріехалъ слуга зъ узваромъ, что Богъ даровалъ ему сина Іоанна, 26 сего мая. Зъ Тулиголовъ Лезовскій пріехалъ и привезено куховъ три оттуду жъ горѣлки, въ которихъ по реестрику Романа тулиголовского показалось носатокъ 28. Слуга п. Бурковской отправленъ назадъ зъ листами, моимъ до еи, а материнскимъ до самой полковниковой миргородской. Василій Дяченко отехалъ въ дорогу шлюнскую, которому далемъ реестрикъ покупить вещи мнѣ, именно: табаку картузовъ 7; фузѣю гладкую довгую и лѣкарствъ штукъ 4, да сегнѣтъ (печать) здѣлать. Лукьянъ Свѣчка пріехалъ зъ Роменъ до прапорщика по жалобѣ его на насъ.

Юнь. 1. Антонъ Маценко, товаришъ значковій полку прилуцкого, пріехалъ зъ указомъ зъ вой. енер. канцелляріи о висилцѣ козаковъ въ походъ низовій 1100, козаковъ также, бѣжавшихъ отъ низового походу—343 и невийшовшихъ зъ домовъ—177, а всѣхъ

козаковъ зъ Малой Россіи—6500, опрочъ бѣжавшихъ и невійшовшихъ. Черезъ Шеверку Воротоляком поручного послани гроши въ Глуховъ до канцеляріи. Другого збору на церковъ кіевопечерскую. Черезъ его жъ писмо род. до ясневелможной послано. и до Селецкого о намѣреніи обозного королского писалемъ. Громѣки, за тое, что не все заграбленное отдали, посажени на арматѣ. Яковъ Дуброва повернулся зъ Конотопу и назадъ привезлъ облѣкгъ посиланній до Веліоватихъ,[1]) которіи ничего не приняли. До Григорія, комисара полкового, отписалемъ, жебы раціони інгермоландскимъ офѣцерамъ збирали и онъ би отвезлъ до Гавронецъ. Домъ полковника миргородского арештованъ прокуроромъ Михайломъ Семеновичомъ Хрущовимъ.

2. Петро Воротелякъ, прежде своей дороги, бувъ у мене, которому реестрикъ далемъ покупить мнѣ фарбъ нѣмецкихъ: блакитной, красной и блейвасу и дзикгарикъ ему жъ для направки далемъ. Черезъ его жъ писалемъ до Василя Дяченка, жебы въ аптецѣ купилъ speci: de cucupha (?). Особливо шкуръ лосиних чиненихъ 10 и книжокъ 5, и вина венкгерского штофовъ зъ десять. Укази о походѣ низовомъ послалемъ въ сотнѣ къ Пѣратину черезъ Рабуху, а къ Чигириндубровѣ черезъ Токаренка, а козаковъ опредѣленно въ сотняхъ именно: зъ смѣловской 75, а лишнихъ, мѣючихъ зъ Царицина повернутись зъ коньми и возами, 5 зъ Роменской 135, а лишнихъ 9, зъ глинской 80, а лиш. 6, зъ лохвиц. 135, а лиш. 9, зъ Сенецкой 90, а лиш. 6, зъ лубен. 165, а лишнихъ 11, зъ городиской 36, а лиш. 2, зъ чорнуской 90, а лишнихъ 6, зъ пѣратинской 135, а лишнихъ 9, зъ лукомской 145, а лишнихъ 8, зъ чигириндубровской 20, а лишнихъ 2, итого 1100, а лишнихъ 73. Указъ до старшинъ далемъ Антону Маценку, же онъ отправленъ понуждать старшину до походу. Романъ важилъ золотарскую мѣдь и воскъ, теди и мѣдь, и воскъ заважили по 7 фунтовъ. Квартермистръ бувъ Інгермоландского полку, присланной за раціонами, котораго отправилемъ, зсилаючись

[1]) Т. е. Костенецкихъ, которые въ народѣ звались Волёватыми.

на писмо до Григорія комиссара писанное. До прапорщика Волжина и Василя Романовича отвѣтовалемъ на листъ ихъ о Короваяхъ, о Горошинцяхъ. Громѣки отпущени зъ армати подъ кондиціею, жеби матку перепросили и все заграбленное ими возвратили ей. Орановскій писалъ о кадкахъ и рибѣ вялой, до которого тогда жъ отвѣтствовалемъ, а о рибѣ вялой писалемъ до Михайла ревизора бывшого. Старшина роменская доношеніе дали, что нѣхто не покупаетъ меду на пудъ, але развѣ на ведерка. Роману молодикови далемъ наказъ въ 15 пунктахъ. Виехалемъ зъ Ромна въ Глуховъ и ночовалемъ, переѣхавши Борзенку.[1]) Коней зъ мною пойшло въ дорогу 15, а осталось. Сторожъ лохвицкій, повернувшись зъ Глухова, стрѣлъ мене на дорозѣ и подалъ отъ панеи писмо, въ якомъ выражаетъ, что доношеніе отъ насъ въ коллегію посланное, не принято, потому же зайшолъ якобы указъ, жебы не доношенія, але чолобитніе были подавани во всякихъ жалобливихъ справахъ.

3. Зъ ночлѣгу вставши, видѣлемъ пріѣхавшихъ ко мнѣ черцовъ хмѣлевскихъ, а я отехавши оттуду, пріехалемъ на обѣдъ въ Смѣлое. Зъ Смѣлого виехавши, стрѣтилемся зъ говтвянскимъ сотникомъ. Ночлѣгъ имѣлемъ у Грузкой, где сторожъ говтвянскій, ехавшій до Глухова, явился. Въ Смѣломъ еще писалемъ черезъ Бондаруся до Григорія Манжоса, жеби Антону Маценкови бувъ въ товарищахъ, и въ сотнѣ би поехалъ вигонять козаковъ, о чомъ и до п. Билима и до его, Маценка, писалемъ. До старшини роменской писалемъ, жебы турму новую зробыли.

4. Поехавши отъ ночлѣгу полюючи, приехалемъ на обѣдъ къ перевозу, откуду отправилемъ лохвицкого сторожа зъ указами до п. п. старшини, жебы въ походъ низовій означенное число товариства висилали зъ домовъ заразъ, которое би стягалось на Сухомъ Артополотѣ, близъ села Коноваловъ; а жебы укази тіе во всѣ сотнѣ дойшли, писалемъ до п. Билима и старшини лохвицкой. Перевюзшись черезъ Сеймъ, увидѣлемъ почтара, поехавшаго въ Роменъ и далѣ, зъ указомъ до Григораша Шаргородского о вигонѣ козаковъ.

---

[1]) Урочище по дорогѣ между Ромномъ и Хмѣловомъ.

Пріехалемъ позно въ Тулиголови, где засталемъ въ имбарѣ горѣлки: куховъ 4 великихъ, и двѣ бочки, а третая, неповная, на росходъ. Извѣсно мнѣ стало зъ словъ Романа старости, что у футорѣ Тулигол. обрѣтается воловъ рабочихъ 8, а коней 16.

5. Рано въ Тулиголовахъ ходилемъ до далного Бутурлимовского млина, где ступникъ казалемъ робыти и уговорити о другомъ мѣрочника велѣлемъ. Жида, шинкара тулиголовского, перемѣнилемъ и вмѣсто его Данила Вуциного, мужика, устроилемъ, а напитокъ замѣривши, здать казалемъ Лозовскому. Поехавши оттуду къ футору Калюжновскому, недоиждкаючи, на шляху увидѣлемся зъ Милорадовичемъ, пол. гадяцкимъ, повернувшимся зъ Москви. Розехавшись зъ нимъ, былемъ у млина Калюжновского, а оттоль пріехалемъ у футоръ, где по словамъ дворника показалось воловъ рабочихъ 19, коней старихъ 6, а вновъ пригнанихъ 3, итого—9, коровъ 11, еще 1 коникъ гнѣден. приблудній, всѣхъ 10, третяковъ 5, телятъ тогорочныхъ 8, лошатъ съ кобилами 2, овецъ 43, козъ и козенятъ 11; по словахъ же того жъ дворника показалось, что посѣяно на полю калюжновскомъ овса четверт. 8, пшеницѣ чет. 2, проса 4 мѣрки, гречки четвер. 3.

6. Пообѣдавши у футорѣ, поехалемъ до Сваркова, где оглядѣвши саду, приказалемъ Микитѣ Плетюнцѣ, жебы онъ харчъ видавалъ садовнику и протчіимъ работникомъ. Поехавши оттоль, на дорозѣ зайця поймалемъ и пріехалемъ у вечеру въ Глуховъ, где арестанти[1]) вмѣсто процессѣи стрѣтоша мя, при антесиgнану своемъ п. Тарновскомъ.

7. У ключника Клима отобралемъ грошей 335 зол. На службѣ Божой былемъ у Михайла, а по службѣ зъ Кошеліовимъ, полковникомъ, были у сотника Мануйловича и тамъ випивши по двѣ чарки, отийшлисмы всѣ. Зъ тихъ же грошей Василеви, ключникови бывшому, далемъ грошей зол. 100 на купленне жита и другихъ потребъ, а господарь Остапецъ, упивавшійся, незнать где дѣлся. Поехалемъ въ городъ до Кошеліова и у Сухарева бывши,

---

¹) Говорится объ арестованной по дѣлу Полуботка старшинѣ.

игралемъ въ карти. Приходили п. п. Чарнолузкій, Пироцкій, Богаевскій, Бѣличъ и проч.

8. Зъ Лаврѣномъ мѣрочникомъ торгъ учинилемъ за зробленне Калюжновского млина: дать ему зол. сто, носатка горѣлки и сукна на кунтушъ. Романъ, староста тулиголовскій, бывши тутъ купилъ гречки на насѣнне и про камень одинъ, лежачій близъ млиновъ германскихъ нашъ извѣстившись, сказалъ. Получилемъ зъ Ромна указовъ канцелярийскихъ два: 1, о присилцѣ комиссаровъ полковихъ новихъ, 2, о висилцѣ козаковъ въ походъ. П. сотникъ лохвицкій писалъ, требуючи денегъ на товариство въ дорогу. Криштопенко, наказній сотникъ, подалъ чолобитную правителямъ, чтобъ въ походъ низовій ему не ити и о томъ зо мною уговорувался. Я подалъ доношеній двѣ въ канцеллярію: 1, о козакахъ хоружовскихъ, якъ би ихъ вислать, а 2, о ему Криштопенку, чтобъ онъ до своей коменди ехалъ. Романови тулиголовскому далемъ грошей на расходи зол. 25. Плетюнцѣ войтови казалемъ дать грошей майстру Андрѣю рублей 6, а тютюннику рублей 5; а въ его гроши таковіе; за конѣ зол. 70, за горѣлку носатками виданную зол. пол. 70, итого 135 зол., опрочъ тихъ грошей, якіе доводятся за кухву, имъ теперъ шинкуючуюся. До зборщиковъ роменскихъ о видачѣ меду писалемъ роменской старшинѣ. До Билима писалемъ, о указѣ отъ его опублѣкованномъ, похваляючи его. До роменской старшини писалемъ о козакахъ мѣрними (?) ставшихъ, чтобъ ихъ въ походъ висилать, и до лохвицкого отписалемъ о грошахъ, требуючи виразнѣйшой резолюціи. Отъ Демяна получилемъ, что за горѣлку 5 зол. зълишкомъ взялъ. Отъ Гаврила о вовнѣ, въ Астраханѣ продаючойся добре. Меду зъ полтори куфи, доброго, розсичоного и играного, въ лiодовню зъ хати винесли.

9. Вчора былемъ у полковника Кошелева и зъ нимъ въ коллекгіи, где Кошелевъ предлагалъ о виижджихъ, будто помѣшателство чинячихъ въ зборахъ и наклади беручихъ; знову о доправкѣ грошей 20 р. у сотнички сенецкой предлагано. Былемъ у п. сотника глуховского и тамъ по нѣсколько чарокъ горѣлки випивши, отехалемъ домой. Грицка Петренка, лучанского козака, за досаж-

деніе вдарилемъ. У п. Гречаного былемъ, а оттоль у Кошелева; Тарасу, молодикови, здани, на руки конѣ, ронди, шори, вози и оружже, и устроенъ подконюшимъ, о чомъ реестрикъ, составленній, данъ ему.

10. Шеверда отправленъ въ Роменъ, а черезъ его писано: 1, указъ до старшинъ объ учрежденіи сотника лохвицкого наказнимъ полковникомъ въ походъ; 2, до его жъ сотника лох. о томъ же; 3, до Билима о доправкѣ грошей 20 р. на сенецкой сотничцѣ, о чомъ и інструкцѣя приложенна; 4, до роменской старшини о продажѣ меду зборного вѣдеркою и о заброненіи другій медъ продавать до збуття сего; 5, до атамана роменского о доношеніи зборщицкомъ о виижджихъ; 6, до Дракганевского и Сухомузкого о рѣчахъ, заграбленнихъ его ворами; 7, до Романа, молодика, о зисканню гончара лубенского знову въ Роменъ, и о шорахъ и о козлинахъ; 8, о принужденіи Криштопенка въ походъ; 9, до Леонтія, о кадкахъ винничнихъ, жебы 3 въ Шабалиновѣ достать и прислать въ Роменъ; 10, до родителки о листѣ ясневел. и о приѣздѣ въ Роменъ еи зъ Сумъ. Доношеніе въ коллекгію Малой Россіи о томъ, что послалемъ указъ доправить на сотничцѣ сенецкой 20 р., поданно отъ мене. Романъ умовилъ тулиголовскій мѣрочника зробити ступникъ за 35 зол. четверикъ жита, полчетверика гречки, полпуда сала, перепустъ горѣлки. Ему жъ задатку далисмо грошей зол. 5. Василь и далъ. Артѣлній приходилъ. Былемъ у п. Гречаного и Кошелева.

11. Михайло Старій тулиголовскій приходилъ зъ суплѣкою, просячи будто недоданихъ грошей ему за тулиголовскій млинъ и проч. 300 зол. Отъ п. Федора Марковича писмо о курѣнчикахъ его, на якое до его отписалемъ и до пѣратинского атамана. Такожде до атамана роменского о калиновскихъ стрѣлцяхъ.

12. Раховалы реестра Остапа и Клима ключника; на Остапу доводячихся показалось грошей 220 зол., жита четвериковъ 8 и четверть 1, овса 4 четверики безъ четверти и солоду на цѣлій варъ и 3 четверти ячменю; а на ключнику явилось 43 зол. доводячихся. Былемъ въ коллекгіи и тамъ отвѣтъ учинилемъ въ

требованномъ свѣдителствѣ въ справѣ князя Четвертенского. Далемъ Василеви грошей на купленне жита и на другіе потреби 150 зол. Далемъ въ судъ енер. свѣдителство протопопенку пѣратинскому въ справѣ его зъ Омеляномъ Таволгою, повстинскимъ, жителемъ. Савѣцкій писаръ пріехалъ въ Глуховъ. Слуга ясневелможной зъ Москви пріехалъ.

13. Ездилемъ въ винницю красногорскую, где по словамъ свинара показалось опоросившихся свиней 4, а поросятъ 24, порожнихъ зась 15, въ сажу 3 кабаны, а четвертій Островского Оттуду поехавши, заехалемъ до п. Федора и зъ нимъ видѣлемся. Зъ Овдоколля, отъ старости тамошнего, привезено дощокъ липовихъ 40 и барило олѣи. Зъ вой. енер. канцелляріи принесени укази 2: 1, о висилцѣ утекшихъ зъ прошлолѣтного походу козаковъ; 2, о висилцѣ скорой настоящого числа. При томъ листъ отъ правителей о висилцѣ Максимовича чорнуского сотника въ походъ низовій. Ездилемъ до склепу и вина осмотрувалемъ зъ п. Андрѣемъ, швакгромъ, и Стаховичомъ. Ключникови реестровъ 12 далемъ, бувшому Василеви Новѣцкому.

14. Неделя. У Кошелева на банкетѣ былемъ. Федко Бѣлополовскій зъ ключникомъ Климомъ пересипали зъ двохъ анталовъ вино у одинъ, итого теперъ вина 3 антали и 2 бочки. Указовъ 2 составили въ полкъ: 1, открито, о виходѣ въ походъ низовій, 2, листомъ о висилцѣ утѣкачовъ.

15. Черезъ засулского козака Семена Безпалчого отправлени тіе вишеписанніе подъ нумеромъ 14 числа укази до Билима, жеби онъ двома нарочними козаками отослалъ въ сотнѣ. Федко зъ Карпомъ и Федоромъ Бѣлополовскимъ поехали изслѣдовать о кгрунтахъ нашихъ, тутъ по близу вездѣ будучихъ, въ Ясмань, Чортории, Баничи, Землянку, Тулиголови и Бистрикъ. У засеймскихъ московскихъ людей, безъ битности Василя молодика, отехавшого зъ Федкомъ и прочіими, за розискомъ о кгрунтахъ, купилемъ жита четвериковъ 8, полъ четверика и полъ четверти, а особливе жита у ихъ же припахаючого купилемъ четвериковъ два; а тое першое жито куплено по 9 зол. четверикъ, сіе зась два четверики по 3

копи, и того всѣхъ грошей заплатилемъ 92 зол. и 6 шаг., якіе гроши я отъ себе далемъ. Савѣцкій писаръ приходилъ ко мнѣ зъ Худолѣемъ, такъ же и Троцкій. Указъ получилемъ зъ канцелляр. о подводахъ до Гадяча, для отвозу провіянта въ Ахтирку, ради ландмилиціи. Войту Плетюнцѣ далемъ кадѣлницю срѣбную до церкви сварковской и книжокъ 2, молитовниковъ.

16. Панѣ Яковиная поехала въ Нѣжинъ. Рано былемъ у коллекгіи и тамъ доношеніе далемъ о меду зборномъ, что пудами нихто покупать не хочетъ, а вѣдерку настоящая цѣна 8 зол. и полъ 8, которое важитъ меду 74 фунта, а патока 77 фунтовъ. Промеморія зъ коллекгіи отправлена въ канцелярію о томъ, что архимандритъ новгородскій подалъ чолобитную въ коллекгію о греблѣ Удайской и о перевозѣ близъ Шабалинова будучомъ. Кодинецъ старій бувъ у мене и супилѣку подалъ о Строкачахъ и о пропалихъ его волахъ, будто отъ футорнихъ моихъ. У ключника взялемъ грошей зол. 100. Надсулній горошинскій зъ супилѣкою до правителей на мене явился. Зъ Дорофѣевичомъ о полѣ его розговорувалемъ у п. Левенца.

17. Черезъ сторожа сенецкого посланни указы въ сотнѣ: 1, о виходѣ въ походъ низовій, 2, до старшинъ роменской, лохвицкой и лубенской, о торгованню инострантнихъ купцовъ товарами, гуртомъ или на роздробъ, по якому опредѣленію? 3, о висилцѣ подводъ въ Гадячъ подъ провіянтъ, для отвозу оного въ Ахтирку. Писалемъ до роменской старшини, черезъ того жъ сторожа, о присланню сюда ляха Яна Мутяшевского за крѣпкимъ карауломъ. До п. Билима и до Маценка о висилцѣ козаковъ-писалемъ. До Романа молодика о присилцѣ риби вялой, 1000, купленной, тамъ въ Ромнѣ будучой. Въ войсковую генер. канцеллярію доношенія послалемъ: 1, зъ пашпортомъ самимъ ляха Мутяшевского, въ сѣчѣ ему даннимъ, 2, отвѣтъ о виходѣ козаковъ въ низъ; 3, о Петренку лучанскомъ, ускаржаючомся на мене за побой; 4, о подводахъ въ Гадячъ, мѣвшихъ виелатись; 5, листъ за старостихою мутинскою до правителей; 6, о заводѣ хоролъскомъ зъ жалобою на обозного миргородского. Былемъ въ коллекгіи и доношеніе о томъ, что денги

взять у сотники сенъчанской послалемъ указъ 20 р., подалемъ. Былемъ у п. Левенца, где и Надсулній явился. До Левенца коляску на двохъ пасахъ, въ позику. черезъ Тараса, послалемъ. Бувъ Максимъ, секретарь, у мене. Швакграмъ по штофу дано. Николай злотникъ приходилъ и приносилъ до шаблѣ едной штучки срѣбраніе.

18. Черезъ Селецкого доношеній двѣ писалемъ въ войсковую канцеллярію: 1, о томъ, что економъ печерскій, пріехавши въ Смѣлое, остановку козакамъ въ виходѣ зъ домовъ ихъ въ походъ учинилъ, розискомъ чинячимся о землѣ ихъ; 2, о Надсулного чолобитной, что оная ценливая есть. Ездилемъ въ Сварковъ, где еренджерѣ (sic) дѣлать казалемъ. Оттоль въ футоръ Калюжновскій, где солодовникъ Степанъ о полѣ своемъ на 500 копъ будто мѣючомся, говорилъ, же оное за 230 зол. отбираетъ кредиторъ. Получилемъ указъ зъ канцелляріи, зъ копѣю сенатскою указа, въ якомъ предложено новіе монаршіе указы, якіе належатъ къ опредѣленію вѣчному, тѣ печатать и отдавать, а которіе къ рекглянтамъ, тѣ къ рекгляментамъ. Воску по первой рахубѣ, въ пріемѣ лишнего надъ давній, показалось 3 круги, а всѣхъ круговъ 25, между которими одинъ малій, а два маленкихъ. Зварили меду 2 бочки неповнихъ.

19. Николаю злотнику заплатилемъ за шаблѣ 10 зол., а еще приходится 40 зол. Федоръ Івановичъ Протасіевъ пріехалъ зъ Москви въ Глуховъ. Дядко зъ Ромна, а сорожъ лохвицкій отъ сотника лохвицкого, зъ писмами, пріехали. Савѣцкій писарь г. Протасіеву объ отдаленіи себе отъ правленія скаржился (зачеркнуто). Позичилемъ п. сотнику глуховскому спалнѣ своей, зъ Протасіевимъ поехавшому. Въ красногорской винницѣ приказалемъ нѣчого горѣлки не робыть.

20. Приступилъ (?) Федко зъ протчіими повернулись зъ дѣла розиского о кгрунтахъ. Михайло Надсулній приходилъ и при Бяловскомъ и прочіихъ, уступилъ претенсѣи за побытте надъ нимъ бывшее. Ездилемъ до Кошелева и простился. П. Федоръ Савичъ зъ Столповскимъ були.

21. Неделя. Надсулній Михайло, мужикъ горошинскій, до помѣркованя зо мною прійшолъ, которому далемъ грошей зол. 30

и полъ 2 носатки горѣлки. Подѣ, за давній долгъ винній, заплатилемъ рубля. Прокуроръ Михайло Семеновичъ Хрущовъ повернулся зъ Сорочинецъ. Федко зъ Василемъ и прочіими оглядали бору, за Березою будучого, и тамъ, рубавшихъ дерево, уловили человѣка 4 зъ конми и сюда въ Глуховъ припровадили. Прокуроръ и Кошелевъ були у мене не вечоринцѣ. Получилемъ зъ Ромна писма, отъ Билима и Маценка, о виходѣ козаковъ на Артополоть. Отъ Петровского также зъ скаргою и доношеніемъ на чернуского сотника. Вѣсть прійшла, же Калнѣцкій умеръ Афанасій.

22. У ключника Клима взялемъ грошей рублей 20. Пуховиченку Івану долгу давнего заплатилемъ рублей 6, а 10 виноватъ. Зъ Іваномъ, Гетманенкомъ прозиваемимъ, мужикомъ села Гримячки, уловленнимъ въ пущѣ нашей и припроваженнимъ въ Глуховъ, зъ 4 конми, уговоръ стался: далъ онъ карту за подписомъ руки Худолѣевой, же мѣетъ зъ прочіими шкодцами всю шкоду въ томъ лѣсѣ нагорожати. Доношеній 3 въ канцеллярію послалемъ: 1, о виходѣ козаковъ зъ домовъ на степъ артополотскій и оттоль до барабашевого байраку, въ походъ низовій; 2, о полученіи указу о печатованіи указовъ во вѣчне надлежащихъ опредѣленіе, а которіе къ рекгляментамъ, тѣ къ рекгляментамъ; 3, о ляху Яну Мутяшевскомъ, которого въ Глуховъ припроважено; тамъ же и о подводахъ, бывшихъ въ Гадячомъ и отвезшихъ въ Ахтирку провіянтъ. Черезъ сторожа лохвицкого писалемъ: 1, до сотника наказ. смѣлянского и листъ правителскій, приложенній, послалемъ о непритяганіи къ розиску козаковъ, въ походъ наряженнихъ; 2, до Билима, о ляху, якій привезенъ потимъ въ Глуховъ зосталъ; 3, до сотника лохвицкого зъ отвѣтомъ о требуемихъ имъ грошахъ товариству; особливе, о утекшихъ и укрившихся отъ походу, жеби съ ихъ имѣнія инщихъ посилать; 4, о грошахъ же и до Григорія комисара, жеби видалъ, якъ належитъ. Куховъ 8 вимѣрили носатками и квартами и число носатокъ, такъ же и квартъ виписавши на паперахъ, оніе къ куфамъ приклеили. Остапа, бывшого господара, отправилемъ отъ себе. Шапочникови шапку далемъ шить зъ чорного оксамиту и сѣрихъ баранковъ двохъ. Виехалемъ зъ

Глухова въ Роменъ́, а опроважали мене швакгрѣ и Стаховичъ. Заездилемъ въ Сварковъ. На ночъ въ футоръ Калюжновскій. Висшереченного Гетманенка мужика, по отданню отъ его мнѣ карти, отпустилемъ въ домъ его зъ конемъ еднимъ, а до учинення отъ ихъ нагороди удержалемъ у себе коней ихъ же 3.

23. Въ футорѣ Калюжновскомъ рано торгъ учинился зъ каменщикомъ нѣмцемъ: здѣлать ему каминковъ два, а коменовъ простихъ 3; за тое дать ему денегъ 8 рублей, полъ четверика жита, полчетверти пшеничного борошна, гороху мѣрокъ 2, пшона 2 и крупъ гречанихъ 2, полпуда сала и такъ же соли, барановъ 2, 5 курей, 3 гусей, 4 утятъ, 60 квартъ горѣлки, 5 квартъ оковитои, барило пива, а матерялу 3500 цегли и 12 бочокъ вапни. Ниви солодовниковой, заставленной, осмотрували. У пасѣцѣ уздицкой бувши, видѣлемъ пчоли 162 своей, а рой 1 толко. Оттуду писалемъ до Кошелева и до п. Андрѣя о куплѣ крастьянина. До п. Андрѣя приложилемъ 5 пунктовъ господареви Василю, а 4 войту сварк. Наніч прієхалемъ въ пустинку Мутинскую.

24. Черезъ сторожа лукомского писалемъ до бурмистровъ путивльскихъ, заохочуючи ихъ куповати въ Ромнѣ медъ зборній. Виехалемъ зъ пустинки Мутинской по обѣдѣ и переѣхавши черезъ Сеймъ, прієхалемъ на ночъ на Кросна.

25. Рано оттоль поехавши, стрѣтилемъ Леонтія Янковского, Сухомузкого и Василя писаря, поехавшихъ въ Глуховъ зъ солдатомъ, взглядомъ ярмарковъ, въ которихъ бивали они виижджими. Прієхалемъ на обѣдъ въ Смѣлое, где указъ послалемъ до Бондауся, Остапа, Степана, Анцибура, козака смѣловского, въ колодки забивши провадить до табору. Прієхалемъ на ночъ въ Роменъ.

26. Родителка до Бубновъ поехала. Зборщики моего шинкара за друкъ посадили. Карпа, Романа и Тараса послалемъ въ Куцупѣевщину конѣ переписать.

27. Прапорщикъ обѣдалъ у мене зъ судієвичемъ Василемъ. Указъ о меду послалемъ лубенскимъ сторожемъ во всѣ сотнѣ и о козакахъ—лохвицкимъ сторожемъ.

28. Недѣля. Доношеніе въ коллегію о віижджихъ и писмо до Кошелева, швакгра п. Андрѣя и своей жени послалемъ черезъ сторожа Коваля. Маценко Антонъ пріехалъ зъ Яновскимъ и донесли, что 26 юня зъ Сухого Артополоту полкъ рушилъ въ походъ.

29. Петра и Павла. Праздновали до шуму. Орановскій прислалъ зъ Сухоносовки 2 фаски масла и вовни ярочой рунъ 120, а на тую жъ подводу послали туда 2 мѣри соли и 450 риби вялой. Брати зъ Кіева пріехали.

30. Доношеній 2 послалемъ въ вой. канцеллярію: 1, черезъ Соколничого о писмахъ ляха Яна Мутяшевского, а 2, черезъ Маценка, о вишедшихъ козакахъ и рушившихъ въ походъ зъ Сухого Артополоту 26 юня. Зъ Глухова отъ моей сожителници писмо принесено, въ якомъ обявляетъ о 16 рубляхъ, взятихъ у подданнихъ черничихъ, за шкоду въ бору починенную; также и о меду 16 вѣдеркахъ прѣсномъ, присланномъ туда. Соколничій, зъ Лескомъ сторожемъ, посланъ въ Глуховъ, а черезъ нихъ писано до Кошелева, Левенца, Артѣлного, которому и коня послано жъ и до моей..... (?) Указъ зъ войсковой канцелляріи принесенъ о запрѣщеніи всѣмъ дѣлать въ отиздѣ своемъ въ полскіе сторони, смалъцуги. До комиссара Вишневского писалемъ, информуючи его, якъ поступить у Гавронцяхъ, и полѣцаючи инструкцѣю, данную Григорію, отобрати.

Юль. 1. Іванъ Ющенко отправленъ къ сотнику лохвицкому, зъ листомъ и інструкцѣею объ изслѣдованіи козаковъ настоящого числа, также 73, мѣючихъ отъ Царицина повернутись и утѣкачовъ. Ігуменія Флоровская, гостивши здесь, отехала.

Капитанъ Бранчинъ, отправленній зъ Глухова въ Сорочинцѣ, заехалъ въ Роменъ и билъ у мене. П. Романовичу конь данъ. Зъ куховъ горѣлки моей трохъ, 4 меншихъ Романъ учинилъ. Сторожъ сенецкій пріехалъ зъ отвѣтами отъ всѣхъ старшинъ о подводахъ, отпроводившихъ въ Ахтирку провіянтъ и о висланнихъ въ походъ козакахъ. Сторожъ лохвицкій отъ сотника лохвицкого пріехалъ зъ писмомъ о недосталнихъ.

2. Сенецкій сторожъ, посиланній зъ указами въ сотнѣ, о висилцѣ козаковъ на низъ и о висланню подводъ въ Ахтирку, повернулся зъ отвѣтами, въ якихъ исполненіе обоихъ интерессовъ виражено *(зачеркнуто)*. Дроздъ чорнусскій, сотникъ наказний, бувъ у мене и отехалъ; бувъ зъ писмомъ сотника чорнусского, рекомендуючимъ его. Ездилемъ въ пасѣку свою, на Плавинище, где всѣхъ пчолъ показалось 28, а протчіе пропали, и роевъ 8. Принесенъ указъ въ вой. енер. канцелл. о недѣланіи смалъцуги здешними обивателми, отездомъ ихъ въ полскихъ краяхъ. Указъ послалемъ въ сотнѣ о звезенню дерева на имбари для зборного хлѣба. Ясневелможная зъ Петромъ Петровичомъ (Толстымъ) пріѣхали въ Глуховъ.

3. Указовъ 2 послалемъ въ сотнѣ: 1) о недѣланіи смалъцуги etc., противъ вишереченного; 2) о недочотѣ козаковъ до указного числа, который зъ вѣденія сотника лохвицкого присланного ко мнѣ, показался. Писма въ Глуховъ черезъ ямщика послани и барилце свѣжихъ огурковъ, а писма въ коллегію объ определенныхъ бревнахъ на имбари для зсипання хлѣба; 3) доношеніе Волжиново о справѣ Лукяна Свѣчки; 4) доношенія въ вой. канцел. о полученнихъ указахъ, прежде и о семъ, что о смалцузѣ; 5) о томъ въ оную жъ канц., же жиди и протчіе купци по давнему поведенію, гуртомъ и на роздробъ торгуютъ; 6) листъ до правителей, о грошахъ посланнихъ 200 зол., отъ людей лучанскихъ; 7) о томъ же до Бяловского; 8) до правителей, листъ отвѣтній о вѣденіи грошей на церковъ печерскую окладнихъ; 9 и 10) до ясневелможной писемъ двѣ. Намѣстникъ повернулся зъ Сенчи, куда за 20 р. до сотнички ездилъ и обявилъ, что противна указу учинились и на писмѣ далъ. Сіе устроивши, поехалемъ полюючи, до Кучупѣевщини, и тамъ на ночлѣгъ пріѣхалемъ, и тамъ ночовалемъ.

4. Зъ Кучупѣевщини на обѣдъ пріѣхалемъ въ Роменъ. Писма 2 правителскіе дани: 1) о присланню коней ляха Яна Мутяшевского, 2) о протестѣ писара Савѣцкого, жеби селъ у него не отнимать и до его не интерессоватись. Сторожъ Коваль зъ Глухова повернулся.

5. Неделя. Послалемъ указъ до лукомльского сотника о виданню коней ляховихъ посланному, а до лохвицкого, чтобъ суди ярмарковіе отправилъ и чтобъ отослалъ комисара въ Нѣжинъ, до Каратаева; Котлубаеви указъ далъ ехать въ Сенчу и привезти сюда сотниченка и Лукянця. Ему жъ данъ указъ належачій. . . . . . (?) на сотничество наказное. До Адама писали о продажѣ тютюну, хочай на базарѣ торгуючи, а если покупу не будетъ, то зложить где, а самому за масло и горѣлку покупивши полѣценніе рѣчи, вернутись.

6. Отъ лубенского атамана получилемъ отвѣтъ, что все товариство по указу въ нинѣшній походъ виправлено. Суплѣка до архиерея о отцу Іоанну. . . . . . (?). Козакъ зъ Глухова пріехалъ зъ писмами п. Скоропадского и моей панеи etc.

7. Коваль посланъ въ Глуховъ зъ писмами до панеи и Янковского. Зборщикъ Алексѣй и Павелъ Прядка дали писма на себе, что нѣчого не говорили противного до мене касаючогося. Занковскій зъ указомъ до Стефана лубенского отправленъ о заплатѣ людямъ за четверти. Вишневскій, комисаръ полковій, повернувшись зъ Гавронецъ, показовалъ квѣтанціи офѣцеровъ полку Інгермоландского о взятихъ денгахъ у его за раціони, якіе во время каналной роботѣ доводились по указу коллегіи Малой Россіи.

8. Янковского и ямщиковъ, по жалобѣ баби Устѣ, судили и показался виноватъ висше всѣхъ Петруша ямщикъ. Василецъ хлопецъ и Залюбовскій пріехали отъ пана род. з . . . . . (?) Архиерея кіевского архиепископа Варлаама Ванатовича стрѣтилемъ, которій не похотѣвши близъ города стати, близъ Гарасимовки сталъ. Кухву горѣлки взялъ засулскій человѣкъ за 80 зол , а покуховного половину то есть 5 зол. намъ, а 5 ему заплатить. Іванъ Юшенко повернувся отъ табору зъ писмами и зъ реестромъ козаковъ всѣхъ.

9. Сторожъ лубенскій пріехалъ зъ писмомъ и двема инквизиціями и зъ реестромъ, виправленнихъ на низъ козаковъ отъ сотника лубенского. Романъ поехалъ въ Лохвицю, Сухоносовку и Лубнѣ, и взялъ кухву горѣлки зъ собою въ Сухоносовку и 9 трубъ до казановъ направить. Отъ Занковского получилемъ писмо, въ которомъ за подписаніемъ своей и Михайла, бывшого ревизора, рукъ,

обявляетъ, что надзиратель говорили себе о мнѣ нѣчого не слишавшаго въ противности. Сторожъ лубенскій зъ указомъ въ сотнѣ ром., смѣл., глин., лохв., чор. и лубен., о присилцѣ оттуду реестровъ обстоятелнихъ, виражаючихъ особливо настоящое число товариства въ низъ висланного, особливе мѣючихъ отъ Царицина повернутись, особливе утѣкачовъ. Въ томъ же указѣ и о висилцѣ на вздогонъ осталнихъ и несущихъ до указного числа. Попи роменскіе составили чолобитную до архиерея о протопопіи . . . . . . (?) Ездилемъ до архиерея и самого не видѣвши, зъ консисторийстами просидѣлемъ. Указъ зъ коллекгіи принесенъ, если хто схочетъ вибирать денги зъ циганъ, 200 р. зъ наддачею, тотъ би явился въ коллекгіи зъ прійдучого 1725 году.

10. Сотникови наказному роменскому далемъ указ. 2, чтобъ онъ послалъ въ сотнѣ нарочнимъ кимъ: 1, о присланню реестровъ зъ сотенъ нѣкоторихъ о козакахъ, въ низовій походъ коммендерованнихъ; 2, указъ объ откупѣ атаманства циганского, якое теперъ Михайло глуховскій держитъ. Въ Глуховъ послалемъ доношеніе о сборщикахъ, обидившихъ людей. Отвѣтъ послалемъ до правителей о Савѣцкомъ. Лукянця, бывшого зборщика сенецкого, припроваженного въ Роменъ, за противность указови объ отдачѣ денегъ отъ сотниковой сенецкой 20 р. показанную, по прошенію прапорщика Волжина и Нелидова, отпустилемъ. Коваль сторожъ зъ Глухова повернулся зъ писмами отъ паней моей и п. Скоропадского. Поехалемъ въ Куцупѣевщину и оттуду позно въ Андрѣевку, хотячи на другой день бить въ Андріяшовцѣ у господина генерала Девейзбаха, которій о полуднѣ отехалъ въ полкъ прилуцкій.

11. Въ Андрѣевцѣ обѣдалемъ. До енерала писалемъ и писмо родителское послалемъ через Важниченка. Тамъ же бувъ Кулиній, которій мѣлъ завести—поки онъ продалъ своего степу родителеви, где стали Андрѣяшовцѣ косить теперъ, у которихъ и коси побрати. Для того розезду пріехали Василь Дяченко, Василь сотникъ наказ. глинскій и атаманъ роменскій Василь Gѣня. Але приказчикъ Андрѣяшовскій не пріехалъ, и такъ нѣчого нездѣлавши отехали. Тогда жъ и перекоповчане були. Я оттуду отехавши, приехалемъ къ ар-

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „Кіевскую Старину“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Кузнечная № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель К. М. Гамалѣй. **За редактора Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ, 8-го октября 1891 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXV. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные материалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

ТРЕВОЖНЫЕ ГОДЫ.[1]

Очерки изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 гг.

I. ПОЖАРНЫЯ ТРЕВОГИ.

(ОКОНЧАНІЕ).

Легко представить, какимъ невѣроятнымъ стѣсненіямъ должно было подвергнуться, благодаря всѣмъ этимъ затѣйливымъ канцелярскимъ измышленіямъ, населеніе огромнаго края, къ тому же не пріученное предшествующей исторической жизнью ни къ паспортамъ, о которыхъ народъ и слухомъ не слыхалъ въ недавнюю пору польскаго владычества, ни вообще къ какимъ либо формамъ государственнаго вмѣшательства въ дѣло народнаго передвиженія. Какъ на то, всѣ эти строгости начались въ такое именно время, когда передвиженіе въ краѣ было особенно интенсивно: съ одной стороны, среди южно-русскаго населенія все еще продолжалось старое колонизаціонное движеніе, столь хорошо памятное въ исторіи предыдущихъ вѣковъ, только теперь, подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоятельствъ, оно направлялось не на востокъ, какъ прежде, а на югъ, въ привольныя степи Новороссіи; съ другой—недавно передъ тѣмъ совершившіяся политическія перемѣны въ положеніи края, замѣтно усилившійся крѣпостной гнетъ, стремленіе помѣщиковъ закрѣпостить дотолѣ вольныхъ людей, появленіе въ югозападныхъ губерніяхъ рус-

[1]) См. „Кіевская Старина" 1891 г., № 10.

скаго землевладѣнія, упадокъ однихъ и возникновеніе другихъ промысловъ и т. под.—все это создавало цѣлый рядъ поводовъ къ безпрестанному передвиженію не однихъ только крестьянъ, но и представителей другихъ общественныхъ классовъ, почувствовавшихъ себя въ необходимости приспособиться къ новымъ условіямъ экономической жизни. Не трудно представить, какъ мало должно было благопріятствовать этому искони привычному передвиженію неожиданное превращеніе въ цѣломъ краѣ селъ, мѣстечекъ и городовъ въ какіе-то сторожевые полицейскіе посты съ опущенными шлагбаумами, закрытыми въѣздами и выѣздами, дневными и ночными караулами и даже съ записными обо всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ тетрадями! Плохо приходилось тогда бѣднымъ людямъ, уходившимъ на заработки или на переселеніе, бѣглымъ крестьянамъ, искавшимъ лучшей доли, многочисленнымъ въ то время дезертирамъ, толпами бѣгавшимъ отъ тягостей непривычной военной службы, разнаго рода торговцамъ и промышленникамъ, разносившимъ или развозившимъ по деревнямъ свои издѣлія и товары, ремесленникамъ, искавшимъ работы, и даже нищимъ, побиравшимся Христовымъ именемъ. Но немногимъ лучше было и положеніе привилегированныхъ сословій въ ту смутную пору погони за призракомъ. Представимъ только, каково было путешествовать въ то время хотябы и знатному шляхтичу, даже обладающему надлежащимъ паспортомъ, но выѣхавшему за предѣлы своей околицы. Вотъ онъ подъѣзжаетъ къ лежащему на пути селенію и видитъ, что въѣздныя ворота закрыты и при нихъ стоятъ караульные съ внушительными дубинами на плечахъ. Его останавливаютъ, опрашиваютъ: кто онъ, откуда, куда ѣдетъ и проч., и такъ какъ не наютъ его лично, то требуютъ паспортъ. Но среди караульныхъ не оказывается ни одного грамотнаго, поэтому пріѣзжаго приглашаютъ обождать и посылаютъ за сотскимъ, который не всегда, конечно, находится дома и точно также далеко не всегда оказывается грамотнымъ. Въ самомъ счастливомъ для проѣзжаго случаѣ, т. е. когда сотскій—грамотный или имѣетъ при себѣ грамотнаго человѣка, дѣло ограничится только болѣе или менѣе продолжительною задержкою, во время которой будутъ

вписывать въ шнуровую тетрадь имя и званіе проѣзжаго, откуда и куда онъ ѣдетъ, по какому паспорту и проч., а равно его примѣты, костюмъ, масть лошадей, примѣты его кучера и вообще, согласно инструкціи, „все, что только у проѣзжающаго и на проѣзжающемъ примѣтить можно“. Послѣ этого его пропустятъ, а чрезъ 2—3 версты, у воротъ слѣдующаго селенія, онъ снова долженъ подвергнуться такому же мытарству. Конечно, при подобныхъ безпрестанныхъ задержкахъ путешествіе становится почти невозможнымъ, если даже предположить, что каждая встрѣча съ карауломъ обойдется безъ недоразумѣній. Но горе путнику, если онъ встрѣтитъ не въ мѣру усерднаго или подозрительнаго блюстителя сельскаго благочинія, которому представится что-нибудь „сумнительное“ въ его документѣ или въ наружности, костюмѣ, формѣ экипажа, наконецъ, въ масти и примѣтахъ его лошадей! Тогда его „пристойно упросятъ, дабы онъ обождалъ“, пока сотскій дастъ о немъ знать сельскому начальнику, а этотъ—нижнему земскому суду или же исправнику, и пока отъ послѣдняго получится „резолюція“. И благо еще, если резолюція окажется благопріятной, т. е. послѣдуетъ приказъ о пропускѣ; въ противномъ случаѣ заподозрѣнному путешественнику придется отправиться въ повѣтовый городъ, а оттуда, пожалуй, за карауломъ и въ губернскій или же непосредственно къ генералу Эртелю. Подобныя прискорбныя недоразумѣнія случались въ то время сплошь и рядомъ и дорого обходились несчастнымъ жертвамъ, при всей очевидности ихъ полной непричастности къ какимъ либо законопреступнымъ дѣяніямъ. Представимъ нѣсколько примѣровъ.

Чиновникъ XIV-го класса Ржеплинскій, подканцеляристъ Ляквишъ и корнетъ Гриневичъ отправились какъ-то въ богуславскій (что нынѣ каневскій) повѣтъ погостить у тамошнихъ помѣщиковъ, поиграть съ ними въ карты и вообще пріятно провести время. Въ одномъ селеніи они были задержаны и хотя имѣли надлежащіе документы, удостовѣрявшіе ихъ личности, но въ чемъ-то были заподозрѣны сотскимъ и представлены въ Богуславъ. Тамошній городничій приказалъ обыскать ихъ, при чемъ между ихъ вещами найдены

были порохъ съ сѣрою и разныя „для игранія въ карты и кости обманнымъ образомъ вещи“. Заключивъ по этому, что имѣетъ дѣло съ поджигателями, городничій велѣлъ заковать ихъ въ кандалы и подъ крѣпкимъ карауломъ отправилъ при рапортѣ къ кіевскому военному губернатору, равно какъ и возившаго ихъ еврея-извощика. Болѣе двухъ мѣсяцевъ несчастные любители картежной игры томились въ тюрьмѣ, терпя голодъ и холодъ, пока объ нихъ наводились справки, въ концѣ концовъ вполнѣ подтвердившія данныя ими при слѣдствіи показанія объ ихъ прежней службѣ и вообще объ ихъ личностяхъ. Но и послѣ того не наступилъ конецъ ихъ невзгодамъ. Когда дѣло объ нихъ поступило на окончательное рѣшеніе къ губернатору, послѣдній положилъ слѣдующую резолюцію: „хотя изъ показаній сихъ людей, какъ и изъ прочаго, ничего не открывается подозрительнаго, а видно только, что люди сіи занимаются большею частью картежною игрою; но поелику указомъ 1798 года, 18 февраля, велѣно всѣ уголовныя изслѣдованія, хотябы и виновный не былъ открытъ, отсылать въ судебныя мѣста, а изъ оныхъ въ судебныя палаты для обревизованія, то посему и сіе производство я препровождаю въ кіевское губернское правленіе для поступленія по сему законоположенію“. На основаніи этой резолюціи губернское правленіе постановило: передать дѣло въ богуславскій повѣтовый судъ и отправить туда подсудимыхъ, такъ какъ они были задержаны въ томъ повѣтѣ. Такимъ образомъ нашимъ игрокамъ предстояло вторично отправиться подъ карауломъ въ Богуславъ, и только по особому снисхоженію къ ихъ слезнымъ прошеніямъ М. А. Милорадовичъ разрѣшилъ судить ихъ въ кіевскомъ, а не въ богуславскомъ повѣтовомъ судѣ. Конечно, ихъ оправдали.

Въ м. Ставищахъ былъ задержанъ итальянскій выходецъ Антоніо Ріо, у котораго въ повозкѣ не оказалось ничего подозрительнаго, а найдены были только коробки съ картинами и разнымъ мелкимъ товаромъ. На допросѣ въ таращанскомъ нижнемъ земскомъ судѣ онъ показалъ, что болѣе восьми лѣтъ ѣздитъ по разнымъ россійскимъ городамъ для продажи эстамповъ, въ 1804 г. принялъ россійское подданство и приписался

къ мѣщанамъ г. Житомира, въ удостовѣреніе чего предъявилъ паспортъ, выданный ему изъ житомирскаго магистрата. Но таращанскій исправникъ не далъ вѣры ни показаніямъ Ріо, ни предъявленному имъ документу: онъ составилъ себѣ убѣжденіе, что предъ нимъ находится не кто иной, какъ извѣстный поджигатель Антонъ нѣмецъ, который, по показанію Тршалковскаго, состоитъ начальникомъ партіи, или десятникомъ, въ шайкѣ Пашковскаго; поэтому онъ велѣлъ заковать его въ кандалы, вытребовалъ изъ таращанской инвалидной команды „исправнаго“ унтеръ-офицера и при „довольномъ количествѣ провожатыхъ“ отправилъ его въ Кіевъ. Къ счастью для Ріо, его хорошо знали въ Кіевѣ и потому ему не долго пришлось томиться подъ стражей: на докладѣ объ немъ губернаторъ Милорадовичъ положилъ такую резолюцію: „Ріо извѣстенъ здѣшнимъ многимъ купцамъ, знающимъ его съ хорошей стороны по продажѣ эстамповъ, и не подвергается никакому подозрѣнію; посему предписываю освободить его изъ-подъ караула и возвратить паспортъ“.

Вообще плохо приходилось тогда иностранцамъ—разнаго рода техникамъ, музыкантамъ и т. под., являвшимся въ Россію по приглашеніямъ помѣщиковъ,—ихъ арестовывали на каждомъ шагу и, несмотря на предъявляемые ими законные паспорты, отправляли въ Кіевъ въ слѣдственную о пожарахъ коммиссію или же прямо къ генералу Эртелю. Въ ноябрѣ того же 1811 года въ звенигородскій нижній земскій судъ явился австрійскій подданный Вонцель Мицель для посвидѣтельствованія выданнаго ему на радзивиловской пограничной заставѣ кордоннаго свидѣтельства на право въѣзда въ предѣлы Россіи. А надо сказать, что незадолго предъ тѣмъ разослано было циркулярное предписаніе генерала Эртеля относительно поимки двухъ иностранныхъ ксендзовъ Бенедикта Закони и Антонія Сонети, задержанныхъ по подозрѣнію (со словъ Тршалковскаго) въ поджогѣ м. Бершада и вообще въ принадлежности къ шайкѣ Пашковскаго и бѣжавшихъ изъ-подъ стражи. Присмотрѣвшись къ явившемуся иностранцу, звенигородскій исправникъ нашелъ, что онъ „довольно сходственъ“ по примѣтамъ съ однимъ изъ

этихъ ксендзовъ, именно съ Бенедиктомъ Закони, въ особенности тѣмъ, что, подобно послѣднему, „притворяется, будто не знаетъ говорить языками русскимъ и польскимъ“. Обыскавъ Мицеля, исправникъ нашелъ у него какую-то „грамоту“ и „вѣрши“ (стихи) на нѣмецкомъ языкѣ, и это еще болѣе усилило его подозрѣніе. Тогда онъ началъ „секретнымъ образомъ испытывать“ Мицеля: „не онъ ли самый есть ксендзъ Закони“?—„съ приличнымъ къ открытію истины усовѣщаніемъ“. Но упорный нѣмецъ никакъ „не хотѣлъ въ томъ виниться“, а все твердилъ, что онъ вовсе не ксендзъ, а пивоваръ, что отобранная отъ него грамота на нѣмецкомъ языкѣ есть не что иное, какъ удостовѣреніе, данное ему въ Австріи отъ пивовареннаго „мастера“ Юзефа Корстора въ томъ, что онъ Мицель „изученъ пивоварству“, а „вѣрши“ писалъ онъ самъ „для забавы“, что вышелъ онъ въ Россію съ товарищемъ Фридрихомъ Клингомъ для пріисканія службы по пивоваренному ихъ мастерству, и что Клингъ уже получилъ мѣсто на заводѣ князя Яблоновскаго въ сквирскомъ повѣтѣ, а самъ онъ отправляется на службу въ другой заводъ того же князя, въ м. Лысянку. Исправникъ и слушать ничего не хотѣлъ: теперь онъ окончательно убѣдился, что въ его рукахъ находится ксендзъ Бенедиктъ Закони, а подъ видомъ пивовара Клинга скрывается не кто иной, какъ его соумышленникъ, ксендзъ Антоній Сонети, вмѣстѣ съ нимъ бѣжавшій изъ-подъ стражи. Чѣмъ всего болѣе бѣдный нѣмецъ „подалъ явное на себя сумнѣніе почесть его вышеписаннымъ ксендзомъ Бенедиктомъ Закони“,—такъ это „перемѣною лица и трясеніемъ цѣлаго корпуса“, когда ему было объявлено, что его отправятъ въ слѣдственную коммиссію генерала Эртеля: будь онъ на самомъ дѣлѣ честный пивоваръ, а не поджигатель-ксендзъ, чего бы ему такъ страшиться свиданія съ генераломъ! И точно, несчастнаго Мицеля заковали въ кандалы и подъ конвоемъ отправили не въ Кіевъ къ губернатору, а непосредственно въ Могилевъ на Днѣстрѣ, гдѣ въ то время находилась главная квартира Эртеля; а относительно поимки именующаго себя Фридрихомъ Клингомъ сообщены были надлежащія указанія мѣстной полиціи.

Если не въ мѣру ретивое полицейское усердіе не затруднилось въ данномъ случаѣ нѣмцевъ пивоваровъ превратить въ италіанскихъ патеровъ, то какова же была радость черкасскаго земскаго исправника Бутовича, когда къ нему привели двухъ настоящихъ италіанскихъ „ксендзовъ", Антоніо Сигнайго и Якоба Молини, задержанныхъ управителемъ одного имѣнія, къ которому они заѣхали съ прошеніемъ о милостынѣ! Оба они назвали себя италіанцами, уроженцами южной Швейцаріи, иноками С.-Бернардскаго монастыря, что въ Альпахъ, посланными въ Россію и Польшу для испрошенія милостыни, и предъявили цѣлую массу письменныхъ свидѣтельствъ о своихъ личностяхъ, въ томъ числѣ паспорты, выданные имъ изъ иностранной коллегіи, за подписью министра иностранныхъ дѣлъ графа Румянцева. Кромѣ того они заявили, что уже не въ первый разъ пріѣзжаютъ въ Россію за подаяніемъ, и что ихъ хорошо знаютъ весьма многіе помѣщики кіевской губерніи. Но исправникъ всему этому не придалъ никакого значенія; ему показалось подозрительнымъ, что 1) фамилія патера Антоніо въ россійскомъ паспортѣ написана *Синего*, а во французскомъ и въ другихъ бумагахъ *Сигнайго*; точно также Якобъ въ россійскомъ паспортѣ названъ *Малинно*, а въ другихъ документахъ *Молини*; 2) оба они назвали себя „ксендзами", а въ россійскихъ паспортахъ не поименованы таковыми; 3) у Антоніо на правомъ вискѣ примѣтенъ какой-то шрамъ, „уповательно, отъ палашнаго удара знакъ", и 4) объявляютъ себя посланными для испрошенія на монастырь подаянія, а при нихъ, кромѣ 55-ти рублей ассигнаціями и пароконной брички съ вещами, ничего болѣе не оказалось. На этомъ основаніи исправникъ распорядился отправить обоихъ иностранцевъ подъ строгимъ карауломъ въ Кіевъ къ военному губернатору, а послѣдній велѣлъ передать ихъ въ вѣдѣніе слѣдственной о пожарахъ коммиссіи. Это было настоящимъ благодѣяніемъ для бѣдныхъ иностранцевъ: въ Кіевѣ они лично были извѣстны предсѣдателю главнаго суда Проскурѣ, губернскому маршалку графу Потоцкому, графу Ржевускому, полковнику Марченку и другимъ польскимъ и даже нѣкоторымъ малороссійскимъ помѣщикамъ, отъ которыхъ

въ прежніе пріѣзды они получали подаяніе; да и въ коммиссіи засѣдали лица болѣе разсудительныя, нежели чины уѣздной полиціи. Антоніо Сигнайго спросили о происхожденіи шрама на его вискѣ, и онъ объяснилъ, что это слѣдъ ушиба, полученнаго имъ въ дѣтствѣ при паденіи со скалы; а относительно незначительной наличности оказавшихся при нихъ денегъ, оба арестанта дали показаніе, что за нѣсколько дней до ихъ задержанія они отправили въ свой монастырь нѣсколько сотъ червонцевъ чрезъ чигиринскаго помѣщика Чикоцкаго, уѣхавшаго во Францію. Разсмотрѣвъ въ подробностяхъ обстоятельства даннаго дѣла, коммиссія дала заключеніе, что ни Сигнайго, ни Молини не возбуждаютъ противъ себя никакого подозрѣнія, на основаніи чего губернаторъ приказалъ освободить ихъ изъ-подъ стражи и выдать имъ паспорты.

Радовались с.-бернардскіе патеры, что имъ удалось такъ сравнительно благополучно избавиться отъ напасти, пробывъ подъ стражей всего лишь три мѣсяца, и не помышляя уже болѣе о сборѣ милостыни, спѣшили поскорѣе удалиться изъ предѣловъ негостепріимной страны; но радость ихъ была преждевременна: едва отъѣхали они отъ Кіева сотню-другую верстъ, какъ въ одномъ селеніи махновскаго (нынѣ бердичевскій) повѣта ихъ снова задержали и представили мѣстному исправнику. Здѣсь опять ихъ подвергли обыскамъ, допросамъ и секретнымъ вынытываньямъ: не они ли тѣ самые ксендзы, что подожгли Бернадъ и потомъ бѣжали изъ-подъ караула? Напрасно несчастные патеры объясняли, что они уже были судимы по тому же самому подозрѣнію въ кіевской слѣдственной коммиссіи, но оправданы, въ удостовѣреніе чего ссылались на помѣты, сдѣланныя на ихъ паспортахъ: „по сему пашепорту означенный N былъ задержанъ въ городѣ Кіевѣ по велѣнію начальства, нынѣ по разрѣшенію отъ онаго уволняется въ свое отечество. 27 декабря, 1811 года. Полиційместеръ и кавалеръ Сталинскій". „Сей пашепортъ у меня явленъ и въ книгу подъ № такимъ-то записанъ. Кіевъ, декабря 28, 1811 года. Чрезъ шлагбаумъ пропустить. Комендантъ Массъ"—ничто не помогало! Исправникъ рѣшилъ, что „хотя по таковымъ обстоятельствамъ не можно

взять настоящаго сомнѣнія въ сихъ ксендзахъ", но въ разсужденіи предписанія генерала Эртеля о поимкѣ бѣжавшихъ ксендзовъ, онъ и этихъ обязанъ задержать и донести о нихъ въ кіевское губернское правленіе, съ просьбою забрать гдѣ слѣдуетъ справку: „точно-ли означенные ксендзы были въ Кіевѣ освобождены, и нѣтъ ли какова сомнѣнія въ дальнѣйшемъ ихъ проѣздѣ, а также могутъ ли они за сими пашепортами быть пропущены чрезъ пограничную стражу для дальнѣйшаго ихъ слѣдованія въ свое отечество, или должны испросить особые пашепорты, и далѣе какъ съ ними поступать?" Чтобы разсѣять поскорѣе это нелѣпое недоразумѣніе, задержанные сами просили исправника послать на ихъ счетъ въ Кіевъ эстафету и уплатили за оба конца установленные прогоны. Но въ Кіевѣ, какъ видно, не очень торопились успокоить черезчуръ подозрительнаго махновскаго исправника, а тѣмъ временемъ несчастныхъ патеровъ постигла совершенно неожиданная участь. Дѣло въ томъ, что исправникъ, въ ожиданіи отвѣта изъ Кіева, затруднялся рѣшеніемъ вопроса: куда бы помѣстить столь важныхъ арестантовъ такимъ образомъ, чтобы они „не могли имѣть ни съ кѣмъ связи и разговоровъ" и не учинили бы вторичнаго побѣга, и наконецъ придумалъ отослать ихъ „для присмотра" въ квартировавшій въ томъ же повѣтѣ татарскій уланскій полкъ. Полковникъ принялъ арестантовъ, но тотчасъ же рапортовалъ о нихъ дивизіонному командиру, а тотъ въ свою очередь донесъ объ этомъ главнокомандующему, князю П. И. Багратіону, отъ котораго въ скорости получено было предписаніе—отправить арестантовъ въ Житомиръ къ волынскому губернатору М. И. Комбурлею для разслѣдованія, не они ли тѣ самые ксендзы, что обвинялись въ поджогахъ и бѣжали изъ-подъ караула. Напрасно кіевскій губернаторъ М. А. Милорадовичъ писалъ (въ февралѣ 1812 г.) Комбурлею, что о тѣхъ швейцарскихъ монахахъ Сигнайго и Молини въ кіевской слѣдственной коммиссіи производилось недавно надлежащее „изслѣдованіе и разсмотрѣніе", что ихъ лично знаютъ „многіе здѣшніе помѣщики нѣсколько тому назадъ лѣтъ, и что по всѣмъ этимъ даннымъ ихъ личности и документы признаны „непод-

верженными никакому сомнѣнію",—увы, теперь судьба несчастныхъ патеровъ зависѣла уже не отъ мѣстныхъ губернскихъ властей, но отъ усмотрѣнія министра полиціи совмѣстно съ главнокомандующимъ. Еще въ мартѣ 1812 г. волынскій вице-губернаторъ, по порученію министра полиціи производившій о нихъ особое дознаніе, доносилъ послѣднему, что „не находитъ въ нихъ насчетъ сумнѣній явныхъ подозрѣній", но въ Петербургѣ о нихъ, видимо, совсѣмъ забыли. Много съ тѣхъ поръ произошло перемѣнъ: исчезла со сцены и самая Эртелевская коммиссія вмѣстѣ съ созданнымъ ею призракомъ; на смѣну мѣстнымъ, пожарнымъ тревогамъ наступили другія, охватившія уже всю Россію: несмѣтныя полчища враговъ наводнили западные предѣлы имперіи, палъ Смоленскъ, сдана и сожжена Москва,—а несчастные швейцарскіе монахи все еще продолжали томиться въ житомирской тюрьмѣ, теряя уже и самую надежду увидѣть когда-либо далекую родину. Наконецъ въ ноябрѣ 1812 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, объявленное чрезъ министра полиціи главнокомандующему 2-ю западною арміею, о высылкѣ Сигнайго и Молини за границу. Но и тутъ встрѣтилась задержка: патеры заявили, что при вторичномъ арестѣ ихъ въ махновскомъ повѣтѣ отъ нихъ отобраны были деньги, пара лошадей съ бричкою и разное имущество, какъ лично имъ принадлежащее, такъ равно и пожертвованное на монастырь (платки, куски полотенъ, сукна, мѣха и т. под.). Началась переписка о разысканіи и возвращеніи этого имущества, настолько продолжительная, что бѣдные узники предпочли отъ всего отказаться, лишь бы только скорѣе вырваться на свободу. Въ январѣ 1813 г. ихъ препроводили въ Радзивиловъ, но австрійское правительство отказалось ихъ принять, такъ какъ имъ нечѣмъ было содержать себя въ карантинѣ. Прошло еще два мѣсяца, пока ихъ имущество было наконецъ истребовано изъ махновскаго нижняго земскаго суда, и только въ мартѣ 1813 г. несчастные патеры покинули предѣлы негостепріимной страны, гдѣ ихъ совершенно безвинно около полутора года держали подъ стражей.

Случаи подобныхъ недоразумѣній повторялись въ то время такъ часто, что только изъ опасенія наскучить читателю по-

втореніемъ однообразныхъ приключеній мы не рѣшаемся упоминать объ остальныхъ; поэтому признавать ихъ случаями исключительными нѣтъ основанія. Конечно, при тѣхъ чрезвычайныхъ мѣрахъ полицейской охраны, о коихъ мы упоминали, въ руки правосудія попадали не однѣ только жертвы чрезмѣрной подозрительности, но и люди дѣйствительно повинные, если не въ поджогахъ, то въ другихъ уголовныхъ проступкахъ. Но любопытно, что въ общемъ числѣ арестовъ, произведенныхъ въ то время въ кіевской губерніи, едвали не большинство случаевъ падаетъ именно на лицъ, неповинныхъ ни въ какихъ противо законыхъ дѣяніяхъ и подвергшихся арестамъ по однимъ лишь пустымъ подозрѣніямъ. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, заключать, будто все населеніе губерніи состояло въ то время изъ людей добродѣтельныхъ; напротивъ, есть много данныхъ, указывающихъ на то, что преступные элементы въ тогдашнемъ обществѣ были гораздо многочисленнѣе, нежели въ болѣе близкія къ намъ эпохи, но только они умѣли ловко ускользать отъ разставленныхъ для нихъ сѣтей, не взирая на повсемѣстные шлагбаумы, заставы и караулы,—новое подтвержденіе старой истины, какъ мало опасны для дѣйствительныхъ преступниковъ всякаго рода повальныя мѣры полицейской охраны. Даже лица безпаспортныя—бѣглые крестьяне, дезертиры, которыхъ, несомнѣнно, было въ то время великое множество, составляютъ сравнительно ничтожный процентъ въ общемъ числѣ арестованныхъ. Правда, это обстоятельство можетъ быть отчасти объясняемо тѣмъ, что уже въ то время фабрикація фальшивыхъ паспортовъ далеко не была искусствомъ, невѣдомымъ населенію: въ черкасскомъ повѣтѣ были арестованы какіе-то „молдавскіе уроженцы“ Онисимъ Кажанъ и Яковъ Стрѣлецъ, которые, по ихъ собственному признанію, подъ предводительствомъ асаула Чепиги „вербовали крестьянъ въ Черноморію“ и у которыхъ при обыскѣ найдено было множество фальшивыхъ паспортовъ и нѣсколько такихъ же печатей; бѣлоцерковскій сотскій былъ преданъ даже суду за то, что людямъ бѣглымъ и подозрительнымъ продавалъ фальшивые документы и бралъ взятки за отпускъ на свободу имъ же задержанныхъ во-

ровъ. Собственно уголовныхъ преступленій открыто было весьма немного: въ м. Бѣлопольѣ, подъ Бердичевомъ, поймано было нѣсколько цыганъ-конокрадовъ, да въ Бѣлой-Церкви накрыта многочисленная воровская шайка нѣкоего Тихона Портенка (онъ же и Александръ Ольшановскій), состоявшая преимущественно изъ евреевъ (болѣе 20 человѣкъ) и оперировавшая на пространствѣ между Житомиромъ, Бердичевомъ и Кременчугомъ; но любопытно, что и бѣлопольскіе цыгане, и бѣлоцерковскіе евреи съ Портенкомъ во главѣ, при всей очевидности ихъ спеціальныхъ проступковъ, были еще заподозрѣны въ „зажигательствахъ“ и на этомъ основаніи отправлены въ Эртелевскую комиссію, а не преданы, какъ бы слѣдовало, уголовному суду. Но всего поразительнѣе, конечно, то обстоятельство, что ни генерала Пашковскаго, ни его „десятника“ Антона нѣмца, и вообще ни одного изъ выданныхъ Тршалковскимъ поджигателей все еще не удавалось изловить, какъ ни усердствовали полицейскіе чиновники трехъ губерній. Многіе изъ арестованныхъ подозрѣвались въ совершеніи поджоговъ, но пока никто еще не былъ уличенъ въ томъ. Впрочемъ, былъ одинъ такой случай, когда администраціи казалось, будто ей удалось поймать искомаго „злодѣя“, и притомъ необыкновенно важнаго: въ октябрѣ 1811 года былъ задержанъ въ г. Липовцѣ странный субъектъ, назвавшійся польскимъ капитаномъ, который прямо объявилъ о себѣ, что „онъ—тотъ, который зажигаетъ города“; но по разслѣдованіи дѣла оказалось, что это былъ вовсе не поджигатель, а отчаянный фантазеръ, по-нынѣшнему психопатъ, представляющій, однако, настолько любопытный типъ тогдашняго авантюриста, что о немъ стоитъ разсказать подробнѣе.

Отставной сержантъ бывшей польской арміи, Шимонъ Ковальскій (онъ же и Валевскій) въ половинѣ 1810 г. вышелъ изъ герцогства Варшавскаго, шатался нѣкоторое время на Волыни и прибылъ въ Кіевъ. Здѣсь онъ женился на какой-то вдовѣ поручика и, выдавая себя за капитана польской службы, заявилъ властямъ, что не прочь принять русское подданство, если его зачислятъ въ военную службу офицеромъ. Предложеніе это

было отклонено, а между тѣмъ семейная жизнь Ковальскому пришлась не по вкусу, занятій никакихъ у него не было, и вотъ онъ бросаетъ жену и начинаетъ вести бродячую жизнь, переходя отъ одного помѣщика къ другому. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ шатался по кіевской и подольской губ. безъ особыхъ приключеній, но со времени кіевскаго пожара начались извѣстныя полицейскія строгости, и Ковальскаго, какъ безпаспортнаго, стали повсюду задерживать на сельскихъ караулахъ. Но храбрый воинъ умѣлъ выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ положеній: въ иныхъ случаяхъ онъ добывалъ себѣ пропускъ однимъ воинственнымъ задоромъ и грознымъ окрикомъ на караульныхъ, въ другихъ—путемъ задабриванія сотскихъ подаркомъ или подкупомъ (одному подарилъ трубку, другому далъ два серебряныхъ рубля), а тамъ, гдѣ ни то, ни другое средство не помогало, онъ просто убѣгалъ изъ-подъ стражи. Такимъ образомъ Ковальскій въ октябрѣ пробрался въ г. Липовецъ, гдѣ въ то время случился пожаръ, истребившій большую часть города. Его, какъ безпаспортнаго, тотчасъ схватили и представили для допроса къ особому чиновнику, присланному кіевскимъ губернаторомъ для производства слѣдствія о пожарѣ. Ковальскій назвался капитаномъ польской службы и на вопросъ: не участвовалъ ли онъ въ поджогѣ города? далъ утвердительный отвѣтъ. Конечно, его немедленно связали и подъ строгимъ конвоемъ препроводили въ Кіевъ, въ слѣдственную о пожарахъ коммиссію. Изъ уваженія къ его якобы капитанскому чину, Ковальскаго посадили въ Кіевѣ не въ тюрьму, а на военную гауптвахту, но ему тамъ что-то не понравилось, и чрезъ недѣлю, не дождавшись даже перваго допроса, онъ успѣлъ скрыться. Въ Кіевѣ подняли большую тревогу; велѣно было экстренно оповѣстить по всѣмъ городамъ, что бѣжалъ-де „весьма важный преступникъ". Но еще раньше полученія этого извѣстія васильковскій городничій арестовалъ безпаспортнаго человѣка, который отказался назвать свое имя, а только заявилъ, что онъ „есть тотъ, который зажигаетъ города", и что третьяго дня онъ бѣжалъ изъ кіевской гауптвахты. Судя по личнымъ примѣтамъ арестованнаго, а равно и по тому, что онъ оказался знающимъ по-нѣмецки,

городничій пришелъ къ заключенію, что ему посчастливилось задержать знаменитаго нѣмца Антона, десятника изъ шайки Пашковскаго, и какъ таковаго онъ поспѣшилъ отправить его за крѣпкимъ карауломъ въ Кіевъ; на самомъ же дѣлѣ арестантъ былъ не кто иной, какъ Шимонъ Ковальскій. На первомъ допросѣ въ слѣдственной коммиссіи онъ отказался дать показаніе по дѣлу о „зажженіи" имъ повѣтоваго города Липовца, а только объявилъ, что ему „извѣстно важное обстоятельство, до безопасности цѣлаго государства касающееся, о которомъ, однакожъ, никому объявить здѣсь не хочетъ, а желаетъ всеподданнѣйше донести о томъ собственно Его Императорскому Величеству". Коммиссія видимо была смущена этимъ таинственнымъ заявленіемъ и, не зная, какъ ей поступать далѣе съ столь интереснымъ колодникомъ, въ тотъ же день донесла обо всемъ губернатору, отъ котораго получена была резолюція: потребовать, чтобы арестантъ открылъ свою тайну. На второмъ допросѣ Ковальскій далъ слѣдующія показанія: 1) въ бытность въ Варшавѣ слышалъ-де онъ отъ своего родственника ксендза Янышевскаго, что въ варшавскомъ кляшторѣ св. Креста хранится книга, въ которой записаны имена польскихъ дворянъ, въ предѣлахъ Россіи деревни имѣющихъ, но дававшихъ тайно деньги на тотъ предметъ, чтобы при удобномъ случаѣ помочь тѣми деньгами сдѣлать революцію для отторженія отъ Россіи присоединенныхъ къ ней польскихъ земель; книга та находится у провинціала ксендза Масловскаго, который отъ польскихъ дворянъ, изъ россійскаго края по паспортамъ въ Варшаву пріѣзжающихъ, принимаетъ денежныя пожертвованія на возстановленіе Польши и записываетъ въ книгу имена жертвователей и сумму пожертвованій, каковой суммы собрано уже въ золотѣ и серебрѣ болѣе двухъ милліоновъ рублей, и что 24 изъ знатнѣйшихъ польскихъ дворянъ изъ Волыни, Подолья и Литвы, разновременно по паспортамъ въ Варшавѣ бывшихъ, учинили тамъ присягу, что они при первомъ удобномъ случаѣ готовы будутъ дѣлать возмущеніе въ присоединенныхъ отъ Польши къ Россіи провинціяхъ, каждый въ мѣстѣ своего пребыванія; въ числѣ сихъ дворянъ, сколько помнитъ Ковальскій,

есть фамиліи Потоцкихъ, Менжинскихъ, Тарнавскихъ и Колоневскихъ; 2) самъ онъ прибылъ въ Россію лишь съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы учинить присягу на вѣрноподданство и вступить въ военную службу, о чемъ по прибытіи въ Кіевъ и заявлялъ въ губернскомъ правленіи, и 3) что случившемуся въ г. Липовцѣ пожару не былъ онъ Ковальскій причиною, Липовца и другихъ городовъ и мѣстечекъ не зажигалъ, ни въ какомъ пожарѣ ни съ которой стороны не участвовалъ и зажигателей нигдѣ и никого не знаетъ.

Въ виду особой важности первой части показанія Ковальскаго, губернаторъ Милорадовичъ счелъ долгомъ увѣдомить обо всемъ министра полиціи съ присовокупленіемъ, что относительно оговоренныхъ Ковальскимъ польскихъ дворянъ, проживающихъ въ кіевской губерніи, „взяты уже такія мѣры, чтобы могъ быть приличнымъ образомъ за поведеніемъ ихъ надзоръ", а о тѣхъ, кои проживаютъ въ волынской губ., сообщено тамошнему губернатору для соображенія. Въ январѣ 1812 г. Милорадовичъ получилъ отъ министра слѣдующее секретное увѣдомленіе: „Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ содержащагося въ кіевской крѣпости по извѣстному вашему высокопревосходительству дѣлу именующаго себя польской службы капитаномъ Шимона Ковальскаго доставить подъ присмотромъ сюда". Ковальскаго отправили въ Петербургъ, но слѣдствіе о немъ продолжали: навели справки о его шатаніяхъ, арестахъ и неоднократныхъ побѣгахъ изъ-подъ стражи, раскрыли его подлинное званіе отставного польскаго сержанта, а не капитана, и установили фактъ дѣйствительной его непричастности къ дѣлу о поджогѣ г. Липовца. Всѣ эти свѣдѣнія требовалось сообщить въ Петербургъ, гдѣ должна была окончательно рѣшиться участь Ковальскаго. Долго о немъ ничего не было слышно въ Кіевѣ; наконецъ 11-го іюня, въ самый день вступленія Наполеона въ предѣлы Россіи, Милорадовичъ получилъ отъ министра полиціи короткое увѣдомленіе: „Комитетъ гг. министровъ положилъ: извѣстнаго вашему в.-пр-ству поляка Ковальскаго опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ полковъ, въ Финляндіи расположенныхъ".

Такъ неожиданно сошелъ со сцены этотъ странный человѣкъ, столь легкомысленно отважившійся принять на себя опасное званіе поджигателя. Что побудило его къ такому рискованному шагу — осталось не выясненнымъ. Ниже мы встрѣтимся еще съ однимъ подобнымъ же самозванцемъ-поджигателемъ. Очевидно, что самозванство даже въ области преступленій, какъ и въ области религіи, политики и въ другихъ подчинено одному общему закону, т. е. возникаетъ въ моменты напряженнаго ожиданія; когда въ встревоженномъ обществѣ создается призракъ извѣстнаго преступленія, то, за отсутствіемъ дѣйствительныхъ преступниковъ, являются преступники-самозванцы. И какъ въ роли лжепророковъ выступаютъ не одни сознательные обманщики, такъ и между лжепреступниками нерѣдко встрѣчаются странные субъекты, по большей части душевно-больные, страдающіе потемнѣніемъ сознанія, которые совершенно искренно приписываютъ себѣ небывалыя злодѣянія. Вѣроятно, къ числу такихъ субъектовъ принадлежалъ и Ковальскій.

Тѣмъ не менѣе его добровольное сознаніе въ совершеніи якобы поджога произвело на первыхъ порахъ сильное впечатлѣніе и временно способствовало укрѣпленію легенды о шайкѣ поджигателей, кредитъ которой въ послѣднее время начиналъ какъ-будто падать. Вѣдь это былъ уже второй, послѣ Тршалковскаго, поджигатель, открыто сознавшійся въ своихъ злодѣяніяхъ. Генералъ Эртель торжествовалъ. Узнавъ о поимкѣ Ковальскаго, онъ очень настаивалъ, чтобъ его прислали къ нему въ Могилевъ: уже не думалъ ли онъ, что въ лицѣ самозваннаго польскаго капитана скрывается самъ генералъ-поджигатель Пашковскій! Въ послѣднее время Эртель совсѣмъ потерялъ слѣдъ этого опаснаго злодѣя, страшный призракъ котораго попрежнему нарушалъ спокойствіе цѣлаго края. Хотя съ наступленіемъ осени пожары почти совсѣмъ прекратились, но продолжавшіеся усиленные полицейскіе розыски и чрезвычайныя мѣры охраны сами по себѣ поддерживали въ краѣ тревожное настроеніе. О Пашковскомъ слагались легенды; въ каждомъ незначительномъ деревенскомъ пожарѣ видѣли его преступную

руку. Страннымъ казалось лишь одно, что ни самого Пашковскаго, ни кого-либо изъ пресловутыхъ десятниковъ его шайки никому еще не удавалось видѣть, хотя примѣты ихъ были хорошо извѣстны каждому сотскому.

Такъ прошла вся осень въ безплодныхъ розыскахъ. Энергія чиновъ полиціи видимо ослабѣвала. Городничіе и исправники теряли надежду заслужить награды, обѣщанныя за поимку злоумышленниковъ; сотскіе съ своими караульными повторяли старинную легенду о „характерникахъ", умѣвшихъ „напускать ману" и страшившихся лишь освященной серебряной пули,— примѣняя эту легенду къ Пашковскому и его товарищамъ. Ходили слухи, будто онъ съ своею шайкою на время удалился въ предѣлы герцогства Варшавскаго и возвратится для продолженія злодѣйскихъ подвиговъ лишь съ наступленіемъ весны, а скептики, число которыхъ теперь все болѣе увеличивалось и къ которымъ принадлежалъ самъ военный губернаторъ Кіева М. А. Милорадовичъ, рѣшительно подвергали сомнѣнію самый фактъ существованія генерала Пашковскаго и его преступной дружины. Одинъ Эртель не падалъ духомъ и не сомнѣвался. Онъ по-прежнему былъ убѣжденъ, что въ лицѣ Тршалковскаго держитъ въ своихъ рукахъ ключъ къ раскрытію тончайшихъ корней и нитей злодѣйскаго умысла и что подъ видомъ воровъ, грабителей и разнаго рода подозрительныхъ людей, которыхъ десятками сгоняли къ нему изъ трехъ губерній, ему удалось уже переловить добрую половину „зажигателей", численность которыхъ, по его свѣдѣніямъ, была такъ значительна, что они составляли уже не одну, а цѣлыхъ три шайки. Вотъ что писалъ Эртель (отъ 26 ноября, 1811 г.) о ходѣ порученнаго ему дѣла:

„Слѣдствія о пожарахъ, донынѣ произведенныя подъ моимъ распоряженіемъ, доказываютъ, что большая часть городовъ и мѣстечекъ выгорѣла отъ поджигательства. Самые поджигатели частію пойманы и находятся подъ карауломъ, а частію еще укрываются. Мѣры для поимки ихъ всѣ предприняты, и по поимкѣ они имѣютъ быть доставлены ко мнѣ въ Могилевъ. Зажигатели раздѣляются на три части: 1) Шайка Габріеля Пашковскаго, до сорока человѣкъ въ себѣ заключающая, най-

болѣе прочихъ отлична въ злоумышленныхъ своихъ дѣйствіяхъ; изъ которой были пойманы два ксендза [1]), но они, будучи посланы въ Житомиръ, отъ проводниковъ ушли. 2) Шайка Тихона Портенка (онъ же и Александръ Ольшановскій) вообще (т. е. совмѣстно) съ бѣлопольскими цыганами. 3) Третья шайка составляется изъ еврея Гершка Гитнахта и еврея Беруна, изъ Радзивилова послѣ пожара съ женою за границу ушедшаго, да изъ евреевъ, писавшихъ письмо къ кагальнымъ, и пятаго, писавшаго письмо [2]). Слѣдствіе производится: о Портенкѣ въ Бердичевѣ тамошнимъ полицеймейстеромъ, о Гитнахтѣ въ Радзиловѣ губернскимъ стряпчимъ Спиридоновымъ, о шайкѣ Габріеля Пашковскаго въ Дубнѣ, мѣстнымъ полицеймейстеромъ и звенигородскимъ исправникомъ. Такъ какъ шайка Пашковскаго наиболѣе замѣчательна въ злодѣйствѣ своемъ, то потому и требуетъ наиосновательнѣйшаго производства слѣдствія съ совершенною истиною".

Послѣдняя фраза заключаетъ въ себѣ таинственный намекъ на то, чѣмъ Эртель не могъ еще открыто похвалиться въ то время, но на что втайнѣ возлагалъ большія надежды: ему удалось напасть на слѣдъ Пашковскаго, потерянный имъ еще со времени побѣга двухъ иностранныхъ ксендзовъ Сонети и Заврони, участвовавшихъ, по его свѣдѣніямъ, вмѣстѣ съ Пашковскимъ въ поджогѣ Кіева. Теперь, какъ ему казалось, слѣдъ этотъ снова открывался и притомъ въ самомъ Кіевѣ, на глазахъ у военнаго губернатора Милорадовича, такъ упорно отрицавшаго фактъ „умышленнаго поджигательства" управляемаго имъ города. Съ упорствомъ фанатика Эртель схватился за этотъ ничтожный слѣдъ—и попалъ впросакъ.

Дѣло началось съ того, что въ первыхъ числахъ ноября Эртель обратился къ Милорадовичу съ такимъ „рапортомъ": „Изъ числа пойманныхъ зажигателей изъ шайки поляка Габріеля Пашковскаго, Павелъ Тршалковскій показалъ въ допросѣ, что онъ, будучи въ партіи при двухъ ксендзахъ, былъ нѣсколько

[1]) Рѣчь идетъ объ иностранныхъ патерахъ Бенедиктѣ Закони и Антоніи Сонети.

[2]) Объ этихъ евреяхъ въ нашихъ источникахъ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

разъ съ ними въ Кіевѣ, даже во время самаго на Подолѣ пожара, который зажегъ самъ Пашковскій съ своею шайкою; приставали же они на Старомъ-Кіевѣ, въ квартирѣ штатской службы подпоручика Ежицкаго, знавшаго объ ихъ злодѣйскомъ промыслѣ и хранившаго мѣсяца полтора въ своемъ погребѣ товары, похищенные Пашковскимъ, какъ горѣлъ Подолъ. Руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ объ открытіи всѣхъ зажигателей, всепокорнѣйше прошу ваше в-превосх-ство приказать выправиться: какого поведенія подпоручикъ Ежицкій, объявлялъ ли онъ полиціи о пріѣздѣ къ нему и выѣздѣ ксендзовъ, и съ сею справкою прислать его въ Могилевъ для улики съ доносителемъ на него Тршалковскимъ".

Милорадовичъ приказалъ полиціи навести справки о Ежицкомъ, а тѣмъ временемъ нетерпѣливый Эртель прислалъ вторичное требованіе о высылкѣ подпоручика Ежицкаго съ довольно рѣзкимъ напоминаніемъ, что „возложенное на него по Высочайшей волѣ производство слѣдствія о изысканіи причинъ пожаровъ и самихъ преступниковъ таковаго злодѣйскаго умысла совсѣмъ не терпитъ замедленія". Милорадовичъ отвѣтилъ Эртелю, что объ отставномъ подпоручикѣ Ежицкомъ чинена была во всѣхъ частяхъ г. Кіева „аккуратнѣйшая выправка, но за таковою означеннаго Ежицкаго нигдѣ не оказалось, и чтобы онъ когда-либо квартировалъ въ какомъ обывательскомъ домѣ—никто не знаетъ, равно и на службѣ ни въ какомъ здѣшнемъ присутственномъ мѣстѣ никогда онъ не состоялъ и нынѣ не состоитъ". Вмѣстѣ съ этимъ Милорадовичъ давалъ Эртелю дружескій совѣтъ не слишкомъ довѣрять показаніямъ Тршалковскаго и во всякомъ случаѣ не вѣрить тому, будто Кіево-Подолъ сгорѣлъ отъ поджога Пашковскимъ, такъ какъ петербургскій приставъ Аничковъ, по Высочайшему повелѣнію производившій особое слѣдствіе объ этомъ пожарѣ, открылъ истиннаго его виновника въ лицѣ мѣщанскаго мальчика Авдіевскаго, который и самъ въ томъ сознался, и что „по всѣмъ послѣдующимъ изслѣдованіямъ не оказывалось другихъ какихъ-либо злоумышленниковъ въ поджогѣ". Но Эртель не послушался дружескаго пре[redacted]ко дней прислалъ Милорадо-

вичу новый рапортъ, въ которомъ увѣдомлялъ, что поджигатель Тршалковскій на вторичномъ „передопросѣ“ сообщилъ болѣе „явственныя“ указанія относительно Ежицкаго, по коимъ не трудно уже будетъ изловить этого вреднаго человѣка: фамилія его не Ежицкій, а Гижицкій; онъ молодой человѣкъ, лѣтъ 26 или 27-ми, роста низкаго, лицемъ смуглъ, черноволосъ, стрижется по-модному, ходитъ въ мундирѣ съ желтымъ воротникомъ и имѣетъ подъ своей командой 15 человѣкъ солдатъ для присмотра за провіантскимъ магазиномъ; женатъ на дочери кіевскаго купца, живущаго на Печерскѣ, недалеко отъ монастыря; жена Гижицкаго очень молодая женщина, лѣтъ 18 или 20-ти, небольшого роста; живутъ они на Старомъ-городѣ, возлѣ большого каменнаго казеннаго дома, въ домѣ купца изъ малороссіянъ, по имени Гаврила, который смотритъ за чистотою городскихъ улицъ и исправностью мостовъ и имѣетъ слѣдующія примѣты: лѣтъ болѣе 40, роста большого, лице краснощекое, волосы русые, глаза сѣрые, ходитъ въ шинели и волошкѣ.

Снова учинены были въ Кіевѣ розыски, приведшіе къ тѣмъ же отрицательнымъ результатамъ: никакого купца Гаврила, у котораго будто бы квартировалъ Гижицкій, ни на Старомъ-городѣ, ни въ другихъ частяхъ не оказалось; за исправностью дорогъ и за чистотою колодцевъ еще съ 1810 г. наблюдаютъ одни и тѣ же магистратскіе урядники, но изъ нихъ ни одинъ не называется Гавриломъ; каменныхъ казенныхъ зданій на Старомъ-Кіевѣ вовсе не было; равнымъ образомъ и близъ монастыря на Печерскѣ не оказалось ни одного купца, который бы выдавалъ свою дочь не только за Гижицкаго, но и вообще за офицера; хотя же въ Кіевѣ и отысканъ былъ офицеръ Гижицкій, но не подпоручикъ, а поручикъ, служащій въ гарнизонномъ полубатальонѣ и женатый не въ Кіевѣ, а въ подольской губ.; онъ квартируетъ уже третій годъ на Печерскѣ, въ Новой-слободѣ, а не на Старомъ-городѣ, къ смотрѣнію за провіантскимъ магазиномъ никогда наряжаемъ не былъ и съ описанными выше примѣтами вовсе не сходенъ.

Казалось, что, послѣ такихъ до очевидности ясныхъ разоблаченій лживости извѣтовъ Тршалковскаго, генералъ Эртель

перестанетъ наконецъ домогаться высылки несуществующаго подпоручика Гижицкаго, но случилось иначе: нѣсколько дней спустя онъ снова рапортовалъ о „поновительныхъ“ показаніяхъ Тршалковскаго, который-де „все одно твердитъ“, что точно проживалъ вмѣстѣ съ Пашковскимъ и двумя ксендзами изъ его шайки въ квартирѣ подпоручика Гижицкаго и что у него же хранились награбленные на кіевскомъ пожарѣ пожитки. Гижицкій-де жилъ тогда на Старомъ-городѣ, недалеко отъ острога, въ небольшомъ домикѣ, раздѣленномъ проходными сѣнями на двѣ половины: въ двухъ комнатахъ помѣщалась кухня и прислуга, а остальныя двѣ занималъ Гижицкій съ женою; въ сѣняхъ, за перегородкой, имѣется погребъ, въ которомъ хранились награбленныя Пашковскимъ вещи; при домѣ этомъ нѣтъ никакихъ построекъ и даже дворъ ничѣмъ не огороженъ, а только передъ окнами есть небольшой палисадникъ. Домъ этотъ принадлежитъ кіевскому купцу Гаврилову, а Гавриломъ зовутъ-де тестя Гижицкаго, тоже купца, который живетъ не на Печерскѣ, а за печерской крѣпостью, внизу, надъ Днѣпромъ, недалеко отъ новаго моста.

Конечно, всѣ эти „поновительныя“ указанія Тршалковскаго оказались столь же вздорными, какъ и предыдущія: ни купца Гаврила, ни домовладѣльца Гаврилова не нашлось въ Кіевѣ. Не смотря на это, Милорадовичъ приказалъ полиціи осмотрѣть всѣ дома на Старомъ-городѣ, не найдется ли между ними сколько-нибудь похожій на тотъ, въ которомъ якобы квартировалъ подпоручикъ Гижицкій. Отчасти похожимъ оказался домъ коллежскаго регистратора Осипа Сѣвницкаго, служащаго переводчикомъ при кіевскомъ главномъ судѣ. Чтобы положить предѣлъ безконечнымъ извѣтамъ Тршалковскаго, Милорадовичъ велѣлъ отправить Сѣвницкаго для очной ставки съ нимъ, но Тршалковскій не призналъ въ немъ Гижицкаго и не могъ ему, какъ кіевскому старожилу, точнѣе опредѣлить положеніе того дома, въ которомъ онъ якобы проживалъ вмѣстѣ съ Пашковскимъ во время кіевскаго пожара.

Тогда Эртель рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству „для узнанія истины“: онъ велѣлъ двумъ чиновникамъ изъ его

коммиссіи отправиться въ Кіевъ и взять съ собою самого Тршалковскаго, чтобы тотъ лично указалъ домъ оговариваемаго имъ подпоручика Гижицкаго. Въ самый день новаго (1812) года эти чиновники, вмѣстѣ съ Тршалковскимъ и въ сопровожденіи кіевскаго полицеймейстера Сталинскаго, съ утра и до вечера ѣздили по Кіеву, „обревизовали“ Старый-городъ, Печерскъ и всѣ окрестности Печерска, но ни Гижицкаго, ни того дома, въ которомъ онъ якобы укрывалъ Пашковскаго, не нашли. Лишь подъ вечеръ Тршалковскій указалъ на одинъ домъ, будто въ немъ квартировалъ Гижицкій; но домъ этотъ оказался совсѣмъ несходнымъ съ его же собственными прежними описаніями; въ немъ, наприм., вовсе не было погреба, въ которомъ будто-бы хранилась награбленная Пашковскимъ добыча, а въ хозяинѣ этого дома, какомъ-то унтеръ-цейвахтерѣ, самъ извѣтчикъ не нашелъ возможнымъ признать подпоручика Гижицкаго. Ѣздили также и въ квартиру гарнизоннаго поручика Гижицкаго, но и его Тршалковскій не призналъ за то лицо, у кого онъ якобы проживалъ вмѣстѣ съ Пашковскимъ. Зато самого Тршалковскаго признали въ Кіевѣ многіе изъ тѣхъ, кому онъ не хотѣлъ бы попадаться на глаза, и это въ конецъ подрѣзало крылья его пылкой фантазіи. Наступила развязка нелѣпой эпопеи, разросшейся до такихъ чудовищныхъ размѣровъ. Плутъ понялъ это и присмирѣлъ.

На другой день губернаторъ Милорадовичъ пожелалъ лично видѣть ловкаго обманщика, такъ нагло издѣвавшагося надъ правосудіемъ, и когда увидѣлъ, то пришелъ въ неописанное изумленіе: предъ нимъ предсталъ тщедушный юноша, почти мальчикъ, съ растерянным выраженіемъ золотушнаго лица и бѣгающими, какъ у пойманнаго звѣрька, глазками.

— Ба! знакомая птица! — привѣтствовалъ его губернаторъ.—Да вѣдь тебя, каналью, хорошо здѣсь знаютъ: ты—дезертиръ, бѣглый барабанщикъ здѣшняго гарнизона! Признавайся, ракалія, кто тебя научилъ выдумывать вздорныя небылицы?

Зазвенѣли кандалы, арестантъ повалился въ ноги губернатору и тутъ же повинился, что всѣ прежнія его показанія

вымышлены: ни въ какихъ поджогахъ онъ не участвовалъ, никакого генерала Пашковскаго не знаетъ, о шайкѣ поджигателей и слухомъ не слыхалъ, а выдумалъ всѣ эти сказки „для того, что чрезъ подобное открытіе надѣялся получить свободу и награжденіе“!

Послѣ такого неожиданнаго признанія, Милорадовичъ приказалъ учинить формальный допросъ арестанту, и онъ, въ присутствіи доставившихъ его въ Кіевъ Эртелевскихъ чиновниковъ и кіевскаго полиційместера, далъ слѣдующее, на этотъ разъ дѣйствительно „чистосердечное“ показаніе:

Зовутъ его Павелъ Ивановъ Гродскій, отъ роду ему 19 лѣтъ, вѣроисповѣданія римско-католическаго, у исповѣди и св. причастія второй годъ какъ не былъ, а прежде бывалъ ежегодно. Родился онъ волынской губ., въ острогскомъ повѣтѣ, въ имѣніи отставного полковника Ратомскаго, въ с. Колесникахъ, отъ крестьянина Ивана и матери Анастасіи Гродскихъ, которые давно померли. Оставшись малолѣтнимъ сиротой, онъ былъ взятъ и увезенъ изъ родного села квартировавшимъ тамъ поручикомъ смоленскаго полка Михайломъ Энгельгардтомъ, у котораго находился „въ мальчикахъ“ до тринадцатилѣтняго возраста, но затѣмъ бѣжалъ отъ него изъ-подъ Ковля и, переименовавшись Тршалковскимъ, шатался съ полгода по разнымъ мѣстамъ, пока въ заславскомъ повѣтѣ, въ м. Полонномъ, не былъ задержанъ ключевымъ войтомъ и представленъ въ г. Заславль, въ нижній земскій судъ, а оттуда въ Житомиръ. По опредѣленію волынскаго губ. правленія, его за бродяжество отдали въ солдаты, и въ 1806 г. онъ опредѣленъ былъ въ кіевскій гарнизонный батальонъ барабанщикомъ. Прослуживъ около пяти лѣтъ въ этомъ званіи, Гродскій весною 1811 года учинилъ побѣгъ вмѣстѣ съ тремя товарищами-солдатами. Не доходя до Василькова, бѣглецы переночевали въ лѣсу, въ послѣдній разъ подкрѣпились казеннымъ „пайкомъ“ и порѣшили разойтись въ разныя стороны; товарищи Гродскаго ушли неизвѣстно куда, а самъ онъ надумалъ отправиться на родину. Но недалеко онъ ушелъ: въ одной деревнѣ близь м. Паволочи сотскій задержалъ его, какъ безпаспортнаго, и представилъ въ сквирскій

нижній земскій судъ. На допросѣ Гродскій вѣрно показалъ о своемъ происхожденіи, только утаилъ, что онъ бѣглый солдатъ, поэтому его отправили въ Житомиръ, а оттуда въ острогскій нижній земскій судъ для водворенія на мѣстѣ родины. Вернувшись въ с. Колесники, Гродскій сознался предъ своимъ помѣщикомъ, что онъ—дезертиръ, однако тотъ не представилъ его, какъ бы слѣдовало, въ судъ, а опредѣлилъ въ рабочіе къ своему садовнику, но потомъ, убѣдившись въ его неспособности ни къ какой работѣ, позволилъ ему поселиться въ семействѣ одного изъ своихъ крестьянъ, у котораго Гродскій прожилъ почти все лѣто въ качествѣ „прыймака", пока не укралъ свиту у своего благодѣтеля, за что послѣдній прогналъ его со двора, а помѣщикъ приказалъ гнать его на барщину. Но тяжелый крѣпостной трудъ пришелся совсѣмъ не по вкусу бѣглому барабанщику, и въ началѣ сентября онъ бѣжалъ отъ помѣщика, пробрался въ балтскій повѣтъ и подъ именемъ шляхтича Тршалковскаго нанялся на одномъ пивоваренномъ заводѣ. Не долго пришлось ему быть и пивоваромъ: въ первое же воскресенье онъ напился пьянымъ, затѣялъ въ корчмѣ драку, былъ арестованъ сотскимъ и, какъ безпаспортный, отведенъ въ балтскій нижній земскій судъ. Дорогою, находясь въ опьяненіи, Гродскій болталъ всякій вздоръ и между прочимъ хвалился, будто онъ многое знаетъ о тѣхъ, что „зажигаютъ города", даже самъ принадлежитъ къ ихъ шайкѣ, участвовалъ якобы въ поджогѣ Кіева и награбилъ тамъ много денегъ и всякаго добра. Сотскій передалъ объ этихъ рѣчахъ балтскому исправнику, и не успѣлъ арестантъ проспаться отъ хмеля, какъ за нимъ уже была упрочена репутація „опаснѣйшаго злодѣя"; его заковали въ кандалы и подъ строгимъ карауломъ препроводили въ Каменецъ-Подольскъ. На допросѣ у губернатора импровизированный поджигатель хотѣлъ было отказаться отъ этой опасной роли, но было уже поздно—ему не повѣрили. Тогда онъ вообразилъ, что, продолжая разыгрывать случайно навязанную ему роль раскаявшагося поджигателя, якобы по молодости и неопытности увлеченнаго въ шайку злодѣевъ, и выдавая мнимыхъ соучастниковъ несуществующаго злодѣйскаго умысла, онъ мо-

жетъ разсчитывать, что такимъ путемъ, быть можетъ, удастся ему избѣжать наказанія за побѣгъ изъ полка, тѣмъ болѣе, что, находясь на пивоваренномъ заводѣ, онъ неоднократно слышалъ толки рабочихъ о ксендзахъ, якобы „дѣлающихъ зажигательства“, и будто за открытіе поджигателей отъ начальства объявлены большія награды; поэтому на послѣдующихъ допросахъ у подольскаго губернатора, а затѣмъ и у генерала Эртеля, онъ уже безъ запинки передавалъ сочиненную имъ исторію о польскомъ генералѣ Пашковскомъ и его преступной шайкѣ. Съ тѣхъ поръ волей и неволей онъ расплодилъ цѣлую серію разныхъ небылицъ о поджигателяхъ и ихъ укрывателяхъ и ложно оговорилъ великое множество неповинныхъ людей, въ чемъ теперь искренно раскаивается и чистосердечно сознается, что ни самъ не участвовалъ ни въ какихъ поджогахъ, „ниже знаетъ кого-либо, повиннаго въ такомъ злодѣяніи“.

Теперь настала очередь торжествовать не алармистамъ, а скептикамъ, которые давно уже съ недовѣріемъ относились къ легендѣ о „зажигательской шайкѣ“, и прежде всего кіевскому военному губернатору Милорадовичу. Надо отдать справедливость этому умному администратору, что въ ту тревожную пору, когда весьма многіе изъ представителей власти, поддаваясь общей паникѣ, легко принимали на вѣру всякій сенсаціонный слухъ, онъ едвали не одинъ оставался спокойнымъ и осмотрительнымъ; узнавъ по личному опыту (во время производства слѣдствія о кіевскомъ пожарѣ), какъ мало довѣрія заслуживаютъ всякаго рода толки и слухи о поджигателяхъ, онъ съ большимъ недовѣріемъ относился къ легендѣ о „злодѣйскомъ умыслѣ“ Пашковскаго, сомнѣвался въ существованіи организованной шайки поджигателей и неоднократно, сколько могъ, предостерегалъ какъ министра полиціи, такъ еще больше генерала Эртеля отъ излишняго довѣрія къ сенсаціоннымъ разоблаченіямъ Тршалковскаго. Теперь его взгляды и предостереженія блистательно оправдались: страшный призракъ, полгода пугавшій и правительство, и населеніе обширнаго края, оказывался не чѣмъ инымъ, какъ грубой мистификаціей ничтожнаго плута, почти мальчишки, къ росказнямъ котораго такъ

долго относились съ незаслуженнымъ вниманіемъ! Объ этомъ поразительномъ открытіи подобало прежде всего оповѣстить генерала Эртеля, что и было сдѣлано, съ приложеніемъ точной копіи чистосердечной исповѣди Гродскаго, ci-devant Тршалковскаго. Въ то же время Милорадовичъ отправилъ подробное донесеніе о случившемся и министру полиціи Балашову съ такимъ заключеніемъ: „изъ сего ваше превосходительство усмотрѣть изволите, что разглашенія и слухи на счетъ бывшихъ въ Кіевѣ зажигателей совершенно не основательны, и что пожары происходили здѣсь, какъ я и прежде предполагалъ, единственно отъ безпечности и неосторожности хозяевъ или отъ шалости и неудовольствія домашнихъ служителей, которые, пользуясь общимъ смятеніемъ, изъ мщенія или буянства отваживались втайнѣ дѣлать иногда поджоги, но сіи, однакожъ, или заблаговременно были открыты, или въ то же время были погашены".

Разумѣется, послѣ всего случившагося, Эртелевская миссія потеряла свой raison d'être, и въ половинѣ января 1812 г. получено было въ Кіевѣ увѣдомленіе изъ министерства полиціи объ отозваніи генералъ-лейтенанта Эртеля въ Петербургъ и о порученіи окончить слѣдствіе о пожарахъ дѣйствительному статскому совѣтнику Розенкампфу. Послѣднему предстояло лишь одно: освободить невинно оклеветанныхъ Тршалковскимъ, распредѣлить уголовныхъ арестантовъ на извѣстныя категоріи по роду преступленій и вмѣстѣ съ дѣлами о нихъ отправить въ подлежащія судебныя мѣста. Но Павелъ Гродскій не попалъ ни въ одну изъ этихъ категорій: его велѣно отправить въ Петербургъ, и какова была дальнѣйшая судьба этого дерзкаго мистификатора—остается неизвѣстнымъ.

О. Левицкій.

ОЧЕРКИ ПЕРЕЯСЛАВЩИНЫ.

Съ 1882 года полтавская губернская земская управа, согласно постановленію полтавскаго губернскаго земскаго собранія отъ 8 октября 1881 года, учредила при себѣ статистическое бюро и предприняла изданіе „Сборника по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи", котораго въ промежутокъ времени съ 1882 по 1890 г. вышло 8 томовъ, заключающихъ въ себѣ описанія уѣздовъ: зѣньковскаго, полтавскаго, миргородскаго, лубенскаго, гадяцкаго, золотоношскаго, кременчугскаго и хорольскаго. Только въ декабрѣ прошлаго 1890 г. появился новый X-й томъ Сборника, обнимающій уѣздъ переяславскій. Томъ IX-й съ описаніемъ прилукскаго уѣзда находится пока въ печати.

Матеріалами для Сборника послужили подворныя описи, составленныя членами статистическаго бюро при объѣздѣ ими описанныхъ уѣздовъ, а редакція первыхъ 8 томовъ принадлежала покойному уже теперь г. Терешкевичу, а послѣдняго изъ вышедшихъ, X-го тома, принадлежитъ г. Кулябкѣ-Корецкому.

По принятой программѣ каждый томъ сборника состоитъ изъ 8 отдѣловъ: 1) общія свѣдѣнія объ уѣздѣ, 2) очеркъ хозяйства сельскихъ сословій, 3) обзоръ матеріаловъ по оцѣнкѣ земель, 4) обзоръ помѣщичьяго хозяйства, 5) таблицы, показывающія хозяйственное положеніе селеній каждой волости, 6) таблицы, показывающія хозяйственное положеніе имѣній, 7) таблицы къ оцѣночному отдѣлу, 8) разныя статистическія свѣдѣнія. Въ этотъ послѣдній отдѣлъ входятъ свѣдѣнія о пространствѣ дачъ уѣзда, о частномъ землевладѣніи, о мелкихъ

промышленныхъ и торговыхъ заведеніяхъ, о профессіональныхъ занятіяхъ сельскаго населенія, о платежахъ сельскихъ сословій, а также списокъ населенныхъ мѣстъ даннаго уѣзда.

Уже изъ этого краткаго перечня отдѣловъ „Сборника“ видно, что полтавскія статистическія изданія тѣмъ отличаются отъ другихъ сосѣднихъ, напримѣръ: харьковскихъ и черниговскихъ, что въ нихъ совершенно отсутствуетъ историческій элементъ; между тѣмъ какъ, напримѣръ, въ „Описаніи сумскаго уѣзда“ В. С. Козлова сдѣланъ краткій очеркъ исторіи заселенія и землевладѣнія (вып. III, стр. 3—7), приложены царскія грамоты и документы о земляхъ сумскаго уѣзда (Прилож. къ III, вып. № 11) и составлена таблица свѣдѣній о времени основанія поселеній сумскаго уѣзда и о числѣ бывшихъ въ нихъ прихожанъ въ 1730—1850 годахъ, а въ „Матеріалахъ для оцѣнки земельныхъ угодій кролевецкаго уѣзда“ П. П. Червинскаго проведена параллель между положеніемъ населенія въ 1767 и 1883 гг. по даннымъ Румянцевской описи и теперешней подворной и т. д. Въ полтавскихъ же статистическихъ изданіяхъ мы имѣемъ только картину современнаго хозяйственнаго положенія населенія безъ какихъ бы то ни было историческихъ справокъ или параллелей. Пополненіе этого пробѣла по отношенію къ переяславскому уѣзду составляетъ задачу предлагаемыхъ вниманію читателей „Кіевской Старины“ этюдовъ. Для перваго раза мы возьмемъ изъ книги о переяславскомъ уѣздѣ отдѣлы: „географическое описаніе уѣзда“ (стр. 1—26) и „населеніе“ (стр. 64—73) и „списокъ населенныхъ мѣстъ“ (стр. 475—482) и попытаемся присоединить къ нимъ нѣкоторыя историческія замѣчанія.

I. Географія и населеніе переяславскаго уѣзда. Переяславскій уѣздъ принадлежитъ къ числу приднѣпровскихъ и занимаетъ сѣверо-западный уголъ полтавской губерніи, клиномъ вдающійся между черниговской (съ сѣверо-запада) и кіевской (съ юго-запада) губерніями. Очертанія границъ уѣзда напоминаютъ больше всего треугольникъ со срѣзаннымъ юго-восточнымъ угломъ и съ глубокою вырѣзкою на юго-западной сторонѣ, образованною изгибомъ Днѣпра около срѣзаннаго угла,

или, выражаясь образно, имѣютъ приблизительно внѣшній видъ обыкновеннаго клина, въ которомъ нижнее остріе обломано, а лѣвая сторона выщерблена. Границы уѣзда составляютъ: на сѣверѣ и сѣверо-западѣ—козелецкій и остерскій уѣзды черниговской губ.; на западѣ и юго-западѣ—Днѣпръ, отдѣляющій переяславскій уѣздъ отъ кіевскаго и каневскаго уѣздовъ кіевской губ.; на югѣ и юго-востокѣ—золотоношскій уѣздъ полтавской губ.; и, наконецъ, на востокѣ—р. Супой, протекающая почти по меридіану, лишь съ небольшимъ уклономъ къ востоку, и отдѣляющая уѣздъ отъ сосѣднихъ съ нимъ уѣздовъ полтавской губерніи: золотоношскаго, пирятинскаго и прилукскаго.

Площадь переяславскаго уѣзда равняется: 3595 квадр. верстъ или 374,343 десятины.

Наибольшая длина уѣзда между сѣверо-западнымъ его угломъ и пересѣченіемъ золотоношской границы Супоемъ на юго-востокѣ равняется приблизительно 85 верстамъ; наименьшая ширина уѣзда въ южной его части по золотоношской границѣ достигаетъ не болѣе 35 верстъ, а наибольшая ширина его отъ сѣверо-западнаго угла до сѣверо-восточнаго, вдоль черниговской границы, вдвое болѣе значительна и равняется 70 верстамъ; почти такое же (около 70 верстъ) протяженіе имѣетъ и юго-западная сторона уѣзда, омываемая р. Днѣпромъ, и немного меньше (около 65 верстъ) — восточная, пролегающая вдоль теченія р. Супоя.

Переяславскій уѣздъ расположенъ въ болѣе низменной части губерніи, поверхность которой вообще представляетъ покатость съ сѣверо-востока на юго-западъ.

Наивысшая точка поверхности въ переяславскомъ уѣздѣ находится въ юго-восточномъ углу его, около с. Пологъ-Яненокъ (72 саж. надъ уровнемъ Чернаго моря).

Значительно большая часть переяславскаго уѣзда расположена въ обширной древней днѣпровской долинѣ, имѣющей здѣсь два лѣвыхъ древнихъ берега, которые двумя уступами дѣлятъ уѣздъ на 3 полосы, представляющія нижнюю, среднюю и верхнюю террасы. Всѣ три террасы, параллельно идущія

вдоль лѣваго берега р. Днѣпра, имѣютъ въ юго-восточной своей части, т. е. у границъ золотоношскаго уѣзда, почти одинаковую ширину (въ 11 верстъ); направляясь отсюда къ сѣверо-западу, первая изъ нихъ постепенно съуживается и у границы черниговской губерніи оказывается вдвое уже своей первоначальной ширины ($5^1/_2$ верстъ); вторая же и третья террасы расширяются: одна въ $3^1/_2$ (до $38^1/_2$ верстъ), другая въ 2 раза (до 21 версты).

Первая отъ Днѣпра терраса представляетъ низменную заливную долину; она покрыта сыпучими песками, болотами и лѣсами, изрѣзана рукавами р. Днѣпра, серповидными озерами (ериками) и обмелѣвшими руслами (старицами). У подножья древняго берега, окаймляющаго эту долину, растянулась на протяженіи до 40 верстъ полувысохшая рѣка, или скорѣе болото,—Карань, образующая вмѣстѣ съ русломъ р. Днѣпра песчаный островъ, на которомъ расположены приднѣпровскія селенія; островъ этотъ раздѣляется на части многими протоками, соединяющими болото съ р. Днѣпромъ.

Средняя терраса ограничена съ сѣверо-востока вторымъ древнимъ берегомъ Днѣпра, возвышающимся надъ нею на 2—5, рѣдко 10 саж. Въ ней преобладаютъ возвышенныя мѣста надъ низменными, причемъ общій рельефъ мѣстности представляетъ постепенное пониженіе отъ юго-востока на сѣверо-западъ, а у подножія втораго древняго берега Днѣпра пролегаетъ ложбина, по которой протекаютъ съ сѣверо-запада р. Трубежъ, а съ юго-востока притокъ р. Трубежа рѣчка Броварка. Слившись съ Броваркой, Трубежъ поворачиваетъ на югъ и съ небольшимъ уклономъ на западъ приближается къ Днѣпру, пересѣкая такимъ образомъ вторую террасу поперекъ и раздѣляя ее на двѣ части, изъ коихъ сѣверо-западная значительно обширнѣе юго-восточной. Сѣверо-западная часть слабо волниста и имѣетъ посрединѣ небольшое углубленіе, по которому протекаетъ р. Ильтыца (Альта), притокъ р. Трубежа.

Третья, верхняя терраса имѣетъ покатость съ запада на востокъ, отъ древняго берега р. Днѣпра къ Супою. Сѣверная часть ея состоитъ изъ двухъ водораздѣловъ: между Трубежемъ

и Недрой и между Недрой и Супоемъ. Низменныя мѣста въ ней преобладаютъ надъ возвышенными.

По орошенію переяславскій уѣздъ принадлежитъ къ бассейну р. Днѣпра съ его притоками.

Изъ орошающихъ Переяславщину рѣкъ въ Днѣпръ впадаютъ: Иква съ Мленью, Трубежъ и Супой.

Въ Трубежъ съ правой стороны впадаютъ: Красиловка (Старица), Воробьевка, Селичевка, Иква, Ильтыца (Альта) и Карань; съ лѣвой стороны: Недра, Козелъ и Броварка (она же кромѣ того имѣетъ еще 6 названій: Каратулька, Кирпичевка, Яненка, Лукашевка, Супротивная, Чирская).

Въ Недру впадаютъ съ правой стороны Березанка (Рудницкая) съ Сухоберезицей.

Въ Броварку впадаетъ съ правой стороны Гатка, а въ Гатку съ правой же стороны Быбша.

Въ Супой съ переяславской, т. е. правой, стороны впадаютъ Малый Супой (Супоецъ) и Сосновка.

Всѣ рѣки, орошающія переяславскій уѣздъ, текутъ въ низменныхъ, болотистыхъ берегахъ, постепенно мелѣютъ и обращаются въ болота. Даже весеннія воды не въ состояніи производить углубляющаго дѣйствія на ихъ русла вслѣдствіе слабаго уклона водныхъ стоковъ и только широко разливаются по окрестностямъ этихъ рѣкъ.

Названія рѣкъ носятъ также нѣкоторые рукава и озера р. Днѣпра.

По почвѣ переяславскій уѣздъ распредѣляется на четыре раіона: песчаное побережье Днѣпра, супесчано-солонцеватый раіонъ между побережьемъ Днѣпра и побережьемъ Трубежа, раіонъ по Трубежу, гдѣ земли песчаныя перемѣшаны съ черноземными и солонцеватыми, и раіонъ черноземный, простирающійся до Супоя.

Лѣса въ уѣздѣ расположены преимущественно по берегамъ рѣкъ и составляютъ въ 1-мъ раіонѣ—35% площади, во 2-мъ—5%, въ 3-мъ—16% и въ 4-мъ—5%. Изъ этого видно, что побережье Днѣпра и берега Трубежа особенно богаты лѣсомъ и

въ настоящее время, когда много превосходныхъ лѣсовъ вырублено и частью выкорчевано, а частью занято чагарникомъ.

Наиболѣе густо населеннымъ является супесчано-солонцеватый раіонъ, затѣмъ черноземный; слабѣе остальные два раіона—вѣроятно потому, что песчаныя или болотистыя побережья переяславскихъ рѣкъ представляютъ большія неудобства для поселенія.

Все населеніе переяславскаго уѣзда составляетъ 28,845 хозяйствъ, въ которыхъ числится 78,037 лицъ мужскаго пола и 77,016 женскаго, а всего 155,053 человѣка, такъ что на одно хозяйство среднимъ числомъ приходится $5^1/_2$ душъ. Какъ и въ прочихъ уѣздахъ полтавской губерніи, здѣсь замѣтенъ перевѣсъ мужскаго населенія надъ женскимъ, а именно: на 100 мужчинъ приходится $98^7/_{10}$ женщинъ.

Все населеніе переяславскаго уѣзда группируется въ 138 населенныхъ пунктахъ, не считая мелкихъ хуторовъ, и принадлежитъ исключительно къ малорусскому племени; только семьи евреевъ и цыганъ пестрятъ кое-гдѣ его племенное однообразіе.

Территорія переяславскаго уѣзда сравнительно недавно пріобрѣла тотъ внѣшній обликъ, который она имѣетъ въ настоящее время; сравнительно недавно ея равнины и долины приняли свои теперешнія очертанія. Всего нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ она была еще полярною пустынею, загроможденною льдами и снѣгами и лишенною всякой растительной и животной жизни и присутствія человѣка. Только путемъ крайне медленнаго, обусловленнаго неразгаданными космическими причинами, процесса—климатъ ея измѣнился постепенно изъ холоднаго въ умѣренный, и сама она превратилась вмѣстѣ съ остальными частями южно-русской равнины изъ страны льдовъ и снѣговъ въ роскошную степь, перемежающуюся лѣсами и болотами, по которымъ струятся ея тихія рѣчки [1]).

---

[1]) См. рѣчь проф. Краснова, напечатанную въ журналахъ Полтав. сел. хоз. общества 1891, вып. II, стр. 143—160,—„Настоящее и прошлое южно-русскихъ степей". Краткія свѣдѣнія о ледниковой эпохѣ можно найти въ книгѣ В. Д. Смирнова „Прошлое и настоящее земли". М. 1890, стр. 99—168.

Съ этого-же времени появился на территоріи переяславскаго уѣзда и первобытный человѣкъ.

При нынѣшнемъ состояніи научныхъ данныхъ мы можемъ съ несомнѣнностью утверждать, что первоначальными насельниками переяславскаго уѣзда были длинноголовые финны. Небольшими родовыми группами бродили они по его тогдашнимъ пустынямъ, охотились на дикихъ звѣрей (въ томъ числѣ на мамонтовъ, носороговъ и пр.) и такимъ путемъ добывали себѣ средства къ существованію. Отъ нихъ остались тѣ каменныя орудія, черепки и остатки пищи, которые наблюдалъ Н. Ѳ. Бѣляшевскій въ предѣлахъ переяславскаго уѣзда близъ приднѣпровскихъ селъ Жеребятина и Койлова[1]). Вѣроятнымъ памятникомъ финнскаго быта слѣдуетъ признать и тотъ каменный, замѣчательно отполированный, топорикъ, который мнѣ случайно удалось найти на поляхъ д. Кучакова и который переданъ мною на храненіе въ археологическій музей кіевскаго университета,

Прикочевавшія изъ Средней Азіи скиѳо-сарматскія племена иранской отрасли арійскаго племени оттѣснили финновъ на сѣверъ въ нынѣшнюю среднюю Россію и заняли мѣста ихъ стоянокъ, распространившись далеко на западъ до Карпатъ и Дуная. Они окрестили своими именами самыя крупныя рѣки южной Россіи, и эти имена, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, дожили до настоящаго времени. Загнаннымъ въ неприступныя ущелья Кавказскихъ горъ потомкамъ скиѳо-сарматскихъ племенъ, осетинамъ, до сихъ поръ понятны имена Дона, Днѣпра и Днѣстра,—послѣднихъ въ ихъ средневѣковыхъ формахъ: Данастеръ, Данаперъ. Донъ для нихъ просто „вода", Днѣстръ—„быстрая вода", Днѣпръ—„падающая вода" (скиѳосарматовъ поразили, конечно, днѣпровскіе пороги, съ которыхъ съ страшнымъ шумомъ и ревомъ падаетъ въ пропасть громадная масса воды[2]).

---

[1]) См. статью Н. Ѳ. Бѣляшевскаго „Первобытный человѣкъ на берегахъ р. Днѣпра" въ Кіевской Старинѣ 1890, т. XXIX, стр. 12.

[2]) Я не распространяюсь здѣсь о происхожденіи и культурѣ скиѳо-сарматскихъ племенъ. Все, что добыто наукой по этимъ вопросамъ, сведено во II-мъ вы-

Преемниками скиѳо-сарматовъ въ переяславскомъ уѣздѣ были славяне, оттѣснившіе своихъ предшественниковъ въ прикавказскія страны. Они дали названія притокамъ Днѣпра, въ томъ числѣ и протекающимъ въ предѣлахъ переяславскаго уѣзда. Иныя изъ названій переяславскихъ рѣчекъ произошли въ позднѣйшее время (послѣ XVI в.) отъ личныхъ именъ христіанскаго календаря (Яненка отъ Янъ—Іоаннъ; Лукашевка отъ Лукашъ—Лука) и отъ фамильныхъ прозвищъ (Козелъ отъ прозвища Козелъ, Красиловка отъ Красило, Воробьевка отъ Воробей), и являются, конечно, воспоминаніемъ объ обывателяхъ, которые проживали когда-то на берегахъ этихъ рѣченокъ. Другія названія также позднѣйшаго происхожденія (XVI в.) объясняются природными условіями той мѣстности, по которой протекаютъ ихъ носительницы, или сооруженіями, которыя были на нихъ устроены; такъ: Березанка течетъ въ березовыхъ лѣсахъ, у Сухоберезицы—сухіе берега, надъ Сосновкой попадались, вѣроятно, нѣкогда сосны, Рудницкая краснѣла желѣзной рудой, Старица перемѣнила свое русло; Броварка, имѣющая еще кромѣ того шесть названій, изъ которыхъ названія Яненка и Лукашевка объяснены выше, называется Броваркой по бывшему на ней пивному заводу — броварнѣ (*Brauerei*), Кирпичевкой по кирпичному заводу, устроенному когда-то на ея берегу, Супротивной по положенію своему противъ того села, гдѣ ее такъ именуютъ, Чирской по обилію живущихъ на ней маленькихъ дикихъ утокъ—чирятъ. Гатка называется такъ по плотинѣ, которая черезъ нее выгачена.

Но есть третій рядъ названій, которыя идутъ изъ отдаленной древности и происходятъ отъ малопонятныхъ намъ на первый разъ, но несомнѣнно славянскихъ корней. Такъ: *Трубежъ*, Трубайло отъ труба, трубити, трублю,—быть можетъ, названъ такъ потому, что на его берегахъ происходили большія охоты, во время которыхъ трубили въ охотничьи рога. Въ лѣтописи Трубежъ упоминается впервые подъ 988 г., когда сообщается

пускѣ труда гр. Толстаго и Н. Кондакова, „Русскія древности въ памятникахъ искусства“. Спб. 1889.

любопытный фактъ объ устройствѣ Владиміромъ Святымъ укрѣпленій по берегамъ Трубежа, въ которыхъ онъ поселилъ лучшихъ мужей „отъ словенъ, и отъ кривичъ, и отъ чюдий, и отъ вятичь“ [1]). Къ этому времени относится, вѣроятно, насыпка валовъ, проходящихъ двумя параллельными полукругами отъ Днѣпра къ Трубежу на юго-востокъ отъ г. Переяслава. *Супой* отъ корней *су* съ понятіемъ о сосѣдствѣ (сутки, суточки) и *по* въ глаголахъ пить, поить, могло значить: пограничный (отъ сосѣдей) водопой. Въ лѣтописи извѣстенъ съ 1136 г. по случаю жестокой битвы, которая происходила въ верховьяхъ его („на верхъ Супоя“) [2]) между Ольговичами и Мономаховичами. *Альта*, Ильтыця отъ славянскаго корня съ понятіемъ течь. Отсюда и чешская Вельтава. Въ лѣтописи Альта попадается, начиная съ 1015 г., когда на берегу ея, близъ г. Переяслава, былъ убитъ князь Борисъ. *Недра* несомнѣнно того-же корня, что и малорусскія слова нétро, нétря — топкое болото, густо поросшее лѣсомъ, куда трудно проникнуть.

Два названія переяславскихъ рѣчекъ тюркскаго корня и напоминаютъ о тѣхъ переяславскихъ торкахъ или черныхъ клобукахъ, которые составляли въ княжескую эпоху пограничную стражу переяславскаго княжества: это—Каратулька (она же называется Броваркой и еще пятью именами, объясненными выше), отъ кара—черный и туль—шапка, клобукъ, и Карань отъ того же слова кара—черный; быть можетъ, черная рѣчка, какъ мѣсто жительства черныхъ клобуковъ. Въ 1040 г. переяславскій князь Андрей Владиміровичъ отбилъ нападеніе на Переяславъ Святослава Ольговича и гналъ его дружину до Карани. Только названія Иква, Млень, Селичевка и Быбша не поддаются сколько-нибудь удовлетворительному объясненію.

Славянскія племена, поселившіяся въ южной Россіи послѣ скиѳо-сарматскихъ, долго не могли достигнуть политической независимости и образовать самостоятельное государство. Ихъ постоянно покоряли проходившіе на западъ завоеватели и обя-

[1]) Ипатская лѣтопись, изд. 1871 г., стр. 83.

[2]) Ипат. лѣт., 1871 г., стр. 214.

зывали платить дань. Въ IV в. переяславскій уѣздъ входилъ въ составъ готской державы и вблизи него, на мѣстѣ нынѣшняго Кіева, стоялъ знаменитый *Stadi Danpar*—городъ Днѣпра, столица Эрманариха[1]) Въ V в. переяславскимъ уѣздомъ владѣли гунны, въ VI-мъ и VII-мъ авары, въ VIII-мъ хазары, получавшіе дань „по бѣлѣ и вѣверицѣ“ отъ дыма т. е. отъ жилья[2]).

Власть хазаръ окончилась въ половинѣ IX-го вѣка возникновеніемъ и развитіемъ самостоятельныхъ славянскихъ княжествъ, въ ряду коихъ заняло впослѣдствіи мѣсто и княжество переяславское. Послѣ этого былъ только небольшой промежутокъ времени (около 892 г.), когда переяславскій уѣздъ могъ быть подчиненъ венграмъ (уграмъ, мадьярамъ), проходившимъ подъ напоромъ печенѣговъ изъ придонскихъ степей въ Паннонію.

За все время своего трехвѣковаго существованія переяславское княжество служило оплотомъ отъ нападеній на Русь появлявшихся изъ Азіи кочевниковъ—печенѣговъ, торковъ, половцевъ и, наконецъ, татаръ. Торками оно воспользовалось, какъ хорошимъ военнымъ элементомъ, и поселило ихъ на берегахъ Трубежа и Каратульки въ качествѣ пограничной стражи[3]). Селились въ предѣлахъ переяславскаго княжества и татары. Предполагая, что всѣ племена, жившія когда-бы то ни было на территоріи переяславскаго княжества одновременно съ русскими славянами, вступали съ ними въ брачныя отношенія, мы должны признать, что въ жилахъ малорусскаго народа есть слѣды крови и готской, и гуннской, и аварской, и хазарской, и мадьярской, и печенѣжской, и торкской, и половецкой, и та-

---

[1]) См. Статью проф. Веселовскаго „Славяно-германскіе отрывки“ въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1889, іюль, стр. 1—6. О смѣнѣ народностей въ южной Руси см. ст. Житецкаго въ Кіев. Стар. т. VI, т. IX и т. X.

[2]) Ипат. лѣт., 1871, стр. 11.

[3]) Для знакомства съ отношеніями населенія переяславскаго княжества къ кочевникамъ см. книгу Голубовскаго „Исторія ю.-рус. степей“, Кіевъ, 1884, особенно главу: „Русь и кочевники“ стр. 65—181. Наиболѣе точныя указанія о переяславскихъ торкахъ находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ Ипатской лѣтописи, изд. 1871: стр. 114: „Иде Всеволодъ на торки зимѣ къ Воіню и побѣди торкы“ стр. 143: „Заратишася торці переяславлестии на Русь“; стр. 208: „Слышавше же се вразя половци смерть Володимерю, и присунушася къ Баручю, рекше: возмемъ торкы ихъ“. „Воінь“—теперь Войнинцы на Каратулькѣ; „Баручь“—теперь Барышевка на Трубежѣ.

тарской. Этимъ объясняется разнообразіе физическихъ типовъ въ малорусскомъ населеніи. Но вопросъ этотъ пока только намѣченъ въ сочиненіи г. Дибольда [1]) и въ статьѣ г. Талько-Гринцевича [2]) и требуетъ еще дальнѣйшей разработки. Для того, чтобы судить о бытѣ и нравахъ племенъ, населявшихъ южную Россію до славянъ и одновременно съ ними, частью вовсе нѣтъ письменныхъ данныхъ, частью и существуютъ въ сочиненіяхъ писателей греческихъ, латинскихъ, арабскихъ и въ нашей первоначальной лѣтописи, но такія неточныя и глухія, что изъ нихъ съ большими натяжками возможно дѣлать какіе-либо выводы.

Но къ счастію всѣ эти народы, приходя на территорію южной Руси, приносили съ собою собственную культуру и въ своихъ могильникахъ оставили намъ полную картину своего быта и внутренней жизни.

Вотъ почему въ замѣнъ письменныхъ источниковъ является *раскопка могилъ*, которая разъясняетъ намъ способъ погребенія мертвецовъ у народовъ, населявшихъ когда-бы то ни было южнорусскія степи, и такимъ образомъ позволяетъ заключать и о бытѣ похороненныхъ во время ихъ земной жизни. Финны, скиѳосарматы и славяне, готы и гунны, авары и хазары, печенѣги и торки, половцы и татары—всѣ оставили въ могилахъ своихъ мертвецовъ, чтобы мы могли ознакомиться съ ними и опредѣлить, изъ какихъ элементовъ слагалась ихъ земная жизнь.

Территорія переяславскаго уѣзда очень богата могильными насыпями, скрывающими прахи бывшихъ ея обитателей, но изслѣдованіе ихъ почти не начато. Въ семидесятыхъ годахъ г.г. Самоквасовъ и Кибальчичъ раскопали по нѣсколько кургановъ въ окрестностяхъ г. Переяслава и с. Сулимовки, но дневники ихъ раскопокъ никогда не были публикованы, да изъ нихъ и нельзя было-бы сдѣлать какихъ-нибудь обобщеній по скудости добытыхъ данныхъ. Археологическое изслѣдованіе переяславскаго уѣзда дѣло будущаго—хотѣлось-бы думать, что недалекаго.

---

[1]) Ein Beitrag zur Anthropologie der Kleinrussen. Dorpat. 1886.

[2]) Antropologia w ogóle i w zastosowaniu do kraju naszego. Wisła, 1888, str. 547—562.

II. Населенныя мѣста переяславскаго уѣзда. Къ IX вѣку нашей эры, отъ котораго начинаются извѣстія нашей первоначальной лѣтописи, населявшее переяславскій уѣздъ славянское племя достигло уже извѣстной ступени гражданственности. Оно занималось земледѣліемъ, жило осѣдло въ селахъ и имѣло укрѣпленные городки, куда скрывалось въ случаѣ нападенія враговъ. Важнѣйшимъ изъ этихъ городковъ съ постояннымъ городскимъ торговымъ классомъ былъ Переяславъ. Этотъ торговый классъ, быть можетъ, не принадлежалъ къ господствующему племени. а являлся остаткомъ скандинавской дружины, отправившейся искать счастья изъ негостепріимной сѣверной родины въ благодатныя южныя страны. Въ самомъ началѣ X-го вѣка, въ 907 г., въ Переяславѣ былъ уже свой князь, подчинявшійся верховной власти новгородскаго князя Олега. Населеніе Переяслава вело торговлю съ Византіей и участвовало въ походѣ на нее, предпринятомъ Олегомъ. Когда пришлось заключать миръ съ византійскими греками, то Олегъ потребовалъ отъ нихъ уплаты контрибуціи не только въ пользу той морской флотиліи, на которой онъ прибылъ, но и въ пользу тѣхъ городовъ, гдѣ жили подвластные ему князья, въ томъ числѣ и въ пользу Переяслава. Кромѣ того переяславскіе торговцы получили въ числѣ другихъ привилегію получать по прибытіи въ Византію отъ византійскаго правительства провизію на шесть мѣсяцевъ въ видѣ хлѣба, вина, мяса, рыбы и овощей. Когда по окончаніи торговыхъ сдѣлокъ они отправлялись домой, то византійскій императоръ долженъ былъ давать имъ на дорогу съѣстные припасы, а также якори, канаты, паруса и все другое, что имъ понадобится для снаряженія судовъ къ выходу въ море.

Впослѣдствіи мѣстные переяславскіе князья исчезаютъ и Переяславъ начинаетъ получать себѣ князя изъ династіи кіевскихъ князей Рюриковичей. Переяславскій столъ получаетъ характеръ переходнаго къ великому столу кіевскому. Мало по мало онъ закрѣпился въ родѣ Всеволода Ярославича и просуществовалъ въ видѣ отдѣльнаго стола до конца XII вѣка, когда извѣстія о переяславскихъ князьяхъ прекращаются, если не признавать вѣрнымъ извѣстія лѣтописи Быховца, что въ битвѣ

съ Гедиминомъ на Ирпени участвовалъ и князь переяславскій.

Несмотря на то, что новыя волны кочевыхъ народовъ постоянно приливали изъ Азіи къ границамъ переяславскаго княжества, имъ не удалось вполнѣ смести прочно осѣвшее въ переяславскомъ уѣздѣ славянское населеніе. Печенѣги, торки, половцы и, наконецъ, татары уменьшали, правда, густоту этого населенія, но никогда не уничтожали его вполнѣ. Русское населеніе оставалось въ предѣлахъ переяславскаго уѣзда все то время, когда южною Русью владѣли татары, хотя и должно было терпѣть въ близкомъ сосѣдствѣ значительную массу поселившихся татарскихъ кочевниковъ. Опустошеніе, постигшее южную Русь отъ полчищъ Батыя въ 1237 и послѣдующихъ годахъ, какъ ни было оно велико, не оставило послѣ себя лишь пустыню: нѣкоторые города совершенно уцѣлѣли, въ томъ числѣ и Переяславъ, въ которомъ въ 1250 г. встрѣтили татары Даніила Галицкаго, когда послѣдній ѣхалъ въ орду на поклоненіе Батыю. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что при татарскомъ погромѣ большинство жителей не было избито, а бѣжало передъ татарами; избито было преимущественно городское населеніе. Для жителей тогдашняго времени предстояло двоякое средство спасенія: бѣжать въ чужія страны, именно въ Польшу, Венгрію и Чехію, и, во вторыхъ, скрываться дома по лѣсамъ. Большинство предпочло второй способъ и по миновàніи опасности тотчасъ же начало возвращаться въ свои прежнія жилища. Татарскія нашествія 1261 г. (Бурундая), 1283 г. (Телибуги и Ногая), 1399 г., когда татары гнались за разбитымъ Витовтомъ, подступили къ Кіеву и взяли съ него 3,000 рублей контрибуціи, и, наконецъ, 1482 г. (Менгли-Гирея)—значительно разрѣдили населеніе переяславскаго уѣзда, но все таки остались свидѣтели прошлаго, которые передали своимъ преемникамъ по крайней мѣрѣ имена старыхъ поселеній. Этимъ объясняется, какимъ образомъ имена города Переяслава и одиннадцати селъ переяславскаго уѣзда удержались до сихъ поръ отъ княжеской эпохи (X—XII в.).

Села эти слѣдующія:

1) Село Вороньковъ, вороньковской волости, упоминается въ поученіи Владиміра Мономаха въ формѣ *Вороница.* Отсюда Владиміръ Мономахъ началъ одинъ изъ своихъ походовъ на половцевъ.

2) Село Сальковъ, вороньковской волости, встрѣчается въ Ипатской лѣтописи (изд. 1871 г. на стр. 181 и 277) въ формѣ *Саковъ.*

3) Село Войнинцы, хоцковской волости, упоминается въ Ипатской лѣтописи на стр. 114, 143, 198 въ формѣ *Воинъ.* Вблизи нынѣшнихъ Войнинецъ есть долина, называемая Воиновой Долиной.

4) Село Малыя Яненки, переяславской волости, называемое нынѣ Воскресенскимъ, въ 1149 г. называлось *Янчино сельцо.*

5 и 6) Села Великая и Малая Каратули, переяславской волости, существовали уже въ XI-мъ вѣкѣ и, вѣроятно, такъ и назывались, какъ мѣстопребываніе переяславскихъ торковъ, принадлежавшихъ къ восточнымъ племенамъ и извѣстныхъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ черныхъ клобуковъ, что составляетъ русскій переводъ имени каратулей.

7) Деревня Карань, переяславской волости, на рѣчкѣ того-же имени, упоминается въ 1140 г. въ формѣ *Корань.*

8) Село Демянцы, демянской волости, упоминается въ 1155 г. въ формѣ *Деминескъ* (Деменескъ).

9) Деревня Глѣбовка, демянской волости, упоминается въ 1185 г. въ формѣ *Глѣбовъ.* (Игорь говоритъ: „взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля").

10) Село Строкова, помокельской волости, упоминается въ 1149 г. подъ именемъ „*Кудьново сельцо*", а рѣчка Гатка, на которой оно стоитъ, называлась тогда *Стряковъ.* Затѣмъ имя рѣчки сдѣлалось именемъ села, а рѣчка получила иное названіе по сооруженію, которое на ней устроили.

11) Мѣстечко Барышевка, барышевской волости, упоминается подъ 1126 и 1174 г.г., какъ городъ торковъ „*Баручъ*". Къ первоначальному названію присоединился подъ вліяніемъ великорусскаго языка, въ которомъ сельское поселеніе называется *деревней,* суффиксъ женскаго рода—*евка* и получилось

названіе „Баручевка", которое изъ удобствъ произношенія измѣнилось въ „Барышевка".

Однако, несмотря на то, что славянское населеніе никогда не изсякало въ конецъ на территоріи переяславскаго уѣзда и сберегло въ своихъ устахъ старыя названія мѣстностей,—тѣмъ не менѣе страна эта сильно запустѣла и возвратилась почти въ тотъ видъ, какой она имѣла въ тѣ отдаленныя доисторическія времена, когда по ней блуждали толпы финнскихъ охотниковъ въ погонѣ за дикими звѣрями.

Довольно полную картину жизни въ предѣлахъ переяславскаго уѣзда за столѣтіе съ 1550 по 1650 г. рисуютъ намъ составленныя польскими чиновниками люстраціи или описанія замковъ: каневскаго, кіевскаго и остерскаго 1552 г., староствъ кіевскаго воеводства въ томъ числѣ и переяславскаго староства 1616 г., остерскаго староства 1628 г. и тарифа подымной подати кіевскаго воеводства 1631 г.[1]). Заимствуемъ изъ этихъ памятниковъ наиболѣе выпуклыя черты.

Переяславскій уѣздъ представлялъ собою пустыню, мало пригодную для осѣдлой жизни. На пространствѣ его было разсѣяно много городищъ и селищъ, которыя обозначали собою мѣста бывшихъ поселеній. Населеніе ютилось въ хуторахъ и было очень рѣдко. Остальная земля лежала впустѣ и заселена была только дикими звѣрями да птицами. Право пользоваться естественными богатствами страны принадлежало старостѣ каневскаго замка и его мѣщанамъ, которые несли за это службу на пограничьи польскаго государства. Главныя охоты происходили на берегахъ Супоя. Каневскіе мѣщане и бояре должны были отправляться туда вмѣстѣ съ старостою и охотиться въ его пользу три дня. Отъ Канева до мѣста охоты—Супоя считалось 4 мили. Остальное время мѣщане охотились, ловили рыбу, занимались пчеловодствомъ въ свою пользу и должны были только платить старостѣ извѣстную дань. Эти промышленники уходили изъ Канева на переяславскую сторону только на лѣто,

---

[1]) Всѣ эти документы напечатаны въ І-мъ томѣ VII-ой части Архива Юго-Западной Россіи. Кіевъ. 1886.

а на зиму опять возвращались обратно въ г. Каневъ. Но были люди, которые круглый годъ жили въ переяславскихъ пустыняхъ: это—козаки, люди свободные и никуда не приписанные, потомки тѣхъ старинныхъ обитателей Переяславщины, которые уцѣлѣли отъ татаръ, скрываясь въ лѣсахъ и болотахъ. Они занимались тѣми-же самыми промыслами, что и каневскіе мѣщане, и причиняли послѣднимъ много вреда, отнимая у нихъ ту дичь и рыбу, которыя при отсутствіи конкурренціи доставались-бы мѣщанамъ. Кромѣ того портили охоту каневскимъ мѣщанамъ, распугивая дичь, солдаты каневскаго гарнизона, такъ называемые драбы, которые ходили по старымъ селищамъ и городищамъ, разрывали окружавшія ихъ могилы, чтобы воспользоваться зарытыми вмѣстѣ съ мертвецами цѣнными предметами, напримѣръ, браслетами и кольцами, и при этомъ разбрасывали кости мертвецовъ. Каневскіе мѣщане суевѣрно боялись, что потревоженные покойники будутъ мстить за такое небрежное отношеніе къ ихъ праху.

Только въ самомъ концѣ XVI-го вѣка переяславскій уѣздъ начинаетъ заселяться болѣе прочно. 3-го іюня 1585 г. Стефанъ Баторій разрѣшилъ князю Константину Острожскому основать городъ и построить замокъ на пустомъ городищѣ, называемомъ „Переяславъ", и далъ будущему городу магдебургское право. Мало по малу вмѣсто прежнихъ уединенныхъ хуторовъ появляются села, хотя сначала, конечно, мелкія. Крупныхъ селъ на лѣвомъ берегу Днѣпра не было даже въ половинѣ XVIII-го вѣка: громадное большинство ихъ состояло изъ 3—20 дворовъ, причемъ преобладающими были села съ 3—8 дворами. Возникли эти села изъ хуторовъ, основанныхъ отдѣльными поселенцами, главнымъ образомъ благодаря естественному размноженію. Дѣлимость семействъ въ XVI, XVII вѣкѣ не была столь велика, какъ теперь, и существовали сводныя семьи въ родѣ сербскихъ задругъ. Устройство жилищъ для новыхъ поколѣній вело къ превращенію хутора въ село. Этимъ объясняется и множественное число значительной части названій переяславскихъ селъ (37 изъ 138): потомки одного предка носили общее фамильное прозваніе, которое потомъ закрѣпилось за селомъ.

Впервые мы узнаемъ о существованіи нѣкоторыхъ переяславскихъ селъ изъ описанія кіевскаго замка 1552 г. Въ числѣ селъ, обязанныхъ платить дань въ пользу кіевскаго замка, упоминаются „за Днепромъ на Трубежи: Боръщовцы, Иванковцы, зъ Острое Луки“ [1]) т. е. нынѣшнія села Борщовъ (скопецкой вол.). Иваньковъ (бориспольской вол.) и Остролучье (барышевской вол.). Борисполь упоминается въ Конституціяхъ варшавскаго сейма 1590 и 1596 гг. [2]) Борисполь же и Барышевка упоминаются въ тарифѣ подымной подати кіевскаго воеводства 1631 г. Въ реестрахъ войска запорожскаго 1649 г. упоминаются почти всѣ наиболѣе крупныя села переяславскаго уѣзда при обозначеніи мѣста родины нѣкоторыхъ козаковъ; такъ, напримѣръ, Курило Помокалский, Мисько Цибельский (стр. 216), Уласъ с Хоцокъ, Сидоръ з Леляковъ (стр. 220). Такимъ образомъ мы видимъ, что большинство селъ переяславскаго уѣзда возникло въ періодъ времени съ 1550-хъ до 1650-хъ годовъ. Болѣе подробныя данныя о времени основанія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ селъ будутъ приведены нами при обозрѣніи ихъ исторіи.

Всѣхъ населенныхъ мѣстъ въ переяславскомъ уѣздѣ числится, какъ упомянуто выше, 138, не считая мелкихъ хуторовъ. Одни изъ нихъ носятъ имена, принадлежащія грамматически къ именамъ существительнымъ, другія—принадлежащія къ именамъ прилагательнымъ. Принадлежащія къ именамъ существительнымъ имѣютъ частью единственное, частью множественное число. Къ именамъ прилагательнымъ всегда можно добавить имена нарицательныя: хуторъ, село, деревня; напримѣръ: Рудяковъ—хуторъ, Старое—село, Пасѣшная—деревня. Нужно полагать, что женскія прилагательныя въ названіяхъ селъ появились подъ великорусскимъ вліяніемъ, такъ какъ слова „деревня“ малорусскій языкъ не знаетъ.

Названія селъ, принадлежащія къ именамъ существительнымъ женскаго рода, какъ напримѣръ, Семеновка, Лехновка

[1]) Архивъ, стр. 120.

[2]) Volumina Legum. 1859. T. II, стр. 318, стл. 1 и стр. 361, стл. 2.

и т. д. также предполагаютъ обозначеніе поселенія терминомъ „деревня“ и произошли подъ великорусскимъ вліяніемъ, такъ какъ въ актахъ начала XVIII-го вѣка эти самыя поселенія носятъ еще старыя родовыя прозвища: Семенчинцы, Лехновцы и т. д.[1]).

Обращаясь къ объясненію названій переяславскихъ селъ по пути, указанному профессоромъ Сумцовымъ[2]), мы должны раздѣлить ихъ на 13 разрядовъ.

I) Села получившія названія отъ личныхъ христіанскихъ именъ первыхъ поселенцевъ въ календарной ихъ формѣ. Сюда принадлежатъ: Софіевка отъ Софія, Марьяновка отъ Маріанна, Максимовка отъ Максимъ, Борисовка отъ Борисъ, Аполлоновка отъ Аполлонъ, Лукьяновка отъ Лукіанъ, Павловка отъ Павелъ, Памфилы отъ Памфилъ.

II) Села, получившія названія отъ личныхъ христіанскихъ именъ первыхъ поселенцевъ въ народной формѣ[3]). Сюда принадлежатъ: Мартусовка отъ Мартуся, уменьш. отъ Марта, Марѳа, Семеновка отъ Семенъ = Симеонъ, Бакумовка отъ Бакумъ = Аввакумъ[4]), Корнѣевка отъ Корнѣй = Корнилій, Лехновка отъ Лехно = Александръ[5]), Сеньковка отъ Сень, Сенько = Симеонъ[6]), Уласовка отъ Уласъ = Власій, Процевъ отъ Проць=Прохоръ[7]), Паршиковъ отъ Паршико=Парамонъ, Сош-

---

[1]) Въ универсалѣ Скоропадскаго 1713 г. Настасьѣ Степановнѣ Думитрашковой-Ранчъ на эти села. См. Русск. Архивъ Бартенева, 1875, т. II, стр. 405.

[2]) См. статью „Малорусская географическая номенклатура“ въ Кіевской Старинѣ, 1886, іюль, стр. 456—489.

[3]) Огромный запасъ личныхъ христіанскихъ именъ въ народной формѣ и фамильныхъ прозвищъ представляютъ списки мѣщанъ южно-русскихъ замковъ, напечатанные въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, т. 1, ч. VII, а въ особенности реестра войска запорожскаго 1649 г., изданные Бодянскимъ при Московскихъ Чтеніяхъ въ 1874 г. Мы приводимъ изъ этихъ источниковъ болѣе рѣдкія имена и прозвища для доказательства ихъ существованія въ южной Россіи XVI-го в. О малорусскихъ фамильныхъ прозвищахъ см. ст. Сумцова. „Кіев. Стар.“, 1885 г., т. XI, стр. 215.

[4]) Р. стр. 219, Бакумъ Исайченко, 224, Бакумъ Бараненко.

[5]) Р. 156. Лехно Пащенко, 177. Лехно Кантимеренко, 197. Лехно Карпенко, 66 Данило Лехновичъ, 6. Иванъ Лехненко.

[6]) Р. 138. Сень Петрашенко, 139. Сень Жабенко; Арх. 104. Синько.

[7]) Р. 182. Проць Ласовченко, 184. Проць Микодиненко.

никовъ отъ Сошъ, Сошко = Сосъ[1]), Иваньковъ отъ Иванько = Иванъ, Сизенковъ отъ Сизенько, Созонъ = Созонтъ[2]), Хоцки отъ Хоцко, Ходоръ=Θеодоръ[3]), Лецки отъ Лесько, Лесь=Александръ[4]), Яненки отъ Янъ = Иванъ, Андруши отъ Андруша, Андрушко=Андрей, Ерковцы отъ Ерко, Ерчыкъ=Юрій, Георгій[5]), Демянцы отъ Демянъ = Даміанъ, Харьковцы отъ Харько = Харитонъ, Пилипчичи отъ Пилипъ = Филиппъ, Денисы отъ Денисъ=Діонисій, Мацковцы отъ Мацко=Матθей[6]), Мазинки отъ Мазько, Мазинько = Матθей, Лукаши отъ Лукашъ = Лука, Ярешки отъ Ярешко, Ярема = Іеремія[7]), Войтово, Войтовцы отъ Войтъ, Войтко=Войтѣхъ.

III) Села, получившія названія отъ фамильныхъ прозвищъ первыхъ поселенцевъ. Сюда относятся Рудяковъ отъ Рудякъ, Вовчковъ отъ Вовчокъ, Вовкъ, Козловъ отъ Козелъ, Гусинцы отъ Гусь черезъ прилагательное: Гусинъ, Козинцы отъ Коза черезъ прилагательное: Козинъ, Горбани отъ Горбань[8]), Ковалинъ отъ Коваль, Жуковка отъ Жукъ, Усовка отъ Усъ, Тужиловъ отъ Тужило, Морозовка отъ Морозъ, Чоботьки отъ Чоботько[9]), Чепилки отъ Чепилка[10]), Стовпяги отъ Стовпяга[11]), Скопцы отъ Скопець[12]), Жеребятинъ отъ Жеребя, Леляки отъ Леляка, Лелека (аистъ), Положаи отъ Положай, Борщевъ отъ Борщъ, Гречаники отъ Гречаникъ, Коржи отъ Коржъ, Вергуны отъ Вергунъ, Гайшинъ отъ Гайша[13]), Гланишевъ отъ Гланышъ, Кулябовка отъ Кулябка, Кой-

---

1) Арх. 113—114: Сошъ Цивъликъ, Сошко Кулюбакинъ, Сошъко Кривопускъ.

2) Р. 212. Сезонъ Бильченко.

3) Арх. 596. Хоцько Рубеньковичъ, 597. Хоцко Онискевичъ.

4) Р. 12. Лесько Антоненко, 215. Лесько Костюченко. 140. Лесь Марченко, 141. Лесь Московченко.

5) Р. 205. Юсько Ерченко, 208. Максимъ Ерчыкъ.

6) Р. 25. Мацько Слунский. Арх. 117. Мацко Носачовникъ.

7) Р. 181. Ярешко Луценко, 183. Ярешка Демяновичъ.

8) Р. 279. Олекса Горбань, 286. Гаврило Горбань, 293. Тимко Горбань.

9) Р. 219. Кузьма Чоботко, 232. Павелъ Чобутко.

10) Р. 73. Панько Чепила, 186. Иванъ Чопилка.

11) Р. 231. Яцько Стовпяга.

12) Р. 298. Стецько Скопець.

13) Р. 5. Романъ Гайша.

ловъ отъ Койло [1]), Рогозовъ отъ Рогозъ [2]), Лебединъ отъ Лебедь, Волошиновка отъ Волошинъ, Волохъ (румынъ), Ячники отъ Ячникъ [3]), Черевки отъ Черевко [4]), Бабачиха отъ Бабычъ, Швадчиха отъ Швадько, Хлопковъ отъ Хлопко, Голосіевка отъ Голосій, Чубуковъ отъ Чубукъ, Кучаковъ отъ Кучакъ [5]), Дѣвички отъ Дѣвочка.

IV) Села, названія коихъ указываютъ на давность ихъ заселенія или на внѣшній видъ. Сюда относятся: Старое, Староселье, Селище, Городище, Глубокое, Пристромы, Остролучье, Заостровскій (хуторъ), Заручанскій (хуторъ), Довгогребельскій (хуторъ), Гребля, Нагорновка, Подгорный, Озерище, Дубовая Шея, Борис-*поле*, Кру-*поле* Великое, Кру-*поле* Малое, Сомкова Долина.

V) Села, получившія имена отъ фамилій заселявшихъ ихъ пановъ. Сюда принадлежатъ: Сулимовка отъ фамиліи Сулимъ, Полуботькова Слободка отъ фамиліи Полуботко.

VI) Села, названныя по имени праздника, коему посвященъ мѣстный храмъ. Сюда относятся: Покровское по церкви св. Покрова, выстроенной Н. И. Думитрашкомъ-Раичемъ, и Воскресенское по церкви, выстроенной М. Л. Каніевскимъ.

VII) Села, названныя во времена крѣпостнаго права по прихоти бывшихъ владѣльцевъ. Въ переяславскомъ уѣздѣ только село „Благодатное" обязано этому своимъ названіемъ.

VIII) Села, указывающія на низменность мѣста, которое они занимаютъ. Сюда относятся названія: Пологи, Студеники, Помокли [6]).

IX) Села, получившія названія по лѣсамъ и зарослямъ, или по деревьямъ и растеніямъ, въ нихъ преобладающимъ. Сю-

---

1) Р. 208. Михайло Куйло, 116. Павелъ Койликъ.

2) Р. 286. Климъ Рогозъ.

3) Р. 113. Степанецъ Ячниковъ зять.

4) Р. 288. Янько Черевко, 2. Кузьма Черевченко

5) Арх. 148 Słuhi na imia:... Ku.zuk, P.rehunowicz

6) Пологи отъ лежать откуда ложбина = низменность, ложе = русло рѣки; Студеники отъ студить, студеный, стужа; студенецъ=колодезь, по-польски: *studnia*; Помокли отъ мокнуть.

да относятся: Березань, Малая Березанка, Дерновка, Бзовъ [1]. Хмелевикъ.

X) Села, получившія названія по именамъ животныхъ, которыя въ нихъ особенно многочислены; сюда относятся: Комаровка и Комаровскій (хуторъ) отъ комаръ (на приднѣпровскихъ лугахъ, гдѣ расположены эти поселенія, особенно много комаровъ), Вьюнище отъ вьюнъ (въ окружающихъ село днѣпровскихъ заливахъ ловится много вьюновъ).

XI) Села, названныя по занятіямъ ихъ жителей; сюда относится въ переяславскомъ уѣздѣ только деревня Пасѣшная отъ пасѣка.

XII) Села, съ названіями юмористическими. Къ этому разряду принадлежитъ село, названное въ насмѣшку Натягайловка, потому что оно вытянулось въ одну длинную улицу.

XIII) Села названныя по рѣчкамъ, у которыхъ они расположены. Къ этому разряду относятся: Недра отъ рѣки Недра, Селичевка отъ р. Селичевки, Старицы Великая и Малая отъ р. Старицы, Чирскій отъ р. Чирской, Соснова отъ р. Сосновки, Рудницкое отъ р. Рудницкой.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы разсмотримъ въ слѣдующихъ очеркахъ исторію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ селъ переяславскаго уѣзда и самаго города Переяслава.

А. Стороженко.

[1] Бзовъ отъ бузина; по польски: *bzowina*=бузина, *bzowy*=бузиновый, напр. *bzowy kwiat*=бузиновый цвѣтъ, *bzowy sok*=бузиновый сокъ, *bzowy krzak*=бузиновый кустъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ СЕЛЪ и СЕЛЯНЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ МАЛОРОССІИ [1]).

4. Полковникъ Галаганъ въ приднѣпровскихъ своихъ маетностяхъ.

Въ Приднѣпровьѣ у Галагана было двѣ маетности: м. Еремѣевка и с. Липовое, входившія въ составъ чигриндубровской сотни, а послѣдняя занимала побережья Сулы при ея устьѣ. Мѣстность эта въ концѣ XVI в. находилась въ запустѣніи, но раньше имѣла уже свои поселенія. Монахи кіевскаго Николаевскаго монастыря сохранили любопытный актъ, по которому какой то дворянинъ Михаилъ Павша [2]) подарилъ ихъ монастырю „*селище Климятинъ* --- съ сульскимъ входомъ --- со всѣми входы и приходы, што изъ старины къ тому Климятину тягло и прислухало“--- [3]) Впослѣдствіи монахи объясняли, что подаренныя Павшею земли включали въ себѣ—побережье Днѣпра отъ урочища Бѣлобережья до озера Дубка, на пространствѣ 25-ти верстъ и вверхъ по Сулѣ—правый ея берегъ на протяженіи 40-ка верстъ отъ Днѣпра... На этихъ земляхъ, „тянувшихъ“ къ Климятину, монахи, въ XVI в., успѣли устроить, повидимому, одинъ только Пивскій монастырь. Дальнѣйшее заселеніе этихъ земель произ-

---

[1]) См. Кіевск. Старина 1891 г., № 1.

[2]) Несѣцкій (VII, 264), говоря о Павшахъ, первымъ изъ нихъ называетъ Николая, жившаго уже въ к. XVI в. (1589 г.)

[3]) Акты Ю. и З. Россіи, I, 45. Селище Климятинъ подъ именемъ урочища „Клемента святого“ упоминается неразъ затѣмъ въ историческихъ актахъ к. XVI в., напр. Книга посольск. метр. в. кн. литовск., I, 36 и II, 306.

водилось уже помимо монаховъ нахлынувшимъ сюда, съ конца XVI в., населеніемъ праваго берега Днѣпра, которое стало садить здѣсь слободы сначала самостоятельно, а потомъ—подъ началомъ захватившихъ берега Сулы и ея притоковъ Вишневецкихъ. Въ нач. XVII в. монахи попробовали было отнять у Вишневецкихъ Жовнинъ, какъ поселенный, по ихъ увѣреніямъ, на самомъ селищѣ Климятинскомъ и добились въ 1612 г. рѣшенія люблинскаго трибунала въ свою пользу, но привести этого рѣшенія въ исполненіе не смогли [1])... Затѣмъ, когда поляки были изгнаны изъ лѣваго берега Днѣпра войною Хмельницкаго, монахи Николаевскаго монастыря, предъявляя Хмельницкому свои права на климятинскія земли, стали доказывать, что на послѣднихъ поселились мѣстечки: Жовнинъ, Еремѣевка, Чигриндуброва и Власовка, которыя поэтому де и должны принадлежать Николаевскому монастырю. Хмельницкій, не провѣряя этихъ притязаній, выдалъ монахамъ универсалъ, подтвердившій за ними лишь право на земли климятинскія, безъ обозначенія ихъ границъ. Такой документъ, разумѣется, не могъ удовлетворить монаховъ и они выпросили у Многогрѣшнаго, въ 1670 г., другой универсалъ, уже съ подробнымъ означеніемъ тѣхъ земель, которыя будто бы принадлежали къ Климятинскому селищу. По этому универсалу за Николаевскимъ монастыремъ гетманъ утверждалъ: „городища, селища и грунта—Климятинъ, нынѣ называемый Жовнинъ,—климятинскіе уходы, или иначе жовнинскіе, около Сулы—Бѣлобережье [2]), Бражная лука, Домонтовская лука, Александрово озеро --- и противъ Веремѣевки --- уходы чигриндубровскіе около Сулы и Днѣпра до городища Пивовъ“ и т. д. Такимъ образомъ Многогрѣшный утверждалъ за Николаевскимъ монастыремъ огромное пространство днѣп-

[1]) Нѣсколько лѣтъ назадъ, намъ случилось видѣть межевой планъ с. Лялинецъ (рядомъ съ Еремѣевкою) и въ числѣ урочищъ, обозначенныхъ на этомъ планѣ, одно называется —„Бѣлыми берегами“. Хотя урочища съ этимъ названіемъ встрѣчаются очень нерѣдко по берегамъ большихъ рѣкъ, но вѣроятно эти лялинскіе „Бѣлые берега“ и есть то Климятинское *бѣлобережье*, о которомъ говоритъ универсалъ Многогрѣшнаго.

[2]) Вып. изъ книгъ гродск. воев. кіевск., 29 дек. 1612 г.

ровскаго побережья, въ площадь котораго входила и Еремѣевка—подъ видомъ чигриндубровскихъ уходовъ по Днѣпру и Сулѣ... На основаніи гетманскаго универсала выданы были Николаевскому монастырю и царскія грамоты, повторившія тотъ же перечень „городищъ и селищъ". Но, несмотря однако же на эти акты, монастырь не могъ осуществить своихъ правъ на климятинскія земли, потому что людская память расходилась съ притязаніями монаховъ, ничего не зная ни о дѣйствительномъ владѣніи Николаевскаго монастыря доставшимися ему по акту Павши землями, ни о границахъ этихъ земель... Монахи молчали и ждали удобнаго времени. Между тѣмъ возникшія на „тянувшихъ" къ Климятину земляхъ поселенія росли и множились въ своемъ населеніи, пользуясь тѣми экономическими выгодами, которыя представляло Приднѣпровье для своихъ жителей. Выросла и Еремѣевка, получившая свое названіе отъ знаменитаго отступника Іереміи Вишневецкаго. Въ 1649 г. Еремѣевка составляла уже отдѣльную сотню лубенскаго полка. Затѣмъ, впрочемъ, татарскія разоренія, отъ которыхъ такъ сильно пострадала югозападная Малороссія въ семидесятыхъ годахъ XVII в., коснулись и Еремѣевки, значительно умалившейся отъ этого въ своемъ населеніи и переставшей даже быть сотеннымъ центромъ; но къ к. XVII в. Еремѣевка снова стала богатымъ приднѣпровскимъ мѣстечкомъ.

Когда, по прутскому договору 1711 г., правая сторона Днѣпра отошла къ Польшѣ и тогдашній чигиринскій полковникъ Игнатъ Галаганъ лишился и своего полковничества, и заднѣпровскихъ маетностей, то Скоропадскій, для возмѣщенія этихъ потерь, отдалъ Галагану Еремѣевку, какъ находившуюся поблизу отъ принадлежавшаго этому полковнику села Липоваго.

Получивъ еремѣевскихъ крестьянъ въ послушенство, Галаганъ черезъ нѣсколько лѣтъ сталъ привлекать къ тому же послушенству и тамошнихъ козаковъ. Когда въ 1720 г. были высланы на строеніе кіевской крѣпости козаки изъ ближайшихъ къ Кіеву полковъ, еремѣевскіе козаки остались дома, потому что Галаганъ запретилъ имъ туда идти. Сохранился выданный по этому случаю универсалъ Скоропадскаго еремѣевскому ата-

ману съ его козаками: „донеслося намъ вѣдати, что вы указу нашему оказались противными, такъ какъ изъ Еремѣевки не высланы козаки на работу кіево-печерской фортеціи, да и теперь отказываетесь отъ перевозки государевыхъ запасовъ отъ Днѣпра въ Полтаву; да кромѣ того, вообще не хотите слушаться полковыхъ и сотенныхъ распоряженій. Поэтому мы, такое ваше „глупство и ослушаніе“ порицая, симъ нашимъ унѣверсаломъ строго напоминаемъ, сурово грозимъ и рейментарско приказуемъ, чтобы, не заглядаючися на власть пана Галагана, полковника прилуцкаго, и не страхаючися его похвалокъ, нашихъ гетманскихъ указовъ слухали“ и пану полковнику лубенскому, какъ своему старшему, всякое должное послушенство въ войсковихъ услугахъ отдавали, по прежнему до полку къ сотнѣ чигриндубровской „прислушая“--- А если бы кто изъ васъ, товариства еремѣевскаго, и нынѣшнему универсалному указу нашему оказался противенъ, таковаго тогда --- велимъ, какъ „противника и бунтовника“, насильно брать и, забивши въ колодки, въ Глуховъ подъ арестъ привозить и тутъ непоблажно, безъ всякой пощады, карать“ [1]).

По ревизіи 1723 г. въ Еремѣевкѣ показано однихъ посполитскихъ дворовъ болѣе 400, не считая козачьихъ Но Галаганъ не довольствовался этимъ количествомъ крестьянъ и рѣшилъ во чтобы то ни стало привлечь къ своему послушанію и козаковъ, обративъ ихъ на первое время въ своихъ „бояръ“ и „куренчиковъ“. А между тѣмъ и николаевскіе монахи нашли, что обстоятельства измѣнились и снова можно заявить свои притязанія на „тянувшія“ къ Климятинскому селищу земли... Въ 1731 г. монахи начали противъ Галагана формальный процессъ за Еремѣевку, требуя признанія ихъ правъ на это мѣстечко. Процессъ этотъ по тогдашнимъ порядкамъ затянулся на многіе годы. Галаганъ, опираясь на царскую грамоту, по которой Еремѣевка утверждена была за нимъ въ 1714 г.,

---

[1]) Полтавскія Губерн. Вѣдом. 1849 г, № 5. Въ универсалѣ означенъ ошибочно 1709 г. Долженъ онъ относиться къ 1720 г., когда строилась кіевская крѣпость.

повидимому не особенно безпокоился монашескими притязаніями; его болѣе безпокоили тѣ событія, которыми сопровождались сначала устройство украинской линіи, а потомъ походы польскій и крымскій (1730—1736). Для сооруженія первой правительство въ первый разъ потребовало высылки крестьянъ, а для походовъ—слѣдовали наряды за нарядами козаковъ. События эти отразились на еремѣевскомъ населеніи слѣдующимъ образомъ: „по ревизіи 1731 г. въ Еремѣевкѣ состояло дворовато числа людей, бояръ и посполитыхъ—344 двора; а когда для работы украинской линіи высланы были крестьяне, а потомъ наступили съ поляками и турками военные походы, да поставлены были въ Еремѣевкѣ, какъ и въ другихъ пограничныхъ мѣстахъ, армейскіе полки на винтерквартиры, да еще потребовались работники для полоненія льда на Днѣпрѣ, то еремѣевскіе подданные, оставя свои дворы впустѣ, въ другія мѣста сходить принуждены были; а въ 1741 г., когда свободный переходъ съ мѣста на мѣсто малороссійскому народу дозволенъ былъ, и послѣдніе люди, оставшись въ убожествѣ, по своему желанію, кто куда захотѣлъ—разбрелись безвоспятительно, и гдѣ было въ слободахъ, къ Еремѣевкѣ принадлежащихъ и на еремѣевской земли Игнатіемъ Галаганомъ поселенныхъ, до 40 дворовъ, тамъ черезъ военное время—ни единаго человѣка не осталось“.—Такъ разсказывалъ сынъ Игнатія, Григорій Галаганъ, въ 1750 г. Къ этимъ общимъ невзгодамъ прибавилась еще одна мѣстная: когда для крымскаго похода потребовался усиленный нарядъ козаковъ, тогда чигриндубровскій сотникъ Иванъ Булюбашъ донесъ въ Глуховъ, что въ Еремѣевкѣ большинство козаковъ поверстано Галаганомъ въ свои „куренчики“, вслѣдствіе чего и невозможно выслать указанное число козаковъ. Въ отвѣтъ на это донесеніе изъ Глухова пришелъ приказъ—отобрать у Галагана этихъ куренчиковъ подъ сотню, что Булюбашемъ и было исполнено въ 1734 г. По окончаніи крымскаго похода, Галаганъ задумалъ убывшее крестьянское населеніе Еремѣевки пополнить тамошними козаками и сталъ ихъ тѣснить, заставляя переходить къ нему въ подданство.

Но за козаковъ вступился преемникъ Булюбаша Александръ Бутовскій. Галаганъ пожаловался въ Глуховъ, куда въ сентябрѣ 1745 г. писалъ: „въ маетности моей Еремѣевкѣ—козаки и другіе, назвавъ себя козаками, поселясь на жалованной мнѣ землѣ, не отбываютъ мнѣ надлежащихъ повинностей, безправно владѣя моею землею. И такихъ неправильно поселившихся на моей землѣ козаковъ чигриндубровскій сотникъ Бутовскій до надлежащихъ мнѣ повинностей не только что не допускаетъ, но и вновь приходящимъ не позволяетъ на той моей землѣ селиться и подъ сотню свою ихъ причисляетъ". Въ заключеніе Галаганъ просилъ произвести слѣдствіе о поселившихся на его земляхъ козакахъ и затѣмъ приказать сотнику, чтобы онъ какъ тѣхъ, которые живутъ уже на его, Галагана, землѣ, такъ и тѣхъ, которые вновь поселятся на его земляхъ, подъ сотню не привлекалъ. По этой жалобѣ изъ Глухова приказано было произвести слѣдствіе главнымъ образомъ о томъ—кто изъ козаковъ живетъ на Галагановской землѣ. Слѣдствіе открыло, что многіе козаки, переселясь въ Еремѣевку уже послѣ 1711 г., и сами не знали—на чьей землѣ они живутъ, такъ какъ земли крестьянъ никогда не отдѣлялись отъ земель козачьихъ. Между тѣмъ, прежде чѣмъ кончилось еще слѣдствіе, Галаганъ началъ усиленно тѣснить еремѣевскихъ козаковъ, желая, чтобы они „подписались быть его подданными"... Какіе мѣры при этомъ употреблялъ Галаганъ, объ этомъ разсказываетъ Бутовскій: „въ бытность мою въ Еремѣевцѣ (осенью 1746 г.) усмотрѣлъ я въ ономъ мѣстечку чинимыя абшитованнымъ прилуцкимъ полковникомъ Галаганомъ нестерпимыя козакамъ обиды, а именно: собравъ всѣхъ еремѣевскихъ куренчиковъ (которые предъ тѣмъ были, по указу, отобраны подъ сотню) съ оружіемъ, какъ надлежитъ воинскому человѣку, онъ посылаетъ ихъ по козачьимъ дворамъ и дворы тѣ разоряетъ: въ хатахъ двери и окна снимаетъ, забираетъ скотъ и взятымъ скотомъ—лозу, колоды дерева, что найдетъ во дворѣ и что ему понадобится, въ свой дворъ перевозить приказываетъ. А кто съ того принужденія ему, Галагану, быть подданнымъ подпишется, тому все забратое—возвращаетъ. Видя такое на-

силіе, многіе козаки подписались. Также сѣна, козаками заготовленныя на ихъ дѣдовскихъ и отцовскихъ грунтахъ, для своихъ лошадей, которыми службы нынѣ и всегда отправляютъ, Галаганъ приказываетъ забирать, рубитъ козачьи лѣса и поотнималъ у козаковъ всѣ ихъ рыболовли и плавни... А самихъ козаковъ, если только кто изъ нихъ природное свое козацство или грунтъ, на которомъ живетъ, козачьимъ свидѣтельствуетъ, несмотря на это, принуждаетъ записываться въ число его подданныхъ. Не видалъ я нигдѣ, не только межъ христіанами, пишетъ Бутовскій, но и по чужимъ землямъ, чтобъ противъ зимы козаковъ можно было выгонять изъ ихъ дворовъ безъ указа и безъ суда, или—чтобы можно было насильно писать ихъ въ подданство... Такое разореніе здѣшнихъ козаковъ можетъ повести къ тому, что когда станетъ Днѣпръ, то козаки эти, по ихъ „древнему обыкновенію, яко побережные, могутъ не токмо въ иныя мѣста, но и за Днѣпръ, въ польскую область, учинить побѣгъ"...

Такія же свѣдѣнія о насиліяхъ Галагана представилъ въ Глуховъ и еремѣевскій атаманъ, вѣроятно подъ вліяніемъ Бутовскаго, завидовавшаго богатству Галагана. „Галаганъ послалъ своихъ куренчиковъ, писалъ атаманъ, по козачьимъ дворамъ грабить козаковъ, чтобы подвернуть ихъ себѣ въ подданство насильно, сказуючи: коли подданными моими будете, то и ваши статки (движимость) вамъ повертаю, а какъ не будете моими подданными, а станете подъ сотнею, то де ничего не отдамъ, да еще и остатки заберу!—И съ грунтовъ собственныхъ, козачьихъ, сгоняетъ и бьетъ нещадно, дабы съ грунтовъ сходили и ему въ подданство записывались"...

Между тѣмъ произведенное по просьбѣ Галагана слѣдствіе, было разсмотрѣно въ Глуховѣ и тамъ было рѣшено: спросить еремѣевскихъ козаковъ—„желаютъ ли они, оставя имѣющіеся подъ оными козачьи грунта, жить на собственныхъ грунтахъ полковника Галагана за нимъ въ подданствѣ и ежели покажутъ, что желаютъ, то тѣ всѣ козачьи грунта—описать и спросить кто у нихъ есть изъ свойственниковъ козачаго званія, коимъ бы можно по наслѣдству грунта эти для отбыванія за

нихъ козачьей службы, отдать... А онымъ боярамъ по переходѣ на грунта его, полковника, вольно за нимъ, полковникомъ, быть. Кто же своихъ грунтовъ козачьихъ оставить не пожелаетъ и на грунта полковника Галагана сойти не похочетъ, тотъ долженъ быть въ козачьей службѣ подъ сотнею"... Это необычайное распоряженіе глуховскихъ властей, вѣроятно щедро задобренныхъ Галаганомъ, давало послѣднему полный просторъ забрать въ подданные всѣхъ тѣхъ козаковъ, которые не могли противиться его насиліямъ и уже фактически были его подданными.

Дѣйствительно, когда по этому указу генеральной канцеляріи были спрошены „бояре" Галагана—желаютъ ли оставаться подъ сотнею т. е. въ козачествѣ или—перейти въ подданство къ Галагану, то 23 домохозяина заявили, что „они желаютъ, оставя свои подъ ними имѣючіеся козачьи грунта, жить на собственныхъ грунтахъ полковника Галагана, за онымъ въ подданствѣ". Такимъ образомъ Галаганово верстаніе еремѣевскихъ козаковъ въ крестьяне было узаконено тою властью, которой одна изъ главныхъ обязаностей заключалась въ наблюденіи, чтобы козаки не переписывались въ посполъство и тѣмъ не умаляли количества служилыхъ людей. Но въ половинѣ XVIII в. старшина уже не справлялась съ законами, когда дѣло касалось личныхъ ея интересовъ... Несмотря на такое удачное разрѣшеніе домогательствъ Галагана, ему не пришлось воспользоваться добытыми результатами, такъ какъ почти вслѣдъ за указомъ генеральной канцеляріи, послѣдовало въ 1749 г. рѣшеніе Сената, по которому еремѣевскіе крестьяне были отсуждены отъ Галагана Николаевскому монастырю. Для передачи этихъ крестьянъ новому владѣльцу назначенъ былъ миргородскій полковой судья Ѳедоръ Остроградскій и переяславскій сотникъ Леонтовичъ, по описи которыхъ монахамъ было отдано въ Еремѣевкѣ: 88 дворовъ съ 112 хатами и 41 пустыхъ усадьбъ съ 9 пустыми хатами. Такъ какъ по ревизіи 1723 года въ Еремѣевкѣ числилось крестьянъ около 400 дворовъ, то значитъ количество тамошнихъ крестьянъ менѣе чѣмъ за тридцать лѣтъ, уменьшилось вчетверо... На такую значительную убыль вліяли главнымъ образомъ двѣ причины: тяжесть повинностей держав-

ческихъ и общественныхъ и продолжавшееся въ XVIII в. возникновеніе слободъ, гдѣ крестьяне находили временныя льготы, для которыхъ и покидали старыя свои жилища...

Но кромѣ Еремѣевки, у Галагана въ Приднѣпровьи была еще одна маетность—село Липовое, расположенное невдалекѣ отъ Сулы. Сначала Липовое поселено было у самой Сулы, но прибрежный песокъ, надвинутый вѣтрами на село, заставилъ послѣднее отодвинуться отъ рѣки. Липовскій козакъ Никита Семакъ разсказывалъ въ 1745 г., что дѣдъ и отецъ его издревле жили въ Липовомъ, на урочищѣ Семаковкѣ, а потомъ, когда, за умножившимся тамъ пескомъ, все село стало переселяться на пахатныя нивы, то переселился и онъ... Липовое оставалось свободнымъ до 1710 г., когда Скоропадскимъ отдано было Галагану, бывшему въ то время чигиринскимъ полковникомъ. А когда, вслѣдствіе прутскаго договора, это полковничество уничтожилось, то Галаганъ, перейдя на лѣвый берегъ, задумалъ было поселиться въ Липовомъ. Липовскій козакъ Цыбуля разсказывалъ въ томъ-же 1745 г., что, „когда Галаганъ съ той стороны Днѣпра пришелъ въ Липовое, то поселился, на первое время, въ дворѣ отца его, Цыбули; а потомъ приказалъ дворъ Цыбули занять себѣ подъ дворецъ...

Переселившись въ Липовое, Галаганъ вмѣстѣ съ крестьянами завладѣлъ и козаками, повернувши ихъ частью въ „бояры“, а частью въ „куренчики“. Козаки болѣе тридцати лѣтъ мирились съ своимъ положеніемъ, но когда сотникъ Александръ Бутовскій вступился за еремѣевскихъ козаковъ, стали жаловаться и липовскіе. Въ 1745 г. они писали: „прадѣды, дѣды отцы наши, поселясь въ селѣ Липовомъ, когда оно садилось слободою, на свободныхъ козачьихъ нивахъ, которыя они же поднимали изъ цѣлины, жили свободно. Потомъ, къ намъ въ село стали переселяться козаки изъ другихъ мѣстъ, покупая грунта у старинныхъ липовскихъ козаковъ и владѣли тѣми грунтами также свободно до пожалованія липовскихъ „мужиковъ“ во владѣніе Галагану.

И сначала владѣнія Галаганомъ тѣми липовскими мужиками, которыхъ въ то время было немного, а грунтовъ у нихъ

и знать было нечего,—мы, козаки, ни отъ Галагана, ни отъ его приказчиковъ не имѣли никакихъ обидъ; такъ продолжалось до прошлаго 1745 г. А въ настоящемъ 1746 году Галаганъ, наѣхавъ въ с. Липовое, сталъ чинить намъ несносныя и нестерпимыя обиды: бьетъ, принуждаетъ „робить панщины", выгоняетъ изъ хатъ, утверждая, что мы живемъ на его землѣ; и совсѣмъ хочетъ подвернуть насъ себѣ въ подданство, а нѣкоторые изъ насъ уже и „подверталисъ" къ нему въ подданство со страху, что „весьма бьетъ". Жалоба эта была написана 7 сентября, а черезъ три недѣли липовскіе козаки снова писали, что Галаганъ, узнавъ о первой ихъ жалобѣ, „наслалъ гвалтомъ бояръ и служителей своихъ на домы нѣкоторыхъ изъ насъ,—окна, лавки и двери изъ хатъ къ себѣ во дворецъ позабиралъ и нивъ нашихъ собственныхъ орать не позволяетъ, покошенное нами сѣно забрать приказалъ, рыбы ловить въ нашихъ рыболовляхъ не позволялъ, хутора наши разоряетъ". Однимъ словомъ здѣсь повторилась та же исторія, что и въ Еремѣевкѣ. Галаганъ по какимъ то основаніямъ находилъ, что изъ липовскихъ козаковъ—24 двора поселены были на его земляхъ и требовалъ, чтобы они признаны были его крестьянами. Лубенскій полковникъ выслалъ слѣдователя, по распросамъ котораго оказалось, что многіе липовскіе козаки уже болѣе тридцати служили у Галагана „боярами", азъ бояръ они перешли въ крестьяне, такъ какъ не подъ силу было имъ бороться съ такимъ сильнымъ державцею, какимъ былъ Галаганъ. Въ виду давности пребыванія липовскихъ козаковъ въ подданствѣ у Галагана, помочь имъ было уже трудно и и поверстанные въ крестьяне липовскіе козаки такъ и остались крестьянами....

Владѣніе Галагана въ Липовомъ выразилось слѣдующими цифрами: въ 1740 г. тутъ было козаковъ—27 и крестьянъ—24 двор., а черезъ 40 лѣтъ, въ 1780 г., козаковъ осталось почти столько же (28 дв.), а крестьянъ стало втрое болѣе—72 двора.

---

5. Земельные захваты Булюбашей.

Мы видѣли, что чигриндубровскіе сотники Булюбашъ и Бутовскій довольно энергично защищали еремѣевскихъ козаковъ отъ насилій Галагана; но защиту эту не слѣдуетъ приписывать какимъ либо другимъ побужденіямъ, кромѣ личныхъ интересовъ обоихъ этихъ сотниковъ. И Булюбашъ, и Бутовскій отстаивали козаковъ отъ галагановскаго порабощенія, завидуя богатству прилуцкаго полковника, и конечно думали, что для „скупли“ грунтовъ у тѣхъ же самихъ козаковъ и обращенія затѣмъ продавцовъ въ своихъ подсосѣдковъ, у нихъ, мѣстныхъ сотниковъ,—гораздо больше правъ, чѣмъ, у полковника чужого полка, да при томъ же еще и богача...

Иванъ Булюбашъ правилъ чигриндубровскою сотнею около тридцати лѣтъ (1706—1734) и за это время захватилъ на десятки верстъ земельныхъ угодій изъ южно-сульскаго побережья. Захваты Ивана Булюбаша продолжалъ и сынъ его Демьянъ, бывшій лубенскимъ полковымъ судьею. Захваты Булюбашей были произведены главнымъ образомъ изъ громаднаго земельнаго богатства, села Шушваловки. Село это возникло въ к. XVII в., изъ чигриндубровскаго выселка который причислялъ къ своимъ землямъ обширное пространство степи на лѣвомъ берегу Сулы, недалеко отъ ея устья. Уже при Мазепѣ Булюбашъ захватилъ западную полосу этой степи, слывшую подъ именемъ урочища Кагамлыка, на которой и поселилъ три хутора: Горбы, Гринки и Сидоры.

Поселивъ эти хутора и имѣя на нихъ юридическій актъ лишь въ одномъ „листѣ“ полковника Зеленскаго, оказавшагося въ 1708 г. Мазепинымъ согласникомъ, Булюбашъ обратился въ 1709 г. къ своему новому полковнику Савичу, прося его подтвердить ему „Кагамлыкъ.“ Въ выданномъ Савичемъ „листѣ“, читаемъ: „вамъ панамъ старшинѣ городовой чигриндубровской, при желаніи добраго здоровья, объявляемъ, что какъ за бывшаго полковника, кагамлыцкіе „поселяне“ находились въ послушаніи сотника Ивана Булюбаша, такъ и теперь, уважая заслуги послѣдняго, мы приказываемъ вамъ, чтобы вы тѣхъ поселянъ до

городскихъ (т. е. чигриндубровскихъ) дѣлъ не привлекали, а войту „села Кагамлыка“ приказываемъ, чтобы онъ со всѣми жителями того села, по „прежней обыклости“, отдавалъ послушаніе „разоренному дому“ п. Булюбаша...

Съ листомъ Савича Булюбашъ считалъ себя уже полнымъ хозяиномъ „села Кагамлыка“, которое, какъ видно, служило общимъ названіемъ поселенныхъ имъ хуторовъ. Но когда Булюбашъ былъ отставленъ отъ сотничества, вѣроятно по старости, то преемникъ его по уряду, Бутовскій, заявилъ свое притязаніе на Кагамлыкъ, находя, что кагамлыцкіе хутора должны составлять ранговую маетность чигриндубровскихъ сотниковъ. Будучи въ крымскомъ походѣ въ 1738 г., Бутовскій успѣлъ выпросить у фельдмаршала Ласси письменное предстательство въ Петербургъ, по которому Кагамлыкъ и былъ отданъ Бутовскому на рангъ. Булюбашъ пожаловался въ Сенатъ, произведено было слѣдствіе и оказалось, что еще въ 1707 г. лубенскій полковникъ (Зеленскій) отдалъ Бутовскому, „за службы“, три хутора, называемые Горбы, Гринки и Сидоры, въ которыхъ хуторахъ и на „прикупленныхъ“ къ нимъ земляхъ Булюбашъ поселилъ вольныхъ людей и тѣ хутора названы селомъ Кагамлыкомъ. Сенатъ нашелъ, что Кагамлыкъ отобранъ отъ Булюбаша неправильно и въ 1742 г. присудилъ—вернуть ему это село. Современемъ названіе Кагамлыка было забыто и вмѣсто него явилось—село Горбы и двѣ деревни—Гринки и Сидоры, существующія подъ этими названіями и теперь.

На шушваловскихъ же земляхъ поселилъ Иванъ Булюбашъ и теперешнее село Лебеховку. Земли эти пріобрѣтены были большею частью посредствомъ „скупли“. Пріобрѣтенія эти въ юридическомъ отношеніи были сомнительны и добыть на нихъ законный актъ было нелегко. Поэтому о такомъ актѣ Булюбашъ сталъ хлопотать уже подъ конецъ своего сотничества и—заручившись, какъ видно, добрымъ расположеніемъ къ себѣ своего полковника Петра Апостола. Отъ послѣдняго въ 1733 г. и былъ выданъ Булюбашу, на Лебеховку, слѣдующій любопытный „универсалъ“: „Объявляемъ симъ нашимъ *универсаломъ* кому о семъ нынѣ и въ потомные часы вѣдать надлежатиметъ, а

особливо п. п. старшинамъ чигриндубровской сотни, городовымъ и сельскимъ, что сотникъ чигриндубровскій п. Иванъ Булюбашъ поданнымъ намъ прошеніемъ объявилъ, что, имѣя онъ въ той же сотнѣ давнимъ временемъ и вновь недавно купленные грунта въ разныхъ мѣстахъ, а особливо на урочищѣ Лебеховкѣ, гдѣ *и слобода осажена*, явилъ на оные грунта купчія и урядовыя записи; и хотя тѣми грунтами и слободою онъ спокойно владѣетъ, однако, дабы и впредь въ томъ владѣніи, какъ онъ самъ, такъ и потомство его не имѣли ни отъ кого препятія и трудности, просилъ на сіе нашего подтвердительнаго универсала. Но понеже заходило сомнѣніе, всѣ ли оные грунта чистою куплею пріобрѣтены (набыты) и нѣтъ ли кому съ подкомендныхъ его отъ кого обиды и спору, того ради нарочно посиланъ былъ отъ насъ полку нашего значковый товарищъ, гражданинъ лубенскій, Семенъ Мирецъ съ тоею инструкціею, дабы онъ, зъѣхавъ въ означенную сотню и тамо—которые суть въ живыхъ продавцы тѣхъ грунтовъ, на которые явлены купчія записи, а которыхъ нѣтъ въ живыхъ, то кто о такой продажѣ и куплѣ извѣстенъ, всѣхъ приглася къ себѣ, спрашивалъ ихъ и взялъ бы у нихъ за руками сказки, если продали съ доброй воли, а не съ принужденія какого и утиску, пану сотнику тіе грунта или вѣдаютъ о такой продажѣ"... Изъ этого акта видно, что Булюбашу для полученія на Лебеховку универсала отъ глуховскихъ правителей, замѣнившихъ умершаго гетмана Апостола, нужно было представить такіе данныя, которыя не возбудили бы сомнѣнія... Вотъ для этого собственно и потребовался такой обстоятельный документъ отъ мѣстнаго полковника, который, конечно, охотно бы выдалъ свой актъ на всякую скуплю... Получивъ отъ полковника желаемыя свѣдѣнія, Булюбашъ уже безъ труда получилъ отъ кн. Барятинскаго, тогдашняго правителя Малороссіи, крѣпкій универсалъ на Лебеховку, которую такимъ образомъ и закрѣпилъ за собою.

Захватъ шушваловскихъ земель продолжалъ и сынъ Ивана Булюбаша—Демьянъ, занимавшій урядъ лубенскаго полковаго судьи. Какъ велики были захваты Булюбаша-сына видно изъ показанія шушваловскихъ козаковъ, которое было записано при

составленіи генеральной описи. Въ этомъ показаніи читаемъ: „абшитованный судья полковой Демьянъ Ивановичъ Булюбашъ—прадѣдовскими, дѣдовскими и отческими нашими общими козачьими грунтами завладѣлъ и съ оныхъ, съ спокойного предковъ нашихъ и самихъ насъ владѣнія, грабительствами, побоями вытѣсненіе намъ чинитъ, а самъ ненадлежаще ими корыстуется; а завладѣлъ онъ слѣдующими землями: отъ рѣчки отъ Полной всѣми кутами по Лебеховку, и къ тѣмъ кутамъ пахатною землею по Мамичевъ бродъ да по Хилькову гребельку, въ длину—верстъ на 4, а въ ширину—верстъ на 3. Да захватилъ онъ, Демьянъ Булюбашъ, наши земли по Михнову могилу да по могилу Мандриделину, подъ самое с. Шушваловку, а затѣмъ отъ Свѣтайловой могилы до Стовбовахи, а отъ Стовбовахи по Лебедишину могилу, въ длину—6, а въ ширину — 4 версты; и на той нашей козачьей общественной землѣ поселилъ слободки: *Столбоваху, Кринки и Марченкову*. Да завладѣлъ сагою (рѣчкою) Лебеховкою и не позволяетъ намъ не только косить на той сагѣ камышъ для крышъ на наши дома, но не допускаетъ и скота поить... А если кто камышу накоситъ, то забираетъ у тѣхъ скотъ, а другихъ бьетъ и немалый искупъ (штрафъ) чорными смушками беретъ; а у кого смушковъ нѣтъ, то тѣхъ заставляетъ накосить ему, Булюбашу, по 25 копицъ сѣна отъ хаты. Да въ той же сагѣ издревле вольно было намъ ловить рыбу, а теперь Булюбашъ не допускаетъ...

Невдалекѣ отъ Столбовахи (теперь село) находится слободка *Слюзовка*. Это тоже захватъ Булюбаша, но еще отца. На мѣстѣ этой слободки находился хуторокъ козачки Татьяны Брусихи. За „нѣкоторое прегрѣшеніе“ [1]) послѣдней Иванъ Булюбашъ, по своей сотничьей власти, хуторокъ этотъ отобралъ и подарилъ своему зятю Семену Слюзу, причемъ прихватилъ и козачьихъ „общихъ“ земель въ длину на пять, а въ ширину на четыре версты... Такъ показывали въ 1767 г. тѣже шушваловскіе козаки.

---

[1]) Несомнѣнно, что „прегрѣшеніе“ было любовное......, За судъ въ такихъ прегрѣшеніяхъ, старшина получала всегда хорошую мзду...

Захваты Булюбашей къ концу XVIII в. выразились тѣмъ, что въ 1780 г. у нихъ на захваченныхъ земляхъ было крестьянъ: въ с. Лебеховкѣ—41 дв. и 60 хатъ; въ д. Гринкахъ—32 дв. и 53 х.; въ с. Горбахъ—24 дв. и 60 х.; въ д. Сидорахъ—8 дв. и 29 х.; въ слоб. Кринкахъ—8 дв. и 21 х. и въ слоб. Стовбовахѣ—15 дв. и 26 х., *а всего—128 дв. съ 249 хат.*

Для полноты картины захвата шушваловскихъ земель, слѣдуетъ сказать о происхожденіи возникшаго на этихъ же земляхъ села *Кривой Руды.* На мѣстѣ теперешней Кривой Руды въ к. XVII в., былъ хуторъ, принадлежавшій охочекомонному полковнику Ивану Рубану. Состарѣвшись, Рубанъ постригся въ монахи, а хуторъ передалъ сестрѣ своей Евдокіи Тюпчихѣ, которая умирая въ 1714 г., завѣщала этотъ хуторъ „Лялинскому монастырю", какъ сказано въ завѣщаніи. Монастыря Лялинскаго не было, но такъ какъ Лялинцы принадлежали Переясловскому монастырю и въ селѣ этомъ жилъ особый городничій-монахъ, то лялинская церковь и слыла въ народѣ монастыремъ. Получивъ Кривую Руду въ 1714 г., переяславскіе монахи стали захватывать окрестныя земли, называя ихъ криворудскими. Захваченныя монахами земли стали у нихъ отнимать чигриндубровскіе и шушваловскіе козаки, которыхъ хутора поселены были вокругъ Кривой Руды. Возникло судебное дѣло, для веденія котораго козаки выбрали повѣреннымъ своего атамана Дмитрія Салогуба; послѣдній пригласилъ къ себѣ въ товарищи значковаго товарища Якова Самуся, съ которымъ и велъ это дѣло по судамъ, пока въ 1747 г. не кончилъ его съ монахами миромъ, причемъ послѣднимъ отдана была часть криворудской степи, а монахи въ свою очередь признали за чигриндубровскими и шушваловскими козаками право на тѣ ихъ хутора, которые возникли тутъ до спора. Значительнѣйшими изъ этихъ хуторовъ были: *Торяники,* у самой Кривой Руды, и хуторъ *Самусевка,* устроенный Ульяною Самусихою, матерью Якова Самуся. Подписавши мировую, чигриндубровскіе и шушваловскіе козаки впослѣдствіи разсказывали, что отъ такого окончанія ихъ спора выиграли только Салогубъ и Самусь, изъ которыхъ первый—захватилъ землю, прилегавшую къ Кривой

Рудѣ, длиною въ 4, а шириною въ 1½ версты и поселилъ на ней слободу—Торяники, которая къ концу XVIII в. стала селомъ[1]); а Самусь къ хутору своей матери, прихватилъ земли еще больше: на 3 версты длиною и шириною, на которомъ возникла тоже значительная слобода—Самусевка.

Изъ незначительнаго рубановскаго хутора монахи къ к. XVIII в. образовали село, въ которомъ въ 1780 г. было уже 100 дворовъ съ 118 хатами и которое, сохраняя память о монашескомъ владѣніи, называется иногда и *Чернетчиною.* Хозяева Торяниковъ и Самусевки, не принадлежа къ старшинѣ, не могли садить крестьянъ въ своихъ слободахъ; вмѣсто нихъ садили они *подсосѣдковъ*; „подсосѣдками" называется здѣшнее крестьянское населеніе, еще и въ 1780 г., когда его было: въ Торяникахъ—24 дв. и 52 х., а въ Самусевкѣ—22 дв. и 60 х. Указъ 3 мая 1783 г. этихъ подсосѣдковъ обратилъ въ крестьянъ, собственниками которыхъ стали прежніе козаки, пробравшіеся затѣмъ, при наличности у нихъ этихъ крестьянъ, въ „паны"...[2]).

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Теперь Торяники слились съ селомъ Кривою Рудою, составляя южную его часть.

[2]) Приведенныя въ этихъ очеркахъ свѣдѣнія взяты нами изъ находившейся въ полтавской казенной палатѣ Румянцевской описи, частью которой мы пользовались лѣтъ двадцать назадъ, когда опись была еще цѣла.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году. [1]

Отдохнувъ въ Бахчисараѣ, Императрица съ графомъ Фалькенштейномъ и прочими спутниками 22 мая выѣхала въ Севастополь; перемѣна лошадей была черезъ 20 верстъ при Мекензіевомъ хуторѣ, а затѣмъ, проѣхавъ 14 верстъ, остановились въ Инкерманѣ. Это былъ въ старину богатый и многолюдный городъ, называвшійся греками Ѳеодоре—теперь же путешественники видѣли только развалины уцѣлѣвшихъ стѣнъ и башенъ. Въ каменной горѣ, на которой расположенъ Инкерманъ, еще существовали высѣченныя въ нѣсколько ярусовъ небольшія пещеры, имѣвшія между собою сообщенія, но онѣ всѣ обвалились.

Здѣсь на самой высотѣ инкерманскихъ горъ, построено было, по приказанію кн. Потемкина, великолѣпное временное зданіе, и изготовленъ для Императрицы обѣдъ. Видъ изъ этого зданія былъ прелестный: на южной сторонѣ древнія укрѣпленія Ѳеодоре и Инкерманская долина, по срединѣ коей протекала небольшая рѣчка Черная, по татарски Біюкъ-юзенъ, а у береговъ ея разсѣяны по лугу деревья; по обѣимъ сторонамъ долины возвышались отвѣсныя скалы изъ бѣлаго мягкаго камня, въ которыхъ изсѣчено нѣсколько церквей [2]) и множество четыреугольныхъ комнатъ съ корридорами, съ выходами и лѣстницами; на сѣверной горѣ виднѣлись ущелья и долины, усѣянныя деревьями и кустарниками. Императорскій поѣздъ прибылъ въ Инкерманъ, сопровождаемый хоругвью мурзъ и дивизіономъ вольно

---

[1]) См. Кіевская Старина, 1891 г., № 9.

[2]) Въ одной изъ этихъ церквей устроенъ впослѣдствіи скитъ, во имя святаго Климента, папы Римскаго.

поступившихъ въ службу татаръ, которые не отставали отъ поѣзда во все время переѣзда отъ Бахчисарая; во главѣ ихъ летѣлъ на татарской лошади полковникъ Горичъ (К.-ф. ж. 1787).

Въ Инкерманѣ былъ приготовленъ обѣдъ, и въ столовой съ западной стороны окна съ намѣреніемъ были занавѣшены, но когда сѣли за столъ и заиграла музыка, занавѣсь съ оконъ большого балкона спала и открыла взорамъ Императрицы и всѣхъ присутствующихъ великолѣпный видъ обширнаго севастопольскаго рейда, на которомъ красовался черноморскій флотъ, состоявшій изъ 3 кораблей, 12 фрегатовъ, 20 мелкихъ судовъ, трехъ бомбардирскихъ и двухъ брандеровъ. По сигналу, данному кн. Потемкинымъ, корабль „Слава Екатерины" поднялъ кейзеръ—флагъ, и тотчасъ каждое судно салютовало 12 выстрѣлами, а съ флагманскаго корабля отвѣчали изъ 9 пушекъ. Хорошая погода благопріятствовала торжеству.

Послѣ обѣда, который кончился въ четверть 2-го часа по полудни, Императрица съ графомъ Фалькенштейномъ отъѣхали въ фаэтонѣ къ пристани, неподалеку устроенной, сѣли на великолѣпный катеръ и, въ сопровожденіи свиты на другихъ катерахъ, продолжали шествіе водою къ Севастополю.

Нѣтъ сомнѣнія, что Императрица съ нетерпѣніемъ желала посмотрѣть свое созданіе—новую русскую морскую силу. Еще въ 1783 г., желая имѣть портъ на Черномъ морѣ, она приказала осмотрѣть на южномъ берегу Крыма бухту подъ названіемъ Ахтіарскую (отъ татарской деревни Ахтіаръ), и если окажется удобнымъ, занять эту бухту, устроить портъ, перевести туда часть азовскаго и днѣпровскаго флота и назвать его Черноморскимъ; бухта была найдена удобной, и тогда же туда приведены были корабли и нѣсколько мелкихъ судовъ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1783 г. Потемкинъ назначенъ былъ командующимъ Черноморскаго флота, въ штатъ котораго назначено было два корабля 80—пушечныхъ, десять 66—пушечныхъ, 8 фрегатовъ 50—пушечныхъ, шесть 32—пушечныхъ и шесть 22—пушечныхъ.

Въ слѣдующемъ 1784 г. Императрица переименовала татарскую деревню Ахтіяръ въ Севастополь, что на греческомъ языкѣ значитъ „знаменитый городъ". Въ 1787 году 25 апрѣля,

къ прибытію Императрицы, въ Севастополѣ стояло на рейдѣ 3 корабля, 12 фрегатовъ, 20 мелкихъ судовъ, 3 бомбардирскихъ и 2 брандера, всего 40 военныхъ судовъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первой эскадрѣ: корабль „Слава Екатерины“, фрегаты: „Крымъ“, „Осторожный“, „Легкій“ и „Почталіонъ“; во второй— корабль „Марія Магдалина“, фрегаты: „Св. Андрей“, „Вѣстникъ“, „Побѣда“ и „Скорый“; въ третьей—корабль „Павелъ“, фрегаты: „Св. Георгій“, „Поспѣшный“, „Стрѣла“ и „Перунъ“, а прочія мелкія суда стояли въ особой линіи. Когда приблизились къ флоту, на катерѣ Императрицы былъ поднятъ штандартъ и въ это мгновеніе вдругъ корабли и фрегаты спустили свои флаги, юйзы и вымпелы, салютовали изъ своихъ пушекъ, а матросы, стоявшіе по реямъ, вантамъ и бортамъ, кричали „ура“! Потомъ, когда катеръ Императрицы со штандартомъ поровнялся съ флагманскимъ кораблемъ, каждое судно сдѣлало 31 выстрѣлъ при повтореніи „ура“ матросами, и тогда же производилась пушечная пальба съ транспортовъ и купеческихъ судовъ, съ севастопольскаго берега и съ четырехъ батарей, расположенныхъ при входѣ въ гавань. Обойдя флотъ въ половинѣ 5-го часа и приближаясь къ городу, который расположенъ былъ на горѣ амфитеатромъ, Императрица пристала къ Графской пристани и вступила во дворецъ, который къ пріѣзду ея былъ выстроенъ на городовой сторонѣ, близъ пристани, именовавшейся тогда Графскою[1]), нынѣ Екатериненская. Пристань эта была выстроена гр. Воиновичемъ, начальникомъ флота и города, заступившимъ мѣсто умершаго контръ-адмирала Мекензи.

У крыльца встрѣтили Императрицу греческіе купцы и прочіе жители Севастополя съ хлѣбомъ и солью. (К.-ф. ж.).

По прибытіи въ покои, всѣ морскіе чины съ контръ-адмираломъ Воиновичемъ во главѣ, были жалованы къ рукѣ, а гр. Безбородко представилъ россійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ на Мальтѣ, капитана перваго ранга Таро, который поднесъ Импе-

---

[1]) Графъ Воиновичъ жилъ въ казенномъ домѣ, устроенномъ на мысѣ, гдѣ срыта гора для построенія новаго Лазарева адмиралтейства; и такъ какъ онъ переправлялся ежегодно въ городъ на гребномъ суднѣ и приставалъ къ этой пристани, то она и названа была Графскою.

ратрицѣ присланную отъ гросмейстера пальмовую вѣтвь съ кустомъ цвѣтовъ, украшенныхъ трофеями, въ знакъ побѣдоноснаго пріобрѣтенія Тавриды. Императрица отдала вѣтвь Потемкину, какъ основателю Севастопольскаго порта, а князь тогда же послалъ ее на корабль „Слава Екатерины". (К.-ф. ж. 1787 г.).

Свѣдѣнія о пріѣздѣ въ Севастополь и пребываніи тамъ Императрицы 22 и 23 мая, оставленныя намъ спутниками Императрицы Императоромъ Іосифомъ II, графомъ Сегюромъ, а также очевидцемъ Сенявинымъ, дополняютъ наши сказанія многими любопытными подробностями.

Сенявинъ разсказываетъ, что съ того момента какъ Императрица съ пристани поѣхала осматривать флотъ, „Государыня, при вступленіи на свой катеръ милостиво привѣтствуя людей, изволила сказать: „Здравствуйте друзья мои!" Гребцы отвѣчали разомъ: „Здравствуйте матушка Царица наша!" Потомъ угодно было Ей сказать: „Какъ далеко я ѣхала, чтобы только видѣть васъ".—Тутъ загребной матросъ Жаровъ, (который послѣ былъ лучшій шкиперъ во флотѣ), отвѣтствовалъ Ей: „Отъ евдакой матушки Царицы чего не можетъ статься!" (какъ хотите, такъ и разбирайте отвѣтъ матроса, едва знающаго читать да писать).— Государыня оборотясь къ графу Воиновичу, сказала по французски съ большимъ, какъ казалось, удовольствіемъ: „Какіе ораторы твои матросы". Гребцы были подобраны, какъ говорится, молодецъ къ молодцу; росту были не менѣе каждый десяти вершковъ, прекрасные лицомъ и собою, на правой сторонѣ всѣ были блондины, а на лѣвой всѣ брюнеты. Одежда ихъ была: ранжевые атласные широкіе брюки, шелковые чулки, въ башмакахъ, тонкія полотняныя рубашки, галстукъ тафтяной того же цвѣта пышно завязанъ, а когда люди гребли, тогда узелъ галстука съ концами закинутъ былъ на спину, фуфайка ранжевая тонкаго сукна выложена разными узорами чернаго шнура (цвѣты ранжевый и черный означаютъ гербъ Императорскій), шляпа круглая съ широкимъ галуномъ, съ кистями и султаномъ страусовыхъ перьевъ; катеръ блестѣлъ отъ позолоты и лаку; прочіе и капитанскіе катера выкрашены также наилучшими красками подъ лакъ; гребцы были одѣты въ тонкія синяго сукна фуфайки,

брюки шелковые полосатые, розовой платокъ или галстукъ и шляпы съ позументами. Люди на реяхъ поставлены были въ лѣтнемъ платьѣ, фуфайки и широкіе брюки бѣлые, шолковый галстукъ, круглая шляпа и въ башмакахъ, кушаки были, по кораблямъ, разныхъ цвѣтовъ, на подобіе лентъ георгіевскихъ, владимірскихъ; за единообразіемъ въ то время не гнались, было бы только пристойно и хорошо. Лишь только катеръ съ Государынею отвалилъ отъ берега и показался штандартъ, въ то самое время съ судовъ всего флота и крѣпостей салютовано съ каждаго по сто одному выстрѣлу; потомъ, когда Государыня прибыла противу средины флота, салютовано въ другой разъ; наконецъ, по прибытіи Императрицы къ пристани, по снятіи штандарта, салютовано въ третій разъ по стольку же выстрѣловъ. День ясный клонился къ вечеру, теплота воздуха охлаждалась легкимъ вѣтромъ съ моря, и все это вмѣстѣ привѣтствовало шествіе Государыни наивеликолѣпнымъ образомъ".

„По прибытіи Ея Величества во дворецъ, генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры были представлены и всѣ удостоены руки Ея Величества. Я находился въ это время на кораблѣ и былъ занятъ нѣкоторыми распоряженіями, и потому представленъ часа за два особо; когда я цѣловалъ руку Государыни, тогда князь Григорій Александровичъ сказалъ нѣсколько словъ въ пользу мою; Ея Величество изволила подать мнѣ другую руку и сказала: „вотъ ему въ другой разъ и другая моя рука за хорошую его службу". Я не могу выразить тогдашній мой восторгъ, а скажу только, что всѣ послѣдующіе въ жизни моей награжденія, никакъ уже сравняться съ нимъ не могли. Въ то время цѣлованіе Царской руки дѣлалось съ колѣнопреклоненіемъ; можетъ я и ошибаюсь, но мнѣ тогда и теперь это казалось весьма и очень хорошо".

„На сѣверной сторонѣ построенъ былъ фальшивый городокъ съ крѣпостью; около 10 часовъ вечера, когда сдѣлалось довольно темно, бомбардировали оный два корабля линейныхъ и два бомбардирскихъ; весьма удачно взорвали крѣпость и сожгли городокъ. Государыня была очень, очень довольна [1]).

[1]) Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ записана бомбардировка подъ 23-мъ мая.

Сегюръ описываетъ пріѣздъ въ Севастополь и вообще впечатлѣнія свои о крымской природѣ, какъ поэтъ, литераторъ и художникъ, но не удаляясь и отъ политическаго горизонта. Разставшись съ Бахчисараемъ, мы ѣхали по роскошнымъ долинамъ черезъ рѣку Кабарту: берега ея такъ живописны, что всѣ прилежащія селенія походятъ на сады. Къ обѣду мы прибыли въ Инкерманъ, называвшійся у грековъ Ѳеодоре, а у татаръ—Ахтіаромъ [1]). Здѣсь высокія горы полукружіемъ огибаютъ широкій и глубокій заливъ, гдѣ нѣкогда стояли древніе города Херсонесъ и Евпаторія. Эту знаменитую пристань полуострова Херсонеса Таврическаго, позже называвшагося Гераклейскимъ, Императрица назвала Севастополемъ. Видъ береговъ Тавриды, посвященныхъ Геркулесу и Діанѣ, напомнилъ намъ миѳическія времена грековъ и уже болѣе историческую эпоху босфорскихъ царей и Митридата.

Между тѣмъ, какъ Ихъ Величеста сидѣли за столомъ, при звукахъ прекрасной музыки, внезапно отворились двери большаго балкона, и взорамъ нашимъ представилось величественное зрѣлище: позади разступившихся рядовъ татарскихъ всадниковъ мы увидѣли заливъ верстъ на 12 въ длину и на 4 въ ширину; посреди этого залива виднѣлось море, а изъ столовой, гдѣ мы обѣдали, мы увидѣли въ гавани въ боевомъ порядкѣ грозной флотъ, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный въ два года. Государыню привѣтствовали залпомъ изъ пушекъ, и грохотъ ихъ, казалось, возвѣщалъ Понту Эвксинскому, что есть у него повелительница, и что не болѣе, какъ черезъ 30 часовъ корабли Ея могутъ стать передъ Константинополемъ, а знамена ея арміи—развѣваться на стѣнахъ его. Мы спустились въ заливъ, Екатерина обозрѣвала корабли свои и дивилась глубинѣ и ширинѣ залива, вырытаго природою, будто съ намѣреніемъ устроить здѣсь прекраснѣйшую пристань въ мірѣ. Проѣхавъ заливъ, мы пристали къ подножію горы, на которой полукружіемъ возвышался Севастополь, построенный Ека-

---

[1]) Ахтіаромъ собственно называлось мѣстечко, гдѣ построенъ Севастополь, а Инкерманъ въ семи верстахъ оттуда.

териною. Нѣсколько зданій для складки товаровъ, адмиралтейство, городскія укрѣпленія, 400 домовъ, толпы рабочихъ, сильный гарнизонъ, два госпиталя, верфи, пристани, торговая и карантинная—все придавало Севастополю видъ довольно значительнаго города. Намъ казалось непостижимымъ, какимъ образомъ въ 2,000 верстъ отъ столицы, въ недавно пріобрѣтенномъ краѣ, Потемкинъ нашелъ возможность построить такой городъ, создать флотъ, укрѣпленную гавань и поселить столько жителей: это дѣйствительно былъ подвигъ необыкновенной дѣятельности.

Три корабля, спущенные при насъ въ Херсонѣ, и другіе изъ Таганрога должны были прибыть сюда вскорѣ. Но пока въ заливѣ уже стояла эскадра изъ 25 военныхъ кораблей, совершенно вооруженныхъ, снабженныхъ всѣмъ нужнымъ и готовыхъ по первому приказанію Екатерины тотчасъ стать подъ паруса.

Входъ въ заливъ спокоенъ, безопасенъ, защищенъ отъ всякихъ вѣтровъ и такъ достаточно узокъ, что съ береговыхъ батарей можно открыть перекрестный огонь, и даже ядра могутъ прицѣльно долетать съ одной стороны на другую. Совершенно понятно, что видъ такихъ силъ на морѣ и на сушѣ воспламеняетъ воображеніе Императрицы и усиливаетъ ея тщеславіе. Лесть и похвалы придворныхъ, воинственныя рѣчи и порывы любимаго министра, принца де-Линя и Нассау-Зигена могли бы отвратить Императрицу отъ миролюбивыхъ намѣреній, но, повидимому, она не хочетъ измѣнять имъ. Булгаковъ, посланный изъ Херсона обратно въ Константинополь, имѣетъ порученіе предложить Портѣ миролюбивое соглашеніе. Императрица спросила у меня мое мнѣніе о новыхъ преобразованіяхъ во флотѣ. „Ваше Величество, сказалъ я,—загладили тяжкое воспоминаніе о прутскомъ мирѣ. Запорожскихъ разбойниковъ Вы превратили въ полезныхъ подданныхъ и подчинили татаръ, прежнихъ поработителей Россіи. Наконецъ, основаніемъ Севастополя Вы довершили на югѣ то, что Петръ началъ на сѣверѣ. Вамъ остается одинъ только славный подвигъ—одержать побѣду надъ природою, населить и оживить всѣ эти завоеванныя земли и обширныя степи, чрезъ которыя мы недавно проѣз-

жали". Въ самомъ дѣлѣ, ничто уже не могло помѣшать Екатеринѣ скромно наслаждаться совершеніемъ такого подвига,—развѣ бы она захотѣла, вмѣсто занятій этимъ полезнымъ дѣломъ, отваживаться на новыя завоеванія и, можетъ быть, тѣмъ повредить своей славѣ, потому что нерѣдко нежданныя неудачи разстраиваютъ самыя обдуманныя предпріятія и внезапно омрачаютъ царствованія самыя славныя. Вѣроятно, подобныя мысли останавливали рѣшимость Екатерины и боролись въ умѣ ея съ внушеніями ея честолюбія, ея министровъ и царедворцевъ.—(См. Mem. de Segur).

Сегюръ, передавая разговоры съ императрицею не забылъ и о своемъ другѣ и товарищѣ путешествія принцѣ де-Линь.

Въ то время, какъ имератрица любовалась въ Севастополѣ Черноморскимъ флотомъ, принцъ де-Линь, отправился въ пожалованную ему дачу на берегу Крыма, близъ монастыря св. Георгія.

Сегюръ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ, что едва ли императрица могла сдѣлать болѣе приличный подарокъ этому отличному, умному человѣку, который, при своемъ воинственномъ нравѣ,скорѣе являлся какимъ то сказочнымъ и романтическимъ витяземъ, нежели лицомъ историческимъ. Но и Сегюръ и принцъ Нассау-Зигенъ, не могли воздержаться поближе посмотрѣть крымскій берегъ.

„Мы съ Нассау-Зигеномъ, пишетъ Сегюръ, проѣхались вдоль по южному берегу и видѣли портъ Символонъ[1]). Здѣсь, какъ и во всѣхъ почти пристаняхъ Херсонеса Гераклейскаго, встрѣчаются часто пещеры съ комнатками, часовнями, кельями и надгробными камнями съ греческими надписями. Грустно смотрѣть на эти скалы, эти крутыя горы, глубокія пещеры и страшныя ущелья. Это мѣста, поистинѣ достойныя служить жилищами таврамъ и ихъ доброму царю Тоанту. Полные мрачныхъ впечатлѣній, мы не могли разсѣяться видомъ Балаклавы, прежняго Символона. Это торговый городъ, почти исключительно

---

[1]) Греческій Символонъ, у генуезцевъ—Цембало теперь по турецкому имени Балаклава.

населенный греками, армянами и жидами, сохранившими полную свободу богослуженія и обычаевъ подъ русскимъ, такъ-же какъ и подъ татарскимъ, владычествомъ.

Какъ во всѣхъ старинныхъ греческихъ или восточныхъ городахъ, здѣсь улицы узки, дома низки и мостовая изъ разноцвѣтныхъ камней. Дѣятельные, промышленные жители здѣшніе, чтобы украсить это скучное мѣсто, стараются разводить сады на склонѣ черныхъ, высокихъ горъ, ихъ окружающихъ.

Сегюръ смотрѣлъ на все глазами литератора и дипломата, а императоръ Іосифъ II оцѣнивалъ все видѣнное въ Севастополѣ, какъ военный и притомъ принимавшій участіе въ замыслахъ Екатерины объ изгнаніи турокъ изъ Европы.

Мы выѣхали, пишетъ онъ своему фельдмаршалу, изъ Бахчисарая, предшествуемые отрядомъ изъ осьми сотенъ татаръ: карету нашу, совершенно открытую, окружали генералы, пажи и донскіе казаки, поднимая цѣлый столбъ пыли, которая обдавала насъ и засоряла у насъ всѣ отверстія. Какъ бы вы прокляли ихъ, мой милый маршалъ!

Доѣхавъ къ обѣду, мы увидѣли вдали бухту, гдѣ стоятъ на якорѣ слишкомъ двадцать линейныхъ кораблей и фрегатовъ, которые Императрица держитъ въ севастопольскомъ портѣ. Во время стола палили изъ пушекъ за здоровье Императрицы, которая затѣмъ, обратясь ко мнѣ съ рѣчью, выпила за здоровье своего лучшаго друга; ея примѣру послѣдовали всѣ присутствующіе.

Потомъ мы сѣли въ шлюпку, проѣхали вдоль стоящихъ на якорѣ кораблей и подъ звуки пушечной пальбы и военной музыки высадились у зданія адмиралтейства, гдѣ теперь главная квартира Императрицы. Всѣ матросы были выстроены на реяхъ: глядя по числу ихъ, можно судить, что ихъ достаточно для отправленія службы на судахъ. Надобно сознаться, что это было такое зрѣлище, красивѣе котораго трудно пожелать.

Севастополь красивѣйшій портъ, какой я когда либо видѣлъ. Въ немъ могутъ очень удобно помѣститься полтораста кораблей въ совершенной безопасности отъ всякихъ случайностей со стороны моря и отъ непріятеля, который никогда не

отважится проникнуть въ бухту, защищаемую тремя батареями. Выходить изъ бухты въ море можно при трехъ вѣтрахъ. Есть отдѣльная гавань для торговыхъ судовъ, другая для карантина и третья для починки и килованія судовъ.

Настроено уже много домовъ, магазиновъ, казармъ, и если будутъ продолжать такимъ образомъ въ слѣдующіе три года, то, конечно, этотъ городъ сдѣлается очень цвѣтущимъ. Все это очень не по шерсти французскому посланнику, и онъ смотритъ страшно озадаченнымъ.

Обыкновенный переѣздъ отсюда въ Константинополь совершается въ двое сутокъ, а иногда даже только въ полтора сутокъ. Судите же, мой любезный маршалъ, на какія непріятныя размышленія все это должно наводить моего собрата повелителя правовѣрныхъ, который никогда не можетъ быть увѣренъ, что эти молодцы не явятся, не нынѣ завтра, разгромить у него окна пушечными выстрѣлами.

Императрица находится въ восторженномъ состояніи по поводу всего, что она видитъ, и при мысли о новой степени величія и могущества, на которую это возводитъ русскую имперію. Князь Потемкинъ въ настоящее время всемогущъ, и его чествуютъ выше всякаго представленія. Будь у меня возможность такъ близко придвинуться къ Берлину, да будь пруссаки такіе же олухи, какъ турки, я бы не устоялъ противъ желанія отдѣлаться отъ такихъ сосѣдей.

Здѣшніе суда исполнили нѣкоторые маневры. Императрица находилась на адмиральскомъ кораблѣ, который имѣлъ очень красивый видъ. Я былъ на 50-ти пушечномъ фрегатѣ, построенномъ, какъ мнѣ кажется, очень хорошо. Матросы, какъ я понимаю, очень мало обучены своему дѣлу: просто набрали двѣ тысячи рекрутъ, да и назвали ихъ матросами. Здѣсь, какъ вамъ извѣстно, и все такъ дѣлается. Едва только поступивъ во флотъ, они уже лазятъ на мачты. Случается, нѣкоторые ломаютъ при этомъ руки и ноги, чему я самъ былъ свидѣтелемъ, но ихъ скоро замѣняютъ другими; такъ они и будутъ лазить до тѣхъ поръ, пока выучатся.

На судахъ и во флотскомъ госпиталѣ много больныхъ, которые находятся въ ужасномъ положеніи, такъ какъ объ нихъ не заботятся нисколько, и они валяются другъ на дружкѣ, какъ собаки.

Торговый портъ, портъ Каронскій и карантинная гавань, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бухтами, составляютъ красу Севастополя и дѣлаютъ его чрезвычайно интереснымъ. Я объѣзжалъ гавань и всѣ окрестности города, частію на казацкой лошади и казацкомъ сѣдлѣ, частію въ шлюпкахъ. Вечеромъ съ галіота кидали бомбы въ маленькую деревянную крѣпость, выстроенную нарочно въ одной небольшой долинѣ; эту постройку предполагалось зажечь, но такъ какъ бомбы успѣха не имѣли, то перешли къ гранатамъ и брандкугелямъ, дѣйствіе которыхъ оказалось не болѣе успѣшнымъ; наконецъ, кажется, просто взяли да подожгли доски: ибо вслѣдъ за однимъ выстрѣломъ изъ глубины все зданіе вспыхнуло разомъ, точно на фейерверкѣ, что вышло довольно красиво".

Всѣ подробности впечатлѣній при обозрѣніи Севастополя разсказанныя въ предъидущемъ письмѣ Іосифа II къ своему фельдмаршалу, доказываютъ, съ какимъ особеннымъ любопытствомъ онъ все осматривалъ.

Вечеромъ онъ гулялъ съ Императрицею пѣшкомъ по городу и по набережной, заходили въ лавки, гдѣ Императрица сдѣлала нѣсколько покупокъ: у греческихъ купцовъ Карочи и Чефаки куплено слишкомъ на 1000 р. разныхъ восточныхъ матерій,—у грека *Албанезо* ларчикъ съ круглымъ зеркаломъ за 530 руб. (изъ приходорасходныхъ книгъ кабинета Е. В.).

Въ этотъ день Потемкинъ, вполнѣ счастливый выраженнымъ ему Императрицею удовольствіемъ за все, что она видѣла, угощалъ всю свиту и посланниковъ великолѣпнымъ ужиномъ въ шатрѣ, поставленномъ передъ дворцомъ.

Вечеромъ всѣ берега гавани были освѣщены плошками. (К. Ф. журналъ 1789).

На слѣдующій день, въ воскресенье, 25 мая, Императрица слушала литургію въ каменной севастопольской церкви св. Чудотворца Николая. Литургію совершалъ іеромонахъ Михаилъ,

находившійся при черноморскомъ флотѣ на кораблѣ „*св. Марія Магдалина*“.

По возвращеніи во дворецъ, представлены были Императрицѣ и допущены къ рукѣ: жена бригадира Алексіано, жена капитана перваго ранга Тизделъ и жены всѣхъ прочихъ штабъ и оберъ-офицеровъ черноморскаго флота.

Потомъ, въ большой ставкѣ, раскинутой возлѣ дворца, былъ обѣденный столъ на 50 кувертовъ, въ присутствіи Императрицы и графа Фалькенштейна; сверхъ свиты были приглашены: таврическій правитель Каховскій, посланникъ при портѣ Булгаковъ, контръ-адмиралъ графъ Воиновичъ, капитаны бригадирнаго чина: Алексіано и Ушаковъ, капитаны 1 ранга: Тиздель, Псаро, полковникъ Горичъ и прочіе штабъ-офицеры черноморскаго флота.

Въ 6-мъ часу Императрица съ графомъ Фалькенштейномъ и нѣкоторыми особами изъ свиты прошли къ пристани, а отсюда на шлюпкахъ переѣхали на корабль „Слава Екатерины“; тутъ при поднятіи штандарта, корабли, фрегаты и транспортныя суда, на рейдѣ стоявшія, палили изъ пушекъ; по данному приказанію 40-пушечный фрегатъ „*Легкій*“ проходилъ мимо всего флота, а графъ Фалькенштейнъ въ это время въ шлюпкѣ ѣздилъ осматривать новой конструкціи 50-ти пушечный фрегатъ „*св. Андрей*“; возвратившись на корабль „Слава Екатерины“, онъ, вмѣстѣ съ Императрицею, въ шлюпкѣ ѣздили обозрѣвать севастопольскую гавань и южныя бухты; когда шлюпка Императрицы равнялась съ кораблями, въ то время матросы, стоявшіе по раямъ, вантамъ и бортамъ, кричали „ура“, флотъ салютовалъ изъ всѣхъ пушекъ, а съ батарей на берегу производилась канонада.

Сенявинъ, въ своемъ дневникѣ (см. Морской Сборникъ 1855 года № 4. Апрѣль) описываетъ подробно посѣщеніе Императрицею флота 23 мая 1787 года.

„Послѣ обѣда, Государыня изволила посѣтить флотъ; съ нею былъ австрійскій Императоръ Іосифъ; любуясь съ корабля „Слава Екатерины“ видомъ Севастополя, Императрица не мало была удивлена, когда князь Потемкинъ при семъ случаѣ подалъ

Ея Величеству записку о числѣ всѣхъ казенныхъ и партикулярныхъ зданій и сказалъ, что „портъ сей никогда не былъ обитаемъ; все, что видите, Ваше Величество, и что показано въ запискѣ, стоятъ всѣ построенія, казнѣ принадлежащія, не болѣе какъ до двадцати тысячъ рублей". Государыня изволила сказать: „это невѣроятно". Императоръ австрійскій, вслушавшись въ разговоръ, сказалъ: „comment",—(Государыня при Императорѣ всегда разговаривала на французскомъ языкѣ) и когда князь объяснилъ Государынѣ, что весь матеріалъ, употребленный на построеніе, какъ то: камень, известь, черепица и пр., работа и мастерство, все сдѣлано и добыто руками матросовъ съ прибавленіемъ отъ казны бревенъ, досокъ, мѣдныхъ вещей, стеколъ и прочихъ тому подобныхъ вещей; за рабочіе деньги положены уставомъ Петра Великаго три копѣйки въ день на человѣка, но я осмѣлился давать имъ по пяти копѣекъ. Государыня изволила сказать: „Это очень мало, прибавьте имъ еще на мой счетъ по пяти копѣекъ". Императоръ, оборотясь къ Государынѣ, сказалъ Ей въ комплиментъ: „Тебѣ только, мудрая счастливица, возможно дѣлать такія вещи". Іосифъ II обращеніе имѣлъ весьма свободное и очень часто позволялъ себѣ говорить италіанскіе очень рѣзкіе термины, которые введены тамъ въ такое употребленіе, что даже первокласныя дамы говорятъ ихъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти". (Морскій Сбор. 1855 г. Дневникъ Сенявина № 4).

Вечеромъ, *въ ставкѣ* у дворца, князь Потемкинъ снова угостилъ свиту, пригласивъ контръ-адмирала графа Воиновича, прекраснымъ ужиномъ, и по приказанію князя были поставлены на столъ морскіе раки и морская разныхъ видовъ рыба. (К.-ф. ж. 1787 г.).

Императрица въ этотъ день писала къ барону Гримму:

„Севастополь, 23 мая 1787 г. Здѣсь, гдѣ тому назадъ три года не было ничего, я нашла довольно красивый городъ и маленькую флотилію, довольно живую и бойкую на видъ; гавань, якорная стоянка и пристань хороши отъ природы, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что онъ во всемъ этомъ обнаружилъ величайшую дѣятельность и прозорливость. Ту-

рецкій флотъ, который стоитъ приблизительно въ шестистахъ верстахъ отсюда, еще не показывался; увидимъ, явится ли онъ сюда сдѣлать высадку и выгнать насъ отсюда, какъ предсказываютъ въ газетахъ. Графъ Фалькенштейнъ, по-видимому, очень доволенъ всѣмъ видѣннымъ, а принцъ Де-Линь говоритъ, что это одинъ непрерывный праздникъ [1]".

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Руск. Архивъ 1878. Стр 143.

Кіевскій воевода П. В. Шереметевъ и нѣжинскій магистратъ (1666—1669 гг.).

Въ началѣ 1666 года прибылъ въ Кіевъ новый воевода, бояринъ и намѣстникъ смоленскій Петръ Васильевичъ Шереметевъ [1]). Вскорѣ послѣ вступленія своего въ должность, Шереметевъ сообщилъ въ Москву, что онъ имѣлъ уже случай показать кіевлянамъ свое безкорыстіе и неподкупность [2]); на основаніи этого заявленія Шереметева наши историки даютъ хорошій отзывъ объ его управленіи [3]). Но не всѣ малороссіяне убѣдились въ бескорыстіи кіевскаго воеводы: съ тѣхъ поръ, какъ Шереметевъ вступилъ въ должность, прошелъ только годъ, а въ Москву уже явились бурмистръ нѣжинскій Яковъ Ждановъ Бутенко и райца Гаврила Тимофеевъ Подкупной съ жалобой на новаго воеводу кіевскаго „во взятыхъ на нихъ дву сотъ двадцати рубляхъ“ [4]).

На Москвѣ Бутенко и Подкупной не скоро получили управу: три раза пришлось имъ ѣздить въ столицу. Въ первый свой пріѣздъ (въ 1667 г.) они ничего не добились, на жалобу ихъ не обратили вниманія [5]) и дѣло было возобновлено только

[1]) О времени назначенія Шереметева кіевскимъ воеводою и прибытія его въ Кіевъ см. Дворцовые Разряды т. III, столб. 600; Акты Южн. и Зап. Россіи: т. V. № 135, стр. 294, т. VI, № 6, стр. 44; № 24, стр. 74; № 28, стр. 77; № 30, стр. 78.

[2]) А. Ю. З. Р. т. VI, № 39, стр. 100. О дѣйствіяхъ своихъ въ Кіевѣ Шереметевъ сообщилъ въ Москву черезъ дяка Фролова (ibid. стр. 103—105).

[3]) Напримѣръ, С. М. Соловьевъ въ Исторіи Россіи, изданіе 1870 г, томъ XI, стр. 192. Н. И. Костомаровъ особенно хвалитъ (Вѣстн. Евр. за 1879 г. № 5, стр. 39). безкорыстіе П. В. Шереметева.

[4]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, малоросс. приказа кн. 2 л. 454.

[5]) О времени первой своей поѣздки въ Москву и о ея неудачѣ Бутенко и Подкупной упоминаютъ въ челобитной, поданной ими тогда, когда они пріѣзжали

въ январѣ 1669 г., когда прибыли въ Москву съ соизволенія великаго Государя войсковые посланцы бить челомъ о вольностяхъ Богдана Хмѣльницкаго[1]). Вмѣстѣ съ войсковыми посланцами явилось въ Москву посольство отъ нѣжинскаго магистрата бить челомъ о нуждахъ города Нѣжина. Присланы были отъ нѣжинскаго магистрата „самъ войтъ Александръ Петро*вичъ* Цурковскій" и бурмистръ Яковъ Жда*новъ* Бутенко[2]), тотъ самый, который въ 1667 г. ѣздилъ съ Подкупнымъ въ Москву жаловаться на Шереметева. И на этотъ разъ посланцы нѣжинскаго магистрата „со многими слезами" жаловались на воеводу

въ Москву „въ третьи" (Моск. Арх. Мин Юст. Столб. малоросс. приказа № 5881) Вообще, предлагаемый нами разсказъ о тяжбѣ нѣжинскихъ мѣщанъ съ Шереметевымъ составленъ на основаніи слѣдующихъ документовъ: а) Опись доставленнаго въ Москву Шереметевымъ дѣла о нѣжинскихъ мѣщанахъ Петрѣ Сосимовѣ и Яковѣ Бутенкѣ съ товарищи (Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. прик. кн. 2, л. л. 450—451). б.) Выписка изъ челобитной нѣжинскихъ мѣщанъ, поданной въ январѣ 1669 г. (Акты Южн. и Зап. Росс. т. VIII, № 11, стр. 43. в.) Три челобитныя нѣжинскихъ мѣщанъ, поданныя ими въ іюлѣ 1669 г. (Моск Арх. Мин. Юст. столб. малоросс. приказа № 588). г.) Великаго Государя указъ о выдачѣ 150 руб. Якову Бутенку и Гаврилѣ Подкупному (Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Сибирск. прик. № 6870).

[1]) Сравн. Акты Южн. и Зап. Россіи т. VII, № 30.

[2]) Перечисленіе лицъ, прибывшихъ въ Москву съ войсковымъ посольствомъ, см. въ Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Сибирск. приказа № 6866; тамъ же указано, что посланцы прибыли въ январѣ 1669 г. 17-го числа. Представители мѣщанъ явились въ Москву вмѣстѣ съ войсковымъ посольствомъ по желанію московскаго правительства. Въ Москвѣ знали (по письмамъ Лазаря Барановича и Многогрѣшнаго—Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VII, № 30), что главная цѣль войсковаго посольства—добиться вывода изъ Малороссіи воеводъ, но Московское правительство имѣло также основаніе полагать (см. сообщенія Симеона Адамовича—Акты Южн. и Зап. Россіи т. VIII, № 5, стр. 11), что только для козака „воевода-сущая невзгода", а что мѣщане и поселяне противъ воеводъ ничего не имѣютъ; поэтому наказный гетманъ Многогрѣшный получилъ повелѣніе прислать въ числѣ посланцевъ представителей отъ мѣщанскаго чину и поселянъ (Акты Южн. и Зап. Росс. т. VII, № 46, стр. 133). Но Многогрѣшный по своему исполнилъ этотъ приказъ и написалъ въ Москву, что съ войсковымъ посольствомъ поѣдутъ представители только Нѣжина и Мены; что же касается представителей всѣхъ другихъ городовъ и поселянъ, то они не имѣютъ де надобности ѣхать въ Москву, а о правахъ будутъ бить челомъ на радѣ. (Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Сибирск. прик. № 6866). Такимъ образомъ требованіе прислать представителей отъ мѣщанъ въ Москву имѣло самый неожиданный результатъ: Многогрѣшный, вѣроятно, не безъ умысла прислалъ такихъ мѣщанъ, которые считали себя обиженными главнымъ Малороссійскимъ воеводою и вмѣсто защитниковъ воеводскаго управленія оказались челобитчиками на воеводу кіевскаго.

кіевскаго, „великаго боярина“ П. В. Шереметева, который будто бы причиняетъ нѣжинцамъ „скорбь нестерпимую, нищитъ ихъ и разоряетъ“; такъ, напримѣръ, бурмистра Якова Жданова съ товарищи онъ вытребовалъ по ложному доносу въ Кіевъ, держалъ тамъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, сажалъ на цѣпь, пока они не дали окупу 220 р. и все это воевода кіевскій учинилъ противозаконно, такъ какъ у нѣжинцевъ есть великаго государя грамота, чтобы имъ судиться своимъ судомъ, а „буде кому до нихъ дѣло, и ихъ бы имать къ *Москвѣ* по великаго Государя зазывной грамотѣ“.

На этотъ разъ нѣжинскій магистратъ выбралъ очень удобное время для жалобы на Шереметева: предстояла черневая рада (въ Глуховѣ), на которой московское правительство рѣшилось противиться требованіямъ значнаго козачества о выводѣ изъ Малороссіи царскихъ воеводъ, при чемъ Москва разсчитывала на поддержку „мѣщанъ и поселянъ“ [1]), которые, какъ полагали въ Москвѣ, не очень то любили казацкое управленіе [2]). При такихъ обстоятельствахъ въ Москвѣ отнеслись очень внимательно къ челобитью нѣжинскихъ мѣщанъ и не оставили безъ послѣдствій жалобы Цурковскаго и Бутенка. Въ Кіевъ къ Шереметеву отправлена была великаго Государя грамота съ повелѣніемъ доставить въ Москву все дѣло о должностныхъ лицахъ нѣжинскаго магистрата; у бурмистра, райцы и мѣскаго писаря разрѣшено было „объ обидахъ принять челобитныя“ на Москвѣ.

Шереметевъ вскорѣ доставилъ въ Москву массу документовъ, въ которыхъ дѣло о нѣжинскихъ мѣщанахъ было представлено въ слѣдующемъ видѣ: въ 1667 г. бурмистръ нѣжинскій Яковъ Бутенко и райца Гаврила Подкупной заявили воеводѣ нѣжинскому, что мѣщанинъ Петръ Сасимовъ говорилъ непристойныя рѣчи про указныя статьи великаго Государя, т. е., про утвержденныя государемъ „московскія статьи“ Брюховецкаго, на основаніи которыхъ нѣжинскій воевода поставилъ въ Нѣжинѣ цѣловальниковъ и таможенныхъ старостъ [3]). (Этими но-

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Росс. т. VII, № 46, стр. 133.

[2]) Ibid. т. VIII стр. II.

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст. Малоросс. прик. кн. 2. 102.

выми порядками въ Малороссіи многіе были недовольны). На первомъ допросѣ Сасимовъ показалъ, что доносъ на него сдѣланъ ложный, что Бутенко и Подкупной донесли на него по наущенію нѣжинскаго мѣскаго писаря Филиппа Константинова, который приходился Сасимову тестемъ, но „былъ съ нимъ въ недружбѣ". Донесшіе же на Сасимова утверждали, что извѣтъ ихъ могутъ подтвердить протопопъ нѣжинскій Симеонъ Адамовичъ и другіе нѣжинскіе священники. Въ виду этой ссылки воевода нѣжинскій распорядился арестовать Сасимова при съѣзжей избѣ и потребовалъ по извѣту Бутенка сказокъ отъ Адамовича и другихъ священниковъ, которые, однако, Сасимова „въ извѣтѣ очистили, что онъ никакихъ непристойныхъ словъ не говорилъ". Тогда Сасимовъ изъ съѣзжей избы былъ освобожденъ, но этимъ дѣло не кончилось.

Тотъ же недругъ Сасимова Константиновъ обратился къ нѣжинскому войту съ просьбой посадить его зятя Сасимова въ тюрьму. Войтъ исполнилъ просьбу своего писаря и объявилъ Сасимову, что не выпуститъ его изъ тюрьмы, пока онъ не помирится со своимъ тестемъ, писаремъ, и не заплатитъ ему тысячи рублей. Сасимовъ, конечно, не согласился уплатить такую сумму, обвинялъ войта въ томъ, что „онъ судитъ неправдою" и нашелъ возможность послать кіевскому воеводѣ челобитную съ жалобой на должностныхъ лицъ нѣжинскаго магистрата, на бурмистра Бутенка, райцу Подкупнаго и на писаря мѣскаго, которые взвели на него ложное обвиненіе въ непристойныхъ рѣчахъ про указныя статьи великаго государя; далѣе, нанесли ему, Сасинову, оскорбленіе на словахъ, назвавъ его злодѣемъ, а жену его к...ой, наконецъ, посадили его безъ всякой вины въ тюрьму и требуютъ съ него денегъ; въ челобитной своей Сасимовъ просилъ, чтобы воевода кіевскій вызвалъ въ Кіевъ всѣхъ лицъ, на которыхъ онъ жаловался, и далъ бы на нихъ судъ.

Итакъ, Сасимовъ отказывался повиноваться суду по магдебургскому праву, „на права нѣжинцевъ ставилъ кукиши" и искалъ суда у воеводы. Хотя воевода кіевскій не имѣлъ права „вступаться" въ суды мѣщанъ, но въ данномъ случаѣ дѣло шло о „непристойныхъ словахъ", о преступленіи государственномъ,

и Шереметевъ счелъ возможнымъ исполнить просьбу Сасимова. Въ Нѣжинъ къ воеводѣ Ржевскому кіевскимъ воеводою посланъ былъ приказъ выслать въ Кіевъ Сасимова, Бутенка и Подкупнаго. Арестоваръ бурмистра и райцу, Ржевскій отправилъ ихъ подъ конвоемъ въ Кіевъ. Туда же былъ отправленъ и Сасимовъ.

Разсмотрѣвъ дѣло, Шереметевъ призналъ Бутенка и Подкупнаго виновными въ ложномъ доносѣ на Сасимова и приговорилъ: „ихъ было за то ихъ ложное челобитье довелось бить кнутомъ и кнутомъ они не биты *для иноземчества*, а сидѣли они за то скованы и изъ приказной избы освобожены“. Но освободивъ Бутенка и Подкупнаго изъ приказной избы, Шереметевъ не позволилъ имъ ѣхать въ Нѣжинъ, а приказалъ имъ жить въ Кіевѣ, пока не кончится ихъ дѣло съ Сасимовымъ, которому воевода разрѣшилъ искать на нихъ судомъ за причиненныя ему обиды. Сасимовъ опять не захотѣлъ судиться по мѣстнымъ правамъ“ и подалъ челобитную Шереметеву, причемъ къ прежнимъ жалобамъ присоединилъ двѣ новыя: на писаря мѣскаго нѣжинскаго, называвшаго его воромъ, и на райцу Подкупнаго, который будто бы подалъ на Сасимова ложное челобитье, что онъ „войта нѣжинскаго и всю старшину лаялъ и на права ихъ ставилъ кукиши“. Хотя въ этихъ дѣяніяхъ, приписываемыхъ Сасимовымъ Константинову и Подкупному, даже при большой натяжкѣ нельзя усмотрѣть государственныхъ преступленій, однако Шереметевъ принялъ и вторую челобитную Сасимова. Возникло два новыхъ дѣла о „безчестьяхъ“; Шереметевъ продолжалъ держать нѣжинскихъ бурмистра и райцу въ Кіевѣ, а въ Нѣжинъ послалъ одного изъ своихъ подчиненныхъ произвести на мѣстѣ слѣдствіе по челобитнымъ Сасимова.

Такъ продержали въ Кіевѣ Подкупнаго и Бутенка болѣе трехъ мѣсяцевъ; наконецъ, Шереметевъ приговорилъ ихъ къ уплатѣ Сасимову 220 рублей,—100 рублей за безчестье и 120 руб. проѣстей и проторей. Деньги эти были на отвѣтчикахъ „доправлены“ и, какъ увѣрялъ въ своемъ донесеніи Шереметевъ, отданы Сасимову; къ дѣлу была даже приложена росписка Сасимова въ полученіи 220 р.

Если вѣрить всему, что сообщается въ этихъ документахъ, то воеводу кіевскаго можно обвинить только въ томъ, что онъ велъ дѣло съ обычною „московскою волокитою". Но нѣжинцы оффиціальнымъ бумагамъ Шереметева не вѣрили. Нѣжинскій войтъ, узнавъ о злоключеніяхъ своихъ бурмистра и райцы, просилъ у кіевскаго воеводы объясненія, почему онъ, основываясь только на ложныхъ доносахъ, позволяетъ себѣ хватать должностныхъ лицъ нѣжинскаго магистрата, а потомъ за освобожденіе ихъ беретъ большія суммы денегъ. Шереметевъ отвѣтилъ войту, что деньги 220 р. онъ взыскалъ не въ свою пользу, а въ пользу челобитчика Сасимова, выдавшаго въ полученіи денегъ росписку; что бурмистръ нѣжинскій арестованъ не по ложному доносу, а „за непристойные рѣчи, что онъ говорилъ въ пьянстве".

Этотъ отвѣтъ войту и нѣкоторыя несообразности въ присланныхъ Шереметевымъ въ Москву документахъ доказываютъ, что въ оффиціальныхъ бумагахъ кіевского воеводы дѣло о нѣжинскихъ мѣщанахъ изложено не вполнѣ вѣрно, причемъ нѣкоторыя весьма существенныя подробности, о которыхъ узнаемъ изъ поданныхъ нѣжинцами въ 1669 г. челобитныхъ, или пропущены, или упоминаются только вскользь. Такъ, воевода кіевскій не упоминаетъ о томъ, что нѣжинскіе бурмистръ и райца, будучи доставлены въ Кіевъ, заявили, что по данной имъ государевой жалованной грамотѣ воеводы не имѣютъ права ихъ судить; а между тѣмъ изъ доставленныхъ Шереметевымъ въ Москву бумагъ видно, что онъ зналъ о томъ, что не имѣетъ права судить малороссіянъ по Соборному Уложенію: онъ не рѣшился приговорить Бутенка и Подкупнаго къ тѣлесному наказанію (бить кнутомъ), которое по Соборному Уложенію полагалось за ложный доносъ (малороссіяне, какъ сообщаетъ самъ Шереметевъ, были свободны отъ тѣлесныхъ наказаній). Сверхъ того, въ письмѣ къ войту, Шереметевъ утверждаетъ, что онъ арестовалъ нѣжинскаго бурмистра не по челобитью Сасимова, а за непристойныя рѣчи, что онъ говорилъ въ пьянствѣ, но изъ дѣла видно, что бурмистръ взятъ былъ въ Кіевъ именно по челобитью Сасимова и нѣтъ упоминанія о томъ, что Бутенко

произносилъ „непристойныя рѣчи“, напротивъ, онъ самъ обвинялъ въ этомъ Сасимова.

Далѣе, изъ всего дѣла видно, что Бутенко и Подкупной были въ Кіевѣ „посажены на чепь“ еще до произнесенія Шереметевымъ приговора, и только послѣ судебнаго разбирательства воевода объявилъ, что донесшіе ложно на Сасимова достаточно уже наказаны тѣмъ, что сидѣли скованными. Шереметевъ не объясняетъ, за что посадилъ онъ на цѣпь бурмистра и райцу до судебнаго разбирательства, но въ поданныхъ нѣжинцами Государю челобитныхъ дѣло объясняется такъ: Бутенко и Подкупной, не соглашаясь подчиняться воеводскому суду, требовали разрѣшенія поѣхать въ Москву бить челомъ Государю и за это то требованіе Шереметевъ посадилъ ихъ на цѣпь. Наконецъ, несмотря на то, что Шереметевъ представилъ расписку Сасимова въ полученіи 220 р., Бутенко и Подкупной утверждали, что деньги эти взялъ себѣ Шереметевъ, т. е., что воевода взялъ съ Сасимова расписку, чтобы оформить незаконное взысканіе денегъ въ свою пользу.

Всѣ эти обстоятельства разъяснены были въ Москвѣ Бутенкомъ, Подкупнымъ и Константиновымъ, которые, согласно данному въ январѣ 1669 г. разрѣшенію, прибыли въ столицу 2 іюля 1669 г.[1]) подать челобитныя объ обидахъ, причиненныхъ нѣжинцамъ Шереметевымъ. Въ это время Шереметевъ былъ уже отозванъ изъ Кіева (прибылъ въ Москву 14 іюня 1669 г.[2]). Изъ поданныхъ нѣжинцами челобитныхъ видно, что столь восхваляемый за безкорыстіе Шереметевъ не только принималъ добровольныя подношенія, но даже самъ приказывалъ доставлять себѣ разные припасы къ извѣстнымъ днямъ, напримѣръ, къ именинамъ, что, впрочемъ, не должно было считаться зазорнымъ при московской системѣ управленія, при которой должностныя лица оффиціально заявляли, что „они отъ челобитчиковъ сыти бываютъ“[3]). Но больше всего жаловались нѣжинцы

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Малор. приказа № 5881, сравн. Южн. и Зап. Росс. т. XIII, № 103, стр. 261.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Малор. прик. № 5884.

[3]) Въ январѣ 1669 г. одному изъ подьячихъ Разряднаго приказа поручено было временно состоять при отвѣтной палатѣ по малороссійскимъ дѣламъ; когда

на то, что Шереметевъ *неоднократно* требовалъ къ себѣ въ Кіевъ должностныхъ лицъ нѣжинскаго магистрата, „билъ ихъ самъ своею рукою въ голову, вземши за волосы", „держалъ ихъ въ чепи", пока магистратъ нѣжинскій не выкупалъ арестованныхъ, поднося дары самому боярину, „боярене", сыновьямъ ихъ и держальнику. Вообще, когда по какому нибудь случаю нѣжинцы подносили дары Шереметеву, они должны были также одарить не только членовъ его семейства, но и всѣхъ вообще приближенныхъ воеводы, даже пѣвчихъ его и музыкантовъ [1]).

Дѣло свое съ Сасимовымъ Бутенко и Подкупной изложили въ своихъ челобитныхъ не совсѣмъ такъ, какъ оно было изложено въ документахъ, доставленныхъ Шереметевымъ. Бутенко и Подкупной сообщили въ своихъ челобитныхъ слѣдующее: 8 августа 1667 г. Шереметевъ по просьбѣ Сасимова приказалъ доставить въ Кіевъ подъ конвоемъ ихъ, Бутенка и Подкупнаго; въ Кіевѣ Шереметевъ разрѣшилъ имъ жить на свободѣ за порукою кіевскихъ мѣщанъ и дожидаться его суда, но бурмистръ нѣжинскій и райца заявили, что кромѣ великаго государя никто ихъ судить не имѣетъ права, и просились изъ Кіева къ Москвѣ; за такія заявленія Шереметевъ „пересажалъ" ихъ на цѣпь и сидѣли они на цѣпи три недѣли; попавъ въ бѣду, Бутенко и Подкупной всѣми силами старались умилостивить разгнѣвавшагося боярина и съ этою цѣлью роздали болѣе

кончились переговоры съ войсковымъ посольствомъ, подьячій этотъ билъ челомъ великому государю о томъ, чтобы повелѣно было выдать ему, подьячему, денежное пособіе, такъ какъ онъ „лучшее время, *когда его братья подьячіе отъ челобитчиковъ сыти бываютъ*" не могъ присутствовать въ приказѣ и оттого „сталъ беззапасенъ, помираетъ голодною смертью". Государь пожаловалъ челобитчика подьячаго, повелѣлъ выдать ему денежное пособіе (Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, столб. Сибирскаго приказа, № 6866). По всей вѣроятности, такимъ отношеніемъ къ челобитчикамъ въ приказахъ слѣдуетъ объяснить то обстоятельство, что въ Московскомъ Государствѣ расходы на содержаніе администраціи и приказные были весьма незначительны (сравн. Журн. Мин. Нар. Просв. за 1890 г. № 9, статью, П. Н. Милюкова, стр. 103).

[1]) Такія подношенія домочадцамъ воеводы были въ обычаѣ и въ Великороссіи (см. напечатанные Е. В. Барсовымъ документы въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн. за 1884 г. № 1, смѣсь стр. 16—17).

ста рублей дѣтямъ Шереметева, его подьячимъ, слугамъ и сторожамъ, самому же воеводѣ кіевскому они обѣщали заплатить „окупки“ 220 р. „чтобъ не страдали болши того, неволи не терпѣли“. Когда кіевскіе мѣщане поручились за Бутенка и Подкупнаго, что они 220 рубл. заплатятъ, Шереметевъ отпустилъ ихъ въ Нѣжинъ. Пріѣхавъ домой, Бутенко и Подкупной не могли сразу собрать требуемой съ нихъ громадной суммы (220 рублей половины XVII в.=около 3740 рубл. нашего времени)[1]) и поэтому заложили своихъ женъ и дѣтей кіевскимъ мѣщанамъ, которые и уплатили Шереметеву требуемую имъ сумму.

Уплативъ деньги Шереметеву, Бутенко и Подкупной обратились въ Москву съ жалобой на дѣйствія воеводы кіевскаго, но въ первый свой пріѣздъ въ Москву, какъ выше было сказано, ничего не добились, имъ пришлось „за тѣми деньгами таскаться къ Москвѣ два года“. Между тѣмъ вслѣдствіе измѣны Брюховецкаго Нѣжинъ былъ въ 1668 году разоренъ; Бутенко и Подкупной лишились въ эту „нещастливую“ войну почти всего имущества и не могли выкупить своихъ женъ и дѣтей; будучи въ такомъ безвыходномъ положеніи, Бутенко и Подкупной не оставляли надежды добиться управы въ Москвѣ; прибывъ въ Москву въ январѣ 1669 г. въ числѣ представителей нѣжинскаго магистрата, Бутенко повторилъ жалобу на Шереметева. Правительство, какъ мы видѣли, отнеслось въ январѣ 1669 г. внимательно къ жалобамъ нѣжинскихъ мѣщанъ: у нихъ разрѣшено было принять на Москвѣ объ обидахъ челобитныя. Согласно этому разрѣшенію, въ іюлѣ 1669 г. Бутенко и Подкупной въ третій разъ пріѣхали въ Москву и подали челобитныя, въ которыхъ изложили все дѣло и просили, чтобы великій государь повелѣлъ, „боярину и намѣстнику смоленскому и воеводѣ *бывшему* кіевскому Петру Васильевичу Шереметеву тѣ деньги и всякіе убытки имъ отдать“. 30 іюля 1669 г. „великій государь пожаловалъ бурмистра Якова Жданова да райцу Гав-

---

[1]) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей при московскомъ университетѣ за 1884 г. кн. I, ст. В. О. Ключевскаго: „Русскій рубль XVI—XVIII в. стр. 61.

рила Тимофѣева для ихъ многаго челобитья и пріѣздовъ и разоренія велѣлъ имъ дать изъ своей великаго государя казны по семдесяти по пяти рублевъ человѣку изъ полоняничныхъ денегъ".

Правительство, разрѣшивъ выдать Бутенку у Подкупному столь значительную сумму (болѣе двухъ третей просимой суммы), тѣмъ самымъ признало, что Шереметевъ дѣйствовалъ въ Кіевѣ не вполнѣ законно; но въ Москвѣ не сочли нужнымъ взыскать деньги съ Шереметева, т. е., не согласились признать, что воевода кіевскій вымогалъ деньги въ свою пользу. Не знаемъ, было ли отозваніе Шереметева изъ Кіева вызвано его дѣломъ съ нѣжинцами. Надѣемся найти отвѣтъ на этотъ вопросъ въ 6-ой книгѣ „Рода Шереметевыхъ" г. Барсукова.

В. Эйнгорнъ.

Прилагаемъ здѣсь наиболѣе интересные изъ документовъ, на основаніи которыхъ составлена настоящая замѣтка.

1) „Приговоръ боярина и воеводъ Петра Васильевича Шереметева с товарыщи: слушав извѣту и всего нѣжинскаго дѣла, приговорили, что бурмистръ Яковъ Бутенко, райца Гаврило Подкупной на Петрушку Сасимова доводили в непристойныхъ словахъ про указныя великого государя грамоты, а то де слышали протопопъ Симеонъ да попы Павелъ да Илья; и протопопъ и попы Петрушку въ томъ очистили, что онъ никакихъ непристойныхъ словъ не говаривалъ и ихъ было за то ложное челобитье довелось бить кнутомъ и кнутомъ они не биты для иноземчества, а сидѣли они за то скованы и изъ приказной избы освобожены, а Петрушка-бъ на нихъ искалъ судомъ".

2) „Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу бьютъ челомъ сироты твои нѣжинской бурмистръ Янка Ждановъ да райца Ганка Тимофѣевъ. Въ прошломъ, государь, во 175 году взялъ насъ сиротъ твоихъ изъ Нѣжина въ Кіевъ бояринъ и намѣстникъ смоленскій и воевода киевскій Петръ Васильевичъ Шереметевъ по ложному челобитью нѣжинскаго мѣщанина Петрушки Сасимова и держалъ насъ, сиротъ твоихъ за поруками четырнадцать недѣль, а въ чепяхъ держалъ болѣе дву недѣль, а окупки дали мы, сироты твои, ему, боярину и намѣстнику смоленскому и воеводе киевскому Петру Васильевичу Шереметеву двести двадцать рублевъ и мы, сироты твои,

за тѣми деньгами таскаемся къ Москвѣ третей годъ и, намъ сиротамъ твоимъ, въ ездахъ и волокитахъ и всякихъ харчахъ учинилось убытку двести рублевъ и болши и намъ, сиротамъ твоимъ, дана была твоя, великаго Государя, грамота съ Москвы въ Кіевъ к боярину и намѣстнику смоленскому и воеводе киевскому к Петру Васильевичю Шереметеву зимою, чтобъ то наше дѣло и денги привесть къ Москве, а намъ сиротамъ твоимъ дана твоя, великаго государя, грамота, что намъ судитца самимъ, а буде кому до насъ, сиротъ твоихъ, дело есть и насъ сиротъ твоихъ имать къ Москве по твоей, великаго государя зазывной грамотѣ, а ныне мы сироты твои тѣхъ денегъ не вѣдаемъ гдѣ взять, а женишка наши и дѣтишка закабалилися вѣчно, а оплатитца нечемъ и разорились безъ остатку и намъ, сиротамъ твоимъ, домой ѣхать нелзя, въ кабалахъ будетъ погинуть. Милосердный государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, пожалуй насъ, сиротъ своихъ, вели государь тѣ наши денги и всякия убытки ему боярину и намѣстнику смоленскому и воеводе бывшему киевскому Петру Васильевичу Шереметеву отдать намъ, сиротамъ твоимъ, чтобъ намъ, сиротамъ твоимъ, з женишками из дѣтишками в тѣхъ долгахъ въ конецъ не погинуть и вѣчно бъ не разоритца и голодною смертью не умереть. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

3. Роспись для памяти намъ, мѣщаномъ нѣжинскимъ, что мы выдали въ 174 году боярину Петру Васильевичю Шереметеву: декабря въ 23 день какъ шелъ к Киеву черезъ Алишевку и въ тотъ часъ черезъ райца нашихъ Андрея Мниха и Рамана Ѳилоненка такъ много челомъ ударили: хлѣбовъ да калачей на три рубли, рыбы бочку—дали полтретья рубля, масла ольвлянова на два рубли безъ дву гривенъ; вина двойнова на десять рублевъ, две коровы добрые, четыре борана, тритцать пять чети овса—тое дѣлалось за бурмистра Тресавы; въ томъ же году за бурмистра Дмитрея Парѳенова мимо товарыщей своихъ, также бурмистровъ да райцы Ѳедора Вилневца челомъ ударили: два быка волоские—купили, дали шестнадцать рублевъ; десять борановъ; вина двойново на десять рублевъ; солоду ячново на пиво—тритцать пять чети; двенатцеть аршинъ отласу—дали семнадцать рублевъ безъ дву гривенъ. Въ 175 году, за бурмистра Якова Жданова, какъ прислалъ служивого ис Киева въ Нѣжинъ по войта и писаря и въ то число писаря въ Киеве самъ своею рукою бояринъ билъ въ голову, вземши за волосы и въ чепи четверы сутки держалъ и въ то число, ис чепи выкупаючи писаря, боярину дали двадцать аршинъ камки желтой—

аршинъ купили безъ гривны по сороку и то двадцать два рубли; да бояроне дали шесть червонныхъ золотыхъ; четыремъ сыномъ дали по червонному золотому, меду кислово две бочки болшихъ купили,— дали двенатцеть рублевъ, три бочки пива—дали полтретья рубли, дватцать осмачекъ солоду—дали восмь рублевъ, Алексѣю Ушакову дали два тареля.

Въ томъ же году весною на Николинъ день самъ войтъ Александро Петровичъ съ товарищеми своими з бурмистромъ и райцами боярину далъ десеть червонныхъ золотыхъ, бояреви далъ дватцеть два аршина камки—аршинъ купили по рублю, дѣтемъ дали шестнадцать еѳимковъ; пятъ коровъ—купили по три рубли, десеть борановъ—купили по дватцети алтынъ з гривною; три бочки меду болшихъ—дали осмнадцать рублевъ, семь бочакъ пива болшихъ—дали четыратцать рублевъ четыре гривны; вина двойнова сто квартъ—дали десять рублевъ; простого вина сто квартъ—дали пять рублевъ; сорокъ гусей, тритцать семь утокъ, полтораста курицъ, тысеча еицъ. Да держалнику его Алексѣю Ушакову поднесли три рубли да тарель, бочку пива—дали полтора рубли; два борана, восмь чети овса, пять гусей, шесть утокъ. десеть курицъ, два ста яицъ; пѣвчимъ его дали два еѳимка, жилцу ево Ивашко дали два еѳимка.

Въ томъ же году онъ же бояринъ к именинамъ своимъ велѣлъ прислать и въ то число мы послали въ Киевъ мѣщанъ своихъ Василья Гермаша да Оксена Пилащенка и съ ними отпустили: быка волосково болшого—дали восмь рублевъ; шесть борановъ, пятьдесятъ курицъ, вина двойнова пятьдесятъ квартъ—дали пять рублевъ, солоду ячнова на пиво дватцать осмачекъ—дали восмь рублевъ, пшена полтретьи осмачки—дали три рубли; полосмачки маку; тому жилцу Ивашкѣ, какъ зимою ѣхалъ изъ Зенкова отъ матери въ Киевъ—ему на кормъ дали дватцеть алтынъ; въ томъ же году тотъ же Ивашко ехалъ лѣтомъ ис Киева къ матери въ Зинков—на кормъ ему дали восмь гривенъ, вина двойного дали на дорогу пять квартъ, а опять назадъ, какъ поехалъ отъ матери въ Киевъ и въ то число в Нѣжинѣ стоялъ три дни—на кормъ ему дали рубль, а у которова хозяина стоялъ и онъ у него меду выпилъ на четыре гривны и за тотъ медъ денги платили мы, а на дорогу дали дватцать алтынъ да вина двойново семь квартъ.

Боярскому певчему, какъ с Новыхъ Млыновъ ехалъ отъ матери своей с стрѣлцомъ и у насъ стоялъ двои сутки и мы ему дали на кормъ рубль четыре копейки, полосмачки овса, въ то же число

дали ему подводу, лошедь взяли у мещанина у Семена Трушка— цена десять рублевъ и онъ тое лошадь невѣдомо гдѣ дѣлъ.

Въ томъ же году мѣсяца августа въ 8 день мимо твоего, великаго государя, указу, по ложному челобитью Петра Сасимова, взяты мы, сироты твои, въ Киевъ, бурмистръ Янка да райца Гаврилка, а у насъ, сиротъ твоихъ, твоя великаго государя жалованная грамота, что не велено насъ никуды имать, ни судить никому опричь тебя, великаго государя, на Москве, и мы жили въ Киевѣ за поруками киевскихъ мѣщанъ четырнатцать недель и мы у него, боярина въ то число просились ис Киева къ тебѣ, великому государю, к Москве и онъ насъ за то пересажалъ на чепь; и сидѣли на чепи три недели и мы сироты твои въ то время детемъ ево поднесли и подьячимъ, и слугамъ, и сторожамъ давали и сами свели болши ста рублевъ, а по указу ево боярина Петра Васильевича Шереметева, въ приказъ за поручною киевскихъ мѣщанъ десети человѣкъ нались мы заплатить двѣсти дватцать рублевъ, чтобъ не страдали болши тово, неволи не терпѣли и онъ бояринъ Петръ Васильевичъ насъ ис Киева отпустилъ и мы сироты, приехавши домой, женъ и дѣтей заложили тѣмъ киевскимъ мѣщаномъ и оне за насъ ему денги заплатили и донынѣ жены наши и дети у киевскихъ мещанъ въ закладѣ, потому что война нещастливая наступила, домишка и животы наши въ конецъ разорили и мы къ тебѣ, великому государю, за темъ в третьи волочимся и таскаемся, чаючи твоего милосердаго указу. Царь-государь, смилуйса пожалуй. (Моск. Арх. Мин. Юст. столб. Малоросс. прик. № 5881).

Табачная контрабанда среди кіевскихъ мѣщанъ.

Указомъ Пр. Сената 16 мая 1757 г. „отпускъ за море и за границу папушного черкасскаго табаку“ отданъ былъ на откупъ на 20 лѣтъ сенатору графу Петру Ивановичу Шувалову, который съ своей стороны, по заключенному имъ въ сентябрѣ 1758 г. контракту, предоставилъ эту операцію, въ качествѣ своихъ комиссіонеровъ, московскимъ купцамъ Петру Каблукову и Максиму Алисову.

Этотъ откупъ, какъ видно, весьма невыгодно отразился на интересахъ кіевскихъ мѣщанъ, такъ какъ многіе изъ нихъ до сихъ поръ занимались покупкою въ малороссійскихъ городахъ „папушного табаку“ и продажей его въ Польшу, при чемъ нерѣдко обязывались контрактами на поставку его съ польскими торговцами. Всѣ торговавшіе табакомъ мѣщане кіевскіе, по объявленіи имъ въ магистратѣ послѣдовавшаго объ откупѣ указа, обязались подпискою о невывозѣ табаку за границу безъ дозволенія комиссіонера Каблукова или его повѣренныхъ. Но, видно, не легко было эту подписку выполнить.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1759 г. Каблуковъ доносилъ въ кіев. губ. канц., что де въ послѣднее время въ Кіевъ стали привозить изъ разныхъ малороссійскихъ мѣстъ табаку „противъ прошлыхъ лѣтъ весьма съ умноженіемъ, такъ что и никогда его столь еще не бывало“, а между тѣмъ, по справкамъ де его, какъ въ табачной конторѣ, такъ и въ васильковской и прочихъ кіевской губерніи пограничныхъ таможняхъ „по ярлыкамъ пропуску изъ Кіева оному табаку за границу не значится, и какимъ способомъ тотъ табакъ изъ Кіева отвозится, въ томъ

состоитъ не безъ сумнительства“, а потому онъ, Каблуковъ, и проситъ Кіев. губ. канц. потребовать отъ кіев. магистрата обстоятельной вѣдомости: кто именно изъ подольскихъ мѣщанъ торгуетъ табакомъ, по какой цѣнѣ покупаютъ и продаютъ, куда изъ Кіева отпускаютъ, а главнымъ образомъ—сколько вообще въ годъ сбывается въ Кіевѣ мѣщанами табаку и—кстати—„отъ той продажи какое довольствіе кіев. магистратъ въ доходъ имѣетъ“.

Магистратъ, исполняя требованіе губ. канц., представилъ вѣдомость, въ которой показано всего семь торговцевъ, изъ которыхъ де „за границу ни еденъ въ продажу не отпускаетъ [1])“.

Но Каблуковъ усомнился въ вѣрности показаній магистрата и особымъ доношеніемъ въ губ. канц. заявилъ, что въ дѣйствительности, какъ это ему доподлинно извѣстно, папушнаго табаку у кіевскихъ мѣщанъ „весьма большимъ числомъ сыскаться можетъ, но оной кіев. магистратъ, въ противность Кіев. губ. канц. указовъ, тѣхъ мѣщанъ въ вѣдомости утаилъ или оные мѣщане съ тѣмъ табакомъ кіев. магистрату себѣ не явили для единого того, чтобъ оной табакъ тайно за границу провезть“. А чтобы этого не допустить, Каблуковъ просилъ губ. канц. произвести обыскъ для провѣрки магистратской вѣдомости и, если у кого отыщется табакъ сверхъ показаннаго въ ней, арестовать его „до разсмотрѣнія“.

---

[1]) Въ вѣдомости этой показаны: 1) Максимъ *Волошиненко*, 2) Григорій *Вересенко*—продаютъ сотню папушъ по 80 к. и по рублю и „сходитъ въ ныхъ въ годъ того табаку до десяти тысячъ папушъ и нынѣ оного въ наличности въ лавкахъ бакалейнаго ряду имѣется до 5000 папушъ, 3) Семенъ *Козелецкій*—продаетъ до шести тысячъ папушъ въ годъ, на лице у него—одна тысяча, 4) Іосифъ *Петренко*—вымѣнялъ въ Переяславѣ на деготь двѣ тысячи папушъ и продаетъ по 80 к., 5) Захарій *Рубанъ* купилъ 700 папушъ у привозныхъ, 6) Иванъ *Погорѣлый* купилъ за Днѣпромъ въ Густинскомъ десять тысячъ папушъ за тысячу по 7 р. 50 к., И Рубанъ и Погорѣлый продаютъ тертый табакъ „табачницамъ“ (мелочнымъ торговкамъ), 7) Іустимъ *Бушученко* находился во время составленія вѣдомости въ отлучкѣ.

Въ рапортѣ магистрата въ заключеніи говорится, что съ торгующихъ табакомъ „никакого окладу въ магистратъ не взимается, кромѣ что изъ нихъ которые сидятъ въ лавкахъ, съ оныхъ за землю купичныя деньги равномѣрно какъ и отъ другихъ взимаются“.

Не извѣстно, состоялся ли тогда же этотъ обыскъ, но изъ встрѣчавшихся мнѣ разрозненныхъ документовъ видно, что въ первый же годъ своего откупа Каблуковъ возбудилъ множество дѣлъ по обвиненію кіевскихъ мѣщанъ въ тайномъ провозѣ мимо таможенъ табаку за границу. Одно изъ такихъ дѣлъ, сохранившееся въ крайне растерзаномъ видѣ, даетъ несомнѣнныя указанія на то, что мѣщане кіевскіе дѣйствительно „не иначе старались провозить за границу табакъ, пока тайно“. Дѣло это въ сохранившейся перепискѣ представляется въ такомъ видѣ.

14-го іюня 1759 г. Каблуковъ донесъ въ кіев. губ. канц. что кіев. мѣщанинъ Алексѣй Бушиченко съ товарищами привезъ на восемнадцати „четвероволовыхъ“ возахъ въ с. Троетчину за Днѣпромъ папушный табакъ и сложилъ его у тамошняго мужика Григорія Пилипенка, а противъ 13-го іюня ночью „наклалъ три дуба большихъ и оной табакъ провезъ водою вверхъ и тамо, заѣхавъ между лозы, скрытно стоялъ чрезъ цѣлый день, а потомъ воротясь внизъ, заѣхалъ въ рѣку Старуху и тамо съ тѣмъ табакомъ кроется въ лозахъ“, намѣреваясь провезти его тайно въ польское м. Ржищевъ „для отдачи по подряду тамошнему жиду“.

Губ. канц. предоставила Каблукову „пристойную команду“ изъ одного капрала и семи человѣкъ гарниз. солдатъ, которые дѣйствительно и поймали указанную контрабанду. Изъ бывшихъ при дубахъ 20-ти человѣкъ поймано лишь шесть, остальные, въ томъ числѣ и самъ Бушиченко, бѣжали. Арестованные были представлены въ губ. канц. къ допросу. Всѣ они были подольскіе жители и согласно показали, что, когда де узнали, что нанявшій ихъ въ работники Бушиченко хочетъ везти табакъ въ Польшу, то не захотѣли ѣхать, и въ это время ихъ и арестовали.

4-го августа магистратъ препроводилъ въ кіев. губ. канцелярію дядю скрывшагося Алексѣя Бушиченка Устима, который на допросѣ и показалъ слѣдующее: „въ прошломъ 1758 году у пріѣхавшаго изъ-за Днѣпра малороссіянина на имѣвшійся у него въ шести бочкахъ деготь вымѣнялъ табаку три тысячи съ половиною папушъ и изъ онаго на Подолѣ разнымъ людямъ продалъ до двухъ тысячъ папушъ, а остальной, что никто его

въ Кіевѣ за гнилостію купить не пожелалъ, взялъ и обще съ вялою рыбою на одномъ дубѣ поѣхалъ вверхъ рѣкою Днѣпромъ и по прибытіи въ межигорской погранич. таможнѣ явился, и по взятіи только съ одной рыбы пошлины (а того, что у него табакъ былъ, не объявилъ) отпущенъ за границу; не доѣзжая до польскаго села Толокуни меж. таможни объѣздчиками возвращенъ для того, что о табакѣ не объявилъ, и какъ тотъ табакъ и рыба находились при меж. таможни чрезъ долгое время, и по прошенію его оной дубъ съ рыбою и табакомъ ему отданы; прибывъ въ Кіевъ, оные рыбу и табакъ просушилъ и что изъ оной рыбы выбралось годной, наложилъ на тотъ же дубъ и, по объявленіи въ меж. таможни, пропущенъ заграницу; и по прибытіи въ м. Чернобыль, оной рыбы не продалъ, но у тамошняго жителя Савы Шовкуленка оставилъ и, купя тамо грибовъ, прибылъ на томъ же дубу въ Кіевъ", оставшійся же табакъ просилъ польскихъ жителей, пріѣзжавшихъ въ Кіевъ, провезти за границу, что тѣ и сдѣлали за 3 р. 10 к., забравъ его на два воза, и доставили въ м. Ржищевъ, куда затѣмъ прибылъ и онъ, Бушиченко, и продалъ табакъ жиду по 70 к. за сотню папушъ, получивъ всего денегъ 28 руб. „А минувшаго мая сего 1759 г. племяннику своему Алексѣю Бушиченко продалъ собственный свой дубъ за 10 руб., но денегъ не получилъ, а когда племянникъ съ пятью наемными роботниками изъ кіево-подольскихъ жителей, наложа въ тотъ дубъ табаку, поѣхалъ, то и онъ, Устимъ за нимъ на лодкѣ слѣдовалъ, чтобы деньги за дубъ получить; проѣхавъ тайнымъ образомъ мимо Стоецкаго форпоста въ м. Ржищевъ, племянникъ его и другой кіевскій мѣщанинъ Алексѣй Фенявскій, у котораго тоже былъ дубъ съ табакомъ, продали табакъ: Фенявскій—тамошней арендаркѣ жидовкѣ, а племяникъ—шляхтичу Понятовскому по 1 р. 10 к. сотню, но племянникъ всѣхъ денегъ тогда же не получилъ, почему и остался въ Ржищевѣ, а онъ, Устимъ, получивъ свои 10 р. за дубъ, вернулся въ Кіевъ тайно же".

Такимъ образомъ, показаніе Устима Бушиченка (собственноручно подписанное), очевидно, относилось не къ тому дѣлу, по которому собственно онъ и былъ представленъ.

Племянникъ же его присланъ былъ магистратомъ только 27 августа и въ губ. канц. далъ такое показаніе:

Въ прошломъ 1758 г. ѣздилъ онъ изъ Кіева въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ въ малорос. мѣстечко Лохвицу для покупки табаку и продавалъ его съ барышемъ старостѣ рыбальскаго цеха Лукьяну Богомазу, который уже отъ себя посылалъ тайно тотъ табакъ неоднократно заграницу на дубахъ по Днѣпру съ подольскимъ жителемъ Наумомъ Быховцемъ. А въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего 1759 г. купилъ онъ у лохвицкаго жителя, прибывшаго въ Пустынно-Николаевскаго монастыря слободку на той сторонѣ Днѣпра, десять тысячъ папушъ табаку по 9 р. за тысячу и сложилъ его тамъ же у одного мужика; а въ маѣ мѣсяцѣ, согласясь съ дядей своимъ, Устимомъ, сложили тотъ табакъ на дубъ, и къ нимъ присоединился Алексѣй Феневскій, который нынѣ скрывается у своего тестя, такимъ образомъ на двухъ дубахъ и одной лодкѣ поѣхали мимо Стаецкаго форпоста въ м. Ржищевъ. Тамъ Феневскій свой табакъ продалъ, а у него, Алексѣя Бушиченка, сторговалъ табакъ шляхтичъ Понятовскій, но уплату денегъ задержалъ" за то, что какъ дядя его Устимъ съ прочими кіево-подольскими жителями напередъ того таковой же табакъ тайнымъ образомъ на одномъ дубу въ м. Ржищевъ привозилъ и оному шляхтичу по рублю сотня не продалъ, а продалъ въ томъ же Ржищевѣ жиду по 70 к. сотню". Живучи до полученія денегъ въ Ржищевѣ, Бушиченко „видалъ неоднократно присыланнаго къ Понятовскому вороньковскаго сотника Матвѣя Сулимы прикащика Павла Масловскаго, который ежечасно привозимой отъ оного сотника на трехъ, на двухъ, а временемъ и на одномъ дубу табакъ отдавалъ и отъ него деньги получалъ". Пробрался затѣмъ Бушиченко къ вороньковскому сотнику, надѣясь при его посредствѣ получить удовлетвореніе отъ Понятовскаго, но въ томъ не успѣлъ. Тамъ то ему невѣдомые обуховскіе люди сказывали, что „имѣется у нихъ въ товариствѣ кіево-подольскій житель Матвѣй Поповичъ, который въ нынѣшнемъ 1759 г. въ с. Бубнахъ лубен. полка у тамош. протопопы Павла Свѣта купилъ табаку 50,000 папушъ, и оной табакъ находится въ с. Троечинѣ, и просили его, чтобъ онъ тайнымъ

образомъ тотъ табакъ провезъ за границу". Съ этими то обуховскими людьми поѣхалъ Бушиченко въ м. Обуховъ для заключенія договора, оттуда въ с. Василевщину, гдѣ шляхтичъ Новицкій и предложилъ ему 70 р. за тайный провозъ находившагося у Поповича табаку, причемъ обѣщалъ посодѣйствовать и полученію денегъ съ Понятовскаго. Согласившись на условія Новицкаго, онъ получилъ отъ него 60 р. на наемъ работниковъ и „паки тайнымъ же образомъ" прибылъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ однимъ обуховскимъ „панкомъ" и, явившись къ Поповичу, заявилъ ему, что де подрядился спровадить его табакъ за границу. Съ нанятыми 16-ю работниками (названы имена) прибывъ въ Троетчину, Бушиченко нанялъ у тамошнихъ жителей три дуба, наложилъ на нихъ ночью безъ счету табаку, и, переждавъ день въ озерѣ, намѣренъ былъ вмѣстѣ съ Поповичемъ же проѣхать ночью мимо моста. Но Поповичъ на время отлучился, и онъ съ тѣми дубами заѣхалъ въ скрытное мѣсто между лозъ и тамъ заночевалъ, а на другой день и былъ пойманъ солдатами и объѣздчиками Каблукова. Ему удалось бѣжать и „послѣ того онъ первѣе скрывался на Подолѣ у работника своего Алексѣя Феневскаго одинъ день, а отъ оного Феневскаго пошелъ въ м. Лохвицу къ родному дядѣ Сосницкому, намѣреваясь тамъ долго прожить, но потомъ вернулся въ Кіевъ и когда увидѣлся съ Поповичемъ, тотъ ему совѣтовалъ тайно поѣхать за границу къ шляхт. Новицкому, но прежде явиться въ губ. канц., почему онъ, не ѣздя за границу, и явился.—Изъ всего этого видно, что Бушиченко занимался тайнымъ провозомъ табаку за границу и къ нему обращались, какъ къ специалисту, „сихъ дѣлъ мастеру". Кромѣ этого дѣла, на значительное развитіе среди кіевскихъ мѣщанъ контрабанднаго промысла указываютъ имѣвшіеся у меня разразненные документы изъ дѣлъ, возбужденныхъ Каблуковымъ. Такъ, въ поданныхъ въ губ. канц. въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1759 г. доношеніяхъ Каблуковъ сообщалъ слѣдующія свѣдѣнія о контрабандномъ провозѣ табаку.

Жители м. Макарова сообщали ему, что де въ Генварѣ мцѣ 1759 г. ѣхали они въ м. Лохвицу для покупки тамъ рыбы

и, пріѣхавши въ Кіевъ, остановились на Преваркѣ у тамошняго жителя Василія Высоцкаго, который и говорилъ имъ, что еслибы они купили тамъ въ Лохвицѣ табаку, то и онъ бы присталъ къ нимъ въ товарищи и провезъ бы табакъ заграницу „безъ всякаго указнаго платежа—*такъ, какъ и прочіе кіевскіе мѣщане тайно провозятъ*". Согласившись съ Высоцкимъ, они и сторговали въ Лохвицѣ 60,000 папушъ у нѣкоего Каленика съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ его на своихъ подводахъ въ Кіевъ, причемъ дали ему въ задатокъ своихъ денегъ 150 рублей. Каленикъ представилъ сначала 12 тысячъ, а потомъ 25,400 папушъ къ Высоцкому, который изъ этого числа и повезъ было тайно 26 кулей за границу вмѣстѣ съ другими мѣщанами, которые тоже везли свой табакъ такимъ же образомъ; но уже при самой границѣ Межигорской таможни объѣздчики весь этотъ поѣздъ поймали, а Высоцкій самъ ушелъ. Опасаясь, чтобы чрезъ такую неосторожность и остальной табакъ, имъ принадлежащій и находившійся у Высоцкаго, не пропалъ бы, эти „заграничные жители" м. Макарова два человѣка согласились „больше въ тайномъ провозѣ его Высоцкаго намѣренія и совѣту не принимать", и одинъ изъ нихъ приходилъ въ Кіевъ просить Высоцкаго, чтобы онъ „больше того табаку тайно провозить не отваживался, но лежалъ бы оной до времени въ слободкѣ прозываемой генеральской". Когда они порѣшили „указанное заплатить" и просили о томъ Каблукова, тогда онъ „со взятіемъ за выпускъ указаннаго платежа при повѣренномъ межигор. таможни такова табаку одинадцать возъ за границу пропустилъ".

Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года объѣздчики Каблукова поймали тайно провозимый на трехъ возахъ табакъ, причемъ арестованные ими два человѣка (третій бѣжалъ) показали, что они куреневскіе жители и наняты жителемъ той же Куреневщины Гапономъ. О розыскѣ этого Гапона и представленіи его въ губ. канц. эта послѣдняя и предписывала кіев. магистрату. Но магистратъ не особенно заботился объ исполненіи такихъ предписаній. Въ самомъ магистратѣ утвердился взглядъ на табачный откупъ, какъ на нарушеніе правъ и привилегій города,

а потому и естественно, что мѣщане, дѣйствовавшіе въ подрывъ этому откупу, могли встрѣчать скорѣе потворство со стороны магистрата, чѣмъ энергическое преслѣдованіе. При такихъ условіяхъ и могъ развиваться, среди кіевскихъ мѣщанъ, особенно въ предмѣстьяхъ, спеціальный промыселъ, могли являться „сихъ дѣлъ мастера“, къ которымъ и обращались заинтересованные въ тайномъ провозѣ табаку лица.

А. А.

КЪ ИСТОРІИ АПОКРИФИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ.

Въ замѣчательной статьѣ проф. Сумцова „Очерки исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ“, напечатанной въ іюньской, іюльской, сентябрьской и ноябрьской книжкахъ „Кіевской Старины“ 1887 года, положено начало систематическому изученію южнорусскихъ апокрифовъ и апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. Вполнѣ сознавая важность изученія апокрифической литературы и необходимость прежде всего опубликованія древнихъ южнорусскихъ апокрифовъ, я позволю себѣ, ссылаясь на статью проф. Сумцова, сдѣлать къ ней нѣкоторыя примѣчанія и дополненія и привести нѣкоторые новые матеріалы.

Въ началѣ своей статьи проф. Сумцовъ говоритъ (К. Ст. іюнь—іюль, стр. 217), что „въ рукописяхъ южнорусскихъ сохранились почти исключительно западныя апокрифическія сказанія“. Какъ на изъятія изъ этого правила могу указать на слово Меѳодія Патарскаго, сохранившееся въ Галиціи въ нѣсколькихъ спискахъ (Библ. Оссол. рукоп. № 29, XVII стол., мой списокъ конца XVIII стол.), апокрифъ, извѣстный подъ заглав. „Сказаніе Афродитіана“ (Библ. Оссол. № 29, списокъ XVII стол.), о которыхъ рѣчь впереди.

На стр. 226—7 проф. Сумцовъ приводитъ галицкую старинную пѣсню, начинающуюся словами „Війте, дѣвойки“, и говоритъ по поводу ея запѣва (стр. 229): „нѣкоторое недоразумѣніе здѣсь вызываетъ странный мотивъ витья вѣнковъ изъ Божьей крови на хоругви“. Проф. Сумцовъ старается разъяснить это недоразумѣніе съ помощью апокрифической пѣсни о крови Спа-

сителя. „Вѣроятно—говоритъ онъ—мотивъ приготовленія вѣнковъ изъ Божіей крови вышелъ отсюда посредствомъ какого нибудь прозаическаго сказанія, не нашедшаго мѣста въ печати". По моему мнѣнію, запѣвъ этотъ объясняется гораздо проще, ежели принять во вниманіе, что „Божа кровця" на мѣстномъ нарѣчіи карпатскихъ горцевъ стрыйскаго округа обозначаетъ цвѣтокъ (кажется тотъ же, что въ „словникѣ" Желеховскаго обозначенъ „кровник=Geranium phaeum"), употребляемый преимущественно при витіи вѣнковъ на хоругви.

Такъ какъ проф. Сумцовъ, говоря о народныхъ сказаніяхъ объ Адамѣ и Евѣ, не упоминаетъ о текстахъ апокрифовъ о нихъ книжнаго происхожденія, то прилагаю здѣсь именно такой текстъ, взятый изъ находящагося у меня Дрогобыцкаго сборника апокрифическихъ сказаній, писаннаго, какъ упоминается нѣсколько разъ на поляхъ рукописи, „для мѣщанина дрогобыцкаго Петра Чорневича" въ 1742—43 годахъ какимъ то неизвѣстнымъ писцомъ. Текстъ этого сказанія довольно близокъ къ изданному г. Тихонравовымъ („Памятники отреченной русской литературы", т. I, стр. 1 и д.) особенно въ первой части своей, во второй же части представляется въ болѣе полномъ видѣ. Языкъ его церковный, хотя и довольно испорченный, и съ значительной примѣсью формъ малорусскихъ, принадлежащихъ мѣстному подгорскому говору. Интересно сохранившееся въ нашемъ текстѣ, дважды повторенное болгарское слово „биличъ" (=знакъ, отмѣтка; у Тихонравова въ соотвѣтственномъ мѣстѣ стоитъ „знаменіе нескверно"), которое указываетъ на прямую зависимость нашего текста отъ болгарскаго, опять таки въ разрѣзъ съ мнѣніемъ проф. Сумцова о польскомъ и вообще западномъ происхожденіи галицко-русскихъ апокрифовъ.

Житїе ѿ Адамѣ ї Евѣ ї ѿ согрѣшенїи ихъ, и изгнанїю из рая и яко книга по согрѣшенїю.

Адам бѣ враи прежде согрѣшения вся імѣяше вхотеніи своемъ, і вся по хожденіи его похождаше. Егда ізгна его Богъ із Рая, сѣлъ во Едемѣ предверми райскими. I видѣ сонъ како

хощет родити Каина и Авеля и вкотрих лѣтехъ хощетъ убити Каинъ Авеля брата своего. Запрѣти ему ангелъ Господенъ неповѣдати Евѣ и пробист х҃ сотъ лѣтъ и виде во болестъ червоную, и невидяше, что естъ ему за болестъ. И собрася отъ мала до велика, и чудишася вси Евѣ глаголющи, о мати наша, ти вѣси вси таини, повѣдж нам, почто отецъ нашъ болитъ, всѣхъ бяше людий над Адамом х҃. ѿ тисящъ, и Ева рече, повѣм вам чада моя. Егда сотвори Богъ рай и всю вселеную, тогда сотвори Богъ отца вашего имене и предалъ нам раи и вся скоти і гади и вся птенца пернатная. Адам соблюдаше восточную страну и сѣверную зору, азъ соблюдохъ западняя и южняя, тако предалъ намъ вруцѣ рай, речи нам (:) вся снѣдайте сущая во раи точию единаго (двера) древа неснѣдайте. И показа нам древо тое и возиде Богъ нбса, а ми обладахом враю, безъ повеления Адамова, и моего вси звѣри и скоти и гади и отмѣша (очевидно ошибка вм. „не смѣша“, у Тихонравова „не смѣяху“) ходити, ни лежати, ни ясти, дондеже повелѣх ми, тогда пришолъ дияволъ свѣтелъ яко аггелъ и рече кнамъ: что вам рече Господь ясти или не ясти враи? Адам рече: все нам повелѣ токмо единаго древа рече блюститися. Дияволъ рече: много жалую васъ понеже не р(оз)умѣете. Аще бисте отъ того древа снѣли и били бисте яко Боги. То рекши отиде дияволъ, и обрѣте змию и научи я измѣняше яко ангелъ естъ ему. И приде змия комнѣ и показа древо плодовитое, и красн(о)е, а змия бѣ любая Богу развѣ всѣхъ вещей И даде ми плодъ, аже взях и снѣдохъ, тогда серце мое возмутися вомнѣ напрасно, во моей странѣ повергоша древа листвіе. Азъ же внидохъ подрево отъ негоже снѣдохъ и возвахъ Адама глаголя: прийди Господине Адаме да видиши великое чудо, азъ уста отверзохъ, и язикъ мои глаголаше вомнѣ сам, егда приятъ Адамъ и вложи во уста и снѣдохъ, тогда отверзошася очи наши и видѣхомъ (вину) наши и серце наше возлежаше на лонохъ. Тогда вся древа листвие поверже, една смоковница тогда неповерже. Тогда восплакася горко і рече: о жено, что ми таково сотворила еси! Такожде и мое сердце неотдѣлися отъ Адама и внийдохъ подрево яже неповерже листвие, тогда и

зшихомъ листвие и сотворихомъ одѣния себѣ. Тогда слишахомъ гласъ на небесехъ глаголющи архангели призивает і ангели глаголющи: пріидѣте вси да впидутъ во рай, понеже согрѣшихъ Ева і Адамъ. И тако снийде со всѣми ангели своими і ста престолъ поста (вмѣсто посредѣ?) рая возва Господь Адама гласом великим: Адаме, Адаме, где еси. Отвѣща самъ и рече: се зде есмъ Господи, гласъ твой услишахъ и смирихся, се нагъ есмъ,- что сотворилъ еси? Рече Адамъ: жена прелъсти мя воеже ми еси дала ябко, рече Господъ: а жену кто прелъсти, рече: змія. Рече Господъ: понеже преступи заповѣдъ моя, и послушалъ еси жени, сего ради во потѣ лица своего снѣси хлѣбъ. Мнѣже рече: вопечалехъ родиши чада, а зміи рече: ползати будешъ по земли и человѣкомъ пяти стеречи, а онъ тебѣ сотретъ главу і тако отятъ еи ноги и ста позлати (sic!) и красоту еи отятъ, бо била яко ангелъ, и бридкост на ню вложилъ, посем повелѣ Господъ изгнати нас из рая, тогда пояше ангели своя побіюще изна нас из рая. Адамже моляшеся егда како умилосердися Господъ о насъ и отпусти нас. Архангелъ моляшеся ко Богу непрестано о насъ и тако изна нас из рая и непусти. Ми же сѣдохомъ во едемѣ Адамъ паде на лице свое и плакася м҃ дній. Изнеможе душа наша гладомъ, рекохъ ко Адаму: Господине мой, востани да пощиваемъ себѣ храними (sic, вм. храмини) іже бо сердце оглянѣло гладом и душа моя во мнѣ омалѣ. Адамже рече: О ево, находитъ на сертце мое егда разори икону твою, но неимамъ скимъ бити и боюся Бога и сертце мое не отдали ся отъ тебе. Воставже и обийдохомъ всю землю і необрѣтохомъ нѣчто снѣднѣ, но токмо цвѣти селния согрѣваста, и паки придохом и плакахом со воздиханіем. І рече Адамъ: Господи, преступими воню (sic вм. вогню), да тя помяну. Тогда посла Бог темиянъ иванъ (sic вм. ливанъ) и ладанъ, взя Адам и сотвори молитву ко Богу, тогда умилосердися Господъ, тогда ангелъ отлучи седмую частъ отрая и постъ (sic вм. подастъ у Тихонравова) намъ, прежде наядохомся и напихомся. Изгна вся скоти, и гади и звѣри отрая и преда Адаму, Адамже сотвори внѣкое питомо отлучивъ собѣ напотребу и нарече всѣмъ имена, и всѣмъ лѣтающимъ.

Тогда рече Господъ Адаму: Терние и волчицъ от дѣланій твоихъ да прозябнетъ. І поятъ воли Адамъ и нача орати и пришедъ дияволъ и ста пред волами, и неда землѣ орати глаголя: недам азъ тебѣ орати понеже моя земля, а Божая сут небеса и рай да аще хощеши мои бити, то землю работай, аще хощеши Божій бити то поиди врай. Адамже рече: Божия сут небеса и земля и вся вселеная, дияволже не даде ему орати глаголя: запиши мѣнѣ рукописание свое и жеби еси мой билъ, тожъ землю работай. Адам рече: чия земля того и азъ, и чада моя, видяше бо Адам, иже сним хощетъ наземлю родитися от дѣвы, дияволъ урадовася велико и рече: тако запиши рукописание свое. И взя чернило и записа рукописание сице рече: чия земля того и азъ и чада моя. Дияволъ взяв рукописанія и держа всебе. Азъ Ева рѣхъ ко Адаму: покаймося господине да избавитъ насъ Господъ отъ диявола сего, Адам рече, покаймося м҃ дній. Ева рече: господине ти постъ м҃ дній и азъ буду. И рече Адамъ мнѣ внити вомиръ рѣки (у Тихонравова... въ тигръ реку) и положи камень наглаву свою, а другій под ноги и стоитъ во вишнѣ водѣ и никогожъ неслухай, да небудешъ паки прещена. Азъ рѣхъ: сотвори ми Билигъ и сокровенъ, и сотвори и даде ми и рече: неизиди оту дондеже азъ пріиду и ктебѣ. Воставъ Адамъ, и поиде во орданъ рѣки (sic), каятися. Ту снидоша вси звѣри и птица и множество (ко Евѣ поставлено въ скобкахъ) ангелъ плакахуся за Адама. Адам погрузися во иордани и пребист во рѣцѣ м҃ дній, и приде дияволъ коженѣ свѣтелъ, яко ангелъ слонце росняше по земли и глаголаше ми: Ево, услиша Господъ молитву твою и нас ангелъ твои послуша молящихся о тебѣ и послалъ мене Господъ Богъ да изнидеши отъ рѣки сея. Тогда азъ невѣровахъ ему и паки вотрети денъ пріиде сотворитися Адамовим образом і много соблазниша мене, азъ же неизидох дондеже вижди Билигъ еже рече ми Адам. Егдаже соверши Адамъ м҃ дній идяше отъ иордана, и обрѣте дияволъ слѣдъ и убояся велико, да не како прелъщена есм. Егда видѣ мене Адамъ во водѣ и возрадовася велико, егда прійде ко мънѣ. Азъ невѣровахъ, дондеже показалъ ми бисть Билигъ свой тогда вѣровахъ. Изидохомъ вомадиямъ и то родися Каинъ

и Авелъ. Егдаже возрастоша, Каинъ бѣ работая землю Аавелъ скоти пасяше и жертву твориша оба Богу. (Здѣсь въ текстѣ пропускъ). Аавелъ отъ скота и непринятъ Господъ жертву Каинови Аавелову любляше, и зато возненавиде Каинъ Авеля, и рече Каинъ коавелю поидѣмъ наполе, и поидоша оба на поле и тако оуби Каинъ Авеля брата своего. Воединъ денъ воставъ Адамъ отъ ложа своего, и рече ко мнѣ: о жено, совершися лѣтъ ді отъ рождения его крове Авелеви убиением дажми осля да шедше обращу его я. Слишахъ азъ и распалися сердце мое, всѣдъ Адам на осля поиде и обрѣте Авеля заклати и не рече ему ничтоже, якоже рече ему ангелъ: принеси Авеля и постави его на мѣстѣ рекомом реонъ. Тогда азъ родихъ Сифа и рѣхъ: Господине мои незлого родит сердце мое, уже родихъ сына вмѣсто Авеля и нарекохъ имя ему Сифъ. Тогда Адам клятохъся: о Ево, Ево, молчи останися рѣчи своихъ уже бо духъ мои омалѣ вомнѣ естъ. Посем Сифъ рече: отче мои поиду ворai и принесу тебѣ израя да видишъ и оупокоитъ тебе. Адам рече: о сыну мои како ти внидешъ ворай, нетако естъ но тако но поиди противу рая, и плачся да не како приступит отъ древа Богу маслинна да увидишъ како упокоится болѣзнъ мнѣ, и рече Сифъ: А якая естъ болѣзнъ. Адам рече: о сыну мои великую имамъ болѣзнъ. Егда согрѣшихъ азъ и мати твоя, тогда рече Господъ: умножу стогнание твое, и всегда во печали пребудеши, и дам ти к и о болѣзний: а болѣзнъ чревом, вторая очима, потом послѣдуя поединой, и матери вашей рече: всегда мужъ твои да обладаетъ тобою, а егда ражъдаеши то смертію растаешися. Воставъ Сифъ поиде к раевѣ со материю своею и видѣ два лютая звѣра, рекомия горгоніи, гонящая сына ея Сифа, онаже слишавши к нему рече: отъ звѣру нечисти, непомнишъ ли како ти смѣешъ разверсти уста своя на образъ Божій или како смѣешъ обявити зуби своя на насъ. Тогда отвѣща звѣръ ко евѣ и рече еи: о ево, отъ тебе естъ почалося первое зло, како ти смѣла уста отверсти на снѣдъ, еже рече тебѣ Господъ неясти, для того азъ хощу чада твоя поясти. Тогда Ева восплакася горко, слишано бисть то отъ востока до запада, тако глаголя: о горе мнѣ

Боже мои, отселѣ и до вѣка (и до вѣка) клясти мя хощетъ всякъ язикъ: тогда Сифъ рече: заклинаю тя Богомъ живим звѣру окаяній да пребиваеши в ложи своем до суднаго дне егда тако дерзаеши наизядение человѣка. И тако пребивает тамо звѣр во вѣки. А Сифъ шедъ со материею своею и плакася противу рая перстию главу свою посипаше. Явися им Архангелъ Господенъ и рече: почто плачете. Сифъ рече: о господи отецъ мой болитъ, и желаетъ благая райския, хощет видѣти отъ древа масличнаго, егда како утомится болезнъ его. Рече Архангелъ Господенъ (и рече): о Сифе, о Сифе неимает отецъ твои исцѣлитися понеже приближися денъ его ко смерти и скончашася дние его уже. Тогда уломи древа Архангелъ ворай, отнегоже изгнан бисть Адам и даст древо Сифови, и Сифъ принесе ко Адаму. Видѣ то древо Адамъ и позна его и приятъ его, востхнувъ велій, и звитъ вѣнецъ с того древа и вложи на главу свою и видѣ руку Господню, приемшую душу его, видѣ кадилницу з ладономъ, кадящу тѣло Адамово, а г҃ ангели свѣща держаще, возрѣлъ Сифъ (на) небо, и видѣ душу отца своего Адама, недалече отъ Господа стоящу, и множество святихъ ангелъ молящися за Адама. Егда воставъ архангелъ Михаилъ, тогда вси ангели умолкоша, тогда умилосердися Господъ, и простеръ руку свою ко Адаму, и прият душу Адамову, и посла ангела да сопрятает тѣла Адамова, и научити Сифа. И взят ангелъ тѣло Адамово и знесе его на мѣсто, рекомое терусий блато, і ту ископаша гробъ, и бистъ глаголъ съ небесъ глаголющи: Адаме Адаме, рече: Се азъ Господи. Господъ рече: сице рекохъ тебѣ, земля еси и в землю поидеши. Адам же рече: твоя отъ твоихъ тебѣ приносяше о всѣхъ и за вся. И тако погребоша Адама, и з вѣнцем, иже бѣ на главѣ его и Ева умилним гласом моляшеся ко Богу глаголющи: Господи прими духъ мои. И тако в седмій денъ преклони главу и умре. И погребе ю Сифъ близъ сына ея Авеля.

Къ числу немногихъ малорусскихъ пѣсенъ объ Адамѣ, основанныхъ на апокрифическихъ сказаніяхъ, кстати будетъ прибавить еще одну, до сихъ поръ, кажется, неизвѣстную, запи-

санную мною въ 1881 году въ с. Нагуевичахъ, дрогобичскаго повѣта изъ устъ старика-крестьянина Ивана Гаврилыка. Пѣсня эта поется, какъ колядка, въ селахъ Нагуевичахъ и Ясеницѣ Сольной. Вотъ она:

Ходитъ Господь по раю,
Зъ Адамомъ розмовляе:
„Ой Адаме, Адаме,
Що е въ раю, то твое,
Но яблоко одное
Рвати не позволяю“.
А гадына въ корчи чуе,
Та Адама трибуе:
„Ой Адаме, Адаме,
Що е въ раю, то твое,
А яблоко одное
Чому не трибуешъ?“
Ева ябко зирвала,
Адамови подала:
„Ой Адаме, небоже,
Ой не бійся, мій друже!
Вкусы яблока того,
Будешъ старшый надъ Бога
И панъ всего свита.
Адамъ яблоко вкусывъ,
Весь рай му изрушывъ.
Ой Адаме, Адаме!
Иде Господь до раю.
„А дежъ я ся сховаю
Поганый та голый!“
Ввишовъ Господь въ райській садъ,
На яблони выдивъ гадъ.
„Ой Адаме, небоже,
Изробывесь негоже
Прыкладъ давесь другимъ“.
Летытъ ангелъ изъ мечемъ,
Взявъ Адама за плече,
Вытрутывъ го на сей свитъ:
„Ты проклятый и твій ридъ,
Ажъ зійде Сынъ Божій“.
Сынъ ся Божій народывъ
И весь свитъ освободывъ
Одъ мукъ, пекла, й одъ ада.
Тоби буде честь, слава
На викъ викомъ. Аминь.

Прилагаю еще „Плачъ Адама“, взятый изъ находящагося у меня сборника пѣсенъ духовныхъ, списаннаго, вѣроятно, во второй половинѣ XVIII стол.

Плачъ Адама праотца, из Рая изгнаннаго.

Уви, откуду отпадохъ бѣдный,
Что день, что время, той часъ послѣдній,
С изъ царя нищъ сотворихъ ся,
Отъ порфиры въ руби одѣхъ ся,
Уви! Уви! Уви! О горе!
Очеса лійте, лійте слезъ море,
Быхъ азъ первѣйшій населникъ рая,
Зде мя послѣдня постигли злая,
Ахъ изъ рая въ ровъ преселихся,
Отъ сладости въ горесть зближихся,
Уви и т. д.
Жилемъ ахъ! прежде яко владыка,
Была мнѣ въ сластехъ сытость велика,
Но господство все измѣнися,
И богатство все истощися,
Уви и т. д.
Въ чемже я тогда бывалъ лишенный?
Весь быхъ якъ селній цвѣтъ украшенный.
Ахъ! отъ цвѣта листъ бысть отпадшій
И отъ древа корень увядшій.
Уви и т. д.
Стражъ огнь палящій мещетъ плачь зелній
Того постави Творецъ всесилный;
Но и плачь той въ страхъ претворися,
А самъ трепетъ къ мнѣ обратися.
Уви и т. д.

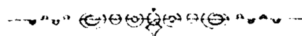
Отнюдъ неможно ся возвратити,
Орачемъ земли надлежитъ бытп,
И снѣдь съ потомъ лица мѣшати,
Всю жизнь въ трудѣхъ препровождати.
Уви и т. д.
Морска пучина, вода глубока,
Была мнѣ вмѣсто моста широка;
На се волни на мя достаютъ!
Въ глубинѣ гробъ уготовляютъ!
Уви и т. д.
Обладахъ всѣми звѣрми нѣмыми,
Царь быхъ поставленъ владѣти ими;
Но и гласа ихъ днесъ боюся,
Да злыхъ зубовъ ихъ сохранюся.
Увы и т. д.

Где убо бѣдну мнѣ ся сокрыти!
Развѣ отъ земли въ землю вселити;
Ахъ отъ персть персть таки буду!
Что горѣе, предстану суду!
Уви и т. д
Една надежда въ владыцѣ Богу,
Яко милостивъ есть по премногу,
Сего любве треба искати,
Прощенія слезми благати:
Уви и т. д.
Раю святѣйшій, саде Владыки!
Врагъ азъ явихся Богу толикый!
Ты мнѣ убо купно споболи,
Шумомъ листвій Творца утоли.
Уви и т. д.

Въ этой виршѣ, составленной какимъ нибудь духовнымъ лицомъ и распѣваемой въ церквахъ, отмѣчу только двѣ апокрифическія черты: способность Адама предъ грѣхопаденіемъ ходить по водѣ, какъ по сушѣ, и послѣдній куплетъ, поразительно сходный съ апокрифическимъ текстомъ „Слова святаго отца Меѳодія“ (Патарскаго) по имѣющемуся у меня списку, довольно отличному отъ трехъ списковъ, напечатанныхъ у Тихонравова (Памятники, II, 213—281).

Вотъ какъ излагается въ этомъ спискѣ плачъ Адама: „И сѣде Адамъ прямо раю плачася и бияся каменем во перси своя глаголя: раю, раю, красная доброто, мене ради насажденъ еси, Еввы ради заключенный, помяни мя раю шуменіемъ листвій твоихъ, о милостыве помилуй мя падшаго“.

Миронъ.



ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

Холера свирѣпствовала во всемъ краѣ, особенно въ городахъ и мѣстечкахъ. Очень странно началась она въ Бердичевѣ. Въ домѣ одного раскольника, на дворѣ, была найдена мертвая женщина, вся посинѣвшая, съ запекшейся кровью на губахъ. Закричали: „холера!" Всѣ 14 докторовъ, находившихся въ то время въ городѣ, были призваны сюда; долго они осматривали трупъ, хотя осторожно, держась отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, и, наконецъ, рѣшили, что это и есть азіатская холера. Михаилъ Войцѣховскій, впослѣдствіе графъ и знаменитый докторъ, бывшій въ то время случайно въ городѣ, не согласился съ тѣмъ, что это азіатская холера, и одинъ осмѣлился дотронуться до трупа. Наконецъ, разыскали мужа покойной, спавшаго сномъ праведника въ какомъ то сараѣ. Когда его, еще не протрезвившагося, привели къ трупу жены и онъ услыхалъ слово: „холера", то поднялъ палку, которую держалъ въ рукѣ, и сказалъ:

— Проклятые доктора! Если бы я попотчивалъ васъ, какъ ее, этой палкой, то вы бы всѣ заболѣли холерой и поумирали.

Такимъ образомъ онъ сознался самъ, и дѣйствительно оказалось, что женщина умерла отъ побоевъ, но, къ несчастью, чрезъ нѣсколько дней появилась настоящая холера и народъ остался при убѣжденіи, что причиной холеры были раскольникъ съ раскольницей, и скоро нашли въ рѣкѣ трупъ мнимаго ви-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1891 г., № 10.

новника со связанными руками и ногами, но слѣдствія не производили и не разыскивали виновныхъ.

Переполохъ былъ очень великъ, люди бѣжали въ лѣса, но это продолжалось не долго. Городскія власти выказали большую распорядительность; Войцеховскій, назначенный инспекторомъ народнаго здравія, не давалъ засыпать докторамъ и надо сознаться, что его старанія о мѣрахъ къ предупрежденію эпидеміи и прекращенію ея въ самомъ началѣ были такъ энергичны и успѣшны, что смертность въ Бердичевѣ, даже на Пескахъ, не была такъ велика, какъ опасались.

Надо признаться, что правительственные чиновники не воспользовались, какъ могли бы, появленіемъ холеры, чтобы пресѣчь сообщенія между дворянами и изолировать, если не отдѣльныхъ помѣщиковъ, то отдѣльные уѣзды. Правительство этого не сдѣлало, а напротивъ допустило повстанцевъ воспользоваться появленіемъ эпидеміи. Помѣщики отлично съумѣли устроиться на Украинѣ и въ Подоліи и, нужно воздать должное Викентію Тышкевичу или тѣмъ, которые были его опекунами, почти всѣ гражданскіе коммиссары, назначенные по случаю холеры, были уже посвящены въ заговоръ и, имѣя въ своихъ рукахъ власть надъ крестьянскою стражею, устроили самымъ правильнымъ образомъ сообщенія между помѣщиками; я не слышалъ ни объ одномъ случаѣ доноса по этому поводу.

На Волыни, напротивъ, не было тогда никакой организаціи, никакой связи. Бѣгство Тадеуша Валевскаго и отступленіе Дверницкаго разрушили и ту организацію, какая была на Волыни. Только нѣсколько кружковъ сгруппировалось вокругъ избранныхъ предводителей. Одинъ лишь овруцкій повѣтъ былъ организованъ по своему, но такъ какъ въ этомъ шляхетскомъ гнѣздѣ считалось за грѣхъ служить въ русской и даже въ польской арміи, то во всемъ повѣтѣ не было военныхъ, кромѣ маршалка Вильгельма, который два или три года служилъ юнкеромъ въ польскихъ гвардейскихъ гренадерахъ. Человѣкъ добросовѣстный и большой патріотъ, онъ не считалъ себя способнымъ предводительствовать повстанцами и послалъ Карла Пашковскаго съ молодымъ Галецкимъ къ Карлу Ружицкому съ просьбой при-

слать имъ офицера для организаціи возстанія. Ружицкій назначилъ для этого капитана Сасинскаго, служившаго нѣкогда въ наполеоновскихъ уланахъ; тотъ сказалъ, что пріѣдетъ тотчасъ, но не пріѣхалъ, гдѣ то затерялся, какъ и многіе другіе, рвавшіеся къ возстанію, но потомъ оказавшіеся Богъ знаетъ гдѣ. Такъ сдѣлалъ и Іосифъ Залѣскій, начальникъ кіевскаго повѣта и города Кіева; испугавшись большой отвѣтственности, которая могла пасть на него, или, какъ говорили нѣкоторые, послушавъ совѣта Голеёвскаго, сидѣвшаго въ тюрьмѣ, онъ потихоньку выѣхалъ въ Галицію, по примѣру Тадеуша Валевскаго и многихъ другихъ волынянъ изъ знатныхъ фамилій, которые занимали важнѣйшія должности между помѣщиками и которые соединялись съ Дверницкимъ, чтобы уѣхать въ Галицію.

Въ Кіевѣ начались аресты и высылки.

Мы должны были выставить въ назначенное мѣсто 800 всадниковъ и 2,000 пѣхоты; каждый изъ насъ долженъ былъ явиться на это мѣсто со своимъ отрядомъ. До насъ дошли слухи, что повстанцы украинско-польскіе собираются въ Красноселкѣ, имѣніи Липковскихъ, въ Губникѣ у Еловицкихъ и въ иныхъ мѣстахъ, что Вацлавъ Ржевускій двинулся изъ Саврани со своими козаками, что къ повстанью пристали подполковникъ Быдловскій, бывшій адъютантъ ген. Ружницкаго, и маіоръ Радзишевскій, что въ походъ выступаютъ—Юрій Корсакъ съ Побѣдзинскимъ изъ Бабчинецъ, Выжиковскій изъ Рогинецъ, Германъ и Іосифъ Потоцкіе изъ Бѣлиловки и даже Нерей Абрамовичъ, что у нихъ уже были выборы вождя. Воинственная шляхта хотѣла Вацлава Ржевускаго — Эмира Ташъ-Ульфера, но Еловицкіе и иные не любили эмира. Онъ училъ шляхту, какъ различать сѣверъ и югъ по мху на дубахъ, какъ узнавать вѣтеръ по наклоненію травы, какъ по породамъ птицъ угадывать въ какой находишься мѣстности—вблизи жилья, болота, лѣса или поля, какъ соображаться съ положеніемъ звѣздъ, все это онъ объяснялъ имъ, а Еловицкіе, Липковскіе и др. ходили между шляхтой и говорили:

— Эмиръ бредитъ, что намъ за дѣло до мха, травъ, птицъ и звѣздъ, намъ надо драться.

При этомъ они угощали водкой, медомъ и виномъ и шляхта, по польскому обычаю, начала кричать: „Не хотимъ Эмира! Зачѣмъ намъ арабовъ, мы хотимъ поляка!“ Вождемъ, по внушенію Еловицкихъ, отца и сыновей, избрали стараго генерала Колыско. Викентій Тышкевичъ, все думавшій о своемъ братѣ Генрихѣ, будучи увѣренъ Еловицкими, что старый Колыско передастъ булаву въ руки Генриха, подтвердилъ этотъ выборъ, и Вацлавъ Ржевускій, подобно ген. Козловскому, былъ устраненъ.

Собрано было 19 эскадроновъ кавалеріи, и еще какихъ! 4000 пѣхоты подъ начальствомъ Владислава Загурскаго и 4 пушки подъ командой Эдуарда Еловицкаго; начальникомъ штаба былъ Орликовскій. Съ такимъ войскомъ ген. Колыско двинулся къ Дашеву, на пиръ къ графу Владиміру Потоцкому.

Много разсказывали намъ о приключеніяхъ отдѣльныхъ отрядовъ. Такъ, между прочимъ разсказывали о возстаніи Нагурничевскаго въ литинскомъ повѣтѣ и о нападеніи на Литинъ, гдѣ не было другаго русскаго войска, кромѣ инвалидовъ, которыхъ у насъ звали селедками, подъ командой капитана Хлопицкаго, родственника извѣстнаго диктатора. У гарнизона не было никакого оружія. Хлопицкій вывелъ инвалидовъ за рогатку, велѣлъ имъ снять шинели и при приближеніи непріятеля махать ими, какъ будто вытряхивая пыль. Ждать пришлось недолго. Кавалерія Нагорничевскаго шла на рысяхъ съ горы по большой дорогѣ; самъ Нагорничевскій и Александръ Голынскій были во главѣ. Увидѣвъ инвалидовъ, они съ крикомъ ура! поскакали впередъ. Хлопицкій подпустилъ ихъ шаговъ на 30 и скомандовалъ махать шинелями. Когда инвалиды замахали шинелями, точно огромныя птицы крыльями, лошади повстанцевъ встали на дыбы и всадники полетѣли на землю. Пришлось уходить и городъ не былъ взятъ.

Намъ сборъ былъ назначенъ на 17 мая. Я, какъ и другіе помѣщики, не полагался на крестьянъ, хотя любилъ ихъ и зналъ, что и они меня любятъ, и не разсчитывалъ выставить болѣе 30 человѣкъ, которыхъ обязался привести съ собою. Недостававшее до этой цифры количество дворовыхъ я намѣревался

пополнить молодыми людьми изъ чиншевой шляхты моихъ другихъ деревень—Семаковъ и Агатовки.

Я попрощался съ моими сестрами и отослалъ ихъ въ Агатовку къ замужней сестрѣ Сосницкой, попрощался и съ моимъ старымъ слугою Игнатомъ, который плакалъ и говорилъ:

— Нѣтъ ничего удивительнаго, что паничъ дѣлаетъ глупости—онъ еще молодъ и неразуменъ, а вотъ что панъ капитанъ (рѣчь шла о Ружицкомъ), имѣющій дѣтей, летитъ, какъ мотылекъ на огонь, Богъ знаетъ куда и зачѣмъ — это странно.

Серебро, котораго у меня оказалось много, даже послѣ того какъ я взялъ все нужное мнѣ въ дорогу, и драгоцѣнныя вещи были оставлены, не спрятанными и не запертыми, такъ какъ некому было этимъ заняться. Позднѣе я узналъ, что вся движимость и скотъ были вывезены и выведены крестьянами въ степь, такъ что, когда пришли донцы, то нашли въ Гальчинцѣ только голыя стѣны. Послѣ моего ухода въ возстаніе, моя сестра Ружицкая была назначена опекуншей Гальчинца, а зять Сосницкій ея помощникомъ. Въ Агатовкѣ дѣло происходило иначе. Донцы, явившись туда, начали хозяйничать по своему; Сосницкій все время молчалъ, но когда козаки стали ловить его любимыхъ индюковъ, онъ не выдержалъ, надѣлъ на шлафрокъ всѣ свои ордена, вышелъ и закричалъ на донцовъ такъ грозно, что тѣ тотчасъ оставили его индюковъ въ покоѣ.

Ко мнѣ прибыли два брата Выговскихъ — Антоній, мой повѣренный, и Станиславъ, мой школьный товарищъ. Ихъ посылала въ повстанье мать и, когда они заявили ей, что не имѣютъ ни ружей, ни палашей, сказала:

— А руки Выговскихъ, развѣ это не оружіе?

Кромѣ братьевъ Выговскихъ, изъ шляхты со мной были Антоній Топчевскій, мой управляющій, Феликсъ Росоловскій, мой камердинеръ, Гарайскій и Сѣдлецкій, чиншевые шляхтичи, прочіе были всѣ крестьяне.

Мы сѣли на коней и выѣхали изъ села. Я ѣхалъ впереди, а остальные за мной по два въ рядъ. Все это были молодые люди,—только двоимъ изъ нихъ было болѣе 30 лѣтъ. Одинъ изъ повстанцевъ несъ хоругвь, которую вышила панна Роза

Залѣская; на этой хоругви по малиновому атласу былъ вышитъ серебромъ архангелъ Михаилъ съ поднятымъ мечемъ, попирающій ногами змія. Панна Роза вышивала эту хоругвь потихоньку отъ отца и братьевъ и отдала ее мнѣ въ подарокъ со словами:

— Помоги Боже!

Мы вышли изъ Гальчинца среди бѣла дня, перешли почтовый трактъ и на большой дорогѣ никого не встрѣтили, кромѣ еврейскаго фургона, что сочли за доброе предзнаменованіе, и сосѣда Сильвестра Хрухровскаго, который разнесъ по окрестностямъ вѣсть: „уже пошли!“

Это было 15 мая 1831 г., а сборъ былъ назначенъ на Кравинецкомъ хуторѣ 16 мая.

Помню, что я взялъ съ собою четырехъ борзыхъ. Перейдя почтовую дорогу, мы повернули направо въ Гвоздовскій лѣсъ и на опушкѣ его остановились въ кустахъ, съ цѣлью дождаться вечера; мой конь, очень дорогой, постоянно ржалъ и не было возможности заставить его замолчать; я велѣлъ его убить и это было очень кстати, потому что вскорѣ мы услышали топотъ лошадей и увидѣли сотню донцовъ, двигавшихся по дорогѣ изъ Реи въ Катериновку.

Съ наступленіемъ ночи мы тронулись въ путь, прошли мимо Сосновки, перешли Гнилопятъ, а потомъ прошли черезъ Пилипы, гдѣ жила панна Северина; мы видѣли огни въ домѣ, слышали звуки фортепіано; мнѣ очень хотѣлось заѣхать проститься, но обстоятельства побуждали спѣшить.

Мы дошли безъ всякихъ приключеній до назначеннаго пункта и застали тамъ только Карла Ружицкаго и Яна Омецинскаго съ нѣсколькими десятками всадниковъ; но вдругъ, точно по уговору, съ другой стороны хутора показался отрядъ—Мих. Грудзинскій велъ 25 улановъ и 15 козаковъ. Вскорѣ прибыли братья Будзинскіе съ Ант. Трипольскимъ изъ Тютюнника, а за ними и другіе. Когда мы сосчитали собравшихся, то у насъ оказалось только 220 чел. конницы, но за то отборной.

XI.

Сборъ повстанцевъ.—Сраженіе подъ Чудновомъ.—Походъ на Подолію и возвращеніе назадъ.—Графъ Ростворовскій изъ Миропо ія.—Сраженіе подъ Молочками.—Іосифъ Стецкій въ Межиричѣ Корецкомъ. — Сраженіе подъ Тычицей. — Мазурка въ Кошовѣ.—Походъ на Дубровицу.

Въ тотъ же день изъ повстанцевъ было сформировано 9 взводовъ. Эти 9 взводовъ составили три эскадрона. Аммуниція и вооруженіе были козацкія. Три взвода въ каждомъ эскадронѣ были вооружены пиками съ осиновыми древками, на которые были насажены зубцы, обитые желѣзомъ, саблями и пистолетами; сабли были только у унтеръ-офицеровъ—у 30 человѣкъ изъ моего отряда и у 25 изъ отряда Грудзинскаго; пистолетовъ было столько же; нѣкоторые взводы вооружены были карабинами, а такъ какъ карабиновъ было не болѣе 30, то недостающее количество было пополнено охотничьими двустволками и одностволками, которыхъ было достаточно, такъ что и нѣкоторые изъ вооруженныхъ пиками имѣли ружья; иные были вооружены вмѣсто сабель ятаганами, кинжалами и даже ножами. Одежда была разныхъ цвѣтовъ, но одинаковаго покроя, у всѣхъ были черныя барашковыя шапки; на трехъ человѣкъ полагался котелокъ. Лошади были породистыя, хорошо выѣзженныя и большею частью пріученныя на охотѣ къ выносливости и быстрому бѣгу; всадники также знали свое дѣло. Боевой строй былъ въ одну шеренгу; маневрировали согласно правиламъ польской кавалеріи.

Въ кассѣ было болѣе 150,000 рублей золотомъ и серебромъ, изъ которыхъ 50,000 было внесено нами, повстанцами, и князьями Радзивиллами изъ Бердичева, а 100,000 были даромъ бердичевскихъ евреевъ, доставившихъ еще котелки, немного оружія, 100 сѣделъ и 30 отборныхъ лошадей. Кромѣ того, они прислали 16 молодыхъ евреевъ для исполненія обязанностей шпіоновъ.

У всѣхъ офицеровъ было по нѣсколько вьючныхъ и верховыхъ лошадей; у меня ихъ было 7; нельзя было имѣть повозокъ; только одна повозка, запряженная тройкой, назначалась для кассы и аптеки. Медицинскій персоналъ былъ у насъ до-

вольно великъ: три цирюльника—еврея и еврей—аптекарь, всѣ изъ Бердичева; кромѣ того былъ докторъ медицины виленскаго университета Терлецкій, который впослѣдствіи сдѣлался уніатскимъ священникомъ. Былъ у насъ и капеланъ—ксендзъ-базиліанинъ изъ Любара, Коломыйскій, отличавшійся рыцарскими наклонностями.

Въ тотъ же день мы исполнили нѣсколько первоначальныхъ военныхъ упражненій и отрядъ усвоилъ себѣ начала военной выправки. Трубачей у насъ не было и вмѣсто крика ура! велѣно было кричать: „слава Богу!“ Ночью мы выставили патрули. Всѣ военныя эволюціи выполнялись очень успѣшно, чему способствовало то обстоятельство, что мы были всѣ охотниками.

Мы рѣшили уйти въ лѣса и тамъ, двигаясь маршами и контрмаршами по окраинамъ лѣсовъ, возбудить возстаніе пѣшихъ, руководителемъ котораго былъ назначенъ Тадеушъ Струмилло и очагъ котораго былъ на берегахъ Тетерева и горнаго Гнилопята до самой Случи, гдѣ были расположены Гуты, Рудни, лѣсопильные заводы, Тригоры съ монастыремъ инвалидовъ и ветерановъ базиліанскаго ордена, Новая Троя пани Дзяпынской; Новый Римъ сенатора Илинскаго и Чудновская Гута—главные пункты сбора и дальнѣйшихъ операцій. Базиліанскій монастырь въ Тригорахъ заключалъ въ себѣ польскія духовныя силы всей округи; тамъ было убѣжище всѣхъ базиліанъ юго-западнаго края, удрученныхъ старостью, болѣзнями и уже отбывшихъ положенные годы учительской дѣятельности; они жили здѣсь по-шляхетски: охотились, писали, читали, вели умныя бесѣды. Это были разумные и ученые поляки, находившіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ окрестными жителями, всецѣло преданные польскому дѣлу, но только съ козацкой окраской, да иначе и быть не могло въ орденѣ, пополнявшемся шляхтичами изъ юго-западной Руси.

Мы миновали Глубочекъ и около корчмы, на границѣ лѣсовъ Люцей и Буковъ, имѣній извѣстнаго Тышкевича, находившихся въ управленіи Тадеуша Струмиллы, насъ догналъ молодой Вагутовичъ, сынъ адвоката изъ Бердичева, который прозывался безносикомъ, такъ какъ у него отъ рожденія не было

носа; онъ былъ очень рѣчистъ, держался демократическихъ мнѣній, любилъ покричать, къ тому же отличался бездѣльничествомъ и большимъ честолюбіемъ. Мы знали его за сторонника будущей централизаціи и еще болѣе будущаго коммунизма (?). Онъ говорилъ, кричалъ о томъ, что никто ничего не дѣлаетъ, не умѣетъ дѣлать, но все это были только слова безъ всякаго содержанія. Корчма стояла на распутьи двухъ большихъ дорогъ: направо—на Тригоры и налѣво—на Новую Трою и далѣе на Житомиръ, до котораго было болѣе 40 верстъ плохой дороги черезъ лѣса, называвшейся *жидовскимъ шляхомъ*. Разъѣзды уже возвратились съ обѣихъ дорогъ, наши козаки были уже на коняхъ и построились по-взводно въ колонну, офицеры находились передъ фронтомъ, а Карлъ Ружицкій въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ въ сторонѣ, подъ развѣсистымъ дубомъ, разговаривалъ съ какимъ то шляхтичемъ, пріѣхавшимъ изъ окрестнаго села.

Вагутовичъ выѣхалъ впередъ и по-цицероновски сталъ держать рѣчь:

— Дворяне! за грибами что ли ведутъ васъ въ лѣсъ? Бабамъ только пристало собирать грибы, а вамъ, отважной молодежи, надо расковать цѣпи, сковывающія народъ, искупить саблей насилія, совершенныя вашими отцами, ихъ несправедливости, ихъ тиранства! Дубы и сосны, которые окружаютъ васъ,—не люди; люди плачутъ въ Житомирѣ, взываютъ къ вамъ, кричатъ вамъ: измѣнники, измѣнники! За мной, дворяне, на Житомиръ! на Житомиръ!

Онъ обнажилъ саблю, и почти всѣ офицеры, съ Севериномъ Пильховскимъ во главѣ, послѣдовали его примѣру, крича: „На Житомиръ на Житомиръ“! и поскакали за нимъ. Поскакалъ даже старый Дунинъ. Передъ фронтомъ осталось только трое: Мих. Грудзинскій, Янъ Омецинскій и я. Козаки стояли на мѣстѣ и пересмѣивались между собою, говоря:

— Ну и паничи!

Ружицкій вскочилъ съ мѣста, сѣлъ на коня, но недовольные уже возвращались одинъ за другимъ, пристыженные, какъ борзыя съ поджатыми хвостами. Вагутовичъ не возвратился, да и хорошо сдѣлалъ. Ружицкій не произнесъ ни одного слова

укоризны, но такъ посмотрѣлъ на нихъ, что они рады были бы отъ стыда провалиться сквозь землю.

Это происшествіе имѣло однако хорошія послѣдствія. Послѣ неудачной выходки стали стыдиться и размышлять о ней, и въ отрядѣ водворился порядокъ и слѣпое повиновеніе; поняли, что у нихъ недостаетъ ума для того, чтобы командовать, но есть достаточно доброй воли для того, чтобы повиноваться, а Ружицкій понялъ, что у него нѣтъ совѣтниковъ, и съ тѣхъ поръ поступалъ по собственному усмотрѣнію; въ этомъ и заключалась главная сила бердичевскаго возстанія.

Подъ самыми Люцями мы получили очень непріятное извѣстіе. Тадеушъ Струмилло, который принялъ командованіе надъ пѣшими повстанцами, не взвѣсилъ ни своихъ способностей, ни важности принятыхъ обязанностей. Когда онъ увидѣлъ массу предстоявшихъ трудовъ и еще болѣе опасностей, то, вмѣсто того, чтобы сознаться въ своей неспособности или трусости, (что нанесло бы ударъ только его самолюбію, а не дѣлу и дало бы возможность пособить горю), онъ постоянно доносилъ, что вошелъ въ сношенія съ базиліанами въ Тригорахъ и со всѣми жителями лѣсныхъ хуторовъ, что можно разсчитывать не на 2,000, а на 10,000 повстанцевъ. Когда-же онъ узналъ о моемъ выступленіи изъ Гальчинца, то вмѣсто того, чтобы отправиться въ Буки, гдѣ онъ жилъ и гдѣ былъ одинъ изъ сборныхъ пунктовъ повстанцевъ, уѣхалъ къ своему брату Игнатію, котораго не засталъ дома, а встрѣтилъ вмѣсто него исправника, пріѣхавшаго произвести обыскъ и арестовать Игнатія; тотчасъ же заявилъ исправнику, что онъ Тадеушъ Струмилло, братъ Игнатія, и готовъ ѣхать вмѣсто него; но исправникъ вовсе не захотѣлъ брать его подъ арестъ, говоря, что Петра не берутъ вмѣсто Павла, вслѣдствіе чего панъ Тадеушъ наговорилъ ему дерзостей, чтобы попасть подъ арестъ и быть отвезеннымъ въ Житомиръ. Когда переодѣтый крестьяниномъ базиліанинъ, привезшій намъ это извѣстіе, выѣзжалъ изъ Тригоръ, туда вступала уже сотня донскихъ козаковъ и полъ-баталіона пѣхоты, а другіе русскіе отряды были посланы въ Новую Трою, Романовъ и Чудновскую Гуту. Теперь не было уже и рѣчи ни о нашей пѣхотѣ, ни о

треугольникѣ для нашихъ операцій, образованномъ тремя крайними пунктами: Новый Римъ, Новая Троя и Тригоры.

Мы возвратились въ Дрыловъ, и туда пріѣхало къ намъ шестеро слугъ Камилла Піотровскаго, сообщившихъ, что ихъ паничъ и всѣ Піотровскіе, такъ же какъ Заблоцкіе и Францишекъ Янковскій, убѣжали изъ своихъ домовъ, Богъ знаетъ куда, но что крестьяне готовы къ возстанію и ждутъ насъ.

Какъ мы узнали впослѣдствіи, многіе изъ помѣщиковъ, при томъ молодыхъ, добровольно отдали себя въ руки властей, даже платили за то, чтобы ихъ арестовали, съ цѣлью избѣжать необходимости примкнуть къ возстанію. Эти господа, какъ и Тадеушъ Струмилло, котораго вскорѣ выпустили на свободу, объясняли свое поведеніе боязнью вызвать въ краѣ гайдамачество.

Мы прошли Дрыловъ на разсвѣтѣ. Наши шпіоны, евреи, донесли намъ о появленіи разъѣздовъ ахтырскаго гусарскаго полка въ окрестностяхъ Чуднова, а одинъ изъ нашихъ разъѣздовъ даже видѣлъ нѣсколько гусаровъ, разъѣзжавшихъ около чудновской дороги. Такъ какъ по свѣдѣніямъ шпіоновъ опушки лѣсовъ были заняты пѣхотой и отрядами гусаръ и донцовъ, то мы направились влѣво, въ степь и, свернувши съ дороги къ с. Бабушкамъ, расположились на отдыхъ въ долинѣ, которая скрывала насъ отъ взоровъ идущихъ и ѣдущихъ по большой торговой дорогѣ изъ Бердичева въ Чудновъ.

Ружицкій велѣлъ пустить пастись лошадей и накормить людей, а самъ разговаривалъ со шпіонами и съ бабушкинскимъ экономомъ, который ѣхалъ изъ Чуднова; никто изъ насъ не осмѣливался приблизиться къ нимъ, такъ какъ мы догадывались, что готовится нѣчто важное. Наконецъ, былъ позванъ Мих. Грудзинскій, и начальникъ (такъ мы звали Ружицкаго) сталъ съ нимъ о чемъ то говорить, указывая рукою по направленію къ Чуднову. Затѣмъ тремъ взводамъ 1-го эскадрона, моему, Яна Омецинскаго и Адольфа Пильховскаго, было приказано сѣсть на коней, и мы пошли прямо на чудновскую дорогу. Грудзинскій командовалъ нами. Станиславъ Дунинъ двинулся съ однимъ взводомъ влѣво на взгорье между Бабушками и Чудновомъ, Пржиборовскій, тоже съ однимъ взводомъ, къ

рощицамъ, которыми начинались чудновскіе лѣса, а Ружицкій шелъ со 2-мъ эскадрономъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ за нами по большой дорогѣ.

Мы шли колонной, по-взводно, форсированнымъ маршемъ, и едва взошли на пригорокъ, какъ увидѣли по ту сторону отрядъ гусаръ, которые разбѣжались вразсыпную и открыли длинную колонну пѣхоты. Грудзинскій тотчасъ скомандовалъ „рысью", потомъ „опустить пики" и „въ галопъ". Пѣхота была атакована такъ неожиданно, что командиръ ея не успѣлъ даже скомандовать; раздалось нѣсколько выстрѣловъ, но мы уже смяли пѣхоту. Русскіе бросили оружіе, но мы, какъ ураганъ, пронеслись вдоль всей колонны. Мы доскакали до Чуднова; гусары укрѣпили въѣздъ, поставивъ поперекъ его возы въ видѣ баррикады; но и это не помогло; мы преслѣдовали гусаръ въ самомъ Чудновѣ; 18 изъ нихъ пало, въ томъ числѣ одинъ офицеръ, 22 солдатъ и одного офицера мы взяли въ плѣнъ; только двое изъ этого отряда успѣли убѣжать. Пѣхота была взята въ плѣнъ вся. Это былъ батальонъ, на двѣ трети состоявшій изъ рекрутъ.

Послѣ этой побѣды мы возвратились къ Бабушкамъ, въ долину. Часть оружія и аммуниціи, которую не могли забрать съ собой, ми зарыли въ землю на мѣстѣ, указанномъ экономомъ, принявъ мѣры для сохраненія вещей отъ порчи. Лучшихъ лошадей взяли съ собою, а худшихъ выпустили въ поле. Плѣннымъ русскимъ было выдано по полтиннику на человѣка, и съ наступленіемъ ночи Тулинскій съ отрядомъ нашихъ казаковъ вывелъ ихъ на опушку лѣса и отпустилъ на всѣ четыре стороны; офицеры были доставлены въ Турчиновку, и эконому было поручено отвезти ихъ въ Житомиръ.

Этотъ сводный батальонъ былъ назначенъ въ бердичевскій гарнизонъ, такъ какъ 3-я гусарская дивизія вышла изъ города, оставивъ только запасные эскадроны и батарею артиллеріи, въ которой не было полнаго комплекта ни людей, ни лошадей. Кавалерія употреблялась для разъѣздовъ, такъ что въ городѣ оставалась только артиллерія. О нашей побѣдѣ туда принесли извѣстія двое бѣжавшихъ гусаровъ, предупреждая,

что съ часу на часъ надо ожидать нашего нападенія на Бердичевъ. Замѣшательство было полное. Евреи, хотя и знали очень хорошо, что мы идемъ не на Бердичевъ, скрывали это, и русскіе, несмотря на всѣ разспросы, не знали какъ стоитъ дѣло.

Въ нашемъ лагерѣ была величайшая радость и я, хотя предъ тѣмъ уже нѣсколько недѣль былъ боленъ, почувствовалъ себя совершенно здоровымъ.

Мы двинулись на Подолію безъ всякаго распоряженія со стороны высшаго начальства. Ружицкій, не отважившійся въ самомъ началѣ рѣшиться на какой нибудь смѣлый планъ, постыдно обманутый своими товарищами-помѣщиками (обманъ этотъ долженъ былъ вызвать въ будущемъ колебанія и неувѣренность въ его стратегическихъ операціяхъ), потерявъ моментъ, когда могъ воспользоваться и настроеніемъ народа, и неготовностью непріятеля, былъ вытѣсненъ изъ опорныхъ пунктовъ своихъ военныхъ дѣйствій и какъ бы ощупью искалъ выхода изъ своего положенія.

Мы пошли прямо на Хмельникъ, а потомъ повернули направо и, послѣ двухдневнаго похода, остановились въ Жеребкахъ, имѣніи ген. Корженевскаго, находившемся въ арендѣ у какой то пани Рогинской или Рогозинской, у которой было 4 взрослыхъ сына; двое изъ нихъ служили прежде офицерами въ русской арміи, а теперь были въ отставкѣ. Тамъ мы застали еще нѣсколькихъ молодыхъ людей, бывшихъ въ сраженіи подъ Дашевомъ, и отъ нихъ то мы и услышали въ первый разъ объ этомъ пораженіи и о сопровождавшихъ его обстоятельствахъ.

Генералъ Колыско прибылъ подъ Дашевъ во главѣ отряда изъ 3,000 отборной конницы, 4,000 пѣхоты и 4 орудій. Графъ Владиміръ Потоцкій, владѣлецъ Дашева, устроилъ великолѣпное пиршество по случаю прибытія генерала и повстанцевъ, бывшихъ подъ его командой. Въ самый день торжества было донесено о приближеніи генерала Ротта съ двумя уланскими полками—смоленскимъ и курляндскимъ—и 4 орудіями. Силы отряда ген. Ротта не превышали 1,500 человѣкъ. Вацлава Ржевускаго выслали съ эскадрономъ конныхъ козаковъ въ Левухи, въ 7 верстахъ отъ Дашева. Когда готовились сѣсть за столъ,

было получено извѣстіе, что Ржевускій вступилъ въ сраженіе съ авангардомъ Ротта. Еловицкіе и Липковскіе стали кричать: „Пусть сражается, пусть покажетъ себя!“ Черезъ нѣсколько часовъ было дано знать, что козаки Ржевускаго отступаютъ, а ген. Роттъ со всѣми силами спѣшитъ къ Дашеву. Снова закричали: „Пусть приходитъ, мы себя покажемъ!“ И не встали изъ-за стола. Вскорѣ прискакали Петръ Копчинскій и другіе съ извѣстіемъ, что Ржевускій погибъ, что видѣли, какъ онъ упалъ съ коня, что Скуратъ еще сражается, но не можетъ удержать непріятеля. Тогда отдали приказъ войску строиться, а сами остались допивать тосты. Только когда сообщили, что русскіе уже показались, командиры сѣли на лошадей, совершенно пьяные. Колыско и старый Еловицкій сѣли на дрожки и уѣхали. Побѣдзинскій, командовавшій эскадрономъ Корсака, ударилъ на русскихъ улановъ, прорвалъ ихъ ряды, доскакалъ до пушекъ и сталъ рубить канонировъ, но здѣсь погибъ съ большею частью своего храбраго эскадрона. Прочіе эскадроны не тронулись съ мѣста. Ихъ начальники не въ состояніи были произнести ни одного слова команды. Появился начальникъ штаба Орликовскій и скомандовалъ:

— Спасайся, кто куда можетъ и какъ можетъ!

Эскадроны бросились бѣжать вразсыпную; каждый бѣжалъ туда, куда несъ его конь и гналъ страхъ. Русскіе уланы, которые сражались, построясь въ одну шеренгу, взяли въ плѣнъ всю пѣхоту повстанцевъ со всѣми пушками и почти третью часть кавалеріи. Дрожки съ ген. Колыско и старикомъ Еловицкимъ, благодаря искусству кучера, благополучно добрались до лѣса.

Генералъ Роттъ не могъ и думать о преслѣдованіи повстанцевъ; его отрядъ былъ слишкомъ малочисленъ, къ тому же и люди, и лошади изнемогали отъ усталости. На другой день изъ семитысячнаго отряда повстанцевъ на лицо оказалось не болѣе 400 кавалеристовъ; но бѣглецы стали мало по малу собираться, и силы поляковъ увеличились присоединеніемъ Нагорничевскаго и Александра Гозынскаго съ 500 кавалеристами.

Что повстанцы были храбры—это они доказали подъ Ободнымъ и Тывровомъ; подъ Дашевомъ же командиры по-просту

пропили сраженіе и военную славу. На слѣдующій день уже распѣвали:

Pod Daszowem polaków moskal w ucho bije,
Kołysko ze starszizną miód i wino pije.
Kołysko ze starszizną hulaią w pałacu,
A moskali polaków morduią na placu.
Kołysko ze starszizną z Daszowa uciekli,
A moskali polaków okropne wysiekli[1]).

Эту пѣсню и много другихъ въ томъ же родѣ, сложенныхъ по тому же поводу, я слышалъ на Дунаѣ и въ Балканахъ отъ бердичевскаго мѣщанина Рачица, повстанца, бывшаго подъ Дашевомъ; а разсказъ о пораженіи я передалъ слово въ слово, какъ разсказывали повстанцы, которыхъ мы застали въ Жеребкахъ.

Сама хозяйка Жеребковъ и двѣ ея кузины были горячими патріотками, но всѣ четыре брата, рослые какъ дубы и такіе же крѣпкіе, указывая на примѣры подъ Боремлемъ и Дашевомъ, утверждали, что нельзя бороться съ русскими, а надо сидѣть тихо и ждать лучшей поры; можетъ быть, они были и правы, если говорили по убѣжденію. Они все повторяли, обнимая насъ: „Мы удивляемся вамъ, но сожалѣемъ васъ“.

Каждый изъ молодежи, бѣжавшей изъ подъ Дашева, на наше приглашеніе идти съ нами отвѣчалъ: „Нѣтъ, намъ достаточно и этого!“ Хозяева развезли этихъ молодыхъ людей къ окрестнымъ помѣщикамъ, чтобы укрыть ихъ до болѣе спокойнаго времени, а мы отправились въ походъ по направленію къ Пикову.

И командиры, и солдаты нашего отряда знали о пораженіи подъ Дашевомъ, видѣли отчаяніе и страхъ повстанцевъ, которыхъ мы встрѣтили въ Жеребкахъ, но все таки не теряли бодрости.

По дорогѣ мы встрѣтили Константина Бернатовича и Михаила Езерскаго, которые подтвердили намъ все, что говорилось

---

[1]) Т. е. „Подъ Дашевомъ русскій бьетъ поляковъ въ ухо, а Колыско со старшиной пьютъ медъ и вино. Колыско со старшиной пируютъ въ палацѣ, а на площади русскіе убиваютъ поляковъ. Колыско со старшиной убѣжали изъ Дашева, а русскіе поляковъ въ конецъ изрубили.

о сраженіи подъ Дашевомъ, но Бернатовичъ увѣрялъ насъ, что повстанцы съ Украины и Подолья собираются снова, что Нагорничевскій и Александръ Голынскій присоединились къ повстанцамъ и что въ войскѣ повстанцевъ въ настоящее время считается около 2,000 кавалеристовъ, что это войско направляется въ Каменцу-Подольскому, гдѣ возстаніе вспыхнуло во многихъ мѣстахъ и гдѣ ожидаютъ ген. Дверницкаго, который послѣ переговоровъ съ кн. Меттернихомъ навѣрное перейдетъ границу подъ Гусятиномъ, что эти переговоры будутъ имѣть успѣхъ, такъ какъ эрцгерцогъ Карлъ получитъ разрѣшеніе прибыть въ Варшаву для того, чтобы вступить на польскій престолъ. Въ это время къ намъ пріѣхалъ нѣмецъ Гаршмингель, у котораго я купилъ лошадь, и этотъ нѣмецъ сообщилъ намъ, что Дверницкаго не выпустятъ изъ Австріи, что есть распоряженіе отвезть его въ Штейермаркъ, что никакой эрцгерцогъ не поѣдетъ въ Варшаву, чтобы вступить на польскій престолъ, что дѣйствительно кн. Адамъ Чарторыйскій, вслѣдствіе настояній Станислава Малаховскаго и Владислава Замойскаго, обратился къ австрійскому императору съ просьбой о назначеніи одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ въ польскіе короли, но что это письмо Чарторыйскаго кн. Меттернихъ отослалъ съ полковникомъ Фахомъ въ Петербургъ. Гаршмингель утверждалъ, что онъ знаетъ обо всемъ этомъ навѣрное, такъ какъ видѣлъ самого Фаха, который останавливался у него и разсказалъ ему все это.

Эти разсказы произвели сильное впечатлѣніе на меня и на Яна Омецинскаго, который также слышалъ ихъ. Мы сообщили о нихъ Ружицкому, и тотъ тоже серьезно задумался.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Памятники козацкой старины въ музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. Небольшой музей Одесскаго Общества, помѣщающійся въ красивомъ зданіи на Биржевой площади, наполненъ главнымъ образомъ классическими древностями, собственно греческими, изъ мѣстныхъ древнихъ колоній. Среди нихъ, вмѣстѣ съ небольшими собраніями другого рода древностей, каковы напр. византійскія, египетскія, доисторическія, (послѣднія, къ слову сказать, не пользуются вниманіемъ Общества, т. к. немногочисленная коллекція ихъ, заключающая въ себѣ очень цѣнные экземпляры, находится въ полномъ безпорядкѣ), нашли себѣ мѣсто и памятники козацкой старины, такъ или иначе относящіеся къ югу Россіи. Сосредоточены они главнымъ образомъ въ первой комнатѣ. Здѣсь находится икона, изображающая Спасителя, съ вдохновеннымъ приподнятымъ вверхъ лицомъ. Икона эта довольно большихъ размѣровъ, квадратная, хорошаго письма; она изъ сѣчевой Покровской церкви, бывшей въ селѣ Покровскомъ екатеринославской губ. (по Указателю изд. 1890 г. I, № 1). Другая икона изъ Покровской церкви находится въ залѣ нижняго этажа; она изображаетъ Спасителя съ предстоящими Богоматерью и Іоанномъ Предтечею (по Указат. V, № 1). Изъ той же церкви и икона св. Николая, писанная въ 1764 г. «коштомъ козаковъ пашкѣевскаго куреня Карпа и Петра Сторчовусъ», въ третьей комнатѣ нижняго этажа (по Указат. VI, № 1). Въ полукруглой залѣ верхняго этажа помѣщена копія извѣстной иконы, изображающей Покровъ Пресвятой Богородицы надъ молящейся запорожской старшиной, изъ той-же Покровской церкви.

Въ этой же залѣ находятся три небольшія иконы изъ запорожской церкви въ селѣ Каплуновкѣ екатеринославск. у. Одна—Пресвятой Богородицы Одигитріи, другая—святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, третья—св. равноапостольнаго князя Владиміра. Иконы въ старинныхъ рѣзныхъ рамахъ (по Указат. II №№ 2, 3 и 4).

Изъ портретовъ выдѣляются два—Якова и Ивана Шіяновъ. Ими былъ въ 1782 г. построенъ иконостасъ въ Покровской церкви м. Никополя (бывшаго запорожскаго поселенія, носившаго разныя названія: Микитино, Микитинъ рогъ, Микитинъ перевозъ). Устроенный ими иконостасъ былъ перенесенъ въ построенную въ 1796 г. новую церковь. Вообще оба брата много способствовали украшенію Никопольской церкви, въ которой состояли ктиторами. На портретѣ Яковъ Шіянъ представленъ во весь ростъ, бодрымъ старикомъ, съ умнымъ и строгимъ выраженіемъ глазъ; голова у него совсѣмъ лысая; онъ при саблѣ, лѣвая рука взята въ бокъ, правая лежитъ на шапкѣ, надѣтой на палку. Иванъ Шіянъ моложе брата, голова бритая, съ оселедцемъ, снятъ онъ въ такой же молодцоватой позѣ. На портретахъ надписи: «Сей портретъ снятъ сктитора Якова Шыяня и поставленъ здѣсь при томъ мѣстѣ, гдѣ труда его всему обществу наіконостасѣ видни 1784 года Генваря 9 дня»; на другомъ портретѣ такая же надпись, только вмѣсто «Якова», стоитъ «Ивана». Портреты эти стояли прежде по бокамъ устроеннаго Шіянами иконостаса (по Указат. I, № 12 а и б). Кромѣ этихъ большихъ портретовъ, есть еще одинъ гораздо меньшихъ размѣровъ—потемнѣвшій портретъ запорожскаго войска полковника Афанасія Федоровича Колпака, основателя селенія Колпаковки на Кинбурнской косѣ, таврич. губ. Портретъ погрудный, выраженіе лица у Колпака усталое, равнодушное, въ правой рукѣ палка, на груди на лентѣ медаль, вѣроято полученная за войну съ турками, въ которой онъ участвовалъ (по Указат. I, № 14). Къ портретамъ же по указателю отнесена, скорѣе картина, изображающая запорожца курящаго люльку.

Картина очень не велика и скомпанована весьма оригинально: все почти полотно занимаетъ выразительная голова, лицо какъ бы передернуто гримасой, тутъ же помѣщена рука съ люлькой. По указателю, это портретъ Максима Желѣзняка 1786 г., что конечно подлежитъ большому сомнѣнію, которое отчасти раздѣляетъ и самъ составитель указателя, поставивши вслѣдъ за такимъ опредѣленіемъ вопросительный знакъ. Картина эта привезена изъ Херсона (по Указат. I, № 25).

Есть также въ музеѣ цѣлая серія (5) современныхъ портретовъ малороссійскихъ гетмановъ (по Указат. II, №№ 56—60).

Изъ трехъ картинъ, изображающихъ «Мамаевъ» или «Гайдамаковъ», заслуживаетъ вниманія старинная, бо́льшая по размѣрамъ. На этой картинѣ подъ изображеніемъ Гайдамака, сидящаго по турецки, въ шубѣ, съ бандурой и окруженнаго обычными на такихъ картинахъ аксесуарами, каковы дубъ, лошадь, запорожскій гербъ, оружіе и т. д., помѣщены длинныя вирши; начало ихъ слѣдующее:

Хочь дивись на мене, та-ба невгадаешъ:
Вѣдкель родомъ, какъ зовуть, ни чичиркъ не скажешъ:
Коли трапилось кому у степахъ буваты,
То той можетъ прозвище мое вгадати...
(по Указат. I, № 15).

Двѣ другія картины такого же содержанія меньше по формату и гораздо новѣе, по крайней мѣрѣ одна изъ нихъ (по Указат. I, № 17).

Иконы, портреты и картины висятъ довольно высоко, вслѣдствіе чего неудобно было опредѣлить точные ихъ размѣры.

Изъ козацкаго оружія, находящагося въ Музеѣ, отмѣтимъ прежде всего три кованныя желѣзныя пушки, двѣ узкія, въ 1 ар. 4 вер. и 1 ар. 2 в. длиной; найдены—первая на островѣ Хортицѣ екатериносл. губ., другая—около Херсона; третья пушка почти въ два раза шире первыхъ, 1 арш. и 4 вер. длиной, съ правиломъ, найдена около мѣстечка Никополя. Пушки перетянуты чистыми желѣзными обручами, заряжались съ казенной части (по Указат. I, № 46). Изъ мелкаго оружія есть карабинъ, четыре пики, сабля, типичный пороховой рожокъ, сдѣланный изъ рога, келепъ, ружейный замокъ, стремя, удила, клинокъ, косарь и большая баклага изъ тисненой кожи. Всѣ эти предметы найдены въ курганахъ екатеринославской и херсонской губерній (по Указат. I, № 31). Очень изящна по работѣ серебряная лядунка Іереміи Родзянки (1773 г.); она вся отдѣлана чернью, сверху положены прорѣзныя позолоченныя пластинки, также орнаментированныя, съ гербомъ Родзянокъ посрединѣ (по Указат. I, № 37).

Изъ бытовыхъ предметовъ запорожскихъ козаковъ хранятся въ музеѣ двѣ серебряныя чарки и деревянная тарелка (по Указат. II, № 64).

Въ небольшомъ дворикѣ при музеѣ, сплошь уставленномъ каменными бабами, надгробными восточными памятниками и другими каменными фрагментами, находится очень оригинальное надгробіе съ изображеніемъ козаковъ. Это небольшая плита $13^1/_2$ вер. вышины и

10 вер. ширины. Невысокимъ рельефомъ высѣчены двѣ фигуры козаковъ; они въ жупанахъ, во весь ростъ. Лѣвый направляетъ копье съ развѣвающимся значкомъ противъ праваго, который, какъ бы обороняясь, взялся за саблю. Памятникъ найденъ въ курганѣ въ 125 верстахъ отъ г. Херсона (по Указат. VII, № 18).

Какъ ни незначительно собраніе козацкой старины въ одесскомъ музеѣ, но оно на своемъ мѣстѣ, открыто для обозрѣнія всѣмъ и каждому и такимъ образомъ выполняетъ цѣль, для которой сохраняются и собираются различные остатки прошлаго. Вообще, послѣ осмотра музея остается хорошее впечатлѣніе, и тутъ невольно является сравненіе совсѣмъ юной Одессы съ нашимъ древнимъ Кіевомъ, сравненіе не въ пользу послѣдняго: въ Одессѣ музей былъ открытъ городомъ еще въ 1820 г, а Кіевъ, вѣроятно давно отпраздновавшій свое тысячелѣтіе, не только не имѣетъ, но еще серьезно и не помышляетъ объ историческомъ музеѣ.

Н. Б.

Свѣдѣнія о задунайскихъ запорожцахъ въ 1826 году.

Въ Кіевск. Старинѣ 1883 г. была напечатана статья г. Кондратовича—«Задунайская Сѣчь», въ которой приведены любопытныя свѣдѣнія о состояніи задунайскихъ запорожцевъ въ первой половинѣ настоящаго вѣка, основанныя преимущественно на изустныхъ разсказахъ древняго старика Коломійца. Недавно мы пріобрѣли книжку съ такимъ заглавіемъ: ***Нѣкоторыя свѣдѣнія о правомъ берегѣ Дуная, собранныя въ 1826 г. Спб. Въ тип. генер. штаба. 1827. 16⁰ 63 стр. Съ план. крѣпости Тульчи.*** Книжка эта ни въ какихъ каталогахъ не значится и по отсутствію въ ней цензурнаго разрѣшенія, можно думать, что она заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, собранныя офицерами генеральнаго штаба наканунѣ турецкой войны 1827—28 г.г. и напечатанныя по распоряженію военнаго начальства. Въ этой книжкѣ помѣщены, между прочимъ, и приводимыя здѣсь свѣдѣнія о задунайскихъ запорожцахъ, во многомъ дополняющія статью г. Кондратовича.

Перепечатка дѣлается съ сохраненіемъ какъ правописанія, такъ и курсивовъ подлинника. **А. Л.**

«*Большія Дунавцы,* Запорожская Сѣча, отъ *Тульчи* въ лѣво, около 50 верстъ при рѣчкѣ *Дунавцѣ. Большія Дунавцы* издавна обитаемы были *некрасовцами* и включали въ себѣ до 10 тыс. душъ. Онѣ служили до начала послѣдней войны средоточіемъ или сборнымъ мѣ-

стомъ всѣмъ *Некрасовцамъ*, живущимъ въ окрѣстныхъ и отдаленныхъ мѣстахъ.

Запорожцы же тогда жили къ Дунаю. Они имѣли сѣчу свою на рѣкѣ сей, въ мѣстечкѣ *Семенахъ*, около 50 верстъ выше Гирсова и нѣсколько ниже *сухаго Дуная*; откуда въ 1805 году за разбой *на Дунаѣ* (Гайдамачество) Фирманомъ переведены къ берегамъ *Чернаго моря*, въ сосѣдство къ *Некрасовцамъ*. Имъ отведены были земли; тамъ построили они мѣстечко, назвали его *Едрелесомъ*, (отъ имени пролива) и учредили въ ономъ свою *сѣчу*; но возникшія междоусобія въ *Турецкой Имперіи* не долго оставили ихъ въ новыхъ жилищахъ. *Пегливанъ*, склонившій къ себѣ *Некрасовцевъ*, послалъ ихъ на *Запорожцевъ*, зависящихъ отъ *Браиловскаго Назыря*.

Напавъ на *Едрелесъ* и разсѣянныя жилища *Запорожцевъ*, *Некрасовцы* истребили и сожгли до основанія ихъ *сѣчу*, многихъ изрубили, остальныхъ разсѣяли; нѣкоторые успѣли спастись въ *Браиловъ*, другіе продолжали скитаться по деревнямъ и по войскамъ до *Букарестскаго мира;* тогда возвратясь въ отведенныя имъ для жилищъ мѣста, и не найдя тутъ *Некрасовцевъ*, отошедшихъ большею частію къ *Марморному морю*, построили и учредили свою сѣчу, на томъ мѣстѣ, гдѣ были *Некрасовскіе большіе Дунавцы*, сохранивъ прежнее наименованіе мѣстечка, и поселились въ окрестностяхъ.

Въ *б. Дунавцахъ*, обнесенныхъ не высокимъ валомъ и сухимъ рвомъ, нынѣ находится церковь, одна изъ плетня здѣланная паланка кошевого начальника сѣчи и не болѣе 40 домовъ (куреней), въ коихъ живутъ 40 атамановъ. Приписанныхъ къ симъ 40 куренямъ, щитаютъ до 40 т. душъ; всѣ имѣютъ тамъ свое управленіе.

Кошевой избирается *атаманами* безсрочно; они всѣ какъ и самъ кошевой холосты (бурлаки), и жить въ сѣчѣ никакой женщинѣ не дозволено; кто же вступаетъ въ бракъ, тотъ часъ переселяется въ въ селеніѣ. *Кошевой* отъ *Султана* имѣетъ *Топузъ и два Байрака* и пользуется властію равною съ трехъ—бунчужнымъ Пашею, завися отъ одного только *Сераскира въ Силистріи*.

Запорожцы не платятъ ни какой подати. *Порта* отводитъ имъ земли подъ селенія, даетъ на каждый курень по 300 левовъ (170 рублей) и по 2000 окъ (6000 фунтовъ) муки, называемой *сборочной*. Предъ симъ *порта* давала только по 200 левовъ и 1400 окъ муки; но сего года кошевой ѣздилъ въ Константинополь, гдѣ исходатайствовалъ вышеупомянутую прибавку. За это во время войны они должны выставлять требуемое число войскъ. Когда получается тако-

вой *Фирманъ*, то по наказу, збираются всѣ изъ селеній въ *Б. Дунавцы* для выбора означеннаго числа на службу. На собраніяхъ сихъ и на выборѣ въ *кошевые* имѣютъ голосъ только одни казаки, то есть: не женатые. Тяжебныя дѣла рѣшаются по деревнямъ сходкою, недовольный жалуется *кошевому*, рѣшеніе коего есть уже свято,—равномѣрно онъ имѣетъ власть по произволу казнить—за воровство и смертоубійство.

Некрасовцы, нанесшіе жестокой ударъ, истребленіемъ множества коренныхъ *запорожцевъ*, понудили *сѣчу* для пріумноженія общества своего испросить права приписывать въ оное желающихъ. Нынѣ находится въономъ множество нашихъ бѣглыхъ солдатъ [1]) и крестьянъ. Прежде многіе *Турки* и *Молдовсне* избѣгая смертной казни являлись къ нимъ и—впервые принявъ Христіанское исповѣданіе, оставались спокойными; ибо *Порта* по даннымъ имъ прежде правамъ, не имѣла власти требовать скрывшихся; но съ не давнаго времени *Тульчинской* паша *Юносъ* получивъ званіе *Казакъ-Баши*,—разспространяетъ вліяніе свое нѣкоторымъ и на запорожцевъ, живущихъ вблизи его Пашалика; а потому приписанныхъ *Турокъ* и *Молдаванъ* отбираетъ; но и сіе право не касается какъ только до женатыхъ; холостые же остаются не прикосновенными и правленіе *Турецкое* отнюдь не распространяетъ власть свою надъ сею сволочью не признающей никакой другой, кромѣ *Дунавцевъ*.

Управленіе запорожцевъ состоитъ: изъ одного *Есаула*, одного *писаря* и одного *Драгомана*, коихъ *сѣча* содержитъ на свой щетъ. По обычаямъ *Кошевой* еслибъ и зналъ Турецкой языкъ, то подъ смертною казнію не можетъ объясняться на ономъ съ кѣмъ либо присланнымъ отъ *Порты* или *Сераскира* или какого либо сосѣдственного *Паши*; но все черезъ *Драгомана* на *природномъ Малороссійскомъ языкѣ*.

Атаманы выдавали билеты за своею подписью тѣмъ изъ *Запорожцевъ*, кои переѣзжали на время къ намъ по коммерческимъ или другимъ дѣламъ. Билеты сіи предъявлялись и прописывались въ нашихъ присудственныхъ мѣстахъ. Я много изъ оныхъ имѣлъ случай видѣть.

Большая часть сей сволочи, подъ названіемъ *Запорожцевъ*, промышляетъ рыбною ловлею и живетъ на проливъ (ѣрикахъ) въ *Чер-*

---

[1]) Солдаты однако преимущественнѣе принимаютъ магометанскую вѣру въ *Тульчѣ* и *Шакчѣ*.

ное море, *Едрелесь-Бугазъ* и *Парчица-Бугазъ*.—Рыбу продаютъ въ *Галацахъ* и по берегу *Чернаго моря* до *Ахіолы*. Многіе гнѣздятся по островамъ между *Сунійскимъ* и *Килійскимъ Дунаемъ*, а наиболѣе на островѣ *Гассанъ-Баба*, не далеко отъ *Вылкова* въ весьма большомъ количествѣ, гдѣ есть и корчмы, тамъ живетъ одинъ и Турокъ назначенный для сбора десятины.

Збродъ сей прежде для насъ былъ весьма опасенъ. Имѣя родвенниковъ и друзей въ *Вылковѣ*, *Киліи*, *Тучковѣ*, *Ренни* и въ селеніяхъ близъ берега лежащихъ,—онъ не разъ въ ночное время выходилъ на нашъ берегъ, производилъ ужасныя смертоубійства и разбои среди згородовъ, покражи, сманивалъ и перевозилъ по условленнымъ знакамъ нашихъ солдатъ и людей, обкрадывавшихъ своихъ господъ, подвергая безпрестанно край сей опасенію чумы;—но по принятіи мѣръ болѣе дѣйствительныхъ къ отвращенію сего, съ 1823 года почти не слышно подобныхъ приключеній; но неменѣе того сосѣдство онаго останется всегда опаснымъ для границъ нашихъ.

Другіе *Запорожцы* ходятъ и живутъ по деревнямъ, занимаясь разными мастерствами до востребованій ихъ *наказомъ* на собраніе,—есть и цѣлыя селенія оныхъ: 1-е *Раи* около 150 дворовъ между *Дунавцами* и *Бабадагомъ*; 2-е *Озаклія*, до 60 дворовъ противъ *Галацъ* черезъ *Дунай*; 3-е *Саранасувъ*, до 70 дворовъ между *Дунавцами* и *Бабадагомъ*; 4-е *Караерманъ*, на островѣ между *Сунійскимъ* и *Георгіевскими* гирлами—около 50 дворовъ—богатая деревня; 5-е *Чукурова*, около 20 дворовъ въ *Бабадагскомъ лѣсу*; 6-е *Иглица*, выше *Мачина*, ниже *Даянъ* на *Дунаѣ*, около 50 дворовъ перемѣшанныхъ съ *Некрасовцами*.

Есть многіе весьма богатые *Запорожцы* наиболѣе въ селеніяхъ и вышеупомянутыхъ проливахъ. Корчма въ *Дунавцахъ*, ходитъ ежегодно около 40 тыс. левовъ (22 тысячи рублей) на откупу въ пользу *сѣчи*.

Запорожцы почти всѣ вооружены, но когда идутъ на войну, то получаютъ оружіе отъ *Порты*, которая по окончаніи отбираетъ; они жестоки и кровожадны, на войну ходятъ пѣшіе. *Кошевымъ* нынѣ у нихъ *Василій Головатый*, старшій *Запорожецъ*, избранный въ сіе достоинство около шести мѣсяцевъ тому назадъ, на мѣсто бывшаго предъ симъ бѣглаго *Литвина*, извѣстнаго между ними подъ именемъ *Литвина Ивановскаго куреня*.

Въ *малыхъ Дунавцахъ*, вблизи большихъ лежащихъ, жителей нынѣ нѣтъ, и *Запорожцы* не долго занимали оные послѣ *Некрасовцевъ*.

Во время возмущенія *грековъ* двѣ тысячи *Запорожцевъ*, подъ предводительствомъ ихъ *Кошеваго Никифора Бѣлуги*, стараго *Малороссіянина*, ходили въ *Валахію* и возвратились изъ *Букареста* съ большою добычею—привезли много дорогихъ иконъ для своей церкви и большой колоколъ.

Около полутора года тому назадъ, 700 *Запорожцевъ* взяты были противъ *Грековъ*. Они пошли подъ предводительствомъ ихъ *Кошевого Мороза*, который въ послѣдствіи былъ Архимандритомъ и погибъ въ сей войнѣ. Въ Февралѣ сего года посланы еще 270 человѣкъ и вскорѣ еще 150 человѣкъ; а нынѣ требуется *Фирманомъ* 500 человѣкъ. Обстоятельство сіе привело въ волненіе всѣхъ; многіе разбѣжались, нѣсколько уже начали являться къ намъ въ карантинъ,—сѣча для сбора сего просила отсрочки на 15 дней; но имъ дано только 8 дней для отправленія сего числа. (Стр. 32—39).

Къ исторіи церквей г. Остра. Въ одной южнорусской старопечатной книгѣ [1]) встрѣтили мы приводимую здѣсь надпись, изъ которой видно, что ок. 1678 г., въ г. Острѣ (черниговъ. губ.) была построена кіевскимъ полковникомъ Константиномъ Солониною церковь Воскренія Христова. Свѣдѣніе это тѣмъ интереснѣе, что нынѣ не только этой церкви уже нѣтъ, но и память о ней забыта: въ книгѣ преосв. Филарета (Описаніе черниговской епархіи) Воскресенская церковь въ Острѣ вовсе не упоминается. Какъ безслѣдно поисчезали у насъ даже такіе памятники, какъ городскія церкви, построенныя только въ к. XVII в?...

.... «то есть учительное Єѵ҃гліе, з власти и праци своеѣ купивши благочестивый христолюбивый и славою рицерскою квитнуючийся его мл. пнъ Константинъ Дмитриевичъ Солонина, полковникъ войска его царского прествѣтлого величества запорожского киевский въ храмъ надалъ до Воскресения Христова в Острѣ, на новомъ мѣсте стоячой церкви, его коштомъ и щирымъ старанемъ урунованой (sic) [2]) згорливости своеѣ надаючы, такъ хотячи мѣть, абы тая книга

---

[1]) Евангеліе учительное архіеписк. Калликста, Евю, 1616. Въ началѣ книги недостаетъ нѣсколькихъ листовъ, почему и въ надписи недостаетъ первыхъ словъ. (Надпись сдѣлана по листамъ).

[2]) Уфундованной?

с того храма, то есть Воскресенія Христова, никимъ оддалена не была под проклятіемъ светихъ отецъ. Офѣрована сія книга и вручена в храмъ звишъ менованный року 1678, мца марта 14 дня».

А. Л.

«Письмо»—Апокрифъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, въ с. Молодецкомъ, кіевской губ. уманскаго уѣзда, одна странница, повидимому великорусскаго происхожденія, усердно распространяла между народомъ апокрифическую «Епистолію и сказаніе о недѣлѣ». Въ заглавіи эпистолія переведена словомъ—«Письмо». На вопросъ мѣстнаго священника, откуда странница взяла «Письмо», она отвѣтила, что мужъ ея, живущій въ Одессѣ, переписалъ «Письмо» и далъ ей. Это «Письмо», во многихъ мѣстностяхъ подольской губ., какъ сообщаетъ И. Ф. Бѣньковскій, крестьянки во время беременности носятъ при себѣ, въ силу обѣщанія, выраженнаго въ «Письмѣ»: *«которая невѣста* (польск. niewiasta, жена) *беременна имѣла сіе письмо при себѣ, будетъ имѣть дитя счастливое»*.

Приводимый мною ниже апокрифъ уже разобранъ Н. Ѳ. Сумцовымъ въ его «Очеркахъ исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ подъ заглавіемъ: «Листъ небесный, или эпистолія о недѣлѣ». (стр. 116—121).

Насколько можно видѣть изъ «Очерковъ» Н. Ѳ. Сумцова апокрифическое «Письмо» не примыкаетъ къ великорусскимъ редакціямъ названнаго апокрифа, изданнымъ гг. Пыпинымъ, Тихонравовымъ, а также Кушелевымъ-Безбородко («Памятники старинной русской литературы»; вып. III, 150—153). Оно скорѣе примыкаетъ къ южнорусскимъ и польскимъ редакціямъ, что видно изъ завѣщанія посвящать субботу Божіей Матери, изъ обѣщанія отпущенія грѣховъ, въ католическомъ смыслѣ, и изъ названія женщины по-польски *невѣстой*. «Письмо» написано безграмотно и почти безъ пунктуаціи; такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о содержаніи, то я передаю апокрифъ въ исправленномъ видѣ. Вотъ текстъ его:

„*Письмо*".

«Сіе письмо найдено въ землѣ Британской со словъ Господа Іисуса на горѣ Таборѣ подъ образомъ святаго Михаила; кто его хотѣлъ прочитать или списать, то само ему раскрывалось, и было написано золотыми литерами.

Я Іисусъ, сынъ Бога живаго приказываю Вамъ силою Божества моего, чтобы вы день воскресный почитали отъ меня (sic): ибо я вамъ далъ шесть дней рабочихъ, а седьмый себѣ оставилъ и посвятилъ его вамъ, чтобы молились за благо, вамъ удѣленное, благодареніе Господа Бога, и награждали бы убогихъ, чему имѣйте вѣровать.

Я Іисусъ Христосъ, сынъ Бога живаго, сіе письмо своею рукою писалъ, чтобы вы на семъ свѣтѣ хорошо себя вели, чего если исполнять не будете, что вамъ приказываю, то буду васъ наказывать гладомъ, повѣтріемъ, огнемъ, мечемъ и водою, а если не покоритесь и который человѣкъ остался въ адской волѣ, то и несчастной душѣ будетъ адское наказаніе. Возбужу противъ васъ царей противъ царей, бояръ и другихъ и будетъ кровопролитіе животъ свой (sic), и чтобы вы познали справедливость мою, буду васъ наказывать жашомъ (!) (ужасомъ), молніемъ, градомъ за грѣхи ваши, бы вы остерегались, ибо если вы приказанія моего исполнять не будете, то отвращу лицо мое, напущу на васъ черныя птицы, летающія по воздуху, съ которыми распространится повѣтріе-нагло получите.

Я Іисусъ Христосъ, сынъ Бога живаго, приказываю вамъ, чтобы вы всюду субботу отъ вечерни не работали для умоленія Матери Моей, которая если бы не молила бы въ день праздничный....(пропускъ) какъ старые, такъ и малые собрали бы мимо идущаго.... грѣхи свои припоминали, въ чемъ прогнѣвали величіе мое и меня самого. Не присягайте напрасно на имя мое, на кровь мою, на члены мои, которыми я васъ искупилъ и сотворилъ по образу моему. Одинъ другаго не убивайте и не послушествуйте свидѣтельства ложнаго; отца и матерь чтите, ближняго любите, священно-служителей своихъ почитайте, убогихъ не выгоняйте, богатства не собирайте, и дамъ вамъ въ царствіи моемъ пребываніе.

Я Іисусъ Христосъ, сынъ Бога живаго, приказываю вамъ силою божества моего, чтобы вы сіе письмо, которое я своею рукою писалъ, уваженіе имѣли, и который человѣкъ сіе письмо будетъ имѣть при себѣ и давать его на прочитаніе или переписывать такое, хотя имѣлъ бы столь много грѣховъ, какъ въ морѣ песку, на небѣ звѣздъ, на древѣ листовъ, всѣ ему будутъ прощены; а кто сіе письмо будетъ имѣть и не давать его читать или переписывать, тотъ проклятъ погибнетъ, въ вѣчномъ огнѣ горѣть будетъ. Наконецъ приказываю вамъ подъ вѣчнымъ наказаніемъ моимъ,—который человѣкъ сему вѣрить не будетъ, тотъ насильно помретъ, на вѣчно мученіе

сойдетъ. А кто сіе письмо будетъ имѣть въ уваженіи, почтеніи своемъ, тотъ прославленъ будетъ люди, безъ исповѣди и причастія моего не умретъ и въ царствіе небесное внидутъ. Сіе письмо такой силы, кто его будетъ читать или слушать, (будетъ) имѣть сто дней отпущеніе грѣховъ, ни одинъ непріятель ему вредить не можетъ; которая невѣста беременна имѣла сіе письмо при себѣ, будетъ имѣть дитя счастливое, отъ Бога на семъ.... великую милость какъ душевную, такъ и тѣлесную получитъ, и кто сіе письмо будетъ имѣть при себѣ, вѣчное счастіе получитъ навѣки. Аминь».

Сообщилъ **Хр. Ящуржинскій.**

Великорусскіе чиновники въ Кіевѣ въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія. Со времени раздѣленія Россіи на губерніи кіевскіе воеводы переименованы были въ губернаторовъ, а состоявшая при нихъ приказная палата—въ губернскую канцелярію. Сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣнилась; губернаторы были, по прежнему, начальниками великорусскихъ войскъ, расположенныхъ въ малороссійскихъ крѣпостяхъ, а губернская канцелярія была органомъ этого, чисто военнаго, управленія. Составъ служащихъ въ канцеляріи былъ великорусскій; это были тѣ же дьяки и подъячіе, какіе служили въ приказной палатѣ. Положеніе приказныхъ въ XVIII в. было, вообще, нелегкое. Содержаніе они получали ничтожное—въ царствованіе Петра В. рядовые солдаты получали отъ 10 до 12 р. въ годъ, а подъячіе, по удвоенному въ 1719 г. штату, отъ 15 до 60 р.; но и эту незначительную сумму выдавали имъ неаккуратно и не всегда полностью—такъ въ 1723 г. по случаю неурожая у всѣхъ служащихъ вычитали $^1/_4$ содержанія. Подспорьемъ служили «безгрѣшные доходы», узаконенные, въ извѣстномъ размѣрѣ, самимъ правительствомъ: въ 1714 г. подъячимъ предоставлено было взимать по каждому дѣлу съ правого 3%, съ виноватаго 10% съ суммы иска, да по деньгѣ съ каждой четверти спорной земли [1]). Положеніе служащихъ въ кіевской губернской канцеляріи было еще тяжеле: никакихъ доходовъ, кромѣ жалованія, они не имѣли, такъ какъ судебныя дѣла не входили въ компетенцію кіевскаго губернатора; въ Кіевѣ они были люди пришлые, не имѣвшіе никакихъ связей съ кореннымъ населеніемъ и не

---

[1]) См. Лешковъ. Раздѣленіе Россіи на губерніи по указамъ Петра В. и Екатерины II. Р. В. 1863 № 22.

встрѣчавшіе со стороны послѣдняго особаго сочувствія. Все это должно было ставить ихъ тогда въ очень тяжелое положеніе.

Довольно яркую картину матеріальныхъ невзгодъ служащихъ въ кіевской губернской канцеляріи «и у прочихъ дѣлъ» даетъ прилагаемое доношеніе кіевскаго генералъ-губернатора кн. И. Ю. Трубецкого [1]) въ сенатъ, найденное нами въ связкѣ старыхъ документовъ кіевскаго центральнаго архива. Документъ этотъ, относящійся къ 1727, представляетъ черновую доношенія, которое, очевидно, не разъ уже посылалось въ сенатъ, начиная съ 1723. Онъ сохранился одновременно въ двухъ редакціяхъ—старой, относящейся къ царствованію Петра В., и новой—къ царствованію Екатерины I; старая редакція легла въ основу позднѣйшей, причемъ измѣнены только титулы (Ея И. В. вмѣсто Его И. В., высокій сенатъ вм. высокоправительствующій), вставлено нѣсколько строкъ въ серединѣ, да нѣсколько строкъ въ концѣ зачеркнуты и замѣнены новыми. Приводимъ этотъ любопытный документъ цѣликомъ, съ сохраненіемъ обѣихъ редакцій.

«Ея И. В. въ высокій сенатъ искиевской губерніи доношеніе.

Неоднократно чрезъ посланные мои іскіиева ввысокій Сенатъ доношениі доносилъ я требуя (его) ея И. В. повелителного указа о выдаче обретающимся у дѣлъ (его) ея И. В. вкиевской Генералъ Губернской канцеляріи и у прочихъ дѣлъ и вгварнизоне канцеляристамъ и подканцеляристамъ и копеистамъ заслуженнаго ими (его) ея И. В. денежного жалованія на минувшій 723 г., о которомъ какъ прежде сего, такъ и нынѣ оные служители непрестанно и неотступно (его) ея И. В. бьютъ челомъ, объявляя при томъ всеконечную свою скудость, что многие изнихъ забраны вкиевъ издругихъ далныхъ городовъ, оставя домы свои впусте івовсеконечномъ разорениі і будучи нынѣ вкиевѣ уделъ (его) ея И. В. денно и ночно кандиціі себе кроме Е. И. В. определенного жалованія никакоі неімеютъ і многие уже займывая вчужихъ людехъ сженами ідетми пропитание имеютъ, вчемъ немалую нужду претерпеваютъ, на что і досего резолюціі отамъ не получилъ; а впрошломъ 726 году июня 16 дня поприсланному Ея И. В. указу исштатсъ конторы велено имъ служителямъ ея И. В. одно денежное жалование на 725 годъ помимо 723 и 724 годовъ, на которые они не получали, выдать, и я видя ихъ всеконечную нужду приказалъ прежде порядочную дачу произвесть

[1]) Имя генералъ-губернатора въ доносеніи не названо, но извѣстно, что кн. И. Ю. Трубецкой занималъ этотъ постъ съ 1722 по 1730 г.

на 723, а на 724 и на 725 и на 726 годы за необявлениемъ втомъ присланномъ указе помянутыхъ годовъ и за неимѣніемъ принадлежащихъ ктому расходу денегъ дачи еще не произведено, а понеже киевъ городъ пограничной другимъ губерниямъ нев(п)римеръ ј ежели онымъ служителемъ определенное імъ Е. И. В. денежное и хлебное жалованье выдачу удержать то въ последнею нищету могутъ произойти.

(Затѣмъ слѣдуютъ зачеркнутыя строки прежняго донесенія: и воликое число оныхъ служителей вгубернской канцеляріи івгварнизонехъ присутствующихъ ккиеву уделъ обретаютца і что ктому вдобавку потребно придоношениі моемъ ввысокоправительствующіи сенатъ минувшего 9 марта 724 года вмоскве подано ведение и требовалъ о томъ Его И. В. указа)

и какъ прежде такъ и нынѣ высокому (в. -пр.) сенату о томъ же доношу і (*прошу*) овыдаче онымъ служителемъ і земскому писарю заслуженного іми (его) ея И. В. помянутого жалованья для ихъ всеконечного мизерия которымъ ужеі вконцеляриі стало ходить невчемъ, а жены и дѣти по миру ходятъ и Христовымъ именемъ какъ себѣ такъ и мужемъ и дѣтемъ своимъ пропитание имеютъ, у которыхъ отъ нищеты многие отдаютъ и дѣтей (*неразобрано: вдаръ?*) на прошедшие 723 годъ и на 724 і впредь по вся годы о произвожлениі і о предложениі о томъ вгосударственную каморъ коллегию і высокого (в.—пр.) сената повелительной о томъ резолюциі».

На оборотѣ находится слѣдующая помѣтка, опредѣляющая, приблизительно, время составленія доношенія: «Сие дѣло отдано налетову отъ Алеѯѣя Ѳатѣјва Ѳевраля въ 8 день 727 году».

В. Щербина.

Письмо П. Д. Юркевича къ прот. П. И. Катранову. Помѣщаемое ниже письмо бывшаго профессора философіи сначала въ кіевской духовной академіи, а потомъ въ московскомъ университетѣ, Памфила Даниловича Юркевича (род. 1826 г., ум. 1874 г.), представляетъ интересъ не только потому, что самая личность писавшаго въ свое время была очень замѣтной, какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни, особенно въ періодъ пребыванія своего въ Кіевѣ, но еще болѣе въ виду того, что въ письмѣ этомъ затронуты такіе животрепещущіе въ недавнемъ прошломъ вопросы, какъ изданіе научнаго журнала при духовной академіи, прогрессъ въ развитіи воспитанни-

ковъ академіи 60-хъ годовъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, и пр. Думаемъ, что, помѣщая это письмо, мы даемъ возможность будущему бытописателю общественной жизни Кіева прибавить нѣсколько характерныхъ чертъ, хотя и мелкихъ, но въ общей сложности проливающихъ особый свѣтъ на нѣкоторыя частности въ недавнюю эпоху 60-хъ годовъ.

Достопочтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ!

Не помню, писалъ ли я когда нибудь къ Вамъ въ Полтаву. Теперь же вы имѣете въ Петрѣ Ивановичѣ[1]) такого правдиваго повѣствователя обо всемъ, относящемся до Кіева и кіевской академіи, что я долженъ предоставить его живому слову удовлетворить вашей любознательности въ этомъ случаѣ. Каникулы для меня время занятій; именно въ эти свободные отъ чтеній дни я обыкновенно приготовляю статьи для нашихъ, а иногда и для свѣтскихъ журналовъ. Помнится, когда вы были въ Кіевѣ, я просилъ васъ участвовать своими статьями въ нашемъ новомъ журналѣ[2]), который рождается какъ-то трудно и медленно, но который все же долженъ увидѣть свѣтъ и притомъ уже очень скоро. Наша бѣда въ томъ, что мы, какъ люди кабинетные и прикованные къ школѣ, не знаемъ жизни и ея живыхъ насущныхъ нуждъ, поэтому мы еще можемъ коекакъ поставлять статьи обще-ученаго содержанія, а для разъясненія вопросовъ, взятыхъ изъ дѣйствительности и жизни, мы нуждаемся въ посторонних сотрудникахъ. Вотъ почему я прошу васъ, Павелъ Ивановичъ, удѣлять свои досуги нашему журналу. Почему бы и Николаю Даниловичу[3]) не взяться за эту же работу. Вѣдь, если мы не обанкротимся съ нашимъ предпріятіемъ, то статьи будутъ вознаграждаемы, какъ слѣдуетъ.

Нашъ владыка, по пріѣздѣ изъ Петербурга, привезъ одну добрую вѣсть, и то касающуюся собственно нашей академіи, — вѣсть объ увеличеніи оклада наставникамъ академіи. Окладъ будетъ уравненъ до оклада академіи петербургской. Это значитъ, что я, напримѣръ, получу болѣе настоящаго сто рублей съ небольшимъ. Благо и это. О дѣйствіяхъ комитета, разсуждающаго объ улучшеніи быта сельского духовенства, извѣстно, что тамъ были предлагаемы самые

---

[1]) Студентъ, братъ протоіерея Катранова.

[2]) „Труды кіевской духовной академіи", начавшіе издаваться въ 1860 г.

[3]) Думитрашко, протоіер. законоучит. полтавск. гимн.

умные планы, но которые всегда оканчивались роковымъ вопросомъ: гдѣ денегъ взять? Впрочемъ и то хорошо, что стали разсуждать и строить планы; по крайней мѣрѣ это даетъ возможность нашему сельскому духовенству жить надеждою или ожиданіями: а это какъ не звать улучшеннымъ бытомъ?

Сколько я замѣчаю, многіе изъ нашихъ духовныхъ смѣшались, сконфузились, не могли найтись при встрѣчѣ съ новыми, не знакомыми для нихъ идеями и вопросами, и отсюда изъясняю я эту нерѣшительность, это двусмысліе въ поступкахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Отсюда же недостатокъ твердаго и мужественнаго голоса въ нашей духовной литературѣ. Мы какъ бы выжидаемъ, что сдѣлаютъ изъ насъ обстоятельства, а дѣйствовать не рѣшаемся. Я могъ бы указать вамъ на личности, высокостоящія, которыя отличаются этимъ пассивнымъ настроеніемъ и возбуждаютъ въ наблюдателѣ невольную грусть о нравственномъ безсиліи, объ этой нравственной апатіи... Для меня лично эти люди представляютъ поле психологическихъ наблюденій, которыми я подѣлюсь когда нибудь съ моими добрыми слушателями при чтеніи нравственной философіи.

Полтавская семинарія перемѣщается наконецъ въ Полтаву [1]. Не худо, если бы она оставила на старомъ мѣстѣ все грязное и унижающее наши школы. Въ Полтавѣ общественное мнѣніе будетъ взыскательнѣе. Здѣшніе наставники семинаріи издаютъ журналъ очень дѣльный [2], лучшій нашего Воскреснаго Чтенія. Сотрудниковъ немного, но это люди молодые и дѣятельные: они имѣютъ свыше двухъ тысячъ подписчиковъ и вотъ отпечатали первый годъ вторымъ изданіемъ: оба эти обстоятельства рѣдко случаются съ нашими духовными изданіями. Но этотъ журналъ больше всего ожидаетъ помощи отъ самихъ же священниковъ, потому что практическіе вопросы стоятъ у него на первомъ планѣ.

Не легко и сказать вамъ, какъ измѣнились и созрѣли духовныя требованія нашихъ молодыхъ людей. Если они часто вступаютъ въ разладъ съ людьми стараго воззрѣнія, въ разладъ, который нѣкоторые такъ охотно и самодовольно изъясняютъ изъ вольнодумства или изъ безнравственности молодого поколѣнія,—то я понимаю это

---

[1]) Изъ Переяслава.

[2]) „Руководство для сельскихъ пастырей", журналъ, въ которомъ такую видную роль игралъ покойный Ѳеоф. Гавр. Лебединцевъ, первый редакторъ—издатель нашего журнала.—Ред.

явленіе иначе. Когда Іисусъ Христосъ сказалъ о дѣтяхъ: не мѣшайте имъ приходить ко мнѣ, потому что имъ принадлежитъ Царствіе Небесное; то мнѣ кажется, что это надо понимать такъ: «Вы старики, отжившіе свой вѣкъ, упорно держитесь прежнихъ понятій о томъ, что добро и зло, что правда и неправда. Новыя идеи, новыя духовныя потребности уже не воодушевляютъ васъ. Все это будетъ понято, принято къ сердцу и усвоено свѣжимъ, молодымъ поколѣніемъ». Въ самомъ дѣлѣ, когда я смотрю, сколько нынѣшніе студенты читаютъ, сколько выписываютъ газетъ и журналовъ, съ какимъ участіемъ слѣдятъ за общественными вопросами, мнѣ становится стыдно за мое школьное время, когда студенты довольствовались тетрадками профессоровъ, а деньги расходовали только на табакъ и вино, причемъ, кажется, были убѣждены, что чтеніе журналовъ свѣтскихъ рѣшительно безполезно для духовныхъ воспитанниковъ, поэтому выходили люди, которые очень хорошо знали *сущность* вещей, а о самихъ то вещахъ не имѣли ни малѣйшаго понятія, были коротко, до подробностей знакомы съ небомъ и адомъ, а о землѣ, которая стелется передъ ихъ носомъ, не могли сказать ни одного путнаго слова. Всѣ недостатки этого воспитанія извѣстны мнѣ очень хорошо, потому что и самъ я страдалъ отъ нихъ. Вотъ почему я смотрю на движенія, происходящія въ нашихъ академіяхъ, не съ той точки зрѣнія, съ какой изъясняютъ ихъ добрые почитатели старыхъ порядковъ. Впрочемъ, я согласенъ, что съ развитіемъ образованія добродѣтель смиренія и послушанія въ томъ видѣ, какъ она была понимаема у насъ доселѣ, дожна много потерять: притомъ, кажется, что она могла образовать только пасивныя личности, а не дѣятелей, имѣющихъ характеръ и волю, въ которыхъ и въ самомъ дѣлѣ чувствуется теперь большой недостатокъ.

Я поручаю Петру Ивановичу одно дѣло по консисторіи, прошу покорно и вашего содѣйствія, если оно тамъ понадобится. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашъ покорнѣйшій слуга П. Юркевичъ.

1860 г. Іюня 25.
Кіевъ.

Дѣло о П. И. Богдановичѣ, типографщикѣ и переводчикѣ „Монтюглевой" Исторіи математики. *(Изъ архива Полтавской Полиціи 1793)* [1]) Въ архивѣ полтавской полиціи имѣется дѣло о коллежскомъ ассесорѣ Петрѣ Ивановичѣ Богдановичѣ, предпріимчивомъ литераторѣ и типографщикѣ послѣдней четверти 18 столѣтія, высланномъ изъ Петербурга въ 1793 году за ослушаніе начальству на безвыѣздное жительство въ Полтаву къ отцу его. Дѣло это не лишено интереса по тѣмъ мотивамъ, которые послужили основаніемъ ссылки Богдановича, а также и по его похожденіямъ.

Петръ Ивановичъ Богдановичъ родился въ 1 половинѣ 18 столѣтія въ Полтавѣ. Учился онъ въ Лейпцигскомъ Университетѣ, гдѣ преимущественно занимался математическими науками. Возвратясь изъ заграницы, онъ завелъ въ Петербургѣ собственную типографію, изъ которой вышло много полезныхъ книгъ, какъ имъ самимъ сочиненныхъ, такъ и его переводовъ. Съ 1779 г. по 1781 г. издано имъ 8 частей перевода Монтюглевой Исторіи Математики отъ ея начала до разрушенія Греческой Имперіи. Болѣе о его литературной дѣятельности намъ ничего не извѣстно, какъ равно, когда и гдѣ онъ умеръ. Изъ архивнаго же дѣла мы можемъ извлечь лишь его похожденія съ 1793 по 1800 годъ.

Въ 1793 году генералъ-прокуроръ графъ Александръ Самойловъ сообщилъ екатеринославскому намѣстническому правленію высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе, по коему коллежскій ассесоръ Петръ Богдановичъ за ослушаніе начальству отосланъ со всѣмъ семействомъ и имуществомъ на казенный счетъ въ Полтаву къ отцу его, для жительства безвыѣздно. Отправленный изъ Петер-

---

[1]) Печатаемая нами замѣтка о П. И. Богдановичѣ является тѣмъ болѣе интересной, что она проливаетъ хотя нѣкоторый свѣтъ на то темное дѣло, которое случилось съ нимъ въ Петербургѣ и о которомъ можно прочесть намекъ въ „Энциклопедическомъ словарѣ", подъ редакціей проф. И. Е. Андреевскаго (Т. IV, стр. 159). Считаемъ нелишнимъ, въ видѣ справки, привести нѣсколько данныхъ объ этой личности изъ „Словаря".

„Богдановичъ (Петръ Ѳедоровичъ или Ивановичъ)—писатель и переводчикъ конца прошлаго вѣка, род. въ Полтавѣ; служилъ въ тайной экспедиціи; въ 1796 г. съ нимъ случилось какое-то несчастье, и онъ, „яко безпокойный и упорнаго нрава человѣкъ, не повинующійся власти", былъ высланъ изъ Петербурга въ Полтаву къ отцу. Въ 1801 г. Б. напомнилъ о себѣ прошеніемъ и въ концѣ 1810 г. ему было дозволено выѣзжать изъ Полтавы безъ права въѣзда въ столицу. Въ 1786 г. онъ издавалъ „Новый Санкпетербургскій Вѣстникъ", изданный потомъ книжкой подъ заглавіемъ „Описаніе землетрясеній въ Калабріи и Сициліи (съ франц., СПБ. 1787);

бурга съ прапорщикомъ сенатской роты Нелидовымъ, которому приказано не подавать виду, что Богдановичъ препровождается подъ стражею, онъ остался въ Москвѣ, гдѣ, по неимѣнію денегъ къ отправкѣ его, начальствующимъ въ Москвѣ дѣств. тайн. совѣт. Измайловымъ задержанъ 4 мѣсяца и затѣмъ одинъ безъ семейства отправленъ въ Курскъ, гдѣ тоже пробылъ 4 мѣсяца, пока генералъ-прокуроръ князь Куракинъ не доставилъ средствъ къ продолженію пути его, такъ что только 7 марта 1794 г. прибылъ въ Полтаву. Жена же и двое дѣтей остались въ Москвѣ.

Проживая въ Москвѣ съ семействомъ, больною женой и дѣтьми, Богдановичъ, какъ видно, разсчитывая на казенный коштъ, не стѣснялся въ расходахъ и задолжалъ разнымъ лицамъ за квартиру, лекарства и съѣстные припасы 457 р. 90 к. Между тѣмъ, денегъ на содержаніе его и семьи и на дальнѣйшій путь не высылалось, и хотя чрезъ 4 мѣсяца и выслана была въ Москву нѣкоторая сумма, но ею только пополнены путевые расходы его и семейства до Москвы и на путь до Курска. Вслѣдствіе болѣзни жена и дѣти оставлены въ Москвѣ, а отправленъ былъ дальше въ Курскъ одинъ Богдановичъ, долги же его въ Москвѣ 457 р. 90 к., не смотря на данное Измайловымъ женѣ его удостовѣреніе въ томъ, что означенные 457 р. 90 к. будутъ уплочены изъ денегъ, которыя будутъ присланы генералъ-прокуроромъ для уплаты всего путеваго кошта, остались не только не уплаченными, но полтавскому городничему отъ малороссійскаго губернатора генералъ-лейтенанта Бердяева предписывалось о взысканіи означенныхъ 457 р. 90 коп. съ Богдановича. Полтавскій городничій князь Шаховской сталъ требовать уплаты этихъ денегъ съ Богдановича, но на требованіе его Богдановичъ отвѣтилъ, что таковыя должны пасть на счетъ казны, такъ какъ по Высочайшему повелѣнію онъ высланъ съ семействомъ и имуществомъ на казенный

ему же принадлежатъ слѣдующіе компиляціи и переводы: „Дикій человѣкъ, смѣющійся учености и нравамъ нынѣшняго свѣта“ (СПБ. 1781—1790); „Новая россійская азбука для дворянскихъ дѣтей“ (СПБ. 1784); „Магометъ съ Алкораномъ“ (СПБ. 1786 г.); „Скрижали нравоученія“ (СПБ. 1784); „Размышленія Додда“ (пер. съ англ. СПБ. 1784); „Новый способъ леченія чесотки, Пещикова“ (съ лат. СПБ. 1786 г.); „Новый полный письмовникъ“ 2 части (СПБ. 1791); „Правила для соблюденія здоровья (СПБ. 1788). У него была собственная типографія въ СПБ.“

Какъ оказывается, среди данныхъ о его переводческой дѣятельности ни словомъ не поминается указываемый въ настоящей замѣткѣ переводъ Монтюглевой исторіи математики.—Ред.

счетъ, и, между прочимъ, объяснилъ, что «невыполненіемъ Высочайшей воли чрезъ 11 мѣсяцевъ относительно перемѣщенія его въ Полтаву съ семействомъ и имуществомъ усугубляется разореніе его не токмо въ разсужденіи его наличности, но вообще всѣхъ частей состоянія, чувствованьемъ правоты его при неизобразимыхъ горестяхъ и страданіяхъ невинно съ цѣлымъ семействомъ, за то, что открылъ секретно у графа Димитрія Зубова лицъ, преступившихъ тяжко Монаршіе законы, въ чемъ и состоитъ все таинство заключенія его въ тайной, откуда изъяла его десница премудрой въ Бозѣ почивающей монархини, предписавшей перемѣщеніе его въ Полтаву для спокойнаго продолженія его трудовъ, за которые Высочайше предназначены и награды». Этотъ только отзывъ Богдановича проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на причины его злополучной высылки изъ Петербурга и помѣщеніе въ тайной канцеляріи, именно—открытіе какихъ то преступныхъ лицъ у всесильнаго графа Димитрія Зубова. Въ чемъ заключалась вина этихъ лицъ, преступившихъ тяжко законы монаршіе, изъ дѣла не видно.

Это объясненіе Богдановича, цѣликомъ представленное городничимъ генералъ-лейтенанту Бердяеву, навлекло на него неудовольствіе послѣдняго, которому впрочемъ не понравилось изложеніе Богдановичемъ обстоятельствъ, послужившихъ къ его высылкѣ, и заставило его дать городничему предостереженіе, чтобы впредь никогда подобныхъ бумагъ не присылалъ и самъ не принималъ, ибо ему велѣно имѣть смотрѣніе за поведеніемъ Богдановича, а не переписываться съ нимъ. Въ теченіе 2-хъ лѣтъ Богдановича не тревожили взысканіемъ съ него денегъ, и только по восшествіи на престолъ императора Павла, князь Куракинъ передалъ Высочайшее повелѣніе малороссійскому губернатору дѣйств. стат. совѣт. Бакуринскому о взысканіи съ Богдановича по Высочайшему повелѣнію, употребленныхъ въ Москвѣ и въ Курскѣ 369 р. 15 к. всего 869 р. 75 к. Бакуринскій 15 мая 1797 г. предписалъ князю Шаховскому взыскать означенныя деньги съ имѣнія и движимости Богдановича. Имѣнія, по донесенію городничаго, у Богдановича на уплату 869 р. никакого не оказалось а движимость состояла изъ 2 станковъ типографскихъ и многихъ буквъ, и, кромѣ нужной одежи, былъ еще оригиналъ Крекшина «Исторіи Императора Петра Великаго» въ 40 томахъ и тысячи на двѣ разныхъ книгъ въ листахъ. Это все имущество Богдановичъ, какъ доноситъ городничій, отдаетъ въ залогъ на полугодичный срокъ, на который проситъ, для внесенія требуемыхъ у него денегъ, отсрочки.

Но просьба объ отсрочкѣ не была уважена и, вслѣдствіе новаго предписанія произвесть опись и публичную продажу имущества Богдановича, заставило его выслать почтою князю Куракину 400 р., а въ уплатѣ остальныхъ 469 р. 75 к. ему на $^1/_2$ года разрѣшена отсрочка. Уплочены ли имъ остальныя деньги или нѣтъ, изъ дѣла не видно. Кромѣ взысканія съ него денегъ и описыванія имущества, полиція и въ остальномъ не оставляла въ покоѣ находящагося подъ ея надзоромъ Богдановича. Поступившій на мѣсто князя Шаховскаго полтавскимъ городничимъ Значко-Яворскій усилилъ наблюденіе за поднадзорнымъ Богдановичемъ и донесъ губернатору Миклашевскому, что Богдановичъ выѣзжаетъ изъ города въ окрестныя селенія, что у него въ Полтавѣ живетъ польская шляхтянка Ульяна Палашевичева, вслѣдствіе чего законная жена съ старшею дочерью удалены и живутъ на наемной квартирѣ, что Богдановичъ Палашевичеву не отправляетъ, не смотря на напоминанія его городничаго.

На это донесеніе 17-го мая 1800 года губернаторъ замѣтилъ Яворскому, что хотя предписано городничему наблюдать за поведеніемъ Богдановича, но не въ такихъ случаяхъ, а въ обращеніи его въ обществѣ и «не дѣлаетъ ли чего противнаго закону и порядку»; въ домашнія же его дѣла вмѣшиваться вовсе не слѣдуетъ и ежели жена его обижается, то можетъ сама просить на него.

Въ сентябрѣ 1800 года Яворскій, недовольный полученнымъ отъ губернатора выговоромъ, опять доноситъ ему, что Богдановичъ съ 5 по 7 число отлучался за 40 верстъ отъ города и что онъ поставилъ къ нему караулъ для прекращенія и далѣе могущихъ быть отлучекъ. Такое стѣсненіе Богдановича не понравилось новому губернатору барону Френздорфу, и ордеромъ 19 сентября онъ приказалъ городничему снять караулъ, «яко излишній», а 4 декабря 1800 г. далъ знать ему, что по Высочайшему повелѣнію Богдановичу дана свобода выѣзжать куда пожелаетъ, кромѣ Петербурга.

Такимъ образомъ Богдановичъ въ теченіи 7 лѣтъ, съ своими типографскими станками, исторіей Петра Великаго Крекшина, книгами въ листахъ, пробылъ въ Полтавѣ подъ надзоромъ полиціи «въ безотлучномъ его тамъ пребываніи, для спокойнаго продолженія трудовъ, за кои Высочайше предназначены награды».

Въ чемъ заключались эти труды и продолжались ли они въ Полтавѣ, какое употребленіе сдѣлано имъ изъ типографскихъ станковъ, какія книги въ листахъ имѣлись у Богдановича, осталось неизвѣстнымъ.

Петръ Ивановичъ Богдановичъ, какъ было сказано родился въ Полтавѣ, но когда именно—свѣдѣній не сохранилось; если же принять во вниманіе, что онъ обучался за границею въ Лейпцигѣ, затѣмъ завелъ типографію въ Петербургѣ и, занявшись переводомъ Монтюгля исторіи математики, издалъ ее въ 1779 году, то до ссылки его въ Полтаву въ 1793 г. ему было, вѣроятно, не менѣе 50 лѣтъ, почему положительно можно полагать, что время рожденія Петра Ивановича Богдановича почти совпадаетъ съ рожденіемъ Ипполита Федоровича Богдановича, знаменитаго автора «Душеньки», причемъ весьма вѣроятно, что они состояли и въ родствѣ другъ съ другомъ; но насколько авторъ «Душеньки» успѣлъ завоевать себѣ литературное имя, настолько переводчикъ Монтюглевой исторіи математики остался почти въ безвѣстности, сохранивъ лишь память о себѣ въ полицейскомъ полтавскомъ архивѣ.

Николай Сторжеовскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ извѣстій, относящихся къ мѣстной антропологіи (Zbiór wiadomości do antropologji krajowej). Изданіе краковской академіи наукъ; том. XIII и XIV. Краковъ 1889—1890.

Антропологическая коммиссія краковской академіи продолжаетъ издавать свои труды, носящіе выписанное выше заглавіе, съ замѣчательною аккуратностью: въ теченіе каждаго года выходитъ одинъ томъ «Сборника», содержащій 3 отдѣла: археологическій, собственно антропологическій и этнографическій. По характеру помѣщаемаго матеріала изданіе это представляетъ для насъ существенный интересъ, такъ какъ большинство помѣщенныхъ статей посвящено изслѣдованію русской территоріи; изъ 24 статей, входящихъ въ составъ двухъ послѣднихъ томовъ, 15 (6 по археологіи, 2 по антропологіи и 7 по этнографіи) относятся къ Южной Руси, 1 къ Бѣлоруссіи, 1 къ Литвѣ и только 7 къ областямъ, заселеннымъ поляками.

Въ отдѣлѣ археологіи помѣщены три статьи извѣстнаго знатока первобытной археологіи г. Готфрида Оссовскаго.

1) «*Матеріалы для палеоэтнологіи украинскихъ кургановъ*». *(т. XIII)*. Г. Оссовскій сообщаетъ здѣсь дневники своихъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1888 году въ васильковскомъ уѣздѣ кіевской губерніи (1 курганъ у фермы Станиславки, 2 у села Соколовки и 1 у с. Лосятина) и описываетъ сосуды, извлеченные другими лицами изъ кургановъ у сс. Антоновки и Кирилловки. Раскопки г. Оссовскаго произведены крайне тщательно, и дневники составлены весьма подробно. Въ изслѣдованныхъ имъ курганахъ онъ встрѣтилъ довольно подробно констатированный въ южной Руси похоронный типъ, относящійся къ концу каменнаго вѣка. Типъ этотъ отличается тѣмъ, что кости скелета окрашены слоемъ охры, и при костякахъ встрѣчаются грубаго издѣлія горшки, иногда каменныя орудія и костяныя шила. Черепа

въ этого рода гробницахъ всегда принадлежатъ къ типу долихоцефалическому, что подтверждается и измѣреніемъ черепа, добытаго г. Оссовскимъ изъ кургана у Станиславки.

2) *«Мастерская бронзовыхъ издѣлій въ Зарѣчіи»* (*т. XIII*). Г Оссовскій открылъ въ окрестности Бѣлой Церкви на урочищѣ «Зарѣчіе», около села Великой Половецкой стоянку, повидимому, каменнаго вѣка; на ней кромѣ кремневыхъ орудій и осколковъ и черепковъ первобытныхъ глиняныхъ издѣлій, онъ нашелъ двѣ каменныя формы для отливки бронзовыхъ орудій: цельта и копья; на основаніи этой находки г. Оссовскій полагаетъ, что въ Зарѣчьи нѣкогда существовала мастерская бронзовыхъ орудій; намъ кажется, что положеніе это не вполнѣ доказано, такъ какъ кромѣ двухъ формъ въ данной мѣстности не найдено было никакихъ другихъ признаковъ мастерской: недодѣланныхъ или испорченныхъ орудій, запасовъ или слитковъ металла, запасовъ проволокъ и т. п. Даже сколько нибудь характерныхъ предметовъ бронзоваго вѣка на стоянкѣ не найдено; единственный предметъ, о которомъ упоминаетъ г. Оссовскій, это, по его собственнымъ словамъ, обломокъ церковнаго колокола, конечно относящійся къ позднѣйшей, исторической эпохѣ. Такимъ образомъ, невольно зарождается предположеніе, что найденныя имъ каменныя формы принадлежатъ къ числу случайно уроненныхъ предметовъ и не могутъ быть сочтены доказательствомъ существованія мастерской на зарѣчской стоянкѣ.

3. *«Отчетъ о палеоэтнологической экскурсіи въ Галиціи въ 1889 году»* (*т. XIV*). Въ обширной статьѣ этой г. Оссовскій предлагаетъ весьма интересные выводы изъ многочисленныхъ наблюденій своихъ относительно характера археологическихъ памятниковъ въ Галиціи; по его мнѣнію, вся страна можетъ быть раздѣлена на три района, представляющіе въ археологическомъ отношеніи рѣзкія отличительныя черты: a) въ западной Галиціи (польской) по рѣку Санъ— вовсе нѣтъ кургановъ, господствуетъ погребальный обрядъ сожженія и гробницы, содержащія сосуды съ прахомъ сожженныхъ, группируются на «погребальныхъ поляхъ»; b) въ восточной Галиціи, отъ Сана до границъ Волыни, находится множество кургановъ, покрывающихъ собою всевозможные похоронные типы отъ каменнаго и до конца первобытнаго желѣзнаго вѣка; c) въ галицкой Подоліи и въ Покутіи курганы встрѣчаются весьма рѣдко, преобладаютъ гробницы, построенныя изъ каменныхъ плитъ или прикрытыя ими, а также особенный видъ похоронныхъ полей, открытый г. Оссовскимъ и названный имъ *кирпич-*

ными гробницами. Одно такое поле у с. Васильковецъ г. Оссовскій описываетъ подробно: подъ слоемъ чернозема онъ встрѣтилъ на значительномъ пространствѣ толстый сплошной слой, сложенный изъ кирпичей неправильной формы и различной величины; въ нижней части этого слоя помѣщались сосуды, по большей части по два вмѣстѣ, одинъ въ другомъ, а внутри нихъ лежали отдѣльныя человѣческія кости, кремневыя и костяныя орудія.

Затѣмъ г. Оссовскій передаетъ собранныя имъ свѣдѣнія о пещерахъ и стоянкахъ каменнаго вѣка и сообщаетъ дневники раскопокъ кургановъ, произведенныхъ имъ въ восточной Галиціи.

Въ археологическомъ же отдѣлѣ помѣщены двѣ статьи г. Неймана подъ общимъ заглавіемъ «*Археологическія замѣтки изъ русскаго Подолія*». Первая (т. XIII) содержитъ описаніе валовъ и городища у с. Стрижавки винницкаго уѣзда, а также дневники раскопокъ двухъ кургановъ, произведенныхъ въ той же мѣстности г. Нейманомъ въ 1886 году; въ могилахъ найдены были скелеты и при нихъ бронзовыя украшенія и желѣзное оружіе: копья, ножи, удила. Во второй статьѣ (т. XIV) г. Нейманъ сообщаетъ результаты раскопки четырехъ кургановъ, произведенной имъ въ 1889 году у села Болгана ольгопольскаго уѣзда. Въ курганахъ этихъ скелеты покрыты были корытообразно выдолбленными деревянными колодами, укрѣпленными посредствомъ рядовъ кольевъ; у скелетовъ найдено нѣсколько бронзовыхъ украшеній желѣзныхъ орудій и экземпляръ cyrraeae monetae.

Въ томъ же отдѣлѣ (т. XIV) помѣщена статья г. Казиміра Пулавскаго, «*Археологическія изслѣдованія въ русскомъ Подоліи*». Г. Пулавскій пріобрѣлъ уже давно почетную извѣстность своими серьезными и безпристрастными трудами, относящимися къ исторіи и археологіи южной Руси. Въ названной статьѣ онъ сообщаетъ результаты произведенныхъ имъ въ 1888 году раскопокъ у села Заводынцы каменецкаго уѣзда. Онъ вскрылъ здѣсь двѣ гробницы каменнаго вѣка, въ которыхъ лежали длинноголовые скелеты съ мечевидными голенями; при нихъ находились полированныя и отбивныя кремневыя орудія, кремневыя стрѣлки, костяное остріе и два комка красной желѣзистой краски. Мы полагаемъ, что гробницы, вскрытыя г. Пулавскимъ, должны быть отнесены къ числу упомянутыхъ уже гробницъ каменнаго вѣка, отличающихся присутствіемъ красной краски и окраскою ею костей скелетовъ.

Въ собственно антропологическомъ отдѣлѣ «Сборника» помѣщены только двѣ статьи: въ XIII томѣ весьма основательная и точ-

ная работа покойнаго проф. Коперницкаго подъ заглавіемъ *«Физическая характеристика русскихъ горцевъ»*.. Матеріалъ для этой статьи собранъ былъ г. Коперницкимъ на мѣстѣ; съ этою цѣлью онъ предпринялъ въ 1888 году поѣздку въ Карпаты, собралъ точныя помѣрки и наблюденія въ различныхъ мѣстностяхъ (всего изслѣдовано имъ 188 особей) и добытые результаты сличилъ съ антропологическою характеристикою русиновъ, живущихъ въ остальной, не горной Галиціи (эта работа напечатана раньше имъ-же сообща съ проф. Майеромъ) и съ антропологическими данными о населеніи южно-русскаго края, собранными Чубинскимъ (Труды этнографической экспедиціи т. VII), и г. Дибольдомъ (Ein Beitrag zur Anthropologie der Kleinrussen). Въ трудѣ г. Коперницкаго разсмотрѣны подробно: ростъ, отношенія между собою частей тѣла, цвѣтъ кожи, волосъ и глазъ, размѣры черепа и лица. При сличеніи добытыхъ имъ выводовъ онъ приходитъ къ слѣдующему общему результату: «разсматривая физическую характеристику русскихъ горцевъ вообще, я не нашелъ ни одного признака, которымъ бы они рѣзко отличались отъ другихъ руссиновъ. Вообще тождественныхъ чертъ гораздо больше, чѣмъ отличій; притомъ тождество наблюдается въ признакахъ основныхъ, менѣе подверженныхъ индивидуальнымъ отклоненіямъ, т. е. въ ростѣ и размѣрахъ черепа, отличія-же замѣчаются въ признакахъ менѣе устойчивыхъ, какъ цвѣтъ волосъ и глазъ и очертанія лица. Впрочемъ, и сами отличія эти состоятъ по большей части лишь въ томъ, что общій этнографическій характеръ выражается у горцевъ и остальныхъ русиновъ въ большей или меньшей степени; мы не можемъ указать ни одной такой черты «которая, будучи присуща всѣмъ русинамъ, отсутствовала-бы у русскихъ горцевъ».—Сличая затѣмъ матеріалы, добытые въ разныхъ мѣстностяхъ Карпатъ, г. Коперницкій раздѣляетъ русскихъ горцевъ на 5 группъ, ясно отличающихся другъ отъ друга оттѣнками антропологическихъ признаковъ. Эти группы расположены по кряжу Карпатъ съ запада на востокъ въ слѣдующемъ порядкѣ: *лемки*, (называемые также снижаками, куртаками или чухонцами), *полонинцы*, *бойки*, *тухольцы и гуцулы*. Не ограничиваясь антропологическими наблюденіями, г. Коперницкій помѣстилъ въ этнографическомъ отдѣлѣ того же тома другую статью, служащую дополненіемъ и продолженіемъ первой— *«этнографическій очеркъ русскихъ горцевъ въ Галиціи»*. Здѣсь онъ разсматриваетъ подробно этнографическія черты каждой изъ пяти группъ, установленныхъ имъ путемъ антропологическимъ, причемъ въ каждой группѣ, указавъ географическіе пре-

дѣлы ея распространенія, онъ разсматриваетъ устройство жилищъ, пищу, одежду и отличительныя черты говора.

Вообще обѣ статьи, взятыя вмѣстѣ, представляютъ весьма точный, полный и, насколько знаемъ, лучшій понынѣ очеркъ этнографіи Карпатъ.

По образцу антропологической работы г. Коперницкаго составленъ другой трудъ, помѣщенный въ XIV томѣ «Сборника»,—это статья д-ра Талько-Гринцевича подъ заглавіемъ *«Физическая характеристика украинскаго населенія»*. Г. Талько-Гринцевичъ собралъ для своего труда довольно значительный матеріалъ: наблюденія надъ 3,266 особями (въ томъ числѣ помѣрки были сдѣланы на 1292 лицахъ). Главнымъ матеріаломъ служило народонаселеніе звенигородскаго уѣзда, гдѣ г. Талько-Гринцевичъ собралъ наблюденія надъ 2782 лицами (85% съ лишнимъ), затѣмъ уже уманскаго (около 6%), таращанскаго (4%) и едва по 3—4 десятка наблюденій приходится на уѣзды черкасскій, чигиринскій и кіевскій. Работа г. Гринцевича произведена весьма тщательно, кажется намъ только, что при группировкѣ цвѣта волосъ и глазъ, почтенный авторъ нѣсколько иначе понималъ оттѣнки относительной темноты и ясности окраски, чѣмъ его предшественники и что вслѣдствіе этого процентъ свѣтлоглазыхъ и свѣтловолосыхъ лицъ, быть можетъ; вышелъ значительно больше вслѣдствіе нѣсколько субъективной группировки этихъ оттѣнковъ.—Во всякомъ случаѣ, отдавая полную справедливость антропологическому труду г. Т.-Гринцевича,—мы полагаемъ, что онъ напрасно присоединилъ къ антропологическимъ выводамъ нѣсколько общихъ историческихъ комментаріевъ и вслѣдствіе этого работѣ точной и объективной придалъ нѣсколько неподобающій оттѣнокъ субъективизма. Правда, такихъ комментаріевъ немного, но такъ-такъ они поставлены какъ результатъ его общихъ выводовъ, то невольно бросаются въ глаза читателю. Такъ, замѣтивъ, что нѣкоторыя антропологическія черты среди собранныхъ имъ наблюденій представляютъ довольно значительныя колебанія, г. Талько-Гринцевичъ объясняетъ это явленіе исторіею колонизаціи края, главнымъ образомъ, истребленіемъ народонаселенія набѣгами Менгли-Гирея и поселеніемъ новыхъ пришельцевъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, причемъ составъ этой колонизаціи онъ изображаетъ слѣдующими общими чертами: «извѣстно, что Русь, обезлюдѣвъ послѣ каждаго катаклизма, сама по себѣ слабо населенная, не могла доставить нужныхъ колонизаціонныхъ силъ и если доставляла пришельцевъ, то они составляли значительное меньшинство,

большинство-же поселенцевъ приходило преимущественно изъ сосѣднихъ странъ: Литвы и Польши. Безпрестанно приходившіе изъ этихъ странъ выходцы, какъ то доказываютъ историческіе факты и почти живые примѣры (?), смѣшивались съ русскимъ населеніемъ и, можетъ быть, съ остатками татаръ (?), и положили основаніе современнаго намъ типа украинскаго населенія». Очевидно, д-ръ Талько-Гринцевичъ не историкъ и потому, намъ кажется, напрасно дѣлаетъ экскурсы въ историческую область. Сколько общихъ мѣстъ, несообразностей и странностей пришлось ему нагромоздить въ нѣсколькихъ приведенныхъ строчкахъ: Литва (т. е. ковенская и виленская губерніи) и Польша (ближайшая къ Украинѣ польская область—люблинская) являются сторонами, лежащими по сосѣдству съ Украиною; изъ этихъ областей будто, по свидѣтельству исторіи, идутъ безпрестанно выходцы (когда и о какихъ историческихъ фактахъ говорится, неизвѣстно); въ звенигородскомъ уѣздѣ они встрѣчаютъ остатки татаръ, никогда тамъ не жившихъ, и т. д.—Право, было-бы лучше, если-бы г. Талько-Гринцевичъ поудержался отъ историческихъ комментаріевъ и не портилъ ими прекрасной позитивной антропологической работы, сообщая ей какъ будто оттѣнокъ тенденціозности, напоминающій поговорку о ложкѣ дегтю и бочкѣ меду.

Въ третьемъ, этнографическомъ, отдѣлѣ «Сборника», кромѣ указанной выше статьи г. Коперницкаго о русскихъ горцахъ въ Галиціи, помѣщены еще 6 статей (въ XIII томѣ), содержаніе которыхъ относится къ территоріи южной Руси; мы сообщимъ только ихъ заглавія, которыя достаточно точно обозначаютъ содержаніе этихъ этнографическихъ работъ: 1) *Анна Ванке* «Галагивки, игры во время свѣтлаго праздника у русскаго населенія въ селѣ Горчицы, перемышльскаго повѣта». 2) *Маркелъ Цисекъ*—«этнографическіе матеріалы изъ мѣстечка Жалыни въ перемышльскомъ повѣтѣ"—содержитъ: описаніе «господы», т. е. братства, основаннаго подъ этимъ именемъ подмастерьями сапожниками, «вертепа» и сборникъ повѣрій, пріемовъ вѣдовства, чародѣйства и т. д. 3) *Янъ Колеса*: «Родины, крестины, свадьба и похороны у русиновъ въ селѣ Ходовицахъ, стрыйскаго повѣта». 4) *Софія Рокоссовская*: «Вѣрованія, предразсудки и преданія русскаго населенія Волыни о предметахъ растительнаго царства. Собрано въ с. Юрковщинѣ новгородъ-волынскаго уѣзда» 5) *Оскаръ Кольбергъ*: «Полѣсскія легенды» (собраны въ пинскомъ уѣздѣ). 6) *Оскаръ Кольбергъ*: «Свадебные полѣскіе обычаи и обряды» (изъ той-же мѣстности).

Изъ этого краткаго перечня содержанія послѣднихъ двухъ томовъ антропологическаго сборника краковской академіи можно оцѣнить количество научнаго матеріала и его разработку, которыя это изданіе привноситъ въ изученіе русской археологіи, антропологіи и этнографіи. Полагаю, что всякій, кто интересуется этими отраслями знанія, съ пользою прочтетъ краковскій сборникъ и съ благодарностью отнесется къ трудамъ ученаго общества, приносящаго несомнѣнно значительную научную пользу разработкою и собраніемъ матеріала въ доступной для него части русской территоріи.

В. А.

Изданія Статистическихъ Комитетовъ Южной Россіи въ 1891 году: кіевскаго, волынскаго, черниговскаго, полтавскаго, воронежскаго, кубанскаго «Кубанскій Сборникъ» и «Календарь черниговской губерніи».

По «Положенію о губернскихъ и областныхъ статистическихъ комитетахъ 26 декабря 1860 года» эти учрежденія обязаны составлять описаніе губерній и областей или отдѣльныхъ частей ихъ въ отношеніи топографическомъ, историческомъ, промышленномъ, торговомъ и т. п., въ видѣ «памятныхъ книжекъ», отдѣльныхъ статей и сочиненій. Такого рода изданія комитетовъ появлялись въ 60-хъ и 70-хъ годахъ подъ именемъ «Записокъ», «Памятныхъ книжекъ», «Трудовъ», и въ нихъ встрѣчались и солидныя работы по мѣстной исторіи, какъ напр. въ «Запискахъ Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета» за 1866—72 годы; но затѣмъ они почему то прекратились. Въ настоящее время «памятныя книжки», издаваемыя комитетами, выходятъ не во всѣхъ губерніяхъ, да и тѣ, какія выходятъ, имѣютъ болѣе характеръ справочныхъ книгъ и календарей, чѣмъ интересныхъ для науки сочиненій. Во всѣхъ поименованныхъ въ заголовкѣ изданіяхъ комитетовъ, состоятъ ли они изъ 3, 4, или 5 отдѣловъ, справочныя и календарныя свѣдѣнія преобладаютъ. Кромѣ этихъ свѣдѣній, вездѣ имѣется еще статистическій отдѣлъ, состоящій изъ таблицъ, изготовляемыхъ для всеподданнѣйшаго отчета губернаторовъ,— о числѣ жителей, приростѣ населенія, урожаяхъ, положеніи скотоводства, промышленности, торговли и т. п. за 1889 годъ; свѣдѣнія о распредѣленіи землевладѣнія въ нѣкоторыхъ книгахъ (напр. Кіевской) показаны также за 1889 годъ, въ другихъ же по большей части по этому предмету приводятся данныя обслѣдованія 1877—81 годовъ; за текущими измѣненіями землевладѣнія комитеты не слѣдятъ. Къ Пол-

тавской памятной книжкѣ приложены карты всѣхъ уѣздовъ губерніи въ 10-верстномъ масштабѣ, что очень помогаетъ при разнаго рода справкахъ.

Отдѣлъ статистическихъ данныхъ во всѣхъ названныхъ книжкахъ отличается старымъ формализмомъ и аподиктичностью изложенія. Ни при одной таблицѣ нѣтъ указанія источниковъ и способовъ полученія приводимыхъ данныхъ, такъ что при разнаго рода противорѣчіяхъ, встрѣчаемыхъ при сопоставленіи однородныхъ свѣдѣній за два ближайшіе года или же и за одинъ и тотъ же,—имѣющій нужду въ справкѣ не знаетъ, на чемъ болѣе надежно остановиться. Конечно, свѣдѣнія о числѣ учащихся, ходѣ дѣлъ церковно-приходскихъ попечительствъ, разныхъ общественыхъ и кредитныхъ учрежденій имѣютъ общій интересъ, независимо отъ того, какая степень критики приложена была къ опубликованнымъ даннымъ.

Два комитета изъ названныхъ—воронежскій и кубанскій—въ текущемъ году не ограничились изданіемъ статистическихъ и сиравочныхъ свѣдѣній, а по способу Харьковскаго комитета издаютъ отдѣльныя монографіи: Воронежскій комитетъ назвалъ свою памятную книжку—первымъ выпускомъ ея, во второмъ же, котораго мы еще не имѣемъ подъ руками, намѣренъ помѣстить поэму Серебрянскаго, друга и учителя поэта Кольцова, и изслѣдованіе г. Дикарева о воронежскомъ мѣщанскомъ говорѣ съ приложеніемъ собранныхъ имъ поговорокъ и пословицъ; Кубанскій комитетъ, кромѣ объемистой оффиціальной справочной книжки на настоящій годъ, издалъ еще болѣе объемистый отдѣльный томъ разнаго рода монографій подъ заглавіемъ «*Кубанскій сборникъ*».

Это изданіе выдается по своему содержанію и солидности, и о немъ необходимо сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія. Извѣстный знатокъ исторіи Черноморія, почетный членъ комитета *П. П. Короленко* въ статьѣ «Атаманы Черноморскаго войска» изложилъ біографіи всѣхъ восьми атамановъ Черноморскаго войска отъ Бѣлаго, Чепѣги и Головатаго до Безкровнаго и Завадовскаго включительно. Другой почетный членъ этого же комитета, состоящій въ настоящее время земскимъ статистикомъ воронежской губерніи и помощникомъ предсѣдателя воронежскаго статистическаго комитета, *Ф. А. Щербина* помѣстилъ въ «Кубанскомъ сборникѣ» обширное изслѣдованіе о земельной общинѣ Кубанскихъ козаковъ. Данныя для него собраны были авторомъ экспедиціоннымъ путемъ еще въ 1879 и 1880 году и затѣмъ въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ появлялись въ разныхъ пері-

одическихъ изданіяхъ. Послѣ извѣстнаго сочиненія о Черноморіи И. Д. Попка трудъ г. Щербины является первымъ полнымъ очеркомъ географіи и исторіи внутреннихъ соціальныхъ отношеній въ кубанской области. Исторія колонизаціи ея, со времени разоренія Запорожской Сѣчи на Днѣпрѣ и перевода вѣрныхъ запорожцевъ подъ предводительствомъ атамана Харька Чепѣги на Кубань до самаго послѣдняго времени, разсмотрѣно авторомъ подробно и параллельно съ исторіею образованія формъ землевладѣнія. Процессъ образованія изъ коллективной войсковой земельной собственности частнаго владѣнія офицеровъ, сначала пожизненнаго (по положенію 1842 года), а затѣмъ и потомственнаго (по положенію 1870 г.), разъясненъ авторомъ въ мельчайшихъ подробностяхъ отъ самаго его генезиса при занятіи новыхъ земель. Географическія, сельско-хозяйственныя условія пастушескаго и земледѣльческаго быта, способы разселенія куренями и кошами (которые стали впослѣдствіи станицами и хуторами), наконецъ политическое и соціальное неравенство между старшиною и рядовыми козаками—вотъ причины, которыя дали въ концѣ концовъ въ кубанской области тѣ два класса, какіе знакомы намъ въ другихъ странахъ подъ именемъ аристократовъ, измѣрявшихъ свое достоинство медимнами, и демократовъ, патриціевъ и плебеевъ, старшины и черни, пановъ и мужиковъ, и т. п. Борьба принциповъ коллективной и частной земельной собственности и образованіе сословій привилегированныхъ и простыхъ обывателей,—явленія, маскируемыя при болѣе сложной организаціи общественной жизни разными побочными обстоятельствами,—тѣмъ яснѣе и проще въ исторіи Кубанскаго войска, что все это войско въ началѣ своей жизни отъ генералъ-майора Чепѣги до наименѣе выдающагося «сиромахи» изъ рядовыхъ казаковъ жило въ одинаковыхъ хаткахъ, орало землю одинаковыми плугами и косило сѣно одинаковыми косами. Одинъ и тотъ же пастушескій и земледѣльческій бытъ, существовавшій въ старину, не удержался до сихъ поръ и далъ уже начатки соціальнаго неравенства среди войска, не смотря на то, что оно и до сихъ поръ остается учрежденіемъ военнымъ и гражданскимъ вмѣстѣ, не имѣющимъ внутри себя никакихъ сословій, какія мы привыкли встрѣчать въ «губерніяхъ». Характеристика этого неравенства сдѣлана авторомъ въ каждой отдѣльной главѣ, при рассмотрѣніи формъ эксплуатаціи тѣхъ или другихъ угодій, при разсказѣ о борьбѣ общинъ съ хуторами и т. п.—на основаніи документальныхъ данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ мірскихъ приговоровъ громадъ, и на основаніи личныхъ впечатлѣній. По про-

чтеніи статьи читатель получаетъ ясное представленіе о томъ положеніи, въ какомъ находится теперь Черноморье, Закубанье и, такъ называемыя, «линіи», соединенныя теперь въ одну «область», а также и о томъ, какъ исторически сложилось такое положеніе. Несмотря на это, авторъ обѣщаетъ въ будущемъ запастись новыми свѣдѣніями, дать очеркъ формъ собственно экономической жизни въ связи ихъ съ формами обычно-правовыми. При томъ мастерствѣ группировки данныхъ, какая отличаетъ настоящее его сочиненіе, можно только пожелать, чтобы ничто не помѣшало выполненію его обѣщанія.

Другія статьи «Кубанскаго Сборника» посвящены исторіи, этнографіи и статистикѣ края. Трудъ *М. О. Поночовнаго* о географіи Босфорскаго царства основанъ главнымъ образомъ на извѣстіяхъ Страбона, смыслъ каждой фразы котораго онъ возстановляетъ, руководясь знаніемъ мѣстной топографіи; опровергая съ картами въ рукахъ предположенія разныхъ ученыхъ о Босфорскомъ царствѣ, авторъ даетъ ключъ къ истинному пониманію разсказовъ Страбона о далекомъ прошломъ Кубанской области.

Этнографическій очеркъ *Кирилова* «Черноморская свадьба», въ которомъ послѣдовательно приведены всѣ пѣсни этого грандіознаго малорусскаго обряда, можетъ служить лучшимъ матеріаломъ для уясненія этническихъ особенностей Черноморцевъ. Обрядовыя пѣсни черноморской свадьбы то совпадаютъ слово въ слово съ черниговскими и полтавскими, или съ херсонскими и харьковскими, то представляютъ разныя варьяціи напечатаннаго уже до сихъ поръ матеріала.

Отдѣльный очеркъ *Щербины* подъ заглавіемъ «Хозяйственно-экономическій бытъ козачьихъ поселеній по бассейнамъ рѣкъ Пшехи, Пшиша и Псекурса» знакомитъ читателя съ новою интересною страною предгорій западнаго Кавказа въ Закубаньи, страною, отъ начала новаго заселенія которой, по вытѣсненіи оттуда черкесскихъ племенъ, еще не исполнилось и 30 лѣтъ. Положеніе лѣсопромышленности, земледѣлія, скотоводства въ этомъ уѣздѣ очерчено съ приведеніемъ статистическихъ цифръ, добыть которыя было очень не легко. Такими же качествами отличается его же «Очеркъ табаководства въ темрюкскомъ и закубанскомъ уѣздахъ кубанской области».

Въ объемистомъ спеціальномъ изслѣдованіи члена комитета *Ланда* о климатѣ г. Темрюка, составленномъ на основаніи многолѣтнихъ метеорологическихъ наблюденій, читатели «Кубанскаго сборника» найдутъ не только научную характеристику предмета, но и разъясненія многихъ положеній метеорологіи и физической географіи. Еще

болѣе интереса и для мѣстныхъ жителей, и для всѣхъ интересующихся прошлымъ отдѣльныхъ частей обширнаго русскаго государства представляетъ переводъ отрывковъ о западно-кавказскихъ горцахъ изъ сочиненія Пейсмеля, изданнаго въ Парижѣ въ 1787 году подъ заглавіемъ «Traité sur le commerce de la mer Noir». Выборки эти сдѣланы секретаремъ кубанскаго областнаго статистическаго комитета *г. Фелицынымъ*, трудъ котораго объясняетъ положеніе Крымскаго ханства и ордъ, населявшихъ его во второй половинѣ прошлаго столѣтія; къ статьѣ своей онъ приложилъ и факсимиле карты 1775 года, показывающей тогдашнія кочевья ногайскихъ ордъ въ нынѣшней кубанской области.

Чтеніе «Кубанскаго Сборника» доставляетъ истинное наслажденіе: кромѣ того, что читатель пріобрѣтаетъ изъ него массу новыхъ свѣдѣній, которыхъ не встрѣтишь нигдѣ кромѣ этой книги, общій тонъ статей всѣхъ авторовъ проникнутъ дѣйствительною любовью ихъ къ своему родному краю. Если не ошибаемся, то, кажется, всѣ авторы перечисленныхъ статей—козаки Черноморскаго войска по своему происхожденію. Многимъ дѣйствительнымъ членамъ нашихъ статистическихъ комитетовъ не мѣшало бы поучиться у этихъ козаковъ исполнять столь же бодро обязанности, соединенныя съ носимымъ ими званіемъ. Тогда памятныя книжки нашихъ губерній, снабженныя историческими, археологическими и этнографическими статьями, представляли бы болѣе интереса для всей читающей публики и расходились бы въ своихъ губерніяхъ въ большемъ количествѣ экземляровъ, чѣмъ то къ сожалѣнію замѣчается теперь, несмотря на репрессивныя мѣры, предпринимаемыя иногда для распространенія изданій комитетовъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ историческомъ матеріалѣ, находящемся въ изданномъ *Черниговскимъ* комитетомъ календарѣ на 1891 годъ. Озаглавленъ этотъ матеріалъ такъ: «Описаніе мѣстностей Черниговской губерніи въ предѣлахъ бывшаго Стародубскаго полка. А. И. Ханенка». Къ статьѣ нѣтъ никакого предисловія, и она начинается по алфавиту съ с. Азаровки и кончается пока на буквѣ П.—с. Пятковскимъ. При каждомъ имени селенія приводятся данныя, извлеченныя изъ документовъ XVII и XVIII вѣка о томъ, кому оно принадлежало, какія измѣненія происходили въ землевладѣніи стараго времени и т. п.; иногда приводятся и статистическія свѣдѣнія за старое время. Въ общемъ данныя этого «Описанія» могутъ служить дополненіемъ къ извѣстному изданію г. Лаза-

ревскаго о Стародубскомъ же полку. Заключается «Описаніе» заявленіемъ редакціи, что оно было составлено еще въ 1860 и 1870 годахъ, что многія «цѣнныя по своему содержанію» примѣчанія, составленныя авторомъ, комитетъ не напечаталъ за недостаткомъ средствъ на то; но если Календарь за настоящій годъ дастъ прибыль, то это описаніе будетъ опять перепечатано и пополнено. Такое заявленіе редакціи является тѣмъ болѣе страннымъ, что въ той же книжкѣ «Календаря» перепечатано 72 страницы, т. е. $4^1/_2$ листа, изъ Описанія Черниговской епархіи, изданнаго въ 1873 году. Намъ кажется, что лучше было бы не пропускать «цѣнныхъ» примѣчаній, чѣмъ перепечатывать одно и тоже по два раза.

Р.

И. А. Шляпкинъ. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709 г.). Спб. 1891 года.

Названное нами сочиненіе И. А. Шляпкина представляетъ очень оригинальное явленіе: при огромномъ и чрезвычайно интересномъ находящемся въ немъ историко-литературномъ матеріалѣ, вполнѣ оправдывающемъ установившуюся за авторомъ репутацію большаго библіографа, и даже во многихъ случаяхъ заимствованномъ изъ рукописныхъ источниковъ и доселѣ неопубликованныхъ, изслѣдованіе И. А. Шляпкина о св. Димитріѣ Ростовскомъ и его времени отличается тѣмъ, что въ немъ нѣтъ изображенія ни св. Димитрія Ростовскаго, ни его времени. Намъ не трудно было бы доказать это, съ виду столь странное, положеніе, если бы оно не было уже доказано во многихъ статьяхъ, посвященныхъ оцѣнкѣ труда И. А. Шляпкина и принадлежащихъ такимъ знатокамъ исторіи русской литературы, какъ профессора Незеленовъ, Соболевскій и др. Достаточно указать, что авторъ почти не останавливается на анализѣ сочиненій св. Димитрія Ростовскаго, что, конечно, было безусловно необходимо для знакомства съ его личностью. Что же касается «времени» св. Димитрія, то едва-ли это не простой придатокъ для украшенія заглавія, такъ какъ время съ 1651 г. по 1709 г. и не можетъ быть предметомъ одного спеціальнаго изслѣдованія, разумѣется— серьезно научнаго, а не публицистическаго.

Впрочемъ, внося въ заглавіе своего сочиненія этотъ придатокъ, авторъ могъ имѣть въ виду, что имъ дѣйствительно затронута одна изъ важнѣйшихъ сторонъ жизни русскаго общества во второй поло-

ловинѣ XVII в.—усвоеніе имъ началъ западно-европейской культуры чрезъ югозападную Русь; но и этотъ вопросъ, тоже весьма сложный, трактуется авторомъ лишь библіографически. У него нѣтъ ни характеристики, хотя бы самой общей, западно европейской культуры въ XV—XVII в., ни выясненія тѣхъ формъ, которыя приняла она въ Польшѣ и въ югозападной Руси, ни исторіи проникновенія ея въ сѣверовосточную Русь, ни, наконецъ, характеристики ея здѣсь, съ указаніемъ на борьбу направленій въ московскомъ культурномъ классѣ, а затѣмъ и въ народѣ, въ зависимости отъ степени усвоенія ими западноевропейскихъ идей и отношенія къ нимъ московскаго общества и народа. Соглашаемся заранѣе, что изученіе указываемыхъ нами вопросовъ очень трудно, и, главное, знакомство съ жизнью и дѣятельностью св. Димитрія Ростовскаго до извѣстной степени могло бы быть достигнуто и безъ спеціальнаго изученія этихъ основныхъ вопросовъ, такъ какъ общій ходъ умственнаго развитія русскаго народа въ XVII в. (какъ въ югозападной, такъ и въ сѣверовосточной Руси) уже достаточно выясненъ; но разъ И. А. Шляпкинъ въ своемъ изслѣдованіи счелъ необходимымъ разсматривать дѣятельность св. Димитрія Ростовскаго въ связи съ анализомъ дѣйствовавшихъ въ его время направленій въ умственной жизни русскаго общества, онъ долженъ былъ сдѣлать это основательно, а не вскользь, разсыпавъ свои соображенія и замѣчанія, хотя бы и очень интересныя, по разнымъ мѣстамъ книги, внѣ всякой системы. Поэтому то однимъ изъ рецензентовъ, отнесшихся вообще благосклонно къ труду И. А. Шляпкина, и высказано было весьма обидное, по нашему мнѣнію, для автора предположеніе, что трудъ его о св. Димитріѣ Ростовскомъ — въ 35 печатныхъ листовъ — послужитъ лишь важнымъ матеріаломъ для послѣдующаго жизнеописанія этого знаменитаго дѣятеля!

Все сказанное, повторяемъ, легко было бы подтвердить обильными примѣрами и указаніями, еслибы въ томъ предстояла надобность, но такъ какъ этого не требуется, то мы предпочитаемъ сдѣлать нѣсколько кажущихся намъ небезполезными замѣчаній.

Первая глава изслѣдованія И. А. Шляпкина посвящена жизни св. Димитрія Ростовскаго до 1688 г., причемъ попутно говорится о состояніи южнорусскаго духовенства въ XVII в.; но приведенные авторомъ факты, хотя и изобильные числомъ, и любопытные, набраны столь отрывочно и несистематично, что въ результатѣ объ этомъ состояніи получается слабое представленіе.

Вторая глава изслѣдованія посвящена западному вліянію въ югозападной и московской Руси (у автора въ заглавіи: московской и югозападной Руси, что неловко); третья—вопросу о пресуществленіи Св. Даровъ въ Москвѣ на почвѣ литературной, и четвертая—тому же вопросу на почвѣ церковно-исторической и роли малорусскаго духовенства. Въ этихъ именно главахъ и изображено, такъ сказать, «время» св. Димитрія, по поводу чего мы уже говорили. Признаемъ однако, что здѣсь есть и очень цѣнныя мѣста, напр.: тѣ страницы (гл. II, стр. 66—95), гдѣ говорится о знакомствѣ сѣверовосточной Руси съ латинскимъ и польскимъ языками и о распространеніи латинскихъ и польскихъ переводовъ, или тѣ (гл. III, стр. 118—135), которыя посвящены распространенію юго-западно-русскихъ книгъ въ Московской Руси. Авторъ обнаружилъ здѣсь знаніе нашей литературы, можно сказать, выдающееся.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о западно-европейскомъ вліяніи и о западно-европейскихъ книгахъ въ Москвѣ находятся сверхъ того на стр. 229, въ примѣч. 2, гдѣ имъ совсѣмъ не мѣсто; какъ видно, авторъ подобралъ ихъ позднѣе, чѣмъ написалъ (или напечаталъ) соотвѣтствующія мѣста своего изслѣдованія; большинство этихъ свѣдѣній взято изъ Котошихина, Соловьева, и другихъ популярныхъ книгъ и представляетъ факты, въ общемъ довольно извѣстные. Упустивъ случай привести ихъ въ своемъ изслѣдованіи тамъ, гдѣ это было умѣстно, авторъ напечаталъ ихъ уже гдѣ пришлось. Невольно думается, что авторъ слишкомъ торопился съ писаніемъ своего сочиненія.

Не ясно почему, но И. А. Шляпкинъ не окончилъ изложенія вопроса о хлѣбопоклонной ереси, не коснувшись даже спора 1705 г. между Дамаскинымъ и Домецкимъ (см. стр. 229), хотя споръ этотъ происходилъ еще при жизни св. Димитрія Ростовскаго.

Можно еще замѣтить, что авторъ видитъ слишкомъ рѣзкую разницу между старомосковскою и юго-западно-русскою партіями въ Москвѣ во второй половинѣ XVII в., тогда какъ въ дѣйствительности между ними было много лицъ переходнаго направленія; но подробное разъясненіе здѣсь этого вопроса завлекло бы насъ слишкомъ далеко.

Въ четвертой главѣ сочиненія неожиданно встрѣчаются свѣдѣнія изъ біографіи св. Димитрія Ростовскаго времени 1688—1689 г., которыя попали въ эту главу на томъ основаніи, что онъ въ 1689 г. случайно и на короткое время побывалъ въ Москвѣ. Нѣкоторыя

свѣдѣнія находятся даже въ примѣчаніяхъ, гдѣ ихъ и отыскать трудно; напр. на стр. 190 въ примѣч. 3 сообщено вскользь о смерти матери св. Димитрія—фактъ, казалось бы, не маловажный. Свѣдѣнія эти, конечно, потонули въ IV главѣ среди совершенно посторонних предметовъ, и ихъ слѣдовало бы перенесть въ слѣдующую главу, имѣющую спеціально біографическій характеръ.

Не поставимъ, впрочемъ, въ большую вину автору, что онъ, какъ въ IV-й, такъ и въ иныхъ главахъ многое, чему мѣсто было бы въ текстѣ, отнесъ въ примѣчанія (см. напр. на стр. 283 примѣч. 4, стр. 297 примѣч. 4, стр. 343 примѣч. 4, стр. 351 примѣч. 1 и др.) и наоборотъ (примѣровъ можно привесть безконечное множество); это ошибка всѣхъ молодыхъ писателей.

Въ пятой главѣ говорится о жизни св. Димитрія съ 1690 по 1700 г. въ санахъ игумена и архимандрита; въ шестой о немъ, какъ о митрополитѣ сибирскомъ; причемъ сообщено немало свѣдѣній о христіанствѣ въ Сибири и сибирскомъ духовенствѣ, хотя и любопытныхъ (статьями пр. Буцинскаго въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» за 1891 г., авторъ, впрочемъ, еще не могъ воспользоваться), но неимѣющихъ къ біографіи св. Димитрія никакого отношенія. Здѣсь же (стр. 284) авторъ пользуется и такимъ пріемомъ для распространенія этой біографіи: въ бытность де св. Димитрія въ Москвѣ произошли многія, очень важныя событія (по выраженію автора, св. Димитрій былъ даже свидѣтелемъ этихъ событій): битва подъ Нарвою, присылка въ Москву сочиненія Корба, пожаръ Кремля и т. д., о котврыхъ поэтому авторъ и говоритъ въ біографіи святителя.

Замѣтимъ кстати, что столичному ученому, а тѣмъ болѣе такому библіографу, какъ И. А. Шляпкинъ, не идетъ брать извѣстія Корба у Соловьева, какъ это здѣлано на стр. 270. Прибавимъ заодно, что при цитированіи Исторіи Россіи Соловьева принято обозначать изданіе тома, на который дѣлается ссылка, чего авторъ не исполняетъ.

Седьмая, восьмая и девятая главы посвящены ростовскому періоду жизни Св. Димитрія, причемъ въ первой говорится объ административной дѣятельности его, какъ митрополита ростовскаго и ярославскаго, во второй—о его ростовской школѣ и въ третей—о литературной дѣятельности и частной жизни святителя въ Ростовѣ. Рецензенты справедливо указываютъ, что эти главы самыя лучшія въ излѣдованіи И. А. Шляпкина; но и то можно отмѣтить, что въ седьмой главѣ авторъ безъ нужды прибѣгаетъ къ излюбленному имъ

методу введенія въ излѣдованіе массы матеріала, имѣющаго къ трактуемому сюжету самое отдаленное отношеніе. Напр., положеніе и нравы ростовскаго духовенства въ началѣ XVIII в. онъ изображаетъ такимъ образомъ, что нельзя понять, гдѣ идетъ рѣчь именно о ростовскомъ, и гдѣ вообще о русскомъ духовенствѣ XVII—XVIII в. [1]), а о послѣднемъ вопросѣ можно бы написать десятки книгъ потолще изслѣдованія И. А. Шляпкина. Какое значеніе могутъ имѣть, напримѣръ, для вопроса о положеніи ростовскаго духовенства въ началѣ XVIII в. наставленія о монахахъ, находящіяся въ одномъ изъ Домостроевъ XVII в., переведенномъ, по мнѣнію автора, съ польскаго? Разумѣется никакого; но авторъ нашелъ ихъ въ рукописи и, считая достаточно пикантными, не могъ удержаться, чтобы не привести ихъ, хотя бы и не кстати (стр. 295).

Въ седьмой же главѣ, излагая въ лѣтописномъ порядкѣ законодательство Петра Великаго относительно монастырскихъ имуществъ, которое задѣвало де и ростовскую епархію, авторъ попутно говоритъ о гробовой регаліи (конечно, ростовскихъ духовныхъ лицъ хоронили въ гробахъ), и о сборѣ ямскихъ и полоняночныхъ денегъ, и о бортномъ налогѣ и т. д. и т. д., а затѣмъ и о самоуправствѣ воеводъ, и кстати сообщаетъ (по рукописи) любопытный, хотя и легендарный разсказъ о воеводскомъ самоуправствѣ въ 1594 г. Какое все это имѣетъ отношеніе къ дѣятельности св. Димитрія, авторъ не указываетъ, удовольствовавшись тѣмъ, что съ помощью столь простаго пріема онъ написалъ будто бы о жизни св. Димитрія еще не мало страницъ, которыя, впрочемъ, сами по себѣ безотносительно даже очень интересны. Между тѣмъ въ случаяхъ, гдѣ автору безусловно необходимо было подробнѣе изслѣдовать какой либо важный вопросъ изъ жизни св. Димитрія, онъ отъ этой работы уклоняется. Напр., кто такой было Ѳеологъ, съ которымъ постоянно и интимно переписывался св. Димитрій? Чувствуется, что это псевдонимъ, за которымъ скрывается какое-то крупное духовное лицо, опредѣлить которое мы не въ состояніи; но авторъ даже и не останавливается на этомъ вопросѣ. Написана ли комедія о Рождествѣ Христовѣ св. Димитріемъ или инымъ лицомъ? Это уже вопросъ первостепенной для автора важности; но—рѣшеніе его представляетъ большія труд-

[1]) См. напр. любопытное извѣстіе на стр 297—298 о сраженіяхъ. Гдѣ они происходили? А важное указаніе на попа Оглоблю, спеціально относящееся къ вопросу о правахъ ростовскаго духовенства, попало въ иную главу (стр. 371).

ности, и авторъ отъ него уклоняется, бросивъ нѣсколько малозначущихъ замѣчаній.

Глава о ростовской школѣ самая стройная во всемъ сочиненіи, но причина, кажется, та, что авторъ обильно воспользоваться трудами ярославскихъ ученыхъ, Ѳ. Я. Никольскаго и Н. Н. Корсунскаго, помѣщенными въ Ярославск. Епархіальн. Вѣдомостяхъ, причемъ авторъ лишь перваго изъ нихъ называетъ почтеннымъ провинціальнымъ дѣятелемъ, умалчивая о второмъ.

Пользуемся случаемъ, чтобы исправить промахъ (конечно, невольный) автора, хотя бы простымъ замѣчаніемъ, что труды Н. Н. Корсунскаго не менѣе почтенны и многочисленны (И. А. Шляпкинъ, какъ это видно изъ его примѣчаній, ими широко воспользовался), несмотря на весьма неблагопріятныя условія, при которыхъ приходится работать скромному автору.

Девятая глава—о литературной дѣятельности и частной жизни св. Димитрія въ ростовскій періодъ тоже написана хорошо, такъ какъ она въ достаточной мѣрѣ знакомитъ читателей съ отрывками изъ сочиненій святителя, особенно изъ его проповѣдей. Можно даже пожалѣть, въ противоположность отзывамъ о прежнихъ главахъ, что девятая недостаточно обширна [1]), такъ какъ авторъ, напримѣръ, совершенно не останавливается на поэтичности изложенія въ житіяхъ, написанныхъ св. Димитріемъ, умышленно уклоняется отъ сравненія составленныхъ имъ Четій-Миней съ другими аналогичными произведеніями, увѣряя, что главная задача его изслѣдованія о св. Димитріи—біографическая. Исходя изъ этого положенія, онъ не дѣлаетъ даже общей характеристики его проповѣдей, хотя и упрекаетъ лицъ, писавшихъ о русскомъ проповѣдничествѣ, въ отсутствіи или недостаточности у нихъ оцѣнки этихъ проповѣдей, отказывается отъ анализа проповѣдническихъ пріемовъ св. Димитрія, рекомендуя желающимъ заняться этимъ вопросомъ знакомство съ описью книгъ Святителя, напечатанною въ приложеніи къ своему изслѣдованію и т. п. Но о томъ, что авторъ слишкомъ мало вниманія оказалъ литературной дѣятельности св. Димитрія, говорено уже было выше.

Наконецъ, десятая и послѣдняя глава—очень краткая (три страницы), представляетъ резюме изслѣдованія.

---

[1]) Напр. на стр. 385 авторъ говоритъ, что поученіе св. Димитрія 26 декабря 1705 г. замѣчательно по своей простотѣ—и не приводитъ изъ него ни одной выдержки.

Рецензентами обращено было вниманіе и на небрежность изложенія въ изслѣдованіи И. А. Шляпкина [1]), и на сильную шероховатость его слога. Признаемъ эти отзывы правильными, но останавливаться здѣсь не станемъ [2]), чтобы не увеличивать рецензіи, а вмѣсто того укажемъ на неправильное и, можно сказать, крайне неряшливое отношеніе автора къ своимъ цитатамъ. Примѣровъ мы набрали съ сотню, но здѣсь приведемъ лишь нѣсколько, безъ особаго подбора.

На стр. 70 въ текстѣ напечатано: А. Ѳ. Ординъ Нащокинъ (,) желая образовать сына (,) окружилъ (его) плѣнными поляками. Самъ онъ былъ обученъ латыни еще отцомъ своимъ [6]).

Въ примѣчаніи: [6]) Соловьевъ, XI, 93. Послѣдній бѣжалъ въ Польшу въ 1658 г.

Кто бѣжалъ въ Польшу? Не Соловьевъ, конечно; но уже навѣрное отецъ извѣстнаго Ордина-Нащокина? Нѣтъ, сынъ его. Не всякій сообразить, что здѣсь простая ошибка; скорѣе можно подумать, что рѣчь идетъ о какомъ либо иномъ, менѣе извѣстномъ, Ординѣ Нащокинѣ, котораго притомъ звали А. Ѳ., тогда какъ знаменитаго дипломата звали Аѳанасіемъ Лаврентьевичемъ.

Другой примѣръ на стр. 231, пр. 4, гдѣ авторъ дѣлаетъ такую ссылку: Странникъ 18 № стр.   Очевидно, онъ хотѣлъ сдѣлать справку, да забылъ, а при корректированіи это мѣсто проглядѣлъ. Сравни еще стр. 243 строчку 4: Мазепа универсаломъ отъ 2 февраля 1691 г. далъ Батуринскому монастырю? Конечно, вопросительный знакъ здѣсь обозначаетъ желаніе автора справиться, что именно далъ Мазепа Батуринскому монастырю, и авторъ даже ссылку сдѣлалъ на книгу, въ которой нужно было справиться—и все же таки справки не сдѣлалъ.

На стр. 271 примѣч. 1: Тамъ же л. 480; см. также л. 477 и 481. Обращаемся къ предыдущей цитатѣ—ссылка на XIV т. Соловьева; въ слѣдующей—ссылка на статью Брикнера, и лишь пятая передъ приведенною нами цитата объясняетъ, что рѣчь идетъ объ одной изъ рукописей. И такихъ случаевъ можно привесть сколько

---

[1]) Самъ авторъ, впрочемъ, не прочь упрекнуть въ этомъ другихъ – см. стр. 366 примѣч. I.

[2]) Не можемъ, однако, не обратить вниманія на стр. 371, гдѣ авторъ поставилъ свои замѣчанія въ скобки такимъ образомъ, что ихъ можно приписать св. Димитрію. Также: кѣмъ написано то, что напечатано на стр. 378 примѣч. 1?

угодно. Кстати сказать, изложена цитата въ пр. 1 къ стр. 271 очень нескладно, тоже и въ пр. 2 на стр. 278, гдѣ нельзя даже понять, въ чемъ дѣло; и такихъ цитатъ можно найти въ изобиліи. Напр. о какомъ письмѣ идетъ рѣчь на стр. 377 пр. 2 и откуда авторъ получилъ о немъ свѣдѣнія? Что за автографъ, на основаніи котораго авторъ дѣлаетъ соображенія на стр. 386 пр. 2 объ авторѣ одного изъ цитируемыхъ имъ сочиненій? Почему любопытно сравнить съ духовною Св. Димитрія сродную (?) грамоту Павла, митроп. сарскаго (стр. 410 пр. 3)? Какія основанія имѣлъ авторъ для высказыванія своего мнѣнія въ пр. 3 къ стр. 437? На стр. 453 пр. 4 авторъ дѣлаетъ ссылку на, повидимому, подложный источникъ; на стр. 298—299, гдѣ идетъ рѣчь о секуляризаціи церковныхъ вотчинъ въ XVIII в., цитируетъ и извѣстное сочиненіе А. С. Павлова, посвященное исторіи этого вопроса въ XVI в. и т. д.

Съ другой стороны авторъ, слишкомъ даже обильно снабдившій свое сочиненіе примѣчаніями, зачастую не дѣлаетъ ихъ именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это было существенно необходимо; напр. примѣч. 1 на стр. 435 слѣдовало бы быть гораздо обстоятельнѣе, тоже и пр. 1 на стр. 440; нуждаются въ примѣчаніяхъ и многія мѣста стр. 443—444, 448 и др.

Отмѣтимъ и часто встрѣчающіяся у автора, хотя и невинныя въ сущности, но необоснованныя предположенія въ такомъ родѣ, что присланное Св. Димитрію изъ Іерусалима полотенце было знакомъ благоволенія отъ патріарха за окончаніе Миней, или что св. Димитрій могъ присутствовать на похоронахъ царевны Маргариты, а царевичъ Алексѣй Петровичъ могъ слушать проповѣдь Св. Димитрія, сказанную въ 1708 г. въ Москвѣ и т. п. Отмѣтимъ и нерѣдкую, къ сожалѣнію, погоню за фразою, въ примѣръ чего укажемъ хотя бы крайне неловкое примѣчаніе 2 на стр. 359. Наконецъ, сдѣлаемъ и нѣсколько маленькихъ поправокъ и дополненій:

На стр. 174—175 упоминается сѣвскій воевода Леонтій Романовичъ; причемъ авторъ оговаривается: кажется Неплюевъ. Навѣрное—Неплюевъ, что общеизвѣстно.

На стр. 182 примѣч. 3 упоминается лѣтописчикъ Аѳанасій. Конечно, это тоже самое лицо, которое упоминается на стр. 202 пр. 3 и 204 въ текстѣ и въ пр. 3, т. е священникъ Аѳанасій Заруцкій нѣжинскій, работавшій по лѣтописямъ. Правда, на стр. 201 пр. 2, говорится объ іеромонахѣ Заруцкомъ, тоже бывшемъ въ 1689 г. въ свитѣ Мазепы въ Москвѣ, но это, видимо, ошибка Костомарова, у ко-

торого авторъ взялъ извѣстіе. Въ 1688 г. Аѳанасій Заруцкій былъ глуховскимъ учителемъ, что почему то очень удивляетъ автора.

На стр. 204 кн. Алексѣй Вас. Голицынъ ошибочно названъ братомъ кн. Вас. В. Голицына: первый былъ сынъ второго.

Упоминаемый на стр. 431 Гр. И Племянниковъ не могъ въ 1707 г. быть сенаторомъ, такъ какъ тогда и Сената еще не было.

Закончивъ свое изслѣдованіе, И. А. Шляпкинъ счелъ умѣстнымъ приложить къ нему (стр. 459—460) нѣсколько дополненій и поправокъ; но и это онъ сдѣлалъ очень небрежно. Такъ, на стр. 14 имъ была приведена любопытная псалма, по рукописи Ундальскаго; въ дополненіи на стр. 459 читаемъ, что схожая напечатана въ пѣсняхъ Головацкаго. Но это указаніе въ дополненіяхъ отнесено къ стр. 24. Конечно, здѣсь простая опечатка; нападать на опечатки (хотя бы и не исправленныя на приложенномъ въ концѣ книги листѣ) считаемъ себя не вправѣ; но подобныя опечатки очень досадны, такъ какъ онѣ сбиваютъ читателя. При этомъ къ стр. 24 дѣйствительно есть дополненіе (о пребываніи Св. Димитрія въ Вильнѣ), напечатанное на стр. 460, которое авторъ отнесъ къ стр. 28, и это уже не опечатка, а небрежность.

Что обозначаетъ послѣднее дополненіе, напечатанное на стр. 460, и куда его отнести? неизвѣстно.

Къ изслѣдованію есть и нѣсколько (9) приложеній, довольно интересныхъ, но нѣкоторыя изъ нихъ уже были напечатаны: №№ 2, 4 (частью), 5, 6 и 7, хотя и въ иныхъ спискахъ; печатаніе № 3, на важности котораго настаиваетъ авторъ, не представляло особаго интереса по причинамъ, указаннымъ на стр. 317 пр. 2, а № 9 никакого отношенія къ Св. Димитрію Ростовскому не имѣетъ и могъ быть напечатанъ въ иномъ мѣстѣ. Затѣмъ мы бы предпочли, чтобы нѣкоторыя изъ проповѣдей, писемъ и грамотъ Св. Димитрія, цѣликомъ внесенныя въ текстъ изслѣдованія (и часто даже взятыя изъ печатныхъ источниковъ), вынесены были въ приложенія [1]), если уже нужно было ихъ печатать, что, впрочемъ. не о всѣхъ сказать можно.

Этимъ и заключимъ нашъ бѣглый обзоръ изслѣдованія И. А. Шляпкина. Сознаемъ, что онъ вышелъ нѣсколько строгимъ, даже

---

[1]) Имѣемъ въ виду напр. тѣ три акта, которые напечатаны на стр. 320—324, послѣдній изъ нихъ уже былъ напечатанъ раньше, также напечатанный на стр. 328, по поводу котораго И. А. Шляпкинъ заявляетъ, что ему удалось найти въ немъ самое раннее указаніе на ростовскую школу, хотя актъ этотъ былъ напечатанъ уже въ 1859 г. и др.

придирчивымъ; трудъ И. А. Шляпкина имѣетъ не мало и достоинствъ; но намъ досадно было, что почтенный авторъ сдѣлалъ изъ своей колоссальной начитанности, при большомъ въ то же время и трудолюбіи, далеко не соотвѣтственное употребленіе. Пожелаемъ поэтому, чтобы его иныя изслѣдованія болѣе отвѣчали его ученой репутаціи.

Ал. Маркевичъ.

Городъ Кременчугъ. — Историческій очеркъ Ѳ. Д. Николайчика. Спб. 1891. 217 стр. Цѣна 1 р. 25 коп.

Цѣль автора — написать исторію города Кременчуга; задача, нужно сказать, не очень благодарная. Для болѣе ранняго времени матеріала очень мало, и его приходится собирать по крохамъ. При такихъ условіяхъ, легко потерять историческую перспективу и уйти въ мелочи. Иногда это и случается съ нашимъ авторомъ; но въ общемъ онъ хорошо поставилъ свою тему: у него есть попытка разсмотрѣть исторію Кременчуга въ связи съ исторіей всей Малороссіи (гетманскій періодъ), и не его вина, если, при отсутствіи источниковъ, порой ему приходится говорить намеками, предположеніями. Одинъ только упрекъ позволимъ мы сдѣлать автору въ этомъ отношеніи. Намъ кажется, что, онъ ужъ слишкомъ поскупился на характеристику событій малорусской исторіи. Гетманство Выговскаго, Брюховецкаго, русская политика въ Малороссіи, борьба Дорошенка съ Самойловичемъ изображены слишкомъ ужъ безцвѣтно и обращаются въ простое перечисленіе именъ, между которыми фигурируетъ и имя Кременчуга. Авторъ предполагаетъ, очевидно, всѣ событія, ихъ главный характеръ извѣстными читателю; но, нужно сказать, что и для человѣка, знакомаго съ событіями малорусской исторіи, легко потеряться въ массѣ нагроможденныхъ именъ, не говоря ужъ объ обыкновенномъ читателѣ, который, читая эти страницы труда г. Николайчика, просто умретъ со скуки и вынесетъ мало представленія о ходѣ, причинѣ и слѣдствіяхъ событій, разыгрывавшихся возлѣ Кременчуга; для него будетъ неясна и судьба этого города въ періодъ разныхъ малорусскихъ «шатостей».

Болѣе подробно авторъ останавливается на новѣйшей исторіи Кременчуга, и эта часть, нужно сказать, вышла у него и живѣй, и интереснѣй. Здѣсь авторъ располагалъ гораздо большимъ матеріаломъ, пользовался архивомъ Кременчугской думы, только, къ со-

жалѣнію, далеко не въ той степени, какъ бы это было желательно: обстоятельства ему помѣшали.

Новѣйшему времени въ книгѣ г. Николайчика, посвящены *пять* послѣднихъ главъ (III — VIII: Новороссійскій періодъ. Посѣщеніе Кременчуга Екатериной II. Посадъ Крюковъ. Внѣшность города. Населеніе. Отрывки изъ внутренней исторіи города). Наибольшій интересъ представляютъ главы: «Населеніе» и «Отрывки изъ внутренней исторіи города»; въ первой авторъ подробно говоритъ, напр., о старообрядцахъ, переходѣ ихъ въ единовѣріе, объ евреяхъ, ихъ самоуправленіи; во второй разсматриваетъ дѣятельность думы и полиціи въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, учебныя заведенія и торговлю.

Въ концѣ книги сдѣланы приложенія, не имѣющія, по нашему мнѣнію, никакого raison d'être; особенно странно видѣть «въ приложеніяхъ» перепечатки изъ разныхъ справочныхъ изданій—для чего онѣ сдѣланы?

Не смотря на нѣкоторые недостатки, краткость и сухость изложенія, книга г. Николайчика, во всякомъ случаѣ, не лишена своего интереса и значенія: это—очень добросовѣстный трудъ, исполненный съ знаніемъ и осторожностью спеціалиста.

Н. В.

Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18-е августа 1877 г. Томъ второй. Казань. 1891 г.

Первый томъ «Трудовъ» IV-го археологическаго съѣзда вышелъ еще въ 1884 г., и лишь теперь, черезъ семь лѣтъ, появляется настоящій, второй. Редакціонный комитетъ объясняетъ такое позднее изданіе его препятствіями, встрѣтившимися при печатаніи; для насъ нѣтъ необходимости разсматривать эти препятствія, и мы обратимъ вниманіе лишь на ту, болѣе интересную, часть редакціоннаго предисловія, въ который сообщается подробный отчетъ по печатанію обоихъ томовъ, съ атласомъ къ 1-му изъ нихъ; изъ этого отчета мы видимъ, что денегъ, оставшихся послѣ съѣзда и предназначенныхъ на изданіе «Трудовъ», было вообще 3936 р. 99 коп.; на всѣ расходы по печатанію обоихъ томовъ съ атласомъ, въ 700 экземплярахъ, издержано 3860 р. 25 коп, т. е. одинъ экземпляръ обошелся около $5^1/_2$ руб., что, при высокихъ достоинствахъ типографскаго матеріала и работы, весьма недорого.

Настоящій томъ редакція посвящаетъ «незабвенной памяти графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, инициатора, основателя и перваго организатора русскихъ археологическихъ съѣздовъ.

Во второй томъ «Трудовъ» съѣзда вошли научные матеріалы и изслѣдованія о «бытѣ домашнемъ, общественномъ и религіозномъ (отдѣлы IV-й V-й), о «памятникахъ языка и письма» (отдѣлъ VI-й) и о «восточныхъ древностяхъ» (отдѣлъ VII-й); въ «приложеніи» помѣщены археологическіе и историческіе матеріалы, библіографія и, наконецъ, указатели личныхъ и географическихъ именъ; всѣ статьи и матеріалы въ указанныхъ отдѣлахъ, за весьма немногими исключеніями, имѣютъ предметомъ исторію и этнографію сѣверо-восточной окраины Россіи по преимуществу; къ немногимъ же исключеніямъ мы относимъ рефератъ К. Н. Бестужева-Рюмина, который имѣетъ значеніе для исторіи русскаго государственнаго права вообще и потому одинаково важенъ какъ для сѣвера, такъ и для юга Россіи, и два реферата: И. А. Сребницкаго да А. Я. Гаркави, касающіеся собственно исторіи Южной Россіи; поэтому мы и остановимся на нихъ подробнѣе.

Въ своемъ небольшомъ, но цѣнномъ по содержанію, рефератѣ *«О характерѣ власти варяжскихъ князей»*, почтенный историкъ нашъ *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ* еще разъ поднимаетъ старый вопросъ о происхожденіи русскаго государства; указавъ на всѣ пройденные фазисы и испробованные методы въ рѣшеніи этого вопроса, онъ признаетъ необходимость приложенія давшаго уже блистательные результаты историко-сравнительнаго метода изслѣдованія русскихъ государственныхъ учрежденій; съ этой цѣлью въ краткихъ словахъ авторъ описываетъ тотъ путь, который прошли средневѣковыя государства для своего образованія, и находитъ, что этотъ путь былъ таковъ: сначала племена имѣютъ отдѣльныхъ князей; они ведутъ между собой борьбу, пока одинъ изъ нихъ не одерживаетъ верхъ надъ другими и не подчиняетъ своему племени всѣхъ остальныхъ; русскіе славяне также дѣлятся сначала на племена, имѣющія своихъ особыхъ князей, и послѣдніе, постоянно, воюя между собой, обнаруживаютъ попытки къ образованію государства путемъ выдѣленія болѣе сильной династіи, подчиняющей себѣ другія племена; съ этого же времени начинается раздача земель въ управленіе, характеръ котораго сходенъ съ таковымъ же у западно-европейскихъ народовъ; онъ обусловливается, по мнѣнію автора, «переходомъ (народа) цѣлою массою изъ племеннаго быта въ государственный, отъ раздѣльности къ еди-

ненію»; способъ перехода онъ также считаетъ вездѣ одинаковымъ и заключаетъ отсюда, что «нѣтъ нужды признавать въ этой творящей дѣятельности государства какое-нибудь чужое вліяніе, но», прибавляетъ авторъ при этомъ, «едва-ли нужно непремѣнно признаніе туземнаго происхожденія самой династіи». Позволимъ себѣ замѣтить на это, что разъ чужого вліянія на образованіе русскаго государства не было, то признаніе туземнаго происхожденія династіи является естественно болѣе необходимымъ. Во всякомъ случаѣ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, затрогивая этотъ важный историческій вопросъ, оговаривается, что не принимаетъ на себя отвѣтственности за полное рѣшеніе его, а имѣетъ въ виду указать только на возможное рѣшеніе.

Рефератъ *И. А. Сребницкаго*: «*Слѣды церковныхъ братствъ въ восточной Малороссіи*», касается одного изъ важнѣйшихъ явленій въ южно-русской народной жизни. Приступая къ объясненію происхожденія братствъ, авторъ находитъ, что вопросъ этотъ не вполнѣ изслѣдованъ наукой и, не принимая на себя переизслѣдованія его, повторяетъ и старается поддержать старую, не имѣющую за себя прочныхъ данныхъ, теорію о связи братствъ съ цехами; когда же ему приходится обратить вниманіе на братства юго-западной Руси и встрѣтить здѣсь въ числѣ членовъ лицъ всѣхъ сословій, а не исключительно мѣщанскаго, ремесленнаго, то онъ, видимо, недоумѣваетъ, замѣчая: «это обстоятельство можетъ указывать на возможность возникновенія братствъ независимо отъ цеховъ». Такъ писалъ автовъ въ 1877 году и былъ совершенно правъ; но съ тѣхъ поръ и до появленія въ свѣтъ этого реферата, т. е. въ теченіе протекшихъ 14 лѣтъ, появилось не мало новыхъ матеріаловъ для исторіи братствъ и на основаніи ихъ уже создалась новая теорія [1]), по которой церкви и монастыри считаются полной частной собственностію строителей и позднѣйшихъ блюстителей; отсюда является фактъ продажи, залога и завѣщанія частными лицами церквей и монастырей; отсюда же возникаетъ право патронатства, какъ личнаго, такъ и коллективнаго; коллективное патронатство сформировалось въ церковныя братства, которыя съ теченіемъ времени, вызванныя на борьбу за вѣру, должны были расширить программу своей дѣятельности. Эта же теорія даетъ, по нашему мнѣнію, и наилучшее объясненіе появленію и группировкѣ братствъ на лѣвомъ берегу Днѣпра. Авторъ, напр., не находя здѣсь,

---

[1]) См. изслѣдованіе *С. Т. Голубева*: „*Исторія Кіевской духовной Академіи*“. Кіевъ. 1886 г.

причинъ для развитія такой дѣятельности братствъ, какую усвоили они на правомъ берегу, думаетъ, что возникновеніе ихъ въ Малороссіи должно быть объяснено подражаніемъ и вліяніемъ Кіева, какъ центра религіозно-умственной жизни; подтвержденіе своей мысли онъ видитъ въ томъ, что слѣды существованія въ дошедшихъ до насъ формахъ братствъ встрѣчаются преимущественно въ приднѣпровскихъ уѣздахъ черниговской и полтавской губерній; намъ же кажется, что это произошло не изъ подражанія, а вслѣдствіе того, именно, что лѣвое принѣпровье долго находилось во владѣніи польской шляхты, которая, будучи католической, не хотѣла знать о православныхъ храмахъ, составлявшихъ предметъ первой необходимости для ихъ крестьянъ; послѣдніе должны были сами заботиться о сооруженіи и содержаніи своихъ церквей и монастырей; если братства не встрѣчаются далѣе къ востоку, то потому, что эта мѣстность, нѣсколько вѣковъ оставаясь пустынной, заселялась благодаря правительственнымъ мѣрамъ Московскаго государства; оно не только строило укрѣпленія, снабжало ихъ боевыми припасами, назначало гарнизоны, но посылало также для новыхъ поселенцевъ полное церковное строеніе, свящ. утварь, иконы и богослужебныя книги, а равно поповъ, дьяковъ и даже проскурницъ [1]); такимъ образомъ поселенцы совершенно освобождались отъ заботъ о храмѣ и для возникновенія братствъ не было основанія или такой потребности (кромѣ дѣлъ благотворительности), какая существовала на западѣ.

Во второй главѣ своего труда г. Сребницкій разсматриваетъ собственно сельскія братства, наиболѣе по своему строю подходящія къ древнимъ юго-западнымъ, а третью главу посвящаетъ очерку состоянія городскихъ братствъ. Эта часть труда не потеряла значенія и теперь, но воспользоваться ею едва ли кто будетъ въ состояніи, потому что авторъ скрываетъ почему то названія селъ, мѣстечекъ и городовъ, въ которыхъ сохранились братства, и дѣлаетъ невозможнымъ провѣрку или дополненіе своихъ описаній, обстоятельность и точность которыхъ ничѣмъ, такимъ образомъ, не подтверждается. Что касается до связи цеховъ съ братствами, то несомнѣнно, что она существовала, только цехи, какъ болѣе поздняго происхожденія общины въ городахъ, слились съ существовавшими до нихъ

---

[1]) Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта харковской и отчасти курской и воронежской губ. въ XVI и XVIII ст., собранные Д. И. Багалѣемъ т. 2-й. Харьковъ. 1890 г.

братскими общинами, а въ городахъ новыхъ происхожденіе тѣхъ и другихъ могло быть и одновременно; сельскія же братства имѣли въ основаніи только патронатство, къ которому нерѣдко принадлежали и помѣщики.

Но само собою разумѣется, что при своевременномъ появленіи статьи г. Сребницкаго въ свѣтъ намъ не пришлось бы указывать на отжившую свое время теорію происхожденія братствъ, потому что авторъ, какъ видимъ мы это изъ его настоящаго труда, старательно знакомится со всею, по возможности, литературою изслѣдуемаго вопроса, и въ 1877 году его трудъ былъ новъ и интересенъ.

Наконецъ *А. Я. Гаркави* въ своемъ рефератѣ: «*Крымскій полуостровъ до монгольскаго нашествія въ арабской литературѣ*», старается пріурочить каждое географическое названіе въ произведеніяхъ арабскихъ писателей Ибнъ-Хордадбе, Ибнъ-Дусте, Массуди, Идриси, Ибнъ-Саида и др. къ той или другой мѣстности, острову, проливу, горѣ и проч., продѣлывая на своемъ объяснительномъ пути большое количество филологическихъ и археологическихъ трудностей. «Если эти данныя», скажемъ мы въ заключеніе словами автора, «вообще бѣдны, а подчасъ темны и сбивчивы, они тѣмъ не менѣе, какъ мнѣ кажется, заслуживаютъ вниманія по отношенію къ древней Руси, ибо они представляютъ намъ въ одно и тоже время и свидѣтельство о значительныхъ сношеніяхъ древнихъ руссовъ съ Востокомъ, и объясненія, какими путями шли эти сношенія, имѣвшія своимъ послѣдствіемъ образованіе черноморской Руси уже при первыхъ шагахъ русскаго народа на поприщѣ всемірной исторіи». Въ этихъ словахъ самого автора, какъ нельзя болѣе, выражается значеніе его изслѣдованія.

И. Каманинъ.

Юридическія воззрѣнія и обычаи крестьянъ сѣверо-западнаго края, преимущественно ковенской губерніи. Составилъ частный повѣренный при поневѣжскомъ судебно-мировомъ съѣздѣ Б. А. Фридманъ. Вильна 1890 г. XII+99 стр. in 8.

Изученіе народныхъ юридическихъ воззрѣній подвигается у насъ такъ слабо, что всякая вновь выходящая книга по этому вопросу обращаетъ на себя вниманіе изслѣдователей обычнаго права. Многія мѣстности остаются почти нетронутыми въ этомъ отношеніи; та-

кою мѣстностью былъ и сѣверо-западный край. Поэтому, слабая попытка г. Фридмана заслуживаетъ вниманія.

Въ обширномъ введеніи г. Фридманъ указываетъ самъ на тотъ порядокъ, которому онъ слѣдовалъ: его книжка представляетъ отвѣтъ на программу, изданную г. Матвѣевымъ въ 1878 г. Въ изложеніи своемъ онъ, слѣдуя вопросамъ программы, разсматриваетъ слѣдующія области права: союзъ родовой и семейный (стр. 1—57), опеку и попечительство (стр. 57—60), раздѣлы и наслѣдство (стр. 60—73), вещное право (стр. 73—86), договоры (стр. 86—99). Какъ видно, авторъ захватываетъ въ своей книжкѣ всѣ области гражданскаго права.

Сообщаемыя авторомъ особенности народныхъ воззрѣній имѣютъ значеніе и для занимающихся изученіемъ юго-западнаго края.

Представляя многія сходныя черты съ обычаями крестьянъ этого послѣдняго, правовыя воззрѣнія литовскаго народа могутъ помочь прослѣдить ходъ развитія ихъ въ юго-западномъ краѣ. Укажемъ на нѣкоторыя изъ такихъ особенностей въ области семейнаго права. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обычное право литовцевъ стоитъ на одинаковой степени развитія съ правами крестьянъ юго-западнаго края. Такъ, согласіе родителей на бракъ ихъ дѣтей требуется обычаями обѣихъ мѣстностей (стр. 8, ср. «Труды» Чубинскаго, т. VI, стр. 38); если свадьба послѣ сговора не состоялась, то обиженная сторона требуетъ удовлетворенія у отказавшейся (стр. 15, Чубинскаго, т. VI, стр. 37); женщины имѣютъ свои опредѣленныя работы, помогая лишь мужьямъ въ ихъ мужескихъ (стр. 55, Чуб., 33—39). Въ области имущественныхъ отношеній семьи замѣчаемъ, что обычаи Литвы и юго-западнаго края допускаютъ пріобрѣтеніе имуществъ въ личную собственность членовъ ея, если это не идетъ въ разрѣзъ съ общими интересами (стр. 53, Чуб., 42); женщина не наслѣдуетъ въ недвижимомъ имуществѣ и бываетъ только опекуншей своихъ малолѣтнихъ сыновей (стр. 64, Чуб., 52); приданое же, въ случаѣ смерти бездѣтной жены, возвращается родителямъ ея (стр. 13, Чуб. 54). Но въ тоже время въ крестьянахъ юго-западнаго края сознаніе родственной связи гораздо крѣпче, чѣмъ у литовцевъ, которые признаютъ родство только во второмъ поколѣніи и вовсе не знаютъ свойства (стр. 2); малороссы же хорошо знаютъ родство въ пятой степени и самое разнообразное свойство (Чубинскій, VI, 39, «Степъ», стр. 145). Нельзя не отмѣтить также, что въ литовской свадьбѣ данной мѣстности исчезаютъ важныя черты древняго свадебнаго ритуала: женихъ

не даетъ даже даровъ родителямъ невѣсты (стр. 18; срв. у Чубинскаго обязательность такихъ подарковъ, «Труды», VI, стр. 37, 38). Что касается до перехода имущества, то въ нераздѣленной семьѣ владѣетъ имъ отецъ (стр. 50), а отъ него переходитъ къ старшему сыну (стр. 51, 67, ср. Чуб. VI, 43). Замѣчательно, что при раздѣлахъ старшему сыну достается большая часть имущества и постройки (стр. 61) и это составляетъ, повидимому, коренное убѣжденіе литовцевъ. (Ср. ст. г. Гуковскаго въ Памятной книжкѣ ковен. губ. на 1891 г., стр. 392). Власть отца вообще сурова и женщина находится въ болѣе подчиненномъ положеніи, чѣмъ у малороссовъ.

Авторъ, очевидно, хорошо знакомъ съ обычаями описываемой имъ мѣстности, но способъ изложенія его намъ кажется не совсѣмъ удачнымъ. Авторъ не вполнѣ отчетливо отдѣляетъ народныя юридическія воззрѣнія отъ существующихъ законоположеній, на многое смотритъ съ точки зрѣнія послѣднихъ; наконецъ, часто переходитъ къ разсужденіямъ чисто публицистическаго характера, вступаетъ въ борьбу съ сельскими «аблакатами» и пр.; затѣмъ, странное дѣленіе крестьянъ «на благоразумныхъ и честныхъ» и наоборотъ (напр. стр. 19 и мн. др.), и разсматриваніе многихъ обычаевъ у тѣхъ и другихъ отдѣльно вводитъ въ недоумѣніе читателя, ищущаго этнографическаго матеріала. Всѣ эти черты въ значительной мѣрѣ умаляютъ достоинство труда мѣстнаго изслѣдователя. Попадаются иногда сбивчивыя выраженія и даже противорѣчія. Напр. на стр. 27. авторъ указываетъ на то, что жена безропотно повинуется мужу, который является неограниченнымъ властелиномъ надъ нею, на стр. 29. говорится, что жена только помощница мужа, на 31-ой, что мужъ и жена съ одинаковымъ правомъ распоряжаются дѣтьми. Ясно, что первое противорѣчитъ послѣднимъ двумъ. Несмотря на эти недостатки, трудъ г. Фридмана, при бѣдности нашей литературы о Литвѣ, представляетъ интересную новинку.

М. Довнаръ-Запольскій.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы—10 Сѣверный Вѣстникъ—10 Наблюдатель—10 Русское Обозрѣніе—10 Русская Мысль—10 Русскій Архивъ 10—Русскій Вѣстникъ 10—Историческій Вѣстникъ—10 Русская Старина—10.

Русская Мысль X. 1891. Вс. Миллера. Экскурсы въ область русскаго эпоса. Продолженіе разбора вліянія иранскихъ эпическихъ сказаній на древне-

русскія, примѣнительно къ сказкѣ о Еруславѣ Лазаревичѣ (стран. 1—20).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ краткая рецензія на книгу: «Отчетъ о работахъ, произведенныхъ на опытныхъ поляхъ за 1890 г. А. Зайкевича». Означенныя опытныя поля были въ харьковской губ. (стр. 451).

Русскій Архивъ X. 1891. Записки Ф. Ф. Вигеля. Характеристика извѣстнаго министра народнаго просвѣщенія при Александрѣ I, графа Завадовскаго, котораго авторъ называетъ *умной украинской головой.* (стр. 13).

Русскій Вѣстникъ X. 1891 г. Въ одѣлѣ Новости Литературы: одобрительный отзывъ о книгѣ «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта харьковской и отчасти курской и воронежской губ. въ XVI — XVIII ст., собранные въ разныхъ архивахъ и редактированные *Д. И. Багалѣемъ*» т. 2-й стр. 361—362).

Историческій Вѣстникъ X. 1891 г. Въ отдѣлѣ критики: краткій отзывъ о книгѣ: «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта харьковской и отчасти курской и воронежской губерній въ XVI—XVIII столѣтіяхъ, собранные въ разныхъ архивахъ и редактированные *Д. И. Багалѣемъ* т. II.“ (стр. 259—261).

Тамъ же отзывъ о книгѣ Довнара Запольскаго—„Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII стол.» (стр. 261—262).

Въ отдѣлѣ смѣси: краткій отчетъ о 4 археологическихъ экскурсіяхъ проф. В. Б. Антоновича, предпринятыхъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ различныя мѣста юго-западнаго края. Изъ нихъ найболѣе замѣчательна экскурсія въ подольскую губ., гдѣ, въ ушицкомъ уѣздѣ, около с. Бакота, г. Антоновичемъ раскопанъ очень древній монастырь, высѣченный въ скалѣ (стр. 279—280).

Тамъ же подъ заглавіемъ «какъ мы охраняемъ наши древности», дѣлается краткое извлеченіе изъ сообщенія преосвящ. Димитрія—предсѣдателя каменецъ-подольскаго историко-статистическаго комитета о томъ, какъ небрежно относится православное духовенство къ памятникамъ старины, имѣющимся въ приходскихъ церквахъ (стр. 281).

Тамъ же: краткая замѣтка о существующихъ подъ г. Полтавой подземельяхъ, изъ которыхъ одно было изслѣдовано въ настоящемъ году (стр. 281—284).

Тамъ же краткій некрологъ извѣстнаго галицко-русскаго дѣятеля И. Г. Науновича (стр. 286—287).

Русская Старина X. 1891 г. «Н. М. Смирновъ и П. Н. Кулишъ». Жизневскаго. Небольшая замѣтка по поводу письма г-жи Смирновой (ноябрь 1890 г. въ Русской Старинѣ), въ которой авторъ укоряетъ г-жу Смирнову въ ложныхъ обвиненіяхъ противъ П. Н. Кулиша (стр. 182).

А. Е. Мартыновъ. Переписка Островскаго, Трубина и Щербины съ Өедоровымъ. По поводу смерти и погребенія извѣстнаго артиста Мартынова, умершаго 16 авг. 1860 г. въ Харьковѣ по дорогѣ изъ Крыма въ Москву (стр. 183—204).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1892 ГОДУ

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 р.	съ пересылкой въ другіе города 9 р.
съ достав. въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к.	за границей . . . . 12 р.

отдѣльно книга журнала 2 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **Рѣшенія Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената,** платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р. 50 к.

Рѣш. кас. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны сумма. Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ кас. рѣш. 9 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1892 ГОДЪ.

Въ **Ученыхъ Запискахъ** помѣщаются

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ команди-

ровкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

—2— Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

Дозволено ценз. Кіевъ, 31-го октября 1891 г.

хиерею, у которого доволно посидѣлемъ, а потомъ отехалемъ. Пасѣчникъ мой приходилъ зъ Плавинища о томъ, что 4 рои Богъ далъ. Генералъ Девейзбахъ писалъ до родителки о возвращеніи забратихъ косъ, будто напрасно, бо, якъ онъ написалъ, андріяшовцѣ на своей землѣ косили траву, а не на нашей. Отецъ Фома Збрискій пріехалъ въ Роменъ до архиерея. Зъ Лукомля о коню писано, которого Тишко, сторожъ чорнускій, у Горошка отобралъ. Тишко, сторожъ чорнускій, повернулся зъ сотенъ и привезлъ реестра именіе отъ сотниковъ о козакахъ, пошовшихъ въ походъ.

12. Неделя. Зъ Короваювъ привезено моей вовни бранки 50 рунъ старихъ, а ярачихъ 50, якая вся зложена въ муру. Циганъ Василенко приходилъ ко мнѣ и кружку срѣбную принеслъ мнѣ. Объ откупѣ атаманства циганского просилъ. Отецъ ректоръ Волчанскій бувъ у мене и просидѣлъ долго, а взялъ библіотецкую книжку Opera Gregorii Thaumaturgi, а другую позичилъ для прочитання Алъкоранъ Русскій . . . . (?). Черезъ козака лукомского писалемъ до Цися о присланню сторожа лохвицкаго, для отсилки оного въ походъ за п. Гамалѣею; 2, до атамана сенецкого, о присланню отвѣту о козакахъ, если всѣ війшли; до лукомского сотника и Орановского о коню рижомъ, Тишкомъ сторожемъ зъ Горошина припроваженномъ. Роменъ горѣлъ въ ночѣ и два двори згорѣло.

13. Архиерей кіевскій бувъ у Ромнѣ и службу Божую служилъ въ церквѣ Свято-Успенской Богородичиной. По службѣ у насъ обѣдъ кушалъ и до вечора забавился, а познѣй его еще писаръ и архидіяконъ.

14. У архиерея кушалисмо обѣдъ и доволно гуляли. Присланъ черезъ значкового товарища полку чернѣговского указъ зъ інструкцѣею обервалтмейстерскою, и другій указъ о утѣкачахъ, чтобы онихъ висилать за полкомъ, а утѣкачахъ тихъ, якіе отъ коменди Корицкого бѣжали. Писаръ Савѣцкій просилъ прощенія и за нимъ отецъ Глѣнскій, ігуменъ кирилскій, у таборѣ архиерейскомъ.

15. Олховскій, архиерейскій покоевій ближайшій, обѣдалъ у насъ. Архиерей киевскій отехалъ изъ Ромна въ Гадячъ. Стадо, кобили зъ лошатами п. полковника миргородского, продавано въ Ромнѣ. Получилемъ указовъ два зъ войсковой енер. канцелляріи: 1, о недержаню долгомъ въ вязенню колодниковъ, но рѣшеніе скорое онимъ, именно въ главныхъ винахъ сидячихъ, чинить; 2, о томъ, чтобъ зъ полку лубенского вислать подводъ 165 посполитихъ въ Царицинъ для подіому козаковъ болнихъ, при крѣпости обрѣтающихъся. Отецъ писаръ Ладинскій и архидіяконъ мились въ лазнѣ и вечерали. Котляръ лубенскій явился у насъ, которому карту далемъ до Романа, жеби въ Лубняхъ кухву меду взялъ, по настоящей цѣнѣ, розситити до шинку моего. Сторожъ лохвицкій посланъ въ сотнѣ зъ указомъ о висилцѣ въ походъ утѣкачовъ и зъ другимъ указомъ о береженіи лѣсовъ и зъ інструкцѣею обервалтмейстерскою. Остапъ Бондарусь опредѣленъ атаманомъ надъ значковыми роменскими. Карпъ ушолъ. Атаману Гинѣ говорилемъ, чтобъ уговорилъ зробить колѣсъ 60 воловихъ. Старостѣ засулскому, говорилемъ, жеби людямъ продалъ горѣлки моей куховъ 2, якая есть на Засуллю. Пархомъ о двухъ телицяхъ приблуднихъ, у его обрѣтаючихся, говорилъ, что мѣлъ отослать въ Криворудскій мой футоръ. Чабаную телицю приблудную казалемъ атаманови у себе удержати, до указу. Верещацѣ Петру судами ярмарковими казалемъ завѣдовать.

16. Капитанъ кгранадѐрского полку Философовъ бувъ у мене. Остапъ Глумъ скаржился на дячиху лубенскую, же межи скиртами его покосила сѣно. Кагве фунтовъ 5 купилемъ собѣ, взявши у Дениса шинкара 9 копъ. Зъ Ромна въ Глуховъ виехалемъ, а на ночъ пріехалемъ за Борзенку. Едучи билемъ въ Плавиницахъ, у своей пасѣцѣ, где улліовъ новихъ роевъ показалось 5, а самихъ роевъ 6.

17. Зъ ночлѣга писаръ Петрановскій отпущенъ въ Роменъ, а черезъ его писалемъ: 1, указъ въ сотнѣ о висилцѣ подводъ въ Царицинъ, именно: зъ ромен. 20, зъ смѣлян. 13, зъ глин. 13, зъ

лохвиц. 17, зъ сенец. 13, зъ город. 9, зъ чорнус. 11, зъ перат. 18, зъ лубен. 23, зъ луком. 18, зъ чигириндуб. 10, итого 165; 2, указъ о недолгомъ держаніи въ вязенняхъ колодниковъ; 3, до Семена Слюзенка, о висилцѣ козаковъ зъ сотнѣ сенецкой; 4, до Билима и Дяченка, о порученномъ имъ правленіи полковомъ; 5, до Верещаки, о судахъ ярмарковихъ и присутствіи его къ суду полковому; 6, до сотника наказ. пѣратинского, о висилцѣ утѣкачовъ нинѣшнихъ; 7, до родит. и сотника лохвицкого, черезъ сторожа лохвицкого. Лубенскій сторожъ въ Роменъ отправленъ для посилки его зъ указами. Федоръ Чуйкевичъ, едучи въ Роменъ, на ярмарокъ, бувъ у мене. На обѣдъ у Сухого Ромна, за Смѣлимъ, стали. Черезъ сторожа глинского отправилемъ указъ до Громѣки Івана, жебы приставомъ ишолъ при подводахъ въ Царицинъ. О томъ же и до Билима зъ товарищи писалемъ, чтобъ они о семъ опублѣковали въ сотнѣ, особливе писали би о подводахъ до городничого смѣловского. Селецкій зъ указомъ до прапорщика споткался. На ночъ пріехалисмо за Грузкую и стали на шляху, до Бѣлихъ Береговъ лежачомъ. Сотниченко сенецкій вернулъся зъ Глухова и сказалъ, что 20 р. денегъ отдалъ въ коллегію. Пріехалемъ до Грузкой и за Грузкою якъ би у милю ночовалемъ. Черезъ сторожа лукомского указъ послалемъ о меду продавать оного вѣдерко по 8 зол., буде дорогше неможно продати.

18. Оттуду поехавши къ перевозу Бѣлимъ Берегамъ и переехавши у озера, прозиваемого Святого, обѣдалемъ. Зъ обѣда поехавши къ Глухову черезъ Волокитинъ и Уздицю, билемъ въ пасѣцѣ своей, где пчоли роевъ молодихъ показалось 28. Оттуду едучи къ Глухову, стрѣтилемъ Василя и Грицка Перехриста, ехавшихъ въ Баничи, затимъ что тамъ атаманъ тамошній сѣно наше забираетъ, интерессуючись до сѣножати. Пріехалемъ на ночъ въ Глуховъ.

19. Неделя. Билемъ въ городѣ рано у дворѣ ясневелможной и не засталемъ самой, а видѣлемся зъ п. Скоропадскимъ. Листъ правителскій, въ Роменъ ко мнѣ посланній, зъ Ромна присланъ ко

мнѣ, о висилцѣ коммендѣра якого полкового, справного до козаковъ, коммендерованихъ до крѣпости, при которихъ якобы искусного нѣтъ коммендѣра, зъ донесення о томъ п. Милорадовича. Пріехала родителка въ Глуховъ. Былемъ у прокурора и просидѣлемъ. Марса хорта Павелъ п. Скоропадского взялъ, за которимъ и прокуроръ присилалъ.

20. Бувъ я рано у п. Левенца и служби Божой у Михайла ст. слухалемъ. Романъ тулиголовскій, бувши въ Глуховѣ, доноситъ, что горѣлки въ Тулиголовахъ есть 4 кухви и 3 бочки. Отправленъ козакъ сотнѣ роменской въ Роменъ отъ мене, зъ писмами двома, отъ архиерея бѣлогородского и родителки, до ігумена Сумского о вапнѣ, до Билима о выправѣ подводъ въ Царицинъ, до роменской старшини. Писмо до пѣратинской старшини послалемъ черезъ руки п. Яснополского, взглядомъ чинячихся отъ нихъ обидъ подданимъ ясневелможной. Поехалисмо въ монастиръ Гамалѣевскій зъ родителкою до ясневелможной, и ночовали на половинѣ дороги, за Словутомъ.

21. Пріехалисмо рано въ Гамалѣевку, где Вѣжевскій хлопецъ, за неисправность свою наказанъ зоставши, ушолъ. Указъ зъ Глухова принесенъ у вечеру за подписаніемъ колежскимъ зъ канцеляріи, въ которомъ предложено тое, ежели кто пожелаетъ смалцугъ свой продать, тотъ бы для торгу явился въ комерцъ-колегіи, а смалцугъ билъ бы добрій, крѣпкій, голубий.

22. Салдатъ зъ інструкцѣею пріехалъ, ехать мнѣ въ Глуховъ. Суддя нѣжинскій Лазаревичъ бувъ у ясневел. Гуляли до шуму.

23. Отправленъ салдатъ зъ картою, отъ мене данною ему, въ якой обявилемъ свой пріездъ въ Глуховъ, явленіе себе завтрійшого дня въ коллегіи. Староста лучанскій пріехалъ по указу правителей. Поехалемъ зъ Гамалѣевки и пріехалемъ въ Глуховъ передъ вечоромъ и былемъ у Кошелева.

24. Ездилемъ въ Сварковъ и тамъ ночовалемъ.

25. Поліовали зъ прокуроромъ и Скоропадскимъ; обѣдали въ Сварковѣ. На ночъ пріехалемъ въ Глуховъ, заехавши до Калюж-

ного футора. Получилемъ зъ Ромна писма: 1, указовъ 3, между которими и соостверноручній монаршій о содержаніи овецъ; 2, отъ сотника лохвицкаго, о утекшихъ зъ походу козакахъ; 3, отъ правящихъ Билима и протчихъ, о принесенних тудажъ указахъ и опубликованнихъ ими и о худолѣевскихъ; 4, указъ о послушенствѣ духовнихъ суду въ коллегіи; 5, отъ п. суддѣ прилуцкого о отцу Василію сорочинскомъ и о болѣзни его.

26. Неделя. На службу Божую пріехала родителка зъ Гамалѣевки въ Глуховъ. Бувъ я на службѣ въ Михайла, а по службѣ у сотника глуховского.

27. Бувъ въ коллегіи рано. Родителка отехала въ Роменъ. Пріехавши зъ коллегіи, отправилемъ черезъ п. Василя глинского, сотника наказного, указовъ два въ полкъ о присланню вѣденій: у многихъ ли, и именно у кого, обрѣтаются собственніе свои овци, и съ тихъ указовъ единъ Кривокобилскому, а другій Іосифу Василченку въ сотнѣ везти інструкцѣи послалемъ. О семъ всемъ, такъ же о посилцѣ Петра Верещаки въ сенецкую сотню, для злѣцення уряду наказного сотничества Семену Слюзенку и о худолѣевскомъ Гайдученку предерзостнику писалемъ до Билима. Бувъ у Николая злотника и видѣлъ шаблѣ свои, едну готовую, полскую, а другую непозолоченую.

28. П. Андрѣевая, швакгровая, пріехала зъ Сумъ. Зъ Овсѣемъ мѣрочникомъ торгъ учинился за зробленне и зовсѣмъ спораженне млина, на греблѣ Калюжновской: дать ему грошей зол. 50, житной муки полъ 2 четверика, гречаной полчетверика, пшеничной четверть, пшона полчетверти, горѣлки носатку, соли и сала по полтора пуда, риби вялой сотня, задатку дали 5 зол. Пива полъвару, тоесть 3 мѣрницѣ, зварили. Тишко сторожъ, посиланній до Овдоколля, повернулся зъ мужиками тамошними, привюзшими сюда гуссей, утятъ и курей. Онъ же Тишко отправленъ зъ листами до паней о 100 зол., Зарудному отъ родителя данних, на покупку верблюдовъ и комличатъ. До глинского Василя о присилцѣ меду, до Романа молодика о заплатѣ въ Ромнѣ за медъ, до Мартина о

пріездѣ его сюда и припроваженню коня сивого старого, до Лезовского о отосланню въ Роменъ каретокъ и посланню реестра объ штукахъ ихъ. Обозній Мартосъ лубенскій оженился на Кичкаровской.

29. Подводи зъ житомъ пошли до Тулиголовъ, на которихъ сюда прислать 2, а въ Камень 3 куховъ горѣлки, писалемъ до старости. П. Скоропадскій у насъ обѣдалъ. У лазнѣ билемъ. Зъ Смѣлого стрелцѣ дичину привезли

30. Получилъ я письмо отъ Артемія Петровича Волинского о присланню бандурки и скотини, коровъ и биковъ. У прокурора кушалъ я и билъ до вечера. Донесено мнѣ отъ войта Плетюнки, же на Калюжновскомъ полѣ нажато жита копъ 294. Допрошувалемъ Леонтія Янковского и писара Василя о допросѣ ихъ, что показали, будто они збирали викладніе денги по указу моему, чему они таятся и себе того не говорившихъ, признаютъ бити.

31. Сторожа бывшого смѣловского отправилемъ въ Роменъ зъ листами до Билима и Дяченка о присланню сюда Котляренка и Якима Кулябки въ комисари полковіе. До ихъ же листъ правителскій о утекшихъ зъ коллегіи 2 колодникахъ, для опубликованння о томъ послалемъ. Особливо указъ о подрадѣ смалцуги въ камерцъ-колегію для того жъ послалемъ къ нимъ. Сторожа глинского посдалемъ въ Прилуку зъ листомъ до п. суддѣ прилуцкого и зъ лѣкарствами. Алексѣй Макодонскій, пѣвчій княжій, бувъ у мене и игралъ на клавицимъбалѣ. У ключника грошей отобралемъ шинковнихъ рублей 30, 10 себѣ удержалемъ, а 20 Василеви господ. на росходъ всякій далемъ. Тарасъ ездилъ до Уздицѣ, гдѣ видѣлъ роевъ всѣхъ 53, а всей пчоли 211 изъ роями.

1. Августа. Князь Янъ Четвертинскій[1]) бувъ у мене, которому въ позику далемъ жита четверикъ розмѣрного зъ млина родионовского. На горѣ тутъ бувши, самъ смотрѣлемъ воску, кото-

---

[1]) Братъ Юрія Четвертинскаго, зятя гетмана Самойловича. (См. о немъ Историч. Вѣстн. 1880 г., августъ, 720 и слѣд.

рого показалось грудокъ 26, а една маленкая и въ нихъ ваги фунтовъ 712, опрочъ воску того, которій въ склепу 9 грудокъ.

2. Сторожъ чигириндубровскій отправленъ зъ Глухова, а чрезъ него писалемъ: 1, до Билима и проч., о присланню сюда въ комисари двохъ зъ 5-ти, Котляренка, Якима Кулябку, Громѣку меншого, Черняховского и Христича; 2, до чигиринду. старшины, о меду и лубенской о томъ же; 3, до комиссаровъ пол., о посланной къ нимъ інквизиціи о убійствѣ тамошнего человѣка; 4, до Орановского, о господарскихъ дѣлехъ. Черезъ Тараса молодика до пана Левенца послалемъ доношеніе, въ канцолярію надлежащее, о колодникахъ, въ Ромнѣ держимыхъ. Бувъ я у млинѣ Калюжновскомъ, где розмѣру по малой части було, а въ карбу мѣрочника показалось отъ Дмитровой суботи, когда онъ сталъ у млинѣ, до сего дня 86 четвертей жита.

3. Рано бувъ у коллегіи и получилъ указъ о томъ, чтобъ за тютюнъ и пчолу десатину брати по 20 л., а зо всѣхъ млиновъ противъ великороссійского по четвертой долѣ розмѣру, а владѣлцѣ сами мелници оправлялибъ. Мартинъ молодикъ повернулся зъ Ромна и привезлъ писма: 1, отъ родителки листъ утѣшителный зъ приложенною цедулою, требуемихъ п. суддѣною енер. вещей 41; 2, отъ Петрановского, о его зеханню въ Пѣратинъ; 3, отъ Слюзенка, о поворотѣ Криштопенка и взяткахъ; 4, отъ Гаврила Юска зъ Астраханѣ; и 5, реестръ о повернувшихся возахъ зъ Астраханѣ зъ рибою при Величку, а всей риби на 4 возахъ било: сазани 800 сотце, по полъчварта рубъ. зъ 5 копѣйками, сомовъ сотня 7 р., сули 1000, 6 р. и того на покупку рибъ пойшло грошей 189 зол. и 5 копѣй., а на протчіе розійшлись подорожніе росходи и харчъ, 12 зол. и 6 коп.; всѣхъ 201 зол. и 11 коп. Особливе зъ кримской дороги соли возъ присланъ. Черезъ козака, зъ Мартиномъ пріехавшого, сотнѣ чорнуской, зъ Курѣнки, Ярему пасинка пи . . . . . ного (?) послалемъ въ Роменъ: 1, до Билима, указъ колежскій висшенаписанній, для публѣкаціи; 2, до Петрановского, объ его въ Роменъ поворотѣ; 3, до Билима жъ и роменской стар-

шини, объ опредѣленіи ему жъ села . . . . . (?); 4, до Семена Слюзенка о виправѣ козаковъ сенецкихъ; 5, къ нему жъ цедулою, о взяткахъ и приложенъ указъ до старшини тамошней о битіи его сотникомъ наказнимъ; 6, до Романа, чтобъ рибу и соль сюда припровадилъ. Николай злотникъ принюсъ шаблю едну полскую, а на другую далемъ еще червоного.

4. Въ коллегіи бувъ у допроса о виїждживхъ. Джикгилъ, бившій сенецкій сторожъ, пріехалъ отъ слѣпого Криштопенка, зъ листами его однимъ, а другимъ Милорадовича, о его поворотѣ въ домъ. Козакъ роменскій стойчикъ привезлъ письма отъ Савѣцкого писара, інквизицію о проступцахъ чорнускихъ.

5. Черезъ двохъ козаковъ стойчиковъ писалемъ до род. о присланню крѣпостей на Калюжновскій футоръ и о указѣ къ Волжину, посланномъ о слѣдованіи на зборщиковъ поданнихъ чолобитнихъ. До Билима о худобѣ ляха Яна Мутяшевского, о посланню кого въ Сенчу взглядомъ болѣзни Криштопенка, о магазенахъ и о нестроеніи амбаровъ. Джикгилъ посиланъ зъ листами правителскимъ и моимъ до старод. товарищей, объ отпуску двохъ подводъ овдоколскихъ.

6. Преображеніе. Коммунѣковался. Вижевского хлопця сторожъ глинскій зъ Прилуки привезлъ. Другій сторожъ глинскій привезлъ зъ Глинска куфу меду. Джикгилъ повернулся зъ отвѣтомъ, нѣчого нескуравши, поневажъ оніе товарищи не вернули тихъ подводъ овдоколскихъ, но зъ собою въ Царицинъ потягли. Червоного Василеви отдалемъ писару.

7. Ездилемъ въ Калюжновскій футоръ и въ Сварковъ, и тамъ осмотрѣвши, пріехалемъ въ Глуховъ. Вѣжевскій въ Сварковъ отосланъ. Антонъ и Соколничій пріехали зъ Ромна и дрикганта вороностaffrokатого привели. Вимѣрали куфу меду и показалось 12 вѣдерокъ ровно глинскихъ, по 8 зол., итого 96 зол.

8. Билъ въ склепу и замѣровалъ вина. Получилъ указъ колежскій о томъ, чтобъ увѣдомить о здѣланномъ магазейну въ Ве-

ремѣовцѣ. Зъ вой. енер. канцеляріи принесено ко мнѣ доношеніе, отъ чаусовцевъ подданное въ оную на овдоколцовъ, за кгрунта.

9. Джикгилъ, бившій сторожъ сенецкій, отправленъ зъ указомъ и обявленіемъ о екзекуціи, въ С.П.Бурху януар. 24 бывшой, во всѣ сотнѣ. До Билима, о присланню сюда худолѣевскихъ людей, писалемъ черезъ его жъ. Въ Овдоколле глинского сторожа послалемъ. Заплатинъ и проч. обѣдали и подпияхомъ. Тогда жъ къ нему о слабости жени его вѣдомость прійшла.

10. 3 рублѣ Николаю злотнику послалемъ черезъ Клима за шаблѣ, и того далемъ 5 рублей всѣхъ, а еще 5 доводится. Трость купилемъ за 4 зол. Отъ атамана горошинского, пріехавшого въ Глуховъ, увѣдомилемся, что въ Круворудского футора зробили 70 скиртъ сѣна. Василя послалемъ въ Есмань за житомъ, сколко нажато, а Тараса въ Обложки за грошми, въ Тулиголовы за горѣлкою и житомъ, сколко нажато жъ, въ Уздицю за грошми, отъ шинкарей доводячимися. Соколничій отправленъ въ Роменъ зъ листомъ до родителки, а Антонъ въ Кролевецъ. Карпъ Огіенко явился у мене. Ездилемъ въ Сварковъ, где Козелъ хлопецъ утекъ.

11. Івану шабелнику далемъ шаблю полскую оправлять и на срѣбро 10 л. Допросъ мой читано въ коллегіи. У прокурора бувши, розговорувалемъ о віиждживхъ.

12. Зъ рибою Романъ пріехалъ: 4 вози риби, а пятій соли; риби, сомовъ „ “, короповъ 780, сули 9. Тарасъ молодикъ пріехавши сказалъ, что въ Тулиголовахъ жита нажали 134 копи; въ Уздицѣ пчоли 219. Романъ сказалъ, что на Кривой Рудѣ накосили сѣна 80, а въ степу сухоносовского—10 скиртъ.

13. У ясневел. обѣдалъ. По обѣдѣ, у склепу бувъ; потомъ у Кошелева, прокурора и князя Четвертинского, зъ прокуроромъ, а оттоль поехавши, до мене на вечеринку заехали и тутъ до полночи просидѣли.

14. Черезъ сторожа смѣловского получилемъ писма отъ родителки, и родителя 6 юня зъ Сулаку и отъ брата Семена, отпра-

вленіе. Антонъ Маценко бувъ у мене, допрошуючись реестровъ о козакахъ вишедшихъ. Писалемъ до родителки через старосту лучанского, отправившогося; до сотниковъ сенецкого, городиского и лукомлского о присилцѣ сюда именнихъ реестровъ козаковъ, вишедшихъ на низъ, а писалемъ через сторожа лукомлского. Обослалемъ колекгистовъ рибою, сомовъ—, короповъ—, сули—. Шаблю полскую, оправивши, шабелникъ принеслъ. Пшеницѣ нажали въ Калюж. хуторѣ 51 копа, а еще другая нива не зжата.

15. У п. Левенца рано билъ. Обѣдалъ у ясневел., где и прокуроръ, у которого по обѣдѣ сидѣли. Привезли зъ Тулиголовъ кабана оправного.

16. Неделя. Обѣдалъ у себѣ. Бувъ у Хрипунова. Оттоль у ясневелможной и поехалъ зъ попомъ Островскимъ въ футоръ Калюжновскій и тамъ ночовалъ. У футорѣ тогда оказалось овса нажатого 110 копъ, а еще часть недожата.

17. На обѣдъ въ пасѣку до Уздицѣ пріехалемъ, где пчоли 27 убито, а осталось 192.

18. Пріехавши оттуду, приспѣлемъ на обѣдъ у футоръ Калюжновскій, где у млина на обмѣлѣ, противъ скринѣ, докопались ями, куда вода текла. Коня сивого отцу Островскому за позиченное у его жито 4 четверики, далемъ, а онъ мѣетъ додать 2 четверти. Ему зась за брусся рубля. Поехавши оттуду къ Сваркову и тамъ бувши, велѣломъ майстрови свѣтелку дѣлать еще одну и ему жъ, жеби войтъ далъ 6 копъ грошей, казалемъ, а каменщику рубля Пріехалемъ на ночъ въ Глуховъ. Господинъ брегадиръ Велъяминовъ пріехалъ въ Глуховъ и сталъ на Веригинѣ, у которого позно билемъ и просидѣлемъ до полночи и вечералемъ. Взялъ п. Николай злотникъ срѣбра 3 гривни, 13 лот. и 2 злотника. У полской шаблѣ 2 гривни 7 лот. безъ ползлотника. У турецкой шаблѣ, 1 гривня и ползлота.

19. Брегадиръ у ясневелможной билъ и, по двѣ чарки виливши, отехалъ, а ми гуляли. Люде худолѣевскіе въ интересномъ дѣлѣ привезени въ Глуховъ. Полвару пива зварили.

20. Указъ зъ коллегіи получилемъ о показаніи імбаровъ для зсипки хлѣба надзирателю Нелидову. Меду 3 дѣжки розситили, а било 2 казани броварнихъ, зъ которихъ взяли розваренного меду куфу болшую и 4 бочки, мѣрницъ 4. У брегадира вечералемъ.

21. Въ колегіи бувъ и зятя Плетюнчиного на поруку освобожено. Романа послалемъ въ Роменъ зъ двома скринями запечатанними. До Билима о нескоромъ присланню худолѣевскихъ людей; до сенецкого сотника наказнаго о висилцѣ козаковъ зъ Буйнѣцкимъ и опредѣленіи наказного атаманства Коцубѣю Лукяну; до Глинского о моей горѣлцѣ; до Савѣцкого объ изслѣдованіи въ сотняхъ пѣр., гор., сенец. и лох. колодниковъ и въ онихъ же сотняхъ о продажѣ меду писалемъ. Романови далемъ указъ въ пунктахъ що чинить. Скоропадскій и князь били рано у мене. Овса въ Калюжновскомъ футорѣ нажали копъ 130 и гречки 130.

22. Указъ зъ коллегіи повторній о томъ, чтобъ увѣдомить оную о магазенѣ въ Веремѣевцѣ будучомъ, если въ цѣлости есть и нѣтъ ли течѣ дожчу и починкѣ оного, получилемъ. У прокурора рано былемъ, а зъ нимъ у брегадира. Брегадиръ пріймалъ гостей въ себе, где и я подпялій бувъ. Патрекей, секретаръ бившій колежскій, умеръ. Сенецкій сторожъ пріехалъ зъ писмами отъ сотника сенецкого, въ якомъ его писмѣ виражаетъ прежде посланную ко мнѣ вѣдомость, о взяткахъ сотника наказ. Криштопова; и отъ Орановского, въ якомъ пишетъ, что въ Кривой Рудѣ стало скиртъ сѣна нового 46, а еще 7 велѣлъ уробить, а старого 33; въ Сухоносовцѣ 11 уробили, а старого 6. Шабелнику на шаблю турецкую далемъ грошей 2 гривни; особливо ему жъ въ заплату далемъ зол. 2. Николаю злотнику доводится дать за шаблѣ еще 27 зол. и 5 ш. Ключникъ Климъ далъ грошей должнихъ Пуховичу зол. 30.

23. Неделя. Циганка, мужика сварковского, послалемъ подрадитись на дубину и грошей далемъ ему зол. 4. Василь поехалъ въ Ясманъ зъ людми орать. Столповскій бувъ у мене. П. Миклашевскій пріехалъ въ Глуховъ.

24. Заливали горло за городомъ двумъ грошоробамъ. Зъ Матвѣемъ, цехмистромъ гончарскимъ веригинскимъ, умовилемся, при отцу Островскомъ печъ въ боковой свѣтелцѣ зробить за 5 копъ. Билемъ у Сварковѣ и казалемъ дать Андрѣеви майстрови 5 рублей Плетюнцѣ. Сторожа сенецкого зъ писмами послалемъ въ Прилуку до п. суддѣ и п. Федора.

25. Рано бувъ у брегадира, оттуду въ дому. У ясневел. гуляли и подпияхомъ. Пуховиченку отдали и решту грошей 4 рублѣ и уже не виновати.

26. Зъ Матвѣемъ, цехмистромъ гончарскимъ, торгъ учинился, зробить ему 3 печи въ Сварковѣ, а ему за то дать 20 зол., а теперь задатку даломъ ему на всѣ печи рублей 2. Ездилемъ до радионовского млина, где розмѣру било близъ четверика. Полвару пива зварили.

27. Отъ Билима писмо о медленномъ присланню худолѣевскихъ людей получилемъ. Отъ родителки писмо жъ объ овцахъ получено жъ. Шинкарѣ тулиголовскій и уздицкій приездили, которимъ зъ денгами пріехать казалемъ.

28. Ясневел. була у брегадира и о нашемъ дѣлѣ говорилось. Билемъ у секретаря, у коллекгіи и у ясневел.; тамъ кушалемъ. П. Левенца зъ коллегіи отпущено въ домъ. Романъ тулиголовскій бувъ у Глуховѣ. Въ писмѣ сотника лукомского наказ., август. 10 писанномъ, приложенъ реестръ пригнанних коней моихъ зъ Хорола и статку, именно: шкапа гнѣдая зъ лошамъ, тожъ гнѣдая безъ лошати, чалій конь, гнѣдій, воловъ 6, гнѣдій, два половихъ, рижій, рябій, чорній.

29. Писма послалемъ черезъ козака пѣратинской сотнѣ села Осюковъ, Дмитра Макуху до правителей въ Роменъ о присланню сюда Криштопенка; объ овцахъ, жеби вѣдали силу указу: не овци, але господарей зревѣдовать. До ігумена мгарского о грошахъ 100 рубляхъ, брегадиромъ требуемихъ. До старшини роменской объ овцахъ же, толкуючи имъ указъ. До Билима о его правленіи. Ездилемъ въ Калюжного футоръ, где еще вновъ ужали пшеницѣ копъ 27,

а всей будетъ 82 копи. Оттоль билемъ въ Сварковѣ, где Циганокъ, вернувшійся отъ послушанія своего, ему о подрадѣ дубини приказанного и, нескуравши нѣчого, гроши вернулъ данніе ему 4 зол., зъ которихъ зъ двѣ гривны садовнику далемъ. Степанъ Новомлинскій дуль полумисокъ принюсъ, у вечеру. Епископъ чернѣговскій Іродіонъ Жураховскій бувъ въ Глуховѣ и отехалъ у монастырь Гамалѣевскій. Брегадиръ, прокуроръ, Скоропадскій въ Кролевецъ отехали. У Калюжновскомъ футорѣ засѣяли житомъ поле все, а пойшло жита полъ 5 четверика.

30. Неделя. Бувъ рано у секретара. Отправивъ Василя, господара, въ Кролевецъ, на ярмарокъ, за воскомъ, которого грудокъ 6 давнихъ, а семая теперъ забитая, въ якой ваги 40 фунт., а всего воску въ семи грудкахъ 6 каменей, да вовни 100 рунъ. Ямскій шинкаръ, пріехавши, взялъ пиво и далъ 6 рублей и 10 алт.

31. Отцу Островскому, едучому до Кролевца, на ярмарокъ, далемъ еще воску 50 фунт. Поехалемъ въ Гамалѣевку, где чернѣговского епископа Жураховскаго засталемъ.

Сентевр. 1. Архиерей въ Гамалѣевцѣ молебенъ новому году отправилъ, и подпияхомъ. Сторожъ сенецкій повернулся зъ Прилуки зъ тимъ отъ п. суддѣ и п. Федора писма привезлъ, въ которихъ болѣзнь, пухлятиною усугубившаяся, п. суддѣ означается.

2. Рано епископъ отехалъ. У лазнѣ въ Гамалѣевцѣ билемъ. Потомъ, надъ вечери, виехалемъ оттуду и пріехалемъ позно въ Тулиголови, где брегадира, прокурора и п. Скоропадского Михайла, зъ ярмарку кролевецкого повернувшихся и пріехавшихъ сюдажъ, въ мой дворокъ, засталемъ.

3. Брегадиръ, зъ протчіими поснѣдавши, поехали поліовать, а потомъ брегадирша зъ дочерю Василиссою, поснѣдавши жъ, поехала въ Глуховъ. Въ імбарѣ засталемъ горѣлки куховъ 3 и часть бочки. Моя сожительница на обѣдъ сюда жъ, въ Тулиголови, пріехала. Плетюнчинъ синъ пріехалъ по кухву горѣлки, на вишинкъ. Романъ, дворникъ, повернулся зъ Кролевца и сказалъ, что проданъ воскъ по 27 зол. камень, а всего воску, якоби было 7 камен. безъ 8 фунт.

Джикгилъ сенецкій повернулся зъ полку лубенского и привезлъ: 1) писмо отъ Билима и Дяченка, отвѣтное на многіе укази, до нихъ засиланіе, и приложеній реестръ писемъ, до нихъ посиланнихъ отъ мене; 2) репорти о полученномъ обявленіи бившой въ С. П. Бурху екзекуціи; 3) тожъ репорти о анбарахъ, жеби онихъ вновъ до указу не строить; 4) о утекшихъ съ походу козакахъ; 5) о подводахъ, виправленнихъ до Царицина; 6) о дачи вѣдомостей, у кого собственніе свои имѣются овци; 7) о подрадѣ смалцуга; 8) о утекшихъ зъ коллегіи колодникахъ; 9) о пчелной и проч. десятинахъ, жеби грошми платить въ казну, а не пчолами; 10) отъ Тонконога писмо о зимнихъ квартирахъ и мисячной платѣ; 11) отъ Занковскаго, о подсусѣдкахъ козацкихъ, въ Веремѣевцѣ будучихъ, якихъ притягаетъ Галаganъ до подданнихъ своихъ; 12) отъ старшины чигириндубровской, о Никифору, еремѣевскому жителеви, на которого показано во взятіи воровскихъ денегъ розискъ, особно ли онъ отъ матери своей живетъ и добрій ли человѣкъ, о томъ зъ коллегіи розискать велено; 13) отъ родителки писмо, желаючое нашего прибытія; 14) отъ Билима жъ отвѣтъ о слѣпомъ Криштопенку, по которого посланъ значковій, сюда оного припроводить въ Глуховъ, по указу канц. енер.

4. Стрѣлца чорторійского отпустилемъ домой, чтобъ бувъ въ понедѣлокъ взглядомъ шинку. Плетюнцѣ куфу горѣлки видано зъ імбару. Шинкарка тулиголовская принесла за медъ копъ 9, якіе взялъ Мартинъ и вмѣсто ключника Клима, писмомъ оную квѣтовалъ. Роману старостѣ наказъ далемъ о непередержованню великороссійскихъ людей. Ему жъ казалемъ деревъ, хвоини товстой, нарубать 200, якое мѣютъ въ Сварковъ перевезти тамошніе мужики, осипное жито мѣючіе возити. До старости ярославского писалемъ о томъ, чтобъ вернулъ тамошній мужикъ заграбленного коня, чили кобилу, Куриленка Ігната. Василь господаръ, зъ грошей, принятихъ за воскъ, Роману далъ рублей 9. Виехалъ зъ Тулиголовъ, а едучи поузъ шинкъ мой, казалемъ тамъ погребъ сдѣлать. Пріехалемъ въ футоръ Калюжновскій, где противъ скринѣ прокопано, а землею и гноемъ засипали, для того, что вода поузъ тарасованне ишла. У

футорѣ тютюнникъ сказовалъ, что шнуровъ на 1500 есть тютюну, а еще на 500 и болшъ, якоби мѣетъ бити. Тамъ же дворникъ говорилъ, что ліонъ першій змолотивши, насѣння полубочокъ зобралъ, а теперъ еще молотилъ послѣднего копъ на 5. Просо вязали тамъ же, у футорѣ. У Сварковъ пріехалемъ, где десятника, за невистатченне работниковъ садовнику, наказалемъ боемъ кіевимъ. Оттоль въ Глуховъ едучи, споткалемъ Плетюнку, зъ мѣста ехавшого, зъ побитимъ окомъ и щокою, пяного. Заездилемъ до шинковъ замѣскихъ и пріехалемъ въ домъ. Надзиратель Нелидовъ и зборщики пріехали въ Глуховъ.

5. У брегадира рано бувъ зъ княземъ и, не увидѣвши его за слабость, отехали къ прокурору, а отъ его поехалемъ домой и кушали у насъ князь и Скоропадскій. П. п. сотниковая седневская Войцеховичева и Григоріева Жоравкова пріехали въ Глуховъ, такъ же и отецъ Павелъ Свѣтъ зъ своею сожителницею. Отправилемъ Джикгиля въ Роменъ зъ писмами: 1) до родителки, о небытіи нашемъ въ Андрѣевцѣ на празднику, и о листѣ, Селецкимъ писанномъ до Леонтія, и о присилцѣ сюда овецъ и водки; 2) до правителей полковихъ, о присилцѣ сюда зъ сотенъ, город., луком, и сенец., именнихъ реестровъ козаковъ, въ низовій походъ виправленнихъ; 3) до Орановскаго, о присилцѣ сюда барановъ и овецъ непотребнихъ килка десятъ, о пчолѣ, жеби самую подлую бити, о запасѣ на хмѣль и о протчемъ, и чтобъ озимую пшеницю посѣять на степу сухоносовскомъ, и жита бъ болшъ посѣяно; 4) до Романа, слуги, объ увѣдомленіи мене о полѣценнихъ ему дѣлехъ. Зъ Ромна и съ Каменя пригнано сюда овецъ 20, да кухву горѣлки привезлъ конюшого хлопецъ; горѣлка оковитая пополамъ зъ простою.

6. Неделя. Надзиратель бувъ у мене и говоривъ о імбарахъ и придаванню карауловъ до коморъ, хлѣбомъ насипанних, которому указъ зъ коллегіи ко мнѣ виправити о томъ казалемъ и въ тотъ часъ тое будетъ чинитися по оному. На службѣ Божой билемъ у Михайла ст. и на службѣ у церкви. Докторовичъ, на лѣвомъ криласѣ стоявшій, ссоръ зъ дяками имѣлъ и зъ криласа випхано. Артѣлному барановъ 3, а козловъ 1, и по барилу водки даровалъ.

Столповскій обѣдалъ у мене и о своей сватби говорилъ. Отецъ Павелъ Свѣтъ отехалъ изъ Глухова. Ямщикъ привезлъ зъ Ромна письма: 1) отъ Івана Славѣнского доношеніе, что онъ овецъ продавать въ Коровинцяхъ не запрещалъ; 2) отъ Петрановского, о его отездѣ въ домъ прошеніе; 3) отъ Билима, о уменшенню компанѣйцевъ у Хмѣловѣ, а притягненню Медвежого къ дачѣ оного, и о глинчанахъ, нехотячихъ за зборщиковъ, зъ Ромна въ сотню ихъ вибраннихъ, дачи давать; 4) отъ Билима же, о присилцѣ сюда въ Глуховъ Івана Криштопенка; 5) отъ правител. пол., о полученнихъ указахъ зъ колегіи объ откупѣ индукти, о суддяхъ родственникахъ, о преступленіяхъ государственнихъ и партикулярнихъ, о переписованіи овецъ въ Коровинцахъ, по доношенію тамошнего старости, о амбарахъ, что оніе въ цѣлости суть; 6) объ овцахъ вѣденія и о полученномъ тамъ моемъ ордерѣ, о продажѣ меду зборного и о трембачахъ; 7) отъ отца ігумена мгарского отвѣтъ о денгахъ, 100 р., за павиліонъ должнихъ; 8) отъ сотника городиского, о пожежѣ двора его и реестру присланномъ козаковъ, въ походъ низовій ордиnованнихъ, безъ подпису руки его; 9) отъ Шимка, о магазейну, же цѣлъ увесь; 10) отъ чорнуского уряду, о проявившихся ворахъ. Вѣденіе объ овцахъ положено, сколько господарей въ полку лубенскомъ обрѣтается, которіе имѣютъ свои собственіи овци, именно въ сотняхъ лубенской—1976, въ ром.—2420; въ смѣлов.—744; въ глин.—1169; въ лохвицкой—1856; въ сенецкой—904, въ городис.—317; въ чорнуской—1139; въ пѣрат.—2344; въ луком.—1271; въ чигриндубров.—1350 и того всѣхъ господарей 15485.

7. Въ Ромевъ послалемъ листи, черезъ почтара ямщика, до правителей—резолюцію о трембачахъ компанѣйцяхъ и въ Чорнухахъ держимихъ ворахъ и чтобъ допросили, зъ якой причини перепѣсь овечая учинилася, и оніе реестра овечіе отослалемъ назадъ. До сотника городиского о пожежѣ двору его учинившойся зъ диссимуляціею и чтобъ на Саѕанку суда искалъ, и не самъ собѣ управу чинилъ, и реестра, козаковъ внизъ посланнихъ, для подпису руками ихъ, воспятъ послалемъ. До правителей же и инквизиція чорнуская послана. Степану, шевцю сварковскому, ~~шинковать~~ казалемъ въ

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „Кіевскую Старину“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Кузнечная № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—90 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ, 1-го ноября 1891 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXV. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

Комора въ Потокахъ.

СТАРИННЫЯ ВОЗЗРѢНІЯ НА САМОУБІЙСТВО И ОТГОЛОСОКЪ ИХЪ ВЪ НАРОДНЫХЪ ОБЫЧАЯХЪ ЮЖНОЙ-РУСИ.

Самоубійство, какъ сознательно-намѣренное прекращеніе собственной жизни, есть актъ настолько противный законамъ природы, что онъ совсѣмъ неизвѣстенъ въ мірѣ животныхъ и составляетъ печальную привилегію одного человѣка — и то лишь на высшихъ ступеняхъ его умственнаго развитія. Народы первобытные, какъ истинные дѣти природы, не знаютъ, что такое самоубійство. У грековъ въ древнѣйшую эпоху ихъ историческаго существованія самоубійства случались крайне рѣдко; послѣ пелопонезской войны развилась между ними болѣзненная склонность къ самоубійству и затѣмъ достигла наибольшей степени напряженности въ то время, когда Греція подпала подъ власть Рима. У римлянъ во времена республики не замѣчалось склонности къ самоубійству; она появилась только въ эпоху имперіи и, подъ вліяніемъ отчасти стоической философіи, распространилась по всему пространству государства. Можно сказать, что уже въ I в. до Р. Х. и въ I и II вв. по Р. Х. весь древній міръ придерживался пессимистическаго міровоззрѣнія, и потому пресыщеніе жизнью и самоубійство въ это переходное время составляли довольно частыя явленія: въ Греціи и въ Римѣ, въ Египтѣ и на Востокѣ люди были несчастливы, недовольны, утомлены жизнью и часто рѣшались добровольно прекратить свое существованіе.

Съ распространеніемъ христіанства исчезаетъ склонность къ самоубійству, и въ средніе вѣка, по крайней мѣрѣ въ западной Европѣ, это явленіе не вѣдомо. Бывали рѣдкіе, отдѣль-

ные случаи самоубійства, но ихъ всегда можно было объяснить частными причинами; склонность къ самоубійству не составляла въ то время, какъ теперь, общественнаго бѣдствія.

Начиная съ вѣка Возрожденія и Реформаціи, случаи самоубійства учащаются; въ XVIII в. въ западной Европѣ можно уже подмѣтить болѣзненную склонность къ самоубійству, а въ нашъ вѣкъ эта склонность является повсемѣстною и весьма распространенною. Съ каждымъ годомъ число случаевъ самоубійства увеличивается прогрессивно [1]). Нѣкоторые статистики полагаютъ, что теперь въ цивилизованныхъ государствахъ Европы около 50,000 человѣкъ ежегодно налагаютъ на себя руки. Добровольно лишаютъ себя жизни мужчины и женщины, старые и молодые (а у насъ въ Россіи даже и малолѣтніе), богатые и бѣдные, здоровые и больные.

Это постоянное увеличеніе случаевъ самоубійства во всѣхъ государствахъ Европы, вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа душевныхъ больныхъ, указываетъ на ненормальное положеніе европейскихъ обществъ и составляетъ самый печальный и наиболѣе знаменательный признакъ нашего времени.

Возникаетъ вопросъ: какія же причины обусловливаютъ тотъ фактъ, что въ извѣстныя историческія эпохи весьма многіе не только перестаютъ бояться смерти, какъ это свойственно людямъ, но даже сами охотно и добровольно призываютъ къ себѣ эту страшную гостью?

Точнаго и опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ не дала еще пока наука, да едвали онъ и возможенъ при ны-

---

[1]) Для доказательства этого положенія, заимствуемъ изъ книги вѣнскаго профессора д-ра Мазарыка „Der Selbstmord als sociale Massenerscheinung der modernen Civilisation. Wien, 1881.", которой мы пользуемся и въ другихъ мѣстахъ настоящаго очерка, слѣдующую статистическую таблицу.

Число случаевъ самоубійства было:

	въ 1866 г.	*въ 1876 г.*		*въ 1866 г.*	*въ 1876 г.*
Во Франціи	5119	5804.	Въ Даніи	443	506
Въ Цислейтаніи	1265	2438.	Въ Швеціи	309	409
Въ Италіи	588	1024.	Въ Англіи	1329	1770
Въ Саксоніи	704	981.	Въ Ирландіи	67	111
Въ Баваріи	410	522.			

нѣшнемъ состояніи изученія даннаго явленія. Эпидемія самоубійствъ не составляетъ историческаго явленія, совершившагося лишь въ прошломъ: это—живой, непрерывно совершающійся и съ каждымъ днемъ зловѣще возрастающій фактъ; поэтому одного историческаго метода для его изученія слишкомъ недостаточно. Если судить лишь по историческимъ даннымъ, касающимся чередованія эпидемій самоубійства въ прошлой жизни европейскихъ обществъ, то можно, пожалуй, прійти къ поразительнымъ и крайне неутѣшительнымъ выводамъ. Самоубійство, какъ мы видѣли, составляетъ печальную привилегію лишь культурныхъ народовъ, и степень его распространенности прямо пропорціональна широтѣ и высотѣ ихъ умственнаго развитія: въ исторіи Греціи эпоха самоубійствъ открывается тотчасъ послѣ Перикла и совпадаетъ съ вѣкомъ Сократа, Платота и Аристотеля; въ исторіи Рима она совпадаетъ съ золотымъ вѣкомъ его литературы; въ исторіи западной Европы— съ эпохой Возрожденія, и достигаетъ небывалаго напряженія въ наши дни. Этотъ выводъ какъ-будто находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ фактѣ, отмѣчаемомъ современной статистикой, что тѣ страны, въ коихъ образованіе сдѣлало наибольшіе успѣхи, какъ, напр., Франція, занимаютъ первое мѣсто въ статистическихъ таблицахъ о числѣ случаевъ самоубійствъ, и наоборотъ: тамъ, гдѣ научное образованіе не проникло еще глубоко въ народную массу, какъ наприм. въ Испаніи, Португаліи, тамъ самоубійства случаются рѣже. Еще болѣе поразителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ нашего отечества, гдѣ эпидемія самоубійствъ свирѣпствуетъ съ такою силою исключительно въ интеллигентныхъ общественныхъ кругахъ и почти не извѣстна среди массы простого, особенно сельскаго народа Враги просвѣщенія могутъ, пожалуй, повторить извѣстное восклицаніе Фамусова: „ученье—вотъ чума! ученость—вотъ причина!“ Но можно ли серьезно утверждать, будто распространенность самоубійствъ находится въ прямой зависимости отъ большей или меньшей степени умственнаго развитія извѣстнаго общества? Можно ли думать, что по мѣрѣ того, какъ человѣкъ, съ помощью гуманизирующаго и облагораживающаго вліянія

науки, пріучается болѣе цѣнить чужую жизнь, онъ менѣе дорожитъ собственною? Конечно, нѣтъ. Наука и просвѣщеніе такъ же мало повинны въ стремленіи людей къ самоуничтоженію, какъ не повинны они, напримѣръ, въ политическихъ революціяхъ, въ чемъ ихъ также иногда обвиняли. А тѣ историческіе факты, которые могутъ быть приведены якобы въ подтвержденіе этихъ обвиненій, находятъ весьма простое объясненіе въ томъ естественномъ явленіи, что умственно развитой человѣкъ несравненно болѣе страдаетъ отъ различнаго рода несовершенствъ окружающей его жизни и потому труднѣе мирится съ ними, нежели человѣкъ неразвитой.]

Столь же одностороннимъ представляется намъ и тотъ выводъ, къ какому пришелъ проф. вѣнскаго университета, д-ръ Мазарыкъ, посвятившій вопросу о самоубійствѣ цѣлую книгу. Въ своемъ изслѣдованіи онъ устанавливаетъ прежде всего два факта: во первыхъ, что статистическія данныя не позволяютъ будтобы объяснять теперешней склонности къ самоубійству ни вліяніемъ природы, ни тѣлесной организаціей современныхъ поколѣній, ни условіемъ ихъ общественнаго, политическаго и экономическаго быта; во вторыхъ, что [въ теченіе всей европейской исторіи болѣзненная склонность къ самоубійству развивалась именно въ тѣ времена, когда сила народной религіи ослабѣвала и распространялось невѣріе. Исходя изъ этихъ фактовъ, вѣнскій ученый склоненъ объяснять современную эпидемію самоубійства печальнымъ религіознымъ положеніемъ образованныхъ европейскихъ народовъ, все болѣе ухудшающимся, по его мнѣнію,] по мѣрѣ распространенія въ массахъ просвѣщенія.

Односторонность этого объясненія слишкомъ очевидна. Ему противорѣчитъ прежде всего тотъ общеизвѣстный фактъ, что между самоубійцами встрѣчаются нерѣдко люди религіозные. Еще болѣе спорнымъ представляется намъ утвержденіе вѣнскаго ученаго, будто степень распространенности самоубійствъ не находится ни въ какой зависимости отъ условій общественной и экономической жизни даннаго народа. Положеніе это можетъ быть правильно лишь въ примѣненіи къ такимъ случаямъ са-

моубійства, которые вызываются исключительно патологическими причинами: безнадежно-болѣзненнымъ состояніемъ, умопомѣшательствомъ и т. под.; въ остальныхъ же случаяхъ соціально-экономическія причины несомнѣнно играютъ видную роль. По статистическимъ даннымъ, наибольшее число самоубійствъ во Франціи, наприм., падаетъ на долю отставныхъ рабочихъ, которые по старости и слабосилію становятся неспособными къ труду. Точно также сомнительно и другое утвержденіе д-ра Мазарыка, будто нынѣшняя распространенность самоубійствъ не можетъ быть объясняема (хотя отчасти) вліяніемъ тѣлесной организаціи современныхъ поколѣній. Съ этимъ едвали могутъ согласиться врачи, которымъ при судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ труповъ самоубійцъ приходится часто наблюдать въ нихъ различнаго рода мозговыя аномаліи, наприм.: сростаніе оболочекъ мозга со сводомъ черепа и другія признаки, свидѣтельствующіе о преждевременной остановкѣ мозгового развитія. Эти аномаліи встрѣчаются у самоубійцъ такъ часто, что едвали можно объяснить ихъ дѣломъ случая; онѣ наводятъ на предположенія о явленіяхъ физическаго вырожденія, совершающагося не безъ вліянія соціально-экономическихъ причинъ. При данныхъ условіяхъ жизни рабочихъ классовъ, благодаря плохому питанію, худосочію родителей, пьянству, сырымъ и дурно вентилируемымъ помѣщеніямъ, плохому уходу за дѣтьми и многому-множеству другихъ причинъ, которыя всѣ въ концѣ концевъ опять таки сводятся къ главной язвѣ—нищетѣ и невѣжеству, человѣкъ уродуется съ колыбели такъ, что физически не можетъ сдѣлаться нормальнымъ членомъ общества. Въ одномъ случаѣ изъ него выходитъ преступникъ, въ другомъ онъ остается идіотомъ, кретиномъ, въ третьемъ—является жалкимъ существомъ, органически неспособнымъ приноровиться къ сложнымъ требованіямъ современной жизни, къ трудной борьбѣ за существованіе.

Упоминая обо всемъ этомъ, мы не имѣемъ, конечно, въ виду принимать на себя рѣшеніе вопроса о причинахъ распространенности самоубійствъ въ современныхъ обществахъ. Мы хотѣли только сказать, что явленіе это настолько сложно, что

его никакъ нельзя сводить къ исключительному дѣйствію одного какого-либо фактора, и что вопросъ о причинахъ самоубійства можетъ быть рѣшенъ не иначе, какъ путемъ весьма тщательныхъ статистическихъ наблюденій и изученій, при совокупномъ участіи представителей различныхъ отраслей науки и знанія. Иначе, моралистъ рѣшитъ его такъ, медикъ иначе, богословъ еще иначе, юристъ, филосовъ, историкъ—каждый по своему; и каждый съ своей точки зрѣнія будетъ правъ до извѣстной степени, потому что причины этого печальнаго явленія такъ разнообразны и сложны, что нѣтъ такого несовершенства въ современной жизни, которое не играло бы между ними какой нибудь роли.

Въ настоящемъ случаѣ наша задача сводится лишь къ тому, чтобы напомнить, какъ смотрѣли на самоубійство въ прежнія времена и какія мѣры были принимаемы для предупрежденія этого явленія.

У древнихъ народовъ самоубійство не считалось предосудительнымъ, а въ иныхъ случаяхъ, смотря по тому, какими побужденіями руководился самоубійца, его считали даже похвальнымъ дѣйствіемъ; такъ, наприм., смотрѣли на религіозное самоубійство индійцы и на политическое—римляне. Вообще же можно сказать, что въ древнемъ мірѣ преобладало безразличное отношеніе къ этому явленію. По римскому праву, за покушеніе на самоубійство наказывались только солдаты, но и эта мѣра вызывалась, какъ кажется, исключительно военными, а не этическими соображеніями, подобно тому какъ въ настоящее время наказуемо членовредительство, совершаемое съ цѣлью уклоненія отъ военной службы.

Христіанство впервые внесло въ міръ понятіе о самоубійствѣ, какъ о грѣховномъ дѣйствіи. Провозгласивъ догматъ о промыслѣ Божьемъ и исходя изъ совершенно новаго взгляда на человѣческую жизнь, какъ на подвигъ, возложенный на каждаго изъ насъ Богомъ съ извѣстными высшими цѣлями, христіанство логически не могло признать за человѣкомъ права на самовольное уклоненіе отъ этого подвига и произвольное

прекращеніе жизни, какъ дара Божія, и потому отнеслось къ самоубійству съ безусловнымъ осужденіемъ. Это сказалось еще во времена апостольскія, когда въ юной церкви возникло недоумѣніе, какъ относиться къ тѣмъ, которые, стремясь къ аскетическимъ подвигамъ и невѣрно толкуя нѣкоторыя мѣста евангелія, подвергали себя оскопленію. Въ такъ называемыхъ апостольскихъ правилахъ относительно такихъ лицъ было постановлено: „Самъ себе скопившій да не будетъ принятъ въ клиръ: самоубійца бо есть и врагъ Божія созданія“ [1]). Такимъ образомъ скопчество предано было осужденію именно, какъ частный видъ самоубійства. Собственно же самоубійство, надо полагать, долго еще оставалось явленіемъ небывалымъ среди послѣдователей новой вѣры, и потому ни у начальныхъ христіанскихъ писателей, ни въ постановленіяхъ первыхъ вселенскихъ соборовъ о немъ нѣтъ упоминаній. Впервые о немъ говорится въ каноническихъ отвѣтахъ александрійскаго епископа Тимоѳея, одного изъ отцевъ церкви конца IV вѣка. На вопросъ: „аще кто, будучи внѣ себя, подниметъ на себя руки, или повергнетъ себя съ высоты: за таковаго должно ли молиться или нѣтъ?“— св. Тимоѳей даетъ такой отвѣтъ: „О таковомъ священнослужитель долженъ разсудить, подлинно ли будучи внѣ ума содѣлалъ сіе. Ибо часто близкіе къ пострадавшему отъ самого себя, желая достигнуть, да будетъ приношеніе и молитва за него, неправдуютъ и глаголютъ, яко былъ внѣ себя. Можетъ же быть, что содѣлалъ сіе отъ обиды человѣческой, или по иному какому случаю отъ малодушія: и о таковомъ не подобаетъ быти приношенію, ибо есть самоубійца. Посему священнослужитель непремѣнно долженъ со всякимъ тщаніемъ испытывать, да не подпадетъ осужденію“ [2]).

Прошло, однако, еще триста лѣтъ прежде, чѣмъ это частное мнѣніе александрійскаго епископа, или, быть можетъ, мѣстное установленіе египетской церкви, сдѣлалось общимъ прави-

---

[1]) 22 апост. правило.

[2]) Книга Правилъ св. апостолъ, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. отецъ, въ преложеніи съ еллинскаго нарѣчія на славено-россійское. Москва, 1874 г., стр. 424.

ломъ всего христіанскаго міра. Каноническіе отвѣты Тимоѳея лишь на шестомъ вселенскомъ соборѣ (въ 691 г.) были приняты въ церковный законъ, и съ тѣхъ поръ правило о томъ, что не должно молиться объ умышленныхъ самоубійцахъ, получило каноническую силу, признаваемую церковью и въ настоящее время.

Такъ какъ въ греческой церкви покойниковъ обыкновенно хоронили на церковныхъ погостахъ, то запрещеніе приносить за душу самоубійцъ церковныя молитвы повело впослѣдствіи къ установленію обычая хоронить самоубійцъ не на общемъ кладбищѣ, а отдѣльно. Въ такомъ видѣ обычай этотъ перешелъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и къ намъ, на Русь. Въ одномъ древнерусскомъ каноническомъ памятникѣ, къ сожалѣнію, не датированномъ, но, судя по содержанію и языку, принадлежащемъ глубокой древности и имѣющемъ много общаго съ извѣстными „въпрошаніями Кирика", въ числѣ вопросовъ и отвѣтовъ о разныхъ случаяхъ пастырской практики, есть и такой вопросъ: „аще человѣкъ утонетъ, или удавится, или поколется самъ, таковыхъ проводити ли?" Отвѣтъ: „Ино въ землю положити опричь Божія церкви, а не пѣти по нихъ, ни проводити: понеже самовольно есть, а не Богу жертва" [1]). Еще болѣе опредѣлительное предписаніе относительно погребенія самоубійцъ находимъ въ грамотѣ московскаго митрополита Фотія псковскому духовенству (1417 г.): „аще (кто) по грѣху умреть и напрасно, а не отъ своихъ рукъ, или нужно утонеть, тѣхъ по закону погрести и пѣти надъ ними и поминати ихъ въ святыхъ службахъ; а который отъ своихъ рукъ погубиться, удавиться или ножемъ изболется, или въ воду себе ввержеть: ино, по святымъ правиломъ, тѣхъ не велѣно у церквей хоронити, ни надъ ними пѣти, ни поминати, но въ пустѣ мѣстѣ, въ яму вложивъ, закопати; створить же о душахъ ихъ Господь, якоже самъ вѣсть, по своимъ неизреченнымъ судьбамъ; заньже святіи отцы именують тѣхъ самовольною жертвою, даема не Богу" [2]).

---

[1]) Русская Историч. Библіотека, т. VI, стр. 861.

[2]) Ibidem, стр. 579.

Такимъ образомъ, по каноническимъ воззрѣніямъ древней греческой церкви, усвоеннымъ русскою церковью, хотя умышленное самоубійство осуждается, какъ „самовольная жертва, даема не Богу“, но загробная участь самоубійцъ отнюдь не предрѣшается въ томъ безнадежномъ смыслѣ, какъ она представляется по народнымъ воззрѣніямъ. Замѣчательно по глубинѣ мысли и христіанскому духу это выраженіе митроп. Фотія: „створить же о душахъ ихъ (самоубійцъ) Господь, якоже самъ вѣсть, по своимъ неизреченнымъ судьбамъ“. Дѣйствительно, въ основномъ источникѣ христіанскаго вѣроученія, т. е. въ священномъ писаніи, нѣтъ прямыхъ указаній о томъ, какая судьба постигнетъ самоубійцъ въ загробной жизни; поэтому церковь какъ-бы устраняетъ себя отъ суда надъ ними, предоставляя ихъ будущую судьбу всецѣло суду Божію. Эта именно мысль и лежитъ въ основѣ церковнаго запрещенія хоронить умышленныхъ самоубійцъ по христіанскимъ обрядамъ и совершать по нимъ поминовенія. Исходя изъ этого христіанскаго взгляда на самоубійство, не можетъ быть, конечно, и рѣчи о какихь либо позорныхъ для памяти самоубійцы дѣйствіяхъ надъ его трупомъ, погребеніи его рукою палача и другихъ грубыхъ издѣвательствахъ, равно какъ нѣтъ основанія для теоріи уголовной наказуемости за самоубійство; и точно, ни о чемъ подобномъ не было у насъ и помину ни въ церковныхъ правилахъ, ни въ государственномъ законодательствѣ—до временъ Петра Великаго.

Не то было въ западной Европѣ. Тамъ христіанское понятіе о грѣховности умышленнаго самоубійства встрѣтило весьма благопріятную почву для развитія въ народныхъ обычаяхъ и воззрѣніяхъ, вездѣ и всегда болѣе или менѣе неблагопріятныхъ для самоубійцъ, и затѣмъ, усвоенное средневѣковымъ государственнымъ правомъ, выродилось въ теорію уголовной наказуемости за самоубійство, которая въ свою очередь привела къ установленію цѣлой системы карательныхъ мѣръ, направленныхъ къ опозоренію памяти умышлено лишившихъ себя жизни и къ устрашенію тѣхъ, кто вздумалъ бы слѣдовать ихъ примѣру. Это было въ духѣ того жестокаго времени, когда не дѣлалось строгаго различія между поступками, грѣховными съ точки зрѣнія христіанской морали,

и уголовно-наказуемыми преступленіями, и когда мечъ, висѣлица и костеръ признавались наиболѣе дѣйствительными средствами для вкорененія истинныхъ догматовъ вѣры, правилъ нравственности и благоповеденія. Во многихъ средневѣковыхъ кодексахъ самоубійство возведено было на степень тяжкаго уголовнаго преступленія, одно лишь покушеніе на которое наказывалось смертью, какъ покушеніе на убійство; оконченное же самоубійство влекло за собою: конфискацію имущества самоубійцы, уничтоженіе силы его духовнаго завѣщанія и позорное погребеніе рукою палача. Обряды этого погребенія, сходные по характеру безцѣльной жестокости и первобытной грубости, въ различныхъ странахъ имѣли свои мѣстныя отличія: у нѣмцевъ практиковалось такъ называемое „ослиное“ погребеніе, сопровождавшееся позорными церемоніями, совершаемыми надъ трупомъ самоубійцы; у французовъ—влаченіе на плетенкѣ (traine sur la claie), состоявшее въ томъ, что трупъ самоубійцы былъ влачимъ лицемъ къ землѣ по улицамъ, привязанный къ повозкѣ, и затѣмъ бросаемъ въ живодернѣ; у англичанъ самоубійцъ зарывали на перекресткахъ и пробивали трупъ коломъ [1]). Къ стыду человѣчества, эти безсмысленныя жестокости практиковались до конца XVIII ст., а по мѣстамъ и того долѣе. Въ Англіи законъ о конфискаціи имущества самоубійцы и зарытіи его трупа на перекресткѣ съ пробитіемъ коломъ отмѣненъ лишь въ 1824 г. при королѣ Георгѣ IV, причемъ хотя и было предписано впредь хоронить самоубійцъ на общихъ кладбищахъ, но безъ религіозныхъ обрядовъ отпѣванія и притомъ въ исключительное время, отъ 9-ти часовъ вечера до полуночи. Въ другихъ странахъ, наприм. въ Саксоніи и въ штатѣ Масачусетсъ, съ отмѣною прежнихъ позорныхъ обрядовъ погребенія, до недавняго еще времени существовали предписанія объ отсылкѣ труповъ самоубійцъ въ анатомическіе театры.

Со временъ Петра Великаго средневѣковыя воззрѣнія на самоубійство были перенесены и въ русское законодательство.

---

[1]) Кистяковскій А. Ѳ., Учебникъ общаго уголовнаго права, стр. 877. „Кіевск. ст.“ 1890 г., январь, стр. 64.

Въ извѣстныхъ Воинскихъ артикулахъ (1716 г.), цѣликомъ составленныхъ по образцамъ иноземнаго права, покушеніе на самоубійство было обложено тѣмъ же самымъ наказаніемъ, какъ и покушеніе на убійство; тамъ же впервые былъ предписанъ и невѣдомый до того времени въ Великороссіи обрядъ позорнаго погребенія самоубійцъ: „Ежели кто самъ себе убьетъ, то надлежитъ палачу тѣло его въ безчестное мѣсто отволочь и закопать, волоча прежде по улицамъ или обозу“ (ст. 164). Можно полагать, что узаконеніе это не было лишь результатомъ подражательности Петра иноземнымъ порядкамъ, но было вызвано обстоятельствами тогдашней борьбы его съ раскольниками, которые, спасаясь отъ правительственныхъ преслѣдованій, нерѣдко цѣлыми толпами лишали себя жизни. Противъ такого крайняго способа самозащиты Петръ боролся и другими средствами: по его приказу неоднократно были издаваемы свят. Синодомъ особые увѣщательные листки, направленные противъ самоубійцъ и самосожигателей [1]). Какъ бы то ни было, но только средневѣковый взглядъ на самоубійство, впервые перенесенный къ намъ Петромъ В., и до сихъ поръ удержанъ русскимъ законодательствомъ, не смотря на то, что взглядъ этотъ давно уже отвергнутъ новѣйшею наукою уголовнаго права и не встрѣчается болѣе ни въ одномъ изъ современныхъ кодексовъ. И по нынѣ дѣйствующимъ русскимъ законамъ умышленное самоубійство почитается преступленіемъ, влекущимъ за собою: а) отнятіе силы у духовнаго завѣщанія и всякаго другого предсмертнаго распоряженія самоубійцы и б) лишеніе христіанскаго погребенія, если самоубійца принадлежалъ къ одному изъ христіанскихъ исповѣданій; покушеніе же на самоубійство наказывается церковнымъ покаяніемъ [2]). Не отмѣненъ до сихъ поръ и тотъ позорный способъ погребенія, какой установленъ былъ „артикулами“ Петра Великаго: въ 923 ст. XIII т. св. зак. (изд. 1857 г.) предписывается: „тѣло умышленнаго самоубійцы над-

---

[1]) Хронологическій указатель славяно-русскихъ книгъ, Викторова, №№ 1659 и 1677.

[2]) Уложеніе о наказаніяхъ, ст. 1472 и 1473.

лежитъ палачу въ безчестное мѣсто оттащить и тамъ закопать."—Нечего и упоминать, что подобныхъ предписаній давно уже нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ законодательствѣ. Новѣйшая наука уголовнаго права безусловно отвергла состоятельность какихъ бы то ни было карательныхъ мѣръ въ отношеніи къ самоубійцамъ и установила теорію, по которой самоубійство признается юридически-безразличнымъ дѣйствіемъ какъ потому, что человѣкъ въ отношеніи къ самому себѣ находится только въ нравственныхъ, а не юридическихъ отношеніяхъ, такъ и потому, что самоубійство совершается или въ завѣдомомъ разстройствѣ душевныхъ способностей, или во временномъ ненормальномъ состояніи.

Законодательныя мѣры о самоубійствѣ, установленныя Петромъ Великимъ, были новостью только для Великой Россіи; что же касается Малороссіи и другихъ русскихъ областей, входившихъ нѣкогда въ составъ польско-литовскаго государства и издавна открытыхъ западно-европейскимъ культурнымъ вліяніямъ, то сюда съ незапамятныхъ временъ проникли и пустили глубокія корни въ народномъ быту средневѣковые предразсудки относительно самоубійцъ. Кажется, что для усвоенія этихъ предразсудковъ существовала въ южной Руси благопріятная почва въ исконномъ народномъ предубѣжденіи противъ самоубійцъ, — предубѣжденіи, которое, можетъ быть, скорѣе было ослаблено, нежели усилено подъ вліяніемъ христіанства. Въ древнемъ „уставѣ", приписываемомъ Владиміру Мономаху, находимъ такое предписаніе: „иже повѣситься на древѣ,... да не пребудетъ тѣло его на древѣ, въ гробѣ погребуть и въ тъ день" [1]). Трудно съ достовѣрностью опредѣлить, относится ли это предписаніе къ самоубійцамъ, или, быть можетъ, къ преступникамъ, казненнымъ чрезъ повѣшеніе. Если вѣрно первое толкованіе, то на основаніи этого законоположенія можно вывести заключеніе, что въ древней, дохристіанской Руси существовалъ обычай, вовсе лишавшій самоубійцъ погре-

---

[1]) Полн. собр. русск. лѣт., т. XVI, стр. 301.

бенія, и что обычай этотъ не скоро исчезъ послѣ введенія христіанства. Со времени подчиненія югозападной Руси Литвѣ и затѣмъ соединенія съ Польшей, въ которой издавна существовали нѣмецкія колоніи, открывается періодъ безпрепятственнаго притока въ южную Русь иноземныхъ, преимущественно нѣмецкихъ культурныхъ понятій, обычаевъ, повѣрій и предразсудковъ. Въ частности, что касается средневѣковыхъ воззрѣній относительно юридической наказуемости самоубійцъ, то для нихъ открытъ былъ широкій путь въ народную среду чрезъ посредство магдебургскаго права, дѣйствовавшаго во многихъ южнорусскихъ городахъ уже въ XV ст. Съ того времени постановленія нѣмецкаго права о самоубійцахъ несомнѣнно имѣли у насъ и практическое примѣненіе. Правда, въ той громадной массѣ историко-юридическихъ матеріаловъ, какая по настоящее время открыта и обнародована, намъ не приходилось до сихъ поръ встрѣтить ни одного указанія на то, какъ поступали съ самоубійцами въ XVI—XVII вв.; но это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что случаи самовольнаго лишенія жизни были въ то время, какъ и теперь среди сельскаго малорусскаго народа, чрезвычайно рѣдки. За то изъ XVIII ст. извѣстенъ одинъ весьма характерный случай такого рода, происшедшій на Волыни. Въ январѣ 1782 г. магистратъ м. Олыки собрался по слѣдующему чрезвычайному поводу: войтъ мѣстечка Иванъ Рысецкій неожиданно для всѣхъ окончилъ дни свои „ганебною смертью“, именно найденъ былъ повѣсившимся на своемъ хуторѣ. Обсудивъ обстоятельства этого „несчастнаго случая“, магистратъ, не взирая на то выдающееся общественное положеніе, какое занималъ покойный, издалъ такой декретъ относительно бывшаго своего президента: „во исполненіе предписанія магдебургскаго права, постановленнаго для подобныхъ случаевъ, и въ устрашеніе другимъ „десператамъ“, трупъ самоубійцы Рысецкаго, привязавъ къ конскому хвосту, влачить по улицамъ для „презентаціи“ всему мѣстечку, а случай этотъ для памяти „въ потомные часы „записать въ книги“,—что и было приведено въ испол-

неніе [1]); ни о консфискаціи имущества самоубійцы, ни о томъ, гдѣ и какъ долженъ быть похороненъ его трупъ, въ декретѣ не говорится ни слова. Любопытно также, что ни въ одной изъ найболѣе употребительныхъ въ то время польскихъ передѣлокъ магдебургскаго права, исполнявшихъ роль руководящихъ законныхъ книгъ, мы не нашли ни одного слова въ подтвержденіе той глухой ссылки на магдебургское право, какая сдѣлана въ декретѣ олыцкаго магистрата; ни у Щербича, ни у Гроицкаго о самоубійствѣ нѣтъ даже упоминанія. Фактъ этотъ какъ бы подтверждаетъ мнѣніе профессора В. Б. Антоновича, высказанное имъ въ изслѣдованіи объ исторіи южнорусскихъ городовъ, что магистратскіе суды при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ большею частью лишь для формы, наобумъ дѣлали ссылки на магдебургское право, руководствуясь на дѣлѣ преданіями мѣстнаго обычнаго права. Но, съ другой стороны, мы знаемъ, что въ составъ дѣйствовавшаго въ Польшѣ и Малороссіи магдебургскаго права входило, въ числѣ другихъ кодексовъ, и такъ называемое *Право цесарское*, т. е. передѣлка или вольная передача на польскомъ языкѣ извѣстнаго Constitutio criminalis Carolina, изданнаго Карломъ V; а въ этомъ послѣднемъ кодексѣ несомнѣнно заключалось предписаніе подвергать умышленныхъ самоубійцъ такъ называемому „ослиному“ погребенію.

Послѣ всего сказаннаго становится отчасти понятнымъ тотъ фактъ, что въ малорусскомъ народѣ по настоящее время упорно удерживается крайне суровый взглядъ на самоубійство и сознаніе необходимости нѣкоторыхъ исключительныхъ обрядовъ погребенія самоубійцъ. Самый отчаянный преступникъ не пользуется у насъ такой дурной посмертной славой, какъ человѣкъ, имѣвшій несчастіе умереть отъ своихъ рукъ. Для самоубійцы, по народному понятію, нѣтъ мѣста на общемъ кладбищѣ: его зароютъ на распутьи, безъ молитвы и креста, „якъ падло“; если же, по настоянію властей, онъ будетъ похороненъ на кладбищѣ, то народъ, при первомъ случаѣ засухи, эпидеміи или

---

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, часть V, т. 1, стр. 460.

другого общественнаго бѣдствія, отроетъ его могилу и надругается надъ его прахомъ. Дома, въ которыхъ произошло самоубійство, надолго, а въ иныхъ случаяхъ и навсегда остаются „пустками"; во всякомъ случаѣ въ нихъ поселяются снова не иначе, какъ предварительно освятивъ ихъ. Душа самоубійцы почитается погибшей навѣки и приравнивается къ „нечистымъ" духамъ. На Волыни и въ Подольи существуетъ вѣрованіе, что всякій самоубійца по смерти становится упыремъ. Его духъ проникается ненавистью къ людямъ: по ночамъ онъ выходитъ изъ могилы и причиняетъ имъ вредъ. Всѣ бѣдствія народныя—моръ, засуха, эпидеміи—приписываются вліянію упырей-самоубійцъ. Чтобы воспрепятствовать упырямъ дѣлать зло, народъ нерѣдко раскапываетъ ихъ могилы и пробиваетъ трупы осиновымъ коломъ; по мѣстамъ вбиваютъ еще въ голову, по-за ушами, два зубца изъ бороны. Въ особенности суевѣрный ужасъ питаетъ народъ къ „вѣшальникамъ". Въ Подольи ихъ закапываютъ на границѣ полей, вложивъ имъ въ ротъ желѣзный гвоздь изъ бороны и пробивъ грудь осиновымъ коломъ [1]).

Опредѣлить, сколько въ этихъ повѣрьяхъ своего, самобытно-народнаго, и сколько заимствованнаго — очень трудно; кажется, однако, что чужого здѣсь едвали не больше, чѣмъ своего. Повѣрье, что самоубійцы по смерти становятся упырями, свойственно не однимъ малороссамъ. Въ Англіи также считаютъ самоубійцъ вампирами и думаютъ, что они выходятъ изъ могилъ и мучатъ людей. Тамъ же до недавняго времени существовалъ совершенно сходный съ малорусскимъ обычай хоронить самоубійцъ на перекресткахъ дорогъ и пробивать трупы коломъ. Какъ было раньше упомянуто, обычай этотъ отмѣненъ лишь въ 1824 г., но оказался настолько живучимъ въ быту народномъ, что не далѣе какъ въ 1882 г. понадобилось изданіе повторительнаго запрещенія хоронить самоубійцъ на перекресткахъ и пробивать ихъ коломъ. Въ Шотландіи и въ настоящее время са-

[1]) Kopernicki, Zbior Wiadomosci, т. XI, стр. 196. Чубинскій, Труды этногр. экспедиціи, т. I, стр. 209.

моубійцъ хоронятъ вдали отъ жилыхъ мѣстъ, въ глухихъ пещерахъ, чтобъ отъ нихъ не видно было ни полей, ни моря, такъ какъ духъ самоубійцы можетъ вредить имъ [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшія изысканія по сравнительной этнографіи увеличатъ число подобныхъ аналогій въ области народныхъ вѣрованій и обычаевъ.

О. Левицкій.

---

[1]) Проф. Сумцова: „Культ. переживанія“, Кіевск. Стар. 1890 г.. январь.

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

24 мая, съ 8 часовъ утра, начался пріѣздъ во дворецъ, чтобъ откланяться Императрицѣ по случаю назначеннаго ею въ этотъ день отъѣзда изъ Севастополя. Собралась вся свита, явился контръ-адмиралъ графъ Войновичъ и съ нимъ штабъ и оберъ-офицеры черноморскаго флота.

Графъ Фалькенштейнъ не прибылъ во дворецъ, а отправился въ Балаклаву для обозрѣнія тамошнихъ мѣстностей.

Въ половинѣ 9-го часа Императрица вышла въ „*Камеру Собранія*" и начала жаловать къ рукѣ: графа Войновича, капитановъ бригадирскаго ранга: Алексіано и Ушакова, капитановъ 1-го ранга Тизделя, Таро и прочихъ штабъ и оберъ-офицеровъ черноморскаго флота. Они всѣ приносили благодареніе за пожалованіе ихъ брилліантовыми и золотыми подарками и деньгами. Нижнимъ чинамъ флота и Севастопольскаго адмиралтейства Императрица пожаловала по одному рублю на человѣка.

При пушечныхъ выстрѣлахъ съ флота и съ береговыхъ батарей императорскій поѣздъ тронулся изъ Севастополя въ 9 ч. утра по дорогѣ къ станціи Скели, разстояніемъ отъ Севастополя въ 42 верстахъ. Перемѣна лошадей была въ мѣстечкѣ Каморы, проѣхавъ 16 верстъ.—Отсюда начиналась знаменитая своею красотою Байдарская долина, въ которой была станція Скели, принадлежавшая князю Потемкину.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1891 г., № 11.

По выѣздѣ изъ м. Каморы, къ императорскому поѣзду присоединился гр. Фалькенштейнъ, котораго Императрица пригласила въ свою шестимѣстную карету.

Въ Байдарской долинѣ записано въ современномъ камеръ-фурьерскомъ журналѣ: „каждый шагъ являлъ зрѣнію различные виды, составленные изъ живыхъ картинъ, въ пріятномъ смѣшеніи высокихъ горъ, обиталищъ, плодоносныхъ деревъ и неподражаемыхъ неровностей мѣстоположеній“.

Такоеже оффиціальное описаніе прелестей Байдарской долины принадлежитъ перу камеръ-фурьера Андрея Волкодава.

По дорогѣ къ Скели Императрицѣ былъ приготовленъ Потемкинымъ необыкновеннный сюрпризъ, особеннаго рода.

Когда проѣзжали по близости Балаклавы, на встрѣчу вышли священникъ греческій съ крестомъ и жители греки, мужчины и женщины, съ хлѣбомъ и солью. Императрица приложилась ко кресту, поблагодарила всѣхъ,—но едва тронули императорскій экипажъ, какъ принуждены были остановиться—на *дорогѣ стояла вооруженная рота амазонокъ.*

Странно, что ни графъ Фалькенштейнъ, ни графъ Сегюръ не оставили въ своихъ запискахъ воспоминаній объ этихъ амазонкахъ, а между тѣмъ объ нихъ упоминаетъ принцъ Делинь въ своихъ письмахъ къ Маркизѣ К...[1]).

„Я видѣлъ, пишетъ принцъ Делинь, лица баталіона албанокъ изъ небольшой македонской колоніи, поселившейся въ Балаклавѣ: на срѣтеніе наше вышли, чтобъ сдѣлать намъ честь, а не изъ любопытства, 200 прекрасныхъ женщинъ или дѣвицъ, вооруженныхъ ружьями, штыками и пиками, съ амазонскими грудями и съ длинными и красиво перевязанными волосами“.

Амазонская рота дѣйствительно являлась передъ Екатериною въ этотъ проѣздъ возлѣ Балаклавы, и командиръ этой роты г-жа *Шидянская*, представлявшая свою роту Императрицѣ, была еще жива въ 1848 году,—для доказательства приводимъ выписку изъ подлиннаго архивнаго дѣла:

---

[1]) См. книгу Письма и мысли маршала принца де Линь, изданныхъ въ свѣтъ баронессою Стаель-Голстейнъ. Перев. съ франц. Москва. 1809. Ст. 140.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1848 года, бывшій намѣстникъ кавказскій кн. М. С. Воронцовъ сообщилъ министру императорскаго двора, кн. Волконскому, что онъ получилъ письмо изъ Симферополя отъ вдовы титулярнаго совѣтника Елены Шидянской, въ которомъ она объясняетъ, что, командуя еще въ царствованіе Императрицы Екатерины II ротою амазонокъ и имѣвъ счастіе представить роту Ея Величеству, была осыпана Ея милостями, что достигнувъ теперь 90 лѣтъ, лишась зрѣнія, она, хотя съ того времени и не безпокоила царствовавшихъ Августѣйшихъ Монарховъ просьбами объ оказаніи ей пособія, но находясь въ крайней бѣдности, проситъ объ исходатайствованіи ей отъ щедротъ Его Императорскаго Величества единовременнаго пособія. Кн. Воронцовъ, имѣя въ виду засвидѣтельствованіе таврическаго предводителя дворянства, что все вышеупомянутое справедливо и что, по старости и крайне бѣдному положенію Шидянской, она заслуживаетъ благодѣтельнаго вниманія Государя Императора, просилъ кн. Волконскаго подвергнуть всѣ эти обстоятельства на благоусмотрѣніе Его Величества.

Кн. Волконскій 15 ноября 1848 г. увѣдомилъ кн. Воронцова, что Шидянской всемилостивѣйше пожаловано 300 р. сер., и просилъ собрать и прислать свѣдѣнія, когда, изъ какого званія и гдѣ именно составлена была при покойной Императрицѣ Екатеринѣ амазонская рота, которою командовала *Шидянская*.

Въ декабрѣ 1848 г., кн. Воронцовъ доставилъ кн. Волконскому полученныя имъ отъ Шидянской свѣдѣнія, а также портретъ ея и рисунокъ, изображающій вооруженную амазонку.— Свѣдѣнія, доставленныя Шидянской, были слѣдующія: Амазонская рота была составлена по ордеру свѣтл. кн. Потемкина-Таврическаго, послѣдовавшему на имя командира балаклавскаго полка, премьеръ-маіора Чапони, изъ благородныхъ женъ и дочерей балаклавскихъ грековъ, въ числѣ 100 особъ, въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1787 г., ко времени пріѣзда Императрицы Екатерины II въ Крымъ. Капитанъ Сарандовъ былъ въ сказанномъ полку старшимъ офицеромъ; это послужило поводомъ избрать его жену Елену Иванову Сарандову, впослѣдствіи Шидянскую, командиромъ амазонской роты. Нарядъ амазонокъ со-

стоялъ изъ юбокъ малиноваго бархата, отороченныхъ золотымъ галуномъ и такихъ же бархатныхъ курточекъ или спенсеровъ зеленаго цвѣта, также обшитыхъ золотымъ галуномъ; галовной уборъ состоялъ изъ бѣлыхъ тюрбановъ съ золотыми блестками и съ страусовымъ перомъ. Всѣ амазонки были вооружены ружьями при трехъ патронахъ пороху. Встрѣтить Императрицу положено было близъ Балаклавы у деревни Кадыковки, и рота, подъ начальствомъ Елены Ивановой, была построена въ концѣ аллеи, установленной апельсинными, лимонными, и лавровыми деревьями, простиравшейся на четыре версты въ длину и усѣянной лаврами. Прежде пріѣхалъ австрійскій императоръ Іосифъ II верхомъ осмотрѣть балаклавскую бухту и развалины древней крѣпости.

Увидѣвъ амазонокъ, онъ подъѣхалъ къ командиру роты, г-жѣ Сарандовой, и поцѣловалъ ее въ губы, что произвело волненіе въ ротѣ. Но командиръ успокоилъ своихъ подчиненныхъ словами: „Смирно!“ Чего испугались?—Вѣдь вы видите, что императоръ не отнялъ у меня губъ и не оставилъ мнѣ своихъ“. Слово „императоръ“ подѣйствовало на амазонокъ, которыя не знали, кто былъ подъѣхавшій. Осмотрѣвъ бухту и крѣпость, вѣнценосный путешественникъ возвратился къ Императрицѣ и уже пріѣхалъ во второй разъ къ Кадыковкѣ съ Ея Величествомъ и княземъ Потемкинымъ въ Ея каретѣ. У Кадыковки Императрица была встрѣчена протоіереемъ балаклавскаго полка о. Ананіемъ, ожидавшимъ Ея Величество въ нарочно приготовленной палаткѣ съ Евангеліемъ, крестомъ, хлѣбомъ и солью. Не выходя изъ кареты, Государыня подозвала Елену Иванову къ себѣ, подала руку, поцѣловала въ губы и, потрепавъ по плечу, изволила сказать: „Поздравляю васъ, амазонскій капитанъ! Ваша рота исправна. Я ею очень довольна“.

Изъ Кадыковки Императрица изволила отправиться въ Бахчисарай, куда послѣдовала и Елена Иванова Сарандова, желая еще разъ взглянуть на великую монархиню, и имѣла счастіе еще разъ представляться Ея Величеству. Государыня узнала капитана амазонокъ, допустила къ рукѣ и потрепала по плечу. Изъ Симферополя, куда отправилась Императрица, былъ

присланъ г-жѣ Сарандовой (Шидянской) всемилостивѣйшій подарокъ—бриллiантовый перстень, цѣною въ 1,800 р. асс., а на всю роту Государыня изволила пожаловать единовременно 10,000 руб. асс.[1]).

Послѣ встрѣчи и смотра *амазонской роты*, въ часъ по полудни, Императрица прибыла въ урочище *Скели*, принадлежавшее кн. Потемкину. Впередъ, заранѣе, прискакала на татарскихъ лошадяхъ придворная прислуга съ дорожнымъ императорскимъ обозомъ,—и знаменитая „шестимѣстная" путевая карета подъѣхала къ большой татарской палаткѣ, у входа въ которую встрѣтилъ высокую гостью хозяинъ мѣстечка Скели князь Григорій Александровичъ. Послѣ обѣда и угощенія гостей, которыхъ было со свитою 30 человѣкъ, Императрица сдѣлала съ гр. Фалькенштейномъ прогулку къ рѣчкѣ *Біюкъ-Отзенъ* и любовалась водопадомъ. — Въ 3 часу, поѣздъ отправился чрезъ Байдарскую долину, м. Каморы и Мекензіевъ хуторъ обратно въ Бахчисарай. Гористая дорога, а въ особенности ненастная погода, дождикъ, вѣтеръ и грязь—замедляли переѣздъ, и только въ 11 часовъ, проѣхавъ 58 верстъ, пріѣхали на ночлегъ въ бахчисарайскій дворецъ.

Гр. Фалькенштейнъ, какъ мы сказали выше, уѣзжалъ впередъ осматривать Балаклаву.

„Изъ Севастополя я поѣхалъ впередъ, чтобъ видѣть Балаклаву (писалъ Іосифъ II къ своему фельдмаршалу), чтобъ видѣть знаменитую гавань. Она не велика, но безопасна, и въ ней завелась кое-какая торговля. Входъ въ гавань неудобный, узкій наполненный подводными камнями, въ чемъ я съ своей шлюбки могъ лично удостовѣриться. Впрочемъ, такъ какъ большая часть жителей бѣжали, то здѣсь встрѣчались однѣ развалины и опустѣлыя дома.

Чтобы доставить намъ случай видѣть ангорскаго козла съ козою, да нѣкое подобіе англійскаго сада, который кн. Потемкинъ разбилъ въ здѣшнихъ окрестностяхъ на одномъ изъ при-

[1]) Изъ дѣла архива министра императорскаго двора за № 143.—Напечатано мною въ Историческомъ Вѣстникѣ 1886 г.

надлежащихъ ему участковъ, князь заставилъ насъ ѣхать горными дорогами, которыя отъ дождей сдѣлались еще хуже, такъ что двору и экипажу досталось страшно, и Императрица вернулась въ Бахчисарай только въ часъ по полуночи. Такъ какъ эта поѣздка ее очень утомила, то рѣшено на сегодня оставаться здѣсь, вслѣдствіе чего наше путешествіе удлиняется на одинъ лишній день.

По пути мы видѣли отрядъ, человѣкъ въ тысячу, составленный изъ далматинцевъ, грековъ и выселенцевъ изъ Мореи, которые въ послѣднюю войну перешли на сторону русскихъ и поселились здѣсь на побережьѣ. При нашемъ проѣздѣ ихъ заставили произвести примѣрную аттаку на далматскую стать, какъ выразился князь Потемкинъ, которому угодно сравнивать ее съ аттаками нашихъ кроатовъ. Они выхватили сабли, кинулись бѣгомъ въ лѣсъ и въ величайшемъ безпорядкѣ, съ страшнымъ крикомъ вскарабкались на гору, скорѣе походя на какихъ то облавщиковъ, чѣмъ на настоящихъ солдатъ“.

25 Мая Храповицкій отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „День отдохновенія. Похвала албанцамъ и долинѣ Байдарской; ихъ до 600 выходитъ съ ружьемъ“.

Дѣйствительно путешественники нуждались въ отдыхѣ, особенно послѣ утомленія отъ горной поѣздки и переѣзда изъ Севастополя. Въ этотъ день Императрица не совершила никакихъ прогулокъ ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ. Къ обѣду, въ столовой нижней залѣ ханскаго дворца, были приглашены сверхъ свиты: генералъ-аншефъ М. В. Каховской, генералъ-маіоръ Волковъ и баронъ фонъ-Ферзенъ, Таврическій Правитель Каховской, полковникъ Горичъ и всѣ штабъ-офицеры отъ полковъ, находившихся въ Бахчисараѣ.

Императрица, гр. Фалькенштейнъ и свита—всѣ рады были отдохнуть—но веселые спутники ихъ, гр. Сегюръ и принцъ де-Линь провели этотъ день съ нѣкоторыми приключеніями. Вотъ что разсказываетъ Сегюръ въ своихъ запискахъ:

„На обратномъ пути въ Бахчисарай, мы не встрѣтили ничего занимательнаго, кромѣ высокой горы Бакля-Коба, съ верху до низу изрытой пещерами. Когда здѣсь господствовало

самовластіе, то лишь въ нѣдрахъ земли люди находили убѣжище и покой. Въ Бахчисараѣ князь де-Линь разъ приходитъ ко мнѣ смѣясь, и говоритъ: „Знаете ли чѣмъ заняты теперь наши царственные путешественники, могущественный императоръ римскій и знаменитая Самодержица всея Россіи? Я уловилъ нѣсколько словъ изъ разговоровъ двухъ великихъ монарховъ.

Кто бы могъ подумать, любезный другъ? Они откровенно бесѣдуютъ о прекраснѣйшемъ предпріятіи—о возстановленіи греческихъ республикъ.

— Вы меня не такъ удивляете, какъ думаете, отвѣчалъ я,—нельзя не жить духомъ своего времени: его впитываешь въ себя невольно. Въ нашемъ вѣкѣ вѣетъ философіею и свободою и во дворцахъ, и въ хижинахъ. Нельзя удержать этого стремленія, и, если захотятъ это сдѣлать, то подымутъ бурю, какъ англичане въ Америкѣ.

Де-Линь сталъ смѣяться надъ моими мечтами. Мы и не думали тогда, что слова эти сдѣлаются предсказаніемъ.

Естественно, что, когда мы жили въ библ сералѣ ханскомъ, наружность, самый воздухъ этихъ сладострастныхъ покоевъ возбуждали наше воображеніе.

Любопытство де-Линя, который былъ моложавѣе въ пятьдесятъ лѣтъ, нежели я въ тридцать, вовлекло меня въ шалость, къ счастію, не имѣвшую тѣхъ послѣдствій, какихъ можно было ожидать; однако мы получили строгій и заслуженный урокъ. Мусульманину нельзя сдѣлать злѣйшей обиды, какъ познакомиться съ его женою. Въ этомъ отношеніи всякое сообщеніе, даже взглядами, запрещено всѣмъ, кромѣ мужа. Это запрещеніе подстрекало любопытство князя, и онъ сказалъ мнѣ: „—Какая польза намъ гулять по огромному саду, если намъ запрещено любоваться цвѣтами. По крайней мѣрѣ, до отъѣзда изъ Крыма, надобно хоть увидѣть какую нибудь татарку безъ покрывала; я на это рѣшился; хотите быть моимъ товарищемъ въ этомъ предпріятіи?“

Я не устоялъ противъ искушенія, и мы пошли бродить по долинамъ. Но надежда долго насъ обманывала. Наконецъ, не

подалеку отъ уединеннаго домика, на опушкѣ маленькаго лѣса, мы увидѣли трехъ женщинъ, сидя мывшихъ себѣ ноги въ свѣтломъ ручьѣ. Приблизившись какъ можно тише между деревьями, мы наконецъ успѣли помѣститься противъ нихъ, подъ прикрытіемъ куста. Такъ какъ покрывала этихъ женщинъ лежали подлѣ нихъ на землѣ, то мы прекрасно могли ихъ разсмотрѣть. Но увы, какое разочарованіе! Изъ нихъ не было ни одной молодой и хорошенькой, даже сносной. Мой товарищъ не кстати крикнулъ: „Признаюсь, Магометъ недурно сдѣлалъ, что велѣлъ имъ закрываться!"

Услышали ли насъ, или насъ выдалъ шелестъ листьевъ, только наши три мусульманки выскочили и съ криками побѣжали. Мы было за ними, чтобы ихъ успокоить, какъ вдругъ видимъ татаръ, бѣгущихъ съ горъ, тоже съ криками, бросающихъ въ насъ каменьями и грозящихъ кинжалами. Такъ какъ мы не приготовились къ битвѣ, то, не дожидаясь ихъ приближенія, пустились бѣжать и укрылись отъ преслѣдователей въ чащѣ лѣса. До тѣхъ поръ дѣло было не важно по ложному правилу, что скрытый грѣхъ въ половину прощенъ. Но мой неблагоразумный соучастникъ не удовольствовался этимъ. На другой день за столомъ замѣтили, что Императрица грустна и молчалива, императоръ былъ погруженъ въ думы, Потемкинъ пасмуренъ и разсѣянъ. Разговоръ какъ то не клеился или совсѣмъ замолкалъ. Вдругъ де-Линь, естественный врагъ скуки, чтобы разсѣять Императрицу и развеселить собесѣдниковъ, вздумалъ разсказать нашу шалость и вчерашнее происшествіе. Какъ ни подталкивалъ я его, онъ смѣло продолжалъ свой разсказъ. Слушатели уже начали было смѣяться, чего онъ и ожидалъ, какъ вдругъ Екатерина, взглянувъ на насъ величаво и строго, сказала:

— Господа, эта шутка весьма неумѣстна и можетъ послужить дурнымъ примѣромъ. Вы—посреди народа, покореннаго моимъ оружіемъ; я хочу, чтобы уважали его законы, его вѣру, его обычаи и предразсудки. Если бы мнѣ разсказали эту исторію и не назвали бы дѣйствующихъ лицъ, то я бы никакъ не подумала на васъ, а стала бы подозрѣвать моихъ пажей, и они были бы строго наказаны.

Намъ нечего было возражать на это; де-Линь замолкъ такъ же, какъ и я, досадуя на свою неумѣстную болтливость. Наше смиреніе понравилось Императрицѣ, и она снова развеселилась; даже чрезъ нѣсколько дней послѣ этого, назначивъ аудіенцію одной мусульманской княжнѣ, племянницѣ Сагинъ-Гирея, она позволила намъ спрятаться такъ, чтобы мы могли ее увидѣть, оставаясь сами незамѣченными. Княжна была красивѣе нашихъ трехъ татарокъ, но черненыя брови и лицо, лоснящееся отъ румянъ, дѣлали ее похожею на куклу, не смотря на прекрасные глаза.

Императрица, въ этотъ послѣдній день пребыванія своего въ Бахчисараѣ, была очень весела, и возвратясь послѣ „Собранія" въ свой кабинетъ, написала Потемкину слѣдующее стихотвореніе:

Князю Потемкину.

Лежала я вечеръ въ бесѣдкѣ ханской,
Въ срединѣ бусурманъ и вѣры мусульманской;
Противъ бесѣдки той построена мечеть,
Куда всякъ день пять разъ имамъ народъ влечетъ;
Я думала заснуть, и лишь закрылись очи,
Какъ уши онъ заткнувъ, взревѣлъ изо всей мочи...
О, Божьи чудеса! Изъ предковъ кто моихъ
Спокойно почивалъ отъ ордъ и хановъ ихъ?
А мнѣ мѣшаетъ спать среди Бахчисарая
Табачный дымъ и крикъ... Не здѣсь ли мѣсто рая?
Хвала тебѣ, мой другъ! Занявши здѣшній край
Ты бдѣніемъ своимъ все вящше укрѣпляй [1]).

26 мая, въ 9 ч. утра, Императрица съ графомъ Фалькенштейномъ выѣхала изъ Бахчисарая; при отъѣздѣ изъ поставленныхъ передъ дворцомъ на горѣ полковыхъ пушекъ производилась пальба, а когда Императорскій поѣздъ выѣхалъ изъ города, то всѣ войска, расположенныя на горѣ съ правой стороны, отдавали честь съ преклоненіемъ знаменъ при музыкѣ и барабанномъ боѣ.

На рѣчкѣ „Бодрыхъ" черезъ 12 верстъ была подстава и затѣмъ, проѣхавъ еще 19 верстъ, прибыли въ 1 часу въ обла-

[1]) См. „Русск. Стар.", 1875 г, кн. I, 698.

стной городъ Симферополь. Здѣсь у дворца встрѣтили Императрицу прискакавшіе впередъ кн. Потемкинъ, гофмаршалъ кн. Барятинскій, правитель Тавриды съ гражданскими чиновниками областнаго правленія. Въ переднихъ покояхъ дворца встрѣтили дамы и семейства мѣстныхъ чиновниковъ, которыхъ Императрица передъ обѣдомъ всѣхъ жаловала къ рукѣ, такъ же какъ и всѣхъ чиновниковъ и штабъ и оберъ-офицеровъ пѣхотнаго Сѣвскаго полка.

Послѣ обѣда, за которымъ присутствовало 46 человѣкъ, Императрица съ графомъ Фелькенштейномъ въ извѣстной шестимѣстной каретѣ продолжали путь въ *Карасубазаръ*, и остановились на короткое время при дер. Біеми въ 27 верстахъ отъ Симферополя; затѣмъ прибыла въ Карасубазаръ въ 6-мъ часу по полудни.

Съ приближеніемъ къ Карасубазару Императорскаго поѣзда началась пушечная пальба; по дорогѣ съ правой стороны выстроенъ былъ находившійся тутъ въ лагерѣ Кинбурнскій драгунскій полкъ, баталіоны мушкатерскіе, артиллерійскій, гренадерскій Кіевскій и пѣхотный Сѣвскій полки. Музыка и барабаны гремѣли при проѣздѣ кареты Императрицы.

Отдохнувъ короткое время въ своихъ покояхъ, Императрица вышла въ „Собраніе“, и здѣсь графиня Браницкая представила мѣстныхъ дамъ. Императрица жаловала ихъ къ рукѣ, также и всѣхъ военныхъ.

Въ Карасубазарѣ не было древнихъ зданій или памятниковъ, которые могли бы интересовать иностранныхъ спутниковъ Императрицы; Сегюръ пишетъ такъ о своихъ впечатлѣніяхъ въ Карасубазарѣ:

„Этотъ городъ, въ широкой долинѣ, на берегу рѣки Карасу, былъ одинъ изъ значительнѣйшихъ въ Тавридѣ, мы могли только любоваться прекраснымъ его мѣстоположеніемъ: въ немъ не было замѣчательныхъ зданій или древнихъ развалинъ. Дома, какъ всѣ татарскіе дома, неправильно построены, низки и расположены безъ всякой соразмѣрности. До завоеванія городъ этотъ, такъ же какъ Симферополь, принадлежалъ

калга-султану [1]). Крымскія горы, которыя начинаются отъ береговъ Салгира, не образуютъ стройной гряды до самаго Карасубазара. Но отъ этого города онѣ цѣпью идутъ съ одной стороны къ Бахчисараю, съ другой—до Стараго Крыма.

Если природа въ этихъ мѣстахъ не представляла Августѣйшимъ путешественникамъ предметовъ, достойныхъ ихъ любопытства, то неутомимая дѣятельность кн. Потемкина дополнила этотъ недостатокъ.

Кромѣ прекрасной широкой дороги, которую онъ пробилъ и выровнялъ трудами своихъ солдатъ, онъ съ ихъ же помощью развелъ на берегу Карасу обширный англійскій садъ и посреди его выстроилъ изящнѣйшій дворецъ. Здѣсь уже не Армида чаровала Ринальда: напротивъ, русскій Ринальдъ совершилъ диво для своей Армиды".

Когда вечеромъ Екатерина вышла изъ дворца, чтобы насладиться прохладною тѣнью, свѣжестью воды и запахомъ цвѣтовъ, между тѣмъ какъ солнце скрывалось за темными долинами, всѣ пригорки на десять верстъ кругомъ вспыхнули тремя рядами разноцвѣтныхъ огней. Посреди этого горящаго круга возвышалась конусообразная гора, на которой яркими чертами блисталъ вензель Императрицы. Изъ вершины горы вспыхнулъ прекрасный фейерверкъ, завершенный взрывомъ 300,000 ракетъ.

Путевыя впечатлѣнія Императора Іосифа II замѣчательны постоянствомъ, съ которымъ онъ смотрѣлъ на все съ военной точки зрѣнія: и въ Карасубазарѣ его особенно интересовали войска, оружія, мѣстность въ отношеніи военнаго значенія и проч.

„По дорогѣ сюда, пишетъ онъ къ своему фельдмаршалу, мы проѣзжали черезъ Симферополь, прозывавшійся въ старину Акмечеть; здѣсь предположено учредить новый губернскій городъ. Устроены даже кое-какія зданія въ родѣ домовъ и довольно красивыхъ залъ, и даже небольшой англійскій садикъ.

Оттуда мы проѣхали къ Карасубазаръ, древній татарскій городъ, гдѣ въ старину собирались мурзы, для совѣщаній о государственныхъ дѣлахъ. Населеніе теперь состоитъ изъ та-

---

[1]) Калга-султанъ—наслѣдникъ ханскій.

таръ, турокъ, армянъ и жидовъ. Всѣ они выѣхали къ намъ на встрѣчу верхами, и подобно пчелиному рою, окружили нашу карету и провожали насъ до дома кн. Потемкина, выстроеннаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась главная квартира корпуса, которымъ онъ командовалъ во время занятія Крыма. Это прекрасное зданіе, въ видѣ кіоска въ весьма живописной долинѣ; его огибаетъ, извиваясь, ручей чистой воды. Такъ какъ въ этой мѣстности растутъ большія деревья и кусты, то князь воспользовался ими и разбилъ англійскій садъ, съ купальнями, кіосками и каскадами. Весь участокъ въ длину около 400 и приблизительно отъ 400 до 500 шаговъ въ ширину.

Тутъ же около выстроены казармы на русскій манеръ для трехъ полковъ пѣхоты. При нашемъ проѣздѣ мы, впрочемъ, не видали ни одного изъ этихъ полковъ, а видѣли только, какъ парадировалъ драгунскій полкъ изъ десяти эскадроновъ, человѣкъ по осмидесяти въ каждомъ. Отдаленіе, на которомъ они находились отъ насъ, не дозволило намъ подробнѣе разглядѣть ихъ: я успѣлъ только замѣтить, что они были выстроены въ два ряда; лошади здѣсь не получаютъ фуража и должны прокармливаться тощими, засохшими и выжженными пастбищами.

Имѣется артиллерійскій паркъ, въ 50 орудій. Вечеромъ былъ сожженъ фейерверкъ, по правдѣ сказать, роскошный; особенно удался послѣдній снопъ изъ ракетъ: такой роскоши и полета мнѣ еще никогда не случалось видѣть. Чтобы доставить Императрицѣ это зрѣлище, пришлось заставить промаршировать сюда, за двѣ тысячи верстъ, часть бомбардирской роты Преображенскаго полка. Теперь исполнивъ свое дѣло, они отправляются обратно въ Петербургъ. Если сообразить, что Вѣна сюда ближе, чѣмъ Петербургъ, то можно себѣ представить, какова эта прогулка. За фейерверкомъ послѣдовала иллюминація не только всего англійскаго парка, но и всѣхъ окружающихъ высотъ, гдѣ въ двухъ мѣстахъ горѣлъ шифръ Императрицы. Все это—работа солдатъ: они наливали и зажигали стаканчики и даже надѣлали 100,000 плошекъ. Представьте себѣ, что сало для плошекъ привезено изъ окрестностей Москвы, и тогда вамъ будетъ понятно, что въ этой странѣ, не

останавливаются ни передъ какими трудностями и издержками и что здѣсь все возможно".

Въ оффиціальномъ современномъ журналѣ путешествія Императрицы, камеръ-фурьеръ Волкодавъ также записалъ подробно все, что происходило въ Карасубазарѣ 26-го мая.

„Въ 9 часовъ вечера Ея Императорское Величество съ графомъ Фалькенштейномъ изволили присутствовать въ залѣ при продолженіи разговора и, между тѣмъ, благоговолили быть въ провожаніи находящихся въ свитѣ особъ въ расположенномъ близь дома саду и нѣсколько времени гулять въ имѣющейся предъ тѣмъ же домомъ рощѣ; по возвращеніи Ея Величества и графа Фалькенштейна въ покои, зажженъ былъ неподалеку покоевъ пріуготовленный фейерверкъ съ производженіемъ прежде и послѣ фейерверка пушечной пальбы изъ поставленныхъ предъ домомъ на вершинѣ горы артиллерійскихъ пушекъ; по сожженіи фейерверка, горы, окружающія долину, гдѣ домъ съ садомъ и рощью, множественнымъ числомъ плошекъ были иллюминованы; причемъ показывало болѣе пріятность вида изображенное изъ зажженныхъ Фалькенштейномъ изъ залы, а какъ для смотрѣнія онаго собралось множественное число обитающихъ въ Карасубазарѣ татаръ, которые, стѣснившишь, занимали горы и прежде, когда горѣли фейерверочныя колеса и щитъ, сколько сему любовались, столько напослѣдокъ были устрашены пущенными въ великихъ тысячахъ кучами ракетъ, отъ чего въ самое кратчайшее время не точію на горахъ, даже и въ низу оныхъ невидимо было татарскихъ зрителей".

27 мая Императрица утромъ гуляла въ саду, а послѣ обѣда, къ которому сверхъ свиты были приглашены: генералъ-аншефъ И. И. Меллеръ, правитель Каховскій, генералъ-маіоръ Денисовъ, статсъ-дама гр. Скавронская представила нѣкоторыхъ мѣстныхъ дамъ, и затѣмъ въ 5 часу выѣхали изъ Карасубазара въ Старый Крымъ. Отъ Карасубазара въ 30 верстахъ, при рѣчкѣ Андаль, во время проѣзда Императрицы на дорогѣ въ строю расположенъ былъ легкоконный Константиноградскій полкъ,—онъ встрѣтилъ поѣздъ музыкою на трубахъ съ литаврами. До Ста-

раго Крыма оставалось еще 18 верстъ. Послѣ перемѣны лошадей при р. Андалѣ, за 5 верстъ до Стараго Крыма новая военная встрѣча—бригадиръ баронъ Шицъ, командовавшій легкоконнымъ Таврическимъ полкомъ, явился съ своими штабъ и оберъ-офицерами, и всѣ сопровождали Императрицу до самаго Стараго Крыма, куда и прибыли въ 7 часовъ вечера. У назначеннаго для Высочайшаго пребыванія дома былъ поставленъ почетный караулъ отъ Таврическаго полка. У подъѣзда встрѣтили Императрицу: генералъ-аншефъ Каховскій, гофмаршалъ кн. Барятинскій, правитель Каховскій и всѣ чиновники областнаго управленія.

„*Старый Крымъ* (Эски Крымъ) былъ въ старину однимъ изъ главнѣйшихъ городовъ Азіи и такъ великъ, что всадникъ на хорошемъ конѣ едва могъ объѣхать его въ половину дня. Египетскій султанъ Бибарсъ построилъ здѣсь великолѣпную мечеть, которой стѣны были покрыты мраморомъ, а верхъ порфиромъ. Въ городѣ были училища, гостинницы, въ которыхъ путешественники находили всякіе съѣстные припасы... Жители торговлею пріобрѣтали огромныя богатства, но были чрезвычайно скупы". Такое преданіе о Старомъ Крымѣ передано писателемъ Дегинемъ въ 1756 г. (Ios. de Guignes. Histoire genérale des Huns, des Tures etc. Paris, 1756. T. II. L. XVIII. p. 343).

Дворецъ для Императрицы былъ устроенъ къ Ея пріѣзду въ зданіи стариннаго армянскаго монастыря. Онъ сгорѣлъ въ 1825 г.

Переѣздъ 48 верстъ не утомилъ Императрицу, и выйдя изъ кареты, она хотѣла осмотрѣть прелестную мѣстность, началась прогулка въ саду, но „сѣрая погода и мокрота", какъ записано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ, заставили Ее возвратиться въ комнаты. Послѣ бесѣды съ графомъ Фалькенштейномъ и съ своими спутниками Императрица въ 9 часовъ удалилась изъ „Собранія".

Потемкинъ угощалъ ужиномъ всю свиту и пригласилъ еще генералъ-аншефа Каховскаго, генералъ-маіора Денисова, бригадира барона Шица, сопровождавшаго отъ Бахчисарая съ

мурзами и хорунгою татаръ полковника Горича и всѣхъ штабъ и караульныхъ офицеровъ.

Вечеромъ, несмотря на дурную погоду, весь садъ около дворца и вся окружность были иллюминованы.

На слѣдующій день, 28 мая, собрались въ залъ дворца вся свита и гр. Фалькенштейнъ въ ожиданіи приказаній къ отъѣзду въ Өеодосію, какъ это было назначено Императрицею наканунѣ того дня. Императрица вышла въ „Собраніе“ въ 11 часу и прежде всѣхъ подозвала къ себѣ бывшаго тутъ бригадира Шица и сама возложила на него орденъ св. Владиміра 3-й степени — затѣмъ послѣдовалъ отъѣздъ въ Өеодосію, находящуюся въ 24 верстахъ отъ Стараго Крыма.

По приближеніи къ городу, на пути встрѣтили обитающіе въ городѣ татары, а передъ самымъ городомъ таврическій правитель Каховскій съ дворянами и греческимъ священникомъ съ крестомъ, также греческое купечество съ хлѣбомъ и солью. Въ Өеодосію прибыли въ 1-мъ часу по полудни къ обѣду, послѣ котораго Императрица осматривала съ графомъ Фалькенштейномъ тамошній монетный дворъ, гдѣ въ Ея присутствіи вычеканены были двѣ золотыя медали съ означеніемъ года. мѣсяца и дня, въ который Императрица и графъ Фалькенштейнъ были на өеодосійскомъ монетномъ дворѣ;—кн. Потемкинъ тутъ же поднесъ ихъ Императрицѣ и гр. Фалькенштейну.

Пробывъ до 3 часовъ въ Өеодосіи, Императрица возвратилась въ 6 часовъ опять въ Старый Крымъ, въ 7 часовъ съ графомъ Фалькенштейномъ прогуливалась въ саду и по обыкновенію въ 9 часовъ удалилась во внутреннія комнаты.

Любопытны впечатлѣнія Императора Іосифа II, произведенныя на него при поѣздкѣ съ Императрицею въ Старый Крымъ и Өеодосію.

„Этотъ городъ, нѣкогда знаменитый, теперь представляетъ одинъ лишь видъ разрушенія, такъ что изъ всѣхъ построекъ и изъ всѣхъ жителей, какіе въ немъ остались, едва ли можно было бы образовать порядочную деревню.

Проѣздомъ видѣли мы конно-егерскій полкъ въ шесть эскадроновъ, въ каждомъ до 64 лошадей. Это—гусары, пре-

вращенные въ конныхъ егерей. Весь полкъ состоитъ изъ красивыхъ людей, сколько я могъ судить издали. Никакихъ эволюцій не производилось.

Эскадронъ, конвоировавшій Императрицу, весь состоялъ изъ молодыхъ людей и былъ построенъ съ большими претензіями на эффектъ. У нихъ нѣтъ другихъ штановъ кромѣ холщевыхъ, въ которыхъ они сидятъ на лошадяхъ. Можно себѣ представить ихъ положеніе, когда они построены сомкнутыми рядами, обремененные буклями и всякими другими принадлежностями. На зиму только выдаются суконные штаны.

Сверхъ такого превращенія гусаръ въ конныхъ егерей, кн. Потемкинъ сформировалъ еще нѣсколько гренадерскихъ полковъ, составляющихъ, говорятъ, корпусъ въ 10,000 человѣкъ. Тутъ набраны красивѣйшіе люди изъ цѣлой арміи. Независимо отъ этого, при пѣхотныхъ полкахъ осталось по двѣ гренадерскихъ роты, такъ что теперь гренадеры составляютъ почти треть всей арміи. Вся эта затѣя выдумана въ пользу нѣкоторыхъ лицъ, которымъ и розданы вновь учрежденные полки.

Сформировано еще вновь нѣсколько егерскихъ полковъ, число которыхъ должно быть доведено до 30,000 человѣкъ; сюда отбирали всѣхъ самыхъ красивыхъ и ловкихъ людей, не обращая вниманія на ростъ.

Эти егеря предназначаются для аванпостной службы, въ родѣ нашихъ кроатовъ. Они раздѣлены на полки и батальоны. Всѣ одѣты въ зеленые мундиры; но нарѣзныя ружья имѣются только у унтеръ-офицеровъ, а у рядовыхъ простые пѣхотные мушкеты. Численность арміи отъ этого нисколько не усилилась; она напротивъ уменьшилась на то число людей, которые вошли во вновь сформированные полки; четыре батальона, каждый въ четыре роты, по двѣсти человѣкъ въ ротѣ, не считая унтеръ-офицеровъ, составляютъ полкъ, въ которомъ поэтому должно было бы имѣть 3200 ружей. Но они теперь далеко не въ полномъ составѣ, и о многихъ полкахъ, находящихся въ Крыму, мнѣ откровенно признавались, что въ нихъ насчитываютъ на лицо едва по 700 человѣкъ, изъ коихъ около 500 въ госпиталѣ, а остальные до того завалены всякими работами по постройкамъ,

проведенію дорогъ, сѣнокосу и пр., что вотъ уже три года, какъ они ни разу не были на ученьи. Кавалеріи тоже трудно учиться, потому что даже зимою лошадямъ не даютъ овса.

Въ Крыму командуетъ генералъ Каховскій: вы его, можетъ быть, помните. Онъ въ Семилѣтнюю войну состоялъ помощникомъ генералъ-квартирмейстера при Ферморѣ, а потомъ находился при корпусѣ Репнина въ нашей арміи. Онъ, кажется, человѣкъ съ толкомъ и, между прочимъ, очень хорошо говоритъ понѣмецки.

Сегодня мы ѣздили въ Кафу, нѣкогда знаменитый и главный торговый городъ въ этой мѣстности.

Что бы осмотрѣть его поподробнѣе, я за нѣсколько часовъ уѣхалъ туда прежде Императрицы, потому что при ней некогда ничѣмъ заняться. Теперь этотъ городъ—собраніе жалкихъ развалинъ, свидѣтельствующихъ, впрочемъ, о его прежнемъ богатствѣ. Существуютъ еще великолѣпныя мечети, бывшія когда-то христіанскими храмами, и великолѣпныя бани. Городъ имѣетъ прекрасную бухту и превосходный рейдъ. Когда русскіе завладѣли городомъ, въ немъ, по ихъ собственному признанію, было 30,000 жителей, грековъ, татаръ и армянъ; въ настоящее же время насчитываютъ не болѣе 400 душъ. Зданія всѣ раскрыты русскими; они растащили дерево на топливо, а остальное пошло на постройку казармъ, такъ что теперь всѣ эти зданія разрушаются и превращаются въ развалины.

Въ гавани стояло нѣсколько торговыхъ судовъ, ожидавшихъ попутнаго вѣтра, чтобы отплыть въ Таганрогъ на Азовскомъ морѣ, гдѣ теперь исключительно сосредоточена вся торговля. Керчь и Эникале разорены въ конецъ, а на Тамани совсѣмъ нѣтъ жителей. Городъ этого имени, нѣкогда значительный, также разоренъ въ конецъ.

Вотъ въ какомъ положеніи находится Крымъ: поля стоятъ безъ рукъ для обработки, порты и берега безъ торговли и матросовъ. Нѣтъ ни одного торговаго русскаго судна, и подъ русскимъ флагомъ разъѣзжаютъ далматинцы, либо греки изъ Корфу и Кефалоніи, все подданные венеціанской республики,

такъ что если русскимъ понадобится снарядить корабль въ экспедицію, то матросовъ придется имъ вызывать изъ Кронштадта или изъ Архангельска, или составлять экипажъ изъ новобранцевъ, никогда не видавшихъ моря и не имѣющихъ понятія даже о томъ, что такое корабельная веревка.

Татары, еще не выселившіеся изъ Крыма, очень недовольны, и особенно муллы. По дорогѣ въ Кафу Императрицѣ подано болѣе ста прошеній, все отъ желающихъ выселиться. Она очень разсердилась и хочетъ, кажется, выпроводить всѣхъ ихъ вонъ отсюда, разсчитывая, что ихъ легко будетъ замѣнить колонистами, которыхъ, она думаетъ, наѣдетъ довольно; но въ этомъ есть основаніе усумниться, такъ какъ всѣ поселившіеся здѣсь нѣмцы или венгерцы жизни не рады, что переселились и очень хотѣли бы поскорѣе убраться во свояси.

Изъ Вероны выписанъ нѣкій кавалеръ, страшно безпутный малый, для разведенія шелковичныхъ червей. Насѣяли кромѣ того марены, насадили токайскихъ лозъ, очертя голову надѣлали разныхъ другихъ экспериментовъ; но такъ какъ во всемъ этомъ дѣйствуютъ безъ всякой выдержки и системы, то всѣ эти затѣи кончаются такъ же скоро, какъ и возникаютъ.

Между тѣмъ видно, что въ прежнее время земля была хорошо обработана, судя по значительному количеству еще уцѣлѣвшихъ тутовыхъ и всякихъ другихъ плодовыхъ деревьевъ. Виноградъ также удается, особенно на берегу моря, около Судака; но и тѣ немногіе жители, какіе тамъ еще остались, тоже собираются бѣжать.

Единственнымъ способомъ для извлеченія изъ Крыма возможной пользы мнѣ, по крайней мѣрѣ, представляется проложеніе путей сообщенія отъ моря черезъ горы къ долинамъ и къ равниной части, и заселеніе долинъ и побережья, отличающихся необычайнымъ плодородіемъ и изобилующихъ лѣсами, виноградниками, всякаго рода плодами и рыбою. Эти выгодныя условія могли бы привлечь поселенцевъ, которые здѣсь нашли бы гораздо болѣе удобныя условія для существованія, нежели въ степяхъ, гдѣ нѣтъ ни камней, ни лѣса для построекъ, не достаетъ воды, и которыя скорѣе годились бы для

разведенія скота. Такимъ способомъ въ Крыму можно было бы сформировать моряковъ и извлечь изъ почвы различные продукты для вывоза. Это вызвало бы торговлю, создало бы торговый флотъ, приготовило бы лоцмановъ и матросовъ, освоенныхъ съ Чернымъ и Азовскимъ морями, съ Константинопольскимъ проливомъ со всѣми рѣчными устьями. Это дало бы возможность навсегда устранить далматинцевъ и другихъ венеціанскихъ подданныхъ, которые теперь, только прикрываясь, какъ маскою, русскимъ флагомъ, держатъ въ своихъ рукахъ всю торговлю. Тогда обезпечили бы себя опытными и искусными лоцманами и матросами практически знакомыми съ моремъ и со всѣми портами; изъ этихъ матросовъ могли бы набираться экипажи и для военныхъ судовъ Севастопольскаго флота. Если примутся за дѣло иначе, то упустятъ изъ виду самое существенное и слѣдовательно не подвинутъ впередъ осуществленіе великаго замысла, состоящаго въ изгнаніи турокъ изъ Европы".

Графъ Сегюръ, съ которымъ во время этой поѣздки по южному берегу Крыма случилось въ Ѳеодосіи оригинальное происшествіе, оставилъ въ своихъ запискахъ любопытный разсказъ: „На слѣдующій день послѣ этого праздника (въ Карасубазарѣ), котораго пышность, кажется, расшевелила гордыхъ и равнодушныхъ мусульманъ, Екатерина, сдѣлавъ смотръ огромному корпусу войскъ, уѣхала въ сопровожденіи обычныхъ своихъ татарскихъ тѣлохранителей, черезъ горы, въ направленіи въ Судаку. На пути мы проѣхали черезъ греческое поселеніе Топли и татарскую деревню Елбузи.

Судакъ довольно изрядная пристань для судовъ. Городъ, въ 55 верстахъ отъ Карасубазара, выстроенъ на высокой и одинокой скалѣ, близъ моря. Скала съ трехъ сторонъ окружена горами и весьма глубокими пропастями; видъ этотъ понравился мнѣ своимъ разнообразіемъ и величавостью.

Судацкій виноградъ почитается лучшимъ въ Крыму; онъ разросся по долинѣ почти на 12 верстъ. Плодовитыя лозы растутъ вмѣстѣ со множествомъ фруктовыхъ деревъ и такимъ образомъ представляютъ естественный садъ, который пріятно пора-

жаетъ взоръ, особенно противоположностью своей съ окрестными высокими горами, шумящими водопадами и мрачными рощами. Мы продолжали путь по западному берегу Тавриды и прибыли въ Старый Крымъ, въ 20-и верстахъ отъ Судака и столькихъ же отъ Θеодосіи. Старый Крымъ, извѣстный съ VI вѣка, въ XIII сталъ значительнымъ городомъ по торговлѣ. Торговля эта упала послѣ нашествія татаръ; однакожъ нѣкоторые изъ ихъ хановъ имѣли здѣсь свое мѣстопребываніе. Греки называли его Каркой, а татары—Эски-Крымомъ, т. е. старою крѣпостью. Императрица дала ему наименованіе Левкополя. Мы проѣхали по обширной долинѣ, окруженной горами, привлекающими вниманіе разнообразіемъ своихъ уступовъ и извилинъ. Между ними есть высокая гора, съ которой видны Черное и Азовское моря и Сивашъ. Мы останавливались не долго и въ нѣсколько часовъ достигли стѣнъ или, лучше сказать, развалинъ несчастной и знаменитой Θеодосіи.

Она носила это благозвучное имя во времена своего величія. Татары пораженные ея великолѣпіемъ, назвали ее Керимъ-Стамбули, т. е. Крымскимъ Константинополемъ. Со времени ея разрушенія ее звали Кафою. Екатерина возвратила ей древнее названіе, но, вѣроятно, безъ намѣренія возвратить ей прежнее величіе. Когда Екатерина сдѣлалась владѣтельницею Крыма, сохранились только остатки этого знаменитаго города. Мы нашли въ немъ едва 2,000 жителей, бродящихъ среди развалинъ храмовъ, дворцовъ, пышныхъ зданій; здѣсь царствовало безмолвіе, разрушеніе. При взглядѣ на эту мрачную картину, столь противоположную съ волшебными созданіями, доселѣ поражавшими взоры Императрицы, она не могла удержать порывы грусти. Казалось, сама судьба хотѣла въ концѣ этой торжественной поѣздки умѣрить восторгъ Ея грустнымъ видомъ этихъ краснорѣчивыхъ свидѣтелей человѣческой превратности и разрушенія, которому должны подвергнуться цвѣтущіе города, и котораго не избѣгнутъ величайшія государства. Чтобы разсѣять впечатлѣніе, произведенное этими развалинами и этой пустынею, мы проѣхались по Керченскому полуострову... Императрица прежде намѣревалась обогнуть его по берегу въ направленіи

къ сѣверу, чтобы затѣмъ увидѣть Арабатъ, Маріуполь, Таганрогъ, Черкаскъ, главный городъ донскихъ казаковъ, и наконецъ Азовъ. Но осеннее время, вредный береговой климатъ, и важность дѣлъ, призывавшихъ Ее въ столицу, заставили Ее перемѣнить это намѣреніе. И такъ, Ѳеодосія была предѣломъ нашего огромнаго путешествія.

Передъ отъѣздомъ изъ края этихъ печальныхъ развалинъ со мною случилось странное приключеніе, которое однако я бы не счелъ нужнымъ разсказывать, если бы оно, по моему мнѣнію, не давало настоящаго понятія о странѣ, въ которой господствуетъ неволя, и вмѣстѣ съ тѣмъ не выказывало бы оригинальности Петемкина. Мы уже готовы были къ отъѣзду: Императрица уже сѣла въ карету, и я, чтобы послѣдовать за нею. быстро спускался по наружной лѣстницѣ дворца. Вдругъ вижу я молодую женщину въ азіатской одеждѣ; ея станъ, походка глаза, лобъ, ротъ, словомъ всѣ черты отличались непостижимымъ сходствомъ съ чертами моей жены. Я онѣмѣлъ отъ удивленія; я думалъ, не во снѣ ли я; въ первыя минуты я предположилъ, что жена моя пріѣхала ко мнѣ изъ Франціи, что отъ меня это скрыли и вздумали приготовить мнѣ нечаянную встрѣчу, Вѣдь воображеніе живо, а я находился въ странѣ чудесъ. Однако Потемкинъ, замѣтивъ, что я онѣмѣлъ, какъ статуя, и не отвѣчаю на его зовъ, пошелъ сказать объ этомъ Императрицѣ. Молодая женщина удалилась; короткій сонъ мой разсѣялся; въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ я его князю. „Неужели она до такой степени похожа", сказалъ онъ мнѣ. „Похожа до невѣроятности", сказалъ я.

„Такъ что же, батюшка, сказалъ онъ смѣясь,—эта молодая черкешенка принадлежитъ человѣку, который отдастъ ее мнѣ, и только что мы пріѣдемъ въ Петербургъ, я вамъ ее подарю". „Благодарю васъ, сказалъ я въ свою очередь;—я не приму ее и полагаю, что этотъ порывъ чувства покажется неприличнымъ моей женѣ".

Мы разстались, и я думалъ, что тѣмъ дѣло и кончится. Но, вскорѣ князь далъ мнѣ почувствовать, что мой отказъ ему не понравился, и ему показалось, что я черезчуръ спесивъ

и не хочу принять отъ него подарка. Я сказалъ ему, что докажу ему противное и согласенъ принять все, что ему вздумается мнѣ подарить [1]).

Мы разсказали выше, что Императрица, въ *Старомъ Крыму*, вечеромъ 28 мая, сдѣлавъ прогулку по саду съ гр. Фалькенштейномъ, удалилась въ свои покои въ 9 часовъ вечера. Она спѣшила писать къ своимъ дорогимъ внукамъ великимъ князьямъ.

„Ваши имянины, (писала Императрица къ великому князю Константину Павловичу) привелъ Богъ праздновать въ Бахчисараѣ; на другой день мы поѣхали въ Севастополь, гдѣ мы нашли 15 кораблей и фрегатовъ военныхъ на морѣ; тутъ вспомнили мы, что до Петербурга было верстъ тысячи полторы, а до Царяграда сутки двое моремъ. Мы поѣхали оттуда чрезъ высокія горы; на одну шесть верстъ должно было подниматься, и опять пріѣхали въ Бахчисарай ночевать; завтра уже я буду на обратномъ пути и поспѣшу къ вамъ, колико можно; надѣюсь васъ обнимать недѣли чрезъ три въ Коломенскомъ дворцѣ; между тѣмъ будьте увѣрены, что я васъ люблю сердцемъ и душою. Екатерина.

Урочище Старый Крымъ въ 20-ти верстахъ отъ Θеодосіи, что называлась прежде сего Кафа. Мая 28, 1787“.

„...Здѣшнія мѣста прекраснѣйшія, которыя я видѣла отъ роду. По сю пору здѣсь ни тепло, ни холодно, но погода самая пріятная. Вездѣ сады въ лощинахъ, окружены они горами. Севастопольской гавани подобной трудно сыскать, въ оной разныхъ заливовъ множество, глубина вездѣ одинакая, такъ что не только купеческіе, но и самые большіе военные корабли могутъ вездѣ пристать къ самому берегу. Земля здѣсь изобильна, деревья вышины и толщины необыкновенной. Татары вездѣ

[1]) Князь Потемкинъ не позабылъ этого и, по возвращеніи своемъ въ столицу, послѣ взятія Очакова, онъ прислалъ Сегюру калмыцкаго мальчика, котораго звали Нагунамъ, и у котораго была преоригинальная китайская рожица. Сегюръ занялся имъ нѣсколько времени, училъ его читать; но передъ отъѣздомъ его во Францію, графиня Кобенцель, которой мальчикъ понравился, такъ усердно стала упрашивать Сегюра оставить его у нея, что онъ согласился, но сохранилъ портретъ этого калмыченка.

весьма ласково насъ принимаютъ и всячески ищутъ, какъ лучше угостить; въ Бахчисараѣ, ночь цѣлую не выходя изъ мечети, молились весьма громогласно о благополучномъ продолженіи пути моего; дорога сія мнѣ тѣмъ паче пріятна, что вездѣ нахожу усердіе и радѣніе, и, кажется, весь сей край въ короткое время ни которой россійской губерніи устройствомъ и порядкомъ ни въ чёмъ не уступитъ. Прощайте, мой другъ; дай Боже, чтобъ вы къ Москвѣ пріѣхали въ добромъ здоровьѣ и не скучали дорогою; безъ труда въ свѣтѣ никуда не поспѣешь. Мнѣ весьма будетъ радостно васъ видѣть; вы знаете, что я васъ люблю сердцемъ и душою. Екатерина.

Урочище Старый Крымъ, мая 28 ч., 1787".

Храповицкій въ своихъ запискахъ оставилъ намъ слѣдующія отмѣтки:

„27 мая. Пріѣхали ночевать въ Старый Крымъ. Татары спрашивали, зачѣмъ Иловайскій въ своей одеждѣ, и когда имъ сказали, что такой обычай у козаковъ, то отозвались, что равнымъ образомъ и изъ татаръ древніе обычаи выходить будутъ золотниками".

"28 мая. Письмо къ великимъ князьямъ, съ похвалою Тавриды, Севастопольской гавани и климата. Въ доказательство привязанности татаръ, сказывали, что въ Бахчисараѣ молились цѣлую ночь о благополучномъ совершеніи путешествія. Переписалъ стихи, начатые въ Бахчисараѣ, въ похвалу князя Потемкина. Обѣдали въ бывшей Кафѣ или Ѳеодосіи.

На другой день 29 мая назначенъ былъ въѣздъ изъ Стараго Крыма въ Карасубазаръ.

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАМЕННЫЙ ЗАТОНЪ
И БѢЛОЗЕРСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ДНѢПРѢ.

Названная мѣстность, расположенная въ области Великаго Днѣпровскаго луга по рѣкѣ Конкѣ, близъ Никополя, по остаткамъ сохранившейся здѣсь старины принадлежитъ къ числу выдающихся достопримѣчательностей нижняго Днѣпра.

Въ „Запискахъ“ Эриха Лассоты, путешествовавшаго къ запорожцамъ въ 1594 г. къ этой мѣстности относится слѣдующее свидѣтельство: „... Проѣхали мимо Мамай-Сурки, древняго городища или валовой насыпи древняго замка, находящагося на татарской сторонѣ; затѣмъ мимо рѣчки Бѣлозерки, идущей изъ татарской степи и образующей передъ своимъ впаденіемъ въ Днѣпръ озеро, при которомъ также есть городище и валовая насыпь древняго большаго города. Затѣмъ прошли мимо Каменнаго затона или залива Днѣпра тоже на татарской сторонѣ съ каменистымъ берегомъ, объясняющимъ названіе этого затона. Здѣсь татары имѣютъ обыкновеніе переправляться черезъ Днѣпръ зимою, когда рѣка покрыта льдомъ. Здѣсь также производится у нихъ выкупъ (odkup) плѣнныхъ и въ этомъ мѣстѣ начинается высокій валъ, который тянется до Бѣлозерки; подлѣ этого вала лежитъ большой каменный шаръ, свидѣтельствующій, что нѣкогда тутъ происходило большое сраженіе“.

Князь Мышецкій, пробывшій на Запорожьи съ 1736 по 1740 г., относительно занимающей насъ мѣстности записалъ: „Оный Каменный затонъ построенъ отъ россіянъ въ войну съ

турками въ 1696 году; а въ 1736 г. отъ россіянъ же былъ построенъ тутъ редутъ. (На рѣкѣ Бѣлозерки) былъ славный, старинный городъ, именуемый Бѣлозерка-жъ, который былъ построенъ отъ древняго нѣмецкаго народа франковъ, которые въ ту пору здѣсь жили. А по нихъ тамо имѣлася въ томъ градѣ владѣтельница, прозываемая Бѣлозерская и имѣла тутъ малое владѣніе. А какъ татарскій ханъ Мамай шелъ на Россію съ войною, то оная владѣтельница отъ страху оставила тотъ городъ и поселилась внизу Днѣпра по Очаковской сторонѣ... а Мамай пришелъ, оный городъ разорилъ. (На рѣчкѣ Мамай-Суркѣ) отъ татарскаго хана Мамая былъ построенъ городъ на имя свое Мамай".

Приведенное легендарное сказаніе князя Мышецкаго не заключаетъ въ себѣ какихъ либо цѣнныхъ указаній, такъ какъ онъ писалъ свою исторію съ чужихъ словъ, принимаемыхъ имъ на вѣру безъ надлежащей критики, что и оказывается при близкомъ ознакомленіи съ его трудами. Если этотъ авторъ пріурочиваетъ запорожскія сѣчи къ мѣстамъ Канева и Переволотной и даже допускаетъ пребываніе сѣчи въ 30 вер. отъ Чернигова, то приходится съ недовѣріемъ относиться къ его невѣроятному сообщенію о Бѣлозерскомъ городищѣ. Иное значеніе имѣютъ замѣтки Лассоты, отличающіяся большою фактическою точностью, какъ можно убѣдиться, между, прочимъ изъ провѣрки заключающихся въ его запискахъ географическихъ свѣдѣній по пути отъ Кіева до Кичкасскаго перевоза Днѣпромъ и дальше по Великому лугу до днѣпровскаго протока Чертомлыка.

Въ „Русскихъ трактатахъ" А. Русова, въ цитатѣ изъ Манштейна о Бѣлозерскомъ городищѣ читаемъ: „Въ двухъ мѣстахъ этого края (поднѣпровья въ предѣлахъ нынѣшней Новороссіи) есть слѣды городовъ; одинъ изъ нихъ Бѣлозерка, имѣвшій собственнаго своего государя, былъ разрабленъ и разрушенъ татарскимъ княземъ Мамаемъ, который очень прославился въ 14 вѣкѣ".

Очень смутныя историческія свидѣтельства о прошлой судьбѣ интересующей насъ мѣстности заключаютъ, однако, въ себѣ опредѣленное указаніе на видную ея роль во время, предшествующее козацкому періоду на нижнемъ Днѣпрѣ.

Отмѣтимъ современные черты описываемаго небольшаго района. Каменный затонъ представляетъ собою весьма характерный заливъ, болѣе узкій со стороны Днѣпра и затѣмъ разширяющійся до 200—300 саж.; по длинѣ заливъ этотъ тянется почти на двѣ версты, заканчиваясь сравнителько узкой полосой, куда вливается „течія“ со стороны лѣвобережной низменной равнины. При такомъ объемѣ и фигурѣ Каменный затонъ можетъ помѣстить въ себѣ значительную рѣчную флотилію,—и весьма возможно, что въ давнюю пору заливъ этотъ и имѣлъ такое значеніе для обитателей Нижняго Днѣра [1]). На правой сторонѣ Каменнаго затона можно видѣть слѣды редута, о времени сооруженія которого говоритъ князь Мышецкій въ приведенной выше выдержкѣ изъ его исторіи о козакахъ запорожскихъ. Дальше въ правую же сторону за Каменнымъ затономъ потянулись „кучугуры“ (песчаные холмы), пользующіяся извѣстностью на далекое разстояніе.

Отъ каменнаго затона прямой путь по рѣкѣ Конкѣ къ Бѣлому озеру, соединяющемуся съ Конкой короткимъ концомъ незначительной рѣчки Бѣлозерки. Озеро занимаетъ площадь въ нѣсколько тысячъ десятинъ, не глубоко (не глубже $2^1/_2$ ар.) изобилуетъ рыбою. По лѣвую сторону озера тянется большое село Каменка, по правую—развернулось почти на 10 верстъ вдоль огромное село Большая Знаменка. Пространство между с. Каменкой и р. Конкой, ограниченное Каменнымъ затономъ и Бѣлымъ озеромъ, занято отмѣченными выше песчаными кучугурами съ массой черепковъ битой посуды, между прочимъ,

---

[1]) Обслѣдованіе вопроса, не представляетъ ли Каменный затонъ искусственнаго сооруженія со стороны спеціалистовъ гидротехниковъ имѣло бы весьма важное значеніе для выясненія прошлой судьбы днѣпровскаго низа.

древнихъ амфоръ (остроконечныя донья и длинныя ручки этихъ типичныхъ судовъ). Площадки, сплошь покрытыя черепками на лощинахъ между кучугурами тянутся здѣсь верстъ на 5 въ длину и версты на 3 въ ширину. Рядомъ съ черепками встрѣчается здѣсь много выбѣленныхъ дождемъ и солнцемъ зубовъ различныхъ животныхъ. Лѣтъ 10 назадъ, пока кучугуры не были засажены „шелюгомъ" здѣсь находили часто стрѣлы различныхъ видовъ и размѣровъ, иногда съ конскимъ волосомъ въ дырочкахъ у основанія стрѣлъ, а также разнообразныя металлическія пряжки, пуговицы и монеты; между послѣдними встрѣчались и золотыя. Такія находки очень охотно покупались евреями на никопольскихъ базарахъ, почему изъ Каменки всякій разъ послѣ большаго вѣтра выходили „черидками" дѣти для поисковъ въ кучугурахъ. Заслуживаетъ вниманія также и то, что мѣстные жители въ этихъ кучугурахъ не особенно давно находили много камня, которымъ были выложены, будто-бы, погреба.—Остатки землянаго вала между Каменнымъ затономъ и Бѣлымъ озеромъ сохранились лишь въ немногихъ мѣстахъ; въ чертѣ каменскихъ усадьбъ валъ срытъ мѣстами до основанія. Отъ каменнаго большаго шара, который видѣлъ здѣсь Лассота, возвращаясь отъ запорожцевъ съ Базовлукскаго острова, не осталось никакихъ слѣдовъ ни въ вещественныхъ остаткахъ, ни въ народномъ преданіи. Такова мѣстность, гдѣ въ 16 вѣкѣ татары производили „odkup" плѣнныхъ.

Неменѣе интересною представляется также мѣстность по правую сторону Бѣлаго озера, между озеромъ и р. Конкой. Здѣсь находится древнее городище, представляющее двѣ части: „городокъ" при рѣкѣ Конкѣ и „Городище" при Бѣломъ озерѣ. *Городокъ*, занимающій площадь значительно меньшую по сравненію съ городищемъ, представляетъ правильный четырехъугольникъ, огражденный земляной насыпью до 40 шаговъ черезъ верхъ,—валъ паралельный р. Конкѣ тянется въ длину шаговъ на 900, а два перпендикулярныхъ шаговъ на 400; къ валу, ограждающему городокъ, со стороны степи съ наружной стороны примыкаетъ ровъ, глубиною (по его сторонѣ) около

10 шаговъ; южный валъ прерывается на нѣсколько саженей въ томъ мѣстѣ, гдѣ выдвигаясь наружу за линію вала, возвышаются курганы объемомъ около 20 шаговъ черезъ верхъ. Внутри городка хорошо замѣтна вторая линія валовъ, паралельныхъ отмѣченнымъ здѣсь. Въ чертѣ городка близъ сѣвернаго вала по направленію къ рѣкѣ Конкѣ сдѣланъ прокопъ, повидимому для удобнаго сообщенія съ рѣкою, берегъ которой на мѣстѣ городка довольно крутой. Внутри городка возвышается нѣсколько кургановъ. За чертой городка на поворотѣ р. Конки замѣтны слѣды редута, обваливающагося въ рѣку.—*Городище*, примыкающее къ Бѣлому озеру, огорожено валомъ только съ одной южной стороны. Валъ здѣсь нѣсколько ниже, чѣмъ въ городкѣ, но съ такимъ же рвомъ со стороны степи и такими же перерывами въ валу и курганами съ наружной стороны. Валъ этотъ тянется на разстояніи около полуторы версты, не доходя до Бѣлаго озера саженей на 100 вслѣдствіе ежегодныхъ разливовъ озера въ весеннее половодье. Всѣ отмѣченные валы, находящіеся въ чертѣ крестьянскихъ усадьбъ Большой Знаменки, довольно хорошо сохранились.

Общій видъ описанной мѣстности между Бѣлымъ озеромъ и р. Конкой представляется на прилагаемой къ статьѣ картѣ.

Въ Большой Знаменкѣ у мѣстныхъ крестьянъ были встрѣны нами двѣ амфоры, вывалившіяся изъ крутаго берега въ рѣку Конку. Выбѣленныя снаружи амфоры сдѣланы изъ красной глины; высота ихъ $1^1/_4$ арш., толщина въ самомъ широкомъ мѣстѣ подъ шейкой около $^1/_2$ арш. въ діаметрѣ. Такія амфоры, по словамъ мѣстныхъ жителей, вываливаются въ Конку почти всякій годъ, но обыкновенно забрасываются, не находя примѣненія въ крестьянскомъ хозяйствѣ по неустойчивости. Въ одной изъ видѣнныхъ нами амфоръ, впрочемъ, были посолены огурцы.

На горѣ Малой—Суркѣ не сохранилось ясныхъ слѣдовъ древняго замка, о которомъ упоминаетъ Эрихъ Ляссота въ сво-

Д н ѣ п р ъ.

Каменный затонъ.

5

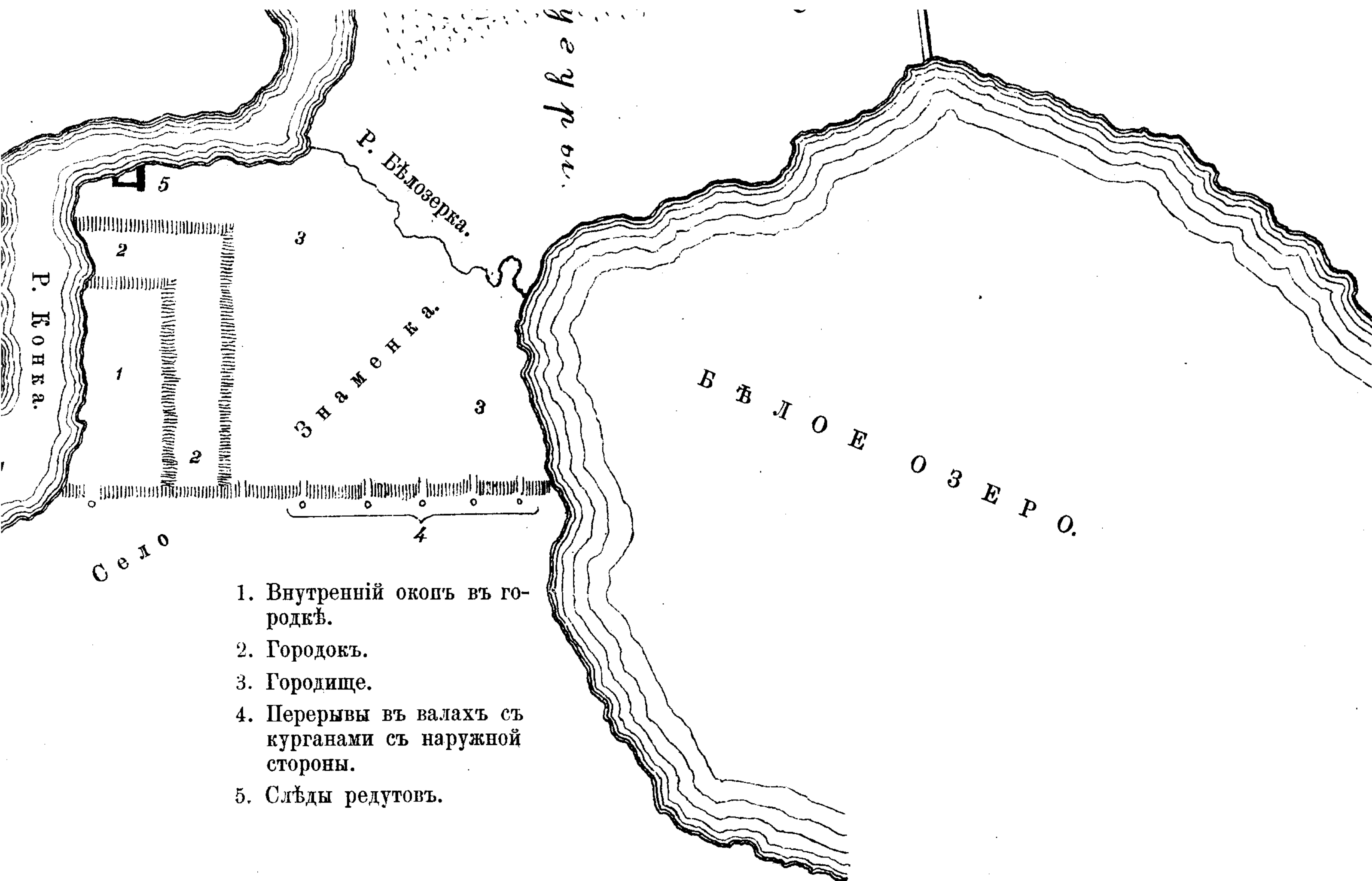
Масштабъ:
около версты въ дюймѣ.

Р. Конка.

Направленіе насыпи.

Каменская Ку

К а м е н к а
лая Знаменка).



1. Внутренній окопъ въ городкѣ.
2. Городокъ.
3. Городище.
4. Перерывы въ валахъ съ курганами съ наружной стороны.
5. Слѣды редутовъ.

ихъ запискахъ. Эта высокая и крутая гора представляетъ двѣ террасы, причемъ на нижней, отстоящей отъ вершины саженъ на 50, расположены въ рядъ два огромныхъ кургана шаговъ до 80 черезъ верхъ. Здѣсь же, нѣсколько впереди кургановъ, высится огромный природный холмъ; внизъ отъ холма спускается рытвина; глубокое провалье, тянущееся отъ вершины и до подошвы горы, примыкаетъ къ обѣимъ террасамъ съ западной стороны. Склонъ Мамаевой горы достигаетъ саженъ 300. Отмѣченные огромные курганы изрыты кладоискателями, къ счастью, не глубокими ямами.

Къ одной мѣстности, находящейся между Мамаевой горой и Бѣлозерскимъ городищемъ относится довольно загадочное въ данномъ случаѣ названіе „казанъ“. Къ какой собственно мѣстности относится это названіе, большезнаменскіе жители не умѣли выяснить. Одни названіе „казанъ“ относили къ котлообразной равнинѣ между Мамаевой горой и Бѣлозерскимъ городищемъ, другіе пріурочивали такое же названіе къ одному мѣсту на рѣкѣ Конкѣ, на которомъ, будто бы, утонулъ человѣкъ въ поискахъ за выпущеннымъ изъ рукъ, при переправѣ черезъ рѣку, обыкновеннымъ, домашнимъ казаномъ. Послѣдній варьантъ, по крайней наивности, въ народномъ впрочемъ духѣ, вовсе не выдерживаетъ критики; приурочиваніе названія „казанъ“ къ обширной котлообразной равнинѣ также непонятно.

Какъ достопримѣчательность современнаго быта жителей Каменки и Большой Знаменки, особенно послѣдней, должны быть отмѣчены роскошные сады и виноградники, пользующіеся извѣстностью даже за предѣлами новороссійскаго края. Виноградники изъ лозъ, не уступающихъ по достоинству крымскимъ, даютъ огромную массу винограда, заполняющаго большинство новороссійскихъ рынковъ, вывозимаго также въ сосѣднія губерніи, какъ полтавскую, харьковскую и проч. Приготовляемое изъ мѣстнаго винограда вино, не отличающееся высокимъ качествомъ, по неумѣнію приготовить, имѣетъ также значительный сбытъ по дешевизнѣ.

По пути изъ Большой Знаменки къ Каменному затону уже не приходится изумляться при видѣ массы черепковъ. Если мѣстность при Бѣломъ озерѣ и въ давнее время производила виноградъ въ огромномъ количествѣ, что вполнѣ возможно, то въ такомъ мѣстѣ вполнѣ естественно встрѣтить массу черепковъ битыхъ амфоръ и другой посуды, употребляющейся для вина.

Этимъ и ограничиваются наши наблюденія замѣчательныхъ остатковъ старины въ окрестностяхъ Каменнаго затона и Бѣлаго озера. Вѣское слово о нихъ можетъ сказать только спеціалистъ—археологъ.

Л. Падалка.

ОБРАЩЕНІЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЛАТИНСКІЙ КОСТЕЛЪ.

(Эпизодъ изъ исторіи церковно-бытовыхъ отношеній между православіемъ и католичествомъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія).

Въ овручскомъ уѣздѣ волынской губерніи есть совершенно незамѣтное и ничѣмъ не выдающееся въ настоящее время м. Славечня, въ которомъ около ста лѣтъ тому назадъ разыгралась любопытная исторія, долго привлекавшая къ себѣ вниманіе разныхъ вѣдомствъ, а особенно духовнаго, и служившая предметомъ немалыхъ споровъ и пререканій между ними. Эти споры и пререканія вызвали обширную переписку и дали въ результатѣ громадное дѣло, представляющее массу интересныхъ данныхъ для характеристики тогдашнихъ общественныхъ нравовъ и административныхъ порядковъ. Здѣсь, какъ въ фокусѣ, собраны многія черты, бросающія яркій свѣтъ на тогдашнее неупроченное положеніе духовенства, безправіе народа, всевластіе шляхты, удивительную волокиту въ судахъ. Въ виду этого мы намѣрены болѣе подробно познакомить читателей съ обстоятельствами этого дѣла.

Въ 1787 году прибылъ въ м. Славечню владѣлецъ этого имѣнія [1]), виленскій бискупъ князь Масальскій. Будучи въ мѣстной церкви за обѣдней, онъ обратилъ вниманіе на то, что церковь совершенно обветшала и дальнѣйшее ея существованіе не возможно; поэтому, призвавъ къ себѣ послѣ обѣдни

[1]) Оно вскорѣ затѣмъ перешло въ руки графа В. Потоцкаго и стало ключемъ его имѣній.

почетнѣйшихъ прихожанъ и церковныхъ братчиковъ, онъ указалъ имъ на необходимость озаботиться постройкою новой церкви. Прихожане, вѣроятно, и сами отлично понимали, что медлить нельзя, но скудость церковной кассы не позволяла имъ серьезно приняться за дѣло: въ „карнавкѣ" было всего около 300 злотыхъ. Между тѣмъ 2600 злотыхъ громадскихъ денегъ находилось въ владѣльческомъ скарбѣ; вотъ эти-то деньги прихожане и просили владѣльца разрѣшить имъ употребить на постройку церкви. Бискупъ Масальскій удовлетворилъ просьбу прихожанъ и даже болѣе того—велѣлъ своей экономіи выдавать изъ скарбу, сверхъ этихъ денегъ, столько, сколько бы понадобилось на постройку церкви. Кромѣ того онъ выдалъ зашнурованную книгу для веденія отчета по употребленію денегъ, выдалъ и планъ и поручилъ производство постройки своему коммиссару Вильчинскому.

Крестьяне тотчасъ принялись за вывозку матеріала и, благодаря помощи сосѣдей, живо справились съ этимъ дѣломъ. Вильчинскій съ своей стороны не имѣлъ повода оттягивать постройку церкви, и когда все было готово для закладки, нанялъ, при участіи прихожанъ и съ ихъ согласія, за 700 злот. мастера, съ которымъ и заключилъ контрактъ. Основаніе новой церкви первоначально имѣлось въ виду положить „въ кругъ старой церкви", но Вильчинскій почему-то выбралъ въ 10 шагахъ отъ этой послѣдней мѣсто, которое славечанскій уніатскій священникъ Адамовичъ и освятилъ, имѣя въ рукахъ выданный на этотъ предметъ пинскою уніатскою консисторіею „инструментъ".

При производствѣ постройки мастеру и рабочимъ платили не только скарбовыми деньгами (принадлежавшими въ дѣйствительности громадѣ, о чемъ была рѣчь выше), но и собственно церковными. На эти же деньги былъ устроенъ каменный фундаментъ и четыре мурованныхъ колонны снаружи. Что же касается продовольствія рабочимъ, то оно доставлялось въ видѣ „ординаріи" посредствомъ ссыпки исключительно громадой, безъ „малѣйшаго пособія" со стороны скарба. Наконецъ, церковь была кончена, украшена по греческому типу и, со-

гласно данному въ 1792 году пинскимъ уніатскимъ бискупомъ Іосафатомъ Булгакомъ „инструменту", освящена петрашевскимъ священникомъ Лисицкимъ, который отслужилъ здѣсь первую литургію и затѣмъ передалъ новопостроенную церковь мѣстному приходскому священнику Гиларію Загоровскому.

Да простятъ намъ читатели, если мы обращаемъ ихъ вниманіе на столь мелочныя подробности; но это необходимо. Здѣсь лежитъ коренная пружина всего дѣла, его узелъ и завязка; тутъ именно источникъ всѣхъ недоразумѣній и основаніе для заявленныхъ впослѣдствіи совершенно противоположныхъ притязаній. Какъ бы то ни было, но если безпристрастно вникнуть въ изложенныя обстоятельства, то для всякаго станетъ несомнѣнно, что бискупу Масальскому, въ дѣлѣ постройки церкви, принадлежитъ скорѣе высшее руководительство громадой, чѣмъ матеріальное вспомоществованіе ей; вся же денежная тяжесть и вообще финансовая сторона дѣла съ честью вынесена на плечахъ мужиковъ. Съ другой стороны, не менѣе очевидно, что славечанская церковь была русско-уніатская, потому что и консисторія, и бискупъ, давшіе разрѣшеніе на освященіе мѣста подъ церковь и самой церкви, были уніатскіе; и священникъ, освящавшій ее, и священникъ, назначенный служить въ ней, также были уніаты.

Между тѣмъ наступилъ 1793 годъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ произошелъ второй раздѣлъ Польши. Значительнѣйшая часть Волыни была присоединена къ Россіи, и вотъ съ особенною силою стала овладѣвать передовыми представителями духовенства мысль о возвращеніи уніатовъ обратно къ православному греко-восточному исповѣданію. Тогда же Викторомъ Садковскимъ, архіепископомъ минскимъ, вѣдѣнію котораго подлежали и новоприсоединенные уѣзды Волыни, издана была грамота, приглашающая всѣхъ желающихъ возвратиться къ „праотеческой вѣрѣ". Для болѣе успѣшнаго веденія дѣла [1]), вызвано

[1]) Весьма интересная по этому вопросу статья, подъ заглавіемъ „Возсоединеніе уніатовъ на Волыни въ 1794—95 гг.", основанная на изученіи первоисточниковъ, принадлежитъ перу Св. И. Л. и напечатана въ №№ 26 и 27 Волынск. Епарх. Вѣд. за 1880 годъ.

было изъ другихъ епархій около 10 человѣкъ игуменовъ и протоіереевъ, которые, получивъ отъ Виктора особую инструкцію, стали объѣзжать волынскія села и обращать прихожанъ въ православіе. Пріѣхалъ съ этою цѣлью и въ м. Славечню десятоначальникъ П. Иванча. Однако миссія его имѣла успѣхъ неполный: прихожане приняли православіе и были имъ присоединены, священникъ же Загоровскій не только отказался принять православіе, но, войдя въ стачку съ мѣстнымъ экономомъ Грабовецкимъ и заручившись его содѣйствіемъ, воспротивился передачѣ новой церкви въ руки православныхъ; свои права на нее онъ основывалъ на томъ обстоятельствѣ, что это не приходская церковь, а „придворная каплица". „Хотя прихожане таковое несправедливое и фалшивое представленіе публично обличали, и о присоединеніи новой церкви усердно просили, но опасаясь дворской власти, будучи въ надежди, что таковая ложная выдумка твердою и основательною быть не можетъ, отъ дальшихъ споровъ о новую свою приходскую церковь удержались". Поэтому Иванчѣ ничего больше не оставалось, какъ возобновить старую церковь; но для этого предварительно надо было очистить зданіе отъ сваленныхъ здѣсь въ кучу гонтъ и досокъ и привести его въ болѣе или менѣе приличный видъ. Такъ онъ и поступилъ, и 28 февраля 1795 г., перенесши церковныя вещи изъ новой церкви въ старую, вторично освятилъ эту послѣднюю.

Всякому, мало мальски знакомому съ нѣкоторыми фактами изъ времени возсоединенія уніатовъ и вообще съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ на Волыни, нисколько не покажется страннымъ такой неожиданный оборотъ этого дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ отстоять права прихожанъ на новую церковь? Сами прихожане? Но вѣдь они были въ рукахъ „дворской власти", которой, какъ увидимъ послѣ, не напрасно опасались. Тѣмъ болѣе были основательны эти опасенія, что угрозы со стороны помѣщиковъ подвергать возсоединяющихся крестьянъ наказанію, были тогда явленіемъ повсемѣстнымъ и, само собою понятно, далеко не шуточнымъ. Такъ, владѣлецъ с. Мончинецъ Грохольскій „запретилъ людямъ, чтобы отнюдь никто на схизму

не подписывался, ибо плетьми будетъ смертно сѣкти, и объявилъ, что какъ онъ самъ на схизму не согласенъ, то и его подданные на то не согласятся" (Арх. Вол. Дух. Консист. № 10) Въ с. Чернелевкѣ помѣщикъ Мальчевскій приказалъ войту, чтобы, въ случаѣ пріѣзда благочиннаго для возсоединія уніатовъ, нигдѣ въ его имѣніяхъ не собирать громады. И дѣйствительно, находясь подъ давленіемъ этой внѣшней силы и запуганные страхомъ угрозъ и тѣлесныхъ наказаній, крестьяне, тотчасъ же по пріѣздѣ въ извѣстное село лицъ, непосредственно руководившихъ дѣломъ возсоединенія, всѣ скрывались, такъ что не къ кому было и обращаться съ увѣщаніями относительно возсоединенія съ православною церковью. (Ibidem.)

Не священники ли могли вступиться за правое дѣло и поддержать интересы крестьянъ? Но и они не чувствовали у себя подъ ногами твердой почвы и находились въ весьма шаткомъ положеніи. Угрозы, удручающимъ образомъ дѣйствовавшія на крестьянъ, имѣли значеніе и для священниковъ, хотя косвеннымъ путемъ, именно: помѣщики грозили отнять у нихъ церковные грунта [1]), говоря, что „когда государыня возвращаетъ ихъ къ благочестію, то пущай имъ для ихъ пропитанія даетъ и грунта". (Ibid.) Мало того: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ владѣльцы дѣйствовали болѣе рѣшительно, напр., въ с. Красноселкѣ поссесоръ Адамъ Перетятковичъ не пустилъ священника съ прихожанами въ церковь, „говоря, что изъ оной костелъ, а не церковь благочестивая будетъ"; тотъ же Грохольскій, о которомъ мы только что упоминали, забралъ сумму церковную и отобралъ отъ священника ключи церковные. (Ibid.) Вообще помѣщики, владѣя душами крестьянъ, заодно и приходскую церковь съ ея имуществомъ считали своею собственностью. По-

[1]) Извѣстны случаи, когда эти угрозы приводились въ исполненіе. Такъ, владѣлецъ с. Войтовецъ чудновск. повѣта гр. Илинскій (генералъ россійскихъ войскъ) отобралъ у священника церковные грунта, которыми тотъ пользовался 20 лѣтъ. Въ виду невозможности дальнѣйшаго существованія священника на этомъ приходѣ, за отсутствіемъ необходимыхъ средствъ, еп. Варлаамъ далъ ему другой приходъ, а с. Войтовцы было приписано къ сосѣдней церкви. (Арх. Вол. Дух. Кон № 454.)

этому, если у помѣщика былъ балъ и оказывалась недостача въ свѣчахъ, то онъ, ничтоже сумняся, посылалъ въ церковь и забиралъ оттуда всѣ, даже послѣднія свѣчи; „лечь то было, задвлялъ одинъ крестьянинъ, будучи вызванъ свидѣтелемъ по одному дѣлу, еще за унѣи, ибо я самъ тотъ былъ, что съ повелѣнія г. Схабѣцкаго, свѣщы съ церкви забиралъ". (Арх. Вол. Дух. Кон. № 499.)

Стоя лицемъ къ лицу съ подобными, довольно заурядными фактами панскаго вмѣшательства въ церковныя дѣла, духовенство тѣмъ менѣе могло заявлять о своихъ правахъ и одновременно съ этимъ поддерживать законные интересы крестьянъ, что само не могло опереться на господствовавшую въ краѣ власть. Извѣстно предписаніе губернатора Шереметева о томъ, что если въ какомъ-либо приходѣ одни только крестьяне заявятъ желаніе возсоединиться, священникъ же откажется, то съ исполненіемъ этого дѣла слѣдуетъ „поудержаться". (Ibid. № 10) Между тѣмъ случаи такого рода, когда, даже при согласіи прихожанъ, священникъ отказывался отъ возсоединенія были довольно не рѣдки, и нужно замѣтить, что причиною отказа, какъ увидимъ, являлись большею частью совершенно стороннія соображенія, слишкомъ далекія отъ интересовъ вѣры. Правда, и между уніатскими священниками попадались, повидимому, люди убѣжденные, какъ можно отчасти заключить по тексту данныхъ ими отписокъ[1]), напр., „Ja Antoni Danielіewicz w unij zostanie do zhonu żytyia moieho". (Арх. № 41.) Были даже такіе рѣдкіе экземляры, какъ нѣкій священникъ с. Михайловки староконстантиновской округи Ѳеодоръ Нѣдзѣльскій, который съ искреннею, глубокою вѣрою въ святость уніи и съ безстрашіемъ, достойнымъ вниманія, заявлялъ, что „онъ безъ уніи спасаться не можетъ", что онъ „съ предковъ своихъ унѣятъ", что, будучи обязанъ присягою уніатскому епископу, онъ лишь его считаетъ за пастыря; преосвященнаго же Виктора таковымъ не признаетъ, а потому къ православно-восточной греко-

---

[1]) Священники, желавшіе присоединиться, давали „подписки", отъ нежелавшихъ же отбирались „отписки".

россійской церкви присоединиться не желаетъ и „того ради благочестія отрицается“. Не ограничиваясь вопросами вѣры, этотъ замѣчательный уніатъ пустился даже въ область политики и заявилъ, что „поляки весьма худо здѣлали, что, обовязавшись присягою на вѣрность королю польскому, дерзнули потомъ ее уничтожить присягою россійской имперіи“. (Арх. № 10). Однако такіе ревностные поборники и исповѣдники уніи—рѣдкія единицы, предъ которыми останавливаешься съ изумленіемъ. Большинство же отказывавшихся отъ благочестія, какъ заявляютъ лица, непосредственно занимавшіяся возсоединеніемъ, дѣлали это или вслѣдствіе разныхъ угрозъ, или по причинѣ распускаемыхъ заинтересованной стороной слуховъ, что „все то не такъ будетъ“, потому что благочинные принялись „воскрешать благочестіе сами собою, безъ Монаршаго повелѣнія, ибо Ея Императорское Величество на грамотѣ не подписалась“. (Ibid.) Не смотря на то, что, въ силу изданныхъ Высочайшихъ повелѣній, всякій, вздумавшій какимъ бы то ни было образомъ насиловать чужую совѣсть и страхомъ ли наказаній, или разными угрозами противодѣйствовать возсоединенію уніатовъ, подвергался уголовному преслѣдованію, всѣ подобныя дѣйствія оставались совершенно безнаказанными и вовсе не подвергались преслѣдованіямъ. „Хотя командѣ о семъ и представляется, доносилъ своему духовному начальству одинъ изъ тогдашнихъ дѣятелей возсоединенія, то невѣдомо для чего отъ такихъ-то противниковъ не взискуется“. (Ibid. № 10.) Мы уже знаемъ, что когда гр. Илинскій отобралъ у войтовецкой церкви, по возсоединеніи уніатовъ, принадлежавшія ей земли, то епархіальная власть, обязанная заботиться о цѣлости церковнаго имущества, ни единымъ словомъ не заявила своего протеста. Видно, протестъ былъ безполезенъ, потому то власть безропотно покорилась судьбѣ, приписала церковь къ сосѣднему приходу—и это, по всей вѣроятности, и былъ единственный исходъ.

Если теперь мы примемъ во вниманіе всѣ изложенные факты, то перестанемъ удивляться тому, что въ м. Славечнѣ уніатскій священникъ съ такимъ достоинствомъ и какъ будто сознаніемъ свей правоты отказался сдать возсоединеннымъ при-

хожанамъ ими же построенную церковь. Прихожане не могли постоять за свое дѣло, духовенство также чувствовало себя безсильнымъ. Притомъ же Шереметевъ распорядился поудержаться съ присоединеніемъ такихъ приходовъ, гдѣ священникъ далъ „отписку“. Въ дѣйствительности распоряженіе это вовсе не исполнялось, въ подтвержденіе чего мы можемъ сослаться на массу имѣющихся у насъ въ рукахъ доказательствъ: священникъ отказывался отъ возсоединенія, а прихожане все таки были возсоединяемы и получали другаго, православнаго священника. Но еслибы это распоряженіе имѣло силу, то, основываясь на буквальномъ его смыслѣ, можно было съ полнымъ правомъ утверждать, что въ м. Славечнѣ возсоединеніе произошло контрабанднымъ путемъ.

Такъ или иначе, но возсоединенные въ февралѣ 1795 г. славечанскіе прихожане получили православнаго священника и остались при старой церкви; новая же перешла въ исключительное вѣдѣніе бывшаго ихъ приходскаго священника Загоровскаго, который получилъ „отъ двора годовую пенсію“ и продолжалъ совершать службу по уніатскому обряду. Такъ стояло дѣло до сентября 1796 года. Въ это время пріѣхалъ въ Славечню генеральный визитаторъ католическихъ приходовъ Яновскій. Мѣстный экономъ Зубръ, скрывъ отъ него обстоятельства постройки новой церкви, обратился съ просьбою освятить эту церковь въ костелъ. Яновскій вмѣстѣ съ свитскимъ ксендзомъ Вонсовичемъ исполнилъ просьбу и „тайнымъ образомъ“, какъ сказано въ одномъ донесеніи, „почты партикулярно“, какъ пояснено въ другомъ, „ибо безъ всякихъ церемоній, кромѣ водою окропилъ“, освятилъ 11 сентября церковь въ костелъ. Тогда же уніатъ Загоровскій принялъ латинскій обрядъ. Къ вечеру зашелъ во дворъ мѣстный приходскій священникъ Зѣньковскій и спросилъ визитатора: „По какой причинѣ вы могли церковь на костелъ освятить?“—„Я имѣю повелѣніе отъ его высокопревосходительства Тутолмина“, отвѣтилъ Яновскій, и священникъ долженъ былъ смиренно удалиться, хотя все таки онъ немедленно донесъ обо всемъ благочинному, а тотъ своевременно сообщилъ по начальству. Видно, что духовенство не желало

сдаться безъ боя; къ сожалѣнію, его желанія остались тщетными. Епархіальная власть не дала никакого хода дѣлу, оно было отложено въ сторону и предано полному забвенію. Варлаамъ, не касаясь прямо сущности донесенія, написалъ: „справиться: есть ли въ м. Славешни старая церковь?“, но консисторія никакого постановленія не сдѣлала. И вотъ дѣло, казалось, должно было окончательно заглохнуть, а совершившійся фактъ несправедливости съ теченіемъ времени получилъ бы и юридическую законность.

Между тѣмъ произошли нѣкоторыя обстоятельства, измѣнившія его естественное теченіе. Какъ ни тяжело и безправно было тогда положеніе крестьянъ, они тѣмъ не менѣе, какъ могли, отстаивали свою независимость въ дѣлахъ религіозныхъ. Извѣстно, что въ продолженіе XVIII столѣтія— въ то смутное время, когда высшая іерархія съ І. Шумлянскимъ во главѣ, усвоивъ іезуитскій принципъ, только наружно была православною, а въ дѣйствительности стала уніатскою,— одни только крестьяне хранили въ душѣ своей искру Божію и поддерживали ее живымъ, сердечнымъ чувствомъ; они навсегда остались чуждыми уніи и, не имѣя возможности активно противодѣйствовать всякимъ посягательствамъ на свободу своей совѣсти, волей-неволей должны были ограничиться пассивнымъ сопротивленіемъ [1]). Подобно тому и славечанскіе крестьяне „наскучали“ какъ панскому двору, такъ и бывшему своему приходскому священнику объ отдачѣ имъ новой церкви; „письменно-жъ жаловаться, опасаясь побоевъ, отъ эконома Зубра обѣщанныхъ, не осмѣлились“. Самъ Зубръ хорошо, какъ видно, понималъ справедливость настояній крестьянъ и, какъ бы чувствуя свою вину предъ ними, рѣшился хоть немного загладить ее и тѣмъ нѣсколько успокоить крестьянъ. Въ виду этихъ соображеній онъ покрылъ гонтой старую церковь, въ которой служеніе въ то время уже прекратилось, такъ какъ крыша ея стала гнить и разваливаться. Донося въ 1801 году объ этомъ

---

[1]) Монографіи по Исторіи западной и юго-западн. Россіи В. Б. Антоновича, стр. 331 и слѣд.

самовольномъ поступкѣ Зубра и прося вновь разрѣшить священнослуженіе въ старой церкви, благочинный напомнилъ епархіальному начальству забытую исторію о постройкѣ новой церкви и о неправильномъ обращеніи ея въ костелъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1802 году подоспѣло прошеніе крестьянъ на Высочайшее имя, касающееся того же предмета и поданное также въ консисторію.

Измученные безплодными усиліями вернуть себѣ неправильно отнятое кровное достояніе, крестьяне рѣшили дѣйствовать основательно, причемъ употребили всѣ старанія, чтобы по возможности прочно утвердиться на легальной почвѣ. Съ этою цѣлью они обратились къ своему помѣщику, подкоморому польской короны гр. Винцентію Потоцкому съ униженною просьбою уступить имъ новую церковь, столь неожиданно превратившуюся въ каплицу. Помѣщикъ выдалъ письменное согласіе, поставивъ условіемъ, чтобы крестьяне выстроили взамѣнъ церкви новую каплицу; это согласіе было заявлено въ овручскомъ повѣтовомъ земскомъ судѣ „для записи до книгъ способомъ абляты“ и представлено при прошеніи.

Такимъ образомъ духовенство и крестьянство—тѣ именно два элемента, которые, какъ мы видѣли, имѣли меньше всего шансовъ за себя и на которые такъ трудно было разсчитывать, выступили во всеоружіи юридической законности на защиту своего дѣла. Тогда епархіальное начальство поняло, что дѣло это не безнадежное, махнуть рукой, какъ раньше, нельзя, и въ мартѣ 1803 года опредѣлило передать славечанскую церковь въ православное вѣдомство. Послано было отношеніе въ губернское правленіе, а это послѣднее предписало овручскому нижнему земскому суду командировать съ своей стороны члена для немедленнаго исполненія опредѣленія консисторіи. Казалось, что наконецъ семилѣтнее терпѣніе крестьянъ будетъ вознаграждено достойнымъ образомъ. Дѣйствительно, 3 мая прибылъ въ Славечню овручскій протоіерей Савлучинскій, засталъ уже здѣсь земскаго исправника, но, сверхъ всякаго чаянія, церкви не получилъ. Оказалось, что деканъ народицкій, ксензъ Калинскій рѣшилъ уклониться отъ требованія властей, а для этого, за-

хвативши церковные ключи, совсѣмъ уѣхалъ изъ Славечни и на письменное заявленіе исправника отвѣтилъ, что безъ вѣдома своего бискупа ключей и церкви отдать не можетъ.

Такой непредвидѣнный поступокъ декана окончательно поставилъ въ тупикъ и высшія, и низшія духовныя сферы. Ихъ недоумѣніе вскорѣ разрѣшилось, когда на имя Варлаама, епископа житомирскаго, было получено отношеніе луцкаго католическаго бискупа Гаспара Цѣцишовскаго. Указавъ на распоряженіе православнаго духовнаго начальства, бискупъ пишетъ: „Новый сей примѣръ занятія церкви, моему вѣдѣнію Всемилостивѣйше ввѣренной, безъ сношенія со мною или моею консисторіею, для освященія оной въ другое исповѣданіе, тревожитъ мое спокойствіе и безопасность и прочихъ церквей моей епархіи тѣмъ больше, что то наступило уже послѣ утвержденія Высочайшими узаконеніями цѣлости бытія оныхъ. Въ каковомъ случаѣ хотябъ и слѣдовало мнѣ искать защиты у моего начальства, но я, уповая на справедливость вашего преосвященства, толикократно мною и духовенствомъ моимъ испытанную, а всѣми вообще славимую, ласкаю себя надеждою, что занятіе таковое послѣдовало кромѣ вѣдома вашего, а затѣмъ безъ дальнѣйшихъ переписокъ и отвращено легко быть можетъ. Для того пріемлю честь краткое здѣсь здѣлать касательно той церкви объясненіе, изъ коего ваше преосвященство заключить изволите, сколь укоснительное и съ истиною несходное консисторіи вашей по сему предмету учинено донесеніе“. Обстоятельства постройки церкви бискупъ излагаетъ, конечно, въ выгодномъ для себя смыслѣ: церковь построена будто бы на средства единственно кн. Масальскаго, для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ официалистовъ-католиковъ, освящена по его, бискупа, порученію визитаторомъ Яновскимъ, безъ всякаго противодѣйствія съ чьей-либо стороны, и не тайно, а публично затѣмъ ей сдѣлана опись, которая съ этого времени ежегодно посылается въ римско-католическую духовную коллегію и по которой эта церковь значится приписанною къ велледницкому приходу. „Въ прочемъ, добавляетъ бискупъ, непринадлежность сей церкви къ славечанскимъ прихожанамъ, изъ уніатскаго къ гре-

ко-россійскому исповѣданію присоединившимся, доказываетъ во 1-хъ то, что при освященіи старой тамошней уніатской церкви на благочестіе первая, хотя и совершенно уже отдѣлана была, однакожъ оставлена безъ посвященія и послѣ того никто изъ нихъ не препятствовалъ возстановленію въ ней молебствія по католическому обряду; во 2-хъ то, что и нынѣ тѣжъ прихожане не сами собою къ занятію оной приступить осмѣлились, но по исходатайствованному отъ управителя того имѣнія дозволенію: да и то не инако какъ по принятому ими обязательству другую вмѣсто оной построить своимъ иждивеніемъ для исповѣдниковъ р.-католич. обряда. И наконецъ, что отъ духовенства гр.-россійскаго исповѣданія ни тогда, ни послѣ, ниже отъ тѣхъ прихожанъ, какъ я, равно и моя консисторія не получили въ разсужденіи означенной церкви требованія о возвращеніи оной въ ихъ вѣдомство“.

Нѣтъ нужды долго останавливаться на опроверженіи всѣхъ этихъ доказательствъ; они слишкомъ мало согласны съ истиною, чтобы могли имѣть хоть нѣкоторую доказательную силу. Мы знаемъ, что новая церковь во время возсоединенія оставлена безъ освященія въ силу особыхъ обстоятельствъ, а не потому, чтобы она была костеломъ; знаемъ и то, что если крестьяне не обнаружили рѣшительнаго противодѣйствія обращенію ея въ костелъ, то по невозможности сдѣлать это; оставалось развѣ поднять бунтъ и оказать сопротивленіе, соединенное съ насиліемъ. Обратиться же съ ходатайствомъ къ пану объ устройствѣ церкви и дать обязательство выстроить каплицу было для нихъ неизбѣжно, такъ какъ другаго исхода изъ затруднительнаго положенія не предвидѣлось. Что же касается православнаго духовенства, то оно, какъ извѣстно, своевременно доносило обо всемъ начальству.

Интересно далѣе послѣднее соображеніе Цѣцишовскаго. „Данное жъ отъ управителя позволеніе на занятіе оной церкви не могло по законамъ служить правиломъ къ таковому поступку, ибо оно есть само по себѣ ничто, яко послѣдовавшее отъ свѣтской особы на вещь, къ духовной власти принадлежащую, а на которую онъ никакого не имѣлъ права; а

сверхъ сего онъ, управитель, въ немъ имянно упоминаетъ, чтобы прихожане постарались на то о соизволеніи духовнаго начальства — слѣдственно того начальства, къ коего вѣдомству она принадлежитъ. Но таковое соизволеніе отъ меня не послѣдовало, а отъ кого другова кромѣ меня оно поступить не могло".

Всякій согласится, что изложенное сообщеніе Цѣцишовскаго, не лишенное тонкихъ логическихъ и діалектическихъ изворотовъ написно хорошимъ русскимъ языкомъ, обработано по всѣмъ правиламъ реторики и вообще вполнѣ достойно пера умнаго католическаго прелата. Бѣда вся только въ томъ, что здѣсь въ извращенномъ видѣ передаются факты; тѣмъ не менѣе это сообщеніе было роковымъ для дѣла и надолго затормозило правильное его рѣшеніе. Не довольствуясь однимъ экземпляромъ своего сообщенія, Цѣцишовскій тогда же послалъ копію въ губернское правленіе, которое и предписало земскому суду оставить безъ исполненія прежнее распоряженіе. Но консисторія, желая вывести дѣло на правильную дорогу, съ одной стороны, опредѣлила „учинить слѣдствіе" съ депутатами отъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ: православной и католической, для выясненія тѣхъ пунктовъ, относительно которыхъ существовало разногласіе; съ другой стороны, она все таки настаивала на исполненіи своего прежняго рѣшенія о передачѣ церкви православнымъ. Но все это было напрасно, потому что объ исполненіи никто и не думалъ.

Такъ прошло три года, безъ особенно оживленной переписки и безъ всякихъ осязательныхъ результатовъ для дѣла. Консисторія раза два просила губернское правленіе подтвердить земскому суду объ исполненіи рѣшенія и каждый разъ слала „строжайшіе" указы въ духовное правленіе о томъ же. Судъ, ссылаясь на отношеніе Цѣцишовскаго и предписаніе губернскаго правленія, отказывался отъ исполненія, губернское правленіе увѣдомляло объ этомъ консисторію, а духовное правленіе „всепочтеннѣйше" или „всенижайше репортовало" о полученіи указовъ — и тѣмъ дѣло кончалось.

Но вотъ въ 1807 году преемникъ Варлаама, епископъ Даніилъ, побудилъ консисторію опять взяться за дѣло и доложить

ему. Вновь были сняты съ полки запыленные листы, пережеваны извѣстныя подробности, и вторично назначено слѣдствіе объ обстоятельствахъ, „опровергающихъ, какъ мотивировалъ самъ Даніилъ, рымское на вышеписанную церковь посягательство“. Одновременно съ тѣмъ онъ велѣлъ, чтобы депутатомъ былъ назначенъ человѣкъ „благонадежный и свѣдущій; и сей бы депутатъ о всемъ, что послѣдуетъ, доносилъ бы мнѣ подробно и ясно“. Послѣдовали соотвѣтствующія бумаги въ губернское правленіе, а также и въ духовное; получено было предписаніе земскимъ судомъ, но дѣло ни на шагъ не подвинулось, такъ что опять безслѣдно прошли три года. Только въ 1810 году консисторія вспомнила о своемъ опредѣленіи и запросила духовное правленіе: произведено ли назначенное слѣдствіе. Овручское духовное правленіе въ слѣдующемъ году рапортовало, что оно сносилось съ судомъ и почти ежемѣсячно слало ему сообщенія о производствѣ слѣдствія, но судъ по нимъ ничего не учинилъ и даже ничего не отвѣчалъ. Тогда консисторія просила губернское правленіе понудить земскій судъ; судъ на понужденіе отвѣчалъ, что онъ неоднократно предписывалъ объ этомъ своему засѣдателю Адамовичу; теперь же слѣдствіе не можетъ быть произведено, потому что 7 іюня 1811 г. гражданскимъ губернаторомъ поручено взысканіе податей, чѣмъ и заняты всѣ члены суда. Духовное правленіе, получивъ строжайшій указъ консисторіи и начиная терять терпѣніе, съ своей стороны стало настойчиво требовать отъ земскаго суда „неотложнаго по сему дѣлу, яко уже въ немалой проволочкѣ и забвеніи со стороны сего суда пребывающему, исполненія“. Тутъ судъ, который въ продолженіе семи лѣтъ и пальцемъ не шевельнулъ для исполненія законныхъ требованій, даже обидѣлся и писалъ, что онъ „никакихъ никогда дѣлъ въ забвеніи не оставлялъ, а всегда со стороны своей замѣчая опредѣленія и кому слѣдуетъ о выполненіи оныхъ предписывалъ безъ промедленія времени“.

Этотъ отвѣтъ суда нисколько однако не удовлетворилъ духовное правленіе, которому консисторія то и дѣло предписывала настаивать въ судѣ на скорѣйшемъ производствѣ слѣд-

ствія. Духовное правленіе окончательно сбилось съ ногъ; оно по старому посылало ежемѣсячно свои отношенія въ судъ, даже напоминало постоянно самому Адамовичу, но послѣдній со дня на день откладывалъ поѣздку въ м. Славечню. Наконецъ, утомленное безплоднымъ, почти десятилѣтнимъ ожиданіемъ, духовное правленіе въ февралѣ 1812 года доносило консисторіи, что оно „надежды не предвидитъ, чтобы сіе слѣдствіе въ скорости было произведено, ежели на судъ не будетъ положено пени". Консисторія обратилась къ губернскому правленію; это послѣднее снова послало въ судъ указъ о немедленномъ производствѣ слѣдствія съ требованіемъ отъ Адамовича объясненія, но прошелъ весь 1812 годъ, а въ 1813 году духовное правленіе дважды—въ іюлѣ и сентябрѣ—доносило консисторіи, что овручскимъ повѣтовымъ судомъ „понынѣ ничего не учинено" и на обычныя ежемѣсячныя отношенія „правленію не отвѣтствовано". Консисторія еще разъ обратилась „въ прекращеніе толикихъ по сему дѣлу съ 1796 года переписокъ" къ губернскому правленію, которое въ январѣ 1814 года послало указъ о „скорѣйшемъ исполненіи судомъ предписанія, подъ опасеніемъ за малѣйшую медленность взысканія по законамъ". Такимъ образомъ десятилѣтняя проволочка дѣла, на рѣшеніи котораго настаивали не частныя лица, а правительственныя учрежденія оставалась для суда совершенно безнаказанною. Несмотря на всѣ безчисленныя переписки и обращенія со стороны духовной власти, судъ продолжалъ чувствовать себя совершенно неуязвимымъ. Быть можетъ, въ этомъ виновато губернское правленіе, дѣйствовавшее весьма вяло: только послѣ десятилѣтней проволочки оно вздумало обратиться къ суду съ неособенно впрочемъ сильною угрозою.

Неизвѣстно, долго ли бы еще упорствовалъ судъ въ своемъ бездѣйствіи, примѣнило ли бы въ этомъ случаѣ губернское правленіе свою угрозу, если бы 10 марта 1814 года не произошло нѣчто крайне неожиданное, вверхъ дномъ перевернувшее все прошедшее, такъ что для дѣла начался совершенно новый фазисъ. Въ этотъ день въ м. Славечню прибылъ благочинный Яковъ Луцкевичъ, которому съ самаго возникновенія

дѣла поручено было присутствовать въ качествѣ депутата присл҄ѣдствіи. Пріѣхалъ онъ по особому предписанію консисторіи, не одинъ, а вмѣстѣ съ присутствующимъ духовнаго правленія свящ. Епифановичемъ для разслѣдованія обстоятельствъ по поводу брака, совершеннаго не въ указанное время.—Старая церковь представляла тогда голую развалину, въ которой давно уже не совершалась служба. Еще съ лѣта 1812 года консисторія запретила въ ней совершеніе священнослуженія, велѣла перенести всѣ вещи въ сосѣднюю бѣгунскую церковь, гдѣ славечанскій священникъ долженъ былъ чередоваться съ мѣстнымъ настоятелемъ въ отношеніи совершенія службъ и куда должны были ходить славечанскіе крестьяне. Но они не такъ охотно подчинились этому послѣднему требованію.—Славечанскій священникъ заявилъ благочинному, что его прихожане въ бѣгунскую церковь вовсе не ходятъ и въ настоящую четыредесятницу совершенно отказываются идти туда къ исповѣди. Въ скоромъ времени сошлась и громада. Благочинный сталъ убѣждать собравшихся, что „такъ поступать христіанамъ несвойственно и грѣшно“.

— Хоть семь лѣтъ будемъ не исповѣданы, а въ чужую церковь ходить не будемъ!—заявили громадяне.

Мало того, они угрожали, что и умирающихъ будутъ сами хоронить, и вновь рождающихся будутъ сами крестить, вообще „будутъ жить поскотскій“; что если у нихъ нѣтъ церкви, то и священника имъ не нужно; что „построенная ими въ Славечнѣ церковь неправильно состоитъ въ вѣдомствѣ уніатскихъ священниковъ, и они чрезъ 18 лѣтъ дожидаются о семъ рѣшенія, но таковаго, повидимому по причинѣ свѣтскаго правительства, по гробъ своей жизни съ дѣтьми не дождутся“. Наконецъ, они „убѣдительно просили благочиннаго освятить новую церковь, для чего обѣщали достать ключи, и достали дѣйствительно и принесли въ плебанальный домъ“. Тогда благочинный велѣлъ звонить и, когда громада отперла двери, перенесъ всѣ необходимыя вещи изъ старой церкви въ новую, освятилъ ее вмѣстѣ съ двумя священниками по православному чиноположенію, отслужилъ вечерню и велѣлъ священнику со-

вершать на будущее время всѣ службы въ этой церкви. Католическія же богослужебныя вещи остались въ цѣлости; взятъ былъ только уніатскій антиминсъ, подписанный І. Булгакомъ [1]), и отосланъ въ духовное правленіе. Представляя обо всемъ 13 марта мѣстному архіерею Стефану, благ. Луцкевичъ просилъ „таковый его поступокъ простить".

Итакъ насколько неожиданно было обращеніе церкви въ костелъ, настолько же, если еще не болѣе, неожиданно было обратное превращеніе костела въ церковь. Нечего и говорить, что смѣлый, рѣшительный и безпримѣрный поступокъ благоч. Я. Луцкевича вызвалъ цѣлую бурю со стороны мѣстнаго панскаго двора. Управитель его Крижановскій тотчасъ же, именно того же 10 марта, разослалъ свои донесенія и въ овручскій повѣтовый нижній земскій судъ, и въ духовное правленіе, и католическому декану. Въ этихъ донесеніяхъ онъ писалъ, что благочинный, будучи пьянъ, созвалъ мужиковъ, отбилъ топоромъ двери костела и въ соучастіи съ двумя, тоже пьяными священниками освятилъ его въ церковь. Вечеромъ же мѣстный приходскій священникъ Якубовичъ пришелъ будто въ пьяномъ видѣ въ дворъ и „публично при мужикахъ такихъ употребилъ выраженій, которыя обратить и въ непослушенство ввесть подданныхъ могутъ". Несмотря на явно неправдоподобный характеръ этого донесенія, судъ, который въ продолженіе 10 лѣтъ не приступилъ къ производству порученнаго ему слѣдствія, теперь по горячимъ слѣдамъ назначилъ, при полномъ составѣ суда, на 14 марта слѣдстіе о событіяхъ, только что происшедшихъ 10 марта. Пройти молчаніемъ прежнее слѣдствіе не было возможности и потому въ опредѣленіи своемъ судъ, слегка упомянувъ о немъ, по прежнему предписывалъ производство его извѣстному Адамовичу. Такъ какъ слѣдствіе имѣло происходить при духовныхъ депутатахъ, то духовное правленіе, „отрядивъ двухъ священниковъ, наказало имъ, чтобы они въ семъ дѣлѣ дѣйствуя рачительно всемѣрно старались защищать собствен-

---

[1]) Новое доказательство незаконности обращенія церкви въ костелъ, на что впослѣдствіи, между прочимъ, опиралось и духовное начальство.

ность церковную". Между тѣмъ консисторія не удовлетворилась такой постановкой дѣла; она вновь занялась его пересмотромъ, прекрасно сгруппировала всѣ доказательства принадлежности церкви православнымъ, и находя, что судъ, „въ одно замѣшательство сего дѣла", назначилъ два отдѣльныхъ слѣдствія, пробовала чрезъ губернское правленіе произвести ихъ совмѣстно. Но пока губернское правленіе собралось сдѣлать свое постановленіе, слѣдствіе давно уже было произведено и отослано по назначенію.

Вмѣсто 14 марта слѣдствіе почему-то началось 16-го. Вопросные пункты, данные священникамъ, ничего новаго не выяснили. Гораздо болѣе цѣнны для дѣла показанія десяти крестьянъ, которые принимали близкое участіе въ освященіи новой церкви, за что и получили должное возмездіе со стороны двора, именно: одного Крижановскій ударилъ рукою два раза и приказалъ забить въ колодки на три дня; 8 другихъ ночевали въ колодкахъ и получили—кто 3, кто 4, а кто 5 палокъ; одинъ изъ нихъ „наказанъ розкою по голомъ тѣлѣ, но немного", а десятый отдѣлался только колодками. Изъ свидѣтельскихъ показаній этихъ крестьянъ выяснилось, что дверь въ церковь не была отперта ключемъ, а дѣйствительно была отбита топоромъ и потомъ заперта висячимъ замкомъ отъ старой церкви. Что же касается священниковъ, то они, какъ единогласно заявили всѣ свидѣтели, вовсе не были пьяны. Только по окончаніи освященія, мѣстный настоятель Якубовичъ, полагая, вѣроятно, что по принятому обычаю слѣдуетъ достойнымъ образомъ отпраздновать такой необыкновенный подвигъ, послалъ нѣсколькихъ человѣкъ въ мѣстечко купить на громадскія деньги водки и рыбы для угощенія, но посланные не успѣли этого сдѣлать, потому что ихъ арестовали, доставили въ дворъ и забили въ колодки. Вечеромъ Крижановскій звалъ къ себѣ благочиннаго для допроса, но вмѣсто него отправился Якубовичъ и, увидѣвъ толпу арестованныхъ крестьянъ, сказалъ, какъ заявили официалисты: „wy będzecie odpowiadać za to, że jch w areszt bierzecie". Никто бы не подумалъ, что эти невинныя слова и есть тѣ страшныя, неудобь-сказуемыя выраженія, въ которыхъ Крижа-

новскій увидѣлъ подстрекательство крѣпостныхъ къ бунту противъ панской всласти.

Несмотря на то, что вопросъ объ обстоятельствахъ постройки церкви, по постановленію суда, долженъ былъ изслѣдоваться особо, допрошенные свидѣтели и по этому вопросу дали весьма не двусмысленныя показанія. Такъ, одинъ свидѣтель вспомнилъ, что закладывали церковь на „самые спасовчаные запуски и въ то время на закладчинахъ оной стрѣляли изъ пушки;" другой подробно доказывалъ, что она построена именно на громадскія деньги; третій заявлялъ, что въ этой церкви, по освященіи ея, совершались браки, крещенія, отправлялись погребенія и т. д. Жаль, что въ числѣ свидѣтелей нѣсколько человѣкъ были двадцатилѣтніе парни, которые во время постройки церкви еще не родились и потому на данные вопросы никакихъ отвѣтовъ дать не могли. Однако и сдѣланныхъ показаній было достаточно, и потому Адамовичъ, только теперь надумавшій представить объясненіе о своемъ бездѣйствіи, предлагалъ слѣдственной коммисіи сдѣлать постановленіе объ окончаніи слѣдстія. Въ своемъ объясненіи Адамовичъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, говоритъ между прочимъ, что слѣдствіе поручено ему судомъ въ 1811 году, а наступившее въ 1812 году военное время помѣшало ему приступить къ производству слѣдствія. Коммиссія постановила снестись съ начальствомъ относительно предложенія Адамовича. Но какая-то злая иронія судьбы тяготѣла надъ этимъ злополучнымъ слѣдствіемъ, которое такъ никогда и не было произведено. Въ то время какъ губернское правленіе въ іюнѣ строжайше предписывало земскому суду окончить въ двухнедѣльный срокъ это старое слѣдствіе, духовная консисторія въ декабрѣ того же 1814 года сдѣлала постановленіе, что хотя церковь славечанская и самовольно освящена Луцкевичемъ, но такъ какъ въ ней безпрепятственно отправляется теперь православное богослуженіе, то и на будущее время оставить ее въ рукахъ православныхъ [1]). Благочиннаго же

---

[1]) Пользуемся случаемъ исправить маленькую неточность, находящуюся въ „Историко-статистическомъ описаніи церквей и приходовъ волын. еп."; въ этой не-

Луцкевича съ соучастниками, преданныхъ суду, „долженствовавшему воспріять дѣйствіе свое по окочаніи назначеннаго слѣдствія", за силою Высочайшаго манифеста отъ 30 августа 1814 года отъ суда освободить, а вмѣстѣ съ тѣмъ на томъ же основаніи и слѣдствіе прекратить.

Такъ пришло къ благополучному концу это хлопотливое дѣло [1]). Здѣсь мы нисколько не удивляемся образу дѣйствій католическаго духовенства, отстаивавшаго во чтобы то ни стало неправильно захваченную чужую собственность. Всякій на его мѣстѣ поступилъ бы, должно быть, не иначе. Мало удивительнаго также въ поступкахъ управителя славечанскаго ключа Крижановскаго, который, зная о данномъ крестьянамъ отъ имени помѣщика согласіи на уступку имъ новой церкви, поднялъ шумъ по освященіи церкви. Однако въ самомъ же началѣ слѣдствія онъ увидѣлъ всю безплодность своихъ усилій и вознамѣрился косвеннымъ путемъ дискредитировать авторитетъ мѣстнаго священника. Съ этою цѣлью онъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству и подалъ въ слѣдственную коммиссію доносъ, въ которомъ взвелъ на священника традиціонное обвиненіе въ вымогательствѣ. Но коммиссія справедливо отклонила разсмотрѣніе этого доноса, какъ направленнаго не по адресу, и предложила управителю жаловаться въ надлежащее присутственное мѣсто, т. е. въ консисторію, или архіерею.

Гораздо болѣе удивительна косность земскаго суда, который имѣлъ бы полное право отпраздновать торжественно десятилѣтній юбилей своего бездѣйствія. Ни безпрестанныя напоминанія духовнаго правленія, ни понужденія силою законовъ,

---

точности нисколько, впрочемъ, неповиненъ почтенный составитель этой весьма важной справочной книги. Заимствуя свѣдѣнія свои изъ клировыхъ вѣдомостей, онъ при описаніи м. Славечни (т. 1 стр. 408) говоритъ, что Троицкая славечанская церковь „построена на средства прихожанъ, но когда, неизвѣстно". Какъ теперь оказывается, церковь эта имѣетъ свою длинную и достопримѣчательную исторію. Начатая постройкою въ 1787 г., она была освящена по уніатскому обряду въ 1792 г., затѣмъ въ 1796 г. была превращена въ костелъ а въ 1814 г. освящена по православному чиноположенію.

[1]) Оно изложено нами по матеріаламъ, хранящимся въ архивѣ волынской духовной консисторіи, сентябрьская связка 1796 года, № 503.

ни требованія объясненій, ни угрозы губернскаго правленія — ничто не могло пронять засѣдателя Адамовича и вызвать его къ дѣятельности. При такихъ порядкахъ легко могла ослабѣть всякая энергія у заинтересованныхъ лицъ. Однако благоч. Я. Луцкевичъ не опустилъ рукъ. Онъ болѣе двадцати разъ пріѣзжалъ безуспѣшно въ Славечню и, не видя возможности законнымъ путемъ добиться правды, рѣшился самовольно освятить церковь. И тутъ, впрочемъ, онъ основывался на полученномъ имъ первомъ указѣ консисторіи отъ 1803 года, на что и указывалъ въ своихъ отвѣтахъ на предложенные слѣдственной коммиссіей вопросы; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упорно заявлялъ, что имъ освященъ не костелъ, а церковь, неправильно именуемая костеломъ. Чтобы придать своимъ дѣйствіямъ хоть нѣкоторый видъ законности, онъ, идя уже на освященіе церкви, завернулъ по пути къ извѣстному ксендзу изъ уніатовъ Загоровскому и, какъ заявилъ одинъ крестьянинъ-свидѣтель, звалъ его съ собой въ церковь, или требовалъ выдать по крайней мѣрѣ ключи. Но Загоровскій сказался больнымъ, а его дочь не выдала ключей, сославшись на то, что они хранятся у веледницкаго ксендза. Когда же, во время самаго обряда освященія, управитель Крижановскій прислалъ своихъ офиціалистовъ спросить Луцкевича, въ силу какого указа онъ рѣшился на освященіе церкви, то онъ отвѣтилъ: „я имѣю указъ, а хотяй бы и не было указа, я самъ отвѣчать буду“.

Вообще видно, что благочинный Луцкевичъ для своего времени и для той среды, къ которой онъ принадлежалъ и въ которой ему пришлось дѣйствовать, былъ личностью не заурядною. Вѣдь тогда контингентъ волынскихъ священниковъ состоялъ или изъ возсоединившихся уніатовъ, большинство которыхъ, какъ видно изъ данныхъ ими подписокъ, (Арх. В. Д. К. № 41), совсѣмъ не умѣло писать по русски и лишь кое-какъ подписывало свою фамилію польскими буквами; или изъ учившихся въ любарскихъ и другихъ уніатскихъ школахъ и потомъ оказывавшихся, по аттестаціи Варлаама, въ чтеніи средственными; или изъ лицъ, совсѣмъ нигдѣ не учившихся, а занимавшихся хозяйствомъ и потомъ проходившихъ дьяческую должность.

Трудно было отъ подобныхъ лицъ ожидать пониманія современнаго положенія дѣлъ и въ частности задачъ духовенства; еще труднѣе было этимъ лицамъ вполнѣ проникнуться сочувствіемъ къ нуждамъ народнымъ и стать на защиту народныхъ интересовъ. Между тѣмъ проблески всего этого можно отчасти уловить въ дѣятельности Луцкевича. Если бы онъ не рѣшился взять на себя всю отвѣтственность по освященію костела въ церковь, кто знаетъ, когда и какъ кончилось бы безконечное дѣло объ этой церкви?

В. Храневичъ.

ЗНАХАРКИ НОВАГО ТИПА.[1]

Въ бытность мою въ Донской области, въ одномъ изъ городовъ ея я встрѣтилъ на базарѣ торговку, торговавшую страннымъ для меня товаромъ. Меня удивило это потому, что я нигдѣ не встрѣчалъ такой торговли въ тѣхъ городахъ, гдѣ мнѣ приходилось бывать. Товаръ былъ ничто иное, какъ всевозможнѣйшія травы, коренья, листья, сухіе плоды — вмѣстѣ и отдѣльно, связанные въ различные пучки, пучечки, разложенные въ кучки и представлявшіе довольно живописную картину, въ особенности въ сравненіи съ окружающими ихъ лотками съ мясомъ, крупою и прочею базарною дребеденью. Лотокъ былъ довольно обширный подъ навѣсомъ, и кромѣ того пучки травъ лежали кругомъ—и подъ ногами, и на бочкахъ сосѣднихъ торговцевъ. Среди этихъ пучковъ я съ трудомъ разглядѣлъ самую владѣтельницу этого товара. Это была женщина уже старая, низенькаго роста со сморщеннымъ, какъ яблочко, лицомъ, очень подвижная, со слезящимися и постоянно моргающими глазками, которые такъ и пронизывали насквозь. На вопросъ мой, для

---

[1]) Соглашаясь вполнѣ съ авторомъ въ необходимости болѣе внимательнаго изученія такъ называемой народной медицины и тѣхъ медицинскихъ средствъ, которыя эмпирическимъ путемъ примѣняются знахарками, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что всѣ перечисленныя травы, представляющія собою аптеку Кириловны, извѣстны въ медицинѣ и испробованы ею: громадное большинство изъ нихъ не имѣютъ рѣшительно никакого фармацевтическаго значенія и представляютъ совершенно излишній аптечный баластъ, нѣкоторыя (Helleborus niger и Tanacetum Vulgare)—очень опасны по вредному дѣйствію на организмъ, и только весьма немногіе имѣютъ дѣйствительно кое-какое значеніе и употребляются изрѣдка и теперь.—Ред.

какой надобности покупаются эти травы, она отвѣтила мнѣ, что „це ликарськи травы протывъ усякои болисти". Чтожъ у васъ много ихъ берутъ? спросилъ я, чтобы вполнѣ увѣриться, что она украинка. „Берутъ по-маненьку, усе розбырають". Ну, чтожъ помогаютъ? „А Богъ его святый зна, спрашують, я и даю, а чи воно помога, чи ни, то до того мени дила нема. Кажуть, шо польза есть[1]). Меня заинтересовала она очень, и я рѣшилъ съ ней познакомиться и хорошенько поразспросить, но все таки сейчасъ же спросилъ ее о значеніи нѣкоторыхъ травъ, знакомыхъ мнѣ и прежде всего бросившихся въ глаза. „Для чего же эта трава", спросилъ я, указывая на деревей (Achillea millefolium) и какъ называется?" „Це пидбилъ трава и потребляется протывъ „татаръ-желудку", отвѣтила она мнѣ.

Изъ-отвѣтовъ ея я увидѣлъ, что вліяніе города отразилось на ней: вмѣсто „болисть у жывоти" или „сояшныци" (нервная болѣзнь желудка) появился „татаръ (катаръ) желудку".

Все таки я рѣшилъ познакомиться съ этой окультурившейся знахаркой и условился съ нею пойти къ ней на домъ на слѣдующій день. Но на слѣдующій день я опоздалъ и она ушла домой, не дождавшись меня (обыкновенно она торговала съ разсвѣта до 1 — 2 дня). Но не смотря на это, я рѣшилъ сегодня же пойти къ ней и, поразспросивши окружающихъ торговцевъ, гдѣ она живетъ, пошелъ ее отыскивать. Пришлось идти за городъ, въ предмѣстье. Но врядъ ли бы я ее нашелъ, если бы не помогла одна женщина, которая оказалась ея сосѣдкою и хорошо ее знала. Дорогою она мнѣ разсказала, что старуха прежде торговала птицею (это было очень давно), а мужъ ея всегда имѣлъ пристрастье къ травамъ и вѣчно возился съ ними, былъ даже грамотенъ и почитывалъ книжки съ описаніемъ травъ. Потомъ мужъ ея заболѣлъ, и они кинули торговлю птицей и занялись торговлею травами, и вотъ лѣтъ уже 20, какъ она торгуетъ травами и лечитъ ими же все предмѣстье, да и въ городѣ она многимъ извѣстна и многіе господа къ

---

[1]) Старуха говорила довольно своеобразнымъ и ломанымъ украинскимъ языкомъ и я въ дальнѣйшей передачѣ придерживаюсь ея способа выраженій.

ней ѣздятъ за совѣтами. Сначала, когда старикъ еще окончательно не слегъ, они вмѣстѣ ходили собирать травы, вмѣстѣ работали, причемъ онъ ее училъ и разъяснялъ названія, значеніе и употребленіе каждой травки, а потомъ, когда онъ умеръ, она сама продолжала это дѣло. Все это она сама мнѣ потомъ подтвердила и дополнила свою біографію. Оказалось, что она уроженка черниговской губерніи, конотопскаго уѣзда, переселилась въ эти края лѣтъ 50 тому назадъ, а можетъ быть и болѣе. О мужѣ своемъ она всегда разсказывала съ благоговѣніемъ, какъ о человѣкѣ много знающемъ и свѣдущемъ въ медицинѣ. Она съ восторгомъ вспоминаетъ, какъ они „зъ старымъ“ ходили вмѣстѣ по полямъ и лѣсамъ, съ какою любовью онъ объяснялъ ей каждую травку, каждую былинку, не было такого растенія, чтобы онъ „не знавъ яка у неи (травы) сыла сыдыть“—и вотъ все, что она отъ него узнала — „все это она теперь примѣняетъ и этимъ только и кормится.

Она долго не хотѣла мнѣ разсказывать о свойствахъ травъ и, конечно, то, что я узналъ, представляетъ какую нибудь сотую долю того, что она знаетъ; вообще объ ядовитыхъ растеніяхъ и наркотическихъ она отказывалась говорить, пугалась при вопросѣ, представлялась, что даже не знаетъ ихъ— очевидно, она была еще раньше напугана и боялась, не зная вовсе меня, чтобы я ненарокомъ не донесъ на нее. Никакъ она не могла мнѣ повѣрить, что я вовсе не докторъ и не „фершалъ“, и не аптекарь и, что разспрашивая ее, я не преслѣдую никакихъ матеріальныхъ цѣлей.

Прежде у ней было больше травъ, когда живъ былъ старикъ—онъ ей помогалъ носить, копать, да и не страшно было вмѣстѣ ходить, а теперь она боится, и поэтому тѣ травы, которыя я у нея видѣлъ, составляютъ только часть всѣхъ извѣстныхъ ей. Мнѣ удалось разспросить у нея о примѣненіи болѣе 80 травъ. Нѣкоторыхъ я не видалъ у нея, а записалъ только изъ разсказовъ, хотя узнать какое нибудь растеніе по ея описанію бывало ужасно трудно, и иногда я узнавалъ по самымъ случайнымъ и не характернымъ признакамъ.

Иногда по часамъ мы съ нею бесѣдовали, но со стороны можно было принять, что она меня экзаменуетъ, но никакъ не я ее разспрашиваю. До тѣхъ поръ, пока я не записываю, она увлекается, говоритъ много, описываетъ различныя травы, ихъ дѣйствіе вспоминаетъ различные случаи изъ своей практики, но только я выну бумагу и карандашъ, чтобы записать, она охлаждается, впадаетъ въ формальный тонъ—и тогда уже трудно ее расшевелить.

Я чаще сиживалъ у нея на базарѣ, чѣмъ ходилъ къ ней на квартиру, такъ какъ она очень далеко жила, а кромѣ того интересно было смотрѣть, какого сорта ея покупатели. И дѣйствительно, рѣдкое разнообразіе замѣчалось между ними, но больше всего у ней брали мужички изъ пригородныхъ деревень и мѣщане города. Она очень внимательно относилась къ своимъ покупателямъ и каждаго удовлетворяла при разспросахъ о значеніи того или другого растенія или корня. Разъ какъ то помню, подошла къ намъ монахиня, худенькая, блѣдная, и стала просить Кирилловну (такъ мою старуху называли горожане) ее вылѣчить. Та ее разспросила подробно: откуда пришла, куда идетъ, гдѣ прежде жила, какая у нея болѣзнь, не лѣчилась ли у докторовъ и, когда та отвѣтила, что нѣтъ, Кирилловна ее одобрила, ибо и не стоитъ у этихъ „шкуродеровъ“ лѣчиться, и въ концѣ концовъ пригласила ее къ себѣ на домъ и сказала, что поможетъ. Или разъ Кирилловна на минутку отлучилась куда то и оставила меня стражемъ; въ это время подбѣгаетъ дѣвочка и спрашиваетъ горчаку (Poligonum hydropiper L.) на пять копѣекъ. Къ ея удивленію вмѣсто бабушки пучекъ горчаку подалъ ей я. Чтобъ увѣриться, такъ ли мнѣ Кирилловна разсказала про горчакъ, я задержалъ дѣвочку и сталъ разспрашивать—дѣвочка охотно отвѣчала. „Для чего это ты, милая берешь?“, спросилъ я ее. „Это нашъ папаша лѣчатся травками“. Чѣмъ же твой папаша боленъ?“ „Мамаша говоритъ, что у него „гирамой“, а что это значитъ я не знаю“. „Ну и чтоже помогаетъ?“... „А какъ же, онъ только этимъ и поддержуетъ себя—мамаша говоритъ, что папаша давно бы умерли, если бы не эта травка“.

Нѣсколько разъ я имѣлъ случай удостовѣриться, что Кирилловна меня не обманывала, а говорила то, что знала, и если чего не хотѣла говорить, то какъ нибудь изворачивалась или говорила прямо, что не знаетъ.

Кто съ нею начиналъ торговаться, тому она приводила такіе резоны, что дескать, вы покупаете не просо или ситецъ—что-ли, а для здоровья, такъ и нечего торговаться; въ аптекахъ вѣдь вы не торгуетесь, гдѣ вамъ, чортъ знаетъ что даютъ, да еще въ три дорога слупятъ. Обыкновенно ея убѣжденія увѣнчивались успѣхомъ, и сраженные покупатели вынимали пятаки и гривенники и получали взамѣнъ пучечки травъ.

Разъ въ воскресенье я засталъ Кирилловну не одну, а въ обществѣ еще двухъ знахарокъ, сильно отличающихся по характеру и способу примѣненія своихъ лѣкарскихъ знаній и напомнившихъ мнѣ макбетовскихъ вѣдьмъ. Одной, какъ я позже узналъ, было лѣтъ 80, другой тоже около этого. Но эти были уже въ другомъ родѣ. Въ нихъ не было того добродушія, какое я встрѣтилъ у Кирилловны. Обѣ онѣ жили вмѣстѣ, т. е. одна была хозяйкой, а другая жила на квартирѣ у ней, иначе говоря занимала мѣста столько, сколько можетъ занимать скрыня (сундукъ), на которой она и спала. Обѣ онѣ собирали только рѣдкія растенія или такія, которыхъ негдѣ было достать. Обыкновенно онѣ покупали у той же Кирилловны или въ аптекѣ, хотя послѣднее бывало только въ крайнихъ случаяхъ. Такъ какъ было холодно—дѣло было зимой, кажется, въ февралѣ мѣсяцѣ,—то старушки мои послали за полштофикомъ, который тутъ же и роспили. Языкъ у нихъ развязался, и онѣ вполнѣ предстали предо мной. Изъ разговоровъ ихъ я увидѣлъ, что Кирилловна въ сравненіи съ ними просто ангелъ. На вопросы мои ни одна изъ нихъ не захотѣла и отвѣчать, какъ я ни подходилъ — но въ концѣ одна изъ нихъ не выдержала и объяснила мнѣ употребленіе двухъ травъ—одну они называли *чистякъ*, другую *остудъ трава*. Обѣ эти травы въ смѣси употребляются противъ болѣзни, называемой остудомъ, отъ которой, должно быть, и названіе второй травы произошло. Я, собственно говоря, какъ ни старался понять, какая это болѣзнь, все таки не понялъ, но

опишу ее такъ, какъ мнѣ ее описала одна изъ вышеупомянутыхъ старухъ. Раньше мнѣ казалось, что остудъ происходитъ отъ слова остудить—простудить и означала болѣзнь простудного характера, но, оказалось, что я ошибся. Болѣзнь эта происходитъ, по ихъ мнѣнію, отъ наговора и отъ другихъ малоизвѣстныхъ причинъ и проявляется въ томъ, что на лицѣ и на тѣлѣ появляются черныя пятна въ видѣ пальцевъ, и человѣкъ долго и сильно страдаетъ. Я и раньше видѣлъ эти два растенія у Кирилловны, и она, дѣйствительно, тоже говорила, что оба они употребляются противъ остуда—нужно заваривать въ видѣ чая, а также дѣлать изъ нихъ ванны. Но одна старуха, очевидно, подъ вліяніемъ хмеля, сообщила мнѣ, что она обыкновенно употребляетъ ихъ такъ: человѣкъ, заболѣвшій этой болѣзнью, долженъ отправиться въ баню, захвативъ по пучечку этихъ травъ, запарить ихъ въ ряжкѣ кипяткомъ и настоемъ облиться три раза, а ряжку непремѣнно нужно подставить кому нибудь изъ присутствующихъ,—тогда эта болѣзнь перейдетъ на другое лицо, причемъ прибавила она, что неразъ сама все это продѣлывала, и опытъ каждый разъ увѣнчивался полнымъ успѣхомъ. Кирилловна была непритворно возмущена этимъ средствомъ и упирала на то, „що цежъ грихъ и якъ ты могла це зъ людьмы робыть". Когда они ушли домой и оставили насъ съ Кирилловной наединѣ, она мнѣ разсказала, что эти старухи знаютъ массу средствъ и вообще хорошія деньги зарабатываютъ среди купечества (а городъ торговый) и кромѣ того не стѣсняются выборомъ средствъ. Но главное, что ее возмущало со стороны этихъ „чортовыхъ богачокъ", какъ она ихъ называла, это то, что онѣ никогда ей ничего не скажутъ и не покажутъ мѣстъ, гдѣ онѣ находятъ цѣнные и рѣдкіе экземпляры.

Кирилловна мнѣ много разсказала, какъ, гдѣ и когда собирать растенія. Передамъ вкратцѣ все отъ нея слышанное.

Время для сбора травъ самое удобное въ срединѣ іюня, когда, по мнѣнію Кирилловны, всѣ цѣлебныя силы растенія концентрируются, и самая лучшая трава это та, которая собрана на Ивана Купала, 24 іюня, когда ночью разцвѣтаетъ и папоротникъ, особенно цѣнимый народомъ. „Хто найде цвитъ

видъ папороти", говоритъ Кирилловна, „той вылечытся видъ усякои хоробы, вирно—яка бъ у нёму болисть не сыдила, такъ вона и выскочить". Я попробовалъ ее увѣрить, что папоротникъ вовсе не цвѣтетъ, въ томъ смыслѣ, какъ у насъ принято называть—цвѣтетъ, но это оказалось напраснымъ, ибо она говоритъ, что хотя она и не видѣла сама, но за то многіе видѣли и говорили ей, что цвѣтетъ онъ голубенькими, небольшими цвѣточками и разцвѣтаетъ ночью—какъ разъ въ полночь. Собирать цвѣты и травы нужно не какъ нибудь, а всегда читая молитву, чаще „Отче нашъ", а то есть и спеціальныя молитвы. Выходя первый разъ весною рвать траву, нужно захватить съ собою копѣйку и кусочекъ хлѣба и у перваго сорваннаго цвѣтка положить и то, и другое, чтобы, такъ сказать, не обязываться у матушки сырой земли, какъ пояснила она мнѣ, причемъ нужно читать слѣдующую молитву:

Святый Петро землю пахае,
А Царыця небесна розсивае,
А Спаситель благословляе,
А святый Пантелеймонъ изциляе;
Изцилы, Боже, и в ихъ рабивъ Божіихъ.

Эту молитву нужно читать и вообще при собираніи травъ, но въ первый разъ обязательно.

При срываніи травъ и при даваніи ихъ противъ извѣстныхъ болѣзней читаются соовѣтствующія молитвы. Напримѣръ, при боли зубовъ нужно принимать, такъ наз., „зубну траву" (названія ея не знаю и самой ея не видалъ, а по описанію не могъ понять) и предъ пріемомъ читать слѣдующую молитву:

Мисяць у неби,
А звирь у поли,
А щука у мори,
Когда тры браты зійдутся,
Когда девять хлибивъ поидать,
Тогда у раба Божого (имя рекъ)
И зубы заболять.

Эту молитву, или скорѣе заклинаніе, нужно читать три раза въ день во время новолунія—передъ чѣмъ не мѣшаетъ прочитать „Отче нашъ".

При лихорадкѣ читается длинная молитва. Кирилловна сказала мнѣ только начало, и какъ я ее ни просилъ, не захотѣла говорить. Она такъ ее начинала:

„Мисяць у неби, а гныла колода за моремъ, а мертвый лежыть у гроби, а когда у мертвого ни зубы, ни очи, ничого не болитыме, такъ и раба Божого (имя рекъ) ничого не буде болиты,—вирно, ни у какому случаю не буде“, убѣжденно подтвердила Кирилловна, очевидно для нея понятную молитву или заклинаніе.

Вообще молитвамъ, заклинаніямъ, заговорамъ (шептаньямъ) и теперь еще придается большое значеніе, и дать только одну траву еще не все значитъ.

Интересно, чѣмъ руководствуются такого рода лѣкари, давая то или другое лѣкарственное растеніе противъ той или другой болѣзни. Многія средства, какъ увидимъ дальше, очевидно, выработаны народной практикой и, дѣйствительно, по составнымъ своимъ частямъ могутъ быть принимаемы противъ того или другого симптома извѣстной болѣзни съ пользою, но часто лѣченіе прямо основывается на внѣшнихъ морфологическихъ признакахъ растеній—также на его цвѣтѣ, колючести и проч. Напр., обыкновенный цминъ (изъ иммортелей — Helichrisum arenarium) — соломенно-желтаго цвѣта—дается противъ желтяницы, (желтухи), основываясь прямо на однородности цвѣта растенія и желчи. Или, напримѣръ, ризакъ трава Falcaria vulgaris, употребляется при рѣзи въ животѣ; мнѣ кажется, что употребленіе основано тоже на морфологическомъ признакѣ этого растенія—оно все покрыто жесткими-твердыми листьями, зубцами, вытянутыми въ острые кончики; также и Eryngium planum—синеголовникъ, или чертополохъ, употребляется тоже при рѣзи въ животѣ, на томъ же основаніи. Прежде чѣмъ указать примѣненіе моей знахаркой нѣкоторыхъ растеній, я скажу нѣсколько словъ вообще по поводу народной медицины. Вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, очень мало разработанъ, и врачи, которымъ, мнѣ кажется, онъ долженъ былъ быть всего ближе, почему то игнорируютъ его [1]). Мы съ каждымъ днемъ убѣждаемся,

[1]) Нельзя не привѣтствовать такой трудъ, какой предпринималъ д-ръ Демичъ—

что масса практическихъ и полезныхъ знаній разсѣяно въ народѣ. Теорія, конечно, хромаетъ а иногда ея вовсе нѣтъ, но это все таки не значитъ, что всегда народныя средства такъ таки никуда уже не годятся. Врачи могли бы много найти здѣсь для себя поучительнаго, и брезгать народной мудростью и накопленными вѣками знаніями не слѣдовало бы.

Недавно было опубликовано *новое* средство, употребляемое при кровотеченіи и практикуемое особенно французскими врачами. Это новое средство есть ничто иное, какъ Lamium album, простая глухая крапива, которая очень распространена въ народной медицинѣ, и даже вошла въ народные лѣчебники; такъ, оно указывается въ извѣстномъ народномъ лѣчебникѣ Кашинскаго. Или въ № 16 газеты „Врачъ" за 1889 г. мы встрѣчаемъ подробное описаніе извѣстнаго растенія Capsella bursa pastoris Monch—пастушья сумка, которое восхваляется и рекомендуется какъ кровеостанавливающее. Это же растеніе въ 1888 году восхвалялъ Ehrenvall въ „Deutsche Medicinale Zeitung" —а у насъ это растеніе споконъ вѣковъ употребляется въ народѣ при кровотеченіяхъ, и даже Кирилловна употребляетъ противъ кровохарканья.

Кто не слыхалъ о знаменитыхъ народныхъ лѣкаряхъ—а многіе, можетъ быть, и на себѣ испытали ихъ лѣченіе.

У меня былъ товарищъ по технологическому институту, который, будучи еще въ корпусѣ, сломалъ себѣ ногу и доктора или не хорошо ее сростили, или какъ нибудь залѣчили, только результатомъ было то, что онъ слегъ, пролежалъ два года и уже рѣшился отрѣзать ногу, когда ему посовѣтовали испробовать послѣднее средство и съѣздить къ знахарю во владимірской губерніи. Старичекъ осмотрѣлъ его, далъ травички попить, посовѣтовалъ ванны изъ травъ же, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ товарищъ мой ходилъ, а черезъ полгода держалъ уже экзаменъ со мною вмѣстѣ, и слѣдомъ болѣзни было только небольшое прихрамываніе. Я лично зналъ старичка въ бѣлгородскомъ

освѣтить научно, теоретически и практически, примѣненіе народныхъ средствъ. (См. его докладъ на съѣздѣ врачей въ С.-Петербургѣ).

уѣздѣ курской губ., который не одну сотню людей вылѣчилъ. иногда прямо внушеніемъ безъ примѣненія какихъ либо средствъ. Многіе, можетъ быть, читали и объ извѣстномъ знахарѣ, жившемъ въ 70-хъ годахъ, слава котораго гремѣла по всему Поволжью. Лѣчилъ онъ исключительно отъ ревматизма, катарра желудка и дыхательныхъ путей и употреблялъ только одну траву, потомъ оказавшуюся простымъ хвойникомъ Ephedra vulgaris. Человѣкъ сотни тысячъ (sic!) пріобрѣлъ и тысячи больныхъ вылѣчилъ и никто на эти факты не обратилъ вниманія.

А дѣйствія магнетизма, гипнотизма, различныхъ видовъ внушенія и пр., которыя теперь начинаютъ интересовать врачей, да вѣдь они имѣютъ уже цѣлую исторію въ народѣ и примѣнялись и примѣняются всегда параллельно съ лѣченіемъ другими веществами. Цѣлый міръ—народная психологія—очень мало затронутъ наукой, а этотъ міръ сильно отразился въ народной медицинѣ, въ лѣченіяхъ, гаданіяхъ, шептаніяхъ, заклинаніяхъ и т. д.

Нашихъ знахарей культура тоже начинаетъ трогать, и они переживаютъ новую фазу, въ особенности вблизи городовъ. Заходятъ къ нимъ новые взгляды, новые термины, старые исчезаютъ или видоизмѣняются (такъ, я уже говорилъ, что Кирилловна обладаетъ многими терминами, напр. „татаръ желудка"); признаютъ они, кромѣ травъ и шептаній, и минеральныя средства; такъ, между лѣкарствами Кирилловны можно найти соду, квасцы (галунъ), касторку, сѣру, желѣзо (гвозди) и друг. Имъ не чужда и аптека, откуда они берутъ различныя средства, если у нихъ не хватаетъ собственныхъ.

Изъ травъ, употребляемыхъ Кирилловной, я укажу на нижеслѣдующія, большинство которыхъ я уже видѣлъ съ цвѣтами, хотя засохшими, но легко распознаваемыми, а нѣсколько видовъ опредѣлено мной по описанію или по общепринятому названію, напр. калина, бузина, липа, сирень и пр.

1. *Чернобилъ*. Artemisia vulgaris L.—купаютъ дѣтей при *сухоткѣ* [1]).

---

[1]) Названія болѣзней употребляемъ тѣ, какія живутъ въ народѣ и являются терминами у Кирилловны.

2. *Коровякъ*—verbascum thapsus L. и verbascum thapsiforme Schrad.—при опухоли живота листья растираютъ и дѣлаютъ припарки, а также даютъ внутрь въ формѣ чая (infusum).

3. *Билокопытникъ билокопытъ*—трава, мать-мачуха—Tussilago farfara L. вмѣстѣ съ деревіемъ и кермыкомъ употребляется при женскихъ болѣзняхъ, причемъ сборъ заваривають въ формѣ чая и принимаютъ внутрь. Средство, испытанное Кирилловной и усердно ею рекомендуемое.

4. *Бодяга*—Spongia fluviatilis [1]), употребляется отъ ушибовъ, синяковъ, кровоподтековъ въ формѣ компрессовъ изъ настоя ея на водкѣ; при сильной простудѣ берутъ на 5 коп. (въ аптекѣ) бодяги, водки и деревяннаго масла и пьютъ въ нѣсколько пріемовъ, а также растираются этой смѣсью.

5. *Ирный корень*. Acorus calamus L., употребляется вмѣстѣ съ лопуховымъ корнемъ (см. № 37) отъ кровотеченія—заваривають поровну и пьютъ.

6. *Кукульванное сѣмя*. Cocculus suberosus (только въ аптекѣ). Сѣмя толчется въ мелкій порошокъ и смѣшивается съ масломъ или оливой, и эту смѣсь втираютъ отъ вшей.

7. *Шалфей*, но не Salvia officinalis L., а мелкое мохнатое растеніе, не похожее на шалфей, латинскаго названія котораго я не могъ опредѣлить; употребляютъ его противъ кашля.

8. *Чемерыця*, Helleborus niger L. Замѣчено свойство чемерыци—если разсыпать въ сѣняхъ чемерыцу, то куры дохнутъ, что и практикуютъ обыкновенно жительницы предмѣстья, когда разсердятся другъ на друга: разсыплютъ на ночь чемеричной травы въ томъ мѣстѣ, гдѣ куры спятъ—на утро всѣ они подохнутъ.

Въ Малороссіи очень употребительное растеніе и излюбленное знахарями.

9. *Горчакъ трава*. Polygonum hydropiper L. Одна изъ самыхъ употребительныхъ травъ, примѣняемая Кирилловной при геморроѣ въ формѣ чая.

10. *Ромашка*. Matricaria chamomilla L. Заваривается въ формѣ чая при кашлѣ.

---

[1]) Принадлежитъ къ животному, а не растительному царству.

11. *Чернушка.* Nigella arvensis L. примѣняется Кирилловной съ успѣхомъ при сердцебіеніи; она хвалитъ его очень, какъ единственное средство, дѣйствующее подавляюще на сердце.

12. *Чортополохъ.* Eryngium planum L., употребляется отъ переполоха (внезапнаго испуга?) и при коликахъ въ животѣ.

13. *Материнка*—Душыця. Origanum vulgare—совѣтуется „отъ грудей" при кашлѣ, при простудѣ и какъ дѣтская присыпка.

14. *Пыжма.* Tanacetum vulgare L. примѣняется при черной болисти.

15. *Симхлибивъ-трава* (наша фіалка) Viola odorata L, употребляется въ формѣ чая—когда животъ опалъ—болѣзнь назыв. *золотникомъ* (сущности ея не знаю—пишу со словъ).

16. *Барвинокъ* Vinca minor—„щобъ дивчата любылы хлопцивъ" —даютъ на тощахъ съ холодной водой. Это довольно неопредѣленно и, должно быть, какая-нибудь другая есть цѣль даванія этой травы, ибо при упоминаніи объ этой травѣ и говоря вышеприведенныя слова, Кирилловна всегда хитро улыбалась.

17. *Буркунъ билый* Melilotus alba Desr. Самое лучшее средство, какое знала Кирилловна, для проявленія молока у роженицы, когда оно долго не появляется. На отелившуюся корову она производитъ такое же дѣйствіе.

18. *Буркунъ жовтый. Melilotus officinalis* Desr, дается исключительно мущинамъ, но при какихъ обстоятельствахъ—Кирилловна не сообщила.

19. *Сокыркы* Delphinium consolida L., излюбленное средство Кирилловны и особенно усердно ею хвалимое при нѣкоторыхъ женскихъ болѣзняхъ.

20. *Сонъ трава* Anemone pratensis L.; спеціальнаго назначенія ея Кирилловна не хотѣла мнѣ сообщить и отговаривалась тѣмъ, что самое названіе показываетъ, на что растеніе употребляется. Въ той мѣстности оно не водится и Кирилловна убѣдительно просила меня выслать ей это растеніе.

21. *Иванъ да Марья*—Viola tricolor L. „пьють видъ боли у животи, колы чоловикъ пидирветця".

22. *Череда* Bidens tripartita L. et B. примѣняется съ пользою отъ золотухи въ формѣ чая.

23. *Розмарынъ* Rosmarinus officinalis при задержаніи очищеній.

24. *Девясилъ* Inula helenium L. употребляются корни [1]) въ видѣ настойки при простудныхъ болѣзняхъ.

25. *Вовче лыко* Daphne mezereum L. „видъ вовчого лышая“. Обыкновенно употребляется кора.

26. *Veronica Epicata L.* и *Veronica officinalis*—украинскихъ названій Кирилловна не знала. Оба эти вида вероники употребляются при укушеніи змѣй.

27. *Медвижже ухо* Arcto staphylos, Uva ursi Spr. употребляются листья—ихъ толкутъ и прикладываютъ къ ранамъ.

28. *Звиробой* Hypericum perforatum L. „видъ грудей“ и при геморроѣ въ формѣ настойки на водкѣ (tinctura) и вытяжки—въ родѣ чая (infusum).

29. *Сиринь трава, бузокъ—азовскій цвитъ*, Syringa vulgaris—отъ лихорадки.

30. *Щавелевый корень*, Rumex acetosa L. употребляется въ формѣ чая при простудныхъ болѣзняхъ.

31. *Щавель*, Rumex acetosella L.—отъ рѣзи въ желудкѣ, при поносѣ, иногда вмѣстѣ съ хрѣномъ.

32. *Болыголовъ*, Conium maculatum L. при головной боли мочатъ настоемъ этой травы.

33. *Калачыки, просвирки*, Malva rotundifolia L. вмѣстѣ съ спорышомъ употребляется на ванны, дѣлаемыя при простудѣ.

34. *Сосенка* (хвощ.) Eguiletum arvense L. употребляется. какъ слабительное.

35. *Ризакъ трава* Critamus agrestis Besser. При рѣзи желудка и при поносѣ, причемъ, по увѣренію Кирилловны, рѣзь черезъ короткое время послѣ пріема прекращается, пьютъ въ формѣ чая. Въ ботаникѣ гораздо чаще называютъ *Falcaria vulgaris*.

---

[1]) Тамъ, гдѣ я не упоминаю, какая часть растенія употребляется, означаетъ, что всѣ части идутъ въ дѣло.

36. *Петровъ батигъ*, Cichorium intybus L. вмѣстѣ съ лопуховымъ корнемъ, петрушкой и сіонской травой (неизвѣстной мнѣ) самое лучшее средство при *перелоѣ*.

37. *Лопуховый корень*. Lappa major Gärtn. et Lappa minor D. C.—Корень варятъ и моютъ голову при перхоти или когда волосы лѣзутъ.

38. *Березка* — косоплетъ-трава Consolvulus arvensis L.— очень хвалится при грудныхъ боляхъ въ формѣ чая.

39. *Кропивный корень*. Urtica dioica L. et Urtica urens L. примѣняется для *остановки крови* и при грудной боли.

40. *Триколъ - трава* — трилистникъ Menyanthes trifoliata L.— въ формѣ чая при лихорадкѣ.

41. *Толстушка*. Ledum acre L. купаютъ дѣтей въ отварѣ отъ *сухотки* [1]).

42. *Перій*. Triticum repens L. Въ немъ купаютъ дѣтей (преимущественно дѣвушекъ) „щобъ хлопци любили“ а мальчиковъ, „щобъ не цуралысь“.

43. *Helichrisum arenarium* D. C. Даютъ отъ желтухи— пить въ формѣ чая.

44. *Желизнякъ-кустовныкъ*—кажется, Leonurus Marrubiastrum L.—но навѣрно не утверждаю. Одна изъ самыхъ употребительнѣйшихъ травъ Кирилловны и заготовляется ее очень много. Употребляется въ формѣ чая отъ кашля.

45. *Крушина*—Rhamnus frangula L. слабительное. Обыкновенно употребляютъ кору этого дерева и завариваютъ щепотку на чайникъ.

46. *Жостеръ* Rhamnus cathartica L. тоже слабительное. Употребляютъ ягоды.

47. *Остудъ трава* (похожа на Silene otites Smit, но не она)—отъ остуда.

48. *Чистякъ*—латинскаго названія тоже не знаю—вмѣстѣ съ остудомъ противъ болѣзни *остудъ*

---

[1]) Примѣненіе, очевидно, основано на морфологическихъ признакахъ—листья растенія *толстые*, сочные. Отсюда и дѣти должны „*потолстѣть*“.

49. *Ландыш.* Convalaria mojalis L. Сварить вмѣстѣ съ лопуховымъ корнемъ и билокопытникомъ въ горшкѣ и употреблять отъ ревматизма, какъ внутрь, такъ и наружу.

50. *Цыбуля.* Allium Cepa L. Взять луковицу и мелко накрошить и пересыпать солью и этимъ натирать, а потомъ полоскать ротъ настоемъ дубовой коры съ галуномъ (квасцы) при болѣзни зубовъ, хотя для зубовъ есть спеціальная зубная трава, названія не знаю.

51. *Вовчець-трава* — Centaurea benedicta. Употребляется отъ запоя.

52. *Вышневый листъ*—Prunus cerasus употребляется при ожогѣ: обожженное мѣсто намазываютъ масломъ и посыпаютъ толченымъ вишневымъ листомъ.

53. *Раковы шыйки* Polygonum bistorta L. примѣняется въ формѣ чая при поносѣ. Употребляется корень [1])

54. *Centaurea jacea L.*—„трава видъ бишенои собаки"—„якъ укусе васъ, то прикладать іи до укушенного мисця и пыть потроху, запарывшы горячою водою".

55. *Погана трава* Chelidonium majus L. купать въ ней при коростѣ и принимать отъ „*поганои болисти*".

56. *Тминъ* Carum carvi L. отъ жовтухы.—Пить въ формѣ чая.

57. *Рипій-порыло.*—Agrimonia eupatoria L. *при женскихъ болѣзняхъ*; употребляется въ формѣ чая.

58. *Полынь.* Artemisia absinthium L. при лихорадкѣ и *при вѣтрахъ.*

59. *Липа.* Tilia parvifolia Ehrh. при лихорадкѣ, простудѣ въ формѣ чая; гонитъ потъ.

60. *Калына,* Viburnum opulus L. въ формѣ чая, отъ золотухи.

61. *Пидбилъ трава—деревій.* Achilla millefolium L. употребляется отъ „татаръ желудку" и при изжогахъ.

62. *Глистникъ, глистовникъ.* Bryonia dioica Jacq. Съ успѣхомъ примѣняется какъ глистогонное средство.

---

[1]) Корень этотъ недавно опубликованъ священникомъ Красновскимъ, какъ средство отъ водобоязни—корень кладется за щеку и жуется. Скоту по горсти черезъ 3 дня, примѣшивая къ сѣчкѣ.

63. *Стоюнъ-трава* (кажется Valeriana officinalis L. и у Анненкова въ ботаническомъ словарѣ подъ этимъ русскимъ названіемъ помѣщено только это растеніе) употребляется какъ remedium afrodisiacum.

64. *Пятырынка*—видъ Potentilla reptans L. и P. recta L. при боляхъ въ животѣ.

65. *Солодкій корень*. Glycyrrhiza glabraL. пьютъ отъ кашля.

66. *Кульбаба трава*. Taraxacum officinale L. отъ лихорадки.

67. *Зажырнысть трава*. Oxalis acetocella L. et oxalis stricta L. „якъ у нутри болыть — пыть тую травычку — дуже пользуеть".

68. *Горыцвитъ*—подъ этимъ названіемъ у ней два растенія—одно есть видъ Linaria, а другой видъ Adonis—оба эти растенія примѣнялись Кирилловной для какой-то тайной цѣли:— давая эти травы, можно какого угодно парня причаровать.

69. *Дмуханычка* (названія самъ не знаю) употребляется *при женскихъ болѣзняхъ*.

70. *Плакунъ трава* или *татаръ трава* или *Непромокай*— эта трава, принятая внутрь, производитъ слабительное дѣйствіе.

71. *Гострилъ трава* вмѣстѣ съ плакуномъ, съ чертополохомъ и перелетомъ употребляется при *переполохѣ* (отъ сильнаго испуга).

72. *Солончакъ* или *семибратня трава* употребляется отъ рѣзи въ желудкѣ; обыкновенно ее крѣпко завариваютъ и кладутъ въ видѣ *припарки на пупъ*.

73. *Осотъ колючый*—отъ геморроя.

74. *Кошача мята* „видъ зубивъ".

75. *Папороть* и *папоротникъ*—это по мнѣнію Кирилловны два различные вида, цвѣты отъ которыхъ примѣняются отъ всякой болѣзни, если они сорваны легко и непремѣнно въ ночь подъ Ивана Купала.

76. *Спорышъ* употребляется, какъ и горчакъ отъ гемороя.

77. *Лотошный корень* или *водяной* (болотный) *макъ* (одинъ цвѣтокъ билый, другій жовтый, листья какъ у тыквы). Корень этого растенія вмѣстѣ съ лопуховымъ употребляется для укрѣпленія волосъ и отъ перхоти.

78. *Степова петрушка*—одно изъ самыхъ употребительныхъ растеній, примѣняемыхъ Кирилловною *какъ мочегонное.*

79. *Воронокъ трава—мочегонъ трава* тоже очень употребительная трава, какъ мочегонное средство.

80. *Живокость*—употребляется корень; онъ желтаго цвѣта, а полежавши на воздухѣ, чернѣетъ (цвѣты похожи на колокольчикъ); отъ простуды и ломоты.

81. *Ясень.* Fraxinus excelsior--отъ лихорадки, при ревматизмѣ.

82. *Буквица*—отъ простуды.

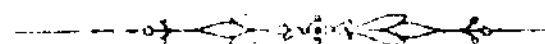
83. *Разводъ трава* (синіе цвѣты, круглые листья) даютъ пить тому изъ супруговъ, отъ котораго хотятъ добиться, чтобы онъ бросилъ (развелся).

84. *Лыпъ трава—сорокины ныткы*—„щобъ дивчата хлопцивъ любылы и до ныхъ лыплы."

85. *Кермыкъ* см. № 3. *86 Дубова кора*, кромѣ примѣненія въ № 50 еще при ножныхъ потахъ—мыть ноги настоемъ.

Многія вышепоименованныя растенія весьма оригинально примѣняются Кирилловной и по этому представляютъ наибольшій интересъ; нѣкоторыя имѣютъ примѣненіе такое же, какъ и въ медицинѣ, другія же встрѣчаются въ другихъ извѣстныхъ (опубликованныхъ) источникахъ, какъ напр. въ интересующемъ насъ въ данный моментъ больше всего сочиненіи Гарницкаго „Замѣтки объ употребленіи въ народномъ быту нѣкоторыхъ дикорастущихъ и разводимыхъ растеній украинской флоры" Харьковъ 87 г. Я старался вездѣ, гдѣ могъ, выставить латинскія названія, ибо это точно опредѣляетъ растенія, а по народнымъ названіямъ очень трудно узнать интересующее насъ растеніе: каждое мѣсто—село, деревня, уѣздъ и пр. даетъ одному и тому же растенію различное названіе.

В. В. Марковичъ.



ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

Мы вступили въ Подолію и направились къ австрійской границѣ. Черезъ три дня мы пришли къ какой-то деревушкѣ, названіе которой я забылъ, помню только, что она принадлежала Ярошинскимъ. Мы расположились вблизи деревни. Какой-то почтенный старецъ-экономъ, два сына и зять котораго были въ повстаньѣ, выѣхали къ намъ навстрѣчу и сообщили какія то новости начальнику. Ружицкій приказалъ мнѣ взять шесть козаковъ изъ моего взвода и слѣдовать за нимъ, а остальному войску разставить часовыхъ и пустить лошадей на пастьбу. Приказано было также послать за горячей пищей для отряда, приготовленной экономомъ. Ружицкій, я, экономъ, и шесть козаковъ, обвязавъ палаши сѣномъ, а копыта лошадей войлокомъ, проѣхали черезъ деревню и выѣхали въ поле; намъ было приказано соблюдать величайшую тишину. Проѣхавъ верстъ 5, мы остановились надъ оврагомъ. Экономъ указалъ начальнику рукой на множество огоньковъ, разсѣянныхъ по долинѣ и по пригорку. Мы простояли съ четверть часа въ молчаніи. Начальникъ съ экономомъ стояли въ нѣсколькихъ шагахъ впереди и тоже молчали. Царила глубокая тишина, изрѣдка прерываемая криками водяныхъ птицъ, трещаньемъ коростелей и перекликаньемъ перепеловъ. Потомъ мы также тихо возвратились

---

[1]) См. „Кіевская Старина" 1891 г., № 11.

обратно. Когда мы подъѣхали къ деревнѣ, начальникъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ:

— Ты видѣлъ, что въ долинѣ расположился лагеремъ генералъ Щуцкій съ батальономъ пѣхоты, настолько увѣренный въ отсутствіи по близости повстанцевъ, что отрядъ спитъ безъ часовыхъ, какъ будто въ мирное время. Мы могли бы взять его въ плѣнъ цѣликомъ, но что изъ этого выйдетъ? Намъ надо соединиться съ войскомъ Колыска, которое расположено на противоположныхъ высотахъ, утонуть въ этомъ войскѣ и раздѣлить его судьбу. Что ты объ этомъ думаешь?

Я началъ уговаривать Ружицкаго не нападать на отрядъ Щуцкаго и не присоединяться къ войску Колыска, утверждая, что мы пропадемъ среди господствующаго тамъ безпорядка и вынуждены будемъ вмѣстѣ съ ними со стыдомъ бѣжать въ Галицію. Я совѣтовалъ возвратиться въ наши лѣса и, если тамъ нельзя будетъ удержаться, отступить въ Польшу. Если намъ суждено погибнуть, то мы должны погибнуть со славой, сохранивъ доброе имя. Я былъ въ этотъ моментъ очень краснорѣчивъ, какъ говорилъ мнѣ впослѣдствіи самъ Ружицкій, и увлекъ его силой своего вдохновенія. Онъ размышлялъ нѣсколько времени и наконецъ сказалъ:

— Будутъ кричать, и пусть кричатъ! Мы отступимъ въ лѣса и Польшу. Когда мы возвратились къ войску, Бернатовичъ и Езерскій уже знали о ген. Щуцкомъ и о близости Колыска, и вѣсть эта скоро разнеслась между нашими офицерами. Было много сторонниковъ соединенія съ Колыскомъ, но когда спросили объ этомъ Мих. Грудзинскаго, считавшагося послѣ начальника самымъ дѣльнымъ офицеромъ, онъ сказалъ.

— Для меня, господа, не существуетъ ни личныхъ желаній, ни воли, а только приказъ начальника; молчаніе и послушаніе—наша обязанность, и если мы станемъ подавать свои мнѣнія и совѣты, то погибнемъ, какъ и тѣ, а что они погибнутъ, въ этомъ я увѣренъ.

Послѣ этого разговора никто изъ офицеровъ не смѣлъ высказывать начальнику своего мнѣнія, не будучи спрошенъ. Бернатовичъ, который хотя и былъ офицеромъ въ нашемъ отря-

дѣ, но все еще считался делегатомъ украинско-подольскихъ повстанцевъ, пошелъ къ Ружицкому и долго доказывалъ ему необходимость соединенія. Начальникъ слушалъ молча и усмѣхаясь по обыкновенію, но когда Бернатовичъ сказалъ, что въ противномъ случаѣ на начальника и весь нашъ отрядъ падетъ упрекъ въ нежеланіи подать помощь братьямъ и въ трусости, кроткій Ружицкій вдругъ покраснѣлъ, разсердился и проговорилъ:

— Идите вонъ!

Въ первый и послѣдній разъ слышали мы такія слова изъ устъ начальника. Затѣмъ онъ приказалъ садиться на коней и еще до разсвѣта мы покинули свою стоянку и направились къ роднымъ мѣстамъ. Бернатовичъ остался съ нами и былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ отряда. Езерскій пропалъ въ ту же ночь, онъ былъ слабаго здоровья и вовсе не годился для военной службы; вѣроятно, онъ возвратился домой, такъ какъ о немъ я болѣе ничего не слышалъ.

Едва мы дошли до Мирополя, какъ получили извѣстіе о пораженіи Колыска подъ Майданскомъ и объ отступленіи остатковъ его войска въ Галицію, за австрійскую границу. Вацлавъ Ржевускій, который не интриговалъ, а сражался, какъ подобало польскому шляхтичу, палъ на полѣ битвы на глазахъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Но за нимъ не хотѣли признать славной смерти и разсказывали, будто онъ бѣжалъ, былъ схваченъ крестьянами и забитъ до смерти кіями. Смѣло утверждаю, что этого не было; тѣ, которые помѣшали ему сдѣлаться вождемъ, запятнали его память, чтобы казаться непогрѣшимыми.

Въ нѣсколько недѣль со времени ухода нашего въ повстанье положеніе дѣлъ въ нашихъ мѣстахъ измѣнилось. Генералъ Раттъ, дѣятельный, неутомимый и притомъ одаренный недюжинными военными талантами, безъ шуму и преслѣдованій очищалъ край отъ повстанцевъ и возстановлялъ прежніе порядки. Въ Подоліи и на Украинѣ было много арестовъ, слѣдствій и судовъ, но не было ни нападеній крестьянъ, ни грабежей, ни рѣзни по подговорамъ властей, какъ это было спустя нѣсколько лѣтъ въ Галиціи.

Въ бердичевскомъ уѣздѣ вездѣ были расположены отряды войскъ. Большая часть помѣщиковъ, которые были арестованы по распоряженію властей или по собственной просьбѣ, возвратились домой, утѣшая себя извѣстіями о неудачѣ возстанія, гордясь своимъ умомъ и прикидываясь патріотами, но только говоря: „Мы ждемъ болѣе удобнаго времени!“

Ружицкій, сознавая невозможность веденія партизанской войны ни въ бердичевскомъ уѣздѣ, ни въ чудновскихъ лѣсахъ, рѣшился скрыть часть кассы въ надежномъ мѣстѣ; съ этимъ порученіемъ были посланы Будзинскій и старшій Фалинскій въ Брагаловъ, гдѣ деньги и были сданы на попеченіе пани Піотровской. Оттуда они привезли вѣсть, что возстаніе вспыхнуло въ овруцкомъ и радомысльскомъ уѣздахъ и что русскія войска выступили изъ Житомира и Кіева для усмиренія повстанцевъ. Объ этихъ вспышкахъ не было еще подробныхъ свѣдѣній, но Будзинскій и Фалинскій сообщили намъ, что тѣ помѣщики, которые уклонялись отъ возстанія, требовали отъ правительства военныхъ отрядовъ для охраненія ихъ личностей и имущества, подъ предлогомъ возбужденія среди крестьянъ, на вѣрность которыхъ правительство будто бы не можетъ полагаться въ виду ихъ благопріятнаго отношенія къ возставшимъ. Между прочими, и владѣлецъ Мирополя гр. Растворовскій, слыша о нашемъ приближеніи, просилъ о присылкѣ сильнаго отряда, чтобы преградить намъ путь и захватить насъ. Все это было сообщено разсказчику въ Брагаловѣ, какъ фактъ вполнѣ достовѣрный.

Эти вѣсти были получены нами, когда мы подходили къ Мирополю. Будзинскій, отдавая начальнику отчетъ объ исполненномъ порученіи, упомянулъ и о дѣйствіяхъ Растворовскаго. Возбужденные этимъ слухомъ Польховскій, Вылеринскій и Шашкевичъ хотѣли немедленно отправиться и сурово наказать Ростворовскаго за неблагородство и отсутствіе патріотизма, но Ружицкій не позволилъ имъ этого. Все необходимое для войска было взято съ панскаго двора, но за все немедленно было уплочено; въ этомъ и состояла вся наша месть трусливому шляхтичу или плохому патріоту.

Ружицкій, зная, что войска двигаются сюда и что непріятелю извѣстны наши движенія, измѣнилъ направленіе пути, и мы пошли прямо на Краснополь, имѣніе Оскерокъ, литвиновъ, издавна поселившихся на Волыни.

Оба Оскерки, люди рослые и здоровые, были въ числѣ тѣхъ, которые принадлежали къ бердичевскому возстанію, принесли присягу, но не явились въ условленное время на сборный пунктъ. Мы застали ихъ обоихъ дома, у нихъ же застали и Казимира Жулкевскаго. Оскерки, стоя на колѣняхъ, распѣвали псалмы Давида, а Жулкевскій былъ боленъ чирьями. Братья со стонами и слезами заявляли намъ, что не имѣютъ никакого призванія къ военному дѣлу, что они пойдутъ въ ксендзы и будутъ молиться Богу за Польшу, но сражаться не могутъ. Мать ихъ, возбужденная патріотическимъ негодованіемъ, проклинала ихъ, говоря:

— Если бы вашъ отецъ воскресъ, онъ умеръ бы вторично отъ стыда и отчаянія, видя такихъ сыновей.

Жулкевскій жаловался на чирьи, хромая на обѣ ноги и не находя удобнаго положенія. Это была и грустная, и смѣшная сцена. Скоро мы должны были оставить ихъ, такъ какъ получили извѣстіе о приближеніи къ Краснополю русскихъ войскъ, вызванныхъ гр. Растворовскимъ.

Положеніе наше было таково: между Краснополемъ и Молочками, на разстояніи 5 верстъ, шла широкая дорога, окопанная съ обѣихъ сторонъ глубокими рвами и обсаженная деревьями; справа и слѣва отъ нея тянулись вспаханныя поля, окаймленныя болотами, тянувшимися отъ Краснополя до Молочекъ; дорога представляла родъ острова, съ котораго можно было выйти только въ одной изъ названныхъ деревень, гдѣ были плотины и мосты.

Едва мы прошли съ версту отъ Мирополя, какъ одинъ изъ нашихъ шпіоновъ далъ знать, что въ Молочкахъ находятся русскія войска. Мы очутились въ западнѣ между двумя русскими отрядами, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ полу-батальона пѣхоты и взвода уральскихъ козаковъ. Это былъ батальонъ, вызванный Ростворовскимъ, раздѣленный пополамъ съ

цѣлью пресѣчь намъ дорогу. Ружицкій выстроилъ нашъ отрядъ, и мы двинулись къ Молочкамъ. Командиръ русскаго батальона, находившійся въ Молочкахъ, вывелъ свою пѣхоту впередъ къ мостику, переброшенному черезъ неширокій ровъ, велѣлъ сломать этотъ мостикъ и выстроилъ отрядъ въ карре за рвомъ. За 300 шаговъ до рва насъ встрѣтили ружейнымъ огнемъ; пули засвистѣли вокругъ насъ: мы пошли рысью. Пройдя шаговъ 150, мы перешли въ галопъ и затѣмъ, опустивъ пики, понеслись на непріятеля. Передъ самымъ рвомъ, существованія котораго мы и не подозрѣвали, мой конь былъ раненъ пулею въ шею, всталъ на дыбы и однимъ скачкомъ перепрыгнулъ черезъ канаву, мои козаки послѣдовали за мной. У меня потемнѣло въ глазахъ; я рубилъ направо и налѣво; три раза меня вытѣсняли изъ карре и три раза я врѣзывался снова. Скоро русскій отрядъ былъ смятъ; командовавшій имъ маіоръ убитъ. Битва была упорная. Изъ 285 русскихъ только одинъ подпоручикъ и трое рядовыхъ не были ранены; изъ моего взвода раненыхъ было 19 человѣкъ. Отрядъ, находившійся въ Краснополѣ, не пришелъ на помощь своимъ, а отступилъ, взявъ съ собой братьевъ Оскерокъ и Жулкевскаго. Грудзинскій занялъ Краснополь и тамъ ему сообщили, что Жулкевскій совершенно излѣчился отъ своихъ чирьевъ.

Мы вошли въ Молочки, гдѣ громада приготовила намъ всякаго рода ѣду, а еврей-шинкарь выставилъ всѣ напитки, какіе только были въ корчмѣ, и униженно просилъ, чтобы мы пили.

Мы перешли Случь въ Барановкѣ, а въ Правотынѣ узнали о разгромѣ овручскаго повстанья и о рѣшительномъ пораженіи подъ Бѣлосорокой радомысльскихъ повстанцевъ. Мы не могли узнать подробностей объ этихъ несчастьяхъ, слышали только, что русскія войска расположены значительными отрядами надъ Случью до Новоградъ-Волынска, гдѣ была главная квартира дивизіи ген. Сулимы. Мы удалились отъ рѣки и, перейдя почтовый трактъ между Дѣдовицами и Корцемъ, двинулись прямо на Межиричъ-Корецкій, гдѣ было мѣстопребываніе маршалка Іосифа Стецкаго и гимназія о. о. піаровъ.

Мой прежній наставникъ ксендзъ Бенчковскій былъ тогда ректоромъ гимназіи. Насъ приняли тамъ очень сердечно; всѣ ученики хотѣли присоединиться къ повстанцамъ; пришлось употребить силу и запереть мальчиковъ въ монастырѣ; старшимъ дано было позволеніе записываться въ повстанцы, и нашъ отрядъ увеличился молодыми людьми, которыхъ снабдилъ вооруженіемъ ксендзъ Бенчковскій; лошадей для нихъ тотъ же Бенчковскій промыслилъ изъ конюшень кн. Любомірской.

Маршалокъ Стецкій лежалъ на смертномъ одрѣ, но когда ему сказали о приходѣ повстанцевъ и о томъ, что я нахожусь въ числѣ ихъ, онъ пожелалъ меня видѣть, такъ какъ я былъ ученикомъ любимой имъ гимназіи. Мы съ Омецинскимъ отправились къ больному. Стецкій плакалъ, обнимая меня, и дрожащимъ голосомъ разспрашивалъ о повстаніи, о нашемъ прибытіи, о сраженіяхъ. Слушая наши разсказы, онъ оживился. На своей постели, съ сѣдыми волосами, съ типичнымъ польскимъ лицомъ, онъ напомнилъ мнѣ изображеніе гетмана Ходкевича, отдающаго свою булаву Любомірскому. Когда въ комнату вошелъ Ружицкій, маршалокъ закричалъ:

— Моего сиваго коня для пана начальника!

На этомъ конѣ Стецкій ѣздилъ 12 лѣтъ и такъ любилъ его, что жена, шутя, говорила:

— Не знаю, о комъ больше печалился бы Іосифъ—обо мнѣ или о своемъ сивомъ, а вѣдь онъ меня любитъ—столько лѣтъ прожили вмѣстѣ.

Сиваго ввели въ комнату и подвели къ постели. Стецкій погладилъ его и сказалъ:

— Вотъ тебѣ новый господинъ! Неси его на враговъ Польши!

Затѣмъ отдалъ приказъ надворнымъ козакамъ и музыкантамъ садиться на коней.

Музыканты Стецкаго были настоящіе артисты, большею частью нѣмцы—между ними былъ только одинъ полякъ Мохницкій. По приказанію маршалка они сѣли на коней, но скоро потомъ возвратились, съ нами осталось только двое—Мехницкій и молодой Нудера, добрый солдатъ, хотя нѣмецъ по имени и происхожденію.

Такимъ образомъ въ Межиричѣ нашъ отрядъ увеличился до 300 человѣкъ, и былъ укомплектованъ 3-й эскадронъ, поступившій подъ команду Тадеуша Пржиборовскаго; въ этотъ эскадронъ вошли межирицкіе студенты, шляхта и козаки Стецкаго.

Мы прошли предъ окнами Стецкаго; больной, поддерживаемый докторомъ и дворецкимъ, приподнялся съ постели и благословилъ насъ. Чрезъ три дня онъ скончался.

За нами шли возы съ оружіемъ, захваченнымъ подъ Молочками; этимъ оружіемъ мы хотѣли снабдить овручскихъ повстанцевъ, такъ какъ Ружицкій все еще имѣлъ намѣреніе проникнуть въ овручскій повѣтъ. Извѣстія, полученныя нами въ Правотынѣ, заставили насъ удалиться отъ береговъ Случи, но теперь мы снова приблизились къ рѣкѣ. Мы подходили къ деревнѣ Тышицѣ, лежащей надъ Случью. Деревня была разбросана на большомъ протяженіи, и еще въ Межиричѣ шпіоны донесли, что по дорогѣ отъ Новоградъ-Волынска къ Корцу показался какой то русскій кавалерійскій отрядъ, но мы не думали, чтобы этотъ отрядъ могъ такъ скоро догнать насъ, и начальникъ спѣшилъ достигнуть лѣса, до котораго оставалось не болѣе 2 верстъ. Въ это время Доморадскій прибѣжалъ съ аріергардомъ и донесъ о нападеніи на обозъ сильнаго русскаго отряда, которому онъ не могъ оказать сопротивленія. Начальникъ приказалъ пройти чрезъ деревню па рысяхъ. За деревней справа была Случь, огибавшая лугъ, заросшій мѣстами лозой, слѣва огромное болото, тянувшееся до самаго лѣса. Тысячахъ въ двухъ шаговъ отъ деревни былъ мостикъ черезъ ручей, протекавшій по болоту и впадавшій въ Случь. За мостикомъ по обѣ стороны были вспаханыя поля, а въ полуверстѣ отъ него начинался лѣсъ. Пройдя мостикъ, мы выстроились и стали ждать непріятеля. Русскій отрядъ состоялъ изъ 2 эскадроновъ конныхъ егерей подъ командой подполковника Петерса. Егеря прошли чрезъ деревню, перешли мостикъ, построились и открыли огонь по нашему отряду, причинившій, врочемъ, мало вреда. Ружицкій скомандовалъ намъ идти въ атаку. Егеря были разбиты, и мы снова овладѣли нашимъ обозомъ.

Къ ночи мы пришли въ Кашовку, гдѣ застали помѣщиковъ ровенскаго уѣзда, съѣхавшихся туда съ женами и дѣтьми. Между дамами были и красавицы. Вечеръ мы провели, танцуя мазурку и вальсъ. Это была истинно рыцарская награда за наши труды. Шампанское пѣнилось въ бокалахъ; поднимались различные тосты, преимущественно за прекрасный полъ; оживленнѣе всѣхъ прошелъ тостъ въ честь панны Анели Пенковской, о храбрости и патріотизмѣ которой много разсказывали намъ участники повстанья въ овручскомъ и радомысльскомъ уѣздахъ. Она все время находилась въ обозѣ радомысльскихъ повстанцевъ, собравшихся подъ начальствомъ своего маршалка Онуфрія Голецкаго. Поднялся у нихъ вопросъ объ установленіи сообщенія съ обозомъ овручскихъ повстанцевъ, бывшихъ подъ командой маршалка Вильгельма Головинскаго. Нѣсколько человѣкъ, посланныхъ съ этою цѣлью, было захвачено донцами, занимавшими границу между двумя уѣздами. Панна Анеля вызвалась добраться до овручскаго обоза. Одѣтая въ амазонку, на добромъ конѣ, въ сопровожденіи одного конюха, она успѣла обмануть бдительность донцовъ и по лѣсамъ и полямъ доѣхала до лагеря Головинскаго въ тотъ моментъ, когда тамъ началось сраженіе съ русскими. Головинскій сообщилъ ей, что, если ему удастся прорваться сквозь ряды русскихъ, онъ направится къ Бѣлосорокѣ для соединенія съ радомысльскими повстанцами, и просилъ Голецкаго спѣшить къ тому же пункту. На возвратномъ пути прекрасная амазонка подверглась нападенію со стороны донцовъ, ея конюхъ былъ убитъ, а сама она, застрѣливъ двухъ козаковъ, избѣжала погони и прибыла въ лагерь Голецкаго, гдѣ, отдавъ отчетъ въ исполненіи порученія, заболѣла горячкой; ее отвезли къ матери, и она скоро скончалась. Отъ тѣхъ же бѣглецовъ мы узнали, что совѣтъ начальниковъ овручскаго повстанья, въ отвѣтъ на извѣстныя слова диктатора Хлопицкаго, постановилъ слѣдующее: если Варшава не хочетъ быть столицей Польши, Литвы и Руси, то пусть Овручъ будетъ Варшавой; и тотчасъ выслалъ свое войско противъ многочисленнаго русскаго отряда, не дождавшись аммуниціи, о которой хлопоталъ Головинскій и въ которой ему было отказано.

XII.

Дубровица.—Графъ Плятеръ.—Владиміръ.—Стан. Ворцель.—Походъ на Ковель.—Поворотъ на Шуцкія озера.—Любомль.—Ксаверій Браницкій.—Переходъ черезъ Бугъ.—Ночное нападеніе подъ Ухановомъ.—Прибытіе въ Замостье.—Ген. Хржановскій.—Посольство къ Томашеву.—Приказы ген. Скржинецкаго.—Возвращеніе въ Замостье.—Пиръ.—Ген. Крысинскій.

Извѣстія о подавленіи повстанья въ овручскомъ и радомысльскомъ уѣздахъ заставили Ружицкаго измѣнить первоначальное намѣреніе идти на Березну и оттуда чрезъ лѣса къ Мозырю. Мы оставили Березну вправо и пошли на Дубровицу, имѣніе гр. Плятера, гдѣ былъ монастырь и школа ксендзовъ піаровъ.

Гр. Плятеръ, какъ и Стецкій, лежалъ при смерти, но мы были гостепріимно встрѣчены его сестрой, которая разсказала намъ о томъ, что отрядъ Нарциза Олизара разбитъ подъ Владиміромъ и разсѣянъ, но увѣряла, что большая часть составлявшихъ этотъ отрядъ повстанцевъ со Станиславомъ Ворцелемъ во главѣ скрывается въ лѣсахъ. Пораженіе это объяснили тѣмъ, что командиры были приглашены, по случаю праздника Пасхи, къ сосѣднему помѣщику, а въ лагерь привезено было много яствъ и питій. Повстанцы пировали, а въ это время на нихъ внезапно напали эскадронъ конныхъ егерей и сотня донцовъ; убитыхъ было мало, но много полу-пьяныхъ было взято въ плѣнъ, а командиры ушли въ лѣса и заграницу, въ Галицію; нѣкоторые успѣли бѣжать въ Царство польское, только одинъ Феликсъ Тржецякъ съ отрядомъ въ 40 человѣкъ пробился въ Галицію и оттуда, оставивъ австрійцамъ оружіе и лошадей, съ пѣшими людьми перешелъ въ царство польское.

Изъ Дубровицы мы двинулись къ Рафаловкѣ съ цѣлью собрать свѣдѣнія о разсѣянныхъ повстанцахъ. Въ Рафаловкѣ роскошный палацъ Олизара былъ пустъ. Сюда явилось нѣсколько сосѣднихъ землевладѣльцевъ, не съ цѣлью присоединиться къ намъ, а съ жалобами на засѣдателя Каминскаго за настойчивое выполненіе имъ своихъ обязанностей, и, къ несчастью, самъ бѣдный засѣдатель былъ захваченъ нашими козаками, посланными на фуражировку. Отъ этихъ помѣщиковъ мы узнали на-

вѣрное, что Ворцель и его товаращи скрываются въ ковельскихъ лѣсахъ около Владиміра и что въ ихъ бандахъ числится около 500 человѣкъ.

Еще изъ Дубровицы Будзинскій и Топчевскій были посланы взять сукно, заготовленное для уланской дивизіи, и дали квитанцію въ томъ, что забрали сукно по распоряженію полковника Ружицкаго, командира авангарда корпуса ген. Дверницкаго. Эта квитанція была послана управителемъ гр. Плятера властямъ въ Кіевъ и была получена тамъ одновременно съ донесеніемъ подполковника Петерса о томъ, что онъ столкнулся съ 10-тысячнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, въ составѣ котораго были войска во французскихъ мундирахъ. За французскіе мундиры были приняты фантастическіе костюмы учениковъ межирицкой школы. Тогда былъ отданъ приказъ 3-й гусарской дивизіи ген. Лашкарева пресѣчь намъ дорогу къ Бугу, а 2-й конно-егерской дивизіи ген. Слотвинскаго отрѣзать насъ отъ Галиціи и соединиться съ гусарами для совмѣстныхъ дѣйствій. При каждой дивизіи было по 12 одрудій и по отряду пѣхоты. Бердичевскіе шпіоны тотчасъ увѣдомили насъ о движеніи русскихъ войскъ и объ ихъ численности. Мы очутились въ критическомъ положеніи: отъ царства польскаго мы были отрѣзаны, броситься въ лѣса не могли, потому что пѣхота корпуса ген. Кайсарова съ нѣсколькими полками донцовъ была растянута отъ Кіева чрезъ Мозырь до Бобруйска, другіе русскіе отряды были расположены отъ Бобруйска до Брестъ-Литовска; возвратиться въ Подолію и на Украину также было невозможно, потому что ген. Роттъ, разбивъ и вытѣснивъ въ Галицію повстанцевъ и успокоивъ край, двинулся съ своимъ корпусомъ къ Староконстантинову и занялъ линію Случи до Новоградъ-Волынска и по направленію къ австрійской границѣ до Почаева.

Выйдя изъ Рафаловки, мы расположась отдохнуть у какой то деревушки. Ружицкій сильно усталъ и задремалъ подъ деревомъ. Мартинъ Вылежинскій, который былъ очень вооруженъ помѣщиками противъ засѣдателя Каминскаго, сталъ просить начальника отдать въ его распоряженіе этого плохого патріота. Ружицкій, не понявъ спросонья въ чемъ дѣло сказалъ:

— Возьми его себѣ.

Мы всѣ въ это время спали. Вылежинскій, отличавшійся большою физическою силою, взялъ Каминскаго и повѣсилъ его при помощи слуги на деревѣ. Каминскій не просилъ пощады, но укорялъ повстанцевъ за этотъ поступокъ съ нимъ и грозилъ имъ Божьей карой за отложеніе отъ Россіи. Онъ умеръ съ достоинствомъ и, какъ мы узнали послѣ, до засѣдательства былъ дѣльнымъ офицеромъ русской арміи и горячимъ сторонникомъ соглашенія поляковъ съ русскими. Говорили также, что онъ былъ очень почтеннымъ человѣкомъ.

Повѣсивъ Каминскаго, Вылежинскій стоялъ подъ деревомъ. Въ это время какой то человѣкъ упалъ къ его ногамъ со словами:

— Пане! Я не виноватъ, я дѣлалъ только то, что мнѣ приказывали. У насъ служба не дружба.

Вылежинскій сурово спросилъ:

— Кто ты такой?

— Я писарь пана засѣдателя, но я не виноватъ.

— Виноватъ или не виноватъ, но такому большому чиновнику, какъ твой засѣдатель нельзя обойтись на томъ свѣтѣ безъ писаря.

Съ этими словами онъ схватилъ бѣдняка и повѣсилъ на другой вѣткѣ.

Когда мы узнали объ этомъ происшествіи, то всѣ были очень возмущены, а на лицѣ Ружицкаго выразилось неудовольствіе. Объясняли этотъ поступокъ жалобами помѣщиковъ; этихъ жалобъ было, правда, много, но все же лучше было бы обойтись безъ вѣшанья, которое было единственнымъ пятномъ на бердичевскихъ повстанцахъ. Вслѣдствіе этого всѣ мы стали сторониться отъ Вылежинскаго.

Миновали мы Ковель, оставивъ его на лѣво, и къ ночи прибыли во Владиміръ. Здѣсь къ намъ присоединился Стан. Ворцель, но только одинъ,—о 500 повстанцахъ не было ни слуху, ни духу. Ружицкій, собравъ необходимыя для себя свѣдѣнія, разослалъ повсюду циркуляры съ требованьемъ доставить подводы и исправить дорогу до Ковля.

На слѣдующій день мы выступили по направленію къ Ковлю, дѣлая, однако, видъ, будто бы мы, видя невозможность перехода черезъ Бугъ, двигались въ Подолію. На почтовой дорогѣ нашъ авангардъ захватилъ курьера съ бумагами отъ генер. Лашкарева къ ген. Слотвинскому, въ которыхъ Лашкаревъ увѣдомлялъ Слотвинскаго о намѣреніи авангарда войскъ Дверницкаго напасть на Ковель и о томъ, что это, вѣроятно, военная хитрость, имѣющая цѣлью облегчить соединеніе этого войска съ войскомъ, находящимся въ мозырскихъ лѣсахъ, гдѣ уже происходили сраженія повстанцевъ съ корпусомъ Кайсарова, и потому онъ, Лашкаревъ, спѣшитъ зайти съ первой бригадой—полками ахтырскимъ и александрійскимъ—намъ въ тылъ, а маріупольскій и оранскій полки оставляетъ надъ Бугомъ между Шацкими озерами. Курьеръ, родомъ литвинъ, сообщилъ, что кромѣ него Лашкаревымъ послано еще два курьера съ такими же депешами, что самъ Лашкаревъ не поспѣетъ къ Ковлю раньше полудня слѣдующаго дня, что въ Ковлѣ теперь не болѣе батальона пѣхоты и сотни козаковъ, но ночью или на разсвѣтѣ туда прибудутъ конные егеря. Отъ этого же курьера мы узнали, что въ Любомлѣ находится семейство Браницкихъ, старшій сынъ которыхъ, Ксаверій, лейбъ-гусарскій поручикъ, отличается патріотическимъ настроеніемъ.

Къ вечеру мы дошли до Ковля: мѣстный гарнизонъ, вышедшій было противъ насъ, отступилъ въ городъ, и мы, пройдя чрезъ предмѣстье, двинулись къ Шацкимъ озерамъ. На разсвѣтѣ мы достигли озеръ и, увидя шедшую по почтовому тракту русскую кавалерію, спустились въ долину и какимъ-то чудомъ остались незамѣченными непріятелемъ, который прошелъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ насъ. Мы пошли къ Любомлю; нашъ передовой отрядъ вытѣснилъ занимавшій Любомль гусарскій эскадронъ. Отъ Любомля мы двинулись къ Перевозамъ и тамъ перешли Бугъ, передовые вплавь, а остальные вмѣстѣ съ обозомъ черезъ наскоро наведенный мостъ. Когда мы уже переправились и шли къ Рудкамъ, наши шпіоны дали знать, что гусары преслѣдуютъ насъ и тоже перешли Бугъ. Мы двигались по направленію къ Грубешову. Такимъ

образомъ мы были уже въ Польшѣ. Вступили мы туда въ недобрый часъ. Экспедиція ген. Янковскаго не удалась, поговаривали уже о пораженіи поляковъ подъ Остроленкой, но утверждали вмѣстѣ съ тѣмъ, что ген. Хржановскій идетъ на Волынь. Въ это время ген. Рюдигеръ съ русскими войсками стоялъ уже въ Войславичахъ и его отряды приближались къ Замостью. Генералъ Крейцъ приближался къ Замостью со стороны Люблина, и его авангардъ уже занялъ старое Замостье. Кайсаровъ шелъ къ Бугу. Трудно было Хржановскому, ожидавшему въ Замостьѣ грядущихъ событій [1]).

Сражаясь съ преслѣдовавшими насъ русскими отрядами, мы добрались до Замостья. Хржановскій хорошо зналъ о томъ, что мы перешли Бугъ и уже второй день сражаемся съ русскими, но когда коммиссаръ люблинскаго воеводства Романовскій сообщилъ ему объ этомъ, онъ отвѣчалъ:

— Пусть сражаются; зачѣмъ было приходить сюда!

Никто не выѣхалъ на встрѣчу намъ въ деревню, гдѣ мы остановились на отдыхъ. Бернатовичъ былъ посланъ къ Хржановскому съ рапортомъ отъ Ружицкаго. Когда онъ возвратился, то засталъ насъ уже двинувшимися къ крѣпости и сообщилъ, что генералъ съ войскомъ ждетъ насъ на гласисѣ. На этомъ гласисѣ мы увидѣли два батальона пѣхоты, два эскадрона кавалеріи и ген. Хржановскаго, который принялъ насъ съ недовольной миной и велѣлъ отвести намъ кирпичный заводъ, гдѣ мы должны были расположиться, а обозъ и плѣнныхъ велѣли препроводить въ крѣпость. Ружицкій немедленно отправился къ Хржановскому, но пробылъ у него недолго и, видимо, былъ недоволенъ оказаннымъ ему пріемомъ. Тотчасъ онъ написалъ подробный рапортъ ген. Скржынецкому, въ то время бывшему главнокомандующимъ повстанцами, и на слѣдующее утро отослалъ этотъ рапортъ по назначенію съ Пильховскимъ и Бернатовичемъ, согласно совѣту Хржановскаго, который сказалъ:

— Лучше всего напишите сами генералу Скржынецкому и пошлите къ нему одного изъ вашихъ повстанцевъ.

[1]) Здѣсь мы опускаемъ подробное описаніе переходовъ отряда Ружицкаго и стычекъ этого отряда съ русскими войсками.—Ред.

Холодный пріемъ подѣйствовалъ на насъ очень непріятно. Офицеры, по примѣру своего командира, смотрѣли на насъ свысока, только кракусы, не знаю почему, отнеслись къ намъ очень дружелюбно и пригласили на пирушку, на которой мы встрѣтили украинцевъ и подолянъ изъ повстанцевъ Колыска, напр.: Германа и Іосифа Потоцкихъ, Еловицкихъ, Собанскихъ и др. Они очень намъ обрадовались.

Кракусы были очень недовольны бездѣйствіемъ Хржановскаго и громко высказывали свое неудовольствіе. Это дошло до слуха генерала, и онъ, уступая общественному мнѣнію, предпринялъ экспедицію къ Грубешову, окончившуюся неудачно, что не помѣшало Хржановскому устроить торжественный въѣздъ въ крѣпость. Это послужило предметомъ насмѣшекъ и каррикатуръ, что очень раздражило генерала и, хотя онъ и зналъ, что мы здѣсь не причемъ, но выместилъ на насъ свою злобу: призвавъ Ружицкаго, генералъ объявилъ ему, что такъ какъ мы не входимъ въ составъ его войскъ, то до полученія приказаній отъ главнокомандующаго, онъ прекращаетъ выдачу намъ провіанта и фуража. Ружицкій не возражалъ и только спросилъ:

— Позволено ли будетъ намъ самимъ добывать фуражъ?

Генералъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Можете грабить край,—это я разрѣшаю.—И тотчасъ отдалъ приказъ коменданту крѣпости ген. Крысинскому выпускать насъ изъ крѣпости и впускать въ нее.

Возвратившись на кирпичный заводъ, Ружицкій засталъ тамъ коммиссара Романовскаго, очень возмущавшагося поведеніемъ Хржановскаго по отношенію къ намъ, который сообщилъ, что въ эту же ночь русскій транспортъ съ провіантомъ и фуражемъ и стадо воловъ должны пройти черезъ Грабовчикъ къ австрійской границѣ, гдѣ ожидаютъ прибытія корпуса Кайсарова. Тотчасъ былъ посланъ отрядъ конницы, который и захватилъ транспортъ, весьма слабо конвоируемый, такъ какъ послѣ разбитія Хржановскаго, русскіе держались очень безпечно. Конвой бѣжалъ, и только два больныхъ драгуна попались въ наши руки.

Ружицкій велѣлъ оставить припасовъ на 25 дней, а остальное отослать Хржановскому для продовольствія его войска. Хржановскій приказалъ поблагодарить Ружицкаго.

На третій день Хржановскій приказалъ Ружицкому выступить въ Томашевъ, лежащій на самой границѣ. Нечего дѣлать— надо было повиноваться. Томашевъ былъ окруженъ русскими, а жители мѣстечка, евреи, относились очень недружелюбно къ полякамъ. Очевидно было намѣреніе Хржановскаго сбыть насъ съ рукъ и вынудить къ переходу въ Галицію.

Служба въ Томашевѣ была очень тяжела и опасна. На восьмой день нашего пребыванія тамъ какой то экономъ изъ окрестностей Замостья, переодѣтый крестьяниномъ, прибылъ къ намъ съ депешами отъ Хржановскаго и сказалъ, что едва пробрался къ намъ, такъ какъ гусары разъѣзжаютъ по дорогѣ къ Звѣринцу. Хржановскій предписывалъ намъ немедленно двинуться изъ Томашева къ Замостью, гдѣ мы и получимъ дальнѣйшія приказанія.

По распоряженію Скржынецкаго Ружицкій былъ произведенъ въ маіоры и получилъ крестъ за военныя заслуги; нашъ отрядъ получилъ названіе волынскаго коннаго или 1-го козачьяго полка. Всѣ офицеры были утверждены, по представленію Ружицкаго, въ занимаемыхъ ими должностяхъ и многіе изъ отряда получили кресты за храбрость. Это обстоятельство очень обрадовало и ободрило всѣхъ. Ружицкій по этому случаю устроилъ угощеніе: на площадь выкатили бочки съ виномъ и водкой, доставили огромное количество всякихъ снѣдей. Чтобы дать людямъ возможность отдохнуть, было приказано оставить въ караулѣ только одинъ взводъ, а командовавшему имъ офицеру предписано пропускать евреевъ, пробирающихся изъ города въ поле. Лошади были разсѣдланы, и уже мы собирались приступить къ угощенію, когда Ружицкій получилъ извѣстіе, что нѣсколько евреевъ перешло черезъ цѣпь часовыхъ. Тотчасъ велѣно было сѣдлать коней, усилить караулы, разбить бочки, разобрать съѣстные припасы, и въ тотъ же вечеръ мы выступили изъ Томашева. Черезъ часъ послѣ нашего ухода на городъ напали гусары, увѣренные, что захватятъ насъ врасплохъ. Они такъ были

поражены, не найдя насъ, что не разузнали даже, куда мы пошли, и донесли, что мы отступили въ Галицію.

По дорогѣ мы напали на гусарскій патруль и захватили въ плѣнъ двухъ рядовыхъ. Отъ нихъ мы узнали, что Кайсаровъ въ Криницѣ и стягиваетъ огромныя массы пѣхоты, такъ какъ ему приказано взять Замостье. Въ Звѣржинцѣ мы нашли Веращинскаго со сформированнымъ имъ подольскимъ легіономъ; это было отличное войско. Здѣсь мы узнали о пораженіи повстанцевъ подъ Остроленкой, о подвигахъ 2-го уланскаго полка, въ которомъ всѣ четыре эскадронные командира были убиты, о чудесахъ храбрости, показанныхъ генераломъ Бемомъ и его артиллеріей. Въ Звѣржинцѣ мы застали и рефендарія Волицкаго, ѣхавшаго въ Константинополь въ качествѣ посла отъ ржонда народоваго къ турецкому султану. Ни изъ словъ посла, ни изъ его бумагъ не видно было, чего желалъ и могъ желать ржондъ отъ султана. Въ граматахъ были пышныя фразы о карловицкомъ трактатѣ, о пріязни Мустафы IV къ полякамъ, о покровительствѣ, оказанномъ турками барскимъ конфедератамъ; много было словъ, а мало дѣла. Новому послу очень хотѣлось все намъ разсказать, все прочитать. Я замѣтилъ, что надо бы испросить позволенія султана поднять козаковъ, оставшихся на Дунаѣ послѣ войны 1828 года, вторгнуться съ ними въ Бессарабію и на Украину и возбудить тамъ среди народа возстаніе во имя козачества и короля польскаго. Волицкій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Какіе козаки? Что за козаки? Козаки насъ бьютъ, а мы будемъ обращаться къ нимъ за помощью.

Ему растолковали, что это за козаки. Онъ долго думалъ и, наконецъ сказазъ:

— Да вѣдь это схизматики,—и замолчалъ.

Что сдѣлалъ Волицкій въ Константинополѣ, я не могъ узнать ни тамъ, ни въ Парижѣ. Знаю только, что въ Константинополѣ онъ былъ, что у него была красивая дочь и самъ онъ былъ ревностнымъ католикомъ и горячимъ сторонникомъ австрійскаго двора.

Мы пришли въ Замостье вмѣстѣ съ подольскимъ легіономъ.

На этотъ разъ насъ встрѣтили не такъ, какъ прежде: ген. Крысинскій вышелъ на встрѣчу со всѣмъ войскомъ и устроилъ великолѣпное угощеніе для офицеровъ и солдатъ. Хржановскій уже выступилъ съ войскомъ изъ Замостья, оставивъ обозъ съ негоднымъ оружіемъ, испорченныя пушки и болѣе 500 человѣкъ больныхъ, и приказалъ Ружицкому препроводить все это на лѣвый берегъ Вислы. Получивъ этотъ приказъ, Ружицкій сказалъ Крысинскому, что на слѣдующій день выступаетъ въ походъ.

XIII[1]).

Мы пошли изъ Замостья отдѣльными отрядами по разнымъ дорогамъ, чтобы обмануть шпіоновъ. На пятый день мы достигли береговъ Вислы. Переправа прошла благополучно, хотя преслѣдовавшія насъ русскія войска подошли на близкое разстояніе и открыли огонь, не причинившій намъ большаго вреда. Черезъ Завихвостъ мы пошли къ Сольцу, гдѣ получили приказаніе отъ Хржановскаго остановиться, а обозъ отослать въ его главную квартиру. Три недѣли простояли мы въ Сольцѣ, занимаясь ученьями, но не были лишены мы и развлеченій, такъ какъ въ Солецъ стали съѣзжаться окрестные помѣщики съ женами и дочерьми и у насъ часто устраивались танцы. Въ Солецъ пріѣхалъ къ намъ Хржановскій, сдѣлалъ смотръ, остался очень доволенъ нашей выправкой и объявилъ, что мы назначены въ составъ обсерваціоннаго корпуса ген. Шептицкаго, расположеннаго въ Тарловѣ, куда мы и выступили. Нашъ новый начальникъ былъ человѣкъ почтенный и добродушный, но старый и предоставлявшій подчиненнымъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Его корпусъ, который долженъ былъ охранять переправу черезъ Вислу, состоялъ всего на всего изъ 4 батальоновъ пѣхоты по 600 чел. каждый, нашего полка изъ 300 человѣкъ и еще 300 кавалери-

---

[1]) Содержаніе этой главы „Записокъ“ передано нами въ краткомъ изложеніи.—*Ред.*

стовъ; пушекъ не было вовсе. Силы ген. Рюдигера, стоявшаго на правомъ берегу, во много разъ превосходили наши, и странно было со стороны Хржановскаго противопоставлять имъ нашъ маленькій отрядъ. Флоріанъ Ржевускій съ русской кавалеріей уже перешелъ Вислу и окопался у Павловской Воли. Вопреки желаніямъ высшаго начальства, мы подъ начальствомъ Ружицкаго сдѣлали удачное нападеніе на отрядъ Ржевускаго и четыре дня стояли подъ Павловской Волей. На пятый день мы узнали, что Рюдигеръ оставилъ первоначальное намѣреніе перейти Вислу у Юзефова и двинулся вдоль берега къ Янову, а также, что Шептицкій отступилъ изъ Тарлова къ Свенто-Кржижскимъ горамъ. Оставшись безъ начальника, мы рѣшили было идти въ Варшаву, но встрѣтившаяся намъ по дорогѣ пани Вендорфъ сообщила Ружицкому, что Шептицкій находится въ Опатовѣ, и убѣдила идти туда же. Когда мы пришли въ Опатовъ, то Шептицкій былъ очень удивленъ, такъ какъ считалъ насъ погибшими и уже послалъ рапортъ объ этомъ въ Варшаву. Вскорѣ на смѣну Шептицкому прибылъ въ Опатовъ новый командиръ Самуилъ Ружицкій, однофамилецъ Карла Ружицкаго. Онъ рѣшилъ идти къ Радому, гдѣ мы должны были соединиться съ новыми силами и составить корпусъ численностью до 11,000 человѣкъ. По дорогѣ мы могли убѣдиться, что населеніе, хотя и не враждебно намъ, но относится къ возстанію совершенно равнодушно, заявляя и намъ, и русскимъ, что пусть Богъ помогаетъ тому, кто хочетъ намъ добра. Въ Ильжѣ мы узнали, что Радомъ занятъ Рюдигеромъ, а мы окружены со всѣхъ сторонъ русскими войсками. Пробившись сквозь непріятельскіе отряды и соединившись съ полковникомъ Обуховичемъ, мы стали двигаться маршами и контрмаршами, избѣгая сраженія, хотя силы наши были довольно значительны.

Самуилъ Ружицкій былъ человѣкъ весьма почтенный, пользовавшійся хорошей репутаціей въ военномъ мірѣ, но у него былъ огромный штабъ, распоряжавшійся всѣми операціями, и это то обстоятельство и погубило все дѣло. Въ Варшавѣ дѣла шли очень плохо. Разногласіе было полное. Предписанія, которыя мы получили оттуда, только ухудшали наше положеніе. Въ

отдѣльныхъ стычкахъ съ русскими войсками мы всегда выходили побѣдителями. Наши солдаты и офицеры не оставляли желать ничего лучшаго, но неспособность нашихъ начальниковъ, недостатокъ единства въ дѣйствіяхъ вредили всему. Наконецъ, мы были вынуждены дать сраженіе и были разбиты подъ Липскомъ.

Между тѣмъ въ Варшавѣ произошелъ переворотъ: демократическая партія одержала побѣду. Когда мы стояли въ Кунавѣ, къ намъ пріѣхалъ кн. Адамъ Чарторыйскій и уѣхалъ далѣе въ Краковъ, за Чарторыйскимъ послѣдовалъ Скржынецкій.

Вскорѣ изъ Варшавы явились новые командиры, но положеніе дѣлъ не улучшилось. Мы отступили къ границѣ Галиціи и, когда показались русскія войска, то, обмѣнявшись съ ними артиллерійскими залпами, безъ битвы перешли границу и сложили оружіе.

Заканчивая въ текущемъ году Записки М. Чайковскаго о возстаніи 1831 года, редакція надѣется помѣстить въ будущемъ ту часть записокъ, которая относится ко времени пребыванія Чайковскаго въ Турціи.

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ КОРСУНЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

25-го октября текущаго года скончался одинъ изъ ветерановъ нашей письменности, въ свое время игравшій довольно видную роль въ литературномъ мірѣ юга Россіи,—это *Александръ Алексѣевичъ Корсунъ*, издатель альманаха подъ заглавіемъ „Снипъ, украинській новорочныкъ", авторъ нѣкоторыхъ самостоятельныхъ беллетристическихъ произведеній, любитель мѣстной исторіи, литературы и археологіи. Давно уже не выступалъ онъ въ литературномъ мірѣ, въ виду чего имя его стало забываться, и только въ прошломъ, 1890 году заставилъ онъ вспомнить о себѣ, напечатавъ въ „Русскомъ Архивѣ" (№ 10) свои воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ, съ которымъ дружба его, съ перерывами впрочемъ, тянулась около полувѣка. Воспоминанія эти, нужно признаться однако, не особенно широко расходились среди читающей публики, не смотря на свой мѣстами глубокій интересъ, а потому многіе съ нѣкоторымъ удивленіемъ спрашивали, прочитавъ газетныя извѣстія о его смерти: „неужели онъ былъ живъ до сего времени?"

Обязанность прессы, особенно мѣстной, оживлять въ памяти имена лицъ, своей дѣятельностью въ той или иной формѣ способствовавшихъ росту культурныхъ силъ родины, своими знаніями, талантами и трудами двигавшихъ впередъ и поднимавшихъ наново вопросы, связанные съ проявленіемъ народнаго самосознанія, съ пробужденіемъ инстинктовъ общественности. Вотъ почему, мы думаемъ, нелишнимъ будетъ, по край-

ней мѣрѣ, подвести итоги наличнымъ даннымъ, знакомящимъ насъ съ личностью А. А. Корсуна, за отсутствіемъ у насъ какихъ-либо новыхъ чертъ изъ его жизни и дѣятельности, опубликованіемъ которыхъ, мы увѣрены, займутся лица, близко знавшія покойнаго и имѣющія доступъ ко всѣмъ оставшимся послѣ него матеріаламъ.

Данныхъ изъ біографіи А. А. Корсуна, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ, очень мало. Даже самаго года рожденія, насколько намъ извѣстно, нигдѣ не указано. Въ одномъ некрологѣ (Кіевлянинъ, № 239) прямо говорится, что онъ умеръ 75 лѣтъ, а въ другомъ (Южный Край, № 3722)—около 80 лѣтъ, хотя изъ письма къ нему Н. И. Костомарова, опубликованнаго самимъ А. А. Корсуномъ (Рус. Арх. 1890 г. № 10, стр. 221), видно, что онъ моложе перваго, родившагося въ 1817 году, т. е. оказывается—ему было не болѣе 74 лѣтъ. Родомъ онъ былъ изъ деревни Богдановская Антиповка, бывшаго Ростовскаго на Дону уѣзда, теперь таганрогскаго округа. Не знаемъ, почему г. Петровъ считаетъ его происходящимъ изъ *помѣщиковъ полтавской губерніи* (Очерки ист. украин. лит., стр. 135), когда намъ извѣстно только, что предки его были запорожцы, о чемъ самъ Корсунъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Костомаровѣ, говоря: „я, по предкамъ щирый запорожецъ....". (стр. 201). Принадлежа къ довольно зажиточному семейству, А. Корсунъ въ дѣтствѣ, вѣроятно, долженъ былъ пройти ту систему воспитанія, какая въ большинствѣ случаевъ примѣнялась въ нашей украинской помѣщичьей средѣ. Впрочемъ, данныхъ объ этомъ воспитаніи нѣтъ у насъ никакихъ, кромѣ одного намека въ маленькой біографической справкѣ, помѣщенной въ Южномъ-Русскомъ сборникѣ А. Метлинскаго, о М. Макаровскомъ, который былъ домашнимъ учителемъ въ домѣ Корсуна, будучи воспитанникомъ духовной семинаріи и держась традицій національныхъ, обнаруженныхъ дальнѣйшею его писательской дѣятельностью. Хотя Макаровскій и не былъ воспитателемъ маленькаго Александра Корсуна, т. к. былъ въ домѣ ихнемъ не позже 1818 года, но мы имѣемъ полное право пред-

полагать изъ факта пребыванія въ семьѣ Корсуна такихъ лицъ, какъ Макаровскій, что тамъ не чуждались своего родного, а можетъ быть даже употребляли въ разговорѣ малорусскую рѣчь, ставшую впослѣдствіи орудіемъ литературныхъ проявленій молодого человѣка, начавшаго сознательную работу свою по окончаніи харьковскаго университета съ писательства по малорусски.

Гдѣ и какъ проходилъ А. Корсунъ курсъ средней школы, мы не знаемъ; видимъ его уже въ концѣ 30-хъ годовъ въ Харьковѣ, въ качествѣ студента-юриста. Н. И. Костомаровъ въ своей автобіографіи (Литературное наслѣдіе, стр. 23) опредѣляетъ четыре слѣдующіе типа тогдашнихъ харьковскихъ студентовъ. — 1) „Сынки богатыхъ родителей, обыкновенно помѣщенные ими у профессоровъ и отличавшіеся франтовствомъ и шалопайствомъ; вся цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы какими бы то ни было средствами, получить въ свое время дипломъ на степень кандидата или дѣйствительнаго студента. 2) Молодые люди, видѣвшіе впереди для себя цѣлью службу; они до извѣстной степени учились порядочно, но прямой любви къ наукѣ у нихъ было мало. 3) Молодые люди, дѣйствительно занимавшіеся наукою съ любовью; этого рода студенты были, такъ сказать, интеллигенціею университета. Въ тѣ времена между ними господствовала наклонность къ идеализму и въ большой модѣ было заниматься философіей. 4) Люди, не настолько богатые, чтобы помѣщаться у профессоровъ, и не настолько трудолюбивые и даровитые, чтобы успѣшно заниматься наукою; они жили и вели себя, какъ попало“. Къ какому изъ этихъ четырехъ типовъ принадлежалъ А. Корсунъ, можно догадываться по тѣмъ дальнѣйшимъ проявленіямъ его дѣятельности, которыя несомнѣнно свидѣтельствуютъ о его наклонности къ идеализму и, во всякомъ случаѣ, о полной отчужденности отъ низменныхъ житейскихъ побужденій. Уже одинъ тотъ фактъ, что онъ, почти на школьной скамьѣ затѣялъ изданіе украинскаго альманаха, есть доказательство его далеко не практическихъ наклонностей. Въ то время писательство вообще было не въ авантажѣ, а малорусскихъ писателей можно было по

пальцамъ перечесть: Котляревскій, Боровиковскій, Гребинка, Артемовскій-Гулакъ, Метлинскій, Іеремія Галка — вотъ почти и всѣ. Отношеніе критики къ ихъ произведеніямъ было очень неопредѣленное: одни издѣвались надъ писательствомъ малорусскимъ (Библіотека для Чтенія), другіе пробовали брать его подъ свою защиту, но на всъ шагу обнаруживали малое знаніе и языка, и народно-поэтическихъ красотъ. Постоянно въ этихъ рецензіяхъ можно было натолкнуться на курьезы, въ родѣ того, какой переданъ самимъ А. Корсуномъ въ его воспоминаніяхъ, а именно: критикъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ драматич. сценъ „Сава Чалый“, изданныхъ въ 1838 г. Н. Костомаровымъ, упрекалъ автора въ излишнемъ сокращеніи словъ, отчего они лишаются прямаго значенія, причемъ въ примѣръ приводилъ выраженіе „*ка-зна-що*“ (чертъ знаетъ что), думая, что это есть не что иное, какъ сокращеніе „Катя знаетъ что“. Что-же касается отношенія общества того времени къ писательской дѣятельности вообще, то это лучше всего видно изъ того случая, который переданъ А. Корсуномъ о Квиткѣ. Сущность состояла въ томъ, что дворянство съ гордостью заявило Квиткѣ, при избраніи его въ должность предсѣдателя уголовной палаты, что онъ долженъ оставить свои писанія, т. к. они не идутъ къ такому важному мѣсту. Только и выручило Квитку какъ разъ кстати полученное имъ письмо отъ В. А. Жуковскаго, въ которомъ тотъ извѣщалъ его, что повѣсть Квиткина „Божьи дѣти“ читана въ Высочайшемъ семействѣ и что Государыня Императрица изволила умилиться, а Великія Княжны плакали. Картина, конечно, сразу перемѣнилась (стр. 210—211). Среди такихъ условій писательства нужно было имѣть или довольно сильный запасъ традицій со временъ дѣтства, или находиться подъ непосредственнымъ вліяніемъ глубоко-сознанныхъ идеаловъ, чтобы избрать себѣ тотъ путь литературной работы, на который, какъ мы видимъ, и вступилъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, только-что окончившій курсъ университета [1]). Что именно побуждало А. Корсуна

[1]) Въ воспоминаніяхъ о Н. И. Костомаровѣ читаемъ: „Въ 1842 году, *съ ученической скамьи*, я поступилъ прямо въ столоначальники....“ (Рус. Арх. 1890, № 10,

какъ къ личному писательству, такъ и къ издательству малорусскихъ піесъ, видно изъ много разъ высказанныхъ имъ самимъ мыслей о любви къ малорусской рѣчи, на которой, какъ онъ говоритъ, „можно было выражать многоразличныя проявленія духа человѣческаго“ (стр. 201).

Остановимся немного на этомъ моментѣ въ жизни А. Корсуна, т. к. онъ является наиболѣе характернымъ для оцѣнки его литературныхъ вкусовъ.

Много разъ было уже указано на нѣсколько странное дѣленіе малорусскихъ писателей по направленіямъ, или лучше сказать—по школамъ, принятое въ извѣстномъ трудѣ г. Петрова „Очерки Ист. Украин. Литерат.“ Такъ, на основаніи этого дѣленія, А. Корсунъ попадаетъ въ очень мало опредѣленную школу подъ заглавіемъ „романтико-художественная украинская литература“. Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ по этому поводу проф. Дашкевичъ, „распредѣленіе матеріала, представляемаго украинскою литературою, лишь примѣнительно къ главнымъ теченіямъ, смѣнявшимся или сливавшимся въ обще-русской литературѣ, лишало (автора) возможности уловить мѣстныя индивидуальныя черты и вѣрно опредѣлить характерныя особенности различныхъ періодовъ [1])“. Въ самомъ дѣлѣ, что специфически рѣзкаго можно отмѣтить въ произведеніяхъ А. Корсуна для причисленія его къ романтикамъ? Не болѣе того, что мы найдемъ и у Костомарова, причисленнаго къ „украинскому славянофильству“. Съ другой стороны, развѣ мы не найдемъ чертъ славянофильства у А. Корсуна, роднящихъ его съ идеалами Н. Костомарова? Жизнь каждаго изъ нихъ сложилась въ дальнѣйшемъ иначе. Въ 1847 г. А. Корсунъ состоялъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Дербентскомъ военномъ губернаторѣ и потому былъ оторванъ отъ ближайшихъ ему интересовъ; онъ не могъ даже понять причины изъятія изъ продажи сочиненій Шевченка и Костомарова, а когда при-

---

стр. 210),—слѣдовательно университетъ былъ оконченъ позже изданія „Снопа“ (1841 г.); между тѣмъ д-ръ Вл. Александровъ прямо указываетъ 1840 г., какъ годъ окончанія Корсуномъ университета (Южный Край).

[1]) Отчетъ о 29-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 56.

чина эта стала ему извѣстной, онъ восклицалъ такъ, какъ, вѣроятно, говорили и всѣ замѣшанные въ это дѣло [1]). Славянофильскія стремленія Корсуна лучше всего видны изъ того факта, что онъ съ удовольствіемъ и съ сознаніемъ долга занимался по мѣрѣ силъ изученіемъ возрождавшейся тогда чешской письменности и переводилъ пѣсни Челяковскаго (Ohlas Pesni Russkich), стихи Мицкевича (Stepy Akkermanskie), занимался изученіемъ славянскихъ языковъ. Въ литературной же дѣятельности его это стремленіе сказалось сейчасъ-же въ альманахѣ „Снипъ", гдѣ были помѣщены такія его піесы: 1) Украинськи повирья, межъ которыми, помимо маленькаго размышленія славянофильскаго оттѣнка, помѣстилъ онъ передѣлку одной піесы Челяковскаго, совершенно сходной по темѣ съ мѣстной малорусской (видъ чого чапура жыве биля моря, и чому вона йисть жабъ та гадюкъ), при чемъ заставилъ одного изъ слушателей сказать: „Се щире наське повирье; тильки мени кумедно, якъ воно зупынылось у Челяковскаго?" Но авторъ отвѣчаетъ ему: „Та я-жъ вамъ казавъ, *що мы уси Словени*"... 2) Вирши, среди которыхъ тоже мы находимъ 6 піесъ, переведенныхъ съ чешскаго яз.—Въ виду того, что альманахъ „Снипъ" давно уже вышелъ изъ продажи и сдѣлался библіографическою рѣдкостью, не особенно извѣстною новымъ поколѣніямъ, позволяю себѣ въ видѣ справокъ для памяти, затронуть исключительно литературную сторону этого альманаха.

Первую литературную заслугу А. Корсуна составляетъ то, что онъ, будучи совсѣмъ еще въ юныхъ лѣтахъ (не болѣе 23 лѣтъ), задумалъ сгруппировать представителей культурно-національныхъ стремленій тогдашней „харьковщины" около литературнаго предпріятія.

Правда, эта струя, очевидно, была въ то время въ Харьковѣ очень живой, такъ какъ немного позже его затѣваетъ та-

---

[1]) „Господи Боже мой! Да могла ли кому нибудь изъ мыслящихъ людей, кромѣ помѣшанныхъ на какой нибудь idée fixe, придти въ голову мысль о сепаратизмѣ или о соединеніи съ Польшею, которая своимъ управленіемъ осталась незабвенною до сихъ поръ въ недоброй памяти о ней южноруссa. (Рус. Арх. 1890 г. № 10, стр. 215).

кое же предпріятіе Бецкій (Молодикъ 1843 и 1844 г.), гдѣ цѣли и задачи изданія были поставлены еще шире. Во всякомъ случаѣ, А. Корсуномъ были сгруппированы тогда такія молодыя силы: 1) *Н. И. Костомаровъ* (Іеремія Галка), помѣстившій въ „Сноп'ѣ“ извѣстную свою трагедію „Переяславська Ничъ“). 2) *Порфирій Кореницкій*, писатель, подававшій богатыя надежды своимъ мѣткимъ языкомъ и знаніемъ народнаго быта, но потомъ, благодаря неудачной личной жизни, скоро сошедшій въ могилу и теперь почти совсѣмъ позабытый; а между тѣмъ его сатирическая поэма „Вечерныци“, нашедшая мѣсто въ альманахѣ Корсуна, стоитъ того, чтобы и теперь иногда вспоминать о ней. 3) Фамилія *Писаревскихъ* (Степанъ, Петръ и Марѳа), давшіе въ „Снипъ“ цѣлый рядъ пѣсенъ, изъ которыхъ одна есть передѣлка изъ Петрарки (Марѳы Писаревской), басенъ, а также повѣсть въ стихахъ (Стецько, можебылыця—Петра Писаревскаго). 4) *Михаилъ Петренко*, давшій туда нѣсколько „думокъ“ своихъ. 5) Наконецъ, завершаетъ альманахъ самъ издатель его съ указанными раньше своими произведеніями.

Много думъ, заботъ и хлопотъ нужно было пережить этимъ молодымъ дѣятелямъ, но ихъ окрыляла та надежда, тѣ ожиданія, которыя превозмогаютъ всѣ препятствія. Не даромъ уже убѣленный сѣдинами старецъ, Н. И. Костомаровъ, писалъ въ 1878 году своему давнему другу: „Ваше письмо перенесло меня снова въ прошлыя времена молодости; припомнился мнѣ и маленькій домикъ противъ озерца, гдѣ вы проживали, и „Снипъ“, который тогда издавали. Сколько было тогда надеждъ, сколько юношескихъ увлеченій! Многое оказалось пустоцвѣтомъ, но не по нашей винѣ; мы же вели себя искренно и прямо, и въ томъ совѣсти нашей награда на старость“. (стр. 217). И такъ, сколько надеждъ, сколько юношескихъ увлеченій!—восклицаетъ Н. И. Костомаровъ много лѣтъ спустя. Въ чемъ-же эти надежды и увлеченія? Отчасти мы ихъ открываемъ въ вышеуказанномъ размышленіи А. Корсуна по поводу обще-славянскаго родства. Разсказавъ въ игривой формѣ о томъ, что Украина-маты, какъ женщина, не можетъ сама за всѣмъ усмотрѣть, а потому ей оказался нужнымъ руководитель,

каковымъ и явился Царь православный, благодаря Хмельницкому,—разсказавъ это, авторъ далѣе говоритъ о тѣхъ горестяхъ, какія пережиты были ранѣе Украиной, а затѣмъ переходитъ къ другимъ славянамъ, которыхъ тоже постигла участь горькая.

Не стану критически разбирать теперь эти давніе опыты нашей словесности, — цѣль моя, какъ было сказано, оживить въ памяти минувшее, а потому я, вмѣсто своей критики, попробую набросать образчики старой критики, связанные съ этимъ альманахомъ. Намъ извѣстны два отзыва объ альманахѣ Корсуна, и оба они нашли себѣ мѣсто въ „Маякѣ“, который въ то время взялъ подъ свою опеку малорусскую словесность, признавая за ней права ея природнаго бытія. Первой статьей появилась критика г. Тихорскаго (1842 г. кн. 9-я), который хотя отнесся въ общемъ сочувственно къ большинству піесъ, вошедшихъ въ „Снипъ“, но почему-то особенно сильно обрушился на трагедію Костомарова „Переяславська Ничь“. Положимъ, съ нашей теперешней точки зрѣнія, дѣйствительно, трагедія эта слабовата, чтó призналъ впослѣдствіи и самъ авторъ ея (см. Литерат. Наслѣд., стр. 37, а подробнѣе — Рус. Арх., 1890 г. № 10, стр. 218); но тогдашній критикъ нашелъ въ ней совсѣмъ иные недостатки, а именно: „помилосердуйте, какъ бранятся въ ней герои!“—восклицаетъ критикъ, и это заставило его, не дочитавъ даже трагедіи до конца, дать такой совѣтъ автору: „Поэзія—дѣва чистая... а помните-ли, Руссо сказалъ: нѣтъ ничего отвратительнѣе, какъ неопрятная женщина; чистый, нѣжный, благородный вкусъ — первая принадлежность поэзіи. Примите же мой искренній, дружескій совѣтъ, г. Галка, возьмите назадъ свою трагедію... Умойте ее, принарядите и тогда покажите ее намъ, *гарну и чепурну, якъ украинска дивчина*“. Въ такомъ родѣ всѣ пріемы критики г. Тихорскаго, даже и тогда, когда онъ хвалитъ; вотъ напримѣръ его отзывъ о Марѳѣ Писаревской: „въ слогѣ автора-женщины, ея образѣ мыслей, изложеніи этихъ мыслей есть что-то особенное отъ произведеній литератора-мужчины, что то особенное, воздушное, *розовое*“... и т. д. На первый взглядъ такая критика покажется очень наивно-своеобразной; безспорно, это такъ, но дѣло въ томъ, что надо

отыскать основной мотивъ ея, выраженный въ заключительныхъ словахъ Тихорскаго о необходимости оставить ложное мнѣніе, что по малороссійски надо говорить мужицкимъ языкомъ, и „облагородить“ малороссійское нарѣчіе, что можетъ быть достигнуто только тогда, если писатели „возвысятъ образъ своихъ мыслей, будутъ смотрѣть съ свѣтлой точки зрѣнія на предметъ, ими избранный“...

Вотъ въ этихъ-то общихъ положеніяхъ оказались сходившимися, какъ издатель и сотрудники альманаха, такъ и критикъ, находившій нѣкоторыя, по его мнѣнію, слабыя стороны въ изданіи, а равно и критикъ, взявшій подъ свою полную защиту трагедію „Переяславска Ничь“. Критикъ этотъ—хорошо извѣстный въ журнальной литературѣ 40-хъ годовъ К. Сементовскій. Онъ, упрекая русскую журналистику въ равнодушіи къ малорусской словесности и возражая г. Тихорскому, высказываетъ, собственно говоря, тѣ-же мысли, что и онъ, относительно необходимости возвысить тонъ и сюжеты малорусской поэзіи. Формулируетъ онъ эту свою мысль такъ: „грубое и низкое *въ выраженіи* гораздо простительнѣе, чѣмъ грубое и низкое въ *изобрѣтеніи*“, при чемъ этого послѣдняго въ трагедіи Галки онъ совсѣмъ не видитъ, а первое можно еще простить ему. (Маякъ, 1843 (?) г., Т. XII, кн. 23, стр. 46).

Мы нарочно остановились на этихъ сторонахъ критики потому, что намъ важно выяснить общую идею, руководившую тогдашними дѣятелями на полѣ малорусской литературы. Кажется, не ошибаясь можно сказать, что въ изданіи „Снопа“ приняли участіе молодыя силы, которыя, можетъ быть, не принадлежа къ кругу писателей старшаго поколѣнія—Квитка-Основьяненко, Гулакъ-Артемовскій,—задались цѣлью, какъ передаетъ г. Тихорскій, „развить, усовершенствовать, возвысить малороссійскую словесность“, составляя—значитъ—изъ себя, такъ сказать, новую, молодую школу украинскихъ писателей, внесшихъ уже больше осмысленности, идейности въ свою работу, сравнительно съ поколѣніемъ прежнимъ. Не даромъ въ воспоминаніяхъ А. Корсуна читаемъ отзывъ его о Гулакѣ-Артемовскомъ, показывающій, что молодое поколѣніе отдѣляло себя отъ этого

стараго; такъ, говоря о появленіи „Кобзаря“ Шевченка и о впечатлѣніи, произведенномъ имъ, Корсунъ прибавляетъ: „Кобзарь поразилъ не однихъ насъ, но всѣхъ своихъ читателей. Даже величественный, блестящій генералъ удостоилъ остановить меня на улицѣ и передать свое восхищеніе Шевченкомъ“ (стр. 207).

Что же представлялъ собою А. А. Корсунъ, какъ писатель? какого рода произведенія оставилъ онъ въ наслѣдіе намъ? Слишкомъ мала и непродолжительна была его литературная дѣятельность, какъ самостоятельнаго писателя: кромѣ помѣщеннаго имъ въ альманахѣ „Снипъ“ (о чемъ было сказано раньше), можно указать еще нѣсколько стихотвореній, нашедшихъ себѣ мѣсто въ Маякѣ 1845 года, а послѣ этого имя его въ литературѣ, насколько намъ извѣстно, совсѣмъ не встрѣчалось. Очевидно, пока связи его съ Харьковомъ и съ харьковскимъ литературнымъ кругомъ поддерживались, до тѣхъ поръ живы были въ немъ и литературныя традиціи этого кружка; такъ, въ 1842 г. онъ поступилъ въ столоначальники Харьковской Уголовной Палаты по приглашенію Квитки-Основьяненка, избраннаго тогда ея Предсѣдателемъ, и понятно—литературная дѣятельность его не только не ослаблялась, но еще болѣе, вѣроятно, выросстала, не смотря на то, что—по его собственному свидѣтельству—„онъ уже служилъ тогда и цѣлые дни и вечера проводилъ въ Палатѣ.“ Когда-же онъ былъ переведенъ далеко отъ родины въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Дербентскомъ военномъ губернаторѣ (1848 г.), связи съ прежними людьми прекратились, а вмѣстѣ съ тѣмъ оборвалась и литературная дѣятельность его. Мы не знаемъ подробно фактовъ изъ его общественной службы и дѣятельности, а потому пока не можемъ судить и о дѣйствительныхъ причинахъ литературнаго молчанія; насколько же можно видѣть изъ отрывочныхъ воспоминаній его самого, въ 1861 году онъ былъ уже въ родной своей Антиповкѣ, и снова связи съ литературнымъ кругомъ стали завязываться, но это однако не подвинуло его къ литературнымъ работамъ. Можетъ быть, причинъ этому надо искать въ той дѣятель-

ности общественной, какая тогда была удѣломъ всѣхъ мѣстныхъ людей землевладѣльцевъ (онъ служилъ по мировымъ учрежденіямъ); можетъ быть, хозяйственныя дѣла и всякія неудачи (пожаръ въ 1863 году и неурожай, „доконавшіе его и доведшіе до необходимости имѣть дѣло съ Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ"—какъ онъ выражается) отвлекали его отъ литературныхъ работъ; можетъ быть, три смертные недуга съ 1874 г. по 1884 г. (брайтова болѣзнь, всеобщій ревматизмъ и сухотка — какъ онъ самъ говоритъ) заставляли его думать о полномъ разсчетѣ съ жизнью, а не о литературныхъ предпріятіяхъ,—во всякомъ случаѣ существуетъ тотъ фактъ, что, кромѣ намѣренія къ 50-тилѣтію изданія „Снопа" выпустить 2-ой томъ его, мы ничего не знаемъ изъ его литературныхъ работъ послѣ 1845 года. Можно сказать только, основываясь на письмѣ къ нему Н. И. Костомарова, что онъ, живя въ Антиповкѣ, работалъ надъ собираніемъ этнографическихъ матеріаловъ, т. е. занимался тѣмъ, чѣмъ открылъ онъ свое писательство въ Снопѣ — украинскими повѣрьями. Что сохранилось отъ этихъ его новыхъ работъ, пока неизвѣстно въ точности; въ некрологѣ, помѣщенномъ въ „Кіевлянинѣ", говорится слишкомъ глухо,. что осталась бездна матеріаловъ, автографовъ русскихъ и иностранныхъ, очень много литературныхъ рѣдкостей". Будемъ надѣяться, что наслѣдники приведутъ все это въ извѣстность и поставятъ себѣ задачей создать памятникъ ему въ видѣ обнародованія тѣхъ его трудовъ, которыми самъ онъ хотѣлъ подѣлиться съ публикой въ предполагавшемся 2-мъ томѣ альманаха „Снипъ". Вмѣстѣ съ этимъ смѣемъ просить наслѣдниковъ осуществить и другое намѣреніе покойнаго — обнародовать тотъ исправленный экземпляръ съ рисунками Шевченковой „Черныци Марьяны", о которомъ такъ хлопоталъ еще Н. И. Костомаровъ и который тоже долженъ былъ найти себѣ мѣсто въ этомъ несостоявшемся 2-мъ томѣ „Снопа". Если эти намѣренія покойнаго въ какой-либо формѣ будутъ осуществлены, то будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ выполнено и

первое условіе благодарной памяти потомковъ по отношенію къ своимъ достойнымъ предкамъ, о которыхъ можно сказать, повторяя слова Н. И. Костомарова: „вели себя искренно и прямо, и въ томъ совѣсти ихней награда на старость“, а равно и за гробомъ—прибавимъ мы теперь

В. Науменко.

ИСИДОРЪ СТАНИСЛАВОВИЧЪ КОПЕРНИЦКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ).

$^{13}/_{25}$ сентября скончался въ Краковѣ Исидоръ Станиславовичъ Коперницкій, экстраординарный профессоръ антропологіи въ краковскомъ университетѣ и членъ краковской академіи наукъ. Покойный происхожденіемъ, воспитаніемъ и первоначальною научною и практическою дѣятельностью тѣсно связанъ съ Кіевомъ и кіевскимъ университетомъ, потому, вѣроятно, впослѣдствіи, когда онъ занялъ весьма почетное мѣсто въ ряду ученыхъ славянскихъ естествоиспытателей-антропологовъ, онъ посвящалъ чуть-ли не большую часть своихъ ученыхъ изслѣдованій разработкѣ антропологическаго, археологическаго и этнографическаго матеріала, относящагося къ южно-русской территоріи.

И. С. Коперницкій родился въ 1825 году въ селѣ Чижовкѣ звенигородскаго уѣзда кіевской губерніи; первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ златопольскомъ уѣздномъ училищѣ и затѣмъ въ винницкой гимназіи; окончивъ ее въ 1843 году, онъ поступилъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ кіевскаго университета по медицискому факультету. Окончивъ курсъ этого факультета 1849 г., И. С. Коперницкій опредѣленъ былъ на службу военнымъ врачемъ и продолжалъ ее въ теченіе 8 лѣтъ до 1857 г.—Во время восточной войны (1853—1856) онъ находился при дѣйствующей арміи, сначала на Дунаѣ, потомъ въ Крыму, гдѣ въ теченіе $3^1/_2$ мѣсяцевъ состоялъ въ составѣ севастопольскаго гарнизона. За участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ

онъ награжденъ былъ орденами: св. Анны 3 ст., св. Станислава 2-й ст. и серебряною медалью за защиту Севастополя.

Въ 1857 году, оставивъ военно-медицинскую службу, И. С. Коперницкій занялъ мѣсто прозектора анатоміи въ университетѣ св. Владиміра и оставался на немъ до 1863 года.—Къ этому времени относится первая научная работа покойнаго: „Предварительныя свѣдѣнія о краніологическихъ излѣдованіяхъ надъ строеніемъ славянскихъ череповъ".—Статья эта была напечатана въ 1-й книжкѣ перваго года изданія (1861) кіевскихъ университескихъ извѣстій.—На сколько припомнимъ, это первое по времени научное изслѣдованіе славянскихъ череповъ; не смотря на слабое развитіе въ то время антропологіи вообще и краніологіи, особенно славянской, въ частности, оно представляетъ понынѣ весьма почтенный научный матеріалъ по данному сюжету.—Помимо научнаго значенія самаго труда, работа И. С. Коперницкаго памятна въ исторіи кіевскаго университета еще потому, что, составляя ее, авторъ привелъ въ порядокъ и пополнилъ коллекцію славянскихъ череповъ въ кіевскомъ анатомическомъ музеѣ и тѣмъ положилъ основаніе этнологической коллекціи череповъ въ этомъ музеѣ. Для составленія своего труда, авторъ долженъ былъ бороться съ трудностями, не представляющимися уже въ настоящее время: въ 1861 г. не существовало еще точнаго краніометра, и потому каждый антропологъ долженъ былъ придумывать прежде всего свой инструментъ. Въ числѣ такихъ попытокъ числится и своебразный инструментъ, изобрѣтенный покойнымъ въ Кіевѣ по системѣ Гушке—инструментъ, нынѣ оставленный, но въ свое время представлявшій maximum удобства для измѣренія череповъ.

Получивъ отставку въ 1863 году, И. С. Коперницкій уѣхалъ за границу.—Въ 1864 г. онъ изучалъ антропологію въ Парижѣ, слушалъ лекціи Claude Bernard'a и Quatrefages'a и затѣмъ переѣхалъ въ Букарештъ, гдѣ въ теченіе 6 лѣтъ занимался организаціею анотомическаго музея для вновь открытаго въ этомъ городѣ университета. Въ это время онъ снискалъ себѣ почетное положеніе въ наукѣ, помѣщая многочисленныя

работы въ антропологическихъ изданіяхъ: англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ.

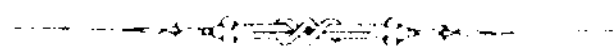
Съ 1871 года И. С. Коперницкій переселился въ Краковъ, гдѣ жилъ до своей кончины.—Въ 1876 г. (уже 51 года отъ роду) онъ, выдержавъ испытаніе, получилъ степень доктора медицины и вслѣдъ затѣмъ занялъ мѣсто доцента антропологіи; только въ 1886 г. возведенъ былъ въ должность экстраординарнаго профессора. Покойный состоялъ членомъ многихъ ученыхъ антропологическихъ и другихъ обществъ. Въ качествѣ члена краковской академіи принималъ весьма дѣятельное участіе въ редакціи того отдѣла трудовъ этой академіи, который посвященъ преимущественно антропологіи (Zbiór wiadomości dla antropologji krajowej). Въ четырнадцати томахъ этого изданія онъ помѣстилъ множество статей по археологіи, антропологіи и этнографіи, главнымъ образомъ, южно-руссовъ. Къ числу капитальныхъ работъ его относятся: Излѣдованія гробницъ въ бассейнѣ Днѣстра въ галицкой Подоліи; Антропологическая характеристика населенія Галиціи; антропологическое и этнографическое описаніе русскихъ горцевъ въ Карпатахъ. Притомъ онъ издалъ множество статей по частнымъ вопросамъ антропологіи, краніологіи и этнографіи и редактировалъ многочисленные матеріалы, присылавшіеся разными лицами въ редакцію сборника.

Всѣ научные труды покойнаго отличаются строгою точностью пріемовъ, добросовѣстнымъ изученіемъ матеріала и полною объективностью выводовъ. Въ антропологическихъ и этнографическихъ изслѣдованіяхъ ему очень часто случалось добывать результаты, которые рѣзко противорѣчили предубѣжденіямъ и апріорнымъ положеніямъ, господствовавшимъ въ той общественной средѣ, къ которой принадлежалъ покойный и которыя онъ раздѣлялъ какъ публицистъ; тѣмъ не менѣе въ такихъ случаяхъ добросовѣстный ученый всегда бралъ верхъ надъ публицистомъ, и результаты ученаго изслѣдованія являлись въ печати въ полномъ и не искаженномъ видѣ, не смотря на то, что могли быть непріятны самому автору.—Замѣтимъ, напримѣръ, что въ антропологической характеристикѣ народонаселенія Галиціи Коперницкій собралъ и обработалъ обильный матеріалъ

для точной дифференцировки народныхъ типовъ: польскаго и русинскаго, между тѣмъ какъ въ публицистикѣ польской вообще, особенно-же въ Галиціи, въ то именно время усиленно настаивали на тождествѣ этихъ типовъ. Такъ, его описаніе русскихъ горцевъ съ полною точностью опредѣляетъ ихъ племенную принадлежность къ южно-русскому типу, между тѣмъ какъ въ сочиненіяхъ по этому предмету его предшественниковъ, Поля и даже Шуйскаго, изъ-за соображеній тенденціозныхъ и чуждыхъ наукѣ, горцы эти смѣшивались съ группами западныхъ польскихъ горцевъ, и вопросъ затемнялся до такой степени, что читатель могъ легко принять населеніе всей восточной части Карпатъ за разновидность польскаго типа.

Какъ научное высокое достоинство работъ покойнаго И. С. Коперницкаго, такъ его замѣчательный объективизмъ и научная правдивость, равно какъ и содержаніе темъ, избранныхъ имъ для изслѣдованій, заслуживаютъ полнаго признанія и благодарности со стороны интеллигентныхъ группъ, заинтересованныхъ всестороннимъ изученіемъ ближайшей родины покойнаго, для которой онъ немало и весьма дѣльно потрудился въ теченіе своей жизни.

В. А.



АРХИМАНДРИТЪ ЛЕОНИДЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

22 октября скончался архимандритъ Леонидъ, намѣстникъ Троицко-Сергіевой Лавры, почтенный сотрудникъ Кіевской Старины, Русской Старины, Чтеній въ Моск. Общ. Ист. и Древностей. Арх. Леонидъ, въ мірѣ Левъ Александровичъ Кавелинъ, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Онъ родился въ 1822 г., получилъ образованіе въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ и служилъ 12 лѣтъ въ гвардіи. Въ 1852 г. онъ постригся въ монашество и провелъ много лѣтъ въ Іерусалимѣ и въ Константинополѣ. Съ 1877 г. онъ состоялъ намѣстникомъ Троицко-Сергіевской лавры. Арх. Леонидъ обогатилъ русскую науку изданіемъ цѣлаго ряда историческихъ актовъ и спеціальными научными изслѣдованіями по исторіи древней русской письменности и церковной исторіи. Не перечисляя многочисленныхъ статей и замѣтокъ арх. Леонида, отмѣтимъ здѣсь наиболѣе крупныя: описаніе славяно-русскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ Воскресенскаго монастыря (Новый Іерусалимъ); описаніе рукописей библіотеки Троицко-Сергіевой Лавры; о древней области Вятичей; о митроп. Кипріанѣ; объ аѳонскихъ книгохранилищахъ; о рукописяхъ и старопечатныхъ книгахъ въ монастыряхъ и сельскихъ церквахъ Калужской епархіи; о Сильвестрѣ и его сочиненіяхъ (Домостроѣ и др. XVI в.); о греческихъ сказкахъ объ Армянской вѣрѣ; о паломникахъ-писателяхъ петровскаго и послѣ—петровскаго времени: о монастырскихъ столовыхъ обиходникахъ,—все это, труды

объемистые, въ 100 и болѣе страницъ. Кромѣ того, арх. Леонидъ представилъ описаніе нѣсколькихъ монастырей и издалъ много документовъ и писемъ петровскаго времени. Къ южно-русской исторіи относятся напечатанныя имъ въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос.“—Густынская лѣтопись, два поученія Леонтія Карповича и Пельгринація Ипполита Вишенскаго (1707—1709 г.), затѣмъ статьи о в. кн. Ольгѣ въ Русской Старинѣ и въ Кіевской Старинѣ (1889 г.). Покойный неустанно работалъ въ научной области до самой кончины. Такъ, въ 1891 г. онъ напечаталъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. „Библіографическія разысканія въ области древнѣйшаго періода славянской письменности IX и X в. и памятники сихъ вѣковъ по сохранившимся спискамъ XI--XVII в.“; въ изданіи Общ. любит. древ. письм.—„Свѣдѣнія о святыхъ русскихъ съ картой Россіи и планомъ Кіевскихъ пещеръ“; въ Сборникѣ 2-го отд. Акад. Наук.—цѣнное изслѣдованіе „о родинѣ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кирилицѣ“. Сочиненія арх. Леонида разбросаны, и надо ожидать, что будетъ составленъ указатель всѣхъ его статей и замѣтокъ и что люди, близко стоявшіе къ покойному, подѣлятся своими о немъ свѣдѣніями. Во всякомъ случаѣ, научная дѣятельность арх. Леонида, во многихъ отношеніяхъ богатая и плодотворная, заслуживаетъ спеціальнаго изученія.

Н. Сумцовъ.

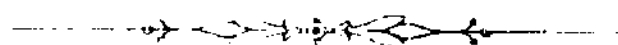
АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ГАТЦУКЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

И еще одинъ некрологъ приходится занести въ лѣтописи послѣднихъ мѣсяцевъ текущаго года: 23 октября скончался Алексѣй Алексѣевичъ Гатцукъ, довольно близко связанный съ нашей родиной, какъ своимъ происхожденіемъ, такъ и значительной долей своей дѣятельности. Родился онъ 2 октября 1832 года въ г. Одессѣ, но гдѣ получилъ первоначальное школьное воспитаніе—мы не знаемъ; знаемъ только, что среднюю школу онъ проходилъ въ Москвѣ, въ гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ московскій же университетъ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1857 г. со званіемъ кандидата историко-филологическихъ наукъ. Службу свою началъ онъ въ 1859 г. въ званіи адъюнкта въ бывшемъ Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ по каѳедрѣ русской словесности, и оставался тамъ до 1861 года, когда—какъ говорятъ—вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній съ однимъ изъ сослуживцевъ, онъ оставилъ мѣсто и переселился сначала въ Кіевъ, но не надолго, а затѣмъ—на постоянное жительство—въ Москву. Еще ранѣе переселенія въ Москву сталъ онъ обнаруживать склонность къ журнальной и газетной работѣ, сотрудничая, напримѣръ, въ періодъ пребыванія въ Одессѣ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ"; но окончательно упрочился онъ на этой публицистической дорогѣ въ Москвѣ, работая въ разныхъ изданіяхъ. Одновременно съ этими публицистическими своими работами, не покидалъ онъ и задачъ научныхъ, обнаруживъ эту свою ученую дѣятельность между прочимъ тѣмъ,

что былъ однимъ изъ членовъ основателей моковскаго археологическаго общества и издалъ популярную книжку по археологіи, выдержавшую два изданія,—„Старина русской земли"; въ Чтеніяхъ въ общ. ист. и древн. россійск. и въ Трудахъ москов. археологич. общ. онъ помѣстилъ любопытныя статьи „О курганахъ, господствующихъ въ москов. губ." и „Изслѣдованіе кургановъ москов. губ. въ 1863 и 1864 гг." И въ то-же самое время, будучи сыномъ своей родины, удѣлялъ онъ время на разработку вопросовъ, касающихся Малороссіи, особенно тогда, когда сталъ онъ издавать въ Москвѣ „Газету Гатцука" (съ 1875 г.), гдѣ постоянно можно было встрѣтить статьи, о произведеніяхъ разныхъ авторовъ на малорусскомъ нарѣчіи. Десятью годами ранѣе этого изданія газеты началъ онъ издательство одного изъ самыхъ распространенныхъ въ свое время календарей—„Крестнаго Календаря". Но ни то, ни другое изданіе, не смотря на то, что расходились они въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, не составили матеріальнаго благополучія самому издателю. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что послѣдніе годы доживалъ А. А. Гатцукъ почти въ нуждѣ, что тоже можно причислить не къ отрицательнымъ сторонамъ его моральнаго облика.

В. Н—ко.



Документы, извѣстія и замѣтки.

Отзывъ графа А. К. Разумовскаго по поводу неурожая.

Въ то время, когда постигшій многія губерніи неурожай озабочиваетъ какъ правительство, такъ и общество, и вызываетъ во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ, посвященныхъ текущимъ интересамъ, обсужденіе разныхъ мѣръ къ предотвращенію печальныхъ послѣдствій этого бѣдствія,—больше чѣмъ когда нибудь умѣстно вспомнить, какъ относились къ неурожаямъ въ прошлое время. Помѣщаемый ниже документъ заключаетъ въ себѣ отзывъ на требованія губернскаго начальства, вызванныя неурожаемъ въ Малороссіи; онъ былъ писанъ сыномъ последняго гетмана, графомъ Алексѣемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ, который съ 1810 по 1816 годъ служилъ въ должности министра народнаго просвѣщенія, а затѣмъ, вышедши въ отставку, поселился въ одномъ изъ своихъ имѣній—мѣстечкѣ Почепѣ, мглинскаго уѣзда, гдѣ и умеръ въ 1822 году. Документъ этотъ представляетъ тотъ интересъ, что изъ него видно, какія мѣры принимались по поводу неурожаевъ въ старину и какъ къ этимъ мѣрамъ относился бывшій министръ народнаго просвѣщенія въ качествѣ помѣщика черниговской губерніи, владѣвшаго 53.000 душъ крестьянъ и несмѣтнымъ количествомъ земель. Мы списали этотъ документъ съ старинной копіи, на которой годъ не обозначенъ, но которая писана на бумагѣ, имѣющей водяные знаки: «1818». Очевидно, этотъ отзывъ могъ быть писанъ въ промежутокъ времени между 1816 г., когда А. К. Разумовскій оставилъ должность министра, и 1822 годомъ, т. е. годомъ его смерти.

Н. Шугуровъ.

Дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, графа Разумовскаго.

На требованіе господина Новгородсѣверскаго маршала дворянства Объясненіе.

Неурожай, бывшій прошлаго года въ Черниговской губерніи, не токмо привелъ въ самое бѣдственное положеніе поселянъ, но имѣлъ естественнымъ послѣдствіемъ разстройство самихъ помѣщиковъ, которые, лишены будучи доходовъ, вмѣстѣ съ оными лишились и средствъ къ поддержанію крестьянъ своихъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ должно было ожидать, что губернское начальство приметъ надежныя мѣры къ избавленію жителей здѣшняго края отъ угрожаемаго разоренія; но чѣмъ справедливѣе таковое ожиданіе, тѣмъ непонятнѣе предписаніе губернскаго начальства, въ требованіяхъ гг. повѣтовыхъ маршаловъ изложенное. Обязанность пещись о крестьянахъ своихъ — есть обязанность священная, и въ настоящемъ времени конечно никакой христіанинъ не откажется, по мѣрѣ возможности, подавать руку помощи нуждающимся въ хлѣбѣ поселянамъ. Но какой помѣщикъ можетъ отвѣчать за то, что онъ до будущаго урожая будетъ въ состояніи кормить крестьянъ своихъ? и можно ли требовать съ него подписки въ томъ, что онъ непремѣнно ихъ прокормитъ? Затруднительное положеніе, въ коемъ находятся, какъ помѣщики, такъ и крестьяне, увеличивается еще требованіемъ съ нихъ государственныхъ податей, которыя въ теперешнихъ обстоятельствахъ уплатить имъ невозможно. И для уплаты сей необходима помощь помѣщиковъ; но тѣ же причины, которыя отнимаютъ у дворянъ возможность кормить крестьянъ, препятствуютъ имъ также и платить за нихъ подати. Правительству не безъизвѣстно, что постигшее здѣшній край несчастіе превратило въ ничто всѣ доходы помѣщичьи, основанные на хлѣбопашествѣ и на винокуреніи. Откуда же возьмутъ помѣщики средства къ прокормленію крестьянъ и къ уплатѣ податей, когда они сами не получили никакихъ доходовъ? Принужденная подписка, требуемая отъ дворянъ, не избавитъ отъ голода ни одного крестьянина, и угрозы, въ требованіяхъ сихъ заключенныя, не придадутъ дворянству способовъ къ достиженію всѣми желаемой цѣли. Нужда, отягощающая народъ, безъ сомнѣнія совсѣмъ иныхъ требуетъ попеченій, и я ожидалъ, что начальство къ продовольствованію здѣшняго края откроетъ источники, которые будутъ дѣйствительнѣе упомянутыхъ подписокъ и угрозъ.

Что касается собственно до меня, то я, не ожидая требованій гг. маршаловъ, принялъ всѣ зависящія отъ меня мѣры къ возмож-

ному облегченію участи крестьянъ. Не получивъ никакихъ доходовъ, я принужденнымъ нашелся занять значительныя суммы для покупки дорогими цѣнами и въ отдаленныхъ мѣстахъ хлѣба; но при всемъ томъ я никакъ не могу отвѣчать за то, что средства сіи будутъ достаточны, если начальство губерніи, вмѣсто ожидаемаго отъ него вспомоществованія, довольствоваться будетъ взысканіемъ податей, требованіемъ подписокъ и угрозами. Г. Алексѣй Разумовскій.

Невольная ошибка. *(Письмо въ редакцію).* Въ августовской, сентябрьской и октябрьской книжкахъ Кіевской Старины за этотъ годъ была напечатана моя статья: «Илья Ѳедоровичъ Тимковскій», сопровождавшаяся приложеннымъ къ сентябрьской книжкѣ портретомъ, на которомъ, по ошибкѣ типографіи, не было сдѣлано подписи. Теперь обнаружилось, что типографія была права въ своей ошибкѣ (хотя и не сознавала этого) и что при изготовленія портрета произошла другая, очень прискорбная для меня ошибка, о которой я считаю своимъ долгомъ разсказать.

Желая приложить къ своей статьѣ портретъ И. Ѳ. Тимковскаго и помня, что въ Новгородсѣверской гимназіи сохраняются портреты двухъ первыхъ директоровъ ея, т. е. И. И. Халанскаго и И. Ѳ Тимковскаго, я, не имѣя возможности быть лично въ Новгородсѣверскѣ, отнесся туда съ письменной просьбой снять для меня фотографическую копію съ имѣющагося въ гимназіи портрета И. Ѳ. Тимковскаго. Въ отвѣтъ на эту мою просьбу, я получилъ тотъ портретъ, снимокъ съ котораго приложенъ къ сентябрьской книжкѣ Кіевской Старины.

Теперь, когда статья моя появилась въ печати, я получилъ отъ внучки И. Ѳ. Тимковскаго, О. А. Постельниковой, которой я обязанъ возможностью ознакомиться съ сообщенными въ моей статьѣ рукописными матеріалами,—извѣстіе о томъ, что единственная изъ дочерей И. Ѳ. Тимковскаго, остающаяся нынѣ въ живыхъ, Елисавета Ильинишна Андреева, по разсмотрѣніи приложеннаго къ Кіевской Старинѣ портрета, нашла, что это—портретъ не отца ея И. Ѳ. Тимковскаго, а ея дѣда—Ив. Ив. Халанскаго.

Изъ этого видно, что при исполненіи моей просьбы, о которой я упомянулъ выше, въ Новгородсѣверскѣ перепутали одинъ портретъ съ другимъ и что въ гимназіи, сохранившей портреты двухъ первыхъ директоровъ своихъ, не сохранилось достовѣрной памяти о томъ, который именно изъ этихъ двухъ портретовъ изображаетъ И. Ѳ. Тим-

ковскаго и который—И. И. Халанскаго, благодаря чему я и впалъ въ невольную ошибку.

Желалъ бы, по мѣрѣ возможности, исправить эту ошибку и чувствую, что исправленіе должно быть двоякое: вмѣсто портрета, ошибочно приложеннаго къ моей статьѣ, надо дать дѣйствительный портретъ И. Ѳ. Тимковскаго; а съ другой стороны, такъ какъ вслѣдствіе описанной ошибки Кіевская Старина дала своимъ читателямъ портретъ И. И. Халанскаго и такъ какъ это былъ тоже не безполезный дѣятель, то нужно познакомить читателей Кіевской Старины съ личностью этого человѣка. Постараюсь со временемъ исполнить это, если не встрѣтится къ тому какихъ нибудь препятствій.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи

Н. Шугуровъ.

Что претерпѣлъ въ Кіевѣ малороссіянинъ за „хожденіе при шпагѣ“. (1749 г.). Любопытный документъ для характеристики существовавшихъ въ Кіевѣ отношеній къ пріѣзжавшимъ изъ-за Днѣпра малороссіянамъ представляетъ слѣдующее доношеніе войск. товарища Федора Михайловскаго въ Ген. Войск. Канц. отъ 28 генваря 1754 г.

«Минувшаго 1749 году в августѣ мѣсяцѣ, будучи я нижайшій при Г. Войск. Канц. во услуженіи, ѣздилъ въ г. Кіевъ по нѣкоторой моей нуждѣ, гдѣ без жадной моей причини сентября 4 тамошней кіевской столникъ капитанъ Максимовъ, income спискавъ мене к себѣ, арестовалъ у мене шпагу (коей цена восемъ рублей), да того жъ сентября 4-го кіев. полиціи полицемейстеръ (кой нинѣ от той должности уже в отставке) Якимъ Кононовъ сынъ Литвиновъ, без жадного жъ резону наславъ до мене на квартеру солдатъ шесть человѣкъ и одобравъ от мене имѣючійся пашепортъ, взявъ под караулъ, держа под онимъ стращалъ боемъ, и не випуская никуда з полиціи приказивалъ писару полицемейстерскому Тимофей Астровитину, что ежели би я, сколко онъ полицемейстеръ требуетъ отъ мене, денегъ ему не далъ, то би держалъ за крепчайшимъ карауломъ в тюрмѣ з ворами и разбойниками; от якого его Литвинова нападка я не могучи спастися и что безвинно мучитъ подъ карауломъ, того жъ сентября 5 принужденъ билъ ему дать денегъ двадцять рублей, чарку серебранную позлочивану рублей въ шесть, а писару Астровитину денегъ рублей восемъ. И тако оние Литвиновъ з писаремъ мене ограбивши и паше-

портъ мой подписавъ для возвращенія моего обратно с Кіева и приложа къ оному печать первѣе било 10 сентября отпустилъ, а потомъ подъ карауломъ же отправилъ еще в кіево-губернатскую канцелярію, куди егда мене привели, и я, уповая что тамо получу себѣ защищеніе, егда сталъ секретару Фотѣеву вышепоказанную мою обиду представлять, то не точію въ защищеніе себѣ ничего не получилъ, но еще и оной секретаръ, хотячи мене ободрать, первѣе на мене сказивалъ: напрасно де тебе столникъ и полицемейстеръ не осекли батожемъ, ибо де *малороссіянамъ при шпагахъ ходить не подлежитъ*; а потомъ требовалъ и оной секретар отъ мене в прибитокъ себѣ троихъ лошадей, сказивая жъ, что ежели б я ему не далъ, то и тамо по вышеписанному жъ под карауломъ держать прикажетъ, от которого уже секретарева грабителства заледви я освободился. По той моей обидѣ за прибитіемъ в Глуховъ тогда жъ въ г. войск. канц. поданнимъ челобитьемъ я нижайшій протестовалъ. А нинѣ в. г. к. всенижайше прошу за вишепоказанную мою обиду з вишеозначеннихъ обидителей столника Максимова и бившого полицемейстера капитана Кононова, кои оба и ннѣ в Кіевѣ обрѣтаются, учинить по указамъ и малороссійскимъ правамъ милостивое опредѣленіе».

Съ прописаніемъ всего этого доношенія изъ в. г. к. писано было отъ имени гетмана къ Костюрину объ изслѣдованіи и учиненіи «обиженному достойной сатисфакціи» и о возвращеніи заграбленнаго, но какой результатъ это имѣло — неизвѣстно.

А. А.

Вздорожаніе хлѣба въ Кіевѣ въ 1765 году[1]. Осенью 1765 года въ Кіевѣ оказался значительный недостатокъ въ привозѣ хлѣба и дороговизна его, на что обратила вниманіе кіев. губ. канцелярія и постановленіемъ своимъ отъ 27 сентября рѣшила потребовать отъ кіевскаго магистрата, отъ духовной консисторіи и Кіево-Печерской Лавры (такъ какъ много ближайшихъ къ Кіеву селъ находилось во владѣніи монастырей) объясненія — «отчего бъ въ самое нынѣшнее удобное для продажи нового хлѣба время такая дороговизна быть могла».

---

[1]) 1765 г. Дѣло о оказавшейся въ Кіевѣ въ хлѣбѣ дороговизнѣ и недостаткѣ и что о томъ куда надлежало писано.

Архимандритъ Зосима отвѣчалъ, что де «въ лаврскихъ около Кіева состоящихъ маетностяхъ по справкамъ оказывается хлѣбъ ржаной отъ прошлогодного въ урожаи и въ вымолотѣ плохшой, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и градомъ не мало выбитъ, съ которого и вовся сѣмени не вымолочивается; при продажи жъ оному здѣсь цена подвишена не инако уповать, какъ по причинѣ происходящихъ о недородѣ и въ другихъ мѣстахъ хлѣбномъ извѣстій, такъ и посему что оному хлѣбу чутъ ли есть теперь изъ заграничныхъ мѣстъ противъ прежнего свободній пропускъ, откуду такъ нескудной прежде бывалъ привозъ, что всѣ здѣшніе, а немало и сторонные жители покупкою довольствовались, ибо зъ малороссійскихъ сегобочныхъ мѣстъ осенню рѣдко кто къ продажи хлѣбъ привозить охотиться, зъ заднѣпрскихъ же мѣстъ, хотя бы и изобильной урожай былъ, вовся привозу теперь не бываетъ, а привозятъ по настоящей зимней дороги».

Духовная консисторія, на основаніи полученныхъ ею репортовъ, сообщала, что де «нынѣшного года урожай хлѣба въ вотчинахъ монастырей кіевскихъ былъ въ иныхъ мѣстахъ добръ, въ иныхъ средственъ, въ иныхъ же весьма плохъ, а въ нѣкіихъ градъ повыбывалъ, а дороговызна какъ отъ того жъ неурожая, такъ и что многіе разныхъ полковъ малороссійскихъ люди, въ коихъ послѣдовалъ неурожай хлѣба, покупаютъ оной въ Кіевѣ, бываетъ».

Магистратъ, послѣ учиненной среди пріѣзжихъ людей справки, 17-го октября донесъ, что «оному хлѣбу возвышается цена зъ нижеписанныхъ причинъ: 1) въ малороссійскихъ заднѣпрскихъ мѣстахъ урожай хлѣба не токмо противъ давныхъ но и противъ прошлогодного худшій былъ, ибо оной хотя на зерно увмолотной, но рожь была рѣдкая, а за границею въ польской области хотя и противъ прошлогодного рожь урожаемъ была, точію въ многихъ мѣстахъ градомъ выбито, 2) предъ симъ, ѣдучи съ хлѣбомъ на продажъ хотя изъ самихъ ближайшихъ заграничнихъ мѣстъ въ Кіевъ, выстоевали карантину по тры дни, а на четвертой уже день выпускаеми бывали, и то не малимъ препятствіемъ возкы оного хлѣба въ Кіевъ следовало; 3) пріѣзжаючіе зъ разныхъ заднѣпрскихъ мѣстъ многіе разного званія люде сухимъ и воднимъ путемъ, дубами, байдаками и возами, разнообразно тайнимъ и явнымъ образомъ, не точію въ нижнемъ городѣ Кіевѣ на Подолѣ, но и не допуская къ городу на пути въ многихъ мѣстахъ покупаютъ хлѣбъ и тѣмъ оному цѣну возвышаютъ; 4) самимъ же главнимъ препятствіемъ возки оного хлѣба въ Кіевъ было и нынѣ состоитъ, что привезъ въ Кіевъ хлѣбъ продаютъ на мѣдніе

деньги, кои повезъ за границу тамо оныхъ меднихъ денегъ ни за что употребыть не могутъ, а сребнихъ денегъ за рубежъ въ силу указовъ не пропускаютъ».

А. А.

Къ объясненію одной колядки. Въ янв. книжкѣ «Кіевской Старины» 1889-го года напечаталъ я колядку, записанную о. Михаиломъ Зубрицкимъ въ карпатскихъ горахъ, въ селѣ Мшанцѣ турчанскаго повѣта. На колядку эту обратилъ вниманіе и г. А. Веселовскій (Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха XI — XVII стол.). Въ своей замѣткѣ къ тексту этой колядки я высказалъ предположеніе, что въ составъ ея вошли два мотива: 1) о чудесномъ построеніи церкви, причемъ совершенная днемъ постройка ночью проваливалась сквозь землю; параллельныя преданія у сербовъ—созданіе Скадра, у румынъ—созданіе монастыря въ Аргісъ, у поляковъ—преданіе о башнѣ семи вождей; 2) чудесное истребленіе полчищъ, покушающихся на святый храмъ. Для этого второго мотива я могу указать, м. б., непосредственный книжный источникъ. Въ львовскомъ изданіи извѣстнаго и въ Червоной Руси очень популярнаго сочиненія Іоанникія Голятовскаго «Ключъ разумѣнія» прибавлено при концѣ описаніе чудесъ Пресв. Богородицы. На листѣ рл̃и (138) мы читаемъ: «Чудо пе̃. Року ҂ах̃л. Гды едного часу войско полское приступило подъ монастырь Печерскій и хотѣло его збурити, чуючи, же тамъ Шулга полковникъ з рицерствомъ запорозкимъ знайдуется, в той часъ Пресвятая Богородица манастырь свой отъ небезпеченьства оборонила, бо за еи предстательствомъ огнистый дожчъ спалъ з неба на войско польское и одогнал его от монастыря Печерского, що потымъ сами ляхове и нѣмцы которыи были зъ ними, повѣдали. Надъ тымъ войскомъ Бутлеръ и Жолтовскій были преложоными.

Предоставляю спеціалистамъ историкамъ провѣрку историчности этого разсказа, и только замѣчу, что, по моему мнѣнію, вторая половина колядки основана не на чемъ другомъ, какъ на этомъ разсказѣ. «Ключъ разумѣнія» былъ настольной книгой у священниковъ въ карпатскихъ горахъ, гдѣ до сихъ поръ нерѣдко попадаются его экземпляры.

Миронъ.

Стихи на Рождество Христово. Школьная поэзія прошлаго столѣтія, какъ извѣстно, излюбленными сюжетами своими сдѣлала выдающіеся годовые праздники — Рождество Христово и Свѣтлое Воскресенье. Къ этимъ моментамъ пріурочиваются и серьезной формы духовныя вирши, и болѣе легкой, веселой формы стихи, и наконецъ — почти совсѣмъ уже шутливаго тона мелкія произведеньица семинарской музы, въ которыхъ такъ характерно перемѣшивается рѣчь русская съ латинскою. Не мало извѣстно самыхъ разнообразныхъ анекдотовъ на тему объ этомъ смѣшеніи языковъ въ семинарскомъ быту, когда школяры должны были всякую разговорную рѣчь свою выражать, по возможности, на латинскомъ языкѣ, и когда, за неимѣніемъ въ своемъ распоряженіи достаточнаго запаса словъ, они допускали самые курьезные пріемы словообразованія, въ родѣ «пустить мене domum meam, бо за мною *subaqua* (sub aqua—подъ вода) прыйихала». Конечно, отъ этой характерной черты бурсацкаго быта исходилъ и Котляревскій, когда онъ въ своей Энеидѣ, засадивъ предварительно героевъ за изученіе латинской грамоты, заставилъ ихъ потомъ сложить знаменитое посланіе *«Энеусъ ностеръ магнусъ панусъ и храбрый Троянорумъ князь»*. Отсюда же несомнѣнно ведетъ свое начало и помѣщаемое ниже маленькое стихотвореньице на Рождество Христово, любезно сообщенное намъ г. Малинкою. Это стихотвореніе записано въ одномъ рукописномъ сборникѣ разнообразнаго содержанія, относящемся къ началу нынѣшняго столѣтія; тутъ находятся и оды, и комическія стихотворенія, и вирши, и баллады, и рѣчи на разнаго рода случаи, и стихотворенія Гулака-Артемовскаго.

Стихи на Рождество Христово.

O quantum gaudium имѣти должны nos
Hac die, qua сошелъ in terram къ намъ Христосъ,
Понеже gratiam онъ tantam сдѣлалъ съ нами,
Ut hoc exprimere non possimus словами.
Чертовскій genus весь онъ силою prostravit
Nobisque omnibus жизнь вѣчную donavit.
De hac laetitia пришелъ я вамъ сказать.
Извольте жъ mihi vos poltincam unam дать,
За что и Chrystus vos non desinet amare,
Permittet онъ васъ всѣхъ съ собою habitare.

В. Н—ко.

Кіевская поэзія за 50 лѣтъ назадъ.

Къ звѣздѣ.

Ты опять мнѣ засвѣтилась
Поднебесная звѣзда?
И съ тобой опять явилась
Благодатная мечта.

—

Ты мнѣ съ неба проглянула,
Озарила трудъ земной,
И душа опять дохнула
Лучшей жизни полнотой.

—

Но зачѣмъ блестишь такъ смутно,
Вѣковѣчная моя?
Иль возвратъ твой былъ минутной,
Иль дрожишь ты за меня?

—

О, помедли,—дай мнѣ свѣта
Наглядѣться моего!
Здѣсь такъ грустно безъ привѣта
И отвѣта твоего!

1835.

Кіевлянкѣ.

Въ альбомъ Н. П. С....тъ.

Какъ тополь стройный, возрастила васъ
Картинная краса природы здѣшней;
И ваша жизнь свѣтла, какъ утра часъ,
Цвѣтна, какъ садъ порою вешней.

—

И кажется, что никогда ее
Сіянье мирное не помрачалось,
Что чистое, какъ радость, бытіе
Лишь грустью легкой оттѣнялось.

—

Что если съ голубыхъ очей порой
Двѣ три слезы тихонько упадали,

То это небеса живой росой
Любимый цвѣтъ свой освѣжали.

—

О, пусть все та-жь, какъ въ утро, хороша
И въ полдень жизнь вамъ быть не перестанетъ;
Пусть юностью цвѣтетъ у васъ душа,
Когда и вечеръ ужъ настанетъ.

Кіевъ, 1838.

Весеннее чувство.

Какъ синее море—Днѣпровскія воды;
Какъ бархатъ зеленый—холмы и поля;
Свѣтлѣй засіяли небесные своды
И звонкая пѣснь раздалась соловья.
Все радостно, звучно, съ весною природы...
Зачѣмъ же душа унываетъ моя?
Въ душѣ воскресаютъ минувшіе годы
Весны же не будетъ уже для меня!

—

Иной она жизни давно ужъ желаетъ...
А здѣсь и природа весны не долга:
Отъ знойнаго лѣта она изнываетъ,
На свѣтлое небо найдутъ облака,
И осень природу опять развѣнчаетъ,
И землю, какъ саванъ, покроютъ снѣга...

Кіевъ.

Эти три піески нашли мы въ «Одескомъ Альманахѣ» на 1840 годъ; онѣ принадлежатъ *Михаилу Александровичу Максимовичу*, столь памятному еще многимъ. Вотъ какъ онъ пѣлъ *назадъ тому 50 лѣтъ и болѣе того!* Языкъ стихотвореній не устарѣлъ еще, но содержаніе ихъ отзывается романтизмомъ, какого въ наше время уже не встрѣтить. Въ Максимовичѣ издавна находили его современники *«хмелинку поэзіи»*,—играетъ она и въ этихъ пьесахъ, особенно во второй. Женщины вдохновляли его болѣе, чѣмъ природа, и онъ былъ любимцемъ женщинъ, по своей мягкой, говорливой, увлекательной натурѣ. *«Соловей рѣчи»* — отзывались о немъ, бывало, близкіе друзья, слушая его и зная его любящее сердце, которое никогда и никого не помянуло жесткимъ словомъ. Пусть эта черта его характера еще дольше свѣтится, чѣмъ его поэзія.

С. П.

Два рукописныхъ стихотворенія М. А. Максимовича. Въ только-что напечатанной замѣткѣ С. П. подъ заглавіемъ, «Кіевская поэзія за 50 лѣтъ назадъ» объ авторѣ ея сказано, что современники признавали въ немъ «хмелинку поэзіи». Безспорно, эта «хмелинка» была на самомъ дѣлѣ, и при томъ иногда проглядывала на свѣтъ въ довольно сильныхъ отраженіяхъ, какъ напр.: въ блистательно выполненномъ переводѣ Слова о Полку Игоревѣ на украинскую рѣчь. Хотя вообще можно замѣтить, что писатели первой половины текущаго столѣтія, ученые по призванію и по профессіи, считали себя обязанными являться время отъ времени и къ жертвеннику Аполлона, но о Максимовичѣ это приходится сказать въ особенности, т. к. проявленій его поэзіи было сравнительно очень много, какъ на русскомъ, такъ и на малорусскомъ языкахъ. Поэзія эта, частію въ свое время нашедши мѣсто въ печати, теперь почти совсѣмъ позабыта, а частію оставшись въ видѣ рукописныхъ набросковъ, сдѣланныхъ при случаѣ, мало кому была и раньше извѣстной. А между тѣмъ она почти всегда сопровождалась или проблесками серьезныхъ мыслей, или проявленіями игриваго ума, что такъ свойственно было этому талантливому дѣятелю нашей родины. Поговорить когда-нибудь поподробнѣе объ этихъ цвѣтахъ поэзіи Максимовича мы считаемъ вполнѣ умѣстной и благодарной темой; но пока что, въ настоящемъ случаѣ мы хотимъ подѣлиться двумя стихотвореніями его, въ печати не бывшими, но сохранившимися въ подлинникѣ среди бумагъ, принадлежавшихъ покойному г. Щербаку, и любезно предоставленными теперь въ наше распоряженіе.

I.

26 лѣтъ тому назадъ Полтавская губернія, одновременно съ нѣсколькими другими, вступала въ новую фазу общественной жизни, благодаря вводившемуся тогда въ ней земскому строю. М. А. Максимовичъ, уже принадлежа тогда всецѣло старому поколѣнію (ему былъ 61 годъ) и живя въ отставкѣ въ своемъ хуторѣ *Михайловой Горѣ* (золотонош. у.), однако-же чуткой душой своей понялъ существо новой эры и въ хуторской тиши откликнулся стихотворнымъ привѣтомъ начинавшемуся земству. 10 Августа 1865 г. набросалъ онъ слѣдующую малорусскую пѣсню, сохранившуюся въ черновомъ видѣ, со всѣми помарками и поправками.

Пѣсня

1865 г. 10 августа. М. Г. (Михайлова Гора).

Се вже клычуть нашихъ *гласныхъ*
У Золотоношу,
Щобъ наставылы для земства
Управу хорошу.

У насъ гласныхъ звышъ пивсотни—
Громада стоока:
Може ясно розлычаты
Добро одъ порока.

Вона може разглядиты:
Хто мытець правдывый,
Хто дурысвитъ, хто пройдысвитъ,
И хто всимъ зычлывый.

Хто способный земську пользу]
Свято соблюдаты,
И хто ласый людьски грошы
Соби загрибаты.

Дайже Боже сій громади
На земськее дило
Статы въ добрый часъ, розумно,
Праведно и смило.

Нехай буде въ насъ управа
Честна, не лукава;
Нехай буде нашимъ гласнымъ
И въ Полтави слава.

Передъ послѣднимъ куплетомъ былъ набросанъ еще одинъ, который почему то авторомъ перечеркнутъ; вотъ онъ:

Не дай, Боже, людей добрыхъ
Лыхимъ увъ обиду;
Не дай земство наше въ рукы
Цыгану и жыду!

II.

Живучи много лѣтъ на хуторѣ и получая очень скромную пенсію (около 750 р. въ годъ), Максимовичъ до 1872 года едва-едва сводилъ концы съ концами. Литературный заработокъ его былъ, можно сказать, ничтожный, такъ-что особенно замѣтной прибавки къ пенсіи составить не могъ. Имущества, кромѣ названнаго хуторка, совсѣмъ почти бездоходнаго, у него тогда еще не было никакого, т. к. дарованное ему на началахъ льготной покупки имѣніе въ подольской губерніи (около 400 десятинъ) стало его собственностью только послѣ празднованія пятидесятилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности (1871 г.) Вотъ почему очень часто приходилось ему перебиваться кое-какъ отъ получки до получки ежемѣсячной пенсіонной порціи. Живо помню, какъ въ декабрѣ 1871 г. получилъ я отъ него письмо изъ хутора съ просьбой привезти ему на рождественскіе праздники его сына, тогда воспитанника 1-го класса гимназіи, а также захватить въ казначействѣ кіевскомъ его пенсію за два послѣдніе мѣсяца. И вотъ, когда я пріѣхалъ къ нему передъ самымъ праздникомъ, исполнивъ и то, и другое порученіе, то засталъ его далеко не въ удоб-

номъ положеніи: къ празднику приходится дѣлать усиленные расходы, а у него—какъ онъ сказалъ мнѣ—ломаннаго гроша въ домѣ не было. Вѣроятно, въ одинъ изъ такихъ моментовъ и было написано слѣдующее стихотворное письмо съ просьбой поскорѣе прислать ему разсчетную днижку для полученія пенсіи изъ казначейства.

Милостивый государь Ѳедоръ Ѳедоровичъ!

Въ градѣ Кіевѣ когда-то
Былъ, кажись, я вамъ знакомъ;
Жилъ тогда я не богато,
Нынѣ зажилъ бѣнякомъ.
Четверть вѣка пенсіономъ
На горѣ моей держусь;
Въ мартѣ я просилъ объ ономъ,
Въ маѣ жду и не дождусь.
Знать, Казенная палата
Чрезвычайно занята,
Что не шлетъ ни аттестата,
Ни разсчетнаго листа.
Красносизыя тетради
Могутъ голодомъ морить!
Повелите жъ Бога ради
Пенсіономъ ускорить!
И примите увѣренье
Въ моемъ истиномъ почтеньи,
Съ коимъ честь имѣю быть

Вашего Превосходительства покорнымъ слугою Михаилъ Максимовичъ

21 мая 1866 года
Хуторъ Михайлова Гора
Золотонош. уѣзда.

Письмо это, можетъ быть, въ чистомъ видѣ и не посланное по своему назначенію, писано было (не можемъ опредѣлить къ кому) въ минуты томительнаго ожиданья пенсіи, не получавшейся, какъ видно, нѣсколько мѣсяцевъ. Вмѣсто вполнѣ понятнаго въ такихъ случаяхъ тона раздраженія, у добродушнаго старика, привыкшаго уже къ своему житію съ лишеніями, явилось юмористическое посланіе, въ которомъ сквозь смѣхъ не трудно отыскать и слезы.

В. Науменко.

Князь Потемкинъ и малорусскія пѣсни. Въ недавно изданномъ сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ г. Коцининскаго [1]), напечатано нѣсколько пѣсенъ съ присоединеніемъ замѣтки,— «изъ любимыхъ пѣсенъ князя Г. А. Потемкина; въ числѣ ихъ напечатана и извѣстная приписываемая Мазепѣ «думка»:

[1]) Писни, думки и шумки руського народа на Подоли, Украини и въ Малороссіи. Кіевъ. 1885. 16. 148 стр.

Ой бида, бида чайци небози,
Що вывела дитокъ при бытій дорози...[1]),

причемъ сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: «по народному преданію (?), князь Потемкинъ страстно любилъ музыку и изящныя искусства. Онъ сочинилъ много пѣсней на южнорусскомъ языкѣ (?). Любопытно было бы имѣть ихъ собраніе и этого достигнуть, кажется, не очень трудно, потому что въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ домахъ есть еще отстатки (?) съ этого времени (1778 г.), когда для принятія Императрицы и князя, лучшіе дома соревновали въ томъ, чтобъ великимъ гостямъ, посѣтившимъ ихъ край, доставить удовольствіе отборными оркестрами и хорами, а также—народными пѣснями и праздниками. Къ этому времени можно отнести начало хоровъ и оркестровъ у болѣе богатыхъ помѣщиковъ Малороссіи (?), что у нѣкоторыхъ и еще и доселѣ сохраняется».

Никакихъ указаній на источникъ этихъ свѣдѣній—о «любимыхъ пѣсняхъ» кн. Потемкина и о «сочиненіи» имъ пѣсенъ «на южнорусскомъ языкѣ» г. Коципинскій не дѣлаетъ и возбуждаетъ въ этомъ своемъ сообщеніи полнѣйшее сомнѣніе... Эти свѣдѣнія, заключающія въ себѣ зернышко правды, несомнѣнно преизукрашены вымысломъ людей мало знакомыхъ съ біографіей Потемкина. Зернышко правды тутъ заключается, повидимому, въ основательности преданія—о любви кн. Потемкина къ малорусскимъ пѣснямъ. Въ Морск. Сборникѣ 1861 г. (№ 9) были помѣщены замѣтки объ основаніи черноморскаго Николаева, написанныя мѣстнымъ сторожиломъ; въ числѣ этихъ замѣтокъ находится и слѣдующая: «Потемкину нравились малороссійскія пѣсни; изъ нихъ его любимая была:

На бережку у ставка
На дощици у млынка,
Купалася дивчина,
Плескалася рыбчина...“

---

[1]) Къ числу „любимыхъ пѣсень“ кн. Потемкина отнесено еще нѣсколько; между ними—и слѣдующія:

1. Болить моя головонька видъ самого чола,
Не бачыла мыленького ни теперъ, ни вчора....

2. Добре тіи ляхи чинять, що не кумаются,
Побравшися за рученьки та йдуть винчаются...

3. Ой израда, чорни брови, зрада,
Чомъ у тебе, милий, не щирая правда....

Въ богатой природѣ князя Таврическаго была и поэтическая складка; послѣдняя не могла не остановить вниманія Потемкина на музыкѣ и словахъ малорусскихъ пѣсенъ, которыя приходилось ему, конечно, не рѣдко слушать во время своего пребыванія на югѣ Россіи...

А. Л.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Наука исторіи русскаго права —Ея вспомогательныя знанія, источники и литература.— Составилъ ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго униве ситета Н. П. Загоскинъ. Казань. 1891. Стр. XXVIII+530. Цѣна 3 руб.

Проф. Загоскинъ далъ своей книгѣ чрезчуръ ужъ громкое названіе, которое можетъ вводить въ заблужденіе публику. Мы сами, прочитавъ объявленіе о выходѣ въ свѣтъ его книги, думали, что будемъ имѣть *критическій* обзоръ источниковъ, литературы по исторіи русскаго права, но должны были разочароваться, увидѣвъ подъ громкимъ, многообѣщающимъ заглавіемъ только лишь библіографическій указатель, да притомъ еще, какъ оказалось, очень небрежно составленный.

Г. Загоскинъ хочетъ придти на помощь учащемуся люду. Онъ сознаетъ, что историческая литература за послѣдніе годы такъ разрослась, что масса ея начинаетъ давить специалиста, не говоря ужъ о людяхъ, только что начинающихъ, которые «являются, въ данномъ случаѣ, въ положительно безпомощномъ состояніи, не зная, за что взяться и гдѣ искать тѣ или другіе источники и литературныя пособія, очень часто разбросанные по спеціальнымъ изданіямъ, сборникамъ и журналамъ» (стр. IV). Поэтому-то профессоръ и хочетъ дать «*практическій*» указатель источниковъ и литературы исторіи русскаго права, а также литературы тѣхъ отраслей знанія, которыя соприкасаются съ этою наукою» (стр. III), указатель, который бы служилъ, такъ сказать, путеводителемъ для лицъ учащихся и приступающихъ къ изученію исторіи русскаго права.

Цѣль, безъ сомнѣнія, благая. Какъ же она выполнена?

Намъ кажется, что изъ того, что указатель долженъ быть *практическимъ*, само ужъ собой вытекаетъ требованіе, чтобы онъ былъ и

систематическимъ, т. е. чтобы пользующійся имъ сразу могъ бы отличить главное отъ второстепеннаго, менѣе важное отъ болѣе существеннаго; иначе, что жъ это будетъ за *практическій* указатель, гдѣ самому пользующемуся имъ предоставляется изъ массы разныхъ, по достоинству, сочиненій выбрать себѣ по вкусу, любое? Второе требованіе, которое бы мы предъявили къ *практическому* указателю—это, чтобы онъ содержалъ въ себѣ *только лишь наиболѣе цѣнные и важнѣе труды по извѣстнымъ вопросамъ* и исключалъ всѣ тѣ сочиненія, цѣнность которыхъ завѣдомо-сомнительна:—вѣдь *практическій* указатель нуженъ не для спеціалистовъ, а для учащихся и лицъ, только-что приступающихъ къ изученію.

Къ сожалѣнію, проф. Загоскинъ упустилъ изъ виду эти требованія, какъ намъ кажется, логически вытекающія изъ той задачи, которую онъ себѣ поставилъ. Онъ, во-первыхъ, принялъ не систематическій, а *хронологическій* порядокъ въ своемъ указателѣ, и, во-вторыхъ, внесъ въ него много такого, чему совсѣмъ не мѣсто въ *практическомъ* указателѣ. На болѣе частные недостатки труда мы постараемся указать ниже и увидимъ, что они свидѣтельствуютъ о томъ, какъ небрежно относился къ своей задачѣ авторъ.

«Въ предѣлахъ каждой изъ частныхъ рубрикъ своего труда я, говоритъ проф. Загоскинъ, остановился не на алфавитномъ, но на хронологическомъ порядкѣ размѣщенія ссылокъ на пособія, источники и литературу, (о систематическомъ порядкѣ размѣщенія авторъ, очевидно, и не думалъ), считая этотъ (хронологическій) порядокъ болѣе цѣлесообразнымъ и удобнымъ въ практическомъ отношеніи; при такомъ порядкѣ размѣщенія матеріала, пользующійся книгою имѣетъ предъ глазами, такъ сказать, наглядную исторію литературной разработки каждаго даннаго вопроса и *имѣетъ возможность сразу остановиться на новѣйшихъ трудахъ въ области этого вопроса*» (стр. VIII).

Признаемся, мы не совсѣмъ ясно понимаемъ логическій ходъ мыслей автора, и хронологическій порядокъ намъ кажется болѣе цѣлесообразнымъ и удобнымъ для одного лишь составителя, а ужъ никакъ не для пользующагося указателемъ: при такомъ порядкѣ человѣкъ все-таки предоставляется на произволъ самому себѣ. Для человѣка, начинающаго самостоятельно заниматься, важна прежде всего не исторія разработки извѣстнаго вопроса, а важно найти источникъ, черпая изъ котораго, онъ могъ бы получить болѣе точныя и ясныя свѣдѣнія о томъ или другомъ вопросѣ. Напечатанныя нами курсивомъ слова автора даютъ поводъ думать, что онъ раздѣляетъ пред-

разсудокъ, будто чѣмъ новѣе сочиненіе по извѣстному вопросу, тѣмъ оно лучше, а потому для автора ужъ достаточно, если человѣкъ начинающій прямо набросится на самыя новыя произведенія. Мы не раздѣляемъ такого мнѣнія и думаемъ, что для начинающаго изучать, напр., дворянство въ Россіи гораздо полезнѣе будетъ прямо взяться за трудъ проф. Романовича-Славатинскаго, появившійся въ 1870 году (№ 3028), чѣмъ наброситься сначала на новѣйшіе труды—компилятивный и довольно таки посредственный очеркъ г. Ш. въ «Вѣстникѣ Европы» 1887 года (№ 3034) и труды Яблочкова (3030) и Порай—Кошица (3029), достоинства которыхъ, я думаю, хорошо извѣстны проф. Загоскину, какъ спеціалисту. Также, напр., и при выборѣ общихъ курсовъ по исторіи русскаго права интересно, конечно, чтобы начинающій сразу остановился на курсахъ проф. Сергѣевича (71) и Владимирскаго Буданова (72), а не на курсахъ проф. Самоквасова (73) и Латкина (74), хотя они явились въ свѣтъ и позже.

Второе требованіе, которое мы предъявили къ подобнаго рода *практическимъ* указателямъ—это, какъ выше было сказано, чтобы они заключали въ себѣ *только* наиболѣе цѣнную литературу и изданіе памятниковъ, которые не сбивали бы съ толку людей начинающихъ. Въ такихъ указателяхъ, которые вовсе и не предназначаются для спеціалистовъ, нѣтъ надобности указывать, напр., произведенія прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, потерявшія всякую цѣну и всякое научное значеніе и имѣющія въ настоящее время чисто ужъ библіографическій интересъ, какъ напр., Русская исторія С. Глинки (347) или «Духъ россійскихъ государей Рюрикова дома» Я. Орлова и пр. (348).

Жаль также, что проф. Загоскинъ вноситъ въ свой *практическій* указатель изданія памятниковъ и литературу, непригодность которыхъ *именно для практическаго употребленія* давно ужъ признана спеціалистами. Такъ, напр., у него въ числѣ общихъ курсовъ по исторіи русскаго права мы встрѣчаемъ курсъ М. М. Михайлова (67) [1]), лекціи по исторіи русскаго законодательства Бѣляева (70) [2]) или, наконецъ изданіе Русской Правды (975), Псковской и Новгородской судныхъ Грамотъ (1093) Гинцбурга, которое просто разсчитано на довѣрчивость учащейся публики съ цѣлью вы-

---

[1]) *М. Ф. Владимидскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права стр. 9.

[2]) *его-же* разборъ „Лекцій" Бѣляева въ Кіев. Унив. Изв. 1879 г.

годнаго гешефта [1]) и т. д. Мы не знаемъ, зачѣмъ понадобилось г. Загоскину указывать различныя изданія тѣхъ памятниковъ, которые есть въ Христоматіи проф. Владимирскаго Буданова. Достатоточно было указать на эту христоматію, которую вѣдь обязательно нужно имѣть всякому занимающемуся исторіей русскаго права, и учащійся зналъ бы самое научное изданіе памятниковъ, не сбивался бы съ толку разными гг. Гинцбургами и имѣлъ бы указаніе изданій памятниковъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе полное, чѣмъ мы это находимъ у проф. Загоскина.

Кромѣ указанныхъ, такъ сказать, общихъ недостатковъ, лежащихъ въ самой системѣ изданія, въ трудѣ г. Загоскина есть много и другихъ, зависящихъ ужъ отъ личныхъ свойствъ автора, его небрежнаго отношенія къ дѣлу и дѣлающихъ его указатель совсѣмъ непригоднымъ для *практическаго* употребленія.

Отъ составителя *практическаго* указателя мы склонны требовать, во первыхъ, чтобы онъ приступилъ къ дѣлу съ солидной подготовкой *по всѣмъ* тѣмъ вопросамъ, по которымъ хочетъ руководить людей начинающихъ, а во вторыхъ, чтобы составитель, внося книги въ свой указатель, зналъ, что онъ вноситъ, а не судилъ бы о книгахъ по одному только заглавію.

На стр. 360—362 помѣщенъ, напр., отдѣлъ *козаки*, и подъ этимъ именемъ соединены самыя различныя категоріи ихъ,какъ будто бы нѣтъ никакого различія между козаками малорусскими, донскими, кубанскими, уральскими. Отдѣлъ напр., «Малороссія и среднее поднѣпровье (?)» носитъ также слѣды недостаточнаго знакомства съ предметомъ и составленъ, очевидно, такъ, по наитію свыше. Не приведена *ни одна* монографія Костомарова по исторіи южной Руси, за то названъ П. Кулишъ «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши» (№ 2423); названа сомнительнаго достоинства книга Токмакова о Мглинѣ (2420) [2]), и обойдены молчаніемъ очень многія монографіи проф. В. Б. Антоновича, статьи А. М. Лазаревскаго и пр.

Намъ, конечно, скажутъ, что наши требованія не по силамъ одному человѣку, Мы согласны съ этимъ; но тогда—зачѣмъ же браться за непосильный трудъ? Труды, подобные задуманному г. За-

---

[1]) Непригодность изданій г. Гинцбурга для практическаго употребленія была указана проф. *М. А. Дьяконовымъ* въ „Библіографѣ“; г. *П. Г.* въ „Кіевской Старинѣ“ и затѣмъ въ рецензіи въ „Русской Мысли“ 1888 года.

[2]) См. рецензію *А. Л.* въ „Кіевской Старинѣ“ 1889 г.

госкинымъ, могутъ быть продуктомъ только коллективной работы, а потому мы и удивляемся смѣлости, съ какой нашъ авторъ взялся за разрѣшеніе трудной, широко и, нужно сказать, вѣрно имъ намѣченной задачи. Что она оказалась не по силамъ г-ну Загоскину—въ этомъ приходится убѣждаться на каждомъ шагу. Почти въ каждомъ отдѣлѣ можно найти сочиненія, которыхъ составитель указателя, очевидно, никогда и въ глаза не видалъ, а между тѣмъ *рекомендуетъ* лицамъ начинающимъ. Оказывается, напримѣръ, (horribile dictu!) что *три* Филарета писали у насъ Исторію Русской Церкви—рижскій, черниговскій и Гумилевскій (№ 4338—4340 и указатель именъ стр. 523), тогда какъ извѣстно, что это было одно лицо. Та же исторія повторяется и съ извѣстнымъ митр. Макаріемъ, этимъ Карамзинымъ исторіи русской церкви. Вмѣсто одного Макарія опять являются *три* Макарія—Литовскій, Булгаковъ и митрополитъ (стр. 512), и опять оказывается, что *два* Макарія писали Исторію Русской Церкви (4341 и 4343). Эти факты свидѣтельствуютъ, какъ легко и небрежно г. Загоскинъ относился къ своей симпатичной задачѣ [1]).

Общій характеръ труда г. Загоскина отразился и на группировкѣ литературы, такъ-какъ эта группировка во многихъ случаяхъ оказывается неудачной и показываетъ, какъ трудно группировать книги, руководствуясь одними только заглавіями ихъ. Въ указателѣ г. Загоскина есть особый отдѣлъ «библіографія» (стр. 82—97), а между тѣмъ почему то библіографическіе обзоры трудовъ Соловьева (36), Костомарова (42), К. Н. Бестужева-Рюмина (Козеко) (45) попали въ отдѣлъ «Обзоръ трудовъ отдѣльныхъ дѣятелей» на ряду съ некрологами и такими статьями, какъ проф. Шпилевскаго о Карамзинѣ (35), «Памяти Кавелина, Градовскаго» (№ 44, 46) и др. Непонятно для насъ, почему въ тотъ же отдѣлъ попала статья Н. Ланге «Древнее русское право въ Исторіи г. Костомарова» (41)? [2]). Въ отдѣлѣ объ артеляхъ (стр. 220—221) вы не найдете, напр., сочиненія Исаева или нѣкоторыхъ статей Сазонова, а должно искать ихъ въ обязательственномъ правѣ (догадайтесь-ка!). Сочиненіе В. И. Семевскаго «Крестьянскій *вопросъ* въ Россіи» ужъ по самому заглавію, кажется, не при-

---

[1]) Тѣмъ же думаемъ объясняется и предположеніе г. Загоскина, будто бы Иванъ Энгельманъ писалъ о ливонской исторіи (607), а Августъ Энгельманъ „о пріобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву“ (3911).

[2]) Справедливость требовала бы привести здѣсь же и отвѣтъ Костомарова— Моя „Русская исторія“ предъ судомъ критика въ „Русск. Вѣстн.“—„Вѣст. Евр.“ 1876 г. сентябрь.

надлежитъ къ рубрикѣ «Крестьяне въ XVIII и первой половинѣ XIX ст.», и его нужно отнести къ слѣдующей рубрикѣ «Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи (стр. 351—352)» и т. д.

Къ числу недостатковъ труда г. Загоскина мы относимъ и часто совсѣмъ *случайное* упоминаніе источниковъ въ томъ или другомъ отдѣлѣ, причемъ трудно бываетъ судить, чѣмъ руководствовался въ данномъ случаѣ составитель. Источники русской исторіи до XVIII вѣка выдѣлены въ отдѣльную группу, тогда какъ для XVIII в. почему-то это не сдѣлано; упоминанія о нихъ вообще очень скудны, и они приводятся на ряду съ изслѣдованіями. Здѣсь опять для насъ недоумѣніе—почему авторъ счелъ нужнымъ упомянуть письма леди Рондо (2827), дневникъ Храповицкаго (2840), сочиненіе Гельбига (2846), имѣющіе значеніе для характеристики придворной жизни, и обошелъ молчаніемъ такіе мемуары, какъ Болотова, Шаховскаго, Добрынина, Державина, Мертваго и др., характеризующіе русскую общественную а также и бюрократическую жизнь XVIII в. и часто имѣющіе прямое отношеніе къ *исторіи* права.

Есть и существенные пропуски въ трудѣ г. Загоскина. На нѣкоторые изъ нихъ мы указывали ужъ выше. Мы не нашли также соч. И. Е. Энгельмана—Die Leibeigenschaft in Russland и его же обзоръ русскаго государственнаго права (Das Staatsrecht des Kaiserthums Russland); монографіи по исторіи Западной Руси В. Б. Антоновича, статьи проф. Н. П. Дашкевича о Литовско-русскомъ государствѣ (Кіев. Унив. Изв. 1882—1884). Въ отдѣлѣ о земскихъ соборахъ не названа статья проф. Владимирскаго-Буданова (Кіев. Унив. Изв. 1875 г. № 10), которая имѣла большое значеніе въ дѣлѣ установленія правильнаго взгляда на земскіе соборы. Г. Загоскинъ забылъ также упомянуть о трудахъ государственниковъ—С. М. Соловьева (Шлёцеръ и антиисторическое направленіе—въ Рус. Вѣст. 1857 г.) и Б. Н. Чичерина (о Народномъ представительствѣ). Если ужъ нужно было упоминать о статьяхъ профессора Павлова (2412), то нельзя пройти молчаніемъ такихъ статей покойнаго А. П. Щапова, какъ «Великорусскія области и смутное время» (Отеч. Зап. 1871 г.), «Земство и расколъ», «Земскій соборъ 1648—1649 г. и собраніе депутатовъ 1767 года» (От. Зап. 1862 г.), «Соборъ 1642 г.» (Вѣкъ 1863 г.). Не смотря на свое увлеченіе «общинностью», Щаповъ часто очень вѣрно смотрѣлъ на древне-русскую жизнь и соборы, и его взгляды не безслѣдно прошли въ русской литературѣ.—Объ Екатерининской коммиссіи литература указана довольно подробно, хотя и здѣсь есть, правда,

очень незначительные пропуски, сравнительно, напр., съ литературой, указанной у М. Липпнскаго (Жур. М-ва Народ. Просв. 1887 т. ч. 251).—Добавимъ брошюру Авсѣенка «Малоросія въ 1767 г.,—рядъ статей И. В. Теличенка въ Кіевской Старинѣ 1890 и 1891 г. и статьи г. Абрамова въ «Сѣверн. Вѣст.» 1886 года, представляющія очень хорошій обзоръ «сословныхъ нуждъ, желаній и стремленій въ эпоху Екатерининской коммиссіи». Не мѣшало бы также при сочиненіяхъ, вызвавшихъ обстоятельныя рецензіи, указывать эти послѣднія. Г. Загоскинъ иногда это и дѣлаетъ (напр. №№ 2874, 2875, 3911, 3915 и др.), но, къ сожалѣнію, далеко не всегда, а между тѣмъ такія рецензіи часто въ значительной степени дополняютъ изслѣдованія, а иногда служатъ и немаловажнымъ къ нимъ коррективомъ. Таковы напр. рецензіи проф. Владимирскаго-Буданова въ Кіев. Унив. Изв., Сборн. Государ. Знаній, Журн. М-ва Нар. Пр., проф. Иконникова въ Кіев. Унив. Изв. и Сборн. Госуд. Зн., Дитятина и Ковалевскаго въ «Критическомъ обозрѣніи и др.

Мы, конечно, не беремся указывать всѣхъ, хотя бы только и суественныхъ пропусковъ, которые можно встрѣтить въ трудѣ г. Защгоскина. Думаемъ, и указанныхъ достаточно, чтобы убѣдиться, что и въ этомъ отношеніи разбираемая работа не безъ грѣха. Со временемъ еще разъ придется внимательно провѣрять всю литературу, если только понадобится повторить изданіе г. Загоскина. Много тогда придется еще сдѣлать. Нужно будетъ провѣрить и дополнить указанія, чтобы не рекомендовалось читателю искать «Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси» Костомарова въ рѣдко встрѣчающемся теперь журналѣ «Основа» (2260), а было бы указано, что статью эту можно найти и въ I т. Монографій; надо будетъ указать также, что статьи А. Я. Ефименко не только разбросаны по разнымъ журналамъ, но что онѣ изданы и отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Изслѣдованія народной жизни» и т. д. Нужно будетъ различные отдѣлы книгъ указать подъ различными рубриками (иногда это и дѣлаетъ г. Загоскинъ ср. 2355, 2378, 2826 и др.), а то кто изъ начинающихъ догадается, что въ «Юридическихъ древностяхъ» проф. Сергѣевича онъ найдетъ вопросы о холопствѣ, крестьянствѣ, о различныхъ классахъ населенія, объ образованіи территоріи и пр.? Вообще много кой-чего придется сдѣлать, чтобы указатель г. Загоскина сдѣлался *практическимъ*. Его нужно будетъ передѣлать *кореннымъ образомъ*, и такая работа вполнѣ удовлетворительно, повторяемъ, можетъ быть выполнена не однимъ человѣкомъ, а только лишь совокупными усиліями

спеціалистовъ. *Практическій* указатель по исторіи русскаго права намъ очень нуженъ. Желательно по этому, чтобы спеціалисты взялись за его составленіе и осуществили мысль г. Загоскина.

Во всякомъ случаѣ мы благодарны г. Загоскину за постановку вопроса объ указателѣ. *Его трудъ, правда, мы не будемъ рекомендовать лицамъ начинающимъ, — для нихъ онъ вовсе непригоденъ,*—но, какъ справочная книга для спеціалиста, онъ далеко не безполезенъ, на ряду съ другими указателями гг. Межова, Ламбиныхъ или же каталогами Глазунова, Чичинадзе; цѣна только *три* рубля—очень высокая. W*.

Regestr złoczyńców Grodu Sanockiego 1554—1638. Wydał Oswald Balzer (Materyały historyczne, wyd. Towarzystwa historycznego we Lwowie, tom. I). Lwów, 1891. стр. 264.

Изданные до настоящаго времени памятники уголовнаго процесса въ русскихъ областяхъ былой Польши весьма немногочисленны и до крайности разбросаны; поэтому нельзя не признать удачною мысль г. Бальцера познакомить публику съ содержаніемъ т. наз. «реестра преступниковъ», сохранившагося случайно въ львовскомъ архивѣ гродскихъ и земскихъ актовъ (книги подъ № 447 и 448) и составленнаго въ свое время при гродскомъ Саноцкомъ судѣ. Въ реестрѣ всего 155 записей, представляющихъ собою краткій отчетъ о показаніяхъ, данныхъ подсудимыми на пыткѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ о всемъ ходѣ судебной процедуры, начиная съ жалобы истца и оканчивая казнью или освобожденіемъ подсудимаго. Первое указаніе на обязательное веденіе протокольныхъ записей этого рода въ гродскихъ судахъ относится къ началу XVI в.; это тѣ же «черныя книги» литовскаго статута по третьему изданію. Обычай веденія книгъ этого рода сохранился почти до конца Рѣчи Посполитой и вслѣдъ за гродскими былъ усвоенъ также и судами мѣщанскими или нѣмецкаго права. Такъ какъ акты «реестровъ» представляли интересъ временный и вслѣдъ за казнью преступника теряли большею частью всякій интересъ для прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, то книги «реестровъ» хранились небрежно или даже уничтожались, къ великому ущербу для разработки исторіи мѣстнаго уголовнаго процесса и права. Изданные нынѣ г. Бальцеромъ акты подтверждаютъ послѣднюю мысль до очевидности.

По содержанію своему записи настоящаго реестра представляютъ или изложеніе всего хода процесса, или протоколъ показаній подсудимаго на пыткѣ (testamentum), или то и другое разомъ. По происхожденію, акты «реестра» дѣлятся на двѣ группы: протоколы саноцкаго гродскаго суда и выписи изъ такихъ же реестровъ судовъ иногородныхъ или иноземныхъ, внесенныя въ мѣстныя книги по требованію заинтересованныхъ въ томъ лицъ. Обычай внесенія въ саноцкія книги иноземныхъ, именно, венгерскихъ актовъ, объясняется тѣмъ, что вся организація воровскаго дѣла (и прежде всего похищенія скота) въ краѣ основана была на сбытѣ краденаго имущества въ Венгрію и обратной продажѣ его по низкимъ цѣнамъ въ Польшу. Потерпѣвшему приходилось большею частью искать управы въ судахъ обоихъ государствъ; иногда составлялись для этого и смѣшанные польско-венгерскіе суды (акты № 119 и 121, г. 1608). Но главный интересъ представляютъ внесенныя въ реестръ записи изъ книгъ сельскихъ судовъ, такъ какъ онѣ даютъ понятіе объ организаціи и кругѣ дѣйствій этихъ послѣднихъ. Такихъ выписей имѣется въ реестрѣ 17, въ періодъ времени 1569—1618 г. Въ селахъ, основанныхъ на нѣмецкомъ правѣ, судитъ войтъ или солтысъ и присяжные или лавники. Такой судъ носитъ названіе «prawo gaine» или «zagajone», право «вѣрное», «полное», право и судъ «полные», «обычные». Иногда рядомъ съ войтомъ засѣдаютъ семь присяжныхъ представителей данного села; въ исключительныхъ случаяхъ, участвовали присяжные отъ двухъ селъ одновременно. Показанія преступника на пыткѣ отбирались либо въ присутствіи войта и двухъ присяжныхъ, либо одного или двухъ присяжныхъ безъ войта. Важная роль въ сельскомъ судѣ принадлежала «пану», т. е. владѣльцу или собственнику села. Всѣ приговоры суда скрѣпляются подписью и печатью пана и составляются какъ-бы отъ имени и по уполномочію послѣдняго; отсутствіе подписи «пана» опорочиваетъ подлинность акта. Судъ отправляется обыкновенно въ панскомъ дворѣ; захваченнаго преступника представляютъ туда-же. Панъ можетъ отмѣнить собственною властью приговоръ сельскаго суда или измѣнить мѣру наказанія, напр.—наложить денежную пеню вмѣсто назначенной судомъ смертной казни. Такимъ образомъ, судя по актамъ «реестра», средневѣковая форма автономнаго суда на нѣмецкомъ правѣ въ указанномъ періодѣ уже не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣла, и сельскій судъ постепенно переходитъ въ патримоніальный, помѣщичій. Нерѣдко въ судѣ участвуютъ еще и особые ассесоры, нѣчто въ родѣ свидѣтелей,

безъ права рѣшающаго голоса, крестьяне или шляхта—безразлично. Иногда въ составѣ суда находятся представители старостинской или градской юрисдикціи (1569 г.), еще чаще—возные публичныхъ судовъ или поставленные тѣмъ же паномъ. Возные заносили по обычаю въ саноцкій «реестръ» акты сельскаго суда, въ которомъ принимали участіе. Компетенція сельскаго суда не ограничивалась крестьянами только своего села: каждый «крестьянинъ», владѣльческій или королевскій, могъ быть судимъ въ любомъ сельскомъ судѣ. Рѣшающее значеніе имѣло повидимому мѣсто совершенія преступленія или задержанія преступника. Впрочемъ, предѣлы юрисдикціи суда сельскаго и гродскаго, какъ видно изъ актовъ, не были строго разграничены.

Что касается предѣловъ юрисдикціи суда гродскаго или старостинскаго, то рѣшающимъ моментомъ служило мѣсто задержанія преступника: всѣ задержанные въ округѣ саноцкаго староства могли быть судимы саноцкимъ гродскимъ судомъ, также какъ и мѣстнымъ сельскимъ. Коллизія между двумя юрисдикціями не подлежитъ сомнѣнію и не могла быть разрѣшена по роду преступленій, такъ какъ компетенція обоихъ судовъ въ данное время была одинакова. Законодательство, пытавшееся въ XV в. точно опредѣлить границы старостинской юрисдикціи, въ XVI в. видимо стремится расширить ея предѣлы въ ущербъ мѣщанскихъ и сельскихъ судовъ нѣмецкаго права, стремится подчинить судъ патримоніальный суду старосты, какъ представителя общегосударственныхъ интересовъ, но попытка ограничить права въ этомъ отношеніи подольской шляхты (1567 г.) вызываетъ протестъ послѣдней и уступку въ ея пользу. Усвоенный законодательствомъ путь компромиса, конечно, не могъ устранить неизбѣжной при этомъ путаницы, и конкуренція двухъ юрисдикцій — градской и патримоніальной — продолжалась. Впрочемъ, судя по нашимъ актамъ, сами паны нерѣдко поступались своими правами въ пользу старосты; причиной былъ, по видимому, недостатокъ въ орудіяхъ пытки, игравшихъ первостепенную роль въ современномъ уголовномъ процессѣ, неимѣніе своего палача, трудность содержанія преступниковъ во время процесса и т. п. Самая система наказаній, заимствованная изъ *Каролины*, была до крайности несложна: отсѣченіе головы, повѣшеніе, четвертованіе—такова обычная градація наказаній. Въ рѣдкихъ случаяхъ допускалась, вмѣсто казни, денежная пеня, въ отмѣну приговора сельскихъ судовъ.

Въ составѣ гродскаго суда принимали участіе представители старосты, представители суда мѣщанскаго, «паны», т. е. владѣльцы

той мѣстности, гдѣ былъ задержанъ преступникъ, и случайные ассесоры, свидѣтели. Роль послѣднихъ двухъ категорій участниковъ гродскаго суда понятна. Отъ мѣщанства представителемъ явился войтъ или его замѣститель и семь лавниковъ или присяжныхъ г. Санока. Не лишено интереса, что на протяженіи почти всего XVI в. оба элемента—старостинскій и мѣщанскій—представлены въ гродскомъ Саноцкомъ судѣ бокъ о бокъ, затѣмъ съ 1597 по 1638 г. элементъ старостинской юрисдикціи какъ будто исчезаетъ безслѣдно, такъ что затруднительно даже рѣшить съ перваго взгляда, дѣйствительно-ли мы имѣемъ дѣло съ судомъ гродскимъ, а не обычнымъ магдебургскимъ, мѣщанскимъ. Тѣмъ не менѣе, форма и самое содержаніе актовъ показываютъ, что апелляція на приговоры суда лавниковъ, записанные въ реестръ, могла быть обращена только къ старостѣ, ему-же принадлежали уголовныя пени, и лавничій судъ являлся лишь въ роли замѣстителя суда старостинскаго. Техническія затрудненія въ дѣлѣ пытокъ и казни играли въ этомъ случаѣ по отношенію къ старостинской юрисдикціи ту-же роль, что и въ отношеніи суда патримоніальнаго. Кромѣ того, польское уголовное право было слабо развито и далеко уступало въ этомъ праву нѣмецкому, какъ оно выразилось хотя бы въ саксонскомъ зерцалѣ и Каролинѣ. Старостинскій урядъ силою вещей вынужденъ былъ обратиться къ содѣйствію суда мѣщанскаго, и отъ первоначальной полной независимости своей въ средніе вѣка перешелъ къ компромису, въ XVI в., а затѣмъ въ первой половинѣ XVII в. устранилъ себя отъ прямаго участія въ гродскомъ судѣ, поручивъ это дѣло юристамъ лавничьяго суда. Очевидно, что такой порядокъ не могъ содѣйствовать развитію своей самостоятельной уголовной практики и уголовнаго права, роль котораго заняло право чужое, но усвоенное мѣщанами издавна благодаря нѣмецкой колонизаціи и проникшее въ села, осаженныя на нѣмецкомъ правѣ. Любопытно, что послѣдній документъ нашего реестра, 1638 года, представляетъ лишь копію изъ книгъ лавничьяго Саноцкаго суда: гродскій урядъ передалъ преступника для пытки въ лавницкій судъ, который и записалъ у себя «Testamentum». По всей вѣроятности, съ этого времени и вовсе прекратилось веденіе особаго «реестра преступниковъ» при гродскомъ Саноцкомъ судѣ.

Обрисованные выше со стороны общаго содержанія своего акты «реестра» не лишены интереса также и въ другомъ отношеніи: самый характеръ преступленій, бытовая обстановка ихъ, частности уголовнаго процесса, напр. формы присяги, приносимой «громадою»

преступника за или противъ виновности послѣдняго, уровень правосознанія суда обрисовываются данными «реестра» въ наглядной и осязательной формѣ, почему изданные г. Бальцеромъ акты дадутъ историкамъ края важный матеріалъ въ ихъ изысканіяхъ. Въ частности, укажемъ здѣсь на приведенныя въ актахъ свидѣтельства о значеніи «магарыча» (литкупъ) при переходѣ имуществъ (№ 86), особомъ костюмѣ «гетмана» воровской шайки (64), обычаѣ носить при себѣ особые талисманы (чары) противъ дѣйствія пытки, наивной вѣрѣ судей въ дѣйствіе этихъ «чаръ», не будь которыхъ пытаемый навѣрное показалъ-бы гораздо болѣе (№ 82), и т. п.

По тщательности изданія актовъ, которымъ предпослано обстоятельное предисловіе автора, настоящій трудъ г. Бальцера не оставляетъ желать ничего лучшаго. Обстоятельный именной и предметный указатель значительно облегчаетъ справки и на половину сократитъ трудъ изслѣдователей, которымъ придется пользоваться «реестромъ» для внутренней исторіи галицкой окраины. **Н. М.**

Н. Леопардовъ и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. III и IV (въ одномъ томѣ). К. 1891 г. XII табл. + III и 29 стр. текста.

Наши предыдущія замѣтки о двухъ первыхъ выпускахъ Сборника вызвали у издателей цѣлую бурю негодованія. Причиной послужило то, что мы, относясь вполнѣ сочувственно къ изданію памятниковъ старины, не могли не отмѣтить въ данномъ изданіи нѣкоторыхъ несообразностей и преувеличеній при опредѣленіи времени тѣхъ или другихъ изданныхъ предметовъ. Считая имѣющими значеніе въ данномъ изданіи лишь таблицы снимковъ, мы лишь слегка коснулись текста, такъ какъ онъ представляетъ, повидимому, больное мѣсто издателей. Въ виду этого мы не входили въ детальный разборъ каждаго даннаго вопроса, и обосновывали наши возраженія на фактахъ болѣе общаго характера.

Негодованіе издателей сводится главнымъ образомъ къ обвиненію въ голословности нашихъ замѣчаній. Между тѣмъ, такъ какъ ихъ собственныя объясненія, кромѣ голаго утвержденія, что такой то, напр., крестъ относится къ такому-то вѣку, а такой-то къ такому-то, ничего не даютъ, то въ оправданіе такого способа научныхъ опредѣленій издатели приводятъ въ «предувѣдомленіи» къ настоящему

выпуску слѣдующіе мотивы: «Мы, при описаніи отдѣльныхъ предметовъ, помѣщаемыхъ въ «Сборникѣ», излагали наши предположенія и выводы, а иногда одинъ только личный взглядъ на археологическое значеніе того или другого памятника на основаніи *данныхъ, имѣющихся у насъ въ рукахъ»*.... Это, конечно,—совершенно новый способъ научной разработки вопроса по даннымъ, которыя издатели держатъ въ рукахъ, но не показываютъ. Тутъ невольно является сомнѣніе въ самомъ существованіи этихъ таинственныхъ данныхъ. Затѣмъ издатели продолжаютъ: «Поступая такъ, мы, главнымъ образомъ, руководились мыслью—вызвать оживленный обмѣнъ мнѣній путемъ основательныхъ и фактически обоснованныхъ *опроверженій* нашихъ взглядовъ и выводовъ». Выходитъ, что эти «взгляды и выводы» предаются тисненію съ спеціальной цѣлью вызвать только лишь одни опроверженія.—Это тоже новая и оригинальная манера. Теперь вернемся къ обвиненію насъ въ голословности. По этому поводу издатели говорятъ: «оказалось, что критическая часть рецензій состоитъ изъ одного набора фразъ, въ родѣ: «мы не можемъ раздѣлить», «мы не можемъ признать», «невозможно согласиться» и т. д., причемъ достопочтенный рецензентъ ни однимъ словомъ не проговорился о тѣхъ основаніяхъ и мотивахъ, которые имъ руководили при изреченіи своихъ non passumus, а эти то основанія и составляютъ всю суть дѣла». На это мы замѣтимъ, что въ данномъ случаѣ достопочтенные издатели прибѣгаютъ совсѣмъ не къ почтенному способу полемики, именно—выхватываютъ изъ фразы нѣсколько словъ, о другой же части ея умалчиваютъ. Вездѣ, хотя и вкратцѣ, мы выставляли факты, служившіе основаніемъ нашихъ заключеній [1]). Помимо такого болѣе чѣмъ предосудительнаго полемическаго пріема, и весь тонъ этихъ «нѣсколькихъ словъ по поводу рецензій нашего «Сборника», которыми издатели заключили свое «предувѣдомленіе», неумѣстенъ въ серьезномъ научномъ изданіи, каковымъ долженъ бы быть «Сборникъ».

Содержаніе настоящаго III и IV выпуска довольно обильно и разнообразно. Первыя шесть таблицъ пополнены изображеніями крестовъ и образковъ; описаніе къ нимъ составлено г. Леопардовымъ. Здѣсь нужно замѣтить, что нѣкоторые изъ помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ крестовъ, или совершеннно тождественные съ ними, были раньше изданы въ первыхъ двухъ выпускахъ Сборника. Такое повто-

---

[1]) „Кіевск. Стар." 1891 г., Мартъ, стр. 538.

реніе было бы умѣстно, если бы вновь помѣщаемые кресты были лучшей сохранности, на самомъ же дѣлѣ мы этого не находимъ: изображенія крестовъ также неясны, какъ и прежнія; лучше было бы замѣнить ихъ типами новыми, а таковыхъ есть еще очень много.

Первая таблица занята крестами, принадлежащими В. Б. Антоновичу. Отмѣтимъ по рѣдкости и оригинальности крестъ подъ № 1, украшенный разноцвѣтной эмалью (а не мозаикой, какъ сказано въ «Описаніи» г. Леопардова); къ сожалѣнію, у этого креста—энколпіона сохранилась только одна сторона. Далѣе слѣдуетъ крестъ № 2, т. н. корсунскій; онъ каменный съ серебряными обложками на верхнемъ и нижнемъ концѣ. По отношенію къ кресту подъ № 8 напрасно г. Леопардовъ говоритъ, что «надписаніе» въ верхней части креста, «изъ неизвѣстныхъ буквъ». Даже на довольно неясномъ снимкѣ отчетливо видны буквы I С изъ надписи I С—X С. Изображенія, совершенно аналогичныя кресту за № 11, уже были четыре раза помѣщены въ первыхъ выпускахъ «Сборника». Здѣсь интересно прослѣдить, съ какой легкостью г. Леопардовъ мѣняетъ свои прежнія заключенія въ опредѣленіи времени крестовъ, выведенныя «на основаніи данныхъ, имѣющихся въ рукахъ»; напр., крестъ за № 11 отнесенъ къ X—XI в., въ первомъ вып. совершенно такой же крестъ—къ XII в. (табл. 4, № 29), во второмъ вып.—къ XIII в. (таб. 3, № 10) и тамъ-же другой такой же къ XIII—XIV в. (таб. 1, № 3). Легкость въ переходахъ поразительная! Всѣхъ крестовъ, принадлежащихъ В. Б. Антоновичу, издано 12 и., кромѣ того, еще одинъ небольшой образокъ.

Вторая таблица не представляетъ ничего заслуживающаго вниманія; на ней помѣщено 8 крестовъ, изъ которыхъ 3 въ тождественныхъ изображеніяхъ были изданы раньше; такъ, крестъ № 15 воспроизводится уже второй разъ и съ прежнимъ успѣхомъ:—изображеній на крестѣ совсѣмъ не видно. Г. Леопардовъ обращаетъ особенное вниманіе на этотъ крестъ и относитъ его «къ раннему времени христіанства» (здѣсь г. Леопардовъ высказался гораздо осторожнѣе, чѣмъ во II выпускѣ; тамъ этотъ крестъ прямо отнесенъ къ IV—V в.). Главнымъ основаніемъ такого заключенія для г. Леопардова послужили пальмовыя вѣтви, изображенныя по концамъ средокрестія; а такъ какъ пальмовая вѣтвь есть катакомбный знакъ побѣды, то, по мнѣнію г. Леопардова, и крестъ этотъ первыхъ вѣковъ христіанства. Но г. Леопардовъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство, а именно—мѣсто находки креста. Крестъ найденъ на Княжей Горѣ, черкасск. у., гдѣ также найдена масса другихъ крестовъ, изъ которыхъ многіе по

типу близко подходятъ къ данному; кресты эти относятся къ XI—XII (съ этимъ согласенъ и г. Леопардовъ); почему же именно этотъ одинъ крестъ старше другихъ на цѣлыхъ 7 вѣковъ? Фактъ довольно загадочный, и сомнительно, чтобы его удовлетворительно могли объяснить «данныя, имѣющіяся въ рукахъ» у г. Леопардова. На этой же таблицѣ крестъ № 18, отнесенный г. Леопардовымъ къ XII, совершенно одинаковъ съ крестомъ изъ перваго выпуска, гдѣ онъ отнесенъ къ X—XI в. (таб. 4, № 25), и притомъ оба креста найдены въ одной мѣстности—въ Княжей Горѣ. Тоже самое нужно сказать и о крестѣ № 21. Онъ датированъ довольно неопредѣленно, какъ «произведеніе до XIII в.», во второмъ же выпускѣ (таб. 4, № 8) такой же крестъ отнесенъ къ IX—X в. Эти оба крестика также съ Княжей Горы. Въ описаніи крестовъ второй таблицы очень ясно обнаруживается, что г. Леопардовъ при опредѣленіи времени крестовъ положительно ни на чемъ не основывается. Это очевидно изъ того, что на одной и той же страницѣ (3-й) одни и тѣ же кресты пріурочены къ совершенно разнымъ эпохамъ; такъ, крестъ подъ № 18 отнесенъ къ XII в., крестъ за № 19—къ XI—XII в., крестъ № 21—«произведеніе до XIII в.», и тутъ же, въ примѣчаніи, всѣ эти кресты оказываются «несомнѣнно близкими къ первымъ временамъ христіанства». И нужно знать, что здѣсь дѣло идетъ не о первыхъ временахъ христіанства въ Россіи, а вообще. Мы положительно отказываемся чѣмъ-нибудь объяснить эту быструю перемѣну взглядовъ.

На *третьей* таблицѣ отмѣтимъ образъ, на которомъ Іисусъ Христосъ изображенъ прямо, высокимъ рельефомъ; на оборотной сторонѣ образа есть годъ—1693. Кресты подъ №№ 23 и 24, воспроизведенные на этой таблицѣ, отчасти напоминающіе энколпіоны, но не составные, а сплошные, мы относимъ къ типу переходному (какъ это высказали уже раньше), а потому не можемъ принять опредѣленія г. Леопардова, который крестъ за № 23 относитъ къ XII—XIII в. Изъ двухъ небольшихъ образковъ, помѣщенныхъ на этой таблицѣ, интересенъ, какъ болѣе древній, за № 29. Три креста (№№ 25, 26, 27), какъ сравнительно болѣе новые и обыкновенныхъ типовъ, не представляютъ ничего особеннаго.

Таблица *четвертая* заключаетъ 3 образка, тоже болѣе или менѣе новыхъ, и 6 оборотныхъ изображеній древнихъ крестовъ.

На *пятой* таблицѣ помѣщенъ большой медальонъ иностранной работы 1536 г. съ распятіемъ на одной сторонѣ и изображеніемъ Адама, Евы и дерева съ зміемъ на другой. Тутъ же воспроизведено

нѣсколько крестиковъ изъ Дрогичина и Херсонеса, причемъ между крестиками изъ Дрогичина помѣщена также пряжка или украшеніе отъ пояса, которую г. Леопардовъ считаетъ крестикомъ.

На таблицѣ *пятой а* находятся изображенія двухъ крестовъ, маленькаго крестика--тѣльника, двухъ болѣе новыхъ образковъ и образка съ изображеніемъ Божьей Матери, на оборотной сторонѣ котораго вылитъ т. н. змѣевикъ. Одинъ изъ крестовъ—№ 36, типъ котораго «ранній, предшествовавшій XII в.», совершенно сходенъ съ двумя воспроизведенными раньше, причемъ во второмъ вып. «Сборника» такой крестъ значится относящимся къ IX—X в. (таб. 4, № 9) а въ первомъ—«ко времени до XIII в.» Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же крестъ г. Леопардовъ считаетъ несомнѣнно близкимъ къ первымъ вѣкамъ христіанства (стр. 3, примѣчаніе). Такъ какъ здѣсь уже пальмовыхъ вѣтвей нѣтъ, то обстоятельствомъ, убѣждающимъ г. Леопардова въ такой замѣчательной древности креста, служитъ изображеніе Христа въ особаго рода одеждѣ; но насколько такой признакъ убѣдителенъ, объ этомъ легко заключить, сопоставивши этотъ крестъ съ другимъ крестомъ, помѣщеннымъ въ этомъ же выпускѣ на таблицѣ 2-й подъ № 16,—крестомъ, гораздо болѣе новымъ, который самъ г. Леопардовъ относитъ къ XVI—XVII в. Какъ на томъ, такъ и на другомъ одежда на Спасителѣ совершенно одинаковая.

Относительно «Описаній» и «Объясненій» г. Леопардова замѣтимъ, что было бы гораздо полезнѣе для «Сборника», если бы эти описанія и объясненія ограничивались однимъ указаніемъ мѣста, откуда происходитъ данный крестъ или образокъ, вмѣстѣ съ упоминаніемъ объ обстоятельствахъ находки.

Слѣдующій и самый интересный отдѣлъ «Сборника» составляютъ двѣ фототипическія и одна литографическая таблицы древнѣйшихъ русскихъ монетъ, найденныхъ главнымъ образомъ въ Кіевѣ. Цѣнность этихъ таблицъ заключается въ томъ, что многія изъ монетъ издаются впервые, другія же хотя и были изданы раньше, но теперь воспроизводятся съ экземпляровъ лучшей сохранности. Таблицы снабжены обстоятельными и вполнѣ научными замѣтками г. Чернева, извѣстнаго своими прежними работами по этой отрасли русской нумизматики. На таблицахъ мы находимъ два т. н. «Владимірова злата», изъ которыхъ одинъ подлинный, другой поддѣльный. Затѣмъ встрѣчаемъ двадцать «сребренниковъ» изъ замѣчательнаго клада, найденнаго въ 1876 г. въ Кіевѣ на Подолѣ. Г. Черневъ на основаніи новыхъ свѣдѣній дополняетъ тутъ же и исторію этого един-

ственнаго въ своемъ родѣ клада. Кромѣ «сребренниковъ» изъ кіевскаго клада, помѣщены изображенія четырехъ «сребренниковъ» изъ клада близъ г. Нѣжина (1852 г.). Изданы также три рѣдкія монеты Петра I. На таблицѣ 8-й воспроизводятся и надписи на монетахъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ монетъ вышли въ изданіи довольно неясно.

За этимъ отдѣломъ идутъ двѣ таблицы свинцовыхъ печатей и пломбъ съ объясненіями г. Леопардова. Но таблицы вышли такъ плохо, что, какъ ни всматриваешься, на большинствѣ снимковъ положительно ничего нельзя разобрать. Эти таблицы съ успѣхомъ можно было и не включать въ «Сборникъ».

Въ слѣдующей затѣмъ интересной статьѣ: «О происхожденіи и значеніи такъ называемыхъ змѣевиковъ» Н. Петровъ, сводя всѣ прежде высказанныя мнѣнія по поводу этихъ медальоновъ съ изображеніемъ змѣй, сближаетъ ихъ первоначальное возникновеніе, основываясь на греческомъ происхожденіи и цѣлебномъ значеніи ихъ, съ древне-греческимъ культомъ Асклепія или Эскулапа. Въ этой же статьѣ приведено описаніе трехъ новыхъ змѣевиковъ.

Въ статьѣ г. Чернева «О нѣжинскихъ сребренникахъ съ именемъ «Петръ» приводятся вполнѣ убѣдительныя данныя иконографическаго характера, подтверждающія мнѣніе автора, высказанное раньше (въ «Замѣтка о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ» помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ археологіи и исторіи» въ т. VI, гдѣ вопросъ разобранъ съ полеографической точки зрѣнія), что на одной группѣ монетъ изъ нѣжинскаго клада помѣщено изображеніе св. Апостола Петра, а не св. Георгія, какъ это полагалъ гр. И. Толстой въ своемъ трудѣ «Древнѣйшія монеты великаго княжества кіевскаго». Къ этой статьѣ приложена таблица съ византійскими эмалями и русскими монетами, временъ крестовыхъ походовъ съ изображенія св. Петра.

Заключаетъ этотъ выпускъ «Сборника» статья Н. Леопардова «О славянахъ, какъ основателяхъ г. Дрогичина на р. Бугѣ (гродн. губ.)». Уже въ первомъ вып. «Сборника» г. Леопардовъ «высказалъ, какъ весьма вѣроятную догадку», что *«Дрогичинъ былъ мѣстомъ христіанской общины съ первыхъ вѣковъ нашей эры»* (курсивъ въ подлинникѣ). Въ настоящей статьѣ въ примѣчаніи онъ говоритъ: «эта догадка по настоящее время никѣмъ не опротестована и не опровергнута», а потому, мы доканчиваемъ мысль г. Леопардова,—она превратилась въ незыблемую истину. Теперь, продолжаетъ г. Леопардовъ, мы имѣемъ основаніе идти далѣе, именно, что въ Дорогичинѣ

христіанская община того времени должна была состоять преимущественно изъ Славянъ». и т. д. «Основаніе» заключается въ сходствѣ изображеній на очень немногихъ свинцовыхъ торговыхъ пломбахъ, въ громадномъ количествѣ находимыхъ въ Дрогичинѣ, съ херсонесскими монетами. Замѣтимъ, что древность дрогичинскихъ пломбъ простирается, самое большее, къ XII—XIII в. Мы положительно недоумѣваемъ, куда дальше пойдетъ г. Леонардовъ въ своихъ догадкахъ, «никѣмъ не опротестованныхъ и не опровергнутыхъ», въ слѣдующемъ выпускѣ «Сборника»?

Въ заключеніе повторяемъ сказанное нами по поводу первыхъ двухъ выпусковъ. «Сборникъ» привнесетъ свою долю пользы въ цѣль разработки русской археологіи; жаль только, что среди научнаго матеріала, въ немъ попадаются статьи совершенно юмористическаго содержанія, какъ напр., послѣдняя статья г. Леонардова.

Н. Б.

«Český Lid» (Чешскій народъ. Прага. 1891 г.) 1891 г. (годъ I), кн. 1.

Къ изданіямъ, занимающимся собираніемъ всевозможныхъ данныхъ по народовѣдѣнію (folklore) и посильною разработкою ихъ, прибавился недавно еще одинъ собратъ по оружію: съ 15 сентября сего года (нов. стиля) начало выходить въ Прагѣ (чешской) повременное изданіе «Český Lid», посвященное народовѣдѣнію чешскаго племени, включая сюда, конечно, моравянъ и словаковъ. Такимъ образомъ заполняется наконецъ значительный пробѣлъ въ чешской наукѣ, особенно дававшій себя знать при сравненіи ея въ отношеніи народныхъ изученій съ другими славянскими, напр., русской (Этнографическое Обозрѣніе, Живая Старина) и польской (Wisła), отъ которыхъ чешская оказывалась значительно отставшей. Съ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе новаго собрата и желаемъ ему всяческаго преуспѣянія, что́, конечно, не замедлитъ и послѣдовать, такъ какъ ручательствомъ этой надежды служатъ почтенныя имена распорядителей изданія: д-ра Ч. Зиберта [1]), взявшаго на себя веденіе культурноисторическаго и этнографическаго отдѣловъ и особенно д-ра Любора Нидерле, преподавателя антропологіи въ пражскомъ чешскомъ уни-

---

[1]) Изъ его ученыхъ работъ заслуживаютъ особеннаго вниманія „Dějny kraje v zemich českých“.

верситетѣ, завѣдывающаго отдѣлами антропологическимъ и археологическимъ. Особенностью новаго изданія является то, что при каждой книгѣ его прибавляется содержаніе ея на двухъ языкахъ: чешскомъ и французскомъ, какъ международномъ; на французскомъ же языкѣ печатается на обложкѣ книжекъ и объявленіе объ изданіи (Le peuple tchèque) и производятся сношенія редакціи съ иностранными учеными и редакціями повременныхъ изданій.

Болѣе подробный отчетъ о новомъ изданіи мы предполагаемъ дать позже, когда появится еще нѣсколько книгъ его, съ помощью которыхъ можно будетъ точнѣе опредѣлить его, такъ сказать, физіономію и достоинства. Теперь же мы только укажемъ на существенное содержаніе вышедшей первой книги, чтобы читатели наши имѣли хотя какое-нибудь предварительное понятіе о ней. Вотъ важнѣйшія работы: перу извѣстнаго чешскоморавскаго этнографа Ф. Бартоша принадлежитъ начало статьи «Pověry a zvyky lidu moravskieho při hospodařství», въ которомъ приведены повѣрья и обряды при паствѣ (pastva), касающіеся пастуха (pastýř), коровъ («aby se kravy ne trkaly», т. е. чтобы коровы не бодались, běhani, telení» и т. д.). Судя по этимъ повѣрьямъ, моравскіе селяне не особенно далеко ушли въ своемъ духовномъ развитіи отъ русскихъ....

Г-жа Тыршова помѣстила первую половину любопытной статьи о чешскихъ народныхъ вышивкахъ, представленныхъ на юбилейной земской выставкѣ чешскаго королевства, происходившей лѣтомъ сего года въ Прагѣ; статья снабжена нѣсколькими рисунками, свидѣтельствующими о довольно значительномъ уровнѣ, со стороны вкуса, художественнаго развитія чешскихъ селянъ. Особенно замѣчательнымъ кажется намъ прекрасный узоръ № 3 на пеленѣ (plena z okolí Králové hradeského), а также № 4 (Vyšívky z okolí Litomyšle a Vysokého Mýta). Далѣе укажемъ статьи: г. Кулы «O kroji lidu slovenského» (народный крой словаковъ), любопытную по всѣмъ извѣстной своеобразности и живописности словацкаго наряда; г. Выкукала «Ze selské kuchyně», г. Гостинскаго «O naší světské písni lidové» и слѣдующія замѣтки »Lidové podání české o škytavce» [1]) (народн. чешск. предан.

[1]) Вотъ образцы повѣрій объ икоткѣ у чеховъ: 1) Kdy koli někdo u nas škytne, říkáme: Někdo si na nás vzpomíná (т. е. если кто у насъ икнетъ, мы говоримъ: Кто-то вспоминаетъ о насъ). 2) „Drží mne, chytla mne škytavka“ naříka si někdo. Jiny radí: Napijse vody—ona tě pustí. (т. е „Держитъ меня, схватила меня икотка—жалуется кто нибудь; другой на это ему совѣтуетъ: напейся воды—она, (т. е. икотка) тебя пуститъ).

объ икотѣ). Изъ рисунковъ отмѣтимъ особенно тѣ, которые относятся къ статьѣ г. Кулы, напр. «Slovenka v rubaši», «Skupina lidi» (Собраніе людей) и др.

А. Степовичъ.

Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Вып. I. Слово о полку Игоревѣ: 80 стр. Цѣна 30 к. Вып. II. Домострой Сильвестровскаго извода. Изд. И. Глазунова. Спб. 1891 г. 132 стр. Ц. 45 коп.

Издатели задались прекрасною мыслію доставить учащимся возможность самостоятельнаго и притомъ толковаго и обстоятельнаго изученія важнѣйшихъ памятниковъ какъ русской, такъ и иностранной словесности, древней и новой, даже новѣйшей; издавая текстъ этихъ памятниковъ по лучшимъ изводамъ, они стараются при этомъ снабдить его необходимыми для полнаго пониманія объяснительными примѣчаніями, иногда (какъ при изданіи Домостроя) матеріалами для сравнительнаго изученія памятника, словаремъ, если по языку онъ оказывается неудобопонятнымъ для современнаго даже образованнаго читателя, своеобразными рисунками, взятыми изъ рукописей и т. п. Наиболѣе занимающій насъ выпускъ I состоитъ изъ подлиннаго текста «Слова о полку Игоревѣ», съ выдержаннымъ правописаніемъ, принятымъ у Буслаева и очень пригоднымъ въ педагогическомъ отношеніи. Кромѣ текста и буквальнаго прозаическаго переложенія его на современный книжный языкъ, принадлежащаго М. А. Максимовичу, приложены: наиболѣе характерныя стихотворныя переложенія «Слова», расположенныя такъ, что соотвѣтствуютъ всему содержанію памятника, изложеніе содержанія «Слова», сдѣланное Н. М. Карамзинымъ, отрывки изъ Ипатьевской и Лаврентьевской лѣтописей о походѣ князя Игоря на половцевъ и о походѣ русскихъ князей на половцевъ, и исторія текста «Слова», двѣ статьи о «Словѣ» (Барсова и Стоюнина), стилистическія и грамматическія особенности «Слова» и, наконецъ, Словарь. Изъ этого перечня читатель можетъ видѣть, какъ заботливо сдѣлано изданіе и какъ умѣло оно вводитъ учащагося въ область болѣе или менѣе строгаго и научнаго, а не бѣглаго и поверхностнаго, изученія предмета... Вотъ почему нельзя отъ всей души не привѣтствовать этой симпатичной попытки и не пожелать ей успѣшнаго продолженія и окончанія.

Съ внѣшней стороны изданіе отличается замѣчательнымъ изяществомъ и чистотою; на обложкѣ помѣщено изображеніе графа А. И. Мусина-Пушкина, открывшаго, какъ извѣстно, «Слово о п. Иг.», а вообще къ книгѣ приложена отдѣльная картинка, изображающая горюющую Ярославну въ довольно вѣрной исторической обстановкѣ.

Издатели обѣщаютъ выпустить 50 книжекъ, въ которыхъ будутъ помѣщены, наприм., такія произведенія и писатели, какъ Нибелунги, Калевала, Дантъ, Раблэ, Вильгельмъ Мейстеръ Гете, Лессингъ, Байронъ, Мильтонъ, Сервантесъ, Гамлетъ Шекспира, Шиллеръ, Тургеневъ, Гончаровъ и пр. и пр.

А. Степовичъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы—11. Сѣверный Вѣстникъ—11. Наблюдатель—11. Русское Обозрѣніе—11. Русская Мысль—11. Русскій Архивъ—11. Русскій Вѣстникъ—11. Историческій Вѣстникъ—11. Русская Старина—11.

Русская Мысль XI. Вс. Милеръ. Экскурсы въ область русскаго Эпоса продолженіе). Выясненіе типа Ильи Муромца и черты сходства его съ героями иранскаго эпоса; предположеніе о древнѣйшемъ происхожденіи былины изъ Черниговщины.—(Стр. 65—91).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ: краткій отзывъ о книгѣ Улейхикова: «еврейскія земледѣльческія колоніи екатеринославской губерніи.

Русскій Архивъ XI. Походныя замѣтки Н. А. Обнинскаго. Авторъ,—ополченецъ Крымской компаніи 1855—56 г.,—прошелъ съ своей дружиной по дорогѣ въ Крымъ всю Малороссію туда и обратно, рисуетъ черты нравовъ малороссіанъ и ихъ радушное гостепріимство (стр. 337, 349—366, 383, 408—411).

Русскій Вѣстникъ XI. Липранди. «Чешская колонизація на Волыни». Хозяйство, бытъ и занятія чеховъ на Волыни и распространеніе между ними православія (стр. 136—144).

Въ отдѣлѣ: новости литературы—краткій отзывъ о «Подоліи» Батюшкова (стр. 328—329).

Историческій Вѣстникъ XI. Барановъ. Бѣлогорскій Панъ. Трагическій эпизодъ изъ жизни богатыхъ южно-русскихъ пановъ въ старое крѣпостное время (стр. 359—368).

Поповъ. Изъ воспоминаній стараго кавалериста. Время провожденія и (развлеченія офицеровъ въ захолустьи Малороссіи въ 40-хъ годахъ (стр. 369—387).

Эварницкій. Раскопки кургановъ въ бассейнѣ рѣкъ Орели и Самари. Результаты раскопокъ нѣсколькихъ кургановъ, произведенныхъ авторомъ въ области между лѣвыми притоками Днѣпра—Орелью и Самарью (стр. 440—449).

Въ отдѣлѣ критики: изложеніе книги: «Russes et Slaves. Louis Leger. въ которой авторъ въ двухъ первыхъ статьяхъ книги касается вопроса объ образованіи русской національности на основаніи между прочимъ Несторовой лѣтописи и разсматриваетъ нѣкоторые памятники первыхъ вѣковъ литературы, какъ лѣтопись Нестора, Слово о полку Игоревѣ и др. (стр. 504--508).

Тамъ же краткій отзывъ о 5-й книгѣ чтеній въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца съ указаніемъ на статьи Соболевскаго, Дашкевича, Левицкаго, Лазаревскаго и мн. др. (стр. 508—509).

Тамъ же отзывъ о 5-мъ выпускѣ литературно-научнаго приложенія къ «Харьковскому календарю», наполненнаго статьями (Багалѣя, Мезенцева, Краснова и др.), касающимися Слободской Украины (стр. 510—511).

Въ отдѣлѣ смѣси: Присужденіе наградъ графа Уварова. Между прочими почетнымъ отзывомъ награжденъ Каманинъ за свой извѣстный трудъ: статистическія данныя о евреяхъ въ юго-западномъ краѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка (стр. 545—546).

Русская Старина XI. Дневникъ А. В. Никитенко. Подъ 25 ноября 1867 г. отмѣчено, что авторъ читалъ отрывки своихъ записокъ Костомарову, которому повидимому понравилось читанное (ст. 444—445).

Къ рисунку.

Въ № 2-мъ 1890 года „Кіевская Старина“ начала помѣщать рисунки изъ альбомовъ Т. Г. Шевченка, хранящихся въ богатомъ собраніи южно-русскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Помѣстивъ тогда 4 рисунка, редакція дала обѣщаніе постепенно отпечатать и всѣ остальные, благодаря любезности владѣльца, предоставившаго эти альбомы въ полное распоряженіе редакціи. До сихъ поръ помѣщено было 8 рисунковъ: 1) Видъ главнаго храма Густынскаго монастыря до обновленія его; 2) Брама съ церковью св. Варвары въ Густынскомъ монастырѣ; 3) Трапезная церковь въ Густынскомъ монастырѣ; 4) Чигиринъ съ Суботовскаго шляху (1890 г. № 2); 5) Село Андруши (1890 г. № 6); 6) Богданова церковь въ Суботовѣ (1890 г. № 9); 7) Церковь Архистратига Михаила въ Переяславѣ (1891 г. № 2); 8) Покровская церковь въ Переяславѣ (1891 г. № 3). Теперь прилагаемъ 9-ый рисунокъ, изображающій „Комору въ селѣ Потокахъ“. Это—старосвѣтская постройка въ полтора этажа, довольно оригинальной архитектуры. Такъ-какъ рисунокъ этотъ находится въ альбомѣ 1844 года, то нужно думать, онъ явился результатомъ впечатлѣній, полученныхъ Т. Г. Шевченкомъ при поѣздкѣ его въ этомъ году къ брату Никитѣ въ с. Кириловку, при чемъ могъ онъ по дорогѣ побывать и въ с. Потокахъ. Впрочемъ, это послѣднее предположеніе вѣрно только въ томъ случаѣ, если признать, что этотъ рисунокъ относится къ селу *Потокамъ* (оффиціальн.—*Потокъ*), находящемуся въ каневскомъ у. въ 30 верстахъ отъ города, и составляющему одно изъ крупныхъ владѣній Я. В. Тарновскаго. Кромѣ этого села даннаго имени,

есть у насъ въ Малороссіи, насколько намъ извѣстно, еще два села того-же названія, изъ которыхъ одно (собственно—мѣстечко) находится въ кременчугскомъ у. при р. Пслѣ, а другое—въ подольск. губ. въ винницк. у. Послѣднее безусловно, кажется, можно въ данномъ случаѣ исключить, а изъ двухъ остальныхъ большее вѣроятіе падаетъ на Потоки каневскаго уѣзда, хотя окончательное рѣшеніе этого вопроса предоставляемъ лицамъ, ближе насъ знакомымъ съ темами рисунковъ изъ альбома Т. Г. Шевченка.

акад А. Д. Кившенко, Г. П. Кондратенко, А. И. Куинджи, проф А. Ф. Лагоріо, проф. А. И. Мещерскаго, акад. И. Е. Рѣпина, Н. А. Сергѣева, † акад. Р. Г. Судковскаго, акад. П. А. Черкасова, акад. И. И. Шишкина и мн. др

Снимки будутъ отпечатаны на слоновой бумагѣ въ форматѣ журнала, выполненіе ихъ поручено фототипу Императорской Академіи Художествъ В. И. Штейну.

Въ качествѣ оригиналовъ редакція получила разрѣшеніе воспользоваться картинами, находящимися во дворцѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, въ Императорскомъ Эрмитажѣ и Картинной Галлере Императорской Академіи Художествъ.

При первомъ выпускѣ альбома (въ ноябрѣ мѣсяцѣ) всѣмъ подписчикамъ будетъ БЕЗПЛАТНО разослана художественно исполненная обложка изъ бристольскаго картона.

Цѣна журнала со всѣми приложеніями, съ пер. и дост., на годъ 5 ру

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1-му апрѣля 2 руб. и къ 1-му іюля—1 рубль.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 47.

— 2 — Редакторъ *С. Груздевъ*. Издатель *П. Сойкинъ*.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1892 ГОДЪ.

Въ **Ученыхъ Запискахъ** помѣщаются

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ, знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

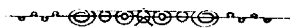
Объ изданіи въ 1892 году
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Универси-

наловъ, иностранныхъ и русскихъ за 1890 г., рядъ статей по хроникѣ школьной жизни въ Германіи и въ Россіи и наконецъ библіографическій указатель педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ съ 1-го ноября 1890 г. по 1-е іюня 1 91 года.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени", а также и въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой. Подписная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки—шесть руб. въ годъ; съ доставкою шесть руб. пятьдесятъ коп., для иногороднымъ съ пересылкою—семь руб. Гг. учителямъ и учительницамъ сельскихъ и начальныхъ городскихъ школъ дѣлается съ подписной платы одинъ руб. уступки.

—2— Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**.



Дозволено ценз. Кіевъ, 28-го ноября 1891 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXV, 1891 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

Сварковѣ и чтобъ видалъ Романъ кухву ему горѣлки, писмо далемъ. Такъ же и стрелцеви Чорторискому. Плетюнцѣ, войту, указъ данъ о тогоручной осипщинѣ, жеби везли оную въ Тулиголови, а оттоль дерево рѣзанное брали би. Такъ же и сеголѣтную осенщину вибирать указъ данъ ему жъ именно: отъ имѣючихъ по одной и по двѣ сохи, по 3 четверти жита, а отъ имѣючихъ по три и по чотири сохи, по четверику брати, да жеби сами жъ тое жито отвезли въ Тулиголови, а оттоль дерева взяли. Ему жъ данъ указъ смотрѣть того, чтобъ всѣ до церкви въ святніе дни ходили. Забара зъ чотирма подводами посланъ по драни, а нѣ по валъ. Скриню зъ платтемъ черезъ того жъ ямщика москаля послали въ Роменъ, а панѣ отъ себе объ оной писала въ Роменъ до господарки. Івана Криштопенка отослалемъ зъ Худолѣемъ до правителей, при моемъ доношеніи. Отехалемъ въ Гамалѣевку, где у ясневел. вечералемъ.

8. Праздникъ Рождества Пресвятой Богородици отправляли въ Гамалѣевцѣ, гдѣ били: брегадиръ, прокуроръ, Кошелеви и прочіе, и подпіяхомъ.

9. Стойчикъ зъ Ромна пріехалъ зъ писмами: 1, Занковского о амбарахъ и сараяхъ, въ Веремѣевцѣ будучихъ, ознаймуючимъ что оніе цѣли, а миргородскимъ полкомъ строившіеся худи, и что князь Михайло Михайловичъ Голѣцинъ билъ въ Чигириндубровѣ, а оттоль поехалъ въ Переяславль, Нѣжинъ и протчіе городи; 2, отъ Орановского, о домашнихъ поведеніяхъ. Козакъ сотенній роменскій отправленъ въ Роменъ зъ пятма писмами: 1, до правителей, о сочиненіи вѣденія господарей, до десятка овецъ имѣючихъ и о респектѣ Петрановскому должномъ; 2, до Орановского, отвѣтъ; 3, до Романа, о его тамъ пребиваніи, и злегчанню дрикгантовъ, на Засуллю стоячихъ и 4, о томъ же до господара и о трубницѣ до сухоносовской винницѣ; 5, до родителки привѣтъ. Въ трапезѣ обѣдали, где и подпіяхомъ; после у п. суддѣной.

10. Обѣдали тамъ же. По обѣдѣ отехали зъ Гамалѣевки въ Глуховъ; на дорозѣ стрѣлисмо сотника глуховского, ехавшого въ Гамалѣевку просити ясневелможной на веселле, мѣючое въ его дому бити дочерѣ его ужъ приговоренной Пѣроцкому, и пріехали въ

Глуховъ. Іванъ, машталѣръ, пріехалъ зъ лубенского полку и привезлъ писмо отъ Романа, въ которомъ объявляетъ, что горѣлки куфъ 2 роздалъ людямъ по 89 зол.; воловъ моихъ 20 въ Купупѣевщинѣ переписалъ. Пчолй на Плавиницахъ убито 15, а оставилъ 28 добрихъ. Медъ, бувшій въ муру, на шинкъ розситилъ. Леско сторожъ пріехалъ зъ писмами родителскими зъ Сулаку, 2 юля отпущенними. Въ Гамалѣевцѣ ясневел. дала карту архиерея чернѣговского, ко мнѣ писанную, и при оной образъ Распятія Христа Господа. Едучи въ Глуховъ, стрѣлисмо Войцеховичеву и п. Григоріеву, уже зъ Глухова поехавшихъ. Наихали на валъ, проваженній нашъ, подъ которимъ ось уломилась, для чего Дядко оставленъ.

11. Плетюнку, войта, упомянулъ я за его небреженіе. Отецъ протопопъ бувъ у мене. Черезъ Сухомузкого послалъ доношенія въ колегію: 1, о полученнихъ указахъ объ откупѣ индукти, преступленіяхъ партикулярнихъ и государственнихъ, о суддяхъ родственникахъ; 2, о магазейнѣ веремѣевскомъ, по вѣдомости Шимка и чигириндубровской старшини; 3, о Славѣнскомъ, ѣздившимъ въ Коровинцѣ зъ его доношенія, что онъ не запрѣщалъ овецъ на свои потреби употреблять тамошнимъ людямъ; 4, о Никифору веремѣевскому зъ приложеннимъ розискомъ, что онъ человѣкъ добрій и простій (?) противъ указу колежского, и оніе доношенія Сухомузкій Артѣлному отдалъ. Пожаръ за мѣстомъ бувъ.

12. Яхневецкій бувъ рано. Зъ Глинска сливъ привезено, которими обослалемъ здесь [1]). До заплатина послалъ 6 барановъ, 2 носатки горѣлки двойной и до протоколѣсти—меншъ. Черезъ глинского козака, сливи припровадившого, послалемъ казанъ винничной мѣдній зъ диркою въ сподѣ, до Романа, въ Роменъ, и написалемъ къ ему о томъ, чтобъ отсилалъ въ Сухоносовку албо Лубнѣ. Ездилемъ у футоръ Калюжновскій, где тютюну казалъ тютюнникъ 2182 шнуровъ. Проса зняли зъ поля калюжновского 30 копъ.

[1]) Мѣст. Глинскъ, роменскаго уѣзда, донынѣ славится своими сливами; „глинскіе“ и „опошанскіе“ (изъ м. Опошни) сливы даютъ, по увѣренію знатоковъ, наилучшую наливку-сливянку.

Сторожъ лубенскій, ездивший до Каменя, повернулся зъ отвѣтомъ, что горѣлки з кухви моей и теперъ тамъ въ Каменѣ обрѣтается, а въ Роменъ не слано за небитіемъ подводъ; онъ же сторожъ зъ Тулиголовъ горѣлки на образецъ привезлъ и сказалъ, что горѣлки въ імбарѣ толко 5 носатокъ тамъ,, затимъ что чорторійскому Стрелцю и сварковскому Шевцю по кухвѣ видалъ на вишинкъ. Дранѣ 500, зъ Протопоповки, паробки привезли до млина калюжновского.

13. Неделя. Веселле у сотника глуховского было, але молодіе, Пѣроцкій зъ дочерю его, поехали кончить въ Борзну, въ домъ Пѣроцкого. У сотника обѣдалисмо. Василя гос(подара) посилалемъ въ футоръ и въ Сварковъ за господарствомъ.

14. Шинкаръ уздицкій припроваженъ зосталъ. Романъ тулиголовскій бувъ тутъ и четверникъ озимой пшеницѣ посѣять въ Тулиголовахъ взялъ зъ собою. Сама моя занемогла на знакъ фебри. Савичъ Василій бувъ у насъ и п. асаулиная. Князя Трубецкого, Івана Юревича, дочери зъ Москви въ Глуховъ пріехали. Бувъ у склепу и вина осмотрувалъ, и насипавши въ бутилки, позапечатовалъ. Зъ Ромна стойчикъ, козакъ перекоповскій сотнѣ глинской, привезлъ писма: 1, отъ Билима зъ товарищи, о продажѣ меду, о переписѣ овецъ, о Петрановскомъ и переехавшомъ Роменъ князю Михайлу Михайловичу Голѣцину сего септ. 9; 2, пакетъ, а въ немъ репорти зъ сотенъ роменской, лохвицкой, сенецкой, городиской, чорнуской и пѣратинской, о продажѣ меду; 3, листъ отъ Шимка, о поправленномъ магазейнѣ; 4, отъ Савѣцкого писара, о колодникахъ и продажѣ меду.

15. У брегадира рано бувъ и у коллегіи, где зятеви войта Плетюнки приговорено платить 32 рублѣ, по промеморіи воинской колегіи. Осмотрувалемъ на горѣ (чердакѣ) шкла великихъ аркушовихъ шибъ и всѣхъ показалось 30. Такъ же и замковъ московской роботи нѣмецкихъ 4 до дверей, а нашихъ побиліованихъ, до дверей же, 5; особливе замковъ комнатнихъ 4, а дверецъ желѣзнихъ до печей 2. У говорили молотниковъ до футора молотить

зъ 15 коробки [1]). Сухомузкому казалемъ дать оковитой горѣлки квартъ 10, а простой 20.

16. Веремѣевскіе козаки явились зъ жалобою на старосту веремѣевского, передержуючого злодѣевъ. Отправилемъ сторожа лубенского Охрѣма въ Прилуку до пп. суддѣ и Федора зъ писмами и вина венкгерского фляшку и бутилку плетеную послалемъ. Козака сотнѣ роменской рѣпчанского Юска Трушенка послалемъ въ Роменъ зъ писмами до Билима, о сочиненіи единого вѣденія зъ репортовъ сотеннихъ о продажѣ меду, и присланню сюда, и о сочиненіи вѣденія о господарахъ, неимѣючихъ до десятка овецъ, и о Петрановскомъ. До родителки о ковалеви, когда вишлется, прося вѣдомости, и о Лукяну Свѣчцѣ. До Романа слуги о завѣскахъ и къ ему жъ послалемъ козлинъ пару на шори римареви Филипови. Брегадиру отослалемъ 150, а синови Никитѣ 30 папушъ тютюну. П. Антонова пріехала въ Глуховъ, а ясневел. зъ Гамалѣевки пріехала. Ездилемъ до Сваркова, где начали огорожувать садъ. Гончаръ печъ сталъ дѣлать. У п. Федора Савичи родилася дочъ.

17. Бувъ у колегіи, оттоль у п. Савича и у себе на Красной горцѣ; оттоль у ясневелможной, где и обѣдалъ. По обѣдѣ бувъ у секретара. Архипъ посланъ въ Савинки, до гути тамошней, за 50 аркушовими шибами и прочіимъ шкломъ, которому на тое дано грошей 5 рублей. Давидъ бувъ у брегадира, посидѣлъ и вечералъ.

18. Писалемъ до Романа въ Тулиголови, жеби дерево брали въ Сварковъ сварковцѣ, которіи жито осипное привозить будутъ до Тулиголовъ. Бувъ у колегіи и просидѣлъ зъ Галаганомъ, прилуцкимъ полковникомъ. У Кошелева бувъ Петра и о продаемой отъ его семѣ говорилось [2]). Василь господаръ поехалъ въ Ясманъ, оправить шинкъ. Ему жъ дерево перенести зъ Красной горки, а имбаръ тутъ устроили, казалемъ.

19. Ясневелможной писмо родителское и Нестеровичево отдалемъ. Брегадиръ у ясневел. билъ зъ зятемъ и водки по чарки

---

[1]) Т. е. изъ вымолоченной ржи хозяинъ получалъ 14-ть частей, а 15-я отдавалась молотнику за трудъ.

[2]) Кажется, слѣдуетъ понимать, что говорилось о продаваемой семьѣ крестьянъ.

випивши, отехалъ. Худолѣевскій доносщикъ, у колегіи сидѣвшій, померъ. У Сухарева билемъ. Князь Александръ Лукичъ Долгорукій, черезъ Глуховъ едучи въ Москву, остоялся и квартеровалъ въ дому Александра Іванова. Билемъ у брегадира, где Петро повернувшись зъ Сумъ и привювши двохъ собакъ борзихъ, сказовалъ про брата п. Андрѣя, отехавшого въ Роменъ и запровадившого зъ собою половую собаку, брегадиру отъ полковника сумского дарованную. Яловицю, взявши зъ футора Калюжновского, зарѣзали. Микита судейскій, голивши (бривши) мене, сказалъ про вишнѣ безъ кустокъ: до пенка вишневого прищепить верхъ другой вишнѣ, и не отрѣзовать оной прищепленой отъ дерева вишнѣ поколь прійметСя и станетъ кучеравіе листи изростувать, въ ту пору отрѣзать пропорціонално. Василь, господаръ, повернувшись зъ Ясманѣ, сказалъ, что тамъ зняли съ поля гречки 35 копъ, овса 37 копъ, а зъ жита 12 копъ вимолотили якоби только 5 четвериковъ. Еще жъ тамъ не засѣяли жита на едной близъ села нивѣ, где становится 15 копъ. Князь Долгорукій Александръ Лукичъ проехалъ Глуховъ въ Москву.

20. Неделя. Воловики 6 возами привезли дубини зъ Каменя, до млина, на штуки. У ясневел. обѣдалъ. По обѣдѣ билъ въ дому; оттоль поехалъ къ брегадиру, которого стрѣтилемъ, ехавшого опроважать зятя своего Андрея Степановича Зѣновева, зъ дочерю его жъ Василиссею Степановною, отездившихъ отсюду въ Москву, и опроводивши я за мѣсто, вернулся и заехалъ до князя Четвертенского, зъ которимъ бувши у мене на Бѣлополовцѣ, заехали въ городъ до маіора Лаврентія Хрипунова, где посидѣвши мало, поехалиемо ко мнѣ и стрѣвшись на дорозѣ зъ ясневел., ехавшою отъ брегадирши и отъ нашего дому (где посидѣла мало), постояли мало и заехали въ домъ мой и напившись по шклянцѣ вина, князь отехалъ. Романъ, тулиголовскій дворникъ, пріехалъ въ Глуховъ и сказалъ, что въ Тулиголовахъ 2 кухви горѣлки, другая досипалась. Козакъ зъ Ромна пріехалъ зъ писмами: 1, отъ родителки, о присланню писемъ моихъ до родителя, якіе черезъ коваля пошлются; 2, отъ сотника городиского и реестръ о козакахъ, на низъ

висланнихъ; 3, отъ Дракганевского, о коню претендуемомъ у его отъ конотопского человѣка и на Сухомузкого зъ жалобою. Овечій майстеръ, бувши у мене, сказалъ лѣкарства на товаръ рогатій, когда заболитъ а потечетъ зъ очей и ноздеръ флякгма, на тое: ацту, галуну 4 золотники, бузини ягодъ четверть фунта, подорожнику фунтъ, и щавля на болотѣ родячогося, и тое все въ горшку утушковавши, варить и тою водою, рано и вечоръ, ротъ и ноздрѣ вимивать, а вимивши, ячною мукою засипать. Также соли полфунта, полиню 4 лоти, посушивши, стовкти и дри... (?) 4 золотника, кварту діогтю и тое змѣшавъ, на язицѣ товаринѣ мазать и на хлѣбъ давать исти. Когда дворовое птаство занеможетъ, взять на тое крейди и въ коваля зужелицѣ, по полфунта, и потовкши, воду вложить, где они пютъ.

21. Роману, старостѣ тулиголовскому, отездившому, казалемъ двори шинковіе обложковскій и тулиголовскій оправити, а до чорторійского ліодницю зробить, въ пущѣ нанять теселъ и готовую отвезсти. У колегіи бувъ и переговоривъ зъ Сухаревимъ, отехалъ на службу до ст. Михаила. Брегадиръ затимъ же опровожалъ зятя, не билъ въ колегіи. Обѣдалемъ дома; по обѣдѣ ездилемъ въ футоръ Калюжновскій, где видѣлемъ близъ млина привезенную зъ Каменя дубину, 17 штукъ, и дерево на ступи. Оттоль ездилъ въ Сварковъ, где гончареви додѣловать печей бѣлими кахлями, такъ же и покоротить блакитной печи, казалемъ, а Плетюнцѣ насипать хати велѣлемъ. Пріехалемъ позно въ Глуховъ. Пріехалъ сторожъ лукомскій Грицко зъ писмами: 1, отъ сотника наказ. лукомского, зъ жалобою на Петра Іванова также и на Ященкового сина, которій за лѣсъ свой Лукомцями до магазейну порубаній, хочай и взялъ талярь 20 однакъ болшъ правитъ и побралъ грабѣжъ, коней 2; 1, отъ атамана лубенского и Котляренка, о инквизиціи въ Лукомлѣ виведенной, о беззаконно прижитой и страченной дитинѣ; 3, отъ родителки, о присланню туда отъ мене листовъ до родителя; 4, отъ войта роменского, о присланню указу до сотника наказ. глинского, чтобъ за зборщиковъ отдалъ надлежащіе гроши, якіе зъ нихъ мѣли вибратись; 5, отъ брата зъ повѣншованнемъ, п. Андрѣя; 6, отъ

правителей полковнихъ, о господарахъ не имѣючихъ до десятка овецъ, о чомъ и вѣденіе о нихъ числомъ 9755 виписанное, зъ приложённою цедулою чигириндубровской старшини о кре...нихъ (?) тамъ проявившихся, готова и о реестрахъ зъ сотенъ сенецкой и лукомской козаковъ въ походъ низовій висланихъ, и вѣденіи проданного зборного меду зъ сотенъ всѣхъ, кромѣ чорнуской, лубенской и лукомской присланнихъ; 7, и саміе такіе реестра, также и вѣденія присланни. Лубенскій сторожъ повернулся зъ Прилуки зъ отвѣтними писмами пп. суддѣ прилуцкого и п. Федора.

22. Рано въ колегіи билемъ и долго просидѣлемъ, поколь отдѣлалемся въ дѣлѣ віиждджихъ. Обѣдалемъ дома, и зъ дому знову ездилемъ до секретара, до Кошелева и до брегадира, где посидѣвши, позно пріехалемъ въ домъ. Овецъ 29 пригнали зъ футора моего Криворудского, при листѣ Романа, въ якомъ обявляетъ, что горѣлку людямъ далъ ценою по 15 р. (?) до Рождества Христова. Зъ шкляремъ Семеномъ уговоръ: зробить ему оболони, а ему дать отъ всякой по полкопи, три мѣрки муки житной, а 2 гречаной, 10 квартъ горѣлки и возъ смолини. 1000 цегли взяли у цегелнѣ до Сваркова, а натомѣстъ дали 20 возовъ дровъ. Уласу, слюсареви, до квартири казалемъ зробить завѣски, защипки и наружники. Плетюнка войтъ, зъ зятемъ своимъ Федоромъ Івановимъ, просили, чтобъ его зятя оплатить въ колегіи 32 рублѣ, а ему бить моимъ вѣчно.

23. Плетюнка зъ зятемъ дали писмо на себе, что ему зятю за оплаченне тое бить моимъ вовся подданнимъ, а я указъ далемъ до селянъ, чтобъ они зобрали змежду себе 33 рублѣ на уплаченне его. Ему жъ Плетюнцѣ указъ далемъ и лѣкарство виписалемъ хоруючому статкови. Козакъ, стойчикъ, пріѣхалъ зъ писмами: 1, родителя и брата п. Семена, которій тое объявляетъ, что денегъ моихъ у сотника смѣловского 400 р.; 2, Билима, о полученномъ указѣ объ откупѣ порубежнихъ пошлинъ и указъ колежскій о томъ же писанній прислали; 3, родителки, о братахъ п. Марку и прочіихъ, чтобъ ихъ экзаминовать. Черезъ сторожа сенецкого писалемъ до родителки о собацѣ половой, брегадирской, братомъ п.

Андрѣемъ запроваженной въ Роменъ и дѣлѣ Сухомузкого зъ тованищи; о томъ же и до брата. Обѣдалемъ у ясневел., где были и п. Антонова зъ швакгровими. Сухомузкій зъ товарищи отдѣлались въ колегіи. Лѣкарство каплѣ и пѣкгулки бидловаго рецепту принялемъ. Билемъ у Сухарева и въ колегіи; у вечеру—у секретара.

24. Сухомузкого отправилемъ въ Роменъ и листъ писалемъ до родителки объ ономъ. Сварковцѣ були у мене, просячи, чтобъ денегъ уменшити имъ зъ 32 рублей, за плетюнчиного зятя опредѣленнихъ имъ зобрати; и по ихъ прошенію карту до Плетюнки далемъ, жебы они всѣ подданіе наши зобрали 23 р., а къ тимъ моихъ грошей шинковихъ взялъ би 8 р., да отъ себе положилъ би 2 р. Сухарева и Хрипунова обослалъ по 3 овци и горѣлки по барилцю. У ясневел. забавились долго, при подпиттю венкгерского.

25. Ясневелможная поехала въ Нѣжинъ зъ Глухова и виехала рано. Бувъ рано у брегадира и пожекгнавши его, пріехалемъ въ домъ. Ясневелможную неуспѣвши рано випроводить, писалемъ листовне черезъ лубенского сторожа, въ Тулиголови, прощенія просячи. Футра смотрѣли наши на горѣ, у ключника обрѣтаючіеся, якіе моль барзо попсовала, особливо футро сѣбирковое Орановского, якое ключникови прикинуто, а велено ему доброе купить. Барило горѣлки простой отъ Селецкого Леску Кухару данное, отобрано въ дворъ и дано ради перегнаття на оковитую горѣлку. Рибу вялую перелѣчили и здали ключникови, а риби тоей всей именно: щукъ 670, короповъ 750, сомовъ 76. Ясвевел. прислала швакгромъ овецъ десять и яловицю. Ячменю куплено 4 четверика, господаремъ, по 7 зол. безъ 3 шаг. Писалемъ писма: 1, до родителя; 2, брата п. Семена, 3, до людей моихъ, чтобъ невпорожнѣ сюда ишли, а ишлибъ заранняя; 4, до Волинского, о бандуристѣ и купленнихъ на его потребу бикахъ й коровахъ; 5, до Орановского, о приблудахъ, 3, въ Лукомлю, въ футоръ; (?) 6, до родителки, о отездѣ моей жени въ Роменъ и моемъ въ Прилуку и листъ родителскій послалемъ, въ якимъ пишетъ нѣкого зъ каретокъ (?) не посилать въ Царицинъ; 7, до правителей въ Роменъ, отвѣтъ о указѣ, взглядомъ порубежнихъ пошлинъ, о видачѣ грошей зъ Глинска за зборщиковъ ромен-

скихъ, о росходахъ, якимъ бить неналежитъ. Получилемъ листъ отъ Орановского, черезъ Котлубая пяного, роспечатаний, о трубницяхъ, жеби написать объ нихъ до старости шабалиновского, чтобъ прислалъ въ Роменъ; а зъ Сухоносовки подводъ 3 со всякою дробиною пришлются сюда.

26. Жена моя отехала зъ Глухова зъ Роменъ и воскъ весь, на горѣ бившій, забрала зъ собою. Кошелевъ прислалъ копію купчой о крестянину своемъ, которого мнѣ продаетъ, Афанасія Яковлева сына Лохова. Билемъ у вечеру у секретара Заплатина, и зъ нимъ простился. Пп. Тернавскій, сотникъ срѣбранскій[1]), Панченко, Минѣцкій и Доброницкій були у мене и посидѣвши мало, отійшли. Бувшій полковій лубенскій комисаръ и прежніе зборщики пріехали въ Глуховъ и були у мене. Климъ ключникъ видалъ Мартину въ Роменъ воску: зъ гори грудъ 18, а въ нихъ каменей 4 и 18 фунтовъ и полфунта, а всего груд. 28, а каменей 15, 20 фунт. и полфунта.

27. Неделя. У Кошелева билъ и купчую отъ мене сложенную о крестьянину ему отдалъ. У сотника глуховского и п. судѣной, по службѣ, билъ. Солодовникъ Степанъ, бувши у мене, уговоръ учинилъ: взять у мене 30 зол., а мнѣ въ годъ дать 100 зол. и на мою потребу солоди робить. Посланъ Василь, господаръ, крестянина Кошелевого переписать. Били въ склепу зъ пп. Андрѣемъ и Яковомъ Милѣцкимъ, и подпіяхомъ.

28. Пиво при мнѣ зварили варъ 6 мѣрнихъ, зъ которихъ п. Андрѣеви 2 мѣрницѣ велѣлемъ отдать. У Клима, ключника, зол. 20 грошей отобралемъ. Виехалемъ зъ Глухова въ Сварковъ рано, где и обѣдалемъ. Передъ отездомъ, бувъ капралъ отъ капитана Хрипунова за солдатомъ Маркомъ, понявшимъ подданую мою въ Сварковѣ, жеби ей поля половину дать зъ братомъ еи жъ.

29. У Забари, шинкара, взялемъ на дорогу грошей 21 зол., якіе доплачовать за кухву ключникови отъ его подобало. У Шевця, шинкара, также на дорогу взялемъ 5 рублей. Зъ Андрѣемъ,

---

[1]) Троцина.

майстромъ, уговоръ учинилемъ на годъ дать ему грошей зол. 60, жита полтора четверика, гречки четверикъ, сала полтора пуда, соли два пуда, носатку горѣлки, пшона полчетверника и уже забралъ на будущій годъ рубль 1 грошей, а годъ лѣчити отъ октовр. 1, сего году до будущого 1725 году. Сварковцѣ подданніе приходили просити облегченія въ осипщинѣ, которимъ отъ сохи по четверти жита отставлено, а велено дать по четверти овса. Марка солдата женѣ казалемъ пашню братнюю взять, а до поля не интересоватися. Донесли мнѣ сварковцѣ, что писма розездніе зъ Заруцкимъ и Чорнусцями (?) есть у Федора Юрченка. Василь господаръ пріехалъ въ Сварковъ и привезлъ шуфляду зъ шкломъ, въ якой шибъ цѣлихъ великихъ 29, а една тридцятая мало розбита. Тіе шиби казалемъ оправлять въ рама деревяніе Андрѣеви. Садовнику казалемъ зробить цвѣтникъ другій передъ свѣтелками. Василеви казалемъ, жеби Матвѣй ганчаръ переробилъ печи. Спорадивши все, поехалемъ зъ Сваркова на ночъ въ футоръ Калюжновскій. Осмотрувалемъ млина калюжновского и велѣлемъ Василю, чтобъ Андрѣемъ, майстромъ, осмотрѣлъ строенія.

30. Рано у футорѣ Калюжновскомъ далемъ наказъ Василю у 43 пунктахъ, а Плетюнцѣ, войту, у 12 пунктахъ другій наказъ. Поехалемъ оттуду въ Тулиголови на обѣдъ, где винника за пьянство и что худую горѣлку даетъ, скаралемъ боемъ кіевимъ. Роману тулиголовскому наказъ далемъ у 11 пунктахъ. Листъ до брегадира отъ мене писанній, о брату Андрѣеви, взглядомъ собаки половой, будто имъ заведенной въ Роменъ зъ Сумъ. Такъ же и, въ дополненне до 50 пунктовъ, наказъ до Василя послалемъ въ Глуховъ. Поехалемъ зъ Тулиголовъ въ монастирецъ Мутинскій и довго по пущи блудивши, заледво позно уже въночѣ въ монастирецъ утрафили.

1. Октовр. Служби Божой въ монастирцѣ слухалемъ и по обѣдѣ поехалемъ въ Камень, где греблѣ каменской осмотрѣвши, билемъ у футорцѣ, где винниця, и осмотрѣвши тамъ горѣлки моей 3 куховъ, еще въ Роменъ не отосланной, отехалемъ въ Мутинъ, а Лозовского на дорозѣ завернулемъ. Пріехалемъ въ дворецъ му-

тинскій на ночъ и засталемъ жида шинкара мутинского, въ дворѣ прибираючогося зъ тютюномъ панскимъ въ дорогу, а староста мутинскій передомъ отехалемъ въ Гадячъ.

2. Послалемъ писма до Василя господара и Романа тулиголовского писанніе въ Камень къ Лазовскому, жеби переслалъ. До господара приложилемъ еще пунктовъ 3, и того всѣхъ 53; а до Романа о дичкахъ, жеби викопать у гаяхъ и о бересту на валъ, способномъ въ Каменѣ найдуючомся. Рибалкамъ велелемъ сѣтми ловить рибу у озерахъ. Віехалемъ рано зъ Мутина и у перевоза зехалемся зъ шишацкимъ сотникомъ. Приехалемъ на обѣдъ въ Конотопъ, а оттоль наночъ, черезъ Сосновку, въ Самборецъ Малій, отъ Конотопу отстоящій въ двохъ миляхъ.

3. Рано зъ Самборця Малого виехалемъ и пріехалемъ на обѣдъ въ Гайворонъ, отстоящій отъ Самборця въ двохъ миляхъ. По обѣдѣ виехалемъ къ Іваницѣ и недождаючи, заехалемъ въ село Кропивное, Андрѣя Лизогуба, и тамъ написавши писма: 1, до родителки, о моемъ поездѣ въ Прилуку; 2, до жени моей, о томъ же и о ея приездѣ въ Короваи; 3, до брата п. Андрѣя, о писмѣ моемъ, данимъ взглядомъ собаки половой, писанномъ до брегадира; 4, до глинского наказного, о его приездѣ въ Прилуку зъ Яковомъ судіевичемъ; и оніе писма кропивянскимъ козакомъ въ Бубни послалемъ. Пріехалемъ на ночъ въ Іваницю и ночовалемъ въ дворѣ попа отца Михайла.

4. Неделя. Вислухавши служби Божой въ Іваницѣ, пріехалемъ на обѣдъ въ Ольшаную, отстоящую оттуду въ двохъ миляхъ. По обѣдѣ, пріехалемъ въ Прилуку передъ вечеромъ, где пана суддю, дядю моего, засталемъ въ тяжкой болѣзни, которая на немъ показалась ex obstructione hepatis. Пана Кондзеровского, зъ панею его, засталемъ тутже. Отецъ Лѣсаневичъ бувъ у пана суддѣ и диспоновалъ пана суддю на смерть, исповѣдовалъ и коммунѣковалъ. Ночовалемъ въ п. суддѣ, зъ паномъ Федоромъ дядкомъ.

5. Лѣкаръ, кгрекъ Николай, куруючій пана суддю, повернулся зъ аптеки зъ лѣкарствами. Отецъ ігуменъ Клеопа бувъ у п. суддѣ и отехалъ въ Кіевъ. Посѣщали квартиру мою протопопъ

прилуцкій Михаилъ Трифановскій, отецъ Лѣсаневичъ и обозній прилуцкій Михайло Григоріевичъ.

6. П. Василь глинскій пріехалъ въ Прилуку. Обѣдалемъ у отца протопопи, где Петрикъ брегадирскій бувши, въ ссоръ войшолъ зъ обознимъ. Подніяхомъ. Брати мои Марко, Лука, Іоаннъ пріихали въ Прилуку. Обѣдалисмо всѣ у пана Федора дядка; оттоль булисмо у п Голѣнковского, писара полкового прилуцкого. Панъ судя коня вороного подарилъ мнѣ и о Перервинцяхъ розговаривали.

8. Брати мои, поснѣдавши у пана суддѣ, отехали. Такъ же и я после ихъ отехалъ; а оставилъ тамъ своего человѣка, пѣшого, на фебру (якъ сказовалъ Николай лѣкаръ кгречинъ) захорувавшого. Виехавши я зъ Прилуки, пріехалъ позно въ Пѣратинъ и тамъ ночовалъ въ Мойсѣя Худолѣя.

9. Рано оттуда поехавши, приіехалемъ на службу Божую въ Коровинци (Короваи?) где именини мои роздрѣшивши, проили и пропили. Ездилисмо до футора Ангелювщины и тамъ заночовали. Писалемъ зъ Короваювъ: 1, до родителки, чтобъ въ Луцѣ праздновали именини родителскіе; 2, до Орановского, о его въ футоръ Криворудскій прибитіи; 3, до Томари п., о его прибитіи завтрійшого дня сюда; 4 до александровского старости Славѣнского о присилцѣ у футоръ Криворудскій водки оковитой и простой, пива и булокъ,

10. П. Василь Томара пріехалъ въ Коровои и кушалъ со мною, а по обидѣ, просидѣлисмо и о футору его, продаемомъ, Чумгаку, розговорували, которій сказуетъ достался ему отъ Кохна, за 1000 зол. грошей и за кгрунтъ, стоячій 3000 зол. При вечору Томара отехалъ въ домъ свой, а я поехавши зъ Короваевъ зъ своею панею, пріехалемъ па ночъ въ Городище Свѣчки, отстоящое отъ Короваювъ въ милѣ едной. Іванъ Соколничій, припроводившій конѣ въ Коровои, отстался тамъ.

11. Неделя. Поехавши оттуду рано, пріехали до Савинецъ, отстоящихъ отъ Городища въ 3 миляхъ и тамъ служби Божой виелухавши и пообѣдавши, поехалисмо степомъ до перевозу Горошинекого, въ трохъ миляхъ отстоящого оттоль, до Жостерского роди-

телского футора, где видѣлемъ на стайнѣ стоячихъ своихъ дрикгантовъ 6: вороностpокатого, сивого, тарана, вороного, шпаковатихъ двохъ; оттоль на ночъ пріехали въ свой футоръ Криворудскій.

12. Пересмотрували стадо конское и показалось лошатъ сеголѣтнихъ 42, а въ товару рогатомъ телятъ 49. Орановскому даровалемъ кобилу чалую зъ лошамъ и коня кологривого лукомского, а Алексѣйцеви далемъ коня вороного старого четверного. Проучували коней чтирохъ молодихъ, пятаковъ.

13. Шкапу приблудную, съ Лукомля пригнатую, даровали Лескови кухареви. Овецъ всѣхъ по рахубѣ панеи и п. Василя глинского показалось именно: овецъ старихъ и молодихъ 780, барановъ 144, цаповъ и козъ 71. Зъ того жъ числа п. Василеви даровалемъ овецъ 20 и барановъ 2, и корову зъ телямъ. Телятъ болшихъ, въ томъ же футорѣ, по той же рахубѣ — 42, а меншихъ 9, и того 51. Взялисмо молодихъ неижджалихъ коней до езди 4: 1, гнѣдій болшій, 2, гнѣдій меншій, 3, рижострокатій, 4, малій сивій, а 5, взяли рижого шинкара, 6, зѣкраху старого. Оставили у футорѣ коней иждж алихъ молодихъ 3, вороного бѣлоногого, вороного и подпалого, а трое старихъ, пару рижихъ и за козла вимѣнятого. Сѣна показалось тамъ зробленного скиртъ—. Масла и сира по дѣжцѣ у футорѣ показалось. Поехали зъ футора передъ вечоромъ и на ночъ пріехалисмо въ Березняки.

14. Рано зъ Березняковъ поехавши, пріехали на обѣдъ въ Лубнѣ, гдѣ була у насъ старшина, и зъ дому билемъ въ Івана Івановича Ѳейтера аптекара. Комисарови дали цѣни полумисковъ ламанихъ фунтъ 26, а велѣли ему зробити фляшу цѣновую, круглую, у полтора ґарца, голяничокъ двѣ, тацу на чай или кагве, и чайникъ, и зъ остатку—полумиски. Гончареви плютинскому Стецкови казалемъ зробить до печей сварковскихъ лазаревой: поясковъ нижнихъ зеленихъ 11, поясковъ середнѣхъ 16, кахоль 80, кзимсовъ 13, карунокъ 15, а до жовтой: поясковъ нижнихъ 13, кзимсу верхнего 8, карунковъ 13, середнѣхъ поясковъ 6, кахоль 10. Другому гончареви казалемъ sta .... (?) робити и полѣцилемъ

его котляреви; а котляреви Семенови, здѣлавшому теперъ мнѣ два казани, еще трубъ 6 до онихъ казалемъ здѣлать, а третій казанъ после зробится. Казалемъ атаманови Пріймѣ да Семену Котляреви о сливахъ старатись. Романъ молодикъ казалъ, что въ шинкъ нашъ лубенскій розситилъ меду полъ 3 кухви, а пива—. Горѣлки зась мало есть. Виехалисмо зъ Лубенъ на ночъ до Александровки, где въ лазнѣ мились. Едучи, Павелъ Корнѣенко розговорувалъ со мною о Турковскомъ. Даломъ рецептъ Өейтеру лѣкарствъ потребнихъ мнѣ на хороби.

15. Обѣдалисмо въ Александровцѣ; старшина лубенская були знову въ Александровцѣ и привезли вина стоянецъ. У лукомского сторожа коня воронострокатого отобралисмо, а ему мѣетъ асаулъ Кузма дать вороного приблуду и другого коника. Булисмо у Сухомузкого виехавши, где бувши у винницѣ его, видѣлемъ носатку у полтретя вѣдерка зъ квартою, а на оную идетъ муки четвериковъ 2, мѣри роменской. Кашира сварковскій стрѣлся зъ нами на дорозѣ, едучи онъ на дворничество до футора нашего Криворудского. Пріехалисмо позно до Сухоносовки.

16. Въ Сухоносовку пріездили сотникъ городискій, отецъ намѣстникъ красногор(скій). Пчоли у Сухоносовцѣ теперъ показалось 85. Тютюну нового 400 шнуровъ, а старого папушъ 700. Сѣна старого и нового, на степку, 17 скиртъ, а една за селомъ. Масла въ Сухоносовцѣ показалось 10 дѣжокъ, а сира по болшъ; толко, же погнилъ, велѣли поперекладовать. Зъ Сухоносовки того жъ дня поехалисмо и на степку обѣдали, а на ночъ пріехали въ Луку где застали родителку и брата п. Андрѣя и братовую.

17. Именини родителскіе отправляли, принималемъ гостей собраніи (?) и подпияхомъ.

18. Неделя. Тіе жъ гости були допозна трактовани. Атаманови лубенскому Пріймѣ да Григорію Котляренку полѣцилемъ словесно зъехать въ сотню лукомскую для учинення розисковъ о убійствѣ отъ Петра Кривого и о протчемъ. Алексѣй Хелкидецкій и Циболскій у вечеру пріехали въ Луку. Явились дроновскіе подда-

ніе князя свѣтлѣйш. и отправлени въ Роменъ до правителей, ради рѣшенія дѣла ихъ.

19. Отецъ Савѣцкій зъ отцемъ Іоанномъ въ примиреніе прійшли. Панъ судця прилуцкій Іванъ Марковичъ 4 години дня преставился. У лазнѣ булисмо. П. Василь Романовичъ пріехалъ зъ Ромна.

20. Отца Савѣцкого виправили въ Кіевъ зъ пистами: инстанціялнимъ еднимъ о ему до архиерея, а до архиерея жъ, ректора и писара, о отцу Іоанну, взглядомъ церкви святой Николской, напрасно запечатанной. Поехалисмо въ Глинскъ на обѣдъ, где вѣсть принесена о умертвіи пана судіи. Позно у вечеру поехалемъ зъ Глинска въ Прилуку.

21. Пріехалемъ въ монастиръ Густинскій рано, где передъ двермы, лѣвими, боковими, положенъ панъ судія. Пообѣдавши у ігумена Клеопи, пріехаломъ въ Прилуку. Получилемъ писмо отъ обозного, въ которомъ обявляетъ, что прокуроръ колегіи малор., бувши переездомъ зъ Сорочинецъ, въ Лохвицѣ, и стоявши въ его дому квартерою, виговорувалъ будто нерѣшени чолобитніе на родителя поданніе господину Румянцову, о чомъ би мнѣ отвѣтствовать.

22. Получилемъ писма зъ Чорнухъ и вѣденій двѣ: одно, о проданномъ зборномъ меду, а другое, о принятихъ регляментахъ объ овцахъ мѣючихъ содержатись. Обѣдъ бувъ въ дому пана судіи; по обѣдѣ бувъ у п. Федора, где Синдаровского видѣлемъ и кагве пили. П. Федоръ мнѣ копію тестаменту п. суддѣ небожчика далъ.

23. Рано у мене п. Федоръ бувъ и розговорувалисмо о тестаментѣ, когда говорилъ при Федору Засулному, что коня сивого турецкого суддѣ мѣютъ дать на мою персону. Послалемъ писма до родителя, самой родителки, и отъ еи до правителей въ Глуховъ о присилкѣ указу къ Волжину, взглядомъ козаковъ новоуписнихъ засулскихъ; до правителей лубенскихъ о томъ, чтобъ написали въ сотнѣ, даби дали всѣ господари мѣючіе свои овци доношеніе, что приняли они регляменти и готови по нихъ содержать свои овци и чтобъ старшина, кому печатнихъ нестанетъ регляментовъ, тимъ би

скопіевать давать. До ихъ же и зъ чорнуской сотнѣ присланіе двѣ вѣденія: одно о зборномъ, проданномъ меду, а другое, объ овцахъ и регламентахъ послалемъ; а все тое послалося черезъ Якима, сторожа лукомского. Бувши зъ п. Федоромъ въ п. судіиной, пожекгналемъ еи и п. Демянову, которой далемъ карту, жеби мѣрочникъ журавскій у млинѣ родителскомъ пашню п. Демяновой безъ продолженія моломъ. Зъ п. Федоромъ поехалисмо зъ Прилуки на Соричинцѣ, до его дому достроючогося, где порозглядѣвши, отехалемъ въ монастиръ Густинскій. Въ монастирѣ отца ігумена Клеопу просилемъ панахиду надъ п. суддею отправити, и отправлена передъ службою. Ему жъ далемъ руб. 2. По службѣ отехалемъ, а едучи до Срѣбного, стрѣтилемся, на половинѣ дороги, зъ п. сотникомъ срѣбранскимъ, которій въ розговорѣ своемъ сказалъ мнѣ, что иноземецъ овечій надзиратель, бивши въ Срѣбномъ, сказалъ для ста овецъ здѣлать овчарню 7 сажень и аршинъ долготою, а шириною 3 сажень. Пріехалемъ позно въ Срѣбное и въ городѣ ночовалемъ, въ шапочника Дацка.

24. Поехавши рано зъ Срѣбного, переехалемъ села: Харитоновку до ратуша срѣбранского тагучую, и Хоминцѣ Билимови, и пріехалемъ на обѣдъ въ Глинскъ, до Василя. Зъ Глинска послалемъ сторожа лохвицкого зъ писмомъ до маіора Кологривого о баранахъ до бранокъ овецъ способнихъ, жеби продажею или обмѣною намъ уступилъ и о томъ би отъ его передомъ мнѣ увѣдомить. Виехавши по обѣдѣ зъ Глинска, заехалемъ до Федора Зарудного и тамъ посидѣвши мало, поехалемъ зъ старимъ Заруднимъ до Луки и позно пріехалемъ. Засталемъ у Луцѣ брата п. Андрѣя зъ братовою, которій вернулся зъ Короваювъ, а моя сожителница передомъ сего жъ дня отехала въ Роменъ. Также и Алексѣй Хелкидоцкій.

25. Неделя. Полку Інгермоланского офѣцери зъ ротами ехали черезъ село на квартери зимніе и тутъ 9 роти капитанъ ночовалъ. Писмо отъ старшини роменской получилемъ о прибувшемъ капралу 9 роти Інгермоланского полку въ Роменъ для занятя квартери капитану въ Засуллю, которому приговорили старшини оную отвести въ городѣ, або (т) въ инших селахъ. якъ согласуючи и я отпи-

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1891 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ срединѣ каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Издатель К. М. Гамалѣй. **За редактора Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ, 8-го октября 1891 г.